

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ ХСІХ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ ХСІХ

1905

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1905

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

ЯНВАРЬ, 1905 Г.

СОДЕРЖАНИЕ.

ЯНВАРЬ, 1905 г.

	СТРАН.
I. Смертный грѣхъ. Повѣсть. I—IX. Графа Е. А. Салиаса	7
II. Изъ прошлаго. Глава первая. I—VII. П. П. Гиѣдича	39
III. Тишайшій у меня въ гостяхъ. Д. Л. Мордовцева	61
IV. Проклятіе до седьмого колѣна. Семейная легенда. А. Ю. Визюкиной	73
V. Отставка Е. П. Ковалевскаго . (По документамъ архива департамента народнаго просвѣщенія). Н. Н. Родзевича	98
VI. Какъ я попалъ въ анархисты. (Истинное происшествіе). Н. В. Тяжелова	128
VII. Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи Николая I). Гл. I—II. Н. П. Фалѣва	142
VIII. Митрополитъ Серафимъ на Сенатской площади 14-го декабря 1825 года. Сообщилъ А. А. Алфеевъ	166
IX. Дуэль Пушкина съ Дантесомъ. (Новые матеріалы) П. Е. Щеголева	173
X. Памяти Николая Петровича Семенова. В. Е. Рудакова	196
иллюстрація: Николай Петровичъ Семеновъ.	
XI. Учено-литературная дѣятельность Н. И. Карѣва . (По поводу ея 25-лѣтія). Н. Дубровскаго	209
иллюстрація: Николай Ивановичъ Карѣвъ.	
XII. Англійскіе миссіонеры въ Забайкальской области. Г. С. Рыбакова	224
иллюстраціи: 1) Домъ англійскихъ миссіонеровъ въ Селенгинскѣ.—2) Памятникъ надъ могилой семейства миссіонера Юндля въ Селенгинскѣ.	
XIII. По Днѣстру на лодкѣ. I—IV. Д. А. Пахомова	236
иллюстраціи: 1) Руснаки.—2) Ярмарка въ Хотинѣ.—3) Развалины крѣпости въ Хотинѣ.—4) Мельница на Днѣстрѣ.—5) Рыбакъ на Днѣстрѣ.	
XIV. Александръ Николаевичъ Пыпинъ. (Матеріалы для біографіи и характеристики). Б. В. Глинскаго	263
XV. Критика и библіографія	308
1) Сочиненія Н. И. Жданова . Томъ первый. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1904 а. я.—2) В. С. Сопиковъ . Опытъ русской бібліографіи. Редакція, примѣчанія, дополненія и указатель В. Н. Рогожина . Части I и II. Изданіе А. С. Суворина . Спб. 1904. а. и. яцимирскаго.—3) Русскія повѣсти XVII—XVIII вв. Подъ редакціей и съ предисловіемъ В. В. Синовскаго . Изданіе А. С. Суворина . Спб. 1905. а. и. яцимирскаго.—4) Шукинскій сборникъ . Выпускъ третій. М. 1904. с. ш.—5) Столѣтіе военнаго министерства. 1802—1902. Императорская главная квартира. Исторія государевой службы. Росемнацатый вѣкъ. Главный редакторъ Д. А. Скалонъ . Составилъ полковникъ В. В. Квадри . Спб. 1902. Езгенія шумигорскаго.—6) Э. Пивенова . Политическіе вожди современной Англiи и Ирландiи. Спб. 1904. v.—7) И. Рожковъ . Учебникъ всеобщей исторiи для среднихъ учебныхъ заведенiй и для самообразованiя. Спб. 1904. v.—8) В. Я. Стоюнинъ . О преподаванiи русской литературы. Изданiе шестое. Спб. 1904. я. ав—ва.—9) Наша банкoвая политика (1729—1903). Опытъ изслѣдованiя П. П. Мигулина , доктора финансоваго права. орд. проф. Харьковскаго уни.—(См. слѣд. стран.)	

верситета. Харьковъ. 1904. к. х. — 10) П. Маргынъвъ. Селенія Симбирскаго уѣзда. Симбирскъ. 1903. Его же. Архивъ Александра Петровича Лызова. Симбирскъ. 1904. м. с—снаго. — 11) Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ. Томъ III, часть I. Подъ руководствомъ генераль-лейтенанта Н. И. Вѣдявскаго составленъ въ военно-историческомъ отдѣлѣ подъ редакціей генераль-мажора Потто. Тифлисъ. 1904. ф. лѣ—ва. — 12) Eine Sommerfahrt in den hohen Kaukasus Zwei Vorträge gehalten in der Sektion des D. u. Oe. Alpenvereins. von H. Wagner. 1904. а. х—ва. — 13) Изъ-за чего началась русско-японская война? Составилъ Н. Родзевичъ. Одесса. 1904. в. г.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи	331
1) Гдѣ Ганнибаль перешель Альпы. — 2) Величіе и паденіе Рима. — 3) Революціонная и Наполеоновская литература.—4) Маршалъ Лефевръ.— 5) Вагнеръ и г-жа Везендонкъ.— 6) Последняя племянница Наполеона.— 7) Смерть лэди Дильсъ.—8) Новости польской исторической литературы.	
XVII. Смѣсь	363
1) Симбирская губернская ученая архивная коммиссія. — 2) Русское библиографическое общество.—3) Областной музей имени А. Н. Поля.—4) Археологическое общество.—5) Географическое общество.—6) Историко-филологическое общество при Новороссійскомъ университетѣ.— 7) Юбилей В. И. Ламанскаго.—8) Современные издатели.	
XVIII. Некрологи	373
1) Вакель, Н. И. — 2) Воброзъ, А. А. — 3) Вальць, Я. Я. — 4) Кирпримъ, А. А. — 5) Боркуновъ, Н. М. — 6) Короленко, Ю. Г. — 7) Лихачевъ, Е. І. — 8) Меирлингъ, К. Е. — 9) Михальскій, К. О. — 10) Михайловскій, В. М. — 11) Пыпинъ, А. Н. — 12) Сергій, архіепископъ.— 13) Склифасовскій, Н. В. — 14) Снеессорова, С. И.	
XIX. Замятки и поправки	384
XX. Объявленія.	

ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Александръ Николаевичъ Пыпинъ и Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ играющіе въ шахматы. Съ рѣдкой фотографіи.—2) Адресъ, поднесенный С. Н. Шубинскому сотрудниками въ день двадцатипятилѣтняго юбилея «Историческаго Вѣстника».—3) Двадцатипятилѣтній юбилей «Историческаго Вѣстника».

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1905 году
(двѣдцать шестой годъ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1905 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать пять лѣтъ (1880—1904).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одесѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ПЫПИНЪ И ВЛАДИМИРЪ СЕРГЪЕВИЧЪ СОЛОВЬЕВЪ.

ДОС. ЦЕНЗ. 21 ДЕК. 1904 Г.

СМЕРТНЫЙ ГРѢХЪ.

Повѣсть.

I.

ВЪ ВОТЧИНѢ «Ларинское» было особенно тихо, будто все онѣмѣло и замерло. Въ большой усадьбѣ съ красивымъ барскимъ домомъ и десяткомъ разныхъ на-дворныхъ строеній, равно и въ большомъ селѣ, гдѣ числилось до ста душъ крестьянъ—все, казалось, было объято сномъ.

Но это лишь казалось обывателямъ. Всегда бывало такъ, но никто прежде этого будто не замѣчалъ.

Теперь же и молодому барину и его крѣпостнымъ всѣмъ была замѣтна царящая кругомъ тишина.

Причиной было то обстоятельство, что цѣлая недѣля прошла въ суетѣ, хлопотахъ и празднованіи. Барскій домъ былъ полонъ гостей изъ сосѣднихъ вотчинъ, изъ ближайшаго города Одоева, и даже былъ гость изъ Москвы, генераль, всѣми давно любимый и почитаемый въ Ларинскомъ.

Празднество состоялось по тому обстоятельству, что баринъ наконецъ достигъ давно желанной цѣли.

Лѣтъ пять назадъ онъ далъ обѣщаніе выстроить новый храмъ вмѣсто стараго, на половину развалившагося. Три года строился храмъ съ перерывами, и наконецъ состоялось его торжественное освященіе. Духовенство изъ города, архіерей со своими пѣвчими, гости и

толпы сосѣднихъ крестьянъ, нахлынувъ со всѣхъ сторонъ, конечно, оживили Ларинское, придавъ вотчинѣ на цѣлые пять дней, если не видъ уѣзднаго городка, то во всякомъ случаѣ видъ важной вельможной резиденціи.

Одно время ходилъ даже слухъ, что ожидается на освященіе храма самъ генераль-губернаторъ, Кречетниковъ, начальникъ двухъ губерній: Тульской и Калужской. Слухъ этотъ возникъ потому, что храмъ былъ во имя св. великомученицы Екатерины и якобы въ честь благополучно царствующей монархини. Въ дѣйствительности была иная причина для его наименованія. Покойная мать молодого помѣщика носила имя Екатерины.

Послѣ суетни, шума и веселья по поводу торжества теперь все стихло... Одни разъѣхались, другіе зажили своей давнишней сѣренькой жизнью.

Особенно глухо, уныло и скучно казалось самому помѣщику, 25-ти-лѣтнему Алексѣю Андреевичу Ларину.

Проводивъ гостей, Ларинъ задержалъ еще на сутки друга своего покойнаго отца, генерала Мордвина, пріѣхавшаго изъ Москвы, и провелъ еще приятный день съ старикомъ Яковомъ Антоновичемъ, котораго любилъ и чрезвычайно уважалъ съ своего ранняго дѣтства. Но затѣмъ рано утромъ онъ поневолѣ отпустилъ и старика, усадилъ его въ дорожный рыдванъ и проводилъ верхомъ за три версты отъ Ларинскаго, до почтовой дороги.

Вернувшись, молодой Алексѣй Андреевичъ отправился въ «верхній» густой садъ и около часа просидѣлъ на скамейкѣ въ главной липовой аллеѣ, просидѣлъ, не двигаясь и глубоко задумавшись.

Человѣка два-три изъ холоповъ все-таки разыскали его по своимъ дѣламъ, чтобы просить приказаній по хозяйству, но баринъ, по природѣ добродушный, оказался совсѣмъ «въ грозномъ стихѣ», хоть и не подступайся.

Онъ отвѣчалъ тихо, глухо, не глядя на подошедшаго, одно и то же:

— Проваливай къ чорту!

Двое изъ явившихся по дѣлу и неотложному насчетъ уборки хлѣба и выгона людей на барщину, прямо отъ суроваго барина отправились къ главному и важнѣйшему человѣку въ вотчинѣ. Это былъ такой же крѣпостной холопъ, дворовый, но безъ всякой особой должности, человѣкъ пятидесяти съ лишнимъ лѣтъ, по имени Кронидъ Захарычъ. Онъ не былъ ни управляющимъ, ни дворецкимъ, но всѣ всегда со всякимъ дѣломъ шли къ нему за указаніемъ и совѣтомъ.

— Не будь у насъ Кронидъ Захарыча,—говорили всѣ,—то все Ларинское давно стало бы вверхъ ногами.

Теперь, когда прогнанные бариномъ явились къ всегдашнему своему совѣтнику и руководителю, Кронидъ Захарычъ, какъ всегда,

принялъ ихъ тоже сурово. Онъ не бывалъ никогда въ благодушномъ и ласковомъ настроеніи, а напротивъ глядѣлъ на всѣхъ угрюмо, строго и будто недоувѣрчиво.

Всѣ знали, однако, что Кронидъ Захарычъ, по фамиліи Волковъ, только смотритъ «по-волчьи», а въ дѣйствительности человѣкъ разумный и справедливый, какихъ днемъ съ огнемъ поискать.

Однако на этотъ разъ Волковъ, выслушавъ пришедшихъ, отвѣтилъ такъ, что загадку загадалъ:

— Не мое дѣло. Что я—управитель, что ли, вамъ дался? Не добился толку отъ барина, иди къ старостѣ Софрону, а не то самъ разрѣши и дѣйствуй.

На замѣчаніе одного изъ просителей, что «завсегда» такъ было, что Волковъ рѣшалъ всякое и совѣтовалъ, старикъ отвѣтилъ, какъ бы отгрызнулся.

— Мало что было? Было, да сплыло! Быть бы нашей Машкѣ невѣстой, да лежитъ на погостѣ. Ни въ какія дѣла я больше вступаться нынѣ не стану, хоть запольхай Ларинское все съ четырехъ концовъ. Получилъ я извѣщеніе, что не въ мѣру не въ свои дѣла носъ сую. Ну, я вотъ себѣ и намоталъ на усъ: «твое, молъ, дѣло сторона».

Черезъ часъ во всей усадьбѣ уже прошелъ удивительный слухъ, что Кронидъ Захарычъ ни во что болѣе вмѣшиваться не хочетъ и отвѣчаетъ только: «мое дѣло—сторона».

Пошли всякія догадки, но тотчасъ, вспомнивъ нѣчто особое, происшедшее наканунѣ, всѣ стали гадать и смущаться...

II.

Наканунѣ, его преосвященство предъ отъѣздомъ, побесѣдовавъ съ бариномъ, глазъ на глазъ, о какомъ-то дѣлѣ, спросилъ: «кто въ вотчинѣ самый дѣльный и уважаемый человѣкъ?» Архіерею доложили, что Волковъ.

Старикъ былъ немедленно вызванъ къ архипастырю и пробылъ у него съ полчаса.

О чемъ была между ними рѣчь, было, конечно, неизвѣстно; но, когда архіерей уѣхалъ, баринъ вызвалъ къ себѣ Волкова...

И слышно было на дворѣ въ отворенное окно кабинета барина, какъ онъ кричалъ на старика.

Что разгнѣвало барина на Волкова, было непонятно.

Молодецъ и пролазъ Ванька Безухій взялся подкрасться ползкомъ къ самому окну и разслушать кой-что. Однако все, что малый подслушалъ и передалъ дворовымъ, они все-таки уразумѣть не могли.

Поняли они только хорошо, что баринъ говорилъ старику:

«Не твоего ума это дѣло! Больно сталъ у тебя языкъ длиненъ. Я тебѣ укорочу его».

Затѣмъ молодой баринъ особенно сердито кричалъ:

«По естеству! Естество? Это еще что за выдумка?»

Кронидъ Захарычъ со словъ Ваньки все извинялся и все «посылался» на архіерея, что тотъ самъ такъ порѣшилъ.

«Самъ де его преосвященство сказывалъ: по естеству!»

Все, что рассказалъ дворнѣ Ванька Безухій съ прозвищемъ еще «гусь лапчатый» уяснить себѣ было совсѣмъ невозможно, а слово «по естеству» всѣхъ особенно озадачило.

Одни слова этого совсѣмъ не поняли, но все-таки чуяли, что оно—слово очень важное. Другіе, будто понявъ слово, рѣшили, что рѣчь между нимъ и бариномъ шла о такомъ сугубо важнѣющемъ обстоятельстве, что, хоть сто лѣтъ гадай, не догадаешься.

— По естеству значитъ по закону!—рѣшили кто-то.

— Вотъ дуракъ-то!—отозвался старикъ, дворовый Θεоктистъ.— Насупротивъ того. Побей мать родную. По закону тебѣ ничего не будетъ. А по естеству оно не гоже. Опять вотъ по закону дозволяется собаку пса или кота Ваську зажарить да съѣсть, а по естеству оно великое свинячество.

— Это точно,—рѣшили и подтвердили всѣ.—Сотворишь не супротивъ закона, а все-таки беззаконно.

Дѣло заключалось въ томъ, что Ларинъ воспользовался пребываніемъ преосвященнаго въ усадьбѣ, чтобъ перетолковать съ нимъ объ одномъ семейномъ обстоятельстве.

Его двоюродная сестра, еще очень молодая женщина, но уже вдова, собиралась выходить второй разъ замужъ.

Между тѣмъ этотъ предполагаемый бракъ былъ, какъ ни взгляни, удивительный, неподходящій, «нескладный» и по закону и по другой еще причинѣ, которую преосвященный, узнавъ все дѣло, называлъ особо... Его выраженіе было совершенно понятно Ларину, но онъ все-таки говорилъ, что архіерей измыслилъ это, придумалъ новую помѣху для брака, который и безъ того не подходящій...

Двоюродная сестра его, Софья Ишимова, еще только 18-ти-лѣтняя вдова, полюбила уроженца и обитателя Ларинскаго, крѣпостного двороваго... Она любила его давно, можно сказать, съ дѣтства, такъ какъ знала его съ первыхъ лѣтъ жизни... Въ пятнадцать лѣтъ съ половиной ее выдали замужъ за дворянина офицера, молодого, пригожаго, богатаго... Онъ былъ видный женихъ во всемъ намѣстничествѣ.

Разсуждать и объявлять родителямъ, что она не любитъ суженаго, было, конечно, невозможно, было дѣломъ несмысленнымъ и невиданнымъ. А признаться, что она давно любитъ двороваго челоуѣка, хотя и на исключительномъ положеніи живущаго у дяди въ усадьбѣ,—было и совсѣмъ нельзя.

Молоденькая женщина не была счастлива въ замужествѣ и по своей винѣ. Мужъ былъ нѣженъ и ласковъ съ ней, любилъ ее...

Но она-то не могла примириться съ своей судьбой. Чрезъ годъ у нея родился ребенокъ. Она и ребенка не любила. И вдругъ чрезъ три года замужества она очутилась въ совершенно томъ же положеніи, что до брака, была одинока, потерявъ и мужа и ребенка... Разница была, однако, въ томъ, что ея отца тоже не было на свѣтѣ, и она была совершенно самостоятельна и свободна.

Старая привязанность, конечно, заговорила снова. Мѣшать же было некому.

Но являлась другая помѣха, о которой никто прежде не говорилъ, такъ какъ и любовь молодыхъ людей была скрыта отъ всѣхъ. Теперь, когда Софья Алексѣевна Ишимова заговорила явно, не стѣсняясь о своемъ намѣреніи, заговорили и другіе...

А что они могли сказать,—было и диковинно и важно.

Для Ишиимовой оно было ново и поразительно, а для всѣхъ самое простое, давно всѣмъ извѣстное обстоятельство.

— Не въ томъ бѣда,—заявляли всѣ,—что онъ крѣпостной. Получить вольноотпускную отъ барина, запишется въ купцы и можетъ жениться... Станетъ дворянка купчихой... Что жъ? Дѣло ея, коли сама на это идетъ. А есть иное, чего ни ей, ни кому либо не одолѣть и не распутать.

Этотъ крѣпостной дворовый, не настоящій крѣпостной, не мужицкаго происхожденія, а полудворянскаго, ей «съ боку» родня!.. Съ боку тѣ же двоюродные они—братъ и сестра.

Вотъ именно этотъ вопросъ и поднялъ Ларинъ съ преосвященнымъ и узналъ, что бракъ не можетъ быть совершенъ въ виду родства. Ларинъ горячо спорилъ съ архіереемъ и доказывалъ, что по закону между молодыми людьми нѣтъ никакого родства. Молодой малый записанъ въ церкви сыномъ дворовой женщины, незамужней, какъ незаконный ребенокъ, прижитый ею... а отъ кого—не извѣстно...

— Ужъ навѣрно извѣстно, — замѣтилъ архіерей,—коли младенецъ родился въ этой усадьбѣ. Всѣ должны знать. Здѣсь—не столица Москва.

Ларинъ доказывалъ, что, если что и извѣстно, то это какъ бы слухи и предположенія. Онъ ссылаясь на страпчаго въ Тулѣ, который—замѣчательный законникъ и который, однако, объяснялъ дѣло такъ:

— Мало ли что народъ болтаетъ! Закону дѣла нѣтъ до этого. Законъ вѣдаетъ всякія бумаги и документы, а не людское каляканье да переливанье изъ пустого въ порожнее...

И вотъ тогда-то преосвященный и отвѣтилъ своимъ измышленіемъ, которое озадачило Ларина, а потомъ и сильно разсердило, даже прямо озлобило:

— По закону если и допустителенъ таковой бракъ, то онъ совсѣмъ не допустителенъ «по естеству».

Переговоривъ съ Ларинымъ, преосвященный вызвалъ къ себѣ Волкова, чтобъ узнать отъ него, за кого всѣ обитатели почитаютъ молодого двороваго, за котораго собирается итти госпожа Ишимова. Волковъ отвѣчалъ, что нѣтъ малаго младенца въ усадьбѣ, который бы не зналъ, кто таковъ молодецъ: ея же двоюродный, хотя и съ боку, а не по закону. И вотъ ему въ свой чередъ преосвященный повторилъ то же.

— По естеству—дѣло совсѣмъ грѣховное, неслыханное и наказуемое и людьми и Богомъ. Смертный оно грѣхъ!

Позвавъ къ себѣ Волкова послѣ архіерея, Ларинъ ничего новаго узнать не могъ, но будто хотѣлъ излить свой гнѣвъ, накинувшись на ни въ чемъ неповиннаго старика.

— Новое и глупое измышленіе!—кричалъ Ларинъ.—По естеству! Нельзя и понять. Никогда ничего такого на свѣтѣ не бывало.

Умный Волковъ ясно видѣлъ, что баринъ прикидывается и отлично понимаетъ слова архіерея.

Но Волковъ не могъ зато никакъ догадаться, почему до такой степени баринъ изъ себя выходитъ. Ему-то какое бы, кажется, дѣло до двоюродной сестрицы?

— Развѣ токмо одно обстоятельство, которое мнѣ въ глаза бросилось,—думалъ Волковъ,—и которое я почелъ своей выдумкой, а оно вотъ и на правду смахиваетъ.

III.

Покуда все и всѣ готовились къ торжеству освященія новаго храма, Ларинъ въ хлопотахъ провелъ около мѣсяца въ болѣе бодромъ настроеніи духа. Пришлось раза два съѣздить въ Тулу, выбирать и покупать церковную утварь, затѣмъ пришлось сидѣть и заниматься мудренымъ дѣломъ—писать пригласительныя письма. На одно письмо архіерею съ просьбой исполнить обѣщаніе пріѣхать освятить храмъ потребовалось Ларину четверо сутокъ.

Когда же все благополучно совершилось и закончилось, и гости разѣхались, онъ сразу впалъ снова въ свое тоскливое и угнетенное состояніе.

— Что же дальше? Что же дѣлать?—явился и неизмѣнно давнишній вопросъ, и вопросъ... не разрѣшимый.

Просидѣвъ въ унылой задумчивости среди тишины пустаго сада около часу, Алексѣй Андреевичъ, тихо и понурившись, вернулся въ домъ. Проходя чрезъ переднюю, онъ крикнулъ лакею.

— Дойди во флигель. Попроси ко мнѣ Маремьяну Андреевну.

Красивая свѣтло бѣлокурая дѣвушка, сидѣвшая у окна, выходящаго въ садъ, завидѣвъ лакея, окликнула его и спросила:

— За мной?

И на утвердительный отвѣтъ она тотчасъ двинулась въ домъ.

Дѣвушка вошла въ кабинетъ Ларина грустная, съ заплаканными глазами.

Ларинъ тотчасъ понялъ причину... Генералъ Мордвинъ, котораго онъ проводилъ, былъ ея крестный отецъ, и дѣвушка любила его. А когда придется опять свидѣться, было неизвѣстно. Служа въ Москвѣ, генералъ не могъ часто отлучаться. О поѣздкѣ самой Маряши въ Москву не разъ заходила рѣчь. Крестный звалъ ее въ гости къ себѣ много разъ и теперь во время пребыванія своего въ Ларинскомъ даже сказалъ нѣчто загадочное.

— Вижу я неладное... Не вижу, а чую. Приѣзжай ты ко мнѣ совѣмъ. Дѣтей у меня нѣту, наслѣдниковъ, стало быть, тоже нѣтъ, кромѣ двоюродныхъ чертей, которые ждутъ—не дождутся, когда «дяденька» поколѣтетъ... Приѣзжай. Я тебя замужъ выдамъ... И такъ выдамъ, что всѣ ахнутъ. Будутъ у тебя съ мужемъ дѣти... Сочту ихъ внуками. Ты все-таки моя дочь, крестная дочь. Поразсуди, посоветуйся съ Андреемъ, а тамъ объяви и Алексѣю. Онъ мнѣ не можетъ отказать этакого. А если откажетъ, то я совѣмъ повѣрю въ то, что мнѣ теперь только мерещится.

— Что таксе?—не подумавъ, спросила Маряша, но не успѣлъ крестный заговорить, какъ она уже поняла, догадалась, на что намекаетъ онъ, и оробѣла, смутилась, виновато потупившись.

— Вотъ, вотъ!—сказалъ онъ.—Правда моя. Бѣдовое у васъ тутъ, въ труппѣ этой, приключилось... Стало быть, тебѣ крайняя нужда уѣзжать. Вотъ и переѣзжай ко мнѣ.

Послѣ отъѣзда генерала Маряша задумалась надъ предложеніемъ его и рѣшила, что, конечно, умнѣ ничего придумать нельзя... Слѣдовало бы немедленно уѣзжать.

— Да,—кончила она свои размышленія,—слѣдовало бы. Да мало ли что умно и хорошо, а люди не дѣлаютъ, не могутъ. Вотъ и я не могу... Нѣтъ, останусь и буду тянуть, покуда можно, покуда Алексѣй не начнетъ сумасшестввать... Тогда, дѣлать нечего, уѣду, спасаюсь отъ бѣды.

И слезы, слѣдъ которыхъ увидѣлъ теперь Ларинъ на лицѣ дѣвушки и приписалъ проводамъ крестнаго отца, явились по другой причинѣ.

И это было не первый разъ. Много разъ случалось Маряшѣ плакать, благодаря «диковинному происхожденью обстоятельствъ», какъ часто говорилъ онъ самъ, Ларинъ.

Дѣвушка вошла тихо и уныло и молча еѣла противъ него. Заплаканные глаза грустно смотрѣли на него и будто спрашивали: «что?»

— Побесѣдовать,—отвѣчалъ онъ, понявъ выраженіе взгляда,—потолковать. Знаешь ли ты, что вышло?.. Яковъ Антонычъ мнѣ сказалъ... Не прямо сказалъ, а обинякомъ... Но я хорошо понялъ, знаю, что не ошибаюсь. Онъ мнѣ сказалъ... Онъ догадался... Стало

быть, оно видать и постороннимъ, какъ ни укрывайся. Овл. сказалъ: бѣдовое у васъ тутъ, въ вашей дырѣ деревенской, приключилось. Разрѣши такъ ли, сякъ ли, покуда не поздно. Долго ли до грѣха?..

— Онъ мнѣ то же сказалъ,—тихо произнесла Маряша.

— То же! Когда?—удивился Ларинъ.

— Вчера. Да еще дня четыре назадъ. Но вчера понятнѣе разговаривалъ.

— Что же ты?

— Что? Ничего. Отмолчалась. Что же отвѣчать?

— Спросилъ тебя, что я одинъ безумствую, или... или оба мы въ искушеніе впали?

— Нѣтъ, онъ только сказалъ, что надо мнѣ отъ бѣды уѣзжать скорѣе и ѣхать жить къ нему.

— Что?!—вскрикнулъ Ларинъ.—Къ нему, въ Москву? Побойся Бога, Маряша. Развѣ это возможно?

— Я сказываю, что онъ говоритъ...

— Что же ты отвѣтила?

— Ничего. Сказала—видно будетъ. Поблагодарила.

— И ты сможешь такъ уѣхать? Сможешь меня покинуть, бросить одного?

Дѣвушка потупилась и молчала.

— Говори, Христа ради, Маряша. Неужели ты сможешь этакое жестокосердое учинить?

— Не знаю.

— Какъ не знаешь? Ты должна знать впередъ. Должна. Я же знаю. Я знаю, что не могу безъ тебя жить. Не могу одного дня безъ тебя прожить. Какъ же ты не знаешь? Грѣхъ это. Деревянная ты. Говори же.

— Что же я скажу?

— Уѣдешь ты?

— Вѣстимо, нѣтъ. А, разумѣется, уѣхать бы слѣдъ. Лучше бы было.

— Лучше? Кому лучше? Тебѣ?

— Нѣтъ, не мнѣ, а лучше вообще... Пожалуй, скажу, не лучше, а разумнѣе. Что мы такъ тутъ, безъ конца, мыкаемъ горе? Нешто это жизнь?.. Посмотрите на себя. Какой вы ходите!.. Уѣду я, хоть вотъ къ крестному въ Москву, вамъ, можетъ быть, станетъ спокойнѣе, заживется лучше.

— Какія выдумки! Какой вздоръ! Мнѣ одному во сто разъ хуже будетъ. Да и не останусь я тутъ ни минуты. Ты въ Москву,—я за тобой. Нѣтъ, Маряша, и думать не могли уѣзжать изъ Ларинскаго. Обожди хоть...

— Чего ждать... чего, Алеша?

— Надумаемъ что нибудь.

— Да вѣдь который годъ мы думаемъ и ничего не надумаемъ. Пельзя ничего надумать...

— Я до сихъ поръ все пробовалъ да справлялся, какъ быть, если по законамъ дѣйствовать... А теперь я это бросилъ. Ничего нельзя по законамъ, ну, и чортъ съ ними. Инако теперь возьмемся... Инако будемъ пробовать.

— Противозаконное?

— Нѣтъ. Зачѣмъ? Мы эти законы...

— Обойдемъ, какъ говорить часто Соня... Такъ вѣдь она, сами знаете, отчаянная. Да и она вотъ обходить-то законы только все еще собирается. Обойдетъ ли, невѣдомо. А намъ ихъ обойти и совсѣмъ нельзя...

— Нѣтъ, Маряша... нѣтъ. Я и не собираюсь...

— Такъ что же тогда?

— Я такъ надумалъ, что все по закону будетъ, но хитростью, обманомъ.

— Къ худому и приведетъ.

— Никогда.

— Неправдой правды не добьешься... Слыхалъ ты это?

Алексѣй Андреевичъ не отвѣтилъ, подумалъ и выговорилъ.

— Ну, все это видно будетъ. А ты мнѣ одно скажи. Будешь ты подумывать о приглашеніи крестнаго или бросишь?

— Понятно, брошу и помышлять... Покуда.

— Ну, вотъ спасибо,—вѣжно произнесъ Ларинъ.—А то даже перепугала...

Ларинъ хотѣлъ приблизиться къ дѣвушкѣ и поцѣловать ее, но въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги.

Вошедшій лакей доложилъ барину, что пасѣчникъ Зиновой пришелъ къ нему.

Маряша поднялась.

— Ты куда же?

— Братъ ждетъ. За грибами собрались въ Заячій логъ. Надо пройтись, а то голова тяжела...

— Это отъ слезъ. Не плакала бы... Отъ себя зависить.

— Нѣтъ, не отъ слезъ,—отвѣтила твердо дѣвушка... А отъ того, что ихъ льетъ!.. А оно отъ меня не зависить.

И Маряша тихо вышла.

IV.

Черезъ минуту въ дверяхъ на порогѣ террасы показался высокій, плечистый старикъ, судя по сѣдинѣ въ бородѣ окладистой да въ длинныхъ волосахъ по плечамъ, придававшихъ ему видъ дьячка. Но лице его было чрезвычайно моложаво и благообразно. Это былъ красавецъ-старикъ. Правильныя черты, орлиный тонкій носъ

съ легкой горбинкой, дугообразныя черныя, какъ смоль, брови, свидѣтельствовавшія о томъ, каковы были прежде его волосы, а подъ этими густыми бровями большіе темноватые глаза умные, добрые, будто глубокіе по задумчивости и даже по какой-то едва замѣтной тѣни печали. Въ нихъ было что-то, будто затаенное, даже загадочное.

Старикъ остановился на порогѣ и поклонился въ поясъ.

— Здравствуй, Зиновей,—произнесъ Алексѣй Андреевичъ и машинально протянулъ руку черезъ столикъ, стоявшій предъ диваномъ, на который онъ сѣлъ при появленіи старика.

Зиновей двинулся, нагнулся, поцѣловалъ протянутую руку и вернулся на свое мѣсто, на порогъ дверей.

Всѣ движенія старика были чрезвычайно спокойны, плавны, даже отчасти важны, не только степенны. Вѣроятно, таковъ онъ былъ и нравомъ. Никто никогда не видѣлъ его оживленнымъ, болтливымъ, смѣющимся. Лишь изрѣдка онъ добродушно, но будто снисходительно улыбался. Но эта снисходительность была не обычная, а кроткая и ласковая.

Вообще всѣ въ Ларинскомъ давно любили Зиновея и уважали болѣе, чѣмъ кого либо изъ старыхъ дворовыхъ. Когда-то онъ былъ садовникомъ въ усадьбѣ, главнымъ завѣдующимъ всѣми оранжереями и грунтовыми сараями и теплицами. Покойная Ларина была большая любительница цвѣтовъ, а равно и любительница фруктовыхъ деревьевъ, мечтавшая выростить у себя въ оранжереяхъ не только персики и абрикосы, которыхъ было много, но и апельсины. Этого никогда, конечно, она не достигла, несмотря на свои заботы и на труды любимца Зиновея.

А главный садовникъ былъ ея большой любимецъ, благодаря взаимнымъ мечтаньямъ и хлопотамъ то объ арабскихъ персикахъ, то о шпанскихъ перламутровыхъ вишняхъ, то объ индѣйскомъ ананасѣ. Одно время, лѣтъ тому уже двадцать и болѣе назадъ, покойная Екатерина Семеновна проводила лѣтомъ цѣлые часы въ оранжереяхъ и питомникахъ, а зимой Зиновей являлся къ ней ежедневно съ докладомъ. Но это бывали не доклады, а длинныя бесѣды о любимомъ дѣлѣ, совѣщанія и обсужденія проектовъ на слѣдующее лѣто.

Андрей Петровичъ Ларинъ, ея мужъ, въ это дѣло совѣмъ не вмѣшивался и никогда при докладахъ Зиновея не присутствовалъ. Да и происходили они на половинѣ барыни въ ея маленькой гостиной. Вообще, не только мужъ, но никто изъ домашнихъ никогда не являлся мѣшать барынѣ и садовнику рѣшать важные вопросы объ индѣйскомъ ананасѣ или арабскомъ персикѣ.

Лѣтъ десять назадъ Зиновей вдругъ, по совершенно неизвѣстной никому причинѣ, сталъ проситься вонъ изъ усадьбы, проситься жить на пасѣкѣ, на опушкѣ лѣса, верстахъ въ трехъ отъ усадьбы. Господа согласились. Баринъ тотчасъ же приказалъ выстроить

новую болѣе просторную избушку, а барыня ее снабдила всякой всячиной, даже дала три стула изъ барскаго дома. Всѣ общались Зиновею бывать у него въ гостяхъ не только лѣтомъ, но и зимой. Однако удаленіе Зиновея изъ усадьбы, брошенное имъ любимое занятіе, оранжерея и теплица, удаленіе въ глушь и жизнь, какъ отшельника, все это удивило обитателей.

— Не спроста этакое,—говорили многіе.

Переселившись въ избушку, пасѣчникъ рѣдко являлся въ усадьбу, а съ тѣхъ поръ, какъ скончались господа его, сталъ бывать еще рѣже.

Алексѣй Андреевичъ, въ дѣтствѣ своемъ чуть не ежедневно выдавшій главнаго садовника въ комнатахъ матери, конечно, привыкъ къ нему болѣе, чѣмъ къ кому либо изъ дворовыхъ людей. Всѣхъ ихъ онъ видалъ мелькомъ, видалъ, какъ дворню, входилъ съ ними въ сношенія только въ силу ихъ услугъ, тогда какъ Зиновею былъ его знакомый и пріятель, съ которымъ онъ съ первыхъ лѣтъ жизни пускался во всякія разсужденія.

Наконецъ тотъ же Зиновею, какъ бы дядька молодого барчука, устраивалъ ему разныя игрушки, приносилъ то искусно сдѣланнаго «чижика», т.-е. отточенный колышекъ, то «лошадку», т.-е. палочку съ какой-то головкой на концѣ, гдѣ были глаза и уши, а подъ ними одна нога съ копытомъ, то иную какую нибудь имъ выдуманную и состряпанную дѣтскую забаву.

Теперь Алексѣй Андреевичъ всегда ласково встрѣчалъ Зиновея, всегда разспрашивалъ о его пасѣкѣ, всегда спрашивалъ: «не нужно ли тебѣ чего?» а равно всегда давалъ ему цѣловать руку, какъ особую милость, а иногда и объ, по очереди. Дѣлалъ онъ это потому, что такъ бывало всегда въ дѣтствѣ, кромѣ того, потому, что замѣтилъ большую разницу въ томъ, какъ цѣловалъ его руку Зиновею или другіе холопы. Въ поцѣлуѣ Зиновея чувствовалась любовь, а не одно условное почтеніе къ барину. Не даромъ, видно, онъ еще младенцемъ былъ близокъ этому садовнику, какъ бы дядькѣ.

— Ну, что скажешь, Зиновею?—спросилъ Ларинъ ласково.

— Я къ вамъ, баринъ, съ усердной просьбой. Не откажите. Помилуйте...

И Зиновею сразу, гдѣ стоялъ, опустился на колѣни и поклонился до земли, стукнувъ лбомъ въ полъ.

— Что тебѣ? Говори. Знаешь, все, что можно, я всегда радъ для тебя. Маменька и родитель хоть мнѣ дали препорученіе тебя не обижать, да я и самъ тебя очень уважаю. Встань, говори!

— Дозвольте мнѣ въ пустынь удалиться.

— Куда? Что?

— Въ монастырь. Постричься дозвольте.

— Въ монахи? Постричься?

— Такъ точно-съ.

— Да съ чего же это ты?..

И удивленный Ларинъ поглядѣлъ, широко раскрывая глаза, на старика.

— Такъ что, стало быть, нужно.

— Да съ чего же? Вѣдь ты и такъ живешь почти отшельникомъ, особливо зимой. Чисто монахъ.

— Я дикобразомъ живу, а не монахомъ. Только что безлюдно. А развѣ у меня храмъ подъ рукой?—выговорилъ Зиновей громче и будто отчасти раздражительно и съ упрекомъ.

Ларинъ глядѣлъ и, озадаченный, не зная, что сказать.

— Будьте милостивы, Алексѣй Андреевичъ. Не погубите, разрѣшите!—снова взмолился старикъ.

— Да какъ же это, когда тебѣ такое на умъ пришло? Вдругъ въ голову втемяшилось?

Зиновей молчалъ.

— Вдругъ... Или ужъ время, что задумалъ?

— Да почитай завсегда собирался. Еще при жизни вашихъ родителей два раза собирался.

— Что же? Не дозволили?

Зиновей помолчалъ и затѣмъ глухо, едва слышно произнесъ:

— Барыня...

— Маменька? Не разрѣшила... А батюшка?..

— Не могу знать... странно отозвался старикъ, скороговоркой и будто избѣгая прямого отвѣта.

Наступило молчаніе, и на новый вопросъ Зиновей молодой человѣкъ развелъ руками.

— Не такое дѣло это, по-моему, чтобы въ него вмѣшиваться,—сказалъ Ларинъ.—Будь ты еще молодой, да въ усадьбѣ нужный. А ты давно живешь на отшибѣ. Ну, что же! Богъ съ тобой, иди, постригайся.

— Вѣчно за васъ Бога буду молить,—съ чувствомъ и почти восторженно воскликнулъ Зиновей.

Онъ двинулся снова къ барину, взялъ протянутую руку и медленно, крѣпко поцѣловалъ ее. Затѣмъ онъ круто повернулся и быстро вышелъ.

Ларинъ проводилъ старика глазами, съ недоумѣніемъ глядя ему въ слѣдъ.

— Съ чего онъ собрался въ монахи?—прошепталъ онъ.

Онъ любилъ Зиновей, пожалуй, болѣе, чѣмъ кого либо изъ своихъ крѣпостныхъ. За послѣднее время, когда Зиновей поселился чуть не въ лѣсу и рѣдко бывалъ въ усадьбѣ, Алексѣй отвыкъ отъ него. Но въ дѣтствѣ зато не было у него никого столь близкаго и дорогого, какъ этотъ человѣкъ, вѣчно старающійся сдѣлать ему какое нибудь удовольствіе.

Конечно, много вліяло на ребенка, а затѣмъ отрока, отношеніе матери къ этому садовнику. Будучи уже смертельно больна, зная, что не встанетъ съ постели, женщина много разъ говорила сыну о Зиновеѣ, уже жившемъ на пасѣчкѣ, прося дѣлать для него все возможное и быть ласковымъ.

— Это самый мнѣ вѣрный человѣкъ,—говорила она.—Онъ и меня и тебя любить не такъ, какъ другіе крѣпостные. Онъ за насъ весь сейчасъ на смерть пойдетъ.

Разумѣется, Ларинъ никогда бы и не отказалъ бывшему садовнику ни въ чемъ, но желанія этого старика были настолько сурово ограничены, что и сдѣлать для него что либо было невозможно, не представлялось случая.

V.

Когда Зиновея вышелъ отъ барина и проходилъ переднюю, то встрѣтилъ входящаго Волкова.

Оба старика нѣсколько холодно поздоровались. Они были врагами, и не со вчерашняго дня. Ихъ вражда началась тогда, когда оба были почти молодыми, лѣтъ тридцати съ небольшимъ. Съ чего началась и на чемъ основывалась эта вражда,—никто не зналъ. Знали ли они сами, почему ненавидятъ другъ друга,—было ихъ тайной. Они никогда ни разу не повздорили при постороннихъ, ничего не высказали другъ другу, никогда и глазъ на глазъ не объяснились вполне.

Всякій будто зналъ самъ и про себя, за что ненавидитъ другого и за что ненавидимъ имъ. Объяснять нечего.

Только однажды, давно уже, Волковъ погрозился садовнику:

— Ну, погоди, скоро, видно, до тебя чередъ дойдетъ. Буде.

Вскорѣ послѣ этого Зиновея отпросился вонъ изъ усадьбы на житье въ глуши, ради якобы того, что пристрастился къ пчеламъ и хочетъ быть пасѣчникомъ.

При переселеніи Зиновея Волковъ ухмылялся злобно и говорилъ себѣ самому:

— Поджалъ хвостъ, песъ.

Но ни единымъ словомъ онъ не обмолвился никому ни о своей угрозѣ Зиновею, ни о своемъ объясненіи поступка его трусостью.

Встрѣтившись теперь, оба старика, ровесники, заговорили, такъ какъ за послѣдніе годы ихъ взаимная ненависть сильно смягчилась. Главной причины, по крайней мѣрѣ, видимой уже не было. Когда-то Кронидъ былъ любимцемъ барина, а Зиновея любимцемъ барыни. Оба своими докладами или жалобами вліяли на жизнь дворни. Съ кѣмъ что ни приключись, всѣ бѣжатъ просить—кто садовника, кто камердинера. Въ случаѣ ссоры двухъ человѣкъ каждый бѣжалъ къ своему, такъ какъ присутствіе въ усадьбѣ

двухъ любимцевъ образовало два лагеря. И все Ларинское насто-
роживалось и ждало: «чья возьметъ? кто одолѣетъ? Зиновей или
Кронидъ?»

Встрѣтившись теперь, оба старика заговорили довольно, если не
благодарушно, то равнодушно.

— Къ барину по дѣлу приходилъ?—спросилъ Волковъ.

— Да. Давно собирался, да боялся итти.

— Боялся? Къ барину? Ты-то?—удивился Волковъ.

— Да. Боялся—откажетъ, не захочетъ.

— Вотъ что... Это иное. Ну, что же?

— Слава Богу. Далъ полное свое согласіе.

И Зиновей, радостно улыбаясь, добродушно поглядѣлъ въ лицо
своего давняго врага.

Волковъ удивился, но не хотѣлъ спрашивать, въ чемъ дѣло,
покуда тотъ самъ не скажетъ.

— Скоро вотъ... Какъ наладится все, да разрѣшится... Я къ
тебѣ приду, Кронидъ Захарычъ... Въ ноги поклонюсь.

— Ко мнѣ?.. Я-то что же могу?

— Буду просить...

— Душой радъ всякое... Все то, что было, дѣло старое прошло
быльемъ заросло. Да не могу я ничего... Зиновей Зиновеичъ.

— Буду я просить тебя... мнѣ простить, въ чемъ я согрѣ-
шилъ предъ тобой... Я, Кронидъ Захарычъ, постричься хочу...
Надо, чтобъ мнѣ люди мои грѣхи отпустили, тогда и Господь от-
пуститъ... Вотъ, стало быть, мнѣ и подобаетъ къ тебѣ допрежде
всѣхъ итти. Съ тобой мы оба лучше всего воевали...

— Вонъ онъ что?—вымолвилъ удивленный Волковъ и затѣмъ,
подумавъ, прибавилъ:—дѣло доброе. И я бы пошелъ въ монастырь.
Тихе, лучше и безобиднѣе... А въ міру при господахъ, какъ ни
бейся, отъ обиды напрасной не уйдешь...

— Вотъ я и хочу отъ міра подалѣ. Мало ли что въ міру
вдругъ на тебя стрясется?—странно проговорилъ Зиновей.

Старики простились... Волковъ собрался было итти къ себѣ,
когда въ прихожую вошелъ молодой дворовый, очень красивый
собой, по имени Кириллъ. Старикъ тотчасъ же замѣтилъ его осо-
бенно смущенный видъ.

— Что ты? Аль что попритчилось худое?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, Кронидъ Захарычъ,—отвѣтилъ Кириллъ, смущаясь.—

А я вотъ къ вамъ съ важнѣющимъ дѣломъ. Помогите.

И молодой малый полупшепотомъ объяснилъ свое дѣло коротко.

Лицо Волкова изобразило крайнее изумленіе, онъ задумался.

— Какъ же-съ?—спросилъ наконецъ Кириллъ, не понимая мол-
чанія старика и не зная, какъ его объяснить.

— Надумалъ же ты, Кирия... неподобное... Ты лучше бы поду-
малъ губами луну достать.

— Трудное, по-вашему?..

— Нѣтъ, не трудное, а совсѣмъ неподобное, невозможное.

— Почему же?..

— А потому, что баринъ никогда такого не позволить. Даже разгнѣвается до страсти.

— Что жъ онъ... за другого кого прочить Маряшу?—спросилъ Кирилль, подумавъ.

— То-то за другого. Ты не зналъ этого. Какъ же тебѣ Андрюша этого не сказалъ или сама Маряша? Вѣдь они-то знаютъ лучше меня.

— Андрюша только отказался наотрѣзъ итти съ этимъ къ барину...

— А Маряша?

— Маряша? Да вѣдь знаешь, какая она. Ее вѣдь никто еще не разобралъ, какая она.

— Да что же она тебѣ сказываетъ?

— Смѣется. Говорю: пойду барина просить тебя за меня выдать—смѣется и говоритъ: ступай. Сказалъ я, что васъ буду просить—тоже смѣется. Проси, говоритъ, Кронидъ Захарычъ добрый... Заговорилъ я вчера, что буду сегодня послѣ обѣдовъ вотъ просить, она еще пуще смѣялась. А потомъ спросила: ты когда родился? Годовъ двадцать назадъ или вчера? И не поймешь еще, что сказывала, и все смѣючись.

— Да, братецъ, правда ея. Ты вчера родился. Выходишь—ново-рожденный. Они все видятъ и все слышатъ, а ничего не разумѣютъ. Такъ вотъ и ты...

Простоявъ предъ молодцемъ молча довольно долго, Кронидъ Захарычъ сѣлъ на скамью и шепнулъ страннымъ шепотомъ, будто грустнымъ:

— Люблю я Маряшу. Всѣмъ сердцемъ люблю. Знаешь ли ты это, Кирилль?..

— Знаю... Всѣ сказываютъ...

— И всѣ врутъ. Сказываютъ вздоръ. По-ихнему я ее люблю, вотъ какъ ея брата, что ли, или тебя вотъ. Неправда. Я ее такъ люблю, какъ могъ бы развѣ любить родную дочь, если бъ мнѣ Господь такуюю послалъ.

Волковъ вздохнулъ, помолчалъ и заговорилъ совсѣмъ грустнымъ голосомъ.

— И хорошо бы было это. Ты малый хорошій. Да и ей въ мужья совсѣмъ подходящій. Она не мужичка, дворянской крови... Да и ты вѣдь... Чай, знаешь, какъ на свѣтъ пришелъ?

— Сказываютъ...—потупляясь вымолвилъ Кирилль.

— Вѣрно, голубчикъ. Я-то вѣдь знаю. На моихъ глазахъ. Удивлялся я, да и теперь дивлюся, что такой важный и богатый баринъ, именитый князь... И ничего, ничеготочки родному сыну ни-

когда не сдѣлалъ. Хотя и побочный, да все же единокровный. Никогда-то ни единого подарочка не прислалъ. Покойный баринъ, тоже дивился. Ну, онъ не примѣръ... Онъ вонъ какъ своихъ-то соблюдалъ. Онъ сказывалъ завсегда, да еще сердито: «Что такое родной сынъ либо родная дочь? Отъ законной, что ли, жены! Никогда! А если, говоритъ, у человѣка законная жена да отъ другого, отъ любезнаго друга родила. Онъ человѣку тому законный, родной? Законный, вѣстимо, коли не можетъ, а либо не хочетъ человѣкъ итти срамиться уличать жену. А родной ли? Совсѣмъ чужой. Да еще хуже, чѣмъ чужой! Много хуже. До чужого дѣла нѣтъ. А этакій уроженецъ ненавистень... А уродилось дитя отъ наложницы, коя дорога, дороже законной супруги, да сама она распречестнѣйшая, распредобрѣйшая... Дитя отъ нея еще дороже, потому что судьбой безвинно обижено, и люди будутъ забижать, укорять»... Да, вотъ какъ баринъ, Андрей Петровичъ, разговаривалъ... А вотъ твой-то законный родитель, хоть и вельможа и князь, а ни твоей покойной матери, ни тебѣ никогда ниточки не прислалъ въ свое воспоминаніе.

Волковъ смолкъ и задумался. Кириллъ воспользовался паузой и вымолвилъ:

— Богъ съ нимъ. Я объ этомъ никогда и не думаю. Живу, слава Богу, никто не обижаетъ. Молодой баринъ тоже милостивъ... А вотъ, Кронидъ Захарычъ, какъ скажете насчетъ моей просьбы? Какъ посудите?

— Что?..

— Да просьба моя... Заступите меня предъ бариномъ.

Волковъ вздохнулъ...

— Вчера ты родился, Кирюша. А съ новорожденными плохо бесѣдовать. Они только могутъ пузыри губами пускать, а ни говорить, ни понимать. Я еще съ ума не сходилъ, чтобы къ Алексѣю Андреевичу съ твоимъ дѣломъ итти.

— Богъ съ вами, Кронидъ Захарычъ. Отчего такъ?

— Я вотъ къ Маремьянѣ Андреевнѣ пойду и скажу ей, чтобы она не баловалась, не смѣялась надъ тобой. Сказала бы тебѣ прямо, куда ты лѣзешь, въ какую берлогу. Или жизнь надоѣла.

— Не пойму я вотъ, Кронидъ Захарычъ.

— Глупая голова. Захоти Маряша и ты взаправду вѣнчаться, то здѣсь въ Ларинскомъ земной трусъ приключится... Звѣзды съ небесъ попадаютъ. Или же ты, да и я, и первый даже мужикъ, мимо идущій, ничего не вѣдающій,—всѣ въ Сибирь, а то въ солдаты угодимъ. Уходи! Что съ тобой, дуракомъ, толковать!

VI.

Въ сумерки среди полной тишины вдругъ слышались колокольчикъ и бубенчики... Звукъ несся съ противоположной стороны отъ села...

— Изъ города. Не сосѣди... А изъ города!—подумалъ всякій, кто слышалъ.

То же самое подумалъ и Ларинъ, прислушиваясь, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ недоумѣвалъ.

— Кто это можетъ быть? Некому!

Дѣйствительно всѣ и близкіе люди и простые знакомые только что побывали въ Ларинскомъ на освященіи храма. А тѣ, что не могли пріѣхать почему либо, не поѣдутъ черезъ день послѣ окончанія празднествъ.

Одна лишь двоюродная сестра, не попавшая на праздникъ Ларинскій, могла пріѣхать позднѣе, но много позднѣе, такъ какъ была задержана въ Москвѣ.

Ларинъ прошелъ всѣ комнаты и вышелъ на крыльцо отъ любопытства и нетерпѣнія.

— Когонибудь чортъ несетъ. А не то, чтобы кто пріятный ѣхалъ,—рѣшилъ онъ угрюмо.

Нѣсколько человѣкъ дворовыхъ тоже явились въ переднюю и на крыльцо. Всѣ стали за бариномъ и такъ же, какъ онъ, нетерпѣливо глядѣли въ широкія настежь раскрытыя ворота большого двора.

— Назадъ что ли кто... Изъ дальнихъ,—сказалъ Ларинъ.—Можетъ, что приключилось въ дорогѣ у кого изъ дальнихъ гостей. Сюда ближе, чѣмъ въ Тулу.

— Должно, что такъ,—замѣтилъ камердинеръ Павелъ.

Предположеніе это, однако, было почти недопустимо. Уѣхавшіе гости, кто уже сутки, а кто и больше, не могли вернуться въ Ларинское изъ-за приключенія въ дорогѣ. Они были давно и въ Тулѣ и за Тулой.

Въ ворота влетѣла тройкой сѣрыхъ коней, небольшая дорожная берлина, и сразу и баринъ и дворовые ахнули отъ радости...

— Соня!

— Софья Алексѣвна!

Пріѣзжая была Ишимова, не попавшая на торжество освященія и предполагаемая въ Москвѣ.

Когда карета остановилась предъ крыльцомъ, пріѣзжая, черно-волосая красивая женщина, уже кричала, высовываясь въ окно.

— Это не я... Ей-Богу, не я... Это вамъ лукавый глаза отводитъ. Напущеніе. Берегитесь...

Выпрыгнувъ изъ экипажа мимо полудюжины протянутыхъ рукъ дворовыхъ, желавшихъ ее высадить, молодая женщина однимъ вто-

рымъ прыжкомъ очутилась около двоюроднаго брата и у него на шеѣ.

— Ахъ, отчаянная! Ахъ, несуразная!—воскликнулъ обрадованный Ларинъ.

И, расцѣловавшись съ прїѣзжей, онъ снова прибавилъ:

— О двухъ головахъ... А обидно, Соня, обидно. У насъ тутъ весело было. Только тебя не хватало. Всѣ жалѣли. Яковъ Антонычъ даже собирался...

— Ну, Христось съ ними, Алеша. Не въ нихъ дѣло,—воскликнула Ишимова.—Мнѣ самой было обидно, что я не могу поспѣть на твое празднество. Что дѣлать! Ну, идемъ, идемъ... Все расскажу по порядку...

Черезъ минуту очень молоденькая женщина, живая, вертлявая, полная жизни и огня, скорѣе похожая на молодую дѣвушку, невѣсту, а никакъ не на вдову, успѣвшую потерять и мужа и ребенка,—не заговорила, а затрещала, рассказывая двоюродному брату свое пребываніе въ Москвѣ по дѣлу, очень для нея важному.

Она была въ тяжбѣ съ родней своего мужа, чтобы получить свою часть изъ наслѣдства, оставшагося послѣ него, слѣдующую ей по закону.

На вопросъ Ларина, хорошаго ли сестра достала себѣ ходатая по дѣлу въ Москвѣ, и кто онъ такой, Софья Алексѣевна заявила, какъ всегда, громко,—а часто она и вскрикивала, увлекаясь своей рѣчью,—и затѣмъ три раза повторила:

— Первостатейный! Первый на всю столицу. Первостатейный, первостатей-ный!..

— Какъ звать? Старый? Молодой? Законникъ? Дорого взялъ?—засыпалъ Ларинъ вопросами.

— Молодой. Законовъ совсѣмъ не знаетъ!—воскликнула женщина, весело и быстро жестикулируя.—Зато даромъ.

— Какъ даромъ? Какъ законовъ не знаетъ?

— И ни одинъ судья, Алеша, съ нимъ справиться не можетъ. Всѣ судьи, какъ по стрункѣ ходятъ, пикнуть не смѣютъ. И тяжба на концѣ. Перетянуло дѣло. А кто ходатай? Отгадай.

— Что ты? Нешто можно, не зная даже по имени, никогда не видавши?..

— Знаешь. Видалъ. Знаешь хорошо, Алеша. Слушай, гляди. Вотъ.

И вскочивъ съ дивана, на которомъ молодая женщина почти прыгала въ бесѣдѣ, то садилась, то вставала, то опять садилась, она на этотъ разъ склонилась почтительно предъ Ларинымъ, шаркнула ножкой и, вывернувъ руку колесомъ, показала себѣ на грудь.

— Что?! Не пойму! Что ты?

— Я, Алеша. Я сама ходатай. Сама всѣхъ судей перевидала, взбудоражила и загоняла. И тяжбу выиграла.

Алексѣй Андреевичъ началъ было разспрашивать сестру, какъ она рѣшилась сама «ходить» по своему дѣлу, какъ она, «какая пруть ни будь», не побоялась «якшаться» со всякими «стрекулистами и пѣвками» судейскими, но молодая женщина перестала смѣяться и трещать и сразу насупилась. Эти рѣзкіе переходы въ ея настроеніи и въ ея лицѣ, то ребяческая веселость и беззаботность, то угрюмая холодность, даже суровость, были въ ея огневой и впечатлительной натурѣ обыкновеннымъ всегдашнимъ явленіемъ.

Она протянула руку, закинула слегка лохматую, чернокудрую головку назадъ и произнесла серьезно и съ чувствомъ.

— Ну, что мой... воробей?

— Ничего...—отозвался Ларинъ.—Чему же быть?.. Толковали о тебѣ... Да не съ нимъ однимъ. Или съ Маряшей. Ты ахнешь, Соня... узнавши, съ кѣмъ я о тебѣ рѣчь заводилъ... Съ самимъ нашимъ...

— Отчего не идетъ? Чего ждетъ?—перебила Ишимова...

— Да, вѣрно, не знаетъ. Нѣту... Бродить по саду...

И, кликнувъ чрезъ комнаты людей, Ларинъ приказалъ:

— Добѣги къ Андрею Андреевичу и Маремьямъ Андреевнѣ. Не знаютъ, не слышали что ли, что Софья Алексѣевна прибыла.

Чрезъ нѣсколько минутъ появился старикъ лакей, Теокистъ, и доложилъ:

— У себя ихъ нѣту-съ. Должно быть, ушедши за грибами, либо въ оранжереяхъ. Прикажете разыскать?

— Понятно, тотчасъ искать, разыскать,—сказала Ишимова.— Разгони всю дворню.

Но едва старикъ двинулся, молодая женщина вдругъ вскрикнула:

— Нѣтъ, не надо...

И, обернувшись къ брату, она выговорила:

— Потомъ. Сами пойдемъ, найдемъ. Расскажи, съ кѣмъ говорилъ обо мнѣ.

Ларинъ, обождавъ, чтобы лакей былъ уже въ другой комнатѣ и не могъ слышать разговора, заговорилъ угрюмо.

— Съ архіереемъ, Сонюшка. Да, съ самимъ нашимъ первосвященнымъ, что былъ на освященіи. Ну, онъ и руками и ногами. Такую мнѣ отповѣдь закатилъ... Пробралъ...

— Такъ и слѣдовало ждать. Ну, что же? Наплевать. Вѣтеръ въ полѣ, не волкъ воетъ, не съѣстъ...

Ларинъ усмѣхнулся и тряхнулъ головой.

— Отчаянная... Ничѣмъ не возьмешь. Желалъ бы я этакого нрава быть. Ей-Богу. Все трынъ-трава.

— Захоти, и будетъ тебѣ все трынью. Отъ себя зависитъ. Люди одного хотятъ, а ты другого... Ну, и тягайся... Чья возьметъ!

И молодая женщина разсмѣялась пренебрежительно.

VII.

Въ то самое время, когда бойкая вдовушка рассказывала снова двоюродному брату о Москвѣ и своихъ подвигахъ въ судѣ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти и дѣвушка много моложе его, верстахъ въ двухъ отъ усадьбы, вышли изъ лѣсу на опушку съ двумя большими коробами, полными грибовъ. Это была Маряша съ братомъ. Они сѣли на траву, высыпали короба и стали перебирать грибы, отбрасывая тѣ, что были похуже, и отдѣляя шляпки отъ корешковъ.

Поглядѣвъ на обоихъ и сравнивъ ихъ между собой, никакъ нельзя было подумать, что они родные братъ и сестра.

Онъ, отчасти худощавый, черноволосый, смуглый, былъ быстръ и горячъ въ движеняхъ, съ чрезвычайно живымъ, подвижнымъ лицомъ, съ котораго почти не сходила добродушно веселая улыбка.

Въ немъ было что-то, если не похожее прямо, то напоминающее молодую вдову Ишимову.

Дѣвушка, его сестра, была какъ разъ его противоположность во всемъ.

Почти высокая, нѣсколько полная, но стройная, она прежде всего удивляла всякаго цвѣтомъ своихъ волосъ, золотисто соломеннымъ.

Большіе глаза, свѣтлые, голубые, носъ съ легкой горбинкой, но тонкій, будто отточенный, и свѣжняя бѣлизна лица дѣлали ее красавицей.

Выраженіе глазъ вѣчно одно и то же, привѣтливо спокойное, но съ отбѣнкомъ воли, рѣшимости, твердости, да двѣ легкія складки между бархатныхъ бровей, которыя почти никогда не разглаживались, придавали лицу какую-то милую суровость, нѣжную, мягкую... суровость, что бываетъ на юныхъ личикахъ умныхъ, сдержанныхъ и много размышляющихъ дѣтей.

Опредѣлить года дѣвушки было очень мудрено. По нѣжному облику лица и милому дѣтскому выраженью, особенно когда она улыбалась, ей можно было дать шестнадцать лѣтъ, если не менѣе... По взгляду, спокойно твердому, изрѣдка будто строгому, а равно и по крупно развитымъ формамъ тѣла ей можно было дать и двадцать пять, шесть. Въ дѣйствительности Маряшѣ только что минуло девятнадцать.

Если съ внѣшней стороны между братомъ и сестрой не было ни капли чего либо общаго, то духовно это были близнецы, думавшіе и чувствовавшіе настолько одинаково, что имъ трудно было и разговаривать... Они угадывали мысли другъ друга, читали или узнавали, какъ свои собственные.

Въ одножъ лишь сестра взяла верхъ. Она была разсудительнѣе, умнѣе и рѣшительнѣе.

— Ты, милая, братецъ, а онъ—сестрица твоя,—часто говорилъ имъ когда-то сосѣдъ-помѣщикъ, очень умный, нынѣ покойный старикъ.

Въ противоположность брату Маряша была спокойна и холодна внѣшностью, лишь повидимому, потому что внутренно или нравственно природа ея была много кипучѣе братниной. Дѣвушка, моложе брата на семь слишкомъ лѣтъ, имѣла на него большое вліяніе.

Андрей живо прежде Маряши окончилъ свою работу, отобралъ хорошіе грибы отъ плохихъ, потомъ задумался и, сидя противъ сестры, сталъ смотрѣть на нее.

Вся въ бѣломъ, она выдѣлялась среди зелени, обхватившей ихъ со всѣхъ сторонъ. Золотой лучъ солнца, пробившійся чрезъ чащу вѣтвей, падалъ ей на голову, и нѣсколько завитковъ ея бѣлокурыхъ волосъ блестѣли, какъ чистое, червонное золото. Свѣженькое бѣленькое лицо казалось еще бѣлѣе, а голубые глаза еще лазурнѣе, но и еще серіознѣе.

— Да, сестренка—красавица суцая,—говорилъ самъ себѣ Андрей, въ сотый, тысячный разъ въ жизни любуясь сестрой. И въ тысячный же разъ онъ отъ этой мысли становился задумчивѣе, угрюмѣе.

Если есть у нихъ съ сестрой горе, то оно явилось отъ красоты ея. Будь Маряша дурнушка или такъ себѣ, ни то ни се, какъ всѣ прочія дѣвушки въ Ларинскомъ, да и въ сосѣдствѣ, то ничего бы особаго и не приключилось. Жили бы себѣ, поживали спокойно. А изъ-за ея красоты многое стало мудрено, стало запутываться и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже все затягивается, будто въ заколдованный узелъ, въ мертвую петлю.

— Одно спасеніе,—думалось Андрею и тоже въ тысячный разъ.— Спасеніе въ ней самой, въ ея удивительно твердомъ нравѣ, молодечествѣ, совѣмъ не дѣвичьемъ.

И будто желая тотчасъ же еще разъ убѣдиться въ своихъ тайныхъ мысляхъ, услышать ихъ подтвержденіе, Андрюша выговорилъ, вздохнувъ:

— Да, дѣла... Плохо быть сиротами, Маряша.

— Вѣстимо, плохо. При родителяхъ, какъ подъ покровомъ невидимымъ отъ всѣхъ бѣдъ,—отвѣтила дѣвушка, приостанавливая свою работу и выпрямляясь надъ коробомъ и грибами.

И, вздохнувъ глубоко отъ напряженія въ согнутой спинѣ, она ласково глянула въ лице брата.

— Не вылазняй дѣла... проговорилъ онъ тихо и хотѣлъ продолжать, но дѣвушка улыбнулась весело и проговорила, будто подсмѣиваясь надъ братомъ.

— А тебѣ бы не вылазывать, а полеживать, старичина.

— Сама знаешь, что радоваться нечему. Живи да жди, что не нынче—завтра чтонибудь...

И онъ смолкъ.

— Что—чтонибудь? Приключится?

— Вѣстимо.

— Ну, и пушай приключится. Насъ съ тобой никакое новое врасплохъ взять не можетъ. Давно ждемъ и знаемъ, что намъ дѣлать. Готовы!

— Такъ сказывается, Маряша... Готовы?! Боюсь я, что ты больно храбра на словахъ. Храбрѣе не бывало. А вотъ кто такъ смѣлъ на словахъ, говорятъ, всегда на дѣлѣ плоше нельзя.

Маряша покачала головой.

— Такъ сказываютъ. Гласъ народа—гласъ Божій. Да и по правдѣ-то по сущей. Что ты знаешь? Ты сама о себѣ что знаешь? Вотъ я тебѣ сейчасъ присказку расскажу.

— Нѣтъ, уволь... Теперь не хочу... Жарко и безъ того,—разсмѣялась Маряша.

— Нѣтъ, послушай: коротенькая будетъ. Ъхали поѣзжане изъ города глухимъ лѣсомъ. Было ихъ трое. Побаивались они шибко разбойниковъ и все-то глядѣли по сторонамъ. Одинъ изъ нихъ особо трусилъ, даже всѣмъ тѣломъ дрожалъ. Второй напротивъ того...

— Озорной былъ... Вотъ какъ я...

— Ну, да, ты не перебивай. Этотъ былъ страсть какой озорной. Даже грозился: попадись ко мнѣ, моль, этикіе подорожные душегубы, я имъ покажу, гдѣ раки зимуютъ. А третій-то товарищъ...

— А гдѣ въ самомъ дѣлѣ, Андрюша?—серіозно выговорила вдругъ дѣвушка.

— Что гдѣ?

— А раки. Гдѣ они и въ самомъ дѣлѣ зимуютъ? Вотъ сколько и какъ часто такъ слова инья слышишь, да и сама говоришь, а, что они значать, не знаешь. Гдѣ, Андрюша?

— Это такъ сказывается. Кто жъ ихъ знаетъ. Должно, никто не знаетъ. А ты вотъ слушай...

— Такъ, такъ... Умница ты, Андрюша. Оно такъ и есть. Никакому человѣку невѣдомо, гдѣ раки всю зиму укрываются. Потому вотъ и говорятъ про умнаго человѣка, что онъ даже и это знаетъ. Ну, рассказывай. Только вотъ что... Я вѣдь твою присказку впередъ знаю... Храбрый-то твой струсить да убѣжить, а трусливый да боязный окажется молодець молодцомъ, даромъ не дастся въ руки...

— А третій... Ну-тко? Разумница...

— Третій?

— Да.

— А онъ что дѣлалъ, когда ѣхали-то они лѣсомъ?—разсмѣялась Маряша.

— Молчалъ. Не охалъ, да и не озорничалъ. Мертво молчалъ.
 — Ну, вотъ и понятно. Онъ разбойниковъ и распужалъ.
 — Правда, сестренка. Молодецъ ты,—разсмѣялся Андрей.—Вотъ я къ тому веду, что если бы ты помалкивала, я бы меньше опасался. А ты храбришься.

— Охъ, нѣтъ, Андрюша. То-то и дѣло. Я помалкиваю.
 И послѣ этихъ словъ, сказанныхъ какимъ-то страннымъ голосомъ, твердымъ и глухимъ, красивое лицо дѣвушки стало сурово.
 Послѣ короткаго молчанія Андрей покачалъ головой и вымолвилъ:

— А какъ все это, Маряша, путано, перепутано!..
 Дѣвушка ничего не отвѣтила и вздохнула.
 — Вѣдь просто ни начала, ни конца нѣту...
 — Да и середины нѣтъ.
 — Какъ середины нѣтъ? Ты про что?
 — Ничего нѣту... Вотъ про что.
 — Какъ ничего нѣту? Много чего... Мученья мало что ли?
 — Да. Если такъ-то сказывать, то, вѣстимо, много чего есть.
 Я говорю, середины нѣтъ, что мученье-то это безпричинное, будто зряшное... Могло бы не быть.

Послѣ долгаго молчанія Андрей снова выговорилъ...
 — И какъ это все такъ приключилось? Почему? Вѣдь воистину могло бы и не быть, какъ ты говоришь.
 — А по правдѣ должно было быть, не могло не приключиться,— произнесла вдругъ дѣвушка, будто спохватясь.
 — Почему?
 — Изъ-за глуши деревенской. Изъ-за тишины и беззаботности.
 — Что ты, Богъ съ тобой!—воскликнулъ братъ.—Я даже и не пойму, про что ты... Какая тишина да глушь...
 — А вотъ наша, здѣшняя, ларинская.
 — Она-то при чемъ же, Маряша?

Дѣвушка помолчала, подумала и вымолвила:
 — Это, Андрюша, очень мудрено словомъ описать. Я вотъ знаю. Я чую, что хорошо понимаю. А вотъ тебѣ словами все это рассказать не могу. Я вотъ знаю, что живи мы всѣ — родись и живи—въ городѣ, ничего бы такого не приключилось никогда. Вышло бы все совсѣмъ иначе... Все бы попросту, по-человѣчьему. Вотъ какъ у всѣхъ вездѣ... А у насъ не по-людски. У насъ навожденіе.

— Ужъ и правда, что навожденіе...Только не возьму я въ толкъ, Маряша, при чемъ тутъ Ларинское.

— Глушь... Дѣла нѣтъ, заботъ нѣтъ и людей нѣтъ. Главное—людей нѣтъ. На безрыбьѣ и какъ рыба.

— Охъ, понялъ... Понялъ... вскрикнулъ Андрей и махнулъ руками.—Давно ты это сказываешь. И не правда это.

— Правда, Андриупа. А иной причины никакой нѣтъ. Сто лѣтъ продумай да выискивай—и не найдешь.

— Алеша въ Тулу не ѣздилъ?.. Въ Москвѣ онъ не прожилъ цѣлую зиму? Народу не видалъ? Что? Ну, отвѣчай.

Дѣвушка молчала.

— Ну, а Соня... Она весь свѣтъ объѣздила. Вышло ли чтонибудь? Ничего. Даже въ Питерѣ была. Чего въ Питерѣ! Даже замужемъ была...

И Андрей добродушно разсмѣялся своей шуткѣ.

— У Сони оно застряло, крѣпко сидитъ,—вымолвила Маряша задумчиво,—хотя могло бы пройти давно... А у насъ съ Алешей оно такъ, зря, со скуки...

Черезъ часъ братъ съ сестрой были уже въ усадьбѣ. Когда они вступили въ садъ, то сидѣвшій на скамейкѣ лакей Ванька вскочилъ и бросился къ нимъ навстрѣчу. Этотъ дворовый былъ замѣчательно дурень собой и къ тому же со злымъ и злобѣщимъ взглядомъ маленькихъ карихъ глазъ.

— Пожалуйте, пожалуйста!—закричалъ онъ, подбѣгая.—Софья Алексѣевна...

— Что?—вскрикнули въ разъ и братъ и сестра.

— Приѣхала. Съ часъ мѣста. Больше. Послали васъ разыскивать, потомъ сами собрались итти, потомъ меня послали искать вездѣ и упредить, коли найду.

— А ты усѣлся на лавочкѣ,—усмѣхнулся Андрей.

— Помируйте. Гдѣ же я сидѣлъ? Какъ я смѣю?—нахально заявилъ Ванька Безухій и подумалъ про себя:—«такъ я и сталъ за вами, чертями, по лѣсамъ бѣгать».

Черезъ нѣсколько минутъ Андрей и Маряша уже цѣловались съ приѣзжей и заговорили тотчасъ все о томъ же, объ опозданіи на освященіе храма.

— Гдѣ мнѣ на водосвятіяхъ быть?—весело отозвалась Ишимова.— Это ваше дѣло! Алешино дѣло, благо дѣлать ему нечего, заботъ нѣтъ.

— Стыдно, Соня, такъ сказывать,—вспыхнувъ произнесъ Ларинъ.—Надо же было освятить храмъ...

— Наше дѣло не то,—продолжала вдовушка, не слушая и весело.—Мы тягаемся въ судахъ.

И, обернувшись къ Андрею, она выговорила, хотя съ любовью, но рѣзко.

— Ну, ты что, воробей мой милый?

— Ничего, Софья. Что же?

— Правда. Что же тутъ... въ Ларинскомъ?.. Потопъ или трусь приключиться не можетъ. Алеша не допуститъ... покуда я не захочу... А захочу я, и будетъ все! И потопъ, и трусь, и моръ, и... свѣтопреставленіе... Такъ вѣдь?..

Ишимова оглянула всѣхъ. Всѣ трое промолчали, тихо отошли отъ молодой женщины и разсѣлись.

На ея полушутку отвѣчать было нечего. Всѣ трое хорошо поняли ея слова, но всѣ равно избѣгали подымать одинъ и все тотъ же, вѣчно тотъ же и роковой вопросъ,—вопросъ, на который отвѣта не было. Отвѣтъ не былъ еще найденъ.

Наступило глубокое молчаніе. Вдовушка сѣла одна на середину дивана и насмѣшливо оглянула всѣхъ.

— Вы тамъ какъ знаете,—произнесла она наконецъ отчасти раздражительно, не обращаясь ни къ кому и глядя предъ собой въ стѣну...—Какъ знаете... А я порѣшила. У меня же двухъ словъ нѣтъ, а одно... И никого я не боюсь. Никого, то-ись, никого... Я все обсудила и порѣшила. И ни пяди не попячусь назадъ. А мой воробей чирикать противъ меня не посмѣетъ. А пропадемъ? Ну, все-таки не порознь, а вмѣстѣ. Вмѣстѣ все ладнѣе. Одна головня и въ печи тухнетъ, а двѣ вмѣстѣ и въ полѣ полыхаютъ.

VIII.

Тому назадъ всего лѣтъ пять барскій домъ въ Ларинскомъ былъ оживленъ, такъ какъ былъ полонъ большой семьей. Были еще живы отецъ и мать Ларина, да жилъ у нихъ въ гостяхъ, но почти безвыѣздно, родной дядя его съ дочерью и съ ея мужемъ и ихъ годовалымъ ребенкомъ, хотя матери было только шестнадцать лѣтъ.

Отецъ Ларина, Андрей Петровичъ, былъ такой добродушно веселый человекъ, что около него всѣ какъ бы поневолѣ были тоже всегда веселы. Екатерина Семеновна, мать, была отъ природы собственно угрюмая женщина, будто вѣчно недовольная всѣмъ и всѣми. Но и она подъ вліяніемъ вѣчно радостнаго, улыбающагося и смѣющагося Андрея Петровича тоже оживлялась по временамъ.

Впрочемъ женщина была особенно угрюма и сурова въ первые годы брака, при отсутствіи дѣтей. Она даже собиралась и просилась у мужа въ монастырь... Это продолжалось года четыре. На пятомъ году замужества Екатерина Семеновна наконецъ забеременѣла и родила сына.

Счастію ея не было предѣла. Ей самой казалось, что она отъ счастія съ ума сходитъ.

Наоборотъ Андрей Петровичъ за время, что жена «носила», былъ угрюмѣе обыкновеннаго, а вскорѣ послѣ рожденія «наслѣдника» сталъ еще угрюмѣе, такъ что видѣвшіе это близкіе знакомые и свои холопы немало дивились.

— Ему бы радоваться, а онъ темнѣе ночи!—говорили всѣ.

Впрочемъ Андрей Петровичъ будто не былъ способенъ быть задумчивымъ и суровымъ. Черезъ мѣсяца два, три, по рожденіи Аелши, онъ, изрѣдка вздыхая, говорилъ самому себѣ:

— Что-жъ. Все устроится на свѣтѣ Богомъ. Что ни случись— все Богъ. А коли что намъ не по нутру, такъ помалкивай. Одно отъ людей приключается по Божьему велѣнью, а иное таково, что и самъ въ немъ виновать.

Екатерина Семеновна на седьмомъ небѣ отъ счастья побаивалась лишь одного... И это одно отравляло ее счастье на первыхъ порахъ.

Какъ отнесется къ сыну Андрей Петровичъ? Будетъ ли онъ непріязненъ къ малюткѣ, будетъ ли грубъ съ младенцемъ, еще грубѣе и несправедливѣе съ отрокомъ? Начнетъ ли онъ преслѣдовать ни въ чемъ неповиннаго Алешу?

Вскорѣ она вполне успокоилась. Мужъ относился къ ребенку ровно и равнодушно. Безъ ласки, но и безъ преслѣдованія.

Причиной было то обстоятельство, что еще съ юности своей и за всю жизнь Андрей Петровичъ Ларинъ, веселый и беззаботный человѣкъ, умудрялся жить спокойно и пріятно, безъ чего либо досаждающаго или тревожащаго. Онъ какъ бы старался жить такъ, чтобы въ жизни не приключались никакія помѣхи къ веселому или благодушному провозженію времени.

Дѣтство и юность онъ прожилъ въ Ларинскомъ съ отцомъ вдовцомъ, вдвоемъ. У него былъ младшій братъ, по имени Алексѣй, но давно со дня смерти матери былъ взятъ на воспитаніе теткой, живущей въ Москвѣ.

Когда Андрею минуло двадцать лѣтъ, отецъ сталъ было поговаривать о томъ, что ему пора жениться. Петръ Петровичъ Ларинъ разсуждалъ, что нужно, чтобы была хозяйка въ домѣ, была бы барыня надъ дворовыми, такъ какъ мало ли во что мужчинамъ не приличествуетъ вмѣшиваться. Хотя бы до всего, что касается хозяйства отъ кладовыхъ до подваловъ и погребовъ. А барская барыня или хоть главная ключница хозяйку настоящую и законную замѣнить никогда не можетъ.

Андрей съ перваго же разговора о женитбѣ страшно возсталъ противъ брака. Это было, по его мнѣнію, итти съ воли да въ неволю, связать себя по рукамъ и ногамъ.

— Не даромъ, батюшка,—говорилъ онъ,—женитба именуется «брачныя узы». Оно узы и есть. Веревки на тѣлѣ, веревки и на шеѣ. Увольте.

И Петръ Петровичъ не настаивалъ, лишь изрѣдка въ шутку, пугалъ сына:

— Андрюша, я тебѣ невѣсту выискалъ.

Сначала сынъ пугался, но потомъ понялъ, что отецъ шутить, и отвѣчалъ:

— Выискали, такъ прикажите скорѣе мѣшокъ шить, чтобы, какъ сказывается, «въ мѣшокъ да въ воду».

Такъ прошло года четыре. За это время дѣла Лариныхъ, которыя шли всегда плохо, въ томъ смыслѣ, что Петръ Петровичъ нуждался въ деньгахъ постоянно, пошли совсѣмъ плохо.

Причиной было исключительно то несчастное обстоятельство, что Ларинъ былъ отчаянный картежникъ и проигрывалъ больше, чѣмъ выигрывалъ.

Однажды, когда молодому Андрею Петровичу было уже 26 лѣтъ, отецъ призвалъ его и объяснилъ, что онъ «уже не махонькій» и долженъ «войти во все», вникнуть и въ ихъ дѣла.

Онъ признался сыну, что у него страшные, неоплатные долги. Больше, чѣмъ стоитъ все Ларинское. Чрезъ мѣсяць ихъ имѣніе должно быть продано для уплаты долговъ, да и то не всѣхъ, а они вдвоемъ должны итти по міру.

Молодой человѣкъ былъ, конечно, страшно пораженъ. Подобное ему никогда и не мерещилось. Онъ даже не вполнѣ понималъ, что такое долги, и отецъ долженъ былъ ему объяснить.

Объяснивъ, что оба они, отецъ и сынъ, пойдутъ по міру съ сумой, Ларинъ объяснилъ, что есть средство спасенія... Онъ, Андрюша, можетъ спасти и отца и самого себя, оставаться въ Ларинскомъ и даже прикупить продающійся по сосѣдству хуторъ, который клиномъ врѣзывается въ ихъ землю.

— Какъ спасти?—воскликнулъ сынъ.

— Самымъ простымъ способомъ. Нѣтъ проще дѣла.

У Лариныхъ былъ дальній родственникъ, настолько дальній, что они даже не знали, какъ другъ другу причитаются.

— Кажется, я ему прихожусь троюроднымъ племянникомъ или внукомъ, хотя онъ и моложе меня на десять лѣтъ!—шутя заявилъ Ларинъ.

У этого родственника, одинокаго человѣка, по фамиліи Изьядинова, была лишь одна обожаемая имъ дочь, дѣвушка, уже не совсѣмъ невѣста, потому что перерѣлая, да къ тому очень, даже черезчуръ неказистая. Она считалась самой дурной во всей округѣ. Когда кого обзывали некрасивой, то говорили:

— Не многимъ лучше Кати Изьядиновой! Пожалуй, въ родѣ Изьядиновой! Хуже даже, если оное возможно, самой Изьядиновой.

Дѣвица Изьядинова была мѣстнымъ мѣриломъ некрасивости.

Понятно, почему дѣвушка, несмотря на большое состояніе отца и на то, что все, ему принадлежащее, шло ей въ приданое,—до двадцати пяти-шести лѣтъ не нашла себѣ мужа.

Всякій молодой дворянинъ, котораго сватали ей, отмахивался почти въ ужасѣ.

— Да она—парень, мужикъ въ юбкѣ!—выразился одинъ.

И это выраженіе «парень въ юбкѣ» осталось за дѣвицей, какъ прозвище.

И вотъ Ларинъ объяснилъ сыну, что если онъ женится на Екатеринѣ Изьядиновой, то ея отецъ станетъ единственнымъ его работодателемъ, уплативъ все... А затѣмъ, конечно, не только эти деньги, но все, что имѣетъ Изьядиновъ, достанется его дочери съ мужемъ послѣ его смерти.

Молодой Андрей былъ пораженъ еще пуще...

Не рѣшившись отказать отцу сразу, онъ попросилъ позволенія подумать...

И думая, онъ положительно не могъ рѣшить, что хуже: идти съ сумой нищенствовать, или жениться на Изьядиновой.

Помимо того, что дѣвица была крайне дурна собой, хотя, какъ говорили, прекрасной души, но было еще и иное, что смутило Андрея.

— Сказаться ли открыто батюшкѣ? — спрашивалъ онъ себя.

И онъ рѣшилъ исповѣдаться предъ отцемъ. Разказать то, что было извѣстно всѣмъ во всемъ Ларинскомъ, за исключеніемъ самого Петра Петровича.

Андрей признался, что не желаетъ жениться ни на комъ, такъ какъ давно въ связи съ дворовой дѣвушкой и имѣетъ уже отъ нея младенца сына, названнаго Петромъ въ его честь. Какъ же порвать съ той, безъ которой ему, конечно, «жизнь не въ жизнь» будетъ.

И отецъ былъ въ свой чередъ пораженъ открытіемъ.

«Таковое завсегда бывало, есть и будетъ въ дворянскихъ усадьбахъ. Гдѣ только и у кого только подобнаго не приключалось», — разсуждалъ Петръ Петровичъ. Но такія дѣла или обстоятельства никогда ни къ чему важному не приводятъ. Это почитается баловствомъ барчуковъ, на которое по обычаю родители должны смотрѣть сквозь пальцы.

А тутъ въ «баловскомъ случаѣ» молодого Андрея вдругъ оказалось что-то небывалое, даже невѣроятное, даже срамное. Онъ любитъ свою крѣпостную сожительницу, какъ если бъ она была и не холопка».

Петръ Петровичъ былъ такъ пораженъ, что даже захворалъ. Онъ не былъ человѣкомъ, способнымъ, какъ всѣ его друзья и пріятели, поступить съ сыномъ «по-отечески», какъ законъ Божій и людской повелѣваютъ. Иначе говоря, онъ не могъ приказать сыну выкинуть блажь изъ головы, сослать его возлюбленную въ какую нибудь дальнюю деревушку и послать сватовъ къ Изьядиновымъ, не сказавъ сыну ни слова.

Такъ, по обычаю, поступилъ бы всякій родитель.

Если бы бракосочетаніе рѣшалось самими молодыми, а не ихъ родителями, то это былъ бы свѣтъ Божій шиворотъ-навыворотъ. И тогда великое число бѣдствій постигло бы людей.

Но Ларинъ смогъ только просить и умолять сына спасти его, старика, себя самого и родовую вотчину.

Андрей, поколебавшись съ недѣлю, согласился.

— Съ однимъ условіемъ, батюшка. Коли вы согласны, посылайте сватовъ,—сказалъ онъ.

— Что же такое?

— Я буду съ ней вѣнчаться въ церкви... Она пріѣдетъ сюда... Я буду, — общаюсь предъ Богомъ, — буду съ ней ласковъ и почтителенъ, какъ бы съ матерью. Ни единого худого слова она отъ меня за всю мою жизнь не услышитъ. Косо никогда не гляну на нее, не только крикнуть... Но и ласки никакой она отъ меня никогда не увидитъ.

— И не ласкай... въ восторгѣ заявилъ отецъ.—Нечто этакое можно приказать или насильно заставить дѣлать? Исполняй только свой супружескій долгъ. А тамъ понемногу стерпится и слюбится. Станешь супругъ не по долгу, а по влеченію.

— Вотъ именно, батюшка, супругомъ ея я никогда и не буду. Только по записи храмовой буду я супругомъ, а не въ жизни,—отвѣтилъ Андрей.

Ларинъ сначала даже не понялъ сына, но затѣмъ молодой человѣкъ объяснился яснѣе, твердо и, по всей видимости, безповоротно.

Выходило: или такъ, или никакъ!

Возникъ лишь одинъ вопросъ: если будущая жена Андрея пожалуется отцу, что будетъ?.. Да ничего. Казусъ такой удивительный, что онъ даже и въ законахъ россійскихъ не упоминается. Не хочетъ мужъ быть мужемъ. Ну, и конецъ!

И Ларинъ послѣ размышленія рѣшилъ:

— Это ужъ твое дѣло. Я тебя женю, какъ подобаетъ отцу. А все иное и достальное до родителя не касается. Станетъ меня попрекать твой будущій тесть, я ему скажу, что не мое и не его дѣло въ этакое дѣло ность свой совать.

— Только смѣшно оно будетъ малость,—рѣшилъ Ларинъ.

— А другое то, что требовалось бы,—заявилъ Андрей,—хуже, чѣмъ смѣшно, тяжелѣе, горше каторги.

— Ну, не хвались. Еще не вѣдомо... Можетъ, зря пугаешь. И трехъ дѣнь ты своего обѣщанья не удержишь.

— Вотъ вамъ какъ предъ Господомъ Богомъ, батюшка,—громко и какъ-то отчаянно проговорилъ Андрей.—Единственное мое утѣшеніе, моя одна услада, что не моя любая стала моей супругой, будетъ именно этакое житіе съ этой женой законной, какъ бы съ товарищемъ. Зовутъ ее «парень въ юбкѣ», ну, вотъ парнемъ она и останется.

IX.

Бракосочетаніе состоялось. Молодая, некрасивая, но чрезвычайно добрая, ласковая и тихая Екатерина Семеновна Ларина вскорѣ была особенно любима всѣми во всей округѣ и знакомыми дворянскими семьями, стариками и молодыми, а равно и крѣпостными своими и чужими.

Молодую женщину ставили въ примѣръ всѣмъ женамъ и всѣмъ барынямъ за ея нравъ.

И всѣ удивлялись одному — кротко печальному виду молодой женщины. Она, любимая всѣми и, конечно, ужъ и мужемъ, какъ надо полагать, была какъ будто несчастлива.

Быть можетъ, причиной было сознаніе своей дурноты.

Екатерина Семеновна была дѣйствительно черезчуръ неказиста собою.

Большого роста, сильнаго, почти могучаго сложенія, широкая въ плечахъ, съ толстыми, будто мужскими руками и ногами, съ громкимъ и рѣзкимъ голосомъ, при чемъ, конечно, сильная и тяжелая, она вполне заслуживала свое прозвище «парень дѣвица». Да и не всякій парень съ деревни могъ еще съ ней потягаться, какъ внѣшнимъ видомъ, такъ и силою.

Лицемъ же Екатерина Семеновна была рѣдко дурна... Оно было круглое, мясистое, съ низкимъ лбомъ и большимъ подбородкомъ, съ очень маленькимъ носомъ, едва видимымъ между мясистыми щеками, и съ довольно большимъ ртомъ, который подъ маленькимъ носомъ казался еще больше.

Единственное, что было въ лицѣ некрасивой женщины пріятно, мило и нравилось всѣмъ, — были ея глаза, большіе, свѣтло-сѣрые, добрые... Они были задумчивы съ первыхъ лѣтъ жизни, т.-е. казались задумчивыми своимъ очертаніемъ... Послѣ замужества глаза эти стали не только дѣйствительно задумчивыми, но прямо грустными... И это уже не казалось только, а было на дѣлѣ... Все некрасивое лицо было печально. И понятно — почему. Молодая Ларина была несчастлива въ замужествѣ и несчастлива съ первыхъ дней послѣ свадьбы. На первыхъ порахъ она собралась было вернуться къ отцу или итти въ монастырь и, конечно, съ радостью тотчасъ же бросила бы домъ и мужа, который былъ подъ властью другой женщины, вдобавокъ соперницы, наложницы и... холопки.

Къ тому же барыня — дворянка походила сама на самую заскорую холопку, а холопка походила даже не на барыню, а на королеву, и, конечно, отъ этого было молодой женщинѣ еще болѣе тяжело.

Наконецъ ея положеніе отверженной и пренебрегаемой мужемъ съ перваго дня брака, если было сначала грустнымъ, то вскорѣ стало обиднымъ. Уже не любовь говорила, а заговорило самолюбіе.

Разумѣется, между отцами новоженевъ начались переговоры. Дочь пожаловалась отцу на то, что мужъ ея брезгуетъ, и что въ усадьбѣ съ вѣдома тестя живетъ холопка-наложница. И мужъ заявляетъ прямо: «какъ оно все есть, такъ и будетъ завсегда безъ перемѣны».

Изыядиновъ вступился за дочь горячо и грозился жаловаться властямъ, но отецъ молодого новожена заявилъ довольно грубо, что все приключающееся пустяковое обстоятельство и не ихъ, отцевъ, дѣло, а оглашать это обстоятельство и вмѣшивать власти— одинъ срамъ.

— Пушай они сами распутываются, какъ знаютъ,— сказалъ онъ.

И заступничество Изьядинова не привело ни къ чему.

Возвращеніе же дочери домой и положенія соломенной вдовы онъ допустить не могъ изъ самолюбія.

Однако обстоятельства вскорѣ измѣнились.

Черезъ два года послѣ брака Андрея Петровича и Екатерины Семеновны вдругъ умеръ Ларинъ. А еще черезъ полтора года ровно умеръ и Изьядиновъ, оставивъ дочери хорошее наслѣдство. Это была вотчина въ Рязанской губерніи до двухъ сотъ душъ крестьянъ, платившихъ чрезвычайно большой оброкъ, благодаря тому, что имѣніе было подъ самымъ городомъ, а крестьяне стали очень зажиточны изъ-за особаго мастерства. Всякое плетенье, въ особенности лапти, корзинки и плетушки, сотнями расходились не только по всей округѣ, но и въ сосѣднія намѣстничества.

Черезъ мѣсяца два послѣ смерти отца Екатерина Семеновна твердо рѣшилась и объявила мужу, что ѣдетъ въ свою вотчину и, по всей вѣроятности, не вернется.

Между мужемъ и женой произошло нѣсколько тихихъ и мирныхъ совѣщаній или переговоровъ.

Послѣ этого женщина рѣшила остаться съ мужемъ, но стала сразу будто чудомъ бодрѣе и веселѣе обыкновеннаго. Всѣ замѣтили удивительную перемѣну. Даже въ обращеніи съ знакомыми, съ дворовыми людьми и крестьянами барыня стала веселѣе, ласковѣе и щедрѣе.

Наоборотъ Андрей Петровичъ сталъ задумчивѣе, сумрачнѣе, былъ видимо чѣмъ-то недоволенъ и даже очень сильно.

Всѣ убѣдились наконецъ, что между супругами Ларинными нѣчто приключилось... Надо чего-то ждать?.. Но что случилось и чего ждать, конечно, никто не зналъ и догадаться не могъ.

Приключившееся было, очевидно, извѣстно только имъ двоимъ.

Прошло нѣкоторое время, и все, что чудилось дворнѣ и знакомымъ, исчезло безъ слѣда. Супруги Ларины зажили по-старому, какъ если бы ничего никогда и не бывало.

Только самый умный и дальновидный изъ всѣхъ дворовыхъ людей Кронидъ Волковъ вспоминалъ.

— Что-й-то да передрихнулось у барина съ барыней. Что-й-то да было... Было, да сплыло, и слѣдъ простылъ.

Спустя мѣсяца три, простая вѣсть, сама по себѣ совсѣмъ не удивительная, немало удивила, однако, всѣхъ обитателей Ларинскаго.

У барина Андрея Петровича было двое сыновей отъ наложницы, изъ коихъ первый умеръ, а второй уже годовалый процвѣталъ, за пять лѣтъ брачной жизни не было дѣтей отъ законной супруги, и не чаялось, конечно, что явится наслѣдникъ... Вина, конечно, была барынина, бесплодіе.

И вдругъ прошелъ слухъ, а затѣмъ было объявлено всѣмъ, что барыня «тяжела», барыня «понесла».

Черезъ годъ приблизительно со смерти Изъядинова Екатерина Семеновна разрѣшилась отъ бремени сыномъ, котораго назвали въ честь дяди Алексѣемъ.

Она была самой счастливой женщиной на свѣтѣ.

Андрей Петровичъ наоборотъ сталъ опять какъ-то угрюмѣе, а люди говорили, «будто обозленъ», и удивлялись.

Впрочемъ, вскорѣ же «злючесть» барина прошла, и все пошло на ладъ, а отъ присутствія въ домѣ «наслѣдника» молодого барина, «барчука», какъ его называли, стало будто веселѣе въ домѣ. А, можетъ быть, стало радостнѣе отъ той простой причины, что Екатерина Семеновна становилась сама все счастливѣе, а это всячески отражалось, конечно, и на всѣхъ крѣпостныхъ людяхъ.

Младенецъ «барчукъ» сталъ будто звеномъ, соединяющимъ барыню съ крѣпостными, и черезъ это звено получалось только хорошее, сыпались милости.

«Наслѣдникъ» сталъ расти, обожаемый матерью и не обижаемый, только не обожаемый отцемъ. Нѣжный къ побочному сыну, Андрей Петровичъ оставался холоденъ къ законному.

Помимо постоянныхъ, ежечасныхъ, даже ежеминутныхъ заботъ о младенцѣ сынѣ, ухода за нимъ и баловствъ на всѣ лады Екатерина Семеновна больше пристрастилась къ садоводству и плодоводству, только и думала, что о парникахъ, грунтовыхъ сараяхъ и оранжереяхъ. Поэтому день проходилъ съ сыномъ и главнымъ садовникомъ Зиновеемъ.

Едва рѣшался и былъ обсужденъ всячески какой либо вопросъ о яблоняхъ, персикахъ или пальмѣ Веницейской, и Зиновой уходилъ, какъ за нимъ бѣжалъ мальчишка и требовалъ снова къ барынѣ «строжайше скорѣючи». И Зиновой снова являлся въ барынину маленькую гостиную на цѣлый часъ и болѣе.

Графъ Е. А. Саласъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первыя впечатлѣнія бытія.

I.

ВЕРВОЕ впечатлѣніе дѣтства, сознательно и твердо оставшееся у меня въ памяти, — такое. Нянька меня держитъ на рукахъ и, тихо напѣвая, переступаетъ съ ноги на ногу. Глаза мои открыты. Надо мною колышется потолокъ. Когда няня дѣлаетъ всѣмъ корпусомъ движеніе назадъ, я однимъ глазомъ вижу лампадку и серебряную ризу образа; когда она наклоняется впередъ, — образъ исчезаетъ, я вижу верхъ окна и зеленую занавѣску. Иногда няня прерываетъ пѣніе и, взглядывая на меня, говоритъ:

— Спи, батюшка, спи!

Моя дѣтская — небольшая комнатка съ однимъ окномъ. Но чрезъ низкія деревянные ворота видна улица, извозчикъ, всегда стоящій на перекресткѣ, и фонарный столбъ: чугунный, приземистый, съ огромнымъ стекляннымъ ящикомъ и маленькимъ газовымъ пламенемъ. Противъ оконъ, чрезъ дворъ — безконечная желтая стѣна пятиэтажнаго дома. Тамъ помѣщается министерство, и туда черезъ деревянные ворота бѣгутъ въ синихъ фракахъ и фуражкахъ съ кокардами чиновники. У нихъ

подъ мышкой портфели и свертки бумагъ. По двору важно и чинно ходятъ курьеры, сторожа, пѣтухи, куры, кошки и голуби.

Домъ, гдѣ помѣщалась казенная квартира отца,—былъ небольшой деревянный флигель, выходившій на улицу, и примыкавшій къ зданію министерства путей сообщенія. Министерство помѣщалось въ частномъ домѣ, и только въ 1861 году было переведено въ специальное зданіе на Фонтанку. Деревянный флигель простоялъ потомъ, послѣ перевода министерства, еще лѣтъ двадцать, а затѣмъ на мѣстѣ его возвели продолженіе сосѣдняго дома, что выходитъ одной стороною на Забалканскій проспектъ, а другой—на Третью роту Измайловскаго полка. Помню то странное чувство, когда въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, кончающимъ ученье студентомъ, я проѣзжалъ по Третьей ротѣ, и вдругъ увидѣлъ вмѣсто того дома, гдѣ мнѣ довелось родиться и прожить первыя шесть лѣтъ,—огромную массу краснаго кирпича, воздымавшуюся темнымъ призракомъ къ небу, въ дождливомъ сумракѣ осенней ночи. Я остановилъ извозчика, вылѣзъ изъ пролетки и долго стоялъ, чѣмъ-то смущенный. Мнѣ было и досадно и больно; я упрекнулъ себя въ женскомъ сентиментализмѣ—и, когда сѣлъ снова въ экипажъ, глаза были мокры, трудно сказать, отъ дождя ли, или отъ другой причины.

Помню я кроватку краснаго дерева съ рѣшетками съ двухъ сторонъ, помню маленькій плетеный дѣтскій стуликъ и столикъ. Помню няньку, хорошенькую, молоденькую эстонку, присѣвшую на скамеечкѣ у стола и показывающую мнѣ чувствительныя нѣмецкія раскрашенныя картинки, гдѣ изображены дѣти, собирающія милостыню, дѣти, плачущія надъ могилой родителей, осѣненной ярко-изумруднымъ деревомъ. Ясно помню бордюръ обоевъ и потолка, точно сейчасъ вижу этотъ рисунокъ,—впослѣдствіи я узналъ, что онъ называется «дантикль». Помню картину, большую, вышитую шерстями моей матерью. Она изображала крестьянку, ребенка и кошку съ котятами. Картина висѣла надъ диваномъ въ гостиной, и мнѣ ее показывали въ утѣшеніе, когда я плакалъ. Но, главное, я помню тотъ тонкій неуловимый запахъ, тотъ легкій, свѣжій ароматъ, который охватывалъ меня, когда ко мнѣ подходила мать. Помню ея доброе лицо, съ пухленькими сѣрыми глазками, съ небольшимъ лбомъ, съ гладкой, по модѣ пятидесятыхъ годовъ, прической, почти неизмѣнно оставшейся у нея потомъ въ теченіе тридцати лѣтъ. Помню, какъ сидитъ она на диванѣ и тихо напѣваетъ тоненькимъ голоскомъ, а я сквозь сонъ, прижавшись къ ней, смутно ловлю слова пѣсни. Она пѣла не колыбельную пѣсню, а «По небу полуночи». Сколько разъ, слушая ее и смотря сквозь стѣкла на ночное небо, казалось мнѣ, что я видѣлъ, какъ

...и мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой...

Это былъ первый поэтический образъ, зароненный въ мою рассыпающуюся младенческую душу. Я такъ съ нимъ сроднился, такъ онъ запалъ глубоко въ меня, точно выросъ во мнѣ вмѣстѣ съ первымъ сознаниемъ. Мнѣ потомъ казалось, что гдѣ-то, во снѣ или наяву, но я видѣлъ серебристо-гуманнаго ангела, летѣвшаго по небу полуночи. Образъ этотъ былъ усиленъ еще однимъ исключительнымъ впечатлѣніемъ. Разъ отецъ меня, трехлѣтняго мальчика, подозвалъ въ сумеркахъ къ окну.

— Посмотри-ка, что на небѣ.

Я поднялъ голову, а на глубокомъ, меркнувшемъ фонѣ увидѣлъ серебристо-огненную фигуру съ хвостомъ, точно взметеннымъ вихремъ. Она сіяла высоко надъ крышами и трубами, темными силуэтами, встававшими внизу.

— Вели нянѣ тебя одѣть, выйдемъ на проспектъ, тамъ виднѣе,—сказалъ отецъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы стояли уже на углу. Въ той сторонѣ, гдѣ виднѣлся на фонѣ померкнувшаго заката тонкій шпиль Петропавловской крѣпости, разметаившись сверкала во всей красѣ комета Донати. Звѣзды какъ-то пугливо дрожали передъ ней и меркли. И вотъ два эти образа: лермонтовскаго ангела и кометы,—слились въ моемъ впечатлѣніи въ одно нераздѣльное цѣлое.

Помню первую грозу, испугавшую меня. Были тоже сумерки. Я сидѣлъ съ матерью въ нижнемъ этажѣ, въ большомъ кабинетѣ съ венеціанскимъ окномъ. Синія молніи вспыхивали долгими вспышками и ярко освѣщали мелкія полоски ея муслинъ-де-леноваго платья, въ которое я пряталъ голову при громовыхъ раскатахъ. А въ углу, на тумбѣ, выступала при молніи странная фигура въ разстегнутомъ сюртукѣ, въ трехугольной шляпѣ, со скрещенными на груди руками.

— Мама, кто это?

— Это Наполеонъ, императоръ французовъ.

— А зачѣмъ онъ здѣсь?

— Потому что онъ великій человекъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ онъ пришелъ съ огромнымъ войскомъ и сжегъ Москву. А потомъ сдѣлалось такъ холодно, что онъ долженъ былъ убѣжать. Ты помнишь дѣдушку, у котораго мы полтора года назадъ въ деревнѣ были? Нѣтъ, конечно, не помнишь — ты очень малъ былъ. У дѣдушки нога контужена и сильные ревматизмы. Ему контузили ногу ядромъ въ Бородинскомъ сраженіи. Онъ сражался противъ Наполеона.

— Вотъ противъ этого самаго?

— Да.

Молніа вспыхиваетъ, но громъ уже тише. Человекъ въ треугольной шляпѣ мрачно смотритъ на дочь и внука того, кто осмѣлился противъ него сражаться.

— Мама, расскажи чтонибудь про Наполеона.

Мать начинает длинный рассказъ о Москвѣ, о пожарѣ, о томъ, какъ бѣжали французы, какъ они мерзли, завернутые въ тряпье. Потомъ она говоритъ, какъ увезли непобѣдимаго полководца на островъ святой Елены. Потомъ опять переходитъ на своего любимаго Лермонтова и окутываетъ фантазію ребенка воздушнымъ туманомъ его поэзіи:

...По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ облакахъ...

Я трехъ четвертей того, что она читаетъ, не понимаю, но смутно чувствую музыку стиха и ласковое трепетаніе риѣмъ, словно опять летитъ ангелъ...

— Значитъ, мама, и тотъ чугунный человѣкъ, что сидитъ верхомъ на стулѣ у папы на письменномъ столѣ, поверхъ бумагъ, тоже Наполеонъ? У него такая же шляпа?

— Тоже—Наполеонъ.

Я смотрю на шляпу, и мнѣ она напоминаетъ тѣ грибные пирожки, которые называются ушками.

Впослѣдствіи присоединилось къ этимъ впечатлѣніямъ еще одно, когда я узналъ дѣда. Дѣдъ натиралъ себѣ ногу пахучимъ коричневымъ спиртомъ. Его пряный, пріятный запахъ я чувствую до сихъ поръ, и могъ бы узнать его изъ сотенъ другихъ запаховъ. Этотъ запахъ неразрывно слился съ представленіемъ о его контуженной ногѣ, и о Бородинской битвѣ, и о Наполеонѣ, и сталъ для меня неразлучнымъ атрибутомъ великаго полководца.

— Мама, а дѣдушка видѣлъ Наполеона?

— Должно быть, видѣлъ. Знаю, что онъ видѣлъ маршала Даву.

Я не знаю, кто такой маршалъ Даву, но мнѣ пріятно, что его видѣлъ мой дѣдъ, и потому я проникаюсь къ нимъ обоимъ благоговѣйнымъ удивленіемъ.

II.

У матери на этажеркѣ лежатъ книги: очень толстыя и большія, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется, и маленькія, тоже толстенкія. Когда меня хотятъ занять, показываютъ въ этихъ книгахъ картинки. Въ толстыхъ книгахъ изображены портреты больше мужчинъ, а въ маленькихъ — хорошенькихъ дамъ; мужчины всѣ растрепанные, съ височками и коками, въ высокихъ галстукахъ. Дамы всѣ съ открытыми плечиками и вывернутыми шеями. Показывая портреты мужчинъ, мать говоритъ:

— Видишь этого старичка съ густыми бровями? Это Крыловъ, тотъ, что написалъ «Попрыгунью Стрекозу». Вотъ будетъ теплѣе, съвѣдимъ съ тобой въ Лѣтній садъ. Тамъ недавно поставили ему

памятникъ. А вотъ этотъ курчавый—Пушкинъ, тотъ, что написалъ «Птичку Божію»,—вотъ что ты училъ недавно.

Въ маленькихъ книжкахъ есть престранныя картинки. Тамъ нарисованы бабушка и внучка, спящія въ постеляхъ. Бабушка сладко улыбается, она видитъ сонъ, что тутъ же проступаетъ надъ ея изголовьемъ на стѣнѣ: видитъ себя молодой, въ фижмахъ, и какой-то пудренный франтъ цѣлуетъ ея руку; а внучка — та совсѣмъ съезжилась, перепугалась: она видитъ во снѣ рыцаря, который ее похитилъ. Они мчатся на конѣ съ огненными глазами черезъ кладбище; изъ ноздрей коня пышетъ тоже огонь. Часы, что висятъ на стѣнѣ, точно испугались этого сна, и маятникъ съ такимъ размахомъ отклонился въ сторону, что, кажется, вотъ, вотъ самыя часы полетятъ на полъ и разсыплются вдребезги.

— Это рисоваль Брюлловъ,—поучаетъ моя мать.—Когда ты будешь побольше, мы поѣдемъ съ тобой въ Эрмитажъ, и тамъ ты увидишь страшную его картину, еще страшнѣе этой.

Я смотрю на бабушку и внучку, и думаю:

— Чего же еще-то страшнѣе!

Въ одной изъ маленькихъ книжекъ изображенъ Петръ Великій. Онъ меня не менѣе интересуеетъ, чѣмъ Наполеонъ, особенно потому, что рассказываетъ о немъ мать. Такой онъ былъ большой, такой умный, такъ скакалъ передъ войсками, у него былъ арапъ, и онъ отодралъ Мазепу за усы. Свѣдѣнія объ этомъ моя мать почерпнула больше изъ Пушкина, чѣмъ изъ исторіи, но для меня этого было совершенно достаточно. Я былъ очень радъ, что живу именно въ томъ городѣ, что основалъ этотъ царь, и даже назвалъ его своимъ именемъ. Отецъ возилъ меня къ сенату и показывалъ мнѣ самого Петра. Я сперва поинтересовался узнать, гдѣ его шляпа, но, такъ какъ удовлетворительнаго отвѣта мнѣ не дали, я спросилъ, гдѣ у него сапоги и галстукъ. На это отецъ мнѣ определеннаго отвѣта даже не далъ, и я пріѣхалъ домой разочарованнымъ.

Ясное лѣто, солнечные дни я вспоминаю въ окрестностяхъ Петербурга, по Петергофской дорогѣ, гдѣ въ моемъ дѣтствѣ мы каждый годъ жили на дачѣ. Отецъ боялся отпускать меня во Владимиръ къ дѣду, считая, что я слишкомъ малъ, чтобъ выдержать переѣздъ на лошадахъ въ двѣсти верстъ отъ Москвы, — Нижегородской желѣзной дороги тогда не было. Помню я поля, снопы и линіи рельсъ, по которымъ часто бѣжали поѣзда. Мы ѣздили на дачу на извозчикахъ, настолько она была недалеко отъ триумфальныхъ воротъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я заглянулъ туда. До чего въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій перемѣнилась эта мѣстность! Въмѣсто барскихъ дачъ, садовъ, чистенькихъ домиковъ, теперь тянется рядъ лавокъ, складовъ, портерныхъ. Вездѣ грязь,—пахнетъ фабричнымъ пригородомъ. Хотя были будни, но по шоссе ходили группы пьяныхъ, и городской призывалъ ихъ къ порядку

довольно первосбытнымъ способомъ. Уголокъ этотъ заглохъ и загаженъ. Но тогда онъ пользовался любовью тѣхъ горожанъ, которымъ ежедневно надо было бывать въ городѣ. Это было ближе и Новой и Старой деревни, ближе Крестовскаго и Мурина. Кто былъ побѣднѣе,—ютился близъ Тентелевой деревни. Чиновники старались жить поближе къ морю, чтобъ было гдѣ покупаться, а осенью пострѣлять. Не подалеку былъ превосходный Екатерингофскій паркъ, уже начавшій гложнуть. Шоссе было чистенькое, выложенное, какъ въ Царскомъ или Павловскѣ.

При нашей дачѣ былъ садъ съ калиткой прямо въ поле. Каждый день вмѣстѣ съ матерью проходилъ я этой калиткой; мы выходили на узкую тропинку, которая шла сперва между грядъ, а потомъ переходила въ небольшое хлѣбное поле. Не знаю, кому принадлежала эта миниатюрная нива,—знаю, что ея теперь нѣтъ,—но она дорога мнѣ тѣмъ, что здѣсь, сидя на межѣ, я слушалъ сухой шелестъ колосьевъ, рвалъ васильки и скабіозы, смотрѣлъ, какъ по рукѣ ползла та красненькая божья коровка съ семью точками, что называютъ ученые кокцинеліей; слушалъ, какъ трещатъ цикады, наблюдалъ, какъ перелетаетъ перепелъ. Въ первый разъ я увидѣлъ здѣсь снопы,—и жалко мнѣ было густой ржи, — а мать меня утѣшала только тѣмъ, что, если бъ не срѣзать этихъ колосьевъ, такъ не было бы у насъ и хлѣба.

Ясно помню ту же дѣтскую мою кровать и здѣсь, и ея кисейный пологъ, и мухъ, жужжавшихъ и бившихся о кисею, и бросающихъ на ея прозрачную ткань туманныя перелетающія тѣни. Помню страхъ отъ летучей мыши, занесшейся на огонь и метавшейся подъ потолкомъ. Ее поймали, посадили въ банку, и на другой день она безпомощно, ослѣпленная дневнымъ свѣтомъ, скользила по стеклу и шевелила своими тоненькими перепонками, словно сдѣланными изъ прозрачной гуттаперчи.

Каждый день отецъ пріѣзжалъ изъ города, въ форменной фуражкѣ съ кокардой и—если былъ дождь—въ шинели съ кашпономъ. Каждый день онъ привозилъ изъ города какихъ нибудь сластей, ягодъ, фруктовъ, иногда игрушекъ, и потому пріѣздъ его было ежедневнымъ праздникомъ. Аккуратно въ восемь часовъ онъ уѣзжалъ, а къ четверемъ былъ къ обѣду дома. Если онъ, задержанный дѣлами, оставался въ городѣ ночевать, я капризничалъ и не хотѣлъ ложиться. Не знаю, что мною руководило: любовь къ отцу, или разочорованіе въ томъ, что не привезли ожидаемыхъ ягодъ.

Несмотря на то, что мы жили такъ, какъ жилъ чиновничій петербургскій кругъ,—слѣды минувшаго помѣщичьяго быта еще ярко чувствовались на всемъ. Домъ былъ открытъ всегда для всѣхъ съ утра до ночи, и сослуживцы отца, какъ саранча, поѣдали запасы изъ кладовой. А запасовъ всегда было много. Мать варивала

варенье пудами. Солили сами и грибы, и огурцы. Отецъ дѣлалъ ведеръ пять наливки, и, какъ хохолъ, умѣлъ это сдѣлать на славу. Горничная была еще изъ крѣпостныхъ, и хотя давно была отпущена на волю, но сохраняла всѣ привычки крѣпостной: была предана, груба и воровала казенныя министерскія сальныя свѣчи. Она дана была матери «въ приданое» вмѣстѣ съ цѣлою деревней, которую на второй же годъ послѣ свадьбы мой отецъ, къ ужасу матери, проигралъ въ карты.

Отецъ былъ инженеръ и строилъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ шоссе, соединяющее Москву съ Рязанью. Родомъ онъ былъ изъ Кременчуга, гдѣ въ предмѣстьѣ его хуторъ Котельва являлся центральнымъ гнѣздомъ нашей фамиліи. Фамилія наша была двойная: Гнѣдичъ-Паскевичъ. До конца XVIII столѣтія Паскевичъ еще удерживается въ фамиліи дѣда, а затѣмъ отпадаетъ. Въ архивѣ Лейпцигскаго университета дѣдъ мой всюду носитъ двойную фамилію и именуется Gniditsch-Paskewitsch Pultawiensis (изъ Полтавы). Старый нашъ гербъ украшенъ византійскимъ шлемомъ, а подкова, стрѣла и мечъ, помѣщенные на щитѣ, указываютъ на принадлежность предковъ къ византійской конницѣ. Такъ или иначе, но предки наши переселились когда-то на Украину, и, вѣроятно, очень мало заботились о фамильномъ архивѣ, такъ какъ семейныя бумаги, имѣющіяся у меня въ рукахъ, не заходятъ выше XVIII столѣтія. По нимъ вырисовывается энергичная фигура моего дѣда Петра Петровича (отмѣченнаго въ словарѣ Венгерова писателемъ-медикомъ ¹⁾), оставляющаго совсѣмъ молодымъ человекомъ службу при сенатѣ и отправляющагося въ 1773 году въ Малороссію, вѣроятно, для полученія отъ родителей позволенія и средствъ на поѣздку за границу для окончанія образованія. Черезъ два года онъ уже поступаетъ на медицинскій факультетъ Лейпцигскаго университета. Затѣмъ онъ оканчиваетъ курсъ, получаетъ дипломъ и является въ 1782 году въ кіевскомъ округѣ врачомъ, гдѣ проявляетъ усиленную дѣятельность въ борьбѣ съ эпидеміями, за что получаетъ благодарность отъ соответствующихъ властей. Женатый на Пономаревой, онъ дѣлается отцомъ многочисленнаго семейства, въ которомъ отецъ мой, родившійся въ 1813 году, былъ младшимъ. Двоюродные братья дѣда—Паскевичи, шли съ начала столѣтія въ гору, и карьера ихъ блистательно завершилась придачей къ ихъ фамиліи «Эриванскихъ». Съ этихъ поръ родственныя отношенія Гнѣдичей и Паскевичей слабѣютъ и обрываются. Тетка моя, Екатерина Петровна Татарінова, бывшая замужемъ за томскимъ губернаторомъ, писала моему дядѣ Алексѣю: «теперь ихъ рукой не достать, — на насъ, прежнихъ родственниковъ, ужъ и смотрѣтъ они не хотятъ». Въ гомельскомъ архивѣ Паске-

¹⁾ «Источн. слов. русскихъ писателей», т. I, стр. 782. Ссылка на Змѣова.

вичей, вѣроятно, сохранилась переписка князей съ Гнѣдичами и Татариновыми. Связь Паскевичей съ Литвой чисто эфемерная, и свѣдѣнія о томъ, что Паскевичи идутъ изъ литовской шляхты, ни на чемъ не основаны. Я полагаю, что метрическія церковныя книги Кременчуга конца XVIII и начала XIX вѣка дадутъ на этотъ счетъ болѣе точныя свѣдѣнія.

Отецъ, какъ я уже сказалъ, былъ младшимъ въ семьѣ. Вскорѣ послѣ его рожденія дѣдъ умеръ, и этимъ надо объяснить меньшую заботу о его воспитаніи, чѣмъ старшихъ дѣтей. Старшіе братья воспитывались въ Царскосельскомъ лицѣѣ, а маленькаго Петю свезли въ Петербургъ, отдали на руки старшей замужней сестрѣ и даже не позаботились о его документахъ, которые куда-то запропастились, чуть ли не сгорѣли,—и только съ большимъ трудомъ ему удалось поступить въ институтъ путей сообщенія, который былъ тогда закрытымъ учебнымъ заведеніемъ, и гдѣ воспитанникамъ не давали еще чая, а поили сбитнемъ. Окончивъ курсъ, какъ я говорилъ уже выше, онъ былъ назначенъ въ строительный отрядъ, и сперва въ Рязани, а затѣмъ въ Владимирѣ завѣдывалъ дистанціями. Здѣсь онъ познакомился съ семействомъ мѣстнаго помѣщика, отставного поручика Смоленскаго, женился на старшей его дочери, былъ назначенъ для постройки дорогъ въ Якутскъ, но не захотѣлъ туда ѣхать, снялъ путейскій мундиръ, перешелъ въ гражданское вѣдомство и переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ я и родился, спустя уже лѣтъ пять по ихъ пріѣздѣ.

III.

Въ кабинетѣ отца, надъ письменнымъ столомъ, висѣлъ его акварельный портретъ работы Бабаева, въ путейской формѣ. Теперь этотъ портретъ въ музеѣ императора Александра III ¹⁾. Съ широкимъ носомъ и лбомъ, съ глазами на выкатѣ и черными волосами, онъ представлялъ собою рѣзкій типъ южанина. На портретѣ онъ изображенъ бритымъ, но я его уже помню съ бакенбардами по модѣ пятидесятыхъ годовъ, съ проборомъ на боку, височками и въ синемъ форменномъ сюртукѣ. Теперь эти типы по традиціи очень точно изображаются нашими артистами въ пьесахъ Островскаго и Сухова-Кобылина. Воротнички рубашки съ острыми накрахмаленными концами, атласный галстукъ, крахмаленная грудь

¹⁾ Бабаевъ былъ тоже нашъ родственникъ. Окончивъ академію по классу баталистовъ, онъ получилъ отъ государя Николая Павловича заказъ по написанію эпизодовъ завоеванія Кавказа. Первые работы не удостоились одобренія, такъ какъ въ нихъ было «слишкомъ много русской крови». Дальнѣйшій заказъ у Бабаева былъ отобранъ, его выслали изъ Петербурга, и онъ дожилъ жизнь у себя въ деревнѣ едва ли въ нормальномъ состояніи. Акварель, находящаяся въ музеѣ, обличаетъ въ немъ недюжиннаго портретиста.

въ мелкихъ сборкахъ, плотно приглаженныхъ, фуражка съ кокардой, бархатный воротникъ, пробритые усы и подбородокъ—вотъ типичная фигура чиновника того времени. Карикатуристъ Степановъ превосходно схватывалъ ихъ характеръ, и въ «Искрѣ» 1855—1865 годовъ есть цѣлая чиновничья галлерея петербургскихъ типовъ.

Должность отца заключалась не только въ службѣ по департаменту, но и въ частыхъ разъѣздахъ по городу. Ему приходилось по дѣламъ то и дѣло ѣздить то въ почтамты, то въ сенатъ, то въ банкъ, то въ министерство финансовъ, то въ таможену. Когда я настолько подросъ, что безъ боязни простуды меня можно было три—четыре часа продержатъ на улицѣ, отецъ, вопреки протестамъ матери, всюду возилъ меня съ собою, конечно, если не было сильного мороза. Вставали мы часовъ въ восемь, при свѣчахъ. Въ столовой носился удивительный ароматъ рома, который всегда въ количествѣ двухъ ложечекъ клалъ себѣ въ стаканъ отецъ. Газетъ по утрамъ тогда не было, и «Сѣверную Почту» почтальонъ подавалъ послѣ полудня. Отецъ просматривалъ какія-то бумаги, принесенныя писаремъ, что-то подписывалъ; затѣмъ меня укутывали въ тулупчикъ, и мы выходили на крыльцо. Утренній сѣрый зимній туманъ прозрачнымъ тюлемъ лежалъ надъ городомъ. Улицы казались шире, и уходили куда-то въ молочный безпросвѣтлый хаосъ. Когда ѣхали мимо Исаакія,—былъ виденъ только его низъ. Чѣмъ выше шли колонны, тѣмъ болѣе терялись ихъ очертанія и наконецъ пропадали гдѣ-то въ зыбучихъ сѣрыхъ волнахъ. На Невѣ, за гранитнымъ парапетомъ, ничего не было видно, кромѣ бѣлесоватой клубящейся мглы, точно это былъ конецъ міра, тамъ шель обрывъ—и какая-то невѣдомая снѣжная бездна. Иногда туманъ прояснялся, и на льду показывался островерхій самоѣдскій чумъ. Рогатые олени бродили у саней, и закутанный по-бабьи старикъ зазывалъ желающихъ прокатиться. Я помню, отецъ нанималъ его иногда, но не ѣздить по кругу, а свезти на другую сторону Невы, а одинъ разъ—даже къ Горному корпусу, при чемъ насъ два раза вывалили и чуть не потопили въ полыньѣ.

Мать приходила въ негодование отъ такихъ приключеній, но я всегда съ восхищеніемъ ѣхалъ съ отцомъ. Все было интересно. Уйдетъ онъ въ министерство, меня оставитъ въ саняхъ. Я сижу и смотрю, какъ бойко движется жизнь, ѣдутъ, идутъ, кричатъ, бѣгутъ. Дамы въ капорахъ, салопахъ, ротондахъ и кринолинахъ; мужчины въ цилиндрахъ, бекешахъ, шубахъ и плащахъ. Лѣтомъ иногда прокатятся дрожки, именовавшіяся тогда «гитарой», на которыхъ мужчины сидѣли верхомъ, а дамы бокомъ. Если отецъ бралъ меня съ собою, и тутъ всюду являлся несомнѣнный интересъ. Въ душной, пропитанной запахомъ сургуча комнатѣ сидѣли чиновники и скрипѣли гусиными перьями, склонивъ головы на бокъ и слегка высунувъ языкъ, что, очевидно, помогало писанію. Я ви-

дѣлъ, какъ они пересмѣивались между собою, пили чай, дерзко смотрѣли на проходящихъ, грубили всѣмъ, кому можно было грубить, и заставляли по цѣлымъ часамъ сидѣть просителей. Мнѣ было пріятно видѣть, что отцу всѣ справки наводили тотчасъ, потому что онъ былъ «свой братъ» и пріѣзжалъ изъ другого министерства, и какъ старушки и офицеры ждали, пока чиновники кончатъ свои анекдоты и соблаговолятъ удостоить ихъ милостиваго вниманія. Я смотрѣлъ на зеленыхъ курьеровъ, отъ которыхъ несло водкой и лукомъ, и видѣлъ въ нихъ родныхъ братьевъ тѣмъ, къ которымъ я привыкъ съ дѣтства. Я видѣлъ, какъ торжественно проходилъ черезъ комнату лысый господинъ съ тремя звѣздами, и какъ ему всѣ низко кланялись, и какъ отецъ подходилъ къ нему рысцою, и какъ они скрывались за дубовыми дверьми кабинета, откуда потомъ слышались нетерпѣливые звонки, и куда опрометью бѣжали экзекуторы и столоначальники, причесываясь на ходу и даже слегка крестя себѣ животъ передъ дверью.

Отецъ зналъ Петербургъ хорошо, потому что жилъ въ немъ съ пяти лѣтъ до выпуска изъ института и затѣмъ, по возвращеніи, съ 1849 года никуда не выѣзжалъ. Поэтому у него съ каждой улицей, съ каждымъ перекресткомъ связаны были воспоминанія. Ёдемъ по Фонтанкѣ мимо Лѣтняго сада, онъ покажетъ на старыи каменный домъ стройки екатерининскаго времени.

— Видишь эти окна, вотъ я здѣсь жилъ во время наводненія 24-го года. Вода была выше рѣшетокъ, и вотъ здѣсь плыли лошади, коровы, кровати, сундуки. Я смотрѣлъ вонъ оттуда изъ того окна.

Я внимательно смотрѣлъ на окно, и мнѣ казалось, что я самъ вижу наводненіе.

Ёдемъ на Петербургской сторонѣ мимо Петровской старой церкви, онъ показываетъ мнѣ на угловой домикъ съ балкономъ.

— Вотъ мы здѣсь тоже жили послѣ 26-го года. Разъ утромъ рано будить меня лакей: «баринъ, вставайте, передъ нашимъ домомъ людей вѣшаютъ. Слышите барабанъ?» Я наскоро одѣлся, бѣгу въ гостиную: тетка лежитъ въ обморокѣ, вокругъ горничныя суетятся, дядя блѣдный, насупленный. «Тебѣ, кричить, что надо?— вонъ!» Я бросился прочь... А потомъ все-таки къ другому окну подбѣжалъ: вотъ здѣсь, на этой площади, было пять висѣлицъ. Двое знакомыхъ нашихъ было изъ повѣшенныхъ—Рылѣевъ бывалъ у насъ и Кюхельбекеръ...

Ёдемъ черезъ Сѣнную—отецъ показываетъ:

— А здѣсь бунтъ холерный былъ. Вотъ тутъ у церкви Николай Павловичъ говорилъ къ народу. Онъ четверикомъ прискакалъ изъ Петергофа. Я тебѣ покажу на его памятникѣ барельефъ: тамъ изображена эта сцена.

И мы ѣхали на Николаевскую площадь, вылѣзали изъ саней и смотрѣли занесенный снѣгомъ барельефъ, изображающій царя въ народной толпѣ.

Иногда отцу вдругъ вздумается показать мнѣ, какъ разводить Николаевскій мостъ, которымъ онъ отъ души восхищался, какъ инженеръ. Но такъ какъ это практиковалось ночью, то кончилось тѣмъ, что онъ повезъ меня въ музей института путей сообщенія, гдѣ стояла модель разводной части, и тамъ показалъ мнѣ, вертя колесо, какъ «геніально-просто», по его словамъ, все это было устроено.

IV.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что я къ шести годамъ зналъ Петербургъ, какъ любой старожиль-извозчикъ. Мы исколесили его взадъ и впередъ по всѣмъ направленіямъ. То ѣхали на дачу графа Кушелева-Безбородка, что противъ Смольнаго, то отправлялись къ Смоленскому кладбищу, то смотрѣли фонтанъ артезіанскаго колодца на новыхъ мѣстахъ въ Измайловскомъ полку, то заѣзжали на вокзалъ царскосельской дороги, и отецъ объяснялъ мнѣ устройство паровоза, и дома чертилъ его.

Уличная жизнь Петербурга того времени было гораздо мертвѣе нынѣшней: не было конножелѣзныхъ дорогъ, меньше было своихъ экипажей, извозчики были еще оборваннѣе нынѣшнихъ,—на стоячихъ рессорахъ, съ узкимъ сидѣньемъ. Было меньше садовъ, такъ какъ при императорѣ Николаѣ ихъ по мѣрѣ возможности упразднили. Въ то же время Петербургъ только что пережилъ эпоху николаевской строительной горячки. Только что вознеслись въ Петербургѣ такія сооруженія, какъ Исаакій, Николаевскій мостъ. Уже на моей памяти оканчивалась перестройка старинныхъ екатерининскихъ подъемныхъ мостовъ черезъ Фонтанку. Теперь осталось ихъ только два прежняго типа: Калинкинъ и Чернышевъ, съ четырьмя гранитными башнями, цѣпями и подъемной средней частью. А въ концѣ пятидесятихъ годовъ всѣ, кромѣ Цѣпныхъ и Аничкина, были такіе. Вообще Фонтанка, особенно въ нижнемъ своемъ теченіи, менѣе измѣнила свой характеръ, чѣмъ какая иная часть города. Ея лѣвый берегъ: отъ Обуховскаго до Измайловскаго моста совершенно такой же, какимъ былъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ. такой же деревянный заборъ безконечнаго Константиновскаго училища, тотъ же домъ Тарасова съ претензіей на итальянскій ренессансъ, та же римская католическая collegія, въ одномъ изъ флигелей которой жилъ когда-то Гаврила Державинъ, наконецъ, то же облупленное зданіе казармъ Измайловскаго полка. И цвѣта остались тѣ же домовъ, только ворота увеселительнаго сада опереточнаго вертепика замѣнили прежній скромный ходъ въ нѣмецкій клубъ, гдѣ въ то время за скандалъ брали съ гостей по

такъ три рубля,—да вмѣсто каменной булыжной мостовой теперь тянется гладкая торцовая. Неизмѣнившійся видъ имѣеть и театральная улица съ двумя симметричными колоннадами, выкрашенными въ охру, и съ необычайнымъ Александринскимъ театромъ, вмѣщающимъ въ своихъ шести ярусахъ зрителей больше, чѣмъ въ Большомъ московскомъ театрѣ. Неизмѣннымъ оставался и Невскій отъ Полицейскаго до Адмиралтейства, до послѣднихъ лѣтъ, когда перестроили огромный домъ на углу Малой Морской. Зато какая необычайная разница—Невскій теперь отъ Николаевской улицы къ Знаменью и Невскій полстолѣтія назадъ. На мѣстѣ теперешней Пушкинской улицы были сплошные огороды. По солнечной сторонѣ Невскаго тянулись небольшіе двухэтажные желтенькіе дома съ экипажными магазинами. А дальше, за зданіемъ пожарной части, шли пустыри, прерываемые жалкими строеніями—вылоть до лавры. Къ остаткамъ этой первобытной архитектуры принадлежатъ тѣ ряды лавокъ—низенькихъ, темныхъ, подъ каменными аркадами, что видны возлѣ Дегтярной, отъ которыхъ вѣетъ XVIII вѣкомъ.

Сильно перемѣнился и Забалканскій проспектъ, называвшійся прежде Большимъ Царскосельскимъ, а еще раньше—Обуховскимъ. Тутъ тоже, начиная отъ Седьмой роты до Обводнаго канала, были тогда сплошные огороды. Проспектъ былъ шоссированный, потому что велъ къ Московской заставѣ. До сихъ поръ, какъ старые столбы этого тракта, стоятъ оригинальные столбы, указывающіе поперстное разстояніе отъ почтамта. Одинъ такой находится у Обухова моста, другой—у Седьмой роты. Снизу они гранитные, а верхъ у нихъ деревянный, выкрашенный въ малиновую, порыжѣлую краску. Зато Семеновскій полкъ мало измѣнился: въ старыхъ Можайскихъ и Серпуховскихъ улицахъ до сихъ поръ подгниваютъ крохотные деревянные домики, совсѣмъ вросшіе въ землю, покрившіеся на одинъ бокъ, съ мезониномъ и миниатюрнымъ палисадникомъ. Они усердно подмазаны и подкрашены, но выдаютъ свои почтенные годы, несмотря на это прихорашиванье. Инымъ изъ нихъ лѣтъ по сту не менѣе. Я помню ихъ сорокъ лѣтъ назадъ такими же жалкими, дряхлѣющими. У многихъ окна совсѣмъ вросли въ землю, и весною, когда въ палисадникѣ таетъ вода, она пробирается сквозь окна въ жилища. Все это были когда-то собственные дома, по преимуществу чиновниковъ. Тутъ они держали свое хозяйство, куръ, индюшекъ, даже свиней и коровъ; ходили изъ дома въ халатѣ въ баню,—и еще на моей памяти въ Семеновскомъ полку можно было встрѣтить небритаго отставнаго чиновника, въ неизмѣнной фуражкѣ съ кокардой, съ узелкомъ бѣлья подъ мышкой, въ вытертомъ бухарскомъ халатѣ и съ вѣникомъ въ красныхъ, распаренныхъ рукахъ. Теперь въ этихъ домикахъ живутъ жалкіе жильцы: сапожники, лудильщики, портные, коробочники.

На радужныхъ стеклахъ оконъ вмѣсто вывѣски наклеено вырѣзанное изъ бумаги изображеніе башмака или ножницъ. Печальное состояніе домовъ скрадывается густою зеленью вокругъ. Какъ и вездѣ въ Петербургѣ, здѣсь деревья принимаютъ, благодаря влажности воздуха, огромные размѣры, и что ни посади — акацію, березу, липу или кленъ, — все растеть и тянется во всѣ стороны неудержимо. Москвичи послѣ своихъ чахлыхъ бульваровъ удивляются, увидѣвъ у насъ на Литейной густо-лиственный вѣсковой лѣсъ Шереметевского сада или паркъ, что при музеѣ Александра III — въ самомъ центрѣ города: такія пространства съ деревьями можно встрѣтить только въ лондонскихъ паркахъ.

Къ числу характерныхъ подробностей стараго Петербурга принадлежали и приземистые желтые домики для городскихъ, разбросанные по всему городу. Иногда они стояли въ самой кипени уличной сутолоки: напримѣръ, у Пяти угловъ на Загородномъ проспектѣ. Въ крохотной каморкѣ ютилось два уличныхъ стража съ своими семьями, ребятишками, собаками и котами. Сквозь миниатюрное окошко, при свѣтѣ сальнаго огарка, можно было по вечерамъ видѣть, какъ въ смрадной полумглѣ копошились человѣческія полуодѣтыя фигуры — усатыя, грудастыя, силуэтами проступавшія на фонѣ топившейся русской печи, необъяснимымъ чудомъ втиснутой туда же, въ эту всеобъемлющую каморку. Иногда тамъ гѣла гармоника, иногда на столѣ стоялъ маленькій дѣтскій гробикъ. Но дымъ всегда шелъ изъ дымовой трубы, потому что дровъ не жалѣли, и къ задней стѣнкѣ домика всегда была прислонена очередная сажень.

И вывѣски того времени, конечно, отзывали варварствомъ. И до сихъ поръ у насъ пристрастіе къ огромнымъ желѣзнымъ листамъ, на которыхъ рисуютъ барановъ, похожихъ на цвѣтную капусту, и капусту, похожую на ангорскую кошку. Но полстолѣтія назадъ нерѣдко были вывѣски съ изображеніемъ усатаго нафабреннаго франта въ коричневыхъ панталонахъ, синемъ фракѣ, бѣломъ жилетѣ и красномъ галстукѣ, держащаго въ рукѣ огромный тазъ, въ который била высокимъ фонтаномъ кровь изъ руки дѣвицы, одѣтой въ подвѣчное платье. Надъ этимъ изображеніемъ красовалась надпись: «Парикмахеръ. Уборка дамъ. Отворяють кровь. Атакже пивки». Рѣдкая лавка обходилась безъ картинки у дверей. Надписи не отличались грамотностью даже на официальныхъ учрежденіяхъ. На Васильевскомъ островѣ, въ одной изъ линий тянулась черезъ весь домъ вывѣска «Пріютъ для престарѣлыхъ вдовъ и дѣтей», а въ Александринскомъ театрѣ надъ входомъ въ партеръ была прибита дощечка «Въходъ вкресла». Даже на Чернышевской площади, у подѣзда была прибита вывѣсочка: «входъ въ церковь министерства народнаго просвѣщенія».

V.

Однимъ изъ самыхъ яркихъ остатковъ старины былъ «Апраксинъ дворъ», огромный четырехугольникъ, лежащій между Фонтанкой, Апраксинымъ переулкомъ, Садовой и Чернышевымъ переулкомъ. Это была груда смрада, заразы, хлама, тряпья и грязи, скопившихся за полтора столѣтїя. Это былъ притонъ воровства, грабежа и даже убійства. Въ темныхъ лавченкахъ, куда заманивались покупатели, ихъ обирали, иногда избивали. Величайшимъ благодарѣніемъ для города была катастрофа, когда въ одинъ прекрасный день это гнусное гнѣздо сгорѣло до тла.

Я хорошо помню этотъ пожаръ. Мы были въ гостяхъ на Крестовскомъ островѣ, когда прїѣхавшій изъ города сослуживецъ сообщилъ, что «Петербургъ горитъ съ четырехъ сторонъ». Это былъ періодъ пресловутыхъ петербургскихъ, пожаровъ; населеніемъ овладѣла паника, и многіе держали наготовѣ узлы и шкатулки, на случай поджога. Мать переполошилась и собралась немедленно въ городъ. Отецъ остался на дачѣ вице-директора: они вторые сутки не вставая играли въ преферансъ. Мы съ матерью сѣли на маленькій пароходикъ—еще меньшій, чѣмъ тѣ, что теперь бѣгаютъ по Невѣ, и помчались вверхъ по теченію. Публики было много, несмотря на то, что былъ праздникъ—Духовъ день, всѣ бѣжали съ дачъ въ городъ.

Бурое пятно дыма стлалось по небу, и чѣмъ ближе мы подходили къ Большой Невѣ, тѣмъ гуще и мрачнѣе становились клубы. На каланчахъ трепетали по вѣтру красный и бѣлый флаги, и три шара чернѣли на другой сторонѣ. Когда пароходъ вынырнулъ изъ-подъ Самсоньевскаго моста и повернулъ къ Лѣтнему саду, всѣ поняли, какіе размѣры принялъ пожаръ: изъ-за деревьевъ неслись и сизые, и красные, и сѣрые клубы. Несмотря на солнце, въ ихъ глубинѣ можно было различить огненные галки, поднятыя вихремъ пламени. Многіе стали креститься, и едва подошелъ пароходъ къ пристани, всѣ кинулись, чуть не падая въ воду, на берегъ.

Когда мы выбрались съ матерью, которая не могла быстро двигаться, потому что была въ необъятномъ криволинѣ, на гранитную набережную, всѣ извозчики уже были расхвачаны, и набережная казалась совершенно пустынной. Приходилось итти пѣшкомъ. Мы направились по Большой Садовой. Тутъ уже было замѣтно усиленное движеніе. Народъ съ смутнымъ говоромъ спѣшилъ куда-то, всѣ шли въ одну сторону, у всѣхъ лица были возбуждены, не слышалось ни смѣха, ни брани. Солнце еще было высоко и сіяло веселымъ майскимъ блескомъ, но лучи его не проникали въ городъ,—сквозь дымъ оно свѣтилось раскаленнымъ шаромъ и придавало мрачный, унылый колоритъ зданіямъ и людямъ. Точно городъ былъ у подножія вулкана, и всѣ ждали потоковъ лавы и пепельнаго дождя.

— Слышь, толкучка горить!—вопилъ простоволосый мальчишка въ тиковомъ халатѣ и опоркахъ и бѣжалъ, расталкивая всѣхъ и не чувствуя подзатыльниковъ. Какъ теперь помню щербинку въ его бѣлыхъ зубахъ и выпачканную ваксой щеку. Онъ толкнулъ меня локтемъ, такъ что я отскочилъ и ударился о водосточную трубу, и кинулся дальше.

По мостовой громыхали ломовики съ горой наложенными на возъ товарами. Извозчиковъ все не было,—такъ мы дошли почти до Гостиного двора. Наконецъ нашелся молодой парень, который за рубль согласился свезти насъ на Царскосельскій проспектъ.

— Вокругъ надо, здѣсь не пропустить,—пояснилъ онъ, и поѣхалъ къ Казанскому собору.

Переѣхавъ мостъ, онъ повезъ насъ по правой сторонѣ Екатерининскаго канала. По другой сторонѣ, у банка, сверкали каски пожарныхъ, и бочки забирала воду. Вся набережная была завалена тряпьемъ: его были цѣлые сугробы. Тутъ были готовые платья, ленты, мѣха, мебель, шляпы, посуда, самовары, куски матерій, картины, сбруя, сапоги и резиновые калоши. Возы подѣзжали, сваливали все на мостовую и снова уѣзжали за новыми партиями. Мошеники не дремали, и, нанявъ ломовиковъ, цѣлыми обозами везли приглянувшійся товаръ къ себѣ въ дома. Мы тянулись шагомъ, поминутно останавливаясь. Всюду были войска, и проѣхать не пускали ни назадъ, ни впередъ. На Каменный мостъ не пустили, и пришлось ѣхать до Демидова переулка; только тамъ можно было свернуть на Сѣнную и на Обуховскій проспектъ. И здѣсь кучи того же хлама,—испуганныя, опаленныя лица, плачущія дѣти, воющія еврейки. Тутъ уже крики и драки; женщина въ разорванной кофтѣ отнимаетъ у какого-то проходимца кастрюлю и кричитъ, что грабятъ. Два здоровыхъ парня бьютъ изо всѣхъ силъ по шеѣ худощаваго, тощаго юношу и приговариваютъ:

— Будешь воровать, будешь воровать!

Собаки, недоумѣвающія, перепуганныя, шмыгаютъ между ногъ прохожихъ, жалобно повизгивая. Голуби, выгнанные пламенемъ съ своихъ чердаковъ, крутятся въ воздухѣ и иногда замертво падаютъ на мостовую.

— Еще въ трехъ мѣстахъ пожаръ!—кричитъ какой-то офицеръ, стоя на дрожкахъ, и машетъ кому-то бѣлой перчаткой, держась за спину извозчика, что во весь духъ гонитъ сѣрую лошадь.

Вотъ и Обуховъ мостъ, и тутъ тѣ же горы вещей. Какіе-то шкапы попали въ Фонтанку и бокомъ плаваютъ въ водѣ, показывая свои острые бока. На углахъ стоятъ извозчики, и у нихъ на подушкахъ сидѣній помѣщаются подвое, потрое любопытныхъ, чтобы виднѣе было пламя, бушующее тамъ, за Семеновскимъ мостомъ. Сидятъ даже на фонарныхъ столбахъ. Стекла со звономъ падаютъ внизъ, но никто не обращаетъ на это вниманія.

Но вотъ и звонки, и шумъ, и гулъ остаются позади. Извозчикъ усиленно погоняетъ клячу, чтобы поскорѣе свезти насъ и ѣхать назадъ, къ мѣсту пожара. И легковые извозчики въ этотъ день зарабатывали по двадцати рублей, развозя вмѣсто ломовыхъ товары погорѣльцевъ.

Мать вздохнула свободно, только когда мы вошли въ гостиную. Здѣсь было свѣжо и прохладно. Все было тихо; напротивъ молочная лавочка была отворена, и у ея дверей невозмутимо стоялъ приказчикъ, а рядомъ съ нимъ спокойно сидѣла бѣлая кошка. Съ этой стороны и дыма не было видно, и заходящее солнце алыми лучами освѣщало верхушки домовъ и далекую зелень пригородныхъ рощъ.

— Я отъ того боюсь такъ пожаровъ,—разсказывала мнѣ въ этотъ вечеръ мать, когда мы сидѣли съ ней за самоваромъ,— что однажды натерпѣлась я смертельнаго страху. Былъ здѣсь, въ Измайловскомъ полку, пожаръ,—еще тебя и на свѣтъ-то не было.— Загорѣлось въ Седьмой ротѣ и пожаръ поперекъ пробилъ цѣлый огненный переулочекъ, вплоть до Третьей роты, гдѣ мы жили. А, дойдя до нашей улицы, пламя повернуло вдоль и пошло прямо на насъ. Вотъ тутъ-то и была мука. Изъ министерствъ начали вывозить дѣла. Что я ни пошлю за ломовымъ, что ни приведутъ мнѣ подводу для нашихъ вещей, то отецъ твой возьметъ подъ казенное имущество. Если бы вѣтеръ не затихъ,—у насъ все бы сгорѣло.

На другой день послѣ Духова дня пріѣхалъ съ Крестовскаго отецъ и, къ удивленію нашему, заявилъ, что пожаръ не только не ослабѣлъ, а все горитъ еще съ большей силой. Пожарные устремили всѣ свои усилія только на сосѣднія зданія: на государственный банкъ и министерство внутреннихъ дѣлъ, а «толкучку» тушить было нельзя—ее предоставили самой себѣ, и она выгорѣла до глѣ. Два дня свирѣпѣло пламя. На третій — огонь утихъ, и пожарище только дымилось смраднымъ дымомъ. Кое-гдѣ торчали трубы печей, чернѣли погнувшіяся желѣзныя стропила и высокія груды обуглившихся товаровъ. Двѣ недѣли пожарные не уѣзжали, дежуря по очереди и заливая то тамъ, то тутъ прорывающійся огонекъ. Наконецъ полилъ дождь, и все окончательно потухло.

Мелкіе торговцы съ своимъ скарбомъ перекочевали на Семеновскій плацъ, тогда пустынную огромную площадь, по діагонали превосходящую Марсово поле. Вся она сплошь уставилась палатками,—крохотными, въ родѣ цыганскихъ шатровъ, и тамъ начался торгъ подгорѣлымъ и подмоченнымъ товаромъ. Торговля здѣсь шла чрезвычайно оживленно, — и воровства и плутовства было меньше, потому что свѣта было больше, чѣмъ въ темныхъ вертепахъ Апраксинской «толкучки».

VI.

Въ эпоху этихъ пожаровъ, въ 1862 году, мы уже съѣхали съ казенной квартиры и жили тамъ же, въ Измайловскомъ полку, чтобы отцу было ближе къ министерству, помѣстившемуся въ новомъ зданіи на Фонтанкѣ. Я писалъ и читалъ уже свободно. Буквы я зналъ еще трехъ лѣтъ, а читать выучился на пятомъ году. Я присталъ какъ-то лѣтомъ къ матери, чтобы она принялась за мое ученье: тутъ не столько играла роль жажда къ просвѣщенію, сколько соревнованіе съ сосѣдними дѣтьми, которыя хотъ и были постарше, но зато читали и по-русски и по-нѣмецки. Мать поѣхала со мной съ дачи въ городъ, и мы купили въ Гостиномъ дворѣ азбуку съ раскрашенными картинками: тамъ были дома съ малиновыми крышами, неизбѣжный ѣздокъ на огненной лошади, и раскрашенная ижица, такъ какъ художникъ не могъ подобрать никакого иного болѣе подходящаго къ этой буквѣ изображенія. Одолѣлъ я и азбуку и склады къ осени, и крупную печать читалъ уже свободно. Но потомъ кто-то напугалъ мать «раннимъ развитіемъ» и посоветовалъ перестать меня учить. Она испугалась за мое драгоценное здоровье, и уроки наши прекратились. вмѣсто чтенія три раза въ недѣлю она рассказывала мнѣ событія изъ библии, руководствуясь сочиненіемъ Анны Зонтагъ, написаннымъ весьма дубовымъ слогомъ. Мнѣ болѣе всего нравилась катастрофа всемірнаго потопа, и я его рисовалъ во всевозможныхъ видахъ, при чемъ Ноевъ ковчегъ изображался въ видѣ рыбнаго садка съ дымовыми трубами и цѣпною собакой на кормѣ. Нравилась мнѣ также идея вавилонскаго столпотворенія, и тоже неоднократно воплощалась въ архитектурныхъ проектахъ. Гораздо менѣе интересовали меня райскія прелести нашихъ предковъ, а дальнѣйшая исторія была совсѣмъ скучна, за исключеніемъ чечевичной похлебки, о которой я думалъ много, и которая казалась мнѣ необыкновенно вкусной, хотя я никогда въ жизни чечевицы не пробовалъ.

Желаніе читать за отсутствіемъ уроковъ сперва заставило меня взяться за «Сѣверную Почту», но въ ней я не понялъ ни единого слова, а потому оставилъ относительно ея навсегда всякую надежду. Я удовольствовался тѣмъ, что бралъ съ полки Пушкина и читалъ нараспѣвъ «Полтаву» и «Руслана». Но такое чтеніе приносило мало пользы, такъ какъ обѣ поэмы при неоднократныхъ чтеніяхъ матери я зналъ наизусть и потому часто даже перевертывалъ страницы не тамъ, гдѣ слѣдовало. Гораздо болѣе содѣйствовало моему развитію другое чтеніе—совсѣмъ иного сорта.

Въ 1859 году появилась «Искра», всколыхнувшая всю читающую публику. Для лицъ, стоявшихъ во главѣ тогдашняго умственнаго движенія, конечно, этотъ сатирической журнальчикъ могъ казаться наивнымъ, невысокаго тона и довольно сомнительнаго остро-

умія. Понятны отзывы о ней Тургенева, Полонскаго, Фета, Некрасова и т. д. Но совсѣмъ другое была «Искра» для средняго читателя. Она казалась удивительно либеральной, обличительной, чуть ли не своего рода «Колоколомъ», поставленнымъ въ цензурныя рамки. Съ упорствомъ вышучивая Аскоченскаго, какъ героя мракобѣсія, «Искра» тутъ же вышучивала и Майкова, и Писемскаго, и какихъ-то губернаторовъ, въ таинственныхъ корреспонденціяхъ изъ невѣдомыхъ городовъ. У насъ въ домѣ водились постоянно «Полярная Звѣзда» и «Колоколь», хотя читались они въ самой изолированной обстановкѣ, послѣ того, какъ прислуга отсылалась спать. Я помню какой-то особенный, священный трепеть, когда показывали мнѣ портреты декабристовъ на обложкѣ журнала. Мнѣ эта виньетка казалась невыразимо прекрасной. Мать была знакома съ Герценомъ по Владимиру, гдѣ онъ жилъ неподалеку отъ ихъ дома и часто заходилъ къ нимъ. Знаю, что у нея были и письма Герцена, но она ихъ уничтожила. Привычка къ тому, что «Полярная Звѣзда»—органъ чуть ли не революціонный, настолько крѣпко засѣла въ отцѣ, что потомъ, лѣтъ тридцать спустя, найдя на моемъ письменномъ столѣ книжки «Звѣзды», онъ замѣтилъ, что ихъ слѣдуетъ держать подъ замкомъ, чтобъ не вышло «неприятностей».

Но такъ какъ «Искру» можно было держать открыто на столѣ, то ее выписывали всѣ «передовые» дома. Для меня, еле научившагося читать, конечно, карикатуры были интереснѣе текста. Но вообще «Искра» для меня была чѣмъ-то родственнымъ по духу и изображеніямъ. Происходило это потому, что двое изъ сослуживцевъ отца, Л. и К., были сотрудниками сатирическаго листка, и иногда задолго до появленія карикатуры или стихотворенія въ печати мы были уже съ ними знакомы. Да и темы обличеній вертѣлись около того, что составляло жизнь министерства. Помню я, напримѣръ, какъ одинъ изъ директоровъ министерства, по фамиліи Полѣновъ, удивился, отчего чиновники не пришли на службу наканунѣ переѣзда департамента въ новое помѣщеніе.

— Дѣла всѣ въ тюкахъ, ваше превосходительство, — отвѣчали ему.

— Да вѣдь они жалованье получаютъ? Ну, и сиди у тюковъ,—возразилъ онъ.

«Искра» изобразила «Контору Дубинина», гдѣ начальникъ въ форменномъ фракѣ изрекаетъ передъ экзекуторомъ эту фразу. Надо ли говорить, какую сенсацию среди чиновниковъ производили такія карикатуры. Или, когда Деморъ издалъ приказъ, чтобъ всѣ чиновники брились, то появилась такая карикатура:

— Гдѣ же, господа, ваши бороды? — спрашиваетъ у чиновниковъ какой-то господинъ.

— Да что де моръ уничтожилъ! — отвѣчаютъ они.

Иногда карикатуры носили совсѣмъ характеръ ребусовъ. Такъ всѣмъ извѣстно памятное изображеніе муравейника и соловья, сидящаго надъ нимъ, съ подписью:

Муравьевъ-то, муравьевъ!
Вотъ гдѣ пища соловьевъ!

А такъ какъ это былъ намекъ на виленское правленіе Муравьева и на историка Сергѣя Соловьева, то стихи слѣдовало читать такъ:

Муравьевъ-то, Муравьевъ!
Вотъ гдѣ пища, Соловьевъ!

Еще болѣе сенсациі вызвало изображеніе повара, предлагающаго курамъ вопросъ, подъ какимъ соусомъ онѣ желаютъ быть приготовлены—подъ краснымъ или бѣлымъ. Публика связывала эту карикатуру съ крестьянской реформой, и въ поварѣ желали видѣть портретъ:

— Помилуйте, да тутъ усовъ нѣтъ, одни бакенбарды!—возражали скептики.

— А цензура, батенька! Забыли!—возражали ярые почитатели.

Такъ или иначе, но въ теченіе десяти лѣтъ у насъ неизмѣнно получалась «Искра», и именно по ней я и научился, какъ надо читать, таская ее изъ отцовскаго кабинета. Мнѣ до сихъ поръ каждый ея томъ напоминаетъ дѣтство. Когда нѣкоторые годы ея пропали, я не безъ труда разыскалъ и пополнилъ ихъ, чтобъ получилась полная картина расцвѣта и увяданія этого органа.

Нѣкоторые изъ сослуживцевъ косились на отца за пристрастіе къ «обличительной» литературѣ. Одинъ непосредственный его начальникъ, приходи на вистъ, всегда дѣлался не въ духъ при видѣ «Искры» и съ кислой улыбкой говорилъ:

— Вы получаете этотъ журналъ? А нашъ директоръ отослалъ его въ редакцію обратно съ надписью: «пашквилянты»!

VII.

Я уже упомянулъ выше, что отецъ проигралъ все приданое, полученное за матерью. Теперь онъ игралъ уже только въ коммерческія игры. Въ клубы онъ никогда не ходилъ, игралъ больше дома или у знакомыхъ. Но нерѣдко вистъ, преферансъ или ералашъ, начавшійся въ субботу послѣ обѣда, оканчивался въ понедѣльникъ утромъ, и чиновники, умывшись у насъ, прямо шли на службу. Мать была очень недовольна такими «фестивалами», какъ она называла такое препровожденіе времени, и уѣзжала со мной на все воскресенье къ бабушкѣ, о которой я расскажу поздѣе. Въ числѣ постоянныхъ партнеровъ отца былъ мѣстный священ-

никъ, красивый дородный брюнетъ, страстный любитель картишекъ. Онъ нерѣдко запаздывалъ въ церковь, торопясь доиграть роберъ, такъ что причетникъ раза два прибѣгалъ за нимъ черезъ дорогу. Понамаръ уже давно отзвонить, прихожане соберутся, а онъ все колотить валетовъ и дамъ. Насилу уйдетъ; а потомъ не пройдетъ и двухъ часовъ, какъ ужъ онъ снова является, отслуживъ все-нощную,—и теперь такъ вплоть до обѣдни и не встанетъ со стула.

Мать была очень религіозна; отецъ къ религіи относился совершенно безразлично. Мать не пропускала ни одного праздника, чтобы не сходить къ обѣднѣ и ко всенощной, и, конечно, брала всегда съ собою меня. Она не любила приходскихъ церквей, и предпочитала домовыя, потому что «и просторѣе и проще». Домовая церковь училища, что помѣщалось противъ насъ,—была крохотная, низенькая; передѣланная изъ какой-то залы. Даже соли въ ней не было, и полъ алтаря былъ на одномъ уровнѣ съ церковью. Служилъ нашъ духовникъ безъ дьякона, воспитанники училища пѣли прескверно, и все же мать предпочитала эту церковь всѣмъ другимъ, потому что отецъ Михайлъ «служилъ очень ясно». Прихожане всѣ были знакомы другъ съ другомъ. Я хорошо зналъ, отъ какой барыни какими пахнетъ духами, какъ которая крестится, какъ кланяется въ землю, какъ генераль, директоръ, трясетъ сѣдою головою, какъ его сынъ Гриша, впоследствии талантливый музыкантъ, подпѣваетъ въ сѣрой курточкѣ на клиросѣ. Священникъ служилъ нѣсколько аффектированно и въ кадило сыпалъ такой душистый порошокъ, какого никогда я не встрѣчалъ въ другихъ церквахъ. Въ день Воздвиженія Креста у него былъ такой огромный вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, что всѣ почетныя прихожанки нарывали изъ него по цѣлому букетику и уносили домой.

Я думаю, главной причиной, почему мать такъ тяготѣла къ этой церкви, было именно то обстоятельство, что тамъ не было дьякона. Она говорила, что у нея отъ баса начинается мигрень, и чѣмъ гуще и ниже былъ голосъ у этого служителя церкви, тѣмъ торопливѣе она уходила домой. Она хранила въ хорошенькой коробкѣ за образами пестренькіе камешки и раковинки, принесенные знакомой странницей изъ Іерусалима. Она видѣла въ этомъ священные реликвіи и крестясь прикладывалась къ нимъ,—тѣмъ болѣе, что, по увѣренію странницы, онѣ пролежали цѣлую ночь на Гробѣ Господнемъ. Но въ то же время она какъ-то избѣгала всякой обрядности, и чѣмъ торжественнѣе была служба, тѣмъ съ большей неохотой шла въ церковь. И вообще я подмѣчалъ, что дома она куда усерднѣе молится, чѣмъ въ церкви, гдѣ болѣе смотритъ за мною, чѣмъ за своимъ молитвеннымъ настроеніемъ.

Иногда за всенощной было особенно нудно. Дьячекъ барабанить свою дробь; въ алтарѣ уже темно, и по потолку отъ серебряныхъ

лампадъ иконостаса легли густыя тѣни. Я смотрю на давно знакомое изображеніе Христа, идущаго по облакамъ съ коричневой чашей въ рукѣ. Надъ царскими вратами изображена обычная копія съ «Тайной вечери» Да-Винчи, и я все стараюсь разыскать за столомъ Іуду, и никакъ не могу. Потомъ я смотрю на лысый затылокъ дьячка, стараюсь вслушаться, о чемъ пересмѣиваются и перемигиваются великовозрастные ученики на клиросѣ. Потомъ я чувствую, что хочется потянуться и зѣвнуть, но только что рука поднимается кверху, какъ внимательная мать ловитъ меня сзади.

— Что ты, что ты—опомнись!

Я напрягаю все усилія быть приличнымъ. Вспоминаю, какъ хорошо хруститъ снѣгъ подъ ногами, какъ дома ждетъ меня «Степка-растрепка», и я повторяю съ удовольствіемъ знакомые стихи:

.. придетъ портной,
Съ большими ножницами, злой...

Когда какой нибудь стихъ вырвется слишкомъ громко, мать наклоняется и тихо говоритъ:

— Что ты бормочешь?

Мнѣ стыдно солгать въ церкви, и я сознаюсь:

— «Придетъ портной... съ большими ножницами»...

А дьячекъ этимъ временемъ быстрой дробью отчеканиваетъ:

— Поміось, поміось, поміось...

Съ трепетомъ шелъ я по седьмому году на первую исповѣдь. Мать увѣрила меня, что я уже не младенецъ, а отрокъ, и что я долженъ припомнить все свои грѣхи, совершенные за годъ. Поблѣвшій, вступилъ я за страшныя ширмы и увидѣлъ совѣмъ близъ своего носа вышитую золотомъ эпитрахиль духовника, отъ которой пахло ладаномъ и воскомъ. Я ожидалъ строгаго карателя моихъ грѣховъ, и вдругъ отецъ Михаилъ потрепалъ меня по щекѣ и сказалъ:

— Здравствуй, бутузъ! Отецъ не вернулся изъ Москвы? Четвергъ, значитъ, у васъ не будетъ?

Затѣмъ онъ велѣлъ мнѣ прочесть пятую заповѣдь, и властію, отъ Бога ему данною, простилъ и разрѣшилъ меня отъ моихъ прегрѣшеній.

Моя мать очень цѣнила образъ, который дали ей въ приданое. Это была извѣстная «троеручица»: Богоматерь изображена на немъ съ тремя руками, довольно искусно связанными съ тѣломъ, такъ что отнюдь не получается непріятнаго впечатлѣнія. Образъ этотъ, въ толстой серебряной ризѣ, стоялъ въ нашей божницѣ на самомъ почетномъ мѣстѣ. Вѣроятно, гораздо большій археологическій интересъ представляла старинная копія съ «Ахтырской Богоматери»—старога кievскаго письма, которою благословляла

моего отца бабушка. Передъ этими двумя иконами мнѣ и довелось учить съ матерью молитвы, и впоследствии — молить о чудѣ: «хорошо отвѣтить латинскіе глаголы, которыхъ не успѣлъ накануне выучить».

Предъ Рождествомъ дворовые мальчики, дѣти курьеровъ, склеивали огромную звѣзду изъ серебряной бумаги и фольги, ходили по квартирамъ чиновниковъ, пѣли: «волсви же со звѣздою иѣшешествуютъ», и получали двугривенные. Я всегда съ восторгомъ ихъ слушалъ, и мнѣ казались таинственно прекрасными слова ихъ пѣсни:

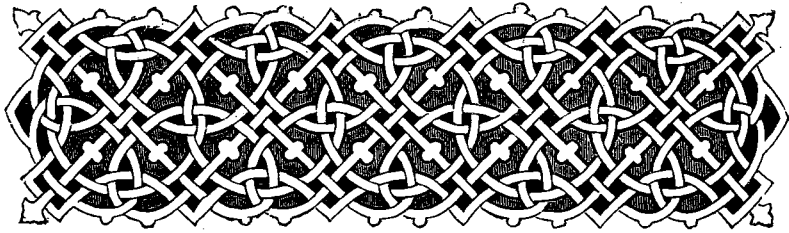
«Дѣва днесъ Пресущественнаго рождаетъ, и земля вертепъ Неприступному приносить»... Самое слово «пресущественный» мнѣ казалось удивительно гармоничнымъ, и, засыпая въ своей дѣтской кровати съ любимыми игрушками, я, еле шевеля губами, пѣлъ про себя:

«Дѣва днесъ Пресущественнаго рождаетъ»...

П. П. Гнѣдичъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТИШАЙШІЙ У МЕНЯ ВЪ ГОСТЯХЪ.

ВЧЕРА я долго занимался—далеко за полночь. Въ воображеніи моемъ, невольно и самовластно переносившемся за нѣсколько столѣтій въ прошедшее, постоянно, одинъ за другимъ, вставали образы и тѣни давно отошедшихъ въ небытіе существъ—героевъ и страдальцевъ, славныхъ въ исторіи и обезславленныхъ ею, счастливыхъ и несчастныхъ,—и мнѣ казалось, что я самъ жилъ съ ними, думалъ и чувствовалъ ихъ думами и чувствами, радовался и страдалъ ихъ радостями и ихъ страданіями. Я самъ видѣлъ въ моемъ воображеніи, какъ «тишайшій» царь Алексѣй Михайловичъ по утрамъ тѣшился въ своемъ Коломенскомъ, купая въ дворцовомъ пруду, словно овчаръ овецъ передъ стрижкою, запоздавшихъ къ нему на поклонъ стольниковъ,—видѣлъ, какъ святѣйшій патріархъ Никонъ, «собинный» другъ «тишайшаго», скучая въ своемъ заточеніи, въ Ферапонтовомъ монастырѣ, каждое утро сѣкъ своего поваренка Ларку да стрѣлялъ изъ пищали баклана, принимая птицу за бѣса,—видѣлъ, какъ протопопъ Аввакумъ, томясь въ земляной тюрьмѣ въ Пустозерскѣ, отбивался скуфьей отъ мышей и отъ бѣсовъ,—какъ молодой Ординъ-Нащокинъ, Воинъ, бѣжавъ «за море», мыкалъ тамъ свое горе, и въ Венеци-градѣ напѣвалъ отъ тоски «не бѣлы-то снѣжки»,—какъ юная царевна Софья Алексѣевна бойко учила «урки изъ ариѳметикии и грамматикіи», либо читала отцу изъ книги «Лусидаріусъ или златый бисеръ», а Степанъ Тимоѣевичъ Разинъ, не подъ влияніемъ буйнаго порыва, а въ силу ему одному извѣстныхъ побужденій, бросалъ въ Волгу прекрасную персіянку...

Кругомъ было такъ тихо—все спало кругомъ, и въ домѣ, и внѣ дома: хоть бы стукъ экипажа извнѣ, хоть бы свистокъ городского, и только иногда плачь вѣтра въ трубѣ камина нарушалъ эту мертвую тишину.

Но для меня это была не мертвая тишина. Она много говорила моей душѣ. Она возвышала мои иллюзіи до реального, и реальное превращала въ иллюзіи, въ видѣнія, такъ что и прошедшее, какъ и настоящее, казалось мнѣ не то дѣйствительностію, не то сномъ, тѣмъ сномъ, который часто могучѣе и неотразимѣе дѣйствуетъ на душу, чѣмъ бодрствующій разумъ. И въ то же время въ душѣ моей продолжала явственно звучать гениальная мелодія дивной сонаты Бетховена *C—moll*, въ которой слышались и рыданія отчаянія, и порывы бурной страсти, и шопотъ любви, смѣшанный съ нѣжнымъ шопотомъ весенняго вѣтерка и молодой листвы, хотя звуки рояли надъ моей головою давно, еще далеко до полуночи, умолкли. Но я ихъ слышалъ такъ же, какъ видѣлъ взволнованной душой тѣни давно минувшаго: и сонъ, и дѣйствительность, и прошедшее, и настоящее—все это смѣшалось и слилось въ какую-то гармоническую жизнь, въ которой, однако, было такъ много грустнаго. Казалось, это былъ сонъ наяву.

Да, сонъ... Вѣдь развѣ всѣ мы, и легкомысленные романисты, и солидные историки, развѣ всѣ мы не въ воображеніи, не въ гаданіи, не «въ тонцѣ снѣ» видѣли и «тишайшаго» царя, и этого фанатика Аввакума, и суроваго Никона, и перваго изъ нашихъ западниковъ—Воина Ордина-Нащокина, и того, наконецъ, который доселѣ не нашелъ своей могилы?

Да, все это иллюзіи, видѣнія «въ тонцѣ снѣ», а въ то же время это и сама жизнь—жизнь въ прошедшемъ и въ настоящемъ, во снѣ и наяву, жизнь и смерть: все это—тотъ же творческій сонъ, та же двойственная жизнь и смерть, какъ говоритъ гениальный поэтъ, Байронъ:

«Жизнь наша двойственна: свой міръ имѣетъ сонъ—предѣлъ межъ двухъ міровъ съ такимъ обиднымъ и бессмысленнымъ названіемъ, какъ жизнь и смерть. У сна есть цѣлый міръ, есть царство цѣлое дѣйствительности дикой, — и сновидѣніе живетъ всей жизнью бдѣнья—и радостью, и горемъ, и тщетой. Оно тѣснитъ собой и бодрствующій разумъ, иль съемлетъ тѣсноту съ него и наяву. Оно становится частицей нашей жизни, частицей насъ самихъ и въ чувствѣ, и въ умѣ. Оно стоитъ въ глазахъ, какъ духъ всего былого, или въ ухахъ звучитъ, какъ будущаго звонъ. Оно насъ дѣлаетъ, чѣмъ вѣкъ мы не бывали, но чѣмъ оно одно велитъ намъ стать и быть. По прихоти его творится зло, добро. Оно смущаетъ насъ явленіемъ умершихъ, пугаетъ страхами воспрянувшихъ тѣней, межъ тѣмъ какъ все прошедшее не есть ли одна лишь тѣнь, одно лишь привидѣнье? И въ самомъ дѣлѣ, что жъ, что есть оно

само? Иль это плодъ ума? О! этотъ умъ всесильнѣе: онъ властенъ населять планеты бытіемъ—и лучшимъ, чѣмъ все то, что самъ онъ видѣлъ въ мірѣ, и высшимъ, чѣмъ онъ самъ. Онъ можетъ жизнь вдыхать въ такіе призраки, въ такія отвлеченія, въ которыхъ все ничто, но коимъ суждено вѣками пережить любое изъ всѣхъ нѣчто»...

А воображеніе—не то ли же оно, что сновидѣнье?

«Оно смущаетъ насъ явленіемъ умершихъ,
«Пугаетъ страхами воспрянувшихъ тѣней,
«Межъ тѣмъ какъ все прошедшее не есть ли
«Одна лишь тѣнь, одно лишь привидѣнье?»...

Такъ и вчера ночью оно смущало меня явленіемъ умершихъ, пугало страхами воспрянувшихъ тѣней... Мнѣ послышались вдругъ шаги въ комнатѣ, тамъ, куда чрезъ драпировку слабо проникалъ свѣтъ лампы. Я подумалъ было, что это рассыльный изъ типографіи, старикъ, который носить ко мнѣ корректуры. Но отчего, думаю, такъ поздно?

— Кто тамъ?—машинально спросилъ я.

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!—послышалось въ отвѣтъ.

Я вышелъ, и при тускломъ свѣтѣ полуосвѣщенной комнаты увидѣлъ старика въ монашеской скуфейкѣ. На худомъ, изможденномъ, изрытомъ морщинами лицѣ древле-иконописнаго типа, фосфорическимъ свѣтомъ горѣли два глаза. Изъ-подъ темной скуфейки выбивались и падали на плечи сѣдые пряди никогда, повидимому, нестриженныхъ волосъ. И въ рѣдкой бородкѣ было что-то старое-иконописное.

— Не узнаешь меня?—спросилъ незнакомецъ.—Я тотъ, рожденіе коего бысть въ нижегородскихъ предѣлѣхъ, за Кудмою рѣкою, въ селѣ Григоровѣ, а сожженіе въ срубѣ въ предѣлѣхъ Бѣла-моря, въ Пустозерскѣ, за двуперстное сложеніе.

Я тотчасъ же догадался, что передо мной стоитъ протопопъ Аввакумъ, и это меня нисколько не удивило: мнѣ, казалось, что я его такъ недавно видѣлъ.

Я внесъ лампу и просилъ пришельца садиться. Онъ оглядѣлся по сторонамъ, и на лицѣ его отразилось неудовольствіе.

— Книги вижу, много книгъ, и идоловъ вижу, а иконъ нѣтъ,—съ укоризною сказалъ онъ.

Я понялъ, кого онъ разумѣлъ подъ идолами: это были гипсовые бюсты Костомарова, Шевченко, Гоголя, Пушкина и Тургенева.

— Нѣтъ, отецъ протопопъ,—возразилъ я смиренно,—вонъ тамъ и образъ есть.

Онъ заглянулъ, куда я показалъ.

— А! Распятый за ны,—неохотно сказалъ онъ,—токмо не истоваго письма... Это не икона.

Недовольный взглядъ его скользнулъ по стѣнамъ, по книгамъ, по письменному столу, и съ невыразимымъ удивленіемъ остановился на одной небольшой книжкѣ. Это было «Житіе протопопа Аввакума, имъ самимъ написанное», изданное подъ редакцію Тихонравова. Онъ торопливо взялъ эту книжку и дрожащими руками сталъ ее перелистывать...

— Мое житіе,—бормоталъ онъ растерянно.—Аввакумъ протопопъ понужденъ бысть житіе свое написати инокомъ Епифаніемъ—поже отецъ ему духовный инокъ,—да незабвенію предано будетъ дѣло Божіе, и сего ради понужденъ бысть отцомъ духовнымъ, на славу Христу Богу нашему,—читалъ онъ быстро.

Голосъ его оборвался, а слезы такъ и закапали на книжку.

— Боже всемогущій!—съ дѣтскимъ умиленіемъ говорилъ онъ, утирая слезы,—всѣ-то померли, либо въ срубѣхъ и на кострахъ сожжены, други и сыны мои духовные, либо удушены, миленькіе мои—и Лазарь-отъ свѣтъ и инокъ Епифаній, и праха отъ нихъ не осталось ни отъ кого, вѣтромъ разнесло... И великій государь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи, и законопреступникъ Никонъ, и Софьюшка царевна—все сіе прахъ, разметаемый вѣтромъ, и тлѣнъ, его же не бысть... А вотъ сія моя малая книжица пережила всѣхъ насъ, и славныхъ, и неславныхъ,—Господи, Господи!

«А! какъ заговорило въ тебѣ авторское самолюбіе!»—думалъ я, глядя на него, и все же мнѣ было и грустно, и умиленно слушать мертвеца: какая жажда жизни даже послѣ смерти! какой протестъ духа противъ небытія!

И онъ снова судорожно перелистывалъ книжку, блаженно улыбался, съ укоризною качалъ головой.

— Такъ, такъ, помню, какъ я писалъ сіе мое вяканье въ Пустозерскѣ, въ земляной тюрьмѣ, отбиваясь отъ бѣса да отъ мышей скуфейкою,—бормоталъ онъ какъ бы въ забытьи,—и единая мышца другомъ мнѣ была, миленькая, кормилъ ее сухариками... Ишь-ишь, чего въ концѣ нагородилъ! «Ну, старецъ (читалъ онъ дальше), моего вяканья вѣдь много ты слышалъ, о имени Господни повелѣваю ти: напиши и ты рабу тому Христову, какъ Богородица бѣса того въ рукахъ тѣхъ мяла и тебѣ отдала, и какъ муравьи-те тебя ѣли за тайное-тъ у... и какъ бѣсъ-отъ дрова-тѣ сжегъ, и какъ келья-то обгорѣла, а въ ней цѣло все, и какъ ты кричалъ на небо-то, да иное чтѣ вспомнишь во славу Христу и Богородицѣ. Слушай же, чтѣ говорю: не станешь писать, я осержусь!»

Онъ грустно покачалъ головой.

— Такъ и не написалъ, миленькой: обоихъ насъ въ срубѣ сожгли.

Въ коридорѣ въ это время послышались чьи-то медленные, тяжелые шаги и стукъ палки объ полъ. Я подумалъ, что это идетъ,

конечно, Костомаровъ, громахая своими громадными, какъ лодки, калошами и постукивая палкою. Такъ, бывало, онъ ходилъ ко мнѣ въ послѣдніе годы поговорить о безсмертіи души.

Вдругъ дверь отворилась, и предъ нами предстала величаява фигура въ бѣломъ клобукѣ и съ святительскимъ посохомъ. Я сразу узналъ его и попятился назадъ. Узналъ его и Аввакумъ, тоже попятился и уронилъ на полъ книгу. Это былъ патріархъ Никонъ.

— А! это ты пустосвятъ!—сурово обратился онъ къ моему гостю.

Я поспѣшилъ подойти подѣ благословеніе къ святѣйшему патріарху, между тѣмъ какъ въ душѣ у меня звучали слова поэта о сновидѣніи:

«Оно стоитъ въ глазахъ, какъ духъ всего былого,
«Или въ ухахъ звучить, какъ будущаго звонъ;
«Оно насъ дѣлаетъ, чѣмъ вѣкъ мы не бывали,
«Но чѣмъ оно одно велитъ намъ стать и быть»...

— Постои! погоди! какимъ крестомъ онъ благословляетъ?—удержалъ было мою руку Аввакумъ.

— Не тебѣ, пустосвяту, учить святѣйшаго патріарха,—кинулъ ему Никонъ, благословляя меня.

Аввакумъ вспыхнулъ и стремительно нагнулъся, чтобъ поднять съ полу свое «Житіе».

— Не мнѣ! — бормоталъ онъ сердито, нервно перелистывая книжку,—то же мнѣ говорили на соборѣ и вселенстіи волки-патріархи... Вотъ-вотъ! гляди!—онъ тыкалъ пальцемъ въ раскрытую страницу:—«что де ты упрямя?»—говорили они:—«вся де наша Палестина, и серби и албане, и волохи, и римляне, и ляхи, всѣ де тремя персты крестятся; одинъ де ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестишься двѣма персты—такъ не подобаеъ». И я имъ о Христѣ отвѣщаль сице: Вселенстіи учителя! Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно, и ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіаномъ; и у васъ православіе пестро—отъ насилія турскаго Магмета немощни есте стали, и впредь пріѣзжайте къ намъ учиться: у насъ Божіею благодатію самодержество до Никона де отступника...

Никонъ грозно стукнулъ посохомъ объ полъ, такъ что бюстъ Костомарова задрожалъ.

— Замолчи, невѣжда!—не то я жезломъ загражу тебѣ уста!

— Не замолчу!—упрямо отвѣчалъ фанатикъ:—въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно...

— Кто имя благочестивыхъ царей упоминаеъ всеу?—раздался вдругъ чей-то голосъ.

Всѣ въ изумленіи оглянулись. Передъ нами стоялъ самъ «тихайшій» государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ

«истор. вѣстн.», январь, 1905 г., т. хсѣх.

б

всѣа Русіи. Онъ былъ одѣтъ просто, по-домашнему, не для выхода, и въ рукѣ у него былъ простой посохъ богомольца.

Я отошелъ въ сторону, стараясь ступешаться: такихъ высокиихъ гостей я не имѣлъ чести принимать въ моей убогой кельѣ. Но меня не удивилъ приходъ «тишайшаго». Я невольно повторялъ въ душѣ чудныя слова поэта о сновидѣніи:

«Оно смущаетъ насъ явленіемъ умершихъ;
«Пугаетъ страхами воспріяввшихъ тѣней,
«Межъ тѣмъ какъ все прошедшее не есть ли
«Лишь только тѣнь одна, одно лишь привидѣнье?..»

Да, и это были тѣни, привидѣнья, иллюзіи, непобѣдимыя въ своей реальности.

Я видѣлъ, какъ Алексѣй Михайловичъ подошелъ подь благословеніе сначала къ патріарху, потомъ къ Аввакуму.

— Государь!—укоризненно промолвилъ Никонъ, желая остановить его.

— Святѣйшій патріархъ!—оборотился къ нему государь, принявъ благословеніе отъ Аввакума,—я царь надъ всѣми вами, надъ всею Русскою землею: Богъ мнѣ вручилъ ее, и всѣ, кто въ ней есть,—мои дѣти. И ты, святой отецъ, іерей Бога живаго, и онъ, протопопъ Аввакумъ, такой же іерей Божій—и оба вы низводите на меня благословеніе Божіе.

Никонъ хотѣлъ, повидимому, что-то возразить, но Алексѣй Михайловичъ, замѣтивъ бюстъ Костомарова, отвернулся отъ патріарха и сталъ разсматривать бюстъ.

— Кто это? чей истуканъ?—спросилъ онъ, ни къ кому не обращаясь.

Я поспѣшилъ почтительно отвѣтить:

— Это бюстъ историка Костомарова, ваше царское величество.

— Костомаровъ? Знаю его, видывалъ тамъ,—сказалъ «тишайшій», продолжая разсматривать бюстъ:—зѣло старъ человекъ, а тутъ моложе, чѣмъ тамъ.

И для меня понятно было, что означало это тамъ...

— Я тамъ не знаюсь съ нимъ,—продолжалъ какъ бы про себя Алексѣй Михайловичъ,—мнѣ Погодинъ, Михайло Петровичъ, сказывалъ тамъ, что Костомаровъ, якобы, глумился надъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти государемъ и великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ, иже порази безбожнаго сыроядца Мамай, и то ему вина!

Я хотѣлъ было почтительно вступить за своего покойнаго друга, но Алексѣй Михайловичъ круто отвернулся отъ бюста, и глаза его остановились на книгѣ, лежавшей на столѣ. Это была «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ» Костомарова.

— А это его книга!—и Алексѣй Михайловичъ развернулъ ее.— Царь Михайлъ Ѳеодоровичъ... Это блаженные памяти родитель мой... Кіевскій митрополитъ Петръ Могила... хохоль, а зѣло достойный мужъ... А! и я тутъ: царь Алексѣй Михайловичъ... Посмотримъ...

«Тишайшій» сталъ медленно перелистывать книгу и наконецъ остановился на томъ мѣстѣ, котораго искалъ.

— А, вотъ... Ну-ну, что онъ пишетъ обо мнѣ?.. «Царь Алексѣй Михайловичъ имѣлъ наружность довольно привлекательную: бѣлый, румяный, съ красивою окладистою бородою»... Ишь ты! и борода ему моя понадобилась... красивая де, окладистая... «хотя съ низкимъ лбомъ»... гмъ... што-жъ въ этомъ худова?—такой Богъ далъ... «крѣпкаго тѣлосложенія и съ кроткимъ выраженіемъ глазъ»... На! поди ты! и глаза-то мои видѣлъ—диво да и только!.. «Отъ природы онъ отличался самыми достохвальными личными свойствами»... ну, за это спасибо, не хулить... «былъ добродушенъ въ такой степени, что заслужилъ прозвище «тишайшаго», хотя по вспыльчивости права позволялъ себѣ грубыя выходки съ придворными, сообразно вѣку и своему воспитанію, и однажды собственноручно оттаскалъ за бороду своего тестя Милославскаго»... Оттаскалъ!—эко словечко вплелъ! Я Илью не таскалъ за бороду, а драть-дралъ маленько, каюсь, да и то за дѣло... А то на! оттаскалъ!.. Ну, вижу самъ, што правъ былъ Михайло Петровичъ Погодинъ... Грубъ былъ старикъ... И за то ему тамъ зачтется...

— А меня, великій государь, не однавѣ шибко таскали за бороду,—вмѣшался Аввакумъ,—ужъ и потаскано же, и сказать нельзя!

— Ну, ты самъ, протопопъ, горяченекъ былъ,—замѣтилъ Алексѣй Михайловичъ.

— А сіе, великій государь, ты не прочелъ?—спросилъ Никонъ, указывая выше, на начало статьи.

— Нѣтъ, не прочелъ—не вдомекъ было, а што?—спросилъ «тишайшій».

— Да вотъ онъ пишетъ: «Тридцатилѣтнее царствованіе Алексѣя Михайловича—пишетъ—принадлежитъ далеко не къ свѣтлымъ эпохамъ русской исторіи какъ по внутреннимъ нестроеніямъ, такъ и по неудачамъ во внѣшнихъ сношеніяхъ».

Лицо Алексѣя Михайловича нахмурилось... Ну?—сказалъ онъ, исподобья взглянувъ на бюстъ историка.

Никонъ продолжалъ: «между тѣмъ, причиною того и другого были не какія нибудь потрясенія, наносимыя государству извнѣ, а неумѣніе правительства впору отклонять и прекращать невзгоды и пользоваться кстати стеченіемъ обстоятельствъ, которыя именно въ эту эпоху были самыми счастливыми».

— Неумѣнье!..неумѣнье!..—сердито повторялъ «тишайшій», стуча посохомъ объ полъ.—Посадить бы тебя на мое мѣсто, то-то настряпалъ бы!—погрозился онъ посохомъ на бюстъ.—Мало жезла на этихъ

писакъ! Ишь чего наплелъ: неумѣнье впору отклонять и прекращать... А ты отклонилъ бы, прекратилъ бы?.. А! за бороду таскалъ! оттаскалъ! ишь чего въ исторію впелелъ! Нѣтъ, чтобы, какъ вотъ у насъ въ «Василіологiонѣ», либо въ «Государственной большой книгѣ»—всѣ дѣянія царей отъ промысла Божія показаны, понеже сердце цареве въ ружь Божіей... А то на! неумѣнье... за бороду оттаскалъ... Вотъ тебя и впрямь слѣдовало бы оттаскать.

И Алексѣй Михайловичъ еще сердитѣе взглянулъ на бюсть историка.

— А объ нашемъ недружii съ тобой, государь, чаю, што наплели эти историки!—сурово замѣтилъ Никонъ,—поди, и о томъ написали, какъ я свою Ларку дралъ.

Я старался не показываться разгнѣванному царю, но онъ замѣтилъ меня.

— А ты кто?—спросилъ онъ:—тоже, поди, строчишь гисторію?

— Пишу, государь,—робко отвѣчалъ я,—только исторію писать боюсь: немилости сильныхъ, государь, опасаюсь.

— И добро. А што жъ ты строчишь?

— Сказочки, государь, побасенки изъ исторіи сплетая: вру и самъ говорю, что вру... Такъ ужъ меня и знаютъ за враля.

— Это хорошо, похваляю,—смягчился «тишайшій»:—это такъ, какъ—царство небесное ему—Симеонъ Ситiановичъ Полоцкой... «О Блудномъ сынѣ» да «О Навуходонсорѣ царѣ»—дѣйства такія комидійныя... Я и зналъ, што онъ вретъ, а все жъ я тѣшилъ его дѣйствами... Такъ и ты изъ такихъ?—милостиво спросилъ меня «тишайшій».

— Изъ такихъ, государь.

— Похваляю, похваляю,—повторялъ добрый царь.—А то на! неумѣнье отклонять да прекращать—вишь ты!—умники нашлись!—чужую бѣду руками разведу... Важно такъ говорить, якобы все знаютъ.

— Истинно, государь,—согласился Никонъ,—гдѣ имъ все знать!—то вѣдомо одному Богу...

А протопопъ Аввакумъ все это время не отрывалъ глазъ отъ своего «Житiя».

— Сожженъ, миленькой, повѣшенъ, горюнъ мой, удувленъ,—бормоталъ онъ про себя, качая головой.—А я-то какъ имъ загнулъ отъ писанiя!—будутъ помнить...

Въ это время изъ-за портьеры показалось молоденькое, хорошенькое личико дѣвушки... Я думалъ, что это какаянибудь гимназисточка или курсистка прибѣжала ко мнѣ либо съ просьбой о «переводахъ», либо по какомунибудь литературному дѣлу...

— Ахъ, батюшка государь!—послышался вдругъ серебристый голосокъ.—А я-то тебя ищу, ищу!

— Матушка! царевнушка Софья Алексѣевна!—обрадовался вдругъ Аввакумъ.

И дѣйствительно, это была Софья Алексѣевна въ собольей папочкѣ и въ такой же шубкѣ съ малиновымъ верхомъ. Ей казалось не болѣе пятнадцати-шестнадцати лѣтъ.

— А! и святѣйшій патріархъ тутъ, и протопопъ Аввакумъ,—защebetала она, подходя къ обоимъ подъ благословленіе.—А я ужъ ходила-ходила по городу, искала-искала... Ночь вить—гдѣ тебя сыщешь?—ласкалась она къ отцу.

— И ты одна это ночью рыскала по городу?—потрепаль ее по плечу «тишайшій».

— Одна, батюшка... Ты знаешь, я всегда была смѣлая,—торопливо говорила юная царевна,—ничего не боюсь... А тутъ и меня оторопъ взяла: иду, иду, и конца не вижу... Коли гляжу—съ высокаго, высокаго камня скачетъ кто-то на огромномъ конѣ... Весь черный, и конь подъ имъ тако-жъ черенъ, и подъ копытами-то у коня змѣй преогромный, а у самого-то, што сидитъ на конѣ, и шапки на головѣ нѣту, и ноги-те босыя, а правую руку такъ ту протянулъ впередъ... Батюшки! думаю, онъ задавить меня... такъ испужалась—страхъ!—да какъ крикну, и хотѣла бѣжать... И повернись тутъ добрый человѣкъ съ пицалью на плечѣ, и говоритъ мнѣ: не бойтесь, барышня, это, говоритъ, не человѣкъ, а статуя—царь Петръ Алексѣичъ...

— Это сынъ мой?—встрепенулся Алексѣй Михайловичъ.—Мой Петрушенька? Какъ! ноли его земля не принимаетъ послѣ смерти?

— Не принимаетъ, государь,—злорадно отвѣчалъ Аввакумъ,—за новшества его не принимаетъ земля и за троеперстное сложеніе.

Алексѣй Михайловичъ горестно покачалъ головой. А юная царевна продолжала:

— Ну, батюшка,—говоритъ человѣкъ тотъ:—это статуя... А у меня руки и ноги дрожать отъ страху... Я и ну бѣжать; а какъ отбѣжала далеко и пошла тише, вдругъ подходитъ ко мнѣ незнамо какой человѣкъ и говоритъ: не проводить ли васъ, барышня? А я спрашиваю—куда?—Къ вамъ, говоритъ.—Да я, говорю, къ батюшкѣ иду.—Онъ и отсталъ; это, говоритъ, дурочка какая-то... А я все иду да иду, и дошла до этой самой улицы. На углу и попадается мнѣ другой человѣкъ: вы кого, говоритъ, ищите?—Батюшку, говорю.—Онъ, говоритъ, вонъ въ тотъ домъ прошелъ, я васъ провожу туда.—И проводилъ.

— Кто жъ онъ?—спросилъ Алексѣй Михайловичъ.

— Не сказываетъ... проводилъ меня до этой двери, и остался тамъ.

— За дверью?

— За дверью, батюшка.

— Протопопъ, погляди, кто тамъ!—сказалъ Алексѣй Михайловичъ Аввакуму.

Тотъ отворилъ дверь и отступилъ въ изумленіи.

— Степанъ Тимоѣевичъ!

— Протопопъ Аввакумъ! какими судьбами?...

— А ты какими, сынъ мой?.. Иди-ко сюда...

И оба вошли. Лицо незнакомца носило на себѣ слѣды глубочайшихъ страданій. При видѣ царя и патріарха онъ упалъ на колѣни.

— Ты кто?—спросилъ Алексѣй Михайловичъ.

— Я—злодѣй, государь, великій злодѣй... Вотъ ужъ болѣе двухсотъ лѣтъ брожу я по землѣ, и меня мать сыра земля не примаетъ... Охъ, тяжки мои муки, тяжки,—говорилъ незнакомецъ,—ни молиться я не могу, ни плакать... Царь государь и ты, святѣйшій патріархъ, разрѣшите душу мою и тѣло мое смрадное, хоть бы земля-то меня приняла!

— Да кто ты?—вторично спросилъ Алексѣй Михайловичъ.

— Я—злодѣй великій, воръ твой государевъ, донской казакъ Стенька Разинъ.

Всѣ на минуту оцѣненѣли. Слышно было только, какъ въ каминной трубѣ плакалъ вѣтеръ, но мнѣ казалось, что это рыдаетъ мелодія сонаты Бетховена C-moll.

— Батюшка! прости его!—вдругъ послышался голосъ юной царевны, какъ плачущая мелодія сонаты.—Святѣйшій патріархъ! разрѣши его душу и тѣло!

По лицу Алексѣя Михайловича прошелъ неуловимый свѣтъ теплоты и жалости.

— Я прощаю тебя, Степанъ,—сказалъ онъ, протягивая руку къ стоявшему на колѣняхъ призраку.— Всѣ мы одинаково грѣшны передъ Господомъ... Вонъ онъ говоритъ («тишайшій» указалъ на бюстъ историка), будто мы не умѣли отклонять и прекращать...

Призракъ Разина дрожалъ съ головы до ногъ.

— Святѣйшій патріархъ!—опять послышалась мелодія дѣвическаго голоса:—разрѣши!

Никонъ всталъ, и, протягивая руку надъ головою призрака, громко сказалъ:—Данною мнѣ отъ бога властію прощаю и разрѣшаю! Земля еси—и въ землю отыди!

Послышалось что-то въ родѣ тихаго стона, и призракъ какъ будто опустился и исчезъ... Но въ то же время надъ нами явственно зазвучалъ чей-то голосъ.

«Земля! земля! вотъ кто наслѣдники твои!

«Мы—только пузыри, вскочившіе надъ ними!

«Чтобъ лопнуть—и потомъ, со всѣми остальными,

«Сынами стать тебѣ средь истинной семьи.

«Твой ключъ сама есть смерть; порталъ твой есть гробницъ;

«Твои селенія—кладбища и гроба;

«Сама ты—погребъ ихъ и трупная столица,

«Ты мѣръ покойниковъ и самая судьба:

«Кругомъ, со всѣхъ сторонъ, и прахъ, и пепелище,

«Отъ верху до низу—ты вся одно кладбище!»

— Кто это?—изумленно спросилъ Алексѣй Михайловичъ, прислушиваясь:—да, кладбище, одно кладбище... Вотъ и мы всѣ изъ гробовъ да изъ земли вышли, чтобъ смущать живущихъ...

А невѣдомый голосъ все звучалъ,—и я зналъ, что онъ исходитъ изъ моей души, потому что, читая вчера вечеромъ Байрона, я былъ глубоко потрясенъ его мрачной поэзіей, и теперь взволнованный умъ мой повторялъ роковые выводы поэта...

Между тѣмъ, жилище мое все болѣе и болѣе наполнялось призраками, тѣнями прошедшаго, вышедшими изъ могилъ: думный дьякъ Алмазь Ивановъ, князь Семень Прозоровскій, Аѳанасій Ординъ-Нащокинъ съ сыномъ своимъ Воиномъ, гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій, князь Юрій Борятинскій,—все это двигалось, какъ въ панорамѣ или въ волшебномъ фонарѣ...

Дьякъ Алмазь Ивановъ переходилъ отъ шкафа къ шкафу, роясь въ книгахъ. Молодой Ординъ-Нащокинъ неподвижно стоялъ передъ панорамой, изображающей видъ Венеціи съ моря и съ *Sanale Grande*, гдѣ онъ когда-то по цѣлымъ днямъ бродилъ тоскливо, не смѣя возвратиться на родину, откуда онъ бѣжалъ такъ преступно. Брюховецкій не отводилъ глазъ отъ бюста Шевченка, стоящаго на одномъ изъ шкафовъ съ книгами, и съ удивленіемъ повторялъ: «казакъ, точно казакъ—и усы, и смушковая шапка, только чуба не видать»...

А царевна Софья Алексѣевна, съ свойственной ей живостью, отыскала гдѣ-то на нижнихъ полкахъ любимую свою книгу—«Лусидаріусъ или золотой бисеръ», и, теребя отца за бороду, уже читала ему вслухъ:

— Слушай, какіе бываютъ люди отъ рожденія подъ планитами: понеже нѣкія планиты или звѣзды суть студены естествомъ, а нѣкія волглы естествомъ, тѣ самыя естества приѣмлетъ человѣкъ отъ звѣздъ: который человѣкъ студенаго и сухаго естества есть, той молчати любитъ и нескоро вѣритъ, что слышитъ, дондеже испытно уразумѣетъ, а который человѣкъ студенаго и волглаго естества, той что ежели слышитъ, вскорѣ высказываетъ и много глаголетъ; а который горячаго и сухаго естества, той есть дерзъ руками и храбръ и имать желаніе на многія жены и зѣло непостояненъ въ любви. Сего ради писаніе повѣдаеть, еже планити Марсъ или реци Арисъ горячаго и сухаго естества есть; жена же горячаго и волглаго естества—та есть проста и милосерда и замыслива и зѣло къ похоти любива... А ты котораго естества?—спросила она вдругъ отца.

— Не знаю, стрекоза,—улыбнулся «тихайшій», трепля по щекѣ свою любимицу.

— А когда ты родился? подъ какою планитою? А! помню—въ мартѣ мѣсяцѣ... Такъ, значитъ, подъ планитою Марсомъ... А! такъ ты дерзъ руками—потому: горячаго и сухаго естества, и храбръ... и зѣло непостояненъ въ любви,—болтала юная шалунья.

Алексѣй Михайловичъ невольно разсмѣялся:

— Ахъ, ты, дурочка! Правду сказалъ тотъ, што хотѣлъ про-
водить тебя: дурочка де какая-то.

— Нѣтъ, я не дурочка,—не соглашалась царевна.

-- А што я дерзъ руками—это правда,—снова улынулся «ти-
шайшій»:—вонъ тотъ (онъ указалъ на бюстъ Костомарова) пишетъ
обо мнѣ, будто я тестя свою Илью собственноручно отгаскалъ за
бороду.

Я глянулъ на Никона: онъ весь углубился въ чтеніе «Русской
исторіи».

— Вишь каково обо мнѣ пишете,—бормоталъ онъ:—«патріархъ
Никонъ—одинъ изъ самыхъ крупныхъ, могучихъ дѣятелей русской
исторіи»... То-то—крупный, могучій... А этого крупнаго въ Фера-
понтовъ заточили... Намъ, чу, крупные не къ двору--намъ мелкота,
мелюзга по плечу, оттого и люблю...

Между тѣмъ, выходцы съ того свѣта являлись одинъ за дру-
гимъ: князь Василій Васильевичъ Голицынъ, при видѣ котораго
юная царевна вся вспыхнула и потупилась,—стрѣльцы въ крас-
ныхъ кафтанахъ, среди нихъ «Тараруй», Никита-пустосвятъ, мо-
нахи, запорожцы,—все это мѣшалось, какъ въ калейдоскопѣ, дви-
галось, говорило...

А въ моей взволнованной душѣ звучалъ все тотъ же стихъ, ко-
торымъ мысль моя, утомленная блужданіемъ въ прошедшемъ, была,
такъ сказать, черезъ край переполнена:

«О, вы, подземные жильцы и властелины,
«Вы, милліоны тѣлъ, дожившіе до глины,
«Вы, тысячи вѣковъ, образовавшихъ тукъ,
«Который топчемъ мы, какъ почву для паханья,
«Скажите, что вы тамъ?—и есть ли тамъ хоть звукъ?
«Хоть лучъ какойнибудь? хоть мѣсто для дыханья?
«Иль все тамъ только ночь во всемъ ея затменѣ,
«Со всѣмъ безмолвіемъ, и холодомъ, и мракомъ,
«И вѣчной пустотой, при вѣчномъ зачумленѣ,
«По городамъ гробовъ, разсыпавшихся прахомъ?»...

Вдругъ я увидѣлъ въ дверяхъ фигуру нашего старшаго двор-
ника Филиппа.

— Ваше превосходительство!—робко сказалъ онъ:—околотопный
спрашиваетъ, что у васъ за собраніе въ такой поздній часъ?
Какъ бы не тово...

Я испугался и проснулся... Въ окна, изъ-за шторъ, уже брез-
жило пасмурное петербургское утро.

Д. Л. Мордовцевъ.

ПРОКЛЯТІЕ ДО СЕДЬМОГО КОЛѢНА.

Семейная легенда.

ТѢ БАБУШКИ моей, А. П. В—ской, я слышала не разъ, что на семью нашу въ концѣ XVII в. наложено «проклятіе до седьмого колѣна». И бабушка рассказывала исторію грѣха нашихъ прапрадѣдовъ, навлекшаго такую кару, и объясняла, что дѣйствіе проклятія грозно сказалось впервые во время Пугачевщины, и что тяготѣетъ оно въ разныхъ формахъ будто бы и по сіе время, ибо «седьмое колѣно» еще не изъяло: его представляютъ собою наряду съ прочими родственниками и мои дѣти.

Дѣдъ моей бабушки, И. И. С—въ, женатъ былъ на Фр—ой-Б—вой, единственной дочери той четы Фр—хъ-Б—хъ, которая навлекла проклятіе народъ свой.

Попытаюсь передать эту семейную легенду, какъ со словъ моей бабушки сложилась она въ моемъ воображеніи и памяти.

I.

Иванъ Тимошеевичъ Ф—въ-Б—въ былъ человѣкъ рыхлый, мягкій и смирный. Воспитывался онъ въ довольствѣ и праздности въ родовомъ имѣніи П—нской губерніи у матери-вдовы. Грамотенъ былъ настолько, насколько могъ обучить его добрый приходскій попъ—о. Игнатій. Книгъ не читалъ, да ихъ и не водилось во Фроловкѣ. Зато богомоловъ, странниковъ, монаховъ и монахинь

много принимала у себя его матушка, и во Фроловкѣ для нихъ всегда былъ открытый столъ и радушный пріютъ.

Иванъ Тимоѣевичъ съ дѣтскихъ лѣтъ любилъ слушать рассказы этихъ гостей о видѣнныхъ ими святыняхъ, о чудесахъ и о мирномъ житіи кроткихъ старцевъ въ лѣсахъ дремучихъ или на горахъ неприступныхъ. Часами, бывало, просиживалъ, слушая ихъ, маленькій, пухлый, но безъ краски въ лицѣ, мальчикъ. Сидитъ, упершись локотками въ накрытый столъ, склонивъ курчавую, русую голову на пухлыя ручки и устремивъ задумчивый взглядъ въ окошко, въ свѣтлую даль, если день былъ, или на красный, тусклый огонекъ нагорѣвшей сальной свѣчи, если бесѣда затянется къ ночи. И заснетъ тутъ, бывало, и только соннаго могутъ его, матушкина баловня, въ кровать уложить. А случалось и такъ: умолкнетъ рассказчица, встанутъ всѣ, чтобы, сотворивъ молитву, на покой разойтись, а мальчикъ все сидитъ съ открытыми глазами, будто продолжаетъ еще прислушиваться къ давно ужъ умолкнувшей рѣчи, или будто видитъ что передъ собою...

Восемнадцати лѣтъ ему еще не исполнилось, какъ оженила его матушка на сосѣдкѣ, дворянской сиротѣ. Добрые опекуны охотно выдали замужъ четырнадцатилѣтнюю барышню, Марѳу Степановну, за тихаго, богомольнаго барчука, въ богатую и всеми уважаемую семью. Тутъ вскорѣ умерла ударомъ фроловская старая барыня, и зажила молодая чета своимъ хозяйствомъ на полной своей волѣ.

Марѳа Степановна огневая была, съ черными острыми глазами и густыми, сросшимися бровями, высокая, тонкая и въ ту пору еще совсѣмъ дитя не сложившееся, но уже властная и умная не по лѣтамъ. И стала она, на удивленіе домашнимъ и всей округѣ, твердо и нерушимо держать установленный до нея порядокъ хозяйства и домоводства, разумно пользуясь совѣтами однихъ и твердо отстраняя непрощенное вмѣшательство другихъ.

Попрежнему всегда открытый столъ и пріютъ былъ всемъ «страннымъ людямъ», и попрежнему тихо и мечтательно слушалъ ихъ рѣчи Иванъ Тимоѣевичъ, и только толстѣлъ день ото дня: такъ ему пріятно и покойно жилось за дѣятельной и не по лѣтамъ разумной супругой.

Всеи бы хороша и привольна была ихъ жизнь, только дѣтокъ имъ Богъ не давалъ.

Прошло лѣтъ шесть ихъ супружества, а дѣтокъ нѣтъ-какъ-нѣтъ. Затосковала Марѳа Степановна и надумала взять пріемыша, трехлѣтняго безроднаго сироту съ большими ласковыми, сѣрыми глазами и пухлымъ, смѣющимся ротикомъ; онъ еще новорожденнымъ младенцемъ невѣдомо кѣмъ былъ подкинутъ бездѣтному отцу Игнатію и принятъ былъ его попадьею. Теперь попадья умерла, и о. Игнатій охотно уступилъ молодымъ супругамъ своего питомца, Григорія.

Марѳа Степановна крѣпко привязалась къ ребенку и повеселѣла, словно сама вновь дитятей стала; играла она съ нимъ, бѣгала по саду и по горницамъ; сама обшивала и наряжала его, какъ куклу, сама спать около себя укладывала и пѣла ему колыбельныя пѣсни.

Долго ли, коротко ли такъ продолжалось, а только стала по временамъ вновь тоска нападать на молодую женщину. Краска съ лица сошла; черныя брови будто еще пуще сдвинулись; не стала больше колыбельныхъ пѣсенъ пѣть и играть съ Гришей; предоставила его вѣрному попеченію любимой няни своей, Евстаѳьевны. И какъ нападетъ на нее эта ея хмара-тоска,—она бродитъ, что тѣнь неспокойная, по всему своему просторному и благоустроенному дому, и ничто въ немъ ея не радуетъ. Порядки всѣ блюдетъ она по заведенному и домъ, что полная чаша, стоитъ, но души не вкладываетъ ни въ какое дѣло молодая хозяйка. Съ тихимъ, добрымъ Иваномъ Тимоѳеевичемъ и теперь, какъ всегда, никакихъ размолвокъ у нея не бывало; всегда неизмѣнно къ нему ласковая и почтительная, неизмѣнно его именемъ отдавала она всѣ приказы по дому и по вотчинѣ, и подавались ему неизмѣнно любимыя его кушанья и питія; излюбленные гости его принимались всегда съ равнымъ почетомъ и обильнымъ угощеніемъ.

Однако, омрачавшая душу хозяйки тоска тяжкимъ, хоть и неуловимымъ гнетомъ чувствовалась всѣми, какъ домашними, такъ и пришлыми людьми и вызывала различныя догадки. Но съ соблѣзнованіемъ или вопросомъ, не только-что съ совѣтомъ, никто къ ней и приступить не смѣлъ,—такъ держала себя гордо и далеко отъ всѣхъ молодая фроловская барыня.

Много тутъ было у Марѳы Степановны съ Иваномъ Тимоѳеевичемъ по богомольямъ похожено, по разнымъ дальнимъ монастырямъ и прославленнымъ чудесами пустынямъ поѣзжено, и обѣтовъ, и жертвъ понадавано, а дѣтокъ все нѣтъ-какъ нѣтъ, и ниоткуда не получала Марѳа Степановна облегченія своей хмары-тоски.

Наступилъ пятнадцатый годъ ихъ супружества.

II.

Мѣсяцъ май на дворѣ.

Въ полномъ цвѣту стоятъ въ саду яблони. Съ заката солнечнаго заливаются соловьи въ кустахъ надъ оврагомъ.

Случилось, что въ ту пору затосковала особенно сильно Марѳа Степановна... И какъ, разъ въ эту же пору нежданной и радостной гостьей наѣхала во Фроловку изъ дальней обители инокин्या Агнія. Она была стараго дворянскаго рода, Марѳѣ Степановнѣ доводилась двоюродной теткой и, что рѣдко встрѣчалось въ помѣщичьемъ

быту того времени, была сильна въ грамотѣ и очень начитана. Быть можетъ, поэтому особенно уважала и отличала ее Марѳа Степановна отъ всѣхъ прочихъ гостей фроловскихъ. И на этотъ разъ прїѣздъ умной старицы ей по сердцу былъ, хотя хмары ея все же не разсѣялъ.

Старица Агнія давно ужъ и въ прежніе наѣзды свои зорко и не случайно приглядывалась къ этой хмарѣ своей богатой и, казалось бы, счастливой родственницы. Отъ остраго взора изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ монахини не укрылись и признаки особаго къ ней довѣрія Марѳы Степановны, но, зная нравъ ея скрытный и властный, не допускающій никакому чужому оку въ душу ея проникать, старица тщательно хранила про себя результаты своихъ наблюденій.

Въ день прїѣзда матери Агніи Иванъ Тимоѳеевичъ, по обыкновенію, выспавшись послѣ ранняго и сытнаго обѣда, вышелъ изъ спальни, присѣлъ на крылечко и въ ожиданіи чая и новостей отъ прїѣзжей гостыи вдыхалъ съ удовольствіемъ ароматный воздухъ теплаго дня.

Тутъ же, стоя около него, Марѳа Степановна давала приказанія своей старой нянѣ и ключницѣ о томъ, что собрать къ чаю.

Вышла изъ горницы, отдохнувъ съ дороги, и старица Агнія. Это была маленькая, сухонькая и блѣдная женщина, лѣтъ пятидесяти, съ тонкими губами и неугасимымъ огонькомъ въ черныхъ умныхъ глазахъ.

Окидывая умленнымъ взоромъ цвѣтуція яблони сада и зеленѣющую на дворѣ травку съ желтыми цвѣточками, она молвила, обращаясь къ хозяйкѣ:

— Красень у Бога майскій вечеръ! А не прикажешь ли, разумница, столъ-то къ чаю подъ яблонькой собрать? Воздухъ легкій въ саду, птички Богу хвалу поютъ... Чайкомъ побалуемся, а тамъ, до заката солнышка, я бы и почитать могла вамъ, дѣтки, во славу Божию, отъ житій святыхъ угодниковъ.

— А развѣ есть у тебя, матушка, новенькія, нечитанныя житія?

— Есть, разумница, какъ не быть! Зимніе-то вечера, знаешь, долги... Не одно-то житіе списать я, грѣшная, удостоилась. Самъ о. Макарій присылалъ мнѣ дважды изъ монастырскихъ древнихъ книгъ...

Живо былъ собранъ столъ подъ яблоней, и немало на немъ было уставлено разныхъ яствъ домашнихъ подъ заботливымъ взоромъ Марѳы Степановны, но въ этотъ разъ не замѣшались за столомъ ни гостыя, ни хозяева. По слову хозяйки все живой рукой было убрано, и поставили на столъ только бражку студеную въ глиняномъ кувшинѣ да къ ней кружечку граненаго хрустала для гостыи да завѣтный серебряный ковшичекъ для Ивана Тимоѳеевича.

Старица быстрымъ, легкимъ ходомъ прошла въ домъ и обратно и вынесла изъ своего дорожнаго шелгунка рукописную книгу въ кожаномъ самодѣльномъ переплетѣ. Сѣла, благословясь, на скамью передъ столомъ и, открывъ книгу, молвила:

— Вотъ тутъ житіе преподоб...

— Матушка! да вѣдь ты ужъ читала намъ это самое житіе!— перебила ее Марѳа Степановна, заглянувъ въ знакомую книгу.— И не одинъ разъ читала! Аль запомятовала? Я его почитай-что все наизусть знаю, а Иванъ Тимоѳеевичъ и тѣмъ паче!

— И то! Запомятовала я, старая! А только новенькія и въ этой книжкѣ есть... Оставались бѣлые листочки, я и вписала на нихъ, добавила... Вотъ житіе св. мученицы Татіаны: это—какъ при малолѣтнемъ императорѣ Александрѣ Северѣ она мученіе веліе пріять сподобилась... какъ строгали ея тѣло...

— Нѣтъ ужъ!.. Уволь, матушка, не прогнѣвайся! Да мнѣ всю ночь будетъ такое грезиться... Не могу, не могу я такого слышать! Силъ моихъ нѣтъ больше!

Вспылила Марѳа Степановна, но сдержавшись тотчасъ умолкла и только губу прикусила и сдвинула черныя брови.

Жалостливо и тревожно поглядѣвъ на любимую жену, Иванъ Тимоѳеевичъ и самъ вступился.

— Ты... это, мать,—послѣ, когда... мнѣ-то... а ей-то, какое бы тихое да радостное... А то она, ишь, бѣдная, какъ...

Иванъ Тимоѳеевичъ имѣлъ привычку не договаривать своихъ рѣчей, словно ему лѣнь было лишнее слово сообразить и выговорить.

— Ну, и задачу же вы мнѣ задали, друзья мои милые! И новенькое-то вамъ подавай, и чтобы не мучительное... Житіе слушать собрались и хотите, чтобы не мучительное!—приговаривала мать Агнія, перелистывая книгу.

— Два у меня здѣсь только новенькихъ-то. Больше нѣту.

Окончательно овладѣвъ собою, Марѳа Степановна возразила кротко.

— Да вѣдь ты сказывала, матушка, что нѣсколько новыхъ переписала,—вотъ что отъ отца-то Макарія?

— Да вотъ, поди-жь ты! Не ту книгу я съ собою захватила: думала—новую положила, анъ въ шелгункѣ-то старая оказалась!

— Да вѣдь и въ этой книжкѣ у тебя два новыхъ житія вписано: ну, одно про Татіану, а другое-то?

— Да вотъ другое-то... прости, Господи, мое прегрѣшеніе!—такое, что по человѣческой любви моей къ вамъ, дѣтки, не хотѣла я и съ собой-то брать это, другое-то житіе... а вотъ оно какъ выходитъ-то...

— Да отчего же, матушка?! По какой причинѣ? Развѣ и въ немъ все пытки да страсти?

— Нѣтъ! Ни пытокъ, ни страстей въ немъ нѣту никакихъ. Тихое оно и радостное. А лучше вамъ его не читать!

— Да за что же такъ, матушка?—загорячилась вновь Марѳа Степановна, задѣтая женскимъ любопытствомъ.—Или ужъ мы не достойны и слушать даже про такихъ святыхъ... про ихъ жизнь тихую и радостную?

— Угадала ты, разумница, да не совсѣмъ: вы то какъ разъ оба и достойны, но вамъ-то этого и не слѣдуетъ читать.

— Да нѣтъ же! Что ужъ это такое, матушка! Что это, какія ты загадки загадываешь!

Марѳа Степановна даже съ мѣста своего поднялась. А потомъ, вдругъ, склонясь передъ старицей и охвативъ ея тощія колѣни, припала къ нимъ головой и стала молить.

— Прочитай, матушка! вѣдь недостойныхъ-то ради и Христосъ не погнушался на землю сойти... прочитай, матушка!

Какъ бы сдаваясь на мольбу, старица перекрестилась и нерѣшительно раскрыла книгу на послѣднемъ, вписанномъ въ ней житіи.

Иванъ Тимоѳеевичъ подтвердилъ просьбу жены, примолвивъ:

— Прочитай, мать! ишь, какъ она...

Марѳа Степановна такъ и застыла у ногъ инокини и только вздрагивала въ страстномъ ожиданіи.

— Ахъ, не хотѣла я и не чаяла эту книгу въ шелгункѣ найти... Вы же оба такъ меня понуждаете: читай да читай! Что-жъ, можетъ, и въ томъ перстѣ Божій? Его святая воля!.. Приступимъ...

И прочла хитрая старица житіе, чуть ли не завѣдомо апокрифическое, которое нарочито для этого случая изъ дальняго монастыря доставала и списывала. Въ житіи этомъ говорилось о молодыхъ, бездѣтныхъ супругахъ, которымъ было откровеніе отъ Бога въ сонномъ видѣніи, чтобы не жить имъ грѣшною жизнью безплодной смоковницы, но разставшись посвятить себя молитвенному труду за весь грѣшный міръ, пріявъ чинъ ангельскій въ двухъ отдаленныхъ одна отъ другой обителяхъ.

Надо отдать справедливость матери Агніи: хоть и читала она это житіе по заранѣе обдуманному плану, въ успѣхъ коего была почти увѣрена, но ликованія душевнаго, читая, не испытывала, а думала такъ: «слукавила я, грѣшная! а лучше бы безо гланья!» Но тутъ же утѣшала себя мыслию, что «будетъ эта ложь во спасенье: души чадъ сихъ ко Господу приведу... и убогую обитель нашу поддержу! а свой-то грѣхъ ужъ отмолю какънибудь у Господа Бога».

Окончила чтеніе мать Агнія и закрыла книгу.

Солнышко за лѣсъ садилось. Соловей защелкалъ въ кустахъ, и потянуло изъ оврага вечерней сыростью.

Поднялась Марѳа Степановна и стала тихо, необычно сама прибирать, что надо было, со стола.

Потомъ всѣ направились въ столовую горницу къ ужину.

На столѣ уже разставлены были цвѣтныя настоечки и разныя соленья къ закускѣ. Скоро заklubился и паръ отъ ароматной ухи изъ свѣжей рыбы для матери Агніи и отъ излюбленнаго Иваномъ Тимоѣевичемъ жирнаго борща. Появились сочные, словно янтарные, въ маслѣ вареники. Все было, кажись, какъ всегда... но ужинъ этотъ проходилъ въ молчаніи необычайномъ. Прослушавъ предтрапезную молитву матери Агніи, хозяева сѣли, не произнеся ни единого слова, и тишина стояла нерушимая, ибо изъ сидящихъ за столомъ праживальщицъ никто не рѣшался первымъ свое слово молвить.

Не нарушала на этотъ разъ молчанія и разговорчивая обычно смѣлая мать Агніа.

Помолясь послѣ ужина, грузно поднялся Иванъ Тимоѣевичъ и направился, вздыхая, къ опочивальнѣ.

Молча, поклономъ поблагодаривъ хозяевъ, всѣ домочадцы какъ-то особенно быстро и тихо исчезли изъ столовой; такъ же удалась незамѣтно и мать Агніа. Только Марѣа Степановна задержалась, отдавая приказанія по хозяйству назавтра.

Рано поднялась на слѣдующее утро мать Агніа и, спѣшно собравшись, ссылаясь на неотложныя порученія матери игуменьи, съѣхала со двора.

III.

Недѣли черезъ три изъ Фроловской вотчины прошелъ слухъ по всей округѣ, что въ господской усадьбѣ дивное творится: старинные сундуки, окованные желѣзомъ, по барскому приказу были вынесены изъ кладовыхъ и подваловъ, и сама барыня, Марѣа Степановна, своими руками все господское добро въ нихъ укладывала; куда—ковры персидскіе, куда—серебряную посуду, фарфоры и хрустали заграничныя, куда—холсты, кружева, робы парчевые и бариновы шитые золотомъ парадные кафтаны и камзолы... Все поштучно, подъ нумерами вписывала барыня въ записную книжку; наполненные сундуки тоже нумерами мѣтила и на замки сама заперала, а ключи отъ нихъ нанизывала на шелковый поясочекъ.

Когда всѣ сундуки были снова по мѣстамъ разставлены, а въ горницахъ остались только вещи не цѣнныя и самаго необходимаго обихода, Марѣа Степановна объявила бариновъ приказъ, чтобы къ назначенному дню и часу всѣмъ домохозяевамъ ихъ вотчины собраться на барскій дворъ.

И собралась въ указанный срокъ вся Фроловская вотчина; пришелъ по особому зову и добрый, старый попъ Игнатій съ дьячкомъ и принесъ въ узелкѣ облаченіе, крестъ и Евангеліе.

Иванъ Тимоѣевичъ съ Марѣой Степановной рука объ руку вышли на высокое крылечко, и тутъ, къ общему удивленію, Иванъ

Тимошеевичъ впервые самъ обратился съ рѣчью ко всему многолюдству.

Среди толпы, онѣмѣвшей въ чаяніи чего-то дивнаго и небывалаго, твердо и явственно зазвучалъ голосъ барина. Иванъ Тимошеевичъ объяснилъ, что соизволеніемъ Божиимъ онъ и Богомъ данная ему супруга, Марѳа Степановна, съ которою въ сердечномъ дружествѣ и вѣрности прожили они четырнадцать лѣтъ своего супружества, нынѣ въ дружескомъ соглашеніи между собою присудили—остатокъ жизни своей посвятить молитвенному подвигу, принявъ охотно иноческій чинъ, онъ—въ такой-то мужской обители, она—въ такой-то женской.

Волной всколыхнулась толпа, какъ отъ налетѣвшаго вихря. Поднялся невнятный ропотъ, раздались возгласы удивленія, неодобренія... Но тутъ же стихло и замерло всякое движеніе, покрытое болѣе привычнымъ, звонкимъ и властнымъ голосомъ барыни Марѳы Степановны. Отъ имени супруга своего она стала читать написанную имъ его волю.

Объявлялось всѣмъ, что назначаетъ Иванъ Тимошеевичъ управителемъ надъ всею вотчиною вѣрнаго стараго слугу своего, Тихона Никитича, всѣми любимаго и уважаемаго, и что этому Никитичу строго приказываетъ вотчиннымъ людямъ и дворовымъ холопамъ всякую оказывать справедливость, а мужикамъ и дворовымъ людямъ—слушаться Никитича безпрекословно. Содержаніе и воспитаніе пріемнаго сына Григорія довѣряется нянѣ, Евстаѣевнѣ, а вящій надзоръ за нимъ, наставленіе и обученіе—о. Игнатію, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. Изъ доходовъ имѣнія отпускать—въ распоряженіе священника о. Игнатія на воспитаніе Григорія столько-то рублей... да столько-то отпускать натурою, да столько-то рублей оставлять Тихону на содержаніе дома и хозяйства. Изъ остального же дохода посылать ежегодно въ указанные сроки въ такую-то мужскую обитель и въ такую-то женскую по столько-то и натурою въ оба монастыря поставлять—мукой, крупой, яйцами, масломъ, холстомъ—по столько-то, и все сдавать подъ расписку келаря или казначея тѣхъ монастырей.

Такимъ образомъ, уходя въ монашество, супруги все же оставляли за собою владѣніе и распоряженіе своею недвижимою собственностію и крестьянами; о томъ же, насколько такое распоряженіе законно и сообразно съ иноческимъ званіемъ, они не задумывались. О передачѣ же въ собственность монастырямъ своего родового имущества Иванъ Тимошеевичъ и не помышлялъ, а желалъ все сохранить для пріемнаго сына Григорія. Замѣчательно, что въ такомъ оставленіи за собою правъ владѣнія онъ ни встрѣтилъ, и по принятіи иночества, никакого дѣятельнаго сопроти-

вленія ни со стороны монастыря, ни со стороны родственниковъ или властей ¹⁾).

Прочитавъ волю супруга своего и не давъ никому времени опомниться отъ неожиданности, тотчасъ же обратилась Марѳа Степановна къ о. Игнатію,—моль, начинай, батюшка, немедля напутственное молебствіе. Накрытый столикъ съ иконою и лампадой былъ заранѣе тутъ же передъ крыльцомъ приготовленъ.

Иванъ Тимоѳеевичъ и Марѳа Степановна сошли съ крыльца и стали за о. Игнатіемъ впереди народа. Въ концѣ молебствія приложились къ кресту и Евангелію, Марѳа Степановна тотчасъ же всѣмъ вотчиннымъ людямъ приказала цѣловать крестъ на томъ, что объявленную имъ волю барина ихъ, Ивана Тимоѳеевича, будутъ свято блюсти.

Какъ громомъ, поразила всѣхъ внезапность неслыханнаго рѣшенія молодыхъ супруговъ, и еще болѣе—быстрота его выполненія.

Престарѣлый о. Игнатій обомлѣлъ совсѣмъ, растерялся и подъ строгимъ взоромъ молодой барыни могъ только механически и безпрекословно исполнять ея волю.

Дрожащимъ срывающимся голосомъ произносилъ онъ въ привычномъ порядкѣ слова молебствія, а въ смятенномъ его разумѣ и сердцѣ явственно звучали другія слова, имъ же произносимыя при совершеніи таинства брака: «Что Богъ сочеталъ, человекъ да не разлучаетъ»... и это велѣніе представлялось ему повелительнѣе и святѣе, и понятнѣе предпринятаго супругами необычайнаго подвига.

Съ ранняго дѣтства ихъ онъ зналъ ихъ обоихъ; оба были его духовными чадами и учениками, которымъ онъ не корыстно, но любовно и по совѣсти передавалъ и ту грамоту, и тѣ «науки», что уцѣлѣли въ его памяти отъ бурсацкаго обученія. Онъ любилъ ихъ, и ему было ихъ жалко.

Рѣшимость ихъ была ему совершенно непонятна.

Но, не давъ и ему опомниться отъ овладѣвшаго имъ смущенія, Марѳа Степановна и Иванъ Тимоѳеевичъ низко всѣмъ собравшимся поклонились, прося простить, въ чемъ вольно или невольно передъ кѣмъ погрѣшили, и пожелать имъ отъ Бога спасенія и мира душевнаго.

Тутъ поднялся ужъ неудержимый вопль рыданій, мольбы—не покидать, одуматься!..

И подъ этотъ вопль Иванъ Тимоѳеевичъ и Марѳа Степановна стали прощаться съ пріемнымъ сыномъ Григоріемъ и наставлятъ его.

¹⁾ Уставы нѣкоторыхъ монастырей допускаютъ владѣніе личной собственностью лицамъ, даже принявшимъ постригъ.

«истор. вѣстн.», январь, 1905 г., т. хххх.

Мальчику было уже одиннадцать лѣтъ; онъ былъ рослый, красивый, съ тѣми же широко раскрытыми и какъ будто всегда ласковыми сѣрыми глазами, въ сущности никакого душевнаго движенія не выражающими. Дворовые люди его не любили и прозвали «безчувственнымъ».

Потомъ прощанье было съ о. Игнатіемъ и со всѣми домашними.

Затѣмъ, Марѳа Степановна поклонилась зѣмно супругу своему; онъ обнялъ ее и зарыдалъ.

Она повела его подъ руку къ приготовленной заранѣе дорожной колымагѣ и помогла ему усѣсться попокойнѣе, не забывъ окинуть привычнымъ взоромъ, все ли собранное ему въ дорогу удобно уложено.

Потомъ сѣла сама въ большой крытый тарантасъ.

Народъ разступился, и сопровождаемые горестнымъ воплемъ фроловскіе господа выѣхали...

Отъ воротъ экипажи ихъ повернули въ разныя стороны.

IV.

Миновало шесть лѣтъ.

Григорій ужъ четвертый годъ учится въ Казанской гимназіи.

Отецъ Игнатій, по выѣздѣ господъ изъ Фроловки, совсѣмъ захирѣлъ и затосковалъ. Люди говорили, что онъ даже умомъ тронулся и заговариваться сталъ, и въ тотъ приходъ ждали уже новаго попа, ибо о. Игнатій просился въ заштатъ.

Пусто, печально въ покинутой Фроловкѣ. Одиноко проживали тамъ Евстаѣевна и Тихонъ Никитичъ, блюдя барское добро, правя хозяйствомъ и доставляя въ два монастыри въ указанные сроки положенное—рублями и натурою. Дворовую женскую прислугу Евстаѣевна занимала пряжей, тканьемъ и плетеніемъ кружевъ.

Стояла поздняя зима.

Ночь. Февральская вьюга крутитъ запоздалымъ снѣгомъ.

Верстъ за шесть отъ Фроловки, на снѣжномъ полѣ, передъ въѣдомъ въ ближайшій къ Фроловкѣ лѣсъ, затемнѣлось въ метели что-то длинное. Это—мѣстныя сани, плетенныя на манеръ кибитки,—кошевкой и по сіе время зовутся,—запряжены тройкой гусемъ. На тускломъ фонѣ снѣжной вьюги не разобрать, движутся они, или стоятъ. По неровному перебою бубенчиковъ, то едва слышному, то вовсе замиравшему, будто движутся.. и будто приближаются къ лѣсу, что обозначился туманной стѣной передъ ними.

Изъ саней слышны причитанія бабьяго слезливаго голоса и грубоватыя увѣщанія стараго возницы, съ которыми онъ обращался къ кому-то подъ занесенную снѣгомъ кошевку.

Но, кромѣ слезливой бабы, въ подушкахъ, подъ кошмой былъ кто-то еще, говорившій повелительно и звонко.

Изъ-подъ кошмы раздался приказъ: «въѣхать въ лѣсъ поглубже, гдѣ защита отъ вьюги, и тамъ переждать до утра, чтобы не сбиться съ пути!»

Въѣхали въ лѣсъ. Не успѣли остановиться, какъ наѣхали на встрѣчныя сани—ямскія, парой. Лошади перепутались постромками. Начались переговоры возницъ; выяснилось, что ямщикъ везетъ монаха, посланнаго зачѣмъ-то въ губернской городъ и захваченнаго на обратномъ пути лихорадкою. Какъ выѣхали съ ближней станціи, монахъ бредить сталъ, а теперь что-то затихъ вовсе... не замерзъ ли, гляди?

А первый возница объяснилъ, что везетъ двухъ монахинь въ городъ...

Пока объяснялись возницы, распутывая коней и приводя въ порядокъ порвавшіяся постромки, въ первой кошевкѣ что-то зашевелилось, и изъ-подъ кошмы вылѣзла завернутая въ большую медвѣжьё шубу фигура и направилась, шагая по сугробу, къ саямъ, гдѣ лежалъ больной.

На пути она остановилась и крикнула своему возницѣ.

— Высѣкай огонь! Мнѣ—фонарь зажечь. Живо подавь!

Возница заторопился, настигъ фигуру въ медвѣжьей шубѣ и проворно засвѣтилъ фонарь и подалъ.

Освѣтилось молодое лицо съ горящими глазами изъ-подъ заиндевѣлыхъ сросшихся бровей. Это была барыня Марѳа Степановна, въ иночествѣ мать Манеѳа.

Властнымъ движеніемъ отвернула она кошму, прикрывавшую больного. Онъ лежалъ на боку, на соломѣ, набитой въ кошевку. Манеѳа освѣтила его лицо.

— Царица небесная!.. Иванъ Тимоѳеевичъ!..

Затѣмъ послѣдовала звонкая команда.

— Мать Иринея! Вылѣзай! Ты сядешь въ малыя ямскія сани. Ямщикъ и Софроничъ, несите больного въ наши сани!

Мать Манеѳа сняла свою медвѣжьё шубу, ловко и быстро обернула ею больного поверхъ его шубы, сама осталась въ легкомъ лисьемъ шугайчикѣ; а пока возницы поднимали больного и несли, она энергично высадивъ заартачившуюся было мать Иринею, расправила, какъ надо, въ своей кошевкѣ сѣно и пуховыя подушки. На эту постель съ ея помощью положили больного, занявшаго всю середину кошевки. Она присѣла около него сбоку.

— Теперь, ямщикъ, поворачивай назадъ, откуда ѣхалъ! За лѣсомъ, верстахъ въ пяти будетъ церковь... я укажу дорогу... тамъ къ попову двору заворачивай.

Мать Иринея слезливо гнусила, кому-то въ чемъ-то перечая; ямщикъ протестовалъ, объясняя, что онъ ужъ пытался къ этому

самому попу подвести больного, да ворота заложены, и никто тамъ голоса не подавалъ, сколько ни стучался, что—мертвые! опять же— и путь снѣгомъ замело, не попадешь на старый слѣдъ.

— Ну-ну! Поговори еще у меня!—быль отвѣтъ.—Трогай, съ Богомъ! Поворачивай, да держи впереди: твои лошади сами по своему слѣду найдутъ, а мы—сзади... А попъ насъ приметъ.

Ямщикъ сталъ заворачивать. Поѣхали.

Мать Манеѳа приткнулась сбоку на краю кошевки и положила руку свою подъ голову больного. Пригнувшись къ нему лицомъ, она стала дышать подъ шубу въ лицо обмершему и грѣть его ху- дыя руки на своей груди, подъ полую своей лисьей шубейки.

V.

Старый попъ Игнатій одиноко умиралъ въ занесенной снѣгомъ хатѣ своей.

Задолго до свѣта послышались сквозь свистъ вѣтра дорожные звонки и замерли у самой хаты. Раздался стукъ въ ворота.

Горбатая старуха, попова работница, въ это время ужъ раз- жигала огонь въ печи.

Старуха метнулась къ оконцу, да не видать ничего за снѣж- нымъ сугробомъ.

А стучались сильно.

Инокія Манеѳа, выйдя изъ саней, приказала снова огонь вы- сѣкать и засвѣтить фонарь, а сама, взявшись за скобу поповой калитки, застучала и закричала, чтобы отпирали. Ея сильный голосъ покрылъ на моментъ даже стонъ вьюги.

Заскрипѣли древнія ступени попова крылечка, и раздался изъ сѣней старческой голосъ.

— Кой лѣшій ломится?

— Фроловская барыня, Марѳа Степановна, въ иночествѣ Ма- неѳа!—быль отвѣтъ.

Дверь отворилась, и фонарь освѣтилъ искаженное страхомъ лицо горбуньи.

Еще моментъ, и, кинувшись въ ноги, она барахталась въ снѣж- номъ сугробѣ, обнимая обледенѣлыя колѣни своей бывшей барыни и выкрикивая безсвязныя причитанья.

Горбунья подарена была Марѳой Степановной покойной попадѣ.

— Стащить старуху съ порога! Я посвѣчу, а вы несите въ домъ больного... Мать Иринея, шевелись!

Часъ спустя, въ согрѣтой хатѣ, передъ ярко топившейся печью, за накрытымъ столомъ, красная и толстая, какъ кубарь, мать Иринея жадно глотала горячій чай и заѣдала запасными баран- ками. За тѣмъ же столомъ согрѣвались чаемъ и закусывали, чѣмъ

Богъ послалъ, перезябшіе возницы, а вокругъ, причитая и всхлипывая, ковыляла горбунья, растроганная и взволнованная...

Въ обмерзшее окно изъ-за сугроба глядѣло сѣрое, непогожее зимнее утро.

Въ углу передъ кіотомъ горѣла лампада. За печью, на составленныхъ вмѣстѣ широкихъ лавкахъ, на высоко-взбитой перинѣ, подъ ватнымъ одѣяломъ и старыми поповскими шубами, лежалъ неподвижно исхудалый и блѣдный самъ баринъ—Иванъ Тимоѣевичъ, въ иночествѣ отецъ Іосифъ.

Высокая, тонкая инокиня стояла, склонясь къ его изголовью и напряженно внимая не то неровному дыханью больного, не то собственнымъ мыслямъ, что вихремъ крутились въ ея горячей головѣ.

Не приходя въ сознание, больной, казалось, спалъ. Сонъ постепенно становился покойнѣе, дыханье ровнѣе.

Мать Манеѣа рѣшилась наконецъ отойти отъ него, чтобы провѣдать о. Игнатія.

Умирающій священникъ лежалъ въ маленькой каморкѣ за загородкой.

При свѣтѣ утра сквозь обмерзлое, незавѣшанное окно Манеѣа увидѣла старичка совсѣмъ маленькаго, худенькаго, сѣренькаго. Онъ лежалъ на широкой кровати, совсѣмъ утонувъ въ любимомъ своемъ заячемъ архалукѣ, подаренномъ ему когда-то Иваномъ Тимоѣевичемъ, и глядѣлъ помутившимся взоромъ прямо на про-свѣтъ окна.

Обликнувъ его, Манеѣа встала такъ, чтобы свѣтъ изъ окна освѣтилъ ее сбоку.

Старичекъ перевелъ взоръ на нее и радостно улыбнулся; потомъ зашевелился, сился подняться и сѣсть. Она помогла ему сѣсть и, попросивъ благословенія, опустила на колѣни у его кровати.

Старикъ положилъ руку на ея покрытую черной скуфейкой голову. Онъ глядѣлъ ей прямо въ глаза и, очевидно, признавалъ по этимъ глазамъ и по голосу барыню Марѳу Степановну, но совершенно не признавалъ мать Манеѣу: благословляя, онъ произнесъ привычныя, старыя слова, какими, бывало, всегда сопровождалъ свое благословеніе молодой четѣ...

— Господь да будетъ съ вами, дѣтки... живите дружно, дѣтки.

— Иванъ Тимоѣевичъ тутъ... онъ боленъ... лежитъ...—тихо сказала Марѳа Степановна.

— Господь да будетъ съ нимъ... живите радостно... живите дружно.

Отецъ Игнатій говорилъ полубезсознательно и едва внятно, заплетающимся языкомъ.

Но внятно и многозначителенъ былъ смыслъ его словъ для Марѳы Степановны, отвѣчихъ собственной ея сокровенной думѣ.

Она склонилась, чтобы поцѣловать сухую руку умирающаго, и неожиданно заплакала непривычными ей тихими, успокоительными слезами.

Теперь она уже знала, что никакая сила не заставит ее покинуть Ивана Тимоѣевича... только бы ему выздоровѣть!..

VI.

Прошло три мѣсяца. Была весна 1773 года.

Снова теплое, майское утро освѣтило и пригрѣло повеселѣвшую и словно проснувшуюся отъ долгаго, тяжкаго сна старую Фроловку.

Снова яблони усыпали бѣлорозовыми лепестками запущенный садикъ и ту самую лужайку, гдѣ шесть лѣтъ тому назадъ, «по ошибкѣ своей или по промыслу Божію», читала мать Агнія роковое житіе.

На крылечкѣ, выходящемъ во дворъ, опять сидитъ самъ фроловскій баринъ. Въ нарядномъ, пестромъ архалучкѣ бухарскаго шелка, въ шитой шелками и золотомъ ермолкѣ на русыхъ кудряхъ—не похожъ онъ вовсе на инока Іосифа. И вотъ что странно: еще того меньше похожъ онъ на прежняго фроловскаго барина, Ивана Тимоѣевича! Ужъ онъ больше не рыхлый, не пухлый, а сухой и стройный; черты лица обострились, и между бровей легла складка и нарушила безмятежный характеръ бѣлаго лба, а въ глазахъ, вмѣстѣ съ прежнею добротою, искрится будто и угроза или вызовъ кому-то...

У ногъ его сидитъ на ступенькѣ Марѣя Степановна въ накинутой поверхъ бѣлаго утренняго шлафрока голубой душегрѣйкѣ, отороченной лебяжьимъ пухомъ; голова повязана бѣлой батистовой косынкой (точь въ точь, какъ на одномъ женскомъ портретѣ Кипренскаго въ Третьяковской галлерей); а въ черной пряди волосъ, упавшей изъ-подъ косынки, замѣтно серебрится ранняя сѣдина... Марѣя Степановнѣ 34 года. Сидитъ она, упершись локтями въ колѣна и склонивъ голову на розовыя ладони; прищурясь задумчиво, она смотритъ въ неясную даль. И въ этой позѣ она точно меньше вся, мягче, женственнѣе, чѣмъ бывало...

Послышался отдаленный звонъ дорожнаго колокольчика.

Оба насторожились.

Колокольчикъ все ближе, ближе... а вотъ и топотъ копытъ и громыханье колесъ черезъ мостикъ, на поворотѣ въ усадьбу.

Надо сказать, что съ марта мѣсяца, какъ только сталъ поправляться отъ тяжкой болѣзни Иванъ Тимоѣевичъ, повелась дѣятельная переписка и разгонъ посыльныхъ между Фроловкой и тѣмъ монастыремъ, гдѣ въ эту пору уже была игуменьей мать Агнія. Дѣло въ томъ, что игуменья Агнія въ февралѣ мѣсяцѣ послала свою любимицу и родственницу, инокиню Манею, съ очень

лестнымъ для молодой монахини и весьма важнымъ для обители дипломатическимъ порученіемъ въ губернской городъ, гдѣ въ это время должно было находиться проѣздомъ одно очень вліятельное и близкое ко двору лицо. И вотъ такимъ-то лестнымъ и важнымъ для бѣдной Агніевой обители порученіемъ пренебрегла мать Манеѳа, всецѣло отдавшись уходу за больнымъ, случайно на пути встрѣченнымъ ею мужемъ ея, съ которымъ немедля водворилась во Фроловкѣ на диво и на радость своимъ людямъ. Мать Иринею, приставленную къ ней въ сопутницы, она тогда же, сряду, за неадабностію вернула обратно въ обитель, а о себѣ отписала игуменьѣ, что не чувствуетъ себя больше достойною и способною вернуться къ иноческой жизни, и просила на томъ ее простить или покарать, какъ на то мать игуменья соизволить. Въ такомъ же смыслѣ относительно себя увѣдомилъ и Иванъ Тимоѳеевичъ своего игумена... А тотъ, снесясь съ Агніей, предоставилъ ей воздѣйствовать на обоихъ. И полетѣли крылатыя письма между Фроловкой и Агніевой обителью. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ игуменья Агнія такъ характеризовала поступокъ Манеѳы: «ослушалась скверно и прелюбодѣйно, обѣтъ свой передъ Господомъ нарушивъ... забыла Бога и святую обитель... Вредъ велий, соблазнъ и поношеніе обители той учинила, коя пріяла подъ кровъ свой тебя, одержимую бѣсовскими муками, душу твою успокоила мятежную и тѣло очистила изгнаніемъ мрачнаго бѣса посредствомъ еиміама святой молитвы».

И непрестанное доставленіе въ обитель всякой провизіи въ количествѣ, много превышающемъ прежнюю норму, конечно, не могло ни успокоить мать Агнію, ни возмѣстить тотъ «вредъ велий», какой нанесенъ былъ ея обители, сколько несостоявшимся свиданіемъ Манеѳы съ вліятельной персоной, столько и самовольнымъ, обѣтонарушительнымъ снятіемъ съ себя иночества и возвращеніемъ въ міръ.

Не трогаясь со своихъ мѣстъ на крылечкѣ, увидали преступные супруги, какъ птицей летѣлъ къ нимъ изъ сада Григорій, загостившійся у нихъ послѣ Пасхи и не спѣшившій въ свою гимназію.

Перепрыгивая черезъ кусты и колоды, размахивая руками, бѣжалъ онъ, крича на бѣгу.

— Агнія ѣдетъ! Мать Агнія! Сама—въ колымагѣ четверкой съ фореиторомъ!

И лицо семнадцатилѣтняго парня сіяло сытымъ довольствомъ, а когда онъ остановился и воззрися большими сѣрыми глазами на исказившіяся ужасомъ черты его названныхъ родителей, сѣрые глаза глядѣли со свойственной имъ ничего душевнаго не выражающей веселой ласковостію.

Марѳа Степановна шевелила поблѣднѣвшими губами, мысленно произнося: «надо встать намъ... пойти... надо игуменью честь-

честью встрѣтить, въ ноги ей поклониться, повиниться... и выдержать потомъ натискъ стойко. Надо отстоять себя. Вѣдь пойметъ же она, что теперь возврата намъ въ монастыри нѣтъ и быть не можетъ! Какіе ужъ монахи!.. Вотъ скоро услышу, какъ зашевелится подъ сердцемъ ребенокъ... Пусть эпитимью наложатъ, какую хотятъ»...

Совсѣмъ иначе представилось дѣло Ивану Тимоѣевичу: встрѣтиться лицомъ къ лицу съ разъяренной игуменьей, твердо вынести ея натискъ представилось ему такой непосильной и ненужной задачей, что онъ безъ всякаго колебанія вскочилъ во весь свой ростъ и закричалъ такимъ громовымъ голосомъ, какого и самъ отъ себя не ждалъ.

— Эй!.. люди! Тихонъ, Петька, Иванъ, Кондратій!.. Запирай ворота на засовъ! Не пускать сюда монастырское воронье! Запирай!.. Не впускай!.. Шкуру слущу, кто впустилъ!

И не успѣла доколыхаться до воротъ игуменьина колымага, запряженная четверкой подаренныхъ фроловскихъ коней, какъ толпа дворовыхъ людей уже заложила засовомъ крѣпкія ворота и выстроилась около нихъ во дворѣ, дивясь и радуясь барскому голосу. А старый Тихонъ Никитичъ, отдѣляясь отъ толпы, бодрымъ ходомъ, словно помолодѣвши, двинулся было къ барскому крыльцу, въ ожиданіи новыхъ приказовъ и мысленно выговаривая: «Слава тебѣ, Господи, хоть услышали мы наконецъ своего барина! Дай ему Богъ добраго здоровьяца»,—кричитъ и ругается точь въ точь, какъ покойный его батюшка...

— Ты куда, старый дятель?!..—заоралъ на него баринъ и ногами затопалъ.

— Ступай!.. Смотри, съ задворковъ бы не того!.. Чортъ васъ дралъ, со всѣхъ сторонъ дворъ настезь!.. Анаемы! Живо, всѣ ходы и выходы... того!..

Не провинившеюся инокиней глядѣла теперь и Марѳа Степановна.

Поднявшись на крыльцо и прислонясь къ точеной колонкѣ, откуда виднѣе, она и прислушивалась къ происходившему у воротъ и сбоку поглядывала на высокую, статную фигуру милаго друга, Ивана Тимоѣевича... И точно совсѣмъ новаго человѣка она въ немъ увидала. Если неизмѣнно любила она его, какъ ребенка, любила его, тихаго и кроткаго, то теперь за этого новаго Ивана Тимоѣевича, такого неожиданно-грознаго и прекраснаго въ своемъ гнѣвѣ, она бы съ радостью и съ гордостью, вновь и вновь бы свой монастырскій обѣтъ нарушила! Души бы своей для него не пожалѣла!

А за воротами вотъ что происходило.

Экипажъ передъ запертыми воротами остановился, фореиторъ, спрыгнувъ съ коня, сталъ стучать; за воротами онъ увидѣлъ въ

щели толпу молча стоявшихъ и ухмылявшихся дворовыхъ людей и доложилъ объ этомъ игуменьѣ.

Удивленная мать Агнія, высунувшись изъ оконца своей колымаги, спросила громкимъ и гнѣвнымъ голосомъ:

— Эй, кто тамъ? Почему ворота не отпираютъ?

Стоявшіе за воротами и глядѣвшіе въ щели дворовые съ нескрываемымъ сочувствіемъ къ барскому приказу отвѣтили всѣ въ одинъ голосъ, что, молъ, баринъ приказалъ ворота заложить и по всѣмъ задворкамъ даже, какіе проѣзды есть, загородить, и чтобы, значить, «не впускать».

— Да знаетъ ли вашъ баринъ, кто пріѣхалъ-то?

— Вотъ то-то и есть, что знаетъ: какъ про это узналъ, такъ и приказалъ, чтобы ворота и задвор...

— Да въ умѣ ли онъ?! А барыня-то гдѣ же?

— Барыня съ самимъ на крылечкѣ стояли...

— Такъ позвать сюда барыню! Скажите: игуменья Агнія требуетъ, чтобы тотчасъ сюда пришла!

За воротами никто и съ мѣста не шевельнулся.

Пождавъ минутъ пять въ сильномъ гнѣвѣ, не усидѣла мать Агнія въ своей колымагѣ. Приказала фореитору дверку открыть, ступеньки откидныя спустить, выскочила изъ экипажа и, своей рукой трясая за желѣзное кольцо, стала кричать, чтобы впустили ее, что должны же они тамъ всѣ опомниться наконецъ! Что должна же, молъ, бѣглая инокиня Манеѳа къ ней, своей игуменьѣ, выйти! Въ изступленіи стала грозить, что донесетъ самой государынѣ на клятвопреступниковъ, и тогда всѣхъ фроловскихъ холопей, какъ бунтовщиковъ,—подъ судъ, сквозь строй и на каторжныя работы!..

Фроловская дворня отвѣчала и на это мертвымъ молчаніемъ; воротъ не отпирали и барыню звать не ходили.

Дрожа всѣмъ тѣломъ, захлебываясь отъ негодованія, отступила игуменья на нѣсколько шаговъ отъ воротъ, приказала возницѣ своему осадить лошадей и повернуть такъ, чтобы высокая колымага бокомъ къ воротамъ стала; тогда, поднявшись на верхнюю изъ откидныхъ ступеней высокаго экипажа и держась лѣвой рукой за отворенную дверцу, а правую поднявъ высоко надъ головою, она стала пронзительно-звонко и явственно, чтобы до барскаго крылечка долетало, изрекать страшныя проклятія нарушителямъ иноческаго обѣта и всему нечестивому дому сему, призывая на нихъ и огонь, и гладъ, и войну, и труссы, вызывая къ землѣ, чтобы она, разступившись, не приняла и трупы ихъ, извергла бы ихъ поганые останки—псамъ на растерзаніе, волкамъ на снѣдь, вѣронью на расклеванье! А если бы проявилось потомство отъ такихъ нечестивцевъ, коихъ Самъ Богъ, провидя ихъ окаянство, неплодными сотворилъ, то да будетъ проклято и потомство ихъ, иже отъ діавола исходящее... да будетъ проклято

оно съ сего часа, съ сей минуты, изъ вѣка въ вѣкъ до седьмого колѣна... Анаеема!

Не своимъ голосомъ гремяла оскорбленная игуменья, пророчествуя, анаеematствуя, призывая всѣ лютыя кары, какія только могла вызвать ея распаленная и отуманенная гнѣвомъ фантазія.

Стало тутъ не до радости и не до забавы и стоявшимъ за воротами людямъ.

Страшна была въ изступленіи своемъ мать Агнія. Блѣдная, какъ привидѣніе, въ черной, развѣвающейся по вѣтру мантии, съ горящимъ взоромъ, стояла она на верхней ступенькѣ своего высокаго, стариннаго экипажа, съ поднятою для кары и грозно колеблющейся въ воздухѣ рукой.

Дворовые люди глядѣли на нее сквозь щели воротъ и частаго тына и, затаивъ дыханіе, смущенно внимали ея изступленнымъ возгласамъ.

— И потомство ихъ, иже отъ діавола исходящее, да будетъ проклято до седьмого колѣна! А-на-еема!!

Донеслось отчетливо и до крылечка, гдѣ стояли теперь уже рука въ руку Ивапъ Тимоеевичъ и Марѳа Степановна.

Среди мертвой тишины выѣхала игуменья Агнія изъ предѣловъ прежде столь любимой ею и радушной Фроловки.

Государынѣ Агнія не донесла.

Быть можетъ, собственная ея расправа—страшное проклятiе, изреченное ею въ моментъ изступленія, быть можетъ, униженіе, перенесенное ею передъ воротами Фроловской усадьбы, или и тѣ и другое вмѣстѣ стало помѣхой къ тому, чтобы огласить это дѣло и вводить власти во всѣ его подробности... Только съ этой поры игуменья никакой вѣсти о себѣ не давала.

VII.

Съ октября 1773 года стали доходить до Фроловки слухи о бѣгломъ казакѣ Емелькѣ Пугачевѣ, что объявилъ себя царемъ Петромъ III, о собранныхъ имъ подъ свою руку «полчищахъ», съ какими онъ шелъ, все умножая свою силу... Бродили по народу какіе-то люди, которымъ будто бы все было извѣстно, и они рассказывали, какъ Пугачевъ бралъ одну за другою крѣпости—Яицкій городокъ, Илецкую, Разсыпную, Нижне-Озерную... Завернулъ ужъ въ Сакмарскій городокъ, что верстахъ въ 30 отъ Оренбурга, и тотъ городокъ уже встрѣтилъ самозванца съ хлѣбомъ-солью, и попъ къ нему вышелъ со крестомъ и св. иконами.

13-го декабря заявился во Фроловку молодой приходскій попъ Яковъ, замѣстившій покойнаго о. Игнатія, а съ нимъ и попадья

его, Афросинья Ивановна. Они только-что вернулись изъ губернскаго города, куда попъ ѣздилъ къ своему епархіальному начальству по церковнымъ дѣламъ, а попадья — повидаться съ родней; и наслышались они тамъ такого, что, возвратясь, послѣшили тотчасъ во Фроловку, испрашивая поговорить секретно съ господами, чтобы никто изъ дворовыхъ людей не услышалъ того, о чемъ они будутъ сказывать...

И передали они Ивану Тимоѣевичу и Марѣ Степановнѣ грозныя вѣсти: молъ, самозванецъ, видимое дѣло, на Москву идетъ... и по всему ожидать можно, что бывать ему на Москвѣ... Государыня ужъ посылала противъ него генераловъ своихъ: генеральмайора Кара съ пѣхотой и конницей, собранной изъ Москвы, изъ Питера и изъ другихъ городовъ, и еще — генерала Фреймана; но самозванецъ уже ихъ обоихъ побѣдилъ, потому — что многіе солдаты изъ царскихъ полковъ, особенно гдѣ казаковъ было много, — сплошь на Пугачева руку перекидываются... Разбить и полковникъ Чернышевъ у Сакмара, подъ Оренбургомъ... и теперь вотъ ужъ цѣлый мѣсяць Оренбургъ осажденъ пугачевскими полчищами и терпитъ отъ голода. А шайки бунтовщиковъ и разбойниковъ мечутся по деревнямъ, по усадьбамъ и по заводамъ, бунтуютъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, заводскихъ рабочихъ противъ ихъ начальства, сулятъ всѣмъ волю и соль даровую отъ казны. Помѣщиковъ и заводскихъ управителей вѣшаютъ и избиваютъ, а крестьяне толпами сами бѣгутъ къ Пугачеву и умножаютъ его полчища. А которые не хотятъ въ его подданство, тѣхъ тутъ же и приканчиваютъ...

Быстрымъ говоркомъ, въ полъ-голоса, а то и совсѣмъ шепотомъ, перебивая одинъ другого, изливались молодые попъ съ попадьею, рисуя ужасающія подробности лютой Пугачева и его двухъ первыхъ сподвижниковъ — Хлопуши и Чики Зарубина.

— А покуда онъ до Москвы-то дойдетъ, во сколько кратъ приумножится сила его?! — разсуждалъ о. Яковъ. — Вѣдь до Москвы-то сколько еще помѣщиковъ перебьютъ, и сколько десятковъ тысячъ крестьянскихъ душъ къ воровскимъ полчищамъ присовокупятся!

— Ну, не всѣ-то къ нимъ... того... возражалъ Иванъ Тимоѣевичъ.

— А которые воспротивятся, тѣ всѣ вѣнецъ мученическій примутъ! — заключила попадья.

Ни слова не вымолвила Марѣ Степановна во все время бесѣды. Но подвижное лицо ея выражало такой ужасъ, такое смятеніе душевное, точно въ каждомъ словѣ рассказчиковъ она Ивану Тимоѣевичу и себѣ смертный приговоръ слышала.

Ей думалось: «вотъ оно, Агніино проклятіе... вотъ гдѣ оно исполнится»...

Видя блѣдность ея лица и выраженіе муки душевной, о. Яковъ поспѣшилъ ее успокоить.

— На Москву-то онъ пойдетъ,—это вѣрно, сколь оно ни прискорбно русскому сердцу... но, однако, должны мы возблагодарить Господа, что мимо нашего мѣста идетъ чаша сія... Мы не по пути ему...

Тутъ Марѳа Степановна встала съ мѣста и, сдѣлавъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ къ своей спальнѣ, остановилась на порогѣ и сказала:

— Нѣтъ, не пройдетъ оно мимо! Ужъ, стало быть, не мимо идетъ, когда каждая вѣсть, что ножъ въ сердце...

И ушла, плотно притворивъ за собою дверь.

Молодая матушка, перекинувшись съ мужемъ и съ Иваномъ Тимоѣевичемъ тревожнымъ взглядомъ, пошла за барыней въ спальню.

Скоро переполохъ поднялся во всемъ домѣ. Тихонъ Никитичъ мчался верхомъ въ погостъ съ приказомъ бабкѣ повитухѣ, что надняхъ у дьячихи сына приняла, чтобы живо снаряжалась къ фроловской барынѣ... а о. Яковъ, что было духу, за Тихономъ погнался въ своихъ санкахъ, усердствуя, чтобы тотчасъ же эту повитуху и привезти. Попадья оставалась при барынѣ.

Къ утру Марѳа Степановна родила дочку, которую, по слабости новорожденной, о. Яковъ тутъ же и окрестилъ, давъ имя ей Манеѳа, по странному желанію Марѳы Степановны, хотя по календарю память этой святой значилась мѣсяцемъ раньше — 13-го ноября.

Долго послѣ родовъ не поправлялась здоровьемъ Марѳа Степановна и не могла встать съ постели.

Тихонъ Никитичъ по баринову приказу ѣздилъ въ Пензу, выискалъ тамъ заѣзжаго нѣмца-лѣкаря, Ивана Ивановича Финка, и привезъ его во Фроловку.

Финкъ числился подпрапорщикомъ при Ставропольскомъ батальонѣ и былъ на ту пору уволенъ въ отпускъ для свиданія со своимъ дядей, державшимъ въ П—зѣ аптеку. По добротѣ своей души, онъ не могъ отказать плакавшему и молившему о помощи для своей барыни Тихону, и поѣхалъ съ нимъ, думая дня черезъ три-четыре вернуться, но застрѣлъ во Фроловкѣ на все время своего отпуска...

Иванъ Тимоѣевичъ, коротая съ Финкомъ да съ о. Яковомъ долгіе зимніе вечера, пока лежала Марѳа Степановна, нерѣдко обсуждалъ съ ними всѣ обстоятельства памятнаго 13-го декабря, когда слегла Марѳа Степановна, и непремѣнно вспоминались тутъ единственныя произнесенныя въ тотъ вечеръ слова, послѣ которыхъ она ушла въ спальню: «не пройдетъ мимо!.. не мимо идетъ оно»...

Слова эти казались Ивану Тимоѣевичу и о. Якову знаменательными и какъ бы вѣщими. А Иванъ Ивановичъ Финкъ неизмѣнно это оспаривалъ. Какъ только, бывало, заходила рѣчь о «вѣщихъ словахъ», Иванъ Ивановичъ тотчасъ доставалъ изъ кармана свою круглую точеную, собственнаго издѣлья, табакерку, медленно, со скрипомъ ее открывалъ и, потчуя собесѣдниковъ понюшкой своего очень душистаго табаку, произносилъ взволнованнымъ голосомъ, смигивая слезу.—Ну, что такое—вѣщее слово? Что такое—пророческое?.. нѣтъ! Это не было вѣщее слово; это было прекрасное слово отъ чувствительнаго сердца истой патриотки! «Не мимо насъ»... это значитъ: пусть мимо, пусть—не мимо, для добраго сердца всегда чувствительно несчастіе отечества.

Очень скоро послѣ этихъ бесѣдъ бѣдный Финкъ, едва успѣвъ присоединиться къ своему батальону, былъ взятъ въ плѣнъ пугачевцами и повѣшенъ, отказавшись признать самозванца царемъ.

VIII.

Времяшло. Маленькая Манеѣа Ивановна процвѣтала у здоровой кормилицы. Оправившаяся отъ болѣзни Марѣа Степановна нарадоваться не могла на ребенка и, забавляясь съ дочкой, забывала иногда о томившемъ ее предчувствіи, несомнѣнно связанномъ съ яркимъ и грознымъ впечатлѣніемъ проклятія, изреченнаго Агніей.

Иванъ же Тимоѣевичъ, послѣ шести лѣтъ, проведенныхъ въ монастырѣ, и послѣ сцены съ проклятіемъ совершенно утратившій свои вкусы къ монахамъ и «страннымъ людямъ», даже проклятіемъ Агніи былъ какъ будто весьма слабо смущаемъ. Текуція грозныя событія волновали его сами по себѣ.

Когда, въ моментъ общаго подъема духа подъ вліяніемъ надеждъ на Бибикова дворянство П—ской губерніи по примѣру казанскаго постановило снаряжать своихъ ополченцовъ, поставляя съ двухъ сотъ душъ по одному конному и вооруженному рекруту, Иванъ Тимоѣевичъ въ увлеченіемъ занялся этимъ дѣломъ и поставилъ изъ своей вотчины 20 человѣкъ, т.-е. много больше принятой нормы, такъ какъ у него не было и 2.000 душъ.

Неумудренный по части гимназическихъ наукъ и поэтому застрявшій во Фроловкѣ, Григорій захотѣлъ пойти съ 20-ю фроловскими ставленниками повоевать подъ командой капитана Матюнина; когда сталъ онъ просить своихъ названныхъ родителей, чтобы отпустили его бить пугачевцевъ, Иванъ Тимоѣевичъ и Марѣа Степановна пришли въ большое умиленіе и даже гордость почувствовали, какъ будто это былъ ихъ собственный сынъ. Съ родительской нѣжностью снарядили они его, какъ любимое дѣтище, приставили къ нему вѣрнаго человѣка и съ напутственнымъ молебствіемъ отпустили.

О немъ при жизни своей они ужъ никакихъ вѣстей не имѣли. Это было еще въ мартѣ 1774 г., а съ апрѣля, со смерти Бибикова, грозныя тучи, собравшись, казались, и не расходились больше надъ Фроловкой.

Извѣстія о новыхъ успѣхахъ пугачевцевъ воспринимались тѣмъ болѣзненно и грозно, что теперь облакались они особою таинственностію: «правительство запретило народу толковать о Пугачевѣ, коего имя волновало чернь»... Новости сообщались неохотно и подъ большимъ секретомъ. О газетахъ въ современномъ ихъ значеніи тогда не имѣлось и представленія въ русскихъ медвѣжьихъ углахъ, да и въ столицахъ нашихъ тоже...

Пугачевъ на Москву, однако, не пошелъ, но отъ Казани двинулся къ югу.

27-го іюня онъ былъ уже въ Саранскѣ; вошелъ побѣдоносно и встрѣченъ былъ не только чернымъ народомъ, но и купечествомъ, и духовенствомъ.

28-го ужъ не могли не узнать о томъ по сосѣдству и во Фроловкѣ. И тутъ только пришло на умъ фроловскимъ господамъ, что нельзя имъ долше сидѣть въ своей усадьбѣ и ждать лихого гостя...

Въ ночь на 29-ое іюля приказала Марѣя Степановна вынести изъ подвала самый крѣпкій, средней величины сундукъ; въ него спѣшно сложила она все, что было цѣннаго изъ серебра и золотыхъ съ камнями и жемчугами украшеній, а также старинныя иконы въ дорогихъ ризахъ. Затѣмъ, приказала въ подвалѣ же, поднявъ намость изъ досокъ, вырыть въ землѣ глубокую яму и въ нее погребсти тотъ сундукъ, потомъ все заровнять и заставить другими сундуками.

А Иванъ Тимоѣевичъ тѣмъ временемъ снарядилъ десятка полтора вѣрныхъ и, чѣмъ только нашлось, вооруженныхъ слугъ. На разсвѣтѣ размѣстилась вся семья съ маленькой, семимѣсячной Манею и ея кормилицей въ дорожной колымагѣ шестерикомъ и двинулась подъ конвоемъ своихъ людей по дорогѣ въ губернской городъ, куда надѣялись прибыть къ ночи и тамъ посоветоваться со служащимъ при губернаторѣ родственникомъ, куда имъ дальше спасаться.

Ивану Тимоѣевичу и Марѣя Степановнѣ въ усадьбу свою не суждено ужъ было вернуться...

XI.

На другой день во Фроловкѣ, на широкомъ дворѣ передъ господскимъ домомъ развернулась ужъ всѣмъ хорошо знакомая по рассказамъ картина: на вынесенномъ изъ барскихъ покоевъ креслѣ, спиною къ дому, засѣдалъ Пугачевъ, окруженный своею свитой, и чинилъ расправу...

Направо отъ воротъ, на висѣлицѣ, уже качалось тѣло вѣрнаго Тихона; прочіе же дворовые, обезумѣвъ отъ ужаса, подходили одинъ за другимъ цѣловать руку самозванца.

Попъ Яковъ съ попадьею невѣдомо куда бѣжали въ ночь, еще раньше господъ.

Изъ подваловъ выгружались на дворъ и тутъ же взламывались сундуки съ коврами, платьемъ и бѣльемъ; все это дѣлилось по жребію. Около сундуковъ образовалась оживленная группа спорившихъ и шумѣвшихъ, среди которыхъ распоряжался по-хозяйски, указывая, въ какомъ сундукѣ чего искать, — молодой казакъ въ шелковой синей рубахѣ и щеголеватомъ кафтанѣ, красивый, съ сѣрыми, ласковыми глазами...

Воровская потѣха прервана была безумнымъ воплемъ вбѣжавшей въ открытыя ворота женщины съ ребенкомъ на рукахъ.

— Что же это тутъ дѣется?!. Что дѣется?!.—голосила женщина, озираясь во всѣ стороны.

Увидѣвъ трупъ повѣшеннаго Тихона, она кинулась къ нему съ воплемъ.

— Тихонъ Никитичъ, голубчикъ!.. къ тебѣ несла барскую дитю... Прими, кормилецъ, силъ моихъ нѣтъ больше!..

Съ истерическимъ вскрикиваніемъ женщина упала на колѣни у трупа Тихона, но вдругъ, сдержавъ крики, она воззрилась въ знакомое лицо въ группѣ у сундуковъ.

Нѣскольکو секундъ она какъ будто сидела сообразить что-то и оставалась неподвижной. Но вдругъ, понявъ, въ чемъ дѣло, она опустила спеленутаго и оравшаго ребенка у ногъ повѣшеннаго и, кошкой метнувшись къ группѣ у сундуковъ, вцѣпилась въ грудь и въ горло молодого щеголя. Она повисла на немъ, разрывая его платье, пытаясь душить его и громко выкрикивая:

— Вотъ гдѣ ты!... Вотъ гдѣ ты!... Сынокъ названный! Вотъ гдѣ, змѣенышъ поганый! Вотъ ты съ кѣмъ налетѣлъ сюда!

Еще моментъ,—и подъ громкій хохотъ всей публики сцѣпившіеся въ яростной схваткѣ Григорій и женщина клубомъ катались въ пыли двора.

Съ конвульсивной силой она вцѣпилась скрюченными судорогой пальцами въ его шею и не отпускала.

Хохоталъ, любуясь зрѣлищемъ, Пугачевъ, хохотали, упираясь въ бока, его «енералы»...

Этотъ хохотъ спасъ фроловскую кормилицу, а съ нею и малютку Манею (бабку моей бабушки).

Пугачевъ крикнулъ:

— Полно! Будетъ! Подвести ко мнѣ храбрую бабу!

Два дюжіе казака насилу вырвали Григорія изъ когтей разъяренной женщины и, подцѣпивъ ее подъ обѣ руки, подвели къ Пугачеву.

Она уже не сопротивлялась и, обезсиленная только что пережитымъ сверхъестественнымъ напряженіемъ, повисла, какъ увядшій стебель, на крѣпкихъ рукахъ державшихъ ее казаковъ. Говорить не могла, только судорожно вздрагивала.

— А ну-ко, ведро воды студеной ей на голову! Да испытать дать!—скомандовалъ Пугачевъ.

Женщину окатили водой и дали ей напиться.

Не переставая улыбаться, Пугачевъ приступилъ къ допросу ласково.

— Ну, скажи теперь, кто ты такая? и за что на моего слугу такимъ коршуномъ налетѣла?

Оправившись, женщина стала отвѣчать на вопросы. Выяснилось, что она—Марья, господъ здѣшнихъ, Фр—ыхъ-Б—ыхъ, крѣпостная и господской дочери, Манеи Ивановны, кормилица; выѣхала отсюда съ господами вчера на утренней зарѣ; въ лѣсу среди бѣла дня напали разбойники, лошадей остановили... стали съ господами переговариваться... барыня, понявъ, что не къ добру дѣло,—дала кормилицѣ знакъ, чтобы ребенка спасала... Марья хитренько и ловко съ ребеночкомъ-то въ кусты, да въ кусты, да и въ самую чашу лѣса... увидела въ лѣсу большущее дупло стараго дуба; набрала сухихъ вѣтокъ и хворосту къ дуплу этому, въ дупло-то влѣзла съ ребеночкомъ, а хворостомъ заложилась, чтобы не примѣтили. Изъ дупла ей слышно было, какъ убивали разбойники ея господъ на большой дорогѣ и людей всѣхъ... вопль... крики... Потомъ все стихло. Стали переключаясь только по лѣсу бродить... кого-то искали. Потомъ совѣмъ тихо стало. Отсидѣвъ сутки въ дуплѣ, кормилица рѣшилась вылѣзти и пошла лѣсомъ вдоль опушки; на дорогу выйти все еще опасалась. Миновавъ лѣсъ, увидѣла знакомое мѣсто, верстахъ въ шести отъ Фроловки.

— Въ родное мѣсто дорогу нашла...—разсказывала кормилица, воодушевляясь вниманіемъ, съ какимъ слушалъ ее Пугачевъ.— А тутъ, какъ увидела я, что съ Тихономъ Никитичемъ сотворилось, да какъ признала за воровскимъ дѣломъ у господскихъ сундуковъ вонъ этого... Гришку анаемскаго... Вѣдь онъ, Гуда, сиротой безроднымъ за сына родного воспитанъ и обученъ нашими господами... Берегли его, холили, души не чаяли... На груди своей гадюку-змѣю отогрѣли... У-у, безчувственный!..

Женщина вновь стала судорожно биться въ рукахъ казаковъ и рваться къ Григорію съ крикомъ: «задушу!»

Пугачевъ сказалъ:

— Дать ей въ руки ребенка и отвести въ домъ! Пусть отѣется и отоспится. Пусть съ миромъ остается здѣсь, и чтобы ей никакой обиды! Прощаю бабу за ея храбрость.

Затѣмъ, иронически оглядѣвъ оправившагося отъ схватки съ бабой и отъ осмѣянія Григорія, Пугачевъ обратился къ нему съ такими словами:

— А ты, что же, добрый молодець? Все еще прихорашиваешься послѣ бабьей таски? Какъ еще ты живъ остался? Барскій сынокъ названный, береженный, холеный! Ступай-ка сюда поближе, дай на себя полюбоваться!

Какъ будто не понимая ироніи, Григорій съ улыбкой приближался къ Пугачеву, жеманно изгибаясь тонкой, стройной фигурой и прямо глядя въ блестящіе, острые глаза Пугачева своими красивыми сѣрыми, будто наивными и ласковыми глазами.

Пугачевъ внезапно нахмурился и крикнулъ:

— Вяжите ему руки!

Потомъ сказалъ Григорію:

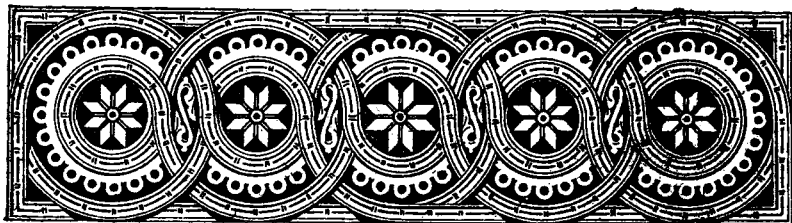
— Безстыжіе твои глаза! Чадъ неблагодарный... Благодарителей своихъ продалъ, и глазомъ не мигнетъ! Не хочу видѣть при себѣ такого Іуду... Повѣсить его!

Когда Григорія потащили къ висѣлицѣ, Пугачевъ окликнулъ:

— Нѣтъ! Пойдите! Ему и той чести много, чтобы на одной висѣлицѣ висѣть съ благодарителей его вѣрнымъ псомъ: вздернуть его на осину!

А. Бизюкина.

ОТСТАВКА Е. П. КОВАЛЕВСКАГО.

(По документамъ архива департамента народнаго просвѣщенія).

ТИЩЕВЪ, С. С., въ недавно вышедшемъ трудѣ своемъ: «Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе», слѣдующимъ образомъ рассказываетъ объ отставкѣ въ 1861 году министра народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскаго и о первыхъ мѣрахъ его преемника, графа Е. В. Путятина.

«Усилившіеся весной 1861 года студенческіе безпорядки вызвали неудовольствіе государя, который заявилъ Ковалевскому, что эти безпорядки не могутъ быть долѣе терпимы, и что онъ не остановится передъ крайней мѣрою: закрытіемъ нѣкоторыхъ университетовъ. При обсужденіи этого вопроса въ совѣтѣ министровъ, Е. П. Ковалевскій высказался противъ репрессивныхъ мѣръ, полагая болѣе цѣлесообразнымъ «усилить финансовыя средства университетовъ и дать имъ возможность развиваться въ научномъ отношеніи соотвѣтственно потребностямъ времени и успѣхамъ знанія въ Западной Европѣ». Записку министра государь передалъ на разсмотрѣніе комиссіи, въ которую вошли: графъ С. Г. Строгановъ, князь В. А. Долгоруковъ и статсъ-секретарь Панинъ. Тогда Ковалевскій подалъ въ отставку. Преемникъ его Путятинъ «тотчасъ по вступленіи въ должность», по соглашенію съ членами упомянутой комиссіи, проектировалъ рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью усилить надзоръ за студентами и положить конецъ безпорядкамъ въ университетахъ. Мѣры эти получили высо-

чайшее утверждение» (далее идетъ перечень этихъ мѣръ, которыя будутъ изложены нами ниже) ¹⁾.

Разсказъ этотъ, составленный, какъ можно полагать, на основаніи дневника Никитенка и воспоминаній Спасовича, не вполне соответствуетъ дѣйствительности. Мѣропріятія, которыя Татищевъ приписываетъ Путятину, помѣщены въ «Сборникѣ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія» подъ 31-мъ мая 1861 года ²⁾, на самомъ же дѣлѣ они были высочайше утверждены еще 18 мая. Между тѣмъ, отставка Ковалевскаго и назначеніе Путятина послѣдовали лишь 28 іюня 1861 года ³⁾. До послѣднихъ чиселъ мая Ковалевскій фактически стоялъ во главѣ министерства, о чемъ свидѣлствуютъ подписи его на бумагахъ ⁴⁾. Невѣрно также, что Ковалевскій подалъ въ отставку тотчасъ послѣ образованія комиссіи изъ Строганова, Долгорукова и Панина; напротивъ, онъ работалъ вмѣстѣ съ этой комиссіей надъ составленіемъ высочайше утвержденныхъ 18 мая мѣропріятіи, хотя и расходился во многомъ во взглядахъ съ членами комиссіи.

Мы постараемся на основаніи дѣлъ архива департамента народнаго просвѣщенія и нѣкоторыхъ неизданныхъ документовъ изъ С.-Петербургской Публичной библіотеки пролить нѣкоторый свѣтъ на этотъ въ высшей степени интересный въ исторіи нашего просвѣщенія моментъ.

I.

Время министерства Ковалевскаго представляло собою переходную эпоху въ исторіи нашихъ университетовъ. Уставъ 1835 года *de jure* еще существовалъ, но *de facto* былъ почти весь уничтоженъ рядомъ послѣдующихъ распоряженій, особенно послѣ 1848 года. Въ министерствѣ сознавалась необходимость изданія новаго устава, проектъ котораго разрабатывался и, повидимому, въ 1861 году близокъ былъ къ окончанію. Но на ходъ и характеръ подготовительныхъ работъ оказывали вліяніе студенческія волненія, вспыхивавшія то въ томъ, то въ другомъ университетѣ и вынуждавшія, вмѣсто общаго устава, выработать временныя палліативныя мѣры для прекращенія безпорядковъ.

Случайныя и незначительныя по количеству участниковъ столкновенія между студентами и полиціей принимали мало-по-малу

¹⁾ Татищевъ, томъ II, стр. 242—243. Курсивъ нашъ.

²⁾ Сборникъ постановленій, томъ III, стр. 635—638 (по 1-му изданію).

³⁾ См. «Сенатскія Вѣдомости» за 1861 годъ, № 60.

⁴⁾ Въ дѣлѣ архива департамента народнаго просвѣщенія № $\frac{158790}{4034}$ подпись Ковалевскаго находимъ еще 27 мая 1861 года.

болѣе серьезный характеръ, превращаясь въ массовыя и организованныя движенія студентовъ, оказывавшихъ явное неповиновеніе распоряженіямъ начальства. Безпорядки эти особенно усилились въ 1861 году въ С.-Петербургскомъ университетѣ. А между тѣмъ, введеніе крестьянской реформы и происшедшія при этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ волненія, броженіе въ царствѣ Польскомъ—все это усиливало тревогу.

Усиленіе безпорядковъ и снисходительное отношеніе къ нимъ со стороны Ковалевскаго вызвали неудовольствіе государя, но ближайшимъ поводомъ къ отставкѣ было, повидимому, столкновеніе Ковалевскаго съ двумя комиссіями: для пересмотра отчета по министерству за 1859 годъ и для разсмотрѣнія предположеній министра о мѣрахъ, которыя могутъ быть приняты для надзора за студентами по случаю повторяющихся безпорядковъ.

Дѣятельность обѣихъ комиссій составила одно «дѣло о преобразованіяхъ въ университетахъ», хранящееся въ архивѣ департамента народнаго просвѣщенія за № 146163, карт. 3084.

Комиссія для разсмотрѣнія отчета по министерству народнаго просвѣщенія за 1859 годъ образована была согласно высочайшему повелѣнію отъ 18 іюля 1860 года. Въ нее вошли: бывшій попечитель Московскаго учебнаго округа и попечитель дѣтей государя—графъ С. Г. Строгановъ, предсѣдатель комитета по дѣламъ книгопечатанія баронъ М. А. Корфъ и с.-петербургскій генералъ-губернаторъ графъ П. Н. Игнатьевъ. Предсѣдателемъ комиссіи назначенъ принцъ Петръ Георгиевичъ Ольденбургскій.

Комиссія внимательно разсмотрѣла отчетъ, при чемъ остановилась на нѣкоторыхъ вопросахъ, возбуждавшихъ сомнѣнія, въ виду чего 6-го января 1861 года предсѣдатель комиссіи препроводилъ къ Ковалевскому проектъ журнала комиссіи, прося вернуть его со своими замѣчаніями и объясненіями. Объясненія министра, однако, не удовлетворили комиссію, и весь докладъ ея представляетъ рѣзкую критику не только отчета, но всей вообще дѣятельности министерства въ отношеніи къ университетамъ.

Комиссія прежде всего указываетъ на неполноту отчета. Соглашаясь, что отчетъ составленъ соотвѣтственно формѣ, установленной закономъ, комиссія все же полагаетъ, что отчетъ долженъ болѣе полно изображать отдѣльныя отрасли управленія и, «не ограничиваясь исключительно тѣми данными, которыя указываютъ на матеріальное ихъ состояніе, представлять оныя въ связи какъ съ предшествовавшими явленіями, такъ и съ видами на будущее» ¹⁾. Комиссія не можетъ по отчету заключить о дѣйствительномъ состояніи той или другой части управленія и «въ особенности замѣчаетъ отсутствіе нужныхъ къ тому данныхъ при взглядѣ на нравственную часть нашихъ университетовъ» ¹⁾.

¹⁾ Курсивъ нашъ.

По общимъ слухамъ, говорить комиссія, всей публикѣ извѣстно, что весьма прискорбное броженіе въ нѣкоторыхъ университетахъ въ 1857 и 1858 годахъ было причиною многихъ беспорядковъ, вынуждавшихъ правительство прибѣгать къ мѣрамъ взыскація. Между тѣмъ, въ отчетѣ объ этомъ не упоминается, а говорится лишь о подчиненіи студентовъ внѣ университета надзору общей полиціи, при чемъ заявляется, что «университетское начальство хотя и избавлено отъ отвѣтственности за ихъ поступки и образъ мыслей, но съ тѣмъ вмѣстѣ уже не имѣетъ и никакой возможности слѣдить за ними». Комиссія, напротивъ, полагаетъ, что образъ мыслей студентовъ можетъ обнаружиться не только въ частной жизни, но и въ учебной дѣятельности, въ стѣнахъ университета, и тамъ надзоръ за ними еще болѣе необходимъ, какъ средство дать юнымъ умамъ правильное направленіе. Комиссія указываетъ также на противорѣчіе съ отчетомъ за 1858 годъ, въ которомъ министръ по поводу перемѣщенія казеннокоштныхъ студентовъ на вольныя квартиры говорилъ, что это не затруднитъ надзора. Что касается образа дѣйствій студентовъ, то онъ, по мнѣнію комиссіи, «далеко не безукоризненъ: въ нѣкоторыхъ университетахъ они составляютъ изъ среды своей судъ, въ которомъ подвергаются разбору и осужденію не только поступки ихъ товарищей, но даже распоряженія ихъ начальства и дѣйствія профессоровъ. Такимъ образомъ, между студентами распространяются начала, вовсе не свойственныя нашему образу правленія, могущія вредно дѣйствовать на ихъ молодые умы и, во всякомъ случаѣ, отвлекающія ихъ отъ настоящей ихъ цѣли, т.-е. отъ занятій науками». Комиссія полагаетъ, что министръ народнаго просвѣщенія упоминалъ обо всемъ этомъ въ особыхъ всеподданиѣйшихъ докладахъ, но комиссіи эти доклады неизвѣстны, и поэтому она не можетъ представить по этому поводу своихъ соображеній.

Въ журналѣ комиссіи сообщается далѣе содержаніе тѣхъ объясненій, которыя далъ Ковалевскій, словесно или письменно, по поводу вышеприведенныхъ упрековъ комиссіи. Министръ возразилъ: а) что отчетъ составленъ по установленной формѣ, и что главнымъ достоинствомъ его является краткость, точность и отсутствіе произвольныхъ разсужденій. Въ отчетѣ должны быть помѣщены статистическія данныя, затѣмъ правительственныя распоряженія за отчетный годъ. «Причины, вызвавшія сіи распоряженія, объяснять предшествовавшія явленія, а указаніе того, что еще остается сдѣлать, опредѣлить виды въ будущемъ». Такого порядка и держался отчетъ. б) По поводу замѣчанія комиссіи о студенческихъ волненіяхъ 1857—1858 гг. министръ возразилъ, что всякій отчетъ обнимаетъ лишь то время, за которое онъ издается. Министръ въ отчетѣ за 1859 г. не могъ говорить о волненіяхъ, бывшихъ въ 1857—1858 гг.; о нихъ министръ въ свое время доводилъ до вы-

сочайшаго свѣдѣнія; они были изслѣдованы и внесены въ своевременные отчеты. Объ этихъ происшествіяхъ Ковалевскій не могъ говорить еще и потому, что самъ былъ назначенъ на постъ министра лишь въ половинѣ 1858 г.¹⁾), наконецъ, потому, что эти безпорядки не имѣли между собой внутренней связи. Въ 1857 г. въ Кіевѣ и Москвѣ безпорядки возникли изъ-за столкновѣнія съ мѣстной полиціей; почти тотъ же характеръ имѣло происшествіе въ 1858 г. въ Харьковѣ. Въ 1859 году въ Казани было оказано явное неповиновеніе начальству, за что 18 студентовъ были исключены и высланы²⁾). Объ этомъ Ковалевскій докладывалъ государю и вкратцѣ упомянулъ объ этомъ въ отчетѣ. Далѣе, Ковалевскій возражаетъ противъ огульнаго обвиненія студентовъ; «онъ не беретъ на себя обязанности быть безусловнымъ защитникомъ нравственности студентовъ». Изъ 5.000 студентовъ всегда найдутся безнравственные и съ дурнымъ направленіемъ, но этого нельзя распространять на всѣхъ студентовъ (а кто же распространяетъ?). На ряду съ дурными есть примѣрные студенты. Надо принять во вниманіе ихъ возрастъ, впечатлительность, а также то обстоятельство, что большей частью они живутъ на свободѣ и «принадлежать болѣе обществу, составляя нераздѣльную его часть, а не университету, въ которомъ проводятъ только нѣсколько часовъ въ день». Если даже въ закрытыхъ заведеніяхъ при военной дисциплинѣ, возникаютъ иногда безпорядки, то можно ли избѣжать ихъ въ университетѣ? Нельзя обвинять университетское начальство, такъ какъ оно не располагаетъ достаточными средствами и не имѣетъ возможности слѣдить за образомъ жизни студентовъ. Что касается броженія умовъ, то «оно существуетъ въ настоящее время, къ сожалѣнію, почти вездѣ и, не принадлежа одному сословію студентовъ, идетъ не отъ нихъ къ обществу, а обратно».

в) Перемѣщеніе казеннокоштныхъ студентовъ на частныя квартиры, какъ объяснилъ Ковалевскій, послѣдовало на основаніи высочайшаго повелѣнія 30 мая 1858 года. Поводомъ къ этой реформѣ были матеріальныя выгоды университета и студентовъ, а также трудность держать взрослыхъ на положеніи школьниковъ. Поэтому въ Петербургѣ еще въ 1847 году казеннокоштные студенты были переведены на частныя квартиры. Что касается указаннаго противорѣчія между отчетами за 1858 и 1859 гг., то Ковалевскій сознается, что въ первомъ отчетѣ «вкралась ошибка въ изложеніи противъ его желанія и убѣжденія: нельзя было прини-

¹⁾ 28 марта 1858 года.

²⁾ Безпорядки въ Харьковѣ въ апрѣлѣ возникли изъ-за высылки на родину двухъ студентовъ, устроившихъ ночной дебошъ. Товарищи устроили шумную сходку, требуя возвращенія высланныхъ. (Архивъ, дѣло № 133255). Въ Казани студенты протестовали противъ запрещенія аплодировать профессорамъ на лекціяхъ.

мать на себя того, чего физически невозможно исполнить». Эта мѣра была лишь шагомъ къ отмѣнѣ прежняго порядка надзора за студентами, порядка, который при наплывѣ студентовъ въ университеты сталъ невозможнымъ и только возлагалъ на университетское начальство тяжелую отвѣтственность. Въ силу этихъ соображеній, онъ, министръ, и ходатайствовалъ объ установленіи надъ студентами надзора общей полиціи.

г) По поводу заявленія комиссіи о существованіи студенческихъ судовъ Ковалевскій отвѣчаетъ, что это заявленіе основано лишь на слухахъ, а потому онъ считаетъ долгомъ сдѣлать слѣдующія разъясненія: 1) суды существовали лишь въ Кіевскомъ университетѣ, съ разрѣшенія попечителя¹⁾; эти суды не могли произносить приговоры, а выражали лишь свои мнѣнія о поступкахъ товарищей и ни въ какомъ случаѣ не могли обсуждать поведение начальства. Когда же эти суды вышли за установленные для нихъ предѣлы, они были запрещены.

«Не увлекаясь слухами,—заключаетъ министръ,—и стараясь дѣйствительныя всыщкі между студентами, такъ свойственныя нынѣ молодымъ людямъ, тушить въ началѣ мѣрами административными, министръ народнаго просвѣщенія никогда не скрывалъ ни одного сколько нибудь важнаго происшествія»... «Если признано будетъ нужнымъ, чтобы извѣстія сего рода была излагаемы съ большею подробностью, то онъ готовъ исполнять это. Но никогда не согласится онъ по частнымъ слухамъ подписывать обвинительные приговоры въ безнравственности и вредномъ направленіи умовъ всего студенческаго общества».

Комиссія постановила объясненія Ковалевскаго вмѣстѣ съ своими замѣчаніями на отчетъ повергнуть на усмотрѣніе государя императора. При этомъ, три члена комиссіи—Строгановъ, Корфъ и Игнатьевъ, заявили, что не признаютъ объясненій министра удовлетворительными. Ни отчетъ, ни дополнительныя объясненія министра, находили они, не даютъ вѣрнаго понятія о нравственномъ состояніи университетовъ; между тѣмъ, этотъ вопросъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія, такъ какъ «большинство поступающихъ въ университеты молодыхъ людей вслѣдствіе плохой подготовки не можетъ съ успѣхомъ слѣдить за ходомъ университетскаго образованія, не питаетъ любви къ наукѣ и привязанности къ серьезнымъ занятіямъ, но, увлекаясь современными политическими воззрѣніями, проводитъ время въ праздности». Ковалевскій старался найти объясненіе студенческому броженію во влияніи на студентовъ общества; означенные три члена комиссіи полагаютъ, напротивъ, что «какъ ни сильно общественное влияніе, однакожь необхо-

¹⁾ Н. И. Пирогова.

димо рѣшительными и рациональными мѣрами оградить молодыхъ людей отъ соблазновъ, вредныхъ для ихъ умственнаго и нравственнаго образованія».

Предсѣдатель комиссіи, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, не согласился съ заключительнымъ мнѣніемъ трехъ членовъ комиссіи, находя, что о безпорядкахъ между студентами извѣстно лишь по слухамъ, и нѣтъ положительныхъ данныхъ, изъ конхъ бы можно было заключить о нравственномъ и умственномъ состояніи учебныхъ заведеній.

Другія замѣчанія комиссіи на отчетъ не имѣютъ существеннаго значенія. Такъ, было указано, что излишне въ каждомъ отчетѣ помѣщать свѣдѣнія о числѣ училищъ разнаго типа, достаточно указать лишь происшедшія за отчетный годъ перемѣны. Министръ согласился, что форма отчетовъ могла бы быть упрощена, къ чему онъ самъ готовъ приступить немедленно.

По поводу заявленія въ отчетѣ, что С.-Петербургскій университетъ не имѣетъ достаточныхъ средствъ для пополненія естественно-историческихъ коллекцій комиссіа предложила повысить плату со студентовъ и ограничить число бесплатныхъ. Число послѣднихъ бывало очень велико: такъ въ 1859 г. изъ 1019 студентовъ С.-Петербургскаго университета внесли плату лишь 360. Ковалевскій объяснилъ, что уже имѣется въ виду установить болѣе строгія правила освобожденія отъ платы и, если нужно, возвысить плату, чтобы можно было увеличить оклады преподавателей.

Такъ какъ въ отчетѣ было заявлено, что окончившіе ветеринарный институтъ съ трудомъ пріискиваютъ мѣста, комиссіа предлагала публиковать объ окончившихъ институтъ въ газетахъ. Наконецъ, комиссіа считала полезнымъ, чтобы въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» помѣщались статьи, заключающія въ себѣ взгляды правительства и опровергающія взгляды и мнѣнія другихъ органовъ печати. Ковалевскій, напротивъ, полагалъ, что неофициальная часть журнала должна быть совершенно независимой.

II.

Такимъ образомъ, помимо формы и содержанія самаго отчета, члены комиссіи подвергли осужденію самую политику Ковалевскаго въ отношеніи къ университетамъ. Министра упрекаютъ въ томъ, что онъ не придаетъ серьезнаго значенія студенческимъ волненіямъ, а также допускаетъ существованіе въ университетахъ студенческаго суда, который подвергаетъ разбору не только поступки товарищей, но также распоряженія начальства и дѣйствія профессоровъ. Видно, что излишней снисходительностью, если даже не потворствомъ министра, склонны были объяснять броженіе и открытые безпорядки въ университетахъ. Подтвержденіемъ такого мнѣнія являлись многіе

факты, имѣвшіе мѣсто въ нашихъ университетахъ въ министерство Ковалевскаго. Студенческія волненія вспыхивали все чаще и чаще то въ томъ, то въ другомъ университетѣ, а университетское или высшее начальство нерѣдко уступало требованіямъ студентовъ. Въ Москвѣ, на примѣръ, студенты требовали удаленія нѣкоторыхъ профессоровъ и дѣйствительно успѣвали иногда добиться своего. Однажды студенты потребовали къ суду даже ректора Альфонскаго и въ воззваніи къ товарищамъ ссылались на дурныя отношенія между ректоромъ и попечителемъ. Инспекторъ (Шестаковъ) получилъ отъ попечителя приказаніе не вмѣшиваться въ студенческую «исторію», а ректоръ черезъ депутатовъ отъ студентовъ заявилъ, что беретъ обратно свои слова¹⁾. Въ Казани студенты потребовали удаленія профессоровъ Берви, Шарбе, Струве и еще нѣкоторыхъ другихъ; хотя студенты, явившіеся главными виновниками демонстрацій противъ профессоровъ, и подвергались удаленію или наказанію, но и профессора покидали университетъ²⁾. Результатомъ этого было то, что студенты стали считать себя силой, которой боится начальство; профессора заискивали передъ студентами, жали имъ руки, пропускали лекціи, «чтобы не показаться отсталыми или школьниками»³⁾. Студенческія сходки, судъ, объясненія съ начальствомъ черезъ депутатовъ—все это сдѣлалось почти обыденнымъ явленіемъ, но не привело къ успокоенію университетовъ, а напротивъ волновало молодежь и поощряло къ новымъ и новымъ требованіямъ. Въ С.-Петербургскомъ университетѣ послѣ беспорядковъ въ февралѣ 1861 г. была образована по призыву попечителя (Деянова) комиссія изъ четырехъ профессоровъ для упорядоченія студенческой общины и составленія устава; въ комиссію приглашены были 8 выборныхъ студентовъ⁴⁾. Никитенко по поводу февральскихъ волненій заноситъ въ свой дневникъ: «Молодежь теряетъ всякій смыслъ»... «начальство лишено возможности дѣйствовать съ энергіей и достоинствомъ. Да и министры не лучше въ этомъ отношеніи. Нѣкоторые готовы даже защищать поступки студентовъ»... «Ахъ, господа! нѣтъ, не любовь къ наукѣ говоритъ въ васъ, а только стремленіе къ популярности. Вмѣсто того, чтобы читать науку, вы пускаетесь въ политическое заигрываніе... это нравится неразумной молодежи, которая, наконецъ, начинаетъ думать не на шутку, что она сила, которая можетъ предлагать правительству запросы и контролировать его дѣйствія»⁵⁾.

¹⁾ Шестаковъ, «Студ. волненія въ Москвѣ въ 1861 г.», «Русск. Стар.», 1888 г., кн. 10, стр. 206—210.

²⁾ Эирсовъ, «Студенческія исторіи въ Казанскомъ университетѣ въ 1855—1863 гг.», «Русск. Стар.», 1889, III, 565—568; IV, 102—105.

³⁾ Шестаковъ, *op. cit.*, стр. 205.

⁴⁾ Спасовичъ, Сочиненія, т. IV, стр. 22—28.

⁵⁾ Никитенко, Дневникъ, II, 244.

Ковалевскій склоненъ былъ оправдывать студентовъ, ссылаясь на молодость и впечатлительность ихъ, на вліяніе общества. Но современники обвиняли самого министра въ безхарактерности. Никитенко отзывается о немъ, что это—тотъ же Норовъ по своей нерѣшительности¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ про Ковалевскаго: «человѣкъ не довольно сильной воли и не довольно по настоящимъ временамъ смѣлаго и обширнаго ума»²⁾.

Осуждая Ковалевскаго за его слабость и нерѣшительность, комиссія принца Ольденбургскаго разошлась съ нимъ и въ самыхъ взглядахъ на роль и значеніе университетовъ. Въ замѣчаніяхъ комиссіи, какъ мы видѣли, указывается на то, что министръ въ своемъ отчетѣ мало обратилъ вниманія на «нравственную часть нашихъ университетовъ». Далѣе, высказывается взглядъ, что образъ мыслей студентовъ обнаруживается не только въ ихъ частной жизни, но и въ стѣнахъ университета, и что, слѣдовательно, подчиненіе студентовъ надзору общей полиціи не снимаетъ съ университетскаго начальства отвѣтственности за ихъ поведеніе и обязанности наблюдать за ихъ образомъ дѣйствій. Въ противоположность министру, заявлявшему о вліяніи общества на учащуюся молодежь, комиссія полагала необходимымъ «оградить молодыхъ людей отъ соблазновъ, вредныхъ для ихъ умственнаго и нравственнаго образованія».

Изъ всего этого мы видимъ, въ чемъ заключалась главная сущность разногласія между министромъ и комиссіей: Ковалевскій отрицаетъ за университетами роль воспитательную, тогда какъ члены комиссіи именно этой сторонѣ придаютъ серьезное значеніе.

Правильность нашего взгляда подтверждается также и той запиской, которую представилъ Ковалевскій въ свое оправданіе въ отвѣтъ на упреки комиссіи. Записка помѣчена 20-мъ апрѣля. Министръ начинаетъ записку съ увѣренія, что онъ не позволилъ бы себѣ дальнѣйшихъ объясненій, если бы замѣчанія членовъ комиссіи не касались его лично. Между тѣмъ, его обвиняютъ въ томъ, что онъ не придаетъ должнаго значенія неудовлетворительному состоянію университетовъ, и что онъ противъ рѣшительныхъ мѣръ. Ковалевскій возражаетъ на это, что онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы улучшить состояніе университетовъ, о чемъ свидѣтельствуютъ его доклады, отчеты, распоряженія; если усилія не привели къ цѣли, то причиной этому являются «неблагопріятныя обстоятельства, окружающія среду студентовъ, событія въ Европѣ»: броженіе замѣчается не только между студентами, но и въ значительной части общества. Въ чемъ должны заключаться «рѣшительныя и

¹⁾ Никитенко, II, 106. Норовъ—предшественникъ Ковалевскаго на посту министра.

²⁾ Ib., II, 256.

раціональныя мѣры», члены комиссіи не высказали; министерство радо воспользоваться всякимъ совѣтомъ, но Ковалевскій повторяетъ, что «университеты не воспитательныя заведенія, но высшія учебныя учрежденія, въ которыхъ преподаются науки людямъ, получившимъ уже общее образованіе», что «при большомъ числѣ студентовъ, живущихъ разсѣянно на свободѣ и въ безпрерывномъ соприкосновеніи съ обществомъ, нѣтъ возможности слѣдить за образомъ жизни ихъ и держать опеку надъ людьми, имѣющими большей частью отъ 18 до 25 лѣтъ и выпешшими изъ школьной сферы».

Приведенная объяснительная записка Ковалевскаго помѣчена 20-мъ апрѣля, но еще до того, 13-го апрѣля, вопросъ объ устройствѣ университетовъ былъ предметомъ горячихъ преній въ совѣтѣ министровъ. Чтобы понять причины отставки Ковалевскаго и значеніе тѣхъ преній, которыя происходили въ засѣданіи 13 апрѣля, слѣдуетъ выяснитъ взгляды Ковалевскаго на университетскій вопросъ и опредѣлитъ мѣсто, которое онъ занималъ въ ряду другихъ современныхъ ему дѣятелей въ этой области.

III.

Между вопросами, связанными съ университетскимъ устройствомъ, особенное вниманіе обращали на себя три вопроса: 1) о порядкѣ приѣма студентовъ въ университетъ и объ ограниченіи числа поступающихъ, 2) о желательности или нежелательности корпоративной связи между студентами и 3) о порядкѣ надзора за студентами. Вопросы объ автономіи профессорской коллегіи и о свободѣ академическаго преподаванія выдвинулись уже позже въ министерства Путятина и Головнина.

Установленный въ 1849 г. комплектъ студентовъ въ 300 чел. былъ отмѣненъ, и въ 1855 г. было разрѣшено принимать неограниченное число студентовъ. Возникшія вскорѣ послѣ этого студенческія волненія нѣкоторые склонны были объяснять именно этимъ увеличеніемъ числа студентовъ и требовали какихъ либо мѣръ, затрудняющихъ доступъ въ университетъ. Такъ, напримѣръ, харьковскій попечитель Зиновьевъ указываетъ на трудность надзора при большомъ числѣ студентовъ и полагаетъ, что «истинное богатство государства заключается въ соразмѣрности средствъ съ потребностями», «истина эта прилагается во всей силѣ и къ народному образованію». Онъ считаетъ полезнымъ сократить стремленіе въ университетъ посредствомъ уничтоженія тѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, которыя связаны съ университетскимъ дипломомъ. Онъ ссылается на примѣръ Пруссіи, гдѣ съ увеличеніемъ числа студентовъ усиливались требованія на экзаменахъ и сокращались права, связанныя съ дипломами ¹⁾. За сокращеніе числа студентовъ

¹⁾ Арх. департ. нар. проsv., дѣла № $\frac{124384}{3084}$.

высказывались, повидимому, также Строгановъ и Панинъ (см. ниже), а впоследствии Валуевъ, который въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ устава предлагалъ значительное возвышеніе платы.

Почти полную противоположность этимъ взглядамъ представляетъ взглядъ Корфа: соглашаясь съ Зиновьевымъ, что университетъ не долженъ давать правъ, Корфъ въ то же время является противникомъ всякихъ мѣръ, затрудняющихъ доступъ въ университеты, и особенно горячо возражаетъ противъ вступительныхъ экзаменовъ: «Домъ науки,—говоритъ онъ—долженъ бы быть открытъ всякому, какъ домъ молитвы, безъ спроса о томъ, насколько кто достоинъ туда войти. Изъ обоихъ (т.-е. изъ храма и университета) даже и неприванный вѣрно вынесетъ что нибудь назидательное и полезное. Признаніе себя къ тому достаточно приготовленнымъ должно быть предметомъ собственной самооцѣнки каждаго; для дѣла же науки совершенно все равно, просидѣлъ ли кто въ томъ или другомъ классѣ или вообще въ университетѣ десять лѣтъ или десять дней». Съ этимъ мнѣніемъ, высказаннымъ въ засѣданіи главнаго правленія училищъ 22-го января 1860 г., согласился также будущій министръ Головинъ¹⁾. Предлагалось, такимъ образомъ, превратить университетъ въ рядъ публичныхъ лекцій, доступныхъ каждому, подобно парижскому Collège de France.

Что касается Ковалевскаго, то онъ въ данномъ вопросѣ не примыкалъ вполне ни къ той, ни къ другой партіи. Рѣзкія замѣчанія сдѣланы его рукою на поляхъ цитированной нами докладной записки Зиновьева: «можно ли прилагать законъ политической экономіи... къ народному образованію? можно ли и честно ли этому образованію ставить какія либо границы и преграды?»²⁾ Но въ то же время Ковалевскій высказывается также и противъ мнѣнія Корфа о доступности для всѣхъ университетскаго образованія безъ всякаго вступительнаго экзамена. Напротивъ, въ виду не вполне удовлетворительнаго состоянія низшаго и средняго образованія, а также въ виду недостаточнаго числа университетовъ и профессоровъ въ Россіи, Ковалевскій высказывался за усиленіе строгости вступительныхъ экзаменовъ. Точно также и во всеподданнѣйшей запискѣ своей, представленной на высочайшее усмотрѣніе 6-го мая 1859 года, Ковалевскій предлагалъ установить минимальный возрастъ для вступающихъ (16 лѣтъ) и усилить строгость приемныхъ испытаній; въ послѣдней мѣрѣ онъ видѣлъ средство оградить университетъ отъ наплыва неспособныхъ³⁾.

¹⁾ Архивъ деп. нар. проsv., № $\frac{140431}{2124}$.

²⁾ Тамъ же, № $\frac{124384}{3084}$.

³⁾ Два послѣднія цитированныя дѣла.

По отношенію къ вопросу о желательности или нежелательности корпоративной связи между студенчествомъ, мы встрѣчаемся съ двумя теченіями: одни видятъ въ корпоративной организаціи прекрасное средство нравственно-воспитательнаго воздѣйствія на студенчество (таковы харьковскій попечитель Зиновьевъ, петербургскій Деляновъ, профессора С.-Петербургскаго университета Спасовичъ, Кавелинъ и др.). Образцомъ для нихъ является германскій университетъ съ широко развившимся корпоративнымъ устройствомъ. Другіе, напротивъ, видя въ корпораціяхъ главный источникъ студенческихъ волненій, предлагаютъ не только запрещеніе корпорацій, но даже уничтоженіе всего того, что создаетъ нѣкоторое единство между студентами, напримѣръ, форменной одежды. Такъ, напримѣръ, генералъ-майоръ Шуваловъ (въ запискѣ, поданной государю въ 1859 году) даже видитъ причину всѣхъ студенческихъ беспорядковъ въ ношеніи форменной одежды и въ тѣхъ вообще преимуществахъ, благодаря которымъ студенты образуютъ какъ бы отдѣльное сословіе. Характерно, что противники корпорацій склоняются даже къ мысли о французскомъ, свободномъ для всѣхъ университетѣ: въ такомъ университетѣ совершенно невозможна корпоративная связь между студентами, какъ невозможна она между слушателями публичныхъ лекцій или между посѣтителями Публичной библиотеки. Шуваловъ указываетъ на то, что въ Парижѣ, гдѣ народныя волненія происходятъ очень часто, студенты сплоченной массой никогда не участвуютъ въ беспорядкахъ; напротивъ, политехническая школа, гдѣ студенты носятъ особый мундиръ, приобрѣла незавидную извѣстность, какъ предводительница возмущеній. Предложенія Шувалова сводятся къ тому, чтобы совершенно уничтожить студенчество, какъ сословіе, превративъ университетскіе курсы въ рядъ публичныхъ лекцій, доступныхъ для всѣхъ ¹⁾).

Интересна записка кіевскаго попечителя Пирогова, гдѣ особенно ясно и опредѣленно выражены всѣ доводы за и противъ корпорацій. «Есть,—говоритъ Пироговъ,—два средства къ предотвращенію столкновеній. Необходимо: или сообщить такую организацію студенческой корпораціи, чтобы она сама, основываясь на чисто нравственныхъ убѣжденіяхъ и началахъ, избѣгала нареканій и столкновеній, столь вредныхъ для нея самой и для университета. Или же нужно уничтожить корпоративную связь между учащимися. Первое средство. Организовать корпорацію учащихся должно бы было такъ, чтобы она, убѣдившись въ высшемъ значеніи и важности дарованныхъ ей правительствомъ привилегій, сама и черезъ самое себя содѣйствовала къ поддержанію собствен-

¹⁾ Ibid., дѣло № $\frac{124384}{3084}$.

наго достоинства, къ исправленію собственныхъ недостатковъ, исключая изъ среды своей недостойныхъ (подающихъ наичаще поводъ къ нареканію и столкновеніямъ), и нравственнымъ вліяніемъ удерживала бы своихъ членовъ отъ всякаго самоуправства подъ опасеніемъ лишиться тѣхъ правъ, которыми она пользуется»... «Вторая мѣра—уничтоженіе студенческой корпораціи—предполагаетъ новый взглядъ на наши университеты. Вводя ее, нужно разсматривать университеты уже, не какъ воспитательныя или нравственно-учебныя, а какъ чисто-учебныя или научно-учебныя учрежденія. Вводя ее, должно уяснить родителямъ, что университетъ не отвѣчаетъ за нравственность ихъ сыновей, которые должны будутъ на ряду съ прочими гражданами отвѣчать сами за себя передъ закономъ и обществомъ»... «Введеніе же второй мѣры основывается на томъ неоспоримомъ фактѣ, что всѣ столкновенія студентовъ съ лицами другихъ вѣдомствъ и съ полиціей зависятъ именно отъ того, что студенты смотрятъ на себя, какъ на отдѣльную отъ остальнаго общества и самимъ правительствомъ привилегированную корпорацію».

Введеніе первой мѣры, т.-е. организаціи корпорацій, по мнѣнію Пирогова, сопряжено съ большими трудностями, а потому онъ считаетъ вторую мѣру «современнѣе и удобоисполнимѣе первой». Такъ какъ существующая студенческая корпорація организована «столь слабо и несовершенно, что существованіе ея поддерживается не столько извнутри, сколько извнѣ—формою и правительственными привилегіями, преобразовать же ее, какъ мы уже видѣли, трудно, то очевидно, что лучше уничтожить внѣшнюю ея связь, нежели оставить въ такомъ видѣ, какъ она есть»... Притомъ же «въ наше время мы замѣчаемъ вездѣ стремленіе къ уничтоженію сословныхъ привилегій; во всѣхъ сословіяхъ пробудилась болѣе, чѣмъ когда нибудь, склонность къ образованію. Для чего же университетамъ отставать и не удовлетворять требованіямъ времени?» Такимъ образомъ, уничтоженіе корпоративной связи въ университетахъ разсматривается, какъ мѣра демократическая, какъ разрушеніе сословныхъ перегородокъ. Ссылка на демократическую Францію дѣлается, поэтому, особенно понятной.

Для уничтоженія корпоративнаго духа Пироговъ считаетъ нужнымъ: 1) открыть университетъ всѣмъ желающимъ за небольшую плату, уничтоживъ вступительные экзамены; 2) предоставить всѣмъ посѣтителемъ университета полную свободу выбирать курсы для слушанія, уничтоживъ, такимъ образомъ, обязательные факультетскіе курсы; 3) подвергнуть всѣхъ посѣщающихъ лекціи общему полицейскому надзору, наравнѣ съ прочими гражданами, сохранивъ университетскій надзоръ только въ зданіяхъ университета, и 4) отмѣнить форменную одежду ¹⁾.

¹⁾ Ibidem, Записка Пирогова отъ 28-го февраля 1859 года.

Ковалевскій является противникомъ корпорацій, а слѣдовательно германскаго университетскаго строя, и больше склоняется на сторону приверженцевъ французскаго открытаго для всѣхъ университета, съ нѣкоторыми, впрочемъ, ограниченіями, которыя были указаны нами выше (возрастъ и строгіе вступительные экзамены). Такъ, онъ высказывается за отмѣну формы, за передачу надзора общей полиціи; но особенно ясно обнаруживается несочувствіе Ковалевскаго корпоративному строю и симпатіи его къ французскому университету изъ замѣтокъ, сдѣланныхъ его рукой на упомянутой уже запискѣ Зиновьева. Здѣсь онъ выражается о корпоративномъ строѣ, что онъ «по нашему государственному устройству болѣе вреда, чѣмъ пользы принесетъ». По поводу опасенія Зиновьева, что университетъ при увеличеніи числа студентовъ превратится въ рядъ публичныхъ лекцій, Ковалевскій пишетъ на поляхъ: «что же за бѣда?». Противъ словъ Зиновьева, что результаты французскихъ курсовъ ниже, чѣмъ въ Германіи, онъ замѣчаетъ: «Дай Богъ, чтобы мы достигли этихъ результатовъ!»¹⁾.

Итакъ, какъ мы уже видѣли, вопросъ о корпоративномъ устройствѣ тѣсно связывался съ вопросомъ о томъ, долженъ ли университетъ быть учрежденіемъ учебно-научнымъ или также и воспитательнымъ. Защитники корпоративной организаціи указывали именно на ея воспитательное значеніе, между тѣмъ какъ защитники французскаго открытаго для всѣхъ университета, являясь противниками корпоративнаго устройства, въ то же время отрицали за университетомъ всякое воспитательное значеніе, ибо, конечно, какое же можетъ быть воспитательное воздѣйствіе на посѣтителей публичныхъ курсовъ? Ковалевскій, поэтому, былъ вполне послѣдователенъ, когда въ своей объяснительной запискѣ на замѣчанія комиссіи принца Ольденбургскаго доказывалъ, что университетъ не можетъ и не долженъ имѣть значенія воспитательнаго. Вполнѣ соотвѣтствуютъ этому замѣчанія Ковалевскаго на поляхъ Зиновьевскаго доклада. «Университетъ не школа»,—пишетъ онъ противъ словъ Зиновьева, что школа должна направлять общество. Далѣе, по поводу мысли, что путемъ воспитанія надо улучшить общество, онъ пишетъ: «Но развѣ университеты—школы, гдѣ воспитываются юноши?»

Были, однако, лица, которыя, являясь противниками корпоративнаго устройства, въ то же время придавали университетамъ значеніе не только научныхъ, но также и воспитательныхъ учрежденій, и возлагали на университетское начальство строгую отвѣтственность за поведеніе и образъ мыслей студентовъ. Это были сторонники стариннаго Уваровскаго университета съ патріархаль-

¹⁾ Ibid., Записка Зиновьева отъ 16-го января 1860 года.

ной нравственно-полицейской опекой университетскаго начальства надъ юношами. Такимъ образомъ, мы переходимъ къ вопросу о надзорѣ за студентами,—вопросу, тѣсно связанному съ предыдущимъ вопросомъ. Сторонники французскаго открытаго университета, конечно, стояли за подчиненіе студентовъ внѣ университета надзору общей полиціи, наравнѣ съ прочими гражданами, что является вполнѣ понятнымъ, ибо при полной доступности университетскихъ лекцій для каждаго, какой же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть надзоръ за слушателями, составъ которыхъ ежедневно мѣняется? Ковалевскій, какъ мы видѣли выше, не признавалъ возможнымъ возложить на университетское начальство обязанность слѣдить за поведеніемъ студентовъ и отвѣтственность за ихъ поступки. Въ его министерство и по его представленію состоялось высочайшее повелѣніе 6-го мая 1859 года о подчиненіи студентовъ внѣ университета надзору общей полиціи. Между сторонниками германскаго университета съ узаконенной студенческой корпораціей многіе напротивъ признавали необходимымъ надзоръ университетскаго начальства. Такъ, Зиновьевъ, будучи сторонникомъ «нравственнаго, корпоративнаго взаимодействія, столь возвысившаго германскіе университеты», признаетъ въ то же время необходимымъ сохранить въ полной силѣ университетскій надзоръ— «не столько надзоръ, сколько опеку». Для облегченія этого надзора онъ считалъ даже нужнымъ принять мѣры къ ограниченію наплыва студентовъ въ университеты; полицейскій надзоръ онъ считалъ необходимымъ лишь, какъ дополненіе къ университетскому. Съ другой стороны, Спасовичъ, Кавелинъ и др. профессора С.-Петербургскаго университета тоже были за сохраненіе университетскаго надзора, но требовали передачи надзора отъ инспекціи самой профессорской коллегіи. Кавелинъ, напримѣръ, признавая студенческое корпоративное устройство хорошимъ воспитательнымъ средствомъ, объясняетъ студенческія волненія тѣмъ, что сходки «происходили безъ чьего либо вѣдома и разрѣшенія и безъ всякаго контроля». Профессора, по мнѣнію Кавелина, были совершенно лишены возможности вліять на студентовъ ¹⁾, совершенно устранены отъ участія въ университетскихъ дѣлахъ, между тѣмъ какъ инспекціи, не пользовавшейся довѣріемъ и уваженіемъ студентовъ, пре-

¹⁾ Насколько правиленъ этотъ взглядъ, можно судить хотя бы по слѣдующему отрывку изъ воспоминаній студента 50-хъ годовъ: «Мужественные проводники правды, свѣта и добра (рѣчь идетъ о профессорахъ), самодержавные властелины душъ и сердецъ горячо предавнаго студенчества! Благодаря вамъ... оно зоветъ тотъ университетъ, въ которомъ такъ честно работали вы на пользу родины... своею Alma Mater». (Обвинскій въ сборникѣ «Воспоминанія студенческой жизни», стр. 51). Въ концѣ 50-хъ годовъ профессора руководили изданіемъ студенческихъ сборниковъ, председательствовали на студенческихъ судахъ и т. п.

доставлена была огромная власть. Студенческая корпорация, руководимая профессорами, и профессорский судъ для разбора проступковъ, совершенныхъ студентами,—таковъ былъ проектъ Кавелина и его единомышленниковъ ¹⁾.

Сторонники Уваровскаго университета высказываются, какъ и слѣдовало ожидать, противъ корпоративнаго начала, которое, какъ говорится въ докладѣ комиссіи принца Ольденбургскаго, «вовсе не свойственно нашему образу правленія, можетъ вредно дѣйствовать на молодые умы и во всякомъ случаѣ отвлекаетъ студентовъ отъ настоящей ихъ цѣли, т.-е. отъ занятій науками». Въ то же время они считаютъ нужнымъ сохранить за университетами воспитательное значеніе: «необходимо рѣшительными и раціональными мѣрами оградить молодыхъ людей отъ соблазновъ, вредныхъ для ихъ умственнаго и нравственнаго образованія». Строгость и бдительный надзоръ являлись, по мнѣнію этой группы лицъ, вѣрнѣйшими средствами для водворенія порядка въ университетахъ. Въ Западной Европѣ образцомъ такого типа учрежденій являлся до нѣкоторой степени англійскій университетъ съ его строгой дисциплиной. Наиболѣе видными представителями этой группы лицъ являются Строгановъ, бывшій дѣятель эпохи Уварова, впоследствии Путятинъ и Скуратовъ. Непонятнымъ является присоединеніе барона Корфа къ мнѣнію Строганова и Игнатъева: сторонникъ французскаго университета высказывается здѣсь за бдительный надзоръ и огражденіе студентовъ отъ «соблазновъ». Противорѣчіе въ его взглядахъ особенно замѣтно, если привести его слова въ запискѣ главнаго правленія училищъ 22-го января 1860 года: онъ считалъ однимъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ университетовъ то, что, благодаря вступительнымъ экзаменамъ, университетъ превращается въ школу «съ формализмомъ ея классныхъ уроковъ, періодическихъ курсовъ, срочныхъ экзаменовъ и проч.» ²⁾. Нельзя здѣсь видѣть и перемѣну во взглядахъ: не говоря о томъ, что эта перемѣна была бы слишкомъ быстрой и рѣзкой, мы видимъ, что Корфъ въ октябрѣ 1861 года попрежнему высказывается за открытые университеты ³⁾.

Итакъ, взгляды Ковалевскаго, въ общемъ, сводятся къ слѣдующему: онъ стоитъ за возможно широкій доступъ въ университеты всѣмъ сословіямъ, однако съ ограниченіемъ возраста и при условіи хорошей подготовки, обнаружившейся на строгихъ вступительныхъ экзаменахъ. Слѣдствіемъ этого явится увеличеніе числа

¹⁾ Кавелинъ, Собраніе сочиненій, т. II, стр. 1191—1194. См. также Спавичъ, Сочин., IV, 22—28.

²⁾ Дѣло № $\frac{140431}{2124}$.

³⁾ Никитенко, «Дневникъ», II, 288—289.

«истор. вѣстн.», январь, 1905 г., т. XLIX.

студентовъ и невозможность для университетской полиціи слѣдить за поведеніемъ и нравственностью ихъ; поэтому Ковалевскій стоитъ за передачу надзора надъ студентами въ вѣдѣніе общей полиціи. Отрицая за университетами воспитательное значеніе, Ковалевскій является противникомъ корпоративнаго строя (хотя при немъ именно корпоративная организація, вслѣдствіе его снисходительности и слабохарактерности, пустила прочные корни въ С.-Петербургскомъ и Кіевскомъ университетахъ); онъ стоитъ за уничтоженіе всего того, что поддерживаеетъ корпоративную связь между студенчествомъ, — за уничтоженіе формы и тѣхъ особыхъ правъ и привилегій, которыми пользуются студенты, и которыя связаны съ университетскими дипломами.

IV.

Эти взгляды министра, вѣроятно, легли въ основу его всеподданнѣйшаго доклада 13-го апрѣля 1861 года. Въ дѣлахъ архива департамента народнаго просвѣщенія этотъ докладъ почему-то не сохранился, и о содержаніи его мы можемъ лишь отчасти судить по тѣмъ отзывамъ, которые встрѣчаются въ позднѣйшихъ запискахъ Ковалевскаго и въ разсказахъ современниковъ. Самъ Ковалевскій въ одной изъ своихъ записокъ (отъ 11-го мая 1861 г.) говоритъ, что въ этомъ докладѣ «предлагалась система кореннаго преобразованія нашихъ университетовъ относительно обучающихся въ нихъ студентовъ». Главнымъ основаніемъ этой системы было привлекать въ университеты не для служебныхъ правъ, а единственно для образованія. «Съ этой цѣлью предлагаемо было: уничтожить всѣ преимущества студентовъ, какъ во время университетскихъ курсовъ, такъ и по окончаніи оныхъ, а, съ другой стороны, возвысить уровень университетскаго ученія, предоставивъ преимущества только лицамъ, достигшимъ, по испытанію, ученыхъ степеней, начиная съ кандидатской»¹⁾.

Краткія свѣдѣнія о докладѣ Ковалевскаго и о засѣданіи совѣта министровъ сообщаетъ Никитенко, показанія котораго, какъ лица, близко стоявшаго къ министру, заслуживаютъ полнаго довѣрія. 12-го апрѣля Никитенко сообщаетъ, что государь призвалъ къ себѣ министра и объявилъ ему, что студенческіе беспорядки не могутъ быть долѣе терпимы, и что онъ не остановится передъ крайнею мѣрою, закрытіемъ нѣкоторыхъ университетовъ. Министръ просилъ не прибѣгать къ этой мѣрѣ, такъ какъ она вызоветъ общее неудовольствіе.

— «Такъ придумайте же сами, что дѣлать,—сказалъ государь:—но предупреждаю васъ, что долѣе терпѣть такіе беспорядки нельзя, и я рѣшился на строгія мѣры».

¹⁾ Дѣло № $\frac{146163}{3084}$, Записка Ковалевскаго отъ 11-го мая 1861 года.

На слѣдующій день, 13-го апрѣля, въ засѣданіи совѣта министровъ происходили пренія объ университетахъ; такъ какъ этимъ же числомъ помѣченъ вышеупомянутый всеподданнѣйшій докладъ Ковалевского, то очевидно, что предположенія министра, которыя обсуждались въ совѣтѣ, и есть тѣ предположенія, которыя выражены въ докладѣ. Вѣроятно, здѣсь же былъ заслушанъ и докладъ комиссіи принца Ольденбургскаго. Возможно, что именно этотъ докладъ и былъ причиной вызова Ковалевского къ государю и разговора съ нимъ 12-го апрѣля. О засѣданіи 13-го апрѣля Никитенко пишетъ: «Ковалевскій встрѣтилъ страшные нападки на безпорядки, производимые студентами. Онъ ссылаясь на духъ времени, но это не помогло. Государь назначилъ графа Строганова, графа Панина и князя Долгорукова рассмотретьъ записку о мѣрахъ, которыя онъ предлагаетъ. Собственно говоря, это значитъ подвергнуть министерство контролю и ввѣрить попеченіе о дѣлахъ его постороннимъ силамъ»¹⁾.

Такъ возникла вторая изъ тѣхъ комиссій, столкновение съ которыми привело къ отставкѣ Ковалевского.

Въ самомъ докладѣ этой комиссіи такъ повѣствуется о ея возникновеніи: «Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія вашего императорскаго величества, министръ народнаго просвѣщенія представилъ соображенія свои о тѣхъ мѣрахъ, кои могутъ быть приняты для надзора за университетскими студентами, по случаю непрерывно возникающихъ безпорядковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Ковалевскій изложилъ нѣкоторыя предположенія объ испытаніяхъ на ученые степени, о составленіи новой системы распределенія преподаванія наукъ по факультетамъ и о другихъ предметахъ, требующихъ предварительнаго обсужденія въ главномъ правленіи училищъ.

«Вашему величеству благоугодно было указать на необходимость немедленнаго принятія нѣкоторыхъ мѣръ для направленія образованія въ учебныхъ заведеніяхъ къ цѣли, соответствующей попечительной заботливости правительства»²⁾.

Неудовольствіе государя по поводу повторявшихся студенческихъ безпорядковъ, столкновение съ комиссіей принца Ольденбургскаго, нападки въ засѣданіи совѣта министровъ, наконецъ, образованіе новой комиссіи для рассмотрѣнія предположеній министра и назначеніе въ эту комиссію принципиальнаго противника всей политики Ковалевского, графа С. Г. Строганова, — все это значительно пошатнуло положеніе Ковалевского. Послѣ засѣданія 13-го апрѣля объ отставкѣ его стали говорить, какъ о совершенно рѣшенномъ

¹⁾ Никитенко, II, 254.

²⁾ Архивъ, дѣло № $\frac{146163}{3084}$.

вопросъ, и это-то и ввело въ заблужденіе Татищева. Никитенко, разговлявшійся на первый день пасхи (23-го апрѣля) у Ковалевскаго, пишетъ: «Министръ подалъ въ отставку, но государь пожелалъ, чтобы онъ остался, пока прищеть ему преемника». Никитенкъ Ковалевскій говорилъ, что «оставляетъ свой постъ съ огорченіемъ, но не можетъ не оставить его, такъ какъ отъ него требуютъ, чтобы онъ приводилъ въ исполненіе чужіе планы».

«Въ отставкѣ Ковалевскаго всѣ видятъ торжество реакціонной партіи,—сообщаетъ далѣ Никитенко,—и Ковалевскій мало-помалу вырастаетъ въ общественномъ мнѣніи». Какъ на преемника Ковалевскому, указываютъ на Строганова. «Говорятъ, — пишетъ Никитенко,—что Строгановъ очень силенъ при дворѣ, и что его интрига произвела нынѣшній кризисъ» ¹⁾.

«На просвѣщеніе страшное гоненіе, опять вслѣдствіе недоразумѣній,—писалъ Погодинъ Шевыреву.—Графъ Строгановъ, говорятъ, неистовствовалъ въ совѣтѣ противъ распущенности; а кто положилъ ей основаніе? Онъ нападалъ на Ковалевскаго такъ, что тотъ занемогъ, и думали, что подастъ въ отставку. Говорили, что Строгановъ и назначенъ. Другіе указываютъ на Левшина. Нѣтъ, друзья, какъ вы ни садитесь, а въ музыканты не годитесь. Комиссія для разсужденія о дѣлахъ просвѣщенія составлена изъ Строганова, Панина, Долгорукова. Говорятъ, будто назначается оброкъ на студентовъ по двѣсти рублей серебромъ, что число ограничится двумястами казенныхъ и двумястами своекоштныхъ. Неужели это можетъ быть? Господи, Боже мой!» ²⁾.

Между тѣмъ Ковалевскій все еще оставался на посту министра, а новая комиссія приступила къ работѣ. Въ С.-Петербургской императорской Публичной библиотекѣ хранятся нѣкоторые документы, знакомящіе насъ съ черновой, подготовительной работой этой комиссіи. Документы эти слѣдующіе: 1) вѣдомость о числѣ студентовъ С.-Петербургскаго университета, платившихъ и не платившихъ за право слушанія лекцій въ 1857—1860 годахъ; 2) записка Панина къ личному секретарю его или Строганова (къ Хвостову или Топильскому) и 3) проекты доклада комиссіи и объяснительной къ нему записки. Вѣдомость о числѣ платившихъ и не платившихъ студентовъ составлена, очевидно, кѣмъ либо для комиссіи потому, что въ комиссіи, какъ мы увидимъ далѣе, возбужденъ былъ, между прочимъ, вопросъ объ ограниченіи числа студентовъ, освобождаемыхъ отъ платы за ученіе. На запискѣ сдѣлана помѣтка: «Получено отъ графа В. Н. 27-го апрѣля вечеромъ».

«Распространеніе просвѣщенія въ направленіи, полезномъ для молодого поколѣнія и соответственномъ устройству государства,—

¹⁾ Никитенко, II, 254—256.

²⁾ Барсуковъ, XVIII, стр. 229.

пишетъ Панинъ:—скажите графу Строганову, что такъ намѣрень я назвать въ докладѣ нашемъ цѣль, указанную государемъ (исправленіе духа университетскаго воспитанія). По сообщеніи моихъ замѣчаній и представленіи нужныхъ объясненій, графъ сдѣлаетъ не при васъ, а на досугѣ нужныя по его усмотрѣнію исправленія и возвратитъ бумагу для переписыванія, назначивъ по соглашенію съ княземъ Д. день для общаго совѣщанія. Я на всякій день согласенъ (если въ понедѣльникъ вечеромъ, то работа можетъ поспѣть къ четвергу). Возвратите мнѣ эту записку послѣ свиданья съ графомъ Строгановымъ. Мнѣ нужна указанная сначала формула».

Далѣе слѣдуютъ проекты доклада. Я не буду здѣсь останавливаться на тѣхъ пунктахъ, которые вошли въ докладъ (ихъ мы разсмотримъ въ свое время). Здѣсь укажу лишь на тѣ вопросы, которые, какъ видно изъ проектовъ, обсуждались въ комиссіи, но затѣмъ не были приняты и не вошли въ докладъ. Вопросы эти слѣдующіе: 1) возвышеніе оклада профессоровъ, чтобы привлечь лицъ достойныхъ и способныхъ, 2) нѣкоторое возвышеніе платы за лекціи, чтобы этимъ увеличить профессорскій окладъ, и 3) пересмотръ инструкціи для инспектора, чтобы устранить все то, что является излишнимъ вмѣшательствомъ въ частную жизнь людей, «вышедшихъ изъ младенческаго возраста», сохраняя то, что отвѣчаетъ попеченіямъ правительства «о нераспространеніи между молодыми людьми примѣровъ безнравственности или вредныхъ политическихъ заблужденій, и также вполне оградить преподавателей отъ всякаго своеволія или продерзости учащихся, дабы свобода преподаванія не подвергалась какимъ либо ограниченіямъ, кромѣ указанныхъ самимъ правительствомъ, и дабы достоинство преподавателей было всегда и вездѣ охраняемо».

Къ проектамъ доклада приложенъ также проектъ введенія къ докладу; хотя въ работахъ комиссіи принималъ участіе и Ковалевскій, но упомянутый проектъ введенія составленъ, повидимому, безъ его участія. По крайней мѣрѣ, здѣсь говорится: «Мы представимъ министру народнаго просвѣщенія слѣдующія соображенія».

По вопросу объ ограниченіи приѣма въ университетъ, комиссія признаетъ наиболѣе удобнымъ и правильнымъ открыть доступъ въ университеты преимущественно тѣмъ изъ неимѣющихъ состоянія молодыхъ людей, «которые пріобрѣли на то право трудолюбіемъ и успѣхами въ образованіи, пріобрѣтенномъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ». Первоначальное образованіе должно быть общимъ: недостатокъ у насъ специальныхъ учебныхъ заведеній былъ отчасти причиной того, что въ гимназіи ввели предметы, которые тамъ не могутъ преподаваться съ надлежащей полнотой. Переходя далѣе къ университетамъ, комиссія считаетъ нужнымъ

точное соблюденіе § 11 инструкціи 23-го января 1851 года¹⁾. Средствами для этого комиссія считаетъ: а) исправленіе тѣхъ пунктовъ инструкціи, «которые были начертаны въ предѣлахъ слишкомъ тѣсныхъ», б) усиленіе надзора черезъ назначеніе проректора и в) немедленное удаленіе «неблагонамѣренныхъ или ошибающихся профессоровъ». Нужно большее вниманіе со стороны попечителей и ректоровъ и болѣе тщательный выборъ ихъ. Не слѣдуетъ допускать въ университеты людей съ недостаточной подготовкой. Что касается вліянія общества, то оно дѣйствительно существуетъ, но «не настолько единодушно въ другомъ направленіи», чтобы ему можно было приписать заблужденія студентовъ. Въ политическихъ стремленіяхъ нельзя обвинять всѣхъ студентовъ: вредное политическое направленіе проявилось преимущественно между уроженцами западныхъ губерній, которымъ изъявили сочувствіе по разнымъ видамъ и другіе студенты и даже, говорятъ, нѣкоторые преподаватели. Общество же не такъ заражено вредными понятіями, чтобы ему можно было приписывать вліяніе на студентовъ; большее вліяніе имѣетъ литература. Дерзость студентовъ проявилась особенно въ отношеніи къ полиціи, между тѣмъ въ обществѣ не замѣтно такого враждебнаго отношенія къ полиціи. Наконецъ, отнятіе права на чинъ члены комиссіи считаютъ несправедливымъ, такъ какъ послѣдствіемъ такой мѣры было бы возстановленіе сословныхъ преимуществъ, которыя до сихъ поръ уступали мѣсто преимуществамъ, прибрѣтеннымъ путемъ образованія²⁾.

Къ 9-му мая работы комиссіи были окончены; для достиженія указанной цѣли (т.-е. для направленія образованія согласно видамъ правительства) члены комиссіи полагаютъ необходимымъ «дать прочное основаніе общему образованію въ гимназіяхъ и принять тѣ мѣры, кои могутъ нынѣ же прекратить безпорядки и оградить свободу преподаванія въ предѣлахъ, соответствующихъ основаніямъ государственнаго нашего устройства». Для достиженія этого комиссія выработала слѣдующія мѣры: 1) Возстановить въ гимназіяхъ классическое образованіе по уставу 1828 года. 2) Производить приемные въ университетъ экзамены при гимназіяхъ,

¹⁾ Эта инструкція имѣла цѣлью установить надзоръ за преподаваніемъ, возлагая таковой на ректора и декановъ. Профессорамъ вѣнено въ обязанность представлять программы своихъ лекцій. § 11 инструкціи гласитъ: «при разсмотрѣніи программъ постоянно имѣется въ виду: а) чтобы предметъ изложенъ былъ въ полнотѣ сообразно съ потребностью университетскаго ученія, б) чтобы какъ общія начертанія, такъ и отдѣльныя статьи программы строго соответствовали и ученой и нравственной цѣли, в) чтобы въ содержаніи программы не укрывалось ничего, несогласнаго съ ученіемъ православной церкви или съ образомъ правленія и духомъ государственныхъ учрежденій нашихъ, и г) чтобы, напротивъ, ясно и внушительно выражались вездѣ... благоговѣніе къ святынямъ, преданность государю и любовь къ отечеству» (Сборн. постановл., II, стр. 1242).

²⁾ Рукописный отдѣлъ С.-Петербургской Публичной бібліотеки, Ф. II, № 201.

подвергая постороннихъ лицъ, получившихъ домашнее образованіе, испытанію вмѣстѣ съ учениками, если возможно, въ присутствіи депутата отъ университета. 3) Возстановить полную подчиненность учащихся университетскому начальству въ стѣнахъ университета (рукою государя сдѣлана на поляхъ помѣтка: «подчиненность эта никогда не была уничтожена»), воспретить всякія сходки безъ разрѣшенія начальства и объясненія съ нимъ черезъ депутатовъ или сборищемъ (высочайшая помѣтка: «если такыя допускались, то вопреки установленнаго порядка и отъ слабости университетскаго начальства»). 4) Слѣдуетъ издать правила о точномъ посѣщеніи лекцій и о недопущеніи одобренія или порицанія преподавателей. 5) Установить надзоръ за порядкомъ; неисполняющихъ правила послѣ напоминанія увольнять, не подвергая другимъ взысканіямъ, если поступки ихъ не подлежатъ суду по общимъ законамъ. 6) Не допускать въ университетъ вольнослушателей, кромѣ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, а также извѣстныхъ ученыхъ и преподавателей. 7) Возстановить экзамены на 1-мъ и 2-мъ курсахъ. 8) Не принимать въ университетъ моложе 17 лѣтъ; отмѣнить форменную одежду и воспретить ношеніе какихъ либо знаковъ народности или товарищества. 9) Освобождать отъ платы лишь двухъ отъ каждой гимназіи округа, кои будутъ признаны достойнѣйшими. 10) Выдавать стипендіи отличившимся бѣднымъ студентамъ, преимущественно изъ гимназистовъ университетскаго округа. 11) Суммы, остающіяся отъ ограниченія числа бесплатныхъ, предназначаются на увеличеніе жалованья профессорамъ. 12) По поводу этого пункта въ комиссіи произошло разногласіе: Строгановъ и Ковалевскій стояли за такую редакцію: «Выборъ ректора и проректора производится на точномъ основаніи устава 1835 года. Въ отношеніи исполненія обязанности ректорами и деканами факультетовъ возстановляются правила, существовавшія до изданія инструкціи 23-го января 1851 года ¹⁾». Кн. Долгоруковъ и Панинъ, съ своей стороны, предлагали совершенно иной проектъ. Признавая также желательнымъ возстановленіе прежняго порядка избранія ректора, они добавляли: «Всѣмъ преподавателямъ вмѣняется въ строгую обязанность точно и неуклонно исполнять правила, предписанныя въ 11-мъ пунктѣ инструкціи, данной въ 1851 году ректорамъ и деканамъ факультетовъ. Относительно порядка составленія программъ, статьи, относящіяся до сего предмета, подвергаются пересмотру». 13) Окончившимъ университетъ сохранить права. 14) Назначить изъ казначейства извѣстную сумму на увеличеніе оклада и 15) снестись съ генераль-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края объ открытіи

¹⁾ Содержаніе этой инструкціи и 11 § см. выше, стр. 118.

высшихъ учебныхъ заведеній, юридическаго и медицинскаго, съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ.

Такъ какъ мѣры, предлагаемыя комиссіей, во многомъ расходились со взглядами Ковалевскаго, то послѣдній не оставилъ доклада безъ возраженій, и къ журналу комиссіи приложена записка Ковалевскаго отъ 11-го мая. Эта записка является, такъ сказать, «лебединой пѣснью» министра, послѣдней попыткой его отстоять свои взгляды. По пунктамъ возражаетъ Ковалевскій на докладъ комиссіи. По поводу 1-го пункта онъ замѣчаетъ, что уставъ гимназій 1828 года говоритъ о преподаваніи лишь латинскаго языка, греческаго же только въ гимназіяхъ, состоящихъ при университетахъ. Ковалевскій высказывается въ пользу двухъ типовъ среднихъ учебныхъ заведеній — нормальнаго, гдѣ преподавался бы только одинъ латинскій языкъ, но было бы зато расширено преподаваніе русскаго языка и математики, — и филологическаго съ преподаваніемъ обоихъ древнихъ языковъ, на которые отводилась бы половина всѣхъ учебныхъ часовъ. Такой проектъ былъ выработанъ въ министерствѣ и подлежалъ разсмотрѣнію въ главномъ правленіи училищъ и въ государственномъ совѣтѣ. Предрѣшеніе же вопроса комиссіей Ковалевскій считалъ преждевременнымъ, тѣмъ болѣе, что такое или иное разрѣшеніе его не имѣетъ вліянія на нравственность студентовъ.

Далѣе, Ковалевскій возражаетъ на пункты 4, 6, 7, 9 и 13. Это какъ разъ тѣ пункты, осуществленіе которыхъ противорѣчило бы идеѣ французскаго университета. По поводу п. 4 (о надзорѣ за посѣщеніемъ лекцій) Ковалевскій замѣчаетъ, что врядъ ли предписаніемъ можно заставить заниматься; если слѣдить за исправнымъ посѣщеніемъ лекцій, то многіе могутъ посѣщать лекціи и не слушать. Студенты — люди взрослые и могутъ сами разсуждать, тѣмъ болѣе, что имъ предстоитъ испытаніе. Возражая на пунктъ 6 й (объ ограниченіи вольнослушателей), министръ приводитъ историческую справку: вольнослушатели допущены въ университетъ въ 1844 году, а высочайше утвержденнымъ 16-го іюня 1847 года мнѣніемъ государственнаго совѣта признана польза этой мѣры. Ковалевскій приводитъ слѣдующія соображенія въ пользу сохраненія прежняго порядка: 1) «Университетъ по своему назначенію, какъ высшій храмъ науки, долженъ быть открытъ всѣмъ безъ различія. Если здѣсь допустить выборъ, то въ такомъ случаѣ и въ Публичную, напримѣръ, бібліотеку, имѣющую ту же цѣль, т.-е. распространеніе просвѣщенія, нельзя дать доступа всякому желающему читать. 2) Не всѣ имѣютъ возможность приготовиться такъ, чтобы выдержать пріемный экзаменъ. Слѣдуетъ ли возбранять такимъ лицамъ за небольшую плату пользоваться плодами просвѣщенія, а особливо у насъ въ Россіи, гдѣ такъ мало оно распространено, и гдѣ такъ оно нужно? Слѣдуетъ ли отказывать фаб-

риканту слушать въ университетской лабораторіи лекціи технологии или адвокату слушать лекціи гражданскаго права и т. п.?) Наконецъ, Ковалевскій утверждаетъ, что вольнослушатели никогда не принимаютъ участія въ безпорядкахъ, такъ какъ «единственная ихъ цѣль чему нибудь научиться». Такимъ образомъ, здѣсь Ковалевскій опять является горячимъ защитникомъ французскаго университета, при чемъ даже отъ своего требованія строгихъ вступительныхъ экзаменовъ онъ отказывается, говоря о вольнослушателяхъ.

Говоря о переводныхъ испытаніяхъ (по поводу п. 7), министръ считаетъ ихъ, какъ средство контроля, непригодными. Правильная оцѣнка знаній въ 5 минутъ невозможна. Если же назначить на экзамены то время, какое дѣйствительно необходимо, чтобы удостовѣриться въ познаніяхъ испытуемаго, то при 800 студентахъ 1-го и 2-го курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ на испытаніе пойдетъ полгода. Если прибавить еще время, необходимое для производства окончательныхъ испытаній, то на лекціи ничего почти не останется.

По поводу пункта 9 (объ освобожденіи отъ платы) Ковалевскій ссылается на своей всеподданнѣйшій докладъ отъ 13-го апрѣля, гдѣ онъ вообще высказывался противъ освобожденія отъ платы, а предлагалъ бѣднымъ и достойнымъ выдавать стипендіи, засчитывая въ стипендію и плату за ученіе. На предложеніе же комиссіи освобождать лишь по два лица отъ каждой гимназіи Ковалевскій возражаетъ, во-первыхъ, что нѣтъ основанія дѣлать различіе между учившимися въ гимназіи и получившими домашнее образованіе, такъ какъ и тѣ и другіе пріобрѣтаютъ право на поступленіе въ университетъ одинаковымъ образомъ. Другое неудобство предлагаемаго комиссіей порядка заключается въ томъ, что въ одной гимназіи можетъ не оказаться ни одного дѣйствительно нуждающагося, тогда какъ въ другой ихъ можетъ быть много.

Наконецъ, въ отвѣтъ на пунктъ 13-й (о сохраненіи правъ для окончившихъ университетъ) Ковалевскій вновь ссылается на свой докладъ 13-го апрѣля, гдѣ онъ, какъ мы видѣли, предлагалъ на противъ уничтоженіе всѣхъ особыхъ преимуществъ, предоставленныхъ какъ студентамъ, такъ и окончившимъ университетъ. «Съ принятіемъ предложенныхъ отъ гг. трехъ членовъ мѣръ, означенная система будетъ поколеблена, и студенческая корпорація останется на прежнемъ основаніи. Въ такомъ случаѣ нѣтъ уже и надобности лишать студентовъ тѣхъ правъ и преимуществъ, какими они пользуются нынѣ при вступленіи на службу. Но это будетъ врачеваніе временное, а не радикальное» ¹⁾.

¹⁾ Дѣло № $\frac{146163}{3084}$.

Послѣдній пунктъ доклада комиссіи требуетъ поясненій. Дѣло въ томъ, что открытіемъ училищъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ имѣлось въ виду отвлечь польскую молодежь изъ русскихъ университетовъ, особенно изъ С.-Петербургскаго и Московскаго, а также Кіевскаго, въ виду того вліянія, которое оказывали поляки на русскихъ студентовъ. Волненія въ Польшѣ, попытка бунта и столкновение съ войсками въ Варшавѣ въ февралѣ 1861 г.—все это волновало польскую молодежь; часть русской учащейся молодежи тоже открыто выражала сочувствіе полякамъ. 22-го февраля въ католическомъ костелѣ въ Петербургѣ была отслужена панихида по убитыхъ въ Варшавѣ; костелъ былъ переполненъ студентами, кадетами и вообще учащейся молодежью какъ польской, такъ и русской. Инспекторъ одного военно-учебнаго заведенія хотѣлъ переписать присутствовавшихъ воспитанниковъ, но вынужденъ былъ удалиться. Когда потомъ начальство стало наводить справки, кто изъ русскихъ былъ на панихидѣ, 300 студентовъ заявили о своемъ участіи. Въ Москвѣ, во время подобной же панихиды студентъ З., русскій, заявилъ, что у поляковъ и русскихъ одинъ врагъ—русское правительство¹⁾. Еще хуже обстояло дѣло въ Кіевѣ: здѣсь происходили постоянныя манифестаціи, каждое воскресенье пѣлись въ костелѣ революціонныя гимны, дамы носили національный трауръ и эмблемы польской независимости, въ театрахъ ставились исключительно польскія пьесы. Студенты-поляки громко заявляли: «Кіевъ нашъ, университетъ нашъ»; они составляли въ университетѣ опредѣленную политическую партію, которая была звеномъ обширнаго заговора, охватившаго всю Польшу и западныя губерніи. Каждый студентъ былъ членомъ извѣстной гмины, въ которой было много постороннихъ лицъ; представители гминъ совѣщались между собою, поддерживали единство, а иногда и отдавали приказанія, основываясь на распоряженіяхъ центральной революціонной власти. Русскіе студенты сплотились, чтобы дать отпоръ стремленіямъ польской партіи; попечитель Пироговъ покровительствовалъ этой русской корпораціи; русскими было составлено прошеніе, въ которомъ, между прочимъ, была просьба объ открытіи университета въ Варшавѣ, чтобы отвлечь поляковъ изъ Кіева. Говорятъ, эта мысль была внушена Пироговымъ. Прошеніе было уже совершенно готово, но въ день подачи прошенія (13-го марта?) была получена телеграмма объ увольненіи Пирогова²⁾.

Въ виду такихъ обстоятельствъ кіевскій генералъ-губернаторъ, кн. И. И. Васильчиковъ, вошелъ съ отношеніемъ къ Ковалевскому. Указывая на то, что въ числѣ 1.047 студентовъ Кіевскаго университета католиковъ 562, въ томъ числѣ уроженцевъ Юго-Запад-

¹⁾ Любимовъ, «Катковъ и его историческая заслуга», стр. 145.

²⁾ Юзефовичъ, «30 лѣтъ тому назадъ», «Русск. Стар.», 1895 г., X, 170—193.

наго края 364, прочихъ западныхъ губерній 145 и царства Польскаго—53, Васильчиковъ говоритъ, что «вредное—направленіе въ университетъ польской молодежи, избѣгавшей всегда сближенія съ русскими студентами, стало теперь обнаруживаться съ большей силой», подѣ влияніемъ событій въ Западной Европѣ и броженія въ Польшѣ. Онъ сообщаетъ, что нѣкоторые студенты переодѣваются въ крестьянское платье для пропаганды среди народа; въ костелѣ была отслужена панихида по убитыхъ 15-го февраля въ Варшавѣ, при чемъ на панихидѣ присутствовали многіе польскіе студенты; по городу ходятъ анонимныя воззванія съ приглашеніемъ не бывать на балахъ; однажды ночью на улицахъ расклеены были польскія патріотическія объявленія, — молва приписываетъ все это студентамъ. Въ студентахъ-полякахъ вообще замѣчается «проявленіе національнаго духа, своеволіе, неуваженіе къ властямъ и стремленіе къ возстановленію Польши». Васильчиковъ полагаетъ ослабить польскій элементъ въ университетѣ св. Владимира, принимая въ него лишь поляковъ, уроженцевъ Юго-Западнаго края.

Ковалевскій въ своемъ докладѣ 13-го апрѣля коснулся и этого вопроса. Онъ соглашается съ княземъ Васильчиковымъ, что влияніе студентовъ-поляковъ въ Киевскомъ, а также въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ вредно дѣйствуетъ на прочихъ, но сомнѣвается, чтобы загражденіе для уроженцевъ царства Польскаго и Сѣверо-Западнаго края доступа въ Киевскій университетъ ослабило это влияніе: его сила не въ численномъ превосходствѣ, а «во вредномъ, обаятельномъ для молодыхъ умовъ направленіи». Эта мѣра не отвратитъ зла въ Киевскомъ университетѣ, но усилитъ приливъ поляковъ въ университеты С.-Петербургскій и Московскій. Надѣясь, что студенты изъ царства Польскаго сами не пойдутъ въ русскіе университеты съ открытіемъ въ Варшавѣ юридическаго и техническаго институтовъ, на что уже послѣдовало высочайшее согласіе,—Ковалевскій предлагаетъ пока секретнымъ образомъ усилить строгость экзаменовъ для студентовъ-поляковъ.

Строгановская комиссія, разсмотрѣвъ отношеніе кн. Васильчикова и докладъ Е. П. Ковалевскаго, указала на то, что Васильчикову, очевидно, еще неизвѣстно было объ основаніи высшихъ училищъ въ Варшавѣ; кромѣ того, комиссія, какъ мы видѣли выше, предположила открыть подобныя же училища въ Вильнѣ; что касается предлагаемой кн. Васильчиковымъ мѣры, то комиссія полагаетъ, что «общая мѣра, основанная на одномъ лишь происхожденіи лицъ и на общемъ подозрѣніи, была бы весьма несправедливою». Усиленіе строгости экзаменовъ и безъ того удалить изъ университета лицъ, не посвящающихъ себя исключительно наукѣ. До приведенія же въ исполненіе выработанныхъ новыхъ университетскихъ правилъ, комиссія полагаетъ предоставить генералъ-губернатору право удалять своею властью изъ университета

тѣхъ студентовъ, «кои участвовали въ важныхъ безпорядкахъ, или на коихъ падало бы подозрѣніе, подкрѣпленное достаточными данными въ томъ, что они дѣйствуютъ въ качествѣ эмиссаровъ враждебной правительству пропаганды».

Мнѣніе комиссіи о студентахъ-полякахъ удостоилось высочайшаго утвержденія 18-го мая 1861 г.¹⁾.

V.

Въ дѣлахъ комиссіи не видно, чтобы между членами комиссіи происходили какія либо разногласія, кромѣ п. 12, гдѣ это разногласіе привело къ двумъ отдѣльнымъ мнѣніямъ, внесеннымъ въ журналъ комиссіи. Между тѣмъ современники и корреспонденты иностранныхъ газетъ довольно единодушно свидѣтельствуютъ о томъ, что Строгановъ (по другимъ, Панинъ) въ засѣданіи 11-го мая представлялъ свой особый проектъ, не принятый, однако, въ совѣтѣ министровъ. «Въ чемъ именно состоялъ этотъ проектъ,—писалъ Никитенко,—я въ точности не знаю. Но говорятъ, что клонился къ тому, чтобы сдѣлать университеты доступными только дворянству и имущимъ классамъ. Ковалевскій, разумѣется, сильно опровергалъ проектъ. Его поддержали рѣшительно всѣ члены совѣта. Особенно много возражалъ графу Строганову Чевкинъ. Проектъ съ шумомъ провалился»²⁾.

Мазадъ въ «Revue des deux mondes» утверждаетъ, будто Ковалевскій весной 1861 года подалъ проектъ, составленный по образцу германскихъ (??) университетовъ. Строгановъ, напротивъ, по отношенію къ университетамъ стоялъ за возвращеніе къ николаевскому режиму; онъ стремился также ограничить тремя стами число студентовъ въ каждомъ университетѣ, запретить доступъ вольнослушателямъ, превратить университеты въ спеціальныя заведенія, перенести С.-Петербургскій университетъ въ Гатчину, возвысить плату до 200 рублей. Это вызвало сильную оппозицію, и потому остановились на полумѣрахъ (правила 18-го мая, 1861 года, см. ниже)³⁾. Корреспондентъ «Indépendance Belge» сообщаетъ, будто Панинъ (а не Строгановъ?) въ результатѣ казанскихъ безпорядковъ (панихида по убитымъ въ с. Безднѣ крестьянахъ) предложилъ опять ограничить число студентовъ тремя стами которые бы принадлежали къ знати высшихъ пяти или шести классовъ и платили по 200 рублей; гимназіи и всѣ другія среднія учебныя заведенія превратить въ закрытыя. На сторонѣ этого проекта были сторонники репрессивныхъ мѣръ. Ковалевскій предложилъ обратный проектъ, который расширялъ доступъ въ университетъ, огра-

¹⁾ Дѣло № $\frac{146164}{4084}$.

²⁾ Никитенко, II, 259.

³⁾ Mazade: «La Russie sous Alexandre II». «Revue des deux mondes», $\frac{15}{I}$ 1862 г., стр. 291.

ничивая права, связанные съ дипломомъ: сохранялись лишь степени магистра и кандидата, званіе же дѣйствительнаго студента уничтожить. Отмѣнялась форменная одежда, приемные (?) экзамены; этими мѣрами министръ полагалъ убить корпоративный духъ между студентами. Къ этому проекту присоединились великій князь Константинъ Николаевичъ, Чевкинъ, Горчаковъ. «Говорятъ, — заключаетъ корреспондентъ, — они взяли верхъ» (корреспонденція отъ 15-го мая стараго стиля)¹⁾.

Трудно сказать, насколько достовѣрны всѣ эти сообщенія. Ни въ докладѣ комиссіи, ни даже въ черновыхъ проектахъ ни изъ чего не видно, чтобы Строгановъ или Панинъ оставались при особомъ мнѣніи по вопросу объ ограниченіи приѣма студентовъ и о возвышеніи платы. Между тѣмъ, можно думать, что, прежде чѣмъ входить съ особымъ проектомъ въ совѣтъ министровъ, они, вѣроятно, постарались бы провести свой проектъ черезъ комиссію. Съ другой стороны, приведенныя нами свидѣтельства, сходясь лишь въ изложеніи самаго проекта, во многомъ расходятся между собой и противорѣчатъ имѣющимся у насъ подлиннымъ документамъ. Такъ, по свидѣтельству Никитенка и Мазада, проектъ принадлежитъ Строганову, корреспондентъ «Indépendance Belge» приписываетъ его Панину. Мазадъ сообщаетъ, что проектъ Ковалевского составленъ былъ по образцу германскихъ университетовъ, что, какъ мы неоднократно могли убѣдиться, совершенно противорѣчило бы взглядамъ Ковалевского. Корреспондентъ «Indépendance Belge» довольно вѣрно передаетъ предложенія министра, но приписываетъ ему желаніе уничтожить приемные экзамены, тогда какъ Ковалевскій, напротивъ, постоянно говорилъ о необходимости усилить строгость этихъ испытаній. Не смѣшалъ ли корреспондентъ приемныхъ экзаменовъ съ переводными, о которыхъ, какъ мы видѣли, дѣйствительно шла рѣчь въ комиссіи и, вѣроятно, въ засѣданіи 11-го мая? Наиболѣе достовѣрнымъ свидѣтелемъ могъ бы быть Никитенко, близко стоявшій ко всему тому, что дѣлалось въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, но въ данномъ случаѣ самъ Никитенко оговаривается, что въ точности о проектѣ Строганова ничего не знаетъ и сообщаетъ лишь слухъ. Весьма вѣроятно, что и другіе свидѣтели приводятъ лишь слухи, циркулировавшіе въ обществѣ, по поводу заключеній комиссіи. Во всякомъ случаѣ, эти слухи показываютъ отношеніе общества къ членамъ комиссіи и къ ихъ дѣятельности: сокращеніе числа стипендій и освобождаемыхъ отъ платы и попытка ограниченія доступа вольнослушателямъ толковались, какъ стремленіе преградить несостоятельнымъ доступъ въ университетъ, а слухи, можетъ быть, даже умышленно распространяемые, преувеличили дѣйствительность и приписали этотъ проектъ Строганову или Панину, какъ болѣе вліятельнымъ членамъ комиссіи. Этимъ, быть можетъ, въ зна-

¹⁾ «Indépendance Belge», 1861 г., № 153.

чительной мѣрѣ и объясняется непопулярность правилъ 18-го мая и нерасположеніе къ Путятину, въ министерство котораго эти правила приводились въ исполненіе, и которому даже, какъ мы видѣли выше, ошибочно приписывались самыя правила.

Свѣдѣнія о результатахъ засѣданія 11-го мая довольно однородны. Никитенко сообщаетъ, что проектъ Строганова «съ шумомъ провалился»; Мазадъ говоритъ, что проектъ встрѣтилъ оппозицію, и что рѣшили ограничиться полумѣрами. «Indépendance Belge» передаетъ, что министръ народнаго просвѣщенія встрѣтилъ поддержку со стороны великаго князя, Чевкина и Горчакова, и что его проектъ взялъ верхъ. Видно такимъ образомъ, что къ окончательнымъ результатамъ засѣданіе не привело, при чемъ нѣкоторый перевѣсъ остался на сторонѣ Ковалевскаго. 18-го мая состоялось новое засѣданіе совѣта министровъ, въ присутствіи государя. Здѣсь были обсуждены доклады обѣихъ комиссій — объ отчетѣ за 1859 годъ и о мѣрахъ для надзора за студентами. Выслушавъ объясненія Ковалевскаго и мнѣнія другихъ членовъ совѣта, государь императоръ утвердилъ правила, вошедшія въ III-й томъ «Сборника постановленій по министерству народнаго просвѣщенія» и помѣченныя ошибочно 31-мъ мая: это лишь число, когда изданъ былъ циркуляръ, которымъ министерство сообщало попечителямъ учебныхъ округовъ новыя постановленія. Спасовичъ также ошибочно называетъ эти постановленія «правилами 31-го мая».

Слѣдующіе пункты доклада комиссіи удостоились высочайшаго утвержденія: п. 2-й—о перенесеніи въ гимназіи экзамена для приѣма въ университетъ; п. 4-й—о точномъ посѣщеніи лекцій и о запрещеніи выражать на лекціяхъ одобреніе или неодобреніе; п. 5-й—о надзорѣ за порядкомъ и объ увольненіи неисполняющихъ правила; п. 8-й—о непринятіи въ университетъ до 17-лѣтняго возраста и объ отмѣнѣ форменной одежды; п. 10-й—о выдачѣ стипендій бѣднымъ студентамъ преимущественно изъ гимназистовъ университетскаго округа; п. 11-й—о назначеніи суммъ, образовавшихся отъ сокращенія бесплатныхъ студентовъ, на увеличеніе профессорскаго оклада; п. 13-й—о сохраненіи для окончившихъ университетъ правъ на службу; п. 14-й—объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства суммъ на увеличеніе профессорскаго оклада; п. 15-й—объ открытіи высшихъ училищъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Высочайше одобрено также мнѣніе комиссіи о временномъ предоставленіи генералъ-губернатору Юго-Западнаго края права удалять изъ университета студентовъ за участіе въ безпорядкахъ или по подозрѣнію, а также мнѣніе комиссіи принца Ольденбургскаго о томъ, чтобы въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» печатались статьи офиціознаго характера, опровергающія взгляды, высказываемыя въ другихъ журналахъ, и выражающія взгляды правительства.

Относительно 1-го пункта государь повелѣлъ предоставить министру народнаго просвѣщенія, при разсмотрѣннн проектируемаго устава гимназій, «имѣть въ виду предположенія о возстановленнн классическаго образованія, съ тѣми измѣненіями, кои могутъ быть признаны нужными». На п. 3-й послѣдовало высочайшее предписаніе въ точности соблюдать существующія правила о подчиненнн студентовъ надзору университетской и общей полиціи. По пункту 6-му состоялось повелѣніе: допускать вольнослушателей, если позволяетъ вмѣстимость аудиторій, съ предоставленіемъ профессорамъ права удалять тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся виновными въ нарушеннн порядка. Вопросъ о переводныхъ экзаменахъ на 1 и 2 курсахъ (п. 7-й доклада комиссіи) повелѣно передать на обсужденнн главнаго правленія училищъ. Освободить отъ платы (п. 9-й) повелѣно студентовъ, которые окажутся достойными на экзаменахъ и дѣйствительно бѣдными, по два отъ каждой губерніи, въ томъ числѣ одного изъ учившихся въ гимназіи. Другихъ исключеній ни подъ какимъ предлогомъ не допускать. Относительно разногласія, возникшаго при редактированнн п. 12-го доклада комиссіи, государь склонился къ мнѣнію Долгорукова и Панина. Сохраняя выборъ ректора и проректора на основаннн устава 1835 года, повелѣно «данную въ 1851 году ректорамъ и деканамъ факультетовъ инструкцію пересмотрѣть, сохранивъ полный смыслъ 11-го пункта, которымъ и руководствоваться до пересмотра инструкціи». «Все вышеприведенныя мѣры приводить въ исполненнн постепенно и по мѣрѣ возможности»¹⁾.

Внимательно разсматривая правила 18-го мая, мы приходимъ къ выводу, что правила эти далеко не во всемъ противорѣчатъ взглядамъ и предположеніямъ Ковалевскаго, а потому неправильно связывать ихъ всецѣло съ именемъ его преемника. Напротивъ, нѣкоторые пункты представляютъ собою лишь утвержденнн тѣхъ предположеній, которыя раньше существовали уже въ министерствѣ, являясь иногда результатомъ долгихъ подготовительныхъ работъ; таковы пункты 2-й, 8-й, 10-й и 15-й; пункты 11-й и 14-й (объ увеличеннн оклада профессорамъ) тоже, повидимому, нисколько не противорѣчили желаніямъ министра. Соображенія Ковалевскаго, высказанныя въ запискѣ его отъ 11-го мая, тоже приняты во вниманнн: такъ въ вопросѣ о вольнослушателяхъ мнѣніе комиссіи отвергнуто, редакція же пункта 9 (объ освобожденнн отъ платы) видоизмѣнена подъ влияніемъ доводовъ Ковалевскаго. Предположенія комиссіи по пункту 1-му и 7-му—о реформѣ средняго образованія и о возстановленнн переводныхъ экзаменовъ на 1 и 2 курсахъ—также не осуществились, а переданы на обсужденнн подвѣдомственныхъ министру народнаго просвѣщенія учреждений.

¹⁾ Дѣло № $\frac{146163}{3084}$.

Взглядамъ Ковалевскаго противорѣчатъ лишь четыре пункта правилъ 18-го мая. Пункты эти слѣдующіе: п. 4-й о точномъ сообщеніи лекцій, 5-й—о строгомъ надзорѣ за студентами, 12-й—о сохраненіи 11 пункта инструкціи 1851 года и 13-й о сохраненіи правъ за окончившими университетъ. Кромѣ того, пунктъ 3-й, хотя и представляетъ собой лишь подтвержденіе существующихъ правилъ надзора за студентами, но самая необходимость такого подтвержденія свидѣтельствуетъ о томъ, что правила эти недостаточно строго соблюдались въ министерство Ковалевскаго, на что указываютъ и высочайшія помѣтки на докладѣ комиссіи и замѣчанія комиссіи принца Ольденбургскаго.

Все это вынудило Ковалевскаго вторично и на этотъ разъ уже окончательно подать въ отставку. Легко замѣтить, что отвергнуты были именно тѣ мнѣнія Ковалевскаго, которыя связаны были съ идеей открытаго для всѣхъ университета, разсматриваемаго, какъ учрежденіе исключительно научное, а не воспитательное. Такимъ образомъ, въ отставкѣ Ковалевскаго можно видѣть крушеніе попытки пересадить на русскую почву французскій университетъ. Кромѣ того, университетскіе беспорядки обратили вниманіе на направленіе молодежи, на духъ преподаванія и вызвали къ жизни забытую было съ конца 50-хъ годовъ инструкцію 1851 года о характерѣ преподаванія. Необходимость надзора за студентами и наблюденія за преподаваніемъ—вотъ что является главной причиною изданія правилъ 18-го мая.

Съ другой стороны, не всѣ предположенія комиссіи удостоились высочайшаго утвержденія. Отвергнутъ былъ пунктъ объ устраненіи вольнослушателей, и значительному измѣненію подвергся проектъ статьи объ освобожденіи отъ платы. Это, быть можетъ, и вызвало слухи о «провалѣ» Строгановскаго проекта. Строгановъ послѣ засѣданія 13-го апрѣля былъ самымъ вліятельнымъ лицомъ въ министерствѣ; его называли кандидатомъ на постъ министра. Теперь о Строгановѣ уже не говорятъ. Еще до засѣданія 18-го мая молва начинаетъ называть новаго преемника Ковалевскому. Это—графъ Евѣимій Васильевичъ Путятинъ.

«Умный, образованный, положительный, практическій, твердый и въ полномъ значеніи слова христіанинъ», писалъ про него графъ А. П. Толстой. «Неодаренный отъ природы блестящими способностями, онъ былъ закаленнымъ слугою долга»,—пишетъ о. Базаровъ. Какъ морякъ, онъ извѣстенъ былъ своей неумолимой строгостью, доходившей даже до жестокости, хотя жестокимъ по природѣ онъ не былъ. «Какъ семьянинъ, онъ былъ любящимъ отцомъ, какъ христіанинъ—самый смиренный исполнитель предписаній церкви». До назначенія министромъ Путятинъ находился въ Лондонѣ, въ качествѣ повѣреннаго по дѣламъ морского вѣдомства. Женатый на англичанкѣ, онъ многому симпатизировалъ въ англійскихъ учрежденіяхъ, но не либеральнымъ законамъ, а той строгой и даже

суровой дисциплинѣ, которая царилъ въ англійскомъ строѣ; онъ сочувствовалъ замкнутости и дисциплинѣ англійскихъ университетовъ и впоследствии своего сына помѣстилъ въ Оксфордскій университетъ¹⁾. Когда оставлена была мысль объ устройствѣ нашихъ университетовъ по образцу французскихъ или германскихъ, выдвинулся Путятинъ, какъ сторонникъ англійскихъ университетовъ съ ихъ строгой дисциплиной и нравственной опекой надъ учащимися.

Уже 10-го мая Мухановъ пишетъ въ своемъ дневникѣ, что Путятину предлагаютъ министерство, но онъ еще не принимаетъ²⁾. Корреспондентъ «Indépendance Belge» заканчиваетъ свою корреспонденцію припиской: «Только что узналъ радостную вѣсть объ открытїи университета въ Вильнѣ и печальную объ отставкѣ Ковалевского; преемникомъ называютъ Путятина (15-го мая)». Уже на слѣдующій день онъ пишетъ, что въ Путятинѣ видятъ представителя реакціи, особенно студенты. Нѣсколько дней спустя, онъ говоритъ объ этомъ назначенїи, какъ о совершившемся фактѣ, но 27-го мая сообщаетъ слухъ, будто Путятинъ отказался отъ министерства. 1-го іюня онъ пишетъ, что слухъ объ отказѣ Путятина не оправдался. Получивъ благословеніе отъ московскаго митрополита Филарета, онъ отправился въ Англїю за своимъ семействомъ³⁾.

Ковалевскій нѣкоторое время послѣ засѣданія 18-го мая еще оставался во главѣ министерства. 27-го мая мы встрѣчаемъ еще его подпись въ дѣлахъ архива. Но циркуляръ 31-го мая, сообщавшій попечителямъ учебныхъ округовъ утвержденныя 18-го мая правила, подписанъ уже товарищемъ министра, Мухановымъ. Въ дѣлѣ № 158792, карт. 4034, упоминается о томъ, что Ковалевскій въ концѣ мая выѣхалъ за границу.

28-го іюня послѣдовалъ высочайшій указъ объ увольненїи Ковалевского по разстроенному здоровью отъ должности министра и о назначенїи графа Е. В. Путятина. Е. П. Ковалевскому при рескриптѣ пожалованъ орденъ св. Владимира 1-й степени⁴⁾.

Н. Родзевичъ.

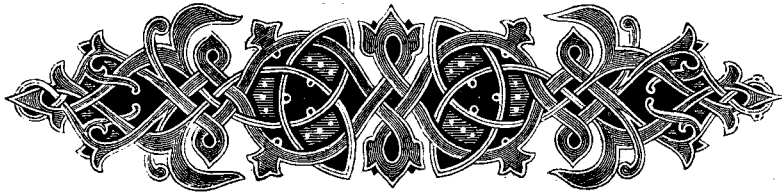
¹⁾ Дневникъ Муханова, «Русскій Архивъ», 1897, I, стр. 48.

²⁾ Барсуковъ, т. XVIII, стр. 233—234.

³⁾ «Indépendance Belge», 1861 г., №№ 153, 163, 165 и 171.

⁴⁾ «Сенатскія Вѣдомости», 1861 г., № 60.

Заканчивая свой трудъ, авторъ считаетъ своимъ прїятнымъ долгомъ выразить искреннюю признательность ректору императорскаго Новороссійскаго университета, профессору Алексѣю Николаевичу Деревицкому, и профессору того же университета Николаю Николаевичу Ланге за любезное содѣйствіе въ ходатайствѣ о разрѣшенїи заниматься въ архивѣ, а также г. завѣдующему архивомъ Николаю Платоновичу Барсукову и помощнику его Александру Сергѣевичу Раевскому за внимательное и участливое отношеніе и предоставленіе всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній и документовъ.

КАКЪ Я ПОПАЛЪ ВЪ АНАРХИСТЫ.

(Истинное происшествіе).

КОЛО крупныхъ историческихъ событій ютятся тысячи мелкихъ эпизодовъ, вытекающихъ именно изъ этихъ событій. Нѣкоторые изъ такихъ эпизодовъ довольно забавны и интересны. Въ такомъ родѣ рассказы какъ-то пришлось мнѣ прочесть о ловлѣ Кошута. Нѣчто подобное и также на исторической подкладкѣ случилось со мною. Случилось же это около 25 лѣтъ назадъ. Изложеніе подобныхъ эпизодовъ, хотя бы и не лишенныхъ интереса, строго говоря, не можетъ относиться къ произведеніямъ беллетристики. Но такъ какъ эпизодъ, служащій предметомъ настоящаго разсказа, относится къ эпохѣ царствованія императора Александра II и соприкасается съ однимъ изъ покушеній на жизнь незабвеннаго Царя-Освободителя, то, казалось бы, разсказъ этотъ могъ бы найти себѣ мѣсто на страницахъ книгъ, служащихъ историческимъ матеріаломъ.

Въ 1879 году я служилъ судебнымъ слѣдователемъ въ м. Дашевѣ¹⁾ Липовецкаго уѣзда, Киевской губерніи. Довольно серьезная болѣзнь заставила меня осенью отправиться въ Петербургъ, гдѣ я пользовался лѣченіемъ профессора медицинской академіи, А. Ѳ. Пруссака,

¹⁾ М. Дашевъ принадлежитъ урожденной Потоцкой, княгинѣ М. В. Святопольгъ-Четвертинской. «Шдъ Дашовымъ», какъ поется въ украинской пѣснѣ, была битва поляковъ съ русскими.

и проживалъ вмѣстѣ съ братомъ, бывшимъ тогда студентомъ названной академіи, въ меблированныхъ комнатахъ на Шпалерной. Въ ноябрѣ, возвращаясь изъ Петербурга, я заѣхалъ на родину въ г. Бѣжецкъ, откуда, взявъ съ собою сестру, отправился въ Москву, гдѣ имѣлъ надобность пробыть нѣсколько дней. Заѣхавъ на нѣсколько часовъ въ Тверь, въ Москву мы пріѣхали съ утреннимъ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги въ тотъ самый день, когда въ Москвѣ, на Московско-Курской линіи была взорвана часть желѣзнодорожнаго пути Гартманомъ. О событіи этомъ мнѣ еще не было извѣстно. Сестру мнѣ надлежало доставить къ родственнику, В. И. Сомовичу (уже умершему), служившему помощникомъ смотрителя Измайловской военной богадѣльни, я же располагалъ остановиться у своего давняго пріятеля, въ то время достаточно въ Москвѣ извѣстнаго, доктора Н. П. Домашнева¹⁾. Морозъ тогда былъ жестокой. Прямо съ вокзала мы заѣхали къ Домашневу, жившему по Улановскому переулку въ домѣ Орлова. Обогрѣлись; чайку попили; я оставилъ у Домашнева свои вещи и поѣхалъ на извозчикѣ провожать сестру въ Измайлово. Замѣчу, что, уѣзжая изъ Дашева, я не предполагалъ задержки возвращеніемъ и не запасся шубой, а имѣлъ при себѣ осеннее пальто и крестьянскаго сукна бурку, употребляемую при разѣздахъ на слѣдствія. Отъ квартиры Домашнеева до Измайлова надо было ѣхать верстъ пять-шесть. Сильная стужа заставила меня надѣть сверхъ пальто и бурку, башлыкъ которой закрывалъ мнѣ лицо, оставляя наружу кончикъ носа да часть бороды. На саняхъ находился небольшой чемоданчикъ сестры. Въ Измайловѣ я пробылъ до наступленія темноты и возвратился на лошадахъ, находившихся въ распоряженіи служащихъ въ богадѣльнѣ; извозчика же, съ которымъ пріѣхалъ въ Измайлово, я отпустилъ немедленно по пріѣздѣ. Отмѣчаю эти мелочи потому, что онѣ имѣютъ значеніе въ этой исторіи. У воротъ около квартиры Домашнева, при свѣтѣ уличнаго фонаря, я замѣтилъ нѣсколько полицейскихъ служителей. Обстоятельству этому я не придавалъ никакого значенія, такъ какъ, долго живши въ Москвѣ, зналъ, что событія, вызывающія появленіе полиціи, — явленія въ Москвѣ не рѣдкія и заурадные. И такъ какъ въ томъ домѣ были еще другіе жильцы, то мнѣ не пришло на мысль относить появленіе полиціи не только ради меня, но и ради Домашнева. Не скажу, чтобы съ безпокойствомъ, но съ изумленіемъ отнесся я къ тому, что на звонокъ мой дверь квартиры Домашнева отперъ также полицейскій. Живо промелькнуло соображеніе о возможности какого либо происшествія именно у Домашнева, и я подумалъ, что въ качествѣ юриста могу принести ему пользу. Соображеніе это, однако,

¹⁾ Въ 1885 г. Домашневъ имѣлъ несчастіе потерять зрѣніе и въ настоящее время проживаетъ въ г. Костромѣ.

не помѣшало мнѣ замѣтить, съ какимъ проворствомъ полицейскимъ, по входѣ моемъ, была захлопнута дверь и заперта на ключъ и крючекъ. Обратившись къ служителямъ порядка съ вопросомъ, что такое здѣсь творится,—я отъ одного изъ нихъ получилъ въ отвѣтъ: «не можемъ знать», между тѣмъ какъ другой мрачно насупилъ брови и отвѣчалъ лишь суровымъ молчаніемъ. Поднимаюсь по лѣстницѣ, вхожу въ переднюю—тамъ опять полицейскіе служители. Черезъ раскрытыя двери вижу въ залѣ полицейскихъ офицеровъ и Домашнева, замѣтно поблѣднѣвшаго. Тороплюсь освободиться отъ дорожнаго одѣнія, при чемъ въ залѣ царитъ гробовое молчаніе, и вижу, что взоры всѣхъ устремлены на меня. Во мнѣ шевельнулось что-то похожее на безпокойство, тѣмъ не менѣе вхожу въ залъ спокойно и обращаюсь къ Домашневу:

— Что за исторія у васъ, Колечка, тутъ происходитъ?

Домашневъ бормочетъ что-то непонятное. Память измѣняетъ: кто и сколько было полицейскихъ офицеровъ, но кажется, что не менѣе трехъ, и при томъ разныхъ служебныхъ ранговъ. Одинъ изъ нихъ немедленно сталъ меня вопрошать:

— Кто вы такой?

Называю себя полностью: съ именемъ, отчествомъ, фамиліею и должностію.

— Вашъ документъ?

Вручаю билетъ объ отпускѣ кievской соединенной палаты; срокъ отпуска нѣсколько дней просроченъ. Слышу замѣчаніе:

— Билетъ просроченъ.

— Совершенно вѣрно,—отвѣчаю я.

Вопросы продолжаютъ:

— Откуда прибыли?

— Не вполнѣ понимаю, о чемъ собственно спрашиваете: откуда я прибылъ въ квартиру Домашнева, или въ Москву, или гдѣ я вообще до прибытія въ Москву находился?

— Потрудитесь объяснить все это.

— Но вѣдь это является уже допросомъ; позвольте же узнать, по какому поводу допрашиваете меня?

Полицейскій офицеръ пошевелилъ усами и послѣ мгновенной паузы проговорилъ:

— Узнаете послѣ, а теперь необходимо отвѣчать.

— Ну, а если при такихъ условіяхъ я не пожелаю отвѣчать?

— Послѣдствія вамъ же могутъ быть непріятны.

Я соображаю: если такъ настойчиво и при томъ подъ угрозой непріятности меня допрашиваютъ, значитъ, есть къ тому какой нибудь поводъ. И разныя предположенія замелькали въ головѣ. Могло такъ случиться, что въ компаніи студентовъ-медиковъ, съ которой приходилось сталкиваться, проживая съ братомъ на Шпалерной, открыто что нибудь, требующее разслѣдованія, и я являюсь лицомъ

въ нѣкоторомъ родѣ прикосновеннымъ. Но въ такомъ случаѣ необъяснимо: откуда полиціи могло быть извѣстно, какъ о моемъ прибытіи въ Москву, такъ и о томъ, что я остановился у Домашнева. Допускалъ я возможность вопроса меня по дѣламъ Домашнева. Хотя своего пріятеля я хорошо зналъ и былъ вполне убѣжденъ въ его не только легальномъ, но отчасти и консервативномъ образѣ мыслей, но вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ и то, что Домашневъ являлся и съ молодежью и людьми случайныхъ знакомствъ самыхъ разнообразныхъ профессій. Также я былъ достаточно осведомленъ о такихъ случаяхъ, гдѣ лицамъ, во всякихъ отношеніяхъ вполне благонадежнымъ, приходилось попадать въ передѣлки изъ-за случайныхъ знакомствъ или изъ-за какой нибудь брошюры, всученной однимъ изъ «сихъ дѣлъ мастеровъ». Вотъ такую именно прикосновенность я и допускалъ возможною по отношенію къ Домашневу. При такомъ предположеніи любознательность полиціи, направленная къ выясненію всѣхъ и каждаго, пребывающихъ въ квартирѣ Домашнева, становилась вполне понятной. Остановившись на этомъ предположеніи, я нашелъ, что лучше всего удовлетворить любознательность спрашивающаго, почему съ достаточными подробностями рассказалъ исторію своего путешествія.

Но, должно быть, сообщенныя мною подробности не удовлетворили вопрошателя, потому что посыпались вопросы дополнительные.

— Вы говорите, что прибыли изъ Твери; скажите: у кого въ Твери вы были?

— Вчера съ вечера до 12 часовъ ночи я находился у прокурора тверскаго суда Е. Р. Р., отъ него заѣхалъ за сестрой къ теткѣ О. Е. К. и съ сестрою отправился на вокзалъ.

— У васъ есть карточка сестры?

— Есть.

— Попрошу васъ показать.

— Нахожу совершенно излишнимъ.

Полицейскій чиновникъ далъ мнѣ понять, что любознательность эта можетъ быть удовлетворена и помимо моего желанія, такъ какъ вещи мои находятся въ квартирѣ Домашнева, а слѣдовательно...

Съ другой же стороны онъ убѣждалъ меня, что предъявленіе карточки сестры избавитъ послѣднюю отъ непріятности. Оставалось предъявить карточку.

Затѣмъ чины полиціи собрались уходить, и старшій изъ нихъ сказалъ мнѣ (не припомню, распространялось ли это распоряженіе и на Домашнева):

— Вы потрудитесь не выходить изъ квартиры.

— То-есть какъ это—не выходить? Долго ли?—вскричалъ я.

— Ну, да, не отлучаться... можетъ быть, нѣсколько часовъ.

— Но позвольте! въ такомъ случаѣ, что же я арестованъ, что ли, по какому праву, по какому подозрѣнію?—запротестовалъ я.

— Уже какъ вамъ будетъ угодно, а отлучаться вамъ нельзя-съ, — отвѣтилъ полицейскій чиновникъ, быстро удаляясь съ большей частью свиты.

Въ квартирѣ Домашнева въ залѣ остался помощникъ квартальнаго надзирателя, а въ передней два или три полицейскихъ слугителя.

Я безмолвно посмотрѣлъ на Домашнева, онъ тоже посмотрѣлъ на меня. Вышла въ нѣкоторомъ родѣ живая картина. Очнувшись, я обратился къ Домашневу.

— Да скажите же, Колечка, что сей сонъ означаетъ?

Домашневъ сокрушенно вздохнулъ и, разводя руками, проговорилъ:

— Ничего не знаю и не понимаю. Можетъ быть, вы что объясните?—добавилъ онъ, глядя на квартальнаго.

— Ровно ничего,—отвѣтилъ я и продолжалъ:—давно у васъ эти господа и по какому поводу?

Домашневъ хотѣлъ было рассказывать, но, порядочно назябшись во время дороги изъ Измайлова и пообедавъ тамъ довольно рано, я хотѣлъ и чайкомъ погрѣться и перекусить, потому изъявилъ о своихъ желаніяхъ Домашневу. Подали самоваръ и графинчикъ. Мы перешли въ столовую. Квартальный обязательно послѣдовалъ за нами.

Домашневъ началъ рассказывать.

— Сижу я, обедаю часу въ 4-мъ. Вдругъ являются они. Вопрошаютъ: кто такой къ вамъ пріѣхалъ? Докладываю. Съ кѣмъ? куда поѣхалъ? Объясняю. Видно, что не повѣрили; стали смотрѣть; побывали во всѣхъ комнатахъ; даже къ Марѣ Ивановѣ (ключница) заглянули. Мало того: и подъ кроватью и въ шкафу поглядѣли. Наконецъ, спрашиваю и я: какое вы зло сотворили? Любопытство мое осталось безъ удовлетворенія. Спросили, нѣтъ ли вашей карточки; я показалъ въ альбомѣ нѣсколько вашихъ карточекъ. Внимательно и прилежно посмотрѣли, переглянулись и головами покачали. Тамъ вотъ съ того времени мы и занимались поисками васъ подъ кроватью да бесѣдами о вашихъ добродѣтеляхъ. Затѣмъ я говорю: теперь онъ скоро долженъ пріѣхать. Они опять между собою переглянулись, и одинъ изъ нихъ иронически произнесъ: какъ же! дождитесь—пріѣдетъ!!? И почти вслѣдъ за тѣмъ раздался звонокъ, возвѣстившій о вашемъ появленіи. Ужъ не изъ-за брата ли попали вы въ подозрѣніе?—закончилъ вопросилъ Домашневъ.

Я сказалъ ему, что и мнѣ приходило въ голову это соображеніе, но, во-первыхъ, мнѣ ровно ничего неизвѣстно ни о какихъ предосудительныхъ поступкахъ брата, и мнѣ положительно извѣстна благонамѣренность его образа мыслей, а, во-вторыхъ, что при такомъ предположеніи трудно объяснить, какъ полиція могла узнать не только

о пребываніи моемъ у Домашнева, но и о самомъ прибытіи въ Москву. И мы, строя десятки разныхъ предположеній, пробовали обращаться за разъясненіями къ квартальному, но послѣдній или молча пожималъ плечами, или отдѣлывался односложными отвѣтами: «не знаю-съ, неизвѣстно». Посидѣли такъ съ часъ, съ полтора часа. Пребываніе, хотя и въ домѣ пріятеля, но при условіи вынужденнаго лишенія свободы, начинало становиться тягостнымъ. Положимъ, я въ точности зналъ, что «никоея же вины» за мною нѣтъ; но въ то же время отлично понималъ, что и полиція безъ всякаго повода и основанія не рѣшилась бы, хотя и въ столь смягченной формѣ, прибѣгать къ лишенію свободы чиновника, достаточно замѣтнаго по должности, и при томъ условіи, что личность моя въ Москвѣ могла быть удостовѣрена воѣмъ судомъ (при коемъ я такъ недавно состоялъ кандидатомъ на судебныя должности). Кромѣ того, довольно долго завѣдуя однимъ изъ столичныхъ слѣдственныхъ участковъ, я входилъ въ личныя сношенія со многими изъ чиновъ московской полиціи. Слѣдовательно, у полиціи имѣлся свой резонъ. Но какой, и почему изъ него тайну дѣлаютъ? Эти вопросы начинали меня волновать и беспокоить. Все это и главнымъ образомъ удручающее сознаніе, что далѣе этой квартиры никуда мнѣ итти нельзя, и неизвѣстно, долго ли это нельзя будетъ продолжаться,—подняло во мнѣ желчь и вселило злую мысль хоть чѣмъ нибудь выместить свое зло на квартальномъ, или представителѣ той полиціи, которая поставила меня въ столь несносное положеніе.

— Не выпьете ли, поручикъ, водочки?—предложилъ я квартальному.

Тотъ отказался.

— Э! полноте, батенька, вѣдь я еще никуда не сосланъ. Отчего же не выпить со мною? Вѣдь вы пьете, по глазамъ вижу.

Поручикъ вторично отказался и даже отвелъ глаза отъ налитой мною и предупредительно подвинутой къ нему рюмки.

«Ну, погоди же, голубчикъ, доѣду таки я тебя»,—подумалъ я.

— Послушайте, поручикъ, навѣрно, вы женаты, ну, и дѣтишки, конечно. И въ квартальные хочется. Ну, я добрый человекъ; помогу вамъ отличиться. Пусть не наибольшимъ вашимъ, а вамъ достанется честь, что словили меня. Берите же бумагу, пишите мое сознаніе: я бѣглый изъ Сибири...

Поручикъ даже съ мѣста сорвался и сдѣлалъ жестъ, якобы нѣчто уловляющій. Домашневъ же живо прервалъ меня.

— Не слушайте его: вретъ все.

— Полно, Колечка,—остановилъ я его.—Погоуляли, и будетъ. Пора и честь знать. Ну-съ, такъ вотъ, поручикъ, былъ я, знаете, по тому процессу 1872—1873 гг. сосланъ въ сибирскія самыя дальнія мѣста. И, конечно, мнѣ тамъ не понравилось. Бѣжалъ-съ, сударь мой.

Снабдилъ себя немалыми деньгами способомъ, неособенно одобряемымъ: убили мы купца, богатѣющаго. И паспортикъ себѣ сдѣлалъ; вѣдь не худо? приглядитесь-ка,—повернулъ я предъ нимъ свой отпускнуой билетъ.—А тамъ въ чемоданчикѣ и печати разныя найдутся. И все такъ хорошо пристроено было. Немножко бы, всего какихънибудь три, четыре дня,—и сдѣлался бы я Жанъ-Шарль-Мари-Эрнестомъ Гроссомъ, гражданиномъ города Цюриха... Кстати, поручикъ, я забылъ: какой губерніи городъ Цюрихъ?

— Да будетъ вамъ врагъ,—сталъ усовѣщивать меня Домашневъ:—что вы белены что ли объѣлись?

Сдавалось, что Домашневъ какъ будто струхнулъ. Я же съ самымъ серьезнымъ видомъ увѣрялъ поручика, что, какъ ни вертись мой пріятель, все равно ужъ попался, не вывернешься.

Поручикъ совсѣмъ растерялся: не зналъ, вѣрить или не вѣрить. Но когда я всталъ и пошелъ въ другую комнату, поручикъ тѣнью за мною послѣдовалъ.

— Напрасно вы, поручикъ, себя беспокоите,—сказалъ я ему.—Поглядите—рамы вездѣ двойныя; да и прыгать со второго этажа я не обученъ, а у дверей ваши же архангелы стоятъ.

Но доводами моими поручикъ видимо не убѣдился и, когда я вышелъ въ переднюю, дѣлая видъ, что отыскиваю нѣчто въ карманахъ пальто, поручикъ моментально очутился у входной двери и внушительно прошепталъ что-то полицейскимъ служителямъ, которые наершились и стали въ такую позицію и съ такимъ видомъ, что не оставалось сомнѣнія въ предположеніи съ ихъ стороны или поисковъ мною револьвера или попытки выскочить за дверь. Однако ни револьвера я не вынулъ, ни попытки къ побѣгу не сдѣлалъ, а спокойно повернулъ въ залъ. Охранители мои оттаяли.

Продолжать мистификацію надоѣло, и къ тому же состояніе духа становилось все напряженнѣе и тягостнѣе. Разговоры не клеились, для чтенія не было охоты, и пребывали мы въ угрюмомъ молчаніи, то шагая по комнатѣ, то сидя неподвижно и уставившись въ одну точку глазами. Такъ прошло еще часа полтора. Наконецъ, послышался звонокъ, топотъ многихъ ногъ по лѣстницѣ, и въ переднюю разомъ вошла порядочная кучка людей опять таки съ полицейскими офицерами. Жду, что дальше будетъ. Въ дверяхъ зала появляется и останавливается у порога фигура рослаго, здороваго человѣка, рыжеватаго, бородатаго, толстолицаго и одѣтаго по-мѣщански въ чуйку. Полицейскій офицеръ что-то пошепталъ фигурѣ, и этотъ громадный человѣкъ, выпучивъ на меня глаза, сталъ пристально и упорно меня осматривать съ головы до ногъ. Не понять этой штуки было нельзя: ясно, что меня предъявляютъ этому солидному мужчинѣ. Признаюсь: тутъ уже и я струхнулъ. Положимъ, что никакихъ, требующихъ возмездій и карательныхъ мѣръ, проступковъ я за собой не чувствовалъ, ну... а вдругъ этотъ солидный

мужчина или не опохмелился послѣ утренняго, или самъ поставленъ въ такое положеніе, что ему выгодно указать на другого, вдругъ возьметъ да и выпалитъ: «они самые-съ»... и даже не въ видѣ точнаго утвержденія, а, напримѣръ, въ такомъ родѣ: «есть сходство; кажется, какъ будто они-съ». Послѣдствія такихъ рѣчей для меня были очевидны: подневольное пребываніе въ квартирѣ Домашнева моментально замѣнилось бы подневольнымъ пребываніемъ въ какой нибудь казенной квартирѣ. Конечно, завелась бы переписка, и, разумѣется, было бы доказано, что я—не они. Но пока надлежащія лица вполне удостовѣрили бы, что я самъ по себѣ, а они сами по себѣ, мнѣ пришлось бы на своей шкурѣ извѣдать правду народной пословицы, совѣтующей не заручаться отъ тюрьмы (и отъ сумы), и Богъ вѣсть, сколько понадобится времени для установленія, что я есть только я и никто больше. И въ то же время полная неизвѣстность, за кого меня принимаютъ, и что эти проклятые они натворили. Соображенія эти быстро и отчетливо пронесли у меня въ головѣ. Я подумалъ, что какъ по идеѣ предъявленія, такъ и для моей же пользы нужно предъявить свой голосъ, и, обращаясь къ обзирающему меня, сказалъ:

— Ну, что, почтенный, можетъ быть, гдѣ нибудь мы встрѣчались?

«Почтенный» отвѣтомъ меня не удостоилъ, но продолжалъ по фигурѣ моей водить такими взорами, какъ будто хотѣлъ разсмотрѣть меня не только снаружи, но и внутри.

Наконецъ я обозлился навязанной мнѣ глупой ролью и вскричалъ:

— Долго ты, борода, будешь на меня буркулы пучить!

«Почтенный», онъ же «борода», опять таки отвѣтомъ меня не почтилъ, но отступилъ въ глубину передней и тамъ сталъ шептать полицейскимъ офицерамъ. Затѣмъ, точно волшебная сцена въ балетѣ, моментально всѣ бывшія въ квартирѣ Домашнева постороннія лица исчезаютъ. Остается одинъ полицейскій офицеръ, который съ пріятной улыбкой сообщаетъ мнѣ, что недоразумѣніе разъясилось, и что я вполне могу располагать своею свободой. И, любезно расшаркиваясь, полицейскій офицеръ отретировался къ передней. Но краткость такая мнѣ не понравилась, и я полагаю, что имѣю право на сообщеніе болѣе точное и обстоятельное.

— Позвольте, однако, г. офицеръ; вѣдь въ сущности я былъ арестованъ. По какому же поводу?—спрашиваю я.

— Да, видите ли,—сталъ объяснять офицеръ,—тутъ у одного купца дочка съ однимъ господиномъ сбѣжала; купецъ и просилъ разыскать ее; ну, а вы съ молодой барышней ѣхали, и къ тому же за городъ; вотъ васъ и приняли за похитителя дѣвицы... Ха-ха-ха... Бываетъ-съ это. Мое почтеніе.

И прежде, чѣмъ я успѣлъ сообразить степень вѣроятности сказаннаго и предложить еще вопросъ, полицейскій офицеръ, еще разъ пріятно улыбнувшись, исчезъ.

Итакъ, свобода была возвращена, но вечеръ все-таки испорченъ вполне и окончательно. Былъ уже одиннадцатый часъ; итти и къ знакомымъ, и въ театръ уже поздно. Между тѣмъ, словно какой зудъ, возникла потребность проявить свою свободу какимъ нибудь осязательнымъ образомъ. И хотя въ сущности ни пить, ни ѣсть намъ не хотѣлось, тѣмъ не менѣе, только изъ желанія убѣдить себя въ томъ, что вотъ де, куда захотѣли, туда и идемъ, мы пошли въ «Саратовъ»¹⁾, чтобы посидѣть «подъ машиной»²⁾. Распивая тамъ разную влагу, мы еще разъ и во всѣхъ подробностяхъ обсудили событіе, покалякали о своихъ приватныхъ дѣлишкахъ и скоротали вечеръ.

На другой день ко мнѣ пріѣхали Сомовичи съ сестрой. Конечно, темою бесѣды по преимуществу служило вчерашнее событіе. Съ употребленіемъ приличныхъ случаю междометій, перебивая и дополняя одинъ другого, они повѣдали мнѣ, какъ часовъ въ 9, когда по благочестивому обычаю они уже укладывались спать, а сестра и заснула, наѣхала полиція, какъ они всѣ испугались, какъ и что полиція вопрошала. И, разумѣется, требовали отъ меня объясненія: зачѣмъ и почему? Я, съ своей стороны, сообщил все, что происходило въ квартирѣ Домашнева, въ томъ числѣ и объясненіе, данное полицейскимъ офицеромъ. Затѣмъ въ этотъ день мнѣ нужно было кой-кого посѣтить, кой-что купить, такъ что до самаго вечера день прошелъ быстро и незамѣтно; вечеромъ же мы съ Домашневымъ отправились на балъ въ Благородное собраніе. Есть доля правды въ мнѣніи о Москвѣ, какъ о большой деревнѣ. Въ собраніи одинъ изъ знакомыхъ спрашиваетъ меня:

— Правда ли, что вы были арестованы по политическому дѣлу? Вопросъ этотъ оглушилъ меня, какъ ударомъ обуха по лбу.

— Я? По политическому дѣлу? — наконецъ воскликнулъ я. — Да что вы, батенька, не выспались что ли?

И я рассказалъ вкратцѣ герою какой исторіи меня сдѣлали, съ полнымъ убѣжденіемъ утверждая, что ничего политическаго въ этой исторіи не было.

Вмѣстѣ съ тѣмъ распространеніе молвы объ арестованіи меня якобы по политическому дѣлу крайне меня огорчило и раздосадовало. Еще вчера же вечеромъ я имѣлъ мысль доискаться болѣе точныхъ объясненій случившейся исторіи и жаловаться за причи-

¹⁾ Трактиръ на Срѣтенскомъ бульварѣ.

²⁾ Органъ.

ненныя и ничѣмъ не вызванныя съ нашей стороны, мнѣ и сестрѣ, непріятности и мой арестъ. Послѣ же сдѣланнаго мнѣ аннонса имѣвшаяся мысль перешла въ твердое и непоколебимое намѣреніе. Къ прежнимъ побужденіямъ присоединилось новое: я опасался, чтобы стоустая молва не исказила событія, и чтобы это искаженіе не отозвалось чѣмънибудь вреднымъ для меня по службѣ. Поиски свои за объясненіями я началъ на слѣдующій же день. О злодѣйскомъ взрывѣ желѣзнодорожнаго пути я тогда уже зналъ, но мнѣ даже не могло прійти на мысль, хотя бы на мгновеніе, сопоставить въ какой либо логической зависимости мое приключеніе съ этимъ злодѣйствомъ.

Являюсь къ оберъ-полицеймейстеру, генералу Козлову, объясняю ему.

— А! знаю, знаю...—прерываетъ меня и смѣется генералъ: — побезпокоили васъ, напугали.

— Но, генералъ, полагать слѣдуетъ, что нельзя же ни въ чемъ неповиннаго человѣка подвергать безпокойству, а тѣмъ болѣе аресту,—отвѣчаю я, недовольный столь легкимъ, какъ мнѣ казалось, отношеніемъ къ моему заявленію.

— Помилуйте, какой же арестъ? Вѣдь вы находились въ квартирѣ у своего пріятели.

— Принудительное задержаніе даже въ собственной квартирѣ есть, хотя домашній, но все-таки арестъ. Вотъ именно на такой произвольный арестъ я и жалуюсь вашему превосходительству.

— Полноте, полноте, что вы!—замахалъ на меня руками генералъ.—Какія же жалобы? Вѣдь дѣлошло о священной особѣ государя императора.

Изумленію моему не было предѣла. Я сначала прямо онѣмѣлъ и, лишь придя немного въ себя, заговорилъ:

— Но... но... какое же отношеніе мое?.. Въ чемъ же я замѣшанъ?..

— Ни въ чемъ вы не замѣшаны, но ваши примѣты оказались сходными съ примѣтами злодѣя, сдѣлавшаго взрывъ желѣзнодорожнаго пути; вотъ васъ и приняли за него... конечно, пока не убѣдились въ вашей личности.

Я былъ настолько ошеломленъ, что потерялъ нить своихъ соображеній и поспѣшилъ откланяться и уйти.

Раздумывая о словахъ генерала, я натолкнулся на мысль зайти въ окружный судъ и съ кѣмънибудь изъ знакомыхъ потолковать объ этой же исторіи. Зашелъ въ прокуратуру. Первымъ тамъ встрѣтилъ товарища прокурора, Николая Николаевича Войтенкова.

— Ха... ха... ха...—раскатился Николай Николаевичъ, только что завидѣвъ меня.

— Чего вамъ такъ весело?—спросилъ я его, здороваясь съ нимъ и другими присутствовавшими.

— Ха-ха-ха... Да какъ же не весело?—сквозь смѣхъ отвѣчалъ онъ.—Что, батенька, взрывами занимаетесь?

Я понялъ, что злѣкюченіе мое и здѣсь вполнѣ извѣстно.

— Но, ради Бога, разъясните же мнѣ, «откуда мнѣ сіе», — за-просилъ я.

— А вотъ вы фізіономію свою постарайтесь передѣлать на ме-нѣе подозрительную.

— Да вѣдь по теперешнимъ временамъ не отгадаешь, какой формы и величины носъ и какой масти волосы разсматриваются въ качествѣ благонадежныхъ,—отшутился и я.—Лучше вы мнѣ расска-жите, какъ я во взрывщики-то попалъ.

— Очень нехитрымъ путемъ,—сталъ объяснять Войтенковъ.—Надо вамъ сказать, что Срѣтенская часть находится въ моемъ прокурорскомъ участкѣ. Ну-съ, такъ вотъ экстреннымъ манеромъ является ко мнѣ частный приставъ и заявляетъ: напали на слѣдъ, разыскали личность этого самаго взрывщика. Кто жъ онъ такой? спрашиваю. Называетъ вашу фамилію. У насъ въ судѣ, говорю, такой кандидатомъ служилъ и съ годъ назадъ назначенъ на югъ слѣдователемъ. «Такъ, такъ,—радостно подтверждаетъ приставъ:—онъ и есть, слѣдователь». Хорошо, говорю, а какъ же его изловили?..

— Позвольте, Николай Николаевичъ,—прерываю я его.—Отчего же вы не вступились за меня, не объяснили, что я такими дѣлами не занимаюсь?

— Ну, а Господь васъ, батенька, знаетъ; а вдругъ вамъ вмѣ-сто слѣдовательства-то вздумалось въ минные саперы зачислиться?.. Всяко бываетъ.

— Да будетъ же вамъ стыдно за такія мысли; ну, а даль-ше-то что?

— Дальше... Приставъ и разъяснилъ, что послѣ взрыва сей-часъ же дознали примѣты того дома обитателя, и примѣты эти были объявлены всѣмъ городовымъ для задержанія сихъ примѣтъ обладателя. Бѣдете вы за городъ, а у заставы смотритъ на васъ городской. И примѣты-то ваши показались ему искомыми, и оде-жда-то на васъ какая-то не надлежащая, да и подозрительно, что вы изъ города утекаете. Городовой сообразилъ, да и замѣтилъ но-меръ извозчика, а объ открытіяхъ своихъ донесъ по начальству. Ну, а затѣмъ выждали возвращенія извозчика, задержали его и велѣли указать тотъ домъ, откуда онъ взялъ такого сѣдока. А въ домѣ, конечно, узнали, кто вы, и прочее, и прочее...

— Такъ, значитъ, и неприятности, мною понесенныя, и хлопоты, разнымъ начальствамъ доставленныя, вытекаютъ изъ прозорливо-сти городского,—резюмировалъ я сдѣланное мнѣ сообщеніе.

Но, доискавшись до «начала всѣхъ началъ»—городового, я все-таки не рѣшилъ тѣмъ вопроса: искать ли мнѣ за напрасную обиду

и предпринимать ли какія либо мѣры для застрахованія себя отъ вредныхъ послѣдствій молвы?

Такъ какъ въ судѣ не было недостатка ни въ разумныхъ, ни добрыхъ людяхъ, то, поговоривъ съ однимъ, третьимъ, пятымъ, я получилъ совершенно однородные совѣты: отправиться къ прокурору судебной палаты и, рассказавъ ему событіе, поступить по его указанію.

Такъ я и сдѣлалъ. Явился къ бывшему тогда прокуроромъ Московской судебной палаты графу П. А. Капнисту. И только что, отрекомендовавшись, я приступилъ было къ изложенію предмета, какъ графъ прервалъ меня словами:

— Знаю, знаю.

Затѣмъ графъ выразилъ мнѣніе, что никакой жалобы подавать не слѣдуетъ, и что происшествіе это вреда мнѣ не принесетъ.

Черезъ нѣсколько дней, уѣзжая изъ Москвы, на Курскомъ вокзалѣ я увидѣлъ прохаживающагося по платформѣ довольно плотнаго господина, одѣтаго въ полушубокъ и барашковую шапку. Лицо его мнѣ показалось знакомымъ, но разглядѣть его я не успѣлъ, такъ какъ человекъ этотъ, умышленно или случайно, поравнявшись со мною, круто повернулся. Это меня тѣмъ болѣе заинтересовало. И я, слѣдя за нимъ, выбралъ такое положеніе, при которомъ намъ нужно было неминуемо встрѣтиться. Вглядѣвшись же въ него, я живо вспомнилъ и обстановку, при которой его встрѣчалъ, и его имя: я узналъ въ немъ С. Ѡ. З., чиновника московской полиціи, довольно искуснаго и извѣстнаго по сыскной части. Когда мы столкнулись, то З., понявъ, что я узналъ его, заговорилъ здороваясь:

— Узнали, вижу, что узнали.

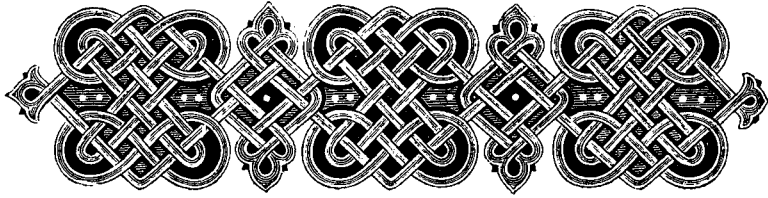
— Чего вы такъ нарядились?—вопросилъ я:—ловить кого?

— Его самаго,—отвѣтилъ З. и добавилъ:—а вѣдь вы похожи на него, ей-Богу, очень похожи.

Мнѣ оставалось только отплюнуться отъ такого сопряженнаго съ неудобствами сходства.

Н. В. Тяжеловъ.

ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи Николая I).

I.

Княжескій поединокъ.

I.

ВАГЕРНАЯ жизнь успѣла уже надѣсть всѣмъ офицерамъ, и близость стоянки къ Петербургу не могла испугать тоски, которая чувствовалась все больше и больше съ каждымъ днемъ. А июнь мѣсяць былъ, какъ нарочно, дождливъ и холоденъ...

И чѣмъ сильнѣе чувствовалась тоска, чѣмъ сѣрѣе становилось мутное небо, завѣшенное свинцовыми тучами, тѣмъ чаще собирались офицеры, чтобы за картами и попойками забыться отъ непріятнаго и непривычнаго чувства.

Гусары-солдаты тоже тосковали, и лагерь казался мертвою пустынею среди зелени, не успѣвшей пожелтѣть, среди поднимающихся всходовъ полей...

Но вотъ наконецъ выдался теплый, ясный день. Лагерь словно проснулся и заговорилъ тысячами молодыхъ, свѣжихъ голосовъ. Понеслась пѣсня, послышался долго скрывавшійся смѣхъ, повесѣли лица, словно улыбаясь безоблачнымъ небесамъ...

Князь Долгоруковъ рано утромъ вышелъ на воздухъ, вздохнулъ полною грудью благоухающую свѣжесть травы и лѣса и возбужденно крикнулъ, обернувшись къ палаткамъ:

— Гусарь! Васька! Пистолеты и бутылки! Тащи живѣе... Я въ поле пойду, догоняй!..

Откуда-то донеслось тоже возбужденное и веселое «слушаюсь», и вслѣдъ затѣмъ за палатками мелькнуло молодое, улыбающееся лицо красиваго гусара.

Гусарь съ большимъ мѣшкомъ на плечахъ легко побѣжалъ за княземъ, который съ палкою въ рукахъ шелъ не торопясь по дорогѣ къ полю.

— Сколько бутылокъ взять? — спросилъ князь гусара, когда тотъ догналъ его.

— Всѣ взять, — отвѣтилъ гусарь. — Не стрѣляли давно. Накопилось много. Почитай, мѣсяць цѣльный не упражнялись. У меня въ углу еще много ихъ осталось... чужихъ...

Князь уже завернулъ было на боковую дорогу, ведущую къ лѣсу, какъ вдругъ услышалъ сзади чей-то голосъ, который звалъ его...

— Князь, князь! Нельзя же такъ быстро бѣгать. Я измучился. Васъ догнать нельзя!..

Долгоруковъ остановился. Тучный полковникъ Герсдорфъ, пытая и отдуваясь, весь красный и потный, побѣжалъ къ князю и съ жаромъ пожалъ ему руку.

— Сколько вамъ лѣтъ, князь? — сказалъ онъ, едва переводя духъ. — Вы бѣгаете удивительно, мнѣ не угнаться за вами. Здравствуйте. Прихожу сейчасъ къ вамъ, а мнѣ докладываютъ, что вы только что ушли. Я понялъ сразу, что вы пошли подвергать разстрѣлянію пустыя бутылки, и помчался за вами. Но васъ развѣ можно догнать? Серна — и все тутъ!..

— Что случилось, полковникъ? — спросилъ Долгоруковъ, улыбаясь и пожимая руку офицера.

— Ровно ничего, — отвѣтилъ Герсдорфъ, — и ничего не могло случиться. Я бѣжалъ за вами, какъ сумасшедшій, и насилу могъ догнать. Ничего не случилось, но я рѣшилъ... Знаете, иногда приходятъ такія внезапныя рѣшенія... Я рѣшилъ по случаю хорошей погоды пообѣдать сегодня хорошенько, съ шампанскимъ, съ новыми бутылками, которыя потомъ будутъ отданы вамъ на разстрѣляніе. Вы ничего не имѣете противъ? а?

— Я всегда къ вашимъ услугамъ, полковникъ! — отвѣтилъ князь.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ. У меня соберутся лучшіе мои друзья: вы, князь Яшвилъ, Голицынъ, Высоцкій, Полторацкій и многіе другіе. Итакъ, вы пожалуете ко мнѣ часа въ три?

— Непремѣнно. Благодарю васъ! — поклонился Долгоруковъ. — Въ три часа буду у васъ!..

— Отлично. А теперь побѣгу къ другимъ. Желаю вамъ не давать промаховъ! — скороговоркой произнесъ Герсдорфъ и мелкими шажками побѣжалъ обратно.

Долгоруковъ продолжалъ свой путь... Солнце стояло уже высоко надъ лѣсомъ.

II.

Обѣдъ, о которомъ говорилъ Герсдорфъ, долженъ былъ происходить въ баракѣ ротмистра Ломоносова, гдѣ къ тремъ часамъ дня уже собрались офицеры. Не хватало только одного князя Яшвиля, а потому и не сѣли за столъ.

Но вотъ отворилась дверь, и общее восклицаніе: «а-а!» встрѣтило Яшвиля.

— Я, господа, нѣсколько запоздалъ!—проговорилъ онъ, здороваясь съ товарищами.—Но у меня на это есть большое извиненіе. Я вамъ расскажу кое-что, и вы меня простите!..

— У васъ что нибудь новсе, интересное, изъ какой области?—спросили его.

— Изъ области хореографическаго искусства, — отвѣтилъ Яшвиль.—Случай замѣчательный!..

— Мы слушаемъ, слушаемъ. Вашъ случай, вѣроятно, не помѣшаетъ намъ пить?

— Нисколько, онъ даже будетъ содѣйствовать, — сказалъ Яшвиль, усаживаясь за столъ.

Офицеры приступили къ закускѣ, и Яшвиль съ тарелкой въ рукахъ сталъ рассказывать.

— Дѣло началось еще въ началѣ прошлаго сезона. У одного изъ петербургскихъ джентльменовъ, возрастомъ стараго, средствами обогащеннаго, томилась въ неволѣ молодая и прехорошенькая танцовщица. Благодаря тому, что она всегда танцевала у воды, ее замѣчали немногіе, и только одинъ джентльменъ имѣлъ на нее права. Въ одинъ прекрасный вечеръ я усмотрѣлъ ее у самой театральной водицы и тотчасъ же воспламенился, какъ только можетъ воспламениться мужчина моего 27-ми-лѣтняго возраста...

Яшвиль поперхнулся и закашлялся. Это вызвало общій смѣхъ и остроты.

— Да, я воспламенился. Сталъ подавать ей видъ, заходить во время антрактовъ за кулисы, ожидать ее на крыльцѣ при выходѣ. Но она оставалась вѣрна ему, джентльмену... Такимъ образомъ я промучился съ ней мѣсяца два, а потомъ плюнулъ и пересталъ обращать на нее вниманіе. Однако меня волновало и злило ея отношеніе ко мнѣ и эта глупая, необъяснимая вѣрность старичку. Иногда, нѣтъ-нѣтъ, я заходилъ за кулисы, искалъ встрѣчь съ нею. Но она была неуязвима. Я разсердился окончательно, и мы выступили сюда, въ лагерь. Я сталъ уже забывать о ней, какъ вдругъ...

Яшвиль замолчалъ и обвелъ присутствующихъ взглядомъ, слѣдя за впечатлѣніемъ.

— Ахъ, князь, пожалуйста, договаривайте, что такое вдругъ,—вскрикнулъ Герсдорфъ.

— Вчера я поѣхалъ въ Петербургъ, а сегодня отъ меня уѣзжала домой моя хорошенькая водяная танцовщица и обѣщалась пріѣхать на этой недѣлѣ еще разъ...

Герсдорфъ фыркнулъ и залился громкимъ смѣхомъ, махая на Яшвиля руками.

— Какъ же это вы сумѣли устроить?—проговорилъ онъ, задыхаясь отъ смѣха.

— Очень просто,—отвѣтилъ Яшвиль. — Случайная встрѣча съ нею въ Петербургѣ, отсутствіе джентльмена, моя наружность и всѣ прочіе атрибуты, столь любезные для моей танцовщицы. Она у меня провела нѣсколько часовъ, въ теченіе которыхъ мы оба или обѣ, — не знаю, какого мы рода, когда бываемъ вдвоемъ, — предавались истиннымъ наслажденіямъ. Она обѣщалась побывать у меня еще нѣсколько разъ, тѣмъ болѣе, что ей вполне понятна наша лагерная скука и отсутствіе женщинъ...

— Вы—удивительный человѣкъ!—воскликнулъ Герсдорфъ.—Я увѣренъ, что мнѣ не удалась бы такая легкая и блестящая побѣда. Вы удивительно умѣете одерживать побѣды...

— А, по моему мнѣнію, здѣсь ничего нѣтъ удивительнаго!—замѣтилъ князь Долгоруковъ, который во время разсказа Яшвиля сумрачно молчалъ и глядѣлъ въ тарелку.

— Однако, вы, князь, что-то не рассказываете о своихъ побѣдахъ!—разсмѣялся Герсдорфъ.

— Мнѣ этимъ некогда заниматься,—отвѣтилъ онъ сухо.—Я люблю театръ, но не танцовщицъ, съ которыми я избѣгаю всякихъ встрѣчъ... И мнѣ кажется немножко смѣшнымъ, когда мнѣ рассказываютъ о подобныхъ побѣдахъ. Едва ли эти побѣды могутъ доставить человѣку много чести или уваженія. Я держусь нѣсколько иного воззрѣнія на нихъ...

— Зачѣмъ такая строгость?—поморщился Герсдорфъ.—Офицеръ, молодой, красивый, ловкій ничѣмъ другимъ не можетъ и заниматься. Не правда ли, господа? Вы согласны со мной?

— Сегодня его сіятельство не въ духѣ,—улыбнулся Яшвиль, показывая на Долгорукова.—Однако, не дальше, какъ въ началѣ апрѣля онъ велъ одно очень интересное знакомство съ представительницею театральнаго искусства и на каждомъ представленіи балета сидѣлъ въ первомъ ряду, а изъ театра уѣзжалъ вдвоемъ. Князь, не забылъ?

— Можетъ быть, все это и было, — лѣниво отвѣтилъ Долгоруковъ, — я не отрицаю. Но согласись, что можно мнѣ, то смѣшно видѣть въ тебѣ. Ты не будешь спорить?

— Я тебя не понимаю! — сухо проговорилъ Яшвиль и взглянулъ на Долгорукова.

— Мнѣ кажется, что моя мысль не требуетъ объясненія. Она очень ясна!..

— Позволь мнѣ попросить тебя объяснить мнѣ: я не ясно понималъ,—сказалъ Яшвиль.

Герсдорфъ поглядѣлъ на разговаривающихъ. Его лицо стало озабоченнымъ, глаза забѣгали, и крикливымъ голосомъ онъ поспѣшилъ проговорить:

— Господа! не спорьте изъ-за женщинъ. На нихъ всѣ имѣютъ одинаковыя права!..

— Все-таки мнѣ хочется выслушать твое объясненіе,—настойчиво повторилъ Яшвиль.—Ты мнѣ не откажешь въ этомъ, тѣмъ болѣе, что никто изъ здѣсь присутствующихъ не понималъ твоей мысли. Мы всѣ очень хотимъ выслушать тебя!..

— Ты настаиваешь?—улыбнулся Долгоруковъ.—Нечего дѣлать: я объясню...

Всѣ затихли за столомъ. Наступила одна изъ тѣхъ неприятныхъ минутъ, когда всѣмъ присутствующимъ становится неловко. Всѣ затихли и не глядѣли другъ на друга.

Долгоруковъ откинулся на спинку стула и, стараясь придать своему голосу тонъ равнодушія, спокойно и не спуская глазъ съ Яшвиля, произнесъ:

— Я сказалъ, что мнѣ всегда бываетъ смѣшно видѣть, когда люди твоихъ лѣтъ начинаютъ дурачиться, волочиться за актрисами. Поэтому и ты со своими рассказами смѣшонъ!

Яшвиль приподнялся на стулѣ и громко отвѣтилъ Долгорукову, улыбаясь и безъ замѣтнаго раздраженія въ голосѣ:

— Я не знаю, какъ я долженъ отнестись къ твоимъ словамъ: шутишь ты или сердишься?

— Не шучу,—отвѣтилъ Долгоруковъ,—въ этомъ ты можешь не сомнѣваться. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и не сержусь, а просто указываю на то обстоятельство, что мнѣ смѣшно видѣть, какъ люди твоего возраста дурачатся. У нихъ могли бы найтись занятія болѣе серьезныя, нежели ухаживанье за актрисами. Да, князь, мнѣ смѣшны твои дурачества!..

При этихъ словахъ Яшвиль вспыхнулъ, на лбу у него образовались складки.

— Князь Долгоруковъ, прошу помнить, что я никогда не дурачился... не ду-ра-чился! — произнесъ онъ съ разстановкой. — И прошу васъ помнить это. Слышите?

— Вы говорите достаточно ясно и громко,—отозвался Долгоруковъ.—Я слышу и все-таки продолжаю настаивать, что твои дурачества мнѣ смѣшно видѣть, смѣшно!..

Яшвиль поднялся и всталъ во весь ростъ. Лакей, показавшійся было въ дверяхъ съ подносомъ, остановился при входѣ въ комнату, не рѣшаясь войти.

— Повторяю: я никогда не дурачился, чортъ возьми!—крикнулъ Яшвиль.—И никто мнѣ этого не смѣетъ говорить. Никто. Имѣйте это въ виду, князь!..

— Однако, я говорилъ тебѣ это самое нѣсколько разъ и не далѣе, какъ нѣсколько минутъ или секундъ тому назадъ!—съ невозмутимымъ хладнокровіемъ отвѣтилъ Долгоруковъ.

— Милые мои, — вмѣшался Герсдорфъ, — охота вамъ спорить. Охъ, эти театры: они до добра не доведутъ. Перестаньте, пожалуйста, перестаньте. Такое прекрасное вино, такая великолѣпная закуска, что всѣ споры и раздоры должны прекратиться сами собою. Право, давайте, лучше выпьемте за наши хорошія товарищескія отношенія. Итакъ?

— Смѣю думать, ваше сіятельство, что ваше мнѣніе о моихъ... моихъ обстоятельствахъ, происшествіяхъ... вы позволите мнѣ не выслушивать!—возбужденно проговорилъ Яшвилъ.—Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы еще разъ ваше мнѣніе было высказано въ моемъ присутствіи.

Долгоруковъ, не спуская глазъ съ Яшвиля, молчалъ, и на его лицѣ сквозила улыбка.

— Да, князь, — продолжалъ Яшвилъ, — надѣюсь, что во избѣжаніе всего возможнаго вы найдете для себя удобнымъ исполнить мою просьбу... во избѣжаніе всего возможнаго...

Долгоруковъ дѣланно зѣвнулъ и, не обращаясь ни къ кому, замѣтилъ:

— Какъ скучно слушать, когда люди хотятъ говорить намеками и пугать ими...

— Мои хорошіе, — опять заволновался Герсдорфъ, — право, все это не соответствуетъ цѣли нашего обѣда. Перестаньте говорить о театрѣ и его дѣятеляхъ. Господа, я, какъ старшій здѣсь, среди васъ, заявляю вамъ: всякій, кто позволитъ себѣ произнести хоть одно слово еще о театрѣ, будетъ присужденъ мною къ страшному взысканію: онъ заплатитъ штрафъ въ размѣрѣ дюжины бутылокъ шампанскаго. Имѣйте это въ виду, господа!..

Герсдорфу понравилось его собственное предложеніе, и онъ громко разсмѣялся.

Ему никто не отвѣтилъ. Всѣ почувствовали неловкость, всѣ поняли, что между князьями произошло нѣчто такое, что не можетъ разрѣшиться обыкновеннымъ путемъ.

И лучше всѣхъ понималъ это добродушный Герсдорфъ, который въ теченіе обѣда старался говорить громче, смѣшнѣе, обращаясь то къ Яшвилю, то къ Долгорукову, желая вынудить ихъ обмѣняться хотя бы нѣсколькими словами.

Но у Герсдорфа ничего не выходило, и обѣдъ былъ совершенно испорченъ.

Подали кофе. Яшвилъ всталъ, простился съ товарищами и вышелъ изъ комнаты.

Всѣмъ стало какъ-то легче въ отсутствіи его, тѣмъ болѣе, что съ лица Долгорукова сбѣжало выраженіе недовольства, онъ уже

смѣялся и отвѣчалъ на шутки Герсдорфа шутками. Герсдорфъ, довольный этимъ, старался изо всѣхъ силъ.

Офицеры стали расходиться. Долгоруковъ вышелъ вмѣстѣ съ другими.

Герсдорфъ, стоя на порогѣ дома, слѣдилъ за тѣмъ, куда пойдеть Долгоруковъ.

— Слава Богу,—воскликнулъ онъ, видя, что Долгоруковъ направился къ дому Яшвиля,—слава Богу! Теперь князья объяснятся, помирятся и поцѣлуются. И все будетъ хорошо...

— Едва ли,—замѣтилъ стоявшій рядомъ молодой офицеръ,—такія дѣла поцѣлуями еще никогда не кончались. Это—не любовное происшествіе!..

— Ну, вась,—досадливо отмахнулся отъ этихъ словъ Герсдорфъ,—вы, молодежь, все норовите перевести на оружіе. И что вамъ за охота такими дѣлами все кончать! Скверно!..

— Я только высказываю свое мнѣніе,—отвѣтилъ офицеръ и простился съ Герсдорфомъ.

Всѣ уже ушли, а Герсдорфъ все еще продолжалъ стоять на порогѣ и смотрѣть на баракъ, въ которомъ помѣщался Яшвиль, словно чутьемъ хотѣлъ разгадать, что въ немъ происходило. И на глазахъ стараго добряка повисла такая тяжелая тревога, что проходящіе солдаты съ удивленіемъ поглядывали на него.

— Все будетъ хорошо. Все хорошо!..—шепталъ онъ, держась рукою за косякъ двери.

III.

Яшвиль былъ очень удивленъ, когда онъ увидалъ въ дверяхъ Долгорукова.

— Я не помѣшаю?—спросилъ Долгоруковъ спокойнымъ тономъ, входя въ комнату.

— Нисколько,—отвѣтилъ Яшвиль,—я всегда радъ тебя видѣть у себя. Садись...

Долгоруковъ сѣлъ. Яшвиль занялъ мѣсто рядомъ съ нимъ и поглядѣлъ на Долгорукова съ вопросомъ, который былъ тотчасъ же понятъ.

— Цѣль моего посѣщенія такова: я пришелъ узнать, не обижены ли вы?—тихо произнесъ Долгоруковъ, играя тросточкой.

Яшвиль искоса поглядѣлъ на гостя и въ недоумѣніи отвѣтилъ ему:

— Если я вижу тебя на квартирѣ у меня, то, слѣдовательно, я не обиженъ!..

Долгоруковъ насмѣшливо улыбнулся, смѣрилъ Яшвиля взглядомъ и процѣдилъ сквозь зубы какую-то фразу, которой Яшвиль не разслышалъ.

— Что ты говоришь?—спросилъ Яшвиль.—Я ничего не понялъ. Повтори, пожалуйста!..

— Я говорю, что я пришел не извиняться!—громко отвѣтил Долгоруковъ.—Цѣль моего посѣщенія—желаніе узнать, не обижены ли вы. Надѣюсь, вы знаете, что обиженные имѣютъ такое право, какого не имѣютъ обидчики...

— Что ты хочешь этимъ сказать?—спросилъ Яшвиль.—Говори прямо. Я тебя не понимаю...

Долгоруковъ всталъ, прошелся по комнатѣ и остановился противъ Яшвиля.

— Я говорю—и вы должны это понять—я говорю, что у обиженного есть право требовать отъ обидчика удовлетворенія!—сказалъ Долгоруковъ.—Обидчикъ лишенъ этого права, а потому менѣе счастливъ. Вотъ и вся цѣль моего посѣщенія.

— А-а... Вы желаете драться? Понимаю и извиняюсь за свою недогадливость. Въ этихъ случаяхъ, какъ вамъ, вѣроятно, не безызвѣстно, не принято отказываться, князь!—улыбнулся Яшвиль, вставая передъ княземъ Долгоруковымъ.—Такимъ образомъ, вы мой отвѣтъ могли знать заранѣе. Во всякомъ случаѣ я считаю необходимымъ заявить вамъ, что я принимаю ваше предложеніе и благодарю за честь.

Долгоруковъ поклонился и тотчасъ же измѣнилъ свой нѣсколько насмѣшливый тонъ.

— Когда же и гдѣ, князь, вы позволите мнѣ дать вамъ удовлетвореніе?—спросилъ онъ.

— Мнѣ кажется, что этотъ вопросъ не составитъ для насъ никакого затрудненія: когда угодно, гдѣ пожелаете и на чемъ вы считаете лучшимъ драться!—отвѣтилъ Яшвиль.

— Слѣдовательно, вы предоставляете всѣ эти вопросы только моему разрѣшенію? Въ такомъ случаѣ я полагаю лучшимъ отправиться сейчасъ же въ ближнюю рощицу и тамъ сразиться. Пистолеты всегда готовы къ вашимъ услугамъ!—скороговоркой произнесъ Долгоруковъ.

Яшвиль засмѣялся и отошелъ въ сторону, къ окну, какъ бы раздумывая.

— Пожалуй, это немножко рано,—замѣтилъ онъ.—Сейчасъ только что окончился обѣдъ, я пилъ много вина, наконецъ пища еще не успѣла перевариться...

— Вы изволите шутить?—насмѣшливо произнесъ князь Долгоруковъ.—Не правда ли?

— Я не шучу. Стрѣляться сію минуту я не намѣренъ. Позвольте отложить дуэль до вечера. Могу думать, что моя просьба можетъ быть удовлетворена?

— Ничего не имѣю противъ и только пользуюсь правомъ, которое вы мнѣ предоставили...

— И я буду просить васъ отложить поединокъ до вечера,—сказалъ Яшвиль серьезно.—Согласенъ драться на пистолетахъ, ко-

которые вы соблаговолите принести. При этомъ мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы, кромѣ меня и васъ, въ нашемъ поединкѣ никто другой не принималъ участія. Пусть отвѣтственность за это падаетъ всецѣло на однихъ насъ.

— Очень радъ и не вижу основаній не подчиниться вашимъ условіямъ!—церемонно сказалъ Долгоруковъ и хотѣлъ было уже идти.

— Еще одно маленькое условіе,—замѣтилъ Яшвилъ.—Мнѣ кажется, что въ интересахъ нашего дѣла намъ необходимо обставить нашъ поединокъ такимъ образомъ, чтобы ни у кого не могло возникнуть ни малѣйшихъ подозрѣній. Поэтому, мнѣ кажется, будетъ очень хорошо, если мы до поединка покажемся вмѣстѣ съ вами въ обществѣ офицеровъ. Мы будемъ разговаривать, шутить, чтобы всѣ видѣли, что между нами ничего не произошло...

— Охотно принялъ бы ваше предложеніе,—замѣтилъ Долгоруковъ,—если бы могъ догадаться о той цѣли, какую вы имѣете въ виду...

Яшвилъ нетерпѣливо пожалъ плечами и горячо проговорилъ:

— Вы знаете, князь, какими строгими наказаніями грозитъ императоръ за поединки. Не то важно, что это наказаніе можетъ коснуться насъ съ вами, но мнѣ очень не хотѣлось бы подвергать отвѣтственности и лицъ, непрічастныхъ къ этому. Мнѣ не надо объяснять вамъ, что законъ грозитъ наказаніями не только дуэлистамъ, но и всѣмъ, кто зналъ и не донесъ о поединкѣ. Если мы будемъ вмѣстѣ, то всѣ будутъ добросовѣстно потомъ свидѣтельствовать, что они не знали о нашемъ намѣреніи. Итакъ, князь?...

— Я согласенъ на ваше предложеніе!—воскликнулъ Долгоруковъ.—Мы покажемся съ вами до дуэли среди офицеровъ, и, извините заранѣе, князь, если я позволю себѣ надъ вами какую-нибудь шутку. Будетъ хорошо, если вы мнѣ отплатите тѣмъ же...

— Я согласенъ. Значитъ, часовъ въ 7 вечера мы сойдемся въ рошицѣ!—проговорилъ Яшвилъ съ изысканно вѣжливымъ поклономъ, на который Долгоруковъ отвѣтилъ тѣмъ же и быстро вышелъ изъ барака своего противника.

А вдали стоялъ Герсдорфъ и напряженно всматривался... Долгоруковъ улыбнулся ему и, снявъ фуражку, помахалъ ею въ воздухѣ. Герсдорфъ радостно закивалъ ему головою...

IV.

Лѣтній вечеръ... У бараконъ стоитъ небольшая кучка офицеровъ, среди которыхъ находятся Долгоруковъ и Яшвилъ. Всѣ возбуждены, всѣмъ весело...

— Становись, Долгоруковъ!—кричитъ какой-то офицеръ.—Я буду прыгать черезъ тебя.

Долгоруковъ всталъ съ мѣста, вышелъ на ровную полянку и нагнулся.

— Чехарда, стройся!— снова крикнулъ тотъ же офицеръ, и черезъ спину Долгорукова стали прыгать офицеры одинъ за другимъ, пока наконецъ не побѣжалъ Герсдорфъ: едва онъ добѣжалъ до князя, какъ Долгоруковъ поднялся, и Герсдорфъ ударился объ его спину.

Раздался хохотъ. Долгоруковъ оглянулся, замѣтилъ Яшвиля и крикнулъ:

— А что же ты, Яшвиль, не прыгаешь? Къ тебѣ серьезность не идетъ. Иди, прыгай!

— Нѣтъ, братъ,—отвѣтилъ онъ весело,—я не могу отдохнуть до сихъ поръ отъ своихъ ухаживаній за танцовщицей. Усталъ ужасно, и все ко сну клонить...

Герсдорфъ испуганно оглянулся на Яшвиля и безнадежно махнулъ рукой.

— Опять о театрѣ заговорили!—поморщился онъ.—Не люблю я этихъ разговоровъ.

Долгоруковъ подошелъ къ Герсдорфу и спокойно, шепотомъ сказалъ ему:

— Ничего, полковникъ, пусть поговорятъ. Мы съ княземъ, вѣдь, пріятели, а мало ли что у пріятелей иногда случается. Повздорять и помирятся!..

Герсдорфъ многозначительно поглядѣлъ на Долгорукова и прошепталъ:

— Вотъ это я люблю. Ей-Богу, люблю. Мнѣ больше ничего и не надо, ничего.

А на полянкѣ стоялъ уже другой офицеръ, и черезъ его спину снова стали перелетать офицерскіе кителя. Кругомъ хохотали, кричали, острили.

— Который часъ, Яшвиль?—спросилъ громко князь Долгоруковъ.—Не знаешь?

— Скоро семь!—просто и спокойно отвѣтилъ Яшвиль и поднялся со скамейки.

— Гм... скоро семь. Какъ быстро идетъ время, я даже и не замѣтилъ. Такъ скоро семь?

Яшвиль, не обращая на себя ничьего вниманія, не торопясь пошелъ по направленію къ рощѣ. Онъ шелъ и нагѣвалъ вполголоса новый романсъ...

Долгоруковъ подошелъ къ офицерамъ, стоявшимъ на полянкѣ, и крикнулъ:

— Ну-ка... въ послѣдній разъ попробую! — онъ побѣжалъ и ловко перепрыгнулъ черезъ наклонившагося офицера.

Онъ отошелъ въ сторону, и вдругъ быстро забѣжалъ за ба-раки и скрылся...

А на полянкѣ царило веселье, и никто не замѣтилъ, что Яшвилъ и Долгоруковъ исчезли. Далеко за лагеремъ кавалерійская труба выбрасывала длинные, томительные звуки.

Пахло недавно скошеннымъ сѣномъ. За рощицею поднимался дымчатый туманъ и стлался надъ деревьями.

V.

— Вы знаете, князь, что я не трусь! — проговорилъ Яшвилъ, встрѣчаясь съ Долгоруковымъ въ кустахъ. — Въ этомъ вы имѣли возможность неоднократно убѣдиться...

— Я не могу понять, что вамъ угодно! — въ недоумѣннн и словно испугавшись чего-то, произнесъ Долгоруковъ. — Мы сюда пришли не для бесѣды!..

— Совершенно справедливо, — согласился Яшвилъ, — но вы позволте мнѣ договорить...

— Это не принято, — съ неудовольствіемъ замѣтилъ Долгоруковъ, кладя на землю принесенные имъ съ собою пистолеты. — Мы — противники, и между нами не можетъ быть...

— Все это я знаю, — поморщился досадливо Яшвилъ, — это азбука дуэлистовъ. И все-таки я не могу не сказать вамъ. Я не знаю, но какое-то предчувствіе лишаетъ меня спокойствія и вынуждаетъ меня говорить. Конечно, я совершаю непозволительную вещь: объясняюсь съ вами на мѣстѣ поединка, но я не могу, не могу не говорить...

Долгоруковъ изумленно глядѣлъ на Яшвиля.

— Вы отказываетесь получить удовлетвореніе? — спросилъ онъ Яшвиля. — Такъ?

— Не такъ, не такъ, князь! — воскликнулъ Яшвилъ. — Я боюсь быть непонятымъ вами. Мнѣ почему-то не хочется, чтобы эта дуэль состоялась между нами...

— Странное желаніе! — засмѣялся Долгоруковъ. — Не приходилось встрѣчаться еще...

— Выслушайте меня, выслушайте... — съ дрожью въ голосѣ прошепталъ Яшвилъ. — Выслушайте. Ну, скажите мнѣ, зачѣмъ такъ необходимо намъ драться съ вами? зачѣмъ мы будемъ рисковать нашими жизнями, здоровьемъ? Кому это нужно? Посудите сами: всѣ офицеры видѣли, какъ мы мирно и спокойно бесѣдовали съ вами послѣ происшедшаго между нами недоразумѣнія, всѣ видѣли, что мы остались друзьями, что наша размолвка имѣла временный характеръ, что она прошла безслѣдно... Ну, зачѣмъ мы будемъ драться?

Долгоруковъ еле сдерживалъ себя отъ охватившаго его волненія.

— Можетъ быть, князь — боленъ? — проговорилъ онъ. — Можетъ быть, князю угодно отложить дуэль до другого дня? Не совсѣмъ ясно понимаю, что угодно князю...

Яшвиль, взволнованный, съ набѣжавшими на глаза слезами, тихо проговорилъ:

— Я боюсь этой дуэли, князь! И не за себя я боюсь. Зачѣмъ я буду грозить вашей жизни, молодой, нужной? Не за себя боюсь я! Мнѣ все равно. Но, я увѣренъ, у меня не поднимется на васъ рука. По какому поводу мы затѣяли эту дуэль? Ни съ того, ни съ сего. Я не оскорбленъ, не оскорблены и вы. Мы были среди товарищей, и наша дружба, наружная, дѣланная дружба послѣ ссоры, никому не показалась неестественной, невозможной въ нашихъ обстоятельствахъ. Князь, бросимъ пистолеты, подадимъ другъ другу руки и пойдемъ домой. У меня есть шампанское, мы выпьемъ... Князь!..

Долгоруковъ поблѣднѣлъ, у него затряслись руки. Онъ едва могъ говорить.

— Что это значить? — спросилъ онъ. — Шутка? насмѣшка? оскорбленіе? Что это?

— Я говорю то, что думаю! Если можно, князь, бросимъ эту дуэль! — упавшимъ голосомъ произнесъ Яшвиль. — Ни смѣяться, ни шутить, ни оскорблять васъ я не хочу...

Долгоруковъ молча отошелъ отъ Яшвиля, подошелъ къ пышному кусту, остановился около него и размѣреннымъ шагомъ двинулся впередъ.

— Двѣнадцать шаговъ мною отсчитано! — сказалъ холодно Долгоруковъ, останавливаясь около березки. — Благоволите провѣрить, если пожелаете...

Яшвиль схватился за голову и крикнулъ какъ-то неестественно громко:

— Неужели же это свершится, князь?! Неужели? неужели?..

— Вамъ угодно провѣрить разстояніе или нѣтъ? — твердо произнесъ Долгоруковъ.

Яшвиль отрицательно покачалъ головою и добавилъ:

— Вамъ, князь, принадлежитъ первый выстрѣлъ! Я его уступаю вамъ... уступаю...

— Всякое великодушіе... намекъ на него... для меня оскорбительны... — заговорилъ быстро и приподнято Долгоруковъ. — Выстрѣлъ вашъ, и я не нуждаюсь въ немъ... рассчитываю воспользоваться своимъ... Я отмѣчаю свое мѣсто... привязываю платокъ къ дереву...

Потомъ Долгоруковъ подошелъ къ пистолетамъ, показалъ ихъ Яшвилю и сказалъ:

— Потрудитесь зарядить ихъ! Прежде, однако, осмотрите ихъ: они одинаковы...

— Я знаю, знаю... Зарядите сами... мнѣ все равно... заряжайте. Я буду смотрѣть...

Долгоруковъ тщательно зарядилъ пистолеты, снялъ мундиръ. Потомъ пистолеты легли на сырую траву. Долгоруковъ накрылъ ихъ своимъ мундиромъ...

Яшвиль растерянно оглянулся, какъ бы ища спасенія, и сталъ медленно разстегиваться, брезгливо поглядывая на бѣлѣющую въ нѣсколькихъ шагахъ платокъ.

— Выбирайте, князь, пистолеть!—сказалъ Долгоруковъ, показывая на мундиръ.

Яшвиль нагнулся, вынулъ пистолеть и съ недоумѣніемъ повертѣлъ его въ рукахъ.

Долгоруковъ послѣдовалъ его примѣру и съ пистолетомъ быстро двинулся къ тому мѣсту, гдѣ былъ привязанъ платокъ.

— Я готовъ, князь!—словно радуясь чему-то, выкрикнулъ Долгоруковъ. — Готовъ!..

Яшвиль приподнялъ пистолеть, прицѣлился... Близко-близко заржали лошади...

— Не могу! — прошепталъ Яшвиль, и рука его бессильно повисла; онъ перенесъ пистолеть въ лѣвую руку и опустилъ голову: ему было тяжело смотрѣть на Долгорукова.

— Я жду, князь!— снова выкрикнулъ Долгоруковъ. — Стрѣляйте... Жду... Ну же...

— Не могу, не могу... Я не могу стрѣлять въ васъ, не могу. Я извиняюсь предъ вами, прошу прощенья... Не надо этой дуэли... Я не могу...

— Вамъ нельзя извиняться... вы — оскорбленный, вы должны стрѣлять. Стрѣляйте!..

— Стрѣлять?! да? стрѣлять надо? Хорошо... Я стрѣляю, стрѣляю, князь! Я цѣлюсь...

Яшвиль поднялъ пистолеть, прищурилъ лѣвый глазъ и тотчасъ же снова опустилъ руку.

— Что это значитъ? — сердито крикнулъ Долгоруковъ. — Вы смѣтаетесь? да?

— Снимите... отвяжите платокъ... платокъ... онъ меня... раздражаетъ... Снимите...

Долгоруковъ развязалъ платокъ, спряталъ его въ карманъ и всталъ на прежнее мѣсто.

— Теперь стрѣляйте...

Торопливо приподнялъ Яшвиль пистолеть и не цѣлясь выстрѣлилъ...

Безъ крика упалъ на землю Долгоруковъ. И нелѣпо перевернулся въ воздухѣ выроненный имъ пистолеть. Перевернулся и грузно упалъ...

— Я зналъ, зналъ... прошепталъ Яшвиль. — Я его предупреждалъ. Да, я зналъ это... зналъ...

И ему стало страшно. Онъ закрылъ глаза, а передъ нимъ все еще продолжалъ висѣть на березкѣ бѣлый платокъ, и вѣтеръ лукаво шалилъ съ нимъ, то прижимая его къ тонкому стволу, то раскидывая его загнущіеся концы.

Онъ хотѣлъ подойти къ Долгорукову, посмотрѣть на него. Но ему было страшно открыть глаза, двинуться съ мѣста... И онъ продолжалъ стоять на одномъ и томъ же мѣстѣ, у пышнаго, облитаго свѣтлыми капельками куста...

— Неужели убить?—думалъ онъ.—Лежитъ мертвый? не стонеть? умеръ? Почему онъ молчитъ?

И Яшвиль все еще неподвижно стоялъ... Но вотъ долетѣлъ до него звукъ, похожій на стонъ, на плачь... Онъ открылъ глаза. На березкѣ не было платка. Долгоруковъ лежалъ, и мертвая улыбка задеревенѣла на его измѣнившемся некрасивомъ лицѣ.

— Двѣнадцать шаговъ... до него двѣнадцать шаговъ... Близко... Почему двѣнадцать, а не больше, не меньше?.. Почему?

Яшвиль хотѣлъ было подойти къ лежащему на землѣ... Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.

И вдругъ ужасъ схватилъ его за сердце, смялъ его. Онъ остановился, вскрикнулъ и бросился назадъ, туда, гдѣ не было ни кустовъ, ни березъ, ни измятой шагами убитаго пожелтѣвшей травы... Онъ бѣжалъ, бѣжалъ долго, до изнеможенія, до тѣхъ поръ, пока ужасъ не отпустилъ сердца, и передъ глазами внезапно не выросли фигуры лошадей, солдатъ.

— Убилъ, убилъ!—кричалъ онъ, пробѣгая мимо.—Убилъ... Тамъ, въ кустахъ, гдѣ береза... тамъ найдете его... Несите его... несите...

Гусары побѣжали къ кустамъ... А Яшвиль добѣжалъ до какого-то зданія и остановился... Передъ нимъ стоялъ его товарищъ, ротмистръ Ломоносовъ...

— Что съ вами? откуда вы? гдѣ вашъ мундиръ?—услышалъ онъ знакомый голосъ.

Яшвиль пришелъ въ себя. Его окружили офицеры и всѣ смотрѣли на него съ тяжелымъ любопытствомъ... Ему стало стыдно своего ужаса, своего костюма, своего преступленія.

— Я убилъ... на дуэли... князя... Долгорукова!—еле выговорилъ онъ.—Убилъ... я!..

Раздался общій неопредѣленный крикъ, кто-то произнесъ: «проклятіе», и всѣ разбѣжались. У него подламывались ноги. Онъ опустился на скамью. Передъ нимъ стоялъ солдатъ и подавалъ воду. Яшвиль пилъ и не могъ оторваться отъ ковша...

VI.

Гусары легко отыскали тѣло Долгорукова и понесли его въ ближнюю деревню...

Пришелъ полковой врачъ, онъ осмотрѣлъ рану, велѣлъ перевернуть тѣло на спину.

— Пуля попала въ грудь... въ правую ключицу, безъ вылета,— сказалъ онъ.—Застрѣла!..

Приѣхало начальство, арестовало Яшвиля, а тамъ начался слѣдственный, мучительный процессъ, съ допросами, съ безконечными переписками, съ бумажнымъ производствомъ...

Яшвилъ не скрылъ ни одного обстоятельства. И слѣдственные власти все-таки желали привлечь къ дѣлу, кромѣ Яшвиля, и другихъ офицеровъ...

Конечно, имъ это не удалось: доказательства противнаго были слишкомъ очевидны и не возбуждали никакихъ сомнѣній. Въ результатѣ къ суду былъ привлеченъ только одинъ Яшвилъ, который и испыталъ на себѣ всю тяготу процесса того времени.

Долгое время онъ не могъ успокоиться. Совершившееся представлялось ему настолько ужаснымъ, что онъ не могъ принимать пищи и пользоваться сномъ. Ему грезилась все роща, близкая деревня, бѣлый платокъ.

Долго съ нимъ возились врачи, навѣщали товарищи, и всѣ въ одинъ голосъ повторяли, что его вина—не такъ велика, какъ онъ себѣ ее представляетъ, что въ поединкѣ главнымъ образомъ виновать убитый князь Долгоруковъ, что имъ, княземъ Яшвилемъ, были осуществлены всѣ мѣры къ тому, чтобы поединокъ не состоялся, и что онъ стрѣлялъ не цѣлясь, а потому убійство Долгорукова—случайное несчастье. Яшвилъ мало-по-малу успокаивался и съ нетерпѣніемъ ждалъ суда.

Онъ боялся, что его оставятъ вовсе безъ наказанія, что въ дѣлѣ найдутся случайно такія обстоятельства, которыя могутъ лишить его возможности понести наказаніе. А онъ нуждался въ этомъ наказаніи, онъ смотрѣлъ на кару, какъ на необходимое возмездіе, которое могло бы примирить его съ совершившимся. И онъ ждалъ, когда же кончится этотъ мучительно долгій, раздражающій судъ, и дѣло перейдетъ на конфирмацію къ государю.

— Только бы наказаніе, мнѣ нужно это наказаніе, какъ нуженъ воздухъ, пища!—говорилъ онъ обыкновенно окружающимъ, и въ его словахъ было много правды.

Прошелъ годъ послѣ совершившагося, и Яшвилъ получилъ радостное сообщеніе: онъ былъ приговоренъ къ наказанію.

Высочайшая конфирмація состоялась 2 іюля 1842 года и по своимъ размѣрамъ выходила изъ обычныхъ рамокъ. Николай I на докладѣ по этому дѣлу написалъ:

«Въ рядовые до отличной выслуги противъ непріятеля; полковнику Герсдорфу, какъ отличному и всѣми уважаемому офицеру, должно было не пренебрегать происшедшимъ за обѣдомъ, призвать къ себѣ обоихъ ссорившихся офицеровъ и требовать по званію своему немедленнаго примиренія, тѣмъ болѣе, что все дѣло было столь ничтожно, что болѣе походило на ребячьи шалости, чѣмъ на

поступки благородныхъ офицеровъ; когда же присутствуютъ при томъ старшіе офицеры, ихъ долгъ неприличій не терпѣть и немедленно прекращать, предвидя послѣдствія».

Разжалованіе въ рядовые до выслуги было однимъ изъ наиболѣе мягкихъ сравнительно наказаній, но и оно удовлетворило взволнованную совѣсть князя Яшвиля.

Высочайшая конфирмація повергла Герсдорфа въ неизъяснимую печаль: съ одной стороны, онъ понималъ, что его своевременное вмѣшательство въ дѣло могло бы предупредить поединокъ, съ другой — онъ вполне добросовѣстно считалъ, что князя послѣ ссоры совершенно примирились, тѣмъ болѣе, что въ присутствіи многихъ офицеровъ разговаривали, смѣялись и даже шутили.

— Никакъ не могъ думать, что люди способны на такія вещи, — говорилъ онъ потомъ. — Первый и, вѣроятно, послѣдній разъ въ жизни видѣлъ, что человѣкъ, идущій умирать на дуэли, прыгаетъ въ чехарду.

Такъ закончилось дѣло объ одной изъ самыхъ «лишнихъ» дуэлей, бывшихъ въ николаевскую эпоху.

II.

Походная дуэль.

I.

На половинѣ дороги между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ полкъ остановился. Въ привалѣ всѣми ощущалась нужда, а потому онъ былъ принятъ очень радостно.

Маневры кончились, а вмѣстѣ съ маневрами кончилась и лагерная тягота, для всѣхъ тяжелая и мучительная. Стоялъ уже сентябрь мѣсяцъ и обѣщалъ скорое начало сезона...

Всѣ были охвачены особеннымъ настроеніемъ, которое такъ хорошо знакомо людямъ военнымъ, слышался смѣхъ, веселые голоса шумно раздавались подъ вѣтвями деревьевъ. Сентябрь былъ теплый, ясный и безпечно сорилъ сухими листьями...

Офицеры разбились группами. Какой-то полковникъ торопился съѣсть бутерброды, безъ которыхъ онъ не могъ совершать походовъ, онъ торопливо жевалъ, не отвѣчалъ на вопросы, и крошки засыпали всю его грудь; молодежь сидѣла на землѣ и перебрасывалась шутками; командиры солидно бесѣдовали въ тѣсномъ кружкѣ...

Но вотъ по дорогѣ изъ Царскаго Села показался экипажъ, который быстро катился къ мѣсту привала. Всѣ мгновенно заинте-

ресовались этимъ экипажемъ, а полковникъ, ѣвшій бутерброды, даже остановился въ недоумѣніи, не зная, продолжать ли ему начатое...

— Кто бы это могъ быть?—говорили кругомъ.—Кто хорошо видитъ, господа?

— Это—фитьегарь, ваше высокоблагородіе!—произнесъ нерѣшительно какой-то солдатъ.

— Ты видишь его хорошо?—спросили офицеры, вглядываясь въ даль.

— Такъ точно, никто, какъ фитьегарь, потому какъ я его очень хорошо вижу: какъ ваше благородіе, такъ и ихнее благородіе, фитьегарское!..

— Посмотримъ это фельдъегерское благородіе... Что ему тутъ нужно?

Нетерпѣніе росло. Командиры, какъ народъ самый трусливый, считали нужнымъ выстроить полкъ, потому что въ экипажѣ могло ѣхать начальство, которое могло бы замѣтить безпорядки, что могло въ свою очередь повлечь непріятности, могущія и т. д. — словомъ, говорили о возможности самыхъ невозможныхъ вещей.

Солдаты насторожились, офицеры повскакали со своихъ мѣстъ а экипажъ еще былъ далеко. Фигура фельдъегеря вырисовалась окончательно...

И всѣ потеряли интересъ и разошлись по мѣстамъ, и полковникъ снова принялся за свои неоконченные бутерброды...

Экипажъ остановился около того мѣста, гдѣ сидѣлъ адъютантъ полка, и изъ коляски выскочилъ фельдъегеръ, какъ всѣ фельдъегеря, съ неопредѣленнымъ, тусклымъ, чисто выбритымъ лицомъ. Поспѣшно онъ подошелъ къ адъютанту, и черезъ минуту уже слышались голоса:

— На балъ... приглашеніе на балъ во дворецъ... въ Царское Село...—говорили кругомъ.—Привезли четыре билета на весь полкъ... старшимъ офицерамъ...

Дѣйствительно, полковой адъютантъ поднялся со своего мѣста и подошелъ къ группѣ командировъ, столпившихся у опушки лѣса.

— Господа, кто желаетъ изъ васъ отправиться сегодня на балъ во дворецъ? Прислано только четыре билета, и вамъ надо рѣшить, кому дать эти билеты...

— Предложите желающимъ,—отвѣтили ему,—намъ итти невозможно: надо съ людьми распорядиться, съ солдатами; предложите молодымъ офицерамъ. Они могутъ итти...

Адъютантъ пошелъ къ кучкѣ молодежи. Тѣ весело повскакали со своихъ мѣстъ и предложили кинуть жребій между всѣми желающими...

Бросаніе жребія заняло нѣсколько минутъ, и одинъ изъ билетовъ достался поручику Ключинскому. Обладателямъ билетовъ было

разрѣшено по прибытіи въ Павловскъ тотчасъ же отправиться домой для приведенія себя въ должный видъ...

Фельдъегерь уѣхалъ, и все пошло по-старому, какъ было до его пріѣзда...

II.

Поручикъ Ключинскій былъ не блестящій офицеръ. Службу свою онъ началъ въ провинціальной глуши, дослужился до чина сенатскаго регистратора и рѣшилъ перейти на военную службу. Уже въ достаточно зрѣломъ возрастѣ онъ поступилъ вольноопредѣляющимся въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ и былъ произведенъ въ офицеры.

Среди блестящей свѣтской молодежи полка Ключинскій былъ незамѣтенъ.

У него не было состоянія, чтобы сорить имъ, не было связей, которыя могли бы вывести его далеко впередъ, у него не было особенныхъ пороковъ или особенныхъ достоинствъ, чтобы блеснуть ими въ военной средѣ. Ключинскій былъ простой, незамѣтный человекъ, не злой, умѣлъ ладить съ солдатами и былъ имъ ближе и понятнѣе, чѣмъ всякій другой офицеръ того же полка.

Ключинскій ни съ кѣмъ не пріятельствовалъ, жилъ на скромную сумму, получаемую изъ дома отъ родителей, и избѣгалъ всякаго оближенія съ офицерствомъ.

Его не замѣчали въ полку, и нѣкоторые при имени Ключинскаго говорили:

— Это такой... незамѣтный съ круглымъ лицомъ... нигдѣ не бываетъ.. Ключинскій...

И Ключинскій нигдѣ не бывалъ. Иногда онъ вырвется въ Петербургъ и закрутитъ: побываетъ не одинъ разъ въ театрѣ, побѣдаетъ въ хорошемъ ресторанѣ и уѣдетъ обратно, чтобы погасить въ теченіе долгихъ дней.

Все это не могло не волновать его. Онъ понималъ, что его не замѣчаютъ, что онъ служить въ полку по какому-то недоразумѣнію, что ему давно пора уйти на свое мѣсто — въ армію, гдѣ его должны были бы замѣтить, гдѣ онъ не стоялъ бы ниже другихъ.

Но его удерживала въ полку мысль о преимуществахъ гвардейской службы, и не будь этихъ преимуществъ, онъ давно бы уже перевелся въ одинъ изъ армейскихъ полковъ, чтобы не видѣть этихъ странныхъ, надменныхъ лицъ молодой аристократіи, чтобы не слышать ихъ присюсюкающаго способа говорить слова.

Но и помимо всего этого Ключинскій имѣлъ основаніе мечтать о переводѣ въ армію, какъ о блаженствѣ; это основаніе — незнаніе имъ французскаго языка.

Пусть читатель отнесется съ полнымъ довѣріемъ къ этому: выросшій въ простой, близкой къ землѣ средѣ, вдали отъ паркетнаго

общества, внѣ всякаго вліянія французскихъ гувернеровъ, Ключинскій не зналъ французскаго языка, и это тяготило его не меньше, чѣмъ все остальное, отдѣлявшее его отъ офицерскаго общества.

Когда при немъ заговаривали по-французски, — а на иномъ языкѣ въ то время русскіе гвардейскіе офицеры избѣгали говорить даже въ строю, — Ключинскій сумрачно отходилъ прочь и громко крикалъ. Это криканье понимали и начинали говорить по-русски...

Ключинскій принималъ мѣры, бралъ уроки французскаго языка, платилъ за нихъ большія деньги, но языкъ ему не давался: произношеніе у него выходило такимъ, что учитель-французъ, при всей своей нуждѣ въ заработкѣ, всплескивалъ руками и моталъ головою, говоря, что у Ключинскаго «въ дѣтствѣ испорченъ языкъ». Кончилось все это тѣмъ, что уроки прекратились, а Ключинскій не научился даже понимать языка.

Часто ночью онъ лежалъ съ открытыми глазами и проклиналъ свое положеніе, бранилъ отца, который не сумѣлъ дать ему знаніе языка въ дѣтствѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ искренно желалъ сбросить съ себя гвардейскій мундиръ, причинявшій ему столько огорченій въ жизни. Но время шло, подать просьбу о переводѣ было обидно, такъ какъ Ключинскій понималъ, что товарищи по службѣ должны будутъ перегнать его въ іерархическомъ движеніи, а онъ останется позади и будетъ сознавать, что все случилось по его желанію и по его винѣ... И онъ не подавалъ просьбы.

Ему шелъ уже 28-й годъ, нерѣдко онъ задумывался объ устройствѣ семьи, но и тутъ служба въ гвардіи давала себя знать, и съ этимъ приходилось считаться. Жениться надо было не такъ, какъ хотѣлось Ключинскому, въ вопросѣ о бракѣ должны были принять участіе начальство и даже сослуживцы Ключинскаго: для нихъ было недостаточно, что Ключинскій изберетъ жену по своему желанію, по своимъ склонностямъ; важно было, чтобы товарищи и сослуживцы одобрили его выборъ и отнеслись къ нему такъ, какъ того требовалъ служебный тактъ и правила гвардейской корпорации.

Ключинскій считалъ такое положеніе вещей насиліемъ, вторженіемъ въ частную жизнь; онъ въ душѣ протестовалъ противъ этого, но когда задумывался о женитьбѣ, то приходилъ къ заключенію, что въ этомъ вопросѣ приметъ участіе, — неотразимое участіе, — весь полкъ, въ полномъ его составѣ. И на комъ онъ могъ жениться, оставаясь въ томъ привилегированномъ полку, гдѣ онъ служилъ теперь? Надо было выбирать изъ аристократической знати, изъ старыхъ, хорошихъ фамилій... А содержать такую жену онъ не могъ; она не удовлетворяла бы его духовныхъ потребностей, онъ пошелъ бы съ нею въ разладъ, да и какая изъ великосвѣтскихъ дѣвицъ рѣшила бы связать свою судьбу съ судьбою незамѣтнаго, небогатаго офицера, какимъ-то чудомъ попавшаго въ гвардію?...

И Ключинскій страдалъ отъ одиночества, отъ взаимнаго непониманія товарищей, отъ несходства вкусовъ, привычекъ, экономическаго положенія...

Товарищи старались падить Ключинскаго: ихъ заставляло такъ поступать хорошее воспитаніе, тонъ, но всякій изъ нихъ понималъ, что Ключинскій пришелся не ко двору, что ему трудно быть наравнѣ съ ними и обидно отставать отъ нихъ. Иногда Ключинскаго обижало и такое отношеніе къ нему: случалось, что подносили кому нибудь изъ уходящихъ товарищей подарокъ, всѣ принимали участіе, а Ключинскому говорили, что подарокъ пустяковый, что каждый изъ офицеровъ внесъ по ничтожной суммѣ, и просили съ него такую же ничтожную сумму; Ключинскій давалъ, а потомъ случайно узнавалъ, что всѣ заплатили гораздо больше, чѣмъ онъ, что каждый внесъ сравнительно большую сумму. И такое отношеніе къ нему товарищей Ключинскій считалъ оскорбительнымъ для себя.

Случалось, и за послѣднее время очень часто, что молодые новоприбывающіе офицеры не хотѣли придерживаться въ отношеніи Ключинскаго установившихся правилъ обращенія; случалось, что нѣкоторые изъ нихъ часто давали ему понять, что онъ не можетъ служить въ привилегированномъ полку, что ему это не по силамъ. Ключинскій старался не замѣчать этого и въ то же время испытывалъ страданія...

Получивъ билетъ для входа на балъ во дворецъ, Ключинскій почувствовалъ себя довольнымъ, и не потому, что это удовлетворяло его чувство тщеславія, а потому, что ему предоставлялась возможность лишній разъ побывать въ такомъ обществѣ, гдѣ, не замѣчаемый никѣмъ, онъ можетъ свободно наблюдать за всѣмъ происходящимъ вокругъ. Наблюдательность была его природнымъ свойствомъ, которому онъ всегда отдавался... Въ своемъ обществѣ, въ особенности дома, у родныхъ, онъ чувствовалъ себя отлично и передавалъ свои впечатлѣнія... И въ его передачѣ эти впечатлѣнія поражали своею яркостью, живостью, сходствомъ. А мало ли было объектовъ для наблюденія во дворцѣ на балу, объектовъ, которыхъ и можно встрѣтить только въ такой обстановкѣ?..

Ключинскій молчаливо сидѣлъ на опушкѣ и курилъ, наблюдая за происходящимъ...

III.

Корнетъ графъ П., молодой, безусый юноша, стройный и красивый, стоялъ въ сторонѣ и игралъ сорванною вѣткою березы...

Ни Ключинскій, ни графъ П. не чувствовали другъ къ другу особенной дружбы. Графъ постоянно старался не замѣчать Ключинскаго. Онъ предпочиталъ общество веселыхъ людей изъ золотой молодежи. Матушкинъ баловникъ, дамскій угодникъ, онъ избѣгалъ

всего, что такъ или иначе не подходило къ его вкусамъ. А Ключинскій подходилъ къ нимъ менѣе всего. Поэтому графъ, встрѣчаясь съ Ключинскимъ, старался поскорѣе уйти, чтобы не вступать съ нимъ въ разговоры, и не могъ пожаловаться, что Ключинскій не понималъ его тактики. Во всякомъ случаѣ графъ считалъ Ключинскаго человѣкомъ низшей породы и низшаго класса. Это заставляло его, графа, держаться по отношенію къ Ключинскому самыхъ равнодушныхъ, чтобы не сказать болѣе, отношеній.

Разумѣется, бывали минуты, когда Ключинскій завидовалъ ему, блестящему, изящному графу, онъ завидовалъ и его богатству, и его наружности, и его успѣхамъ въ свѣтѣ... Старался подавить это чувство, но оно выползло само собою, да и не только у него одного, но и у многихъ другихъ. Про графа говорили, что онъ баловень судьбы, и въ этомъ было много правды, неприятной для Ключинскаго правды: постоянные уколы самолюбія должны были неминуемо развить въ немъ чувство зависти...

Хотя графъ только еще недавно вступилъ въ полкъ, но уже успѣлъ сказать Ключинскому нѣсколько колкихъ для него словъ, оскорбить его чувствительное до болѣзненности самолюбіе. Поэтому Ключинскій всегда былъ очень внимателенъ къ словамъ и движеніямъ молодого графа.

Но пока ничего изъ предѣловъ приличія не выходило, и дальше легкой несимпатіи дѣло не шло...

И теперь, молчаливо сидя на опушкѣ лѣса, Ключинскій слѣдилъ за движеніями молодого, изящнаго графа П., который игралъ сорванною имъ вѣткою березы.

Вдругъ Ключинскій въ разговорѣ офицеровъ, происходившемъ на французскомъ языкѣ, услыхалъ свое имя. Онъ насторожился... До него долетали отдѣльные слова, фразы, но разговора онъ понять не могъ, и это мучило его...

Потомъ опять повторилось его имя, и опять... Ключинскій поднялся съ мѣста; его, очевидно, не замѣчали и продолжали говорить. Тѣхимъ шагомъ онъ направился къ разговаривающимъ и, чтобы напомнить о своемъ присутствіи, сталъ довольно громко напѣвать какой-то мотивъ. Но группа офицеровъ стояла попрежнему и не обращала на него вниманія: смѣялись, болтали...

Кто-то замѣтилъ, наконецъ, подходившаго Ключинскаго и бросилъ какую-то французскую фразу. Тотчасъ же, искушенные долгимъ опытомъ, свѣтскіе офицеры незамѣтно перевели разговоръ на другую тему, и когда Ключинскій стоялъ уже около нихъ, разговоръ происходилъ о совершенно постороннихъ предметахъ...

Ключинскій чутьемъ догадался о перемѣнѣ разговора и почувствовалъ, какъ кровь прилила къ его головѣ. Ему захотѣлось крикнуть что нибудь дерзкое, бранное, не обращаясь ни къ кому, просто захотѣлось выругаться... Онъ только крикнулъ и отошелъ...

— Па-а-ручикъ!—какъ-то особенно произнесъ графъ П., обращаясь къ Ключинскому.— Я слышаль, что вы сегодня ѣдете во дворець... Правда, что вы получили билетъ?

— Правда,— отвѣтилъ Ключинскій.— Почему же это можетъ быть неправдой?

— Я только такъ спрашиваю, чтобы.. какъ это сказать по-русски.. чтобы.. вы понимаете меня?.. чтобы.. Я не знаю, какъ по-русски...

— Поищите слова,—недовольно проговорилъ Ключинскій.—Русскій языкъ едва ли бѣднѣе вашего французскаго...

— Ага... Такъ вы отправляетесь на балъ...—продолжалъ тѣмъ же тономъ графъ.—Но зачѣмъ вы туда поѣдете? Что вы тамъ будете дѣлать? Какъ? А?

— Зачѣмъ, зачѣмъ ѣдутъ туда и другіе! — отвѣтилъ Ключинскій, смѣривая глазами графа.

— Но эти другіе ѣдутъ туда танцовать,—засмѣялся графъ.— А что тамъ будетъ дѣлать такой человѣкъ, какъ поручикъ Ключинскій?—и графъ рассыпался тихимъ смѣшкомъ.

— Графъ!—рѣзко крикнулъ Ключинскій.—Что вы хотите этимъ сказать? Объясните!..

— Извольте, я готовъ,—съ наглою усмѣшкой отвѣтилъ графъ:—готовъ!.. Всякій ѣдетъ на балъ съ какоюнибудь цѣлью: одни, чтобы танцовать, другіе, чтобы поболтать съ женщинами... Но что тамъ дѣлать поручику Ключинскому, который не умѣетъ ни танцовать, ни говорить по-французски?.. Не будутъ же для васъ говорить по-русски...

Ключинскаго задѣли за живое, онъ вспыхнулъ и отъ волненія сначала не могъ ничего сказать: глаза его широко раскрылись, грудь высоко поднялась...

— Я сошлюсь, на кого хотите, и всѣ присоединятся къ моему мнѣнію... А? Что?

Ключинскій отступилъ назадъ и прохрипѣлъ злобно и угрожающе графу:

— Это глупо... да, глупо... И графъ долженъ понимать, какъ неприличенъ его поступокъ!..

— Что, что онъ сказалъ? Повторите! — крикнулъ графъ, хватаясь за эфесъ шпаги.

Группа офицеровъ около графа и Ключинскаго затихла и при-
смирѣла въ ожиданіи.

— Я сказалъ, что графъ долженъ понимать, что прилично и что неприлично!—повторилъ Ключинскій.—Иначе онъ не графъ, а грубое животное, сапожникъ!..

Графъ П. покраснѣлъ: онъ не ожидалъ такой смѣлости отъ незамѣтнаго человѣка, и она застала его врасплохъ. Онъ покраснѣлъ, беспомощно оглянулся кругомъ, словно ища защиты. И вездѣ

онъ встрѣтилъ опущенные взоры. Никто ничего не могъ совѣтовать въ дѣлѣ, которое настоятельно требовало скорого разрѣшенія...

— Я заставлю васъ замолчать! — нашелся наконецъ графъ. — Я васъ заставлю!..

— Какъ меня заставитъ графъ, случайно носящій это званіе? — произнесъ Ключинскій. — Интересно посмотрѣть, какъ онъ это сдѣлаетъ...

— Вотъ какъ! — сказалъ графъ П. и, поднеся перчатку къ лицу Ключинскаго, ударилъ его ею по носу. — Вотъ такъ!..

Ключинскій замеръ на минуту, потомъ сжалъ кулакъ, замахнулся... Графъ лежалъ на травѣ и силился подняться...

— Удовлетвореніе... Я требую удовлетворенія... — крикнулъ графъ. — Баронъ, вы мой секундантъ, прошу васъ не отказать мнѣ въ этомъ...

Графъ вскочилъ на ноги, отряхнулся и посмотрѣлъ на Ключинскаго...

Тотъ сконфуженно подошелъ къ ротмистру, стоявшему неподалеку, и сказалъ ему что-то. Ротмистръ кивнулъ головой и подошелъ къ барону, секунданту графа.

Потомъ секунданты разошлись; офицеры окружили противниковъ плотнымъ кольцомъ...

Послышался звукъ ударовъ стали, скрестились шпаги... Голоса затихли...

А неподалеку лилась солдатская пѣсня, грустная, протяжная и однообразная...

Потомъ офицеры разступились, а графъ П. направился къ лаврентной линейкѣ, закрывъ платкомъ свою выхоленную лѣвую щеку.

— Дуэли не было, — заговорили въ толпѣ офицеровъ. — Они только поссорились... Это всѣ видѣли... Ближайшіе солдаты тоже видѣли, какъ Ключинскій ударилъ графа...

IV.

Присутствіе нижнихъ чиновъ при ссорѣ офицеровъ заставило начальство предать суду и Ключинскаго, и графа П. Они обвинялись въ «производствѣ ссоры», и никто не поднималъ рѣчи о томъ, что произошло послѣ ссоры. Сказано было лишь, что ссора эта была прекращена, благодаря вмѣшательству ротмистра и барона.

Были допрошены свидѣтели происшествія, и всѣ согласно показали о ссорѣ и ни словомъ не обмолвились о дуэли.

Въ такомъ же духѣ былъ составленъ и докладъ по дѣлу; докладъ былъ необычайно кратокъ, многое было замолчано, упущено,

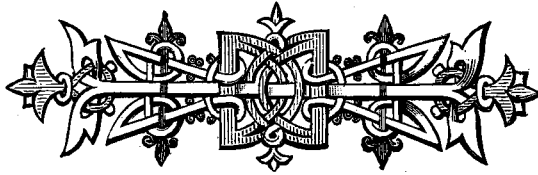
чтобы не подвергать виновныхъ тяжкимъ наказаніямъ, которыя стали практиковаться за дуэли въ николаевскую эпоху.

Въ конечномъ результатѣ было опредѣлено: Ключинскаго выдержать одинъ мѣсяцъ въ крѣпости на гауптвахтѣ и перевести въ армію, графа П. разжаловать въ рядовые до выслуги съ переводомъ въ армію.

Такимъ образомъ, Ключинскій дождался перевода въ армію и чувствовалъ себя очень довольнымъ.

Н. И. Фалѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

МИТРОПОЛИТЪ СЕРАФИМЪ НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ 14-ГО ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА¹⁾.

АНИФЕСТЪ былъ подписанъ императоромъ 12-го декабря—о вступленіи его на прародительскій престолъ, а 14-го обнародовали. Поэтому сего числа въ шесть съ половиною часовъ утра преосвященный митрополитъ новгородскій Серафимъ отправился въ сенатъ, въ общее присутствіе, въ коемъ собраны были: члены святѣйшаго синода, государственный совѣтъ, министры, всѣ департаменты сената и прочіе правители.

Въ 7 часовъ и 20 минутъ прочтенъ въ ономъ манифестъ и всѣ акты, касающіеся до отреченія цесаревича Константина Павловича и до наслѣдія Николаю Первому. Сряду послѣ того учинена и присяга на вѣрность всѣми тутъ бывшими. За симъ члены синода отправились въ синодъ для дальнѣйшихъ распоряженій. Во дворцѣ же собираться назначено было первоначально въ 11 часовъ, но по утру отмѣнено до двухъ часовъ. Въ 8 и 9 часовъ утра присягали войска подъ главнымъ распоряженіемъ корпуснаго командира Воинова, а въ 12-мъ часу присягали присутственныя мѣста, духовенство и народъ, а потому и литургіи сего дня совершаемы были въ 12-мъ и первомъ часу;

¹⁾ Рассказъ этотъ взятъ изъ записокъ очевидца, дьякона Прохора Иванова, который съ 1814 года служилъ при митрополитѣ петербургскомъ и новгородскомъ. За то, что онъ сопутствовалъ митрополиту Серафиму на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 года, дьяконъ Иванъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны третьей степени.

въ нѣкоторыхъ церквахъ читаны были и манифесты, но благодарственные молебствія по предписанію консисторіи совершаемы были по всей столицѣ. Преосвященный митрополитъ Серафимъ съ Евгеніемъ, митрополитомъ кievскимъ, Іоною, архіепископомъ тверскимъ, Авраамомъ, архіепископомъ ярославскимъ, духовникомъ Криницкимъ, оберъ-священникомъ Державинымъ и придворнымъ духовенствомъ, прибылъ въ придворную большую церковь въ первомъ часу дня, облачился въ бархатное зеленое облаченіе, возложъ панагію, крестъ и митру брильянтовые, а митрополитъ кievскій облачился въ бархатное пунцовое облаченіе, и ожидали къ двумъ часамъ въ церковь пришествія государя императора Николая I и всей августѣйшей фамилии; въ то же время собрались и всѣ особы обоого пола, имѣющія пріѣздъ ко двору, на половину вдовствующей государыни.

Между тѣмъ въ исходѣ перваго часа часть Московскаго и Гренадерскаго полковъ и Гвардейскаго экипажа, выбѣжавъ изъ своихъ казармъ съ распущенными знаменами, присовокупивъ къ себѣ и чернь, выстроилась въ карре на Сенатской площади противъ монумента Петра I, лицомъ къ адмиралтейству. Государь, узнавъ объ этомъ, тотчасъ приказалъ явиться предъ нимъ всему войску столичному, а самъ, предводительствуя первымъ батальономъ Преображенскаго полка, приближался къ мѣсту, но бунтующіе не смирялись... И первый с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, генералъ отъ инфантеріи, графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ, коего въ 52-хъ сраженіяхъ Провидѣніе сохраняло отъ смерти, ѣхавши верхомъ на лошади, раненъ штыкомъ и пулею отъ руки бунтовщика Каховскаго, и чрезъ 12 часовъ въ казармахъ конно-гвардейскихъ скончался.

Государь долгое время призывалъ мятежниковъ къ долгу и смиренію, но они не внимали сему воззванію, и чѣмъ долѣе, тѣмъ болѣе чернь къ нимъ по невѣдѣнію присоединялась. Тогда государь въ 2 часа и 15 минутъ далъ повелѣніе генералъ-адъютанту Стрекалову, чтобы призвать изъ дворцовой церкви преосвященнаго митрополита новгородскаго Серафима съ крестомъ къ симъ мятежникамъ. Генералъ стремглавъ явился въ церковь и объявилъ митрополиту высочайшую волю. Митрополитъ съ духовенствомъ послѣдовалъ за генераломъ, но генералъ ежеминутно повторялъ митрополиту:

— Поскорѣе, какъ можно, время не терпите!

По выходѣ митрополита на Дворцовую площадь часть полка Гренадерскаго бѣжала съ ружьями и примкнутыми штыками съ крикомъ: «ура! ура! Константинъ!!» на дворцовый дворъ для занятія дворца, но этотъ послѣдній саперами былъ уже окруженъ. Затѣмъ поданъ былъ собственный митрополита экипажъ, въ который сѣли два митрополита—Серафимъ и Евгеній, и два діакона—

Прохоръ Ивановъ ¹⁾ и Павелъ Ивановъ. Первосвятитель пригласилъ съ собою и генерала, но Стрекаловъ отказался говоря: «васъ однихъ туда, куда везу, не пропустятъ». И самъ, вставши на запятки за карету, немедленно представилъ государю, ѣдущему верхомъ съ генералами Васильчиковымъ и Бенкендорфомъ на площадь, противъ адмиралтейской церкви, на уголъ, гдѣ стояло войско. Митрополиты, вышедъ изъ кареты съ діаконами, въ сопровожденіи генерала, слѣдовали къ бунтующимъ; но со стороны ихъ и отъ полка Кён-ногвардейскаго сдѣлалась сильная перепалка. Предстоящій народъ, падая на землю, бѣжалъ навстрѣчу сему духовенству. Митрополитъ, остановивъ народъ, спросилъ: «Что вы бѣжите, и что такое здѣсь дѣлается?»—Народъ, рыдая, отвѣтствовалъ: «Бунтъ!.. куда вы, вѣдь и васъ убьютъ!.. Генераль Милорадовичъ уже смертельно раненъ; едва ли и живъ... Да и тѣхъ, кто ихъ уговариваетъ, бьютъ нещадно»...

Митрополитъ остановился, и сѣлъ было обратно въ карету, но государь, командуя и распоряжаясь войскомъ, вторично прислалъ генераль-адъютанта Ларіона Васильевича Васильчикова, чтобы убѣдить митрополита отъ имени его величества идти къ мятежникамъ, невзирая на угрозы. Генераль прискакалъ къ каретѣ митрополита и убѣдилъ, заклиная спасеніемъ Россіи, будучи самъ въ слезахъ, маститаго старца.

Первосвятитель церкви, повинувся воззванію возлюбленнаго своего монарха и исполняя священныя слова, сего же дня имъ произнесенныя, не щадя жизни своей, слѣдовалъ на площадь Петровскую къ бунтующимъ въ сопровожденіи двухъ діаконъ, генерала и полицеймейстера. Бунтующіе стояли около сената, напротивъ ихъ—кавалерія, отъ Невы—преображенцы, а отъ Исаакія—заборъ. Тутъ же предъ глазами владыки застрѣленъ былъ командиръ Лейбъ-Гренадерскаго полка, полковникъ Стюрлеръ, уговаривавшій солдатъ, и по отведеніи въ скоромъ времени скончался. Тутъ тысячи голосовъ раздавались въ народѣ: кто кричитъ: «не ходите! ранять, убьютъ». Кто говоритъ: «идите!» Иной съ угрозою кричитъ: «Это дѣло ваше—духовное, это не непріатели, а русскіе христіане»... И такъ съ крестомъ стоялъ первосвятитель среди площади, и когда чрезъ полицеймейстера Лихачева вызванъ былъ митрополитъ кіевскій Евгенийъ изъ кареты, у коего народъ оторвалъ палицу, удерживая, тогда оба іерарха, поговоривъ между собою, рѣшились умереть за вѣру, отечество и царя; приложились всѣ четверо къ животворящему кресту, и первый митрополитъ Серафимъ перекрестясь, стремительно бросился, имѣя въ рукахъ духовное оружіе—крестъ, къ мятежникамъ; за нимъ слѣдовали митрополитъ Евгенийъ и діаконы. Мятежническое оружіе замолкло, и

¹⁾ Самъ авторъ воспоминаній.

они, увидѣвъ своего архипастыря, съ крестомъ въ рукахъ къ нимъ грядущаго, начали креститься, а иные стали и прикладываться. Первосвятитель у первой перенги остановился и, поднявъ крестъ, говорилъ имъ велегласно:

— Воины! успокойтесь... вы противъ Бога, церкви и отечества поступили: Константинъ Павловичъ письменно и словесно, три—четыре, отрекся отъ російской короны, и онъ ранѣ насъ присягнулъ на вѣрность брату своему Николаю Павловичу, который добровольно и законно восходитъ на престоль... Синодъ, сенатъ и народъ присягнули; вы только одни дерзнули возстать противу сего. Вотъ вамъ Богъ свидѣтель, что есть это истина, и что я, какъ первосвятитель церкви, умаливаю васъ оной, успокойтесь, присягните...

Между тѣмъ изъ среды мятежниковъ составила изъ нѣсколькихъ офицеровъ депутація, и, приблизившись къ митрополиту съ обнаженными шпагами, нѣкоторые, будучи въ нетрезвости, дерзновенно отвѣтствовали:

— Несправедливо! Гдѣ Константинъ?

Митрополитъ отвѣчалъ:

— Въ Варшавѣ.

Мятежники кричали:

— Нѣтъ, онъ не въ Варшавѣ, а на послѣдней станціи въ окопахъ... Подайте его сюда!.. Ура, Константинъ!.. Какой ты митрополитъ, когда на двухъ недѣляхъ и двумъ императорамъ присягнулъ... Ты—измѣнникъ, ты—дезертиръ Николаевскій, калугеръ, не вѣримъ вамъ, подите прочь!.. Это дѣло не ваше: мы знаемъ, что дѣлаемъ. Скажи своему государю, чтобы онъ послалъ къ намъ Михаила Павловича: мы съ нимъ хотимъ говорить; а ты, калугеръ, знай свою церковь!..

Невинные воины, по данному отъ сихъ офицеровъ сигналу, отвѣтствовали только одно: «ура, Константинъ!» При этомъ владыко сколько ни усиливался убѣждать и увѣрять, однако все это мятежниками пренебрежено; когда уже надъ головами первосвятителей начали фехтовать шпагами, крича: «ура, Константинъ!» и со всѣхъ сторонъ окружила толпа съ ружьями, тогда преосвященные съ діаконами принуждены поспѣшно удалиться въ разломанный заборъ, къ Исаакіевскому собору, въ сопровожденіи черни. Близъ Синяго моста оба митрополита сѣли на двухъ простыхъ извозчиковъ, позади стали діаконы въ стихаряхъ, и такимъ образомъ возвратились въ Зимній дворецъ. Тутъ митрополитъ Евгенийъ прошелъ въ церковь, а митрополитъ Серафимъ—въ комнаты государя императора. Идя по апартаментамъ вдовствующей государыни, гдѣ собравшаяся знать, будучи въ страхѣ, спрашивала первосвятителя:

— Чѣмъ насъ утѣшите? Что тамъ дѣлается?

Митрополитъ отвѣчалъ:

— Обругали и прочь отослали.

Митрополитъ вошелъ въ кабинетъ государя. Между тѣмъ, по отбытіи первосвятителей отъ мятежниковъ, войска окружили Петровскую площадь, и тогда государь далъ рѣшительное повелѣніе сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ изъ пушекъ картечью, послѣ чего и учинено было около двадцати выстрѣловъ.

Бунтующіе приведены были симъ въ замѣшательство, многіе побиты на мѣстѣ, иные разбѣжались, другіе атакованы; тотчасъ по столицѣ разсланы изъ конныхъ полковъ сильныя дозоры, которые болѣе 500 человекъ нахватили разныхъ состояній. Войска же, разложивъ огни, стояли всю ночь съ заряженными пушками кругомъ дворца... Митрополитъ въ 5 часовъ возвратился въ церковь, а государь во дворецъ отъ войскъ, и знать вся введена была въ церковь.

Въ 6 часовъ и 20 минутъ государь съ супругою своею, съ наслѣдникомъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, прибывшимъ въ сіи смутныя минуты изъ Варшавы, соизволили войти въ церковь. Во врагахъ митрополитъ Серафимъ съ членами синода встрѣтилъ ихъ величествомъ, оградивъ крестомъ, съ сими словами: «Благословенъ грядый во имя Господне». Какая сцена! Государь и императрица неутѣшно плакали, а публика, стоящая въ церкви, просто сказать, рыдала; потомъ приложились ко кресту и окроплены святою водою, со взаимнымъ руки цѣлованіемъ, слѣдовали на мѣсто къ рѣшеткѣ. Протодіаконъ Кодратъ, стоя на своемъ мѣстѣ, возгласилъ: «Благослови, владыко». Митрополитъ: «Слава святѣй». Пѣвчіе: «аминь, Царю Небесный». Ектенья, отпустъ и многолѣтіе одному государю Николаю Павловичу. При поднесеніи креста митрополитъ сдѣлалъ государю привѣтствіе, а потомъ и государыни императрицѣ... Государь съ императрицей весь молебень простояли на колѣняхъ и со слезами просили благословенія Божія на царствованіе, ибо это — день радости, день и печали. Вдовствующая императрица соизволила слушать молебень въ своей молитвенной близъ алтаря, гдѣ первосвятитель съ членами синода приносилъ ея величеству поздравленіе. Государыня, обратясь къ митрополиту, спрашивала его о мятежникахъ и о прочемъ. Потомъ, разоблачась, іерархи отправились изъ дворца съ провожатымъ, такъ какъ всѣ особы въ этотъ вечеръ отправлялись по билетамъ изъ дворца.

Атакованные на площади и взятые по городу разные люди были приведены подъ главнымъ надзоромъ графа Комаровскаго въ крѣпость, и по утру, на другой день, на Петровской же площади мятежники приняли присягу въ присутствіи государя, и знамя, котораго они вчера были лишены, возвращено было имъ.

Потомъ учреждена была слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ великаго князя Михаила Павловича, гдѣ увѣщателемъ былъ о. ключарь казанскій Мысловскій. Главные виновники 121

человѣкъ, содержащіеся въ крѣпости, были въ домѣ коменданта допрошены и преданы особо учрежденному верховному уголовному суду, въ коемъ находились, кромѣ синода, совѣта и сената, многія другія государственныя особы. Пять человѣкъ преступниковъ: Пестель, Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ-Рюминъ, Рылѣевъ и Каховскій, 13-го іюля 1826 года въ третьемъ часу утра, въ присутствіи военнаго генераль-губернатора Кутузова и войска, приведены были во всей своей формѣ близъ крѣпости на валъ, къ висѣлицѣ. И Пестель, какъ главный злоумышленникъ, взглянувъ на оную, сказалъ: «О, какою гнусною смертью умираемъ!» Послѣ того прочтенъ имъ былъ указъ, одѣты въ особо устроенное бѣлое съ надписью одѣяніе, простились другъ съ другомъ, покаялись, связаны имъ руки, приведены на мѣсто, головы ихъ положены въ петлю и повѣшены. Затѣмъ приведены близъ того же мѣста и прочіе 116 человѣкъ, прочтенъ имъ указъ; одѣты они были въ особо устроенное одѣяніе, лишены чиновъ и званія. Мундиры, эполеты, ордена и проч. съ нихъ были сорваны и брошены въ огонь, и переломлены надъ ними шпаги и отправлены тотчасъ же въ Кронштадтъ. При этомъ кто посланъ былъ въ каторгу, иные на поселеніе, другіе отданы въ солдаты. Мѣсто же, гдѣ происходилъ бунтъ, на другой день, т.-е. 14-го іюля, въ присутствіи государя и государыни, всѣмъ святѣйшимъ синодомъ освящено особо для сего случая составленнымъ молебномъ, при пушечной пальбѣ и при собраніи воинства.

За вышеизложенный подвигъ преосвященные митрополиты награждены панагіями, а діаконы деньгами, при рескриптахъ и повелѣніи.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ.

«Преосвященнѣйшій митрополитъ новгородскій
и с.-петербургскій Серафимъ!

«Подвигъ Вашъ въ 14-й день сего декабря, когда вы съ ревностью, достойною архипастырскаго сана вашего, не щадя живота своего, лично предстали предъ толцу возставшихъ противъ законной власти и гласомъ кроткихъ убѣжденій тщались преклонить заблудшихъ сихъ овецъ къ повиновенію, обратилъ мое на васъ вниманіе.

«Въ засвидѣтельствованіе онаго и въ знакъ признательности моей за то жалую вамъ украшенную брильянтами панагію, у сего препровожденную.

«Поручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю вамъ всегда доброжелательный

«Николай».

«С.-Петербургъ, 25-го декабря 1825 года».

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

«Высокопреосвященнѣйшій владыко!

«Милостивый государь и архипастырь!

«Получивъ письмо вашего высокопреосвященства съ изъясненіемъ мнѣнія вашего о вознагражденіи двухъ діаконовъ, находившихся при васъ на Петровской площади 14-го декабря прошлаго года, я докладывалъ о томъ государю императору.

«Его величество всемилостивѣйше по назначенію вашему соизволилъ пожаловать діакону Павлу Иванову 250 рублей, діакону Прохору Иванову 600 рублей единовременно въ награду за ихъ усердіе.

«Во исполненіе такой монаршей воли препровождая обѣ суммы сіи къ вамъ, высокопреосвященнѣйшій владыко, покорнѣйше прошу о полученіи оныхъ меня увѣдомить.

«Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть

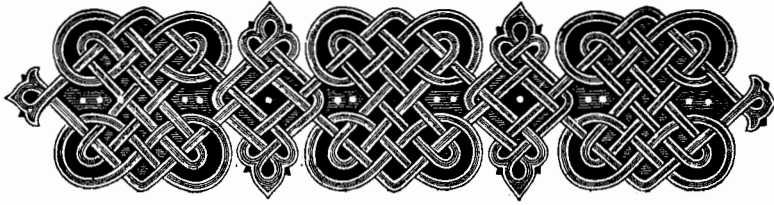
«вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга

«князь Александръ Голицынъ».

«С.-Петербургъ, 21-го декабря 1826 года».

Сообщилъ А. А. Алфеевъ.

ДУЭЛЬ ПУШКИНА СЪ ДАНТЕСОМЪ.

(Новые матеріалы¹).

ИСТОРИЯ послѣдней дуэли Пушкина далеко не выяснена. Данныя, находящіяся въ нашемъ распоряженіи, немногочисленны и, за небольшими исключеніями, не имѣютъ характера достовѣрности. Официальныя бумаги о дуэли Пушкина, опубликованныя въ 1899 году²), свидѣтельствуютъ о томъ, что слѣдствіе не распространилось на многія обстоятельства послѣднихъ мѣсяцевъ жизни Пушкина, которыя могли бы пролить свѣтъ на причины дуэли. Извѣстія и воспоминанія друзей и современниковъ Пушкина требуютъ тщательной критической повѣрки: въ современныхъ воспоминаніяхъ слишкомъ много мѣста отведено слухамъ и субъективнымъ предположеніямъ, а рассказы друзей, быть можетъ, иногда грѣшили нѣкоторымъ безсознательнымъ, конечно, искаженіемъ дѣйствительности, допущеннымъ по дипломатическимъ соображеніямъ. Да, наконецъ, даже ближайшіе друзья не знали всей истины о событіяхъ, предшествовавшихъ дуэли. 9-го февраля 1837 года кн. П. А. Вяземскій писалъ къ А. Я. Булгакову: «Адскія козни опутали ихъ (Пушкина и его жену) и остаются еще подъ мракомъ. Время, можетъ быть, раскроетъ ихъ»³). А 10-го февраля Вяземскій писалъ

¹) Въ предлагаемыхъ статьяхъ мы имѣемъ въ виду опубликовать нѣкоторые изъ матеріаловъ, собранныхъ для подготовляемой нами къ печати біографіи А. С. Пушкина.

²) Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное военно-судное дѣло 1837 г. Спб. 1900.

³) «Русскій Архивъ», 1879, II, стр. 253.

тому же лицу: «Чѣмъ болѣе думаешь объ этой потерѣ, чѣмъ болѣе проповѣдываешь обстоятельство, донинѣ бывшихъ въ неизвѣстности и которыя время начинаетъ раскрывать понемногу, тѣмъ болѣе сердце обливается кровью и слезами. Адскія сѣти, адскія козни были устроены противъ Пушкина и жены его. Раскроетъ ли время ихъ вполнѣ или нѣтъ, неизвѣстно»¹⁾.

И до сихъ поръ время не раскрыло пружинъ тайныхъ интригъ противъ Пушкина. Правда, немало деталей уже выяснено, собраны, кажется, всѣ возможные объясненія причинъ дуэли, но всей истиной мы еще не владѣемъ и поэтому не можемъ пока написать прагматическую исторію дуэли Пушкина. Подобная попытка была сдѣлана въ 1901 году на страницахъ «Историческаго Вѣстника» г. Никольскимъ²⁾. Не обладая достаточнымъ количествомъ фактовъ, г. Никольскій для заполнения пробѣловъ построилъ цѣлый рядъ предположеній, иногда весьма правдоподобныхъ, но нуждающихся для своего обоснованія въ фактическомъ подтвержденіи.

Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ въ виду предложить нѣкоторые новые матеріалы, относящіеся до послѣдней дуэли Пушкина. Эти матеріалы добавляют немало подробностей къ извѣстнымъ намъ даннымъ, освѣщаютъ положеніе дѣлъ въ концѣ 1836 и началѣ 1837 годовъ и измѣняютъ нѣкоторыя представленія.

I.

Князь П. А. Вяземскій — о дуэли Пушкина.

Сохранилось немало писемъ о причинахъ дуэли и обстоятельствахъ смерти Пушкина. Важнѣйшія изъ нихъ принадлежатъ близкимъ друзьямъ поэта. Адресованныя различнымъ лицамъ, эти письма расходились въ многочисленныхъ спискахъ. Авторы предусматривали такое распространеніе. «Пожалуйста, покажи мое письмо Ив. И. Дмитріеву и Солнцову,—писалъ А. Я. Булгакову П. А. Вяземскій,—или лучше дай имъ копію съ него, и вообще показывай письмо всѣмъ, кому заблагоразсудишь». Сплетни и слухи о поводахъ къ дуэли распространялись не только по всему Петербургу, по всей Россіи; много рассказывали о поведеніи жены Пушкина. Въ массѣ, кажется, не были убѣждены въ ея невинности. Задача друзей Пушкина заключалась въ прекращеніи всякихъ толковъ, оскорбительныхъ для памяти Пушкина. Письмо князя Вяземскаго къ А. Я. Булгакову, предназначенное для самаго широкаго распространенія, заканчивалось слѣдующими словами: «Покажи мое

¹⁾ Ibid., стр. 203.

²⁾ Отд. изд. Послѣдняя дуэль Пушкина. Біогр. очеркъ Б. В. Никольскаго. Спб. 1901.

письмо Баратынскому, Раевскому, П. В. Нащокину и всѣмъ тѣмъ, которымъ память Пушкина драгоцѣнна. Болѣе всего не забывайте, что Пушкинъ намъ всѣмъ, друзьямъ своимъ, какъ истиннымъ душеприказчикамъ, завѣщаль священную обязанность оградить имя жены его отъ клеветы. Онъ такъ и умеръ въ чувствѣ любви къ ней и въ убѣжденіи, что она невинна. И мы, очевидцы всего, что было, проникнуты этимъ убѣжденіемъ. Это главное въ настоящемъ положеніи».

Однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ нашихъ свѣдѣній о дуэли и смерти поэта являются цитированныя нами письма князя П. А. Вяземскаго отъ 5-го и 9-го февраля 1837 года¹⁾. Но въ нихъ князь Вяземскій подробно рассказываетъ о кончинѣ Пушкина, о событіяхъ, за нею послѣдовавшихъ, и слишкомъ бѣгло останавливается на причинахъ дуэли Пушкина. Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу.

«Ясно изложить причины, которыя произвели это плачевное слѣдствіе, невозможно, потому что многое остается тайной для насъ самихъ, очевидцевъ. Впрочемъ и тѣмъ, что мы знаемъ, можно объяснить случившееся слѣдующимъ образомъ. Анонимныя письма, о коихъ ты вѣрно уже знаешь, лежали горячею отравой на сердцѣ Пушкина. Ему нужно было выбросить этотъ ядъ съ своею кровью, или съ кровью того, который былъ причиною или предлогомъ нанесеннаго Пушкину оскорбленія. Въ первую минуту по полученіи этихъ писемъ онъ съ яростью бросился на Геккерена и вызывалъ его драться. Со стороны старика Геккерена пошли переговоры, и по его просьбѣ дуэль отсрочена на 15 дней. Въ эти 15 дней неожиданно, непонятно для всѣхъ, уладилась свадьба молодого Геккерена съ сестрой Пушкиной. Пушкинъ о томъ ничего не зналъ; узнавъ, не вѣрилъ тому и полагалъ, что все это военная или дипломатическая хитрость; но когда помолвка совершилась, онъ обратно взялъ картель, признавая, вѣроятно, въ душѣ своей эту странную свадьбу (которая во всякомъ случаѣ накидывала неблагопріятную тѣнь на молодого Геккерена) за достаточную для себя сатисфакцію и съ другой стороны признавая, повидимому, несбыточность дуэли за жену свою съ тѣмъ, который женится на сестрѣ ея. Между тѣмъ тутъ же объявилъ онъ, что хотя отъ поединка, предложеннаго имъ, и отказывается, но семейныхъ и даже общихъ сношеній съ семействомъ Геккерена имѣть не будетъ. Не принималъ поздравленій, язвительно отзывался о свадьбѣ встрѣчнымъ и поперечнымъ и рѣшительно объявилъ, что ни онъ, ни жена его не будутъ въ домѣ

¹⁾ «Русск. Арх.», 1879, II, стр. 243 и слѣд. Письмо Вяземскаго отъ 5-го февраля пользовалось значительнымъ распространеніемъ. Оно напечатано, между прочимъ, какъ письмо неизвѣстнаго очевидца, въ «Русской Старинѣ» 1875 года, т. XIV, стр. 8 и слѣд.

Геккерена, ни они у него въ домѣ, что и было въ точности соблюдено. Все это замазало рану, не исцѣлило. Женитьба Геккерена мало что измѣнила въ общемъ ихъ положеніи. Страсть, которую онъ афишировалъ къ Пушкиной, продолжалъ онъ афишировать и послѣ женитьбы. Городскіе толки не умолкли, напротивъ общее вниманіе недоброежелательнаго, убійственнаго свѣта впилося еще болѣе въ дѣйствующія лица этой необыкновенной драмы, которой готовилась столь кровавая и ужасная развязка. Пушкинъ все это видѣлъ, чувствовалъ, ему стало невтерпѣжъ. Онъ излилъ все свое бѣшенство, всю скорбь раздраженнаго, оскорбленнаго сердца своего въ письмѣ къ старику-Геккерену, желая, жаждая развязки».

По счастью, кн. Вяземскій оставилъ и болѣе подробный рассказъ о причинахъ дуэли Пушкина съ Дантесомъ. Рассказъ этотъ находится въ письмѣ его къ великому князю Михаилу Павловичу. Исслѣдователямъ извѣстно это письмо, но далеко не въ подлинномъ и полномъ видѣ. Въ 1879 году издатель «Русскаго Архива» напечаталъ отрывокъ изъ этого письма по черновику, оставшемуся въ бумагахъ князя Вяземскаго¹⁾. Къ сожалѣнію, изданный П. И. Бартеневымъ отрывокъ заключаетъ какъ разъ наименѣе интересную часть письма князя П. А. Вяземскаго. Впрочемъ эта часть, какъ увидимъ ниже, даетъ ключъ ко всему письму. Оригиналъ письма— на французскомъ языкѣ. Мы приводимъ русскій переводъ съ вполне исправнаго французскаго списка. Письмо написано княземъ Вяземскимъ 14-го февраля 1837 года и отправлено при оказіи съ генераломъ Философовымъ за границу, гдѣ въ то время находился великій князь. Михаилъ Павловичъ получилъ письмо лишь 14-го марта въ Римѣ и отвѣчалъ на него 29-го мая (10-го юня) 1837 года.

Письмо князя Вяземскаго распадается на двѣ части. Въ первой авторъ рассказываетъ исторію дуэли и обстоятельства смерти Пушкина. Относительно обстоятельствъ кончины письмо не даетъ ничего новаго сравнительно, напримѣръ, съ описаніемъ, сдѣланнымъ княземъ Вяземскимъ для Булгакова, но исторія дуэли передана съ подробностями, для насъ неизвѣстными. Кажется, что въ письмѣ къ великому князю князь Вяземскій чувствовалъ себя болѣе свободнымъ отъ исполненія тѣхъ обязанностей душеприказчика, о которыхъ онъ писалъ А. Я. Булгакову. Помимо новыхъ деталей, письмо князя Вяземскаго особенно цѣнно, какъ продуманное и цѣльное изложеніе исторіи дуэли, какъ она представлялась друзьямъ Пушкина. Остановимся на первой части.

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1879, 8, стр. 556 и слѣд.

1.

Князь П. А. Вяземскій писалъ великому князю Михаилу Павловичу.

«Ваше высочество!

«По всей вѣроятности, ваше императорское высочество, интересуетесь нѣкоторыми подробностями прискорбнаго событія, которое такимъ трагическимъ образомъ похитило отъ насъ Пушкина. Вы удостаивали его своей благосклонностью, его доброе имя и его слава принадлежать родинѣ и, такъ сказать, царствованію государя императора. При своемъ вступленіи на престолъ, онъ самъ призвалъ поэта изъ изгнанія, любя своей благородной и русской душой его талантъ, и принялъ въ его гениі истинно-отеческое участіе, которое не измѣнилось (въ немъ) ни въ продолженіе жизни его, ни у его смертнаго одра, ни по ту сторону его могилы, такъ какъ онъ не забылъ своими щедротами ни его вдовы, ни дѣтей. Эти соображенія, а также тайна, которая окружаетъ послѣднія событія въ его жизни и тѣмъ даетъ обширную пищу людскому невѣжеству и злобѣ для всевозможныхъ догадокъ и ложныхъ истолкованій, обязываютъ друзей Пушкина разоблачить все, что только имъ извѣстно по этому поводу, и показать такимъ образомъ его личность въ ея настоящемъ свѣтѣ. Вотъ съ какою цѣлью я осмѣливаюсь обратиться къ вашему высочеству съ этими строками. Соболаговолите удѣлить имъ нѣсколько минутъ своего досуга. Я буду говорить одну только правду.

«Вашему императорскому высочеству безызвѣстно, что молодой Геккеренъ ухаживалъ за г-жей Пушкиной. Это неумѣренное и довольно открытое ухаживаніе порождало сплетни въ гостиныхъ и мучительно озабочивало мужа. Несмотря на это, онъ, будучи увѣренъ въ привязанности къ себѣ своей жены и въ чистотѣ ея помысловъ, не воспользовался своею супружескою властью, чтобы во-время предупредить послѣдствія этого ухаживанія, которое и привело, на самомъ дѣлѣ, къ неслыханной катастрофѣ, разразившейся на нашихъ глазахъ. 4-го ноября прошлаго года моя жена вошла ко мнѣ въ кабинетъ съ запечатанной запискою, адресованной Пушкину, которую она только что получила въ двойномъ конвертѣ по городской почтѣ. Она заподозрѣла въ ту же минуту, что здѣсь крылось что нибудь оскорбительное для Пушкина. Раздѣляя ея подозрѣнія и воспользовавшись правомъ дружбы, которая связывала меня съ нимъ, я рѣшился распечатать конвертъ и нашелъ въ немъ прилагаемый документъ ¹⁾. Первымъ моимъ дви-

¹⁾ Рѣчь идетъ объ извѣстномъ дипломѣ.

женіемъ было бросить бумагу въ огонь, и мы съ женой дали другъ другу слово сохранить все это въ тайнѣ. Вскорѣ мы узнали, что тайна эта далеко не была тайной для многихъ лицъ, получившихъ подобныя письма, и даже Пушкинъ не только самъ получилъ такое же, но и два другихъ подобныхъ, переданныхъ ему его друзьями, не знавшими ихъ содержанія и поставленными въ такое же положеніе, какъ и мы. Эти письма привели къ объясненіямъ супруговъ Пушкиныхъ между собой и заставили невинную, въ сущности, жену признаться въ легкомысліи и вѣтрености, которыя побуждали ее относиться свисходительно къ навязчивымъ ухаживаніямъ молодого Геккерена; она раскрыла мужу все поведеніе молодого и стараго Геккереновъ по отношенію къ ней; послѣдній старался склонить ее измѣнить своему долгу и толкнуть ее въ пропасть. Пушкинъ былъ тронутъ ея довѣріемъ, раскаяніемъ и встревоженъ опасностью, которая ей угрожала, но, обладая горячимъ и страстнымъ характеромъ, не могъ отнестись хладнокровно къ положенію, въ которое онъ съ женой былъ поставленъ; мучимый ревностью, оскорбленный въ самыхъ нѣжныхъ, сокровенныхъ своихъ чувствахъ, въ любви къ своей женѣ, видя, что честь его задѣта чьей-то неизвѣстной рукой, онъ послалъ вызовъ молодому Геккерену, какъ единственному виновнику, въ его глазахъ, въ двойной обидѣ, нанесенной ему въ самое сердце. Необходимо при этомъ замѣтить, что какъ только были получены эти анонимныя письма, онъ заподозрѣлъ въ ихъ сочиненіи стараго Геккерена и умеръ съ этою увѣренностью. Мы такъ никогда и не узнали, на чемъ было основано это предположеніе, и до самой смерти Пушкина считали его недопустимымъ. Только неожиданный случай далъ ему впоследствии нѣкоторую долю вѣроятности. Но такъ какъ на этотъ счетъ не существуетъ никакихъ юридическихъ доказательствъ, ни даже положительныхъ основаній, то это предположеніе надо отдать на судъ Божій, а не людской. Вызовъ Пушкина не попалъ по своему назначенію. Въ дѣло вмѣшался старый Геккеренъ. Онъ его принялъ, но отложилъ окончательное рѣшеніе на 24 часа, чтобы дать Пушкину возможность обсудить все болѣе спокойно. Найдя Пушкина, по истеченіи этого времени, непоколебимымъ, онъ разсказалъ ему о своемъ критическомъ положеніи и затрудненіяхъ, въ которыя его поставило это дѣло, каковъ бы ни былъ его исходъ; онъ ему говорилъ о своихъ отеческихъ чувствахъ къ молодому человѣку, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь, съ цѣлью обезпечить ему благосостояніе. Онъ прибавилъ, что видитъ все зданіе своихъ надеждъ разрушеннымъ до основанія въ ту самую минуту, когда считалъ свой трудъ доведеннымъ до конца. Чтобы приготовиться ко всему, могущему случиться, онъ попросилъ новой отсрочки на недѣлю. Принимая вызовъ отъ лица молодого человѣка, т.-е. своего сына, какъ онъ его называлъ, онъ тѣмъ

не менѣе увѣрялъ, что тотъ совершенно не подозрѣваетъ о вызовѣ, о которомъ ему скажутъ только въ послѣднюю минуту. Пушкинъ, тронутый волненіемъ и слезами отца, сказалъ: «Если такъ, то не только недѣлю—я вамъ даю двѣ недѣли сроку и обязуюсь честнымъ словомъ не давать никакого движенія этому дѣлу до назначеннаго дня и при встрѣчахъ съ вашимъ сыномъ вести себя такъ, какъ если бы между нами ничего не произошло». Итакъ, все должно было оставаться безъ перемѣны до рѣшающаго дня. Начиная съ этого момента, Геккеренъ пустилъ въ ходъ всѣ военные приемы и дипломатическія хитрости. Онъ бросился къ Жуковскому и Михаилу Вельгорскому, чтобы уговорить ихъ стать посредниками между нимъ и Пушкинымъ. Ихъ миролюбивое посредничество не имѣло никакого успѣха. Черезъ нѣсколько дней Геккеренъ-отецъ распустилъ слухъ о предстоящемъ бракѣ молодого Геккерена съ Екатериной Гончаровой. Онъ увѣрялъ Жуковского, что Пушкинъ ошибается, что сынъ его влюбленъ не въ жену его, а въ свояченицу, что уже давно онъ умоляетъ ея отца согласиться на ихъ бракъ, но что тотъ, находя бракъ этотъ неподходящимъ, не соглашался, но теперь, видя, что дальнѣйшее упорство съ его стороны привело къ заблужденію, грозящему печальными послѣдствіями, онъ наконецъ далъ свое согласіе. Отецъ требовалъ, чтобы объ этомъ во всякомъ случаѣ ни слова не говорили Пушкину, чтобы онъ не подумалъ, будто эта свадьба была только предлогомъ для избѣжанія дуэли. Зная характеръ Геккерена-отца, скорѣе всего можно предположить, что онъ говорилъ все это въ надеждѣ на чью либо нескромность, чтобы обмануть довѣрчиваго и чистосердечнаго Пушкина¹⁾. Какъ бы то ни было, тайна была соблюдена, срокъ близился къ окончанію, а Пушкинъ не дѣлалъ никакихъ

1) Это сообщеніе Вяземскаго пополняетъ наши свѣдѣнія о томъ, что происходило въ теченіе двухнедѣльнаго промежутка со времени перваго вызова. При сопоставленіи этихъ данныхъ съ разсказомъ Данзаса (въ брошюрѣ: *Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина*. Изд. Я. А. Исакова. Спб. 1863, стр. 10-11) обнаруживается ихъ сходство въ главнѣйшемъ и различіе—не въ пользу Данзаса—въ мелочахъ. «Вызовъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ Жуковскому, кн. Вяземскому и барону Геккерену, отцу. Всѣ они старались потушить исторію и разстроить дуэль. Геккеренъ, между прочимъ, объявилъ Жуковскому, что если особенное вниманіе его сына къ г-жѣ Пушкиной и было принято нѣкоторыми за ухаживаніе, то все-таки тутъ не можетъ быть мѣста никакому подозрѣнію, никакого повода къ скандалу, потому что баронъ Дантесъ дѣлалъ это съ благородною цѣлію, имѣя намѣреніе просить руки сестры г-жи Пушкиной, К. Н. Гончаровой.

«Отправясь съ этимъ извѣстіемъ къ Пушкину, Жуковскій зовѣтовалъ барону Геккерену, чтобы сынъ его сдѣлалъ какъ можно скорѣе предложеніе свояченицѣ Пушкина, если онъ хочетъ прекратить всѣ враждебныя отношенія и неосновательныя слухи.

«Вслѣдствіе ли совѣта Жуковскаго, или вслѣдствіе прежде предположеннаго имъ намѣренія, но Дантесъ на другой или даже въ тотъ же день сдѣлалъ предложеніе».

уступокъ, и бракъ былъ рѣшенъ между отцомъ и теткой, г-жей Загряжской ¹⁾). Было бы слишкомъ долго излагать вашему императорскому высочеству всѣ лукавые происки молодого Геккерена во время этихъ переговоровъ. Приведу только одинъ примѣръ. Геккерены, старый и молодой, возымѣли дерзкое и подлое намѣреніе попросить г-жу Пушкину написать молодому человѣку письмо, въ которомъ она умоляла бы его не драться съ ея мужемъ. Разумѣется, она отвергла съ негодованіемъ это низкое предложеніе. Когда Пушкинъ узналъ о свадьбѣ, уже рѣшенной, онъ, конечно, долженъ былъ счесть ее достаточнымъ для своей чести удовлетвореніемъ, такъ какъ всему свѣту было ясно, что это бракъ по разсудку, а не по любви. Чувства, или такъ называемыя «чувства» молодого Геккерена получили гласность такого рода, которая дѣлала этотъ бракъ довольно двусмысленнымъ. Вслѣдствіе этого Пушкинъ взялъ свой вызовъ обратно, но объявилъ самымъ положительнымъ образомъ, что между его семьей и семействомъ свояченицы онъ не потерпитъ не только родственныхъ отношеній, но даже простого знакомства, и что ни ихъ нога не будетъ у него въ домѣ, ни его—у нихъ. Тѣмъ, кто обращался къ нему съ поздравленіями по поводу этой свадьбы, онъ отвѣчалъ во всеуслышаніе: «*Tu l'as voulu, Georges Dandin*». Говоря по правдѣ, надо сказать, что мы всѣ, такъ близко слѣдившіе за развитіемъ этого дѣла, никогда не предполагали, чтобы молодой Геккеренъ рѣшился на этотъ отчаянный поступокъ, лишь бы избавиться отъ поединка. Онъ самъ былъ, вѣроятно, опутанъ темными интригами своего отца. Онъ приносилъ себя ему въ жертву. Я его, по крайней мѣрѣ, такъ понималъ. Но часть общества захотѣла усмотрѣть въ этой свадьбѣ подвигъ высокаго самоотверженія ради спасенія чести г-жи Пушкиной. Но, конечно, это только плодъ досужей фантазіи. Ничто ни въ прошломъ молодого человѣка, ни въ его поведеніи относительно нея не допускаетъ мысли ни о чемъ либо подобномъ. Послѣдствія это хорошо доказали, какъ ваше высочество ниже увидите. Во всякомъ случаѣ, это оскорбительное и неосновательное предположеніе дошло до свѣдѣнія Пушкина и внесло новую тревогу въ его душу. Онъ увидалъ, что этотъ бракъ не избавлялъ его окончательно отъ ложнаго положенія, въ которомъ онъ очутился. Молодой Геккеренъ продолжалъ стоять, въ глазахъ общества, между нимъ и его женой и бросалъ на обоихъ тѣнь, невыносимую для щепетильности Пушкина. Это былъ призракъ, не существовавшій въ дѣйствительности, такъ какъ Пушкинъ былъ увѣренъ въ своей женѣ, но, тѣмъ не менѣе, этотъ призракъ его

¹⁾ Это свѣдѣніе разрѣшаетъ недоумѣніе изслѣдователей о томъ, черезъ кого сдѣлано предложеніе Геккерены. Екатерина Ивановна Загряжская—родная сестра Натальи Ивановны, матери жены Пушкина.

преслѣдовалъ. Развѣ могъ страстный и воспріимчивый поэтъ обсудить свое положеніе и взглянуть на него, подобно мудрецу или безпристрастному зрителю? Легко такъ говорить равнодушнымъ людямъ, но надо перечувствовать его страданія, всю ту горечь, которая снѣдала бѣднаго Пушкина, чтобы позволить себѣ порицать его. Согласіе Екатерины Гончаровой и все ея поведеніе въ этомъ дѣлѣ непонятны, если только загадка эта не объясняется просто ея желаніемъ во что бы то ни стало выйти изъ разряда зрѣлыхъ дѣвъ. Пушкинъ все время думалъ, что какая нибудь случайность помѣшаетъ браку въ самомъ же началѣ. Все же онъ совершился. Это новое положеніе, эти новыя отношенія мало измѣнили сущность дѣла. Молодой Геккеренъ продолжалъ, въ присутствіи своей жены, подчеркивать свою страсть къ г-жѣ Пушкиной. Городскія сплетни возобновились, и оскорбительное вниманіе общества обратилось съ удвоенной силою на дѣйствующихъ лицъ драмы, происходящей на его глазахъ. Положеніе Пушкина сдѣлалось еще мучительнѣе; онъ сталъ озабоченнымъ, взволнованнымъ, на него тяжело было смотрѣть. Но отношенія его къ женѣ оттого не пострадали. Онъ сдѣлался еще предупредительнѣе, еще нѣжнѣе къ ней. Его чувства, въ искренности которыхъ невозможно было сомнѣваться, вѣроятно, закрыли глаза его женѣ на положеніе вещей и его послѣдствія. Она должна была бы удалиться отъ свѣта и потребовать того же отъ мужа. У нея не хватило характера, и вотъ она опять очутилась почти въ такихъ же отношеніяхъ съ молодымъ Геккереномъ, какъ и до его свадьбы; тутъ не было ничего преступнаго, но было много непослѣдовательности и безпечности. Когда друзья Пушкина, желая его успокоить, говорили ему, что не стоитъ такъ мучиться, разъ онъ увѣренъ въ невинности своей жены, и увѣренность эта раздѣляется всѣми его друзьями и всѣми порядочными людьми общества, то онъ имъ отвѣчалъ, что ему недостаточно увѣренности своей собственной, своихъ друзей и извѣстнаго кружка, что онъ принадлежитъ всей странѣ и желаетъ, чтобы имя его оставалось незапятнаннымъ вездѣ, гдѣ его знаютъ. За нѣсколько часовъ до дуэли онъ говорилъ д'Аршіаку, секунданту Геккерена, объясняя причины, которыя заставляли его драться: «Есть двоякаго рода рогоносцы; одни носятъ рога на самомъ дѣлѣ; тѣ знаютъ отлично, какъ имъ быть; положеніе другихъ, ставшихъ рагоносцами по милости публики, затруднительнѣе. Я принадлежу къ послѣднимъ». Вотъ въ какомъ настроеніи онъ былъ, когда пріѣхали его сосѣдки по имѣнію, съ которыми онъ часто видѣлся во время своего изгнанія. Должно быть, онъ спрашивалъ ихъ о томъ, что говорятъ въ провинціи объ его исторіи, и, вѣрно, вѣсти были для него неблагоприятны. По крайней мѣрѣ, со времени пріѣзда этихъ дамъ онъ сталъ еще раздраженнѣе и тревожнѣе, чѣмъ прежде. Балъ у Во-

ронцовыхъ, гдѣ, говорятъ, Геккеренъ былъ сильно занятъ г-жей Пушкиной, еще увеличилъ его раздраженіе. Жена передала ему остроуту Геккерена, на которую Пушкинъ намекалъ въ письмѣ къ Геккерену-отцу, по поводу армейскихъ остроутовъ. У обѣихъ сестеръ былъ общій мозольный операторъ, и Геккеренъ сказалъ г-жѣ Пушкиной, встрѣтивъ ее на вечерѣ: «je sais maintenant que votre cor est plus beau, que celui de ma femme»¹⁾. Вся эта болтовня, всѣ эти мелочи растравляли рану Пушкина. Его раздраженіе должно было выйти изъ границъ. 25 января онъ послалъ письмо Геккерену-отцу. Д'Аршіакъ принесъ ему отвѣтъ. Пушкинъ его не читалъ, но принялъ вызовъ, который былъ ему сдѣланъ отъ имени сына. Самъ собою напрашивается вопросъ, какія причины могли побудить Геккерена-отца прятаться за сына, когда раньше онъ оказывалъ ему столько нѣжности и отеческой заботы; заставлялъ сына рисковать за себя жизнью, между тѣмъ какъ оскорбленіе было нанесено лично ему, а онъ не такъ старъ, чтобы быть вынужденнымъ искать себѣ замѣстителя? Такъ или иначе, но день 26 и утро 27-го января прошли въ переговорахъ между д'Аршіакомъ и Пушкинымъ о секундантѣ, котораго долженъ былъ представить послѣдній. Пушкинъ отказался взять секунданта, не желая никого компрометировать, и боялся взять кого нибудь изъ соотечественниковъ, такъ какъ не хотѣлъ подвергать ихъ неприятымъ послѣдствіямъ своей дуэли. Противная партія настаивала на этомъ пунктѣ. 26-го, на балу у графини Разумовской, Пушкинъ предложилъ быть своимъ секундантомъ Магенису, совѣтнику при англійскомъ посольствѣ. Тотъ, вѣроятно, пожелалъ узнать причины дуэли; Пушкинъ отказался сообщить что либо по этому поводу. Магенисъ отстранился. Въ отчаяніи, что дѣло разстроилось, Пушкинъ вышелъ 27 утромъ, на удачу, чтобы поискать кого нибудь, кто бы согласился быть его секундантомъ. Онъ встрѣтилъ на улицѣ Данзаса, своего прежняго школьнаго товарища, а впоследствии друга. Онъ посадилъ его къ себѣ въ сани, сказавъ, что везетъ его къ д'Аршіаку, чтобы взять его въ свидѣтели своего объясненія съ нимъ. Два часа спустя, противники находились уже на мѣстѣ поединка. Условія дуэли были выработаны. Пушкинъ казался спокойнымъ и удовлетвореннымъ. Вѣдникъ жаждалъ въ ту минуту избавленія отъ нравственныхъ страданій, которыя испытывалъ. Противники приблизились къ барьеру, цѣля другъ въ друга. Геккеренъ выстрѣлилъ первый. Пушкинъ былъ раненъ. Онъ упалъ на шинель, служившую барьеромъ, и не двигался, лежа внизъ лицомъ. Секунданты и Геккеренъ подошли къ нему; онъ припод-

¹⁾ Непереводаемая игра словъ, основанная на созвучіи словъ: «cor»—мозоль и «corps»—тѣло. Буквально: «я теперь знаю, что у васъ мозоль красивѣе, чѣмъ у моей жены».

нялся и сказалъ: «подождите, у меня хватитъ силы на выстрѣлъ». Геккеренъ сталъ опять на мѣсто. Пушкинъ, опираясь лѣвой рукой о землю, правой увѣренно прицѣлился, выстрѣлъ раздался. Геккеренъ въ свою очередь былъ раненъ. Пушкинъ послѣ выстрѣла подбросилъ свой пистолетъ и воскликнулъ: «браво!» Его рана была слишкомъ серьезна, чтобы продолжать поединокъ; онъ вновь упалъ и на нѣсколько минутъ потерялъ сознание, но оно скоро къ нему вернулось и больше ужъ его не покидало. Придя въ себя, онъ спросилъ д'Аршиака: «убилъ я его?»—«Нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ:—вы его ранили».—«Странно,—сказалъ Пушкинъ:—я думалъ, что мнѣ доставить удовольствіе его убить, но я чувствую теперь, что нѣтъ. Впрочемъ, все равно. Какъ только мы поправимся, снова начнемъ».

«Когда его привезли домой, докторъ Арендтъ и другіе послѣ перваго осмотра раны нашли ее смертельной и объявили объ этомъ Пушкину, который потребовалъ, чтобы ему сказали правду относительно его состоянія. До 7-го часа вечера я не зналъ рѣшительно ничего о томъ, что произошло. Какъ только мнѣ дали знать о случившемся, я отправился къ нему и почти не оставлялъ его квартиры до самой его смерти, которая наступила на третій день, 29-го января, около 3-хъ часовъ пополудни. Это были душу раздирающіе два дня; Пушкинъ страдалъ ужасно, онъ переносилъ страданія мужественно, спокойно и самоотверженно и высказывалъ только одно безпокойство, какъ бы не испугать жены. «Бѣдная жена, бѣдная жена!»—восклицалъ онъ, когда мученія заставляли его невольно кричать. Идя къ государю, Арендтъ спросилъ Пушкина, не хочетъ ли онъ передать ему что нибудь. «Скажите государю, что умираю и что прошу прощенія у него за себя и за Данзаса». Я попросилъ у Булгакова копии письма, которое я ему написалъ послѣ смерти Пушкина, и въ которомъ я сообщалъ ему подробности о его послѣднихъ минутахъ. Я надѣюсь, что получу ее во время и успѣю вложить въ это письмо. Смерть обнаружила въ характерѣ Пушкина все, что было въ немъ добраго и прекраснаго. Она надлежащимъ образомъ освѣтила всю его жизнь. Все, что было въ ней безпорядочнаго, бурнаго, болѣзненнаго, особенно въ первые годы его молодости, было данью челоѣческой слабости обстоятельствамъ, людямъ, обществу. Пушкинъ былъ не понятъ при жизни не только равнодушными къ нему людьми, но и его друзьями. Признаюсь и прошу въ томъ прощенія у его памяти, я не считалъ его до такой степени способнымъ ко всему. Сколько было въ этой изстрадавшейся душѣ великодушія, силы, глубокаго, скрытаго самоотверженія! Его чувства къ женѣ отличались нѣжностью поистинѣ самаго возвышеннаго характера. Нѣсколько словъ, произнесенныхъ имъ на своемъ смертномъ одрѣ, доказали, насколько онъ былъ привязанъ, преданъ и благодаренъ государю. Ни одного горькаго

слова, ни одной рѣзкой жалобы, никакого ѣдкаго напоминанія о случившемся не произнесъ онъ, ничего, кромѣ словъ мира и прощенія своему врагу. Вся желчь, которая накоплялась въ немъ цѣлыми мѣсяцами мученій, казалось, исходила изъ него вмѣстѣ съ его кровью, онъ сталъ другимъ человѣкомъ. Свидѣтельства доктора Арендта и другихъ, которые его лѣчили, подтверждаютъ мое мнѣніе. Арендтъ не отходилъ отъ него и стоялъ со слезами на глазахъ, а онъ привыкъ къ агоніямъ во всѣхъ видахъ».

Въ письмѣ кн. Вяземскаго подчеркнутъ одинъ пунктъ—отношенія Натальи Николаевны Пушкиной къ Дантесу. Мы видѣли, что въ письмѣ къ Булгакову онъ совсѣмъ не распространяется о роли жены Пушкина; а въ письмѣ къ великому князю онъ говорить о «ея легкомысліи и вѣтренности», пишетъ о томъ, что «она должна была бы удалиться отъ свѣта, но у нея не хватило характера, и она опять очутилась почти въ такихъ же отношеніяхъ съ молодымъ Геккереномъ, какъ и до свадьбы: тутъ не было ничего преступнаго, но было много непослѣдовательности и безпечности». Тутъ, въ отношеніяхъ кн. Вяземскаго къ женѣ поэта тонъ—довольно рѣзкій, такой, какого нельзя было бы подозрѣвать по приведеннымъ выше отрывкамъ изъ писемъ Булгакова, касающимся Н. Н. Пушкиной.

Въ письмѣ кн. Вяземскаго обращаетъ вниманіе слѣдующее мѣсто: «пріѣхали его сосѣдки по имѣнію, съ которыми онъ часто видѣлся во время своего изгнанія. Должно быть, онъ спрашивалъ ихъ о томъ, что говорятъ въ провинціи объ его исторіи, и, вѣрно, вѣсти были для него не благопріятны. По крайней мѣрѣ, со времени пріѣзда этихъ дамъ онъ сталъ еще раздраженнѣе и тревожнѣе, чѣмъ прежде». Этотъ отрывокъ находитъ объясненіе въ письмѣ А. И. Тургенева къ Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой. Известно, что Тургеневъ, сопровождая тѣло Пушкина, былъ въ Тригорскомъ. Пріѣхалъ онъ сюда 5-го февраля и 8-го февраля былъ уже въ Петербургѣ. Въ Тригорскомъ онъ видѣлся съ П. А. Осиповой¹⁾, а 24-го февраля (разбираемое нами письмо кн. Вяземскаго написано 14-го февраля) А. И. писалъ П. А. Осиповой: «Посылаю вамъ письмо кн. Вяземскаго къ Булгакову, который, не получивъ полнаго, прежняго письма моего, жаловался ему на неполноту моего отчета о послѣднихъ минутахъ поэта. Какъ бы многое хотѣлось мнѣ передать вамъ отсюда, но, вопреки пословицѣ, бумага не все терпитъ. Умоляю васъ, однако же, написать ко мнѣ все, что вы умолчали, и о чемъ только намекнули въ письмѣ вашемъ: это важно для исторіи послѣднихъ дней Пушкина. Онъ говорилъ съ вашей милой дочерью (Анной Николаевной Вульфъ)

¹⁾ Свѣдѣнія о посѣщеніи Тургеневымъ Тригорскаго см. въ книгѣ «Пушкинъ и его современники». Вып. I.

почти наканунѣ дуэли: передайте мнѣ вѣрно и обстоятельно слова его; ихъ можно сообразить съ тѣми, что онъ говорилъ другимъ, — и правда объяснится. Если вы потребуете тайны, то обещаю вамъ ее; но для чего таить то, на чемъ уже лежитъ печать смерти?»¹⁾

Отвѣтное письмо П. А. Осиповой неизвѣстно.

Необходимо отмѣтить, что Осипова относилась недружелюбно къ женѣ Пушкина. 31-го мая 1837 года Тургеневъ писалъ Вяземскому: «Не пошлепъ ли ты Осиповой выписки изъ своего письма къ Давидову всего, что ты говоришь о вдовѣ Пушкина. Она собирается къ Осиповой, и та хочетъ принять ее, но въ ней гнѣздится враждебное къ ней чувство за Пушкина. Не худо вразумить прежде, нежели Пушкина прійдетъ къ ней».

Совокупность этихъ данныхъ можетъ подсказать отвѣтъ на вопросъ, что выяснилъ Пушкинъ изъ разговора съ своими пріятельницами изъ Тригорскаго, но для полного разъясненія этого мѣста нужно ждать документальныхъ данныхъ.

2.

Возвращаемся къ письму князя Вяземскаго.

«Эти событія и смерть Пушкина произвели во всемъ обществѣ сильное впечатлѣніе. Не счесть всѣхъ, кто приходилъ съ разныхъ сторонъ справляться о его здоровьѣ во время его болѣзни. Пока тѣло его выставлено было въ домѣ, наплывъ народа былъ еще больше, толпа не рѣдѣла въ скромной и маленькой квартиркѣ поэта. Изъ-за неудобства помѣщенія должны были поставить гробъ въ передней, слѣдовательно заколотить входную дверь. Вся эта толпа притекала и уходила черезъ маленькую потайную дверь и узкій, отдаленный коридоръ²⁾. Участіе, съ которымъ всѣ отнеслись къ этой столь неожиданной и трагической смерти, глубоко тронуло все общество; горе смягчалось тѣмъ, что государь усладилъ послѣднія минуты жизни Пушкина и осыпалъ благодѣяніями его семью. Не одинъ разъ слышалъ я среди посѣтителей подобныя слова: «Жаль Пушкина, но спасибо государю, что онъ утѣшилъ его». Однажды, ѣдучи

¹⁾ Тамъ же, стр. 59.

²⁾ «Всѣ эти дни,—читаемъ въ письмѣ А. П. Языкова къ А. А. Катенину— карета за каретой къ нему подъѣзжали узнать о здоровьѣ. Считаютъ до 4.000 народу ежедневно». См. Описаніе Пушкинскаго музея. Сост. С. М. Аснатъ и А. П. Яхонтовъ, стр. 453. «Въ теченіе трехъ дней,—пишетъ кн. Е. Н. Мещерская (урожденная Карамзина),—множество людей всѣхъ возрастовъ и всякаго званія безпрерывно тѣснились пестрою толпой вокругъ его гроба. Женщины, старики, дѣти, ученики, простолюдины въ тулупахъ, а иные даже въ лохмотьяхъ, приходили поклониться праху поэта». См. Я. К. Гротъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». 2-е изд., Спб., 1899, стр. 262.

въ саянхъ, я спросилъ своего кучера: «Жаль ли тебѣ Пушкина?» — «Какъ же не жаль? Всѣ жалбуютъ, онъ былъ умная голова! Такихъ и государь любитъ». Было что-то умилительное въ этой народной скорби и благодарности, которыя такъ непосредственно отозвались и въ царѣ, и въ народѣ; это, какъ я уже сказалъ, было самое сильное, самое краснорѣчивое опроверженіе знаменитаго письма Чаадаева. Да, у насъ есть народное чувство, это чувство безвредное, чисто-монархическое. И въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, императоръ далъ толчокъ, положилъ начало. Такъ это и поняли всѣ сердечные и благонамѣренные люди. Къ несчастію, печальныя исключенія встрѣтились и здѣсь, какъ и во всякомъ дѣлѣ встрѣчаются. Нѣкоторые изъ коноводовъ нашего общества, въ которыхъ ничего нѣтъ русскаго, которые и не читали Пушкина, кромѣ произведеній, подобранныхъ недоброжелателями и тайной полиціей, не приняли никакого участія во всеобщей скорби. Хуже того—они оскорбляли и чернили его. Клевета продолжала терзать память Пушкина, какъ терзала при жизни его душу. Жалѣли о судьбѣ интереснаго Геккерена, а для Пушкина не находили ничего, кромѣ хулы. Нѣсколько гостиныхъ сдѣлали изъ него предметъ своихъ партійныхъ интересовъ и споровъ. Я не изъ тѣхъ патріотовъ, которые содрогаются при имени иностранца, я удовлетворяюсь патріотизмомъ въ духѣ Петра Великаго, который былъ патріотомъ съ ногъ до головы, но признавалъ, несмотря на это, что есть у иностранцевъ преимущества, которыми можно позаимствоваться. Но въ настоящемъ случаѣ какъ можно даже сравнивать этихъ двухъ людей? Одинъ былъ самой свѣтлой, литературной славой нашего времени, другой — человекъ безъ традицій, безъ настоящаго и безъ будущаго для страны. Одинъ погибъ, какъ сугубая жертва врага, который его убилъ физически, убивъ его предварительно нравственно; другой — живъ и здоровъ и рано или поздно, покинувъ Россію, забудетъ причиненное имъ зло. Впрочемъ, всѣ эти слухи и споры происходятъ совсѣмъ отъ другихъ причинъ, вникать въ которыя мнѣ не годится, но фактъ тотъ, что въ ту минуту, когда всего менѣе этого ожидали, увидѣли, что выраженія горя къ столь несчастной кончинѣ, потерѣ друга, поклоненія таланту были истолкованы, какъ политическое и враждебное правительству движеніе. Позвольте мнѣ, ваше высочество, коснуться нѣкоторыхъ подробностей относительно этого предмета.

«Послѣ смерти Пушкина нашли только 300 рублей денегъ во всемъ домѣ. Старый графъ Строгановъ, родственникъ г-жи Пушкиной, поспѣшилъ объявить, что онъ беретъ на себя издержки по похоронамъ. Онъ призвалъ своего управляющаго и поручилъ ему все устроить и расплатиться. Онъ хотѣлъ, чтобы похороны были насколько возможно торжественнѣе, такъ какъ онъ устраивалъ ихъ на свой счетъ. Изъ друзей Пушкина были Жуковскій, Михаилъ

Вьельгорскій и я. Было ли мѣсто въ нашей душѣ чему нибудь, кромѣ горя, поразившаго насъ? Могли ли мы вмѣшиваться въ распоряженія графа Строганова ¹⁾? Итакъ, распоряженія были отданы, приглашенія по городской почтѣ разосланы. Графъ Строгановъ получаетъ приказаніе измѣнить отданныя распоряженія. Отпѣваніе предполагалось въ Исаакіевской церкви противъ дома, гдѣ умеръ Пушкинъ, выносъ тѣла, по обыкновенію, утромъ, въ день погребенія. Приказали перенести тѣло ночью безъ факеловъ и поставить въ Конюшенной церкви. Объявили, что мѣра эта была принята въ видахъ обезпеченія общественной безопасности, такъ какъ толпа, будто бы, намѣревалась разбить оконныя стекла въ домахъ вдовы и Геккерена. Друзей покойнаго впередъ уже заподозрѣли самымъ оскорбительнымъ образомъ; осмѣлились, со всей подлостью, на которую были способны, приписать имъ намѣреніе учинить скандалъ, навязали имъ чувства, враждебныя властямъ, утверждая, что не друга, не поэта оплакивали они, а поли-

¹⁾ Въ черновикѣ кн. Вяземскій гораздо пространнѣе выясняетъ свою непричастность къ распоряженіямъ графа Строганова относительно похоронной церемоніи. Желаніе Строганова устроить ее возможно великолѣпнѣе было принято графомъ Бенкендорфомъ за попытку демонстраціи, приписанную друзьямъ Пушкина и прежде всего князю Вяземскому. Князь Вяземскій оправдывается въ черновикѣ слѣдующимъ образомъ: «Итакъ изложу, что относится до меня лично во всемъ этомъ дѣлѣ. Я не присутствовалъ при самыхъ послѣднихъ минутахъ Пушкина: по обязанностямъ службы мнѣ необходимо было съѣздить въ мой департаментъ. Когда я возвратился, Пушкина уже не было. Тутъ я узналъ, что въ домѣ нашлось только 300 рублей, что графъ Строгановъ въ качествѣ родственника г-жи Пушкиной принялъ на себя похоронныя издержки, немедленно велѣлъ позвать къ себѣ своего повѣреннаго и отдалъ ему всѣ нужныя приказанія, какъ поступать. Съ графомъ Строгановымъ я нахожусь не въ такихъ отношеніяхъ, чтобы позволить себѣ, если бы я того и желалъ, малѣйшее вмѣшательство въ эти распоряженія. Съ какого права сталъ бы я вмѣшиваться, да и что было сказать мнѣ? Если въ намѣреніи графа было придать погребенію нѣкоторую пышность, то очень естественно, что, принявъ на себя издержки, онъ хотѣлъ быть щедрымъ, даже расточительнымъ. Во всякомъ случаѣ и какъ бы то ни было, я положительно не принималъ тутъ никакого участія и не знаю, имѣлъ ли кто нибудь малѣйшее, прямое или косвенное, вліяніе на распоряженія графа Строганова. Онъ давалъ деньги, и кто изъ людей сколько нибудь благоразумныхъ захотѣлъ бы опредѣлять и назначать, куда должны пойти эти деньги? Надобно замѣтить, что выборъ Исаакіевскаго собора мѣстомъ для отпѣванія подалъ поводъ къ совершенно неосновательному истолкованію, которое могло идти отъ людей, особенно предубѣжденныхъ и забывшихъ, что къ петербургскимъ соборамъ приписаны приходы, какъ и къ церквамъ обыкновеннымъ. Домъ, гдѣ жилъ Пушкинъ, принадлежалъ къ Исаакіевскому приходу, и выбирать тутъ было нечего. То же самое было бы сдѣлано и съ послѣднимъ нищимъ, обитателемъ этого квартала. Когда приглашенный графомъ Строгановымъ митрополитъ отказался прибыть къ отпѣванію, и графъ Строгановъ выражалъ мнѣ по этому случаю свое неудовольствіе и находилъ отказъ незаконнымъ, я подалъ ему мысль обратиться къ графу Протасову, который, будучи прокуроромъ святѣйшаго синода, могъ разъяснить поводы этого отказа и предложить свое посредничество для устраненія, буде возможно, препятствій. Вотъ единственное мнѣніе, единственное слово, шедшее отъ меня касательно этого дѣла».

тического дѣятеля. Въ день, предшествовавшій ночи, въ которую назначенъ былъ выносъ тѣла, въ домѣ, гдѣ собралось человѣкъ десять друзей и близкихъ Пушкина, чтобы отдать ему послѣдній долгъ, въ маленькой гостиной, гдѣ мы все находились, очутился цѣлый корпусъ жандармовъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что у гроба собрались въ большомъ количествѣ не друзья, а жандармы. Противъ кого была выставлена эта сила, весь этотъ военный парадъ? Я не касаюсь пикетовъ, разставленныхъ около дома и въ сосѣднихъ улицахъ; тутъ могли выставить предлогомъ, что боялись толпы и безпорядка. Но чего могли опасаться съ нашей стороны? Какія намѣренія, какія заднія мысли могли предполагать въ насъ, если не считали насъ безумцами или негодяями? Не было той нелѣпости, которая не была бы намъ приписана ¹⁾. Разумѣется, и меня не пощадили; я

¹⁾ Въ черновомъ наброскѣ разсужденія о ложности полицейскихъ донесеній и о нелѣпости полицейскихъ мѣръ предупрежденія изложены въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ, и много рѣзче, чѣмъ въ окончательномъ текстѣ. «Возникли ребяческія и неблагородныя обвиненія, имѣвшія цѣлью исказить и оговорить изъясленіе столь возвышенныхъ чувствованій. Въ зложелательствѣ, въ арсеналѣ постороннихъ страстей захотѣли добыть орудіе, чтобы очернить эти чувствованія. Прикинулись, будто вѣрятъ слуху о томъ, что нѣкоторые друзья Пушкина намѣревались воспользоваться его кончиною для произведенія не знаю какого-то заговорческаго дѣйствія и по своей склонности къ смутѣ хотѣли устроить что-то въ родѣ похоронъ генерала Ламарка! Что за ослѣпленіе! Что за лживое примѣненіе къ нашей странѣ событій, нравовъ и обстоятельствъ другой страны! Мало было оклеветать нѣсколько человѣкъ: клевета не смутилась и передъ мыслью, что иностранцы, живущіе въ Петербургѣ, а черезъ нихъ и вся Европа, получатъ ложное понятіе о нашемъ общественномъ состояніи. Возможность уличныхъ безпорядковъ и враждебныхъ власти заявленій изобрѣтена на досугѣ, между тѣмъ какъ все было спокойно, любовь къ государю ощущалась всѣми сердцами, и все благословляло его имя. Что бы ни говорили, но если полицейскія донесенія противорѣчатъ моимъ словамъ, то я утверждаю, будучи въ томъ нравственно убѣжденъ, что эти показанія были не вѣрны, что они во всякомъ случаѣ могли относиться лишь къ какимъ нибудь отдѣльнымъ словамъ, сказаннымъ на вѣтеръ, не знаю гдѣ и кѣмъ, и не имѣвшимъ никакого значенія. Во всякомъ случаѣ было не благородно соединять имена друзей Пушкина съ подобною гнусностью, каковая могла быть приписана развѣ самой подлой черни, и въ этомъ отношеніи нанесла имъ напрасное оскорбленіе тѣми мѣрами, которые были приняты во время перенесенія тѣла изъ дома въ церковь. Онѣ не оправдываются и необходимою предосторожностію въ видахъ поддержанія угрожаемаго якобы общественнаго порядка. Не говорю о солдатскихъ пикетахъ, разставленныхъ по улицѣ; но противъ кого была эта военная сила, наполнившая собою домъ покойника въ тѣ минуты, когда человѣкъ двѣнадцать друзей его и ближайшихъ знакомыхъ собрался туда, чтобы воздать ему послѣдній долгъ? Противъ кого эти передѣлты, но всѣми узнаваемые шпіоны? Они были тамъ, чтобы не упустить насъ изъ виду, подслушивать наши сѣтованія, наши слова, быть свидѣтелями нашихъ слезъ, нашего молчанія. Скажутъ, что это также мѣры общественной безопасности; согласенъ, но мѣры эти оскорбительны для тѣхъ, противъ кого онѣ принимаются, а коль скоро оскорбленіе не заслуженно, не вдвойнѣ ли оно тяжело? Все узнается. Подозрѣнія, на насъ взведенныя, непременно разглядятся, а наше оправданіе не можетъ быть гласнымъ, и въ глазахъ легковѣрнаго и зложелательнаго общества мы остаемся подъ бременемъ тяжкаго обвиненія».

даже думаю, что мнѣ оказали честь, отвѣдя мнѣ первое мѣсто. Я долженъ все это высказать вашему высочеству, такъ какъ сердечно этимъ огорченъ и дорожу вашимъ уваженіемъ. Клянусь передъ Богомъ и передъ вами, что все, чему повѣрили, или хотѣли заставить повѣрить о насъ,—была ложь, самая отвратительная ложь. Единственное чувство, которое волновало меня и другихъ друзей Пушкина въ это тяжелое время, была скорбь о нашей уtratѣ и благодарность государю за все, что было великодушнаго, истинно-христіанскаго, непосредственнаго въ его поступкѣ, во всемъ, что сдѣлалъ онъ для умирающаго и мертваго Пушкина. Боже великій! Какъ могла какая нибудь супротивная мысль закрасться туда, гдѣ было одно умиленіе, одна благоговѣйная преданность, гдѣ характеръ государя явился передъ нами во всей своей чистотѣ, во всемъ, что только есть въ немъ благороднаго и возвышеннаго, когда онъ бываетъ самъ собою, когда дѣйствуетъ безъ посредниковъ? Кромѣ того, какое невѣжество, какіе узкіе и ограниченныя взгляды проглядываютъ въ подобныхъ сужденіяхъ о Пушкинѣ! Какой онъ былъ политическій дѣятель! Онъ прежде всего былъ поэтъ, и только поэтъ. Увлекаемый своей пылкой поэтической натурой, онъ, безъ сомнѣнія, могъ обмолвиться эпитафией, запрещеннымъ стихомъ; на это нельзя смотрѣть, какъ на непростительный грѣхъ; человекъ, вѣдь, мѣняется со временемъ, его мнѣнія, его принципы, его симпатіи видоизмѣняются. Затѣмъ, что значать въ Россіи названія: политическій дѣятель, либераль, сторонникъ оппозиціи? Все это пустые звуки, слова безъ всякаго значенія, взятые недоброжелателями и полиціей изъ иностранныхъ словарей, понятія, которыя у насъ совершенно не примѣнимы; гдѣ у насъ то поприще, на которомъ можно было бы играть эти заимствованныя роли, гдѣ тѣ органы, которые были бы открыты для выраженія подобныхъ убѣжденій? Либералы, сторонники оппозиціи въ Россіи должны быть, по крайней мѣрѣ, безумцами, чтобы добровольно посвящать себя въ трапписты, обречь себя на вѣчное молчаніе и похоронить себя заживо. Шутки, нѣкоторая независимость характера и мнѣній—еще не либерализмъ и не систематическая оппозиція. Это просто особенность характера. Желать, чтобы всѣ характеры были отлиты въ одну форму, значить желать невозможнаго, значить хотѣть передѣлать твореніе Божіе. Власти существуютъ для того, чтобы пресѣкать злоупотребленіе подобными тенденціями—это ихъ обязанность, но бить тревогу и бросать грязью въ нѣкоторыя, хотя бы и слишкомъ свободныя, болтливыя изліянія, въ какую нибудь вспышку, которая и сама улетучится, какъ дымъ,—есть, въ свою очередь, злоупотребленіе властью. Да Пушкинъ никоимъ образомъ и не былъ ни либераломъ, ни сторонникомъ оппозиціи, въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно придается этимъ словамъ. Онъ былъ глубоко, искренно преданъ государю,

онъ любилъ его всѣмъ сердцемъ, осмѣлюсь сказать, онъ чувствовалъ симпатію, настоящее расположеніе къ нему. Въ своей молодости Пушкинъ нападалъ на правительство, какъ всякій молодой человѣкъ; такую была и эпоха, и молодежь, современныя ему. Но онъ былъ не либераль, а аристократъ и по вкусамъ, и по убѣжденіямъ. Онъ открыто бранилъ паденіе прежняго режима во Франціи, не любилъ іюльскаго правительства и сочувствовалъ интересамъ Генриха V. Что касается возстанія Польши, то его стихи могутъ дать истинную оцѣнку его либерализма. Эти стихи не вызваны обстоятельствами, это исповѣданіе его политическихъ убѣжденій. 14-е декабря застало его чистымъ отъ всякаго участія въ разрушительныхъ проектахъ, занимавшихъ головы его друзей и товарищей его юности и лицейскихъ. Онъ былъ противникомъ свободы печати не только у насъ, но и въ конституціонныхъ государствахъ. Его талантъ, его умъ созрѣли съ годами, его послѣднія и, слѣдовательно, лучшія произведенія: «Борисъ Годуновъ», «Полтава», «Исторія Пугачевскаго бунта» — монархическія. Наши, такъ называемые монархическіе, благонамѣренные журналы, пользующіеся особымъ покровительствомъ полиціи, часто старались подорвать народную къ нему любовь (и успѣвали въ этомъ), объявляя, что талантъ его померкъ, какъ разъ въ послѣднихъ его произведеніяхъ, которыя они вмѣняли ему чуть не въ преступленіе. Суть заключалась въ томъ, что истинныя его убѣжденія не сходились съ доносами о немъ полиціи. Но развѣ тѣ, кто ихъ составлялъ, знали Пушкина лучше, чѣмъ его друзья? Развѣ наши должностныя лица, обязанныя наблюдать за общественнымъ настроеніемъ умовъ, стараются вникнуть въ истинныя мнѣнія (узнавъ ихъ отъ нихъ же самихъ) тѣхъ людей, чье доброе имя и благосостояніе зависятъ отъ ихъ сужденія и предубѣжденности? Развѣ генераль Бенкендорфъ удостоилъ меня, хотя бы въ продолженіе четверти часа, разговора, чтобы самому лично узнать меня? А между тѣмъ, цѣлыхъ десять лѣтъ мое имя записано на черной доскѣ; своимъ же мнѣніемъ обо мнѣ онъ обязанъ нѣсколькимъ словамъ, отрывкамъ, которые ему были переданы, клеветамъ, донесеннымъ ему какимъ либо агентомъ за опредѣленную, мѣсячную плату.

«Извините, ваше высочество, искренность и рѣзкость моихъ жалобъ, съ которыми я обращаюсь къ вамъ не съ какою либо скрытою цѣлью, а потому, что я знаю вашу чуткость къ правдѣ, а я, повторяю, дорожу вашимъ благоволеніемъ и вашимъ уваженіемъ. Я хочу, чтобы вы меня знали такимъ, каковъ я есть на самомъ дѣлѣ, а не такимъ, какимъ меня желаютъ изобразить. Я долженъ еще просить ваше высочество извинить меня за чрезмѣрную длину моего письма, у меня не было времени его сократить. Я только вчера узналъ объ отъѣздѣ генерала Философова и принялся вчера переписывать свои воспоминанія. Я даже позволилъ себѣ обратиться

за помощьюъ къ моей женѣ, и ваше императорское высочество со-
благоволите оказать мнѣ вдвойнѣ снисхожденіе и за изложеніе, и
за переписку набѣло.

«Повергаю къ стопамъ вашего императорскаго высочества свою
глубочайшую почтительность и самую искреннюю преданность, съ
каковыми имѣю честь быть

«вашего императорскаго высочества смиреннѣйшій и покор-
нѣйшій слуга,

«кн. Вяземскій».

Вторая половина письма кн. Вяземскаго требуетъ поясненій и
даетъ матеріалъ для не лишенныхъ интереса заключеній.

Извѣстны отношенія вождя полиціи Бенкендорфа къ Пушкину;
факты внѣшней зависимости поэта отъ шефа жандармовъ тоже из-
вѣстны; въ послѣднее время они сгруппированы и разъяснены въ
примѣчаніяхъ П. А. Ефремова къ 7-му тому «Сочиненій А. С. Пуш-
кина». Бенкендорфъ не въ силахъ былъ отрѣшиться отъ предста-
вленій, вынесенныхъ имъ изъ процесса декабристовъ. Призракъ де-
кабрьскаго возмущенія вѣчно смущалъ не только Бенкендорфа, но
и императора Николая. Бенкендорфъ просто не вѣрилъ въ благона-
дежность Пушкина, офиціально засвидѣтельствованную самимъ ца-
ремъ. Шефу жандармовъ грезилась какія-то нити, связывавшія Пуш-
кина съ движеніемъ 14-го декабря, и онъ неустанно преслѣдовалъ
поэта мучительнымъ надзоромъ. И послѣ смерти онъ не оставилъ въ
покоѣ его памяти. Кн. Вяземскій ярко рисуетъ созданную Бенкен-
дорфомъ картину положенія дѣлъ: умеръ Пушкинъ, вождь оппози-
ціи, неблагонамѣренный человѣкъ, не чувствовавшій привержен-
ности къ монархическому принципу; его друзья—тоже люди неблаго-
надежные—собираются устроить на похоронахъ преступную де-
монстрацію и т. д.

Любопытно, что мнѣніе Бенкендорфа раздѣлялось извѣстной
частью русскаго общества, главнымъ образомъ, аристократическими
верхами, прогнившими и реакціонными. Мы можемъ, на примѣръ,
привести слѣдующій отрывокъ изъ письма одного изъ агентовъ
тайной меттерниховской полиціи, писаннаго изъ Берлина въ Вѣну
28-го февраля 1837 года: «Имѣю честь сообщить вамъ о несчаст-
ной дуэли г. Дантеса съ поэтомъ Пушкинымъ; онъ стоялъ во
главѣ русской молодежи и возбуждалъ къ революціонному движенію,
которое даетъ себя чувствовать во всѣхъ концахъ міра. Императоръ
приказалъ разыскать и сжечь тѣ изъ его бумагъ, которыя могутъ
компрометировать». Въ этомъ донесеніи Пушкинъ освѣщается съ
своеобразной международной точки зрѣнія.

Значительный интересъ имѣетъ оцѣнка положенія, сдѣланная
барономъ Геккереномъ въ письмѣ къ нидерландскому министру ино-
странныхъ дѣлъ Верстокку отъ 2-го февраля (къ этому письму мы

еще возвратимся). «Честь обязываетъ меня не скрыть, что общественное мнѣніе по поводу смерти г. Пушкина высказалось съ такою силой, какой не предполагали. Но нужно отмѣтить, что это мнѣніе не есть мнѣніе высшаго класса... Указанное мной сочувствіе высказано людьми третьяго сословія, если можно дать это имя промежуточному классу въ Россіи между высшей знатью или высшими чиновниками и массой населенія, совершенно безучастнаго къ событію, котораго оно не можетъ оцѣнить. Это—писатели, артисты, чиновники низшихъ степеней, представители крупной отечественной промышленности и т. д. Смерть г. Пушкина вызвала къ жизни,—такъ по меньшей мѣрѣ думаетъ власть,—партію, вождемъ которой онъ былъ, быть можетъ, благодаря единственно вліянію своего таланта. Можно принять для этой партіи названіе партіи реформъ, которое она сама даетъ себѣ. Если вспомнить, что г. Пушкинъ былъ скомпрометированъ участіемъ въ обществахъ, возникшихъ до 1825 года, то можно считать предположеніе о существованіи этой партіи не лишеннымъ основанія»...

Баронъ Геккеренъ указываетъ и источникъ своихъ свѣдѣній.

Итакъ Бенкендорфъ готовъ былъ призвать къ отвѣту и друзей Пушкина. Они были въ его глазахъ людьми неблагонадежными, и, по мягкому выраженію барона Геккерена, очевидно членами «партіи реформъ». При томъ довѣрїи, которое питалъ Николай Павловичъ къ Бенкендорфу, можно было ожидать тревожныхъ осложненій. Поэтому необходимость опровергнуть подобное представленіе являлась крайне настоятельной. Но опроверженіе прїобрѣло бы значеніе, если бы оно достигло до государя. Становятся совершенно понятными пространныя и краснорѣчивыя оправданія, которыя кн. Вяземскій изложилъ въ письмѣ къ великому князю Михаилу Павловичу, рассчитывая, что содержаніе его письма станетъ извѣстнымъ государю.

Вообще можно сказать, что послѣ смерти Пушкина на долю его друзей выпала тяжелая задача реабилитаціи поэта, не только въ его частныхъ отношеніяхъ, но и въ политическихъ его взглядахъ. Выше мы указали, что нужно помнить при чтеніи ихъ реабилитацій поэта въ частныхъ отношеніяхъ. Реабилитація политическихъ взглядовъ Пушкина производилась съ иной цѣлью: она была средствомъ собственной своей защиты. Доказать императору Николаю или хотя бы Бенкендорфу, что Пушкинъ былъ абсолютно благонадежнымъ человѣкомъ, значило бы снять обвиненія въ неблагонамѣренности и съ его друзей.

Кромѣ письма кн. Вяземскаго къ Михаилу Павловичу, намъ извѣстно еще одно оправданіе Пушкина. Оно сдѣлано В. А. Жуковскимъ въ письмѣ къ Бенкендорфу; свѣдѣнія объ этой еще ненапечатанной запискѣ мы находимъ въ книгѣ А. Н. Веселовскаго¹⁾.

¹⁾ Акад. А. Н. Веселовскій, В. А. Жуковскій. Спб. 1904, стр. 394 и слѣд.

«По смерти Пушкина Жуковскому вмѣстѣ съ Дубельтомъ порученъ былъ разборъ его писемъ и бумагъ. О результатахъ разбора Дубельтъ донесъ Бенкендорфу, которому съ своей стороны Жуковскій написалъ объяснительную записку. Она сохранилась въ двухъ черновикахъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ распространеніе другого; оба, повидимому, безъ конца; не потому ли, что письмо и не было доставлено по назначенію, какъ тѣ мысли, которыя Жуковскій написалъ на клочкѣ бумаги послѣ своего объясненія съ государемъ по дѣлу Тургенева? Письмо—апологія Пушкина, и, вмѣстѣ, близко стоявшихъ къ нему лицъ, Жуковского. Въ Пушкинскихъ бумагахъ ожидали найти «много новаго, писаннаго въ духѣ, враждебномъ правительству, и вреднаго нравственности. Вмѣсто того нашлись бумаги, рѣшительно доказывающія совѣмъ иной образъ мыслей, особенно выразившійся въ отвѣтѣ на печатное письмо къ Чаадаеву, которое Пушкинъ, повидимому, хотѣлъ послать по почтѣ, но не послалъ, вѣроятно, по той причинѣ, что не желалъ своими опроверженіями усиливать скорбь пріятели, уже испытывающаго заслуженный гнѣвъ государя. Однимъ словомъ, новаго предосудительнаго не нашлось ничего, и не могло быть найдено, въ чемъ я напередъ былъ увѣренъ, зная, каковъ былъ образъ мыслей Пушкина въ послѣдніе годы». Съ тѣхъ поръ, какъ «государь такъ великодушно его простилъ», Пушкинъ совѣмъ перемѣнился за это время; онъ не писалъ ничего «злонамѣреннѣе» стиховъ «къ Лукуллу», за которые друзья жестоко его укоряли, да и тѣ напечатаны «съ одобренія цензора, но безъ его вѣдома». А между тѣмъ въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ онъ продолжалъ состоять подъ тѣмъ же «мучительнымъ, непрестаннымъ надзоромъ» (двойная цензура, запретъ ѣхать въ деревню, за границу, выговоръ за чтеніе въ обществѣ «Бориса Годунова» до цензурнаго одобренія). Пушкинъ никогда не былъ демагогическимъ писателемъ; были у него до 1826 года «грѣхи молодости, сначала необузданной, потомъ раздраженной заслуженнымъ несчастьемъ («Ода къ свободѣ», «Кинжалъ» 1820 года, написанный въ то время, когда Зандъ убилъ Коцебу), но демагогическаго, написаннаго съ точнымъ намѣреніемъ произвести волненіе (общества), ничего не было между ними и тогда. Заговорщики противъ Александра (воспользовались?), можетъ быть, нѣкоторыми вольными стихами Пушкина, но въ ихъ смыслѣ (то-есть въ смыслѣ бунта) онъ не написалъ ничего, и замыслы ихъ были ему совершенно чужды. Это, однако, не помѣшало (безъ всякихъ доказательствъ) причислить его къ героямъ 14-го декабря и назвать злоумышленникомъ на жизнь Александра». За послѣднія его сочиненія его никакъ нельзя назвать демагогомъ. Онъ просто русскій національный поэтъ, выразившій въ наилучшихъ стихахъ своихъ все то, что дорого русскому сердцу (Годуновъ, Полтава, многія пѣсни на Петра Великаго,

Ода на взятіе Варшавы, Клеветникамъ Россіи). Переходя къ политическимъ взглядамъ Пушкина, Жуковскій спрашиваетъ Бенкендорфа: «благоволили ли вы взять на себя трудъ когда нибудь съ нимъ говорить о предметахъ политическихъ?» Вы слышали о нихъ отъ другихъ «вмѣсто оригинала вы принуждены довольствоваться переводами, всегда невѣрными и весьма часто испорченными, злонамѣренныхъ переводчиковъ». И Жуковскій излагаетъ политическое credo Пушкина. «Первое: я уже не одинъ разъ слышалъ, что Пушкинъ въ государѣ любитъ одного (Николая) своего благотворителя, а не русскаго императора, и что ему для Россіи надобно было совсѣмъ иное. Увѣряю васъ, напротивъ, что Пушкинъ (здѣсь говорится о томъ, что онъ былъ за послѣдніе годы) рѣшительно убѣжденъ въ необходимости для Россіи чистаго, неограниченнаго самодержавія, и что не по одной любви къ нынѣшнему государю, а по своей внутренней вѣрѣ, основанной на фактахъ историческихъ (этому теперь есть и письменное свидѣтельство въ его собственноручномъ письмѣ къ Чаадаеву). Второе: Пушкинъ былъ рѣшительнымъ противникомъ свободы книгопечатанія, и въ этомъ онъ доходилъ даже до излишества, ибо полагалъ, что свобода книгопечатанія вредна и въ Англии. Разумѣется, что онъ въ то же время утверждалъ, что цензура должна быть строга, но безпристрастна, и что она, служа защитой обществу отъ писателей, должна также и писателя защищать отъ всякаго произвола. Третье: Пушкинъ былъ врагъ іюльской революціи, по убѣжденію своему онъ былъ карлистъ, онъ признавалъ короля Филиппа необходимымъ для спокойствія Европы, но права его опровергалъ и незыблемость законнаго наслѣдія короны считалъ главнѣйшею опорой гражданскаго порядка. Наконецъ, четвертое: Онъ былъ самый жаркій врагъ революціи польской и въ этомъ отношеніи, какъ русскій, былъ почти фанатикъ, былъ почти фанатическій врагъ польской революціи и ненавидѣлъ революцію французскую (чему доказательство нашелъ я еще недавно въ письмахъ его женѣ). Таковы были главныя политическія убѣжденія Пушкина, изъ коихъ всѣ другія выходили, какъ отрасли. Они были извѣстны мнѣ и всѣмъ его ближнимъ изъ нашихъ частыхъ, непринужденныхъ разговоровъ... и они были таковы уже прежде 1830 года, Пушкинъ созрѣлъ, мужался умомъ, онъ только что достигъ своего полнаго поэтическаго развитія (его литературные враги, а за ними публика, говорили, что онъ упалъ, и это въ то время, когда написаны его лучшія произведенія), и чего бы онъ не написалъ, если бъ несчастныя обстоятельства всякаго рода не упали на него обваломъ, не раздавили его, «перваго поэта Россіи?»

Кажется, намъ не нужно дѣлать детальнаго сопоставленія этихъ отрывковъ изъ записки Жуковскаго съ письмомъ кн. Вяземскаго, чтобы доказать, что и записка, и письмо являются результатомъ

совмѣстной работой авторовъ и имѣютъ въ виду одну и ту же цѣль: взяты не только одни и тѣже аргументы, къ тому же сгруппированные въ одномъ и томъ же порядкѣ, но употреблены даже аналогичныя выраженія.

Академикъ А. Н. Веселовскій дѣлаетъ вполне правильную оцѣнку этой записки. «Цѣнность этого документа,—пишетъ онъ,—опредѣляется его назначеніемъ: онъ писанъ для Бенкендорфа, въ оправданіе Пушкина, въ интересахъ его семьи, въ защиту всѣхъ, кто близко стоялъ къ нему. Въ этомъ смыслѣ характеристику легко заподозрѣть въ преднамѣренномъ шаржѣ, но, не касаясь оцѣнки взглядовъ самого Пушкина, я допускаю и бессознательный, невольный шаржъ—идеализаціи, къ чему, какъ никто, способенъ былъ Жуковскій. Эта черта давно и хорошо извѣстна его пріятелю: все, что входило въ кругъ его симпатій, выросло или поэтизировалось въ его мѣрку. Жуковскій зналъ своего Пушкина, который, казалось, зрѣлъ въ его глазахъ къ тѣмъ цѣлямъ общественнаго служенія и возвышенной поэзіи, которыя онъ ему ставилъ».

Въ тѣхъ же интересахъ,—семьи и близкихъ къ Пушкину лицъ,—написано и письмо Вяземскаго. Стоитъ только обратить вниманіе на непрерывное подчеркиваніе отношеній государя къ Пушкину. На самомъ дѣлѣ,—и Вяземскій долженъ былъ бы это знать,—отношенія царя и поэта вовсе не были такъ безоблачны и такъ искренни и откровенны, какими изображаетъ ихъ князь Вяземскій. Если Жуковскій поддавался шаржу идеализаціи, то Вяземскій смотрѣлъ на дѣло болѣе прозаически.

Мы не касаемся по существу вопроса о политическихъ взглядахъ Пушкина: мы хотѣли только выяснить значеніе письма князя Вяземскаго, какъ матеріала для сужденія. Съ этой точки зрѣнія это письмо, такъ же, какъ и записка Жуковскаго—этихъ ближайшихъ друзей поэта—ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть положены въ основаніе разсужденія объ общественныхъ и политическихъ мнѣніяхъ Пушкина. Придется обратиться къ другимъ матеріаламъ.

П. Щеголевъ.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА СЕМЕНОВА.

КОНЧАВШІЙСЯ 11-го октября прошлаго года сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Николай Петровичъ Семеновъ, принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ людей. Онъ былъ одинъ изъ выдающихся государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, крупнѣйшій историкъ освобожденія крестьянъ, талантливый поэтъ—переводчикъ и небезызвѣстный ботаникъ. Своей необыкновенно широкой эрудиціей покойный былъ обязанъ, при несомнѣнной природной талантливости, своему упорному трудолюбію и рѣдкой любознательности. Скромный, непритязательный, онъ отличался въ то же время рѣдкою стойкостью въ своихъ убѣжденіяхъ и мнѣніяхъ, которымъ не измѣнялъ ни въ какихъ случаяхъ въ теченіе всей своей жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человѣкъ рѣдкой доброты, отзывчивый и не отказывавшій никому изъ обращающихся къ нему съ истинною надобностью, но особенно былъ чутокъ къ нуждамъ меньшихъ братій—крестьянъ. Въ болѣе молодые годы онъ отличался блестящимъ и веселымъ юморомъ и остроуміемъ и, будучи интереснѣйшимъ собесѣдникомъ, становился душою общества.

Все это вмѣстѣ даетъ намъ несомнѣнное право вспомнать о немъ въ болѣе подробной замѣткѣ, чѣмъ посвященные ему до сихъ поръ некрологи.

Родной братъ извѣстнаго географа, члена государственнаго совѣта, Петра Петровича Семенова, и извѣстной писательницы Наталіи Петровны Гротъ, Н. П. Семеновъ происходилъ изъ старинной дворянской семьи, родоначальникъ которой, по сохранившимся официальнымъ даннымъ, Борисъ Кузьмичъ Семеновъ былъ награжденъ помѣстьями «за службы» въ 1683 году. Одинъ изъ пред-

ковъ его—Григорій Моисеевичъ Семеновъ, былъ поручикомъ въ Петровскую эпоху; дѣдъ, Николай Петровичъ (род. въ 1754 г.) былъ отставной секундъ-майоръ, участвовавшій въ Суворовскихъ походахъ; а отецъ—Петръ Николаевичъ (род. въ 1791 г.), капитанъ гвардіи Измайловскаго полка, геройски сражался въ битвѣ подъ Бородинымъ и, уцѣлѣвъ въ числѣ двухъ раненыхъ офицеровъ, попалъ послѣ Кульмскаго сраженія въ плѣнъ, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ которомъ поселился въ своемъ рязанскомъ имѣніи, въ селѣ Урусовѣ, Раненбургскаго уѣзда.

Здѣсь-то и родился 22-го апрѣля 1823 г. Николай Петровичъ Семеновъ. Девяти лѣтъ отъ роду онъ лишился отца и остался вмѣстѣ съ братомъ и сестрою на попеченіи матери и дядей. Записанный еще при жизни отца въ Пажескій корпусъ, онъ, за исходомъ предѣльнаго возраста для поступленія въ послѣдній, былъ помѣщенъ въ Царскосельскій лицей, который и окончилъ въ декабрѣ 1842 г., съ чиномъ IX класса, вмѣстѣ съ извѣстнымъ графомъ Дмитріемъ Андреевичемъ Толстымъ, Юріемъ Васильевичемъ Толстымъ, бывшимъ потомъ сенаторомъ, Н. В. Павловымъ, Беге-ромъ, впослѣдствіи посланникомъ въ Персіи, и др.

Будучи еще въ лицѣ, Н. П. Семеновъ писалъ недурные стихи, унаслѣдовавъ поэтическій даръ отъ своего отца, въ молодости сочинявшаго стихи и, между прочимъ, написавшаго комедію въ стихахъ «Митюха Валдайскій», и отъ бабки, А. П. Буниной, извѣстной писательницы.

5-го марта 1843 г. онъ былъ опредѣленъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи, «съ прикомандированіемъ для занятій во второе отдѣленіе онаго», и вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ слушателемъ курса естественныхъ наукъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Черезъ три года послѣ этого получилъ назначеніе товарищемъ предѣдателя ярославской палаты уголовного суда, а въ теченіе 1849 г. состоялъ исправляющимъ должность ярославскаго губернскаго прокурора. Съ 1850 до 1853 г. Николай Петровичъ Семеновъ жилъ въ Вильнѣ, занимая тамъ должность прокурора, и съ этого года, переведенный въ Петербургъ «чиновникомъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ первомъ департаментѣ правительствующаго сената», до конца дней своихъ оставался на службѣ въ сенатѣ. Здѣсь онъ состоялъ сначала исправляющимъ должность, а потомъ (съ 1861 г.) и оберъ-прокуроромъ въ разныхъ департаментахъ до 1868 года, когда былъ назначенъ сенаторомъ, присутствующимъ въ четвертомъ департаментѣ. Съ 1883 г. состоялъ въ первомъ общемъ собраніи, а въ 1902 г. перемѣщенъ во второе общее собраніе.

Во время прохожденія службы въ сенатѣ, Н. П. Семеновъ, по порученію министерства юстиціи, исполнялъ и другія довольно сложныя обязанности внѣ сената. Такъ въ 1855 году онъ обо-

зрѣвалъ положеніе опекунской части въ Московской и Тульской губерніяхъ, о чемъ и составилъ въ 1857 году подробный отчетъ за 10-лѣтіе (1845—1855). Въ 1862 году былъ командированъ въ Тверь для производства, вмѣстѣ съ генералъ-адъютантомъ Анненковымъ, слѣдствія о противозаконныхъ поступкахъ мировыхъ посредниковъ. Вскорѣ послѣ этого, не состоя членомъ комиссіи для начертанія проектовъ судебной реформы, онъ, однако, принималъ въ ней значительное участіе, какъ officialный представитель судебного вѣдомства, и, сверхъ того, составилъ проектъ о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, которымъ правительство руководилось при распредѣленіи судебныхъ округовъ.

Но все это, важное само по себѣ, блѣднѣетъ предъ тѣмъ, къ чему былъ призванъ Н. П. Семеновъ въ 1859 году, и что навсегда опредѣлило значеніе и характеръ его государственной, общественной и историко-литературной дѣятельности.

Въ февралѣ 1859 года, Н. П. Семеновъ былъ назначенъ въ составъ членовъ редакціонныхъ комиссій. Здѣсь сосредоточивалась дѣятельность по составленію положеній объ освобожденіи крестьянъ. По своей задачѣ и высокому административному положенію (черезъ своихъ предсѣдателей находились въ непосредственномъ вѣдѣніи государя императора), редакціонныя комиссіи являются однимъ изъ главнѣйшихъ учреждений, создавшихъ величайшій актъ освобожденія крестьянъ, съ котораго начинается новая эра въ жизни русскаго народа. Поэтому намъ кажется умѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ по поводу этихъ комиссій.

Открытыя 4-го марта 1859 года и прерванныя 10-го октября 1860 года, редакціонныя комиссіи въ теченіе этого небольшого срока имѣли однихъ общихъ присутствій—131, помимо еще большого числа засѣданій въ четырехъ выдѣленныхъ изъ нихъ отдѣленіяхъ или подкомиссіяхъ: административной, хозяйственной, юридической и финансовой. Въ продолженіе одного года и семи мѣсяцевъ, онѣ оставили такой обширнѣйшій матеріалъ, какого не оставляла ни одна комиссія ни въ предыдущее, ни въ послѣдующее время, не говоря уже о важности содержанія этого матеріала. Отъ нихъ мы имѣемъ 18 частей или томовъ officialныхъ «Матеріаловъ» или «Трудовъ», въ которые вошли: 1) Журналы общихъ присутствій редакціонныхъ комиссій (это «хроника занятій» комиссій), 2) доклады отдѣленій общему присутствію, 3) отдѣльные своды проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ, 4) первоначальный сводъ заключеній комиссій по докладамъ отдѣленій и 5) повѣрочныя работы по опредѣленію размѣровъ крестьянскаго надѣла,—и 14 томовъ «Приложеній» къ нимъ. Последнія, имѣющія большое историческое значеніе, составляютъ «отдѣльныя мнѣнія членовъ комиссій» («небольшая книжка» въ 338 стр.); отзывы членовъ губернскихъ комитетовъ (4 большихъ тома) и из-

влечение изъ описаній помѣщичьихъ имѣній въ 100 душъ и свыше (6 томовъ большого формата in—4° въ 2028 стр.).

Но самый важнѣйшій результатъ работъ комиссiй — это выработанный ими проектъ Положенiя о крестьянахъ 19-го февраля, который заключалъ въ себѣ 1089 статей въ 374 стр., и который для окончательной редакции былъ представленъ въ главный комитетъ.

Такой колоссальный трудъ, да въ большинствѣ случаевъ еще безъ вознагражденiя, могъ быть выполненъ только при особомъ составѣ членовъ комиссiй, которымъ, кромѣ энергiи и любви къ дѣлу, нужно было имѣть много знанiй, широкой кругозоръ и большое знакомство съ западно-европейскою культурой. И, дѣйствительно, редакцiоннымъ комиссiямъ посчастливилось. Составъ ихъ членовъ былъ непримѣрнымъ.

Избранный волею императора Александра II первымъ председателемъ комиссiи генераль-адъютантъ Я. И. Ростовцевъ оказался «главнымъ дѣятелемъ отмены крѣпостного права». Онъ окружилъ себя сотрудниками, «которыхъ указалъ ему говоръ, похожiй на общественное мнѣнiе. Онъ сдѣлалъ выборъ не по чинамъ, не по долговременной службѣ, не по рекомендацiи». Вмѣстѣ съ извѣстными дѣятелями: Н. А. Милютинымъ, Я. А. Соловьевымъ, кн. В. А. Черкасскимъ, графомъ В. Н. Панинымъ, Н. Х. Бунге, Ю. О. Самариннымъ и А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, онъ пригласилъ въ качествѣ членовъ-экспертовъ Гр. П. Галагана и В. В. Тарновскаго, просвѣщеннѣйшихъ представителей малороссiйскаго дворянства, искреннихъ сторонниковъ освобожденiя, и мн. др. Но «правою рукою его были», говоритъ Романовичъ-Славатинскiй въ своей рецензiи на второй томъ «Освобожденiя крестьянъ» Н. П. Семенова, «братья Семеновы»: П. П. Семеновъ, нынѣ членъ государственнаго совѣта и вице-президентъ императорскаго географическаго общества, бывшiй завѣдывающимъ дѣлами редакцiонныхъ комиссiй во все время ихъ существованiя, и Н. П. Семеновъ. Послѣднiй съ особенной энергiей вступалъ въ обсужденiе болѣе существенныхъ вопросовъ; сопровождая свои замѣчанiя и возраженiя, обыкновенно, цѣлымъ рядомъ фактовъ и доказательствъ, онъ нерѣдко склонялъ на свою сторону большинство присутствовавшихъ членовъ и являлся какъ бы создателемъ тѣхъ или другихъ законоположенiй о крестьянахъ. Ему принадлежитъ рядъ и крупныхъ докладовъ, послужившихъ матеріаломъ для самаго «Положенiя о крестьянахъ»; таковы, напримѣръ, доклады: «О мѣстныхъ должностныхъ лицахъ», «О сельской расправѣ или управѣ и крестьянскомъ судѣ», «О сельскихъ сходахъ, составѣ ихъ, предметѣ вѣдомства и порядкѣ рѣшенiя на нихъ дѣлъ», «Объ общемъ составѣ сельскаго управленiя» и другiе. Его записку, поданную въ видѣ отдѣльнаго мнѣнiя — «Объ обязательномъ для помѣщиковъ выкупѣ крестьянами ихъ

надѣловъ—параллель освобожденія крестьянъ въ Россіи и Пруссіи» великій князь Константинъ Николаевичъ находилъ «замѣчательною и любопытною». Онъ принималъ участіе въ разработкѣ проекта о мировыхъ посредникахъ и уѣздныхъ мировыхъ присутствіяхъ и многихъ другихъ.

Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ Н. П. Семеновъ, по порученію Я. И. Ростовцева, велъ дневникъ всему тому, что говорилось и дѣлалось въ комиссіяхъ, «чтобы намъ не возвращаться», какъ выражался Я. И. Ростовцевъ, «къ старому, о чемъ было говорено, и чтобы у насъ остались слѣды для исторіи». Исполняя это порученіе, покойный во все продолженіе дѣятельности комиссій, за исключеніемъ времени отъ 3-го по 28-е октября 1859 года, когда тифъ задерживалъ его въ постели, засѣданіе за засѣданіемъ вносилъ въ свой дневникъ все, что дѣлалось и говорилось въ общихъ присутствіяхъ.

Переработанный впослѣдствіи, этотъ дневникъ составилъ, по выраженію проф. Романовича-Славатинскаго, «систематизированную хронику общихъ присутствій», которая въ теченіе 1889—1892 годовъ появилась въ печати въ трехъ огромныхъ томахъ, съ обширными «приложеніями» къ каждому, подъ заглавіемъ: «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II».

Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ монументальномъ трудѣ, составляющемъ цѣннѣйшій вкладъ въ нашу историческую литературу и увѣнчанномъ тремя академическими преміями (двумя Макарьевскими и одною симбирскаго дворянства), мы обратимся къ болѣе раннимъ работамъ Николая Петровича, въ которыхъ онъ касался освобожденія крестьянъ, и въ основу которыхъ легли вышеупомянутый дневникъ и другіе матеріалы комиссій.

Первою по времени была напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ» М. Н. Каткова (за 1862 г., № 8) статья, носившая заглавіе: «Освобожденіе крестьянъ въ Россіи и Пруссіи», и сразу же вызвавшая оживленную полемику въ газетахъ и журналахъ. Особенно яркимъ противникомъ Н. П. Семенова выступилъ г. Ржевскій, съ которымъ въ свою очередь полемизировалъ г. А. на страницахъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

Далѣе слѣдовали: «Еще о крестьянскомъ вопросѣ» (ibid., 1863 г., № 4; отвѣтъ на статью Ржевскаго); «Дѣятельность Я. И. Ростовцева въ редакціонныхъ комиссіяхъ по крестьянскому дѣлу» (ibid., 1864 г., №№ 10—12); «Взглядъ Я. И. Ростовцева на дѣло освобожденія крестьянъ» («Современная Лѣтопись», 1864 г., № 7); «Болѣзнь и кончина генерала Ростовцева» («Русскій Вѣстникъ», 1866 г., № 2).

Послѣдняя статья была напечатана съ высочайшаго разрѣшенія. Вскорѣ послѣ ея напечатанія императоръ Александръ II, посѣтивъ, 6-го февраля, въ годовщину смерти Ростовцева, его жену и передавая ей, съ какимъ удовольствіемъ онъ даровалъ разрѣ-

шеніе на напечатаніе упомянутой статьи, поручилъ ей передать автору признательность и благоволеніе «за счастливую мысль записывать подробно, что у насъ дѣлалось въ комиссіяхъ», прибавивъ къ тому незабвенныя слова: «Пора знать публикѣ, какъ мы

Николай Петровичъ Семеновъ.

потрудились надъ этимъ дѣломъ. Я желаю, чтобы оно предстало потомству, какъ происходило, безъ прикрасъ».

Слѣдующими работами были: «Послѣдняя записка по крестьянскому дѣлу генерала Я. И. Ростовцева» (въ «Русскомъ Архивѣ», 1868 г.); «Вызовъ и пріемъ депутатовъ перваго приглашенія по

крестьянскому дѣлу» (въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1868 г., № 11); «Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного права въ Россіи», взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время (всеподданнѣйшая записка министра внутреннихъ дѣлъ Ланского)— въ «Русскомъ Архивѣ» за 1869 г.; «Нелѣпые толки и надежды помѣщичьихъ крестьянъ» (записка содержавшагося въ тюремномъ замкѣ, именовавшаго себя Корибутъ-Дашкевичемъ)— въ «Русскомъ Архивѣ» за 1874 г., № 2 (цѣнная и рѣдкая «записка», какъ голосъ изъ народа).

Первоначально въ «Зарѣ» (1871 г., № 1), а потомъ и въ отчетѣ академіи наукъ о четырнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова напечатана была рецензія на сочиненіе А. Скребицкаго: «Крестьянское дѣло въ царствованіе Александра II», т. I—IV (Боннъ на Рейнѣ, 1862—1868 гг.). Разборъ этого сочиненія былъ сдѣланъ, по порученію академіи наукъ, наградившей автора золотою медалью.

Особенно цѣнною по новизнѣ и полнотѣ матеріала была напечатанная въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1885 г., №№ 5—8) статья: «Дѣятельность комиссій по крестьянскому дѣлу въ общихъ присутствіяхъ». Необыкновенно превосходную и яркую характеристику находимъ въ статьѣ; «Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, характеристическій очеркъ по рассказамъ, моимъ запискамъ и воспоминаніямъ» (въ «Русскомъ Архивѣ», 1887 г., выпускъ 12). Въ томъ же «Русскомъ Архивѣ» (1888 г., томъ III) Н. П. Семеновъ напечаталъ: «О желаніяхъ русскаго дворянства въ 1859 г. Записка М. А. Безобразова». Эта записка, представляя собою безпощадную критику дѣятельности редакціонныхъ комиссій, вызвала сильныя и жесткія замѣчанія императора Александра II и вмѣстѣ съ тѣмъ была причиною временнаго удаленія ея автора изъ столицы. Впослѣдствіи онъ былъ петербургскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

Все перечисленное нами вошло въ упомянутый трудъ: «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II», но, тѣмъ не менѣе, большая часть его является впервые въ печати. Сказавъ, что этотъ трудъ представляетъ собою «систематизированную хронику общихъ присутствій», профессоръ Романовичъ-Славатинскій продолжаетъ: «Да и какую хронику! Рѣдко когда историческое событіе находило такого талантливаго и трудолюбиваго хроникера, который бы такъ тщательно заносилъ въ свою лѣтопись каждую черту, каждый моментъ событія, о которомъ онъ повѣствуетъ. Въ книгѣ нашего автора это событіе отражается, какъ въ зеркалѣ, сфотографировавшись во всѣхъ своихъ деталяхъ и характерныхъ чертахъ. Подобные труды, конечно, имѣютъ неопцѣненное историческое значеніе: живемъ, воочію, созерцаешь въ нихъ всѣ акты и перипетіи развертывающейся исторической драмы. Такой трудъ—доблестный гражданскій подвигъ, передающій въ на-

зиданіе будущимъ поколѣніямъ великое дѣло отмѣны крѣпостного права, въ его животрепещущихъ чертахъ»¹⁾).

«Читая живыя страницы его книги», говоритъ нѣсколько выше тотъ же авторъ, «вы какъ будто присутствуете то въ залѣ Перваго кадетскаго корпуса, то въ шатрѣ на Каменномъ островѣ, гдѣ собирались общія присутствія комиссій. Вы какъ будто слышите рѣчи, какъ будто видите фізіономіи славныхъ дѣятелей редакціонныхъ комиссій, разрѣшавшихъ великій русскій вопросъ. Они воскресаютъ, индивидуализируются передъ вами во всѣхъ своихъ характерныхъ чертахъ, во всѣхъ своихъ искреннихъ мнѣніяхъ».

Вводя читателя, такъ сказать, въ ту лабораторію, въ которой вырабатывались отдѣльныя статьи Положенія 19 февраля 1861 г., это сочиненіе можетъ быть ключемъ и комментариемъ для выясненія смысла и духа нынѣ дѣйствующихъ законоположеній о крестьянахъ. Несмотря на всю необъятную массу кропотливаго и усидчиваго труда, которой потребовало «Освобожденіе крестьянъ», Н. П. Семеновъ никому не поручалъ даже черновой работы, все дѣлалъ самъ, былъ и авторомъ, и переписчикомъ, и только малолѣтнія дѣти его нѣсколько помогали ему въ работѣ.

Сообразно тому, какъ всѣ работы редакціонныхъ комиссій были раздѣлены ихъ первымъ предсѣдателемъ Я. И. Ростовцевымъ (вторымъ былъ графъ В. Н. Панинъ) на три періода, и Н. П. Семеновъ раздѣлилъ свой трудъ на три тома. Въ первомъ изъ нихъ послѣ значительнаго введенія («значение реформы, временныя учрежденія для начертанія положеній и ихъ дѣятельности и характера, учрежденія для введенія положеній, обзоръ матеріаловъ» и проч.) говорится о предварительныхъ занятіяхъ комиссій въ теченіе отъ 4-го марта 1859 года до 27-го мая 1859 года, во время которыхъ, по выраженію Я. И. Ростовцева, члены комиссій «спѣвались», т.-е. опредѣляли ходъ и организацію работъ, ознакамливаясь другъ съ другомъ и съ крестьянскимъ вопросомъ. Вслѣдъ за этимъ началась «разработка положеній», когда члены только «оболванили», какъ выражался на своемъ фигурномъ языкѣ Я. И. Ростовцевъ, проектъ освобожденія.

Эта «разработка положеній», или разсмотрѣніе проектовъ губернскихъ комитетовъ, продолжалась и во второй и въ началѣ третьяго періода занятій комиссій и составляетъ главное содержаніе второго и третьяго томовъ «Освобожденія крестьянъ». Вторая часть третьяго тома содержитъ въ себѣ «заключительныя работы» — кодификацію положеній, завершенную въ 23 общихъ присутствіяхъ, съ 14-го іюня по 10-е октября 1860 года.

¹⁾ «Отчетъ о присужденіи въ 1891 году премій Макарія, митрополита московскаго», стр. 7.

1-го ноября 1860 г. всѣ члены комиссій были представлены императору Александру II, который обратился къ нимъ съ слѣдующимъ привѣтственнымъ словомъ:

«Я желалъ васъ видѣть, господа, чтобы поблагодарить за ваши добросовѣстные труды, которые требовали большихъ усилій и большой дѣятельности: работа ваша была огромная. Конечно, всякій человеческій трудъ имѣетъ свои несовершенства. Вы сами это знаете; это очень хорошо знаю и я. Придется, можетъ быть, сдѣлать измѣненія, но во всякомъ случаѣ вамъ принадлежитъ честь перваго труда, и Россія вамъ благодарна. Поэтому я желалъ отъ души поблагодарить васъ, господа. Я надѣюсь, что потомъ каждый изъ васъ въ своемъ кругѣ будетъ содѣйствовать общему намъ дѣлу. Дѣло это слишкомъ близко моему сердцу: Я увѣренъ, что оно такъ же близко вамъ, какъ и мнѣ. Еще разъ благодарю васъ отъ души. Графъ Панинъ, который заступилъ мѣсто Якова Ивановича, не разъ говорилъ мнѣ о вашихъ добросовѣстныхъ занятіяхъ. Я и васъ благодарю, графъ. Богъ поможетъ намъ кончить дѣло».

За появленіемъ въ свѣтъ томовъ «Освобожденія крестьянъ» внимательно слѣдилъ императоръ Александръ III, разрѣшившій и посвятить его императору Александру Николаевичу. Онъ лично бесѣдовалъ по поводу ихъ съ Николаемъ Петровичемъ Семеновымъ и, раздѣляя основной взглядъ автора, что «быть крестьянъ долженъ быть преимущественно обезпеченъ, и они должны быть предметомъ особыхъ заботъ правительства», поручилъ ему составить записку о крестьянскомъ землевладѣніи. Таковая была немедленно составлена и лично представлена авторомъ государю. Напечатана она была подъ заглавіемъ: «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Выводы и заключеніе», первоначально на счетъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ 1893 г., въ типографіи Киришаума, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, и вторично въ 1894 г., въ типографіи В. В. Комарова.

Какъ этою запискою, такъ и доказательствами, приводимыми въ личной бесѣдѣ съ императоромъ Александромъ III, Николай Петровичъ успѣлъ убѣдить государя въ «необходимости установленія неотчуждаемости крестьянской надѣльной земли отъ этого сословія». А послѣ представленія нѣсколькихъ другихъ записокъ по этому же вопросу, императоръ Александръ III повелѣлъ изготовить законопроектъ «о неотчуждаемости крестьянской надѣльной земли» и утвердилъ его (14-го декабря 1893 года), чѣмъ неизбѣжно отмѣнялась 165 ст. Положенія 19-го февраля 1861 года (объ укрѣпленіи земельныхъ участковъ въ собственность).

Много, конечно, своими «Выводами и заключеніемъ» пріобрѣлъ себѣ авторитетный защитникъ общины противниковъ и недоброжелателей, но, какъ мы уже сказали въ своемъ вступленіи, онъ никогда не поступался своими убѣжденіями и твердо проповѣдывалъ ихъ.

Почти одновременно съ этою запискою императоръ Александръ III поручилъ Н. П. Семенову составить другую записку— «о будущемъ крестьянскаго сословія», но скончался ранѣе появленія ея въ свѣтъ. Когда въ январѣ 1895 г. покойный, по случаю пожалованія его орденомъ св. Владимира 2-й ст., представлялся нынѣ царствующему императору Николаю Александровичу, то былъ спрошенъ императоромъ, готовитъ ли онъ записку по крестьянскому дѣлу, порученную ему императоромъ Александромъ III. Получивъ утвердительный отвѣтъ, государь просилъ Н. П. Семенова окончить ее и представить ему, что и было сдѣлано осенью 1895 года¹). Въ печати же она появилась въ слѣдующемъ году подъ заглавіемъ: «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. О будущемъ крестьянскаго сословія».

Въ первыхъ двухъ главахъ этой брошюры авторъ трактуетъ вообще о крестьянскомъ землевладѣніи, признаваемомъ имъ за «устой государственной жизни», и въ особенности останавливается на «двухъ важнѣйшихъ событіяхъ» для этого землевладѣнія, а именно на законѣ 14-го декабря 1893 г. и постройкѣ Сибирскаго желѣзнаго пути. Послѣдняя глава посвящена вопросу о крестьянскомъ самоуправленіи. Приведенныя въ заключеніе мѣры для урегулированія послѣдняго вызвали въ свое время также много толковъ и споровъ.

Въ тѣсной связи съ предыдущими работами Н. П. Семенова находятся и слѣдующія брошюры: «Проекты манифеста 19-го февраля 1861 года» (изъ «Русскаго Вѣстника», 1891 г., № 6) и «Наше дворянство» (Спб., 1898 г.). Въ первой, послѣ предисловія автора, приведенъ проектъ всемилостивѣйшаго манифеста, составленіе котораго было поручено графомъ В. Н. Панинымъ членамъ редакціонныхъ комиссій—Ю. Ф. Самарину и Н. А. Милютину. Какъ извѣстно, этотъ проектъ не понравился графу Панину и былъ отвергнутъ; объявленъ же былъ манифестъ, составленный московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, къ которому графъ Панинъ обратился послѣ вторичныхъ неудачныхъ попытокъ составить проектъ въ собственной канцеляріи департамента министерства юстиціи.

Происхожденіе второй брошюры «Наше дворянство» таково. Работавшему въ высочайше утвержденной комиссіи по дворянскому

¹) Этими и нѣкоторыми другими свѣдѣніями мы обяваны сыну покойнаго, Петру Николаевичу Семенову, которому и приносимъ глубокую благодарность.

дѣлу, подъ предсѣдательствомъ И. Н. Дурново, Петру Николаевичу Семенову государь императоръ Николай Александровичъ въ 1897 г. изволилъ лично поручить составленіе записки по обсуждаемому вопросу. Но П. Н. Семеновъ просилъ его величество разрѣшить просить его отца принять главное участіе въ ея составленіи, на что послѣдовало высочайшее соизволеніе, и, такимъ образомъ, появился въ свѣтъ совмѣстный трудъ отца и сына: «Наше дворянство».

Послѣ краткаго историческаго очерка о дворянствѣ до освобожденія крестьянъ въ 1861 г., авторы почти исключительно говорятъ о дворянскомъ землевладѣніи и поземельномъ кредитѣ, и въ заключеніе приводятъ рядъ мѣръ къ упроченію, съ одной стороны, дворянскаго землевладѣнія, и съ другой—поддержанію государственнаго значенія дворянскаго сословія.

Изъ числа чисто юридическихъ литературныхъ работъ Н. П. Семенова наиболѣе крупными являются: «Объ адвокатурѣ въ гражданскомъ процессѣ» (въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1859 г., кн. 2); «Замѣчанія оберъ-прокурора д. ст. с. Н. П. Семенова», согласно которымъ были введены въ 1864 г. судебные уставы, и «Наши реформы» (въ «Русскомъ Вѣстникѣ», за 1884 г., и отдѣльно). Последняя въ свое время возбудила много толковъ.

Обратимся теперь къ поэтическому творчеству Н. П. Семенова, вѣнцомъ котораго является его сборникъ: «Изъ Мицкевича» (Спб., 1883 г.), посвященный Каэтану Андреевичу Коссовичу. Въ предисловіи къ нему авторъ говоритъ: «По выпускѣ моемъ изъ Царско-сельскаго лицея и со вступленіемъ на службу въ министерство юстиціи, я совсѣмъ разстался съ поэзіей (которой занимался въ бытность въ лицей). Но судьба устроила такъ, что я тѣмъ же служебнымъ путемъ возвратился къ ней. Въ 1850 г. я былъ назначенъ губернскимъ прокуроромъ въ Вильну. Тамъ я сталъ учиться польскому языку и читать въ подлинникѣ Мицкевича. Увлеченный его поэтическимъ гениемъ, его несравненнымъ искусствомъ описывать природу, его неподражаемыми переходами отъ внѣшняго міра къ внутреннему созерцанію, я, для повѣрки того, насколько самъ проникалъ въ душу поэта, сталъ переводить его «Крымскіе сонеты», какъ близкіе намъ по содержанію». Эти переводы впоследствии были переработаны переводчикомъ, отчасти по замѣчаніямъ Н. Н. Стрехова, и напечатаны въ 1869 г. въ «Зарѣ».

Сочувственные о нихъ отзывы въ печати побудили Н. П. Семенова испытать свои силы въ переводахъ и другихъ произведеній Мицкевича, особенно знаменитой его поэмы «Конрадъ Валленродъ»; при этомъ онъ пользовался совѣтами и указаніями из-

вѣстнаго филолога Каэтана Андреевича Коссовича, съ которымъ «связывали его отношенія искренней дружбы». Поэма эта печаталась частями по мѣрѣ выхода въ свѣтъ книжекъ «Зари», но такъ какъ послѣдняя перестала выходить уже въ началѣ 1872 года, то и изъ переведеннаго Н. П. Семеновымъ успѣли появиться въ печати только 4 главы «Конрада Валленрода». Впослѣдствіи онъ перевелъ поэму «Pan Tadeusz» и 17 стихотвореній Мицкевича, которыя всѣ и собраны въ вышеназванномъ сборникѣ.

Этотъ сборникъ раздѣленъ на три части: 1) поэмы, 2) разныя стихотворенія, и 3) Крымскіе сонеты. Въ первую вошли: «Конрадъ Валленродъ», «Панъ Фаддей» и «Фарисъ». Ко всѣмъ приложены объясненія переводчика. Изъ «Разныхъ стихотвореній» наиболѣе крупными являются: «Первоцвѣтъ», «Ода на молодость» и «Александру Ходзкѣ». Въ 1886 г. сборникъ «Изъ Мицкевича» былъ удостоенъ академіею наукъ Пушкинской преміи, согласно отзыву о немъ профессора Вержбовскаго, который, послѣ подробнаго разбора, пришелъ къ выводу, что «переводы г. Семенова слѣдуетъ признать плодомъ поэтическаго дарованія и художественнымъ произведеніемъ. На мой взглядъ, они лучше всѣхъ прочихъ переводовъ стихотвореній Мицкевича на русскій языкъ».

Изъ другихъ оригинальныхъ поэтическихъ произведеній Н. П. Семенова намъ извѣстны: «Молитва передъ св. Причастіемъ», напечатанная во «Всемирной Иллюстраціи» (1894 года № 1315, 9-го апрѣля); «Памяти А. С. Пушкина въ день 26-го мая 1899 года (въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», 1899 г., № 181); «Въ тѣни отъ свѣта. М. И. Б—ой» (1888 г.); «Привѣтливый уголокъ. Двумъ сестрицамъ-художницамъ въ живописи В. П. и А. П. Ш—ъ» (1889 г.); «Е. К. Корибутъ-Дашкевичъ» (артисткѣ Мравиной) — въ «Нивѣ», за 1890 г., № 42, и нѣкоторыя другія.

Всѣ эти произведенія, при ихъ несомнѣнной поэтичности, отличаются необыкновенно плавнымъ и звучнымъ стихомъ.

Среди своихъ многочисленныхъ занятій, служебныхъ и литературныхъ, Н. П. Семеновъ находилъ еще время и возможность заниматься изученіемъ флоры Виленской, Московской, Ярославской и Рязанской губерній; собралъ большой гербарій, который вошелъ въ число источниковъ для составленія профессоромъ Цингеромъ «Сборника свѣдѣній о флорѣ средней Россіи» (Москва, 1886 г.). Въ 1876 г., въ своей рѣчи, произнесенной въ императорскомъ Россійскомъ обществѣ садоводства, членомъ котораго онъ состоялъ, и озаглавленной: «О значеніи и задачахъ ботаническаго словаря, каталоговъ и прейсъ-курантовъ», Н. П. Семеновъ возбудилъ вопросъ о необходимости создать русскую ботаническую номенклатуру, установивъ родовыя и видовыя названія растений на рускомъ языкѣ. Не прошло

послѣ этого и двухъ лѣтъ, какъ онъ уже выпускаетъ въ свѣтъ довольно большой трудъ: «Русская номенклатура наиболѣе извѣстныхъ въ нашей флорѣ и культурѣ и нѣкоторыхъ общеупотребительныхъ растений» (Спб., 1878 г.).

Въ 1878 г. въ «Вѣстникѣ Россійскаго общества садоводства» была напечатана рѣчь Н. П. Семенова «Международный конгрессъ въ Лозаннѣ по поводу филлоксеры», а въ 1881 г.—его интересныя наблюденія въ своемъ имѣннн надъ выносливостью различныхъ видовъ деревь и растений, растущихъ на открытомъ воздухѣ, подъ заглавiемъ: «Деревья и кустарники, растущiе на открытомъ воздухѣ въ южной части Рязанской губернiи».

Наконецъ своею статьею: «О ненормальныхъ размноженiяхъ живыхъ организмовъ въ природѣ, съ критическими замѣчанiями на теорiю Дарвина» (Спб., 1879 г.), Н. П. Семеновъ побудилъ связаннаго съ нимъ тѣсными узами дружбы Н. Я. Данилевскаго, нашего извѣстнаго изслѣдователя рыболовства, натуралиста и автора сочиненiя: «Россiя и Европа», предпринять огромный трудъ—серьезную и глубокую критику ученiя Дарвина и посвятить Николаю Петровичу свое сочиненiе—«Дарвинизмъ» (Спб., 1885 г.).

Этимъ мы и заканчиваемъ свои замѣтки о замѣчательномъ и многообъемлющемъ русскомъ человѣкѣ, какимъ былъ покойный сенаторъ Николай Петровичъ Семеновъ, не перестававшiй трудиться на литературномъ поприщѣ до послѣдняго времени: еще въ 1901 г. имъ была напечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 60) рецензiя на XV выпускъ сочиненiя Н. П. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина», и пожелаемъ, чтобы его сынъ, Петръ Николаевичъ, поскорѣ довелъ до всеобщаго свѣдѣнiя, путемъ печати, любопытныя свѣдѣнiя изъ обильной переписки покойнаго съ многими корифеями русской литературы и науки, съ которыми онъ былъ знакомъ, а съ нѣкоторыми находился даже и въ тѣсной дружбѣ.

В. Рудаковъ.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ Н. И. КАРЪЕВА.

(По поводу ея двадцатипятилѣтія).

РЕДИ представителей русской науки немало выдающихся историковъ, посвятившихъ свои силы изученію прошлой жизни западно-европейскихъ народовъ. Очень многіе изъ нихъ дали образцовыя изслѣдованія, представляющія собою драгоцѣнный вкладъ въ историческую науку, часто открывающія новые научные горизонты, расширяющія сферу наблюденія и весьма нерѣдко дающія окончательный и исчерпывающій отвѣтъ на вопросы, которые еще долго послѣ того въ Западной Европѣ, мало знакомой съ нашей научной литературой, считаются все-таки наиболѣе текущими и животрепещущими проблемами. Мы имѣемъ образцы тонкаго и тщательнаго научнаго анализа различныхъ сторонъ соціальной и экономической эволюціи того или иного конкретнаго западно-европейскаго общества; есть у насъ труды, замѣчательные богатствомъ и новизною матеріала и научностью основанной на немъ характеристики цѣлаго культурнаго періода; мы можемъ похвалиться цѣлымъ рядомъ синтетическихъ работъ, вдругъ бросившихъ яркій, новый и совершенно оригинальный свѣтъ на ту или иную сторону культурнаго бытія западно-европейскихъ обществъ; мы можемъ назвать такія историческія монографіи, въ которыхъ впервые исторія тѣхъ или иныхъ соціально-экономическихъ отношеній на западно-европейской почвѣ получаетъ общее соціологическое освѣщеніе, значеніе одной изъ яркихъ иллюстрацій къ той или другой теоріи эволюціи общества и государства и т. д., и т. д. Но

среди этого множества превосходныхъ продуктовъ ученой дѣятельности русскихъ людей въ области западно-европейской исторіи врядъ ли можно указать хоть одно произведеніе, которое можно было бы поставить рядомъ съ трудами проф. Н. И. Карѣева—по тому широкому значенію, какое имѣютъ они, какъ научная популяризація западно-европейской исторіи, какъ продукты научнаго творчества, дающіе удовлетвореніе потребности русскаго общества въ синтетическомъ ознакомленіи съ исторіей Европы въ цѣломъ, въ частностяхъ и въ общемъ и съ различными теоретическими вопросами исторіи, какъ произведенія, въ которыхъ счастливо сочеталась широта взглядовъ и интересовъ, общесоціологическихъ и философскихъ тенденцій съ спеціальностью выдающагося историка западно-европейской культуры,—какъ, наконецъ, пособия, дающія отвѣтъ на запросы текущаго момента въ нашей общественной и идейной жизни, представляющія собою одинъ изъ надежнѣйшихъ и солиднѣйшихъ элементовъ того именно источника знанія, какой нуженъ обществу, къ которому оно обращается фактически, хотя бы критика въ самомъ этомъ источникѣ и въ его отдѣльныхъ элементахъ и видѣла много несовершенствъ,—пособія, чуждыя къ тому же быстропроходящихъ увлеченій и необъятною широтою и оригинальною узостью различныхъ теорій, построеній и догматическихъ утвержденій, въ такомъ изобиліи появляющихся у насъ и быстро улетающихъ часто безъ слѣда и остатка. Можно спорить противъ абсолютнаго значенія того или другого труда Н. И. Карѣева, можно многое въ нашей научной литературѣ по всеобщей исторіи поставить выше его работъ по талантливости и научности, можно наконецъ даже не соглашаться съ общеисторической концепціей его, во многихъ случаяхъ едва ли представляющей собою нѣчто неуязвимое и безупречное по выдержанности и глубинѣ мысли, но отрицать, что учено-литературная дѣятельность почтеннаго профессора имѣетъ весьма большое общественное и культурное значеніе именно потому, что она главнымъ образомъ создавала до сихъ поръ и сейчасъ связующія нити между громаднымъ большинствомъ нашей интеллигенціи и западно-европейской исторической наукой, что она, главнымъ образомъ, давала и даетъ удовлетвореніе потребностямъ этого большинства въ знаніи прошлаго Западной Европы, и при томъ удовлетвореніе, основанное на началахъ прогресса, науки, истины, пониманія многогранности жизни и культуры, отрицать это не приходится даже самому пристрастному человѣку: стоитъ только вспомнить, что большинство трудовъ Н. И. Карѣева выдержало уже нѣсколько изданій въ то время, какъ великое множество работъ другихъ русскихъ ученыхъ, несмотря на всѣ свои достоинства, спокойно лежитъ въ пыли библиотекъ или находитъ обращеніе лишь въ тѣсномъ кругу немногихъ специалистовъ и почитателей,—чтобы убѣ-

даться, что само русское общество, интересующееся западно-европейской исторіей, выбрало и оцѣнило его, какъ своего лучшаго руководителя, и что, стало быть, никакая пристрастная критика и отрицательная оцѣнка не можетъ поколебать безусловно большого значенія дѣятельности этого выдающагося ученаго и профессора, какъ именно дѣятельности, служащей дѣлу просвѣщенія нашей родины, какъ именно дѣятельности, во имя этого благороднаго и важнаго дѣла не замыкающей въ рамки узко специальныхъ вопросовъ, никому ненужныхъ и во всякомъ случаѣ мало имѣющихъ отношенія къ непосредственнымъ идейнымъ нуждамъ русскаго общества.

Учено-литературная дѣятельность Н. И. Карѣва, имѣющая столь большое значеніе для русскаго общества, началась собственно въ 1868 году, когда была напечатана первая научная работа его: «Фонетическая и графическая система древняго эллинскаго языка». Но вполне опредѣленный характеръ она приобретаетъ лишь съ момента выхода въ свѣтъ его магистерской диссертаци: «Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка» (Спб., 1879), представляющей собою выдающійся вкладъ въ научную литературу вопроса ¹⁾, достойно оцѣненный въ свое время и русской и иностранной критикой (см. «Revue politique et littéraire», 1879 и 1880; «Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques», 1879; «La revue de philosophie positive», 1880; «Journal des savants», 1880; «Слово», 1879, № 10; «Вѣстникъ Европы», 1879, № 5; «Отечественныя Записки», 1879, № 6; «Дѣло», 1879, № 4; «Юридическій Вѣстникъ», 1879, № 2; «Русская Правда», 1879, № 6). До диссертаци проф. Карѣва вопросъ, которому она посвящена, можно сказать, не былъ совершенно разработанъ даже во французской литературѣ. Общія исторіи французскихъ крестьянъ, появившіяся задолго до изслѣдованія нашего ученаго, хотя и поднимали вопросъ, но отвѣта на него или не давали вовсе никакого или, если и давали, то очень неопредѣленный, поверхностный и необоснованный. Такъ, изъ пяти сочиненій по исторіи крестьянъ, вышедшихъ въ свѣтъ до 70-хъ годовъ,—сочиненій Дарестъ де-ла-Шаванна, Дю-Селлье, Дониоля, Лемари и Бонмера, только въ работѣ послѣдняго можно найти болѣе или менѣе обстоятельный очеркъ исторіи крестьянъ въ XVIII вѣкѣ, но и она въ этомъ случаѣ цѣннаго для проф. Карѣва ничего представить не могла. Не лучше обстояло дѣло, строго говоря, и въ специальной монографической литературѣ. Трудъ Н. И. Карѣва такимъ образомъ внесъ лучъ свѣта въ область, до него со-

¹⁾ Къ сожалѣнію, русское изданіе въ настоящее время—библиографическая рѣдкость. Въ 1900 году вышелъ французскій переводъ ея: *Les paysans et la question paysanne en France au dernier quart du XVIII siècle*,

вершенно не разработанную. Тщательнымъ анализомъ до него нѣтъ почти не тронутаго матеріала онъ выяснилъ отношенія, какія существовали между крестьянами, съ одной стороны, и сеньорами, буржуазіей, королевскою властью—съ другой, далъ чрезвычайно ясную картину общаго состоянія земледѣльческаго сословія и разсмотрѣлъ постановку крестьянскаго вопроса и его рѣшенія. Тонкость анализа, конкретность данныхъ, строгость метода, очень большая ясность выводовъ и картины, опредѣленность основныхъ линій и положеній увеличиваютъ научную цѣнность этой книги, имѣющей весьма большое значеніе уже просто по новизнѣ и богатству матеріала. Благодаря этимъ качествамъ, диссертация представляетъ не только превосходную книгу по данному специально вопросу, но и образецъ вообще научнаго изслѣдованія вопросовъ соціальной исторіи новаго времени. Этимъ только и объясняется, что и результаты, къ которымъ пришелъ Н. И. Карѣевъ въ этомъ своемъ первомъ научномъ историческомъ изслѣдованіи, до сихъ поръ остаются непоколебленными, несмотря на появленіе новыхъ теорій и гипотезъ (Маріона, Рамо и др.), существеннымъ образомъ отклоняющихся отъ выводовъ русскаго изслѣдователя: такой, на-примѣръ, выдающійся историкъ, отличающійся строго позитивнымъ методомъ и ригористическимъ реализмомъ, какъ проф. Лучицкій, послѣ тщательнаго изученія всѣхъ этихъ теорій и глубокаго анализа новыхъ матеріаловъ по крестьянскому землевладѣнію во Франціи наканунѣ революціи, въ концѣ концовъ долженъ былъ возвратиться къ тѣмъ основнымъ выводамъ, къ какимъ по данному вопросу уже раньше пришелъ Н. И. Карѣевъ (см. И. В. Лучицкій: «Крестьянское землевладѣніе во Франціи» и т. д., Кіевъ, 1900, стр. 129, 175 и др.). Само собою разумѣется, все это не значитъ, что послѣ труда проф. Карѣева въ области исторіи французскихъ крестьянъ послѣдней четверти XVIII вѣка уже нѣчего изучать и изслѣдовать. Такіе сложные вопросы требуютъ цѣлаго ряда изысканій. Одна работа не въ состояніи исчерпать всего богатства матеріала, къ тому же изъ года въ годъ растущаго и раскрывающаго все новыя и новыя стороны вопроса. Дѣло лишь въ томъ, что проф. Карѣевъ впервые далъ вполне научный трудъ по данному вопросу, и то, что онъ своимъ изслѣдованіемъ раскрылъ въ этомъ вопросѣ, является положительнымъ приобрѣтеніемъ науки, дѣлающимъ дальнѣйшіе шаги въ томъ же направленіи болѣе опредѣленными и легкими: въ самомъ дѣлѣ, до изслѣдованія Н. И. Карѣева было извѣстно лишь, что передъ паденіемъ стараго порядка крестьянинъ, во-первыхъ, уже не сервъ и, во-вторыхъ, находится подъ гнетомъ государственныхъ и другихъ повинностей; тѣ экономическія отношенія, какія существовали между сеньорами и крестьянами по землѣ, упускались изъ виду совершенно, всецѣло исчезая подъ перомъ изслѣдователей въ чисто юридическихъ

признакахъ свободы; отношенія, существовавшія между крестьянствомъ и другими общественными классами, на какіе распадалась Франція XVIII вѣка, не обращали на себя почти никакого вниманія; опредѣленіе истиннаго смысла и содержанія крестьянскаго во-

Николай Ивановичъ Карѣвъ.

проса сдѣлано почти вовсе не было; все это и раскрыто впервые Н. И. Карѣвымъ: кому неизвѣстно изъ занимающихся всеобщей исторіей, какое это цѣнное и прочное приобрѣтеніе исторической науки? Прибавьте ко всему этому, что весь трудъ проникнуть духомъ строгаго позитивизма, что на каждой страницѣ ея лежитъ

печать социологического пониманія явленій исторіи, что все въ концѣ концовъ сводится къ весьма опредѣленнымъ реальнымъ силамъ общественной эволюціи,—и вы признаете, что двадцать пять лѣтъ тому назадъ начатая литературная дѣятельность Н. И. Карѣва была начата блестяще.

Послѣдующая учено-литературная дѣятельность проф. Карѣва, весьма интенсивная, прямо кипучая по своей плодovitости, непрерывности, живости, всецѣло почти сосредоточивается на работѣ вопросовъ общеисторическихъ и общетеоретическихъ, на популяризаціи тѣхъ или иныхъ историческихъ темъ и наконецъ на работѣ специально для молодежи, нашедшей въ немъ своего сердечнаго друга, искреннаго, серьезнаго и вѣрнаго руководителя. Лучшими и капитальнѣйшими продуктами этой дѣятельности являются 3 тома «Основныхъ вопросовъ философіи исторіи» (I. Сущность и задачи философіи исторіи. II. Научныя основы теоріи прогресса. Спб., 1883; 2-е изд.; 1887, 3 изд., 1897. III. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Спб., 1890) и пятитомная «Исторія Западной Европы въ новое время», три первыхъ тома которой резюмировано въ особомъ трудѣ: «Философія культурной и социальной исторіи новаго времени» (Спб., 1893; 2-е изд., 1902)¹). Но и все остальное, что вышло изъ-подъ пера Н. И. Карѣва, представляетъ въ томъ или иномъ смыслѣ цѣнное приобрѣтеніе нашей научной и научно-популярной литературы. Тутъ мы найдемъ работы самаго разнообразнаго содержанія, всегда однако серьезнаго и важнаго, какъ бы мы ни относились къ ихъ значенію, исходя изъ другого представленія о задачахъ исторической науки или изъ другого пониманія культурной эволюціи. «Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 г.» (Варш., 1881), «Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ» (1886), «Литературная эволюція на Западѣ» (Воронежъ, 1886), «Историческій очеркъ польскаго сейма» (1888), «Паденіе Польши въ исторической литературѣ» (1889), «Польскія реформы XVIII в.» (1890), «Causes de la chute de la Pologne» (Vevey, 1893) — вотъ одинъ рядъ этихъ работъ. Многое изъ того, что сказано въ названныхъ сочиненіяхъ, въ настоящее время должно быть отброшено, какъ нѣчто устарѣвшее, во многое слѣдовало бы внести поправки и оговорки, но и до сихъ поръ они остаются цѣнными и часто незамѣнимыми пособіями. Къ этой же категоріи работъ относятся и двѣ очень хорошія и популярныя книжки, составленныя изъ лекцій, читанныхъ проф. Карѣвымъ въ Политехническомъ институтѣ: «Государство-городъ античнаго міра» (Спб., 1903) и «Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра» (Спб., 1904).

¹) См. также его статью: «Задачи социологіи и теоріи исторіи» въ журналѣ «Новое Слово», 1897 г., №№ 1—2.

Несмотря на неясности тѣхъ или иныхъ мѣстъ и на нѣкоторую тяжеловѣсность языка, эти книжки безусловно оригинальное явленіе не только въ нашей, но и въ западно-европейской научно-популярной литературѣ. Другой рядъ работъ проф. Карѣва представляютъ многочисленныя журнальныя статьи по различнымъ вопросамъ теоріи исторіи и социологіи (отчасти собранныя имъ въ книгѣ: «Историко-философскіе и социологическіе этюды», Спб., 1895), всецѣло примыкающія по общей точкѣ зрѣнія къ «Основнымъ вопросамъ философіи исторіи», и такого рода сочиненія, составленныя изъ курсовъ, читанныхъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, какъ «Старые и новые этюды объ экономическомъ материализмѣ» (Спб., 1896) и «Введеніе въ изученіе социологіи» (Спб., 1897)¹⁾. Большинство этихъ работъ и особенно «Старые и новые этюды» находятся въ связи съ тѣмъ явленіемъ въ нашей журналистикѣ, которое носитъ названіе экономическаго материализма и марксизма. Кому неизвѣстно оно? Зародившись, строго говоря, еще въ трудахъ Благосвѣтлова, Жуковскаго, Зибера и др., оно особеннаго развитія достигаетъ, какъ извѣстно, въ 90-хъ годахъ. Имена Маркса и Энгельса являлись своего рода символами непогрѣшимости, а ихъ исторіософія считалась чуть ли не ключемъ отъ всѣхъ ключей. Вся пестрота жизни, вся сложность развитія и историческихъ движеній и перемѣнъ сводилась къ единому экономическому источнику, какъ къ единому фактору культурной эволюціи. Такіе безспорно талантливые и глубокообразованные люди, какъ гг. Бельтовъ, Струве, Булгаковъ и др., бросаются въ потокъ этого односторонняго увлеченія, поддерживаютъ его въ другихъ, въ читателяхъ своихъ статей и книгъ, въ увлекающейся горячей молодежи и съ страстностью, достойною лучшаго приложенія, стремятся разбить тѣхъ, кто является представителемъ иныхъ общественныхъ теорій и иныхъ теоретическихъ предпосылокъ общественной дѣятельности. Схватка между тѣми и другими была неизбѣжна. Ея частнымъ и, быть можетъ, самымъ яркимъ эпизодомъ была знаменитая полемика между покойнымъ Н. К. Михайловскимъ и г. Туганъ-Барановскимъ. Съ какою силою, съ какимъ блескомъ напалъ знаменитый публицистъ-критикъ «Русскаго Богатства» на этого нѣкогда столь правдиваго и рѣшительнаго марксиста! Было ли то пораженіе марксистовъ или нѣтъ,—трудно рѣшить. Но что правда была не на ихъ сторонѣ, доказала послѣдующая исторія. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, они, эти марксисты, материалисты и т. п.? Гдѣ эти столь грозные враги «идеологовъ»? Увы, всѣ они теперь находятся въ непроходимыхъ

¹⁾ Нельзя не замѣтить кстати, что проф. Карѣвъ—рѣдкій примѣръ профессора, печатающаго свои курсы. Это доказываетъ, какъ серьезно Н. И. Карѣвъ относится къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ. Много ли профессоровъ читаетъ такіе курсы, которые они рѣшились бы напечатать?

дебряхъ метафизики или идеализма, какъ они называютъ его, на другомъ совершенно полюсѣ пониманія жизни, исторіи и природы, чѣмъ то, которое они когда-то такъ страстно исповѣдывали. Все это стоитъ вспомнить, чтобы оцѣнить и роль Н. И. Карѣва въ это любопытное время борьбы «новаго со старымъ», какъ говорилось тогда. Марксисты, конечно, не могли обойти Н. И. Карѣва, какъ самаго крупнаго представителя того историческаго «идеализма», противъ котораго они боролись, тѣхъ вообще общефилософскихъ и социологическихъ воззрѣній, которыя до него уже лучше всего были формулированы извѣстнымъ русскимъ социологомъ Лавровымъ и Михайловскимъ. Уже тогда Н. И. Карѣвъ предсказывалъ недолговѣчность марксизма и сталъ въ ряды самыхъ серьезныхъ и объективныхъ критиковъ его. Онъ и далъ первую попытку критической исторіи экономическаго матеріализма, и въ настоящее время эта попытка представляетъ собою, можно сказать, единственное систематическое обзорѣніе вопроса, гораздо болѣе объективное, научное и популярное, чѣмъ, напримѣръ, соотвѣтствующая попытка Вольтмана. Пользуясь случаемъ, можно сказать, что Н. И. Карѣвъ вообще стоитъ, такъ сказать, на стражѣ позитивизма и научнаго реализма, того самаго реализма, во имя котораго создавался и марксизмъ, оказавшійся, однако, далеко не реалистическимъ. Не такъ давно съ тѣми же цѣлями нашъ ученый выступилъ и противъ «естественнаго права», — идеи, воскрешаемой нашими юристами изъ давно уже испелелившихся гробовъ, гдѣ ей несомнѣнно и слѣдуетъ оставаться. Во имя того же историческаго реализма, во всемірно-историческихъ теоріяхъ развитія человѣчества видящаго нѣчто наиболѣе соотвѣтствующее подлинной дѣйствительности, Н. И. Карѣвъ борется въ настоящее время всѣми силами своей логики и научнаго опыта и противъ той точки зрѣнія, которая, исходя изъ другого пониманія научнаго реализма, отрицаетъ всякое позитивное значеніе за всемірно-историческими концепціями. Эта послѣдняя точка зрѣнія не нова ни въ русской, ни въ западно-европейской литературѣ: она была болѣе или менѣе опредѣленно формулирована уже въ извѣстной книгѣ Рюккерта—«*Lehrbuch d. Weltgeschichte in organischer Darstellung*» (Leipzig, 1857, 2 Bde), а у насъ уже въ знаменитомъ трудѣ Н. Я. Данилевскаго — «*Россія и Европа*» (1871 г.; 3 изд. 1888 г.), въ этомъ «*катилизисѣ славянофильства*», — но въ настоящее время она безспорно свободна уже вполнѣ отъ той метафизической оболочки, въ какую была она заключена, напримѣръ, у Данилевскаго, и отъ тѣхъ наслоеній, оговорокъ и толкованій, которыя ничего общаго съ научнымъ обществовѣдѣніемъ имѣть не могутъ; въ виду этого нельзя не признать, что если критическія стрѣлы, направленные противъ нея, какъ основы теоріи Данилевскаго, Влад. Соловьевымъ (см. Національн. вопр. въ Россія, вып. 2, стр. 216—273) и Н. И. Карѣвымъ (см. соотвѣтств. статью его въ «Русск. Мысли»

за 1890 г.), и попадали прямо въ цѣль, то едва ли можно сказать то же самое объ отрицательномъ отношеніи къ идеѣ, отвергающей всемірно-историческое пониманіе культурной эволюціи въ настоящее время подъ перомъ такого тонкаго истолкователя исторіи, какъ проф. Випперъ, въ общихъ теоретическихъ соображеніяхъ проф. Петрушевскаго и др. Нельзя не согласиться, что и противники всемірно-исторической идеи впадаютъ въ крайности, слишкомъ подчеркиваютъ основныя линіи схемы историческаго развитія человечества, слишкомъ грубыми и прямыми контурами разграничиваютъ общественные типы и комплексы, но, съ другой стороны, врядъ ли, однако, всемірно-историческая идея — правильное рѣшеніе кардинальнаго вопроса о взаимодѣйствіи и генетической связи культуръ: весьма любопытно и поучительно, что и самъ проф. Н. И. Карѣвъ, столь рѣшительно возстающій противъ «историческаго атомизма», какъ нѣкоторые называютъ точку зрѣнія, отвергающую всемірно-историческую идею, въ послѣднее время взялся за типологическое изложеніе исторіи, которое какъ ни какъ, а предполагаетъ не столько всемірно-историческій процессъ развитія, сколько повторяемость извѣстныхъ моментовъ развитія въ отдѣльныхъ самостоятельныхъ общественныхъ агрегатахъ.

Наконецъ третій рядъ работъ Н. И. Карѣва той категоріи, о которой мы говорили только-что, представляютъ собою такія книжки, спеціально посвященныя молодежи, какъ «Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи» (съ 1894 г. семь изданій), «Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія» (4 изд.), «Мысли объ основахъ нравственности» (2 изд.), «Мысли о сущности общественной дѣятельности» (2 изд.) и др., столь тѣсно связанныя съ тою стороною его дѣятельности, которая сдѣлала его однимъ изъ первыхъ организаторовъ и энергичныхъ работниковъ с.-петербургскаго кружка «Отдѣла для содѣйствія самообразованію» (издаваемаго «Программы чтенія для самообразованія», 4-е изд., Спб., 1904). Эта сторона дѣятельности Н. И. Карѣва заслуживаетъ самаго большаго вниманія и уваженія. Среди множества профессоровъ, ученыхъ и учителей онъ является рѣдкимъ примѣромъ настоящаго друга молодежи, доступнаго и благожелательнаго, искренно проникнутаго любовью къ ней и вмѣстѣ съ нею раздѣляющаго вѣру въ лучшія силы человѣческаго духа, въ лучшіе порывы молодости, въ лучшіе идеалы жизни и труда. Пишущій эти строки самъ съ чувствомъ живѣйшей признательности вспоминаетъ то хорошее и далекое для него время, когда онъ зачитывался названными книжками дорогаго ему учителя, когда въ молодую душу проникалъ голосъ опытнаго «наставника» и звалъ къ работѣ, борьбѣ, ко всему лучшему и доброму, когда въ немъ одномъ, въ этомъ учителѣ, онъ видѣлъ настоящаго руководителя, открывавшаго ему правду, говорившаго его сердцу, молодому и незрѣлому уму такъ много сердечнаго и отеческаго, несмотря на то, что

вокругъ него кишѣла тѣма официальныхъ представителей «воспитанія и образованія», увы, такъ бесполезно несущихъ и носившихъ бремя своего «призванія». И сколько-сколько юношей можетъ повторить то же самое и теперь! Сколько изъ нашего поколѣнія можетъ сказать то же самое о своей юности! И мы лучше, чѣмъ кто либо, понимаемъ, какъ почтенна и какого безконечнаго уваженія заслуживаетъ эта дѣятельность Н. И. Карѣва. Правда, Н. И. Карѣвъ не первый заговорилъ на темы, касающіяся специально молодежи, не первый обратился непосредственно къ ней. Но ни одна изъ работъ такого рода отъ «Задачъ этики» Кавелина до новѣйшей книжки г. Иванова «Вопросы молодости» не нащупала того именно нерва юношеской психики, который угаданъ проф. Карѣвымъ и является наиболѣе важнымъ и центральнымъ, ни одна изъ нихъ не даетъ ни тѣхъ отвѣтовъ, какіе нужны молодежи, ни того обоснованія ихъ, какое всего болѣе убѣдительно и, мы бы сказали, искренно, научно и правдиво, — наконецъ не воплощаетъ въ себѣ той естественной простоты, которая такъ привлекаетъ въ книжкахъ Н. И. Карѣва молодую душу, наполняя ее обаяніемъ, довѣріемъ и порывами. Въ этомъ смыслѣ проф. Н. И. Карѣвъ въ своемъ родѣ единственный «учитель».

Намъ остается остановиться еще на тѣхъ трудахъ проф. Карѣва, которые, какъ мы сказали уже, являются наиболѣе крупными и капитальными плодами его учено-литературной дѣятельности, — на «Основныхъ вопросахъ» и «Исторіи Западной Европы». Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то общенсторическое міросозерцаніе, которое нашло себѣ въ этихъ трудахъ наиболѣе яркое и рельефное выраженіе. Основные линіи этой исторіософіи, тѣсно соприкасающейся съ общимъ міровоззрѣніемъ и настроеніемъ извѣстной социологической школы, несомнѣнно восходятъ къ тѣмъ понятіямъ и представленіямъ, которыя въ зародышевомъ состояніи можно найти уже въ историческихъ идеяхъ Грановскаго и его современниковъ. Та школа русскихъ социологовъ, въ главѣ которой несомнѣнно слѣдуетъ поставить знаменитаго П. А. Лаврова, держалась собственно этихъ же линій, хотя, конечно, все построеніе теоріи историческаго процесса и основныхъ факторовъ его отличается и инымъ характеромъ, и иною глубиной, и инымъ общимъ смысломъ. То же самое приходится повторить и о Н. К. Михайловскомъ, этомъ безспорно самомъ крупномъ, авторитетномъ и блестящемъ представителѣ русской социологіи названной школы въ самое послѣднее время ея существованія. Проф. Карѣвъ въ своемъ историко-философскомъ трудѣ примыкаетъ почти всецѣло къ этой «социологической» школѣ, которую въ настоящее время приходится называть уже не иначе, какъ старой, хотя онъ раньше, чѣмъ, напри- мѣръ, «марксисты», подвергъ критикѣ нѣкоторыя основанія ея и внесъ рядъ поправокъ въ ея тезисы (см., напри- мѣръ, «Сущность

историческаго процесса», стр. 79—150, «Теорія личности П. Л. Лаврова», «Новый историко-философскій трудъ» въ «Вопросахъ философіи и психологіи», 1898, кн. V). Во многомъ онъ уступаетъ наиболѣе виднымъ представителямъ ея — въ этомъ сомнѣніи не можетъ быть: ни остроты мысли Михайловскаго, напимѣръ, — ни опредѣленности, ни, сказали бы мы, оригинальности и глубины анализа Лаврова мы въ трудахъ его не найдемъ. Но зато его мысль отличается большою широтою, объективностью и систематичностью приложенія къ фактамъ и явленіямъ жизни и исторіи. Большая заслуга проф. Карѣва и состоитъ въ томъ, что онъ впервые не только въ нашей, но и западно-европейской философской и социологической литературѣ поставилъ цѣлый рядъ канитальнѣйшихъ теоретическихъ вопросовъ во всей широтѣ ихъ и построилъ цѣльную и законченную систему воззрѣній на историческій процессъ и цѣлый рядъ явленій, вытекающихъ изъ сущности его, какъ ее понимаетъ Н. И., свелъ ихъ къ единой философіи исторіи, далъ имъ опредѣленную форму и, такъ сказать, очистилъ отъ цѣлага ряда одностороннихъ и ненаучныхъ элементовъ. Такимъ образомъ опредѣленное историческое міровоззрѣніе, уже до проф. Карѣва имѣвшее и крупныхъ и вліятельныхъ представителей, лишь подъ его перомъ впервые получаетъ полное, исчерпывающее, объективное и научное, насколько, конечно, оно можетъ быть научнымъ, выраженіе и обоснованіе. Но и помимо этого, въ отвлеченіи отъ той роли, какую играютъ «Основные вопросы» по отношенію къ названной исторической идеологіи, этотъ трудъ имѣетъ значеніе первой попытки создать философію исторіи на новыхъ началахъ, указанныхъ отчасти уже О. Контомъ, и притомъ попытки очень серьезной и до сихъ поръ еще представляющей собою нѣчто въ своемъ родѣ и въ данной именно области совершенное и не превзойденное: много ли послѣ этого труда новаго внесено и въ постановку и въ рѣшеніе вопросовъ, которымъ посвященъ онъ, имѣя въ виду, конечно, лишь тѣхъ изслѣдователей, которые раздѣляютъ основную идею проф. Карѣва о философіи исторіи? не пережевываютъ ли западноевропейскіе теоретики исторической науки то, что у насъ послѣ труда проф. Карѣва считается уже старьемъ, съ которымъ давно распрощалась наша критика, и къ которому давно уже остылъ интересъ? Вотъ почему книгу проф. Карѣва такъ усердно читаютъ, и мы не можемъ не признать, что дѣлающіе это поступаютъ правильно: ни одна книга не вводитъ въ цѣлый рядъ вопросовъ самаго большого историко-философскаго и социологическаго значенія, ни одна книга не вызываетъ работу мысли въ историко-философскомъ направленіи, ни одна, наконецъ, книга не даетъ полноты матеріала, постановки вопросовъ во всемъ объемѣ и во всей широтѣ такъ, какъ книга проф. Карѣва. Всѣмъ этимъ мы нисколько не утверждаемъ, что

историческая концепція проф. Карѣва является для насъ чѣмъ-то окончательно устанавливающимъ правильную точку зрѣнія на соотвѣтствующій предметъ. Напротивъ, въ настоящее время яснѣе, чѣмъ когда либо, какъ въ дѣйствительности эта концепція несовершенна, и до какой степени она противорѣчитъ реальной сущности и историческаго процесса и обществовѣдѣнія вообще. Самая идея философіи исторіи несомнѣнно уже потеряла свой кредитъ, смыслъ законовъ исторіи, отрицаемыхъ проф. Карѣвымъ, долженъ пониматься иначе, чѣмъ раньше, классификація наукъ, предлагаемая имъ, безспорно не удовлетворяетъ требованіямъ реальной науки, и вообще вся исторіософія въ настоящее время получаетъ совершенно иной характеръ по содержанію и основоположеніямъ, чѣмъ идеологія Н. И. Карѣва,—и въ этомъ случаѣ немалую обновляющую роль сыграла идея экономического матеріализма, хотя сама по себѣ она, какъ справедливо доказывалъ это въ свое время профессоръ Карѣвъ, не имѣетъ серьезнаго научнаго значенія. Растетъ новая «соціологія - исторія», которой, какъ думается, суждено стать господствующей. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что профессоръ Н. И. Карѣвъ уже давно формулировалъ болѣе или менѣе опредѣленно многое изъ того, что эта новая «соціологія-исторія» строить и развиваеетъ. Въ этомъ неоспоримое доказательство, что въ лицѣ проф. Карѣва мы имѣемъ крупнаго обществовѣда, ученаго чрезвычайно широкихъ интересовъ и передового историка. Но въ этомъ же и весь трагизмъ историческаго міровоззрѣнія Н. И. Карѣва. Элементы непримиримыхъ міровоззрѣній—стараго и новаго—никакъ не спаиваются у него въ нѣчто стройное и органическое: проф. Карѣвъ постоянно борется между двумя полюсами пониманія историческаго процесса, стараясь крайности ихъ примирить въ единой гармоніи, которая должна существовать, по его убѣжденію, между тѣми долями истины, которыя въ нихъ заключаются; поэтому нельзя не согласиться съ критиками, которые утверждаютъ, что Н. И. Карѣвъ нерѣдко самъ измѣняетъ своимъ основнымъ тезисамъ и впадаетъ въ дуализмъ, врядъ ли къ тому обоснованный (см., напримѣръ, Трохимовъ: «Суть ли законы исторіи?», Спб., 1903; Бельтовъ: «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію». Спб., 1895 и др.). И тѣмъ не менѣе значеніе «Основныхъ вопросовъ» и до настоящаго момента большее: ни одному соціологу и исторiku, ставящему абстрактные вопросы общественной науки болѣе или менѣе научно, критически, миновать эту книгу невозможно.

Въ тѣсной связи съ этимъ трудомъ, какъ систематизирующимъ общиесторическія и соціологическія воззрѣнія Н. И. Карѣва, находится другая капитальная работа его—«Исторія». Какъ бы отрицательно ни относились мы къ общиесторической точкѣ зрѣнія, положенной въ основу этой книги, мы должны признать ее замѣ-

чательнымъ явленіемъ въ исторической литературѣ вообще. Прежде всего это—единственная полная исторія «соціальныхъ и культурныхъ отношеній» Западной Европы, отличающаяся цѣльностью, научностью и общефилософскимъ смысломъ. Вспомните только общія обзорнія Вебера, Беккера, Ягера, Шлоссера, Филиппсона, въ коллекціи Онкена, Лависса и Рамбо, Зеворта, Петрова, Фримана, Гизо и т. д., и вы признаете, что ни одна изъ существующихъ исторій развитія Европы въ его главнѣйшихъ и крупнѣйшихъ моментахъ не идетъ и въ отдаленное даже сравненіе съ книгой проф. Карѣва. Но, будучи вообще единственной въ своемъ родѣ исторіей Западной Европы въ новое время, она отличается еще широтою горизонтовъ, всесторонностью освѣщенія процессовъ, происходившихъ въ западно-европейскихъ обществахъ: въ общей картинѣ, линіи и краски которой распределены весьма симметрично и гармонично, схвачена вся полнота жизни со всѣми сторонами ея: и экономика, и общественныя отношенія, и политическія условія, и теченія мысли и т. д. Все это—блестяще выполненная иллюстрація къ основному положенію міросозерцанія Н. И. Карѣва, выраженному имъ однажды такъ: «лишь становясь на синтетическую точку зрѣнія, признающую вѣрныя стороны психологическаго идеализма и экономическаго матеріализма, поскольку они дополняютъ другъ друга, и вооружающуюся противъ обоихъ направленій, поскольку одно стремится исключить другое,— лишь становясь именно на эту точку зрѣнія, возможно всесторонне охватить культурно-соціальную жизнь человѣчества». Въ этомъ смыслѣ трудъ проф. Карѣва, повторяемъ, одна изъ лучшихъ и совершенныхъ общихъ исторій, и несомнѣнно переводъ его на какойнибудь распространенный иностранный языкъ обогатилъ бы и европейскую историческую литературу. Существуютъ, конечно, исторіи отдѣльныхъ странъ, которыя нерѣдко стоятъ выше труда Н. И. Карѣва по совершенству выполненія, по тонкости работы и т. д., какъ, напримѣръ, *Deutsche Geschichte* Лампрехта, какъ у насъ, напримѣръ, «Очерки» г. Милюкова, но вѣдь совершенно иная задача—общая исторія Европы и общая исторія отдѣльныхъ странъ ея: какъ общая исторія Европы въ новое время, трудъ проф. Карѣва равнаго себѣ пока ничего не имѣетъ. Есть еще одна сторона въ «Исторіи» Н. И. Карѣва, которая дѣлаетъ ее единственной книгой и въ отдѣльныхъ частяхъ. Никому не удалось написать такой превосходной и всесторонней и притомъ болѣе или менѣе сжатой исторіи Европы въ XIX вѣкѣ, какъ проф. Карѣву. Два тома его исторіи—IV и V, за которыми долженъ послѣдовать и VI, въ этомъ отношеніи представляютъ собою въ сравненіи со всѣми остальными исторіями XIX вѣка—шедевръ: въ самомъ дѣлѣ, какъ безконечно ниже ихъ стоятъ соотвѣтствующія

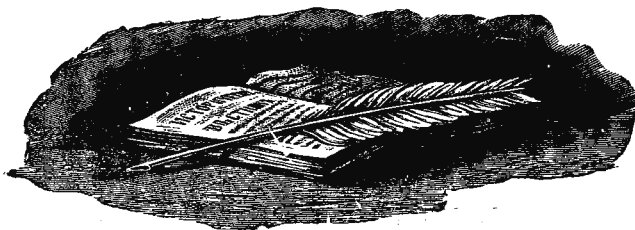
сочиненія Сеньбоса, Файфа, Торсое, Эндрюса, Булле, Йегера, Гоннегера, Лейкснера, Гервинуса и т. д., въ большинствѣ случаевъ лишенныя и широкой исторической подкладки, и общеисторическаго смысла, и научныхъ основаній! Конечно, идеаль изложенія исторіи XIX вѣка не достигнуть и проф. Карѣвымъ. Можно и должно желать и ждать лучшаго въ данной области. Можетъ быть, слѣдовало бы желать и другой постановки вопросовъ, и иной перспективы, и иной соціологической основы. Но пока что, а «Исторія» проф. Карѣва и въ цѣломъ и въ послѣдней своей части — крупный, капитальный, въ высокой степени цѣнный вкладъ въ историческую литературу, соединяющій научность, громадную эрудицію, всесторонность освѣщенія явленій исторіи съ общими широкими соціологическими интересами, равно далекой отъ расплывчатой широты нѣкоторыхъ философскихъ обзорѣній всемірной исторіи, существующихъ въ литературѣ, и отъ ученой мелочности нѣмецкаго гелертства, и отъ поверхности и отъ глубины, хватающей черезъ край, что, какъ извѣстно, бываетъ ¹⁾.

Мы кончили. Мы не думали писать обстоятельной критической статьи объ учено-литературной дѣятельности почтеннаго профессора. Намъ хотѣлось лишь отмѣтить главнѣйшіе результаты двадцатипятилѣтней работы его на поприщѣ исторической науки и русскаго просвѣщенія. Намъ хотѣлось лишь показать, какъ плодovита и плодотворна была она до сихъ поръ, что новаго дала, и въ чемъ слѣдуетъ искать истиннаго значенія ея. Намъ хотѣлось подчеркнуть, что Н. И. Карѣвъ — крупнѣйшій представитель той исторической школы, изъ которой вышелъ, что онъ едва ли не первый изъ русскихъ ученыхъ обратился къ изученію соціально-экономической исторіи Западной Европы и въ этой области далъ первоклассное изслѣдованіе, что онъ — одинъ изъ крупнѣйшихъ и популярнѣйшихъ руководителей русскаго общества и русской молодежи по изученію западно-европейской исторіи, что онъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и неутомимыхъ работниковъ на нивѣ русскаго просвѣщенія во имя прогресса, общечеловѣческихъ идеаловъ и влеченій, и что наконецъ онъ — видный историкъ, по количеству, разнородности и широтѣ дѣятельности стоящій впереди всѣхъ другихъ русскихъ историковъ Западной Европы, сдѣлавшій больше кого бы то ни было для сближенія науки и жизни, русскаго общества и западно-европейской исторической науки, болѣе

¹⁾ Мы не думали въ настоящей статьѣ дать обстоятельную критику трудовъ Н. И. Карѣва. Поэтому и относительно «Исторіи» ограничиваемся лишь общей характеристикой, предполагая подробнымъ анализомъ ея заняться въ другое время и въ другомъ мѣстѣ. Замѣтимъ встати, что мы далеко не исчерпали всего, что написано Н. И. Карѣвымъ.

кого бы то ни было изъ представителей университетской науки, имѣющій въ виду, прежде всего, тѣхъ, для кого существуетъ и наука, и литература, и университетъ и т. д., а не интересы крайней спеціализаціи, отрѣшенной отъ всѣхъ нуждъ окружающей среды. Ко всему этому можно прибавить, что Н. И. Карѣвъ главный организаторъ едва ли не лучшаго «историческаго общества» въ Россіи, предсѣдателемъ котораго состоитъ до настоящаго момента.

Ник. Дубровскій.

АНГЛІЙСКІЕ МИССІОНЕРЫ ВЪ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ.

ВЪ СЕЛЕНГИНСКЪ, этомъ ничтожномъ, однообразномъ почти запятномъ городкѣ, куда притокъ новой жизни почти не доходитъ, существуютъ все-таки интересныя воспоминанія.

По берегамъ широко и красиво извивающейся среди утесовъ и острововъ Селенги расположились Старый и Новый Селенгинскъ. Старый Селенгинскъ отличается единственно величавымъ каменнымъ соборомъ, одиноко бѣлѣющимъ на правомъ берегу рѣки, среди ничтожныхъ сравнительно съ нимъ немногихъ домиковъ селенгинскихъ мѣщанъ: здѣсь подвизался въ дѣлѣ распространенія христіанства святитель Иннокентій Иркутскій. Противъ стараго города, на другомъ лѣвомъ берегу рѣки, тамъ, гдѣ видѣются домики и юрты такъ называемой Нижней деревни, бѣлой каменной оградой возвышаются памятники надъ прахомъ декабристовъ Бестужевыхъ и Торсона недалеко отъ мѣста, гдѣ стояли ихъ дома.

Есть также въ Селенгинскѣ мѣсто, коротко и многозначительно называемое «Англія». Въ виду собора Стараго Селенгинска, тамъ, гдѣ Селенга, дѣлая поворотъ, ударяетъ въ крутой высокій Англичанскій утесъ, на отлогомъ берегу рѣки, среди живописной мѣстности, стоитъ старый довольно длинный деревянный домъ и бѣлый памятникъ—obeliskъ съ крестомъ. Здѣсь жили, работали и умирали англійскіе миссіонеры въ 30-хъ и 40-хъ годахъ ХІХ столѣтія. Память объ англійскихъ миссіонерахъ не умираетъ въ Селенгин-

скѣ, хотя подробности ихъ дѣятельности забываются все болѣе съ каждымъ поколѣніемъ. Но еще и теперь (1902 г.) можно слышать въ Селенгинскѣ нѣкоторые рассказы о ихъ дѣятельности.

Матеріалами для нашей статьи послужили какъ эти рассказы, такъ и немногія данныя, имѣющіяся въ литературѣ.

Исторія дѣятельности английскихъ миссіонеровъ въ Забайкальѣ показываетъ, насколько предприимчиво лондонское миссіонерское общество, пославшее своихъ миссіонеровъ въ далекое Забайкалье, и въ какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ совершалось (и совершается) дѣло распространенія христіанства среди ламайтовъ Забайкалья.

Изъ литературныхъ данныхъ извѣстно, что въ концѣ 1817-го года изъ Лондона отправились въ Иркутскъ члены лондонскаго миссіонернаго общества, пасторы Корнелій Рамнъ и Эдуардъ Сталибрасъ, съ намѣреніемъ сначала изучить языкъ сибирскихъ идолопоклонниковъ, а затѣмъ заняться обращеніемъ ихъ въ христіанство.

Они, какъ и другіе товарищи ихъ, встрѣтили самый сочувственный пріемъ со стороны русскаго правительства: императоръ Александръ I-й, министръ духовныхъ дѣлъ князь Голицынъ, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Сперанскій, оказали английскимъ миссіонерамъ широкое содѣйствіе.

Впрочемъ, пасторъ Рамнъ недолго оставался въ Забайкальѣ: въ 1819-мъ году онъ выѣхалъ въ Англію.

Пасторъ Эдуардъ Сталибрасъ поселился въ городѣ Селенгинскѣ съ 1820-го года.

Въ іюлѣ же 1820-го года прибыли въ Иркутскъ другіе два миссіонера, пасторы Робертъ Юилль съ семействомъ и Вильямъ Сванъ. Съ ними вернулся на родину, находившійся въ Петербургѣ для перевода священнаго писанія, хоринскій буряты Номту.

Юилль и Сванъ пріѣхали также въ Селенгинскъ, энергично занялись переводомъ священнаго писанія на монгольскій языкъ, и въ 1828-мъ году кончили это дѣло, послѣ чего раздѣлились для болѣшихъ успѣховъ распространенія христіанства среди буряты.

Сванъ и Сталибрасъ дѣйствовали на рѣкахъ Анѣ и Кудунѣ среди хоринскихъ буряты Верхнеудинскаго уѣзда, Юилль и также Сталибрасъ работали въ Селенгинскѣ среди селенгинскихъ буряты.

Въ царствованіе императора Николая I-го русское правительство съ меньшимъ довѣріемъ относилось къ английскимъ миссіонерамъ, и когда послѣдніе въ 1835 году ходатайствовали о позволеніи крестить буряты по евангелическо-реформатскому обряду, имъ было отказано въ этомъ и дано знать, что желающихъ принять крещеніе они могутъ отсылать къ православному духовенству.

Дѣятельность миссіонеровъ не сопровождалась успѣхамн. Въ этомъ обстоятельстве администрація искала повода къ прекращенію ихъ дѣятельности, и уже въ 1838 году генералъ-губернаторъ Рупертъ предположилъ прекратить дѣйствія миссіи и распростра-

неніе христіанства передать русскимъ миссіонерамъ; онъ даже заподозрѣлъ, въ виду неуспѣшности миссіи, не занимаются ли миссіонеры вмѣсто проповѣди христіанства противорусской политикой среди инородцевъ; но верхнеудинскій окружный начальникъ Шапошниковъ доносилъ въ 1838 году, что миссіонеры тщательно занимаются христіанской проповѣдью, и вредныхъ дѣйствій съ ихъ стороны не замѣтно. Въ томъ же году иркутскій губернаторъ Пятницкій доносилъ, что миссіонеры хорошо знаютъ монгольскій языкъ и имѣютъ довольно большую бібліотеку по восточнымъ языкамъ; онъ же сообщилъ тогдашній составъ миссіи.

Миссію составляли въ 1838 году: а) Эдуардъ Сталибрасъ, жена Шарлотта, сыновья: Иванъ 15 лѣтъ; Яковъ—12 лѣтъ; Генрихъ—1 года; дочь Сара 17 лѣтъ; б) Василій Сванъ, жена Анна; типографщикъ Иванъ Аберкромби, жена его Гуліана и дочери: Шарлотта 6 лѣтъ, Марія 4 лѣтъ и Анна 1-го года; в) Робертъ Юилль и сынъ Самуилъ 11-ти лѣтъ; жена Роберта умерла въ Селенгинскѣ раньше, какъ увидимъ ниже.

Сталибрасъ и типографщикъ съ семействомъ жили на рѣкѣ Кудунѣ близъ Кудунскихъ кумиренъ; Сванъ съ женою на рѣкѣ Анѣ въ 5 верстахъ отъ Анинскихъ кумиренъ (Анинскій дацанъ построенъ въ 1811 году); Юилль на рѣкѣ Селенгѣ противъ Селенгинска.

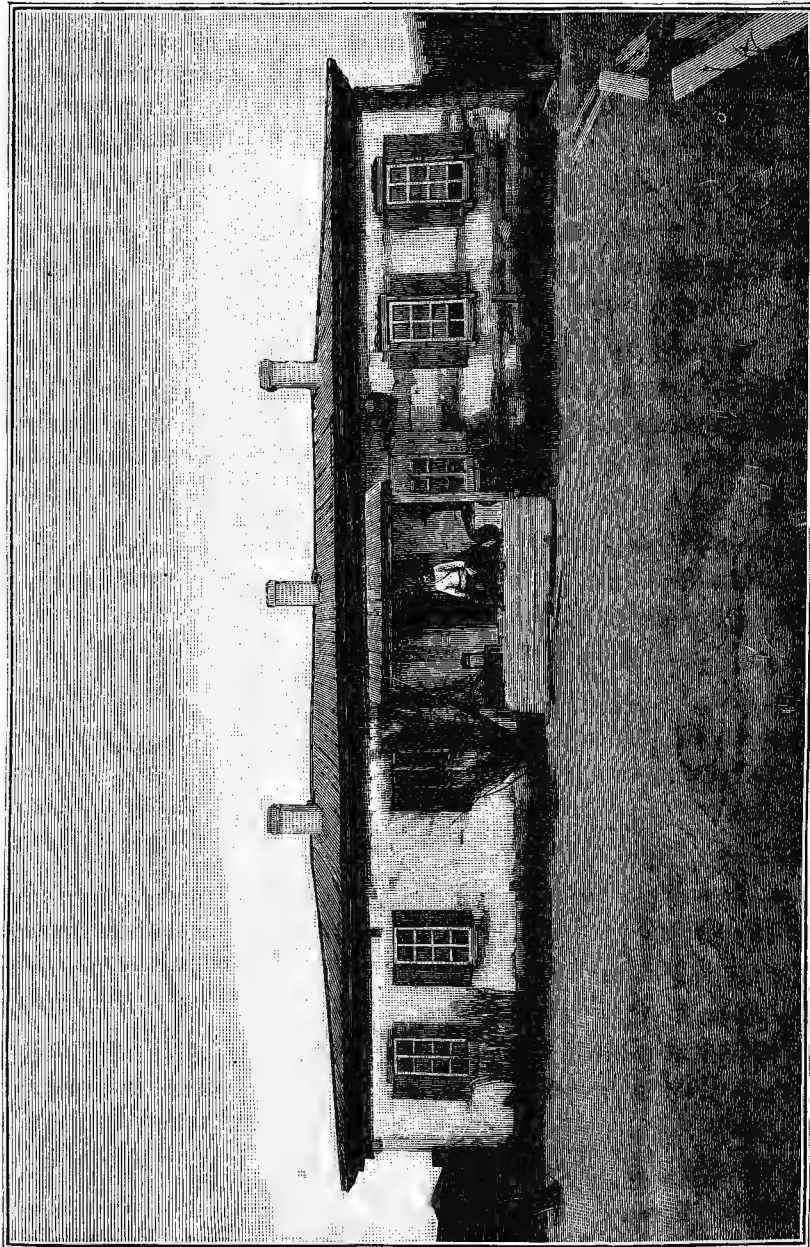
Окончательно прекратилась дѣятельность англійскихъ миссіонеровъ въ Забайкальѣ, благодаря настояніямъ духовныхъ властей.

Въ царствованіе императора Александра I-го преосвященный иркутскій Иринея благопріятно смотрѣлъ на дѣятельность англійскихъ миссіонеровъ, и духовная и свѣтская власть согласно признавали полезность намѣреній англійскихъ миссіонеровъ; но въ послѣдствіи взгляды перемѣнились; уже преемникъ Иринея, преосвященный Михаилъ, возбудилъ вопросъ о назначеніи за Байкаль православныхъ миссіонеровъ и доносилъ, что англійскіе миссіонеры внушаютъ бурятамъ, что русскіе, какъ почитатели иконъ, равны идолопоклонникамъ.

Затѣмъ въ 1830-хъ годахъ преосвященный иркутскій Нилъ донесъ синоду, что въ бурятахъ около англійской миссіи замѣтно явное предубѣжденіе противъ православныхъ.

Святѣйшій синодъ нашелъ, что дѣйствія англійскихъ миссіонеровъ въ Сибири не только не обращаются въ пользу православной церкви, но втайнѣ распространяютъ заблужденія невѣрія, и призналъ необходимымъ воспретить имъ всякія миссіонерскія дѣйствія и именованія себя миссіонерами.

Это предположеніе высочайше утверждено въ іюлѣ 1840 года. Черезъ 6 лѣтъ уѣхалъ послѣдній англійскій миссіонеръ изъ Забайкалья, Робертъ Юилль. Таковы внѣшніе факты дѣятельности англійскихъ миссіонеровъ въ Сибири. Другія подробности можно узнать

Домъ английскихъ миссіонеровъ въ Селенгинскѣ.

въ статьѣ В. И. Вагина; «Англійскіе миссіонеры въ Сибири» («Извѣстія сибирскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества» 1871 года, томъ I, №№ 4 и 5, стр. 69—77). Въ настоящее время отъ миссіонеровъ остались расположенные на берегу Селенги противъ Старога Селенгинска среди красивой мѣстности такъ называемый англійскій домъ и бѣлый памятникъ-obeliskъ надъ могилами семейства пастора Роберта Юилля. Интересенъ возвышающійся вблизи и направо отъ дома и памятника отвѣсный «Англичанскій» утесъ надъ Селенгой. Во время пребыванія миссіонеровъ въ Селенгинскѣ существовалъ только старый городъ и въ городѣ стоялъ Селенгинскій полкъ, который потомъ прославился въ Севастопольской войнѣ.

Англійскихъ миссіонеровъ помнятъ еще (1902 г.) нѣкоторые старые буряты и бурятки Удунца (80 л.) за рѣкой Селенгой въ деревушкѣ Закаменской и тамъ же лама Бадаренгъ.

Домъ англійскихъ миссіонеровъ, одноэтажный, деревянный, довольно ветхій, но ремонтируемый г-жей Всеволодовой, состоитъ изъ трехъ комнатъ, передней и кухни; окруженъ садикомъ и огородомъ; на сторонѣ къ рѣкѣ крыльцо по срединѣ, по обѣ стороны крыльца по три окна.

Большая комната (зало) была раздѣлена перегородкой, вмѣсто которой теперь двѣ деревянныя бѣлыя колонны работы бурята Ванжелова (ученика декабристовъ Бестужевыхъ); перегородка и стѣны были окрашены, по словамъ г-жи Всеволодовой, въ коричневый цвѣтъ, отчего комната имѣла темный видъ.

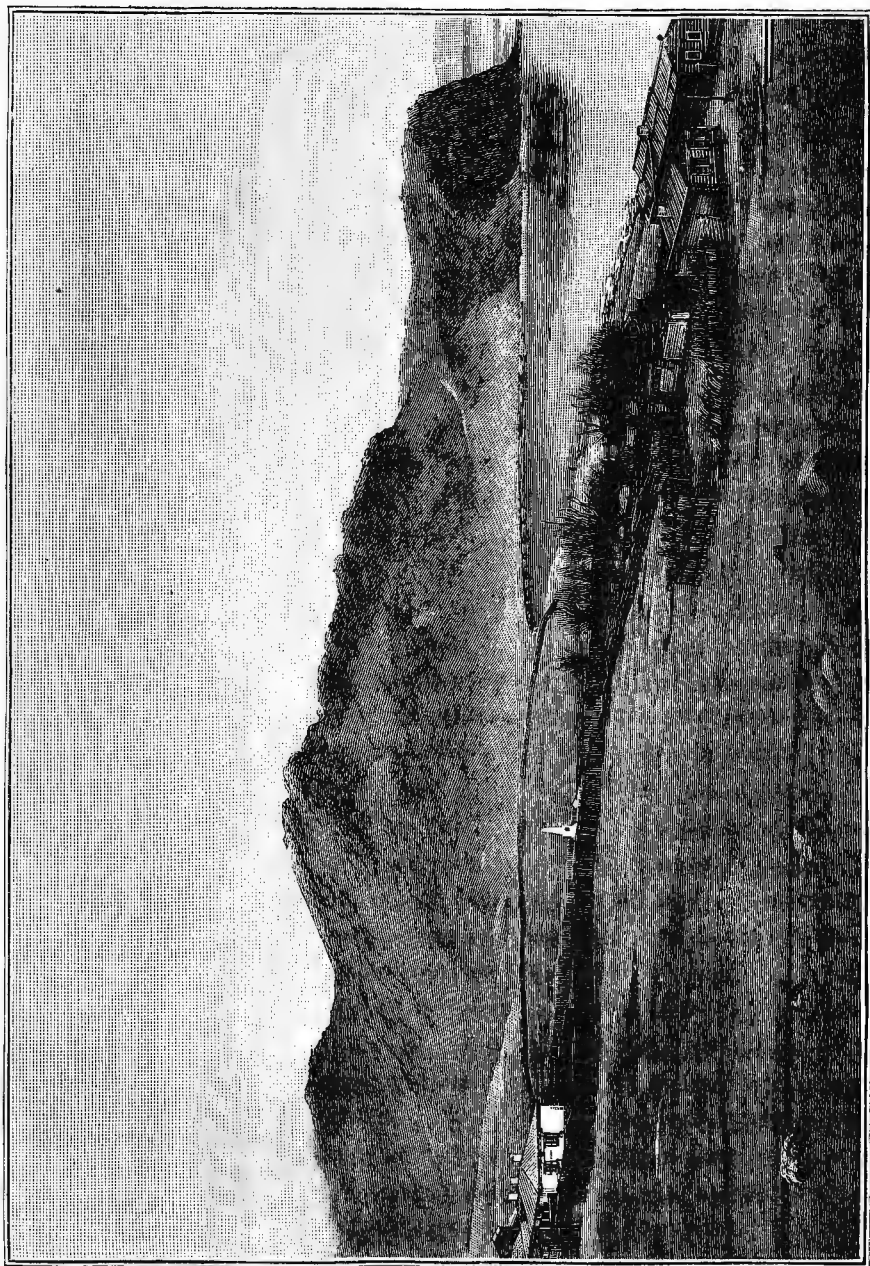
Комнаты обставлены (у г-жи Всеволодовой) мебелью работы декабристовъ: есть въ этомъ домѣ столъ, диванъ, гардеробъ, изготовленные Михаиломъ Бестужевымъ.

Рядомъ находилось особое зданіе типографіи, въ которой имѣлись разныхъ языковъ шрифты, въ томъ числѣ монгольскіе, и немало буряты работало въ типографіи. Въ ней же миссіонеры печатали переводы Библии на монгольскій языкъ; этотъ трудъ они закончили въ 1841 году, на второй годъ послѣ повелѣнія императора Николая I-го о ихъ выселеніи; въ библіотекѣ Селенгинскаго городского двухкласснаго училища хранится одинъ экземпляръ ихъ перевода Евангелія на монгольскій языкъ.

Буряты миссіонеры обучали грамотѣ и лѣчили отъ болѣзней.

Бурятки рассказывали, что миссіонеры ходили къ нимъ въ юрты въ улусы и читали книги и такъ понятно, на ихъ языкѣ, а имъ де скучно бывало, молодыя еще дѣвчонки были, засмѣются и убѣгутъ, а старшіе говорятъ: «не бѣгайте, лучше поймите, слушайте, что читаютъ».

«Потомъ миссіонеры по горамъ ходили, искали травъ, и намъ велѣли приносить травъ». Хотя миссіонеры учили буряты грамотѣ, христіанской вѣрѣ, но ни одного бурята не обратили въ христіан-

Памятникъ надъ могилою семейства миссіонера Юнля въ Селенгинскѣ.

ство, по крайней мѣрѣ, нигде не слышно, чтобы были буряты, крещенные англійскими миссіонерами; причиной тому является, конечно, воспрещеніе миссіонерамъ крестить по реформатско-евангелическому обряду, о чемъ было упомянуто выше, а такъ же, вѣроятно, трудность борьбы съ вліяніемъ ламъ на массу бурятовъ. Но, конечно, миссіонеры пробовали привлекать бурятовъ къ христіанству; отсюда вытекало неудовольствіе на нихъ со стороны русскихъ духовныхъ лицъ и властей, о чемъ также было упомянуто выше; вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтскія власти неоднократно заподозрѣвали англійскихъ проповѣдниковъ въ политической интригѣ. Отсюда происходило то, какъ рассказываютъ въ Селенгинскѣ, миссіонеры были не въ ладахъ со священниками и полиціей. Священники будто бы препятствовали ихъ проповѣди; полиція особенно въ лицѣ городничаго Скорнякова, свирѣпаго, самоуправнаго челоуѣка, стѣсняла миссіонеровъ въ ихъ дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ англійскіе миссіонеры въ Селенгинскѣ никого не крестили.

Съ тѣмъ большей охотой, вѣроятно, занимались они лѣченіемъ народа.

По рассказамъ селенгинскаго купца Александра Михайловича Лушникова (1903 г.), который помнитъ миссіонеровъ мальчикомъ, лѣчили они охотно и хорошо, много пользы принесли они народу этимъ; особенно занимался врачебной практикой Робертъ Юилль, котораго селенгинцы называютъ Романомъ Васильевичемъ, а Сталибраса—Эдуардомъ Васильевичемъ. Но нѣкоторые болѣзни, именно хирургическія, лѣчить они не умѣли: европейскіе врачи еще не знали тогда способовъ хирургическаго лѣченія; отецъ вышеупомянутаго г. Лушникова, Михаилъ Михайловичъ Лушниковъ, заболѣлъ однажды болѣзью, отъ которой надо было сдѣлать разрѣзъ; Робертъ Юилль лѣчилъ лѣкарствами, а на операцію не рѣшался.

Тогда М. М. Лушниковъ заявилъ ему, онъ хочетъ полѣчиться у извѣстнаго ламы на р. Тугнуѣ (Верхнеудинскаго уѣзда), Дампила Соктоева; миссіонеръ сказалъ: «полѣчитесь», и послѣ долго удивлялся искусству, съ какимъ этотъ лама произвелъ разрѣзъ у Лушникова и содѣйствовалъ его выздоровленію.

— Удивительно, какъ сумѣлъ лама помочь.

Болѣе всѣхъ жилъ и работалъ въ Селенгинскѣ пасторъ Робертъ Юилль (Романъ Васильевичъ). Съ его именемъ связана исторія несогласій, возникшихъ среди англійскихъ миссіонеровъ.

Въ 1839 году дирекція лондонскаго миссіонерскаго общества исключила изъ своего вѣдомства Роберта Юилля и просила русское министерство внутреннихъ дѣлъ не признавать его членомъ англійской миссіи въ Сибири. Эта мѣра, по объясненію дирекціи, была вызвана тѣмъ, что Юилль не только не исполнялъ общей

миссіонерской инструкціи, но даже оставлялъ безъ вниманія и особенныя предписанія, данныя лично ему. Юилль объяснялъ, что въ Селенгинскѣ онъ встрѣтилъ въ лицѣ Сталибраса и Свана недоброжелателей. Они еще съ 1820 года вооружали противъ него дирекцію потому, что онъ не соглашался заниматься исключительно экономическою частію миссіи, а съ усердіемъ предался своему прямому назначенію и успѣлъ болѣе другихъ въ просвѣщеніи язычниковъ христіанствомъ. Юилль возражалъ противъ распоряженія миссіонерскаго общества, просилъ изслѣдовать на мѣстѣ его миссіонерскія дѣйствія и принудить агента общества въ С.-Петербургѣ Броуна заплатить ему 24 тысячи рублей жалованья за пребываніе въ Сибири.

Министерство внутреннихъ дѣлъ передало письмо Юилля Броуну, но объявило Юиллю, что за исключеніемъ его изъ числа членовъ миссіонерскаго общества онъ не можетъ продолжать за Байкаломъ миссіонерскую дѣятельность, однако на немедленномъ выѣздѣ изъ Забайкалья не настаивало.

По воспоминаніямъ селенгинцевъ, Робертъ Юилль былъ средняго роста, худощавъ. Онъ пріѣхалъ въ Селенгинскъ съ семействомъ, которое пришлось ему здѣсь и похоронить; семейство его умерло, по рассказамъ, отъ повѣтрія: отъ чумы или оспы, занесенныхъ изъ Китая, все въ одинъ годъ и погребено на берегу Селенги передъ домомъ миссіонеровъ.

До сихъ поръ хорошо сохранился могильный памятникъ-obeliskъ (кирпичный, окрашенный въ бѣлую краску) надъ прахомъ жены Роберта Юилля, Марты, съ латинскою надписью на чугунной доскѣ, вставленной въ обелискъ:

Memoriae
 Marthae Cowie
 Fidelis uxor
 Roberti Yuille
 et fidelis socia
 Londonensis missionare societ.
 Nata in Scotia in urbe Clascuae
 Abiit in Sibiriam ad urbem Selenginsca
 in anno domini MDCCCXXVII
 Memoria justi est benedicta
 Beati mortui qui in domino moriuntur.
 Блажени мертви умирающе
 въ Господѣ.
 Откр.

Обелискъ обнесенъ кирпичной глухой оградой, внутри которой находятся еще три маленькія надгробія надъ прахомъ дѣтей Ро-

берта. Кирпичная ограда обнесена другой каменной оградой, которая, по словамъ бурята-старожила Ванданова, построена въ 1860-хъ годахъ сыномъ Роберта, Самуиломъ Юиллемъ, въ защиту отъ сильныхъ наводненій со стороны Селенги, подмывавшей могилы семейства миссіонера.

Самуиль Юилль пріѣзжалъ въ г. Селенгинскъ изъ Англіи въ 1860-хъ годахъ со стороны Китая съ цѣлью посѣтить родныя могилы; побывъ нѣсколько дней въ Селенгинскѣ, онъ чрезъ Россію возвратился на родину.

Это посѣщеніе англичаниномъ могилъ семейства миссіонера было не единичное,—видимо, англичане интересуются мѣстомъ дѣятельности своихъ миссіонеровъ въ далекой Азіи: теперешняя владѣтельница дома миссіонеровъ, г-жа Всеволодова, рассказывала, что однажды, въ 1870-хъ годахъ, пріѣзжали въ Селенгинскъ англичане и прямо къ памятнику; она не помнитъ, кто были они; замѣтивъ, что они интересуются подробностями, направила ихъ къ селенгинскому мѣщанину, Николаю Ивановичу Мельникову, хранившему много воспоминаній о миссіонерахъ. Въ то время, въ 1879 году былъ большой пожаръ въ Иркутскѣ, городъ почти весь выгорѣлъ, въ проѣзжавшихъ людяхъ довольно легко подозрѣвали поджигателей; привезшій англичанъ ямщикъ сказалъ Мельникову, что они поджигатели, и Мельниковъ не принялъ гостей. Ямщикъ объявилъ англичанъ поджигателями потому, что слышалъ, когда везъ ихъ въ Селенгинскъ, какъ они рассказывали, что въ Иркутскѣ, изъ какой гостиницы они ни выѣзжали, послѣ случался въ нихъ пожаръ, и англичанъ народъ сталъ называть поджигателями. По поводу памятника вышеупомянутый буряты Вандановъ передавалъ сказаніе, будто пріѣзжавшій въ 1860-хъ годахъ Самуиль Юилль приказывалъ отворять чугунную доску съ надписью на памятникѣ, вдѣланную на петляхъ, и за этой доской видѣли прахъ жены Роберта Юилля въ сидящемъ положеніи.

Съ того времени одиноко, среди безмолвія живописной мѣстности стоитъ этотъ своеобразный красивый памятникъ; кругомъ такъ тихо, такъ мало измѣняется жизнь, что кажется, умершая жизнь жива, царитъ здѣсь попрежнему, говоритъ о чемъ-то и готова опять дѣйствовать. Послѣ этого понятно, отчего возникла легенда, будто по ночамъ у памятника появляется женщина въ бѣломъ одѣяніи и подолгу ходитъ кругомъ памятника.

Если принять во вниманіе то, что рассказываютъ селенгинскіе жители о дѣятельности Роберта Юилля: онъ переводилъ на монгольскій языкъ священныя книги, училъ буряты грамотѣ, ходилъ къ нимъ въ юрты, читалъ тамъ книги по-монгольски, собиралъ по горамъ травы, хорошо лѣчилъ народъ, а также то, что имъ была напечатана въ 1836 году книга: *Syllabarium mongol*, то, можетъ быть, дѣйствительно неправы, пристрастны были къ

нему его товарищи Сталибрасъ и Сванъ, желавшіе ограничить его дѣятельность экономической частью по миссіи, если это правда; во всякомъ случаѣ о Робертѣ Юиллѣ, или Романѣ Васильевичѣ, въ Селенгинскѣ сохраняются хорошія воспоминанія.

Робертъ Юилль долше другихъ миссіонеровъ оставался въ Забайкальѣ; по словамъ селенгинцевъ, онъ выѣхалъ, 6 лѣтъ спустя послѣ высочайшаго повелѣнія о воспрещеніи английскимъ миссіонерамъ ихъ дѣятельности, т.-е. около 1846 года.

Въ Селенгинскѣ также работалъ другой миссіонеръ Эдуардъ Сталибрасъ. Онъ поселился, какъ было упомянуто, въ г. Селенгинскѣ въ 1820 году вмѣстѣ съ женой Шарлоттой; у нихъ въ Забайкальѣ родились дѣти, которымъ въ 1838 году было лѣтъ отъ роду—Ивану 15 л., Якову 12 л., Генриху 1 годъ; дочери Сарѣ—17 л., эти имена извѣстны по списку иркутскаго губернатора Пятницкаго, представленному въ 1838 году генераль-губернатору Руперту; въ списокъ не упомянутъ сынъ Сталибраса, Василій, извѣстный въ городѣ Селенгинскѣ по письмамъ его изъ Англіи къ селенгинскимъ жителямъ. Василій родился въ 1820 г. на берегахъ р. Селенги, какъ онъ упоминаетъ въ письмахъ, называя себя вторымъ сыномъ Эдуарда Сталибраса. До 1828 г. миссіонеры, въ томъ числѣ Эдуардъ Сталибрасъ, занимались переводомъ священнаго писанія; кончивъ переводъ въ этомъ году, миссіонеры рѣшили разъѣхаться для усилъховъ христіанской проповѣди; Сталибрасъ съ семействомъ и типографщикомъ поселился на р. Кудунѣ (Ходонѣ) среди хоринскихъ бурятъ въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ, купивъ домъ у бывшаго тайши Галсанова; домъ вскорѣ сгорѣлъ; послѣ этого для миссіонеровъ и для Сталибраса начались большія непріятности и затрудненія при попыткѣ построить новый домъ; гражданскія власти, неблагосклонно уже относившіяся къ миссіонерамъ, подозрѣвавшія ихъ въ политической пропагандѣ, отказывали имъ въ правѣ пріобрѣтенія собственности: земли и дома. По этому поводу Сталибрасъ велъ въ 1829 году обширную хлопотливую переписку съ верхнеудинскимъ исправникомъ и окружнымъ начальникомъ, а также съ заступающимъ мѣсто генераль-губернатора Восточной Сибири Цейдлеромъ (вмѣсто Лавинскаго).

Въ 1834 году Сталибрасъ ѣздилъ въ Англію, гдѣ представлялъ отчетъ о дѣятельности и сообщалъ о затрудненіяхъ, какія они встрѣчаютъ въ Забайкальѣ.

Послѣ запрещенія дѣятельности миссіонеры рѣшили какъ можно скорѣе выѣхать изъ Забайкалья. Сталибрасъ и Сванъ, кончивъ въ 1840 году на рѣкѣ Кудунѣ (Ходонѣ) печатаніе Ветхаго Завѣта, въ январѣ 1841 года выѣхали изъ Забайкалья и 21 января проѣхали черезъ Иркутскъ, направляясь въ Англію. На родинѣ Эдуардъ Ста-

либрасъ дожилъ до 90 лѣтъ и умеръ въ 1884 году среди счастливой старости, какъ это видно изъ писемъ его сына Василія.

Сталибрасу принадлежитъ книга: «Stallibras Mongolian Grammar», напечатанная имъ самимъ.

Въ Селенгинскѣ сохранилось нѣсколько писемъ сына этого миссіонера, Василія Сталибраса,—онъ довольно долго, до 1896—1897 г. переписывался съ селенгинскимъ мѣщаниномъ Евлампіемъ Ивановичемъ Мельниковымъ; у вдовы Евлампія Ивановича этихъ писемъ хранилось довольно много, но, по ея словамъ, «ихъ растаскали». Было бы желательно, чтобы тѣ, у кого находятся эти письма, опубликовали ихъ, такъ какъ, судя по письмамъ, которыя я имѣлъ въ распоряженіи, они дають немало цѣнныхъ данныхъ о жизни и отношеніяхъ въ Забайкальѣ въ 20-хъ—40-хъ годахъ XIX столѣтія. Эти письма любезно доставилъ мнѣ г. Миротворцевъ, почтово-телеграфный чиновникъ станціи Селенгинскъ. Василій Сталибрасъ писалъ Евлампію Ивановичу Мельникову изъ Англіи, изъ мѣстечка Валлясей близъ Ливерпуля.

Въ 1896 году ему было 76 лѣтъ, какъ онъ пишетъ; возможно, что онъ умеръ, а можетъ быть, еще живъ, и тогда онъ былъ бы цѣннымъ повѣствователемъ объ эпохѣ въ Забайкальѣ, когда пробовали дѣйствовать тамъ его отцы. Интересно письмо Василія Сталибраса отъ 23 іюля 1896 года. Онъ сообщаетъ, что 8-ми лѣтъ оставилъ городъ Селенгинскъ, т.-е. въ 1828 году, когда миссіонеры разѣхались изъ Селенгинска, и Эдуардъ Сталибрасъ съ семьей поселился на рѣкѣ Кудунѣ (Ходонѣ). Тепло вспоминаетъ авторъ письма свою милую няню Марю, ихъ братскаго кучера (т.-е. изъ бурятъ), также вспоминаетъ: «на другомъ берегу (т.-е. въ Старомъ Селенгинскѣ) городничаго, который видѣлся мнѣ тогда, какъ царь Иванъ Грозный, потому что у него не было обыкновенной чело-вѣчности; но Богъ судитъ его, не я». Здѣсь авторъ письма глухо вспоминаетъ отѣхъ обидахъ, которыя переносили миссіонеры, вѣроятно, отъ городничаго Скорнякова, грубаго, жесткаго чело-вѣка, издѣвавшася надъ подвѣдомственными ему лицами, по воспомина-ніямъ селенгинцевъ; видимо, въ тяжелыхъ условіяхъ приходи-лось жить миссіонерамъ. Затѣмъ Василій Сталибрасъ сообщаетъ, «что отецъ его умеръ 90 лѣтъ отъ роду въ 1884 году, что ему самому 76 лѣтъ, и съ его смертью порвется послѣдняя селенгин-ская связь», что Богъ наградила его счастливой семейной жизнью, и, благодаря близости къ природѣ, занятіямъ на свѣжемъ воздухѣ, ему удастся забывать, что онъ старикъ; представляетъ, что Дау-рія, т.-е. Забайкалье, перемѣнилась, и что «распространеніе хри-стіанской вѣры много подѣйствовало къ изъясненію всѣхъ долж-ностей чело-вѣколюбія и правосудія», интересуется, остались ли буряты номадами, какъ прежде, или сдѣлались земледѣльцами. Ему, увь, пришлось бы отвѣтить, что времени прошло больше, чѣмъ

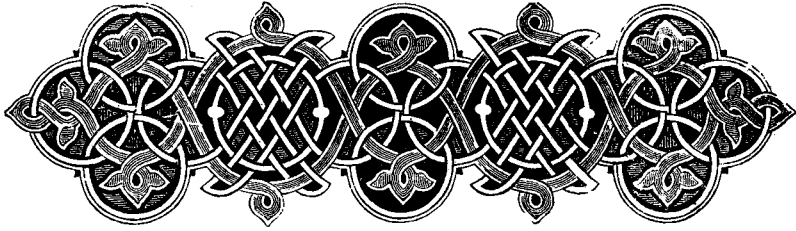
произошло измѣненій въ Забайкальѣ; затѣмъ вычисляетъ, что почти 62 года прошло съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ изъ Сибири въ Англію; слѣдовательно отъѣздъ его состоялся около 1834 года, т. е. ранѣе отъѣзда отца; отецъ отправилъ его въ Глазговскій университетъ; наконецъ упоминаетъ, что онъ и въ Селенгинскѣ былъ кривой, а теперь совсѣмъ плохо видитъ. Во второмъ письмѣ отъ 12 декабря 1896 года Василій Сталибрасъ, видимо, на запросъ Евлампія Ивановича Мельникова сообщаетъ, что почти не имѣетъ свѣдѣній о семействѣ миссіонера Роберта Юилля, распространяется въ довольно тонѣ о своемъ семействѣ и личной жизни и передаетъ анекдотъ о путешественникѣ-пѣшеходѣ, капитанѣ Кохранѣ, какъ онъ въ городѣ Верхнеудинскѣ прослылъ подъ именемъ Кохранъ Кохрановичъ Кохранъ. Въ этихъ письмахъ любопытны упоминанія и отзывы о русскихъ писателяхъ, которыхъ Василій Сталибрасъ читалъ въ подлинникѣ.

Въ третьемъ письмѣ Сталибрасъ передаетъ воспоминанія изъ своего дѣтства и указываетъ на то, что много полезнаго сдѣлали миссіонеры для селенгинцевъ и бурятовъ, и что въ сердцахъ послѣднихъ должна жить вѣчная благодарность имъ. Курьезная ореографія его писемъ.

Такъ безрезультатно кончилась дѣятельность английскихъ миссіонеровъ въ Забайкальѣ; они были одушевлены широкими намѣреніями, глубоко преданы идеѣ, имѣли достаточно дарованій и познаній, но обстоятельства сложились не въ ихъ пользу, къ тому же ламаизмъ представлялъ и теперь еще представляетъ почву, сознательно враждебную христіанской проповѣди; общіе отзывы лицъ частныхъ и должностныхъ характеризуютъ ихъ съ лучшей стороны: они были образованы, честны, благотворили народу, учили, оказывали врачебную помощь.

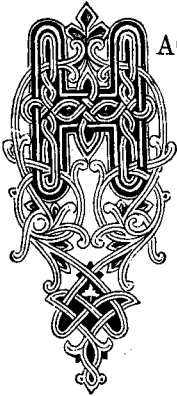
Г. С. Рыбаковъ.

ПО ДНѢСТРУ НА ЛОДКѢ.

I.

АСТУПИЛА скверная петербургская весна, и меня опять потянуло вонъ изъ этого болота, но при этомъ являлся коварный вопросъ, куда ѣхать, какъ, надолго ли, и найдется ли въ тѣхъ мѣстахъ, куда поѣдешь достаточно интереснаго, чтобы поѣздка не пропала. Много часовъ мы съ В. Н. Ѳедоровичемъ потратили на обдумываніе лѣтней экскурсіи. Проектировали ѣхать на Амуръ, на Каму, къ Эльбрусу, въ Финляндію и послѣ долгихъ споровъ за и противъ рѣшили, что самое удобное въ финансовомъ и въ другихъ отношеніяхъ ѣхать въ Бессарабію.

При первомъ обсужденіи вопроса о Бессарабіи у меня возникли смутные образы объ этой странѣ. Какіе-то обрывки изъ географіи Лебедева, о главномъ городѣ Кишеневѣ, торгующемъ виномъ, и о границахъ, Днѣстрѣ и Прутѣ; но далѣе этого, признаюсь откровенно, мои познанія не шли, если не считать того, что мнѣ приходилось не разъ въ Петербургѣ пить бессарабское вино, и вдобавокъ очень плохое. Современемъ я убѣдился, что не я одинъ имѣю такія смутныя понятія объ этомъ краѣ, но и всѣ, съ кѣмъ мнѣ приходилось говорить о поѣздкѣ, выказывали знанія не больше моихъ. Сталъ я отыскивать какіе нибудь очерки, чтобы ближе познакомиться со страной, но не нашель, зато нашель нѣсколько серьезныхъ сочиненій о Бессарабіи, какъ Батюшкова,

Накко, Аванасьева-Чужбинскаго, солидную статью въ Брокгаузѣ и проч., которыя дали возможность мнѣ поближе съ этимъ во многихъ отношеніяхъ интереснымъ краемъ, а личныя наблюденія во время путешествія дополнили то, чего я не могъ найти въ книгахъ.

Мнѣ кажется, что предлагаемые путевые очерки, не претендуя на научность, могутъ заинтересовать русскихъ читателей тѣмъ, что познакомятъ ихъ съ краемъ обширнымъ, плодороднымъ, съ богатымъ и разнообразнымъ историческимъ прошлымъ и главное мало имъ знакомымъ, такъ какъ въ періодической печати не бываетъ почти никакихъ свѣдѣній о немъ.

Итакъ, мы съ товарищемъ порѣшили ѣхать въ Бессарабію, но непредвидѣнныя дѣла такъ задержали насъ, что выѣхать пришлось только въ началѣ іюня. Дождь, начавшійся въ Петербургѣ, продолжался всю дорогу, вся западная Россія подмокла отъ ливней; въ окна вагона уныло смотрѣли мокрая деревня и лѣса, потонувшіе въ сизой мглѣ. Рѣка Припеть такъ разлилась, что на много верстъ кругомъ лѣса стояли въ водѣ, и одиноко торчавшіе изъ воды деревянные мосты показывали, что здѣсь была проѣзжая дорога.

Чѣмъ южнѣе, тѣмъ становилось суше, но облака все-таки не расходились, и на воздухѣ было холодно; сильно запоздавшія весна и лѣто давали себя знать.

Безъ всякихъ приключеній мы съ Владимиромъ Николаевичемъ добрались до уѣзднаго города Могилева, стоящаго на лѣвомъ берегу Днѣстра. Передъ нами впервые явился Днѣстръ — цѣль нашего путешествія. Плавно и покойно катилъ онъ свои желтоватыя волны; отвѣсные, глинистые берега окаймляли его двумя стѣнами, изъ которыхъ подольская была нѣсколько ниже и холмистаго характера, а бессарабская уходила въ даль въ видѣ громадной стѣны, избожденной трещинами.

Нѣсколько мгновеній спустя, нашъ поѣздъ, шипя и гремя, пронесся мимо какихъ-то лачугъ, пакгаузовъ, качнулся нѣсколько разъ на стрѣлкахъ и плавно подошелъ къ небольшому вокзалу, гдѣ намъ предстояло просидѣть нѣсколько часовъ въ ожиданіи слѣдующаго поѣзда.

— Поѣдемъ хоть городъ посмотрѣть,—предложилъ я Владимиру Николаевичу.

Но онъ только отрицательно повертѣлъ головой. Я отправился одинъ, но скоро вернулся: кругомъ вокзала разбросаны огороды и какія-то жалкія хибарки, а городъ былъ, какъ оказалось изъ разспросовъ, верстахъ въ двухъ; вдобавокъ началъ накрапывать дождь, и мы стали за бутылкой пива терпѣливо ожидать, когда наконецъ подадутъ нашъ поѣздъ.

Наступили сумерки, желтые глинистые холмы, разстилавшіеся передъ нами, стали тонуть въ тусклой сѣрой мглѣ. Ничто не на-

поминало, что мы уже на югѣ, и лишь пирамидальные тополя, да и то порядочно ободранные, показывали, что мы сидимъ не въ Шуваловѣ или Левашевѣ, а гдѣ-то на одной изъ южныхъ станцій. Послѣ долгаго и утомительнаго ожиданія наконецъ былъ поданъ поѣздъ изъ небольшихъ грязныхъ вагоновъ, и толпы руснаковъ и евреевъ бросились занимать мѣста.

Въ вагонѣ было жарко и душно; желая сохранить побольше средствъ на будущія экскурсіи, мы ѣхали въ третьемъ классѣ, что безспорно представляетъ большой интересъ, такъ какъ даетъ возможность наблюдать простой народъ, но довольно тяжело послѣ двухъ дней тряски по Варшавской и юго-западнымъ дорогамъ. Наблюденіемъ, впрочемъ, заниматься не пришлось: двѣ тускляя свѣчки на концахъ вагона едва освѣщали его внутренность, а публика, кое-какъ размѣстившись, тотчасъ стала располагаться на ночь, и фигуры, закутанныя въ суконные кофухи, размѣстились въ самыхъ невѣроятныхъ позахъ.

Я предпочелъ смотрѣть въ окно. Тяжело пыхтя и выбрасывая клубы дыма, пара и искръ, мелькавшихъ въ воздухѣ, какъ свѣтляки, паровозъ потащилъ насъ со скоростью 20 верстъ въ часъ. Пройдя большой желѣзнодорожный мостъ, поѣздъ повернулъ направо и пошелъ по оживленному правому берегу. Во многихъ мѣстахъ вагонъ, казалось, висѣлъ надъ самымъ обрывомъ, а внизу мрачно разстилась темная гладь Днѣстра. Кромѣ шума поѣзда, ни звука не раздавалось въ ночной тишинѣ, и ни одинъ огонекъ не скрапивалъ пустынной картины. Холодный вѣтеръ рѣзалъ лицо, и пришлось закрыть окно. Часовъ въ одиннадцать изъ-за тучъ выглянула луна, и ея сѣро-пепельные лучи ложились холодными пятнами на прибрежныя скалы.

Усталость взяла свое, и я задремалъ, несмотря на неудобства, но сонъ былъ беспорядочный, тяжелый и кошмарный: чудился только что оставленный Петербургъ, рисовались воображаемыя, но не видѣнныя картины Бессарабіи, какія-то дикія, кочующія орды аллановъ, скивовъ и гунновъ, когда-то бродившихъ по этимъ скаламъ, холмамъ и равнинамъ, и только веселое солнышко рано утромъ разогнало безсвязныя грезы и заставило очнуться и оглядѣться.

Вагонъ просыпался. За ночь публика нѣсколько перемѣнилась, и нѣсколько евреевъ, бывшихъ раньше, вышли на промежуточныхъ станціяхъ, и вагонъ былъ полонъ мѣстными крестьянами-русинами, или, какъ ихъ называетъ Аванасевъ-Чужбинскій, руснаками. Особенно оригинальнаго они собою ничего не представляютъ: типы напоминаютъ Малороссію такъ же, какъ и одежда, за исключеніемъ широкихъ поясовъ, усаженныхъ мѣдными пуговками и бляхами. На этихъ поясахъ у каждаго руснака болтается мѣшокъ съ табакомъ и люлькой, огниво, ножъ и прочая мелочь, необходимая въ

повседневной жизни. У большинства на головахъ были барашковыя шапки, а у нѣкоторыхъ широкополая, соломенная, домашняго издѣлія шляпы—«брили».

Нѣсколько стариковъ съ сѣдыми усами, нависшими бровями и длинными волосами, разсыпавшимися по плечамъ, годились бы для любого альбома художника. Одинъ изъ нихъ, проснувшись и съ наслажденіемъ потянувшись и зѣвнувъ, аккуратно сложилъ свой кожухъ и, снявъ шапку, сталъ молиться на восходящее солнце. Молился онъ долго, истово крестясь и шепча въ полъ-голоса слова молитвы. Молился онъ минутъ десять и затѣмъ по окончаніи молитвы подошелъ къ какому-то сельскому священнику и оживленно сталъ съ нимъ бесѣдовать на курьезномъ полу-малорусскомъ-полу-молдаванскомъ языкѣ.

Нарѣчія, которыми говорятъ въ Бессарабіи, довольно разнообразны. Помимо русскаго и малороссійскаго языковъ здѣсь часто можно услышать говоръ молдаванскій, турецкій, болгарскій, галиційскій, греческій, нѣмецкій, польскій, еврейскій и изрѣдка цыганскій. Это одно уже показываетъ, что эти народности постоянно живутъ въ Бессарабіи, и, кромѣ того, на бессарабцахъ отразились историческія вліянія, и простой народъ сохранилъ во многихъ мѣстахъ кое-что изъ господствовавшихъ когда-то языковъ турецкаго и молдавскаго. Молдаване—прямые потомки бывшаго владѣтельнаго племени—упорно держатся своего языка и не говорятъ на другихъ, зато евреи, вообще способные къ изученію языковъ, говорятъ на пяти-шести нарѣчіяхъ, коверкая, правда, ихъ на свой ладъ, однако достаточно хорошо, чтобы ихъ могли понять жители, среди которыхъ они ведутъ свои торговые операціи.

На небольшихъ станціяхъ, мелькавшихъ передъ окнами вагона, толпились и галдѣли также представители мѣстнаго населенія, а кругомъ станціи разстилались кукурузныя поля, кое-гдѣ прерывавшіяся темными группами рощъ—остатки бывшихъ когда-то здѣсь громадныхъ лѣсовъ, давно вырубленныхъ и сохранившихся большею частью лишь на казенныхъ и монастырскихъ земляхъ.

Широко и привольно раскинулись степи и холмы Бессарабіи; буковые и дубовые лѣса темными пятнами рисуются на фонѣ кукурузныхъ и пшеничныхъ полей, веселые городки, селенія и хутора съ привѣтливими бѣлыми и голубыми хатками, крытыми соломой, тонуть въ зелени садовъ и виноградниковъ. Трудолюбивые молдаване, русины и болгары въ бѣлыхъ холщевыхъ рубахахъ работаютъ на своихъ поляхъ, огородахъ и садахъ; по дорогамъ, извивающимся, какъ змѣи, во всѣхъ направленіяхъ и причудливо взбирающимся на крутые холмы или сбѣгающимъ въ глубокіе овраги и лощины, тянутся возы, таратайки, еврейскіе фургоны, почтовые перекладныя съ звонкими колокольчиками, а въ трехъ направленіяхъ легла и желѣзная дорога, оживляющая торговлю этого богатаго и мало извѣстнаго уголка Россіи.

Какъ библейскіе Тигръ и Евфратъ, такъ бессарабскіе Днѣстръ и Прутъ ограничиваютъ съ двухъ сторонъ довольно узкую полосу, расширяющуюся на югъ и примыкающую къ Черному морю, берегъ котораго изрытъ безчисленными, топкими, болотистыми лиманами, заросшими камышемъ, пріютомъ стай утокъ, гусей, бекасовъ, аистовъ и прочихъ болотныхъ пернатыхъ.

II.

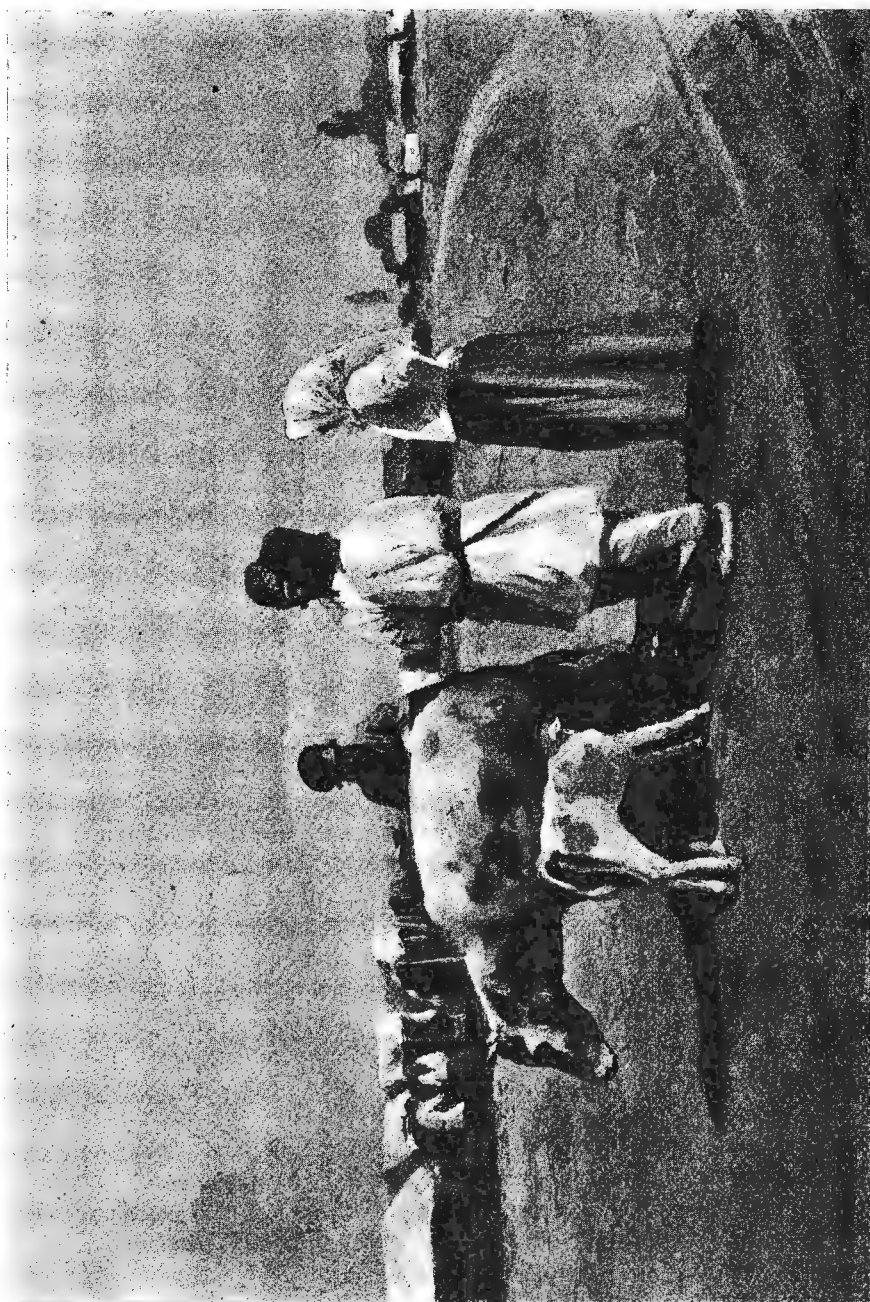
Мы съ товарищемъ благополучно добрались наконецъ до пограничной станціи Новоселицы, гдѣ должны были нанять тарантасъ въ Хотинъ. Новоселицы ничего интереснаго собою не представляютъ. Селеніе расположено на голой и унылой равнинѣ, и единственными достопримѣчательностями являются таможенный постъ, такъ какъ здѣсь проходитъ граница, и Прутъ, берущій свое начало въ предгоріяхъ Карпатъ, какъ и Днѣстръ.

Въ нѣсколько минутъ мы уговорились съ ямщикомъ-евреемъ, наши вещи были привязаны къ помѣстительному тарантасу, и нѣсколько мгновеній спустя, мы двинулись по дорогѣ въ Хотинъ. Дорога то поднималась, то опускалась въ овраги, причудливо извиваясь среди полей. Свирѣпствовавшіе въ теченіе двухъ недѣль дожди во многихъ мѣстахъ образовали промоины и цѣлыя озера грязной воды. Солнце свѣтило, но было холодно. Кукуруза, которая въ это время года обыкновенно достигаетъ высоты человѣческаго роста, въ нынѣшнемъ году достигла, вслѣдствіе запоздавшихъ весны и лѣта, не болѣе полуаршина. Вообще мѣстные жители жаловались на неудачную, холодную весну. Даже на югѣ Бессарабіи во многихъ мѣстахъ отъ дождей и холода погибло много виноградниковъ и садовъ. Кое-гдѣ у дороги попадались колодцы съ традиціонными журавлями, и около каждаго колодца стоялъ высокій, деревянный крестъ съ написаннымъ красками распятіемъ съ большими копяи по бокамъ и подобіемъ лѣсенки у ногъ Спасителя. Обычай ставить эти распятія, вѣроятно, получилъ свое начало еще во времена владычества польскихъ ксендзовъ, имѣвшихъ въ Бессарабіи много костеловъ и монастырей.

Однообразная дорога порядочно намъ надоѣла, и мы были очень рады, когда ямщикъ объявилъ намъ, что до Хотина осталось недалеко.

Намъ навстрѣчу стали чаще попадаться телѣги и пѣшеходы, и вообще дорога нѣсколько оживилась, чувствовалось, что мы приближались къ населенному мѣсту.

Вотъ наконецъ и Хотинъ. Однообразные холмы кончились громаднымъ яромъ, черезъ который наша четверка бодро перенесла тарантасъ на другую сторону. Вправо на зеленомъ склонѣ холма живописно раскинулся терскій казачій лагерь съ бѣлыми палат-

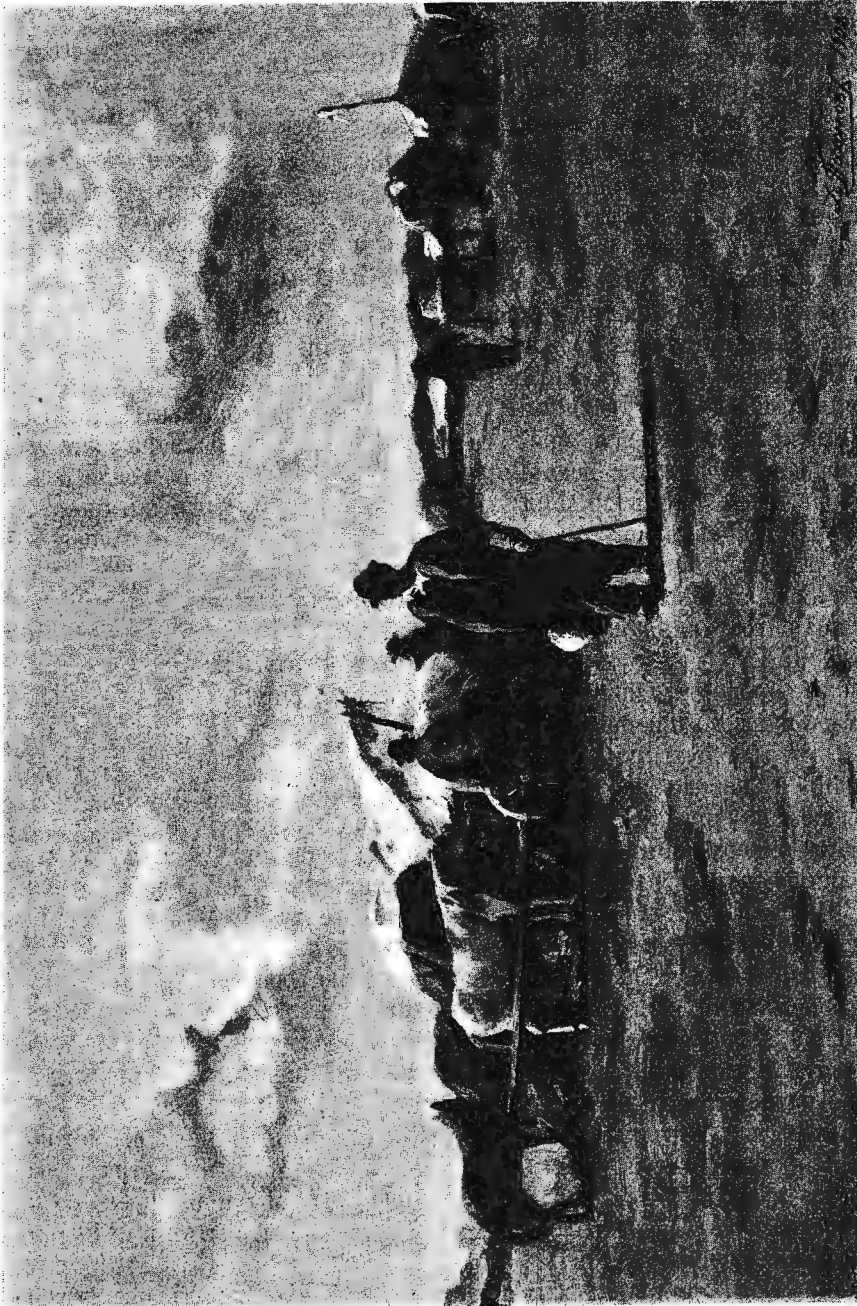
Руснаки.

ками, гдѣ царило обычное лагерное оживленіе: скакали верховые, у длинныхъ коновязей бравые терцы съ подоткнутыми за поясъ полами бешметовъ усердно чистили коней, нѣсколько человекъ возились около небольшихъ полевыхъ пушекъ, блестящихъ подъ лучами солнца, окончательно разогнавшихъ тучи. Еще минута — и мы въѣхали на громадную сѣрую и унылую базарную площадь, гдѣ два раза въ недѣлю бывають базары, изъ которыхъ одинъ по понедѣльникамъ зовется ярмаркой на томъ основаніи, что въ эти дни сюда привозятъ не только всевозможные продукты, но пригоняють также воловъ и лошадей.

Это—одинъ изъ древнѣйшихъ бессарабскихъ городовъ, основанный по преданію въ III столѣтіи предводителемъ даковъ Коризономъ. Судьба его послѣ основанія была такая же, какъ всѣхъ подобныхъ мѣстечекъ, т.-е. онъ переходилъ изъ рукъ въ руки, попадалъ то подъ власть кочующихъ ордъ, то вновь возвращался во владѣніе кореннымъ жителямъ и наконецъ въ XII или XIII вѣкѣ сдѣлался однимъ изъ важныхъ центровъ предприимчивыхъ генуэзцевъ, устроившихъ по Днѣстру такъ же, какъ и по берегамъ Чернаго моря, массу факторій, защищаемыхъ рядомъ крѣпостей. Такія же крѣпости сохранились до нашихъ дней по берегамъ Днѣстра въ Хотинѣ, Сорокахъ, Бендерахъ и Аккерманѣ. Хотинская крѣпость первоначально была очень невелика и представляла собою четырехугольное укрѣпленіе съ башнями по угламъ. Это укрѣпленіе не разъ выдерживало жестокіе штурмы со стороны поляковъ, казаковъ, турокъ и молдаванъ, но въ 1711 году окончательно попало подъ власть турокъ, укрѣпившихъ цитадель и выстроившихъ вокругъ громадныя сооруженія: башни, бастіоны, стѣны, сохранившіеся и теперь и дѣлающіе величественное впечатлѣніе солидностью и массивностью постройки.

Однако въ 1769 году князь Голицынъ разбилъ близъ Хотина турокъ, и крѣпость сдалась безъ боя. То же случилось и въ 1787 и 1800 годахъ, а въ 1812 году Хотинъ окончательно былъ присоединенъ къ Россіи одновременно со всей Бессарабіей. Когда весь край успокоился, и русская власть прочно основалась въ этихъ предѣлахъ, тогда русское правительство рѣшило совершенно упразднить крѣпость, что и было сдѣлано въ 1856 году. Это, впрочемъ, можно было бы сдѣлать и раньше, потому что грозная когда-то крѣпость не могла бы все равно устоять передъ современной артиллеріей, а потому существованіе ея было совершенно излишнимъ. Теперь эти величественныя руины являются единственнымъ памятникомъ былого величія Хотина, величія, безвозвратно потонувшаго въ глубинѣ прошлыхъ вѣковъ.

Широчайшая провинціальная улица, начинавшаяся отъ площади, имѣла довольно непривлекательный видъ, и одноэтажные домишки, покосившіяся лавченки и кривые заборы навели меня

Ярмарка въ Хотинѣ.

на мысль, что возница завезъ насъ сюда, чтобы скорѣе сплавить въ ближайшую гостиницу, а не ѣхать въ центръ города. Однако, по разспросамъ оказалось, что это—главный «проспектъ», и гостиница «Петербургъ», гдѣ мы остановились, является лучшей во всемъ Хотинѣ. Мы, впрочемъ, остались очень довольны нашимъ номеромъ; это была большая комната съ двумя окнами, выходящими на улицу, кроватью и широчайшей тахтой, тремя столами, снабженная умывальникомъ и необходимымъ количествомъ стульевъ. Стѣны были отштукатурены и по общему бессарабскому обычаю раскрашены черезъ трафаретъ «подъ обои». Этимъ, можетъ быть, и можно объяснить, что мы не видѣли за все время своего пребыванія ни одного звѣря изъ породы блохъ и клоповъ, которыми вообще славятся наши провинціальныя гостиницы.

Пріѣзжающихъ въ Хотинѣ не много, и мы были единственными жильцами въ этой гостиницѣ, а остальные четыре комнаты стояли пустыми. Поэтому вся прислуга была въ нашемъ распоряженіи и старалась угодить во всю. Впрочемъ вся-то прислуга состояла изъ здороваго парня Михаила и еврея-фактора, онъ же швейцаръ, лакей и управляющій. Факторъ это не обыкновенный комиссіонеръ при гостиницѣ, котораго чаще всего посылаютъ за письмами, а человекъ, готовый сдѣлать все, что угодно, и достать все, что надо. Южная гостиница или даже простой заѣзжій дворъ немислимы безъ такого фактора. Покупая для васъ фунтъ сахара, факторъ, кромѣ процента, полученнаго съ торговца, спрячетъ еще кусокъ въ карманъ, изъ вашей коробки спичекъ возьметъ двѣ, три штуки, всѣ пустыя бутылки обязательно припрячетъ, чтобы вы ихъ забыли, и потомъ продастъ, ужасно не любитъ возвращать сдачу мѣдью, но при всемъ томъ никогда не покусится на крупную кражу и порученія исполняетъ безукоризненно быстро и доволенъ всякимъ вознагражденіемъ, не выпрашивая лишняго гривенника.

Нашъ факторъ былъ субъектомъ такого же рода, но держался онъ съ нѣкоторымъ гоноромъ, рѣдко встрѣчающимся среди людей этой профессіи, способствующей развитію особенно противнаго подобиострастія и подхалимства. Одѣтъ онъ былъ постоянно въ черный, невозможно засаленный скюртукъ, зеленый съ горошинами жилетъ и рыжіе въ клѣтку брюки; рыжіе бакенбарды онъ носилъ съ важностью англійскаго лорда, какъ и помятый котелокъ, а его глаза бѣгали, какъ мыши, высматривая, гдѣ бы и въ чемъ бы можно было нажить малую толику. Проживая съ недѣлю въ Хотинѣ, мы могли изучать этотъ интересный типъ, что мы и не преминули сдѣлать. Онъ рассказывалъ намъ о своемъ житьѣ-бытьѣ и особенно гордился своимъ братомъ.

— И вы же вѣрно жнаете его,—увѣренно сказалъ онъ:—мой братъ очень даже ижвѣстенъ въ Петербургѣ, и его очень даже жнаютъ ражнаго вышюкопоставленнаго особы.

— Да кто жъ онъ такой?—спросили мы.

— О, онъ дѣлаетъ предшталенія на театрѣ, и даже очень хорошія предшталенія—ражные фокусы ижъ картъ, и у него есть жолотой медала и большой шеребряный медала и ражнаго похвальнаго отживъ.

— Чудакъ вы, Абрамонъ,—засмѣялся мой товарищъ:—вы думаете, что Петербургъ такой же, какъ Хотинъ, и всѣ другъ друга знаютъ, вотъ комикъ!

Абрамонъ былъ крайне озадаченъ, что мы не знаемъ его знаменитаго брата, и обидѣлся на данную ему кличку комика.

— И я вообще не комикъ, и жачѣмъ же вы меня ругаете, я не кѣмикъ, я песный факторъ при гостиницѣ, а вообще не комикъ.

И не разъ еще онъ насъ смѣшилъ разными курьезами, но, надо отдать ему справедливость, выполнялъ всѣ порученія быстро, охотно и аккуратно, не будь его, мы, быть можетъ, надолго застѣли бы въ этомъ паршивомъ городишкѣ, но нашъ Абрамонъ на слѣдующій же день добылъ намъ лодку, и наше путешествіе было обезпечено.

Вопросъ о лодкѣ былъ самый существенный: мы хотѣли спуститься отъ границы внизъ по Днѣстру, не торопясь, останавливаясь для наблюденій и этюдовъ, гдѣ намъ захочется, и не связывая себя ночлегами въ деревняхъ, а для этого намъ нужна была лодка большая и помѣстительная, на которой можно было бы поставить палатку, способную вмѣстить не только насъ двоихъ, но и наши чемоданы, зонтики, этюды и большой запасъ провизіи, безъ котораго совершенно не возможно путешествовать по Днѣстру, такъ какъ въ маленькихъ деревушкахъ, во множествѣ разбросанныхъ по берегамъ этой рѣки, нельзя рѣшительно ничего купить, и всѣмъ необходимымъ надо запастись въ большихъ мѣстечкахъ и городахъ, которыхъ очень мало на всемъ пути.

Нашъ шустрый Абрамонъ, знавшій Хотинъ и его жителей, какъ свой домъ и свою семью, объявилъ намъ, что здѣсь лодку купить нельзя, но что онъ знаетъ хозяина перевоза въ деревнѣ Атаки, и что у того, быть можетъ, найдется продажная лодка. Мы его тотчасъ командировали въ Атаки, и черезъ два часа онъ явился съ утѣшительнымъ отвѣтомъ, что лодка есть, и что мы можемъ осмотрѣть ее.

Взяли четырехмѣстный фэтонъ и покатали. Главная улица Хотина съ соборомъ, стоящимъ среди тѣнистаго сада, любимаго мѣстопребыванія мѣстныхъ аборигеновъ, скоро осталась у насъ за спиной, и мы, проѣхавъ базаръ, въѣхали въ лабиринтъ улочекъ и переулковъ съ безчисленнымъ количествомъ еврейскихъ лавченокъ, торгующихъ всякою дрянью. Иныя лавченки прямо изумительны ничтожнымъ количествомъ своихъ товаровъ: вотъ, напримѣръ, на углу пріютилась лавочка въ видѣ шкапа, кое-какъ скроеннаго изъ

гнилыхъ досокъ, съ навѣсомъ, готовымъ ежеминутно свалиться на голову грязнѣйшей красавицѣ, сидящей на ступенькѣ и серьезно занимающейся охотой въ головѣ своего чада, которое по случаю теплой погоды щеголяетъ «безъ галстука». Хозяйка этого роскошнаго магазина торгуетъ спичками, папиросами и сухой таранью: неужели можно прожить на доходы съ такой торговли, неужели цѣлая семья сыта на нѣсколько копеекъ, вырученныхъ за день?

Загадка объясняется просто, если вы поинтересуетесь узнать, гдѣ находятся мужья этихъ торговокъ, всѣ эти Янкели, Ицки, Борухи и проч. «іерусалимскіе дворяне»: всѣ они дѣлаютъ гешефтъ. У однихъ шинки на большихъ дорогахъ, гдѣ руснаки, молдаване и прочіе коренные жители пьютъ горилку, закладываютъ свои свитки, смушковые шапки, а то и воловъ, гдѣ рыцари большой дороги за гроши продаютъ добытое съ опасностью добро; у другихъ масса дѣлъ по деревнямъ, надо объѣздить и получить проценты за ссуду, проценты, превышающіе капиталъ иной разъ въ три-четыре раза, иные скупаютъ ленъ, коноплю, кукурузу, яйца, всякую живность и перепродаютъ это другимъ съ лихвой. Знатокъ Бессарабіи, Аѳанасьевъ - Чужбинскій, путешествовавшій по берегамъ Днѣстра лѣтъ 50 тому назадъ, говоритъ: «Изъ всѣхъ евреевъ Русской имперіи, надо сказать правду, нигдѣ нѣтъ такихъ закоренѣлыхъ фанатиковъ и недобросовѣстныхъ людей, какъ бессарабскіе евреи. Вездѣ племя это болѣе или менѣе поддается вліянію времени, вездѣ въ немъ примѣтны зачатки, положимъ, и несознаваемой еще реформы, но симптомы которой даютъ предчувствовать перемѣну къ лучшему, хоть въ будущемъ поколѣніи. Бессарабскіе евреи словно ограждены китайскою стѣною отъ всякаго внѣшняго вліянія, и, наживаясь на счетъ молдаванъ и руснаковъ, не только употребляютъ всевозможныя непозволительныя продѣлки, но изобрѣтаютъ въ изобрѣтеніи новыхъ невообразимыхъ плутней. Это—чистая язва для простодушнаго и кроткаго населенія. Сколько ни проѣхалъ я губерніи для изученія крестьянскаго быта, сколько ни описывалъ мѣстностей, я не высказывалъ этого мнѣнія. Значить, я говорю такъ не изъ нетерпимости—качества, которымъ, слава Богу, не обладаю,—не изъ какихъ либо личныхъ побужденій, но не могу скрыть истины, бросавшейся мнѣ въ глаза въ теченіе почти двухлѣтнаго странствованія по днѣстровскимъ побережьямъ. Проживаютъ евреи въ деревняхъ подъ разными видами и предлогами. Иной имѣетъ осѣдлость, другой держитъ на арендѣ имѣніе, разумѣется, частнымъ образомъ, и обдираетъ народъ; третій беретъ у помѣщика на откупъ джиму, т.-е. десятину съ продуктовъ, которую крестьяне обязаны доставлять владѣльцу; четвертый арендуетъ мельницу, пятый закупаетъ сады, и всѣ они, кромѣ спеціальнаго занятія, предаются болѣе спеціальному ростовщичеству. Такъ называемая камата (процентъ) растетъ у

нихъ не по днямъ, а по часамъ. Одинъ руснакъ выразился очень оригинально. «Жидівський левъ не оглянется, якъ уродить корбо-ванця». Левъ—гривенникъ. Обыкновенно крестьянинъ въ случаѣ нужды въ деньгахъ, а деньги ему нужны часто, кромѣ податей, на разные общественные сборы, идетъ куда же, какъ не къ еврею? Послѣдній ломается и покупаетъ или кукурузу будущаго урожая, почему самъ знаетъ, или овцу, теленка, или беретъ проценты, по 10 въ мѣсяцъ, назначая непремѣнно такой срокъ, когда знаетъ, что у крестьянина денегъ быть не можетъ. Приходитъ срокъ, еврей является за деньгами. Бѣдный проситъ отсрочки, за которую предлагаетъ какое нибудь пожертвованіе. Еврей изъ сожалѣнія соглашается, но высчитываетъ камату на камату, такимъ образомъ, что капиталъ утраивается. Въ случаѣ неисправности плательщика, заимодавецъ имѣетъ всѣ средства взыскать долгъ, по своимъ связямъ съ волостнымъ правленіемъ и вообще съ земскою полиціей».

Эти условія и порядки сравнительно мало измѣнились въ наше время, и несмотря на большую свободу нынѣшнихъ крестьянъ въ правовомъ отношеніи, они все-таки находятся въ постоянной кабалѣ у евреевъ. Хотинскіе представители этого лукаваго племени, конечно, не отстаютъ отъ прочихъ и набиваютъ карманы на счетъ простодушныхъ и недалекихъ крестьянъ.

Но главное, чѣмъ держатся хотинскіе евреи, что дороже и милѣе всего ихъ сердцу, что снится имъ по ночамъ въ видѣ чарующихъ и дивныхъ видѣній, привлекательныхъ своей обворожительной перспективой, это—контрабанда.

Каждый Янкель или Мойша спитъ и видитъ соблазнительные тюки съ кружевами, сигарами, матеріями и прочими товарами, безпрепятственно переносимыми черезъ границу и сразу обогащающими его. Его пылкое воображеніе рисуетъ чудную картину семейнаго благополучія съ роскошнымъ шабашемъ, съ «мацой», лежащей на форфоровомъ блюдѣ, съ аршинной фаршированной щукой на столѣ, съ шелковымъ непремѣнно краснымъ платьемъ на его дорогой Ривкѣ и съ сознаниемъ, что на черный день припасено кое-что, и что денежки отданы въ хорошія руки и принесутъ хорошій гешефтъ. Но приходитъ утро, и радужныя мечты исчезаютъ, какъ туманъ подъ лучами солнца, и суровая дѣйствительность напоминаетъ, что не всегда благополучно провозятся тюки, случается и даже часто, что мѣткая пуля настигаетъ контрабандиста, товаръ конфискуется, и пропадаетъ затраченный капиталъ. Но капиталъ—еще что. Капиталъ умный Ицка снова наживетъ, хоть ему больно, до слезъ больно, потерять хоть малую часть его, но его еще больше пугаютъ выстрѣлы, и не только выстрѣлы, но и видъ ружья; при видѣ блестящаго дула берданки его охватываетъ паническій ужасъ, племенной, наслѣдственный страхъ, который парализуетъ не только его движенія, но и мыслительныя способности.

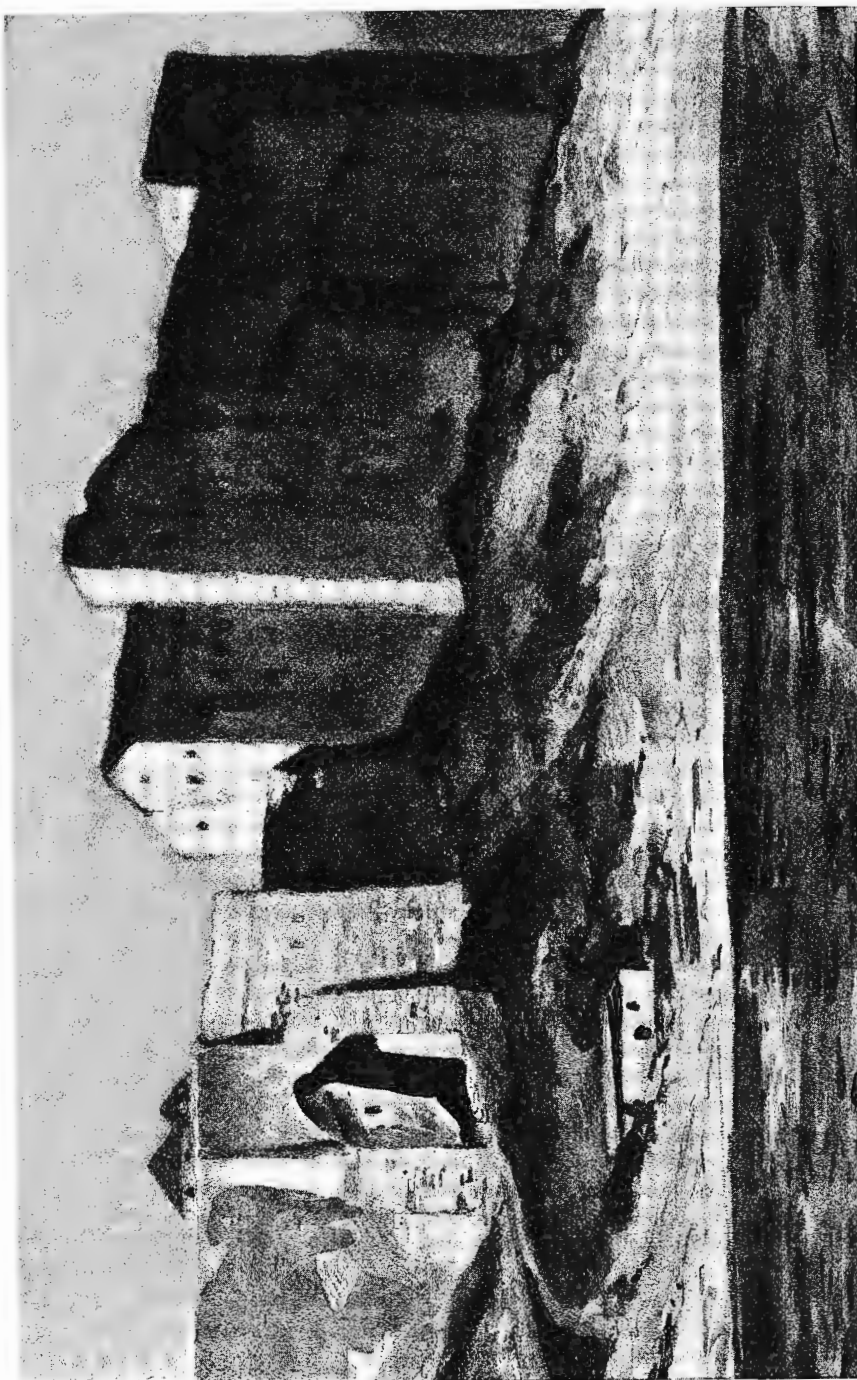
И вотъ изобрѣтательный Ицка измышляетъ способы подальше держаться отъ таможенныхъ постовъ; среди подонковъ общества онъ набираетъ шайку молодцовъ, готовыхъ за бутылку водки хоть въ огонь и воду, договаривается съ ними и начинаетъ операцію. Съ невиннымъ видомъ, подъ предлогомъ купить вола или лошадь, онъ переѣзжаетъ границу съ временнымъ паспортомъ, устраиваетъ тамъ свои дѣлишки, уговаривается относительно мѣста и часа и преспокойно возвращается домой. Остальное обработаетъ его вѣрная шайка, вѣрная отчасти изъ расчета и боязни потерять заработокъ, какъ онъ ни малъ, а отчасти изъ профессиональной честности, которой босяки за неимѣніемъ другихъ достоинствъ очень гордятся.

Дѣло перевозки контрабанды организовано отлично, все лукавство, вся изворотливость евреевъ помогаетъ имъ, и самый неусыпный надзоръ не гарантируетъ безопасности границы. Каждый тюкъ подвергается цѣлой системѣ раздѣленія, при которой есть возможность все скрыть до поры до времени и схоронить концы въ воду. Это тѣмъ болѣе легко, что въ узкихъ переулкахъ Хотина можетъ заплутаться даже знающій мѣстность, такъ какъ переулки незамѣтно переплетаются съ дворами и какими-то проходами, и вдобавокъ весь этотъ лабиринтъ примыкаетъ къ старинной крѣпости, гдѣ сохранились еще тайники, извѣстные только контрабандистамъ. Въ случаѣ неожиданнаго обыска, товаръ передается изъ рукъ въ руки, со двора на дворъ, изъ переулка въ переулокъ до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ вполнѣ безопаснаго мѣста; вся эта исторія идетъ при оглушительномъ воѣ женщинъ, ревѣ ребячь и крикѣ Янкелей и Боруховъ, завѣряющихъ «цеснымъ словомъ», что они «цесные евреи и, ижбави Бохъ, никогда не жанимались таковымъ нехорошимъ дѣломъ, какъ контрабанда. И жачѣмъ намъ контрабанда, и у насъ есть цесная торговля, а контрабандой вай, вай жанимаются только ражбойники и мошенники!»

Стѣны библейскаго Іерихона развалились, вѣроятно, отъ такого же гвалта, но стѣны хотинской крѣпости выдерживаютъ этотъ крикъ и непоколебимо стоятъ, какъ памятникъ добросовѣстности генуэзскихъ и турецкихъ зодчихъ. Рѣдко обыски достигаютъ цѣли, и успокоившіеся евреи снова принимаются за свой прибыльный трудъ.

Контрабанда издавна выбрала себѣ наиболѣе удобные пути: на югѣ Бессарабіи она идетъ черезъ южную границу — Прутъ, а на сѣверѣ черезъ Хотинъ и Бричаны, откуда масса ея доставляется въ Каменецъ-Подольскъ сухимъ путемъ или по Днѣстру въ Могилевъ, Сороки, Бендеры и другіе города и мѣстечки Приднѣстровья.

Насколько выгоденъ контрабандный промыселъ, можно судить хоть по мѣстечку Бричаны, гдѣ живетъ нѣсколько тысячъ евреевъ и живеть очень недурно, конечно, не хлѣбопашествомъ, и кормить всю эту ораву пронырливыхъ іудеевъ главнымъ образомъ контрабанда.

Развалины крепости въ Хотинѣ.

Заговоривъ о евреяхъ, нельзя не упомянуть о двухъ особенностяхъ бессарабскихъ евреевъ, отличающихъ ихъ отъ собратьевъ, живущихъ въ Малороссіи; во-первыхъ, они не носятъ ни традиціонныхъ пейсовъ, ни лапсердаковъ, ни ермолокъ. Всѣ они одѣты въ сюртуки, пиджаки или, чаще всего, въ обыкновенныя пальто, замѣняющія и первые и вторые. Только старики придерживаются еще старинной одежды, и я встрѣтилъ нѣсколько типичнѣйшихъ старцевъ, которые смѣло могли бы войти въ картину какого нибудь конкурента на большую золотую медаль нашей блаженной памяти старой академіи, любившей прописывать своимъ питомцамъ порціи библейскаго характера съ Авраамами, Исааками и Иаковами на первыхъ планахъ. Вторая особенность, особенно удивительная, это—чистота жилищъ хотинскихъ евреевъ: ихъ комнаты чисто выметены, стѣны выбѣлены, на полкахъ въ порядкѣ стоятъ тарелки, чашки и блюда, и въ шабашъ при свѣтѣ многихъ свѣчей эти комнаты производятъ уютное и симпатичное впечатлѣніе. Должно быть, близкое сосѣдство племени русиновъ, живущихъ, какъ и всѣ малороссы, чрезвычайно опрятно, подѣйствовало на хотинскихъ евреевъ, и они въ этомъ отношеніи измѣнили своимъ вѣковымъ традиціямъ; лишь въ отношеніи чистоты одежды они остались, кажется, безъ перемѣны, и я ни разу за все время пребыванія въ Бессарабіи не встрѣчалъ еврея въ новомъ и чистомъ сюртукѣ. Они, должно быть, никогда не шьютъ себѣ ничего новаго, справедливо разсуждая, что поношенную одежду можно купить за безцѣнокъ, а что она въ пятнахъ и заплатахъ, это не бѣда—не привыкать стать: свои не только не осудятъ, а еще похвалятъ за экономію, а гои—какое имъ дѣло до гоевъ и до ихъ мнѣнія о еврейскомъ костюмѣ?

Скоро мы миновали еврейскій кварталъ и выѣхали на шоссе, тянувшееся по берегу Днѣстра. Дорога лежала прямой лентой среди кукурузныхъ полей, на темной зелени которыхъ эффектно выдѣлялись бѣлыя рубахи крестьянъ. Противоположный подольскій берегъ тянулся однообразной сѣрой стѣной, кое-гдѣ прерывавшейся глубокими ярами, черезъ которые виднѣлась обширная даль съ полями, лѣсами и небольшими деревеньками, беспорядочно разбросанными по холмамъ; все это тонуло въ мягкихъ, сѣро-сизыхъ тонахъ. Прорѣхавъ нѣсколько верствъ, мы попали наконецъ въ Атаки и спустились внизъ къ перевозу, гдѣ нашли хозяина лодки, которую онъ и повелъ намъ показывать.

Мы съ Владимиромъ Николаевичемъ вытаращили глаза. Мы представляли себѣ лодку все-таки лодкой—неуклюжей, грубой, но такой посуды, какая лежала передъ нами на берегу, мы никакъ не ожидали видѣть. Это былъ плоскодонный ящикъ восемь аршинъ длины и три ширины, половина его представляла правильный четырехугольникъ, а другая половина, игравшая роль носа, — треугольникъ. Вся эта машина была сложена изъ веструганныхъ полу-

вершковыѣхъ досокъ и носила громкое названіе «чайки», слово, занесенное сюда, вѣроятно, казаками.

Однако послѣ нѣкотораго размышленія мы пришли къ убѣжденію, что лучшаго инструмента для нашего путешествія не выдумать, и что въ этой пародіи на лодку и на плотъ мы великолѣпно размѣстимся со всѣми своими пожитками. Сторговавшись за 25 рублей и распорядившись относительно ремонта, мы вернулись въ Хотинъ, гдѣ пришлось прожить еще нѣсколько дней, чтобы сдѣлать необходимыя закупки и дождаться, когда плотникъ кончитъ въ лодкѣ основу для палатки, скамьи и весла. Дня за два до отплытія мы переселились поближе къ лодкѣ въ Атаки, гдѣ недурно устроились въ чистой хатѣ одного изъ мѣстныхъ крестьянъ.

III.

Хата, гдѣ мы поселились, по обычаю, состояла изъ двухъ половинъ: черной и чистой, раздѣленныхъ небольшими сѣнями и чуланомъ. Парадная половина блистала удивительной чистотой. Глинобитный полъ былъ начисто выметенъ, громадная русская печь поражала не только своими размѣрами, но и витиеватою архитектурой: лежанка, полочки, впадины, арка надъ отверстіемъ, арка для входа на лежанку, помѣщавшуюся позади,—все было украшено нехитрыми орнаментами и раскрашено красной, желтой и синей красками; кругомъ комнаты шли широкія лавки, покрытыя коврами; въ переднемъ углу стояли образа и были прибиты картинки душе-спасительнаго содержанія; ради украшенія фономъ для образовъ служили куски необыкновенно яркихъ обоевъ. Въ другомъ углу, надъ поставцемъ были прибиты полки, гдѣ симметрично были разставлены чашки и тарелки. Около печи стояла большая деревянная кровать съ пѣлой грудой подушекъ въ розовыхъ ситцевыхъ чехлахъ, а надъ ней, на широкой полкѣ, аккуратно сложены штукъ сорокъ ковровъ—будущее приданое дочки.

Эти ковры очень цѣнятся въ Бессарабіи; числомъ ковровъ и ихъ величиной измѣряется благосостояніе мужика. Купить такой коверъ очень трудно, такъ какъ крестьяне берегутъ ихъ и продаютъ только тогда, когда неурожайный годъ заставляеть ихъ продавать все, что имѣеть хоть какую нибудь цѣнность. А такъ какъ неурожай въ этой странѣ бывають сравнительно рѣдко, то и рѣдко можно купить такой коверъ. Мнѣ очень хотѣлось увезти изъ Бессарабіи хоть одинъ образчикъ, но такъ и не удалось. Говорять, что на большихъ ярмаркахъ иногда бывають ковры, привезенные на продажу евреями, получающими ихъ за долги почти даромъ, но продающими по очень высокой цѣнѣ.

Цѣна ихъ во всякомъ случаѣ значительно превышаетъ цѣны на кавказскіе паласы, на которые бессарабскіе ковры очень похожи

по рисункамъ; по ткани же и по качеству шерсти и окраскѣ они стоятъ гораздо ниже кавказскихъ и менѣе прочны.

Хорошіе ковры рѣдко употребляются въ дѣло и обыкновенно лежатъ сложенные и бережно хранятся, а лишь иногда вывѣшиваются на дворѣ частью, чтобы провѣтрить ихъ, а главное, чтобы похвастаться. Въ торжественные же дни, въ большіе праздники— на Пасху и на Рождество, иногда лучшіе ковры на день или на два прибиваются къ стѣнамъ или постилаются на лавки, а затѣмъ вновь прячутся до слѣдующаго торжества.

Нашъ хозяинъ, бравый мужикъ, жилъ видимо зажиточно, и его дворъ и огородъ содержались въ образцовомъ порядкѣ; свой надѣлъ онъ обрабатывалъ съ помощью батраковъ, а самъ работалъ на перевозѣ, гдѣ получалъ 15 рублей въ мѣсяцъ. По жизни такихъ мужиковъ, какъ этотъ Ефимъ, нельзя, конечно, судить о крестьянской жизни. Близость города, хотя бы такого, какъ Хотинъ, дѣйствуетъ развивающимъ образомъ, и подгородніе мужики самостоятельнѣе своихъ захоластныхъ собратій и не такъ прижаты евреями, какъ жители глухихъ, мелкихъ деревушекъ, гдѣ евреи арендаторы дѣлаютъ все почти, что хотятъ, и гдѣ положеніе мужиковъ немногимъ лучше стараго крѣпостного.

Настоящими крѣпостными бессарабцы, впрочемъ, никогда не были, и закрѣпощены были лишь цыганы, составлявшіе помѣщичью дворню. Обыкновенные крестьяне были свободны и жили на помѣщичьихъ земляхъ по обоюдному съ помѣщикомъ договору, который могли нарушить одинъ разъ въ годъ. За право пользованія землей они обязаны отработать на помѣщика 12 дней въ году и отдавать ему «дижму», т.-е. десятую часть своихъ продуктовъ. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ «царане» (крестьяне, жившіе по такому договору) должны были бы благоденствовать, но на практикѣ было совершенно обратное.

Рабочій день, называвшійся «пунктовымъ», опредѣлялся помѣщикомъ извѣстнымъ урокомъ, который бывалъ такъ чудовищно великъ, что царанинъ съ семьей едва отбывалъ такой урокъ въ теченіе недѣли. При такихъ условіяхъ его собственное хозяйство шло, несмотря на упорную работу, плохо, и онъ сильнѣе и сильнѣе запутывался въ долгахъ.

Недобросовѣтность помѣщиковъ и особенно поссессоровъ, бравшихъ у помѣщиковъ имѣнія въ аренду и потому усиленно выжимавшихъ всѣ соки изъ народа, сдѣлала то, что экономическое положеніе страны стало ниже всякой критики, и царане толпами стали убѣгать за границу, особенно за Прутъ, въ Турцію, такъ какъ подъ властью турокъ никогда крестьянское населеніе не доходило до такой крайней нищеты, какъ подъ властью бессарабскихъ помѣщиковъ, по большей части, поляковъ, помнившихъ бывшее величіе Рѣчи Посполитой и мнившихъ себя внѣ закона, считая свою пан-

Мельница на Днѣстрѣ.

скую волю закономъ. Администрація, хромавшая въ тѣ времена и въ Россіи, тѣмъ болѣе была отвратительна на такой окраинѣ, какъ Бессарабія, и этимъ объясняется, что, несмотря на кличку свободного человѣка, царининъ былъ хуже крѣпостного и также подвергался тѣлеснымъ наказаніямъ. Никто не слѣдилъ за правильностью приговоровъ, а помѣщики и поссессоры, пользуясь этимъ, творили, что хотѣли.

Въ Россіи у самыхъ свирѣпыхъ помѣщиковъ мужики (не дворовые) жили довольно сносно; помѣщикъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на свою собственность, и не изнурялъ непосильной работой, если не по гуманнымъ побужденіямъ, то хоть изъ экономическихъ соображеній; онъ зналъ, что непосильный трудъ можетъ лишить его работника, оцѣниваемого нѣсколькими сотнями рублей. Подобнаго сдерживающаго элемента не было у бессарабскаго помѣщика: если заболѣвалъ и умиралъ царининъ, то помѣщикъ все-таки отбиралъ «дичму», выгонялъ семью умершаго на всѣ четыре стороны, зная, что къ нему немедленно явятся десятки другихъ трудолюбивыхъ, выносливыхъ и безропотныхъ царанъ, и смерть одного отъ изнуренія являлась даже довольно выгодной аферой. На нравственную сторону подобныхъ поступковъ никто не смотрѣлъ, а съ юридической точки зрѣнія обыкновенно все было въ полной исправности, что и поощряло этихъ плантаторовъ продолжать въ томъ же духѣ.

Особенно плохо приходилось тѣмъ царанамъ, которые были подъ началомъ поссессоровъ изъ евреевъ или у заграничныхъ, большею частью, греческихъ монастырей, владѣвшихъ въ Бессарабіи громадными пространствами и требовавшихъ отъ своихъ поссессоровъ громадныя суммы. Освобожденіе крестьянъ и новое положеніе особенно благотворно отозвалось на забитыхъ и несчастныхъ русинахъ и молдаванахъ, а въ настоящее время они почти оправились отъ многолѣтняго гнета, говорю почти, потому что многіе, если не большинство, бьются въ цѣпкихъ еврейскихъ лапахъ, и ловкіе сыны израиля ухитряются на законномъ основаніи дѣлать то, что прежде творили безъ всякихъ законовъ.

Находятся субъекты и въ «нашъ просвѣщенный вѣкъ», которые утверждаютъ, что крестьяне сами виноваты въ томъ, что попали подъ власть евреевъ. «Эти молдаване и русины,—говорятъ они,—болваны и дураки; отчего они не жалуются? Они тупы, а еврей этой тупостью, конечно, пользуется, на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ». Дѣйствительно, особеннымъ умомъ бессарабцы не отличаются, но они трудолюбивы, тихи и смиренны, и послѣднія два качества не только не пороки, но большія достоинства. Они, какъ и русскій простой народъ, не любятъ судиться и больше разсчитываютъ на сердце и любятъ рѣшать дѣла «по душѣ»; если къ этому прибавить еще безграмотность населенія, то станетъ понятно, отчего евреи держатъ ихъ въ такихъ тискахъ.

Рыбакъ на Днѣпрѣ.

Мы ждали съ нетерпѣніемъ, когда наша лодка будетъ окончательно готова къ путешествію. Погода начала портиться. Пошли дожди и главное началъ ежедневно подувать свирѣпый нордвестъ, не обѣщавшій ничего хорошаго. 20-го іюня все было готово. Основа для палатки укрѣплена, весла выточены, уключины прибиты, провизія куплена, и мы могли бы выѣхать, если бы не проливной дождь, начавшійся съ ранняго утра.

Рѣшили переждать и ѣхать 21-го, несмотря ни на какую погоду. Надоѣло сидѣть на мѣстѣ, надоѣли мелкія хлопоты, несносныя тѣмъ, что каждое распоряженіе приходилось повторять два, три раза и ждать цѣлыми часами, пока оно наконецъ приводилось къ концу.

Отчасти отъ нечего дѣлать, а отчасти, чтобы пообѣдать въ послѣдній разъ болѣе или менѣе по-европейски, мы отправились на другую сторону Днѣстра, въ деревню Жванецъ, широко раскинувшуюся на высокомъ и обрывистомъ берегу.

Обрывъ начинался не у самой воды, а саженьхъ въ двадцати отъ нея, и на этомъ пространствѣ расположились большіе лѣсные склады и верфь, гдѣ сколачиваютъ неуклюжія «галеры», единственныя въ своемъ родѣ суда, ходящія по Днѣстру. Это громадные плоскодонные ящики, почти квадратной формы, длиной сажень восемь и глубиной аршина полтора. Управляются галеры четырьмя потесями такъ же, какъ плоты. На этихъ галерахъ внизъ отправляются всевозможные товары мѣстнаго производства, какъ пшеница, кукуруза, дрова, а также деревянныя издѣлія, идущія главнымъ образомъ изъ Австріи, и т. д.

Пройдя мимо верфи, мы поднялись по крутой тропинкѣ, переходившей далѣе въ лѣстницу, сложенную изъ дикаго, рванаго камня. Лѣстница вывела насъ на площадку, гдѣ начиналась главная улица. Кромѣ стариннаго, значительно реставрированнаго, бывшаго армянскаго костела и новой русской церкви, никакихъ достопримѣчательностей мы не нашли и отправились по указанію одного любезнаго юноши въ одинъ чистенькій домикъ, гдѣ элегантная живодочка накормила насъ котлетами и супомъ съ вермишелью именно въ такомъ порядкѣ, какъ я упоминаю, что, вѣроятно, заимствовано изъ Турціи, гдѣ на первое подается сладкое, затѣмъ жаркія и соусы, и кончаютъ супомъ.

Изъ Жванца мы вернулись въ свою хату, сложили вещи, напились чаю и завалились спать въ надеждѣ, что погода смиляется надъ нами, и можно будетъ наконецъ выѣхать.

IV.

Утро 21-го было восхитительное; солнце свѣтило во всю, но было еще довольно свѣжо, и вѣтеръ подувалъ довольно сильно; легкія облака плыли по небу, но не угрожали сплотиться въ дождевыя тучи, и мы радостные и оживленные направились къ своей лодкѣ со всѣмъ своимъ скарбомъ, который былъ нагруженъ на подводу. Въ нѣсколько минутъ вещи были перенесены въ лодку, разложены по мѣстамъ, весла вставлены въ уключины, веревка отвязана, и наша «чайка» плавно поплыла по теченію; нѣсколько взмаховъ веслами вынесли насъ на середину Днѣстра, гдѣ течение быстрое, и скоро Ефимъ, стоявшій на берегу, обратился въ незамѣтную точку. Приспособивъ одно весло на кормѣ, въ видѣ руля, мы съ комфортомъ расположились, управляя лодкой по очереди.

Течение несло насъ очень сильно, но это было незамѣтно и чувствовалось только потому, что берега быстро пробѣгали мимо насъ, развертываясь двумя панорамами справа и слѣва. Со скоростью шести верстъ въ часъ, средняя быстрота верхняго теченія Днѣстра, мы достигли Хотинской крѣпости, массивно громоздившейся на правомъ берегу. Громадныя башни, стѣны, монументальныя ворота, высокій, сѣрый минаретъ, выглядывавшій изъ-за стѣнъ, были полны мрачнымъ величіемъ и тѣмъ своеобразнымъ настроеніемъ, какимъ обладаютъ такія многовѣковыя развалины, выдержавшія въ своей жизни много передрагъ.

Невольно въ головѣ возникали картины прошлаго, такого отдаленнаго, что мелкія его черты давно сгладились и слились въ крупныя, характерныя пятна, полныя дикости и величія. Много, много вѣковъ тому назадъ, на скалѣ стояла небольшая, но грозная для тѣхъ временъ цитадель. Въ ней жилъ небольшой гарнизонъ предприимчивыхъ генуэзцевъ и нѣсколько энергичныхъ факторовъ, оставившихъ свою родину въ поискахъ приключеній и богатства и нашедшихъ здѣсь свое эльдорадо. По цѣлымъ днямъ кругомъ толпились дикіе кочевники, предлагая свои грубыя издѣлія въ обмѣнъ на изящныя украшенія генуэзскихъ купцовъ, по цѣлымъ днямъ стоялъ шумъ и гамъ, ржанье сотенъ коней, блеяніе овецъ и мычаніе коровъ; примитивная и грубая брань дикихъ славянъ сливалась съ мягкой и музыкальной бранью жителей горячей Италіи.

На берегу Днѣстра, въ древности Тирасы, катившаго свои быстрыя воды, грузились хлѣбомъ, кожами и лѣсомъ неуклюжія галеры, которыя, нагрузившись, шли внизъ, охраняемая конвоемъ, обязаннымъ защищать ихъ отъ многочисленныхъ нападеній разбойничьихъ шаекъ, охотившихся въ дремучихъ и непроходимыхъ буковыхъ и дубовыхъ лѣсахъ, покрывавшихъ тогда всю сѣверную Бессарабію. Но, несмотря на конвой, многія галеры не доходили до устья и гибли по дорогѣ. Особенно опасны были пороги въ

среднемъ теченіи, гдѣ всегда засѣдали въ засадѣ ловкіе молодцы, грабившіе галеры, неловко попадавшія на камни и разбивавшіяся о гранитные утесы.

По вечерамъ въ крѣпости и кругомъ все затихало. Дневная суета смѣнялась мечтательною тишиной; на лѣсныхъ полянахъ и кругомъ крѣпости пылали костры, освѣщавшіе засыпающихъ дикарей. Днѣстръ шепталъ свою вѣчную и неумолчную пѣснь, а изъ башни, черезъ узкія бойницы, доносилась иногда страстная любовная пѣснь къ какой нибудь оставленной дома Лючіи или Терезѣ; звонъ мандолины и мягкіе переливы заморской, чудной мелодіи волновали сердца дикарей славянъ. Иногда по каменистой дорогѣ раздавался тяжелый топотъ коня, звонъ оружія, и передъ воротами останавливался какой нибудь бродячій рыцарь, въ заржавѣвшемъ и потемнѣвшемъ отъ дождей вооруженіи, отрепанномъ плащѣ и съ шарфомъ дамы своего сердца черезъ плечо. Смѣло трубилъ благородный синьоръ, Богъ вѣсть какъ попавшій въ эти края, съ береговъ своего родного Рейна, и требовалъ стола и пріюта, что, конечно, немедленно получалъ, и за кувшиномъ вина рассказывалъ свои приключенія и битвы гостепріимнымъ хозяевамъ, которые рады были, конечно, послушать розсказни титулованнаго бродяги.

Пронеслись вѣка надъ Хотинской крѣпостью; владѣли ею и молдаване, и Византія, и Польша, и Турція. Не разъ вокругъ стѣнъ звенѣли мечи, ломались съ трескомъ копья, а въ болѣе позднее время гремѣли и пушки.

Немало городковъ и селеній возникало по берегамъ Днѣстра и снова исчезало, не оставляя иногда и слѣдовъ, но много городовъ устояло на мѣстѣ и стоитъ до сихъ поръ, измѣнивъ, впрочемъ, не только внѣшность, но и названія. Ничто во многихъ мѣстахъ не напоминаетъ о быломъ величіи, а между тѣмъ старинныя лѣтописи рассказываютъ о рядѣ городовъ, стоявшихъ по Днѣстру и принадлежавшихъ когда-то литовско-русскимъ князьямъ въ XV вѣкѣ.

Переписчикъ древней лѣтописи, называвшейся «Книгой большаго чертежа», съ наивною и точною списалъ съ подлинника: «А на Днѣстрѣ градъ Нарока, отъ устья сто тридцать верстъ. А ниже Нароки, двадцать верстъ, градъ Устья. А ниже Устья, двадцать верстъ, градъ Орыга. А ниже Орыги, двадцать верстъ, градъ Тегиня. А ниже Тегини, двадцать верстъ, градъ Туборча. А ниже Туборчи, градъ, въ старомъ чертежѣ подпись свалилася».

Такъ какъ въ «чертежѣ» подпись свалилася, то я не стану утомлять читателя перечисленіемъ Днѣстровскихъ городовъ, тѣмъ болѣе, что всѣ они испытали участь Хотина, т. е. переходили изъ рукъ въ руки, были разоряемы и вновь восстанавлиемы, пока не обратились, подъ русскимъ вліяніемъ, въ мирныя деревни и уфѣдныя города, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивающіеся.

Миновавъ рѣпность, мы попали въ болѣе пустынную мѣстность. Деревни и хутора стали рѣже и берега красивѣе. Въ одномъ мѣстѣ Днѣстръ широко разлился: слѣва тянулся довольно низкій, подольскій берегъ, а правый состоялъ изъ желтыхъ утесовъ, поросшихъ кустами; мы остановились подъ самыми скалами, въ уютной бухточкѣ и дѣятельно занялись своимъ завтракомъ, показавшимся намъ на свѣжемъ воздухѣ необыкновенно вкуснымъ. Основательно закусивъ, мы двинулись дальше, но не прошли и пятидесяти сажень, какъ подъ дномъ лодки что-то хрустнуло: разъ, другой, и она со скрипомъ стала поворачиваться, и, наконецъ, остановилась.

Мы основательно сидѣли на мели, и это удовольствіе было для насъ полной неожиданностью, такъ какъ по поверхности рѣки никакъ нельзя было подозрѣвать, что здѣсь мель: теченіе, какъ и въ другихъ мѣстахъ, сильное, ровное и плавное, и вода нигдѣ не рябила и не шумѣла на камняхъ. Думая, что мель небольшая, мы взяли за весла, но сдвинуть нашу махину не могли; съ тѣмъ же успѣхомъ попробовали оттолкнуться шестомъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что пришлось принять невольную ванну и, сойдя въ воду, тащить лодку руками. Тутъ-то и началась потѣха: стащивъ лодку съ одной мели, мы немедленно попадали на другую, съ той на третью и т. д., пока, черезъ часъ неутомимой возни, мы не выволокли ея къ главному руслу, по которому насъ быстро понесло внизъ. Наскоро одѣвшись, мы заботились лишь объ одномъ, чтобы итти по срединѣ теченія, но это не удалось, такъ какъ мы обломали одну за другой обѣ уключины, и у насъ остался одинъ только шестъ, которымъ ни я, ни товарищъ управлять не умѣли, такъ какъ это требуетъ большого искусства и практики.

Въ результатъ теченіемъ насъ натолкнуло на мельницу, огороженную, къ счастью, сваями и поперечными бревнами, и мы, кое-какъ оттолкнувшись отъ нея, пристали къ берегу, гдѣ съ помощью мельника наскоро прикрѣпили весла и перебрались на другой берегъ къ деревнѣ, гдѣ больше часа ждали кузнеца, чинившаго наши уключины.

Наученные опытомъ, мы въ дальнѣйшемъ путешествіи зорко смотрѣли и старались не приставать къ берегу тамъ, гдѣ Днѣстръ былъ очень широкъ: это, впрочемъ, не помѣшало намъ еще раза три съ такимъ же комфортомъ усаживаться на мели.

Первый день нашего путешествія кончился благополучно, и Днѣстръ не поднесъ намъ больше ни одного сюрприза. Часовъ въ семь стали надвигаться сумерки; небо очистилось совершенно и приняло желтовато-зеленый огтѣнокъ; Днѣстръ сталъ гладкимъ, какъ зеркало, и въ немъ со всѣми деталями отражались обрывистые берега. Мы перестали грести и лишь ударомъ то одного, то другого весла направляли лодку носомъ впередъ. За однимъ поворотомъ передъ нами открылась широкая картина: громадное село

Повѣтчина, потонувшее въ густыхъ садахъ, привольно раскинулось по холмамъ на правомъ берегу; вдали, какъ декорація, замыкали горизонтъ скалы, задернутыя лиловой дымкой; лѣвый же берегъ, отвѣснымъ обрывомъ саженъ въ 60, опускался прямо въ воду. Мы молча и тихо скользили вдоль этой величественной стѣны; сѣрыя глыбы иногда нависали надъ нашими головами, безчисленныя трещины, пещеры, впадины и промоины представляли какой-то дивный хаосъ, съ переливами мягкихъ сѣрыхъ тоновъ. Кое-гдѣ скалы принимали видъ башенъ и замковъ, на стѣнахъ которыхъ трепетали рефлексы вечерняго неба. Въ воздухѣ было тихо и покойно; Повѣтчина осталась за спиной, и мы беззвучно плыли между отвѣсными утесами. Въ этомъ мѣстѣ Днѣстръ пробилъ себѣ дорогу черезъ громадную скалистую гряду и быстро несъ свои воды, изворачиваясь то вправо, то влѣво. Кое-гдѣ громадные пласты глинистыхъ сланцевъ съ окаменѣlostями сползли въ воду, которая обточила и отшлифовала ихъ такъ, что въ сумеркахъ они казались головами и туловищами какихъ-то допотопныхъ чудищъ, вылѣзшихъ подышать воздухомъ изъ глубины рѣки или таинственныхъ пещеръ, черными пятнами выдѣлявшихся на фонѣ сѣрыхъ скалъ.

Однако мечты мечтами, но намъ надо было подумать о своемъ ночлегѣ. Въ одномъ мѣстѣ подъ скалами виднѣлась небольшая площадка, куда мы и направили свою лодку и привязали ее къ большому камню. Черезъ минуту веселый огонекъ запылалъ въ расщелинѣ скалы, трепетно освѣщая насъ, нашу лодку и окрестныя скалы; зашипѣла яичница, зафыркалъ и забурлилъ чайникъ, и вскорѣ мы съ комфортомъ сидѣли за ужиномъ. Навѣсь надъ лодкой не былъ еще окончательно готовъ, но мы все-таки набросили холстъ на деревянную основу и кое-гдѣ прикрѣпили его гвоздями.

Утомленные, но довольные первымъ днемъ, мы не раздѣвались и, завернувшись въ плѣды, легли спать, но сонъ былъ тревожный. Необычная обстановка, покачиваніе лодки и скрипъ ея о соседніе камни, тихій шелестъ быстро пробѣгавшихъ струй воды сливались въ гармоничную, но волнующую пѣснь; чудились картины далекаго прошлаго: какіе-то клики, бряцаніе оружія, вой гуртовъ скота, которые гнали проходившія когда-то здѣсь толпы гунновъ, аллановъ, гетовъ, скивовъ, антовъ, склавиновъ и прочихъ бродячихъ племень, и рядомъ съ этимъ всплывали въ памяти наивныя розказни Эмара, Купера и Майнъ-Рида, волновавшія когда-то мое двѣнадцатилѣтнее сердце. Все, о чемъ когда-то я мечталъ—дикая жизнь среди дикой и суровой природы, жизнь, полная неизвѣстности и приключеній,—все это осуществилось. Сонъ мѣшался съ истиной, и казалось, что мы остановились гдѣ-то въ дебряхъ дѣвственныхъ лѣсовъ, на берегахъ Миссури или Миссисипи, что надо остерегаться нападенія кровожадныхъ индѣйцевъ, подстерегающихъ

неосторожныхъ путешественниковъ за кустами и скалами. Вдругъ донеслись голоса. Я очнулся и пришелъ въ себя, но сердце билось тревожно; я выглянулъ, но все кругомъ было тихо, а голоса замолкли; это, вѣрно, крикнули на плоту, остановившемся недалеко отъ насъ, на противоположномъ берегу. Днѣстръ былъ черенъ, какъ чернила, и ночь темна, какъ грѣхъ. По небу ползли небольшія облака, среди которыхъ мирно мигали южныя свѣтлыя звѣзды. Съ запада тянулъ свѣжій вѣтерокъ, пронизывавшій до костей. Я завернулся крѣпче въ свой плащъ, легъ и, успокоенный, заснулъ наконецъ настоящимъ крѣпкимъ сномъ.

Но, увы, спать пришлось недолго. Въ четыре часа утра мы проснулись отъ сильныхъ толчковъ. Мѣстность совершенно измѣнилась. Площадки, гдѣ мы разводили огонь, не существовало, она скрылась подъ водой; камень, къ которому была привязана лодка, еще торчалъ своей верхушкой надъ волнами, бившими лодку о подводные камни, но собирался тоже скрыться подъ быстро прибывавшей водой. Порывы холоднаго вѣтра терзали нашу палатку и готовились сорвать, и мы должны были придерживать ее руками; съ сѣверо-запада шла черная туча, захватившая полъ-горизонта; ближе и ближе, и вотъ на насъ стали налетать шквалъ за шкваломъ; желтыя волны покрылись бѣлыми зайчиками, и вся картина приняла мрачный и угрожающій видъ. Наконецъ хлынулъ дождь, и мы, стуча зубами, старались прикрыть свои вещи отъ ливня. Къ счастью, туча скоро пронеслась, а черезъ полчаса стало тише, и мы могли отвязать лодку.

Выбравъ моментъ потише, мы пустились въ путь, но онъ оказался очень утомительнымъ: вѣтеръ сносилъ насъ къ правому берегу, несмотря на то, что мы изо всѣхъ силъ работали веслами. При этомъ ясно выразилось, что наши весла не выдерживали никакой критики. Они были слишкомъ коротки, массивны, грубы и тяжелы, чтобы двигать такую тяжесть, какъ лодка и все, что въ ней заключалось. Этого, впрочемъ, слѣдовало ожидать. Плотникъ, мастерившій эти весла, можетъ быть, во всю свою жизнь не видалъ ни одного весла, а мы, торопясь выѣхать изъ Хотина и надѣясь, что будемъ итти внизъ силой теченія, не обратили должнаго вниманія на нихъ, за чтò и были наказаны.

На Днѣстрѣ весла вообще почти неизвѣстны такъ же, какъ и лодки. Плоты, галеры и большія барки управляются потесями; лодки же, подобныя нашей, нигдѣ, кромѣ Хотина, не встрѣчаются, управляются просто шестами, которые упираются въ дно рѣки, средняя глубина которой рѣдко превосходитъ три аршина. Употребленіе шеста требуетъ большого навыка: надо знать, въ какую сторону надо направить шестъ, съ какой силой опускать его въ воду, чтобы его не отнесло теченіемъ, въ какое мѣсто лодки и какой ногой давить, и, наконецъ, надо принять во вниманіе дви-

женіе лодки, которую несетъ сильное теченіе. Опытные рыбаки и перевозчики, переправляющіе тяжело нагруженные поромы съ одного берега на другой, великолѣпно управляются шестами, но о веслахъ не имѣютъ понятія. Существуютъ, правда, на Днѣстрѣ челноки, сколоченные изъ досокъ, гдѣ надо сидѣть на днѣ или стоять на колѣняхъ, и управляемые однимъ весломъ, но это весло маленькое, короткое, и дѣйствуютъ имъ то съ одной, то съ другой стороны, что возможно лишь при необыкновенной легкости челнока и сильной работѣ сидящаго въ немъ.

Наша же лодка, съ пародіей на весла и съ ея тяжестью и неуклюжестью, упорно не хотѣла насъ слушаться и подъ напоромъ вѣтра все время подходила къ правому берегу, далеко не безопасному изъ-за массы камней, торчавшихъ изъ воды, какъ исполинскіе зубы, вокругъ которыхъ бились грязныя волны, и высоко взлетали блестящія на солнцѣ брызги.

Д. А. Пахомовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ПЫПИНЪ.

(Материалы для биографіи и характеристики) ¹⁾.

СКОРОПОСТИЖНАЯ смерть академика и извѣтнаго изслѣдователя судебъ русскаго просвѣщенія А. Н. Пыпина, послѣдовавшая вечеромъ 27-го ноября, отозвалась тяжело и больно въ сердцахъ всѣхъ, кому близокъ и дорогъ ростъ отечественнаго просвѣщенія и самосознанія. Еще нѣтъ полныхъ двухъ лѣтъ, какъ петербургское, а за нимъ все русское образованное общество съ необычайнымъ единодушіемъ привѣтствовало полувѣковой его юбилей, а столбцы нашихъ печатныхъ органовъ были полны обстоятельныхъ и теплыхъ статей, посвященныхъ плодотворной дѣятельности маститаго ученаго. Привѣтствуя А. Н. Пыпина въ числѣ прочихъ журналовъ, «Историческій Вѣстникъ», въ статьѣ проф. А. К. Бороздина, такъ охарактеризовалъ его значеніе въ нашей современной жизни: «Его многочисленныя труды всѣ оставляютъ замѣтный слѣдъ въ наукѣ, а если мы вспомнимъ, что этотъ ученый живетъ не для одного кабинета, что, замкнувшись въ кабинетѣ, онъ несетъ сознательную службу обществу, устраняя изъ его сознанія разные предрасудки, вводя въ его обиходъ здоровыя научныя представленія и, такимъ образомъ, воспитываетъ общество,—то мы невольно преклонимся передъ нимъ, и, какъ предъ виднымъ общественнымъ дѣятелемъ, мы поймемъ, что въ рукахъ такого дѣятеля наука не можетъ обратиться въ раскапываніе никому не нужныхъ мелочей, а должна быть ободряющимъ импульсомъ въ стремленіи къ общественному прогрессу».

Труды покойнаго въ области изученія отечественной словесности—это своего рода цѣлая энциклопедія русской жизни, откуда читатели почерпаютъ не только обиліе новыхъ и достовѣрныхъ фактовъ, но и сумму просвѣщенныхъ взглядовъ, воспитывающихъ въ

¹⁾ Къ настоящей книжкѣ прилагается портретъ, изображающій А. Н. Пыпина и В. С. Соловьева играющими въ шахматы. Портретъ сдѣланъ съ домашней фотографіи, снятой М. Н. Чернышевскимъ. За разрѣшеніе воспроизвести портретъ приносимъ ему нашу признательность. Ред.

нихъ любовь къ родинѣ, любовь къ творчеству своего народа, уваженіе къ прогрессу и стремленіе къ борьбѣ съ мракомъ, застоємъ и невѣжествомъ.

Жизнь А. Н. Пыпина въ зрѣломъ возрастѣ не была богата разнообразіемъ фактовъ и смѣною шумныхъ событій,—она прошла почти вся въ тиши кабинетовъ, за письменными столами личной квартиры и редакціонныхъ помѣщеній, и здѣсь біографу не найдется много работы. Иное дѣло—заря жизни нашего ученаго, его учебные годы, когда складывался на всю жизнь характеръ и опредѣлялся тотъ путь, которому онъ себя посвятилъ и которому оставался вѣренъ до конца своихъ дней. Для характеристики этихъ важныхъ моментовъ жизни, составляющихъ главнымъ образомъ предметъ настоящей статьи, наша литература уже обладаетъ нѣкоторыми матеріалами. Кромѣ того, живы еще нѣкоторые сверстники Александра Николаевича, и вотъ ихъ-то показанія и свидѣтельства и должны быть, въ первую очередь, собраны, пока это еще не поздно, воедино, какъ цѣнный матеріалъ для будущей біографіи нашего ученаго.

Ближайшимъ и задушевнѣйшимъ другомъ дѣтства и юности Пыпина былъ нанѣ извѣстный романистъ и публицистъ Д. Л. Мордовцевъ. Когда редакція «Историческаго Вѣстника» поручила мнѣ составить для текущей книжки очеркъ о покойномъ академикѣ, то я и обратился къ Д. Л. Мордовцеву за необходимыми мнѣ свѣдѣніями о раннихъ годахъ Александра Николаевича. Кое-что нашъ романистъ воскресилъ въ своей старческой памяти, а кое-что онъ разрѣшилъ мнѣ почерпнуть изъ своего богатаго архива писемъ. Тамъ я и нашелъ нѣсколько пожелтѣвшихъ листковъ, писанныхъ мелкимъ бисернымъ почеркомъ и принадлежащихъ перу юнаго студента Петербургскаго университета Пыпина. Это были его письма къ своему дорогому Данечкѣ (Мордовцеву) изъ Петербурга въ Казань, гдѣ чрезвычайно живо рисуется характеръ, склонности ума и жизненная обстановка будущаго знаменитаго ученаго. Съ добраго согласія Даніила Лукича, за которое приношу ему сердечную признательность, я использую эти письма, въ предѣлахъ краткаго мѣста, отведеннаго моей работѣ редакціей журнала. Мнѣ думается, что отрывки изъ этихъ писемъ послужатъ въ рукахъ будущихъ біографовъ А. Н. Пыпина новымъ матеріаломъ для его жизнеописанія и характеристики. По слухамъ, въ февральской книжкѣ «Вѣстника Европы» имѣютъ быть напечатанными личныя воспоминанія Александра Николаевича, тоже относящіяся, главнымъ образомъ, къ зарѣ его жизни и началу его научно-литературнаго служенія родной землѣ. Когда появятся эти «воспоминанія», то, несомнѣнно, скромный, но вполне достовѣрный и безпристрастный, автобіографическій матеріалъ будетъ, конечно, лучшею путеводною нитью къ жизнеописанію покойнаго. Но не слѣ-

дуетъ упускать въ данномъ случаѣ и свидѣтельствъ современниковъ. Кромѣ Д. Л. Мордовцева, живы еще два товарища Пыпина по университету—В. И. Ламанскій и П. А. Ровинскій. Ихъ показанія были бы чрезвычайно цѣнны, особенно послѣдняго, который, какъ землякъ Александра Николаевича, состоялъ съ нимъ въ дѣятельной перепискѣ, и которому его столичный другъ самымъ подробнымъ образомъ описывалъ свое петербургское житье-бытье, ходъ своихъ научныхъ занятій и впечатлѣнїя отъ столичной жизни.

I.

Александръ Николаевичъ Пыпинъ родился въ 1833 г., въ гор. Саратовѣ. Отецъ его былъ дворянинъ стараго, но небогатаго рода, мелкопомѣстный землевладѣлецъ и чиновникъ; по матери его дѣдъ былъ священникъ; его дядя, мужъ сестры матери, Чернышевскій былъ тоже священникомъ. Семьи жили то вмѣстѣ, то порознь, когда его отецъ, служившій по дворянскимъ выборамъ, получилъ мѣсто въ томъ уѣздѣ, гдѣ было ихъ родовое небольшое помѣстье и гдѣ онъ числился. «Объ семьи были стараго вѣка, — сообщаетъ самъ Пыпинъ въ своей бесѣдѣ на юбилейномъ обѣдѣ¹⁾.—Скромная жизнь, простые нравы, строгое благочестіе. Общественная жизнь, —насколько она понималась въ дѣтствѣ, — достигла нашего дома только косвенно; дядя былъ очень уважаемый въ городѣ человекъ и вполне заслуживалъ этого уваженія; къ нему обращались люди разнаго рода, — и купечество, повѣрявшее ему свои благочестивыя помышленія, и богатое дворянство съ религіознымъ настроеніемъ, и церковная нищета, искавшая помощи; женскій персоналъ семьи, — тетка, еще живая бабушка и ихъ пріятельницы, — принимали богомолкъ, — помню даже юродивыхъ (дядя ихъ не одобрялъ), странницъ, ходившихъ въ Воронежъ, Саровскую пустынь, Кіевъ, даже Іерусалимъ. Въ нашемъ большомъ кіотѣ, вмѣстѣ съ новыми и старинными иконами, бывали и «вѣтки Палестины», принесенныя намъ съ мѣста. Прислуга была наша, крѣпостная. Когда моя семья жила въ Саратовѣ, зимою пріѣзжали «мужики» съ разными хозяйственными припасами изъ деревни. Когда семья жила въ уѣздномъ городѣ, я гимназистомъ ѣздилъ къ своимъ, бывалъ въ «нашей» деревнѣ, иногда сопровождая отца въ его служебныхъ разъѣздахъ. Отношенія къ нашимъ крестьянамъ были вообще добрыя, патріархальныя; помню заботы отца, когда при плохомъ урожаѣ надо было «кормить» крестьянъ. Послѣ освобожденія ихъ, когда

¹⁾ «Пятидесятилѣтіе научно-литературной дѣятельности академика А. Н. Пыпина». Оттискъ изъ 3-й кн. «Литературнаго Вѣстника» за 1903 г. Спб. 1903. Статья проф. А. Н. Веселовскаго.

мой отецъ снова былъ на службѣ въ Саратовѣ, наши бывшіе крестьяне, прїѣзжая въ городъ продавать хлѣбъ, вѣзжали къ намъ какъ «къ своимъ», безъ всякихъ сомнѣній въ томъ, что ихъ и прїютятъ, и покормятъ,—въ чемъ и не ошибались...»

Д. Л. Мордовцевъ, характеризуя семейство Пыпиныхъ, отмѣчаетъ ихъ основную общую черту—«честность» во всѣхъ ихъ жизненныхъ и житейскихъ отношеніяхъ. Даже въ своей уничтоженной книгѣ «Наканунѣ воли» почтенный писатель, извлекая изъ саратовскихъ губернскихъ архивовъ матеріалы для характеристики тогдашней мѣстной администраціи, встрѣтилъ въ ея тогдашнемъ составѣ всего только трехъ честныхъ людей на всю губернію, и въ числѣ этихъ трехъ праведниковъ однимъ былъ именно Пыпинъ, дядя нашего академика. Какъ бы въ объясненіе вышеприведенныхъ автобіографическихъ юбилейныхъ воспоминаній, Александръ Николаевичъ, въ той же бесѣдѣ дѣлаетъ изъ нихъ слѣдующій интересный выводъ. «Припоминаю все это потому, что народная жизнь была въ смыслѣ «эволюцій» моихъ понятій знакома мнѣ не изъ книгъ, а изъ непосредственнаго дѣтскаго и юношескаго впечатлѣнія и опыта; мнѣ уже знакомы были самые разнообразныя типы народной массы; съ дѣтства же буквально «изъ устъ народа» я слышалъ повѣрья и суевѣрія и сказки, между прочимъ прекрасныя, какихъ мнѣ потомъ не привелось встрѣтить въ печатныхъ сборникахъ... Достигли до слуха рассказы, гдѣ въ неясныхъ, но мрачныхъ очертаніяхъ видѣлись тяжелыя стороны тогдашней крѣпостной жизни, своеволіе помѣщиковъ, крестьянскіе «бунты», убійства; изъ этихъ воспоминаній мнѣ памятны нѣкоторые эпизоды, которые потомъ были рассказаны Мордовцевымъ въ его книгѣ «Наканунѣ воли», — увы, уничтоженной цензурой! Но остались и поэтическія впечатлѣнія. Красота необозримыхъ хлѣбныхъ полей, степи, покрытыя ковылемъ, чудныя виды на Волгу и безконечное Заволжье съ облегающихъ Саратовъ горъ, — красота пейзажа, еще не постигнутая нашими художниками, — громадный весенній разливъ съ караванами судовъ. Нашъ домъ, гдѣ я жилъ въ гимназическіе годы, стоялъ надъ Волгой, и съ верхняго болкона открывался широкій видъ на рѣку и заволжскую степь; на Волгѣ весной медленно двигались вверхъ суда «къ Макарію»; приближаясь къ городу, суда расцвѣчивались лентами, стрѣляли изъ небольшихъ пушекъ, пестро прїодѣвшіеся бурлаки затягивали безконечныя пѣсни, въ родѣ той пѣсни «Эй ухнемъ», которая получила въ наше время право музыкальнаго гражданства»...

Таковъ общій фонъ картины, на которомъ обрисовываются юныя черты лица Пыпина. Определенный въ мѣстную губернскую гимназію, онъ жилъ въ Саратовѣ у своего дяди, упомянутого уже выше священника Чернышевскаго, человѣка умнаго, просвѣщеннаго и обладавшаго значительною и хорошо составленною библіотекою,

какъ изъ русскихъ, такъ и иностранныхъ книгъ, которыми гимназистъ Пыпинъ свободно могъ пользоваться. Здѣсь, въ этой библиотекѣ, заложены, быть можетъ, первыя сѣмена учености нашего академика, взлелѣанныя потомъ университетомъ и тою научно-литературною средою, въ которую онъ попалъ, благодаря своему двоюродному брату, извѣстному публицисту Н. Г. Чернышевскому, явившемуся уже въ бытность Александра Николаевича еще въ Саратовѣ его первымъ руководителемъ занятій и чтенія. Послѣ дома родителей домъ дяди былъ въ высшей степени благотворною обстановкою для развитія лучшихъ сторонъ ума и характера юнаго гимназиста. Вотъ какъ характеризуетъ биографъ Н. Г. Чернышевскаго ¹⁾ обоихъ старшихъ представителей дома—отца и сына Чернышевскихъ: «Гавріилъ Ивановичъ,—говоритъ онъ,—былъ человѣкъ весьма замѣчательный. Большой умъ, въ связи съ серьезною образованностью и знаніемъ не только древнихъ, но и новыхъ языковъ, дѣлали его исключительною личностью въ провіціальной глуши; но всего замѣчательнѣе были въ немъ поразительная доброта и благородство. Это былъ евангельскій пастырь въ лучшемъ значеніи слова, отъ котораго въ то время, когда полагалось обращаться сурово съ людьми для ихъ же блага, никто не слыхалъ ничего, кромѣ словъ ласки и привѣта. Въ школьномъ дѣлѣ, всецѣло построенномъ тогда на звѣрской поркѣ, онъ никогда не прибѣгалъ ни къ какимъ наказаніямъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ добрый человѣкъ былъ необыкновенно строгъ и ригористиченъ въ своихъ требованіяхъ; въ общеніи съ нимъ нравственно подтягивались самые распущенные люди. Изъ ряду вонъ выдающаяся доброта, чистота души и отрѣшенность отъ всего мелкаго и пошлаго всецѣло перешла и къ его сыну. Н. Г. Чернышевскій, какъ человѣкъ, былъ истинно свѣтлою личностью—это признаютъ злѣйшіе враги его литературной дѣятельности. Самые восторженные отзывы о Чернышевскомъ, какъ о человѣкѣ, принадлежатъ двумъ престарѣлымъ представителямъ духовнаго сословія, не находившимъ достаточно словъ, чтобы охарактеризовать вредъ его писаній и теорій».

По свидѣтельству биографа, Чернышевскій получилъ среднее образованіе при особенно благопріятныхъ условіяхъ—въ тиши идеальной ножишей семьи, въ составъ которой входила и жившая на одномъ дворѣ съ Чернышевскимъ семья А. Н. Пыпина. Николай Гавриловичъ на 5 лѣтъ былъ старше своего двоюроднаго брата, но оба были очень дружны и съ годами, какъ это видно будетъ дальше, ихъ дружба все укрѣплялась. Чернышевскій миновалъ ужасную бурсу дореформенной эпохи и низшіе классы семинаріи, и только въ 14 лѣтъ прямо поступилъ въ старшіе классы. Подготовили его, главнымъ образомъ, при нѣкоторой помощи

¹⁾ «Энциклопедическій словарь Брокгауза и Эфрона», ст. Л. С. З.

учителей гимназіи. Ко времени поступления въ семинарію, молодой Чернышевскій уже обладалъ значительною начитанностью и приводилъ учителей въ изумленіе своими обширными знаніями. Товарищи его обожали: это былъ общій поставщикъ классныхъ сочиненій и усердный репетиторъ всѣхъ, обращавшихся къ нему за помощью. Въ семинаріи Чернышевскій пробылъ два года, затѣмъ продолжалъ занятія дома, а въ 1846 г. покинулъ Саратовъ и съ тѣмъ вмѣстѣ своихъ друзей, въ томъ числѣ и 13-лѣтняго Пыпина, чтобы поступить на историко-филологическій факультетъ Петербургскаго университета. Такимъ образомъ Пыпинъ почти три года находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ своего двоюроднаго брата, успѣвъ за это время сильно къ нему привязаться и привыкнувъ видѣть въ немъ не только хорошаго и сердечнаго друга, но и рѣшающій авторитетъ въ большинствѣ случаевъ жизни. По его настояніямъ и подъ его воздѣйствіемъ, онъ впоследствии промѣнялъ Казанскій университетъ на Петербургскій и переѣхалъ навсегда жить въ сѣверную столицу.

Если молодой Чернышевскій пользовался на своей родинѣ всеобщимъ обожаніемъ, то неменьшимъ сердечнымъ расположеніемъ пользовался среди товарищей гимназіи и его младшій двоюродный братъ. Миниатюрный, вѣчно веселый, подвижной и привѣтливый гимназистъ Пыпинъ былъ любимцемъ класса за свой прекрасный характеръ, и любимцемъ учителей и наставниковъ за свои отличные успѣхи въ наукахъ. Среди товарищей его особенною любовью пользовался одноклассникъ А. П. Ровинскій и младшій по классу товарищъ Д. Л. Мордовцевъ. Эта дружба трехъ молодыхъ людей носила воистину трогательный, даже, пожалуй, нѣсколько сантиментальный характеръ, когда товарищи мѣняются крестами, клянутся въ вѣчности чувствъ и становятся излишне нервны въ отношеніяхъ другъ къ другу, при разлукѣ и при отсутствіи другъ о другѣ свѣдѣній...

Въ своихъ воспоминаніяхъ о томъ времени Д. Л. Мордовцевъ съ особенною любовью останавливается на часахъ послѣ гимназическихъ занятій, когда онъ, съ Сашей Пыпинымъ, радостные и веселые, бѣжали изъ класса на берегъ Волги, брали у мальчишки Епишки за гривенникъ лодку и безконечно долго катались по широкому раздолью рѣки. Эти волжскія долгія прогулки запали, видимо, глубоко въ душу покойнаго академика, и, отмѣчая въ своихъ юбилейныхъ бесѣдахъ года юности, онъ съ особенною любовью вспоминаетъ именно и о чарующихъ прелестяхъ Волги, и о заволжскихъ степяхъ и о бурлацкихъ напѣвахъ...

Мордовцевъ, по происхожденію казакъ съ Дона, не можетъ, видимо, помириться, что въ жилахъ его дорогого Саши не течетъ казачья кровь, и вотъ онъ пытается превратить своего друга въ храбраго запорожца. Онъ заряжаетъ ружье, даетъ Пыпину стрѣлять, какъ бы

внѣдря въ того запорожскую удаль и храбрость, но неопытный стрѣлокъ опаливаетъ себѣ только руки и этимъ кончается всякая его прикосновенность къ военному дѣлу. Впрочемъ нѣтъ, изъ дальнѣйшаго видно будетъ, что прикосновеніе къ военному элементу Пыпинъ въ послѣдствіи имѣлъ и совершенно по особому случаю, о чемъ съ добродушнымъ юморомъ и вспоминалъ въ старческіе годы, но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ. Д. Л. Мордовцевъ, хотя старшій по возрасту, но младшій по ученію, является вообще въ ихъ товарищескихъ забавахъ и внѣклассныхъ занятіяхъ коноводомъ: онъ находитъ у отца Пыпина старинныя походныя чернильницы, начинаетъ ихъ порохомъ, проводитъ къ нимъ фитиль и устраиваетъ разрушительные взрывы. Въ этомъ уничтоженіи старины участвуетъ и его молодой другъ. Пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ спустя, на юбилей покойнаго академика, когда всѣ присутствующіе восхваляли юбиляра за его спасеніе и правильное освѣщеніе старины, одинъ лишь его другъ по гимназіи, могъ ему бросить веселый упрекъ въ небрежномъ именно обращеніи съ этою стариною и въ посягательствѣ на ея уничтоженіе... Любимымъ занятіемъ друзей было изученіе карты звѣзднаго неба. Благодаря Д. Л. Мордовцеву, Пыпинъ зналъ отлично до конца своихъ дней звѣзды необъятнаго небеснаго купола, и часто во время своихъ позднѣйшихъ прогулокъ, любуясь ночью на небо, усѣянное мириадами звѣздъ и созвѣздій, онъ, указывая на нихъ и перечисляя ихъ, вспоминалъ: «Это Мордовцевъ еще въ Саратовѣ обучилъ меня астрономіи!».

Мальчики были очень религіозны и не пропускали ни одной всеобщей, которую охотно отстаивали въ губернскомъ соборѣ. Что же касается ученія въ гимназіи, то оба были въ ней лучшими учениками и были наравнѣ съ учившимся съ ними извѣстнымъ въ послѣдствіи въ Москвѣ профессоромъ и докторомъ, покойнымъ Захарьинымъ помѣщены на золотую доску, какъ выдающіеся ученики. Пыпинъ, по свидѣтельству Д. Л. Мордовцева, дѣйствительно былъ выдающимся ученикомъ и поражалъ какъ товарищей своихъ, такъ и учителей обширными познаніями и громадною начитанностью. Въ іюнѣ 1849 г. Александръ Николаевичъ окончилъ курсъ Саратовской гимназіи и поступилъ слушателемъ въ Казанскій университетъ на 1-е отдѣленіе философскаго факультета. Въ архивѣ Казанскаго университета имѣется «дѣло» за № 116 о поступленіи туда Пыпина ¹⁾. Здѣсь помѣщена копія съ аттестата Пыпину, выданнаго изъ Саратовской гимназіи, гдѣ значитъ, что онъ обучался въ гимназіи съ 9 августа 1842 по 1-е іюня 1849 года;

¹⁾ «По поводу пятидесятилѣтія научной и литературной дѣятельности академика А. Н. Пыпина (1863—1903 гг.)». Изъ архива императорскаго Казанскаго университета, проф. А. С. Архангельскаго. К. 1903.

во все время ученія своего былъ поведенія отличнаго и въ преподаваемыхъ предметахъ оказалъ успѣхи: въ Законѣ Божіемъ, Священной и церковной исторіи—отличные, русской грамматикѣ и словесности—отличные, математикѣ—отличные, физикѣ—отличные, исторіи — отличные, географіи — отличные. Въ языкахъ: латинскомъ—отличные, французскомъ — отличные, нѣмецкомъ — отличные; въ рисованіи, черченіи и чистописаніи—хорошіе. Сверхъ того обучался съ успѣхомъ греческому языку, и по надлежащемъ испытаніи оказалъ въ немъ отличныя познанія, сообразныя съ курсомъ, установленнымъ въ изданномъ отъ министерства народнаго просвѣщенія въ 1832 году распределенія для преподаванія сего языка въ гимназіяхъ.

Вслѣдствіе того, съ утвержденія г. попечителя Казанскаго учебнаго округа отъ 8-го іюля 1849 г., за № 2672, предоставляется ему, Пыпину: 1) какъ окончившему съ успѣхомъ полный гимназическій курсъ и приобрѣтшему сверхъ того отличныя познанія въ языкѣ греческомъ, на основаніи... (слѣдуютъ статьи закона), право на чинъ 14 класса, съ которымъ онъ и опредѣляется въ гражданскую службу, и 2) по высочайше утвержденному 20-го ноября 1835 года распisanію... (слѣдуетъ новая ссылка на соответствующую ст. закона), принадлежитъ онъ ко второму разряду чиновниковъ. Въ удостовѣреніе чего и данъ ему, Пыпину, сей аттестатъ за надлежащимъ надписаніемъ и съ приложеніемъ печати Саратовской гимназіи.

На представленномъ въ университетъ прошеніи резолюція положена: «Пыпина принять въ студенты своекоштнаго содержанія по разряду общей словесности въ 1-й курсъ, показывая въ спискахъ: изъ дворянъ, родившимся 1833 года 23-го марта, православною исповѣданія,—увѣдомить о томъ 1-е отдѣленіе философскаго факультета и инспектора студентовъ. Послѣднему поручить взыскивать съ Пыпина деньги за слушаніе лекцій».

II.

Въ Казанскомъ университетѣ Александръ Николаевичъ пробылъ лишь одинъ годъ, по прошествіи котораго, какъ видно изъ того же архивнаго дѣла, «студентъ словесности 1-го курса Александръ Пыпинъ подалъ въ правленіе университета слѣдующее прошеніе: «По встрѣтившимся домашнимъ обстоятельствамъ, я не желаю болѣе оставаться въ числѣ студентовъ Казанскаго университета, а потому прошу покорнѣйше правленіе университета уволить меня изъ числа студентовъ и выдать мнѣ свидѣтельство о бытности въ университетѣ и всѣ акты о моемъ происхожденіи. Іюля 28-го дня 1850 года». Прошеніе почему-то написано не самимъ Пыпинымъ, а на немъ лишь его подпись: «Къ сему прошемъ».

нію студентъ 1-го курса историко-филологическаго факультета Александръ Пыпинъ руку приложилъ».

Еслѣдствіе этого прошенія, правленіе въ тотъ же день постановило: «Пыпину составить свидѣтельство о бытности въ университетѣ слѣдующаго содержания: «Объявитель сего Александръ Николаевичъ Пыпинъ, изъ дворянъ, по окончаніи курса наукъ въ Саратовской гимназіи поступилъ въ 1849 году въ студенты Императорскаго Казанскаго университета, по разряду общей словесности въ 1-й курсъ, въ коемъ, при хорошемъ поведеніи, въ 1849—1850 академическомъ году обучался съ успѣхами: церковной исторіи, общей исторіи, языкамъ: французскому и нѣмецкому, греческой словесности и древности, римской словесности и древности, русской словесности и исторіи общей литературы — отличнѣйшими; энциклопедіи философіи, славянскимъ нарѣчіямъ — хорошими; переведенъ во 2-й курсъ, и нынѣ, согласно прошенію, по домашнимъ обстоятельствамъ изъ числа студентовъ уволенъ съ тѣмъ, что какъ онъ не окончилъ полнаго университетскаго курса наукъ, то не можетъ пользоваться правами, присвоенными дѣйствительнымъ студентамъ, но, на основаніи... (слѣдуетъ ссылка на статью закона), при поступленіи въ гражданскую службу сравнивается въ преимуществахъ по чиновпроизводству съ лицами, получившими образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и принадлежитъ ко второму разряду гражданскихъ чиновниковъ. Въ удостовѣреніе чего и дано ему, Пыпину, сіе свидѣтельство изъ правленія Императорскаго Казанскаго университета».

Но не для поступленія на чиновную службу хлопоталъ студентъ Пыпинъ объ увольненіи его изъ Казанскаго университета — его звалъ въ Петербургъ двоюродный братъ, Н. Г. Чернышевскій, окончившій къ тому времени столичный университетъ и оставленный при немъ для продолженія научныхъ занятій и приготовленія къ магистерскому экзамену. Молодой кандидатъ философскаго факультета былъ въ то время полонъ научныхъ стремленій и задачъ, выработываясь въ требовательной и превосходной школѣ Изм. Ив. Срезневскаго въ образцоваго и серьезнаго, по всѣмъ видимостямъ, въ будущемъ ученаго. Чернышевскій былъ къ тому времени болѣе свободенъ, могъ болѣе посвятить времени своему юному другу и, кромѣ того, на личномъ опытѣ имѣлъ возможность убѣдиться въ прекрасной постановкѣ факультетскаго преподаванія на историко-филологическомъ факультетѣ столичнаго университета, не взирая на общую тяжесть тогдашняго академическаго режима, установленнаго, впрочемъ, для всѣхъ высшихъ разсадниковъ просвѣщенія, и его преимуществахъ въ этомъ отношеніи передъ Казанскимъ, гдѣ, кромѣ проф. Григоровича, пожалуй, не было никакихъ особенныхъ притягательныхъ элементовъ въ глазахъ молодого Пыпина.

Я уже имѣлъ неоднократно случаи въ своихъ очеркахъ ¹⁾, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», говорить о состояніи Петербургскаго университета вообще и историко-филологическаго факультета въ частности въ 1850—1860 гг. прошлаго столѣтія. Напомню вкратцѣ, что поступившіе на философскій факультетъ по словесному отдѣленію, попадали сразу въ аудиторіи, гдѣ читали такіе выдающіеся ученые и талантливые руководители занятіями молодежи, какъ Изм. Ив. Срезневскій, М. С. Куторга, Н. М. Благовѣщенскій, М. М. Стасюлевичъ и др., которые не могли не оставлять глубокаго впечатлѣнія на своихъ слушателей, привязывали ихъ такъ или иначе и къ предмету ими читаемому и къ своей авторитетной личности. Я нарочно поименовалъ только нѣсколькихъ петербургскихъ профессоровъ, ибо именно съ ними юному студенту Пыпину и пришлось имѣть главнымъ образомъ дѣло и, какъ мнѣ кажется, имъ онъ преимущественно обязанъ своими научными методами изслѣдованій и своимъ научнымъ багажомъ обширныхъ знаній. Пока не вышли изъ печати воспоминанія покойнаго академика объ этой сторонѣ вліяній, фактически и непреложно еще трудно говорить, но и въ тѣхъ письмахъ къ Д. Л. Мордовцеву, относящихся къ 1850—1851 годамъ уже имѣются намеки и блѣдно-очерченныя данныя, изъ коихъ можно сдѣлать нѣкоторые выводы касательно по крайней мѣрѣ вліянія профессоровъ Куторги и Срезневскаго. Поэтому, въ интересахъ отчетливости изображенія напластованія вліяній на общій складъ ума и характера покойнаго Пыпина, я и позволю себѣ остановиться на характеристикахъ этихъ представителей университетской науки и ихъ преподаванія, сдѣланныхъ въ одномъ источникѣ—официальномъ и другомъ—неофициальномъ. Я разумѣю трудъ В. Григорьева по исторіи С.-Петербургскаго университета «въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія» и небольшую книжку тоже нынѣ покойнаго педагога В. П. Острогорскаго: «Изъ исторіи моего учительства». Послѣдняя книжка въ настоящемъ случаѣ интересна главнымъ образомъ потому, что, ознакомившись съ нею, какъ мнѣ о томъ лично передавалъ В. П. Острогорскій, А. Н. Пыпинъ отнесся чрезвычайно одобрительно къ той главѣ, гдѣ авторъ нарисовалъ въ живыхъ краскахъ и живыхъ портретахъ состояніе столичнаго университета той эпохи, и гдѣ мы именно встрѣчаемся съ тѣми представителями науки, которые были наставниками и Александра Николаевича.

«Лекціи М. С. Куторги явились по каедрѣ всеобщей исторіи такую же живительную и плодотворную новость, какъ чтенія его брата С. С. Куторги по каедрѣ зоологіи,—говоритъ официальный

¹⁾ «С.-Петербургскій университетъ», «Орестъ Федоровичъ Миллеръ», «Викторъ Петровичъ Острогорскій» и др.

историкъ Петербургскаго университета. Во взглядѣ его на требованія университетскаго преподаванія не было ничего общаго съ гимназическими взглядами и приѣмами его предшественниковъ по кафедрѣ. Источники и литература предмета съ критическою ихъ оцѣнкою не входили вовсе въ ихъ планъ: у Куторги составили они основу его чтеній. Несовмѣстнымъ съ критическою методою имъ усвоенною представлялось также и слѣдованіе какимъ либо учебникамъ, которыми они руководствовались: не останавливаясь на изложеніи общеизвѣстныхъ фактовъ, онъ, вмѣсто того, сталъ знакомить слушателей съ различными господствующими и господствовавшими научными на нихъ воззрѣніями, старался показать связь этихъ фактовъ съ предшествующими и послѣдующими явленіями, освѣтить ихъ, разъяснить ихъ значеніе, и представить такимъ образомъ живую и ясную картину постепеннаго развитія человѣческаго общества... Не грузъ именъ и чиселъ выносили слушатели изъ его аудиторіи, а знакомились на означенныхъ вопросахъ съ методомъ научныхъ занятій, съ требованіями научнаго изслѣдованія. Такое преподаваніе, при дарѣ изложенія, естественно привлекало слушателей, и, возбуждая въ нихъ самодѣятельность, располагало къ самостоятельному занятію предметомъ. Чтобы поддержать и укрѣпить это расположеніе, М. С. Куторга, сверхъ лекцій въ университетѣ, завелъ, съ конца сороковыхъ годовъ, особыя вечернія бесѣды у себя на дому, собственно для студентовъ, желавшихъ посвятить себя исключительно изученію исторіи. Тутъ, подобно тому какъ въ «семинаріяхъ» у германскихъ профессоровъ, занимался онъ спеціальнымъ разборомъ отдѣльныхъ историческихъ вопросовъ, задавалъ темы студентамъ для разработки, разбиралъ сочиненія, которыя они представляли, и такимъ образомъ на дѣлѣ знакомилъ молодыхъ людей съ требованіями и приѣмами исторической критики. Эти старанія профессора не остались безплодными; не только нѣкоторые изъ трудившихся въ его семинаріи сами заняли впоследствии университетскія кафедры исторіи: строго-научнымъ направленіемъ своимъ обязаны лекціямъ его даже труды многихъ изъ его слушателей, избравшихъ себѣ иныя спеціальности».

В. П. Острогорскій дополняетъ эту характеристику слѣдующими чертами: «Читалъ М. С. Куторга, къ сожалѣнію, недолго, кажется на второмъ только курсѣ, и часто манкируя, едва ли прочелъ лекцій двадцать ¹⁾. Помнится, держалъ онъ себя отъ студентовъ далеко, былъ высокаго мнѣнія о своей учености, желченъ и нѣсколько сухъ, и посѣщались его лекціи мало. Но читалъ онъ въ своемъ родѣ мастерски, представляя совершенную противоположность съ

¹⁾ Эти замѣчанія относятся къ шестидесятымъ годамъ. Въ предшествовавшіе семестры, когда Куторга не хворалъ, его семестры и курсы не страдали такими пропусками. Авт.

М. М. Стасюлевичемъ. Какъ у послѣдняго былъ курсъ общій, такъ сказать, по преимуществу, идейный,—такъ у этого специальный, фактический, детальный, такъ что выбранныя имъ параллельно двѣ эпохи: Греція во времена Аристофана и Вѣкъ Людовика XIV, вырисовывались у него, благодаря искусному подбору мельчайшихъ фактовъ, въ цѣлыя, необыкновенно живыя картины, которыя крѣпко запечатлѣвались въ воображеніи. Но такое изложеніе, однако, не исключало идеи, и, подобно тому, какъ изъ романа, на примѣръ, получается въ концѣ концовъ и общая отвлеченная мысль, такъ и изъ этихъ, часто желчныхъ лекцій мы вынесли ясное сознаніе того, какъ обманчивъ бываетъ въ государствѣ внѣшній блескъ, и какъ, такъ-называемые въ исторіи, «золотые вѣка» носятъ въ себѣ зачатки несомнѣннаго разложенія».

Вторымъ виднымъ представителемъ факультетскаго преподаванія, съ которымъ Пыпину именно пришлось наиболѣе вмѣстѣ поработать и у кого поучиться, былъ знаменитый русскій славистъ Измаилъ Ивановичъ Срезневскій, перешедшій въ Петербургскій университетъ изъ Харьковскаго въ 1847 году. По свидѣтельству г. Григорьева, «Срезневскій посвящалъ свой начальный курсъ чтеній энциклопедическому введенію, имѣющему цѣлью знакомить слушателей съ славянскимъ племенемъ, какъ частью коренного народонаселенія новой Европы; съ его общими судьбами въ отношеніи политическомъ, религіозномъ, бытовомъ; съ характеристическими отличіями его нарѣчій; съ важнѣйшими явленіями народной его словесности и книжной литературы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ главными пособіями для изученія славянства. Вслѣдъ за этимъ вводнымъ курсомъ слѣдовали постоянно черезъ годъ два другіе: курсъ славянскихъ древностей и курсъ исторіи языка и литературы западныхъ славянъ. Курсъ древностей состоялъ изъ разсмотрѣнія иностранныхъ и домашнихъ свидѣтельствъ, оставшихся о славянахъ древняго времени, и изъ систематическаго изложенія быта, общественнаго устройства и религіи каждаго изъ славянскихъ народовъ во времена предшествовавшія утверженію между ними христіанства. Курсъ исторіи языка и литературы заключалъ въ себѣ разсмотрѣніе измѣненій, которымъ подвергалось въ народномъ и письменномъ употребленіи каждое изъ главныхъ нарѣчій славянскихъ и судебъ народной поэзіи и литературы у каждаго изъ главныхъ народовъ славянскихъ. Заключительный, четвертый курсъ посвященъ былъ древностямъ русскаго языка, съ подробнымъ объясненіемъ главнѣйшихъ его памятниковъ. Кромѣ лекцій, профессоръ Срезневскій упражнялъ слушателей въ научныхъ работахъ филологическихъ и археологическихъ, имѣвшихъ цѣлью пріучить ихъ къ самостоятельному разсмотрѣнію памятниковъ языка и письма, вслѣдствіе чего изъ школы его вышло много людей съ превосходнымъ ученымъ направленіемъ, и столь рѣдкимъ еще у насъ умѣнемъ работать наукообразно».

Великимъ скептикомъ, «маленькимъ Вольтеромъ», виртуозомъ слова и человѣкомъ подавляющаго авторитета рисуется Срезневскій въ воспоминаніяхъ В. П. Острогорскаго. «Это была личность тоже своеобразная и оригинальная,—говоритъ онъ.—Человѣкъ очень большого, остраго, скептическаго ума и мѣткого ироническаго остроумія, онъ, помимо своей специальности въ славянскихъ нарѣчіяхъ, преимущественно въ древне-русскомъ и церковно-славянскомъ языкѣ, былъ энциклопедистъ, обладавшій громадною памятью, и поражалъ блескомъ и живостью рѣчи. Самолюбиво дававшій чувствовать свою ученость и этотъ энциклопедизмъ вообще, любившій ловко и кстати мимоходомъ коснуться своихъ близкихъ отношеній чуть не ко всему западно-славянскому ученому міру, съ которымъ сблизился онъ заграницей во время путешествій, онъ могъ поразить блескомъ и увлекательностью лекцій... Ни сравнительной грамматики, ни исторій славянскихъ литературъ, ни даже опредѣленныхъ представленій о старомъ и современномъ славянствѣ и его задачахъ онъ почти не давалъ, а просто разбрасывалъ передъ немногими слушателями, какъ бы невзначай, цѣлую массу отрывочныхъ и оригинальныхъ мыслей о языкѣ вообще и разныхъ теоріяхъ его происхожденія, о тѣхъ или другихъ славистахъ, отдѣльныхъ русскихъ писателяхъ, древнихъ памятникахъ, не пренебрегая анекдотомъ, мѣтко обрисовывающимъ личность или явленіе. Даже самыхъ памятниковъ онъ почти никогда не читалъ, предлагая желающимъ изучать славянскія нарѣчія и литературу самостоятельно, что, конечно, было... слишкомъ трудно; но въ тоже время относился крайне снисходительно къ тѣмъ, кто почти не занимался вовсе... Срезневскій какъ бы снисходилъ до насъ, небрежно бросая кое-какія крупницы изъ богатой житницы своей учености, разнообразныхъ знаній и жизненнаго опыта; бросалъ какъ бы шутя, подчасъ очень зло, желчно разбивая ту или другую научную теорію, или мнѣніе, развѣнчивая ту или другую, якобы авторитетную личность; но воспользуемся ли мы, и какъ, этими крупницами, до этого, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ казалось, ему не было никакого дѣла». Г. Острогорскій, въ добавленіи къ сказанному, придаетъ особенное значеніе Срезневскому, какъ временному публичному лектору по вопросамъ о преподаваніи русскаго языка. Слушателей этихъ лекцій было мало, но въ нихъ было столько оригинальнаго, умнаго и практически приложеннаго къ преподаванію русской грамматики на живомъ языкѣ, что вмѣстѣ съ трудами по сему предмету Булаева, вошедшими въ извѣстную книгу Срезневскаго «Мысли объ исторіи русскаго языка», положили серьезное основаніе и методъ всему нашему позднѣйшему отечественному языкознанію въ примѣненіи послѣдняго къ школьному курсу.

Курторга и Срезневскій были консервативными элементами академической тогдашней среды; либеральными же были лекціи Н. М. Благо-

вѣщенскаго и М. М. Стасюлевича, которыхъ и Пыпину пришлось слушать уже на старшихъ курсахъ. Благовѣщенскій, по словамъ Острогорскаго, былъ среди профессоровъ университета единственнымъ русскимъ, глубокоубѣжденнымъ и широкообразованнымъ классикомъ, соединявшимъ обширныя знанія древняго міра съ горячей вѣрой въ его образовательно-воспитательное, культурное, гуманизирующее значеніе. Въ своихъ лекціяхъ онъ не вдавался въ спеціальныя мелочи, не зарывался въ дебри грамматическія, а старался ввести своихъ слушателей въ духовныя интересы древняго міра, дать картины общества съ его настроеніями умственными и нравственными, дать почувствовать духъ писателя и ввести ихъ въ самую лабораторію его творчества, не забывая при этомъ того вліянія, какое производилъ онъ на умы современниковъ. А чтобы эти писатели, эти всѣ культурныя явленія, отдаленныя отъ слушателей многими вѣками, сдѣлать понятнѣе, онъ нерѣдко прибѣгалъ къ сравненіямъ съ произведеніями исторіи позднѣйшихъ временъ и къ сближеніямъ съ явленіями литературъ иностранныхъ, и особенно русской, чѣмъ способствовалъ и уясненію дѣла и обыкновенному оживленію своихъ лекцій.

Что же касается М. М. Стасюлевича, котораго Пыпину пришлось слушать лишь на послѣднемъ курсѣ, то онъ производилъ на своихъ слушателей чарующее впечатлѣніе благородствомъ рѣчи, изяществомъ и полнотою изложенія предмета, который привлекалъ къ себѣ вниманіе всего петербургскаго студенчества. Имъ обращалось особенное вниманіе при изложеніи событій всеобщей исторіи не столько на факты, сколько на обобщеніе, освѣщеніе событій и раскрытіе внутренней между ними связи. Лекціи г. Стасюлевича вводили студентовъ въ невѣдомой дотолѣ кругъ философіи исторіи, гдѣ на первый планъ выдвигалась прогрессивная преемственность смѣны фактовъ и глубокая вѣра въ созидательную силу поступательнаго движенія народовъ по пути прогресса къ свѣту и просвѣщенію.

Среднее положеніе между отмѣченными категоріями профессоръ занималъ А. В. Никитенко, человекъ гуманный, очень образованный и просвѣщенный, но представитель нѣсколько устарѣвшихъ уже къ тому времени методовъ научнаго мышленія и послѣдователь старыхъ завѣтовъ Гегелевской философіи, не находившей къ себѣ среди передоваго студенчества уже былого увлеченія и интереса.

III.

Извиняюсь передъ читателями, что нѣсколько долго задержалъ ихъ на обзорѣни тогдашняго университетскаго преподаванія и на характеристикѣ его главнѣйшихъ представителей. Я придаю большое значеніе послѣ элемента наслѣдственности и домашняго воспитанія

вліянію школы, средней и высшей, въ дѣлѣ формировація характеровъ и направленія умовъ выдающихся дѣятелей, біографіями которыхъ приходится заниматься въ своихъ журнальныхъ работахъ. Мы уже видѣли на раннихъ годахъ юности Александра Николаевича замѣтные слѣды вліянія на него окружающихъ ближайшихъ къ нему лицъ — отца и матери, дяди и двоюроднаго брата, а также вліяніе товарищей и всей окружавшей его волжской обстановки въ причудливыхъ краскахъ ея природныхъ очертаній. Гимназія и первый годъ пребыванія въ Казанскомъ университетѣ, по видимому, не сыграли въ его жизни какой нибудь рѣшающей роли, по крайней мѣрѣ, для такого утвержденія сейчасъ подъ рукою нѣтъ фактическихъ данныхъ. Иначе рисуется роль въ его жизни Петербургскаго университета и такихъ профессоровъ, какъ Куторга и Срезневскій. Въ письмахъ къ Д. Л. Мордовцеву мы постоянно встрѣчаемся съ упоминаніями объ этихъ дѣятеляхъ науки, о занятіяхъ у нихъ, которыя его всецѣло поглощаютъ, и о томъ серьезномъ интересѣ, который ему эти занятія въ изобиліи давали. Если изъ нѣкоторыхъ показаній г. Мордовцева, относящихся къ гимназическимъ годамъ Пыпина, уже очерчивается пока еще въ слабой обрисовкѣ научное направленіе мысли его молодого друга, то уже изъ писемъ послѣдняго къ своему казанскому товарищу вытекаетъ положительный выводъ, что 16—17-лѣтній студентъ Петербургскаго университета, внѣ всякаго сомнѣнія, долженъ явить собою въ будущемъ величину очень крупную и серьезную въ сферѣ русской учености и образованности.

Какъ же встрѣтила столичная жизнь нашего будущаго ученаго, и что нашель онъ въ ней отвѣчающаго склонностямъ своего ума и сердца? Отвѣты на эти вопросы и постараемся найти въ его письмахъ къ Д. Л. Мордовцеву. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ отвѣтъ былъ бы еще полнѣе, если бы были опубликованы его письма къ второму его казанскому другу—П. А. Ровинскому. Эти письма, насколько можно судить изъ указаній въ письмахъ первой категоріи (т.-е. къ г. Мордовцеву), были, пожалуй, еще полнѣе для опредѣленія тогдашнихъ научныхъ интересовъ Александра Николаевича, и посылались имъ не только непосредственно адресату, но и для прочтенія остальными товарищами. Въ письмахъ къ «Данечкѣ» звучатъ преимущественно струны сердечныхъ отношеній, изложеніе фактовъ чередуется въ нихъ постоянно съ порывами дружескихъ и братскихъ чувствъ; въ письмахъ же къ г. Ровинскому должны преобладать фактическія данныя, и на эти данныя онъ постоянно ссылается и въ письмахъ къ г. Мордовцеву, не желая повторяться и возвращаться къ одному и тому же предмету.

Пребываніе Пыпина въ Петербургѣ было благопріятно для его научныхъ занятій. Онъ поселился на Офицерской улицѣ у своей старшей сестры, бывшей замужемъ за Терцинскимъ, занимавшимъ прежде

мѣсто преподавателя въ Саратовской духовной семинаріи, а во время пребыванія у него Александра Николаевича, служившаго по синодальному вѣдомству на отвѣтственномъ и исполнѣ обеспеченномъ посту. Въ домѣ Терцинскихъ прїѣзжему была отведена отдѣльная комната, онъ получалъ отъ нихъ полное довольствіе и, кромѣ того, снабжался изъ дому необходимыми денежными средствами, что все вмѣстѣ взятое удаляло его отъ матеріальныхъ заботъ и устраняло отъ необходимости прїисканія себѣ заработка, въ видѣ репетиторства, уроковъ и т. п. Въ домѣ сестры ему, повидимому, жилось хорошо, привольно и ничто не мѣшало ему погружаться въ излюбленныя научныя занятія. Нечего и говорить, конечно, что столичныя развлеченія всѣ были далеки отъ него; таковыми были для него лишь тѣ, что несли съ собою умственное и вообще духовное наслажденіе.

Въ своемъ письмѣ отъ 13-го сентября 1850 г., четвергомъ ¹⁾, адресованномъ Д. Л. Мордовцеву, онъ такъ полушутливо, полусерьезно описываетъ свои развлеченія: «Что дѣлаю я?—спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ:—Я теперь живу чтеніемъ и созерцательною жизнью (эхъ, молъ, куда онъ залетѣлъ, скажешь ты), это значитъ, что я, если не читаю, то гуляю по Петербургу и люблюсь имъ; я теперь очень часто хожу гулять. Я прошелъ уже весь Невскій (а это вещь не незначительная), гулялъ въ Лѣтнемъ саду (какъ тамъ теперь чудесно, хотя теперь и осень), гулялъ въ Екатерингофѣ, былъ въ отдаленныхъ странахъ Петербургской стороны, наслаждался прекраснымъ видомъ Невскаго при газовомъ освѣщеніи, которое гораздо лучше обыкновеннаго освѣщенія масломъ, любовался съ Исаакіевскаго моста Невой, съ двухъ сторонъ замкнутой рядами огней, мрачнымъ Исаакіемъ и едва выступающимъ изъ сумрачной темноты панятникомъ Петру Великому. Это въ самомъ дѣлѣ прекрасное зрѣлище, лучше котораго я еще не видалъ». Таковы его развлеченія, но они, оказывается, допускаются имъ въ микроскопическомъ размѣрѣ, такъ что въ одномъ изъ декабрскихъ своихъ писемъ онъ серьезно говоритъ: «Съ новаго 1851 года я хочу перемѣнить свой образъ жизни, перемѣнить радикально: теперь я всѣ почти вечера (кромѣ четверга) просиживаю дома; надобно будетъ ходить гулять, въ театръ (до сихъ поръ я еще ни разу не былъ, хотъ и часто звали; ни Каратыгинъ, ни Мартыновъ, ни Гризи, ни Маріо до сихъ поръ не интересовали меня), на Невскій, въ Пассаждъ. Пора, я думаю». Но и этимъ певиннымъ намѣреніямъ, по всей видимости, не суждено было сбыться: мы нигдѣ не встрѣтили и намека на его отклоненія отъ исключительно литературныхъ и научныхъ занятій. Всѣ дальнѣйшія письма полны только и только интересами науки, журналистики и литературы. Удовлетворялъ ли его

¹⁾ Первыхъ писемъ мнѣ не удалось встрѣтить въ архивѣ г. Мордовцева. Авт.

такой исключительный образъ жизни? Нѣтъ, онъ тосковалъ, часто хандрить и не находилъ въ себѣ самомъ необходимаго покоя и равновѣсія. Но напрасно было бы думать, что эта тоска и хандра происходили изъ непрестаннаго погруженія въ науку и чтеніе. Далеко нѣтъ; здѣсь онъ находилъ себѣ отдыхъ и развлеченіе, а если страдалъ отчего, то отъ недостатка вокругъ себя близкихъ людей, любимыхъ сверстниковъ, съ одной стороны, и съ другой— отъ холода и непривѣтливости всей окружавшей его столичной обстановки, столь противорѣчащей тому, съ чѣмъ онъ сжился и на чемъ возросъ на берегахъ великой русской рѣки. Въ письмѣ отъ 22-го сентября онъ пишетъ: «Милый мой! Я давно уже не писалъ тебѣ, а писать надобно; извини меня, что я такъ долго молчалъ. Все это время я былъ, не знаю, какъ назвать тебѣ это, не въ духѣ. Заниматься скучно, читать — чтеніе еще больше наводитъ тоску, попадетъ какойнибудь романъ Жоржъ-Зандъ, или «Бѣдные люди», рѣшительно не знаешь, что дѣлать. Ко всему этому присоединяется еще ужасная петербургская погода; небо сѣро до невозможности, городъ какъ-то побурѣетъ, измоченный народъ весь, какъ мокрыя куры, опустившія крылья и не знающія, куда дѣваться отъ напасти. Не хочется выходить изъ комнаты; выйдешь—все поражаетъ непріятно. Обыкновенная моя дорога въ университетъ дѣлается до послѣдней степени скучною; будочникъ, который всегда отдаетъ мнѣ честь своей алебардой, стоитъ повѣся носъ и алебарду; часовые у Литовскаго замка завертываются въ свои черныя шинели и совершенно углубляются въ самосозерцаніе самихъ себя; бульваръ, теперь общипанный, безъ листьевъ, напоминаетъ только о тщетѣ міра сего; Исаакій, и безъ того уже мрачный, дѣлается еще мрачнѣе отъ этой пасмурности, и только золотой куполъ его со своей высоты, кажется, презираетъ всю эту дрянъ; Нева, она сѣрѣетъ, или, лучше сказать, не сѣрѣетъ, а измѣняется въ какой-то черноземный цвѣтъ. Прекрасная перспектива, не правда ли? Да, петербургская погода имѣетъ неотъемлемое свойство наводить страшную скуку; всѣ другія скверныя погоды, даже саратовскія и казанскія, ничто передъ ней».

Жалобы на хандру, но уже не изъ-за погоды, а по другимъ причинамъ, встрѣчаются въ теченіе 1850 г. и въ послѣдующихъ его письмахъ. «Ровинскій правду сказалъ,—отмѣчаетъ онъ въ декабрьскомъ письмѣ,—что часто въ этомъ большомъ, многолюдномъ городѣ бываетъ пусто, скучно; не видишь ни одного «человѣка», не кому сказать слова. Да, это правда, большая правда для меня. Ни разу я еще не встрѣчалъ между своими знакомыми (а ихъ ужъ довольно) простого настоящаго товарища знакомаго; нѣтъ, все официально, вѣжливо. Хочется услышать слово, а вы молчите, ни слова». Товарищами своими по университету и факультету онъ тоже былъ недоволенъ и характеризуетъ ихъ такъ: «О моихъ товарищахъ я, если не

ошибаюсь, писалъ тебѣ, и если не тебѣ, то Ровинскому. Она—поляки всѣ, за исключеніемъ одного нѣмца; среди нихъ мнѣ теперь одинъ только нравится, человѣкъ довольно порядочный; впрочемъ, они народъ, согласный на все; Комкова¹⁾ нѣтъ ни одного (да и во всемъ университетѣ нѣтъ, я думаю, ни одного сколько нибудь на него похожаго; до такой степени рѣдокъ этотъ типъ); есть народъ, довольно и даже очень дѣльный; есть и обыкновенные (казанскіе) студенты, ничего не дѣлающіе до послѣдней минуты, но это вообще рѣдко встрѣчается, гораздо рѣже, чѣмъ въ Казани. Профессорами я доволенъ всѣми».

Товарищеская компанія, которая его оживила и дала ему то нѣжное, дружеское, въ чемъ его любящая природа такъ нуждалась, подобралась лишь позже, черезъ два года, когда въ Петербургъ пріѣхалъ Д. Л. Мордовцевъ, когда къ нимъ еще пристали будущій извѣстный славистъ В. И. Ламанскій и безвременно погибшій племянникъ Гоголя, Н. Трушковскій. Это товарищество освободило его отъ тоски духовнаго одиночества, но, конечно, не могло вознаградить его главнѣйшей утраты. Какъ извѣстно уже и какъ о томъ свидѣлствуетъ самъ Пыпинъ въ своей перепискѣ съ г. Мордовцевымъ, онъ былъ обязанъ переѣзду изъ Казани въ Петербургъ Чернышевскому, самому любимому, дорогому и авторитетному для него человѣку. И вотъ, не успѣлъ онъ насладиться столичной близостью къ своему двоюродному брату, тогда уже кончившему университетскій курсъ, какъ обстоятельства ихъ снова разлучаютъ, и Чернышевскій покидаетъ Петербургъ, чтобы взять мѣсто въ саратовской гимназіи.

Чернышевскій былъ въ тѣ годы жизни Пыпина центральною фигурою, около которой группировались всѣ его интересы, и въ немъ онъ находилъ ту школу, гдѣ отшлифовывались его общественные взгляды и симпатіи. Именемъ Чернышевскаго (какъ равно и Срезневскаго, но по инымъ поводамъ) полны всѣ письма Александра Николаевича къ своему казанскому другу, и вы ясно видите, изучая эти письма, какое важное значеніе имѣлъ для него этотъ выдающійся человѣкъ, жизнь котораго такъ трагически обернулась впослѣдствіи. Душевное волненіе Александра Николаевича по случаю возможнаго отъѣзда Чернышевскаго сказывается уже въ письмѣ отъ 13 сентября, какъ равно изъ того же письма выясняются его отношенія къ двоюродному брату и роль послѣдняго въ его жизни.

«Недавно здѣсь получили бумагу,—пишетъ онъ,—въ которой Молоствовъ²⁾ предлагаетъ Николѣ мѣсто въ Саратовской гимназіи, и вмѣстѣ съ этимъ, Молоствовъ писалъ Мусину-Пушкину³⁾ о томъ

¹⁾ Товарищъ очень неразвитый по Казани. Авт.

²⁾ Попечитель Казанскаго учебнаго округа. Авт.

³⁾ Бывшій попечитель того же округа. Авт.

же. Разъ я былъ у Пушкина вмѣстѣ съ Николой, онъ даетъ ему прочесть это письмо и спрашиваетъ, что онъ на это скажетъ. Никола и отписалъ вотъ что въ Казань, что, дескать, мѣсто я принять готовъ, но дѣло вотъ въ чемъ: вы, можетъ быть, хотите, чтобъ я держалъ въ Казани экзаменъ на учителя гимназіи; если такъ, то мѣсто мнѣ не нужно, а если вы дадите мнѣ мѣсто безъ экзамена, то извольте. Не знаю, какой отвѣтъ получить онъ на это; дай-то Богъ, чтобъ это дѣло разстроилось. Оно можетъ очень и разстроиться, если до полученія отвѣта изъ Казани получить мѣсто здѣсь, что довольно вѣроятно. Никола уже читалъ пробную лекцію въ штабѣ военно-учебныхъ заведеній, и Кавелинъ остался имъ очень доволенъ и сдѣлалъ о немъ прекрасный отзывъ, и я думаю, что Николѣ можно будетъ получить къ тому времени мѣсто здѣсь. Иначе—дѣло будетъ прескверное. Я буду, кажется, жалѣть о томъ, что перешелъ сюда. Что мнѣ будетъ тогда за утѣшеніе жить здѣсь; живя въ Казани, я могъ бы, по крайней мѣрѣ, на вакаціи быть въ Саратовѣ, а отсюда не знаю, можно-ль будетъ ѣхать... что-то будетъ». Это ожиданіе настолько его разстраивало, что онъ въ томъ же письмѣ говоритъ: «Я и занимаюсь теперь не постоянно, а какъ-то порывами, когда придетъ охота. Теперь я болѣе всего занимаюсь славянскими нарѣчіями и англійскимъ языкомъ. Мы съ Николой быстро подвигаемся на этомъ поприщѣ; даже учимся съ нимъ немного говорить. Мы хотѣли даже составить себѣ англійскую бібліотеку, и уже положили ей основаніе, купивъ «Nouveau cours de langue Anglaise», par T. Bobertson. Я думаю, ты знаешь, что Methode Bobertson теперь въ большой модѣ и, кажется, совершенно справедливо. Съ однимъ только не можемъ мы справиться въ англійскомъ, это съ произношеніемъ. Это только препятствіе мѣшаетъ намъ говорить, потому что если Никола скажетъ слово, то можешь быть увѣренъ, что я его не понялъ. Никола, впрочемъ, далеко ушелъ отъ меня въ англійскомъ языкѣ, потому что онъ и до этого читалъ англійскія газеты».

Вспоминая въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ (безъ даты), какъ часто Н. Чернышевскій въ бесѣдѣ съ нимъ цитируетъ разныя мѣста изъ сочиненій Гоголя, Пыпинъ говоритъ, между прочимъ: «Никола многія мѣста (слѣдуетъ указаніе этихъ мѣстъ) приводитъ слово въ слово и всегда производитъ необыкновенный эффектъ (замѣть: я теперь почитатель-поклонникъ Гоголя. Я его любилъ и прежде, а теперь я просто обожаю его). Никола во многомъ, очень многомъ, имѣлъ на меня вліяніе, особенно теперь». Личность этого «Николи» постоянно притягиваетъ его вниманіе, онъ пытается глубже проникнуть въ этотъ загадочный характеръ, нарисовать себѣ и другимъ духовный образъ этого человѣка и заставить всѣхъ окружающихъ, и въ томъ числѣ и своихъ товарищей юности, полюбить и оцѣнить

его.. Почти во всѣхъ письмахъ къ Д. Л. Мордовцеву онъ возвращается къ этому, волнующему его предмету и, упоминая о занятіяхъ своего двоюроднаго брата, о его знакомыхъ, о книгахъ, которыя онъ приносилъ ему читать (главнымъ образомъ Диккенса въ подлинникѣ), постоянно дѣлаетъ экскурсіи въ область анализа характера Николая Гавриловича. Такъ, въ ноябрьскомъ письмѣ (безъ даты) онъ говоритъ: «Онъ, т.-е. Чернышевскій, такой человѣкъ, котораго я никогда не видалъ, да никогда вѣрно и не увижу. Я не знаю, какъ описать тебѣ его характеръ (ты его не знаешь!); если бы гдѣ нибудь былъ изображенъ такой характеръ, я бы указалъ тебѣ. Но нигдѣ подобнаго я не встрѣчалъ, встрѣтилъ, правда, только въ одномъ мѣстѣ: недавно читалъ онъ отрывокъ изъ повѣсти ¹⁾, разсказа, или какъ угодно назови это, конечно, не напечатанной и, къ несчастью, лишенной возможности быть напечатанной, онъ говорилъ мнѣ, что ее написалъ одинъ изъ его пріятелей, но я съ большею вѣроятностью предполагаю, что писалъ онъ ее самъ; все въ ней—его и, между прочимъ, тамъ былъ одинъ характеръ, совершенно снятый съ него — характеръ не изъ обыкновенныхъ, пошлыхъ характеровъ. Можетъ быть, когда нибудь ты узнаешь его близко, хотя это трудно, не бывъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, гдѣ бъ его можно было узнать... Какъ ошибся бы тотъ, кто сказалъ бы, что нѣтъ въ немъ участія ни къ чему; нѣтъ, въ немъ такъ много участія, что я не могу до сихъ поръ привыкнуть видѣть въ немъ это». Въ декабрьскомъ письмѣ (отъ 20 числа) онъ снова возвращается къ характеру Чернышевскаго и говоритъ: «Это такой человѣкъ, какаго я до сихъ поръ и не видывалъ. А вѣдь давно я его знаю, могъ бы къ нему привыкнуть тогда еще, когда вмѣстѣ жили (въ Саратовѣ), могъ бы узнать его такъ, чтобы все мнѣ было въ немъ извѣстно, вполне понятно. Теперь я вижу все, какъ и отчего и зачѣмъ онъ дѣлалъ все такъ, а не иначе; знаю, зачѣмъ онъ отсюда въ Саратовъ ѣдетъ, когда у него здѣсь есть мѣсто, вмѣсто котораго онъ скоро могъ бы получить другое, гораздо лучшее; когда у него здѣсь столько выгодъ противъ Саратова, что многіе совершенно не понимаютъ, отчего Николѣ вздумалось ѣхать въ такую глушь и дичь. Это все очень просто». Объясненіе такому дѣйствительно мало понятному, исчезновенію Чернышевскаго изъ Петербурга находится именно въ письмѣ Пыпина. Отсюда мы узнаемъ, что Николай Гавриловичъ уѣхалъ въ Саратовъ вслѣдствіе влеченія сердца и въ виду того, что именно въ Саратовѣ находилась та, съ которой онъ впоследствии вступилъ въ законный бракъ.

¹⁾ Нѣтъ ли тутъ указанія на какой нибудь первоначальный текстъ романа «Что дѣлать»? Авт.

IV.

Отъѣздъ Николи былъ жестокииъ ударомъ для Александра Николаевича — онъ на время (въ 1853 г. Чернышевскій вернулся въ Петербургъ), лишился друга и руководителя и остался одинокимъ съ своими книгами и лекціями, въ которыхъ однихъ заключились все его радости и наслажденія. Хотя въ одномъ изъ писемъ къ своему казанскому товарищу у него и проскользнуло мгновенное раскаяніе въ пріѣздѣ въ Петербургъ, но оно скоро прошло. По этому поводу онъ писалъ: «Я теперь самъ вижу, какъ скверно было, если бъ я остался въ Казани, хоть тогда, какъ жилъ въ Казани, объ этомъ и не думалъ. Довольно бросить общій взглядъ на Петербургъ и петербургскую жизнь, и это будетъ очень легко. Этимъ я обязанъ одному Николѣ; если бы онъ объ этомъ не постарался и здѣсь и въ Саратовѣ, то я жилъ бы и жилъ въ Казани (Казань=1½ Саратова, если сравнить его состояніе жизни)». Что же прельщало его въ Петербургѣ, и почему онъ мирился съ нимъ, несмотря на свое одиночество, отъѣздъ Чернышевскаго, отсутствіе товарищей и скверную погоду, отъ которой онъ иногда прихварывалъ? Примиреніе имъ обрѣталось въ научныхъ занятіяхъ при здѣшнемъ университетѣ и въ лекціяхъ тѣхъ профессоровъ, которыхъ приходилось слушать, и о которыхъ говорено во 2-й главѣ настоящаго очерка. Мы уже видѣли изъ одного письма, что профессорами онъ былъ «доволенъ всеиъ». О ходѣ занятій у нихъ онъ постоянно сообщаетъ своимъ казанскимъ друзьямъ, и изъ письма къ г. Мордовцеву мы до известной степени можемъ судить, насколько эти занятія были успѣшны и плодотворны.

Утренніе и дневные его часы проходили въ университетѣ, а остальное время онъ почти сплошь проводилъ за книгами у себя дома. Въ своихъ письмахъ онъ подробно сообщаетъ Д. Л. Мордовцеву, чѣмъ ему приходится заниматься, какія книги читаетъ и изучаетъ, и положительно приходишь въ изумленіе отъ этой громадной и всесторонней начитанности, которая въ немъ наблюдается. Передъ нами обрисовывается живой умъ, который не можетъ и не желаетъ сосредоточиться на односторонней и узкой специальности, но ищетъ себѣ здоровую пищу вездѣ, гдѣ только возможно — и въ рукописныхъ работахъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, и въ классическихъ сочиненіяхъ, и въ чтеніи всехъ существующихъ ежемѣсячныхъ журналовъ и въ случайно доходящихъ до него рукописяхъ, не могущихъ по цензурнымъ условіямъ быть напечатанными. Начитанность и лингвистическая его образованность воистину поразительны! Онъ не только свободно читаетъ на разныхъ языкахъ, но на нихъ же дѣлаетъ въ своихъ письмахъ вставки въ тѣхъ случаяхъ, когда почему либо опасается, чтобы эти письма не попали въ чужія руки и въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о

предметахъ интимнаго и деликатнаго, не подлежащаго опубликованію, свойства. Въ такомъ случаѣ Александръ Николаевичъ исписываетъ цѣлыя страницы на латинскомъ, греческомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, сербскомъ и чешскомъ языкахъ, очевидно, совершенно не стѣсняясь въ такой формѣ излагать свои мысли о предметахъ частнаго характера. Тутъ нѣтъ ученаго щегольства, а только удивительная деликатность и уваженіе къ частной жизни тѣхъ людей, о коихъ идетъ рѣчь, напимѣръ, о жизни сестры, въ домѣ которой онъ нашелъ себѣ пріютъ, о Чернышевскомъ и др. Очевидно, усидчивое сидѣніе дома за книгами и фоліантами давало уже на второмъ году его пребыванія въ университетѣ блестящіе и плодотворные результаты: въ немъ, ярко сказывался тотъ глубокой ученый, которому суждено дать такъ много русскому просвѣщенію.

Только одинъ вечеръ въ недѣлю онъ оставался внѣ дома, но и тотъ онъ проводилъ у профессора Куторги на занятіяхъ въ его семинаріи. По этому поводу онъ сообщаетъ въ Казань: «Еще разъ, прибавлю, что у насъ въ университетѣ уничтожены педагогическія лекціи Куторги, Никитенко и другихъ профессоровъ (не нашихъ, впрочемъ). Никитенко дѣйствительно прекратилъ свои лекціи, а Куторга объявилъ, что хотя официально его лекціи и уничтожены, но онъ будетъ заниматься съ нами (я у него бываю на педагогическихъ лекціяхъ) попрежнему, если намъ это пріятно будетъ. Мы, конечно, съ удовольствіемъ приняли его предложеніе, и лекціи продолжаются. Лекціи эти довольно интересны: мы (насъ всего девять человекъ) бываемъ у Куторги по четвергамъ вечеромъ и проводимъ у него часъ или полтора времени: сначала толкуемъ о разныхъ интересныхъ предметахъ (Куторга умѣетъ рассказывать — и потому лекціи его не бываютъ скучны, кромѣ того, онъ много видѣлъ, потому что нѣсколько разъ былъ за границей и знакомъ со многими учеными), потомъ начинается чтеніе приготовленнаго сочиненія. У него богатая историческая библіотека, и онъ никогда не отказываетъ студентамъ въ книгахъ; изъ нихъ, между прочимъ, есть у него нѣкоторыя рѣдкія теперь сочиненія, такія иногда, какихъ нѣтъ и въ университетской библіотекѣ».

Куторга вообще производилъ впечатлѣніе на Пыпина, и не только, какъ лекторъ и руководитель семинаріи, но и какъ авторъ ученыхъ сочиненій, которыми его ученики зачитывались. «Теперь я читаю Куторги «Исторію Авинской республики отъ убіенія Иппора до смерти Мильтіада». Книжка небольшая, составленная прекрасно, и въ самомъ дѣлѣ не ошибается иногородный подписчикъ «Современника»: Куторга нишетъ (такъ, какъ и читаетъ) вовсе не скучно, не утомительно. Подумаешь, что эта книжка вовсе не ученая, а простой рассказъ, а между тѣмъ, это одно изъ замѣчательныхъ ученыхъ изслѣдованій; стоитъ посмотрѣть одніи цитаты — такъ увидите, сколько для этой книжечки было прочитано».

О прочихъ профессорахъ Пыпинъ своимъ казанскимъ друзьямъ не сообщаетъ никакихъ характерныхъ данныхъ; даже о Срезневскомъ, какъ человѣкѣ и профессорѣ, онъ въ письмахъ къ г. Мордовцеву не обмолвливается ни однимъ словомъ, несмотря на то, что эти письма именно полны упоминаніями и ссылками на знаменитаго слависта. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вліяніе Срезневскаго на Пыпина, вліяніе огромнаго ума съ широкой энциклопедической эрудиціей, было значительно, и часто въ письмахъ Александра Николаевича проглядываетъ невольное поклоненіе ученика заслуженному учителю. Уличая по одному случаю Шевырева (его разсужденія о сборникѣ Святослава) въ непослѣдовательности, онъ замѣчаетъ: «Вотъ на какомъ основаніи строилъ свои замѣчанія о Святославѣ одинъ изъ первыхъ ученыхъ филологовъ нашихъ. Вообще, какъ Срезневскій говоритъ, московскіе ученые «всегда приходятъ въ экстазъ, ничего не видя—и какъ смѣшно это бываетъ иногда». Онъ сообщаетъ своимъ провинціальнымъ друзьямъ намѣченныя Срезневскимъ къ выпуску работы, программы его курсовъ, проситъ эти программы сообщить въ Казанскомъ университетѣ занимающимся славистикою и, наконецъ, подъ руководствомъ и по порученію Срезневскаго самъ выполняетъ нѣсколько отвѣтственныхъ работъ.

Стремленіе принять участіе въ общей и ученой литературѣ проявляется у него довольно рано, и въ одномъ изъ писемъ 1850 года онъ въ шуточной формѣ спѣшитъ оповѣстить своихъ друзей: «Знаешь ли,—пишетъ онъ Д. Л. Мордовцеву,—я выступаю въ слѣдующемъ году на литературное поприще. Конечно, мое первое участіе въ литературной дѣятельности не произведетъ эпохи, и даже, можетъ быть, не будетъ замѣчено холодными современниками, но тебѣ я скажу, въ чемъ состоятъ будетъ первый мой трудъ. Я уже тебѣ писалъ въ одномъ письмѣ, что готовится къ напечатанію статья нѣкоего Лерхе. Эта статья теперь у Николи; онъ ее просматриваетъ; я также любопытствовалъ заглянуть въ нее и убѣдилъ или лучше доказалъ Николѣ, что тамъ въ одномъ мѣстѣ должно поставить черточку (—); онъ не могъ сопротивляться моимъ доказательствамъ, и я поставилъ ее; видишь—въ этой статьѣ будетъ слѣдовательно часть и моего дѣланія. Кромѣ того, черезъ мои руки (ужъ совершенно мои) прошла также одна статья Срезневскаго; въ ней моего участія уже гораздо больше».

Когда въ 1903 году праздновался пятидесятилѣтній юбилей научной дѣятельности Александра Николаевича, то Д. Л. Мордовцевъ на юбилейномъ обѣдѣ протестовалъ противъ приуроченія юбилея къ этому году и, основываясь на письмѣ своего друга о тире въ работѣ Лерхе, заявилъ, что празднованіе запоздало на два года. Юбиляръ и присутствовавшіе смѣялись этому шутивому протесту, но официально все-таки началомъ выступленія Александра Николае-

вича на учено-литературномъ поприщѣ признали считать 1853 годъ, когда въ «Отечественныхъ Запискахъ» была напечатана его статья о драматургѣ XVIII вѣка Лукинѣ. Но если не правъ г. Мордовцевъ, то и 1853 годъ строго нельзя назвать первымъ юбилейнымъ годомъ въ дѣятельности нашего ученаго. Еще въ предшествовавшемъ году (1852) онъ заявилъ себя двумя работами, изъ коихъ одна осталась въ архивахъ Петербургскаго университета, а другая была напечатана въ «Сборникѣ Академіи Наукъ» (№ 3).

Первая работа была написана для соисканія медали на тему заданную профессоромъ А. Никитенко для студентовъ историко-филологическаго факультета: «Разсмотрѣть главныя комедіи Сумарокова, фонъ-Визина, Княжнина и князя Шаховскаго въ отношеніи къ содержанію, формѣ и языку, и въ заключеніе представить общій взглядъ, на какую степень эта отрасль словесности была возведена у насъ остальными писателями». По представленіи этой работы, студентъ четвертого курса А. Пыпинъ былъ удостоенъ факультетомъ золотой медали. Второю его работою, уже увидавшею свѣтъ, былъ этимологически-синтаксическій словарь къ Новгородской лѣтописи, какъ уже сказано, напечатанный въ «Сборникѣ Академіи». Занятый разработкою лѣтописи, Срезневскій привлекъ къ этой работѣ всѣхъ своихъ лучшихъ учениковъ, въ томъ числѣ и Пыпина. На его долю вышла Новгородская лѣтопись, Ипатьевскою былъ занятъ Чернышевскій, а Псковской—Д. Л. Мордовцевъ.

Уже приведенныхъ фактическихъ данныхъ достаточно, чтобы съ непреложною ясностью констатировать, что изъ Александра Николаевича къ концу его университетскаго ученія вполне выработался молодой ученый, передъ которымъ широко разстилается просторное научно-литературное поприще. Въ этомъ убѣжденіи, повидимому, пребывали и его университетскіе наставники, изъ которыхъ нѣкоторые намекали юному студенту, и вполне опредѣленно, на будущую возможность магистерства и докторанства. Такъ, профессоръ древней географіи М. И. Касторскій, когда Пыпинъ держалъ у него переходный экзаменъ съ 3-го на 4-й курсъ сказалъ ему при всей аудиторіи, что его отвѣтъ по своей точности, вѣрности и большой подробности, отвѣтъ достойный магистранта или докторанта. Его связи съ ученымъ міромъ разрастались съ каждымъ годомъ, и уже въ 1851 году, онъ, проѣздомъ черезъ Москву, сближается съ тамошнюю плеядою молодыхъ ученыхъ—И. Е. Забѣлинымъ, Ѳ. И. Буслаевымъ, Н. С. Тихонравовымъ и другими, которыхъ въ своемъ письмѣ къ г. Мордовцеву и аттестуетъ «славными господами», гостеприимно и радушно его встрѣтившими.

Но если А. Н. Пыпинъ широкою рукою почерпалъ изъ сокровищницы науки дары ея, то онъ не страдалъ эгоистическою скупостью и боязнью подѣлиться этими дарами съ своими близкими. Напротивъ, всѣ его письма полны желаній подѣлиться пріобрѣтенными

свѣдѣніями со своими казанскими товарищами. Онъ старательно оповѣщаетъ ихъ о выходящихъ или имѣющихъ выйти ученыхъ трудахъ, какъ у насъ въ Россіи, такъ и за границую, совѣтуетъ съ ними ознакомиться, обѣщаетъ даже нѣкоторыя выслать въ провинцію и употребляетъ всѣ силы, чтобы пробудить въ казанскихъ лѣтяхъ духъ пытливости и работоспособности. Онъ волнуется ходомъ занятій Ровинскаго, чтеній Григоровича и насѣдаетъ всею мощью своего юнаго слова на Данечку Мордовцева, побуждая его къ работѣ, въ видахъ чего задаетъ соотвѣтствующія его уму и способностямъ темы и научныя задачи. Узнавъ, что его милый Данечка перешелъ съ математическаго факультета на философскій по отдѣлу словесности, онъ радуется, что тотъ бросилъ «математическую сухь», но тутъ же спѣшитъ, прикрывая себя авторитомъ Николи, утилизировать поэтическія и литературныя способности своего друга, въ примѣненіи къ тѣмъ вопросамъ науки, которые его въ то время интересовали въ Петербургѣ на лекціяхъ Срезневскаго. Занимаясь изученіемъ Краледворской рукописи, онъ вспоминаетъ о своемъ казанскомъ другѣ и пишетъ ему въ концѣ 1850 г.: «Недавно мнѣ пришла въ голову мысль: я читалъ Краледворскую рукопись на новочешскомъ языкѣ... и мнѣ вздумалось, что какъ бы хорошо было, если бы ты перевелъ Краледворскую рукопись на хохлацкій языкъ (или малороссійскій, какъ угодно), на тотъ, какимъ говорятъ у васъ на Дону. Я уже кажется писалъ тебѣ, что Ганка затѣваетъ изданіе Краледворской рукописи—polyglotta, что недавно черезъ Срезневскаго онъ досталъ переводъ съ болгарскаго; черезъ Срезневскаго же твой переводъ могъ бы переданъ г. Ганкѣ и быть напечатаннымъ... Въ самомъ дѣлѣ, странно бы было, если бы не было переводовъ славянскихъ, когда есть переводы нѣмецкій, даже англійскій. Какъ ты объ этомъ думаешь? Я просилъ уже Николю поговорить объ этомъ съ Срезневскимъ: быть можетъ, у Ганки нѣтъ еще хохлацкаго перевода, а если есть, то, быть можетъ, только южно-русскій (т.-е. не совѣмъ такой, какъ вашъ языкъ). Я не вижу никакой причины, по которой тебѣ можно было бы отказаться: да если бы у Ганки и былъ уже переводъ этотъ, то все-таки можно отослать ему; онъ, можетъ быть, предпочелъ бы твой, потому что ты, разумѣется, сталъ бы переводить стихами, а стихъ у тебя гладкій, ровный, тогда какъ въ тѣхъ Ганкиныхъ переводахъ, которые уже были помѣщены, не всѣ отличаются этими достоинствами. Въ отношеніи языка ты тоже не можешь отговариваться: древне-чешскій языкъ такъ нетруденъ, такъ близокъ къ церковно-славянскому, даже къ нынѣшнему русскому, что не будетъ представлять почти никакой трудности... Ты, можетъ быть, вздумаешь отговариваться недостаткомъ времени но эта отговорка никуда не годится, потому что Краледворская рукопись такъ мала, что и не потребуетъ вовсе много времени. Впро-

чемъ, всѣ эти случаи я разбираю такъ только, потому что убѣжденъ, что ты не захочешь отказаться (если нужна будетъ эта работа) отъ этого дѣла, которое принесетъ пользу и удовольствіе тебѣ и будетъ бесполезно для науки. Не знаю, какъ до сихъ поръ почтенный г. Григоровичъ не вздумалъ попросить тебя объ этомъ».

Какъ характерно это письмо для молодого Пыпина и обрисовки его духовнаго образа! Тутъ не такъ самая тема интересна, какъ тѣ приемы убѣжденія своего друга, которыя пущены въ ходъ: сколько здѣсь тонкаго ума, знанія человѣческаго сердца и настойчивости въ достиженіи цѣли, когда обдуманно и рѣшительно отрѣзаются всѣ пути отступленія, для того, чтобы онъ не чувствовалъ и не видѣлъ, какъ его берутъ въ руки и заставляютъ сдѣлать намѣченное. Въ моемъ распоряженіи нѣтъ отвѣтовъ г. Мордовцева, но уже изъ слѣдующихъ писемъ къ нему Пыпина, видно, что дѣло не обошлось безъ сопротивленія, и нашъ петербургскій молодой ученый развертываетъ передъ своимъ казанскимъ товарищемъ въ подробностяхъ даже лингвистическіе способы выполненія задуманной задачи и обслѣдуетъ эти способы во всѣхъ деталяхъ. Въ этой настойчивости сказались въ Александрѣ Николаевичѣ богатые педагогическія силы воздѣйствія на окружающихъ и соприкасающихся съ нимъ, которыя впоследствии реализовались въ русской жизни многочисленными конкретными явленіями. Удаленный несчастными и злыми обстоятельствами отъ официальнаго руководства занятіями университетской молодежи, мы тѣмъ не менѣе видимъ на многочисленныхъ примѣрахъ въ нашей ученой литературѣ и журналистикѣ, какъ многое появилось въ свѣтъ и въ какомъ направленіи и освѣщеніи, именно благодаря его просвѣщенному и умѣлому руководству, помощи и воздѣйствію.

Послѣ настойчивыхъ писемъ своего друга Д. Л. Мордовцевъ, наконецъ, выслалъ ему просимый переводъ знаменитой рукописи, и вотъ Пыпинъ, довольный достигнутымъ результатомъ, спѣшитъ съ посылкою ласковой, но обстоятельной критики, простирающейся и на размѣръ стихосложенія, и на недостатки въ лингвистической точности, и на стилистическіе промахи; и все это имъ сдѣлано съ удивительной эрудиціей, глубокимъ пониманіемъ дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ деликатно и осторожно, чтобы не задѣвать самолюбія автора.

Я уже говорилъ о тоскѣ одиночества, которая съ особенною силою охватила Пыпина, особенно послѣ отъѣзда его друга Николаи. Но вотъ въ одномъ изъ писемъ другого «друга и брата», Данечки, онъ видитъ указаніе, что тотъ былъ бы не прочь при благопріятныхъ обстоятельствахъ переѣхать въ Петербургъ и поступить въ здѣшній университетъ. Это извѣстіе было искрою, которая зажгла любящее сердце Александра Николаевича и онъ въ рядѣ горячихъ, любящихъ писемъ уговариваетъ своего друга

скорѣе осуществить эту мысль. Онъ обсуждаетъ переѣздъ Мордовцева въ столицу самымъ обстоятельнымъ образомъ, взвѣшиваетъ все, что говоритъ за этотъ переѣздъ и приходитъ къ неоспоримому выводу, что переѣздъ этотъ долженъ совершиться во что бы то ни стало, безъ чего онъ, Пыпинъ, не знаетъ, какъ ему и быть. Онъ изыскиваетъ способы своему другу для предотвращенія матеріальныхъ стѣсненій и указываетъ на даваніе уроковъ, какъ на первое средство къ жизни и тутъ же въ деликатной и осторожной формѣ, только намекомъ, даетъ понять, что и онъ, Пыпинъ, конечно, приметъ всѣ мѣры, чтобы облегчить своему Данечкѣ бремя жизни. Изъ словъ Д. Л. Мордовцева оказывается, что когда онъ дѣйствительно переѣхалъ въ Петербургъ, то его другъ предоставилъ въ его распоряженіе необходимое пропитаніе, въ видѣ обѣдовъ у сестры, которыми нашъ заслуженный романистъ въ первое время бесплатно и пользовался.

Соблазняя своего друга переѣздомъ въ Петербургъ, Пыпинъ между прочимъ писалъ: «Напиши мнѣ поскорѣе о твоёмъ рѣшеніи: я приготовлюсь тебя принять. Какъ мы здѣсь заживемъ! Не говоря уже обо всемъ прочемъ, какія сокровища представляются твоему наблюдательному и пытливому уму! Конечно, ты будешь ужасно поглощать Публичную бібліотеку, Румянцевскій музей и проч. Всѣ рукописи, начиная отъ древнѣйшаго Нестора, пройдутъ черезъ твои руки; Срезневскій непременно завербууетъ тебя въ свои партизаны (да ты имъ будешь и по своей волѣ); ты будешь имѣть случай видѣть двигателей нашей науки и литературы, хотя не всѣхъ, но очень многихъ, тебя займутъ вопросы гуманные, социальные, литературные, ученые; ты самъ, можетъ быть, выступишь въ нѣкоторомъ родѣ на поприщѣ ученой или литературной дѣятельности, какъ человѣкъ талантовъ; самъ будешь дѣйствовать, а это-то вѣдь и нужнѣе всего: нужно сдѣлать что-нибудь самому. А Казань киснетъ въ своемъ уединеніи, ничего не дѣлаетъ со всѣми своими кліентами; все дѣйствующее здѣсь, въ Петербургѣ; поэтому и тебѣ нужно быть здѣсь. Итакъ, безъ сомнѣнія въ первыхъ числахъ августа я буду встрѣчать въ почтамтѣ или въ какой нибудь конторѣ дилижансовъ новаго провинціала, пріѣхавшаго въ Петербургъ?»

Ожиданія Пыпина сбылись и осенью 1851 года Д. Л. Мордовцевъ поступилъ въ Петербургскій университетъ. Съ этого времени для обоихъ нашихъ выдающихся дѣятелей русскѣй литературы и науки наступила новая, болѣе свѣтлая и радостная пора — ихъ дружба расцвѣла, подобралась къ нимъ и соотвѣтствующіе товарищи, какъ я уже о томъ упоминалъ, В. И. Ламанскій и Н. Трушковскій, и потекла жизнь молодежи, полная духовныхъ интересовъ и умственныхъ наслажденій съ широкой и свѣтлой для нѣкоторыхъ изъ нихъ перспективой впереди на многіе годы. А тѣмъ временемъ не за

горами былъ для Александра Николаевича и порогъ университета, переступивъ который, онъ очутился на первыхъ порахъ въ той сѣрой дѣйствительности, именуемой русской жизнью первой половины пятидесятихъ годовъ, на фонѣ которой даже еще не пробивались лучи солнца, согрѣваемаго черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ русскій народъ дыханіемъ воли и свободы. Личная жизнь сложилась для молодого кандидата университета на первыхъ порахъ благопріятно, но уже скоро эта самая жизнь обернулась для него злою мачехою, наносившею ему ударъ за ударомъ и съ поразительною неблагодарностью платящею ему за все то доброе и хорошее, что онъ отъ полноты возвышеннаго сердца и своего крупнаго ума въ нее вносилъ и съ неустанною энергіею въ нее внѣдрялъ, на благо русскаго народа.

V.

Въ 1853 году А. Н. Пыпинъ кончилъ курсъ университета съ оставленіемъ при немъ для приготовленія къ профессорскому званію и съ того времени, вплоть до 1861 года, мы видимъ его въ роли ученаго изслѣдователя и представителя науки, дѣятельность котораго связана непосредственно съ столичнымъ высшимъ разсадникомъ просвѣщенія. Ученыя его работы, служащія какъ бы преддверіемъ къ его предстоящей профессорской дѣятельности, появляются въ печати быстро одна за другою. Въ числѣ этихъ извѣстныхъ работъ слѣдуетъ назвать: «Словарь къ первой новгородской лѣтописи», «Матеріалы для славянской палеографіи къ «Описанію Румянцевскаго Музеума» Востокова», «Очерки изъ старинной русской литературы», «О романахъ въ старинной русской литературѣ», «Старинные апокрифы», критическая статья по поводу «Русскихъ народныхъ сказокъ» Аванасьева, «Владимиръ Лукинъ», его кандидатская диссертация, отрывки изъ которой были помѣщены въ «Отечественныхъ Запискахъ», наконецъ, критическая статья на книгу Милюкова «Очерки исторіи русской поэзіи».

Профессоръ А. С. Архангельскій, въ своемъ прекрасномъ очеркѣ, посвященномъ трудамъ А. Н. Пыпина ¹⁾, такъ характеризуетъ его работы того періода: «Своимъ содержаніемъ всѣ эти работы говорили не только о широкомъ пониманіи задачъ предмета,—но и о современной новой его постановкѣ. Уже въ этихъ первыхъ работахъ нельзя не видѣть постоянного вниманія изслѣдователя къ историческому факту, стремленія къ выясненію историческаго значенія и внутренняго органическаго развитія изучаемаго историко-литературнаго явленія, къ уясненію за наличностью факта его внутренняго значенія и смысла. Уже здѣсь изслѣдователь выдвигаетъ

¹⁾ «Труды академика А. Н. Пыпина въ области исторіи русской литературы. По поводу пятидесятилѣтія его научной дѣятельности». Спб. 1903.

гаетъ важное культурное значеніе нашей старой переводной повѣсти, поднимаетъ вопросъ о вліяніи Востока на древне-русскую литературу, приступаетъ къ изученію русской журналистики XVII вѣка, цѣлую монографію посвящаетъ выясненію литературной дѣятельности очень малоизвѣстнаго писателя... Критическая статья о книжкѣ Милюкова являлась любопытной иллюстраціей столкновенія старыхъ литературныхъ взглядовъ съ новыми». Работы нашего ученаго помѣщались на страницахъ спеціальныхъ изданій того времени, а также журналовъ «Современникъ», «Отечественныя Записки», «Атеней». Я не стану утомлять вниманія читателей полной библиографической справкой о трудахъ покойнаго академика за весь тотъ періодъ—интересующіеся найдутъ эту справку въ названной брошюрѣ професора А. С. Архангельскаго, а также въ «Спискѣ трудовъ академика А. Н. Пыпина. 1853—1903 года», составленномъ Я. Л. Барсовымъ¹⁾; остановимся лишь на его магистерской диссертациі «Очерки литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ», напечатанной въ «Ученыхъ Запискахъ II отдѣленія Академіи Наукъ», въ т. IV за 1858 годъ. Трудъ этотъ по всей справедливости считается классическимъ въ нашей литературѣ и составилъ въ ней въ нѣкоторомъ родѣ эпоху.

Въ этой работѣ дана у насъ впервые исторія русской повѣсти, начиная съ заимствованій изъ византійскихъ и южно-славянскихъ источниковъ и кончая повѣстями, сложившимися подъ западнымъ вліяніемъ и первыми попытками оригинальной бытовой повѣсти XVII вѣка. Авторъ пользовался рукописными сборниками Публичной библіотеки и Румянцевскаго Музея, въ то время еще мало извѣстными и не обслѣдованными. Нѣкоторыя старинныя повѣсти впервые изслѣдованы Александромъ Николаевичемъ, а другія («Девгеніево Дѣяніе», «Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи») даже впервые имъ открыты. Этотъ трудъ Пыпина, по свидѣтельству профессора А. С. Архангельскаго, сдѣлалъ настоящую эпоху въ изученіи взятаго отдѣла нашей старой литературы. Передъ русской наукой разомъ открылась цѣлая невѣдомая область,—одновременно подвергнутая и самому тщательному, документальному изученію. По обширности захваченнаго къ изученію матеріала, по эрудици и тщательности изученія,—трудъ Пыпина являлся событіемъ для всей тогдашней нашей науки, только что начинавшей становиться на ноги, совсѣмъ не пріуроченной къ подобнаго рода изслѣдованіямъ... «Очеркъ» Пыпина не только во все послѣдующее время являлся исходнымъ пунктомъ для каждой спеціальной работы въ области нашей старинной повѣсти,—но продолжаетъ вполне сохранять это значеніе

¹⁾ «Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ». Спб. 1903.

и до сихъ поръ, сохранять, повидимому, и на очень еще долгое время».

Когда диссертация была уже представлена въ факультетъ, но имъ еще не разсмотрѣна, Пыпинъ, какъ то мы узнаемъ изъ недавно опубликованныхъ проф. А. С. Архангельскимъ архивныхъ Казанскихъ университетскихъ матеріаловъ¹⁾, вдругъ подаетъ попечителю Казанскаго учебнаго округа слѣдующее прошеніе: «Окончивъ въ 1853 году полный курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, разряда общей словесности, въ прошломъ 1855 г. я выдержалъ экзаменъ на степень магистра русской словесности и, желая въ настоящее время занять мѣсто при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство предоставить мнѣ право на полученіе мѣста адъюнкта по кафедрѣ русской словесности по защищеніи мною диссертациі моеи, представленной уже историко-филологическому факультету Петербургскаго университета. Необходимые для этого документы въ свое время будутъ мною представлены въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія. Кандидатъ С.-Петербургскаго университета Александръ Пыпинъ. Петербургъ, 21 мая 1856».

Прошеніе это было передано попечителемъ на обсужденіе совѣта университета, который въ засѣданіи 15-го сентября, по обсужденіи ученыхъ работъ просителя, общающихся «самыя лучшія надежды въ будущемъ», нашелъ Пыпина вполне достойнымъ занять мѣсто адъюнкта по кафедрѣ русской словесности. По произведенной баллотировкѣ выяснилось, что за предоставленіе ему желаемой кафедры высказалось 17 голосовъ и противъ—1, вслѣдствіе каковыхъ результатовъ баллотировки деканъ историко-филологическаго факультета 29-го октября 1856 году официально сообщилъ ректору университета: «Вслѣдствіе предложенія вашего превосходительства отъ 12-го октября, за № 659, историко-филологическій факультетъ имѣетъ честь донести, что на мѣсто уволеннаго кандидата Ровинскаго представленъ и баллотированъ въ засѣданіи совѣта отъ 15-го сентября исправляющимъ должность адъюнкта по кафедрѣ русской словесности г. кандидатъ Пыпинъ, и что за тѣмъ факультетъ ожидаетъ утвержденія г-на Пыпина въ означенномъ званіи».

Дальнѣйшій ходъ дѣлъ изъ имѣющихся документовъ не виденъ. Извѣстно только, что Пыпинъ не покинулъ Петербурга, и вопросъ о его казанской профессурѣ канулъ въ воду.

По защитѣ диссертациі, Пыпинъ былъ удостоенъ степени магистра русской словесности и въ 1858 году, въ качествѣ про-

¹⁾ «По поводу пятидесятилѣтія научной и литературной дѣятельности академика А. Н. Пыпина».

фесоранта по исторіи европейскихъ литературъ, посланъ университетомъ въ путешествіе по славянскимъ землямъ и Западной Европѣ. Это путешествіе нашло себѣ отраженіе и въ нашей журналистикѣ: Александръ Николаевичъ посвятилъ ему два очерка «Изъ Венеціи» и «Изъ Флоренціи», напечатанные въ 1859 году въ «Современникѣ». Въ бытность свою за границую, Пыпинъ, между прочимъ, побывалъ и въ Лондонѣ у Герцена. Въ интересныхъ «Воспоминаніяхъ» Н. А. Огаревой-Тучковой мы находимъ слѣдующее любопытное о немъ упоминаніе. «Не могу вспомнить теперь, съ кѣмъ пріѣзжалъ въ это время еще очень молодой профессоръ А. Н. П—ъ,—говоритъ она, разумѣя въ данномъ случаѣ именно нашего ученаго. Герценъ уже зналъ его по его статьямъ, онъ былъ пріятно пораженъ прекрасной симпатичной наружностью молодого профессора. Сынъ Герцена сопровождалъ его по Лондону и съ удовольствіемъ рассказывалъ о томъ, что молодой ученый предпочиталъ шумнымъ удовольствіямъ большого города разговаривать съ трехлѣтнимъ ребенкомъ квартирной хозяйки и отъ души смѣялся его выходкамъ. Слушая этотъ рассказъ, Герценъ сказалъ сыну: «Что ты говоришь, Саша, меня все не удивляетъ, выраженіе его лица прекрасно, въ немъ сказывается высоко-нравственная чистота».

Этотъ рассказъ г-жи Огаревой чрезвычайно характеренъ для обрисовки духовныхъ образовъ обоихъ изъ дѣйствующихъ лицъ—и Герцена, и Пыпина. Издатель «Колокола» своимъ острымъ и пытливымъ умомъ, какъ нельзя вѣрнѣе, разглядѣлъ природу своего гостя, отличительною чертою котораго была именно высоко-нравственная чистота, сопровождавшая его всю жизнь, вплоть до гробовой доски. Эта евангельская чистота сердца и обличала его постоянно съ малыми дѣтьми, ради бесѣды съ которыми онъ и въ старости всегда готовъ былъ пожертвовать разговоромъ съ самыми умными и интересными своими знакомыми. И глядя на этого старика съ лучистымъ сіяніемъ добрыхъ глазъ, въ которыхъ видѣлась его чистая душа, невольно приходили на умъ и великая Нагорная проповѣдь и заповѣдь Христа своимъ ученикамъ: «Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ», и «Истинно говорю вамъ, если не обратитесь и не будете, какъ дѣти, не войдете въ царство небесное».

По возвращеніи изъ заграничнаго путешествія, Александръ Николаевичъ былъ назначенъ и. д. экстраординарнаго профессора и въ 1860—1861 учебномъ году читалъ въ университетѣ лекціи по исторіи провансальской и средневѣковой французской литературѣ. Официальный историкъ Петербургскаго университета очень мало сообщаетъ намъ о Пыпинѣ, какъ профессорѣ, но зато въ воспоминаніяхъ В. П. Острогорскаго мы встрѣчаемъ по сему предмету обстоятельныя свѣдѣнія. «Помнится, еще задолго до появленія Пыпина въ Петербургскомъ университетѣ, въ публикѣ, какъ и между сту-

дентами, ему предшествовала самая лестная репутация солиднаго молодого ученаго,—повѣствуетъ г. Острогорскій.—Это уже сразу располагало къ нему молодежь; но съ первыхъ же лекцій, увидѣвъ, что онѣ, отличаясь строгой научностью, представляли, повидимому, интересъ только для специалистовъ, большинство нахлынувшихъ было слушателей перестало его посѣщать, и остались его постоянными и усердными слушателями почти только одни филологи разныхъ курсовъ, которыхъ въ то время было всего-то на всѣхъ четырехъ курсахъ едва ли болѣе ста. Послѣ серьезнаго вступленія, гдѣ опредѣлилъ онъ значеніе своего предмета въ ряду наукъ, современное положеніе послѣдняго въ наукѣ европейской и указалъ основные приемы научной критики и главнѣйшіе источники, онъ прямо перешелъ къ разсмотрѣнію средневѣковой литературы, сколько помнится, провансальской и средневѣковыхъ французскихъ лѣтописцевъ-мемуаристовъ. Странное впечатлѣніе, произвелъ на меня въ первое время Александръ Николаевичъ, пока я нѣсколько не привыкъ къ нему и не сталъ все больше и больше заинтересовываться предметомъ и уважать профессора. Не было у него ничего внѣшняго, блестящаго, поражающаго,—ничего такого, что такъ увлекало меня, напримѣръ, въ Стасюлевичѣ, Костомаровѣ или Никитенкѣ: ни французскаго блеска и текучей, краснорѣчивой, бойкой рѣчи перваго, ни оригинальной художественности втораго, ни изящества и задушевности третьяго; не было и ироническаго тона и разнообразія занимательнаго, часто анекдотическаго содержанія лекцій Срезневскаго, — ничего этого у Пыпина не было, и многимъ изъ насъ, избалованнымъ красотой лекцій и популяризацией науки, это могло не нравиться. Но, по отношенію къ себѣ лично, я долженъ сказать, что за все мое студенческое время, изъ всѣхъ слушанныхъ мною филологовъ, кромѣ Костомарова—все-таки профессора-художника, много бравшаго и своей личностью, А. Н. Пыпинъ преимущественно остался въ моей памяти идеаломъ вполне спокойнаго, строго серьезнаго ученаго, всецѣло отдавашагося наукѣ, нелицепріятныя выводы которой даются только путемъ долгаго и упорнаго самостоятельнаго изслѣдованія источниковъ и глубокой исторической ихъ критики. Своими немногими лекціями онъ показалъ мнѣ настоятельную необходимость для науки основательнаго знанія иностранныхъ языковъ, недостаткомъ котораго такъ страдаютъ русскіе студенты; показалъ, сколь важно для учителя словесности знакомство съ литературой европейской, и какъ много требуется отъ человѣка упорнаго, долгаго труда, чтобы внести въ науку хоть что нибудь новое, существенное».

Профессорство А. Н. Пыпина было очень кратковременно: въ 1861 году разыгралась въ Петербургскомъ университетѣ смута, извѣстная подъ названіемъ «студенческихъ волненій», результатомъ которой былъ выходъ въ отставку нѣсколькихъ выдаю-

щихся представителей профессорской корпораціи, въ томъ числѣ и Александра Николаевича. Въ своихъ очеркахъ, посвященныхъ «75-тилѣтію Петербургскаго университета» и «50-тилѣтію научно-литературной дѣятельности М. М. Стасюлевича»¹⁾, я уже достаточно говорилъ объ этихъ печальныхъ для университета событіяхъ и повторять все это снова не вижу надобности, отсылая интересующихся и къ этимъ очеркамъ и къ «Воспоминаніямъ» о тѣхъ же событіяхъ участника въ нихъ, В. Д. Спасовича²⁾.

Въ ноябрѣ 1861 г. дверь Петербургскаго университета крѣпко и навсегда захлопнулась за спиною молодого ученаго, и первымъ его научно-общественнымъ надеждамъ былъ нанесенъ жестокій ударъ. Злая мачеха-судьба, руками официальныхъ руководителей нашей образованности, постаралась, чтобы ни эти, ни какіянибудь другія изъ дверей патентованныхъ храмовъ науки передъ нимъ болѣе не раскрывались почти до конца дней его жизни, достигла этого, и тѣмъ самымъ навсегда вписала въ исторію отечественнаго просвѣщенія страницы мрака и позора...

VI.

Въ своихъ письмахъ къ Д. Л. Мордовцеву студентъ 2-го курса Пыпинъ уже постоянно обращается къ интересамъ литературы и журналистики. Поговоривъ съ своимъ другомъ о научныхъ новостяхъ, онъ вслѣдъ затѣмъ дѣлаетъ обзорѣніе столичныхъ журналовъ и, очевидно, со словъ своего двоюроднаго брата, Чернышевскаго, слѣдуетъ повѣдать о томъ, что въ недалекомъ будущемъ имѣеть появиться на свѣтъ или каковы предположенія на счетъ этого того или другого журнала. Его вниманіе привлекаютъ къ себѣ работы «Николи», онъ пытается расшевелить въ этомъ направленіи своихъ казанскихъ пріятелей, пытается ихъ, почему не пишетъ ничего Шишкинъ (извѣстный впоследствии публицистъ), ожидаетъ съ нетерпѣніемъ пріѣзда въ Петербургъ тоже извѣстнаго поэта-переводчика Михайлова, пріятеля Чернышевскаго даетъ о немъ бѣглыя свѣдѣнія и т. д. Такимъ образомъ журнальная жилка, жилка ученаго публициста, въ немъ начинаетъ рано биться и атмосфера журнализма пропитываетъ его насквозь еще на школьной скамьѣ. Возвращаясь къ обзорѣнію тѣхъ временъ, когда онъ вступилъ на литературный путь, а также запаса побужденій и воздѣйствій на него прогрессивныхъ началъ, Пыпинъ въ своей застольной бесѣдѣ³⁾ такъ обрисовываетъ сумму этихъ нынѣ уже историческихъ данныхъ: «Въ началѣ

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» за 1894 и 1897 года.

²⁾ В. Д. Спасовичъ. Сочиненія, т. IV.

³⁾ Оттискъ изъ 3-й книги «Литературнаго Вѣстника» за 1903 г.

сознательной жизни, — говоритъ онъ, — моимъ ближайшимъ руководителемъ, старшимъ товарищемъ былъ мой двоюродный братъ... Онъ былъ юноша ревностно искавшій научнаго знанія и полный идеализма; я былъ мальчикъ. Онъ былъ уже богатъ свѣдѣнiями, которыя сохраняла его рѣдкая память; въ поэзи онъ носился съ Шиллеромъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ. Его увлекали не однѣ поэтическiя картины, но и возвышенныя человѣческiя идеи. Когда онъ былъ въ университетѣ, я былъ въ классахъ гимназиі... Въ письмахъ онъ поддерживалъ во мнѣ интересъ къ занятіямъ, особенно рекомендовалъ исторію, — съ тѣхъ поръ я узналъ имена Раумера и Шлоссера, хотя въ провинціи не могъ имѣть ихъ въ рукахъ. Часто писалъ онъ мнѣ длинныя письма по-латыни; самъ онъ былъ отличный латинистъ и хотѣлъ меня приучать къ латыни, а также онъ касался въ письмахъ такихъ предметовъ, о которыхъ было менѣе удобно писать по-русски. Здѣсь въ первый разъ, къ концу сороковыхъ годовъ, я увидѣлъ возможность крестьянскаго вопроса. Въ письмахъ въ связи съ исторіей говорилось о «glebae adscripti» и «terrae firmi». Въ Петербургѣ я засталъ его за новѣйшей нѣмецкой философiей и новѣйшей исторіей. Въ университетѣ, съ 1849 года, меня привлекала русская старина и литература и вмѣстѣ съ тѣмъ старина и литература славянъ. По окончаніи курса, я вскорѣ познакомился съ литературными кругами и особенно близко видѣлъ кругъ редакціи «Современника» съ Некрасовымъ во главѣ... Здѣсь открылась для меня поучительная и знаменательная картина русской жизни и литературы. Надъ литературой тяготѣло то реакціонное давленіе, которое внушено было послѣ 1848 г. опасеніями мнимой возможности отраженія у насъ западныхъ политическихъ волненій. «Негласный Комитетъ» своею подозрительностью угнеталъ самую цензуру; надзоръ былъ усиленъ до того, что каждое крупное вѣдомство имѣло свою цензуру, простиравшуюся на все, въ чемъ литература могла касаться его. Всего считалось 17 цензуръ... Въ этихъ тяжелыхъ условіяхъ должна была дѣйствовать литература, призванная, казалось бы, выражать нравственное состояніе общества. Слишкомъ часто приходилось ей говорить неясными отвлеченностями или далекими намеками, или просто умалкать. Тѣмъ временемъ надвигалась политическая гроза, которая разразилась крымской войною. Мнѣ памятно возбужденіе общества, когда подъ вліяніемъ неожиданныхъ испытаній и разоблаченій сложилось убѣжденіе въ несостоятельности стараго порядка. Въ тоже время подвиги севастопольской обороны говорили о богатствѣ личнаго мужества и самоотверженія. Что нельзя идти такъ дальше, начинали видѣть даже люди зауряднаго пониманія. Ближился кризисъ».

По словамъ г. Веселовскаго, передающаго эту рѣчь Пыпина, въ литературныхъ кругахъ жило съ 1840-хъ годовъ твердое убѣжденіе

въ необходимости иного порядка, преобразований, большаго простора для просвѣщенія, большей свободы для общественности. «При всѣхъ стѣсненіяхъ конца сороковыхъ и первыхъ пятидесятихъ годовъ въ литературѣ не заглохла живая струя преданій; помнились завѣты Бѣлинскаго. Чернышевскій писалъ тогда «Очерки Гоголевскаго періода», которые были первою литературною біографіей великаго критика; фактическія черты шли прямо отъ современниковъ, по ихъ устнымъ рассказамъ, особенно Анненкова. Съ конца сороковыхъ годовъ выступила, знаменитая вскорѣ, плеяда писателей-художниковъ, оставившая неизгладимый слѣдъ на его интересахъ и стремленіяхъ; готовились произведенія, которымъ суждено было составить эпоху въ исторіи русской литературы. Съ такими-то задатками интересовъ, намѣреній и склонностей, въ которыхъ какъ будто уже мелькали очертанія будущей біографіи Бѣлинскаго, его трудовъ по древней литературѣ и этнографіи и построеннаго на широкой основѣ племенной равноправности и уваженія къ народной личности историческаго обозрѣнія всѣхъ славянскихъ литературъ, А. Н. Пыпинъ вступилъ въ новый періодъ русской жизни и общественности. «Повторилось дней Александровыхъ прекрасное начало». Общество исполнилось надеждъ; люди сороковыхъ годовъ и ихъ преемники, хранившіе, какъ драгоценный завѣтъ, память тѣхъ временъ, ожидали исполненія своихъ давнихъ мечтаній. Дѣятельность плеяды расширилась и оживилась. Въ «Современникѣ», съ которымъ Пыпинъ сблизился, благодаря Чернышевскому, сосредоточивались лучшія силы этой плеяды,—Тургеневъ, Гончаровъ, Некрасовъ, Григоровичъ, наконецъ, новое имя, всего въ трехъ буквахъ, Л. Н. Т., вызвали самыя горячія сочувствія,—вернулись къ дѣятельности Достоевскій, Салтыковъ. «Я считаю себя счастливымъ,—говорилъ Пыпинъ,—что былъ свидѣтелемъ, иногда близкимъ, этой оживленной поры, которая стала уже исторической эпохой русской литературы. Это была пора въ своемъ родѣ единственная,—рѣдкое соединеніе дарованій, богатыхъ и разнообразныхъ; это было настоящее представительство національнаго генія, и мы видѣли потомъ, что Европа съ изумленіемъ открыла въ созданіяхъ этой литературы и русской художественной гени, и русскую душу».

Помѣстивъ свои журнальныя статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Атенеѣ» и «Современникѣ», онъ со временемъ сосредоточился исключительно на страницахъ послѣдняго журнала, гдѣ съ 1863 г. былъ членомъ редакціи, а съ 1865 по 1866 гг.,—годъ закрытія «Современника»,—его отвѣтственнымъ редакторомъ. За этотъ періодъ имъ помѣщено здѣсь не мало крупныхъ статей, критическихъ и бібліографическихъ замѣтокъ, а также переводныхъ произведеній. Вступленіе Пыпина въ составъ редакціи «Современника», послѣ смерти Добролюбова и ареста Чернышевскаго, было, конечно, для журнала большимъ и цѣннымъ приобрѣтеніемъ, но дни

его были сочтены, и на долю Александра Николаевича выпала печальная обязанность хоронить дорогое порученное ему дѣло, и вторично уже испытать въ жизни злой ударъ судьбы, разбившей еще разъ его надежды и упованія.

О своемъ участіи въ «Современникѣ» Пыпинъ сохранилъ самыя свѣтлыя воспоминанія и именно имъ посвятилъ немало теплыхъ страницъ въ своей послѣдней работѣ, посвященной личности Н. А. Некрасова. Въ этомъ трудѣ онъ вполне ясно и понятно излагаетъ, почему между авторомъ «Кому на Руси жить хорошо» и его старшими по литературѣ товарищами произошелъ разрывъ и почему именно Некрасовъ скорѣе тяготѣлъ къ молодой фракціи своего журнала, нежели къ старшей. Говоря о послѣдней, Пыпинъ утверждаетъ: «Новая критика, т.-е. критика Добролюбова и Чернышевскаго, была имъ непріятна; «политика», т.-е. вопросы общественные, были неинтересны; «разные экономическіе вопросы» (а рѣчь шла объ освобожденіи крестьянъ) просто невразумительны. Словомъ, интересы молодыхъ поколѣній,—тѣ самыя, которые подняты были въ тревожную пору Крымской войны и волновали лучшую часть общества,—были какъ будто чужды старымъ друзьямъ, когда, напротивъ, для молодыхъ поколѣній это были интересы животрепещущіе. Но то, что было чуждо или нелюбопытно старымъ друзьямъ, было Некрасову вполне присуще, и не трудно было человѣку, нѣсколько воспримчивому къ общественнымъ вопросамъ, понять, въ годы кризиса Крымской войны, общественное возбужденіе; понять, что оно должно было быть тѣмъ сильнѣе въ поколѣніяхъ молодыхъ, всегда наклонныхъ къ идеальному и еще не успѣвшихъ зачерствѣть въ рутинѣ себялюбія и самодовольства. Некрасовъ сумѣлъ понять идеалистическое настроеніе, представителями котораго были два новыхъ сотрудника журнала».

Этотъ идеализмъ, понятный Некрасову, сблизилъ его и съ Пыпинымъ, этимъ чистымъ представителемъ именно житейскаго и общественнаго идеализма, а эта-то близость и оставила въ сердцѣ Пыпина на всю жизнь признательность и даже поклоненіе передъ знаменитымъ русскимъ поэтомъ. Послѣ Чернышевскаго никто изъ нашихъ писателей—Бѣлинскій не въ счетъ, съ нимъ онъ знакомъ естественно не былъ—не производилъ на Пыпина такого сильнаго впечатлѣнія и не имѣлъ такого вліянія, какъ Некрасовъ. Уже въ письмахъ къ Мордовцеву онъ цитируетъ именно этого писателя и къ нему же летитъ его мысль въ послѣдніе мѣсяцы жизни, когда изъ дали времени передъ нимъ во весь ростъ вырисовывалась эта для многихъ столь загадочная и несимпатичная, а для него—столь понятная и любимая фигура. Какъ бы предчувствуя свой близкій конецъ, онъ спѣшитъ повѣдать читателямъ мелочи и факты изъ жизни этого человѣка, опасаясь, какъ бы со смертью его—послѣд-

няго сподвижника Некрасова,—не осталось чего-нибудь непонятнаго и темнаго. Онъ произноситъ ему свое оправдательное и хвалебное слово, и это слово было послѣдней пѣсней исчезающаго лебедя. Начало и конецъ его журнальной дѣятельности здѣсь какъ бы символически сплелись въ торжествующую пѣснь объ общественномъ идеализмѣ, видными поборниками котораго были и поэтъ горя народнаго и его молодой ученый соредакторъ по «Современнику».

Уже распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 4-го декабря 1865 года «Современнику» было дано второе предостереженіе и вслѣдствіе сего редакція журнала вынуждена была выступить съ слѣдующимъ разъясненіемъ¹⁾: «Съ полученіемъ «Современникомъ» второго предостереженія въ Петербургѣ разнесся слухъ, что «Современникъ» въ слѣдующемъ году издаваться не будетъ. Такъ какъ мы ничего подобнаго не публиковали, а напротивъ, объявляемъ о продолженіи журнала, то это значитъ, что публика по двумъ предостереженіямъ поспѣшила придти къ заключенію, что правительство имѣетъ намѣреніе закрыть «Современникъ». Не принимая на себя право входить въ намѣренія правительства, мы все-таки скажемъ, что съ своей стороны не можемъ придти къ подобному заключенію, иначе сами бы закрыли журналъ. Не говоря уже о томъ, что и третье предостереженіе, по смыслу закона, не есть еще непремѣнно смертный приговоръ журналу, укажемъ на слѣдующее обстоятельство». Слѣдуетъ справка изъ практики журналовъ и ссылка на цензурный уставъ, а въ заключеніе сказано: «На этомъ основаны наши надежды на существованіе «Современника» въ слѣдующемъ году; и мы прибавимъ, что видимъ возможность, не измѣняя нашей программы, вести наше дѣло такъ, чтобъ впредь избѣгать предостереженій». Но всѣ эти ссылки на смыслъ закона и надежды на возможность за борьбы остались тщетными. Съ № 2 журнала 1866 г. въ нихъ появились статьи Ю. Жуковскаго «Вопросъ молодого поколѣнія», за каковыя авторъ и отвѣтственный редакторъ А. Н. Пыпинъ были привлечены къ судебной отвѣтственности. По этому случаю Никитенко въ своемъ дневникѣ²⁾ заноситъ подъ датой 6-го октября: «Дѣло Пыпина и Жуковскаго рѣшено во второй судебной инстанціи. Инстанція эта признала обвиненіе ихъ въ томъ, что статья «Вопросъ молодого поколѣнія» оскорбляетъ дворянство, неправильнымъ, но осудила того и другого на трехнедѣльный арестъ на гауптвахтѣ и на взносъ ш графа по сту рублей съ cadaго за бранчивыя выраженія. Итакъ, Валувевъ все-таки не добился полнаго торжества. Онъ настаивалъ именно на оскорбленіи дворянства».

¹⁾ «Современникъ», 1865 г., № 12.

²⁾ А. В. Никитенко, «Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ».

Такимъ образомъ Пыпинъ отсидѣлъ положенный срокъ на гауптвахтѣ и, вспоминая о томъ впоследствии, добродушно замѣчалъ, что и онъ имѣлъ въ жизни «отношеніе къ военному словію». Однако, по справкѣ г. Мордовцева, какъ мы знаемъ, это было вторымъ его прикосновеніемъ къ воинскому дѣлу... Въ томъ же дневникѣ Никитенки подѣ датой 23-го іюня сказано: «Я не помню давно, чтобы правительственная мѣра производила такое единодушное и всеобщее недовольство, какъ... запрещеніе двухъ журналовъ: «Современника» и «Русскаго Слова» — послѣднее, впрочемъ, потому, что сдѣлано помимо закона».

Хотя ударъ судьбы, который постигъ Пыпина, былъ и очень силенъ, но до нѣкоторой степени таже судьба послала ему и нѣкоторое утѣшеніе. Въ томъ же 1866 году его бывший профессоръ, а потомъ товарищъ по университетскому преподаванію, М. М. Стасюлевичъ, основаль «Вѣстникъ Европы», журналъ исторіи, литературы и науки, и сплотилъ здѣсь въ одну литературную группу съ опредѣленнымъ общественнымъ направленіемъ своихъ бывшихъ товарищей, вмѣстѣ съ нимъ покинувшихъ въ 1861 году университетъ. Конечно, ближайшимъ сотрудникомъ и помощникомъ своимъ по журналу онъ пригласилъ А. Н. Пыпина, который съ тѣхъ поръ и почти въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ былъ самымъ ревностнымъ литературнымъ вкладчикомъ въ «Вѣстникъ Европы», обогативъ его рядомъ научныхъ произведеній по исторіи русской литературы первокласснаго значенія и первостепенной важности. Но работая въ журналѣ г. Стасюлевича въ области оригинальныхъ и самостоятельныхъ изысканій, онъ находилъ еще достаточно силъ, чтобы дарить и нашу переводную литературу своими трудами, гдѣ во всемъ блескѣ сказались его широкія лингвистическія, соціологическія, философскія и историческія познанія. Частію подѣ его редакціей, частію въ его переводѣ появились историко-литературныя и историческія сочиненія Шерра, Геттнера, Дрэнера, Лекки, Тэна, Рохау, Бентама. Вмѣстѣ съ М. Антоновичемъ онъ перевелъ «Исторію индуктивныхъ наукъ» Уэвеля, а въ 1890 годахъ подѣ его редакціей вышли «Исторія нѣмецкой литературы» Шерера, и «Искусство съ точки зрѣнія соціологіи» Гюйо.

Личная интимная жизнь Александра Николаевича въ этотъ періодъ протекала какъ нельзя мирно и счастливо. Въ январѣ 1863 года онъ вступилъ въ бракъ съ дѣвицей Юліей Петровной Гурскалинъ, лютеранкой по вѣроисповѣданію и уроженкой Петербурга. Юлія Петровна окружила жизнь своего ученаго мужа самою нѣжною заботливостью и трогательнымъ попеченіемъ, была его истиннымъ другомъ и помощницею въ трудахъ, а въ послѣднія 15 лѣтъ своей жизни (она скончалась 5 декабря 1897 г.), когда дѣти подросли и стали на ноги, а у Александра Николаевича вслѣд-

ствіе усиленныхъ занятій утомилось зрѣніе, она писала подъ его диктовку и дѣлала для него, по его указаніямъ, необходимыя выписки. Такъ, его извѣстная «Исторія Русской литературы» вся до послѣдней строки написана ея рукой. Къ сожалѣнію, послѣдній томъ вышелъ изъ печати уже послѣ ея смерти. Въ уваженіе къ такой роли своей жены-друга въ его трудахъ, Пыпинъ посвятилъ эту «Исторію литературы» памяти Юліи Петровны, но помѣтилъ это посвященіе лишь на немногихъ экземплярахъ. Отъ брака съ Юліей Петровной у него родилось двое сыновей и двѣ дочери, нынѣ благополучно здравствующие.

Изъ фактовъ общественной его жизни надлежитъ еще отмѣтить, что уже съ 1861 г. онъ принималъ близкое и непосредственное участіе въ дѣлахъ литературнаго фонда, гдѣ, между прочимъ, въ теченіе 12 лѣтъ былъ членомъ правленія.

VII.

Будучи главнымъ сотрудникомъ «Вѣстника Европы», Пыпинъ помѣстилъ здѣсь длинный рядъ классическихъ работъ по исторіи нашей общественности и нашего просвѣщенія, которыя являются въ настоящее время настольными книгами каждаго образованнаго и занимающагося русскаго человѣка. Тутъ цѣлая гуманная энциклопедія русской жизни, неисчерпаемый источникъ фактовъ, обнимающихъ собою всѣ главнѣйшіе моменты въ исторіи русскаго народа, источникъ свѣтлыхъ мыслей, облагораживающихъ и возвышающихъ умъ читателей. Главнѣйшія работы эти суть (изъ нихъ большинство вышло отдѣльными изданіями): «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I», «Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 1820 до 1850-хъ годовъ¹⁾», «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», «Исторія русской этнографіи», «Исторія русской литературы», многочисленныя статьи о массонствѣ, «Крыловъ и Радищевъ», «Феофанъ Прокоповичъ и его противники», статьи о панславизмѣ, «Польскій вопросъ въ русской литературѣ», статьи о сочиненіяхъ Пушкина и ихъ текстѣ, «Обзоръ русскихъ изученій славянства», статьи о Салтыковѣ, «Литературныя воспоминанія» и «Переписка», «Гердеръ», рядъ статей и замѣтокъ по текущей литературѣ, масса критическихъ замѣтокъ и рецензій на нововышедшія книги и пр. и пр. Кромѣ того, имъ, совмѣстно съ В. Д. Спасовичемъ, изданъ замѣчательный трудъ, посвященный исторіи славянскихъ литературъ. Этотъ

¹⁾ За эти статьи «Вѣстнику Европы» было дано въ 1873 г. второе предостереженіе авт.

капитальный трудъ, по мнѣнію специалистовъ, представляетъ собою единственное до сихъ обстоятельное изложеніе судебъ тысячелѣтней исторіи литературы западныхъ и южныхъ славянъ, чрезвычайно замѣчательнъ не только какъ сводъ того, что сдѣлано въ области изученія духовной жизни славянства, но и по истинно-научному своему методу. Пыпинъ относится здѣсь съ величайшимъ уваженіемъ и съ полною терпимостью къ духовному складу каждой изъ отдѣльныхъ славянскихъ народностей и является рѣшительнымъ противникомъ поглощенія одной народности другою, исходя притомъ изъ идеалистическихъ соображеній главнымъ образомъ о совмѣстномъ свободномъ развитіи общечеловѣческой культуры и національныхъ ихъ индивидуальностей.

Такая богатая и плодотворная дѣятельность Пыпина обратила на него уже въ 1871 году вниманіе академіи наукъ, и былъ поставленъ вопросъ объ избраніи его въ адъюнкты по креслу исторіи. Этотъ эпизодъ въ жизни Александра Николаевича надѣлалъ много шума въ свое время въ Петербургѣ, и о немъ имѣется обстоятельное свидѣтельство лѣтописца того времени А. В. Никитенки. Въ его дневникѣ подъ 6-мъ октября 1871 года записано: «Поднимается великая буря на академію наукъ въ кругу интеллигентнаго общества за избраніе въ адъюнкты ея по креслу исторіи (А. Н.) Пыпина. Избраніе это, впрочемъ, состоялось еще только въ отдѣленіи и пройдетъ ли оно въ общемъ собраніи—это еще вопросъ. Говорятъ: «Какъ можно было избрать Пыпина по части исторіи за одну только статью, напечатанную имъ въ «Вѣстникѣ Европы» объ Александрѣ I и Карамзинѣ?» И далѣе: «Почему же не избрали Костомарова, который и есть настоящій дѣятель по русской исторіи?» Особенно кричатъ и вопятъ тѣ, которые не дружелюбно относятся къ «Вѣстнику Европы». Къ нимъ, разумѣется, примыкаетъ и партія министерства народнаго просвѣщенія. Эта послѣдняя грозитъ, что министръ при докладѣ государю объ утвержденіи Пыпина можетъ сдѣлать такія замѣчанія, въ силу которыхъ Пыпинъ, пожалуй, окажется неутвержденнымъ. Такъ думаютъ **, **. Скандаль большой. Правда, по моему мнѣнію, состоитъ въ слѣдующемъ. Не Пыпина, а Костомарова, дѣйствительно, слѣдовало избрать на кресло исторіи. Заслуги Костомарова и его дарованія въ этой области всѣми признаны, и Пыпинъ, конечно, не можетъ быть не только предпочтенъ ему, но и поставленъ съ нимъ на ряду. Между тѣмъ, послѣдній могъ бы быть по всѣмъ правамъ и по всей справедливости избранъ во II отдѣленіе по части исторіи русской словесности—и это, конечно, никого не удивило бы, не обидѣло и не озлобило. Теперешнее избраніе приписываютъ интригамъ Пекарскаго и **. Оно, можетъ быть, и такъ. Посмотримъ, что сдѣлаетъ общее собраніе. Вотъ уже появилась и статья въ «Голосѣ» противъ избранія Пыпина». Подъ 19-мъ октября. «Ми-

нистръ, графъ Толстой, говорятъ, свирѣпствуетъ противъ выбора Пыпина въ адъюнкты академіи. На-дняхъ, за обѣдомъ у себя, онъ, въ присутствіи многихъ лицъ, расточалъ ужасные укоры на академію за этотъ выборъ и съ обыкновенною своею горячностью объявилъ, что пока онъ министръ, онъ не допуститъ, чтобы Пыпинъ сѣлъ на академическое кресло. За что такая непріязнь къ этому человѣку? Въ данномъ случаѣ виноватъ не онъ, а тѣ любители интригъ, которые поставили его въ неловкое положеніе. Самъ онъ человѣкъ почтенный, ученый. Онъ участвуетъ въ журналѣ «Вѣстникъ Европы», который находится въ оппозиціи съ министеромъ, и при томъ онъ не приверженецъ классицизма и Каткова: ужъ не въ этомъ ли вся вина его въ гласахъ нѣкоторыхъ?» Подъ 12-мъ ноября онъ заноситъ: «Пыпинъ избранъ въ адъюнкты академіи наукъ по русской исторіи въ сегодняшнемъ общемъ собраніи: онъ получилъ 25 шаровъ избирательныхъ и 9 отрицательныхъ. Въ пользу его, кажется, много послужило ругательство «Московскихъ Вѣдомостей» и «Голоса» на академію, особенно первыхъ. Многие изъ членовъ, вѣроятно, не хотѣли показать, что они какъ бы испугались этого ругательства. Извѣстно также, что министръ былъ сильно противъ этого избранія». Подъ 22-мъ ноября: «Вечеръ у Литке. Собрались всѣ академики и, кромѣ нихъ, Левшинъ, А. И., Г. П. Небольсинъ и нѣкоторые другіе. Разбились, какъ обыкновенно, на кружки. Нѣтъ, нѣтъ, да и наткнешься на разговоръ о Пыпинѣ. Вотъ странная судьба его постигла! Утвердятъ ли Пыпина или нѣтъ? Вопросъ, всѣхъ занимающій». Подъ 20-мъ декабря: «Дѣло о Пыпинѣ рѣшилось: комиссія не знала, какъ сладить съ этимъ дѣломъ, и признала за лучшее, чтобы Пыпинъ отказался самъ отъ званія члена академіи. Это онъ и сдѣлалъ. Итакъ, и сѣно цѣло, и козы сыты. Вотъ какъ объясняютъ пыпинское дѣло: его устроилъ (Веселовскій) съ Головиннымъ. На часть Головина приходилось тутъ слѣдующее: «нельзя ли устроить западную графу Толстому? Онъ непременно придетъ въ ярость отъ выбора Пыпина, полѣзетъ на стѣну, по обыкновенію раскричится и разругается на цѣлый городъ, а при докладѣ государю употребитъ всѣ усилія подорвать выборъ академіи. Можетъ случиться, что государь согласится съ нимъ, а можетъ, и нѣтъ. Если произойдетъ послѣднее, то графъ Толстой претерпитъ ужаснѣйшее фіаско и по своему высокомѣрію даже можетъ подать въ отставку, что, разумѣется, было бы великою радостью для Головина. (Веселовскій) получилъ отъ него инструкцію предложить Пыпина. К..... добрый человѣкъ, согласился съ (Веселовскимъ), и оба послужили орудіемъ Головина».

Къ означенному дневнику Никитенки имѣется нижеслѣдующее разъяснительное примѣчаніе редактора, М. К. Лемке: «Согласно обычаю, академикъ А. А. Куникъ, предлагавшій избрать А. Н. Пыпина въ адъюнкты академіи по части исторіи, внесъ въ исто-

рико-филологическое отдѣленіе «Записку о трудахъ по русской исторіи магистра А. Н. Пыпина». 7-го сентября отдѣленіе единоголосно избрало предложеннаго кандидата. Общее собраніе академіи назначило выборы въ слѣдующее засѣданіе, 12-го ноября. Требовалась лишь высочайшая санкція, которую и испрашивали черезъ министра народнаго просвѣщенія. 15-го декабря А. Н. Пыпинъ написалъ президенту академіи письмо, гдѣ, благодаря за лестную честь, увѣдомлялъ, что «по измѣнившимся своимъ обстоятельствамъ, къ сожалѣнію своему, не можетъ принять это избраніе». Такимъ образомъ «инцидентъ» былъ оконченъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что А. А. Куникъ, несмотря на неудачу, настоялъ на напечатаніи своей «Записки» въ 20-мъ томѣ «Записокъ Императорской Академіи Наукъ».

Инцидентъ въ академіи наукъ былъ третьимъ злымъ ударомъ въ жизни А. Н. Пыпина, гдѣ официальная власть не признала заслугъ того, кто, какъ общественный дѣятель, былъ уже вполне признанъ «заслуженнымъ». Прошло 20 лѣтъ съ тѣхъ поръ и что же мы видимъ? То, что имѣло мѣсто въ 1871 году на берегахъ Невы повторилось съ замѣчательною тождественностью въ 1891 г. на берегахъ Волги. Заслуженный ординарный профессоръ Казанскаго университета Н. А. Ойрсовъ и его товарищи по факультету ординарные профессора: Н. А. Осокинъ, Д. А. Корсаковъ, И. Н. Смирновъ, Ѳ. Г. Мищенко и А. С. Архангельскій вошли въ историко-филологическій факультетъ съ представленіемъ, гдѣ по случаю исполнившагося 35-ти лѣтія научной дѣятельности А. Н. Пыпина, посвященной изученію русской старины и народности, ходатайствовали объ утвержденіи Александра Николаевича въ степени доктора русской исторіи безъ представленія диссертаци.

Изложивъ въ началѣ своей записки по сему предмету ¹⁾ чрезвычайно обстоятельно научныя заслуги Пыпина, съ подраздѣленіемъ его трудовъ на пять группъ: 1) русская народность въ самомъ широкомъ значеніи этого слова; 2) научныя воззрѣнія въ русской исторіи; 3) русская образованность въ XVIII вѣкѣ вообще; 4) исторія русскаго массонства; 5) русская образованность XIX в.— и представивъ сжатую характеристику и оцѣнку каждой изъ категорій этихъ работъ, съ поименованіемъ и краткимъ изложеніемъ таковыхъ, почтенные ученые въ заключительной части говорили: «Во всѣхъ перечисленныхъ сочиненіяхъ А. Н. Пыпинъ является ученымъ собирателемъ матеріала и вполне компетентнымъ его изслѣдователемъ. Тщательное изученіе частныхъ, научный анализъ историческихъ фактовъ русской умственной жизни и ихъ обобщеніе, путемъ сопоставле-

¹⁾ Представленіе было составлено проф. Д. А. Корсаковымъ. Оно напечатано вынѣ въ изданіи проф. А. С. Архангельскаго «По поводу научно-литературной дѣятельности академика А. Н. Пыпина». Изъ архива Казанскаго университета.

ня съ аналогичными имъ фактами въ умственной жизни западно-европейскихъ народовъ, даютъ трудамъ А. Н. Пыпина высокое научное значеніе. Имѣя широкую предварительную филологическую подготовку и обладая основательнымъ знаніемъ въ литературахъ славянскихъ и западно-европейскихъ, а также наукахъ политическихъ и историческихъ, онъ является ученымъ историческимъ критикомъ съ широкимъ взглядомъ на вещи. Чуждый предрасудка національной исключительности, онъ постоянно слѣдитъ за прогрессивнымъ вліяніемъ на нашу умственную жизнь западно-европейскихъ идей, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда отмѣчаетъ наши національныя особенности. При этихъ выдающихся достоинствахъ А. Н. Пыпинъ, правда, нерѣдко не выдерживаетъ столь желаемой, но почти недостижимой въ историческихъ изслѣдованіяхъ, объективности возрѣній. Этотъ недостатокъ свойственъ болѣе или менѣе каждому историческому писателю, и ученые противоположныхъ ему возрѣній, какъ напримѣръ, славянофилы, были въ своихъ историческихъ взглядахъ еще болѣе субъективны. Это качество не можетъ умалить несомнѣнныхъ ученыхъ заслугъ, какъ А. Н. Пыпина, такъ и главнѣйшихъ представителей славянофильскаго направленія.

«Такія книги, какъ «Общественное движеніе въ Россіи при императорѣ Александрѣ I» и «Исторія русской этнографіи», взятая каждая въ отдѣльности, уже могли дать, по справедливости, г. Пыпину официальное право на полученіе ученой степени доктора русской исторіи. Присоединеніе къ нимъ другихъ вышеназванныхъ сочиненій,—по глубокому нашему убѣжденію,—лишь еще болѣе усиливаетъ это право. А потому мы рѣшились обратиться съ просьбою къ историко-филологическому факультету ходатайствовать предъ его сіятельствомъ г. министромъ народнаго просвѣщенія о возведеніи Александра Николаевича Пыпина, во вниманіе къ ученымъ заслугамъ, оказаннымъ имъ въ теченіе тридцатипятилѣтнихъ трудовъ на поприщѣ русской исторіи и вспомогательныхъ знаній при ея изученіи: палеографіи, археографіи, археологіи и этнографіи—въ званіе почетнаго доктора русской исторіи. Увѣренъ, что наши многоуважаемые товарищи отнесутся сочувственно къ нашему предложенію, раздѣляя наше возрѣніе на ученые достоинства г. Пыпина, и тѣмъ болѣе еще, что г. Пыпинъ не чуждъ Казанскому университету. Уроженецъ города Саратова и воспитанникъ тамошней гимназіи, онъ началъ высшее образованіе въ нашемъ университетѣ».

Заслушавъ единогласное ходатайство факультета, совѣтъ университета единогласно же опредѣлилъ: «Вполнѣ соглашаясь съ представленіемъ историко-филологическаго факультета объ ученыхъ заслугахъ Александра Николаевича Пыпина,—просить ходатайства попечителя округа предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ

утвержденіи Пыпина въ степени доктора русской исторіи, на основаніи ст. 30-й Унив. уст., III, п. 10, безъ представленія диссертациі».

Черезъ два мѣсяца на это представленіе совѣтомъ университета былъ полученъ офиціальный отвѣтъ, попечителя отъ 28-го мая 1901 года, за № 2785, на имя ректора университета: «При представленіи отъ 4-го минувшаго апрѣля, за № 1915, мною было сообщено господину министру народнаго просвѣщенія ходатайство совѣта Казанскаго университета о возведеніи А. Н. Пыпина въ степень доктора русской исторіи безъ требованія отъ него диссертациі на эту степень.

«Не признавая возможнымъ утвердить означенное постановленіе совѣта, господинъ министръ предложеніемъ отъ 20-го мая, за № 8802, о семъ меня увѣдомилъ».

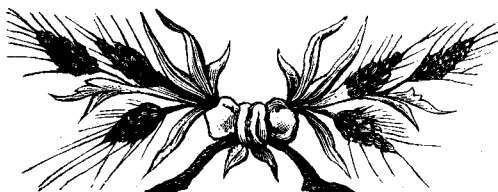
Этотъ достойный отвѣтъ послѣдовалъ отъ графа И. Д. Делянова, бывшаго тогда министромъ народнаго просвѣщенія, и продолжавшаго, какъ бы по завѣту своего патрона и предшественника, графа Д. А. Толстого, относиться къ нашему ученому съ удивительнымъ нерасположеніемъ и непонятнымъ озлобленіемъ. Демонстративный выходъ изъ профессоровъ университета въ 1861 году, несочувственное отношеніе къ реакціонной политикѣ Александра I, высказанное имъ въ извѣстныхъ статьяхъ, посвященныхъ той эпохѣ, приверженность ко всякому освободительному движенію и свободному проявленію независимаго человѣческаго духа— вотъ тѣ главнѣйшія преступленія со стороны А. Н. Пыпина въ глазахъ графа Толстого, которыя побуждали и его, и его единомышленниковъ упорно отказываться зачесть заслуги Пыпина передъ родиною въ послужной списокъ съ государственнымъ на немъ знакомъ одобренія и предпочитать, чтобы его дѣятельность протекала внѣ рамокъ офиціальныхъ учрежденій. Только въ концѣ XIX столѣтія, когда сошли со сцены просвѣщенные его гонители, двери этихъ учрежденій передъ нимъ широко раскрылись, и онъ вошелъ туда съ высоко поднятой головой и увѣнчанный полуѣлковыми почти лаврами общественной признательности. Пыпинъ былъ избранъ въ академики, а Казанскій университетъ получилъ возможность возвести его въ свои почетные члены.

Въ добавленіе ко всему сказанному объ А. Н. Пыпинѣ и ко всѣмъ собраннымъ для его будущаго жизнеописанія матеріаламъ я не имѣю болѣе что прибавить. Главнѣйшіе факты жизни мною сообщены, а широкая и полная его духовная жизнь вся въ его многочисленныхъ трудахъ и работахъ, включая сюда и академическія работы по обнародованію и редактированію сочиненій Екатерины II. Эти труды его были достаточно всесторонне освѣщены на

его полулѣтнемъ юбилеѣ въ 1903 году, въ цѣломъ рядѣ рѣчей, напечатанныхъ въ столь часто цитированномъ мною отискѣ изъ «Литературнаго Вѣстника», и въ изобилии напечатанныхъ о немъ статей въ нашихъ современныхъ изданіяхъ. Изъ числа послѣднихъ долженъ отмѣтить прекрасную статью Е. Ляцкого, напечатанную въ «Вѣстникѣ Самообразованія», 1903 г., № 27, гдѣ, въ сжатомъ изложеніи, приведена сущность общественныхъ взглядовъ нашего академика, хотя и примѣнительно только къ его «Исторіи литературы».

Литературная и научная дѣятельность Александра Николаевича получила свое развитіе при общемъ оживленіи русской жизни во второй половинѣ пятидесятихъ годовъ, и прервалась она тоже при окружающемъ общемъ оживленіи и напряженномъ ожиданіи лучшаго будущаго. И если этому будущему суждено осуществиться (а въ это нельзя не вѣрить!), то, озираясь на всѣхъ, кто такъ или иначе потрудился для этого будущаго, не забудемъ же съ особенною признательностью вспомнить и о томъ, кто, непрестанно живописывая въ своихъ ученыхъ трудахъ историческія судьбы русскаго народа, тѣмъ самымъ прокладывая пути къ его счастью и гражданскому и духовному благополучію. А. Н. Пыпинъ много потрудился въ этомъ направленіи, немало былъ приносимъ въ жертву мраку и застою, мужественно вынося удары судьбы. Такъ пусть же за все это на общемъ праздникѣ русскаго народа ему будетъ современниками провозглашена громкая «слава» и историческая «вѣчная память».

Б. Глинскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сочиненія И. Н. Жданова. Томъ первый. Изданіе отдѣленія
русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ.
Спб. 1904.

МЯ И. Н. Жданова, профессора русской литературы С. Петербургскаго университета и академика академіи наукъ, слишкомъ извѣстно для того, чтобы подробно припоминать читателямъ научныя заслуги покойнаго ученаго. Хорошо знавшій нашу старую и новую литературы, близко знакомый съ средневѣковой западной литературой, прошедшій систематическую духовную школу, наконецъ, любившій и понимавшій произведенія народнаго эпоса, Ждановъ въ теченіе 25 лѣтъ обогащалъ русскую науку цѣлымъ рядомъ трудовъ, которые долго не утратятъ своей научной цѣнности. Каждый изъ нихъ вызывалъ рецензіи; среди рецензентовъ были обыкновенно лучшіе специалисты по литературѣ стараго времени, и всѣ они отдавали должное трудолюбивому изслѣдователю. Они отмѣчали строгость его къ источникамъ, точность въ изданіи матеріаловъ, критичность метода, широкую постановку вопросовъ и осторожность выводовъ. Особенную заслугу Жданова они видѣли въ знакомствѣ его съ литературой западной. Это давало ему возможность доказывать западное происхожденіе иногда самыхъ популярныхъ памятниковъ нашей старой письменности, такихъ памятниковъ, которые до того времени считались русскими или, на худой конецъ, византійскими. Вполнѣ понятно, что такія разысканія сближали нашу литературу съ западной, свидѣтельствовали о ея жизненности и вводили древнерусскаго книжника въ область понятій, вкусовъ и идей богатыхъ западныхъ литературъ. Къ этому прибавимъ, что всѣ почти работы Жданова написаны доступно, а нѣкоторыя страницы съ увлеченіемъ, красиво, даже

художественно: видно, семинарская закваска отразилась на его работах въ положительномъ смыслѣ, и стремленіе къ вѣшней красотѣ строго-научнаго изслѣдованія стояло у автора не на послѣднемъ планѣ.

Такимъ образомъ, научные труды И. Н. Жданова получали широкое распространеніе, и мы не должны удивляться, что его докторская диссертация: «Русскій былевой эпосъ», была переиздана фирмой Л. Ф. Пантелѣева—фактъ, довольно рѣдкій для русскихъ диссертаций, рассчитанныхъ обыкновенно на узкій кругъ специалистовъ. Кромѣ того, доступностью отличались и лекціи покойнаго профессора, читанныя имъ въ университетѣ, историко-филологическомъ институтѣ, Александровскомъ лицѣ, на высшихъ женскихъ курсахъ и др. Лекціи литографировались, раскупались слушателями и теперь почти погибли для широкой публики. Вотъ почему мы можемъ привѣтствовать мысль небольшого кружка учениковъ и почитателей Жданова — увѣковѣчить память его изданіемъ полнаго собранія его сочиненій въ двухъ томахъ. Академія наукъ отнеслась съ готовностью къ этому плану, и недавно появился большой первый томъ въ 869 страницъ. Лица, близко знавшія покойнаго, говорятъ о его научной скромности, о нелюбви «печататься». Ждановъ долго вынашивалъ свои работы прежде, чѣмъ рѣшиться сдать ихъ въ типографію, былъ строгъ къ своимъ трудамъ, много разъ ихъ передѣлывалъ и оставлялъ въ рукописи все, что, по его мнѣнію, не вылежалось для опубликованія. Поэтому среди его бумагъ нашлось нѣсколько статей, не получившихъ окончательной обработки и суммировавшихъ только тѣ научные взгляды и основанныхъ только на томъ матеріалѣ, который собранъ былъ до извѣстнаго времени. Въ рассматриваемое собраніе вошли и эти статьи.

Конечно, на внесеніе въ собраніе сочиненій такихъ работъ, которыя пряталъ самъ авторъ, могутъ быть разные взгляды. Но мы думаемъ, что такая именно полнота въ данномъ случаѣ нисколько не увеличитъ славы покойнаго изслѣдователя; многія изъ статей будутъ имѣть значеніе только биографическое, а Ждановъ все-таки не такая величина, чтобы для всякаго были интересны ранніе опыты, напримѣръ, кандидатское сочиненіе: «Слово о законѣ и благодати и похвала кагану Владимиру» (1872), или составленные изъ магистрантскихъ отчетовъ «Сочиненія царя Ивана Васильевича», пробная лекція о «Словѣ Даниила Заточника» и т. д. Повторяемъ, мы держимся того взгляда, что уваженіе къ памяти учителя не всегда даетъ право печатать все то, на что самъ онъ смотрѣлъ, какъ на работы незрѣлыя. Вотъ единственное замѣчаніе, которое вызываетъ большая и прекрасная книга. Лучшими изъ остальныхъ сочиненій назовемъ слѣдующія: «Русская поэзія въ до-Монгольскую эпоху», «Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи», «Бесѣда трехъ святителей и Юса монашескаго», «Повѣсть о королевичѣ Валтасарѣ и былины о Самсонѣ-Святогорѣ». Кромѣ нихъ, въ первый томъ вошли цѣнные «Материалы для исторіи стоглаваго собора», «Церковно-земскій соборъ 1551 года», «Литература Слова о полку Игоревѣ», «Палея», «Рѣчь по поводу празднованія тысячелѣтія со дня смерти славянскаго первоучителя Меѳодія», «Рѣчь передъ диспутомъ на степень доктора русской словесности» («Русскій былевой эпосъ», 1895 г.) и «Греческія стихотворенія въ славянскихъ переводахъ». Каждая изъ

статей даетъ массу новаго и прочтется съ интересомъ не только специалистами. Смѣло можемъ рекомендовать книгу всѣмъ, кто интересуется родной литературой.

А. Я.

В. С. Сопиковъ. Опытъ россійской библиографіи. Редакція, примѣчанія, дополненія и указатель В. Н. Рогожина. Части I и II. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1904.

Наша библиографическая литература бѣдна, и жалобы на это сдѣлались шаблономъ. Среди ученыхъ находится немного лицъ, которыя могутъ посвятить ей, если не весь, то, по крайней мѣрѣ, большую часть своего досуга, а читателей и покупателей книгъ по библиографіи—и того меньше. Впрочемъ, это такъ естественно. Ничто не отнимаетъ такъ много времени, какъ составленіе книгъ справочнаго характера. Изданіе такихъ книгъ приноситъ предпринимателямъ одни убытки, а покупать такія книги для однихъ справокъ станетъ далеко не всякій. Вотъ чѣмъ объясняется неувыдаемость славы и бессмертіе научныхъ заслугъ такихъ подвижниковъ своего дѣла, каковымъ былъ Сопиковъ, и его книга, несмотря на всю неполноту, нѣкоторыя ошибки и неточности, до сихъ поръ составляетъ альфу и омегу русской научной библиографіи.

Первое изданіе «Опыта» начало выходить съ 1813 года. Съ тѣхъ поръ библиографамъ стали извѣстны многія изданія XVIII вѣка, не отмѣченныя у Сопикова, самыя пріемы работы получили иное направленіе, потребовалась документальная точность, бѣльшая строгость въ распредѣленіи матеріала, появились попытки объяснять заглавія книгъ, сопоставлять ихъ, раскрывать инициалы и псевдонимы и т. п., и все-таки пятитомный «старикъ Сопиковъ», какъ называютъ его библиофилы, остался единственнымъ источникомъ, откуда черпаютъ свѣдѣнія историкъ и литераторъ, публицистъ и любитель книжнаго спорта. Вотъ тѣ соображенія, которыя заставили выпустить второе изданіе «Опыта», сохранивъ за нимъ неприкосновенную роль оригинала и исправивъ самое существенное. Конечно, мы могли бы совсѣмъ не упоминать о томъ, что первое изданіе книги Сопикова попадаетъ въ продажѣ рѣдко, стоитъ дорого, а экземпляры съ такъ называемой «Радищевской» страницей, т.-е. съ заглавіемъ запрещеннаго и уничтоженнаго «Путешествія» «рабства врага», XVIII вѣка, насчитываются единицами.

Въ своемъ предисловіи Сопиковъ говорилъ, что его «Опытъ» имѣетъ скромную цѣль — «способствовать ученымъ нашимъ литераторамъ къ сочиненію полной и совершенной библиографіи». Прошло безъ малаго сто лѣтъ, деизидерата Сопикова до сихъ поръ не осуществились, и второе изданіе его книги, можетъ быть, вызоветъ такой именно трудъ, о которомъ мечталъ авторъ «Опыта». Для редактированія второго изданія приглашенъ В. Н. Рогожинъ, большой специалистъ по части библиографіи, человекъ, любящій и понимающій «книгу». Прежде всего мы должны отмѣтить его разумное и нѣсколько даже благоговѣйное отношеніе къ труду патріарха русской библиографіи. Текстъ Сопикова перепечатывается безъ измѣненій, даже орфографія оставлена старая,

не тронуты ни общій планъ изданія, ни распредѣленіе отдѣловъ. Выброшены лишь тѣ выписки изъ старопечатныхъ книгъ, которыя представляли цѣнность во времена Соניкова, а теперь — почти никакой. Въ то же время редактору принадлежит огромный трудъ по провѣркѣ заглавій массы книгъ XVIII вѣка; если нельзя было видѣть подлинное изданіе, то приходилось обращаться къ другимъ каталогамъ, научнымъ или изданнымъ съ практическими цѣлями: во всякомъ случаѣ, безъ провѣрки не оставлялось ни одно заглавіе книги. Въ результатъ оказались важныя исправленія, объяснились нѣкоторыя ошибки и противорѣчія въ старомъ изданіи. Кроме того, В. Н. Рогожинъ называетъ фамиліи авторовъ такихъ книгъ, которыя у Соникова оказывались анонимными. А для того, чтобы показать, что именно принадлежитъ первому изданію, и что составляетъ трудъ редактора, — всѣ такія поправки и дополненія напечатаны не въ текстѣ, а въ примѣчаніяхъ. Такимъ образомъ, предъ читателемъ проходитъ «нетронутый Сониковъ», иначе говоря, переизданіе перваго изданія вполне по всѣмъ научнымъ правиламъ.

Очень характерно предисловіе Соникова къ первой части, написанное не самимъ библиографомъ, а митр. Евгеніемъ Болховитиновымъ. По заявленію автора, оно должно служить «введеніемъ въ сію науку (т.-е. библиографію), совершенно новую въ Россіи, съ исторіею о началѣ и успѣхахъ книгопечатанія, какъ въ Европѣ вообще, такъ и особенно въ Россіи, съ примѣчаніями о древнихъ рѣдкихъ книгахъ и ихъ изданіяхъ и съ краткими изъ оныхъ выписками». И замѣчательно, что все предисловіе отъ начала и до конца не утратило своей цѣнности и въ наше время. Проникнутое любовью къ книгѣ, какъ силѣ культурной, оно рисуетъ образъ самого библиографа самыми симпатичными чертами. Какія интересныя объясненія даны имъ словамъ: «библиографъ», «библиофилъ», «библіотафъ» и «библіоманъ!» Какъ возмущается онъ «зарывателями книги», которые собираютъ книги лишь для того, чтобы скрывать ихъ и не давать другимъ ими пользоваться! «Сіи чудачи, — говоритъ онъ дальше, — въ разсужденіи книгъ суть то же, что скупые въ разсужденіи денегъ. На ихъ сокровище нельзя взглянуть, не оскорбляя ихъ. Къ несчастію наукъ, библіотафы вездѣ нерѣдки. Они причиняютъ величайшій вредъ людямъ, упражняющимся въ наукахъ, которые не въ состояніи имѣть такихъ рѣдкостей, и кои бы у нихъ могли найти великія пособія. Въ лѣтописяхъ народнаго просвѣщенія имена ихъ воспоминались бы вмѣстѣ съ пожарами, наводненіями и нашествіемъ варваровъ, если бы общій судъ людей просвѣщенныхъ и благомыслящихъ не предавалъ ихъ вѣчному забвенію». Кажется, что авторъ писалъ съ натуры, что эти типы вѣчны, живутъ среди насъ и «зарываютъ» книги. На ряду съ этими размышленіями онъ объясняетъ качества библиографа, какъ служителя науки, и заканчиваетъ отрывокъ словами: «таковъ долженъ быть истинный библиографъ!»

Эти слова какъ нельзя лучше примѣнимы къ самому Соникову, лучшимъ памятникомъ которому служить интересное и доступное изданіе его монументальнаго труда. Оно набирается мелкимъ шрифтомъ, печатается въ два столбца и въ общемъ составитъ одинъ томъ, удобный для справокъ и чтенія, не обременяющій частной библіотеки.

А. И. Яцмировскій.

Русскія повѣсти XVII—XVIII вв. Подъ редакціей и съ предисловіемъ В. В. Сиповскаго. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1905.

Въ изслѣдованіяхъ по исторіи русской литературы нѣсколько разъ затрагивался вопросъ о началѣ русской беллетристики, при чемъ мнѣнія ученыхъ оказывались далеко не одинаковыми. Наиболѣе распространеннымъ является то, по которому «отцомъ русскаго романа» считается Карамзинъ, а болѣе вѣрнымъ—тѣ пока неясныя данныя, которыя позволяютъ возводить это «начало» къ болѣе древнему времени, къ тѣмъ элементамъ греческаго христіанскаго романа, которые извѣстны были у насъ и на западѣ въ видѣ религиозныхъ легендъ, житій, апокрифовъ, сказаній, чудесъ и т. д. На ряду съ переводами и подражаніями у насъ существовали и самостоятельныя литературныя произведенія, приуроченныя къ русской дѣйствительности, иногда окрашенныя яркими чертами національности, эпохи и среды; отпечатокъ личности автора—явленіе сравнительно позднее и случайное. Поэтому вполне интереснымъ и своевременнымъ является тотъ матеріалъ, который мы находимъ въ новомъ изданіи русскихъ повѣстей XVII—XVIII вв., гдѣ изслѣдователь и читатель найдетъ кое-что извѣстное и раньше, наиримѣръ, «Повѣсть о Горѣ и Злосчасти», «Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ», «Исторію о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ», «Гисторію о россійскомъ матросѣ Василии Коріотскомъ» и «Сказку о хозяинѣ и работникѣ», а также цѣлый рядъ литературныхъ произведеній стараго времени, цѣликомъ напечатанныхъ впервые: «Гисторію королевича Архилабона», «Гисторію о Ярополѣ цесаревичѣ», «Исторію о россійскомъ куцѣ Іоаннѣ и о прекрасной дѣвицѣ Елеонорѣ», «Чудо Богородицы о царевнѣ Персикѣ, дочери царя Михаила Болгарскаго», «Повѣсть бывшаго посольства въ Португальской земли», «Сказку о царѣ Василии Константиновичѣ» и «Сказаніе о трехъ царей: о Аркадіи и о царѣ Несмѣянѣ Гордомъ и о царѣ Борзосмыслѣ Дмитревичѣ». Конечно, не всѣ повѣсти вполне оригинальны: однѣ изъ нихъ выдають своимъ языкомъ польскіе или нѣмецкіе оригиналы, наиримѣръ, «Исторія бывшаго посольства въ Португальской земли», другія имѣютъ слишкомъ мало русскаго, наиримѣръ, «Архилабонъ» съ глаголами на концѣ предложій, съ отсутствіемъ руссификаціи и дикими именами, и навѣрное для нихъ отыщутся оригиналы. Но это не важно, и въ своемъ предисловіи В. В. Сиповскій не всегда настаиваетъ на чисто русскомъ происхожденіи той или иной повѣсти. Остановимся подробнѣе на двухъ произведеніяхъ.

Украшеніемъ сборника надо признать отрывокъ романа въ стихахъ, талантливую и яркую картину неудачной любви одной дѣвицы. Героиня повѣсти отличается сильной индивидуальностью и не желаетъ уложить свое чувство въ тяжелыя рамки благочестиваго по внѣшности «домостроя». Она не покоряется волѣ отца и съ необыкновеннымъ искусствомъ прибѣгаетъ къ всевозможнымъ уловкамъ, чтобы завоевать хотя бы обманомъ личное счастье своей утомленной душѣ. Это—прототипъ Екатерины изъ «Грозы». Отрывокъ начинается разговоромъ о преслѣдованіяхъ «любезнаго» со стороны самодура-отца дѣвицы. Онъ спускаетъ съ цѣней собакъ, но собаки оказались добрѣ его и не разлучали влюбленныхъ. Онъ приготавливаетъ конья, но во время отсутствія

отца дѣвица бросаетъ ихъ, перегрызаетъ зубами, прокликаетъ отца, желаетъ ему смерти. Онъ перехватываетъ любовныя письма, бьетъ дочь, «за косу меня младу о полъ ударяетъ, о письмѣ меня вопрошаетъ», но дѣвица отказывается отъ письма, такъ какъ, говорить, «и читать не умѣю, и писать не обучена». Затѣмъ начинаютъ новыя преслѣдованія любви: отецъ моритъ дочь и жену голодомъ, оскорбляетъ ихъ, изъ скупости не нанимаетъ въ домъ работницы, но и это не угомонило мягущейся и сильной натуры. Она посылала любезному вѣсточку, клала въ письмо свои волосы, остерегала его не ходить по одной улицѣ, гдѣ ожидаютъ враги. Она рвала яблоки, сама ихъ надкусывала, «знакъ любви отдавала, гостинцы посылала». Отецъ призывалъ свахъ, приводилъ жениха, но дѣвица смотрѣла на него, «аки на пса». Вотъ пришелъ и дѣвичникъ, посадили ее за столъ съ немилымъ женихомъ, но она съ отвращеніемъ относилась ко всѣмъ приготовленіямъ для свадьбы: «со отцомъ, со свахою чепцы покупали, не по моей волѣ поступали: что имъ потребно, то мнѣ не годно». Проходя «крашеннымъ рядомъ», она повстрѣчалась съ любезнымъ, отпустила сваху и объявила ему о своей судьбѣ. Онъ въ печали: «съ горестныхъ словъ на себѣ волосы терзаетъ, горестныя слова причитаетъ. Горестно разставались, слезами обливались». Дѣвица скрываетъ свою тоску и только въ чуланѣ тихо плачетъ, перечитывая письма милаго: «по нуждѣ меня съ любезнымъ отецъ разлучалъ, аки бѣлую голубицу разлучаетъ кокошь отъ голубя». Она утѣшаетъ себя только тѣмъ, что «спросить Богъ не тѣхъ, кто чинитъ невольной свой грѣхъ: лучше скудно жити, а съ мужемъ въ любви жити, нежели за богатымъ, да неправнымъ». Когда ее везли къ вѣнчанію, изъ очей ея слезы текли. Спрашиваетъ ее попъ: «волею ли и не усилованіемъ?» Она боится сказать правду: «уста мои отъ горести кровь запекаетъ». Во время вѣнчанія здѣсь же стоялъ и ея любезный, онъ «слезами себя обливаетъ, власы на себѣ терзаетъ, письма моей руки друзьямъ объявляетъ, совѣта прошаетъ». Онъ думаетъ показать письма попу, но «друзья его унимали, отцово смертное сокрушеніе объявляли». Необыкновенно грустными нотами звучитъ подробная исповѣдь дѣвицы о томъ невольномъ обманѣ, къ которому ей пришлось прибѣгнуть въ силу жестокаго ритуала старинной русской свадьбы, чтобы скрыть слѣды прежней любви... Но и послѣ свадьбы дѣвица не забыла любезнаго: «вѣдаетъ любезной, что поневолѣ съ нимъ разсталась, и отъ любви моей сердце по немъ истосковалось». Она посылаетъ ему ленточки, цѣлуетъ ихъ, къ сердцу прижимаетъ, а любезный ихъ «на сердцѣ своемъ полагаетъ». Далѣе описываются ихъ тайныя свиданія, ревность мужа и сплетни сосѣдки, «псовки окаяной, неусидливой насѣдки». Повѣсть оканчивается размышленіями на религіозныя темы. По силѣ и непосредственности она стоитъ одиноко и, несомнѣнно, написана женщиной; это мы видимъ изъ одной фонетической черты—мягкаго произношенія звука «л».

Остановимся еще на другой повѣсти—«Чудѣ пресвятыя Богородицы о царевнѣ Персикѣ, дщери царя Михаила Болгарскаго». Это—длинный и задушевный рассказъ о болгарской Женевевѣ, рассказъ съ религіозной тенденціей и съ чертами простонародной сказки въ литературной обработкѣ. Въ счастливыя времена для болгарской державы въ ней царствовалъ Михаилъ,

«царь зѣло преславенъ» и «лицомъ зѣло прекрасный». Когда онъ пришелъ въ совершенный возрастъ, министры рѣшили женить Михаила и стали «со всякимъ тщаніемъ» подыскивать ему невѣсту, равную ему и «въ добродѣтельныхъ обхожденіяхъ», и по красотѣ. Въ одномъ городѣ они нашли княжескую дочь Александру, заказали нарисовать ея «персону», послали своему царю, и вскорѣ Михаилъ женился на красавицѣ. Черезъ годъ родилась у нихъ дочь Персика. На шестомъ году мать стала обучать Персику книгамъ божественнаго писанія и «любомудрію вѣшнему», но когда дѣвочкѣ исполнилось 13 лѣтъ, Александра скончалась и передъ смертью поучала дочь «со многими слезами», завѣщая молиться «великой Матери и всецѣдой Заступницѣ». Михаилъ она просила заботиться о сиротѣ, потому что мачеха станеть презирать ее. Съ молитвой на устахъ умерла царица, оставивъ неутѣшный плачь дочери, мужу и всѣмъ гражданамъ.

Вскорѣ министры стали совѣтовать Михаилу вступить во второй бракъ, потому что «потемнѣло ихъ царство» со смертью Александры. Царь долго не рѣшался «забвеніемъ покрыти любезную его жену-царицу», но въ государственныхъ видахъ приказалъ министрамъ отыскать подобную по красотѣ бывшей царицѣ. Въ концѣ концовъ отыскали они «въ нѣкоемъ государствѣ африкійскихъ странъ» великую княжну Люцію. Царю понравился ея портретъ, и второй бракъ заключенъ былъ съ веселіемъ. Но лишь только увидала Люція Персику, какъ дьяволъ вложилъ въ ея сердце ненависть къ падчерицѣ. Ревность и зависть свѣдали царицу, словно ехидна. Какъ змѣя скрываетъ свой ядъ, такъ и Люція скрывала ненависть къ «незлюбивой агницѣ» Персикѣ, которая во всемъ повиновалась второй матери. Однажды Михаилъ отправился на войну вмѣстѣ съ сосѣднимъ нафлагонскимъ царемъ Киромъ, и это дало мачехѣ удобный моментъ, чтобы извести Персику. Она пишетъ царю «лжесоставныя грамоты на царевну, акибы она ей ни въ чемъ не повинуется и якобы въ дома блудническіе ходитъ и тамо многіе дни и ноци проваждаетъ», Повѣрилъ царь клеветѣ и «женской лести» и велѣлъ царицѣ строго смотрѣть за Люціей. Но этимъ она не удовлетворилась. Призвала она своего «сквернаго любодѣя», приказала отвести Персику въ незнаемыя мѣста и отсѣчь ей руки, а сама явилась къ падчерицѣ и сказала: «Что здѣ, любезнѣйшая дщи моя, аки птица, въ заключеніи сидиши и никамо отъ чертоговъ своихъ не исходиши? Изыди нынѣ со мною на мѣсто прекрасное, и тамо едины прохладимся». Персика повѣрила «потаенной змѣѣ», сѣла въ карету, и царицынъ наложникъ погналъ лошадей. Когда царевна замѣтила опасность, было поздно. У границы Пафлагонской земли оставили ее съ руками, обрѣзанными по локти, и безъ чувствъ.

Въ это время въ лѣсу охотился нафлагонскій царевичъ Евгеній, недавно вернувшійся изъ Рима, гдѣ обучался «всякому свободному ученію». Собаки его нашли мертвенную Персику, подняли лай, и сказалъ королевичъ дворецкому: «Иди и вижди, что тамъ есть? Аще ли звѣрь, то убьемъ и насытимся». Увидалъ дворецкій обгаженную красавицу въ золотомъ одѣяніи, позвалъ королевича, который рѣшилъ, что дѣвица не изъ простыхъ, и сталъ приводить ее въ чувство. Персика посмотрѣла на спасителя, и тотчасъ онъ «уязвился сердечною любовью къ ней». Тѣмъ временемъ дворецкій съѣздилъ

въ городѣ, привезъ карету, царевна была помѣщена во дворцѣ, а искусные врачи вылѣчили ее. Мать Евгенія, Гликерія, стала разспрашивать Персику, кто она, но та отвѣчала, что во время лютой болѣзни лишилась памяти и не знаетъ, что съ ней случилось. Всѣ во дворцѣ полюбили умную и кроткую царевну, а королевичъ только и думалъ о красавицѣ. Въ концѣ концовъ родители дали согласіе на его бракъ съ царевной, хотя и немало смущались ея физическимъ недостаткомъ.

Затѣмъ мѣсто дѣйствія переносится снова въ Болгарію. Царь Михаилъ пригласилъ къ себѣ своего друга Кира съ сыномъ, испытывалъ королевича въ ученіи и такъ полюбилъ его, что всенародно объявилъ своимъ наслѣдникомъ. Онъ жалѣлъ только, что нѣтъ у него дочери, чтобы женить на ней Евгенія. Въ это время изъ Пафлагоніи получилось извѣстіе, что у молодой королевы родились два сына. Коварная Люція «распалися похотію плотскою» на Евгенія и рѣшила известить его жену, въ которой узнала падчерицу. Для этого она подмѣнила письма къ Гликеріи. Отъ лица Кира и Евгенія она приказывала немедленно умертвить Персику. Гликерія не узнала обмана, долго горевала, но не могла послушаться приказа. Тотъ самый дворецкій, который нашелъ Персику въ лѣсу, даетъ совѣтъ отвезти ее вмѣстѣ съ «незлюбивыми птенцами» на то же самое мѣсто, оставивъ ей немного хлѣба и воды. Кроткая Персика не противилась и только молилась о дѣтяхъ. Во время молитвы ей явилась Богородица, держа отсѣченныя руки, и исцѣлила царевну, которая стала собирать «зеліе пустынное» и питалась имъ. По пріѣздѣ Евгенія домой, коварство Люціи обнаружилось. Онъ спѣшитъ въ лѣсъ, находитъ жену и дѣтей здоровыми, припадаетъ къ ея ногамъ, проситъ прощенія. Персика открываетъ свое имя и рассказываетъ о козняхъ мачехи. Торжественно въѣзжаетъ счастливая семья въ столицу, ихъ встрѣчаютъ радостные граждане. Трогательная сцена происходитъ во дворцѣ старика Михаила, который пригласилъ къ себѣ нареченнаго сына съ семьей. Узнавъ о судьбѣ дочери, онъ приказалъ коварному слугѣ принести руки, отрѣзанныя у Персики, и затѣмъ призвалъ Люцію. Когда она услышала весь рассказъ, то «бысть аки мертва». Ее привязали къ хвосту коня и погнали его по улицамъ города. Евгеній получилъ Болгарское царство и утѣшалъ престарѣлаго отца.

Таково содержаніе интересной повѣсти, для которой пока не отысканъ ни оригиналъ, ни источники. Какъ ни странно, но нѣкоторыя соображенія даютъ намъ право сблизать ее съ одной болгарской сказкой, напечатанной въ XII томѣ «Сборника» болгарскаго министерства народнаго просвѣщенія» (Софія, 1895, стр. 171—177). Называется она «Марія, царската дъщеря съ отсѣчени рѣцѣ» и даетъ такую массу одинаковыхъ эпизодовъ, положеній и характеристикъ съ русскимъ «чудомъ», что будущимъ изслѣдователямъ придется привлечь для сравненія и болгарскій вариантъ распространенныхъ сказаній о Женовѣвѣ. Кромѣ того, схожій рассказъ находимъ въ «Звѣздѣ Пресвѣтлой».

А. И. Яцимирскій.

Щукинскій сборникъ. Выпускъ третій. М. 1904.

Третій выпускъ Щукинскаго сборника, по обыкновенію, заключаетъ въ себѣ самый разнообразный матеріалъ. Въ сущности, г. Щукинъ не любитель исторіи, а любитель старой, писанной бумаги. Онъ прибрѣтаетъ и затѣмъ печатаетъ въ своихъ сборникахъ все, что ему попадетъ подъ руку, безъ всякихъ объясненій, примѣчаній и даже безъ указателей, что дѣлаетъ крайне затруднительнымъ пользованіе этой грудой сырья. Здѣсь рядомъ съ «Отношеніемъ московскаго коменданта Веревенника 1822 года» помѣщается «Жалованная вотчинная грамота 1610 года», вслѣдъ за «Письмомъ Грибоѣдова къ матери Кюхельбекера» — «Вкладная запись въ концѣ толковаго четвероевангелія 1612 года» и т. д. Попадаетъ г. Щукину письмо герцогини курляндской, Анны Ивановны, начинающееся словами «Петръ Михайловичъ», онъ такъ и печатаетъ его безъ указанія, къ кому оно писано, очевидно, не зная, что Петромъ Михайловичемъ звали Бестужева, фаворита и управляющаго дворомъ герцогини. Попадаетъ ему «Отрывокъ изъ письма отъ 30-го октября 1836 года», гдѣ очевидецъ довольно подробно описываетъ столкновеніе иркутскаго архіерея Иринея съ «Александромъ Степановичемъ», и г. Щукинъ вездѣ оставляетъ Александра Степановича безъ поясненія, что это былъ сибирскій генералъ-губернаторъ Лавинскій, и т. п. «Указъ изъ вологодской консисторіи 1781 г. о привитіи оспы великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ» помѣщается какъ бы новый документъ, а между тѣмъ указы эти были напечатаны въ большомъ количествѣ экземпляровъ и разсылались изъ синода во всѣ епархіи, а отсюда во всѣ монастыри, соборы и церкви. «Описаніе пребыванія Николая I въ Ярославлѣ въ 1834 году» напечатано раньше въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1834 г., №№ 40 и 41. Рукопись о ростовскомъ митрополитѣ Арсеніи Мацѣевичѣ также была напечатана и при томъ неоднократно въ мѣстныхъ ярославскихъ изданіяхъ и въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей русскіихъ» (1862 г., кн. 2-я), при чемъ здѣсь она снабжена предисловіемъ и цѣнными примѣчаніями графа М. В. Толстого. Несмотря на такой первобытный способъ изданія документовъ, г. Щукинъ оказываетъ занимающимся русскою исторіей большую услугу своими сборниками, въ которыхъ встрѣчаются любопытныя, а иногда и весьма важныя, матеріалы. Изъ нихъ укажемъ въ третьемъ выпускѣ на собственноручныя записки извѣстнаго академика живописи Ступина, основателя первой въ Россіи частной рисовальной школы; на дневники и письма адъютанта графа Закревскаго-Муханова; на письма и записки Александра Яковлевича Булгакова къ Макиеровскому; на записки отставнаго генералъ-майора Мосолова, рисующія военный бытъ екатерининскаго и павловскаго времени; на письма къ женѣ адъютанта великаго князя Константина Павловича, Давилова. С. Ш.

Столѣтіе военнаго министерства. 1802—1902. Императорская главная квартира. Исторія государевой свиты. Восемнадцатый вѣкъ. Главный редакторъ Д. А. Скалонъ. Составилъ полковникъ В. В. Квадри. Спб. 1902.

Книга г. Квадри не вполне отвѣчаетъ своему заглавію. Желая уяснить избранную имъ тему—происхождение и исторію развитія императорской главной квартиры, съ большою яркостью, г. Квадри посвящаетъ первую главу своего труда «государевымъ ближнимъ слугамъ великихъ князей и царей московскихъ» и лишь затѣмъ излагаетъ развитіе учрежденія государевой свиты, начиная съ царствованія Петра Великаго и кончая царствованіемъ императора Павла I. Специальныя задачи труда г. Квадри имѣютъ значеніе и для общей русской исторіи, потому что лица государевой свиты, какъ лица, облеченныя особымъ довѣріемъ самодержца и бывшія ближайшими его слугами, часто вліяли существеннымъ образомъ на ходъ государственныхъ дѣлъ даже при Петрѣ и его ближайшихъ преемникахъ, когда государева свита, какъ учрежденіе, не получила еще стройной организаціи. Тѣмъ съ большими подробностями останавливается авторъ на царствованіи императора Павла, когда учреждена была военно-походная его величества канцелярія, первообразъ императорской главной квартиры, такъ какъ императоръ пожелалъ быть фактически верховнымъ начальникомъ арміи и лично руководить преобразованіями въ ней; тогда же генераль и флигель-адъютанты получили болѣе точное опредѣленіе своихъ правъ и обязанностей, какъ личныхъ адъютантовъ государя. Не довольствуясь подробнымъ и яснымъ изложеніемъ развитія государевой свиты, какъ учрежденія, авторъ приложилъ много труда и усилій, чтобы установить, путемъ усидчиваго изученія архивныхъ документовъ, личный составъ государевой свиты за описываемое время и связь военно-походной канцеляріи императора Павла съ современнымъ ему положеніемъ русской арміи. вполне оцѣнить эту сторону «Исторіи императорской главной квартиры» могутъ только тѣ, кто по собственному горькому опыту знаетъ хаотическое состояніе нашихъ военныхъ архивовъ. О многихъ лицахъ, игравшихъ важную роль въ царствованіи Павла I, мы впервые изъ труда г. Квадри получаемъ цѣнныя біографическія данныя; точно также нѣкоторыя распоряженія императора по военной части, вызывавшія осужденіе современниковъ и потомства, лишь теперь получаютъ правильное освѣщеніе на основаніи добытыхъ г. Квадри архивныхъ документовъ. Книга иллюстрирована массой портретовъ и рисунковъ, изъ которыхъ многіе, особенно за Павловское время, впервые появляются въ печати, и снабжена алфавитнымъ указателемъ. Къ труду своему г. Квадри приложилъ обширныя выписки изъ архивныхъ матеріаловъ и діаграмму численнаго состава государевой свиты въ XVIII вѣкѣ. Евгеній Шумигорскій.

Э. Пименова. Политическіе вожди современной Англійи и Ирландіи. Спб. 1904.

Лѣтъ 10—15 тому назадъ читатель, интересовавшійся исторіей западно-европейскихъ государствъ въ XIX вѣкѣ, не смѣлъ въ своемъ распоряженіи ничего, кромѣ послѣднихъ томовъ многотомной исторіи Вебера, отличавшейся

большой сухостью изложения и узко-национальной точкой зрѣнія. Съ тѣхъ поръ нашъ книжный рынокъ обогатился цѣлымъ рядомъ и переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій, какъ по исторіи всей Западной Европы, такъ и по исторіи ея отдѣльныхъ странъ. Если при этомъ львиная доля сочиненій падала на особенно популярную у насъ исторію Франціи, то Англіи какъ разъ у насъ не повезло. Полвая и краткая «Исторія англійскаго народа» Грина да небольшая «Исторія современной Англіи» Гиббинса популярны, но очень по-поверхностны, вотъ въ сущности все, что можно было указать въ этой области, если не считать отдѣльныхъ статей, разсѣянныхъ по различнымъ сборникамъ и періодическимъ изданіямъ. Поэтому нельзя не привѣтствовать появленія книги г-жи Пименовой, до нѣкоторой степени заповняющей этотъ пробѣлъ. Книга посвящена біографіямъ и характеристикамъ десяти наиболѣе видныхъ политическихъ дѣятелей Англіи и Ирландіи второй половины XIX вѣка. Авторъ отнесся къ своей задачѣ безпристрастно и, выбирая своихъ героевъ, старался дать портреты дѣятелей самыхъ разнообразныхъ направленій англійской политической жизни. Читатель найдетъ въ книгѣ г-жи Пименовой и представителей имперіализма—Дизраэли, Чемберлена и Сесила Родса, и либераловъ—Гладстона, Морлея и Розберри, и знаменитыхъ ирландцевъ Парнелля и Редмонда, и наконецъ радикаловъ—Лабушера и Бёрнса. Авторъ хорошо знаетъ матеріалъ, надъ которымъ оперируетъ, пишетъ живымъ и увлекательнымъ языкомъ, благодаря чему книга читается съ большимъ интересомъ. Едва ли не лучший очеркъ посвященъ Сесилу Родсу. Несмотря на несочувствіе автора идеѣ имперіализма, портретъ «Капскаго Наполеона» ему вполне удался. Авторъ сумѣлъ передать своеобразное величіе этого героя имперіализма, подчеркнуть его безкорыстіе и преданность идеѣ. Не менѣе удачнымъ вышелъ очеркъ, посвященный личности, обладавшей такой же изумительной силой воли,—Парнеллю. Его удивительная энергія, умѣніе повелѣвать людьми и обстоятельствами, глубокая преданность пострадавшей Ирландіи изображены г-жей Пименовой ярко и картинно. Особенно интересны сцены парламентской обструкціи, такъ ярко отражающія всѣ разносторонніе таланты Парнелля. Хорошъ и очеркъ, посвященный Гладстону. Авторъ подчеркиваетъ двѣ основныя черты характера «великаго старца»—идеализмъ и подкупающую искренность, и читателю дѣлается вполне понятной та сложная эволюція, которая превратила Гладстона изъ убѣжденнаго тори въ демократа и гомрулера. Недурны характеристики Виконсфильда, Чемберлена и Бёрнса, хотя мѣстами не мѣшало бы включить нѣсколько больше данныхъ, касающихся какъ ихъ частной, такъ и общественной среды, въ которой имъ приходилось дѣйствовать. Менѣе удалась г-жѣ Пименовой очерки, посвященные Морлею, Розберри, Редмонду и Лабушеру. Они слишкомъ коротки и блѣдны и оставляютъ впечатлѣніе неясное. Вообще, намъ кажется, авторъ сдѣлалъ нѣкоторый промахъ, слишкомъ урѣзавъ біографическія данныя своихъ героевъ и сосредоточивая свое вниманіе исключительно на характеристикѣ ихъ личности и политической дѣятельности. Въ большинствѣ случаевъ авторъ даетъ очень мало данныхъ о происхожденіи и воспитаніи своихъ героевъ, о средѣ, въ которой сложились ихъ характеры, о вліяніи на нихъ тѣхъ или иныхъ личностей или со-

бытій, не сообщает даже времени ихъ рожденія и смерти и т. д. Также мало вниманія обращаетъ г-жа Пименова на всякую другую дѣятельность своихъ героев, кромѣ политической. Если о Виконсфильдѣ и сказано вскользь, что онъ былъ романистомъ, а о Гладстонѣ—что онъ былъ ученымъ богословомъ и филологомъ, то зато едва ли кто нибудь догадается, прочитавъ біографію Морлея, что онъ извѣстный историкъ и авторъ очень распространенныхъ сочиненій о французскихъ философахъ XVIII вѣка. Въ результатѣ характеристики оказываются нѣсколько односторонни. Другой недостатокъ книги г-жи Пименовой нѣкоторая нервность и торопливость изложенія. Благодаря этому, у автора есть повторенія и пропуски. Странная транскрипція англійскихъ именъ (Гаркуръ вмѣсто Гаркортъ, Руссельъ вмѣсто Россель), встрѣчаются неловкія выраженія, въ родѣ «реакціонерное движеніе» (стр. 10), «принудительные законы» (стр. 12), «тюремный капканъ» (стр. 276), или забавные промахи. На стр. 129 приведенъ отрывокъ изъ рѣчи Гладстона: «Вы приняли меня, какъ Дидонъ принялъ потерѣвшаго крушеніе Энея». Какъ видите, Дидона сдѣлалась мужчиною! Но подобные недостатки не мѣшаютъ отдавать должное крупнымъ достоинствамъ книги и рекомендовать ее всѣмъ, интересующимся новѣйшей исторіей Англій. Къ книгѣ приложено 10 портретовъ, исполненныхъ вполне удовлетворительно.

V.

Н. Рожковъ. Учебникъ всеобщей исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Спб. 1904.

Г. Рожковъ поставилъ себѣ совершенно неосуществимую задачу. На 134 страницахъ своего учебника онъ хочетъ изложить и важнѣшія событія всемірной исторіи отъ времени первобытной культуры до нашихъ дней и познакомить вмѣстѣ съ тѣмъ съ общимъ ходомъ развитія всего человѣчества. Естественнымъ результатомъ невозможности выполнить такую задачу являются постоянные пробѣлы. Въ учебникѣ мы не находимъ очень многихъ событій и явленій, весьма важныхъ по своему значенію, безъ которыхъ совершенно непонятнымъ становится самый историческій процессъ. Такъ авторъ не касается первобытной культуры, изъ народовъ Востока не говоритъ о евреяхъ, финикіянахъ и индусахъ, не указываетъ вліянія народовъ Востока на Грецію, пропускаетъ исторію возвышенія Фивъ, не говоритъ объ образованіи во II в. до Р. Х. въ Римѣ новой знати—нобилитета, и о борьбѣ аристократической и демократической партій, объ аграрномъ строѣ императорскаго Рима, о романизации. Въ средней исторіи нѣтъ ни слова о средневѣковомъ монашествѣ, о феодализациі церкви, о словной монархіи. Какъ въ средневѣковой, такъ и въ новой исторіи явленія, имѣющія общеевропейское значеніе, характеризуются только, какъ мѣстныя. Такъ, на примѣръ, о возвышеніи городовъ говорится только во Франціи, не сказано о политическомъ значеніи реформации, не упомянуто о стремленіи къ всемірной монархіи Карла V и Людовика XIV, «старый порядокъ» охарактеризованъ только во Франціи, не говорится о внутреннихъ перемѣнахъ въ государствахъ Европы подъ вліяніемъ французской революціи и имперіи Наполеона, объ освобожденіи крестьянъ въ Германіи и т. д.

Благодаря этому, впечатлѣніе отъ изложенныхъ г. Рожковымъ событій становится одностороннимъ и крайне неполнымъ, и какъ разъ нельзя заключить о единствѣ всего историческаго процесса, т.-е. о той цѣли, къ которой стремился авторъ, судя по его предисловію. Благодаря той же вынужденной краткости, авторъ часто принужденъ оставлять нѣкоторыя событія безъ объясненія ихъ причинъ или безъ вывода изъ нихъ слѣдствій (см., на примѣръ, изложеніе крестовыхъ походовъ — стр. 60, или революцію въ Англіи — стр. 94 и 95). Отчасти можетъ быть, тою же краткостью объясняется странная иногда послѣдовательность событій у автора: Германія въ XVIII в. у него излагается раньше Франціи XVII и XVIII вв. и исторія Фридриха II и Иосифа II предшествуютъ исторіи Людовика XIV (стр. 99—100 и 102—103). Въ исторіи XIX в. исторія Англіи вплоть до нашихъ дней рассказывается раньше войнъ Наполеона и Вѣнскаго конгресса, который кстати упоминается не послѣ низверженія Наполеона, а въ слѣдующей главѣ въ исторіи Германіи XIX вѣка. Еще болѣе странной является послѣдовательность въ рассказѣ объ отдѣльныхъ событіяхъ. Излагая исторію реформаціи (стр. 87—88), авторъ нигдѣ не приводитъ хронологическихъ данныхъ, и въ то же время излагаетъ событія въ такомъ порядкѣ: Виттенбергскіе безпорядки (1522 г.), Тома Мюнцеръ (1522—1525 гг.), Іоаннъ Лейденскій (1534—1535 гг.), рыцарское возстаніе (1522—1523 гг.), крестьянское возстаніе (1524—1525 гг.), распространеніе реформаціи на всемъ сѣверѣ Германіи (1530-е годы), Аугсбургскій сеймъ (1530 г.). Или другой примѣръ — событія времени Конвента (стр. 111). Вотъ ихъ порядокъ: сентябрьскія убійства (сент. 1792 г.), побѣда якобинцевъ надъ жирондистами (іюнь 1793 г.), комитетъ общественнаго спасенія (апрѣль 1793 г.), казнь Людовика XVI (январь 1793 г.), убійство Марата (іюль 1793 г.), казнь Дантона (апрѣль 1794 г.), республиканскій календарь (октябрь 1793 г.), Вандея (мартъ 1793 г.), 9 термидора (іюль 1794 г.). У учениковъ должно получиться крайне сбивчивое представленіе о связи между всеми этими событіями.

Книга г. Рожкова страдаетъ еще однимъ совершенно недопустимымъ въ учебникахъ недостаткомъ. Въ ней не разъ встрѣчаются совершенно невѣрные свѣдѣнія. Солоновская сисахвія, на примѣръ, состояла изъ уменьшенія процентовъ по долгамъ (15). Аристидъ допустилъ гражданъ 4-го класса къ занятію высшихъ должностей (17). Люди, сомнѣвающіеся въ возможности достовѣрнаго знанія, назывались у грековъ софистами (20). Законы Лицинія были изданы въ половинѣ III вѣка (29). Причиной установленія имперіи въ Римѣ была необходимость «управлять государствомъ, защищать страну и устанавливать внутренній порядокъ и надзоръ за проконсулами» (34). Константинъ Великій объявилъ христіанство «господствующей въ имперіи религіей» (43). Ученіе Магомета требовало «непримиримой борьбы съ иновѣрцами» (54). А уваженіе къ «обладателямъ писанія» (?). Въ феодальное время крестьяне «были прикрѣплены къ землевладѣльцамъ, а не къ землѣ» (56). Филиппъ II «во всей Франціи назначилъ приказчиковъ и воеводъ» (68). Локкъ былъ основателемъ раціонализма (97). Губернаторскія должности и епископскія кафедръ передавались во Франціи по наслѣдству (104). Вольтеръ былъ «первымъ представителемъ раціонализма во французской литературѣ» (105). Въ первой половинѣ XIX в.

въ Ирландіи вспыхнуло возстаніе (115). По ученію социалистовъ, «частная собственность должна была остаться неприкосновенной» (122). Луи Вланъ «добился учрежденія національныхъ мастерскихъ» (122). Въ 1870 г. «Гарибальди поднялъ возстаніе въ Римѣ, который и былъ присоединенъ къ Итальянскому королевству» (132). Къ сожалѣнію, ошибки и промахи г. Рожкова далеко не исчерпываются только что приведенными примѣрами. Мы выбирали только наиболѣе рѣзко бросающіяся въ глаза погрѣшности. Въ виду столь серьезныхъ недостатковъ приходится признать учебникъ г. Рожкова совершенно не удовлетворяющимъ научнымъ требованіямъ, а поэтому его ни въ коемъ случаѣ нельзя рекомендовать ни для школы, ни для самообразованія. V

В. Я. Стоюнинъ. О преподаваніи русской литературы. Изданіе шестое. Спб. 1904.

Новое изданіе старой книги можетъ быть фактомъ чрезвычайной важности; это зависитъ, какъ отъ самыхъ достоинствъ сочиненія, такъ и отъ того момента, когда появляется это новое изданіе. Сочиненіе В. Я. Стоюнина «О преподаваніи русской литературы» выдержало уже пять изданій и вышло теперь шестымъ. Этому нельзя не порадоваться: именно теперь больше, чѣмъ когда нибудь, книга нашего извѣстнаго педагога какъ нельзя болѣе кстати. Пересмотръ всего нашего учебнаго дѣла, съ одной стороны, и расширеніе программы по литературѣ, съ другой, требуютъ усиленной дѣятельности, требуютъ выясненія основныхъ точекъ зрѣнія. На книжномъ рынкѣ потребность новыхъ книгъ, приспособленныхъ къ новымъ программамъ, вызываетъ появленіе цѣлаго ряда «учебныхъ курсовъ», «очерковъ», «руководствъ», очень часто совершенно негодныхъ. Вообще, составители учебниковъ находятся въ грустномъ положеніи: либо приходится удовлетворить требованіямъ официальныхъ программъ и написать дрянную компиляцію, съ обходомъ всѣхъ опасныхъ подводныхъ камней, и тогда можно рассчитывать на сбытъ, а, значитъ, и на доходъ; либо, отказавшись отъ высшаго одобренія и, слѣдовательно, отъ матеріальныхъ выгодъ, проработать надъ учебникомъ и дать нѣсколькимъ десяткамъ интересующихся преподавателей образецъ, которымъ они, однако, не въ состояніи будутъ руководствоваться въ классѣ. Про сочиненія Стоюнина говорятъ, что они устарѣли. Но это совершенно невѣрно. Основныя его мысли должны быть и теперь положены въ основаніе преподаванія тѣхъ принципы, которые выставляетъ В. Я. Стоюнинъ. Прежде всего преподаватель, по его словамъ, отнюдь не долженъ «руководствоваться тѣми официальными восторгами, съ которыми иные педагоги хотятъ у насъ связать даже нравственное развитіе. Они убѣждены, будто страдаетъ нравственность учениковъ, если учитель не будетъ восторгаться тѣмъ, чѣмъ восторгались наши дѣды, и чѣмъ они сами стараются подогрѣвать свой патріотизмъ». «Они не разсуждаютъ, что преподаватель, не искренно бесѣдующій со своими учениками, поддѣльными восторгами гораздо вреднѣе дѣйствуетъ на нрав-

ственность своихъ учениковъ, которые легко и скоро замѣтятъ фальшивое его отношеніе къ предмету и не будутъ питать къ нему никакого довѣрія» (стр. 17—18). Вотъ именно эту-то фальшивую приподнятость при изложеніи литературныхъ фактовъ нѣкоторыми составителями учебниковъ по новѣйшей литературѣ намъ уже приходилось отмѣчать на страницахъ нашего журнала. Молодежи, оканчивающей среднюю школу, вмѣсто правдиваго историческаго освѣщенія литературныхъ явленій преподносятъ пышныя ничего не выражающія фразы. А между тѣмъ В. Я. Стоюнинъ ясно указывалъ на необходимый методъ преподаванія: «Мы признаемъ,—пишетъ онъ,— историческую часть необходимою въ педагогическомъ отношеніи. Идеи писателя, сами по себѣ одностороннія и нисколько не занимательныя для юноши, начинаютъ интересовать его, лишь только покажутъ ему связь между ними и понятіями того вѣка, лишь только онъ увидитъ, что вызывало эти идеи, и какъ къ нимъ должна была отнестись масса» (стр. 19). Но это самое историческое обоснованіе литературныхъ явленій, особенно явленій новаго періода—послѣ Гоголя, по мнѣнію многихъ, является прямо опаснымъ: придется говорить о кружкахъ сороковыхъ годовъ, о гнетущей реакціи въ царствованіе Николая I, о направленіяхъ эпохи реформъ; все это своего рода жуиела, которыхъ касаться нельзя. Очень и очень еще многое здѣсь не доступно даже для публики,—какъ же дать ученикамъ! А какъ только нѣтъ исторической основы, такъ тотчасъ многое станетъ непонятнымъ. Базаровъ, Маркъ Волоховъ, Рудинъ и т. д. и т. д.—все это повиснетъ въ воздухѣ, смѣшается въ кучу. Ученикъ съ удивленіемъ будетъ читать нашихъ классиковъ послѣ гоголевскаго періода и съ недоумѣніемъ и скукой будетъ слушать пышныя безсодержательныя фразы трусливаго педагога.

Въ цѣляхъ устраненія подобныхъ совершенно нежелательныхъ явленій необходимо, чтобы составители учебниковъ приняли во вниманіе слова такого опытнаго педагога, какъ В. Я. Стоюнинъ, и съ этой стороны появленіе шестого изданія названной книги является далеко не лишнимъ, не говоря уже о достоинствахъ самаго сочиненія, которое давно высоко оцѣнено большинствомъ преподавателей.

Я. Ав — въ.

Наша банковая политика (1729—1903). Опытъ изслѣдованія П. П. Мигулина, доктора финансоваго права, орд. проф. Харьковскаго университета. Харьковъ. 1904.

Встрѣчая профессорскую этикетку на обложкѣ, читатель заранѣе, такъ сказать, авансомъ проникается благоговѣніемъ, ожидая встрѣтить въ профессорскомъ трудѣ надлежащее глубокомысліе, обстоятельность и такъ называемую эрудицію. Правда, съ этими качествами въ большинствѣ случаевъ связана и преизрядная скука, которою неизбѣжно вѣетъ отъ ученыхъ трудовъ, но и ее читатель склоненъ перенести терпѣливо въ надеждѣ, что онъ за то будетъ вознагражденъ исчерпывающимъ ознакомленіемъ съ предметомъ изслѣдованія. Такъ оно, большею частью, и бываетъ.

Но не къ этому типу спокойныхъ, обстоятельныхъ, хотя и скучноватыхъ профессорскихъ изслѣдованій должна быть отнесена работа проф. Мигулина. Авторъ представилъ довольно бѣглый обзоръ законодательства по банковому дѣлу, снабдивъ его поверхностнымъ и довольно легковѣснымъ комментариемъ и попутно привелъ главнѣйшія цифровыя данныя, относящіяся къ дѣятельности нашихъ банковыхъ учреждений. Все это уложено въ 4 главы безъ видимой системы. Общій порядокъ изслѣдованія хронологическій. Въ 1-й главѣ даны свѣдѣнія о банковской политикѣ, начиная отъ учрежденія банка при монетной конторѣ (1729—1733 г.) и кончая эпохой освободительныхъ реформъ. Вторая глава посвящена обзору законодательства по банковому дѣлу, начиная съ эпохи реформъ и кончая министерствомъ И. А. Вышнеградскаго. Наконецъ послѣднія двѣ главы даютъ обзоръ движенія банковаго дѣла при министрѣ С. Ю. Витте: именно, въ III гл. содержатся свѣдѣнія о постановкѣ коммерческаго кредита и сберегательныхъ кассъ, получившихъ столь широкое развитіе въ послѣднее десятилѣтіе, а IV гл. выясняетъ положеніе ипотечнаго кредита— дворянскаго, крестьянскаго и частныхъ земельныхъ банковъ. Распределеніе матеріала, какъ видитъ читатель, крайне неравномѣрное: вниманіе автора тяготеетъ преимущественно на эпоху управленія министерствомъ финансовъ С. Ю. Витте и очень мало касается, напримѣръ, дѣятельности покойнаго Е. И. Ламанскаго, имѣвшей, можно сказать, колоссальное значеніе не только въ исторіи русскихъ банковъ, но и въ исторіи русскихъ финансовъ.

Что касается метода изслѣдованія, то авторъ избралъ способъ самый легкій и для себя не отяготительный. Сначала излагается по тексту первоисточника уставъ того или другого банковаго учрежденія, затѣмъ пересказываются изданные въ дополненіе къ нему указы или правила, опредѣляющія ту или другую операцію, а затѣмъ путемъ выписокъ изъ официальныхъ отчетовъ и пояснительныхъ примѣчаній къ нимъ иллюстрируется, какое направленіе получила дѣятельность того или другого банковаго учрежденія. Попутно авторъ развлекаетъ себя полемикой съ финансовымъ вѣдомствомъ или начинаетъ сводить личные счеты съ отдѣльными представителями финансовой бюрократіи. Такъ, на стр. 306 читаемъ: «незадолго до окончанія работъ подготовительныхъ комиссій о мелкихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, авторъ книги напечаталъ свою записку о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, подъ заглавіемъ «Русскій сельскохозяйственный банкъ», которую и представилъ предсѣдателю особаго совѣщанія С. Ю. Витте въ количествѣ 25 экз. для гг. членовъ совѣщанія, съ просьбою внести эту записку на обсужденіе совѣщанія, по вопросамъ объ организаціи мелкаго кредита и хлѣбной торговли, которые тогда стояли на очереди. Авторъ получилъ отъ С. Ю. Витте благодарность за поданную записку, но таковая на обсужденіе совѣщанія внесена не была (курсивъ автора)... Такое отношеніе къ столь важному вопросу болѣе, чѣмъ странно, и хотя предсѣдатель въ правѣ вносить на обсужденіе только то, что онъ найдетъ удобнымъ, однако, внося на это обсужденіе всевозможныя записки даже по маловажнымъ вопросамъ иногда совершенно неизвѣстныхъ или мало компетентныхъ лицъ, казалось бы, можно хотя бы поставить въ извѣстность гг. членовъ особаго совѣщанія, а равно и все общество о существованіи записки»...

Жалоба тянется до 310 стр., гдѣ авторъ наконецъ впадаетъ въ раздраженіе: «Несмотря на пренебреженіе, съ которымъ очевидно предсѣдатель особаго совѣщанія отнесся къ нашему проекту (быть можетъ, на основаніи отзывовъ какихъ нибудь своихъ лишенныхъ инициативы и не идущихъ далѣе общезвѣстныхъ доктринъ чиновниковъ), мы имѣемъ смѣлость думать, что въ концѣ концовъ къ нему (въ той или другой формѣ) непременно придутъ»... Какъ видно, авторъ не страдаетъ ложной скромностью и вовсе не намѣренъ «никнуть въ тишинѣ главою лавровой». На стр. 333 достается на орѣхи администраціи сберегательныхъ кассъ. «Авторъ настоящаго изслѣдованія, — рассказываетъ г. Мигулинъ, — запросилъ въ февралѣ 1904 г. господина управляющаго сберегательными кассами о составѣ ихъ $\%$ бумагъ на 1-е января 1904 г. и получилъ отвѣтъ, что такихъ свѣдѣній не имѣется. Если бы это было справедливо, то это означало бы полный беспорядокъ въ веденіи дѣлъ управленіемъ, которое не знаетъ даже, какія бумаги и на какую сумму имѣются въ кассахъ. По счастью, сообщенное г. управляющимъ свѣдѣніе совершенно невѣрно и просто означаетъ нежеланіе сообщить намъ необходимыя справки: на самомъ дѣлѣ свѣдѣнія о составѣ $\%$ бумагъ, принадлежащихъ кассамъ, какъ это и слѣдуетъ дѣлать, составляются ежемѣсячно и сообщаются въ особую канцелярію по кредитной части»...

Все это, быть можетъ, и интересно, но едва ли уместно въ серьезномъ изслѣдованіи, посвященномъ громадному вопросу, гдѣ нужно дорожить каждой строкой, а не распыляться въ неидущихъ къ дѣлу мелочахъ. Вообще изслѣдованіе г. Мигулина оставляетъ впечатлѣніе торопливой, мало продуманной работы. Прочтется оно, по всей вѣроятности, весьма многими, но едва ли кого удовлетворитъ. Придется ждать новой работы, посвященной этому важному и любопытному дѣлу, съ болѣе вдумчивымъ отношеніемъ къ предмету, съ болѣе солиднымъ научнымъ багажемъ.

К. Х.

П. Мартыновъ. Селенія Симбирскаго уѣзда. Симбирскъ. 1903. Его же. Архивъ Александра Петровича Языкова. Симбирскъ. 1904.

Неутомимый изслѣдователь симбирской старины, П. Л. Мартыновъ, продолжаетъ издавать томъ за томомъ своихъ трудовъ. «Селенія Симбирскаго уѣзда» («Матеріалы для исторіи симбирскаго дворянства и частнаго землевладѣнія въ Симбирскомъ уѣздѣ»), при обширномъ знакомствѣ автора съ архивными матеріалами и относящейся сюда литературой, представляютъ картину заселенія названной мѣстности, начавшагося одновременно съ построеніемъ города Симбирска (1648 г.) и проведеніемъ симбирской пограничной «черты». До 1648 года здѣсь встрѣчалось очень мало русскихъ населенныхъ пунктовъ. По берегу р. Волги изрѣдка попадались «сторожи» — наблюдательные пункты за движеніемъ непріятеля, а внутри края, на необъятныхъ пространствахъ, разстилались «дикія поля» и «порозжія земли»; даже инородческихъ селеній было очень немного. Это были деревни чувашъ, мордвы и татаръ — первоначальныхъ

обитателей средняго Поволжья. Для построения г. Симбирска вѣдно было высылать на мѣсто постройки «посошныхъ» людей изъ низовыхъ городовъ, — «съ русскихъ, съ 5 дворовъ, а съ ясапныхъ (инородческихъ), съ 3 дворовъ — по одному человѣку». Вмѣстѣ съ тѣмъ для устройства «Симбирской черты» и для заселенія укрѣпленныхъ мѣстъ на этой чертѣ правительство переводило сюда служилыхъ и ратныхъ людей изъ другихъ мѣстностей и зачисляло ихъ въ служилый списокъ по городу Симбирску, надѣляя ихъ землею. Вскорѣ затѣмъ началось и добровольное переселеніе служилыхъ людей, которымъ также отводилась «помѣстная земля». Избытокъ свободныхъ земель и легкость пріобрѣтенія ихъ привлекли въ Симбирскій уѣздъ многихъ московскихъ боярскихъ дѣтей, пожелавшихъ стать «симбирянами». «Это обстоятельство послужило къ большому развитію въ краѣ частнаго землевладѣнія и сдѣлало вполнѣнствіи Симбирскую губернію «дворянскимъ гнѣздомъ», а беззастѣнчивые захваты земель, смежныхъ съ полученными, привели къ тому, что у представителей третьяго или четвертаго поколѣнія первоначальныхъ помѣщиковъ образовались огромныя помѣстья». Во второй половинѣ XVII столѣтія здѣсь встрѣчаются уже очень крупныя помѣщики, собственники нѣсколькихъ десятковъ тысячъ десятинъ земли, каковы: А. В. Толстой, П. Б. Бестужевъ, И. И. Бекетова, С. Е. Кротковъ, Р. Е. Татищевъ и др.

Второй изъ вышеназванныхъ трудовъ, изданный, какъ и первый, Симбирской губернской архивной комиссіей, составляетъ четвертый томъ предпринятаго послѣдней собранія «Матеріаловъ историческихъ и юридическихъ района бывшаго приказа Казанскаго дворца». Въ немъ помѣщены документы изъ семейнаго архива умершаго въ 1896 году симбирскаго дворянина А. П. Языкова (племянника поэта Н. М. Языкова), оставившаго послѣ себя богатое собраніе старинныхъ актовъ, преимущественно на земли, принадлежавшія его предкамъ со стороны матери (Толстымъ и Ивашевымъ), самымъ виднымъ представителемъ которыхъ былъ А. В. Толстой, первый симбирскій гражданскій губернаторъ (послѣ него осталось 2.700 душъ крестьянъ и 43.000 десятинъ земли). Всѣхъ документовъ въ архивѣ Языкова болѣе тысячи, но изъ нихъ только 290 вошли въ настоящій сборникъ, потому что остальные не относятся къ Симбирской губерніи или, по мнѣнію П. Л. Мартынова, «не имѣютъ научнаго интереса». Система, въ которой распределены документы въ этомъ сборникѣ, та же, что и въ «Архивѣ князя В. И. Баюшева», изданномъ въ 1882 году профессоромъ Н. П. Загоскинымъ. При этомъ, по справедливому замѣчанію составителя, рассматриваемое изданіе не уступаетъ «Архиву князя В. И. Баюшева» не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніяхъ: 219 документовъ князя Баюшева касаются лишь незначительнаго уголка Симбирскаго уѣзда да отчасти Алатырскаго уѣзда и относятся лишь къ XVII столѣтію и къ первымъ годамъ XVIII вѣка, тогда какъ 290 документовъ А. П. Языкова даютъ обширный и разнообразный матеріалъ для исторіи четырехъ уѣздовъ Симбирской губерніи и относятся къ тремъ столѣтіямъ (XVII, XVIII и половинѣ XIX). Оба изданія снабжены соответствующими указателями.

М. О—окій.

Утверждение русскаго владычества на Кавказѣ. Томъ III, часть I. Подъ руководствомъ генераль-лейтенанта Н. И. Бѣлявскаго составленъ въ военно-историческомъ отдѣлѣ подъ редакціей генераль-майора Потто. Тифлисъ. 1904.

Недавно вышелъ въ свѣтъ третій томъ обширнаго труда, имѣющаго цѣлю представить историческій обзоръ постепеннаго завладѣнія русскими Кавказа.

Настоящій томъ обнимаетъ время Алексѣя Петровича Ермолова (1816—1826 годы). Въ составленіи этого тома принимали участіе В. А. Потто, Н. С. Аносовъ и В. И. Томкѣевъ.

Десятилѣтній періодъ, въ который Ермоловъ управлялъ Кавказомъ,—говорять составители,—настолько обширенъ событіями, имѣвшими большое значеніе даже для послѣдующихъ временъ, что описывать ихъ въ строго хронологическомъ порядкѣ, не стѣсняясь условіями мѣстности (?), значило бы прямо отказаться отъ выясненія той идейности, которая составляла отличительную черту Ермоловской эпохи. Кавказъ тогда представлялъ собою цѣлый рядъ совершенно отдѣльных, почти не связанныхъ другъ съ другомъ театровъ военныхъ дѣйствій, и каждый изъ этихъ театровъ имѣлъ свои отличительныя черты, свой особенный характеръ и свои особенности.

Въ виду того, что главнѣйшая дѣятельность Ермолова протекала на сѣверномъ Кавказѣ, авторы возвращаются назадъ, чтобы предварительно дать полный очеркъ возникновенія и постепеннаго развитія такъ называемой кавказской линіи, простиравшейся отъ моря до моря и составлявшей нашу границу съ горскими народами. Объ этомъ не упоминалось въ первыхъ двухъ томахъ изданія, потому что при составленіи общей программы имѣлось въ виду остановить вниманіе читателя на тогдашнихъ событіяхъ въ Грузіи, гдѣ шла борьба за нераздѣльность господства нашего на всемъ Кавказскомъ перешейкѣ, и куда обращено было вниманіе русскаго правительства и русскаго общества.

Благодаря обширности темы, третій томъ раздѣляется на двѣ части: въ первую вошло описаніе Кавказской линіи и Черноморскаго войска въ до-Ермоловскую эпоху, назначеніе Ермолова на Кавказъ и покореніе имъ Чечни и Дагестана; во вторую—событія въ Кабардѣ, на Кубанской линіи, въ землѣ Черноморскихъ казаковъ и въ Закавказьѣ.

Предпринятое военно-историческимъ отдѣломъ изданіе относится, несомнѣнно, къ числу такъ называемыхъ «официальныхъ» изданій. Поэтому предъявлять къ нему какія либо серьезныя требованія, какъ къ строго научному труду, не представляется возможнымъ. Эти историческіе очерки—очень оригинальны: составлены они на основаніи печатныхъ и частью архивныхъ матеріаловъ, составлялись они коллективнымъ способомъ «подъ руководствомъ» и «подъ редакціей», текстъ написанъ въ большинствѣ случаевъ литературно, испещренъ стихотвореніями, эпитетами, метафорами, аллегоріями, метониміями и прочими атрибутами «литературности».

Историки поняли свою задачу, какъ изложеніе фактовъ, связанныхъ одинъ съ другимъ внѣшнею связью. Напрасно сталъ бы читатель отыскивать здѣсь пружины существа. Авторы, съ официальной точки зрѣнія, рассматриваютъ,

какъ Ермоловъ, «разгромивъ», «обуздавъ» тѣхъ-то и тѣхъ-то, сдѣлалъ то-то и то-то; и дальше внѣшняго дѣйствія не идутъ.

Надо думать, что имъ и не слѣдуетъ итти: они представили добросовѣстно исполненный, занимательный трудъ, который, разумѣется, не удовлетворитъ заправскаго историка, но можетъ привести въ восторгъ читателя изъ «большой публики». Каждому—свое...

Въ книгѣ собрано много данныхъ, иллюстрирующихъ «утвержденіе русскаго владѣчества на Кавказѣ». Прежде всего любопытенъ портретъ Ермолова, взятый изъ портретной галлерей Зимняго дворца, вмѣстѣ съ тѣмъ не менѣе любопытны и тѣ безграмотныя вирши, которыя «написаны къ этому портрету, весьма удачно передаютъ его характернѣйшія черты»; авторъ стиховъ предупредительно скрываетъ.

Чтобы характеризовать методъ авторовъ, отмѣтимъ между прочимъ, что они часто не довольствуются изложеніемъ того, что есть или что было, а заходятъ въ область жалаемаго и говорятъ о томъ, чего имъ хотѣлось бы. Такъ на страницѣ 40-ой авторы заявляютъ, что «станція эта, по справедливости, должна была бы называться Германовскою, дабы запечатлѣть въ потомствѣ имя не позорно разбитаго турецкаго паши, а доблестно побѣдившаго его русскаго генерала».

Спѣшимъ оговориться, что все это нисколько не мѣшаетъ труду быть интересною книгою, которая читается съ интересомъ и съ легкостью романа.

Въ книгѣ, занимающей свыше 32-хъ печатныхъ листовъ огромнаго формата, множество любопытныхъ данныхъ. Перечислить ихъ содержаніе или отмѣтить нѣкоторыя изъ нихъ не представляется возможнымъ. Поэтому мы позволимъ себѣ остановиться на изложеніи тѣхъ, которыя являются наиболѣе характерными и для пріемовъ авторовъ, и для «исторіи».

Авторы удѣляютъ немало мѣста описанію знаменитаго негодяя и мошенника—пристава Чернова. По мнѣнію составителей, онъ принадлежалъ къ числу людей не совѣмъ обыкновенныхъ. Простой казакъ Калиновской станицы, онъ своими подвигами дослужился до есаула, получая всѣ чины за боевыя отличія и былъ украшенъ тремя золотыми медалями на георгіевскихъ лентахъ; впоследствии Черновъ даже получилъ Владимирскій крестъ. Особеннымъ свойствомъ его характера была страсть вырывать изъ плѣна русскихъ или испытывать надъ немирными народами всю силу своего вліянія, доходившаго въ немъ подчасъ до гипноза. Онъ нускалъ въ ходъ всю изобрѣтательность своего ума и хитрость, и золото, и открытую силу, нерѣдко, продавая все свое имущество до послѣдняго, что называется, гвоздя. Въ Чечнѣ онъ былъ свой человѣкъ, и всѣ овраги, балки и потайныя лѣсныя тропы чеченской земли онъ зналъ не хуже своей станичной улицы. Авторы, отдавъ дань уваженія подвигамъ Чернова, указываютъ, что на его дѣятельности было немало и такихъ темныхъ пятенъ, которыя и понынѣ составляютъ достояніе устныхъ разсказовъ стариковъ, живущихъ на Терекѣ. Передавали, что онъ подводилъ своихъ затеречныхъ друзей подъ самыя станицы, и что не одинъ добрый казачій конь, тщетно охраняемый запорами конюшни, переходилъ, такимъ образомъ, въ руки чеченцевъ; но тотъ же конь и выкрадывался отъ чеченцевъ тѣмъ же самымъ

Черновымъ. Правда ли то, или нѣтъ,—тайна, спящая съ нимъ въ могилѣ. Достоверно, однако, что въ 1798 году онъ былъ разжалованъ за воровство лошадей изъ вахмистровъ въ рядовые казаки. Потомъ онъ опять выслужился, но уже въ 1812 году въ чинѣ есаула «за законопротивные поступки и передачу чеченцамъ мѣдныхъ денегъ» былъ подѣ судомъ, а въ 1815 году окончательно отставленъ отъ службы. Гребенской агаманъ и начальникъ фланга рекомендовали Ермолову Чернова на должность чеченскаго пристава, на что Ермоловъ заявилъ, что Черновъ—мошенникъ, но начальствующія лица возразили, что для такихъ мошенниковъ, какъ чеченцы, и нуженъ именно такой мошенникъ, какъ Черновъ, извѣдавшій до тонкости всѣ ихъ продѣлки, владѣвшій въ совершенствѣ ихъ языкомъ и имѣвшій за Терекомъ множество кунаковъ-кровомстителей. Скоро по ходатайству Ермолова мошенникъ Черновъ былъ произведенъ въ капитаны арміи.

Подобное отношеніе Ермолова къ негоднымъ въ нравственномъ отношеніи сотрудникамъ по замиренію края должно быть поставлено рядомъ съ тѣми мѣрами, которыми имѣли въ виду утвердить русское владычество на Кавказѣ, но которыя въ дѣйствительности привели къ тому, что чувствуется и въ наше время: къ безвластію по отношенію къ туземцамъ. Читая «обвѣщеніе Ермолова надтеречнымъ жителямъ», словно знакомишься со современными описаніями кавказскихъ неурядицъ. Въ самомъ дѣлѣ, Ермоловъ требовалъ, чтобы въ случаѣ воровства на линіи селенія выдавали вора; если скроется воръ, то выдать его семейство, если жители осмѣлятся дать и самому семейству преступника способъ къ побѣгу, то обязаны выдать ближайшихъ его родственниковъ; если не будутъ выданы родственники, будутъ разрушены аулы, семейства распроданы въ горы, аманаты повѣшены. Но этимъ еще не удовлетворялась наша политика утвержденія власти: предписывалось, въ случаѣ открытаго прорыва черезъ ихъ аулы сильной непріятельской арміи, чтобы жители защищались, а послѣ того назначалось слѣдствіе съ цѣлью выяснить, какъ они дрались, что именно дѣлали, были ли съ ихъ стороны убитые, или сопротивление ограничилось пустой перестрѣлкой на воздухъ. «И за такой поступокъ деревни истребляются огнемъ, женъ и дѣтей вырѣзываютъ. Лучше отъ Терека до Сунжи оставлю пустынные степи,—говорилъ Ермоловъ,—нежели въ тылу укрѣпленій нашихъ потерплю разбой».

Приведенное служить достаточнымъ показателемъ, какой политики держались наши утвердители. Задача историка—показать ихъ ошибки и заслуги, оцѣнить по правдѣ—по истинѣ достигнутые ими результаты, произвести оцѣнку справедливую, сравнить съ современнымъ положеніемъ. Но показывать картины сраженій, побѣдъ, рѣзни, кровожадности, минуя или оставляя въ сторонѣ правду историческую и оцѣнку научную—задача не историка, не правдиваго сказителя, а людей, предпочитающихъ правдѣ жгучія сны, граничащія съ фантазіей. Впрочемъ, такія исторіи болѣе популярны, и ихъ легче писать. Къ тому же для настоящей исторіи, быть можетъ, не потребовалось бы такого огромнаго количества печатныхъ листовъ, какъ въ настоящемъ случаѣ.

Къ сказанному авторы-историки добросовѣстно прибавляютъ: «грозная военная (?) система эта вынуждалась со стороны Ермолова, конечно, лишь

крайнею необходимостью и глубоким пониманіемъ духа и характера народа. Чеченцы, слишкомъ далекіе отъ гуманныхъ воззрѣній европейскихъ народовъ, цѣнили только физическую силу; гуманныхъ дѣйствій они не понимали, но зато прекрасно понимали строгія мѣры Ермолова». Подобная сентенція занесена на 264 страницу историческаго очерка.

Въ заключеніе своего очерка авторы останавливаются на вопросѣ о кебинныхъ бракахъ, заключавшихся Ермоловымъ. По тогдашней разнузданности нравовъ и при военномъ одичаніи въ постоянной борьбѣ, офицеры платили калымъ и женились на туземкахъ. Эти браки были временными, жена нисколько не могла связывать мужа, и христіанскіе мужья строго придерживались магометанскихъ взглядовъ на женщину...

Ермоловъ вступалъ въ подобные браки три раза. Первый разъ кебинъ былъ заключенъ имъ въ ноябрѣ 1818 года съ дѣвушкой Сюйдой, и отъ этого брака у него родился сынъ—Викторъ; второй бракъ послѣдовалъ въ слѣдующемъ году, и у Ермолова родилось два сына и дочь. Интересно отмѣтить, что Ермоловъ отправилъ своихъ сыновей въ Петербургъ, а дочь, какъ «нехристіанку», оставилъ при матери...

Мы ничего не имѣемъ противъ правдиваго изложенія прошлаго. Но не можемъ не протестовать противъ излюбленнаго приема авторовъ—оправдывать хотя бы самыя возмутительныя вещи, тѣмъ болѣе, что въ этомъ никто, а умершіе дѣятели Кавказа еще менѣе другихъ нуждаются. Такъ, напримѣръ, въ предисловіи авторы заявляютъ, что предшествующая Ермолову политика на Кавказѣ подкуповъ и подарковъ «смѣняется вдругъ системою строгихъ наказаній, мѣръ суровыхъ, доходящихъ иногда до жестокости, но всегда неизмѣнно соединенныхъ съ правосудіемъ». Откуда сіе? Доказательства нужны, иначе заявленіе окажется голословнымъ.

Говоря выше, мы назвали настоящей историческій очеркъ официальной исторіей. Какъ кажется, и отъ подобныхъ произведеній требуется извѣстная доля объективности. Не долженъ же авторъ или кадить признаннымъ героямъ, или возводить на степень героя человѣка, заслуживающаго висѣлицы. Какъ кажется, официальные историки, если они вообще необходимы, могутъ ограничиваться голою правдою безъ предикатовъ и оцѣнки дѣяній. Это можетъ остаться на долю историковъ неофициальныхъ...

Повторяемъ, что очеркъ интересенъ, но, какъ трудъ нѣсколькихъ авторовъ-людей, страдаетъ недостатками, о которыхъ мы уже говорили.

Издана книга хорошо. Широкій цѣперо, которымъ напечатана книга, однако, неудобочитаемъ. Къ книгѣ приложены портреты, рисунки, карты и планы. Всѣ они очень приличны по исполненію, а для Тифлиса и прямо-таки хороши. Таковы результаты «утвержденія русскаго владычества на Кавказѣ».

Ф. Лѣ—въ.

Eine Sommerfahrt in den hohen Kaukasus. Zwei Vorträge gehalten in der Sektion des D. u. Oe. Alpenvereins, von H. Wagner. 1904.

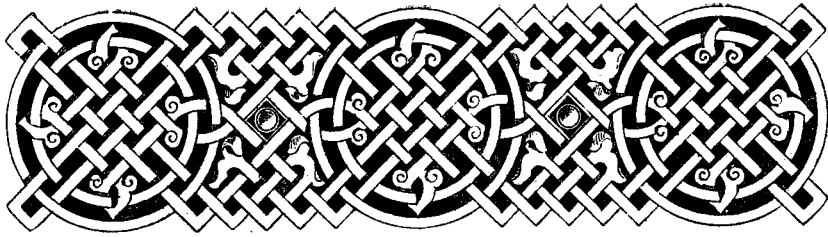
Авторъ вышеприведенной «Лѣтней поѣздки по Кавказу», Губертъ Вагнеръ совершилъ экскурсію въ Сванетію въ той партіи, во главѣ которой стоялъ В. Р. Рикмерсъ. Какъ извѣстно, этой партіи удалось взобраться впервые на вершину Ушбы, и князь Татарханъ Дадешкеліани подарилъ свѣжныя высоты этой горы г-жѣ фонъ-Финеръ, взобравшейся на гранитную вершину Ушбы. Губертъ Вагнеръ описываетъ свое путешествіе отъ Вѣны чрезъ Одессу до Кутанса вкратцѣ и потомъ сообщаетъ свои впечатлѣнія о дорогѣ грузино-осетинской до Алпани, въ особенности внимательно останавливаясь на красотахъ Сванетіи. Попутно онъ знакомитъ читателей съ языкомъ и нравами свановъ, гостепріимнымъ хозяиномъ, княземъ Т. Дадешкеліани, у котораго за обѣдомъ г. Рикмерсъ состоялъ толумбашемъ, или, какъ онъ называетъ, Trinkmarschall. Съ восторгомъ описываетъ пѣвіе и танцы свановъ, ихъ костюмъ и жилища. Обратный путь авторъ совершилъ по военно-грузинской дорогѣ, которая такъ же произвела сильное впечатлѣніе на германскаго альпиниста. Книжка написана съ большимъ пафосомъ и свидѣтельствуетъ объ искренней любви автора къ описываемой странѣ.

А. X—въ.

Изъ-за чего началась Русско-Японская война? Составилъ Н. Родзевичъ. Одесса. 1904.

Въ своей брошюркѣ г. Родзевичъ, изложивъ исторію движенія русскихъ на востокъ и колонизаціи Сибири, отмѣчаетъ важнѣйшія историческія событія послѣдняго времени: переселенческое движеніе, сооруженіе Великаго Сибирскаго пути, китайско-японскую войну, китайское возстаніе 1900 года. Всѣ эти факты авторъ связываетъ между собой и показываетъ, что мы должны были сознательно стремиться къ берегамъ Желтаго моря, чтобы обезпечить наши торговые, военные и иные интересы. Тутъ же отмѣчается озлобленіе Японіи, которая не могла смотрѣть равнодушно на расширеніе вліянія и силы могущественной сосѣдки и наконецъ подъ вліяніемъ всякаго рода подстрекательствъ вступила съ ней въ неравную борьбу. Книжка написана толково и ясно; была бы желательна меньшая поучительность, отъ чего изложеніе выиграло бы въ смыслѣ простоты. Къ брошюркѣ приложена карта Россійской имперіи и сосѣднихъ съ нею странъ. Весь чистый доходъ съ изданія предназначается на усиленіе русскаго флота.

В. Г.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ДѢ Ганнибалъ перешель Альпы? За послѣдніе годы французскіе офицеры стали посвящать свободные часы ученымъ изслѣдованіямъ, и одно изъ нихъ касалось, вызвавшего въ послѣдніе два вѣка массу брошюръ, диссертаций и журнальныхъ статей, спорнаго вопроса о мѣстѣ перехода Ганнибала черезъ Альпы въ 218 году до нашей эры. Самое досадное было то, что всѣ предложенныя гипотезы казались съ перваго взгляда очень вѣрными, но когда начинали глубже вникать въ нихъ, то появлялись крупныя недочеты, и приходилось выводить заключеніе, что за недостаткомъ данныхъ, предложенныхъ древними писателями, какъ Полибіемъ и Титомъ Ливіемъ, бесполезно зря ломать себѣ голову надъ этимъ вопросомъ. Однако на это взглянуть иначе одинъ французскій артиллерійскій офицеръ, Колэнъ, состоящій при историческомъ отдѣлѣ главнаго штаба и авторъ «Военнаго воспитанія Наполеона». Онъ задумалъ добиться рѣшенія этого вопроса и принялся за работу, результатомъ которой явился его новый трудъ «Annibal en Gaule» ¹⁾. Нѣкоторые изслѣдователи этого вопроса рѣшили, что Ганнибалъ прошелъ въ Италію черезъ Сень-Готаръ, другіе—черезъ Симплонъ, третьи—черезъ Сень-Бернаръ, большинство же—черезъ Малый Сень-Бернаръ, а меньшинство—черезъ Монъ-Сени. Къ послѣднимъ относился и Наполеонъ, который разсматривалъ этотъ вопросъ болѣе съ стратегической точки зрѣнія, чѣмъ съ археологической. Когда онъ былъ моложе, то вмѣстѣ съ дю-

¹⁾ Annibal en Gaule, par Colin. Paris. 1904.

жиною ученыхъ склонялся скорѣе къ Монъ-Визо; большинство же противниковъ съ главнымъ изъ новѣйшихъ историковъ Ганнибала, полковникомъ Энеберомъ, стояли за Монъ-Женеврѣ. Такимъ образомъ составилось восемь системъ, поддерживаемыхъ правдоподобными аргументами; изъ нихъ нѣкоторыя даже довольно основательны. Но еще основательнѣе кажутся тѣ, съ помощью которыхъ сторонники той или другой партіи уничтожали рѣшеніе своихъ противниковъ, такъ что, по прочтеніи все написаннаго по этому вопросу, окажется *tabulæ arasa*, и можно вновь начать разсматривать его. Колэнъ, насколько возможно, придерживаясь этой системы, не обратилъ вниманія на все прочитанное, а, прибѣгнувъ къ самимъ источникамъ, т.-е. къ Полибію и Тигу Ливію, попробовалъ слѣдовать основаннымъ на опытѣ путемъ, который одинъ позволилъ бы ему, по его мнѣнію, съ точностью возстановить маршрутъ Ганнибала. Прежде всего онъ нашелъ необходимымъ установить два пункта, реализовать два условія, чтобы имѣть возможность точно опредѣлить путь, по которому слѣдовалъ великій полководецъ: съ одной стороны, онъ доказалъ, что за неизмѣнимъ болѣе подробныхъ топографическихъ справокъ Полибій, по крайней мѣрѣ, указалъ посредствомъ математическихъ раздробленій длину пути, пройденнаго кареагенской арміей отъ Геркулесовыхъ Столповъ до входа въ Италію; съ другой стороны, Колэнъ удалось найти у того же писателя одно указаніе, важное значеніе котораго уже было замѣчено, но на практикѣ никогда на него не обращали вниманія. Въ этомъ указаніи говорится, что, достигнувъ ущелья, Ганнибалъ открылъ прекрасныя долины По и указалъ на нихъ солдатамъ. На этомъ-то авторъ новаго труда о Ганнибалѣ основалъ свои доводы и пришелъ къ слѣдующему результату. Относительно перваго пункта, т.-е. дистанціи, пройденной Ганнибаломъ, онъ прибѣгнувъ къ приему, уже примѣненному, но неудовлетворительнымъ способомъ: именно, обращая вниманіе на всѣ особенности, обозначенныя въ текстѣ, онъ размѣрилъ на картѣ главнаго штаба послѣдовательныя стоянки пройденнаго пути между границей Испаніи и Роной (1.600 стадій), между Роной и входомъ, или подъемомъ Альпъ (1.400), а отсюда до выхода въ долину По (еще 1.400 стадій). Мѣстность, гдѣ Ганнибалъ перешелъ Рону, также не мевѣ оспаривалась, и не лучше опредѣлена, чѣмъ та, гдѣ онъ перешелъ большую цѣпь горъ; но, если отсчитать отъ Эмпоріона, теперешней Ампури, какъ указалъ Полибій, 1.600 стадій, о которыхъ онъ говоритъ, мѣсто прохода найдется почти съ полной достовѣрностью. Такимъ образомъ это окажется не излюбленный пунктъ многихъ авторовъ—Рокморъ, а значительно ниже, близъ Фургъ, немного сѣвернѣе Арля. Колэнъ оставалось опредѣлить, согласно тому же порядку, дорогу между Роной и Альпами, но это было нѣсколько труднѣе, такъ какъ по сю сторону рѣчки не было другой дороги, кромѣ прибрежной, слѣды которой мало разнообразились съ годами, тогда какъ по ту сторону приходилось выбирать изъ многихъ очень разнообразно обозначенныхъ дорогъ. Но все-таки и здѣсь, опираясь на данныя Полибія и строго ихъ придерживаясь, можно было добиться успѣха, потому что, согласно тексту Полибія, поднявшись вдоль Роны, на 800 стадій, давъ сраженіе аллоброгамъ при входѣ въ горы и т. д., Ганнибалъ прямо пришелъ къ ущелью Клапье, изъ котораго открывается обширная панорама. Это единственное ущелье въ Альпахъ, изъ ко-

того видна вышеупомянутая панорама, и единственное подходящее по всем другим подробностям рассказа Тита Ливия, а также Полибия, к тому ущелью. Хотя на ущелье Клауде уже было указано в 1880 г. полковником Перреном, а впоследствии лейтенантом Азаном, Сальто и еще другими, но Колэнг пришел к этому заключению путем математическим, тогда как Перрен вывел его, изучая местность. Конечно, надо иметь в виду, что Полибий дал размер дистанций круглым числом, т. е. приблизительно, и возможно допустить разницу между его числом и действительными. Это предвидел и автор нового труда и заранее за это отвечает, ссылаясь на точность вычисления греческого историка, репутацию которого, как честного историка, нечего защищать. Несмотря на завверения автора, вопрос все-таки остается не окончательно решенным.

— Величие и падение Рима. Появившийся в Милане труд Джульельмо Ферреро: «Величие и упадок Рима» ¹⁾, прекрасно очерчивает роль Рима в эволюции античной цивилизации. Автор не видит в истории Рима произведения, ниспосланного Провидением, точно также он не считает римского народа орудием, избранным Божеством для выполнения господства над древним миром. Напротив, следуя из года в год, из дня в день, за политикой в Риме, он ищет причины многих из ее действий и устанавливает, что часто следствия были не пропорциональны причинам. Он указывает, что римское величие имело основанием экономические факты и опиралось также на целый ряд благоприятных обстоятельств, из которых одни имели постоянное действие, а другие проявляли себя в данный момент: борьба класса против класса, человека против человека, военное счастье, честолюбие некоторых лиц, значение некоторых полководцев, заблуждения других. С присущим Ферреро талантом и умением изучать людей он распознает их слабость и силу, схватывает главные черты исторических личностей, не теряя из вида второстепенных и переходящих черт. Он поразительно описал: Мариа, Суллу, Красса, Лукулла, Помпея, Брута, Марка-Антониа и многих других. Его литературные портреты не уступают политическим. Так он представил Лукреция, борющегося с трудностями уже устаревшего языка, который он возрождает пред своей смертью; Катутла, давшаго волю своим страстным, любовным и сложным пьесам в переходную эпоху; Цицерона то решительнаго, то нерешительнаго, то с прекрасными порывами, то внезапно упадавшаго духом. Он работает в своих ота над философскими трудами с наивностью, за которую потомство будет ему благодарно, и хотя признается в письмах к друзьям в своих сомнениях и слабостях, но все-таки он великая и свѣтлая фигура перваго литературнаго человека, интересующагося дѣлами государства. Не менѣе ярко представлена фигура Горация, стѣсненнаго въ политической жизни, гдѣ онъ не умѣетъ найти себѣ мѣсто, но завѣщаетъ будущимъ временамъ свои сатиры, посланія и оды—эти образцовыя произведенія литературы, которыя также не менѣе цѣнные документы для изученія римскаго общества; Виргилия, которому социальныя

¹⁾ Grandezza e decadenza di Roma. Guglielmo Ferrero. 3 t. Milano. 1904.

причины внушили сначала «Эклоги», а затѣмъ «Георгики», когда возобновеніе аграрныхъ условій внушило Варрону, какъ и ему же, написать относительно земледѣлія, въ ожиданіи, что на зарѣ расширенія римскаго могущества онъ запечатлѣетъ неизгладимо свою «Энеиду». Цезаря авторъ представилъ, какъ «одного изъ самыхъ великолѣпныхъ борцовъ человѣческаго генія въ борьбѣ человѣка противъ человѣка и латинскаго революціоннаго генія противъ эпохи социальнаго разложенія и возстановленія». Великій военачальникъ, великій писатель, великая личность въ политикѣ, Цезарь не былъ великимъ государственнымъ человѣкомъ. Узникъ необходимости и политики, онъ дѣлается «самымъ великимъ демагогомъ исторіи». Что же касается Октавія, то послѣ безпорядочной молодости, увлеченій любовью и ненавистью, борьбы, неудачъ и побѣдъ, онъ добился отъ сената титула Августа, но его нельзя считать, какъ перваго изъ императоровъ. Онъ не продолжатель Цезаря, но скорѣе его противоположность: онъ хотѣлъ преобразованія, республиканской реакціи и жаждалъ жить гражданномъ Октавіемъ, а сдѣлался Августомъ противъ своего желанія. Не менѣе блестяще описалъ Ферреро римское общество, которое мало-по-малу начало входить во вкусъ искусствъ и литературы, развращаться роскошью и порокомъ, впадать въ растрѣпаніе, возгордилось и сдѣлалось легкой добычей анархіи, безумнаго террора и внезапнаго энтузіазма, дало себя грабить тиранамъ, ниспровергло ихъ и желало само наслаждаться. Ферреро слѣдуетъ за нимъ въ его развитіи и паденіи. Авторъ проводитъ въ своемъ трудѣ главную идею, что расширеніе побѣды, предпринятой Римомъ на Средиземнымъ морѣ послѣ второй пунической войны, сопровождалось медленнымъ, но постояннымъ преобразованіемъ Италіи, такъ что мѣстную земледѣльческую аристократію замѣнилъ средній классъ, единственно итальянскій, который Ферреро прозвалъ итальянской буржуазіей, по причинѣ его сходства съ современной, конечно, взявъ во вниманіе двадцативѣковой ходъ исторіи. Этотъ классъ не очень интересовался политикой, которую онъ оставилъ въ рукахъ извѣстныхъ кликъ. Ихъ происхожденіе относится къ тридцати годамъ, которые слѣдовали за войной Ганибалла; ихъ прогрессъ — главная причина кризиса, когда отъ Гракховъ до Суллы Римъ, казалось, пошатнулся. Онѣ составили свое состояніе и могущество въ эпоху Цезаря, ввели въ нравы римлянъ, до тѣхъ поръ полныя простоты, восточную роскошь. Онѣ подвинули впередъ жизнь, и земледѣльцы сдѣлались господствующимъ классомъ въ Италіи. Причины успѣха политическихъ побѣдъ, начавшихся съ Лукулла — до Помпея и Цезаря, крылись въ любезности, оказываемой гордости этой буржуазіи, которой онѣ доставляли новые капиталы и рабовъ, увеличивъ сферу ея торговли и господства. Годы, слѣдовавшіе за смертью Цезаря, были годами страшнаго кризиса, такъ какъ послѣ смерти великаго человѣка, имѣвшаго власть управлять событіями, Римъ оказался сбитымъ съ пути, ошеломленнымъ, оставшимся на произволъ судьбы. Это была эпоха настоящаго всемірнаго разложенія, періодъ Цицерона и Октавія, Антонія и Клеопатры и сотни другихъ лицъ, и миллионъ тѣхъ безыменныхъ — забытыхъ рабочихъ социальной жизни, съ отчаяніемъ боровшихся въ эти нѣсколько лѣтъ, которые считаются въ исторіи вѣками и клонятся къ упроченію имперіи. Вообще Ферреро внесъ значительный вкладъ въ чтеніе главнымъ образомъ интеллектуальнаго

читателя, а не только специалистовъ, и его трудъ совмѣщаетъ въ себѣ разомъ экономическую, политическую, социальную, военную и литературную исторію. До сихъ поръ еще вышло только три тома, но остальные, вѣроятно, не оставятъ себя долго ждать.

— Революціонная и Наполеоновская литература. Извѣстный историкъ французской революціи, Оляръ, издалъ на-дняхъ любопытную книгу подъ названіемъ: «Опыты и очерки французской революціи» ¹⁾. Они обнимаютъ событія 1789—1791—1792—1793 гг., и главнымъ предметомъ изслѣдованія автора служитъ великая фигура Дантона. Она только уходитъ на второй планъ при изученіи происхожденія французскаго социализма, столѣтія Почетнаго Легіона и отношеній Наполеона къ атеисту Лаланду. Позитивизмъ поставилъ Дантона на пьедесталъ великаго человѣка, и Оляръ идетъ по слѣдамъ позитивизма. Происхожденіе Дантона озабочивало многихъ, и новый его историкъ послѣ тщательныхъ изысканій возстановилъ всѣ главныя черты его жизни. Дантонъ родился въ Арси-сюръ-Объ и былъ сыномъ мѣстнаго прокурора, но, несмотря на это, семейство его происходило изъ мелкой буржуазіи, и его дѣдъ занимался подрядами, а дядя — торговлей. У Дантона была сестра монахиней, а два брата содержали ткацкую фабрику. Въ настоящее время единственнымъ его потомкомъ считается М. Сардинъ, мировой судья въ Арси; онъ приходится великому трибуну двоюроднымъ внукомъ. Восьми лѣтъ Дантонъ поступилъ въ семинарію Труа и очень хорошо тамъ учился; онъ со страстью изучалъ Тита Ливія и Саллюстія въ оригиналѣ, а когда, онъ произносилъ ихъ рѣчи по-французски, то всѣ, ученики и учителя, ему восторженно рукоплескали. Впослѣдствіи онъ добавилъ къ своему исключительно классическому образованію изученіе итальянскаго и англійскаго языковъ, а также энциклопедическихъ предметовъ. По всей вѣроятности, разсказываемое о Дантонѣ путешествіе въ Реймъ на коронаваніе Людовика XVI не что иное, какъ легенда, но совершенно справедливо, что въ 1780 году онъ отправился въ Парижъ и поступилъ клеркомъ къ одному парламентскому прокурору. Въ это время онъ жилъ весело: фехтовалъ, игралъ въ мячъ и любилъ плавать въ Сенѣ. Съ того мѣста, гдѣ онъ обыкновенно купался, видѣлись башни Бастиліи, и, указывая на нихъ, онъ часто говорилъ: «Эта крѣпость, висѣщая надъ моей головой, меня стѣсняетъ и оскорбляетъ. Когда же ее сломаютъ? Что касается до меня, то въ этотъ день я съ гордостью помогу ее разрушить». Въ дальнѣйшей, всѣмъ извѣстной исторіи Дантона, Оляръ исправляетъ нѣкоторыя историческія погрѣшности, и вообще его книга, основанная на достовѣрныхъ фактахъ, выставляетъ въ яркихъ краскахъ личность Дантона.

Въ своей только-что вышедшей книгѣ: «Масонство и французская революція» ²⁾, Морисъ Тальмейръ доказываетъ, что французская революція была дѣломъ масонства, которое основано во Франціи въ 1725 году. Первымъ его громейстеромъ былъ герцогъ д'Антэнъ, а за нимъ слѣдовали принцъ Людовикъ

¹⁾ «Etudes et leçons sur la Révolution française», Par A. Aulard. Paris. 1904.

²⁾ «La Franc-maçonnerie et la Révolution française», par Maurice Talmeyr. Paris. 1904.

Бурбонъ, графъ Клермонъ, герцогъ Шартрскій и, наконецъ, Филиппъ Эгалитэ. Передъ революціей было въ большой модѣ среди аристократовъ и лицъ, окружающихъ короля, принадлежать къ масонскимъ ложамъ. Даже были добавочныя ложи— «ложи для дамъ», и въ нихъ засѣдали аристократки, актрисы и представительницы буржуазіи; гротмейстершей была герцогиня Бурбонъ. На масонскомъ конгрессѣ 1875 года, въ Франкфуртѣ, была рѣшена смерть Людовика XVI и шведскаго короля Густава III. Во времена революціи масонскія ложи находились въ 282-хъ городахъ Франціи, и среди ихъ видныхъ членовъ считались: Балли, Бриссо, Камиль Демулэнъ, Дантонъ, Лафайетъ, братья Ламётъ, Петіонъ, Барнавъ, Мирабо, Мара, Робеспьеръ, князь Брольи, герцогъ Ларошфуко и многіе другіе. Клубъ якобинцевъ выражалъ внушаемая ему масонами идеи, и вообще всѣ революціонныя идеи, по словамъ Тальмейра, были плодомъ масонства. Между прочимъ, онъ приписываетъ масонамъ и заключеніе Людовика XVI въ Тамплъ, тогда какъ члены конвента хотѣли поселить короля въ Люксембургъ. Точно также, по увѣренію автора, и смерть короля— дѣло масоновъ, такъ какъ они подтасовали большинство, подавшее голоса за казнь Людовика XVI: именно они допустили до баллотировки Сэнъ-Жюста, хотя ему не было двадцати пяти лѣтъ, установленныхъ для ценза, дозволили подать голосъ бельгійцу Роберу, хотя онъ не былъ натурализованъ французомъ, и т. д. Такимъ образомъ, 13 голосовъ меньшинства они превратили въ большинство въ пользу смертнаго приговора. Впрочемъ, эти факты не доказаны ничѣмъ опредѣленнымъ со стороны Тальмейра, и ихъ можно признать только своеобразными и оригинальными историческими взглядами. Подлинная же исторія остается при своихъ прежнихъ точныхъ данныхъ. Что же касается до приводимыхъ впервые Тальмейромъ большинства событій, удостоверяющихъ, какое громадное вліяніе имѣли масоны на французскую революцію, то это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Наполеоновская литература недавно обогатилась новымъ сочиненіемъ¹⁾, касающимся административнаго строя присоединенныхъ къ Франціи во время имперіи нѣмецкихъ земель. Вообще историки, какъ французскіе, такъ и иностранные, обыкновенно называли «французской Германіей» всѣ тѣ нѣмецкія территоріи, которыя были завоеваны Наполеономъ, но Жоржъ Сервьере въ своей книгѣ: «Французская Германія при Наполеонѣ I-мъ», разуметь подъ этимъ названіемъ только тѣ нѣмецкія земли, которыя были присоединены къ французской имперіи декретомъ 10-го декабря 1810 года. Онѣ состояли изъ герцогства Ольденбургскаго, двухъ Сальмскихъ владѣній, трехъ ганзейскихъ городовъ: Гамбурга, Любека и Бремена, части Ганновера и одного округа королевства Вестфальскаго. Изъ нихъ были образованы три французскихъ департамента, подъ названіемъ Верхняго Эмса, Устьева Везера и Устьева Эльбы. Всего замѣчательнѣе изъ этихъ вновь пріобрѣтенныхъ Франціей территорій были ганзейскіе города, которые сохранились съ XIII вѣка свободными городскими республиками и были управляемы мѣстными аристократическими сенатами, подъ высшею властью Германской имперіи. Теперь свободные граждане

¹⁾ «L'Allemagne française sous Napoléon I-er», par George Servières. Paris. 1904.

ганзейскихъ городовъ сдѣлались противъ своего желанія и насильственнымъ образомъ подданными французскаго императора; ихъ города—Гамбургъ и Бременъ—обратились въ простыя французскія префектуры, а Любекъ — въ под-префектуру. Новое управленіе оказалось совершенно враждебнымъ характеру ганзейцевъ, мелкаго торговаго народа, мирнаго, бережливаго, отличавшагося прекрасными финансами и дешевой муниципальной администраціей. Теперь же ихъ превратили въ плательщиковъ тяжелыхъ налоговъ, податей и всевозможныхъ сборовъ для поддержанія чуждыхъ имъ армій. Неудивительно, что ихъ неудовольствіе постоянно росло, и когда въ 1813 году приблизились къ ганзейскимъ городамъ русскіе, шведы и пруссаки въ качествѣ освободителей отъ французскаго ига, то Гамбургъ и Любекъ, съ одушевленіемъ возстали и побудили отступить французскаго генерала Сэнъ-Сира. 18-го марта вступилъ въ Любекъ русскій полковникъ Тетенборнъ, а вслѣдъ затѣмъ занялъ и Гамбургъ, гдѣ русскихъ встрѣтили радостными кликами: «Да здравствуетъ императоръ Александръ! Онъ насъ освободитъ и дастъ намъ безошпинный сахаръ и кофе». Ганзейскіе города, въ сущности, дѣйствовали болѣе изъ торговыхъ видовъ, чѣмъ изъ любви къ родинѣ. Континентальная блокада, введенная французами совершенно разорила мѣстныхъ гражданъ и заставила ихъ вооружиться противъ французовъ. Одинъ Бременъ, по обстоятельствамъ, принужденъ былъ остаться французскимъ. Впрочемъ, и другіе ганзейскіе города недолго сохранили свою свободу, и въ іюнѣ французы снова овладѣли ими, подъ начальствомъ маршала Даву, который шесть мѣсяцевъ очень жестоко управлялъ нѣкогда свободными гражданами. Какъ ни старается Сервьеръ защитить Даву отъ взводимыхъ на послѣдняго историками обвиненій, но этого ему не удастся. Съ пораженіемъ Наполеона союзниками наконецъ окончились бѣдствія ганзейскихъ городовъ, и они снова примкнули къ Германскому союзу.

— Маршалъ Лефевръ. Сподвижникъ Наполеона маршалъ Лефевръ, герцогъ данцигскій, до сихъ поръ не имѣлъ біографа, который представилъ бы въ истинномъ свѣтѣ эту замѣчательную историческую личность. Для большинства біографовъ Лефевръ былъ посредственностью: не имѣлъ никакого образованія, не умѣлъ даже писать грамотно, не зналъ стратегіи, такъ какъ продолжительное время служилъ въ войскѣ въ низшихъ должностяхъ и только, благодаря случайности, занялъ высокое положеніе въ арміи и въ государствѣ. Іосифъ Виртъ совѣмъ иначе отнесся къ Лефевру¹⁾. Онъ сравниваетъ Лефевра съ другими маршалами, сподвижниками Наполеона. Сультъ такъ же, какъ и Лефевръ, не былъ въ военной школѣ. Массена, Гоше и Марсо подолгу оставались на низшихъ ступеняхъ военной іерархической лѣстницы, а Ланнъ, Лятуръ д'Овернь и даже самъ Наполеонъ до самой смерти оставались въ разладѣ съ правописаніемъ. Лефевръ родился въ Руффа въ Эльзасѣ. Отецъ его занималъ скромную должность начальника наружной полиціи. По смерти отца судьбою Лефевра занялся дядя, патеръ въ Гемарфъ. Онъ сталъ готовить мальчика въ духовное званіе, къ которому тотъ не чувствовалъ склонности. Прислуживая своему дядѣ при отправленіи послѣднимъ мессы, онъ выпивалъ вино,

¹⁾ Jozef Wirth. «Le maréchal Lefebvre, duc de Dantzig (1755—1820)». 1904.

«истор. вѣстн.», январь, 1906 г., т хсѣх.

предназначенное для причастія. За это его заперали въ погребъ. Тамъ Лефеввръ разбивалъ бутылки съ виномъ. 17-ти лѣтъ, когда дядя хотѣлъ отправить его въ стразбургскую духовную семинарію, юноша бѣжалъ въ Парижъ. Здѣсь онъ поступилъ въ гвардейскій полкъ, одинъ изъ старѣйшихъ во Франціи, первый послѣ «Gardes du corps». Гвардейскій полкъ пользовался у жителей Парижа лестною репутаціею. Говорили, что существуютъ въ Парижѣ три категоріи честныхъ людей: патеры, нотаріусы и гвардейцы. Полкъ былъ для Лефеввра прекрасною школою. Въ 1783 году молодой сержантъ Лефеввръ вступилъ въ бракъ съ Екатериною Гибшеръ, знаменитою «madame Sans-Gêne», которую Сарду представилъ на сценѣ въ карикатурномъ видѣ. Нуждаясь въ средствахъ, Лефеввръ давалъ уроки нѣмецкаго и латинскаго языковъ. Жена Лефеввра была самою вѣрною и самою лучшею его подругою. Когда началось броженіе среди столичнаго населенія — предвѣстникъ начинающейся революціи — дальнѣйшее пребываніе въ полку стало далеко не безопаснымъ. При взятіи Бастили Лефеввръ, вмѣстѣ съ Гоше, защищалъ съ большою отвагою офицеровъ, которые были осаждены обезумѣвшею чернью. Лефеввръ получилъ сильную контузію. Вскорѣ послѣ того тетки короля вздумали въ сопровожденіи большой свиты выѣхать въ Римъ. Несмотря на то, что это были уже старыя женщины, и что онѣ имѣли формальный паспортъ, — чернь не позволила имъ выѣхать... Лефеввръ не могъ помочь имъ и самъ былъ раненъ. Въ 1791 году онъ снова получилъ рану, когда король захотѣлъ переѣхать на нѣкоторое время изъ Парижа въ Сень-Клу. Въ 1792 году гвардейцевъ разослали по разнымъ полкамъ дѣйствующей арміи. Лефеввръ получилъ назначеніе въ 13-й пѣхотный баталіонъ. Этотъ баталіонъ отличился при защитѣ Тювилля, осажденнаго прусскими войсками отряда князя Гогенлоэ. Во время этой-то осады жители осажденнаго города поставили на городскомъ валу деревяннаго коня съ надписью: «Пруссаки тогда возьмутъ Тювилль, когда этотъ конь начнетъ ѣсть сѣно». За заслуги въ кампаніи 1792 года Лефеввра назначили шефомъ батальона. Въ рангъ генерала онъ отличился въ дѣлѣ подѣ Флерусъ (Fleurus), гдѣ главнокомандующимъ французскою арміею былъ Журданъ. Въ послѣдующихъ кампаніяхъ 1795, 1796, 1797 и 1799 годовъ Лефеввръ участвовалъ почти во всѣхъ сраженіяхъ. Получилъ тяжелую рану въ битвѣ подѣ Острахомъ и оставилъ на нѣкоторое время военную службу. Пріѣхавъ въ Парижъ. Директорія въ воздаяніе за военныя заслуги назначила Лефеввра начальникомъ 17-й дивизіи. 18-го брюмера Лефеввръ принялъ сторону Бонапарта. Въ 1800 году, по предложенію перваго консула, назначенъ сенаторомъ, а на слѣдующій день, по вступленіи на престолъ, императоръ наградилъ Лефеввра маршальскимъ жезломъ, вмѣстѣ съ 17-ю самыми выдающимися полководцами республиканской Франціи. Въ качествѣ маршала Лефеввръ отличился подѣ Іеною во главѣ гвардейской пѣхоты. Самымъ же замѣчательнымъ подвигомъ Лефеввра была осада Данцига въ 1807 году. Осажденную армію составляли пруссаки—12.000 и русскіе—2.000. Непрительскія силы своею численностію превосходили армію Лефеввра. Въ составъ арміи послѣдняго входили: саксонцы, баденцы и поляки, подѣ начальствомъ Домбровскаго. Осада шла подѣ непосредственнымъ наблюденіемъ Лефеввра. Онъ присутствовалъ на батареяхъ и

руководилъ осадными работами. Императоръ пожаловалъ ему титулъ герцога (duc) Данцига. Лефевръ принималъ также участие въ испанскомъ и австрійскомъ походахъ 1808 и 1809 годовъ. Два раза усмирилъ возстаніе въ Тиролѣ и отличился въ битвѣ подъ Ескмильемъ. Въ кампаніи 1812 года, окончившейся березинскою катастрофою, Лефевръ не потерялся и мужественно переносилъ несчастія, служа для другихъ примѣромъ. Лефевръ былъ однимъ изъ послѣднихъ приближенныхъ Наполеона, которые его оставили. Когда пруссаки стали довольно недвусмысленно высказываться за отдѣленіе Эльзаса отъ Франціи, Лефевръ отправился просить императора Александра I не соглашаться на это. Александра онъ нашелъ въ Парижѣ. Императоръ спросилъ Лефевра, былъ ли онъ подъ стѣнами Парижа, когда туда прибыли союзники. «Къ несчастію, я прибылъ на мѣсто поздно»,—отвѣчалъ маршалъ.—«Значить, вы недовольны тѣмъ, что меня здѣсь видите»,—замѣтилъ государь. «Ваше величество,—пояснилъ Лефевръ:—я съ благоговѣніемъ и восхищеніемъ смотрю на молодого еще полководца, который съ такою умѣренностію пользуется плодами своихъ побѣдъ, но въ то же время съ ужасомъ вижу въ немъ побѣдителя моей родины». Людовикъ XVIII старался привлечь на свою сторону наполеоновскихъ маршаловъ и средствъ для этого не разбиралъ. Когда Лефевръ въ первый разъ представлялся королю, Людовикъ, видя, что маршалъ хромаетъ, замѣтилъ: «Мы одного съ вами цеха, маршалъ!». Людовикъ XVIII былъ поддиректъ. Несмотря на то, что большинство наполеоновскихъ маршаловъ были назначены членами палаты пэровъ, они всѣ могли повторить за Нэемъ: «Мнѣ угождаютъ, но меня не любятъ». Охлажденіе наступило вслѣдствіе того, что придворныя дамы начали трактовать свысока представительницъ наполеоновскаго аристократическаго свѣта. Женеу Нэя называли дочерью горничной. М-ше Лефевръ презирали, придумывая для нея оскорбительные титулы. Въ эпоху ста дней Лефевръ совсѣмъ не видѣлъ Наполеона. Но былъ назначенъ членомъ палаты пэровъ. Этому ему долго не могли забыть Бурбоны. Послѣ Ватерлоо Лефевра исключили изъ палаты пэровъ и даже приостановили выплату ему маршальскаго содержанія. Только въ 1817 году Людовикъ XVIII возвратилъ Лефевру маршальскій жезлъ, а черезъ два года снова назначилъ членомъ палаты пэровъ. Маршалъ Лефевръ, герцогъ данцигскій, умеръ въ 1820 году въ глубокой старости.

— Вагнеръ и г-жа Везендонкъ. Въ Берлинѣ появился новый матеріалъ ¹⁾ для характеристики знаменитаго нѣмецкаго композитора, Рихарда Вагнера. Этотъ вкладъ въ литературу создателя «Тристаны и Изольды» даетъ возможность увидѣть Вагнера—человѣка, со всѣми его сильными и слабыми сторонами, какъ въ свое время въ перепискѣ съ Листомъ онъ представился предъ глазами читателей—артистомъ-мыслителемъ. Кромѣ того, новый матеріалъ открылъ тайну созданія его оперы «Тристана и Изольды». Не малыя заслуги предъ міромъ у пламенной любви: она дѣлаетъ малыхъ людей—великими, а геніальныхъ побуждаетъ создавать грандіозныя творенія. Къ послѣд-

¹⁾ Richard Wagner an Mathilde Wesendonk. Tageblätter und Briefe. 1853 — 1871. Berlin. 1904.

нимъ относится и знаменитый Рихардъ Вагнеръ, и поклонники его гѣнія должны быть признательны его «Музѣ», — Матильдѣ Везендонкъ, за появленіе на свѣтъ «Тристана и Изольды». Переписка композитора съ Матильдой и его дневникъ послужили вышеупомянутымъ матеріаломъ. Друзья Вагнера знали о его любви къ г-жѣ Везендонкъ, о любви, зародившейся еще во время работы композитора надъ «Валькиріей». Имъ было также извѣстно, что въ 1853 году Вагнеръ долженъ былъ внезапно покинуть Цюрихъ, гдѣ онъ нашелъ радужный пріемъ въ семьѣ Везендонкъ, и бѣжать въ Венецію, такъ какъ эта любовь перешла въ страсть, сдерживаемую и наконецъ варвавшуюся бурнымъ потокомъ. Однако подробности всей этой драмы друзья воздерживались обнаружить. Въ своей «Исповѣди къ друзьямъ» Вагнеръ признался, что въ эту эпоху онъ «позналъ безусловную любовь, и это пробужденіе совершенно перевернуло и преобразовало его искусство и философію». Послѣ смерти композитора появилась его переписка со многими друзьями, но въ ней ничего не говорилось объ этой тайнѣ сердца Вагнера, а его біографъ Глазенапъ едва упомянулъ о Везендонкахъ и пребываніи композитора въ Цюрихѣ. Такимъ образомъ его сердечная буря, причинившая грандіозное музыкальное твореніе, была скрыта отъ любопытства толпы. Роль Матильды Везендонкъ въ созданіи «Тристана и Изольды» осталась бы для потомства неизвѣстной, если бы недавно не появились сто пятьдесятъ писемъ композитора къ ней, дневникъ, веденный Вагнеромъ - Тристаномъ во время бѣгства его въ Венецію, и четырнадцать писемъ Матильды къ нему. По неизвѣстной причинѣ до сихъ поръ эти письма не были напечатаны, но послѣ внезапной смерти въ 1902 г. г-жи Везендонкъ въ Трунбликѣ, около маленькаго озера Траунзее, въ Зальцбургскихъ Альпахъ было открыто ея духовное завѣщаніе, въ которое она просила напечатать вышеупомянутыя письма и дневникъ. Наслѣдники — ея сынъ, Карлъ Везендонкъ, и ея зять, баронъ Виссингъ — рѣшились преступить къ исполненію ея воли. Они поручили эту работу профессору Вольфгангу Гольтеру фонъ-Роштоку, который написалъ къ письмамъ прекрасное предисловіе. Оставалось заручиться разрѣшеніемъ вдовы композитора, Козимы Вагнеръ, дочери Листа и бывшей жены Бюлова. Узнавъ о письмахъ, она была очень удивлена, что они не уничтожены, и объявила, будто «маэстро желалъ, чтобы эти бумаги были истреблены». Но ей пришлось уступить непреклонной волѣ наслѣдниковъ покойной г-жи Везендонкъ, и даже она прибавила къ письмамъ Вагнера четырнадцать писемъ Матильды, найденныхъ ею въ бумагахъ мужа. Гениальный композиторъ, получивъ образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ, въ началѣ своей музыкальной карьеры, какъ извѣстно, терпѣлъ крайнюю нужду и былъ капельмейстеромъ въ Магдебургѣ, Кенигсбергѣ и въ 1837 году въ Ригѣ. Здѣсь онъ женился на одной актрисѣ, мало подходившей по умственному развитію къ такому гениальному человѣку, какъ Вагнеръ. Впрочемъ, ихъ семейная жизнь сначала протекала сравнительно спокойно, и хотя Минна, какъ звали жену Вагнера, тревожила его своимъ вздорливымъ характеромъ, но была преданной женой и расчетливой хозяйкой, заботившейся объ ихъ шаткомъ богатствѣ артистовъ. Она не могла понять ума Вагнера и никогда не допустила бы мысли, что ея мужъ когда нибудь броситъ капельмейстерскую палочку и кинется въ рево-

люціонную пучину. Вагнеръ же былъ не только гениальнымъ артистомъ, но также мыслителемъ и философомъ, а потому въ одинъ прекрасный день онъ, будучи главою оркестра Дрезденскаго театра, а слѣдовательно какъ бы чиновникомъ саксонскаго короля, совершенно неожиданно для своей жены окунулся въ революціонныя волны: вмѣсто оперъ онъ принялся за различныя преобразования и участвовалъ въ Майскомъ возстаніи. Въ это время ему было 36 лѣтъ, и онъ уже сдѣлался знаменитымъ. Послѣ вступленія прусскихъ войскъ и неудачъ республиканцевъ было приказано его арестовать. Онъ бѣжалъ въ Цюрихъ, служившій въ то время сборнымъ пунктомъ всѣхъ революціонныхъ бѣглецовъ 1849 года, гдѣ его встрѣтили съ распростертыми объятіями, и гдѣ онъ пережилъ сердечную бурю, которая его, какъ бы кристаллизовала, и перевернула весь его духовный міръ. Побудительной причиной этой драмы была двадцатилѣтняя Матильда Везендонкъ, жена европейскаго представителя большаго торговаго дома шелковыми матеріями въ Нью-Йоркѣ. Самъ Везендонкъ былъ здоровякъ, съ виду похожій на военнаго, сдержанный, прямодушный, щедрый—настоящій типъ рыцаря. Онъ любилъ общество артистовъ и литераторовъ, а, благодаря своему громадному состоянію, могъ доставлять себѣ удовольствіе пышно принимать ихъ. Если же кто нибудь изъ нихъ располагалъ его къ себѣ, то при случаѣ пользовался его щедростью, когда тѣснили кредиторы, что бывало нерѣдко. Его жена, Матильда, была дочерью коммерціи совѣтника и получила блестящее образованіе въ Дюссельдорфѣ. Судя по приложенному къ книгѣ портрету, у нея были тонкія и граціозныя черты лица, нѣжныя мечтательныя глаза, какъ бы погруженные въ единственную мысль. Въ своихъ краткихъ воспоминаніяхъ г-жа Везендонкъ, говоря объ этой эпохѣ, сравниваетъ себя съ «бѣлымъ листомъ бумаги, на которомъ не было еще начертано никакого характера». Какъ всѣ гениальные артисты, Вагнеръ въ обществѣ былъ молчаливымъ и сумрачнымъ, а въ кружкѣ друзей краснорѣчивымъ и обворожительнымъ: такимъ онъ представился и Матильдѣ. Первые годы своего пребыванія въ Цюрихѣ онъ былъ поглощенъ своими теоретическими работами: «Искусство и революція», «Произведенія искусства будущаго», «Опера и драма», а также эскизомъ Нибелунговъ. Только въ 1850 году между обѣими семействами завязались сношенія, за которыми послѣдовала тѣсная близость между Вагнеромъ и совсѣмъ очарованной имъ Матильдой. Въ ней онъ нашелъ недостававшій ему интеллектуальный очагъ. Болѣе же интимное сближеніе послѣдовало не вдругъ, и Вагнеру пришлось пережить многое, прежде чѣмъ добиться его. Перваго шага къ этому сближенію онъ достигъ со свойственнымъ ему тонкимъ искусствомъ, упрекнувъ друга, обвиняя себя и требуя большихъ милостей, отказываясь отъ прежнихъ. Такъ, желая бывать у нея безъ посторонняго общества, онъ пишетъ ей: «Сударыня, да хранитъ васъ Богъ отъ моихъ злыхъ манеръ. Вы должны теперь понять, что, уступая съ огорченіемъ вашимъ любезнымъ приглашеніямъ, я повинуюсь не напрасному капризу, и что мое дурное настроеніе можетъ измучить моихъ лучшихъ друзей такъ же, какъ и меня самого. Если впредь я приневолю себя къ болѣе многочисленнымъ отказамъ,—и какъ я не сдѣлаю этого послѣ вчерашнихъ испытаній?—повѣрьте, что я хочу прежде всего добиться вашего

прощенія своимъ лучшимъ поведеніемъ. Отдаю себя вашей благосклонной снисходительности». Этимъ способомъ Вагнеръ добился приглашенія бывать у Матильды безъ постороннихъ посѣтителей. Мало того, предвидя, что вскорѣ будетъ полнымъ господиномъ, онъ уже сталъ выказывать, какъ избалованный ребенокъ, что дуется, и не замедлилъ добиться всего, чего хотѣлъ. Это видно изъ слѣдующей записки, написанной три мѣсяца спустя. «Многоуважаемый другъ! Вы позволили мнѣ просить васъ притти къ намъ ненадолго сегодня вечеромъ. Въ лучшемъ случаѣ предлагаю вамъ провести у насъ нѣсколько времени, до десяти часовъ; тогда я не приглашу никого другого, чтобы ничто не смутило этого святого вечера. Надѣюсь на дружеское «да». Вашъ Рихардъ Вагнеръ». Вскорѣ послѣдовали упреки за то, что Матильда не явилась по обыкновенію провести вечеръ безъ приглашенія. Къ этому нѣжному, смиренному упреку приложены два музыкальные такта, еще болѣе выразительные, чѣмъ сама записка: это были мотивы, акомпанирующіе выходу Зиглинды, принесшей рогъ со свѣжей водой изнеможенному Зигмунду въ первомъ актѣ «Валькиріи». Вагнеръ, впрочемъ, не забывалъ о самомъ Везендонкѣ и, посылая Матильдѣ переводъ Гомера, прибавляетъ: «Гомеръ тайкомъ ускользнулъ изъ моей библіотеки. Я его спросилъ: «Куда ты идешь?» Онъ отвѣтилъ: «Поздравить Отто Везендонка со днемъ рожденія». Я ему сказалъ: «Сдѣлай это вмѣстѣ со мною». Р. В. 16-го марта 1854 г.». Въ этотъ и послѣдующіе года письма Вагнера были коротенькія, но въ нихъ уже замѣтна все увеличивающаяся близость между композиторомъ и Матильдой. Съ этого времени они начали обмѣниваться подарками, что знаменовало невинную эру, когда подъ крылышкомъ дружбы зарождается любовь. Матильда посылала ему цвѣты, лампу и серебряный чайникъ; на это онъ отвѣчалъ ей рѣдкими книгами и своими музыкальными отрывками. Онъ былъ занятъ въ это время сочиненіемъ «Валькиріи» и взялъ въ привычку, которую сохранилъ нѣсколько лѣтъ, посылать Матильдѣ первые мелодическіе наброски знаменитыхъ leitmotiv. Онъ наносилъ карандашомъ на отрывные листы свои музыкальныя идеи, и она получала ихъ еще неостывшими отъ его геніальнаго вдохновенія: «онѣ запечатлѣвались въ ея умѣ, какъ знаки, и прятались въ ея сердцѣ, какъ близкіе и тираническіе духи, которыхъ болѣе не возможно прогнать, и взглядъ которыхъ съ тѣхъ поръ нельзя ничѣмъ погасить, а голосъ — заглушить». Иногда эти мотивы сопровождались то шутивными словами, то благодарностью, то жалобами и объясненіями. На одномъ изъ нихъ были начертаны: «G. S. M.», т.-е. «Gesegnet sei Mathilde». (Будь благословенна Матильда); на другомъ: «S. L. F.», т.-е. «Seiner lieben Frau». (Своей любимой дамѣ). Все они хранились у Матильды въ красномъ бумажникѣ и перешли теперь къ ея наслѣдникамъ. Тамъ же оказался и одинъ неотдѣланный мотивъ изъ «Парсифаля». Г-жа Везендонкъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: «Наши отношенія сдѣлались дружескими и близкими лишь съ 1853 года. Только тогда маэстро началъ посвящать меня въ свои намѣренія. Сначала онъ прочиталъ мнѣ три оперныя поэмы, которыя привели меня въ восторгъ, затѣмъ — вступленіе къ этому тому и послѣдовательно, одно послѣ другого, прозаическія сочиненія. Такъ какъ я любила Бетховена, то Вагнеръ игралъ мнѣ его сонаты, а если имѣлся въ виду концертъ, на которомъ онъ долженъ былъ

управлять Бетховенской симфоніей, то онъ игралъ мнѣ до и послѣ репетиціи различныя партіи этого произведенія до тѣхъ поръ, пока я совершенно не проникалась ими. Онъ бывалъ счастливъ, когда я была способна слѣдить за его мыслями и когда мой энтузіазмъ воспламенялся отъ его энтузіазма. Въ 1854 году онъ ввелъ меня въ философію Шопенгауэра. Вообще онъ возбуждалъ мое вниманіе ко всѣмъ замѣчательнымъ литературнымъ и научнымъ произведеніямъ. Онъ читалъ мнѣ вслухъ книги или спорилъ со мною объ ихъ идеяхъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе играть мнѣ въ сумерки, между пятью и шестью часами то, что сочинилъ утромъ. Онъ вносилъ съ собою жизнь туда, гдѣ появлялся. Иногда онъ входилъ въ комнату съ виду усталый, изнеможенный, и какое это было прекрасное зрѣлище, когда послѣ короткаго отдыха онъ садился за піанино, и на его челѣ разсѣивались тучи, а на чертахъ скользили лучи. Ему одному я обязана всѣмъ лучшимъ, что есть во мнѣ. Годы, проведенные въ Цюрихѣ, были для Вагнера временемъ сосредоточенія своихъ мыслей, работы и внутренней кристаллизаціи, чего нельзя выбросить изъ его біографіи, грубо не порвавъ нити его развитія, и въ Венецію онъ ѣхалъ совершенно преобразованнымъ». Мужъ Матильды виолнѣ ей довѣрялъ и не ревновалъ ея. Напротивъ онъ гордился Вагнеромъ, всегда вносившимъ съ собою цѣлый вихрь идей и дѣлавшимъ изъ своего внутренняго міра настоящій волшебный фонарь, гдѣ проходили въ странныхъ, колоритныхъ сценахъ будущія образцовыя произведенія, еще неизвѣстныя публикѣ. Иногда при чтеніи и долгихъ разговорахъ Вагнера съ Матильдой присутствовали третьи лица, друзья Вагнера: архитекторъ Семперъ, германистъ Этгмюллеръ, поэты Гервегъ и Готфридъ Келлеръ. Въ долгіе зимніе вечера они читали Шопенгауэра, индусскія легенды и драмы Кальдерона. До рокового дня въ обѣихъ семьяхъ все шло спокойно, чисто и идеально, и самъ Вагнеръ такъ охарактеризовалъ этотъ періодъ: «Въ нашихъ отношеніяхъ исключительно то, что наши дѣйствія и мысли невольнo являлись намъ лишь въ ихъ идеальной сущности и всегда въ возвышенной формѣ. Какъ только мы находились выѣстѣ, то чувствовали себя въ нѣкоторомъ родѣ освобожденными, такъ сказать, отъ жизни». Узы дружбы еще болѣе закрѣпились, когда неожиданно для Вагнера исполнилось его сокровенное желаніе имѣть свой собственный уголокъ. Уже давно онъ намекалъ Матильдѣ о своемъ сильномъ желаніи обладать собственнымъ домомъ, «убѣжищемъ», о которомъ онъ мечталъ и даже писалъ ей объ этомъ въ стихахъ. Г-жа Везендонкъ поняла и уговорила мужа выстроить въ окрестностяхъ Цюриха великолѣпный дворецъ для своей семьи. Она такъ ловко повела дѣло, что добилась у Отто Везендонка согласія устроить возлѣ ихъ дворца небольшой удобный домъ съ отдѣльнымъ садомъ для Вагнера, за что композиторъ платилъ своимъ присутвіемъ и музыкою. Въ 1857 г. онъ въ немъ поселился съ своей семьей, и здѣсь-то пережилъ сердечную драму. Въ своемъ новомъ жилищѣ онъ принималъ пріятелей, а иногда у него проживали заграничныя или нѣмецкія друзья. Въ то время Вагнеръ работалъ надъ Зигфридомъ съ необычайнымъ пыломъ. Въ письмѣ къ Листу онъ писалъ: «Мой рабочій столъ вблизи большого окна, изъ котораго неподобный видъ на озеро и Альпы. Меня окружаетъ безусловное спокойствіе. Я не покину моего убѣжища, пока приключеніе Зиг-

фрида и Брунгильды не будет совершенно выяснено»... Въ это время Вагнеръ не предчувствовалъ, что ему придется прервать свою работу и, только четырнадцать лѣтъ спустя, окончить сцену пробужденія Зигфрида Брунгильдой. Другая драма, жизненная, захватила его и увлекла въ вихрь страсти, омрачившемъ безоблачный, чистый горизонтъ дружбы, въ пучину страданій, проникнувшихъ въ самые сокровенные уголки его существа. Письма, относящіяся къ этой эпохѣ, уже становятся интимнѣе и въ приподнятомъ тонѣ: прежняя «ученица» превращается въ «мою дорогую музу». Вагнеръ не могъ болѣе обойтись безъ нея и писалъ ей: «Что же, моя дорогая муза всегда будетъ держаться далеко отъ меня? Я безмолвно ожидаю ея посѣщенія, я не хотѣлъ ее тревожить своею просьбою, ибо муза, какъ и любовь, даетъ счастье, когда она только этого хочетъ. Насчастье безумцу, несчастье человѣку безъ любви, который захочетъ силою вырвать у нея то, что она даетъ только добровольно. Отъ нея ничего не добьешься насильно, грубостью. Не правда ли? Не правда ли? А моя муза держится далеко отъ меня!». Какъ могла устоять Матильда противъ такихъ искусственныхъ словъ? Съ этого момента необъяснимая любовь проникла въ нее, какъ незамѣтное тонкое вещество, которое пропитало всю окружающую ея атмосферу. При встрѣчѣ съ Вагнеромъ изъ ихъ глазъ исходила какая-то магнетическая сила, и хотя они не говорили еще о любви, но были полны ею. Она послала ему въ подарокъ вышитую подушку и въ отвѣтъ получила записку: «Ахъ, какая прекрасная подушка! но слишкомъ нѣжна! Моя голова бываетъ такъ утомлена и тяжела, что я никогда не осмѣлюсь положить ее на эту подушку, если бы я былъ боленъ—развѣ когда я умру! Тогда я нѣжно припаду къ ней, какъ бы имѣя на это право. Вы сами положите ее подъ мою голову. Вотъ мое завѣщаніе. Р. В.» Хотя добросовѣстное отношеніе къ правамъ и интересамъ другихъ было не въ обычаѣ Вагнера, въ виду его положенія гения, но на этотъ разъ онъ чувствовалъ свой долгъ относительно Отто Везендонка: какъ къ якорю спасенія, онъ прибѣгнулъ къ поэзіи. Ей предстояло дать исходъ изъ этой страсти, стремительный потокъ которой излился бы въ искусство. Какъ разъ онъ только что прочиталъ Тристана и Изольду, поэму нѣмецкаго эпическаго поэта XII—XIII вѣковъ, Готфрида Страсбургскаго. Положеніе Тристана и королевы ирландской, приведенной имъ къ своему дядѣ, королю Марку, и съ которою онъ дорогою выпилъ любовный напитокъ, связавшій ихъ неразрывно, напомнило Вагнеру его положеніе съ Матильдой. Подъ вліяніемъ этого сочиненія и своихъ личныхъ чувствъ онъ рѣшился написать драму, основанную на этой кельтической легендѣ. Однажды, находясь наединѣ съ Матильдой, онъ объявилъ ей, что хочетъ написать текстъ къ музыкальной драмѣ—«Тристанъ и Изольда», которую тайно посвятилъ бы ей и объяснилъ бы то, что должно остаться между ними. Эта поэма была написана въ одинъ мѣсяць (августъ—сентябрь 1857 г.). Вагнеръ послѣдовательно послалъ своей «музѣ» первые два акта Матильда становилась все молчаливѣе и суровѣе, хотя на взглядъ ихъ жизнь нисколько не перемѣнилась. Съ своей стороны Вагнеръ дѣлался все мрачнѣе и мрачнѣе. Они продолжали видѣться въ семейномъ кругу, но о драмѣ остерегались говорить. Когда она была окончена 18 сентября 1858 г.,

онъ отнесъ ее къ Матильдѣ; она была дома одна. Вотъ какъ, годъ спустя, онъ записалъ это свиданіе въ своемъ дневникѣ, который впоследствии велъ въ Венеціи въ видѣ писемъ къ Матильдѣ. «Сегодня годъ, какъ покончилъ поэму Тристанъ и отнесъ къ тебѣ послѣдній актъ. Ты довела меня до кресла около дивана и, обнявъ, сказала: «Теперь у меня нѣтъ больше никакихъ желаній». Въ этотъ день, въ этотъ часъ я снова возродился. Все, что этому предшествовало, можетъ назваться: «Предъ жизнью», и все, что послѣдовало—«Послѣ жизни». Я никогда не жилъ такъ, какъ въ этотъ чудный моментъ. Ты знаешь, какъ я имъ наслаждался? Это была ни буря, ни гроза, ни опьяненіе. Я оставался торжественнымъ, глубоко взволнованнымъ, проникнутымъ нѣжной теплою, свободнымъ, погрузившимъ взглядъ въ вѣчность! Уже прежде я мучительно отдалялся отъ свѣта, но болѣе откровенно. Все во мнѣ сдѣлалось отрицаніемъ, запретомъ. Даже мои артистическія творенія были мучительны, такъ какъ исходили изъ желанія найти утвердительный отвѣтъ на это отреченіе, который могъ бы слиться съ ними. Этотъ моментъ далъ его мнѣ, съ такой безусловной положительностью, что во мнѣ все смолкло, все ждало приговора. Любимая женщина, до этого дня застѣнчивая и колеблющаяся, отважно бросилась въ море страданій и золь, чтобы предоставить мнѣ этотъ моментъ и сказать: «Я люблю тебя!» Итакъ ты принесла себя въ жертву смерти, чтобы дать мнѣ жизнь; итакъ, я получилъ твою жизнь, чтобы сказать свѣту—прощай, чтобы страдать и умереть съ тобою. Исчезло проклятiе напрасному желанію. Я потерялъ всю горечь; я могу скитаться, страдать, быть терзаему, но болѣе никогда я не потеряю свѣтлаго сознанія, что твоя любовь была моимъ высшимъ благомъ, и безъ нея мое существованіе было бы противорѣчимъ». Это письмо ясно говоритъ, что бурный потокъ срасти не весь излился въ искусство, и остатокъ его сломалъ преграды между Вагнеромъ и Матильдой; особенно было видно только изъ письма Вагнера къ сестрѣ Кларѣ. Оно помѣчено тѣмъ же числомъ 10 августа 1858 года. «Что меня сохраняло и утѣшало въ теченіе шести лѣтъ, что мнѣ помогало жить возлѣ Минны, несмотря на громадную разницу нашихъ характеровъ и натуръ—это любовь той молодой женщины (г-жи Везендонкъ), которая приблизилась ко мнѣ сначала колеблясь, а затѣмъ увѣренно и съ возрастающимъ довѣріемъ. Такъ какъ между нами не могло быть вопроса о какомъ нибудь союзѣ, то наша глубокая любовь приняла тотъ печальный и меланхолическій характеръ, который отдаляетъ всѣ низменныя и низкія чувства и дѣлаетъ такъ, что ищешь источникъ радости только во благомъ другихъ. Но эта любовь, все еще не выраженная между нами, должна была, въ концѣ концовъ, обнаружиться, когда въ прошедшемъ году я написалъ поэму Тристанъ и отдалъ ей. Тогда впервые она лишилась своихъ силъ и объявила, что должна умереть». Г-жа Везендонкъ была слишкомъ серіозной, прямой натурой, и ея слово «умереть» было крикомъ отчаянія, искреннимъ и твердымъ рѣшеніемъ великой души, боровшейся между долгомъ и всемогущей любовью. Вагнеръ былъ счастливъ, что любимъ, а такому гению, какъ онъ, не трудно было заставить ее измѣнить свое рѣшеніе—и они продолжали жить попрежнему. Но Матильда была печальна: ее ужасало будущее. Вагнеръ же, напротивъ, ликовалъ: онъ воспрянулъ духомъ отъ своей побѣды и принялся

за сочиненіе музыки перваго акта Тристана. «Когда я писалъ мою поэму,—говорилъ онъ,—я уже былъ опьяненъ музыкальнымъ благоуханіемъ моего произведенія». Но слова поэмы были для него только каввой, когда же онъ писалъ музыку, тогда онъ ихъ оживилъ и проникнулъ во всѣ фибры дѣйствующихъ лицъ. Къ сожалѣнію, относящихся къ этой эпохѣ писемъ нѣтъ, но есть стихи, помѣченные 1857 годомъ и присланные Матильдѣ съ музыкальными набросками 1-го акта, которые написаны въ томъ же ритмѣ, какъ финальный дуэтъ. Въ эту эпоху долго сдерживаемая страсть обоихъ любовниковъ стремилась бурнымъ потокомъ. Затѣмъ послѣдовали стихи на елку; Матильда отвѣтила на нихъ поэтическими стихами, вызвавшими важныя послѣдствія. Когда Вагнеръ прочиталъ ихъ, охватило опьяненіе любовника и артиста, и онъ рѣшилъ перевести ихъ на музыку и этимъ обезсмертить жалобы и вздохи любимой женщины. Одно изъ ея произведеній послужило темой для дуэта во второмъ дѣйствіи, а другое прелюдией къ третьему дѣйствію. Получивъ эти мелодіи, Матильда подписала на одномъ изъ нихъ слова Изольды: Избранный для меня, потерянный для меня. Это совпало съ эпохой, когда г-жа Везендонкъ, забывъ о долгѣ, объ угрызенияхъ совѣсти, о боязни будущаго, была окончательно увлечена любовнымъ вихремъ на край пропасти. Къ сожалѣнію, писемъ, относящихся къ этой эпохѣ, тоже недостаетъ, но, судя по письму, написанному вполнѣдствіи Вагнеромъ изъ Венеціи, ясно представляется ихъ психологическое состояніе. Однако въ этомъ письмѣ не упомянуто ни о мѣстѣ встрѣчъ, ни о днѣ. «Нѣтъ, не жалкій ласкъ, которыми ты украсила мнѣ жизнь,—писалъ Вагнеръ.—Я не знавалъ этихъ благоухающихъ цвѣтовъ, ускользнувшихъ съ дѣвственной почвы благородной любви. Мечта поэта должна была измѣниться въ чудную дѣйствительность. Эта роса живительной радости и преобразовательница одинъ разъ должна была упасть на неблагоприятную почву моей земной жизни. Я никогда на это не надѣялся, а теперь мнѣ кажется, что я все-таки это зналъ. Теперь я облагороженъ: я получилъ мое званіе рыцаря. На твоемъ сердцѣ, въ твоихъ глазахъ, твоими губами — я былъ освобожденъ отъ міра. Каждая частица «меня»—свободна и благородна. Я знаю, что былъ любимъ тобою съ такимъ избыткомъ нѣжности, и все-таки твоя сокровенная непорочность пронизываетъ меня, какъ священная дрожь. Ахъ! я еще дышаю волшебное благоуханіе цвѣтовъ, которые ты собрала для меня на твоемъ сердцѣ; это не были источники земной жизни: это было благоуханіе сверхъестественныхъ цвѣтовъ божественной смерти. Эти цвѣты когда-то украшали тѣла героевъ, прежде чѣмъ они были превращены огнемъ въ пепель; любовница бросалась въ огненную и благоуханную могилу, чтобы соединить свой пепель съ пепломъ любимаго человѣка. Тогда они составляли одно. Одинъ элементъ! Не человѣческія существа, а божественную субстанцію вѣчности! Нѣтъ, не раскаивайся! Этотъ огонь горитъ свѣтло и чисто! Никакое темное пламя, никакой дымъ томленія не омрачитъ его ясности. Твои любовныя ласки—вѣнецъ моей жизни, розы радости, украсившія мой терновый вѣнецъ. Я гордъ и счастливъ! У меня болѣе нѣтъ желанія, нѣтъ стремленія! Я испытываю наслажденіе, высшее сознаніе и чувствую силу на все, силу презирать всѣ жизненныя бури. Нѣтъ! нѣтъ! не раскаивайся! не раскаивайся!» Въ этомъ письмѣ такъ и слышится мистическая гармонія второго акта Три-

стана. Этотъ бурный потокъ страсти закружилъ ихъ голову: они ономнилились, когда уже находились одной ногой въ пропасти: Матильду охватило угрызеніе совѣсти—Вагнера страхъ за будущее. Оставалось одно—выбраться изъ пропасти: Вагнеръ рѣшился покинуть «убѣжище». Онъ объявилъ объ этомъ Отто Везендонку, который съ спокойной довѣрчивостью попробовалъ его отговорить. Вагнеру пришлось отыскивать другое помѣщеніе, и на это потребовался цѣлый мѣсяцъ. Въ жизни композитора все перевернулось: работа затянулась, свиданія съ Матильдой были затруднены. По короткимъ запискамъ, которыми они обмѣнивались, можно судить о внутренней борьбѣ Вагнера со своей страстью и полномъ ея поработченіи, даже его головы. «Какое чудесное рожденіе нашего ребенка, богатаго горестями!—пишетъ онъ.—У кого можно было бы требовать, чтобы онъ бросилъ своихъ дѣтей? Богъ намъ помогаетъ, несчастнымъ! Или мы были бы слишкомъ богаты? Надо ли намъ самимъ помогать себѣ?» Въ другой запискѣ онъ говоритъ: «Письмо—какъ оно меня опечалило! Дьяволъ перешелъ изъ одного сердца въ другое. Какъ его побѣдить! О! несчастные мы! Мы не принадлежимъ себѣ! Дьяволъ сдѣлайся Богомъ!» Чѣмъ окончилась бы эта борьба? Могъ ли справиться Вагнеръ этой страстью, неизвѣстно, но обстоятельства сами положили конецъ: его жена неожиданно перехватила одно письмо и сдѣлала грубую, бурную сцену г-жѣ Везендонкъ, поссоривъ обѣ семьи; Вагнеру ничего не оставалось, какъ снѣшно покинуть Цюрихъ. Всѣ эти обстоятельства дѣлаются извѣстны лишь изъ письма Вагнера къ сестрѣ; но о поведеніи Отто Везендонка ничего не упоминается: вообще многое остается невыясненнымъ. Впрочемъ видно, что Вагнеръ не простилъ женѣ ея грубой выходки и тотчасъ же навсегда разошелся съ нею, а г-жа Везендонкъ разсердилась на него за то, что онъ не съ умѣлъ помѣшать этой сценѣ. Переписка продолжалась, и чувства были тѣ же еще года два, хотя въ чуткую душу Матильды закралась недовѣрчивость и оиасеніе, которыя, впрочемъ, мало-по-малу разсѣялись. Исчезнувшее счастье и лишеніе уютной покойной жизни въ «убѣжищѣ», которыми онъ дорожилъ болѣе всего, огорчили Вагнера. Для него снова началась бродячая жизнь, вдобавокъ, теперь одинокая. Съ Матильдой онъ такъ и не видѣлся предъ отъѣздомъ. Изъ письма къ ней мы узнаемъ, что при прощаніи его жена разразилась слезами и жалобами. «Впервые мои глаза оставались сухи,—писалъ Вагнеръ.—Еще разъ я просилъ ее выказать себя благородной тихой и по-христіански утѣшиться. Ея прежняя мстительная грубость снова вспыхнула. Ее нельзя спасти. Все-таки я не сумѣлъ бы отмстить несчастной. Она сама должна исполнить свой приговоръ. Итакъ я былъ страшно суровъ, огорченъ и печаленъ, но плакать не могъ. Такъ я и отправился. И вотъ, не отрицаю, я чувствовалъ себя легко, я свободно вздохнулъ. Я встрѣтилъ одиночество, гдѣ я — у себя, одиночество, гдѣ могу любить тебя при каждомъ дыханіи». Послѣ короткаго пребыванія въ Женевѣ, Изола-Белла, Лаго-Маджоре Вагнеръ остановился въ Венеціи. Здѣсь онъ поселился въ нижнемъ этажѣ одного дворца на полдорогѣ отъ Пьяцетты до Ріальто. Его рабочимъ кабинетомъ былъ княжескій салонъ. Но онъ еще не могъ ни думать ни работать. Днемъ онъ безпокойно, лихорадочно бродилъ по городу безъ всякой цѣли. По вечерамъ, вернувшись въ свой дворецъ, онъ

встрѣчалъ пустыя комнаты, одиночество. Изъ оконъ видна была лишь чернѣ-впаяся вода канала. Одиночество тѣмъ болѣе было чувствительно, что Матильда не писала ему прямо, а чрезъ посредницу, г-жу Вилль,—вѣрную Бругильду—и то изрѣдка, отвѣчая на его письма. Третье лицо въ ихъ отношеніяхъ возмущало Вагнера. Онъ, во что бы-то ни стало, хотѣлъ удержать любовь своего добраго генія, безъ котораго чувствовалъ, что не окончить «Тристана и Изольды». Чтобы какъ нибудь поддерживать сношенія съ Матильдой, хотя мечтою, онъ сталъ писать дневникъ въ видѣ писемъ къ ней. Въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ говоритъ, что писалъ г-жѣ Вилль и узналъ о твердомъ рѣшеніи Матильды отказаться отъ него. Онъ ее упрекаетъ за это, говоря, что онъ не отказался бы отъ нея ради какихъ либо родныхъ. Чрезъ недѣлю г-жа Вилль возвратила ему это письмо, которое Матильда не хотѣла даже открыть. По этому поводу Вагнеръ написалъ въ своемъ дневникѣ: «Этого не должно было случиться, — только не это. Въ одинъ прекрасный день ты прочтешь это отосланное обратно письмо, и увидишь страшную несправедливость твоего отказа». На другой день онъ написалъ. «Одно только слово прямо отъ тебя. Три слова! болѣе ничего... Ахъ! всѣ эти посредники! Что же это? Религія между нами?» Чрезъ два дня пришло письмо отъ г-иж Везендонкъ, и Вагнеръ успокоился: «дьяволъ исчезъ—явился ангель», — и композиторъ написалъ между прочимъ въ дневникѣ. «Да, все хорошо и все хорошо пойдетъ: наша любовь выше всѣхъ препятствій, и каждая преграда ее обогащаетъ, одухотворяетъ и облагороживаетъ». Покидая Цюрихъ, Вагнеръ думалъ что спаситель—онъ и такимъ себя выставлялъ въ письмахъ къ Матильдѣ. Въ дѣйствительности же она нравственно господствовала надъ нимъ и заставила его подняться въ свою сферу. Вагнеръ внослѣдствіи самъ въ этомъ сознается въ своемъ дневникѣ. Въ концѣ октября Матильда, уже нѣсколько успокоенная, снова стала писать ему съ нѣжной печалью, и душа Вагнера опять настраивается и начинаетъ вибрировать, какъ лира. Жажда жгучей любви уступаетъ мѣсто мистическому и глубокому свѣту «отказывающей любви». Въ это время г-жа Везендонкъ лишилась маленькаго сына, и это нанесло сильный ударъ Вагнеру. «Повѣришь ли ты, — писалъ онъ между прочимъ Матильдѣ, — что въ эти дни я едва могу думать о работѣ? Я могу страдать, быть печальнымъ вмѣстѣ съ тобою но могъ ли бы я сдѣлать что либо болѣе прекрасное, когда ты печальна и страдаешь?» На это она прислала ему свой дневникъ, веденный ею со дня ихъ разлуки. Тогда онъ сталъ тревожиться сильнѣе: его сердце сжималось, и онъ хотѣлъ поѣхать къ ней, но удержался. Затѣмъ въ его письмахъ стала проглядывать мысль о самоубійствѣ: «Сегодня день всѣхъ святыхъ, — писалъ онъ. — Я проснулся отъ короткаго, но глубокаго сна, послѣ долгихъ, ужасныхъ страданій, какихъ я еще не испытывалъ. Я стоялъ на балконѣ и смотрѣлъ на черное теченіе Большаго Канала; буря свирѣпствовала. Мой прыжокъ, мое паденіе не были бы услышаны. Прыжокъ освободилъ бы меня отъ страданій. Уже мой сжатый кулакъ уперся на балюстраду, но могъ ли я это сдѣлать, думая о тебѣ? День всѣхъ святыхъ наступилъ! Да покоятся всѣ души! Теперь послѣдній шипъ вышелъ изъ моего сердца, теперь я могу все. Не приписывай моего спасенія музыкѣ. Я ее ясно переживалъ — не она мое утѣшеніе, мое вознагражденіе: она только аком-

панируетъ моею глубокою гармоніи съ тобою, кормилица моего желанія умереть въ твоихъ объятіяхъ. Твоя глубокая, непоколебимая любовь мнѣ болѣе свѣтила послѣ бури. Съ тобою я могу все, безъ тебя—ничего. Въ ту ночь, когда я отнялъ руку съ балкона, меня удерживало не искусство! Въ этотъ ужасный моментъ я увидѣлъ ось, вокругъ которой мое рѣшеніе повернулось отъ смерти къ жизни. Эта ось—ты! ты! Не сердись, мое дитя! Слезы текутъ, земля меня беретъ назадъ. День всѣхъ святыхъ! День воскресенія!» Это письмо значительно разнится отъ первыхъ, посланныхъ изъ Венеціи, въ которыхъ Вагнеръ выражалъ свои страданія, что не обладаетъ любимой женщиной. Теперь онъ высказываетъ свое страданіе отъ невозможности утѣшить ее. Съ этого момента Вагнеръ одержалъ побѣду надъ собою. «Теперь я возвращаюсь къ Тристану,— писалъ онъ Матильдѣ:— черезъ него я буду съ тобою говорить посредствомъ глубокаго искусствазвучнаго молчанія». Онъ принялся за работу, подбодряя себя словами. «Поднимитесь, поднимитесь, напряженные мускулы! Надо, чтобы дѣло шло». Онъ медленно работалъ надъ каждой фразой. «Я komponирую, какъ будто я не хочу болѣе работать ни надъ чѣмъ другимъ во всю жизнь. Самая маленькая фраза имѣетъ для меня значеніе цѣлаго акта». Въ это время Вагнеръ никогоневидѣлъ, кромѣ своихъ слугъ и гондольеровъ на каналѣ. По вечерамъ онъ гулялъ, читалъ или размышлялъ. Въ свободныя минуты онъ мечталъ о «Парсифалѣ», составлялъ планъ одной будійской драмы, которой, впрочемъ, никогда не написалъ— «Побѣдители». Насколько бурно протекала внутренняя жизнь Вагнера при началѣ сочиненія «Тристана и Изольды», настолько она сдѣлалась безмятежна при его окончаніи. «Самый сильный огонь жизни брызнулъ изъ него съ такимъ пламенемъ, что я былъ имъ сожженъ, истребленъ,— писалъ Вагнеръ.— Когда огонь стихъ въ концѣ акта, когда нѣжный свѣтъ преображенной смерти принялся свѣтитъ сквозь уголья, я сдѣлался гораздо спокойнѣе». Страданія любовника помогли совершиться триумфу артиста. Тристанъ былъ одной изъ прекрасныхъ побѣдъ надъ страстью. Этимъ окончился необычайный дуетъ самой страстной, самой грандіозной и интимной любви. Весною 1859 года Вагнеръ уѣхалъ изъ Венеціи и поселился на шесть мѣсяцевъ въ Люцернѣ. Тамъ онъ долженъ былъ окончить оркестровку третьяго акта Тристана. Между прочимъ онъ провелъ одинъ день въ Цюрихѣ у Везендонковъ, не имѣя силъ удержаться отъ искушенія повидать свою «музу» черезъ годъ послѣ разлуки. Свиданіе произошло не наединѣ, и Вагнеръ чувствовалъ, какая прощастъ образовалась между ними. Тристанъ и Изольда были разлучены навсегда. Дальнѣйшая переписка продолжалась еще четыре года. Дума Вагнера оставалась вѣрна Матильдѣ, которая была попрежнему его «ангеломъ и музой». Для Вагнера наступило время заботы и борьбы: это была самая тяжелая и тревожная эпоха; жизнь въ Парижѣ, концерты, неудача Тангейзера, путешествіе въ Россію и т. д. Въ день его рожденія Матильда послала ему цѣлую серію нѣжныхъ поэтическихъ стиховъ, но ея письма сдѣлались сдержаннѣе. Положеніе Вагнера было крайне тяжелое, и хотя онъ не терялъ вѣры въ свои силы, но болѣе не довѣрялъ счастливой звѣздѣ и не ожидалъ на сѣромъ горизонтѣ свѣтлаго явленія. Въ матеріальномъ отношеніи было не лучше: онъ запутался въ долгахъ и дошелъ до крайности. Но онъ ошибся, не вѣря своей звѣздѣ:

она ему еще свѣтила, и его судьба внезапно измѣнилась, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Весною 1864 г. баварскій король Лудвигъ II неожиданно пригласилъ Вагнера въ Мюнхенъ. Съ этого времени его переписка съ г-жею Везендонкъ разомъ прекращается, что, по правдѣ сказать, выставляетъ его не въ очень красивомъ свѣтѣ. Послѣднее его письмо къ Матильдѣ дышитъ холодомъ. Впрочемъ эта переписка произошла потому, что Тристанъ выпилъ любовный напитокъ, но не съ прежней Изольдой, а съ г-жею Козимой Бюловой. Впервые былъ счастливъ вполне. Ему было въ это время 51 годъ. Бракъ г-жи Бюловой Вагнеръ называлъ трагическимъ, намекая на семейное несогласіе. Онъ писалъ о ней г-жѣ Виль, «какъ о молодой женщинѣ, надѣленной рѣдкими способностями и стоявшей умственно выше своего отца, Листа. Это была совершенно иная натура, чѣмъ Матильда, съ менѣе глубокой и поэтической душой, но съ болѣе возвышеннымъ артистическимъ умомъ, любящая декорацию въ жизни, какъ и въ театрѣ. Насколько первая была застѣнчива, настолько вторая—смѣла; она владела собою даже въ самыя страстные моменты и умѣла скрывать свое честолюбіе подъ очаровательной улыбкой. Когда, шесть лѣтъ спустя, она, разведясь съ мужемъ, сдѣлалась женою Вагнера, то кто-то сказалъ про нее, что «она предпочла Бога его пророку». Она поняла, что для завоеванія Вагнера надо идти на все: обожать его и поклониться предъ нимъ, ради будущей власти надъ нимъ. Но г-жѣ Везендонкъ пришлось еще встрѣтиться съ Вагнеромъ, шесть лѣтъ спустя, когда онъ, живя въ Люцернѣ, пріѣхалъ въ Цюрихъ къ Везендонкамъ и представилъ свою жену. Отношенія между обѣими семьями были натянуты, но корректны. На приглашеніе Вагнера присутствовать на первомъ представленіи Тристана Матильда отвѣчала отказомъ, не будучи въ силахъ выдержать неблагодарной забывчивости Вагнера и страдая отъ его невѣрности. Поклонники Вагнеровской музыки должны съ благодарностью отнести къ памяти покойной г-жи Везендонкъ—первопричинѣ созданія «Тристана и Изольды».

— Послѣдняя племянница Наполеона. Скоро минетъ годъ смерти принцессы Матильды, и еще до сихъ поръ появляются во французскихъ и англійскихъ журналахъ статьи, очерки и воспоминанія объ ея жизни и салонѣ. На основаніи этихъ данныхъ ¹⁾ теперь можно составить полную ея біографію и характерно очертить ея замѣчательную личность. Принцесса Матильда родилась въ Триестѣ 27-го мая 1820 года и была дочерью Иеронима, короля Вестфальскаго, младшаго брата Наполеона. Матерью же ея была принцесса

¹⁾ La princesse Mathilde (1820—1904); par M. H. Castets. Revue Universelle. 1 Fevrier 1904.

The Niece of Napoleon, by Germain Bapst. The Fortnightly Review, June 1904.

La princesse Mathilde, par comte Fleury. Le Carnet, Janvier 1904.

La princesse Mathilde, par Ernest Lavisse, «La Revue de Paris», Janvier 1904.

Sainte-Beuve et la princesse Mathilde, par Leon Seché. «Revue Bleue» 16 Janvier 1904.

The Salon of the Princess Mathilde, by Victor du Bled. The Century Magazine, February 1902.

A Reminiscence of Princess Mathilde Bonaparte, by G. M. Temple Bar. May 1904.

Екатерина Виртембергская, дочь короля. Они оба тогда жили въ изгнаніи и большой бѣдности, что не мѣшало ея отцу думать только о своихъ многочисленныхъ любовницахъ. Напротивъ, его добрая, преданная жена такъ восторженно любила своего гуляку-мужа, что часто говорила: «Я отдала бы всѣхъ моихъ дѣтей за мизинецъ моего Фи-фи (такъ она называла своего Иеронима)». Поэтому, естественно, что родители не заботились о воспитаніи своихъ дѣтей. По счастью для принцессы, баронесса Редингъ, бывшая придворная дама вестфальской королевы, очень любила Матильду въ дѣтствѣ и молодости и дала ей образцовое воспитаніе, не разставаясь съ нею до ея замужества. Трехъ лѣтъ она была увезена въ Римъ и оставалась тамъ съ своей гувернанткой восемь лѣтъ, а затѣмъ вернулась къ родителямъ во Флоренцію, гдѣ развились ея художественные вкусы. Ея красота и граціозность такъ рано обнаружилась, что тринадцати лѣтъ уже начали ухаживать за нею женихи. Дѣйствительно, она была тогда такъ хороша собою, что поражала всѣхъ прелестью цвѣта своего лица, сама сознавала это: она нарочно прикладывала къ щекѣ лепестки розовой розы, и они не выдѣлялись на фонѣ ея щеки. Первая ея побѣда была надъ принцемъ Шенбургскимъ во время ея кратковременнаго посѣщенія короля Виртембергскаго. Принцъ былъ пожилой человѣкъ, и, несмотря на это, до того влюбился въ нее, что послѣ ея отъѣзда въ Италію скоростижно умеръ, произнося ея имя. Вскорѣ послѣ этого принцессу Матильду, тогда называвшуюся графиней Монфоръ, увидѣлъ въ Италіи Тьеръ, и она ему такъ понравилась, что, два года спустя, сдѣлавшись первымъ министромъ, онъ предложилъ королю, Луи-Филиппу, женить на ней наследника престола, герцога Орлеанскаго, такъ какъ излюбленной мыслью Тьера было соединить іюльскую монархію съ Наполеоновскою славой. Король сочувствовалъ этому плану, и герцогъ Орлеанскій рѣшился встрѣтить юную принцессу въ Лозаннѣ. Неизвѣстно, по какой причинѣ—потому ли, что королева Екатерина завидовала красотѣ своей дочери, или по нежеланію Луи-Филиппа породниться съ Иеронимомъ, который уже до сватовства дочери хотѣлъ занять денегъ у своего будущаго свата,—но свиданіе молодыхъ людей не состоялось, и самый ихъ бракъ не удался. Тогда Верье сталъ хлопотать о бракѣ въ пользу старшей линіи Бурбоновъ, считая принцессу Матильду подходящей невѣстой графа Шамбора. Но этотъ планъ, разумѣется, не былъ одобренъ его родственниками. Наконецъ явился третій проектъ ея замужества: княгиня Ливенъ, по словамъ Бапста, внесла принцессу Матильду, какъ подходящую невѣсту, въ списокъ, который ей поручилъ составить императоръ Николай для наследника, будущаго Александра II. Однако мать юной красавицы опять вмѣшалась въ дѣло, и имя Матильды было вычеркнуто изъ списка, приготовленнаго княгиней Ливенъ. Въ 1835 году королева Екатерина умерла, и вскорѣ послѣ этого грустнаго событія Матильда поѣхала съ отцемъ въ Арненсбергъ, гдѣ жила ея тетка, Гортензія, которая очень ее любила. Во время одного изъ прежнихъ визитовъ Матильды въ Арненсбергъ Гортензія говорила ей: «Я не хочу тебѣ льстить, мое дитя, но я должна тебѣ сказать, что ты очень очаровательна, пріятна и естественна, такъ что я совѣтую тебѣ остаться такой навсегда. Мнѣ было очень пріятно слышать всеобщія похвалы моей дорогой Матильдѣ, и я не сомнѣваюсь,

что она во всѣхъ отношеніяхъ ихъ заслуживаетъ». Съ этихъ поръ Гортензія возымѣла мысль выдать замужъ племянницу за своего сына, будущаго императора, Наполеона III-го. Молодые люди очень понравились другъ другу, и между ними завязался серіозный романъ. Въ слѣдующемъ году король Іеронимъ условился съ невѣсткой относительно свадьбы дѣтей и купилъ для нихъ замокъ Готлибъ на Констанцскомъ озерѣ, недалеко отъ Арененсберга. Въ знакъ своей помолвки принцъ Наполеонъ подарилъ Матильдѣ очень скромное бирюзовое кольцо, съ которымъ она никогда въ жизни не разставалась. Молодые люди днемъ гуляли и катались по парку, а по вечерамъ болтали, играли въ невинныя игры, особенно въ модную тогда игру «чернильные пятна». Она состояла въ томъ, что на чистой бумагѣ дѣлали чернилами крупныя пятна, а потомъ старались перомъ нарисовать изъ пятна какой нибудь рисунокъ. Даже въ оставшихся послѣ смерти принцессы Матильды бумагахъ, завѣщанныхъ ею своему племяннику, графу Примоли, находятся нѣсколько бумажекъ съ подобными пятнами, нарисованными ею во время ея помолвки съ принцемъ Наполеономъ. Принцесса Матильда возвратилась въ Римъ изъ Арененсберга съ твердымъ намѣреніемъ выйти замужъ за своего двоюроднаго брата зимою. Но онъ столько же думалъ о своей любви къ ней, какъ и о политическихъ авантюрахъ, а потому черезъ шесть недѣль послѣ ея отъѣзда онъ привелъ въ исполненіе свой страбургскій заговоръ. Результатомъ этой смѣлой выходки были арестъ принца Наполеона и его ссылка въ Америку, которые совершенно смутили всѣхъ наполеонидовъ. Отецъ Матильды разстроилъ планъ ея замужества, несмотря на то, что ея женихъ написалъ изъ Америки письмо, полное любви къ своей невѣстѣ. Матильда подчинилась волѣ своего отца, и, по всей вѣроятности, ея юношеская любовь была не очень пламенна, потому что въ томъ же 1840 году она согласилась на новый планъ короля Іеронима— выдать ее замужъ за русскаго богача Демидова, съ которымъ онъ познакомился въ Италіи. Очевидно, этотъ бракъ былъ по расчету, а не по любви, и въ слѣдующемъ году онъ состоялся во Флоренціи, но, какъ и можно было ожидать, оказался несчастливымъ. Молодые, проживъ нѣкоторое время во Флоренціи, поѣхали въ Петербургъ, гдѣ императоръ Николай принялъ очень любезно свою очаровательную родственницу, приходившуюся ему двоюродной племянницей со стороны его матери, императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая была сестрой Вюртембергскаго короля. Первые слова, сказанныя ей Николаемъ, были впрочемъ довольно холодныя: «Отчего вы вычеркнули свое имя изъ списка предложенныхъ невѣстъ для моего сына?» Матильда отвѣчала такъ просто всю правду, и къ тому же она была такъ хороша, что императоръ тотчасъ къ ней горячо привязался. Онъ приглашалъ ее на всѣ балы во дворецъ и часто гулялъ съ нею по Невскому. Принцесса вполнѣ не разъ рассказывала анекдотъ объ одной изъ подобныхъ прогулокъ. По улицѣ шелъ какой-то пѣхотный полкъ, и вдругъ императоръ остановился и сказалъ ей: «Подождите меня минуту, мнѣ надо сказать два слова полковнику». Возвратившись къ ней, онъ со злобой сказалъ: «Знаете, какое только что я сдѣлалъ открытіе? Солдаты этого полка, невзирая на сильный морозъ, не имѣютъ брюкъ, и у нихъ надѣты шинели прямо на нижнее платье. Это—продѣлка пол-

ковника, ради взятки». Зная о жестокомъ обращеніи Демидова съ женою, государь замѣтилъ ей: «Мнѣ извѣстно, что вы несчастливы съ мужемъ: когда жизнь станетъ для васъ невыносимой, то напишите объ этомъ Орлову, и я устрою ваше дѣло». Вскорѣ молодая красавица не выдержала обращенія мужа и публично во дворцѣ произвела скандалъ. Въ вѣнской газетѣ «Neue Presse» онъ описанъ слѣдующимъ образомъ: «Дѣло было въ самомъ разгарѣ петербургскаго сезона; во дворцѣ былъ назначенъ большой балъ, и г-жа Демидова приготовила себѣ чудный нарядъ, который долженъ былъ выдѣлать великолѣпнѣе ея брильянтовъ. Но мужъ запретилъ ей появиться на этомъ балѣ. Матильда дождалась, пока мужъ уѣхалъ во дворецъ, и, одѣвшись, отправилась въ своемъ экипажѣ туда же. Между тѣмъ представленія императорской четвѣ окончились, и она перешла въ бальную залу, сопровождаемая всѣми присутствующими. Вдругъ навстрѣчу имъ въ дверяхъ показалась Демидова въ великолѣпномъ нарядѣ изъ серебристаго атласа и въ брильянтовой діадемѣ на бѣлокурыхъ волосахъ. Она придерживала рукою тюлевый шарфъ, который закрывалъ ея обнаженную грудь и спину. Анатолій Демидовъ бросился къ ней, но Матильда оттолкнула его и, подойдя къ императорской четвѣ, упала на колѣни. Сбросивъ съ себя шарфъ, она произнесла: «Государь, освободите меня отъ челоуѣка, который со мною такъ обращается». И, нагнувъ голову, она показала на спицѣ и плечахъ большіе синяки». Справедливъ ли этотъ разсказъ или вѣтъ, но Николай I вступился за свою родственницу и заставилъ Демидова съ нею разойтись, подъ условіемъ, что онъ будетъ платить ей пожизненно двѣсти тысячъ франковъ въ годъ и оставить ей подаренные брильянты. Демидовъ купилъ себѣ близъ Флоренці помѣстье Санъ-Донато съ принадлежащимъ ему княжескимъ титуломъ, уже послѣ разлуки съ женою, а потому, естественно, бывшая его жена никогда не называлась княгиней Санъ-Донато, хотя иностранные источники награждаютъ ее этимъ титуломъ. Съ тѣхъ поръ она именовалась просто принцессой Матильдой. Освободившись такимъ образомъ въ 1845 году отъ своей несчастной брачной жизни, она отправилась въ Парижъ, такъ какъ всегда любила, хотя издалека, Францію и стремилась поселиться въ ней. Любовь къ Франціи была въ ней такъ сильна, что когда впервые по дорогѣ въ Парижъ она увидала на Кельскомъ мосту французскаго солдата, то оставила экипажъ, выпрыгнула и поцѣловала солдата въ обѣ щеки. «Продѣлавъ это,—прибавляетъ она къ своему разсказу,—я была совершенно счастлива, потому что я поцѣловала какъ бы свое знамя и свою родину, которой до тѣхъ поръ я не видала». По прѣздѣ въ Парижъ ея первый визитъ былъ къ Луи-Филиппу. Она безъ приглашенія явилась въ Тюильри, и прямо была проведена въ гостиную, гдѣ сидѣли королева Марія-Амалия, принцесса Аделаида, сестра короля, и жена герцога Орлеанскаго, наследника престола. Онѣ занимались рукодѣльемъ, а въ концѣ комнаты ходилъ взадъ и впередъ король съ графомъ Мола. Послѣдній, бывшій прежде министромъ Наполеона, воскликнулъ, обращаясь къ королю: «Я никогда не видалъ этой молодой, прекрасной дамы, но увѣренъ, что она принадлежитъ къ Наполеоновской семьѣ: объ этомъ достаточно говорить ея осанка». Вся королевская семья чрезвычайно любезно приняла Матильду, а на другой день къ ней явились королевскіе сыновья: герцоги Омаль-

скій и Жуанвильскій. Первый пришелъ въ восторгъ отъ ея красоты и впоследствии говорилъ художнику Бонна: «Принцесса Матильда была страшно хороша». Очутившись на свободѣ, принцесса поселилась въ небольшомъ домѣ въ улицѣ Сенъ-Доминикъ и окружила себя избраннымъ кружкомъ друзей, въ числѣ которыхъ главное мѣсто занимали художники и литераторы: Энгрь, Анри Шефферъ, Эрнестъ Эберъ, а нѣсколько позднѣе Викторъ Гюго, Ламартинъ, Ламне, Араго, Александръ Дюма, Тьеръ, Молэ и Минье. Принцесса Матильда страстно занималась живописью, особенно акварелью, и брала уроки у Раффэ и Эжена Жирара. Она выставяла свои работы на ежегодныхъ выставкахъ и получала не разъ медали; самыми популярными ея картинами были: «Профиль блондинки», «Ажирская еврейка», и «Венеціанская интрига». Ближайшіе друзья называли ее поэтому «Notre dame des arts». Еще популярнѣе сдѣлалась она, когда въ 1847 году ея отецъ былъ возвращенъ во Францію, а при второй республикѣ сдѣланъ начальникомъ Дома Инвалидовъ. Въ 1848 году Матильда не покинула Францію, а продолжала попрежнему держать открытымъ свой роскошный салонъ. Когда Луи-Наполеонъ явился кандидатомъ въ президенты республики то прежде всего онъ посѣтилъ свою бывшую невѣсту. Но на этотъ разъ отношенія между ними были не любовныя, а денежныя. «У меня нѣтъ денегъ,— сказалъ онъ прямо своей двоюродной сестрѣ,—а мнѣ онѣ необходимы для моей избирательной кампаніи; можете вы мнѣ ихъ достать?» Принцесса не колебалась, и для кандидата въ президенты и будущаго претендента на императорскую корону она заложила свои брильянты у лондонскаго банкира Банкока и ссудила принцу 200.000 франковъ. Достигнувъ своей цѣли, Наполеонъ поручилъ своей двоюродной сестрѣ играть роль хозяйки въ Елисейскомъ дворцѣ, а потомъ и въ Тюильри. Она замѣчательно хорошо исполняла свои обязанности и поселилась въ улицѣ Курсель, въ великолѣпномъ домѣ, купленномъ для нея Наполеономъ III. Съ учрежденіемъ второй имперіи принцесса Матильда стала именоваться императорскимъ высочествомъ и была окружена цѣлымъ дворомъ, подъ руководствомъ статсъ-дамы, баронессы Серде. Съ начала своего царствованія Наполеонъ снова возымѣлъ мысль жениться на принцессѣ Матильдѣ и вошелъ въ переговоры съ папой относительно ея официальнаго развода съ Демидовымъ. Папа согласился на основаніи какихъ-то неправильностей перваго брака, но когда императоръ сдѣлалъ ей предложеніе, то она наотрѣзъ отказалась. Она уже сама создала для себя въ Парижѣ такое блестящее положеніе, какимъ не хотѣла жертвовать даже для короны. Но, несмотря на это, она, естественно, не хотѣла разстаться съ своей ролью первой особы при дворѣ, а потому, когда Наполеонъ III избралъ себѣ женою графиню Монтихо, она очень рѣзко стала сопротивляться этому плану. Къ тому же она и императрица, естественно, питали другъ къ другу враждебныя чувства, такъ какъ одна была либеральныхъ мнѣній въ политикѣ и религіи, а другая гордой, упорной клерикалкой и даже роялисткой. Только послѣ паденія имперіи и смерти императора онѣ помирились, и Евгения нѣжно ухаживала за Матильдой въ ея послѣдніе дни. Конечно, принцесса, несмотря на свои отношенія къ императрицѣ, участвовала во время имперіи на всѣхъ придворныхъ празднествахъ, но гораздо болѣе удовольствія ей доставляла интимная жизнь ея художественнаго, литературнаго и научнаго

кружка. Зимой она жила во время имперіи въ улицѣ Курсель, а съ наступленіемъ третьей республики въ скромномъ помѣщеніи въ улицѣ Берри; лѣто же она проводила на своей виллѣ на Лаго-Маджіоре или въ купленномъ ею помѣстьѣ Сень-Гратьенъ, близъ Парижа. Окружавшее ее избранное общество нѣсколько измѣнилось, и въ ея блестящемъ салонѣ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ чередовались Дюма, отецъ и сынъ, Теофиль Готье, Флоберъ, братья Гонкуры, Тэвъ, Ренанъ, Поль Бэръ, Меримэ, Эмиль Ожье, графъ Ниверкерке, Гуно, Сентъ-Бевъ, Лависсъ, Буржэ, Мопассанъ, Клавдій Поплэвъ, Альберъ Вандалъ, Анри Гуссэ, Бонна, Деталь и проч. Что касается до внутренней ея характеристики, то Эрнестъ Лависсъ въ біографическомъ очеркѣ принцессы Матильды говоритъ: «Она была самой естественной женщиной, какую я когда либо видѣлъ. Настоящая свѣтская дама, она отличалась простотой своей осанки, походки и взгляда; она откровенно добродушно смѣялась и ничѣмъ не выказывала своего высокаго происхожденія. Она ничѣмъ не кичилась, была очень скромна, ненавидѣла лесть и не выдавала себя за художницу, ученую или покровительницу писателей». Принцесса Матильда была очень трудолюбива и всегда чѣмъ нибудь занята. Сама завѣдуя своими домами, она во всемъ соблюдала замѣчательный порядокъ. Всѣ часы дня были распредѣлены съ удивительной точностью: нѣ извѣстное время она занималась живописью, въ другое музыку, третье посвящала добрымъ дѣламъ, а четвертое визитамъ. Въ своемъ замкѣ, Сень-Гратьенъ, она устраивала по вечерамъ нѣчто въ родѣ мастерской для вышиванья. Никогда ея не видали праздною, и за двѣ недѣли до смерти она говорила итальянской посланницѣ: «у меня много дѣла». Ея душа была истинно-демократическая, но съ отгѣнкомъ наполеонизма; она часто говорила: «французская революція, да, я ей всѣмъ обязана, если бы ея не было, то я продавала бы апельсины на улицѣ Аяціо». На вопросъ одной представительницы буржуазнаго міра: въ чемъ заключаются чувства принцессы, она отвѣчала: «Я не знаю. Обратитесь съ этимъ вопросомъ къ кому нибудь другому; я вѣдь не изъ принцессы божественнаго права». Къ дядѣ своему она питала самый страстный культъ, но отзывалась о немъ очень оригинально: «У меня былъ дядя солдатъ». Хотя принцесса Матильда чрезвычайно любила литературу и покровительствовала извѣстнымъ писателямъ, а также выводила въ люди молодыхъ авторовъ, но сама она написала только свои мемуары, которые не напечатаны до сихъ поръ, и маленькую брошюрку подъ названіемъ: «Исторія собаки». Въ послѣдней она съ большимъ чувствомъ описала жизнь своей любимой собаки «Диди». Относительно посѣтителей ея салона, которые смѣнялись другъ за другомъ въ продолженіе трехъ поколѣній, можно сказать, что первое мѣсто занимали друзья сердца и друзья ума или таланта. Къ первымъ, по словамъ ея біографовъ, принадлежали графъ Ниверкерке—директоръ изящныхъ искусствъ при второй имперіи, Моша—префектъ парижской полиціи въ ту же эпоху, Эдуардъ Делессеръ и живописецъ Поплэнъ. Послѣдній былъ даже тайно обвинчанъ съ нею въ Лондонѣ и въ продолженіе двадцати лѣтъ занималъ за ея обѣденнымъ столомъ мѣсто хозяина. Этотъ фактъ былъ подтвержденъ однажды Готскимъ альманахомъ, но на слѣдующій годъ редація отказалась отъ распространеннаго ею свѣдѣнія. Друзьями же ума и таланта

принцессы Матильды были Теофиль Готье, братья Гонкуръ, Флоберъ, Тэнъ, Ренанъ, Меримэ и въ особенности Сентъ-Бёвъ. Теофиль Готье былъ ея библиотекаремъ, хотя, въ сущности, она пожаловала ему этотъ титулъ только, чтобы доставить ему приятную сивекуру, такъ какъ она была очень привязана къ нему. Братья Гонкуры были настоящими историками ея салона и въ своемъ дневникѣ писали многочисленныя воспоминанія о принцессѣ Матильдѣ, которая, когда заболѣлъ Жюль Гонкуръ, ухаживала за нимъ въ своемъ домѣ съ необыкновенной преданностью. Изъ многихъ анекдотовъ и рассказовъ о принцессѣ Матильдѣ на страницахъ дневника Гонкуровъ между прочимъ мы находимъ очень характерную страницу: «Однажды принцесса прѣѣхала въ 5 часовъ изъ Компьена и сказала намъ о императорѣ: «Что вы хотите, но этотъ человѣкъ ни живой, ни впечатлительный. На-дняхъ лакей вылилъ ему за шиворотъ сифонъ сельтерской воды, и онъ безъ малѣйшаго признака неудовольствія или нетерпѣнія подаль ему стаканъ съ другой стороны. Это—человѣкъ, который никогда не сердится, и его самое гнѣвное выраженіе: «это недѣло!» Онъ никогда не произнесъ ничего хуже. Вотъ ужъ если бы я сдѣлалась его женою, то сломала бы ему голову, чтобы посмотреть, что въ ней заключается». Флоберъ часто бывалъ на ея знаменитыхъ обѣдахъ, о которыхъ Жоржъ-Сандъ говорила: «эти обѣды—одна изъ четырехъ цѣлей существованія; остальные три цѣли я забываю». По вечерамъ онъ читалъ вслухъ отрывки изъ своихъ романовъ, напримѣръ: «Salambo». Знаменитый Тэнъ былъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ ея друзей, но въ одинъ прекрасный день неожиданно объявилъ ей, что написалъ для «*Revue des deux mondes*» статью о Наполеонѣ I и предупредилъ принцессу Матильду, что онъ нѣсколько строго отнесся къ императору, а потому изъ уваженія къ ней, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ исторической правдѣ, предложилъ ей пересмотрѣть статью. Матильда никогда не думала внушать друзьямъ своихъ убѣжденій, тѣмъ болѣе Тэну, который всегда громко высказывалъ свое сочувствіе къ Наполеону, а потому отказалась отъ чтенія корректуры, сказавъ: «Вы—мой задушевный другъ и одинъ изъ первыхъ писателей Франціи, я не хочу давать вамъ никакихъ совѣтовъ и исполнѣ убѣждена въ вашемъ тактѣ. Вы, конечно, примирите свое личное мнѣніе съ приговоромъ исторіи». Первая статья Тэна произвела огромный шумъ, но Матильда только насупила брови; вторая статья была переполнена рѣзкими, грубыми выходками противъ того, кого прежде Тэнъ называлъ: «строителемъ современнаго міра». Принцесса начала выходить изъ терпѣнія, а послѣ третьей статьи, исполнѣ выразившей его открытую вражду къ «итальянскому кондотьеру», какъ онъ теперь называлъ Наполеона, она съ гнѣвомъ воскликнула: «Я знаю, что сдѣлаю: я должна отдать визитъ г-жѣ Тэнъ. Я къ ней поѣду, но не выйду и оставлю визитную карточку съ надписью: P. P. C. (*Pour prendre congé*). Это будетъ означать, что я навѣки съ вами прощаюсь. Я не могу позволить своему другу такъ грубо напасть на главу моего семейства». Она исполнила свою угрозу, и, пораженный такимъ разрывомъ двадцатилѣтней дружбы, Тэнъ пошелъ къ Рэнану жаловаться на принцессу. «Мой другъ,—отвѣчалъ Рэнанъ съ улыбкой.—я рассорился съ гораздо большей дамой, чѣмъ принцесса Матильда». — «Съ кѣмъ?» — спросилъ Тэнъ. — «Съ церковью». Самъ же великій ученый и

философъ оставался до самой смерти въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Матильдой, и она предпочла лучше разсориться съ императрицей, чѣмъ разстаться съ философъ по причинѣ его религиозныхъ мнѣній. Несмотря на ссору съ Евгеніей, Матильда имѣла такое вліяніе на императора, что добилаась отъ него назначенія одного друга Рэнана на мѣсто профессора химіи. Въ числѣ ея преданныхъ друзей находился извѣстный Меримэ, который также былъ съ юности другомъ императрицы. Онъ поддерживалъ отношенія съ обѣими и, будучи сенаторомъ имперіи, одинаково любезно обращался съ либеральной принцессой. Но самая пламенная дружба въ теченіе многихъ лѣтъ соединяла принцессу Матильду съ Сентъ-Бёвомъ. Она постоянно принимала его у себя, посѣщала его скромную квартиру и переписывалась съ нимъ. Ея хлопотамъ у императора онъ былъ обязанъ своимъ назначеніемъ въ сенатъ. Несмотря на этотъ сенаторскій титулъ, онъ не только позволялъ себѣ играть въ оппозицію противъ имперіи, но пересталъ писать свои знаменитыя понедѣльничные фельетоны въ «*Moniteur*»'ѣ и перешелъ прямо въ враждебную имперіи газету «*Temps*». Принцесса Матильда не выдержала этой измѣны и навсегда съ нимъ разсорилась. «Я больше никогда не увижусь съ Сентъ-Бёвомъ,—говорила она Гонкуру,—чего я не дѣлала для него: исполняла всѣ его просьбы къ императору, и сколько разъ я ссорилась изъ-за него съ императрицей. И что же я просила у него взамѣнъ? Только, чтобы онъ не переходилъ въ «*Temps*», а предлагала ему «*Liberté*», гдѣ онъ писалъ бы на свободѣ. Онъ прямо сознавался мнѣ, что всѣмъ обязанъ моею добротѣ. И чѣмъ же мнѣ онъ заплатилъ? Уже я не говорю о себѣ, какъ о принцессѣ, а просто, какъ о женщинѣ. Я ходила къ нему въ домъ, обѣдала у него и сидѣла на томъ же стулѣ, гдѣ сидѣли всякія потаскушки. Я ему сказала прямо: что вы такое? Вы ни на что неспособный старикъ; какъ жаль, что вы не умерли въ прошедшемъ году: тогда я сохранила бы о васъ хорошую память». Несмотря на то, что Сентъ-Бевъ былъ самъ виноватъ, но размолвка его съ принцессой подѣйствовала и на него чрезвычайно тягостно. Онъ тяжело занемогъ и предъ болѣзью написалъ ей извинительное письмо въ самыхъ унижительныхъ выраженіяхъ. Но она на него не отвѣчала. Только за нѣсколько дней до его смерти она согласилась его письменно простить. Послѣ его смерти она имѣла съ его наслѣдниками долгія препирательства относительно своихъ писемъ, которыя наконецъ были ей возвращены, а напечатаны одни лишь письма Сентъ-Бева, подъ заглавіемъ: «*Les lettres à la princesse*» Вообще принцесса Матильда прекрасно обходилась съ своими друзьями и только, когда они сами выходили изъ предѣловъ приличія, позволяла себѣ рѣзкія съ ними выходки. Такъ однажды Эдмонъ Абу остроумно, но зло насмѣхался надъ ея пріятелями, между прочимъ, надъ Александромъ Дюма-отцомъ, а когда къ нимъ подошелъ графъ Ниверкерке, то Абу воскликнулъ фамильярно: «Ступайте вонъ: вы слишкомъ ревнивы». Тогда принцесса Матильда позвонила и спокойно сказала лакею: «Проводите до кареты г. Абу; онъ сегодня здѣсь не обѣдаетъ». Только послѣ многихъ извиненій Абу удалось помириться съ нею. Иногда принцесса Матильда позволяла себѣ среди своихъ близкихъ друзей очень остроумныя, но не приличные выраженія. Такъ однажды поздно вечеромъ, провозжая своихъ гостей,

она сказала генералу Ружнэ, состоявшему при ея дворѣ и потому жившему у нея нѣ домѣ: «Ну, генераль, пойдѣте спать». — «Принцесса, — шепнулъ ей на ухо адмираль Дюперре: — какъ бы я желалъ быть на мѣстѣ генерала». — «Почему?» — спросила принцесса. — «По причинѣ того, что вы сказали». — «Вы попались бы: у меня нѣтъ ночной службы», — отвѣчала принцесса Матильда. Разсказанный барономъ Дюкасомъ и приведенный въ одной изъ французскихъ газетъ за нѣсколько дней до смерти принцессы этотъ анекдотъ былъ прочитанъ ея племянникомъ, графомъ Примоли. Выслушавъ его, Матильда разсмѣялась и сказала: «это совершенно вѣрно». Съ наступленіемъ третьей республики принцесса Матильда отказалась отъ политики и вполнѣ измѣнила свой салонъ въ улицѣ Берри. Въ немъ стала все чаще и чаще появляться дамы: жены, сестры и дочери ея пріятелей, наполеонидовъ и сторонниковъ имперіи, тогда какъ прежде она принимала почти исключительно мужчинъ. Мы находимъ въ воспоминаніяхъ англичанки С. М., племянницы одной близкой пріятельницы принцессы, любопытныя картинки салона Матильды за послѣдніе годы. Тамъ уже начали появляться новые писатели: Коппэ, Сарду, Ганото, Лоти, Лаведанъ, Массонъ и др. По воскресеньямъ и средамъ у нея происходили обѣды, и она попрежнему была чрезвычайно любезна и разговорчива, но бесѣда преимущественно сосредоточивалась на новѣйшихъ событіяхъ, а о второй имперіи заговаривали очень рѣдко. «Принцесса Матильда, — замѣчаетъ англичанка, — хотя, строго говоря, никогда не была вполнѣ красавицей, потому что ея черты слишкомъ мужественны, но въ толпѣ она всегда выдѣлялась своей замѣчательной осанкой и оригинальной одеждой». Надо сказать еще нѣсколько словъ объ отношеніи принцессы Матильды къ Россіи и царской семьѣ. Извѣстно, что императоръ Николай I не долюбивалъ Наполеона III, но къ своей племянницѣ онъ относился до своей смерти попрежнему радушно. Такъ послѣ утверженія имперіи онъ писалъ ей: «Вы говорите, что новое счастье Франціи само пришло за вами, а не вы за нимъ, поэтому пользуйтесь дарованными вамъ благами; они не могутъ попасть въ болѣе благодарныя руки». Когда вспыхнула Крымская война, то принцесса Матильда написала императору Николаю Павловичу трогательное письмо, полное сочувствія и благодарности за прежнія милости. На это императоръ отвѣчалъ: «Благодарю васъ, милая племянница, за благородныя чувства, выраженные въ вашемъ письмѣ. Такое сердце, какъ ваше, не можетъ измѣниться согласно подвижнымъ фазамъ политики. Я былъ въ этомъ и прежде увѣренъ, но мнѣ пріятно прочитать ваши добрыя слова, потому что Россія и ея государь подвергаются за послѣднее время самымъ ненавистнымъ обвиненіямъ. Я такъ же, какъ вы, очень сожалею о томъ, что наши отношенія измѣнились, но моя привязанность къ вамъ никогда не уменьшится, милая племянница». Со времени заключенія Парижскаго мира и особенно тѣснаго союза между Россіей и Франціей, принцесса Матильда постоянно поддерживала дружбу съ русскими, особенно съ особами императорскаго дома и знатными лицами, посѣщавшими Францію. Всего замѣчательнѣе она приняла императора Николая II и императрицу Александру Феодоровну: она ожидала ихъ въ усыпальницѣ своего дяди Наполеона I, гдѣ и состоялся пріемъ. Это свиданіе устроилъ бывшій президентъ Феликсъ Форъ,

который очень уважалъ принцессу. Всѣ присутствовавшіе при этомъ русскіе были поражены молодавостью, величіемъ и достоинствомъ восьмидесятилѣтней принцессы Матильды. Она умерла годъ тому назадъ среди своихъ родственниковъ и друзей. Обладая значительнымъ состояніемъ, она оставила его своему племяннику, генералу русской службы, и благотворительнымъ учрежденіямъ, которыя она основала.

— Смерть лэди Дилькэ. Въ концѣ октября скончалась одна изъ самыхъ способныхъ и энергичныхъ женщинъ Англій, лэди Дилькэ, жена извѣстнаго политическаго дѣятеля, сэра Чарльса Дилькэ. Дочь полковника Стронга, она получила прекрасное домашнее воспитаніе и въ ранней молодости вышла замужъ за ректора одной изъ коллегій Оксфорда, извѣстнаго Марка Паттисона. Съ тѣхъ поръ она сдѣлалась центромъ ученаго и блестящаго общества этого университетскаго города, прибавляя къ талантамъ своего мужа то, чего ему не доставало, именно художественныя инстинкты и культурныя веселость. Помогая мужу въ его журнальной работѣ, она писала въ «Saturday Review» и «Academy» замѣчательныя статьи по художественнымъ и литературнымъ предметамъ. При этомъ она отличалась не только тонкимъ знаніемъ англійскаго и латинскаго языковъ, но написала по-французски съ рѣдкимъ мастерствомъ цѣлый рядъ художественныхъ монографій: «Возрожденіе искусства во Франціи», «Клодъ Лоренъ», «Искусство въ современномъ государствѣ» и цѣлую серію книгъ о французскомъ художествѣ XVIII столѣтія. Въ 1876 году она поступила сотрудникомъ въ «Atheneum» и написала безконечное количество критикъ, біографій и различныхъ статей, среди которыхъ отличались этюдъ о Ренавѣ, біографическій очеркъ жизни герцога Омальскаго и обзоръ германскаго искусства. Въ 1885 году, послѣ смерти своего мужа, она вышла замужъ за виднаго государственнаго человѣка и литератора, сэра Чарльса Дилькэ, и предалась общественнымъ вопросамъ, особенно рабочему и женскому. Ея небольшая книжка «Женскій трудъ» имѣла большой успѣхъ, и она постоянно отстаивала права рабочихъ и бѣдныхъ на кооперацію. Одинъ изъ ученѣйшихъ и знающихъ людей Англій, лордъ Актонъ, удивлялся широтѣ ея познаній и замѣчательному умѣнью разговаривать. Говорятъ, что она была прототипомъ Доротей въ романѣ «Middlemarch» Джорджа Эллиота. Кромѣ знанія современной литературы, она славилась основательнымъ знакомствомъ со старыми книгами и писала мелкіе рассказы. Ея салонъ былъ одной изъ достопримѣчательностей Лондона, и потеря этой замѣчательной по культурѣ и талантамъ женщины составляетъ грустное явленіе для англійскихъ и французскихъ литературныхъ кружковъ.

— Новости польской исторической литературы. На первомъ мѣстѣ, конечно, слѣдуетъ поставить 45-й томъ отдѣла историко-философскаго академіи наукъ (Rozprawy Akademii Umiejętnosci) въ Краковѣ (356 стр. 8°). Большую часть этого тома занимаютъ двѣ статьи профессора С. Закржевскаго—первая о живописи въ подземной базиликѣ св. Климента въ Римѣ, а вторая—бенедиктинскій монастырь въ честь св. Бонифатія и Алексѣя на Авентинѣ отъ 977 до 1085. Послѣдняя статья занимается топографіей римской, исторіей важнѣйшихъ родовъ римскихъ, базиликъ и монастырей, имѣвшихъ

отношеніе къ св. апостоламъ славянъ, Кириллу и Меѳодію, однако основана большею частію на гипотезахъ и соображеніяхъ автора въ виду отсутствія документальныхъ данныхъ.

Для насъ болѣе интересна первая статья, касающаяся римскихъ катакомбъ, длина которыхъ по де-Росси около 700 верстъ, а теперь, лѣтъ 30 послѣ него, должна быть порядочно увеличена. Катакомбы эти расположены иногда на значительной глубинѣ, напримѣръ, катакомбы Каллиста на глубинѣ 10—15 метровъ, а въ катакомбы Острианскія на *via Nomentana* спускаются по двумъ широкимъ мраморнымъ лѣстницамъ около 80 тысячъ ступеней каждая. Въ христіанскихъ катакомбахъ капеллы, крипты и кубикюлы, т.-е. помѣщенія болѣе или менѣе обширныя, а также и коридоры украшались фресковою живописью, содержаніе которой было довольно разнообразно. Однѣ фрески имѣли орнаментальный характеръ, другія символическій, аллегорическій или историческій. Классификація изображеній принадлежитъ двумъ ученымъ: католическому ученому де-Росси и протестанту Б. Шульце; первый въ основу своей классификаціи положилъ внутреннее значеніе изображеній, а Шульце—тѣсную зависимость христіанскаго искусства отъ языческаго. Климентъ Римскій по преданію былъ первымъ или третьимъ римскимъ папой послѣ св. Петра, ближе неизвѣстенъ, хотя ему приписывается много сочиненій.

Статья В. Кентжинскаго «О приглашеніи крестоносцевъ Конрадомъ» издана имъ и на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Der deutsche Orden und Konrad v. Masovien», во Львовѣ, 1904 г., стр. 188, и относится къ 1225—1235 гг. Здѣсь занимается авторъ разборомъ поддѣльныхъ документовъ крестоносцевъ, вызвавшихъ ихъ приглашеніе на защиту Польши, которой въ это время ничто не угрожало.

Статья Кутжебы: «Старосты, ихъ начало и развитіе до конца XIV вѣка», отличается обычной у этого историка тщательностью при собираніи матеріала, широтой взгляда и умѣніемъ изложить предметъ и научно и ясно. Здѣсь авторъ опровергаетъ мнѣніе о чешскомъ происхожденіи этого института—онъ чисто польскій, окончательно только установившійся при чешскихъ Вячеславахъ и развившійся въ царствованіе Владислава Локетка. Актъ 1291 г. подтверждаетъ существованіе института старостъ въ землѣ Краковской, а въ актѣ 1290 г. упоминаемый свидѣтель—*provisor socius terrae Sandomiriensis*, по мнѣнію проф. Кутжебы, есть первоначальный терминъ для обозначенія старосты. Староста въ Польшѣ—это намѣстникъ короля, при чемъ власть его особенно развилась въ Великой Польшѣ, какъ судьи и администратора; въ концѣ XIV вѣка суды вышли изъ-подъ его власти, и при немъ осталась лишь власть административно-полицейская и командованіе ополченіемъ, которое, впрочемъ, онъ самъ не имѣлъ права созвать. Интересный для историковъ списокъ старостъ за это время приложенъ къ статьѣ.

Въ изданіи той же академіи вышелъ 2-й выпускъ историческаго атласа Польши (*Atlas historyczny Rzplitej p.*)—земли русскія (*ruskie Rzeczypospolitej*) Ал. Яблоновскаго. Въ основѣ его лежитъ карта Польши (1:300000) такъ называемаго генерала Хжановскаго, собственность академіи. Авторъ впервые точно далъ границы воеводствъ, земель и уѣздовъ въ концѣ XVI вѣка русскихъ зе-

мель Польши. Отдѣльными красками обозначены владѣнія короля, духовенства магнатовъ и шляхты. Полное заглавіе атласа:

Atlas historyczny Rzeczypospolitej polskiej, издавъ по порученію академіи наукъ. Эпоха перелома съ XVI в. на XVII в. Вып. II. Ziemie ruskie. Opracował i wydał Alexander Jabłoński. Варшава-Вѣна, 1889—1904 г., 4 стр. текста, 16 картъ, ц. 10 р., выисывать можно только изъ академіи въ Краковѣ; напечатанъ атласъ въ военно-географическомъ институтѣ въ Вѣнѣ.

Тутъ кстати можно указать, что «Географическій словарь польскій», заключающій въ себѣ 15 томовъ, 927 листовъ 8°, печатавшійся 25 лѣтъ, основанный Сулимерскимъ въ 1880 году при матеріальной помощи Залевскаго, продолжаемый съ 1885 г. (съ кончины основателя) Хлебовскимъ и Кжвицкимъ при помощи 300 сотрудниковъ, имѣлъ въ началѣ I томъ около 3.000 подписчиковъ, затѣмъ 14-й уже только 1000, а послѣдній (15-й) уже только 500, а потому печатался 4 года (86 печатн. листовъ). Стоилъ онъ 120 т. рублей; 100 т. рублей выручено отъ продажи, 13 т. далъ издатель Валевскій, остальное касса Мянковского при академіи наукъ.

Брошюра Сержпутовскаго: «Первая проба политической реформы въ Польшѣ» (8°, 95 стр., Варшава, 1905 г.), представляетъ часть обѣщаннаго сочиненія автора о Литвѣ половины XVIII вѣка, времени, наименѣе изслѣдованнаго историками. Основа разсужденія—актъ, найденный въ копии несвижской, съ 40 подписями подъ заглавіемъ: *Postanowienie litewskie po rozgromionych Sapiebach i rozsiekaniu S. P. Sapiehy Koniuszego W. X. Litewskiego*, заключающій добровольное рѣшеніе отказаться разъ навсегда отъ «сладкой и подлой *libidinis* (страсти) къ свободѣ, перенесенной вмѣстѣ съ *liberum veto* изъ Польши въ Литву». Актъ этотъ сдѣланъ послѣ битвы у Олькеникъ 17-го ноября 1700 г. между шляхтой и Сапѣгами. Сапѣги сначала боролись съ Радзивиллами, а затѣмъ за управление краемъ. Актъ этотъ подписанъ Радзивиллами, Падами, Огинскими, Висніовецкимъ и др.

Авторъ указываетъ, что разсужденіе его неоконченное, частичное, мы же, читатели, въ этомъ съ нимъ должны вполне согласиться, такъ какъ не можемъ себѣ вполне уяснить, отчего виленскій актъ долженъ быть первой пробой реформы политической, хотя, наиримѣръ, все царствованіе Сигизмунда I состояло въ подобныхъ попыткахъ. Сержпутовскій года 2 тому назадъ написалъ статью «о польско-прусскихъ отношеніяхъ» — *Kartki z dziejów stosunków polsko-pruskich*.

Огромную работу: Исторію Польши для юношества (14—18 лѣтъ), исполнила г-жа Водзицкая въ Краковѣ (1890—1904 г.) въ 4-хъ частяхъ (496+489+540+396). Фактическая сторона основана на исторіи Шуйскаго; планъ очень простой, изложеніе повѣствовательное, основанное на царствованіяхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Изъ этого видимъ, что книга эта, хотя и предназначена авторомъ для чтенія, написана, какъ учебникъ, и можетъ служить въ виду ея громозкости пособіемъ для учебника; при чтеніи же дастъ сумбуръ въ головѣ отъ массы фактовъ необобщенныхъ, а не ясную картину различныхъ сторонъ исторической жизни государства; вѣдь не однѣ войны и битвы должны дѣйствовать на воображеніе юношества, какъ въ этомъ убѣжденъ авторъ.

Странно и неумѣстно въ книгѣ для юношей, на примѣръ, въ III томѣ мнѣніе автора, что «Карль-Густавъ недаромъ учился военному ремеслу у нѣмецкихъ, протестантовъ: воевалъ, какъ разбойникъ, и, какъ таковой, не держалъ своего слова». Достаточно также въ книгѣ и другихъ промаховъ и погрѣшностей, на примѣръ, что при первомъ раздѣлѣ (IV т.) наименьшая часть досталась Россіи, тогда какъ ей досталась наибольшая: 1692 кв. мили противъ 660 Пруссіи и 1508 Австріи.

Ту же цѣль, повидимому, имѣлъ и авторъ сочиненія: «Римъ. Исторія римскаго государства», 222 стр., Варшава, 1904 г., г-жа Morzycka-Brzezińska, рассказы-вакопая всѣ легенды и историческіе анекдоты, какъ нѣчто вполне историческое. Г-жа же Хжонщевская «въ разказахъ изъ исторіи Польши» — *O tem co się nigdyś działo*, Варшава, 1904 г., 146 стр., по-старинному, измѣняетъ историческіе факты съцѣлями педагогическими—нравственными, на примѣръ, характеристику Болеслава Смѣлаго, или Болеслава Храбраго, «котораго всѣ боялись, какъ огня».

Изъ другихъ изданій укажемъ: K. Bałicki, *Historyczny atlas polski: Stanisławow*. 1904 г. Историческій атласъ Польши, 13 картъ, 20 стр., стоитъ 50 галлеровъ (25 к.), и Finkel: *Bibliografja polskiej historii*, часть III, вып. II, 8°, стр. 1417—1671, въ Краковѣ, 1904 г., ц. 7 р. 50 к.

Изъ историческихъ повѣстей, вышло новымъ изданіемъ рѣдкое даже въ бібліотекахъ сочиненіе Качковскаго—«Рыцари Ольбрахта», часть I, 2. Цѣна 1 р. 50 к. Варшава. *Bibliot. dzieł wyborowych*, съ исторической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія правды исторической, самая лучшая польская повѣсть, выше даже трилогіи Сенкевича. Въ ней мы знакомимся съ жизнію не только рыцарской шляхты, какъ у Сенкевича, но и съ бытомъ низшихъ сословій, мѣщанъ преимущественно львовскихъ, крестьянъ и т. п., въ ту эпоху, когда Польша достигла высшаго блеска въ Европѣ, а внутри начиналась работа шляхты, старавшейся отнять всѣ привилегіи низшихъ сословій и при томъ не стѣснявшейся «брататься» съ ними въ подражаніе королю Яну Ольбрахту, питавшему враждебные шляхтѣ замыслы подъ вліяніемъ совѣтовъ ненавистнаго ей Калимаха. Всѣ характеры, мелкіе факты—все обосновано на документальныхъ данныхъ, но нельзя не упрекнуть автора въ излишнемъ количествѣ сценъ и дѣйствующихъ лицъ, въ малой пластичности ихъ—всѣ они остатки археологическіе, не живые люди, какъ въ трилогіи. Во всякомъ случаѣ переводъ повѣсти далъ бы интересную историческую монографію.

С М Ъ С Ъ.

СИМБИРСКАЯ губернская ученая архивная комиссія. Скоро исполняется десятилѣтіе названнаго учрежденія, открытаго 30-го іюля 1895 г. Періодъ небольшой, но заслуживающій быть отмѣченнымъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, архивныя комиссіи существуютъ у насъ вообще недавно, а потому и дѣятельность ихъ приходится измѣрять короткими періодами. Во-вторыхъ, архивныя комиссіи переживаютъ теперь неопредѣленное переходное время въ виду общей архивной реформы. Слѣдовательно, подведеніе итоговъ ихъ дѣятельности вполнѣ своевременно. По этимъ соображеніямъ симбирская архивная комиссія постановила отмѣтить свое десятилѣтіе открытымъ засѣданіемъ, на которомъ представить очеркъ дѣятельности, и, кромѣ того, издать юбилейный сборникъ. Въ краткихъ чертахъ, дѣятельность ея проявилась въ слѣдующемъ. Комиссія издала болѣе 30 книгъ и брошюръ по изслѣдованію мѣстной старины и настоящаго состоянія городовъ и селеній губерніи. Кромѣ того, печатала ежегодно свои отчеты и протоколы засѣданій. Въ общемъ ею выпущено болѣе 320 печатныхъ листовъ. При архивной комиссіи имѣется историко-археологическій музей, единственное древлехранилище въ губерніи, гдѣ собрано свыше 2.000 предметовъ старины и около 8.000 русскихъ и иностранныхъ монетъ. Библіотека комиссіи насчитываетъ болѣе 2.000 томовъ и брошюръ. Историческій архивъ, помѣщающійся въ безопасномъ отъ огня и вполнѣ благоустроенномъ помѣщеніи, хранитъ до 4.000 дѣлъ, грамотъ, столбцовъ и документовъ. Ежегодный бюджетъ комиссіи достигаетъ 2.000 рублей. Субсидіи отъ казны она не получаетъ, исключая 200 рублей, ежегодно испрашиваемыхъ изъ министерства юстиціи на предметъ разбора и описанія архива мѣстнаго окруж-

ного суда. Всѣ остальные денежные средства поступаютъ отъ земскихъ и городскихъ учреждений губерній. Въ разное время председателемъ и членами комиссіи совершено 16 экскурсій въ мѣстности Симбирской и сосѣднихъ губерній для производства раскопокъ и собранія историко-археологическаго матеріала. По инициативѣ и при участіи комиссіи организованы были празднованія юбилеевъ городовъ Симбирска (250-лѣтіе), Алатыря (350-лѣтіе) и др., а также торжественныя собранія въ память Пушкина, Гончарова, Карамзина и Языкова. Комиссіею подариваты также труды по собранію устныхъ памятниковъ старины, имѣющихъ отношеніе къ симбирскому поволжью. Труды эти начаты съ цѣлью сохранить драгоцѣнныя и быстро исчезающія изъ народной памяти устныя преданія народнаго творчества. Въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, Симбирская губернія дала уже обильный матеріаль собранію пѣсенъ П. В. Кирѣевского и его послѣдователей Шейна и Садовникова.

Русское библиографическое общество. 15-го декабря въ зданіи Старога университета въ Москвѣ состоялось, подъ председательствомъ заслуж. проф. И. Т. Тарасова, годичное собраніе Русскаго библиографическаго общества. Изъ доложеннаго въ началѣ его отчета видно, что въ 1904 году общество имѣло 1 общее и 11 обыкновенныхъ собраній, и на нихъ были прочитанъ рядъ сообщеній, среди которыхъ можно отмѣтить: орд. проф. Р. Ф. Брандта—«О библиографіи произведеній Ф. И. Тютчева и трудовъ, ему посвященныхъ», орд. проф. А. Н. Филиппова—«Объ архивѣ кабинета министровъ» и председателя общества И. Т. Тарасова—«О библіотекѣ Демидовскаго юридическаго лица». Сообщенія другихъ членовъ также имѣли своимъ предметомъ разработку и освѣщеніе разныхъ библиографическихъ вопросовъ и представляли живой интересъ для специалистовъ. Въ настоящее время общество занимаетъ совершенно отдѣльное и очень удобное помѣщеніе въ университетѣ, въ залѣ около часовъ. Здѣсь же разставлена и довольно обширная библіотека его, пополненіе которой за послѣдніе годы происходитъ, къ сожалѣнію, очень слабо, за неимѣніемъ свободныхъ денежныхъ средствъ и въ виду скудости книжныхъ пожертвованій. Послѣ прочтенія и утвержденія отчета были рассмотрѣны денежный отчетъ за 1904 годъ и смѣта на 1905 г., которые также утверждены, согласно доклада ревизіонной комиссіи. Засимъ происходили выборы новыхъ членовъ и нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ: въ дѣйствительные члены общества единогласно избраны, между прочимъ, ординарные профессора М. И. Соколовъ и Н. С. Суворовъ. Въ комитетъ общества вошелъ редакторъ журнала «Правда» В. А. Кожевниковъ, секретаремъ общества избранъ приватъ-доцентъ К. А. Стратоницкій, а кандидатомъ къ нему У. Г. Иваекъ. Послѣ выборовъ собраніе обсуждало программу своей дѣятельности на 1905 г. и намѣтило заняться, помимо чтенія и обсужденія рефератовъ, осуществленіемъ, въ той или иной формѣ, совмѣстныхъ библиографическихъ работъ, при чемъ на 1905 годъ назначило 15 обыкновенныхъ собраній. Кромѣ того, собраніе постановило, по предложенію своего председателя, принять рядъ мѣръ къ пополненію библіотеки общества. Пренія по обсужденію этихъ вопросовъ затянулись, а потому назначенный къ докладу рефератъ товарища председателя Д. В. Ульянинскаго: «Генеалогъ XVIII ст. игуменъ Ювеналій Воейковъ и его труды», отложенъ до слѣдующаго обыкновеннаго собранія.

Областной музей имени А. Н. Поля. Екатеринбург украсился превосходным зданием, строго дорического стиля, областным музеем имени А. Н. Поля. Музей сооруженъ, благодаря энергій и, можно сказать, отвагъ председателя екатеринославской губернской управы М. В. Родзянко. Благодаря же вниманію городского головы А. Я. Толстикова, музей построенъ на самомъ лучшемъ мѣстѣ города, на Соборной площади, противъ памятника императрицы Екатерины II и кафедральнаго собора. Стоимость всего зданія обойдется около 80.000 рублей, но зато во всемъ городѣ до сихъ поръ не было такого превосходнаго зданія, какъ областной музей имени А. Н. Поля. Сооруженный по первоначальному плану гражданскаго инженера Панафутина, онъ положительно плѣняетъ и своей красотой, и своей грандіозностью. Музей предназначенъ увѣковѣчить имя дорогаго для всего Новороссійскаго края челоуѣка А. Н. Поля, обогатившаго край открытіемъ желѣзной руды въ Кривомъ-Рогѣ, а также способствовавшаго возникновенію множества въ краѣ чугунно-плавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ, хлопотавшаго о постройкѣ екатерининской желѣзнодорожной вѣтки, а также о сооруженіи противъ г. Екатеринослава, черезъ рѣку Двѣрирь, колоссальнаго моста. Уже тотчасъ послѣ смерти А. Н. Поля въ Екатеринбургѣ поднятъ былъ вопросъ объ увѣковѣченіи имени А. Н. Поля постановкой ему монумента на видномъ мѣстѣ города. Но затѣмъ, вмѣсто монумента, рѣшили увѣковѣчить имя А. Н. Поля сооруженіемъ зданія областного музея, куда можно было бы собирать всевозможные предметы старины, а также и предметы естественныхъ богатствъ края, предметы палеонтологіи, этнографіи и всякіе другіе предметы, которые будутъ случайно и неслучайно находимы въ разныхъ мѣстахъ края. Для наполненія музея предметами старины и другими рѣдкостями совѣтъ музея обратился съ просьбой къ извѣстнымъ южно-русскимъ коллекціонерамъ, и первымъ на такую просьбу откликнулся проф. Д. И. Эварницкій, принесшій въ даръ всю свою коллекцію казацкихъ и другихъ древностей, собранную имъ въ теченіе двадцати лѣтъ при разъѣздахъ по различнымъ мѣстамъ бывшаго Запорожья. Въ настоящее время профессоръ Д. И. Эварницкій состоитъ директоромъ областного музея и продолжаетъ пополнять его цѣнными курганными находками, какія не всегда можно видѣть и въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ Петербургѣ. Такъ въ 1903 году Д. И. Эварницкій разрылъ 47 кургановъ въ предѣлахъ Екатеринбургской губерніи и всѣ добытыя древности доставилъ въ областной музей имени Поля. Въ 1904 году онъ разрылъ 23 кургана и также всю свою археологическую добычу помѣстилъ въ областномъ музеѣ. Кромѣ того, объѣзжая Новороссійскій край, онъ знакомился съ другими коллекціонерами и всякими доводами убѣждалъ ихъ нести свое добро въ общую сокровищницу, екатеринославскій областной музей имени Поля. Такъ, имъ получены и доставлены въ музей слѣдующія коллекціи древностей: А. А. Иваненко въ селѣ Андреевкѣ, Александровскаго уѣзда; Я. П. Новицкаго въ г. Александровскѣ; П. М. Сочинскаго въ Новомосковскѣ; Н. С. Бѣлаго въ г. Павлоградѣ; Д. Н. Мартынова, бывшаго екатеринославскаго, теперь варшавскаго губернатора; Н. П. Корнилова и П. П. Зуйченка въ г. Екатеринбургѣ; великаго князя Михаила Николаевича въ с. Покровскомъ, Екатеринбургскаго 113

наконецъ, въ самое послѣднее время Д. И. Эварницкій привезъ для областного музея изъ г. Полтавы 300 штукъ шитыхъ малороссійскихъ хустокъ, 100 штукъ шитыхъ старинныхъ рушниковъ и нѣсколько десятковъ малороссійскихъ узорчатыхъ писанокъ; въ самомъ же Екатеринославѣ онъ добылъ у внука послѣдняго кошевого атамана запорожскихъ казаковъ, Осипа Михайловича Гладкаго, Петра Васильевича Гладкаго, собственноручныя записныя атаманскія книжки. Для собиранія предметовъ этнографіи вызванъ былъ изъ Харьковской губерніи извѣстный этнографъ В. А. Бабенко, который въ теченіе весны и минувшаго лѣта на средства, ассигнованныя председателемъ губернской управы, М. В. Родзянко, объѣздилъ по указанію профессора Д. И. Эварницкаго, пять уѣздовъ Екатеринославской губерніи и доставилъ въ музей огромный и во всѣхъ отношеніяхъ цѣнный этнографическій матеріалъ. Съ весны будущаго года г. Бабенко объѣздитъ остальные уѣзды губерніи, и тогда областной музей имени Поля будетъ имѣть полностью этнографическій отдѣлъ. Наконецъ, областной музей имени Поля будетъ имѣть и особый отдѣлъ церковныхъ древностей. По предложенію епископа екатеринославскаго и таганрогскаго Симеона, въ ознаменованіе столѣтія существованія екатеринославской духовной семинаріи, на сѣздѣ духовенства постановлено передать всѣ церковныя древности въ областной музей имени Поля, для чего ассигновать 1.000 рублей на изготовленіе витринъ, просить директора музея, Д. И. Эварницкаго, обсудить вопросъ о витринахъ совместно съ гражданскимъ инженеромъ Панафутинымъ и принять церковныя древности въ свое вѣдѣніе, такимъ образомъ, г. Екатеринославъ въ настоящее время можетъ съ достоинствомъ принять у себя археологическій сѣздъ, который имѣетъ быть въ будущемъ 1905 году, въ августѣ мѣсяцѣ, и привлечь въ городъ многія не только русскія, но и заграничныя ученые силы.

Археологическое общество. Въ засѣданіи восточнаго отдѣленія, 28-го октября, подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена, Л. Мсеріанцъ сообщилъ о результатахъ своихъ работъ надъ изученіемъ одного папируса, памятника письменности глубочайшей древности, 410 — 411 годовъ до-христіанской эры. На основаніи данныхъ этого папируса, написаннаго въ 14-й годъ царствованія Дарія II, референтъ пришелъ къ заключенію, что официальнымъ языкомъ персовъ въ это время былъ арамейскій языкъ. В. В. Бартольдъ, возвратившійся недавно изъ командировки для изученія на мѣстѣ исторіи города Самарканда и его топографіи, сдѣлалъ докладъ о результатахъ своихъ работъ. Топографія Самарканда съ XV столѣтія, т.-е. со времени Тимура, измѣнилась мало. До XV столѣтія городъ занималъ пространство значительно большее. Подробно изслѣдовалъ докладчикъ имѣющееся въ Самаркандѣ городище Афросіабъ, остатки крѣпости, воротъ, водопровода, бассейновъ и каналовъ, придя къ заключенію, что городище это и цитадель имѣли исключительно военное значеніе.

Географическое общество. 29-го октября въ засѣданіи отдѣленія этнографіи Ѡ. Т. Шубинъ сдѣлалъ сообщеніе: «Изъ наблюденій надъ жизнью русскихъ раскольниковъ». Наблюденія докладчика касаются исключительно бытовыхъ условій старовѣровъ и преимущественно старовѣровъ Петербургской губерніи. Обобщенія имъ нѣкоторыхъ наблюденій примѣнительно ко всѣмъ старовѣрамъ не имѣютъ основаній. Такъ, докладчикъ утверждаетъ, что на-

звание «старообрядецъ» старообрѣры считаютъ для себя крайне обиднымъ и имъ, по существу ихъ вѣрованія, не свойственнымъ, такъ какъ подъ словомъ «обрядъ» подразумѣваютъ работу грязную — и именно уборку двора. На этомъ основаніи Ѳ. Т. Шубинъ считаетъ необходимымъ исключить этотъ терминъ въ именованіи старообрѣровъ. Неосновательность подобнаго заключенія была тутъ же доказана, при чемъ выяснено, что повсемѣстно въ Россіи старообрѣры совершенно сознательно сами себя именуютъ «старообрядцами», употребляютъ этотъ терминъ и въ своихъ прошеніяхъ и прилагаютъ его къ наименованію своего епископа, при чемъ не находятъ въ немъ совершенно ничего обиднаго. Слова же «раскольникъ» дѣйствительно не любятъ и просятъ иногда въ паспортахъ замѣнять его «старообрядцемъ». Другія свѣдѣнія докладчика о старообрѣрахъ не представляютъ собою чего нибудь новаго. Между прочимъ, онъ указываетъ на то, что по внѣшности старообрѣры мало чѣмъ стали отличаться отъ православныхъ: они стригутся, носятъ корсеты, молодежь тайно покуриваетъ и выпиваетъ. «Обмірщеніе», т. е. общеніе съ православными въ ѣдѣ, посѣщеніе ихъ церквей и т. п., снимается теперь простымъ духовнымъ покаяніемъ. Военская служба не только осуждается, но является даже почетною. Старообрядцы пользуются лучшимъ здоровьемъ и ѣдятъ лучше православныхъ. Докладъ вызвалъ большія и горячія пренія, сведшіяся къ тому, являются ли старообрядцы въ настоящее время полноправными въ исповѣданіи своихъ вѣрованій или нѣтъ. Одни указывали на то, что старообрядцы теперь отнюдь не преслѣдуются; въ войскахъ, напримѣръ, пользуются правами наравнѣ съ другими, не стѣняются въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и открыто посѣщаютъ офиціально разрѣшаемыя молебны. Другіе утверждали, что преслѣдованія продолжаются, и свобода исповѣданія зачастую зависитъ отъ взглядовъ мѣстнаго начальства. Вопросъ о положеніи старообрядчества рѣшено отдѣленіемъ подвергнуть большей разработкѣ.

Историко-филологическое общество при Новороссійскомъ университетѣ. Въ засѣданіи 29-го сентября членъ общества В. Ѳ. Лазурскій прочиталъ рефератъ: «Англійская журналистика XVII вѣка». По разъясненію референта, предлагаемый очеркъ является введеніемъ къ изслѣдованію, которымъ онъ занятъ въ настоящее время о правоучительно-сатирическихъ журналахъ Стиля и Аддисона (начала XVIII вѣка). Референтъ не имѣлъ въ виду дать полную картину англійскаго журнализма XVII вѣка. Для его цѣлей нужно было прослѣдить, какъ вырабатывались въ это время основные типы періодической печати: политическая газета, научно-библіографическій журналъ, литературный журналъ. Такое разсмотрѣніе необходимо для того, чтобы установить, чѣмъ Стиль и Аддисонъ обязаны своимъ предшественникамъ. Политическую газету въ Англій, судя по имѣющимся въ англійскихъ бібліотекахъ (главнымъ образомъ Британскаго музея въ Лондонѣ и Бодлеянскою въ Оксфордѣ) собраніямъ старинныхъ періодическихъ изданій, нельзя начинать раньше 1622 г., когда книгоиздатель Буттеръ сталъ выпускать «Еженедѣльные Новости», очевидно, по образцу голландскихъ листковъ съ политическими новостями. Вопли самостоятельными по содержанію были «Меркюри» эпохи междоусобной войны, которые вели почти подневную запись сра-

женій и взаимныхъ насилій, защищавъ дѣло короля или парламента, англійской церкви или сектантства, сообразно съ тѣмъ, изъ какого лагеря они исходили. Стюарты послѣ реставраціи 1660 г. пытались монополизировать періодическую печать, для чего журналисту Лестрэнжу были даны чрезвычайныя полномочія—и редакторскія и цензурныя. Но съ 80-хъ годовъ, когда ясно обозначились основныя политическія партіи торіевъ и виговъ, англійская газета вышла изъ-подъ правительственной опеки и къ началу XVIII вѣка достигла такого развитія, какъ нигдѣ въ современной Европѣ, примѣромъ чего можетъ служить «Обозрѣніе», Дефо (съ 1704 года). Первые научно-библиографическіе журналы появляются съ 1682 года («Еженедѣльные замѣтки для любознательнаго») по образцу французскихъ. Они велись серьезно людьми учеными, но кругъ ихъ читателей, повидимому, былъ очень ограниченъ. Въ широкой публикѣ чувствовалась потребность въ такомъ періодическомъ изданіи, которое бы давало разнообразный и доступно-изложенный матеріалъ для серьезнаго, поучительнаго чтенія. Плавстрѣчу этой потребности пошелъ Дэнтонъ со своей «Аѳинской газетой» (1691—1697 гг.), имѣвшей большой успѣхъ и вызвавшей подражателей, несмотря на то, что по содержанію она отвѣчала очень невысокимъ требованіямъ. Такимъ образомъ, стала прокладываться путь новому типу журнала литературно-поучительнаго и юмористически-правоописательнаго. Нѣкоторую роль въ развитіи этого типа журналовъ, которые впоследствии стали называть не вполне точно «нравоучительно-сатирическими», сыгралъ Дефо, прибавившій къ своему политическому «Обозрѣнію» небольшой отдѣлъ подъ заглавіемъ «Скандальный клубъ» для развлеченія и поученія публики. Но полного расцвѣта этотъ новый типъ въ англійской журналистикѣ достигъ лишь благодаря энергіи и таланту Стиля и Аддисона. Въ обсужденіи доклада приняли участіе Е. Н. Щепкинъ и В. М. Истринъ. Затѣмъ были произведены выборы, при чемъ избраны: въ предсѣдатели общества профессоръ В. М. Истринъ; въ товарищи предсѣдателя — профессоръ О. Р. фонъ-Штернъ; въ члены правленія: профессоръ А. А. Павловскій, профессоръ Н. Н. Ланге, преподаватель одесской 3-й гимназіи А. П. Флеровъ; въ секретари— профессорскій стипендіатъ А. В. Рыстенко.

Юбилей В. И. Ламанскаго. 19-го декабря представители ученаго міра чествовали старѣйшаго своего слависта, заслуженнаго профессора и академика, Владимира Ивановича Ламанскаго, по поводу исполняющагося 50-лѣтія его ученой и литературной дѣятельности. Утромъ на квартиру юбиляра изволилъ прибыть для принесенія поздравленія Августѣйшій президентъ Императорской академіи наукъ, Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ. Въ 2 часа дня стали собираться многочисленныя депутаціи отъ ученыхъ обществъ и просвѣтительныхъ учреждений, высокопоставленныя лица, друзья, бывшіе ученики юбиляра и знакомые. Здѣсь находились: министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ статсъ-секретарь А. С. Ермоловъ, министръ народнаго просвѣщенія ген.-лейт. В. Г. Глазовъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, сенаторъ Г. Э. Зенгеръ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія И. К. Ренаръ; члены государственнаго совѣта: Д. Ф. Кобеко, П. П. Семеновъ, сенаторы: В. К. Саблеръ, Э. Ф. Кони,

И. Я. Фойницкій; вице-президенты: академии художествъ гофмейстеръ графъ И. И. Толстой, академии наукъ П. В. Никитинъ; академики: А. П. Карпинскій, Ф. Н. Чернышевъ, Ф. Ф. Бейльштейнъ, В. Р. Розенъ, С. Ф. Ольденбургъ, А. Н. Веселовскій, Ф. Ф. Фортунатовъ, А. А. Шахматовъ, А. И. Соболевскій; почетный академикъ В. В. Стасовъ, профессоръ Н. И. Карѣевъ, литераторъ П. И. Вейнбергъ, редакторъ «Правительственнаго Вѣстника» П. А. Кулаковскій и многіе другіе. Первымъ привѣтствовалъ юбиляра академикъ А. Н. Веселовскій, прочитавшій слѣдующій адресъ: «Полувѣковой юбилей вашей ученой и литературной дѣятельности во многихъ отношеніяхъ является знаменательнымъ. Вашъ первый трудъ, рецензія на извѣстный сборникъ Метлинскаго, появился въ 1854 году, въ тяжелую для нашего отечества годину Крымской войны. Протекшій съ тѣхъ поръ 50-лѣтній періодъ замыкается теперь новымъ и грознымъ испытаніемъ; мысли русскихъ людей съ тревогой озираются назадъ, ища въ прошедшемъ объясненія и уроковъ; передъ ними возстаетъ сложная жизнь государственная и общественная, то равнявшаяся неудержимо впередъ, то задерживавшаяся, то сдавливавшаяся въ естественномъ своемъ развитіи. Эготъ сложный, еще не изученный, еще мало понятный процессъ отразилъ въ себѣ, между прочимъ, борьбу многихъ отжившихъ началъ въ великомъ стремленіи великаго народа къ духовному и нравственному развитію. Стремленіе это воплотилось въ національномъ самосознаніи, которымъ только съ 1855 года начинаютъ проникаться и правяція и общественныя сферы. Вы, Владимиръ Ивановичъ, были однимъ изъ ревностнѣйшихъ представителей того строгаго прогрессивнаго начала, которое было выдвинуто въ первыя десятилѣтія XIX столѣтія въ Западной Европѣ и затѣмъ взлѣбляно у насъ первыми славянофилами, начиная съ юной зари и до славнаго заката. Съ идеей національности связано для васъ широкое понятіе о насущныхъ интересахъ націи во всей ея совокупности, и такая точка зрѣнія держала васъ всегда въ рядахъ передовыхъ бойцовъ нашей общественности. Объ этомъ громко свидѣтельствуютъ не только публицистическіе, но и ученые труды ваши: вы будили ими общественное самосознаніе. Въ началѣ 60-хъ годовъ, когда встрепенувшаяся послѣ продолжительной спячки русская мысль естественно направила на критическую переоцѣнку нашего прошлаго и неокрѣпшее еще настоящее, вы стремились указать обществу положительные идеалы. Вы искали ихъ не тамъ, куда были обращены взоры и надежды реакціи, не въ основаніяхъ сословно-бюрократическаго государства, созданнаго петербургскимъ періодомъ, не въ государственныхъ порядкахъ московской Руси — вы хотѣли найти ихъ въ самомъ русскомъ народѣ, въ тѣхъ многовѣковыхъ проявленіяхъ его духа, который вамъ, какъ историку-философу и этнографу, приходилось наблюдать и въ политической, и религіозной, и въ литературной жизни Россіи. Эти искомыя вами свойства русскаго духа влекли васъ къ изученію славянства, къ знакомству съ ближайшими родичами нашими, переживавшими вмѣстѣ съ нами въ одной неразрывной семьѣ тотъ продолжительный періодъ, относящійся къ эпохамъ до-историческимъ, когда складывались главныя черты національнаго облика славянскихъ племенъ. Славянство изучено вами всесторонне: языки, литературы, культуры южныхъ и западныхъ племенъ были предметомъ вашихъ спе-

«истор. вѣстн.», январь, 1905 г., т. хсгх.

24

ціальныхъ изслѣдованій. Съ особенной силой манила и манить васъ къ себѣ эпоха, когда закладывались среди славянъ первые элементы просвѣщенія: дѣятельность первоучителей, изобрѣтеніе алфавитовъ, начатки славянской письменности—вотъ на что направили вы теперь свое вниманіе. И въ выходящихъ изъ-подъ пера вашего статьяхъ виденъ все тотъ же мастеръ и художникъ, которому мы обязаны захватывающими картинками изъ эпохи чешскаго возрожденія». Указавъ затѣмъ на тотъ интересъ, какой возбуждаетъ въ юбилярѣ политическая жизнь славянскихъ племенъ, А. Н. Веселовскій продолжалъ: «Постоянныя занятія ваши этнографіей Россіи ставили васъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ объ отношеніи русской народности къ другимъ, вошедшимъ въ составъ нашего отечества, и вы становились всегда на точку зрѣнія, достойную вашего народа, рѣшительно высказываясь въ духѣ широкой терпимости. Мы съ удовольствіемъ вспоминаемъ ваше участіе въ постановкѣ вопроса о дозволении литовцамъ печатать свои книги латинскимъ алфавитомъ. Академія наукъ внимательно слѣдила за ходомъ всего дѣла и оцѣнила вашу горячую защиту правильно понятыхъ русскихъ интересовъ. Уважая васъ, какъ общественнаго дѣятеля, гордясь вами, какъ однимъ изъ заслуженнѣйшихъ членовъ нашей академіи, и любя васъ, какъ добраго и благороднаго товарища, мы просимъ васъ принять нашъ сердечный привѣтъ и искреннія наши вамъ пожеланія долгихъ дней и здоровья». Этотъ адресъ былъ встрѣченъ присутствовавшими долгими аплодисментами. Затѣмъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, читали привѣтственные адреса: отъ С.-Петербургскаго университета—А. М. Ждановъ, отъ Московскаго университета—М. Н. Соколовъ, отъ императорскаго русскаго географическаго общества—П. И. Семеновъ, отъ Кіевскаго университета св. Владимира—П. В. Никитинъ, отъ Варшавскаго университета—К. Я. Гротъ, отъ Императорской Публичной бібліотеки—Д. Ф. Кобеко, отъ литературнаго фонда—П. И. Вейнбергъ, отъ императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ—Е. В. Барсовъ, отъ историческаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ—Н. И. Карѣевъ, отъ русскаго археологическаго института—К. Я. Гротъ, отъ философскаго общества—профессоръ А. И. Введенскій, отъ этнографическаго отдѣла географическаго общества и музея императора Александра III—Д. А. Клеменць, отъ русскаго бібліологическаго общества—В. Н. Кораблевъ, отъ комиссіи имени Ушинскаго—А. С. Раевскій, отъ редакціи «Историческаго Вѣстника»—Б. В. Глинскій, отъ сербскаго народа произнесъ рѣчь на сербскомъ языкѣ полковникъ Ечинаць, отъ имени бывшихъ учениковъ говорилъ привѣтственную рѣчь профессоръ К. Я. Гротъ. Послѣднимъ обратился къ юбиляру маститый товарищъ его, В. В. Стасовъ, рѣчь котораго носила характеръ дружескихъ воспоминаній о первыхъ шагахъ юбиляра на поприщѣ родной науки. Въ своей отвѣтной рѣчи В. И. старался ослабить то значеніе въ наукѣ и литературѣ, какое онъ видѣлъ во всѣхъ привѣтственныхъ рѣчахъ. В. И. особенно подробно остановился на характеристикѣ тѣхъ людей науки, которые окружали его. «Мнѣ оставалось только воспріять то, что окружало меня»,—скромно закончилъ В. И. Долго не смолкавшіе аплодисменты были отвѣтомъ на его слова. Началось чтеніе длиннаго ряда привѣтственныхъ телеграммъ. Первою была прочитана телеграмма отъ управляющаго русскимъ

музеемъ императора Александра III, Великаго Князя Георгія Михайловича, составленная въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Примите мои искреннія поздравленія съ полувѣковымъ юбилеемъ вашей плодотворной научной дѣятельности и пожеланія еще долгіе годы содѣйствовать развитію родной этнографіи. Съ благодарностью вспоминаю ваше сочувственное отношеніе къ возникшему этнографическому отдѣлу русскаго музея императора Александра III. Георгій». Митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій Антоній прислалъ слѣдующую телеграмму: «Сердечно васъ поздравляю съ исполнившимся 50-ти-лѣтіемъ вашей славной ученой, профессорской и литературной дѣятельности. Благослови и храни васъ Господь. Митрополитъ Антоній». Далѣе слѣдовали письма и телеграммы различныхъ мѣстныхъ и провинціальныхъ обществъ и учреждений, а также отсутствующихъ товарищей профессоровъ. Привѣтствовали письменно: с.-петербургская духовная семинарія, въ лицѣ епископа Сергія; с.-петербургская первая гимназія, гдѣ юбиляръ получилъ образованіе; историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета, московскій публичный Румянцевскій музей, Николаевская академія генеральнаго штаба, совѣтъ славянскаго благотворительнаго общества, Новороссійскій университетъ, галицко-русское благотворительное общество; редакціи пражскихъ газетъ: «Народни Листы» и «Народни Новины», кievское славянское общество, институтъ князя Безбородко. Были получены также привѣтствія отъ товарища министра народнаго просвѣщенія С. М. Лукьянова, отъ русскаго посла въ Парижѣ, г. Нелидова, отъ статсъ-секретари Вешнякова, отъ графа С. Д. Шереметева, отъ генерала Кирѣева; отъ профессоровъ: Менделѣева, Ягича, Воткина, Иностранцева, Мартенса, Овсянникова, А. Потѣхина, Гревса, Дерюжинскаго, Глазенапа, Хвольсона, о. Соллертинскаго и многихъ другихъ. По окончаніи привѣтствій и чтенія телеграммъ, присутствовавшимъ были предложены шампанское и завтракъ.

Современные издатели. Въ газетахъ напечатано любопытное письмо бывшаго редактора «Вѣстника Иностранной Литературы», г. Трубачева, ярко характеризующее печальное явленіе, замѣчаемое въ нашей литературѣ въ послѣднее время. Издательское дѣло начинаетъ постепенно переходить въ руки людей, не имѣющихъ никакого отношенія къ литературѣ и видящихъ въ ней исключительно лишь предметъ торговли и эксплуатаціи публки и писателей. Заманивая читателей дешевизной своихъ изданій и массой грошовыхъ приложений, они наперстываютъ барыши на качествѣ товара, представляющаго собою не болѣе, какъ макулатуру, какъ съ вѣшной, такъ и съ внутренней стороны. Примѣромъ подобныхъ издателей и оригинальныхъ приѣмовъ, практикуемыхъ ими съ цѣлью скорой и легкой наживы, можетъ служить купецъ Пантелѣевъ, торгующій серебряными вещами въ Гостиномъ дворѣ и одновременно издающій «литературный» журналъ. Приводимъ письмо г. Трубачева: «Не откажите помѣстить слѣдующее мое заявленіе, для ознакомленія какъ подиличиковъ, такъ и иногороднихъ сотрудниковъ издаваемаго нынѣ купцомъ 2-й гильдіи г. Петромъ Пантелѣевымъ «Вѣстника Иностранной Литературы», который я редактировалъ болѣе 7¹/₂ лѣтъ. Съ выходомъ въ свѣтъ декабрьской книжки этого журнала я отказался отъ его редактированія вслѣдствіе постоянныхъ недоразумѣній изъ-за гонораара сотрудникамъ и предъявленія г. Пантелѣевымъ ко мнѣ,

какъ къ редактору, такихъ требованій, на которыя ни я, ни другой редакторъ не могли согласиться. Печатный листъ въ «Вѣстникѣ» (16 стр.) заключаетъ въ себѣ 52.000 буквъ, т.-е. больше нормальнаго журнальнаго листа (35 тыс. буквъ)—на 17.000. За переводы до декабря мѣсяца нынѣшняго года платилось 18 рублей съ листа, за эскизы по романамъ (сокращенный переводъ и частью пересказъ)—24 рубля и за статьи и очерки компилятивные, по нѣсколькимъ иностраннымъ и русскимъ пособіямъ—32 рубля, что составляло за нормальный журнальный листъ приблизительно—12, 16 и 21 рубль. Не имѣя понятія о литературной работѣ, г. П. Пантелѣвъ въ концѣ ноября неожиданно уменьшилъ гонораръ, противъ чего, разумѣется, запротестовали главнѣйшіе сотрудники журнала, еще ранѣе возмущавшіеся издательскимъ нововведеніемъ на гонорарныхъ счетахъ, гдѣ мелкимъ шрифтомъ было напечатано, что «за переводъ и за переходъ въ полную собственность издателя» такому-то причитается получить столько-то. Послѣ этого нововведенія сотрудники остроумно замѣчали, что работы ихъ уподобляются мухамъ, безвозвратно погибающимъ въ издательской паутинѣ. На протесты сотрудниковъ г. Пантелѣвъ не обращалъ вниманія, говоря, что для «Вѣстника» «гимназисты могутъ работать». Я держался противоположнаго мнѣнія и старался привлекать къ сотрудничеству въ журналѣ лучшихъ переводчиковъ, которыхъ не всегда удавалось надолго удержать изъ-за недоразумѣній при расчетѣ гонорара. Такъ, еще недавно двое сотрудниковъ, сдѣлавшихъ изъ большихъ романовъ сжатые эскизы, отказались отъ дальнѣйшей работы въ «Вѣстникѣ» вслѣдствіе того, что г. Пантелѣвъ, безъ всякаго предупрежденія меня, условившагося съ сотрудниками по 24 р. съ листа, заплатилъ всего по 18 р. 2-го ноября, послѣ того, какъ написанное мною объявленіе о подпискѣ на журналъ въ 1905 г. было помѣщено въ «Вѣстникѣ», г-нъ Пантелѣвъ объявилъ мнѣ черезъ управляющаго своей типографіей, что онъ желаетъ просматривать въ подлинникахъ все, что переводится или компилируется для журнала. Сомнѣваясь, чтобы г. Пантелевъ былъ достаточно освѣдомленъ не только въ нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, но даже въ русскомъ, я, разумѣется, въ этомъ требованіи издателю «Вѣстника» отказалъ и попросилъ его снять съ объявленія выбранныя мною произведенія и особое приложеніе, замѣнивъ ихъ другими. Свою просьбу я повторялъ трижды, но отвѣта не получилъ: очевидно, г. Пантелѣвъ счелъ для себя удобнымъ воспользоваться чужими мыслями и выборомъ, т.-е. чужой литературной собственностью. Какъ называется такой поступокъ—едва ли нужно говорить».

НЕКРОЛОГИ.

БАКСТЪ, Н. И. 4-го декабря послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета, Николай Игнатьевичъ Бакстъ. Покойный читалъ въ университетѣ курсъ физиологіи органовъ чувствъ, кромѣ того, лекціи физиологіи на женскихъ медицинскихъ курсахъ. Н. И. родился въ 1843 году, кончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ кандидатомъ естественныхъ наукъ и былъ командированъ на три года за границу для приготовленія къ профессурѣ. Работалъ по физиологіи подъ руководствомъ Гельмгольца. Вернувшись въ Россію, защитилъ pro venia legendi диссертацию: «О скорости передачи раздраженій по двигательнымъ нервамъ чловѣка», и въ 1867 году былъ приглашенъ читать лекціи въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія состоялъ съ 1886 года. Имъ написано нѣсколько цѣнныхъ работъ по физиологіи и изданъ «Курсъ физиологіи органовъ чувствъ». (Некрологи его: «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 631; «Одесскій Листокъ», 1904 г., № 316, и «Новое Время», 1904 г., № 10334).

† **Бобровъ, А. А.** 26-го ноября въ Ялтѣ скончался одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ и извѣстныхъ русскихъ хирурговъ, ординарный профессоръ императорскаго Московскаго университета по каедрѣ оперативной хирургіи, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Алексѣевичъ Бобровъ. Онъ родился въ 1850 году, высшее образованіе получилъ на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета, которому всецѣло была посвящена и дальнѣйшая плодотворная научная дѣятельность покойнаго. Уже черезъ годъ по окончаніи курса А. А. былъ назначенъ ассистентомъ при фа-

культетской хирургической клиникѣ, а въ 1880 году, защитивъ диссертацию на степень доктора медицины, подъ заглавіемъ: «О механизмѣ переломовъ грубчатыхъ костей отъ дѣйствія пули и лѣченія огнестрѣльныхъ переломовъ безъ поврежденія суставовъ», занялъ кафедру оперативной хирургіи. Изъ большого количества научныхъ работъ покойнаго наиболее извѣстны: «Исторія ампутацій и консерватизма въ хирургіи конечностей» (пробная лекція, М., 1881 г.), «Руководство къ изученію хирургическихъ повязокъ» (нѣсколько изданій), «Вывихи и переломы» (курсъ лекцій, три изданія), «Курсъ оперативной хирургіи» (нѣсколько изданій), «Отчетъ факультетской хирургической клиники за 1893—1895 годъ» и др. Въ Крыму, гдѣ скончался А. А., имъ была основана нѣсколько лѣтъ тому назадъ прекрасная санаторія для больныхъ дѣтей съ хирургическими формами бугорчатки. (Некрологи его: «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г. № 621; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 271; «Одесскій Листокъ», 1904 г., № 308, и «Новое Время», 1904 г., № 10327).

† **Вальцъ, Я. Я.** 29-го ноября скончался въ домѣ призрѣнія душевно-больныхъ на станціи Удѣльной профессоръ Новороссійскаго университета Яковъ Яковлевичъ Вальцъ. Родился онъ въ Кіевѣ въ 1841 году. Образование получилъ въ Кіевскомъ университетѣ по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета. По окончаніи курса былъ оставленъ при университетѣ для подготовки къ профессорской дѣятельности и съ тою же цѣлью въ 1863 году былъ командированъ за границу, гдѣ изучалъ безцвѣтковыя растенія. По возвращеніи въ Россію занялъ кафедру ботаники въ Кіевскомъ университетѣ, гдѣ пробылъ съ 1868 года по 1871 годъ, и затѣмъ въ Новороссійскомъ университетѣ. Изъ трудовъ его извѣстны: докторская диссертация «*Beitrag zur Morfologie und Systematik der Gattung Vaucheria D. C.*» (1865 г.), «О развитіи зооспоръ у водорослей», «Значеніе грибовъ въ экономіи природы», «О болѣзняхъ культурныхъ растений», «О вліяніи свѣта на нѣкоторые процессы растительной жизни», «О размноженіи растений частями сѣмянъ» и многіе другіе. Въ 1881 году Я. Я. вслѣдствіе болѣзни оставилъ профессорскую дѣятельность. (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10330).

† **Квиримъ, А. А.** 6-го декабря скончался членъ государственнаго совѣта, сенаторъ Александръ Александровичъ Квиримъ, давно упрочившій за собою извѣстность авторитетнаго и компетентнѣйшаго цивилиста, соединившаго всестороннее знаніе дѣйствующаго права съ широкимъ теоретическимъ образованіемъ. Правовѣдъ по образованію (род. въ 1837 году), А. А. черезъ два года по вступленіи своемъ на службу въ министерство юстиціи (въ 1858 году) былъ назначенъ юрисконсультъ консулѣтаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной; въ 1862 году по высочайшему повелѣнію назначенъ членомъ-редакторомъ комиссіи, учрежденной при государственной канцеляріи для составленія проектовъ законоположеній о преобразованіи судебной части. Усердная и талантливая работа молодого цивилиста доставила ему въ 1866 году при открытіи с.-петербургскаго окружнаго суда должность товарища предсѣдателя этого суда по одному изъ гражданскихъ его отдѣленій. Вслѣдъ затѣмъ А. А. былъ выбранъ и утвержденъ предсѣдателемъ с.-петербургскаго коммерческаго суда. Участвуя въ комиссіяхъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ столичнаго

управленія (1869 г.), при министерствѣ юстиціи по вопросу о преобразованіи коммерческихъ судовъ (1871 г.), А. А. въ слѣдующемъ году назначень былъ оберъ-прокуроромъ гражданского кассационнаго департамента сената, черезъ четыре года получилъ назначеніе быть представителемъ министерства юстиціи въ комиссіи при второмъ отдѣленіи Собственной Е. И. В. канцеляріи для окончательнаго обсужденія проекта новаго устава о векселяхъ. Въ 1878 году А. А. былъ призванъ къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ (по гражданскому кассационному департаменту). Служебная дѣятельность А. А. не прерывала его литературныхъ работъ въ избранной имъ области гражданского права. Будучи въ шестидесятыхъ годахъ помощникомъ редактора «Журнала Министерства Юстиціи», А. А. помѣстилъ въ немъ рядъ статей (между прочимъ «О ганноверскомъ гражданскомъ судопроизводствѣ»), съ 1870 года вмѣстѣ съ Н. А. Туромъ издавалъ «Журналъ гражданского и торговаго права», переименованный черезъ два года въ «Журналъ гражданского и уголовнаго права», при чемъ соредакторомъ А. А. сдѣлался Н. С. Таганцевъ. При сотрудничествѣ другихъ юристовъ А. А. изданы были за нѣсколько лѣтъ «Систематическіе сборники рѣшеній гражданского кассационнаго департамента сената». Кромѣ того, имъ переведено сочиненіе Бенгтама «О судоустройствѣ». За послѣдніе 22 года (съ 1882 году) А. А. главнымъ образомъ посвящаль свои силы работѣ въ комиссіи по составленію проекта гражданского уложенія, которой онъ былъ вице-предсѣдателемъ, пока предсѣдателемъ былъ Н. И. Стояновскій, а по смерти его—А. А. Книримъ занялъ его мѣсто и былъ не только предсѣдателемъ ея, но и трудолюбивѣйшимъ ея работникомъ и душою ея работъ, которыя должны дать Россіи новое гражданское уложеніе. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 279; «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 634, и «Новое Время», 1904 г., № 10335).

† **Коркуновъ, Н. М.** 27-го ноября въ домѣ призрѣнія душевно-больныхъ Александра III на Удѣльной скончался бывшій профессоръ С.-Петербургскаго университета, Николай Михайловичъ Коркуновъ. Покойный, сынъ ординарнаго академика, родился въ Петербургѣ 14-го апрѣля 1853 года. По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету съ золотой медалью за работу «Городовое положеніе 1870 года сравнительно съ иностранными законодательствами» онъ былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію. Сдавъ вскорѣ магистерскій экзамень, началъ въ 1876 году свою преподавательскую дѣятельность въ Императорскомъ Александровскомъ лицейѣ, въ которомъ читалъ энциклопедію права. Послѣ ухода изъ С.-Петербургскаго университета П. Г. Рѣдкина ему было поручено чтеніе этого предмета въ университетѣ, черезъ десять лѣтъ (въ 1889 году) поручено за выходомъ А. Д. Градовскаго преподаваніе государственнаго права. Одновременно съ 1878 года онъ читалъ въ Военно-Юридической академіи сперва государственное право иностранныхъ державъ, потомъ международное право. Съ 1883 по 1893 годъ былъ инспекторомъ классовъ Александровскаго лицея. Въ 1893 году, чрезъ 17 лѣтъ по сдачѣ магистерскаго экзамена, онъ защитилъ въ Юрьевскомъ университетѣ диссертацию на степенъ магистра государственнаго и международнаго права, въ слѣдующемъ же году

былъ удостоенъ юридическимъ факультетомъ С.-Петербургскаго университета степени доктора государственнаго права. Имя Н. М. Коркунова пользуется среди юристовъ большою и вполне заслуженною популяренностью. Лучшею его работою необходимо признать докторскую диссертацию «Указъ и законъ», написанную Н. М. въ періоды наибольшаго расцвѣта его научнаго творчества и представляющую, по выраженію одного изъ официальныхъ опонентовъ памятнаго диспута, классически-стройную монографію. Изъ остальныхъ работъ Н. М. отмѣтимъ его «Русское государственное право» и «Лекціи по общей теоріи права», выдержавшія каждая по нѣскольку изданій. Отличительнымъ ихъ свойствомъ является большая сила діалектики, мѣстами впрочемъ выпадающей въ парадоксальность. Покойный Н. М. былъ вообще несравненно болѣе сильнымъ въ своихъ критическихъ экскурсахъ, чѣмъ въ конструкціяхъ. Поэтому и въ «Лекціяхъ», наприимѣръ, его критика чужихъ опредѣленій понятія права совершенно затмѣваетъ своимъ блескомъ собственныя построенія автора. Тою же чертою отличались и работы его по общей части международнаго права: яркая, необыкновенно будящая мысль критика рядомъ съ парадоксальными и подчасъ весьма сложными конструкціями. Во всякомъ случаѣ обоими его учебниками зачитывались, можетъ быть, именно въ виду склонности русскаго ума преимущественно къ критическому анализу. Кромѣ перечисленныхъ работъ, покойный интересовался многими такими вопросами, которые имѣли непосредственное отношеніе къ практическимъ запросамъ русской государственной жизни. Онъ написалъ цѣлый рядъ статей о финляндскомъ вопросѣ, о государственномъ совѣтѣ, о комитетѣ министровъ и объ административной юстиціи. Какъ профессоръ, Н. М. не имѣлъ особенно большой аудиторіи, но происходило это исключительно потому, что его изложеніе было настолько серьезнымъ, что мало подготовленные слушатели не всегда оказывались способными слѣдить за ними. Зато небольшая, но избранная аудиторія тѣхъ, которые посѣщали лекціи Н. М., навсегда сохранила объ этомъ живомъ, порывистомъ, весьма начитанномъ и ярко талантливымъ человѣкѣ самую свѣтлую и благодарную память. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 271; «Новое Время», 1904 г., № 10327, и «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 618).

† **Короленко, Ю. Г.** 25-го ноября, въ Москвѣ, скончался смотритель городского Ахлабаевского страннопріимнаго дома, Юліанъ Галактіоновичъ Короленко. Старшій братъ писателя В. Г. Короленка, покойный большую часть своей жизни занимался газетной и журнальной работою сначала въ петербургскихъ, а затѣмъ въ московскихъ изданіяхъ. Еще гимназистомъ онъ писалъ корреспонденціи въ столичные газеты, и одна изъ такихъ обличительныхъ корреспонденцій изъ города Ровна Волынской губ. надѣлала много шума въ мѣстномъ населеніи. Корреспонденціи его помѣщались и въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ также онъ занимался около 10-ти лѣтъ и корректурными работами (въ концѣ 80-хъ и 90-хъ годахъ). Ю. Г. обладалъ недюжиннымъ поэтическимъ дарованіемъ, и его лирическія стихотворенія печатались въ «Русской Мысли» и другихъ журналахъ. Оставивъ журнальную работу вслѣдствіе болѣзни, Ю. Г. занялъ спокойное мѣсто смотрителя городского Ахлабаевского страннопріимнаго

дома, гдѣ прослужилъ до конца своей жизни. Подъ благотворнымъ вліяніемъ Ю. Г. воспитывался въ ранней молодости его братъ Владимиръ Галактіоновичъ Короленко, называвшій его своимъ «учителемъ». (Некрологи его: «Одесскій Листокъ», 1904 г., № 309, и «Новое Время», 1904 г., № 10326).

† **Лихачева, Е. І.** 6-го декабря скончалась бывшая председательница общества для содѣйствія высшимъ женскимъ курсамъ, Елена Іосифовна Лихачева, стоявшая въ 70 годахъ девятнадцатаго столѣтія во главѣ немногочисленнаго кружка русскихъ женщинъ, благородному почину которыхъ обязано было началомъ женское образовательное движеніе въ Россіи. Родившись въ 1836 г. и получивъ крайне скудное образованіе въ Смольномъ институтѣ, Е. І., еще совсѣмъ юная, но талантливая и богато одаренная отъ природы, сознала, что сила—въ знаніи, и съ той поры неустанно училась и работала, сначала подъ руководствомъ своего отца, очень образованнаго человѣка. Замужество и материнство не прервали ея занятій, а проявившееся литературное дарованіе дало ей возможность съ 69 года выступить на поприще литературнаго труда. Перу Е. І. Лихачевой принадлежитъ рядъ работъ по женскому вопросу. Она помѣстила въ «Отечественныхъ Запискахъ» статьи: «Новости по женскому дѣлу во Франціи и Америкѣ», «Женское движеніе у насъ и за границей», «Воспитаніе женщинъ съ точки зрѣнія положительной философіи», «Женщины въ современной войнѣ», «Избирательныя права женщинъ въ Англіи», «Парижскій конгрессъ по женскому вопросу», «Экономическое положеніе женщинъ во Франціи», «Посмертное сочиненіе Прудона о женщинахъ» и мн. др. Одинъ перечень этихъ статей уже указываетъ, какъ всесторонне было изучено нашей писательницей общественное, политическое и экономическое положеніе женщины. Но, кромѣ ряда работъ въ повременной печати, Е. І. Лихачевой принадлежитъ капитальное изслѣдованіе въ нѣсколькихъ томахъ «Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи»,— исторіи, въ которой имя Е. І. Лихачевой навсегда останется однимъ изъ наиболее памятныхъ и свѣтлыхъ. Е. І. также перевела и издала вмѣстѣ съ покойной А. И. Сувориной нѣсколько общепользныхъ книгъ. Некрологи ея: («Новое Время», 1904 г., № 10335; «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 637).

† **Мерклингъ, К. Е.** 26-го ноября скончался послѣ тяжелой болѣзни извѣстный пѣльмъ рядомъ научныхъ работъ по ботаникѣ академикъ Карлъ Евгеніевичъ Мерклингъ. По окончаніи курса въ Дерптскомъ университетѣ въ 1845 г. со степенью кандидата естественныхъ наукъ покойный отправился за границу (въ Іену), съ спеціальной пѣлью усовершенствованія своихъ ботаническихъ знаній. По возвращеніи въ Россію сталъ читать въ качествѣ приват-доцента лекціи въ Лѣсномъ институтѣ. Вскорѣ былъ приглашенъ на службу въ императорскій ботаническій садъ и назначенъ экспертомъ по естествознанію и микроскопіи въ медицинскомъ департаментѣ. Его первое сочиненіе: «Zur Entwicklungsgeschichte der Blattgestalten» было издано съ рисунками въ Іенѣ. Въ С.-Петербургѣ онъ обстоятельно занялся изслѣдованіемъ строенія и жизни растений и деревъ, а также русскихъ ископаемыхъ растений. Его трудъ «Paleontologikon rossicum» отмѣченъ императорскою академіею наукъ присужденіемъ покойному второй демидовской преміи; его сочиненія «О внутреннемъ строеніи

и жизни растений» и «Анатомія коры и древесины лѣсныхъ деревьевъ въ Россіи» явились цѣннымъ вкладомъ въ русскую ботаническую литературу 50-хъ годовъ. Въ 1864 г. К. Е. былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ въ медико-хирургическую академію по кафедрѣ ботаники и читалъ лекціи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, издавъ въ это время «Наставленіе объ изслѣдованіи подозрительныхъ пятенъ». Съ 1877 года до дня своей кончины покойный состоялъ непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета. Одновременно принималъ участіе въ медицинскомъ совѣтѣ въ качествѣ совѣщательнаго члена и съ прежней энергіей работалъ по своему любимому дѣлу. Десять лѣтъ назадъ издалъ «Лѣкарственныя растенія русской флоры», снабдивъ свое сочиненіе интереснымъ атласомъ. Императорская академія наукъ за его научные труды избрала его въ члены-корреспонденты. Умеръ онъ 83 лѣтъ. (Некрологи его: «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 616, и «Новое Время», 1904 г., № 10326).

† **Михальскій, К. О.** 20-го ноября въ санаторіи Закопане, въ Гатрахъ, скончался старшій геологъ, горный инженеръ, Александръ Октавіановичъ Михальскій. Уроженецъ Каменецъ-Подольска, А. О. послѣ окончанія горнаго института занялся геологическими изслѣдованіями. Начало его работъ совпало съ учрежденіемъ геологическаго комитета, и Михальскій былъ первымъ его консерваторомъ. Избранный сначала младшимъ, а вслѣдъ за этимъ старшимъ геологомъ, онъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ работалъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи. Свои изслѣдованія онъ началъ на Волгѣ около Самары, затѣмъ работалъ въ царствѣ Польскомъ, въ Подольской губерніи, въ Криворожскомъ желѣзно-рудномъ районѣ. Послѣдняя работа вдоль линіи строящейся жел. дороги Бологое — Псковъ сильно подорвала уже разстроенное трудными полевыми работами здоровье, и около двухъ мѣсяцевъ назадъ онъ по совѣту врачей долженъ былъ уѣхать, чтобы провести зиму въ лучшихъ климатическихъ условіяхъ. Какъ палеонтологъ, Михальскій оставилъ капитальный трудъ о фаунѣ виргатовыхъ слоевъ подмосковнаго бассейна. Незадолго передъ смертію онъ отказался отъ предложенной ему кафедры геологіи въ горномъ институтѣ. Удивительно добрый, симпатичный товарищъ, А. О. Михальскій оставляетъ послѣ себя завидную память не только среди товарищей по геологическому комитету, но и среди всѣхъ нашихъ геологовъ и инженеровъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10321).

† **Михайловскій, В. М.** 26-го ноября въ Москвѣ скончался директоръ 2-ой московской гимназіи, д. с. с. Викторъ Михайловичъ Михайловскій. Онъ родился въ 1846 г. въ Вильнѣ. По окончаніи историко-филологическаго факультета въ университетѣ св. Владимира былъ назначенъ преподавателемъ исторіи въ гимназіи въ Кіевѣ. Въ 1871 г. переехалъ во Владимиръ на Клязьмѣ. Въ 1874 г. былъ перевѣщенъ учителемъ въ Москву, и съ той поры вся его дѣятельность протекла въ Москвѣ. Выдержавъ экзаменъ на степень магистра по кафедрѣ всеобщей исторіи, онъ сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ приватъ-доцентомъ и почти 20 лѣтъ читалъ въ Московскомъ университетѣ различные курсы по исторіи, этнологіи и географіи. Отзывчивый на всѣ нужды просвѣщенія, онъ былъ виднымъ дѣятелемъ въ московскомъ педагогическомъ обществѣ, въ которомъ одно время былъ

и предсѣдателемъ, состоялъ много лѣтъ товарищемъ предсѣдателя этнографическаго отдѣла императорскаго общества любителей естествознанія, принималъ участіе въ качествѣ члена въ императорскомъ московскомъ археологическомъ обществѣ. Какъ педагогъ-теоретикъ, онъ былъ отзывчивъ на всѣ вопросы о воспитаніи, и немало его статей появилось и въ педагогическихъ журналахъ. Нѣкоторые его труды изданы были особо, какъ «Серветъ и Кальвинъ», «Джонъ Виклефъ и Янъ Гусъ», «Первые года парижской школы хартій», «Ганза», «Космополитъ на тронѣ римскихъ цезарей» и др. Его обширный трудъ о «Шаманствѣ», изданный обществомъ естествознанія, представляетъ въ русской ученой литературѣ повнѣ единственное болѣе полное и цѣльное изслѣдованіе по этому вопросу, хотя оно и не окончено. Сверхъ того, не мало его библиографическихъ отзывовъ и критическихъ статей было помѣщено въ журналѣ «Русская Мысль». Одаренный прекраснымъ и добрымъ сердцемъ, это былъ педагогъ по призванію, прослужившій въ русской школѣ около 35 лѣтъ. (Некрологъ его; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 272).

† **Пыпинъ, А. Н.** 26-го ноября скончался ординарный академикъ императорской академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, Александръ Николаевичъ Пыпинъ. Смерть унесла замѣчательнаго русскаго ученаго, болѣе полувѣка трудившагося на поприщѣ русской науки и не утратившаго энергіи и въ своей маститой старости: онъ до послѣдняго дня жизни не переставалъ обогащать науку, какъ и въ прежніе годы, новыми матеріалами и изслѣдованіями. Начало литературной дѣятельности Пыпина восходитъ къ тому времени (1854 г.), когда у насъ, строго говоря, только-что началась научная разработка русской литературы, и въ этой ученой области, по общему признанію, имени А. Н. Пыпина принадлежитъ одно изъ самыхъ видныхъ и почетныхъ мѣстъ. Вся область русской литературы, начиная съ произведеній народной безыскусственной воэзи, апокрифа и древней повѣсти, кончая новѣйшими писателями, была предметомъ изученія А. Н., вездѣ онъ могъ сказать вѣское и содержательное слово. Вмѣстѣ съ громаднѣйшей эрудиціей, позволявшей ему съ большой пользой для науки, уклоняться въ сторону отъ предмета своей спеціальности въ области наукъ, смежныхъ съ исторіей литературы, покойный всегда, съ первыхъ шаговъ своей ученой дѣятельности выказывалъ и свое умѣнье отыскивать интересныя явленія въ области изучаемаго, давать имъ историческое освѣщеніе и обогащать изслѣдуемые факты приобщеніемъ новыхъ, до него оставшихся неизвѣстными или непонятными. Въ послѣдніе годы своей дѣятельности, онъ возвратился къ задачѣ, давно его занимавшей, — къ составленію обширнаго общаго сочиненія по исторіи русской литературы, и этимъ трудомъ, по выраженію одного изъ сотоварищей покойнаго, академика Л. Н. Майкова, создалъ себѣ литературный памятникъ, который надолго сохранитъ въ наукѣ его имя. А. Н. Пыпинъ родился въ 1833 г. въ Саратовѣ. Первоначальное образованіе, полученное въ саратовской гимназій, онъ закончилъ въ университетахъ Казанскомъ, а затѣмъ Петербургскомъ. Его юность была окружена литературной сферой, да и самъ онъ, будучи еще студентомъ, выступилъ на учено-литературное поприще: въ 1853 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ» были напечатаны двѣ его статьи о Владимирѣ Лукинѣ, мало извѣстномъ

драматургъ Екатерининскихъ временъ. Въ слѣдующемъ же году появляется его «Словарь къ новгородской первой лѣтописи», напечатанный въ «Извѣстіяхъ» академіи. Дальнѣйшіе его труды были направлены на изученіе нашей древней письменности, преимущественно по рукописямъ, хранящимся въ Императорской Публичной библиотекѣ и Румянцевскомъ музеѣ. На первыхъ порахъ онъ обратилъ особое вниманіе на изученіе апокрифической литературы и произведеній мірскаго повѣствовательнаго характера древней русской словесности. Плодомъ его работъ этого рода былъ изданный въ 1857 году «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ», замѣчательный по свѣжести научной задачи и тщательности въ обслѣдованіи вопросовъ, ею вызываемыхъ. Въ этомъ очеркѣ, давшемъ его автору ученую степень магистра, впервые была представлена исторія русской повѣсти, рассмотрѣны повѣсти иноземнаго происхожденія и оригинальныя русскія, при чемъ нѣкоторыя повѣсти и сказки не только впервые изслѣдованы, но и даже впервые открыты. Въ 1858 г. А. Н. получилъ командировку на два года за границу для подготовленія къ профессурѣ по кафедрѣ исторіи западныхъ литературъ. За время этого путешествія онъ побывалъ, между прочимъ, въ славянскихъ земляхъ и въ Италіи, откуда посылалъ въ «Современникъ» свои путевыя письма. По возвращеніи изъ-за границы онъ началъ читать лекціи въ Петербургскомъ университетѣ по исторіи французской литературы. Оставивъ въ 1861 г. университетъ, А. Н. всецѣло отдался учено-литературной и журнальной дѣятельности и сталъ постояннымъ вкладчикомъ и ближайшимъ сотрудникомъ «Современника», до прекращенія изданія послѣдняго. Помимо самостоятельныхъ изслѣдованій въ области древне-русской литературы, въ особенности апокрифа, онъ въ 1860 г. усердно занимался и переводами историко-литературныхъ и историческихъ сочиненій, напримѣръ, Шерра, Гетнера, Дрепера, Милля, Шлоссера, Рохау, Бен-тама и др. Въ 1865 году А. Н. напечаталъ «Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ»; этотъ обзоръ, составленный въ сотрудничествѣ съ В. Д. Спасовичемъ, повторенный въ исправленномъ и значительно увеличенномъ видѣ въ 1879—1881 году, сдѣлался классической по своей части книгой и переведенъ уже на нѣмецкій, французскій и чешскій языки. До сихъ поръ ни въ русской ни въ славянской литературахъ нѣтъ другого труда, столь полно исчерпывающаго матеріалъ литературной исторіи всѣхъ славянъ. Съ конца 1860 годовъ А. Н. становится въ ряды ближайшихъ сотрудниковъ «Вѣстника Европы». Рѣдкая книжка этого изданія выходила безъ какой либо его статьи. Въ этомъ журналѣ появлялись и тѣ его статьи, которыя впоследствии въ обработанномъ видѣ вошли въ нѣкоторыя его отдѣльно изданныя сочиненія, какъ: «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I» (выдержало три изданія: 1871, 1885 и 1900 гг.), «Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 1820 до 1850 годовъ» (выдержало два изданія—1873 и 1890 гг.), «Вѣлинскій, его жизнь и переписка» (въ двухъ томахъ, 1876 г.), «Исторія русской этнографіи» (въ 4 томахъ, 1890—1892 г.), и, наконецъ, «Исторія русской литературы» (въ 4 томахъ, выдержало два изданія—1899 и 1902—1903 гг.). Все эти труды, получившіе своевременно должную оцѣнку со стороны ученаго міра, сдѣлали имя покойнаго популярнымъ и въ широкихъ слояхъ общества. Академія, вън-

чавшая не разъ его сочиненія преміями («Очерки литературной исторіи повѣстей и сказокъ русскихъ», «Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ», «Исторія русской этнографіи»), выразила признаніе его ученыхъ заслугъ избраніемъ А. Н. въ 1891 г. въ члены-корреспонденты, а въ январѣ 1898 г. въ ординарные академики по отдѣленію русскаго языка и словесности. Внимание общества къ трудамъ покойнаго сочувственно выразилось между прочимъ и при празднованіи пятидесятилѣтняго юбилея А. Н., 25-го марта 1903 года. Кромѣ указанныхъ статей и отдѣльныхъ изданій, изъ массы его работъ, число которыхъ превышаетъ тысячу, слѣдуетъ отмѣтить его труды по исторіи масонства (между прочимъ, отдѣльно изданный «Хронологическій указатель русскихъ ложъ отъ перваго введенія масонства до запрещенія его», 1873 г.), старообрядства (напримѣръ, «Сводный старообрядческій синодикъ») и рядъ статей по вопросамъ славяновѣдѣнія, о новѣйшихъ писателяхъ, какъ, напримѣръ, о Салтыковѣ-Щедринѣ, Некрасовѣ (его послѣдній трудъ), наконецъ рядъ біографій и некрологовъ сходящихся со сцены на его глазахъ писателей и ученыхъ. Заслуживаютъ упоминанія и многія его рецензіи, изъ которыхъ большинство составляютъ необходимое и цѣнное приложеніе къ трудамъ, имъ разобраннымъ. За послѣдніе годы покойный велъ по порученію отдѣленія русскаго языка и словесности академіи наукъ издаваемыя отдѣленіемъ «Извѣстія», разросшіяся до значительныхъ размѣровъ. Смерть застала покойнаго за редакціей сочиненій императрицы Екатерины II, издаваемыхъ академіей наукъ (остались неизданными лишь два тома) и среди подготовительныхъ работъ по переизданію нѣкоторыхъ своихъ прежнихъ сочиненій. Покойному А. Н. Пыщину мы посвящаемъ въ настоящей книжкѣ особую статью. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 270; «Новое Время», 1904 г., № 10325; «Русское Слово», 1904 г., № 330; «Южный Край», 1904 г., № 8288; «Кіевская Газета», 1904 г., № 330; «Харьковскій Листокъ», 1904 г., № 1618; «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 328; «Приднѣпровскій Край», 1904 г., № 2355 и мн. др).

† **Сергій, архіепископъ.** 20-го ноября во Владимирѣ скончался отъ паралича сердца архіепископъ владимирскій и суздальскій, высокопреосвященный Сергій. Покойный занималъ архіепископскую кафедру во Владимирѣ на Клязьмѣ въ теченіе одиннадцати лѣтъ, заботливо относясь къ нуждамъ духовенства и являясь убѣжденнымъ сторонникомъ широкаго распространенія грамотности среди крестьянскаго населенія. Сынъ священника, въ мѣрѣ Иванъ Спасскій, владыка родился въ Спасскѣ, Костромской губерніи, образованіе получилъ въ костромской духовной семинаріи и кіевской духовной академіи. По окончаніи курса со званіемъ магистра богословія за сочиненіе: «Исслѣдованіе библейской хронологіи», онъ началъ свое служеніе преподавателемъ богословія. Овдовѣвъ принялъ монашество и былъ послѣдовательно инспекторомъ и ректоромъ вѣанской духовной семинаріи, настоятелемъ московскаго Знаменскаго монастыря. Въ 1872 году уволился по болѣзни, посвятилъ себя ученымъ занятіямъ и черезъ пять лѣтъ за сочиненіе «Агіологія Востока» получилъ отъ Московской духовной академіи степенъ доктора богословія. Хиротонисанный во епископа въ 1882 году, преосвященный Сергій былъ сперва

викаріємъ Литовской епархіи, черезъ три года занялъ самостоятельную кафедру епископа могилевскаго и ковенскаго, а затѣмъ перенесъ свою просвѣтительную дѣятельность въ болѣе обширную Владимирскую епархію. Его перу принадлежатъ нѣсколько цѣнныхъ трудовъ по богословію. Изъ нихъ назовемъ: «Православное ученіе о почитаніи иконъ», «Избранныя житія святыхъ», «Бесѣды объ основныхъ истинахъ православной вѣры» (выдержали три изданія) и другія. Его проповѣди отличались глубокимъ знаніемъ догматовъ православія и были изданы отдѣльными брошюрами, находившими себѣ широкое распространеніе. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г., № 10320, и «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 604).

† **Склифосовскій, Н. В.** 30-го ноября скончался въ своемъ имѣніи Яковцахъ, Полтавской губерніи, заслуженный профессоръ, извѣстный хирургъ Николай Васильевичъ Склифосовскій. Н. В. родился въ 1836 г. въ Херсонской губерніи, на хуторѣ близъ города Дубоссары, въ дворянской семьѣ. Окончивъ съ медалью курсъ во второй одесской гимназіи, онъ поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета и въ 1859 г. былъ удостоенъ степени лѣкаря. Въ Одессѣ онъ занялъ мѣсто ординатора Одесской городской больницы и съ перваго же года принялъ въ свое завѣдываніе хирургическое отдѣленіе и началъ готовиться къ преподавательской дѣятельности. Блестящія операціи, производимыя съ высокимъ искусствомъ и рѣдкимъ успѣхомъ, скоро обратили на него вниманіе ученаго міра. Молодой хирургъ работалъ съ энергіей и, не увлекаясь быстрыми успѣхами, настойчиво продолжалъ учиться, посвящая день больницѣ, а вечера и часть ночи научнымъ занятіямъ на трупахъ. Въ 1863 г. Н. В. защитилъ въ Харьковскомъ университетѣ докторскую диссертацию. Заботясь о своемъ научномъ образованіи, онъ въ 1866 г. отправился за границу и пробылъ тамъ болѣе двухъ лѣтъ, работая главнымъ образомъ въ патолого-анатомическомъ институтѣ Вирхова и въ клиникѣ Лагенбека. Во время австро-прусской войны изучалъ на практикѣ военно-полевую хирургию, поступивъ въ ряды дѣйствующей прусской арміи, работалъ на перевязочныхъ пунктахъ, участвовалъ въ сраженіи подъ Садовой. По окончаніи кампаніи былъ награжденъ прусскимъ желѣзнымъ крестомъ въ память 1866 года. Во Франціи Н. В. работалъ въ анатомическомъ институтѣ Кламарта и въ клиникѣ Нелатона. Въ Англіи онъ ознакомился съ лондонскими медицинскими школами, а потомъ работалъ въ Единбургѣ. По возвращеніи въ Одессу Н. В. продолжалъ работать въ хирургическомъ отдѣленіи городской больницы, всецѣло посвятивъ себя хирургии. Онъ выполнилъ, между прочимъ, первыя оваріотоміи въ Россіи, доставившія ему славу «русскаго оваріотомиста» въ тѣ времена, когда эта операція считалась еще рѣдкостью въ Англіи и Германіи. Въ 1870 г. Н. В. получилъ приглашеніе занять кафедру хирургіи въ Кіевскомъ университетѣ св. Владимира и съ большимъ успѣхомъ прочелъ первую лекцію. Въ Кіевѣ профессоръ Склифосовскій оставался недолго. Въ 1870 г. онъ отправился на театръ франко-прусской войны для ознакомленія съ дѣятельностью военныхъ госпиталей. Въ сентябрѣ 1871 г. былъ призванъ на кафедру хирургіи въ императорскую медико-хирургическую академію и преподавалъ здѣсь сперва

хирургическую патологию и завѣдывалъ хирургическимъ отдѣленіемъ въ клиническомъ военномъ госпиталѣ, а съ 1878 г. принялъ въ завѣдываніе хирургическую клинику баронета Вилліе. Въ 1876 г. Н. В. былъ командированъ въ Черногорію, въ качествѣ консультанта по хирургіи при учрежденіяхъ Краснаго Креста. Возгорѣвшаяся затѣмъ русско-турецкая война призвала Н. В. въ дѣйствующую армію. При переправѣ черезъ Дунай ему пришлось перевязать первыхъ раненыхъ, а потомъ принимать дѣятельное участіе на главныхъ перевязочныхъ пунктахъ—подъ Плевною и на Шипкѣ. Это была четвертая война, въ которой Н. В. принялъ участіе, и здѣсь онъ нашелъ широкое поле для примѣненія своихъ знаній. Онъ являлся тамъ не только операторомъ, но и учителемъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Онъ училъ молодыхъ врачей и сестеръ милосердія самопожертвованію при уходѣ за ранеными, лично подавая примѣръ беззавѣтнаго служенія долгу человѣколюбія. Подъ Булгарени черезъ руки Н. В. прошло около 10.000 раненыхъ. Послѣ третьяго плевненскаго боя Н. В. былъ командированъ въ Габрово, у подножія Шипки, гдѣ устроенъ былъ перевязочный пунктъ для раненыхъ во время обороны шипкинскихъ укрѣпленій при отраженіи арміи Сулеймана-паши. Въ 1880 г., въ годъ преобразованія медико-хирургической академіи въ военно-медицинскую, Н. В. Склифосовскій совѣтомъ Московскаго университета былъ единогласно избранъ на кафедру факультетской хирургической клиники Московскаго университета и затѣмъ назначенъ деканомъ. Московскою хирургическою клинкою Н. В. завѣдывалъ 14 лѣтъ и въ то же время состоялъ консультантомъ по хирургіи въ московскомъ военномъ госпиталѣ. Во время пребыванія Н. В. въ Москвѣ и благодаря его стараніямъ, на Дѣвичьемъ полѣ были построены новыя роскошныя клиники, служація украшеніемъ и гордостью Москвы. Въ 1893 г. Н. В. былъ призванъ на постъ директора клиническаго института великой княгини Елены Павловны въ Петербургѣ. Н. В. былъ инициаторомъ устройства съѣздовъ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова и во время XII международнаго съѣзда врачей въ Москвѣ былъ председателемъ организованнаго комитета по устройству этого перваго въ Россіи международнаго съѣзда врачей. Въ 1899 г. минуло 40-лѣтіе врачебной дѣятельности Н. В., и этотъ день былъ почтенъ изданіемъ юбилейнаго сборника трудовъ его друзей, сослуживцевъ и учениковъ. Н. В. издавалъ «Хирургическую Лѣтопись», былъ однимъ изъ основателей перваго русскаго общества хмелеводства. Кромѣ того, онъ былъ почетнымъ членомъ: Московскаго университета, военно-медицинской академіи, лондонскаго *Societas medica Londoniensis*, общества чешскихъ врачей въ Прагѣ, парижскихъ: *Société de Chirurgie de Paris* и *Société Medicopraticque* и многихъ другихъ. Въ 1900 г. Н. В. выбранъ по поводу 500-лѣтія Ягеллонскаго университета въ Краковѣ докторомъ медицины *honoris causa* медицинскаго факультета этого университета. Изъ печатныхъ трудовъ Н. В. извѣстно болѣе 114, печатавшихся въ разныхъ медицинскихъ изданіяхъ. Въ лицѣ скончавшаго Николая Васильевича Склифосовскаго русская наука и общество понесли тяжелую потерю. (Некрологи его: «Одесскій Листокъ», 1904 г., № 312; «Новое Время», 1904 г., № 10329; «Виленскій Вѣстникъ», 1904 г., № 468; «Русское Слово», 1904 г.,

№ 334; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 273, и «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 332).

† **Снеессорева, С. И.** 5-го ноября въ Пятигорскомъ Богородицкомъ монастырѣ на 90-мъ году жизни скончалась Софья Ивановна Снеессорева, рожденная Руновская. Покойная была одной изъ первыхъ пионерокъ женскаго труда и дала цѣлый рядъ прекрасныхъ переводовъ лучшихъ иностранныхъ писателей. Свою литературную дѣятельность она начала въ сороковыхъ годахъ въ журналѣ Сенковского «Библиотека для Чтенія» и продолжала ее въ «Отечественныхъ Запискахъ», издававшихся Краевскимъ, и въ собраніи иностранныхъ романовъ г-жи Ахматовой. Она первая перевела «Сказки братьевъ Гриммъ», вышедшія отдѣльнымъ изданіемъ. Послѣднія 25 лѣтъ своей жизни Снеессорева посвятила составленію книгъ духовнаго направленія, и лучшими ея произведеніями являются: «Земная жизнь Пресвятой Богородицы», вышедшая вторымъ изданіемъ; «Игуменья Шоофанія, первая настоятельница Воскресенскаго женскаго Петербургскаго монастыря»; «Исторія основанія Воскресенскаго женскаго Петербургскаго монастыря», «Монахиня Ангелина», «Св. Іоаннъ Дамаскинъ», «Дарьюшка» и др. Ей была назначена пенсія отъ Литературнаго фонда, которую она и получала до самой смерти. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1904 г., № 10310).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ обзорѣ двадцатипятилѣтія «Историческаго Вѣстника», напечатанномъ въ декабрьской книжкѣ прошлаго года, перечислены, между прочимъ, особенно цѣнные воспоминанія современниковъ, помѣщенные въ журналѣ за этотъ періодъ времени. Для такого перечисленія пришлось пересмотрѣть триста книжекъ «Историческаго Вѣстника», и потому естественно въ немъ оказались неизбежные пропуски, которые мы и считаемъ необходимымъ возстановить. Такъ, не упомянуты воспоминанія нашего извѣстнаго драматурга В. А. Крылова, В. А. Милютина, Н. П. Огородникова, В. М. Сикевича, И. В. Любарскаго, Е. И. Раевской, барона Л. Л. Зеделера, И. В. Шервуда-Вѣрнаго, В. П. Одинцова, Н. А. Аркаса, М. Н. Назимовой.

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТНІЙ
ЮБИЛЕЙ

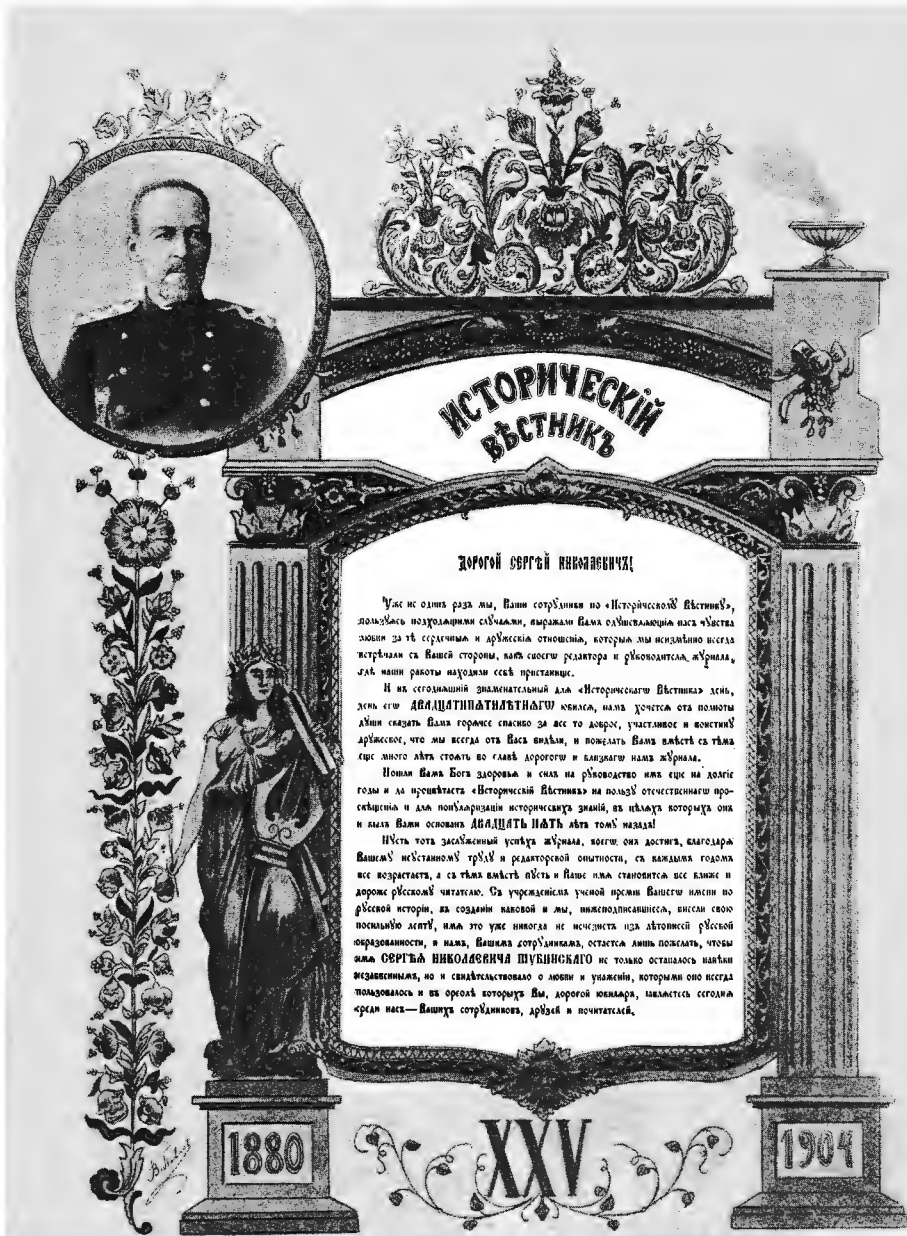
„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

(1 ДЕКАБРЯ 1904 Г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13
1905

АДРЕСЪ, ПОДНЕСЕННЫЙ С. Н. ШУБИНСКОМУ
сотрудниками «Историческаго Вѣстника».

достав. ценз. 21 декабря 1904 г.

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ „ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“ ¹⁾.

О СЛУЧАЮ исполнившагося 1 декабря 1904 г. двадцатипятилѣтія «Историческаго Вѣстника» мы приложили къ декабрьской книжкѣ краткій обзоръ изданія за этотъ періодъ времени. Въ настоящей книжкѣ помѣщаемъ описаніе празднованія юбилея нашего журнала съ приложеніемъ къ этому описанію фотографическаго снимка съ адреса, поднесеннаго редактору его сотрудниками.

Въ день юбилея, 1 декабря, утромъ редакторъ «Историческаго Вѣстника» получилъ отъ издателя, А. С. Суворина, слѣдующее письмо:

«Милый Сергѣй Николаевичъ!

«Мнѣ хочется поблагодарить васъ отъ всего сердца за вашу дружбу, за ваше деликатное и всегда теплое отношеніе ко мнѣ, за ваше участіе словомъ и дѣломъ, участіе прекраснаго человѣка. Не говорю уже о вашей работѣ по «Историческому Вѣстнику» и моимъ изданіямъ. Я въ васъ встрѣтилъ одного изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которымъ болѣе всего идетъ названіе джентльмена, въ истинномъ и вѣрномъ значеніи этого слова.

«Въ моемъ духовномъ завѣщаніи я отказалъ вамъ половину собственности на «Историческій Вѣстникъ». Такъ какъ я еще живъ, то считаю необходимымъ сдѣлать это при жизни моей немедленно.

¹⁾ Согласившись по просьбѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ празднованіи юбилея журнала, на помѣщеніе описанія этого празднованія, редакторъ по вполнѣ понятной причинѣ не могъ дать своего согласія на напечатаніе всѣхъ адресованныхъ ему писемъ и телеграммъ, носящихъ въ большинствѣ случаевъ слишкомъ интимный и личный характеръ.

Формальную сторону могъ бы помочь намъ сдѣлать какой либо юристъ, дарственной ли записью, или купчей,—не знаю. А то и сами можемъ сдѣлать на этихъ же дняхъ. Если бы я умеръ, то все равно это сдѣлано въ завѣщаніи. Но авось нѣсколько дней еще проживу.

«Посылаю вамъ жетонъ, какъ воспоминаніе.

«Крѣпко жму вашу руку и обнимаю васъ.

«Вашъ А. Суворинъ».

«1-го декабря, 7 часовъ утра,
«1904.

Утромъ и днемъ С. Н. Шубинскаго посѣтили многія лица, въ томъ числѣ редакторъ «Правительственнаго Вѣстника» П. А. Кулаковскій, директоръ Публичной библіотеки Д. О. Кобеко и другіе, а также депутація отъ «Русскаго Собранія» въ составѣ Н. А. Энгельгардта, Б. В. Никольскаго и В. М. Пуришкевича, поднесшая слѣдующій адресъ:

«Глубокоуважаемый

«Сергѣй Николаевичъ.

«Въ свѣтлый день двадцатипятилѣтія «Историческаго Вѣстника», созданнаго вашими трудами, Совѣтъ Русскаго Собранія шлетъ вамъ привѣтъ и горячее пожеланіе дальнѣйшей плодотворной дѣятельности, какъ писателя и журналиста. Съ глубокой признательностью отмѣчая то безпристрастіе, съ которымъ вы давали доступъ статьямъ и представителей русскаго направленія въ литературѣ, Совѣтъ Русскаго Собранія вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ обществомъ благодарить и за то научное освѣщеніе родной старины, которое выразилось, какъ въ журналѣ, вами созданномъ, такъ и въ собственныхъ талантливыхъ изслѣдованіяхъ вашихъ. Примите, маститый писатель, искреннія благопожеланія наши въ знаменательный день юбилея.

«Кн. Дм. Голицынъ.

«А. К. Золотаревъ.

«Н. Мордвиновъ.

«Николай Энгельгардтъ.

«Владимиръ Пуришкевичъ».

Представитель организаціоннаго Комитета по празднованію юбилея «Историческаго Вѣстника», Б. Б. Глинскій, явился также отъ имени Комитета съ личнымъ поздравленіемъ и съ приглашеніемъ пожаловать на банкетъ въ ресторанъ Контана къ 3^{1/2} часамъ дня. Отъ сотрудниковъ журнала Комитетомъ была поднесена супругѣ редактора, Екатерины Николаевнѣ, роскошная корзина живыхъ цвѣтовъ, обвитая

палевыми лентами и съ серебряными надписями на концахъ: «Историческій Вѣстникъ»—съ одной стороны, и съ другой $\frac{1880-1904}{XXV}$

Такая же корзина съ лентами и надписями была поднесена Комитетомъ супругѣ издателя журнала, Аннѣ Ивановнѣ Сувориной.

Въ 4 часа въ большомъ залѣ ресторана Контана состоялся банкетъ, на которомъ присутствовало болѣе 100 человекъ изъ числа со трудниковъ «Историческаго Вѣстника», представителей нѣкоторыхъ другихъ столичныхъ изданій, друзей, родственниковъ и знакомыхъ редактора.

Появленіе въ ресторанѣ С. Н. Шубинскаго было встрѣчено долго несмолкавшими аплодисментами. За особымъ столомъ въ залѣ заняли мѣста: С. Н. Шубинскій, А. С. Суворинъ, члены организаціоннаго Комитета ¹⁾; Б. Б. Глинскій, В. М. Грибовскій А. И. Фаресовъ,—съ одной стороны стола, а съ другой—дочь редактора, Е. С. Никольская, и лейбъ-медикъ М. М. Шершевскій.

Когда присутствовавшая публика заняла мѣста, Б. Б. Глинскій объявилъ отъ имени Комитета банкетъ открытымъ и сообщилъ программу торжества. Затѣмъ В. М. Грибовскій прочелъ рѣчь извѣстнаго историка и постояннаго сотрудника «Историческаго Вѣстника» Е. С. Шумигорскаго, не могшаго по болѣзни лично привѣтствовать юбиляра.

«Дорогой Сергѣй Николаевичъ!

«Въ знаменательный день 25-лѣтія основаннаго вами «Историческаго Вѣстника» позвольте мнѣ отъ лица всѣхъ вашихъ сотрудниковъ и почитателей выразить вамъ, какъ его редактору, чувства, объединившія насъ сегодня въ единодушномъ порывѣ воздать должную дань вашей дѣятельности.

«Тяжела вообще доля редактора русскаго журнала, особенно тяжела была она за истекшее 25-лѣтіе для васъ. Исторія вообще, по духу своему, нелицеприятна, и журналъ, посвященный исторіи, не могъ имѣть другой цѣли, какъ исканіе правды и въ прошломъ, и въ настоящемъ. Въ теоріи передъ правдой всѣ преклоняются; въ дѣйствительности же она глаза колетъ, по народному выраженію, ибо не было и нѣтъ еще установленій человѣческихъ, отвѣчающихъ идеальнымъ требованіямъ правды, не было и нѣтъ еще человека безъ грѣха и слабости. Путь къ правдѣ, поэтому, никогда не бываетъ усыпанъ розами. Сколькихъ трудовъ, сколькихъ силъ и здоровья стоилъ вамъ лично, дорогой Сергѣй Николаевичъ, вашъ убыточный союзъ съ исторической правдой, объ этомъ достовѣрно знаютъ ваши ближайшіе сотрудники. Въ дни, предшествовавшіе выходу журнала, мы часто видѣли васъ утомленнымъ, возвраща-

¹⁾ Комитетъ былъ составленъ изъ: Б. Б. Глинскаго, В. М. Грибовскаго, А. И. Фаресова, Е. С. Шумигорскаго и П. Е. Щеголева.

вшимся послѣ тяжелой борьбы изъ цензурнаго комитета, иногда, *horribile dictu*, съ учебникомъ исторіи въ рукахъ; въ пріемные часы бывали свидѣтелями настойчивыхъ, но всегда безуспѣшныхъ попытокъ разныхъ дѣятелей превращать историческую правду или въ памфлетъ, или въ панегирикъ; въ вашемъ редакціонномъ портфельѣ лежитъ не мало цѣнныхъ для исторіи матеріаловъ, которые давно могли бы появиться въ свѣтъ, если бы вы допускали возможность компромиссовъ съ партійными или цензурными соображеніями. Историкъ по духу, по призванію, вы понимали различіе возрѣній на историческіе факты, но лѣтописная истина сама по себѣ всегда оставалась для васъ дорогимъ дѣтищемъ, которому никто не долженъ былъ наносить ущерба. Это отношеніе ваше къ исторической правдѣ было отношеніемъ къ ней славныхъ именъ Соловьева, Костомарова, Бестужева-Рюмина, которые были вашими сотрудниками по «Древней и Новой Россіи». Но, повторяю, нелегко редактировать историческій журналъ въ наше время, уважая исторію. Позвольте мнѣ, поэтому, громко сказать вамъ здѣсь, что 25-лѣтнее руководство ваше «Историческимъ Вѣстникомъ» было подвигомъ не только литературнаго работника, но и честнаго человѣка.

«Всѣмъ извѣстенъ успѣхъ, котораго достигъ «Историческій Вѣстникъ» подъ вашей талантливой редакціей. Успѣхъ этотъ свидѣтельствуетъ и о другомъ непреложномъ качествѣ вашемъ, какъ редактора-историка: въ прошломъ вы искали элементовъ настоящаго, въ настоящемъ видѣли совокупность работы прошлаго. «Историческій Вѣстникъ» поэтому постоянно отзывался на современные вопросы, или давая «злѣбъ дня» историческую подкладку и объясненіе, или отмѣчая нарождающіеся и созрѣвающіе историческіе факторы преимущественно въ ходѣ русской жизни. Эта, если можно такъ выразиться, историческая публицистика помогала читателямъ сознательно уяснять себѣ существенныя стороны современной русской дѣйствительности и въ то же время содѣйствовала популяризаціи историческихъ знаній въ русскомъ обществѣ, вообще говоря, довольно беззаботномъ по части своего прошлаго. Для пробужденія въ обществѣ интереса къ родной исторіи вы не остановились предъ мыслью ввести въ журналъ и беллетристическую форму изложенія, справедливо видя въ ней могущественное орудіе популяризаціи. Васъ, какъ живого человѣка, постоянно тянуло въ широкій кругъ читающаго люда: безъ общенія съ нимъ кабинетная, ученая дѣятельность казалась вамъ мертвою, безцвѣтною.

«Мы, ваши сотрудники и почитатели, отъ души желаемъ, чтобы день вашего юбилея былъ отмѣченъ въ лѣтописяхъ русской исторіи, которой вы служили всю свою жизнь, и чтобы имя Сергѣя Николаевича Шубинскаго, какъ любимаго и досточтимаго истори-

ка-редактора, было на память потомству навѣки связано съ ростомъ русской исторической науки. Мы собрали для этой цѣли капиталъ въ 3.000 р. для учрежденія преміи вашего имени въ одномъ изъ русскихъ ученыхъ учреждений, по вашему выбору, для увѣнчанія лучшихъ работъ по излюбленному вами XVIII вѣку русской исторіи на условіяхъ, которыя вы признаете лучшими.

«Примите, дорогой Сергѣй Николаевичъ, это приношеніе любящихъ и глубоко уважающихъ васъ людей: вы знаете, что оно дѣлается отъ чистаго сердца».

По прочтеніи рѣчи и врученіи ея юбиляру, депутация, въ составѣ Н. А. Бѣлозерской, С. И. Смирновой (Сазоновой), Д. Л. Мордѳеца, П. Я. Дашкова и М. А. Суворина, поднесла С. Н. Шубинскому на кругломъ серебряномъ блюдѣ съ инициалами юбиляра портфель-бумажникъ съ вложенными въ него тремя билетами по 1.000 рублей каждый четырехпроцентной государственной ренты на премію его имени. На бюварѣ вытѣснена золотомъ надпись: «Сергѣю Николаевичу Шубинскому отъ друзей, сотрудниковъ и почитателей».

Послѣ того Б. Б. Глинскій прочелъ отъ имени сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника» адресъ, напечатанный на пергаментѣ и украшенный изящною виньеткою работы художника В. П. Павлова. Адресъ былъ вложенъ въ сафьяновый переплетъ кофейнаго цвѣта съ золотымъ тисненіемъ: «Сергѣю Николаевичу Шубинскому отъ сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника» (1880—1904).

«Дорогой Сергѣй Николаевичъ!

«Уже не одинъ разъ мы, ваши сотрудники по «Историческому Вѣстнику», пользуясь подходящими случаями, выражали вамъ одушевляющія насъ чувства любви за тѣ сердечныя и дружескія отношенія, которыя мы неизмѣнно всегда встрѣчали съ вашей стороны, какъ своего редактора и руководителя журнала, гдѣ наши работы находили себѣ пристанище. И въ сегодняшній знаменательный для «Историческаго Вѣстника» день, день его двадцатилѣтняго юбилея, намъ хочется отъ полноты души сказать вамъ горячее спасибо за все то доброе, участливое и воистину дружеское, что мы всегда отъ васъ видѣли, и пожелать вамъ вмѣстѣ съ тѣмъ еще много лѣтъ стоять во главѣ дорогого и близкаго намъ журнала.

«Пошли вамъ Богъ здоровья и силъ на руководство имъ еще на долгіе годы, и да процвѣтаетъ «Историческій Вѣстникъ» на пользу отечественнаго просвѣщенія и для популяризаціи историческихъ знаній, въ цѣляхъ которыхъ онъ и былъ вами основанъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ!

«Пусть тотъ заслуженный успѣхъ журнала, коего онъ достигъ, благодаря вашему неустанному труду и редакторской опытности, съ каждымъ годомъ все возрастаетъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ пусть и

ваше имя становится все ближе и дороже русскому читателю. Съ учрежденіемъ ученой премии вашего имени по русской исторіи, въ созданіи каковой и мы, нижеподписавшіеся, внесли свою посильную лепту, имя это уже никогда не исчезнетъ изъ лѣтописей русской образованности, и намъ, вашимъ сотрудникамъ, остается лишь пожелать, чтобы имя Сергѣя Николаевича Шубинскаго не только оставалось навѣки незабвеннымъ, но и свидѣтельствовало о любви и уваженіи, которыми оно всегда пользовалось, и въ ореолѣ которыхъ вы, дорогой юбиляръ, являетесь сегодня среди насъ—вашихъ сотрудниковъ, друзей и почитателей».

Подъ адресомъ значится 90 подписей. Отвѣчая за разъ и на привѣтствіе Е. С. Шумигорскаго при поднесеніи премии и на адресъ сотрудниковъ, С. Н. Шубинскій сказалъ:

«Глубоко тронуть и сердечно благодарю за теплыя и дружескія чувства, выраженныя въ адресѣ, а также за капиталъ, собранный на учрежденіе премии моего имени. Но я не могу считать настоящей юбилей исключительно моимъ личнымъ юбилеемъ. Безъ А. С. Суворина не существовалъ бы «Историческій Вѣстникъ», а безъ дружной работы сотрудниковъ онъ не имѣлъ бы того успѣха, который имѣеть. Такимъ образомъ, сегодняшній юбилей есть вмѣстѣ съ тѣмъ юбилей издателя и всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ сотрудниковъ.

«Приношу искреннюю благодарность всѣмъ, здѣсь собравшимся, за честь и дружелюбіе, мнѣ оказанныя. Въ особенности благодарю А. С. Суворина. Давъ всѣ средства на изданіе «Историческаго Вѣстника», онъ въ теченіе 25 лѣтъ никогда ни въ чемъ не стѣснялъ меня ни нравственно, ни матеріально, и неизмѣнно оказывалъ самое дружеское расположеніе и довѣріе. Сегодня утромъ я получилъ отъ него привѣтственное письмо, въ которомъ А. С. Суворинъ подарилъ мнѣ половинную долю издательскаго права на «Историческій Вѣстникъ».

«Благодарю гг. членовъ Комитета по организаціи настоящаго юбилея за ихъ хлопоты и заботы.

«Благодарю П. Я. Дашкова, который съ самаго основанія «Историческаго Вѣстника» предоставилъ въ мое распоряженіе свое богатое собраніе портретовъ, гравюръ и автографовъ; благодаря ему, я могъ воспроизвести въ журналѣ такъ много рѣдкихъ портретовъ, иллюстрацій и автографовъ.

«Благодарю М. М. Шершевскаго; если я на 70 году моего возраста и при крайне болѣзненномъ состояніи присутствую здѣсь въ этотъ столь пріятный для меня день, то этимъ я много обязанъ его дружескимъ и безкорыстнымъ заботамъ о моемъ здоровьи.

«Ссылаясь на М. М. Шершевскаго, который можетъ засвидѣтельствовать, насколько я еще слабъ послѣ недавно перенесенной мною тяжелой болѣзни, я прошу присутствующихъ великодушно изви-

нить меня, что покину собраніе раньше, нежели того желалъ. Прошу вѣрить, что я сохраню о сегодняшнемъ днѣ самая отрадныя воспоминанія, которыя послужатъ мнѣ утѣшеніемъ въ недолгіе дни, остающіеся мнѣ для работы на пользу всѣми нами любимаго дѣла.

«Еще разъ благодарю и отъ души желаю всѣмъ благополучія».

Издатель «Историческаго Вѣстника», А. С. Суворицъ, обратясь къ юбиляру, произнесъ теплую рѣчь, гдѣ, упомянувъ о своихъ личныхъ дружескихъ и сердечныхъ отношеніяхъ къ Сергѣю Николаевичу, отмѣтилъ ту прекрасную его редакторскую литературную работу, благодаря которой «Историческій Вѣстникъ» достигъ хорошаго успѣха у публики. Между прочимъ онъ подчеркнулъ и то обстоятельство, что юбиляръ представляетъ собою, быть можетъ, феноменъ въ русской распущенной халатной жизни: во всю свою жизнь онъ не оставилъ безъ отвѣта ни одного письма, ему адресованнаго. Онъ развилъ историческую беллетристику, для чего давалъ авторамъ рукописный и печатный матеріалъ и указывалъ на драматическія положенія, крупныя, оригинальныя характеры и бытовыя стороны. Для этого надо быть не только чрезвычайно начитаннымъ человѣкомъ, но и обладать несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ и эстетическимъ вкусомъ. Сергѣй Николаевичъ сумѣлъ соединить въ своемъ журналѣ несоединимое, то-есть людей разныхъ воззрѣній, зная, что исторія не будетъ исторіей, если она представлена съ одной какой нибудь стороны. Рядомъ съ блестящими именами исторической науки въ «Историческомъ Вѣстникѣ» постоянно выступали молодые изслѣдователи, которымъ редакторъ умѣлъ выбрать работу и заинтересовать въ ней. Въ своихъ редакторскихъ и житейскихъ отношеніяхъ Сергѣй Николаевичъ представляетъ собою джентельмена въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова.

Депутація отъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, гдѣ началъ свою военную службу С. Н. Шубинскій, въ составѣ полковника Короткаго, капитановъ Поливанова 1, Судравскаго и Сабо поднесла адресъ въ красивой виньеткѣ работы г. Сабо и въ изящномъ кожаномъ переплетѣ:

«Глубокоуважаемый

«Сергѣй Николаевичъ!

«Лейбъ-гренадеры, храня память о васъ, какъ о дорогомъ товарищѣ и сослуживцѣ, шлютъ вамъ нынѣ свой самый искренній и самый сердечный привѣтъ. Шлютъ его, не только какъ однополчанину, но и какъ человѣку, трудъ котораго давно уже и вполне оцѣненъ всей мыслящей Россіей. Вѣрятъ они, что ихъ простое теплое и душевное слово глубоко тронетъ ваше сердце и напомнитъ вамъ о былыхъ дняхъ славной полковой жизни. И пусть эти воспоминанія, воспоминанія золотой юности, вольютъ въ душу

вашу, утомленную долгимъ и упорнымъ трудомъ, новый потокъ прежней силы и бодрости. Храни же васъ Господь многіе и многіе годы на пользу и во славу дорогой всѣмъ намъ родины. Гордимся вашей гордостью. Вѣрьте же, дорогой Сергѣй Николаевичъ, нашей искренности такъ же безгранично, какъ безгранично и свято вѣрили и вѣрите вы въ старыя и непоколебимыя традиціи родного вамъ полка. Глубокоуважающіе васъ однополчане

«Лейбъ-гренадеры».

Вслѣдъ за депутаціей лейбъ-гренадеръ юбиляру принесли привѣтствія: Я. Н. Колубовскій и К. С. Баранцевичъ отъ Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, въ которой С. Н. Шубинскій въ первое трехлѣтіе былъ членомъ правленія. Въ своей рѣчи Я. Н. Колубовскій отмѣтилъ, что участіе Сергѣя Николаевича въ составѣ правленія на зарѣ жизни кассы было для нея чрезвычайно важно и полезно. Онъ своимъ авторитетомъ поддержалъ молодое, еще неокрѣпшее дѣло, не смущаясь тѣмъ недоброжелательствомъ и злословіемъ, которыя тогда окружали кассу. В. М. Грибовскій привѣтствовалъ юбиляра отъ имени Археологическаго общества, а В. Ѳ. Боцяновскій—отъ Библиологическаго. Въ своей рѣчи В. Ѳ. Боцяновскій, между прочимъ, отмѣтилъ то теплое отношеніе, которое редакторъ «Историческаго Вѣстника» неизмѣнно проявлялъ въ отношеніи молодыхъ, начинающихъ писателей, предоставляя имъ соотвѣтствующую ихъ способностямъ и силамъ работу. На этой работѣ, преимущественно критико-библиографическаго характера, воспиталось немало представителей нынѣшняго литературнаго поколѣнія, изъ коихъ многіе составляютъ въ настоящее время ядро и Библиологическаго общества.

Отъ кассы сотрудниковъ «Новаго Времени», гдѣ С. Н. Шубинскій состоитъ предсѣдателемъ, принесъ поздравленіе Н. И. Аванасьевъ; отъ сотрудниковъ «Новаго Времени» его поздравилъ М. А. Суворинъ, отъ «Петербургской Газеты» С. Н. Худковъ, также сотрудничавшій и въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

Послѣ депутацій слово было предоставлено Б. В. Никольскому, произнесшему поздравительную рѣчь отъ лица читателей:

«Позвольте мнѣ, дорогой Сергѣй Николаевичъ, сказать нѣсколько словъ отъ лица читателей, которые пока еще лишь безмолвно присутствуютъ на вашемъ юбилей. При томъ прошу васъ, какъ и надлежитъ редактору, сидя выслушать мой «голосъ изъ публики»: обыкновенно этотъ голосъ доходитъ къ вамъ только письменно, когда вы сидите за своимъ редакторскимъ столомъ. Для большей же послѣдовательности позвольте и мнѣ говорить изъ среды присутствующихъ читателей и почитателей вашихъ, не выходя впередъ по примѣру предшествующихъ депутацій и ораторовъ: пусть я буду казаться ихъ общимъ единодушнымъ голосомъ. И хотя

полномочій отъ читателей «Историческаго Вѣстника» я не имѣю, но думаю, и надѣюсь, что они поддержать меня и одобрятъ сказанное мною, какъ читателемъ вашего журнала, которымъ я былъ задолго до того, какъ сталъ его сотрудникомъ и лично близкимъ вамъ человекомъ.

«И это, какъ мнѣ думается, было не со мной однимъ. Изъ Вашихъ читателей выходятъ ваши сотрудники; а что изъ вашихъ сотрудниковъ неизбѣжно выходятъ искренно васъ любящіе и уважающіе люди,—это пусть докажетъ вамъ ваше сегодняшнее торжество.

«Но вмѣстѣ съ тѣмъ вы, какъ редакторъ, несете наиболѣе отвѣтственный, а вмѣстѣ наименѣ замѣтный для читателя трудъ. Читателю и не легко разглядѣть редактора изъ-за сотрудниковъ и журнала. Только инстинктъ иной разъ подскажетъ ему, что не самъ собою собирается и составляется журналъ, который онъ такъ любитъ и такъ увѣренно предпочитаетъ десяткамъ другихъ журналовъ. Невидимый редакторъ,—и притомъ онъ одинъ,—создаетъ журналу эту любовь и вѣрность читателей. И какъ много труда, усилій и заботъ лежитъ на этомъ невидимомъ редакторѣ! Поистинѣ, читатель только тогда любитъ журналъ, когда журналъ этотъ любимъ своимъ редакторомъ.

«Въ этомъ смыслѣ справедлива и заслужена любовь читателей къ «Историческому Вѣстнику». Вы умѣете всегда подобрать разнообразный и живой матеріалъ, всегда угадать потребности и запросы читателей, всегда отозваться на всѣ значительныя событія русской жизни, дать слово и мѣсто всѣмъ направленіямъ общественной мысли, никого не стѣсняя и не насилуя, никого не подгоняя подъ готовую мѣрку предвзятыхъ мнѣній. По сущей совѣсти говорю, что съ этой точки зрѣнія ни одному редактору я не вручаю моихъ работъ съ такимъ искреннимъ довѣріемъ, какъ вамъ; я знаю, что то же подтвердятъ всѣ ваши сотрудники. Вотъ отчего можно смѣло утверждать, что «Историческій Вѣстникъ» вами созданъ, вами несравненно болѣе, чѣмъ ими. По собственному опыту знаю, до какой степени интересы журнала всегда для васъ выше всякихъ другихъ, личныхъ или общихъ, соображеній. Если лучшій другъ, самый близкій человекъ предложить вамъ неподходящую для журнала статью,—никогда вы ея не примете: это всѣ мы знаемъ и всѣ подтвердимъ. Наоборотъ, пускай нашелся бы у васъ злѣйшій врагъ и прислалъ Вамъ статью,—всѣ подтвердятъ мою увѣренность, что вы бы ее напечатали съ полною готовностью, когда бы нашли, что для журнала она полезна и нужна. Въ свой редакторскій трудъ вы вложили столько самоотверженія и безпристрастія, столько ума, такта и изобрѣтательности, такъ отразили въ немъ ваше личное своеобразіе, что «Историческій Вѣстникъ» живетъ только вашимъ редактированіемъ: никто, кромѣ Васъ, не смогъ бы ни создать, ни

даже вести, продолжать такой журналъ. Помимо своего редактора «Историческій Вѣстникъ» и невозможенъ, и немислимъ.

«Вотъ почему, я увѣренъ, всѣ ваши читатели присоединятся ко мнѣ, когда я выскажу горячее пожеланіе, чтобы долго, безсмѣнно и неутомимо продолжалась ваша редакторская дѣятельность, чтобы новыя силы, не скудѣя, примыкали къ «Историческому Вѣстнику», проходя школу руководимаго вами сотрудничества, и чтобы не слабѣла, какъ вы говорили, ссылаясь на годы и здоровье, ваша плодотворная работа. «Историческій Вѣстникъ» задуманъ и созданъ вами такимъ своеобразнымъ и самобытнымъ журналомъ, что безсмертіе въ исторіи нашей литературы и журналистики за нимъ обезпечено съ незыблемою прочностью; но тѣмъ болѣе вѣримъ, надѣемся и желаемъ мы, его вѣрные и неизмѣнные читатели, что нашъ кругъ будетъ постоянно расти и множиться, что еще много и много лѣтъ мы будемъ чувствовать въ каждой его книжкѣ присутствіе того невидимки-редактора, чье искусство и чей замыселъ заставили насъ такъ же крѣпко полюбить «Историческій Вѣстникъ», какъ его сотрудники любятъ и почитаютъ своего дорогого, стараго редактора».

Послѣ г. Никольскаго, рѣчь котораго, произнесенная горячо и красиво, была покрыта всеобщими долго несмолкавшими аплодисментами, прочелъ стихотвореніе Л. Г. Ждановъ, посвященное юбилею.

БЫЛОЕ — ГРЯДУЩЕЕ.

На нивѣ жизненной шумить, какъ спѣлый колосъ,
 Все человѣчество, съ невзгодами въ бою;
 Сливая стоны мукъ, негодованья голосъ —
 Въ одну невнятную гармонію свою:
 «На вольности людской—тяжелыя вериги.
 «И мысль—угнетена, и грудь—болитъ отъ ранъ...
 «Владѣютъ на землѣ — обманщикъ и тиранъ.
 «Мечи, мечи нужны, — не харгин, не книги!»
 Вотъ пѣсни боевой завѣтные напѣвы.
 Ей откликаются, спѣшать ряды борцовъ.
 Идутъ и старики, и юноши, и дѣвы...
 Изъ хижинъ тянутся, уходятъ изъ дворцовъ.
 И — гибнуть безъ конца, ложась живымъ посѣвомъ
 На нивы Божіи,—Грядущему въ урокъ,—
 Какъ молніей, — святымъ презрѣніемъ и гнѣвомъ
 Клеймя бездушіе, и пошлость, и порокъ.
 А рядомъ — человѣкъ, какъ будто безучастный
 Къ людскимъ волненіямъ, къ тяжелой злобѣ дня, —
 Сидитъ надъ книгами. На видъ—спокойный, ясный,—
 Не отдастъ борьбѣ душевнаго огня.
 Онъ — утонулъ въ Быломъ. Его далеко думы.
 Кругомъ бурлятъ толпы... Страданья и борьба...
 Вопросы спутались... Скрестились клики, шумъ...
 Загадокъ грозный рядъ надвинула судьба.
 Но некогда рѣшатъ суровыя загадки.

Удары наносить, удары принимать
 Торопятся бойцы да смѣло, безъ оглядки—
 Пытаются покровъ съ Грядущаго сорвать.
 Зовутъ Грядущее! Напрасныя усилія.
 Бойцамъ—его не знать, не видѣть никогда.
 Незримо распластавъ невидимыя крылья,—
 Уносится оно—невѣдомо куда...
 И падаютъ безъ слезъ, склоняются безъ стога—
 И гибнутъ храбрецы... Ихъ блѣдныя уста
 Лепечутъ жалобно: «Какъ жизнь была пуста!
 Какъ глупо сгублена, безъ правды, безъ закона!»
 Въ тяжелой смерти мигъ имъ чуждо утѣшенье.
 Ихъ вѣра не бодритъ... Грядущее—темно.
 Изъ Вѣчности—глядитъ одно уничтоженье,
 Какъ ночь морозная въ тюремное окно!

А онъ?... Историкъ?.. Онъ какъ будто и не знаетъ,
 Не видитъ: чтó вокругъ творится и кипитъ?!
 Былому—чутко такъ и трепетно внимаетъ,
 Надъ пыльной хартіей задумчиво коршитъ.
 И, вдругъ, свершается таинственное чудо.
 Онъ слышитъ голоса... Пророческій отвѣтъ!..
 Невѣдомый уму,—невѣдомо откуда,—
 На все житейское нисходитъ ясный свѣтъ.
 И видно робкому, напуганному глазу,
 Что жизнь текущая—лишь призраковъ полна.
 Исчезнетъ краткій мигъ—и безъ возврата, сразу
 Кипучая борьба закончиться должна...
 Исчезнетъ безъ слѣда, какъ греза дѣтской сказки,
 Какъ чары лживыя мучительнаго сна.
 Могила темная—название той развязки,
 Какою наша жизнь окончиться должна.
 Но съ ней не кончено пророческое чудо.
 Могила—не беретъ навѣки никого.
 Грядущее само, невѣдомо откуда,—
 Очамъ является! Что было ужъ мертво—
 Все воскресаетъ вновь! Но лучше и свѣтлѣе...
 Опять кипитъ борьба... Но кровь ужъ не видна...
 И голоса борцовъ звучать дружнѣй, смѣлѣе...
 А даль?... Она совсѣмъ прозрачна и ясна!

Тогда, откинувъ прочь и хартіи, и книги,
 Историкъ говоритъ: «Послушайте меня!
 «На челоуѣчествѣ проклятыя вериги,
 «Раздоры и вражда—вопросъ минуты, дня.
 «Безумная вражда отъ вѣка клокотала,
 «И произволь цариль, и ликовало зло.
 «Звенѣла сталь мечей... Сталь топоровъ блистала.
 «Бойцовъ за Истину немало полегло!
 «Все, что кругомъ кипитъ и стонетъ,—все не ново.
 «Нѣтъ жертвамъ пришло названья и конца!
 «Не дрогнулъ міръ распять Того, кто жизни слово
 «Вложилъ въ жестокия, отжившія сердца!..
 «Въ Быломъ такъ много зла! Такъ густо жаркой кровью
 «Вся залита земля, что настоящій мигъ—
 «Забава дѣтская!

Все кончится—Любовью!

«Я вѣрю... Я душой Грядущее постигъ!
 «Друзья, чѣмъ ночь темнѣй,—тѣмъ ближе день къ рожденью,
 «Лучъ солнца на зарѣ прорѣжетъ злую тьму!
 «Чѣмъ произволъ сильнѣй,—тѣмъ ближе онъ къ паденью.
 «Такъ опытъ говорить пытливому уму.
 «Пуускай царюетъ Зло и ширятся пороки...
 «Пусть задыхается друзей Свободы рать,—
 «Исторія въ Быломъ—могучіе уроки
 «Въ примѣрѣ Грядущему идетъ! Провижу я во мглѣ
 «Свободы и Любви и Братства воцаренье!»
 Такъ говоритъ толпѣ историкъ безучастный.
 Ей бодрость придаетъ спокойный звукъ рѣчей.
 Всѣ съ новой силою стремятся въ бой опасный,
 Сжимая рукоять зазубренныхъ мечей!

И тотъ, кто міру чуждъ казался и не нуженъ,
 Во тьму житейскую вливаетъ яркій свѣтъ...

Зато, какъ искрененъ, какъ неподдѣльно друженъ,
 Отъ жизненныхъ бойцовъ историку привѣтъ!...

Послѣ стихотворенія г. Жданова былъ объявленъ на 15 минутъ перерывъ, во время котораго всѣмъ присутствовавшимъ было сервировано шампанское, а дамамъ, кромѣ того, букеты живыхъ цвѣтовъ. По возобновленіи засѣданія, были провозглашены тосты: за юбиляра-редактора «Исторического Вѣстника», за юбиляра-издателя, давшего возможность редактору поставить журналъ на высокую литературную степень и предоставить широкому кругу литераторовъ и ученыхъ обезпеченный и хорошій заработокъ, за процвѣтаніе на долгіе годы «Исторического Вѣстника» и за здоровье всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ сотрудниковъ; затѣмъ былъ поднятъ бокалъ за невѣдомыхъ читателямъ ближайшихъ сотрудницъ редактора и издателя — ихъ женъ, отсутствовавшихъ на банкетѣ по болѣзни, Е. Н. Шубинскую и А. И. Суворину.

Вслѣдъ за тостами комитетъ приступилъ къ докладу собранію и юбиляру поступившихъ на имя послѣдняго письменныхъ привѣтствій-стихотвореній, писемъ и телеграммъ. Первымъ было прочтено стихотвореніе В. А. Крылова, не могшаго по болѣзни лично пріѣхать изъ Москвы.

СЕРГІЮ НИКОЛАЕВИЧУ ШУБИНСКОМУ.

1-го декабря 1904 г.

Какъ думный дякъ, въ приказѣ посѣдѣлый,
 Въ трудѣ упорномъ, рукъ не покладая,
 Вы принялись вести рукой умѣлой
 Живую лѣтопись родного края.
 Удѣлъ счастливый выпалъ вамъ на долю:
 Отмѣтить правду русскому народу,
 О томъ, какъ знать онъ волю и неволю,
 Какъ испыталъ и радость, и невзгоду.

Чѣмъ болѣе безстрастны вы и строги,
 Тѣмъ лучше, тѣмъ полезнѣй ваше слово,
 Оно подводитъ всякіе итоги
 Людскимъ дѣяньямъ времени былого;
 Оно примѣромъ доблестей минувшихъ
 У малодушнаго родитъ отвагу,
 Бьетъ равнодушье временно уснувшихъ,
 Зоветь сыновъ отечества ко благу;
 Оно даетъ величіе и цѣну
 Борьбѣ за честь, гдѣ братъ стоитъ за брата,
 Оно клеймитъ предательство, измѣну,
 Любостыжателей, рабовъ разврата.
 Пускай же зданье, начатое вами,
 Цвѣтетъ и крѣпнетъ на своихъ устояхъ,
 Пускай гремитъ въ немъ долгими годами
 Разказъ о нашей славѣ и герояхъ;
 Но тоже пусть въ немъ крики порицаній
 Изобличаютъ каждаго злодѣя,
 Кто грабитъ, губитъ, вноситъ рядъ страданій,
 Объ участи отчизны не радѣя.
 Да не забудетъ идолъ вѣроломства,
 Что, какъ свой грѣхъ среди льстецовъ не кроешь,
 Правдивъ и грозенъ будетъ судъ потомства—
 И что его проклятія не смоешь.

Вторымъ было прочитано стихотвореніе автора, скрывшагося
 подъ инициалами С. В.

1-го декабря 1904 г.

«Историческому Вѣстнику»
 Свѣта, правды и добра
 И впередъ быть провозвѣстникомъ
 Въ день начальный декабря.
 Отъ меня благожеланіе,
 А его руководителю,
 Столь же искренній привѣтъ,
 Съ задушевнымъ пожеланіемъ—
 Продолжать свое изданіе
 Еще много, много лѣтъ!...

Третьимъ—стихотворное письмо М. В. Шевлякова:

Многоуважаемый

Сергѣй Николаевичъ!

Сегодняшній вашъ юбилей
 Мнѣ всякихъ праздниковъ милѣй,
 И я ужасно сожалѣю,
 Что на него мнѣ не попасть.
 Меня преслѣдуетъ напасть:
 Чуть только я мечту взлелѣю—
 Судьба ее разрушитъ въ мигъ.
 Своей судьбы я не постигъ,

Что надо ей—не понимаю,
 Но все-жъ себя ей подчиняю...
 Вотъ и сегодня я мечталъ
 Попастъ на праздникъ юбилейный,
 Въ редакціонный кругъ семейный,
 И ужъ заранѣ предвкушалъ
 На «историческомъ» банкетѣ
 Провести пріятно часъ—другой,
 Но что есть вѣрнаго на свѣтѣ?
 Сегодня я лежу больной...
 Что-жъ?—Поздравляю васъ заочно
 И вмѣстѣ—близкихъ вашихъ всѣхъ!
 Здоровье-бъ ваше было прочно,
 Какъ проченъ «Вѣстника» успѣхъ!
 Коль нынче волей рока злого
 Не привелось попить, а попиравать,
 Придется, значить, подождать
 Мнѣ юбилея золотого.

Присутствовавшій на банкетѣ поэтъ Ф. В. Вишневскій (Черниговецъ) тутъ же вручилъ юбиляру набросанный имъ шуточный экспромтъ:

Закончивъ житія седьмой десятокъ,
 Ты полнъ еще духовныхъ силъ,
 И свѣжъ еще твой умственный достатокъ!
 Какъ жаль, что ты лишь дней своихъ остатокъ
 Служенью Клію посвятилъ.

Изъ обширнаго числа писемъ, поступившихъ ко дню юбилея на имя С. Н. Шубинскаго, Комитетъ, съ согласія юбиляра, сообщилъ только нѣкоторыя — одни въ выдержкахъ, другія въ краткомъ изложеніи и только весьма немногія могли быть прочитаны полностью. Въ настоящемъ обзорѣніи нѣтъ даже и возможности привести всѣ письма цѣликомъ: съ одной стороны на это не имѣется согласія приславшихъ эти письма, съ другой — во многихъ, какъ уже сказано въ началѣ обзорѣнія, слышатся слишкомъ личные мотивы ¹⁾.

Отъ императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ:

«Милостивый государь

«Сергѣй Николаевичъ!

«Императорское общество исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ считаетъ своимъ долгомъ присоединить и свое привѣтствіе къ числу тѣхъ, кои принесены были вамъ

¹⁾ Въ интересахъ полноты обзора сюда же включаются и здѣсь же упоминаются также письма и телеграммы, не успѣвшія прибыть къ 1-му декабря, но полученные С. Н. Шубинскимъ въ послѣдующіе дни.

1-го сего декабря по поводу исполнившагося 25-ти-лѣтія редактированія вами журнала «Историческій Вѣстникъ». Оно искренно желаетъ возстановленія вашихъ силъ, дабы вы еще много лѣтъ продолжали свои занятія, которыя доселѣ вели съ такой энергіей и любовью.

«Предсѣдатель Василій Ключевскій.
«Секретарь Ельпидифоръ Барсовъ».

Отъ предсѣдателя Тамбовской губернской ученой архивной комиссіи.

«Ваше превосходительство

«Глубокоуважаемый

«Сергѣй Николаевичъ!

«Отъ имени всей Тамбовской ученой архивной комиссіи имѣю честь принести вамъ искреннѣйшее поздравленіе съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ научной дѣятельности вашего превосходительства и выразить наше сердечнѣйшее пожеланіе, чтобы Господь Богъ даровалъ вамъ еще долгіе и многіе годы на пользу родной исторической науки.

«Примите увѣреніе въ глубокомъ уваженіи покорнѣйшаго слуги вашего превосходительства.

«А. Нарцевъ».

Отъ симбирскаго губернскаго предводителя дворянства.

«Глубокоуважаемый Сергѣй Николаевичъ!

«Отъ имени Симбирской ученой архивной комиссіи и отъ себя лично приношу вамъ искренній привѣтъ по поводу исполнившагося 25-лѣтія редактируемаго вами «Историческаго Вѣстника». Дай Богъ вамъ многіе годы еще стоять во главѣ этого прекраснаго изданія.

«Съ чувствомъ глубокаго уваженія и совершенной преданности имѣю честь быть готовый къ услугамъ.

«В. Поливановъ».

Письмо писательницы Н. И. Мердеръ:

«Дорогой, глубокоуважаемый

«Сергѣй Николаевичъ!

«Сегодня множество людей благодарятъ васъ за минуты духовнаго наслажденія, которыми вы ихъ дарили двадцать пять лѣтъ, какъ редакторъ журнала, посвященнаго изученію нашей родины, но намъ, тѣсной семьѣ вашихъ сотрудниковъ, имѣющихъ великое

счастіе знать васъ, какъ человѣка, извѣстна еще и другая сторона вашей дѣятельности, и намъ особенно пріятно сказать вамъ наше сердечное спасибо за чисто христіанское къ намъ отношеніе, за вашу снисходительность къ нашимъ недостаткамъ, за вашу прозорливость въ отгадываніи того, на что каждый изъ насъ способенъ, и за умѣніе заставлятъ насъ находить это въ себѣ и выражать по мѣрѣ силъ и возможности, за добрые совѣты, за отзывчивость къ нашимъ сомнѣніямъ и недоумѣніямъ, за уваженіе убѣжденій каждаго изъ насъ, за отсутствіе всякаго насилія на нашу мысль, чувство и совѣсть. Я счастлива засвидѣтельствовать, что только у васъ могла писать все, что думаю, чувствую, знаю, и въ чемъ убѣждена, мнѣ отрадно сознавать, что я исключительно вамъ обязана великимъ счастьемъ работать съ полнымъ довѣріемъ къ вашему безирристрацію и тонкому вкусу, къ вашей любви къ правдѣ и къ ясному пониманію того, что полезно Россіи. Выразить вамъ это мнѣ тѣмъ болѣе отрадно, что всѣ мы, ваши сотрудники, чувствуемъ то, что я чувствую, и единодушно желаемъ вамъ силъ и здоровья продолжать вашъ плодотворный трудъ, всѣмъ намъ вы дороги, всѣ мы васъ сердечно любимъ, какъ друга и учителя».

Постоянный сотрудникъ журнала, обозрѣватель иностранной жизни, В. А. Тимирязевъ, прислалъ въ дополненіе къ личному письму на имя Сергѣя Николаевича и рѣчь свою, которую, если бы здоровье позволило ему прибыть на праздникъ, онъ лично собирался произнести.

Вспоминая въ началѣ своей рѣчи о первомъ знакомствѣ съ юбиляромъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда редакторъ «Историческаго Вѣстника» былъ еще молодымъ офицеромъ, а авторъ письма юнымъ студентомъ, г. Тимирязевъ замѣтилъ, что въ послѣднее десятилѣтіе они встрѣтились снова на жизненномъ пути, чтобы уже больше не разставаться. «Съ момента послѣдней встрѣчи, бывший студентъ скромно занимался въ «Истор. Вѣстн.» составленіемъ обзорѣній, критическими отзывами, историческими компиляціями и переводами. Достойный же во всѣхъ отношеніяхъ редакторъ посвящалъ все свое время на тяжелый, неблагодарный трудъ редакцірованія: заказывалъ и просматривалъ статьи, читалъ корректуры, объяснялся съ литераторами, часто выносилъ непріятности отъ своихъ сотрудниковъ, пристававшихъ къ нему съ авансами и заставлявшихъ его просиживать ночи надъ неразборчиво написанными рукописями, исправлялъ труды молодыхъ писателей и т. д., и т. д. Но все это было ничто въ сравненіи съ тѣми горькими и трудными минутами, которыя ему приходилось переживать; однако эти минуты были не всегда печальны: подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ онѣ иногда смягчались. Такъ, младенческіе годы «Историческаго Вѣстника» совпали съ краткой эпохой «диктатуры сердца», которая, какъ всякая диктатура, не привела ни къ чему хорошему

и благотворному. Въ настоящіе дни двадцатипятилѣтняго расцвѣта «Историческаго Вѣстника» всюду говорятъ о «политикѣ довѣрія», и если она осуществится на дѣлѣ, то дѣйствительно настанетъ давно желанное время равенства всѣхъ сословій, братство всѣхъ національностей и свобода всѣхъ классовъ русскаго народа. вмѣстѣ съ этимъ, конечно, наступятъ лучезарные дни русской печати, преданнымъ представителемъ которой служить «Историческій Вѣстникъ» и его глубокоуважаемый всѣми редакторъ Сергѣй Николаевичъ. Радостно смотря въ эту свѣтлую даль, мы вмѣстѣ съ поэтомъ воскликнемъ:

«А даль-то, даль, какъ хороша!»

В. Г. Авсѣенко, выразивъ сожалѣніе, что болѣзнь мѣшаетъ ему присутствовать на банкетѣ, говоритъ: «Позвольте письменно сказать вамъ свой сердечный привѣтъ по поводу вашего почетнаго заслуженнаго юбилея и отъ всей души пожелать «многая лѣта» вамъ и вашему прекрасному журналу».

А. В. Амфитеатровъ, пожалѣвъ, что онъ поздно узналъ о юбилеѣ, пишетъ: «Спѣшу поздравить васъ, отъ души желая вамъ многихъ лѣтъ здоровья и энергіи въ привычной полезной дѣятельности. Оторвавшись отъ Петербурга, повидимому, окончательно, я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю васъ, какъ хорошаго редактора, хорошаго писателя, хорошаго человѣка».

В. П. Батуриинскій, вспомнивъ въ началѣ письма, какъ много онъ обязанъ «Историческому Вѣстнику» въ печальные дни своего давняго одиночнаго заключенія въ одной изъ провинціальныхъ тюремъ, въ заключеніе пишетъ: «Когда много лѣтъ спустя, я послалъ мои работы въ «Историческій Вѣстникъ», вы отнеслись къ нимъ снисходительно и дали имъ мѣсто на страницахъ редактируемаго вами журнала. Вопреки высокому отношению большинства русскихъ редакторовъ, вы всегда съ изумительной аккуратностью лично отвѣчали на письма и запросы, никогда не забывая за сотрудникомъ человѣка. Однажды я обратился къ вамъ съ просьбою объ указаніяхъ историческаго характера, которыя были нужны мнѣ для одной работы, и помню, какъ я былъ тронутъ, получивъ отъ васъ цѣлую страницу этихъ указаній, написанныхъ вашимъ мелкимъ, бисернымъ почеркомъ. Примите же, глубокоуважаемый Сергѣй Николаевичъ, въ день вашего юбилея, вмѣстѣ съ пожеланіемъ продолженія вашей плодотворной дѣятельности на многіе и многіе годы, выраженіе моею глубокою благодарности за ваше доброе сердечное отношеніе къ скромному литературному работнику».

Письмо г. Батурина получено изъ Лондона, а изъ Вашингтона Е. Н. Матросовъ прислалъ на имя участниковъ банкета слѣдующее посланіе:

«Милостивые государи!»

«Изъ этой далекой страны, съ иного конца земли, изъ западнаго полушарія, изъ-за необъятнаго океана, позвольте и мнѣ принести горячее привѣтствіе и восторженныя пожеланія высокоуважаемому Сергѣю Николаевичу.

«Не столько въ качествѣ одиннадцатилѣтняго сотрудника уважаемаго журнала, не столько въ роли маленькаго русскаго писателя, имя котораго менѣе извѣстно въ его отечествѣ, нежели въ этой далекой странѣ, его пріютившей, не столько отъ единичнаго широкаго русскаго сердца, сколько въ качествѣ признаннаго представителя той вѣтви великаго русскаго народа, который за необъятнымъ океаномъ ищетъ бѣльшей правды и лучшей доли, сколько въ роли американскаго писателя на малорусскомъ и въ особенности на англійскомъ языкахъ, сколько отъ широчайшаго и горячаго сердца Заокеанской Руси—приношу я это горячее привѣтствіе, эти восторженныя пожеланія тому изъ славянскихъ редакторовъ, который высоко несъ знамя русской исторической науки и держалъ на почетномъ отдаленіи отъ академическаго сухожеванія и переливанія изъ пустого въ порожнее, первый замѣтилъ Американскую Русь, первый понялъ ея современное положеніе, первый оцѣнилъ ея будущую и отчасти уже наступившую роль въ историческихъ судьбахъ великаго русскаго народа.

«Американская Русь горячо привѣтствуетъ глубокоуважаемаго Сергѣя Николаевича и незримо присутствуетъ при вашемъ знаменательномъ торжествѣ, незримо возсѣдаетъ за вашимъ банкетнымъ столомъ».

Изъ гор. Задонска въ длинномъ письмѣ на имя Сергѣя Николаевича С. В. Арсеньевъ такъ опредѣляетъ направленіе «Историческаго Вѣстника» и его общественно-научное значеніе. «Душою всякаго журнала признается его направленіе,—говоритъ г. Арсеньевъ.—Какъ же заявилъ себя съ этой стороны «Историческій Вѣстникъ»? Одинъ изъ классическихъ писателей, кажется, Цицеронъ, говоря объ исторіи, употребляетъ эпитеты: *pura et illustris*. По моему мнѣнію, этими словами лучше всего можно выразить отличительныя особенности «Историческаго Вѣстника». Этотъ журналъ все время характеризовалъ себя отсутствіемъ какого либо крайняго, рѣзко выраженнаго и односторонняго направленія, всегда избѣгалъ умышленнаго подбора матеріаловъ и тенденціознаго ихъ освѣщенія.

«Подобно Пушкинскому Пимену, журналъ съ одинаковымъ вниманіемъ описывалъ

«Войну и миръ, управу государей,

«Угодниковъ святыхъ чудеса...»

«Стремясь къ такой «чистой» (*pura*) исторіи, журналъ не поддавался соблазну исключительно примкнуть къ одному изъ двухъ

извѣстныхъ въ нашей жизни теченій — къ славянофильству или къ западничеству. Очевидно, редакторъ журнала, вмѣстѣ съ лучшими нашими историками, держался того взгляда, что исторія Россіи «заложена въ очень громадныхъ размѣрахъ», которыми одинаково исключается и дешевое торжество узкаго націонализма и похоронныя литіи отчаявшагося въ Россіи западничества,—что «дорога къ всемірно-историческому призванію для Россіи одна—отъ мрака къ свѣту». Оттого «Историческій Вѣстникъ» былъ прежде всего культурно-историческимъ журналомъ. Оттого онъ всегда съ одинаковымъ безпристрастіемъ рисовалъ русскую душу, нисколько не смущаясь тѣмъ, что ея носители выступали на исторической сценѣ то въ короткой Петровской курткѣ, то въ блестящихъ костюмахъ Екатерининскаго вѣка, то, наконецъ, въ туго затянутыхъ Николаевскихъ мундирахъ.

«Нѣтъ нужды, мнѣ кажется, подробно говорить о томъ, что «Историческій Вѣстникъ» постоянно стремился дать своимъ читателямъ матеріалъ не въ сухомъ видѣ, а въ «живой, общедоступной формѣ», въ занимательномъ изложеніи, что, короче говоря, «Историческій Вѣстникъ» именно давалъ образцы *Historiae illustris* въ самомъ широкомъ смыслѣ этого классическаго термина.

«Въ такомъ видѣ, по моему скромному разумѣнію, представляется роль «Историческаго Вѣстника» въ нашей исторической наукѣ и вообще въ нашей культурѣ. За двадцать пять лѣтъ существованія духовная связь журнала съ русскимъ обществомъ вполне уже упрочена, и дальнѣйшее процвѣтаніе «Историческаго Вѣстника» есть фактъ столь же несомнѣнный, какъ и успѣхи нашего народнаго самосознанія».

Нашъ извѣстный историкъ И. Е. Забѣлинъ почтилъ Сергѣя Николаевича слѣдующимъ письмомъ:

«Глубокоуважаемый Сергѣй Николаевичъ!

«Примите мое глубокосердечнѣйшее привѣтствіе съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ вашихъ обширныхъ, неустанныхъ трудовъ по созиданію въ высокой степени дорогаго для русскаго просвѣщенія и для русской науки памятника, именуемаго «Историческимъ Вѣстникомъ», славнымъ и преславнымъ хранителемъ и распространителемъ историческаго знанія во всѣхъ его отдѣлахъ. Да хранитъ васъ Господь въ добромъ здоровьѣ и въ полнотѣ добрыхъ дѣятельныхъ силъ на многіе и премоногіе годы».

Протоіерей А. П. Мальцевъ въ Берлинѣ отозвался также на юбилей «Историческаго Вѣстника» слѣдующимъ письмомъ:

«Высокоочтимый Сергѣй Николаевичъ.

«Позвольте привѣтствовать васъ отъ всего сердца съ исполнившимся XXV-лѣтіемъ вашихъ трудовъ по редактированію прекрас-

но поставленнаго вами «Историческаго Вѣстника», который пребудетъ навсегда; «историческимъ памятникомъ» своему опытному и мудрому кормчему! Дай Богъ вамъ многихъ и многихъ годовъ и крѣпкихъ и бодрыхъ силъ въ вашей многопочетной научно-литературной и просвѣтительной дѣятельности.

«P. S. Меня просятъ очень благодарить васъ и всѣ обитатели и трудящіеся наши соотечественники въ «Братскомъ домѣ» на чужбинѣ, пользующіеся въ часы досуга столь интереснымъ чтеніемъ, какое даетъ въ изобиліи для каждаго ваше изданіе».

Писатели: Е. М. Гаршинъ, С. Н. Кривенко, С. С. Окрейцъ-Орлицкій, А. Н. Сиротининъ, въ своихъ юбилейныхъ привѣтствіяхъ каждый отмѣтилъ въ теплыхъ выраженіяхъ личныя услуги имъ въ жизни со стороны юбиляра.

Е. М. Гаршинъ, между прочимъ, говоритъ: «Восьмидесятые годы, когда я работалъ подъ вашимъ просвѣщеннымъ и благосклоннымъ руководствомъ, составляютъ наилучшее мое воспоминаніе. Въ вашемъ лицѣ я нашелъ необыкновенно добраго редактора-наставника, руководителя каждымъ моимъ литературнымъ шагомъ съ герпѣніемъ и снисходительностью, какія рѣдко можно увидѣть среди педагоговъ по отношенію къ порученнымъ имъ дѣтямъ.

«Не ваша вина, если изъ вашего ученика-сотрудника не вышло писателя, ибо работа въ вашемъ журналѣ мало того, что давала кусокъ хлѣба нищему студенту, но и заставляла его учиться, ибо каждая статья, которая писалась для васъ, требовала серьезнаго изученія литературы, безъ чего не могла попасть на страницы вашего почтеннаго изданія. вмѣстѣ съ тѣмъ вы требовали отъ меня тщательнаго и легкаго выраженія моей мысли, и я съ благодарностью вспоминаю о томъ, какъ, по вашимъ указаніямъ, по три раза передѣлывалъ одну и ту же статью, но все же въ концѣ «Историческій Вѣстникъ» принималъ ее въ свое лоно».

С. Н. Кривенко, выражая сожалѣніе, что болѣзнь помѣшала ему присутствовать на банкетѣ, говоритъ въ своемъ письмѣ: «Мнѣ очень хотѣлось бы выразить вамъ свое уваженіе къ литературнымъ вашимъ заслугамъ, но еще живѣе хотѣлось бы сказать о чувствѣ незабываемой признательности къ вамъ, какъ со стороны моей, такъ и моей жены Софьи Ермолаевны, за ваше участливое отношеніе къ намъ въ трудное для насъ время по возвращеніи изъ Сибири. Это человѣческое отношеніе къ ближнему показало намъ, что ни сухая редакторская и корректурная работа, ни архивная пыль историческихъ рукописей не засушили и не запылили въ васъ того, что дороже всего въ человѣкѣ. Позвольте же пожелать вамъ, многоуважаемый Сергѣй Николаевичъ, всего лучшаго, а главное силъ и здоровья».

«Вы оставили глубокій слѣдъ на словесной нивѣ, и посѣянное вами дало хорошіе плоды,—такъ пишеть изъ Одессы С. С. Окрейцъ-

Орлицкій.—Но, уважаемый Сергѣй Николаевичъ, и какъ человѣкъ, вы заслужили навсегда добрую память въ сердцахъ васъ знавшихъ и имѣвшихъ съ вами дѣло. Дай Богъ вамъ еще долго, долго не оставятъ журнала «Историческій Вѣстникъ», который вы создали и сдѣлали любимцемъ публики. Въ словахъ моихъ нѣтъ лести. Но о васъ, добрѣйшій и отзывчивѣйшій Сергѣй Николаевичъ, не могу не говорить безъ сердечнаго волненія. Спаси и сохрани васъ Богъ!»

По оригинальному случаю и поводу благодарить редактора «Историческаго Вѣстника» А. Н. Сиротининъ. «Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» была напечатана вами моя первая статья. Я былъ еще тогда гимназистомъ и живо помню, какъ впервые прислали мнѣ въ Москву изъ деревни ваше письмо такъ неожиданно-скоро послѣ посылки статьи, чуть ли не на той же недѣлѣ, и я увидѣлъ тамъ вашимъ мелкимъ и четкимъ почеркомъ написанныя слова: «статья будетъ напечатана». Я берегу это письмо и теперь. Помню, сколько радости оно доставило мнѣ тогда, и какъ дорого мнѣ было ваше одолженіе. За него и за ваше вниманіе спасибо вамъ! Спасибо вамъ и еще за одно. Прошли годы, кончилъ я гимназію и университетъ и, не зная, что съ собой дѣлать, вздумалъ было посвятить себя литературѣ, которую всегда любилъ. Я пріѣхалъ въ Петербургъ и явился къ вамъ. Вы сказали мнѣ тогда: «литературой спеціально могутъ заниматься только люди талантливые. Иначе это тяжелый путь». И я уѣхалъ и потомъ вскорѣ нашелъ себѣ настоящее свое призваніе—учительство, которое не мѣшало мнѣ заниматься въ свои досуги и литературой. Послѣ много разъ вспоминалъ я ваши открытыя и прямыя слова и мысленно благодарилъ васъ за нихъ: они удержали меня отъ труднаго и для меня непосильнаго пути. И вотъ за правдивое слово остереженія мнѣ хочется теперь сказать еще разъ: спасибо вамъ за прямую высказанную правду!»

Кромѣ цитированныхъ, получены еще многочисленныя письма, поступленіе которыхъ продолжается и понынѣ. Прислали привѣтствіе г.г.: Анатолій Александровъ, Ѳ. И. Булгаковъ, Е. И. Гасабовъ, Г. А. Воробьевъ, С. И. Глѣбовъ, И. Ф. Головинъ, Г. К. Градовскій, К. А. Губастовъ, П. Егоровъ, П. В. Засодимскій, П. П. Каратыгинъ, П. А. Конскій, И. Л. Леонтьевъ, А. А. Луговой, П. М. Майковъ, Ѳ. А. Макшеевъ — главный редакторъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ», А. Н. Масловъ (Бѣжецкій), Д. П. Неклюдовъ-Кайсаровъ, Н. К. Никифоровъ, А. П. Никольскій, Е. И. Плато, И. Рында, Н. И. Позняковъ, А. Парамонова, Н. А. Поповъ, В. С. Россоловскій, Н. А. Рубакинъ, А. И. Савельевъ, Д. И. Стахѣевъ, Е. С. Тимирязева, И. Ѳ. Тюменевъ, А. Н. Цвилленева, В. Шильдеръ (директоръ Псковскаго кадетскаго корпуса), С. И. Уманецъ, А. Н. Шелькингъ, О. А. Фрибесъ, профессоръ Оксфордскаго университета Морфиль и др.

Поздравительныхъ телеграммъ С. Н. Шубинскимъ было получено въ день 1-го декабря и на слѣдующій болѣе 70. Нѣкоторыя изъ нихъ были доложены комитетомъ на банкетѣ присутствующимъ, а другія перечислены по именамъ приславшихъ.

Первою доложеною телеграммою была телеграмма Его Высочества Великаго Князя Николая Михайловича.

Прошу васъ принять самыя сердечныя поздравленія и наилучшія пожеланія ко дню 25-ти-лѣтняго юбилея вашей полезной дѣятельности на почвѣ изученія нашей отечественной исторіи. Весьма жалѣю, что лишень возможности лично васъ поздравить. Николай Михайловичъ.

Затѣмъ были прочитаны телеграфическія привѣтствія въ слѣдующемъ порядкѣ:

Императорское одесское общество исторіи и древностей привѣтствуетъ васъ съ двадцатипятилѣтней редакторской дѣятельностью и извѣщаетъ, что въ засѣданіи 14-го ноября избрало васъ своимъ дѣйствительнымъ членомъ. Секретарь общества профессоръ Истринъ.

Историко-филологическое общество при Новороссійскомъ университетѣ, высоко цѣня заслуги «Историческаго Вѣстника» въ дѣлѣ распространения историческихъ знаній въ русскомъ обществѣ, привѣтствуетъ съ исполненнымъ двадцатипятилѣтіемъ дѣятельности и желаетъ процвѣтанія. Предсѣдатель Общества профессоръ Линиченко.

Сочувственный привѣтъ отъ «Русскаго Архива».

Редакція «Биржевыхъ Вѣдомостей» привѣтствуетъ высокоуважаемаго труженика на нивѣ русской исторической науки и литературы, и выражаетъ искреннія пожеланія плодотворной и долгой работы впереди на пользу родной исторіи. Редакція «Биржевыхъ Вѣдомостей».

Высоко цѣня ваши просвѣтительные труды на поприщѣ исторической литературы и съ удовольствіемъ вспоминая ваши добрыя товарищескія отношенія къ редакціи «Новостей», приношу вамъ мои сердечныя поздравленія. Нотовичъ.

Лидія Филипповна Марксъ вмѣстѣ съ редакціей и сотрудниками журнала «Нивы» привѣтствуетъ васъ, глубокоуважаемый Сергій Николаевичъ, съ торжественнымъ днемъ вашего четвертьвѣковаго служенія русской исторической наукѣ, отъ всей души желая дальнѣйшихъ продолжительныхъ успѣховъ вамъ и редактируемому вами журналу.

Отъ себя и редакціи «Козловской Газеты» поздравляю васъ, глубокоуважаемый Сергій Николаевичъ, съ юбилейнымъ днемъ. Сожалѣю, что не могу быть лично. Падучевъ.

Редакція молодой окраинной газеты «Харбинскій Вѣстникъ» привѣтствуетъ Сергѣя Николаевича съ двадцатипятилѣтіемъ редактированія «Историческаго Вѣстника», лучшаго журнала въ наше время. Душевно желаемъ дальнѣйшаго успѣха плодотворной дѣятельности. Редакторъ Лазаревъ. Завѣдующій редакціей Слюнинъ (гор. Харбинъ).

Привѣтствуемъ почтенную редакцію въ день двадцатипятилѣтія плодотворной дѣятельности на поприщѣ распространенія историческихъ знаній въ Россіи и желаемъ дальнѣйшаго развитія и преуспѣянія «Историческому Вѣстнику». Профессора: Алмазовъ, Косинскій, Ренненкампфъ, Адамовичъ, Томсонъ, Деревницкій, Щепкинъ, Чижовъ, Петрикъ, Федоровъ, Ляпуновъ, Луньякъ, Перетятковичъ, Павловскій, Смирновъ, П. Казанскій (изъ Одессы).

Глубокоуважаемому Сергѣю Николаевичу Шубинскому мои сердечныя поздравленія съ столь славнымъ и плодотворнымъ двадцатипятилѣтіемъ. Душевно желаю ему силъ и здоровья и на новыя дальнѣйшія многіе и многіе годы. Профессоръ Архангельскій (гор. Казань).

Горячо привѣтствую Сергѣя Николаевича Шубинскаго съ исполненіемъ четверти вѣка руководительства его литературнымъ дѣтищемъ. Шлю лучшія пожеланія и глубокоуважаемому редактору и журналу. Заслуженный профессоръ Казанскаго университета Николай Загоскинъ (Казань).

Дорогой Сергѣй Николаевичъ. Привѣтствую стариннаго друга по изученію отечественной исторіи съ 25-лѣтіемъ «Историческаго Вѣстника» и 30-лѣтіемъ начала «Древней и Новой Россіи». Да укрѣпитъ и сохранитъ Господь надолго ваши силы для продолженія почетнаго служенія родиѣ на пользу ея научнаго и общественнаго самосознанія и на радость друзей. Профессоръ Корсаковъ (Казань).

Редакторъ «Бесѣды» поздравляетъ «Историческій Вѣстникъ» съ его свѣтлымъ праздникомъ и обнимаетъ уважаемаго Сергѣя Николаевича, отъ души желая ему отпраздновать еще такія же именины. Къ его искреннимъ пожеланіямъ присоединяются Михайлъ Протопоповъ и академикъ Тархановъ. Ясинскій (С.-Петербургъ).

Въ день двадцатипятилѣтняго славнаго честнаго служенія Вашего русскому обществу шлемъ Вамъ пожеланія здоровья и бодрости, а вашему дѣтищу преуспѣянія на долгіе годы. Добромъ вспоминаемъ вашу искренность, отзывчивость, справедливость и прямизну къ сотрудникамъ. Бѣляевъ, Шмелевъ, Шамбинаго (Москва).

Съ маньчжурскихъ полей, мѣста кровавой борьбы, шлю привѣтъ и горячія пожеланія маститому юбиляру и дорогому для меня журналу. Скандинъ (Мукденъ).

Изъ далекой Маньчжури шлю пожеланія дальнѣйшаго успѣха. Михайлъ Юдинъ (Толанджау).

Сердечно привѣтствую образцоваго редактора, почтеннаго писателя и прекраснаго человѣка. Вы плодотворно потрудились для русскаго общества, и дай вамъ Богъ силъ еще долго приносить такую же пользу. Петръ Вейнбергъ.

Лишенный возможности лично привѣтствовать васъ сегодня, прошу принять мои самыя сердечныя пожеланія еще долгихъ лѣтъ столь же неутомимой и плодотворной дѣятельности на пользу русской исторической науки и просвѣщенія. Гротъ (Спб.).

Сердечно поздравляю васъ съ 25-лѣтіемъ редактируемаго вами «Историческаго Вѣстника» и вашей редакторской дѣятельности. Отъ души желаю вамъ добраго здоровья и продолженія вашей литературной дѣятельности на многіе годы. Гуревичъ (Спб.).

Отъ души поздравляю васъ, какъ заслуженнаго и глубокоуважаемаго русскаго литературнаго дѣятеля, въ день двадцатипятилѣтія вами созданнаго журнала. Ежовъ (Москва).

Привѣтствую съ днемъ юбилея «Историческаго Вѣстника» и его уважаемаго редактора. Душевно, хотя и небезкорыстно, желаю возобновить поздравленіе черезъ новыя двадцать пять лѣтъ. Будьте здоровы. Василій Кривенко (Спб.).

Отъ всего сердца поздравляю дорогого друга. Викторъ Крыловъ (Москва).

Сердечно поздравляю съ тридцатипятилѣтіемъ литературной дѣятельности¹⁾ и съ двадцатипятилѣтіемъ веденія журнала «Историческій Вѣст-

¹⁾ Тутъ ошибка со стороны составителя телеграммы: Сергѣй Николаевичъ Шубинскій началъ свою литературную дѣятельность 44 года тому назадъ.

никъ», желаю здоровья и силъ для дальнѣйшихъ плодотворныхъ трудовъ еще на многія лѣта. Николай Лейкинъ (Спб.).

Да здравствуетъ юбиляръ, да процвѣтаетъ «Историческій Вѣстникъ» его заботами. Непенинъ (Вологда).

Слава прославленному. Многая лѣта. Перелыгинъ (Сергѣевскій посадъ).

Сердечно привѣтствую глубокочтимаго Сергѣя Николаевича. Плещеевъ (Спб.).

Лучшія пожеланія на долгіе годы полезной дѣятельности, здоровья и силъ доброду, хорошему Сергѣю Николаевичу. Пѣшкова-Толивѣрова. (Спб.).

Привѣтствую друга-юбиляра, поздравляю его съ воздвигнутымъ имъ себѣ памятникомъ. Графъ Саліасъ (Москва).

Съ вашимъ именемъ, дорогой Сергѣй Николаевичъ, и съ «Историческимъ Вѣстникомъ» у меня связаны самыя дорогія воспоминанія. Болѣзнь помѣшала мнѣ лично поздравить васъ и выразить вамъ чувства, наполняющія меня въ этотъ день, столь знаменательный для всѣхъ вашихъ друзей, но душою я съ вами. Черевкова (Спб.).

Сердечно поздравляю. Желаю много лѣтъ здравствовать. Шенрокъ (Москва).

Лишенный возможности лично привѣтствовать дорогаго Сергѣя Николаевича, шлю ему изъ Лѣснаго уединенія сердечныя пожеланія крѣпости, силы и бодрости духа на дальнѣйшее служеніе родной исторіи. Шумигорскій (Лѣсной).

Хоть коротко мое посланіе въ вашъ достославный юбилей, но тѣмъ сердечнѣй и теплѣй всѣхъ благъ мое вамъ пожеланіе. Сотрудникъ Уманецъ Сергѣй (Спб.).

Примите, дорогой Сергѣй Николаевичъ, самыя лучшія, самыя сердечныя пожеланія. Дай Богъ силы и здоровья еще много, много лѣтъ править кормиломъ «Историческаго Вѣстника». Любящій васъ Ювачевъ (Юзовка).

Глубокой привѣтъ дорогому редактору, всякаго преуспѣянія лучшему историческому журналу. Юдинъ (Саратовъ).

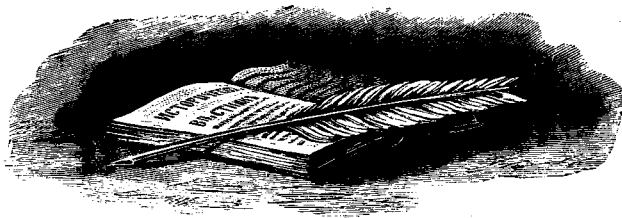
Сердечное поздравленіе и искреннія пожеланія шлетъ давнишній сотрудникъ. Дмитрій Языковъ (Москва).

Кромѣ изложенныхъ телеграммъ, получены еще: отъ гг. И. С. Аркадьева, А. И. Байрашова, А. В. Безроднаго, Н. М. Бернарда, В. В. Гиммельмана, И. Д. Дмитріева, М. Н. Ермоловой, М. М. Иванова, В. Э. Кетрица, С. В. Гомолицкой, С. П. Дягилева, М. И. Калакуцкой, П. П. Коломина, К. А. Корженевскаго, Н. М. Лисовскаго, Е. А. Ляцкаго, В. С. Маркова, К. П. Медвѣдскаго, Е. Н. Михневичъ, Б. Л. Модзалевскаго, кн. Н. Л. Оболенскаго, г-жи Оксеновой, И. И. Орловскаго, А. Е. Пальчикова, Д. А. Пахомова, Ф. Д. Райляна, г.г. Ребиндера, Сидорова, Сканбіева, г-жи Слезкинской, М. П. Соколовскаго, Д. Ф. Соколова, Н. В. Сорокина, Д. П. Струкова, М. Г. Тидемана, семейства Тилло, г-жи Федоровой, Д. К. Фельдберга, А. Н. Фирсова, г-жи Л. Симоновой, М. В. Суперанскаго, кн. М. Л. Шаховскаго, Владимира и Сергѣя Штейнъ и др.

Послѣ чтенія телеграммъ и въ заключеніе засѣданія, Комитетъ по организаціи юбилейнаго чествованія объявилъ, что праздникъ «Историческаго Вѣстника» могъ бы считаться не полнымъ,

если бы поздравленія присутствующихъ были направлены только по адресу редактора журнала, его издателя и сотрудниковъ. Въ залѣ присутствуютъ еще два юбиляра—помощники С. Н. Шубинскаго по технической и хозяйственной части изданія «Истор. Вѣстн.», а именно ментранпажъ журнала И. О. Богдановъ и завѣдующій конторою В. Я. Анисимовъ. Первый принялъ журналъ и выпустилъ изъ типографіи первую книжку «Историческаго Вѣстника» съ момента его основанія и сегодня изготовилъ трехсотую, а второй—ведетъ всю бухгалтерію и расчеты съ сотрудниками и подписчиками уже 19 лѣтъ. Оба отличаются неизмѣнной любовью въ отношеніи сотрудниковъ журнала, душою преданы его редактору и издателю, а потому, во вниманіе къ ихъ заслугамъ. Комитетъ, отъ имени всѣхъ сотрудниковъ, исколоталъ черезъ С. Н. Шубинскаго у А. С. Суворина о представленіи ихъ къ Высочайшимъ наградамъ по дарованію высочайшихъ милостей—первому званія потомственнаго почетнаго гражданина, второму—личнаго почетнаго гражданина. Это ходатайство нашло откликъ въ министерствѣ финансовъ и Собственной Его Величества Канцеляріи, и можно надѣяться, что представленія о нихъ въ недалекомъ будущемъ удостоятся Высочайшаго одобренія ¹⁾.

Этимъ заявленіемъ кончилось официальное засѣданіе, и гостямъ предложены были у открытаго буфета чай, фрукты и холодная закуска. Присутствующіе разбились на группы, юбиляръ обходилъ всѣхъ съ словомъ признательности за участіе въ праздникѣ журнала и высказанныя по его адресу добрыя чувства, и дружеская бесѣда продолжалась еще многіе часы.

¹⁾ 6-го декабря 1904 года представленіе о нихъ господина министра финансовъ въ указанномъ смыслѣ было Высочайше утверждено.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ДЕКАБРЬ 1904 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 12-й.

I. Богословіе.

Айвазовъ, И. Г. «Новое вселенское христіанство—религія конца». Древне іудейская и христіанская культуры. Харьковъ. 1904. Ц. 30 к.

Гиляровскій, В. М., Собраніе проповѣдей. Томъ I. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Крыловскій, А. Львовское ставропигіальное братство. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія. Кіевъ. 1904. Ц. 3 р.

Харламповичъ, К. О миссіонерскихъ переводахъ на инородческіе языки. Письмо архимандрита Владимира, начальника Алтайской миссіи, къ иркутскому архіепископу Веніамину. Казань. 1904. Ц. 15 к.

Чернышевъ, В. Гоненія на христіанъ въ Римской имперіи. Общедоступные историческіе рассказы. Спб. 1904. Ц. 50 к.

II. Философія, психологія, логика.

Богдановъ, А. Эмпіриомонизмъ. Статьи по философіи. М. 1904. Ц. 80 к.

Вормсъ, Рене. Мораль Спинозы, изученіе ея принциповъ и значенія, произведеннаго ею въ новѣйшія времена. Перев. съ франц. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Герценъ, Александръ. Наука и нравственность. Лекція для мужской молодежи. Перев. съ франц. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 15 к.

Гредескуль, В. А., проф. Марксизмъ и идеализмъ. Харьковъ. 1905. Ц. 40 к.

Жавовъ, К. Теорія перемѣннаго и предѣла въ гносеологіи и въ исторіи познанія. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Мудравскій, Д. Психологія и языковеденіе (по поводу новѣйшихъ работъ Вундта и Дельбрюка). I—V. Спб. 1904. Ц. 75 к.

Николевскій, В. Христіанство, патриотизмъ и война. Казань. 1904. Ц. 50 к.

Оршанскій, И. Г., проф. Спиритизмъ и телепатія. Харьковъ. 1904. Ц. 50 к.

Свѣтъ на пути. Изъ древняго индусскаго писанія «Книга золотыхъ правилъ». Перев. съ англ. Ученіе о кармаѣ. М. 1905. Ц. 20 к.

Синорскій, И. А., проф. Всеобщая психологія съ физиогномикой въ иллюстрированномъ изложеніи. Кіевъ. 1904. Ц. 5 р.

III. Ботаника, зоологія, мінералогія, геологія, фізика, хімія.

Браунсъ, Р., д-ръ. Царство мінераловъ. Вып. 4-й. Спб. 1904. Ц. 2 р. 75 к., по подл. на все соч. въ 10 в. 25 р.

Вегнеръ, Антонъ и Вортманъ. Руководство къ изученію объемнаго анализа. Перев. съ нѣм. М. 1905. Ц. 40 к.

Ежегодникъ по геологіи и мінералогіи Россіи. Томъ VI, вып. 10. Новая Александрія. 1904. Ц. 1 р.

Комарицкій, В. И. Радій и другія активныя вещества. Спб. 1904. Ц. 20 к.

Лермантовъ, В. В. Объясненія практическихъ работъ по физикѣ. Дополнительный

выпускъ для студентовъ естественниковъ. Высшая математика для нематематиковъ. Спб. 1904. Ц. 1 р. 75 коп.

Лунге, Е., проф. Техно-химическій анализъ. Пер. съ нѣм. Съ 16 рис. Спб. 1905. Ц. 80 к.

Марануевъ, Н. Руководство къ рѣшенію задачъ по физикѣ. Курсъ средней школы. М. 1905. Ц. 3 р.

Содди, Ф., проф. Радиоактивность. Элементъ изложеніе съ точки зрѣнія теории распада атомовъ. Съ 38 рис. Перев. съ англ. Спб. 1905. Ц. 2 р.

IV. Математика, астрономія и метеорологія.

Меліоранскій, В. М. Повторительный курсъ ариметики цѣлыхъ чиселъ и первоначальный курсъ дробей. Спб. 1904. Ц. 20 к.

Мордухай-Болтовской, Д. Систематическій сборникъ элементарныхъ упражненій по дифференціальному и интегральному исчисленію. Вып. I. Теорія предѣловъ, диффе-

ренцированіе функций. Варшава. 1904. Ц. 2 р. 25 к.

Хандриновъ, Митрофанъ, проф. Анализъ безконечно малыхъ. Спб. 1905. Ц. 3 р. 75 к.

Хохловъ, Ив. Ст. Замятки по геометріи. Курсъ перваго года изученія геометріи въ городскихъ училищахъ. Ростовъ-на-Дону. 1904. Ц. 20 к.

V. Словесность.

Бѣлинскій, В. Г. Полное собраніе сочиненій въ 12 томахъ. Томъ VII. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Бѣлозерскій, И. Записки учителя. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Бородинъ, М. О литературныхъ заслугахъ гр. А. К. Толстого. Харьковъ. 1904. Ц. 20 к. — О поэмѣ О. И. Тютчева. Харьковъ. 1904. Ц. 20 к.

*Буренинъ. Театръ. Томъ II. Калигула, Діана Форнари, Неронъ. Спб. 1905. Ц. 1 р. Вальтеръ-Скоттъ. Айвенго. Подный переводъ. Изд. 3-е. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Васюковъ, С. И. Крымъ и горные татары. Спб. 1904. Ц. въ папкѣ 1 р.

Гамсунъ, Янугъ. Рабы любви. Повѣсти и рассказы. Перев. Е. Кившенко. М. 1905. Ц. 1 р.

Гольденовъ, Д. М. Уставъ о паспортахъ. (Св. зак., т. XIV). Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к. Грабина, А. Т. Давни ричи. Збирнычокъ. Кіевъ. 1904. Ц. 35 к.

*Данте, Алигьери. Вожественная комедія. Томъ III. Рай. Перев. съ итал. развѣромъ подлинника Дмитрій Минъ. Съ прилож. комментарія. Спб. 1904. Ц. 3 р. Все изданіе въ 3 томахъ 7 р. 50 к.

Дубинскій, М. Сумерки жизни. Стихотворенія. Изд. 2-е, доп. Сия. 1904. Ц. 75 к.

Идановъ, И. Н. Сочиненія. Томъ I. Спб. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

*Жуковскій, Владимиръ. Стихотворенія, 1893—1904. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Каринскій, Николай. Хрестоматія по древне-церковно-славянскому и русскому языкамъ. Пособіе при преподаваніи русскаго языка въ университетахъ и друг. высш.

учебныхъ заведеніяхъ. Часть I. Древнѣйшіе памятники. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

*Карповъ, Евтхій. Побѣдитель. Комедія въ 4 д. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Кольцовъ, А. В. Стихотворенія (1809—1842). (Русская классная бібліотека, подъ ред. А. Н. Чудинова, вып. XXIX). Спб. 1905. Ц. 50 к.

Комаровъ, С. Японскіе студенты. М. 1905. Ц. 50 к.

Ностомарова, Александра. Осенніе цвѣты, покрытые снѣгомъ. 1896. Спб. 1902. Ц. 50 к.

Лейкинъ, Н. А. Въ родномъ углу, романъ. Просвѣтитель, повѣсть. Спб. 1905. Ц. 1 р. 20 к.

Мясницкій, И. И. Нашего поля ягоди. Юморстические рассказы. М. 1905. Ц. 1 р.

Надсонъ, С. Я. Стихотворенія. Съ портретомъ, факсимиле и биограф. очеркомъ. Изд. 21-е. Спб. 1905. Ц. 2 р.

*Овидій Назонъ, П. Наука любить (ars amatoria). Перев. съ латинскаго В. Алексеевъ. Спб. 1904. Ц. 2 р.

Пальгунъ, С. А. Русско-японская война. Стихотворенія. Мѣсяцъ 3-й. 1904 г. Евпаторія. 1904. Ц. 20 к.

Первыя пѣсни. Стихотворенія Б. К. 1902—1904. Кіевъ. 1904. Ц. 50 к.

Порошинъ, Ив. (Бѣлозерскій). «Кусокъ хлѣба» и другіе рассказы. Спб. 1904. Ц. 1 р.

— «На развѣтѣхъ» и другіе рассказы. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Радченко, А. Ѳ. На распуты. Стихотворенія (1901—1904 гг.). Спб. 1905. Ц. 60 к.

Сандо, Жюль. Рука Провидѣнія (Мадлена). Перев. съ франц. Спб. 1904. Ц. въ папкѣ 1 р.

Сирвенъ, А., и Левардье, А. Дочь Нана. Романъ. Перев. съ франц. М. 1905. Ц. 1 р.

*Снялковскій, К. За годъ (Воспоминанія. Историческіе очерки. Публицистика. Всячина. Дневникъ меланхолика. Путевыя впечатлѣнія). Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

*Сопиковъ, В. С. Опытъ російской бібліографіи. Редакція, примѣчанія, дополненія и указатель В. Н. Рогожина. Часть III. Спб. 1904. Ц. по подп. за 5 ч. 12 р.

Стремоуховъ, Н. П. Домой изъ Бухары. Романъ-быль. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Толстой, Л. Н., гр. Воскресеніе. Романъ въ 3 ч. М. 1905. Ц. 60 к.

Хвостовъ, Н. Б. Подъ осень. Стихотворенія, 1901—1904. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Хомяковъ, А. С. Сочненія, т. VIII. М. 1904. Ц. 2 р.

Шараповъ, Сергѣй. Тучи. М. 1904. Ц. 30 к.
Эберсъ, Георгъ. Невѣста Никола. Историческій романъ. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 1 р. 35 к.

Эструль, І. Изслѣдованіе 1001 ночи, ея составъ, возникновеніи и развитіи. Перев. съ датск. Со вступительнымъ историко-литературнымъ очеркомъ А. Крымскаго. М. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Юрьева, М. Отчего елки зелены. Фантастическій рассказъ. М. 1904. Ц. 20 к.

— Въ ожиданіи поѣзда. Рассказъ. М. 1904. Ц. 20 к.

VI. Исторія.

Алексѣевъ, В. А. Къ біографіи Суворова. Курьерскіе паспорта 1752 года. Ц. 1 р.

Бернштейнъ, нм. д. Михайлъ Ивановичъ Глинка. Спб. 1904. Ц. 30 к.

Брешно-Брешновскій, Н. Н. «Русскій художникъ В. В. Верещагинъ». Спб. 1904. Ц. 40 к.

Врадій, В. П. Отношеніе инородцевъ Дальняго Востока къ огнестрѣльному оружію. Ц. 40 к.

Жуновичъ, П., проф. Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (съ 1609 г.). Вып. I. (1609—1614 гг.). Вып. II. (1615—1619 гг.). Спб. 1903—1904. Ц. кажд. 75 к.

Лѣтопись войны съ Японіей. № 37. 1904. Ц. 30 к.

Минитенко, А. В. Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, «чѣму свидѣтель въ жизни былъ». Записки и дневникъ (1804—1877 гг.). 2 тома. Спб. 1905. Ц. 7 р.

Отчетъ о состояніи гимназій и реальнаго училища К. Мая въ 1903—1904 году. Съ прилож. статей преподавателей. Спб. 1904. Ц. 70 к.

Профессоръ А. Е. Назимовъ. Біографія и воспоминанія, подъ ред. И. А. Линниченко. Одесса. 1904. Ц. 1 р.

Рѣдинъ, Е. Н. Ученая дѣятельность историко-филологическаго общества при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ за первыя двадцать пять лѣтъ его существованія (1877—1902). Харьковъ. 1904. Ц. 60 к.

Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе бібліотеки Имп. Академіи Наукъ въ 1903 г. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Сиринъ, Фрэнсисъ Генри. Ростъ Россіи съ 1815 по 1900 г. Перев. съ англ. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Солдатское спасибо. Отвѣтныя письма солдатовъ изъ Портъ-Артура по полученіи подарковъ отъ Комитета при русскомъ женскомъ взаимно-благотворительномъ обществѣ. Спб. 1905. Ц. 25 к.

Сумцовъ, Н. Ф. Двадцатипятилѣтіе историко-филологическаго общества при Имп. Харьковскомъ университетѣ. Харьковъ. 1904. Ц. 25 к.

Фаресовъ, Л. М. Семидесятники. Очерки умственныхъ и политическихъ движеній въ Россіи. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Флоринскій, Т. Д., проф. Критико-бібліографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію. XII. Кіевъ. 1904. Ц. 40 к.

*Шильдеръ, Н. И. Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Съ 450 иллюстраціями. Изд. 2-е. Т. II. Спб. 1904. Ц. по подп. за 4 т. 30 р.

Шумановъ, Сергѣй. Сотницы, грамоты и записи. Вып. II. Костромскія сотницы (7068—7076 гг.). М. 1903. Ц. 30 к.

— Сотницы (1554—1572 гг.), грамоты и записи (1628—1701 гг.). Вып. III. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

VII. Географія.

Водовозовъ, В. И. Рассказы и смихтворенія для дѣтей. Съ 40 картъ. въ текстѣ. Изд. 3-е, доп. Спб. 1904. Ц. въ пап. 75 к.

Дозм, Р. Очеркъ исторіи ислама. Перев. съ франц. Спб. 1904. Ц. 1 р. 75 к.

*Нрыловъ, Васи. Полное собраніе. Съ біографіей и примѣчаніями. Изд. 6-е. (Дешевая бібліотека Суворина, № 318). Ц. 15 к.

Марновъ, Евг. Очерки Крыма. Картины

крымской жизни, исторіи и природы. Изд. 3-е. Спб. 1902. Ц. въ пер. 6 р.

Прневальскій, Н. М. Путешествія въ восточной и центральной Азій. Обработала по его сочиненіямъ М. А. Лялина. Изд. 3-е, просм. Спб. 1904. Ц. 2 р.

Сърошевскій, В. На краю лѣсовъ. Чукчи. Изд. 2-е, доп. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Федоровъ, А. М. На востокъ. Очерки. Спб. 1904. Ц. 1 р. 20 к.

VIII. Сельское хозяйство.

- Гейсдёрферъ, м. Компатное садоводство. Вып. III. Спб. 1904. Ц. по подп. на 5 вып. 4 р. 50 к.
- Кузьминская, т. Вегетарианскій столъ. Съ 416 рецептов. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 40 к.
- Лауэнштейнъ, р. Курсъ сопротивленія матеріаловъ (начала строительной механики). Элементарное учебное руководство для школъ и самообученія и пособие для практическаго пользованія. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Потехинъ, л. а. Пчелы и уходъ за ними въ неразборныхъ ульяхъ. Изд. 3-е. Съ 11 рис. въ текстѣ. Спб. 1905. Ц. 10 к.

IX. Технологія.

- Велиховъ, п. а. Механическія свойства строительныхъ матеріаловъ. Вып. III. Цементные растворы. М. 1904. Ц. 1 р. 70 к.
- Hoitz, А. Аккумуляторы электрическаго тока. Перев. съ нѣм. Спб. 1904. Ц. 3 р.
- Грецъ, л., д-ръ. Электричество и его приженія. Книга для изученія и для чтенія. Изд. II. Часть II. Спб. 1905. Ц. за 2 ч. 3 р. 50 к.
- Зейфартъ, л., д-ръ. Контроль котельной установки и известково-обжигательныхъ печей на основаніи газометрическихъ, калориметрическихъ и т. п. изслѣдованій. Руководство для инженеровъ, техниковъ, химиковъ и для техническихъ учебныхъ заведеній. Съ 33 рис. въ текстѣ. М. 1904. Ц. 1 р. 60 к.
- Мерчингъ, г. н. Очеркъ основныхъ законовъ установившагося и не установившагося электрическаго тока и сопутствующихъ ему магнитныхъ возмущеній. Начала электромагнитной теории свѣта. (Введеніе въ теорію электрическихъ и магнитныхъ возмущеній). Съ 2 лист. чертежей. Спб. 1905. Ц. 2 р.
- Пашновскій, н. а. Дѣлайте сами картины для своего волшебнаго фонаря. Легкій и дешевый способъ самостоятельнаго изготовленія картинъ для фонаря. Елисаветградъ. 1903. Ц. 20 к.
- Спирто-калильные лампы для волшебнаго фонаря. Елисаветградъ. 1904. Ц. 15 к.
- Рюмины, в. в. и в. в. Технологія воды и топлива для техническихъ училищъ и заводскихъ техникумовъ. Харьковъ. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Хамновъ, м. и. Руководство по выдѣлкѣ лайковой кожи. М. 1904. Ц. 60.
- Паннинъ, а. Работа вѣтряныхъ двигателей и эксплуатация энергии вѣтра, со статьёй: «О началахъ аэродинамики». Спб. 1904. Ц. 1 р. 75 к.
- Орловъ, м. а. Какъ добывается крахмалъ. Съ 8 рис. въ текстѣ. Спб. 1904. Ц. 15 к.
- Яцына, вач. Новѣйшіе способы и таблицы для скорого и точнаго подсчета объемовъ земляныхъ работъ при любой ширинѣ полотна, откосахъ и поперечныхъ склонахъ. Спб. 1904. Ц. въ пер. 2 р. 50 к.

X. Правовѣдѣніе.

- Ачкасовъ, Алексѣй. «Повѣло вѣсною...» Рѣчи г. министра внутреннихъ дѣлъ кн. П. Д. Святополькъ-Мирскаго и толки о нихъ прессы. М. 1904. Ц. 50 к.
- Батошновъ, д. д. Ванки. Ихъ историческое развитіе, значеніе, операци и счетоводство. Пособіе для изучающихъ дѣятельность кредитныхъ учрежденій. Владикавказъ. 1905. Ц. 1 р.
- Бородаевскій, с. в. Нужды мелкаго кредита по мнѣнію мѣстныхъ дѣятелей. Спб. 1904. Ц. 30 к.
- Военное министерство, его права и обязанности. Сборникъ практич. свѣдѣній. Спб. 1904. Ц. 1 р.
- Высшія государственныя учрежденія Россійской имперіи. Ихъ права и обязанности. Сборникъ практич. свѣдѣній. Спб. 1903. Ц. 50 к.
- Георги, э. Дѣвушка-мать. Романъ. Спб. 1905. Ц. 75 к.
- Гессенъ, л. в. Судебная реформа. (Великія реформы 60-хъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ, Вып. II). Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Евреиновъ, г. а. Крестьянскій вопросъ въ его современной постановкѣ. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. 1 р.
- Житновъ, с. м. Формула денежнаго обращенія. Спб. 1905. Ц. 50 к.
- Значеніе свободнаго слова для личности, общества и церкви. (По воззрѣніямъ славянофиловъ и Влад. Соловьева). Выпн. Волочекъ. 1904. Ц. 20 к.
- Зомбаръ, Вернеръ. I Соціализмъ и соціальное движеніе въ XIX столѣтіи. I, «А все-таки!» Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Молоткинъ, а. Кустарный вопросъ въ Россіи. Опытъ объективнаго изслѣдованія. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Нороленко, с. а. Письма о деревнѣ. Книга I. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.
- Носинскій, в. а., проф. Къ вопросу о мѣрахъ къ развитію производительныхъ силъ Россіи. Статистико-экономическій эскизъ. Одесса. 1904. Ц. 50 к.
- Нусновъ, пл. Наши идеалы. (Разговоры на палубѣ). М. 1905. Ц. 10 к.

Лютостанскій, И. Талмудъ и евреи. Книга III, IV и V. Изд. 3-е. Спб. 1905. Ц. кажд. книги 2 р.

Малининъ, Ф. Н. Постановленія шести международныхъ тюремныхъ конгрессовъ и систематическій указатель къ нимъ. Спб. 1904. Ц. 60 к.

Министерство императорскаго двора и Удѣловъ. Собственныя его императорскаго величества канцелярїи. Вѣдомство учрежденій императрицы Марїи. Ихъ права и обязанности. Сборникъ практич. свѣдѣній. Спб. 1903. Ц. 50 к.

Морское министерство. Его права и обязанности. Сборн. практич. свѣдѣній. Спб. 1904. Ц. 75 к.

Настоящее положеніе русской желѣзной промышленности. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Николюскій, А. Очеркъ современной постановки посейно-дорожнаго дѣла во Франціи. Спб. 1904. Ц. въ пап. 1 р.

Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Томъ II. Спб. 1904. Ц. 3 р. 50 к.

О покровительствѣ Александровскаго комитета о раненыхъ. Изд. кап. Волотова. Спб. 1905. Ц. 80 к.

Очерки по крестьянскому вопросу. Вып. II. Под. ред. А. А. Мануилова. М. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Печеринъ, Я. И. Историческій обзоръ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ кредитныхъ установленій въ Россіи. Спб. 1904. Ц. 75 к.

Политическія и экономическія задачи Японїи. 1) Д-ръ Франке. Къ чему стремится Японїя. 2) Л. Качеръ. Экономическая и социальная политика Японїи. Перев. съ нѣм. Харьковъ. 1905. Ц. 45 к.

Полный сводъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената, начиная съ 1866 г., съ подробнымъ предметнымъ алфавитнымъ и по-статейнымъ указателями. Подутомъ 54—56. Екатеринбургъ. 1904. Ц. кажд. 2 р.

Прокоповичъ, С. Н. Мѣстные люди о нуждахъ Россіи. Спб. 1904. Ц. 2 р.

Птицынъ, Влад. Русская адвокатура и евреи. Спб. 1905. Ц. 25 к.

Смѣлювъ, В. М. Дворянскій мелкій банковый кредитъ, или какъ дворяне могли бы организовать и устроить удобный для себя и дешевый мелкій банковый кредитъ во всѣхъ городахъ Россіи съ субсидїей и участіемъ мѣстныхъ дворянскихъ учреждений, или даже безъ всякой отъ кого либо субсидїи. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Чубинскій, М. П., проф. Очерки уголовной политики. I—III. Харьковъ. 1905. Ц. 3 р.

XI. Медицина.

Васильевъ, М., д-ръ. Польза и вредъ пищевыхъ продуктовъ. I. Съѣдобные грибы. Спб. 1904. Ц. 30 к.

Гольмштейнъ, В. д-ръ. Излѣченіе легочной чахотки. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Deutsch и Feistmantel, Dr. Прививочныя вещества и сыворотки. Очеркъ этиологической профилактики и терапїи заразныхъ болѣзней для врачей, ветеринарныхъ врачей и студентовъ. Перев. съ нѣм. Спб. 1904. Ц. 2 р.

Юзефъ, М., проф. Учебникъ кожныхъ бо-

лѣзней. Для врачей и студентовъ. Спб. 1904. Ц. 2 р.

Савельевъ, Аленскій. Зубы, уходъ за зубами, сохраненіе и береженіе зубовъ на долгое время и ихъ лѣченіе. Изд. 3-е, испр. М. 1905. Ц. 15 к.

Черевнова, А. А., и Черевновъ, В. Д. Курсъ гигиены для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Шпальтегольцъ, Вернеръ. Атласъ по анатоміи челоуѣка. Часть III, вып. I-й. Внутренности. М. 1904. Ц. 2 р. 75 к.

XII. Искусство.

Булчевъ, В. Лекціи и работы по теоретическимъ вопросамъ хорового пѣнія. Хоровое пѣніе въ общеобразовательной школѣ. Вып. I. М. 1904. Ц. 50 к.

Дризень, Н. В., бар. Матеріалы къ исторіи русскаго театра. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Ежегодникъ императорскихъ театровъ. Сезонъ 1901—1902. Спб. 1904. Ц. съ 6 прил. 5 р. (приложенія еще не вышли).

Легатъ, М. и С., бр. Русскій балетъ въ карикатурахъ. Спб. 1904. Ц. 25 р.

Орнаменты на памятникахъ древне-русскаго искусства. Изд. Н. П. Сырейщикова и Д. К. Тренева. Вып. I. М. 1904. Ц. 18 р.

Съ нами Богъ—открытое письмо, рис. Соломко, изд. въ пользу склада Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, Спб. 1904. Ц. 20 к.

Чешихинъ, Всев. Краткія либретто, содержаніе 132 оперъ современнаго репертуара. Изд. 2-е, испр. и доп. Рига. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

XIII. Военное и морское дѣло.

Добротворскій, Л. Какой флотъ необходимъ Россіи? Спб. 1904. Ц. 40 к.

Ониерузамъ, Н. Адмиралъ С. О. Макаровъ о столкновеніи судовъ. Спб. 1904. Ц. 30 к.

«Истор. вѣстн.», январь, 1905 г., т. ХСІХ.

¹/₂25

XIV. Коммерческія науки.

Семеновъ, А. Пособіе къ изученію банковъ и счетоводства, примѣнительно къ учрежденіямъ государственнаго банка. Варшава. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

XV. Воспитаніе и обученіе. Дѣтскія книги. Народныя книги.

Абрамовъ, И. «Царь-Максимилианъ». Святочная комедія. Спб. 1904. Ц. 25 к.

Авенариусъ, В. П. Лестки и листья. Разсказы, очерки, афоризмы и загадки для юношества. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к., въ пап. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

Бертъ, Эли. Маленькіе школьники пяти частей свѣта. Перев. съ франц. Спб. 1904. Ц. въ папкѣ 1 р.

— Маленькія школьницы въ пяти частяхъ свѣта. Перев. съ франц. Спб. 1904. Ц. въ пап. 1 р.

Біаръ, Люсьенъ. Приключенія молодого натуралиста. Перев. съ франц. Спб. 1904. Ц. въ пап. 1 р. 35 к.

Бичеръ-Стоу, Г. Жизнь дяди Тома или жизнь среди рабовъ. Спб. 1904. Ц. въ пап. 1 р. 15 к.

Гауфъ, В. Сказки. Перев. О. М. Коржинской. Спб. 1904. Ц. въ пер. 3 р. 50 к.

Гельферъ, А. Современная постановка дорожнаго дѣла въ Германіи и въ Австріи. Спб. 1905. Ц. 3 р.

Гордѣева-Щербинская, И. Катя. Повѣсть. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. въ папкѣ 1 р.

Германъ, Францъ. Тысяча одна ночь. Сказки для дѣтей. Перев. съ нѣм. Спб. 1904. Ц. въ пап. 1 р. 25 к.

Гриммъ, Бр. Избранныя сказки. Съ иллюстр. М. 1905. П. 75 к.

Дановская, С. Открытіе Америки. Историч. разсказъ. Изд. 6-е, испр. М. 1905. Ц. въ перепл. 60 к.

Деффо, Даниэль. Жизнь и приключенія Робинсона Круза разсказанныя имъ самимъ. Спб. 1904. Ц. въ пап. 1 р. 20 к.

Днемиссонъ, м-ссь. «Возродный мальчикъ». Повѣсть. Перев. съ англ. М. 1904. Ц. 60 к.

Доде, Альфонсъ. Избранные разсказы и сказки для юношества. Спб. 1904. Ц. въ пап. 1 р.

Ждановъ, Левъ. Царь Іоаннъ Грозный. Историч. повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Изданіе переработанное для юношества. Спб. 1904. Ц. 3 р. 50 к., въ пер. 4 р. 25 к.

Желиковская, В. П. На весенней зарѣ. Повѣсть для юношества. Съ рис. Спб. 1904. Ц. въ пап. 1 р. 15 к.

Ильяшенко, М. Приключенія мышенка Долгохвоста. Сюжетъ заимствованъ. Съ 7 рис. А. Эслерга. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Исторія знаменитаго Донъ-Кихота Ламанчскаго. Съ 100 рис. Изд. 4-е. Спб. 1903. Ц. въ пап. 1 р.

Капустинъ, М. Я. проф. Образованіе и здорровье. Казань. 1904. Ц. 40 к.

Карель, И. К. Педагогическій ручной трудъ по датской системѣ. Указанія для начинающихъ учителей. По сочиненіямъ Акселя Миккельсена. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Кармень Сильва. Царство сказокъ. Перев. съ нѣм. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. въ пап. 1 р.

Лялина, М. А. Которая изъ двухъ? Повѣсть. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. въ пап. 60 к.

Мазль, П. Юнга на кораблѣ корсара. Пер. Н. Михайловой. Спб. 1904. Ц. въ пап. 1 р.

Мальгрень, А. Э. Василиса Прекрасная. Сказка-пѣса (по Аванасеву), въ 3 д. и 6 карт. съ апофеозомъ. Митава. 1904. Ц. 40 к.

Мидъ, Л. Семь молоденькихъ дѣвицъ. (Домъ вверхъ дномъ). Съ рис. Спб. 1904. Ц. въ пап. 1 р.

Позняковъ, Н. И. Почитать бы!.. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Изд. 4-е. Спб. 1904. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

Полевой, Д. Д. Сборникъ разработанныхъ темъ отвлеченнаго, историческаго и литературнаго содержанія, съ планами. Изд. II. Часть I. Спб. 1905. Ц. 1 р. 35 к.

— Руководство къ составленію сочиненій. Часть III. Спб. 1905. Ц. 1 р.

— Сборникъ разработанныхъ темъ историческаго и отвлеченнаго содержанія, съ планами. Часть IV. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Рошаль, Е. А. Планы и краткіе обзоры темъ литературнаго характера, задаваемыхъ для домашнихъ и классныхъ сочиненій во всѣхъ средне-учеб. заведеніяхъ. Часть I. Изд. 5-е. Спб. 1905. Ц. 1 р. 15 к.

Сборникъ «Родника». Въ пользу сиротъ воинновъ, павшихъ въ русско-японской войнѣ. Спб. 1904—1905. Ц. 1 р. 25 к.

Свирскій, А. И. Рыжикъ. Приключенія бродяги. Повѣсть въ 3 част. Изд. 3-е. Спб. 1904. Ц. въ пер. 1 р. 50 к.

Соковинъ, Н. А. Быть и казаться. Три повѣсти изъ дѣтской жизни. Изд. 3-е. Спб. 1904. Ц. въ пер. 2 р.

Сталь, П. Ж. Нравственность семьи. Практическія наставленія и жизненные правила въ разсказахъ и сказкахъ. Перев. съ франц. Спб. 1904. Ц. въ пап. 1 р. 25 к.

Толстой, М. Три сестры. Сказка въ стихахъ для всѣхъ возрастовъ. Спб. 1904. Ц. 3 р. 50 к., въ пер. 4 р. 25 к.

XVI. Справочный отдѣлъ.

Всеобщій календарь на 1905 г. Спб. 1904. Ц. 1 р., въ пап 1 р. 30 к., въ пер. 1 р. 50 к.

Записная книга Риммера на 1905 г. Спб. 1904. Ц. въ пер. 60 к., 75 к., 80 к., 1 р. 5 к., 1 р. 20 к., 1 р. 30 к., 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 40 к.

Календарь на 1905 годъ. Изд. экспедиціи заготовл. госуд. бумагъ. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Польза, Календарь и записная книжка для всѣхъ на 1905 годъ. Спб. 1905. Ц. съ пер. 20 к., 40 к., 45 к., 50 к., 70 к. и 75 к.

Русскій карманный календарь для всѣхъ на 1905. Ц. 15 к.

Флеровъ, А. Е. Указатель книгъ для дѣтскаго чтенія (въ возрастъ 7—14 лѣтъ). Опытъ критическаго обзора дѣтскихъ книгъ и систематическаго расположенія ихъ концентрами, прилѣнительно къ расположенію учебнаго матеріала, проходимаго на урокахъ объяснительнаго чтенія въ начальной школѣ. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Юридическій календарь на 1905 годъ, М. Острогорскаго. Спб. 1905 г. Ц. за обѣ части 1 р. 10 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, МОСКВА, ХАРЬКОВЪ, ОДЕССА, САРАТОВЪ
И РОСТОВЪ-НА-ДОНУ)

ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

**ИСТОРИЧЕСКІЕ
ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ**

С. Н. ШУБИНСКАГО.

Четвертое изданіе, дополненное и исправленное,
съ 80 портретами и иллюстраціями.

— съ —

Настоящее четвертое изданіе историческихъ очерковъ и разсказовъ С. Н. Шубинскаго существенно отличается отъ первыхъ трехъ (первое изданіе напечатано въ 1869 году, второе въ 1871 году и третье въ 1893 году). Въ него включены двѣнадцать новыхъ статей, а прежнія тщательно пересмотрѣны. Кромѣ того, число портретовъ и рисунковъ увеличено до 80 (вмѣсто 56 третьяго изданія); всѣ они воспроизведены, болышею частью, съ рѣдкихъ оригиналовъ.

Книга заключаетъ въ себѣ 570 страницъ убористаго шрифта; кромѣ того, къ ней приложенъ „Указатель личныхъ именъ“.

Цена 3 рубля 50 коп.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году. — Петръ Великій въ Деитфоргѣ. — Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика. — Вънѣшнѣе хирургъ. — Императорскій титулъ. — Первые балы въ Россіи. — Лѣтній садъ и лѣтній петербургскій увеселенія при Петрѣ Великомъ. — Свадьба карликовъ. — Московскій маскарадъ 1722 года. — Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. — Первый петербургскій генералъ-полицеймейстеръ. — Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны. — Березовскіе сѣльные. — Дочь Бирона. — Убіеніе Синклера. — Холмогорская старина. — Императрица Екатерина II и ея два статъ-секретари. — Исторія мѣднаго вѣдника. — Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто. — Столѣтіе кончины князя Г. А. Потемнина-Таврическаго. — Графъ К. Г. Разумовскій. — Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія. — Русскій чуждакъ XVIII столѣтія. — Вельможа Екатерининскаго времени. — Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ. — Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія. — Жена Суворова. — Пѣвица Габриелли. — Аристократка Александровскаго времени. — Молодость графа Аракчеева. — Сынъ Аракчеева. — Подпоручикъ Федосѣевъ. — Семейное преданіе. — Забытый филантропъ. — Послѣдній графъ Головкинъ. — Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ. — Дуэль Новосильцева съ Черповымъ. — Кирьянова, дача княгини Дашковой. — Александрова, дача. — Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году. — Мнимое завѣщаніе Петра Великаго. — Кладбищенская литература.

При каждомъ № „НИВЫ“, независимо отъ другихъ приложений, подписчики получаютъ по одной книгѣ, а новые подписчики, высылающіе также (за 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.) первыя 20 книгъ Шеллера-Михайлова за 1904 г., получить ихъ при первомъ № „Нивы“ 1905 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1905 ГОДЪ

(36-й годъ изданія)

на еженедѣльн. иллюстрирован.

ЖУРНАЛЪ

со многими приложениями

НИВА

СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ академ. **Н. С. Самокишъ**,
НА ТЕАТРЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ: художн. **В. А. Табуричъ**,
фотографъ **В. Н. Булла**.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе 1905 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года до 2000 столбцовъ текста и 1200 гравюръ, рисунковъ и художественныхъ снимковъ.

40 КНИГЪ „Сборника Нивы“ (каждая отъ 10—15 листовъ, а въ общемъ около 8.000 страницъ), отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ, на хорошо глазированной бумагѣ и содержащихъ:

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ПЕРВЫЯ 10 КНИГЪ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

(„Губернскіе очерки“, „Помпадуръ и помпадурши“, „Господа Головлевы“ и друг.).
Съ портретомъ автора и „Материалами для біографіи“, **Н. К. Арсеньева**.

(Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. **21 руб.**.)

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ОСТАЛЬНЫЯ 30 КНИГЪ А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА

Подъ редакціею и со вступительною статьею **А. М. Снабичевского**.

(Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. **27 руб.**.)

12 КНИГЪ „Ежемесячныхъ литературныхъ и популярно-научныхъ Приложений“, содержащихъ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ и отдѣлы бібліографіи, смѣси, шахматовъ и шашекъ, задачъ и разн. игръ. До 2000 столбц. текста съ рисунк.

12 №№ „Паринскихъ Модъ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовыми ящичкомъ для отвѣтовъ на разнообразныя вопросы подписчиковъ.

12 ЛИСТОВЪ рисунковъ (около 300) для рукодѣльных, выпильныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

1 „ОТЪВННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1905 годъ, отпечатанный въ 10 красокъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложениями на годъ:

въ **С.-Пе-** безъ доставки — **6 р. 50 к.**
тербургѣ: съ доставкой — **7 р. 50 к.**
Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печниковой — **7 р. 25 к.**; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образование“ — **7 р. 50 к.**

Съ пересылкою во всѣ мѣста **8** р.
Россіи
За границу — **12 р.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕНА ВЪ 2, 3 И 4 СРОКА.

Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ 1905 г. со всѣми ея приложениями, еще **ПЕРВЫЯ 20 книгъ А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА за 1904 г.**, доплачиваютъ одновременно при подпискѣ: безъ доставки въ С.-Петербургѣ — **2 р. 50 к.**, безъ дост. въ Москвѣ и Одессѣ **2 р. 75 коп.**; съ дост. въ СПб. и съ пересылкой иногороднымъ и за границу — **3 руб.**

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается **бесплатно**.

Адресъ: **С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Тоголя, № 22.**

НОВЫЯ КНИГИ А. В. КРУГЛОВА:

- Веселія похороны. Романъ. Ц. 1 р.
 Стихотворенія. Изд. 2-е. Съ портр. автора. Ц. 1 р. 50 к.
 Господа-крестьяне. Очерки и рассказы. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
 Старь и новь. Повѣсти и рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
 Немудренное счастье. Романъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
 Кто виновникъ убыли женской души. Этюдъ. Ц. 20 к.
 Свои—чужіе. Романъ. Ц. 1 р.
 Вчера и сегодня. Повѣсти и рассказы. Ц. 1 р.
 Иногороднихъ просятъ обращаться: Москва, кн. магазины: А. С. Суворина, Карбасникова, Клюкина и Вольфа.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на

„ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ БИБЛИОТЕКУ НВЫ“ на 1905-й годъ,

ВЪ СОСТАВЪ КОТОРОЙ ВОЙДЕТЬ НОВЫМЪ ИЗДАНИЕМЪ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

проф. ОСКАРА ІЕГЕРА

въ 12-ти ежемѣсячныхъ выпускахъ, которые составятъ 4 большихъ тома, заключающ. въ себѣ около 2.600 стр. текста большого 8°, около 1000 художественно-исполненныхъ гравюръ, 80 отдѣльн. приложений, отпечат. золотомъ, серебромъ, черною и цвѣтными красками, и около 40 историч. картъ и плановъ. Первые 3 тома—въ переводѣ и съ дополненіями (по русской исторіи) П. Н. Полевого—вновь пересмотрѣны и исправлены Л. З. Слонимскимъ по послѣднему нѣмецкому изданію, а 4-й томъ—въ новомъ переводѣ подъ редакц. и съ дополн. Л. З. Слонимскаго. — Изложение событій доведено до 1905 г., со включеніемъ иллюстрирован. очерка русско-японской войны.

„Всеобщая исторія“ проф. Оскара Іегера представляетъ собою трудъ, замѣчательный по своимъ научнымъ достоинствамъ и еще болѣе по чрезвычайно умѣлому изложенію историческаго матеріала, которымъ авторъ владѣетъ въ совершенствѣ, а потому и передаетъ его въ удивительно простой, ясной и доступной формѣ. Важнымъ преимуществомъ этого прекраснаго труда слѣдуетъ, конечно, считать строго критическое отношеніе проф. Іегера къ историческому матеріалу, но авторъ не упускаетъ изъ виду и другихъ весьма важныхъ сторонъ: онъ постоянно выдвигаетъ на первый планъ то, что естественно должно болѣе интересоваться, болѣе привлекать вниманіе образованнаго человѣка, не утомлять читателя

сухимъ сопоставленіемъ историческихъ фактовъ, а предлагаетъ ему рядъ картинъ, вѣрно и живо изображающихъ возникновеніе, возрастаніе и гибель государствъ, возвышеніе, процвѣтаніе и паденіе народовъ.

Одно изъ важныхъ достоинствъ труда О. Іегера составляетъ чрезвычайное обиліе строго согласованныхъ съ текстомъ иллюстрацій, воспроизведенныхъ по памятникамъ и живописующихъ эпоху, къ которой онъ относится.

„Всеобщая исторія“ въ 1-мъ изданіи, нынѣ совершенно распроданномъ, была: 1) допущ. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. въ ученич. средн. и старш. возраст. библиотекн средне-учебн. завед.; 2) рассмотр. Военно-Учен. Комит. и о выходѣ ея объявлено въ цирк. Главн. Штаба 17 окт. 1896 г. № 284.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на все изданіе въ 12 выпуск., по одному въ мѣсяцъ:

Безъ доставки: въ С.-Петербургѣ—12 р. Съ дост. въ СПб. и съ перес. во все мѣста Россіи — 14 р. За границу — 16 руб.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА ВЪ 2, 3, 4 И 6 СРОКОВЪ.

Для ознакомленія съ изданіемъ, ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ ПРОДАЕТСЯ ОТДѢЛЬНО и высылается иногороднимъ за ОДИНЪ РУБЛЬ (можно ПОЧТОВЫМИ МАРКАМИ). Подробное иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается БЕЗПЛАТНО.

Адресъ: въ Контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 г.

1) ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

„СВѢТЛЯЧОКЪ“

ГОДЪ ИЗДАНИЯ IV-й.

О. О. У. К. М. Н. П. допущенъ къ выпискѣ по предварит. подпискѣ въ городск. учил., дѣтск. сады и приюты, въ безпл. народн. читальни и библиот. и для публ. народн. чтеній и въ средн. учебн. завед. Удостоенъ на выставкѣ „Дѣтскій Миръ“ серебряной медали.

24 книжки журнала.

26 ПРЕМИЙ: игры, занятія, работы, лото, кубики, калькомани и проч.

Въ числѣ премій будутъ даны:

1 ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ съ текстомъ и рис.

1 листъ «Крестьянское хозяйство».

2 новыя оригинальныя игры.

1 альбомъ „Какъ учиться рисовать“.

1 театр „Петрушка“, съ подвижными фигурами. При немъ описание устройства и 4 пьески.

1 ОПЕРА „Грибной перелолохъ“

1 книжка „Петя-Пѣтушокъ“. Русскія нар. сказки.

1 книжка „Нума-Лиса“. Русскія народныя сказки.

6 рисунковъ въ краскахъ.

6 листовъ „Самодѣльныя игрушки“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На **1** ГОДЪ съ перес. . . **3** р. — к. || На $\frac{1}{2}$ ГОДА съ перес. **1** р. **50** к.

На **1** ГОДЪ безъ перес. . . **2** „ **50** „ || На **1** ГОДЪ за границу **6** „ — „

Редакторы-издатели **И. В. Лидертъ**, **А. А. Федоровъ-Давыдовъ**.

2) ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА

„ПУТЕВОДНЫЙ ОГОНЕКЪ“

ГОДЪ ИЗДАНИЯ II-й.

Ос. Отд. Уч. Ком. Мян. Нар. Пр. РАЗРЪШЕНЪ къ выпискѣ по предварительной подпискѣ въ безплатн. народн. библиот., въ низшия и среднія учебныя заведения.

24 тетради иллюстрированнаго журнала

24 ПРЕМИЙ: игры, занятія, работы, въ составъ которыхъ войдутъ:

12 выпусковъ „КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ“. изданія съ иллюстр. Г. ДОРЭ.

1 ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ съ текстомъ и рисунками.

1 СИНЕМАТОГРАФЪ — панорама движущихся фигуръ, полное устройство его и **6** полюсъ движущихся фигуръ.

6 премій игръ работъ, занятій.

1 сборникъ театральныхъ пьесъ.

2 листа „МЕХАНИЧЕСКІЯ ИГРУШКИ“, и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На **1** ГОДЪ съ перес. . . **3** р. — к. || На $\frac{1}{2}$ ГОДА съ перес. **1** р. **50** к.

На **1** ГОДЪ безъ перес. . . **2** „ **50** „ || На **1** ГОДЪ за границу **6** „ — „

3) НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ РАБОТЪ и РАЗВЛЕЧЕНІЙ

„ДѢЛО и ПОТѢХА“

Материалъ приспособленъ для младшаго и средняго возрастовъ.

ПРОГРАММА:

1. Ручной трудъ, работы, занятія, ремесла.
2. Кустарный промыселъ, описание быта и производствъ.
3. Работы и занятія, очерки по садоводству, огородничеству, и проч.
4. Естественно-историческіе очерки и рассказы.
5. Открытія и изобрѣтенія.
6. Жизнь человека.
7. Совѣты и свѣдѣнія.
8. Подвижныя игры.
9. Шарады, загадки, шутки и проч.
10. Рассказы, сказки, пьесы.

12 №№ ЖУРНАЛА съ рисунками.

15 БЕСПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ.

Подписная цѣна: при подпискѣ въ конторѣ журн., въ кн. маг. **И. Лидертъ** и въ конторѣ **И. Печниковой**, Москва, на **1** ГОДЪ съ доставкой и пересылкой

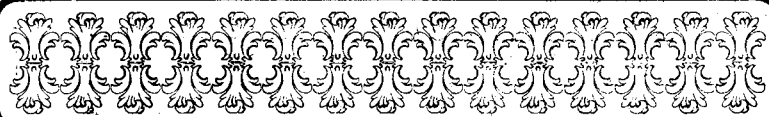
ОДИНЪ РУБЛЬ.

Во всѣхъ же остальныхъ мѣстахъ—**1** р. **20** к.

За границу **2** руб.

Редакторъ-издатель **А. А. Федоровъ-Давыдовъ**

Редакция и контора журналовъ: Москва, М. Дмитровка, д. № 6. Отдѣленіе конторы: Кн. маг. **И. В. Лидертъ**, Москва, Петровскія Линіи.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“
въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ
и въ Ростовѣ на Дону

вышелъ и раздается гг. подписчикамъ

ТРЕТІЙ ТОМЪ ВТОРОГО ИЗДАНІЯ

сочиненія Н. К. ШИЛЬДЕРА

Императоръ Александръ I,

ЕГО ЖИЗНЬ и ЦАРСТВОВАНИЕ.

(Изданіе А. С. Суворина).

Второе изданіе представляетъ собою точное повтореніе перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній и дополненій, печатается столь же роскошно и поступитъ въ продажу по той же цѣнѣ **30 рублей за четыре большихъ тома** съ 450 портретами, иллюстраціями и автографами.

Четвертый томъ выйдетъ въ январѣ.

Для удобства гг. подписчиковъ взносъ платы можетъ быть разсроченъ на слѣдующіе сроки: при полученіи перваго тома **пятнадцать рублей**, — втораго тома **пять рублей**, — третьяго тома **пять рублей** и четвертаго тома **пять рублей**. За пересылку взимается по разстоянію.

Дозволено цензурою 22-го декабря 1904 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕТЕВЪ ПЕР. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.
ФЕВРАЛЬ, 1905 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1905 г.

	СТРАН.
I. Смертный грѣхъ. Повѣсть. X—XVI. (Продолженіе). Графа Е. А. Салиаса	387
II. Изъ прошлаго. Глава первая. VIII—XII. (Продолженіе). Н. Н. Гидича	417
III. Генеральша. Изъ разсказовъ прабабушки. Е. И. Зариной	438
IV. Воспоминанія о Н. А. Некрасовѣ. Гавр. Н. Потанина	458
V. Двѣ встрѣчи съ графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ. А. И. Фаресова	490
VI. Первые шаги. (Изъ недавняго прошлаго). Князя Б. А. Щетинина	501
VII. Польскіе планы въ 1876—1877 годахъ. (Страничка изъ исторіи польско-русскихъ отношеній). В. П. Батурина	515
VIII. Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи Николая I). Гл. III. (Продолженіе). Н. Н. Фалѣева	528
IX. Исканіе вождя Михаила. Н. П. Ювачева	556
X. Убѣжище имени Пушкина для литераторовъ въ Одессѣ. С. С. Окрейца	563
XI. Литературная дѣятельность Д. Л. Мордовцева. (По поводу ея пятидесятилѣтія). Б. В. Глинскаго	579
иллюстраціи: 1) Даниль Лукичъ Мордовцевъ въ 1885 году.—2) Даниль Лукичъ Мордовцевъ въ 1896 году.	
XII. Три письма А. П. Чехова	609
XIII. Артиллерійскій взрывъ въ 1843 году. (Архивная замѣтка). Михаила Соколовскаго	613
XIV. Сорокалѣтіе судебной реформы. В. А. Тимирязева	616
XV. По Днѣстру на лодкѣ. V—X. (Окончаніе). Д. А. Пахомова	625
иллюстраціи: 1) Наша лодка. — 2) Пастухъ. — 3) На берегу Днѣстра. — 4) Церковь въ Лядовѣ.—5) Набережная въ Могилевѣ.—6) Развалины Генеуэской вѣрности въ Сорокахъ. — 7) Родникъ св. Ниволы въ Жабкинскомъ монастырѣ.	
XVI. Иностранцы о Россіи. В. Ш.	657
XVII. Критика и библиографія	684

1) А. Г. Тимофеевъ. Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ. Спб. 1904. проф. В. Латина. — 2) Н. А. Некрасовъ, А. Н. Пыпина. Съ тремя портретами. Спб. 1905. Александра Сло.—3) Литературный сборникъ къ столѣтію Императорскаго Казанскаго университета. Былое изъ университетской жизни. Казань. 1904. А. Ев — хова. — 4) К. Я. Гротъ. Къ биографіи, твореніямъ и перепискѣ И. И. Козлова. Спб. 1904. А. Я. — 5) Записки состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ его императорскаго высочества, великаго князя Александра Михайловича, общества изученія Амурскаго края (Владивостокскаго отдѣленія Примурскаго отдѣла императорскаго Русскаго географическаго общества). Томъ IX, вып. I и II. Владивостокъ. 1904. Отчетъ того же общества за 1903 годъ. Владивостокъ. 1904. Я. Ав—ва.— 6) Проф. М. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. Спб. 1904. А. Я.—7) Иванъ Франко. Збирникъ творивъ. 2 тома. Кіевъ. 1904. А. и. Яцимирскаго. — 8) Вторая поправка родословія Шереметевыхъ. Дмитрія Кобево. Спб. 1904. А. х—о.—9) Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ профес-

(См. слѣд. стран.).

ссра К. Вермана, директора дрезденской галереи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. И. Сомова, старшаго хранителя Императорскаго Эрмитажа. Томъ первый. Спб. 1904. А. Я.—10) А. Е. Алекторовъ. Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ. Казань. 1900. А. В. С.—11) «Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ, 1904 годъ», книга четвертая. М. 1904. М. И.—12) А. В. Кругловъ. Веселыя похороны. Романъ. 1905. М. И. М.—13) Записки общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ Варшавскомъ университетѣ. Выпускъ 3. Варшава. 1904. М. И.—14) С. Васюковъ. Крымъ и горные татары. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1905. М. Р. М.—15) Полицейское право. Конспектъ лекцій Н. Н. Вѣдявскаго, профессора Юрьевскаго университета. Юрьевъ. 1904. г.—16) Львовское ставропигіальное братство. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія (съ тремя рисунками) А. Крыловскаго. Кіевъ. 1904. А. И. Яцимирскаго.—17) На вѣчну пам'ять Котляревському. Литературный збірникъ. Кіевъ. 1904. А. И. Яцимирскаго.—18) В. Вузецкулъ, проф. Введеніе въ исторію Греціи. Лекціи. Харьковъ. 1904. П.—19) Семитическіе языки и народы. Теодора Нельдеке. Труды по востоковѣдѣнію, издаваемые Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ. Выпускъ. V. М. 1903. А. Хаханова.—20) Alexander Kraushar. Towarzystwo Królewskie przyjaciel nauk. Tom VI. Czterolecie przedostatnie (1824 — 1828). Warszawa. 1904. Г. А. Воробьева.—21) Dr. med. G. Otto. Die effentlichen Schulön Kurlands zu herzoglicher Zeit 1567—1806. Митава. 1904. А. Э. Мальмгрена.—22) А. Е. Крымскій. Филологія и Погодинская гипотеза. Кіевъ. 1904. Я. Ав—ва.—23) Старина и Новизна. Книга VIII. М. 1904. А. Б.—24) Г. В. Юлосъ. Письма изъ Верлина. Спб. 1904. в.—25) Изслѣдованіе о 1001 ночи, ея составѣ, возникновеніи и развитіи. І. Эструпа. Переводъ съ датскаго Т. Ланге, со вступительнымъ историко-литературнымъ очеркомъ А. Крымскаго, въ переводѣ съ малорусскаго, съ дополненіями автора. М. 1905. А. И. Яцимирскаго.—26) S. Askenazy. «Książę Józef Poniatowski. 1763—1813». Warszawa. Gebethner i Wolff. 1904. Г. А. Воробьева.

XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи 723

1) Сокровища, найденныя и еще не разысканныя въ Тибрѣ.—2) Христина Нортумберландская.—3) Духослѣвіе «тетки Фоссъ».—4) Несчастія аристократки XVIII вѣка.—5) Опшанская старостиха.—6) Новые матеріалы о Руссо.—7) Мемуары Вамбери.—8) Смерть г-жи Луба, графини Воленкуръ, Мелани Кальва и Нормана Макколя.—9) Новости польской исторической литературы.

XIX. Смѣсь 751

1) Памятникъ первопечатнику Ивану Федорову.—2) Диспутъ Б. А. Панченка.—3) Общество любителей естествознанія.—4) Пензенская архивная коммисія.—5) Библиологическое общество.—6) Заглохшая коммисія.

XX. Некрологи 761

1) Аверкіевъ, Д. В.—2) Анановъ, С. І.—3) Курдюмовъ, В. И.—4) Линбергъ, А. Л.—5) Некрасова, Е. С.—6) Обнинскій, П. Н.—7) Павловъ, И. В.—8) Раппъ, Е. К.—9) Трубниковъ, К. В.

XXI. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Портретъ Николая Алексѣевича Некрасова.—2) Мейерлингъ. Историческій разсказъ. Адольфа Адерера. (Переводъ съ французскаго).

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1905 году
(двѣдцать шестой годъ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1905 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать пять лѣтъ (1880—1904).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЪЕВИЧЪ НЕКРАСОВЪ.

доз. ценз. 26 января 1905 г. спб.

СМЕРТНЫЙ ГРѢХЪ ¹⁾.

Повѣсть.

Х.

ВРЕЖНИЙ пухлый и толстощекій младенецъ, отрокъ, затѣмъ недоросль Алешенька, сталъ добродушный, лѣнивый толстякъ и здоровякъ Алексѣй Андреевичъ. Но насколько былъ онъ медлителенъ, будто непоротливъ тѣлесно, настолько же былъ кипучъ внутренно. Про него выражались «горячка».

Но горячъ Ларинъ былъ исключительно только въ одномъ: въ упрямствѣ при исполненіи своихъ желаній и прихотей. Помѣха, препятствіе въ чемъ либо имѣло на него особое дѣйствіе, будто сразу будило отъ душевной дремоты.

Впрочемъ онъ былъ по природѣ вспыльчивъ, при чемъ пылилъ рѣдко, но мѣтко. Пылу не было границъ.

Очевидно воспитаніе сказывалось и прихотями, и упрямствомъ, и пыломъ безъ удержу.

Судьба въ дѣтствѣ все дала ему. Оно прошло ясное, теплое, почти сказочное. Подъ крыломъ или покровомъ доброй и обожающей его матери онъ былъ по увѣренію и убѣжденію окружающихъ въ исключительномъ положеніи.

— Валуютъ дѣтей, но не этакъ! Обожаютъ дѣтей, но не этакъ! — говорили и заявляли господа Лариной и друзья и знакомые. Это была истинная правда. Екатерина Семеновна не только любила

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІХ, стр. 7.

своего Алешу, а жила имъ, буквально жила не своей, а его жизнью. Если онъ прыгалъ по залѣ верхомъ на палочкѣ или пускалъ змѣй и былъ минутами совершенно счастливъ, то и мать его чувствовала себя неизмѣримо счастливой.

Просыпаясь, прійдя въ сознаніе, засыпая и теряя сознаніе окружающаго, Ларина думала о сынѣ, первая и послѣдняя мысль Лариной былъ Алеша.

Однажды Алеша заболѣлъ. У него приключилась корь. Недѣлю пролежалъ онъ въ жару, три дня бредилъ, а затѣмъ еще двѣ недѣли пролежалъ въ постели, хотя могъ бы и подняться. За все время болѣзни ребенка Екатерина Семеновна не спала, не ѣла и только пила жидкій кофе.

— Въ горло ничто не идетъ,—объясняла она.

Алеша, конечно, быстро не только оправился отъ простой болѣзни, но сталъ даже, повидимому, еще бодрѣе и здоровѣе, а мать «свалилась» и заболѣла единственно отъ пережитыхъ тревоженій.

Андрей Петровичъ относился всегда къ сыну холодно и равнодушно, но въ дѣлѣ баловства матери не перечилъ и даже не находилъ въ этомъ предметѣ шутокъ или насмѣшекъ. Надъ многими и многими любилъ онъ вѣчно трунить и поддучивать. Обожанія жены къ сыну онъ не трогалъ.

— Только у нея это и есть, — говорилъ онъ самъ себѣ въ оправданіе всякихъ крайностей въ воспитаніи ребенка.

И когда что либо, касающееся до Алеши, зависѣло прямо отъ него, Ларинъ спѣшилъ исполнить не только желаніе, но и прихоть жены.

Когда Алеша захотѣлъ имѣть «настоящую», живую лошадку, полюбивъ ѣздить верхомъ, — въ трехъ намѣстничествахъ искали красивую лошадку, непременно крошечную и непременно бѣленькую. И съ трудомъ нашли ее наконецъ во вновь присоединенныхъ къ государству земляхъ, въ Минской губерніи. И вся жизнь Алексѣя слагалась и сложилась такъ, что онъ привыкъ имѣть все, чего хотѣлъ, и немедленно, какъ даръ жаръ-птицы или какъ «по щучьему велѣнью, моему прошенью»...

Будучи двадцати лѣтъ, молодой человекъ, избалованный воспитаніемъ, но не испорченный, вдругъ остался одинокъ...

Въ одинъ годъ онъ потерялъ и отца и мать и даже на разстояніи двухъ мѣсяцевъ.

Мать была больна уже года два и уже три мѣсяца не покидала постели, страшно кашляя и задыхаясь. Всѣ знали, что она не встанетъ, и ждали конца.

Андрей Петровичъ, здоровякъ, никогда въ жизни не хворавшій и увѣрявшій, что болѣзней на свѣтѣ нѣтъ, что люди сами выдумываютъ ихъ и «представляются» больными отъ праздности или отъ баловства, вдругъ однажды въ началѣ весны, съѣздивъ въ

Одоевъ, слегъ въ постель и, пролежавъ съ недѣлю, скончался. Оказалось сильнѣйшее воспаленіе легкихъ, выразившееся особенно бурно у могучаго, никогда не болѣвшаго здоровяка.

Всѣ были поражены этой смертью...

Смерть Ларина подѣйствовала на его жену какъ-то странно. Она отнеслась къ событію почти равнодушно.

— Законъ,—заявила она однажды.—Законъ! Вотъ и я скоро. И Алеша останется одинъ, настоящій хозяинъ. Все Богъ.

Словъ этихъ никто вполнѣ не понялъ. Андрей Петровичъ былъ еще сравнительно слишкомъ молодъ и слишкомъ могучъ тѣломъ и духомъ, чтобы такъ вдругъ умереть. Законнаго тутъ ничего было, а скорѣе несчастная случайность.

Черезъ мѣсяца два послѣ похоронъ Ларина хоронили и его вдову.

Молодой Алексѣй Андреевичъ остался одинъ, такъ какъ жившій въ домѣ дядя Алексѣй Петровичъ вмѣстѣ съ своей замужней дочерью, ея мужемъ и ребенкомъ немедленно уѣхалъ, говоря, что не приличествуетъ жить на иждивеніи, будто «на хлѣбахъ», у юнаго племянника.

И у молодого человѣка въ домѣ, въ усадьбѣ, въ родномъ гнѣздѣ стало, повидимому, пусто, будто уныло.

Однако оказалось тотчасъ нѣчто, наполнившее образовавшуюся пустоту.

Въ домѣ, вѣрнѣе во флигелѣ дома, жили молодые люди, почти ровесники Алексѣя, братъ съ сестрой. Это были его друзья съ первыхъ лѣтъ жизни, почти тоже, какъ братъ и сестра. Онъ привыкъ къ нимъ съ тѣхъ поръ, что себя помнилъ. И даже болѣе... Онъ помнилъ курточку съ галуномъ на Андрюшѣ, которой позабывалъ, и «чулокъ съ блестящими спицами» въ рукахъ очень красивой женщины, сидящей около кровати совсѣмъ маленькой дѣвочки. А между тѣмъ за это же время онъ не помнилъ, не зналъ еще своей кровати и своей матери, онъ еще не зналъ себя.

Андрюша и Марьяша Пашины были всегда участниками его игръ и его затѣй. И зиму и лѣто они были около него. Мальчика, года на два старше его, Алеша любилъ, хотя, конечно, разъ десять въ день съ нимъ ссорился и дрался и мирился. Дѣвочку, на шесть лѣтъ моложе, которая стала съ нимъ играть только, когда ему было уже лѣтъ двѣнадцать, Алеша сначала любилъ столько же, сколько и ея брата, но постепенно сталъ любить все сильнѣе. Въ 15 и 16 лѣтъ, несмотря на насмѣшки дворовыхъ, что молодой баринъ «срамно возжается съ дѣвченкой», что она ему не товарищъ, ему подъ пару только мальчики, Алеша отъ зари до зари проводилъ время съ десятилѣтней Маряшей и обращался съ ней такъ странно, въ смыслѣ ласки, что въ домѣ шутили:

— Чисто, поглядѣть, папенька съ дочкой.

Главной отличительной чертой этой дружбы была покровительственная нѣжность отрока, уже сильнаго и развитаго физически, къ худенькой и на видъ хрупкой дѣвчкѣ.

Пришло время, и Алеша, конечно, задалъ себѣ вопросъ:

— Да кто же такіе—эти близкіе ему Андрюша и Маряша? Отца у нихъ нѣтъ. Мать живетъ будто родственницей ихъ.

И онъ задалъ этотъ вопросъ матери, будучи уже лѣтъ десяти.

— Они...—отвѣтила Екатерина Семеновна:—Андрюша—хорошій, добрый мальчикъ, который тебя любитъ. Маряша—милая и добренькая дѣвочка...

Лѣтъ въ шестнадцать онъ задалъ матери твердый и упрямый вопросъ, требовавшій неукоснительнаго отвѣта, прямого и точнаго.

— Кто такіе Андрюша и Маряша? Родня?..

— Нѣтъ,—отвѣтила мать.

— Дворовые наши, крѣпостные?

— Да...—отвѣтила мать, а въ голосѣ ея слышалась Алешѣ ложь.

— А гдѣ же ихъ отецъ? Давно что ли померъ?

— Да...—отвѣтила женщина. И опять сквозила ложь.

— А зачѣмъ ихъ мать, Павла Тимошеевна, такъ живетъ?.. Ничего не дѣлаетъ, какъ барыня. И они тоже, какъ я, живутъ, по-барски. Андрюша не прислуживаетъ въ домѣ, Маряша же въ горничныхъ дѣвчонкахъ не состоитъ. И одѣты они по-нашему, по-господски.

— Такъ угодно твоему батюшкѣ. Его воля,—отвѣтила мать.— Не твое это дѣло объ этомъ размышлять.

XI.

Конечно, Андрюша и Маряша были не чужіе Ларинымъ.

Въ тѣ дни, когда покойный Андрей Петровичъ, отецъ Алексѣя, былъ самъ двадцатилѣтній молодой барчукъ, въ его жизни случилось нѣчто, повліявшее немало на всю послѣдующую судьбу. Дѣло было простое, совсѣмъ простое. Не было усадьбы дворянской, гдѣ бы не приключилось то же самое. Но въ другихъ семьяхъ дворянскихъ простое дѣло и кончалось просто... У Андрея Петровича оно окончилось непросто.

Молодой Андрей Ларинъ жилъ въ Ларинскомъ одиноко и нѣсколько уныло. Отецъ Петръ Петровичъ былъ постоянно въ отсутствіи въ губернскомъ городѣ, а иногда и въ Москвѣ. Его тянула въ городъ его страсть, или, вѣрнѣе, его порокъ. Не любовь къ обществу, къ увеселеніямъ и вообще къ городской жизни притягивали его, а пристрастье къ картамъ, къ азартной игрѣ. Онъ настолько не могъ жить безъ этого, что однажды, заболѣвъ въ

Ларинскомъ, принужденный двѣ недѣли лежать въ постели, онъ на третій же день призвалъ молодого лакея Крониду Волкова, выучилъ его игрѣ «фараонъ» и заставилъ играть съ собой всякій вечеръ до полуночи. Онъ далъ Крониду денегъ, подарилъ и приказалъ играть, стараясь не проигрывать. Кронидъ, малый смѣтливый, невѣдомо почему, быстро понялъ игру и страшно выигрывалъ всякій день. Баринъ сердился, волновался и отчаянно ругался, но, отпуская обыгравшаго его ученика и крѣпостного, добродушно улыбался, довольный проведеннымъ вечеромъ.

— Молодецъ. Но погоди вотъ. Я тебя все-таки завтра обыграю такъ, что безъ штановъ выпуцу отсюда.

Андрей Петровичъ, тогдашній юный Андрюша, короталъ дни одинъ одинехонекъ въ большомъ домѣ и, конечно, скучалъ особенно по вечерамъ. Двое дворовыхъ лакея его лѣтъ были единственными его собесѣдниками.

Однажды приключилось въ усадьбѣ нѣчто печальное.

Баринъ Петръ Петровичъ купилъ, какъ онъ говорилъ, но собственно выигралъ въ карты тройку лошадей. Тройка оказалась удивительная, какой не видали еще въ округѣ. Не даромъ проигралъ ее Ларину петербургскій офицеръ, богачъ, модникъ и любитель коней.

Тройка явилась въ Ларинское и была поручена главному кучеру Тимоѣю, сорокалѣтнему богатырю, славившемуся даже въ Тулѣ умѣньемъ объѣзжать лошадей. Съ новой тройкой Тимоѣю пришлось, однако, хлопотать долго. Казалось, что три коня рослые, молодые, сильные, «благіе», никогда въ упряжкѣ и не бывали.

Черезъ мѣсяцъ въ отсутствіе барина крестьяне нашли въ полѣ разбитый вдребезги тарантасъ и убитую лошадь. Неподалеку они нашли мертвого Тимоѣя съ раздробленной головой и сломанной ногой. Черезъ два дня отыскались еще два коня, но израненные.

Вернувшійся домой изъ города баринъ ахнулъ и пожалѣлъ не столько кучера, сколько рѣдкихъ коней.

Однако черезъ день, когда пришли доложить, что у Тимоѣя осталась дочка, круглая сирота, по имени Павла, и спросили: «что прикажете насчетъ этой Пашки?»—баринъ приказалъ взять ее въ домъ и опредѣлить въ услуги къ ключницѣ Еремѣевнѣ.

— Онъ это заслужилъ. Все-таки померъ, стараясь для барина,— рѣшилъ баринъ.

Молодая 17-ти-лѣтняя Пашка сразу попала изъ конюшенъ въ барскій домъ, да вдобавокъ стала выше всѣхъ дѣвушекъ и горничныхъ и сѣнныхъ, такъ какъ послѣ Еремѣевны стала второй смотрительницей за вареньями, печеньями и всякими запасами.

Черезъ нѣсколько дней, когда Петръ Петровичъ былъ опять въ отсутствіи въ Тулѣ и игралъ въ карты, уныло бродящій по боль-

шому дому 19-ти-лѣтній Андрей Петровичъ повстрѣчалъ въ коридорѣ дѣвушку.

Повстрѣчалъ, остановился и ротъ разинулъ.

Отчего? Онъ самъ не зналъ.

Однако, пропустивъ ее мимо себя, онъ пошелъ въ свою комнату и сталъ думать, сталъ соображать.

— Пригожа!—рѣшилъ онъ наконецъ.—Ну, такъ что же?—спросилъ онъ себя и отвѣчалъ:—ничего.

Однако онъ тотчасъ же вышелъ снова въ переднюю и, найдя въ ней двухъ дворецкихъ, спросилъ:

— Кто это тутъ ходитъ? Невѣдомая дѣвка. Сейчасъ мнѣ встрѣнулась.

— Это Тимоѣева дочка,—отвѣчали ему:—которой баринъ приказалъ состоять при Еремѣевнѣ.

Черезъ день молодой Андрей уже встрѣтилъ дѣвушку въ саду. Потому встрѣтилъ, что два битыхъ часа сторожилъ, когда она пойдетъ изъ дома къ пруду.

Черезъ недѣлю, въ темную ночь Андрей и сирота Паша встрѣтились въ самомъ глухомъ краю сада.

Молодой баринъ говорилъ дворовой дѣвушкѣ, что безъ ума, безъ памяти отъ нея, любить и будетъ любить всю свою жизнь.

Всю жизнь?! Всегда такъ говорится! Однако оказалось, что 19-ти-лѣтній Ларинъ говорилъ сущую правду. Когда ему минуло пятьдесятъ лѣтъ, и былъ онъ уже давно женатъ, имѣлъ сына, онъ любилъ эту Пашу такъ же глубоко и страстно, какъ и въ первый день... если не болѣе, беззавѣтнѣе...

Да и можно было привязаться на всю жизнь.

Дочь убитого лошадами кучера Тимоѣева, 18-ти-лѣтняя Паша, была совсѣмъ не похожа на всѣхъ дѣвушекъ не только въ Ларинскомъ, но и по сосѣдству. Даже, пожалуй, и въ губернскомъ городѣ не нашлось бы такой же. Она была будто не русская ни лицомъ, ни волосами, ни повадкой.

Высокая, стройная, красиво сложенная, она особенно тихо и медленно, какъ говорится, «вальжно» двигалась, будто не могла, не умѣла спѣшить. Когда ей приходилось бѣжать или по дѣлу или въ играхъ дворовыхъ людей въ горѣлки, въ лапту, она бѣжала такъ, какъ если бы ей было пятьдесятъ лѣтъ, съ трудомъ, съ усилениемъ. Бѣгать ей было не только не ловко, но она даже какъ будто стыдилась этого. Неуклюжести не было, а будто что-то спокойное-важное, разлитое во всемъ ея тѣлѣ, было неподходящее, не совмѣстимое съ быстротой передвиженья.

Однажды кто-то замѣтилъ:

— Вотъ тогда на пожарѣ батюшка нашъ, отецъ Елисей, бѣгалъ. Вотъ такъ-то и наша Павла Тимоѣевна бѣгаетъ. Оно ей будто не къ лицу, какъ и священнику.

Волосы Паши были совѣмъ свѣтло-бѣлокурые, золотистаго соломеннаго оттѣнка, при чемъ волосы были настолько густы и длинны, что она ради забавы или по просьбѣ кого либо, распустивъ косы по плечамъ и спинѣ, могла совѣмъ закрыться въ нихъ или закутаться съ головы до пятъ.

Большіе глаза дѣвушки были оттѣнены чрезвычайно густыми рѣсницами, которыя всякій новыи челоѡѡкъ невольно тотчасъ же замѣчалъ.

Кто-то пошутилъ однажды:

— Пашѣ нельзя украдкой подмигнуть комунибудь. Сейчасъ всѣ увидятъ!

Дѣйствительно движеніе вѣкъ ея глазъ, благодаря этимъ рѣсницамъ, было постоянно замѣтно. Вѣроятно, отъ этого именно глаза ея казались особенно красивы. Къ тому же они будто постоянно мѣняли свой цѣтъ: бывали то темно сѣрые, то свѣтло каріе, а иногда вечеромъ казались зеленоватыми. Душевное состояніе Паши отражалось въ ея глазахъ тотчасъ и заставляло ихъ мѣняться цѣтломъ. Происходило это отъ того, что зрачки ея глазъ сильно расширялись и суживались... При возбужденіи, радости ли, испугѣ маленькая по обыкновенію темная точка зрачка расширялась до его краевъ, и сѣрые глаза становились темно зеленоватыми.

Звукъ голоса Паши былъ тоже совѣмъ не похожъ на голоса другихъ женщинъ. Она говорила, какъ на Руси зовется, «бархатнымъ» голосомъ. Правда, что она хорошо пѣла и считалась первой пѣвицей во всей округѣ. Недаромъ Ларинъ заставлялъ ее пѣть при гостяхъ, и когда она пѣла въ гостиной, дворовые сходились въ передней тоже послушать.

XII.

И эта первая любовь Андрея Петровича Ларина стала любовью не только сильнѣйшей, но единственной привязанностью всей его жизни.

Обоихъ дѣтей Паши онъ тоже сильно любилъ, объясняя, что обязанъ ихъ больше любить и всячески лелѣять, такъ какъ они обойдены судьбой, лишены главнаго, законнаго положенія, а обречены на заворную жизнь.

— Ни павы, ни вороны. Ни господа, ни крестьяне, а крѣпостные дворяне... не законные... Стало быть, что же? Противозаконно на свѣтъ пришли и противозаконно живутъ! А чѣмъ виноваты? Виноватый—одинъ ихъ отецъ.

Размышляя часто о судьбѣ этихъ дѣтей, Андрей Петровичъ мысленно обвинялъ отца, заставившаго его жениться на нелюбой, даже на «отвратной» дѣвицѣ. И изъ-за чего? Изъ-за денегъ... Вдобавокъ отецъ почти и не воспользовался жертвой, принесенной

ему сыномъ, такъ какъ чрезъ два года послѣ женитьбы онъ былъ уже на томъ свѣтѣ.

А самому ему, какъ затѣмъ ему казалось, и не нужно было богатства, даже не нужно было Ларинскаго. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что былъ бы счастливѣе, если бы женился на Пашѣ и жилъ бѣднякомъ, но съ ней «законной и съ дѣтьми законными».

Сказавъ отцу при обѣщаніи жениться на «парнѣ» Изьядиновой, что онъ никогда ея «супругомъ сущимъ» не будетъ, Андрей Петровичъ сдержалъ свое слово.

Но на это немало повліяло и то, какъ отнеслась къ его браку сама Паша.

Узнавъ о его женитьбѣ, дѣвушка въ полномъ отчаяніи собралась покончить счеты съ жизнью, погрозилась утопиться и исполнила свою угрозу. Ее спасли почти случайно, вѣ-время вытащивъ изъ пруда, въ который она бросилась, не умѣя плавать и выбравъ ночное время.

Молодой Ларинъ поклялся возлюбленной, что хотя и будетъ въ церкви стоять подъ вѣнцомъ съ другой, но эта другая никогда не будетъ для него близкимъ человекомъ ни душевно, ни тѣлесно.

— Будетъ жить въ моемъ домѣ и будетъ называться барыней,— сказалъ онъ.—И больше ничего. А ты что была, то и будешь во вѣки вѣковъ.

Паша съ своей стороны поклялась, что въ случаѣ, если Андрей Петровичъ «перемѣнитъ мысли», станетъ настоящимъ супругомъ своей жены, то она снова будетъ въ пруду, но на этотъ разъ «сумѣетъ взяться похитрѣе».

Впослѣдствіи, когда дѣти ея были уже взрослыми, она объяснила, что въ случаѣ перемѣны въ мысляхъ Ларина она не пойдетъ топиться, а пойдетъ въ монастырь.

Чрезвычайно набожная Паша еще съ юныхъ лѣтъ, со дня ужасной смерти отца, считала, что нѣтъ жизни краше, и пріятнѣе, и счастливѣе, какъ въ пустынѣ на всегдашней молитвѣ.

Конечно, не только въ Ларинскомъ, но и по сосѣдству всѣ знали, кто такіе дворовые люди Андрей и Маремьяна Пашины. Всѣ удивлялись только, что покойный Андрей Петровичъ не отпустилъ на волю, а оставилъ крѣпостными во власти хотя и брата по крови, но все-таки барина и владѣтеля.

— Братъ не отецъ!—говорили всѣ.—Мало-ль что можетъ приключиться? Самъ онъ гнать и утѣснять не станетъ. Съ малолѣтства своего обоихъ любить и даже шибко любить. А если женится, да новая барыня начнетъ ихъ прижимать. Прикажетъ Маряшѣ быть у себя въ услугахъ, и повинуйся. Изъ барышень ступай въ сѣнныя или въ горничныя.

Впрочемъ удивлялись равно и тому, что самъ Алексѣй Андреевичъ не даетъ вольноотпускную Пашинымъ. Ходили слухи, что

покойный баринъ хотѣлъ непременно отпустить на волю своего побочнаго сына и записать въ купцы города Одоева, а дочь выдать замужъ за мелкаго дворянина, давъ ей хорошее приданое. Да не успѣлъ. Думалъ ли онъ, что вдругъ при своемъ желѣзномъ здоровьѣ въ нѣсколько дней болѣзни можетъ очутиться на томъ свѣтѣ?

Увѣряли равно, что, умирая, Андрей Петровичъ самъ подтвердилъ сыну, что Пашины его единокровные, и просилъ его отпустить ихъ тотчасъ на волю, выплативъ десять тысячъ.

Послѣднее увѣреніе было ошибочно, такъ какъ Ларинъ предъ смертью былъ безъ памяти уже дня три.

— А самому нешто въ голову не идетъ? Самъ-то нешто не можетъ додуматься?—говорилъ Волковъ, и дворня повторяла его слова.

Когда Андрюшѣ Пашину намеками или прямо говорили, что онъ долженъ просить у Ларина волю себѣ и сестрѣ, молодой малый отвѣчалъ:

— Зачѣмъ? Намъ и у него хорошо.

— А женится. Новая барыня... Чужой человекъ будетъ.

— Онъ насъ ей въ обиду не дастъ.

— А подберетъ она его подъ себя. Тогда всѣмъ будетъ плохо, а вамъ обоимъ еще горше.

Вообще Андрей избѣгалъ разговоръ объ этомъ вопросѣ, какъ вообще избѣгалъ разговоръ насчетъ своего съ сестрой происхожденія. Онъ при этомъ всегда смущался, какъ если бы чувствовалъ себя безъ вины виноватымъ.

Маряша, съ которой рѣже заводили люди бесѣду объ ея родствѣ съ Алексѣемъ Андреевичемъ, упорно отмалчивалась.

Казалось, это обстоятельство ее тяготитъ.

— Другая бы, на ея мѣстѣ, радовалась да похвалялась, а она, голубушка, будто печалуется, что такъ уродилась,—думалъ и говорилъ Волковъ.

Вдобавокъ Андрей Пашинъ былъ, какъ сказывается, вылитый портретъ Андрея Петровича, черноволосый, съ быстрыми, веселыми, отчасти будто лукавыми глазами подъ прямыми, какъ линейки, бровями, съ добродушно насмѣшливой улыбкой, со вздернутымъ тоненькимъ носомъ, съ заячьими острыми зубами.

Маряша была живая мать. Такая же свѣтловолосая, такая же степенная въ движеніяхъ, только у нея въ нихъ было много болѣе женственной мягкости, изящества. Паша была только очень красива и миловидна. Ея дочь была вдобавокъ изящна и граціозна.

Выросшая въ маленькой кучерской каморкѣ Паша, проигравшая свое дѣтство лѣтомъ на улицѣ, а зимы просидѣвшая и дѣтство и юность съ дворовыми людьми, не могла, конечно, стать

тѣмъ, чѣмъ стала Маряша. Въ двѣнадцать лѣтъ, благодаря заботамъ отца, барина, дѣвушка лучше двадцатилѣтняго брата знала, что такое «указка», что значить Букварь, Часословъ и Святцы, умѣла изрядно писать и хорошо читать. Она читала не только лучше брата, но и лучше законнаго сына Андрея Петровича, хотя надъ Алешей немало хлопотали и бились и родная мать, и дьячекъ Василій, и наконецъ учитель, грамотный изъ Тулы.

Впрочемъ хорошо читала Маряша потому, что едва только училась разбираться въ грамотѣ, какъ безграмотная мать стала заставлятъ дѣвочку читать себѣ Евангеліе всякій день, а Апостола раза два въ недѣлю и въ большіе праздники.

Братъ и сестра, крайне дружныя, даже обожающіе другъ друга, были прямыми противоположностями, какъ и внѣшнимъ видомъ, такъ и внутренно, нравомъ, вкусами.

Андрюша былъ лѣнивъ съ ранняго дѣтства и былъ поэтому теперь совершенно безграмотенъ. Зато у него была страсть къ рисованію, и, никогда не учившись, онъ на большихъ листахъ рисовалъ все, что вздумается, то барскій домъ, то мельницу, то повара Степана, то корову, то дворную жучку. И все выходило «точію живое», по мнѣнію не однихъ дворовыхъ, а и знакомыхъ сосѣдей.

Кромѣ того, у Андрея была замашка очень странная. Онъ любилъ рассказывать «небылицы въ лицахъ». Вздумаетъ и рассказываетъ, «откуда что берется», будто истинное происшествіе.

— Инъ подумаешь, и въ самомъ дѣлѣ приключилось оное, а онъ видѣлъ да и доноситъ тебѣ,—удивлялись всѣ.

Въ одномъ особенно была огромная разница между братомъ и сестрой. У Андрея всегда было «что на умѣ, то и на языкѣ», и вся душа нараспашку. Маряша наоборотъ была «душа-потемки», и настолько, что даже братъ родной не зналъ ея и говорилъ часто: «Богъ ее вѣдаетъ». Никто не могъ знать или сказать, что дѣвушка о комъ или о чемъ думаетъ, какое ея мнѣніе. Поэтому Маряша часто всѣхъ удивляла своимъ словомъ или дѣломъ, идущимъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, что предполагалось или ожидалось отъ нея.

Дружба съ дѣтства между Ларинымъ и Пашиными была самая тѣсная, крѣпкая и глубокая.

Чувство Маряши къ Алексѣю было, однако, для нея самой смутное или спутанное, и ей самой, конечно, было не подъ силу разобраться въ немъ и распознать что либо. Съ тѣхъ поръ, что она знала Алешу, т.-е. съ первыхъ дней своего существованія, онъ былъ ей такъ же близокъ и дорогъ, какъ и Андрюша... Прежде были они для нея равны или оба вмѣстѣ составляли нѣчто одно цѣльное, милое, дорогое...

Послѣ смерти родителей Алексѣя Андреевича, когда онъ сталъ самостоятеленъ и сталъ одинокъ, онъ вдругъ сталъ кѣмъ-то дру-

гимъ для дѣвушки... Онъ будто отдѣлился отъ брата Андрюши и сталъ все отдаляться отъ него... И наконецъ сталъ отдѣльно предъ ней.

Маряша это видѣла, понимала, чувствовала и начала думать искренно, что у нея умъ за разумъ заходитъ.

Это кажущееся раздѣленіе двухъ человѣкъ, сливавшихся въ ея сердцѣ какъ бы въ одно существо, да еще съ первыхъ дней жизни, все усиливалось. Постепенно между братомъ Андреемъ и бариномъ Алексѣемъ Андреевичемъ не осталось уже ничего общаго. Дѣвушка попрежнему много любила обоихъ, но разное.

— Да, разное!—изумлялась она.—Совсѣмъ разное...

И она не понимала, въ чемъ же разница. Любить ли она одного изъ двухъ больше или меньше прежняго? Нѣтъ, любить такъ же, да разное.

И однажды она задала себѣ вопросъ.

Если спросятъ: безъ кого тебѣ легче проживется? Ну, вотъ одинъ изъ нихъ долженъ уѣхать совсѣмъ навѣки или хотъ помереть что ли?... Кого больше жаль?

И она испугалась своего отвѣта. Обомлѣла... Затѣмъ она перекрестилась и боязливо выговорила:

— Помилуй и спаси, Господи! Это—искушеніе врага человѣческаго.

Внутренній голосъ сказалъ ей, что Алеша ей дороже...

Но это было... Это случилось, когда ей едва минуло 15-ть лѣтъ. Теперь была большая переменна. Алексѣй Андреевичъ былъ ей такъ же близокъ и дорогъ, какъ и родной братъ... Что-то ей непонятное, пылкое, неудержимое по отношенію къ Ларину испарилось. Осталось большое чувство, но спокойное.

Теперь, когда ей грезился суженый, женихъ и мужъ, то «онъ» былъ совсѣмъ не похожъ на Ларина. Онъ былъ не толстякъ, не «увалень», а напротивъ «ястребъ». Конечно, и лицо у него было другое, даже волосы другіе. Онъ не былъ «бѣлобрысъ», а черенъ, какъ цыганъ, съ глазами углями. Разумѣется, таковыхъ молодцевъ ни въ Ларинскомъ, ни въ округѣ не было, и таковыхъ дѣвушка не встрѣчала, не знавала. Одинъ Кириллъ «смахивалъ» на такового. И молодцу Кирюшѣ дѣвушка улыбалась иначе, чѣмъ другимъ всѣмъ. Но что она думала про него, «Богъ ее вѣдаетъ»!

И не мудрено, если «суженый» грезился дѣвушкѣ не въ образѣ Ларина.

Алексѣй Андреевичъ своей внѣшностью мало походилъ на родовитаго дворянина и совсѣмъ не походилъ на своего отца или дѣда.

Андрей Петровичъ былъ стройный, высокій и сухощавый брюнетъ, искусный верховой ѣздокъ и вообще ловкій во всѣхъ играхъ, а особенно въ танцахъ. Дѣдъ, Петръ Петровичъ, слылъ за кра-

савца во всей округѣ и, когда однажды представлялся ко двору царицы Елисаветы Петровны въ Москвѣ, то былъ всеми придворными замѣченъ и отличенъ, какъ статный родовитый по виду дворянинъ, несмотря на то, что въ это время онъ былъ уже наклонѣ лѣтъ, а не въ пору молодости.

Сынъ пригожаго и ловкаго Ларина и внукъ красавца Ларина былъ наоборотъ самый неказистый дворянинъ всего Одоевскаго уѣзда, если не всего Тульскаго намѣстничества.

Алексѣй Андреевичъ былъ лицомъ чрезвычайно похожъ на свою мать, которую въ дѣвицахъ прозвали «парнемъ въ юбкѣ». Онъ былъ средняго роста, очень плотенъ или объемистъ, какими бываютъ лишь сорокалѣтніе люди, а не двадцатилѣтніе. Помимо этого онъ былъ какъ-то тяжеловатъ въ движеніяхъ и въ походкѣ и медлителенъ даже въ рѣчи... Если онъ отличался спокойствіемъ характера, за исключеніемъ рѣдкихъ вспышекъ гнѣва, то это спокойствіе, казалось, являлось скорѣе послѣдствіемъ тѣлеснаго сложенія, нежели душевнаго склада.

Сынъ ловкаго танцора, онъ былъ настолько тяжеловатъ и даже неуклюжъ, что не могъ совершенно ѣздить верхомъ. Разумѣется, при своей полнотѣ онъ не могъ и бѣгать и, стало быть, играть съ дворовыми въ разныя игры. И эта неуклюжесть сказалась еще лѣтъ въ 14-ть.

Мать и дворня не видѣли ничего и говорили убѣжденно и искренно:

— Мой Алеша здоровякъ!. Не чета разнымъ чахлымъ дворянскимъ отрокамъ.

— Нашъ молодой баринъ—настоящій баринъ. Важный и степенный даже въ отроческіе годы.

— Увалень. Не барчукъ, а парень,—мысленно говорилъ отецъ.

Самъ Алексѣй, годами слыша такое мнѣніе о себѣ, увѣровалъ въ то, что онъ здоровякъ, а не чахлый, степенный, а не вьюнъ... А, стало быть, вообще природой не обиженъ.

Зато Алексѣй видѣлъ ясно въ зеркало, что лицо его толсто, мясисто, сѣрые глаза черезчуръ малы, носъ тула-сюда, чуденъ своимъ острымъ кончикомъ, ротъ очень великъ. Но все-таки лицо—ничего. Конечно, онъ не красавецъ, какъ Андрюша Пашинъ, но зато онъ и лицомъ степеннѣе.

Вообще Ларинъ и не помышлялъ о томъ, что собственно очень дуренъ собой.

XIII.

Чувство Алексѣя Ларина къ дѣвушкамъ было, конечно, не простое увлеченье, легкое и мимолетное, не прихоть, не блажь. Не вдругъ пришло оно и захватило... Нѣтъ, оно давно явилось, долго и тихо, будто тать, подкрадывалось къ нему и незамѣтно овладевало и покоряло себѣ.

Послѣ долгой борьбы онъ придумалъ вѣрное средство. Уѣхать изъ родного гнѣзда, отлучиться отъ всего, что окружало его съ дѣтства, къ чему онъ привыкъ, съ чѣмъ сроднился.

Онъ переѣхалъ въ свой уѣздный городъ, но здѣсь ему показалось, что Ларинское слишкомъ близко и властно манить, тянеть его къ себѣ назадъ. Пробывъ мѣсяць, онъ переѣхалъ въ Тулу, быстро перезнакомился, сталъ бывать ежедневно въ гостяхъ, на вечерахъ, пирахъ и балахъ. Онъ былъ, конечно, принимаемъ радушно во всѣхъ дворянскихъ семьяхъ, какъ благовоспитанный молодой человекъ, да вдобавокъ состоятельный, владѣлецъ почти пяти сотъ душъ крестьянъ, унаслѣдованныхъ отъ отца и матери, и слѣдовательно выгодный женихъ.

Онъ могъ бы зажить беззаботно или жениться блестяще.

Оказалось, что Ларинское все-таки слишкомъ близко и тянеть. Всего-то около ста верстъ, которыя можно на своихъ сытыхъ коняхъ отмахать въ шесть часовъ, много въ семь.

— Захочу,—говорилъ себѣ Ларинъ, просыпаясь утромъ,—къ вечернѣ буду уже дома.

И надо было уѣхать еще дальше. Куда же? Конечно, въ столицу, въ Бѣлокаменную, гдѣ онъ къ тому же никогда не бывалъ. Тамъ развлеченія, удовольствія и «всяческая общественность» такова, что, сказываютъ, людей мѣняетъ. Люди въ столицѣ будто перерождаются. А это именно ему и нужно. По зарѣзъ нужно.

Къ удивленію своихъ тульскихъ знакомыхъ и новыхъ друзей, Ларинъ однажды утромъ, даже не простясь ни съ кѣмъ, бросилъ нанятый имъ красивый домъ и исчезъ... Черезъ два дня узнали, что онъ отправился въ Москву. И не выѣхалъ, а уѣхалъ. Не на побывку, а совсѣмъ... Одна дѣвица, племянница предводителя, даже горько поплакала у себя въ мезонинѣ украдкой отъ родителей. Она уже надѣялась стать госпожей Лариной. Да и родные ея тоже надѣялись... Да и самъ Алексѣй Андреевичъ подумывалъ, думая о ней:

— «Не распутать ли все единымъ махомъ? И всему конецъ. Перекреститься и броситься, какъ на Иордани въ крещенскую воду. Сначала ошатѣешь, а тамъ очухаешься, и все пройдетъ. Даже тепло покажется, тѣло огнемъ загорится».

Но броситься въ морозную воду, т.-е. жениться на племянницѣ предводителя съ маху, безъ оглядки, у Ларина не то, что бы не хватало духу, а не было никакого желанія.

— Не хочу я съ маху отрѣзать, а хочу распутать! Тихонько, безъ боли освободиться,—сказалъ онъ себѣ.

И онъ, задумавъ новое, пріободрился. Онъ рѣшилъ.

— Поѣду въ Москву. Можетъ быть, въ ней всякія столичные чудеса меня перемѣнятъ. Можетъ, отобьютъ охоту раздумывать да распутывать эту мертвую петлю.

Въ Москвѣ Ларинъ тотчасъ началъ еще усиленнѣе знакомиться и веселиться на всѣ лады. Но онъ заставлялъ себя веселиться. Ложась спать впервые въ жизни по-столичному около полуночи, онъ думалъ о Ларинскомъ, о своемъ домѣ, о правомъ флигелѣ, который... который онъ любить. Когда онъ просыпался, опять первая мысль его была о родномъ гнѣздѣ, гдѣ осталось все... Жизнь его осталась!

Однако цѣлую зиму выдержалъ Алексѣй Андреевичъ въ первопрестольной. Ознакомился со всѣмъ и со всѣми, что и кто только оказалось готовымъ на подачу руки.

Однако отъ одного сторонился онъ, какъ отъ чумы, какъ отъ самого врага человѣческаго, дьявола... Отъ разныхъ продажныхъ прелестницъ, которыхъ было немало въ столицѣ, не только иноземокъ, нѣмокъ и шведокъ, но и своихъ русскихъ. Равно сторонился молодой человѣкъ и отъ черезчуръ любезныхъ и предприимчивыхъ замужнихъ и вдовушекъ и въ особенности отъ молодыхъ вдовушекъ-невѣстъ.

Женщины не существовали для него. Его отношеніе къ нимъ было сначала равнодушіе, а здѣсь въ столицѣ перешло въ какую-то ненависть.

Эта зима проходила и прошла тяжело. Когда началъ таять снѣгъ, повѣяло весной, налились почки деревъ, прилетѣли ласточки, Ларинъ сталъ угрюмъ, особенно задумчивъ и пересталъ бывать въ гостяхъ.

Просидѣвъ наконецъ недѣлю безвыѣздно дома и безвыходно въ своей спальнѣ, въ халатѣ, онъ вдругъ будто озлобленно закричалъ вошедшему камердинеру Павлу.

— Приказывай собираться, выкормить на дорогу лошадей. Ыдемъ.

— Куда это то-ись? — спокойно спросилъ удивленный молодой лакей, любимецъ барина, позволявшій себѣ обращаться съ нимъ за панибрата.

— Куда? Дурень! Домой, домой! Домой, въ Ларинское. Буде чорта тѣшить, буде себя терзать!

Павелъ, державшій въ рукѣ кафтанъ барина, выронилъ его на полъ и заоралъ, какъ помѣшанный.

— Господи! Сла-те, Господи! Вотъ хорошо-то!

Чрезъ пять минутъ полдюжины привезенныхъ съ собой людей уже знали, что они ѣдутъ домой.

— Вотъ праздникъ-то! Истинный праздникъ! — восклицали они. Ну ее къ Богу, эту хваленую Москву!

Только будто теперь Алексѣй Ларинъ вполне уяснилъ себѣ самому свое настоящее чувство къ Маряшѣ. Убѣдившись, какое это чувство, — онъ еще болѣе испугался. Какъ послѣднее средство, рѣшилъ онъ уѣхать изъ родного гнѣзда, надѣясь, что разлука будетъ лучшимъ лѣкарствомъ отъ душевной или сердечной хворости. И ничего не вышло.

— Можетъ, оно не только совѣмъ пройдетъ, а будетъ потомъ даже удивительнымъ и неразумнымъ сдаться, — угѣшалъ онъ себя уѣзжая.

Однако эта отлучка изъ Ларинскаго, длившаяся съ осени и до лѣта, привела только къ другому. Она напротивъ, по его выраженію, «разожгла» его. Прежде онъ терпѣлъ кое-какъ, чрезъ силу, а, вернувшись домой, былъ совѣмъ, какъ въ воду опущенный. А главное онъ совѣмъ потерялъ надежду выйти изъ своего мудренаго положенія.

— Какъ все приключилось! Какъ приключилось! — въ отчаяніи повторялъ онъ безпомощно.

Уѣзжая онъ все-таки надѣялся смутно, что встрѣтитъ какуюнибудь дѣвицу, дворянку, которая ему полюбится, хотя бы даже немного, и тогда онъ женится... И все не сразу, а постепенно уладится.

Убѣдился онъ въ противоположномъ, въ томъ, что ни одна изъ сотни дѣвицъ, видѣнныхъ имъ въ Тулѣ, а затѣмъ и въ столицѣ, ему не только не по душѣ, а даже будто всѣ противны и ненавистны до послѣдней степени.

Эти дѣвицы, инныя даже очень красивыя, были ему именно ненавистны. Онъ относился къ нимъ будто враждебно. И все изъ-за нея же, изъ-за Маряши. Какъ будто онѣ были виноваты въ томъ, что онъ собрался одною изъ нихъ насильно замѣнить ее въ своемъ сердцѣ.

— Проклятыя! — говорилъ онъ вдругъ самъ себѣ и удивлялся, будто поймавъ себя на невольномъ чувствѣ ненависти, безпричинной и нелѣпой.

— Онѣ-то чѣмъ же виноваты?.. — спрашивалъ онъ себя.

Снова увидя Маряшу чрезъ мѣсяцевъ восемь-девять разлуки, Алексѣй Андреевичъ нашель дѣвушку, къ своему даже ужасу, неизмѣримо красивѣе, прекраснѣе, — не однимъ лицомъ, а и поведениемъ, и голосомъ, и малѣйшимъ словечкомъ, — всѣхъ дѣвицъ, что прошли предъ его глазами.

— Второй такой нѣтъ на свѣтѣ, — рѣшилъ онъ и поникъ головой, какъ если бъ до него дошла неожиданная вѣсть о великомъ несчастіи.

— Ну, вотъ, Маряша... Чуть не годъ... Гдѣ-гдѣ я не былъ. Кого только не видалъ. Княженъ и генеральскихъ дочекъ видѣлъ... А вотъ... какъ уѣхалъ, такъ и пріѣхалъ. Что осталось? Говори. Руки на себя наложить. Только...

Маряша, смущаясь, грустная и тихая, отвѣчала все то же.

— Выньте изъ головы.

Въ концѣ концовъ пришлось убѣдиться поневолѣ и окончательно, что противодѣйствовать чувству нельзя. Никто ничего не возможетъ сдѣлать. И самъ онъ ничего не можетъ. Оно имъ владѣетъ, а не онъ имъ.

Стало быть, одинъ исходъ... сожителство... такое, какое видишь кругомъ въ средѣ дворянства, какое было и у нихъ въ Ларинскомъ. Отецъ даже примѣръ.

Но это было невозможно по милости Маряши, которая предпочла бы этому все на свѣтѣ. Сибирь въ качествѣ крѣпостной или смерть.

Такъ же судилъ и ея братъ... Да такъ же посудила бы и вся дворня.

Другой исходъ былъ законный бракъ...

А это было еще мудренѣе, такъ какъ при этомъ пришлось бы дѣло имѣть уже не съ одними знакомыми и друзьями и ихъ укоризной, не съ одной дворней и ея молчаливымъ осужденіемъ, а съ закономъ и съ духовными властями. Послѣ такого брака можно было очутиться въ монашескомъ одѣяніи, быть постриженнымъ не по призванію, а по указу свыше.

Убѣдившись, что излѣчиться отъ своей «незаконной» любви оказывается недостижимымъ, несмотря на всяческія старанія, пробы и попытки, онъ сталъ надѣяться побороть волю дѣвушки, убѣдить ее согласиться на скрытное, конечно, условно тайное сожителство, якобы укрытое отъ всѣхъ, подспудное, но всѣмъ извѣстное.

Маряша тихо, но упорно стояла на своемъ:

Если таковое дойдетъ до свѣдѣнія матери монахини, то ее прямо убьетъ. Стать любовницей побочнаго брата и убійцей родной матери значить принять на душу два смертныхъ грѣха, которые поведутъ къ третьему смертному грѣху — самоубійству съ горя, стыда и раскаянія.

— Лучше начать съ третьяго и одинаго!—говорила Маряша и упорно, твердо надѣялась и ждала, что у Алеши «грѣховныя мысли пройдутъ».

А когда онъ наконецъ обзаведется женой и семьей, и она тоже можетъ подумать о себѣ.

По природѣ тѣлесный и душевный «увалень», Ларинъ, можетъ быть, смирился бы предъ обстоятельствами, помѣхами и преградами непреодолимыми, но была личность, которая будила его, «взбудораживала и подзадоривала», по его же сознанию. Это была пылкая и огневая во всемъ его двоюродная сестра. Она имѣла огромное вліяніе на брата, сама того не подозревая. Огонь ея природы будто сообщался ему, зажигалъ и его, безъ ея вѣдома.

Каждый разъ, что Ишимова гостила у Ларина, онъ даже въ образѣ жизни измѣнялся, оживлялся и глядѣлъ бодрѣе. вмѣстѣ съ тѣмъ и его какъ бы задремавшая отчасти страсть разгоралась снова. Готовность и рѣшимость на борьбу съ обстоятельствами крѣпла и переходила въ новые планы и проекты, за которые онъ, по выраженію Маряши, «хватался махомъ—вынь да положь!»

Дѣвушка упрекала даже Ишимову, что она вмѣсто того, чтобы успокаивать двоюроднаго брата, только пуще его «бередить».

— Да ты сама-то... Не хочешь что ли этого? — не разъ съ удивленіемъ спрашивала у нея Софья.

Маряша отвѣчала каждый разъ такъ, что отгадать ея мысль было невозможно.

Теперь, явившись въ Ларинское, какъ снѣгъ на голову, молодая вдовушка, разумѣется, какъ и всегда, оживила домъ и усадьбу однимъ своимъ присутствіемъ. Не только Алексѣй Андреевичъ, но даже люди и уже, конечно, больше всѣхъ Волковъ будто встрепенулись и смотрѣли весело.

Что касается до Андрея, то онъ самъ не зналъ, какъ относится къ планамъ вдовушки.

Чувство его къ Ишимовой было положительно неопредѣлимо, неуловимо и неясно ему самому. Онъ былъ въ полной власти у «Сони-вьюна», какъ онъ звалъ ее. Ему чудилось, что онъ любитъ сестру больше Сони, но ей, сестрѣ, онъ могъ и противиться, тогда какъ предъ Соней онъ будто труситъ и повинуется ей во всемъ, какъ малый ребенокъ. Ему и на умъ не приходила возможность въ чемъ либо перечить ей.

Передъ пріѣздомъ Ишимовой дня за три Андрей говорилъ сестрѣ, что затѣя ихъ о бракѣ — дѣло совсѣмъ невысказанное, которое надо оставить. По пріѣздѣ и при бесѣдахъ вдовушки о необходимости немедленно начать хлопоты о свадьбѣ Андрей соглашался съ нею во всемъ и рѣшался на все.

На другой же день по пріѣздѣ Софья послала его за священникомъ, отцомъ Елисеѣмъ, чтобы опять потолковать объ ихъ бракосочетаніи, и Андрей радостно не пошелъ, а побѣжалъ къ священнику.

— Ты что сказывалъ третьяго дня еще! — замѣтила сестра.

— Ахъ, Маряша... Да нешто съ ней можно?... — виновато отозвался Андрей.

— Стало быть, самъ хочешь и лукавишь со мной.

— Охъ, вотъ предъ Богомъ — нѣтъ!

XIV.

Разумъ можетъ устать не отъ одной работы, а и отъ упорнаго размышленія, въ особенности горькаго размышленія. И этому уставшему разуму начинаетъ казаться простымъ чрезвычайное, хорошимъ — самое худое, яснымъ — самое темное и сложное.

Измучившемуся въ обсужденіи и рѣшеніи все одного и того же неразрѣшимаго вопроса и разумомъ уставшему Алексѣю Андреевичу изрѣдка приходили въ голову планы, казавшіеся ему удивительно удачно придуманными. Онъ удивлялся только, какъ раньше не додумался до подобнаго.

Первая замѣтила это Маряша и вѣрно поняла и оцѣнила явленіе.

— У тебя, голубчикъ, умъ за разумъ заходитъ. Даже страшно становится. Бросьте все... Покоритесь судьбѣ.

Теперь по прїѣздѣ Ишимовой, присутствіе которой оживило его, какъ всегда бывало, Ларинъ вновь надумалъ нѣчто и рѣшилъ не откладывать въ долгій ящикъ исполненіе надуманнаго.

Онъ рѣшилъ пустить слухъ въ своей вотчинѣ, что если Андрей Пашинъ дѣйствительно его побочный братъ, то Маряша ему совсѣмъ чужая. Она—не дочь отца его, а дочь любезнаго, котораго скрытно отъ всѣхъ и безъ вѣдома Андрея Петровича завела себѣ Павла Тимофеевна послѣ того, какъ онъ, Алексѣй, родился на свѣтъ.

Ларинъ рѣшилъ, что надо этотъ слухъ пустить между своими людьми, а затѣмъ самому подтвердить и сослаться на того, кто лучше всѣхъ долженъ былъ знать правду,—сослаться на своего отца.

— Солгать, оклеветать покойнаго, да еще роднаго отца?—спросилъ себя Алексѣй Андреевичъ и отвѣтилъ:—что дѣлать? Легче лгать, клеветать, легче даже разбойничать, чѣмъ мыкаться, какъ я мыкаюсь.

И Ларинъ былъ правъ, какъ бы чистъ предъ своей совѣстью. Его нравственныя мученія были много горше, тяжелѣе, невыносимѣе, чѣмъ душевное состояніе любого душегуба.

Рѣшившись твердо оклеветать для своего личнаго счастья или своего спасенія и роднаго отца и мать любимой дѣвушки, Ларинъ сталъ обдумывать, какъ пустить слухъ умнѣе, искуснѣе.

Онъ рѣшилъ начать съ самаго стараго и уважаемаго всѣми двороваго, съ Крониды Волкова.

— Если Кронидъ повѣритъ, убѣдится, то всѣ повѣрятъ... И положеніе его и Маряши станетъ тогда просто, проще нельзя. Изъ самаго безысходнаго оно станетъ яснымъ, естественнымъ, законнымъ. Они чужіе другъ другу. И нѣтъ никакого вопроса о грѣхѣ.

Не прошло одного дня, какъ онъ рѣшился дѣйствовать, не сказавъ ни слова Маряшѣ и предпочитая объявить ей все уже послѣ.

— А то, конечно, воспротивится,—рѣшилъ онъ.

И, отчасти волнуясь, онъ послалъ лакея за старикомъ, приказавъ:

— Скажи, потолковать чтобы шель съ бариномъ.

Волковъ бывалъ всегда доволенъ и даже горделиво доволенъ, когда господа съ нимъ бесѣдовали, и явился съ важнымъ видомъ.

Потолковавъ со старикомъ о всякихъ пустякахъ, Алексѣй Андреевичъ умышленно перевелъ разговоръ на Кирилла и спросилъ его мнѣнія, годится ли малый въ должность буфетчика.

— Гдѣ ему?—отвѣтилъ Волковъ.—Онъ малый хорошій, да вѣдлѣннѣе не было, да и не будетъ. Да и вахлакъ... Ему кусокъ хлѣба разжевать да проглотить—нуженъ часъ времени.

— Наша дворянская кровь,—замѣтилъ Алексѣй.—Барская замашка у него, Кронидъ.

Волковъ промолчалъ, какъ бы не обративъ вниманія на слова барина или какъ бы соглашаясь съ тѣмъ, что давно всѣми рѣшено.

— А знаетъ ли Кирилль, что этотъ князь недавно скончался?— спросилъ Алексѣй, умышленно солгавъ.

— Развѣ скончался?—переспросилъ Волковъ отчасти равнодушно.—Нѣтъ. Полагаю, не знаетъ. Да и что же ему, Алексѣй Андреевичъ, что живъ этотъ князь, что не живъ? Кирилль отъ него никогда ничего не видалъ. Покойникъ Андрей Петровичъ, царство ему небесное, сказывалъ мнѣ, что, будучи въ Москвѣ, тому ужъ, правда, годовъ десять, онъ опять напоминалъ князю, что его отродіе у насъ въ Ларинскомъ, и что онъ малый и казистый, пригожій, да и умница. Сказывалъ мнѣ Андрей Петровичъ: думаю де я, пошлетъ онъ Кирюшкѣ со мной подарокъ какой изъ столицы, хоть пустяковину... Ничего... Думалъ я, онъ попроситъ меня, какъ барина-владѣтеля, не обижать свое урожденье, что въ холопахъ у чужого остался. Ничего. И не по малосердію... Слухъ ходилъ у насъ тогда, когда горничная Улита подвернулась здѣсь князю подъ руку, въ его побывку у насъ, слухъ былъ отъ камердина князева, что куда его барина ни занесетъ въ гости, вездѣ у него зазноба и вездѣ безпремѣнно урожденье оставить. И такихъ, какъ Кирилль, у князя, можетъ, сотня была и есть. Вотъ всѣхъ ихъ ему не подобрать стать.

— А все-таки не хорошо,—отвѣтилъ Алексѣй.—Я не говорю, чтобы онъ Кирилла у батюшки выкупилъ, взялъ бы къ себѣ во дворъ, возрастилъ бы его, какъ родного, хотя и побочнаго... Это рѣдко кто дѣлаетъ. Вотъ батюшка родитель на этотъ счетъ былъ другой человѣкъ... Даже не только единокровнаго, хоть побочнаго сына пригрѣлъ, а даже...

И Алексѣй невольно запнулся... Въ послѣднее мгновеніе у него будто не хватило силы на ту ложь, на ту клевету, которую онъ приготовилъ. Черезчуръ дерзка она была, черезчуръ злобна.

Однако передохнувъ онъ выговорилъ:

— Да, по добросердечію такое содѣялъ, чего никто на свѣтѣ, Кронидъ, на себя не возьметъ. Ты знаешь, небось, это... Хотя въ усадьбѣ у насъ оно было укрыто, но ты не въ примѣръ. Ты-то вѣрно знаешь?

— Что собственно?—спросилъ, недоумѣвая, Волковъ.

— О чемъ я говорю... Про батюшку родителя. Насчетъ того, что онъ не чета этому князю...

— Какъ же можно! Какая же чета!.. Андрей Петровичъ былъ чуть не святой по добротѣ человѣкъ!—воскликнулъ старикъ.

— Ну, да... И чего же ужъ больше, какъ чужого ребенка за своего почестъ, всѣмъ за своего выдавать и всячески, какъ своего, холить и ласкать...

— Чужого? Какого? Кого те-псъ?

— Стало, ты не знаешь. Или забылъ, можетъ... Вспомни.

— Ничего я, Алексѣй Андреевичъ, простите, не уразумѣю, про что вы изволите говорить.

— Ну, вотъ и здравствуйте! — разсмѣялся Ларинъ, но сухимъ, дѣланымъ смѣхомъ, такъ какъ совершенно не умѣлъ лукавить и притворяться... Стало быть, надо начинать сначала. Ты говорилъ, что князь былъ человѣкъ не сердечный, бросилъ единокровнаго ребенка и никогда объ немъ и не вспомнилъ. Такъ вѣдь?

— Точно такъ-съ.

— Ну, вотъ мы и сказывали, что родитель мой — не чета ему. Своего единокровнаго выходилъ у себя въ домѣ, какъ бы законнаго, такъ же соблюлъ и выростилъ, какъ меня своего единороднаго и законнаго... Что я, что Андрюша — мы равно въ домѣ считались, какъ бы законные родные братья и сыны. Конечно, съ согласія матушки, но все-таки воля эта была батюшкина. Такъ вѣдь?

— Вѣстимо. Екатерина Семеновна допустила по любви и добротѣ безпримѣрной своей. Другая бы барыня не только въ домъ Андрюшу не пустила, а со двора на деревню угнала бы. А то еще хуже... Стала бы гнать, да загоняла бы на тотъ свѣтъ. За такимъ примѣромъ ходить не далеко. Есть у насъ въ округѣ.

— Правда... Кронидъ. А какова же доброта чужого ребенка за своего выдавать! Матушка все-таки не взяла Андрея обманомъ на себя... «Мой, молъ, онъ». А только не гнала. А батюшка взялъ чужого ребенка на себя, да еще любилъ какъ?

Наступило молчаніе, такъ какъ Кронидъ Захарычъ не понималъ ничего, что говорить баринъ про «чужого ребенка», а Ларинъ ждалъ вопроса.

— Да... заговорилъ онъ снова самъ. — И многіе почитаютъ Маряшу и теперь такой же родной дочерью батюшкѣ, какимъ приходится ему Андрюша. И зовутъ ее Андреевнѣй.

— А то какъ же? Вы про что же? — изумляясь произнесъ Волковъ.

— Она же батюшкѣ чужая.

— Какъ чужая?

— Да такъ...

— Маряша?! Маремьяна Андреевна?! — вскрикнулъ Волковъ.

— Ну, да... да.

— Богъ съ вами, Алексѣй Андреевичъ!

— Стало, ты не зналъ этого. Я думалъ, что ты-то, любимецъ батюшкинъ, зналъ правду спервоначала.

— Какъ же она не дочка Андрея Петровича? Она, Маремьяна Андреевна, она же дочка Павлы Тимоѣевны.

— Да, Павлы Тимоѣевны... Но не отъ батюшки, а отъ другого. Отъ любезнаго человѣка...

— Что вы, Алексѣй Андреевичъ!

И Волковъ, широко раскрывъ глаза, уставился на барина, почти пораженный слышаннымъ.

— Такъ вотъ, Кронидъ, истинная доброта. Любя Павлу Тимоеевну, батюшка ей простилъ. И мало что простилъ, а взялъ дѣвочку на себя, почелъ за свою, какъ и Андриюшу. И выходилъ, какъ свою. И отъ всѣхъ скрылъ, никогда не обмолвился, такъ что никогда никто ничего и не узналъ... И я бы не зналъ.

— Вотъ, Господи... вотъ, помилуй, Господи!...—пробормоталъ Волковъ и не договорилъ.

— Да, удивительно.

— Да какимъ...—началъ Волковъ.—Какъ, простите, она оказалась? Откуда баринъ узналъ? Павла Тимоеевна сама повинилась?

— Сама. Чтобы тяжесть съ души снять. Она вѣдь всегда сердечная и безхитростная была.

— Это точно... Но виновать, баринъ... Коли Андрей Петровичъ, царство ему небесное, никому, ни единому человѣку никогда про оно не сказывалъ, то отъ кого вы изволили освѣдомиться?

— Я?.. Чудакъ ты, Кронидъ. Понятно только отъ самого батюшки и могъ узнать. Онъ мнѣ повѣдалъ.

— Самъ? Андрей Петровичъ? Вамъ?

— Да...

И Ларинъ опустилъ глаза подъ взглядомъ старика Крониды. Онъ будто прочелъ что-то и ясно прочелъ во взглядѣ любимца покойнаго отца.

— Дивлюся я, что батюшка тебѣ никогда этого не сказалъ,—проговорилъ Ларинъ нетвердымъ голосомъ.

И онъ чувствовалъ совершенно ясно, какъ если бы слышалъ ушами или видѣлъ глазами написанное на лицѣ Волкова.

— Не правда! Измышленіе! Клеветничество!

И молодой человѣкъ, уже смущаясь, спросилъ:

— Тебѣ даже какъ будто и не вѣрится?

— Что грѣха таить...—глухо отозвался Волковъ.—Сразу-то...

— Не стану я выдумывать да на родителя клепать.

И болѣе рѣшительно, твердымъ голосомъ Алексѣй рассказалъ подробнѣе, какъ узналъ тайну отъ отца.

XV.

И Ларинъ отпустилъ отъ себя своего главнаго дворового человѣка, самодовольно размышляя.

— Ну, теперь пойдетъ звонить. Къ вечеру весь домъ будетъ знать, что Маряша не дочь батюшкина.

Волковъ вышелъ отъ молодого барина озадаченный, задумчивый и даже разстроенный. Онъ особенно любилъ молодую дѣвушку

и, уже около двадцати лѣтъ любя ее, считалъ «барышней» по отцу... Оказывается вдругъ, что она холопка, такая же, какъ и онъ самъ!

А барская кровь или холопская кровь—для Кронида Захарыча было обстоятельствомъ первостатейной важности. Быть можетъ, во всемъ намѣстничествѣ не было другого человѣка, который бы такъ смотрѣлъ на это дѣло, какъ Волковъ.

Всѣ его мысли, всѣ поступки, всѣ чувства и вся жизнь сложились на основаніи глубокаго и твердаго убѣжденія, что весь міръ Божій зиждется на одномъ главномъ устоѣ, раздѣленіи людей человѣковъ на два разныхъ вида или сорта, господъ и крѣпостныхъ, дворянъ и холоповъ.

— Весь свѣтъ на этомъ стоитъ,—разсуждалъ Волковъ,—всѣ порядки, всѣ законы и всяческія правила. Захотѣлъ Господь, чтобы былъ владѣлецъ душъ и былъ хамъ. Всѣ по образу и подобию Божію равно сотворены, но это только по видимости, тѣлесно, душа же барская не такова, какова душа холопская.

Умный Кронидъ Захарычъ, проживъ почти безвыѣздно въ Ларинскомъ, помня еще время барина Петра Петровича, затѣмъ жизнь при Андреѣ Петровичѣ, вспоминая все, что прошло предъ его глазами, былъ и остался при убѣжденіи, что раздѣленіе людей на два состоянія, холопское, подвластное и властительское, господское,—есть именно дѣло Божье, святая воля Его, премудрая и несповѣдимая.

Въ этомъ убѣжденіи немало утвердилъ Волкова и мѣстный ихъ священникъ, отецъ Елисей.

Отъ него давно узналъ Волковъ кое-что изъ Священнаго Писанія и узналъ, между прочимъ, что у старца, именемъ Ноя, было три сына, которыхъ прозывали Симъ, Хамъ и Яфетъ. Отъ перваго и старшаго уродились и пошли дворяне, помѣщики, а отъ втораго—крѣпостные рабы, которыхъ такъ и зовутъ: хамово отродіе. У Яфета урожденія не было, а если было, то, по всей вѣроятности, это нехристи и жида. А то сказываютъ, что отъ него вѣдьмы и вѣдуны пошли. Но это—неправда.

Узналъ Волковъ равно, что власть отъ Бога всякая, какая бы ни была. Прежде всего, вѣстимо, царская власть. Она прямо отъ Бога. А потомъ уже царь власть даетъ однимъ своимъ подвластнымъ надъ другими. Царь дѣйствуетъ Божіею милостью, а вотъ намѣстникъ что ли дѣйствуетъ по императорскому указу.

Разумѣется, Кронидъ Захарычъ смотрѣлъ на все, что творили его господа, какъ на исполненіе воли Божьей. Слѣпое повиновеніе своимъ господамъ при любви и уваженіи къ нимъ было святымъ долгомъ, а ропотъ противъ нихъ великимъ грѣхомъ.

Какъ Господь Богъ властенъ въ людяхъ-человѣкахъ, такъ царь властенъ въ російскихъ людяхъ, православныхъ. Нехристей царь

не знаетъ и знать, понятно, не желаетъ. Они—яфетово отродье. Также дворянинъ властенъ въ хамовомъ отродѣѣ.

Одинъ вопросъ долго смущалъ Волкова. Вопросъ или обстоятельство возникло и создало около него въ самомъ Ларинскомъ.

Андрюша, Маряша, да хотя бы и Кириллъ?.. Они-то что же и какъ же? чѣмъ ихъ почестъ?..

Отецъ Елисей опять-таки помогъ ему распутаться и уразумѣть.

Дѣти дворянина, хотя бы и отъ крѣпостной дѣвки и мужички, все-таки дворяне «костями и духомъ», хотя по состоянію хамы. Законъ ихъ не признаетъ. Но законъ писанъ людьми. То законъ Божій, а то законъ человѣческой. По закону человѣческому, Андрей и Маремьяна именуются Пашиными, а по закону Божьему они единокровны барину Андрею Петровичу и, стало быть, тѣ же дворяне. Будь она Паша дворянкой, а Андрей Петровичъ крѣпостнымъ, то и Пашины, братъ съ сестрой, были бы холопами.

Волковъ, конечно, вполнѣ довѣрялся сужденіямъ священника, хотя случалось часто, что многое, объясняемое Кронида Захарычу отцемъ Елисейемъ, бывало изречено такъ мудро и такъ спутано, что совсѣмъ трудно было понять... Иногда выходило иное—«и такъ и этакъ».

На сомнѣнія и вопросы Волкова священникъ, конечно, отвѣчалъ:

— Мало чего захотѣлъ! Все понять? Надо вѣровать.

И все то, что Волкову было не понятно на свѣтѣ, иначе говоря, въ Ларинскомъ и въ округѣ, онъ заставлялъ себя или понуждалъ «взять вѣрой».

Сосѣдній помѣщикъ, уже покойникъ, былъ при жизни извергъ, звѣрь лютый... Всѣ его такъ судили и господа, и крестьяне...

— Какъ же такъ?—спрашивалъ себя Волковъ, будучи уже охотникъ разсуждать и обдумывать всяческое въ глаза лѣзущее.— Какъ же и зачѣмъ урождаются такіе дворяне, владѣтели душъ крѣпостныхъ отъ Бога и изувѣры?

— Стало, такъ нужно. И Богу отвѣтъ самъ онъ и отдастъ. А намъ разсудить и понять нельзя. Вѣрой бери и повинуйся. Вотъ если тебя такой же хамъ, какъ и ты, начнетъ терзать и смертельно изводить, ты не давайся ему. Онъ не по волѣ Божьей, а противъ Бога дѣйствуетъ.

Такимъ образомъ, съ молодости считая господъ людьми по образу и подобию Божію лишь по видимости, а невидимо существами особливими, а крестьянъ и холоповъ вообще по образу и подобию Божію одной лишь видимостью, а внутренно тварями не многимъ лучше, чѣмъ собака-песъ, Волковъ, конечно, относился къ дворянамъ и въ особенности къ своимъ господамъ съ особымъ чувствомъ очень сложнымъ, гдѣ было не только уваженіе, а благоговѣніе, не только любовь, а обожаніе, Богомъ велѣнное и указуемое, не только повиновеніе, а добровольное подобоострастіе.

Онъ съ ранняго дѣтства Маряши любилъ ее особенно сильно и всегда помнилъ и говорилъ себѣ, что она дочь—единокровная барина, его владѣтеля, такая же дворянка. Она не ровня другой какой либо дѣвушкѣ во дворѣ.

— У нея и косточки другія, не только душенька.

Понятно, поэтому, какъ заявленіе молодого барина должно было поразить стараго двороваго.

— Маряша, да холопка. Дочь любезнаго дворовой дѣвушки Павлы. И мать и отецъ—хамы.

Но смущеніе Волкова продолжалось недолго.

— Не правда. Солгалъ баринъ. Придумалъ неподобное.

И чѣмъ больше размышлялъ Кронидъ Захарычъ, тѣмъ болѣе убѣждался, тѣмъ болѣе чувялъ сердцемъ, что его Алексѣй Андреевичъ взялъ большой грѣхъ на душу, оклеветалъ покойнаго своего родителя.

— Не могъ Андрей Петровичъ это сказать. Маряша его родная дочь. Да оно и видать. Въ глаза бросается. Барышня она по всему.

Рѣшивъ, что баринъ его обманулъ, старикъ дворовый, разсудительный и пытливый умъ котораго сказывался во всемъ, немедленно сталъ размышлять.

— Зачѣмъ баринъ солгалъ, зачѣмъ такое измыслилъ?

И онъ рѣшилъ:

— Стало, нужда. А зачѣмъ нужда?

И то, что онъ подозрѣвалъ, то, что ему казалось уже давно, и что онъ все-таки считалъ своимъ «дураковымъ измышленіемъ», вдругъ всплыло предъ нимъ еще яснѣе, еще ярче.

Волковъ всегда недоумѣвалъ, какъ удивительно шибко любить молодой баринъ свою «боковую сестрицу», точно будто она «его сердцу любезна не по родству, а совсѣмъ инако». Поди, онъ собрался бы и жениться на ней, будь она чужая ему дѣвица.

И теперь вдругъ Кронидъ Захарычъ будто прозрѣлъ.

— Нѣтъ. Правда была моя всегда. Не дураково мое измышленіе то было, а сама она, матушка-правда истинная.

Пораадумавъ на всѣ лады, онъ сказалъ себѣ:

— А все-таки пощупаю Ѳеклу нашу, безсмертную. Что она скажетъ?

Такъ въ шутку звали старуху, которой было лѣтъ 80, а, можетъ быть, и болѣе. Почти всю свою жизнь, за исключеніемъ ранней молодости, прожила она въ домѣ. Старуха по имени или по прозвищу, Богъ вѣсть когда данному—Макарушкина, видѣла и хорошо помнила нѣсколько поколѣній, прошедшихъ предъ ней на землѣ, но, конечно, только въ Ларинскомъ. Волкова она знавала ребенкомъ... Помнила хорошо его дѣда и бабу.

Кронидъ Захарычъ явился къ старухѣ и почтительно заявилъ:

— Ѳекла Ивановна, я къ вамъ. Соизвольте наставить разуму.

— Что же такое?

— А важное дѣло. Наставьте. Мнѣ оно диковинно, а вамъ, можетъ, и нѣтъ.

— Стара я, чтобы дивиться, Кронидушка,—прошамкала Макарушкина.

— Удивиться можно всегда всякому...

— А я говорю: нѣту... Человѣкъ, кой сто лѣтъ живетъ на свѣтѣ, много видѣлъ и много слышалъ, все знаетъ... И того человѣка ничѣмъ ужъ удивить нельзя, чего ни скажи.

Старуха улынулась, и вышло нѣчто безобразное. Впалый ротъ отъ беззубья развѣхался и, вмѣстѣ съ тѣмъ, будто совсѣмъ провалился, а носъ будто выпятился впередъ...

— Да я ничего вамъ покуда сказывать не стану, а васъ спрошу. А потомъ ужъ скажу свое...

— Меня спросишь?.. Спроси.

— Скажите... Вѣдь вы все знаете, что когда бывало въ Ларинскомъ. Я знаю много, а вы еще больше моего.

— Вѣстимо. Ты молодой, и тебѣ...

— Я-то молодой!—разсмѣялся Волковъ.

— Понятно, молодой. Мнѣ во внуки годишься.

— Въ сыновья—точно. Ну, а во внуки-то мудрено, Оекла Ивановна... Ну, вотъ послушайте и разрѣшите загадку. Какъ по-вашему? Чей, стало быть, сынъ—Андрюша?

— Пашинъ.

— По фамиліи—точно. А сынъ-то онъ чей?

— Пашинъ же. Чего балуешься? Самъ знаешь,—не поняла старуха.

— То-то вотъ знаю, да не совсѣмъ. Кто, стало быть, его родитель?

— Чего балуешься, говорю.

— Да вы сказывайте, Оекла Ивановна. Сказывайте.

— Вѣстимо, нашего покойнаго барина сынъ. Знамо-перезнамо.

— А Маряша?

— Опять все то же.

— Чья дочка? Павлы Тимошеевны... Такъ... И я то же скажу... Чуть не на моихъ глазахъ родилась, потому что я въ эту самую минуту пришелъ къ ней, посланный бариномъ. Я спрашиваю у повивальной, баринъ, молъ, спрашиваетъ, когда ждать, скоро ли... А въ это самое мановеніе Маряша-то и завизжала. Повивальная мнѣ и не отвѣтила, а швырнулась къ роженицѣ... Я пришелъ, да барину и говорю: родилась дѣвочка. Когда?—говорить. Сейчасъ, говорю. Баринъ всталъ да меня... меня...

Голосъ Волкова дрогнулъ.

— Меня расцѣловалъ въ обѣ щеки.

— Знаю, знаю,—отозвалась Макарушкина.—Сто разовъ ты мнѣ это сказывалъ. Да и помню я это. Ты тогда въ людской всѣмъ

расписывалъ про ласку. И рубль тебѣ Андрей Петровичъ далъ. Карбованецъ цѣлковый.

— Да. Правда... Ну, вотъ, Ѳекла Ивановна... Вотъ же вы и разсудите, скажите... Отвѣчайте мнѣ, что я васъ спрошу... Маряша, которую долго все ждали да ждали, мѣсяцъ ждали, а Павла Тимоѳеевна собиралась да собиралась разрѣшиться. Вотъ эта-то... дочка она барина Андрея Петровича?

— Ну?

— Дочка она его, барина?—спрашиваю.

— Да ты очумѣлъ что ли?.. Рехнулся?

— Вотъ то-то, Ѳекла Ивановна... Я-то не рехнулся, а очумѣлъ.

И люди меня зачумили.

— Какіе люди?

— А такой человѣкъ нашелся.. Огорошилъ меня такъ, что и впрямь можно рехнуться. Сказалъ онъ мнѣ неслыханное. Сказалъ, что Маряша—дочка Павлы Тимоѳеевны точно... но не дочка барина... Поняли?

— А чья же тогда?

— А вотъ чья... невѣдомо. Одна она сама, мать, знаетъ, да будто Андрей Петровичъ потомъ, послѣ узналъ и простилъ ее...

— Ахинея Ахинеевна!—произнесла старуха спокойно и отмахнулась отъ Волкова.

— Ахинея? И я такъ-то думаю... А вы вотъ вспомните, бывалъ ли когда промежъ насъ такой слухъ. Кажись, никогда не былъ.

— Вѣстимо, не бывалъ.

— А могла ли по-вашему Павла Тимоѳеевна этокое несодѣянное содѣять, барина промѣнять, любезнаго завести?

— Ни въ жисть. Не такая была. Чуть не святая она.

— Вотъ и я такъ-то думаю... А скажите. Ужъ если этокое да могло приключиться, кто бы ея любезный могъ быть? Кто въ тѣ поры былъ въ усадьбѣ изъ этакихъ шустрыхъ? Припомните.

Старуха задумалась, глядя въ полъ.

— Ну, что... Кто таковой? Я самъ ни одинаго такого не могу вспомнить. Даже и подумать-то не на кого.

— Такого, Кронидушка, и не бывало. Всѣ наперечеть. Кои живы и теперь, кои померли. Всѣ наперечеть.

И старуха начала пересчитывать мужскія имена и откладывать пальцы лѣвой руки, а потомъ правой... Наконецъ, она махнула обѣими руками и выговорила:

— И ты дуракъ, и я-то дура. Нашли о чемъ толковать. Докуда, скажи, овесъ бы доросъ, коли бы не хватилъ морозъ.

XVI.

Разумѣется, Ларинъ послѣ разговора съ Волковымъ тотчасъ же сообщилъ и Маряшѣ свой новый планъ.

— Я, Маряша, какъ сказывается, заднимъ умомъ крѣпокъ,—сказалъ онъ весело, когда дѣвушка вошла къ нему.—Оба мы съ тобой недогадливы. Дѣло наше изъ мудренаго становится самымъ простымъ.

И Алексѣй Андреевичъ передалъ дѣвущкѣ, что если она будетъ объявлена не дочерью покойнаго Ларина, а только его приемышемъ, то препятствій никакихъ и не будетъ къ браку.

— Опять скажу то же,—отвѣтила Маряша.—По законамъ людскимъ все наладится. А по Божескимъ законамъ... остается тотъ же грѣхъ, и смертный грѣхъ.

— Не вѣрю я въ это!—воскликнулъ Ларинъ.—Тысячи разовъ я тебѣ это сказывалъ. Что хочешь, не вѣрю. Не мало я въ Москвѣ съ умными людьми бесѣдовалъ. Разные азіатскіе народы или китайцы тоже люди, а женятся на родныхъ сестрахъ.

— Они нехристи,—шепотомъ отозвалась Маряша.

— Да. Но они тоже въ Бога вѣруютъ.

— Въ своего,—такъ же произнесла дѣвушка.

— Одинъ онъ—Богъ—для всѣхъ, Маряша. Я тебѣ это объяснялъ, и ты согласилась. Что же ты изъ упрямства, стало быть, свое все повторяешь?..

— Охъ, не знаю, право. Говорю, какъ чувствуется, какъ сдается. По совѣсти говорю. Да потомъ, Алеша, все-таки главное не надо забывать. Никто не повѣритъ. Ни одна душа въ Ларинскомъ не повѣритъ. Всѣ давно знаютъ, отъ кого я уродилась. И какъ теперь докажешь противное? Всѣ скажутъ, что мы выдумали.

— Кому лучше всего знать, чья ты, скажи.

— Родителямъ.

— Вѣрно. Но кому больше вѣдомо: отцу или матери?

— Все одно, Алеша. Обоимъ вѣдомо равно.

— Нѣтъ, Маряша. Матери ближе знать. И вотъ я сказалъ Кроиду, что Павла Тимоѣевна покаялась батюшкѣ въ обманѣ, а онъ, узнавъ, простилъ. Ты говоришь, что мнѣ никто не повѣритъ, всякій почуветъ, что я на батюшку клевету и никогда отъ него ничего такого не слыхивалъ. Хорошо. Я тебѣ на это другое мое измышленіе скажу. Не я одинъ буду все это сказывать. Такой человекъ про это объявить, что нельзя будетъ не вѣрить... Понимаешь?..

— Другой кто? Ужъ и совѣмъ не понимаю.

— Сама Павла Тимоѣевна можетъ это объявить.

— Что ты! что ты!—вскрикнула Маряша.

— Ну, вотъ... Я зналъ, что ты перепугаешься зря, и сама не зная изъ-за чего.

— Матушка?! Да Богъ съ тобой! Никогда она лгать на покойнаго и на себя самое не станетъ.

— Должна, Маряша, должна изъ-за твоего же счастья всей жизни. Такая ложь не грѣхъ...

— Да у тебя и впрямь умъ за разумъ зашелъ. Ты совсѣмъ рехнулся, Алеша, совсѣмъ.

— Почему? Говори.

— Матушка пойдетъ клеветничать на покойника и на себя, чтобы наладилось грѣховное дѣло. По ея же милости. Два грѣха возьметъ она на себя. Да Богъ же съ тобой. Ты совсѣмъ разума лишился. Спроси Андриюшу. Спроси Соню. Они ахнутъ, какое ты непутевое надумалъ. Они тоже начнутъ думать, какъ и я, что ты отъ думанья ума рѣшился совсѣмъ.

— Почему же?—воскликнулъ Ларинъ.—Конечно, сразу Павлѣ Тимошеевиѣ покажется все дѣло страшнымъ, а порасудить, согласится.

— Кто же ей про это скажетъ?

— Ты, вѣстимо. Будешь просить, чтобы...

— Я! Избави меня Господь!—воскликнула Маряша.

— Отчего же?

— Ты послѣ этого поплешь меня къ матушкѣ подбивать ея итти со мной на большую дорогу смертоубійствовать, чтобы грабить.

— Ахъ, Маряша... Нельзя съ тобой по-человѣчески говорить!—вскрикнулъ Алексѣй Андреевичъ, хватая себя руками за голову.

И онъ въ отчаяніи опустилсѣ на стулъ.

— Совсѣмъ... совсѣмъ ума лишенный!—произнесла дѣвушка печально, и голосъ ея говорилъ, что она убѣждена въ своихъ словахъ.

— Скажи... Отвѣчай... Въ тысячный разъ спрашиваю, а ты въ тысячный разъ отвѣчай... Что же, коли забываешь, надо тысячи разовъ повторять. Скажи, что легче... Добиться и исполнить всё якобы сумасшествія, что я придумываю и дѣлаю и буду еще измышлять и творить впредь, или наша жизнь, наше мучительство?... Что хуже, что горше?... Ну, сказывай въ тысячный разъ.

— Коли нѣту ничего... не вылазно, то вынь изъ головы. Смирися.

— Никогда! Слышишь ты. И это надо тебѣ пѣть всякій день. Никогда. Покуда живъ—не уступлю. Противъ всѣхъ пойду. Противъ... Да. Вотъ тебѣ!.. Противъ Бога и то...

— Ахъ, Алеша... тихо отозвалась дѣвушка и, закрывъ лицо руками, заплакала.

— Слезами не поможешь,—глухо произнесъ Ларинъ.—А вотъ если ты не хочешь ничего дѣлать для нашего счастья, то я за все самъ берусь. И за это тоже... Я самъ буду просить Павлу Тимо-

еевну насъ изъ мучительства нашего освободить. И только однимъ-то словомъ. Завтра же поѣду къ ней въ пустынь и буду ее умолять.

Маряша, плача и закрывая лицо руками, покачала головой:

— Новая выдумка,—произнесла она:—и еще безумнѣе прежнихъ.

Ларинъ рѣшилъ дѣйствовать тотчасъ же, но сталъ откладывать со дня на день, чтобы обдумать рѣшительный шагъ со всѣхъ сторонъ.

Его новая выдумка, поѣздка въ монастырь съ просьбой къ Павлѣ Тимошеевнѣ, или къ матери Маріаннѣ, наводила на него такой страхъ, какъ если бы онъ шелъ добровольно на смертную опасность.

Въ дѣйствительности это было чувство добраго человѣка. Алексѣй Андреевичъ боялся того удара, который онъ готовилъ монахинѣ. По временамъ ему чудилось, что онъ затѣялъ ѣхать рубить женщинѣ голову съ надеждой, что раны, которыя онъ ей нанесетъ, будутъ не смертельны.

Искреннія увѣренія Маряши, что онъ сумасшедшій, что онъ лишился здраваго разсудка отъ постоянного раздумья надъ своимъ положеніемъ, кромѣ того, заявленіе дѣвушки, что мать будетъ поражена на смерть, узнавъ что случилось и происходитъ въ Ларинѣ,—все это заставило Ларина потерять присутствіе духа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не хотѣлъ отступать, упорствовалъ въ исполненіи плана, который считалъ единственнымъ для достиженія счастья.

Онъ переговорилъ съ Андреемъ и съ двоюродной сестрой.

Одинъ повторилъ то же, что и Маряша, но прибавилъ съ слезами:

— Великое горе будетъ матушкѣ узнать этакое. Да что же дѣлать? Согласиться на клевету на себя она не сможетъ. Стало, вообще затѣя твоя безумная и ни къ чему не ведущая. Объяви здѣсь всей дворнѣ самъ, что якобы знаешь этакое обстоятельство отъ покойнаго родителя. И больше ничего. А матушку оставь.

Ишимова была своего мнѣнія. Надо все пробовать, а не сидѣть, сложа руки.

— Изъ нитя, кромѣ воя, ничего не выйдетъ,—шутила она.—Мы съ Алешей одного поля ягоды, а вы двое другого поля. Мы кремни, а вы пастила. Эхъ, жаль, что не мы съ Алешей полюбились. Мы бы давно уже и обвинчаны были и давно на всѣхъ, кто сталъ бы на насъ глаза таращить, начихали.

На замѣчаніе Маряши, что нельзя итти противъ всѣхъ, и надо по пословицѣ жить: «одинъ въ полѣ не воинъ», Ишимова отвѣчала пословицей: «своя рубашка къ тѣлу ближе». О себѣ озабочивайся, о своемъ благополучіи и ни на кого не смотри.

— Ступай, Алеша, въ монастырь. Ступай!—говорила она.—Пробуй. Все перепробуй... Въ Петербургъ ступай, царицѣ просьбу подавай. Сказываютъ, что за такую просьбу тебя судить будутъ. Пускай судятъ...

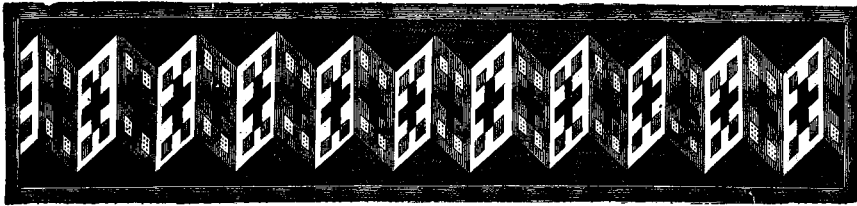
Глазъ на глазъ съ Ларинымъ Ишимова сказала:

— Поразится Павла Тимоѳеевна на смерть отъ твоихъ рѣчей. Ну, и Христосъ съ ней. Поражайся. Своя рубашка, помни, къ тѣлу ближе. Что тебѣ монашка, хоть и мать Маряши?...

Графъ Е. А. Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

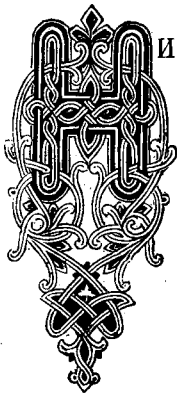

ИЗЪ ПРОШЛАГО¹⁾.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первыя впечатлѣнія бытія.

VIII.

И ОДНОЙ родной бабушки я не помню: одна умерла еще до моего рожденія, а другая — мать отца, никогда не выѣзжала изъ Малороссіи и умерла девяноста лѣтъ, при жизни еще сдѣлавшись прапрабабушкой по старшей линіи. Умерла она въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и до послѣдняго года жизни писала всѣмъ дѣтямъ письма. Къ сожалѣнію, читать ея письмена было весьма затруднительно по тремъ причинамъ: во-первыхъ, писала бабушка по-старинному, *е* въ видѣ квадрата, *т* и *у* дѣлала фигуристыя съ завитушками, о буквѣ *ъ* совсѣмъ не заботилась; во-вторыхъ, писала она домашними чернилами, что дѣлали изъ чернильныхъ орѣшковъ старые лакеи; такія чернила кофейнаго цвѣта держатся очень недолго и исчезаютъ съ бумаги иногда безслѣдно; въ третьихъ, — и это самое главное, — бабушка, несмотря на старость, писала безъ очковъ, и хотя перо и чернильницу видѣла, но строкъ уже видѣть не

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІХ, стр. 39.

могла. Поэтому нерѣдко она водила по страницѣ сухимъ перомъ, и получались письма съ большими пробѣлами: словно старость—строгая цензура — дѣлала вымарки въ ея предсмертномъ лепетѣ.

Единственную неродную бабушку, которую я зналъ, — я привыкъ соединять съ первыми впечатлѣніями дѣтства. Это была тетка моего отца, вдова—генеральша, одержимая водянкой и потому пятнадцать лѣтъ не выходившая изъ дома. Жила она у Знаменія, въ томъ домѣ, гдѣ аптека, въ угловой верхней квартирѣ, выходившей и на Невскій и на Лиговку. Теперь домъ этотъ перестроенъ; но въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ это былъ старинный домъ съ барскими квартирами, скрипучимъ потемнѣвшимъ паркетомъ, лѣпными потолками и блестящими изразцовыми печами. Отецъ считалъ необходимымъ обѣдать у тетки по праздникамъ, и я, сколько себя помню, всегда воскресенья проводилъ тамъ.

Такъ какъ и дома росъ я одинъ, то не могу сказать, чтобы скучалъ въ обществѣ не только взрослыхъ, но и прямо таки древнихъ обитателей этого дома. Моя роль ограничивалась только тѣмъ, чтобы поцѣловать ручку у бабушки, а затѣмъ мнѣ не возбранялось молчать цѣлый день, смотрѣть въ окно, слушать, что говорятъ взрослые, ѣсть за обѣдомъ, что мнѣ положить на тарелку мать, и выпить при этомъ маленькую рюмку тенерифу, единственного вина, подававшегося въ домѣ бабушки.

До сихъ поръ я такъ живо помню эти визиты. Обыкновенно прѣзжали мы къ тремъ часамъ. Степенный, хотя и завитой, лакей открывалъ намъ двери. Въ домѣ была тишина: ни кошекъ, ни птицъ, ни собакъ не допускалось. Мы вступали въ большую залу, съ карсельскими лампами на витыхъ постаментахъ, съ огромнымъ обѣденнымъ столомъ посерединѣ (бабушка всегда, даже когда никого не было, обѣдала за этимъ столомъ и столовыхъ комнатъ не признавала), съ вышитыми экранами у печекъ, огромнымъ роялемъ, на которомъ никто не игралъ, и съ удивительными часами, изображавшими льющую струйкой воду, сдѣланную, конечно, изъ стекла. На стѣнахъ висѣли картины — англійскія гравюры, которыхъ меньше всего можно было ожидать найти у бабушки: это были извѣстныя копии съ картинъ Верне, изображавшихъ иллюстраціи къ байроновскому Мазепѣ. Въ дикомъ лѣсу, гдѣ всѣ листья на деревьяхъ стояли дыбомъ, — скакала сѣрая въ яблокахъ лошадь, поднявши всѣ четыре ноги на воздухъ. На ея спинѣ былъ довольно комфортабельно привязанъ красивый брונетъ, самаго пріятнаго сложенія и совершенно раздѣтый. Его усы и шевелюра очень напоминали денди кавалериста, прогуливающагося въ Тюильрійскомъ дворцѣ. Вокругъ него скакали волки съ огненными глазами. На слѣдующей картинѣ конь изображенъ былъ уже павшимъ, при чемъ яблоки на его масти уже слиняли: такъ долго носился

онъ по стенамъ. Мазепа тоже постарѣлъ, но все также крѣпко былъ привязанъ къ издыхавшему скакуну. Въмѣсто волковъ вокругъ толпился дикій табунъ лошадей, съ выпученными, какъ у вареныхъ раковъ, глазами. Я помню, какъ поразили меня эти картины, какъ ясно запечатлѣлись онѣ въ моей памяти, и какъ я обрадовался, когда встрѣтилъ, много лѣтъ спустя, тѣ же гравюры въ одномъ эстампномъ магазинѣ Лондона, кажется, на Геймаркетѣ: точно съ друзьями дѣтства увидѣлся.

За этой залой въ блѣдно-голубенькой комнатѣ, па голубенькомъ диванѣ, съ голубенькой китайской чашкой въ рукѣ, сидѣла бабушка. Она была всегда вся въ черномъ, на головѣ былъ чернѣй кружевной съ рюшками чепчикъ. Сѣденькіе, жиденкіе волосенки еле выбивались изъ-подъ него и печально украшали ея полное, доброе, мало выразительное лицо. Животъ у нея былъ огромный, ноги отекашія, такъ что издали она казалась чернымъ мѣшочкомъ, изъ котораго торчала сѣденькая головка и маленькія бѣлыя ручки.

На другомъ диванѣ, возлѣ шкапа съ китайскимъ фарфоромъ, сидѣла ея дочь—пятидесятилѣтняя дѣвица, очень полная и громоздкая, въ прическѣ конца двадцатыхъ годовъ съ высокимъ гребнемъ,—двумя передними зубами и четырьмя куклами, помѣщавшимися рядомъ съ нею. Она была уже болѣе тридцати лѣтъ сумасшедшей, и тридцать лѣтъ ни съ кѣмъ не говорила ни слова, только иногда била горничныхъ, что представляло нѣкоторыя неудобства послѣ манифеста 1861 года. Горничнымъ выговаривалось при наймѣ чуть ли не отдѣльное вознагражденіе за побитіе. Гости здоровались съ ней, какъ съ здоровой, она протягивала имъ руку, показывала свои желтые шатающіеся рѣзцы, улыбалась и шептала:

— Здрасьте, очень рада!

Мнѣ она всегда пріятно улыбалась и кивала головой, какъ знакомая. Она исполняла порученія—велѣтъ подавать на столъ или принести бабушкѣ воды, но голоса ея я никогда не слышалъ. Она сидѣла на своемъ мѣстѣ совершенно неподвижно, изрѣдка только шепча что-то про себя. Впрочемъ иногда она сердилась на куколь и даже ихъ била, особенно одного кудряваго мальчика въ бархатной безрукавкѣ, повторяя:

— Мерзавецъ, мерзавецъ!

Куколь этихъ она мыла каждый день съ мыломъ, отчего краска на ихъ лицахъ расплывалась и дѣлала ихъ чудовищными отродьями изъ какого-то фантастическаго міра. Помѣшалась эта дѣвица отъ того, что молодой человекъ, сдѣлавшій ей предложеніе, женился на другой. Помѣшательство ея было тихое, и когда она была чѣмъ нибудь недовольна, особенно при гостяхъ, то выражала свое недовольство только тѣмъ, что начинала очень громко

сморкаться, и продолжала это до тѣхъ поръ, пока не показывалась изъ носа кровь. Тогда бабушка приказывала подать барышнѣ чистый платокъ; если же и чистый платокъ постигала та же участь, то барышню высылали изъ-за стола:

— Оля, иди къ себѣ. Довольно.

Оля съ шумомъ отодвигала стулъ, и, топая пятками туфель и развѣвая широкой пелериной платя шла къ себѣ, бормоча какія-то ругательства подъ носъ.

Съ бабушкой въ квартирѣ жилъ братъ ея покойнаго мужа, раскрашенный старикъ въ черномъ парикѣ,—существо милое, но молчаливое, съ военной выправкой, и сохранявшее всегда какое-то огнеупорное выраженіе на лицѣ. Курилъ онъ длинныя трубки и сигары, выѣзжалъ изъ дома рѣдко, и лошади стояли цѣлыми днями безъ дѣла. Гости на него тоже мало обращали вниманія, и все свое уваженіе сосредоточивали на бабушкѣ, хотя я, право, не знаю, чѣмъ она могла вызывать это уваженіе.

Гости разсаживались вокругъ бабушки по стѣнкамъ: тогда еще не было обычая ставить мебель посерединѣ комнаты. Гости были всё ветхозавѣтные, гладко причесанные и гладко выбритые старички, съ височками, крашеными бровями, и то дребезжащимъ, то глухимъ голосомъ. Военныхъ я что-то не припомню. Любимой темой разговора были нескончаемыя бесѣды о какомъ-то дѣлѣ Пономаревыхъ, которое тянулось нескончаемое количество времени, и то докладывалось въ сенатѣ, то переходило въ какія-то губернскія учрежденія. По этому дѣлу и бабушка и всё ея родственники должны были получить какую-то сумму денегъ, въ общемъ очень значительную, но ужъ не знаю, дождалась ли бабушка конца процесса.

Въ строго назначенный часъ лакей заявлялъ ея превосходительству о томъ, что кушать подано.

— А полковникъ знаетъ?—спрашивала бабушка.

Не знаю, былъ ли ея деверь полковникомъ, или это говорилось для приданія ему важности. Самый почетный гость подавалъ бабушкѣ руку, она кряхтя подымалась съ дивана и переваливаясь ковыляла въ залу, гдѣ разносился ароматъ отъ кореньевъ, которыхъ по вкусу бабушки клали въ супъ несмѣтное количество, такъ что и послѣ обѣда, когда залу провѣтрять,—все отзывается въ воздухѣ петрушкой, сельдереемъ и укропомъ.

Конечно, мнѣ было гораздо веселѣе смотрѣть въ окно, чѣмъ слушать разговоры о Пономаревыхъ. Вдобавокъ, изъ оконъ залы было на что посмотреть: перекрестокъ былъ самый оживленный. Зданіе Николаевской дороги было такое же, какъ и теперь, только какъ будто нѣсколько свѣтлѣе окрашено. Часы на башнѣ, какъ и теперь, также вращались. Къ подъѣзду подъѣзжали дребезжа и звеня дрожки, пролетки, гитары и кареты въ видѣ новыхъ ковчеговъ,

какихъ теперь нѣтъ даже въ Москвѣ. Городовые въ киверахъ и бѣлыхъ панталонахъ распоряжались съ усердіемъ Держимордъ того времени. Иногда у Знаменской церкви стояла цѣлая процессія купеческой свадьбы. И свадьбы такія теперь уже не встрѣчаются въ Петербургѣ; а тогда рѣдкое воскресенье не выѣзжала золотая карета четверней на выносъ, какъ нынче ѣздятъ только митрополиты. Кареты были высокія съ стоячимъ ходомъ и запрягались всегда сѣрыми рысаками, и фореиторъ былъ въ синемъ армякѣ и смазныхъ сапогахъ. А сзади этой кареты тянулись ряды облупленныхъ колымагъ, съ разношерстными клячами и кучерами-оборванцами, съ розанами на шляпѣ. Розы, иногда изъ бумаги, влетались и въ гривы хромыхъ росинантовъ. Внутри такіе экипажи чаще всего обивались ярко-желтой матеріей, чернѣвшею въ складахъ отъ грязи и сала, оставляемыхъ въ каретѣ сѣдоками.

Уныло приземистое зданіе церкви не скрашивалось, какъ теперь, крупными постройками вокругъ. Домики были двухэтажные, жалкіе, только Знаменская гостиница имѣла внушительный видъ, хотя и не была еще покрыта тѣми завитушками по фасаду, которыми украсили ее въ концѣ вѣка. Но главнымъ безобразіемъ была Лиговка—вонючая, мутная рѣчонка, съ деревянной грубой рѣшоткой и травкой, хоть и скудно, но пробивавшейся изъ-подъ свай и столбовъ и служившей приманкой для козъ и коровъ, которыя были чуть ли не въ каждомъ домѣ. Я помню, какъ у будки городского, вондѣ самага Знаменскаго моста, всегда гуляла на веревкѣ коза, и какая-то баба водила по вечерамъ поить къ водѣ телку. Тужъ же прачки полоскали бѣлье, и сюда же сливались помои—на всемъ разстояніи отъ Обводнаго канала, какъ текла рѣчонка. На ея поверхности всегда плавали яичныя скорлупы, лимонныя корки, щепки, огуречная кожа и головки отъ седедокъ. Это не мѣшало завзятымъ рыболовамъ—безъ шапокъ и сапогъ—удить тутъ же и съ успѣхомъ вылавливать колюшекъ.

Въ десятомъ часу отъ бабушки разѣзжались. Она въ десять уже спала. Ни книгъ, ни газетъ она не читала: газетъ даже не получалось въ ея домѣ, а книжныхъ шкаповъ и въ заводѣ не было. Вязала она нитяные чулки да раскладывала какой-то глупый пасьянсъ. Тѣмъ и ограничивалось это времяпровожденіе. Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ она умерла, и ее свезли на Охту.

IX.

Кругъ знакомыхъ у моей матери былъ очень невеликъ. Чаще всего приходили къ ней двѣ старушки-сибирячки, жившія отъ насъ черезъ нѣсколько домовъ; одна изъ нихъ была матерью сослуживца отца, другая—ея сестра. Приходили онѣ всегда по вечерамъ, часу въ седьмомъ, посылая впередъ лакея, усатаго добродушно-глупаго малаго, который докладывалъ на кухнѣ:

— Наши старыя барыни велѣли кланяться вашей барынѣ и приказали спросить, могутъ ли онѣ прійти къ нимъ въ гости.

Мать сама выходила къ нему на кухню. Онѣ кланялся и повторялъ:

— Барыни приказали вамъ кланяться и сказать, можете ли вы ихъ принять.

— Скажи, что очень рада,—отвѣчала всегда мать, и тотчасъ же посылала горничную во фруктовый магазинъ за апельсинами, грушами или инымъ угощеніемъ.

Старушки приходили въ сопровожденіи того же лакея, который ихъ разоблачалъ и уходилъ домой, съ наказомъ быть непременно къ десяти: ночи темныя, и ходить онѣ однѣ боятся.

Гости садились на диванъ рядомъ. Между двухъ свѣчей на вазочкахъ ставилось варенье и грудка стеклянныхъ раковинъ. Начиналась немедленно проба вареній, и подробное обсужденіе достоинства каждаго изъ нихъ.

— У насъ нынче съ Машенькой морошка не вышла, — говорила старшая.—Кипяткомъ ли ее не обдали, или что,—только не путемъ сварили. Кости, кости,—какъ песокъ ѣшь.

— Отъ того, Настенька, что вы суетитесь, — кисло возражала Машенька,—предоставили бы все мнѣ.

— Вамъ предоставить, Машенька, у васъ все переварится.

Въ такихъ разговорахъ проходило время до тѣхъ поръ, пока являлся отецъ, спавшій послѣ обѣда. Онѣ уходилъ, по обыкновенію, играть съ кѣмънибудь въ карты и иногда передъ уходомъ потчевалъ старухъ наливкой.

— Это хорошо,—говорила Настенька,—но вотъ у насъ изъ облѣпихи лучше дѣлали. Вы знаете такую ягоду—облѣпиху?

Старушки часто вспоминали Сибирь и жили больше прошлымъ, чѣмъ настоящимъ, хотя настоящее тянулось для нихъ очень долго. Онѣ ходили къ намъ лѣтъ тридцать подъ рядъ, и когда мать умерла, имъ ужъ было лѣтъ за восемьдесятъ.

Взволнованными я видѣлъ ихъ только разъ. Онѣ вознегодовали на Некрасова за его «Русскихъ женщинъ». Кто-то имъ принесъ книгу «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ была напечатана эта поэма, и гнѣву ихъ не было границъ. Онѣ вообще были невысокаго мнѣнія о писателяхъ, но тутъ это сословіе окончательно упало въ ихъ глазахъ.

— И вѣдь какъ вретъ, какъ вретъ!—негодовали онѣ.—Пусть бы романъ писалъ,—ну, ври, нанизывай всякую небывальщину, какъ вотъ въ «Пенденіѣ», что мы недавно съ сестрицей читали. А тутъ про живыхъ людей пишетъ, и такую дичь. Онѣ бы ко мнѣ пріѣхалъ да спросилъ, какъ дѣло было, такъ я бы и рассказала ему. Трубецкую-то я какъ сейчасъ вижу—ѣдетъ въ зеленомъ платьѣ на дрожкахъ, сидитъ бокомъ, и вуаль развѣвается. У насъ зеле-

ныхъ-то платьевъ тогда не было, такъ на нее, какъ на ряженую, смотрѣли. И губернаторъ совсѣмъ былъ не такой. Слава Богу,—губернаторъ нашъ! Онъ и словъ-то такихъ не зналъ, и говорить-то не умѣлъ. Ничего онъ ея не уговаривалъ, а просто задержалъ ее, чтобъ передъ начальствомъ выдвинуться: не желаю, молъ, способствовать женамъ политическихъ преступниковъ. И что жены кандалы у мужей цѣловали при встрѣчѣ,—совсѣмъ враки: прямо такъ въ губы цѣловались. Вѣдь они съ большимъ послабленіемъ жили, не то, что вообще каторжные. Одна тамъ барыня была, такъ та совсѣмъ не для мужа пріѣхала, а для любовника. И все это мы знали, я по именамъ ихъ всѣхъ перечту...

Я хорошо помню этотъ рассказъ, потому что онъ относился уже къ семидесятымъ годамъ, когда я былъ въ старшихъ классахъ гимназіи и «Русскихъ женщинъ» зналъ наизусть. Въ дѣтствѣ же мнѣ ихъ рассказы о сибирской жизни казались невыносимо скучными. Я сидѣлъ тутъ же въ гостиной, за маленькимъ столикомъ и раскрашивалъ густыми синими и красными красками печатныя картинки изъ священной исторіи: «Иону, изблеваннаго китомъ», у котораго (т.-е. у кита) были глаза по аршину, зубы, какъ у щуки, а фонтаны били изъ трубокъ, какъ въ Петергофскомъ саду,—«Жену Пентефрія», вцѣпившуюся въ Іосифа, на лицѣ котораго былъ изображенъ смертельный ужасъ, «Трехъ несгораемыхъ отроковъ Сирраха, Миссаха и Авденаго въ печи вавилонской» и прочее въ этомъ родѣ. Когда же становилось слишкомъ скучно, я ускользалъ въ кухню, куда въ обыкновенное время мнѣ запрещено было ходить, но гдѣ для меня общество было гораздо болѣе соблазнительное.

У кухарки нашей былъ мужъ—бравый солдатъ, служившій на желѣзной дорогѣ, но жившій у насъ; ихъ ребенка я крестилъ, когда мнѣ самому было лѣтъ шесть. Ребенокъ вскорѣ умеръ, но съ тѣхъ поръ и кухарка и ея отставной канониръ звали меня не иначе, какъ кумомъ. Я залѣзалъ къ «куму» на колѣни, онъ гладилъ меня закорузлыми руками и рассказывалъ гораздо болѣе интересныя вещи про деревню и про пушки, чѣмъ то, что говорилось въ гостиной. Еще интереснѣе было, когда они садились ужинать, и я среди нихъ (подъ величайшимъ секретомъ отъ матери) ѣлъ холодный гороховый кисель съ подливкою изъ постнаго масла. Это было несравненно вкуснѣе клубничнаго варенья,—настолько же вкуснѣе, насколько запахъ махорки отъ солдатскихъ усовъ казался пріятнѣе запаха мари-фарина, которымъ душились старушки.

Но апогеемъ счастья было для меня, когда въ кухнѣ сидѣлъ гость: унтеръ-офицеръ Семеновскаго полка — рыжій, въ веснушкахъ, здоровый, выхолненный, и своимъ мѣрнымъ голосомъ велъ степенный рассказъ. Это было одно изъ двухъ: или урокъ изъ

астрономіи, или эпизоды изъ «усмиренія поляковъ». Какъ ни страннымъ это покажется, но первые, болѣе или менѣе систематическіе уроки по астрономіи я получилъ именно у насъ на кухнѣ. Я, семилѣтній мальчикъ, зналъ изъ разсказовъ матери, что земля—шаръ, что луна освѣщена солнцемъ, что само солнце такъ далеко, что если ѣхать съ самымъ скорымъ поѣздомъ, такъ во всю жизнь до него не доѣдешь. Но познанія матери, получившей воспитаніе во французскомъ московскомъ пансіонѣ, этимъ и ограничивались. Унтеръ-офицеръ обладалъ необъятными на мой взглядъ свѣдѣніями. Ему попалась какая-то популярная астрономія, и онъ отъ долгаго перечитыванія выучилъ ее наизусть и любилъ въ гостяхъ пустить въ глаза пыль своею ученостью. Вѣроятно, онъ половины изъ того, что зналъ, не понималъ, но, тѣмъ не менѣе, нисколько этимъ не смущался и важнымъ голосомъ говорилъ:

— Вторая свѣтила солнечной сферы—Венера. Это—планета, наиболѣе приближающаяся къ землѣ не только, значитъ, по разстоянію, но и по конструкціи. Ея огненное ядро покрыто плесою, подобною нашей земляной, и на оной водятся ящеры, въ родѣ ихтосаврей и плизосаврей, кои водились у насъ въ допотопъ.

Онъ даже водилъ меня на черную лѣстницу, указывая на Юпитеръ и утверждая, то вотъ это самая Венера и есть, по которой ползаютъ ихтосаври. Его всѣ слушали съ благоговѣніемъ; кухарка зѣвала и относилась скептически.

— И кто тамъ былъ!—говорила она.—Можетъ, это такъ только: лампы ангельскія, а вы про ящерицъ говорите.

Вообще, компанія, собиравшаяся на кухнѣ, держала себя въ границахъ самаго строгаго приличія. Курили поочередно, сидя на корточкахъ у печки, никогда не возвышали голоса. А когда говорилъ Петръ,—царила мертвая тишина. О полякахъ онъ разсказывалъ съ неохотой, вяло.

— Заберутся въ болото, ну, ихъ тутъ и колешь. Извѣстно—повстанцы. Долгъ свой соблюдаешь, а удовольствія никакого нѣтъ. Только и отводилъ душу, когда на бивуакѣ астрономію почитать придется.

Какъ памяты мнѣ до сихъ поръ эти вечера на кухнѣ: блестящая мѣдная посуда на полкахъ, пламя подъ плитой, нашивки на рукавахъ унтеръ-офицера, усагыя лица его товарищей,—и потомъ, когда всѣ уйдутъ, разсужденіе кухарки съ мужемъ.

— Чистая бѣда, сколько на гостей выходитъ. Ты сочти: сеledка семь копеекъ, водка двадцать копеекъ, огурцы—десять копеекъ. Разореніе—одно слово!

На это кумъ сплевывалъ и говорилъ:

— Нельзя, земляки!

X.

Наконецъ губернской Владимиръ былъ соединенъ съ Москвой желѣзной дорогой, и отецъ рѣшилъ, то я съ матерью отправлюсь на лѣто къ ея отцу въ деревню. Деревни до тѣхъ поръ я видѣлъ только подъ Петербургомъ, а о мужикахъ имѣлъ больше представленія по тѣмъ пригороднымъ крестьянамъ, что торговали на возахъ передъ Рождествомъ «мороженой живностью», у которыхъ отецъ, мнившій себя большимъ хозяиномъ, покупалъ гусей, поросятъ и индѣекъ. По дорогѣ пришлось остановиться у тетки въ Москвѣ. Я живо припоминаю впечатлѣніе тогдашней первопрестольной въ жаркіе майскіе дни. Послѣ чистаго Петербурга она намъ показалась какой-то клоакой, несмотря на то, что моя тетка жила на Чистыхъ прудахъ, въ чистенькомъ домикѣ съ огромнымъ дворомъ. Мнѣ всегда были ненавистны въ Петербургѣ Гороховая и Садовая улицы своей сѣрой сутолкой, грохотомъ и какимъ-то зловѣщимъ видомъ. Но Мясницкая показалась мнѣ еще ужаснѣе, а Гостиный дворъ, куда насъ повела тетка, напомнилъ, какъ двѣ капли воды, сгорѣвшую Апраксинскую толкучку. Мать даже не рѣшалась заходить въ магазины, говоря, что тамъ страшно быть «однѣмъ» женщинамъ. Зато Владимиръ, открытый четырьмя вѣтрами и залитой вишневыми садами, показался мнѣ полудеревней. Мы посѣтили какихъ-то старушекъ, родственницъ, жившихъ у Золотыхъ воротъ. Потомъ меня повела тетка (не московская уже, а владимирская) прикладываться къ мощамъ великихъ князей. Такъ какъ рака была высокая, и я не могъ дотянуться губами до «рукавички», тетка меня вздумала поднять, но я ее перетянулъ и упалъ на мощи, откуда уже былъ извлеченъ при помощи монаха и болѣе усердныхъ прихожанъ.

Изъ Владимира пришлось проѣхать двѣ станціи желѣзной дороги и потомъ пересѣсть въ тарантасъ. Какое-то странное, необычное чувство охватило меня, когда на ранней зарѣ поѣздъ остановился въ березовой рощѣ, и гулъ его равномернаго движенія смѣнился тихимъ, прозрачнымъ, чуткимъ спокойствіемъ розоваго утра; какъ рѣзко и мелодично позванивалъ колокольчикъ подъ дугой, какъ фыркали лошади, какъ ямщикъ помогалъ укладывать и привязывать наши чемоданы. Потомъ тарантасъ тронулся, колокольчикъ зазвенѣлъ, и колеса мягко покатались по узкой дорогѣ, извилинами бѣжавшей между холмовъ, спускавшейся къ рѣчкѣ, пробѣгавшей по ея неглубокому дну и снова взбиравшейся на гору. Въ первый разъ я увидѣлъ восходъ солнца, огромнаго краснаго шара, плавно возносившагося надъ широкимъ просторомъ безконечныхъ полей. Колыханіе экипажа, утрення свѣжесть, безсонная ночь укачали меня. Сквозь сонъ я помнилъ, что переѣз-

жали на поромѣ черезъ какую-то рѣку, и мать просила, чтобы заложили сзади тарантаса перекладину, а то лошади попятятся, и мы упадемъ въ воду. Потомъ часа черезъ два мать тихо тормозила меня, говоря:

— Просыпайся, пріѣхали,—смотри, вотъ домъ дѣдушки: это Быково.

И я увидѣлъ на горѣ церковь и неподалеку отъ нея сѣрый домъ съ бѣлыми колоннами и фронтономъ. На верхнемъ балконѣ стояла женская фигура и, повидимому, укачивала ребенка. Но, когда совсѣмъ близко подѣхали, фигура оказалась моей третьей теткой, барышней дѣтъ двадцати четырехъ, а ребенокъ оказался четвертой бутылью наливки, которую она встряхивала.

И вотъ началась та привольная дѣтская жизнь, которая золотыми буквами вписывается въ памяти cadaго изъ насъ. «Всѣ впечатлѣнія бытія» тогда новы, рѣвки, живительны.

Все окрашено въ свои цвѣта, милые, яркіе, праздничные. Гейне говоритъ, что дѣти потому любятъ цвѣты, что болѣе, чѣмъ взрослые, помнятъ то время, когда сами были цвѣтами. Несомнѣнно, что ребенокъ, не обросшій еще культурной корою заботъ, болѣе чувствуетъ себя частью природы, чѣмъ взрослый. У него, какъ у птицы, какъ у cadaго животного, явятся и друзья и враги, которыхъ большіе не замѣчаютъ. Ребенокъ полюбитъ какую нибудь разваленную калитку, уместится возлѣ нея на неудобномъ шершавомъ камешкѣ—и счастливъ, находя свое помѣщеніе дворцомъ. Мнѣ какъ-то разъ мой дядя—мужъ тетки—сдѣлалъ въ саду землянку, покрылъ ее дерномъ,—и я считалъ себя въ этой орѣховой скорлупѣ «владыкой безпредѣльнаго пространства» и плакалъ, какъ іудей у разрушенныхъ стѣнъ Іерусалима, когда дождь размылъ мою землянку, и намокшій сводъ рухнулъ, къ счастью, когда меня тамъ не было. Въ углу двора, ближе къ пруду, былъ поросшій крапивою и бурьяномъ скатъ,—и какъ я ненавидѣлъ, какъ истреблялъ эту растительность, обжигавшую мнѣ сквозь чулки ноги. Какъ истреблялъ я на заборахъ большихъ жирныхъ пауковъ, послѣ того какъ увидѣлъ крохотную бабочку, запутавшуюся въ тенетахъ этихъ хищниковъ, къ которымъ даже вѣчно спокойные натуралисты относятся съ отвращеніемъ. Были и страшныя мѣста. Возлѣ мельницы, подъ водою, между коричневато желтыхъ «песковъ синѣла и чернѣла страшная яма: это былъ «омуть», гдѣ тонули неосторожныя дѣти. Иногда въ деревенскую церковь вносили длинные открытые ящики, и въ этихъ ящикахъ лежали такіе же длинные люди въ бѣломъ, вытянутые съ руками, сложенными на груди. Потомъ страшны были осы, слѣпни, оводы, шмели, пчелы, ужи и раки, хватавшіе во время купанья неосторожныхъ за ногу. Все это было страшно.

Но зато сколько милаго, дорогого, безконечно прекраснаго! Прудъ, весь затянутый зеленью, съ покривившимся, на половину

затонувшимъ плотомъ, плававшимъ посрединѣ; вишневья деревья съ густымъ клейкимъ сокомъ, красновато желтыми кусками топившимся изъ коры, вязкимъ и сладкимъ на вкусъ, какъ лучшее пирожное; качели, старья скрипучія, — онѣ какъ будто стонуть отъ ревматическихъ болей при каждомъ розмахѣ; безконечный дворъ съ сараями, конюшнями, кухнями, баней, людскою, амбарами, ледникомъ; далекій синій лѣсъ; рѣка съ заливыми лугами; шумящія деревья стараго сада; яблони, роняющія спѣлыя яблоки, — все это — настоящій міръ, вотъ то, чѣмъ живетъ и дышитъ ребенокъ.

Какъ собака, онъ каждый предметъ совмѣщаетъ съ извѣстнымъ запахомъ. Посмотритъ на сарай, и знаетъ, что тамъ пахнетъ кожей отъ фордековъ громоздкихъ неуклюжихъ тарантасовъ и слегка дегтемъ отъ только что смазанныхъ колесъ. Въ сараѣ прохладно, поэтому въ углу на сѣнѣ вѣчно спитъ кучерь. Къ стѣнѣ прислонена дуга, и къ ней привязанъ колокольчикъ, который гулко позваниваетъ, когда ударишь внутри язычкомъ. Рядомъ конюшня, гдѣ стоятъ разномастныя сытыя лошади и однимъ глазомъ поглядываютъ на входящихъ. Здѣсь пахнетъ лошадыю и свѣжимъ сѣномъ отъ сѣновала, что помѣщается наверху. Въ кухнѣ всегда запахъ свѣже испеченнаго хлѣба и всегда тепло. Низенькія окна приподняты на половину, и верхнія ихъ части все засижены мухами. На скотномъ дворѣ мычатъ коровы и, пошевеливая хвостами и потирая челюстями, терпѣливо ждутъ своей очереди, когда жирная скотница привычными сильными руками не начнетъ ихъ выдаивать. Тутъ же и птичникъ, — и старый пѣтухъ, съ пробитой до мозга головой и весь обципаный, гордо гуляетъ среди пестрыхъ куръ. На заборѣ сидитъ котъ съ разорванными ушами и безъ хвоста. Онъ ужасный волокита, и бѣгаетъ къ нашей кошкѣ изъ сосѣдней деревни. Потерялъ ли онъ хвостъ въ какой нибудь жестокой дуэли, или ужъ таковъ былъ отъ рожденія, — не могу сказать, но кошка наша два раза произвела на свѣтъ по безхвостому сыну, которымъ папаша, по увѣренію скотницы, признавъ ихъ за своихъ сыновей, еще слѣпымъ немедленно перегрызаль горло. По двору ходятъ большія собаки, это уже истинные друзья: завидя меня, они поднимаютъ хвостъ трубою, потомъ несутся со всехъ четырехъ ногъ и, положивъ мнѣ лапы на плечи и придавивъ къ стѣнѣ, лижутъ въ носъ, щеки и уши. Все это какъ-то сливается въ одно прекрасное неразрывное цѣлое, все это любитъ меня, — и я все это люблю, не зная, что лучше: валдайскій колокольчикъ, сѣрыя котята, конюхъ Василій или сладкій вишневый клей и красный крыжовникъ на густыхъ кустахъ сада.

Дѣдъ, невысокій старикъ, съ сѣдой бородой, зоветъ меня почему-то *monsieur le comte* и любитъ, когда я прихожу къ нему въ кабинетъ, гдѣ пахнетъ тѣмъ натираньемъ, о которомъ я уже го-

ворилъ. Надъ постелью виситъ ружье, кинжалъ, пара пистолетовъ и моя копія съ Сикстинской Мадонны Рафаэля. Боже мой, что это за копія! Рисована она на писчей бумагѣ обыкновеннымъ свинцовымъ карандашомъ, съ пресквернаго подслѣповатаго отпечатка въ какой-то русской иллюстраціи. Но все усердіе, на какое я былъ способенъ въ семь лѣтъ, было приложено. Одинъ глазъ у Мадонны гораздо выше другого, брови черныя, дугами, ротъ не вышелъ, и на мѣстѣ его осталось какое-то пятно. Сикстъ и Варвара совсѣмъ не удались, особенно фигура Варвары. Какъ я ни потѣлъ, все она казалась не склонившей колѣна, а танцующей въ присядку. Но дѣдъ былъ очень доволенъ и прибилъ картину на стѣнку собственноручно гвоздиками.

Онъ былъ очень религіозенъ. Въ силу этой религіозности онъ, по рожденію католикъ, перешелъ въ православіе: онъ говорилъ, что разъ нѣтъ въ ихъ краѣ ксендзовъ и католическихъ церквей, такъ онъ будетъ православнымъ, такъ какъ жить безъ исповѣди и причастія не можетъ. Онъ цѣлые вечера и дни проводилъ за перепиской всевозможныхъ акаѳистовъ. У меня до сихъ поръ сохраняются его рукописи, въ видѣ тщательно сшитыхъ тетрадокъ in octavo, съ каемочками, выведенными по линейкѣ кругомъ страницъ, и съ титулами, написанными красными чернилами. У него былъ цѣлый шкафъ, набитый этими тропарями, кондаками, акаѳистами и пр. Онъ дарилъ эти рукописи всѣмъ сосѣдямъ и писалъ ихъ чуть ли не наизусть.

Въ церкви онъ всегда стоялъ на клиросѣ или въ алтарѣ и пѣлъ вмѣстѣ съ пѣвчими. Церковь онъ хотя и подновлялъ и украшалъ по мѣрѣ своихъ средствъ, но она представляла изъ себя печальное произведеніе строительнаго искусства, расписанная владимирскими богомазами, хотя и по старымъ образцамъ, но довольно несуразно. Меня особенно поражало одно изображеніе: Христа въ темницѣ. Это была кукла, въ аршинъ или полтора ростомъ, сдѣланная грубо изъ дерева и выкрашенная въ землянистую краску, съ кровавыми потеками изъ-подъ желѣзнаго вѣнца. Одѣта она была въ длинную бѣлую рубашку, до самыхъ пятъ, подпоясанную позументомъ. Все это помѣщалось въ стеклянномъ шкапчикѣ и стояло въ углу. Когда я въ первый разъ увидѣлъ это изображеніе,—даже по молодости лѣтъ испугался и долго не хотѣлъ подойти. Впрочемъ и впослѣдствіи на меня она всегда производила подавляющее впечатлѣніе.

Въ священникахъ дѣду не везло. Прежній, котораго онъ очень хвалилъ, умеръ, оставивъ дочь подростка. И покуда она росла, а попадья подыскивала ей мужа изъ товарищей старшаго сына, семинариста,—чередовались такъ называемые «викарные» священники. Все это были неудачники изъ штрафованныхъ, часто тянувшіе горькую. Дѣдъ съ соболѣзпованіемъ рассказывалъ о томъ,

что позволялъ себѣ тотъ или другой попъ, и о томъ, какъ онъ съ болью сердечной принужденъ былъ писать во Владимиръ, чтобъ ихъ убрали подалше отъ соблазна. Только постоянное присутствіе самого помѣщика въ церкви поддерживало до нѣкоторой степени благочиніе. Прямо отъ дѣда священниковъ переводили даже въ Березовъ, такіе бывали неприятные случаи.

Для меня личность дѣда была окружена ореоломъ двѣнадцатаго года. Я съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на его толстый носъ, маленькіе пухлые глаза, слушалъ, какъ онъ говоритъ, какъ смѣется по-старчески, дребезжащимъ смѣхомъ,—и думалъ: неужели онъ сражался съ Наполеономъ, съ тѣмъ самымъ на которомъ—

...треугольная шляпа
и сѣрый походный сюртукъ.

Такъ смотритъ археологъ на найденную въ Микенахъ бронзовую брошку и, смотря на нее, думаетъ, что нѣкогда ее застегивали руки какого нибудь Атрида. А дѣдъ пилъ чай со сливками и спокойно смотрѣлъ вокругъ, не замѣчая моего восторженнаго взгляда.

— Дѣдушка,—спрашиваю я,—вы знали Даву?

Онъ удивленно поворачивался ко мнѣ.

— Даву? А тебѣ что?

— Мнѣ мама сказала.

— Маршалъ Даву любить вдову.

— Какую вдову, дѣдушка?

— Не знаю, какую. Думаю, такъ больше это для риёмы. У насъ такая поговорка была.

— А отчего же вы Наполеона не видѣли?

— Онъ никогда меня къ себѣ не приглашалъ. И я его къ себѣ не звалъ, ну, и не видѣлись.

— А русскаго-то царя вы видѣли, дѣдушка?

— Благословеннаго видѣлъ. Въ Парижѣ видѣлъ. Красавецъ такой былъ, шляпа вотъ съ какимъ плюмажемъ, и кобыла англизирована. Ты знаешь, какъ лошадь англизируютъ?

— Нѣтъ, дѣдушка.

Онъ объяснилъ мнѣ.

— Такъ вы въ Парижѣ были, дѣдушка? Хорошо тамъ?

— Весело было. Теперь я и Парижа не помню. Пятьдесятъ лѣтъ вѣдь прошло. Теперь бы заблудился. Была у насъ хозяйка Адель, это помню. Черноглазая въ чепчикѣ.

— А въ Петербургѣ, дѣдушка, были?

— А въ Петербургѣ не былъ. Вотъ какъ нибудь къ тебѣ въ гости пріѣду. Соберу финансы, продамъ хлѣбъ и пріѣду. Мнѣ въ крѣпость надо. Ты былъ когда въ крѣпости? Не возилъ тебя отецъ? Напрасно. Тамъ Благословенный похороненъ. Вотъ я поклониться ему хочю. А потомъ въ Казанскій соборъ надо. Тамъ Куту-

зовъ лежитъ, и знамена, что мы изъ Парижа привезли,—тоже тамъ. Приѣду, вмѣстѣ все пойдемъ смотрѣть.

Онъ сдержалъ слово, и года черезъ четыре послѣ обѣщанія приѣхалъ. Мы были съ нимъ въ Петропавловскомъ соборѣ, онъ стоялъ на колѣняхъ передъ бѣлой гробницей Александра и плакалъ старческими безсильными слезами. Я, уже гимназистикомъ, растерянно стоялъ возлѣ него. О чемъ онъ плакалъ? Я думаю о невозвратномъ прошломъ. Онъ плакалъ о далекомъ солницѣ Бородинскаго поля, о тѣхъ старыхъ королевскихъ воротахъ, черезъ которыя онъ вступалъ въ покоренный Парижъ, о черныхъ глазкахъ мадамъ Адель, о своей контуженной ногѣ, объ умершей женѣ и о тусклой, тяжелой старости. Моя мать тоже расплакалась,—и отецъ насилу усадилъ ихъ въ карету и повезъ завтракать къ Елисеѣву, гдѣ дѣдъ непремѣнно хотѣлъ выпить чистаго французскаго вина, и гдѣ поэтому сперва пили grave, а потомъ трягнули стариной и заморозили Клико.

XI.

Жизнь мое въ лѣтніе мѣсяцы въ деревнѣ дѣда кажется мнѣ какою-то живою связью съ жизнью моихъ предковъ. Крѣпостное право уже рухнуло, но все, что служило у дѣда,—все это были его прежніе крѣпостные. Попрежнему была людская, дѣвичья, попрежнему кричали уменьшительными именами: «Улитка, Матрешка!» Сосѣди еще сохраняли старозавѣтныя черты и являлись еще вполне гоголевскими типами,—уравновѣшенными, упитанными. Спокойствіе лежало на всемъ: лица лоснились отъ подкожного жира, газетъ не было, книгъ читалось мало. Ъли, ловили рыбу, ходили въ лѣсъ «по грибы», варили варенье, солили, мариновали, курили длинныя трубки, сплетничали, рожали дѣтей, хоронили ихъ, сами умирали. Надо всеѣмъ свѣтило тихое голубое небо, проносились грозы, зима засыпала все снѣгомъ,—ну, словомъ обломовщина доцвѣтала свое время.

Теперь домъ дѣда давно сломанъ, садъ вырубленъ, фруктовыя деревья свезены. Только церковь стоитъ попрежнему, да мельница, какъ и въ старые годы, шумитъ и грохочетъ у плотины.

Итакъ, лѣтомъ шла помѣщичья, привольная жизнь, а зимою — городская. Но прежній чиновничій синклитъ сослуживцевъ отца, къ великой радости матери, уже не совершалъ систематическіе набѣги на яства и питія. Съ тѣхъ поръ, какъ съ казенной квартиры мы съѣхали на частную, эти набѣги почти прекратились. А въ прежнее время ходили къ намъ, какъ въ трактиръ. Въ нижней столовой накрывался столъ, и съ двѣнадцати до трехъ толпились голодные, одѣтые въ синіе фраки жрецы Ѳемиды. Иногда отца не было дома: его вызывали по дѣлу, но гости оставались и просили только

прислугу доливать пустые графины. Огромные пироги съ курами, съ сигаами, съ грибами, маринованная рыба, соленые грибы—все это истреблялось въ невѣроятномъ количествѣ. Когда отецъ вышелъ въ отставку, облѣпившись и опустившись преждевременно, многіе удивлялись, какъ онъ не сумѣлъ, занимая «хлѣбное» мѣсто, составить себѣ состоянія, подобно всѣмъ своимъ предшественникамъ. Но у него не только не было состоянія, но и никакихъ сбереженій, такъ какъ все было проѣдено и выпито. Зато осталось за нимъ ключка «хлѣбосола». Вскорѣ онъ получилъ маленькое наслѣдство отъ своей матери и скромно могъ прожить остальную жизнь. Вдобавокъ, маленькій капиталецъ онъ роздалъ по рукамъ пріятелей и друзей, находившихся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Онъ съ нихъ не получалъ не только процентовъ, но и капитала, а когда умеръ—отъ него осталась пачка вексельной бумаги съ обязательствами его добрыхъ знакомыхъ, не пріѣхавшихъ даже къ нему на похороны и потомъ, разумѣется, не заплатившихъ ни гроша.

Мнѣ было уже восемь лѣтъ; систематично меня не учили, и я занимался попрежнему съ матерью кое-какими науками. Отецъ началъ уже подумывать о гимназій и о томъ, что пора мнѣ заниматься систематическимъ ученіемъ, когда внезапно пріѣхалъ въ Петербургъ двоюродный братъ матери, А***, значительно повліявшій на мое дальнѣйшее развитіе. Черезъ двѣ недѣли по пріѣздѣ онъ переѣхалъ къ намъ и прожилъ болѣе трехъ лѣтъ.

Это былъ совсѣмъ молодой человѣкъ, съ золотистой бородкой и волнистыми длинными волосами. Онъ былъ очень похожъ на Христа, изображеннаго художникомъ Ге въ его «Тайной вечери». Тогда только что прогрѣла эта картина, и многіе подтверждали это поразительное сходство. Онъ былъ студентъ Московскаго университета, тамъ были безпорядки—и ему пришлось выйти. Пріѣхалъ онъ въ Петербургъ, думая какъ нибудь устроить свою дальнѣйшую судьбу.

Онъ хорошо рисовалъ и задумалъ поступить въ академію художествъ. Очень жаль, что это не осуществилось. Талантъ у него былъ несомнѣнный, и недоставало только техники. Тѣ композиціи, что онъ набрасывалъ карандашомъ и акварелью, были очень оригинальны. Я помню особенно одну изъ нихъ. Только что утихла буря, и передъ сумерками изъ-за тучъ выплыла луна. По Тиверіадскому озеру тихо скользитъ лодка. Апостолъ Петръ сидитъ на кормѣ и правитъ однимъ весломъ. У ногъ его спитъ Іуда. Христосъ, сидя на скамьѣ противъ нихъ, съ глубокой грустью смотритъ на спящаго ученика. Я никогда нигдѣ не встрѣчалъ такой композиціи. Потомъ онъ задумалъ картину «Христосъ передъ статуей Будды», и сдѣлалъ оригинальный эскизъ; освѣщенное лицо Іисуса и громадный Будда производили на меня,

по крайней мѣрѣ, подавляющее впечатлѣніе. Къ сожалѣнію, всѣ эти эскизы давно пропали.

Молодой человѣкъ сразу привлекъ меня къ себѣ вдохновенною рѣчью. Онъ поклонялся Ге, читалъ наизусть Некрасова, декламировалъ изъ Гоголя описаніе «Украинской ночи». Узнавъ, что я только однажды былъ на выставкѣ въ академіи, — какъ разъ въ тотъ годъ, когда были выставлены «Тайная вечеря», «Читальщикъ» Брызгалова (вѣрнѣе Перова) и «Неровный бракъ» Пукирева, — онъ меня повелъ на Васильевскій островъ знакомить съ русскимъ искусствомъ. Мы ходили съ нимъ по разнымъ линіямъ, по какимъ-то грязнымъ дворамъ, подымались на чердаки, гдѣ художники въ халатахъ жили по три человѣка въ одной комнатѣ. Всюду дядю принимали съ любовью, съ криками радости и восторга. Мое присутствіе не мѣшало живописцамъ работать, и я не разъ видѣлъ, какъ халатники съ упорствомъ изучали бицепсы и трицепсы на широкомъ тѣлѣ Тараса, хваставшагося тѣмъ, что онъ служилъ самому Брюллову. Лѣтъ двѣнадцать позднѣе я узналъ этого Тараса уже ожирѣвшимъ старикомъ, позировавшимъ больше въ этюдномъ классѣ, такъ какъ за нимъ установилась репутація натурщика «съ колоритной кожей». Тогда мнѣ, мальчику, вся эта обстановка богемы казалась чѣмъ-то волшебнымъ. Столъ, на которомъ лежали рисунки, краски, засохшія палитры, поддонникъ изъ-подъ цвѣтовъ со скипидаромъ, пустые стаканы, пиво, швейцарскій сыръ и сапожныя щетки, — казался мнѣ удивительно живописнымъ. То была эпоха перваго зарожденія національнаго самосознанія въ нашей живописи, какъ разъ послѣ «протеста тринадцати» и образованія артели. Будущее казалось въ необыкновенно заманчивомъ свѣтѣ: одинъ Ге чего стоилъ. Я невольно присообщался къ общимъ восторгамъ, и во все долготѣнее обученіе въ гимназій мечталъ только о томъ, какъ хорошо бы ходить и въ университетъ и въ академію, и жить такой же жизнью, съ гитарой, пѣснями, красками и съ такой красивой голубоглазой дѣвушкой въ розовомъ кисейномъ платьѣ и необъятномъ кринолинѣ, какую я видѣлъ однажды за столомъ у мохнатого конкурента, писавшаго какую-то программу.

Дядя не менѣе меня мечталъ объ искусствѣ. Не знаю, что собственно побудило его отказаться отъ поступленія въ академію. Помню, что въ одинъ прекрасный день отецъ повезъ его куда-то, при чемъ оба были во фракахъ. Назадъ они вернулись ликующие: отецъ выхлопоталъ ему разрѣшеніе поступить на курсы, что были, да, должно быть, и теперь есть при азіатскомъ департаментѣ. Оттуда выходили учеными переводчиками и назначались въ наши посольства и консульства, особенно на востокъ. Такъ какъ дядя мой, какъ оказалось, свободно говорить и читаетъ по-персидски, кромѣ того, знаетъ нѣмецкій и французскій языкъ, то его и при-

няли туда безъ особаго труда. Персидскій языкъ онъ шутя изучилъ въ Москвѣ, живя въ одной комнатѣ съ товарищемъ персомъ. Съ этихъ поръ мой отецъ началъ звать его драгоманомъ.

Квартира наша приняла очень странный видъ. Дядя натащилъ великое множество книгъ турецкихъ, татарскихъ, арабскихъ и персидскихъ. На столахъ валялись тегеранскія и константинопольскія газеты. Манускрипты съ хитро раскрашенными инициалами, съ золотомъ, серебромъ и привѣшенными печатями приводили въ изумленіе нашихъ знакомыхъ. Еще болѣе приводилъ ихъ въ изумленіе я, говорившій съ дядей по-персидски очень бѣгло и читавшій наизусть арабскую басню про быка и льва: «Асадунъ маратанъ хараджа» и пр.

Одно изъ величайшихъ наслажденій дяди было говорить съ татарами, продающими на улицахъ халаты и старое платье. Онъ убѣждался по быстротѣ разговора, насколько быстро удавалось ему усваивать татарскій языкъ. Способности его были изумительныя, и дѣла его по ученію шли прекрасно.

Обиліе занятій не мѣшало ему заниматься со мной. Появились нѣмецкая и русская грамматикки; ариѳметику пришлось начинать сначала: свободно обращаясь съ цифрами и дѣлая какія угодно дѣленія и умноженія, я не зналъ, что такое цифра, стоящая на такомъ-то мѣстѣ справа, а это было преступленіе. И географія приняла болѣе серіозный видъ, чѣмъ та, которой занималась со мной мать. Дядя начертилъ самъ нѣмцыя карты всѣхъ частей свѣта, раскрасилъ ихъ, и занятія наши закипѣли во всю.

Въ свободное отъ занятій время онъ собственноручно сдѣлалъ шахматную игру, склеилъ огромную крѣпость съ цѣлымъ войскомъ написанныхъ акварелью на бристолѣ и посаженныхъ на чурки турокъ и персовъ. Онъ рисовалъ карикатуры, даже этикетки на бутылки съ наливкой, изображая Бахуса, настаивающаго сливянку, или амура, грѣющаго бутылъ на солнцѣ, или Гебу, фильтрующую наливку черезъ пропускную бумагу и стеклянную воронку, при чемъ зевесовъ орелъ, совершенно пьяный, радостно улыбался на эту работу. Конечно, послѣднія произведенія искусства погибали, приклеенныя къ бутылкамъ въ дни именинъ, рожденій и пр.

XII.

Усиленными занятіями дядя точно хотѣлъ заглушить тотъ «мигтежный духъ», что владѣлъ имъ въ Москвѣ. Онъ сторонился отъ кружка молодыхъ людей «безъ опредѣленныхъ занятій», пріѣхавшихъ, какъ и онъ, изъ Москвы для пріисканія себѣ дѣла. Иногда къ нему приходили молодые люди, носившіе, по тогдашней модѣ, красныя рубахи, армяки и фуражки, высокіе мужицкіе сапоги и стальные очки. Приходилъ одинъ миллионеръ, сынъ купца, вскорѣ

высланный въ Вятку, въ золотомъ пенсенѣ, лакированныхъ ботфортахъ, въ высокой шляпѣ съ павлиньими перьями, свѣтло-зеленой рубахѣ съ пурпурными ластовицами и синемъ армякѣ нараспашку, напоминавшемъ болѣе альмавиву, чѣмъ армякъ. Онъ крутилъ папиросы, вставлялъ ихъ въ мундштукъ изъ пѣнки, изображавшій обнаженную женщину въ довольно непринужденной позѣ, и считалъ себя передовымъ человѣкомъ. Надъ нимъ смѣялись, вышучивали его, но такъ какъ онъ денегъ не жалѣлъ, то терпѣли, находя, что съ такихъ паршивыхъ собакъ и надлежитъ непременно брать шерсти клокъ. Потомъ приходила одна стриженная особа женскаго пола, очень хорошенькая и такая маленькая, какихъ я никогда и не видывалъ. Всѣ они ходили къ дядѣ поодинокѣ, и всѣ его уговаривали. Я слышалъ, какъ коротенькая дѣвица говорила:

— Слушайте, бросьте глупости. За какими бѣсами вамъ учиться этой белибердѣ? Китайцевъ просвѣщать хотите? Зачѣмъ вы поселились въ этой бюрократической семьѣ? Не срамите себя.

Дядя отвѣчалъ что-то тихо, чего нельзя было разобрать.

— Вздоръ!—возражала она.—Приходите ко мнѣ вечеромъ чай пить, и мы вмѣстѣ пойдемъ къ Соловьевичу.

— Чай я къ вамъ приду пить, а къ Соловьевичу не пойду.

— Боятесь?

— Не боюсь, а некогда. Вонъ мнѣ полстраницы изъ Корана разобрать надо.

— Вы, можетъ, въ Магомета вѣрите?

Дядя смѣялся и что-то тихо говорилъ ей.

— Подите вы!—возвышала она голосъ.—Тутъ о дѣлѣ идетъ рѣчь, а вы всё со своими глупостями.

Незадолго до Каракозовскаго выстрѣла дядя совсѣмъ прервалъ всякія сношенія съ московскими знакомыми и ходилъ мрачный, насупленный. Изъ всего дома я больше всѣхъ зналъ о его связяхъ, такъ какъ, когда отецъ и мать были дома, никто изъ его знакомыхъ не приходилъ, а меня не стѣснялись. Еще зимою дядя сжегъ какую-то переписку. Потомъ всё сидѣлъ дома, и даже, какъ я замѣтилъ, вздрагивалъ при каждомъ звонкѣ.

Вскорѣ онъ отъ насъ сѣхалъ. На несчастіе онъ пристрастился къ гашишу. Послѣ нѣсколькихъ усиленныхъ приемовъ онъ почувствовалъ нервное разстройство, но не могъ уже остановиться и все болѣе и болѣе пристращался къ ядовитому дурману. Кончилось все это очень печально: онъ потерялъ память, не выдержалъ экзамена, уѣхалъ въ Москву и черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ совершенно разбитый нервами.

Я не знаю, что заставило его отдаться гашишу. Жизнь какъ разъ начала улыбаться ему, и онъ долженъ былъ ѣхать въ Южную Америку, куда онъ стремился всей душой. Скорѣе всего это

была грустная случайность. Но я навсегда сохранилъ къ нему благодарность за его дѣтски-наивное и чистое отношеніе ко мнѣ, какъ къ ребенку.

Я помню, разъ увидѣлъ, какъ я, наклонившись надъ своимъ столикомъ, что-то усердно писалъ, и замѣтивъ его, торопливо закрылъ написанное бумагой.

— Покажи, что это!—присталъ онъ.

— Не могу, не покажу.

— Отчего?

— Нельзя.

Онъ не отставалъ. Наконецъ я сознался.

— Это журналъ.

Онъ вытаращилъ глаза.

— Какой журналъ?

— Я издаю его и редактирую.

— Какъ же онъ называется?

— «Орелъ».

— Городъ Орелъ?

— Нѣтъ, птица. Это журналъ естественныхъ наукъ.

Послѣ долгихъ усилій ему удалось увидѣть «Орла». Это было подражаніе издававшемуся тогда журналу «Вокругъ Свѣта»—тетрадь съ двумя раскрашенными рисунками, гравюрой на стали, полнотипажами и текстомъ въ два столбца. Само собою разумѣется, что всѣ «гравюры» и текстъ были сфабрикованы мною лично. На первомъ планѣ былъ изображенъ колибри, разъ въ десять болѣе натуральной величины, съ такимъ неистовымъ отчаяніемъ раскрашенный въ самыя яркія краски, какія у меня только нашлись подъ рукою, что дядя былъ положительно ошеломленъ. Онъ только откинулся назадъ и сказалъ:

— Ловко!

Гравюра «на стали» изображала ѣзду на оленяхъ въ Финляндіи, при чемъ небо было неистово закрашено черной краской. Изъ статей обращало на себя вниманіе описаніе Владимирской губерніи; авторъ сообщалъ, что тамъ растутъ рожь и овесъ, текутъ рѣки, изъ которыхъ особенно замѣчательны Колокша и Уводь, что тамъ часто бываютъ грозы, и на деревьяхъ растутъ очень здоровый для ѣды вишневыи клей. Затѣмъ была статья о жителяхъ Марса, при чемъ изображены были какіе-то несчастные пациенты ортопедической клиники. Это былъ уже совсѣмъ вздоръ, но самостоятельный, такъ какъ Фламмаріонъ еще не писалъ своихъ соображеній о жителяхъ планетъ.

Дядя все это разсмотрѣлъ внимательно и сказалъ:

— Ты одинъ не управишься,— я поступлю къ тебѣ въ сотрудники. Я напишу для «Орла» романъ и дамъ подробныя свѣдѣ-

нія о жизни нѣкоторыхъ мѣстностей, еще совершенно не изслѣдованныхъ.

И работа закипѣла. Что за чудесныя акварели изготовилъ онъ къ слѣдующему номеру! Онъ изобразилъ новую породу рыбъ, водящуюся въ «Великой Западной рѣкѣ». Рыба была ярко-зеленая сверху, ярко пурпуровая снизу и золотистая на бокахъ. Глаза у нея были бирюзовые, а плавники золотисто-красные. У нея былъ аппаратъ для пусканія фонтана, такъ что на закатѣ вся поверхность рѣки была сплошь покрыта этими фонтанами, что тоже было изображено на рисункѣ. Такъ какъ рыба эта была, судя по описанію до девяти футовъ длиною, то и самые фонтаны достигали сажени. Очень интересенъ былъ разрѣзъ рыбы и устройство фонтаннаго аппарата, никогда еще не примѣнившееся природой въ живомъ организмѣ.

Кромѣ того, дядя взялся за романъ, который назывался «Чаунъ-го-Тори». Это была смѣсь Сакунталы съ американскими романами Ферри и повѣстями Купера. Романъ этотъ, конечно, остался неконченнымъ, и было написано всего только три главы, но и этихъ трехъ главъ было достаточно, чтобы прійти отъ нихъ въ самый ярый восторгъ. Вдобавокъ онъ общалъ параллельно съ этимъ романомъ помѣщать очерки: «Черты изъ жизни полевыхъ зайчатъ». Ужъ не знаю, гдѣ онъ съ такой тонкостью изучилъ нравы этихъ звѣрей, но, судя по первой главѣ, что онъ мнѣ рассказывалъ, это было не менѣе очаровательно, чѣмъ «Чаунъ-го-Тори».

Всегда ровный и спокойный, иногда онъ впадалъ въ хандру и сидѣлъ по цѣлымъ днямъ нечесанный, грызя свои ногти. Разъ я его видѣлъ взбѣшеннымъ и покраснѣвшимъ отъ злости. Онъ недолго любилъ моего двоюроднаго брата, оканчивавшаго курсъ въ высшемъ военномъ училищѣ, и всегда во всемъ ему противорѣчилъ. Однажды мой двоюродный братъ сталъ скептически отзываться по поводу воскрешенія дочери Гаира, опираясь на то, что, по словамъ Христа, она и не умерала.

— Такъ въ чемъ же было чудо? — спросилъ вдругъ дядя съ искривившимся лицомъ.

— Да чуда никакого и не было.

— Такъ вы, значитъ, въ него не вѣрите?

— Нѣтъ.

— А говорили объ этомъ вашему священнику?

— Зачѣмъ я буду ему говорить?

— Вы не должны скрывать своихъ убѣжденій. Вы ему прямо скажите, что не вѣрите.

— Ну, и что же будетъ?

— Васъ не произведутъ въ офицеры.

Братъ густо покраснѣлъ.

— А вы вѣрите сами-то? — спросилъ онъ.

— Въ чудо? Вѣрю. Не только въ дочь Іаира, но и въ Лазаря. Вѣрю, что онъ былъ четырехдневенъ и смердѣлъ, что процессъ разложенія былъ во всемъ ходу, и вдругъ пошелъ въ обратномъ порядкѣ, что, связанный по ногамъ плащаницей, онъ вышелъ самъ изъ пещеры и заговорилъ. И въ хожденіе по водамъ, и въ ослицу Валаамову, и въ семь дней творенія, и въ горящую кулину— во всё вѣрю.

— Я вамъ и вѣрю, что вы вѣрите,—сказалъ братъ.

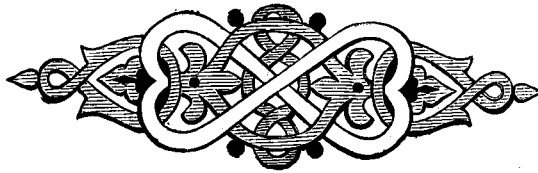
— Я и въ чертей вѣрю. Въ такихъ самыхъ обыкновенныхъ: рогатыхъ и съ хвостиками. И вы должны вѣрить. Какъ вообще вы смѣете сомнѣваться въ правильности программы учебнаго заведенія, въ которомъ васъ обучаютъ? Если съ чѣмъ несогласны,—говорите открыто: «господа, я съ этимъ несогласенъ». А у васъ какіе-то компромиссы. Офицеромъ-то вы хотите быть, а чудесамъ не вѣрите.

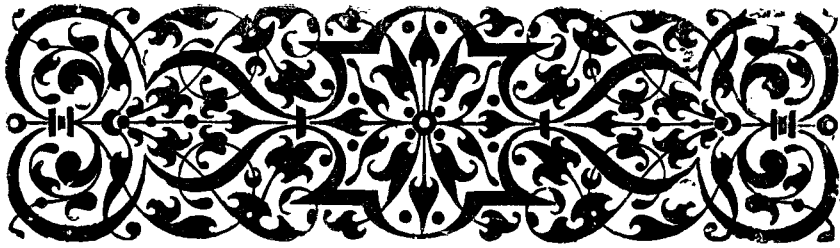
Братъ схватилъ кѣпи съ султаномъ, какія тогда носили, и недѣли три не приходилъ къ намъ. А когда онъ ушелъ, дядя ворчалъ ему вслѣдъ:

— Тоже юнкеромъ называется, а въ хожденіе по водамъ не вѣрить.

П. П. Гнѣдичъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГЕНЕРАЛЬША.

Изъ разсказовъ прабабушки.

ВЫ ЗНАЕТЕ,—разсказывала прабабушка,—что я родилась не здѣсь, а въ большомъ, торговомъ селѣ Гончаровѣ. Тогда это село принадлежало очень богатому и знатному генералу Гончарову. Онъ-то и сдѣлалъ его такимъ, какое оно теперь. Когда мой батюшка поступалъ туда въ священники, это было совсѣмъ глухое село, стояли тамъ одни поповскіе дома, старая маленькая церковь и сторожка; кругомъ росли дремучіе лѣса съ топкими болотами да съ дикими звѣрями; дороги къ нему были такія, что только лѣтомъ можно было проѣхать туда на лошади, а весной и осенью пробирались пѣшкомъ, и то черезъ великую силу.

Въ этихъ-то вѣковыхъ лѣсахъ оказалась чугунная руда и очень хорошая глина.

Пріѣхалъ генераль, тогда еще молодой, красивый и здоровый, привезъ съ собой инженеровъ, осмотрѣли мѣстность, и закипѣла работа. Была тамъ маленькая рѣчка съ низкими, болотными берегами, устроили на ней крѣпкую плотину, и на мѣстѣ этой рѣченки стало большое, красивое озеро. Потомъ вырубилъ лѣсъ, выкорчевали пни, справили дороги, построили два завода—чугунный и фаянсовый. Вдоль озера версты на двѣ протянулись маленькіе домики для рабочихъ. На мѣстѣ старой деревянной церкви соорудилась большая каменная, а на самомъ видномъ и высокомъ мѣстѣ раскинулась богатая барская усадьба съ громаднымъ паркомъ, съ садомъ, цвѣтниками, оранжереями, со всѣми барскими затѣями. Въ какихъ нибудь два-три года село совсѣмъ измѣнилось, изъ ди-

каго и непригляднаго оно сдѣлалось красивымъ и многочисленнымъ. Велика была барская сила, а генераль и между господами считался самымъ сильнымъ и богатымъ человекомъ въ нашей губерніи, имѣлъ онъ 20.000 душъ крестьянъ, 8.000 на заводахъ работало, одной дворни человекъ полтора ста было, тутъ не только Гончарово, цѣлый городъ можно было построить, особенно съ такимъ характеромъ, какой былъ у генерала.

Человекъ онъ былъ умный, сильный, живой, на другихъ не полагался, всюду самъ поспѣвалъ и дѣло зналъ, какъ слѣдуетъ, примется, бывало, на чугунномъ заводѣ работать, ни одному мастеру не уступить. Ну, и крутъ былъ, рабочіе его, какъ огня, боялись. Дрался онъ рѣдко, на конюшню и совсѣмъ не посылалъ, а ужъ очень на работѣ забивалъ, не смотритъ, бывало, кому что подъ силу, а сказалъ, чтобы столько-то часовъ былъ на работѣ, и столько-то было сдѣлано,—конецъ! Хоть умри, а урокъ выполни. Не сдѣлалъ во время, отработай послѣ, не отработалъ, ступай въ холодную на хлѣбъ да на воду или къ доменной печи на нѣсколько часовъ. Работа же на чугунныхъ заводахъ страсть какая тяжелая: огонь, духота, стукъ, лязгъ,—тутъ надо работать въ мѣру, а то хоть какую силу ухлопаешь. А тамъ дома нужда, паекъ отпускался небольшой, на сторонѣ заработать негдѣ и некогда, постоянно на барщинѣ. И вѣдь вотъ что удивительно: всѣ почти господа были набожны, по праздникамъ ни одной службы не пропускали, всенощныя на домахъ служили, посты соблюдали, а генераль еще и церкви строилъ, а чтобы о крѣпостныхъ людяхъ подумать, какъ имъ живется, этого у нихъ и въ поминѣ не было. Генераль все-таки былъ лучше другихъ, онъ былъ строгъ, но не золь и не безтолковъ. Руды оказалось верстъ на шестьдесятъ, Гончаровъ построилъ еще два чугунныхъ завода, приобрѣлъ нѣсколько сосѣднихъ имѣній и сдѣлался царькомъ въ нашемъ уѣздѣ. Весь судъ, все начальство было у него въ рукахъ; всѣмъ онъ давалъ жалованье, смотря по чину, и каждый изъ этихъ чиновъ всѣми силами старался угодить генералу.

Прошло лѣтъ двадцать пять, а генераль оставался все такимъ же бодрымъ и красивымъ, многія дѣвушки на него засматривались, и ни одна барышня въ нашей губерніи не отказалась бы выйти замужъ за такого богатаго и сильнаго человека, но генераль и не думалъ о женитьбѣ. Жениться—надо угождать женѣ, заботиться о дѣтяхъ, не женатый—самъ себѣ господинъ, а генераль больше всего на свѣтѣ любилъ свою волю.

— Эхъ, ваше превосходительство,—скажетъ, бывало, батюшка,—давно бы пора вамъ генеральшу въ домъ привести, полно безпутничать.

— Что дѣлать, батька, если я ужъ такимъ безпутнымъ родился! Грѣхъ ли, два ли, а мнѣ себя не перемѣнить,—отвѣтитъ генераль.

— Перемѣни, баринъ, женись и живи, какъ всѣ православные. Худо до добра не доведетъ, припомни мое слово: заберетъ тебя въ руки какаянибудь шельма, не вывернешься.

— Ну, это ты врешь, батька, никогда не бываетъ тому, чтобы меня въ руки забрали,—скажетъ, бывало, генераль, а сердиться не сердился: отецъ духовный всѣхъ долженъ учить.

И случилось какъ разъ то, что говорилъ батюшка. Въ генеральскую дворню привезли изъ хохлатчины дѣвку Акульку; въ дворню выбирались самыя красивыя дѣвушки изъ всѣхъ вотчинъ, но ни разу не попадала туда такая красавица, какою была Акулька. Высокая, статная, бѣлая, румяная, съ толстой, русой косой ниже пояса, и знаете, какъ въ пѣсняхъ поется: очи—яснаго сокола, брови—чернаго соболя, походка—бѣлаго лебедя, улыбнется—рублемъ подарить. И вотъ этими-то очами ясными да улыбкой ласковой она сразу приворожила къ себѣ генерала. Нарядилъ онъ ее въ шелкъ и бархатъ, всей дворнѣ приказалъ ее слушаться и величать Акулиной Павловной, посадилъ за одинъ столъ съ собой, началъ выводить къ гостямъ, однимъ словомъ поставилъ настоящей барыней.

Другая бы застыдилась и оробѣла, но Акулька была не изъ такихъ, она сразу забрала въ руки не только дворню, но и самого барина. Да еще какъ забрала-то, ничего онъ не дѣлалъ, съ ней не посовѣтававшись. Дошло до того, что если у когонибудь было дѣло до генерала, тотъ шелъ къ Акулинѣ Павловнѣ; не поклонись ей—никогда не выйдетъ по-твоему; генераль все дѣлалъ такъ, какъ было угодно Акулинѣ Павловнѣ.

Всѣ удивлялись, какъ это онъ, такой сильный и самовластный, позволялъ вертѣть собою своей же холопкѣ.

Прошло года два, всѣ уже привыкли считать Акулину Павловну въ барскомъ домѣ хозяйкою, поговаривали, что генераль съ нею перевѣнчается. Оно такъ бы и слѣдовало. Да, слѣдовало бы по-нашему, по-простому, но богатый, знатный баринъ думалъ не такъ.

— Надо бы, надо тебѣ, генераль, жениться на Акулинѣ Павловнѣ, не хорошо такъ жить, какъ вы живете,—пробовалъ говорить ему батюшка.

— Нѣтъ, батька, жениться мнѣ на ней не приходится.

— Что же боярская спесь мѣшаетъ? Такъ отъ этого твоего дворянства не убудетъ, а какъ не женишься, да дѣти пойдутъ,

вотъ они-то и будутъ холопами, и имѣніе помимо ихъ въ чужія руки пойдетъ.

— Замолчи, батька, слышишь, замолчи! Никогда генераль Гончаровъ не женится на крѣпостной дѣвкѣ, слышишь, никогда!— крикнулъ генераль, сердито стукнувъ кулакомъ по столу.

Батюшка замолчалъ и больше объ этомъ не заговаривалъ.

Вдругъ неожиданно-негаданно разнеслась вѣсть, что Акулина Павловна выходитъ замужъ за сына попадѣи вдовы.

Эта вдова жила въ Гончаровѣ, дѣтей у нея было двое: дочь лѣтъ пятнадцати и сынъ—семнадцати, звали его Алексѣемъ; вотъ этого-то мальчика и задумалъ генераль женить на своей полу-барынѣ.

Наши и вѣрятъ и нѣтъ. Матушка пошла ко вдовѣ спросить, правда ли.

— Правда,—отвѣчаетъ та,—вчера генераль призывалъ къ себѣ Алексѣя, говорилъ съ нимъ объ этомъ, обѣщалъ ему дворянство и 300 душъ въ приданое, заживешь, говоритъ, богатымъ баринномъ, а сестрѣ твоей дамъ поповское мѣсто на новомъ заводѣ. И мой дуракъ соглашается, молодъ, жизни не знаетъ, а посулы большіе, да и Акулька красавица, хоть кому вскружить голову,—говорить это вдова, а сама слезами заливается.

— Что же ты такъ убиваешься? Другая бы на твоёмъ мѣстѣ радовалась, 300 душъ не шутка, и дочь хорошо опредѣлить къ мѣсту,—говорить матушка.

— Нечему радоваться, знаю, что хорошему не быть, не повѣрю я, чтобы генераль навсегда разстался съ ней, а что ты говоришь: дочь опредѣлю, да сынъ получить 300 душъ, такъ я вотъ что скажу: дочь моя не перестарокъ, еще успѣетъ замужъ выйти, да знаешь ли ты, что я скорѣе бы ее въ дѣвкахъ оставила, чѣмъ пожелала, чтобы мой сынъ женился на Акулькѣ. А что эти 300 душъ да дворянство,—такъ плевать я на это хочу, мы съ мужемъ крестьянъ не имѣли, а жили такъ, что приведи Богъ всякому такъ жить. Не того я ждала отъ Алешы... Думала, пошлютъ въ академію, или опредѣлятъ протопопомъ въ городъ, ты знаешь, какъ хорошо онъ учится, женился бы на честной дѣвушкѣ; хорошая жена дороже всякаго богатства.

— Можетъ быть, и Акулина Павловна будетъ хорошей женой?

— Не повѣрю я этому, никогда не повѣрю! И какъ я упрашивала, какъ уговаривала сына на ней не жениться! Не слушается, Богъ съ нимъ, насильно удерживать не стану, скажетъ, что я у него счастье отбила.

— Ну, не жениться ему тоже мудрено, съ генераломъ спорить нельзя.

— А почему же нельзя спорить? что бы онъ сдѣлалъ Алешѣ? Мы не крѣпостные, въ солдаты не отдастъ!—вспыхнула вдова,—

я и сыну то же говорила. Всю-то ночь я проплакала, такъ и ноетъ сердце, такъ и замираетъ, словно бѣду чувствуетъ. И погубятъ они его, непременно погубятъ, вотъ увидишь,—и вдова снова залилась слезами.

Не щедрые посулы генерала прельстили Алешу, онъ былъ еще слишкомъ молодъ для того, чтобы уже такъ дорожить богатствомъ, не посмотрѣлъ бы онъ и на гнѣвъ барина; воля матери была для него важнѣе этихъ посуловъ, сильнѣе генеральскаго гнѣва, но этого мальчика такъ же, какъ и пожилого генерала, околдовали ясныя очи Акульки. Эти-то ясныя очи, привѣтливыя улыбки да ласковыя рѣчи совсѣмъ вскружили голову парня и заставили его идти противъ родительской воли.

Разговоръ генерала былъ коротокъ. Когда Алексѣй вошелъ, онъ сидѣлъ, развалившись на диванѣ, въ своемъ кабинетѣ.

— Здравствуй, братъ, я къ тебѣ сватомъ: женись на Акулинѣ, черезъ годъ будешь дворяниномъ и получишь за ней 300 душъ въ приданое.

— Я не знаю, что скажетъ матушка.

— Мать твоя женщина умная и не станетъ со мной спорить. Да и спорить-то нечего. Чѣмъ плоха Акулина Павловна? И приданое хорошее. Сестрѣ твоей дамъ поповское мѣсто на новомъ заводѣ; всѣмъ вамъ будетъ хорошо. Не женишься—пожалѣешь, такъ и матери скажи. Теперь иди и подумай дозавтра.

Алексѣй поклонился и вышелъ.

— Выхожу я изъ кабинета,—разсказывалъ онъ моему брату,—а тутъ вся дворня на меня, какъ на чудо, смотреть, словно вѣкъ не видывали, какъ же: то былъ Алеша попадьинъ, а теперь женихъ Акулины Павловны, скоро буду помѣщикомъ. Такъ было совѣстно, насилу изъ дома выбѣжалъ. Иду по усадьбѣ, а самому такъ и кажется, что всѣ на меня изъ оконъ смотрятъ. Дай, думаю, поверну въ паркъ, тамъ какъ разъ скроюсь за деревьями. Иду паркомъ и ни о чемъ думать не могу, только и чувствую, что сердце замираетъ, да голова кружится. Вдругъ слышу, кто-то окликнулъ меня. Оглянулся, а это Акулина Павловна ко мнѣ бѣжитъ.

— Что не ждалъ?—спрашиваетъ, а сама усмѣхается.

Подошла ко мнѣ, положила руки на плечи, въ лицо заглянула.

— Слушай, Алеша, если ты на мнѣ женишься, не раскаешься, буду тебѣ женою честною, а что было прежде, забудь: то дѣло подневольное. За тѣмъ и пришла, чтобы сказать тебѣ это.

А я стою, какъ къ мѣсту прикованный, смотрю на нее и никакъ глазъ не могу отъ нея отвести. Статная, красивая, глаза блестятъ, щеки пожаромъ вспыхнули, одѣта и причесана, какъ настоящая барыня. И была ли въ цѣломъ свѣтѣ другая такая красавица?

— Что же, женихъ ты мнѣ, или откажешься?

— Скорѣй умру, чѣмъ отъ тебя откажусь,—выговорилъ я помимо воли.

— Ну, умирать-то рано, мы еще поживемъ.

А сама все смотритъ на меня, словно въ душу заглянуть хочетъ. Потомъ одной рукой обняла мою шею, пригнула къ себѣ, звонко поцѣловала въ губы, засмѣялась и побѣжала къ дому.

Съ тѣхъ поръ словно душу она у меня взяла. Гдѣ бы я ни былъ, что бы ни дѣлалъ, она неотступно стоитъ передо мною: статная, красивая, весело такъ усмѣхается, въ глаза засматриваетъ, слышу ея звонкій смѣхъ, голосъ ласковый. Не выйди она и не поговори со мною, непременно послушался бы матушки, а теперь не могу отказаться отъ Акулины Павловны. Если бы я былъ такъ же знатенъ и богатъ, какъ генераль, а она, какъ теперь, простая холопка, все равно, ни на комъ бы другомъ не женился.

Вѣрно не легко было и генералу разстаться съ своей зазнобушкой. Дворовые рассказывали, что передъ тѣмъ, какъ позвать къ себѣ Алексѣя, баринъ цѣлую недѣлю былъ самъ не свой: дѣла бросилъ, изъ дома ни ногой, ходитъ изъ угла въ уголъ по кабинету, а то сядетъ на диванъ, упрется локтями въ колѣни и сидитъ битый часъ. Чуть кто стукнетъ, или засмѣется громко,—бѣда! кричитъ, что морду расколотитъ. Прежде никогда съ нимъ такого не бывало, зря не кричалъ и безъ дѣла сидѣть не любилъ. До того дошло, что весь домъ притихъ, ходили всѣ на пальчикахъ, говорили шепотомъ, даже сама Акулина Павловна присмирѣла.

Поговоривши съ Алексѣемъ, онъ совсѣмъ успокоился, даже сталъ какъ будто веселѣе прежняго. Въ тотъ вечеръ генераль плотно поужиналъ, приказалъ подать себѣ лошадь, поѣхалъ на чугунный заводъ и проработалъ тамъ цѣлую смѣну. На другой день онъ живой и бодрый снова принялся ворочать дѣлами.

Скоро была свадьба Акульки. Генераль исполнилъ свое обѣщаніе: вдовиной дочери выхлопоталъ поповское мѣсто, а молодымъ далъ хорошенькое имѣніе въ хохлатчинѣ верстъ за триста отсюда. Алексѣя зачислилъ на какую-то службу, и черезъ годъ тотъ дѣйствительно былъ дворяниномъ, и имѣніе было укрѣплено за нимъ.

Прошло еще немного времени, за вдовой гонецъ отъ сына, Богъ внучку далъ, туда зовутъ. Мѣсяца два съ лишнимъ прожила тамъ вдова, раньше не выпустили.

— Ну, какъ погостила? Хорошо ли съѣздила?—спрашиваетъ матушка.

— Все слава Богу: сынъ ласковъ, невѣстка еще ласковѣе, почитительная такая, руки цѣлуетъ,—отвѣчала вдова.

— Какъ твои молодые поживаютъ?

— Слава Богу, живутъ хорошо, не насмотрятся другъ на друга, особенно онъ, просто всю душу ей отдалъ. И она старается угодить мужу: смотри-ка, говоритъ, матушка, какой красавецъ нашъ Алеша сталъ, вѣрно на волѣ-то лучше жить, чѣмъ книги долбить. И сказать правду, Алеша очень перемѣнился за этотъ годъ: выросъ, возмужалъ, усы пробиваются, веселый такой, разговорчивый,—однимъ словомъ такой молодецъ, посмотрѣть любо. И устроились хорошо, все у нихъ въ порядкѣ. Домикъ, службы, надворныя постройки—все это новенькое, чистенькое, садикъ насадили, скота, птицы, всего много. Есть и дворня, какъ у всѣхъ другихъ господъ. Онъ смотритъ за всѣми полевыми работами, хозяйство ведетъ, она въ домѣ присматриваетъ. И барщина у нихъ не тяжелая, есть мужику время и на себя работать. Ужъ я Алешѣ приказывала: смотри, говорю, сынокъ, не мори народъ, помни, что за каждую слезу, которая черезъ тебя прольется, надо будетъ отвѣтить передъ Господомъ. Да онъ у меня добрый, на него я надѣюсь.

— А она?

— Она въ барщину не вмѣшивается, опять же и ему старается угодить, при немъ хорошо,—уклончиво отвѣтила вдова.

— Вотъ видишь, напрасно ужъ ты такъ сокрушалась, все вышло по-хорошему,—говоритъ матушка.

— И слава Богу, если ошиблась,—вдохнула вдова.—Невѣстка-то сюда собирается приѣхать, говоритъ, съ золовкой хочется повидаться. Дѣвочка-то у кормилицы, ну, невѣстка и свободна,—прибавила она помолчавъ, а сама смотритъ въ сторону, будто боится посмотрѣть въ глаза матушкѣ.

— Хитришь ты, не все говоришь, что на умѣ держишь,—подумала матушка,—ну, да Богъ съ тобой, не хочешь передо мною душу открыть, не надо.

И видѣла матушка, что вдова все-таки недовольна женитьбой сына.

Приѣхала Акулина Павловна къ свекрови. Такая веселая, ласковая не только съ своими, но и съ сосѣдями, а что подарковъ золовкѣ притащила, пересчитать трудно: лисью шубу, крытую малиновымъ штофомъ, платье шелковое, серьги золотыя, ситцы разные, нарядила ее, словно барыню, а что холста ткацкаго привезла, такъ просто дѣвать некуда, хоть торгуй, да еще и денегъ дала молодымъ на обзаведеніе.

На другой день послѣ приѣзда къ генералу отправилась.

— Нельзя,—говорить,—не быть у него: онъ мой благодѣтель.

Генераль принялъ ее, какъ настоящую барыню, говорилъ на вы, называлъ Акулиной Павловной, вышелъ проводить въ переднюю.

Ну, и начала Акулина Павловна ходить къ своему благодѣтелю; прожила цѣлый мѣсяцъ, ни одного вечера не пропустила, запрутся, бывало, въ кабинетѣ и сидятъ тамъ чуть не до разсвѣта.

— Боюсь я, какъ бы она совсѣмъ не перешла къ генералу, отъ такихъ всего можно ждать. Что ей мужъ? Плевать! А Алеша не перенесетъ этого горя, ужъ очень онъ ее любитъ, да и позоръ великъ. Я и теперь не знаю, какъ на людей смотрѣть, а если и это случится, тогда хоть сквозь землю провались,—говорила вдова.— Хитрая она, притворщица. Алеша ей во всемъ вѣрить. Да и то сказать, она и не такого проведетъ, а онъ что? ребенокъ, 19-ти лѣтъ не кончилось. Помнишь, ты у меня спрашивала, хороша ли она съ людьми? Тогда я перемолчала, говорить не хотѣлось, а теперь правду скажу: съ дворней она такая, что не приведи Богъ! При мужѣ-го сдерживается, а безъ него то и дѣло по щекамъ лупить, забыла, что и сама изъ такихъ же холопокъ вышла. Пробовала я ей говорить, что съ людьми нельзя такъ обращаться; вѣдь и у нихъ такая же душа. Слушать не хочетъ, говорить, что ихъ баловать не слѣдуетъ, порядка въ домѣ не будетъ. Молчу, даже тебѣ до этихъ поръ не говорила, жалобами дѣла не поправишь, а не вѣрю я, чтобы все это добромъ кончилось. Съ самой Алешиной свадьбы у меня словно камень на сердцѣ лежитъ, и ничѣмъ ты его не свернешь, вотъ такъ и давить, такъ и давить.

Но вдова ошиблась: Акулина Павловна у генерала не осталась и ровно черезъ мѣсяцъ уѣхала къ мужу.

Приѣхала она домой, мужъ встрѣчаетъ, радъ безъ памяти, дворня рада не рада, а все же высыпала встрѣчать барыню. Барыня прежде всего къ мужу бросилась, крѣпко обняла его, поцѣловала, потомъ отстранила немного отъ себя, положила ему руки на плечи, въ лицо заглянула.

— Что съ тобой, Алексѣй Дмитричъ, боленъ что ли былъ?—спросила она тревожнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, я, слава Богу, здоровъ; что это ты такъ придумала?—говоритъ баринъ, а самъ смѣется, радъ безъ памяти.

— Неужели ты такъ безъ меня соскучился?

— Какъ же безъ тебя не скучать? Мнѣ этотъ мѣсяцъ за десять лѣтъ показался, просто мѣста себѣ не находилъ.

— А все-таки отъ одной скуки такъ не похудѣешь. Ты, можетъ быть, и боленъ, да мнѣ не сказываешь, тревожить не хочешь?

— Право же, здоровъ, да ты посмотри хорошенько, похожъ ли я на больного.

Баринъ былъ дѣйствительно здоровехонекъ; сильный, широкоплечій, румянецъ во всю щеку, глаза блестятъ, волосы немного вьются, голосъ громкій, смѣхъ веселый, — молодецъ молодцомъ и нисколько не похудѣлъ безъ барыни.

— Ну, дай Богъ, чтобы мнѣ такъ только показалось, — проговорила барыня и начала съ дворней здороваться. Ласковая со всѣми, какъ будто обрадовалась, что домой вернулась. Взяла на руки дѣвочку, нянчить, цѣлуетъ, благодарить кормилицу, что такъ хорошо ходила за барышней, а сама все на мужа посматриваетъ, какъ будто за него тревожится. Потомъ ничего успокоилась, приказала подать самоваръ, начала рассказывать мужу про родныхъ и знакомыхъ, про все, что дѣлается на его родинѣ, его спрашиваетъ обо всемъ, что тутъ безъ нея дѣлалось.

А тотъ смотритъ на нее, не насмотрится, говорить, не наговорится. Со стороны весело было на него смотрѣть: весь — счастье, здоровье, молодость.

На другой день за обѣдомъ барыня опять долго смотритъ на барина.

— Ты страшно похудѣлъ, голубчикъ; сознайся, боленъ?

А у самой голосъ дрожитъ, слезы на глазахъ показались.

— Вотъ пристала! Сказалъ, что здоровъ, и сказалъ правду: чего я отъ тебя буду скрытничать? — разсердился мужъ.

— Ну, не знаю, можетъ быть, ты и не чувствуешь своей болѣзни.

— Мудрено чувствовать болѣзнь, если ея нѣтъ.

— Ну, что вы такъ тревожитесь? барыня; Баринъ нисколько не похудѣлъ, онъ совсѣмъ здоровъ, — сказала кормилица.

— Ну, что вы всѣ понимаете? По-вашему только тотъ и боленъ, кто слегъ! — съ сердцемъ прикрикнула барыня.

«Охъ, хитришь ты, барыня, — думаютъ дворовые, — можетъ быть, къ мужу хочешь подольститься: «смотри, молъ, какъ я о тебѣ забочусь», а, можетъ быть, и другое что надумала, только не проста ты такъ пристаешь къ нему».

И пошла такъ каждый день, боленъ, да боленъ, плачетъ, охаетъ, лѣчиться упрасиваетъ:

— Ты хоть меня пожалѣй, если самъ себя не жалѣешь, лѣчись, ради Бога, вѣдь я измучилась, на тебя глядя, лѣкарство у меня есть, оно поможетъ. Хочешь, я сама стану вмѣстѣ съ тобой пить это лѣкарство?

— Зачѣмъ же тебѣ пить лѣкарство?

— Затѣмъ, чтобы ты пилъ, здоровымъ оно не вредно, а ты отъ него выздоровѣешь.

Повѣрилъ ли баринъ женѣ, или ужъ такъ успокоить ее захотѣлъ, но только лѣкарство пить согласился.

И вотъ съ того времени, какъ сталъ онъ пить это зелье, сталъ блѣднѣть и слабѣть; мало-по-малу румянецъ погасъ, голосъ упалъ,

грудь ввалилась, плечи сузились, и через нѣсколько мѣсяцевъ въ немъ совсѣмъ нельзя было узнать прежняго здороваго и красиваго Алешу, только глаза блестятъ попрежнему, но и въ нихъ уже не было прежней веселости.

«Добилась своего, заставила-таки барина пить зелье, травить его», думаютъ дворовые, толкуютъ между собой, а ему ни слова. Какъ сказать? Вѣдь онъ все равно не повѣритъ, расскажетъ барынѣ, его не спасешь, а людямъ достанется.

А она все его ласкаетъ да за нимъ ухаживаетъ.

— Видишь, милый, что вышло по-моему; но ты не бойся, я тебя вылѣчу.

Вылѣчила, уложила въ постель смертную.

Слегъ онъ, а жена еще больше за нимъ ухаживаетъ, ночи не спитъ и все лѣкарствомъ своимъ поитъ. Въ дворнѣ всѣ ребятишки знали, чего добивается барыня, а онъ, бѣдняжка, такъ и не догадался, еще ее же благодарилъ за заботы да за любовь.

Дня за два до смерти Алексѣй приказалъ позвать къ себѣ кормилицу съ ребенкомъ, онъ часто ихъ звалъ, ужъ очень любилъ дѣвочку.

— Прихожу я,—разсказывала кормилица,—смотрю, и барыня тутъ же сидитъ.

— Посади около меня дѣвочку,—говоритъ баринъ.

Я посадила и сама тутъ же стою.

Приподнялся онъ, покликнулъ ее, по головкѣ погладилъ, ножки поцѣловалъ.

Она смѣется, рученками къ отцу тянется.

Взялъ онъ жену за руку, посмотрѣлъ на нее долго, долго, слезы на глазахъ показались.

— Господи, какъ жить хочется, какъ я люблю и тебя и дѣвочку!.. Говорятъ, большое счастье долго не тянется, что нибудь да помѣшаетъ, а я былъ такъ счастливъ, какъ никто; спасибо тебѣ за любовь и за это счастье,—говоритъ это, а самъ задыхается.

— Полно, голубчикъ, ты еще поживешь, дочь будемъ вмѣстѣ растить.

— Дочь расти одна, а я знаю, что не жилецъ.

— Что у васъ болитъ, баринъ?—спросила кормилица.

— Ничего не болитъ, слабость, голова кружится. Матушку хочется увидетьъ, пошлите за ней. Только не дождусь ея. Не увижу ни сестры, ни матери, ни родной сторонушки,—проговорилъ онъ почти шепотомъ.

— Полно, милый, за матушкой мы пошлемъ сегодня, потомъ поправишься, поѣдемъ на твою родину и дочку съ собой возьмемъ,—начала утѣшать барыня.

— Не ѣхать мнѣ туда. Ну, да на все воля Божія; пошли за священникомъ, надо приготовить.

— Слезы меня прошибли,—говорила кормилица,—молодой, хороший, только бы жить. А она, проклятая, слушаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, только лѣстить ему. Не благодарность бы ей принимать отъ него, а на колѣняхъ бы передъ нимъ стоять, ноги ему цѣловать, прощеніе просить.

Послали за священникомъ, къ матери еще за недѣлю до этого послали вѣстового. Дня черезъ два Алексѣй скончался.

Такъ и не узналъ, кто уложилъ его въ сырую землю. Да оно и лучше; тяжело и отъ постороннихъ людей переносить зло и неправду, а нѣтъ тяжелѣе переносить это зло отъ дорогихъ и близкихъ, которымъ вѣрилъ и за которыхъ готовъ былъ отдать жизнь, а кто же былъ для Алексѣя дороже и ближе молодой жены?

Жаль только, что матери не дождался, уже очень хотѣлось ему съ ней повидаться, даже въ бреду все съ ней разговаривалъ.

Какъ только узнала вдова о болѣзни сына, сейчасъ же къ нему поѣхала.

Въѣзжая въ село, гдѣ жилъ сынъ, она услышала похоронный звонъ.

— Кого это хоронять?—спросила она у старой еврейки, которая стояла у своей калитки.

— Молодого барина, жена отравила его какими-то зельями, — отвѣчала та.

Вдова вскрикнула и упала безъ чувствъ.

— Матушка, голубушка, что съ тобой, чего ты такъ испугалась? Еврейка бросилась къ ней и начала приводить ее въ чувство.

— Онъ мнѣ сынъ, проводи меня къ нему,—проговорила вдова, придя въ память.

Она вышла изъ повозки и шатаясь побрела къ церкви.

Узнавъ, что это мать молодого барина, еврейка вполнѣ поняла ея горе и заботливо повела ее подъ руку.

Съ громкими рыданіями подошла несчастная мать къ гробу Алексѣя.

— Сынъ мой, дорогой, милый, зачѣмъ не дождался меня, зачѣмъ тогда не послушался моего совѣта?

Она нагнулась и начала цѣловать безжизненное тѣло любимого сына.

— Матушка, родная ты моя!—бросилась къ ней невѣстка.

— Прочь, змѣя, ты отравила!—крикнула вдова и безъ чувствъ грянулась на полъ.

Чтобы не раздражать свекровь, барыня отошла прочь, и за ней ухаживали другіе, особенно старая еврейка; добрые люди есть во всякомъ народѣ.

Когда Алексѣя зарыли въ землю, барыня снова подошла къ свекрови, крѣпко обняла ее и ухаживала за ней, какъ родная дочь.

— Охъ, ужъ и тяжелы же были мнѣ ея ласки!—разсказывала вдова моей матушкѣ. — Вѣдь люди-то мнѣ все разсказали. Какъ, бывало, подойдетъ она ко мнѣ, посмотритъ въ глаза, заговоритъ ласковымъ голосомъ, такъ у меня сердце и разрывается, такъ бы, кажется, и удавила ее своими руками. Хочется оттолкнуть ее, всю правду ей высыпать. Только къ чему? Его все равно не поднимешь, а ее разовлишь, пожалуй, и внучку не дастъ посмотрѣть, а вѣдь это его дитя и похожа на него, всѣ капельки подобрала. А тамъ еще и людямъ зло сдѣлаешь, пожалуй, всей дворнѣ мстить начнетъ, зачѣмъ про нее разсказывали. Нѣтъ, ужъ Богъ съ ней, какъ ни трудно, а надо терпѣть.

Послѣ шести недѣль свекровь и невѣстка вмѣстѣ возвратились въ Гончарово.

— Такъ-то, дѣтки, сердце матери вѣщунъ, оно никогда не обманетъ,—прибавляла бабушка:—Алексѣй погибъ раннею и не своею смертию, лежитъ онъ одинъ одинешенекъ далеко отъ родимаго погоста, и ни одна родная душа не приходила помолиться и поплакать надъ его могилой.

Акулина Павловна недолго оставалась вдовой; теперь она была не крѣпостная, и генераль женился на барынѣ. Съ этого времени уже и за глаза всѣ называли ее Акулиной Павловной, генеральшей, барыней, а въ глаза величали «ваше превосходительство».

Генераль недолго прожилъ съ молодой женой. Послѣ свадьбы онъ вдругъ какъ-то постарѣлъ, опустился, дѣла бросилъ, молчить цѣлые дни, Богу молится, а лѣтъ черезъ пять и Богу душу отдалъ. Время что ли пришло ему состариться? Только нѣтъ, когда онъ женился, ему было съ небольшимъ 50 лѣтъ, не Богъ знаетъ, какая старость, особенно для такого сильнаго и бодрого мужчины, какимъ былъ генераль.

Вѣрнѣе, совѣсть замучила, вѣдь не безъ его вѣдома Акулина Павловна проводила на тотъ свѣтъ своего мужа: по всему видно, что это ихъ общее дѣло. Ну, а душа и совѣсть у всякаго есть, такихъ мало, какою была Акулина Павловна, съ той все, какъ съ гуся вода.

Я запомнила ее уже тогда, когда у нея были взрослые дочери, отъ перваго мужа и генеральская, но и тогда генеральша была такая красавица, что вотъ я уже девятый десятокъ доживаю, а такой другой не встрѣчала. Господи! и какъ это послѣ такихъ дѣлъ, какія были у нея на душѣ, она могла смотрѣть такъ весело, улыбаться такъ привѣтливо?

Послѣ смерти второго мужа Акулина Павловна сдѣлалась полновластной госпожей надъ всѣми его заводами и имѣніями. Кажись, надо бы быть довольной: что она была и что стала?

Прежде была крѣпостная холопка, бѣгала босикомъ въ крашенномъ сарафанѣ, а тутъ стала ея превосходительство, ходила въ шелку да въ бархатѣ. Богатство, почетъ, власть — все было. Но бывають такіе люди, которымъ сколько ни давай, все мало, такова была и Акулина Павловна.

Въ разоренный годъ, когда въ нашу землю вошли французы, генеральша ухитрялась отправлять непріятелямъ ядра съ своихъ заводовъ.

Какъ это было, я не могу хорошо рассказать. Знаю, что версты за двѣ отъ Гончарова, въ глухомъ лѣсу, недалеко отъ пруда, вырыты были погреба, въ которые прятали ядра, заготовленные для непріятеля; входъ въ погреба былъ такъ хорошо задѣланъ, что, пройди по немъ сто разъ, и то не замѣтишь. Темною ночью, по дремучему лѣсу, глухими дорогами провозили ядра на условленное мѣсто и сдавали непріятелямъ.

Главнымъ воротилой въ этомъ дѣлѣ былъ бурмистръ Потапъ; я хорошо его помню, мужикъ былъ здоровый, широкоплечій, борода большая, окладистая, и угрюмый такой, точно разбойникъ. Конечно, были у него помощники, вѣдь одному этого сдѣлать нельзя.

А знали объ этомъ всѣ рабочіе, все Гончарово. Каждый понималъ, какое это великое преступленіе, но никто не смѣлъ итти противъ воли барыни.

Да и то сказать, трудно было съ ней бороться: если послушался барской воли, долженъ сказать, почему послушался, а какъ сказать, когда весь судъ у нея на жалованьѣ, каждый начальникъ потянетъ на ея руку. И теперь богатство — сила, а въ то время почти всегда тотъ былъ правъ, кто богатъ, а виноватъ тотъ, кто бѣденъ, и не даромъ сложилась пословица: съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись.

Но и въ то время попадались иногда смѣлые люди, которые всегда готовы были постоять за правду; такой человѣкъ нашелся и между рабами Акулины Павловны.

Онъ не былъ заводскимъ рабочимъ, жилъ версты за двѣ отъ Гончарова, въ деревнѣ Сивкахъ и занимался хлѣбопашествомъ. Человѣкъ онъ былъ трезвый, работающій, набожный, зналъ грамотѣ и любилъ читать божественныя книги.

Узналъ Ѳедосей, что дѣлается въ заводѣ, и не могъ вынести неправды. Легкое ли дѣло она затѣяла? Заставляетъ лить ядра на своихъ же братьевъ, продаетъ за деньги Русь-матушку православ-

ную. Нѣтъ, грѣхъ молчать о такомъ дѣлѣ. Молчишь, значитъ, самъ участвуешь въ преступленіи. Непремѣнно надо обо всемъ донести начальству, рѣшилъ Ѳедосей.

Ѳедосей такъ же, какъ и всѣ гончаровцы, отлично зналъ, что если донести въ уѣздный судъ, дѣло останется безъ послѣдствій, и рѣшилъ донести въ уголовную палату. Давая знать о продѣлкахъ своей госпожи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ начальство защитить его отъ барской мести.

Уголовная палата сдѣлала сейчасъ же распоряженіе въ уѣздный судъ, чтобы было сдѣлано немедленное и строгое дознаніе по этому дѣлу. Ѳедосея же вмѣсто барщины посадить на оброкъ, и барынѣ строго воспрещалось подвергать наказанію его самого и его семью.

Но прежде чѣмъ сдѣлать дознаніе, уѣздное начальство обо всемъ дало знать Акулинѣ Павловнѣ. Та, конечно, постаралась спрятать концы, спустила въ озеро ядра, зарыли и заравняли погреба, подкупили свидѣтелей.

Когда пріѣхали судьи, на заводѣ почти не оставалось никакихъ уликъ, да и обыскъ-то дѣлали такъ, чтобы миновать улики. Рабочіе спрошены были только тѣ, на которыхъ показала генеральша, и Ѳедосей остался одинъ свидѣтелемъ противъ барыни. Но Ѳедосей не оробѣлъ: онъ указалъ, гдѣ были погреба, въ которыхъ хранились ядра, заготовленные для непріятеля, земля тамъ еще не успѣла уплотниться, потомъ спустился въ озеро, вынулъ оттуда ядро и показалъ его судьямъ.

Улики оказались настолько сильны, что тутъ же погасить дѣло, или рѣшить его въ пользу генеральши было опасно, и оно затянулось на нѣсколько лѣтъ.

Иногда оно какъ будто совсѣмъ стихало, но Ѳедосей снова шелъ въ губернской городъ, присылались новые чиновники, жили въ Гончаровѣ по цѣлымъ недѣлямъ. Генеральша угощала ихъ дорожными винами, дѣлала богатые подарки, сыпала деньгами, и всѣ чиновники оказывались такъ же подкупны, какъ уѣздный судъ.

Наконецъ начальство шепнуло генеральшѣ, что, пока она не войдетъ въ соглашеніе съ Ѳедосеемъ, дѣло не можетъ кончиться въ ея пользу, надо было и его подкупить.

Досадно было кланяться своему же крѣпостному, однако дѣлать нечего, своя шкура дорога, и Акулина Павловна послала къ нему своего бурмистра Потапа: «пусть молчитъ, дамъ деньги и вольную».

Ѳедосей отказался отъ того и другого. «На что и воля, если совѣсть нечиста?»

Удивилась Акулина Павловна такому отвѣту, она никакъ не могла допустить, чтобы нашелся такой человѣкъ, котораго ничѣмъ не подкупишь.

— Сама съ нимъ поговорю, ты не сумѣлъ; запряги лошадей, поѣдемъ къ нему,—приказала она бурмистру.

— Зачѣмъ вамъ беспокоиться, ваше превосходительство? Можно его сюда позвать.

— Все равно, поѣдемъ мы, онъ, пожалуй, побоится и не поѣдетъ.

— Хорошо ли это будетъ, сударыня? Не было бы тутъ подозрѣнія?

— Отъ кого? отъ начальства что ли? Такъ плевать я хочу на это подозрѣніе! Деньги все покроютъ. Вотъ только бы съ этимъ справиться.

Всю дорогу барыня ѣхала молча, только губы закусывала да злобно такъ усмѣхалася.

Приѣхали, вошла она въ избу къ Ѳедосею, на образъ помолилась, какъ добрая.—Здравствуй, хозяинъ! Ждалъ гостью?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, не ждалъ,—отвѣтилъ хозяинъ, почтительно кланаясь своей госпожѣ.

— Мнѣ надобно поговорить съ тобой, а другіе пусть намъ не мѣшаютъ.

Семья вышла.

— Я приѣхала переговорить съ тобой о томъ дѣлѣ. Врагъ тогда попуталъ меня, теперь сама сознала свой грѣхъ, каюсь, да ты самъ знаешь, того, что было, вернуть нельзя,—проговорила она ласково.

— А если сознала грѣхъ, такъ нечего запираться и начальство задаривать; иди, отвѣть передъ судомъ, и носи наказаніе,—сурово выговорилъ Ѳедосей.

— Дуракъ!—крикнула барыня,—съ какой стати я сама на себя донсать стану? кому отъ этого польза? И тебѣ какая польза, если меня въ каторгу сошлютъ?

— Я не ищу своей пользы, сударыня.

— И опять скажу: дуракъ! Брось ты это, молчи, получи 1.000 рублей и вольную. Согласенъ?

— Нѣтъ, сударыня, не согласенъ.

— Что же мало? Двѣ дамъ.

— Не согласенъ, если бы ты отдала мнѣ все свое богатство; я душой не торгую и совѣсть не продамъ ни за какія деньги.

— Это твое послѣднее слово?

— Послѣднее слово, ваше превосходительство.

— Берегись, Ѳедосей, съ мною бороться опасно, я сильнѣе тебя.

— На вашей сторонѣ сила, а на моей правда.

— Правда на небеса ушла,—злобно засмѣялась барыня.

— Можетъ быть, и тутъ немного осталось,—твердо отвѣтилъ Ѳедосей.

— Посмотримъ, чья возьметъ!—и барыня быстрой, сердитой походкой вышла изъ хаты.

— Поѣдемъ, Потапъ, здѣсь, видно, пива не сварить, — выговорила она сквозь зубы. Лицо ея было блѣдно, какъ полотно, губы сжались и скривились въ недобрую усмѣшку. Съ полверсты проѣхали молча, потомъ генеральша осмотрѣлась кругомъ, будто боялась чего. Чисто было снѣжное поле, ни души на дорогѣ.

— Слушай, Потапъ, — проговорила она почти шепотомъ, — я дала ему 2.000 и вольную. Хочешь взять это себѣ? Сдѣлай такъ, чтобы Ѳедосей молчалъ. Понимаешь, что я говорю?

— Понимаю, сударыня.

— Если понадобятся товарищи, денегъ не жалѣй. Приѣдемъ, получишь задатокъ.

— Слушаю.

Уѣхала барыня, а Ѳедосей, какъ стоялъ у притолки, такъ и остался, словно прикованный, смотреть на дверь и будто крѣпко о чемъ-то задумался.

Вошла жена, посмотрѣла на него, головой покачала.

— Что, Ѳедосей, вѣрно и тебя подумки взяли? Послушай ты меня, бабу глупую, возьми деньги и вольную, 2.000 не шутки, заживемъ господами. Я все подъ окномъ слышала, не стерпѣла.

— Не нужны мнѣ ея деньги проклятыя, безъ нихъ жили, и, слава Богу, нужды не видали.

— Положимъ, до этихъ поръ нужды не видали, а все-таки лучше помириться съ барыней; не по себѣ ты рубишь дерево, давно я это говорю.

— И я давно говорю, что такія дѣла оставлять грѣхъ. Вѣдь не передо мной виновата барыня, а передъ Русью-матушкой, ее за деньги продавала и другихъ толкала на великій грѣхъ.

— То было, да прошло, ужъ и война давно кончена, довольно, что тогда остановилъ злое дѣло, а теперь оставь, самъ видишь, что ей ничего не сдѣлаешь, она все начальство закупаетъ.

— Какъ ни закупаетъ начальство, а ко мнѣ приѣхала, значить боится.

— Можетъ быть, и боится, а все-таки она останется цѣла, а тебя загубить. Помни, Ѳедосей, у тебя дѣти.

— Семью надо помнить, да и правду забывать не слѣдуетъ, взялся за нее стоять, такъ ужъ не отступай.

— Ну, стой за правду, осироти дѣтей. И куда же я тогда дѣнуся, вдова горькая, горемычная, съ малыми дѣтками сиротками? — заголосила жена.

— Замолчи, баба, вѣдь ты еще не горькая вдова, можетъ быть, дастъ Богъ, и дѣтокъ вмѣстѣ вырастимъ.

Но баба не унималась и долго причитала про горькую долю, которая ждала ее впереди.

Оказалось, что правды на Руси не было, дошли таки Федосея,— вздохнула бабушка.— Самъ же Потапъ обо всемъ рассказывалъ, товарищей не выдалъ, говорилъ, клятву далъ, ну, а самъ, какъ старость да болѣзнь пришибла, всемъ каялся. За большія деньги онъ скоро нашелъ двухъ товарищей и въ одинъ зимній вечеръ подѣхалъ съ ними къ двору Федосея. Молча вышелъ онъ изъ саней, товарищи остались около лошади. Подошелъ Потапъ къ окну и заглянулъ, что дѣлается въ хатѣ. Въ избѣ ярко горѣла лучина, самъ Федосей плелъ лапотъ, старшій, женатый сынъ вилъ изъ пеньки веревку, второй лѣтъ 15-ти вязалъ сѣтъ, бабы и дѣвки пряли ленъ и громко распѣвали пѣсни. Маленькіе ребятишки возились на полу и строили что-то изъ лучинокъ; хорошо такъ было, мирно и весело.

— Эй, хозяинъ,пусти, дѣло есть!—крикнулъ Потапъ.

Бабы смолкли.

Федосей положилъ на колѣни лапотъ и посмотрѣлъ въ окно.

— Иди,пусти, что ему понадобилось?—сказалъ онъ сыну.

Вошелъ бурмистръ, Богу помолился, хозяевамъ поклонился:

— Собирайся, Федосей, тебя начальство въ городъ требуетъ.

Семья переполошилась. Хотя не первый разъ его требовали къ допросу, и пока особенно плохого ничего изъ этого не выходило, а все-таки страшно, Богъ знаетъ, для чего требуетъ начальство.

Федосей зналъ, что былъ правъ, а потому былъ покоенъ.

— Что такъ поздно?—спросилъ онъ.

— А это, братъ, не мое дѣло, мнѣ что приказано, то и исполняю. Да вотъ еще тебя связать велѣно.

— Врешь!—закричала жена Федосея:—вязать его не за что, онъ не душегубъ, не воръ, чужихъ замковъ не ломалъ.

— Не дури,баба, пусть вяжутъ, я ничего не боюсь, не въ первый разъ требуютъ.

— Требуютъ не первый разъ, а рукъ прежде не вязали. Не пуцу я тебя, они загубить тебя хотятъ.

— Стало быть, ты глупа,баба: какъ я могу не явиться къ начальству, коли оно требуетъ?

— Зачѣмъ ты ему такъ скоро понадобился, что чуть не въ полночь изъ дома увозятъ?

— Пусть хоть въ полночь, я не боюсь.

— То-то и плохо, что не боишься, вотъ и дожили до того, что руки вяжутъ.

— Не попрекай, жена, вяжутъ меня не за худыя дѣла.

Федосей положилъ на полицу недоконченный лапотъ и сталъ переобуваться въ новыя теплыя суконки.

Жена взяла кошель и уложила въ него харчи на дорогу мужу, потомъ нарѣзала хлѣба, разложила ложки и поставила на столъ чашку съ горячими щами. Хлопочетъ она, а сама все слезы рукавомътираетъ.

Федосей переробулся, всѣ встали, помолились Богу и молча сѣли за столъ.

— Садись и ты съ нами, Потапъ Михеичъ,—проговорилъ Федосей.

— Спасибо, дома поужиналъ.

За ужиномъ почти ничего не говорили, только Федосей дѣлалъ кое-какія домашнія распоряженія на тотъ случай, если онъ долго будетъ въ отлучкѣ, да ктонибудь изъ домашнихъ тихо отвѣчалъ на его рѣчи. Ъли тоже мало, и хозяйка принимала со стола почти нетронутыя кушанья. Послѣ ужина Федосей сталъ одѣваться въ дорогу.

— Одѣвайся теплѣе, на дворѣ страсть какой морозъ,—подсказалъ Потапъ.

Одѣлся Федосей, присѣли, помолились Богу.

— Благослови дѣтей-то, Богъ знаетъ, куда они тебя увозятъ,—заголосила жена.

— Что же благославлять не грѣхъ, подходите, дѣти.

Федосей взялъ съ полки образъ и сталъ лицомъ къ выходной двери.

Подошелъ сначала старшій сынъ съ своею женой, поклонились отцу въ ноги, приняли благословеніе, за ними послѣдовали другіе.

Заголосили бабы и дѣвки, захныкали ребятишки, старшій сынъ стоялъ, молча, понуривъ голову.

Послѣ молитвы Федосей заложилъ за спину руки, и Потапъ скрутилъ ихъ веревкой.

Сильнѣе заголосили бабы, заплакалъ и старшій сынъ.

— Полноте плакать, не на вѣкъ расстаемся, Богъ дастъ, опять увидимся, правого человѣка не казнятъ и не сошлютъ.

— Пойдемъ-ка, братъ, скорѣй изъ избы, долги провода,—лишнія слезы,—проговорилъ Потапъ, надѣвая на Федосея шапку и открывая дверь въ сѣни.

— Оставайтесь съ Богомъ, да живите мирно,—выговорилъ Федосей, выходя вмѣстѣ съ Потапомъ изъ хаты.

— Словно изба безъ него опустѣла, тяжело, скучно, словно мы его въ землю опустили и съ погоста вернулись, цѣлую ночь глазъ не сомкнули,—разсказывали потомъ семейные.

А съ Федосеемъ вотъ что случилось: отъѣхавъ версты двѣ отъ деревни, бурмистръ повернулъ лошадь къ лѣсу.

— Куда же это вы, братцы?—спросилъ Федосей.

— Увидишь,—отвѣтилъ Потапъ.

— Что же вѣрно загубить хотите? Бороться мнѣ съ вами нельзя, васъ трое, я одинъ, да еще и руки связаны, просить тоже нечего, что задумали, того не перемѣните. Но, братцы, придетъ и вашъ смертный часъ, тогда про меня вспомните.

Мужики молчали, замолчалъ и Федосей.

На краю лѣса были заброшенныя шахты, изъ которыхъ недавно брали желѣзную руду; мужики подѣхали къ этимъ глубокимъ ямамъ, вышли изъ саней и высадили Ѳедосея.

Борьба была бесполезна.

— Братцы,—взмолился Ѳедосей,—сдѣлайте мнѣ одну милость: отпустите веревки, дайте помолиться Богу передъ смертью и проститься съ бѣлымъ свѣтомъ.

Мужики придвинули его ближе къ ямамъ и отпустили веревки.

Ѳедосей посмотрѣлъ кругомъ:

— Господи! какъ хорошъ Твой мѣръ!—выговорилъ онъ вслухъ и тяжело, тяжело вздохнулъ.

А ночь была морозная, ясная, тихая; свѣтилъ полный мѣсяцъ, блистали ясныя звѣзды, небо—чистое и свѣтлое, лѣсъ стоитъ весь бѣлый, не шелохнется, а снѣгъ такъ и блеститъ, такъ и переливается.

Вѣрно, никогда не казался Ѳедосею такъ хорошъ Божій мѣръ, какъ въ эту минуту.

Онъ опустился на колѣни и долго молился:

— Господи! прости мое согрѣшеніе вѣдомое и невѣдомое, вольное и невольное. Помяни мя, Господи, егда прійдеши во царствіе Твое,—повторялъ онъ между прочими молитвами.

Мужики стояли молча и не перебывали его молитвъ.

Потомъ онъ всталъ молча съ колѣнъ и поклонился на всѣ четыре стороны:

— Прощай, Божій мѣръ, простите всѣ, кого въ чемъ обидѣлъ. Самъ я ни на кого зла не имѣю, шелъ противъ барыни потому, что хотѣлъ за правду постоять. Васъ, братцы, прощаю,—поклонился онъ мужикамъ.

— Пора!—выговорилъ Потапъ.

Три мужика проворно бросились на Ѳедосея и дружно столкнули его въ глубокую яму.

Тяжело простоналъ Ѳедосей и отдалъ Богу свою честную, правдивую душу.

Прожумѣлъ вѣтерокъ, въ лѣсу что-то затрещало. Жутко стало мужикамъ, они вскочили въ сани, ударили по лошади и, молча, притаивъ дыханіе, помчались отъ лѣса.

— И цѣлыя шесть недѣль у меня Ѳедосей изъ ума не выходилъ,—разсказывалъ потомъ Потапъ,—особенно ночью, закрою глаза, а онъ тутъ и стоитъ, какъ живой, Богу молится, молитвы читаетъ, намъ кланяется, а то представляется, что онъ стонетъ, какъ простоналъ тамъ, въ ямѣ. Я и панихиды по немъ служилъ, и за обѣдней подавалъ поминать, извѣстно, не въ своей церкви.

Черезъ три дня Потапъ вернулся и сказалъ, что Ѳедосея оставило начальство въ городѣ.

Ждутъ Ѳедосея недѣлю, ждутъ другую, вотъ и мѣсяцъ прошелъ, а его все нѣтъ, какъ нѣтъ.

Жена плачетъ, убивается, и его-то жаль, и дѣти дробныя, послала она старшаго сына о немъ справиться. Въ городѣ сказали, что его тамъ нѣтъ.

Такъ и кануло въ воду это дѣло.

Ѳедосея не хоронили по-христіански, но праведный человѣкъ не остается безъ погребенія; говорятъ, что на заброшенныхъ шахтахъ до шести недѣль каждую ночь горѣли свѣчи: то Божіи ангелы служили по немъ панихиды и молились за его душу.

Не одобровала и генеральша. Какъ ни хитрили судьи, сколько ни дарила ихъ Акулина Павловна, а дѣло все-таки повернулось такъ, что она должна была лишиться дворянства и итти въ каторжную работу.

Узнала генеральша, что пришелъ конецъ ея царству, что не нынче-завтра ее арестуютъ, и отравилась ядомъ.

Ядъ этотъ она постоянно носила у себя на шеѣ съ тѣхъ поръ, какъ Ѳедосей началъ это дѣло.

— Моя смерть при мнѣ: какъ увижу, что дѣло рѣшится не въ мою пользу, такъ конецъ,—не разъ говаривала она своей прежней свекрови.

— Ну, барыня, въ этомъ концѣ хорошаго мало, надо и о душѣ подумать, покорись и снеси наказаніе,—скажетъ, бывало, вдова.

— Нѣтъ, матушка, пусть судить меня Богъ, но я не изъ такихъ, чтобы покоряться, въ каторгу не пойду, а какъ жила, такъ и умру генеральшей.

На ея могилѣ поставленъ памятникъ изъ бѣлаго мрамора; на плитѣ стоитъ женщина, завернутая въ простыню, и держится за тумбу. Народъ говорилъ, что это сама генеральша, земля ея не приняла, и она обратилась въ каменную статую.

Е. И. Зарина.

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. А. НЕКРАСОВѢ.

НЕ ДУМАЛЪ печатать мой романъ «Старое старится, молодое растетъ» и вообразить не могъ, что познакомлюсь съ такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, какъ Некрасовъ, или буду сотрудничать въ его передовомъ журналѣ «Современникъ». Мое «Старое старится»—это семейныя записки, въ которыхъ почти все—эпизоды моей собственной жизни, и я готовилъ ихъ въ наслѣдіе моимъ дѣтямъ: пусть читаютъ, поучаются, какъ жить, и, можетъ быть, избѣгнуть тѣхъ непростительныхъ ошибокъ, которыя въ жизни сдѣлалъ я. Но судьба рѣшила иначе.

Я попалъ на службу въ такую губернію, гдѣ губернаторъ былъ звѣрь. Онъ считалъ губернію своей крѣпостной, воображалъ себя неограниченнымъ властителемъ и чиновниковъ со службы сметалъ, какъ мухъ. Той же участи подвергся и я. Дѣло началось изъ пустяковъ: губернаторъ въ большіе праздники посылалъ по городу черезъ полицію листъ, на которомъ всѣ чиновники, имѣющіе значеніе, должны были писать: «читалъ», а въ листѣ было предписано лаконически: «господинъ начальникъ губерніи принимаетъ чиновниковъ для поздравленія въ 10 часовъ».

Я на листѣ всегда подписывалъ «читалъ», но являться въ десять часовъ не всегда могъ: по завѣту матери я въ это время водилъ дѣтей къ обѣднѣ, а, чтобы исполнить волю начальства, я передъ обѣдней представлялся моему ближайшему начальнику, директору гимназіи, и просилъ его позволить мнѣ съ дѣтьми, вмѣсто

губернатора, итти въ церковь; онъ соглашался и всегда добавлялъ: «я самъ доложу объ этомъ его превосходительству». Но доклады моего начальника вѣрно не понравились губернатору; онъ нашелъ случай и сослалъ меня въ самый убогій городишко, который я назвалъ «соломеннымъ». Кто не знаетъ жизни нашихъ захолустьевъ и въ настоящее время—гдѣ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ,—а лѣтъ 50 назадъ тамъ была безразсвѣтная тьма! Правда, люди умные говорятъ, что человѣкъ, приглядѣвшись, и во тьмѣ видитъ кое-что,—такъ и я увидалъ тамъ: карты, пьянство, драки, сплетни и глупую жизнь,—и долго бы терпѣлъ... Но тутъ на бѣду мою случилось еще другое: губернаторъ узналъ, что въ Московской и Ярославской губерніяхъ открыты во всѣхъ городахъ женскія училища. Ему вздумалось тоже просвѣтить дикую заволжскую степь и открыть во всѣхъ захолустьяхъ училища. Предписано было строго и еще со словомъ «немедленно» открыть! А на бѣду такъ случилось, что нашъ соломенный городокъ, за годъ передъ тѣмъ, выгорѣлъ до тла, и бѣдные нищѣ-мѣщане рѣшительно отказались платить ту тысячу рублей, которую собирали съ нихъ на мужское училище, а тутъ еще на женское давай! Съ испугомъ прибѣжалъ ко мнѣ городской голова.

— Что мнѣ дѣлать съ такой бѣдой,—ума не приложу! Посчитайте-ка, родной, вѣдь мебель, обстановка, книги, да еще квартира послѣ пожара—чего все это будетъ стоить? А откуда денегъ взять, вѣдь не шкуру съ обывателей драть? Мои мѣщанишки вонъ всѣ по сосѣднимъ губерніямъ разбрелись, милостинку собираютъ, а я долженъ теперича за нихъ отвѣчать!...

— Такъ просите губернатора отсрочить: пишите, что теперъ послѣ пожара открыть училище нельзя!

— Да какъ писать?—боязно! Вы сами знаете, какой онъ крутой. Христа ради, помогите, напишите вы...

И я на бѣду сунулся, Христа ради написалъ. Но дѣло это кончилось для меня такъ скверно, какъ я вообразить не могъ. Черезъ мѣсяцъ я получилъ отъ директора бумагу: «Потанинъ отставленъ отъ службы». А по частнымъ слухамъ узналъ, что губернаторъ жаловался пріятелю своему, попечителю, а тотъ, не разбирая дѣла, взялъ и отставилъ человѣка. Вслѣдъ за тѣмъ газетныя собаченки, писаки, принялись строчить обо мнѣ «статейки»: «Потанинъ ретроградъ», «Потанинъ гаситель просвѣщенія» и т. п. А кому не извѣстна въ чиновномъ бытѣ фраза: «уволень по третьему пункту, безъ прошенія»? И я, неустрашимый, оробѣлъ, услышавши эту грозную фразу. Семья, малыя дѣти—и средствъ никакихъ! Собралъ кое-какія крохи, продалъ мебель, все лишнее и рѣшился ѣхать въ Петербургъ, думая: «здѣсь не гожусь, авось тамъ пригожусь?»

Но Петербургъ имѣетъ двѣ стороны, правую и лѣвую, и не дай Господи кому нибудь попасть на лѣвую сторону и испытать

такія мытарства, какія испыталъ я. Безъ связей, безъ протекціи, не имѣя даже ни одного знакомаго человѣка, я очутился въ Петербургѣ, какъ Робинзонъ на островѣ. Полгода я бродилъ по улицамъ столицы, дѣлая цѣшкомъ по 20 верстъ въ день, но куда ни приходилъ,—мнѣ лично былъ одинъ отвѣтъ: «мѣста нѣтъ», а на всѣхъ прошеніяхъ, куда ни подавалъ, была одна отмѣтка: «оставить безъ послѣдствій». Но все это было сносно, пока я не терялъ надежду. Въ Петербургѣ и съ горемъ можно весело жить, пока деньги есть. Какъ художникъ, я часто посѣщалъ Эрмитажъ, Академію художествъ; какъ любопытный, обзрѣлъ музей, слушалъ лекціи въ университетѣ и медицинской академіи, изрѣдка посѣщалъ театр и оперу въ галлерей.

Но когда насталъ великій постъ, особенно въ карманѣ, и къ этому еще я совсѣмъ потерялъ всѣ надежды на пустыя обѣщанія петербургскихъ чиновниковъ-друзей,—тогда настала другая жизнь. Петербургъ постомъ присмирѣлъ, точно соскучился веселиться. Началась весенняя ломка льду и вонючій вывозъ за городъ: это въ Петербургѣ еще омерзительнѣе нашей провинціальной весенней грязи и веселыхъ ручейковъ; холодный, сырой вѣтеръ моря; осенній сѣянецъ-дождь, туманы, сѣренькіе деньки—невыносимая скука и тоска... А весенній май въ Петербургѣ еще томительнѣе и скучнѣе. Все ползетъ на дачи съ мебелью, точно отъ пожара, городъ тихъ, точно мертвый. Куда ни пойдешь, все одно и то же: дымъ, копотъ, смола, пылица, кирпичи, бревна, развалины, лошади, телѣги, безобразный крикъ и ругань рабочихъ—невообразимый хаосъ! А къ этому еще мое неопредѣленное положеніе, душевная тоска по семьѣ, думы въ бѣлыя мучительныя ночи, бессонница; отсюда пишутъ: «мы соскучились»,—такъ бы и бросился къ нимъ!—а куда? зачѣмъ?—и сидишь цѣлые часы въ страшномъ мучительномъ раздумьѣ.—Каюсь теперь въ малодушіи: въ такія безумныя минуты часто стоялъ надъ Фонтанкой,—одно спасло меня, что въ такія мгновенія ясно слышались мнѣ милые голоса: «папа, пріѣзжай!» А въ головѣ одинъ грозный вопросъ: «что же будетъ дальше? чѣмъ кончится все?»

Вотъ что вынудило меня отдать въ печать мою завѣтную рукопись. Тогда былъ въ большой славѣ извѣстный нашъ романистъ Алексѣй Теофилактовичъ Писемскій, онъ съ громкимъ успѣхомъ печаталъ свои прекрасные романы: «Тысяча душъ» и «Взбаламученное море». Я рѣшилъ отправиться къ нему. Писемскій принялъ меня ласково, но, къ несчастію, онъ былъ боленъ: жена при мнѣ подавала ему ложкой лѣкарство.

— Видите, въ какомъ я положеніи, ни читать, ни слушать не могу; думаю, поправлюсь; выѣду на дачу—вотъ вамъ адресъ; побывайте черезъ недѣльку, тамъ мы все это дѣло рѣшимъ.

Я вышелъ отъ него съ отчаяніемъ. Въ карманѣ ни гроша, хоть часы продавай; хозяинъ требуетъ деньги за номеръ; въ сердцѣ

слышатся милые голоски, а тутъ еще недѣлю жди! Адскую недѣлю муки—страшно даже писать, что было тогда! Не помню, какъ я пришелъ домой.

— Да вы не отчаявайтесь,—утѣшалъ сосѣдъ студентъ:—Некрасовъ, кажется, не выѣхалъ еще изъ Петербурга, къ нему попытайте.

Мнѣ осталось согласиться и попытаться.

Больной и тоскующій по семьѣ, я рѣшилъ послѣднюю надежду возложить на Бога и принялся за дѣло съ молитвой. На другой день я отправился въ Казанскій соборъ, положилъ мою рукопись на подножіе Владычицы, того образа, который такъ глубоко чтитъ моя мать; отстоялъ обѣдню и пошелъ къ Некрасову. Николай Алексѣевичъ жилъ тогда въ домѣ Краевского на Литейной. Новые писаки не всѣ бойки. Съ робостію подходилъ я къ дому и, признаюсь, перекрестился передъ дверями. Человѣкъ ввелъ меня въ пріемную и пошелъ доложить. Ждать мнѣ пришлось очень долго, и я началъ осматриваться, гдѣ я, да, признаюсь, и любопытство подстрекало взглянуть, какъ наши поэты живутъ. Пріемная большая комната, у дверей чучело медвѣдя на заднихъ ногахъ съ огромной орысиной въ лапахъ, противъ него бѣломраморный бюстъ Тургенева на высокомъ пьедесталѣ, на стѣнѣ двѣ прекрасныя гравюры: типографія Гутенберга и наша славянская друкарня,—картины, кажется, тѣ же, которыя я видѣлъ потомъ въ кабинетѣ Гончарова; посреди комнаты большой столъ, крытый зеленымъ сукномъ, конечно, съ чернильницей; два ряда стульевъ съ высокими спинками рѣзными, мелкой работы, у стѣны широкій турецкій отоманъ, обитый малиновымъ бархатомъ или трипомъ, большое покойное кресло того же цвѣта и матеріи, много статуетокъ и фотографій на столахъ и окнахъ, занавѣсы пестрой шелковой матеріи—больше не помню.

Вышелъ заспанный высокій мужчина въ халатѣ и спрашиваетъ позѣвывая: что вамъ?

Я объяснилъ.

Не приглашая меня сѣсть, поэтъ апатично, точно нехотя, едва выговорилъ:

— Оставьте, посмотрю.

Я робко спросилъ:

— Когда отвѣтъ?

— Черезъ недѣлю,—отвѣтилъ онъ еще апатичнѣе и лѣнивѣе и пошелъ.

Я едва нашелъ двери къ выходу; точно выстрѣлъ прострѣлилъ мнѣ голову, такой сухой отвѣтъ. «Еще недѣля, а тамъ Оля, Вѣра»... и т. д. Съ отчаяніемъ я пришелъ домой и только могъ выговорить сосѣду: «ничего не будетъ толку! это какой-то деревянный господинъ!» Эту адскую недѣлю я провелъ безъ сна, почти безъ

пищи, словомъ теперь не могу рассказать, что было тогда. Наступилъ рѣшительный день; нехотя я побрелъ за отвѣтомъ и всю дорогу шепталъ: «нѣтъ, нѣтъ! отъ него я не дождусь ничего!» Однако съ надеждой опять перекрестился и робко вошелъ.

— Пожалуйста,—весело выговорилъ докладчикъ и поспѣшилъ доложить. Ждать мнѣ не пришлось; въ ту же минуту вышелъ совершенно другой Некрасовъ, веселый, радостный, и съ первого слова несказанно обрадовалъ меня:

— Ваша рукопись прелесть, я съ особеннымъ удовольствіемъ ее читалъ. Садитесь, поговоримъ.

Начался экзамень: кто я? откуда? какъ попалъ въ Петербургъ? зачѣмъ? Все это милый Николай Алексѣевичъ выслушалъ ласково, внимательно и между прочимъ сообщилъ, что онъ съ удовольствіемъ готовъ печатать мой романъ.

— Вы ничего не имѣете противъ того, если я предложу вамъ печатать вашъ романъ съ новаго года? Теперь лѣто, мало читаютъ, и такой интересный романъ, какъ вашъ, можетъ много потерять?..

— Ахъ, ради Бога, распоряжайтесь мной, какъ угодно! Для меня важно одно, если онъ будетъ напечатанъ въ такомъ журналѣ, какъ вашъ «Современникъ».

— Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Я еще повторю: ваша рукопись прелесть. А скоро вы отправитесь домой?

— Да, признаюсь вамъ, я такъ смертельно соскучился по семьѣ, что готовъ хоть завтра.

Николай Алексѣевичъ задумался надъ моимъ отвѣтомъ и долго молчалъ.

— Такъ желаю вамъ обрадовать семью!..

Послѣднее слово онъ выговорилъ печально.

— Рукопись возьмите съ собой, тамъ на свободѣ просмотрите еще. Желаю вамъ радостной встрѣчи со своими.

Некрасовъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, проводилъ въ прихожую и точно нечаянно спросилъ:

— А въ какихъ номерахъ вы остановились?

На другой день я весь былъ занятъ покупкой куколъ, игрушекъ, разставлялъ ихъ по окнамъ, столамъ, стульямъ; любовался ими, какъ ребенокъ, и не вытерпѣлъ—сообщилъ сосѣду мое ребячество:

— Идите смотрѣть, прелести вамъ покажу!

Но не успѣлъ я рассказать студенту мою счастливую встрѣчу съ Некрасовымъ, какъ вошелъ коридорный и сообщилъ:

— Къ вамъ какой-то господинъ, спрашиваетъ, можно ли войти.

Не успѣлъ я отвѣтить, какъ въ дверяхъ показался Николай Алексѣевичъ. Я рѣшительно не зналъ, что подумать, и, взглянувъ на мои игрушки, осовѣлъ.

— А я, почтенный Гаврила Никитичъ, пришелъ васъ проводить. Вы вчера были не совѣмъ откровенны со мной, а я замѣ-

тилъ, что вамъ недостаетъ чего-то въ дорогу—примите отъ меня это по дружбѣ,— и онъ подалъ мнѣ толстый пакетъ.

Я рѣшительно не понималъ, что дѣлается со мной. Некрасовъ внимательно осмотрѣлъ мою конуру; съ грустной улыбкой взглянулъ на мои игрушки и печально прибавилъ:

— И въ этомъ виденъ любящій отецъ! До свиданія!—крѣпко сжалъ мою руку и уѣхалъ.

Я открылъ таинственный пакетъ: тамъ было 500 рублей на дорогу.

— Вотъ оригинальный поэтъ! Смотрите!—обратился я къ студенту:—человѣкъ совершенно не знаетъ, кто я,—даже рукопись возвратилъ. Развѣ я не могъ оказаться мазурикомъ, удрать изъ Петербурга, сказать на судѣ, что я никакого Некрасова знать не знаю, и показать ему шипъ!

— Ну, милый Гаврила Никитичъ, Некрасовъ истинный поэтъ, онъ сердцемъ чужалъ, кто такой вы.

— Положимъ, такъ, а все это истинное великодушіе съ его стороны.

— Да!—отвѣтилъ мой собесѣдникъ, и мы задумались надъ этимъ глубоко.

Нечего рассказывать, какая радостная встрѣча была отца съ игрушками въ соломенномъ городкѣ; какія очаровательныя личики были у дочерей, когда онѣ разсматривали такія петербургскія прелести, которыя видѣли въ первый разъ. «Теперь ѣдемъ, ѣдемъ въ Петербургъ,—говорилъ безпрестанно отецъ, цѣлуя дѣтей:—тамъ не то еще увидите».

Осенью я приѣхалъ въ Петербургъ и тотчасъ пошелъ къ Некрасову.

— А! приѣхали, очень радъ,—встрѣтилъ меня весело Николай Алексѣевичъ и повелъ въ кабинетъ.

Кабинетъ поэта не былъ похожъ на приемную—тамъ была другая отдѣлка и обстановка. Бѣлые обои, оранжевыя занавѣси, небольшой письменный столъ на толстыхъ рѣзныхъ ногахъ, оклеенный зеленымъ сукномъ, изящная бронзовая чернильница, перья на подставкѣ, песочница въ видѣ вазы, тяжелый каменный прессъ, изображающій собаку, и лампа съ подъемнымъ абажуромъ; на полу тигровая шкура, обшитая краснымъ сукномъ, подъ столомъ корзина для бумагъ, а передъ столомъ кресло, обитое зеленымъ сафьяномъ; въ одномъ углу шкафъ съ книгами, въ другомъ часы въ футлярѣ и только. Ни портрета хозяина, ни картинъ и ничего лишняго не было.

— Садитесь, побесѣдуемъ,—пригласилъ меня ласково Николай Алексѣевичъ.—Первый и важный вопросъ: что вы намѣрены здѣсь дѣлать? Петербургъ казенный городъ, батюшка Гаврила Никитичъ, здѣсь всѣ служатъ, и служатъ взапуски! Не хотите ли и вы служить?

— Да, откровенно говоря, отъ службы отечеству я не отказывался никогда и, признаюсь, не былъ лѣнивъ, да дѣло въ томъ, что я до знакомства съ вами полгода ужъ бродилъ въ вашемъ Петербургѣ, измучился до смерти, нигдѣ не добился ничего! Куда ни приходилъ,—я лично получалъ вездѣ одинъ отвѣтъ: «мѣста нѣтъ», а куда просьбы подавалъ, вездѣ черезъ полицію возвращали ихъ мнѣ съ помѣткой: «оставить безъ послѣдствій».

Некрасовъ улыбнулся и похлопалъ меня по плечу.

— Не съ того конца начали, почтенный Гаврила Никитичъ! Подумайте о службѣ и, если рѣшите, такъ приходите—мы это дѣло устроимъ! Вы по какому министерству?

— Да я былъ учителемъ и смотрителемъ училища.

— Это еще легче. Подумайте и рѣшите.

Долго думать и рѣшать было нечего. Черезъ недѣлю я пришелъ къ Некрасову просить мѣста. Приемный часъ для просителей—десятый, давно ужъ прошелъ, а поэтъ еще не вставалъ. Впрочемъ, ждать мнѣ не пришлось, Николай Алексѣевичъ тутъ же вскричалъ:

— Идите сюда въ спальню!—и извинился, лежа въ постели.

Спальня имѣла другой видъ, чѣмъ кабинетъ и приемная. Темно-гранатные обои на стѣнахъ, зеленныя занавѣси на окнахъ, фонарь на потолкѣ, ковры на полу, низкая орѣховая кровать съ выдвигными ящиками, комодъ съ овальнымъ зеркаломъ и полный мужской туалетъ: щетки, гребенки, щеточки для зубовъ, пилки для ногтей, бритвенный ящикъ, склянка одеколона, элексиръ для полосканія и зубной порошокъ. У другой стѣны такой же широкий турецкій диванъ, какъ въ приемной, и небольшой круглый столикъ, на которомъ много почтовой бумаги, мелко исписанной карандашомъ и только. Самъ поэтъ лежалъ на кровати, совершенно утонувшій въ пуховую перину и до половины покрытый малиновымъ стеганымъ одѣяломъ, шитымъ въ мелкій узоръ; голова была обложена многими большими и малыми подушками-думками; воротъ разстегнутъ, грудь нараспашку, руки по локоть обнажены и закинута за голову.

— Что скажете новаго?

— Пришелъ мѣста просить.

— А! это казенное дѣло, полно валяться—встаемъ!

Онъ натянулъ халатъ, надвинулъ туфли и перешелъ на диванъ.

— Я проспалъ лишній часъ, вчера долго писалъ, да немного не дописалъ—сейчасъ кончу и тогда къ вашимъ услугамъ.

Онъ усѣлся на отоманѣ по-турецки, ноги подъ себя—впослѣдствіи я узналъ, что это была любимая поза Некрасова такъ писать. Онъ отдернулъ занавѣску на окнѣ, придвинулъ столикъ, усадилъ, какъ удобно, и принялся за работу, исписывая листокъ почтовой бумаги тонко очиненнымъ карандашомъ. Это были наброски прекрасной его поэмы: «Кому на Руси жить хорошо». Она долго послѣ того не выходила въ печати.

— Вотъ и кончилъ! Теперь идемъ и ѣдемъ,—и тутъ же велѣлъ заложить коляску.

Въ то время, за отсутствіемъ министра народнаго просвѣщенія, завѣдывалъ министерствомъ Ковалевскій, и мы отправились къ нему. Холодъ меня пронялъ, когда и здѣсь я встрѣтилъ неудачу; швейцаръ доложилъ, что министръ боленъ и не принимаетъ.

— Скажи, что пріѣхалъ Некрасовъ—по дѣлу.

Я, конечно, съ трепетомъ ждалъ отвѣта. Но вмѣсто отвѣта вышелъ военный генераль, самъ Ковалевскій.

— Ахъ, Николай Алексѣевичъ, извините, для васъ я всегда здоровъ и принимаю—милости прошу.

Ковалевскій пытливо посмотрѣлъ на меня.

— Я васъ долго не отвлеку отъ дѣла—рекомендую: вотъ господинъ Потанинъ имѣетъ къ вамъ покорнѣйшую просьбу, онъ хочетъ получить мѣсто по вашему министерству.

— Очень, очень радъ услужить! Какое же мѣсто угодно имѣть господину Потанину, въ провинціи или здѣсь, въ Петербургѣ?

— Да это будущій мой сотрудникъ, такъ, конечно, лучше бы здѣсь.

— Съ удовольствіемъ, дорогой Николай Алексѣевичъ, чтобы не откладывать—я сейчасъ... Ковалевскій прісѣлъ къ столу и на небольшомъ лоскуткѣ бумаги написалъ, кажется, немного словъ.

— Вотъ это, господинъ Потанинъ, вы потрудитесь передать Ивану Давидовичу Делянову, попечителю,—тамъ для васъ сдѣлаютъ все, что вамъ угодно.

Я, кажется, съ благоговѣніемъ принялъ записку министра, но тутъ же мелькнулъ вопросъ, какъ я объявлю мою фамилію Делянову, когда онъ первый тогда написалъ на моей просьбѣ — оставить безъ послѣдствій. А идти все-таки было нужно, и я записку министра въ тотъ же день отнесъ. Приемъ мой въ кабинетѣ попечителя былъ просто удивительный. Иванъ Давидовичъ, какъ только взглянулъ на записку министра, сейчасъ же обязательно подвинулъ мнѣ кресло, ласково пригласилъ сѣсть и съ особеннымъ вниманіемъ выслушалъ, что мнѣ нужно.—Какое вамъ будетъ угодно мѣсто?—Вотъ какъ!—подумалъ я:—теперь не то, что тогда! Иванъ Давидовичъ предлагалъ мнѣ мѣста на выборъ.

— Я, ваше превосходительство, въ Петербургѣ челоѣкъ новый и главное не взыскательный, мнѣ нужно для начала только поступить на службу, а куда? Этотъ выборъ я предоставляю вашему превосходительству.

Онъ спросилъ: гдѣ я служилъ и чѣмъ былъ? Затѣмъ просмотрѣлъ списокъ вакантныхъ мѣстъ и заговорилъ.

— Вотъ у насъ въ Петербургѣ есть шестиклассное училище—это тоже гимназія, гимназія для приготовленія чиновниковъ на службу, тамъ особенные предметы и особенное преподаваніе. Вотъ

въ этой гимназіи двѣ свободныя каѳедры: общія формы законовъ и бухгалтерія, угодно вотъ занять обѣ?

— Я, ваше превосходительство, какъ русскій подданный, не имѣю права отзыватья невѣдѣніемъ нашихъ законовъ, но относительно бухгалтеріи долженъ вамъ сказать откровенно—я понятія не имѣю о бухгалтеріи, особенно объ итальянской двойной.

— Но это ничего не значитъ! Предметъ этотъ тамъ преподають поверхностно, лишь бы дать понять, что такое бухгалтерія. Возьмете дѣльную книгу, почитаете немного, и черезъ недѣлю будете знать, какъ преподавать.

Мнѣ послѣ этого осталось только согласиться на предложеніе попечителя. Я поступилъ въ Введенскую гимназію и къ новому году за усердное преподаваніе незнакомой бухгалтеріи получилъ награду сто рублей. Проживъ 80 лѣтъ, я до сихъ поръ надивиться не могу, какія въ Петербургѣ есть волшебныя записочки министровъ, которыя творять съ чиновниками такія чудеса. Незабвенный Николай Алексѣевичъ Некрасовъ былъ очень доволенъ моимъ успѣхомъ по службѣ и до конца жизни заботился обо мнѣ, какъ отецъ.

Появленіе первыхъ главъ моего романа имѣло большой успѣхъ. Но, признаюсь откровенно, робко и трусливо я ждалъ перваго отклика критики о новомъ писакѣ. Прибѣгаетъ мой милый докторъ и съ первыхъ словъ такъ меня напугаль, что я поблѣднѣлъ, какъ послѣ объяснила жена.

— Ну, бѣтюшка, какъ васъ подлець критикъ отхватилъ! Это ни на что не похоже, слушайте, я газету принесъ, вотъ!—и началъ читать: «романъ новаго писателя, г. Потанина, далеко незаурядное явленіе, въ немъ такой тонкій психологическій анализъ, что автора не обинуюсь можно сравнить съ Диккенсомъ» и т. д. Докторъ бросился восторженно меня цѣловать и мгновенно выльѣчилъ отъ минутнаго страха. Некрасовъ самъ привезъ мнѣ первую книгу «Современника» и поздравилъ съ успѣхомъ. Точно какъ бы предисловіе къ моему роману, въ этой книгѣ журнала было прекрасное стихотвореніе Некрасова: «Дѣтство Валежниковъ», гдѣ поэтъ трогательно вспоминаетъ свое дѣтство. Онъ напомнилъ мнѣ милую Волгу съ ея узорными островами и песками и монастырь на острову, который звономъ своимъ такъ волноваль дѣтскую душу Некрасова. Я всплакнулъ, читая дѣтство Некрасова. Все это дорогія, незабвенныя воспоминанія старика.

Такъ неожиданно вступилъ я въ милую семью «Современника». При первомъ появленіи моемъ въ редакцію вышелъ изъ кабинета милый Иванъ Ивановичъ Панаевъ и привѣтствовалъ меня:

— Ахъ, Гаврила Никитичъ, какая у васъ изумительная наблюдательность надъ ребенкомъ Васей, признаю ъ, я рѣдко читаль что нибудь подобное.

— Въ семьѣ живу, дорогой Иванъ Ивановичъ: невольно наблюдаешь и учишься у дѣтей.

— Да къ этому онъ еще чуткій отецъ, это я уже видѣлъ по игрушкамъ,—прибавилъ Николай Алексѣевичъ улыбаясь. Затѣмъ я познакомился съ другими членами редакціи.

Кабинетнаго затворника Добролюбова я рѣдко встрѣчалъ въ редакціи и узналъ этого умнаго человѣка короче только въ то время, когда онъ передъ смертію жилъ въ квартирѣ Некрасова. Особенно обратилъ на себя мое вниманіе пьяный и отчаянный Михайловъ; это былъ маленькій, тщедушный человѣкъ съ костлявыми руками и такимъ безобразнымъ лицомъ отъ оспы или иной болѣзни, что на него неприятно было глядѣть. Но, несмотря на такое уродство, Михайловъ былъ самый страстный и горячій поклонникъ женскаго пола; разъ, какъ теперь помню, онъ такъ отчаянно кричалъ въ редакціи, неистово махалъ руками и грозилъ написать самые громовые стихи въ защиту двухъ барышень-нигилистокъ, которыхъ, по его мнѣнію, безбожно оскорбила полиція, уведя публично съ площади въ участокъ.—«Это беззаконно! это просто дикость!»—продолжалъ онъ долго ворчать. Эти двѣ барышни подъ псевдонимомъ: «Михаэлисъ и Габріэлисъ», были тогда извѣстны всему Петербургу, какъ отъявленные нигилистки. Онъ всегда первыя являлись на студенческія сходки, говорили въ университетѣ рѣчи и даже не устрашились явиться на конную площадь къ эшафоту Чернышевскаго и положить къ ногамъ его вѣнки. Самый задушевный собесѣдникъ мой былъ покойный Елисеѣвъ. Онъ былъ всѣхъ степеннѣе, солиднѣе, говорилъ всегда дѣльно, основательно, и я узналъ отъ него много новаго и занимательнаго, что для меня, провинціала, было весьма важно. Вообще многихъ, начиная съ Антоновича и оканчивая Григоровичемъ, я встрѣчалъ на редакціонныхъ обѣдахъ. У Некрасова было установлено два раза въ мѣсяцъ давать намъ литературные праздники. Наканунѣ такихъ дней я часто получалъ отъ него собственноручную записку. «Любезный Гаврила Никитичъ! не забудьте завтра посѣтить меня побесѣдовать и откушать. Васъ что-то давно не видать» и т. д. Нечего добавлять, что Некрасовъ не жалѣлъ денегъ на угощеніе своихъ сотрудниковъ.

Наша литературная семья жила дружно, за обѣдомъ велись самыя откровенныя, задушевыя бесѣды, перемѣшанныя остримп, веселыми и забавными шутками. Для меня, провинціала и дикаря, это было самое счастливое и веселое время жизни. Больше всѣхъ занималъ меня умный и острый Николай Гавриловичъ Чернышевскій, котораго я въ шутку звалъ иногда сыночекъ, потому что у меня былъ свой маленькій Николай Гавриловичъ. Забавнѣе всего было, когда Чернышевскій потѣшался надъ несчастнымъ Викторомъ Игнатьевичемъ Аскоченскимъ, редакторомъ-издателемъ ре-

лигіознаго журнала «Домашняя Бесѣда». Это мнѣ отчасти не нравилось; говоря по совѣсти, журналъ Аскоченскаго былъ дѣльный журналъ, онъ много сказалъ добраго для Руси святой, жаль только, что этотъ несчастный журналъ явился не во-время въ шестидесятые годы; онъ былъ въ такомъ гоненіи, что имя Аскоченскаго тогда въ Петербургѣ иначе не произносилось, какъ съ насмѣшкой. Правда, Аскоченскій самъ былъ порядочный забіяка; я помню, какъ онъ позорилъ въ журналѣ своемъ Николая Александровича Благовѣщенскаго за сочиненіе «Аеонъ», называя его печатно ренегатомъ и богоотступникомъ; конечно, доставалось отъ него и Чернышевскому. Но послѣдній, понятно, не оставался въ долгу, безпощадно издѣвался надъ Аскоченскимъ и даже превратилъ фамилію Аскоченскаго въ Антихриста.—«Стоитъ только,—говорилъ онъ,—всѣ буквы фамилии «Аскоченскій» переложить на славянскій счетъ и сложить, и въ суммѣ получится 666—звѣриное число Апокалипсиса—имя Антихриста». Разъ для потѣхи онъ сдѣлалъ передъ нами выкладку, и въ суммѣ дѣйствительно получилось звѣриное число Антихриста. Мы простодушно посмѣялись. Но эта злобная насмѣшка надъ почтеннымъ Аскоченскимъ такъ больно меня кольнула, что я не выдержалъ и сказалъ:

— Послушайте, сынокъ, вы не обидитесь на отца, если я скажу вамъ другое слово, которое тоже похоже на Антихриста.

— Говорите...—Чернышевскій пытливо и насмѣшливо взглянулъ на меня сквозь золотыя очки.

— Это слово: вольнодумъ—попробуйте посчитать.

— Посмотримъ.—Чернышевскій принялся считать, мы любопытно слѣдили выкладку; онъ кончилъ и захохоталъ: въ итогѣ его вышло 666. Чернышевскій, какъ человѣкъ съ тактомъ, въ это время, повидимому, не обидѣлся на меня и только прибавилъ нехотя: «да, это вѣрно», но при случаѣ не забывалъ иногда надо мной острить.

У меня болѣла нога, и я ходилъ въ редакцію въ тепломъ сапогѣ. Разъ зашла рѣчь о моей милой Москвѣ, я заговорилъ о значеніи Красной площади, залитой кровью родной, о великомъ значеніи нашего древняго Кремля и еще больше о святыняхъ нашей, Успенскомъ соборѣ.

— Да полно вамъ распинаться за вашу матушку Москву,—сказалъ Чернышевскій,—тошно слушать! Кремль вашъ старая могила, а намъ, новымъ, живымъ людямъ, въ могилѣ жить нельзя; а святыня ваша, Успенскій соборъ—просто сарай для дровъ, придетъ пожаръ, дрова сожгутъ, и не останется ничего!

Я замолчалъ.

— Что не говорите? или мѣшаетъ сапогъ?

— Нѣтъ, не то, сынокъ; я думаю не о сапогахъ, а дѣло въ томъ, что я пока не привыкъ думать по-вашему, по-петербургски, а споровъ не люблю!

Мы замолчали. Вообще я съ Чернышевскимъ не сходилъ во многомъ. Несмотря на громадный умъ, Чернышевскій былъ странный человѣкъ; онъ иногда выражался такъ оригинально, что мнѣнія его поражали меня. Разъ зашла рѣчь о фотографіи. Я, какъ художникъ, заговорилъ о значеніи фотографіи въ ландшафтной живописи и еще больше въ портретной, гдѣ ни одинъ художникъ не снимаетъ такъ вѣрно контуръ, какъ это дѣлаетъ сама природа, у ней силъ больше, нежели въ человѣкѣ. Заговорили было о томъ, какъ сердечно, умилительно и трогательно получить портретъ близкаго человѣка, по которому часто вспоминаются всѣ его душевныя качества

— И все это вздоръ! никому ненужный вздоръ!—заклучилъ Чернышевскій.—По-моему фотографія нужна только для съемки геометрическихъ черченій!—Это мнѣніе Чернышевскаго кстати напомнило другого оригинала-мыслителя, Дмитрія Ивановича Писарева, тотъ еще отчаяннѣе щеголялъ своими оригинальными афоризмами. Онъ, напимѣръ, смѣло и печатно назвалъ Пушкина глупцомъ, разбирая по-своему его прелестные стихи. Онъ о способностяхъ человѣка выразился однажды такъ нелѣпо, что я до сихъ поръ не знаю, что думать о немъ.

— Если бъ я былъ министромъ народнаго просвѣщенія,—говорилъ Писаревъ,—то во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ вмѣсто всѣхъ пустыхъ и ненужныхъ предметовъ, не выключая и Закона Божія, велѣлъ бы во всѣ 24 урока въ недѣлю преподавать одну математику, и у меня изъ всѣхъ гимназій и университетовъ выходили бы самыя умнѣйшіе люди!

А когда я замѣтилъ ему, что математическія способности—особенныя способности, это—даръ, который дается немногимъ, то онъ выразился такъ:

— Полно вамъ бредить этими особыми божьими дарами, которые чортъ знаетъ откуда! По-моему всякая способность въ человѣкѣ—просто привычка; упражняйтесь вы больше въ вычисленіяхъ, и вы будете отличный математикъ. Точно вы не слыхали извѣстнаго реченія: трудъ генія родить.

Были въ нашей семьѣ и другіе собесѣдники, какъ, напимѣръ, Антоновичъ и Григоровичъ. Эти больше руководились здравымъ смысломъ и не уходили далеко отъ истины. Максимъ Алексѣевичъ Антоновичъ всегда здраво и основательно судилъ о нашей литературѣ. Разъ только онъ обидѣлъ меня, когда я читалъ ему рукопись «о попѣ», какъ онъ выразился. Въ Самарѣ былъ дѣйствительно незабвенный, всѣми почитаемый священникъ, Степанъ Макаровичъ Бѣльскій, истинно духовное лицо и глубокій христіанинъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Весь громадный, двухъ-этажный домъ церковный онъ отдалъ въ жильѣ нищимъ и убогимъ; приходящимъ онъ говорилъ ласково: поживи со мною въ мирѣ, а ухо-

дящимъ, со слезами провожая ихъ, добавлялъ: «вѣрно, ты не любишь меня, другъ?»... Самъ въ этомъ домѣ онъ занималъ одну небольшую комнату въ нижнемъ этажѣ, гдѣ ничего не было, кромѣ образа съ лампадкой, небольшой полки съ духовными книгами, простого стола въ переднемъ углу, гдѣ лежали крестъ, евангеліе, епитрахль, кровати съ войлокомъ, подушкой, и старыхъ часовъ луковицей, чтобъ не опоздать, куда нужно было. Образъ жизни его до того былъ простъ и глубокъ по содержанію, что онъ родному сыну, академику, сказалъ со слезами: «не ходи, другъ, въ священники, тебѣ не вынести этой тяготы!» А въ холеру 1848 года этотъ дивный священникъ совершилъ истинно великій христіанскій подвигъ. Въ то время, какъ всѣ другіе попы отговаривались болѣзною или недосугомъ, онъ одинъ напугствовалъ и исповѣдалъ до 50.000 рабочаго народа, нахлынувшаго изъ степи со страху и умиравшаго здѣсь отъ заразы, дурной пищи и ожиданія пароходовъ. Наконецъ, онъ даже самъ себя принесъ въ жертву этому великому дѣлу, заразился холерой, былъ жестоко боленъ, но, какъ только почувствовалъ себя легче, снова явился на пристань и до конца эпидеміи день и ночь совершалъ надъ больными таинство. Къ несчастію, Антоновичъ почему-то былъ такъ возстановленъ противъ духовенства и чувствовалъ къ попамъ такую ненависть и презрѣніе, что у него переломился карандашъ, когда онъ въ рукописи зачеркивалъ это мѣсто, а мнѣ съ озлобленіемъ сказалъ: «и вы, сотрудникъ «Современника», пишете панегирики этимъ»... онъ закончилъ рѣчь своею такимъ словомъ, которое я не рѣшаюсь повторить здѣсь въ печати.

Больше всѣхъ забавлялъ насъ своими веселыми рассказами Григоровичъ. Дмитрій Васильевичъ, рожденный отъ хохла и французенки, наслѣдовалъ отъ отца малороссійскій юморъ и простодушную русскую шутку, а отъ матери легкую и веселую французскую болтовню,—вогъ отчего у него всѣ рассказы заключали въ себѣ особенную прелесть. Самые пустяки Григоровичъ умѣлъ рассказать такъ забавно и весело, что мы всѣ не могли удержаться отъ смѣха. Обыкновенно это начиналось такъ: послѣ нашихъ дружескихъ обѣдовъ Николай Алексѣевичъ садился въ свое любимое кресло, или ложился безъ церемоніи на богатый триповый отоманъ и только, бывало, скажетъ: «А ты, Дмитрій Васильевичъ, будь милъ, расскажи намъ что нибудь»,—и Григоровичъ тутъ же экспромтомъ начиналъ болтать и веселить насъ цѣлые часы.

Самый противный для меня былъ Павелъ Ивановичъ Якушкинъ, вѣчно грязный, вонючій и пьяный. Онъ, какъ только входилъ, тотчасъ же, на основаніи новаго ученія коммунизма требовалъ водки и черезъ часъ такъ напивался, что не могъ ни стоять, ни сидѣть, валился на роскошный диванъ хозяина, пачкалъ его грязными сапогами, какъ свинья, и тутъ же засыпалъ. Въ шести-

десятыя годы эти грязныя уроды считались людьми передовыми — мужчины ихъ уважали, дамы обожали, а во всѣхъ аристократическихъ домахъ терпѣли и принимали, какъ почетныхъ гостей. Николай Алексѣевичъ тоже терпѣлъ своего гостя, а, когда тотъ совсѣмъ дѣлался нетерпимымъ, вызывалъ лакея и говорилъ: «видишь... уברי!». А мы всѣ выходили изъ комнаты.

Относительно печати, несмотря на свободу того времени, у меня немало было непріятностей съ цензурой. Правда, нашъ цензоръ въ «Современникѣ», Владимиръ Николаевичъ Бекетовъ, былъ вольнолюбивый, но крайне робокъ и щепетилень. Такъ, на примѣръ, романъ мой, по моему соображенію, первоначально былъ названъ: «Крѣпостное право»; онъ никакъ не согласился выпустить его подъ этимъ заглавіемъ.

— Помилуйте, это не мыслимо; теперь мы такъ горячо хлопочемъ о свободѣ народа, и вдругъ въ печати крѣпостное право!

— Да вѣдь я не похвалу пишу крѣпостному праву, — вы читаете, такъ знаете, какъ я въ романѣ распинаю это проклятое крѣпостное право.

— А все-таки нельзя! Одно названіе можетъ всякому метнуться въ глаза!

Такъ цензоръ не соглашался барыню Курондову назвать Марьей Александровной потому только, что императрица звалась Маріей Александровной.

— Такъ что же по-вашему всѣхъ бабъ въ Россіи нужно перекрестить и назвать иначе?

— Ну, это мы оставимъ.

А затѣмъ начались въ корректурѣ поправки моихъ словъ и реченій. Какъ цензоръ Обертъ въ моей повѣстухѣ «Концертъ» вмѣсто «горничная дѣвка» умышленно выписывалъ «дѣвушка», — нѣмецъ совершенно не понималъ, что въ чистомъ русскомъ языкѣ между словами: крѣпостная дѣвка и вольная дѣвушка, большая разница, — то же случилось и съ русскимъ цензоромъ.

Вмѣсто слова Васьки «мамынька» Бекетовъ вездѣ выправилъ нѣжно «маменька». Но всего нестерпимѣе было то, что онъ поправками часто искажалъ самый смыслъ рѣчи. Такъ, на примѣръ, въ одномъ мѣстѣ попалось ему реченіе: «гальчиное гнѣздо», — онъ зачеркнулъ слово «гальчиное» и написалъ «галочье», находя вѣрно непріятнымъ это простонародное слово и совершенно не понимая, что галки никогда не вьютъ гнѣздъ для себя, онѣ вьютъ ихъ для галчатъ и по выводѣ дѣтей оставляютъ гнѣзда и не возвращаются въ нихъ; галкамъ гнѣзда не нужны. А поправокъ такихъ, чѣмъ дальше, тѣмъ становилось больше; я наконецъ не вытерпѣлъ и пошелъ къ Некрасову просить, чтобы онъ избавилъ меня отъ такого цензора, который не знаетъ чистаго русскаго языка, и окончательно отказался переимѣнить первое названіе романа. «Какъ

хотите, назовите мой романъ, другого вѣрнаго названія я не нахожу!» Некрасовъ безъ моего согласія назвалъ мой романъ «Старое старится, молодое растеть», что совершенно не вѣрно. Относительно цензора Николай Алексѣевичъ высказалъ мнѣ горькую правду:

— Бекетовъ, Гаврила Никитичъ, лучшій у насъ цензоръ, что можно—такъ можно, а чего нельзя, въ томъ его не вините, вините лучше цензуру, цензура у насъ собака, да еще не простая, а австрійская собака!—намекая тѣмъ на одного члена цензурнаго комитета, который былъ австріецъ, въ чемъ я послѣ самъ убѣдился и съ Некрасовымъ согласился. Но были неприятности еще горше; цензоръ зачеркнулъ почти всю одиннадцатую главу моего романа, а глава была листа полтора печатныхъ. Некрасовъ пишетъ: «не задержите печати, замѣните чѣмъ нибудь вычеркнутое и уладьте главу. Нельзя ли доставить ее въ типографію завтра? Идемъ». Пришлось сидѣть ночь, работа была спѣшная, ключьями, кое-какъ, и совершенно меня не удовлетворила, ибо могла не сойтись съ будущимъ. Скрѣпя сердце, я къ утру кончилъ и послалъ, а между тѣмъ думалъ: такъ нельзя! Добросовѣстная работа требуетъ времени и труда, а такъ спѣшно строчить, кое-какъ, я не умѣю. Если такъ будетъ впередъ, такъ придется отказаться. Вскорѣ послѣ того мнѣ въ самомъ дѣлѣ пришлось отказаться, и я бросилъ печатать романъ.

Но больше всего меня волновали литературныя сплетни. Разъ я бесѣдовалъ съ короткимъ знакомымъ о Некрасовѣ, восторженно говорилъ о великодушіи поэта, какъ онъ тонко подмѣтилъ мое несчастное положеніе и во-время помогъ. Знакомый махнулъ рукой и съ насмѣшкой сказалъ:

— Какое великодушіе вы нашли въ Некрасовѣ? Просто ему нужно было васъ купить, вотъ онъ и далъ вамъ задатокъ. Некрасовъ торгашъ, онъ боялся, что у него перебыютъ такую хорошую рукопись, какъ ваша, вотъ онъ и поспѣшилъ даже въ номеръ къ вамъ прискакать. А что онъ самъ привезъ вамъ книгу и поздравилъ—просто некрасовскій фарсъ. Приголубимъ, дескать, провинціальчика и заберемъ незамѣтно въ лапы, вотъ увидите послѣ того, какъ онъ сдеретъ съ васъ рубликовъ 16 за годовой экземпляръ «Современника», несмотря на то, что вы такой дорогой его сотрудникъ. Вы—новый человекъ, вы ничего не понимаете, что творится въ этомъ поганомъ омутѣ «Современника». Некрасову ничего не нужно, кромѣ денегъ и денегъ... И знаете, что я кстати скажу вамъ по секрету; недѣлю назадъ Некрасовъ самъ говорилъ мнѣ прямо въ глаза: «Вотъ, милѣйшій N. N., какъ мы обрабатываемъ свои дѣлишки, рубликовъ за 50 печатаемъ такое произведеніе, какъ романъ Потанина!»

Я такъ былъ озадаченъ этой сплетней, что не зналъ, что думать о Некрасовѣ. Только впоследствии я убѣдился, что это была

гнусная клевета на поэта. Мѣсяца черезъ два послѣ того, какъ я началъ печатать романъ, я былъ вечеромъ у Николая Алексѣевича, мы бесѣдовали наединѣ. Я рассказывалъ ему, какъ добирался до Петербурга и что чувствовалъ по приѣздѣ, когда готовъ былъ броситься въ Фонтанку. Некрасовъ глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Эхъ, Гаврила Никитичъ, и я, когда былъ въ такомъ некрасивомъ положеніи, какъ вы, тоже болѣлъ безденежемъ и безсапожьемъ, была пора: чернилъ не было, чтобы что нибудь написать! Разведешь, бывало, ваксу слезами и пишешь ваксой, а завтра цѣлый день сидишь и разбираешь, что написалъ, все слилось и смазалось.

Я прослезился; Николай Алексѣевичъ опять глубоко вздохнулъ; мы поняли другъ друга въ эту минуту скорби. Послѣ этого нечего добавлять, какъ этотъ чуткій и самъ страдавшій человѣкъ могъ тонко понимать скорби и страданія другого человѣка, это кровавыми слезами выплакала его скорбящая народная муза. Часто находили на моего незабвеннаго Николая Алексѣевича такія великодушныя минуты, когда онъ самъ вызывался на всякую помощь мнѣ. Разъ я, перелистывая «Современникъ», читалъ ему лучшія мѣста моего романа.

— Странный вы человѣкъ, почтенный Гаврила Никитичъ! — сказалъ мнѣ на это Некрасовъ.

— Чѣмъ?

— Да тѣмъ, что не во-время скромны, что не просите больше денегъ за такія мѣста; я съ удовольствіемъ вамъ дамъ рубликовъ 75 за листъ.

— Охота вамъ говорить объ этомъ, Николай Алексѣевичъ! Я считаю себѣ за честь быть сотрудникомъ въ такомъ журналѣ, какъ вашъ. Я провинціалъ, человѣкъ плохой по воспитанію и образованію, для меня уже важно то, что я бесѣдную здѣсь съ такими умными людьми, какъ ваши сотрудники, и еще теперь, въ такое важное время.

Некрасовъ помолчалъ, будто что-то соображая, и наконецъ рѣшительно сказалъ:

— Не хотите, какъ хотите, такъ я самъ прибавлю вамъ, — и прибавилъ.

А между тѣмъ, чѣмъ дольше я жилъ въ Петербургѣ, тѣмъ больше слышалъ самыхъ нелѣпыхъ сплетенъ о Некрасовѣ. Его публично звали шулеромъ въ картахъ, скаредомъ и торгашомъ въ журналѣ и самымъ страшнымъ эгоистомъ въ обществѣ. Эти сплетни на такого человѣка, какъ Некрасовъ, хотя казались мнѣ нелѣпыми, но онѣ поражали меня, мучили, и я рѣшительно не могъ понять, откуда все это и почему.

Къ сожалѣнію, мнѣ не долго пришлось пожить дружно съ Некрасовымъ и побесѣдовать съ умными сотрудниками его. Вскорѣ наступило иное время и иные порядки.

«Современникъ» закрыли, Михайлова убрали, Чернышевскаго спрятали.

Каждый день прибѣгала къ намъ моя испуганная кума и шепотомъ спрашивала жену:

— А кумъ дома?

— Дома, а что?

— Да что! дѣлается страшно! Вѣрно, и до нашей смиренной Петербургской сторонушки добираются, ночью у сосѣдей былъ прокуроръ и жандармскій генераль, что-то разыскивали эти ищейки.

Жена, конечно, въ тотъ же день передала мнѣ эти слова и прибавила: «смотри!»... Но, въ сущности говоря, мнѣ нечего было смѣяться и осматриваться, я не пряталъ моихъ бумагъ въ плоскомъ ящикѣ, въ колодцѣ и не засыпалъ пескомъ и камнями, какъ это ухитрялись дѣлать настоящіе мастера прятанья. Я смѣло вступилъ въ редакцію «Русскаго Слова»; меня не пугалъ этотъ отчаянный журналъ.

Въ это пугливое время меня страшило другое: несчастная судьба Чернышевскаго. Не знаю, какъ въ точности назвать то странное время, когда Чернышевскій сидѣлъ въ крѣпости и писалъ свой романъ «Что дѣлать?» Весь Петербургъ былъ сильно заинтересованъ Чернышевскимъ; говорятъ, даже барыни ѣздили къ нему въ крѣпость и подносили золотыя перья. Одинъ только я, несчастный, не посѣтилъ узника въ тюрьмѣ. Время было такое трусливое, застрашенный Петербургъ и меня дѣлалъ трусомъ. Бывало, покойно сидишь дома, весело смотришь на игры дѣтей, и вдругъ мелькнетъ въ головѣ вопросъ: а что, какъ меня?.. Такъ морозъ пробѣжитъ по тѣлу, волосы становятся дыбомъ, особенно если при этомъ раздумаешься по-отцовски: что тогда будетъ съ ними, моими дорогими? Вонъ они какъ весело и безопасно играютъ теперь, не чуютъ ничего, а тогда?.. Каюсь, читатель, семья побѣдила мою гражданскую доблесть, къ Чернышевскому я не пошелъ. Только теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, я вздыхаю объ этомъ тяжело; это—горькія воспоминанія старика.

Но самыя горькія воспоминанія мои о «Современникѣ», милыхъ сотрудникахъ его и незабвенномъ Николаѣ Алексѣевичѣ начались въ то время, какъ я вступилъ въ редакцію «Русскаго Слова» и, прибавлю, къ несчастью моему. Здѣсь я встрѣтилъ другихъ сотрудниковъ и совершенно другое хозяйство журнала; то были поповичи, жадные до денегъ, бездушные рассказчики плохихъ повѣстей, газетчики, превращенные въ публицистовъ, таланты съ хмелевой головой, неучъ-мальчишка, рѣшающій все природнымъ умомъ, и гений-самодуръ, отвергающій всѣ науки, великіе авторитеты и утверждающій одну новую науку: «ерунду»; словомъ я познакомился съ поповичемъ Благовѣщенскимъ, холоднымъ Холодовымъ, ненавистникомъ женскаго труда Шелгуновымъ, пьянымъ Помялов-

скимъ, удалымъ баскакомъ Зайцевымъ, гениемъ, рѣшающимъ всѣ важные вопросы по-своему, Писаревымъ и ближе всѣхъ съ редакторомъ Благосвѣтловымъ. Это былъ умный, но не совсѣмъ здоровый русскій человѣкъ, онъ былъ до того горячъ и раздражителенъ, что въ минуты сумасбродства часто говорилъ то, чего самъ не понималъ. Впрочемъ, это было ему прощительно: шестидесятые годы были началомъ нашей новой, нервной болѣзни; тогда много было такого, что могло раздражать самаго здороваго человѣка.

Второй редакторъ «Русскаго Слова» былъ Благовѣщенскій; во всѣхъ словаряхъ его называютъ «романистомъ», но это былъ самый плохой романистъ. Не знаю, помнятъ ли читатели хотя одинъ романъ Благовѣщенскаго, а мнѣ памятно одно, какъ онъ во второмъ романѣ написалъ только три главы и дальше не печаталъ, торжественно признавъ, что романъ его ему самому противенъ. Холодовъ (Н. Ф. Бажинъ) былъ отвратительно холоденъ и сухъ въ своихъ пустыхъ разсказахъ. Помяловскаго товарищи-поповичи силились возвестн въ геніи, но этотъ геній не сказалъ ничего новаго. Правда, самый лучший разсказъ: «Вечера въ бурсѣ», дѣйствительно, понравился публикѣ, но по-моему только потому, что жизнь въ бурсѣ была неслыханная новизна въ Петербургѣ, а самъ авторъ жилъ въ той же бурсѣ, былъ дѣйствующимъ лицомъ, неудивительно, что свои впечатлѣнія онъ передалъ живо и вѣрно. За этимъ разсказомъ Помяловскій принялся писать романы, но, какъ бурсакъ, не зналъ иной русской жизни, кромѣ бурсацкой, вотъ почему романы его «Мѣщанское счастье» и «Молотовъ» прошли совершенно незамѣтно, а Помяловскій вскорѣ послѣ того умеръ отъ злоупотребленія спиртными напитками.

До сихъ поръ ярко представляется мнѣ слѣдующая сцена: человѣкъ 200 студентовъ, въ мундирахъ, маршируютъ по Невскому парами, а шедшій впереди подвысившій предводитель, Помяловскій, точно пріятеля, хватилъ меня за рукавъ и кричить:

— Идемъ, идемъ съ нами!

— Куда?—спрашиваю я испуганно.

— Въ Колокольный переулокъ, попечителя Филипсона громить, чтобъ отмѣнилъ матрикулы.

— Нѣтъ, мнѣ съ вами не по пути, я за дѣломъ иду, да пустите, оторвете рукавъ!

Насилу отдѣлался отъ предводителя, получивъ, впрочемъ, въ догонку: «подлецъ!»

Самые отчаянные писатели въ «Русскомъ Словѣ» были Зайцевъ и Писаревъ. Удалой Зайцевъ былъ самый рѣшительный литературный дебоширъ; онъ ломалъ все, что попадалось навстрѣчу; плохо ученый, онъ не хотѣлъ знать ни исторіи Руси, ни быта народа, ни завѣтныхъ преданій—у него былъ одинъ завѣтъ: просторъ

и свобода, коверкай все по-зайцевски. Писаревъ былъ умнѣе и смиреннѣе Зайцева; онъ былъ идолъ молодежи; семинаристы и студенты поклонялись ему, какъ величайшему уму, а когда онъ смѣло назвалъ Пушкина «дуралей», то нѣкоторые стали говорить, что Писаревъ — второй Бѣлинскій. Шелгуновъ былъ всѣхъ смиреннѣе и дѣльнѣе, несмотря на его нелѣпыя нападки на бесполезный, по его мнѣнію, женскій трудъ; онъ писалъ много хорошаго въ «Русскомъ Словѣ», и, по отзыву критиковъ, былъ украшеніемъ этого журнала.

«Русское Слово» по духу и содержанію былъ самый крайній журналъ шестидесятыхъ годовъ; онъ смѣло проповѣдывалъ коммуны и нигилизмъ, и въ Петербургѣ ходилъ слухъ, что одного изъ его сотрудниковъ посѣкли за это въ Третьемъ Отдѣленіи. Мнѣ, не умѣющему писать по-бурсацки или по-зайцевски, трудно было держаться здѣсь, и я испыталъ немало неприятностей. Первое столкновеніе случилось съ Благовѣщенскимъ, который почему-то считалъ себя хозяиномъ журнала. Сперва онъ взялъ на себя роль корректора, началъ выправлять мой чистый русскій языкъ по-бурсацки. Время было трудное, перейти было некуда, и я пока терпѣлъ и молчалъ, но когда неумѣлый поповичъ взялъ на себя роль цензора, тогда я не выдержалъ и заговорилъ. Первую повѣсть въ этомъ журналѣ я печаталъ подъ заглавіемъ «Годъ жизни»; въ ней была сердечно написанная глава о музыкѣ, — Благовѣщенскій всю эту главу вычеркнулъ. Я пошелъ объясняться, не воображая, что мнѣ придется выслушать такъ много нелѣпостей.

— Позвольте узнать, господинъ цензоръ, за что такая немилость? Зачѣмъ вы зачеркнули цѣлую главу о музыкѣ? Кому мѣшаетъ музыка?

— А вамъ она не мѣшаетъ? Охота хлопотать о пустякахъ! Музыка, если хотите знать, не только бесполезна, а крайне вредна, она отнимаетъ у человѣка дѣльное время, она расслабляетъ нервы, убиваетъ здоровье и дѣлаетъ человѣка дрянью, особенно женщинъ.

— Первый разъ слышу такое мнѣніе о музыкѣ! По-моему безъ поэзіи, живописи и музыки жить нельзя, а если кто живетъ безъ нихъ, такъ это деревянный человѣкъ, онъ лишенъ всѣхъ духовныхъ наслажденій!

— А вамъ нужны эти барскія конфетки и барышнины духи! Нѣтъ, батюшка, наше время не то, пора къ чорту послать всѣ эти вредныя лакомства, поэзію, живопись и музыку! Наше «Русское Слово» трезвый журналъ, мы проповѣдуемъ одно: пользу, пользу и пользу, и всѣхъ вашихъ музыкантовъ къ чорту пошлемъ!

— Такъ зачѣмъ послѣ того вы сами абонируете ложу въ оперѣ?

— А! это совсѣмъ другой вопросъ: въ оперѣ, въ гостяхъ, дома, я не тотъ, что передъ вами здѣсь, тамъ моя лѣвая сторона, домашній образъ жизни, я просилъ бы васъ не касаться его!

— Странно!

— Ничего нѣтъ страннаго, здѣсь я редакторъ, официальное лицо, здѣсь всѣми силами долженъ защищать принципы нашего журнала, а тамъ, дома, я другой человѣкъ!

— Двуличный?

— Да, двуличный, если хотите! До этого дѣла никому нѣтъ! Въ квартирѣ моей вы можете видѣть Байрона, Гёте, нашихъ поэтовъ; картины великихъ мастеровъ, грацію Кановы; портреты Моцарта, Бетховена, рояль, ноты, что вамъ угодно. Тамъ все это мнѣ нужно, какъ человѣку просвѣщенному, тамъ я имѣю право всѣмъ этимъ умиляться, восхищаться, пожалуй, даже наслаждаться, тамъ я дома, тамъ мой отдыхъ и покой. А здѣсь въ редакціи, повторяю, во имя идей нашего трезваго журнала я долженъ громить, позорить вашихъ сахарныхъ поэтовъ; крыть крыши вашими великими произведеніями живописи, какъ это дѣлалъ полезный Павелъ Эмилиі, римскій вождь, а музыку анаемѣ предавать, какъ общественный вредъ.

— Зачѣмъ же все это?—спрашиваю я печально.

— Духъ времени требуетъ того, батюшка Гаврила Никитичъ, пора, пора намъ сломать и уничтожить всю эту старую дребедень, пора очистить поле для иной новой жизни.

— Въ чемъ же проявится эта новая жизнь?—спросилъ я автора еще печальнѣе.

— Мы не знаемъ, пока, въ чемъ; мы пионеры, мы передовые люди, наша задача только въ томъ, чтобъ все сломать. А въ чемъ жизнь проявится, дѣти, внуки народятся, умнѣ насъ будутъ, сами дорогу найдутъ.

— Безъ всякихъ преданій и завѣтовъ прошлаго?—вскричалъ я съ отчаяніемъ.

— Да, да! безъ всякой старой ерунды, которая мѣшаетъ людямъ жить!

— Не понимаю.

— Намъ тутъ нечего понимать. Дѣти и внуки поймутъ.

Послѣ такого разговора я окончательно убѣдился, что въ «Русскомъ Словѣ» я не ко двору, и глубоко вздохнулъ о «Современникѣ». Больше всѣхъ выживалъ меня отсюда азартный и бѣшенный его редакторъ, Благосвѣтловъ. Бывало, зубами скрипитъ, кулакомъ грозитъ въ воздухъ и безтолково кричитъ: «разите! жарьте это гнилое общество! покрѣпче, покрѣпче ихъ!» А чего покрѣпче, когда на-дняхъ сдѣлали предостереженіе журналу за самую неважную фразу, которая встрѣтилась въ моей повѣсти; вотъ она, судите: «если въ обществѣ встрѣтится мерзавецъ или подлець, такъ нечего лично его винить и судить, вините то общество, которое сдѣлало его мерзавцемъ или подлецомъ, отъ мерзавцевъ онъ вышелъ мерзавцемъ и отъ подлецовъ подлецомъ». Въ предостереженіи было

въ концѣ прибавлено еще: «если что подобное встрѣтится, то журналъ будетъ закрытъ». Благосвѣтловъ добился таки того, что журналъ вскорѣ былъ закрытъ. Теперь мнѣ кажется смѣшно и забавно бѣснованіе Благосвѣтлова, а тогда не было забавно. Бывало, стоишь, слушаешь наставленія, а самъ думаешь свое: «какъ же еще покрѣпче? Петропавловская крѣпость еще крѣпче твоего кулака, а у меня семья».

Самое отвратительное въ редакціи «Русскаго Слова» была плата сотрудникамъ, такъ что противно было туда ходить свои деньги получать. Вотъ кого вмѣсто Некрасова слѣдовало бы назвать: скареды и торгаши! Я не говорю ужъ о томъ, что здѣсь до самыхъ мелкихъ мелочей высчитывали строки и копейки, нѣтъ, приходилось за однимъ и тѣмъ же ходить много разъ: то кассира нѣтъ дома, выдать некому, то кассиръ дома, да ключа не найдутъ, то ключъ нашли, отперли, да въ кассѣ ни гроша; подождите да повремените. Я получалъ здѣсь самую мизерную плату, да и тутъ не постыдились зажать у меня 100 рублей! Передъ отъѣздомъ къ матери въ деревню на лѣто я зашелъ въ редакцію получить деньги, но Благосвѣтловъ посовѣтовалъ: «повремените недѣльку, другую, накопимъ». Временить было некогда, я уѣхалъ безъ денегъ. Осенью, по возвращеніи, я намекнулъ Благосвѣтлову, что пора бы наконецъ мнѣ деньги получить.

— Эхъ, хватились когда!—отвѣтилъ онъ съ улыбкой.—Я совѣтовалъ тогда подождать, а теперь гдѣ денегъ взять, мы всѣ раздѣлили ихъ лѣтомъ, сами виноваты!

— Я безъ шутокъ, какъ же теперь?

— Да никакъ! Взгляните вотъ сами въ кассу, тамъ, ей-Богу, нѣтъ ни гроша!—и Благосвѣтловъ еще улыбнулся нагло.

А тутъ вскорѣ журналъ закрыли, оказалась самая ловкая отговорка не платить, такъ и отступился.

Такіе счета и грошевые расчеты меня мало волновали, я молчалъ и давалъ себя обирать, но меня больше всего волновали духъ и направленіе этого безалабернаго журнала. Съ тѣхъ поръ, какъ Благосвѣтловъ выпустилъ первый «Лучъ» своего издыхающаго журнала, и я прочиталъ въ немъ безбожную статью «Бѣлая магія», я окончательно рѣшилъ, что мнѣ пора убраться изъ этого омута. Одно останавливало меня, что Благосвѣтловъ затѣвалъ въ это время открыть новый журналъ «Дѣло», и мнѣ хотѣлось печатать въ немъ мою повѣсть «Штатный смотритель», посвященную Некрасову. Но какъ только въ редакціи прочитали, что повѣсть посвящена Некрасову,—отказались ее печатать.

Послѣ того я рѣшилъ не имѣть больше дѣла съ Благосвѣтловымъ и особенно съ помощникомъ его Благосвѣтловымъ, который больше всѣхъ мнѣ надобѣлъ. Этотъ господинъ при всякомъ разговорѣ со мной всѣми силами старался доказать, что поэзія, живо-

пись и музыка въ самомъ дѣлѣ такая дичь, на которую стоитъ только наплевать. Плевать и наплевать были самыя любимыя слова Благовѣщенскаго, и онъ безпрестанно употреблялъ въ разговорѣ «плевать на эту ерунду!» Въмѣсто того, чтобы печатать мой романъ послѣдовательно, Благовѣщенскій бралъ изъ него только ключья по своему вкусу, или то, что по его соображенію подходило къ другимъ статьямъ. Такъ въ параллель къ разсказу Помяловскаго «Вечера въ бурсѣ» Благовѣщенскій изъ романа моего печатаетъ жизнь ребятишекъ въ училищѣ; въ параллель роману Помяловскаго «Мѣщанское счастье» онъ печатаетъ изъ романа моего тоже мѣщанское счастье Васиши, маленькаго героя въ романѣ моемъ. Ключья эти были названы «Эпизодъ изъ романа» «Старое старится, молодое растетъ», и какъ теперь помню, въ одномъ такомъ «эпизодѣ» острякъ Благовѣщенскій по-своему сострилъ; онъ напечаталъ заглавіе такъ — «Эпизоды изъ романа: Старое старится, а молодое подстаривается». Въ чему тутъ острота, я до сихъ поръ не понимаю. Особенно было нестерпимо, когда этотъ господинъ вздумалъ тоже, какъ Бекетовъ, исправлять мой слогъ. «Аще, абіе, убо, сице, дондеже, сугубо, повеже, поелику, скажу сказку невелику — это были самыя излюбленныя слова моего корректора Благовѣщенскаго, которыя онъ претвердо затвердилъ въ бурсѣ и никакъ не могъ безъ нихъ обойтись. Самое обыкновенное слово въ моей рукописи «теперь» Благовѣщенскій непременно зачеркнетъ и напишетъ «нынѣ», самое употребительное слово «чтобы» Благовѣщенскій зачеркнетъ и напишетъ «якобы», точно ему кажется, что такъ красивѣе будетъ; самое простое канцелярское реченіе: «подверженъ нареканію», Благовѣщенскій зачеркнетъ и напишетъ «подвергнутъ хуленію» и, наконецъ, самую извѣстную намъ, старикамъ, фразу: «на томъ свѣтѣ», милый Николай Александровичъ два раза зачеркнетъ и напишетъ «въ будущемъ вѣкѣ» или «въ царствѣ небесномъ», точно ему хотѣлось, чтобъ слогъ мой непременно пахнулъ славянщиной; и что всего не понятнѣе для меня, что этотъ челоуѣкъ, встрѣтившись съ моей дочерью на Кавказѣ, на водахъ, не постыдился спросить:

— Что вашъ отецъ, я думаю, до сихъ поръ сердится на меня, какъ я исправлялъ его слогъ?

О такихъ низенькихъ, мелкихъ и ничтожныхъ господахъ не стоило бы здѣсь говорить, особенно въ такой статьѣ, какъ мои сердечныя «Воспоминанія о Николаѣ Алексѣевичѣ Некрасовѣ», но я привелъ для того ихъ, чтобы показать, какая огромная разница была между «Современникомъ» и «Русскимъ Словомъ», какъ въ составѣ сотрудниковъ, такъ и во всемъ остальномъ.

Повторяю, не Некрасова должно винить въ скаредничествѣ и торгашествѣ, а именно вотъ такихъ господъ, какъ Благосвѣтловъ и его сотрудникъ въ ростовщичествѣ Благовѣщенскій. Благосвѣтловъ,

напримѣръ, въ началѣ своего редакторства, получилъ отъ великодушнаго графа Кушелева-Безбородка огромную сумму денегъ 30.000 р. на обзаведеніе дѣла, а возвратилъ ли онъ графу въ знакъ благодарности, хоть копейку? Это никому неизвѣстно. А между тѣмъ журналъ его послѣ «Современника» сталъ передовымъ журналомъ, и Богъ знаетъ, сколько лѣтъ имѣлъ много подписчиковъ; за что же было такъ безсовѣстно поступать съ сотрудниками, скаречно платить имъ и еще усчитывать копейки, или явно обирать? Во всемъ этомъ видна алчная поповская порода. Въ «Современникѣ» Некрасова не такъ велось дѣло, тамъ благородный кассиръ, Владимиръ Панаевъ, не пряталъ ключей и не отдавалъ кассы въ ростъ подъ проценты, у Некрасова касса всегда была полна и открыта, всякій бралъ, что ему нужно, и я всегда получалъ все сполна, безъ всякихъ высчитываній строкъ и копеекъ. А сотрудниковъ Некрасова странно даже сравнивать съ сотрудниками «Русскаго Слова». Смѣшно было бы поставить рядомъ геніальнаго графа Льва Толстого съ Благосвѣтловскимъ геніемъ Помяловскимъ; великаго романиста Тургенева съ убогимъ романистомъ Благосвѣщенскимъ или прелестныхъ рассказчиковъ повѣстей Панаева и Григоровича съ какимъ нибудь жалкимъ Холодовымъ или Бажинимъ. Эти люди родились и воспитывались не въ убогой кельѣ старой вдовы просвири, гдѣ, кромѣ просвирки и бурсы, ничего не увидишь и не узнаешь; они съ пеленокъ получили высокое образованіе, жили во всѣхъ слояхъ общества, вполне знали жизнь, какъ русскую, такъ и европейскую и могли ее вѣрно и живо описывать.

Послѣ закрытія «Современника» Некрасовъ началъ сильно скучать. Единственной отрадой его была муза, которая въ это время подсказывала ему много воистину русскаго и прекраснаго. Онъ былъ занятъ окончаніемъ и отдѣлкой прекрасной поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Бывало, придешь къ нему, онъ прежде всего съ участіемъ спроситъ, что семья, чѣмъ заняты дѣти, даже во что играютъ, а затѣмъ скажетъ:

— Прочтите-ка вотъ этотъ листокъ!

И читаешь съ восхищеніемъ эти дивныя, мастерски написанныя картины русскаго быта.

— Что-то не домогаю, батюшка Гаврила Никитичъ, вѣрно, старость идетъ,—началъ онъ въ это время поговаривать часто и вскорѣ передалъ арендованныя имъ «Отечественныя Записки» въ завѣдываніе Салтыкову. Врачи, какъ это обыкновенно бываетъ, совѣтовали Некрасову меньше заниматься, больше отдыхать, гулять, а одинъ даже сердито крикнулъ при мнѣ: «да не сидите вы такъ, скорчившись по-турецки, такъ удобно только кальянь курить, рахатъ-лукумъ жрать, а не писать!»

Съ этого времени я уже рѣдко видѣлъ Николая Алексѣевича; какъ ни придешь, всегда одинъ отвѣтъ: «дома нѣтъ». То къ брату уѣхалъ, то на охотѣ, то неизвѣстно гдѣ.

Мнѣ сердечно хотѣлось посвятить мою новую повѣсть Некрасову, въ память всего прошлаго, столь счастливаго для меня. Думая, что «Отечественныя Записки», такъ сказать, свой журналъ, и здѣсь съ удовольствіемъ примутъ повѣсть, посвященную Некрасову, я пошелъ къ редактору Салтыкову, но тутъ вышло еще хуже, чѣмъ въ «Русскомъ Словѣ». Холодный и черствый Михаилъ Евграфовичъ нашелъ лишнимъ въ моей повѣсти письмо отца къ дѣтямъ, такъ тепло и сердечно написанное, какъ можетъ написать только горячо любящій отецъ къ дѣтямъ. Письмо это Салтыкову не понравилось, и онъ непремѣнно настаивалъ, чтобъ я его выкинулъ.

— Согласитесь, Гаврила Никитичъ, вѣдь это письмо—застарѣлая карамзинская сентиментальность, оно не ко времени.

— Не согласенъ, Михаилъ Евграфовичъ! Это не сентиментальность, а глубокая любовь отца, она всегда и вездѣ ко времени.

— Да вы портите этой слезливостью вашу хорошую повѣсть, выкиньте это письмо—прошу!

— Не могу, Михаилъ Евграфовичъ, это самое лучшее мѣсто въ моей повѣсти, и знаете, что я вамъ скажу: кто имѣетъ семью и истинно понимаетъ, что такое отецъ и дѣти, тотъ съ особеннымъ наслажденіемъ прочитаетъ это письмо и, можетъ быть, не одинъ разъ.

— Ну, съ вами не сладишь, больше просить не могу!

— И я больше не буду васъ беспокоить, прошу рукопись возвратить.

— Извольте, вотъ она, — Салтыковъ небрежно подалъ съ этажерки.

Я сухо раскланялся и больше уже его не видалъ. Повѣсть безъ пропуска была напечатана въ Москвѣ въ «Бесѣдѣ» Юрѣва.

Борьба съ такимъ страннымъ временемъ, какъ шестидесятые годы, до того меня мучила и душевно волновала, что я бросилъ наконецъ Петербургъ и литературу, получилъ мѣсто и уѣхалъ въ Западный край, еще носившій слѣды ожесточенія послѣ Муравьева. Жизнь русскаго человѣка тамъ была мука, а къ этому скоро присоединилась еще сердечная тоска и воспоминанія о миломъ Петербургѣ. Мнѣ же, къ несчастію, пришлось жить въ убогомъ уѣздномъ городишкѣ, общество—поляки да жида, скука смертная, и на улицу не хочется выглянуть и въ кабинетѣ не хочется ничего дѣлать. Литературные вечера отъ скуки завелъ было, и тѣ вышли неудачны. Барыни-польки натаскаютъ въ мѣшкахъ собаченокъ, напустятъ подъ ноги, собаки грызутся, дочерей моихъ за ноги кусаютъ; какой же это литературный вечеръ? Къ тому же сталъ часто получать изъ Петербурга печальныя и безотрадныя письма. Одинъ

пишетъ: «Некрасовъ, говорятъ, боленъ»; другой положительно утверждаетъ: «Некрасовъ очень боленъ»; а третій съ восклицательнымъ знакомъ и сожалѣніемъ извѣщаетъ, что Николай Алексѣвичъ «безнадежно боленъ, отказались врачи!». Я бросилъ все и тотчасъ поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы еще разъ повидаться съ незабвеннымъ Николаемъ Алексѣвичемъ, но, къ несчастію, поѣздка моя была неудачна; Некрасову дѣлали операцію. Такъ послѣ того я и не видался съ моимъ дорогимъ Николаемъ Алексѣвичемъ. Прочиталъ только позорную статью Евгенія Маркова, напечатанную чуть ли не въ то время, когда Некрасовъ томился и умиралъ; такъ этимъ злымъ шипѣніемъ и проводили замѣчательнаго человѣка на тотъ свѣтъ. Кто что ни говори,—Некрасовъ былъ великій поэтъ, его знала, читала и любила вся Россія! За что же было позорить его такъ?

Наконецъ я получилъ вѣсть: Некрасовъ умеръ. Это была страшная для меня вѣсть: долго я болѣлъ душою и сердцемъ объ этомъ незабвенномъ человѣкѣ. Въ то же время я получилъ странное письмо о похоронахъ Некрасова, но это письмо было печально и безотрадно, такъ что заставило меня плакать и озлобиться; знакомый писалъ: «Вѣсть о смерти Николая Алексѣвича прошла у насъ какъ-то холодно и безслѣдно; о похоронахъ говорили, точно о старой комедіи, которую будутъ играть завтра. Правда, при выносѣ было много народа, но, къ сожалѣнію, въ этой громадной толпѣ я мало замѣтилъ лицъ, проникнутыхъ мыслью, что они хоронятъ Некрасова, и печально сознающихъ, что это великій актъ; большею частью были лица приличныя, сдержанныя, точно они пришли лишь посмотреть, что это такое, или послушать, кто на кладбищѣ скажетъ рѣчь. Ты вѣрно знаешь, что теперь у насъ вездѣ рѣчи и рѣчи: говорятъ на обѣдахъ, на встрѣчахъ и проводахъ, говорятъ адвокаты, директора банковъ и даже на похоронахъ, на поминкахъ, въ церквахъ и на кладбищѣ. А самые проводы были точно веселая прогулка съ обычнымъ смѣхомъ и болтовней; ни въ комъ не замѣтно было сердечнаго участія къ покойнику, а о сердечныхъ слезахъ при прощаніи нечего и говорить! Все это тяжело и печально, другъ, но зато по-нашему, по-петербургски. Однимъ утѣшу тебя—въ Ново-дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ почему-то вмѣсто лавры погребенъ Николай Алексѣвичъ, ему дано самое видное мѣсто, въ началѣ кладбища при дорогѣ, значитъ, есть надежда, что Некрасовъ не заростетъ доухомъ и не затеряется, какъ могила Бѣлинскаго и другихъ, но это по моему безнадежная надежда, лучше если бъ враги Некрасова примирились съ покойникомъ и сердечно помянули добромъ. А что всего тяжелѣе, что мы въ послѣднее время такъ измелчали и опошлили, что страшно писать. Вчера я былъ въ собраніи художниковъ, и, Боже мой, какое кощунство и издѣвательство надъ

покойникомъ! Зашла рѣчь: какой поставитъ памятникъ Некрасову надъ могилой:

— «Ну, это еще будетъ не скоро,—начальъ одинъ.

— «Почему?

— «Да потому, что Некрасовъ былъ такой двуличный и загадочный человѣкъ, что скульптору долго нужно будетъ думать и придумать, что поставитъ надъ нимъ.

— «Вотъ, стоитъ думать надъ Некрасовымъ долго, воздвигнуть ему чугунный крестъ пудовъ во сто и прижать покрѣпче къ землѣ!

— «Ну, это дружище старо, крестъ уже ставили надъ Гоголемъ съ просвиркой, теперь нужно что нибудь поновѣе и по моднѣе.

— «А по-моему ничего не можетъ быть моднѣе: на верху бюстъ поэта съ козлиной бородкой, а внизу на цоколѣ четыре чугунныхъ вѣнка, положимъ, отъ мужика съ Касьяновной, отъ студентовъ съ нигилистами, отъ барина-либерала съ гражданами, а четвертый придумайте сами, я не могу. И все въ родѣ этого—печально!».

Я впрочемъ не совсѣмъ вѣрилъ этому письму; не можетъ быть, думалъ я, чтобы весь Петербургъ былъ холоденъ къ поэту Некрасову! Вѣрно, въ этой просвѣщенной массѣ немало найдется такихъ, кто истинно чтитъ талантъ Некрасова и теперь, послѣ смерти, горячо о немъ заговорить. Настала пора каждому врагу Некрасова серьезно подумать надъ покойникомъ о себѣ и простить все ему. Смерть должна помирить всѣ враждующія партіи съ этимъ великимъ человѣкомъ; но, увы, и это не сбылось. Я долго и зорко слѣдилъ въ это время за всѣми газетами, но тамъ о Некрасовѣ, кромѣ небольшихъ некрологовъ да заурядныхъ холодныхъ замѣтокъ, нигдѣ ничего теплаго не нашель. Ужасно умирать великому человѣку на Руси!

Такъ прошло много лѣтъ; я успокоился и сердечно былъ радъ, что забыли и оставили наконецъ покойника въ покоѣ. То были тихіе годы, я совсѣмъ не слыхалъ брани на Некрасова; къ тому же, въ началѣ 1902 года я получилъ изъ Петербурга самое утѣшительное письмо; одинъ пріятель писалъ: «Радуйтесь! Некрасовъ почтенъ! Некрасову Петербургъ готовитъ юбилей, да не простой юбилей—юбилей многихъ дней! Такъ эти праздники и названы: «Некрасовскіе красные дни». Радуйтесь, радуйтесь! Вы горячій поклонникъ Некрасова». И я, конечно, несказанно былъ радъ этой сердечной вѣсти.

Но, Боже мой! вѣрить не хочется теперь, что было тогда; и дѣйствительно не вѣрится, что такой торжественный праздникъ въ честь знаменитаго покойника кончился такимъ позоромъ того же прославленнаго покойника. Съ сердечнымъ горемъ можно здѣсь сказать: не красны были для Некрасова его красные дни! Точно

эти праздники были устроены для того, чтобы еще больше озлобить его враговъ. Все, что при жизни несчастнаго Некрасова было только пустой слетней или молвой, теперь перешло въ печать, точно его враги хотѣли передать потомству злую память о покойникѣ. Появился какой-то Гутьяръ съ обличеніями, которыми рѣшительно топчетъ нашего поэта въ грязь. Точно къ страшному суду здѣсь притянуть покойникъ Некрасовъ, и всѣ его враги призваны, какъ свидѣтели. Огаревъ, Бакунинъ, Боткинъ, Анненковъ, Тургеневъ, Герценъ, всѣ торжественно свидѣтельствуютъ и будто ясно доказываютъ, что Некрасовъ былъ человекъ двуличный, безчестный, скаредъ, торгошъ, шуллеръ, а Герценъ не постыдился напечатать, что Некрасовъ былъ «мошенникъ и воръ». По его словамъ, Некрасовъ въ молодости, бывши опекуномъ какого-то спорнаго имѣнія, силился безчестно и незаконно завладѣть этимъ имѣніемъ, но явились честные люди, что-то доказали, и Некрасову его мошенничество не удалось. Вотъ за это Герценъ и называлъ Некрасова: мошенникъ и воръ. Затѣмъ, напечатано, будто Некрасовъ жаловался Бакунину, что его воючая лавочка «Современникъ» дѣлается ему гадка, и онъ хочетъ бросить журналъ. Говорится, какъ Некрасовъ оболъщаетъ честнаго Анненкова, увѣряя, что онъ его уважаетъ, и тутъ же исповѣдывается, что ему страшно не нравится гаерская «свистопляска» въ «Современникѣ», и онъ серьезно думаетъ положить ей конецъ, потому что все это смертельно надоѣло ему; и вдругъ послѣ этого лицемѣръ Некрасовъ не только не отказывается отъ журнала, а еще больше допускаетъ и поощряетъ свистопляску, а чтобы прикрыть себя, будто онъ ни въ чемъ не виноватъ,—притворяется невиннымъ младенцемъ, сваливаетъ все на сотрудниковъ и лжетъ на нихъ; одному пишетъ: Антоновичъ, другому говорить—Григоровичъ, а третьяго увѣряетъ, что Елисѣевъ не согласенъ съ нимъ, и т. д. безъ конца лганье. Напечатано, какъ Некрасовъ силился подкупить Тургенева за 8.000, а Тургеневъ не только отвергаетъ подлую сдѣлку, но окончательно ссорится съ Некрасовымъ, какъ честный и благородный человекъ. Мало того, напечатано еще, что Некрасовъ послѣ такого презрѣнія къ себѣ самъ ѣдетъ къ Тургеневу просить прощенія, пишетъ ему письма о примиреніи и наконецъ умильно проситъ Анненкова, друга Тургенева, ихъ помирить; ходитъ къ нему часто и постоянно говоритъ много, что эта безобразная ссора мучитъ его совѣсть, оскорбленный Тургеневъ не даетъ ему покоя и даже часто является во снѣ; кончилось это тѣмъ, что посредникъ Анненковъ ничѣмъ не могъ помочь Некрасову; благородный Тургеневъ такъ и не помирился съ подлымъ Некрасовымъ до смерти.

Да, въ этихъ позорныхъ статьяхъ именно сказано все дурное о несчастномъ Некрасовѣ, но, къ сожалѣнію, не сказано только одно, откуда взялись эти враги, каковы они сами и по какому

поводу или причинѣ сдѣлались такими заклятыми и злыми недругами Некрасова. Мнѣ, какъ человѣку, близкому къ поэту, многое извѣстно, и теперь, самъ стоя передъ могилой, во имя правды, я считаю своею обязанностію говорить въ защиту Некрасова.

Первая причина вражды къ нему была, конечно, зависть къ его богатству. Тургеневъ, напримѣръ, не разъ при мнѣ говорил Некрасову въ шутку: «Завидую вамъ, Николай Алексѣевичъ, какой вы богачъ; журналъ вашъ идетъ ходко, подписчиковъ бездна,—чтобы вамъ больше давать мнѣ денегъ?» И это говорилось въ то время, когда Тургеневъ получалъ отъ «Современника» больше всѣхъ. А затѣмъ были и другія причины, неизвѣстныя обществу, но хорошо знакомыя мнѣ. Начать хоть съ того, какъ Некрасовъ хотѣлъ безчестно завладѣть чужимъ имѣніемъ. Здѣсь самый здравый смыслъ говорить, что это ложь. Дѣло было такъ. Огаревъ, какъ эмигрантъ, не могъ вернуться въ Россію, а между тѣмъ продолжалъ распорядиться своими имѣніями и приводилъ ихъ въ совершенное разореніе, не давая ничего женѣ, съ которой былъ въ ссорѣ. Несчастливая женщина не знала, что дѣлать, но ее научили, что она, какъ законная жена, имѣетъ свои права; она возбудила дѣло, но, не зная, какъ его вести, дала довѣренность Некрасову. Такимъ образомъ, Николай Алексѣевичъ очутился между двухъ огней. За дѣло это онъ взялся энергично, но друзья Огарева, въ томъ числѣ первый и главный изъ нихъ Герценъ, всѣми силами старались ему противодѣйствовать. Некрасовъ, конечно, не уступалъ, вотъ откуда явилась сплетня, будто онъ хотѣлъ завладѣть имѣніемъ, и отсюда обвиненіе въ воровствѣ и мошенничествѣ. Вспоминая свое прошлое, Николай Алексѣевичъ однажды рассказывалъ мнѣ объ этой несчастной опекѣ.

— Вотъ, Гаврила Никитичъ, была мука, какъ одна барыня взвалила на меня обузу имѣніемъ управлять. Я былъ тогда очень молодъ, о сельскомъ хозяйствѣ понятія не имѣлъ, деревню зналъ только по тому, что она крыта навозомъ, а не тесомъ, а жить въ ней, конечно, не мыслимо, потому что тогда Петербургъ мнѣ казался лучше деревни; а тутъ еще читай и знай, какъ тамъ лѣново и ретиво управленіе идетъ. Дѣлами завѣдывалъ какой-то безграмотный приказчикъ, и, что онъ тамъ творилъ, вѣдалъ одинъ Богъ; бывало, сидишь, бойко строчишь стишонки, а тутъ несутъ толстый пакетъ съ размазанной печатью и надписью: «отъ управляющаго по управленію». Развернешь, читаешь, ровно ничего не понимаешь, вмѣсто буквъ какія-то каракули, вмѣсто знакомыхъ словъ—умолоты, сырмомолоты, яровые да озимые, а вмѣсто здраваго смысла бессмыслица одна, повертишь въ рукахъ и бросишь это доношеніе въ корзинку, а тамъ черезъ день или два опять пишутъ, несутъ и подають; конвертъ изъ бѣлой бумаги, почеркъ прекрасный и печать изящная; вотъ гдѣ, думаю, прочитаю что нибудь хорошее,

открываю, еще хуже; проклятая опека задаетъ вопросъ, почему опекунъ не представилъ въ срокъ какихъ-то счетовъ и отчетовъ. А я по обязанности опекуна зналъ тогда только одно слово «опекунъ»; варварская была жизнь; хорошо еще, что скоро кончилось это грязное дѣло, нашлись пріатели Огарева, имѣніе у меня отняли, меня пугнули да еще обругали мошенникомъ и воромъ, не знаю ужъ—за что.

Здѣсь будетъ кстати упомянуть еще объ одномъ эпизодѣ, побудившемъ Герцена клеймить Некрасова въ своемъ «Колоколѣ».

— Хотите новость скажу?—спросилъ меня однажды Николай Алексѣвичъ.

— Если хорошую, то говорите?

— Герценъ здѣсь.

— Неужели въ Петербургѣ?

— Въ самомъ центрѣ.

— Смѣлъ человѣкъ! А мнѣ хотѣлось бы его увидеть.

— Прозѣвали: третьяго дня сидѣлъ на томъ стулѣ, гдѣ вы.

— Ахъ, не зналъ—у васъ бы ночевалъ! Я думаю съ три короба новостей привезъ?

— Ни короба, ни чемодана съ нимъ не было—просто съ дорожной сумочкой приходилъ. И знаете, съ какимъ предложеніемъ? Какъ вошелъ, объявилъ: «я у васъ пока остановлюсь, Николай Алексѣвичъ».

— Вотъ, я думаю, обрадовались?

— Чуть не ахнулъ отъ удивленія!

— И тутъ же согласились?

— Нѣтъ, сгруппилъ, отклонилъ счастливое посѣщеніе гостя-инкогнито?

— А онъ что?

— Смирненно взялъ сумочку и молча ушелъ.

— Вотъ, я думаю, отзвонить васъ въ «Колоколѣ»—замѣтилъ я.

По поводу вражды къ Некрасову Тургенева скажу слѣдующее. Тургеневъ былъ въ то время уже промотавшійся баринъ. Появляясь нерѣдко изъ своего гнѣзда Парижа въ Петербургъ, онъ занятъ былъ только однимъ, какъ бы набрать больше денегъ, за ними онъ чаще всего приходилъ къ Некрасову, какъ сотрудникъ «Современника», и крайне безцеремонно обращался съ своими требованіями, придетъ, возьметъ, положимъ, пять сотъ у Некрасова, да еще отъ имени его явится въ кассу къ Панаеву и тамъ возьметъ столько же. У него была одна любимая поговорка: «запишите въ мой счетъ, Николай Алексѣвичъ», и кончилось это записываніе тѣмъ, что и счетъ ему потерялся, и Некрасовъ никакъ не могъ добиться, кто кому долженъ: «Современникъ» Тургеневу, или Тургеневъ «Современнику»? Это попрошайничество Тургенева до того надоѣло Некрасову, что онъ, всегда сдержанный и молчаливый, разъ даже сказалъ мнѣ:

— Не знаю, что дѣлать съ Тургеневымъ, замотался человекъ весь! Онъ безъ счету тащилъ изъ нашей кассы и до того, что не помнить ничего. Придется, кажется, скоро эту барскую блажь унять, а кассу закрыть. И чортъ знаетъ, куда онъ мотаетъ столько денегъ? Не понимаю. Все, я думаю, ненасытная Віардо его обираетъ! Страсть, сколько денегъ у старой вѣдьмы, а все стараются послѣдніе штанишки стащить съ несчастнаго Тургенева. Да, я думаю, вы помните то время, когда Віардо Гарсіа пѣла въ Петербургѣ? Сотни тысячъ увезла русскихъ денегъ въ Парижъ! Да тогда простительно было ей насъ обирать, была молода, хороша, и голосъ удивительный былъ. Вся семья Гарсіевъ превосходные пѣвцы: и отецъ Габріэль, и дѣдъ Эммануэль... такъ и звали ихъ «европейскіе соловьи». А теперь за что платитъ Тургеневъ этой стервозѣ?

А Тургеневъ «легокъ на поминѣ».

Мы не успѣли еще кончить разговоръ объ отношеніяхъ Віардо къ Тургеневу, какъ въ кабинетъ вбѣгаетъ самъ Иванъ Сергѣевичъ. Всегда веселый и безпечный, какъ парижанинъ, онъ вмѣсто того, чтобъ спросить больного хозяина о здоровьѣ, сразу началъ свое:

— Денегъ, денегъ!.. Николай Алексѣевичъ, давайте больше... до зарѣзу нужны!

— Деньги есть, Иванъ Сергѣевичъ,—началъ Некрасовъ холодно,—только не мѣшало бы намъ счетъ вести.

— Ну, счетъ пустое—сведемъ! «Отцовъ и дѣтей» пришлю вамъ къ новому году.

— Все это прекрасно: я очень радъ и благодарю. Скажите только: куда вы такую бездну денегъ тратите? Давно ли брали, опять пришли.

— Эхъ, милый Николай Алексѣевичъ, это тоже пустой вопросъ: Парижъ не Петербургъ, тамъ люди только деньгами и живутъ, это вы здѣсь сидите на мѣшкахъ, копейка не выпрыгнетъ даромъ, а тамъ...—Тургеневъ махнулъ рукой.

— Положимъ, русскіе мѣшки крѣпки,—замѣтилъ Некрасовъ,—а все-таки и вамъ не мѣшало бы покрѣпче застегивать кошелекъ.

— Нѣтъ! я обычая не имѣю застегивать покрѣпче. Да и къ чему? отъ кого?

— А развѣ баба ваша не заглядываетъ въ него?

Тургеневъ покраснѣлъ и покосился на меня.

— Пощадите? О бабѣ моей не мѣшало бы отзываться по деликатнѣе: эта особа извѣстна всему свѣту!

Некрасовъ улыбнулся, Тургеневъ вспылилъ:

— Да-съ, именно достойная особа! Она не позволитъ себѣ заглядывать въ мой кошелекъ, такъ же, какъ я не позволю себѣ лазить въ ея шкатулку.

Некрасовъ внушительно отвѣтилъ:

— Не лазите, а чувствуете, что безъ денегъ жить нельзя. Повторяю: давно ли были, опять пришли.

— Да, да, пришелъ за дѣломъ, а не слушать вашу пустую мораль! Скажите просто: дадите мнѣ денегъ или нѣтъ?

— Теперь нѣтъ. Вотъ на-дняхъ Панаевъ счета сведетъ, тогда прошу пожаловать.

— Вотъ какъ! Что жъ это значить? Вы Тургеневу не вѣрите, такъ послѣ этого я васъ знать не хочу!

Тургеневъ схватилъ шляпу и убѣжалъ.

— Каковъ?—обратился ко мнѣ Некрасовъ.

Но я такъ былъ озадаченъ выходкой Тургенева, что не нашелся, что отвѣчать.

— Все родовое имѣніе спустилъ на эту дрянъ и еще сердится, что ему правду говорятъ. Совсѣмъ одурѣлъ человѣкъ, не видитъ и не чувствуетъ, какъ она грабитъ его.

— Правда ли это? Молва гласить, что эта великодушная барыня содержитъ Тургенева на свой счетъ.

— Именно на свой!—засмѣялся Некрасовъ.

Мы помолчали.

— Однако, пока въ конецъ не разсвирѣпѣлъ человѣкъ,—безъ денегъ онъ золь,—не мѣшаетъ сказать Панаеву, чтобы онъ на-дняхъ въ самомъ дѣлѣ свелъ счета Тургенева, и послать этому господину сколько нибудь на пропитаніе; самъ онъ теперь не поѣдетъ ко мнѣ. А романъ «Отцы и дѣти» очень хорошъ: я проглядывалъ его въ рукописи; не мѣшало бы тиснуть въ «Современникѣ».

Но по счетамъ Панаева оказалось, что посылать Тургеневу ничего не приходится: Тургеневъ самъ долженъ «Современнику» около 9.000 р. Вотъ что собственно вынудило Некрасова самого ѣхать къ Тургеневу, предъявить счетъ и просить въ уплату долга прислать къ новому году романъ. Но Тургеневъ, взглянувъ на счетъ, отвѣтилъ категорически.

— Можетъ быть, можетъ быть, что я и больше долженъ вамъ, по вашему счету, но у меня есть своя книжка, гдѣ тоже записанъ мой счетъ. Надѣюсь, что позволите мнѣ пріѣхать на-дняхъ и провѣрить васъ?...

— Можете, сколько угодно,—отвѣтилъ небрежно Некрасовъ.

— А что касается романа «Отцы и дѣти», такъ, извините, я его передалъ въ «Русскій Вѣстникъ» и задатокъ уже получилъ.

— А честное слово—данное мнѣ?

— Ну, въ этомъ рѣшительно вы сами виноваты! Нельзя такъ съ честными людьми поступать, на мѣшкахъ сидѣть и денегъ не давать. Помните, что я—Тургеневъ, а вы поставили меня чортъ знаетъ въ какое положеніе: накануне я пригласилъ кое-кого изъ

друзей объѣдать; утромъ хозяинъ гостиницы чуть не съ полиціей пришелъ денегъ требовать, а въ карманѣ ни гроша. Я ѣхалъ къ вамъ, какъ къ другу: мнѣ нужны были пустяки, рублей сто или двѣсти расплатиться въ тотъ день, и вдругъ вы отказали мнѣ въ бездѣлицѣ. Послѣ этого, разумѣется, между нами все кончено!

— А это?...—Некрасовъ указалъ на счетъ.

— Это можете изорвать! Честное слово Тургенева выше пустого векселя и всѣхъ государственныхъ бумагъ: сказано, заплачу и заплачу! Чего вамъ еще? Кажется, этого довольно?

Но черезъ годъ я узналъ, что Тургеневъ не пріѣзжалъ, счетовъ не провѣрялъ и денегъ не заплатилъ.

Вскорѣ послѣ такой рѣзкой ссоры Некрасова съ Тургеневымъ я пришелъ къ Николаю Алексѣевичу и замѣтилъ, что бѣломраморный бюстъ Тургенева исчезъ изъ пріемной залы; мнѣ показалось это страннымъ, и я спросилъ:

— Что это значитъ? Медвѣдь здѣсь, а Тургенева нѣтъ?

— Мишка умнѣе и благороднѣе Тургенева; этого я самъ ухлопалъ на охотѣ, а онъ на меня не сердится—стоитъ и молчитъ; а Тургеневъ строить мнѣ рожи и ругается со мной, за это я велѣлъ выставить его въ секретное мѣсто, пусть торчитъ тамъ!

Эта злая выходка мнѣ не понравилась, но я ничего не возразилъ. Впослѣдствіи я узналъ, что эту злую насмѣшку передали Тургеневу, и это, по-моему, можно считать самой главной причиной ихъ вражды, которую помирила только смерть.

Гавріилъ Потанинъ.

ДВѢ ВСТРѢЧИ СЪ ГРАФОМЪ М. Т. ЛОРИСЬ-МЕЛИКОВЫМЪ.

I.

«Далась же имъ эта диктатура сердца!—благодушно и незлобиво говорилъ Лорисъ-Меликовъ.—И неужели Катковъ серьезно думаетъ меня уязвить такой лестной кличкой, которой, на самомъ дѣлѣ, я могу лишь гордиться и особенно въ такое жестокое и злобствующее время, какъ наше? Да вѣдь я бы почелъ для себя самой величайшей почестью и наградой, если бы на моемъ могильномъ памятникѣ вмѣсто всякихъ эпитафій помѣстили только одну эту кличку». («Воспоминанія» д-ра Н. А. Бѣлоголоваго, стр. 188—189).

ОВРЕМЕННАЯ эпоха «взаимнаго довѣрія» невольно напоминаетъ мнѣ время «диктатуры сердца», когда въ восьмидесятихъ годахъ во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ сталъ графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ.

Въ это время группа людей, недовольныхъ продолжительною пріостановкою внутреннихъ реформъ, приняла, съ одной стороны, крайнее и даже террористическое направление, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ обществѣ и земствѣ возникли вполне мирныя желанія сближенія съ властью для возобновленія правильнаго теченія государственной жизни. Въ «Воспоминаніяхъ» д-ра Бѣлоголоваго имѣются краснорѣчивыя страницы о томъ, что Лорисъ-Меликовъ вполне сочувствовалъ мирнымъ и прогрессивнымъ стремленіямъ русской интеллигенціи и, призванный на постъ главнаго начальника верховной распорядительной комиссіи, видѣлъ въ этомъ на-

значеніи не полицейскую диктатуру, а заботы объ «увѣнчаніи зданія» Александра Второго дальнѣйшимъ развитіемъ государственныхъ реформъ, за что его дѣятельность была презрительно ославлена темными публицистами «диктатурой сердца» при жизни и еще болѣе враждебно послѣ смерти.

Мои личныя воспоминанія о Лорисъ-Меликовѣ вполне совпадаютъ съ воспоминаніями о немъ д-ра Бѣлоголоваго. Последняго поражала въ Лорисъ-Меликовѣ съ первыхъ же словъ «искренняя и скорбная рѣчь», «откровенная исповѣдь»... «не царедворца, а обыкновеннаго человѣка, безъ всякой драпировки и фразъ». Тотъ же «экспансивный», «живой и общительный нравъ» покорила и меня при первой встрѣчѣ въ 1880 году съ «диктаторомъ сердца». Но въ моемъ тогдашнемъ положеніи это было болѣе знаменательно для характеристики Лорисъ-Меликова, чѣмъ въ его отношеніяхъ къ знаменитому лѣчившему его врачу. Тѣмъ не менѣе въ бесѣдѣ со мною онъ умѣлъ сразу заставить меня забыть всю разницу нашихъ положеній. Наканунѣ отъѣзда за границу, въ началѣ 1880 года я зашелъ проститься съ Ник. Иван. Шульгинымъ, въ то время редакторомъ «Живописнаго Обозрѣнія», гдѣ иногда я сотрудничалъ. Сожалѣя о невозможности для меня оставаться въ Россіи, я говорилъ ему о страшномъ одиночествѣ русскаго человѣка за границей, можетъ быть, болѣе тяжеломъ, чѣмъ все до сихъ поръ мною пережитое.

— Попробуйте легализироваться черезъ Лорисъ-Меликова,— произнесъ онъ.

— То-есть, какъ же это?

— Надо подумать... Это не невозможно.. Графъ,—продолжалъ онъ,—весьма доступный человѣкъ. Попробуйте капитулировать на выгодныхъ для своей чести условіяхъ.

Мы оба смѣялись надъ этимъ капитулированіемъ съ сохраненіемъ чести, но пришелъ А. К. Шеллеръ (по литературѣ Михайловъ) и ничего смѣшнаго не нашелъ въ этомъ планѣ. Я обѣщаль имъ не уѣзжать изъ Петербурга еще нѣкоторое время. Я радъ былъ придратъ къ каждому случаю, чтобы пробить въ Россіи лишній часъ, и предпочелъ бы самую ничтожнѣйшую роль въ ея судьбахъ, чѣмъ отряхнуть прахъ отъ своихъ ногъ, утонувши въ волнахъ европейской эмиграціи. Однако, лично я настолько не вѣрилъ въ возможность легализироваться, что ничего самъ не сдѣлалъ для этой цѣли. Тѣмъ болѣе, конечно, я теперь благодаренъ всѣмъ лицамъ, которыя усовѣщевали меня явиться къ Лорисъ-Меликову и устроили такъ, что послѣдній далъ слово выпустить меня изъ своей квартиры на Фонтанкѣ свободнымъ, если окажется невозможнымъ меня легализировать.

Н. И. Шульгинъ и А. К. Шеллеръ оба знали меня еще гимназистомъ, и вся дальнѣйшая моя жизнь прошла на ихъ глазахъ.

За послѣднее время, передъ тѣмъ, какъ мнѣ легализироваться, я не скрывалъ отъ нихъ моего разочарованія въ конспиративныя качества русской молодежи и усилившуюся во мнѣ увѣренность въ нетронутость «по Домострою» вѣрованій русскаго народа. Продолжительное скитаніе въ народѣ и ужасающая судьба дорогихъ мнѣ лицъ привели меня къ заключенію о невозможности быстрого измѣненія судебъ русскаго народа насильственнымъ путемъ.

Не удивительно поэтому, что я очень обрадовался, когда Шеллеръ и Шульгинъ дали мнѣ по рекомендательному письму къ бывшему начальнику русскихъ добровольцевъ въ Сербіи, полковнику А. П. Меженинову, съ просьбой устроить мнѣ черезъ знакомыхъ ему лицъ свиданіе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Этому свиданію помогли также А. Н. Молчановъ, корреспондентъ «Новаго Времени», знавшій лично Лорисъ-Меликова, и А. А. Скальковскій, правитель канцеляріи Лорисъ-Меликова.

Осенью 1880 года, по докладу министру обо мнѣ г. Скальковскимъ, я тотчасъ же былъ принятъ графомъ. Въ газетахъ «Молва» (№ 293, окт. 23, 1880 г.) и «Новое Время» (№ 1674) была напечатана довольно вѣрно рисующая мою бесѣду съ графомъ замѣтка, изъ которой я приведу нѣсколько строкъ:

«Въ 1878 г. окончился процессъ, извѣстный подъ именемъ «процесса *193-хъ». Нѣкоторымъ изъ подсудимыхъ ихъ долгое предварительно до суда, одиночное заключеніе въ тюрьмѣ было вмѣнено въ наказаніе, такъ какъ это заключеніе для однихъ длилось пять, для другихъ—четыре года, прежде чѣмъ судъ убѣдился, кто изъ нихъ въ чемъ повиненъ. Этихъ «вмѣненныхъ» выпустили на свободу, обязавъ подпиской явиться къ градоначальнику по первому требованію. Многимъ не пришлось, однако, воспользоваться и этою условною свободою: ихъ начали увозить въ ссылку, помимо суда, административнымъ распоряженіемъ. Тогда нѣкоторые изъ оправданныхъ и «вмѣненныхъ» по суду скрылись, даже не зная того, какова окончательная форма приговора, такъ какъ ихъ стали высылать ранѣе конфирмаціи государемъ императоромъ судебного приговора. Но жизнь нелегальнаго человѣка еще ужаснѣе тюрьмы и ссылки».

Къ этимъ строкамъ, я долженъ прибавить, что въ легальномъ положеніи мнѣ казалось гораздо удобнѣе работать въ русской литературѣ, къ которой я тяготѣлъ издавна, и потому особенно сталъ тяготиться жизнью «въ пространствѣ».

Я заявилъ Лорисъ-Меликову, что пришелъ къ нему не каяться въ своихъ убѣжденіяхъ, а просить права жить въ Петербургѣ, такъ какъ по суду я признанъ свободнымъ отъ дальнѣйшихъ административныхъ каръ, вынудившихъ меня «скрыться»...

— Но,—заклучилъ я,—свободы съ безчестіемъ мнѣ не надо, и, я надѣюсь, меня не спросятъ, у кого я скрывался, кто помогалъ

мнѣ и т. д. Быть опельмованнымъ предательствомъ гораздо хуже Восточной Сибири.

— Если я обѣщался выпустить васъ отъ себя свободнымъ,— сказалъ онъ мнѣ послѣ моихъ объясненій,—то само собой не для того, чтобы вы потеряли свое честное имя. Я не требую ни отъ кого недостойныхъ человѣка признаній. Если ваши руки не запачканы кровью,—я буду хлопотать у государя о прекращеніи розыска вашей личности, а также и о прекращеніи слѣдствія о вашей нелегальной жизни. Но знайте, что всякая маска рано или поздно бываетъ обнаружена. Я не въ силахъ буду защищать васъ, если вы замѣшаны въ послѣднихъ покушеніяхъ.

— Въ моемъ положеніи маски бесполезны.

— Разумѣется. Я вамъ вѣрю,—произнесъ онъ и прибавилъ:— вы отказались на судѣ защищаться отъ взводимыхъ на васъ обвиненій потому, что засѣданіе суда было безъ публики и безъ стенографовъ отъ редакцій газетъ?

— Да... мы хотѣли придать нашему дѣлу самую широкую гласность. Въ обвинительномъ актѣ было сказано, что лѣность и невѣжество мы возводили въ идеалъ, а житье на чужой счетъ въ научныя теоріи и т. д. Прокуратура дѣлала такія обобщенія на основаніи собственноручныхъ показаній нѣкоторыхъ лицъ, замѣшанныхъ въ наше дѣло. Эти лица изъ боязни попасть въ подсудимые старались очернить многихъ изъ насъ и вырыть между собою и нами пропасть... Денежныя отъ нихъ пособія для самаго дѣла они объясняли тѣмъ, что мы брали отъ нихъ деньги исключительно для себя лично въ долгъ, котораго никогда не платили; увлеченія женщинъ нашими идеями объясняли нашей безнравственностью и т. д... Были случаи и изумительно-непріятнаго къ намъ доброжелательства. Желая выгородить кого либо изъ насъ, свидѣтель показывалъ, что арестованный неразвитой человѣкъ или желалъ ловить рыбу въ мутной водѣ и, если онъ увлекъ за собою такихъ-то дѣвушекъ, то потому, что онѣ богаты и пріятной наружности. Прокуратура пользовалась такими показаніями, но едва ли это согласуется съ нашимъ стремленіемъ стать, съ книгами въ рукахъ, въ положеніе чернорабочаго и слиться съ нимъ. Намъ хотѣлось все это выяснитъ на судѣ возможно откровеннѣе и громче.

— Послѣ пяти и шести лѣтъ одиночнаго заключенія до суда вы рѣшились отказаться отъ него демонстративно и не боялись, что васъ могли отдать полевому суду и разстрѣлять?—вновь спросилъ графъ.

— Это легко могло случиться, но въ то время во имя цивилизаціи, брали Плевну и Карсъ, и съ нами обошлись милостиво. Мотивы нашего поведенія на судѣ чисто моральнаго, а не политическаго свойства.

— Да, это такъ! это такъ!—убѣжденно повторилъ Лорисъ-Меликовъ, видимо довольный моимъ объясненіемъ ¹⁾.—Это все, за что вы всѣ судились,—спросилъ онъ:—книги, хожденіе въ народъ, разговоры о политической экономіи и правительствѣ?

— Да, это все... Я даже передъ прокуратурой не считалъ нужнымъ отвергать того, что желаю лучшихъ судебъ для своей родины и понимаю, что вопросъ вовсе не въ этомъ, а въ томъ—какими средствами я намѣренъ этого достигнуть; не считаю также преступнымъ и идти въ народъ для умственного его развитія.

Здѣсь Лорисъ-Меликовъ остановилъ меня.

— Существуетъ мнѣніе,—сказалъ онъ,—что управлять невѣжественной массою легче, чѣмъ развитой. Вы были иного объ этомъ мнѣніи и съ избыткомъ понесли наказаніе за мечтательную юность, и пора надъ всѣми подобными дѣлами поставить крестъ. На этихъ дняхъ я ѣду въ Ливадію, и оттуда будетъ сдѣлано распоряженіе о назначеніи вамъ мѣста ссылки въ Петербургъ и о прекращеніи дѣла о васъ. Я былъ бы радъ, если бы вы помнили, что въ русскомъ правительствѣ есть всегда люди, готовые оказать своимъ ближнимъ участіе и помощь. Оговорить 36 губерній въ революціонномъ замыслѣ и кричать объ опасности отечеству безчисленными арестами молодежи гораздо легче, чѣмъ подумать объ ея судьбѣ. Я всегда радовался, когда находилъ случай обойтись безъ ареста молодого человѣка и убѣдить директоровъ гимназій принять обратно исключеннаго гимназиста за чтеніе какой нибудь революціонной книжечки. Вы, конечно, это знаете... Я думалъ, что дѣлаю такъ лучше, чѣмъ испортить молодому человѣку карьеру на всю жизнь и вырвать у него навсегда какое нибудь опредѣленное положеніе въ обществѣ. Ничего нѣтъ опаснѣе, какъ лишить человѣка права учиться и трудиться, запрещая въ то же время праздность и замыслы. Я спокойно смотрѣлъ бы,—продолжалъ онъ,—на будущее Россіи, если бы видѣлъ въ нашихъ школахъ облегченіе для дѣтей полученія аттестата зрѣлости; если бъ для всѣхъ желающихъ получить въ столицѣ высшее образованіе могъ раздвинуть стѣны училищъ и университетовъ; если бы можно было устранить безсемейное скитальничество русскаго юношества обоого

¹⁾ Мнѣ особенно пріятно вспомнить согласіе Лорисъ-Меликова съ моимъ объясненіемъ поведенія подсудимыхъ на процессѣ 193-хъ, въ виду полного непониманія этого поведенія многими лицами, писавшими о немъ даже въ «Русской Старинѣ». Такъ въ январской книжкѣ названнаго журнала нѣкто М. Федоровъ, бывший жандармскій полковникъ, управлявшій одно время Домомъ предварительнаго заключенія въ Петербургѣ, правда, человѣкъ весьма вдумчивый и добрый, характеризуетъ происшествіе на судѣ, какъ «скандалъ», замѣчая: «Судебное разбирательство дѣла «193» ознаменовалось весьма прискорбнымъ поведеніемъ заключенныхъ, дозволившихъ себѣ кричать, стучать и ругаться». Конечно, такое представленіе о поведеніи подсудимыхъ нисколько не разъясняетъ истинныхъ его мотивовъ и цѣлей.

пола, пріѣхавшаго сюда учиться, и наполнить ихъ карманы рублями для безбѣднаго прохожденія курса образованія.

Графъ остановился, и я, воспользовавшись этимъ моментомъ, обратилъ его вниманіе на то, что революціонная молодежь никогда не говорила въ своихъ прокламаціяхъ и программахъ о трудности классическаго образованія, о собственной бѣдности и нуждахъ.

— Мы, семидесятники ¹⁾, говорили о малоземельѣ и гражданскомъ безправіи крестьянства. Мы «опрощались» во имя исключительно этой программы...

Лорисъ-Меликовъ отвѣтилъ не сразу, и отвѣтъ его поразилъ меня своей искренностью и готовностью сознаться въ односторонности своего сужденія.

— Участнику виднѣе дѣло, чѣмъ со стороны,—сказалъ онъ просто.—Дѣйствительно, кажется, интересы крестьянства исключительно волновали молодежь и ту, которая отлично училась и была богата, и ту, которая лишена образованія и средствъ. Безсребрениками были вы все, и не жаль ли вамъ такой массы загубленныхъ и прекрасныхъ людей?..

— Я былъ самъ участникомъ въ этомъ дѣлѣ, и мнѣ трудно отвѣчать на послѣдній вопросъ, но взгляды на происхожденіе русскаго заговора на почвѣ крестьянскихъ интересовъ установленъ, между прочимъ, и во многихъ докладныхъ запискахъ вашего сіятельства государю.

— Откуда вы знаете?—живо спросилъ онъ.

— Я давно познакомился съ вашимъ взглядомъ на происхожденіе недовольныхъ элементовъ въ обществѣ отъ того, что между правительствомъ и народомъ мѣсто упраздненнаго дворянства остается до сихъ поръ вакантнымъ. Земство и интеллигенція ждуть заполнить его и вытащить нужды страны изъ канцелярій на свѣтъ Божій къ стопамъ правительства.

— Это почва,—произнесъ Лорисъ-Меликовъ,—на которой правительство и думаетъ идти въ будущемъ, и вы должны сказать своимъ товарищамъ, что слышали это изъ собственныхъ моихъ устъ. На вашемъ собственномъ примѣрѣ,—воодушевляясь продолжалъ онъ,—начнется ослабленіе административной ссылки. По суду было постановлено признать васъ виновнымъ и подлежащимъ ссылкѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ судъ ходатайствовалъ о вмѣненіи продолжительнаго одиночнаго заключенія до суда въ наказаніе вамъ и выпустилъ васъ на свободу, какъ бы отбывшимъ свое наказаніе, подъ условіемъ привести приговоръ въ исполненіе при повтореніи того же преступленія?

— Да, совершенно вѣрно...

¹⁾ См. мою книгу: «Семидесятники».

— Но,—продолжалъ графъ, — администрація считала всѣхъ «вмѣненныхъ» неблагонадежными, и вы предупредили административную ссылку тѣмъ, что скрылись?

— Именно. Масса нелегальныхъ возникла именно такимъ путемъ, и послѣдніе сдѣлались рецидивистами...

— Съ обѣихъ сторонъ были ошибки,—грустно отвѣчалъ графъ.— Власть не знала, какъ бороться съ злоумышленниками, и противъ идей выдвинула административныя мѣры. А недовольные люди, въ свою очередь, дѣйствовали имъ въ руку, устраняясь отъ открытыхъ государствомъ путей и компрометируя себя на первыхъ же порахъ своей сознательной жизни политическими преступленіями. Интересы крестьянства преобладали въ ихъ стремленіяхъ, но что можно сдѣлать для нихъ вдругъ и сразу? Вѣдь и крестьянская реформа 1861 года требовала продолжительныхъ губернскихъ комитетовъ и редакціонныхъ комиссій; а осуществленіе все-таки зависѣло отъ правительства и осуществлено имъ. А вы стремились улучшить бытъ народа его собственными силами и, главное, въ самомъ непродолжительномъ времени. Повѣрьте мнѣ, всякій народъ стоитъ своего правительства.

— Тамъ, гдѣ онъ вотируетъ и не лишенъ политической жизни,—вырвалось у меня.—У насъ его надо прежде создать... этотъ народъ. Дореформенный Пила и Сысойка и современный пакостникъ изъ крестьянства едва ли можетъ быть названъ «народомъ». Масса, лишенная общественныхъ функцій и вліянія на улучшеніе собственного быта, не представляется мнѣ историческимъ народомъ.

— Я не понимаю васъ,—замѣтилъ графъ:—то чрезмѣрное поклоненіе народу и его волѣ, то такой безнадежный на него взглядъ. Если держаться послѣдняго, то остается одна борьба съ правительствомъ. Но каждый народъ стоитъ своего правительства. Начинайте дѣло не съ конца, а съ начала.

— Но,—возражалъ я,—кромѣ борьбы съ правительствомъ, можетъ при извѣстныхъ условіяхъ существовать и увѣренность въ него, и въ законодательный прогрессъ, способный создать «народъ» для умственного просвѣщенія, когда можно и должно начинать дѣло съ начала. Въ живучесть народа нельзя не вѣрить, если прорубить къ нему «окно»...

— А теперь, вы думаете, ставни заколочены?

— Напротивъ, пріотворены! Стало возможнымъ довѣріе къ прогрессивнымъ силамъ правительства. Какъ только онѣ оказались у насъ, я тотчасъ испыталъ на самомъ себѣ справедливость моего взгляда, явившись къ вашему сіятельству. Если бъ я иначе думалъ о просвѣщенныхъ дѣятеляхъ правительства, то меня бы не было здѣсь! Это и доказываетъ искренность моего взгляда.

— Охотно вѣрю, что этотъ взглядъ могъ привести васъ ко мнѣ. Охотно вѣрю, но и въ самыхъ лучшихъ своихъ начина-

нiяхъ правительству трудно обойтись безъ общественной поддержки.

— Миссія государства еще не закончилась въ созиданiи такого союза, — скромно отвѣтилъ я. — Государственная работа впереди, и только тогда мыслимо будетъ итти въ народъ и сливаться съ нимъ. Необходимо расчистить къ нему доступъ и создать условiя для внутренней работы.

На эту тему разговоръ продолжался еще нѣсколько минутъ.

Возбужденный продолжительнымъ разговоромъ о дорогихъ для меня вопросахъ, я совершенно забылъ самого себя, и графъ, улыбаясь, остановилъ меня:

— Думайте себѣ, что хотите... Вы уже пережили періодъ, когда молодой человекъ выдаетъ свои убѣжденiя за сочувствiе къ нимъ цѣлой страны и на основанiи этого составляетъ разговоры. Я даю вамъ слово, что васъ не постигнутъ болѣе кары за ваши убѣжденiя. За это васъ и не накажутъ... Вы получите полную свободу. Я ѣду въ Ливадiю, и, если васъ арестуютъ до моего возвращенiя, требуйте, чтобы объ этомъ тотчасъ же доложили мнѣ. Если же останетесь цѣлы до моего возвращенiя, то приходите вновь ко мнѣ.

Я ушелъ отъ графа нелегальнымъ такъ же свободно, какъ и пришелъ къ нему.

Въ Ливадiи состоялось высочайшее повелѣнiе о назначенiи мнѣ мѣста жительства въ Петербургѣ и о прекращенiи обо мнѣ розыска и судебного дѣла...

II.

Я видѣлъ Лорисъ-Меликова еще разъ. Я только еще легализировался, только что сталъ работать въ легальной прессѣ («Молва», «Живописное Обзорѣнiе») и завязалъ нѣкоторыя знакомства въ петербургскомъ обществѣ, какъ вдругъ у меня на квартирѣ сдѣланъ былъ ночью тщательный обыскъ, и самъ я былъ арестованъ сыщиками на улицѣ, возвращаясь съ вечера изъ гостей. Мнѣ было объявлено, что меня обвиняютъ въ знанiи и участiи въ катастрофѣ 1-го марта. На допросѣ, однако, мнѣ стало ясно, что меня допрашиваютъ съ пустыми руками, и, отправленный въ тюрьму, я имѣлъ достаточно времени обдумать свое положенiе.

— Самое лучшее ничего не дѣлать и быть увѣреннымъ, что недоразумѣнiе разъяснится, и я буду выпущенъ... А если?—перебивалъ я самого себя... Если за неимѣнiемъ противъ меня уликъ имѣются готовые печатные бланки, и въ одинъ изъ нихъ внесутъ мою фамилю и отправятъ въ Забайкальскую область?

Много передумалось мною за эти дни. Я просто не зналъ, что говорить на допросѣ въ свое оправданiе, когда противъ васъ нѣтъ уликъ, но и молчать было не менѣе опасно.

Я рѣшилъ, однако, написать о томъ, что обвиненіе противъ меня построено очевидно на доносѣ о моемъ разговорѣ въ одномъ обществѣ о происхожденіи русскаго террора и ничтожности осуществленныхъ Лорисъ-Меликовымъ мѣръ къ ослабленію подобнаго положенія вещей. Я писалъ, что такое предсказаніе о могущихъ быть событіяхъ—чисто теоретическое предсказаніе въ родѣ того, какое можно сдѣлать въ любую минуту, напримѣръ, о грабежѣ въ Петербургѣ или Москвѣ богатыхъ лицъ бѣдными. Несомнѣнно, что это предсказаніе оправдается, и мы прочтемъ объ этомъ въ газетахъ въ «дневникѣ происшествій». Но значить ли это, что я самолично подготовлялъ этотъ грабежъ? Я знаю, что бунтъ крестьянъ села Люторичъ-Бобринскаго вызванъ штрафами, налагаемыми на крестьянъ управляющимъ Фишеромъ, и предсказываю, что въ барскихъ усадьбахъ, гдѣ дана воля г.г. Фишерамъ, крестьяне будутъ доведены до возстанія. Но, разумѣется, это не значить, что я самъ подготовляю его. Я не сомнѣваюсь, что при господствѣ суроваго режима террористическая партія возрастаетъ, а при довѣрїи къ общественнымъ силамъ она утрачиваетъ *raison d'être* своего существованія... Это все политическая азбука для каждаго развитаго человѣка.

Давая такое показаніе, я писалъ, что этотъ разговоръ въ большомъ обществѣ происходилъ за два дня до катастрофы 1-го марта, и не мудрено, что кто нибудь изъ слушавшихъ меня передалъ въ извращенномъ видѣ мои чисто литературные и теоретическіе взгляды на политическія событія. Я развилъ болѣе подробно мои взгляды и просилъ сообщить ихъ тотчасъ же министру внутреннихъ дѣлъ. Черезъ нѣсколько дней я былъ освобожденъ изъ-подъ ареста и считалъ нужнымъ пойти къ Лорисъ-Меликову и поблагодарить его. Тотъ же А. А. Скальковскій доложилъ обо мнѣ графу, и послѣдній встрѣтилъ меня словами:

— Очень я былъ встревоженъ и огорченъ вашимъ арестомъ, но обрадованъ вашимъ поведеніемъ на допросѣ. Ничего лучшаго вы не могли сдѣлать для вашего оправданія.

— Я рисковалъ заслужить неодобреніе вашего сіятельства умаленіемъ вашихъ заслугъ вслѣдствіе замедленія реформъ...

— Вы были правы, — произнесъ онъ. — Сдѣлано очень мало для успокоенія умовъ. Все впереди. Вотъ только бы катастрофа 1-го марта не погубила всѣхъ добрыхъ начинаній.

Онъ на минуту задумался и медленно произнесъ, мѣняя разговоръ:

— Очень радъ, если васъ теперь оставятъ въ покоѣ. Можетъ быть, вы убѣдитесь со временемъ, что было весьма пагубнымъ среди вашихъ единомышленниковъ мнѣніе о томъ, что наше правительство непремѣнно какое-то особое государство въ государствѣ, иностранецъ въ своемъ отечествѣ, интересы котораго

обязательно противоположны интересамъ страны, и въ рядахъ котораго нѣтъ мѣста для благомыслящихъ людей. Это безвѣріе въ свое собственное правительство, выходящее изъ тѣхъ же рядовъ интеллигенціи, является главнымъ источникомъ революціонныхъ движеній. Къ нему присоединяется другое разсужденіе о томъ, что правительство давало реформы только тогда, когда было утрачено протестами; что въ 1861 году освобожденіе сверху предпочитали освобожденію снизу; что въ настоящее время «пропаганда дѣломъ» утратила правительство, и оно опять схватилось за реформы и т. д. Упускаютъ изъ виду, что это же правительство, удаливъ Д. А. Толстого и Жихарева, можетъ опять ихъ пригласить еще съ большими правами, чѣмъ мои теперешнія. Съ этими представленіями о правительствѣ растутъ другія о томъ, что гибель молодежи неизбежна; что это полезно для прогресса; что молодежь—совершенство, а всѣ другіе—дрянь; что общество и народъ прогрессивнѣе, чѣмъ правительственныя сферы, и потому обязательно дѣлать правительству однѣ непріятности, вмѣсто того, чтобы вырасти и овладѣть вліяніемъ въ обществѣ и правительствѣ. Но для того нужны таланты, знаніе, трудолюбіе, гуманность, снисходительность къ несовершенствамъ среды и политическій тактъ. Гораздо легче требовать всѣхъ этихъ достоинствъ отъ другихъ, чѣмъ самимъ проявить ихъ на общественномъ поприщѣ. Вотъ чего не можетъ до сихъ поръ усвоить себѣ русская молодежь въ лучшей своей части.

Мнѣ хотѣлось возразить графу, но онъ меня перебилъ.

— Я воспитался въ военной школѣ и привыкъ думать, что если меня бьютъ палкой, то надо вырвать эту палку изъ рукъ; если непріятель занялъ выгодную позицію, то надо выбить его именно изъ этой позиціи; между тѣмъ русская молодежь уже нѣсколько десятковъ лѣтъ игнорируетъ практическую, относительную точку зрѣнія и расходуетъ свои силы на абсолютныя утопіи и гибнетъ безъ всякой пользы для пракческаго дѣла. Точно врагъ какой вселился въ ихъ умы и работаетъ на руку противникамъ, выметая вотъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ всѣ лучшія силы изъ русской общественной жизни въ тюрьмы и Сибирь. А между тѣмъ и врага-то у нея нѣтъ такого, какого она сама себѣ рисуетъ... Это вѣдь тотчасъ же обнаруживается, какъ только эта молодежь становится самостоятельной и примыкаетъ къ общественному дѣлу. Она тотчасъ разстается съ своими принципами и потому не имѣетъ права рисовать своихъ противниковъ сгущенными красками.

Лорисъ-Меликовъ нѣсколько разгорячился и развилъ еще нѣсколько подробнѣе слабыя стороны интеллигентныхъ теченій въ русскомъ обществѣ и, помню хорошо, закончилъ такъ:

— Я смотрю на дѣло практически, не ссылаясь на науку и Европу. Для моего непосредственнаго ума ясно, что при Николаѣ Павловичѣ общество состояло изъ Фамусовыхъ, а не изъ декабристовъ; что и въ 1861 году реформы застали насъ беззаконниками, и ихъ легко было отнять, и что въ настоящее время, каково бы ни было правительство, но приходится дѣлать русскую исторію съ этимъ правительствомъ, а не выписывать его изъ Англіи.

Лорисъ-Меликовъ поднялся съ кресла, и я понялъ, что наша бесѣда кончилась.

Я поклонился ему, но онъ протянулъ мнѣ черезъ столъ руку и сказалъ:

— Большого труда стоитъ молодому человѣку вынести русскій нигилизмъ и сохранить себя для общества. Желаю вамъ... Съ Богомъ!

Болѣе я уже не видѣлъ Лорисъ-Меликова, но вспоминаю о немъ съ признательностью и сожалѣю, что память мнѣ измѣняетъ въ тѣхъ мѣстахъ, когда особенно хотѣлось бы вспомнить точнѣе мое характерное знакомство съ «диктатурой сердца». За давностью времени, я также не могу поручиться за то, что я безусловно вѣрно отнесъ нѣкоторыя мысли къ первой моей встрѣчѣ съ Лорисъ-Меликовымъ, а другія—ко второй... Но, полагаю, дѣло не въ этомъ. Въ общемъ мнѣ хотѣлось воспроизвести нравственный образъ Лорисъ-Меликова изъ тѣхъ встрѣчъ со мной, о которыхъ онъ самъ впоследствии, за границей, въ разговорѣ съ А. Н. Молчановымъ, упоминалъ не безъ удовольствія...

А. Фаресовъ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

(Изъ недавняго прошлаго).

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Грибоѣдовъ.

I.

СМЕРТЬ графа П. А. Капниста, одного изъ популярнѣйшихъ почитателей Московскаго учебнаго округа, въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ съ честью занимавшаго высокій постъ, воскресила въ моей памяти нѣсколько интересныхъ страницъ изъ недавняго прошлаго, котораго я былъ свидѣтелемъ и отчасти даже участникомъ.

Я поступилъ въ Московскій университетъ въ 1885 году, когда только что былъ введенъ въ дѣйствіе новый университетскій уставъ, перевернувшій вверхъ дномъ весь прежній укладъ студенческой жизни, разрушившій до основанія ея лучшія традиціи и вдохнувшій въ нее холодный, мертвящій формализмъ. Помню, этотъ новый уставъ, какъ нѣкій жупель, пугаль наше гимназическое воображеніе еще задолго до своего обнародованія. Намъ, восьмиклассникамъ, рисовались самыя мрачныя перспективы, а гимназическое «начальство» ехидно поддразнивало насъ:

— Вотъ подождите, господа, поступите въ университетъ—тамъ васъ маршировкѣ будутъ учить да въ карцеръ сажать на хлѣбъ и на воду!—пресерьезно увѣрялъ насъ своимъ гнусавымъ теноркомъ надзиратель Дмитрій Дмитріевичъ, въ общемъ, добродушнѣйшее и безобиднѣйшее существо въ мірѣ.

— Что вы, Митъ Митчъ,—возражали ему,—развѣ возможно, чтобы студента въ карцеръ? Это вѣдь не гимназистъ!

— Еще похуже гимназиста будетъ!—отвѣчалъ «Мить Митчъ», по привычкѣ, зажмуривая оба глаза, какъ котъ, у котораго пощекотали за ухомъ.

Время летѣло. Наступила весна. Незадолго до выпускного экзамена въ гимназію пріѣхалъ графъ Капнистъ. Прослушавъ въ 8-мъ классѣ урокъ исторіи, онъ на прощанье обратился къ намъ со слѣдующими словами:

— До скорого свиданья, господа! Надѣюсь, увижу васъ въ стѣнахъ университета. Не забудьте, что первые шаги ваши тамъ будутъ при совершенно новомъ режимѣ, нисколько не похожемъ на теперешній. Вы будете первыми пионерами новаго университетскаго устава, вы воспользуетесь всеми его хорошими сторонами, но вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, должны будете вынести на своихъ плечахъ и всѣ возможные его недостатки, которые почти неизбежны во всякомъ новомъ дѣлѣ.

Графъ Капнистъ нечаянно обмолвился каламбуромъ, но мы вспомнили его, когда дѣйствительно всевозможные (а не только всѣ возможные!) недостатки новаго университетскаго режима намъ вскорѣ пришлось испытать на своей шкурѣ. Убѣдились мы также, что и надзиратель Мить Митчъ оказался недурнымъ пророкомъ; если до маршировки дѣло еще не доходило, то сажанье студентовъ въ карцеръ было явленіемъ столь обычнымъ, столь правильно и систематически организованнымъ, что представлялось даже кикимъ-то неотъемлемымъ атрибутомъ высшей науки.

Въ то время инспекторомъ студентовъ былъ «знаменитый» А. А. Брызгаловъ, стяжавшій себѣ во второй половинѣ 80-хъ годовъ такую громкую славу, что выраженіе «Брызгаловская эпоха» для московскаго студента-восьмидесятника звучитъ теперь не менѣе опредѣленно, чѣмъ какая нибудь «Аракчеевщина» или «Бироновщина». Брызгаловъ ввелъ въ стѣнахъ университета цѣлую систему шпионства и доносовъ, въ которыхъ изоощрялись, главнымъ образомъ, низшіе служители инспекціи, такъ называемые педели. Малѣйшее нарушеніе дисциплины со стороны студента уже влекло за собою педельское «слово и дѣло» и неизбежное наказаніе провинившагося карцеромъ. Никогда не забуду, какъ, будучи уже на второмъ курсѣ, я по разсѣянности вышелъ на улицу въ бѣлой фуражкѣ, забывъ, что уже было 1-е сентября. Погода стояла жаркая, лѣтнее солнце такъ и жгло, но... это не давало мнѣ права забывать маленькое примѣчаніе въ университетскихъ правилахъ, въ которомъ послѣднимъ срокомъ ношенія бѣлыхъ фуражекъ объявлялось 31-е августа. Я шелъ, весело напѣвая что-то вполголоса, и мнѣ даже въ голову не приходило, что я совершилъ нѣчто преступное, какъ вдругъ—о ужасъ!—встрѣчаю педеля Е—ва, чуть ли не одного изъ самыхъ рьяныхъ Брызгаловскихъ клеветовъ. Мы, молча, раскланиваемся, но по лицу Е—ва я замѣчаю что-то

неладное. Онъ какъ-то подозрительно окинулъ меня своимъ быстрымъ, бѣгающимъ взглядомъ, на жирныхъ и красныхъ губахъ его промелькнула ехидно-сладенькая улыбка, и, когда я инстинктивно обернулся назадъ, чтобъ посмотрѣть ему вслѣдъ, я увидѣлъ, какъ онъ досталъ записную книжку и на ходу что-то записалъ въ нее. «Ну, конечно!—подумалъ я.—Навѣрное въ чемъ нибудь попался!» И дѣйствительно въ тотъ же день я былъ позванъ къ субъ-инспектору Д., чрезвычайно добродушному весельчаку, который готовъ былъ смѣяться почти безъ всякаго повода. Стоило въ его присутствіи кому нибудь состричь даже совѣмъ неудачно, какъ Д. уже заливался неудержимымъ смѣхомъ. А удачно сказанная острота заставляла его хохотать до коликъ въ животѣ. Помнится, однажды, кто-то изъ студентовъ раздавалъ въ аудиторіи только что изданныя лекціи. Проходя мимо открытыхъ дверей и увидавъ собравшуюся толпу, Д. встревожился: «не сходка ли?»

— Господа! Что такое? Въ чемъ дѣло?—спрашивалъ онъ, бѣгая въ аудиторію.

— Ничего особеннаго!—отвѣчалъ студентъ, собравшій толпу.— Видите, раздаю лекціи...

Д. сдѣлалъ плаксиво-умоляющее лицо.

— Ахъ, господа!—взмолился онъ.—Нельзя же здѣсь раздавать лекціи: Алексѣй Александровичъ строго-настрого запретилъ... Пожалуйста, разойдитесь!

Но студенты не расходились. Нѣкоторые даже вступили съ субъ-инспекторомъ въ споръ, находя запрещеніе раздавать лекціи ни на чемъ не основаннымъ. Бѣдный Д. чуть не плакалъ. Въ это время изъ кучки студентовъ отдѣлился маленькій, бѣлобрысый человѣчекъ, нѣкто Пучковъ, большой острякъ и каламбуристъ.

— Послушайте, Николай Николаевичъ,—съ серьезной миной обратился онъ къ Д.—Стоитъ ли спорить о «предлогахъ»: если лекціи можно из-давать, то отчего же нельзя ихъ раздавать?

Д. не выдержалъ и захохоталъ, да такъ ужъ и не могъ вымолвить ни одного слова: схватившись обѣими руками за животъ, онъ, какъ бомба, выскочилъ изъ аудиторіи.

Вотъ къ этому-то смѣшливому субъ-инспектору я и былъ позванъ въ качествѣ обвиняемаго въ нарушеніи дисциплины.

— Что это вы, батенька, вздумали разгуливать въ бѣлой фуражкѣ?—обратился онъ ко мнѣ.—Развѣ не знаете, что лѣтнюю форму можно носить только до перваго сентября?

— Но вѣдь сегодня только первое?—пробовалъ я возразить.

— Ну, вотъ то-то же и есть: значитъ, вчера былъ послѣдній день, а сегодня ужъ нельзя...—сказалъ онъ наставительно.—Вы вѣдь знаете, какъ А. А. требователевъ и строгъ насчетъ формы... Или въ карцеръ захотѣлось?

— Что жъ, я не прочь произвести осмотръ студенческаго карцера: никогда не видалъ!—отвѣчалъ я съ улыбкой.

Д., по обыкновенію, неистово захохоталъ, и инцидентъ, какъ говорится, былъ исчерпанъ.

Какъ невѣроятны должны казаться теперь подобныя «инциденты»! А вѣдь съ того времени не прошло еще и двухъ десятковъ лѣтъ.

II.

Въ описываемую эпоху университетскіе педели, по большей части, бывшіе унтеръ-офицеры, были надѣлены совершенно исключительными полномочіями. Для студентовъ это было ближайшее и грозное начальство, которое, по своему усмотрѣнію, могло карать или миловать всякаго провинившагося. Случалось, что педель подходитъ на улицѣ къ студенту, замѣченному имъ въ какомъ нибудь проступкѣ, и, если не зналъ его фамиліи, преспокойно отбиралъ у него «входной» билетъ,—въ результатѣ, по распоряженію Брызгалова, студентъ немедленно сажался въ карцеръ. Дѣло не обходилось безъ курьезовъ. Такъ, однажды, лѣтомъ, студентъ М., юристъ-первокурсникъ, попался педелю на улицѣ въ крайне «предосудительномъ» видѣ: на немъ были надѣты простая рубашка-косоворотка, высокіе сапоги и форменная тужурка нараспашку. Педель не могъ перенести такого посрамленія университетскаго устава, въ одинъ прыжекъ очутился около М., грубо схватилъ его за шиворотъ и, не говоря ни слова, потащилъ въ университетъ. М. пробовалъ вырваться, но его маленькая, тщедушная фигурка какъ-то безпомощно билась и трепетала въ здоровенныхъ рукахъ педеля. Вдругъ случилось нѣчто совсѣмъ неожиданное. На поворотѣ изъ одного переулка въ другой педель нечаянно выпустилъ изъ рукъ свою добычу, и М. со всѣхъ ногъ пустился бѣжать. Педель за нимъ. Пробѣжавъ нѣкоторое разстояніе по прямому направленію, юркій М. сворачиваетъ въ тупичекъ, подскакиваетъ къ довольно низенькому, деревянному забору съ желѣзными колючками наверху и въ одинъ мигъ перепрыгиваетъ черезъ него на сосѣдній дворъ. Педель захотѣлъ послѣдовать примѣру бѣглеца, но—о ужасъ!—въ тотъ самый моментъ, какъ онъ, грузно вскарабкавшись на заборъ, уже готовился соскочить внизъ, предательская колючка разодрала ему сверху и донизу штаны... Очутившись въ столь критическомъ положеніи, педель, разумѣется, долженъ былъ прекратить свое неудачное преслѣдованіе.

Не лишнимъ считаю замѣтить, что М. былъ стипендіатъ, т.-е. «фигура», въ глазахъ педеля «не стоящая вниманья». Вообще къ такъ называемымъ «недостаточнымъ студентамъ» педели относились свысока, пренебрежительно, и каждое лыко ставили имъ въ строку, въ противоположность студентамъ зажиточнымъ, «бѣло-

подкладочникамъ», которымъ они всячески мирволили. «Бѣлоподкладочникъ» могъ откупиться извѣстной суммой денегъ и совѣмъ не ходить въ университетъ, будучи увѣреннымъ, что педель ежедневно отмѣчаетъ его въ своемъ журналѣ, тогда какъ недостаточный студентъ, даже вполне исправно посѣщающій лекціи, далеко не могъ имѣть подобной же увѣренности: педель всегда могъ записать его отсутствующимъ. Такимъ образомъ, система обязательнаго посѣщенія лекцій ставила студентовъ въ крайне унижительное положеніе по отношенію къ педелямъ. Не разъ приходилось мнѣ видѣть, какъ плохо одѣтый студентикъ, въ сильно потрепанномъ скюртучкѣ, робко пробирался въ аудиторію и, проходя мимо педеля, почтительно кланялся ему съ заискивающей улыбкой на лицѣ, а тотъ удостоивалъ его въ отвѣтъ лишь олимпійскимъ кивкомъ головы. Или, напримѣръ, приходилось наблюдать, что студентъ, желая избѣгнуть педельской «неблагопріятной» отмѣтки въ журналѣ, пускался на хитрость: онъ оставался дома, а товарищу поручалъ занести въ университетъ свое пальто и повѣсить его въ раздѣвальнѣ. Когда начинались лекціи, педель обходилъ раздѣвальню, тщательно осматривая вѣшалки съ фамиліями и отмѣчая по нимъ отсутствующихъ, среди которыхъ, конечно, не оказывалось приславшаго вмѣсто себя пальто.

Само собой разумѣется, что къ такимъ унижительнымъ уловкамъ никогда не прибѣгали тѣ изъ студентовъ, у кого достаточно было развито чувство собственнаго достоинства, но зато естественно, что у этихъ послѣднихъ больше всѣхъ накоплялось раздраженія противъ существующаго порядка.

III.

Требованіе обязательнаго посѣщенія лекцій подъ унижительнымъ контролемъ педелей, зачеты семестровъ, сводившіеся въ большинствѣ случаевъ къ простой и очень скучной формальности, система профессорскихъ гонораровъ, благодаря которой сильно затруднялся доступъ на лекціи «чужакамъ», т.-е. студентамъ разныхъ факультетовъ, стекавшимся послушать популярнаго профессора,—все это очень расхолаживало насъ, новичковъ, къ высшей наукѣ съ первыхъ же шаговъ на пути ея изученія. А между тѣмъ въ то время въ Московскомъ университетѣ блистали еще такія звѣзды первой величины, какъ А. И. Чупровъ, М. М. Ковалевскій, Н. А. Звѣревъ, И. И. Янжуль, Н. Я. Гротъ, Н. С. Тихонравовъ, Ѳ. А. Бредихинъ и др. Первые два имени едва ли были не самыми популярными. Несмотря на строгость тогдашней инспекціи, на лекціи двухъ этихъ профессоровъ проникало всегда множество постороннихъ слушателей, такъ что огромный актовъ залъ, служившій аудиторіей для юристовъ перваго и втораго курса, бывалъ

обыкновенно совершенно переполненъ, приходилось даже стоять въ проходахъ между рядами стульевъ и тѣсниться около самой каедрѣ.

Бывало, въ тотъ день, когда должна была читаться лекція по политической экономіи, нарочно заберешься въ актовъй залъ спозаранку, сядешь въ одинъ изъ первыхъ рядовъ, да такъ ужъ и не сходишь съ занятаго мѣста, до тѣхъ поръ пока милѣйшій, всѣми любимый Александръ Ивановичъ Чупровъ не появится на каедрѣ. А такъ какъ лекція по политической экономіи занимала обыкновенно послѣдніе часы—четвертый и пятый, то неминуемо приходилось сначала поскучать на римскомъ правѣ, которое читалъ Н. П. Боголѣповъ (тогдашній ректоръ университета, впоследствии министръ народнаго просвѣщенія). Какъ профессоръ, Боголѣповъ отличался умѣньемъ излагать свой курсъ удивительно яснымъ, сжатымъ и простымъ языкомъ. Кто внимательно слушалъ его лекціи, тотъ очень легко ихъ запоминалъ. Читалъ онъ всегда, стоя, выпрямившись на каедрѣ во весь ростъ и до самаго конца лекціи сохраняя полную неподвижность, почти даже не поворачивая головы. Голосъ у него былъ монотонный, нѣсколько утомлявшій слушателей, зато его лекціи всегда были чрезвычайно содержательны: въ нихъ все было стройно, послѣдовательно, логично, нигдѣ ни одного лишняго слова. Кто-то сказалъ, что, стоя на каедрѣ, Боголѣповъ всей своей горделивой осанкой напоминалъ древняго римскаго патриція,—пожалуй, въ этомъ замѣчаніи есть извѣстная доля правды. На экзаменѣ Боголѣповъ былъ анекдотически требователенъ и строгъ, однако это свойство значительно умѣрялось двумя другими драгоценными чертами характера, которыми Н. П. безспорно обладалъ, а именно: справедливостью и безпристрастіемъ.

Этими чертами онъ снискалъ себѣ всеобщее уваженіе. У Боголѣпова было еще одно замѣчательное качество: феноменальная память. Онъ буквально никогда и ничего въ жизни не забывалъ. Достаточно было ему разъ увидѣть чье нибудь лицо, какъ онъ уже запоминалъ его навѣкъ. Рассказываютъ по этому поводу, что въ прежнее время, еще при старомъ университетскомъ уставѣ, у Н. П. происходили на экзаменѣ курьезы. Такъ, напримѣръ, подходитъ къ нему экзаменоваться совершенно незнакомый студентъ, очевидно, ни разу не посѣтившій ни одной изъ его лекцій по римскому праву (тогда это было возможно!), иначе онъ непременно запомнилъ бы лицо этого студента. Н. П. почтительно встаетъ съ мѣста, протягиваетъ студенту руку и говоритъ:

— Позвольте познакомиться... Боголѣповъ!

Студентъ страшно сконфуженъ, бормочетъ что-то невнятное и отъ стыда готовъ провалиться сквозь землю. Но его попытка продолжается недолго. Н. П. предлагаетъ ему нѣсколько излюблен-

ныхъ вопросовъ, студентъ не можетъ отвѣтить ни на одинъ изъ нихъ и съ трескомъ проваливается.

На смѣну Боголѣпова являлся, по большей части, профессоръ русскаго права Мрочекъ-Дроздовскій, зѣвая и потягиваясь, онъ общалъ намъ кое-что объ источникахъ «Русской Правды» или выяснялъ значеніе какого нибудь древнерусскаго юридическаго термина, въ родѣ «боярской задницы», и время проходило незамѣтно.

Но вотъ наступала очередь А. И. Чупрова. Въ многолюдномъ залѣ поднимался оживленный гулъ, смѣнявшійся почти абсолютной тишиной, лишь только Чупровъ всходилъ на кафедру. Вся аудиторія точно замирала, сотни глазъ жадно устремлялись на любимаго профессора, который, сдѣлавъ общій поклонъ, поправлялъ очки и послѣ нѣкоторой паузы съ улыбкой произносилъ свое неизмѣнное «милостивые государи!».

Вліяніе Чупрова на университетскую молодежь было огромно, къ нему прислушивались, какъ къ какому-то оракулу, жадно ловили каждое его слово, гдѣ бы оно ни было сказано,—въ аудиториі, на улицѣ, въ ученое засѣданіи, въ печати или просто у него на дому, куда любой изъ его слушателей всегда имѣлъ доступъ. Блестящій ораторъ, всесторонне образованный, человѣкъ стойкихъ и независимыхъ убѣжденій, искренній, честный, гуманный, прогрессистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, безъ сомнѣнія, онъ могъ оказывать на студентовъ лишь благотворное вліяніе. Каждая лекція его будила мысль, вызывала оживленные толки, горячіе споры, иногда цѣлые дебаты, и мы всѣ чувствовали, какъ у насъ пробуждался серьезный интересъ къ наукѣ. Помню, первая, вступительная лекція А. И. вызвала необычайный энтузіазмъ. Всѣ дружно ринулись къ кафедрѣ, неистово аплодируя и крича, у большинства возбужденно блестѣли глаза, ярко горѣли щеки. Чупровъ ласково улыбался, съ трудомъ протискиваясь сквозь толпу. Но вотъ послѣ перерыва онъ снова взомель на кафедру и, когда водворилась тишина, сказалъ:

— Господа! Я очень благодаренъ вамъ за сочувственный приемъ, но усердно прошу васъ на будущее время воздержаться отъ всякихъ овацій по моему адресу. Не нужно дразнить инспекцію, это не выгодно ни для васъ, ни для меня: у васъ могутъ выйти разныя непріятныя столкновенія, а я буду чувствовать себя до нѣкоторой степени связаннымъ. Лучше, господа, давайте вести себя корректно, чтобъ не вызывать понапрасну ничьихъ подозрѣній и не чувствовать надъ собой нежелательнаго надзора со стороны профановъ науки...

Нечего и говорить, что съ той поры мы уже ни разу не аплодировали Чупрову.

Кстати, мнѣ вспоминается обращеніе къ студентамъ другого профессора, И. И. Янжула (нынѣ академика), сдѣланное имъ по

тому же поводу. Лишь только раздались по его адресу рукоплесканія, какъ онъ остановилъ насъ энергичнымъ жестомъ и сказалъ:

— Господа! Здѣсь не циркъ, и я не клоунъ... Прошу мнѣ не хлопать!

Не помню ужъ, возымѣла ли эта «профессорская» отвѣдь свое дѣйствіе, но только она произвела на насъ непріятное впечатлѣніе.

Не менѣе популяренъ, чѣмъ Чупровъ, былъ въ то время и М. М. Ковалевскій, читавшій намъ о конституціонномъ устройствѣ западно-европейскихъ государствъ. Лекціи его полны были остроумія, доходившаго порою до ѣдкой сатиры, въ особенности, когда, неожиданно отвлекшись отъ своей темы, онъ дѣлалъ экскурсію въ область современной русской дѣйствительности. Тутъ иногда не возможно было удержаться отъ смѣха. Случалось, что и самъ онъ заражался настроеніемъ аудиторіи, вызваннымъ имъ же, и тогда его необъятно-голая фигура съ красивой, львиной головой на могучихъ плечахъ также начинала мѣрно колыхаться на каедрѣ въ тактъ общему веселью. Научной эрудиціей Ковалевскій обладалъ колоссальною, цитатами такъ и сыпалъ, то и дѣло уснащая свою рѣчь разными мѣткими словечками, великолѣпными метафорами и необыкновенно удачными сравненіями. Всякій разъ, когда М. М. читалъ лекцію, актовъ залъ былъ биткомъ набитъ народомъ, и, насколько мнѣ не измѣняетъ память, онъ ни разу не спустился съ каедръ безъ дружныхъ аплодисментовъ всей аудиторіи.

Большими симпатіями студентовъ пользовался также Н. А. Звѣревъ, читавшій энциклопедію и исторію философіи права. По изяществу и красотѣ стиля каждая лекція этого талантливаго профессора была настоящимъ *chef d'oeuvre* омъ. Что-то классическое, античное чувствовалось въ красотѣ его рѣчи, мѣстами доходившей до высокаго поэтическаго подъема: она то разгоралась бурнымъ пламенемъ, то звучала грустной и тихой мелодіей, нѣжно лаская слухъ. Въ художественныхъ характеристикахъ Н. А. Звѣрева каждый историческій образъ, выхваченный имъ изъ глубины вѣковъ, вставалъ передъ нами, какъ дивное классическое изваяніе, которымъ можно было любоваться съ восторгомъ. Всѣ эти Анаксимены, Анаксимандры и Пиагоры ярко отпечатлѣвались въ воображеніи, по мѣрѣ того, какъ искусный лекторъ-художникъ увѣренно и смѣло набрасывалъ ихъ великолѣпные рисунки, и уже не скоро изглаживались изъ памяти.

IV.

Несмотря на блестящій тогда составъ профессоровъ, тяжело было дышать въ душной атмосферѣ новаго университетскаго устава, чрезмѣрно стѣснившаго свободу преподаванія, безжалостно урѣзавшаго самую науку и, наконецъ, дававшего возможность распухнуть пышнымъ цвѣткомъ уродливому явленію, которому нѣтъ

другого, болѣе подходящаго названія, какъ только «брызгаловщина».

Кто же такой былъ этотъ Брызгаловъ, столь напумѣвшій въ свое время? Прежде всего это былъ добродушнѣйшій Алексѣй Александровичъ, довольно мягкосердечный и даже склонный немножко къ слезливой сентиментальности. Когда онъ видѣлъ или слышалъ что нибудь очень чувствительное, его добрые свѣтлые глаза непременно увлажнялись слезами. Послѣ перваго знакомства съ нимъ вамъ невольно приходило на умъ: «какой прекрасный человѣкъ!». И вдругъ вы слышите про него, что онъ совершилъ жестокий поступокъ. «Какъ!—изумляетесь вы.—Алексѣй Александровичъ могъ сдѣлать такую вещь? Да этого быть не можетъ!».

Дѣло въ томъ, что Алексѣй Александровичъ Брызгаловъ и инспекторъ Брызгаловъ — были два совершенно различныхъ лица, изъ которыхъ одно, такъ сказать, исключало другое, являясь этому другому вопіющимъ противорѣчьемъ. Возможно, что въ качествѣ Алексѣя Александровича Брызгаловъ всю свою жизнь оставался бы «прекраснымъ человѣкомъ», но судьба захотѣла надъ нимъ подшутить и сдѣлала его инспекторомъ. И вотъ отъ природы мягкій и, быть можетъ, добрый человѣкъ, но съ слабой головой, возведенный на высоту, почувствовалъ головокруженіе...

Брызгаловъ былъ мученикомъ своей должности. Суетливый, нервный, болѣзненно подозрительный, онъ никогда не имѣлъ покоя. Ему все чудилось «потрясеніе основъ» въ той или иной формѣ. Въ любви, ничтожнѣйшемъ нарушеніи устава онъ готовъ былъ видѣть почти политическое преступленіе и всячески преслѣдовать нарушителя, незамѣтно выроставшаго въ его глазахъ до степени опаснаго крамольника. Пощады не было никому, всѣ—и правые и виноватые—ввергались въ карцеръ, гостеприимно раскрывавшій двери передъ «преступникомъ». Особенно плохо приходилось бѣднякамъ: стипендіатамъ, «ляпинцамъ», обитателямъ Козихи и т. п. На нихъ Брызгаловъ смотрѣлъ, какъ на своихъ личныхъ враговъ, брезгливо сторонился отъ нихъ, при встрѣчѣ избѣгалъ подавать имъ руку и безпощадно сажалъ ихъ въ карцеръ за малѣйшую провинность. По его приказанію, чины инспекціи слѣдили за ними по пятамъ, вездѣ рыскали переодѣтые педели, какъ полицейскія ищейки,—въ студенческихъ столовыхъ, въ театрахъ, въ мѣстахъ публичныхъ засѣданій, и, повсюду находя виновныхъ, немедленно привлекали ихъ къ отвѣтственности. Гнетъ Брызгаловскаго режима день ото дня становился все тягостнѣе, быстро росли недовольство и раздраженіе, поднимался всеобщій ропотъ, въ университетской атмосферѣ чувствовалась гроза, которая и разразилась наконецъ въ студенческомъ концертѣ 22-го ноября 1887 года.

Надо замѣтить, что Брызгаловъ, будучи въ музыкѣ профаномъ, почему-то принималъ дѣятельное и близкое участіе въ устройствѣ

всѣхъ такихъ концертовъ, которые давались обыкновенно два раза въ годъ подъ управленіемъ извѣстнаго дирижера Макса Эрдманнсдёрфера. Репетиціи студенческихъ оркестра и хора неизмѣнно происходили въ квартирѣ Брызгалова, игравшаго роль любезнаго хозяина, присутствовавшаго на общемъ чаепитіи вмѣстѣ со своей экономкой, довольно смазливенькой брюнеткой, разливавшей гостямъ чай и весьма благосклонно относившейся къ ухаживанію нѣкоторыхъ изъ нихъ. Между прочимъ, большимъ фаворомъ съ ея стороны пользовался студентъ К., получившій въ послѣдствіи княжескій титулъ и многомилліонное состояніе. По отношенію къ участникамъ оркестра и хора Брызгаловъ проявлялъ какую-то особую, отеческую нѣжность, далеко, разумѣется, не всѣмъ имъ въ одинаковой степени льстившую, и въ шутку называлъ ихъ своей гвардіей. Нужно ли говорить, что члены этой своеобразной «гвардіи», въ полную противоположность козихинской «армейской пѣхотѣ», никогда не видали университетскаго карцера и вообще пользовались всевозможными льготами? Это ясно само собою.

Въ роковой день 22-го ноября Брызгаловъ былъ какъ-то особенно нервно настроенъ, точно предчувствовалъ бѣду,—суетился больше, чѣмъ всегда, дѣлалъ разныя распоряженія, которыя сейчасъ же отминаялъ, проявлялъ совершенно необычную разсѣянность, волновался и нервничалъ. Возможно, что до него дошелъ слухъ о готовившейся ему непріятности, потому что вечеромъ, передъ началомъ концерта, онъ растерянно бѣгалъ по заламъ благороднаго собранія, ежесекундно пощипывая рукой свою черную, шелковистую бородку и подозрительно всматриваясь въ сновашую мимо него публику. Начался концертъ. Все шло ровно, спокойно и гладко. Уже первое отдѣленіе приближалось къ концу. Какъ сейчасъ помню, каскадомъ лились дивные звуки блестящаго вальса-фантазіи Глинки. Настроеніе чувствовалось приподнятое, мечтательное, съ отбѣнкомъ легкой, изящной грусти. Хотѣлось забыться, уйти въ чудесный, волшебный міръ грезъ... Вдругъ изъ сосѣдняго, бокового зала послышался странный звукъ, рѣзкій и короткій, точно лопнула какая-то большая струна. Вслѣдъ за тѣмъ поднялся невнятный гулъ, что-то задвигалось, зашумѣло и опять затихло.

— Что такое? Что случилось?—раздавались въ антрактѣ голоса.

— Брызгаловъ получилъ пощечину!

Вѣсть эта моментально облетѣла публику. Многіе бросились разыскивать пострадавшаго, но въ залахъ собранія его не было: онъ поспѣшилъ скрыться за эстрадой, въ артистической комнатѣ, гдѣ уже собралась кучка сочувствующихъ и близкихъ ему людей. Дверь въ эту комнату была полуоткрыта. Проходя мимо, я мелькомъ увидѣлъ его. Онъ стоялъ жалкій, пришибленный, съ блѣднымъ, какъ смерть, лицомъ, съ трясущимся подбородкомъ... Тяжело было на него смотрѣть: я невольно отвелъ глаза и поспѣшилъ уйти.

Узнавъ въ тотъ же вечеръ, что Брызгалову нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ юристъ 3-го курса Синявскій, я былъ немало изумленъ. Синявскій выглядѣлъ тихенькимъ, скромнымъ юношей, необщительнымъ и даже нѣсколько застѣнчивымъ. Невольно рождался вопросъ: какъ онъ могъ рѣшиться на такой отчаянный поступокъ? Впрочемъ рассказывали, что онъ лично даже ничего не имѣлъ противъ Брызгалова, съ которымъ у него никогда не было столкновений, но онъ участвовалъ въ заговорѣ, и жребій привести въ исполненіе преступный замыселъ выпалъ на его долю. Очевидцы говорили, что онъ подошелъ къ Брызгалову не советомъ твердой поступью, даже слегка пошатываясь, какъ пьяный, и, нанося ударъ, чуть было не споткнулся.

Судьба сжалилась надъ Синявскимъ: говорятъ, ему легко было отбывать суровое наказаніе въ арестантскихъ ротахъ, такъ какъ, благодаря мягкости своего характера и добродушію, онъ понравился тюремному начальству, которое относилось къ нему весьма благосклонно. Впослѣдствіи же онъ вновь принятъ былъ въ университетъ и прекрасно его окончилъ.

V.

Событіе 22-го ноября послужило сигналомъ къ грандіознымъ студенческимъ беспорядкамъ. Уже на слѣдующій день среди студентовъ замѣтно было большое волненіе: они собирались въ разныхъ мѣстахъ отдѣльными группами, спорили, шумѣли, говорили зажигательныя рѣчи, пытались тѣснѣе между собой сплотиться. Однако первая общая сходка состоялась лишь утромъ, 24-го ноября, въ актовомъ залѣ университета. Собралось человекъ двѣсти пятьдесятъ, главнымъ образомъ, юристовъ первыхъ трехъ курсовъ. Хаосъ стоялъ невообразимый. Всѣ стулья въ залѣ были частью сдвинуты, частью перевернуты вверхъ ногами. Толпа галдѣла, горячилась, возбужденно жестикулировала. Отдѣльныхъ голосовъ почти невозможно было разслышать. Появленіе субъ-инспектора было встрѣчено оглушительными свистками.

— Долой инспекцію!—дружно раздавались десятки голосовъ.— Ректора сюда, ректора!

Появился Н. П. Боголѣповъ. Невозмутимо-спокойнымъ голосомъ, точь въ точь такимъ, какимъ онъ читалъ о римскихъ преторахъ и эдилахъ, сталъ онъ увѣщевать студентовъ разойтись, предупреждая нарушителей порядка о грозящемъ имъ наказаніи, но его не стали слушать: его рѣчь заглушена была свистками и крикомъ, принудившими его удалиться. Послѣ ухода ректора толпа заволновалась еще болѣе.

— Господа!—крикнулъ кто-то.—Наши собираются на дворъ... Идемъ всѣ туда.

Всѣ мигомъ хлынули на дворъ, спѣша присоединиться къ товарищамъ, среди которыхъ были студенты разныхъ факультетовъ, попадались также техники и петровцы. Вскорѣ пріѣхалъ попечитель гр. Капнистъ, и тутъ, между прочимъ, произошелъ слѣдующій инцидентъ. Около университетскихъ воротъ графъ замѣтилъ студента-техника, стоявшаго среди публики и, повидимому, вовсе не намѣревавшагося принимать участіе въ сходкѣ.

— Вы кто такой? Техникъ? Зачѣмъ вы здѣсь?—рѣзко обратился къ нему графъ.

Юноша смутился и растерянно смотрѣлъ на попечителя, не говоря ни слова.

— Взять его!—горяча распорядился графъ Капнистъ, обращаясь къ полицейскимъ, а самъ быстро вошелъ во дворъ и, смѣло проникнувъ въ густую толпу студентовъ, сталъ держать къ нимъ какую-то рѣчь, повидимому, тоже не имѣвшую успѣха, потому что никто изъ нихъ не расходился.

А злополучный техникъ былъ немедленно арестованъ и вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ высланъ изъ Москвы. Но, когда мать этого юноши, страшно встревоженная, убитая горемъ, явилась къ графу, умоляя его спасти ея невинно пострадавшаго сына, когда графъ самъ сознался передъ ней въ своей ошибкѣ, которую, однако, уже трудно было поправить, нужно было видѣть, съ какимъ сердечнымъ участіемъ отнесся онъ къ бѣдной женщинѣ, какъ онъ старался ее утѣшить и приласкать, обѣщая ей въ этомъ дѣлѣ свое полное содѣйствіе. Тутъ во всемъ блескѣ сказалось благородство души графа Капниста: мало того, что онъ не счелъ нужнымъ скрывать передъ неизвѣстной женщиной свою вину, хотя онъ и это могъ бы сдѣлать, если бъ захотѣлъ, онъ дѣйствительно принялся хлопотать объ арестованномъ техникѣ, просилъ за него разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, въ томъ числѣ и князя В. А. Долгорукова, тогдашняго московскаго генераль-губернатора, и, въ концѣ концовъ, добился того, что техникъ былъ возвращенъ и снова принятъ въ училище.

Между тѣмъ манифестанты продолжали стекаться въ университетскій дворъ одинъ за другимъ; сходка принимала угрожающіе размѣры; часть Моховой улицы, вдоль университета, была вся запружена толпою любопытныхъ; движеніе экипажей приостановилось. Въ это время изъ окна своей квартиры выглядывалъ Брызгаловъ и что-то записывалъ въ книжку, — вѣроятно, имена участниковъ сходки,—при помощи одного изъ любимыхъ его педелей, Б—скаго, который отъ времени до времени высовывалъ голову изъ-за его плеча и тотчасъ же боязливо прятался.

А публики все прибывало. Она уже охватила тѣснымъ кольцомъ университетскій дворъ, за оградой котораго скрывались манифестанты. Нѣкоторые изъ нихъ, замѣтивъ среди пестрой уличной толпы своихъ товарищей, кричали имъ со двора:

— Идите къ намъ! Какъ не стыдно глѣзть? А еще студенты! Эхъ, вы, подлецы!

Но «подлецы» уже не могли бы проникнуть во дворъ, даже если бъ и хотѣли этого, потому что ворота были заперты, и около нихъ стоялъ довольно многочисленный отрядъ городскихъ, никого не пропускавшихъ. Вдругъ послышались крики: «Разступитесь, разступитесь! Казаки!»

Дѣйствительно, откуда ни возьмись, показалась сотня казаковъ, которые лѣзли во весь опоръ... Вотъ, вотъ они ринутся сейчасъ въ толпу... Толпа дрогнула, шарахнулась въ одну, другую сторону и разсыпалась... Мигомъ былъ оцѣпленъ университетскій дворъ, манифестантовъ окружили и на глазахъ всей публики отвели въ въ манежъ, откуда нѣсколько минутъ тому назадъ выскочили казаки. Тамъ всѣхъ участниковъ сходки поголовно переписали и, продержавъ въ манежъ до вечера, въ тотъ же день отправили въ въ Бутырскій тюремный замокъ.

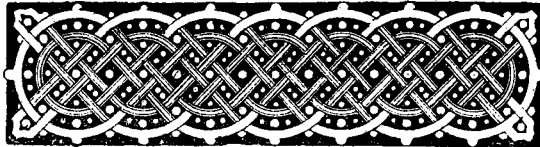
Вспыхнувшее волненіе, однако, не утихло, — напротивъ, оно все болѣе разгоралось день ото дня. Такъ, 26-го ноября, студенты устроили многочисленную сходку около Екатерининской больницы, гдѣ медикамъ старшихъ курсовъ читались лекціи. Но сходка продолжалась недолго: появились конные жандармы и быстро разогнали толпу. Къ вечеру упорно распространился слухъ, что жандармы убили двухъ студентовъ. Волненіе усилилось. Никакія мѣры воздѣйствія на учащуюся молодежь со стороны администраціи и университетскаго начальства, никакія увѣренія, что ложные сенсационные слухи умышленно распространяются злонамѣренными людьми, — ничто уже не помогало... Оставалось только одно средство: временно закрыть университетъ.

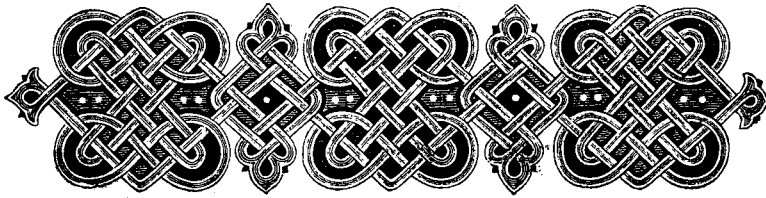
Чрезвычайно характерно сочувственное отношеніе общества и печати того времени къ студенческому движенію. Даже пресловутый «Гражданинъ» воздержался отъ огульнаго обвиненія университетской молодежи и во всемъ обвинялъ профессоровъ (?), не касаясь, разумѣется, ни инспекціи, ни отрицательныхъ сторонъ новаго устава, какъ будто все обстояло здѣсь благополучно. Не такъ взглянули на дѣло другіе органы печати. «Новое Время», напримѣръ, скорбя объ отсутствіи крѣпкой нравственной связи между учащими и учащимися, которые должны были бы составлять одну стройную корпорацію, справедливо находило, что бездушный формализмъ не только замѣняетъ эту нравственную связь, но и налагаетъ свою мертвящую руку на весь бытъ молодежи. «Можно держать молодежь строго, — говорила газета, — можно требовать отъ нея точнаго исполненія всѣхъ инструкцій, но это нужно дѣлать такъ, чтобы не оскорблялось прямотушіе и искренность молодыхъ людей, и чтобы не связывалась ихъ свобода тамъ, гдѣ это вовсе не нужно».

Указывая на разныя мелочныя придирки, которымъ систематически подвергались студенты со стороны университетской инспекціи, «Новое Время» говорило: «когда такими мелочами опутана вся жизнь изо дня въ день, когда наблюденіе сводится къ подсиживанію студента, особенно, когда для этого пускаются въ ходъ всякія средства, согласитесь, это можетъ вывести изъ себя и спокойнаго юношу, тѣмъ болѣе, что при такихъ порядкахъ онъ можетъ получить склонность не уважать ни самыхъ порядковъ, ни надзирающихъ за ними».

Лучшимъ доказательствомъ справедливости этихъ словъ служить только что описанное мною студенческое движеніе.

Князь Б. А. Щетининъ.

ПОЛЬСКІЕ ПЛАНЫ ВЪ 1876—1877 ГОДАХЪ.

(Страничка изъ исторіи польско-русскихъ отношеній).

I.

ВЪ 1877 ГОДУ, въ самый разгаръ русско-турецкой войны, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появилось сообщеніе о существованіи «новаго польскаго заговора»; нѣсколько позднѣе той же темы коснулось «Новое Время» ¹⁾, при чемъ въ этой газетѣ сдѣлана была выдержка изъ краковской газеты «Dziennik Polski», въ которой, между прочимъ, сообщалось, что «русское правительство, выводя свои войска изъ Привислинскаго края, распространило тамъ воззваніе къ крестьянамъ, приглашая ихъ образовать изъ себя сельскую стражу для наблюденія за панами и для подавленія всякихъ попытокъ къ мятежу». Аналогичная статья появилась и въ англійской газетѣ «Morning Post». Приведа выписки изъ этихъ газетъ, «Новое Время» процитировало также слѣдующее мнѣніе «Голоса: «Статьи «Dziennika Polskiego» и «Morning Post»,—писалъ «Голось»,—не лишены значенія и имѣютъ какую-то таинственную связь съ прежними толками мадьярской печати о сочувствіи поляковъ туркамъ и о ихъ тайномъ желаніи усложнить положеніе Россіи революціонной агитаціей на нашей западной границѣ».

Помѣщенные въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Новомъ Времени» статьи и выдержки обратили на себя вниманіе Достоевскаго,

¹⁾ «Новое Время», № 587, 1877 г.

который посвятилъ имъ цѣлую главу въ «Дневникъ писателя», при чемъ выразилъ мысль, что заговоръ, если онъ существуетъ, — «дѣло римскихъ клерикадовъ»¹⁾).

Большинство русскихъ читателей, вѣроятно, объяснило себѣ всѣ эти статьи и замѣтки крайностями возбужденнаго патриотизма, тѣмъ болѣе, что извѣстия шли изъ малодостовѣрныхъ источниковъ и передавались въ видѣ слуховъ. Мнѣніе же Достоевскаго можно было объяснить любовью этого писателя къ широкимъ и часто фантастическимъ обобщеніямъ въ области внѣшней политики.

Но вотъ на столѣ передъ нами лежатъ вышедшая недавно въ Чикаго польская брошюра, содержаніе которой не только подтверждаетъ вышеприведенные слухи, появившіеся въ тогдашней русской печати, но также до извѣстной степени и предположеніе, высказанное покойнымъ Достоевскимъ. Оказывается, что «заговоръ» существовалъ не только въ возбужденномъ воображеніи русскихъ консервативныхъ публицистовъ, но что въ немъ дѣйствительно принимали нѣкоторое участіе и «римскіе клерикалы». Мы думаемъ, русскимъ читателямъ будетъ интересно познакомиться съ этой характерной страничкой изъ исторіи «польско-русскихъ отношеній», тѣмъ болѣе, что интересной брошюрѣ, изданной въ далекой Америкѣ, грозитъ печальная участь — затеряться среди массы памфлетовъ, ежегодно выходящихъ изъ-подъ пера польскихъ эмигрантовъ и обыкновенно обрекаемыхъ на забвеніе чуть ли не въ самый день ихъ выхода.

Брошюра носитъ заглавіе: «Національное движеніе въ 1877 году. Написалъ «бывшій конфедератъ» («Ruch Narodowy w roku 1877. Spisał «były konfederat». Chicago. 60 + XXVIII). Въ настоящей статьѣ мы ограничимся краткимъ изложеніемъ содержанія брошюры, воздерживаясь отъ какихъ бы то ни было комментаріевъ, такъ какъ факты, приведенные въ брошюрѣ, говорятъ сами за себя.

II.

Возникновеніе «заговора» относится авторомъ брошюры къ началу 1876 года. Слухи о возможномъ вмѣшательствѣ Россіи въ славянскія дѣла и возможности, вслѣдствіе этого, близкой войны съ Турціей подали нѣсколькимъ польскимъ патриотамъ, жившимъ въ Галиціи, мысль — воспользоваться возникавшими международными осложненіями въ интересахъ Польши. Душой этого движенія былъ Вацлавъ Коцицъ, львовскій литераторъ, вошедшій въ переговоры съ жившимъ въ Константинополѣ польскимъ эмигрантомъ Болеславомъ Гольцемъ, пользовавшимся значительнымъ вліяніемъ

¹⁾ «Дневникъ писателя», 1877 г., октябрь, глава III («Римскіе клерикалы у насъ въ Россіи»).

въ турецкихъ правящихъ сферахъ. Въ переговоры со стороны Турціи вступилъ тогдашній турецкій великій визирь Митхадъ-паша, обратившійся къ полякамъ, жившимъ въ Константинополѣ, предлагая имъ войти въ сношенія съ польскими организаціями въ Россіи и Австріи и обѣщая матеріальную и моральную поддержку со стороны Турціи. Представителемъ со стороны константинопольскихъ поляковъ былъ нѣкій Артуръ-бей, полякъ, полковникъ египетскихъ войскъ, настоящее имя котораго было Артуръ Циммерманъ, и который пользовался большимъ уваженіемъ среди константинопольской польской колоніи. Слѣдствіемъ этихъ переговоровъ была отправка письма Кошицу съ изложеніемъ сущности турецкихъ предложеній. Кошицъ сообщилъ содержаніе полученнаго имъ письма Гиллеру и другимъ выдающимся польскимъ патриотамъ. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній кружокъ Кошица рѣшилъ принять это предложеніе съ оговоркой, что условія оборонительнаго и наступательнаго союза будутъ изложены въ спеціальному меморіалѣ, который въ непродолжительномъ времени будетъ высланъ черезъ особаго посла въ Стамбуль.

Составленіе вышеупомянутаго меморіала было поручено Кошицу. Одновременно съ этимъ было положено начало революціонной организаціи, принявшей названіе «Конфедерація польскаго народа», и для вербованія новыхъ членовъ организаціи былъ высланъ въ Варшаву журналистъ Владиславъ Сабовскій. Завѣдываніе дѣлами конфедераціи принялъ на себя «генеральный совѣтъ».

Первымъ шагомъ «генеральнаго совѣта» было составленіе и напечатаніе двухъ листовъ: «Манифеста къ польскому народу», сообщавшаго о самомъ фактѣ образованія новой организаціи, и «Резолюціи генеральнаго совѣта» (тайной). Въ этой «Резолюціи» было сказано, что Польша рѣшила принять участіе въ начинающейся на Востокѣ войнѣ между Россіей и Турціей и проситъ сочувствія и помощи европейскихъ народовъ и ихъ правительствъ. Содержаніе «Резолюціи» должно было оставаться тайнымъ и могло быть сообщаемо лишь дипломатическимъ представителямъ державъ спеціальными уполномоченными «конфедераціи» за границей. Такими уполномоченными были назначены: бывший генералъ парижской коммуны Валерій Врублевскій—въ Лондонѣ, графъ Владиславъ Сасъ-Кульчицкій—при папскомъ дворѣ въ Римѣ, Артуръ Циммерманъ (Артуръ-бей)—въ Константинополѣ и полковникъ Рыдзевскій (совмѣстно съ нѣсколькими другими жившими въ Парижѣ польскими эмигрантами)—въ Парижѣ. Для Вѣны и Берлина не было назначено отдѣльныхъ представителей, такъ какъ туда часто могли пріѣзжать, по мѣрѣ надобности, члены «генеральнаго совѣта».

Врублевскій вскорѣ донесъ генеральному совѣту, что резолюція и манифестъ произвели самое благопріятное впечатлѣніе: первая

въ дипломатическихъ кругахъ, а манифестъ — въ прессѣ. Манифестъ, по словамъ Врублевскаго, вызвалъ массу сочувственныхъ статей въ англійскихъ газетахъ, при чемъ вездѣ высказывалось мнѣніе, что Австріи будетъ втянута въ борьбу Турціи съ Россіей. Не менѣе благоприятныя свѣдѣнія были получены генеральнымъ совѣтомъ отъ римскаго уполномоченнаго.

Вслѣдъ затѣмъ генеральный совѣтъ приступилъ къ составленію и изданію инструкцій для членовъ конфедерации и ея иностранныхъ представителей, а также спеціальной инструкціи для константинопольскаго уполномоченнаго.

Польша была въ организаціонномъ отношеніи раздѣлена на три части, сообразно бывшимъ польскимъ провинціямъ, нынѣ входящимъ въ составъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Каждую изъ этихъ частей завѣдывали отдѣльные «провинціальныя совѣты», подчинявшіеся генеральному совѣту. Первоначально въ составъ генеральнаго совѣта входили, кромѣ Коцица, слѣдующія лица: литераторъ Шумскій, генераль Крукъ и ротмистръ Робертъ Тиме. Впослѣдствіи составъ совѣта нѣсколько разъ измѣнялся.

Что же обѣщала конфедерация своимъ европейскимъ союзникамъ въ отплату за услуги? Они не могли пожаловаться на ея скупость. Такъ, Австріи предоставлялся польскій престолъ и полученіе извѣстной компенсаціи во владѣніяхъ Турціи, которая за то, въ свою очередь, вознаграждалась присоединеніемъ всего Кавказа. Англія должна была получить принадлежащіе Россіи острова, расположенные на Балтійскомъ морѣ, а также побережье Финляндіи, включая Кронштадтъ; на Черномъ морѣ Англія получала Крымъ. Такимъ образомъ предполагалось совершенно уничтожить значеніе Россіи, какъ морской державы. Для себя Польша желала получить (кромѣ, конечно, всей территоріи «исторической Польши») еще полосу Херсонской губерніи, лежащую между Днѣстромъ и Днѣпромъ, вплоть до моря, чтобы обезпечить такимъ образомъ возстановленной Польшѣ возможность завести собственный флотъ.

Назначивъ уполномоченныхъ за границей, генеральный совѣтъ приступилъ къ высылкѣ меморіала въ Константинополь. Меморіалъ этотъ, написанный Коцицемъ, заключалъ въ себѣ точное опредѣленіе условій, при которыхъ Польша (въ лицѣ конфедерации) согласна была посредствомъ возстанія помочь Турціи въ ея борьбѣ съ Россіей. Однимъ изъ главныхъ пунктовъ меморіала являлось требованіе, чтобы Турція немедленно приступила къ возстановленію Польши; возстаніе въ Польшѣ должно было начаться, какъ только турецкія войска, перейдя Прутъ, вступятъ въ Подолію. Кромѣ того, Турція должна была доставить (изъ Виддина черезъ Буда-Пештъ) 100.000 ружей и соотвѣтствующее количество артиллеріи и боевыхъ припасовъ. Наконецъ, при посредствѣ Турціи, въ распоряженіе конфедерации должны были быть доставлены къ на-

чалу весны 110.000 гульденовъ для устройства военной организаціи.

Меморіалъ, по утвержденіи его генеральнымъ совѣтомъ, былъ врученъ спеціальному курьеру, отправившемуся въ Константинополь для передачи его константинопольскому уполномоченному конфедерациі г. Циммерману (Артуръ-бею). При врученіи меморіала великому визирю его автентичность была подтверждена членомъ англійскаго парламента, Джонстономъ Бутлеромъ (впослѣдствіи лордъ Норткотъ), высланнымъ торіями въ Константинополь для защиты британскихъ интересовъ. Великій визирь выразилъ согласіе на принятіе всѣхъ пунктовъ, оговоренныхъ въ меморіалѣ. Вскорѣ, впрочемъ, вмѣсто Митхада-паши въ сношенія съ конфедерацией вступилъ шурина султана, министръ финансовъ, Махмутъ-Даматъ-паша.

III.

Какъ читатели могли убѣдиться, до сихъ поръ все шло довольно гладко, и конфедерациа могла похвалиться значительнымъ успѣхомъ, но заговорщики забыли лишь объ одномъ обстоятельстве, а именно о томъ, что имъ придется считаться съ консервативными элементами самой Польши, видѣвшими въ новомъ повстаніи лишь новое несчастье для Польши, такъ какъ они не надѣялись на его успѣхъ.

Судя по нѣкоторымъ намекамъ въ брошюрѣ, тайные переговоры конфедерациі съ турецкимъ правительствомъ сдѣлались извѣстными, благодаря излишней болтливости одного изъ членовъ генеральнаго совѣта, нѣкоторымъ польскимъ аристократамъ консервативнаго оттѣнка, и послѣдніе рѣшили во что бы то ни стало помѣшать рискованному предпріятію восторженныхъ патриотовъ. Въ Константинополь отправились съ этой цѣлью: графъ Владиславъ Тарновскій, графъ Рачинскій, Ключинскій и Косиловскій. Они начали широкую агитацію въ турецкихъ правящихъ сферахъ и, добившись аудіенціи у великаго визиря, заявили ему, что Польша вовсе не приготовлена къ возстанію, и что конфедерациа вводитъ турецкое правительство въ заблужденіе. Но агитація эта запоздала, такъ какъ Махмутъ-Даматъ-паша уже приказалъ выдать константинопольскому уполномоченному конфедерациі 60.000 ружей, которыя и были на двухъ пароходахъ высланы въ Виддинъ впредь до дальнѣйшаго распоряженія.

Какъ бы то ни было, конфедерациа, почувствовавъ опасность, не теряла времени и, чтобы снискать себѣ популярностъ, рѣшила воздѣйствовать на религіозное чувство населенія Польши и обратиться съ этой цѣлью за содѣйствіемъ къ высшей власти католическаго міра— римскому папѣ. Совѣтъ конфедерациі выслалъ письмо въ Константинополь къ вышеупомянутому Джонстону Бутлеру съ просьбой, чтобы онъ употребилъ все усилія повліять на папу Пія IX

и внушить ему мысль воспользоваться складывающимися обстоятельствами для оказанія помощи католической Польшѣ. Бутлеръ, съ помощью богатыхъ и вліятельныхъ торіевъ, приступилъ немедленно къ выполнению просьбы совѣта конфедераціи. Какъ оказалось, папа выразилъ согласіе выполнить просьбу совѣта, отчасти благодаря натянутымъ дипломатическимъ отношеніямъ, существовавшимъ тогда между Россіей и Ватиканомъ, отчасти благодаря тому, что дѣло поляковъ имѣло дѣятельнаго защитника въ Ватиканѣ, въ лицѣ вліятельнаго англійскаго кардинала Маннинга, согласившагося, по просьбѣ торіевъ, предстательствовать передъ папой въ интересахъ Польши.

Конфедерація, извѣщенная о достигнутыхъ успѣхахъ, подняла широкую агитацію въ Галиции и княжествѣ Познанскомъ, а уніатское духовенство агитировало въ Холмщинѣ и на Литвѣ. Результатомъ этой агитаціи была посылка въ Римъ колоссальной польско-католической делегации, отправлявшейся туда подъ предлогомъ поднесенія лепты св. Петра. Въ составъ делегации, между прочимъ, входило около 300 крестьянъ, большинство которыхъ составляли литовцы и уніаты.

Шестого мая 1876 года, делегация имѣла аудіенцію у папы. Папа сидѣлъ на апостольскомъ тронѣ и, благословивъ упавшую на колѣни толпу, выслушалъ адресъ; затѣмъ, принявъ лепту св. Петра, онъ пересѣлъ въ лектику, которая была высоко поднята надъ толпой. Еще разъ благословивъ присутствующихъ, папа обратился къ делегации съ латинской рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ, что, если поляки сохраняютъ вѣру и мужество, Богъ возвратитъ имъ утраченную вольность, и они увидятъ свою страну освобожденной отъ ярма чужеземцевъ.

Эта рѣчь произвела громадное впечатлѣніе на католическое население Польши. Совѣтъ конфедераціи распространялъ печатные экземпляры папской рѣчи (въ польскомъ и литовскомъ переводѣ) въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Консерваторы, правда, пытались ослабить значеніе рѣчи, издавъ ее съ исключеніемъ наиболѣ яркихъ мѣстъ, относящихся къ возстановленію Польши, но это имъ не удалось, такъ какъ желательное для агитаторовъ впечатлѣніе было уже произведено.

Одновременно съ агитаціей въ Ватиканѣ велась дѣятельная агитация въ Европѣ. 25-го апрѣля 1876 г. совѣтъ конфедераціи назначилъ Кошица уполномоченнымъ (*envoyé préipotentiaire*) для заграницы, и 6-го мая Кошицъ прибылъ въ Лондонъ. При помощи генерала Врублевскаго ему удалось заинтересовать въ дѣлѣ агитаціи многихъ выдающихся противниковъ Россіи, какъ среди англійскихъ политическихъ дѣятелей, такъ и среди представителей прессы. Результатомъ этого было созваніе колоссальнаго митинга (въ которомъ принимало участіе около 20.000 чел.) въ Гайдъ-Паркѣ. На

митингъ были приняты резолюціи, требовавшія возстановленія Польши и объявленія войны Россіи.

Вслѣдъ затѣмъ Кошицъ отправился въ Парижъ, но здѣсь всѣ его усилія поднять агитацію не увѣнчались успѣхомъ. Уже въ то время назрѣвавшія симпатіи Франціи къ Россіи дѣлали немислимою сколько нибудь успѣшную агитацію противъ Россіи. Въ виду того, что конфедерація рассчитывала главнымъ образомъ на помощь Англіи, неудача агитаціи въ Парижѣ не особенно огорчила генеральный совѣтъ, тѣмъ болѣе, что къ этому времени подоспѣло извѣстіе изъ Турціи о формированіи въ Константинополѣ польскаго легіона, начальникомъ котораго султанъ назначилъ Артура Циммермана (Артуръ-бея), а начальникомъ штаба—бывшаго флигель-адъютанта султана, полковника Лисикевича.

Во Львовѣ, между тѣмъ, въ это время произошла крупная перемѣна. Члены генеральнаго совѣта конфедераціи изъ желанія придать своимъ дѣйствіямъ болѣе вѣса рѣшили поставить во главѣ заговора какое либо вліятельное лицо. Выборъ ихъ палъ на извѣстнаго польскаго магната, князя Адама Сапѣгу. Душа заговора, Кошицъ, фактически стоявшій во главѣ всего предпріятія, былъ оскорбленъ выборомъ Сапѣги и, хотя сначала не подалъ виду, немного погодя, воспользовавшись первымъ возникшимъ недоразумѣніемъ, вышелъ изъ состава генеральнаго совѣта, такъ что, когда во Львовъ прибыло спеціальное посольство отъ султана для переговоровъ съ генеральнымъ совѣтомъ конфедераціи, его пришлось принимать двумъ оставшимся членамъ совѣта, не пользовавшимся особеннымъ вліяніемъ и не рѣшавшимся поэтому принять на себя огромную отвѣтственность. Вслѣдствіе этого они обратились къ Кошицу, прося его принять участіе въ переговорахъ съ турецкими послами.

Турецкое посольство, состоявшее изъ Звѣржховскаго и Сѣмильскаго, прибыло во Львовъ 17-го мая и въ тотъ же день было выслушано на квартирѣ одного изъ членовъ организаци. Кошицъ въ началѣ засѣданія попросилъ посла объяснить, какое порученіе султана онъ имѣетъ передать генеральному совѣту.

Звѣржховскій изложилъ содержаніе своего разговора съ султаномъ во время аудіенціи, которую онъ имѣлъ у него передъ отъѣздомъ, и передалъ привѣтъ султана генеральному совѣту конфедераціи. Вслѣдъ затѣмъ, пояснивъ, что въ глазахъ султана дѣло Турціи и Польши является въ данномъ случаѣ идентичнымъ, такъ какъ имъ приходится бороться противъ общаго врага, Звѣржховскій обратился къ присутствовавшимъ членамъ генеральнаго совѣта съ предложеніемъ отъ имени султана: вызвать не позже двухъ недѣль вооруженное возстаніе въ Польшѣ. Сѣмильскій прибавилъ къ этому, что, въ случаѣ принятія совѣтомъ предложенія султана, въ распоряженіе совѣта будетъ выдана для начала дѣйствій сумма въ 77 тысячъ гульденовъ.

Кошицъ отъ имени совѣта поблагодарилъ за высокую честь, оказанную султаномъ конфедерации, но сказалъ, что конфедерация считаетъ невозможнымъ поднять возстаніе въ Польшѣ въ означенный посломъ срокъ, тѣмъ болѣе, что Турція не выполнила условій, означенныхъ въ высланномъ совѣтомъ меморіалѣ, а именно: она не устроила требуемаго займа и, кромѣ того, вмѣсто наступательной войны ведетъ оборонительную, что значительно измѣняетъ положеніе дѣла. Въ виду всего этого конфедерация отказывается и отъ предлагаемыхъ ей султаномъ 77 тысячъ гульденовъ.

Не успѣлъ Кошицъ окончить свою рѣчь, какъ Звѣржховскій воскликнулъ:

— Ну, въ такомъ случаѣ мы обратимся прямо къ Сапѣгѣ.

— Желаю вамъ отъ всей души успѣха, — сказалъ Кошицъ и удалился изъ собранія.

Пріемъ турецкихъ пословъ былъ въ сущности послѣднимъ самостоятельнымъ актомъ генеральнаго совѣта. Вслѣдъ затѣмъ дѣло переходитъ въ руки Адама Сапѣги и принимаетъ такой оборотъ, котораго, конечно, не ожидали инициаторы заговора, ставя Сапѣгу во главѣ дѣла.

IV.

Въ Лондонѣ въ это самое время генераль Крукъ хлопоталъ о заключеніи займа и вошелъ по этому поводу въ переговоры съ лордомъ Стюартомъ Ролландомъ. Крукъ просилъ милліонъ фунтовъ стерлинговъ и требовалъ немедленной посылки англійскаго флота въ Балтійское море. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній торіи согласились на поставленныя Крукомъ требованія относительно размѣровъ займа, но, въ свою очередь, выразили желаніе, чтобы требуемая сумма была вручена человѣку съ вѣсомъ, который могъ бы гарантировать правильность ея расходованія. Рѣшено было, что изъ Львова въ Лондонъ поѣдетъ для заключенія займа, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, графъ Артуръ Голуховскій. Но не успѣлъ онъ доѣхать до Кельна, какъ получилъ телеграмму отъ Сапѣги, вызывавшую его въ Вѣну для участія въ выборѣ національнаго правительства, имѣвшаго замѣнить генеральный совѣтъ конфедерации, при чемъ нововыбранное національное правительство должно было рѣшить и вопросъ о необходимости займа.

Послы Сапѣги полетѣли въ Краковъ, Познань и Варшаву для созыва делегатовъ. Изъ познанскихъ делегатовъ слѣдуетъ отмѣтить ирравшихъ впослѣдствіи нѣкоторую роль въ политикѣ: ксендза Стаблевскаго (теперешняго архіепископа), д-ра Нѣголевскаго и Александра Гутри. Специально съ цѣлью присутствовать на этомъ съѣздѣ въ Вѣну прибыли Митхадъ-паша и англичане: лордъ Стюартъ Ролландъ, Джонстонъ Бутлеръ, лордъ Дембигъ и кардиналъ Маннингъ. Кромѣ того, на засѣданіяхъ съѣзда присутствовали

Жюль Гревн (впослѣдствіи президентъ Французской республики) и нѣсколько крупныхъ венгерскихъ и итальянскихъ магнатовъ. Изъ Галиціи прибыла масса польскихъ патріотовъ, въ большинствѣ случаевъ—консервативнаго оттѣнка; изъ Варшавы—два анонимныхъ делегата.

На этомъ съѣздѣ въ качествѣ членовъ національнаго правительства были выбраны князь Сапѣга, Окша-Оржеховскій, Голембергскій, А. Гутри и Х. изъ Варшавы. Президентомъ былъ выбранъ князь Сапѣга.

Дабы сдѣлать понятными читателямъ дальнѣйшія событія, необходимо оговориться, что Сапѣга, несмотря на выраженное имъ согласіе стать во главѣ движенія, былъ въ душѣ его яримъ противникомъ и рѣшился употребить все усилія, чтобы не дать ему разгорѣться. Сообразно этому, первымъ его распоряженіемъ была отсылка пароходовъ съ оружіемъ, прибывшихъ въ Триестъ, подальше—въ Александрію, и изданіе циркуляра, предписывавшаго пріостановку какихъ бы то ни было военныхъ повстанческихъ приготовленій въ границахъ Польши. Циркуляръ этотъ мотивировался ожидаемымъ военнымъ вмѣшательствомъ Австріи съ цѣлью возстановленія Польши. Но такъ какъ на полѣ дѣйствія еще оставались бывшіе члены генеральнаго совѣта конфедераціи, то, чтобы усмирить ихъ, Сапѣга обратился за содѣйствіемъ къ своему другу и единомышленнику, графу Альфреду Потоцкому, намѣстнику Галиціи, по распоряженію котораго львовская полиція произвела цѣлый рядъ обысковъ и арестовъ во Львовѣ. Между арестованными былъ и Кошиць.

Но такъ какъ Сапѣгѣ, въ качествѣ «президента національнаго правительства», надо же было что нибудь дѣлать,—имъ былъ поднесенъ вѣрноподданнической адресъ австрійскому императору, чрезвычайно скромнаго содержанія. Авторы адреса выражали свою готовность сражаться за «отечество» (т.-е. Австрію), когда императоръ призоветъ ихъ къ этому. Одновременно съ этимъ Сапѣга дѣятельно распускалъ слухи, что Австрія выступитъ на защиту интересовъ Польши, и что въ австрійскихъ правительственныхъ сферахъ—это уже рѣшенное дѣло.

Одинъ изъ бывшихъ членовъ генеральнаго совѣта конфедераціи очень остроумно охарактеризовалъ дѣятельность Сапѣги и его единомышленниковъ, сказавъ, что они изъ заговорщиковъ чрезвычайно быстро превратились въ полицеймейстеровъ.

Необходимо также отмѣтить, что на ряду съ этой «конспиративной» работой Сапѣги и его приверженцевъ, направленной противъ затѣвавшагося повстанія, польскіе консерваторы дѣятельно работали въ печати и среди общества, манифестируя свои «лояльные» чувства и стараясь всеми способами создать противовѣсъ пропагандѣ заговорщиковъ. Такъ, въ консервативномъ «Czas»¹⁾ и другихъ польскихъ газетахъ того же оттѣнка появилось слѣдующее заявленіе:

«Воззваніе къ польской эмиграціи.»

«Во время настоящей войны Москвы съ Турціей, войны, поднятой для освобожденія нашихъ славянскихъ братьевъ отъ варварскаго деспотизма мусульманъ,—принять участіе въ этой борьбѣ, становясь въ рядахъ турецкихъ войскъ, было бы измѣной нашимъ принципамъ, о которыхъ мы неоднократно заявляли публично».

Одновременно съ этимъ рѣшено было нагляднымъ образомъ выразить симпатіи консервативной части польскаго общества къ Россіи, и съ этой цѣлью княжна Радзивилль и графиня Гауке въ Берлинѣ стали во главѣ мѣстнаго комитета, собиравшаго пожертвованія для раненыхъ русскихъ воиновъ. То же было сдѣлано нѣкоторыми представительницами польской аристократіи въ Варшавѣ.

V.

Какъ бы то ни было, нововыбранному «національному правительству», замѣнившему «совѣтъ конфедераціи», надо было что нибудь предпринимать, чтобы оправдать свое существованіе, тѣмъ болѣе, что въ его рукахъ были довольно крупныя денежныя средства, и на него было обращено вниманіе европейской дипломатіи, знавшей о существованіи заговора.

Между прочимъ, съ особой симпатіей къ заговору относились венгерцы, все еще не могшіе забыть усмиренія венгерскаго возстанія при помощи русскихъ войскъ. Среди венгерцевъ возникъ планъ, который, если бы онъ былъ приведенъ въ исполненіе, могъ повести къ нѣкоторымъ дипломатическимъ осложненіямъ, хотя бы уже потому, что обратилъ бы на себя вниманіе европейскихъ державъ, официально воскресивъ «польскій вопросъ», и далъ бы такимъ образомъ европейской дипломатіи поводъ для легальнаго вмѣшательства и посредничества.

Планъ венгерцевъ, первая мысль о которомъ была подана Карломъ Бржозовскимъ, заключался въ слѣдующемъ.

Предполагалось собрать въ венгерскихъ комитатахъ (уѣздахъ) Гамашскомъ, Удваргельскомъ и Чисскомъ отрядъ венгерцевъ-охотниковъ въ количествѣ 2.000—3.000 чел. и ввести этотъ отрядъ черезъ горный проходъ Соосъ въ сосѣднюю Румынію. Отрядъ долженъ былъ уничтожить полотно желѣзной дороги и взорвать мостъ, чтобы затруднить движеніе русской арміи. Одновременно съ этимъ на границахъ Подолиі должны были сформироваться польскіе повстанческіе отряды.

Предводительство венгерскими охотниками было поручено генералу Клапкѣ. Доказательствомъ того, что это, кажущееся на первый взглядъ безумнымъ, предпріятіе имѣло подъ собою нѣкоторую почву, служитъ то обстоятельство, что на него дали средства и въ

немъ приняли горячее участіе венгерскіе магнаты, члены палаты Угронъ, Барта, Балаши и многіе другіе.

Генераль Клапка энергично принялся за вооруженіе отряда и закупилъ 2.000 карабиновъ старой системы и 400.000 патроновъ къ нимъ.

Но въ то время, какъ въ Венгріи вербовались охотники для предстоящей экспедиціи, въ Галиціи Сапѣга и его друзья употребляли всѣ усилія, чтобы подавить движеніе. Рѣшено было вмѣсто вербовки повстанцевъ помочь уже успѣвшимъ организовать въ Турціи «польскимъ легионамъ». Этыхъ «легионовъ» было всего два: «европейскій», въ которомъ числилось 60 пѣхотинцевъ и 40 «кавалеристовъ» (безъ лошадей!), и «азіатскій» — изъ 45 чел. пѣхотинцевъ. Для того, чтобы «руководить» этими лилипутскими легионами, въ Константинополь существовало нѣсколько специальныхъ польскихъ комитетовъ, которые, какъ и слѣдовало ожидать, перессорились другъ съ другомъ. И вотъ Сапѣга торжественно отправилъ въ Константинополь «полномочнаго посла» Звѣржховскаго, который и посвятилъ свое время посѣщенію константинопольскихъ кофеенъ и другихъ увеселительныхъ заведеній. «Европейскій легионъ», которому надѣла вся эта игра въ высокую дипломатію, примкнулъ къ отряду Сальха-паши и почти весь поголовно былъ уничтоженъ въ битвѣ подъ Кизиларомъ, 23-го августа. Эта бесполезная для польскаго дѣла гибель «легиона» вызвала ожесточеніе въ радикальныхъ кругахъ въ Львовѣ. Но консерваторы не унывали и заявляли прямо, что для того, чтобы спасти Польшу отъ новаго несчастья, слѣдовало бы выслать всѣхъ «заговорщиковъ» въ легионы и такимъ образомъ очистить Польшу отъ «безпокойныхъ головъ». На сторонѣ польскихъ консерваторовъ стояли многіе русинскіе патріоты, которые прямо угрожали поголовнымъ возстаніемъ русинскихъ крестьянъ, если бы «поляки опять зашевелились въ Галиціи». Наконецъ, изъ Варшавы прибыло нѣсколько благоразумныхъ людей (между прочими, профессора Грабовскій и Абакумовичъ), которые всячески старались доказать безуміе затѣвавшагося предпріятія, грозившаго Польшѣ лишь новыми несчастьями. Военственный пылъ началъ мало-по-малу охладѣвать, но дипломатическія усилія все еще продолжались. Графъ Артуръ Голуховскій выслалъ мемориаль къ графу Андраши, предлагая отъ имени «польской національной партіи» возстановленную Польшу Габсбургской династіи. Съ другой стороны, старикъ Кошутъ изъ-за границы взывалъ къ венгерцамъ, убѣждая ихъ оказать помощь полякамъ. Наши тогдашнія пораженія подъ Плевной усиливали серьезность положенія, и многіе консервативные поляки серьезно надѣялись «безъ пролитія крови», одними дипломатическими усиліями добиться возстановленія Польши.

VI.

Между тѣмъ, случилось нѣчто, что давно можно было ожидать, и чего лишь не ожидали наиболѣе ослѣпленные изъ заговорщиковъ. «Полномочный посолъ» Сапѣги въ Константинополѣ, Звѣржховскій очевидно, повинаясь инструкціямъ Сапѣги, вошелъ въ сношенія съ русскимъ посломъ въ Вѣнѣ, открывъ ему планъ заговора. Вслѣдствіе этого, въ Венгріи, по распоряженію изъ Вѣны былъ произведенъ рядъ обысковъ и арестовъ съ конфискаціей заготовленнаго для венгерской экспедиціи оружія, а на австро-русской границѣ былъ захваченъ цѣлый вагонъ ружей и аммуниціи, предназначавшихся для транспортировки въ Подолію для повстанческаго отряда, который долженъ былъ итти соединиться съ венгерцами.

По другой версіи, виновникомъ этихъ арестовъ и конфискацій былъ Окша, который завѣдывалъ въ Пештѣ организаціей венгерскаго легіона, но который въ послѣднюю минуту рѣшилъ «оформить» это дѣло и обратился за... форменнымъ разрѣшеніемъ къ Тиссѣ!.. Тисса, конечно, немедленно долженъ былъ сообщить объ этомъ Андраши, ибо дѣло грозило серьезнымъ столкновеніемъ съ Россіей, котораго австрійское правительство вовсе не желало.

Такимъ образомъ Сапѣгѣ удалось нанести серьезный, неизлѣчимый ударъ готовившемуся возстанію и организаціи венгерскаго легіона, который долженъ былъ сыграть рѣшающую роль въ началѣ затѣвавшагося возстанія.

Когда заговорщики снова собрались въ одной изъ Львовскихъ кофейнъ, князь Сапѣга, несмотря на всю неловкость своего положенія, увѣрялъ собравшихся «конфедератовъ», что не все еще потеряно, и патетически восклицалъ:

— Я еще вамъ устрою повстаніе! Можете меня повѣсить, если не устрою!..

— Жаль, что мы не сдѣлали этого раньше,—съ горечью замѣтилъ Коциць.

Вслѣдъ за этимъ эпизодомъ нѣкоторые горячія головы пытались еще разъ создать новое «національное правительство», съ цѣлью воскрешенія заговора, но побѣды русскихъ войскъ въ Азіатской Турціи показали заговорщикамъ, что они затѣваютъ нѣчто совершенно безумное.

Джонстонъ Бутлеръ, выдавшій изъ рукъ въ руки Сапѣгѣ на венгерскую экспедицію 50.000 гульденовъ изъ суммъ англійскаго секретнаго фонда, встрѣтившись съ Сапѣгой въ концѣ 1877 года въ Венеціи, потребовалъ у него возвращенія этихъ денегъ. Сапѣга отказался выполнить это требованіе, и глубоко возмущенный Бутлеръ обругалъ не только Сапѣгу, но и вообще поляковъ «мошенниками». Сапѣга вызвалъ Бутлера на дуэль, но хладнокровный

англичанинъ заявилъ, что ему нужна не дуэль, а деньги или отчетъ въ ихъ употребленіи.

Вслѣдъ затѣмъ въ Болонѣ собрался эмигрантскій судъ, предъ которымъ долженъ былъ предстать Сапѣга. На вопросъ графа Голуховскаго Сапѣгѣ, почему послѣдній всячески старался парализовать движеніе, Сапѣга съ полной откровенностью отвѣтилъ, что это именно и было его цѣлью, когда онъ становился во главѣ движенія. Сапѣгѣ опять пришлось выслушать рядъ нелестныхъ эпитетовъ отъ бывшихъ товарищей по заговору.

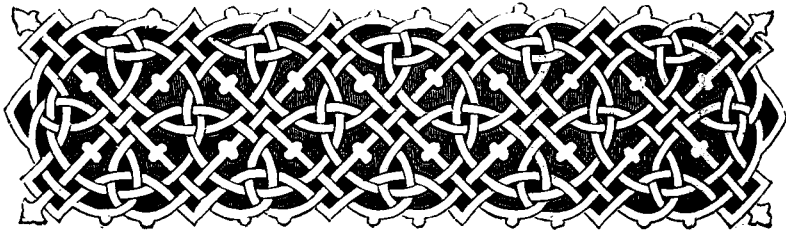
Такъ комически закончилась «конфедерація», которая, попади она не въ руки Сапѣги, а кого либо изъ «горячихъ головъ», которыхъ немало было въ польской эмиграціи, могла повести къ довольно крупнымъ событіямъ.

У многихъ читателей можетъ возникнуть вопросъ, который задавали и мы сами себѣ: насколько можно довѣрять брошюрѣ «бывшаго конфедерата»? Отвѣтомъ на это служитъ то обстоятельство, что многія упомянутыя въ брошюрѣ лица до сихъ поръ живы и не протестовали противъ разоблаченій автора брошюры. Характерно также, что газеты, въ родѣ краковскаго «Czas»'а, напали на анонимнаго автора за «несвоевременное опубликованіе національныхъ тайнъ». Наконецъ, еще недавно въ «Kurjer»'ѣ Lwowsk»'омъ появился рядъ статей, въ общемъ подтверждающихъ показанія «бывшаго конфедерата».

Какъ мы уже сказали выше, мы воздерживаемся отъ какихъ либо комментаріевъ, но не можемъ не замѣтить въ заключеніе, что въ настоящей моментъ эта «страничка изъ исторіи русско-польскихъ отношеній» намъ кажется не лишеной глубокаго и серьезнаго интереса.

В. П. Батуриискій.

ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи Николая I) ¹⁾.

III.

Изъ-за шутки.

I.

ОЗДНО ночью по Большой Морской шли два офицера. Они закутались въ шинели, подняли воротники. Говорить было трудно, такъ какъ уши и рты были плотно закрыты мѣховыми воротниками. Къ тому же ревѣлъ пронзительный вѣтеръ, шелъ крупный снѣгъ...

Они остановились у Невскаго. Въ воздухѣ висѣла бѣлая колеблющаяся занавѣска изъ снѣга. Фонари задувались. Было безлюдно, скучно, холодно...

— Пойду домой. Ужъ поздно!—сказалъ одинъ изъ офицеровъ.—Къ Мими итти не хочется...

— Какъ знаешь,—отвѣтилъ другой.—И вообще я замѣтилъ, что за послѣднее время ты измѣнился и, скажу по правдѣ, къ худшему. Ты сталъ просто неузнаваемъ...

— Нельзя иначе. Мое теперешнее положеніе таково. Разумѣется, я съ удовольствіемъ отправился бы сію минуту и къ Мими, и къ кому хочешь. Но ты знаешь, что мое положеніе...

— Да, да, понимаю! Женихъ... Да, неудобно быть въ такомъ положеніи. А впрочемъ будь я на твоемъ мѣстѣ, я бы все-таки не забылъ побывать у Мимочки. То одно дѣло, это другое...

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІХ, стр. 142.

— Немножко не такъ. И я, пожалуй, на мѣстѣ жениха отпра-
вился бы съ тобой. Но въ томъ-то и дѣло, что я—еще не женихъ:
мнѣ не отказали, но зато и не дали положительнаго отвѣта. И я
принужденъ теперь держать себя, какъ можно скромнѣе, избѣгать
различныхъ удовольствій, чуть ли не ломать всю свою жизнь, къ
которой я такъ привыкъ, съ которой я такъ свыкъся, что мнѣ
ужасно трудно переламывать себя...

— Ну, братъ, при такой драмѣ я не задумался бы: взялъ и
бросилъ бы все и пошелъ...

— Хорошо тебѣ говорить, если ты только еще вступаешь на
путь нашей жизни. А я уже успѣлъ все свое растряссти, разбро-
сать, мнѣ необходимо приняться за починку своихъ денежныхъ
обстоятельствъ. Все пропало, пошло прахомъ, и теперь надо же-
ниться, чего бы мнѣ это ни стоило. Вотъ я и веду себя такимъ
оранжерейнымъ цвѣткомъ, тѣмъ болѣе что моя будущая теща—
рѣдкій человѣкъ по своимъ чисто нѣмецко-мѣщанскимъ добродѣ-
телямъ. Конечно, какъ все будетъ окончено, когда состоится офи-
ціальная помолвка, и назадъ итти будетъ уже нельзя, тогда мы съ
тобой побываемъ вездѣ, гдѣ это будетъ можно. Теперь же я дол-
женъ шествовать домой, а ты... ты—вольная птица...

— Ступай и ложись спать. Да будь я на твоемъ мѣстѣ, сей-
часъ же плюнулъ на все и пересталъ бы интересоваться этимъ.
Охота тебѣ... право... Ну, такъ прощай!..

— Прощай, счастливый изъ человѣковъ. На прощанье замѣчу:
береги деньги, сбережешь и свободу! Говорю по собственному
опыту долгихъ лѣтъ...

— Ладно. Прощай, женихъ! Желаю тебѣ добиться положитель-
наго отвѣта. А я сейчасъ къ Мимишечкѣ. Тамъ свѣтло, тепло,
уютно, пахнетъ духами, виномъ...

— Знаешь что,—быстро и боязливо проговорилъ «женихъ»,—
позови извозчика: мы, пожалуй, поѣдемъ вмѣстѣ... Понимаешь? Я
себѣ хочу разрѣшить...

— Давно бы такъ. А то физиономія монаха тебѣ не къ лицу...
Извозчикъ!..

Въ бѣлой колеблющейся занавѣскѣ снѣга вырисовывался си-
луэтъ извозчика...

— На Итальянскую! Живо!—сказалъ офицеръ, и скоро сани
потонули въ кружевной занавѣскѣ...

II.

— Сонечка проснулась, Надя?—спрашивала старая, солидная
госпожа Бостельманъ, сидя за чашкою утренняго кофе.—Надя!
Надежда! Надежда!..

— Встаютъ, одѣваются,—сказала горничная, появляясь въ
дверяхъ.—Сейчасъ выйдутъ!..

«истор. вѣстн.», февраль, 1906 г., т. хсгх.

Горничная хотѣла было итти, но Бостельманъ снова крикнула своимъ произвольнымъ голосомъ:

— Надя! Надежда! Куда же ты уходишь? Кто тебѣ позволилъ? Скажи Сонечкѣ, что мнѣ съ ней нужно говорить. Пусть идетъ прямо сюда. А Володенька всталъ?

— Они ужь булки въ постели кушаютъ и капризничаютъ: одѣваться не хотятъ.

— Скажи ему, что я сейчасъ приду и выпорю его. Зайди раньше къ барышнѣ...

Горничная ушла, и Бостельманъ снова принялась за свою чашку. Она пила, пила долго, медленно, дѣлая необыкновенно маленькіе глотки.

Черезъ минуту вошла ея дочь, красивая блондинка лѣтъ 20, и поздоровалась съ матерью. На ней было свѣтлое платье...

— Красавица ты моя!—нѣжно заговорила мать, цѣлуя дочь.— Снѣжинка моя, бѣляночка! какая ты нарядная, свѣтлая, красивая! Мнѣ не хочется, чтобы отнимали у меня мою милую бѣляночку. Я такъ сильно люблю ее. Милая моя, Сонечка, дѣточка, садись сюда, на скамеечку, поближе... Вотъ такъ. Я хочу съ тобой серьезно поговорить...

— О чемъ же мы будемъ говорить, мама?—спросила Соня, улыбаясь словамъ матери.

Бостельманъ помолчала, подумала немного и перевела глаза на портретъ, висѣвшій высоко на стѣнѣ и изображавшій генерала въ отставкѣ.

— Моя милая дѣточка!—сказала она сквозь слезы.—Ты не знала своего отца. Если бы онъ былъ живъ!.. Мнѣ было бы съ кѣмъ посоветоваться.. Я ничего не знаю, всего боюсь, боюсь ужасно. Я всегда была труслива, а съ тѣхъ поръ, какъ тебѣ сдѣлалъ предложеніе этотъ страшный, съ огромными усицами офицеръ, я еще больше стала всего бояться. Когда онъ сказалъ мнѣ, что предлагаетъ тебѣ свою руку, я ужасно испугалась. Я подумала, что онъ, этотъ твой офицеръ—самый злой, самый сердитый на свѣтѣ человекъ. И я боялась говорить съ нимъ, боялась отвѣчать на его вопросы, боялась, что онъ потребуетъ отъ меня рѣшительнаго и послѣдняго отвѣта. Но я все еще боюсь, что онъ отниметъ тебя у меня. Вотъ я и хотѣла поговорить съ тобой о томъ, что ты полагаешь ему отвѣтить въ концѣ концовъ. Это я должна знать... Я плохо стала спать. Мнѣ все почему-то кажется, что этотъ офицеръ долженъ причинить мнѣ много огорченій. Скажи мнѣ, милая Сонечка, только скажи самую сущую правду: чувствуешь ты чтонибудь къ нему?

Соня весело разсмѣялась и поглядѣла на мать, которая, казалось, была очень озабочена чѣмъ-то; глаза ея безпокойно бѣгали, лицо было блѣдно.

— Какъ вамъ сказать, мама,—отвѣтила она,—я и сама не знаю еще толкомъ. Правдѣ!

— Правду, только правду!—прошептала мать глухимъ голосомъ.—Я требую правды!

— Я не лгу, мама! Когда онъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе, мнѣ стало только очень смѣшно, и я боялась, какъ бы мнѣ не разсмѣяться. Я насилу могла удержаться. Конечно, я его не люблю, въ немъ нѣтъ ничего такого, что могло бы сильно нравиться. Наконецъ, я еще не стара и вовсе не собираюсь выходить замужъ. Я только недавно еще стала выѣзжать, мнѣ еще не надоѣла свобода... Вообще скажу вамъ по правдѣ, что я не тороплюсь. Я говорю правду. Въ тотъ разъ, когда онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, я хотѣла ему отказать.

— Что ты? Что ты? Какъ это можно?—быстро и безпокойно проговорила Бостельманъ.

— Ну, вотъ, вы виноваты сами. Тогда вы не позволили мнѣ это сдѣлать и сами сказали ему, что мы подумаемъ...

— Ахъ, Сонечка, если бы ты знала, какъ я его боюсь!.. Ужасно...

— Вы всѣхъ, мама, боитесь: прислугу, что она васъ убьетъ, извозчиковъ, что они васъ непременно задавятъ, моего жениха, что у него длинные усы.

— Не говори, не говори такъ, Сонечка! Ты еще очень молода, людямъ нельзя вѣрять...

— Ну, такъ вы не пожелали, чтобы я ему тогда же отвѣтила отказомъ, а теперь...

— Ахъ, я такъ тогда испугалась его,—прошептала Бостельманъ искренно.

— Вы знаете, что теперь онъ ждетъ отвѣта. Рано или поздно, но намъ придется дать ему окончательный отвѣтъ. Хорошо бы, если бы мы написали ему...

— Что ты? Что ты? Развѣ это можно? И неприлично, и странно. Онъ обидится. И потомъ почему же мы должны ему дать отрицательный отвѣтъ, отказъ?... Онъ можетъ разсердиться, можетъ вспылить.—«Почему такое мнѣ отказали?»—скажетъ.—«Чѣмъ я не женихъ? а?»—спроситъ. Нѣтъ, Сонечка, это надо какънибудь иначе сдѣлать... Такъ нельзя...

— Я не знаю, мама, какъ... По-моему: взять и написать. Не подумаетъ же онъ прійти къ намъ послѣ этого. Онъ—человѣкъ воспитанный, онъ понимаетъ...

— Ну, да, много ты понимаешь. Боюсь я офицеровъ, боюсь. Такой они народъ, что все имъ нипочемъ; недаромъ они—военные. Вотъ если бы живъ былъ покойникъ твой батюшка, онъ научилъ бы меня, что мнѣ дѣлать. А теперь я ничего не знаю...

Въ передней раздался сильный звонокъ. Старуха Бостельманъ вскочила со стула и поблѣднѣла. Бѣлыя губы ея зашевелились...

— Не принимать, никого не принимать. Скажи Надеждѣ, чтобы не принимали...

Соня вышла, а Бостельманъ стояла въ одѣпеніи и ждала, поглядывая на дверь.

— Это генеральша пріѣзжала съ визитомъ!—сказала Соня, входя въ комнату.

Бостельманъ сѣла на свое кресло и въ изнеможеніи смолкла. Соня сѣла на прежнее мѣсто и хотѣла продолжать разговоръ съ матерью.

— Нѣтъ, Сонечка, какъ хочешь, я не могу больше оставаться здѣсь, въ этомъ проклятомъ Петербургѣ. Поѣдемъ отсюда. Я боюсь всего. Поѣдемъ, милая, дѣточка, хорошая, поѣдемъ!..

— Какъ хотите, мама,—отвѣтила равнодушно Соня.—Я готова ѣхать, куда хотите.

— Я придумала,—заговорила Бостельманъ,—я придумала: мы уѣдемъ отсюда, поѣдемъ въ Новгородъ. Тамъ тихо, хорошо. Отъ моей тетки тамъ у меня остался въ наслѣдство прекрасный барскій домъ. Мы жили въ немъ, когда ты была за границей. Мы пріѣдемъ туда, проживемъ тамъ. Тамъ отлично, прекрасно. И тамъ офицеры есть, такіе тихіе, скромные...

— Куда хотите и какъ хотите,—съ улыбкой проговорила Соня.—Вы же сами захотѣли жить въ Петербургѣ: вамъ было страшно жить въ деревнѣ. Мнѣ и тамъ было весело: по крайней мѣрѣ, тамъ знакомыхъ было много. Я на все согласна!..

— О, моя милая, хорошая, дорогая дѣвочка,—нѣжно сказала мать,—ты понимаешь меня и не хочешь, чтобы твоя старая мама страдала. Даю тебѣ слово, что въ Новгородѣ мы проживемъ спокойно и хорошо. Тамъ нѣтъ такихъ людей... здѣсь каждый день убійства, грабежи, разбои, пристають на улицахъ. А по Невскому пѣшкомъ просто хоть не ходи. На-дняхъ иду, а ко мнѣ подходитъ какой-то мужчина да и говоритъ: «Позвольте васъ, сударыня, проводить!». Я такъ и присѣла на землю, и сойти не могу, испугалась. Насилу въ себя пришла, а мужчина увидалъ, что я на землю опустилась, и бросился бѣжать. Поѣдемъ въ Новгородъ. Это близко и хорошо. Сегодня же начнемъ собираться...

— А какъ же съ женихомъ мы поступимъ?—спросила Соня.—Что мы съ нимъ сдѣлаемъ?

— Съ женихомъ-то?—словно въ раздумьѣ, проговорила мать и добавила:—ужъ объ этомъ ты не безпокойся. Я берусь все это сама устроить...

— Вы? Какъ же вы это устроите? Подѣлитесь со мной вашими мыслями... Это интересно.

— Нѣтъ, нѣтъ... не скажу. Это—мой секретъ! Пока только вотъ что... Надя! Надежда! Надежда! Оглохла? Слушай: если сегодня, завтра или послѣзавтра придетъ офицеръ... знаешь? такой съ

длинными усами, по фамилии Бартоломей... такъ скажи, что мы въ театрѣ. Поняла? Когда бы ни пришелъ, ты скажешь, что мы въ театрѣ...

— И утромъ сказать, что вы въ театрѣ тоже?—спросила горничная въ недоумѣніи.

— Глупая,—воскликнула Бостельманъ,—утромъ мы уѣхали... по дѣламъ... въ гости...

— Слушаюсь!—отвѣтила горничная и выбѣжала изъ комнаты, такъ какъ послышался новый звонокъ въ передней.

Горничная долго оставалась въ дверяхъ, и когда она возвращалась въ комнату, у нея на губахъ сквозила хитрая усмѣшка.

— Они были! — доложила горничная. — Сердились и назвали меня дурой...

— Кто? Кто они? Говори понятно! — вскрикнула Бостельманъ, топая ногой.

— Они, офицеръ этотъ самый... которому вы приказали про театръ сказывать...

— Скорѣй, скорѣй, въ Новгородъ! — закричала Бостельманъ не своимъ голосомъ.—Живо, собираться! Ыдемъ сегодня же! Ты, Надя, останешься здѣсь, соберешь, уложишь вещи и пріѣдешь... А мы сегодня же ѣдемъ. Сонечка, милая, пожалѣй ты меня, старуху.

Бостельманъ бросилась на шею дочери и судорожно зарыдала.

III.

— Ты себѣ представить не можешь, какую онѣ со мною штуку выкинули!—говорилъ поручикъ Бартоломей своему товарищу, прогуливаясь однажды вечеромъ по Невскому.—Помнишь, мы съ тобой поѣхали къ Мими. На другой день утромъ я пріѣзжаю къ своей невѣстѣ. Звонюсь. Выходитъ горничная и объявляетъ мнѣ, что обѣ барыни—старая и молодая—уѣхали въ театръ. Я на нее зыкнулъ. Тогда она поправилась и заявила, что онѣ уѣхали въ гости. Я пріѣхалъ вечеромъ. Барыни опять въ театрѣ. Вижу, горничная смущена, вретъ. Я пріѣзжаю утромъ на слѣдующій день. Та же исторія. Вижу, что тутъ дѣло нечисто. Пріѣзжаю еще разъ, гляжу, а ужъ ихняя квартира сдается. Мнѣ сказали, что барыни отправились въ Новгородъ по важному дѣлу... Ни письма, ничего. Ужасно вѣжливо! Прошло уже почти полтора мѣсяца, а отъ нихъ я не получилъ никакого извѣстія.

— Что же теперь ты намѣренъ дѣлать?

— Не знаю. Не хочется мнѣ упускать невѣсту. Хорошая, умная, да къ тому же и богатая дѣвушка, была за границей... Поѣду въ Новгородъ, возьму отпускъ. Не знаю: кажется, что я начинаю влюбляться въ нее. Никогда со мной такой пакости не

случалось, а теперь чувствую, что дѣло не въ порядкѣ. На будущей недѣлѣ и поѣду. Остановлюсь тамъ у товарища своего, онъ въ Новгородѣ въ артиллеріи служить.

— А я на твоёмъ мѣстѣ плюнулъ бы на всю эту исторію. Не все ли тебѣ равно?

— Нельзя: я уже вездѣ раззвонилъ, что женюсь на ней. Отецъ уже одобрилъ мой выборъ, и не хочется остаться въ дуракахъ. Да потомъ, повѣрь, начинаю чувствовать что-то въ родѣ любви. Хочется мнѣ увидать Сонечку ужасно.

— Просился ужъ въ отпускъ? Пожалуй, теперь не отпустить надолго. Ждутъ войны.

— Я думаю въ двѣ недѣли все это кончить. Ужъ я своего добьюсь: или она станетъ моей женой, или я ея матушкѣ, старой собакѣ, такую пилюлю подпущу, что она меня не забудетъ. Право, ужасно скверно, когда все это никакъ склеиться не можетъ.

— А пока, до склейки, не хочешь ли проѣхать къ Мими? Скажемъ ей, что ты собираешься наложить на себя узы брака. Вотъ она смѣяться-то будетъ.

— Что-жъ, я готовъ! Извозчикъ, на Итальянскую!

IV.

Въ первое время по пріѣздѣ въ Новгородъ Бостельманъ чувствовала себя великолѣпно. Не было той уличной сутолки, которой она такъ боялась въ Петербургѣ, не было извозчиковъ-лихачей, «сумасшедшихъ, пьяныхъ разбойниковъ», какъ называла ихъ Бостельманъ.

Новгородъ, какъ забытый Богомъ городъ, подавалъ только слабые признаки жизни.

И это очень нравилось старухѣ Бостельманъ. Она по цѣлымъ днямъ не выпускала изъ рукъ сентиментальныхъ романовъ и хотѣла развить къ нимъ вкусъ у своей дочери. Но Соня не поддавалась ея вліянію и предпочитала читать произведенія русскихъ писателей: въ то время входилъ въ моду Гоголь, сочиненія Пушкина раскупались нарасхватъ, зачитывались Лермонтовымъ. Бостельманъ не любила ни русскихъ писателей, ни книгъ, написанныхъ ими, такъ какъ, по ея мнѣнію, русскій языкъ былъ слишкомъ грубъ, чтобы давать надлежащее впечатлѣніе о «возвышенныхъ предметахъ, которые только и можно описывать французскимъ языкомъ».

У Бостельманъ въ Новгородѣ образовался довольно большой кругъ знакомыхъ.

Но больше всего сама Бостельманъ была обрадована тѣмъ, что въ Новгородѣ она познакомилась съ артиллерійскимъ поручикомъ

Вережкинымъ, оказавшимся ея дальнимъ родственникомъ. Вережкинъ былъ очень изящный, ловкій, умный и образованный офицеръ, что въ николаевскую эпоху составляло рѣдкость. Онъ сразу пришелся по душѣ Бостельманъ, и съ перваго же посѣщенія она почувствовала къ нему необыкновенную нѣжность.

Когда же изъ разговоровъ выяснилось, что онъ ей приходится родственникомъ, хотя и очень отдаленнымъ, то ея радости не было границъ. Она заплакала, поцѣловала его въ лобъ и нѣжно говорила сквозь слезы:

— Вы мнѣ замѣните моего умершаго сына! Вы такъ похожи на него... Вы мой сынъ!..

Причина такой необыкновенно быстрой симпатіи нашла объясненіе у Сони.

— Вы, мама,—сказала она матери,—разсчитываете, что этотъ нашъ родственникъ не можетъ быть такимъ, какъ всѣ остальные только потому, что онъ—нашъ родственникъ. Всѣ происходящіе по прямой или боковой линіи отъ Бостельманъ должны быть людьми необыкновенными. Не правда ли? И поэтому вы довѣряете только ему одному...

— Да, Сонечка, ты—права!—согласилась мать со вздохомъ.—Еще никто изъ нашихъ, изъ нашей фамиліи, не запятналъ себя никакимъ злымъ или позорнымъ дѣломъ. А Вережкинъ? Посмотри, какъ онъ скромень, какъ тихо онъ говоритъ, никогда никакой неосторожной или двусмысленной шутки. А какъ онъ обращается съ тобой!.. Вотъ для тебя самый подходящій женихъ, не то, что тѣ, петербургскіе...

— Ничего не имѣю противъ него,—отвѣтила Соня.—Не думаю, однако, чтобы онъ былъ склоненъ исполнить ваше желаніе: у него, говорятъ, уже есть невѣста!

— Не можетъ быть! — въ испугѣ вскрикнула Бостельманъ.— Не можетъ быть. Это все сплетничаютъ. Вотъ возьму, да и спрошу у него самого. Узнаю навѣрное.

— Не надо, мама! Онъ можетъ подумать, что вы навязываете меня ему...

— Я знаю, что я дѣлаю. Будь спокойна. онъ ничего не подумаетъ, люди изъ нашей фамиліи не таковы. А какъ бы я этого хотѣла! Онъ былъ бы моимъ заступникомъ. У тебя былъ бы отличный мужъ, у меня другъ, сынъ... Я тогда перестала бы бояться...

Бостельманъ не стала дожидаться удобнаго случая и привела свое намѣреніе въ исполненіе, едва лишь Вережкинъ успѣлъ войти въ комнату послѣ происшедшаго разговора.

— Милый мой,—начала она, поднося платокъ къ глазамъ,—я такъ несчастна, такъ несчастна. Я—одинока, могу умереть. Что будетъ тогда съ моей Сонечкой?

— Почему вамъ приходятъ на умъ такія страшныя вещи?—спросилъ улыбаясь Веревкинъ.

— А развѣ я не могу умереть?—возразила она.—Всякій человѣкъ долженъ умереть. Не правда ли, мой дорогой другъ?

Веревкину оставалось только согласиться съ нею и вопросительно посмотреть на нее.

— Вотъ я и говорю,—продолжала она,—что мнѣ страшно за Сонечку. Что будетъ съ нею? Пока жива я, все хорошо: и Сонечка, и мой мальчикъ Володенька—все устроены... У Сонечки въ Петербургѣ женихъ былъ, да не захотѣли мы...

Веревкинъ весь обратился въ слухъ при этихъ словахъ, и это не ускользнуло отъ пронизательнаго взора Бостельманъ, которая умышленно замолчала.

— Я и не зналъ объ этомъ!—воскликнулъ Веревкинъ.—Кто же онъ, можно узнать?

— Отъ васъ у меня секретовъ нѣтъ: офицеръ одинъ, Бартоломей. Не захотѣли мы его...

Бостельманъ помолчала и продолжала украдкой слѣдить за Веревкинымъ.

— Не хорошіе нынче офицеры пошли,—замѣтила она.—Въ прежнія времена при Александрѣ Благословенномъ совсѣмъ другой народъ былъ: деликатные, вѣжливые, предупредительные, образованные. Нынѣшніе совсѣмъ не то...

— Позвольте поблагодарить васъ за такое мнѣніе!—улыбнулся Веревкинъ.

— Нѣтъ, я не про васъ. Вы сами—исключеніе!—поправилась Бостельманъ и хотѣла продолжать, но въ это время въ комнату вошла Соня. Мать недовольно поглядѣла на нее, и Соня, замѣтивъ этотъ взглядъ, весело разсмѣялась.

— Чему ты смѣешься, Сонечка?—спросила она смущенно и задвигалась на стулѣ.

Соня засмѣялась еще громче и закрыла лицо руками. Веревкинъ всталъ и отошелъ въ дальній уголъ комнаты.

— Перестань, Соня, это — неприлично! — сердито прошептала Бостельманъ, покраснѣвъ.

Соня открыла лицо и, едва удерживаясь отъ смѣха, проговорила, обращаясь къ Веревкину, который нервно крутилъ усы и издали наблюдалъ за сценой:

— Заявляю, что сейчасъ въ этой самой комнатѣ моя милая мамочка жаловалась вамъ на то, что я не устроена. И неужели вы не могли разубѣдить маму? Это съ вашей стороны очень дурно, вы должны были ей все рассказать...

— Что рассказать?—чуть ли не съ ужасомъ спросила Бостельманъ у Веревкина.

Верекинъ, красный, какъ ракъ, не зная, что съ собой дѣлать. Онъ стоялъ и молчалъ.

— Вы честный человѣкъ и скажете правду,—продолжала Соня, смотря на Верекина.—Правда ли, что у васъ уже есть невѣста? Только говорите одну правду...

— Сонечка! Какой срамъ! Что ты говоришь? Ты съ ума сошла!—закричала Бостельманъ.

— Говорите правду,—не унималась Соня.—Слышите ли: правду! Есть у васъ невѣста?

— Есть...—тихо произнесъ Верекинъ, и краска еще больше залила его лицо.

— Что я вамъ говорила, мама, сегодня?—сказала Соня.—Мама думала, что этотъ слухъ о васъ — простая сплетня. Теперь скажите мамѣ, кто ваша невѣста...

— Сонечка, но вѣдь это, право же, неприлично!—воскликнула Бостельманъ.

— Говорите, говорите, ужасный человѣкъ! — продолжала Соня, подойдя къ Верекину.—Говорите намъ сейчасъ, кто ваша невѣста!

— Вы...—прошепталъ Верекинъ, и видно было, что это стоило ему усилій.

Бостельманъ вскрикнула и опустила на кресло, устремивъ на Верекина и Соню неподвижный взглядъ своихъ круглыхъ сѣрыхъ глазъ.

— Какъ же это такъ?—зашептала Бостельманъ, оглядываясь вокругъ.—Когда же это?...

— Мапочка, милая,—воскликнула Соня, подбѣгая къ матери и обнимая ее:—все безъ тебя сдѣлалось. На прошлой недѣлѣ этотъ ужасный человѣкъ признался мнѣ въ любви и сдѣлалъ предложеніе. Я не хотѣла тебѣ объ этомъ говорить, пока не узнала твоего мнѣнія о немъ. Теперь... ужасный человѣкъ, просите у мамы прощенія!..

Верекинъ, улыбающійся, веселый, взволнованный, подошелъ къ Бостельманъ.

— Мой сынъ, мой дорогой, милый сынъ!—произнесла она, и ея глаза заволоклись слезами.—Мой милый сынъ!.. Зачѣмъ же вы до сихъ поръ молчали? Отчего же не сказали мнѣ? Какъ я рада, какъ рада! Лучшаго жениха для дочери я и не ждала!

Бостельманъ смѣялась и плакала отъ радости. Она встала съ кресла и обняла Верекина. Верекинъ былъ смущенъ и серьезенъ.

— Вотъ радость-то! Не ждала я этого! Да какъ вы скоро-то! Познакомились, и готово: влюблены! Молодооть, молодость... Всталъ бы покойный твой отецъ, поглядѣлъ бы. Вотъ обрадовался бы... Дѣти мои. вотъ успокоили, обрадовали старуху. Спасибо вамъ!..

Потомъ Бостельманъ узнала, что Веревкину уже все извѣстно изъ разказовъ Сони о Бартоломеѣ, объ ихъ житьѣ въ Петербургѣ. И она была счастлива...

Отходя ко сну, она молилась дольше обыкновеннаго и плакала, и когда Соня съ безпокойствомъ спросила ее о причинѣ ея слезъ, она сказала:

— Сонечка, да вѣдь какъ я рада-то!.. У насъ будетъ нашъ заступникъ. Я всего боялась, а теперь ничего не буду бояться. Даже о Бартоломеѣ безъ страха вспоминаю...

— А все-таки, мама, напрасно вы ему не написали о моемъ отказѣ,—сказала Соня, ложась въ постель.—Надо было бы отвѣтить ему на его предложеніе...

— Охъ, не нравится мнѣ онъ очень! Не люблю такихъ... Вздоръ... онъ пойметъ, что, если мы уѣхали, то, значить, его предложеніе не принято. Такъ, Сонечка?

Но Соня уже спала и не слышала вопроса матери...

V.

Поручикъ Щебальскій былъ еще въ постели, когда вдругъ услыхалъ надъ собою знакомый голосъ. Въ просонкахъ онъ не могъ дать себѣ отчета, и, только открывъ глаза, онъ увидалъ, что передъ нимъ стоитъ офицеръ.

— Бартоломей!—воскликнулъ Щебальскій.—Откуда ты явился? какъ ты здѣсь?

— Изъ Петербурга, въ отпускъ,—отвѣтилъ Бартоломей.—На силу отпустили. Я всего лишь на два дня пріѣхалъ. Дѣло одно у васъ въ Новгородѣ есть...

— У насъ въ Новгородѣ дѣла?—изумился Щебальскій.—Разсказывай, а я буду одѣваться!

Бартоломей быстро раздѣлся. Денщикъ принесъ ему кофе. Щебальскій все еще не вѣрилъ своимъ глазамъ и смѣшно поглядывалъ на Бартоломея.

Пріѣхавшій объяснилъ Щебальскому причину своего пріѣзда.

— Удивляюсь!—сказалъ Щебальскій.—Я всегда зналъ тебя за человѣка, любящаго свободу, а ты рѣшаешься на такой странный шагъ. И потомъ тащиться сюда изъ Петербурга, чтобы получить отвѣтъ на свое предложеніе. Ужасно мнѣ это странно. Уѣхали онѣ, ну, и говори: слава Богу, который спасъ тебя отъ неприятели бытъ связаннымъ... А ты... Я ничего не понимаю. Или ты просто продолжаешь дурачиться?

— Какъ тебѣ сказать?—отвѣтилъ Бартоломей:—прежде всего мнѣ нечего дѣлать, во-вторыхъ, Петербургъ надоѣлъ до тошноты, Мими испортилась и постарѣла до неузнаваемости, а тутъ и оскорбленное самолюбіе разыграло... Мнѣ отказали, и даже не отка-

залп, а взяли просто и уѣхали сюда. Теперь я приѣхалъ за отвѣтомъ. Получу отвѣтъ и обратно домой. Все-таки прогулка, новыя впечатлѣнія...

— Ты просто не знаешь, что съ собой дѣлать,—замѣтилъ Щебальскій.—Ну, если бы любовь тамъ или что нибудь похожее на любовь, а то вѣдь просто такъ, дурость...

— Не говори: здѣсь дѣло не безъ любви. Мнѣ нравится въ ней не ея красота, многія есть у меня на примѣтъ красивѣе ея... нѣтъ, не то. Но главное, что она не похожа на всѣхъ другихъ: умная, простая, образованная... Прекрасная дѣвушка. Во всякомъ случаѣ объяснить тебѣ цѣль своего приѣзда я не могу. Однако сегодня же надѣну парадную форму и отправлюсь къ Бостельманъ съ визитомъ. Разумѣется, попрошу отвѣта на свое предложеніе... Согласись, что не отвѣтить—все-таки свинство!..

Щебальскій пожалъ плечами и продолжалъ одѣваться при содѣйствіи денщика.

— Ты можешь быть вполне увѣреннымъ, что я всегда радъ тебя видѣть. Но мнѣ кажется, что всѣ вы, петербуржцы, слишкомъ избалованы удовольствіями. Попробовали бы вы пожить здѣсь у насъ немножко, вы не то заговорили бы... Чортъ знаетъ, ѣхать въ нашу трущобу, и неизвѣстно для чего. Во всякомъ случаѣ я радъ видѣть товарища... А у насъ тутъ много нашихъ, училищныхъ... Нѣкоторые изъ нихъ бываютъ у Бостельманъ... Помнишь Веревкина? Вотъ онъ всегдашній гость у нихъ... Ходятъ къ нимъ и другіе...

Разговоръ скоро перешелъ на другую тему. Бартоломей рассказывалъ Щебальскому о своихъ петербургскихъ происшествіяхъ, Щебальскій хохоталъ до слезъ...

Наконецъ пробило два часа, и Бартоломей надѣлъ на себя парадную форму.

— До свиданья,—сказалъ онъ,—пойду изводить невѣжку... Явлюсь къ старушкѣ и сведу ее съ ума... Она меня всегда побивалась. Когда я бывало къ нимъ приходилъ, то она старалась выпроводить меня поскорѣе... Пойду... Жди меня...

.....

Не прошло и получаса, какъ Бартоломей вернулся. Отъ душившаго смѣха онъ не могъ произнести ни слова. Много разъ онъ принимался говорить, но тотчасъ же заливался громкимъ хохотомъ, отъ котораго тряслось все его тѣло.

— Представь себѣ ужасъ этой старой чертовки, когда на порогѣ зала появилась моя личность. Она была одна въ комнатѣ, горничная стояла за мной. У нея затряслись губы, она поблѣднѣла и вскрикнула. Я, сохраняя на лицѣ полнѣйшее спокойствіе, отвѣсилъ ей низкій поклонъ и сказалъ...

Снова Бартоломей залился звонким хохотомъ. Глядя на него, смѣялся и Щебальскій.

— Я сказалъ ей: «Сударыня, вы забыли мнѣ дать отвѣтъ на мое предложеніе. Я пріѣхалъ за отвѣтомъ». И мои слова, и мой видъ показались ей не менѣе ужасными, какъ если бы предъ нею предстала смерть съ косою. Она закричала: «Маша, Поля, Дуня, Варя!» Сбѣжались всѣ дворовыя дѣвки, онѣ остановились предъ своей барыней и готовы были броситься на меня по первому мановенію ея руки. Я стоялъ въ почтительной позѣ и ждалъ отвѣта. вмѣсто того старуха оперлась на руки дѣвокъ и поспѣшно вышла изъ комнаты...

Бартоломей замолчалъ, чтобы перевести духъ, и вдругъ сталъ серьезнымъ.

— Потомъ вышла она, ея дочь,—продолжалъ онъ уже другимъ тономъ.—Такая серьезная, сосредоточенная и заявила мнѣ, что она очень сожалѣетъ, что не успѣли мнѣ своевременно дать отвѣтъ. Теперь она отвѣчаетъ, что не желаетъ связывать свою судьбу съ моею, что я могу отправляться въ Петербургъ безъ нея... Я поклонился и вышелъ... Но если бы ты видѣлъ фізіономію этой старухи!.. Такого комическаго зрѣлища мнѣ больше, вѣроятно, никогда не придется уже увидеть... А жаль, что мнѣ отказали. Она хорошая, чудная дѣвушка... Э-э... да все равно! Давай обѣдать! Вино есть? Слушай, дружище, если бы тебѣ когда нибудь захотѣлось посмѣяться, то попробуй поугатъ чѣмъ нибудь старуху эту, и ты посмѣешься вдосталь...

Какъ ни хотѣлось Бартоломею казаться веселымъ, Щебальскій все же замѣтилъ, что хохотъ пріятели былъ смѣшанъ съ чѣмъ-то другимъ. На другой день Бартоломей уѣхалъ...

VI.

Въ 1842 году весна началась рано. Мартъ только еще начинался, а улицы уже успѣли почернѣть, снѣгъ на поляхъ сталъ сѣрымъ и рыхлымъ. На саняхъ было уже трудно ѣздить.

Бостельманъ чувствовала себя спокойною, довольною. Свадьба ея дочери должна была состояться лѣтомъ. Жизнь въ Новгородѣ уже потеряла для нея свою прежнюю прелесть. Ей захотѣлось ѣхать въ имѣнье, на югъ Россіи, и тамъ встрѣтить распускающуюся весну.

Соня не хотѣла уѣзжать изъ Новгорода. По вечерамъ къ нимъ приходилъ Веревкинъ. Они читали, спорили, болтали. Въ деревнѣ же ей пришлось бы замкнуться, не видаться съ женихомъ, потерять общество...

Послѣ долгихъ совѣщаній было рѣшено, что Соня останется въ Новгородѣ до тѣхъ поръ, пока артиллерія не выступитъ въ лагерь.

Сама Бостельманъ со своимъ сыномъ, десятилѣтнимъ Володею, отправится въ пѣнье...

Отъѣздъ Бостельманъ былъ назначенъ на 11-е марта. Долго готовились къ нему, долго Бостельманъ вздыхала, говорила объ опасностяхъ пути, о тяжести разлуки съ дочерью, о прелести весенней жизни на югѣ. И въ концѣ концовъ Соня рѣшилась ѣхать съ матерью, тѣмъ болѣе, что Веревкинъ заручился согласіемъ начальства на отпущкѣ...

Наканунѣ отъѣзда Бостельманъ смѣялась, шутила надъ дочерью, но къ вечеру стала почему-то грустною, и когда Веревкинъ уходилъ домой, она его долго крестила...

— Не знаю, что это такое, Сонюшка!— сказала она послѣ его ухода.— Все, кажется, идетъ хорошо, а сердце мое чего-то ноетъ, болитъ, тоскуетъ... Никогда со мною этого не случилось... Боюсь, какъ бы чего не вышло...

— Ничего, мама! Все идетъ отлично!— возразила Соня. — Вы всегда всего боитесь...

Прошла ночь. Наступило свѣтлое, теплое утро ранней весны. У воротъ дома Бостельманъ стояли повозки. Около нихъ копошились люди, укладывая вещи...

Ровно въ десять часовъ утра изъ подъѣзда вышла сама Бостельманъ въ сопровожденіи Сони и Володи. Веревкина съ ними не было, такъ какъ онъ былъ дежурный и не могъ прійти проводить ихъ. Долго усаживалась Бостельманъ. Она ворчала на погоду, на кучеровъ, на лошадей, на прислугъ, на Соню... Наконецъ всѣ усѣлись... Бостельманъ перекрестилась и произнесла было уже: «трогай!», какъ вдругъ около нея очутился какой-то человѣкъ и, снимая шапку, проговорилъ:

— Виноватъ. Я съ порученіемъ отъ моего господина, поручика Бартоломея!..

— Что-о!..— вскрикнула Бостельманъ.— Отъ Бартоломея? Я уѣзжаю сейчасъ...

— Мой господинъ велѣлъ мнѣ спросить у васъ, когда онъ можетъ явиться къ вамъ.

— Явиться? ко мнѣ? Сонечка, что же это такое? Да какъ онъ смѣетъ? а? Сонечка!..

— Мой баринъ только что пріѣхалъ изъ столицы,— продолжалъ человѣкъ,— и желаетъ видѣть васъ. Что прикажете ему передать отъ васъ?

— Что? передать?— закричала Бостельманъ и вылѣзла изъ повозки.— Передайте ему, что я не желаю его видѣть. Такъ и передай. И когда бы онъ ни пришелъ, ни меня, ни моей дочери не будетъ дома. Понялъ? Ступай. Никогда! Такъ и передай!..

Человѣкъ поклонился и ушелъ... Бостельманъ только теперь пришла въ себя.

— Сонечка,—закричала она,—я не могу ѣхать... не могу. Выходи изъ повозки...

— Почему же, мама?—удивилась Соня.—Охота вамъ обращаться на него вниманіе!..

— Нѣтъ, нѣтъ... Ты не знаешь его... Мы поѣдемъ, а онъ догонитъ, нападетъ, отниметъ тебя, насильно увезетъ... Съ нами никого изъ мужчинъ нѣтъ... Развѣ на кучеровъ можно положиться? Я не поѣду, ни за что не поѣду. Лучше весь вѣкъ проживу тутъ, а не поѣду.

Соня вышла изъ повозки, выпрыгнувъ оттуда Володя, и всѣ пошли обратно домой.

Въ комнатахъ Бостельманъ сдѣлалось дурно. Приходъ человѣка отъ имени Бартоломея напугалъ ее. Она упала на диванъ, и когда ее привели въ себя, то у нея поднялся истеричный хохоть. Глядя на мать, ревѣлъ Володя, плакала Соня.

Соня догадалась послать за Веревкинымъ, чтобы просить его содѣйствія.

Веревкинъ засталъ все семейство въ слезахъ. Бостельманъ нѣсколько разъ принималась плакать, пока наконецъ могла рассказать все происшествіе...

— Не можетъ быть!—проговорилъ Веревкинъ, когда услышалъ рассказъ Бостельманъ.

— Я вамъ говорю!—кричала Бостельманъ.—Вотъ они, нынѣшніе офицеры... Это разбойники!

— Не можетъ этого быть,—настаивалъ Веревкинъ.—Бартоломей находится въ Петербургѣ...

— Какое тамъ въ Петербургѣ! и, вѣроятно, скоро онъ припожалуетъ сюда, къ намъ... Охъ, я несчастная, беззащитная... Отъ всякаго я должна терпѣть и сносить насмѣшки, дерзости, обиды... И некому заступиться за меня, бѣдную...

— Нѣтъ и нѣтъ: Бартоломей въ Петербургѣ... Это что-то странное. Не можетъ быть!..

— Замолчите, пожалуйста,—съ досадою проговорила Бостельманъ,—вы всему не вѣрите!

— Во всякомъ случаѣ, волноваться не изъ чего! — замѣтилъ успокоительно Веревкинъ.—Бартоломей вамъ не смѣетъ причинить непріятности...

— Да, не смѣетъ... Я поѣду, а онъ нападетъ на меня, отниметъ Соню... Нѣтъ, нѣтъ...

— Я самъ поѣду съ вами... поѣду безъ разрѣшенія, и все будетъ хорошо.

— Нѣтъ, нѣтъ... Что вы одинъ сдѣлать можете?—возражала Бостельманъ.—Не поѣду!

— Я вамъ дамъ провожатыхъ солдатъ, — предлагалъ Веревкинъ.—Они васъ будутъ сопровождать до тѣхъ поръ, пока вы не будете совѣмъ въ безопасности...

— Что вы, что вы!.. Онъ прикажетъ вашимъ солдатамъ отнять Сонечку, они не смѣютъ не слушаться... Ахъ, я несчастная... что я буду дѣлать?

— Тогда я пойду и наведу справки,—рѣшительно сказалъ Веревкинъ.—Даю вамъ слово, что Бартоломея въ Новгородѣ нѣтъ и не было сегодня...

— Дѣлайте, что хотите, а я не поѣду... Я не могу!—сказала Бостельманъ и продолжала плакать, причитывая и жалуясь на свою судьбу...

Веревкинъ и Соня отошли въ сторону. Соня была взволнована. Ее больше всего возмущала назойливость и наглость Бартоломея, возмущала до слезъ...

— Даю вамъ слово, что это—пустые слухи,—говорилъ Веревкинъ,—этого не можетъ быть. Я думаю пройтись по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ могъ остановиться, и разузнаю...

— Дѣлайте, какъ знаете,—отвѣтила Соня.—Но все-таки это—ужасная наглость!..

Веревкинъ вышелъ, а въ комнатахъ все еще слышался плачь Бостельманъ...

VII.

Веревкинъ прежде всего спустился внизъ и зашелъ на кухню Бостельманъ. Онъ созвалъ всѣхъ людей и сталъ производить имъ допросъ о примѣтахъ приходившаго человѣка.

— Я видалъ его, ваше благородіе!—сказалъ поваръ.—Я тутошній и всѣхъ тутошнихъ господъ знаю. Приходилъ человѣкъ отъ одного офицера здѣшняго... фамилію-то его не знаю... Онъ въ артиллеріи здѣсь служить... Живетъ онъ неподалеку...

— Бываетъ этотъ офицеръ здѣсь въ домѣ?—спросилъ Веревкинъ повара.

— Не видывалъ, никогда не видывалъ. Да вы позвольте мнѣ васъ проводить. Я показать ихній домъ могу, а вотъ фамиліи ихней не знаю...

Веревкинъ отправился вмѣстѣ съ поваромъ. Поваръ подвелъ его къ дому, гдѣ жилъ Щебальскій, пріятель Бартоломея, и вызвалъ къ воротамъ дворника.

Дворникъ сказалъ Веревкину, что поручикъ Щебальскій вчера цѣлый вечеръ пили съ товарищемъ и играли въ карты, что къ нему ни сегодня, ни вообще въ теченіе долгаго времени никто уже не пріѣзжалъ, что теперь онъ дома и спитъ.

Веревкинъ отпустилъ повара, а самъ отправился въ полицію, чтобы разузнать тамъ.

Въ полиціи ему сказали, что къ нимъ не поступало официальныхъ свѣдѣній о пріѣздѣ поручика Бартоломея, но вмѣстѣ съ тѣмъ заявили, что на официальные свѣдѣнія полагаться не слѣду-

еть, что онъ могъ еще не сообщить полиціи о своемъ прїѣздѣ, и что не мѣшало бы походить по постояннымъ дворамъ.

Вережкинъ такъ и сдѣлалъ: онъ добросовѣстно исходилъ Новгородъ въ разныхъ направленіяхъ, посѣтилъ и осмотрѣлъ всѣ постоянные дворы, разспрашивалъ, давалъ деньги, и всѣ эти хлопоты привели къ одному результату: Бартоломея въ Новгородѣ не было...

Успокоенный и довольный своими похождениями, Вережкинъ не отдыхая пришелъ къ Бостельманъ и рассказалъ ей о своихъ путешествіяхъ по постояннымъ дворамъ.

Бостельманъ какъ будто успокоилась: она перестала плакать, положила платокъ въ сторону, попросила ѣсть...

— Теперь вы спокойно можете ѣхать,—сказалъ Вережкинъ:— васъ никто не тронетъ...

При этихъ словахъ Бостельманъ снова заволновалась и заплакала...

— Ни за что, ни за что!—произнесла она испуганно.—Я такъ боюсь его!..

Вережкинъ, видя состояніе Бостельманъ, счелъ за лучшее уйти домой. Уходя онъ еще разъ спросилъ повара, и тотъ положительно удостовѣрилъ, что приходившій утромъ человѣкъ былъ кухарь поручика Щебальскаго.

Усталый, въ дурномъ расположеніи духа пришелъ Вережкинъ домой и легъ на кровать.

Для него не оставалось сомнѣній, что Бартоломея не было въ Новгородѣ, но понятъ происхожденія слуха о прїѣздѣ его онъ не могъ.

Когда стемнѣло, и на улицахъ зажгли фонари, Вережкинъ всталъ и отправился къ Щебальскому на квартиру. Со Щебальскимъ онъ былъ знакомъ давно, они вмѣстѣ учились въ школѣ, въ одно время были произведены въ офицеры.

Щебальскій былъ дома. Онъ сидѣлъ за столомъ, передъ нимъ стояла закуска, водка...

— Скучно жить,—проговорилъ Щебальскій, протягивая руку Вережкину и кивая головой на стоящую передъ нимъ бутылку.—И кому это нужно, чтобы мы стояли по такимъ страшнымъ трущобамъ, какъ этотъ Новгородъ?.. Ни общества, ни людей, ни удовольствій... Ну, и спиваются со скуки... А сколько самоубійствъ... Непостижимо!..

— Ты никогда не пиль!—сказалъ Вережкинъ.—Неужели ты не можешь устроиться здѣсь какънибудь поинтереснѣе?..

— Никакъ не хочу устраиваться,—отвѣтилъ Щебальскій.—Мнѣ все надоѣло, все опротивѣло, и если меня не уберутъ изъ этого логовища, то я способенъ руки на себя наложить отъ тоски и скуки... Отъ этого проклятаго чувства можно на что угодно рѣшиться, на самую гнусную штуку... Отвратительно...

— Ты дурно настроенъ,—сказалъ Веревкинъ.—Тебѣ надо про-
ѣхаться. Поѣзжай въ Питерь.

— Никуда не хочу,—равнодушно замѣтилъ Щебальскій.—
Чувствую, что становлюсь дуракомъ, тупѣю здѣсь... А отъ скуки
хочется что нибудь выкинуть... И кому нужно, чтобы молодые
люди нашего положенія ссылались въ труппы и умирали отъ
тоски?..

Веревкинъ не отвѣчалъ ему и все время подозрительно посмат-
ривалъ по сторонамъ.

— Говорятъ,—замѣтилъ онъ наконецъ,—что Бартоломей при-
ѣхалъ... Слышалъ?

Щебальскій улыбнулся и налилъ себѣ рюмку водки, не отвѣчая
на вопросъ.

— Мнѣ хотѣлось бы повидаться съ нимъ,—продолжалъ Верев-
кинъ.—У кого онъ остановился? Ты не знаешь?..

— Не знаю,—отозвался Щебальскій, все еще улыбаясь и не
глядя на Веревкина.

Веревкинъ замѣтилъ и эту улыбку, и этотъ странный тонъ
Щебальскаго. Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ, чувствуя, что
начинаетъ волноваться.

— Однако, ты долженъ былъ бы объ этомъ знать!—возразилъ
Веревкинъ, и въ его голосѣ послышалось нескрываемое раздра-
женіе.

— Почему ты такъ думаешь?—насмѣшливо спросилъ Щебаль-
скій, не оборачиваясь.

— Твой кучеръ былъ первымъ и послѣднимъ человѣкомъ,
который зналъ объ этомъ...

— Мой кучеръ?... Неужели? Вотъ не ожидалъ отъ него этого...
Ну, ну, рассказывай!..

— Ты, кажется, собираешься шутить?—проговорилъ Верев-
кинъ.—Я не хочу шутокъ. Твое поведеніе даетъ мнѣ почти увѣ-
ренность, что этотъ слухъ исходитъ отъ тебя...

— Довольно сильно сказано!—усмѣхнулся Щебальскій.—Не
представишь ли доказательствъ?

— Съ удовольствіемъ!—воскликнулъ Веревкинъ.—Прикажи по-
звать сюда твоего кучера, и мнѣ будетъ очень легко тебѣ дока-
зать, что я правъ...

— Мнѣ нравится твоя смѣлость... Твои предположенія пора-
жаютъ своею смѣлостью. Право!.. Давно ты сталъ такимъ смѣ-
лымъ, другъ мой?

— Повторяю, что я не расположенъ шутить, и мнѣ очень
хочется узнать, откуда твой человѣкъ могъ узнать о приѣздѣ
Бартоломея... Позволь мнѣ позвать его и спросить.

Щебальскій громко разсмѣялся и всталъ изъ-за стола. Онъ
попнатывался...

— Другъ мой,—сказалъ онъ,—позволь и мнѣ... не признавать за тобой права допрашивать моихъ людей. Точно также мнѣ кажется нѣсколько страннымъ твое отношеніе ко мнѣ: ты слишкомъ много принимаешь на себя. Ни мой кучеръ, ни я самъ не считаемъ тебя уполномоченнымъ задавать намъ вопросы, производить форменные допросы. Понялъ?

— Что ты хочешь сказать этимъ? — удивленно спросилъ Веревкинъ.

— Ничего другого, кромѣ того лишь, что я не признаю за тобой права дѣлать мнѣ или моему человѣку допросы; ничего другого, кромѣ того лишь, что ни я, ни мой кучеръ не обязаны отвѣчать тебѣ... У тебя не остается никакихъ сомнѣній о смыслѣ моихъ словъ?...

— Тогда ты мнѣ долженъ отвѣтить за это, какъ принято отвѣчать вообще...

— А теперь, когда ты заговорилъ уже инымъ тономъ, тогда я тебѣ откроюсь: кучера я послалъ самъ, послалъ самъ, самъ я... Ясно?

— Для чего ты это выдумалъ? Кто тебѣ далъ право? Я не понимаю...

— Я сдѣлалъ, что сдѣлалъ. Такъ хотѣлъ, и въ этомъ мое оправданіе... Тебѣ не нравится это? Но я тутъ не при чемъ. Мнѣ захотѣлось пошутить, посмѣяться. Я зналъ, что Бостельманъ не можетъ безъ содроганія слышать имени Бартоломея, мнѣ захотѣлось посмѣяться, и я посмѣялся... Надѣюсь, ни она, ни дочка ея не поѣхали?

Веревкинъ поблѣднѣлъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ Щебальскому.

— Это гадко, мерзко, это недостойно порядочнаго человѣка... Слышишь? Это гадко!

— Ты, кажется, забылся немножко... Вспомни, что ты говоришь со мной!..

— Да, это—отвратительно. Такъ порядочные люди не могутъ поступать!—продолжалъ Веревкинъ, теряя самообладаніе.—Какая мерзость!.. И это сдѣлалъ офицеръ... Онъ не достоинъ этого званія. Мерзко, гадко!..

Щебальскій вытянулъ шею и взвизгнулъ на всю комнату.

— Молчать!.. Я васъ заставлю молчать... Еще слово—вы будете за окномъ!..

— Недостойно порядочнаго человѣка, офицера... Какъ мерзко, гадко!..

— Василій!—закричалъ Щебальскій, и въ комнату вошелъ его лакей.—Подай поручику Веревкину шинель: они хотятъ уйти...

Съ этими словами Щебальскій вышелъ изъ комнаты... Лакей неподвижно стоялъ...

Возмущенный Веревкинъ не могъ сдерживаться: брань срывалась съ его губъ, и руки сжимались въ кулаки.

— Василій!—послышалось изъ сосѣдней комнаты, и лакей неслышно исчезъ изъ комнаты.

А Веревкинъ все еще стоялъ на мѣстѣ и громко кричалъ не переставая:

— Какая мерзость! Это—не офицеръ... Такъ дѣлаютъ не офицеры, а негодяи...

Потомъ вышелъ возбѣшенный Щебальскій и, схвативъ Веревкина за локти, вывелъ его въ переднюю.

— Какъ мерзко!—продолжалъ твердить Веревкинъ, не сопротивляясь и надѣвая шинель.—Я сочту долгомъ рассказать въ обществѣ офицеровъ, что представляетъ собою поручикъ Щебальскій... Такъ офицеры не поступаютъ!..

Возбѣшенный Веревкинъ направился къ дому Бостельманъ, уже погруженному въ мракъ.

VII.

На другой день утромъ поручикъ Щебальскій, вернувшись съ ученья, увидаль на столѣ записку. Онъ распечаталъ конвертъ и прочелъ:

«Надѣюсь, что вы не откажетесь дать мнѣ удовлетвореніе за тѣ поступки, которые совершены вами съ цѣлью оскорбить меня. Веревкинъ».

Онъ ожидалъ этого, и тѣмъ не менѣе коротенькая записка эта озадачила его. Онъ прочелъ ее нѣсколько разъ, повертѣлъ въ рукахъ и позвалъ лакея.

— Василій, подпоручикъ Эллерманъ вернулся?—спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ. Они еще не возвращались отъ начальства,—отвѣтилъ лакей.

— Когда вернется, попроси ихъ зайти ко мнѣ. Скажи—по важному дѣлу.

Подпоручикъ Эллерманъ пріѣхалъ въ Новгородъ въ отпускъ и остановился у Щебальскаго, своего стараго товарища по военному училищу. Молодой, жизнерадостный, онъ не могъ сидѣть дома и все время бѣгалъ по городу, то представляясь начальству, то дѣлая визиты своимъ безчисленнымъ знакомымъ.

Около полудня Эллерманъ пріѣхалъ домой и тотчасъ же явился къ Щебальскому.

— Тебѣ предстоитъ небольшое развлеченіе въ отпуску,—сказалъ ему Щебальскій,—я приглашаю тебя въ секунданты. Надѣюсь на твою любезность...

— О!.. съ величайшимъ удовольствіемъ!—воскликнулъ Эллерманъ и безъ дальнѣйшихъ предложеній сталъ говорить объ условіяхъ предстоящей дуэли.

— Прежде всего отправляйся къ Веревкину,—остановилъ его Щебальскій,—и спроси его относительно его секундантовъ. Потомъ возвращайся домой, и мы тогда обсудимъ. Да еще не забудь главную и основную обязанность всякаго секунданта: примирить противниковъ... Передай Веревкину, что я склоненъ покончить дѣло миромъ. Отправляйся!..

Эллерманъ заторопился, сталъ одѣваться особенно изысканно. Потомъ заявилъ:

— Думаю, что ты не сильно настаиваешь на примиреніи. Въ противномъ случаѣ тебѣ было бы удобнѣе просто извиниться... По моему мнѣнію, секундантъ вовсе не долженъ заниматься примиреніемъ. Совершенно лишняя вещь и очень щепетильная...

Щебальскій не далъ ему продолжать и оборвалъ его на полусловъ:

— Потрудись исполнять то, что тебѣ поручается!... Если же тебѣ не нравится мое порученіе, то тебѣ легко отказаться...

— Я только такъ, къ слову,—оправдывался Эллерманъ.—Я радъ все сдѣлать...

— Итакъ, отправляйся и предложи ему помириться,—сказалъ наставительно Щебальскій:—мнѣ было бы это пріятно, тѣмъ болѣе, что мы оба виноваты другъ предъ другомъ. Я даже готовъ извиниться, если онъ того захочетъ...

Эллерманъ, довольный затѣвующеюся исторіею, поѣхалъ къ Веревкину.

Веревкинъ очевидно ожидалъ пріѣзда секунданта: онъ былъ дома. И когда вошелъ Эллерманъ, онъ плотно затворилъ дверь и попросилъ Эллермана садиться.

Эллерманъ въ общихъ чертахъ передалъ согласіе Щебальскаго на дуэль, а также поставилъ Веревкина въ извѣстность, что его противникъ не прочь покончить дѣло миромъ и даже готовъ извиниться при надобности.

— Конечно, если бы наша ссора не кончилась такъ грубо, если бы вашъ довѣритель не позволилъ себѣ вывести меня изъ комнаты за локти, я, пожалуй, нашелъ бы возможнымъ помириться, но теперь я не могу...

На лицѣ Эллермана блеснуло истинное удовольствіе, и онъ быстро заговорилъ:

— Позвольте узнать, кто будетъ вашимъ повѣреннымъ въ этой дуэли?

— У меня никого еще нѣтъ,—отвѣтилъ Веревкинъ.—Дѣло секунданта, хотя и почетное, но отвѣтственное, и мнѣ не хотѣлось бы подвергать отвѣтственности кого бы то ни было изъ моихъ то-

варищей. Но разъ мой противникъ желаетъ драться въ присутствіи свидѣтелей, то мнѣ остается лишь обратиться къ вамъ же и просить вашего содѣйствія. Можетъ быть, вы окажете мнѣ честь имѣть васъ и моимъ секундантомъ. Я вполне полагаюсь на ваше безпристрастіе, а обычаи дуэли, насколько мнѣ извѣстно, не мѣшаютъ противникамъ имѣть одного общаго посредника. Я прошу васъ!...

Эллерманъ отвѣсилъ глубокій поклонъ и поблагодарилъ за честь. Потомъ разговоръ перешелъ на условія дуэли. Беревкинъ пожелалъ драться на пистолетахъ.

— Когда же вамъ хотѣлось бы устроить дуэль?—спросилъ Эллерманъ.

— Я понимаю,—отвѣтилъ Беревкинъ,— что въ дѣлахъ чести требуется извѣстная быстрота, и чѣмъ дуэль скорѣе совершится, тѣмъ лучше. Но все-таки я буду просить дать мнѣ срокъ до 22 марта. Дѣло въ томъ, что завтра уѣзжаетъ отсюда моя невѣста, и я долженъ ее проводить. Мнѣ дали отпускъ на 5 дней. Такимъ образомъ, въ воскресенье 22 марта я могу приступить къ выполнению дуэли...

Эллерманъ откланялся и поѣхалъ домой. Щебальскому было безразлично, когда будетъ дуэль. Поэтому онъ принялъ условія Беревкина и сталъ спокойно ждать.

— Смотри: до времени не болтай!—сказалъ онъ Эллерману.— Знаю я тебя. Наболтаешь и все можешь испортить. Пожалуйста, пока помолчи!..

— Ну, что ты, словно я не понимаю!—обиженно проговорилъ Эллерманъ.

Въ это самое время Беревкинъ былъ у Бостельманъ и успокаивалъ старуху.

Бостельманъ повѣрила Беревкину и рѣшила ѣхать. Соня не замѣчала въ женихѣ никакой перемѣны и весело болтала съ нимъ объ ихъ будущей жизни.

На другой день Бостельманъ спокойно уѣхала въ повозку вмѣстѣ съ Володей и горничной, въ другую повозку помѣстились Беревкинъ и Соня. И они поѣхали...

VIII.

Беревкинъ вернулся въ Новгородъ наканунѣ того дня, въ который должна была состояться дуэль, и не успѣлъ онъ еще отдохнуть, какъ ему доложили о приходѣ Эллермана.

— Мы должны сейчасъ окончательно условиться насчетъ завтрашней дуэли,—сказалъ Эллерманъ.—Вашъ противникъ предлагаетъ вамъ десять шаговъ дистанціи. Вмѣстѣ съ этимъ онъ отказывается отъ принадлежащаго ему, какъ вызванному, права на первый выстрѣлъ и проситъ васъ предоставить рѣшеніе этого во-

проса судьбѣ: онъ уполномочилъ меня кинуть жребій. Вы ничего не имѣете противъ?

— Пожалуйста!—согласился Веревкинъ, и тотчасъ же жребій былъ брошенъ, и первый выстрѣлъ достался Щебальскому.

Эллерманъ проговорилъ еще нѣсколько фразъ и поспѣшилъ уѣхать, добавивъ, что они будутъ его ждать за заставой въ 8 часовъ утра.

Веревкинъ, оставшись одинъ, сѣлъ писать письмо Сонѣ. Въ письмѣ онъ открылъ ей тайну о дуэли, рассказалъ, что произошло въ квартирѣ Щебальскаго.

«Буду надѣяться, что мое письмо придетъ къ тебѣ, когда я буду живъ и здоровъ!—такъ заканчивалъ онъ свое письмо.—Вѣрь, что иначе я поступить не могъ!»...

Потомъ онъ запечаталъ конвертъ и легъ спать. И, странное дѣло, сонъ быстро подошелъ къ нему.

Въ это же самое время на квартирѣ Щебальскаго происходило совѣщаніе.

Передъ Щебальскимъ стояли его кучеръ и лакей въ почтительныхъ позахъ.

— Помни, — приказывалъ Щебальскій кучеру, — къ четыремъ часамъ утра ты заложишь коляску и дрожки. На дрожкахъ поѣду я самъ, а ты съ коляской поѣдешь къ доктору, къ Алмазову. Скажешь ему, что у меня заболѣлъ мой товарищъ, который пріѣхалъ изъ Петербурга, и что его присутствіе необходимо. Когда онъ выйдетъ, то вези его за заставу... Знаешь, за Петербургской заставой Московское шоссе? Ну, вотъ и повезешь его по шоссе, къ шоссеинымъ казармамъ...

— А если спросятъ, чѣмъ больны, то что прикажете сказать?—спросилъ кучеръ.

— Скажи, что ногу вывихнули или руку сломали. . Чтонибудь въ родѣ этого. Ступай!..

Кучеръ ушелъ, а лакей сталъ доставать изъ комода чистое бѣлье для барина.

— Пистолеты достать прикажете или нѣтъ? — сказалъ лакей, подавая бѣлье.

Щебальскій вскинулъ на него глаза.

— Зачѣмъ пистолеты?—спросилъ онъ, хмуря брови.

— Извѣстно, для чего... стало быть... это такъ всегда дѣлается... извѣстно...

— Молчать!..—крикнулъ Щебальскій.—Ты знаешь много лишняго... Пошелъ вонъ!..

Лакей ушелъ. Щебальскій остался одинъ и погружился въ думы. За стѣной слышался сочный храпъ и сонныя Эллермана...

IX.

Утро 22-го марта выдалось холодное... Падалъ неприятный мокрый снѣгъ, дорога испортилась, ходили темныя тучи, дулъ рѣзкій вѣтеръ.

Дрожки, на которыхъ сидѣли Щебальскій и Эллерманъ, утопали въ грязи. Приходилось ѣхать шагомъ, а за городомъ, гдѣ еще лежалъ кое-гдѣ снѣгъ, лошадь съ трудомъ могла передвигать ноги.

Эллерманъ сердился и ворчалъ. Онъ не выспался. Щебальскій почему-то нервничалъ.

— Мнѣ кажется, что я ѣду совершать одно изъ наиболѣе глупыхъ дѣлъ, — проговорилъ онъ. — Впрочемъ, иначе и быть не можетъ: въ такое нелѣпное положеніе мы поставлены!..

— Ты можешь повернуть въ такомъ случаѣ, — недовольно проворчалъ Эллерманъ, — а я поѣду за тебя и извинюсь. Думаю, что онъ приметъ твое извиненіе...

— Ты ничего не понимаешь, — отозвался Щебальскій. — Теперь уже все кончено, и мнѣ осталось одно: ѣхать по этой проклятой дорогѣ и стрѣляться... Я не про то... Но дѣло гораздо серьезнѣе, чѣмъ тебѣ оно кажется... Представь себѣ: пришла одному человѣку въ голову дикая и глупая фантазія: дай, напугаю трусливую женщину! И онъ привелъ замыселъ въ исполненіе. Конечно, все это произошло не потому, что этотъ человѣкъ золь по природѣ или глупъ. Нѣтъ! Дѣлать ему нечего, кругомъ ни одного свѣжаго человѣка, весь городъ надоѣлъ, его жители пріѣлись, наскучили... нечего ему дѣлать, вотъ онъ съ пьяныхъ глазъ и выдумалъ глупую, нелѣпую шутку, напугалъ женщину. А потомъ пришелъ къ этому пьяному человѣку другой человѣкъ, выругалъ его за эту глупость, и по дѣломъ. Пьяный человѣкъ тоже отвѣтилъ бранью... и пошло. А теперь мы ѣдемъ съ тобой, и за мою затѣю будемъ отвѣчать втроемъ, а, можетъ быть, еще и доктору достанется. Глупо и глупо... И никакого другого воззрѣнія на свою глупость я имѣть не могу!..

Эллерманъ не отвѣчалъ: онъ плотно закутался въ шинель и дремалъ, покачиваясь въ стороны. Для него теперь было безразлично, куда и зачѣмъ они ѣдутъ: ему страшно хотѣлось спать, хотѣлось не трястись на дрожкахъ, хотѣлось, чтобы...

— Эллерманъ!.. выходи! — услыхалъ онъ надъ собой голосъ Щебальскаго.

Эллерманъ открылъ глаза, сошелъ съ дрожекъ. Щебальскій привязалъ лошадь къ одинокому дереву близъ дороги, оправился...

— Пріѣхали!.. — проговорилъ онъ. — Противникъ насъ давно дожидается... Уже 8 часовъ.

Они пошли въ сторону отъ дороги, къ тому мѣсту, гдѣ виднѣлись черныя силуэты безлистныхъ кустовъ. Не доходя нѣсколькихъ шаговъ, они замѣтили фигуру Веревкина...

Произошла неловкая встрѣча. Всѣ хотѣли казаться спокойными и равнодушными, до изысканности вѣжливыми... Эллерманъ провозгласилъ:

— Можно начинать!—и сталъ отмѣрять шагами десять шаговъ по изрытому полю.

— Господинъ посредникъ,—воскликнулъ Щебальскій,—я считаю себя въ правѣ просить васъ оказать мнѣ ваше содѣйствіе... Дѣло въ томъ, что я отказываюсь отъ перваго выстрѣла. Хотя вы и привезли мнѣ вчера результатъ брошеннаго вами жребія, но мнѣ хотѣлось бы теперь повторить еще разъ этотъ жребій уже въ моемъ присутствіи... Мнѣ это будетъ позволено или нѣтъ?

— Полагаю, что этотъ вопросъ уже разрѣшенъ,—сказалъ Эллерманъ.

— Я только обращаюсь къ вамъ съ просьбой оказать мнѣ содѣйствіе!—наставительно замѣтилъ Щебальскій съ раздраженіемъ въ голосѣ.—Потрудитесь передать мнѣ отвѣтъ!..

Эллерманъ пошептался съ Беревкинымъ. Тотъ кивнулъ головой и отошелъ на мѣсто.

— Вашъ противникъ согласенъ на ваше предложеніе,—произнесъ Эллерманъ, и вслѣдъ затѣмъ взялъ отъ Беревкина привезенные имъ пистолеты, вынулъ пули и одну изъ нихъ покусалъ зубами.—Покусанная пуля даетъ право перваго выстрѣла!—воскликнулъ онъ.

Потомъ онъ зажалъ пули въ рукахъ и подошелъ къ Щебальскому, говоря:

— Изъ какой руки вы желаете получить пулю?

— Изъ лѣвой!—отозвался Щебальскій.

Эллерманъ раскрылъ обѣ руки, посмотрѣлъ на пули и громко сказалъ:

— Право перваго выстрѣла принадлежитъ поручику Щебальскому!.. Становитесь, господа!..

Противники молчаливо встали по мѣстамъ. Эллерманъ зарядилъ пистолеты и подалъ ихъ дуэлистамъ. Затѣмъ онъ отошелъ въ сторону и скомандовалъ:

— Начинай!.. Разъ... два... три... Стрѣляйте!..

Щелкнулъ курокъ, раздался сухой звукъ выстрѣла... Беревкинъ грузно опустился на сырую землю. Эллерманъ быстро подбѣжалъ къ нему.

— Что съ вами? Вы ранены? Куда?

— Пустяки!—тихо отозвался Беревкинъ.—Пуля... въ животъ... Пустяки!..

— Стрѣляйте! стрѣляйте!—крикнулъ Щебальскій, не сходя съ мѣста.—Я жду вашего выстрѣла. Дуэль еще не кончена! Секундантъ, подавайте команду. Я жду выстрѣла!..

— Я раненъ!—тихо проговорилъ Веревкинъ, сѣясь подняться съ земли. — Я раненъ и больше стрѣляться не буду... Дуэль окончена...

Щебальскій кинулъ пистолетъ и подошелъ къ Веревкину то-ропливыми шагами.

— Извини меня!—сказалъ онъ.—Я извиняюсь. Надѣюсь, теперь ссора наша кончена...

— Кончена, — отозвался Веревкинъ,—я и ты, мы оба удовлетворены!..

Они протянули другъ другу руки. Эллерманъ сталъ бережно укладывать пистолеты...

— Вонъ и докторъ ѣдетъ!—крикнулъ Щебальскій, глядя на дорогу, по которой быстро неслась карета Щебальскаго.—Ты страдаешь? тебѣ больно?

— Пустяки! Не волнуйся... Приѣдетъ докторъ, сдѣлаетъ перевязку, и все пройдетъ...

Докторъ вышелъ изъ коляски. Лицо его выражало озабоченность, тревогу...

— Такъ я и зналъ, такъ и зналъ!—проговорилъ онъ.—Конечно, на дуэли дерутся. Господа офицеры прибѣгаютъ къ помощи полковыхъ докторовъ только въ случаяхъ дуэлей, въ другихъ случаяхъ они насъ не приглашаютъ... Ну, что тутъ у васъ? куда? въ животъ?

Докторъ сталъ быстро и ловко дѣлать перевязку. Щебальскій помогалъ ему.

— Просто ужасно, что теперь стало твориться!—говорилъ докторъ.—Какъ убили на дуэли двухъ великихъ писателей земли Русской, такъ на поединки какая-то мода пошла, всѣ словно озвѣрѣли, другъ на друга такъ и лѣзутъ съ пистолетами... Модники, модники!..

Веревкинъ ослабъ и не могъ двинуться. Его донесли до коляски и повезли домой.

— Ну-съ, а теперь съ докладомъ къ начальству!..—сказалъ докторъ Щебальскому.—И я буду очень радъ, если вамъ обоимъ попадетъ... и поздоровѣе бы...

— Ну, не каркайте!—улыбнулся Щебальскій и поѣхалъ домой съ Эллерманомъ...

Х.

Докторъ не рѣшилъ донести начальству о дуэли въ тотъ же день, когда она совершилась. Онъ боялся, что Веревкина тотчасъ же арестуютъ. Поэтому онъ отправился къ бригадному командиру только лишь на другой день утромъ.

Когда бригадный, полковникъ Философовъ, узналъ объ этомъ, онъ набросился на доктора, какъ будто онъ одинъ былъ виновникомъ этого происшествія.

Когда первая горячка затихла, онъ приказалъ позвать къ себѣ Эллермана, а затѣмъ донесъ по командѣ... Донесли государю, и дѣло пошло судебнымъ порядкомъ...

Суду были преданы Щебальскій, Веревкинъ и Эллерманъ. На этотъ разъ судебная машина заработала быстро, и прошло только четыре мѣсяца со дня дуэли, а дѣло уже было окончено, и результаты слѣдствія представлены государю.

Въ вопросѣ о наказаніи дуэлистамъ начальство дало противорѣчивыя мнѣнія. Судъ опредѣлилъ наказать всѣхъ троихъ лишеніемъ чиновъ, дворянства и разжаловать ихъ въ рядовые. Главный судъ оказался милостивѣе. Такъ онъ ходатайствовалъ предъ государемъ о томъ, чтобы Щебальскаго подвергнуть разжалованію въ рядовые (въ канониры), но безъ лишенія дворянскаго достоинства; что касается Веревкина, то судъ ходатайствовалъ о сохраненіи за нимъ офицерскаго званія и предлагалъ примѣнить къ нему, во-первыхъ, арестъ на гауптвахтѣ въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ, а, во-вторыхъ, перевести его въ отдѣльный кавказскій корпусъ; объ Эллерманѣ, какъ о посредникѣ въ дуэли, просили уменьшить наказаніе и назначить ему 2 мѣсяца гауптвахты съ переводомъ въ полевую артиллерію. вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалось обойти Веревкина и Эллермана одинъ разъ при производствѣ въ чины.

Николай I 9-го іюля 1842 года положилъ слѣдующую резолюцію на докладѣ:

«Быть по сему, но сверхъ того Щебальскаго продержатъ годъ въ казематѣ».

Такимъ образомъ, большее наказаніе выпало на долю главного виновника происшествія поручика Щебальскаго, тѣмъ болѣе, что заключеніе въ теченіе года въ казематѣ крѣпости было наиболѣе дѣйствительнымъ наказаніемъ, по сравненію со всѣми другими наказаніями, практиковавшимися въ разсматриваемую эпоху. Это показываетъ, насколько измѣнился взглядъ на наказуемость дуэлей, какъ преступленія.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о другихъ участникахъ этого происшествія: о госпожѣ Бостельманъ и ея дочери.

Соня получила письмо Веревкина, и ужасу ея не было границъ. Во всемъ она винила свою мать и никого другого. Потомъ она получила новое письмо, гдѣ Веревкинъ извѣщалъ ее о своей ранѣ и просилъ не беспокоиться. Но ей это было не по силамъ.

— Мама, мы виноваты во всемъ и должны ѣхать къ нему! — заявила она матери.

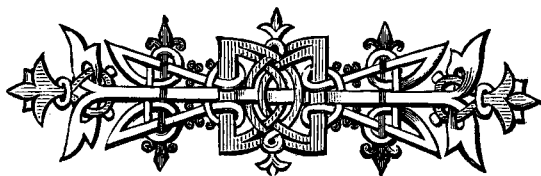
Бостельманъ запротестовала, но Соня настаивала, и въ маѣ онѣ снова поѣхали въ Новгородъ. Всю дорогу Бостельманъ боялась нападенія со стороны Бартоломея, и при вѣздѣ въ городъ она положительно объявила дочери:

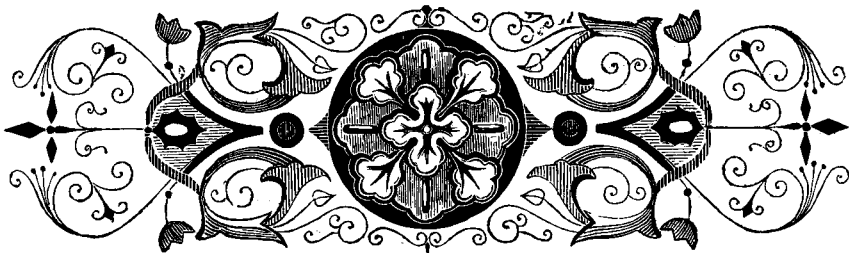
— Сонечка, ты говори, что хочешь, а я буду стоять на своемъ: всю эту кашу затѣялъ не Щебальскій, а Бартоломей... Я всегда боялась этого ужаснаго человѣка!..

Лѣтомъ Вережкинъ поправился, а черезъ годъ уже вышелъ въ отставку. Женился ли онъ на Сонечкѣ и сталъ ли управлять южнымъ имѣніемъ госпожи Бостельманъ, — объ этомъ мы не знаемъ ничего.

Н. И. Фалѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИСКАНИЕ ВОЖДЯ МИХАИЛА.

МЕРКАЛОСЬ, а до земскаго пункта, гдѣ я рассчитывалъ ночевать, надо было тащиться больше часа. Опасеніе, что ночная тьма захватитъ въ дорогѣ, беспокоило меня.

Однообразная картина убранныхъ полей давно приглядѣлась. Кое-гдѣ видѣлись площадки разложеннаго льна да несжатые полосы недозрѣвшаго овса. Холодное и дождливое лѣто сначала заботило землепашцевъ, но ясный и теплый сентябрь выручилъ ихъ: нѣкоторые овсы дожинали въ началѣ октября.

Военная мобилизація только слегка коснулась этого края: взяты были артиллеристы и немного лошадей.

Разспрашивать своего ямщика мнѣ было не о чемъ, да и онъ занятъ былъ постоянными понуканіями лошадей:

— Но, но! Гляди! но! вылѣзайте! — постоянно слышалось изъ его усть.

Эти покрикиванія очень характерны для здѣшняго края. Какъ ужасны, значить, дороги, если лошадямъ постоянно надо покрикивать: вылѣзайте! гляди!

Съ грустью оглядываешься назадъ, въ глубину временъ, и думаешь: тысячу лѣтъ жили русскіе на этомъ мѣстѣ, и никакого улучшенія въ дорогахъ! До сихъ поръ здѣсь полное бездорожье. Нельзя же назвать дорогою многочисленныя колеи по цѣлому грунту. Кто гдѣ хотѣлъ, тамъ и выбиралъ себѣ путь. Сидишь и все время опасаясь, какъ бы не треснуло что въ тарантасѣ.

Чтобы поспѣть засвѣтло на ночевку, ямщикъ старательно передергиваетъ вожжами и все время покрикиваетъ.

— Не очень гони лошадей, — сдерживаю его, — а то советѣмъ выбьются изъ силъ. Знаешь русскую поговорку: тише ѣдешь, — дальше будешь.

Ямщикъ пустилъ лошадей шагомъ и сталъ рассказывать:

— Прошлый годъ, вотъ въ это самое время, съ недѣлю будетъ послѣ Покрова, ѣхалъ я съ почтою на станцію. А стоялъ морозъ. Колеи мерзлыя, какъ каменные. Вдругъ треснула пополамъ передняя ось. Я отпрягъ пристяжную и поѣхалъ въ деревню, версты за двѣ. Взялъ у знакомаго мужика передокъ съ здоровой осью. Наладили и поѣхали дальше. Почтальонъ ругается, погоняетъ меня. Не поѣхали двухъ версты, — лопнула и вторая ось на передкѣ. Такъ взяли ужъ сани; на саняхъ и доѣхали до станціи. Часа три запоздали. Это справедливо: тише ѣдешь, — дальше будешь.

Воспоминанія заставили ямщика дальше рассказывать.

— Бѣдовый былъ этотъ почтальонъ! Я его боялся, какъ бы нечаянно не застрѣлилъ меня. Какъ выпьетъ, такъ и почнетъ играть револьверомъ.

— Какъ же его пьянаго пускали съ почтой?

— Выѣдетъ-то онъ трезвый, да на каждомъ пунктѣ, гдѣ смѣна лошадей, обязательно выставляли водки.

— Зачѣмъ же?

— Положеніе такое. Почтальонъ можетъ пожаловаться, что съ запозданіемъ пріѣхалъ. Вотъ хозяинъ и жалуется его водкой.

Разговоры сократили дорогу, и мы благополучно, хотя и шагомъ, добрались до большого торговаго села. Пунктовщикомъ оказался богатый крестьянинъ. У него я и остановился на ночь въ большой горницѣ. Двѣ стѣны отъ краснаго угла сплошь были покрыты большими образами въ серебряныхъ окладахъ. Передъ ними горѣли лампы. На другихъ стѣнахъ висѣли портреты русскихъ генераловъ текущей войны и большая картина — «Геройская защита Портъ-Артура».

На комодѣ, на этажеркѣ, на столахъ разставлены, какъ украшеніе, множество металлическихъ, фарфоровыхъ и стеклянныхъ вещей. На полкѣ рядъ большихъ книгъ, должно быть, духовнаго содержанія. На одномъ столѣ куча газетъ. Среди нихъ я замѣтилъ ежедневную московскую и «Русское Чтеніе» на желтой бумагѣ. Во всей обстановкѣ виденъ хорошій достатокъ хозяина.

Передъ сномъ я спросилъ себѣ молока и хлѣба и хотѣлъ пробѣжать газету, какъ приходитъ ко мнѣ хозяинъ дома и усаживается напротивъ меня. Свободная, самоувѣренная рѣчь, важное спокойствіе на лицѣ, тихія, но властныя приказанія домашнимъ, городского покроя пиджакъ, — все это говорило мнѣ, что предо мною сидитъ не простой пахарь. Узнавъ, что я изъ Петербурга, хозяинъ далъ замѣтить, что и онъ часто бываетъ въ обѣихъ столицахъ.

— Должно быть, торгуете тамъ? — догадываюсь я.

— Телятъ продаемъ. Мы скупаемъ ихъ здѣсь по деревнямъ и небольшими партіями отправляемъ то въ Москву, то въ Петербургъ.

На мои вопросы, какъ мнѣ казалось, онъ откровенно раскрывалъ свое дѣло, входя при объясненіи въ малѣйшія подробности. Я узналъ, наприимѣръ, что есть тенокъ въ пять рублей и такого же возраста—въ пятьдесятъ рублей. Въ Москвѣ большой спросъ на высшіе сорта телятины и дороже даютъ, но съ Петербургомъ пріятнѣе имѣть дѣла: аккуратнѣе платятъ.

Своими обстоятельными разсказами о торговлѣ онъ утомилъ меня. Да и послѣ цѣлдневной дороги въ трясуемъ тарантасѣ меня клонило ко сну. Чтобы остановить его лекціи о телятинѣ, я перебилъ его вопросомъ о войнѣ:

— Что слышно новенькаго? Больше мѣсяца, какъ я выѣхалъ изъ Петербурга,—замѣчаю ему.

Сперва онъ повторилъ газетныя извѣстія, а потомъ сталъ говорить о слухахъ въ Москвѣ:

— Передавали мнѣ наши купцы, что по Россіи расхаживаетъ странникъ Димитрій. Святой жизни онъ, настоящій рабъ Божій. Еще въ прошломъ году Димитрій предсказывалъ жестокою войну и говорилъ, что сперва будутъ больше минами сражаться. Лѣтомъ онъ опять появился среди нихъ и съ сокрушеніемъ сказывалъ, что земля наша переполнилась печестіемъ. Не могу, говоритъ, смотрѣть глазами на растлѣніе нравовъ; хочу уйти куда нибудь въ затворъ. Въ наказаніе намъ за грѣхи наши Господь послалъ войну; и еще нѣкое время японцы будутъ имѣть успѣхъ, пока не наполнится мѣра наказанія нашего. Теперь тамъ, на Дальнемъ Востокѣ, проливается кровь праведная въ искупленіе нечестія нашего. Но потомъ Господь обратится къ намъ и повернетъ наше оружіе на враговъ нашихъ, и смететъ ихъ въ короткое время. Вотъ и думаютъ въ Москвѣ, что столь ужасная мукденская битва—это послѣдняя очистительная жертва. Дальше мы будемъ уже гнать враговъ. Только вотъ все ищутъ среди полководцевъ князя Михаила.

— Какого Михаила?

— Развѣ вы не слышали, что защитникъ народа Божія есть князь Михаилъ, или Михаилъ архангелъ?

Я насторожилъ уши и вопросительно посмотрѣлъ на хозяина.

— Видно, вы этого не знаете. Я вамъ прочту сейчасъ, что говорится въ писаніи.

Онъ не торопясь поднялся, подошелъ къ полкѣ, взялъ съ нея крайнюю толстую книгу, степенно перекрестился предъ образами и медленно сталъ перелистывать, ища десятую главу пророка Даніила.

— Изъ всѣхъ пророковъ,—началъ опять хозяинъ,—я больше всего люблю Даніила. Онъ настоящій историкъ всѣхъ временъ. Ему по повелѣнію Господню являлся ангелъ и предсказывалъ все, что

случится на землѣ съ праведными и со всѣми людьми. Но вотъ однажды Даниилъ цѣлыхъ три недѣли постился и молился, пока не явился ангелъ, который сказалъ:

И хозяинъ мѣрнымъ голосомъ прочелъ мнѣ слѣдующія строки:

«Съ перваго дня слова твои услышаны, и я пришелъ бы по словамъ твоимъ, но князь царства Персидскаго стоялъ противъ меня двадцать одинъ день; но вотъ Михаилъ, одинъ изъ первыхъ князей, пришелъ помочь мнѣ, и я остался тамъ»...

— Слушайте дальше, что говоритъ ангелъ:

«Теперь я возвращусь, чтобы бороться съ княземъ Персидскимъ... и нѣтъ никого, кто поддерживалъ бы меня въ томъ, кромѣ Михаила, князя вашего».

— Объясните, пожалуйста,—говорю я ему,—какое же отношеніе имѣетъ это писаніе къ настоящей войнѣ?

— Какъ вы полагаете, откуда такая сила у человѣка, что онъ оставляетъ все—жену, дѣтей, имѣніе—и смѣло идетъ подъ пули на приступъ? Отчего это, когда теперь идетъ бой, то на громы пушекъ земныхъ отвѣчаютъ громы и молніи небесные? Мы-то видимъ брань земную, человѣческую, а въ то же самое время происходитъ борьба между духами. Тайнозритель Іоаннъ видитъ вотъ что: «И произошла на небѣ война: Михаилъ и ангелы его воевали противъ Дракона, и Драконъ и ангелы его воевали противъ нихъ, но не устояли». И небо и земля одновременно воюютъ.

— Нѣтъ, вы расскажите мнѣ,—прошу его,—какъ же это князя Михаила, или Михаила архангела, вы ищете въ нашей войнѣ съ Японіей?

Хозяинъ опять порылся въ Библии и открылъ книгу «Судей»

— Когда Сисара пришелъ на Израиля со своими желѣзными колесницами, то одна пророчица избрала предводителемъ еврейскаго народа Варака. Но Варакъ сказалъ ей: «если ты не пойдешь со мною, я не пойду. Я, говоритъ, не знаю дня, въ который пошлетъ Господь ангела со мною». Слышите! Чтобы побѣдить, мало полководца земного, надо еще предводителя и небеснаго. «Съ неба сражались», объясняетъ пророчица побѣду Варака. Такъ и теперь.

— Простите, перебью васъ. Вѣдь пророки говорили про свои времена, и небесный князь Михаилъ помогалъ Израилю до Рождества Христова. А вы хотите приурочить это къ настоящей войнѣ.

— Михаилъ архангелъ,—съ невозмутимымъ спокойствіемъ продолжалъ хозяинъ,—защититъ и новозавѣтнаго Израиля, то-есть, насъ, православныхъ. А Даниилъ говорилъ именно про послѣднія времена. Вотъ послушайте еще, что у него сказано: «И возстанетъ въ то время Михаилъ, князь великій, стоящій за сыновъ народа твоего; и наступитъ время тяжкое, какого не бывало съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди, до сего времени. А ты, Даниилъ, сокрой слова сіи и запечатай книгу сію до послѣдняго времени», то-

есть, до нашихъ лѣтъ. Вотъ теперь обратите вниманіе на русскую исторію. Въ тяжкія времена у насъ всегда являлись защитниками народа Михайлы. Когда поляки съ разными самозванцами нахлынули на Русскую землю, избавителемъ Москвы явился удивительный полководецъ, князь Михайлъ Скопинъ-Шуйскій. Да и вообще, послѣ смуты междуцарствія, защитникомъ и успокоителемъ Россіи явился избранный на царство Михайлъ Ѳеодоровичъ.

— Но вѣдь онъ не былъ воителемъ.

— Тогда прежде всего надо было успокоить шатаніе умовъ въ поискахъ царя. Но и защитникомъ государства онъ явился, когда осадилъ его въ Москвѣ Владиславъ со своими поляками. Другое тяжелое время для Россіи было во время нашествія Наполеона. И опять защитникомъ нашимъ явился князь Михайлъ Кутузовъ. Вотъ и въ настоящее время тяжелая война съ японцами. Быть можетъ, опять Господь пошлетъ защитника Михаила. По всему видно, наступили послѣднія времена, о которыхъ пророчествовалъ Даніиль. Почитайте газеты, какіе небывалые ужасы происходятъ на Дальнемъ Востокѣ. Чего еще ждать! Что прежнія войны! Ихъ и сравнить нельзя съ дяоянскими битвами. Тутъ цѣлый адъ разверзся, и силы Дракона временно затмили свѣтъ Божій. Но, погодите, пошлетъ Господь Своего архангела!

Сопоставленіе русскихъ князей-военачальниковъ съ пророческимъ княземъ Михаиломъ мнѣ очень понравилось. Но мнѣ хотѣлось знать, почему онъ связываетъ пророческаго Михаила съ архангеломъ.

— Скажите,—говорю ему,—какъ это небесные защитники являються среди смертныхъ людей и ведутъ съ ними войны?

— Да, очень просто! Если помните, царь ассирійскій Сеннахиримъ обложилъ Іерусалимъ и, казалось, вотъ-вотъ возьметъ его. Но ангелъ пришелъ въ его станъ ночью и поразилъ сто восемьдесятъ пять тысячъ.

— Слышалъ про это. Моръ, говорятъ, какой-то случился среди воиновъ,—они и умерли...

Хозяинъ укоризненно посмотрѣлъ на меня, зачѣмъ я ищу естественныхъ причинъ въ чудѣ Божіемъ.

— Хорошо, пусть это моръ,—съ удивительнымъ самообладаніемъ сталъ говорить онъ.—Но мы знаемъ другой примѣръ. Когда Израиль перешелъ Іорданъ, чтобы завоевать землю Ханаанскую, неожиданно явился къ Іисусу Навину воинъ съ обнаженнымъ мечомъ.

«Нашъ ли ты?»—спрашиваетъ его Іисусъ.

«Я вождь воинства Господня. Теперь пришелъ сюда. Сними обувь съ ногъ твоихъ, потому что мѣсто, на которомъ ты стоишь, свято».

— И этотъ ангелъ Господень научилъ Іисуса Навина обойти вокругъ Іерихона семь разъ. И стѣны города пали сами собой.

— Но, позвольте,—замѣчаю ему.—Вы упомянули двухъ русскихъ полководцевъ Михайловъ, но самый-то знаменитый, кажется, былъ Александръ. Вы забыли Суворова?

— Великій былъ полководецъ! Это вѣрно. Но ему приходилось больше завоевывать чужія земли, а не защищать свое отечество. Ужъ если кого вспомнить изъ турецкихъ войнъ, то, мнѣ кажется, это—Михаила Черняева, да еще другого Михаила—Бѣлаго генерала, Скобелева. Они, дѣйствительно, были защитниками славянскихъ народовъ. Вотъ я теперь внимательно слѣжу за именами русскихъ генераловъ. Вы не знаете, есть ли среди нихъ Михайлы?

— Не могу сказать. Фамиліи я многихъ знаю, но именъ не запомнилъ. Сейчасъ изъ отличившихся генераловъ, кажется, ни одинъ не носитъ имени Архангела-воителя. Вотъ у одного фамилія немного похожа на Михаила, да и генералъ этотъ проявилъ себя своею храбростью и умѣлымъ распоряженіемъ...

Хозяинъ молчалъ и на мое замѣчаніе ничего не возразилъ. Пробѣжавъ еще нѣсколько строкъ Библии, онъ закрылъ ее и отнесъ на полку.

Я задумался. Меня не столько поражали выводы крестьянина-философа, сколько стараніе русскаго человѣка въ малѣйшемъ шагѣ нашей жизни видѣть промысляющую о насъ руку Божію. Для него нѣтъ ничего случайнаго. Небо и земля, люди и ангелы, естественныя явленія и историческія событія—все это таинственно связано между собою, какъ одинъ цѣлый организмъ.

Какъ бы въ отвѣтъ на мои мысли, хозяинъ нараспѣвъ произнесъ: «Богъ намъ прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбехъ, обрѣтшихъ ны зѣло».

— Вамъ надо завтра рано вставать,—вдругъ рѣзко заключилъ онъ.—Спокойной ночи!

И вышелъ. Я поспѣшилъ лечь въ постель, но мои мысли долго еще носились среди историческихъ битвъ и знаменитыхъ полководцевъ, ища между ними Михайловъ.

Утромъ, записывая прогоны въ пунктовую книгу, я вынулъ деньги, чтобы заплатить за вчерашній ужинъ и за утренній завтракъ, но хозяинъ почтительно отклонилъ ихъ. Я понялъ, что предо мною стоялъ заправскій деревенскій богачъ.

— Сколько же стоитъ вашъ домъ?—полюбопытствовалъ я.

— Тысячъ десять, а съ крытымъ дворомъ и службами—не менѣе пятнадцати.

На приглашеніе хозяина осмотрѣть его я охотно согласился.

— Насъ—трое братьевъ, и всѣ семейные,—на ходу объяснялъ хозяинъ.—У каждого свои комнаты, но хозяйство общее. Живемъ, слава Богу, мирно, ладно.

Домъ двухъэтажный съ тонкою густою рѣзью по фасаду. Множество лѣстницъ, переходовъ, сѣней съ ларями и чуланами

соединяють жилия комнаты съ крытымъ дворомъ. Въ сущности самый дворъ представлялъ громадное зданіе съ сараями, амбарами, конюшнями и разными клѣтушками. Видно, домъ—полная чаша. У крыльца стояли для меня лошади, позвякивая бубенчиками. Съ добрыми пожеланіями хозяинъ помогъ мнѣ усѣсться въ тарантасъ, и мы простились.

— Богатъ твой хозяинъ?—спрашиваю я дорогой своего ямщика.

— Да, вотъ какъ богатъ: вотъ эти поля кругомъ и тотъ вонъ лѣсъ—все его! Немного подальше есть еще лѣсная дача. Каждый годъ сколько дровъ оттуда продаетъ!

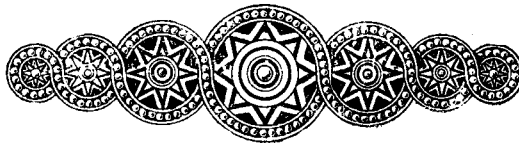
— Но вѣдь онъ телятами торгуетъ?

— Съ телятъ и разбогатѣлъ. Богатъ, а предобрый! Зря чело-
вѣка не обидитъ. Разсудительный,—что говорить! Я у него третій
годъ живу въ работникахъ,—худого слова никогда не слышалъ.

Опять предо мною потянулась осенняя картина сжатыхъ полей,
опять грязные ухабы и многочисленныя колеи. Опять понуканіе
лошадей:

— Но, гляди! Но, но! Вылѣзайте!...

Ив. Ювачевъ.

УБЪЖИЩЕ ИМЕНИ ПУШКИНА ДЛЯ ЛИТЕРАТОРОВЪ ВЪ ОДЕССѢ.

ВЫ УБЪЖАЕТЕ въ Одессу, въ Пушкинское убъжище?
— Убъжаю.

— Но вѣдь это хорошо для конченныхъ, для людей, которые не могутъ уже писать. У васъ же перо не выпало еще изъ рукъ.

— Не оспариваю. Но дѣло въ томъ, что жить литературнымъ трудомъ теперь мудрено. Пока идетъ война, публика интересуется однѣми телеграммами съ полей битвъ, одною политикою. Не могу же, по моей литературной совѣсти, сидя на Литейной, корреспондировать изъ Ляояна. При томъ же почти всѣ редакціи заполнены израилемъ... Сквозь эту назойливую и сомнительно талантливую толпу не протолкаться литературному работнику. Надо выждать. И вотъ я убъжаю въ Одессу, благо тамъ климатъ хорошій, и на благодатномъ югѣ буду сидѣть у Чернаго моря и ждать литературной погоды.

Такой разговоръ происходилъ у меня лѣтомъ 1904 года съ однимъ довольно извѣстнымъ литераторомъ. Онъ подумалъ минуту и согласился, что я поступаю правильно.

Въ началѣ сентября я былъ уже въ Одессѣ.

I.

Канатная улица, у Ботаническаго сада, на Среднемъ Фонтанѣ—таковъ адресъ Пушкинскаго убъжища въ Одессѣ. Но дѣло въ томъ, что въ Одессѣ нѣтъ ни Средняго Фонтана, на настоящаго Ботаническаго сада. Фонтаны Малый, Средній, Большой—только названія

мѣстностей, очень обширныхъ частей города, а Ботаническій садъ фактически вовсе не существуетъ. Въ концѣ Канатной улицы увидѣлъ я тощій, захирѣвшій питомникъ пожженныхъ солнцемъ акацій—и только.

Въ Одессѣ, на ласковомъ югѣ, все способствуетъ устройству Ботаническаго сада, а садъ этотъ, однако, только фикція.

«А что, если и убѣжище для инвалидовъ литературы тоже только фикція?»—подумалъ я, и сердце мое болѣзненно сжалось.

Надо, однако, отыскать это убѣжище Пушкина.

Спрашиваю прохожаго.

— А не скажу тебѣ!—отвѣтилъ малороссъ.

— Убѣжище Пушкина! Не слыхалъ о такомъ,—былъ отвѣтъ русскаго чиновника.

Мимо проходившій отецъ діаконъ сдѣлалъ глубокомысленную мину.

— И вы не слыхали?

— Не слыхалъ-съ. Такого у насъ въ Одессѣ нѣтъ.

Одинъ еврей догадался.

— Вамъ, вѣроятно, нуженъ домъ дешевыхъ квартиръ Когана? Идите все прямо. Онъ тамъ, въ концѣ улицы.

Но я усомнился, чтобы Пушкинское убѣжище и дешевыя квартиры Когана были одно и то же.

Пройдя еще съ версту я увидѣлъ, что Канатная улица оканчивается. Направо былъ пріютъ для преступниковъ, отбывшихъ наказаніе... Угрюмое, непривѣтливое зданіе, пустынное, безъ малѣйшихъ признаковъ обитаемости. Только по заросшему травой двору пробирались худыя, голодныя собаки. Налѣво высилось красивое похощее на виллу зданіе въ два этажа, съ громадными окнами, затѣйливымъ фронтономъ и балконами.

Зданіе это я съ перваго начала принялъ за загородную виллу какого нибудь банкира. Но, подойдя ближе, прочелъ на входныхъ дверяхъ надпись: «Буфетъ Чай, кофе, закуски».

— Нѣтъ. Это не то. Но гдѣ же убѣжище Пушкина, пріютъ для инвалидовъ мысли?

Пришлось идти въ обратномъ направленіи.

Навстрѣчу бѣжитъ почталіонъ, окруженный и преслѣдуемый лающими собаками. Странная и повсемѣстная особенность: собаки терпѣть не могутъ почталіоновъ.

— Любезный!—спрашиваю,—не знаешь ли, гдѣ домъ убѣжища имени Пушкина?

— Да вотъ же, налѣво, бѣлый домъ. Вы къ нему подходили.

— Но тамъ на вывѣскѣ стоитъ: «Буфетъ».

— Э! никакого буфета нѣтъ. Хотѣли устроить, да не выгорѣло...

Въ убѣжищѣ инвалидовъ мысли, и вдругъ хотѣли устроить буфетъ... г-мъ!... хорошо, что не выгорѣло.

II.

Просторный, чистый вестибюль, широкій, свѣтлый коридоръ съ десяткомъ дверей, очевидно, изъ камеръ призрѣваемыхъ, и широкая съ мраморными ступенями лѣстница во второй этажъ— вотъ что я увидѣлъ на первыхъ порахъ, войдя въ такъ называемое убѣжище имени Пушкина.

Царила мертвая тишина. Изъ оконъ виднѣлся садикъ, но совершенно пустой, хотя погода была теплая, и солнце ярко свѣтило и грѣло, какъ у насъ въ юлѣ.

Гдѣ же призрѣваемые инвалиды?

Смотрю: въ коридоръ вышелъ нѣкто, въ синей рубахѣ изъ крашенины, въ такихъ же портахъ, въ калошахъ на босу ногу, съ лицомъ далеко не интеллигентнымъ, лѣтъ тридцати, уперся ладонями въ бока и принялся меня осматривать, совсѣмъ ужъ безцеремонно, ворча что-то себѣ подъ носъ.

— Не замайте его. Постоитъ и уйдетъ,—пояснилъ мнѣ служитель, показывая рукою подняться во второй этажъ, гдѣ была квартира смотрителя.

— А кто это?—спрашиваю.— Глаза у него какіе-то странные.

— Призрѣваемый. Изъ наборщиковъ будетъ... Сидѣлъ въ больницѣ для сумасшедшихъ; выпустили, сюда вотъ попалъ.

— Опасный?

— Нѣтъ. Сердится все только, бормочетъ. А чтобы кого либо тронулъ—не случалось. Прежде ходилъ работать: набиралъ въ типографіи «Листка», а теперь не хочетъ, бросилъ, такъ слоняется. Я, говорить, не то что здѣсь, а во всей Одессѣ набольшій.

— Манія величія,—подумалъ я и поднялся на верхъ.

Нельзя сказать, чтобы у меня на душѣ стало покойно. Со мною пріѣхала больная жена, и вдругъ рядомъ окажется этакій странный сожитель-сосѣдъ. Встрѣчаться съ нимъ въ коридорахъ и столовой не совсѣмъ пріятно, особенно для женщины. Спокоенъ. Однако, сердится, ворчитъ, задираетъ. Ну, какъ да опалѣетъ?

Смотритель оказался даже черезчуръ любезнымъ и предупредительнымъ господиномъ. Небольшого роста, очень юркій, подвижной человѣчекъ, съ энергическимъ лицомъ и особеннымъ, крѣпкимъ взглядомъ зоркихъ бѣгающихъ глазъ. Онъ, какъ я послѣ узналъ, занимаетъ одновременно еще и мѣсто секретаря ремесленной управы. Управлять учрежденіемъ для ремесленниковъ и пріютомъ для литераторовъ какъ будто и не совмѣстимо. Но... и мнѣ вдругъ пришло на мысль: да полно, литераторы ли проживаютъ въ этомъ убѣжищѣ для инвалидовъ мысли? Можетъ, и здѣсь только сбившіеся съ пути ремесленники, не болѣе?

Послѣдствія показали, что я не ошибся, что жили въ этомъ якобы пріютѣ для литераторовъ и наборщики, и граверы, и слово-

литчики, и даже одинъ эксъ-разносчикъ газетъ... Жили машинистъ-печатникъ, вѣдавшій типографскую машину. Но этотъ умеръ. Умерло въ убѣжищѣ въ четыре года человекъ пять. Маленько.

Въ главной залѣ убѣжища, такъ называемой аудиторіи, прибита мраморная доска съ сентенціей изъ сочиненій Тургенева: «и у мысли есть свои инвалиды. Надо, чтобы и у нихъ былъ пріютъ». Золотыя слова. Но развѣ ремесленники—инвалиды мысли? Полу-помѣшанный наборщикъ какъ могъ попасть въ число литераторовъ, пожелавшихъ успокоиться на склонѣ дней? Непонятное что-то и болѣе чѣмъ странное.

Смотритель тревожно егозилъ, засматривая въ глаза; сообщилъ, что давно якобы ждали моего пріѣзда, и вдругъ предложилъ осмотрѣть заведеніе. Я, конечно, согласился.

III.

Домъ большой, обширный, свѣтлый. Во второмъ этажѣ помѣщается театральная зала съ очень маленькою сценою. Въ залѣ около семисотъ креселъ. Паркетъ, чистота, огромныя окна, электрическое освѣщеніе. Кромѣ того, имѣется фойе, уборныя для актеровъ. Очень все величественно. Сошли въ первый этажъ и осмотрѣли столовую. На столѣ стояли тарелочки съ кусками селедки и хлѣбомъ. Это завтракъ.

Нельзя сказать, чтобы сытный.

Такъ величественно и представительно по внѣшности это Пушкинское убѣжище и такъ голодно въ то же время.

На что здѣсь устроенъ театръ? Для кого? Пушкинское убѣжище—на дачныхъ мѣстахъ. Пустыня. Ночью ходить опасно. Кто пойдетъ? И театръ пустуетъ вотъ уже четыре года.

Далѣе видѣли библиотеку, читальню. Ставни тутъ почему-то закрыты. Темно. Въ библиотечныхъ шкафахъ сотни двѣ книгъ, все больше приложенія къ «Свѣту», «Нивѣ», «Родинѣ» и тому подобный балластъ. Каталога нѣтъ, а есть только довольно безтолково составленный инвентарь. Столъ въ читальнѣ и кресла для желающихъ читать имѣются, но читать нечего. Не получается ни одного изданія.

— Средствъ на выписку нѣтъ,—пояснилъ смотритель.

— Присылали бы бесплатно. Надо было только обратиться въ редакціи. Идея пріюта для литературныхъ стариковъ пользуется общимъ сочувствіемъ.

— Да. Но видите ли...—смотритель замялся:—Василій Васильевичъ (Навроцкій) не пожелалъ. Они, впрочемъ, присылаютъ шесть экземпляровъ своей газеты «Одесскій Листокъ».

— И охотно читаютъ?

— О, да. Здѣсь у насъ все больше бывшіе наборщики. А этотъ народъ «Листокъ» очень любитъ почитать.—Улыбаясь, смотритель, какъ бы конфиденціально, закончилъ, что другія изданія для большинства населенія убѣжища были бы, пожалуй, и не подходящія.

Этотъ «народъ» началъ показываться изъ своихъ келлій, очевидно движимый любопытствомъ. Вылѣзли два старика, согнутые буквально подъ прямымъ угломъ.

— Литераторы?—спрашиваю смотрителя.

— Да, немного... пописывали. Одинъ живописецъ, вывѣски писалъ. Теперь драму сочинилъ. Другой, говорятъ, ученый, написалъ книгу.

— Какую? о чемъ?

— А Богъ его знаетъ. Говорить: я написалъ; старичина этотъ репортерствовалъ, да очень ужъ давно, должно быть.

Этотъ «давно» репортерствовавшій былъ въ опоркахъ и грязныхъ онучахъ, вмѣсто чулокъ; панталоны, разстегнутые спереди, обмохрились, грудь обнажена. Старикъ безпрестанно жуется, едва передвигаетъ ноги и, кажется, плохо видитъ. Эксъ-маляръ вывѣсокъ гораздо бойчѣе. Но смотритель строго на него поглядѣлъ и даже отодвинулся. Старикъ былъ невообразимо грязень, отъ него даже дурно пахло...

— Бѣда съ нимъ, — услышалъ я поясненіе. — Въ номеръ не пускаетъ убирать, бѣлья не мѣняетъ, весь покрытъ насѣкомыми. По кровати, по стѣнамъ ползаютъ. Отвратительно.

— Но у васъ въ распоряженіи ванны,—замѣтилъ я.

— Куда тамъ! Я его разъ приневолилъ вымыться, такъ убѣжалъ изъ убѣжища и четыре мѣсяца пропадалъ. Онъ говоритъ, что нарочно насѣкомыхъ разводилъ. Ёсть ихъ. Сладки, увѣряетъ...

— Ненормальный онъ, выходитъ. Изъ категоріи такъ называемыхъ неопрятныхъ.

— Кто его знаетъ? По цѣлымъ днямъ сидитъ въ сосѣдней еврейской кухмистерской, пиво пьетъ. Я ужъ ему не позволяю ходить обѣдать въ столовую. Заразить другихъ насѣкомыми.

— Въ больницу бы надо этихъ бѣдныхъ стариковъ. За ними нужны опека, присмотръ, а здѣсь кто присмотритъ?

— Ну, здѣсь одинъ служитель. Некогда ему съ ними нянчиться. Докладывалъ Василию Васильевичу.

— Что же онъ?

— Да ничего. Некогда ему этимъ заниматься. У него на рукахъ теперь театръ и разныя театральныя неудачи... Пусть, говорить, живутъ себѣ, пока помрутъ.

Бѣдные старики!..

Собралъ свѣдѣнія объ остальныхъ обитателяхъ убѣжища.

Живутъ тутъ: одна бонна, эксъ-воспитательница дѣтей Брод—скаго, иностранка, съ русскою литературою ничего общаго не

имѣющая. Старичекъ-граверъ, поѣдающій черныхъ таракановъ «въ сыромъ и печеномъ видѣ», увѣряющій, что они очень вкусны и питательны. Съ голоду все, очевидно, покажется вкуснымъ и питательнымъ. Еще живутъ два гравера, люди безъ особыхъ отличій. Словолитчикъ, древній почтамтскій чиновникъ, пьющій запоемъ, болѣющій не то ракомъ, не то сифилисомъ. Лицо все въ ранахъ. Въ трезвомъ видѣ смиренъ. Смотрѣть на него страшно.

— Неужели нельзя его въ больницу?—спрашиваю.

— А кому объ этомъ позаботиться?

Докторовъ къ убѣжищу причислено цѣлыхъ пятеро, но они какъ будто не видятъ ни погибающихъ отъ ранъ, ни сумасшедшихъ...

Наборщики, жительствующие въ убѣжищѣ,—главный контингентъ населенія, и они довольны болѣе другихъ. Ходятъ по работамъ и кое-какъ сыты. Эксъ-разносчикъ газетъ, изъ евреевъ, слегка пощиваетъ и факторитъ, кому случится. Очень услужливъ.

— Но вы, пожалуйста, свой номеръ, уходя, запирайте,—предупредили меня.

— Ну, можетъ ли быть?—ужаснулся я.

— Всякаго народу тутъ насажено. Мы всегда запираемъ дверь. Бѣдное Пушкинское убѣжище!

— А литераторы, хотя бы и не высокой марки, неужели ихъ не было и нѣтъ въ Одесскомъ пріютѣ для инвалидовъ мысли?—спросить меня.

— Какъ не быть—были. Но участь ихъ оказалась довольно печальной. Ал—ловъ поссорился съ зрителемъ и убѣжалъ; нѣкій С—ца поссорился со зрительшей, упрекнувъ ее, что она его отравила полусырой котлетой, и былъ исключенъ. Зрительша сама увѣряла меня, что строптивый С—ца послѣ очень бѣдствовалъ, но Василій Васильевичъ не принялъ его обратно, не поощрилъ его строптивости.

Впередъ другимъ наука. Дисциплина прежде всего.

Въ числѣ пансіонеровъ убѣжища я засталъ еще двухъ литераторовъ. Пишутъ что-то, посылаютъ въ редакціи, копеечный гонораръ получаютъ... Да и получаютъ ли?—вотъ вопросъ. Трудно имъ вообще живется.

Одинъ отвелъ меня къ сторонкѣ и шепнулъ:

— Скверно и голодно здѣсь. А молчать надо—исключить могутъ.

IV.

При убѣжищѣ имѣется школа. Но туда зритель меня не повелъ. Какъ я узналъ позже, онъ съ учительницей находится въ очень натянутыхъ отношеніяхъ. Она осмѣлилась заявить, что мѣсяцъ голодала, но все же кушаній, приготовляемыхъ въ убѣ-

жищѣ, ѣсть не рѣшалась. Ей выдаютъ теперь деньгами ежемѣсячно 9 рублей, что, кажется, очень огорчаетъ зрителя.

На первый взглядъ, съ внѣшней стороны, убѣжище обставлено очень удовлетворительно. Показная сторона въ немъ составляетъ, кажется, все для администраціи. Но по существу въ убѣжищѣ не хватаетъ многихъ условий, необходимыхъ для сносной жизни. И планъ убѣжища и уставъ для него сочиняли люди, очевидно, непричастные къ литературѣ, не знающіе литераторовъ и ихъ потребностей.

Прежде всего номера малы и узки; это комнатки съ однимъ окномъ, похожія на стойла. Меблировка напоминаетъ арестантскія камеры; въ каждой желѣзная кровать, столъ, четыре деревянныхъ, жесткихъ стула, кукольный умывальникъ, даже безъ ведра. Ничего, что бы напоминало объ уютности, тѣмъ болѣе о комфортахъ. Очень чисто, но жить тяжело.

Убѣжище напоминаетъ распорядками и внѣшностію больницы и благотворительныя заведенія пресловутыхъ 40-хъ годовъ, въ которыхъ умирали и задыхались люди, но ревизующіе приходили въ восхищеніе отъ ихъ внѣшняго вида.

Не имѣя уютнаго уголка, инвалиды весь день валяются по кроватямъ и страшно скучаютъ отъ нечего дѣлать. Эти простые люди—наборщики, граверы, словолитчики и разносчики газетъ, осужденные на вѣчную праздность, слоняются, какъ тѣни. Неужели нельзя придумать для нихъ какихъ нибудь занятій?

Зачѣмъ въ убѣжищѣ театръ, на которомъ не играютъ, и въ который публика не поѣдетъ за отдаленностью? Не цѣлесообразнѣ ли было бы устроить мастерскія? Отвести часть огорода для воздѣлыванія? Въ мастерскихъ папирсы дѣлали бы, коробочки клеили; въ садикѣ овощи садили бы... А то двадцать четыре часа сна и скуки. Можно одурѣть.

Кромѣ хроническаго недоѣданія, почти голода, между обитателями убѣжища царитъ повальная нищета: девяти десятымъ не во что одѣться; нѣтъ рубашекъ, сапогъ. Этому администрація не отпускаетъ, а свои, что были,—износились. Холода въ Одессѣ не велики, но безъ теплаго платья все же обойтись мудрено.

Литераторы, какъ я уже сказалъ, что-то пишутъ, куда-то посылаютъ статьи. Остальные бѣдствуютъ. Кое-кто и поворовываетъ. Одинъ недавно поймалъ и перепродалъ чужую курицу; другой гдѣ-то темными путями добываетъ книги, телеграммы и торгуетъ ими.

А что подѣлать? Обѣдами, которыми распоряжается жена зрителя—толстая нѣмка, не проживешь. Какъ она кормитъ, какъ ужасно кормитъ! Но объ этомъ поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

Ужаснѣе и нетерпимѣе всего одиночныя камеры: шесть аршинъ длины и пять—ширины. У всѣхъ почти обитателей убѣжища

имѣются семейства, дѣти, родня, живущія на сторонѣ. Призрѣваемые изнываютъ въ условій привычнаго имъ быта; слетничаютъ, ругаютъ зрителя и понемногу облѣиваются, дичаютъ. Слегка психически разстроенные окончательно готовы спятить съ ума. На безпризорныхъ, опустившихся стариковъ жалко смотрѣть.

Странные люди эти инициаторы убѣжища. Они очевидно полагаютъ, что отработавшій свое литераторъ все едино, что отработавшій, испорченный локомотивъ: вдвинули его въ закрытое помѣщеніе— и вся недолга. Догнивай. Имъ казалось, очевидно, что надсмотрщикъ, граверъ (ремесленники), но и разносчики газетъ, машинистъ, могутъ составить одно общество съ инвалидами мысли.

Но вѣдь инвалиды мысли— люди развитые, связанные съ жизнью. И каково имъ, полуголоднымъ, сидѣть въ камерахъ въ почти арестантской обстановкѣ и... и иногда не имѣть возможности выйти за отсутствіемъ платья и обуви? Занятій никакихъ. Можете взять въ номеръ почитать книженку. Но какія же эти книжки? Читальня не функционируетъ. Разговоры съ сосѣдями совѣтовали мнѣ остерегаться. Сейчас передадутъ зрителю или его женѣ, что вы вольнодумствуете. Послѣдствія для разболтавшагося могутъ быть очень непріятны.

Регламентъ жизни въ убѣжищѣ до самыхъ послѣднихъ дней былъ очень суровый. Теперь (съ паденіемъ власти Василія Васильевича) его смягчили. Но сдвинутыя черныя брови зрителя и суровый видъ заправляющей хозяйствомъ его жены говорятъ, что прочности этого смягченія не очень-то слѣдуетъ довѣрять.

Онъ—недавній богдыханъ, этотъ Василій Васильевичъ, еще можетъ вернуться къ власти, и тогда...

Чуть не вчера въ убѣжищѣ въ 11-ть часовъ вечера всѣ обязаны были быть дома; въ 10-ть и теперь въ коридорахъ гасятъ лампы; входная дверь всегда на замкѣ. Желаете выйти погулять, ищите служителя, у котораго ключъ, и онъ васъ выпуститъ.

И это днемъ. Зачѣмъ? А жулики могутъ забраться, говорятъ. Что же грабить жуликамъ-то у нищихъ?

Мой Богъ, въ этикія рамки втиснуты тѣ, которые мыслили, писали, учили другихъ; тѣ, о которыхъ А. Н. Майковъ сказалъ, что они—какъ городъ, на горѣ стоящій.

Надъ приниженнымъ людомъ убѣжища царитъ (правильнѣе, царила) чья-то неугомонная, строгая ферула, выразителемъ которой былъ зритель, онъ же и секретарь ремесленной управы, едва ли окончившій даже гимназію.

V.

Но какъ же, спросите, сгруппировались въ убѣжищѣ люди разныхъ слоевъ и главное разныхъ привычекъ и уровней мышленія? Да очень просто.

Убѣжище, благодаря уставу, долгое время стояло пустымъ. Литераторы не шли... Не потому, чтобы инымъ не было надобности въ приютѣ, а потому, что сунувшіеся въ Одессу первыми выскочили изъ убѣжища, какъ ошпаренные. Тогда начали населять убѣжище кѣмъ попало. Брали преимущественно смиренныхъ.

Чѣмъ меньше кто будетъ имѣть правъ на названіе литературнаго труженика, на право жить въ убѣжищѣ, тѣмъ смиреннѣе будетъ вести себя. Протесты, однако, все же были и, какъ водится, всегда возникали на почвѣ голоданія. Писатель даже невысокой марки все же требуетъ пицци хотя бы нѣсколько отличной отъ мѣшанки, употребляемой для выкормки животныхъ изъ породы всеядныхъ; литераторъ непремѣнно волнуется, если строгій смотритель, войдя въ его камеру, начинаетъ распекать его за пролитую воду, за неубранную постель, за то, что лампа горѣла дольше указанного срока, и т. д.

— Къ чорту литераторовъ, въ такомъ случаѣ!

Рѣшили: наборщики, граверы, словолитчики, наконецъ, разносчики номеровъ «Листка» съ удобствомъ могутъ замѣнить въ убѣжищѣ недостающихъ литераторовъ и составить его населеніе. О, это—народъ самый удобный.

При томъ тутъ, какъ будто, и демократической идеей пахнетъ.

Если бы смотритель по субботамъ вздумалъ ихъ даже наказывать тѣлесно, повѣрьте: они и тогда бы не запротестовали. Только бы ихъ сносно кормили. Но и они запротестовали, когда ихъ начали вымаривать голодомъ. Въ кормежкѣ-то для нихъ и вся суть заключалась.

Посвящаю нѣсколько строкъ кормежкѣ инвалидовъ мысли и литературныхъ тружениковъ. На каждое лицо, призрѣваемое въ убѣжищѣ, выдается ежемѣсячно 9 рублей. Всѣхъ призрѣваемыхъ было при мнѣ 16. Слѣдуетъ добавить къ этому помощнику смотрителя. И того получится сумма 153 рубля. Три служителя, дворникъ, буфетчица, прачка и кухарка — всего семь человекъ. На каждого выдается смотрителю на руки 6 рублей, или 42 рубля въ мѣсяць.

Такимъ образомъ составляетъ мѣсячная сумма — 195 рублей, или по 6 рублей 50 коп. на каждый день. Кажется, можно бы кормить, если не изысканно, то сытно.

Теперь возьмемъ стоимость завтрака и обѣда.

Завтракъ: половина селедки (2 коп.), или гречневая размазня (3 коп.), или кусокъ хлѣба, помазанный ливерной колбасой (фунтъ 15 коп.), что во всякомъ случаѣ не превышаетъ 2 коп. Съ хлѣ-

бомъ завтракъ на каждаго такимъ образомъ обходится не дороже 5 коп., а на всѣхъ (17 призрѣваемыхъ и семеро прислуги) получимъ расходъ 1 рубль 20 коп. На обѣдъ куплено, напримѣръ, сегодня 7 фунтовъ мяса—70 коп., кочанъ капусты 8 коп., фунтъ рису 10 коп. Изъ этого матеріала: отрѣзано 2 фунта для стола смотрителя и его семьи, изъ остальныхъ 5 фунтовъ сваренъ супъ, заправленъ зеленью. Мясо разрѣзано на тоненькіе ломтики, не свыше 6-ти золотниковъ каждый (прислугѣ мясо не выдается), а остальной кусокъ искрошенъ, смѣшанъ съ рисовой кашей, обернутъ листьями капусты, облить соусомъ (мука и вода) и подъ названіемъ голубцовъ поданъ въ видѣ второго блюда. Всего на всѣ припасы къ обѣду израсходовано около рубля. Голодь это, или не голодь?—остаётся спросить. Все дѣло въ томъ, что упитанная смотрительша ведетъ хозяйство, а мужъ ея надзираетъ за правильностію. Кто же разсматриваетъ ихъ счеты? Но фактическаго контроля со стороны комитета нѣтъ и въ поминѣ. Приведу для характеристики анекдотъ.

Смотрительша все жалуется, что страдаетъ отъ полноты, отъ ожиренія.

— Никакія воды не помогаютъ,—говоритъ она.

— А вы пообѣдайте съ нами мѣсяць—и похудѣте,—говоритъ одинъ старичекъ.

Нѣмка мечетъ на дерзкаго молніеносные взгляды. При предсѣдательствѣ въ комитетѣ Василя Васильевича такая дерзость старичку даромъ бы не прошла. Но теперь убѣжище наканунѣ реформъ. Старичекъ это знаетъ, и смотрительша тоже знаетъ.

VI.

Смотритель имѣетъ квартиру въ четыре большихъ комнаты, лучшихъ въ заведеніи. Онъ и семья его на полномъ содержаніи за счетъ убѣжища. Если членъ комитета, заглянувъ случайно, скуки ради, въ убѣжище, почувствуетъ запахъ жареной утки, или цыпленка, увидитъ въ кухнѣ рыбу, или иное деликатное яство, пусть онъ не думаетъ наивно, что это смотрительша собирается подкормить свое голодное стадо инвалидовъ. Всѣ эти питательные элементы пойдутъ «на верхъ»—техническое названіе квартиры смотрителя. Изъ котла, въ которомъ варится супъ, для семьи смотрителя отливается, сколько потребуется, а чтобы оставшагося въ котлѣ хватило на 17 застольниковъ и семеро прислуги, сообразительно приказывается долить котелъ изъ самовара водой. И супу всегда всѣмъ хватаетъ. Остаётся даже для собакъ.

Смотритель появляется въ убѣжищѣ только утромъ, пока не уйдетъ въ ремесленную управу на службу. Обыкновенно онъ налетаетъ ураганомъ. Слышатся тогда крики:

— Канальи, разбойники, дармоѣды!...

Это онъ распекаетъ служителей. Тѣ, съ своей стороны, тоже не остаются въ долгу—огрызаются.

Затѣмъ дверь номера котораго нибудь изъ призрѣваемыхъ быстро отворяется. Зоркій взглядъ осматриваетъ камеру.

— Что это у васъ?

— Гдѣ?—трепетно спрашиваетъ обезоруженный строгостию труженникъ печати.

— Да здѣсь, на стѣнѣ, пятно.

— Брызнуло. Умывальникъ игрушечный, ведра нѣтъ.

— Ничего слышать не желаю. Не умѣете умываться съ умывальникомъ, отправляйтесь въ клозетъ и мойтесь надъ писуаромъ. Но стѣны обливать я не позволяю.

Выбѣжавъ изъ одного номера, смотритель бѣжитъ въ другой. Къ маляру-еврею заглядывать, однако, онъ не рѣшается: глухой старикъ золь и рѣшителенъ и сейчасъ вооружается палкой... Какія-то таинственныя отношенія мѣшаютъ строгому смотрителю быть съ нимъ строгимъ. Послѣ одиннадцати утра смотрителя уже никогда не бываетъ. Не синекура ли его должность? За что онъ получаетъ при полномъ содержаніи жалованья 600 рублей? Нашлись бы охотники, выше его по образованію и болѣе близкіе литературѣ, исполнять его немудреную должность за одну квартиру и содержаніе.

Что касается хозяйства, то, конечно, не обижая нѣмку-смотрительшу подозрѣніями (Боже мой, она чиста, какъ Аристидъ), но для избѣжанія отъ нареканій ей бы слѣдовало отъ завѣдыванія хозяйствомъ въ убѣжищѣ отказаться. Нанятая солидная помощница смотрителя повела бы его аккуратнѣе; смотритель могъ бы провѣрять счета, а то какъ провѣрять ему теперь свою жену? Какъ дѣлать выговоръ за израсходованный лишній рубль, когда самъ онъ, смотритель, только что за обѣдомъ скупалъ откормленнаго каплуна или прелестную камбалу?

Въ убѣжищѣ и теперь имѣется помощница смотрителя, но это молоденькая дѣвушка. Она ужасно боится своихъ начальниковъ, и весь день трепещетъ, или чиститъ и подшиваетъ подола, конечно, не свои.

VII.

Боже мой! Что же это такое?—задался я вопросомъ послѣ двухъ недѣль пребыванія въ убѣжищѣ. Деньги, привезенныя изъ Петербурга, были прожиты. Оба мы съ женою ходили ежедневно наѣдаться въ городъ. Въ октябрѣ погода стала портиться, ходить далеко, и средства истощаются.

Жена плачетъ и проситъ: уѣдемъ въ Петербургъ.

— Подожди.—говорю ей.—Поголодаемъ малость. Новый комитетъ все уладитъ.

— Уладить ли? Слухи ходятъ, что новый комитетъ сидитъ безъ средствъ и порѣшилъ ликвидировать убѣжище.

А что же съ нами будетъ?

На мостовую идите тогда, господа. Положеніе очень скверное. Одесситамъ, въ родномъ городѣ, тяжеленько придется, а намъ — изъ Петербурга (четверо такихъ) и совѣмъ крышка. Куда мы дѣнемся? На какія средства выберемся изъ Одессы?

Грустно констатировать приведенные мною факты. Идея устройства убѣжища для инвалидовъ мысли—благотворная идея. Публика ей безспорно симпатизировала. Доказательствомъ служитъ то, что въ необширномъ южномъ районѣ, въ особенности въ самой Одессѣ, на призывъ г. Навроцкаго, человѣка, далеко не знаменитаго заслугами и вовсе не изъ корифеевъ литературы, откликнулись многіе: онъ собралъ въ короткій срокъ не то сто тысячъ, не то сто тридцать пять тысячъ рублей.

Сколько именно собрано денегъ, для публики, дававшей деньги, осталось неизвѣстно.

Дума Одессы тоже отнеслась сочувственно къ симпатичной идеѣ и отвела болѣе тысячи квадратныхъ сажень земли по Канатной улицѣ. Самъ г. Навроцкій далъ всего 3.000 рублей... и забралъ, какъ инициаторъ, все дѣло въ свои руки.

Я отрицаю, чтобы тутъ на первомъ планѣ у него стояла реклама для его изданія. Вѣроятно, онъ искренно желалъ создать хорошее дѣло, даже не имѣя задней мысли, дабы въ скорости Одесса послѣ памятниковъ Пушкину, Ришелье, Ланжерону поставила памятникъ и ему, Навроцкому, издателю «Листка»; чтобы дума переименовала Канатную улицу въ улицу Навроцкаго. Онъ надсаживался на осуществленіи симпатичной идеи, но... проклятое «но»... Надо было только дѣйствовать коллегіально, а не единолично; не забывать, что деньги даны обществомъ, а вовсе не текутъ изъ кассы «Листка». Казалось бы, чего проще: устрой, вмѣсто дворцу подобныхъ палатъ, два обыкновенныхъ флигеля помѣстительныхъ и хозяйственныхъ: одинъ для литераторовъ — людей развитыхъ, мыслящихъ, привыкшихъ къ извѣстной пицѣ, обстановкѣ и условіямъ жизни культурныхъ людей, другой—для тружениковъ не печати, а только «печатнаго дѣла», что далеко не одно и то же. Тутъ ужъ должны были бы быть приняты другія требованія. Нельзя даже на короткое время смѣшать людей разнаго развитія и разныхъ привычекъ. Для женщинъ, на примѣръ, и въ вагонахъ III-го класса имѣются особыя отдѣленія. Когда поѣздъ переполненъ рабочими—очень хорошими людьми, но содержащими себя антисанитарно, скажите: легко ли интеллигентному человѣку проѣхать съ ними нѣсколько сотенъ верстъ, а въ убѣжищѣ, устроенномъ по плану г. Навроцкаго, такому интеллигенту, да еще и писателю, или женщинѣ, приходится жить годы, ѣсть и пить за однимъ столомъ,

купаться въ одной ваннѣ, пользоваться общею уборною не только съ простецами, а чуть ли не съ героями Горькаго.

Совсѣмъ несообразное дѣло.

Какъ могли инициаторы убѣжища не взять всего этого во вниманіе?

VIII.

Перехожу къ деньгамъ, собраннымъ съ общества. У Лермонтова въ поэмѣ «Казначейша» ветхозавѣтный казначей живетъ съ казенной суммой, какъ съ собственной казной. Кажется, такого взгляда придерживались и распорядители общественныхъ суммъ, собранныхъ на постройку убѣжища. Мы, Боже сохрани, не подозреваемъ злоупотребленій, но видимъ личный произволъ: такъ мнѣ нравится—и такъ будетъ. Такой принципъ практиковался, очевидно, при сооруженіи убѣжища и практикуется во всемъ.

Явился огромный домъ, двѣ трети котораго заняты ненужнымъ и неумѣстнымъ театромъ, фойе, уборными для актеровъ, школою, вовсе не относящеюся къ идеѣ убѣжища, читальней, библіотекою, даже и не функционирующими, квартирою для зрителя, огромнымъ вестибюлемъ, мѣстомъ, гдѣ долженъ былъ помѣщаться буфетъ-закусочная. Для помѣщенія призрѣваемыхъ, понятно, осталось немного мѣста: камеры вышли узкія; для семейныхъ выгадали всего три номера—по двѣ клѣтки. Никакой семьи помѣстить тамъ нельзя. Бѣдные писатели!.. Ихъ, очевидно, г. Навроцкій считалъ непомнящими родства, бродягами, одинокими бобылями.

Зрителемъ, т.-е. руководителемъ дѣлъ въ убѣжищѣ, опредѣленъ былъ свой человѣкъ—господинъ, воспитывавшійся у Навроцкихъ и работавшій въ его конторѣ. Мы не оспариваемъ, что онъ въ конторѣ «Листка» былъ не только хорошій, но даже золотой человѣкъ; что, какъ секретарь ремесленной управы, онъ превосходень, но у литераторовъ онъ оказался неудобнымъ. Супруга его взяла на себя хозяйство, и распорядилась четыре года безконтрольно. Голодуха вѣдрилась между несчастливцами, попавшими въ убѣжище. И всѣ жалобы оставались безъ послѣдствій. Это ужъ совсѣмъ не хорошо.

Регламентъ для убѣжища сочинилъ опять тотъ же всевластный смотритель. Уставъ жестокій... Для тюрьмы, для арестнаго дома онъ былъ бы подходящій, но не для инвалидовъ мысли. Новый комитетъ во многомъ смягчилъ регламентъ, излюбленный г. Навроцкимъ. Сущность его была: дисциплина. И не дыши...

На допущенную при постройкѣ убѣжища ненужную показную роскошь изведены всѣ собранныя деньги до копейки. Спрашивается: на какія же средства убѣжище будетъ существовать?

— Мы добудемъ, мы снова соберемъ средства,—отвѣтили легкомысленные распорядители денегъ, пожертвованныхъ обществомъ.

Искренни ли были такія заявленія?

Полагаемъ, нѣтъ. Четыре года протекли, и ничего не было собрано. Строительныя операціи кончились, изсякъ капиталъ, одновременно погасла и энергія инициаторовъ прекрасной мысли создать убѣжище для инвалидовъ печати.

Публика охладѣла къ убѣжищу, которое или стояло пустымъ, или заполнялось неподходящимъ народомъ, пожертвованія если и притекали, то въ такомъ размѣрѣ, что ихъ едва хватало на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ нуждъ. Да и странно было бы класть въ основаніе существованія убѣжища такую непрочную гарантію, какъ расчетъ на пожертвованія. И тутъ-то вдругъ появилось нѣчто болѣе, чѣмъ странное: г. Навроцкій внезапно отказался отъ руководства, не пожелалъ расхлебывать кашу, которую самъ же заварилъ.

Что за странность: точно онъ болѣе интересовался операціями постройки, сборомъ и расходами данныхъ обществомъ суммъ, чѣмъ существованіемъ самаго убѣжища? Мы не допускаемъ подобнаго толкованія, но люди подозрительные, пожалуй, съ нами не согласятся.

Новые распорядители заговорили сейчасъ же о ликвидаціи. Имъ, кажется, и дѣлать больше было нечего: дѣло являлось въ конецъ испорченнымъ.

А г. Навроцкій? Онъ играетъ теперь роль обиженнаго. Можетъ быть, онъ и дѣйствительно обиженъ и даже несправедливо. Но какъ же такъ: умытъ руки въ дѣлѣ, на которое онъ самъ затратилъ 135.000 рублей общественныхъ денегъ? Если вы затратили ихъ дѣльно, полезно, цѣлесообразно, то докажите это, докажите, что убѣжище дошло до ликвидаціи не по вашей винѣ; что вовсе не близкіе вашему сердцу надзиратель и его драконовскій регламентъ отпугивали изъ убѣжища литераторовъ и даже вызвали ропотъ въ смиренныхъ наборщикахъ, тунеядствовавшихъ въ убѣжищѣ, а всему виною стихія, стеченіе обстоятельствъ, нашествіе враговъ, моръ и трусъ. А если вы ошиблись (ошибки свойственны людямъ), то не слѣдъ честнымъ людямъ бѣжать отъ своихъ ошибокъ.

IX.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о самомъ процессѣ постройки убѣжища для инвалидовъ мысли.

На постройку и меблировку, по словамъ зрителя (онъ мнѣ лично говорилъ), израсходовано 106 тысячъ. Другіе говорили, что собрано было 135.000 рублей.

Кто и гдѣ записывалъ суммы пожертвованій?

Г. Навроцкій принималъ всѣ пожертвованія. Самъ редакторъ-издатель газетки, онъ долженъ былъ знать, что общество, давав-

шее деньги, имѣть право знать подробно цифры прихода и расхода. Говорятъ, онъ представлялъ какіе-то отчеты въ Литературный Фондъ. Но это далеко не все: надо было напечатать подробный отчетъ. Общество имѣло право ожидать этого. Пойдемъ дальше. Постройка велась хозяйственнымъ способомъ. Наблюдали архитекторъ за технической частью (выполнена хорошо) и за хозяйствомъ—то же лицо, которое потомъ явилось полномочнымъ смотрителемъ, а его супруга—завѣдывающею хозяйствомъ. И тутъ мы, пока, не видимъ еще ничего дурного. Былъ какой-то строительный комитетъ, въ дѣло вовсе не мѣшавшійся. Наемъ рабочихъ, покушку матеріаловъ и прочее вѣдалъ довѣренный г. Навроцкаго и ему отдавалъ отчетъ. Расходование суммы болѣе чѣмъ въ сто тысячъ рублей велось какъ-то по-домашнему. Не было никакихъ злоупотребленій... Я и не вѣрю въ злоупотребленія; но не могу согласиться, чтобы хозяйственная постройка и многотысячные расходы обошлись безъ крупныхъ промаховъ. Не могу также признать правильнымъ обычаемъ: «жить съ казенной суммой, какъ съ собственной казной».

Даже если бы всѣ расходы г. Навроцкій производилъ изъ кассы «Листка», и тогда, строя общественное заведеніе, ему слѣдовало строго оформить отчетность. Хозяйственный способъ постройки хорошъ, но только тогда, когда коллегія лицъ, удостоенныхъ не личнаго довѣрія г. Навроцкаго, а всего общества, ведетъ дѣло. Ничего подобнаго при постройкѣ Пушкинскаго убѣжища не практиковалось. Общество имѣетъ право быть недовольнымъ. Мы констатировали здѣсь мнѣнія многихъ одесситовъ, но готовы взять слова наши обратно, если г. Навроцкій докажетъ правильность веденія постройки убѣжища, но едва ли онъ сможетъ это сдѣлать.

— Но я, я одинъ собралъ эти тысячи. Безъ моей инициативы ихъ бы не было,—скажетъ В. В. Навроцкій.

Тутъ только часть правды.

Деньги собрала симпатичная идея: дать пріютъ инвалидамъ мысли. Заслуги за г. Навроцкимъ имѣются, но... но зачѣмъ же все приписывать лично себѣ и всѣмъ одному распоряжаться? Постройка окончилась, убѣжище стоитъ пустымъ, населяется затѣмъ ремесленниками, почти не имѣющими отношенія къ литературѣ, старцами, требующими помѣщенія въ больницѣ и богадѣльнѣ: психически разстроенные зачѣмъ-то попадаютъ въ пріютъ. Доходитъ до того, что нѣкто, продавъ собственную типографію, просится въ Пушкинское убѣжище—и попадаетъ пансіонеромъ, разносчикъ номеровъ газетъ—тоже пансіонеръ. Литераторы бѣгутъ отъ голодухи и невозможныхъ порядковъ.

Два съ половиною года происходятъ неурядицы. Всѣ жалуются... Но въ отвѣтъ жалобщику получается одно: тише, мол-

чать, а не то — пошли вонъ. Г. Навроцкій упорно думаетъ, что убѣжище—его собственность, кому онъ вѣрить—тотъ и хорошъ.

Черезъ два съ половиною года представленъ наконецъ въ Литературный Фондъ отчетъ о постройкѣ, счетъ на матеріалы, по уплатамъ и прочее. Отчеты безъ разсмотрѣнія валяются мѣсяцевъ шесть и возвращаются къ смотрителю убѣжища обратно. Какъ ихъ разсматривать? Кто ихъ провѣрить можетъ? Спусти дѣло, въ дѣлѣ по малину не ходятъ.

Члены Фонда не могли сами все провѣрять. Нанять бухгалтера? Но съ какой цѣлью: отыскать переплаты, неправильности... Это черезъ два-то съ половиною года. Злоупотребленій не было. Сплетнямъ нельзя вѣрить, но дѣло ведено неправильно. Много общественныхъ денегъ пропало безъ пользы; мелкіе людишки, разумѣется, грѣли руки. Прекрасная идея дискредитирована надолго. Общественныя пожертвованія не принесли пользы. А причина всего этого? Самолюбіе и самомнѣніе.

Прибывъ въ Одессу и поступивъ въ убѣжище, я счелъ долгомъ быть у г. Навроцкаго, какъ у инициатора всего дѣла. Вотъ какъ онъ обошелся со мной, а вѣдь передъ нимъ стоялъ не мальчикъ, а старый писатель, не покладавшій пера въ теченіе 40 лѣтъ, сочиненія котораго замѣчали критики.

Г. Навроцкій, наружностью очень похожій на еврея, встрѣтилъ меня свысока и, подавъ два пальца, спросилъ:

— Пріѣхали?

— Да, говорю, пріѣхалъ.

— Съ женою?

— Съ женою, оба мы пріѣхали.

— Гм... что скажете?

— О многомъ хотѣлъ бы говорить.

Вскинулъ на меня глазами, нахмурился и произнесъ:

— Ну-съ, извините. У меня дѣла. Какънибудь еще зайдите...

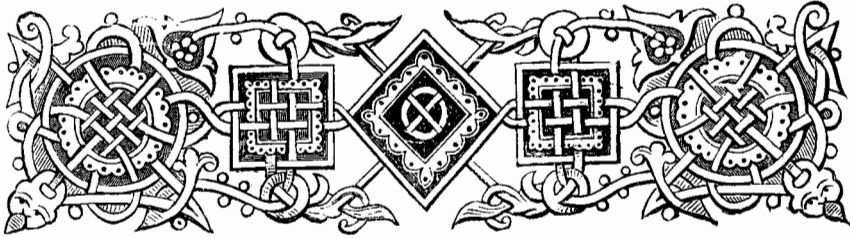
Конечно, я не зашелъ.

Извольте съ такимъ господиномъ говорить о томъ, что вы полагали бы нужнымъ въ убѣжищѣ.

Но кто же онъ самъ, такой высокомерный съ ветеранами прессы? Не больше, какъ ловкій издатель уличнаго листка, успѣвшій разбогатѣть и едва ли крѣпко связанный какими либо узами съ литературою.

Новый комитетъ устранилъ прежняго смотрителя. Теперь, кажется, сносно. Но двое сумасшедшихъ, двое старцевъ, челоуѣкъ, съѣдаемый ракомъ,—остаются въ убѣжищѣ. Граверы, словолитчики, наборщики, разныя бонны и просто эксъ-разносчики газеты продолжаютъ играть роли тружениковъ пера.

С. С. Окрейцъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ Д. Л. МОРДОВЦЕВА.

(По поводу ея пятидесятилѣтія).

I.

ВЪ ДЕКАБРѢ минувшаго года исполнилось 50 лѣтъ литературной дѣятельности Данила Лукича Мордовцева, чьи беллетристическія произведенія такъ часто въ свое время украшали страницы «Историческаго Вѣстника», и который пользуется, преимущественно какъ романистъ-историкъ, широкой извѣстностью среди русскихъ читателей. Когда справляешься по каталогамъ и отчетамъ провинціальныхъ библиотекъ и читаленъ, то выясняется, что спросъ на произведенія Д. Л. Мордовцева идетъ непрерывно и занимаетъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ. Можно съ очевидностью полагать, что этому спросу еще долго не суждено будетъ оскудѣвать, и маститый писатель и для грядущихъ поколѣній будетъ всегда занимательнымъ и поучительнымъ бытописателемъ преимущественно тревожныхъ судебъ русскаго народа. Онъ, какъ немногіе изъ современныхъ писателей, заслуживаетъ вниманія не только читателей, но и критики, которая, какъ это ни странно, въ общемъ занималась, однако, авторомъ «Идеалистовъ и реалистовъ» и «Великаго раскола» очень немного и сплошь и рядомъ обходила его произведенія или глубокимъ молчаніемъ, или поверхностными и бѣглыми

замѣтками. Гораздо чаще эта критика встрѣчалась съ нимъ на поприщѣ журнальной полемики по вопросамъ дня или по политическимъ «оказіямъ», главнѣйше въ области малороссійскаго вопроса, коего онъ въ послѣднія два десятилѣтія считается самымъ виднымъ и компетентнымъ въ нашей литературѣ представителемъ и, пожалуй, вожакомъ.

Спорить и полемизировать по общественнымъ вопросамъ съ идейною подкладкою, какъ извѣстно, гораздо легче, нежели подходить къ произведеніямъ авторовъ съ мѣркою безпристрастной и строгой критики, особенно, вдобавокъ, если отъ этой критики требуется не поверхностный «психологическій» анализъ или «философское» словоизверженіе, а наличность фактическаго историческаго знанія. Не секретъ для читателей, что вообще историческая критика — отрасль довольно слабая въ нашей литературѣ, а эта критика еще примѣнительно къ исторической беллетристикѣ и совсѣмъ почти отсутствуетъ. Специалисты-историки относятся нѣсколько свысока къ области беллетристическаго вымысла, не находя здѣсь той академической премудрости, съ которою привыкли оперировать, а отечественные Брандесы по части историческаго знанія въ большинствѣ, если не повально, народъ легковѣрный. Отношеніе со стороны критики къ «Войнѣ и миру» Льва Толстого тутъ въ счетъ итти не можетъ: ее притягивалъ къ этому гениальному творенію не столько его историзмъ, сколько бытовая сторона и та широкая философская перспектива, которая раскрывается передъ читателемъ въ каждой части и чуть ли не въ каждой главѣ. Что же касается такъ называемыхъ «Вальтеръ-Скоттовъ отечественнаго Парнасса», то ихъ наша критика по указаннымъ выше причинамъ обходила почти сплошь молчаніемъ. Г. Скабичевскій въ свое время началъ серію интересныхъ очерковъ подъ заглавіемъ: «Нашъ историческій романъ въ его прошломъ и настоящемъ», но ограничился лишь критикою исторической беллетристики въ ея прошломъ, закончивъ свое разсмотрѣніе произведеніями 1830—1840 годовъ; г. Головинъ въ специальной книгѣ, посвященной исторіи русскаго романа: «Русскій романъ и русское общество», хотя и выступилъ въ XXI главѣ съ обѣщаніемъ поговорить и объ историческомъ романѣ, но только бѣгло и поверхностно затронулъ своимъ милостивымъ вниманіемъ. Тотъ же г. Скабичевскій, удѣлившій въ своей исторіи «Новѣйшей русской литературы» такъ много мѣста, напримѣръ, разнымъ народникамъ-беллетристамъ, не нашелъ что основательно сказать о г. Мордовцевѣ, какъ историческомъ романистѣ и, симпатизируя почтенному беллетристу по существу идей, въ своемъ резолютивномъ приговорѣ оказался безпощаденъ, аттестовавъ его слѣдующимъ образомъ: «Нельзя отказать г. Мордовцову въ талантѣ, въ основательномъ знаніи исторіи

и въ добросовѣстномъ отношеніи къ историческимъ фактамъ; къ сожалѣнію, плодовитость сильно вредитъ качеству его произведеній. Они пекутся, какъ блины, и при скороспѣлости производятъ впечатлѣніе крайней небрежности. Къ тому же большой недостатокъ автора составляютъ манерность, отсутствіе простоты и естественности, страсть оригинальничать, балагурить и, какъ результатъ этого,—неудержимая болтливость, выходящая порою изъ всѣхъ предѣловъ». Немного найдетъ читатель критическаго матеріала для г. Мордовцева и въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона. Въ то время какъ даже болѣе второстепеннымъ писателямъ Русской земли отведены здѣсь порою болѣе или менѣе цѣльныя характеристики, въ отношеніи г. Мордовцева у составителя не нашлось необходимаго краснорѣчія.

Правда, къ нему дважды подходили въ нашей журналистикѣ два очень извѣстныхъ писателя и оба приносили ему довольно таки неблагопріятный судъ. Однимъ былъ Н. К. Михайловскій, выступившій противъ теоріи г. Мордовцева объ историческихъ центробѣжныхъ и центростремительныхъ силахъ и разсмотрѣвшій эту теорію съ точки зрѣнія этико-соціологической школы; другимъ былъ извѣстный церковный историкъ и обличитель раскола Н. Субботинъ, обрушившійся всею тяжестью своей научной артиллеріи на автора «Великаго раскола», обвиняя его въ искаженіи историческихъ фактовъ и въ тенденціозномъ освѣщеніи великаго спора между ревнителями старины и никоніанцами. Эта критическая монографія была напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1881 г.) и можетъ быть разсматриваема, какъ единственная, пожалуй, серьезная работа, посвященная нашему романисту, работа, не лишенная, однако, тоже односторонности и казенной тенденціозности и при томъ разсматривающая г. Мордовцева специально, какъ историка-адвоката раскольниковъ и раскола вообще.

Изъ сказаннаго видно, что если въ нашей журналистикѣ историческая критика вообще должна считаться отдѣломъ слабымъ, то въ отношеніи Д. Л. Мордовцева, какъ историка-беллетриста, она очень недостаточна, неполна и подчасъ несправедлива. Въмѣстѣ съ тѣмъ маститый писатель, такъ много потрудившійся для русской литературы въ теченіе 50 лѣтъ, заслуживаетъ большаго къ себѣ вниманія и почтенія. Намѣченный къ празднованію на 22-е января сего года его литературный юбилей и временно отложенный, по независящимъ обстоятельствамъ, безъ сомнѣнія, восполнитъ хоть до нѣкоторой степени этотъ пробѣлъ и пополнитъ долгъ передъ нимъ со стороны критики и исторіи литературы. Идя на встрѣчу этой журнальной необходимости, редакція «Историческаго Вѣстника» и поручила мнѣ предложить своимъ читателямъ настоящій очеркъ, которому я по типу прочихъ моихъ работъ и придаю характеръ историко-біографическій. Дѣлаю это тѣмъ охотнѣе, что въ нашей

журналистикѣ біографическій матеріаль о г. Мордовцевѣ также очень недостаточенъ, самъ же онъ, отличаясь въ своей жизни удивительной скромностью и простотою, не подарилъ читателямъ какихъ либо общихъ своихъ автобіографическихъ мемуаровъ, въ центрѣ которыхъ поставлена была бы его собственная оригинальная личность и его разнообразная и полная всякихъ событій литературная и общественная дѣятельность.

Выполняя порученіе почтенной редакціи, считаю долгомъ, однако, оговориться. Д. Л. Мордовцевъ, хотя нынѣ почти и не работаетъ на журнальномъ поприщѣ, однако, славу Богу, здравствуетъ, почему пускать, такъ сказать, въ оборотъ весь его біографическій матеріаль по вполнѣ понятнымъ причинамъ преждевременно. Съ другой стороны, для всесторонней литературной оцѣнки его не настало еще время: г. Мордовцевъ очень основательно и крѣпко вплетенъ, если можно такъ выразиться, въ общее журнальное движеніе періода 1860—1880 годовъ, почему и для полной его характеристики, какъ мыслителя и вѣрнаго сына той эпохи, требуется и восстановленіе детальной исторіи этой эпохи, для чего въ моемъ распоряженіи нѣтъ достаточнаго мѣста. Кромѣ того, въ нашей литературѣ не имѣется даже полнаго указателя всѣхъ работъ почтеннаго писателя, и самъ онъ лично многого не помнитъ въ настоящее время изъ того, къ чему ему приходилось прикладывать руку, надъ чѣмъ работать и чѣмъ волноваться. Имѣются указатели его беллетристическихъ произведеній, его научныхъ статей—историческихъ, историко-статистическихъ и научно-публицистическихъ, но весь обширный газетный матеріаль, ему принадлежащій, за его подписью и безъ таковой, почти безслѣдно пропалъ и восстановить его, пожалуй, въ настоящее время и невозможно. То собраніе его сочиненій, которое было издано въ «Приложеніяхъ» редакціей еженедѣльнаго журнала «Сѣверъ», далеко не полно, какъ не совсѣмъ полно и указаніе на его работы со стороны издателя его сочиненій, И. Перевозникова, собравшаго, однако, по мѣрѣ силъ все то, что возможно было найти въ книгахъ старыхъ журналовъ, и что самъ писатель нынѣ считаетъ достойнымъ появленія въ свѣтъ.

Къ настоящей статьѣ редакція прилагаетъ два портрета Д. Л. Мордовцева, изъ коихъ одинъ воспроизводится здѣсь впервые. Онъ относится къ 1897 г., когда земляки нашего писателя, одѣвъ его въ національный малороссійскій костюмъ, сняли его въ домашней обстановкѣ, столь знакомой всѣмъ посѣщавшимъ нашего маститаго старца въ его скромномъ многолѣтнемъ убѣжищѣ въ меблированныхъ комнатахъ Столярнаго переулка. Въ заграничной печати этотъ портретъ былъ воспроизведенъ, впрочемъ, въ чешскомъ журналѣ «Починъ» за 1897 годъ.

II.

Родъ Мордовцевыхъ—древній украинскій. У нашего романиста имѣется фотографическій снимокъ съ фамиліной иконы, хранящейся и понынѣ у его старшаго брата, гдѣ значитъ: «сей образъ сооруженъ тѣцаніемъ и трудами бывшаго малороссійскихъ войскъ сотника Іоанна Власьева Слепченко, онъ же и Мордовцевъ, 1719 года...». Сначала предки его обитали правобережную Украину, потомъ въ силу извѣстной исторической необходимости перекочевали на лѣвый берегъ и, наконецъ, въ силу того же историческаго передвиженія украинцевъ очутились на берегу синяго Дона, гдѣ въ 1830 году въ слободѣ Даниловкѣ, у рѣки Медвѣдицы въ верхней части земли войска Донскаго, и родился нашъ уважаемый писатель. Отецъ его былъ хохоль стараго закала, начетчикъ, любитель древней письменности и обладатель обширной старинной библіотеки. Матушка его была женщина простая и добрая. Всѣхъ сыновей въ семьѣ было четверо да еще одна дочь. Въ живыхъ въ настоящее время имѣется именно послѣдняя, старшій сынъ и нашъ романистъ, который въ семьѣ былъ самымъ младшимъ.

Получивъ первые уроки грамоты въ родительскомъ домѣ, онъ вслѣдъ за симъ былъ опредѣленъ въ Усть-Медвѣдицкое окружное четырехклассное училище, по прохожденіи котораго былъ помѣщенъ въ Саратовскую губернскую гимназію, которую и окончилъ въ 1850 году однимъ изъ лучшихъ. Изъ моей статьи, посвященной покойному академику А. Н. Пыпину, читатели уже имѣютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о г. Мордовцевѣ, какъ гимназистѣ и молодомъ представителѣ той саратовской интеллигенціи, изъ которой вышло столько выдающихся дѣятелей нашей литературы и науки. Литературныя природныя дарованія его стали обнаруживаться еще въ очень раннемъ возрастѣ. По личнымъ воспоминаніямъ Данила Лукича, онъ началъ слагать стихи лѣтъ 7—8 отъ роду, а какъ заправскій поэтъ былъ уже признанъ товарищами въ гимназіи, гдѣ отличался стихами не только на малороссійскомъ и русскомъ, но даже латинскомъ языкахъ. Намъ уже извѣстно, какъ Пыпинъ добивался отъ него стихотворнаго перевода на «хохлацкій языкъ» Краледворской рукописи, при чемъ неизмѣнно подчеркивалъ въ своихъ письмахъ къ казанскому другу его несомнѣнное призваніе къ литературѣ. Въ своей юбилейной отвѣтной рѣчи нашъ извѣстный славистъ В. И. Ламанскій отмѣтилъ обширныя лингвистическія способности молодого Д. Л. Мордовцева, а также разсказалъ о той легкости, съ которой его юный другъ по университету перекладывалъ въ свое время на латинскій языкъ произведенія русскаго народнаго творчества. По окончаніи гимназіи, г. Мордовцевъ сначала поступилъ въ Казанскій университетъ, а потомъ перешелъ по настояніямъ своего любимаго товарища, А. Н. Пыпина, въ Петербургскій, откуда

и вышелъ кандидатомъ историко-филологическаго факультета въ 1854 году, получивъ, при окончаніи курса, золотую медаль за сочиненіе по каедрѣ славянскихъ нарѣчій «О языкѣ Русской Правды».

Передъ кандидатомъ университета разстилалась въ перспективѣ широкая научная дорога, но онъ ею пренебрегъ, покинувъ столицу и переселившись въ родной Саратовъ, гдѣ въ томъ же году вступилъ въ бракъ съ овдовѣвшей къ тому времени Анной Никаноровной Пасхаловой, урожденной Залетаевой. Молодая супруга Даніила Лукича была женщиною образованною, энергичною, оставившею послѣ себя слѣдъ и въ литературѣ. Ею въ свое время совместно съ Н. И. Костомаровымъ были собраны и изданы Поволжскія народныя пѣсни и преданія, а также изданъ въ пользу осиротѣвшихъ малютокъ-дѣвочекъ Черногоріи сборникъ собственныхъ стиховъ подъ общимъ заглавіемъ «Отзвуки жизни» и подъ литерами А. Б—зъ. Почти одновременно съ женитьбою г. Мордовцевъ вступилъ на государственную службу въ Саратовское губернское правленіе редакторомъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей и начальникомъ газетнаго стола съ исполненіемъ обязанностей переводчика того же правленія. Послужной списокъ государственной службы нашего писателя слагается изъ слѣдующихъ главнѣйшихъ моментовъ. Въ 1861 году онъ былъ назначенъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при начальникѣ Саратовской губерніи и въ томъ же году назначенъ членомъ и дѣлопроизводителемъ во временную комиссію, учрежденную по предписанію министра внутреннихъ дѣлъ для составленія соображеній для преобразования общественнаго городского управленія и городского хозяйства, а въ 1862 году назначенъ членомъ во временную комиссію, учрежденную, по предписанію министра внутреннихъ дѣлъ, для разсмотрѣнія положенія о доходахъ и расходахъ города Саратова. Въ губернскихъ учрежденіяхъ Даніиль Лукичъ прослужилъ до 1864 года, когда вышелъ въ отставку, но черезъ полгода съ небольшимъ онъ опредѣляется младшимъ столоначальникомъ хозяйственнаго департамента и участвуетъ въ трудахъ комиссіи, учрежденной при министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ о пособіи, получаемомъ городами изъ казны, взамѣнъ дохода съ питей. Черезъ два года онъ снова покинулъ государственную службу, но въ томъ же году опять поселяется въ Саратовъ и поступаетъ чиновникомъ при канцеляріи губернатора. Сначала онъ получаетъ мѣсто правителя дѣлъ при канцеляріи комиссіи народнаго продовольствія, затѣмъ назначается цензоромъ издававшейся въ Саратовѣ частной газеты «Справочный Листокъ», потомъ младшимъ помощникомъ правителя канцеляріи губернатора для завѣдыванія производствомъ дѣлъ какъ по особому о земскихъ повинностяхъ присутствію, такъ и по дѣламъ земскихъ учрежденій, а въ 1869 году назначается и пра-

вителимъ канцеляріи губернатора, каковое мѣсто и занимаетъ до 1871 года, когда вновь выходитъ въ отставку съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ причислиться къ вѣдомству путей сообщенія, гдѣ остается на службѣ до 1886 года, когда въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника окончательно выходитъ въ отставку съ незначительной по размѣрамъ пенсіей. Состоя на службѣ по министерству путей сообщенія, г. Мордовцевъ преимущественно работалъ въ статистическомъ отдѣлѣ, а также состоялъ редакторомъ журнала министерства, участвуя въ немъ и личными своими литературными трудами, преимущественно статистическаго характера.

Я привелъ намѣренно полный послужной списокъ нашего писателя, ибо онъ очень характеренъ и самъ по себѣ, какъ показатель нѣкотораго непостоянства и какъ жизненный матеріалъ, имѣющій непосредственное отношеніе къ его разнообразной литературной дѣятельности и къ его судьбѣ безпокойнаго журналиста, у котораго государственная служба мѣшала литературной профессіи, а послѣдняя ставила препоны благополучному прохожденію первой, въ родѣ того, какъ другому дѣятелю нашей литературы, согласно его собственному признанію.

. . . борьба мѣшала быть поэтомъ,
Пѣсни . . . мѣшали быть борцомъ.

Всѣ перипетіи государственной службы у нашего писателя были тѣсно связаны именно съ его журналистикой, на которой, въ свою очередь, до нѣкоторой степени отражалась эта служба, ибо часто не позволяла ему быть вполне откровеннымъ и появляться въ журналѣ за полною подписью, а вынуждала надѣвать маску и забрало, во избѣжаніе слишкомъ нескромныхъ, но властныхъ взоровъ. вмѣстѣ съ тѣмъ эта же государственная служба, какъ въ провинціи, такъ и въ столицѣ, дала ему возможность ознакомиться съ такими цѣнными архивными матеріалами, доступъ къ которымъ партикулярному человѣку былъ немислимъ. Его историческія изысканія, его экономическіе и статистическіе труды вышли цѣликомъ изъ дѣятельности его, какъ чиновника сначала вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, а потомъ путей сообщенія. Въ этомъ отношеніи въ жизненномъ поприщѣ Даніила Лукича наблюдается нѣкоторая аналогія съ тѣмъ, что намъ извѣстно о жизни и литературной дѣятельности покойнаго П. И. Мельникова-Печерскаго.

Ш.

Литературная дѣятельность г. Мордовцева по содержанію темъ и характеру работъ такъ разнообразна и пестра, до того не приведена до сихъ поръ въ полную извѣстность, что всего лучше прослѣдить ее, соблюдая, съ одной стороны, хоть нѣкоторую хронологию

ческую періодичность, съ другой—придерживаясь главнѣйшихъ категорій его журнальныхъ работъ.

Въ 1854 году мы видимъ его чиновникомъ въ канцеляріи саратовскаго губернатора, и къ тому же времени относится появленіе перваго его литературнаго произведенія, написаннаго на родномъ ему малороссійскомъ языкѣ. Произведеніе это—стихотворная поэма «Казакѣ и море»¹⁾, напечатанная имъ потомъ (въ 1859 г.) въ «Малороссійскомъ литературномъ сборникѣ», изданномъ авторомъ поэмы совмѣстно съ Н. И. Костомаровымъ въ г. Саратовѣ. Затѣмъ нѣкоторое время мы не встрѣчаемъ никакихъ его мало-мальски крупныхъ и цѣнныхъ произведеній. Его время поглощается, во-первыхъ, государственной службой и, во-вторыхъ, дѣятельностью по редактированію «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», которыхъ онъ въ пятилѣтіе съ 1854 по 1859 годъ является не только дѣятельнымъ руководителемъ, но и щедрымъ литературнымъ вкладчикомъ. Тутъ печатается рядъ его статей экономическихъ и статистическихъ, матеріалъ для которыхъ почерпается изъ дѣлъ губернскаго правленія, а также тутъ же впервые читающая провинціальная публика знакомится съ нимъ, какъ съ даровитымъ фельетонистомъ обличительнаго пошиба. Одинъ изъ такихъ фельетоновъ, посвященный мѣстному военному сословію, навлекъ и на молодого писателя, и на начальника губерніи, А. Игнатъева, гнѣвъ высшей петербургской власти. Губернатору былъ сдѣланъ по этому поводу высочайшій выговоръ, со внесеніемъ его въ формуляръ, а отъ редактора «Вѣдомостей» потребовано объясненіе и обнаруженіе имени автора преступнаго фельетона. Игнатъевъ былъ человекъ снисходительный и порядочный, не отнесся къ проступку своего безпкойнаго чиновника слишкомъ строго, но предложилъ ему прокатиться въ столицу для личныхъ объясненій по начальству, которому по долгу службы, однако, отвѣтилъ, что авторъ фельетона и редакторъ «Вѣдомостей» одно и то же лицо.

Исторія эта для молодого литератора не имѣла грустныхъ послѣдствій, и нависшая было грозная туча разсѣялась благополучно. Въ главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ стоялъ Валугевъ, а товарищемъ его былъ Тройницкій, оба занятые въ то время вопросами организаціи земской статистики и выясненіемъ хозяйственныхъ нуждъ провинціи. Пріѣздъ въ столицу мѣстнаго свѣдущаго человека былъ для нихъ какъ нельзя кстати, и послѣдній въ концѣ концовъ изъ ожидаемой роли подсудимаго обратился въ желаннаго гостя и помощника по нѣкоторымъ очереднымъ вопросамъ государственной жизни. Результатомъ пріѣзда Данила Лукича былъ милостивый о немъ докладъ Валугева императору Але-

¹⁾ «Казакѣ и море», по свидѣтельству автора, были имъ написаны студентомъ, во время скучныхъ лекцій Устрялова.

всандру II-му и отпущеніе его съ миромъ въ Саратовъ. Онъ не понесъ никакой кары, но высочайшій выговоръ въ формулярѣ Игнатъева остался памятникомъ фельетоннаго инцидента.

Къ 1859 году относится появленіе его историческаго разсказа «Медвѣдицкій бурлакъ», вошедшаго впослѣдствіи въ извѣстную хрестоматію Перевлѣскаго, и вслѣдъ за симъ—его первой исторической монографіи «Самозванецъ Богомолловъ», могущей быть разсматриваемой, какъ первый шагъ въ разработкѣ вопросовъ о низовой вольницѣ, о самозванцахъ и бунтахъ русскаго народа, — вопросовъ, которые именно г. Мордовцеву больше, чѣмъ кому либо изъ нашихъ отечественныхъ писателей, обязаны разъясненіемъ и освѣщеніемъ. «Самозванецъ Богомолловъ» былъ напечатанъ въ Аксаковскомъ «Парусѣ» и обратилъ на себя общее вниманіе и читателей и критики, которые сразу отмѣтили появленіе на русскомъ литературномъ горизонтѣ свѣжаго и выдающагося таланта. Старикъ М. П. Погодинъ первый замѣтилъ это дарованіе и проѣздомъ черезъ Саратовъ успѣшилъ познакомиться съ Данииломъ Лукичемъ, привѣтствовать его и благословить на дальнѣйшій литературный трудъ. Вслѣдъ за названными произведеніями авторъ печатаетъ и нѣсколько другихъ въ томъ же родѣ, помѣщая ихъ преимущественно въ «Русскомъ Словѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Вѣстникѣ Европы» и «Всемирномъ Трудѣ». Если Погодинъ сумѣлъ признать талантъ въ авторѣ по его первому произведенію, то послѣдующія обратили на себя вниманіе и дѣйствующей тогда ученой корпораціи, такъ что въ Петербургскомъ университетѣ на историко-филологическомъ факультетѣ былъ поднятъ даже вопросъ о предоставленіи молодому саратовскому ученому каѳедры по русской исторіи. Объ этомъ особенно хлопотали Н. И. Костомаровъ, А. Н. Пыпинъ и В. И. Ламанскій, оба послѣдніе, какъ мы знаемъ, товарищи его по студенческой скамьѣ.

В. И. Ламанскій по этому предмету писалъ ему въ 1860 году ¹⁾: «Съ новымъ годомъ желаю тебѣ всего хорошаго и, главное, перемены твоего положенія, что, кажется, отъ тебя зависитъ. Выслушай меня, какъ добраго своего стараго товарища, который хотя и непростительно небреженъ въ перепискѣ, но искренно любитъ тебя и уважаетъ по старинѣ. Въ университетѣ нашемъ вскорѣ будетъ предлагаться кандидатъ на каѳедру русской исторіи, именно новой. Костомаровъ и Пыпинъ хотятъ предложить тебя; ты знаешь Николая Ивановича, его разсѣянность и прочее. Надо тебѣ написать ему, объявить свое желаніе и согласіе и, конечно, съ извѣстными условіями, т.-е. представить къ извѣстному времени магистерскую диссертацию или, главное, заявить о ней. У тебя есть матеріалы, даже готовыя статьи. Не отказывайся ради Бога и вѣрь мнѣ, что

¹⁾ «Русская Старина» 1885 года, іюнь.

я говорю тебѣ отъ души. Ты все равно собирался къ намъ весною— вотъ тебѣ и время, и случай окончить свою диссертацию. Послѣ вакансій ты можешь и сдать экзаменъ (если не хочешь раньше), и имѣть диспутъ. Впрочемъ, обо всемъ этомъ тебѣ лучше списаться съ Пыпинымъ, который уже говорилъ мнѣ, что собирается тебѣ писать о профессурѣ. Говорю тебѣ, чтобы толкнуть тебя. Попроси, пожалуйста, отъ меня Анну Никаноровну, чтобы она погоняла тебя».

На призывъ друга Д. Л. Мордовцевъ, однако, не отозвался. Въ то время Саратовъ, семейная устроенная здѣсь жизнь, обеспеченное служебное положеніе и захватывающая работа въ провинціальныхъ архивахъ крѣпко приковывали его на мѣстѣ, почему и заманчивость невѣдомой профессуры, сопряженной притомъ съ приготовленіемъ диссертаци, съ диспутомъ и прочими хлопотами, его не соблазнила. Не откликнулся онъ и во второй разъ, когда въ 1864 году кафедра по русской исторіи въ Петербургскомъ университетѣ за уходомъ отсюда Н. И. Костомарова пустовала, и ему снова его друзья предлагали о ней начать хлопоты. Историко-филологическій факультетъ для замѣщенія вакантной кафедры намѣчалъ двухъ кандидатовъ: К. Н. Бестужева-Рюмина и Даніила Лукича, которымъ обоимъ и сдѣлалъ соответствующія предложенія. Но оба сначала отказались, при чемъ, однако, Бестужевъ-Рюминъ впослѣдствіи выразилъ свое согласіе, Д. Л. Мордовцевъ же остался при первоначальномъ рѣшеніи. Вторичному отказу содѣйствовало то обстоятельство, что какъ разъ въ то время онъ былъ занятъ подготовленіемъ себя къ коммерческой дѣятельности по настоянію братьевъ, имѣвшихъ крупныя торговыя сношенія съ иностранными рынками по экспорту сырья; когда же надобность въ этомъ миновала, и задуманное дѣло не состоялось, то помѣхою послужила дружба съ Н. И. Костомаровымъ, вновь поселившимся тогда въ Саратовъ, и съ которымъ ему трудно было разстаться. Такимъ образомъ видамъ на научную карьеру не суждено было сбыться; да, по моему искреннему убѣжденію, таковая была бы и не по характеру нашему писателю: онъ былъ слишкомъ ужъ живой, отзывчивый и беспокойный человекъ по всему складу своего ума, чтобы быть въ состояніи сосредоточиться на специальности и уйти въ узкую ученую раковину, какъ и неспособнымъ онъ оказался для торговыхъ цѣлей и коммерческихъ замысловъ братьевъ.

IV.

О переѣздѣ Даніила Лукича въ Петербургъ хлопотали не только Н. И. Костомаровъ, В. И. Ламанскій и А. Н. Пыпинъ, но и редакторъ «Русскаго Слова», Григорій Евлампіевичъ Благосвѣтловъ, которому саратовскій молодой писатель приходился, какъ никто изъ прочихъ сотрудниковъ, по вкусу, и которому тотъ

нуженъ былъ, какъ всегда находящійся подъ рукою помощникъ, боевой публицистъ и журналистъ, могущій сдѣлать по любому вопросу оригинальной и цѣнный вкладъ въ журналъ. Въ письмѣ отъ 4-го августа 1860 г. Благосвѣтловъ пишетъ своему провинциальному сотруднику: «Не будетъ ли у васъ добраго желанія переселиться въ Петербургъ? Здѣсь все натянута и глупо до пошлости, но по сравненію съ саратовскими степями все же

Даніилъ Лукичъ Мордовцевъ въ 1885 году.

есть кое-какая жизнь и, пожалуй, мысль. Со временемъ, когда я приобрету больше довѣренности у графа Куселева, и «Русское Слово» будетъ независимо отъ конторы издателя, мнѣ будетъ пріятно обезпечить вашъ переѣздъ и жизнь на финскихъ болотахъ. Здѣсь Н. И. Костомаровъ и, вообще, кругъ людей, не со-всѣмъ оскотинившихся, могъ бы украсить и согрѣть пріятными минутами вашу жизнь. Въ настоящее время не смѣю обѣщать, но въ будущемъ, и недалекомъ, могъ бы поручиться за успѣхъ моего предложенія». Къ этой же темѣ Благосвѣтловъ возвращался неоднократно и въ послѣдующихъ письмахъ. Такъ, напри-мѣръ, въ 1861 г. онъ уже точнѣе опредѣлялъ тѣ условія, на которыхъ хотѣлъ бы переманить г. Мордовцева въ Петербургъ, и писалъ ему: «Я давно уже просилъ графа, чтобъ онъ обезпечилъ вамъ на ка-

ждый мѣсяць 150 рублей, если вы согласитесь переѣхать въ Петербургъ. Извините, что я хлопоталъ о томъ, что, можетъ быть, и не по вкусу вамъ. Графъ уполномочилъ меня назначить эту сумму изъ приходовъ редакціи, отъ продажи нашихъ изданій, но вслѣдъ за этимъ я получилъ его письмо—отложить всѣ распоряженія до его пріѣзда». Къ этимъ матеріальнымъ условіямъ работы въ «Русскомъ Словѣ» Благосвѣтловъ возвращался впоследствии неоднократно, но всѣ эти прельщенія успѣха не имѣли, и Д. Л. Мордовцевъ остался вѣренъ Саратову.

Весь періодъ шестидесятыхъ и первой половины семидесятыхъ годовъ отмѣченъ въ его жизни усиленною работою въ ежемѣсячныхъ журналахъ, преимущественно въ «Русскомъ Словѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Дѣлѣ», въ молодой еженедѣльной газетѣ «Недѣля» и въ газетѣ «Голосъ». Разбросанныя мелкія статьи можно найти и въ другихъ изданіяхъ, но перечисленныя газеты и журналы были тѣми органами печати, которые именно составили ему имя крупнаго публициста, за которымъ положительно ухаживали редакторы-издатели, боясь, чтобы соперникъ и конкурентъ по издательскому дѣлу не отбилъ его или не переманилъ въ свой журналъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Благосвѣтловъ откровенно даже говоритъ на эту тему: «Не скрою отъ васъ моего опасенія—боюсь, что васъ похитятъ у «Русскаго Слова». Враговъ-то у меня накопилось много, да и нѣтъ надежды, при всей способности любить теплую натуру и благородное сердце. Подлѣе Петербурга я ничего не знаю въ мірѣ, и нигдѣ ничего не видѣлъ подобнаго отъ Флоренціи до Лондона. За исключеніемъ двухъ-трехъ литераторовъ-людей, все остальное—чортъ знаетъ что такое. Правда, имени нѣтъ на человѣческомъ языкѣ, что за гадость такая—эти передовые люди на запяткахъ нашей литературы. Уважаю я лично Костомарова... И Пыпинъ—хорошій человѣкъ, и будетъ прекрасный человѣкъ, если излѣчится отъ любви къ суздальскимъ красотамъ старой литературы. И вотъ я одинъ, и успѣлъ полюбить васъ заочно и глубоко. И скажу откровенно, что никто изъ сотрудниковъ «Русскаго Слова» не близокъ такъ къ моимъ бѣднымъ убѣжденіямъ, какъ вы»...

Не менѣе Благосвѣтлова дорожилъ г. Мордовцевымъ и Краевскій, который категорически признавалъ, что онъ поставилъ «Голосъ» на настоящую газетную дорогу, особенно въ фельетонной его части и полемической, придавая газетѣ разнообразіе, остроту и ту идейность, по преимуществу полемическаго свойства, которая создаетъ ежедневному органу положеніе и направленіе. Въ «Голосѣ» Даніилъ Лукничъ помѣстилъ немало передовыхъ статей, напечатанныхъ; конечно, безъ подписи, а также велъ фельетоны подъ литерами и псевдонимами, конхъ, кстати сказать, въ его литературномъ формулярѣ значится множество, какъ, на примѣръ:

Д. С...о—М...ць, «Джемсъ-Плюмпудингъ-Эсквайръ», «Діонисіевъ», «Гиппократъ», «Евдокія Зубъ», «Елисавета Воробей», «Дмитруне Мірдівцевъ», «Верне изъ Бердичева», «Ома Брутъ» и др. Наиболѣе популярными должны считаться псевдонимы «Джемсъ-Плюмпудингъ», «Ома Брутъ», Д. С...о—М...ць. Характеръ газетныхъ работъ г. Мордовцева по большей части сатирической, съ непрестанными полемическими вылазками, съ намеками политическаго свойства и съ изобиліемъ смѣшныхъ, особенныхъ «словечекъ», имъ самимъ изобрѣтенныхъ или почерпнутыхъ изъ старинной письменности, украинской народной рѣчи или неудачной стилистики писателей старинной эпохи. Совершенно тотъ же характеръ сохранили и его газетныя работы, въ девяностыхъ годахъ, когда онъ почти исключительно и много работалъ въ сферѣ повседневной прессы въ органѣ О. К. Нотовича «Новости». Но какъ ни разнообразна, плодотворна и блестяща была его газетная дѣятельность, не она создала ему имя крупнаго писателя; по моему убѣжденію, эта газетная работа скорѣе размѣнивала его литературный талантъ, опошляла его рѣчь и слишкомъ часто выводила на показъ публикѣ даже въ случаяхъ совершенно ненужныхъ и въ амплуа, невыгодномъ для серьезности репутаціи. Самъ писатель внесъ очень много въ газетное дѣло, послѣднее не было къ нему столь же великодушно и милостиво—оно слишкомъ много отняло у него силъ, давъ взаменъ не Богъ вѣсть сколь большой заработокъ да популярность не особенно высокой цѣны. Настоящая и почетная популярность была имъ добыта главнымъ образомъ работами въ ежемѣсячныхъ журналахъ—историческими монографіями, статьями экономическими и статистическими, большинство которыхъ сохраняетъ свое значеніе и свой интересъ и для нашихъ дней. Здѣсь Даніиль Лукичъ прибрѣлъ себѣ имя выдающагося историка - популяризатора, имя, которымъ дорожили и которое почитали такіе признанные знатоки журнальнаго дѣла, какъ П. И. Гайдебуровъ, Н. И. Костомаровъ, А. Н. Пыпинъ, М. Е. Салтыковъ, М. И. Семевскій, М. М. Стасюлевичъ, А. С. Суворинъ, С. Н. Шубинскій и др.

V.

Я уже отмѣтилъ въ началѣ статьи, что въ нашей справочной литературѣ не имѣется обстоятельнаго указателя всему тому, что написано Д. Л. Мордовцевымъ, съ достовѣрной хронологической помѣткой года появленія каждаго труда и мѣста напечатанія. Въ этомъ отношеніи неполонъ указатель А. В. Мезіеръ, недостаточенъ проспектъ изданія сочиненій нашего писателя, сдѣланный г. Перевозниковымъ, а еще слабѣе указанія въ словарѣ Ефрона и Брокгауза. Пожалуй, наибольшую цѣнность имѣютъ примѣчанія, сдѣланныя г. Трачевскимъ къ роману г. Мордовцева «Вельможная Панна»,

гдѣ воспроизведена хронологія и мѣсто напечатанія большинства крупныхъ работъ нашего писателя. Пользуясь этими примѣчаніями, сдѣланными при содѣйствіи небезызвѣстнаго библіографа г. Сильчевскаго, привожу данныя о журнальной работѣ г. Мордовцева, какъ въ области историческаго разысканія, такъ и статистико-экономическаго обозрѣнія: въ «Русскомъ Словѣ» были напечатаны: «Кобзарь Шевченка»; «Стихотворенія Карлина» (1860); «Паденіе Польши» (1861—1862); «Школьныя воспоминанія» (1863, автобіографическія данныя); «Объ «Историческихъ очеркахъ» Буслаева, отвѣтъ Костомарову и выдержка изъ исторіи Польши» (1861). Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» начала 1870-хъ годовъ г. Мордовцеву принадлежитъ рядъ очерковъ о мелкихъ самозванцахъ XVIII вѣка, по архивамъ поволжскихъ городовъ. Въ «Дѣлѣ» были помѣщены, между прочимъ: «Послѣдніе годы раскольничьихъ скитовъ на Иргизѣ (1872—1876)», «Современное экономическое положеніе Поволжья» въ 6-ти статьяхъ и «Дѣйствительно ли мы богаты» (1873), «Какъ народъ самъ себя судить» (по поводу Трудовъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ и Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи); «Желѣзнодорожное дѣло въ Россіи и на Западѣ» и «Значеніе рыболовства въ народной экономіи» (1874); «Дѣятельность земства и его литература», «Печать въ провинціи», и «Не подождать ли отнимать?» по поводу предположеній о преобразованіи волостныхъ судовъ (1875); «Наши окраины, безлюдье Сѣвера и Востокъ или Западъ», по поводу сборника Григорьева «Россія и Азія» и «Quos ego!»—отвѣтъ казанскому литератору (1876). Въ «Отечественныхъ Запискахъ» находимъ слѣдующія статьи Мордовцева, отчасти подписанныя буквами С... о—М...ь, Д.: «Русскіе государственные дѣятели и Пугачевъ» (1868); «Одинъ изъ Лжеконстантиновъ», матеріалы для характеристики народныхъ движеній; «Кто былъ усмиритель пугачевщины?» (1869); «Представляетъ ли прошедшее русскаго народа какія либо политическія движенія?» (1871); «Что нѣмцу здорово, то русскому смерть» (1873); «Дѣйствительная причина самарскаго голода»; «Земство и его дѣянія»; «Объ экономическихъ отношеніяхъ сѣвера и юга Россіи» (1874); «Наши потери во внѣшней торговлѣ» (1875); «О культурныхъ признакахъ русскаго народа»; «Историческія черты даровитости русскаго народа»; «Гдѣ искать земству помощи въ дѣлѣ народнаго образованія?» по поводу книги Ростиславова о монастыряхъ; «Петербургъ, какъ центръ рабочаго тяготѣнія»; «Что мнѣ Гекуба и что я Гекубѣ», по поводу замѣчанія Вяземскаго о «Словѣ о полку Игоревѣ» (1876); «Свѣточи будущаго», фельетонъ по уголовной статистикѣ Россіи, и «Сѣверный вопросъ послѣ восточнаго» (1877). Статья «Движенія въ расколѣ» (1874) подписана именемъ Діонисіева. Безъ подписи явились статьи: «Крестьянскій судъ» (1874) и «Десятилѣтіе русскаго земства» (1875—1876).

Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ Д. Л. Мордовцевъ, по основаніи С. Н. Шубинскимъ журнала «Древняя и Новая Россія», становится дѣятельнымъ сотрудникомъ этого изданія и печатаетъ здѣсь монографіи: «Чума въ Москвѣ», «Наша печать по отношенію къ русско-славянскому дѣлу», «Три дѣтоубійства», «Суворовъ въ народной поэзіи», «Ванька-Каинъ», «Левъ Александровичъ Нарышкинъ».

Большая часть его мелкихъ историческихъ работъ вошла въ двухтомный сборникъ «Историческіе пропилеи», а крупныя монографіи составили книги: «Гайдамачина», «Самозванцы и пониженная вольница», «Политическія движенія русскаго народа», «Наканунѣ воли». Статьи его по земскимъ вопросамъ вошли въ книгу «Десятилѣтіе русскаго земства». Кромѣ того, въ тотъ же періодъ семидесятыхъ годовъ вышелъ совершенно отдѣльнымъ изданіемъ его обширный трудъ въ 4-хъ томахъ: «Русскія историческія женщины» (1 ч.) и «Русскія женщины новаго времени» (3 ч.).

Всѣ названныя работы пользуются и нынѣ широкою извѣстностью въ публикѣ, а нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, «Наканунѣ воли», книга, въ свое время уничтоженная цензурою, имѣетъ и свою общественную исторію, сыгравшую въ жизни писателя крупную роль. Со временемъ, когда историкамъ русской литературы и обществу станетъ доступенъ богатый архивъ главнаго управленія по дѣламъ печати, вѣроятно, станетъ извѣстна та обширная докладная записка о Д. Л. Мордовцевѣ, какъ авторѣ перечисленныхъ историческихъ монографій, составленная при Лонгиновѣ и которая, будучи направлена по начальству нашего писателя, имѣла въ результатѣ уходъ его изъ министерства внутреннихъ дѣлъ и поступленіе на службу по вѣдомству путей сообщенія.

Какъ мнѣ лично передавалъ Даніилъ Лукичъ, дѣло вышло слѣдующимъ образомъ. Его статьи, относящіяся до политическихъ движеній русскаго народа, по вопросу раскольниковъ, о самозванцахъ и пр. уже давно начали вызывать косые взоры цензурнаго вѣдомства, и многія изъ этихъ работъ въ свое время подвергались принудительнымъ купюрамъ и даже полному вырѣзыванію. Работая въ Саратовскихъ архивахъ, доступъ къ которымъ ему по должности правителя канцеляріи губернатора былъ легокъ, онъ нашелъ тамъ массу чрезвычайно любопытныхъ и цѣнныхъ матеріаловъ, ярко обрисовывающихъ положеніе области въ дореформенный періодъ и позволявшихъ нарисовать широкую бытовую картину помѣщичьей и крестьянской жизни, преимущественно въ эпоху 1820—1840 годовъ. Этой работой онъ и занялся, начавъ печатать, конечно, въ опредѣленномъ освѣщеніи, свои очерки на страницахъ «Дѣла»; но это печатаніе, по распоряженію главнаго управленія, было довольно скоро прекращено, ибо на очерки было обращено особенное вниманіе сильныхъ и вліятельныхъ сферъ

которыя къ такому вниманію были подвигнуты письмами изъ провинці заинтересованныхъ лицъ, встрѣтившихъ въ статьяхъ г. Мордовцева указанія частію на собственныя историческія погрѣшности, частію на погрѣшности родственнаго и близкаго люда. Сношенія провинціи со столицей дали осязательные плоды: было составлено обстоятельное литературное обозрѣніе его журнальной дѣятельности, составлена по сему предмету докладная записка, писатель признанъ безусловно вреднымъ и не могущимъ быть терпимымъ на такомъ отвѣтственномъ посту, какъ постъ правителя губернаторской канцеляріи. Тогдашній саратовскій губернаторъ, М. Н. Галкинъ-Врасскій, которому весной 1872 г. была сообщена записка о его подчиненномъ съ указаніемъ на необходимость его отчисленія отъ должности, не счелъ, однако, нужнымъ ему этого сообщать, предпочтя это сдѣлать осенью, когда Д. Л. Мордовцевымъ будетъ закончена порученная работа по изготовленію всеподданнѣйшаго отчета по Саратовской губерніи. День напечатанія и сдачи отчета былъ и днемъ объявленія правителю канцеляріи постигшей его бѣды. Даніилу Лукичу ничего не оставалось, какъ пожалѣть о потраченныхъ лишнихъ трехъ мѣсяцахъ на трудъ, откланяться своему предусмотрительному начальству и ѣхать въ столицу для объясненій по литературному вѣдомству и для возможной реабилитаціи себя во взведенныхъ обвиненіяхъ. Если цензурная гроза, какъ то мы уже знаемъ, на зарѣ его жизни пронеслась надъ нимъ благополучно, то не такъ это случилось на сей разъ. Лонгиновъ былъ не Тройницкій, и надобности у него въ статистическихъ познаніяхъ г. Мордовцева не было. Объясненіе вышло длинное, хотя для обвиняемаго и безплодное въ смыслѣ добрыхъ результатовъ. Несмотря на то, что г. Мордовцевъ ссылался, что многія изъ его произведеній, нынѣ признаваемыхъ вредными по направленію, одобрены вѣдомствомъ императрицы Маріи и рекомендованы для пользованія въ женскихъ гимназіяхъ, несмотря на то, что выяснилось, что самъ Лонгиновъ по званію члена редакціи «Русскаго Вѣстника» принималъ даже участіе въ напечатаніи этихъ произведеній, дѣлая подъ ними собственноручныя примѣчанія, — доводы писателя приняты не были, и вредность его направленія официально признана. Послѣ такого признанія, саратовскій чиновникъ подалъ въ отставку, нѣкоторое время жилъ исключительно литературнымъ трудомъ, а въ 1873 г. былъ принятъ графомъ Бобринскимъ на службу по министерству путей сообщенія, гдѣ организуемый въ то время статистическій отдѣлъ нуждался въ опытныхъ и свѣдущихъ работникахъ по статистикѣ, и гдѣ нашли примѣненіе своимъ силамъ, кромѣ г. Мордовцева, и нѣкоторые другіе представители нашей литературы, какъ, напримѣръ, Н. Ф. Анненскій, П. Кулишъ, Ф. Ф. Вороповъ и др.

VI.

Статьи, посвященныя обзорѣнїю эпохи «Наканунѣ воли», остались настолько отмѣченными печатью неблагонамѣренности, что, когда авторъ, много времени спустя, а именно въ 1889 г., собралъ ихъ воедино, дополнилъ новыми и издалъ отдѣльною книгою, то таковая была запрещена и подвергнута сожженію. Но не только, впрочемъ, эту книгу г. Мордовцева постигла столь печальная участь, сожжена была и его книга «Славянскія драмы», напечатанная въ 1877 году. Здѣсь уже точка отправленія для столь немилостиваго дѣйствія была иная, а именно боязнь, чтобы австрійское правительство не обидѣлось на Россію за правдивое изображеніе однимъ изъ ея сыновъ того печальнаго и безправнаго состоянія, въ которомъ обрѣтается несчастное славянство. Для славянства, очевидно, на берегахъ нѣмецкаго Дуная драматическаго состоянія не полагалось, и на официальномъ языкѣ все должно было считаться благополучнымъ, а отсюда и предъявленіе такого же требованія и къ русской литературѣ и ея представителямъ, хотя бы они и далеки были отъ какихъ бы то ни было шовинистскихъ тенденцій, бряцанія оружіемъ и завоевательныхъ стремленій. Чтобы окончить съ цензурными гоненіями на произведенія нашего писателя, необходимо отмѣтить, что такому же преслѣдованію подвергся и его романъ изъ жизни современной интеллигенціи «Знаменія времени», одно время также запрещенный въ отдѣльномъ изданіи.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что Д. Л. Мордовцевъ, какъ публицистъ и историкъ, уже въ первыя 15 лѣтъ своей литературной дѣятельности пріобрѣтаетъ рѣзко очерченную литературную фізіономію и является виднымъ выразителемъ того научно-литературнаго отечественнаго движенія, которое сосредоточилось по преимуществу въ журналахъ ярко-прогрессивнаго направленія, какъ «Русское Слово», «Дѣло» и «Отечественныя Записки». Если его нельзя зачислить въ сонмъ теоретиковъ, каковыми были въ то время Д. Писаревъ, В. Зайцевъ, Н. Шелгуновъ, Г. Благосвѣтловъ, Н. Михайловскій и др., научно-публистически разрабатывавшіе вопросы прогрессивнаго развитія русскаго народа, то за нимъ остается роль дѣятеля, искавшаго и находившаго примѣненіе тѣмъ же доктринамъ къ фактамъ повседневной жизни, къ фактамъ исторіи, давней и недавней. Обличительный элементъ, съ одной стороны, и стремленіе отъ анализа отдѣльныхъ фактовъ переходить къ широкому синтезу во имя прогресса и либеральныхъ, демократическихъ задачъ будущаго съ другой—вотъ тѣ видимыя и невидимыя пружины его журнальной работы, которыя несомнѣнно исключительно руководили имъ въ періодъ его усиленной журнальной работы. Привожу ниже письмо его отъ 1876 г. къ С. Н.

Шубинскому, тогдашнему редактору «Древней и Новой Россіи», которое содержитъ въ себѣ частію автобіографическія, разсказанныя уже выше, данныя изъ жизни нашего писателя, а частію раскрываетъ передъ нами и тѣ тайныя пружины, которыя я отмѣтилъ. Предлагая редактору молодого журнала статью «Сороковые годы въ исторіи русскаго народа», онъ пишетъ: «...Позвольте предложить вамъ новую статью, которая, я увѣренъ, должна имѣть значеніе, особенно въ виду того, что въ настоящее время народъ больше, чѣмъ когда либо, входитъ въ моду. Статья эта была написана мною прежде, въ 1872 году, но я объ ней совершенно забылъ, а теперь, разбирая бумаги передъ отъѣздомъ на дачу, наткнулся на нее и нашелъ, что статья эта не должна пропасть для русской исторіи, собственно для исторіи русскаго крестьянства. Въ 1870, 1871 и 1872 годахъ я перебиралъ саратовскіе и нѣкоторые другіе уцѣлѣвшіе архивы съ спеціальною цѣлью изслѣдованія состоянія нашего крестьянства въ нынѣшнемъ столѣтіи. Я собралъ богатѣйшіе матеріалы, особенно по злоупотребленіямъ помѣщичьею властью, и составилъ обширное изслѣдованіе, все построенное на подлинныхъ бумагахъ архивовъ, размѣромъ отъ 35 до 40 печатныхъ листовъ и далъ этому сочиненію названіе «Русское крестьянство наканунѣ воли». Начало его напечатано мною въ «Дѣлѣ» 1872 г., въ іюлѣ, кажется. Окончивши это сочиненіе и отославъ его Благосвѣтлову, я разрабатывалъ архивы далѣе и остановился собственно на 40-хъ годахъ, о которыхъ, какъ и о людяхъ сороковыхъ годовъ, у насъ вообще много толковалось и толкуется. Это и была новая статья о 40-хъ годахъ, которую я вамъ и посылаю. Но едва она была кончена, какъ губернаторъ саратовскій, Галкинъ, объявилъ мнѣ волю министра внутреннихъ дѣлъ—выходить въ отставку. На меня, говорятъ, былъ сдѣланъ доносъ, и къ доносу приплели мою литературную неблагонамѣренность. Я прискакалъ въ Петербургъ, оставивъ свою статью (Сороковые годы и т. д.) въ кучѣ саратовскихъ бумагъ и въ то же время, послѣ объясненій въ министерствѣ, прекратилъ печатать и большую свою работу—«Русское крестьянство наканунѣ воли». Но этой статьей была заинтересована А. П. Филоsofova, попросила дать ей прочесть ее, потомъ дала прочесть г-жѣ Тимашевой, а та упросила мужа обратить на рукопись мою вниманіе и дозволить ее напечатать. Тимашевъ велѣлъ разсмотрѣть ее Макову и доложить. Но это—долгій ящикъ, изъ котораго я все-таки когда нибудь выну свою рукопись и напечатаю ее отдѣльною книгою. А вамъ теперь предлагаю особую статью о нашемъ крестьянствѣ въ 40-хъ годахъ, статью блистательно переписанную, почти такъ же красиво, какъ и вы пишете. Я полагаю, что въ «Древнюю и Новую Россію» слѣдуетъ впустить русскій народъ, а то вашъ сборникъ почти исключительно вертится около

царей, царицъ, царевнъ, князей и всякихъ высокихъ особъ. Я хочу немножко демократизировать вашъ журналъ—въ самомъ дѣлѣ это необходимо. Прочтите мою статью—и вы найдете, что она открываетъ собой какъ бы новый фактъ въ русскихъ историческихъ изслѣдованіяхъ»...

Въ приведенномъ письмѣ чрезвычайно характерно признаніе автора о желаніи впустить народъ въ историческую науку и о стремленіи демократизировать область историческихъ изслѣдованій, впустить въ храмъ науки ту шумную, порою грязную и буйную народную толпу, которая непрестанно протестовала противъ всякой казенной регламентаціи и являлась въ круговоротѣ историческаго прогресса силою центробѣжною, въ противовѣсъ силѣ центростремительной, воплощавшейся во образѣ той государственности, которая сковывала страну желѣзнымъ обручемъ порою закона, а порою и беззаконія, какъ, напримѣръ, крѣпостнымъ правомъ. Въ одной изъ своихъ статей: «Представляетъ ли прошедшее русскаго народа какое либо политическое движеніе?»—онъ такъ опредѣляетъ самъ свое значеніе въ русской литературѣ, какъ историка: «...Задача русскаго народа въ будущемъ, его роль въ исторіи челоуѣчества и его взаимодѣйствіе на другія народности міра уразумѣются только тогда, когда русскій народъ будетъ имѣть свою исторію, т.-е. обстоятельную, безпристрастно и умно-художественно нарисованную картину того, какъ пахалъ землю, вносилъ подать, отбывалъ рекрутчину, благоденствовалъ и страдалъ русскій народъ, какъ онъ коснѣлъ или развивался, какъ подчасъ онъ бунтовалъ и разбойничалъ цѣлыми массами, воровалъ и бѣгалъ тоже массами въ то время, когда для счастья его работали генералы, полководцы и законодатели. Изученію проявленія центробѣжной силы и ея факторовъ (народныя движенія, понизовая вольница, пугачевщина, гайдамачина, Пугачевы, Желѣзняки, Заметаевы, Брагины и подобные имъ факторы) мы посвятили бѣольшую часть нашихъ историческихъ работъ и полагаемъ, что этимъ скромнымъ дѣломъ мы все-таки положили первый камень подъ великое зданіе будущей исторіи русскаго народа».

Это *profession de foi* журналиста очень цѣнно—онъ откровенно констатируетъ, что именно его интересуетъ въ русской исторіи, и съ какими явленіями въ ней онъ предпочитаетъ имѣть дѣло, при чемъ смотритъ на это дѣло чрезвычайно скромно, отводя себѣ роль простаго каменщика, потрудившагося надъ возведеніемъ будущаго народнаго историческаго храма. Всѣ свои историческіе очерки, собранные въ 2 тома подъ наименованіемъ «Историческіе пропилеи», онъ поэтому и именуетъ этимъ нѣсколько страннымъ на первый взглядъ наименованіемъ, что разсматриваетъ ихъ, какъ «подготовительные для исторіи, до нѣкоторой степени обработанные матеріалы, какъ простые кирпичи, можетъ быть, пригод-

ные для того, чтобы войти служебнымъ матеріаломъ въ будущее зданіе исторіи,—подобно тому, какъ классическіе пропилеи, составляя преддверіе храмовъ, не считались обителями божества, а только вели въ эти святыни черезъ амфилады колоннъ и портиковъ.

Вводя въ обиходъ историческаго изученія народные элементы, буйную чернь, которая сплошь и рядомъ ведетъ себя на глазахъ читателя достаточно непристойно, авторъ не бросаетъ ей за эти непристойности упрековъ и выговоровъ, но всегда беретъ подъ свою защиту, находя для того или краснорѣчивое слово извиненія или даже полного оправданія. Онъ—не прокуроръ, громящій безпорядокъ и своеволие въ исторической жизни, онъ—защитникъ обездоленныхъ и угнетенныхъ, стремящихся силою собственныхъ мышцъ и мускуловъ скинуть съ себя давящее ихъ ярмо и пудовое иго. И за сколькихъ такихъ угнетенныхъ и безправныхъ поднялъ онъ свой громкій голосъ, сколькимъ вынесъ онъ оправдательный приговоръ! Взять хотя бы раскольниковъ (правильнѣе старообрядцевъ), исторія и значеніе которыхъ до г. Мордовцева освѣщались и судились на основаніи по большей части мертвой буквы закона или казенныхъ, неблагопріятныхъ имъ слѣдственныхъ дѣлъ и административныхъ отписокъ. Мельниковъ-Печерскій первый въ пятидесятыхъ годахъ занялся расколомъ, посвятилъ ему немало журнальныхъ работъ, но въ нихъ читатель не находитъ ни того душевнаго тепла, ни той любви къ «человѣку», которыми такъ проникнуты произведенія автора «Иргизскихъ раскольничьихъ общинъ», «Борьбы съ расколомъ въ Поволжьѣ» и романа «Великій расколъ». Г. Мордовцевъ первый въ нашей журналистикѣ взялъ подъ свою защиту людей старой вѣры, взглянулъ на эту вѣру, какъ на имѣющую право законнаго существованія и равноправную съ прочими исповѣданіями, и представилъ этихъ людей древняго благочестія хотя невѣжественными и грубыми, но не въ роли еретиковъ и супостатовъ, а какъ искренно стремящихся къ истинѣ и правдѣ и честно и грозно стоящихъ за дорогіе имъ устои жизни, во имя которыхъ готовы были во всякое время положить свои животы и головы на плаху. И если въ грядущемъ будущемъ, приближеніе котораго всѣми такъ трепетно ощущается, вѣротерпимости на Руси будетъ данъ широкій просторъ, и всѣ люди чистой и искренней вѣры будутъ призваны на братскій пиръ любви, то пусть не забудутъ собравшіеся и того, кто съ такою горячностью и силою убѣжденія говорилъ въ ихъ пользу тогда, когда такъ говорить было небезопасно, ибо такіа рѣчи считались дерзкими и неблагонадежными.

Быть можетъ, кое-что изъ того, что авторомъ тридцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ писалось, въ нѣкоторыхъ положеніяхъ, при современномъ развитіи историческаго знанія, нынѣ уже тре-

буеъ нѣсколько много освѣщенія, дополненій и поправокъ, но суть дѣла, суть его проповѣди остается въ силѣ и понынѣ. Въ предѣлахъ времени и тогдашней возможности онъ сдѣлалъ зависящее отъ него, творя его подчасъ торопливо, какъ бы опасаясь потерять выгодный моментъ и случай высказаться. Къ нему и его журнальнымъ работамъ до извѣстной степени примѣнимы тѣ стихи Некрасова, которыми онъ почитилъ Н. А. Милютину:

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спалъ,
Лишь не остыло бѣ желѣзо горячее,
Ты безъ оглядки коваль.

Въ чемъ погрѣшу и чего не додѣлаю,
Думалъ исправить потомъ.
Грубо коваль ты, но руку умѣлаю
Видно донинѣ во всемъ.

VII.

Кромѣ вопроса о раскольникахъ, г. Мордовцевымъ съ особенною силою были выдвинуты еще два—о земствѣ и о роли нашей провинціальной печати. По долгу службы въ канцеляріи саратовскаго губернатора онъ имѣлъ возможность близко ознакомиться съ земскимъ дѣломъ, изучить его историческое развитие и современное положеніе на основаніи провинціальныхъ хроникъ, земскихъ изданій и приложений ко всеподданнѣйшимъ отчетамъ. Результатомъ этого изученія явился рядъ статей, напечатанныхъ преимущественно въ «Дѣлѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ» и попавшихъ впоследствии частію въ изданіе «Историческіе пропілеи», а частію въ книгу «Десятилѣтіе русскаго земства». Въ послѣднемъ трудѣ авторъ нарисовалъ серію картинъ изъ областной жизни, картинъ то мрачныхъ, то свѣтлыхъ, то отмѣченныхъ печалью жесткой старины, то обвѣянныхъ духомъ свободы и рисованныхъ красками, почерпнутыми изъ свѣтлаго источника пореформенной жизни. Историкъ земства, и притомъ первый по времени, онъ далъ большое число портретовъ помѣстныхъ дѣятелей обновленной Россіи, ознакомилъ читателей съ ихъ рѣчами и мнѣніями и обрисовалъ настроенія земствъ, уѣзднаго и губернскаго, въ разныхъ областяхъ нашей родины. Картина вышла пестрая, такъ что въ своемъ обобщеніи ему пришлось констатировать, что «многаго еще недостаетъ земскому дѣлу, что многое въ нашей общей работѣ далеко не совершенно, что много въ ней ошибокъ и недоразумѣній, что въ задачахъ земства много недосказаннаго, невзвѣшаннаго, недостаточно уясненнаго, немало и печальныхъ явленій, глубоко возмущающихъ душу своею неправдою». Но при всемъ томъ, въ общемъ изъ изученія десятилѣтней дѣятельности земства,

по его мнѣнію, «выносятся глубокое нравственное утѣшеніе въ томъ непоколебимомъ сознаніи, что многое изъ того, что было,— прошло и былѣемъ поросло, а въ томъ, что совершается въ настоящемъ, утѣшительнаго больше, чѣмъ неутѣшительнаго, и свѣтлаго, если не количественно, то качественно, больше, чѣмъ темнаго, въ силу библейской истины, что «свѣтъ свѣтитъ во тьмѣ, и тьма его не объятъ».

Въ настоящее время, какъ извѣстно, вопросъ о русской земщинѣ вопросъ очередной, и, къ сожалѣнію, ея двадцатипятилѣтній юбилей прошелъ безъ историческаго обзорѣнія: слышались, хотя и прекрасныя, но лишь общаго характера по ея адресу рѣчи. Не такъ поступилъ ея историкъ въ 1877 году. Онъ далъ обстоятельный сводъ работы земскихъ людей за 10 лѣтъ, но, увы, въ нашей литературѣ не нашлось ему послѣдователя и подражателя, почему за г. Мордовцевымъ и остается имя не только перваго, но пока и единственнаго у насъ историка русскаго земскаго дѣла.

Ему же принадлежитъ въ нашей журналистикѣ честь громкой и очень шумной постановки вопроса о значеніи и ростѣ провинціальной печати. Историкомъ ея въ литературѣ онъ также явился первымъ, хотя роль, имъ здѣсь сыгранная, была не изъ удачныхъ. Областникъ по своимъ природнымъ симпатіямъ и склонностямъ, проповѣдникъ началъ самодѣятельности и самоуправленія, поклонникъ идеи автономности, онъ не сумѣлъ сохранить надлежащаго тона въ отношеніи молодой нарождающейся печати провинціи и отнесся къ ней и ея будущему съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ журналиста, работающаго въ столичныхъ изданіяхъ. Отъ многоаго изъ того, что имъ было сказано по сему предмету въ свое время, онъ, какъ извѣстно, впослѣдствіи отказался, признавъ себя побѣжденнымъ и искренно еще въ наши дни воскликнуть: «Да здравствуетъ провинціальная печать!» Въ своемъ очеркѣ, посвященномъ этой печати ¹⁾, я подробно передалъ читателямъ исторію и нѣкоторыя перипетіи этого шумнаго спора, въ кругъ котораго г. Мордовцевъ сумѣлъ вовлечь чуть ли не всю повременную прессу, а потому пересказывать стараго не буду. Здѣсь же лишь отмѣчу, что какъ бы ошибочны взгляды писателя на вопросъ ни были, самое возбужденіе вопроса составляетъ его несомнѣнную заслугу— онъ оживилъ вопросъ объ областной печати, сдѣлалъ его очереднымъ, привлекъ къ нему вниманіе и симпатіи множества людей и тѣмъ самымъ косвенно повліялъ на ростъ и укрѣпленіе этой печати. Кромѣ того, онъ же долженъ быть разсматриваемъ, и какъ первый историкъ ея, какъ популяризаторъ ея органовъ и ихъ представителей среди столичныхъ читателей.

¹⁾ «Печать въ провинціи», «Историческій Вѣстникъ», 1898 г., т. LXXI.

Въ интересахъ послѣдовательности изложенія, я долженъ, однажды вопросъ объ отношеніяхъ г. Мордовцева къ областничеству мною затронуть, отмѣтить и его широкую и громкую дѣятельность въ кругу иного большого областного вопроса: я разумѣю служеніе нашего писателя малороссійскому или украинскому дѣлу. Малороссъ по происхожденію, но великороссъ по воспитанію и кругу практической жизненной дѣятельности, онъ сумѣлъ вмѣстить въ свою литературную работу два начала, шедшія у него неиз-

Даніиль Лукичъ Мордовцевъ въ 1896 году.

мѣнно рука объ руку. Трудясь на пользу общерусскаго просвѣщенія, какъ русскій журналистъ и дѣятель великорусской печати, онъ постоянно, отъ времени до времени, возвращался къ своей дорогой родинѣ, ея преданіямъ, интересамъ и міровому историческому значенію въ прошломъ и будущемъ.

Въ этомъ отношеніи въ журнальной дѣятельности Д. Л. Мордовцева наблюдается трогательный элементъ неослабной племенной любви, которая просвѣчиваетъ во всѣхъ почти его произведеніяхъ. Какъ извѣстно, наша журналистика, вѣчно ищущая «острыхъ ощущеній», немало трунила надъ этимъ, именуя его

то «хохломъ на великорусской подкладкѣ», то «великороссомъ на хохлацкой подкладкѣ», ставила ему, какъ только рѣчь зайдетъ о чемъ нибудь, касающемся Малороссіи, ядовитые вопросы и вызывала на споръ и полемику: «А что скажете на это «дідъ» Мордовцевъ?» — прибавка, часто встрѣчавшаяся на страницахъ нашихъ газетъ. И «дідъ» отвѣчалъ, огрызался, ратуя за свою Украину и украинцевъ, шпыняя «москалей», припоминая ихъ историческіе грѣхи и не давая въ обиду ни своихъ «вишневенькихъ садочковъ», ни «гопака» съ «горилкой», ни бѣлыхъ хатъ съ паробками и дивчинами, облитыхъ луннымъ свѣтомъ чарующей поэзіи. Къ чести почтеннаго писателя должно отмѣтить, что его полемика по близкому и родному вопросу никогда не содержала въ себѣ элемента злости и раздраженія; скорѣе въ ней сквозило нѣкоторое добродушіе, умиротвореніе и та мягкость юга, которою такъ полны и украинское небо, и украинская природа. Вотъ почему, быть можетъ, послѣ Гоголя никто изъ нашихъ дѣятелей печати такъ не послужилъ культурному братству обоихъ развѣтвленій великаго восточнаго славянскаго племени, какъ Даніиль Лукичъ, и вотъ почему онъ долженъ быть дорогъ этимъ обоимъ развѣтвленіямъ. Но надо быть деликатнымъ: нельзя человѣку ставить въ вину того, что въ одномъ случаѣ его чувство было мягче и теплѣе: здѣсь говорила историческая кровь родства, здѣсь говорило сознание многихъ обидъ и горя, понесенныхъ земляками въ ихъ многострадальномъ прошломъ и неустроенномъ настоящемъ.

Дѣятельность г. Мордовцева на пользу своихъ земляковъ нашла себѣ прекрасное изображеніе въ адресѣ, поднесенномъ ему въ 1896 году отъ широкой группы поклонниковъ-южанъ, въ которомъ произведена оцѣнка его литературной работѣ въ кругу малороссійскаго вопроса. Привожу его цѣликомъ, какъ интересный документъ, но въ интересахъ обширной аудиторіи читателей воспроизвожу его въ русскомъ переводѣ.

«Высокоуважаемый

«Даніиль Лукичъ.

«Прошло 40 лѣтъ¹⁾ съ того времени, какъ вдохновенная казачествомъ и любовью къ родному краю душа ваша вылилась въ поэмѣ «Казакъ и море», а вслѣдъ за тѣмъ изъ-подъ вашего пера явились повѣсти: «Старці» и «Солдатка и дзвонарь». Это были первые ваши литературные опыты, которые вы цѣликомъ отдали своей безталанной Украинѣ. Чуткая душа, вылившаяся въ этихъ повѣстяхъ, искренняя любовь къ родному краю и народу, необыкновенная мелодичность рѣчи и настоящей украинскій юморъ,—все это обратило на васъ вниманіе земляковъ и порадовало думою за родное слово и литературу, которая приобрѣла себѣ молодую талантливую силу, но угнетенность нашей народнои рѣчи и тяжелая

¹⁾ Тутъ хронологическая неточность съ опозданіемъ на 2 года.

Авторъ.

умови нашої громадської життя оторвали вас на довге время от родного слова и обратили ваши сили туда, куда уже больше столѣтій десятки народо́въ отдають свои наилучші сили. Всѣмъ хорошо извѣстна ваша неуспяная, огромная, талантливая и плодотворная работа, какъ историка, романиста и публициста, ибо каждый годъ на томъ или иномъ поприщѣ заявляли вы себя твореніями, къ которымъ всѣ прислушивались съ напряженнѣмъ вниманіемъ. Хотя все это написано на великорусскомъ нарѣччі, однако мы при этомъ случаѣ не можемъ не заявить того, что значительная часть вашихъ работъ была объ Украинѣ, о ея минувшей и теперешней судьбѣ или такъ или иначе касалась Украины и была симпатична намъ, украинцамъ. Въ вашихъ историческихъ изслѣдованіяхъ не только объ Украинѣ, но и о жизни великорусскаго народа, особенно въ книжкѣ: «Политическія движенія русскаго народа», вы вездѣ проводили дорогіе украинцамъ взгляды самобытности народной жизни и искренняго демократизма.

«Въ историческихъ романахъ вы рисовали тщательно жизнь нашего края и народа, будили украинское самосознаніе, преданность къ родной Украинѣ и напоминали, «що діялось в світі, чия правда, чия кривда, і чий ми дити».

«Въ своихъ публицистическихъ работахъ вы вездѣ заявляли себя приверженцемъ прогрессивнаго общественнаго движенія, стояли за самоуправленіе, давно любезное нашему народу. Что же касается собственно украинства, то мы съ глубокой благодарностью вспоминаемъ то время, когда вы съ славнымъ покойнымъ батькою Миколою¹⁾ работали въ «Голосѣ» и въ «Недѣлѣ» и боролись съ Кояловичемъ, Аксаковымъ и иными ратниками темной силы, какъ съ татарами, за мать Украину и ея языкъ.

«Въ послѣднее время вы много путешествовали по свѣту и снова дали намъ немало книгъ о нашихъ путешествіяхъ. Но гдѣ бы вы ни были, подъ яснымъ ли небомъ Италіи, на святой рѣкѣ Іорданѣ, подъ палящимъ небомъ Іудей или на Кавказѣ, гдѣ до сихъ поръ орелъ долбитъ ребра Прометея, или гдѣ бы то ни было, всюду вы вспоминали свою Украину и льнули душою къ родному краю, «на тихі води, на ясн зорі, де хаті біленькі, верби зелененькі».

«Проводи, такимъ образомъ, большую часть своей жизни далеко отъ своего края, вы не забывали Украины, какъ забываютъ ее многіе, которые для панства великаго, для лакомства нещаснаго (исполячили и обрусились) понесли свои труды въ чужіе улы, вы не забыли родной рѣчи, вы только, говоря вашими же словами, «какъ-то немного отбились, какъ отбивается весною птица отъ своей стан, а осенью снова пристаесть». Такъ и вы напоследокъ, подъ осень, захотѣли, черезъ 25 лѣтъ снова откликнуться на своемъ родномъ языкѣ.

«Съ того времени и по сей часъ ежегодно являются ваши не большія, но сердечныя повѣсти и рассказы, въ которыхъ такъ тепло, правдиво и мастерски рисуется Украина съ ея исторіей, ея литературою, ея горькою долею и неумирающею надеждою; живуча эта надежда у васъ, живетъ она и у насъ, и слава вамъ, нашъ другъ, нашъ отецъ, за то, что вы, имѣя талантъ и счастливую долю, подерживаете въ насъ эту надежду.

«Ваши «Дві доли», невзирая ни на какія передѣлки, въ которыхъ онѣ были, не умрутъ, не погибнутъ. Дай же вамъ, Боже, счастья добраго и вѣку долгаго, а мы, земляки ваши, подиоси вамъ искреннѣйшія пожеланія, кончаемъ словами нашего славнаго Кобзаря:

«А ти, батьку,
Як самъ здоровъ знаеш,
Тебе люде поважают,
Добрий голос маеш,
Співай же нам, наш голубе,
Про Січ, про могили,

¹⁾ Николай Ивановичъ Костомаровъ. Авторъ.

Коли яку насипали,
 Кого положили.
 Про старину, про те диво,
 Що було, минуло..
 Утні, батьку, щоб нехотя
 Не все світ почули,
 Шо діялось в Україні,
 За що погибала,
 За що слава кавацькая
 По всім світі стала».

Місто не дозволяєть мнѣ распространяться о практическомъ служеніи Д. Л. Мордовцева украинскому дѣлу: онъ устраивалъ до самаго послѣдняго времени малороссійскіе вечера, выступалъ на нихъ ораторомъ и чтецомъ, предсѣдательствовалъ на банкетахъ, предсѣдательствуетъ и понынѣ въ ихъ спеціальныхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ обществахъ и является покровителемъ всякаго украинца, прибывшаго въ сѣверную столицу, который и идетъ къ «старому діду» просто и откровенно со всіми своими думами и нуждами.

Чтобы закончить областническую дѣятельность маститаго писателя, считаю нужнымъ отмѣтить, что и прочія народности, входяція въ составъ Русскаго государства, неизмѣнно встрѣчали въ немъ покровителя и заступника. Такъ онъ много поработалъ по еврейскому вопросу, помѣстивъ въ спеціальныхъ еврейскихъ изданіяхъ немало статей и неоднократно поднималъ свой голосъ въ защиту еврейскаго люда, какъ въ работахъ историко-публицистическихъ, такъ и беллетристическихъ, вступая по сему предмету въ полемику даже съ близкими людьми, какъ, напримѣръ, съ Краевскимъ своимъ недавнимъ единомышленникомъ.

VIII.

Составивъ себѣ крупное имя, какъ историкъ-публицистъ, г. Мордовцевъ со второй половины 1870-хъ годовъ переходитъ отъ статей общественно-научнаго содержанія къ произведеніямъ спеціально беллетристическимъ и съ первымъ же романомъ «Идеалисты и реалисты» упрочиваетъ за собою репутацію талантливаго и выдающагося романиста на сюжеты изъ исторіи Россіи и Украины. Въ теченіе 20-ти лѣтъ имъ создается серія романовъ, обнимающихъ собою почти всю исторію нашей страны, начиная съ древнѣйшаго періода и кончая XIX вѣкомъ. Вотъ болѣе или менѣе полный списокъ главнѣйшихъ его романовъ и повѣстей, при чемъ сюда включаются и тѣ, которые берутъ свой сюжетъ не только изъ русской жизни, но и древняго востока и классическаго міра.

Изъ историческихъ романовъ и болѣе обширныхъ повѣстей Мордовцева первымъ были «Идеалисты и реалисты», напечатанные

первоначально въ «Новомъ Времени» (1876), потомъ выпешдшіе въ трехъ отдѣльныхъ изданіяхъ (1878, 1882 и 1901). Далѣе слѣдовали: «Лжедимитрій» (1879, 2-е изд. 1901), «Наносная бѣда, чума въ Москвѣ» (1879, 2-е изд. 1883), «Двѣнадцатый годъ» (1880, 4-е изд. 1902), «Царь и гетманъ» (1880, 4-е изд. 1901), «Царь Петръ и правительница Софія» (3-е изд. 1902), «Соловецкое сидѣніе» (1880), «Великій расколъ» (4-е изд. 1901), «Мамаево побоище» (1881), «Господинъ Великій Новгородъ» (1882), «Сагайдачный» (1882), «Архимандритъ гетманъ» (1884), «Историческія повѣсти» (1885), «Похороны» (1886), «Авантюристы» (1886, было повторено), «Новые люди» (первоначально были напечатаны во «Всемирномъ Трудѣ» 1886 г. такъ же, какъ и начало «Знаменій времени»; потомъ вышли въ 1897 году 3-мъ изданіемъ), «Напъ Одиссей» (1887), «Кумъ Иванъ» (въ «Дешевой Библиотекѣ» Суворина, 1887), «Бѣглый король» (1888), «Тимошъ» (въ «Вѣстникѣ Европы» 1889), «Фанатикъ» («Новости», 1891), «За чьи грѣхи?» изъ временъ Разина (1891), «Желѣзомъ и кровью», завоеваніе Кавказа при Ермоловѣ (1896), «Свѣту больше!» (1896), «Державный плотникъ» (1899), «Булава и бунчукъ», «Романъ Мазепы», «Посаженная мать (Екатерина II)», «Вельможная панна» (1903). Къ иностранной исторіи относятся слѣдующіе романы: чегыре изъ быта Египта—«Замурованная царица» (1891), «Мечь жрецовъ», «Богиня-Изида сваха», «Говоръ камней» (1895); затѣмъ—«Жертвы Вулкана», изъ послѣднихъ дней Помпеи (2-е изд. 1894), «Иродъ» (2-е изд. 1897), «Погибель Іерусалима» (1897), «Царь безъ царства», изъ послѣднихъ дней царства Имеретинскаго, «Прометеево потомство», изъ послѣднихъ дней независимости Абхазіи (1897), «За всемірное владычество», борьба Митридата Понтійскаго съ Римомъ.

Сверхъ того, г. Мордовцевъ написалъ нѣсколько историческихъ мелкихъ повѣстей, дѣтскихъ и рождественскихъ разсказовъ, не говоря о современныхъ бытовыхъ повѣствованіяхъ.

Наименѣе удачными должны считаться тѣ романы и повѣсти, сюжетъ которыхъ былъ почерпнутъ авторомъ исключительно изъ книжнаго источника, и что по историческимъ дѣйствіямъ его лично не затрагивало и не волновало. Къ числу таковыхъ должны быть отнесены романы изъ древне-египетской и римской жизни. На всѣхъ этихъ произведеніяхъ лежитъ печать вычурности и писательской потуги, гдѣ авторъ, очевидно, не захватывается событіями, а тщится искусственно проникнуться изъ книжнаго источника настроеніями и мотивами.

Необходимо, однако, отмѣтить, что еврейскіе ученые высоко ставятъ беллетристику нашего автора, имѣющую сюжетомъ древне-еврейскую жизнь. Поэтому они охотно переводятъ его романы на древне-еврейскій языкъ (языкъ торы) и отмѣчаютъ, что въ этихъ романахъ превосходно схваченъ духъ древняго іудейства и по-

нять смыслъ исторіи Іудей. Не то мы видимъ у него, когда онъ прикасается родной земли, и когда изъ-подъ его пера во весь ростъ возстаютъ передъ читателями дѣятели XVI—XVIII вѣковъ, т.-е. тѣхъ эпохъ, которыя онъ наилучше изучилъ, духомъ которыхъ онъ пропитался, и гдѣ все ему родное и близкое. Изъ числа наиболѣе удавшихся ему должно отмѣтить «Царь и гетманъ», «Идеалисты и реалисты», «Соловецкое сидѣніе» и «Великій расколъ». Въ большинствѣ его беллетристическихъ произведеній изъ русской исторіи разработаны тѣ же моменты жизни, которые входили и въ его журнальныя работы, при чемъ его непрестанно интересуютъ не спокойныя и тихія проявленія нашего историческаго бытія, а стихійныя и буйныя, гдѣ борются страсти и интересы сильныхъ и слабыхъ. Если не считать его пристрастія ко всеѣмъ дѣятелямъ, вышедшимъ изъ Украины, то въ большинствѣ его романовъ мы не встрѣтимъ идеализаціи отдѣльныхъ типовъ, искусственнаго созданія героевъ дня; его герой—герой собирательный: это русскій простой народъ, та грубая чернь, которая громко при всякомъ случаѣ заявляла о своемъ историческомъ существованіи, о своихъ правахъ, нуждахъ, вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Поэтому въ его повѣстяхъ и романахъ читатель видитъ не только выдвинутые на первый планъ, какъ говорится, «историческіе персонажи», но наглядно усмотритъ широкую народную панораму, то движущуюся, то спокойно пребывающую въ грозномъ, но внушительномъ молчаніи. Все эти панорамы нарисованы у него широкими мазками, размашистою кистью и яркими, подчасъ слишкомъ даже крикливыми красками. Строгая критика судила слишкомъ придирчиво автора именно за эти краски, не желая принимать во вниманіе демократическихъ тенденцій писателя, всегда стремившагося дѣлать свои произведенія какъ можно болѣе близкими широкому кругу читателей, въ интересахъ популяризаціи историческаго знанія и распространенія опредѣленнаго подбора фактовъ и положеній. Историкъ-художникъ плетъ въ немъ всегда рядомъ съ историкомъ-публицистомъ, при чемъ сплошь и рядомъ первый уступалъ дорогу второму, въ интересахъ проповѣди политической и общественной морали, ради которыхъ имъ приносились иногда въ жертву и принципы чистаго искусства и начало академическаго безстрастія. Отсюда иногда зажигательное, что называется, впечатлѣніе отъ чтенія его романовъ и косые взгляды на эти романы людей казеннаго взгляда и холодной рефлексіи.

Своими историческими очерками Д. Л. Мордовцевъ, какъ мы знаемъ, создавалъ «пропилеи» въ будущій художественный храмъ нашей исторіи; своими романами онъ, если не создалъ такого храма, то изготовилъ для него нѣсколько широкихъ картинъ-полотенъ, которыя въ этомъ храмѣ современемъ займутъ не послѣднее

мѣсто и всегда будутъ привлекать къ себѣ взоры его будущихъ посѣтителей.

Семидесятые годы въ личной жизни нашего писателя не отмѣчены какими либо особенно выдающимися фактами. Это былъ періодъ напряженной работы по службѣ и въ литературѣ, періодъ сильнаго роста популярности и сближенія съ самыми разнородными элементами нашей журналистики прогрессивнаго направленія. Особенною близостью отмѣченъ этотъ періодъ къ Н. И. Костомарову, интересныя воспоминанія о которомъ за это время были имъ напечатаны въ «Русской Старинѣ» за 1886 годъ, къ П. А. Гайдебурову, С. Н. Шубинскому, какъ редактору «Древней и Новой Россіи», къ А. С. Суворину, въ молодой тогда газетѣ котораго «Новое Время» имъ и былъ напечатанъ первый его историческій романъ «Реалисты и идеалисты», немало содѣйствовавшій между прочимъ росту газеты и пробужденію къ ней интереса среди массы читателей, любителей занимательныхъ историческихъ фельетоновъ. Событія нашей общественной жизни въ 1881 году сильно разстроили нашего писателя, и вотъ онъ, желая размыкать свое подавленное чувство, предпринимаетъ рядъ путешествій, сначала вольныхъ, а потомъ невольныхъ, въ виду постигшей его болѣзни.

Извѣстно его путешествіе въ Египетъ, къ пирамидамъ, въ Іерусалимъ и на Кавказъ и знаменитое восхожденіе на Араратъ, имѣвшее для него печальныя послѣдствія: онъ простудился, схватилъ гнилостный плевроитъ и послѣ долгаго лѣченія на родинѣ долженъ былъ уѣхать на югъ Франціи, въ Ментону, откуда поправившись онъ совершилъ поѣздку по Италіи и Испаніи. Всѣ эти поѣздки имъ описаны, напечатаны въ разныхъ журналахъ и изданы отдѣльными книжками: «Поѣздка въ Іерусалимъ», «Поѣздка къ пирамидамъ», «Изъ прекраснаго далека», «По Италіи», «По Испаніи», «На Араратъ», «Въ гостяхъ у Тамерлана». Описанія путешествій г. Мордовцева считаются въ нашей литературѣ образцовыми описаніями по массѣ вложеннаго сюда безыскусственнаго лиризма и поэтическаго паѳоса, придающихъ имъ колоритность и повышенность интереса. Но не только этими художественными особенностями выдѣляются его описанія поѣздокъ,—въ нихъ наглядно усматривается и его широкая историческая эрудиція, обратившая въ свое время на него вниманіе представителей нашей университетской науки.

Половина восьмидесятыхъ годовъ явилась переломомъ въ личной жизни Д. Л. Мордовцева: онъ потерялъ въ 1885 году долго и тяжело хворавшую супругу, а съ ея смертію исчезла необходимость въ особенной напряженности труда, почему онъ и вышелъ въ отставку изъ министерства путей сообщенія и отдалъ себя всецѣло литера-

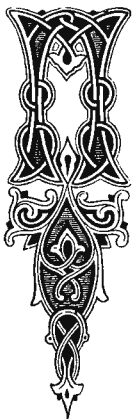
турѣ; подвизаясь преимущественно въ газетахъ, гдѣ и помѣщались, какъ его многочисленныя статьи по вопросамъ дня, такъ и воспоминанія о пережитомъ и романы. Главная его работа сосредоточилась въ послѣднія 15 лѣтъ въ «Новостяхъ», «Восходѣ», «Русской Старинѣ» и «Историческомъ Вѣстникѣ», который и считаетъ маститаго Даніила Лукича однимъ изъ самыхъ старыхъ и почетныхъ своихъ сотрудниковъ, произведенія котораго всегда находили себѣ радушное помѣщеніе на страницахъ журнала и привѣтствовались его читателями, какъ поучительное и занимательное чтеніе.

Б. Глинскій.

ТРИ ПИСЬМА А. П. ЧЕХОВА.

ЕЧТАЕМЫЯ ниже три письма недавно скончавшагося Антона Павловича Чехова къ писателю А. В. Жиркевичу рисуютъ покойнаго Чехова, какъ чуткаго критика, доброжелательнаго, чуждаго зависти къ чужому произведенію, человѣка. Въ нихъ, кромѣ того, имѣется нѣсколько автобіографическихъ замѣчаній покойнаго писателя, а сами письма дышатъ тѣмъ юморомъ, искренностью и задушевностью, которыми вѣетъ на читателя отъ лучшихъ произведеній покойнаго.

1.

Ст. Лопасня. М. К. д. 95 10/III.

Многоуважаемый

Александръ Владимировичъ!

Не взирая на ваше доброе расположеніе и вниманіе, которымъ я такъ дорожу, я, къ великому моему огорченію, вынужденъ отказать вамъ по всѣмъ пунктамъ.

Во-первыхъ, фотографіи моей у меня нѣтъ; въ февралѣ я былъ въ Петербургѣ и снимался у Шапиро, уѣхалъ, не дождавшись, когда карточки будутъ готовы. Если Шапиро пришлетъ мнѣ, то и я пришлю вамъ (конечно, въ обмѣнъ на вашъ портретъ), а пока простите.

Во-вторыхъ, написать откровенно свое мнѣніе о вашей поэмѣ¹⁾, написать такъ, какъ бы вы желали, мнѣ рѣшительно не подѣ силу. Теперь я могу много наговорить вамъ, но все это будетъ околесица, на которую вы только рукой махнете. Стихи не моя область, ихъ я никогда не писалъ, мой мозгъ отказывается удерживать ихъ въ памяти, и ихъ, точно такъ же, какъ музыку, я только чувствую, но сказать опредѣленно, почему я испытываю наслажденіе или скуку, я не могу. Въ прежнее время я пытался переписываться съ поэтами и высказывать свое мнѣніе, но ничего у меня не выходило, и я скоро надоѣдалъ, какъ человѣкъ, который, быть можетъ, и хорошо чувствуетъ, но неинтересно и неопредѣленно излагаетъ свои мысли. Теперь я обыкновенно ограничиваюсь только тѣмъ, что пишу: «нравится» или «не нравится». Ваша поэма мнѣ понравилась.

Что же касается разсказа, который вы пишете, то тутъ другое дѣло, я готовъ критиковать его хоть на двадцати листахъ, и если вы со временемъ пришлете мнѣ его и пожелаете узнать мое мнѣніе, то я съ большимъ удовольствіемъ и прочту, и напишу вамъ болѣе или менѣе опредѣленно, и буду при томъ чувствовать себя свободно.

Письмо покойнаго Крестовскаго, напечатанное въ «Историческомъ Вѣстникѣ»²⁾,—хорошее письмо, и, думаю, оно будетъ имѣть успѣхъ въ литературныхъ кружкахъ. Въ этомъ письмѣ чувствуется литераторъ, и при томъ очень умный, доброжелательный литераторъ.

Позвольте мнѣ еще разъ поблагодарить васъ и крѣпко пожать вамъ руку.

Искренно преданный

А. Чеховъ.

2.

95 2/IV. Ст. Лопасня М. К. д.

Многоуважаемый Александръ Владимировичъ! На нашей станціи не выдаютъ заказной корреспонденціи, и потому ваше письмо все это время лежало въ Серпуховѣ, и если бы не выручилъ сотскій, который по субботамъ ходитъ въ городъ, то вамъ долго бы еще пришлось ожидать отъ меня критики.

Вашъ разсказъ³⁾ мнѣ очень понравился. Это хорошая, вполне интеллигентная, литературная вещь. Критиковать по существу положительно нечего, развѣ только по мелочамъ можно сдѣлать нѣ-

¹⁾ «Картинки дѣтства».

²⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1892 года. Письмо къ А. В. Жиркевичу В. В. Крестовскаго.

³⁾ Разсказъ «Противъ убѣжденія» А. В. Жиркевича. «Вѣстникъ Европы» 1892 года.

сколько неважных замѣчаній. Сегодня первый день праздника, около меня толчется народъ, писать приходится урывками, и потому разрѣшите для легкости излагать эту критику по пунктамъ:

1) Названіе разсказа «Противъ убѣжденія»...—неудачно. Въ немъ нѣтъ простоты. Въ этихъ кавычкахъ и въ трехъ точкахъ въ концѣ чувствуется изысканная претенціозность, и я подозреваю, что это заглавіе далъ самъ г. Стасюлевичъ¹⁾. Я бы назвалъ какимъ нибудь однимъ словомъ: розги, поручикъ²⁾.

2) Рутинныя приемы въ описаніяхъ природы. Разсказъ долженъ начинаться съ фразы: «Сомовъ видимо волновался», все же, что раньше говорится о тучѣ, которая улеглась, и о воробьяхъ, о полѣ, которое тянулось,—все это дань рутинѣ. Вы природу чувствуете, но изображаете ее не такъ, какъ чувствуете. Описание природы должно быть прежде всего картинно, чтобы читатель, прочитавъ и закрывъ глаза, сразу могъ вообразить себѣ изображаемый пейзажъ, наборъ же такихъ моментовъ, какъ сумерки, цвѣтъ свинца, лужа, сырость, серебристость тополей, горизонтъ съ тучей, воробьи, далекіе луга—это не картина, ибо при всемъ моемъ желаніи я никакъ не могу вообразить въ стройномъ цѣломъ всего этого. Въ такихъ разсказахъ, какъ вашъ, описанія природы тогда лишь умѣстны и не портятъ дѣла, когда они кстати, когда помогаютъ вамъ сообщить читателю то или другое настроеніе, какъ музыка въ мелодекламаци. Вотъ когда бьютъ зорю, и солдаты поютъ «Отче нашъ», когда возвращается ночью командиръ полка, и затѣмъ утромъ ведутъ солдата наказывать, пейзажъ вполне кстати, и тутъ вы—мастеръ. Всдыхивающія зарницы—эффектъ сильный; о нихъ достаточно было бы упомянуть только одинъ разъ, какъ бы случайно, не подчеркивая, иначе ослабляется впечатлѣніе, и настроеніе у читателя расплывается.

3) Рутинность приемовъ вообще въ описаніяхъ: «Этажерка у стѣны пестрѣла книгами». Почему не сказать просто «этажерка съ книгами». Томы Пушкина у васъ «разъединяются», изданіе Д. Библиотеки «прижато». И чего ради все это? Вы задерживаете вниманіе читателя и утомляете его, такъ какъ заставляете его остановиться, чтобы вообразить пеструю этажерку или прижатого Гамлета—это разъ; во-вторыхъ, все это не просто, манерно и, какъ приемъ, старовато. Теперь ужъ только однѣ дамы пишутъ: «афиша гласила», «лицо, обрамленное волосами».

4) Провинціализмы, какъ «подборы», «хата», въ небольшомъ разсказѣ кажутся шероховатыми не только провинціализмы, но даже рѣдко употребляемыя слова, въ родѣ «разнокалиберный».

¹⁾ Чеховъ ошибался. Заглавіе разсказу придумалъ поэтъ А. П. Апухтинъ.

²⁾ Разсказъ потомъ вышелъ подъ заглавіемъ «Розги» (сборникъ разсказовъ А. В. Жиркевича).

б) Дѣтство и Страсти Господни изображены мило, но въ томъ самомъ тонѣ, въ какомъ они изображались уже очень много разъ.

Вотъ и все. Но это все такая мелочь. По поводу каждаго пункта въ отдѣльности вы можете сказать: «это дѣло вкуса» — и будете правы.

Вашъ Сомовъ, несмотря на воспоминанія о Страстяхъ Господнихъ, несмотря на борьбу, все-таки наказываетъ солдата. Это — художественная правда. Въ общемъ рассказъ производитъ то впечатлѣніе, какое нужно. «И талантливо, и умно, и благородно» (это изъ одной моей повѣсти. Когда меня ругаютъ, то обыкновенно цитируютъ эту фразу съ «но»).

За фотографію и за лестную надпись приношу вамъ мою сердечную благодарность. Свой портретъ вышлю вамъ, когда самъ получу.

Погода отвратительная. Желаю вамъ всего хорошаго, поздравляя съ праздникомъ.

Вашъ

А. Чеховъ.

3.

18 ноября 1895 г.

Многоуважаемый Александръ Владимировичъ! Вашъ рассказъ, напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы»: «Противъ убѣжденія», я какъ-то послалъ редакторамъ «Посредника» въ расчетъ, что гуманная идея рассказа придется имъ по вкусу, вопреки вашимъ критикамъ, о которыхъ вы мнѣ писали. Я не ошибся. На-дняхъ одинъ изъ редакторовъ «Посредника», Ив. Ив. Горбуновъ, сообщилъ мнѣ, что они были бы весьма не прочь издать рассказъ, который имъ очень понравился. Онъ поручилъ мнѣ попросить у васъ согласія и кстати спросить, не разрѣшите ли вы дать рассказу другое названіе и кое-гдѣ посократить текстъ. По его мнѣнію, сокращенія эти не достигнутъ и ста строкъ... Вамъ, конечно, пришлютъ корректуру и безъ вашего позволенія не тронуть ни одной строчки. Отвѣтъ благоволите прислать по адресу: Москва, редакція «Русской Мысли», для передачи мнѣ.

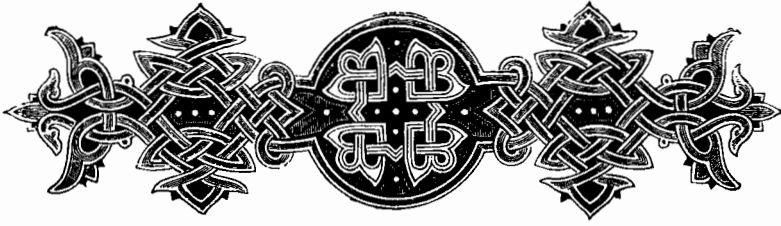
Очень жалѣю, что послалъ вамъ Шапировскую фотографію. Это — самая неудачная изъ моихъ фотографій. На ней я вышелъ какимъ-то іеромонахомъ, а между тѣмъ я большой грѣшникъ и въ постъ ѣмъ скоромное.

Вашъ отвѣтъ я передамъ Ив. Ив. Горбунову тотчасъ же по полученіи. Затѣмъ ужъ онъ самъ напишетъ вамъ ¹⁾.

Желаю вамъ всего хорошаго. Искренно васъ уважающій.

А. Чеховъ.

¹⁾ А. В. Жиркевичъ отвѣтилъ согласіемъ, но на томъ вся переписка объ изданіи въ «Посредникѣ» рассказа кончилась.

Артиллерійскій взрывъ въ 1843 году.

(Архивная замѣтка).

ЧЕТВЕРТАГО августа 1843 г. происходили въ высочайшемъ присутствіи маневры, въ которыхъ, между прочимъ, принимала участіе образцовая конная батарея. Последней не повезло: когда, по занятіи новой позиціи, орудійная прислуга стала снимать орудія съ передковъ, послѣдовалъ взрывъ, коимъ былъ раненъ штабсъ-капитанъ Деконскій, два нижнихъ чина убито и одиннадцать ранено.

Подобное неприятое происшествіе обратило особенное вниманіе императора Николая I, который тотчасъ повелѣлъ генераль-адъютанту Сухозанету, исправлявшему въ то время должность генераль-фельдцейхмейстера, произвести строгое разслѣдованіе о причинѣ взрыва. Принявъ во вниманіе, что орудіе оказалось перевернутымъ вверхъ колесами, хоботомъ къ неприятелю, а дуломъ къ взорванному передку, Сухозанеть, представивъ на другой же день свое разслѣдованіе, полагалъ, что орудіе опрокинулось изъ-за взрыва въ передкѣ, а передокъ былъ взорванъ изъ-за того, что нижній чинъ съ палникомъ, какимъ либо способомъ—или чрезъ неплотно закрытую крышку ящика, или же черезъ трещину въ немъ—сообщилъ нечаянно огонь пороху зарядовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ разслѣдованіемъ было установлено, что въ зарядныхъ ящикахъ было уложено вмѣсто положенныхъ двухсотъ по триста зарядовъ, а самая укладка производилась подъ наблюденіемъ фельдфебеля вмѣсто офицеровъ.

Государь, всегда строгій при малѣйшемъ обнаруженіи имъ какихъ либо неисправностей и признававшій, что «неисправности вездѣ непростительны, а въ образцовыхъ войскахъ еще менѣе тер-

пимы и требуют примѣрнаго наказанія», приказалъ командира батареи и офицеровъ отдать подъ судъ, предварительно ихъ арестовавъ, а командуящему л.-гв. конною артиллеріею полковнику Шварцу и начальнику артиллеріи гвардейскаго корпуса генераль-адъютанту Сумарокову «поставить строго на видъ, что при ихъ надзорѣ подобнаго безпорядка быть бы не должно»; всѣ же ниже чины были признаны государемъ невиновными.

Военный судъ, признавъ наличность нераспорядительности со стороны батарейнаго командира, полковника Симборскаго, приговорилъ его къ мѣсячному аресту, а прочихъ офицеровъ призналъ невиновными.

Со своей стороны генераль-адъютантъ Сухозанетъ представилъ подробную записку съ изложеніемъ своихъ соображеній объ обстоятельствахъ этого дѣла. Записка—очень любопытна и достойна быть вкратцѣ пересказанной.

«Артиллерійская служба, по мнѣнію генерала-артиллерииста, въ отношеніи пиротехническомъ, будучи чрезмѣрно сложною, не представляетъ никакой возможности дать правила на всѣ случаи, часто вовсе не предвидимые. Обезпеченіе отъ несчастныхъ происшествій должно покоиться на теоретическомъ образованіи офицеровъ и на опытности начальниковъ. Ни въ военно-судныхъ, ни въ другихъ законахъ нѣтъ и не можетъ быть описанія порядка, который должно соблюдать при укладкѣ въ ящики холостыхъ зарядовъ; этотъ предметъ принадлежитъ къ пиротехніи и непосредственно къ лабораторнымъ работамъ, которыя совершенствуясь могутъ безпрестанно измѣняться. Неимѣніе особаго буквальнаго постановленія относительно порядка укладки холостыхъ зарядовъ не можетъ служить даже молодому артиллерійскому офицеру оправданіемъ. Чѣмъ болѣе совершенствуется артиллерія, чѣмъ болѣе обшириѣе становится кругъ образованія офицеровъ, тѣмъ строже должна быть ихъ отвѣтственность. Что прежде могло быть приписано невѣдѣнію, то должно теперь отнести къ небрежности. Сложность артиллерійской службы требуетъ общей постепенной отвѣтственности. Не устраняя высшихъ артиллерійскихъ начальниковъ, отвѣтственность эта должна постепенно падать на батарейныхъ командировъ, на офицеровъ, фейерверкеровъ и даже на орудійныхъ ефрейторовъ». Затѣмъ генералъ Сухозанетъ ходатайствовалъ объ ограниченіи наказанія полковника Симборскаго зачетомъ ему въ наказаніе ареста, продолжавшагося во время производства о немъ дѣла.

Генераль-аудиторіатъ въ своемъ заключеніи также находилъ возможнымъ вмѣнить батарейному командиру въ наказаніе бытность его подъ судомъ и содержаніе его въ это время подъ стражей.

12/24 сентября 1843 г., въ Варшавѣ, императоръ Николай I конфирмовалъ дѣло резолюціей: «быть по сему, но артиллерійскому

ученому комитету безотлагательно составить правила для укладки холостыхъ зарядовъ, примѣняясь, елико можно, къ укладкѣ боевыхъ и наблюдая, чтобы въ передкѣ отнюдь не укладывалось болѣе холостыхъ зарядовъ, чѣмъ вмѣщается боевыхъ, какъ въ ономъ, такъ и въ первомъ зарядномъ ящикѣ; самое же устройство крышекъ у передковыхъ ящиковъ пересмотрѣть и улучшить такъ, чтобы плотнѣе закрывались, не оставляя щели между крышей и стѣной ящика».

Михаилъ Соколовскій.

СОРОКАЛѢТІЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ ¹⁾.

«Вотъ несутъ наши гробы!»

Слова одного стараго чиновника при введеніи Судебныхъ уставовъ въ Петербургскую гражданскую палату.

ВЪ НОЯБРЬ прошлаго года очень кстати появился второй томъ «Галлерей русскихъ дѣятелей», издающейся при «Вѣстникѣ и Библиотекѣ Самообразованія», а также и отдѣльной книгой. Настоящій выпускъ посвященъ судебной реформѣ и тѣмъ болѣе отличается необыкновенной своевременностью, что не только минуло ея сорокалѣтіе, но и, 20-го ноября 1904 года, русское общество пришло къ общему сознанию, что настало время для «второй эпохи великихъ реформъ», а чрезъ три недѣли послѣ знаменательной годовщины явился указъ 12-го декабря 1904 года, который осуществилъ завѣтныя желанія всей Россіи. Съ замѣчательной мѣткостью и съ удивительнымъ предвидѣніемъ К. К. Арсеньевъ въ предисловіи къ этому роскошному изданію говоритъ: «Исключительное сочетаніе условій, благодаря которому могла состояться во всей полнотѣ судебная реформа, продолжалось недолго. Задѣтыя ею учрежденія, группы и лица подняли противъ нея агитацію, повлекшую за собою сначала сравнительно небольшія передѣлки, потомъ большую медленность въ расширеніи сферы дѣйствій

¹⁾ Галлерей русскихъ дѣятелей. Главные дѣятели и предшественники судебной реформы, подъ редакціей К. К. Арсеньева. Изданіе Брокгауза и Ефрона Спб. 1904 г.

судебныхъ уставовъ и, наконецъ, существенно важныя отступленія отъ основныхъ началъ преобразованія. Когда, десять лѣтъ тому назадъ, былъ предпринятъ пересмотръ судебныхъ уставовъ, въ видахъ согласованія ихъ текста съ многочисленными новеллами, онъ привелъ къ дальнѣйшимъ шагамъ назадъ, до сихъ поръ, къ счастью, только проектированнымъ, но не осуществленнымъ. Больше, чѣмъ когда либо, поэтому, своевременно воскресить въ памяти русскаго общества образы главныхъ дѣятелей судебной реформы и, вмѣстѣ съ ними, настроеніе ея первыхъ дней, незабвенныхъ для жившихъ тогда сознательною жизнью, но мало знакомыхъ позднѣйшимъ поколѣніямъ. До очевидности яснымъ станетъ тогда печальное значеніе перемѣнъ, которыя принесло съ собою истекшее сорокалѣтіе. Нарушено единство суда, функціи котораго въ значительной мѣрѣ перешли къ органамъ административной власти. Выборный мировой судъ замѣненъ назначенными земскими начальниками (за исключеніемъ столицъ и Одессы). Роль кассационнаго суда, по отношенію къ главной массѣ судебныхъ дѣлъ, раздѣлена между многочисленными коллегіями, въ которыхъ судебный элементъ представленъ до крайности слабо. Сфера дѣйствій суда присяжныхъ значительно сужена, съ соответственнымъ расширеніемъ сферы дѣйствій суда съ сословными представителями. Поколеблена въ своихъ основахъ несмѣняемость судей. На цѣлыхъ три десятилѣтія приостановлена корпоративная жизнь адвокатуры въ большей части судебныхъ округовъ. Гласность процесса поставлена въ зависимость отъ усмотрѣнія высшей судебной администраціи. Параллельно съ законами измѣнились и нравы: ослабѣло если не сознаніе служебнаго долга, въ судебномъ вѣдомствѣ все еще стоящее сравнительно высоко, то сознаніе ответственности передъ обществомъ и народомъ; померкла преданность великимъ идеямъ, внушившимъ реформу. Ничего, однако, не испорчено безнадежно; съ помощью уцѣлѣвшихъ устоевъ не трудно возстановить остальные и не только возвратиться къ традиціямъ 60-хъ годовъ, но и возобновить недоконченную тогда работу. Не всѣ предположенія составителей судебныхъ уставовъ получили силу закона; не все вошедшее въ уставы оказалось отвѣчающимъ своему назначенію. Существенныхъ поправокъ и дополненій требуютъ, на примѣръ, постановленія о предварительномъ слѣдствіи... Привести къ желанной цѣли новый пересмотръ судебныхъ уставовъ можно только при обстановкѣ, напоминающей время ихъ составленія,—только какъ часть цѣлаго цикла преобразованій, продолжающихся и завершающихся великія реформы императора Александра II».

Наравнѣ съ печатнымъ словомъ высказалось и устное слово на банкетахъ, данныхъ въ честь 20-го ноября различными кружками петербургскаго общества. Въ числѣ ихъ первое мѣсто заняли

писатели, журналисты, адвокаты и проч., собравшіеся подъ председательствомъ В. Г. Короленки, издателя «Русскаго Богатства». Послѣ замѣчательныхъ рѣчей Анненскаго, Семевскаго, Короленки и другихъ принята общая резолюція, въ которой между прочимъ было высказано, что пора возстановить судебные уставы въ ихъ первоначальной чистотѣ и пора отмѣнить всѣ тѣ искаженія, которыя внесены въ нихъ въ послѣдующія за судебной реформой сорокъ лѣтъ. На такое единодушное выраженіе общественнаго мнѣнія почти мгновенно отозвалась могучая воля власти: въ указѣ 12-го декабря высказано прямо, что «въ цѣляхъ охраненія равенства предъ судомъ лицъ всѣхъ состояній признается неотложнымъ внести должное единство судебной въ имперіи части и обезпечить судебнымъ установленіямъ всѣхъ степеней необходимую самостоятельность». Изъ этихъ словъ указа явствуетъ, что наступила вторая эпоха великихъ реформъ, которая, по словамъ К. К. Арсеньева, не останется позади первой.

Вотъ почему, какъ мы уже сказали, совершенно кстати появилось собраніе статей о главныхъ дѣятеляхъ и предшественникахъ судебной реформы 20-го ноября 1864 года. Вполнѣ справедливо говоритъ К. К. Арсеньевъ, «что съ восторженнымъ удивленіемъ вспоминаются имена людей, рѣшительно и смѣло положившихъ конецъ хаосу и тьмѣ старыхъ судебныхъ порядковъ; право на благодарную память имѣютъ и тѣ, которые еще раньше подняли край завѣсы, сотканной канцелярской тайной и прикрывавшей царство безправія и ябеды».

Къ числу первыхъ высокодостойныхъ личностей относятся: Зарудный, Буцковскій, Стояновскій, Ровинскій и Ковалевскій, блестящія характеристики которыхъ написалъ въ «Галлерей» извѣстный мастеръ этого дѣла, А. Ѳ. Кони. Для закругленія этихъ очерковъ основныхъ дѣятелей судебныхъ уставовъ К. К. Арсеньевъ еще прибавилъ очень интересныя статьи: «Императоръ Александръ II, какъ участникъ въ судебной реформѣ»,—Н. В. Давыдова, «Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, какъ авторъ первоначальныхъ проектовъ судебного преобразованія»,—В. И. Ширкова, и біографическій этюдъ г. Кони о Д. Н. Замятнинѣ, бывшемъ министромъ юстиціи во время проведенія судебныхъ уставовъ. Наконецъ, къ этимъ очеркамъ приобщена небольшая статья А. Г. Тимоеева о князѣ Николаѣ Алексѣевичѣ Орловѣ, давшемъ толчекъ къ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, этой великой реформѣ, примыкающей къ освобожденію крестьянъ и новымъ судамъ. Что же касается до предшественниковъ судебной реформы, то въ «Галлерей» упоминается о четырехъ изъ нихъ: Капнистѣ, Гоголѣ, Иванѣ Аксаковѣ и Салтыковѣ, силуэты которыхъ рисуютъ гг. Ляцкій, Хрулевъ, Набоковъ и Арсеньевъ. Крупными рельефными чертами набросаны характеристики первыхъ двухъ, драма-

турговъ прошедшаго столѣтія, а также публициста и сатирика нашего времени, въ яркихъ произведеніяхъ которыхъ «Ябедѣ», «Ревизорѣ», «Въ присутственномъ днѣ уголовной палаты» и въ «Губернскихъ очеркахъ» вылились вполне всѣ ужасныя и горькія стороны дореформеннаго судебного строя. Читая эти памятныя, словно живыя, олицетворенія стараго времени, понимаешь неизбѣжна и непредотвратима была какъ великая реформа, освѣтительная мракъ, еще царившій на Руси сорокъ лѣтъ тому назадъ во всемъ, что касалось правосудія и справедливости. Кромѣ означенныхъ крупныхъ литературныхъ произведеній, и многочисленныя публицистическія статьи Аксакова послужили немаловажнымъ подспорьемъ къ подготовкѣ эпохи судебныхъ реформъ. «Глася во всѣ концы», по выраженію Салтыкова, литература въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, говоритъ К. К. Арсеньевъ, колебала своими властными звуками устои, на которыхъ держалось зло, и, дѣлая его для всѣхъ очевиднымъ и ненавистнымъ, приближала моментъ его окончательнаго паденія».

Императоръ Александръ II не сыгралъ такой рѣшительной и великой роли въ судебной реформѣ, какая припала на его долю въ первомъ незабвенномъ его мѣропріятіи: освобожденіи крестьянъ. Но все-таки онъ настоялъ на приданіи этой реформѣ ея величаваго характера: гуманности, мягкости, законности и справедливости. Съ самаго начала его царствованія онъ учредилъ комиссію для разсмотрѣнія проектовъ судебныхъ уставовъ, и чрезъ четыре года энергичныхъ, дѣятельныхъ занятій почтенныхъ юристовъ, окончательно прикомандированныхъ къ этому дѣлу, 20 ноября 1864 года были изданы судебные уставы, водворившіе на Руси «судъ скорый, правый, милостивый и равный». Въ первые года новыхъ судовъ они приобрѣли особое довѣріе и популярность повсюду, особенно благодаря дѣятельности выборныхъ мировыхъ судей, присяжныхъ засѣдателей и судебныхъ слѣдователей, которые быстро уничтожили память о старинной взяткѣ и крючкотворствѣ дореформеннаго суда. Впослѣдствіи, по несчастію, судебные уставы подверглись многимъ искаженіямъ, но надо отдать справедливость ихъ творцу, что онъ самъ упорно охранялъ неприкосновенность этихъ уставовъ. Такъ, на примѣръ, когда на слѣдникъ доложилъ государю о злоупотребленіяхъ въ Московскомъ ссудно-коммерческомъ банкѣ по дѣлу Струсберга, то императоръ отвѣтилъ: «Это дѣло суда, и не намъ съ тобою въ него вмѣшиваться».

Составленіе первоначальнаго проекта судебного преобразованія было поручено Александромъ II начальнику II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, графу Блудову, который уже давно занимался еще въ предыдущее царствованіе различными юридическими вопросами. Онъ былъ очень обра-

зованный человекъ, но написалъ всѣ свои проекты съ бюрократической точки зрѣнія и съ явной враждой ко всякой радикальной лажѣ. Поэтому вся его работа была мертворожденной, и судебная реформа теоретически и практически подвинулась только съ 1861 года, когда попала въ руки смѣлыхъ, отважныхъ дѣятелей судебныхъ уставовъ, такъ что о графѣ Блудовѣ надо лишь упомянуть для памяти; къ тому же въ самомъ разгарѣ работъ по составленію судебныхъ уставовъ Блудовъ скончался, оставивъ неоконченную работу, только номинально бывшую подъ его руководствомъ. Точно также номинально и Дмитрію Николаевичу Замятнину пришлось участвовать въ возникновеніи судебной реформы лишь потому, что она состоялась въ ту эпоху, когда онъ былъ министромъ юстиціи. По справедливому замѣчанію его биографа, А. Ѳ. Кони, дѣятельность Замятнина «была, повидимому, подчасъ стѣсненной бюрократическими условіями служебнаго положенія и лишенной яркой личной окраски». Но надо отдать ему справедливость, что онъ ничѣмъ не мѣшалъ совершавшейся при немъ великой реформѣ, и хотя, можетъ быть, г. Кони слишкомъ превозноситъ его заслуги, но онъ вполне стѣнитъ благодарной памяти за свое честное, преданное отношеніе къ водворенію на Руси судебныхъ уставовъ. По счастью, въ дѣлѣ учрежденія новаго суда его окружали люди вполне достойные, способные, талантливые, и онъ всецѣло имъ довѣрялся; въ этомъ его главная заслуга. Точно также, по совѣту этихъ рѣдко-совѣтливыхъ и знающихъ людей, онъ назначалъ на мѣста въ новыхъ судахъ не чиновниковъ, а людей дѣла. Не болѣе года было суждено Замятнину оставаться министромъ юстиціи послѣ введенія новаго суда, и ему пришлось перенести много злорадныхъ нападокъ отъ враговъ реформы. «Отсутствіе опыта, по словамъ А. Ѳ. Кони, стало признаваться ошибкою, неизбѣжныя разногласія—тенденціозностью, дѣйствительные, хотя и естественные въ новомъ дѣлѣ промахи—преступленіями». Результатомъ интригъ и злостныхъ козней была отставка Замятнина въ 1867 году.

Русская народная пословица говорить: «безъ четырехъ угловъ изба не строится», и величественное зданіе судебной реформы основано на четырехъ, твердыхъ, незыблемыхъ устояхъ—Сергѣй Ивановичъ Зарудномъ, Николаѣ Андреевичъ Буцковскомъ, Дмитріи Александровичъ Ровинскомъ и Николаѣ Ивановичъ Стояновскомъ. Всѣ они были великими дѣятелями созданія и введенія судебныхъ уставовъ. По странной случайности, первые двое изъ нихъ были по образованію математиками. Зарудный кончилъ курсъ математическаго факультета въ Харьковскомъ университетѣ, а Буцковскій былъ воспитанникомъ Инженернаго училища. Вообще, въ судебной дѣятельности перваго времени везло математикамъ, и Николай Адриановичъ Неклюдовъ, извѣстный юристъ, популяр-

ный столичный мировой судья, составитель руководствъ для мировыхъ судей и блестящій оберъ-прокуроръ уголовного кассационнаго департамента, также получилъ высшее образование по математическому факультету Петербургскаго университета. Конечно, большинство остальныхъ лицъ, бывшихъ участниками судебныхъ реформъ, принадлежали по воспитанію къ школѣ Правовѣдѣнія, какъ, на примѣръ, одинъ изъ самыхъ видныхъ и достойныхъ основателей мирового дѣла въ Петербургѣ и во всей Россіи, первый предсѣдатель столичнаго мирового съѣзда, Оскаръ Ильичъ Квистъ, о которомъ, къ сожалѣнію, ни слова не упомянуто въ очеркахъ г. Кони. Окончивъ математическое образование, Зарудный и Буцковскій одинаково начали свою служебную карьеру скромной должностію помощника столоначальника въ министерствѣ юстиціи, если не говорить о кратковременномъ пребываніи послѣдняго въ качествѣ учителя математики въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ. Зарудный остался надолго чиновникомъ-юристомъ, въ молодости занимаясь преимущественно разсмотрѣніемъ отвѣтовъ провинціальныхъ прокуроровъ на различные Блудовскіе проекты судебныхъ преобразованій. Буцковскій же въ началѣ пятидесятихъ годовъ былъ переведенъ въ Москву оберъ-прокуроромъ одного изъ московскихъ департаментовъ сената. Въ то время въ Москвѣ была также сосредоточена дѣятельность Ровинскаго и Стояновскаго; первый изъ нихъ, начавъ службу въ московскомъ сенатѣ, постепенно дошелъ до труднаго и отвѣтственнаго поста московскаго губернскаго прокурора, а послѣдній, занимая должность секретаря и оберъ-секретаря петербургскаго сената, получилъ кафедру гражданскаго судопроизводства въ училищѣ Правовѣдѣнія, гдѣ оставался семь лѣтъ и, наконецъ, переведенъ былъ въ Москву въ 6-й департаментъ сената оберъ-прокуроромъ. Въ 1859 году, по счастливому выраженію Ростовцева, «началось созданіе русскаго народа», и закипѣли работы по освобожденію крестьянъ, къ участію въ которыхъ были призваны Зарудный, Ровинскій и Стояновскій. Назначенный прежде помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, а потомъ статсъ-секретаремъ, Зарудный былъ душею комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, гдѣ выработалъ былъ при содѣйствіи другихъ ея членовъ: Стояновскаго, Арцимовича, Грота и Салтыкова, институтъ мировыхъ посредниковъ, такъ много сдѣлавшихъ для правильнаго и спокойнаго введенія крестьянской реформы. Зарудный имѣлъ еще счастье быть докладчикомъ въ государственномъ совѣтѣ этой реформы, и когда наконецъ вышелъ манифестъ о свободномъ трудѣ, то государственный секретарь, Бутковъ, извѣщая Заруднаго о высочайшей благодарности всѣмъ его помощникамъ, прибавилъ: «Особенно радуюсь возможности сообщить объ этомъ вамъ, какъ одному изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ работѣ»: Участіе Ровинскаго въ крестьян-

скомъ дѣлѣ обнаружилось въ томъ, что онъ былъ избранъ депутатомъ звенигородскаго дворянства въ московскомъ комитетѣ, и не мало поработалъ по вопросу объ уничтоженіи въ будущемъ крестьянскомъ стрѣбѣ телеснаго наказанія, «какъ бесполезнаго орудія возмутительнаго произвола». Что же касается Стояновскаго, то онъ не только приложилъ дѣятельную руку къ великому дѣлу освобожденія крестьянъ, принялъ участіе въ различныхъ комиссіяхъ, образованныхъ по этому дѣлу, но лично составилъ и провелъ въ законодательномъ порядкѣ учрежденіе судебныхъ слѣдователей.

Ближайшимъ послѣдствіемъ свободнаго труда явился свободный судъ, который, конечно, былъ не мыслимъ для порабощеннаго народа. Въ томъ же 1861 году было передано все дѣло о судебной реформѣ въ вѣдѣніе государственной канцеляріи и такимъ образомъ поступило въ руки государственнаго секретаря Буткова, по словамъ Кони, «человѣка съ чрезвычайно практическимъ умомъ, энергіей и умѣніемъ привлекать къ работѣ соответствующихъ людей». Главными его помощниками въ судебномъ дѣлѣ были Зарудный и Стояновскій, пожалованный въ статсъ-секретари. Они пригласили въ свои ближайшіе сотрудники Ровинскаго и Буцковскаго. Сначала изъ всѣхъ прежнихъ матеріаловъ о судебной реформѣ выжато было все лучшее, что въ нихъ находилось, и составлены были основныя положенія, утвержденныя государственнымъ совѣтомъ въ слѣдующемъ году. Затѣмъ были вызваны со всѣхъ концовъ Россіи замѣчанія на эту основную работу, и для ихъ разсмотрѣнія образована комиссія, подъ предсѣдательствомъ Буткова, и раздѣлена на три отдѣленія съ двадцатью семью членами изъ знающихъ, опытныхъ и талантливыхъ юристовъ. Въ отдѣленіи гражданскаго судопроизводства предсѣдателемъ былъ Зарудный, уголовнаго—Буцковскій и судоустройства—Плавскій. Несмотря на раздѣленіе труда въ комиссіяхъ, Зарудный принималъ участіе во всѣхъ, и вездѣ виднѣлась его инициатива. Хотя всѣ члены комиссій работали энергично и дружно, но душой общаго дѣла былъ и оставался Зарудный. Черезъ 11 мѣсяцевъ неустанной работы Судебные Уставы были готовы, и 20 ноября 1864 года, утвержденные государственнымъ совѣтомъ и государемъ, они сдѣлались закономъ. Черезъ два дня Бутковъ послалъ Зарудному первый экземпляръ Судебныхъ Уставовъ съ надписью: «Этотъ экземпляръ вручается Сергѣю Ивановичу Зарудному, какъ лицу, которому новыя реформы въ Россіи болѣе другихъ обязаны своимъ существованіемъ. Онъ занимался этимъ дѣломъ со времени поступленія въ государственный совѣтъ первыхъ проектовъ 2-го отдѣленія и велъ все дѣло до его конца. При такихъ его трудахъ, цѣлью коихъ было одно—искреннее желаніе совершить всю реформу, столь необходимую для пользы Россіи—конечно, первый отпечатанный экземпляръ по праву долженъ

принадлежать Сергѣю Ивановичу». Однако Зарудный не почилъ на лаврахъ, а къ Судебнымъ Уставамъ издалъ комментарий, т.-е. разсужденія, на которыхъ они основаны. Кромѣ того, онъ напечаталъ три собранія матеріаловъ по судебному преобразованію въ семьдесятъ четырехъ томахъ каждое. Что касается участія въ судебныхъ уставахъ Ровинскаго и Буцковскаго, то оно особенно сказалось въ основахъ этихъ уставовъ, въ положеніяхъ о присяжныхъ засѣдателяхъ, мировыхъ судьяхъ, кассационномъ сенатѣ и проч. При этомъ каждый изъ отцовъ судебныхъ уставовъ дѣйствовалъ совершенно своеобразно и самостоятельно. Такъ, напримѣръ, въ вопросѣ суда присяжныхъ Зарудный держался политическаго характера этого учрежденія, Буцковскій стоялъ на точкѣ зрѣнія исторической, а Ровинскій настаивалъ на чисто народной психологіи. Въ послѣдніе два года подготовительныхъ работъ судебныхъ уставовъ Стояновскій нѣсколько отдалился отъ своихъ сотрудниковъ, хотя, назначенный товарищемъ министра юстиціи, энергично и дѣятельно содѣйствовалъ ихъ плодотворному труду. Онъ не только составилъ на проектъ уставовъ многочисленныя объясненія и соображенія, но главное организовалъ на практикѣ новое дѣло судебныхъ уставовъ. Новые суды были ему обязаны главнымъ образомъ своимъ замѣчательнымъ первымъ составомъ. Имена Арцимовича, Зубова, Буцковскаго, Любоцинскаго, Ковалевскаго, Гольтгоера, Полѣнова, Мотовилова, Люминарскаго и другихъ навѣки останутся лучезарными свѣточами, ярко блестѣвшими на судебномъ горизонтѣ первыхъ годовъ.

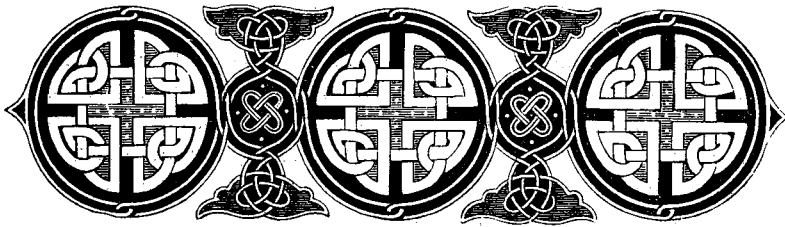
По странной ироніи судьбы, одному изъ главныхъ отцовъ судебныхъ уставовъ не удалось продолжать своего участія въ практическомъ примѣненіи судебныхъ уставовъ: хотя Зарудный и былъ произведенъ въ сенаторы, но стараго сената. Это до такой степени его оскорбило, что онъ едва не вышелъ въ отставку, и въ послѣдніе годы его кипучая дѣятельность избрала себѣ специальную литературную карьеру переводчика съ итальянскаго языка сочиненія Бекарія «О преступленіяхъ и наказаніяхъ» и Дантовскаго «Ада». Это, конечно, не мѣшало ему заниматься излюбленными своими юридическими трудами: онъ издалъ «Гражданское уложеніе Итальянскаго королевства и русскіе гражданскіе законы» и «О торговыхъ законахъ Италіи и Россіи». Ровинскій былъ назначенъ сенаторомъ уголовнаго кассационнаго департамента и оставался въ этомъ званіи двадцать пять лѣтъ. Онъ энергично, добросовѣстно исполнялъ трудную обязанность кассатора въ первыя времена кассационнаго сената, и существуетъ семь тысячъ восемьсотъ двадцать пять его мотивированныхъ резолюцій, которыя служили руководствомъ для современниковъ. Говоря о почтенной высокоуважаемой личности Ровинскаго, нельзя не вспомнить о его замѣчательной дѣятельности и въ качествѣ глубокаго знатока русскаго искусства, археологій

и родной исторіи. Онъ оставилъ многочисленныя сочиненія въ области иконографическаго искусства, и вѣчно сохранится память о его заслугахъ, какъ знатока всего, что касается русскаго народа и русской старины. Буцковскій также продолжалъ свою дѣятельность по юридической части и засѣдалъ по день своей смерти въ уголовно-кассационномъ департаментѣ сената. Излишне распространяться о его трудахъ въ этой области и достаточно лишь упомянуть, что за два дня до своей смерти онъ окончилъ свое высоко-полезное сочиненіе, вышедшее послѣ его смерти, подъ заглавіемъ: «Очерки судебныхъ порядковъ по уставамъ 20-го ноября 1864 года». Что касается до Стояновскаго, то, вслѣдствіе интригъ лишенный мѣста товарища министра, онъ прежде былъ назначенъ кассационнымъ сенаторомъ, а потомъ членомъ государственнаго совѣта, и до глубокой старости исполнялъ многостороннія государственныя и общественныя обязанности.

Кромѣ характеристикъ отцовъ судебныхъ уставовъ, А. О. Кони прибавилъ къ своимъ очеркамъ еще біографическія силуэты Михаила Евграфовича Ковалевскаго, принимавшаго участіе въ составленіи судебной реформы и бывшаго первымъ оберъ-прокуроромъ уголовного кассационнаго департамента сената, а потомъ сенаторомъ и членомъ государственнаго совѣта. Достойно помянувъ о его плодотворной дѣятельности, Кони кончаетъ біографію Ковалевскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свои интересныя статьи въ «Галлерей» замѣчаніемъ относительно его смерти: «31-го января 1884 года грозный и неотвратимый призывъ сказалъ ему: «пора», и онъ ушелъ изъ жизни, когда въ сердцѣ знавшихъ его болѣзненно зазвучало: «рано». Теперь поздно разсуждать о томъ, во время или нѣтъ покинули поле своей благотворной дѣятельности борцы первой судебной реформы, а надо надѣяться, что вскорѣ результатомъ декабрьскаго указа будетъ еще болѣе плодотворная, надежная и неизбежная вторая судебная реформа. Тогда оставшіеся еще въ живыхъ скромные дѣятели судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года каждый съ сердечной радостью скажутъ себѣ: «нынѣ отпускаешь раба твоего съ миромъ».

В. Тимирязевъ.

ПО ДНѢСТРУ НА ЛОДКѢ ¹⁾.

(Путевыя замѣтки).

V.

ВѢТЕРЪ усилился еще болѣе. Солнце спряталось за хмурыя, тяжелыя тучи, проносившіяся, какъ фантастическія чудища, надъ нашими головами. Измучившись, мы рѣшили остановиться и заняться окончательнымъ снаряженіемъ навѣса, чтобы его не срывало вѣтромъ. Собравъ остатки силъ, мы пристали къ лѣвому берегу и остановились у пологого глинистаго ската, поднимавашагося въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ воды въ видѣ длиннаго холма, увѣнчаннаго вишневымъ садочкомъ. Здѣсь оказалась почти полная тишина, и мы дѣятельно занялись устройствомъ навѣса надъ лодкой, что и было кончено часа черезъ 3—4. Получилась очень удобная и помѣстительная палатка, при чемъ всѣ ея стѣнки легко можно было поднимать и опускать.

Навѣсъ былъ готовъ въ-время: тучи сплотились, и отъ времени до времени шелъ дождь. Наша стоянка оказалась очень удачною; справа и слѣва низко надъ землею неслись грозовыя рваныя тучи; селеніе, стоявшее на правомъ берегу, на горѣ, черезъ каждые полчаса совершенно скрывалось за полосами страшнаго ливня, зацѣплявшаго насъ только краемъ, и мы, какъ изъ ложи, любовались

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІХ, стр. 236.

дивной и грозной картиной бури. Но вскорѣ и намъ порядочно досталось; тучи перемѣнили направленіе и стали проноситься надъ нашими головами; порывы вѣтра, несмотря на защиту холма, дергали иногда лодку такъ, что мы все посматривали, какъ бы не оборвалась веревка; временами ливень падалъ сплошной массой, стучалъ, какъ безумный, по нашей палаткѣ, которая съ честью выдерживала нападенія. Деревья на противоположной сторонѣ Днѣстра гнулись, какъ камыши; изъ расщелины одной скалы попытался вылетѣть громадный орелъ, но и его могучія крылья не могли справиться съ ураганомъ, и онъ, продержавшись нѣсколько мгновеній въ воздухѣ, скрылся въ лѣсной чащѣ. Временами наступало затишье, выглядывало солнце, и мы радовались, что все кончилось, но не проходило и четверти часа, какъ новыя полчища тучъ выползли изъ-за горы, обращали день въ ночь, и только яркія молніи грозно блистали, и гремѣли раскаты грома.

Такъ тянулось до 5 часовъ вечера. Все окружающее приняло уже вечерній желтоватый тонъ, стало какъ будто нѣсколько тише, но это только казалось; послѣдній актъ этой волшебной фееріи предстоялъ впереди: изъ-за горы, откуда цѣлый день ползли стада тучъ, вновь показалась темная масса, но она двигалась медленно, торжественно и грозно. Это было какое-то чудовище, звѣрь, вылѣзшій изъ бездны и сверкавшій тысячами молній; захватывая небо во всю ширину, онъ ревѣлъ громовыми голосами и ползъ низко, такъ низко, что рваные клочья, какъ гигантскіе, фантастическіе щупальцы, цѣплялись и присасывались къ вершинамъ деревьевъ и скалъ, а главное туловище, изсиня-черное, горѣвшее по краямъ подъ лучами заходящаго солнца зловѣщими желтыми переливами, надвигалось прямо на насъ. Но вотъ потухли желтые отливы, солнце скрылось, и сразу все потемнѣло...

Быть бѣдѣ!—у насъ дрогнули сердца; наскоро надѣвъ плащи и привязавъ дополнительную веревку къ лодкѣ, мы выскочили на берегъ и, взявъ веревки въ руки, съ трепетомъ стали ждать страшную тучу. Холмы, скалы и деревья стали скрываться, поглощаемые тьмой; вѣтеръ вдругъ стихнулъ, Днѣстръ замеръ въ ожиданіи, и ни одного земного звука не слышно было кругомъ; птицы поирягались въ гнѣзда и дупла, и лишь оглушительные перекаты грома и отдаленный, все усиливавшійся гулъ заставляли дрожать воздухъ. Изъ-за поворота рѣки показалась сплошная стѣна, съ ревомъ приближавшаяся къ намъ; черезъ мгновеніе она достигла до насъ, и ураганъ налетѣлъ со всею своей силой. Нѣсколько минутъ ничего не было видно, лодку трепало, и двѣ веревки едва сдерживали ее; косою ливень съ градомъ затопилъ все, и въ десяти шагахъ ничего нельзя было разобрать, волны Днѣстра закрутились въ бѣшеной пляскѣ и стали биться о прибрежныя скалы.

Минуть десять бушевалъ ураганъ и наконецъ утихъ, и только умолкавшій отдаленный ревъ его показывалъ, что онъ также неистовствуетъ тамъ дальше на юго-востокѣ.

Вскорѣ дивная радуга раскинулась величественной дугой, и выглянувшее солнце оживило послѣдними лучами обрывистые берега.

Понемногу мы привели въ порядокъ лодку и вещи, выкачали набравшуюся воду, разобрали немного подмокшія вещи и сѣли пить чай, что было даже необходимо, такъ какъ мы страшно промокли и продрогли, а Днѣстръ не шутитъ и, несмотря на отсутствіе болотъ, славится своеобразными лихорадками, не менѣе опасными, чѣмъ знаменитая кавказская малярія. Лучшее средство противъ простуды, какъ на Кавказѣ, такъ и въ Бессарабіи это два-три стакана крѣпчайшаго чая, и мы не преминули прибѣгнуть къ этому средству.

Ночь обѣщала быть безпокойной. Иногда бывали сильныя порывы вѣтра, и тучи, хоть безъ дождя, продолжали проноситься надъ нами; мы рѣшили дежурить по очереди и поглядывать за прибылью воды и цѣлостью веревокъ. Зажгли фонарикъ, и наша палатка сразу приняла уютный видъ, что мы особенно оцѣнили послѣ такого безпокойнаго дня.

Ночь, противъ ожиданія, прошла покойно, и утро настало, хоть очень холодное, но солнечное. Проклятый нордъ-вестъ опять сталъ подувать чуть не до силы бури, но мы упорно рѣшили двинуться дальше. О веслахъ и говорить нечего: несмотря на всѣ усилія, лодку относило вверхъ, противъ теченія и гнало къ опаснымъ бурунамъ. Мы попробовали итти на бичевѣ: Владимиръ Николаевичъ взялъ бичеву, я сѣлъ на весла, и мы наконецъ двинулись въ путь, который, увы, съ каждымъ шагомъ становился труднѣе и труднѣе. Пологий бережокъ становился обрывистымъ, кое-гдѣ узкую и скользкую тропинку преграждали громадные валуны, черезъ которые съ трудомъ можно было перелѣзть, и въ довершеніе всего впереди показались какіе-то подозрительныя всплески волнъ во всю ширину рѣки. Это былъ очевидно одинъ изъ перекатовъ, которыхъ много на Днѣстрѣ, и довольно опасныхъ, если не знать прохода, особенно при низкой водѣ, когда подводныя скалы мѣстами даже выглядываютъ изъ воды.

Измучившись, мы остановились отдохнуть и обсудить свое положеніе. Спросить у когонибудь совѣта было нельзя, такъ какъ мѣсто было глухое и безлюдное. Сѣрыя скалы праваго берега угрюмо громоздились одна надъ другой, а лѣвый глинистый берегъ съ валунами носилъ довольно унылый характеръ; небольшой островокъ на серединѣ рѣки и перекалъ со своими пѣнящимися волнами представляли довольно подозрительную картину.

Сколько мы ни раздумывали, все-таки пришлось остановиться на единственномъ планѣ, бывшемъ въ нашемъ распоряженіи, т.-е.

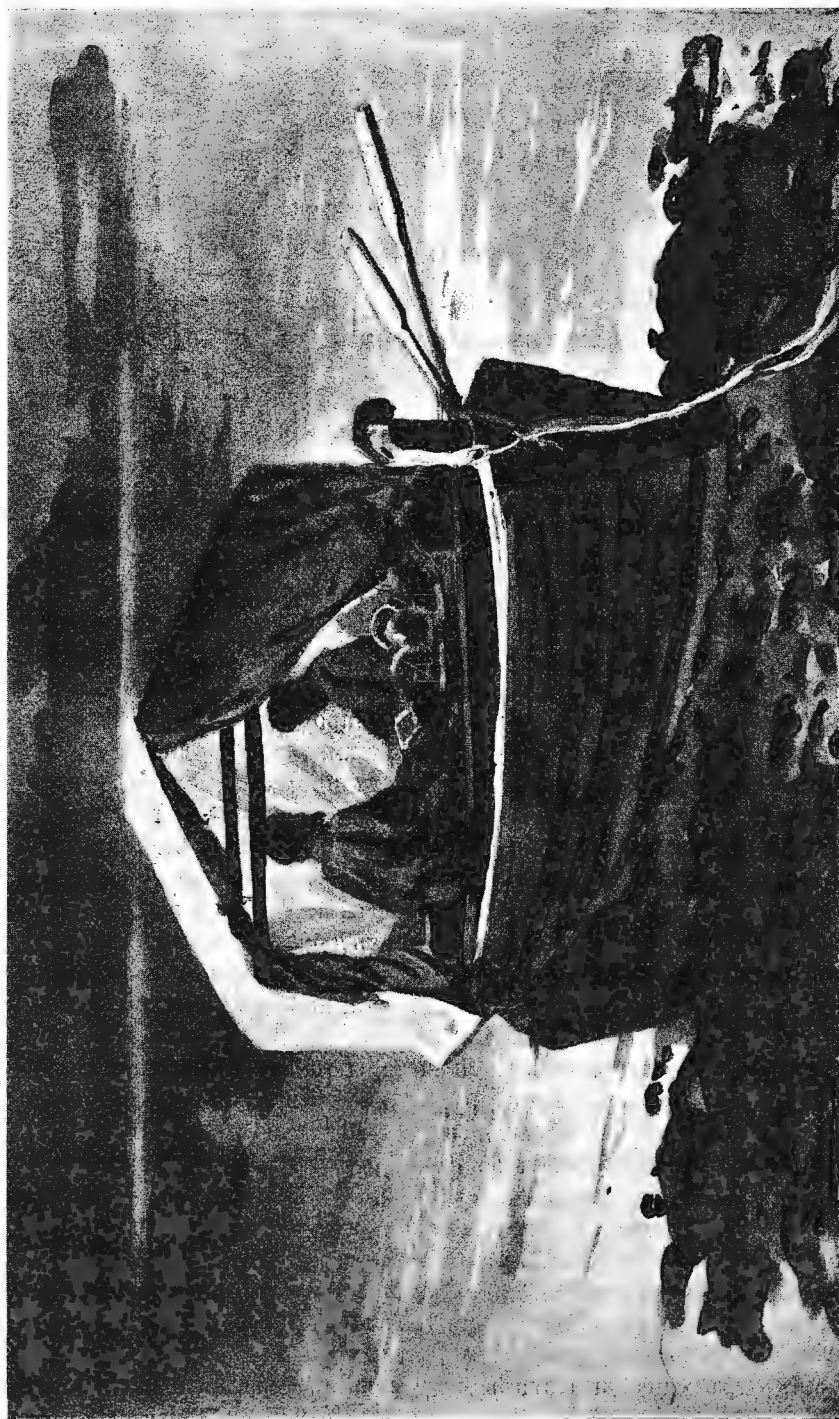
пуститься на авось через перекать, держась какъ можно ближе къ берегу, гдѣ волны были меньше, и гдѣ видно было опредѣленное теченіе. Владимиръ Николаевичъ опять взялся за бичеву, я — за весла, и мы благополучно прошли опасное мѣсто, наскочивъ только на одинъ камень. Я думаю, что мы бы не отдѣлались здѣсь такъ дешево, если бы вслѣдствіе дождей Днѣстръ не поднялся въ эти дни аршина на полтора противъ нормы.

Перекать представлялъ собою вблизи довольно интересную картину: подводныя скалы здѣсь тянутся поперекъ рѣки очевидно нѣсколькими грядами, и Днѣстръ проносится черезъ нихъ большими волнами съ бѣлыми гребнями на вершинахъ.

Намъ приходилось еще проходить въ дальнѣйшемъ путешествіи черезъ другіе перекаты, достигавшіе иногда до версты длины, но представлявшіе собою скорѣе мели изъ крупныхъ камней, гдѣ была толчея. Такихъ же перекатовъ, какъ только что пройденный, мы встрѣтили только два: около Бакоты и близъ Старой Улицы, но они не представляютъ въ настоящее время опасности, такъ какъ фарватеръ очищается для пароходства и повсюду обозначенъ бѣлыми и красными буйками.

Упомянувъ о фарватерѣ и пароходствѣ, я не могу умолчать о довольно грустной исторіи послѣдняго и о цвѣтущемъ состояніи, которое, надо надѣяться, для него настанетъ въ недалекомъ будущемъ. Первая попытка пустить пароходъ была въ 1843 году, и правительство для этой цѣли заказало въ Англіи пароходъ «Днѣстръ», но послѣдній не могъ дойти даже до Тирасполя. То же повторилось въ 1847 году съ пароходомъ «Луба», и затѣмъ неудачи преслѣдовали пароходы «Братецъ» въ 1857 году, «Марія» въ 1864 году и «Днѣстръ» въ 1867 году. Единственный пароходъ, дошедшій въ 1872 году до Могилева и обратно, принадлежалъ Померо. Съ тѣхъ поръ пароходство на долгое время прекратилось, но въ 1881 году «Русское общество пароходства и торговли» предприняло экспедицію для выясненія вопроса о возможности правильного судоходства по этой капризной рѣкѣ. Экспедиція выяснила полную возможность, но при условіи расчистки нѣкоторыхъ перекатовъ, углубленія фарватера на меляхъ и уничтоженія пороговъ близъ Ямполя. Въ 1884 году начались работы и кончились въ 1893 году, что обошлось правительству около милліона рублей.

Съ этого времени и до нашихъ дней на Днѣстрѣ поддерживается постоянное пассажирское и буксирное движеніе между Аккерманомъ и Могилевомъ. Въ 1902 году сдѣланы промѣры верхняго теченія до мѣстечка Устье, сооружены кое-гдѣ каменныя дамбы, повсюду разставлены путеводные знаки и буйки, и во время нашего путешествія вездѣ въ деревняхъ ждали проѣзда казенной лодки съ инженерами-экспертами. Нашу лодку, имѣвшую довольно необычный видъ, рѣчные сторожа, вооруженные мѣдными бляхами

Наша лодка

и казенными флагами, постоянно принимали за казенную и подѣзжали рапортовать. Узнавъ же, что мы—мирные путешественники, спрашивали, не слышали ли мы о комиссії инженеровъ, которую ждали съ часу на часъ.

Наконецъ, въ Бакотѣ мы встрѣтили давно ожидаемую всѣми казенную лодку. Это была большая баржа съ деревяннымъ домомъ величиной съ вагонъ. Эту махину вверхъ по теченію тащило шесть лошадей, и инженеры, вѣроятно, не безъ пріятности проводили время въ своемъ домикѣ, такъ какъ изъ трубы походной кухни шель дымъ и дѣлалъ баржу похожей на неуклюжіи пароходъ.

Вѣроятно, послѣ окончательнаго осмотра русла сейчасъ же пошли вверхъ по Днѣстру пароходы, но мы уже къ этому времени проѣхали верхнее теченіе, а ниже Могилева пароходы «Пионеръ» и «Кишиневъ» ходятъ уже лѣтъ десять, и мы встрѣчали ихъ почти черезъ день, идущими то вверхъ, то внизъ.

Однако я немного увлекся пароходами, между тѣмъ какъ мы, пройдя первый перекалъ и остановившись у пустыннаго берега, сидѣли въ сущности въ дикомъ мѣстѣ, гдѣ нечего было думать о пароходахъ и прочихъ атрибутахъ цивилизаціи.

Къ вечеру вѣтеръ утихъ, и день закончился благополучно. Днѣстръ сдѣлался такимъ же гладкимъ и покойнымъ, какимъ онъ былъ въ первый вечеръ нашего путешествія. Мы пристали въ покойной бухточкѣ подъ сѣрыми массивными утесами, опушенными кое-гдѣ кустами и изрытыми пещерами. Впрочемъ эти пещеры при ближайшемъ осмотрѣ оказались небольшими впадинами, не представлявшими ничего интереснаго; въ нихъ иногда ютятся во время дождя мальчишки-пастухи и разводятъ костры, слѣды которыхъ, въ видѣ угольевъ и закопченныхъ стѣнъ, можно видѣть чуть ли не въ каждой такой пещерѣ.

Мы честно заработали отдыхъ и сонъ, но, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, переутомленіе дѣйствуетъ обратно, и сонъ бѣжалъ отъ насъ. Мы приготовили постели, засвѣтили фонарикъ, и палатка приняла домовитый видъ: фыркалъ чайникъ на керосинкѣ, въ порядкѣ висѣли на гвоздикахъ компасъ, часы и прочія мелочи; заряженные револьверы были положены подъ подушки, вещи аккуратно лежали подъ скамьями, служившими намъ постелями, но, какъ ни уютно намъ было, все-таки мы послѣ чая сѣли на кормѣ и, лѣниво перебрасываясь словами, мечтали и отдыхали отъ труднаго и тяжелаго дня.

Вечеръ былъ дивный. Звѣзды, эти южныя звѣзды, которыя я такъ люблю, быть можетъ, потому, что я къ нимъ привыкъ съ дѣтства, горѣли блестящими искрами въ черной глубинѣ неба. Даль затянулась ночной дымкой, холмы и скалы слились въ однообразныя декораціи необычайно прозрачныхъ, воздушныхъ, сказочныхъ тоновъ. Днѣстръ едва шелестѣлъ, цѣпляясь за береговые камни, и

чуть трогаль нѣжно и любовно нашу лодку. Далеко за горой блеснуло холодное странное зарево, еще мгновение, и изъ-за горы выплыла южная красавица Венера, яркая, блестящая, готовая спорить съ молодымъ мѣсяцемъ, и раздробилась точками въ волнахъ тихаго поэтическаго Днѣстра... Однако мечты мечтами, но пора и спать; мы легли и моментально заснули тихимъ и крѣпкимъ сномъ въ первый разъ по выѣздѣ изъ Хотина.

VI.

Наставшее утро насъ порадовало. Солнце свѣтило ярко, и воздухъ потеплѣлъ. Мы замечтали объ этюдахъ и принялись за разборку холстовъ и красокъ, ни разу еще не открывавшихся съ начала путешествія. Первые этюды были довольно неудачны, что вполне понятно: окружающая природа была такъ нова, глаза еще не привыкли къ новымъ формамъ, и мы не сразу могли войти въ то настроеніе, которое необходимо, чтобы получить хорошіе результаты. Мы впрочемъ не унывали, полагаясь на пословицу: «первый блинъ комомъ», и надѣялись, что будущее вознаградитъ насъ сторицей.

Этого намъ пришлось порядочно подождать. Дожди не прекращались, и работать можно было только урывками. Мы рѣшили нѣсколько дней ѣхать не останавливаясь, чтобы выйти наконецъ изъ захватившей насъ бурной полосы, но вышли нескоро, потому что Днѣстръ въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ громадныя извороты, и когда мы въ теченіе нѣсколькихъ дней прошли по рѣкѣ около 70 верстъ, то очутились всего верстахъ въ 10 отъ того мѣста, гдѣ насъ застала первая буря.

Шли мы эти 70 верстъ, останавливаясь только для ночлеговъ и обѣда. Днѣстровскіе берега здѣсь чудно хороши: отвѣсныя скалы самыхъ разнообразныхъ очертаній и тоновъ, опущенныя то кустами, то лѣсомъ, тянулись справа и слѣва. Живописныя деревни то ютились около скалъ, то, какъ орлиныя гнѣзда, сидѣли на вершинахъ саженьхъ въ восьмидесяти надъ уровнемъ Днѣстра. Кое-гдѣ скалы принимали видъ настоящихъ горъ, и высокіе травянистые холмы были увѣнчаны скалистыми пиками, торчавшими, какъ гигантскіе зубы. По крутизнамъ бродили овцы, козы и мальчишки-пасухи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣки тамъ, гдѣ теченіе особенно сильно, стояли и дѣятельно работали мельницы съ большими колесами, оси которыхъ достигали до четырехъ сажень длины.

Передъ нами прошли большія села: Соколъ, Устье, Мукша, окруженные садами и пашнями, мелькнули мелкія деревушки и хуторки, живописно приютившіеся надъ рѣкой.

Скоро должна была показаться Студеница, а дальше Днѣстръ идетъ прямо на востокъ, и мы могли рассчитывать убѣжать отъ

непогоды. Но подъ самой Студеницей насъ настигла черная туча; мы налегли на весла, сильное теченіе помогло, и мы быстро промчались мимо этого большого мѣстечка и стали высматривать мѣсто для остановки. Кое-какъ пристроились къ выдающемуся мыску съ топкимъ глинистымъ берегомъ, въ которомъ не хотѣлъ держаться колъ съ веревкой. Между тѣмъ туча насъ догнала и начался такой же ураганъ, какой мы испытали уже нѣсколько дней тому назадъ. Но тогда мы были все-таки довольны, такъ какъ любовались величественной картиной бури, теперь же чувства наши были иныя: было 9 часовъ вечера, насъ окружала непроницаемая мгла, и потоки дождя съ градомъ, вой вѣтра, молніи и громъ не доставляли намъ особеннаго удовольствія.

На этотъ разъ буря бушевала часа три и стихла только къ 12 часамъ ночи. Промокшіе, усталые и продрогнувшіе до костей, мы кое-какъ устроились на ночь, которую провели очень безпокойно. Мы уже начали приходить въ отчаяніе, думая, что все лѣто будетъ такимъ сырымъ, холоднымъ и бурнымъ, но къ нашему счастью это была послѣдняя буря, потрепавшая насъ на прощаніе, а затѣмъ начался рядъ хорошихъ теплыхъ и солнечныхъ дней, и мы отдохнули отъ вынесенныхъ передрагъ.

На слѣдующій же день мы выѣхали съ мѣста нашего ночлега и, проѣхавъ версты двѣ, за поворотомъ рѣки увидѣли какое-то небольшое строеніе, прилѣпившееся къ скалѣ саженяхъ въ семидесяти надъ водой; налѣво, гдѣ гора переходила въ равнину, раскинулось селеніе съ древней церковкой галиційскаго типа: съ тремя одинаковыми куполами, похожими на конусообразныя шапки.

— Что это тамъ, на горѣ?—обратился я къ Владимиру Николаевичу.

— Я думаю, что это скальный монастырь,—замѣтилъ онъ.

— Остановимся?

— Остановимся.

Нѣсколько минутъ спустя, мы причалили къ берегу, гдѣ стоялъ паромъ. У рѣчного сторожа узнали, что это дѣйствительно пещерный монастырь, а селеніе, расположенное на берегу, называлось Бакота. Это селеніе, какъ и большинство другихъ, когда-то играло нѣкоторую роль въ исторіи Польши и Бессарабіи, и польская хроника не разъ упоминаетъ на своихъ страницахъ о стычкахъ, бывавшихъ здѣсь. Лѣтъ 40—50 тому назадъ здѣсь еще существовали остатки когда-то роскошнаго палаццо одного изъ польскихъ магнатовъ.

Сдавъ лодку на храненіе сторожу, захвативъ альбомы и фотографическій аппаратъ, мы отправились въ монастырь. Къ нему вела хорошая тропа, пробитая въ скалѣ и круто поднимающаяся вверхъ. Передъ нами шире и шире раскидывалась огромная панорама: съ этой выпины были видны два или три поворота Днѣстра,

Пастухъ.

высокіе холмы, скалы, а направо, на пологихъ скатахъ раскинувшіяся нивы, сады, нѣсколько деревень и хуторовъ представляли красивую, размашистую картину.

Тропа привела насъ на площадку длиной шаговъ сорокъ, а шириной—двадцать. Въ отвѣсной скалѣ, ограничивавшей площадку съ лѣвой стороны, было отверстіе, ведущее въ пещеру, а рядомъ

деревянная пристройка. По лѣстницѣ мы вошли въ пещеру; она была неглубока и черезъ двѣ сажени отъ входа поворачивала влѣво. Въ стѣнахъ и въ полу были высѣчены впадины, служившія когда-то могилами. Затѣмъ мы вошли въ деревянную пристройку, служившую церковью. Когда-то вся церковь была внутри скалы, но теперь остался одинъ алтарь, а для народа придѣланъ помостъ съ крышей и разборными стѣнами, разбирающимися во время большого скопленія богомольцевъ, и тогда стоящіе на площадкѣ также могутъ видѣть богослуженіе. Небольшой алтарь выкрашенъ масляной краской, и остатки старины совершенно исчезли. Около алтаря былъ входъ въ другую пещеру, гдѣ сохранился оригинальный, высѣченный изъ камня образъ Божіей Матери, стоявшій въ нишѣ, а сбоку въ нишѣ, служившей могилкой, стояла картина «Христосъ въ гробу», написанная очень недурно и оригинально скомпанованная: голова Христа закинута назадъ, правая рука безпомощно свѣсилась до земли; къ колѣнямъ Иисуса въ смертельной тоскѣ прильнулъ ангелъ, распростершій крылья.

Кромѣ сохранившихся алтаря, придѣла съ образомъ Божіей Матери и пещеры съ могильными нишами, кое-гдѣ въ скалѣ видны слѣды келлій, ходовъ и отдушинъ. Говорятъ, что гдѣ-то внутри горы должна быть винтовая лѣстница, но, несмотря на внимательные поиски, ее никто не могъ найти.

Исторія возобновленія этого монастыря не лишена интереса: лѣтъ десять тому назадъ никто въ Бакотѣ не подозрѣвалъ, что въ этомъ обрывистомъ утесѣ есть пещеры, но, по преданію, берегъ Днѣстра въ этомъ мѣстѣ назывался «монастыремъ». Въ одинъ прекрасный день случился обвалъ: часть скалы оторвалась и грохнула внизъ, захватывая съ собой камни, деревья и потоки осыпей; тогда-то и открылся случайно входъ въ пещеры; крестьяне, найдя внутри келліи, скелеты, утварь и проч., дали знать священнику, тотъ начальству, и вскорѣ въ Бакоту пріѣхалъ археологъ, профессоръ Антоновичъ, серьезно занявшійся изслѣдованіемъ открытаго монастыря. Говорятъ, что былъ найденъ небольшой архивъ и много интересныхъ вещей, но все это, вѣроятно, было взято профессоромъ съ собой, и въ монастырѣ ничего, кромѣ нѣсколькихъ кусковъ ржаваго желѣза да каменнаго образа, не осталось.

Преосвященный Димитрій, архіепископъ подольскій и брацлавскій, заинтересовавшись найденнымъ монастыремъ, доставилъ средства для реставраціи и лично пріѣзжалъ освящать возобновленную церковь, въ память чего направо отъ алтаря повѣшена ужасная картина, изображающая это событіе, написанная, вѣроятно, какимъ нибудь доморощеннымъ художникомъ.

По Днѣстру довольно часто попадаются пещеры и бывшіе пещерные монастыри. Высѣчены они обыкновенно въ известковыхъ скалахъ и относятся къ глубокой древности. Многіе относятъ ихъ

ко времени владычества готовъ и зарожденія христіанства, но многіе считаютъ ихъ еще древнѣе и относятъ ко временамъ постоянныхъ нашествій восточныхъ ордъ, когда мѣстное населеніе принуждено было спасаться и спасать свое имущество въ недоступныхъ тайникахъ.

Въ Бакотѣ мы пробыли два дня, сдѣлали нѣсколько набросковъ и двинулись дальше. Массивная скала съ монастыремъ осталась позади, перейдя же черезъ небольшой перекалъ, мы завернули за мысъ, и селеніе Бакота скрылось изъ вида.

Насъ стала было догонять хмурая туча, грозившая проливнымъ дождемъ, но мы успѣли уйти отъ нея. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, мы прошли мимо красивой деревушки Граевки съ симпатичнымъ барскимъ домомъ, уютно выглядывавшимъ среди зелени тополей, винограда и вишенъ. Былъ праздникъ, и на берегу около одной хаты шло веселье: скрипка и дудка заливались вперегонку, а разряженные парни и дѣвки съ азартомъ отплясывали вальсъ.

Вечерѣло. Днѣстръ тихо катилъ свои волны, и берега отражались въ нихъ длинными вертикальными полосами. На лѣвомъ берегу красиво вырисовывались на солнцѣ глубокія промоины въ глинистой почвѣ, и прозрачныя спренивыя тѣни падали на стѣны этихъ промоинъ.

Направо и налево мелькали хатки хуторовъ и деревень, направо Дурняковцы, налево Молодова; впереди показалась мельница, а за ней виднѣлся большой перекалъ съ высокими гребнями волнъ. Увидѣвъ рыбака, нырявшего въ волнахъ на маленькомъ челнокѣ, мы тоже пустились по срединѣ перекала; лодку стало покачивать, но теченіе было слабое. Пройдя черезъ перекалъ, мы пристали къ берегу противъ большого мѣстечка Старая Ушица. Вечеръ былъ холодный, но хорошій, луна свѣтила ярко и сильно. Мы спокойно улеглись спать, не боясь дождей, изъ полосы которыхъ наконецъ очевидно вышли: рѣчной сторожъ говорилъ, что уже недѣли двѣ дождей въ этихъ мѣстахъ не было.

На утро я отправился въ Старую Ушицу. Этотъ заброшенный въ настоящее время городишко насчитываетъ много вѣковъ своей жизни и упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ въ XII вѣкѣ. Нѣкоторое время онъ былъ уѣзднымъ городомъ, а потому имѣлъ нѣкоторое значеніе, но съ переводомъ уѣзда въ Новую Улицу, лежащую сѣвернѣе, онъ потерялъ свое значеніе и держится лишь еженедѣльными базарами-ярмарками, на которые съѣзжается населеніе многочисленныхъ окрестныхъ деревень. Въ обыкновенные дни это—тихій и сонный городокъ, гдѣ трудно чтонибудь достать.

Только что я вышелъ на базарную площадь, гдѣ двѣ-три торговки продавали хлѣбъ, сало и колбасы, какъ ко мнѣ присосѣдился молодой, прилично одѣтый жидокъ, заинтересовавшійся нашей лодкой, и при его помощи я нашелъ и купилъ всю нужную для

нашего хозяйства провизію. Такъ какъ никакихъ достопримѣчательностей въ Ушицѣ нѣтъ, и осматривать нечего, то мы, простишись съ любезнымъ жидкомъ, двинулись въ дальнѣйшій путь.

Нѣсколько дней прошло довольно однообразно: ѣхали, писали этюды, ночевали подъ скалами, переходили черезъ перекаты. Коегдѣ насъ стали тревожить бичевники: тяжелыя барки, подпимающіяся вверхъ по Днѣстру, тянутся на бичевѣ лошадьми, и намъ приходилось подхватывать канатъ и переносить его черезъ свою лодку, которая иначе могла быть сорвана съ мѣста.

Довольно большую остановку мы сдѣлали около селенія Непоротово, близъ котораго есть большія пещеры. До пещеръ проложена хорошая дорога въ двѣ версты длиной, но можно взлѣзть на гору и по тропинкѣ, пробитой пастухами. Я остался караулить лодку, а товарищъ полѣзъ осматривать пещеры, одна изъ которыхъ была очень большая и глубокая; на обрывѣ она выходила тремя арками, упиравшимися на массивные столбы. Кромѣ главной пещеры, служившей церковью, были еще нѣсколько небольшихъ келлій.

Владимиръ Николаевичъ снялъ фотографіи и вернулся въ лодку совсѣмъ измученный, потому что тропинка, по которой ему пришлось итти, представляла много удобствъ для козъ и барановъ, но тяжела для человѣка непривычнаго.

Благополучно мы миновали нѣсколько деревень и остановились противъ селенія Нагоряне, такъ какъ насъ привлекли замѣчательно оригинальныя скалы съ пещерами, смотрѣвшими темными пятнами на высотѣ 60-ти—70-ти сажень надъ Днѣстромъ.

По обыкновенію наступилъ дивный вечеръ, звѣзды горѣли, какъ фонарики, и изъ-за холмовъ торжественно выплыла луна, озаряя все своимъ пепельнымъ свѣтомъ.

VII.

Въ этотъ вечеръ мы видѣли такое зрѣлище, какое едва ли когда нибудь встрѣтится опять: часовъ въ одиннадцать я выглянулъ изъ лодки провѣрить, все ли въ порядкѣ, и остолбенѣлъ передъ открывшейся картиной; мы съ товарищемъ замерли передъ ней въ восторгѣ; Днѣстръ былъ абсолютно тихъ, гигантскія скалы противоположнаго берега, съ ихъ пещерами и осыпями, были залиты луннымъ свѣтомъ, падавшимъ перпендикулярно; удивительные сѣрые и голубые тона воздушными планами рисовались въ отдаленіи, и все это отражалось въ водѣ, отражалось съ такой точностью, что нельзя было разобрать, гдѣ кончается берегъ, и начинается отраженіе; передъ нами была какая-то гармоничная, непонятная сказка; что-то чарующее и мистическое было въ этой удивительной картинѣ; казалось, наша лодка висѣла въ воздухѣ, и мы чувствовали

На берегу Днѣстра.

себя въ пространства. Долгое время мы не могли прійти въ себя отъ восторга. Впечатлѣніе было такъ сильно, что и сейчасъ я вижу передъ собой эту картину со всѣми ея деталями и чарующими переливами тоновъ.

Утромъ мы полѣзли на скалы посмотрѣть пещеры, но онѣ оказались мало интересными; это были громадныя впадины, и нельзя было даже ручаться за то, что онѣ сдѣланы человѣческими руками. Только одна пещера привлекла наше вниманіе: входъ въ нее былъ въ видѣ правильнаго четырехугольника съ обтесаннымъ наличникомъ, но она была совершенно недоступна. Подвернувшійся старикъ рыбакъ разсказалъ намъ объ этой пещерѣ увѣряя, что въ ней, кромѣ каменнаго креста, ничего нѣтъ; въ ней нѣсколько лѣтъ тому назадъ побывалъ одинъ отважный парень изъ Нагорянъ, и вотъ по какому поводу: въ этой пещерѣ издавна свили себѣ гнѣздо орлы; какой-то богатый коллекціонеръ изъ Галиціи предложилъ 100 рублей за пару орлятъ; соблазвившись крупной суммой, одинъ парень взялся за дѣло: три дня рубилъ ступени, вколачивалъ клинья въ расщелины скалъ и наконецъ добился своего—побывалъ внутри и досталъ орлятъ. Кромѣ него, никто больше не отваживался забраться туда, и много уже лѣтъ никто не тревожитъ орловъ, ютящихся тамъ.

Нѣсколько далѣе этихъ скалъ раскинулось селеніе Лядово, на рѣчкѣ того же наименованія; на обрывѣ массивной скалы стоялъ возобновленный пещерный монастырь, который мы рѣшили осмотрѣть.

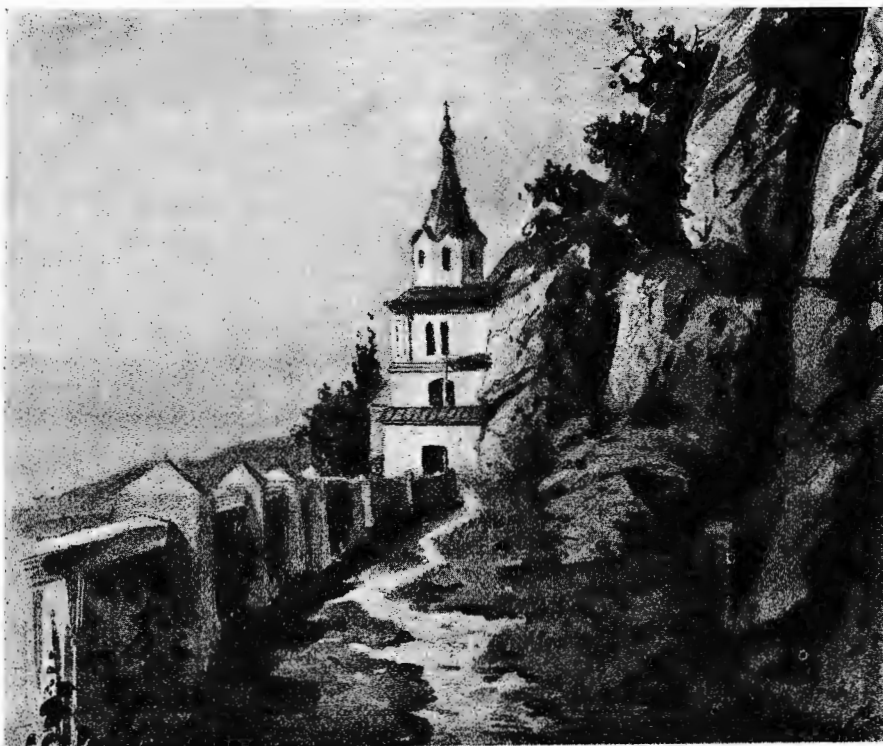
Селеніе Лядово извѣстно не только монастыремъ, но и своими геологическими особенностями: окрестныя скалы состоятъ частью изъ такихъ же породъ, какія встрѣчаются и въ верхнемъ теченіи, то-есть изъ песчаниковъ, глинистыхъ сланцевъ и известняковъ, богатыхъ окаменѣlostями, но близъ Лядова эти скалы перемѣшаны съ мѣловыми пластами, глауконитовыми песками, повсюду массаи попадаются мѣловые кремни, силлурийскіе кварциты, фосфориты и прочее.

Марчинскій въ своемъ описаніи Подольской губерніи говоритъ объ ущельѣ рѣки Лядовы, что «минералогамъ слѣдовало бы посѣтить здѣшній край для опредѣленія натуры и достоинства разныхъ минераловъ. Между прочимъ есть въ Днѣстрѣ камни, покрытые кремневымъ слоємъ, и значительныя кремнистыя массы въ скалахъ надъ рѣкой Лядовой, въ которыхъ находятся разноцвѣтныя колчеданы, аквамарины, настоящіе рубины и множество темныхъ камней». Аванасевъ-Чужбинскій подтверждаетъ это и прибавляетъ, что при немъ во время рытья фундамента въ деревнѣ Наславче (противъ Лядова) были выкопаны кости какого-то огромнаго, несуществующаго звѣря.

Сообщенія Марчинскаго и Чужбинскаго мнѣ подтвердилъ мѣстный старикъ-священникъ, живущій здѣсь около сорока лѣтъ; онъ

показалъ нѣсколько образчиковъ мѣстныхъ колчедановъ и говорилъ, что при земляныхъ работахъ дѣйствительно иногда попадаются какія-то окаменѣлыя кости.

Въ Лядовѣ же большія залежи фосфорита, который добывается въ шахтахъ и складывается въ кучи на берегу. Эти фосфориты имѣютъ видъ картечи или небольшихъ ядеръ темно коричневаго цвѣта. Имъ грузятся, барки, и, какъ мнѣ говорили здѣсь, онъ от-

Церковь въ Лядовѣ.

правляется за границу, гдѣ эти шары перемалываются въ муку для удобренія полей.

Больше всего въ этомъ мѣстечкѣ насъ интересовалъ монастырь, и мы немедленно отправились къ священнику, принявшему насъ очень любезно и рассказавшему кое-что изъ исторіи монастыря. Исторія эта впрочемъ очень несложная: по преданію, монастырь основанъ св. Антоніемъ Печерскимъ въ XI вѣкѣ, во время его путешествія изъ Афона въ Кіевъ. Дальнѣйшая исторія его неизвѣстна, и въ началѣ XVIII вѣка онъ находился въ полномъ запустѣніи, возобновленъ лишь немного болѣе ста лѣтъ тому назадъ, и пер-

вымъ священникомъ былъ назначенъ галиційскимъ архіепископомъ уніатъ; послѣ него стали здѣсь служить православные священники, и нынѣшній о. Владимиръ по счету четвертый. Онъ засталъ церковь въ жалкомъ видѣ: часть ея была внутри скалы, а остальная была сооружена изъ плетня, намазаннаго глиной.

Священникъ любезно позволилъ намъ осмотрѣть монастырь, послалъ дѣвченку къ діакону за ключемъ, и діаконъ повелъ насъ на верхъ, куда вела хорошая широкая дорога, огороженная перилами и по вечерамъ освѣщаемая фонарями. Новые ворота, галлея налѣво и новая церковь совершенно скрыли старый пещерный монастырь. Впрочемъ, войдя въ церковь, мы увидѣли остатки стараго алтаря, высѣченнаго въ скалѣ. Въ первомъ придѣлѣ, во имя Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, находится чудотворный образъ Предтечи, обвѣшанный серебряными, грубо чеканенными, руками, ногами, носами, глазами и образками, приносимыми богомольцами въ память исцѣленій. Стѣдующій придѣлъ во имя св. Праскевы. Кромѣ алтарей, другихъ остатковъ старины не было, если не считать двухъ деревянныхъ рѣзныхъ крестовъ неособенно древнихъ.

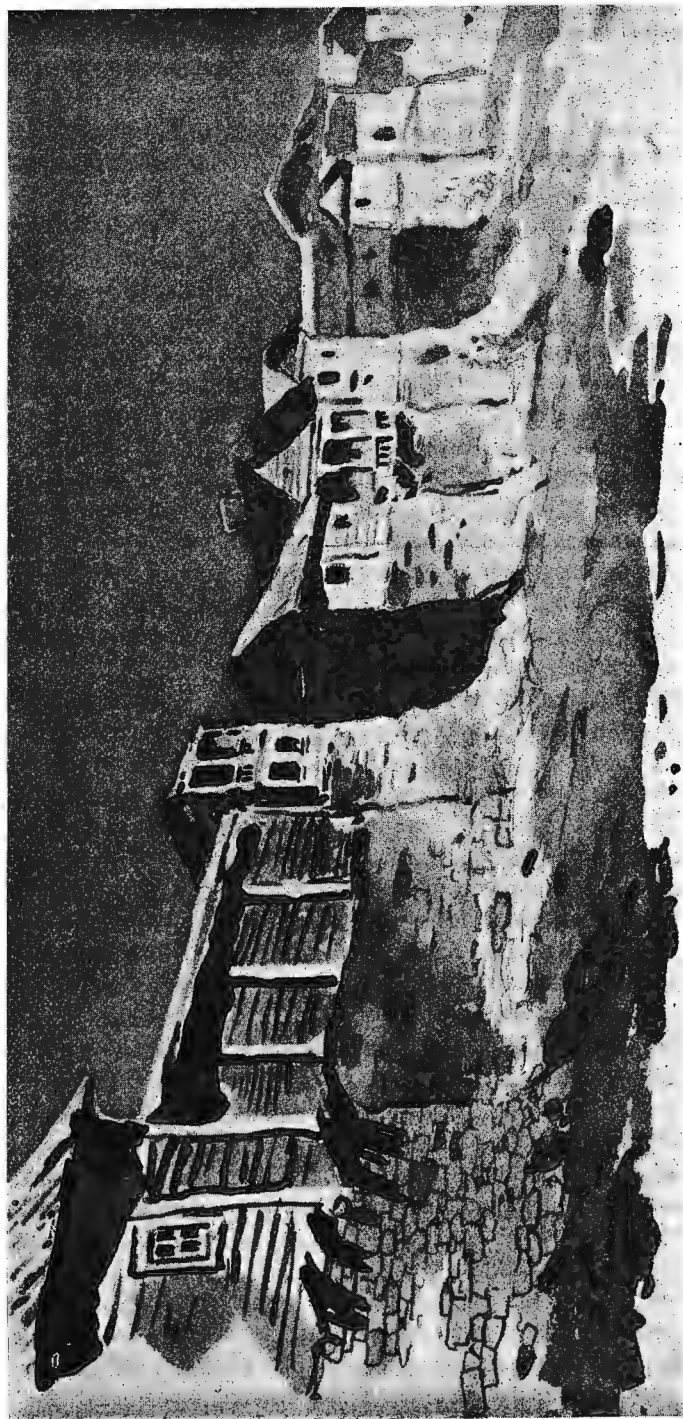
Около церкви есть скала, на которой туристы и богомольцы имѣютъ обыкновеніе вырѣзывать свои имена; на сосѣднихъ скалахъ тоже много эмблематическихъ фигуръ, надписей, инициаловъ, но все это современное.

Въ главной церкви, на хорахъ, находятся двѣ двери, ведущія въ ходы, но туда безъ лѣстницы попасть нельзя, такъ какъ эти двери находятся подъ самымъ потолкомъ.

Нѣсколько дальше главной церкви мы осмотрѣли другую, меньшую, во имя Антонія и Θεодосія пещерскихъ. Это—гротъ шаговъ двадцать длины, глубина котораго служитъ алтаремъ, отдѣленнымъ отъ передней части каменнымъ иконостасомъ грубой современной работы. Изъ алтаря небольшой ходъ, дѣлающій изгибъ, ведетъ въ небольшую келью съ окномъ и дверью, выводящей наружу.

Всѣ эти постройки расположились на уступѣ, возвышавшемся на 80—100 сажень надъ Днѣстромъ. Обрывъ спускается сначала вертикально, а затѣмъ сбѣгаетъ къ водѣ подъ угломъ градусовъ въ 45. Съ площадки открывался грандіозный типичный пейзажъ съ излучинами Днѣстра, холмами, скалами, полями и деревьями.

Поблагодаривъ діакона, мы спустились внизъ къ своему походному жилищу, гдѣ неожиданно встрѣтили художника Судковскаго, товарища Владимира Николаевича. Онъ пріѣхалъ въ Лядово на двѣ недѣли, на этюды, и мы нѣсколько дней провели вмѣстѣ, работая днемъ и собираясь въ лодкѣ по вечерамъ. За стаканами чая или недурнаго мѣстнаго вина мы оживленно болтали, спорили, точно гдѣ нибудь въ комнаткѣ на Васильевскомъ островѣ.

Набережная въ Могилевѣ.

Довольные работой и погодой, мы наконецъ распростились съ Судковскимъ, отвязали нашу ладью и пустились въ дальнѣйшій путь по быстрымъ днѣстровскимъ волнамъ.

Уже въ Лядовѣ у насъ ощущался недостатокъ провизіи, и потому мы поспѣшили впередъ, чтобы закупить въ Могилевѣ все необходимое для дальнѣйшаго путешествія.

Скоро мы достигли того мѣста Днѣстра, которое уже видѣли нѣсколько недѣль раньше изъ вагона, но тогда мы ѣхали ночью, и Днѣстръ смотрѣлъ мрачно и сурово; теперь же, днемъ, онъ весело блестѣлъ на солнцѣ и тихо омывалъ скалистый правый берегъ, по которому проложенъ желѣзнодорожный путь. Громыхая и свистя прошелъ товарный поѣздъ и скрылся за скалами противъ деревни Наславче. Мы налегли на весла и скоро дошли до желѣзнодорожнаго моста, перекинутаго черезъ рѣку. Еще нѣсколько минутъ, и наша лодка была привязана къ одному изъ плотовъ, массами стоявшихъ у берега. Я сталъ собираться въ городъ, а Владимиръ Николаевичъ, оставаясь сторожить лодку, опустил всѣ занавѣски палатки, чтобы избѣгнуть назойливыхъ взглядовъ нѣсколькихъ десятковъ жидовъ, жидовокъ и жиденятъ, откровенно купавшихся передъ всей честной публикой и съ интересомъ тарачившихъ глаза на нашу лодку.

Я скоро собрался въ городъ и, взявъ извозчика, объѣздилъ всѣ нужныя лавки и закупилъ всякихъ припасовъ. Городъ произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе: онъ очень оживленъ, его узкія улицы обсажены большею частью деревьями и обставлены хорошими двухъ и трехъэтажными домами европейской архитектуры; масса хорошихъ магазиновъ, соборъ, костелъ, нѣсколько другихъ церквей дѣлаютъ его городомъ, которымъ справедливо гордится Подольская губернія, и дѣйствительно это—ея лучший уѣздъ. Еще до проведенія желѣзной дороги и до начала пароходства по Днѣстру это былъ большой и оживленный центръ, населенный главнымъ образомъ армянами, получившими когда-то большія привилегіи отъ польскихъ королей. Впослѣдствіи армяне бѣжали отсюда отчасти изъ боязни турокъ, хозяйничавшихъ по сосѣдству въ Бессарабіи, а отчасти оттого, что евреи, добившись позволенія поселиться здѣсь, своей конкуренціей убили армянскую торговлю. Уже лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ отъ армянъ остались въ Могилевѣ только воспоминанія, и вся торговля очутилась въ еврейскихъ рукахъ и процвѣтаетъ здѣсь и понынѣ, особенно оживившись и разившись послѣ проведенія желѣзной дороги и учрежденія пароходства.

Противъ Могилева раскинулось большое селеніе съ оживленнымъ базаромъ: отсюда идетъ почтовая дорога въ Сороки. Это селеніе носитъ названіе Атаки. Подъ этимъ именемъ на Днѣстрѣ три селенія, и вообще бессарабцы, давая имена деревнямъ, не отличаются большой фантазіей: такъ значительно ниже, между Рыб-

нищей и Ягорлыкомъ, находятся пять селеній: Большая Жора, Средняя Жора, Нижняя Жора, а противъ нихъ селенія Журы и Журка.

При такихъ похожихъ названіяхъ и принимая во вниманіе своеобразный выговоръ молдаванъ, можно, при самыхъ тщательныхъ разспросахъ, попасть вмѣсто одной въ другую деревню. Масса другихъ деревень носитъ одни и тѣ же имена, и потому, желая точно обозначить мѣсто, необходимо назвать какое нибудь сосѣднее село, не имѣющее двойниковъ.

VIII.

Могилевъ, Атаки и сосѣднія села славятся своими садами и виноградниками, но, несмотря на эту славу, я не могъ найти недорогого порядочнаго вина, а дорогое по своей цѣнѣ оказывалось все-таки плохимъ.

Это—замѣчательная черта многихъ мѣстъ. Какъ въ Бессарабіи я не нашель мѣстнаго недорогого вина, такъ въ Кахетіи мнѣ вмѣсто кахетинскаго приходилось пить какую-то бурду, платя за нее тѣ же 20 копеекъ, которыя я платилъ за сносное вино въ Тифлисѣ.

Очевидно все лучшее попадаетъ въ руки скупщиковъ—на Кавказѣ армянъ, въ Бессарабіи евреевъ, и у мѣстныхъ жителей остается на рукахъ одна дрянь. Я помню, какъ однажды, пріѣхавъ въ Ревель, я купилъ коробку револьскихъ килекъ—онѣ оказались испорченными; такова судьба многихъ мѣстныхъ продуктовъ.

Нигдѣ въ Бессарабіи, даже въ Кишиневѣ, я не могъ купить хорошихъ яблокъ и грушъ, между тѣмъ я знаю, что въ петербургскихъ магазинахъ продаются бессарабскіе фрукты, но подъ названіемъ французскихъ. Евреи законтрактовываютъ всѣ болѣе или менѣе извѣстные сады и виноградники и на экспортѣ наживаютъ громадныя барыши, на мѣстные же рынки не выпускаютъ почти ничего.

По своимъ основнымъ даннымъ бессарабскія вина имѣютъ много достоинствъ, и если бы дѣло было поставлено на болѣе рациональную почву, то они давно бы завоевали симпатіи публики. Мѣстныя, а также американскія и французскія лозы прекрасно развиваются въ этихъ мѣстахъ, виноградъ вполне вызрѣваетъ, но мѣстное населеніе никогда не дожидается окончательной зрѣлости, не сортируетъ винограда, отчего и получается вмѣсто вина гадость. Всѣ сорта, красные и бѣлые, валяютъ въ одну кучу, давятъ ногами, затѣмъ сливаютъ въ бочку для броженія, которое идетъ подъ открытымъ небомъ, подвергаясь колебаніямъ температуры; открытая бочка засоряется пылью и соромъ, и на это никто не

обращаетъ вниманія. Вино получается жидкое, кислое, съ запахомъ уксуса и продается за безцѣнокъ, иногда даже за 20—30 к. ведро.

Казалось бы, такой продуктъ не нашелъ бы себѣ покупателей, но на дѣлѣ мы видимъ обратное: громадное количество этой кислоты скупается крупными виноторговцами изъ Москвы, Петербурга, Харькова, Одессы и проч. и передѣлывается ими на всевозможные «хересы», «мадеры» и проч. Въ основу этихъ «мадеръ» идетъ въ небольшомъ количествѣ дешовое кислое вино, и затѣмъ добавляются по мѣрѣ надобности жженый сахаръ, сабза, коринка, спиртъ, вода и многія другія примѣси. Насколько выгодно такое производство, показала Москва: Гулишамбаровъ собралъ статистическія данныя и нашелъ, что въ Москву ввозится 396.000 пудовъ вина, при чемъ на мѣстѣ выпивается около 190.000 пудовъ, а вывозится 420.000 пудовъ, иначе говоря, въ Москвѣ вино увеличивается въ объемѣ на 214.000 пудовъ; должно быть, это количество доставляется москворѣзцами «виноградниками» братьевъ Елисеѣвыхъ и прочихъ виноторговцевъ.

Бессарабскіе крестьяне, зная, что ихъ кислота имѣетъ сбытъ и сбытъ постоянный, не заботятся объ улучшеніи производства и даже опасаются его улучшить: рациональное винодѣліе требуетъ затратъ, удорожаетъ вино, а дорогое вино крестьянинъ боится не продать. Дешевую кислотину, въ какомъ бы она ни была количествѣ, евреи, комиссіонеры виноторговцевъ, всегда скупаютъ.

Бессарабскія вина помимо того, что приготавливаются изъ недозрѣвшаго винограда, обладаютъ кислотностью еще и по своей природѣ, а потому не обладаютъ достаточной крѣпостью. Для получения большого количества алкоголя въ сусло до броженія прибавляется сахаръ или, послѣ броженія, спиртъ, но то и другое все-таки можно считать фальсификаціей, и многіе винодѣлы, ведущіе дѣло болѣе естественнымъ образомъ, приготавливаютъ такъ называемые выморозки: обыкновенное вино выставляется на морозъ, часть замерзаетъ, а не замерзшая часть, обладая большимъ процентомъ алкоголя, сливается въ другую бочку; такую операцію повторяютъ три—четыре раза, и въ результатѣ получается довольно крѣпкое и очень порядочное вино.

Послѣдніе года возникъ вопросъ, нельзя ли увеличить достоинство винограда какимъ нибудь другимъ путемъ, а именно при помощи электризаціи.

Опыты электрокультуры, производившіеся въ Парижѣ въ теченіе двухъ лѣтъ г. Пильсудскимъ и давшіе благопріятные результаты для многихъ растений, плодовыхъ деревьевъ, а также и для винограда, подали мысль примѣнить этотъ способъ въ Бессарабіи; винодѣльческій бессарабскій районъ обратился къ г. Пильсудскому съ просьбой произвести нужные опыты, что и было имъ сдѣлано, по его системѣ. Результаты получились блестящіе: въ виноградѣ

Развалины Генуэзской крепости в Сорочках.

прибавилось 8—10% сахара, а одно сусло Рислингъ обладало даже сахаристостью въ 135% при кислотности лишь въ 13,5%.

Этому способу предстоитъ блестящая будущность тѣмъ болѣе, что виноградникъ, подвергнутый электризаціи, гарантированъ отъ зараженія филоксерой.

Всѣ эти усовершенствованія, конечно, со временемъ войдутъ въ обиходъ; въ крупныхъ хозяйствахъ Витгенштейна, Манукъ Бея, Кристи, Понсэ Тардана и проч., а также въ образцовой винодѣльческой школѣ въ Кишиневѣ, съ каждымъ годомъ вводятся улучшенія, но масса простого народа будетъ еще десятки лѣтъ готовить допотопнымъ образомъ «молдаванскую бурду», по образному выраженію отчета одной филоксерной комиссіи.

Образцовыя школы, питомники, сосѣдніе благоустроенныя виноградники долго еще не въ состояніи будутъ вліять на крестьянскую массу, консервативную и неподвижную въ корниѣ. Здѣсь повторяется то же, что мы можемъ наблюдать въ Кахетіи, гдѣ грузины вырабатываютъ свое вино тѣми же орудіями и способами, какія пускалъ въ дѣло по неопытности блаженной памяти дѣдушка Ной.

Кончивъ всѣ закуски въ Могилевѣ, я вернулся нагруженный свертками и мѣшками въ лодку, и мы немедленно двинулись въ путь, чтобы по обыкновенію выбрать уютный уголокъ для ночлега. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, мы остановились въ маленькомъ заличикѣ около громаднаго камня, торчавшаго изъ воды и защищавшаго насъ отъ теченія. Берегъ былъ крутой, и мы не могли втащить лодку, а просто привязали ее веревкой къ наклонившейся надъ нами ивѣ. Наступилъ невозмутимо тихій и покойный вечеръ, и мы спокойно улеглись спать, не опасаясь никакихъ приключеній. Мы совершенно привыкли къ своему походному жилищу и чувствовали себя въ палаткѣ совсѣмъ, какъ дома. Тихія теплыя ночи и блестящія звѣзды навѣвали радужныя сновидѣнія, и мы поднимались съ разсвѣтомъ бодрые, оживленные, готовые опять къ работѣ.

Рано утромъ мы оставили мѣсто ночлега и остановились только черезъ нѣсколько часовъ, найдя оригинальное мѣсто, гдѣ стоило сдѣлать нѣсколько набросковъ. Берегъ поднимался отъ воды громадными травянистыми холмами, прорѣзанными кое-гдѣ глубокими промоинами; по склонамъ холмовъ, точно сказочной рукой великана, были разбросаны скалистыя глыбы, однѣ на половину зарывшіяся въ землю, другія лежащія на поверхности; одна скала, сажени четыре вышиной, торчала, какъ грубый памятникъ, поставленный невѣдомымъ богатыремъ своему погибшему соратнику.

День былъ жаркій и душный, по небу пробѣгали легкія облака, и тѣни ихъ причудливо ползли по холмамъ, то исчезая въ ярахъ, то вновь выплывая на другой сторонѣ и сливаясь вдали съ общей

сѣрой, жаркой дымкой, висѣвшей надъ землей. Въ этой дымкѣ была своя поэзія, свое очарованіе: въ ней чувствовался югъ, но югъ своеобразный, не блестящій яркими фееричными тонами, а полный нѣги томной и нѣжной, наполнявшей сердце не весельемъ, а какой-то грустью. Панорамы, открывавшіяся съ вершинъ холмовъ, тонули въ сѣрыхъ призрачныхъ тонахъ и подавляли своей могучей простотой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, широкимъ размахомъ. Надо родиться здѣсь, надо перечувствовать все это, чтобы быть въ состояніи передать на полотнѣ такіе своеобразные мотивы.

Мы усердно принялись за работу. Въ серединѣ дня, когда мы отдыхали, послышался какой-то странный шумъ, точно отъ идущаго поѣзда или парохода; ни того, ни другого въ этихъ мѣстахъ не могло быть, а потому мы выглянули изъ палатки, и намъ представилось удивительное явленіе, какого никогда раньше не приходилось видѣть: на насъ шла буря. Сплошная, желтая, вся пронизанная горячими лучами солнца, стѣна быстро приближалась къ намъ. Холмы, деревья, Днѣстръ поглощались ею, точно никогда не существовали... А кругомъ была невозмутимая тишина, ни одинъ листъ не колыхался, и голубоватая поверхность рѣки шевелилась едва замѣтно. Но прошло нѣсколько мгновеній, и стѣна дошла до насъ. Страшный ураганъ налетѣлъ сразу, внезапно, безъ предостерегающихъ шкваловъ; минутъ десять бушевала буря, густыя облака пыли окутали все вокругъ такой густой массой, что въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно, а если бы и было видно, то нельзя было смотрѣть, такъ какъ въ глаза, носъ и ротъ точно горстями сыпался песокъ. Ни одной капли дождя не упало, и черезъ нѣсколько времени пыльная буря, оставивъ насъ, понеслась дальше; Днѣстръ сталъ успокаиваться, но его волны сдѣлались желтыми и грязными.

Благодаря бурѣ, закатъ въ этотъ день былъ необыкновенный; масса пыли, оставшейся въ воздухѣ, задерживала лучи и окрашивала ихъ въ оранжевый цвѣтъ; скалы и холмы, залитые лучами заходившаго солнца, приняли совсѣмъ необыкновенный тонъ, они точно просвѣчивали или свѣтились, какъ пылающіе угли; къ сожалѣнію, этотъ моментъ мелькнулъ такъ быстро, что нельзя было сдѣлать даже самаго эскизнаго наброска, не говоря ужъ о законченномъ этюдѣ.

Въ этотъ же вечеръ мы въ первый разъ увидѣли на Днѣстрѣ пароходъ «Кишиневъ», шедшій въ Могилевъ, ночью же онъ прошелъ опять мимо насъ обратно; онъ развелъ по рѣкѣ довольно большія волны, сильно качавшія нашу лодку.

Дальнѣйшее путешествіе шло обычнымъ порядкомъ: ѣхали, обѣдали, писали этюды и спали; попадали то въ красивые уголки, то въ дикіе и своеобразные, гдѣ скалы, осыпи и выжженные пучки травы перемѣшивались и производили оригинальную гармонію

формъ и тоновъ; сѣдѣлисъ нѣсколько разъ основательно или слегка на мели, наблюдали одинъ разъ, какъ стаскивали съ мели двѣ огромныя нагруженныя барки и плотъ около деревни Липки, и, наконецъ, безъ всякихъ приключеній добрались до уѣзднаго города Ямполь, котораго сначала не замѣтили, потому что на рѣку выходятъ какія-то жалкія хибарочки. Мы сообразили, что это Ямполь, только когда проѣхали ниже версты полторы, и когда передъ нами изъ-за поворота рѣки выглянули торчавшія изъ воды скалы во всю ширину рѣки.

Мы сообразили, что это Ямпольскіе пороги, моментально задержали лодку, хотѣли пристать къ берегу, но сдѣлать это было не легко, такъ какъ подъ водой оказались мели. По совѣту прохожихъ мы поднялись вверхъ по теченію и въ одномъ мѣстѣ нашли удобную стоянку. Владимиръ Николаевичъ, по своей обычной лѣни, не хотѣлъ итти въ городъ, и потому мнѣ пришлось опять итти одному. При ближайшемъ осмотрѣ это оказался скверный городишко, съ глинобитными одноэтажными домиками, безъ всякой архитектуры. Раскинулся онъ на унылыхъ, пологихъ холмахъ. На улицахъ царило оживленіе, такъ какъ населеніе Ямполь довольно велико и много проѣзжающихъ. Отсюда идутъ большія дороги въ Сороки, Могилевъ, Ольшанку, Великую Косницу и проч. Этимъ обуславливается и масса гостиницъ и заѣзжихъ домовъ, въ одномъ изъ которыхъ я основательно закусилъ и передохнулъ послѣ утомительной ходьбы отъ лодки до города по солнопеку. Получивъ на почтѣ письма, купивъ кое-какой провизіи, я взялъ извозчика и безъ сожалѣнія разстался съ Ямполемъ.

У насъ возникло было сомнѣніе, какъ пройти черезъ пороги и гдѣ достать лоцмана, но увидѣвъ, какъ пароходъ идетъ черезъ пороги, мы рѣшили итти тѣмъ же путемъ, основательно разсчитывая, что для нашей лодки опасность невелика, если она даже наскочитъ на камень, и, кромѣ того, на порогахъ должны же быть знаки, обозначающіе фарватеръ. Надежда насъ не обманула: буйковъ разставлено было много, и никакихъ затрудненій мы не испытали. Пороги эти были опасны и представляли значительныя препятствія лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, но въ настоящее время они совершенно не стоятъ вниманія и интересны лишь въ томъ отношеніи, что это—единственное мѣсто на Днѣстрѣ, гдѣ выступаетъ надъ поверхностью гранитъ. Въ остальныхъ мѣстахъ гранитъ совершенно скрылся подъ позднѣйшими напластованіями.

IX.

Отъ Ямполь до Сорокъ недалеко, но это—одинъ изъ красивѣйшихъ кусковъ Днѣстра. Массивныя скалы то справа, то слѣва возвышались высокими стѣнами. Отшлифованные валуны, величи-

Родникъ св. Николая въ Жабкинскомъ монастырѣ.

ной съ добрую хату, выступали изъ воды; на высокихъ берегахъ росли одинокіе дубы, выдѣлявшіеся темными пятнами на фонѣ свѣтлыхъ скалъ и синяго неба. Небольшія ущелья, въ видѣ щелей, гдѣ звеня бѣжали небольшіе ручьи, прерывали кое-гдѣ обрывистые берега. Въ одномъ мѣстѣ, посреди Днѣстра выступили два островка, покрытые густыми ивами. Это былъ уютный и поэтический уголокъ, гдѣ мы и сдѣлали привалъ.

Въ Сороки мы пріѣхали часовъ въ 11 утра и остановились около старинной генуэзской крѣпости, стоявшей саженяхъ въ пятидесяти отъ воды. Это была простая цитадель съ высокими стѣнами, четырьмя круглыми башнями по угламъ и одной четырехугольной, въ которой были пробиты ворота. Быть можетъ, когда нибудь были кругомъ валы и рвы, но въ настоящее время все сгладилось, и кругомъ крѣпости устроились верфи для постройки галеръ.

За крѣпостью по крутымъ холмамъ живописно раскинулся городъ, потонувшій въ садахъ и виноградникахъ; это—лучшій уѣздный городъ Бессарабской области и любимое лѣтнее мѣстопробываніе кишиневцевъ, бѣгущихъ отъ лѣтней жары и пыли въ уютныя сорокскія дачки. Кое-гдѣ на окраинахъ города, на скатахъ холмовъ, сбѣгающихъ къ Днѣстру, красовались настоящія виллы, окруженныя виноградниками и садами, украшенными мостиками, бесѣдками и проч. Хорошіе дома, широкія улицы, магазины и церкви дѣлали благоприятное впечатлѣніе.

По своему основанію это одинъ изъ очень древнихъ городовъ. Во времена генуэзскаго владычества онъ носилъ названіе Ольхіоніи. Въ болѣе позднія времена его стали звать Сарака («сарака» по-молдавански значитъ бѣднякъ). Современное названіе Сороки упоминается въ малорусскихъ лѣтописяхъ, какъ мѣсто одной изъ битвъ Хмельницкаго. Отсюда идутъ дороги въ Кишиневъ, Ямполь и нѣкоторыя значительныя мѣстечки, какъ Каменка и проч. Сороки ведутъ большую торговлю виномъ, фруктами и шерстью, сбывая эти продукты частью въ Кишиневъ, а большею частью черезъ Бендеры или Аккерманъ въ Одессу.

По своему обыкновенію мы недолго простояли около города и, покончивъ съ дѣлами, двинулись дальше. Ближайшей нашей цѣлью былъ монастырь около деревни Жабка, куда мы и прибыли безъ приключеній, если не считать сильнаго вѣтра, порядочно задержавшаго насъ.

Подъѣзжая къ Жабкѣ, намъ пришлось проѣхать мимо большого мѣстечка Каменка съ громадными образцовыми виноградниками, принадлежавшими князю Витгенштейну. Въ его имѣніи, помимо построекъ для служащихъ и громадныхъ погребовъ, выстроены еще курзалъ съ первокласснымъ рестораномъ, гдѣ по вечерамъ гремитъ оркестръ. Сюда съѣзжаются больные лѣчиться виноградомъ, а

также богатые помѣщики и жители Кишинева, Сорокъ и Ямполья просто покутить и весело провести время.

Селеніе Жабка, куда мы стремились, находилось верстахъ въ четырехъ отъ Каменки и расположилось на вершинѣ горы, на уступахъ которой былъ выстроенъ монастырь.

Мы остановились у подножія горы, около небольшой хатки, гдѣ жилъ поромщикъ, и на слѣдующее утро, поручивъ послѣднему нашу лодку и сложивъ вещи въ его хату, съ красками и необходимыми принадлежностями, отправились въ монастырь, настоятель котораго еще наканунѣ разрѣшилъ намъ погостить тамъ нѣсколько дней.

День былъ солнечный и жаркій; дорога шла сначала по берегу Днястра по самому солнпеку, но, пройдя около версты, мы попали въ тѣнистый лѣсъ, гдѣ узкая дорожка прихотливо извивалась между зарослями орѣшника. Кое-гдѣ попадались дубы и вязы, которые были особенно хороши около самаго монастыря, расположившагося на большомъ уступѣ горы. Всѣ постройки выглядѣли солидно; все заново отдѣлано, отштукатурено и выбѣлено. Центръ занимала небольшая церковь, окруженная густыми акаціями, а кругомъ расположились прочія строенія: домъ игумена, домъ для братіи, трапезная и другая зимняя церковь, къ которой прилегали пустыя помѣщенія, гдѣ мы и основались. За домомъ игумена помѣщалась небольшая школа, а на задворкахъ прочія хозяйственные постройки: конюшни, сараи и т. д. Все имѣло домовитый и цвѣтущій видъ.

Когда мы пришли въ монастырь, то нигдѣ не встрѣтили ни души, такъ какъ въ это время—около двухъ часовъ дня, вся братія отдыхала. Только около четырехъ часовъ началось движеніе: стали показываться монахи, большею частью, древніе старики, забѣгали съ разными порученіями юркіе послушники въ бѣлыхъ и черныхъ подрясникахъ и мальчики—ученики монастырской школы.

Въ 5-ть часовъ насъ пригласили пить чай къ игумену; это былъ рослый и видный мужчина съ полусѣдыми волосами и бородой, въ сѣромъ подрясникѣ и съ золотыми очками на носу. Принялъ онъ насъ очень любезно и также любезно кормилъ и поилъ насъ въ теченіе тѣхъ пяти дней, которые мы пробыли въ монастырѣ.

Послѣ чая мы пошли осмотрѣть старый пещерный монастырь, находившійся значительно выше современныхъ построекъ. Узкая тропинка, вившаяся среди бурьяна и зарослей орѣшника, вывела насъ на другую тропинку, круто поднимающуюся вверхъ и кое-гдѣ переходившую въ лѣстницу, сложенную изъ мѣстнаго плитняка. Дорожка наконецъ вывела насъ на узкую площадку, шириной сажени двѣ и длиной шаговъ сорокъ. Направо стояла небольшая звонница изъ бревенъ съ двумя небольшими колоколами, здѣсь же

въ скалѣ высѣченъ крестъ и видны остатки келліи, далѣе отлично сохранились двѣ келліи, затѣмъ впадина въ скалѣ; далѣе зеленая желѣзная дверь вела въ длинную, узкую сводчатую церковь съ тремя окнами, скудно пропускавшими свѣтъ. Все подновлено и оштукатурено и потому лишено своеобразнаго археологическаго настроенія, которое охватываетъ туриста при осмотрѣ многовѣковыхъ остатковъ человѣческихъ жилищъ. Въ этой пещерной церкви идетъ иногда служба, но рѣдко, такъ какъ нѣкоторые монахи такъ стары и слабы, что имъ не подъ силу взбираться по крутой тропинкѣ.

Съ площадки открывался обширный видъ, залитый въ ту минуту лучами заходившаго солнца. Блестящей полосой рисовался Днѣстръ, дѣлавшій крутые повороты среди пологихъ холмовъ, испещренныхъ глубокими ярами и промоинами; налѣво въ желтоватыхъ отблескахъ тонули Каменка и деревня Сенатовка, а направо въ сиреневыхъ, почти сумеречныхъ тонахъ, рисовались большія села Подоймица, Подойма и небольшая деревушка Коты.

Внизу подъ нашими ногами, какъ на планѣ, раскинулся монастырь со своими постройками, съ огородомъ, садомъ и довольно большимъ виноградникомъ. Долго мы сидѣли и мечтали передъ этой картиной; тишина была невозмутимая, и красное солнце торжественно опускалось за горизонтъ; длинная тѣнь ложилась на монастырь, гдѣ замелькали огоньки.

Въ церкви шла служба; скромно украшенныя стѣны, нѣсколько лампадъ и свѣчей дѣлали уютное впечатлѣніе и давали молитвенное настроеніе. Собралось почти все населеніе монастыря. Это населеніе впрочемъ не велико: съ послушниками человѣкъ 25-ть; человѣкъ 15-ть мальчугановъ-учениковъ подъ надзоромъ школьнаго учителя стояли парами съ правой стороны, нѣсколько старичковъ и старухъ толпилось у входа.

Во время службъ въ Жабкинскомъ монастырѣ, какъ и въ другихъ бессарабскихъ монастыряхъ, иногда вмѣсто звона колоколовъ употребляютъ деревянное било. Это слегка изогнутая доска, которую держатъ по срединѣ и бьютъ деревяннымъ молоткомъ то по краямъ, то ближе къ срединѣ, отчего получается нѣкоторая послѣдовательность звуковъ. Эти била—остатки древней старины. Во времена владычества католицизма всесильные ксендзы, притѣснявшіе всѣми способами православные храмы, не дозволяли употреблять колоколовъ, и православные священники замѣняли ихъ билами тѣмъ болѣе, что послѣднія ведутъ свое происхожденіе изъ самой глубокой старины, быть можетъ, съ того времени, когда дикое человѣчество не знало металловъ и пользовалось въ случаѣ тревоги подобными деревянными инструментами.

Въ настоящее время это сохраняется по обычаю.

Жабкинскій монастырь въ прежнія времена, какъ и другіе монастыри, былъ многолюднѣе. Туда шли вдовы священники, за-

штатные, уволенные и прочія лица духовнаго званія, которыя были плохо обеспечены въ матеріальномъ отношеніи, но въ наше время такихъ безпріютныхъ людей очень мало: большинство находитъ себѣ хоть какія нибудь занятія, и потому количество лицъ, ищущихъ пріюта по монастырямъ, значительно сократилось.

Черезъ два дня послѣ нашего прибытія были два праздника, и въ монастырь сошло и съѣхалось человѣкъ 80-ть молдаванъ и молдаванокъ изъ окрестныхъ селъ. Большинство пріѣхало на телѣгахъ, запряженныхъ лѣнвивыми волами. По костюмамъ и типамъ эти молдаване ничего интереснаго не представляли: лица расплывчатая, безъ характерныхъ особенностей; костюмы также были мало интересны: на бабахъ были головныя повязки и вышитыя рубашки, а на мужикахъ простыя бѣлыя рубахи, такія же шаровары и общемалороссійскіе суконные кожухи; молодые же парни щеголяли въ жилеткахъ и «при часахъ». Знаюки и любители Бессарабіи говорятъ, что типичные костюмы, типы и обычаи можно встрѣтить лишь въ глухихъ уголкахъ, не тронутыхъ почти цивилизаціей, а такихъ уголковъ въ Бессарабіи уже немного. Вездѣ же, гдѣ вліяніе городовъ коснулось населенія, послѣднее быстро оставило свое «дѣдовское», и его идеаломъ сталъ городской мѣщанскій шикъ.

Мы съ Владимиромъ Николаевичемъ не особенно обрадовались наплыву богомольцевъ, такъ какъ они сильно мѣшали работать, собираясь толпой вокругъ насъ и смотря съ дикимъ любопытствомъ на палитры, кисти и этюды. Въ этомъ отношеніи здѣшніе туземцы сильно отличаются отъ кавказскихъ туземцевъ, которые понимаютъ дѣло, интересуются, вступаютъ въ разговоръ, описывая красивыя мѣста или совѣтуя осмотрѣть тѣ или другія фрески ближайшей церкви. Быть можетъ, именно оттого, что на Кавказѣ нѣтъ ни одной самой маленькой церкви, гдѣ не было бы хоть одной фрески, народъ ближе знакомъ съ процессомъ живописи и болѣе интересуется ею. Въ Бессарабіи же въ монастыряхъ старыхъ и новыхъ имѣются только бѣлыя стѣны да кое-гдѣ развѣшаны образа рыночной работы, а чаще всего плохія хромофотографіи.

Написавъ все-таки нѣсколько этюдовъ и поднеся общій видъ монастыря, написанный нами совмѣстно, игумену, мы стали собираться въ путь. Мы рѣшили далѣе ѣхать на парходѣ, такъ какъ мнѣ необходимо было скорѣе вернуться въ Петербургъ. Нашу лодку купилъ у насъ настоятель за 12-ть рублей, и въ одинъ прекрасный, въ буквальномъ смыслѣ слова, день мы простились съ гостепріимнымъ монастыремъ и тѣмъ же путемъ, черезъ лѣсъ, отправились къ поромщику, гдѣ были сложены вещи, и у котораго хранилась лодка.

День былъ очень жаркій, но дѣлать было нечего, и мы дѣятельно принялись за работу: надо было снять палатку, парусъ, разсортировать вещи, что мы и сдѣлали часа въ полтора. Въ воз-

награжденіе поромщику и молдаванину, таскавшему наши вещи въ монастырь, мы раздѣлили между ними хозяйственныя принадлежности и оставшіеся припасы, чѣмъ они остались очень довольны, но чуть не перессорились изъ-за одной большой зеленой бутылки.

Мы стали ждать парохода; ждать пришлось около двухъ часовъ, и мы изнывали въ тоскѣ. Но вотъ, наконецъ, изъ-за поворота Днѣстра, выкидывая клубы дыма и вспѣнивая колесами волны, показался пароходъ «Кишиневъ». Въ одну минуту чемоданы были брошены въ лодку, мы вскочили вслѣдъ за ними, провожавшіе насъ молдаване сѣли на весла, и мы вышли на середину Днѣстра.

На оклики и маханіе шляпами отвѣтили съ парохода, онъ задержалъ ходъ, остановился, и, минуто спустя, мы были уже на палубѣ со своими вещами, а наша лодка съ гребцами повернула обратно къ берегу и скоро скрылась въ отдаленіи.

Пароходъ оказался довольно большимъ, но и довольно грязнымъ. Пообѣдавъ мы вышли на верхнюю площадку и стали любоваться пробѣгавшими мимо насъ берегами. Любоваться, впрочемъ, особенно было нечѣмъ; лучшія, красивѣйшія мѣста мы пробѣхали на лодкѣ, и теперь передъ нами развѣртывались болѣе скромныя картины: берега стали ниже, скалы менѣе характерны, но все-таки кое-гдѣ попадались уютныя, симпатичныя уголки.

Часа въ четыре навстрѣчу намъ попался пароходъ «Пионеръ», бойко бившій по водѣ лопастями своихъ колесъ и преодолевавшій сильное теченіе, несмотря на то, что былъ биткомъ набитъ пассажирами.

Х.

Въ два часа ночи пароходъ подошелъ къ пристани Вадлуй-воды. Нѣсколько закоптѣлыхъ фонарей уныло мигали на берегу, окрестность тонула въ полномъ мракѣ. Съ парохода вмѣстѣ съ нами сошло много публики, направлявшейся, какъ и мы, въ Кишиневъ, до котораго отсюда только 17 верстъ.

Здѣсь у насъ вышло довольно непріятное приключеніе: дѣло въ томъ, что для полученія экипажа надо было взять на пароходѣ же какіе-то билеты, чего мы по неопытности не сдѣлали, и въ результатѣ, несмотря на отчаянную ругань товарища, а отчасти благодаря именно ей, мы съ нимъ остались, какъ раки на мели. Вся публика уѣхала, фонари были потушены, кромѣ одного на берегу, около лѣстницы, спускавшейся къ водѣ; пароходъ посвистѣлъ и тоже ушелъ.

Кругомъ ни звука, ни души; ночь была темная и непроглядная, хотя звѣзды горѣли и переливались, какъ огоньки. Въ какую сторону я ни смотрѣлъ, нигдѣ не было и признаковъ человеческого жилья. Перспектива просидѣть до разсвѣта на собственныхъ

вещахъ на пустынномъ берегу заставляла насъ и злиться и смѣяться.

Минуть двадцать мы уже сидѣли въ печальномъ раздумьѣ, но вотъ изъ темноты вынырнула фигура какого-то парня, объявившаго намъ, что по близости есть почтовая станція. Обрадовавшись сообщенію, мы забрали вещи и подъ предводительствомъ парня отправились въ путь. Дѣйствительно шагахъ въ трехстахъ стояло длинное одноэтажное зданіе съ широкимъ балкономъ. Станція спала мертвымъ сномъ, и нечего было и думать добудиться когонибудь и добыть лошадей, но тотъ же парень взялся достать намъ подводу и лошадей изъ ближайшей деревни Вадлуй-воды, до которой было версты полторы.

Мы посулили ему хорошую плату и награду, если онъ скоро оборудуетъ это дѣло, и растянулись въ ожиданіи лошадей на широкихъ скамьяхъ, стоявшихъ на балконѣ станціи. Ждать намъ пришлось больше часа, и наконецъ мы дождались своего. Нашъ парень пріѣхалъ на четырехколесной таратайкѣ, въ которой, въ видѣ сидѣнья, было навалено сѣно. Мы съ комфортомъ устроились со всѣми вещами, и двѣ бойкія лошади бодро потащили насъ къ деревнѣ, затѣмъ по утомительному подъему на гору и вывезли наконецъ на хорошую ровную дорогу, кое-гдѣ лишь опускавшуюся въ овраги и снова выбиравшуюся на противоположную сторону.

Начало свѣтать. Звѣзды поблѣднѣли; Большая Медвѣдица почти совсѣмъ перевернулась, а на востокѣ стали все ярче и ярче выступать розовые отблески. Воздухъ былъ дивный и бодрящій, но насъ все-таки клонило ко сну тѣмъ болѣе, что у таратайки не было спинки, а сидѣть вытянувшись было тяжело. Часовъ въ шесть солнце свѣтило уже во всю, и дорога оживилась: ѣхали съ телѣгами въ поля молдаване; евреи на легкихъ брнчкахъ трусили по своимъ дѣламъ; тяжело ступая, двигались волы, таща нагруженные кулями, дровами и разными припасами возы. Чувствовалась близость большого города, который наконецъ открылся, какъ на ладони, съ одной горы.

Раскинулся Кишиневъ очень широко и вмѣстѣ съ тѣмъ очень тѣсно: центръ города съ хорошими домами дѣлился на кварталы довольно узкими улицами и давалъ впечатлѣнія тѣсноты, его же пригороды привольно развернулись со своими садами и огородами, зеленѣвшими крупными планами. Кругомъ городъ окаймленъ пологими холмами и расположился какъ бы въ широкой, неглубокой долинѣ.

Скоро наша таратайка въѣхала во дворъ одной изъ многочисленныхъ гостиницъ, и мы, напившись чая, заснули мертвымъ сномъ.

Описывать Кишиневъ подробно я не буду. Любопытный читатель найдетъ описаніе его въ любомъ словарѣ. На меня лично онъ

произвелъ хорошее впечатлѣніе своими постройками, скверомъ, соборомъ, памятникомъ Пушкину, прожившему здѣсь, какъ извѣстно, три года; но зато отвратительное впечатлѣніе произвела на меня отчаянная жара.

Термометръ въ тѣни показывалъ до 30°, и дышать положительно было нечѣмъ. Къ этому прибавилось еще нездоровье, и я рѣшилъ поскорѣе убраться отсюда. Владимиръ Николаевичъ чувствовалъ себя тоже очень скверно; онъ простудился еще въ дорогѣ и, кажется, захватилъ дѣйствующую лихорадку.

Въ результатѣ я собрался ѣхать, а онъ переѣхалъ къ своимъ родственникамъ, жившимъ въ Кишиневѣ. И вотъ снова я въ вагонѣ, но уже не третьяго, а второго класса, мягко покачивавшагося на рессорахъ. Опять передъ окнами замелькали знакомыя картины: кукурузныя поля, деревушки и городки. Мелькнулъ уѣздный городъ Бендеры, извѣстный остатками генуэзскихъ и турецкихъ укрѣпленій, а также геройски-шутовской исторіей, которую выкинулъ здѣсь Карлъ XII послѣ бѣгства изъ-подъ Полтавы. Это—исторія о томъ, какъ вѣжливые турки, давшіе пріютъ шведскому герою, старались выпроводить его самымъ вѣжливымъ способомъ, и какъ это имъ не удавалось. Впрочемъ, эта исторія къ путевымъ наброскамъ не относится, и нечего распространяться о ней.

Черезъ два дня, безъ всякихъ приключеній добрался я наконецъ до нашего дымнаго и сѣраго Петербурга, гдѣ могъ передохнуть послѣ этого интереснаго путешествія, оставившаго много живыхъ и хорошихъ воспоминаній.

Д. А. Пахомовъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

ДО БОЮ ДНЯ у насъ, какъ и за границею, является война на Дальнемъ Востокѣ и связанная съ нею событія. Этому предмету посвящаются многочисленныя книги и брошюры и даже три повременныхъ изданія (англійскія и французское), посвященныя обзорнiю лѣтописи войны. Несмотря на обиліе сочиненій, внутреннее содержаніе ихъ, къ сожалѣнію, оставляетъ слишкомъ много желать. Легковѣсность сочиненій объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что русскими повременными источниками за границею пользуются очень мало и за исключеніемъ официальныхъ правительственныхъ депешъ и краткаго пересказа важнѣйшихъ передовыхъ статей газетъ игнорируются и телеграфныя сообщенія и письма нашихъ военныхъ корреспондентовъ (единственное исключеніе дѣлается для В. И. Немировича-Данченка); изъ иностранныхъ же источниковъ преобладающимъ вѣсомъ пользуются сообщенія агентства Рейтера. Направляемая съ Востока по англійскимъ кабелямъ въ Лондонъ всѣ вѣсти съ войны получаютъ ту окраску, которая наиболѣе можетъ угодить симпатіямъ большой англійской публики, и въ этомъ обличіи сообщенія эти обходятъ столбцы всѣхъ европейскихъ газетъ. Что касается сообщеній «собственныхъ корреспондентовъ», то за исключеніемъ трехъ, четырехъ именъ (Беннета Бэрля, полковника Гедке, Петти и др.) военные корреспонденты, обрѣтающіеся на Дальнемъ Востокѣ, преподносятъ своимъ читателямъ такія общія свѣдѣнія, которыя легко можно

было бы почерпнуть изъ справочниковъ и разныхъ путешествій, даже не сопутствуя воюющимъ арміямъ. Иначе поставлена японофильствующая печать. При участіи досужихъ японскихъ дипломатовъ и финансистовъ, посольскихъ сообщений и добровольныхъ стараній, о Японіи и ея великихъ дѣяніяхъ трубятъ на всю Европу, и общественное мнѣніе настолько извращается, что рѣдкіе голоса журналистовъ, рѣшающіеся назвать вещи истинными именами и оцѣнить ихъ по достоинству, либо замалчиваются, либо, не отвѣчая запросу, исчезаютъ со столбцовъ повременныхъ изданій. Такъ, напримѣръ, крайне интересныя корреспонденціи Гельса, печатавшіяся за первую половину года въ «Daily News»'ѣ, очевидно приплыли теперь въ Англіи не ко двору, и послѣ рѣзкихъ отвѣдовъ и писемъ, вызванныхъ несочувственными отзывами Гельса о Японіи и предостереженіями противъ желтой опасности, журналистъ этотъ совсѣмъ замолкъ.

Составленіе по такимъ скуднымъ и одностороннимъ матеріаламъ цѣлыхъ книгъ, разумѣется, должно дурно отзываться и на самомъ ихъ качествѣ. Поэтому, несмотря на обиліе книгъ о войнѣ на Дальнемъ Востокѣ, обозрѣвателю въ сущности мало надъ чѣмъ приходится и останавливаться.

Пріятное въ этомъ отношеніи исключеніе составляютъ два сочиненія, обозрѣнію которыхъ мы и посвятимъ настоящую статью.

Прежде всего мы остановимся на интересно скомпанованной книгѣ Берара (*La revolte de l'Asie*. Paris, ed. A. Colin. 1904); въ ней онъ рассматриваетъ взаимодѣйствіе между азіатскимъ Востокомъ и европейскимъ Западомъ, характеризуетъ возвышеніе Японіи и ея отношенія къ Европѣ, распространяется о расширеніи Россіи въ направленіи къ Востоку и сообщаетъ любопытныя данныя о той роли, какую сыграла Англія въ обостреніи отношеній между Японіею и Россіею, завершившемся военнымъ столкновеніемъ единственно къ выгодѣ англійскихъ капиталистовъ и политическихъ британскихъ интересовъ.

Какъ ни презрительно отношеніе Европы къ Азін и всему азіатскому,—говоритъ Бераръ,—мы, тѣмъ не менѣе, принуждены считаться съ Востокомъ. Кто же не знаетъ, что задолго до народженія европейской гражданственности Азія знавала могущественныя цивилизаціи: Китай былъ уже тѣмъ, что онъ есть и теперь, въ то время, Галлія Цезаря представляла лѣса, прорѣзанные болотистыми рѣками, заселенные охотниками и пастухами; тогдашнее населеніе Франціи не знало ни промышленности, ни письменности и воспринимало только слабыя зачатки цивилизаціи отъ фокейской Марсели. Какъ ни была отлична отъ нашей азіатская общественность, ея мышленіе, религіозное и умственное, ея знаніе, словесность и весь укладъ жизни, мы не можемъ ихъ игнорировать. Пусть все это уложилось въ рамки, намъ чуждыя; пусть въ

области мирнаго и военнаго преуспѣянія мы теперь и превзошли азіатовъ, но было вѣдь и такое время, когда Востокъ диктовалъ намъ свои законы, и порою даже теперь у европейцевъ пробуждается опасеніе, не возьметъ ли Азія опять верхъ надъ Европою (стр. 10—11).

Одряхлѣніе Азіи въ сущности — только риторическая фигура. Развѣ въ дѣйствительности Халдея, Индія и Китай въ теченіе длинныхъ вѣковъ ихъ государственности сохраняли одно и то же населеніе? Развѣ Азія не становилась добычей цѣлаго ряда все новыхъ завоевателей? Безъ перерыва, изъ поколѣнія въ поколѣніе, на Азію изливались новые насельники и завоеватели, и ея старость чуть ли не каждое столѣтіе омолажалась притокомъ свѣжихъ силъ.

Въ Халдею притокъ свѣжей арійской семитической и туранской крови внесли эламиты, мидійцы, скибы, персы, греки, римляне, арабы и турки; на Индію вѣками изливались многочисленныя орды арійцевъ, грековъ и персовъ, арабовъ, тюрковъ, монголовъ, тибетцевъ и малайцевъ. Наконецъ въ Китай—это кипучее горнило разнообразнѣйшихъ народовъ, издревле притекали съ сѣвера турки, монголы, тунгузы и маньчжуры, которые таяли и претворялись въ однородную массу (стр. 13—14).

Такимъ образомъ «дряхлость» Азіи и «юность» Европы представляютъ собой лишь образныя выраженія, рисующія видимый, поверхностный результатъ тѣхъ таинственныхъ стихійныхъ силъ, которыя поддерживаютъ между обоими мірами непреходящій контрастъ и антагонизмъ.

Стихійныя силы эти сказываются въ Европѣ, какъ и въ Азіи—вѣдь вѣковѣчное обновленіе цивилизаціи новыми народностями представляетъ собою не иное что, какъ преобразование пришлецовъ, подъ вліяніемъ всего прошлаго—каждая волна новыхъ племенъ влечетъ за собою исчезновеніе предшествующихъ расъ; скрещиваніемъ съ новыми насельниками онѣ образуютъ сложныя племенные помѣси, въ свою очередь непреложно подчиняющіяся вліянію азіатства и европеизма.

Хотя Азія порою пыталась заполнить Европу своими нашествиями и воззрѣніями, тѣмъ не менѣе Европа сумѣла отстоять свою самобытность.

Несмотря на продолжительность попытокъ, персы, арабы, гуины, и турки не смогли создать въ Европѣ прочныхъ государствъ по азіатскому образцу, и Европа не только отстаивала себя отъ чуждаго ей строя общественности, но постепенно и совѣмъ сметала съ лица своей земли чуждыя ей по духу инородческія построенія (стр. 14).

Какъ съ племенами и народностями, такъ Европа справилась и съ тѣми міровоззрѣніями и вѣрованіями, какія Азія, добромъ или насиліемъ, пыталась ей навязать.

Библейскій завѣтъ: «въ потѣ лица будешь ты снискивать хлѣбъ», сдѣлался для Европы руководящимъ началомъ жизни, и необходимость труда и усилій сдѣлалась краеугольнымъ камнемъ всей европейской жизни. Въ этомъ отношеніи вся Европа прониклась христіанскимъ духомъ, но завѣты божества не препятствуютъ сынамъ человѣческимъ направлять свои дѣйствія и труды къ вѣщшему процвѣтанію чувства человѣческаго достоинства.

Наоборотъ вся Азія постепенно подпадаетъ духу буддизма, потому что и фатализмъ мусульманъ, восторженность брамановъ, позитивизмъ конфуціанцевъ и мистицизмъ японскихъ поклонниковъ Таота заключаютъ въ себѣ немало сходственнаго съ буддійскимъ отреченіемъ отъ жизни (стр. 21).

Въ силу географической обстановки, умѣренности климата и отсутствія грозныхъ стихійныхъ переворотовъ въ европейской природѣ весь бытовой укладъ европейца способствовалъ къ воспріятію и развитію благъ цивилизаціи. Если провести черту отъ Босфора къ конечной точкѣ Шотландіи, то окажется, что всѣ племена и народности, обитающія по лѣвую сторону этой черты, отъ радикальной Англии до сократической Греціи, постепенно являлись очагами плодотворной дѣятельности въ интересахъ цивилизаціи.

Направо отъ помянутой мысленной линіи лежитъ сѣверовосточная Европа съ безграничными равнинами, могучими рѣками и суровымъ климатомъ. Въ теченіе восемнадцати вѣковъ усилія Европы направлялись къ медленному завоеванію и ассимилированію сѣверовостока; медленно, но неотразимо европейская культурность проникала все дальше: съ долинъ Рейна, съ равнины Эльбы, а затѣмъ и Одера, отъ Альповъ она направилась къ Дунаю и Карпатамъ, создала пограничныя маршіи въ Бранденбургъ и Австріи и съ сѣвера, центра и юга излилась на необозримыя равнины Русскаго царства (стр. 22, 26, 27).

Азіатская громада, состоящая изъ чудовищныхъ плоскогорій, бесконечно длинныхъ могучихъ рѣчныхъ потоковъ, съ сибирскими зимами, аравійскими жарами, бенгальскими проливнями, наводненіями, вулканическими изверженіями, чумою, холерою и голодовками, дѣлаетъ смѣшными западноевропейскія разсужденія о влѣствованіи человѣка надъ природою.

По азіатскимъ воззрѣніямъ человѣкъ является ничтожною былинкою, игралищемъ случайнаго сдѣпленія случайностей и стихій; властное могущество природы поработщаетъ всѣ человѣческія усилія и починъ, благопріятствующее чудо или столь же незаслуженная катастрофа являются повседневнымъ для человѣка удѣломъ; поэтому каждый успокаивается на положеніи, въ какое его поставило кастовое происхожденіе или иныя случайности, и съ покорностью, составляющею завѣтъ житейской мудрости предковъ, терпѣливо ожидаетъ отъ каприза рока, чтобы природа излила на него свои

милости или гнѣвъ и вознесла его на недосыгаемую высоту, либо опрокинула, смела и уничтожила.

Богатства и величіе плодородной Азіи издавна рисовались Европѣ чѣмъ-то волшебнымъ. Направляя въ эти таинственныя страны предприимчивыхъ торговцевъ и дальновидныхъ развѣдчиковъ, Европа вѣками пыталась установить и оживить товарный обмѣнъ съ Востокомъ, и ея обороты тѣмъ болѣе расширяются, чѣмъ крупнѣе становятся успѣхи мореходства. Азія постепенно, все рѣшительнѣе, осаждается, подчиняется и связывается по рукамъ и ногамъ Европою. Индія становится достояніемъ англичанъ, Индо-Китай завоевывается французами, а позднѣе, когда Европа убѣждается въ слабости и беззащитности Китая, на Поднебесную имперію набрасываются уже всѣ: англичане и французы, нѣмцы и американцы, итальянцы и бельгійцы; подбираясь къ облюбованнымъ портамъ и провинціямъ, они выкраиваютъ себѣ болѣе или менѣе лакомые куски, подъ предлогомъ обезпеченія каждому въ ущербъ соперниковъ собственной «сферы вліянія». Въ то время, какъ хищническіе набѣги и прониканія на Востокъ предпринимались западно-европейцами со стороны восточнаго приморскаго побережья Китая, Московское царство, въ силу татарскаго нашествія и ради подавленія наступленія со стороны кочевниковъ, волнами набѣгавшихъ по восточной окраинѣ, роковымъ образомъ обречено было сначала при помощи казаковъ, а затѣмъ и регулярныхъ войскъ, проникать все дальше въ глубь Азіи (стр. 40, 44, 45, 46).

Преклоняясь предъ осторожностью и дальновидностью русской политики на Востокѣ, Бераръ подчеркиваетъ:

«Мудрая и терпѣливая въ своихъ начинаніяхъ, Россія неохотно пускается въ крупныя военныя предпріятія; въ Малую Азію, Иранъ и Китай Россія старается открыть себѣ доступъ не пущечными выстрѣлами, но возлагаетъ вѣру на болѣе современные и надежныя приемы, каковы дипломатическія воздѣйствія, обзаведеніе промышленными и торговыми предпріятіями, оборудованіе банковъ и займовъ» и пр. и пр. (стр. 138).

Благодаря этому, Россіи совершенно мирнымъ путемъ удалось на Востокѣ осуществлять то, чего Западная Европа добивалась, пускаясь въ сложныя и жестокія экспедиціи во вкусѣ норманскихъ берсеркировъ.

Двадцатый вѣкъ, повидимому, обѣщалъ окончательно закрѣпить за Европою господство надъ земнымъ шаромъ и повсемѣстно распространить властвованіе культурнаго человѣка надъ природою и разума надъ стихійными силами и инстинктомъ, но тутъ противъ Европы довольно неожиданно выступаетъ со своими претензіями Японія.

Вслѣдствіе того, что Японія прицѣплена къ флангу Азіатскаго материка, какъ Великобританскій архипелагъ расположился на

краю материка европейскаго, насъ увѣряютъ, будто страна Восходящаго Солнца должна на Дальнемъ Востокѣ разыграть роль европейской владычицы морей. Японія, будто бы, призвана сдѣлаться носительницею всѣхъ промышленныхъ и торговыхъ завѣтовъ и должна выступить въ качествѣ преобразователя, обновителя послѣдняго слова гражданственности, либерализма и парламентаризма, среди желтолицыхъ своихъ сородичей. Проведеніе аналогій между европейскимъ и азиатскимъ островными государствами сдѣлалось совершенно банальнымъ, благодаря тому, что объ этомъ на всѣ лады твердятъ сами японцы, японофилы и англійская печать, старающаяся въ этой аналогіи пріискать извиненіе и оправданіе для англо-японскаго сближенія.

На самомъ же дѣлѣ внимательному наблюдателю вещи представляются въ иномъ свѣтѣ. Великобританія принадлежитъ всецѣло къ странамъ европейскимъ. Греція на южной оконечности и Великобританія на сѣверной оказались тѣми окраинами Западной Европы, въ предѣлахъ которыхъ природа и климатъ подвержены сравнительно ничтожнымъ колебаніямъ, умѣряемымъ трудолюбивыми усиліями человѣчества.

Наоборотъ Японія является типичною представительницею двойственности азиатской природы: по географическимъ широтамъ, въ которыхъ расположенъ архипелагъ, по климатическимъ условіямъ, по свойствамъ фауны и флоры, по особенностямъ племенного, религіознаго, культурнаго и художественнаго развитія, Японія восприняла отъ Азіи столько же плодотворныхъ, какъ и чудовищныхъ чертъ, и это смѣшеніе воплотила въ національныхъ своихъ особенностяхъ.

Пресловутая эпоха возрожденія, съ 1868 по 1883 г., въ теченіе которыхъ Японія приглядывалась къ европейской культурѣ, почтительно заимствуя отъ насъ способы и изощренія по части военной, промышленной и торговой, умилила Европу, аттестовавшую переимчивость и рвеніе новоявленнаго ученика съ наилучшей стороны, но болѣе вдумчивые наблюдатели предсказывали и предвидѣли, что позаимствованія японцами дѣлаются въ цѣляхъ національныхъ, узко японскихъ. Перенимая у Европы то, что могло вооружить Японію для обороны и нападенія въ области военной, морской, промышленной и торговой, Японія вмѣстѣ съ тѣмъ останется равнодушной и отвергнетъ тѣ высшія нравственныя блага, пріобретеніе къ которымъ только и могло бы ее преобразить въ дѣйствительно культурную націю.

Первою заботою японцевъ въ 1868 г. было возстановить шинтоистскую религію, которая связываетъ японскій народъ съ вѣчными небесными и земными божествами и духами чрезъ вѣчное и непреложное посредство потомка божественной Аматерасу, т.-е. Микадо, повиноваться которому составляетъ непреложный долгъ

каждаго подданнаго, имѣющаго и жить и умирать только для Микадо.

Въ то время какъ Микадо царствуетъ, феодальные японскіе кланы, преображенные на европейскій манеръ, борются изъ-за шогуната, облекшагося въ формы министерской власти и показнаго парламентаризма. За этой театральною декорациею скрывается полнѣйшее презрѣніе къ общественнымъ преобразованіямъ, благоденствію и обезпеченію средствъ и способовъ къ существованію народнои массы.

Ужасы безпощаднаго промышленнаго феодализма превращаютъ въ каторгу и лобное мѣсто японскія фабрики и заводы, гдѣ безчеловѣчный трудъ, не зная снисхожденія ни для женщинъ, ни для дѣтей, съ полнымъ равнодушіемъ приковываетъ къ станкамъ и машинамъ все рабочее населеніе страны единственно на тотъ конецъ, чтобы, состязаясь съ Европою, обогащать вновь объявившихся даймію, въ лицѣ капиталистовъ и банкировъ, а цвѣтущую мужскую молодежь Японія водворяетъ въ казармы и на панцырные суда, чтобы заручиться возможностью воевать противъ Европы на сушѣ и на морѣ. Нисколько не заботясь о развитіи истинныхъ научныхъ дарованій и способовъ, японцы искали изощрить не свое пониманіе, но память, заботились не о развитіи аналитическихъ, но подражательныхъ способностей, и старались пробудить въ себѣ не творческіе, но подражательные таланты.

Отказавшись отъ воспріятія нашего алфавита, который бы имъ открылъ удобный способъ для постиженія истиннаго механизма европейской мысли, японцы продолжаютъ напрягать память для изученія сложныхъ и условныхъ знаковъ китайско-японской письменности, и эти навыки первоначальнаго обученія роковымъ образомъ приучаютъ японцевъ заучивать на память, узнавать, повторять подходящіе примѣрчики, но не воссоздавать прочное знаніе самобытнымъ мышленіемъ. Поэтому изъ всей европейской науки японцы воспріяли только видимые осязательные результаты и практически полезныя ихъ приложенія; преслѣдуя единственно практическую пользу и выгоду, японцы остаются совершенно равнодушными къ отвлеченностямъ и заданіямъ чистой науки.

Обшлифовавшись на европейскій ладъ, японцы приняли за руководство совершенно разумное начало: «Японія—только для японцевъ», и поспѣшили распроститься со своими наставниками; они принялись за устройство собственными силами арміи, флота, промышленности и правовой самобытности, въ смыслѣ подчиненія иностранцевъ юрисдикціи японскихъ судовъ.

Почувствовавъ твердую почву подъ ногами, Японія, которая въ теченіе своего историческаго прошлаго жила набѣгами и вооруженными разбоями, и теперь экономическую самостоятельность не стремилась обосновать развитіемъ производительныхъ силъ соб-

ственной страны. Японія уже въ 80-хъ годахъ XIX вѣка стала жаловаться на отсутствіе на родныхъ островахъ плодородныхъ земель для прокорма населенія, на отсутствіе рынковъ для помѣщенія издѣлій своей промышленности и на стѣсненіе торговли внутренними только оборотами — этими соображеніями Японія искала оправдать свою жадность и стремленія, въ цѣляхъ эксплуатированія иноземцевъ, къ захвату материковыхъ территорій (стр. 49—51, 99, 101—106).

Но предпринятое въ 1894 г. Японіею вторженіе въ издревле облюбованную Корею и попытка нарушить неприкосновенность Китая встрѣтили отпоръ главнымъ образомъ со стороны Россіи, поддержанной Франціею и Германіею. Поэтому въ теченіе послѣдующаго десятилѣтія (1895—1904) Японія прилагаетъ всемѣрныя старанія, чтобы приготовить нападеніе на Россію, въ содѣйствіе которой еще въ XVIII вѣкѣ Секей Гаяши и Фуджита провидѣли національную опасность. Не сознавая себя, несмотря на все самообольщеніе, достаточно сильной для борьбы съ Россіею одинъ на одинъ, Японія начинаетъ заигрывать съ Китаемъ, навязывая ему свои услуги для преобразованія военныхъ силъ, промышленности и торговли Серединнаго царства, по всей Азіи шныряють японскіе развѣдчики и соглядатаи для выясненія того, насколько Сіамъ, Индія, Туркестанъ, Персія и Турція примирились со своею участію и европейскимъ гнетомъ, и не наступила ли пора провозгласить принципъ «Азія для азіатовъ», подъ которымъ японцы скрываютъ истинный свой замыселъ прибрать къ рукамъ весь Азіатскій материкъ.

Впрочемъ, едва ли бы паназіатскія мечтанія подвигли японцевъ преждевременно на борьбу съ Россіею, если бы англо-японскій союзъ и американская дружба не укрѣпили Японію въ увѣренности, что ей обезпечивается дѣятельное сочувствіе англо-американскаго міра.

Имѣя такихъ козырей въ своей игрѣ, японцы втихомолку дѣлають всѣ нужныя приготовленія, при помощи «развѣдочной службы» дознаются подробно, сколь мало ожидаетъ Россія вызова и плохо еще подготовлена для войны на далекой восточной окраинѣ, и совершенно искусственно создаютъ предлогъ для столкновенія, а затѣмъ рядомъ внезапныхъ нападеній обезпечиваютъ себѣ успѣхъ въ кампаніи 1904 года (стр. 107—110).

Пресловутое объединеніе японскихъ интересовъ съ цѣлями, которыя преслѣдуетъ англо-саксонскій міръ, по существу болѣе чѣмъ сомнительно.

Что касается Японіи, то, увлекшись воинственными замыслами и приготовленіями, она задолго до начала японо-русской войны зарвалась въ конецъ. Оборудованіе промышленнаго и военнаго снаряженія значительно превышало наличныя средства страны; въ

отношенія внутренней политики японскому правительству приходилось прибѣгать къ неимовернымъ усиліямъ, чтобы отвлечь общественное вниманіе отъ непреодолимыхъ затрудненій, которыя создавались парламентомъ; наконецъ, въ дѣлахъ внѣшней политики Японія ничѣмъ не брезгала, чтобы поддерживать свое самозванное положеніе міровой державы.

Что положеніе Японіи предъ войною было крайне шаткое, о томъ достаточно убѣдительно свидѣтельствуютъ англійскія «Diplomatic and Consular Reports» (донесенія консуловъ).

Отсутствіе звонкой наличности и чрезмѣрные выпуски кредитныхъ билетовъ явились естественнымъ послѣдствіемъ японо-китайской войны, такъ какъ полученная военная контрибуція дѣликомъ была обращена на новыя вооруженія. Необходимость продолжать государственные расходы въ дѣлахъ производительныхъ и плачевнѣйшіе результаты, сказавшіеся для японской торговля въ 1900 и 1901 годахъ, настолько потрясли японскій кредитъ, что банкротства угрожали Японіи повсемѣстно. Деньги въ Японіи настолько вздорожали, что самыя солидныя фирмы за учетъ векселей платили не менѣе 9⁰/₀; никогда столь тяжело не ощущалась неотложная необходимость въ притокѣ иностранныхъ капиталовъ, какъ въ 1901 г., когда въ деньгахъ нуждались и общественныя и частныя предпріятія для завершения затѣянныхъ начинаній; спасти Японію отъ финансоваго краха могло только заключеніе иностраннаго займа; но, несмотря на старанія маркиза Ито, въ ноябрѣ и декабрѣ 1901 г., склонить капиталистовъ континентальной Европы къ оказанію кредита Японіи, Ито вездѣ терпѣлъ неудачи (стр. 207—208). Такимъ образомъ единственная еще надежда оставалась на Англію, здѣсь же торговая политика предшествовавшихъ лѣтъ разыгралась такъ: въ 1881 году предъ «комиссіею объ упадкѣ англійской торговли» со стороны разныхъ отраслей промышленности были заявлены претензіи прямо противоположныя: группируясь около Манчестера, представители хлопчато-бумажной и каменно-угольной промышленности домогались открытія новыхъ рынковъ на Дальнемъ Востокѣ, ибо широкое распространеніе хлопчато-бумажныхъ фабрикатовъ среди 400—500 миллионнаго китайскаго населенія легко могло къ выгодѣ Англій возстановить европеиско-китайскій товарообмѣнъ, такъ какъ съ открытіемъ Суэцкаго канала онъ постепенно началъ направляться помимо Лондона непосредственно на Одессу, Геную и Марсель.

Въ свою очередь представители шеффилдской торговли отъ вовлеченія Китая въ политику открытыхъ дверей не провидѣли для себя ничего привлекательнаго, такъ какъ оживленіе оборота съ Китаемъ угрожало наводненіемъ Европы китайскимъ углемъ и издѣліями металлургической промышленности; съ другой стороны, обмѣнъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій на китайскіе чай могъ только

парализовать развитіе отечественныхъ цейлонскихъ и остъ-индскихъ плантацій. Поэтому представители англійской желѣзо-дѣлательной промышленности добивались открытія такихъ заморскихъ рынковъ, гдѣ бы англійской промышленности былъ обезпеченъ сбытъ издѣлій внѣ конкуренціи. Для этого наиболѣе благодарное поле представляла Африка, такъ какъ проведеніе желѣзныхъ дорогъ въ южной Африкѣ и соединеніе сквознымъ путемъ Каира съ Калштатомъ обезпечивало бы на долгіе годы помѣщеніе англійскихъ издѣлій по части желѣзно-дорожнаго подвижного состава и принадлежностей.

Интересы шеффилдцевъ совпали съ ближайшими цѣлями имперіалистской политики Чемберлена, и разгорѣвшаяся съ южно-африканскими республиками война временно охладила англійскую политику къ событіямъ, разыгрывавшимся на Дальнемъ Востокѣ, тѣмъ болѣе, что состоявшееся 16-го октября 1900 года между Великобританіей и Германіей соглашеніе о поддержаніи въ Китаѣ политики открытыхъ дверей по неожиданному для Англии заявленію германскаго канцлера оказалось не распространяющимся на Маньчжурію; такимъ образомъ, занятая войною съ бурами, Англія активныхъ шаговъ противъ расширенія русскаго владычества въ Маньчжуріи предпринимать не рѣшалась.

Поэтому предложенія маркиза Ито приписались англичанамъ по сердцу, и уже 11-го февраля 1902 года Бальфуръ представилъ парламенту англо-японское соглашеніе (стр. 175, 178, 194).

Договоръ этотъ полностью и по сей часъ еще неизвѣстенъ, такъ какъ оглашена лишь политическая и дипломатическая его части.

Но во всякомъ случаѣ изъ смысла договора довольно опредѣленно вытекаетъ, что Японія на Дальнемъ Востокѣ съ оружіемъ въ рукахъ, на ряду съ собственными интересами, обѣщаетъ защищать интересы Англии; всякій же наемникъ за свои услуги получаетъ плату, и, конечно, Японія использовала съ выгодой для себя все, что могла выговорить по части званса, субсидій и займовъ, которыми Англія обязалась поддерживать своего союзника.

Побужденіемъ къ этому соглашенію явилось то злосчастное теченіе, которое ввело политику Великобританіи по почину Биконсфильда и Чемберлена въ русло имперіализма.

Съ другой стороны, имѣется полное основаніе предполагать, что науськиваніе Японіи на Россію шло и со стороны предпримчивыхъ американскихъ янки.

Устроивъ въ Ньючжуанѣ консульство, американцы не замедлили оцѣнить по достоинству богатство Маньчжуріи въ смыслѣ эксплуатаціи, тѣмъ болѣе, что англійскій дипломатъ Броунъ въ опубликованной въ 1899 году Синей Книгѣ далъ подробный обзоръ потребностей маньчжурскаго рынка, а такъ какъ Великобританіи, напругавшейся въ Бурской войнѣ, было не до того, чтобы исполъ-

звать указанія Броуна, то американцы поспѣшили приступить къ попыткамъ мирнаго завоеванія Маньчжуріи.

Разростаніе русскаго вліянія въ Маньчжуріи, однако же, встало поперекъ всѣмъ американскимъ планамъ.

Изученіе маньчжурскихъ рынковъ, гласить «Board of trade Journal» за 1904 годъ, показываетъ, что отъ русской оккупациі ничего хорошаго нельзя ожидать въ смыслѣ развитія иноземной торговли. Русско-Китайскій банкъ повсюду озабоченъ только развитіемъ продажи русскихъ товаровъ, а желѣзнодорожное управленіе оказываетъ содѣйствіе только для открытія новыхъ русскихъ рынковъ, оберегая лишь интересы русскіе и китайскіе.

Русскіе торговцы и лавочники, конечно, не могутъ конкурировать ни съ японцами ни съ китайцами.

Еще большіе недочеты ожидаютъ русскихъ негоціантовъ.

По крупнымъ оборотамъ съ мануфактурами тамъ, гдѣ имъ приходится считаться съ соперничествомъ англичанъ, американцевъ и нѣмцевъ, русскіе государственные люди прекрасно это сознаютъ и для вицшей поддержки соотечественниковъ стараются отѣснить другія націи, предоставляя свободу дѣйствій однимъ русскимъ и оберегая ихъ отъ иноземнаго соперничества.

Американцы, какъ и англичане, прекрасно понимали, что настаивать на очищеніи Маньчжуріи отъ русскихъ войскъ и вліянія по справедливости можно было такъ же безнадежно, какъ отъ Англій—оставленія Египта или отъ Штатовъ—предоставленія Манильскимъ островамъ независимости.

Россія произвела слишкомъ много затратъ и положила слишкомъ много труда на улучшеніе, преобразование и поднятіе благосостоянія Маньчжуріи, и игнорировать русскіе интересы нельзя; слѣдовало добиваться одного—чтобы Россія открыла въ Маньчжурію доступъ инодержавной торговлѣ.

Вотъ этимъ-то англо-саксонскимъ интересамъ и должна была послужить Японія—пусть она для англичанъ и американцевъ вытянетъ каштаны изъ огня, а англо-саксонцы приберутъ къ рукамъ торговлю на Дальнемъ Востокѣ, да кстати и ослабленную войною Японію свяжутъ всякими обязательствами, гарантіями и концессіями (стр. 325—329).

Наконецъ, третьимъ существеннымъ факторомъ, особенно сильно повліявшимъ на увлеченіе Японіи въ воинственныя авантюры, явились неразборчивые англо-японскіе крупныя предприниматели и капиталисты.

Японскіе парламентскіе дѣльцы, демагогическіе и націоналистическіе болтуны и спекуляторы давно уже мечтали прибрать къ рукамъ Корею, которая въ своихъ нѣдрахъ таитъ всевозможныя минеральныя богатства. По ихъ разсужденіямъ выходило даже такъ, что для культурныхъ японцевъ является священнымъ дол-

гомъ не оставлять этихъ естественныхъ источниковъ богатствъ въ невѣжественныхъ рукахъ корейцевъ, которыхъ слѣдуетъ освободить отъ безнравственной и разорительной тираніи корейскихъ династій и чиновничества и приобщить ко благамъ японской цивилизаціи. Японія вѣдь теперь переживаетъ острѣйшій финансовый кризисъ: правительство, банки и промышленныя предпріятія испытываютъ неотложную надобность въ притокѣ иностранныхъ капиталовъ, но европейскіе и американскіе капиталисты рѣшительно отказываются отъ риска помѣщенія своихъ денегъ безъ осязательныхъ гарантій, а японцы слишкомъ ревниво оберегаютъ свою самостоятельность, чтобы допустить иностранцевъ до контроля надъ собственными промышленными и торговыми предпріятіями, не говоря уже о предоставленіи иноземцамъ монополій или концессій въ Японіи.

Иное дѣло въ Корей. Тамъ для японскихъ предпріимчивости и почина непочатый край. Золотые рудники, сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, набережныхъ и бассейновъ, эксплуатація рыбныхъ ловель, лѣсовъ, нефтеносныхъ земель, монополизированіе торгоп оііумомъ, жикѣнгомъ и рисомъ,—ко всему этому японцы приложатъ свою властную руку и, привлекая иностранные капиталы, обезпечать ихъ гарантіями за корейскій счетъ. Такимъ образомъ, къ обоюдной выгодѣ англо-американцевъ и японцевъ возникнутъ тысячи предпріятій, въ нихъ англо-американцы вложатъ капиталы, а японцы свои знанія, трудъ и общее руководство дѣлами. Японія вѣдь понесла громадныя затраты на обзаведеніе арміею и флотомъ и всѣми современными способами завоеванія—этотъ капиталъ долженъ быть поскорѣе использованъ и принести матеріальные барыши.

Прислушиваясь къ этимъ завлекательнымъ намекамъ и предложеніямъ, англо-американцы въ свою очередь принялись усчитывать барыши, какихъ могли ожидать для себя отъ вооруженнаго столкновенія между Японіею, Кореею и Россіею, въ смыслѣ разнообразнѣйшихъ военныхъ поставокъ, снабженія воюющихъ «военною контрабандою» и пр. (стр. 339—340).

И вотъ въ теченіе чуть ли не двухъ лѣтъ начинается безпримѣрная газетная кампанія для искусственнаго разжиганія общественнаго мнѣнія Англій и Японіи противъ Россіи. «Times» выступаетъ съ Кѣрзоновскими прорицаціями, предостерегающими Англію противъ русскихъ интригъ въ Персіи, Афганистанѣ и Тибетѣ, и призываетъ «Британскаго Льва» проснуться и стать на стражу британскихъ интересовъ. «Contemporary Review» и полу-официальный журналъ лорда Кѣрзона «Pioneer» печатаютъ съ соотвѣтствующими комментаріями тенденціозныя откровенія Юлара о дальновидныхъ замыслахъ Россіи на Тибетъ; «China Times» опубликовываетъ состоявшійся будто бы между Китаемъ и Россіею договоръ, по которому Россіи уступаются державныя права надъ Тибетомъ (стр. 411, 425).

Въ то же время многія другія англійскія газеты непрестанно возбуждаютъ японскій шовинизмъ, обличая «московскую ненасытность» къ завоеваніямъ и намекая на угрозы, отсюда будто бы вытекающія для самого дальнѣйшаго государственнаго бытія Японіи. Во всѣхъ этихъ тревожныхъ предсказаніяхъ и призывахъ къ войнѣ, по утверженію Берара, въ Англіи освѣдомленные дѣятели заподозрѣваютъ внушеніе и непосредственное участіе Керзона, тѣмъ болѣе, что появленіе особенно страстныхъ статей въ англійской джингоистской печати совпало съ пріѣздомъ и долговременнымъ пребываніемъ въ Лондонѣ довѣреннаго секретаря остъ-индскаго вице-короля, сэра Вальтера Лауренса.

Насколько эти подозрѣнія обоснованы, судить трудно, но, несомнѣнно, вовлеченіе Россіи въ войну противъ воли могло сослужить немалую пользу видамъ остъ-индскаго вице-короля—этого восходящаго свѣтила англійской дипломатіи, которое подчасъ даже помимо и вопреки сенъ-джемскаго кабинета интригуетъ въ Персіи, Афганистанѣ и Тибетѣ и почувствуетъ руки свои развязанными, разъ Россія будетъ занята войною.

Дипломатическая исторія русско-японскаго кризиса по сей еще часть не доступна большій публикѣ, такъ какъ ни одно изъ европейскихъ правительствъ не опубликовало своихъ относящихся до этого предмета депешъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что съ октября 1903 года по январь 1904 года старанія офиціозной печати и правительствъ всей Европы были сосредоточены на улаженіяхъ недоразумѣній между токійскимъ и петербургскимъ кабинетами, все болѣе обострившихся (стр. 369).

Перваго февраля новаго стиля лондонскому и парижскому кабинетамъ былъ сообщенъ окончательный отвѣтъ русскаго правительства японскому, и миролюбіе государя императора Николая II вполне удовлетворило претензіи державъ заинтересованныхъ проведеніемъ принципа политики открытыхъ дверей на Дальнемъ Востокѣ. Англійскій кабинетъ уже 2-го февраля считалъ инцидентъ русско-японскаго столкновенія исчерпаннымъ, но сторонники японо-русской войны составляли въ Лондонѣ нѣчто въ родѣ полу-политическаго, полу-финансоваго комитета, распалившагося надеждами на наживу, такъ какъ за январь мѣсяць 1904 года, играя на лондонской биржѣ на пониженіи бумагъ, онъ уже успѣлъ реализовать нѣсколько сотенъ милліоновъ. Этотъ комитетъ, встревоженный улаженіемъ инцидента, при посредствѣ виконта Гаяши поторопился увѣдомить токійскій кабинетъ, что если объявленіе войны не состоится немедленно, оно по полученіи русскаго отвѣта станетъ невозможнымъ, ибо офиціальная Англія принуждена будетъ оказать «дружественное содѣйствіе» петербургскому кабинету, отвѣтъ котораго Японіи правительство Эдуарда VII вполне одобряетъ. Поэтому, 4-го февраля, въ Токио былъ спѣшно созданъ совѣтъ старѣйшинъ, который и

постановилъ прервать переговоры съ пстербургскимъ кабинетомъ подь предлогомъ замедленія русскаго отвѣта, хотя завѣдомо извѣстно было, что отвѣтъ уже отправленъ къ намѣстнику Алексѣеву и будетъ въ ближайшіе дни чрезъ барона Розена врученъ токійскому кабинету. Война и открылась внезапнымъ нападеніемъ японскаго флота на русскія суда въ Портъ-Артуръ и Чемульпо къ вѣщшей и, пожалуй, единственной выгодѣ англійскихъ имперіалистовъ и биржевиковъ (стр. 432—434).

За всѣмъ тѣмъ Бераръ къ прославляемымъ англичанами и американцами японскимъ побѣдамъ относится весьма скептически. Онъ сомнѣвается, смогутъ ли японцы удержаться въ Корей. Не засосетъ ли ихъ огромный и чреватый невѣдомыми опасностями просторъ маньчжурской равнины, и унесутъ ли они оттуда ноги? Сумѣетъ ли этотъ азіатъ-воитель отторгнуть у европейскаго генія Корею, Китай и Индо-Китай, или и тутъ самурайская доблесть обречена на роковой удѣлъ и найдетъ себѣ увѣнчаніе только въ неизбѣжномъ хакари (стр. 110—111)?

Менѣе откровенный характеръ носить недавно вышедшій сборникъ корреспонденцій съ Дальнаго Востока.

Давнишній сотрудникъ «Times»'а, потомъ «Daily News»'а, Коуэнъ, имѣлъ случай неоднократно посѣщать Дальній Востокъ и хорошо знакомъ съ Японією, Маньчжуріей, Китаемъ и Россією.

Въ настоящую войну Коуэнъ съ начала февраля по май мѣсяць состоялъ военнымъ корреспондентомъ лондонской газеты «Daily Chronicle», но затѣмъ въ виду цензурныхъ ограниченій, которымъ корреспонденціи подвергались, проходя чрезъ японскихъ властей, Коуэнъ предпочелъ ограничиться краткими телеграммами, а доступный ему матеріальъ приберегъ у себя и записи памятныхъ книжекъ использовалъ только въ октябрѣ 1904 года, когда въ Сеулѣ написалъ и при оказіи переправилъ къ лондонскому издателю едва ли не первую по основательности книгу, описывающую Японо-Русскую войну (*The Russo-Japanese War from the outbreak of hostilities to the battle of Laoyang. London. Arnold edition.*)

Коуэнъ въ сущности не японофилъ, но держитъ руль по вѣтру. Такъ какъ Россія и все русское среди большой англійской публики сочувствіемъ не пользуются, а японецъ—излюбленный союзникъ Великобританіи и даетъ большую поживу англійскимъ предпринимателямъ и поставщикамъ, то Коуэнъ очень осторожно обходитъ все, что можетъ покоробить японофильствующее ухо. Онъ, напримѣръ, не находитъ ни слова осужденія для разбойничьяго нападенія японскаго флота на Портъ-Артуръ и Чемульпо до объявленія еще войны; адмирала Макарова онъ хвалитъ съ осторожностью и подчеркиваетъ главнымъ образомъ то, что русскій адмиралъ былъ будто бы убѣжденный англоманъ и либераль; порою нареканія на русскихъ даже обидны по своей наивности—такъ,

напримѣръ, расхваливая мѣткость японской стрѣльбы, Коуэнъ увѣряетъ, будто въ Портъ-Артурѣ на рейдѣ русскіе размѣтили дальности вѣхами, чтобъ соразмѣрить по этимъ значкамъ прицѣльность стрѣльбы. Этимъ впрочемъ и исчерпываются выходы Коуэна по русскому адресу—находился онъ при японской арміи, и рассказъ его опирается на тѣ данныя, которыя онъ черпалъ изъ этого источника.

Не прочь Коуэнъ и оправдать японцевъ, въ чемъ можно. Такъ, испытавъ на своей особѣ въ качествѣ военнаго корреспондента всѣ неприглядныя свойства японскаго двоедушія, Коуэнъ все-таки оправдываетъ мало предупредительныя отношенія японцевъ къ печати. Однимъ изъ главныхъ факторовъ японскихъ успѣховъ въ настоящей войнѣ именно и было умѣніе держать въ тайнѣ не только подготовляемыя японцами событія, но и совершившіеся уже факты, которые могли бы помочь разгадкѣ дальнѣйшихъ военныхъ предпріятій (стр. 306).

Такихъ осторожныхъ и дальновидныхъ корреспондентовъ, какъ Арчибальдъ Форбсъ или Россель, современная печать не знаетъ, «я же лично помню, прибавляетъ Коуэнъ, какъ во время Испано-Американской войны корреспонденты, желая взять верхъ надъ соперниками, слали, наперервъ другъ передъ другомъ, телеграммы, приносившія величайшую пользу арміи противника—изъ Маниллы телеграммы чрезъ Европу попадали въ Нью-Йоркъ, а оттуда передавались въ Гонконгъ въ «Junta Filipina» и чрезъ нее возвращались на Филиппины уже во вражескій лагерь. Въ Бурскую войну наблюдалось то же съ тѣмъ еще осложненіемъ, что на войну были отряжены корреспонденты и изъ газетъ партіи, враждебной войнѣ, и они поставляли читателямъ матеріалъ, хотя приходившійся имъ по вкусу, но явно обидный для національнаго самолюбія.

Оставляя въ сторонѣ болѣе или менѣе теперь уже общеизвѣстныя подробности объ отдѣльныхъ бояхъ, мы ограничимся изложеніемъ общихъ взглядовъ Коуэна на настоящую войну, которые характерно отражаютъ воззрѣнія и симпатіи, господствующія среди англійскаго общества. Японское нападеніе,—говоритъ Коуэнъ—было неожиданностью, потому что міръ вообще и Россія въ частности не захотѣли оцѣнить по достоинству, что правильно или ложно, но Японія сочла себя обиженною и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ напрягала всѣ силы, чтобы приготовить ударъ, который бы разъ навсегда оградилъ ее отъ дальнѣйшихъ угрозъ. Напасть на Россію не дерзали даже первоклассныя европейскія державы, но такъ какъ проведеніемъ великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути Россія обличила свои стремленія къ владычеству надъ Дальнимъ Востокомъ, то Японія сочла нужнымъ приложить всѣ усилія къ тому, чтобы не подпасть этому владычеству (стр. 2). «Въ 1891 году я былъ въ Японіи и имѣлъ случай наблюдать, какое впечатлѣніе произвела вѣсть

о проложеніи русскими желѣзной дороги чрезъ Азіатскій континентъ. Осуществленіе этого плана придвигало къ дверямъ Японіи могущественныя военныя силы Россіи. Самое уже наименованіе русской крѣпости и порта Владивостокомъ заключаетъ въ себѣ грозное предостереженіе. Владивостокскій портъ прямо баррикадируетъ, хотя издалека, входъ въ Японское море и весь японскій архипелагъ» (стр. 3).

Были и иныя тревожныя явленія, заставлявшія Японію подозрительно относиться къ дѣйствіямъ сѣвернаго сосѣда. Въ 1861 году русское военное судно внезапно заняло островъ Тсушиму, командующій надъ каналомъ, чрезъ который Владивостокъ на югѣ общается съ открытымъ океаномъ; надъ Тсушимомъ взвился русскій флагъ, и островъ только по настояніямъ Великобританіи былъ возвращенъ Японіи (стр. 14—15).

Точно также, настаивая на томъ, что географически Сахалинъ входитъ въ составъ Амурскаго края, русскіе добились присоединенія Сахалина, обезпечиваваго Японію рыбными запасами (стр. 15).

Далѣе Россія въ шестидесятыхъ уже годахъ XIX вѣка начала заявлять притязанія на Корею, и писатели всѣхъ національностей, изучавшіе корейскій вопросъ, считали рѣшеннымъ дѣломъ, что рано или поздно Корея сдѣлается русскою областью. Когда же Японія въ 1876, 1888 и 1894 годахъ пыталась подчинить Корею своему вліянію, она была обуздана великими державами, а коалиція между Россіею, Германіею и Франціею обезпечила Россіи путемъ заарендованія на девяносто девять лѣтъ властвованіе надъ Портъ-Аргуромъ. Послѣ того, какъ коалиція трехъ континентальныхъ державъ не допустила Японію воспользоваться облюбованными ею плодами побѣды 1894 года надъ Китаемъ, а Германія выговорила себѣ Кіючау, Франція—Куаншауванъ въ Хайнанѣ, Англія—Вейха-Вей и Россія—Портъ-Артуръ, оскорбленное японское самолюбіе особенно ополчилось противъ Россіи. Японцы разсуждали: «Мы имѣемъ армію, флотъ и орудія и предъ Россіею сумѣли бы отстоять свои права, но мы должны были смириться предъ германо-франко-русскимъ соглашеніемъ. Значитъ, и намъ надо заручиться союзниками, чтобы не потерпѣть въ будущихъ начинаніяхъ такихъ же поражений» (стр. 35). Разсужденія эти далеко не исчерпывали возбужденія, которое раздувалось мѣстною печатью въ Японіи послѣ неудачнаго исхода японо-китайской войны. Тутъ правительственной японской цензурѣ пришлось работать, не покладая рукъ, во избѣжаніе новыхъ дипломатическихъ осложненій. Газеты то и дѣло приостанавливались, тюрьмы переполнялись редакторами, но по мѣрѣ того, какъ прекращалось одно повременное изданіе, на смѣну ему являлось другое, столь же безшабашное, а тамъ, гдѣ заарестовывалось типографское имущество, редакторъ-издатель торопился у ближайшаго сосѣда за нѣсколько іенъ потайнымъ образомъ напечатать хоть

зажигательную брошюру, прежде чѣмъ отправиться отбывать тюремное наказаніе (стр. 34).

При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что въ Японіи въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ кругахъ питалась и все шире разрасталась нелюбовь къ Россіи, а естественнымъ послѣдствіемъ этого явилось затѣмъ стремленіе къ «реваншу».

Реваншъ этотъ и подготовлялся годами исподтишка. Впрочемъ, по увѣреніямъ Коуэна, ни для кого не составляло секрета, что Японія дѣлаетъ подготовленія и вооруженія. Японія совершенно вразумительными фактами, выражавшимися въ бюджетныхъ назначеніяхъ, усиленіи арміи и флота, увеличеніи податного обложенія и усовершенствованіи народнаго образованія обнаружила намѣреніе возможно скорѣе вступить въ борьбу съ Россіей, такъ какъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда завершено было сооруженіе и усовершенствованіе великаго сибирскаго пути, и осуществилась бы намѣченная Россією программа военныхъ и морскихъ ея приготовленій на Дальнемъ Востокѣ, борьба съ Россією оказалась бы Японіи не подъ силу (стр. 8, 16).

Одною изъ главныхъ причинъ, способствовавшихъ возникновенію японо-русской войны, было то, что въ Россіи не сумѣли своевременно разгадать и оцѣнить истинныя силы и намѣренія будущаго противника. «Я часто встрѣчался съ полковникомъ Вогакомъ, русскимъ военнымъ уполномоченнымъ при ляодунской японской арміи въ 1894 году,—пишетъ Коуэнъ.—Несомнѣнно, полковникъ былъ человекъ способный и пользовавшійся отъ правительства довѣріемъ, и, конечно, его официальныя донесенія правительству и личное участіе въ позднѣйшихъ совѣщаніяхъ оказали свою долю вліянія на развитіе дальнѣйшихъ событій. Какъ Вогакъ ни былъ мало сообщителенъ, онъ, нисколько не стѣняясь, высказывался по общимъ вопросамъ и утверждалъ, что послѣ незначительныхъ перестроекъ и обороняемый европейскими войсками, Портъ-Артуръ сдѣлается неприступнымъ для наилучшей даже арміи. вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя Вогакъ и признавалъ за японскими войсками хорошую выучку и доблесть, тѣмъ не менѣе утверждалъ, будто противъ европейской арміи они не устоятъ и при первой же неудачѣ будутъ деморализированы до слѣпой паники; въ случаѣ же продолжительной кампаніи японскія войска, какъ и вся нація, впадутъ въ истощеніе и распадутся на куски. Я признался Вогаку, что запаса учебникомъ русскаго языка и, надѣясь дожить до русско-японской войны, рассчитываю, что полковникъ добудетъ мнѣ разрѣшеніе слѣдовать при русской арміи, на это Вогакъ со смѣхомъ отвѣчалъ мнѣ: «этой войнѣ не бывать, никогда японцы не осмѣлятся воевать съ нами» (стр. 32). Таковъ вкратцѣ былъ смыслъ многочисленныхъ бесѣдъ, какія мнѣ при разныхъ случаяхъ приходилось вести съ Вогакомъ. Совершенно противоположныя заклю-

ченія вынесли изъ японо-китайской войны полковникъ Тайлоръ и капитанъ дю-Булэ. Опираясь близко на знакомство съ сикками и гуркасами, они утверждали, что отрицать вообще въ азіатахъ военныя дарованія по меньшей мѣрѣ неосновательно; что же касается стратегическаго значенія Портъ-Артура и Талиенвана, то оно было тщательнѣйшимъ образомъ изучено англійскими экспертами еще во время китайской войны 1861 года, и обѣ позиціи тогда же признаны были неудовлетворительными въ силу непоправимыхъ географическихъ дефектовъ».

Въ 1895 году, повстрѣчавшись съ маркизомъ Ито, Коуэнъ обратился и къ нему съ вопросомъ, вѣроятна ли война съ Россіею. На это ему было сказано: «Нечего и говорить о томъ, что мы давно и тщательно изучили всѣ возможныя случайности и, конечно, стараемся слѣдовать такой сдержанной политикѣ, чтобы избѣжать столкновенія съ какою либо великою державою, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны пещись и о нашемъ національномъ благосостояніи, поэтому, подвергшись нападенію, конечно, постоять за себя мы сумѣемъ, какъ того потребуютъ обстоятельства» (стр. 32).

Во время осеннихъ переговоровъ между Японіею и Россіею Коуэнъ интервьюировалъ военнаго министра Терауши; и тотъ увѣрялъ любознательнаго корреспондента, будто въ Японіи не существуетъ вовсе партіи, которая бы склоняла страну къ войнѣ; что армія не принимаетъ участія въ политикѣ, никакихъ мнѣній не имѣетъ за предѣлами точнаго выполненія прямого своего долга и дисциплины, но всегда находится наготовѣ для выполненія своего долга. «Теперь же мы къ этому дѣйствительно нѣсколько болѣе приготовлены, чѣмъ въ обыкновенное время» (стр. 69).

Насколько «немножко были приготовлены» японцы къ предстоявшей войнѣ, видно изъ того, что уже въ октябрѣ 1903 года Кодама, слышій у японцевъ за геніальнаго организатора, съ поста генераль-губернатора Формозы былъ отозванъ, чтобы занять должность начальника главнаго штаба. Хорошо освѣдомленные наблюдатели утверждали, что одно уже это назначеніе равносильно призыву изготавляться къ войнѣ, но официальные лица успокаивали иностранцевъ, увѣряя, что назначеніе Кодамы ровно ничего не означаетъ. Точно также при ежегодныхъ морскихъ маневрахъ въ 1903 году была предпринята примѣрная экспедиція въ составѣ боевыхъ судовъ и многочисленныхъ транспортовъ къ берегамъ Кореи съ заданіемъ произвести высадку войскъ, какъ бы въ военное время, но и у этого факта, по толкованіямъ японцевъ, отнималось всякое политическое значеніе (стр. 67).

Такимъ образомъ не только русскихъ, но и всѣхъ вообще иностранцевъ, японцы, убаюкивали ложными успокоеніями, а между тѣмъ еще около новаго года англійскій дипломатъ сэръ Клодъ Макдональдъ признавался Коуэну, что «отношенія между петер-

бургскимъ и токійскимъ кабинетами настолькоъ напряжены, что напоминають пороховой складъ, въ который уже вложенъ тлѣющій стапінъ: взрыва слѣдуетъ ожидать каждую минуту, и если все обойдется благополучно, это будетъ истиннымъ чудомъ» (стр. 70).

Въ этомъ двусмысленномъ положеніи невѣдѣнія иностранцы оставались въ Токио до самаго момента открытія военныхъ дѣйствій.

Готовность арміи выполнить въ каждую минуту свой долгъ, на которую генераль Терауши намекалъ Коуэну, вскорѣ нашла себѣ блистательное подтвержденіе. Хотя въ Токио и ходили подъ рукою смутные слухи о томъ, будто портъ-артурская эскадра стоитъ подъ парами и готовится предпринять нападеніе на японское побережье, а на Ялу, 2-го февраля, 2.000-ный русскій отрядъ уже переправился чрезъ рѣку, а за рѣкою сосредоточенъ 20.000-ный корпусъ для вторженія въ Корею, вплоть до утра 6-го февраля (по н. ст.) Японія была еще сама миръ, и все ея населеніе предавалось обычнымъ занятіямъ, къ вечеру же 6-го февраля японскій флотъ находился уже въ открытомъ морѣ, торопясь обрушиться на Портъ-Артуръ. Все японское воинство пришло въ движеніе, одни уже переправлялись въ Корею, другіе спѣшно на поѣздахъ направлялись къ портамъ посадки, гдѣ транспорты ихъ поджидали уже нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ. О мобилизаціи всѣ желѣзныя дороги Японіи были оповѣщены одною лаконическою телеграммою, тотчасъ же обычное товарное и пассажирское движеніе было приостановлено, и обученные и вполне снаряженные солдаты сплошнымъ потокомъ потекли въ Сасебо, Нагасаки, Моджи и Уджицу (стр. 73).

Японія при каждомъ рейсѣ транспортировала по цѣлой бригадѣ, въ составѣ около 7.000 человекъ, при надлежащемъ войсковомъ обозѣ и снаряженіи, на что требовалось каждый разъ не мене 8—12 транспортныхъ судовъ.

Перевезти чрезъ море многотысячную армію, распредѣлить подлежащія силы для занятія соответствующихъ позицій и обезпечить войска, несмотря на невыгодныя географическія условія Кореи, непрерывнымъ притокомъ продовольственныхъ и военныхъ запасовъ, несомнѣнно, составляло громадную и трудную задачу. Тотъ методическій и, если можно такъ выразиться, автоматическій способъ, которымъ японцы осуществили это предпріятіе, и явился однимъ изъ существеннѣйшихъ факторовъ всѣхъ дальнѣйшихъ ихъ успѣховъ (стр. 201).

Тѣмъ же, что со стороны японцевъ прилагались всѣ старанія стать на уровень сложныхъ требованій современнаго военнаго дѣла, проявлять возможно большую находчивость и выгадывать, гдѣ и въ чемъ можно, лишнюю минуту,—они обезпечили успѣхъ внезапному нападенію флота Того и Уриу на Портъ-Артуръ и Чемульпо, этической стороны котораго Коуэнъ благоразумно не касается, и на

нѣсколько мѣсяцевъ практически парализовали всю дѣятельность русской Тихо-Океанской эскадры (стр. 94).

Въ то же время при всѣхъ нападеніяхъ на Портъ-Артуръ адмиралъ Того неукоснительно держался одного приема—заботливо оберегая суда отъ опасности, онъ предпочиталъ держаться отъ противника на возможно болѣе далекомъ разстояніи и скорѣе примирился съ тѣмъ, чтобы выстрѣлы съ его судовъ только изрѣдка наносили поврежденія непріятелю, лишь бы не подводить подъ выстрѣлы послѣдняго собственную эскадру (стр. 139).

Правда, 15-го мая новаго стиля, когда первоклассный броненосецъ «Хатсузе» погибъ, натолкнувшись на русскія пловучія мины, послѣ того какъ въ это же утро крейсеръ «Юшимо» затонулъ, потерпѣвъ аварію чрезъ столкновеніе съ «Касугою», потеря двухъ судовъ и потопленіе 687 человекъ изъ ихъ экипажа практически нанесли японцамъ уронъ, почти уравновѣсившій погибель «Петропавловска» (стр. 183), но зато несчастный выходъ портъ-артурской эскадры въ концѣ іюля мѣсяца привелъ ее въ полное и непоправимое разстройство (стр. 332).

Особенно рѣшающаго значенія впрочемъ морскіе японскіе успѣхи на ходъ войны не возымѣли.

При тѣхъ наличныхъ условіяхъ, въ какихъ находились воюющія націи, морскія между ними сраженія, по мнѣнію Коуэна, и не могли имѣть рѣшающаго значенія.

Если бы Россіи удалось подвергнуть конечному истребленію японскій флотъ, русская даже мощь не смогла бы подчинить своему владычеству 40 милліоновъ отчаянныхъ головорѣзовъ, какими издревле всегда были японцы. Точно также, подвергшись совершенному уничтоженію русскаго флота, Россія къ этому факту отнеслась бы сравнительно покойно.

Разумѣется, сознаніе того, что побѣда досталась японскому флоту, было бы для русскихъ тяжело, больно и обидно, но одинъ этотъ фактъ не можетъ заставить русскихъ признать себя побѣжденными; вѣдь, если морскія сраженія и оказывали свою долю вліянія на теченіе величайшихъ историческихъ столкновеній, никогда еще морскія въ частности сраженія не являлись окончательнымъ и главнымъ моментомъ въ исходѣ войнъ (стр. 190).

Такимъ образомъ центръ тяжести и Японо-Русской войны роковымъ образомъ долженъ лежать въ сухопутныхъ бояхъ.

По японскимъ подсчетамъ, приводимымъ Коуэномъ съ большою подробностью на стр. 192—194, Россія къ началу открытія военныхъ дѣйствій въ Маньчжуріи имѣла всего 45.000 полевыхъ войскъ при 120 орудіяхъ; войска эти были разбросаны въ 16 пунктахъ, отъ Портъ-Артура до Хайлара; кромѣ того, охранная желѣзно-дорожная стража числила въ своемъ составѣ до 15.000 при 32 орудіяхъ.

Въ точности освѣдомленная на счетъ численности русскаго гарнизона въ Маньчжуріи, равно какъ и относительно слабой провозоспособности Сибирской желѣзной дороги, не дозволявшей быстро перекинуть изъ Европейской Россіи на восточную окраину значительную армію, Японія и торопилась объявить вызовъ могущественной, раскинувшейся на необъятное пространство сосѣдкѣ (стр. 196).

Успѣхи, одержанные японцами на Ялу, въ Кинчжоу, Телиссу и Ляоянѣ, доказали, во-первыхъ, строгую обдуманность японскихъ военныхъ предначертаній и неуклонное сознательное выполненіе ихъ войсковою массою, отъ генерала до послѣдняго рядового; во-вторыхъ, что сосредоточеніе подъ начальствомъ русскаго главнокомандующаго тѣхъ подавляющихъ войсковыхъ массъ, которыя должны были излиться изъ Европейской Россіи по единственному желѣзнодорожному пути, происходило гораздо медленнѣе, чѣмъ на это строились расчеты. Въ-третьихъ, выяснилось, что японцы гораздо лучше ознакомлены съ театромъ военныхъ дѣйствій и при передвиженіяхъ въ состояніи точно учитывать всѣ пути и время, потребное для занятія опредѣленныхъ пунктовъ, русскіе же съ момента пріобрѣтенія желѣзнодорожной концессіи въ 1897 году, хотя и имѣли время освоиться съ топографіею занятаго края и на основаніи точныхъ съемокъ заготовить подробными картами, не достигли и этого; въ-четвертыхъ, русская армія изъ опыта нѣсколькихъ мѣсяцевъ принуждена была вынести убѣжденіе, что наскоро цивилизованные островитяне-азіаты вовсе ужъ не являются презрѣнными макаками, но составляютъ стойкое и прозорливое воинство.

Подготовленность японской арміи къ современнымъ требованіямъ войны особенно блистательно сказалась на устройствѣ развѣдочной службы. Рекогносцировки передвиженій непріятеля японцами велись съ полнымъ успѣхомъ; рѣдко для нихъ что либо оставалось во тьмѣ и неопредѣленности при всѣхъ затѣваемыхъ противникомъ дѣйствіяхъ, такъ какъ этотъ родъ службы, требующій индивидуальнаго почина, неустрашимости, сообразительности и пониманія расовыхъ особенностей, вполне пришелся японцамъ по плечу (стр. 264—267).

Точно также обстоятельно оказалось поставленнымъ у японцевъ и дѣло «предварительныхъ развѣдокъ» чрезъ многочисленныхъ агентовъ: японскіе шпіоны были разсыяны по всей Сибири и Маньчжуріи.

Точно также въ Корей японцы, жившіе тамъ годами и владѣвшіе мѣстными нарѣчіями, принимали самыя разнообразныя обличія странствующихъ ламъ, коробейниковъ и нищихъ и, оставаясь для русскихъ неуловимымъ, освѣдомлены были насчетъ каждаго ихъ шага. При этомъ нерѣдко случались даже такіе курьезы—нѣкій кореецъ, угольщикъ, служившій у русскихъ развѣдчикомъ

нѣсколько недѣль, переходилъ изъ деревни въ деревню, отъ Вичжу вплоть до Сеула, въ сопровожденіи беззащитнаго слѣпца, подобранаго имъ изъ жалости на пути, но въ Сеулѣ нищій неожиданно затѣялъ уличную драку съ японскими жандармами: и нищій и угольщикъ попали въ руки японскихъ властей, и только тутъ оказалось, что несчастный слѣпецъ—японскій шпионъ, ловко одурачившій корейца, неумѣло дѣлавшаго развѣдки для ввѣрившихся ему русскихъ (стр. 211—212).

Несмотря на панегирики, охотно расточаемые японцамъ, Коуэнъ, однако же, принужденъ признать, что успѣхи, достигнутые японцами въ сухопутной кампаніи 1904 года, представляютъ только цѣнные приготовленія для будущаго, но никакого рѣшающаго значенія не представляютъ.

Выводъ этотъ Коуэнъ дѣлаетъ на основаніи подробныхъ характеристикъ отдѣльныхъ боевъ. Наиболѣе крупнымъ и важнымъ изъ нихъ было кровопролитное и продолжительное сраженіе при Ляоянѣ.

Ляоянскій бой, однако же, принесъ большое разочарованіе японцамъ и ихъ доброхотамъ.

Восторженные руссофобы изготвились признать за этимъ сраженіемъ значеніе новаго Седана или Ватерлоо, но если русскіе понесли большой уронъ въ раненыхъ, убитыхъ и снаряженіи, то и японцы, потерявъ массу выбывшихъ изъ строя людей и сдѣлавъ громадныя денежныя затраты, ничего существеннаго отъ сраженія не приобрѣли. Ляоянская позиція сама по себѣ особенной цѣнности не представляла, а по мѣрѣ отступленія генерала Куропаткина онъ оказывался только въ выигрышѣ, приближаясь къ своей базѣ, тогда какъ японцы, противъ своей воли, удалялись все дальше отъ военноморскихъ своихъ сообщеній.

Пресловутое пораженіе русской арміи носитъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ какой ему былъ приданъ по началу.

Послѣ Ляоянскаго боя, несмотря на то, что японцы съ всею поспѣшностью двигались двумя параллельными колоннами къ сѣверу, въ промежуткахъ между ними по прилежащей къ желѣзнодорожнымъ путямъ полосѣ, шириною не болѣе 10 миль, русская армія, численностью около 200.000 человекъ съ орудіями и огромными продовольственными запасами, могла отступить безъ всякой торопливости, въ образцовомъ порядкѣ, что слѣдуетъ вмѣнить въ заслугу распорядительности русскаго гавнокомандующаго (стр. 338—339).

Вопреки попыткамъ стороннихъ давленій, генералъ Куропаткинъ съ настойчивостью проводитъ осуществленіе первоначальнаго плана, несмотря на неуспѣшность частичныхъ боевъ.

Факты остаются фактами: Россія возлагаетъ надежды на подавленіе противника превосходными силами при удобныхъ для нея условіяхъ, хотя бы для этого пришлось отступить лишнюю ты-

сячу миль и затянуть войну еще на два года. Генераль Куропаткинъ падѣтся, что онъ доведетъ японскую армію до полного изнеможенія упорными стычками и ослабитъ ея силы отдаленіемъ отъ базы, а тогда въ войнѣ наступитъ поворотъ, и «козыри» окажутся уже въ русскихъ рукахъ (стр. 318).

Значеніе этого плана, хотя онъ не разъ осмѣивался и облеклся въ карикатурныя даже формы, Коуэнъ оцѣниваетъ по достоинству.

Въ сущности,—говоритъ онъ,—Россія на Ляоянскомъ бою показала, насколько тяжело будетъ доставаться японской арміи всякая дальнѣйшая побѣда, по мѣрѣ отступленія въ глубь Маньчжуріи.

Россія сохранила нисколько не ослабленныя главныя боевыя силы, а Сибирскій желѣзнодорожный путь, существенно усовершенствованный по указаніямъ опыта, теперь же развиваетъ несравненно болшую провозоспособность, непрестанно подкрѣпляя Маньчжурскую армію притокомъ свѣжихъ силъ. Хотя бы русская армія и не одержала рѣшающей побѣды, она можетъ не разъ еще повторить такой же бой, какъ подъ Ляояномъ, а тутъ возникаетъ роковой вопросъ: какъ же долго Японія въ состояніи окажется выносить безнаказанно дальнѣйшіе такіе эксперименты?

Если Британской имперіи пришлось, стянувъ всѣ свои военныя силы, цѣлыхъ два года убить на то, чтобы одолѣть въ подобной же основанной на отступленіяхъ игрѣ горсть буровъ и, при томъ, на ограниченномъ протяженіи Трансваала, какіе же способы и средства потребуются Японіи, чтобы совладать съ Куропаткинскимъ?

Ляоянское сраженіе является блистательнымъ подтвержденіемъ дальновидности русскаго главнокомандующаго: затягивая войну надолго и обезсиливая противника въ то время, какъ русскія боевыя силы умножаются, а провозоспособность Сибирской дороги возрастаетъ, Куропаткинъ никакихъ угрожающихъ опасностей отъ японскаго наступленія не можетъ ждать. Русская Маньчжурская армія такъ долго, какъ сама захочетъ, будетъ ограничивать свои дѣйствія арьергардными стычками, удерживаясь на извѣстной позиціи, пока главныя силы арміи не перейдутъ на другую позицію послѣ нанесенія противнику возможно болѣе сильнаго урона, при наименьшихъ потеряхъ для своего собственнаго арьергарда, такъ и будетъ тянуться, война, доколѣ японцы не выбьются окончательно изъ силъ.

Коуэнъ, впрочемъ, хочетъ вѣрить, что японцы дальше Мукдена двигаться не стануть и, успѣшно осуществивъ намѣченное ими вытѣсненіе русскихъ съ Ляодунскаго полуострова и изъ южной Маньчжуріи, ограничатся укрѣпленіями и обороною всѣхъ занятыхъ позицій, предоставивъ русской арміи либо переходъ въ наступленіе, либо прекращеніе войны (стр. 342—343).

Такая объективная характеристика общаго значенія совершившихся за кампанію 1904 года военныхъ дѣйствій англійскому писателю можетъ быть вмѣнена въ особенную заслугу.

Точно также немалый интересъ представляетъ оцѣнка, дѣлаемая Коуэномъ русской политикѣ и желтой опасности. Путемъ диалектическаго пріема онъ здѣсь въ русскія уста вкладываетъ то, чего не рѣшился сказать открыто отъ своего имени, чтобы не раздражить капиталистическихъ гусей Англии.

По мнѣнію Коуэна, Китай несомнѣнно въ многомъ провинился и заслуживаетъ раздѣла за прегрѣшенія, повлекшія за собой неуройства и разстройство составныхъ своихъ частей. Особенно преступное равнодушіе проявлялъ Китай къ «внѣшнимъ» сѣвернымъ и восточнымъ провинціямъ, доведя ихъ до положенія такой отсталости, что на практикѣ дальнѣйшее ихъ существованіе, при прежнихъ распорядкахъ, сдѣлалось совершенно невозможнымъ.

Установить законмѣрность и порядокъ вмѣсто вопіющаго беззаконія, приобщить къ образованію тѣ классы населенія, которые коснѣютъ въ глубокомъ невѣжествѣ, провести грунтовыя, желѣзныя дороги тамъ, гдѣ отсутствовали всякіе пути сообщенія,—таковъ священный долгъ, лежащій на всякомъ правительствѣ по отношенію къ принадлежащей ему территоріи и собственнымъ подданнымъ. Тамъ же, гдѣ для блага подданныхъ ничего самимъ національнымъ правительствомъ не предпринимается, оно и обречено нести послѣдствія того плодотворнаго почина, какой на себя принимаютъ правительства иноземныя. Этотъ мотивъ является полнымъ оправданіемъ для захватовъ Кубы, Египта, Верхняго Нила, Южно-Африканскихъ государствъ, а такъ какъ нельзя оспаривать, что Россія положила массу затратъ и труда на поднятіе уровня благосостоянія Маньчжуріи, то слѣдуетъ удивляться одному только, почему Россія откровенно не стала настаивать на окончательномъ признаніи приобрѣтенныхъ ею безспорныхъ правъ, и не вступила ради этого въ полюбовное соглашеніе съ державами, болѣе или менѣе заинтересованными въ судьбахъ Китая и его обширныхъ владѣній (стр. 43—44).

Этимъ принципиальнымъ положеніемъ обосновываются и всѣ дальнѣйшія разсужденія Коуэна. Во время Боксерскаго движенія,—продолжаетъ онъ,—я имѣлъ многократные случаи знакомиться и близко сходитьсѣ съ русскими офицерами, нерѣдко владѣющими нѣсколькими иностранными языками. Въ общемъ русскіе офицеры прекраснѣйшіе малые, какихъ я гдѣ либо и когда либо встрѣчалъ, изъ бесѣдъ къ нимъ я усвоилъ себѣ русскую точку зрѣнія на маньчжурскій вопросъ столь же отчетливо, какъ ознакомился съ японскими воззрѣніями.

Несомнѣнно, расширеніе Россіи въ восточномъ направленіи имѣетъ полное оправданіе, хотя населеніе въ Россіи далеко не такъ скучено, какъ въ мануфактурныхъ странахъ, занимается оно почти исключительно земледѣліемъ, а въ коренной Россіи, въ иныхъ округахъ земли частью истощены, частью мало плодородны. Поэтому, для приложенія рукъ къ сельскому труду, населеніе должно заручиться новыми землями, но въ Сибири, несмотря на громадность, подъ земледѣліе могутъ быть отведены сравнительно ничтожные районы.

Безконечныя русскія и сибирскія сухія степи обречены лежать втуне, такъ какъ удалены на значительныя разстоянія отъ рѣкъ, да и дожди тамъ въ рѣдкость. Далѣе, поселянинъ нуждается въ одеждѣ, орудіяхъ производства и удобныхъ рынкахъ, гдѣ, сбывая свои продукты, онъ могъ бы дѣлать и всѣ надлежащія закупки. Для Россіи, поэтому, вполне естественно искать новыхъ земельныхъ приобрѣтеній, подобно тому, какъ Англія захватила Бирму, Франція Тонкинъ, японцы Формозу, а нѣмцы Шантунгъ.

Россіи, однако же, ставится въ вину то, что она вновь присоединяемыя области не открываетъ для всемірной торговли; считаться съ иностранною конкуренціею можетъ только нація, уже набравшаяся огромныхъ промышленныхъ силъ. Чего бы не предприняли англичане, если бы въ торгово-промышленныя ихъ предприятия вторглись болѣе дѣятельные и способные иностранцы и стали все прибирать къ своимъ рукамъ? Русскіе же пока мало въ себѣ развили дѣловитость, и, несмотря на покровительство, оказываемое коренному національному элементу, даже и въ самой Россіи всѣ наиболѣе выгодныя предприятия находятся въ англійскихъ и нѣмецкихъ рукахъ. Спрашивается, на что же могутъ жаловаться въ Россіи иностранцы.

Большинство русскихъ, съ которыми мнѣ случалось приходиться въ тѣсное соприкосновеніе,—продолжаетъ Коуэнъ,—нисколько не скрывали искренняго своего убѣжденія, что рано или поздно Россіи должна достаться вся Маньчжурія и вся сѣверная часть Китая, въ силу того же естественнаго хода вещей, по которому Англія и другія европейскія державы постепенно распространяли свои владѣнія надъ обширными частями внѣ-европейскихъ континентовъ. Правда, расширеніе Россіи насчетъ Китая какъ будто и противорѣчитъ заключеннымъ договорамъ, но дипломатіи не привыкать стать подъ благовидными предлогами обходить трактаты и нарушать обязательства. Для оцѣнки по достоинству нареканій, взводимыхъ на Россію за неочищеніе Маньчжуріи отъ войскъ, слѣдуетъ вспомнить, какъ распорядилась Англія въ Египтѣ или Франція въ Тунисѣ.

Подводя итоги тѣмъ доводамъ, какіе русскіе выставляютъ въ защиту своихъ дѣйствій, нельзя не согласиться, что въ оправданіе пресловутыхъ русскихъ злокозненныхъ дѣяній они съ полнымъ основаніемъ могутъ сослаться на тожественные прецеденты, неизбѣжно сопутствовавшіе политикѣ всѣхъ остальныхъ культурныхъ націй, разъ таковая задавалась преслѣдованіемъ идеаловъ міровой державы.

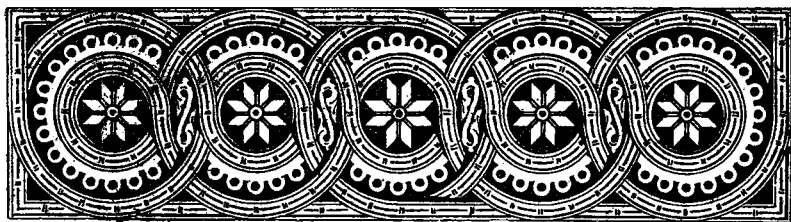
Что касается, наконецъ, отношеній Россіи къ Японіи, то многіе изъ моихъ собесѣдниковъ, говоритъ Коуэнъ, высказывали совершенно одинаковые взгляды: Японія, утверждали они, слишкомъ торопится добиться положенія великой державы, и если ея честолюбію не будетъ положено преградъ, то Японія вырастетъ въ опасность для всего міра; поэтому-то державы, которыя поощряютъ японскіе замыслы, совершаютъ громадную ошибку. Японія вовсе не скрываетъ того, что, заигрывая съ Китаемъ, она старается убѣдить его послѣдовать ея примѣру, подчинившись ближайшему ея руководству. Насколько выгоднымъ окажется для экономическихъ интересовъ Западной Европы утрата власти надъ Китаемъ и его рынками, ясно само собою. Но не слѣдуетъ забывать, что вся европейская политика въ ближайшемъ будущемъ окажется опрокинутой, когда Китай объевропеится и, преобразовавшись на японскій ладъ, проникнется затаеннымъ японскимъ недоброжелательствомъ и презрѣніемъ къ истиннымъ благамъ европейской цивилизаціи. Въ этомъ именно и коренится существенное зло «желтой опасности». Вѣдь если умерщвленіе двухъ вѣтцевъ въ Шантунгѣ вызвало захватъ Кіаучоу, то по возрожденіи Китая и убійство какихъ нибудь куліевъ въ Санъ-Франциско можетъ обусловить захватъ Санъ-Франциско. Злоупотребленія въ управленіи и беспорядки въ такихъ подвластныхъ Китаю государствахъ, какъ Бирма или Тонкинъ, закончились ихъ захватомъ со стороны европейскихъ державъ. Ну, а если Китай при своемъ 400-милліонномъ населеніи позаимствуетъ у Европы всѣ ухищренія военной науки и сохранить традиціонную ненависть къ «бѣлолицымъ дьяволамъ», какихъ только злоупотребленій въ области управленія и не порядковъ не пораскрываетъ онъ въ европейскихъ колоніяхъ на Дальнемъ Востоцѣ въ оправданіе самоличнаго «справедливаго и необходимаго вмѣшательства» въ ихъ дѣла. Короче сказать, возрожденіе и европеизація Востока представляетъ грозную міровую опасность для всей теперешней культуры.

Теоретическія разсужденія и проповѣди на ту тему, что пусть Европа измѣнитъ практикуемые ею для поработенія инородцевъ способы, если не хочетъ, чтобы таковыя примѣнялись къ ней со стороны инородцевъ, совершенно праздно. Вѣдь самую природою установлено, чтобы одни организмы властвовали, а другіе имъ подчи-

нялись; въ борьбѣ за существованіе самъ рокъ однимъ predeterminedъ былъ хищниками, а другимъ—жертвами. Такъ вотъ, если Европа захочетъ пережить менѣе развитыхъ соперниковъ, то она совершенно сознательно не должна возвышать ихъ до себя, поступая съ ними такъ, какъ не потерпѣла бы, чтобъ они обращались съ нею. А разъ Европа стремится властвовать и держать азіатовъ въ подчиненіи, едва ли есть основаніе сентиментальничать съ японцами—всѣ попытки Японіи сравняться съ Европою должны безжалостно подавляться (стр. 45—51).

В. Ш.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Г. Тимоѳеевъ. Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ. Спб. 1904.

Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи до послѣдняго времени была мало разработана въ русской литературѣ. Старый трудъ Ступина, посвященный этому вопросу, никогда не имѣлъ научнаго значенія, изслѣдованія же профессоровъ Сергѣевскаго и Филиппова о наказаніи въ XVII вѣкѣ и въ царствованіе Петра I, несмотря на всю свою научную цѣнность, касались только извѣстной эпохи. Такимъ образомъ, сочиненіе, названіе котораго выписано нами выше, впервые излагаетъ исторію тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ за все время ихъ существованія. Оно распадается на три отдѣла, при чемъ первый заключаетъ въ себѣ введеніе, состоящее изъ теоретической оцѣнки тѣлесныхъ наказаній, выясненія условій ихъ возникновенія и краткаго очерка исторіи этихъ наказаній въ Германіи и Франціи. Два послѣднихъ отдѣла заключаютъ въ себѣ исторію тѣлесныхъ наказаній въ Россіи, при чемъ во второмъ отдѣлѣ авторъ разсматриваетъ періоды развитія, господства и вымиранія этихъ наказаній, а въ третьемъ даетъ весьма живо написанный очеркъ исторіи отдѣльныхъ видовъ тѣлесныхъ наказаній, а именно: членовредительныхъ и болекозненныхъ, т.-е. кнута, батога, плетей, шпидрутеговъ, розогъ и др.

Изучая вопросъ о факторахъ, содѣйствовавшихъ развитію у насъ тѣлесныхъ наказаній, авторъ на ряду съ такими, которые дѣйствовали и въ Западной Европѣ, напримѣръ, существованіе рабства, усиленіе государственной

власти, исчезновение мести, неудовлетворительность системы выкупов и малокультурность общества, указывает и на такие, какъ византийское и монгольское вліянія. Первому авторъ придаетъ большое значеніе, справедливо замѣчая, что проводниками его являлось духовенство и его практика въ церковныхъ судахъ. Это вліяніе существовало въ теченіе всего допетровскаго періода русской исторіи и даже значительно усилилось въ XVII вѣкѣ. Авторъ ссылается на Уложеніе 1649 года и на цѣлый рядъ новоуказныхъ статей, проводившихъ начала греко-римскаго права. Какъ извѣстно, вопросъ о византийскомъ вліяніи на наше право, несмотря на его важность, до сихъ поръ очень мало обследованъ, вотъ почему авторъ могъ ему удѣлить только нѣсколько страницъ (стр. 65, 73—75), хотя, на нашъ взглядъ, имъ сказано все, что можно было сказать при современномъ состояніи науки. Говоря о монгольскомъ вліяніи, авторъ не преувеличиваетъ значенія этого фактора и не склоненъ связывать возникновеніе тѣлесныхъ наказаній съ татарскимъ игомъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ученые, напримѣръ, профессора Максимовичъ и Леонтовичъ, но, конечно, признаетъ, что результатомъ монгольскаго завоеванія было огрубеніе нравовъ русскаго общества, иначе говоря, создалась благоприятная обстановка для процвѣтанія тѣлесныхъ наказаній. Съ такою постановкою вопроса и съ такимъ его разрѣшеніемъ вполне можно согласиться.

Авторъ придаетъ также большое значеніе усилению княжеской власти, какъ одному изъ факторовъ развитія тѣлесныхъ наказаній. Говоря вскользь о причинахъ этого усиленія, г. Тимоѣевъ слѣдуетъ Костомарову. Конечно, вопросъ о причинахъ возникновенія у насъ сильной княжеской, или, лучше сказать, царской власти, прямо не интересовалъ г. Тимоѣева, такъ какъ не имѣлъ никакого отношенія къ его темѣ. Этимъ, нужно думать, и объясняется тотъ фактъ, что онъ останавливается на немъ только вскользь и упоминаетъ объ одномъ Костомаровѣ, игнорируя такихъ ученыхъ, какъ, напримѣръ, Забѣлинъ, Ключевскій, Сергѣевичъ, Загоскинъ и др., которые по этому вопросу высказываютъ иные мнѣнія, чѣмъ Костомаровъ.

Излагая періоды господства и вымиранія тѣлесныхъ наказаній, а также разсматривая отдѣльные виды этихъ послѣднихъ, авторъ самымъ исчерпывающимъ образомъ изслѣдуетъ весь обширный актовъ матеріалъ и на основаніи его рисуетъ намъ подробную, сплошь и рядомъ до мельчайшихъ деталей, картину тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ. Въ особенности интересны тѣ главы, которыя составлены на основаніи архивнаго матеріала, до сихъ поръ нигдѣ не обнародованнаго. Г. Тимоѣевъ работалъ въ архивѣ государственнаго совѣта и сообщаетъ много интересныхъ свѣдѣній по исторіи упраздненія нѣкоторыхъ видовъ тѣлесныхъ наказаній, напримѣръ, кнута и др., заимствованныхъ имъ изъ архива. Вообще изслѣдованіе г. Тимоѣева — вполне серьезная и добросовѣстная работа, одинаково необходимая какъ для историка, такъ и для юриста.

Проф. В. Латкинъ.

А. Н. Пыпинъ. Н. А. Некрасовъ. Съ тремя портретами. Спб. 1905.

Настоящая книга— послѣдній, предсмертный трудъ Александра Николаевича Пыпина. Въ серединѣ ноября она вышла изъ-подъ печатнаго станка, а въ концѣ мѣсяца ея автора не стало...

Собранные въ этой книгѣ статьи и матеріалы были напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» въ концѣ 1903 и началѣ 1904 года. Здѣсь прибавлено одно письмо Некрасова къ Тургеневу (взятое изъ Московскаго Румянцевскаго музея) и приложенъ библиографическій обзоръ литературы о Некрасовѣ. Этотъ обзоръ составился изъ замѣтокъ А. Н. Пыпина, которыя онъ дѣлалъ въ разное время безъ специальной библиографической цѣли.

Въ книгѣ четыре отдѣла. Первый посвященъ воспоминаніямъ автора о Некрасовѣ и кружкѣ «Современника». Далѣе описываются литературныя отношенія пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ (по печатнымъ источникамъ). Затѣмъ слѣдуютъ письма Некрасова къ Тургеневу, предоставленныя послѣднимъ вскорѣ послѣ смерти Некрасова въ распоряженіе А. Н. Пыпина (всего 61 письмо, за время отъ 1847 по 1861 г.). Послѣдній отдѣлъ заключаетъ обзоръ литературной дѣятельности Некрасова.

Воспоминанія А. Н. Пыпина непосредственно вводятъ насъ въ сферу литературныхъ интересовъ того времени, къ которому относится молодость покойнаго писателя. Пыпинъ сошелся съ редакціей «Современника» въ серединѣ пятидесятихъ годовъ; въ шестидесятихъ годахъ онъ совмѣстно съ Некрасовымъ редактировалъ «Современникъ». Въ качествѣ сотрудника, а потомъ редактора «Современника» ему приходилось сталкиваться съ главными представителями литературы пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ. Съ Некрасовымъ онъ познакомился въ 1854 году. «Особенно близокъ съ нимъ я не могъ быть,— говоритъ Пыпинъ:— слишкомъ велика была разность поколѣній; но я довольно близко видѣлъ его въ дѣлахъ журнальныхъ. Не все мнѣ было симпатично въ этомъ характерѣ»... Въ другомъ мѣстѣ Пыпинъ такъ отзывался о личности Некрасова: «многое въ этомъ характерѣ не давало нравственнаго удовлетворенія; но въ общемъ счетѣ и по силѣ благопріятныхъ впечатлѣній въ моихъ впечатлѣніяхъ скорѣе преобладали и преобладаютъ симпатіи». Среди писателей, группировавшихся вокругъ «Современника», по мнѣнію Пыпина, «самымъ сильнымъ по таланту и самымъ крупнымъ по литературному значенію (до Л. Н. Толстого) былъ Тургеневъ»; но «по уму и общественному пониманію едва ли не всѣхъ превосходилъ Некрасовъ». «Нѣкоторыя особенности этихъ двухъ характеровъ,— пишетъ Пыпинъ,— бросились мнѣ въ глаза, когда я увидѣлъ ихъ обоихъ, прийдя въ первый разъ къ Некрасову. Некрасовъ заговорилъ просто, прямо о дѣлѣ... Съ Тургеневымъ у меня никакихъ дѣлъ не было; мое имя онъ зналъ и былъ любезенъ, но съ нѣкоторымъ, правда, едва замѣтнымъ тономъ покровительства,— быть можетъ, такой тонъ казался ему естественнымъ относительно молодого человѣка, впервые вступающаго въ литературную жизнь. Эта черта извѣстнаго, хотя и прикрываемаго высокомерія иныхъ прямо раздражала». Въ извѣстной распрѣ между Некрасовымъ и Тургеневымъ Пыпинъ становится на сторону перваго.

Опубликованныя А. Н. Пыпинымъ письма Некрасова къ Тургеневу полны глубокаго значенія. Они обрисовываютъ совершенно новыми чертами личность Некрасова и дѣлаютъ ближе, понятнѣе цѣлосъ его поэзіи.

Муза Некрасова вдохновлялась не только чувствомъ мести и печали. Ей было знакомо очарованіе нѣжныхъ тоновъ и радужныхъ красокъ. Вспомнимъ хотя бы зимнюю картинку изъ «Крестьянскихъ дѣтей», полную свѣжнаго искрящагося блеска и какъ бы сотканную изъ прозрачныхъ ледяныхъ узоровъ. Некрасовъ живо ощущалъ «обаянье поэзіи дѣтства». Онъ тосковалъ о дѣтской свѣжести впечатлѣній, о голубомъ небѣ и яркомъ солнцѣ. Эти мечты о молодомъ солнечномъ счастьи нашли себѣ выраженіе въ его письмахъ къ Тургеневу изъ Рима, который онъ посѣтилъ въ 1856 году. Тамъ его съ новой силой охватили воспоминанія о привольныхъ дняхъ дѣтства, и больнѣе было ему сознавать, какъ исковеркала его душу сѣрая русская дѣйствительность. Вотъ отрывокъ изъ письма Некрасова къ Тургеневу, писаннаго подъ влияніемъ этого настроенія: «Римъ мнѣ тѣмъ больше нравится, чѣмъ болѣе живу въ немъ,— и я твержу про себя припѣвъ къ несуществующей пѣсенкѣ:

Зачѣмъ я не попалъ сюда
Здоровѣй и моложе?

«Да, хорошо было бы попасть сюда, когда впечатлѣнія были живы и сильны, и ничто не засоряло души, мѣшая имъ ложиться. Я думаю такъ, что Римъ есть единственная школа, куда бы должно посылать людей въ первой молодости,— въ комъ есть что нибудь не пошлое, въ томъ оно разовьется здѣсь самымъ благодатнымъ образомъ, и онъ навсегда унесетъ отсюда душевное изящество, а это человѣку понужнѣй цинизма и растлѣнія, которыми даритъ насъ щедро родная наша обстановка. Но мнѣ, но людямъ, подобнымъ мнѣ, лучше вовсе не ѣздить сюда. Смотришь на отличное небо, и злишься, что столько лѣтъ каясь въ болотѣ, и такъ далѣе до безконечности. Возвратъ къ впечатлѣніямъ моего дѣтства сталъ здѣсь моимъ кошмаромъ,— вѣрю теперь, что на чужбинѣ живѣе видишь родину, только отъ этого не слаще и злости не меньше... Зачѣмъ я сюда прѣхалъ? Чтобъ больше жизни стало жаль»... Въ силу душевной двойственности Некрасова, роскошныя картины южной природы, памятники, дышащіе тысячелѣтними воспоминаніями, подчасъ возбуждали въ немъ мизантропическія мысли. «По наклонности къ хандрѣ и къ романтизму,— пишетъ онъ,— иногда раздражаюсь здѣсь отъ безчисленныхъ памятниковъ человѣческаго безумія, которое вижу на каждомъ шагу. Тысячи тысячъ разъ поруганная, распятая добродѣтель и тысячи тысячъ разъ увѣчанное зло— плохая порука, чтобъ человѣкъ поумнѣлъ въ будущемъ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ забрался я третьяго дня на куполъ св. Петра, и плюнулъ оттуда на свѣтъ Божій,—это очень пошлый фарсъ,— посмѣйся. Во мнѣ мало здоровой крови». Очень характерно это утѣшеніе, которое находитъ для себя Некрасовъ: «жить для себя не всякій день хочется и стоить, и тогда приходитъ вопросъ: зачѣмъ же жить? Поживемъ для того, чтобы хоть когда нибудь кому нибудь было полегче жить, отвѣчаетъ какой-то голосъ, очень самолюбивый голосъ! Но когда онъ молчитъ, когда нѣтъ этой вѣры, тогда и плюешь

на все, начиная съ самого себя. Ахъ, милый мой Тургеневъ, какъ мнѣ понравились твои слова: «наше послѣднее слово еще не сказано»,—не за вѣру, которая въ нихъ заключается и которая можетъ обмануть, а за готовность жить для другихъ. Съ этой готовностью, конечно, сдѣлаешь что нибудь». По возвращеніи въ Россію Некрасовъ писалъ Тургеневу: «сѣро, сѣро! глухо, дико, глухо, почти безнадежно! И все-таки я долженъ сознаться, что сердце у меня билось какъ-то особенно при видѣ «родныхъ полей» и русскаго мужика... Что до меня, я доволенъ своимъ возвращеніемъ. Русская жизнь имѣетъ счастливую особенность сводить человѣка съ идеальныхъ вершинъ, поминутно напоминая ему, какая онъ дрянъ, — дрянью кажется и все прочее, и самая жизнь — дрянью, о которой не стоитъ много думать». Въ этихъ словахъ вылилась вся та беззаветная, скорбная любовь, какою Некрасовъ любилъ свою несчастную родину. Скоро итальяскія впечатлѣнія потускнѣли, и русская дѣйствительность вступила въ свои права. «Миръ вамъ, поздніе отзвывы молодости!—восклицаетъ Некрасовъ черезъ годъ:—благо, вы заснули, спите же мертвымъ сномъ,—никогда больше не поѣду въ Италію».

Для пониманія внутренняго міра Некрасова чрезвычайно интересны его отношенія съ Тургеневымъ. Некрасовъ очень любилъ Тургенева, какъ писателя и какъ человѣка. Объ этой любви онъ говорилъ на смертномъ одрѣ Пышину (см. воспоминанія послѣдняго). Черезъ всѣ его письма къ Тургеневу красной нитью проходятъ трогательныя изъявленія нѣжнаго чувства. Пѣвецъ горя, Некрасовъ какъ бы искалъ духовной опоры въ Тургеневѣ, который зналъ упоеніе лазурнаго счастья. Это было почти стихійное влеченіе, подобное тому, какое Тургеневъ въ свою очередь испытывалъ къ Льву Толстому. «Ты, о комъ я думаю часто, всегда съ пріятнымъ и никогда съ горькимъ чувствомъ», — такъ начинается одно письмо Некрасова къ Тургеневу (1855 г.). Въ другомъ письмѣ Некрасовъ говоритъ: «я, — ты не откажешь мнѣ въ этомъ, — дошелъ въ отношеніи къ тебѣ до той высоты любви и вѣры, что говаривалъ тебѣ самую задушевную правду о тебѣ» (1856 г.). Вотъ еще нѣсколько признаній Некрасова въ томъ же родѣ. «Люблю Теккеря; послѣ тебя это любимый мой современный писатель. Хотѣлъ вычеркнуть «послѣ тебя», но я теперь не въ такомъ духѣ, чтобы говорить любезности (Некрасовъ пишетъ это изъ Рима). Это сорвалось, и пусть останется. Русскій характеръ, или мой лично, странно устроено, — когда твоя всегда милая для меня личность со всѣмъ своимъ вліяніемъ на идущее смѣнитъ насъ и колѣнне стоитъ передо мной (а это часто бываетъ), кажется, сказалъ бы тебѣ много, а станешь говорить или писать, — того глядишь, съ языка злостная закорючка, и доброе слово мретъ на языкѣ или зачеркивается» (1856 г.). «Милый Тургеневъ, право, я тебя очень люблю, — въ счастливыя мои минуты особенно убѣждаюсь въ этомъ» (1857 г.). «Мнѣ кажется, что съ твоимъ пріѣздомъ я брошу подлѣя карты, которыя губить мое здоровье» (1858 г.).

Пышная, задумчивая печаль, придающая особую прелесть произведеніямъ Тургенева, находила живой откликъ въ душѣ Некрасова. Какъ тонко понималъ Некрасовъ творческій пафосъ Тургенева, это видно изъ его отзыва о повѣсти «Три встрѣчи»: «тонъ ихъ удивителенъ — какой-то страстной, глу-

бокой грусти. Я вотъ что подумалъ: ты поэтъ болѣе, чѣмъ всѣ русскіе писатели послѣ Пушкина, взятыя вмѣстѣ... Прошу тебя, перечти «Три встрѣчи», уйди въ себя, въ свою молодость, въ любовь, въ неопредѣленные и прекрасные по своему безумію порывы юности, въ эту тоску безъ тоски,—и напиши что нибудь этимъ тономъ. Ты самъ не знаешь, какіе звуки польются, когда разъ удастся прикоснуться къ этимъ струнамъ сердца, столько жившаго, какъ твое, любовью, страданіемъ и всякой идеальностью. Нѣтъ, просто мнѣ надо написать статью о твоихъ повѣстяхъ, тогда я буду свободнѣе, я буду писать не для тебя, а для публики, и, можетъ быть, скажу что нибудь, что тебѣ раскроетъ самого себя, какъ писателя». Тоскуя о свѣжести и благоуханномъ романтизмѣ юности и не находя его въ своей душѣ, Некрасовъ особенно цѣнилъ въ другихъ эту способность отдаваться свѣтлымъ грезамъ и воспоминаніямъ.

Роковымъ образомъ въ отношенія Некрасова съ Тургеневымъ постоянно вилеталось что-то оскорбительно-вульгарное. Въ качествѣ издателя Некрасовъ иногда какъ будто лебезилъ передъ Тургеневымъ, какъ выгоднымъ сотрудникомъ. Письма его къ Тургеневу пересыпаны униженными просьбами о повѣсти или романѣ. Некрасовъ жалуется, жмется, охаетъ. «Я бѣденъ, очень бѣденъ!»—воскликаетъ онъ въ одномъ письмѣ (1850 г.). Въ другомъ онъ пишетъ: «рѣшаюсь напомнить вамъ о «Современникѣ». Сей журналъ составляетъ единственную, хотя и слабую, но тѣмъ не менѣе единственную опору моего существованія...». «Я надѣюсь на вашу доброту и не прибавлю ничего болѣе» (1851 г.). Подобныхъ отрывковъ можно бы привести множество. Некрасовъ самъ понималъ, что такое выпрашивание профанируетъ его чувство къ Тургеневу. «Знаю, что скучно получать такія просьбы,—говоритъ онъ,—но еще тяжелѣе приставать съ ними къ человѣку, съ которымъ желалъ бы совѣтъ иначе разговаривать».

Странное явленіе представлялъ Некрасовъ. Задушевный поэтический даръ, тонкій умъ, рѣдкое художественное чутье непонятнымъ образомъ уживались въ немъ съ какимъ-то приказчинымъ подхалимствомъ и съ грубыми замашками прижимистаго коммерсанта. Шероховатости и вульгарныя черты его характера дѣйствовали отталкивающимъ образомъ на аристократически-щепетильнаго Тургенева. Изъ-за нихъ Тургеневъ не видѣлъ того, что было въ Некрасовѣ хорошаго. Первое, это то, что тотъ присвоилъ себѣ роль хозяина въ «Современникѣ», который предназначался для Вѣлинскаго. Тургеневъ привыкъ считать Некрасова ненадежнымъ въ финансовыхъ дѣлахъ человѣкомъ. На почвѣ этого недовѣрія между ними часто возникали недоразумѣнія, очень огорчавшія Некрасова. «Не ожесточайтесь противъ стараго своего пріятеля Некрасова... Ваше письмо огорчило меня не столько съ точки зрѣнія журнальныхъ дразгъ, къ которымъ я привыкъ, сколько съ другой»,—пишетъ Некрасовъ въ 1849 г. въ отвѣтъ на колкое письмо Тургенева. Въ 1861 г., когда разрывъ сталъ неизбеженъ, Некрасовъ писалъ Тургеневу: «желаніе услышать отъ тебя слово, писать къ тебѣ, у меня дошло до тоски... Это тебя насмѣшить, но ты мнѣ въ послѣднія нѣсколько вочей снишься». «Остаюсь попрежнему любящимъ тебя человѣкомъ,—говоритъ Некрасовъ въ послѣднемъ своемъ

письмъ къ Тургеневу,—благодарнымъ тебѣ за многое. Само собою разумѣется, что это ни къ чему тебя не обязываетъ».

Недостатокъ мѣста не позволяетъ привести замѣчательно интересныхъ критическихъ отзывовъ Некрасова о Жуковскомъ, Львѣ Толстомъ, Чернышевскомъ и т. д. Особенно характеренъ отзывъ о Жуковскомъ (стр. 131).

Въ обзорѣ литературной дѣятельности Некрасова, заканчивающемъ книгу, А. Н. Пыпинъ останавливается преимущественно на беллетристикѣ Некрасова и на его критическихъ статьяхъ.

Александръ Оло.

Литературный сборникъ къ столѣтію Императорскаго Казанскаго университета. Былое изъ университетской жизни. Казань. 1904.

«Сборникъ» почти цѣликомъ состоитъ изъ статей и воспоминаній, печатанныхъ раньше на страницахъ разныхъ періодическихъ изданій (между прочимъ, въ «Историческомъ Вѣстникѣ») и теперь собранныхъ воедино въ хронологическомъ порядкѣ. Въ общемъ сборникъ даетъ довольно блѣдную картину жизни Казанскаго университета и казанскаго студенчества за періодъ отъ его основанія до 80-хъ гг. (именно до 1877 г.) прошлаго столѣтія.

«Сборникъ» открывается отрывкомъ изъ «Воспоминаній» С. Т. Аксакова объ основаніи университета и первыхъ годахъ университетской жизни—всѣмъ извѣстныя безсмертныя страницы, проникнутыя горячей любовью къ наукѣ и просвѣщенію, полныя восторга юности, самой лучшей и свѣтлой поры жизни русскаго человѣка—времени студенчества. Слѣдующая затѣмъ глава: «Университетъ въ 1830-хъ годахъ», состоящая изъ статей: 1) «Заволжскій Муравей» (университетскій журналъ, издававшійся студентами съ 1832 года) П. Пономарева; 2) «О Н. М. Ибрагимовѣ, Обществѣ любителей русскаго словесности при Казанскомъ университетѣ, о Г. И. Солнцевѣ» и 3) «Изъ воспоминаній Н. П. Мамаева», за исключеніемъ послѣдней, представляетъ очень мало интереснаго. Послѣдняя же статья нашимъ читателямъ извѣстна, такъ какъ составляетъ переизданіе изъ «Историческаго Вѣстника» за апрѣль 1901 года.

Другія же воспоминанія 40-хъ гг.—отрывки изъ статей проф. Загоскина и В. Н. Назарьева, тоже переизданія изъ «Историческаго Вѣстника» за 1890 г. (№№ 11, 12) и 1894 г. (№ 1). Начинаются они описаніемъ плачевнаго положенія Казанскаго университета и «науки», которая преподавалась въ первую половину 40-хъ гг. на юридическомъ факультетѣ его разными анекдотическими и зоологическими нѣмцами. Затѣмъ слѣдуютъ восторженные страницы о профессорѣ гражданскаго права Мейерѣ, который на лекціяхъ говорилъ студентамъ о «жалкомъ положеніи крестьянъ, ихъ невѣжествѣ и бѣдности полуразвалившихся избушекъ рядомъ съ грандіозными замками бароновъ (нѣмецкихъ)», который «жилъ ожиданіемъ близкаго обновленія нашей общественной жизни, неизбѣжной полноправности милліоновъ русскихъ людей и пророчилъ множество благъ отъ свободнаго труда и упраздненія крѣпостнаго права». Какъ живой,

встаетъ передъ нами этотъ замѣчательный человѣкъ, воспитывавшій своихъ учениковъ на идеяхъ добра, справедливости и свободы, въ апрѣлѣ 1849 г., за 12 лѣтъ до акта освобожденія крестьянъ, предчувствовавшій близость переворота во внутренней Россіи и убѣждавшій своихъ слушателей въ «ненормальности», «нелѣпости» и позорѣ тяготящаго надъ русскимъ народомъ ига, призывавшій ихъ «на служеніе правдѣ и вселявшій ту вѣру, безъ которой мертвы дѣла». Эти воспоминанія проникнуты «благоговѣніемъ къ идеальному профессору, среди общей вялости, дикости, безжалостной сухости или напускнаго миренія былого времени, смѣло будившему мысль и предсказывавшему близость великихъ реформъ», совершившихся на глазахъ у автора.

Далѣе воспоминанія дѣлаются все болѣе полными. Глава: «Университетъ въ 50-хъ годахъ», заключаетъ уже шесть статей, принадлежащихъ М. А. Воронову, А. Г. Князеву (о проф. Ф. О. Елачичѣ), проф. Успенскому (о знаменитомъ славистѣ проф. В. И. Григоровичѣ), А. Гацискому (о А. М. Бутлеровѣ, С. В. Ешевскомъ и др.) и проф. Д. А. Корсакову. Особенно любопытны воспоминанія послѣдняго. Небезынтересно отмѣтить, что до половины 50-хъ гг. въ жизни студентовъ Казанскаго университета была «героическая» эпоха — разгула, кутежей, буйства и пр., отразившаяся въ цѣломъ циклѣ студенческихъ пѣсней. Первые «политическіе» беспорядки въ Казанскомъ университетѣ произошли осенью 1856 года, но это все же было еще «время переходное отъ періода кутежно-повѣсническаго къ періоду болѣе серьезныхъ движеній». Первая «студенческая исторія» въ Казани — избіеніе двухъ офицеровъ: кн. Оболенскаго и Лобачевскаго (сына математика), послѣдовавшія затѣмъ сходки и освистаніе на одной изъ нихъ попечителя учебнаго округа В. П. Молоствовъ кончились очень печально: главный «зачинщикъ» беспорядковъ, студентъ Ив. Ник. Умновъ, былъ отданъ въ солдаты, остальные были исключены изъ университета на разные сроки. Эта исторія описана П. Д. Боборыкинымъ въ его романѣ: «Въ путь-дорогу». Еще болѣе бурная «исторія» произошла въ 1859 году изъ-за лекцій проф. Н. Н. Булича, которыя подлежащимъ начальствомъ были найдены очень «либеральными» и вызвали цѣлый рядъ сходокъ, дѣло окончилось исключеніемъ многихъ студентовъ, которые были высланы на родину съ жандармами. Изъ эпохи 60-хъ гг. Казанскаго университета любопытно отмѣтить учрежденіе въ 1860 г. студенческаго суда и лекціи гремѣвшаго въ свое время профессора русской исторіи Щапова (воспоминанія Л. О.). Воспоминанія Ст. В. Смоленскаго очень ярко рисуютъ бытъ казанскаго студенчества въ 60-хъ и 70-хъ гг. и вліяніе университета на Казань. Точно сейчасъ читаешь эти «пламенные статьи» вновь появившихся журналовъ и видишь «недоумѣніе крѣпостниковъ и генераловъ передъ огорошившею ихъ гласностью и развязностью этихъ «завиральныхъ идей»... Но воображеніе современнаго россиянина отказывается представить себѣ картину студенческаго веселья 60-хъ годовъ «безъ знакомства съ полиціей», и какъ-то не вѣрится автору. Не мудрено, что автору есть о чемъ вспомнить съ радостью и благодарностью; не мудрено, что среди современниковъ автора, старыхъ студентовъ-казанцевъ, дожившихъ до нашихъ дней, нѣтъ «равнодушныхъ инвалидовъ», которыхъ въ такомъ огромномъ количествѣ плодитъ современная русская дѣйствительность.

Не мудрено, что въ ихъ рѣчахъ «неизмѣнно и упрямо звучать тѣ же нотки», что «темпъ и тонъ этой музыки остался тотъ же самый» и даже «еще радостнѣе въ привѣтахъ правдѣ и прогрессу». Охотно вѣримъ, что всѣмъ этимъ — «этой неугасающей радостью въ трудѣ они, уже довольно помятые жизнью, обязаны именно университету 60 хъ годовъ», учившему ихъ «твердо вѣрить въ правду и силу любимой ими науки». Наконецъ, что касается послѣдней главы «Сборника»: «Университетъ въ 70-хъ гг.» (воспоминанія С. Г.), то она едва ли можетъ дать удовлетворительное понятіе объ этомъ интересномъ времени русскаго студенчества, когда совершалось хожденіе въ народъ и проч.

А. Ев—ховъ.

К. Я. Гротъ. Къ біографіи, твореніямъ и перепискѣ И. И. Козлова. Спб. 1904.

У насъ до сихъ поръ нѣтъ еще ни обстоятельной біографіи, ни критическаго изданія сочиненій пользовавшагося въ свое время широкой извѣстностью и за предѣлами Россіи И. И. Козлова. Изъ обнародованныхъ же матеріаловъ о немъ наиболѣе цѣнными являются статьи А. Хомутова «Изъ бумагъ поэта И. И. Козлова», письма къ Козлову В. А. Жуковскаго и воспоминанія И. В. Селиванова: «Мое знакомство съ ооэтомъ-слѣпцомъ И. И. Козловымъ». Матеріалы, напечатанные К. Я. Гротомъ, не имѣютъ такого же значенія, какъ указанные раньше, но все же представляютъ относительный интересъ какъ для біографіи поэта, такъ и для будущаго критическаго изданія его произведеній.

Эти матеріалы получены К. Я. Гротомъ отъ умершей въ апрѣлѣ прошлаго года дочери поэта и представляютъ собою краткую замѣтку ея объ отцѣ съ перечисленіемъ главныхъ фактовъ изъ его жизни, записки къ нему В. А. Жуковскаго, Н. И. Тургенева и С. И. Тургенева, письмо къ нему переводчика его «Чернеца» на итальянскій языкъ, маркиза де-Бочелла; затѣмъ идетъ стихотвореніе Козлова, навѣянное однимъ изъ посѣщеній А. С. Пушкина, нѣсколько вариантовъ и поправокъ къ напечатаннымъ уже стихотвореніямъ и коротенькая записка на французскомъ языкѣ, сдѣланная нетвердой рукой поэта-слѣпца, прекрасно рисующая его душевное настроеніе. Приведемъ ее въ переводѣ: «Простая свѣча, которую съ горячей вѣрой ставятъ передъ иконою Богоматери, даетъ болѣе успокоенія и утѣшенія, чѣмъ всевозможныя философскія разсужденія». Это религиозное настроеніе явилось не плодомъ постигшаго Козлова въ зрѣлые годы несчастья, какъ можно было бы думать, а коренилось въ его душѣ, по свидѣтельству дочери, еще съ ранней юности, съ годами лишь постепенно усиливаясь, что можно прослѣдить и по его произведеніямъ.

Въ приведенной замѣткѣ Александра Ивановна дѣлаетъ слѣдующую характеристику своего отца: «Серьезное образованіе онъ самъ почерпнулъ въ изученіи разныхъ литературъ и чтеніи книгъ, предаваясь этому съ увлеченіемъ его страстной натуры. По-англійски и по-итальянски онъ выучился уже большою. Страданія еще болѣе послужили развитію его силъ душевныхъ и умственныхъ. Память имѣлъ изумительную. Характеръ сохранилъ веселый, общительный. Сближеніе съ людьми, выдающимися въ поприщѣ искусства, поэзіи, науки, му-

зыки, — со всёмъ, что живить истинную жизнь, было ему утѣшеніемъ, дарованнымъ свыше, въ дружескихъ сношеніяхъ съ такими людьми».

Стихотвореніе къ А. С. Пушкину озаглавлено: «Къ господину Александру». Козловъ говоритъ, что не ему хвалить того чародѣя, чудесный даръ котораго дивить весь міръ. Но онъ не можетъ забыть, какъ поэтъ однажды явился въ его «тѣсный пріютъ» и радушно веселилъ его «во мракѣ вѣчной ночи» своими стихами.

Но, какъ, бесѣдуя со мною,
Ты часто увлекалъ меня
Высокой ясною душою,
Съ какимъ привѣтомъ каждый разъ
Твои глубокія познанья,
Забавный, умный твой рассказъ
Мои лелѣли мечтанья
Безцѣнной дружбою твоей,—
Пребудетъ въ памяти моей.

Напечатанные К. Я. Гротомъ матеріалы снабжены подробными объясненіями, примѣчаніями, въ которыхъ свѣдѣніями о послѣднихъ годахъ жизни дочери поэта, которая всю молодость отдала несчастному отцу и была его постояннымъ секретаремъ. Всѣ варианты къ извѣстнымъ стихотвореніямъ Козлова представляютъ несомнѣнный интересъ. А. Я.

Записки состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ его императорскаго высочества, великаго князя Александра Михайловича, общества изученія Амурскаго края (Владивостокскаго отдѣленія Приамурскаго отдѣла императорскаго Русскаго географическаго общества). Томъ IX, вып. I и II. Владивостокъ. 1904.

Отчетъ того же общества за 1903 годъ. Владивостокъ. 1904.

Лежащій передъ нами отчетъ «Общества изученія Амурскаго края» прекрасно характеризуетъ благотворную дѣятельность этого общества въ области этнографіи. На первомъ планѣ въ его работѣ стоитъ расширеніе и обогащеніе музея, который, благодаря трудамъ и пожертвованіямъ членовъ, обогатился въ теченіе 1903 года такими, наиримѣръ, интересными номерами, какъ коллекція бабочекъ, коллекція куколъ въ китайскихъ одеждахъ, альбомами видовъ, гербаріями и проч. Общество непрерывно трудится надъ увеличеніемъ своей бібліотеки и само вноситъ въ этнографическую литературу болѣе или менѣе цѣнные вклады, о чемъ свидѣлствуютъ новые два выпуска (первый и второй IX тома) «Записокъ» общества. Особенно интересенъ I выпускъ, въ которомъ мы находимъ «Матеріалы къ этнографіи забайкальскихъ казаковъ», собранные г. Логиновскимъ. Здѣсь передъ читателемъ развертывается цѣлый рядъ старинныхъ обычаевъ, повѣрій, заклинаній и заговоровъ, связанныхъ, разумѣется, съ тѣми или другими вѣрованіями забайкальцевъ. Собиратель не ограничился записью устныхъ разсказовъ, но воспользовался и найденными кое-

гдѣ старинными рукописями. А, кромѣ того, и произвелъ надѣ собраннымъ матеріаломъ нѣкоторую критическую работу. «Сравнительная настоящій матеріаль», — говоритъ этнографъ, — съ имѣющимися въ Хабаровской, Владивостокской и Читинской бібліотекахъ этнографическими матеріалами, я исключилъ въ немъ всѣ замѣченныя мною повторенія; если же и случатся таковыя, то смѣю думать, что повторяющіеся варианты не потеряютъ интереса для сравнительной этнографіи, тѣмъ болѣе этнографіи нашей окраины, гдѣ эта область знанія еще такъ мало изслѣдована, и гдѣ вовсе не собраны матеріалы по народной медицинѣ». Признавая за «Матеріалами» г. Логиновскаго весьма высокія достоинства, мы не можемъ не указать на желательность очень большой точности, даже педантичности въ подробностяхъ. Напримѣръ, при сообщеніи о томъ, что отъ «золотухи дѣтей поятъ разными травами, при чемъ умываютъ настоемъ коры, куриной слѣпоты (родъ кустарника) или настоемъ чертополоха съ чтеніемъ заговора», собиратель не сообщаетъ, какими именно травами поятъ, и что это за «куриная слѣпота» — кустарникъ (*Caltha palustris*?). А между тѣмъ при работѣ надъ этнографическимъ матеріаломъ это можетъ быть чрезвычайно важно. А затѣмъ неявно, беретъ ли г. Логиновскій изъ записей только заговоры и отъ себя прибавляетъ разъясненіе, или, напримѣръ, указаніе на «духа Свиха» нашлось въ самой записи (вѣдь упоминаніе «Свиха» въ заговорѣ при вывихѣ можетъ быть простымъ олицетвореніемъ). Второй выпускъ болѣе спеціальнаго характера: здѣсь мы находимъ статейку г. Жданка — «Гидрографическія работы русскихъ моряковъ Тихаго океана» — сообщеніе въ обществѣ. Оно, очевидно, было иллюстрировано волшебнымъ фонаремъ: ссылки на картины (фотографіи, виды, карты) странно звучатъ, если не видишь этихъ картинъ и даже не имѣешь возможности увидѣть. Для печати нужно было, конечно, нѣсколько переработать докладъ или же дать фотографіи. Кромѣ этого доклада, мы находимъ во II выпускѣ «Матеріалы къ гидрологіи Уссурийскаго края» г. Осендовскаго. Я. Ав.—въ.

Проф. М. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа.
Спб. 1904.

Среди современныхъ историковъ профессоръ Львовскаго университета Михаилъ Грушевскій занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ. По широкой постановкѣ вопросовъ, по силѣ ихъ освѣщенія, по безошибочной логичности выводовъ и ясности изложенія всѣ его изслѣдованія давно признаны образцовыми, а въ общемъ приходится признать, что мы имѣемъ дѣло съ большимъ талантомъ, и пожалѣть только, что Грушевскому не суждено было занять одну изъ русскихъ университетскихъ кафедръ. Въ частности, онъ заслужилъ почетную извѣстность своимъ большимъ курсомъ по украинской исторіи: «Исторія України-Руси» (Львовъ, 1898—1903, теперь печатается второе изданіе), переведеннымъ и по-нѣмецки (изданіе Тейбнера въ Лейпцигѣ). По причинамъ, вполне понятнымъ, этотъ четырехтомный трудъ украинскаго ученаго почти недоступенъ русскимъ читателямъ. Кромѣ того, указанный курсъ, прежде

всего какъ изслѣдованіе, носитъ слишкомъ серьезный характеръ, побилуетъ полемикой, выписками, сиравками и ссылками. Обыкновенный читатель съ такимъ изложеніемъ не совладаетъ. Наконецъ, его «Історія» доведена только до конца XVI вѣка.

Въ этихъ отношеніяхъ «Очеркъ исторіи украинскаго народа» оказывается болѣе удобной книгой. При всей своей научности онъ рассчитанъ на широкій кругъ читателей и доведенъ до нашихъ дней. Составился онъ изъ лекцій, читанныхъ авторомъ весной 1903 года въ русской школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ. Критическій аппаратъ и ссылки выброшены вмѣстѣ съ мелкими фактами. Оставлено только существенное, и ему придана довольно популярная форма. На одинъ изъ недостатковъ «Очерка», на недостатокъ, надо признаться, крупный, указываетъ самъ Грушевскій въ предисловіи. «Написанная годъ тому назадъ, книга выходитъ только теперь,—говоритъ онъ,—и не въ такомъ видѣ, какъ это было бы для меня желательно... Значительные пробѣлы, особенно въ послѣднихъ главахъ книги, быть можетъ, мнѣ удастся восполнить позже. А пока мнѣ остается еще попросить читателя—исправить досадныя погрѣшности, вкравшіяся въ книгу при печатаніи ея безъ постоянного непосредственнаго наблюденія, и снисходительно отнестись къ неправильностямъ рѣчи, которыя, несмотря на все старанія (?), остались въ изложеніи и, вѣроятно, въ немаломъ числѣ: мое чутье языка, очевидно, усѣбло притупиться за десять лѣтъ жизни за границей». Мы нарочно привели здѣсь слова самого автора, и не будь этого сознанія съ его стороны, критикъ, дѣйствительно, имѣлъ бы право указать массу выражений, по меньшей степени, не принятыхъ у насъ и прямо рѣжущихъ ухо, привыкшее къ литературной рѣчи. Конечно, о «притупленіи чутья языка» можно спорить, но это, быть можетъ, входитъ въ какія нибудь инья цѣли автора. Во всякомъ случаѣ жаль, что книга плохо редактирована.

Очень интересны первыя двѣ главы: «Современная украинская колонизація и ея историческія измѣненія. Украинскій этническій типъ. Разселеніе украинскихъ племенъ. Тюркская миграція». Въ трактовокъ этихъ вопросовъ авторъ показалъ себя на высотѣ безпристрастнаго ученаго и говоритъ спокойно, безъ выходокъ по адресу дѣйствительно странной Погодинской теоріи. Намъ кажется только, что не правъ авторъ во взглядѣ на «династическую идею» въ системѣ земель Кіевского государства (стр. 93—96), и мы находимъ болѣе вѣрнымъ взглядъ В. И. Сергѣевича на порядокъ замѣщенія столовъ, который зависѣлъ не отъ одного родства и старѣйшинства. Лучшаго мы ожидали и отъ очерка культуры и искусства въ Кіевскомъ княжествѣ и большей научности отъ географической карты; даже въ популярномъ изданіи слѣдовало быть осторожнѣе въ представленіи о малорусскомъ населеніи. Но эти недостатки и другіе окупаются такими прекрасными главами, какъ «Украинское возрожденіе въ XIX вѣкѣ» и «Современное состояніе украинства», гдѣ читатель найдеть много новаго и необыкновенно интереснаго.

А. Я.

Иванъ Франко. Збирникъ творивъ. 2 тома. Кіевъ. 1904.

Южно-русское книгоиздательство «Викъ» за послѣдніе годы выпустило около 25 новыхъ книгъ—произведеній новой украинской литературы. Кромѣ издаваемыхъ отдѣльно беллетристическихъ произведеній Левицкого, Мырного, Коцюбиньского, Гринченка, Ковисьского-Перебенди, Тобилевича (псевдонимъ Карпенка-Карого), Шевченка и другихъ, оно предприняло новую серію «Украинской Библіотеки», и до сихъ поръ вышло 15 книжекъ. Здѣсь нашли себѣ мѣсто «Оповідання» и «Повісти» Шевченка, Свидницького, Руданьского, Крымьского, Марка Вовчка, Чернявського, Бордуляка, Франка и Грушевського. Нужно отдать справедливость редакціонному комитету: выборъ дѣлается имъ всегда удачно, книжки издаются изящно, въ правописаніи дѣлается все возможное, а цѣна отдѣльнымъ книжкамъ недорогая—приблизительно около 50 к. Все это, вмѣстѣ съ замѣтнымъ развитіемъ изящной украинской литературы за послѣднее десятилѣтіе, дѣлаетъ новыя изданія «Вика» явленіемъ выдающимся. Конечно, каждый изъ изданныхъ писателей имѣетъ свои достоинства, найдетъ своихъ читателей и поклонниковъ, но мы невольно останавливаемся на интересномъ человѣкѣ и талантливомъ писателѣ Иванѣ Франкѣ.

Предъ нами самобытный мыслитель съ мятущейся душой, съ неустаннымъ исканіемъ свѣта и счастья для всего человѣчества. Предъ нами беллетристъ и ученый съ богатымъ духовнымъ міромъ, съ нервной дѣятельностью и непримиримой борьбой за благо человѣка, въ котораго онъ вѣритъ, которому готовъ поклоняться.

Прямолинейный и простой, никогда не гнувшій своей гордой головы предъ сильными сынами міра или предъ болѣе сильными ихъ — обстоятельствами, этотъ мощный талантъ не находитъ нужнымъ далеко запрягивать свои идеалы, смѣло говоритъ, что «правдивая поэзія должна быть всегда моральной», и сборникамъ своихъ рассказовъ даетъ такія же прямолинейныя и простыя названія—«Въ потѣ лица» и «Къ свѣту». Жизненныя условія сдѣлали его поразительнымъ энциклопедистомъ, почти немислимымъ для нашего времени. Поэтъ и критикъ, филологъ и историкъ, экономистъ и публицистъ, этнографъ и популяризаторъ,—во всѣхъ родахъ своего творчества онъ является даровитымъ писателемъ съ широкими взглядами, бодрымъ работникомъ съ свѣтлыми замыслами. Къ сожалѣнію, мѣсто его дѣятельности и языкъ, на которомъ онъ пишетъ, представляютъ значительныя затрудненія для популярности его далеко за предѣлами его маленькой родины: затерянная среди Карпатъ Галичина и гонимая «украинская мова»—первыя границы для популярности одного изъ гуманнѣйшихъ писателей стараго и новаго времени, Ивана Франка.

Каждый изъ его рассказовъ представляетъ собой вѣчто вполне законченное, и въ то же время всѣ его рассказы связаны общей мыслью, общими типами, одинаковыми положеніями.

Въ галлерей созданныхъ имъ типовъ нерѣдко легко узнать самого автора, жизненнымъ девизомъ котораго служатъ тѣ же простыя слова—«въ потѣ лица», какъ названъ первый томъ его сочиненій. Его герои такъ же много трудятся и съ такой же твердой надеждой на отдыхъ въ будущемъ, какъ и

самъ Франко; такъ же голодаютъ и мерзнутъ, лишь гдѣ-то вдаль видя полное насыщеніе и тепло; ихъ такъ же преслѣдуютъ болѣе счастливые и сильные, такъ же обманываютъ, эксплоатируютъ предприниматели, алчные къ наживѣ. Но экономическія условія нашего времени создали особую обстановку, среди которой каждый рабочій трактуется только, какъ сила; и лишь только она перестаетъ быть «силой», теряетъ всякую цѣнность, выбрасывается за бортъ, какъ негодная вещь. Гдѣ же искать справедливости, гдѣ искать «страну блаженныхъ»? Современная жизнь не даетъ реальнаго отвѣта. Онъ возможенъ только въ мечтахъ. И, отдавая дань романтизму, Франко обращается назадъ, въ глубь вѣковъ, къ временамъ татарщины, рисуя идеальную картину для утѣшенія рабочаго класса. Такія наблюденія вызываетъ его большая историческая повѣсть «Иванъ Беркутъ», къ сожалѣнію, не попавшая въ изданные томики.

Наконецъ, рассказы Франка интересны еще тѣмъ, что большинство изъ нихъ — «частицы его самого», т.-е. представляютъ автобіографическій матеріалъ. Съ гордостью называя себя сыномъ того народа, который идетъ въ гору, несмотря на то, что долгое время сидѣлъ взаперти, Франко провозглашаетъ свой лозунгъ въ словахъ: «работа, счастье и свобода», а своему сборнику рассказовъ изъ быта простого народа и культурныхъ работниковъ даетъ вдумчивое заглавіе: «В поті чола». Этимъ единственнымъ путемъ, по убѣжденію автора, рабочій классъ можетъ найти спасеніе: если каждый работникъ самъ по себѣ ничтоженъ въ экономическомъ и интеллектуальномъ отношеніяхъ, то добровольное единеніе и солидарность ихъ интересовъ современемъ создадутъ огромную силу. Такой союзъ возможенъ: нужно только, чтобы зло стало слишкомъ очевиднымъ, возросло до недосягаемыхъ размѣровъ, и кризисъ не замедлитъ явиться. Тогда будетъ и счастье, будетъ и свобода. Вотъ почему неправы тѣ критики, которые считаютъ Франка пессимистомъ, сгущающимъ краски ради эффектныхъ картинъ, и тенденціознымъ реалистомъ. Если въ его рассказахъ и гибнетъ какъ будто одна сѣрая масса «рабочаго люда», а ликуетъ толпа хищниковъ, то такіе результаты, по мнѣнію автора, мы видимъ только теперь, только пока, временно, когда большее или меньшее умѣнье приспособляться отличаетъ счастливыхъ отъ несчастныхъ. Это — правдивый приговоръ надъ настоящимъ, а не картина будущаго, не пророчество о немъ. Наоборотъ, въ основѣ и съ ногъ до головы Франко — оптимистъ, потому что увѣренъ въ реальномъ торжествѣ счастья, добра и правды именно на землѣ, а средство къ этому — трудъ, борьба и свѣтъ.

Уже въ этомъ одномъ заключается воспитательное и общественное значеніе всѣхъ «творивъ» талантливаго украинскаго писателя. Несмотря на то, что многія изъ его произведеній переведены на русскій литературный языкъ, а кое-что вышло въ дешевыхъ изданіяхъ для народа, — имя Франка у насъ извѣстно гораздо меньше, чѣмъ можно было ожидать. Поэтому смѣло надѣмся, что въ недалекомъ будущемъ появятся полные переводы всѣхъ его произведеній, которые, несомнѣнно, сблизятъ разъединенныя вѣтви общей русской литературы.

А. И. Яцимирскій.

**Дмитрій Кобеко. Вторая поправка родословія Шереметевыхъ.
Спб. 1904.**

Поправка г. Кобеко относится къ извѣстному труду г. Александра Барсукова «Родословіе Шереметевыхъ» и въ частности касается стольника Василя Ивановича Шереметева, скончавшагося 12-го января 1652 года, и женъ его: 1) Ксеніи Ивановны Коробьиной, † 5-го мая 1650 года, и Евѣиміи... (Р. Ш., Ал. Барсукова, изд. 2-е, 1904 г., стр. 8).

Василій Ивановичъ, сынъ боярина Ивана Петровича, состоялъ въ 1644 году стольникомъ и имѣлъ въ это время, по мнѣнію г. Барсукова, по крайней мѣрѣ, 15 лѣтъ; слѣдовательно, родился онъ около 1629 года. Если это такъ, то онъ скончался молодымъ еще человѣкомъ, не достигнувъ двадцатипятилѣтняго возраста. Несмотря на свою молодость, Василій Ивановичъ былъ женатъ два раза.

О первой женѣ въ трудѣ Барсукова говорится, что она была изъ древняго дворянскаго рода Коробьиныхъ. Г. Кобеко называетъ, однако, древность эту «относительною» и сообщаетъ, что «Коробьины считались на Москвѣ людьми не родословными: они были дѣти боярскіе городовые; бывали въ губныхъ старостахъ и засѣчныхъ и станичныхъ головахъ». Ксенія Ивановна скончалась 5-го мая 1650 г., оставивъ мужу единственнаго сына Петра.

Вскорѣ послѣ смерти первой жены Василій Ивановичъ вступилъ во второй бракъ съ Евѣимією... Этимъ именемъ ограничивается въ трудѣ г. Барсукова все родословіе второй супруги Шереметева, и въ видѣ справки сообщается, что имя Евѣиміи встрѣчается въ дѣлахъ вотчинной коллегіи, и что Евѣимія Шереметева состояла въ штатѣ пріѣзжихъ боярынь царицы Маріи Ильиничны.

Г. Кобеко заинтересовался такими указаніями и поставилъ себѣ вопросъ: кто же была вторая супруга Василя Ивановича Шереметева? Посредствомъ справокъ въ московскихъ архивахъ министерства юстиціи и министерства иностранныхъ дѣлъ, приводимыхъ въ его поправкѣ подробно, онъ документально доказалъ, что эта неизвѣстная г. Барсукову Евѣимія была Евѣимія Ивановна Милославская, и приходилась, по старинной терминологіи родства, сестрою Маріи Ильиничны Милославской, съ 26-го января 1648 года, супруги царя Алексѣя Михайловича. Понятнымъ становится и то обстоятельство, что Евѣимія Шереметева, несмотря на стольническій чинъ мужа, состояла въ штатѣ царицы: главнымъ условіемъ назначенія въ чинъ пріѣзжей боярыни было родство государево или царицыно. Евѣимія Ивановна отвѣчала этому условію, имѣя съ царицей общаго прапрадѣда — Ивана Ильича Милославскаго.

Свою поправку г. Кобеко считаетъ важнымъ дополненіемъ родословія Шереметевыхъ: «оно (дополненіе) бросаетъ еще новый лучъ свѣта на отношеніе рода Шереметевыхъ къ царствовавшему дому».

«Неумѣнье г. Барсукова, — заключаетъ г. Кобеко, — изслѣдовать, къ какой фамиліи принадлежала Евѣимія Шереметева, родственница царицы Маріи Ильиничны, столь же мало извинительно, какъ и утвержденіе его, что супруга

Ивана Петровича (кол. XII, 40), Теодосія Андреевна, была рожденная Полсва, тогда какъ она была рожденная Апраксина, племянница парицы Марѳы Матвѣевны»...
А. X—o.

Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ профессора К. Вёрмана, директора дрезденской галлерей. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. И. Сомова, старшаго хранителя Императорскаго Эрмитажа. Томъ первый. Спб. 1904.

Среди популярныхъ всеобщихъ «Исторій искусства» объемистое сочиненіе Вёрмана занимаетъ совершенно особое мѣсто. Написанное серьезно, научно, нѣсколько сухо и даже тяжело, оно даетъ такія свѣдѣнія, которыя почти не возбуждаютъ сомнѣній. Археологъ по преимуществу, человѣкъ съ широкой и строго-научной подготовкой вообще и поклонникъ національности во всѣхъ ея проявленіяхъ, Вёрманъ даетъ точныя и толковыя описанія или характеристики произведеній архитектуры, живописи и скульптуры, не забываетъ и искусства прикладного, т.-е. художественной промышленности. Очень осторожно дѣлаетъ онъ всякія обобщенія, иногда опредѣляетъ первоисточники для цѣлой группы художественныхъ предметовъ, и на первомъ планѣ у него фактический матеріалъ, безъ котораго онъ не рѣшится говорить даже о томъ, что извѣстно, повидимому, въ любой книгѣ по исторіи искусствъ. Но мы ошиблись бы, если бы ожидали отъ Вёрмана какихъ нибудь смѣлыхъ и широкихъ обобщеній, сопоставленій, сравненій и т. д., которыя охватывали бы цѣлыя эпохи. Повторяемъ, нѣмецкій историкъ искусства прежде всего—ученый, и яркія картины изъ исторіи цѣлой эпохи въ жизни искусства не входятъ въ его прямую задачу.

Въ своемъ предисловіи редакторъ русскаго перевода обращаетъ вниманіе читателя еще на слѣдующую особенность Вёрмана: его исторія не излагается въ освѣщеніи тѣхъ или другихъ философскихъ воззрѣній, и это качество признается за плюсъ. Мы съ этимъ не согласны. Отрицать какую бы то ни было философскую систему при изслѣдованіи такой важной области въ жизни отдѣльнаго народа и человѣчества, какимъ является искусство,—нельзя. Это равносильно отрицанію законмѣрности въ эволюціи всякой культурной жизни, отрицанію неизбежной зависимости отдѣльныхъ эпохъ и ихъ представителей отъ общихъ теченій философской мысли, какъ высшаго выраженія общечеловѣческой идеи. Намъ кажется, что въ наше время, время всякихъ обобщеній и итоговъ, нельзя ограничиться одной задачей—«познакомить читателя съ развитіемъ собственно художественныхъ мотивовъ, выдвинуть на первый планъ ихъ видоизмѣненія при переходѣ изъ эпохи въ эпоху, отъ народа къ народу». А если намъ скажутъ, что стремленія къ болѣе широкимъ обобщеніямъ въ области искусства не всегда были успѣшны, что «Исторіи» Мутера или Бенуа представляютъ намъ ошибки и увлеченія именно въ обратную сторону, то это—дѣло частнаго характера, только неудачные опыты. Читатель въ правѣ требовать отъ «Исторіи искусства всѣхъ временъ и народовъ» самыхъ широкихъ задачъ, а въ данномъ случаѣ ихъ не найдетъ.

Первый томъ обнимаетъ искусство дохристіанскихъ и нехристіанскихъ народовъ и состоитъ изъ 7-ми главъ: «Искусство доисторическихъ, первобытныхъ и полукультурныхъ народовъ», «Древнее искусство Востока», «Греческое искусство», «Искусство древней Италиі и Римскаго всемірнаго государства», «Языческое искусство въ сѣверной Европѣ и его отпрыски въ западной Азиі», «Индійское и восточно-азиатское искусство» и «Искусство ислама». Интересно введеніе въ первую главу, гдѣ авторъ разсматриваетъ тѣ попытки къ созданію памятниковъ искусства, которыя можно найти у нѣкоторыхъ животныхъ. Новостью для русскихъ читателей будетъ приложенный въ концѣ I тома алфавитный списокъ литературныхъ пособій; нѣкоторую научность всему изданію придастъ также указатель именной и предметный, составленный умѣло.

Рисунки исполнены прекрасно и, такъ сказать, «педагогично», т.-е. сняты съ наиболѣе удачныхъ пунктовъ, и хорошо вышли наиболѣе характерныя подробности ихъ. Хороши и снимки въ краскахъ, напримѣръ, египетскія и помпейскія фрески, росписи греческихъ вазъ, японскія цвѣтныя кириграфіи, восточныя ткани и другіе, однимъ словомъ, внѣшность изданія стоитъ впереди содержанія книги.

А. Я.

А. Е. *Алекторовъ. Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ. Казань. 1900.

Это—не старая книга: въ 1900 году она начата печатаніемъ, а окончена въ 1904 году.

Книга эта, несмотря какъ бы на специальное заглавіе, достойна вниманія историковъ. Это—не просто библиографическій указатель, а нѣчто гораздо большее.

Киргизъ-кайсаки извѣстны у насъ съ XVIII столѣтія, они занимаютъ почти все пространство западныхъ среднеазиатскихъ степей, разстилающихся къ востоку отъ границъ Европейской Россіи, къ югу отъ Сибири, на западъ отъ предѣловъ китайскихъ и на сѣверъ отъ владѣній кокандскихъ, бухарскихъ и хивинскихъ. Эготъ кочевой народъ, въ первой половинѣ XVIII столѣтія добровольно перешедшій въ русское подданство, много доставилъ хлопотъ русскому правительству; только чрезъ 100 лѣтъ послѣ присоединенія ихъ удалось ввести какой нибудь порядокъ въ управленіи ими и тѣмъ положить предѣлы ихъ хищническимъ наклонностямъ. Исторія этого народа представляетъ значительный интересъ, и, какъ часть Россіи, достойна изученія. Книга г. Алекторова будущему изслѣдователю и окажетъ несомнѣнную услугу.

Въ книгѣ около 1.000 страницъ мелкой, но отчетливой печати; здѣсь не только приведена вся литература о киргизахъ, но изложено вкратцѣ и содержаніе большинства статей, такъ что интересующійся тѣмъ или инымъ вопросомъ имѣетъ возможность въ большинствѣ случаевъ и не разыскивать самыхъ источниковъ.

Одно неудобство, и, пожалуй, довольно существенное: книги и статьи расположены по авторамъ, а при анонимности ихъ—по алфавиту тѣхъ періоди-

ческих изданій, гдѣ помѣщены. Систематическаго указателя нѣтъ, и потому приходится перелистывать всю книгу, подбирая матеріалъ по какому либо вопросу. Это неудобство все же не такъ велико въ сравненіи съ громаднымъ и отлично выполненнымъ трудомъ.

А. В. С.

**«Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей
россійскихъ при Московскомъ университетѣ, 1904 годъ», книга
четвертая. М. 1904.**

Въ этой книгѣ «Чтеній» подъ рубрикой матеріаловъ историческихъ помѣщены: сотницы (1554—1572 гг.), грамоты и записи (1628—1701 гг.), выпускъ третій, съ предисловіемъ С. А. Шумакова (I—VIII+1—214). Эти документы непосредственно примыкаютъ къ уже изданнымъ тѣмъ же изслѣдователемъ матеріаламъ изъ грамотъ коллегіи экономіи, хранящимся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи (см. «Чтенія», 1902, кн. 2, и 1903, кн. 3). Изъ сотницъ въ настоящей четвертой книгѣ «Чтеній» помѣщены: сотница двинская 7062 г., двѣ дмитровскія 7070 г., звенигородская 7067 г., каргопольская 7064 г., коломенская 7062 г., русская 7076 г. и оболенская 7080 года.

Въ добавленіяхъ къ первому отдѣлу г. Шумаковъ перечисляетъ акты (купчія, данныя, жалованныя грамоты и др.) изъ грамотъ коллегіи экономіи, которыя относятся къ изданнымъ сотницамъ XVI вѣка. Здѣсь же изслѣдователь приводитъ свои замѣчанія по вопросу о бобыляхъ. Оказывается, по нѣкоторымъ сотницамъ, признакъ непашенный для бобыля не является важнымъ, иногда даже непашенные противопологаются бобылямъ, хотя, съ другой стороны, бобыли прямо называются пашенными. Вопреки мнѣнію М. А. Дьяконова, по Шумакову, болѣе, чѣмъ вѣроятенъ и бобыль, сидящій на половинномъ крестьянскомъ тягольномъ участкѣ (въ подтвержденіе дѣлается ссылка на сотницы, 1, 97, Арзамасъ, 7093). Не играетъ для понятія бобыля рѣшающей роли и занятіе ремеслами и промыслами, мало того, встрѣчается въ источникахъ даже прямое смѣшеніе крестьянъ съ бобылями. Благодаря вышеуказаннымъ наблюденіямъ, авторъ склоняется по вопросу о бобыляхъ къ мнѣнію В. И. Сергѣевича, по словамъ котораго вопросъ о бобыляхъ очень сложенъ и не поддается общему рѣшенію, такъ какъ въ этомъ вопросѣ можетъ идти рѣчь не о бобыляхъ вообще, а лишь объ отдѣльныхъ видахъ ихъ.

На одинъ изъ видовъ бобыльства, именно на бобылей-изгоевъ, г. Шумаковъ обращаетъ особенное вниманіе, такъ какъ до сихъ поръ изслѣдователи на немъ мало останавливались. Бобыли, по сотницамъ, есть преимущественно пришлые, выбитые изъ обычной колеи люди, бѣдные и одинокіе; иногда находимъ «по церковной землѣ дворъ бобыльской». Значитъ, изгой стоятъ въ какихъ-то особыхъ отношеніяхъ къ церкви, а именно какъ люди бѣдные и одинокіе, полагаетъ г. Шумаковъ. А потому изгоевъ смѣло можно принять за одинъ изъ видовъ бобылей. Въ подтвержденіе своего предположенія изслѣдователь приводитъ еще и то соображеніе, что, когда употребительно было слово

«изгой», слово «бобыль» въ памятникахъ ни разу не встрѣчалось; когда же появилось слово «бобыль», то терминъ «изгой» изъ памятниковъ исчезъ; возможно, что здѣсь мы имѣемъ случай смѣны терминовъ для обозначенія одного и того же понятія.

Въ нашей рецензїи, конечно, не мѣсто рѣшать столь сложный вопросъ, какъ вопросъ о бобыляхъ. Его, разумѣется, нельзя рѣшить и на основанїи тѣхъ отдѣльныхъ, а порой и неопредѣленныхъ указаній, какія даются сотницами. Вызываетъ сомнѣнїя и предположеніе г. Шумакова о томъ, что изгой является однимъ изъ видовъ бобылей. Бобыли обычно были людьми бѣдными, одинокими, но изгоемъ считался и князь, не имѣвшій удѣла; трудно думать, чтобы онъ былъ человекомъ бѣднымъ и подходилъ подъ категорїю бобылей. Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что указанія г. Шумакова довольно любопытны, за нихъ можно быть только благодарнымъ изслѣдователю.

Въ добавленїяхъ же данъ систематическій перечень всѣхъ изданныхъ г. Шумаковымъ сотницъ и систематическій перечень учреждений, классовъ и разрядовъ населенія, встрѣчающихся въ сотницахъ третьяго выпуска.

Во второмъ отдѣлѣ (грамотъ и записей) изданы документы изъ столбцовъ Помѣстнаго приказа (стр. 43—162), дающіе богатый матеріалъ для исторїи юридическаго и экономическаго быта населенія въ XVII вѣкѣ. Въ добавленїяхъ ко второму отдѣлу указанъ составъ Помѣстнаго приказа, при чемъ судьи поименно называются за время съ 1622 г. по 1709 г., дьяки же съ 1622 по 1681 г., такъ какъ съ конца 1680 г. дьяки въ дѣлопроизводствѣ приказа поименно не называются, какъ то было равьше, а лишь глухо говорилось: «судья такой-то съ товарищи», или: «судья такой-то и дьяки». Всего указано 56 человекъ, о времени ихъ службы сдѣланы точныя указанія по алексинскимъ столбцамъ, параллельно чему приведена также хронологія по сообщенїямъ В. Н. Сторожева, Ардашева и Новикова (изъ Вавлюев., XX). Отдѣльныя указанія даны о дьякахъ послѣ 1680 г. и о всемъ составѣ Помѣстнаго приказа до 1622 года.

Далѣе слѣдуетъ систематическая роспись содержанія и систематическая роспись учреждений второго отдѣла. Въ концѣ сводные указатели къ третьему выпуску «Сотницъ, грамотъ и записей» и къ «Замѣткамъ по исторїи Рязанскаго стола Помѣстнаго приказа»: а) именъ личныхъ, б) географическихъ и в) учреждений и классовъ и разрядовъ населенія.

Подъ рубрикой матеріаловъ историко-литературныхъ помѣщено: «Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ Кіевѣ», Н. И. Петрова, выпускъ третій, рукописи Кіево-Софійскаго собора (окончаніе), съ алфавитнымъ указателемъ, относящимся ко всему описанію (197—308 + I—LVIII стр.).

Въ «Смѣси» напечатаны слѣдующіе документы: 1) О церкви Іакова апостола, за Покровскими воротами, въ Москвѣ, 1667—1674 г. (1—3 стр.); 2) О построенїи церкви на Москвѣ, на Мясницкой, на дворѣ Бориса Приклонскаго, 1672—1675 (3—18); 3) Объ устройствѣ пруда на Сафьянномъ дворѣ въ Москвѣ, на Воронцовомъ полѣ, 1672 (18—19); 4) Явочная челобитная Пѣсношскаго монастыря казеннаго подьячаго Ѳ. Елизарьева на игумена Корнилія, 1684 г.; 5) О наговорной соли, изъ дѣлопроизводствъ конца XVIII в. (20—26); 6) Дьячїй подлинный списокъ 1699 г. (27—29); 7) Письма импе-

ратора Петра I, императрицы Екатерины I, царевича Алексѣя и царевны Наталіи къ кн. Якову Феодоровичу Долгорукову (30—32).

Таково содержаніе четвертой книги «Чтеній» за 1904 года. М. К.

А. В. Кругловъ. Веселыя похороны. Романъ. М. 1905.

Романъ этотъ былъ напечатанъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ 1902 году, и потому мы напомнимъ о немъ нашимъ читателямъ лишь въ немногихъ словахъ.

Подъ столь оригинальнымъ названіемъ авторъ изобразилъ вовсе не похороны въ прямомъ смыслѣ, а сильную душевную драму семинариста Якова Крестовоздвиженскаго, которому мать не позволила жениться на любимой имъ бѣдной дѣвушкѣ Сонѣ. Мать нашла ему другую невѣсту—Дуню, хотя и болѣе простоватую, зато обезпеченную хорошимъ приданымъ и отцовскимъ доходнымъ священническимъ мѣстомъ. Видя нерасположеніе Якова къ духовной карьерѣ, Соня настаивала на томъ, чтобы онъ ѣхалъ въ столицу учиться въ медицинскую академію. Къ тому же она и не хотѣла выходить замужъ за попа. Это особенно и вооружило противъ нея родителей молодого человѣка, желавшихъ видѣть сына на стези его отца. Поэтому попадя опутала Якова тонкой интригой, которая и привела все къ желанной цѣли.

Хотя дѣйствіе романа отнесено къ недавнему прошлому времени, но это измѣнило лишь форму, а не сущность. Психологія дѣйствующихъ лишь такова же и въ наши дни. Всѣ сложныя перипетіи колебаній безвольнаго Якова, подпавшаго сначала вліянію Сони и товарища Псалмопѣвцева, а затѣмъ вліянію родителей и бабушки, — проведены авторомъ очень искусно и умѣло съ полнымъ сохраненіемъ жизненной правды. Хитрая интриганка попадя не отталкиваетъ отъ себя, а даже заставляетъ жалѣть себя, потому что читатель видитъ въ ней прежде всего горячо любящую свое дѣтище мать. Вина ея заключается лишь въ томъ, что она видѣла счастье сына не тамъ, гдѣ его думалъ найти онъ... Только потому она и женила его на Дунѣ... Свадьба явилась похоронами первой Яшиной сильной любви, но такъ какъ ее отпраздновали весело: съ виномъ, музыкой и плясомъ, то женихъ назвалъ свою свадьбу «веселыми похоронами».

Авторъ нарисовалъ въ своемъ произведеніи широкую бытовую картину, полную глубокаго внутренняго смысла и значенія. Н. И. К.

Записки общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ. Выпускъ 3. Варшава. 1904.

Только что вышедшій 3-й выпускъ «Записокъ» рисуетъ довольно ярко картину дѣятельности варшавскаго ученаго общества. Въ теченіе какихъ либо 7 мѣсяцевъ было 32 засѣданія общества. Это, конечно, говорило бы о чрезвычайно оживленной дѣятельности его, если бы не одно обстоятельство, бросаю-

щеся въ глаза. Дѣло въ томъ, что ни на одномъ изъ этихъ засѣданій не было ни разу и половины всѣхъ членовъ общества: только разъ было 33 человѣка, а въ громадномъ большинствѣ случаевъ число присутствовавшихъ на засѣданіи членовъ не превышало 15—20 человѣкъ. И это при 185 членахъ, насчитывающихся въ «обществѣ». Нельзя сказать, что бы это свидѣтельствовало о достаточно развитомъ интересѣ членовъ къ научнымъ вопросамъ и вообще къ дѣятельности, опредѣляемой болѣе или менѣе развитыми научными и литературными вкусами.

Нельзя не замѣтить также, что большое количество прочитанныхъ рефератовъ и докладовъ, производящее на первый взглядъ весьма пріятное впечатлѣніе, было достигнуто на счетъ качества ихъ. Какъ на наиболѣе ярко отбѣняющія эту сторону дѣятельности «общества», укажемъ на засѣданія, происходившія 8-го февраля (стр. 11 и д.), 23-го марта (стр. 25), 4-го мая (стр. 28) и 7-го декабря (стр. 62). На этихъ засѣданіяхъ были прочитаны доклады г. Заболотскаго и г. Власова. Доклады эти даже напечатаны: «Гуманные мотивы поэзіи Некрасова» Заболотскаго во 2-мъ выпускѣ «Записокъ», «Поэтъ гуманности и свѣтлыхъ идеаловъ» его же въ 3-мъ выпускѣ и «Къ вопросу о постановкѣ преподаванія географіи» г. Власова во 2-мъ выпускѣ. Представить себѣ что либо ниже всякой элементарной критики врядъ ли возможно. Не понимаешь, какъ можно печатать такія не только положительно бездарныя вещи, но и прямо-таки безграмотныя, какъ «труды» г.г. Заболотскаго и Власова. Смѣло можно сказать, что ни одинъ даже самый плохенькій журналъ такой дребедени не принялъ бы. Къ тому же тонъ этихъ докладовъ прямо-таки неприличнѣй: самоувѣренности, апломба, безконечнаго самомнѣнія, такъ и сквозящаго въ каждомъ словѣ, хоть отбавляй. И этакій тонъ при колоссальномъ невѣжествѣ. Удивляешься, какъ ни одинъ изъ слушателей этихъ докладовъ не сказалъ ничего соотвѣтствующаго достоинству ихъ. Неужели такъ-таки и нѣтъ въ «обществѣ» ни одного человѣка, который, во имя именно его ученаго достоинства, подобнаго рода продукты невѣжества, а главное, безцеремонной самоувѣренности, назвалъ бы настоящимъ ихъ именемъ? Читая отчетъ о преніяхъ по поводу этихъ съ позволенія сказать докладовъ, просто и не знаешь, что думать: ни одного слова, подобающаго случаю. Или варшавское ученое общество боится критики, предпочитая миръ и тишину, или оно просто не желаетъ оберегать своего достоинства.

Къ счастью «общества» не всѣ доклады таковы, какъ писанія г. Заболотскаго и Власова. Въ 3-мъ выпускѣ напечатаны, наиримѣръ, доклады гг. Спекторскаго («Органическая теорія общества»), Фляксбергера («Философія Канта») и Алексѣева («Къ долговому вопросу въ Римѣ»). Это все безспорно вещи, достойныя печати и стоящія на высотѣ научныхъ и литературныхъ требованій. Становится даже какъ-то досадно за авторовъ этихъ докладовъ, что ихъ помѣстили рядомъ съ г. Заболотскимъ. Кромѣ того, были прочитаны и другіе доклады, заслуживающіе вниманія и указывающіе на то, что «общество» существуетъ не даромъ: оно несомнѣнно привлекаетъ болѣе или менѣе серіозные элементы общества, хотя и немногочисленные (да врядъ ли въ Варшавѣ и можетъ быть ихъ много?). (Особенно это слѣдуетъ сказать объ юридическомъ

отдѣленіи «общества». Тутъ несомнѣнно дѣло обставлено гораздо серіознѣе, чѣмъ на историко-филологическомъ. Во всякомъ случаѣ такихъ воилющихъ вещей, какъ «доклады» г. Заболотскаго, тутъ не было ни разу, судя по протоколамъ засѣданій. Зато былъ прочитанъ цѣлый рядъ докладовъ на самые животрепещущіе вопросы и весьма серіознаго и широкаго значенія. Что же до преній въ этомъ отдѣленіи, то они въ большинствѣ случаевъ, судя по отчету, отличаются дѣловитостью, серіозностью и именно уваженіемъ къ достоинству «общества»: укажемъ хотя бы на возраженія г. Горбунова, какъ на дѣльную и соотвѣтствующую этому достоинству критику.

Н. Н.

С. Васюковъ. Крымъ и горные татары. Изд. А. Ф. Девриена. Спб. 1905.

Приморская часть Крыма, береговая полоса курортовъ съ ихъ казовой культурной вышностью, гостиницами и ресторанами, легкими фаэтонами и жирными, наглыми татарами-проводниками знакома многимъ русскимъ туристамъ. Ялта, Алупка, Гузруфъ стали привычными названіями, какъ Тверь, Калуга, Рязань... Да, Крымъ не Кавказъ, его знаютъ, изучили со всѣхъ, можно сказать, сторонъ. Но правда ли это? Изучили южный берегъ Крыма, но и то изучили оригинально, каждый по-своему: большинство дамъ изучили татарь-проводниковъ, пріѣзжіе чиновники произвели точное изслѣдованіе ресторановъ и гостиницъ, туристы слазили на одну, другую гору, а всѣ вмѣстѣ ѣли виноградъ и купались въ морѣ. Вотъ море!.. какое чудное море, и воздухъ, и небо... прервосходно!.. прелесть этотъ Крымъ!..

Въ талантливо и живо написанной книгѣ г. Васюкова читатель не найдетъ описанія курортовъ, которыхъ онъ касается слегка, мимоходомъ. Все его вниманіе устремлено въ центръ горъ, гдѣ живутъ и работаютъ такъ называемые таты, или горные татары, трудолюбивый, честный, но, къ сожалѣнію, не устроенный въ земельномъ отношеніи народъ. Какая разница между этими дѣтьми горъ, довѣрчивыми, гостепріимными, по сравненію ихъ съ татарами курортовъ и ихъ представителями-фаэтонщиками, наглость и нахальство которыхъ не имѣетъ границъ.

И что жъ?.. даже по небольшой книгѣ г. Васюкова можно наблюдать послѣдствія нашей окраинной политики и русскаго культурнаго вліянія на трудовой элементъ Крыма, который въ послѣдніе годы таетъ, эмигрируя въ Турцію, или поселяясь близъ курортовъ, гдѣ сравнительная легкость заработка и безусловно вредное вліяніе культуртрегеровъ и туристовъ прекрасно дѣлаютъ свое дѣло, превращая честнаго земледѣльца татарина въ проводника или лакея.

Крымъ—это страна высшей культуры земледѣлія, культуры, съ которой русскіе земледѣльцы незнакомы, и потому горные татары, эти умѣлые виноградари, табаководы и садоводы, безусловно необходимый элементъ для развитія полуострова въ хозяйственномъ отношеніи. И что жъ?.. этотъ нужный народъ, эти настоящіе кровные крымчаки поставлены были и теперь находятся въ такихъ условіяхъ, что должны или бѣжать, покидать свою родину, или же

развращаться. Грустныя послѣдствія нашего неумѣнья пользоваться естественными богатствами, которыхъ государство добивалось кровью и мечомъ... Завоеванъ Крымъ для того, чтобы по берегу моря построить цѣль ресторановъ и между ними провести желѣзную дорогу, выгнать трудовой, нужный народъ и расплодить негодяевъ-проводниковъ,—развѣ это не печально? По нашему мнѣнію, курорты курортами, а народное хозяйство само собой. Но для послѣдняго ничего не сдѣлано. Пойдите въ горы и посмотрите на орудія производства, приглядитесь къ условіямъ невозможнымъ, эксплуатаціи горныхъ татаръ, которыхъ вы пожалѣете и непременно полюбите за ихъ терпѣніе и открытое сердце. Вотъ въ этомъ-то и главная заслуга г. Васюкова, который правдиво и художественно очертилъ характеръ горнаго, наивнаго тата. Правда, книга представляетъ легкіе наброски, а не изслѣдованіе, но въ русской литературѣ по этому вопросу ничего нѣтъ, кромѣ прекрасной книги Евг. Маркова, знатокъ всего Крыма. Книга снабжена рисунками довольно извѣстнаго пейзажиста К. Э. Гефтлера, которые, къ сожалѣнію, не всѣ удачны, особенно первый, когда воли бѣгутъ, какъ истые рысаки. Но Карасубазаръ въ исполненіи художника великолѣпнень.

Е. Р. М.

Полицейское право. Конспектъ лекцій Н. Н. Бѣлявскаго, профессора Юрьевскаго университета. Юрьевъ. 1904.

Книга г. Бѣлявскаго не представляетъ собою оригинальнаго систематическаго труда; собственно говоря, это—обстоятельный обзоръ важнѣйшихъ данныхъ науки полицейскаго права по той программѣ, по которой оно преподается въ нашихъ университетахъ. Въ основу обзора въ исторической его части положенъ извѣстный трудъ покойнаго И. Е. Андреевскаго; что же касается догматической части, то курсъ Андреевскаго, уже устарѣвшій для нашего времени, дополненъ данными новѣйшаго законодательства, а въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ переработанъ почти заново. Точно также поставленъ на уровень современныхъ требованій отдѣлъ, посвященный указаніямъ литературы вопроса о сущности науки полиціи и новѣйшихъ теченіяхъ въ наукѣ полицейскаго права. Порядокъ изложенія обзора по предметамъ таковъ: сначала дается краткій историческій очеркъ съ бѣглыми ссылками на литературные источники, а затѣмъ передается дѣйствующее законодательство отечественное, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и иностранное, по преимуществу французское, германское и англійское. Послѣдовательно излагается организація полицейскихъ учрежденій, центральныхъ и мѣстныхъ, мѣры регулированія передвиженія населенія, мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленій, наблюденіе за печатью, санитарная и медицинская полиція, народное продовольствіе, призрѣніе бѣдныхъ, народное просвѣщеніе, мѣры содѣйствія развитію горнаго промысла, сельскаго хозяйства и т. д.

Большая или меньшая компактность содержанія, простой дѣловой языкъ, дѣлаютъ книгу г. Бѣлявскаго хорошимъ учебнымъ пособіемъ для студентовъ, которымъ за неимѣніемъ новыхъ полныхъ курсовъ до сихъ поръ приходится читать для экзаменовъ жалкими конспектами, рыночнымъ издѣліемъ книж-

ныхъ спекулянтовъ, въ изобилии выпускающихъ такъ называемые повторительные конспекты. При этихъ условіяхъ обзоръ, составленный специалистомъ предмета, не можетъ не быть встрѣченъ сочувственно. Г.

Львовское ставропигіальное братство. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія (съ тремя рисунками) А. Крыловскаго. Кіевъ. 1904.

Вмѣстѣ съ Виленскимъ Львовское «братство» считается самымъ древнимъ и наиболее передовымъ. Въ числѣ его представителей и дѣятелей находимъ извѣстныхъ лицъ, принимавшихъ активную роль во всѣхъ важныхъ событіяхъ церковно-исторической жизни юго-западныхъ русскихъ окраинъ въ XVI и XVII вѣкахъ. Основанныя имъ школы и типографіи заслужили почетную извѣстность и упоминаются во всѣхъ учебникахъ русскои исторіи или литературы. Поэтому понятенъ тотъ интересъ къ книгѣ А. Крыловскаго, который она вызываетъ однимъ своимъ заглавіемъ. Конечно, объемистую книгу нельзя назвать «изслѣдованіемъ», хотя авторъ во многихъ случаяхъ пользуется архивнымъ матеріаломъ и старательно оправдываетъ ссылками каждое сообщеніе, иногда самаго общаго содержанія. Онъ не доказываетъ какихъ нибудь новыхъ положеній, а спокойно и подробно пересказываетъ факты, почему книга производитъ впечатлѣніе все-таки компиляціи. Кромѣ того, едва ли согласна съ дѣйствительностью его оцѣнка дѣйствій католическаго духовенства и польскихъ властей: если вѣрить автору, то православные окажутся только страдальцами, а ихъ противники только гонителями, самыми несправедливыми и жестокими. Разъ велась борьба одинаковыми средствами, разъ каждое предпріятіе братства являлось противовѣсомъ католической пропагандѣ, то, намъ кажется, нельзя закрывать глаза на хорошее и дурное и побѣдоносно восклицать: «но надеждамъ поборниковъ напизма и уни не суждено было осуществиться. Сильна была въ рускомъ народѣ любовь къ православной вѣрѣ; велика была его преданность къ константинопольской столицѣ (?), откуда возсіялъ для него свѣтъ христіанской вѣры. Могуца и вынослива русская натура!» (стр. IX) и т. п. въ томъ же духѣ.

Что касается фактической стороны, то она интересна и заслуживаетъ вниманія. Остановимся на нѣсколькихъ фактахъ. Извѣстна, напримѣръ, долгая борьба между братствомъ и Гедеономъ Балабаномъ, который въ стремленіи братчиковъ къ самостоятельности видѣлъ подрывъ канонической власти епископа. Въ примиреніи ихъ принялъ участіе молдавскій господарь Іеремія Могила, который просилъ братчиковъ, «абысте съ отцомъ епископомъ Гедеономъ добре пребывали и его читили»; а затѣмъ, въ началѣ 1602 года, прислалъ своего логовета Луку Строча специально для того, чтобы склонить братчиковъ къ уступкѣ епископу, котораго они и признали «властнымъ экзархомъ вселенскаго патріарха». Особенно важной оказалась поддержка со стороны молдавскихъ господарей для постройки новой Успенской церкви во Львовѣ, до сихъ поръ извѣстной подъ именемъ «волошской». Прежняя церковь сгорѣла въ 1527 году,

и на постройку новой братство не имѣло средствъ. На обращеніе его къ господарю Александру Лопушняну, послѣдній прислалъ 100 золотыхъ, обѣщалъ сдѣлать образа, завѣсы, царскія врата, утварь и облаченія и совѣтовалъ тратить деньги умеренно, стараться сдѣлать все домашними средствами, напримѣръ, самимъ выстроить кирпичный заводъ, испросить королевскій пропускъ металла для колоколовъ безъ пошрины и т. д. Затѣмъ онъ обѣщаетъ на свой счетъ позолотить крестъ на главѣ храма, прислать «живности и питья», необходимыя при освященіи. Въ 1559 году церковь была закончена и освящена, по всей вѣроятности, молдавскимъ митрополитомъ Григоріемъ II, послѣ чего господарь не разъ присылалъ деньги на росписи церкви внутри и снаружи, на покрытіе ея черепицей, присылалъ припасы для угощенія народа во время храмовыхъ праздниковъ, предлагалъ выучить четырехъ львовскихъ пѣвчихъ «греческому и сербскому» пѣнію, даже входилъ въ вопросы обряда, напримѣръ, указывая на малые размѣры просфоръ, или церковнаго быта, упрекая братчиковъ въ плохомъ содержаніи духовенства. Надъ входомъ въ церковь въ стѣну вѣлана мраморная доска съ надписью и упоминаніемъ всей семьи Александра — жены его Роксандры, дѣтей Богдана, Петра, Іоанна, Θεодора и Княжны. Впослѣдствіи тотъ же господарь думалъ построить и колокольню, но отложилъ постройку вслѣдствіе внутреннихъ безпорядковъ въ Молдавіи. Въ 1571 году церковь сгорѣла, и братство обратилось черезъ гостившаго во Львовѣ антиохійскаго патріарха Іоакима къ молдавскому господарю Стефану Богдану (1591—1592) и валашскому Петру Хромому (1582—1591) съ просьбой о помощи; кромѣ того, братство послало троихъ выборныхъ къ молдавскому митрополиту Георгію V Могилѣ, который помогъ имъ получить долги съ частнаго лица, дебитора братства, и просилъ польскаго короля выдать грамоту для обезпеченія братства отъ католическихъ посягательствъ.

Какъ извѣстно, и московскій царь Θεодоръ Іоанновичъ прислалъ на постройку церкви деньги, кое-какія вещи и книги. Но главная помощь въ этомъ дѣлѣ оказана была молдавскимъ господаремъ Іереміей Могилой, который и раньше, въ должности великаго логовета, помогалъ братству, а съ 1599 года ежегодно отпускалъ денежное пособіе, такъ что къ 1606 году насчитывалось его пожертвованій деньгами 3.620 золотыхъ и 9.760 польскихъ злотыхъ; это дѣлалось, несмотря на то, что самъ господарь нуждался въ деньгахъ, жалуясь, что и въ Молдавіи «мало не вездѣ было скажено». Послѣ смерти Іереміи въ 1606 году, братчики просили брата его Симеона Могилу (1606—1608) и вдову Елисавету поддержать постройку, подходящую къ концу. Просьбы ихъ никогда не оставались безъ результатовъ, хотя денегъ все-таки не хватало, и постройка тянулась до 1627 года, когда новый господарь Миронъ Барновскій изъ той же фамилии Могилъ обѣщалъ слѣдовать примѣру предковъ и, не располагая наличными деньгами, послалъ во Львовъ около 1.000 кусковъ селитры. Братчики продали ее, выручили 4.746 злотыхъ и рѣшили собирать остальные деньги какъ можно энергичнѣе. Въ слѣдующемъ году Барновскій прислалъ 2.000 злотыхъ, еще черезъ годъ 3.000, его логоветь Димитрій присоединилъ къ нимъ 150 талеровъ, и въ 1629 году церковь была окончена, при чемъ гербъ Могилъ помѣщенъ въ главномъ куполѣ съ соответствующей надписью, въ ко-

горой Барновскій названъ «совершителемъ церкви», а его предшественники — «ктиторами». Несмотря на то, что въ томъ же году господарь лишился престола, онъ пожертвовалъ нѣсколько цѣнныхъ книгъ въ окладахъ, сосуды, облаченія и персидскій коверъ, назначилъ день освященія церкви, прислалъ своего архимандрита изъ Устья, древнй рѣзной деревянный крестъ и нѣсколькихъ придворныхъ съ угощеніями. Церковь освящена 16 января 1631 года; на освященіи присутствовалъ кіево-печерскій архимандритъ Петръ Могила. Въ память этой благотворительности львовская типографія посвятила Барновскому Октоихъ 1630 года съ витіеватымъ предисловіемъ панегирическаго характера. Какъ видимъ, факты интересные.

Замѣтимъ только, что авторъ ошибается, говоря объ упоминаніи Галича «у Геродота и Юрнанда» (стр. 1), неправильно печатаетъ фамилію Zubr(z)u-ski и названіе книги Acta grodzki(e) i ziemski(e) (стр. 3), невѣрно передаетъ слова «лагофеть» вмѣсто логоуетъ (159), «Лопушанинь» вмѣсто Лопушнянь (188), «Бернавскій» вмѣсто Барновскій (200 и др.), «каци» вмѣсто кацеи (202), слово «кнежна» принимаетъ за нарицательное вмѣсто собственнаго (196), смерть Іереміи Могилы относитъ къ 1607 году вмѣсто 1606 (199), не понимаетъ значенія обычнаго титула «Іо(аннъ)», печатая его І. О. (190), говоритъ о какихъ-то печатныхъ изданіяхъ въ Болгаріи (267), наконецъ, его языкъ — слишкомъ семинарскаго пошиба, и выраженія въ родѣ «не переставалъ печися» (189) производятъ странное впечатлѣніе.

А. И. Яцимирскій.

На вичну пам'ять Котляревському. Литературный збирникъ. Кіевъ. 1904.

Выпущенный издательствомъ «Викъ» сборникъ посвященъ памяти безсмертнаго автора «церелицованной Энеиды», «Наталки-Полтавки» и «Москаля-чаривника». Сборникъ составленъ умѣло, интересно, напечатанъ красиво и стоитъ недорого. Его пестрота, обычная въ подобныхъ сборникахъ-альманахахъ, лишаетъ насъ возможности перечислить лучшія, на нашъ взглядъ, беллетристическія произведенія, а потому приходится остановиться на нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которыя обращаютъ на себя больше вниманія.

Въ статьѣ Вилоусенка «Сильскій сатырыкъ» пересказывается автобіографія малорусскаго «поэта-самоучки», который сочинялъ ѣдкія сатиры на своихъ односельчанъ. Она представляетъ не только литературный интересъ, потому что свѣдѣнія о малорусскихъ поэтахъ изъ народа необыкновенно скудны. Мы много знаемъ о великорусскихъ поэтахъ стараго и новаго времени, а въ академіи наукъ существуетъ уже цѣлый «Музей русскихъ самоучекъ», но малорусскими поэтами и онъ бѣденъ. Если не ошибаемся, очеркъ Вилоусенка имѣетъ въ виду Ивана Калиниченка, крестьянина Сумскаго уѣзда Харьковской губерніи. Разсказъ Винниченка «Заручыны» полонъ драматизма. Въ немъ много живыхъ лицъ и бытовыхъ подробностей. Талантливо написана «Цина крови» С. Ефремова. Разсказъ А. Конисскаго «Висимъ день до жыття Люли» построенъ нѣсколько искусственно. Онъ напоминаетъ тургеневское «Накануѣ», но, судя

по нѣкоторымъ интимнымъ подробностямъ, извѣстнымъ намъ лично, списанъ съ натуры.

Талантливо написанъ этюдъ М. Коцюбинскаго «Цвѣть яблони». Небольшой рассказъ «Щастя Пейсаха Лейдермана» — одинъ изъ лучшихъ по теплотѣ рассказовъ М. Левицкаго.

Современная тема затронута въ рассказѣ Лысака-Тамаренка «Коло освиты». О рассказѣ Д. Мордовцева «Луна зъ новой Украйны» трудно судить, потому что онъ, очевидно, не весь пропущенъ цензурой.

Мы не будемъ останавливаться на остальныхъ авторахъ. Каждый изъ нихъ далъ что нибудь новое по темѣ или трактовкѣ, каждый изъ рассказовъ прочтется съ интересомъ. Здѣсь мы находимъ наиболѣе популярныя имена — Г. Барвинокъ, Т. Бордулякъ, Г. Грыценко, Н. Кобрынская, В. Левенко, О. Маковой, О. Мартовичъ, В. Потапенко, П. Родный, П. Смутокъ, М. Чернявскій, Л. Яновская; И. Тобилевичъ (Карпенко-Карый) напечаталъ новую драму «Гандзя». Затѣмъ слѣдуютъ стихотворенія А. Бабенка, С. Волоха, М. Вороного, П. Грабовскаго, Б. Грынченка, В. Доманыцького, О. Доброхольскаго, Г. Комаровой, А. Крымскаго, П. Мырнаго, С. Павленка, В. Самійленка, М. Славинскаго, Л. Украинки, И. Франка, М. Чернявскаго. Отмѣтимъ переводы изъ Фета, Фофанова, Хвоцинской, Голенищева-Кутузова, Козлова, Гуда, Гёте, Лонгфелло, Уэйскаго, Ницше. Хороша поэма Франка о Ив. Вишневскомъ съ аскетическими и мистическими идеями; изящный стихъ и оригинальныя чувства въ стихотвореніяхъ Чернявскаго. Однимъ словомъ, объединенныя силы украинской литературы прекрасно свидѣтельствуютъ о ея жизненности и необходимости, на страхъ ея многочисленныхъ враговъ и скептиковъ.

Книга богато иллюстрирована 11 рисунками Карпенка въ «Энеидѣ», снимками съ трехъ барельефовъ Позена на памятникѣ Котляревскаго въ Полтавѣ, рисункомъ Т. Шевченка — домъ поэта въ Полтавѣ, фотографіей могилы Котляревскаго и его портретомъ въ краскахъ. Затѣмъ находимъ списокъ изданныхъ произведеній чествуемаго писателя и статей, касающихся его, — труды М. Комарова и С. Ефремова. Неудачна обложка книги въ краскахъ съ наивнымъ «малюнкомъ» на «Віють витры». Она портитъ общее благопріятное впечатлѣніе.

А. И. Яцимирскій.

В. Бузескулъ, проф. Введеніе въ исторію Греціи. Лекціи. Харьковъ. 1904.

Ровно годъ тому назадъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» былъ помѣщенъ отзывъ о первомъ изданіи книги проф. Бузескула. Необходимость черезъ годъ оповѣстить читателей о новомъ изданіи — лучшая рекомендація этой книги, казалось бы, спеціальной, не имѣющей хода въ большую публику. Но дѣло въ томъ, что проф. Бузескулъ освѣщаетъ древность съ широкой исторической точки зрѣнія. Выполненный имъ отчетливый очеркъ движенія, совершающагося теперь въ области древне-греческой исторіи, несомнѣнно, вызоветъ въ читателѣ живой интересъ къ античности и поспособствуетъ измѣненію архаическихъ взглядовъ на классицизмъ, какъ на пугало. Проф. Бузескулъ далъ очень

полезную книгу: она является единственнымъ на русскомъ языкѣ справочнымъ пособіемъ по греческой исторіи, но ея значеніе не исчерпывается этимъ: «Введеніе» посвящено исторіи умственной жизни древности въ XIX вѣкѣ.

Второе изданіе нѣсколько переработано авторомъ. Кое-что выпущено, кое-что прибавлено, пополнена библиографія. Кромѣ того, авторъ сдѣлалъ полезное нововведеніе, напечаталъ наиболѣе спеціальныя мѣста книги другимъ, удобнѣйшимъ шрифтомъ. Этотъ приемъ облегчаетъ чтеніе книги среднему читателю-неспециалисту.

II.

Семитическіе языки и народы. Теодора Нёльдеке. Труды по востоковѣдѣнію, издаваемые Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ. Выпускъ V. Москва. 1903.

Изданный нынѣ почтенный трудъ Семитическіе языки и народы извѣстнаго ориенталиста Теодора Нёльдеке представляетъ важное приобрѣтеніе для нашей ученой литературы. Изложить такъ сжато и ярко исторію семитическихъ народовъ и языковъ могъ только такой крупный знатокъ этого вопроса, какимъ является нынѣ Т. Нёльдеке, профессоръ Страсбургскаго университета. Къ сожалѣнію, пока издана по-русски лишь первая часть этой работы, появленіе второй части откладывается на неопредѣленное время. Въ основѣ перевода лежитъ второе, исправленное изданіе эскиза Т. Нёльдеке: *Die semitischen Sprachen* (Лейпцигъ, 1899). Переводъ сдѣланъ студентами Лазаревскаго института В. Ѳ. Минорскимъ и Б. В. Миллеромъ подъ редакціей А. Е. Крымскаго. Первая половина эскиза (стр. 1—41 по нѣмецкому изданію) переведена В. Ѳ. Минорскимъ и нынѣ издана съ большими дополненіями отъ редактора, частью же съ примѣчаніями акад. П. К. Коковцева. Переводъ второй половины эскиза принадлежитъ Б. В. Миллеру. Въ первую половину эскиза вошли три главы: о семитическихъ языкахъ вообще, языкѣ еврейско-финикійскій и языкѣ арамейскій (вѣтвь западная и восточная). Эскизъ открывается толкованіемъ термина «семиты». Именемъ семитическихъ обозначаютъ группу языковъ Азіи и Африки, частью мертвыхъ, частью живыхъ, а именно: еврейскій съ финикійскимъ, арамейскій, вавилонско-ассирійскій, арабскій, эіонскій. Такое названіе, впервые предложенное Шлёцеромъ, основано на томъ, что Библія большинство народовъ, говорящихъ этими языками, производитъ отъ Сима, сына Ноева. Классификація народовъ, заключающаяся въ X главѣ книги Бытія, исходитъ не изъ филологическихъ и этнографическихъ основаній, а имѣетъ въ виду скорѣе географическія и политическія отношенія; поэтому среди дѣтей Сима названы Эламъ и Лудъ, тогда какъ ни эламиты въ Сузіанѣ, ни лидійцы, не говорили на языкахъ, сродныхъ еврейскому, а, съ другой стороны, финикійцы (хананеяне), языкъ которыхъ стоялъ весьма близко къ израильскому, не причисляются книгой Бытія къ семитамъ.

Взаимное сродство языковъ семитическихъ тѣснѣе, чѣмъ языковъ индо-европейскихъ. Т. Нёльдеке указываетъ цѣлый рядъ характерныхъ признаковъ, общихъ всѣмъ семитскимъ языкамъ.

Упомянутые языки являются потомками давно вымершаго прасемитического языка. Утвердилось мнѣніе, что совѣсьмъ близко къ прасемитическому языку стоитъ арабскій. Для созданія сравнительной грамматики семитическихъ языковъ еще не настала чась; предварительно нужна старательная монографическая разработка многихъ деталей. Опасно также дѣлать попытки охарактеризовать духовный обликъ семитовъ, чтобы черты отдѣльныхъ семитическихъ народовъ (арабовъ, израиллянь) не принимать въ качествѣ общесемитическихъ и не приписывать самой крови народа особенности, которыя объясняются условіями образа жизни. Такъ вообще указываютъ, что у семитовъ нѣтъ таланта къ крупной военной и политической организаціи, однако финикіане съ Гамилкаркомъ и Ганнибаломъ показываютъ, что и на этомъ поприщѣ, при измѣненіи условій жизни, семиты могли совершать великія дѣла. Ренапъ прекрасно охарактеризовалъ семитическіе языки, но и его работа открыта для нападенія критики. Онъ въ видѣ характеристики всѣхъ семитическихъ языковъ сообщаетъ, что психологическія явленія обозначаются въ нихъ посредствомъ совершенно еще осязательныхъ образовъ; на самомъ же дѣлѣ это утвержденіе можетъ относиться только къ еврейскому языку.

Попытки доказать родство семитического семейства языковъ съ индо-европейскимъ потерпѣли крушеніе. Наоборотъ, въ иныхъ пунктахъ семитскіе языки обнаруживаютъ поразительное совпаденіе съ нѣкоторыми изъ сѣверно-африканскихъ языковъ, такъ называемыхъ хамитской группы, состоящей изъ египетскаго, берберскаго и др. Теперь египетскій языкъ, считавшійся состоявшимъ изъ двухбуквенныхъ корней, превращается въ трехбуквенный, и такимъ образомъ устраняется принципиальное отличіе отъ семитическихъ. Первоначальнымъ языкомъ населенія долины Нила былъ, вѣроятно, родственнѣйшимъ нынѣшнему нубійскому, который нынѣ стоитъ особнякомъ среди языковъ Африки. Египтяне, слѣдовательно, семитизированные нубійцы. Сродство семитическихъ языковъ съ хамитскими ведетъ къ представленію, что и родину семитовъ надо искать въ Африкѣ. Кромѣ того, родиной семитовъ считаютъ Арменію, Аравію, Месопотамію, но до настоящаго времени вопросъ не разрѣшенъ окончательно.

При классификаціи и установленіи отношенія семитическихъ языковъ встрѣчается рядъ препятствій. Несомнѣнно, что языкъ арабскій (съ сабейскимъ) и языкъ эіопскій находятся въ особенно близкомъ родствѣ и должны быть противопоставлены семитическимъ языкамъ сѣвера. Въ сѣверную группу семитическихъ языковъ входятъ языки еврейско-финикійскій (еврейскій и финикійскій) языки являются нарѣчіями одного и того же языка) и арамейскій. Еврейскій языкъ извѣстенъ намъ преимущественно, какъ рѣчь народа израильскаго. Моавитяне, судя по надписи царя Меша (ок. 900 г. до Р. Х.), говорили также по-еврейски. Языкъ надписи немного отличается отъ языка Ветхаго Завѣта. Кое-что еврейское мы знаемъ изъ памятниковъ постарше надписи Меша, а именно изъ архивныхъ матеріаловъ, найденныхъ въ Телль-Эль-Амарнѣ (въ Египтѣ) и писанныхъ на ассиро-вавилонскомъ языкѣ, и среди которыхъ много писемъ мелкихъ палестинскихъ князьковъ. Въ остальномъ наше знаніе древне-еврейскаго языка основано на памятникахъ израильскихъ. Хотя выводы новѣйшей критики говорятъ, что едва ли какой нибудь связный отрывокъ Пятикнижія можетъ про-

исходить отъ самого Моисея или изъ временъ ближайшихъ его преемниковъ, тѣмъ не менѣе извѣстные отрывки Ветхаго Завѣта во всякомъ случаѣ относятся ко времени болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ до Р. Хр.; прежде всего это надо сказать о пѣснѣ Деборы (книга Судей, V),—памятникъ, освѣщающій бытъ израильтянъ временъ сраженій ихъ за родину съ хананеянами. Но мы не знаемъ, какъ звучалъ еврейскій языкъ въ живомъ произношеніи временъ Давида и Исаи. Книги терпѣли видоизмѣненія подъ перомъ переписчиковъ, согласно переменамъ, развившимся въ живомъ еврейскомъ языкѣ. Неизмѣннѣ другихъ сохранили свой первоначальный видъ книги пророковъ. Пятикнижіе приняло настоящій видъ въ плѣну Вавилонскомъ, около 550 года. Греческій переводъ семидесяти толковниковъ сдѣланъ былъ въ III вѣкѣ до Р. Х. не для Птоломея Филладельфа, а для огречившихся евреевъ. Характеръ древне-еврейскаго въ построеніи предложеній весьма старинный. Сочиненіе преобладаетъ надъ подчиненіемъ; даже придаточныя предложенія временныя соединяются въ одно цѣлое при помощи начальной приставочной фразы: «и было», «и будеть», а затѣмъ слабо прикрѣпляются къ главному предложенію посредствомъ того же союза *и*. Въ употребленіи глагольныхъ временъ открытъ широкій произволь: неоконченное разсматривается, какъ оконченное, а оконченное, какъ продолжающееся. Лектическій составъ знаемъ недостаточно, ибо Ветхій Завѣтъ книга небольшая и содержитъ много повтореній. Родной братъ еврейскаго языка—финикійскій, извѣстенъ изъ надписей VIII в., а отдѣльныя финикійскія слова приведены у Плавта въ комедіи *Phoeniculus*. Самые же древніе арамейскіе тексты сохранились на надписяхъ. Языкъ этотъ считался официальнымъ при персахъ даже для Малой Азіи и Египта.

А. Хахановъ.

Alexander Kraushar. Towarzystwo królewskie przyjaciół nauk. Tom VI. Czterolecie przedostatnie (1824—1828). Warszawa. 1904.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» мы писали въ свое время о выходѣ первыхъ томовъ капитальнаго труда г. Краусгара, посвященнаго исторіи «общества друзей наукъ» въ Варшавѣ. До настоящаго времени вышли шесть томовъ. Последній, по времени выхода въ свѣтъ, томъ обнимаетъ періодъ времени отъ 1824 по 1828 годъ, то-есть, предпоследнее четырехлѣтіе существованія научнаго учрежденія. Авторъ съ богатымъ запасомъ архивнаго матеріала и съ основательнымъ знаніемъ дѣла, подробно описываетъ дѣятельность общества въ періодъ, который хотя не ознаменовалъ себя какими либо фактами чрезвычайной важности, но который, тѣмъ не менѣе, въ историческомъ развитіи столь полезнаго для края учрежденія занялъ видное положеніе. Въ этомъ періодѣ, между прочимъ, благодаря инициативѣ Нѣмцевича, который, по смерти знаменитаго Стащица, занялъ предсѣдательское кресло, общество приступило къ выработкѣ правилъ польскаго правонисанія и, подъ руководствомъ Лелевеля, предприняло капитальный трудъ изслѣдованій по исторіи законодательства въ Польшѣ. Многочисленныя иллюстраціи—портреты и снимки съ историческихъ памятниковъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи «общества

друзей наук» — дополняютъ текстъ шестого тома. Послѣдній періодъ существованія общества, обнимающій 1828—1831 годы, будетъ предметомъ седьмого тома. Въ этомъ же томѣ авторъ предполагаетъ изложить свой взглядъ на 30-ти-лѣтнюю цивилизаторскую дѣятельность ученаго учрежденія. Документы и историческіе матеріалы, относящіеся къ исторіи закрытія «общества друзей наукъ», найдутъ для себя мѣсто въ восьмомъ томѣ. Г. А. Воробьевъ.

Dr. med. G. Otto. Die öffentlichen Schulen Kurlands zu herzoglicher Zeit 1567—1806. Митава. 1904.

Почтенный авторъ этой книжки, членъ Курляндскаго общества литературы и искусства, извѣстенъ своими изслѣдованіями и работами изъ курляндской старины. Такъ, ему принадлежатъ, между прочимъ, слѣдующіе труды переработка сочиненія Кальмейера: Die evangelischen Kirchen und Predigen Kurlands (1890), Kur-, Liv- und Esthländer auf der Universität Königsberg i. Pr. 1711—1800 (1896), Das Medicinalwesen Kurlands unter den Herzögen und während der ersten Decennien russ. Herrschaft bis zum Jahr 1825 (1898).

Новый трудъ д-ра Отто явился результатомъ его занятій въ архивѣ Курляндской консисторіи, предпринятыхъ имъ совсѣмъ для другой работы. Такимъ образомъ, авторъ случайно собралъ значительный и цѣнный матеріалъ для изслѣдованія о школахъ Курляндіи въ старыя годы, — вопросъ, до сего времени почти не затронутый совсѣмъ. Кромѣ названнаго выше архива консисторіи, д-ръ Отто пользовался еще богатѣйшими Митавскими герцогскимъ и дворянскимъ архивами.

Сдѣлавъ вначалѣ очеркъ положенія школьнаго дѣла при курляндскихъ герцогахъ, авторъ описываетъ затѣмъ исторію возникновенія и развитія отдѣльныхъ школъ: главной Митавской (основана въ 1567 г.), Бауской, Гольдингенской, Виндавской, 2 Либавскихъ (городской и при сиротскомъ домѣ), Суббатской и Гробинской. Здѣсь авторъ сообщаетъ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія объ основаніи школъ, приводитъ уставы ихъ, программы преподаванія, списки учебнаго персонала, списки инвентаря, въ томъ числѣ книгъ и нотъ, размѣръ жалованья преподавателямъ и т. д. Трудъ д-ра Отто оканчивается біографическимъ словаремъ лицъ учебнаго персонала и указаніями на источники.

Читается книжка легко и съ интересомъ и даетъ достаточно полную свѣдѣнія о школахъ въ Курляндіи герцогскаго времени.

А. Э. Мальмгренъ.

А. Е. Крымскій. Филологія и Погодинская гипотеза. Кіевъ. 1904.

Книга, или, вѣрнѣе, брошюра г. Крымскаго является первымъ выпускомъ его изслѣдованія; она состоитъ всего изъ четырехъ главъ и имѣетъ цѣлю сдѣлать «разборъ общихъ историко-филологическихъ данныхъ» и произвести «обзоръ письменныхъ памятниконъ старо-кіевскихъ». Все же изслѣдованіе

ставитъ себѣ задачу отвѣтить на вопросъ, «дастъ ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волынскомъ происхожденіи малоруссовъ». Вопросъ этотъ, далеко не новый въ исторіи и филологіи, занималъ очень многихъ ученыхъ: немало было изложено копій, немало въ пылу полемики высказано рѣзкихъ мнѣній, но, въ концѣ концовъ, вопросъ, казалось, могъ считаться рѣшеннымъ болѣе или менѣе единодушно; особенно—послѣ статьи академика Шахматова въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія»: «Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей». Четыре главы г. Крымскаго собственно не вносятъ въ рѣшеніе вопроса ничего новаго; онѣ интересны только, какъ собраніе доводовъ, опровергающихъ гипотезу, сыгравшую свою немаловажную роль въ русской филологіи. Авторъ тщательно сгруппировалъ цѣлый рядъ фактовъ, которые, въ связи съ тѣмъ, что уже раньше было сдѣлано другими учеными, заставляютъ согласиться, что «гипотеза о великорусскости старыхъ кievлянъ уже погребена»: «отъ нея отказались и г. Соболевскій, и г. Шахматовъ», замѣчаетъ авторъ, оканчивая четвертую главу своего изслѣдованія (стр. 107).

Это-то послѣднее замѣчаніе и заставляеть насъ серьезно задуматься надъ тѣмъ, какой смыслъ имѣеть сочиненіе г. Крымскаго. Очевидно, никакого новаго рѣшенія основнаго вопроса авторъ не можетъ дать; но зато въ его работѣ разсѣяно много мелкихъ замѣтокъ и соображеній, которыя могутъ оказаться небезполезными въ общемъ филологическомъ матеріалѣ: всякій вкладъ въ изученіе какого нибудь явленія жизни (въ данномъ случаѣ — языка) цѣненъ, но при одномъ условіи, если этотъ вкладъ дѣлается ради науки, ради раскрытія истины въ какомъ нибудь вопросѣ человѣческаго исканія. Мы совершенно согласны съ г. Крымскимъ, что тенденціозность есть одно изъ самыхъ вредныхъ, скажемъ больше—самыхъ отталкивающихъ качествъ въ ученomъ. Это мнѣніе г. Крымскаго какъ-то странно звучитъ въ его брошюрѣ. Но пусть факты говорятъ сами за себя. Замѣтимъ только, что мы останавливаемся, можетъ быть, слишкомъ подробно на этомъ печальномъ фактѣ потому, что онъ является далеко не единичнымъ въ научной литературѣ: нерѣдко и выдающіеся ученые впадаютъ въ тонъ, совершенно несомѣстимый съ достоинствомъ науки; книжка же г. Крымскаго, по справедливости, побилла рекордъ въ этомъ отношеніи. Вотъ факты: всѣ четыре главы брошюры полны возраженіями академику А. И. Соболевскому, имя котораго можно встрѣтить чуть не на каждой страницѣ изслѣдованія; это, казалось бы, вполне естественно, разъ приходится разбирать гипотезу, которую онъ защищаетъ, но вѣдь самъ г. Крымскій въ концѣ книги говоритъ, что академикъ Соболевскій отказался отъ нея, какъ отказался и другой выдающійся филологъ—академикъ Шахматовъ. Эти два имени достаточно ручаются за то, что было время, когда филологія не могла еще рѣшительно отвергнуть эту «безпочвенную» гипотезу; теперь, когда, благодаря усиліямъ многихъ ученыхъ, удалось собрать и должнымъ образомъ освѣтить матеріалъ, вопросъ почти исчерпанъ; остается дополнить, такъ сказать, детали. И если это не было извѣстно г. Крымскому въ началѣ его работы (которая представляетъ собой статью изъ «Кіевской Старины»), то

потомъ онъ могъ исполнѣть своевременно, какъ самъ онъ указываетъ (стр. 1), ознакомиться къ измѣненіемъ взглядовъ защитниковъ гипотезы. Во всякомъ случаѣ тогъ всей брошюры невозможный, не только потому, что такъ не говорить и не пишутъ, не потому, что этотъ «стиль непригоденъ для салоновъ г-жъ Рамбулье и Скюдери», какъ насмѣшливо отвѣчаетъ г. Крымскій профессору Буличу на его замѣчаніе о рѣзкости статей; а потому, что подобный тогъ портить то дѣло, за которое берется г. Крымскій. Неужели неясно, что исканіе вѣрнаго рѣшенія въ научныхъ вопросахъ возможно только при спокойномъ отношеніи къ взглядамъ противника, при уваженіи къ его мнѣнію? Оно можетъ быть ложнымъ въ силу ошибочности, но зачѣмъ непременно видѣть намѣренное извращеніе истины? Чрезвычайно интересно для характеристики пріемовъ полемики г. Крымскаго предисловіе, которое онъ присоединилъ къ оттискамъ своихъ четырехъ главъ; авторъ точно обозначилъ, гдѣ и когда «послѣдо ему на отраду» это предисловіе, «полное яду»: «Батумъ 13 сентября 1903 г.—Москва 20 сентября 1904 г.». Значить—послѣ того, какъ вопросъ, по мнѣнію самого же г. Крымскаго, уже былъ рѣшенъ. «Г. Соболевскаго я не знаю лично,—предупреждаетъ авторъ своихъ читателей, — никогда его не видалъ, ничего о немъ, какъ о лицѣ, не слыхалъ и противъ лица безусловно ничего не имѣю». И для того, чтобы доказать свое безпристрастіе, г. Крымскій вспоминаетъ отзывы печати о трудахъ академика Соболевскаго; не знаетъ, всѣ ли отзывы были приняты во вниманіе г. Крымскимъ, и чѣмъ онъ руководствовался, приводя въ своемъ предисловіи только двѣнадцать, но несомнѣнно, что выборъ велся съ исполнѣть опредѣленнымъ расчетомъ—дискредитировать въ глазахъ читателя ученость академика Соболевскаго. Для рѣшенія вопроса собственно о гипотезѣ мы здѣсь ничего не находимъ. Но зато, напримѣръ, узнаемъ, что въ одной своей статьѣ (мы ея, къ сожалѣнію, не имѣемъ подъ руками) академикъ Соболевскій «смѣшалъ И. С. Некрасова, читавшаго по случаю Пушкинскихъ дней рѣчь въ Новороссійскомъ университетѣ, съ покойнымъ поэтомъ Н. А. Некрасовымъ» (стр. XXIII). Эго, дѣйствительно, ужасное невѣжество, о которомъ самъ академикъ Соболевскій можетъ со смѣхомъ рассказывать. Мы бы могли привести немало подобныхъ фактовъ изъ жизни ученыхъ и литераторовъ (припоминается, напримѣръ, нѣчто сходное у покойнаго Михайловскаго по поводу Карамазовыхъ), но это совершенно излишне; всякій этихъ фактовъ знаетъ достаточно. Г. Крымскій же, очевидно, рассчитывалъ на иной ходъ мысли читателя; онъ же такъ любитъ раскрывать неправильные силлогизмы (стр. 10-13); ясно, что всякій непредубѣжденный человекъ долженъ былъ такъ соображать: если здѣсь невѣрно, то и всѣ вообще соображенія академика Соболевскаго не вѣрны. Впрочемъ г. Крымскій, по его словамъ, приводитъ отзывы критиковъ лишь для того, чтобы оправдать обиліе такихъ, напримѣръ, выраженій объ академика Соболевскомъ, какъ—«онъ можетъ спокойно смѣяться себѣ въ бороду» (стр. V), «изъ учебныхъ» лекцій «того же г. Соболевскаго» (ст. VII), «онъ рѣшилъ навязать Кіеву нѣсколько памятниковъ» (стр. 8) и т. п.

Еще одно маленькое замѣчаніе: г. Крымскій ни разу не называетъ А. И. Соболевскаго академикомъ, а всегда—«г. Соболевскій». Что это? Незнаніе факта, незнаніе пріличіи или «протестъ» противъ академіи? Для кого это имѣетъ

значеніе: для академика Соболевскаго или для г. Крымскаго? Что это не случайность, мы увѣрены: изслѣдователь не забываетъ назвать академикомъ Шахматова (стр. 95) и профессоромъ Бодуэна-де-Куртенэ. Все это достаточно характеризуетъ какъ работу г. Крымскаго, такъ и его пріемы. Правда, авторъ «публично готовъ извиниться передъ г. Соболевскимъ за промахи своего стиля» (стр. XXI), но это не «промахи», а полная сознательность и преднамѣренность, которая видна даже и въ этихъ словахъ, сказанныхъ только для того, чтобы усилить впечатлѣніе. И чувствуя, по меньшей мѣрѣ, странность своей работы, г. Крымскій снабжаетъ ее рекомендаціями (стр. XXI). Мы справились согласно указанію автора въ одномъ изъ отзывовъ и не нашли ни слова ни объ «убѣдительности», ни о «важности» разбираемой работы: академикъ А. Н. Пыпинъ, упоминая въ отдѣлѣ библиографіи о журнальныхъ статьяхъ г. Крымскаго, замѣчаетъ только: на поставленный вопросъ «авторъ отвѣчаетъ совершенно отрицательно».

Я. Ав—въ.

Старина и Новизна. Книга VIII. Москва. 1904.

Изъ 408 страницъ историческаго сборника «Старина и Новизна», издаваемаго обществомъ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III-го, 312 заняты лекціями по исторіи русской литературы, читанными въ 1859 году академикомъ Буслаевымъ покойному наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу. Многообщавшій, но, къ несчастью, рано похищенный смертью, августѣйшій слушатель Буслаева такъ пристрастился къ этимъ чтеніямъ, что просилъ даже на Пасхѣ не прерывать лекцій. «Тогда же было рѣшено,—пишетъ Буслаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ («Вѣстникъ Европы», февраль 1892 года),—чтобы я передалъ государю наслѣднику всѣ листы прочитанныхъ мною лекцій въ его собственность, а слѣдующіе затѣмъ не бралъ бы съ собою назадъ, а навсегда оставлялъ ихъ у него. Такимъ образомъ весь мой рукописный курсъ исторіи русской литературы и остался въ библиотекѣ его высочества». Часть этого курса въ копіи имѣлъ и Буслаевъ, пожертвовавшій свой списокъ вмѣстѣ съ другими своими бумагами въ Московскій Публичный и Румянцевскій музеи. Изъ числа 93 прочитанныхъ Буслаевымъ лекцій въ Москвѣ оказалось только 58. Этотъ списокъ зналъ между прочимъ профессоръ А. И. Кирпичниковъ, написавшій о немъ цѣлую статью въ IV книгѣ «Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ» за 1898 годъ. Но издать его было неудобно по его неполнотѣ. Справедливо призывая за лекціями Буслаева большое историческое значеніе для характеристики свѣтлой личности покойнаго наслѣдника, предсѣдатель общества ревнителей, графъ С. Д. Шереметевъ, испросилъ всемилостивѣйшее государя императора разрѣшеніе на печатаніе лекцій по подлиннику собственной Его Величества библиотеки, для чего въ его распоряженіе и были переданы, на временное пользованіе, два большихъ переплетенныхъ тома рукописей Буслаева.

Въ VIII книгѣ «Старины и Новизны» напечатана лишь часть курса Буслаева. Начинаясь сравнительнымъ изложеніемъ древнѣйшихъ преданій индо-европейскихъ народовъ, она оканчивается разборомъ «Слова о полку Игоревѣ».

Какъ видно изъ вступительной лекціи Буслаева, онъ старался не только ознакомить своего царственнаго ученика съ сохранившимися памятниками нашей древней письменности, но и поставить его лицомъ къ лицу съ ними, чтобы онъ почувствовалъ самый ихъ духъ. По словамъ профессора Кирпичникова, лекціи эти «не только талантливая учено-педагогическая работа, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ общее развитіе, которое ученикъ можетъ получить, и живое впечатлѣніе, которое произведетъ на него изучаемый предметъ въ цѣломъ и частностяхъ, но и важный историческій фактъ, показатель важной ступени въ развитіи русскаго самосознанія, вполнѣ соответствующій великой дѣятельности Царя-Освободителя, который избралъ Буслаева въ наставники своему наслѣднику».

Помимо такого спеціального историческаго значенія, курсъ Буслаева интересенъ и для людей, занимающихся исторіей русской литературы. Какъ заявлено въ предисловіи къ напечатанной уже части его курса, авторъ его высказываетъ въ немъ взгляды на такіе памятники и явленія русской литературы, которыхъ онъ обыкновенно не касался въ своихъ университетскихъ чтеніяхъ. Это тѣмъ болѣе любопытно, что курсъ Буслаева, какъ видно изъ того же предисловія, заканчивается характеристикой Жуковскаго, Гоголя и Пушкина.

Въ виду спеціального и общаго интереса этихъ Буслаевскихъ чтеній, нельзя не пожелать, чтобы и остальные части его курса поскорѣе появились въ печати.

Изъ другихъ статей сборника отмѣтимъ статью г. Н. Барсукова: «Князь Вяземскій и Пушкинъ», заключающую въ себѣ переписку князя съ разными лицами и его примѣчанія къ нѣкоторымъ стихамъ Пушкина, и статью г. Смольянинова: «Дѣло о бывшемъ въ Пекинѣ іеромонахѣ Алексѣѣ», извлеченное изъ бумагъ извѣстнаго Куракинскаго архива. А. В

Г. Б. Юлосъ. Письма изъ Берлина. Спб. 1904.

Появленіе книги г. Юлоса въ высшей степени пріятно. Авторъ давно заслужилъ себѣ почетную извѣстность добросовѣстнаго и талантливаго корреспондента, наблюдательнаго и чуткаго, отзывчиваго и безпристрастнаго. И не разъ высказывалось пожеланіе, чтобы авторъ послѣдовалъ примѣру г.г. Кудрина и Дюнео, выпустившихъ недавно отдѣльными книгами свои корреспонденціи изъ Франціи и Англіи, печатавшіяся на страницахъ «Русскаго Богатства». Г. Юлосъ помѣстилъ въ своей книгѣ далеко не все, что выходило изъ-подъ его пера и печаталось въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ. Онъ выбралъ три большія статьи, напечатанныя въ «Вѣстникѣ Европы» и «Русскомъ Богатствѣ», и около ста малыхъ, помѣщенныхъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» за время съ 1891 года по 1901 годъ. Выборъ статей сдѣланъ умѣлой рукой, и читатели получаютъ рядъ яркихъ и живыхъ картинъ нѣмецкой политической жизни. Предъ ними проходитъ галерея дѣятелей современной Германіи. Конечно, особое вниманіе посвящено величественной фигурѣ «желѣзнаго канцлера» (стр. 13—62), но не забыты и менѣе яркія свѣтила: князь Гогенлоэ и графъ Бюловъ, министръ финансовъ Михель, глава крайнихъ консерваторовъ «король» Штуммъ, вождь

свободомыслящихъ, Евгеній Рихтеръ, социаль-демократы Либкнехтъ, Бебель и Ауэръ и многіе другіе. Талантливое описаніе нѣкоторыхъ особенно выдающихся засѣданій рейхстага, прусской палаты депутатовъ и прусскаго «Neppenhaus»^а вводятъ въ самый центръ политической жизни и даютъ, такъ сказать, почувствовать ея пульсъ. Особенно автору удалось засѣданія рейхстага въ 1895 и 1899 годахъ, когда были отклонены два законопроекта, направленные къ ограниченію свободы личности и окрещенные «Umsturzgesetz» (стр. 184 sqq) и «Lichthausvorlage» (394 sqq). Но не одной парламентской жизни посвящаетъ свое вниманіе г. Юлосъ. Мы найдемъ въ его книгѣ и превосходную картину выборовъ 1898 года (стр. 62—83), и описаніе международнаго женскаго конгресса 1896 года (стр. 231 sqq), и нѣсколько картинъ изъ жизни нѣмецкихъ университетовъ (см. письма XX, XLIV, LXVII, LXXXI), и сообщеніе о конгрессѣ народныхъ учителей (стр. 108), и свѣдѣнія о реформѣ классической системы (стр. 475) и т. д. Кромѣ того, авторъ отмѣчаетъ выдающіеся юбилеи ученыхъ и писателей и даетъ обыкновенно краткую, но яркую характеристику личности юбиляра (Вирховъ, Моммзенъ, Дюбуа-Реймонъ, Шильягенъ и др.). Къ сожалѣнію, книга г. Юлоса очень мало затрагиваетъ область литературы и совершенно не касается искусства современной Германіи, сосредоточивая свое вниманіе исключительно на политическихъ и общественныхъ явленіяхъ. Между тѣмъ въ послѣднее время въ области нѣмецкой литературы и искусства едва ли встрѣтится менѣе интереснаго, чѣмъ въ области политики. Кромѣ того автору не мѣшало бы во многихъ мѣстахъ снабдить свою книгу подстрочными примѣчаніями, такъ какъ читатель, не особенно внимательно слѣдившій за нѣмецкой политикой послѣдняго десятилѣтія, не разъ можетъ попасть въ затруднительное положеніе, встрѣчая непонятный терминъ, или будучи введенъ in medias res въ рѣшеніе какого нибудь политическаго вопроса. Статьи г. Юлоса писались на протяженіи 10-ти лѣтъ. Естественно, онѣ должны носить характеръ краткаго историческаго обзора нѣмецкой жизни за это время. Но такъ какъ авторъ помѣстилъ далеко не всѣ статьи, то нарушилъ между ними естественную связь и, заинтересовавъ читателя какою-нибудь личностью или какимъ нибудь явленіемъ, обрываетъ свой рассказъ и оставляетъ чувство неудовлетворенности.

V.

Ислѣдованіе о 1001 ночи, ея составѣ, возникновеніи и развитіи. І. Эструпа. Переводъ съ датскаго Т. Ланге, со вступительнымъ историко-литературнымъ очеркомъ А. Крымскаго, въ переводѣ съ малорусскаго, съ дополненіями автора. Москва. 1905.

Сборникъ арабскихъ сказокъ, полныхъ восточной прелести—романтической фантазіи, вдумчивой мудрости, волшебной занимательности, юмора,—«окутанный теплою и ароматомъ востока», такъ популяренъ у насъ, что едва ли кто нибудь могъ подозрѣвать позднее знакомство съ нимъ европейскихъ читателей. На самомъ же дѣлѣ «Тысяча и одна ночь» проникли въ

Европу только въ XVIII вѣкѣ, и притомъ—въ довольно свободномъ французскомъ пересказѣ Галлана (1704—1707). Съ тѣхъ поръ сказки переведены на всѣ языки, сдѣлались международной книгой. За ними признано даже воспитательное значеніе, хотя на востокѣ до сихъ поръ онѣ считаются книгой безнравственной, и существуетъ оригинальное повѣрье, будто тотъ, кто прочтетъ всю книгу, или умретъ или же испытаетъ несчастье, а дѣти опаршивѣютъ. Эта двойственность взглядовъ объясняется тѣмъ, что европейцы имѣютъ въ виду не арабскій оригиналъ, а своеобразную передѣлку, выбросившую всѣ порнографическіе эпизоды. Дѣйствительно, стоитъ припомнить восторженный отзывъ о «1001 ночи» Диккенса въ «Давидъ Копперфильдъ», несомнѣнно, на автобиографической почвѣ; стоитъ вспомнить мнѣніе романиста Гофмана объ этой «вѣчной книгѣ» («eines ewige Buch»), наконецъ наши дѣтскія воспоминанія,—и сейчасъ же разсѣются всякіе суровые приговоры.

Конечно, строгая наука не считается съ этими мнѣніями. Для изученій она обращается къ арабскому подлиннику и приходитъ къ нѣскольکو инымъ выводамъ. Выводы эти интересны и мало извѣстны. Напримѣръ, и новый изслѣдователь держится того мнѣнія, что «сказками» этотъ сборникъ называется только по недоразумѣнію, потому что это—«прекрасныя бытовыя повѣсти, съ художественно и рельефно нарисованными и реальными картинами. Въ нѣсколько приукрашенномъ, черезчуръ роскошномъ видѣ мы все же узнаемъ подлинный дворъ султановъ и халифовъ, особенно въ обстановкѣ двора Харуна-анъ-Рашида; передъ нами открывается подлинная жизнь и обстановка богатаго купеческаго дома; очень часто сказки ведутъ насъ и къ бѣднѣйшимъ слоямъ населенія и въ выразительныхъ подробностяхъ рисуютъ передъ нами самую неприкрашенную жизнь; не даромъ комментаріи Лэна на 1001 ночь составили собою цѣлое сочиненіе «Арабское общество въ средніе вѣка». Кромѣ выразительной реальности въ описаніяхъ бытовыхъ, 1001 ночь отличается тѣмъ же качествомъ и въ обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ: два-три штриха,—и передъ нами живо встаютъ подлинныя разнообразныя типы. Вотъ передъ нами величественные и щедрые, хотя умственно довольно ограниченныя государи, а рядомъ съ ними—умные и тонкіе совѣтники-министры, иногда хорошіе, иногда негодяи, при чемъ восточный государь, кстати сказать, чаще поддается вліянію второго типа. Вотъ галерея стариковъ, знающихъ, что такое жизнь; одни изъ нихъ—хитрые, злые колдуны, другіе—почтенныя старцы, умудренныя опытомъ патриархи семьи; у нихъ бывають сыновья—или покорные ихъ благочестивымъ завѣтамъ, или легкомысленныя юноши, которые избалованы матерью. Легкомысленныя и лѣнницы испытываютъ рядъ тяжелыхъ приключеній и познають правду совѣтовъ отца; иные изъ добрыхъ сыновей—рыцари безъ страха и упрека, но у нихъ есть завистливыя и коварныя братья или сестры. На женъ силношъ да рядомъ положиться нельзя, а старухи очень часто оказываются умѣлыми своднями; по общей идеѣ разсказа не разъ, однако, приходится называть этихъ сводень «добрыми старушками, потому что онѣ помогаютъ влюбленному добиться того, чего онъ желаетъ» (стр. XII—XIII). Далѣе А. Крымскій замѣчаетъ, что всѣ почти герои сказокъ—типы, шаблоны, и очень рѣдко надѣлены индивидуальными характерами.

Въ одномъ отношеніи арабскія сказки похожи на пѣсни Гомера: и тѣ и другія не знаютъ отдѣльнаго автора. Онѣ создавались постепенно, пѣсколькими поколѣніями. Поэтому и языкъ ихъ не одинаковъ: то классическій, то простонародный. Окончательную форму «1001 ночь», какъ произведеніе народной литературы, получила въ Египтѣ въ періодъ мамлюковъ, т.-е. въ XIII—XVI вѣкахъ. Впослѣдствіи къ нимъ прибавлялись рассказчиками и переписчиками отдѣльныя произведенія, по характеру подходящія къ общему типу. Это даетъ поводъ русскому ориенталисту посвятить особую главу болѣе замѣчательнымъ изъ такихъ вставокъ или изъ произведеній, имѣвшихъ одинаковую судьбу съ 1001 ночью. Здѣсь мы находимъ новѣйшія въ наукѣ свѣдѣнія о «Калилѣ и Димнѣ», «Варлаамѣ и Іоасафѣ», «Синдибадовой книгѣ», «Сорока визиряхъ» и «Акирѣ Премудромъ». Такимъ образомъ, талантливое предисловіе А. Крымскаго выходитъ за предѣлы простого введенія къ переводной книгѣ. Это — совершенно самостоятельное изслѣдованіе, написанное научно и литературно. Думаемъ, что его взгляды получатъ широкое распространеніе и проникнуть въ наши учебники русской литературы, питающіеся научными трудами 50-хъ и 60-хъ годовъ. Объ изслѣдованіи І. Эструпа не будемъ разиространяться, потому что въ предисловіи точно обозначены всѣ положительныя и отрицательныя качества книги датскаго ориенталиста.

А. И. Яцимирскій.

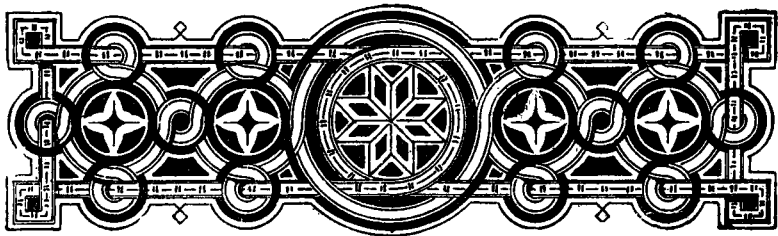
S. Askenazy. «Książę Józef Poniatowski. 1763—1813». Warszawa. Gebethner i Wolff. 1904.

Талантливый историкъ Симонъ Аскенази въ новомъ своемъ сочиненіи, заглавіе котораго выписано выше, даетъ превосходный портретъ одного изъ наиболѣе популярныхъ героевъ военной исторіи Польши второй половины XVIII и первой четверти XIX столѣтій, князя Іосифа Понятовскаго. Князь Іосифъ, «генералъ австрійской службы, родомъ изъ Вѣны, племянникъ польскаго короля, погибшій подъ Лейпцигомъ въ качествѣ французскаго маршала», выступаетъ передъ читателемъ, какъ живой со всѣми своими достоинствами и недостатками. Девятнадцати лѣтъ отъ роду кн. Іосифъ выигрываетъ битву подъ Зеленцомъ. Получивъ черезъ нѣсколько дней послѣ нея извѣстіе объ измѣнѣ короля прерываетъ съ послѣднимъ сношенія, выходитъ въ отставку и покидаетъ родной край. Въ Брюсселѣ знакомится съ немолодою уже, но довольно еще пикантною «разводкою», графиней Генриетю де-Вобанъ. Вмѣстѣ съ нею и ея мужемъ возвращается на родину. Тамъ застаетъ «костюшковское движеніе». Пытается пристать къ «начальнику силъ народныхъ». Но напрасно! Ему «не довѣряютъ». Удалось поступить въ качествѣ «охотника» къ Мокроновскому и подъ начальствомъ послѣдняго побить пруссаковъ. Участіе кн. Іосифа въ кампаніяхъ 1794 и 1795 гг. не было значительнымъ. Потеря повонзковскихъ шанцовъ едва не испортила ему репутаціи искуснаго военачальника. Но вотъ Рѣчь Посполитая пала. Короля увезли на берега Невы. Варшаву заняли пруссаки. Кн. Іосифъ рѣшаетъ распро-

дать свои обширныя имѣнія и переселиться въ Австрію. Продаетъ, однако, нѣсколько литовскихъ староствъ и переѣзжаетъ въ Вѣну. Здѣсь проживаетъ три года. Получаетъ наслѣдство послѣ дяди, короля Станислава-Августа. Надо ѣхать въ Петербургъ, принести государю присягу, которая тогда была обязательною для всѣхъ литовскихъ землевладѣльцевъ-помѣщиковъ. Императоръ Павелъ обошелся съ кн. Іосифомъ ласково. Назначилъ его пріоромъ Мальтійскаго ордена, возвелъ въ чинъ генералъ-лейтенанта и наименовалъ шефомъ казанскаго кирасирскаго полка. Въ 1798 г. кн. Іосифъ поселился въ Варшавѣ. Въ дѣятельности его настала восьмилѣтняя пауза. Историкъ называетъ этотъ перерывъ въ дѣятельности своего героя «длиннымъ летаргическимъ сномъ». Кн. Іосифъ теперь жилъ для самого себя, жилъ въ Варшавѣ во дворцѣ «подъ Бляхою» и подъ Варшавою, въ помѣстьѣ Яблоннѣ, въ свое удовольствіе, расходуя ежегодно по 700.000 злотыхъ. Пока прожигалъ свою жизнь Іосифъ Понятовскій,—Александръ I, король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ и Наполеонъ «занялись» польскими «дѣлами»... Въ декабрѣ 1806 г. кн. Іосифъ страхнулъ съ себя «спячку» и перешелъ на сторону Наполеона. И скоро дождался онъ Фридрианда, Тильзита и основанія княжества Варшавскаго. Получилъ портфель военнаго министра. Начали поговаривать о кандидатурѣ кн. Іосифа на польскій престоль. Мечталъ ли самъ кн. Іосифъ о польской коронѣ,—исторія объ этомъ умалчиваетъ. Наступилъ годъ рашинской битвы. Польско-австрійская кампанія сначала шла для кн. Іосифа неудачно. У Понятовскаго было не болѣе 14.000 человекъ войска. Тѣмъ не менѣе подъ Рашиномъ онъ разбилъ вдвое сильнѣйшаго непріятели и возвратился въ Варшаву чистымъ въ глазахъ своихъ соотечественниковъ. «Повозки» были забыты, и кн. Іосифъ спускалъ довѣріе народа. На горизонтѣ Европы снова сгущаются тучи. Столкновеніе Наполеона съ Александромъ становится неизбежнымъ. Понятовскій спѣшитъ въ Парижъ, «открываетъ глаза», что Россія готовится къ войнѣ, что Варшавское княжество необходимо «укрѣпить», не шадить своихъ личныхъ средствъ на военныя надобности... Теперь уже Александръ предлагаетъ кн. Іосифу польскую корону. Но Понятовскій остается вѣрнымъ своему «богу войны» даже тогда, когда этотъ «богъ» былъ смертельно раненъ подъ Москвою. Въ 1813 г. въ послѣдній разъ, собравъ горсть польскаго войска, кн. Іосифъ выступаетъ на защиту Наполеона. Сласти своего кумира ему не удастся, тѣмъ не менѣе онъ жертвуетъ за него свою жизнь. «При видѣ стягивающейся со всѣхъ сторонъ непріятельской пѣхоты кн. Іосифъ собираетъ свои послѣднія силы и бросается съ конемъ въ Эльстеръ. Пуля ранитъ его навзлетъ. Князь склоняется съ коня и исчезаетъ подъ водою». Такими словами оканчиваетъ авторъ исторію князя-героя Іосифа Понятовскаго.

Книгу украшаютъ 22 рисунка и портретъ кн. Іосифа (геліографюра съ портрета Грасси).

Г. А. Воробьевъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

СОКРОВИЩА, найденныя и еще не разысканныя въ Тибрѣ. Итальянскій профессоръ Ниспи-Ланди, правительственный инспекторъ итальянскихъ національныхъ памятниковъ, помѣстилъ въ февральской книжкѣ «Pall Mall Magazine» очень интересную статью ¹⁾ о новыхъ раскопкахъ, произведенныхъ на днѣ Тибра. Недавно оказалось, что дѣдушка Тибру заключаетъ въ себѣ замѣчательныя произведенія искусствъ и денежные богатства, которыя въ него бросали въ продолженіе многихъ вѣковъ во время войнъ, фанатическихъ, религиозныхъ обычаевъ, наводненій и разныхъ другихъ случайностей. По исчисленію профессора Ниспи-Ланди, исторія Тибра можетъ быть написана отъ 1353 года до Рождества Христова, т.-е. за шестьсотъ лѣтъ до основанія Рима. Тогда Тибру, какъ священной рѣкѣ, иберійскіе сиккулы установили религиозныя жертвоприношенія тридцати человѣческихъ существъ, которыя впослѣдствіи изображались искусно сдѣланными куклами, называемыми Argieî. Это жертвоприношеніе было торжественно совершаемо каждый годъ до паденія языческихъ обычаевъ, т.-е. до времени императоровъ Валентиніана и Θεодосія, въ продолженіе 1750 лѣтъ. Съ тѣхъ поръ много и другихъ сокровищъ было брошено въ Тибру, именно въ продолженіе тридцати двухъ столѣтій до 1849 года, когда римляне, при вступленіи въ Римъ французской арміи, въ послѣдній разъ послѣдовали обычаю своихъ предковъ. Всего болѣе война наполняла Тибру сокровищами, не только благодаря римлянамъ,

¹⁾ The buried Treasures of the Tiber, by prof. Nispi-Landi. «The Pall Mall Magazine». February 1905.

но и вооруженнымъ чужестранцамъ. Побѣжденные войны предпочитали бросать въ воду свое оружіе, деньги и другіе цѣнные предметы, чѣмъ отдавать ихъ врагамъ. Иностранные завоеватели, одержавъ верхъ надъ туземцами, бросали въ Тибръ все, что они не могли унести, ломая на мелкіе куски идолы и статуи. Также въ продолженіе десяти вѣковъ совершались религиозныя жертвоприношенія различныхъ цѣнныхъ предметовъ. Поэтому знаменитый римскій скульпторъ XV вѣка, Фламиніо Вакка былъ правъ, говоря по личному опыту: «Сунь руку въ Тибръ и крѣпко держи, что найдешь въ немъ: это будетъ непремѣнно драгоцѣнность». Два столѣтія спустя, извѣстный римскій антикварій Монфоконъ изъ Нарбонны также полагалъ, что находженіе въ Тибрѣ, какъ римскихъ, такъ и другихъ драгоцѣнностей — безспорный фактъ. Согласно средне-вѣковымъ легендамъ, дно Тибра была вымощено бронзовыми сокровищами на разстояніи 18 миль въ длину. Дѣйствительно, когда строили мостъ Гарибальди, то найдено было, что дно Тибра въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вымощено, если не бронзой, то базальтовыми камнями, походившими на старинную римскую мостовую. Въ окрестностяхъ этой мѣстности находился въ старину мостъ Агриппы, существованіе котораго было открыто только въ 1885 году. Пятьсотъ лѣтъ тому назадъ подлѣ моста Сублиціо вынута была изъ Тибра много рѣдкихъ предметовъ, которыми наполнили три большія лодки. Большею частью они состояли изъ шлемовъ, щитовъ, мечей, всякаго рода оружія и стрѣлъ работы этрусковъ. Вислѣдствіи было удостовѣрено, что эти предметы принадлежали солдатамъ Порсенны и римлянамъ Горація Коклеса. Только въ XVIII и XIX столѣтіяхъ произведены были регулярныя изслѣдованія рѣки, и они доказали, что на днѣ Тибра находятся богатая и разнообразная сокровища. Въ настоящее время можно составить полный списокъ всѣхъ сокровищъ, найденныхъ въ Тибрѣ съ помощью водочерпательныхъ машинъ съ 1877 года по настоящій день, заимствуя для этого свѣдѣнія изъ официальныхъ донесеній и изъ замѣтокъ профессора Ниспи-Ланди, сначала, какъ археолога, потомъ, какъ официального инспектора нѣкоторыхъ изъ работъ. По словамъ послѣдняго, «каждая лопата, погруженная въ Тибръ, приноситъ что нибудь драгоцѣнное: такъ въ 1891 году у желѣзнаго моста Санъ-Паоло найдено большое количество монетъ, маленькихъ терракотовыхъ и бронзовыхъ идоловъ, гравированныхъ камней и прекрасный бронзовый дельфинъ вмѣстѣ съ другими многочисленными обломками съ латинскими и греческими надписями». Въ апрѣлѣ 1884 года въ Марморатѣ найдено много золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ монетъ, принадлежащихъ ко времени Антонія, Августа, Нерона и Германика, а въ іюнѣ 1880 года, — 70 монетъ времени Гонорія и Аркадія, такъ хорошо сохранившихся, что можно было ихъ принять за новыя. Далѣе коллекція монетъ все увеличивалась, и Ниспи-Ланди говоритъ: «Я полагаю, что въ теченіе пяти лѣтъ мы извлекли со дна Тибра до 2.000 золотыхъ монетъ, 8.000 серебряныхъ и 24.000 бронзовыхъ, уже не говоря о тѣхъ, которыя мгновенно исчезали по извлеченіи. Мы также нашли безконечное множество обломковъ мраморныхъ и бронзовыхъ статуй; при этомъ нѣкоторые оказались почти въ цѣломъ видѣ. Такъ надо упомянуть великолѣпную безголовую статую Венеры, греческаго образца, изящнаго Аполлона, безъ обѣихъ рукъ и молодого Вакха съ жезломъ въ рукѣ. По-

слѣдняя статуя бронзовая, и найдена частями, которыя соединены вмѣстѣ съ величайшей тщательностью. Ее отыскали у моста Гарибальди 29-го сентября 1885 года». Кроме того, водочерпательныя машины въ разныхъ мѣстахъ рѣки извлекли много мелкихъ предметовъ: идоловъ, колець, пряжекъ, булавокъ, браслетокъ, колокольчиковъ, разнаго оружія и т. д. Большая часть этихъ предметовъ хранится теперь въ музеѣ Термовъ, который по значительному количеству Тибрскихъ сокровищъ, можно скорѣе назвать Тибрскимъ музеемъ. Что же касается до сокровищъ еще до сихъ поръ скрытыхъ въ Тибрѣ, то одно изъ нихъ особенно интересно для всего свѣта. Это знаменитый, священный подвѣвчикъ Моисея, вмѣстѣ съ двумя золотыми и семью серебряными трубами, а также съ золотыми бутылками и чашами, упомянутыми въ старинныхъ лѣтописяхъ. Они, по словамъ профессора Ниспи-Ланди, лежатъ спокойно на днѣ Тибра съ 546 года, когда царь готовъ, Тотила, остановился у воротъ Рима, и римляне, не признавая себя въ безопасности, выбросили въ Тибръ означенные предметы. Всѣ они изъ чистаго золота, и хотя стоятъ только около 70.000 рублей, но ихъ историческая цѣнность не можетъ быть опредѣлена деньгами. «Я,—говоритъ Ниспи-Ланди,—совершенно убѣжденъ на основаніи древнихъ священныхъ книгъ, преданій еврейскаго народа и донесеній знаменитаго инспектора древностей при Пии VI, Джузеппо Петрини, бумаги котораго находятся у меня, что эти драгоценныя предметы еще и теперь лежатъ на днѣ рѣки». Также извѣстно, что золотая статуя императора Клавдія II была брошена въ Тибръ въ ту же эпоху Тотилы, и находится до сихъ поръ въ этой рѣчкѣ. По всей вѣроятности, въ ней также хранятся Минерва Фидія и Венера, Марсъ, Геркулесъ и Цезарь изъ Пантеона, восемьдесятъ мраморныхъ статуй изъ Мавзолея Гадриана, а также четыре лошади и три павлина изъ Коринеской бронзы. Близъ впаденія въ Тибръ ручья Марсиглианы должно находиться множество римскаго и гальскаго оружія послѣ битвы при Алліи, а въ Saxa Rubra, вѣроятно, найдется безконечное количество монетъ, которыя скоронены тамъ императоромъ Максентіемъ. Наконецъ, близъ Остіи Тибръ долженъ заключать въ себѣ несмѣтныя богатства, между прочимъ, тѣ остатки бронзовой мостовой, о которой уже было говорено. Планы раскопокъ дна Тибра уже составлялись въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, но не увѣнчались успѣхомъ. Кардиналъ Полиньякъ предлагалъ папѣ Бенедикту XIII въ 1730 году отвести русло рѣки на протяженіи двухъ миль, но не встрѣтилъ его одобренія. Въ 1773 году аббатъ Бруцца даже приступилъ къ работамъ, но неудачно. Въ 1818 году племянникъ профекта Рима, Наро, получилъ отъ папы привилегію заняться этой работой, подъ руководствомъ кардинала Папки, знаменитаго археолога, но всѣ его старанія ни къ чему не привели. Въ 1870 году Гарибальди составилъ новый планъ отвлеченія воды Тибра, но этотъ проектъ ничѣмъ не окончился, благодаря недоброжелательству нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ бюрократовъ. Точно также, нѣсколько лѣтъ спустя, не удался планъ князя Торлоніи объ изслѣдованіи Тибра, благодаря тѣмъ же бюрократическимъ преградамъ. «Новѣйшая изъ попытокъ произвести раскопки дна Тибра,—говоритъ профессоръ Ниспи-Ланди,—принадлежитъ мнѣ. Въ 1899 году я предложилъ правительству вой плавать. Мѣнистерство общественныхъ работъ согласилось позволить мнѣ

производство работъ, если министерство народнаго просвѣщенія дало бы необходимое разрѣшеніе относительно найденныхъ предметовъ; но послѣднее министерство взглянуло на это съ точки зрѣнія бюрократической рутинѣ и отказало мнѣ въ разрѣшеніи производить работы, которыя стоили мнѣ семилѣтнихъ подготовительныхъ усилій». Такимъ образомъ въ настоящее время вопросъ этотъ остается все еще не рѣшеннымъ.

— Христина Нортумберлэндская. Какъ извѣстно, Италия XVII столѣтія, эпохи упадка и легкомысленныхъ нравовъ, была очень богата любовными похождениями обоихъ половъ всевозможныхъ общественныхъ положеній, и одной изъ самыхъ удивительныхъ искательницъ такихъ приключеній вѣка «seicento» была красавица маркиза Христина Палеотти въ Болоньи. Ея бурную жизнь описалъ въ интересномъ историческомъ этюдѣ, составленномъ по хроникамъ современниковъ и по ея собственнымъ шести советамъ, директоръ музея Уффиций, М. Риччи¹⁾. Несмотря на итальянскую фамилію, въ ней не было ни капли итальянской крови: ея мать, дѣвица Гуффье, происходила изъ старинной пуатьенской семьи, а отецъ былъ сыномъ извѣстнаго англичанина Роберта Дудлея, графа Лейчестера, любовника королевы Елисаветы. Будучи единственнымъ сыномъ графа Лейчестера, отецъ Христины бѣжалъ изъ Англіи послѣ всякаго рода приключеній и поселился во Флоренціи, гдѣ сдѣлался камергеромъ великой герцогини. Въ 1649 году у его сына родилась дочь тамъ же, во Флоренціи; это была Христина, будущая маркиза Палеотти. Христина Дудлей, герцогиня Нортумберлэндская, или, какъ ее обыкновенно называли итальянскіе хроникеры, Христина Нортумбри, провела дѣтство въ Флоренціи и Римѣ, затѣмъ четырнадцатилѣтней дѣвушкой вышла замужъ за болонскаго дворянина, маркиза Андреа Палеотти. Онъ былъ вдовецъ и потерялъ жену при странныхъ обстоятельствахъ: она была отравлена такъ же, какъ ея отецъ, по приказанію графа Суцци, помѣшаннаго на убійствахъ и подозрѣвавшаго маркиза Палеотти въ любви къ своей женѣ, а потому задумавшаго отмстить ему, уничтоживъ его со всей семьей. Согласно увѣреніямъ современниковъ, Христина Нортумберлэндская была такъ хороша собою, что въ продолженіе полувѣка къ ней нельзя было приблизиться ни одному мужчине безъ того, чтобы не влюбиться. Ея наружность описана въ одномъ двустипіи 1665 года слѣдующимъ образомъ: «Прелесть на лицѣ, въ словахъ—игра, на груди снѣгъ, и огонь на щекахъ». У нея были большіе синіе глаза, прекрасные черные волосы, и во всей ея особѣ было нѣчто дѣтское, почти ангельское, и даже въ сорокъ лѣтъ ее принимали за сестру ея дочерей. Къ этому надо прибавить, что она страстно любила музыку и поэзію, и была остроумной и ученой женщиной, какъ ни одна изъ ея современницъ. Во все время своей бурной жизни она была такъ извѣстна въ Италиі, что даже теперь еще о ней вспоминаютъ, какъ объ одной изъ самыхъ удивительныхъ искательницъ приключеній seicento. Одно это уже служитъ доказательствомъ, какъ необычайны были ея похождения, если въ такой разнузданный вѣкъ, какъ XVII, когда всѣ въ Италиі жили легкомысленной жизнью, Христина Нортумберлэндская такъ уди-

¹⁾ La Vita barocca, dei Corrado Ricci, Milano, 1904.

вляла своихъ современниковъ. Не менѣе изумлялись они ея рѣшенію выйти замужъ, будучи такого знатнаго происхожденія и обладая всѣми счастливыми качествами, за человѣка, гораздо ниже себя во всѣхъ отношеніяхъ. Но дѣло въ томъ, что, когда въ 1663 году четырнадцатилѣтняя Христина встрѣтила во Флоренціи маркиза Палеотти, то уже была съ «пятномъ» и не могла мечтать о лучшемъ бракѣ. За годъ предъ тѣмъ ее соблазнилъ въ Римѣ мужъ известной Маріи Манчини, коннетабль Колонна. Плодомъ этого перваго похищенія была маленькая дѣвочка, которую отецъ оставилъ у себя въ Римѣ. Герцогъ Нортумберландскій былъ очень радъ, когда маркизъ Палеотти, очарованный всѣми ея прелестями, женился на его дочери. Сама Христина, повидимому, была ему за это очень благодарна и долго старалась ему нравиться. Со времени брака она поселилась въ Болонью, и съ 1663 по 1671 годъ болонскіе хроникеры не переставали ею интересоваться, но они лишь расхваливали ея красоту и безконечную прелесть ея разговора. «По граціи, уму и оригинальности ей нѣтъ равныхъ»,—писалъ хроникеръ Тиоли. Другой, Чизелли, который вскорѣ возненавидѣлъ маркизу, называлъ ее «самой прекрасной и чудесной женщиной». Даже въ памфлетахъ и сатирическихъ экспромтахъ къ ней относились съ особеннымъ уваженіемъ. Въ одномъ изъ нихъ она представлена, «какъ самая нѣжная и граціозная дама Болоньи», въ другомъ ее называютъ «ангеломъ въ противоположность цѣлому легіону демоновъ». Въ 1668 г. императоръ Леопольдъ, желая выразить маркизу свое уваженіе, торжественно вручилъ ей золотой крестъ. Около этого же времени она поѣхала съ мужемъ въ Миланъ и тамъ встрѣтила коннетабля Колонна, который окружилъ ее такимъ вниманіемъ, что возбудилъ ревность Маріи Манчини. Настоящая эпоха похищеній Христины Нортумберландской началась только съ 1671 года, и въ это время кардиналъ-легатъ заключилъ ее въ монастырь св. Маргариты. Впрочемъ, это заключеніе было скорѣе вслѣдствіе политической причины, именно изъ опасенія, что Христина, уважаемая всѣми, не воспользовалась бы своимъ вліяніемъ и не попыталась бы освободить своего мужа, заключеннаго тогда въ тюрьму. Затѣмъ у нея завязалась любовная интрига, о которой она упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ сонетовъ, но подробностей о ней не сохранилось. Напротивъ, существуетъ много разсказовъ о ея вторичной поѣздкѣ въ Миланъ въ 1679 году, во время которой Христина, съ вѣдома и одобренія мужа, позволяла графу Антонио Тротти и другимъ лицамъ подносить себѣ безконечное количество драгоценныхъ подарковъ, такъ что губернаторъ вѣжливо попросилъ ее удалиться въ Болонью. Съ тѣхъ поръ хроникеры не переставали писать о сумасбродствахъ молодой женщины. То она теряла въ соборѣ драгоценную булавку, вмѣсто которой сенаторъ Герколо Пеноли дарилъ ей другую, гораздо красивѣе, при посредничествѣ одного поэта, Грегори Казали, которому въ награду Христина подарила табакерку стоимостью въ 20 лотыхъ; то другой сенаторъ, Филиппо Барбацца, покинулъ, ради прелестныхъ глазъ Христины, свою жену и тѣмъ вызвалъ гнѣвъ папы, то на одного актѣра народнаго театра, который позволилъ себѣ намекнуть на опасность, грозившую семейному очагу отъ одной дамы, напали при выходѣ со сцены и отрѣзали ухо. 1-го іюня сенаторъ Барбацца пригласилъ на офиціальнѣйшій обѣдъ своихъ сенатскихъ сослуживцевъ, и въ то

время, когда они сѣли за столъ, вошла великолѣпно разодѣтая Христина и сѣла возлѣ хозяина дома, къ изумленію гостей. Въ соборѣ во время службы, если она приходила поздно, чтобы достать свободное мѣсто, она нахально пробира-лась на хоры и вставала между канониками. Двадцать разъ ее высылали изъ города, и она перебиралась то въ Верону, то въ Венецію, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ снова появлялась въ Болоньѣ, и опять къ ней стремились всѣ мужья. А если не хватало ихъ, то въ нее влюблялись дѣти и дѣлали тысячи безумныхъ выходокъ, чтобы добиться ея вниманія. Между прочимъ, юный графъ Эрколани, прѣбывавшій изъ Пармы въ Болонью для совершенія бракосочетанія съ дочерью богатаго сенатора, забылъ о существованіи своей невѣсты и не хотѣлъ болѣе выходить изъ дворца Палеотти. Не проходило мѣсяца и даже недѣли, чтобы въ ея домѣ не случилось новаго скандала, тревожившаго весь городъ. Начиная съ кардинала-легата до кучера и носильщика, никто не говорилъ ни о чемъ другомъ, какъ о Христинѣ Нортумберлэндской, которая сдѣлалась ужасомъ и развлеченіемъ города. Послѣ смерти своего мужа въ 1689 г. она стала вести себя еще болѣе разнузданно, ненавидя всякое насиліе, какъ нравственное, такъ и общественное. Съ этого момента ея домъ былъ открытъ для перваго встрѣчнаго, и обратился въ мѣсто свиданій, гдѣ «бесѣды» возобновлялись каждый вечеръ, и одинъ изъ ея современниковъ даже упрекалъ ее въ томъ, что она первая ввела въ Болонью этотъ «гнусный обычай». Дуэли и убійства участились, и всегда оказывалось, что онѣ имѣли исходной точкой дворецъ Палеотти. 6 декабря 1691 года, почти всѣ гости Христины Нортумберлэндской оказались отравленными послѣ выпитаго шоколада, поданнаго имъ молоденькой турчанкой, крестницей хозяйки дома. Турчанку заключили въ тюрьму, но настоящимъ виновнымъ оказался старшій сынъ Христины, который, приготавливая какой-то составъ для приданія красоты дамамъ, забылъ вытереть сосудъ изъ-подъ него. Одинъ завсегдатай дома маркизы Палеотти, графъ Массимо Каурара, умеръ отъ секретной болѣзни, которая, повидимому, была въ ту эпоху очень распространенной во всѣхъ слояхъ болонскаго общества, и тотчасъ же послѣ его смерти по городу стали переходить изъ рукъ въ руки «Советъ въ память графа Каурара, умершаго отъ любви къ доннѣ Христинѣ». Другой ея посѣтитель предлагалъ табакъ знакомымъ изъ бумажнаго тюричка и на вопросы, куда онъ дѣвалъ свою «прекрасную табакерку», отвѣчалъ, что оставилъ ее у маркизы Палеотти. «Это такой домъ, — замѣчалъ онъ, — куда надо остерегаться ходить, если заранѣе не покорись участи оставить тамъ свою шкуру». Но, тѣмъ не менѣе, домъ Христины со дня на день все болѣе и болѣе посѣщался, какъ высокопоставленными лицами, такъ артистами и актерами. Даже болонскія дамы считали «бесѣды» маркизы Палеотти необходимой принадлежностью города, и когда однажды ее выслали въ ея имѣніе, то маркиза Бентиволье и графиня Каносса бросились къ ногамъ кардинала-легата и принудили его вернуть изгнанницу. Ея салонъ былъ не только литературнымъ, великосвѣтскимъ, а также и «дурнымъ мѣстомъ», но еще пользовался репутаціею «брачнаго агентства». Въ немъ устраивались такіе браки, которые приводили въ изумленіе всю Италію. Однако, устраивая браки постороннимъ, она не забыла и своихъ дочерей, и

одна изъ нихъ сдѣлала такую блестящую партію, что Христина могла считать эту свадьбу наиудачнѣйшимъ изъ своихъ похожденій. Это была свадьба ея дочери Діаны съ однимъ изъ сыновей князя Колонны. Послѣдней интригѣ писатели посвящали цѣлыя книги. Приѣхавъ въ Болонью на театральное представленіе, молодой Колонна увидѣлъ въ театрѣ Діану и сразу влюбился въ нее. Встрѣтивъ ее на слѣдующій годъ, онъ почувствовалъ, что не можетъ жить безъ нея, и Діана съ матерью послѣдовали за нимъ въ Римъ. Послѣ различныхъ уловокъ съ ихъ стороны, чрезъ два года Діана сдѣлалась его женою. Это было столь неожиданно для Болоньи и Рима, что съ этихъ поръ слава Христины, какъ ловкой устроительницы браковъ, разнеслась повсюду. Этотъ физическій и нравственный портретъ Христины Нортумберлэндскій заимствованъ отъ современниковъ, и, очень можетъ быть, нѣсколько искаженъ, такъ какъ, судя по ея сонетамъ, она представляется въ болѣе лестныхъ для нея, идеальныхъ и нѣжныхъ краскахъ, и не лишена душевныхъ страданій, нѣжныхъ чувствъ и сердечности. Въ одномъ изъ сонетовъ она даже упрекаетъ любимаго человѣка за измѣну, когда, судя по хроникамъ, она первая измѣняла обожателямъ. Поэтому Риччи склоненъ болѣе вѣрить этимъ источникамъ; въ ея же поэзіи онъ хотя и находитъ поэтическія красоты, но считаетъ все ложью. Конечно, Риччи, можетъ быть, отчасти слишкомъ строго относится къ Христинѣ Нортумберлэндской, забывая о той развращенной, разнузданной эпохѣ, въ которую она жила, и приравнивая ее къ своему вѣку. Было время, когда она даже приводила въ восторгъ развратныхъ болонцевъ своимъ сдержаннымъ поведеніемъ. Дѣйствительно ли она была такъ порочна, къ сожалѣнію, нельзя провѣрить. Если это было и вѣрно, то ей пришлось заплатить за все подъ старость, получая огорченія со стороны, откуда она могла всего менѣе ожидать—отъ своихъ дѣтей. Матеріально она продолжала жить прекрасно, и ея сограждане такъ же, какъ и иностранцы, окружали ее все большимъ и большимъ вниманіемъ. Но одна изъ ея дочерей сошла съ ума въ монастырѣ, куда она удалилась; другая, вдова графа Роффени, который ее билъ, разорилъ и бросилъ,—вышла затѣмъ за важнаго англичанина, герцога Шрюсбюри и отреклась отъ католичества, что глубоко огорчило набожную Христину. Но еще болѣе ее заставилъ страдать ея любимецъ, младшій сынъ Фердинандъ. Этотъ несчастный сумасшедшій и преступникъ былъ выселенъ изъ Италіи, съ позоромъ изгнанъ изъ императорской гвардіи, приговоренъ къ смерти и казненъ въ Лондонѣ въ 1718 г. за убійство своего слуги. Это извѣстіе убило Христину, и, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, она умерла 2-го февраля 1719 года. Послѣ свадьбы своего дочери Діаны она измѣнила образъ жизни, что видно изъ написанныхъ ею послѣднихъ сонетовъ, въ которыхъ она признаетъ свои ошибки и посвящаетъ себя Богу.

— Двухсотлѣтіе «Тетки Фоссъ». Не часто приходится слышать о столь почтенномъ по возрасту юбилеѣ, какой справила недавно берлинская «Фоссова Газета», или, какъ ее по-пріятельски называютъ берлинцы: «Тетка Фоссъ». По этому случаю Антонъ Бухгольцъ роскошно издалъ большое сочиненіе о рожденіи, развитіи и процвѣтаніи почтенной юбилярши либерально-консервативнаго направленія, придерживавшейся принциповъ терпи-

мости и порядка. Ея издатель, книгопродавец Фридрих Фоссъ, началъ свое газетное дѣло на довольно скромныхъ началахъ въ царствованіе Фридриха I-го, теперь же при Вильгельмѣ II-мъ къ «Теткѣ Фоссъ» печатается не менѣе четырнадцать прибавленій каждое воскресенье. Къ чести этой газеты, она всегда придерживалась главнымъ образомъ принциповъ, а не личностей и, напри- мѣръ, хотя она сочувствовала Бисмарку въ его золотое время, но, все-таки, когда онъ не раздѣлялъ ея идей, она довольно сурово обходилась съ нимъ. Ея откровенность не разъ навлекала на нее непріятности, но въ то же время она противилась, какъ притязаніямъ дворянчиковъ, такъ и стремленіямъ социали- стовъ, и ея направленіе находило сочувствіе въ среднемъ классѣ. Ея издатель глубоко уважалъ Лессинга, какъ за его талантъ, такъ и за идеи, а потому дѣлалъ всѣ усилія, чтобы привлечь его въ сотрудники своей газеты. Это ему удалось, и Лессингъ въ теченіе трехъ лѣтъ велъ отдѣлъ «Gelehrte Sachen», состоявшій изъ научныхъ извѣстій и вмѣстѣ съ тѣмъ критики. Въ ту эпоху нѣмецкіе критики не могли похвастаться вѣжливостью и высказывали свои мнѣнія въ очень грубой формѣ, выдавая это за искренность. Лессингъ въ этомъ отношеніи опередилъ всѣхъ своей рѣзкостью. Особенно грубо онъ про- биралъ Готшеда и однажды отозвался о его поэтическихъ произведеніяхъ слѣ- дующимъ образомъ: «Въ книжномъ магазинѣ Фосса эта книга стоитъ два тал- лера четыре гроша. Два таллера платятъ за то, что въ ней есть нелѣпаго, а два гроша за то, что въ ней заключается, быть можетъ, годнаго». Однако на- ступилъ день, когда терпѣливые нѣмецкіе авторы возмущились подобнымъ об- ращеніемъ, впрочемъ только черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти Лессинга, и со- единяясь съ актерами, тоже немало перенесшими грубостей и оскорбленій отъ нѣмецкой критики, подали совмѣстную жалобу. Въ ней они просили, чтобы полицейскими мѣрами былъ запрещенъ журналамъ разборъ пьесъ. Извѣстный поэтъ Иффландъ, руководившій этимъ движеніемъ, самъ подалъ министру иностранныхъ дѣлъ 26 апрѣля 1803 г. жалобу, въ которой въ самомъ мрач- номъ свѣтѣ представилъ отчаяніе членовъ Національнаго Театра, выслучивае- мыхъ и осмѣиваемыхъ критиками, «таскавшимися по публичнымъ мѣстамъ». Выдавая себя за искренняго приверженца критики и признавая ее за вполне законное учрежденіе, онъ, тѣмъ не менѣе, долженъ былъ сознаться, что берлин- ской критикѣ недостааетъ, какъ безпристрастія, такъ и достаточныхъ знаній, чтобы судить, и подъ предлогомъ литературы они только и думаютъ, какъ бы уто- лить свою личную злобу. Далекіе отъ намѣренія поднять умственный гори- зонтъ націи, они извращаютъ вкусы публики. Отвѣтъ на это прошеніе Иф- фландъ получилъ 10-го мая 1803 года. Министръ писалъ, что законъ о свободѣ печати не допускаетъ, чтобы журналамъ запрещали высказывать свое мнѣніе о пьесахъ, но теперь дано распоряженіе главнымъ газетамъ въ будущемъ тща- тельно избѣгать всѣ обидныя замѣчанія и не задѣвать личности, и цензура без- жалостно накажетъ виновнаго. Сначала такой отвѣтъ удовлетворилъ Иф- фланда, но черезъ 10 лѣтъ онъ снова принялся жарко бороться съ критиками. Поводомъ къ этому послужила одна ироническая фраза фельетониста «Тетки Фоссъ» относительно главы оркестра Вебера. Иффландъ тогда предложилъ го- сударственному канцлеру принять мѣры для запрещенія журналамъ что либо

печатать о новыхъ пьесахъ до третьяго представленія. Гарденбергъ лично изслѣдовалъ это дѣло и отвѣтилъ Пффланду собственноручно, что подобная мѣра противна свободомыслию прусскаго закона. Однако упрямство Пффланда одержало верхъ, и 18-го октября 1819 года министръ внутреннихъ дѣлъ издалъ приказъ о запрещеніи печатанія критики о пьесахъ ранѣе третьяго представленія, а всѣ политическія соображенія, всѣ сатирическія остроты и всѣ личности должно тщательно удалять изъ литературныхъ статей. Этотъ указъ былъ объявленъ 4-го января 1828 года. Ростъ «Тетушки Фоссъ» былъ слѣдующій: въ 1776 году ея вышло 200 экземпляровъ; въ 1804-мъ — 7.100 экз.; въ 1813—4 000, такъ какъ это были тяжелыя времена; въ 1847—20.300 въ 1848—24.000. Въ это время «Фоссова Газета» была самой распространенной среди нѣмецкой прессы. Изъ 24.000 экземпляровъ 11.500 пересылались подписчикамъ прусской почтой, которая получала за это 58.500 таллеровъ въ годъ. Расходы по печатанію и бумага обходились 100 таллеровъ въ годъ на экземпляръ. Печатаніе газетъ начинали въ полночь, и послѣдній номеръ оканчивали въ три часа утра. Приходъ Фоссовой Газеты въ 1802—1803 г. доходилъ до 353 таллеровъ, въ 1814 г. до 24.126 таллеровъ, въ 1840 г. до 36.041 талера, въ 1850 г. до 58.373 таллеровъ. Это—доходъ, только приносимый подпискою, къ нему надо прибавить небольшой доходъ отъ продажи отдѣльныхъ номеровъ и объявленій, что принесло 5.690 таллеровъ въ 1814 г., 16.768 т. въ 1830 г., 22.417 т. въ 1840 г. Въ противоположность современной публикѣ, прежняя публика терпѣть не могла газетныхъ объявленій. Бухгольцъ своей книгой внесъ крупный вкладъ въ литературу о нѣмецкихъ газетахъ, уже впрочемъ богатую, благодаря трудамъ Саломона.

— Несчастія аристократки XVIII вѣка. Одна изъ вышедшихъ за послѣднее время во Франціи историческихъ книгъ: «*Les malheurs d'une grande dame sous Louis XV*»¹⁾, Шарля Койнара, мало содержитъ въ себѣ интересныхъ историческихъ фактовъ, но довольно живо очерчиваетъ нравы высшаго общества той эпохи. Авторъ рисуетъ предъ нами вульгарность и грубость французскаго общества, въ то время недостаточно учтиваго, съ его поверхностнымъ изяществомъ, прикрывавшимъ страшную грубость, алчность къ деньгамъ и т. д. Аристократы XVIII вѣка, даже предаваясь колдовству, не такъ интересовались знаніемъ будущаго, какъ разбогатѣть, ничего не дѣлая, и ради этого не пренебрегали сблизаться съ людьми самаго низкаго пошиба. Роскошь въ то время развивалась необыкновенно быстро, и самыя знатныя семьи были обременены долгами. Каждый жаждалъ золота и еще золота, чтобы поддерживать свое положеніе въ обществѣ. Нѣкоторые изъ аристократовъ пытались счастье въ переполнявшихся Парижѣ игорныхъ домахъ, особенно въ блестящихъ домахъ Жевра и Суассона, открытыхъ для перваго встрѣчнаго, и гдѣ многіе ускорили свое разореніе. Но не всѣ надѣялись на «фараона» и «бириби»: нѣкоторые, болѣе суевѣрные, обращались къ самому дьяволу, въ чаяніи разбогатѣть, да, кстати, узнать свой гороскопъ. Эти легковѣрные принадлежали къ большимъ людямъ, страдавшимъ нервнымъ разстройствомъ. Одной изъ пред-

¹⁾ *Les malheurs d'une grande dame*, par Ch. de Coynart. Paris. 1904.

ставительницъ этого общества была графиня Луизать Монбуассе, урожденная Коланъ де Мортанъ. Она родилась въ Парижѣ 4 февраля 1718 года въ смѣшанной семьѣ: ея мать была дочерью литихскаго промышленника, а отецъ французскій аристократъ. Дѣвочка выросла почти безъ образованія. Отецъ Луизы былъ уже старъ, а мать—немного сумасшедшая или сумасбродная: оба они пережили нѣсколько тревожную эпоху. Едва дѣвочка настолько подросла, что могла ходить одна, ее помѣстили въ Пантемонскій монастырь, гдѣ менѣе обращали вниманія на орѳографію, чѣмъ на прописную мораль и свѣтскія искусства, какъ танцы, пѣніе, музыка и проч. Когда ей исполнилось 15-ть лѣтъ, и ея отецъ умеръ, а мать, еще болѣе сдѣлавшаяся сумасбродной, вышла замужъ, то Луиза узнала въ одинъ прекрасный день, что она невѣста Филиппа де Вофоръ-Куильякъ, графа де Монбуассе. Ему было двадцать одинъ годъ, и его уже произвели въ капитаны. Съ этого момента начинается драма брака, заключеннаго изъ расчета получить значительное приданое, какъ это было почти правиломъ въ ту эпоху. Мать жениха поминутно являлась въ монастырь, гдѣ продолжала жить ея будущая невѣстка, и осыпала Луизу подарками. Однажды она приказала подать къ подъѣзду монастыря прекрасную коляску и сказала, что дарить ее молодой дѣвушкѣ. Другой разъ она передала ей кошелекъ съ пятьюдесятью ливрами, которыми Луиза не замедлила распорядиться и разыграла свѣтскую даму, сдѣлавъ въ монастырѣ щедрые подарки. Наконецъ бракъ состоялся, и для Луизы началась суетная свѣтская жизнь: посѣщенія княгинь и герцогинь, прогулки въ Тюильри, въ то время служившемъ мѣстомъ свиданія для лучшаго общества, гдѣ, кромѣ воскресеній, «входъ былъ запрещенъ лакеямъ и сволочи». Но внезапно свекровь отняла отъ Луизы коляску, а мужъ потребовалъ кошелекъ съ пятьюдесятью ливрами, изъ-за чего поднялись ссоры, и молодую женщину начали тиранить: то не позволяли ей нанять экипажъ, чтобы ѣхать съ визитомъ, то надѣвать платье, какое она хотѣла, то убавляли дрова въ каминѣ и т. д. Наконецъ, свекровь объявила, что ея невѣстка безумная, и послѣднюю отослали въ замокъ Уссэ въ шести верстахъ отъ Шартра, а затѣмъ въ замокъ Дьеннъ. Ее окружили различными личностями, игравшими роль шпионовъ, между которыми находился нѣкій аббатъ Курбулэ, не покидавшій молодой женщины, даже когда она, заболѣвъ, пожелала отправиться въ Парижъ въ монастырь. Тамъ онъ не только являлся къ ней, а еще вызывалъ въ приемную ея служанокъ и разспрашивалъ ихъ обо всемъ. Наконецъ Луиза добилась добровольнаго развода съ мужемъ, но аббатъ все-таки не оставлялъ ея въ покоѣ и продолжалъ болѣе, чѣмъ когда либо, допрашивать обо всемъ ея слугъ. Между тѣмъ, Луиза поселилась въ улицѣ Кассетъ. Графъ удержалъ двадцать три тысячи ливровъ дохода съ ея капитала, чего онъ только и хотѣлъ, а ей сталъ выдавать пенсію и даже иногда ее посѣщалъ. Почувствовавъ себя независимой, молодая женщина захотѣла устроить у себя салонъ, но, конечно, не литературный, такъ какъ въ то время общество было наводнено духовенствомъ и кавалерами. Эти кавалеры не отличались знатностью рода, были не богаты и даже не воспитаны. Во времена Людовика XIV ихъ называли «nécessaires», а въ царствованіе Людовика XV они сдѣлались «indispensables». Одни изъ нихъ выдавали себя то за отставныхъ офицеровъ, то за

взявших отпуск; другіе за племянниковъ или сыновей провинціальныхъ дворянъ. Что касается аббатовъ, то они вовсе не имѣли аббатства; они довольствовались титуломъ и одеждой этого званія. Они никогда не принадлежали къ церкви, со всѣмъ тѣмъ, согласно ихъ собственному признанію, они получали свои повышенія только въ салонахъ. Послѣднихъ графиня не принимала въ свой салонъ: съ нея было довольно и аббата Курбуле, но кавалеры находились въ числѣ ея друзей. Ея другомъ былъ также маркизь Суврэ, одинъ изъ самыхъ остроумныхъ придворныхъ, пользовавшихся милостями короля. Онъ былъ влюбленъ въ графиню, которая не отвѣчала на его любовь, но была съ нимъ милостива. У нея также бывалъ кавалеръ Турбэнъ графъ Латуръ д'Овернь, князь Камилль Лотарингскій и герцогъ д'Олоннь—типы настоящихъ прожигателей жизни той эпохи, безсознательные и легкомысленные, какъ того требовалъ хорошій тонъ. Послѣдній былъ изящный, красивый мужчина и граціозный танцоръ; онъ былъ три раза женатъ и растратилъ всѣ три состоянія своихъ женъ, далъ себя увлечь въ грубое мошенничество и кончилъ тѣмъ, что былъ высланъ въ свое имѣніе. Аббатъ Курбуле продолжалъ безъ приглашенія посѣщать графиню Монбуассье, наблюдалъ за домомъ, сообщалъ обо всемъ мужу, ухаживалъ за ея компаньонкой, хотя она была очень некрасива, но онъ оставался съ нею цѣлые дни и вечера. Кромѣ этихъ лицъ, графиню посѣщали еще нѣкій Антуанъ Лафоссъ, который любилъ, когда его звали де-Лафоссъ. Онъ былъ сынъ торговца цолотнами, но затѣмъ сдѣлался первымъ чиповникомъ монетнаго двора. Антуанъ же купилъ должность сборщика податей въ Рошеллѣ, которую онъ впрочемъ не исполнялъ и даже за нее не заплатилъ. Онъ нанялъ за себя замѣстителя, которому отдавалъ часть дохода. Самъ онъ жилъ въ Парижѣ въ скромномъ помѣщеніи булочника и велъ себя, какъ человекъ, который хочетъ нажить себѣ состояніе «чисто свѣтскими средствами», какъ выразился авторъ книги. Красивый человекъ, хорошо одѣвавшійся, остроумный, всегда въ хорошемъ настроеніи—отъ природы или по расчету, умѣвшій сочинять стихи или рассказывать модный вздоръ, онъ нравился женщинамъ и обладалъ талантомъ вліять на мужчинъ, благодаря своей самоувѣренности. Лафосу было тридцать восемь лѣтъ, и ему очень покровительствовала пятидесятидвулѣтняя графиня Бетюнь. Онъ занимался колдовствомъ и хватался, что онъ—писатель. Эта личность увлекла графиню Монбуассье въ занятіе колдовствомъ. Забавно было видѣть, какъ общество того времени устраивало увеселительныя прогулки по ночамъ въ долину Монружъ, съ цѣлью добиться съ помощью знатныхъ колдуновъ услугъ дьявола. Такъ графиня Монбуассье во время одной изъ такихъ поѣздокъ написала ему на кускѣ буйволовои кожи свои желанія. Она просила прежде всего у дьявола «пятнадцать милліоновъ, обѣщанныхъ ей, во-вторыхъ, предохранить ее отъ всякихъ болѣзней и особенно отъ приступовъ мигрени, а также отъ сумасшества, въ-третьихъ, власть удержатъ навсегда въ своихъ цѣпяхъ маркиза Суврэ, не платясь за это ничѣмъ, и, наконецъ, избавить ее отъ преслѣдованій мужа». Герцогъ д'Олоннь также написалъ на буйловой кожѣ свои желанія, прося, какъ и графиня, пятнадцать милліоновъ, обѣщанныхъ дьяволомъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, узнать тайну природы и получить способ-

ность увлекать всѣхъ женщинъ. Его любовница, г-жа Амеде, выразила желаніе знать основательно музыку, не трудясь изучать ее, всегда быть любимой герпогомъ д'Олоннъ и, наконецъ, также получить десять или пятнадцать милліоновъ. Подобныя поѣздки повторялись часто, и только начальникъ полиціи прекратилъ ихъ, задержавъ, какъ дьявола, такъ и колдунью; но онъ отпустилъ пріѣхавшихъ колдовать, не желая компрометировать знатнаго рода людей. Графиня Монбуассье, видя, что съ чортомъ дѣло не идетъ, занялась любовной интригой и, Лафоссъ написалъ ей стихи. Между ними завязалась любовная связь, результатомъ которой явился ребенокъ. Аббатъ Курбулэ, знавшій обо всемъ, донесъ мужу, который добился заключенія въ Бастилю Лафосса и въ монастырь графини Монбуассье. Лафосса выручила старая графиня Вегюнь, попрежнему влюбленная въ него. Для этого она отправилась во дворецъ, гдѣ не появлялась уже двадцать лѣтъ, и прямо стала просить объ освобожденіи Лафосса, отзываясь о немъ, какъ о самомъ честномъ челоуѣкѣ. Она добилась этого, и его лишь выслали за городъ. Графиню же Монбуассье держали въ страшномъ уединеніи: всѣ ея письма задерживались и передавались мужу. Она повела тяжбу противъ него, но проиграла и обязана была вернуться къ мужу, когда онъ этого захочетъ. Мужъ же могъ свободно завести новую семью, и у него уже было трое незаконныхъ дѣтей. Всѣ эти испытанія такъ поразили графиню Монбуассье, что она умерла въ 1757 году. Весь интересъ этой книги заключается лишь въ описаніи нравовъ и характеровъ общества того времени.

— Опшанская старостиха. Интриги и всякаго рода козни въ исторіи Польши, какъ во времена «безкрулевья», такъ и при короляхъ, еще долго будутъ служить матеріаломъ для исторической литературы. Не только польскіе мужчины, но и женщины тѣхъ временъ не стѣснялись прибѣгать къ самымъ низкимъ средствамъ, не разбирая, ошратны они, или нѣтъ, лишь бы добиться своей цѣли, такъ какъ согласно лезуитской этикѣ, цѣль оправдываетъ средство. Одна изъ такого рода интригъ послужила матеріаломъ для статьи ¹⁾ въ «Carnet historique», и ея авторы Ж. и М. Руссо живо охарактеризовали нравы, какъ героини интриги, такъ и вообще польскаго общества при Августѣ III-мъ. Въ это время въ Польшѣ велась всякаго рода борьба и раздоры, какъ это было почти всегда въ этой злополучной странѣ. Король Августъ III, по описанію Фридриха II-го, былъ кротокъ по лѣни, щедръ изъ тщеславія, безъ религіозныхъ убѣжденій подчинялся своему духовнику и безъ любви преклонялся предъ волею жены; кромѣ этихъ подчиненій, онъ подчинялся еще своему, любимцу графу Брюлю. Послѣдній былъ челоуѣкъ довольно пустой: «ни у кого не было больше платья, часовъ, кружевъ, башмаковъ, чулокъ и туфель», и, какъ обрисовалъ его тотъ же Фридрихъ II-й, «Цезарь отнесъ бы его къ числу тѣхъ отлично завитыхъ и раздушенныхъ головъ, которыхъ нечего бояться». Вторымъ его любимцемъ былъ посланникъ, графъ Флемингъ. «Если въ цѣломъ, по внѣшности,— говорятъ Руссо,— польскіе вельможи выказывали, какъ въ Парижѣ, такъ и въ

¹⁾ La starostine d'Opsa (1750—1778), par G. et M. Rousseau. «Le Carnet». Novembre—Decembre 1904.

Итали, превосходныя манеры, ловкость и знаніе свѣта, привлекавшія къ нимъ всѣ симпатіи, то они тщательно приберегали для своей родины, дома и семьи глубокую ненависть, кровавыя ссоры, не вмѣшивая въ свою месть ни посторонняго друга ни посредника». Самъ Августъ III-й былъ невысокаго мнѣнія о своемъ народѣ и говорилъ: «Поляки такъ мало о своихъ интересахъ пекутся, и междоусобныя ихъ ссоры до такой степени не позволяютъ ничего полезнаго сдѣлать, что на этотъ непостоянный, легкомысленный и корыстолюбивый народъ никакъ положиться нельзя». Сами министры говорили то же. Короля окружали Радзивиллы, Чарторыйскіе и Потоцкіе. Послѣднія двѣ фамиліи вѣчно враждовали, и если при дворѣ онѣ держалиеь нейтрально, то въ своихъ воеводствахъ болѣе не сдерживались. «Вездѣ дрались, — говорятъ Руссо, — въ городахъ, переулкахъ, на площадяхъ, около костеловъ, дворцовъ, въ деревняхъ и лѣсу. Особенно Виленское воеводство служило театромъ для политической борьбы, такъ какъ представителями дѣйствительнаго защитника прежнихъ вольностей и рабства, князя Карла Радзивилла, являлись пять братьевъ знаменитой семьи Чехановскихъ, Янъ, Станиславъ, Михайло, Ксаверій, и Иосифъ. Старшій изъ нихъ, Опшанскій староста и гусарскій полковникъ; второй — генераль, адъютантъ короля Августа; третій Домскій староста и кавалеръ Мальтійскаго ордена; два послѣднихъ брата были еще не пристроены. Опшанскій староста былъ красавецъ собою и воспитывался во Франціи; онъ посѣтилъ всѣ европейскіе дворы, но, вернувшись на родину, сбросилъ европейскія шелковыя одежды, вышитыя кафтаны, парикъ, кружева, красныя каблукы и сталъ носить національный нарчевый жупанъ, откидныя рукава, шелковыя пояса, длинныя польскіе усы и обрилъ волосы, оставивъ лишь на макушкѣ чубъ. Молодой, энергичный, вспыльчивый, огневый, прямой, не легко забывавшій оскорбленія, при этомъ страшно богатый, онъ безгранично властвовалъ надъ всѣми. Какъ извѣстно, Августъ былъ выборный король, и уже за десять лѣтъ до его смерти много явилось охотниковъ на польскій тронъ, и всѣ, какъ придворные, такъ и дипломаты европейскихъ дворовъ, интриговали для проведенія своего кандидата. Дочь французской королевы Маріи Лещинской и Людовика XV, Луиза французская, мечтала посадить на польскій тронъ, который когда-то былъ занятъ ея дѣдомъ, своего мужа, дона Филиппа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и себя. Вѣдное Пармское герцогство не могло ее удовлетворить такъ же, какъ испанскій дворъ. Такимъ образомъ Людовикъ XV прибавилъ къ своимъ кандидатамъ на польскій тронъ — принцу Шарлю, Фридриху, Христіану, Ксаверію Саксонскому и принцу Конти — еще своего зятя, дона Филиппа. Въ сущности Людовикъ XV и его дочь знали, что въ Польшѣ составились партіи, — одна, придерживавшаяся старыхъ феодальныхъ обычаевъ, другая — больше современныхъ учрежденій, но чисто славянская, которыя вели настоящую междоусобную войну. Августъ III «все это прикрывалъ своей мантией и понемногу продавалъ Россіи польское государство». Эти партіи вели интриги, и, конечно, вліяніе Опшанскаго старосты сильно тревожило магнатовъ противной стороны. Привлечь къ себѣ такого соперника и дать ему мѣсто въ своихъ рядахъ было бы ловкимъ дѣломъ. Но въ Польшѣ того времени можно было часто видѣть, какъ между ударами сабли или выстрѣлами вдругъ начинались переговоры и устраивались союзы. Такого рода пріемы были особенно

излюбленными одной личности, недостатки которой и даже пороки искупались въ глазахъ нѣкоторыхъ польскихъ патриотовъ страстнымъ желаніемъ вручить польскую корону настоящему поляку, въ ущербъ различнымъ иностраннымъ кандидатамъ. Этой личностью былъ Шакиновскій староста, Іосифъ Струтинскій, человекъ хотя хорошаго происхожденія, но видѣвшій въ своей жизни, какъ богатство, такъ и бѣдность. Примкнувъ къ Чарторыйскому, котораго считалъ сильнѣйшимъ, онъ прибѣгалъ для своего успѣха къ природному краснорѣчію и неразборчивой смѣлости. Онъ много игралъ въ карты и проигралъ свое состояніе, поправивъ дѣла женитьбой на дочери курляндскаго оберъ-егермейстера, графа Плятера. У него было отъ этого брака двѣ дочери — Тереза и Ядвига. Старшая была некрасивая, уродливая, вторая, — напротивъ, чудно хороша собою и готова притти на помощь своему отцу. Панъ Струтинскій, быстро приводившій въ исполненіе задуманное, оставилъ свою жену въ Вильнѣ и, взявъ дочерей, отправился въ Бреславль. Тамъ проживалъ въ то же время, какъ и Чехановскій, дядя пана Струтинскаго, старый каштелянъ Бреста, Андрей Абрамовичъ, вліятельный членъ національной партіи, извѣстный всѣмъ и уважаемый всѣми. Его домъ былъ поставленъ на широкую ногу, и польское гостепріимство Абрамовича привлекало къ нему массу друзей. Онъ давалъ имъ завтраки, на которыхъ вино лилось рѣкой, и гости пировали до тѣхъ поръ, пока дѣло не доходило до ссоръ и брани. Струтинскій задумалъ сдѣлать Абрамовича своимъ союзникомъ, имѣя въ виду, что Янъ и Станиславъ Чехановскіе еще не женаты, и потому бракъ съ Ядвигой давалъ возможность заручиться ихъ вліяніемъ. Абрамовича не трудно было уговорить, и Струтинскій далъ съ этой цѣлью балъ. Ядвига была парией бала, и отъ нея не ускользнуло, какое она произвела впечатлѣніе на Ошанскаго старосту. И дѣйствительно она была очаровательна: бѣлокурая, съ правильными чертами лица, съ глазами не то карими, не то черными, выраженіе которыхъ было самое невинное. Въ ней было нѣчто простодушное, чистое и никакъ нельзя было предвидѣть, что изъ нея выйдетъ впоследствии безгранично тщеславная, честолюбивая, злопамятная и ненавидящая женщина. Но Ошанскій староста не могъ угадать будущее, наружныя же качества его покорили. Онъ вошелъ въ домъ пана Струтинскаго и ввелъ съ собою всѣхъ членовъ своей семьи, а также вліятельныхъ лицъ національной партіи. Празднества и пиры участились, а съ ними вмѣстѣ и драки, уже не только въ Бреславлѣ, но и въ Ошнѣ. Панъ Струтинскій возилъ туда дочерей и ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда Ошанскій староста попроситъ руки Ядвиги. Но послѣдній медлил и колебался, главное потому, что его удерживали отъ этого шага два брата, не литавшіе симпатіи къ недавнему врагу. Однако, панъ Абрамовичъ въ качествѣ главы семьи явился за жениха просить руку Ядвиги. Послѣдняя, не колеблясь, согласилась, а панъ Струтинскій принялъ будущаго зятя громкими изъявленіями чувствъ, многоглаголаніемъ, дошедшими до настоящаго энтузіазма, а въ доказательство своей искренности онъ, сильно подвыпивъ за обѣдомъ, наобѣщавъ будущему зятю блестящее приданое въ 150.000 злотыхъ. Немедленно было сдѣлано обрученіе, и затѣмъ послѣдовалъ рядъ празднествъ. Однако веселіе было омрачено дурнымъ настроеніемъ братьевъ жениха. Оно дошло до того, что послѣ главнаго бала оба брата — генералъ Ста-

наслаивать и гусарский полковникъ Михаилъ—«обмѣнялись взглядами, встали и вмѣстѣ уѣхали». Эта выходка удивила и обидѣла присутствовавшихъ, особенно пана Абрамовича, любившаго всѣхъ примирять. Однако, нельзя же было порвать этотъ союзъ, который уже былъ торжественно объявленъ, и оба брата подписали вмѣсто полнаго имени свои шифры. Панъ Струтинскій, наобѣщавъ приданое, уже началъ его уменьшать до 50.000 злотыхъ. Но женихъ былъ великодушнѣе; онъ, не измѣняясь въ лицѣ, отказался ихъ принять и самъ предложилъ невѣстѣ 100.000 злотыхъ приданого, на ту же сумму драгоценныхъ украшеній, мебель и проч. Наконецъ, свадьба состоялась, и ровно три дня въ присутствіи князя Карла Радзивилла и депутаціи другой партіи танцовали, пили и кричали. Съ этого времени между важными панами, до тѣхъ поръ разъединенными, послѣдовалъ, если не миръ, то соглашеніе, и Августъ III-й могъ насладиться затишьемъ. Иностранныя державы такъ же свободно могли выбирать ему наслѣдника, а графъ Флемингъ и Брюль торжествовали, достигнувъ своихъ желаній: притязанія принцевъ, Карла или Ксаверія Саксонскихъ, сыновей короля, повидимому, укрѣплялись. «Для Людовика XV это былъ лучший моментъ обезпечить положеніе своего кандидата, но,—говорятъ Руссо,—по своей собственной ему безпечности онъ прозѣвалъ удобную минуточку». Между тѣмъ молодые отправились въ Опшу въ прекрасномъ экипажѣ на собственныхъ лошадяхъ, а не на еврейскихъ клячахъ, какъ это было въ обычаѣ того времени. Панъ Струтинскій совѣтъ не далъ приданого за дочь, но молодой мужъ ничего и не требовалъ, кромѣ счастья съ своей Ядвигой. Не такъ отнеслись къ этому его братья и постоянно возвращались къ вопросу о приданомъ, но панъ Струтинскій неизмѣнно отвѣчалъ, что, «не имѣя ничего, онъ ничего не можетъ дать, обѣщалъ же онъ приданое въ пьяномъ видѣ». Однако Ядвига начала скучать въ семейной жизни и старалась расширить кругъ своихъ поклонниковъ, поэтому, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, она уже замѣтила въ своей свитѣ нѣкоего Станислава Рудомина, сенаторскаго сына, помѣщеннаго въ домѣ Опшанскаго старосты для изученія хорошихъ манеръ. Молодая старостиха слишкомъ явно компрометировала себя съ нимъ, вслѣдствіе чего между ея мужемъ и паномъ Рудомина послѣдовала дуэль въ саду. Серіозно раненый въ голову ударомъ сабли, послѣдній былъ отправленъ къ родителямъ, гдѣ оставался болѣе года больной. Онъ возненавидѣлъ Опшанскаго старосту и клялся, что ни въ чемъ не виновенъ. Ядвига тоже выразила обиду за несправедливое подозрѣніе, и между супругами послѣдовала гнѣвная сцена. Молодой мужъ заключилъ подъ арестъ жену на ея половинѣ, и слухъ объ этомъ распространился повсюду, достигнувъ и пана Абрамовича. Послѣдній пріѣхалъ къ племяннику, но не успѣлъ еще его успокоить, какъ явился панъ Струтинскій и, потребовавъ объясненія, вспылилъ, а затѣмъ, вырвавъ дочь изъ заключенія, увезъ ее съ собою, какъ несчастную жертву, только что избѣгнувшую смертельной опасности. На другой день Опшанскій староста отправился въ Вильну къ братьямъ. Послѣдніе были готовы его защитить и поѣхали вмѣстѣ съ нимъ къ князю Радзивиллу, своему главѣ и посреднику. Снова на время водворившееся спокойствіе было нарушено. Тѣмъ временемъ панъ Струтинскій не дремалъ и, пользуясь благопріятнымъ моментомъ, задумалъ одинъ планъ, достойный его

понятій о порядочности. Его дочь, разоидясь съ мужемъ, все-таки сохранила ея имя и титуль, и въ принципѣ она оставалась Опшанской старостихой. Но надо было опасаться, что этотъ титуль вскорѣ останется только пустымъ словомъ, и крупныя доходы исчезнутъ. Высокое положеніе и громадное состояніе Яна Чехановскаго прельщало Ядвигу до ея брака; разрывая бракъ съ мужемъ, она вовсе не думала отказываться отъ его состоянія. Панъ Струтинскій рискнулъ на смѣлый шагъ: онъ обратился къ Августу III-му отъ имени своего зятя примѣнить *ius commutativum*, переведа на Ядвигу Опшанское старостничество. Это было совершенно противно законамъ, и когда староста хотѣлъ перевести свое имущество королевскаго происхожденія на кого нибудь изъ родственниковъ, то обращался къ королю. Янъ Чехановскій никогда на это не согласился бы, а потому отецъ и дочь обошлись безъ его вмѣшательства; къ тому же король благопріятно отнесся къ этому. Не вникнувъ въ дѣло, хотя оно показалось ему страннымъ, онъ положился на слова вице-канцлера Литвы, благопріятныя для пана Струтинскаго, и подписалъ дарственную. Самъ всегда нуждаясь въ деньгахъ, продавшій свой нейтралитетъ Франціи за два милліона и повторявшій безпрестанно одну и ту же фразу: «Брюль, есть ли у меня деньги?»—Августъ очень хорошо понималъ нужды своихъ подданныхъ. Къ тому же онъ, вѣроятно, хотѣлъ заинтересовать пана Струтинскаго въ вопросѣ о престолонаслѣдіи въ пользу своихъ сыновей. Съ другой стороны онъ долженъ былъ ожидать вмѣшательства своего адъютанта, брата Опшанскаго старосты. Какъ бы то ни было, но король разорвалъ актъ короля Яна-Казимира, даровавшаго Чехановскому, воеводѣ Минска, своей вѣрной поддержкѣ, испытанному другу и его наслѣдникамъ Опшанское старостничество, и передалъ его Ядвигѣ. Вопреки этому панъ Янъ возвратился въ свой Опшанскій замокъ и жилъ тамъ одиноко, тѣ весь отдавшись воспоминаніямъ, то погруженный въ грусть, то желавшій разорвать свой несчастный бракъ. Наконецъ, онъ рѣшился хлопотать въ Виленской консисторіи и у папы объ уничтоженіи своего брака. Но ему не посчастливилось: съ одной стороны, недоброжелательство канцлера, а съ другой—знаменитаго епископа, князя Игнатія Масальскаго, отлученнаго отъ церкви въ 1794 г., затянули надолго его дѣло. Что же касается Ядвиги, то она утѣшилась нѣжнымъ, восторженнымъ ухаживаніемъ Станислава Понятовскаго, живя подъ крылышкомъ нѣжныхъ родителей, прикрывавшихъ ея поведеніе. Понятовскій былъ родомъ племянникъ Литовскаго милостыипераздавателя и князя Михаила Чарторыйскаго. Біографъ Ядвиги увѣряетъ, что она не предчувствовала высокой будущности Понятовскаго. Будущій Станиславъ III-й былъ въ то время двадцатитрехлѣтнимъ красивымъ мужчиной, съ правильными чертами лица, хотя нѣсколько вялыми. Между Опшанской старостихой и Понятовскимъ завязалась любовная связь, которая сдѣлала Ядвигу печальной знаменитостью. Ея страсть къ интригамъ и непоумѣренное честолюбіе, а въ особенности недостатокъ принциповъ, заставляли ее незамѣтно скользить отъ ошибки къ ошибкѣ и отъ скандала къ скандалу. Лѣтомъ 1756 года въ Бреславлѣ собрался сеймъ, назначенный по вопросу о посылкѣ депутатовъ къ державамъ. Ясневельможныя паны собрались туда въ большомъ количествѣ; ихъ сопровождали не только родственники, близкія

лица и слуги, но и солдаты изъ разныхъ полковъ. Среди командованія и лошадинаго топота слышались ругательства, доходившія до драки. Весь Бреславль, благодаря разнообразнымъ мундирамъ, походилъ на большой лагерь. Отъ восхода солнца, до его заката и даже очень часто во время вечера при скудномъ освѣщеніи одной свѣчи, находившейся у секретаря сейма, длилось засѣданіе. На этомъ сборищѣ снова встрѣтились Шахиновскій староста, панъ Струтинскій, и Опшанскій староста, мужъ Ядвиги. При первомъ находилось около сотни русскихъ солдатъ, одолженныхъ польскому посланнику въ Россіи, Понятовскому, который въ это время уже былъ посланъ въ Россію, и восемьдесятъ пять алебардчиковъ, карабинеровъ и проч. Его поддерживали Янъ Плятеръ, Станиславъ Рудомина, Мпрскій и Томашевскій. Опшанскаго старосту сопровождали его братья и множество друзей, между прочимъ, Богучъ, Волошковичъ, Матушевичъ, Лопатинскій, Солтанъ, Комаръ, сто восемьдесятъ кавалеристовъ и семьдесятъ пять слугъ. Въ тотъ же вечеръ панъ Струтинскій, не заботившійся о сохраненіи своего достоинства, назойливо сталъ упрекать зятя за то, что онъ покинулъ жену. Опшанскій староста гнѣвно ему возражалъ и обвинялъ жену въ безконечныхъ обманахъ. Ссора разгорѣлась и, выхвативъ изъ ноженъ сабли, противники бросились другъ на друга. Въ дѣло вмѣшался Богучъ и разнялъ ихъ. Но на улицахъ уже поднялась сумятица. Сторонники пана Струтинскаго стрѣляли въ брата Опшанскаго старосты—генерала Станислава: слуги обоихъ старостъ вмѣшались въ дѣло, и драка длилась всю ночь. Одинъ изъ слугъ пана Струтинскаго былъ повѣшенъ у дверей дома своего господина. Эготъ домъ находился на берегу озера, и Ксаверій, младшій братъ Опшанскаго старосты, воспитанный въ Италіи и еще не вмѣшивавшійся ни въ какія серьезныя дѣла, однажды вечеромъ катался въ лодкѣ съ тремя товарищами и слугою по озеру. Желая ли показать свою отвагу или изъ упрямства, но они вздумали проплыть мимо дома заклятаго врага Опшанскаго старосты. Какъ вдругъ изъ окна дома раздался выстрѣлъ, и одинъ изъ молодыхъ людей, Злакашевичъ, со стономъ упалъ на колѣно. Тотчасъ же они пристали къ берегу, и съ саблями въ рукахъ бросились въ домъ пана Струтинскаго. Но едва приблизился къ дому молодой человекъ съ товарищами, какъ упалъ, пронзенный шестью пулями. Въ то же время, не скрываясь, показался смертельный врагъ Опшанскаго старосты и бывший любовникъ его жены, Станиславъ Рудомина, держа въ рукахъ еще дымившійся пистолеть. Его сопровождали Юспфъ Струтинскій, Янъ Плятеръ и ихъ солдаты. Всѣ они бросились на друзей Ксаверія, чтобы продолжать бою, но раздалися ружейные выстрѣлы солдатъ Опшанскаго старосты, которые, увидя умирающаго брата ихъ пана, бросились на противниковъ, и поднялась невообразимая рѣзня. Домъ подвергся осадѣ и былъ ограбленъ. Слуги пана Струтинскаго въ большинствѣ были убиты, повѣшены и утоплены. Самъ онъ и Рудомина съ Плятеромъ спаслись бѣгствомъ. Между тѣмъ опшанскій староста, повинувся своему природному великодушію, остановилъ эту битву, но тѣмъ не менѣе онъ поклялся отмстить своему тестю. Началась безконечная тяжба, которая сопровождалась еще личными расправами въ лѣсахъ, поляхъ, деревняхъ и часто оканчивавшимися убійствами. Наконецъ, приговоромъ суда Струтинскій долженъ былъ подвергнуться казни. Но дѣло затормозилось вслѣд-

ствіи вмѣпательства принца-канцлера. Маршалъ Лопашинскій, любившій своего племянника, Опшанскаго старосту, какъ своего сына, задумалъ примирить тестя съ зятемъ и послѣдняго съ женою. Съ этой цѣлью онъ устроилъ балъ, на которомъ враги должны были встрѣтиться и примириться. Панъ Струтинскій, несмотря на приговоръ суда, явился, какъ ни въ чемъ не бывало, и прошелъ чрезъ залы увѣреннымъ шагомъ. Старостиха во всеоружіи своей красоты бросила какъ бы вызовъ тому, кого такъ вѣроломно обманывала. Въ это время Опшанскій староста стоялъ, прислонившись къ колоннѣ, и когда увидѣлъ свою жену, то въ немъ шевельнулась прежняя страсть. Онъ чувствовалъ, что обожаетъ ее и въ то же время ненавидитъ. Она производила на него такое впечатлѣніе, которое способно было довести его до сумасшествія или преступленія. Но онъ выдержалъ себя до конца. Онъ не пригласилъ ее ни на польскій, ни на менуэтъ, но когда одинъ подвыпившій танцоръ едва ее не уронилъ, то онъ ему тотчасъ же послалъ вызовъ. Въ тотъ же моментъ панъ Струтинскій сталъ говорить дерзости относительно своего зятя. Присутствующіе удивились и начали роптать. Почему-то Струтинскій вдругъ собрался домой, оставивъ экипажъ дочери и попросивъ одну даму проводить ее къ себѣ. Было три часа утра. Когда панъ Струтинскій былъ недалеко отъ своего дома, на лошадей бросились четверо замаскированныхъ мужчинъ и остановили ихъ. Одинъ изъ незнакомцевъ открылъ дверцу кареты и, произнеся нѣсколько словъ, которыхъ кучеръ не разобралъ, выстрѣлилъ въ упоръ въ Юсефа Струтинскаго и убилъ его наповалъ. Смерть послѣдовала мгновенно. Затѣмъ убійца приказалъ кучеру продолжать путь и, присоединившись къ товарищамъ, удалился. Балъ еще продолжался, когда одинъ изъ слугъ пана Струтинскаго прибѣжалъ сообщить Ядвига о несчастіи. Молодая женщина послѣдовала за нимъ съ такимъ хладнокровіемъ, что изумила всѣхъ. Не теряя времени, она позаботилась о «театральномъ» траурѣ и въ то же утро стала принимать сочувственные визиты. Стоя возлѣ катафалка въ драматической позѣ, она обвиняла мужа въ убійствѣ ея отца.

Ея связь съ Понятовскимъ не была ни для кого тайной, и смерть ея отца подобно смерти Ксаверія Чехановскаго обращалась уже въ дѣло партіи, на которое «фамилія» смотрѣла, какъ на свое. За обвиненіями въ убійствѣ послѣдовала формальная жалоба Ядвиги. Подозрѣвать Опшанскаго старосту было нелѣпно, зная его открытый честный характеръ и частыя дуэли. Притомъ панъ Струтинскій, и такъ уже приговоренный судомъ, долженъ былъ подвергнуться правосудію своей страны. Самъ Опшанскій староста защищался съ достоинствомъ, какъ человѣкъ, котораго не можетъ коснуться такое подозрѣніе. Если въ этотъ моментъ его виновная жена попросила бы у него прощенія, то она его добилась бы. Но Ядвига не сожалѣла о разлукѣ. Начатая ею тяжба противъ мужа и его братьевъ по поводу убійства ея отца кончилась въ ихъ пользу. Въ продолженіе двухъ лѣтъ она прибѣгала къ всевозможнымъ средствамъ, чтобы уничтожить это постановленіе, но ей не удалось. Однако событіе 5-го октября 1763 г. измѣнило положеніе вещей: умеръ Августъ III, и польскій тронъ освободился. Брюль только двѣ недѣли пережилъ короля. Полетѣли къ державамъ дипломатическія депеши, но прежніе кандидаты псчезли: Карлъ герцогъ курляндскій, тайно женившійся на Красинской, самъ отказался отъ

короны, изъ за-жены, «заслуживавшей этой жертвы»; Ксаверій Саксонскій его братъ, женившійся на итальянкѣ Маріи Спинуччи, предпочелъ семейныя радости трону и удалился во Францію; дочь Людовика XV умерла. Вліяніе Франціи на Польшу замѣнилось русскимъ, и польскій тронъ занялъ по выбору Россіи и Пруссіи, фаворитъ Екатерины, Понятовскій. Это было триумфомъ Чарторыйскихъ. Власть дяди новаго короля выросла, и онъ не замедлилъ воспользоваться ею, чтобы навсегда уничтожить національную партію. Князь Карлъ Радзивиллъ былъ объявленъ врагомъ крулевства и скрылся въ Яссахъ съ нѣкоторыми сторонниками, между прочимъ, генераломъ Станиславомъ Чехановскимъ и его братомъ Михаиломъ. Ихъ братъ Янъ, опшанскій староста, тоже былъ приговоренъ къ смерти, какъ мятежникъ и убійца. Его имѣнія были конфискованы и раздѣлены между смертельными его врагами: Ядвигой и Станиславомъ Рудоміна. Разоренный, постарѣвшій, усталый, съ посѣдѣвшими отъ борьбы волосами, онъ не могъ рѣшиться покинуть родину. Пренебрегая всеми средствами собственнаго спасенія, онъ удалился въ опшанскій замокъ, который, въ сущности, ему болѣе не принадлежалъ. Въ это время Ядвига пользовалась постыдными милостями новаго короля. Во время коронаванія она занимала шестое мѣсто съ правой стороны отъ него. Почти имѣя въ рукахъ королевскій скипетръ, свободно дѣйствуя, распоряжаясь, какъ казной, такъ и арміей, она послала полки преслѣдовать мужа. Думая, что онъ скрывается у своего дяди, пана Абрамовича, въ Вильнѣ солдаты сдѣлали осаду его дворца, костела св. Казимира и коллегіи іезуитовъ. Войска стояли лагеремъ вокругъ этихъ зданій нѣсколько дней. Потомъ видя, что ошиблись, онъ двинулись по дорогѣ къ Опшѣ. Бывшій Опашинскій староста ожидалъ ихъ. Защитивъ свой замокъ баррикадами, онъ не слушалъ никакихъ совѣтовъ и храбро защищался. Но, несмотря на свое упорство, онъ все-таки долженъ былъ сдаться. Войска выломали одну дверь, потомъ другую, и Янъ Чехановскій упалъ подъ ихъ ударами. «Овдовѣвъ, честолюбивая интриганка съ удовольствіемъ вышла бы замужъ за короля и надѣла бы корону, купленную цѣною крови, но правосудіе Бога, говоритъ авторъ, не допустило ея до этого». Понятовскій не взялъ себѣ въ жены убійцу и измѣнницу, онъ предпочелъ ей добродѣтельную и очаровательную пани Грабовскую. Старостиха вышла замужъ за итальянскаго авантюриста, графа Мануцци и была несчастлива. Она умерла въ Гродно 22-го октября 1778 г., покинутая мужемъ и сыномъ, но не раскаиваясь въ своей преступной жизни.

— Новые матеріалы о Руссо. До сихъ поръ появляются новыя изслѣдованія и матеріалы для всесторонняго знакомства съ великой личностью женевакаго философа. Не только онъ все подробнѣе и подробнѣе очерчивается, какъ писатель, педагогъ и музыкантъ, но на-дняхъ даже напечатана попытка представить Руссо, какъ химика. Дѣйствительно, въ своей «Исповѣди» Руссо рассказываетъ, что онъ пытался съ однимъ монахомъ сдѣлать симпатическія чернила, но бутылку разорвало, и онъ нечаянно проглотилъ известь и сѣрный мышьякъ, такъ что едва не умеръ. Изъ той же книги извѣстно, что онъ слушалъ лекціи въ Монпелье и занимался той же наукой въ Парижѣ, въ Эрмитажѣ, съ Франкейлемъ. Но лицамъ, изучавшимъ до мелочей все, что касается Руссо, неизвѣстно, звалъ ли онъ основательно эту науку, столь интересовав-

шую его, Дидро, Гольбах и других энциклопедистовъ, или быть просто ученикомъ. На-дняхъ Т. Дюфуръ помѣстилъ въ «Semaine litteraire» статью ¹⁾ о ненапечатанномъ документѣ, который броситъ новый свѣтъ на этотъ предметъ. Дѣло идетъ о найденной рукописи Руссо, подъ заглавіемъ: «Institution chimique». Въ ней 1203 страницы, и она раздѣлена на четыре части. Въ первой разсматриваются элементы и ихъ составъ; во второй — воздухъ, вода, огонь и земля; въ третьей—искусственныя подспорья; четвертая, не оконченная, посвящена химическимъ манипуляціямъ. Эта рукопись, порученная Руссо своему другу Полю Мульту, оставалась съ 1778 г. въ семействѣ послѣдняго. Одна изъ его наслѣдницъ, Сюзанна Никола, только что пожертвовала ее въ женевскую бібліотеку. Долго полагали, что означенная рукопись только извлечение изъ курса, который Жанъ-Жакъ слушалъ въ Монпелье или въ Парижѣ и, вѣроятно, поэтому ее не печатали. Но по различнымъ признакамъ оказывается, что это личный трудъ Руссо, а слѣдовательно, когда литературный и ученый міръ познакомится съ этой рукописью, то будетъ разрѣшена невѣдомая до сихъ поръ задача о Руссо, какъ о химикѣ.

Если статья Дюфура отличается оригинальностью и новизной, то вѣдъ ²⁾ англійскаго публициста Гавлока Эллиса въ ноябрьской книжкѣ «Fortnightly Review» поражаетъ читателя блескомъ, живостью и красотой изложенія. Этотъ очеркъ называется: «По стопамъ Руссо», и заключаетъ въ себѣ чрезвычайно рельефный очеркъ той мѣстности Савойи, которая представляетъ тѣсную связь съ Руссо, его жизнью и даже личностью великаго философа. «Если мы,—говоритъ авторъ,—прослѣдимъ за шагами Руссо въ этой мѣстности, то не только этотъ человекъ поможетъ намъ понять землю, на которой онъ родился, но и земля дастъ намъ понять этого человека. Какъ всякая гениальная личность, Руссо выражаетъ качество народа, изъ котораго онъ произошелъ. Его утонченная чувствительность, краснорѣчіе и инстинктивная любовь красоты не были характеристической чертой Женевы, но легко прослѣдить въ его основныхъ качествахъ принадлежность къ этому городу. Онъ едва ли могъ бы избѣгнуть вліянія его родного города, тѣмъ болѣе, что его предки, какъ теперь достоверно извѣстно, были типическими женеvцами. Мы можемъ прослѣдить до XVI столѣтія этихъ предковъ, состоявшихъ отчасти изъ различнаго рода ремесленниковъ, преимущественно часовщиковъ и крестьянъ. Семья Руссо достигла сравнительнаго благоденствія за три поколѣнія до Жанъ-Жака, но его родители уже обнаруживали семейный упадокъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и нравственномъ отношеніи». Отъ своей матери, Сюзанны Вернаръ, Руссо наслѣдовалъ утонченные вкусы къ искусству, музыкѣ и литературѣ, а отъ безпокойнаго эксцентричнаго отца онъ заимствовалъ свою нервную раздражительность. Въ послѣдующіе годы своей жизни Руссо торжественно заявлялъ, что озеро Леманъ — самое великолѣпная мѣстность въ свѣтѣ. Врядъ ли въ дѣт-

¹⁾ J. J. Rousseau chimiste, par Th. Dufour. «La Semaine litteraire». 15 Decembre 1904.

²⁾ Footsteps of Rousseau. By Havelock Ellis. The Fortnightly Review. November 1904.

ствѣ оно производило на него такое впечатлѣніе, такъ какъ ребенкомъ онъ былъ очень нервный, а нервныя, чувствительныя дѣти отъ вседневныхъ сильныхъ впечатлѣній такъ утомляютъ нервы, что спокойная красота едва ли можетъ произвести на нихъ впечатлѣніе. Только въ Савойѣ, а не въ Женевѣ, Руссо научился любить природу, что онъ старался передать всему человечеству. «Когда, по словамъ Эллиса, шестнадцатилѣтній молодой граверъ убѣжалъ изъ Женевы въ Савойю, оставивъ всѣхъ своихъ друзей, самые проницательные наблюдатели не угадали бы, что Руссо предназначенъ духовно возродить всю Европу. Правда, онъ имѣлъ наследственные задатки, но былъ необразованъ, не имѣлъ никакихъ идеаловъ и, напротивъ, даже былъ одаренъ нѣкоторыми инстинктами уличныхъ оборванцевъ. Подъ вліяніемъ женщины этотъ, повидимому, не обѣщавшій ничего хорошаго матеріалъ удивительно развился въ Руссо. Нельзя сказать, что его создала г-жа Варенъ, но она доставила ему ту атмосферу, въ которой нуждался авторъ «Эмиля» для созданія самого себя. Въ старости Руссо говорилъ, что охотно окружилъ бы золотыми перлами то мѣсто въ Анниси, гдѣ впервые онъ увидалъ ее. Какъ ни чрезмерна эта похвала, но она доказываетъ всю громадность вліянія на Руссо этой женщины». Несмотря на многія слабыя стороны г-жи Варенъ, она была впечатлительной, сильно вліяющей на другихъ и во всѣхъ отношеніяхъ привлекательной натурой, а главное она была первой образованной и культурной женщиной, которую встрѣтилъ юный Руссо. Кромѣ того, между ними было нѣчто общее: что Руссо былъ невротикъ и психопатъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, а въ г-жѣ Варенъ безспорно были тѣ же элементы, но въ слабѣйшей степени. Она имѣла на Руссо именно то вліяніе, въ которомъ онъ нуждался. Когда онъ сошелся съ нею, то его нравственное воспитаніе, въ сущности, еще не началось, а, разставшись съ нею чрезъ десять лѣтъ, онъ былъ уже настолько развитъ, что могъ занять почетное мѣсто между мыслителями Европы, хотя необходимо было пройти еще десятку лѣтъ, прежде чѣмъ онъ въ сорокъ лѣтъ сдѣлался однимъ изъ наставниковъ человечества. Кромѣ вліянія г-жи Варенъ, Руссо въ Савойѣ подвергся вліянію природы. Хотя онъ родился на берегу Лемана, но онъ выросъ среди городскихъ стѣнъ Женевы. Его бѣгство въ Савойю произвело въ немъ первую важную перемѣну въ жизни. Въ Анниси, изъ окна дома г-жи Варенъ, онъ видѣлъ предъ собою не только садъ, но и открытый деревенскій видъ, который подѣйствовалъ на его умъ вмѣстѣ съ вліяніемъ своей хозяйки. Его прогулка пѣшкомъ въ Туринъ открыла ему впервые тѣ красоты природы, чарующую силу которыхъ онъ всѣмъ проповѣдывалъ. Вокругъ Шамбери онъ впервые увидалъ не равнину, какъ бы она великолѣвна ни была, а горные потоки, утесы, темные лѣса, крутыя горы, узкіе проходы. Въ горной странѣ онъ наслаждался естественными чарами природы и, убѣжавъ отъ смѣшного, буржуазнаго общества, онъ сдѣлался апостоломъ природы. Итакъ, вся жизнь Руссо сложилась подъ вліяніемъ образованной культурной женщины, а также простой природы Савойи. Особенно онъ любилъ проводить весну въ помѣсть г-жи Варенъ, въ окрестностяхъ Шамбери—въ самомъ сердцѣ Савойи. Здѣсь въ Шарметѣ онъ провелъ самые счастливые годы своей жизни; здѣсь онъ почувствовалъ, что въ его сердцѣ

заговорилъ голосъ призванія быть пророкомъ для всего человѣчества. Въ настоящее время, спустя столько лѣтъ послѣ Руссо, Шарметь не измѣнился. Все здѣсь дышитъ великимъ философомъ и напоминаетъ о немъ. «Но,—оканчивается свою статью Эллисъ,—ореоль, окружавшій Шарметь, давно уже исчезъ. Руссо не возбуждаетъ въ насъ прежняго энгуизма. Нѣкогда онъ былъ частью того вулканическаго изверженія, которое распространилось по всей Европѣ. Теперь его идеи и книги оставляютъ насъ спокойными и холодными. То, что нашимъ предкамъ казалось горящей лавой, было не что иное, какъ плакъ. Но для историка Руссо будетъ всегда первоклассной личностью, Колумбомъ новаго міра человѣческой эмоціи. Для насъ его фигура ступеневается болѣе яркими образами тѣхъ, кому онъ указалъ путь — Байрону, Шелли и г-жѣ Сталь, которые продолжали начатое имъ движеніе и имѣли столько общаго съ его роднымъ Леманомъ. Какъ эти пророки природы вѣчно будутъ занимать почетное мѣсто въ исторіи человѣческой мысли, такъ ихъ предводитель, страждущій, болѣзненный Руссо, стѣять того, чтобы современные люди изучали его слѣды въ живописной Савойѣ».

Хотя о г-жѣ Варенъ много писали въ европейскихъ литературахъ, но до сихъ поръ не существовало ея подробной, обстоятельной біографіи. Теперь Франсуа Мюнье взялся пополнить этотъ пробѣлъ въ объемистомъ трудѣ: «Г-жа Варенъ и Жанъ-Жакъ Руссо»¹⁾. Авторъ собралъ всевозможные матеріалы о жизни своей героини и представляетъ ея оригинальную таинственную личность во всѣхъ мелочахъ ея существованія. Онъ рассказываетъ о всѣхъ обстоятельствахъ ея жизни: о коммерческихъ предпріятіяхъ, разорившихъ ее, о покупкахъ помѣстій, о путешествіяхъ, о долгахъ, о любовныхъ похожденияхъ и т. д. Однако надо признаться, что эти мельчайшія подробности не всѣ интересны, и читатель съ жадностью читаетъ только то, что относится до Жанъ-Жака Руссо. Вообще, г-жа Варенъ была женщиной ничѣмъ не замѣчательной, и ни ея поступки, ни ея посредственный умъ, ни отсутствіе такта не интересуютъ читателя, за исключеніемъ ея отношеній къ Руссо. Какъ другъ, любовница и женщина, во многомъ развившая великаго мыслителя, г-жа Варенъ, однако, навсегда останется въ исторіи памятной личностью, а потому книга Мюнье далеко не лишняя въ литературѣ знаменитаго проповѣдника свободы, равенства и братства.

— Мемуары Вамбери. Въ Лондонѣ вышли воспоминанія²⁾ извѣстнаго профессора, Арминія Вамбери, приобрѣвшаго славу главнымъ образомъ ненавистника Россіи и защитника интересовъ Англіи, какъ великой азіатской державы. Въ двутомномъ трудѣ авторъ описываетъ свою интересную, полную приключеній жизнь, которую онъ справедливо называетъ борьбой за существованіе. По происхожденію еврей, онъ рѣдился въ 1832 году въ Венгріи, въ самой бѣдной обстановкѣ. Его дѣтство протекло среди нищеты, и замѣчательнымъ образованіемъ, а также культурнымъ развитіемъ онъ обязанъ самому себѣ.

¹⁾ M-me Varenis et J.-J. Rousseau, par François Mugnier. Paris. 1904.

²⁾ The story of my struggles: the Memoirs of Arminius Vambery, 2 vols 1904. London.

Съ молодыхъ лѣтъ онъ выказалъ замѣчательныя лингвистическія способности, и теперь, быть можетъ, не болѣе двухъ человекъ въ Европѣ равняются ему своими обширными лингвистическими познаніями. Перенеся многочисленныя тяжелыя испытанія, онъ пошелъ въ Константинополь и жилъ тамъ болѣе десяти лѣтъ— сначала въ качествѣ учителя, а потомъ секретаря Фуада-паши. Отъ 1861-го до 1864-го года онъ совершилъ свои знаменитыя путешествія по Арменіи, Персіи и Средней Азіи, гдѣ не разъ долженъ былъ переодѣваться дервишемъ. Результатомъ этихъ странствованій были ученныя изслѣдованія—филологическія и этнографическія. Вернувшись въ Европу, онъ наконецъ достигъ цѣли своей жизни и, поселившись въ своемъ отечествѣ, получилъ профессорскую кафедру въ Буда-Пештѣ. Этимъ назначеніемъ онъ былъ обязанъ императору Францу-Иосифу, который, любезно принявъ его, лично пожаловалъ ему мѣсто профессора восточныхъ языковъ, на томъ основаніи, что онъ много перестрадалъ и вполнѣ заслужилъ этотъ постъ. Сначала онъ, однако, не пользовался популярностью въ университетѣ, и ректоръ ему прямо сказалъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ: «Не думаете ли вы, что мы не знаемъ, какой вы человекъ? Намъ хорошо извѣстно, что ваше знаніе восточныхъ языковъ—не безукоризненно, и что очень сомнительно, достойны ли вы занять это мѣсто, но мы не хотимъ дѣйствовать противъ приказанія его величества, и вы обязаны своимъ назначеніемъ только этому нравственному насилию». Однако, со временемъ онъ заслужилъ уваженіе не только въ Венгріи, но въ Германіи и Англии. Въ обѣихъ послѣднихъ странахъ онъ прославился многими сочиненіями по научнымъ и общественнымъ вопросамъ. Въ особенности англичанамъ онъ оказалъ громадныя услуги своей пламенной защитой англійскихъ интересовъ въ Азіи. Что касается до его враждебныхъ отношеній къ Россіи, то всѣмъ извѣстна его антирусская ненависть, нашедшая себѣ достойнаго противника въ г-жѣ Новиковой. Она пыталась всячески, по ея словамъ, «притушить его антирусское перо» и дискредитировать его предъ англійскими читателями. «Это вовсе не венгерецъ,— писала она,— а обманщикъ еврей, который вовсе не былъ въ Азіи, а только желалъ всячески обострить отношенія Россіи и Англии». Конечно, въ этомъ отношеніи г-жа Новикова слишкомъ увлекается, и заслуги Вамбери, какъ путешественника, не подлежатъ сомнѣнію. Однако, несмотря на то, нельзя вполнѣ вѣрить каждому слову его многочисленныхъ сочиненій, особенно полемическихъ, и его автобіографіи, гдѣ, очевидно, въ преувеличенныхъ выраженіяхъ, онъ отзывался о своей литературной работѣ. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: «Лучшее время дня, т.-е. утренніе часы, я обыкновенно посвящалъ серьезнымъ трудамъ, и въ возрастѣ тридцати и сорока лѣтъ отдавалъ еще нѣсколько часовъ вечеромъ болѣе важнымъ предметамъ. Днемъ, между десятью и двѣнадцатью часами и между двумя и пятью я, обыкновенно, писалъ съ помощью секретаря по вопросамъ политическимъ и литературнымъ. Благодаря привычкѣ и большой практикѣ, я научился писать въ одно время двѣ или три передовыя статьи на различныхъ языкахъ. Когда мнѣ минуло пятьдесятъ лѣтъ, то подобные *tour de force* причиняли мнѣ головную боль и приливъ крови, а потому я долженъ былъ отказаться отъ такого усиленнаго труда». Несмотря на все уваженіе, читаемое

англичанами къ почтенному автору, критикъ «Athenaeum»'а сомнѣвается, чтобы три передовыя статьи, разомъ написанныя, отличались первокласснымъ содержаніемъ.

— Смерть г-жи Лубэ, графини Боленкуръ, Мелани Кальва и Нормана Макколля. Нынѣшній скорбный листъ занятъ почти исключительно женскими именами. Первое мѣсто между умершими занимаетъ г-жа Лубэ, мать нынѣшняго президента Французской республики. Этой достойной всякаго уваженія женщиной было девяносто два года. Ея мужъ былъ простымъ крестьяниномъ, обработывавшимъ землю и торговавшимъ мулами. У него было трое дѣтей, изъ которыхъ двое мальчиковъ и одна дѣвочка. Одинъ изъ сыновей—докторъ, практикующій въ Гриньявѣ, а другой, Эмиль, былъ адвокатъ, депутатъ, сенаторъ и министръ, а теперь президентъ Французской республики. Дочь же вышла замужъ за Барбье. Г-жа Лубэ обожала Эмиля и, странно сказать, надѣялась, что онъ будетъ великимъ музыкантомъ, такъ какъ онъ сочинялъ марши и ораторіи. Но молодой человекъ пошелъ въ адвокаты и сначала открылъ юридическій кабинетъ въ Монтелимарѣ, а затѣмъ предался всецѣло политикѣ. Когда онъ сдѣлался министромъ, то старуха мать боялась, что ея ребенокъ забудетъ ее. Но она скоро убѣдилась, что онъ ни при какихъ обстоятельствахъ не забудетъ своей матери. Въ день избранія его президентомъ все населеніе окрестныхъ деревень собралось съ музыкой къ жилищу матери президента. «Вы теперь переселитесь въ Парижъ»,— говорили ей всѣ знакомые.— «Нѣтъ, нимало,— отвѣчала она :— мнѣ здѣсь слишкомъ хорошо, и сынъ мой Эмиль такой славный, что будетъ ко мнѣ пріѣзжать». Во время своей первой поѣздки въ Монтелимаръ, президентъ, приблизившись къ террасѣ, на которой ожидала его мать, остановилъ торжественное шествіе и, выйдя изъ экипажа, обнялъ старую мать. «О, Эмиль,— сказала она :— я знала, что ты не гордый и не покраснѣешь за свою мать крестьянку теперь, когда ты равенъ королямъ». Послѣ этого каждый годъ по нѣскольку разъ Лубэ навѣщала скромный домъ, въ которомъ онъ родился. Говорятъ, что въ послѣднее время онъ собирался по окончаніи своего семилѣтія удалиться въ этотъ уютный уголокъ къ своей старушкѣ матери. По несчастію она умерла 15-го января отъ воспаленія легкихъ.

На-дняхъ умерла въ Парижѣ аристократка, оставившая значительный пробылъ въ великосвѣтскомъ обществѣ—графиня Боленкуръ. Ея домъ на бульварѣ Гаусманъ представлялъ одинъ изъ послѣднихъ салоновъ, въ которыхъ еще сохранялись традиціи стараго французскаго общества. Она была дочерью маршала Кастеллана и такъ безумно любила своего отца, что не только посвятила ему всю свою жизнь, но послѣ его смерти издала многочисленныя тома его мемуаровъ. Она родилась въ 1818 году и имѣла сестру графиню Гатцфельдъ, впоследствии герцогиню Талейранъ. Восемнадцати лѣтъ она вышла замужъ за своего двоюроднаго брата, маркиза Контада, что не мѣшало ей почти постоянно жить съ отцомъ, который тогда командовалъ войсками въ Пиренеяхъ и Руанѣ. Когда ея отецъ достигъ званія маршала при второй имперіи и главнаго начальства въ Лионѣ, графиня Контадъ сдѣлалась придворной дамой, но почти ежедневно переносывалась съ своимъ отцомъ. Овдовѣвъ, она вторично вышла замужъ въ 1859-мъ году за графа Боленкура, бывшаго французскимъ

военнымъ агентомъ въ Берлинѣ. Она провела такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ въ Берлинѣ въ самомъ аристократическомъ кружкѣ. Возвратясь во Францію она закрыла глаза своему престарѣлому, умиравшему отцу и занялась изданіемъ его записокъ. Она умерла на 87 году своей жизни въ своемъ парижскомъ домѣ, гдѣ до послѣднихъ дней собиралось все аристократическое общество, какъ сторонники Бурбоновъ, такъ и бонапартисты.

Въ одномъ маленькомъ городкѣ Италіи, въ Вальтамурѣ, близъ Бари, недавно нашли умершей въ своемъ скромномъ жилищѣ Мелани Кальва. Въ сороковыхъ годахъ она пользовалась большою извѣстностью въ французскомъ и римскомъ обществахъ, благодаря салеттскимъ чудесамъ. Ею очень интересовались Наполеонъ III-й, Пій IX-й и даже королева Викторія. Конечно, съ годами ея популярность уменьшилась, и только Левъ XIII-й продолжалъ интересоваться ею и не разъ принималъ ее въ Ватиканѣ до 1891-го года. Эта мистическая поселанка была простой пастушкой въ 1846-мъ году и вмѣстѣ съ братомъ Максиминомъ будто бы видѣла, по ихъ увѣренію, Богородицу въ горахъ Салеттъ. Благодаря этой легендѣ, Салеттъ сдѣлался предметомъ многочисленныхъ паломничествъ. Многие католическіе епископы покровительствовали Мелани Кальва, и папа Левъ XIII публично благословилъ Салеттское мѣстоопклоненіе. Но въ католическомъ мірѣ нашлись ярые противники мистической дѣвы, и первое мѣсто между ними занималъ кардиналъ Перро, епископъ Отенскій и членъ французской академіи. Оба, братъ и сестра Кальва, по ихъ словамъ, получили отъ Богородицы тайну, написанную и врученную папѣ. Но Максиминъ кончилъ очень дурно жизнь, и въ виду его развратнаго поведенія клерикалы старались стусевать его существованіе. Напротивъ, Мелани, благодаря своимъ высокимъ покровителямъ, обнародовала исторію своихъ видѣній, въ которой подробно объяснена тайна, врученная ей будто бы Богородицей. Эта тайна заключалась въ регламентаціи жизни будущихъ монаховъ Салеттской обители. Одинъ богатый патерь оставилъ значительное наслѣдство Мелани, съ дѣлюю устройства этого монастыря, но архіепископъ Бордосскій воспротивился его постройкѣ. Въ «тайнѣ» Мелани, кромѣ постановленій съ общинѣ, находились нѣкоторыя предсказанія о будущемъ, которыя удивительно сбылись, именно о событіяхъ 1870-го и 1871-го г.г. во Франціи, 1896 года въ Италіи, 1898-го года въ Испаніи, 1899-го года въ Англии. Между прочимъ Мелани предсказала всѣ ужасы коммуны и сожженіе Париза. Въ послѣднее время мистическая Салеттская прорицательница была забыта всѣми, и только смерть напомнила объ ея существованіи.

Въ декабрѣ скончался въ Лондонѣ Норманъ Макколль, бывшій редакторъ «Athenaeum»'а, пользовавшійся общимъ уваженіемъ въ литературныхъ и научныхъ кружкахъ Англии. Онъ родился въ 1843-мъ году и получилъ прекрасное домашнее воспитаніе, подъ руководствомъ своего отца, содержавшаго образцовую частную школу. Такимъ образомъ молодой человекъ былъ отлично подготовленъ къ Кембриджскому университету, изъ котораго онъ вышелъ съ высшей ученой степенію. Въ своей ранней ученой дѣятельности онъ прославился своей диссертацией о греческихъ скептикахъ и еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что былъ однимъ изъ первыхъ тутеровъ, которые предложили

свои услуги студенткамъ Кембриджа. Получивъ ученую степень, онъ много путешествовалъ по Бельгiи, Францiи, Италiи, Испанiи, Швейцарiи и Германiи. Въ 1871-мъ году Макколлъ былъ назначенъ преемникомъ извѣстнаго писателя Генворта Диксона въ редакцiю «Athenaeum»'а и съ тѣхъ поръ оставался въ этомъ званiи до конца 1900-го года, когда по болѣзни онъ удалился на отдыхъ. Во все это время онъ дѣятельно занимался интересами журнала и если самъ писалъ немного, то руководилъ всѣми своими сотрудниками. Его журнальныя обязанности не мѣшали ему заниматься его любимыми классическими языками и испанской литературой. Его переводъ съ испанскаго сочиненiя Кальдерона—замѣчательнъ во всѣхъ отношенiяхъ.

— Новости польской исторической литературы. Земли прежней Польшы и сосѣднихъ славянскихъ странъ, описанныя въ физическо-географическомъ отношенiи. Ч. 2-я, Нижняя Польша. Д-ра А. Ремана. 1904. Краковъ. Изд. Академiи Наукъ. (*Ziemie dawnej Polski i sąsiednich krajów słowiańskich, opisane pod względem fizyczno-geograficznym. Część II. Niżowa Polska. Dr. Antoni Rehman. Kraków. 1904.*)

Вторая недавно вышедшая часть этого описанiя земель славянскихъ по-является, спустя девять лѣтъ послѣ первой, заглавiе которой авторъ далъ «Карпаты». Обширность этого труда, масса собраннаго матеріала, умѣнiе въ немъ разобраться научно и полное отсутствiе подобныхъ сочиненiй, трак-тующихъ объ этомъ вопросѣ въ цѣломъ,—заслуги почтеннаго автора. Тѣмъ не менѣе нельзя не поставить ему въ вину и многихъ пропусковъ и погрѣш-ностей, происходящихъ отъ того, что авторъ пользуется не вездѣ новѣй-шими учеными изслѣдованiями, а опирается на свидѣтельства, устарѣвшiя и уже давно исправленныя. Въ этомъ отношенiи лучше та часть этого труда, которая касается собственно Полши, т.-е. польскихъ земель, начиная съ прикарпатской впадины. Но и здѣсь статистика, напримѣръ, населенныхъ мѣстъ въ Силезiи устарѣла; Ясная Гора (стр. 84) находится не на правомъ берегу Варты, а копи серебра въ Олькушѣ перестали разрабатываться не вслѣдствiе шведскаго наѣзда, какъ объ этомъ говорятъ еще и другiе авторы, откуда и взято это утвержденiе, а вслѣдствiе недостатка олова съ наиболь-шимъ количествомъ примѣси серебра и т. п. Но эти промахи не насколько важны, чтобы на нихъ останавливаться, и нисколько не портятъ прекраснаго описанiя. Слабѣе въ этомъ отношенiи описанiе сосѣднихъ съ Польшей земель. Такъ, описывая Бессарабiю, авторъ не пользуется, повидимому, трудомъ Ми-хальскаго: «Къ вопросу о геологической природѣ подольскихъ «Толтръ». Го-воря о роли Давъпра, авторъ утверждаетъ, что «въ XI вѣкѣ уже не слышно о норманнахъ. Одновременно съ ихъ исчезновенiемъ на востокѣ Европы по-являются татары. Какъ извѣстно, татары появились на Руси въ XIII, а не въ XI вѣкѣ (въ 1228 г.), если же предположить, что авторъ даетъ названiе татаръ другимъ племенамъ степныхъ кочевниковъ—печенѣгамъ, половцамъ, то и печенѣги были современниками норманновъ. Очень неясно представляется возникновенiе и устройство Запорожья. Числовыя данныя не вездѣ пра-вильны: напримѣръ, средняя температура С.-Петербурга показана въ 1,9°, какъ и въ Краковѣ 12° (на стр. 478). На стр. 402 находимъ каналъ Вин-

давский, который еще находится въ проектѣ, а далѣе проектъ углубленія Березинскаго канала до морской глубины, который уже отвергнутъ, рѣка Эмбахъ вытекаетъ изъ Чудскаго озера въ Ворпѣрвъ, Тетеревъ—притокъ Припяти (стр. 192) и Днѣпра (на стр. 228). Затѣмъ нельзя не отмѣтить, что и въ отношеніи богатства содержанія эта часть уступаетъ первой—тѣмъ далѣе отъ Галиціи, тѣмъ подробностей меньше; появляются, напримѣръ, пропуски дѣльных земель, важныхъ въ антропо-географическомъ отношеніи. Такъ пропущено мѣсто поселенія племени полянъ надъ Днѣпромъ—между Россю, Днѣпромъ и Иршеню.

Климату описанныхъ земель посвящено страницъ 20, основанныхъ на климатологіи Гауна, и столько же почти страницекъ антропологіи, разработанной гораздо слабѣе предыдущей статьи. Въ отношеніи языка легко замѣтить влияние вѣмецкаго, и странное для польскаго языка образованіе прилагательныхъ отъ именъ собственныхъ (Rygajski, Sandomirski, Rdwnieński и т. д.).

Изъ историческихъ сочиненій заслуживаютъ особаго вниманія «Историческіе очерки XI вѣка» Ө. Войцѣховскаго (Szkice historyczne jedynastego wieku). Краковъ. 1904. 8°. 346 стр. съ 11 генеалогическими таблицами.

Одиннадцать очерковъ составлены авторомъ такъ, что каждый изъ нихъ, представляя какъ бы цѣлое, стоитъ вмѣстѣ съ тѣмъ во внутренней связи съ прочими, которые даютъ намъ исторически обоснованную картину отношеній Польши въ столь отдаленное время къ папѣ и Священной имперіи и начатокъ ея культуры. Роль просвѣтителей въ это время взяли на себя монахи—Eremiti, и дѣятельность ихъ настолько была плодотворна, что воспоминаніе о нихъ осталось навсегда въ традиціяхъ и легендахъ народа. Эремитамъ посвящены три очерка: 1) Eremiti reguty Sw. Romualda, 2) Ламбертъ I, эремитъ и епископъ краковскій, и 3) архіепископъ Богумилъ. Въ послѣднемъ мы находимъ отвѣты на вопросъ о возникновеніи монастырскихъ имуществъ и политикѣ XI вѣка, когда въ Польшѣ развилась сильная монархическая власть. Политикѣ этой посвященъ очеркъ: «Królestwo Polskie i koronacja Bolesława II», т. е. польское королевство и коронація Болеслава II, который, несмотря на свою цивилизаторскую дѣятельность, въ преданіи народа считается проклятымъ изъ-за дѣла епископа краковскаго Станислава. Очеркъ «Factum епископа Станислава» указываетъ, что онъ за участіе въ заговорѣ присужденъ былъ къ четвертованію—truncatio membrorum, что и было приведено въ исполненіе на горкѣ Вивеля между соборомъ и церковью св. Михаила. Послѣдній очеркъ г. Войцѣховскаго—«Владиславъ Германъ: zatrata korony i pierwszy kult Stanisława», содержитъ собственно оппозицію предыдущей эпохѣ со стороны узурпатора.

Научно-художественный очеркъ Польши при первомъ королѣ Вазѣ до 1650 далъ В. Лозинскій: Prawem i lewem. Обычай Червоной Руси въ первой половинѣ XVII вѣка. Изд. II, т. I.—Время и люди; т. 2—Войны внутреннія (rywatnie), Львовъ, 1904 (411+560 стр.). Картина общества за это время вышла у автора слишкомъ мрачной отъ того, что книги градскія земель львовской, галицкой, пшемысловской и саноцкой служили ему источникомъ и основой для картины—все дѣятели этой эпохи эгоисты до мозга

костей, надменны, корыстолюбивы безъ мѣры, дики, кровожадны. Время было тяжелое: конфедерацин, возстанія, наѣзды—всѣ эти бѣдствія пали на государство, не имѣвшее государственной организаціи. Было право, существовали нормы судебныя, но онѣ были безсильны; никто не думалъ ихъ примѣнять, такъ какъ представители власти, исполняя обязанности старостъ, думали только объ увеличеніи своего состоянія, не считаясь съ общественными потребностями, а власть центральная была безсильна принять противъ нихъ суровыя мѣры. Изъ всѣхъ особенно выдѣлялся одинъ своимъ могуществомъ Стадницкій изъ Ланцута, прозванный дьяволомъ. Авторъ собралъ все, что можно было, для характеристики этого разбойника, и оказалось, что онъ и его сыновья ничего не имѣютъ въ себѣ демоническаго—они просто тишъ кровожадныхъ разбойниковъ.

И книга г. Лозинскаго состоитъ изъ ряда очерковъ, связанныхъ одинъ съ другимъ, и проникнута, такъ сказать, шляхетской тенденціей—авторъ удивляется жизненности польской шляхты, пережившей не только этотъ переломъ (1600—1620), но и много еще другихъ: «гдѣ найдется другой народъ, который бы подобно Польшѣ безъ власти былъ бы могущественнымъ государствомъ, безъ постоянного войска одерживалъ огромныя побѣды, при внутреннемъ раздорѣ могъ доходить до такого патриотическаго единодушія. Доблесть поляковъ находится какъ бы позади поляковъ, а все-таки изъ нихъ, въ нихъ и черезъ нихъ заключается въ расовомъ геніи, въ общемъ у всѣхъ духъ, въ эманации дѣяній народныхъ». Въ I томѣ (2-е изд. черезъ годъ послѣ 1-го вышло) даетъ авторъ общія основанія общественнаго строя, трактуетъ о правѣ въ тѣсной связи съ дѣйствительностью, т.-е. съ общественной и частной организаціей, чтобы во 2-мъ перейти къ частному—картинѣ жизни одной части Польши—Червонной Руси. Интересное, художественное сочиненіе—при томъ почти единственное въ своемъ родѣ въ литературѣ Польши.

Въ заключеніе сообщаемъ о появленіи въ Варшавѣ въ 1905 г. новаго историческаго обозрѣнія «Przegląd historyczny», редакція котораго далека (по ея словамъ) отъ пропагандированія подъ маской исторической науки тенденцій политическихъ, общественныхъ и религіозныхъ и общаетъ по возможности быть объективной, не запрещая восхвалять прекрасныя стороны старины, но и не стараясь исправлять дурныя. Появленіе этого журнала не вызывается, повидному, особенной нуждой въ такомъ журналѣ: существующій въ Варшавѣ историческій «Kwartalnik» постоянно жалуется на недостатокъ подписчиковъ и связанныя съ этимъ зломъ убытки по изданію.

С М Ъ С Ъ.

ПАМЯТНИКЪ первопечатнику Ивану Федорову. Въ мастерской скульптора С. М. Волнухина уже почти закончена въ гипсъ фигура русскаго первопечатника Ивана Федорова, изготовляемая по заказу императорскаго Московскаго археологическаго общества для памятника, имѣющаго быть поставленнымъ въ Москвѣ у стѣны Китай-города. Иванъ Федоровъ изображенъ стоя во весь ростъ, безъ шапки, въ обычной одеждѣ среднихъ русскихъ людей XVI вѣка. Въ одной рукѣ онъ держитъ и разсматриваетъ имъ же сдѣланный оттискъ, а другой придерживаетъ поставленную на скамью печатную доску. Доска представляетъ собой развернутый листъ первой русской книги, Дѣяній Апостольскихъ, имъ же отпечатанной. На скамьѣ возлѣ доски лежитъ инструментъ для пользованія типографскою краскою. Густые волосы первопечатника придерживаются ремешкомъ-наголовникомъ. Его лицо свѣтится умомъ, открытый, благородный взглядъ говоритъ о человѣкѣ безупречной совѣсти. Вся фигура проникнута мужественною энергіей и твердостью волей.

Диспутъ Б. А. Панченка. 31-го октября въ одномъ изъ залъ С.-Петербургскаго университета состоялась защита диссертациі на степень магистра всеобщей исторіи Б. А. Панченка. Диссертација озаглавлена: «Крестьянская собственность въ Византіи. Земледѣльческій (крестьянскій) законъ и монастырскіе документы». Б. А. Панченко родился въ 1872 г., кончилъ С.-Петербургскій университетъ въ 1894 году. Затѣмъ работалъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Лейпцигѣ, Вѣнѣ. Изъ работъ его извѣстны «Тайная исторія Прокопія», «Папа Григорій Великій» и др. Изученіе аграрныхъ вопросовъ въ Византіи важно для западной исторіи, а особенно для славянъ и для русской исторіи, чтобы выяснитъ вопросъ о существованіи общины въ Византіи и основанія,

на которыхъ она зиждилась. Въ изученіи этого вопроса очень важную роль играетъ крестьянскій законъ, который былъ переведенъ на русскій языкъ еще въ XII вѣкѣ. Законъ этотъ, стоящій во главѣ византійской аграрной исторіи, понимался, по мнѣнію диссертанта, учеными неправильно. Онъ не указываетъ ни на отмѣну крѣпостничества, ни на разрѣшеніе перехода; реформы эти несомнѣнно приписываются иконоборцамъ. Древнѣйшій текстъ закона относится только къ свободнымъ собственникамъ. Надо отказаться, говоритъ авторъ диссертации, отъ мысли искать славянскую общину въ Византіи. Въ основѣ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи лежитъ не общинное начало, но начало личной наследственной собственности. Послѣ возраженій официальныхъ оппонентовъ, профессоровъ П. М. Гревса и П. А. Лаврова, Б. А. Панченко былъ признанъ достойнымъ искомой степени.

Общество любителей естествознанія. I. 15-го октября, въ Политехническомъ музеѣ состоялось годовое засѣданіе императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи подъ предѣлательствомъ Д. Н. Анучина и въ присутствіи большого числа членовъ и многочисленной публики. По открытіи собранія секретарь общества В. С. Елиатьевскій прочиталъ годичный отчетъ о дѣятельности общества, его отдѣловъ, отдѣленій и комиссій. Въ истекшемъ отчетномъ году, 41-мъ со времени своего основанія, общество понесло тяжелыя утраты въ лицѣ многихъ скончавшихся его членовъ, видныхъ научныхъ и государственныхъ дѣятелей. Скончались: Ф. А. Бредихинъ, ген.-адъют. П. С. Ванновскій, проф. Э. Дюкло, вице-адмиралъ Макаровъ, заслуженный профессоръ В. В. Марковниковъ, проф. Ф. Ратцель, Марсъ Бартельсъ, проф. В. В. Докучаевъ, В. И. Чачеринъ, С. М. Перяславцева и проф. И. Н. Смирновъ. Въ минувшемъ году общество имѣло три засѣданія совѣта, два закрытыхъ засѣданія и пять публичныхъ. Его императорскому величеству государю императору благоугодно было въ 28-й день мая 1904 г., по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ, высочайше повелѣть соизволить выдать изъ суммъ государственнаго казначейства музыкально-этнографической комиссіи, состоящей при этнографическомъ отдѣлѣ общества, 2.000 рублей въ единовременное пособіе на печатаніе трудовъ комиссіи. На состоявшемся въ въ августѣ текущаго года VI международномъ зоологическомъ конгрессѣ въ Бернѣ, учрежденныя при обществѣ преміи въ память собиравшихся въ Москвѣ въ 1892 г. международныхъ конгрессовъ, присуждены слѣдующимъ лицамъ: премія имени императора Александра III—профессору лѣсной академіи въ Мюнхенѣ (Ганноверѣ) д-ру Рихарду Геймонсу за работы по анатоміи и эмбриологіи солифугъ; премія имени государя наследника, нынѣ его императорскаго величества государя императора Николая II,—приватъ-доценту университета въ Грацѣ (Австрія) д-ру Рудольфу фонъ-Штуммеръ-Трауфельсу за изслѣдованія надъ *Mysostomidae*. Въ истекшемъ году общество издало 105-й и 1-й выпускъ 107-го тома своихъ извѣстій; въ обмѣнъ на свои изданія общество получило около 214 періодическихъ изданій, не считая полученныхъ бібліотеками отдѣловъ и отдѣленій въ обмѣнъ на ихъ спеціальныя изданія. Антропологическій отдѣлъ общества имѣлъ пять засѣданій, на которыхъ было сдѣлано десять сообщеній. Отдѣлъ издалъ XII томъ своихъ «Трудовъ» и продолжалъ

изданіе «Русскаго антропологическаго журнала». Этнографическій отдѣлъ имѣлъ 14 засѣданій съ 23-мя сообщениями и продолжаетъ изданіе «Этнографическаго Обзорнія». Состоящая при отдѣлѣ музыкально-этнографическая комиссія имѣла десять засѣданій съ 12-ю сообщениями, при чемъ почти всѣ доклады въ публичныхъ засѣданіяхъ сопровождались исполненіемъ образцовъ пѣсенъ, преимущественно изъ записей членовъ комиссіи. Нѣкоторыми членами комиссіи въ послѣднее время совершены были поѣздки въ различныя мѣстности Европейской Россіи и на Кавказъ для записи пѣсенъ и духовныхъ стиховъ. Въ настоящее время печатается первый томъ «Трудовъ» комиссіи, а второй готовится къ печати. Кромѣ того, на-дняхъ выйдетъ въ свѣтъ систематическій школьный сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ въ качествѣ пособия при обученіи пѣнію въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. На средства члена комиссіи, П. Д. Самарина, готовятся къ изданію нѣкоторые изъ трудовъ покойнаго члена общества Ю. Н. Мельгунова, а именно: «Учебникъ ритмики», подъ редакціей акад. Ф. Е. Корша, и «Общая теорія ритмики» Руд. Вестфала въ переводѣ Ю. Мельгунова съ его добавленіями. Отдѣленіе физическихъ наукъ имѣло 4 засѣданія, и состоящая при немъ физико-математическая комиссія— 2 засѣданія; на этихъ 6-ти засѣданіяхъ сдѣлано всего 16 сообщеній. Отдѣленіемъ изданъ 1-й выпускъ XII тома его трудовъ и законченъ печатаніемъ 2-й выпускъ того же тома. Въ засѣданіи 1-го октября отдѣленіе, по предложенію своего предсѣдателя, постановило образовать воздухоплавательную комиссію. Зоологическое отдѣленіе имѣло четыре засѣданія съ 14-ю сообщениями. Отдѣленіемъ изданъ 5-й выпускъ III тома «Дневника зоологическаго отдѣленія». Состоящая при отдѣленіи комиссія для изслѣдованія фауны Московской губерніи имѣла четыре засѣданія съ 14-ю сообщениями. Скоро появятся въ свѣтъ «Дополненія къ фаунѣ Московской губерніи». Ботаническое отдѣленіе имѣло одно засѣданіе съ 5-ю сообщениями, химическое— три засѣданія съ 24-мя сообщениями, географическое— 8 засѣданій съ 16-ю докладами. Отдѣленіе продолжало издавать журналъ «Земледѣліе». Состоящая при отдѣленіи топографо-геодезическая комиссія имѣла 5 засѣданій совѣта и десять общихъ собраній съ 8-ю докладами. Въ комиссіи обсуждался вопросъ объ учрежденіи «Общества русскихъ земледѣльцевъ», преслѣдующаго цѣли научныя и взаимопомощи. Изданъ XVIII выпускъ трудовъ комиссіи и первая книга «Межевого Сборника». Отдѣленіе физиологій имѣло 5 засѣданій съ 4-мя сообщениями, отдѣленіе бактериологій— 10 засѣданій съ 38-ю докладами. Музей прикладныхъ знаній посетили 116.822 чел.; объясненій по праздничнымъ днямъ было сдѣлано въ большой аудиторіи 60. Директоромъ отдѣла прикладной физики А. Х. Ренманомъ было устроено 11 объясненій коллекцій физическаго отдѣла для московскихъ кадетскихъ корпусовъ и военныхъ училищъ. Кромѣ того, устраивались публичныя лекціи и чтенія по вечерамъ (72), привлекая 8.025 слушателей. Болѣе 20 ученыхъ обществъ имѣли въ музеѣ 363 засѣданія, которыя посетили 10.845 чел. Комиссіей народныхъ чтеній устроено было въ музеѣ 20 чтеній съ числомъ слушателей 6.229 чел. Постоянная комиссія при отдѣлѣ прикладной физики имѣла 5 засѣданій съ 11-ю сообщениями. Въ виду всеобщаго интереса, возбуждаемаго свойствами недавно открытыхъ радіок-

ивныхъ веществъ, отдѣлъ прикладной физики приобрѣлъ два препарата радія: отъ Кюри и отъ Гизеля. Различныя опыты съ этими препаратами производились въ засѣданіяхъ комиссіи; цѣнный вкладъ въ физическій отдѣлъ сдѣланъ членомъ комиссіи К. Н. Солодовниковымъ, пожертвовавшимъ музею обширную коллекцію фотографическихъ приборовъ, собранную жертвователемъ въ теченіе 25-лѣтней фотографической дѣятельности. 14 членовъ общества совершили въ истекшемъ году поѣздки съ научными цѣлями въ различныя мѣстности. Общество въ отчетномъ году избрало въ число своихъ почетныхъ членовъ профессора военно-медицинской академіи И. П. Павлова, академика В. В. Радлова, проф. А. П. Сабанѣва, проф. Кюри и г-жу Кюри-Складовскую въ Парижѣ за всемірно-извѣстныя заслуги открытія радиоактивныхъ веществъ, и проф. С. Каницаро въ Римѣ за плодотворную ученую дѣятельность въ области химіи. На основаніи отзывовъ специальныхъ комиссій, общество въ предгодичномъ засѣданіи присудило: премію имени А. П. Раздвѣтова по антропологии—д-ру А. А. Сухареву за книгу его: «Казанскіе татары», золотую медаль имени А. П. Раздвѣтова — А. Н. Абрамову за работу о географическомъ распространеніи различныхъ формъ *areg. turgae rugiformis*; премію имени В. П. Мошнина—В. Д. Зернову за трудъ: «Сравненіе методовъ абсолютнаго измѣренія силы звуковыхъ колебаній». По предложенію отдѣленій общество присудило: золотую медаль Е. Э. Ливевой во вниманіе къ ея выдающимся трудамъ въ области русской народной музыки; серебряныя медали: М. Н. Ландсману за изслѣдованіе малаго бассейна озера Гокча; В. А. Лесневскому за изслѣдованіе озеръ Витебской губерніи; А. М. Остроухову за предоставленіе этнографической коллекціи, вывезенной изъ земли Урянховъ, А. М. Листопадову за изученіе мелодій дѣтскихъ пѣсенъ; В. Ф. Піотровскому за поѣздки для изученія озеръ Владимирской губерніи, Кокчетавскаго уѣзда; С. Н. Соколову за поѣздку въ Повѣнецкій уѣздъ, Орловской губерніи; бронзовую медаль Ѳ. Д. Увакину за услуги, оказанныя канинской экспедиціи Б. М. Житкова. По прочтеніи отчета проф. В. К. Церасскій произнесъ рѣчь, посвященную памяти покойнаго Ѳ. А. Бредихина. Кромѣ профессорской дѣятельности, Ѳ. А. Бредихинъ напечаталъ цѣлый рядъ ученыхъ работъ по спектральному анализу солнца и звѣздъ, работъ по изслѣдованію Юпитера, но важнѣйшимъ изъ его ученыхъ трудовъ являются работы по изслѣдованію кометъ. До его изслѣдованій хвостовъ кометъ мы были увѣрены, что всѣ явленія движенія объясняются ньютоніанскимъ притяженіемъ, но онъ доказалъ съ полной ясностью существованіе другой отталкивающей силы, рѣзко различающейся отъ ньютоніанскаго притяженія,—силы, исходящей изъ солнца и дѣйствующей на разрѣженную матерію кометныхъ хвостовъ. Разъ такая сила существуетъ, то какъ бы она мала и ничтожна ни была въ хозяйствѣ природы, открытіе ея имѣетъ весьма важное научное значеніе. Въ кометахъ присутствуетъ разбивающая и разлагающая сила. Изъ кометъ вылетаютъ частицы и порождаютъ явленія, извѣстныя подъ именемъ падающихъ звѣздъ и метеорныхъ дождей. По своему характеру Бредихинъ былъ истинный ученый, несомнѣнно талантливый, превосходно образованный, обладавшій живымъ воображеніемъ и выдающейся способностью концентрировать свою мысль надъ однимъ цикломъ вопросовъ,

работая надъ нимъ съ большимъ усердіемъ десятки лѣтъ. Д. Н. Анучинъ и Н. Е. Жуковский сдѣлали сообщенія о научныхъ заслугахъ вице-адмирала С. О. Макарова. Д. Н. Анучинъ сообщилъ о научныхъ заслугахъ покойнаго вице-адмирала С. О. Макарова въ области физической географіи моря и по изслѣдованію полярныхъ странъ. С. О. принадлежитъ изслѣдованіе теченій въ Босфорѣ, именно установленіе подводнаго, глубиннаго теченія, идущаго изъ Мраморнаго моря въ Черное и вносящаго въ послѣднее болѣе тяжелую и соленую воду, тогда какъ по верху идетъ теченіе изъ Чернаго моря, несущее болѣе легкую и менѣе соленую воду. Второй трудъ С. О. касается изученія удѣльнаго вѣса и температуры воды сѣвернаго Тихаго океана во время плаванія въ 1886—1887 гг. на корветѣ «Витязь». Обѣ работы были награждены академіей наукъ преміями, а послѣдняя, кромѣ того, Константиновскою медалью отъ императорскаго географическаго общества. Третій трудъ покойнаго адмирала—«Ермакъ во льдахъ»—заключаетъ въ себѣ описаніе постройки громаднаго ледокола «Ермакъ» и его плаванія въ Балтійскомъ морѣ (зимомъ) и въ Ледовитомъ океанѣ (къ Шпицбергену). Послѣ того С. О. ходилъ на «Ермакъ» и къ западнымъ берегамъ Новой Земли. На экранѣ были показаны портретъ С. О. Макарова, чертежи, иллюстрирующіе нѣкоторыя данныя первыхъ двухъ работъ, а также постройки и плаваній «Ермака». Въ своемъ сообщеніи Н. Е. Жуковский указалъ на работы С. О. Макарова въ области науки о кораблѣ. Подъ вліяніемъ А. А. Попова, онъ обратилъ вниманіе на непотопляемость корабля—самую существенную его сторону, на устройство переборокъ въ кораблѣ. Въ числѣ работъ въ области конструкціи корабля представляется важной также его работа по водоотливнымъ средствамъ. Во время кругосвѣтнаго путешествія на «Витязѣ» имъ произведены изслѣдованія и усовершенствованія, касающіяся быстрой разводки паровъ на кораблѣ и экономіи топлива. Отмѣтивъ затѣмъ работы С. О. Макарова по приспособленію изъ канатовъ намордниковъ на тараны кораблей, чтобы смягчить производимыя ими разрушенія при столкновеніяхъ съ другими судами и др., референтъ указалъ, что покойному вице-адмиралу принадлежитъ заслуга введенія бездымнаго пороха въ нашъ флотъ. Въ заключеніе, коснувшись ледокола «Ермака», построеннаго по проекту С. О. Макарова, референтъ высказалъ, что хотя цѣль устроить судно, пригодное для плаванія въ полярномъ морѣ, не была достигнута С. О., но идея его заслуживаетъ глубокаго вниманія и современемъ будетъ осуществлена. П. Н. Лебедевъ сдѣлалъ сообщеніе «Эфиръ и матерія». За послѣднія 10 лѣтъ и особенно послѣдніе 2—3 года въ нашей наукѣ произошла огромная перемѣна въ области того, что считалось прежде недоступнымъ. Границы недоступнаго теперь отодвинуты дальше. Огромныя научныя завоеванія касаются вопроса о связи между вѣсомой матеріей и невѣсомымъ эфиромъ. По современнымъ взглядамъ науки, все міровое пространство занято тѣломъ, которое называется свѣтоноснымъ эфиромъ. Благодаря ему, мы воспринимаетъ свѣтъ отъ самыхъ отдаленныхъ звѣздъ. Но помимо свѣтовыхъ колебаній эфиръ проявляетъ и силы электрическія и магнитныя, такъ какъ свѣтотыя колебанія—не что иное, какъ электро-магнитныя колебанія. Вѣсомая матерія представляетъ болѣе или менѣе сложный конгломератъ отдѣль-

ныхъ молекулъ, которыя составляютъ изъ ряда химическихъ атомовъ. Мы имѣемъ около 74 элементовъ тѣлъ, которые не подвергаются дальнѣйшему разложенію, и весь видимый міръ состоитъ изъ этихъ элементовъ. Новый шагъ, сдѣланный за послѣднее время наукой, касается вопроса объ этихъ атомахъ, дѣйствительно ли они представляютъ тѣла, не поддающіяся дальнѣйшему упрощенію, разложенію на составныя части. Новыя открытія показываютъ, что химическіе атомы построены изъ особыхъ атомовъ, атомовъ электрическихъ или электроновъ. Существуютъ положительные и отрицательные электроны. Атомы химическіе, которые состоятъ изъ электроновъ, позволяютъ уяснить другое свойство матеріи—самосвѣченіе тѣлъ, и мы можемъ подступить къ рѣшенію вопроса, чтѣ такое инерція тѣлъ,—представляющаяся намъ, какъ первичное основное качество матеріи. Инерція также разсматривается теперь, какъ явленіе электро-магнитное. Затѣмъ референтъ изложилъ исторію развитія представленной имъ теоріи, начиная съ открытія Вольта о связи химической реакціи съ электрическими явленіями, и, упоминая объ открытіи Фарадеема закона связи химическихъ реакцій съ электрическими силами, объ открытіяхъ Крукса и Рентгена, изложилъ подробно современныя изслѣдованія супруговъ Кюри и другихъ въ области радиоактивныхъ тѣлъ, доказывая основныя положенія упомянутой теоріи. Сообщение это демонстрировалось рядомъ опытовъ и изображеній на экранѣ. Послѣ перерыва Д. Н. Анучинъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: «Фонографъ въ примѣненіи къ этнографіи». Указавъ на опыты записыванія помощью фонографа пѣсенъ индѣйцевъ въ Сѣверной Америкѣ, китайской, сіамской музыки и т. д. и упоминая объ аналогичныхъ записяхъ русскихъ пѣсенъ Е. Э. Линева и другими, референтъ сообщилъ, что ему удалось получить изъ Средне-Колымска, въ Якутской области, отъ г. Ю. Строжецаго записи нѣсколькихъ старинныхъ русскихъ пѣсенъ (о Стенькѣ Разинѣ, о Скопинѣ и Малютѣ Скуратовѣ) и др., а также нѣсколько якутскихъ и якутскаго шаманскаго камланья. По этому поводу референтъ ознакомилъ вкратцѣ съ характеромъ якутскихъ пѣсенъ и съ сущностью шаманства (въ залѣ были выставлены доставленные изъ этнографическаго отдѣленія Румянцовскаго музея манекены якутскаго и гольдскаго шамановъ и разныя принадлежности шаманскаго культа), при чемъ нарисовалъ картину шаманскаго камланья у якутовъ. Вслѣдъ затѣмъ Е. Э. Линева ознакомила воспроизведеніемъ на фонографѣ съ якутскою колыбельною пѣсней, съ якутской олонго (былина) и съ заклинаніями шамана, а также съ русскою старинною пѣсню о Стенькѣ Разинѣ, которая для большей ясности была исполнена съ нотъ хоромъ. II. 22-го октября, въ засѣданіи географическаго отдѣла императорскаго общества любителей естествознанія товарищъ предсѣдателя императорскаго русскаго географическаго общества, Ю. М. Шокальскій, сдѣлалъ сообщеніе относительно измѣренія бассейновъ, рѣкъ и административныхъ единицъ, предпринятаго покойнымъ ученымъ Алексѣемъ Андреевичемъ Тилло. Конечно, нѣтъ никакой необходимости распространяться о важности подобнаго рода работъ. Всякій знаетъ, какое значеніе имѣютъ точныя таблицы площадей для государственныхъ людей, политиковъ, экономистовъ и др. Однако, до сихъ поръ у насъ не было точныхъ и современныхъ данныхъ относительно Азіат-

ской Россіи. Вычисленія и измѣренія, произведенныя въ 1883—1884 году П. А. Стрѣльбицкимъ, по только-что изданной картѣ Азіатской Россіи не отличались особенною точностью и теперь уже значительно устарѣли. Поэтому начало работы, предпринятой А. А. Тилло въ 1896 году, было встрѣчено весьма сочувственно, какъ въ ученѣмъ, такъ и въ административномъ мірѣ. Министерство путей сообщенія снабдило изслѣдователей необходимою суммой, а военно-топографическій отдѣлъ главнаго штаба—необходимыми картами и пособиями. Благодаря такому отношенію, эта трудная работа теперь уже почти закончена, и большая часть ея печатается. Въ началѣ своей рѣчи г. Шокальскій довольно подробно остановился на способахъ измѣренія площадей большого размѣра. Какъ извѣстно, непосредственно на мѣстѣ, при помощи геодезическихъ инструментовъ, можно опредѣлить только площади весьма небольшого размѣра. Большія же площади (уѣздовъ, губерній, округовъ) измѣряются исключительно по картѣ. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ самому измѣренію, необходимо подыскать карту, точную по мѣрѣ возможности. Послѣ долгихъ выборовъ изслѣдователи остановились на картѣ Азіатской Россіи, изданной военно-топографическимъ отдѣломъ. Послѣ выбора карты, тотчасъ же возникаетъ вопросъ о наилучшемъ въ данномъ случаѣ способѣ измѣренія. Разобравъ всѣ употребляемые до сихъ поръ способы, изслѣдователи нашли необходимымъ найти свой собственный способъ, который и назвали способомъ измѣренія по зонамъ. Этотъ способъ, представляющій изъ себя главнымъ образомъ усовершенствованіе обыкновеннаго планометрическаго способа, по своей точности далеко превзошелъ всѣ прочіе, не будучи, однако, нисколько не сложнѣе ихъ. Цѣлый рядъ примѣровъ, приведенныхъ г. докладчикомъ, вполне выяснилъ достоинства этого способа. Сравнивъ результаты, полученные 20 лѣтъ тому назадъ г. Стрѣльбицкимъ, съ результатами, найденными теперь, г. Шокальскій нашелъ, что ошибки въ новомъ спискѣ не превышаютъ 0,075%, тогда какъ при вычисленіи по прежнему (Стрѣльбицкаго) способу онѣ нерѣдко превышали 0,12%. Разъяснивъ способы изслѣдованія, г. Шокальскій объявилъ результаты этой восьмилѣтней работы (1896—1904). Со времени опубликованія первыхъ работъ, произведенныхъ еще г. Тилло умершимъ въ ноябрѣ 1899 года, были произведены три важныя измѣренія: 1. Измѣреніе бассейновъ рѣкъ. 2. Измѣреніе административныхъ единицъ по картамъ прежнихъ изданій. 3. Измѣреніе административныхъ единицъ по новѣйшимъ картамъ. Изслѣдованіе въ 1899 году сѣвернаго побережья Азіатской Россіи, какъ извѣстно, сильно измѣнившее очертанія сѣвернаго берега Сибири, заставило вновь произвести измѣренія. Вычисляя площади, необходимо было сравнить ихъ съ результатами, полученными въ 1883 году П. А. Стрѣльбицкимъ и выразить все это въ удобо-понятныхъ и точныхъ числахъ. Въ заключеніе г. Шокальскій высказалъ свои мысли относительно картографическихъ измѣреній. По его словамъ, эти данныя точны только постольку, поскольку точна карта, и всецѣло зависятъ отъ ея достоинства и недостатковъ. Если же принять въ соображеніе всю трудность составленія карты, то понятно, что на точность даже лучшей изъ нихъ нельзя положиться. И, дѣйствительно, для того, чтобы составить точную карту, необходимо пользоваться весьма точными триангуляціонными измѣреніями, а эти измѣренія вслѣдствіе

своей дороговизны весьма рѣдки. Такъ, напримѣръ, въ Россіи триангуляціонныя измѣренія имѣются только на западѣ, въ Крыму и на Кавказѣ, а остальные части обозначены на картахъ только на основаніи приблизительныхъ вычисленій. Въ Сибири же большинство картъ составлено просто по запискамъ и чертежамъ туристовъ, являющихся по большей части новичками въ картографіи. Другой недостатокъ картъ—это неопредѣленность границъ. Чтобы точно вычислить площадь бассейна или области, надо знать ея границы, которыя особенно въ Азіи, проведены почти произвольно, за отсутствіемъ точныхъ цифровыхъ данныхъ. Кромѣ подобныхъ недостатковъ картографіи, недостатки картъ сами по себѣ (ссыханіе и разбуханіе бумаги, сдвиги при печатаніи и т. п.) дѣлаютъ картографическія вычисленія только приблизительными.

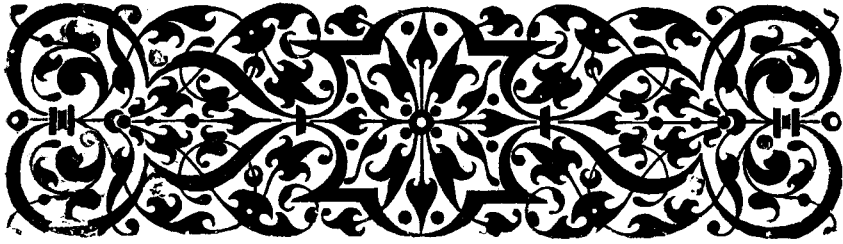
Пензенская архивная комиссія. Пензенская архивная комиссія, составляя для своего музея коллекцію портретовъ бывшихъ пензенскихъ губернаторовъ и не имѣя въ своемъ распоряженіи портретовъ: А. В. Крыжановскаго (1809—1811 г.), князя Г. С. Голицына (1811—1816 г.), графа Е. П. Толстого (1859—1861 г.) и В. П. Александровскаго (1862—1867 г.), проситъ родственниковъ этихъ губернаторовъ, а также учрежденія и лица, въ распоряженіи которыхъ могли бы находиться портреты, выслать въ комиссію или фотографическіе снимки или же самые портреты для сдѣланія съ нихъ снимковъ, или же наконецъ, хотя бы указать тѣхъ лицъ и тѣхъ учрежденій, гдѣ бы могли быть таковыя портреты. Портреты эти или же снимки съ нихъ, по минованіи надобности, будутъ съ глубочайшей благодарностью немедленно возвращены по принадлежности въ дѣлности. Собошенія просятъ дѣлать по адресу ученой архивной комиссіи (Пенза, Соборная площадь, д. № 8).

Библиологическое общество. 23-го октября, подъ предѣлательствомъ А. И. Малеина, въ помѣщеніи торговой школы состоялось общее собраніе членовъ Русскаго библиологическаго общества. По разсмотрѣніи годового отчета за минувшій годъ, собраніе выслушало смѣту по обществу и журналу «Литературный Вѣстникъ». По утвержденіи смѣты, было приступлено къ выборамъ президента общества. Избранъ единогласно В. Θ. Боцяновскій, секретаремъ—Л. П. Лобовъ, казначеемъ—К. І. Храневичъ и членомъ совѣта—А. Л. Липовскій. Былъ выслушанъ интересный докладъ по историко-литературной секціи Н. И. Коробки объ отношеніи покойнаго А. П. Чехова къ современнымъ общественнымъ теченіямъ. Докладъ вызвалъ оживленныя пренія, въ которыхъ участвовали: А. Л. Липовскій, Павловъ-Селивановъ и В. Θ. Боцяновскій. В. Θ. Боцяновскій, между прочимъ, упомянулъ о А. Ф. Марксѣ, содѣйствовавшемъ распространенію произведеній Чехова въ народѣ. Память издателя «Нивы» была почтена вставаніемъ. За позднимъ временемъ докладъ С. А. Изнара «Объ уголовномъ правѣ» въ романѣ Л. Н. Толстого «Воскресеніе» отложенъ до слѣдующаго общаго собранія.

Заглохшая комиссія. Подъ этимъ заглавіемъ въ № 298 «Московскихъ Вѣдомостей» отъ 28-го октября 1904 года помѣщена нижеслѣдующая интересная статья. Въ настоящее время всѣ извѣстные памятники древняго русскаго искусства до половины XVIII столѣтія охраняются отъ разрушеній и искаженій. Но памятники русскаго искусства съ половины XVIII столѣтія и

позже находятся въ большомъ забвеніи, часто подвергаются искаженіямъ и т. п. Академикъ В. В. Сусловъ въ свое время поставилъ на видъ собранію академіи художествъ подобное нежелательное положеніе дѣла. Археологія не касается изученія памятниковъ съ половины XVIII столѣтія, какъ «памятниковъ новѣйшаго искусства», которые не носятъ, по опредѣленію археологовъ, слѣдовъ самобытнаго творчества. Между тѣмъ въ это столѣтіе, т.-е. отъ половины XVIII до половины XIX вѣка, искусство у насъ развивалось, и хотя довольно подражательное, часто несвойственное русской жизни, оно все же создало цѣлый новый строй художественной жизни, во главѣ съ академіей художествъ. «Выдающіеся памятники искусства этого періода, — говоритъ названный академикъ, — такъ или иначе, отражали въ себѣ нашу новую государственную жизнь, а потому должны подлежать исторической оцѣнкѣ и, до извѣстной степени, охраняться отъ искаженій». Къ категоріи такихъ памятниковъ, по мнѣнію В. В. Суслова, слѣдуетъ отнести: 1) монументальныя постройки, исполненныя талантливыми архитекторами и разбѣяныя въ главныхъ центрахъ городской жизни, 2) памятники русскимъ государямъ, поэтамъ, литераторамъ и ученымъ, 3) выдающуюся живопись въ нашихъ соборахъ и т. п. сооруженіяхъ. Насколько возможно варварское отношеніе къ памятникамъ искусства XVIII—XIX столѣтій, безъ строгаго охраненія имъ, даже недалеко отъ столицы, рисуетъ фактъ, что для реставраціи прекрасныхъ священныхъ изображеній профессора Майкова въ Спаскомъ соборѣ Юрьевского монастыря, близъ Новгорода, были приглашены мальчуганы изъ иконописной столичной мастерской, которые и проищывали вновь майковскія иконы. Такой фактъ мы видимъ въ мѣстѣ, отстоящемъ, сравнительно, очень недалеко отъ центра художественной, археологической и умственной жизни Россіи — отъ Петербурга. Можно же себѣ представить, какому недостойному отношенію подвергается многое множество памятниковъ искусства, совершенно пропадая для исторіи и изученія, въ глубинѣ Россіи, о чемъ до насъ не доходитъ никакихъ слуховъ. Поэтому-то В. В. Сусловъ считаетъ крайнюю необходимостью, чтобъ императорская академія художествъ организовала особую комиссію со слѣдующими полномочіями: 1) привести въ извѣстность выдающіяся монументальныя произведенія искусства за время отъ второй половины XVIII столѣтія по вторую половину XIX-го; 2) собрать подробнѣйшія свѣдѣнія о нихъ и детальныя фотографіи; 3) увѣковѣчить, по дознанію, имена авторовъ на ихъ произведеніяхъ, и 4) обсудить средства къ охраненію наиболѣе замѣчательныхъ изъ нашихъ памятниковъ искусства. По заключенію В. В. Суслова, «этимъ самымъ поднялся бы интересъ къ произведеніямъ искусства и въ самомъ обществѣ». Императорская академія художествъ вполне сочувственно отнеслась къ дѣйствительно важному заявленію В. В. Суслова; но академіи художествъ въ дѣлѣ охраненія и изученія памятниковъ старины могло бы явиться затрудненіе въ томъ отношеніи, что многіе изъ нихъ, по своимъ назначеніямъ, находятся въ вѣдѣніи различныхъ вѣдомствъ и министерствъ. Въ настоящее же время эти затрудненія въ извѣстной степени устраняются послѣ личнаго сношенія В. В. Суслова съ бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, отнесшимся къ этому весьма сочувственно, и съ бывшимъ директоромъ департамента общихъ дѣлъ министерства, выяснилось, что архитектурныя со-

оруженія, подвѣдомственныя министерству внутреннихъ дѣлъ, могутъ быть надлежащимъ образомъ оцѣнены и въ силу выработанныхъ требованій будутъ охраняться, а по отношенію къ архитектурнымъ сооруженіямъ, подвѣдомственнымъ инымъ министерствамъ, придется возбудить особыя ходотайства. Благодаря тому, что памятники скульптуры—памятники государямъ и государынямъ, историкамъ, поэтамъ, писателямъ, музыкантамъ и другимъ лицамъ, которые охранялись городскими управленіями, официально все же находятся въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, содѣйствіе этого министерства по сохраненію ихъ можетъ выразиться въ самой значительной степени. Относительно же церковныхъ памятниковъ, подвѣдомственныхъ частью министерству внутреннихъ дѣлъ, частью святѣйшему синоду, придется академіи художествъ разобратъ въ томъ, какіе изъ нихъ заслуживаютъ должнаго охраненія, и освѣдомиться, какія задачи положены учрежденіями въ смыслѣ завѣдыванія тѣмъ или другимъ памятникомъ. И уже затѣмъ можетъ открыться вопросъ о сохраненіи съ художественной стороны. По соображеніямъ В. В. Суслова, церковные памятники, достойные охраненія, должны быть внесены въ «клировыя вѣдомости храмовъ». «О сохранности ихъ потребуетъ отмѣтка при представленіи клировыхъ вѣдомостей въ консисторію, и, по возможности, достойнѣйшіе памятники должны быть опубликованы въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Въ настоящее время императорскою академіей художествъ избрана особая коммиссія для разработки вопроса о сохраненіи памятниковъ искусства XVIII и XIX столѣтій. Въ основу дѣйствій вновь образованной коммиссіи войдетъ слѣдующее: намѣтить общія положенія объ охраненіи выдающихся памятниковъ искусства, при совмѣстномъ дѣйствіи министерства внутреннихъ дѣлъ и академіи художествъ; составить рядъ специальныхъ вопросовъ, по которымъ могли бы получиться предварительныя свѣдѣнія о монументальныхъ памятникахъ искусства (описанія, фотографическіе снимки, старинные и новые чертежи, модели, эскизы и т. д.), указать министерству внутреннихъ дѣлъ лицъ, живущихъ въ той или другой мѣстности, гдѣ есть памятники искусства, которымъ можно было бы поручить собрать необходимыя свѣдѣнія. Во вновь избранную коммиссію были назначены Е. Н. Котовъ, П. П. Кондаковъ, В. В. Сусловъ и кандидатомъ М. П. Боткинъ—люди, зарекомендовавшіе себя многочисленными трудами и изслѣдованіями по исторіи русской археологіи и искусства. Такимъ образомъ, отъ этой коммиссіи можно было бы ожидать благопріятныхъ и скорыхъ результатовъ, тѣмъ болѣе, что министерство внутреннихъ дѣлъ, при полученіи отъ академіи художествъ надлежащихъ указаній и запросовъ, готово при своихъ полномочіяхъ и денежныхъ расходахъ начать это дѣло энергичнымъ путемъ. Но что-то не слышно о результатахъ работъ этой коммиссіи, и было бы крайне важно и интересно узнать, что ею сдѣлано, предпринято и намѣчено. Эта коммиссія, несомнѣнно, должна звать, что въ своихъ работахъ ей придется въ большой степени пользоваться указаніями частныхъ лицъ, частныхъ археологовъ и коллекционеровъ. Они бы всѣ охотно пришли на помощь коммиссіи своими указаніями, но желанія ихъ парализуются тѣмъ, что неизвѣстно, какъ работаетъ эта важная коммиссія, да и работаетъ ли вообще.

НЕКРОЛОГИ.

АВЕРКІЕВЪ, Д. В. † 8-го января скончался извѣстный писатель-драматургъ и журналистъ Димитрій Васильевичъ Аверкіевъ. Покойный родился 30 сентября 1836 г. въ Екатеринодарѣ въ домѣ своего дѣда, по матери—купца Самойлова. Предки Д. В.—крестьяне Олонецкой губерніи; дѣдъ и отецъ его занимались торговлей. У Самойлова, большого театрала, Аверкіевъ воспитывался до девяти лѣтъ и съ дѣтства привязался къ театру. Затѣмъ былъ перевезенъ въ Петербургъ къ дѣду Якову Аверкіеву—человѣку начитанному и пользовавшемуся уваженіемъ среди раскольниковъ. Д. В. стали готовить къ торговой дѣятельности и опредѣлили въ коммерческое училище. Однако онъ, окончивъ курсъ училища, поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ на отдѣленіе естественныхъ наукъ, вышелъ изъ него кандидатомъ и избралъ для своей дѣятельности поприще журналиста. Студентомъ сблизился съ кружкомъ Н. Н. Страхова, сталъ писать мелкія комедіи, повѣсти и стихи и занялся переводами. Его первый переводъ «Введеніе въ изученіе химіи» Жерара сдѣланъ совмѣстно съ П. П. Алексѣевымъ и изданъ товариществомъ «Общественная польза». Другіе переводы («Школа жизни» Крюгера) были изданы также этимъ товариществомъ. Когда же въ 1860 году Н. Г. Писаревскій, входившій въ составъ товарищества, арендовалъ «Русскій Инвалидъ», то Аверкіевъ былъ приглашенъ сотрудничать въ качествѣ фельетониста и театральнаго хроникера. Свои фельетоны онъ подписывалъ псевдонимомъ «Рянный». Вскорѣ перешелъ въ «Сѣверную Пчелу», составивъ вмѣстѣ съ Лѣсковымъ, Слѣщевымъ, Бени и Зайцевымъ молодую редакцію. Послѣ полугодового перерыва въ 1863 г., когда онъ жилъ въ Москвѣ гувернеромъ, Д. В., вернувшись въ Петербургъ, вновь сталъ писать въ «Сѣ-

верную Пчелу» и печатать юмористическія стихотворенія въ «Якорѣ» и «Осѣ», а въ 1864 г. сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ «Эпохи» Ѳ. М. Достоевскаго. Къ этому времени относится его горячая полемика съ Н. И. Костомаровымъ по поводу историческаго значенія Дмитрія Донскаго. Полемика вызвала у него желаніе создать историческую пьесу, и въ концѣ 1864 г. въ «Эпохѣ» былъ напечатанъ его первый крупный драматическій трудъ «Мамаево побоище — лѣтописное сказаніе». Тогда же онъ написалъ либретто для оперы Сѣрова «Рогвѣды», вызвавшее вскорѣ раздоръ между нимъ и Сѣровымъ и процессъ, надѣлавшій много шума. Покойный требовалъ, чтобы Сѣровъ дѣлилъ съ нимъ перспективную плату. Съ прекращеніемъ «Эпохи» Д. В. занялся переводами главнымъ образомъ для книгопродавца Вольфа. Онъ перевелъ пѣлый рядъ книгъ для дѣтскаго чтенія: Купера, Эмара, Мариета и др. Досуги посвящалъ творчеству. Въ 1866 г. появилась въ «Отечественныхъ Запискахъ» его комедія въ стихахъ «Лѣшій», въ 1867 г. въ «Всемирной Иллюстраціи» трагедія «Слобода — Неволя» и въ «Отечественныхъ Запискахъ» — комедія «Терентій мужъ Данильевичъ». При содѣйствіи Н. Н. Страхова онъ вошелъ въ составъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» (писалъ преимущественно компіляціи объ иностранной литературѣ); кромѣ того, сдѣлался театральнымъ рецензентомъ «Голоса». Въ 1868 г. на сценѣ Александринскаго театра въ бенефисъ Самойлова была поставлена его комедія «Флоръ Скобѣевъ», имѣвшая большой успѣхъ. *Одновременно онъ былъ негласнымъ редакторомъ «Всемирной Иллюстраціи». Въ 1871 г. Д. В., увлекшись игрою московскихъ артистовъ, переселился въ Москву, чтобы работать для московскаго Малаго театра. Тамъ онъ написалъ «Каширскую старину», имѣвшую огромный успѣхъ сперва на московской сценѣ, потомъ на петербургской. Пьеса эта создала крупную извѣстность покойному и до сихъ поръ не сходитъ съ репертуаровъ провинціальныхъ сценъ. Роль Марьицы входитъ въ амплу почти каждой драматической актрисы. Успѣхъ пьесы позволилъ ей автору на время ограничить свой журнальный трудъ пьесами и театральными рецензіями въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Въ этотъ періодъ были напечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ» пьесы «Царь Петръ и царевичъ Алексѣй», «Темный и Шемяка», «Княгиня Ульяна Вяземская», «Разрушенная невѣста», «Франческа Риминійская», «Царевичъ Алексѣй», «Непогрѣшимые». Въ концѣ 70-хъ годовъ Д. В. вновь перебрался въ Петербургъ, сталъ сотрудничать въ «Голосѣ» и съ 1880 г. въ «Новомъ Времени». Писалъ по преимуществу театральныя рецензіи и статьи смѣшаннаго характера. Одновременно продолжалъ писать пьесы, печатая ихъ попрежнему въ «Русскомъ Вѣстникѣ»: «Сидоркино дѣло», «Трогирскій воевода» и др. Свой литературный заработокъ онъ увеличивалъ службой въ литературно-театральномъ комитетѣ и отдѣлѣ ученаго комитета по начальному образованію. Въ 1885 г. покойный предпринялъ свой ежемѣсячный журналъ «Дневникъ писателя», подражая въ этомъ Ѳ. М. Достоевскому, но его журналъ успѣха не имѣлъ и прекратился въ слѣдующемъ году. Въ «Дневникѣ» Д. В. напечаталъ рядъ своихъ пьесъ: «Петербургскій слетокъ», «Золотой дѣдъ», «Купальская ночь», повѣсть «Месть ничтожнаго человѣка и конкеръ Волковъ», множество стихотвореній и театральныхъ статей. Въ 90-хъ годахъ онъ вошелъ

вмѣстѣ съ Т. И. Филиповымъ и Л. Н. Модзалевскимъ въ составъ союза любителей русскаго слова, поставившаго себѣ задачей противоудѣйствовать распространенію въ русской литературѣ иностранныхъ словъ и оборотовъ. Умеръ онъ 68 лѣтъ. Смерть его совпала съ невыходомъ газетъ и не могла привлечь на панихиды по немъ и похороны почитателей его таланта и своеобразнаго творчества. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10367).

† **Анановъ, С. І.** 19-го декабря скончался въ Тифлисъ докторъ медицины Степанъ Іосифовичъ Анановъ. Занимая почти въ теченіе 20-ти лѣтъ различныя должности въ повивальномъ институтѣ, начиная отъ должности преподавателя и кончая обязанностями директора, Степанъ Іосифовичъ за это время подготовилъ массу лицъ медицинскаго персонала. Понимая широко свои обязанности врача,—врача, обязаннаго изслѣдовать въ корнѣ причины общественныхъ недуговъ и приходить на помощь страждущему тогда, когда болѣзнь еще въ зачаткѣ, покойный Степанъ Іосифовичъ предался общественной дѣятельности въ различныхъ ея формахъ: энергичный гласный, дѣятельный членъ кавказскаго медицинскаго общества, а за послѣдніе годы и весьма популярный предсѣдатель его, наконецъ, попечитель армянскихъ духовныхъ училищъ,— С. І. Анановъ вездѣ оставилъ замѣтный слѣдъ своей работы и опредѣленно очерченное направленіе. Горячій сторонникъ основанія въ городѣ Тифлисъ бальнеологической станціи, развитія сѣрныхъ водъ, улучшенія санитарнаго состоянія города, подачи помощи заразнымъ больнымъ, основанія въ г. Тифлисъ общей больницы, засыпки рукава Куры, — Степанъ Іосифовичъ своимъ авторитетнымъ словомъ врача-гласнаго и трудами предсѣдателя комиссіи по народному здравію выдвинулъ и провелъ въ жизнь много проектовъ общественнаго здравоохраненія. И вполне заслуженно будетъ стоять его портретъ въ городскихъ дѣтскихъ баракахъ, призванныхъ къ жизни его горячимъ словомъ. Какъ предсѣдатель медицинскаго общества, Степанъ Іосифовичъ имѣлъ неоспоримыя заслуги: его энергіи общество обязано собственнымъ помѣщеніемъ; его общественному темпераменту надо приписать то оживленіе въ работахъ медицинскаго общества, которое проявилось при обсужденіи докладовъ о необходимыхъ реформахъ въ дѣлѣ подачи врачебной помощи на Кавказѣ, необходимости переустройства врачебно-санитарной организаціи г. Тифлиса; при немъ пышно развилась дѣятельность комиссіи по чтенію популярныхъ лекцій и изданію брошюръ на русскомъ и туземныхъ языкахъ. Наконецъ, при его ближайшемъ содѣйствіи организовалась противотуберкулезная выставка и создано общество борьбы съ туберкулезомъ на Кавказѣ. Медицинское общество держало при немъ опредѣленный и прекрасный курсъ. Чуткій гражданинъ и вѣрный сынъ своей родины, покойный близко принималъ къ сердцу ея невзгоды и въ дѣлахъ общественности стоялъ всегда среди лицъ, служившихъ общему дѣлу. Въ самые послѣдніе годы,—и въ думѣ, и въ медицинскомъ обществѣ,— онъ работалъ вмѣстѣ съ молодежью, и молодые товарищи его встрѣчали въ немъ искреннюю поддержку и опору. Въ немъ не чувствовался чужбѣкъ 60-ти лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Обозрѣніе», 1904 г., № 41).

† **Курдюмовъ, В. И.** 28-го декабря скончался инспекторъ и профессоръ института инженеровъ путей сообщенія, Валеріанъ Ивановичъ Курдюмовъ.

Институтъ инженеровъ путей сообщенія потерялъ выдающагося своего педагога и руководителя. Покойный, по окончаніи института инженеровъ путей сообщенія, послѣ непродолжительной практической дѣятельности посвятилъ себя на служеніе своей almae matris въ качествѣ педагога и вскорѣ своими блестящими научными трудами обратилъ вниманіе педагогическаго инженернаго міра. Почившій читалъ въ институтѣ лекціи по начертательной геометріи и строительному искусству. Поклонникъ гениальнаго французскаго математика Монжа, В. И. Курдюмовъ особенно детально и обстоятельно разработалъ въ Россіи принципы и законы начертательной геометріи, которая для инженеровъ является пособникомъ развитія ихъ творческой строительной фантазіи и воображенія. Научный трудъ по начертательной геометріи, служащій результатомъ лекцій покойнаго профессора, является дѣльнымъ вкладомъ въ математическую бібліотеку русскихъ ученыхъ. Лекціи по строительному искусству служатъ и будутъ служить также будущимъ русскимъ инженерамъ долгое время. Помимо педагогической дѣятельности, В. И. Курдюмовъ съ 1901 года находился въ должности инспектора института. Принадлежа къ комитету общества вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ института, Валеріанъ Ивановичъ горячо отзывался къ нуждамъ учащейся молодежи и дѣятельно помогалъ нуждающимся. Трудомъ Валеріана Ивановича въ институтѣ организована фотографическая лабораторія. Сознывая важность для инженеровъ фотографическаго искусства, покойный устроилъ и читалъ самъ необязательныя лекціи по фотографіи. Скончался Валеріанъ Ивановичъ на 53 году жизни. (Некрологъ его: «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 675, и «Новое Время», 1904 г., № 10359).

† **Либбергъ, А. Л.** 7-го декабря скончался въ Москвѣ Андрей Леонардовичъ Либбергъ, извѣстный составитель учебныхъ атласовъ, картъ и руководствъ по географіи. Андрей Леонардовичъ окончилъ курсъ на естественномъ отдѣленіи Московскаго университета въ 1859 году и затѣмъ долгое время состоялъ преподавателемъ географіи во многихъ московскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ трудовъ покойнаго наиболѣе извѣстны: «Учебный атласъ всеобщей географіи», «Учебникъ географіи Россіи» и «Краткій учебникъ всеобщей географіи», выдержавшіе нѣсколько изданій. Андрей Леонардовичъ былъ членомъ императорскаго общества любителей естествознанія, въ географическомъ отдѣленіи котораго состоялъ товарищемъ предсѣдателя. (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10340).

† **Некрасова, Е. С.** 12-го января, въ Москвѣ, скончалась заслуженная изслѣдовательница исторіи русской литературы Екатерина Степановна Некрасова. Она родилась въ половинѣ 1850-хъ годовъ въ Москвѣ, гдѣ затѣмъ и получила образованіе—сперва въ женской гимназіи, а затѣмъ на высшихъ женскихъ курсахъ. Уже съ конца 70-хъ годовъ, вскорѣ по окончаніи ею высшаго образованія, Некрасова начала свою литературную дѣятельность, сперва въ «Отечественныхъ Запискахъ», затѣмъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (съ 1881 года), а впослѣдствіи въ журналахъ: «Русская Старина», «Сѣверный Вѣстникъ», «Вѣстникъ Европы» и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; большую часть своихъ работъ она помѣщала въ «Русской Мысли». Специализировавшись преим-

цественно на исторіи русской литературы первой половины XIX вѣка, Некрасова напечатала по этой области знанія рядъ статей и матеріаловъ. Въ особенности цѣнны опубликованные ею матеріалы для біографіи А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Къ серіи этихъ работъ Некрасовой принадлежатъ: прекрасная біографія Огарева, напечатанная ею въ сборникѣ «Починъ» (М., 1895—1896), переписка Герцена и Огарева «Изъ переписки недавнихъ дѣятелей» (въ «Русской Мысли» 1888, 1889, 1890 и 1891 гг.), переписка Герцена съ его невѣстой Н. А. Захарьиной, въ томъ же журналѣ (1893 и 1894 гг.) и въ «Новомъ Словѣ» (1896—1897 гг.), съ ея обстоятельными примѣчаніями, переписка Н. А. Герцена съ А. Г. Кліентовой («Русская Старина» 1892 г.), статьи: «Артистъ М. С. Щепкинъ и А. И. Герценъ» («Русская Мысль» 1893 г.), «А. И. Герценъ и Н. А. Захарьина» (ibid., 1893 г.), «А. И. Герценъ и его замѣтки и наброски» («Русская Старина» 1889 г.), «Связка писемъ А. И. Герцена» («Сѣверный Вѣстникъ» 1894 г.) и «Юношескіе литературные труды А. И. Герцена» (ibid., 1895 года). Ею же были напечатаны юношескіе рассказы Герцена: «Легенда о св. Ѳеодорѣ», «Встрѣча» и «Германскій путешественникъ» («Русская Мысль» 1881 г., № 12 и 1882 г., №№ 1 и 12). Изъ другихъ трудовъ по исторіи русской литературы и исторіи русскаго искусства въ XIX вѣкѣ отмѣтимъ: «Изъ воспоминаній Вельтмана о времени пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ», «Гоголь и А. А. Ивановъ», «Графиня Е. П. Растищина», статьи о Лермонтовѣ, «Ѳ. И. Юрданъ и его письма къ художнику А. А. Иванову». Изъ статей Некрасовой, относящихся къ высшему женскому образованію въ Россіи и къ дѣятельности женщинъ-врачей, укажемъ на «Женскіе врачебные курсы въ С.-Петербургѣ» («Вѣстникъ Европы» 1882 г.), «Студентка на войнѣ» («Русская Мысль» 1898 г.). (Некрологъ ея: «Наши Дни», 1905, № 26).

† **Обнинскій П. Н.** 15-го декабря въ Москвѣ скончался одинъ изъ дѣятелей освободительной эпохи Петръ Наркизовичъ Обнинскій, пользовавшійся почетной извѣстностью и какъ земскій дѣятель, и какъ публицистъ. Учился онъ въ Московскомъ университетѣ и началъ службу мировымъ посредникомъ, явившись дѣятельнымъ сотрудникомъ извѣстнаго калужскаго губернатора В. А. Арцимовича. Отдавъ свою землю крестьянамъ, П. Н. однако скоро оставилъ избранную имъ должность мирового посредника и съ 1866 г. въ теченіе трехлѣтія былъ участковымъ мировымъ судьей въ Калужской губерніи, а затѣмъ перешелъ въ прокуратуру, гдѣ и оставался до 1890 г., когда болѣзнь вынудила его оставить службу. Стойкость въ проведеніи своихъ взглядовъ, сердечность и искренность оставались неизмѣнными качествами П. Н., былъ ли онъ мировымъ посредникомъ, судьей или прокуроромъ, всегда являлся онъ «стражемъ закона» въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Общественная и литературная дѣятельность П. Н. не прерывалась. Рядъ убѣжденныхъ и горячо написанныхъ статей (о предварительномъ слѣдствіи, объ адвокатурѣ, о разлученіи супруговъ, объ авторскомъ правѣ и пр.) печатался въ «Русской Мысли», «Русскомъ Богатствѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Архивѣ» и другихъ повременникахъ. Нѣкоторые изъ выдающихся болѣе раннихъ его статей собраны были въ книгу «Законъ и бытъ» — очерки и изслѣдованія въ области нашего рефор-

мируемаго права. Изъ позднѣйшихъ статей его выдѣляются: «Нападеніе и защита», «Общества защиты дѣтей» и особенно «Калужское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе при В. А. Арцимовичѣ 1861—1863 г.»; «Воспоминанія юриста» напечатаны были П. Н. въ «Русскомъ Архивѣ» за 1892 г. Въ томъ же журналѣ 1891 г. имъ напечатаны «Походныя замѣтки ополченца. До конца жизни П. Н. оставался членомъ многихъ московскихъ обществъ, былъ учредителемъ общества защиты дѣтей и дѣятельнымъ сотрудникомъ юридическаго общества. (Некрологи его: «Вѣстникъ Юга», 1904 г., № 810; «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 653, и «Новое Время», 1904 г., № 10347).

† **Павловъ, И. В.** 23-го октября скончался на 82 году жизни Иванъ Васильевичъ Павловъ. Это былъ очень даровитый, многосторонне образованный человѣкъ, пользовавшійся въ свое время извѣстностью какъ врачъ, литераторъ — редакторъ «Московского Вѣстника», и наконецъ какъ выдающійся дѣятель на службѣ по государственному контролю. Послѣ почти 30-лѣтней службы въ должности управляющаго витебскою, потомъ орловскою контрольными палатами, И. В. въ 1895 г., вышелъ въ отставку и послѣднія 9 лѣтъ жизни прожилъ съ семьей въ своемъ имѣніи Тульской губерніи. Родился онъ 6 апрѣля 1823 г., учился въ дворянскомъ пансіонѣ, при Московскомъ университетѣ, и за отличные успѣхи вмѣстѣ съ М. Е. Салтыковымъ переведенъ въ императорскій царскосельскій лицей. Съ послѣдняго курса лицея онъ поступилъ на математическій факультетъ Московскаго университета. Будучи уже на 4-мъ курсѣ, отъ усиленныхъ занятій заболѣлъ воспаленіемъ мозга. Обязанный спасеніемъ жизни тогдашней московской знаменитости доктору и профессору А. И. Оверу, И. В. увлекся медициною и перешелъ на медицинскій факультетъ, который окончилъ въ 1850 году. Приобрѣтя очень скоро извѣстность искуснаго хирурга, онъ обратилъ на себя вниманіе лейбъ-медика Мандта и въ 1851 г. былъ назначенъ чиновникомъ по медицинскій части въ распоряженіе самарскаго и оренбургскаго генералъ-губернатора, графа Перовскаго, лично нуждавшагося въ искусномъ врачѣ. Благодаря ходатайствамъ И. В., графъ Перовскій дѣлалъ возможныя облегченія въ положеніи находившихся въ Оренбургскомъ краѣ политическихъ ссыльныхъ поляковъ и русскихъ (въ томъ числѣ А. Н. Плещеева). Прослуживъ послѣ того короткое время врачомъ въ Орловской губерніи по вѣдомству государственныхъ имуществъ, И. В., недовольный тогдашними служебными отношеніями и порядками, вышелъ въ отставку и, проживая въ своей орловской деревнѣ, занимался хозяйствомъ и лѣченіемъ окрестныхъ крестьянъ. Обновленіе русской жизни послѣ Крымской войны вызвало И. В. въ 1860 г. на литературную дѣятельность въ Москву, гдѣ онъ возобновилъ литературныя знакомства и связи, начатыя еще въ 40-хъ годахъ въ кружкѣ Грановскаго, редактировалъ еженедѣльный журналъ «Московскій Вѣстникъ», въ которомъ, по расположенію къ нему, принимали участіе И. С. Тургеневъ, М. Е. Салтыковъ, А. Н. Плещеевъ, А. С. Суворинъ и многіе другіе. Самъ И. В. писалъ подъ псевдонимомъ Л. (лѣкаръ) Оштухинъ (Оштуха — названіе его орловской деревни). Въ концѣ 1865 г. государственный контролеръ В. А. Татариновъ пригласилъ И. В. на службу въ своемъ вѣдомствѣ, и черезъ два года состоялось назначеніе И. В. управляющимъ витебскою контрольною палатою. Въ этой должности онъ прослужилъ

23 года. Полный силъ и неистощимой энергіи, И. В. проявлялъ въ Витебскѣ выдающуюся дѣятельность. Кромѣ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей, онъ во время турецкой войны, по приглашенію военнаго министра Д. А. Милютина, завѣдывалъ лазаретомъ Краснаго Креста, а дочери его исполняли обязанности сестеръ милосердія. Лишившись старшаго сына, умершаго отъ ранъ, полученныхъ подъ Плевною, И. В. въ отеческихъ заботахъ о раненыхъ искалъ облегченія своему семейному горю. Въ Витебскѣ, избранный въ члены учительскаго совѣта братства св. Владимира, И. В. принималъ живое участіе въ дѣлахъ этого общества. Тогда же, будучи уже 60 лѣтъ, онъ въ короткое время изучилъ греческій языкъ и переводилъ Этику Аристотеля. Въ 1890 г. онъ былъ переведенъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, на ту же должность въ Орель и по прослуженіи еще 5 лѣтъ вышелъ въ отставку. Водворившись на покой въ доставшейся ему отъ брата деревнѣ Тульской губерніи, онъ жилъ со своею семьей въ уединеніи и, вѣрный завѣтамъ 40-хъ годовъ, не переставалъ живо интересоваться научными, литературными и общественными вопросами, слѣдя и за успѣхами медицины. Последнее служеніе его родиנѣ выразилось заботами объ основанной имъ школѣ для крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ и леченіемъ окрестныхъ крестьянъ. На школу и аптеку онъ расходовалъ значительныя средства и по завѣщанію оставилъ нѣкоторую сумму денегъ на дальнѣйшее существованіе школы. (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10344).

† **Раппъ, Е. К.** Въ декабрѣ скончался на островѣ Корфу Евгений Кирилловичъ Раппъ, когда-то извѣстный публицистъ и беллетристъ, писавшій подъ псевдонимомъ Кирилыча. Покойный родился въ 1841 г. и получилъ образованіе въ артиллерійскомъ училищѣ, а затѣмъ въ академіи. Ему пришлось, однако, перемѣнить военную службу на гражданскую. Когда въ 1876 г. разгорѣлась сербско-турецкая война, покойный отправился на театръ балканскихъ военныхъ событій добровольцемъ и командовалъ конной полубатареей. Результатомъ воспоминаній объ этой кампаніи явились интересные рассказы, въ видѣ цѣлой книги, изданной подъ названіемъ «Сербскихъ рассказовъ». Беллетристическая и публицистическая дѣятельность почившаго выразилась въ участіи его во многихъ изданіяхъ періодической печати и большихъ журналахъ. Близкое участіе покойный принималъ въ газетахъ: «Судебномъ Вѣстникѣ», «Голосѣ», «Порядкѣ» и «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», а изъ журналовъ сотрудничалъ въ «Вѣстникѣ Европы», «Нивѣ» и друг. Всюду Е. К. былъ желаннымъ гостемъ и полезнымъ работникомъ. Съ 1877 года Е. К. сдѣлался самъ издателемъ, и подъ его редакціей начала выходить существовавшая уже газета «Русскій Міръ». Характеръ этого журнала, до принятія редакторскаго портфеля Е. К., отличался довольно узкими, явно консервативными взглядами. Е. К. Раппъ обновилъ изданіе, вдохнулъ въ него честныя прогрессивныя мысли и оживилъ газету. Подъ редакціей Е. К. Раппа газета выходила въ теченіе двухъ лѣтъ. Результатомъ писательскихъ трудовъ Е. К. явились въ 1886 г. 14 книжекъ литературнаго сборника, подъ общимъ заглавіемъ «Романистъ». Скончался Е. К. на 63-мъ году отъ рожденія. (Некрологи его: «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 661, и «Новое Время», 1904 г., № 10364).

† **Трубниковъ, К. В.** 8-го декабря скончался послѣ продолжительной болѣзни хорошо извѣстный въ журнальномъ мірѣ Константинъ Васильевичъ Трубниковъ. К. В. родился въ 1829 году, образованіе получилъ въ московскомъ дворянскомъ институтѣ и Московскомъ университетѣ. Начавъ службу въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, В. К. занялся вскорѣ финансовыми предиріятіями и въ 1857 г. основалъ еженедѣльный «Журналъ для акціонеровъ», справочнаго характера. Это его первый дебютъ на издательскомъ поприщѣ и, можно сказать, удачный въ денежномъ отношеніи. Черезъ три года онъ основалъ «Виржевыя Вѣдомости», соединивъ въ этомъ изданіи «Журналъ для акціонеровъ» и «Коммерческую Газету». «Виржевыя Вѣдомости» при немъ получили распространеніе; въ концѣ шестидесятихъ годовъ стали выпускать ихъ двумя изданіями, второе вечеромъ—«Вечерняя Газета». Успѣхомъ газеты К. В. воспользовался, чтобъ продать ее В. А. Полетикѣ за крупную сумму, самъ же приобрѣлъ за безцѣнокъ у О. К. Нотовича «Новое Время». Это было въ 1875 г.; чрезъ годъ же онъ продалъ «Новое Время» съ барышомъ А. С. Суворину и В. И. Лихачеву. Затѣмъ, издавалъ «Финансовое обозрѣніе и вѣстникъ желѣзныхъ дорогъ», основалъ «Виржевую Газету», что въ связи съ другими обстоятельствами заставило Полетику переименовать «Виржевыя Вѣдомости» въ «Молву». Потомъ издавалъ «Телеграфъ», «Русскій Экономистъ», «Экономическія Извѣстія», «Міровые Отголоски» (1897—1898 г.г.) и года три назадъ получилъ разрѣшеніе издавать «Русскій Голосъ». Такимъ образомъ, почти вся главная дѣятельность покойнаго протекла въ издательско-газетныхъ предиріятіяхъ. Кромѣ предиріятій въ журналистикѣ, онъ занимался организаціей различныхъ торгово-промышленныхъ компаній: былъ учредителемъ банкирскаго дома, основалъ первое русское телеграфное агентство, былъ директоромъ пароходныхъ обществъ на Волгѣ и на Невѣ и правленія общества «Сельскій Хозяинъ». Имъ составлено нѣсколько брошюръ по разнообразнымъ вопросамъ, переведены: «Національная система политической экономіи» Фридриха Листа и «Кредитъ и его оборотныя средства» гр. А. Вешковскаго. Умеръ онъ 75 лѣтъ, сохранивъ до послѣдняго времени энергію и жизнерадостность. (Некрологи его: «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 640, и «Таганрогскій Вѣстникъ», 1904 г., № 327).

МЕЙЕРЛИНГЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

АДОЛЬФА АДЕРЕРА

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО)

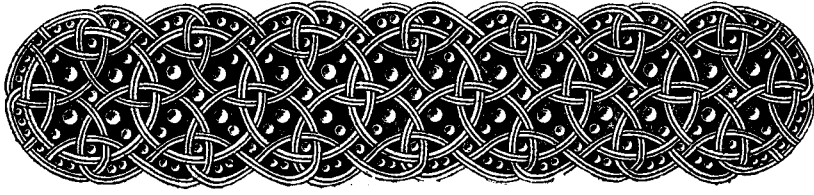
Приложеніе къ журналу «Историческій Вѣстникъ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина, Зртелевъ, 13
1905

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ИМѢЛЪ случай знать или мелькомъ видѣть большинство лицъ, замѣшанныхъ въ Мейерлингской драмѣ, или, лучше сказать, въ Мейерлингской трагедіи. Когда нибудь поэтъ остановитъ свою мысль на судьбѣ Виттельсбаховъ, и онъ будетъ Эсхиломъ этихъ новыхъ Атридовъ.

Императрицу Елисавету, передавшую сыну одного изъ Габсбурговъ атаквистическую экзальтацію всѣхъ «своихъ», я видѣлъ первый разъ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ ужасной войны 1875 года. Елисавета верхомъ на лошади скакала по нивѣ, которая простиралась вдоль крутого обрыва. Тонкіе колосья, перемѣшанные съ макомъ, тянулись къ солнцу, чтобы согрѣться отъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, дувшаго съ сосѣдняго моря. Углубленная въ воспоминанія о любимыхъ ею древнихъ поэтахъ, наѣздница, выпрямившись на своемъ большомъ конѣ, бока котораго колоди сотни колосевъ, воображала себя скорѣе королевой амазонокъ, чѣмъ государыней обширной страны, столь же отдаленной отъ ея глазъ, какъ и отъ ея мыслей. Меня охватила дрожь, потому что красавица подѣхала такъ близко къ крутизнѣ обрыва, что мнѣ показалось, будто ей не миновать его. Крикъ ужаса вырвался изъ моего горла. Въ ту же минуту лошадь однимъ прыжкомъ повернула и снова возобновила свою головокружительную скачку чрезъ золотистую ниву. Мѣстные жители мнѣ сказали, что государыня всякій вечеръ предавалась этой неистовой забавѣ, за которую всякій вечеръ владѣльцы полей требовали съ дворецкаго вознагражденія: императрицѣ объ этомъ не говорили, чтобы не прерывать ея любимаго спорта. Будучи страстной наѣздницей, Елисавета подчинялась также таинственному вліянію

моря, которое обожала. Въ ея распоряженіи находилась яхта, но она предпочитала маленькую лодку, на которой отправлялась по волнамъ одна, съ сыномъ мѣстнаго купальщика, пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, и достигала сосѣдняго бережка, гдѣ ее ожидали придворныя дамы, пріѣзжавшія въ эту мѣстность въ экипажахъ. Въ лодкѣ она повторяла стихи своего любимаго поэта—Генриха Гейне.

Эта женщина, вѣчно тревожимая несбыточными мечтами, безъ сомнѣнія, желала бы нестись по волнамъ на конѣ, а не плыть въ лодкѣ. Какая-то невѣдомая сила влечетъ всѣхъ Виттельсбаховъ къ невидимой цѣли, и они стремятся къ пропасти. Когда я впервые увидѣлъ австро-венгерскую императрицу, я думалъ, что она упадетъ въ пропасть, развершуюся предъ нею въ двухъ шагахъ.

Императора—Франца, какъ его зовутъ подданные—я видѣлъ однажды въ Вѣнѣ, на площади, когда онъ по давней привычкѣ дѣлалъ утренній смотръ гарнизону; его сопровождалъ адъютантъ. Въ его голубыхъ глазахъ, опечаленныхъ пережитыми испытаніями, я замѣтилъ природную меланхолію: его затуманенный грустью взглядъ, казалось, говорилъ: «Къ чему всѣ эти легіоны?.. Судьба была и будетъ всегда сильнѣе ихъ».

Я еще видѣлъ его въ Бургъ-театрѣ, который онъ усердно посѣщалъ до траура, быстро слѣдовавшаго одинъ за другимъ. На этотъ разъ съ нимъ былъ сынъ и невѣстка, эрцгерцогъ Рудольфъ и эрцгерцогиня Стефанія.

Наслѣдный эрцгерцогъ былъ высокаго роста, тонкій, нервный и лихорадочный, съ умнымъ, безпокойнымъ лицомъ, рѣзкими болѣзненно-судорожными движеніями.

Свѣтловолосая эрцгерцогиня Стефанія была въ тюлевомъ платьѣ съ кружевной отдѣлкой, которое обнаруживало ея гибкую талію и красивыя плечи.

Наслѣдный эрцгерцогъ былъ разсѣянъ и безпокоенъ; онъ болѣе интересовался хорошенькими вѣнками, красовавшимися въ лжахъ и креслахъ, чѣмъ комедіей, дававшейся на сценѣ. Эрцгерцогиня сидѣла справа отъ тестя; отъ восторга, возбуждаемаго ею въ толпѣ, она казалась счастливой, но безъ спеси и гордости. Если бъ она сидѣла ближе къ зрителямъ, то слышала бы ихъ замѣчаніе: «Красивая у насъ будетъ императрица!»

Такова показалась мнѣ эрцгерцогиня Стефанія въ Бургъ-театрѣ; такую же она явилась предо мною въ трагически-знаменитомъ Мирамарѣ.

Что касается красавицы Маріи Вечеры, то однажды вечеромъ въ Оперѣ мнѣ показала ее одна особа, состоящая при французскомъ посольствѣ, и рассказала о городскихъ слухахъ на ея счетъ. Я увидѣлъ молодую женщину, не очень высокаго роста, довольно полную, съ матовымъ цвѣтомъ лица и нѣсколько толстымъ носомъ, слегка вздернутымъ. Ея лицо ничего не представляло бы замѣча-

тельнаго, если-бъ не два сѣрыхъ глаза, безподобной красоты и нѣжности.—«Бархатные глаза,—сказалъ я,—если только позволено употребить такое пошлое сравненіе».—«Бархатные или мрачные!»—отвѣтилъ мой собесѣдникъ.

I.

Эрцгерцогъ Рудольфъ не слылъ въ Вѣнѣ за образцоваго мужа. Вѣнцы, отличающіеся легкимъ нравомъ, совсѣмъ не возмущались разсказами, которые щедро расточала молва о его походженіяхъ. Они говорили себѣ, что самъ отецъ наслѣднаго эрцгерцога, императоръ Францъ-Иосифъ, всѣми уважаемый и почтенный человѣкъ, иногда забывалъ свой долгъ мужа и отца съ венгерскими наѣздниками или французскими актрисами. Всѣмъ было небызвѣстно, что герцога Рудольфа, посѣщавшаго инкогнито Парижъ, подъ предлогомъ ученыхъ и литературныхъ изысканій, рѣже видѣли въ Национальной Библиотекѣ, чѣмъ въ нѣкоторыхъ сомнительныхъ домахъ по сосѣдству съ этимъ памятникомъ работъ и науки. Вѣнцы охотно называютъ себя нѣмецкими парижанами. Тѣ и другіе особенно сходятся въ томъ, что одинаково питаютъ склонность къ женщинамъ. Никакой вѣнецъ не удивлялся, если видѣлъ своего будущаго государя, ведущаго веселую жизнь, какъ большинство его будущихъ подданныхъ. Всѣ были ему благодарны за отсутствіе притворной строгости, которая могла бы показаться упрекомъ для большинства его соотечественниковъ.

Въ Вѣнѣ быстро разнеслась такая исторія. Однажды Рудольфъ отправился со своимъ обычнымъ товарищемъ по увеселеніямъ къ дамочкамъ, живущимъ въ серіозномъ, буржуазномъ домѣ. Въ такихъ домахъ послѣ извѣстнаго часа дверь не открывается, и оттуда уже нельзя выходить: такъ требовала нравственность и официальные правила. Безъ сомнѣнія, наслѣдный эрцгерцогъ не сучалъ у этихъ дамочекъ, такъ какъ онъ засидѣлся гораздо дольше законнаго часа, въ который должны оканчиваться пиршества въ Вѣнѣ. Полицейскіе сыщики, приставленные охранять принца, дали привратнику исключительное разрѣшеніе нарушить обычай, такъ что честь, оказываемая наслѣднымъ эрцгерцогомъ дому, который охранялъ почтенный придверникъ, стоила добавочнаго наблюденія. Привратникъ пошелъ дальше въ охраненіи эрцгерцога. Онъ поднялъ съ постели свою жену и четверыхъ дѣтей—двухъ дѣвочекъ и двухъ мальчиковъ—и далъ въ руки каждому по подсвѣчнику; когда ночью наслѣдный эрцгерцогъ показался на лѣстницѣ, то привратникъ и всѣ его домашніе, въ своемъ лучшемъ нарядѣ и вооруженные свѣточами, отвѣщивали ему низкіе поклоны. Долго принцъ смѣялся надъ этимъ походженіемъ, о которомъ стало извѣстно лично отъ него.

Народъ также любилъ эрцгерцога, потому что видѣлъ въ немъ хорошаго австрійца. Вопреки зловѣщимъ предсказаніямъ, которыя расточаютъ публицисты относительно неизбежнаго раздробленія Австро-Венгерской монархіи, несмотря на разладъ, обнаруживаемый въ различныхъ парламентахъ или сеймахъ крайне буйными сценами, въ Австро-Венгрии еще существуетъ много «австрійцевъ», которые не хотятъ быть ни нѣмцами, ни славянами, ни мадьярами, а желаютъ остаться австрійцами старой Австріи. Въ одинъ прекрасный день стало извѣстно, что принцъ Рудольфъ взялся руководить литературно-художественнымъ изданіемъ, посвященнымъ описанію всѣхъ частей государства. Это было нѣчто въ родѣ «энциклопедіи» Австро-Венгрии,—синтетическій трудъ, предназначенный сблизить и соединить элементы, разъединеніе которыхъ, пугавшее однихъ и желательное для другихъ, проявлялось по временамъ. Каково же было удовольствіе вѣнцовъ, когда въ одинъ прекрасный день подъ воротами, соединявшими площадь св. Михаила съ дворомъ Іосифа II, они прочитали на прибитомъ объявленіи слѣдующее: «Описаніе Австро-Венгрии съ иллюстраціями. Редакція въ первомъ этажѣ». Съ этихъ поръ журналисты и писатели имѣли сотрудникомъ одного изъ самыхъ высокихъ лицъ послѣ императора. Литература, патріотическая и національная, водворилась въ старомъ Габсбургскомъ дворцѣ.

Среди этой жизни, полной работъ, удовольствій и общей любви, эрцгерцогъ однажды вечеромъ отправился въ Бургъ-театръ: давали послѣднюю, присланную изъ Парижа, новинку. Едва Рудольфъ вошелъ, какъ замѣтилъ, что большинство зрителей и зрительницъ устремило свои взгляды на ложу перваго яруса, около сцены. Бургъ-театръ считается театромъ абонентовъ и завсегдатаевъ, которые почти всѣ были извѣстны другъ другу, и любопытство присутствующихъ должно быть объяснено неожиданнымъ явленіемъ, новымъ зрѣлищемъ. Дѣйствительно, ложа, на которую такъ всѣ смотрѣли, была занята двумя особами, впервые показавшимися въ театрѣ «общества». Поднялись разспросы: изъ одной ложи задавались вопросы въ другую, изъ кресла—въ кресло: судя по жестамъ очевидно было, что никто не зналъ двухъ иностранокъ.

Эрцгерцогъ повернулся къ ложѣ. Его глаза долго не отрывались отъ болѣе молодой изъ двухъ женщинъ. Послѣдняя быстро замѣтила вниманіе, которое оказалъ ей наследникъ престола. Женщинѣ совѣмъ не надо видѣть устремленныхъ на нее взглядовъ: она ихъ, такъ сказать, «чувствуетъ». Въ ихъ ложѣ показался молодой гвардейскій офицеръ. Дамы не слышали, какъ онъ вошелъ, а потому не замѣтили его присутствія; онъ обратилъ ихъ вниманіе на любопытство, какое онѣ возбудили въ зрителяхъ; онъ назвалъ имъ по имени всѣхъ, собравшихся въ залѣ высокопоставленныхъ лицъ, какъ женщинъ, такъ и мужчинъ. Казалось,

ему доставляла удовольствіе ревность, которую онъ возбудилъ въ присутствующихъ, выдавая себя за друга особъ, замѣченныхъ всѣми и въ то же время неизвѣстныхъ никому. Мужчинамъ очень льститъ знакомство съ хорошенькой женщиной: сколько удовольствія доставляетъ ему, а болѣе того «смака», болтовня съ женщиной, которою любятъ всѣ, но онъ одинъ ее знаетъ.

Офицеръ всталъ. Онъ вышелъ, чтобы появиться на минуту въ ложѣ эрцгерцога Рудольфа. Покинувъ обѣихъ женщинъ онъ увидѣлъ въ коридорѣ адъютанта наслѣдника; онъ попросилъ его слѣдовать за нимъ къ его высочеству: ходьба взадъ и впередъ адъютанта мимо ложи и прочія уловки не ускользнули отъ заинтересованныхъ присутствующихъ. Ясно было, что завязавшійся разговоръ между эрцгерцогомъ и гвардейскимъ офицеромъ касался двухъ незнакомокъ, и что первый спрашивалъ у послѣдняго подробныхъ свѣдѣній относительно его двухъ пріятельницъ. Затѣмъ взглядъ принца оторвался на мгновеніе отъ ихъ ложи, и разговоръ между нимъ и офицеромъ продолжался еще нѣсколько минутъ. Безъ сомнѣнія, вопросъ шель о службѣ молодого офицера и его будущемъ: молодой человѣкъ предвидѣлъ повышение въ чинахъ, котораго совсѣмъ не подозревали его друзья.

Когда послѣдній занялъ свое мѣсто въ оркестрѣ, то не могъ избѣжать вопросовъ. Онъ на это не сердился, такъ какъ знать секретъ одному—чрезвычайно пріятно; заставляя упрашивать себя, его понемногу разоблачаешь. Въ этомъ случаѣ поступаютъ, какъ тѣ путешественники, которые вдругъ скажутъ вамъ: «Да, то, что вы рассказываете, напоминаетъ мнѣ похождение одной маленькой тонкинской жительницы, которую я купилъ за пятнадцать франковъ на границѣ Юннана у пиратовъ, готовыхъ произвести надъ ней насилие; ихъ было пятнадцать».—«О ужасъ!—восклицаетъ дама,—и какъ вамъ удалось ее спасти?»—«Очень просто!». И путешественникъ начинаетъ свою исторію. Молодой гвардейскій офицеръ поступилъ также и рассказалъ не только то, что зналъ о незнакомкахъ, но даже болѣе.

Онъ сообщилъ, что дама постарше — баронесса Вечера; молоденькая же—одна изъ ея дочерей. Отца не было на свѣтѣ. Онъ былъ венгерскій мелкій дворянинъ изъ окрестностей Пресбурга, и такъ или иначе, но принадлежалъ къ дипломатіи. Вечера былъ извѣстенъ въ молодости, какъ драгоманъ австрійскаго посольства при султанѣ. Въ Константинополѣ онъ женился на молодой дѣвушкѣ, гречанкѣ, г-жѣ Батаджи. Ея отецъ, уроженецъ Хиуса, «острова вина», былъ истиннымъ потомкомъ царя Итаки, однимъ изъ тѣхъ предприимчивыхъ и ловкихъ островныхъ грековъ, какихъ въ наше время находится менѣе въ самой Греціи, чѣмъ въ Марсели, Александріи и Перу. Сначала онъ служилъ въ одномъ парижскомъ банкѣ—банкѣ Лафитъ, затѣмъ возвратился

на Востокъ, гдѣ принялъ австрійское подданство, чтобы жениться на дѣвицѣ Лорелль, которая ему подарила десятерыхъ дѣтей. Онъ велъ торговлю въ Константинополь и Смирнѣ, и нажилъ громадное состояніе, что позволило ему дать блестящее приданое дочерямъ. Венгерскій дворянчикъ, баронъ Вечера, устроилъ недурное дѣльце, женившись на одной изъ нихъ. Но милліоны скоро были прожиты. Вечера умеръ тому два года въ Александріи. Его вдова и двѣ дочери—Марія и Ганни—прибывъ въ Вѣну, поселились въ кокетливомъ домѣ. Всѣ эти справки молодой гвардейскій офицеръ собралъ въ Александріи, откуда онъ началъ свое путешествіе по Нилу. Предъ зрителями находилась старшая изъ двухъ дочерей, шестнадцатилѣтняя Марія Вечера, очаровательный полураспустившійся цвѣтокъ. Судя по любопытству, какое возбуждало первое появленіе молодой дѣвушки въ Вѣнѣ, городѣ, въ которомъ, однако, не было недостатка въ обворожительныхъ женщинахъ, ей скоро предстояло сдѣлаться модной женщиной: «львицей дня», какъ говорили французы пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ,— «профессиональной красавицей», какъ говорятъ англичане въ наше время.

Предположеніе оправдалось въ концѣ представленія. Всѣ поспѣшили къ перистилію и ожидали появленія новоприбывшихъ. Особенно женщины хотѣли разсмотрѣть поближе молодую дѣвушку. Онѣ нашли, что Марія Вечера была не менѣе хорошенькой и вблизи. Нѣкоторые изъ нихъ отваживались утверждать, что ея носъ былъ нѣсколько коротокъ и недостаточно тонокъ, а лицо—чрезмѣрно широко; но всѣ были одного мнѣнія относительно нѣжности ея взгляда, очаровательнаго рта и блестящаго цвѣта лица. Въ свою очередь явился и эрцгерцогъ Рудольфъ; онъ остановился. По вниманію, съ какимъ онъ разсматривалъ молодую незнакомку, самые непроницательные понимали, что онъ не нашелъ въ ней никакого недостатка и любовался всѣми совершенствами ея красоты, безъ исключенія.

Воспламененный красотою баронессы Маріи Вечера, Рудольфъ не замедлил приблизиться къ обѣимъ иностранкамъ при посредничествѣ молодого гвардейскаго офицера, который сообщилъ ему свѣдѣнія о нихъ. Когда первое лицо, которое просить быть представленнымъ женщиной, только что пріѣхавшей въ страну—король или ея будущій государь, то женщиной это только можетъ льстить, и она не закроетъ передъ нимъ своей двери. Такъ было и съ баронессой Вечера. Черезъ день послѣ встрѣчи въ Бургъ-театрѣ, Рудольфъ явился въ домъ на Залезаніергассе и былъ принятъ.

Онъ сталъ являться туда часто. Съ простыми искательницами приключеній, сентиментальными модистками, женами чиновниковъ, гоняющимися за повышеніемъ мужей, и бездѣльными аристократкамъ,

вѣроятно, искусъ былъ бы сокращенъ: послѣ второго или третьяго свиданія эрцгерцогъ былъ бы проведенъ изъ салона въ интимныя комнаты. Ловкія же левантинки, не стовариваясь, поняли выгоду, какую представляла имъ эта неожиданная находка. Чего же онѣ въ дѣйствительности хотѣли? Чего искать онѣ пріѣхали въ Вѣну? Мужа для юныхъ баронессъ? Уже женатый эрцгерцогъ не могъ быть желаннымъ мужемъ. Какъ ни велика была женская само-надѣянность, но надо признать, что въ первые дни мать и дочь не предусматривали возможности развода, который поставилъ бы баронессу на мѣсто эрцгерцогини Стефаніи.

Имъ было достаточно, чтобы на нихъ простерлось покровительство наслѣдника престола: это была единственная цѣль, которую онѣ мѣтили.

Благодаря его участию, изъ котораго онѣ извлекли пользу, закрытыя двери дворцовъ самой высшей аристократіи на Герренгассѣ, Миноритской и Лобковской площадяхъ широко раскрылись для ихъ мелкаго дворянства. Не было такого вечера или введенныхъ въ моду княгиней Меттернихъ съ благотворительною цѣлью, представленій, для устройства которыхъ она набирала артистовъ изъ семействъ, группировавшихся, какъ рыцари Габсбурговъ, вокругъ императорскаго замка, — не давалось ни одного праздника, на которомъ не бывали бы обѣ баронессы Вечера. Пригласить ихъ—значило быть увѣреннымъ въ присутствіи наслѣднаго эрцгерцога, до сихъ поръ показывавшагося лишь на необходимыхъ церемоніяхъ. Женщины чувствовали ревность отъ предпочтенія, выказаннаго наслѣднымъ эрцгерцогомъ семнадцатилѣтней дѣвчонкѣ, происхожденіе и родство которой было мало извѣстны. Онѣ ей прощали, зная, что герцогъ капризенъ, и говорили себѣ: «Если дѣвчонка сдастся, то она скоро ему наскучитъ; въ противномъ же случаѣ онъ не привяжется къ ней такъ сильно и возвратится къ болѣе легкимъ похождениямъ, которыя ему нравились». Мужчины не оставались равнодушны къ красотѣ Маріи; вниманіе наслѣднаго эрцгерцога, предметомъ котораго явно была она, дѣлало ихъ осторожными. Они окружали ее уваженіемъ, съ цѣлью заслужить ея симпатію, но не желали какими нибудь знаменательными поступками или разговорами возбудить подозрѣнія слѣдившаго за нею эрцгерцога.

Были и такіе, которыхъ не останавливали эти соображенія, какъ, на примѣръ, графъ Алоизій Л., наслѣдникъ если, не короны, то, по крайней мѣрѣ, одного изъ самыхъ знаменитыхъ именъ австрійской аристократіи и, можетъ быть, самый красивый, самый изящный, самый гордый изъ молодыхъ вельможъ двора Франца-Иосифа. Онъ открыто передъ всѣми выказывалъ къ Маріи Вечерѣ такой пылъ, какой пожилые царедворцы называли неосторожнымъ и нескромнымъ. Онъ также бывалъ на всѣхъ празднествахъ, которыя

украшала своимъ присутствіемъ красавица «дѣвчонка». Когда Рудольфъ, все-таки принужденный соблюдать нѣкоторыя предосторожности, оставляя свободное мѣсто возлѣ красавицы, то Алоизій Л. спѣшилъ занять его. Онъ первый являлся приглашать на танцы Марію, велъ ее въ буфетъ и провожалъ до кареты. Молодые дѣвушки не безъ зависти сморгѣли на предпочтеніе, оказываемое Алоизіемъ Л. этой неожиданной соперницѣ. Онъ опасались, чтобы въ одинъ прекрасный день онъ не сдѣлалъ ея своей женой. Нѣмецкія страны привыкли къ бракамъ, продиктованнымъ единственно любовью. Тамъ, гдѣ принцы женятся, если не на пастушкахъ, то на наѣздницахъ цирка, совсѣмъ неудивительно, что аристократъ самой высшей пробы женится на дочери мелкаго дворянина, потому что она красавица, и онъ ее любитъ. Аристократія, твердо установленная и неоспоримая, которая занимаетъ въ государствѣ видное мѣсто, можетъ позволить себѣ сентиментальныя фантазіи; онъ менѣе унижаютъ ее, чѣмъ браки на деньгахъ, посредствомъ которыхъ пришедшая въ упадокъ аристократія разсчитываетъ подняться.

Около Маріи видѣли еще нѣкоего финансиста, введеннаго въ ихъ домъ однимъ изъ дядей молодой дѣвушки, братомъ матери, однимъ изъ десяти дѣтей Батаджи. Двое или даже трое Батаджи жили въ Вѣнѣ: два брата баронессы Вечера и сынъ одного изъ нихъ. Изъ двухъ братьевъ одинъ занимался денежными дѣлами, другой спортомъ: денежныя дѣла и лошадиный спортъ близки другъ другу; все что, касается азартныхъ игръ или мошенничествъ, нравится левантинцамъ. Горбоносый банкиръ съ начинающимъ отрастать животомъ и рѣдѣющими волосами, другъ биржевика Батаджи, желалъ дворянскаго титула. Замѣтивъ благоволеніе, оказываемое наслѣдникомъ престола дамамъ Вечера, онъ не сомнѣвался, что, женившись на Маріи, найдетъ въ ея свадебной корзинѣ, въ которую вложить свои деньги, желанный дворянскій патентъ. Онъ осыпалъ баронессу Вечера подарками, Марію вниманіемъ, а дядю Батаджи превосходными биржевыми свѣдѣніями и все шло какъ нельзя лучше.

Батаджи спортсменъ, весь отдавшись, лошадямъ, мало показывался у своей сестры. Напротивъ, его сынъ приходилъ ежедневно. Молодой, двадцатидвухлѣтній, Батаджи выказывалъ къ Маріи ревностную привязанность: онъ любилъ ее. Когда она обращалась къ нему съ благосклонными словами, все его лицо, на которомъ блестѣли два черные глаза, сіяло счастьемъ: когда же она отправлялась на балъ, гдѣ его не было, онъ дѣлался сумрачнымъ, скрежеталъ зубами, его ноздри раздувались, а по его глазамъ, въ которыхъ пробѣгала зловѣщая молнія, можно было угадать человѣка, готоваго на всякаго рода насиліе. Молодую дѣвушку забавляла страсть двоюроднаго брата; она не считала ее серіозной. Говоря о немъ, она замѣчала: «Мой двоюродный братъ! Это — мой пудель. Если на меня нападутъ, то онъ укуситъ!»

Кто можетъ порицать Марію, что она такъ легко предалась заманчивой жизни, какую доставила ей Вѣна со дня ея прїѣзда. Наслѣдный эрцгерцогъ не скрывалъ восторга, возбужденнаго въ немъ Маріей; у нея заискивалъ молодой вельможа, носившій высшее аристократическое имя; ея капризамъ предоставлялось богатство, а ей предлагалась сильная преданность. Ласкавшая ее дѣйствительность превосходила всѣ мечты, какими льстило себя самое тщеславное воображеніе. Застѣнчиво появившись въ Вѣнѣ, гдѣ ея не знали, Марія была принята тамъ улыбкой Фортуны и благосклонностью судьбы. Радость побѣды озарила ея молодое лицо и сдѣлала его еще обворожительнѣе: счастье — вторая красота.

II.

Однажды Алоизій Л. съ озабоченнымъ видомъ сообщилъ Маріи извѣстіе о своемъ близкомъ отъѣздѣ за границу. Безъ личнаго ходатайства Алоизія, императоръ назначилъ его при одномъ изъ посольствъ военнымъ агентомъ вмѣсто прежняго, отозваннаго въ Австрію. Молодому дипломату было невозможно отказаться отъ назначенія своего государя: отказъ былъ-бы неповиновеніемъ, а воинъ всегда повинуется.

Прежде чѣмъ уѣхать, Алоизій хотѣлъ заручиться обѣщаніемъ руки Маріи. Принявъ предложеніе сдѣлаться въ одинъ прекрасный день его женою, Марія Вечера должна была присоединиться къ нему въ столицѣ, куда его посылали. Это обѣщаніе было дано ею среди обильныхъ слезъ.

Нѣсколько дней спустя, банкиръ увѣдомилъ своего друга, Батаджи, что неожиданныя дѣла призываютъ его въ Америку, можетъ быть, на долгіе мѣсяцы. Онъ также наскоро распрощался съ обѣими женщинами, но не потребовалъ отъ Маріи никакого обѣщанія. Подробныя объясненія имъ далъ Батаджи; по его словамъ, при посредствѣ надежной личности, банкиръ получилъ тайное предупрежденіе, которое, надо думать, принудило его къ столь внезапному отъѣзду. Въ случаѣ его сопротивленія, правительство сунуло бы носъ въ его дѣла, и банкиръ предпочелъ уѣхать.

Оба эти отъѣзда, явившіеся одинъ за другимъ съ внезапностью грома, освѣтившаго безоблачное небо, взволновали Марію Вечеру; суетвѣрная, какъ всѣ левантинки, она думала, что ее наказало небо за необычайное счастье.

— Богъ меня наказываетъ,— сказала она Рудольфу,—потому что вы простерли на меня ваше расположеніе, и онъ, по всей вѣроятности, нашелъ, что я отъ этого слишкомъ возгордилась... Намнѣ женились бы уѣхавшіе. Мнѣ стоило бы только рѣшить мой выборъ...

— Но, я также на васъ женюсь, если вы хотите, Марія.

Отъ этой неожиданности Марія, широко открывъ глаза, безмолвствовала. Рудольфъ въ болѣе энергичныхъ выраженіяхъ еще разъ повторилъ напрямикъ сдѣланное заявленіе. Затѣмъ онъ признался, что по его приказанію Алоизій Л. отправился за границу съ порученіемъ, а банкиръ покинулъ Австрію; онъ немогъ перенести, чтобы другой мужчина поднималъ глаза на Марію. И такъ какъ, не беспокоясь и даже не замѣчая его любви къ ней, молодая дѣвушка общалась своею рукою другому, то кто бы онъ ни былъ, но это обязательство надо было нарушить, чтобы замѣнить другимъ. Не все ли ему равно, что онъ женатъ? Какъ многіе браки государей, разводъ нарушить заключенный бракъ дипломатическимъ путемъ, не касаясь склонности обоихъ супруговъ. Если затрудненія явятся со стороны императора или Рима, то эрцгерцогъ угрожалъ бы отречься отъ своихъ правъ на отцовское наслѣдіе, зная, что его царствованія нетерпѣливо ожидали тѣ, кого унижалъ упадокъ Австро-Венгріи, и кто мечталъ объ ея возстановленіи, подъ управленіемъ молодого и рѣшительнаго государя; онъ не сомнѣвался, что его угроза остановитъ всѣ возраженія, и передъ его волей приклонятся.

Можетъ быть, женщина не столь нѣжнаго возраста, имѣющая хотя слабый опытъ въ жизни и людяхъ, раздумавъ, спросила бы себя, не внушены ли герцогу эти слова безумной страстью, и не былъ ли главной причиной всего планъ Алоизія относительно брака, о которомъ сообщили Рудольфу. Но нѣтъ. Есть ли на свѣтѣ столь благоразумная и серьезная женщина, которая, видя у своихъ ногъ будущаго императора, устояла бы противъ этого соблазна; которая, увидавъ у себя подъ рукою императорскую корону, не овладѣла бы ей прежде всего; которая, ради мѣста среди королевъ и императрицъ, не забыла бы обѣщаній любить и взаимныхъ клятвъ?

— Вы это сдѣлаете?—спросила Марія:—вы это сдѣлаете!—повторила она, не находя другихъ словъ для выраженія мыслей, съ трудомъ понимаемыхъ ею, которыя перепутывались въ ея семнадцатилѣтней головѣ. Рудольфъ отвѣтилъ ей уста къ устамъ, крѣпко прижавъ ее къ себѣ. Они были одни въ комнатѣ, убранной повосточному и украшенной низкими турецкими диванами. Никакой шумъ не доходилъ извнѣ, чтобы напомнить имъ о дѣйствительности. Молодая дѣвушка была опьянена грезами, которыя унесли ее къ сказочной будущности. Охватившее ее опьяненіе, мало-по-малу, отняло у нея мысль о сопротивленіи, о чувствѣ самоличности и самосознаніи. Болѣе привычный повиноваться своей чувственности, а не повелѣвать ею, Рудольфъ не раздумывалъ долго. Онъ не спросилъ себя: свободно ли существо, которое онъ держалъ въ своихъ объятіяхъ, властно ли оно надъ своими дѣйствіями; и самъ онъ не злоупотребляетъ ли минутой безумія? Онъ чувствовалъ близость нѣжнаго тѣла, трепетавшаго въ его объятіяхъ, со-

дрогавагося, отъ его ласкъ, въ то время, какъ ротъ, который онъ осыпалъ поцѣлуями, полуоткрывался для нихъ; онъ видѣлъ, какъ ея прекрасные глаза, которые онъ такъ любилъ, безвольно полукрывались. Чувствовалъ ли онъ, видѣлъ ли все это? Онъ ничего болѣе не видѣлъ... Желаніе уничтожило всякое другое чувство, кромѣ жажды удовлетворенія этого желанія. Человѣческая мысль, казалось, пріостановилась въ опредѣленный моментъ, когда человѣкъ передаетъ жизнь другому существу такъ же, какъ она останавливается въ тотъ моментъ когда совершается тайна смерти...

III.

Если бы онъ примѣнилъ къ ней свои прежнія привычки пресыщеннаго развратника, желающаго всего и ничѣмъ болѣе не удовлетворяющагося, то, овладѣвъ хорошенькою семнадцатилѣтнею «дѣвчонкою», эрцгерцогъ, вѣроятно, устремился бы на другія жертвы. Конечно, его удерживало совѣсть не воспоминаніе принятыхъ на себя обязательствъ, какъ бы ни былъ по обыкновенію великодушнееъ его умъ. Мужчины съ своимъ эгоизмомъ всегда найдутъ средства согласовать правила общей нравственности съ ихъ личными удобствами: то, что трудно бѣдному, простому гражданину, становится легкимъ для богача, тѣмъ болѣе для наслѣдника престола.

На этотъ разъ обладаніе женщиной не насытило его желанія. Когда Рудольфъ покидалъ объятія своей любовницы, онъ только и мечталъ о томъ моментѣ, когда снова ее увидитъ. Что было въ ея тѣлѣ и крови, что онъ желалъ ее еще и всегда? Покорила ли его противоположность, которая сталкиваетъ двѣ различныя расы, одну съ другою, лучше сказать, наталкиваетъ одну противъ другой? Покорила ли бѣлокурога сѣвернаго нѣмца черноволосая южная гречанка? Была ли это побѣда сѣрыхъ глазъ надъ голубыми? Былъ ли это, какъ всегда случается, тотъ часъ, когда и мужчина, свысока относящійся къ женщинамъ, преклоняетъ колѣно предъ одной изъ нихъ—моментъ, когда Донъ-Жуанъ унижается? Или просто это было потому, что наслѣдникъ престола полюбилъ первый разъ въ жизни?

Съ каждымъ днемъ Рудольфъ сильнѣе привязывался къ своей любовницѣ. Когда ему приходилось послѣ короткаго свиданія разставаться съ нею, онъ испытывалъ глубокую болѣзненную печаль, какъ будто какіе-то когти разрывали его тѣло кусками.

Эти короткія свиданія все чаще и чаще устраивались нѣкоей графиней Ларишъ, «доброй хозяйкой» любовныхъ интригъ Рудольфа. Рожденная баронесса Валлерзе, тѣхъ же лѣтъ, что и наслѣдный принцъ, эта женщина приходилась племянницей императрицѣ Елисаветѣ,

какъ единственная дочь герцога Людвигъ Баварскаго, который имѣлъ ее отъ своего морганатическаго брака съ актрисой Генриетой Мендель. Еще ребенкомъ она была взята на воспитаніе императрицей Елисаветой. Назначенная придворной дамой, графиня вышла замужъ за графа Лариша, и Елисавета сама вела ее къ алтарю въ венгерскомъ замкѣ Гёдёлё. Рудольфъ очень любилъ общество этой двоюродной сестры, которая изъ его повѣренной превратилась въ посредницу его любовныхъ похожденій. Начитавшись Мольера, онъ удержалъ въ памяти «Фрозину» и прозвалъ такъ свою двоюродную сестру. Въ настоящемъ случаѣ ея услуги были ему нужны, и онъ не замедлилъ прибѣгнуть къ нимъ.

Своей предупредительностью и подарками, которые ей ничего не стоили, Фрозина добилась довѣрія баронессы Вечеры. Она пріѣзжала за Маріей, брала ее то на прогулку, то съ визитомъ, то на торжество и немедленно передавала въ объятія ея любовника.

Такимъ образомъ, вскорѣ графиня явилась для всей семьи, какъ бы посланницей Провидѣнія, избравшаго ее перевязать имъ рану, нанесенную ревнивой судьбою, и снова разлить надъ ихъ домомъ благоденствіе и радость. Дядя Батаджи не могъ утѣшиться послѣ отъѣзда своего пріятели-банкира, и подъ предлогомъ своего знакомства со всѣми тайнами политики и финансовъ Фрозина давала совѣты относительно того или другого помѣщенія денегъ, той или другой спекуляціи. Никогда не видывали болѣе надежной и болѣе безкорыстной преданности, какъ ея. Батаджи, какъ добрый левантинецъ, совсѣмъ не безпокоился поглубже задуматься о причинахъ особаго расположенія графини къ его сестрѣ и о сплетняхъ достигавшихъ его ушей. «Счастливымъ всегда завидуютъ», говорилъ онъ самъ себѣ. Такая основательная мысль вполне умиротворила его совѣсть.

Счастливымъ? Дядя Батаджи былъ имъ навѣрно; баронесса Вечера, по всей вѣроятности, такъ же, какъ и Фрозина. Но оба любовника были ли одинаково счастливы? На первый взглядъ—да. Когда они находились въ безмолвныхъ апартаментахъ графини Ларишъ, затянутыхъ блѣдно-голубой матеріей, имъ едва хватало времени поговорить, такъ они безконечно расточали другъ другу ласки и поцѣлуи. Однако, наступалъ часъ разлуки. Послѣ объятій разговоръ принималъ каждый разъ одинъ и тотъ же оборотъ.

Съ того дня, когда Рудольфъ торжественно обѣщалъ Маріи сдѣлать ее своей женою, воспоминаніе объ этомъ обѣщаніи не покидало ея. Преслѣдуемая этой мыслию, Марія приходила въ неистовство, видя, что обѣщаніе не приводится въ исполненіе. Не то, чтобы она не довѣряла Рудольфу, но, будучи суевѣрной, она боялась неожиданнаго случая, который могъ бы нарушить обязательство. «Королева! Императрица!» Эти два слова постоянно были у нея на губахъ. Она шептала ихъ безпрестанно, какъ старая жен-

щина, бормочущая одну и ту же молитву. Когда она проходила мимо императорскаго дворца, или шла чрезъ его величественные дворы, она никакъ не могла понять, что еще не живетъ въ этихъ аппаратахъ съ высокими окнами, недалеко отъ громаднаго зала, гдѣ сіяетъ тронъ Габсбурговъ.

Наслѣдный эрцгерцогъ успокоивалъ свою любовницу совершенно искренно, безъ лжи и обмана. Дѣйствительно, онъ считалъ серьезной клятву, данную въ страстной лихорадкѣ, и мечталъ сдержать свое слово; но чѣмъ сильнѣе онъ объ этомъ думалъ, тѣмъ болѣе замѣчалъ, что поведеніе наслѣдника престола не можетъ быть тождественно съ поведеніемъ какого нибудь человѣка изъ толпы, и чаще всего онъ менѣе властелинъ надъ своей особой, чѣмъ послѣдній изъ мелкихъ гражданъ, менѣе свободенъ, чѣмъ послѣдній изъ его подданныхъ.

Однажды онъ отважно сообщилъ свой планъ отцу. На это императоръ ему сказалъ:

— Не съ ума ли ты сошелъ, мой сынъ?

А когда Рудольфъ возобновилъ попытку, то отецъ перебилъ его, сказавъ:

— Мой сынъ, я думалъ, что твои припадки безумія прекратились. Прошу тебя никогда не возвращаться къ этой исторіи. Не принуждай меня выселить съ территоріи имперіи эту искаательницу приключеній, которая тебя сдѣлала глупцомъ.

Рудольфъ отвѣтилъ ему безъ гнѣва:

— Если ее выселять, я вмѣстѣ съ нею отправлюсь съ австрійской территоріи.

Императоръ содрогнулся отъ непоколебимаго тона сына. Онъ долго смотрѣлъ на Рудольфа, который стоялъ предъ нимъ не шевелясь. Гнѣвно сверкавшіе глаза государя омрачились печалью.

Послѣ этого втораго свиданія наслѣдникъ престола смутно чувствовалъ, что вокругъ него происходятъ различнаго рода козни и происки.

Онъ замѣтилъ, что за его малѣйшимъ шагомъ шпионятъ. Каждый разъ, какъ онъ пріѣзжалъ къ графинѣ Ларишъ, то видѣлъ у дома господъ, по лицу и внѣшности которыхъ опытный глазъ сразу угадаетъ ихъ профессію. Въ то же время въ разговорахъ съ близкими къ отцу лицами или со значительными политическими личностями, онъ улавливалъ частые намеки на обязанность, которая выпадаетъ на долю будущаго государя. Патеры, начиная отъ придворнаго капелана до папскаго нунція, все вмѣшивались въ это дѣло; они никогда не упускали случая вставлять въ свои разговоры различныя замѣчанія относительно примѣровъ, которые короли обязаны давать своему народу. Всѣмъ онъ отвѣчалъ коротко, сухимъ и рѣзкимъ тономъ, какъ человѣкъ, который хочетъ, чтобы его собесѣдники поняли тщетность вмѣшательства въ дѣла, не касающіяся ихъ.

Онъ не могъ сохранить этого пріема, когда однажды его мать, императрица Елисавета, потребовавъ его къ себѣ, сказала:

— Мой сынъ, мой любимый Руди, ты знаешь, что уже много лѣтъ я не дѣлала тебѣ ни малѣйшаго замѣчанія и не просила отъ тебя признанія въ твоемъ частномъ поведеніи. Можетъ быть, въ своемъ материнскомъ сердцѣ я и порицала излишества, которымъ ты предавался. Я слишкомъ хорошо понимаю, какимъ искушеніямъ подверженъ человѣкъ, который по своему положенію стоитъ выше другихъ, располагая властью и всеми средствами, и который даетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только самому себѣ. Сегодня съ тобою говоритъ не мать, а императрица. Ты готовъ совершить, мой сынъ, не только ошибку, но и преступленіе.

Рудольфъ при этомъ словѣ вздрогнулъ.

— Да, мой сынъ,—продолжала императрица, замѣтивъ это движеніе:—повторяю, что это—преступленіе. Какъ наслѣдникъ монархіи, изнуренной отъ столькихъ опасностей и угрожаемой столькими врагами, ты не имѣешь права нанести ей ударъ, который, можетъ быть, довершитъ ея погибель. Ты мечтаешь о разводѣ? Я не говорю тебѣ о печали, какую ты причинишь женщинѣ, советѣмъ не заслуживающей ея; ты самъ знаешь, въ какую скорбь ты ее повергнешь. Подумать ли ты о скандалѣ, который загрязнитъ корону, въ скоромъ будущемъ долженствующую увѣнчать тебя? Габсбурги, отъ которыхъ ты происходишь, не заслуживаютъ быть такъ оскорбляемыми и презираемыми тобою. Умоляю тебя, Рудольфъ, отказаться отъ плана, который равнялся бы отступничеству отъ твоихъ обязанностей, какъ бы измѣнѣ.

— Развѣ вы никогда не любили, мама?—спросилъ Рудольфъ.

— Я любила императора и новую родину, которую онъ далъ мнѣ. Не думаешь ли ты, что я не знала о его заблужденіяхъ въ частной жизни? Я знала обо всѣхъ; добрыя души меня о нихъ предупредили; я прикидывалась, что не знаю о нихъ, жертвуя моими справедливыми чувствами оскорбленной жены для долга государыни и ради тебя, мой дорогой сынъ, императорскаго наслѣдника. Я могла бы отмстить. Я даже признаю право мести какой бы то ни было женщины, которую пренебрегаетъ мужъ. Я отрицаю мечь у государыни, давшей жизнь будущему государю.

— Исторія полна брачныхъ разводовъ королей и императоровъ.

— Есть также императоры и короли убійцы и измѣнники. Прошлыя ошибки не оправдываютъ будущихъ. Тебѣ надо дѣлать то, что ты долженъ, а не то, что другіе дѣлали. Твой долгъ несомнѣненъ, мой сынъ. Невозможно никакое колебаніе. Тебѣ предстоитъ своей энергіей и добродѣтелью поддержать пошатнувшійся тронъ. На тебѣ лежитъ обязанность предъ многими миллионами душъ, для которыхъ ты долженъ пожертвовать своимъ вкусомъ, склонностью, добрыми или злыми желаніями. Ты не имѣешь права безчестить

себя, своихъ предковъ, родителей и подданныхъ безразсуднымъ поступкомъ, который покроетъ ихъ позоромъ.

Рудольфъ всегда выражалъ матери глубокую любовь и уваженіе, полное нѣжности. Первый разъ она говорила съ нимъ такъ строго.

— Я увѣрена, что ты передашь мои замѣчанія женщинѣ...

— Которой я далъ слово.

— Она тебѣ вернетъ его.

— Или умереть.

— Если она тебя дѣйствительно любитъ, то пожертвуетъ безумными мечтами, какія она создала себѣ.

— Я зародилъ ихъ въ ея умѣ; я самъ ея искалъ. Ея руки просили, и я самъ умолялъ ее отказаться отъ всѣхъ предложеній, чтобы сдѣлаться моей женой.

— Надо, чтобы она считала себя съ этихъ поръ твоей вдовой. Ты долженъ для нея умереть, если хочешь жить для твоей страны, для твоей миссіи. Своимъ добровольнымъ отказомъ она обезпечить себѣ уваженіе тѣхъ, у кого душа возвышенна, а чувства благородны: лишь о нихъ однихъ мы должны заботиться. Она не увидитъ выраженія обязательнаго почтенія и официальныхъ привѣтствій, но она будетъ имѣть право гордиться исполненнымъ долгомъ. Ты долженъ дѣйствовать лучше другихъ, мой сынъ, потому что ты выше другихъ. Возвративъ тебѣ свободу, эта женщина станетъ выше тебя, который выше всего свѣта.

— Вы приговорили бы меня къ безконечной печали и вѣчному несчастію.

— А мнѣ развѣ весело? Развѣ я счастлива? Наши подданные имѣютъ право на счастье; мы должны имъ его обезпечить цѣною всевозможныхъ страданій и всевозможныхъ жертвъ.

Рудольфъ замолчалъ. Императрица, которая все время сидѣла, теперь встала.

— Мой дорогой сынъ, мой любимый Руди,—сказала она менѣе увѣреннымъ голосомъ; — я тебѣ недавно говорила, что не мать съ тобою говоритъ, а императрица. Такъ, нѣтъ, твоя мать также тебя закликаетъ не довершать печали, которую она уже перенесла, не причинять ей горя, котораго она не сможетъ вынести. Я перенесла всѣ мои надежды, честолюбіе и гордость на дорогую мнѣ голову. Единственное благо, которое меня привязываетъ къ жизни, это—ты; единственное счастье, которое я теперь ожидаю,—придетъ отъ тебя. Моя судьба, мое существованіе, можетъ быть, зависятъ и отъ твоей воли. Ты произнесешь мой приговоръ.

Императрица вышла изъ комнаты, и Рудольфъ даже не замѣтилъ ея ухода, настолько его поглотили слышанныя имъ слова. Барабанный бой и вскорѣ послѣдовавшіе за нимъ трубные звуки

вывели его изъ оцѣпенѣнія, въ которое онъ погрузился. Безсознательно онъ пошелъ по направленію къ звукамъ и приблизился къ окну. Приподнявъ занавѣсъ, онъ увидѣлъ прибывшій батальонъ, который, замѣщая смѣнявшуюся съ караула гвардію, явился охранять императорскій дворецъ. Офицеры привѣтствовали другъ друга. По ихъ командѣ солдаты выравнились. Появился императоръ. Онъ отвѣтилъ на привѣтствіе офицеровъ, прошелъ въ открытые ряды батальона, останавливаясь передъ солдатами и разговаривая съ ними. Затѣмъ онъ всталъ, и предъ нимъ прошелъ отрядъ. Смѣнявшаяся съ караула гвардія направилась въ казармы, тогда батальонъ, который принялъ караулъ, вступилъ въ свои обязанности. Императоръ вернулся во дворецъ. Ежедневно, въ продолженіе сорока лѣтъ, какая бы ни была погода, Францъ-Иосифъ исполнялъ этотъ долгъ въ томъ же неизмѣнномъ порядкѣ; лучше, чѣмъ когда либо, Рудольфъ теперь понималъ символическое величіе отцовскаго поведенія.

.

Въ тотъ же вечеръ придворная дама, въ сопровожденіи камергера, явилась къ баронессѣ Вечерѣ и отвезла ее во дворецъ. Несмотря на свои вопросы, баронесса ничего не могла узнать отъ провожатыхъ, которые, впрочемъ, и сами не знали причины этого приглашенія. Взволнованная и обезпокоенная, она прошла черезъ цѣлый рядъ залъ и прихожихъ, гдѣ сидѣвшіе на скамьяхъ лакеи вставали съ своихъ мѣстъ, когда она проходила. Подымаясь съ лѣстницы на лѣстницу, переходя изъ однихъ апартаментовъ въ другіе, они достигли, наконецъ, двери, предъ которой стоялъ офицеръ. Оба проводника, откланявшись, покинули баронессу Вечеру. Въ свою очередь ей поклонился и офицеръ. Онъ пропустилъ ее въ охраняемыя имъ комнаты и прошелъ вмѣстѣ съ нею черезъ три знаменитыхъ залы, гдѣ наслѣдникъ собралъ всѣ охотничьи трофеи: здѣсь были первый убитый имъ медвѣдь, орлы, ястребы и его старая собака Блэкъ; второй залъ былъ переполненъ оружіемъ: тамъ въ витринѣ хранилась его первая охотничья продыравленная шляпа; наконецъ въ третьемъ залѣ находились убитыя Рудольфомъ двѣ бѣлыя серны.

За третьимъ заломъ, въ рабочемъ кабинетѣ, точно также отдѣланномъ, стоялъ, ожидая ее, эрцгерцогъ Рудольфъ. Когда показалась баронесса Вечера, онъ поспѣшилъ ей навстрѣчу, сдѣлалъ офицеру знакъ удалиться и самъ проводилъ за руку баронессу до низкаго кресла, поставленнаго съ правой стороны широкаго письменнаго стола, заваленнаго бумагами. Самъ онъ сѣлъ предъ столомъ въ кресло съ высокой спинкой, обитое кожей.

Тотчасъ же, не останавливаясь на пошлыхъ вѣжливостяхъ, онъ лихорадочно, началъ разговоръ, держа руку у глазъ и иногда останавливаясь, чтобы сдержать рыданіе или перевести духъ. Онъ ска-

заль баронессѣ, вслѣдствіе какого горестнаго обстоятельства и какого непреодолимаго вмѣшательства онъ принужденъ просить у ея дочери возвратить ему торжественную клятву, которую далъ ей.

— Пусть она забудетъ меня!—сказалъ онъ.—Я же никогда ея не забуду. Габсбурги всегда будутъ покровительствовать ей и ея близкимъ. По приказанію императора князь Алоизій, просившій ея руки, будетъ призванъ въ Вѣну. Марія осталась достойна его.

(Рудольфъ лгалъ и зналъ, что лжетъ; но есть случаи, когда ложь обязательна).

— Князь Алоизій Л.,—сказала баронесса Вечера:—уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ намъ болѣе не писать.

— Я знаю другихъ, которые желаютъ добиться этой чести...

— Одни изъ нихъ уѣхали, другіе отдалились отъ насъ. Мой племянникъ Батаджи одинъ остался вѣренъ моей дочери.

— Онъ женится на ней, мы осыплемъ ихъ обоихъ милостями. Онъ будетъ знать, что его жена едва не сдѣлалась императрицей, и, конечно, это не будетъ причиной его презрѣнія къ ней. Она можетъ быть счастлива съ любящей матерью и мужемъ, который ее обожаетъ. Я же никогда не узнаю счастья.

.....
Марія Вечера слушала разсказъ матери, устремивъ глаза въ пространство и совершенно уничтоженная. Когда онъ былъ оконченъ, она сказала только эти слова: «Негодяй! негодяй! негодяй!»

Она бросилась на кровать, заливаясь слезами. Мать на минуту вышла, и она осталась одна. Открывъ ящикъ въ столикѣ, въ которомъ лежали различные предметы, она схватила одинъ изъ нихъ: это былъ маленькій револьверъ съ серебряной рукояткой. Живя однѣ, обѣ женщины всегда имѣли подъ рукою, возлѣ кровати, револьверъ. Марія Вечера хотѣла убѣдиться, не испорченъ ли онъ; увѣрившись, что онъ въ порядкѣ, она положила его на прежнее мѣсто, и снова въ отчаяніи опустилась на постель.

.....
Нѣсколько дней спустя, въ Вѣнѣ только и было разговора, что о примиреніи императора съ сыномъ и Руди съ эрцгерцогиней Стефаніей. Хорошо освѣдомленные люди — а такихъ всегда много — утверждали, что эрцгерцогиня послала въ Брюссель къ отцу, Леопольду II, слѣдующую депешу. «Возношу къ небесамъ мои молитвы. Ваша дочь снова безконечно счастлива. Стефанія (Ich jauchse ein Alleluia zum Himmel empor! Eure Tochter est wieder glücklich, unermässlich glücklich. Stephanie)». Съ другой стороны распространилось извѣстіе о помолвкѣ баронессы Маріи Вечера съ ея двоюроднымъ братомъ Батаджи.

Такимъ образомъ, когда на вечерѣ, данномъ нѣмецкимъ посланникомъ, княземъ Рейссомъ, гдѣ присутствовалъ императоръ Францъ-Иосифъ, эрцгерцогъ Рудольфъ, въ полковничьемъ мундирѣ прус-

скихъ улановъ вошелъ съ эрцгерцогиней Стефаніей, улыбавшейся и съ счастливымъ лицомъ, то одинъ французъ, находившійся при посольствѣ, сказалъ своему сослуживцу: «Эта исторія окончилась, какъ пьеса Скриба—свадьбами». Когда же въ продолженіе вечера оба собесѣдника увидѣли въ одномъ изъ пролетовъ окна наслѣднаго эрцгерцога, разговаривавшаго съ Маріей, которую привезла съ собою графиня Ларипшъ, то одинъ изъ нихъ произнесъ:—Э! да это мнимое примиреніе супруговъ—не очень-то прочно!

— О!—отвѣтилъ другой:—возвращаться снова къ своей прежней любовницѣ до ея брака съ двокорднымъ братомъ—удовольствіе утонченнаго развратника.

IV.

За нѣсколько верстъ до Вѣны, на разстояніи отъ Парижа до Версаля, по южной желѣзной дорогѣ, ведущей къ Триесту и Италіи, приѣзжаешь въ маленькій городъ, называющійся, какъ много другихъ городковъ нѣмецкихъ странъ—Баденомъ. Еще со времени римлянъ, онъ прославился теплыми сѣрными водами, и по воскресеньямъ вѣнцы очень любятъ его посѣщать. Эта страна перерѣзана извилистыми долинами, окруженными высокими горами. Одной изъ любимыхъ прогулокъ путешественниковъ—такъ называемая «Еленинская долина» (Helenenthal).

Изъ этой долины идетъ дорога, которая, слѣдуя за капризными извилинами ручья, направляется къ Святому Кресту (Heiligenkreuz), гдѣ путешественники посѣщаютъ римскую часовню и красивый монастырь. Отъ Святаго Креста они направляются къ самой высокой горѣ въ окрестностяхъ: Желѣзнымъ Воротамъ (Eisern Thor), на вершинѣ, которой возвышается башня, откуда открывается видъ на далекое разстояніе.

Съ дороги, которая ведетъ отъ Бадена къ Святому Кресту, видна почти треть пути; налѣво—другая дорога, направляющаяся въ деревню Алландъ. Путешественникъ, который, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, отправлялся по этой тропинкѣ, вскорѣ встрѣчалъ деревушку, скорѣе нѣсколько домовъ, самое большое, отъ двадцати до двадцати пяти. Тамъ онъ не могъ не замѣтить окруженнаго великолѣпными деревьями,—стволы которыхъ прятались позади старой растрескавшейся стѣны,—сѣроватаго зданія, съ возвышавшейся надъ нимъ башней и колокольной. Это зданіе, которое мѣстные крестьяне называли замкомъ, своей колокольной и готической дверью возбуждало мысль о старомъ монастырѣ, превращенномъ въ жилище. Эта мысль была вѣрна; Габсбурги устроили охотничій домъ въ покинутомъ монастырѣ. Впрочемъ, прогуливавшіеся удѣляли ему незначительное вниманіе; бросивъ бѣглый взглядъ на обрамляющій его лѣсъ, они продолжали свой

путь, стремясь достичь вершины, которая сулила открыть предъ ними прекрасное зрѣлище. Теперь, напротивъ, всѣ проходящіе здѣсь—останавливаются. Предъ ихъ глазами возвышается готическая, совсѣмъ новая, бѣлая каменная часовня, гдѣ иногда, если дверь остается полукрытой, можно видѣть стоящую на колѣняхъ сестру кармелитку; позади стѣны попрежнему возвышаются деревья. Монастырь, обратившійся въ охотничій домикъ, снова вернулся къ своему прежнему назначенію: онъ сдѣлался убѣжищемъ для молитвы. Путешественникъ останавливается предъ нимъ, смотритъ на него и раздумываетъ; онъ въ Мейерлингѣ, предъ таинственнымъ домикомъ, который прежде такъ мало обращалъ на себя вниманія, теперь же сдѣлался знаменитымъ: здѣсь былъ убитъ наслѣдный эрцгерцогъ Рудольфъ, 30-го января 1889 года.

Съ того дня, какъ Рудольфъ уступилъ настояніямъ матери, онъ снова вошелъ во вкусъ охотничьихъ волненій—его любимаго удовольствія. Во дворцѣ нисколько не обезпокоились, когда онъ объявилъ чрезъ день послѣ бала въ австрійскомъ посольствѣ,— это былъ поведѣльникъ, 28 января,—что отправляется въ Мейерлингъ, гдѣ уже собрались приглашенные: его зять Филиппъ Саксъ-Кобургъ, графъ Гойосъ и графъ Вальдштейнъ. Эрцгерцогъ поѣхалъ не въ придворномъ экипажѣ, а съ наемнымъ кучеромъ, которому онъ вполне довѣрялъ и пользовался его услугами для своихъ проказъ. Имя этого кучера было Иоганнъ Транкилини, но его прозвали Братфишемъ (жареной рыбой), потому что его наружность была далеко не обворожительна, что и вызвало это прозвище. Братфишъ обладалъ однимъ талантомъ, которымъ очень гордился: онъ свисталъ въ совершенствѣ. Когда Рудольфъ однажды попросилъ его просвистать одну арію изъ оперы, то онъ былъ внѣ себя отъ радости. Тотъ-то Братфишъ и повезъ наслѣдника въ Мейерлингъ. Путешествіе длилось долѣе обыкновеннаго, такъ какъ толстый слой снѣга покрывалъ дорогу. Едва они пріѣхали въ Мейерлингъ, какъ Братфишъ снова отправился въ Вѣну. На другой день, во вторникъ, 29-го, Рудольфъ, подъ предлогомъ утомленія не пошелъ на охоту съ товарищами. Въ тотъ же день Марія Вечера, находившаяся въ Вѣнѣ, отправилась вмѣстѣ съ графиней Ларингъ къ издателю нотъ, на Грабенѣ. Обѣ дамы оставались въ магазинѣ недолго. Когда онѣ вышли, Марія стала озираться по сторонамъ. Вдругъ раздался пронзительный свистъ; Марія улыбнулась: она узнала Братфиша. Быстро вскочивъ въ экипажъ, она пожала руку своей подруги и поѣхала. Склонившись къ окну дверцы, она стала смотрѣть, не наблюдаетъ ли за нею какая нибудь подозрительная личность, но вслѣдствіе ужасной погоды полиція грѣлась во внутреннемъ помѣщеніи полицейскаго поста. Да, она за нею не слѣдила, но зато ея двоюродный братъ, Батаджи, шпионившій уже нѣсколько дней каждый ея шагъ, послѣдовалъ за нею въ Мейерлингъ.

Въ тотъ же вечеръ, 29-го января, въ Гофбургѣ долженъ былъ состояться большой обѣдъ въ честь эрцгерцогини Валеріи и ея жениха, эрцгерцога Сальватора. Эрцгерцогъ тоже обѣщалъ присутствовать на обѣдѣ. Въ полдень Рудольфъ телеграфировалъ эрцгерцогинѣ Стефаніи, что утомился на охотѣ и возвратится только на другой день. Совершивъ еще болѣе трудное путешествіе, чѣмъ наканунѣ, Братфишъ привезъ Марію Вечеру въ Мейерлингъ.

Едва оба любовника соединились, какъ два другихъ неожиданныхъ гостя также пробрались въ замокъ: женихъ Маріи и ея дядя. Появленіе обоихъ Батаджи вызвало въ Рудольфѣ не менѣе, чѣмъ въ Маріи, удивленіе и возбудило въ немъ сильное раздраженіе такъ же, какъ и въ ней. Явившись сюда съ цѣлью сдѣлать послѣднюю попытку къ сближенію и постараться вернуть Рудольфа къ себѣ и снова овладѣть имъ, Марія увидѣла, что ревнивый женихъ препятствуетъ ея плану. Въ свою очередь эрцгерцогъ спрашивалъ себя: кто предупредилъ обоихъ родственниковъ Маріи? Можетъ быть, она сама? но зачѣмъ? Молодой родственникъ оправдалъ ее въ этомъ подозрѣніи.

Они довольно оживленно объяснялись. Причину своей поѣздки въ Мейерлингъ Марія объяснила желаніемъ попросить у наследника престола милости для жениха, что было трудно исполнить въ Вѣнѣ послѣ слуховъ, распространившихся тамъ. Батаджи-племянникъ прикинулся, что принялъ это объясненіе, и споръ утихъ.

Товарищи Рудольфа по охотѣ, графъ Гойосъ и графъ Вальдштейнъ, уже возвратились. Не хватало только Кобурга, уѣхавшаго послѣ полудня въ Вѣну: онъ участвовалъ на Гофбургскомъ обѣдѣ. Въ тотъ моментъ, когда императорская семья садилась за обѣдъ, Мейерлингскіе гости, соединившіеся вмѣстѣ, благодаря непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, находились за столомъ. Здѣсь были эрцгерцогъ Рудольфъ, графъ Гойосъ, графъ Вальдштейнъ, дядя Батаджи, женихъ Батаджи и Марія Вечера—всего, не болѣе не менѣе, какъ десять человѣкъ. Охотники проголодались и хорошо ѣли и пили. Въ каминѣ пылалъ сильный огонь: въ немъ горѣли четыре огромныя полѣна, согрѣвая температуру небольшого зала, украшеннаго въ томъ же вкусѣ, какъ апартаменты наследнаго принца въ Гофбургѣ, т.е. развѣшенными по стѣнамъ охотничьими трофеями и оружіемъ, какъ огнестрѣльнымъ, такъ и холоднымъ.

Сядясь за столъ, Рудольфъ нервно сказалъ:

— Я забылъ одно и извиняюсь предъ вами!

— Что такое?—воскликнули приглашенные.

— Скрипки! Я объ этомъ не подумалъ. Впрочемъ, у насъ есть Братфишъ!

Показался Братфишъ, котораго привелъ слуга.

— Ты намъ сейчасъ просвистишь свадебный маршъ изъ Лоэн-рина! Отличись!

Братфишъ просвисталъ свадебный маршъ изъ Лоэнгина, въ то время какъ Рудольфъ вмѣсто акомпанимента стучалъ ножемъ по тарелкѣ, заставляя собесѣдниковъ подражать ему.

Разговоръ велся обо всемъ понемногу: объ охотѣ, о городскихъ и придворныхъ сплетняхъ, о генералѣ Буланжэ, котораго Парижъ избралъ наканунѣ депутатомъ, о Бисмаркѣ, о войнѣ, о женщинахъ и о любви. Всѣ оживились. Наслѣдный принцъ, котораго раздражалъ насморкъ, схваченный на холодѣ и вызвавшій воспаленіе горла, пилъ много; на столъ подавалось одно лишь шампанское. Все время съ помощью какихъ нибудь уловокъ или внезапно онъ переводилъ разговоръ на предстоящій бракъ, какъ будто его преслѣдовала упорная мысль.

— Признайтесь-ка, Батаджи,—обратился онъ къ жениху Маріи:— признайтесь, что это довольно необычный пріемъ хоронить холостую жизнь въ обществѣ невѣсты. Это довольно оригинально.

И, обернувшись къ Маріи, онъ прибавилъ:

— Благодарите меня. Согласно смѣшному обычаю всѣхъ молодыхъ людей, онъ, можетъ быть, пригласилъ бы одну изъ «этихъ дамъ» Оперы или Бургъ-театра. Не правъ ли я, помѣшавъ этому безумію?

Марія отвѣчала лишь принужденной улыбкой.

— Ахъ, дружокъ, тебѣ везеть!—продолжалъ онъ, обращаясь къ молодому Батаджи:—я не скрываю, что завидую твоему счастью. Можетъ быть, тебѣ говорили о планѣ, который я составилъ, чтобы разрушить твой бракъ. Будь я свободенъ,—я всѣми средствами оспаривалъ бы у тебя твою невѣсту... Споръ окончился бы, безъ сомнѣнія, исчезновеніемъ одного изъ насъ... Все это прошло... Я будущій императоръ, я обязанъ моему народу. По крайней мѣрѣ, это утверждаетъ моя мать. Повинуемся ей... Дадите ли вы, по крайней мѣрѣ, вашей невѣстѣ счастье, котораго заслуживаетъ эта прелестная молодая дѣвушка, красота которой завоевала всѣ сердца въ Вѣнѣ, королева граціи, принцесса всѣхъ очарованій, которая едва не сдѣлалась императрицей!... Подумайте, если вы не исполните этого долга, вы совершите преступленіе—оскорбленія красоты... И мы съ вами расправимся, какъ съ уголовнымъ преступникомъ; у насъ къ вамъ не будетъ никакого состраданія.

Молодой Батаджи отвѣтилъ сухимъ тономъ.

— Не бойтесь, ваше высочество, я сумѣю обезпечить счастье моей жены. Я сумѣю также защитить свое.

— О! о!—воскликнулъ графъ Гойосъ:—онъ ревнивый!

— Да,—отвѣтилъ молодой человекъ, поднявшись:—я—ревнивый. И несчастье, трижды несчастье тому, кто бы онъ ни былъ, кто осмѣлится выказать непочтеніе къ той, которая завтра будетъ моей женой, а сегодня еще моя невѣста!

Эти гордые слова были встрѣчены бурнымъ, конвульсивнымъ хохотомъ эрцгерцога.

— Ревнивый!—воскликнулъ Рудольфъ, — огнестись непочтительно къ его женѣ, къ его невѣстѣ!... Такъ смотри же, почтительно ли я отношусь къ твоей невѣстѣ!

Въ это время взявъ правой рукой Марію Вечера за талью, лѣвой же держа ея руки, онъ поцѣловалъ ее въ грудь.

— Ваше высочество,—воскликнулъ молодой Батаджи:—перестаньте! вы пьяны!... перестаньте!...

— Защити меня! Защити меня!—воскликнула Марія.

— Тебя защищать!—возразилъ наслѣдникъ престола:—онъ не осмѣлится! Полно! онъ хорошо знаетъ,—не правда ли?—что я былъ твоимъ любовникомъ и буду имъ еще,—не правда ли?—моя крошка Марія...

— Но защити же меня, защити же меня!...—кричала Марія.

Всѣ приглашенные со смущеннымъ взоромъ встали. Дядя Батаджи хотѣлъ помочь своей племянницѣ и вырвать ее отъ яростнаго безумія Рудольфа; графъ Гойосъ остановилъ его. Дядя Батаджи взялъ со стѣны изъ арматуры одно изъ оружія; графъ Гойосъ схватилъ другое—охотничью пикву, и прежде чѣмъ первый сдѣлалъ шагъ, всадилъ ему въ животъ. Въ то же мгновеніе молодой Батаджи, вырвавшись изъ рукъ графа Вальдштейна, хотѣвшаго его удержать, схватилъ стоявшую на столѣ въ ведрѣ со льдомъ бутылку шампанскаго и бросилъ ее въ наслѣднаго принца. Рудольфъ лежалъ лицомъ на груди молодой дѣвушки, подставилъ подъ ударъ свой затылокъ; бутылка шампанскаго, брошенная съ яростной силой, ударившись объ него, разлетѣлась вдребезги, разбивъ черепъ наслѣднаго принца. Въ то самое мгновеніе Марія, которая теперь могла освободить свою правую руку изъ объятій Рудольфа, быстро поднесла ее къ карману своего платья, взяла маленькій серебряный револьверъ, съ которымъ никогда не разставалась послѣ разговора съ матерью, и нажала пальцемъ собачку; но движеніе принца, пораженнаго ударомъ бутылки, измѣнило направленіе оружія, и пуля, предназначенная Рудольфу, ударила прямо въ сердце той, которую она должна была защитить.

Достаточно было минуты, чтобы уничтожить два существованія: третья жертва хрипѣла на полу. Графъ Гойосъ, графъ Вальдштейнъ, Братфишъ и лакеи — всѣ бросились на помощь къ наслѣднику престола, мозгъ котораго раскрошился на окровавленной скатерти. Онъ держалъ въ своихъ окоченѣлыхъ отъ смерти объятіяхъ Марію Вечеру и не выпускалъ ея. Помощь была бесполезна: было слишкомъ поздно принять какія либо мѣры для спасенія его и Маріи. Молодой Батаджи стоялъ, устремивъ глаза, какъ окаменѣлый. Его дядя съ вываливавшимися внутренностями издавалъ жалобные крики.

Такъ иногда оканчивались въ прежніе вѣка оргіи великихъ убійць и пьянства ландскнехтовъ или нѣмецкихъ рейтаровъ, гдѣ

текло столько же крови, сколько вина. Гнѣвъ и опьаненіе обнаружили подъ бѣлой и тонкой кожей варвара и дикаря, какимъ всегда и бесконечно останется человѣкъ.

На другой день, въ сумерки, тѣло наслѣднаго эрцгерцога было перевезено во дворецъ и положено въ рабочемъ кабинетѣ, гдѣ за нѣсколько дней до этого онъ принималъ баронессу Вечера. Всѣмъ извѣстно, какая печаль, изумленіе и ужасъ сопровождали эти похороны. Обнародованные документы свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Можетъ быть, вмѣсто всѣхъ официальныхъ рѣчей, надо было бы повторить короткую надгробную рѣчь, произнесенную когда-то наслѣднымъ эрцгерцогомъ надъ тѣломъ одного молодого гвардейскаго офицера, который упалъ мертвымъ на глазахъ Рудольфа отъ удара лошадинымъ копытомъ: «Я оплакиваю этого офицера, — сказалъ наслѣдный эрцгерцогъ:— не оттого, что онъ умеръ, а потому, что онъ кончилъ жизнь недостойно для своей храбрости. Онъ долженъ былъ умереть лучше».

Когда похоронная процессія съ тѣломъ наслѣдника покинула Мейерлингъ, баронесса Вечера, привезенная полицейскими сыщиками, признала трупъ своей дочери; послѣ этого тотчасъ же, не давъ ей времени повидать брата, который страдалъ въ сосѣдней комнатѣ, ее отправили въ Вѣну.

Затѣмъ слуги заказали столяру, жившему въ Святомъ Крестѣ, простой гробъ; необходимо было, чтобы его доставили въ тотъ же вечеръ.

Дѣйствительно въ одиннадцать часовъ ночи предъ лавкой столяра останоилась охотничья карета. Изъ нея съ предосторожностью слуги вынули тщательно завернутый предметъ и внесли въ маленькій домъ. Оттуда раздалось нѣсколько ударовъ молотка и вскорѣ появились слуги, держа въ рукахъ гробъ, покрытый траурнымъ покровомъ. Не было ни пѣнія, ни молитвъ: только среди ночной тиши раздавались глухіе шаги по мягкой снѣжной пеленѣ.

Такъ состоялись похороны Маріи Вечера, которую отвезли въ монастырь Святого Креста.

На двойномъ камнѣ, составляющемъ ея могилу, теперь возвышается гранитная глыба съ крестомъ на верху. На мраморной доскѣ находится слѣдующая надпись: «Баронесса Марія Вечера, родилась 19-го марта 1871 года, умерла 30-го января 1889 года. Человѣкъ вырастаетъ, какъ цвѣтокъ, и какъ онъ—сорвантъ». Часто на могилѣ, окруженной металлической рѣшеткой, лежатъ свѣжіе цвѣты. Кто ихъ кладетъ или приказываетъ класть? Неизвѣстно.

.....

Въ то время, какъ мертвое тѣло дочери было такимъ образомъ ночью отправлено въ ея послѣднее жилище, баронесса Вечера, въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ сыщиковъ, была отвезена на станцію, гдѣ сѣла на поѣздъ въ Венецію. Днемъ она получила

приказъ безотлагательно выѣхать изъ Вѣны. Она имѣла время и ей разрѣшили распоститься съ графиней Ларишъ. Она умоляла ее вручить императрицѣ записку, которую привезла съ собою. Графиня взялась за это. Письмо, дѣйствительно достигло императрицы, и вотъ что прочитала императрица Елисавета:

«Это вы убили мою дочь. Богъ отомститъ за меня!—Баронесса Вечера».

ЭПИЛОГЪ.

Съ тѣхъ поръ судьба, повидимому, сразила свидѣтелей и исполнителей этой мрачной трагедіи.

Въ будущемъ Мейерлингъ явится, какъ новыя Микены съ своими окровавленными или преступными Атридами; даже оба пейзажа, которыми любовался путешественникъ, покажутся ему похожими.

Молодой Батаджи исчезъ, и его никогда болѣе не видѣли. Гдѣ онъ? Живъ ли? Умеръ ли? Никто ничего не знаетъ, кромѣ тѣхъ, которые позволили ему жить или его убили.

Баронесса Вечера также исчезла вмѣстѣ съ дочерью Ганни: гдѣ онъ? Подъ какимъ именемъ скрываются, если еще живы?...

Нѣсколько дней спустя послѣ трагической ночи, Батаджи умеръ въ Баденѣ вслѣдствіе ранъ, нанесенныхъ ему графомъ Гойосомъ, теперь тоже скончавшимся; кучера Братфиша, который отвезъ Рудольфа въ Мейерлингъ живымъ, а привезъ обратно мертвымъ, болѣе не видѣли и, нѣсколько лѣтъ спустя, узнали, что онъ умеръ сумасшедшимъ въ больницѣ для умалишенныхъ на островѣ Вардѣ, въ Америкѣ.

Наконецъ, императрица Елисавета умерла подъ кинжаломъ убійцы, Луккени, послѣ своей сестры, герцогини Софіи Алансонъ, заживо сгорѣвшей на благотворительномъ пожарѣ; послѣ своего зятя, Максимилиана I-го, разстрѣляннаго 19 іюня 1867 г. въ Квертаро; любимаго двоюроднаго брата, короля Людвига Баварскаго, утонувшаго или утопленнаго въ Старнбергскомъ озерѣ, 13 іюня 1886 г.; зятя, графа Трани, убившаго себя въ Цюрихѣ; племянницы эрцгерцогини Матильды, заживо сгорѣвшей, и, наконецъ, своего дорогого сына.

Она умерла на Женевской набережной, тамъ, гдѣ, совершенно забывъ о случившейся драмѣ, путешественники проходятъ, чтобы переправиться чрезъ Леманское озеро.

.....
 Я долго смотрѣлъ на чинаръ, позади котораго скрывался убійца, прежде чѣмъ броситься на императрицу; это—третье дерево на на-

бережной, направо отъ гостиницы «Beau Rivage». Первое время его показывали любопытнымъ зрителямъ, теперь же никто болѣе не спрашиваетъ, гдѣ оно; это дерево сдѣлалось такъ же безразлично, какъ преступникъ и жертва.

Глядя на него, я вспомнилъ слова Мориса Баресса: «съ сердцемъ, пронзеннымъ тонкимъ остріемъ, императрица еще продолжала идти. Только на мостикѣ парохода она упала и спросила: «Что такое?»... Она сама умирала и еще спрашивала: «Что такое?»

Одни говорятъ, что на этотъ вопросъ звѣрь, убившій женщину, ничего не отвѣтилъ; другіе увѣряютъ, что онъ прошепталъ: «Мейерлингъ!»

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Когда въ журналѣ «Minerva» появился настоящій рассказъ о драмѣ въ Мейерлингѣ, всѣ газеты не только парижскія, но и заграничныя, принялись резюмировать и оспаривать его.

Съ другой стороны, издатель журнала получилъ массу писемъ, особенно изъ-за границы. Однажды его посѣтила нѣкая личность, близко стоящая къ политическому міру Австріи, и которую назвать я отказываюсь; она сказала слѣдующее: «Рассказъ, напечатанный вами, не во всѣхъ отношеніяхъ точенъ. Было бы очень легко указать автору на сдѣланныя имъ неточности. Такой, какъ онъ есть, этотъ рассказъ насъ очень стѣсняетъ».

Но рассказъ уже появился: его не остановить.

Онъ сдѣлалъ свое дѣло.

Однако онъ встрѣтилъ возраженія и противорѣчія. Такъ «Liberté», приведя главныя выдержки рассказа, писала слѣдующее:

«Таковъ рассказъ Адерера о драмѣ въ Мейерлингѣ—рассказъ, впрочемъ совершенно романической, если вѣрить одной личности, которая въ эту эпоху по своимъ обязанностямъ имѣла доступъ къ австрійскому двору и слѣдовательно лучше, чѣмъ кто либо, знала истину. По словамъ этой личности, вотъ какъ происходило дѣло. Было и убійство, какъ говоритъ Адереръ, но убійца не двоюродный братъ Маріи Вечеры, а близкій другъ эрцгерцога, графъ Вальдштейнъ.

«Графъ Вальдштейнъ былъ очень влюбленъ въ Марію Вечеру, и въ тотъ день, когда она отправилась въ каретѣ Братфиша въ Мейерлингъ, онъ предупредилъ ея дядю и попечителя, Батаджи, и взялъ его съ собою въ Мейерлингъ. Графъ явился туда, какъ посланный отъ императора съ безотлагательнымъ порученіемъ и проникнулъ вмѣстѣ съ Батаджи въ комнату, гдѣ лежали эрцгерцогъ и Марія. Тамъ, охваченный ревностью, онъ выстрѣлилъ въ

Марію Вечеру и напoвалъ убилъ ее, попавъ прямо въ сердце. Тогда Рудольфъ схватилъ свой револьверъ и серьезно ранилъ Батаджи и графа Вальдштейна; тѣмъ не менѣе, послѣдній имѣлъ еще достаточно силъ, прежде чѣмъ упалъ мертвый на полъ, разбить бутылку шампанскаго о лобъ наслѣднаго принца, который упалъ и немедленно скончался. Графъ Вальдштейнъ умеръ чрезъ нѣсколько секундъ; что же касается Батаджи, то онъ скончался четыре мѣсяца спустя, вслѣдствіе полученныхъ ранъ.

«Графъ Вальдштейнъ и Марія Вечера были похоронены въ ту же ночь въ Святомъ Крестѣ. Тѣло же наслѣдника австро-венгерскаго престола было отвезено въ Вѣну и выставлено въ Гофбургѣ. Одинъ изъ корреспондентовъ берлинскаго «Lokalanzeiger», Изидоръ Фуксъ, находившійся въ то время въ Вѣнѣ и видѣвшій эрцгерцога на парадномъ катафалкѣ, говорить, что рана была на лбу, а не на затылкѣ, и скрыта повязкой.

«Что стало съ баронессой Вечера? По словамъ Адерера, она на другой же день послѣ драмы была выслана съ австрійской территоріи. Умерла ли она съ тѣхъ поръ? Ничего не извѣстно. По большинство лицъ, замѣшанныхъ въ эту исторію, повидимому, подверглись удару судьбы... Еще недавно стало извѣстно, что прежній адъютантъ наслѣднаго принца Рудольфа, графъ Александръ Бамбелль, бывший свидѣтелемъ драмы въ Мейерлингѣ, былъ заключенъ въ домъ умалишенныхъ».

Такимъ образомъ, по словамъ «Liberté», убійство было. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстный журналистъ и главный сотрудникъ «Eclair», г. Монторрейль, помѣстилъ содержаніе моего разсказа и расхвалилъ его. Но, передавъ его одному лицу, по своему положенію и связямъ близко стоявшему къ австрійскому двору и знакомому съ свидѣтелями Мейерлингской драмы и ея подробностями, онъ услышалъ слѣдующій отвѣтъ.

«Я сразу могу раскритиковать этотъ картинный разсказъ, сдѣланный во вкусѣ драматическаго автора; во всякомъ случаѣ остерегайтесь прочесть въ немъ страницу исторіи. Подождите нѣсколько дней, и я освѣщу всѣ эти вопросы французамъ, которые введены въ заблужденіе этими разсказами».

Мы подождали. Нашъ корреспондентъ освѣжилъ свои воспоминанія бесѣдою съ однимъ ему близкимъ лицомъ, видѣвшимъ тѣло покойнаго наслѣдника, Рудольфа, находясь въ эти печальныя минуты возлѣ императора. Онъ намъ писалъ:

«Вѣна, 12-го марта.

«Милостивый государь!

«Вотъ факты во всей ихъ подлинности: если вы найдете нужнымъ, ознакомьте съ ними вашихъ соотечественниковъ.

«Эрцгерцога Рудольфа сопровождали на охоту только его зять, герцогъ Кобургскій, и графъ Гойосъ. Г. Адереръ неправильно заста-

вилъ фигурировать тамъ графа Вальдштейна. Всѣ эти лица охотились до очень поздняго вечера и возвратились по своимъ покоямъ, такъ какъ эрцгерцогъ обнаружилъ сильную усталость. Онъ покинулъ ихъ, чтобы отправиться въ свою комнату, гдѣ безъ ихъ вѣдома находилась Марія Вечера, тайно привезенная Брат-фишемъ.

«Общаго ужина не было, и въ продолженіе всей ночи въ Мейерлингѣ не находилось другихъ лицъ.

«Утромъ герцогъ Кобургъ и графъ Гойосъ, удивленные, что эрцгерцогъ еще не всталъ, обезпокоились его молчаніемъ и велѣли открыть двери его комнаты. Они увидѣли на постели два трупа. Очевидно было двойное самоубійство. Обезумѣвъ и желая избѣжать скандала, они задумали замаскировать самоубійство несчастіемъ на охотѣ, жертвой котораго сдѣлался наслѣдникъ. Они распространили этотъ слухъ, и, чтобы сдѣлать его болѣе достовѣрнымъ, приказали убрать трупъ Маріи Вечера, которая совсѣмъ не была раздѣта. Это было главной ошибкой; въ этомъ надо видѣть происхождение всѣхъ рассказовъ, которые съ тѣхъ поръ обѣжали весь свѣтъ.

«Когда императоръ узналъ эту ужасную истину, онъ приказалъ, чтобы ему рассказали ее цѣликомъ, ничего не скрывая. Въ этомъ еще помогли ему найденныя въ Вѣнѣ два письма эрцгерцога: одно было адресовано женѣ и дочери, и въ немъ эрцгерцогъ съ ними прощался, моля прощенія. Въ другомъ, въ родѣ духовной, онъ дѣлалъ нѣкоторыя личныя распоряженія.

Говорятъ, что въ одномъ изъ желѣзныхъ шкаповъ дворца существуетъ какой-то странный сундукъ, который будетъ открытъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ, и въ которомъ находятся подробности этой драмы: вся эта басня-тайна объясняется въ этихъ двухъ письмахъ, или, скорѣе, нѣтъ, тамъ ничего не существуетъ. Эрцгерцогъ нигдѣ не оставилъ слѣдовъ или объясненій побудительной причины, которая заставила его принять это трагическое рѣшеніе. Онъ не далъ объясненія никому и ни въ какой другой рукописи. Въ этомъ заключается Мейерлингская тайна, давшая хорошій матеріалъ драматургамъ, романистамъ и психологамъ.

«Эта драма была традиціоннымъ самоубійствомъ потерявшихъ голову любовниковъ; на вершинѣ социальной іерархіи достаточно трагическаго величія, чтобы было необходимо придавать ей вѣсу подробными аксессуарами.

«Я разговаривалъ съ одной особой, которая мнѣ ничуть не лгала. Она видѣла тѣло эрцгерцога, и черепъ его не былъ разбитъ.

«— Кто ему разбилъ его? Женихъ Маріи Вечеры, ея двоюродный братъ «Батаджи». Родственники г-жи Вечера были Бальтацци. У ея четырехъ сестеръ или не было дѣтей, или, были все дѣвушки. Ея братьевъ знаетъ вся Вѣна: Аристидъ, женатый на баронессѣ Штоккау, и Гекторъ—на графинѣ Угартъ; у нихъ дѣтей нѣтъ;

самый младшій только что женился на внучкѣ барона Габера, а старшій, Александръ, не женатъ.

«Въ 1889 г. у Маріи Вечера не было двоюроднаго брата Балтацци.

«Что касается до дяди, убитаго ударомъ пики, нанесеннымъ графомъ Гойсомъ, то это могъ быть только Александръ или Генрихъ: кромѣ этихъ двухъ лицъ, ни одинъ изъ Балтацци не удалялся вслѣдствіе серіозныхъ ранъ, и хотя эта драма ихъ опечалила, но они не умерли отъ нея.

«Исчезла также баронесса Вечера и ея вторая дочь, Ганни,— пишетъ Адереръ.—Онъ ошибается, Баронесса Вечера все еще живетъ въ Вѣнѣ, и у нея только одинъ сынъ, гусарскій офицеръ. Ея вторая дочь, вышедшая замужъ за графа Биландта, умерла въ Римѣ, годъ спустя послѣ замужества.

«А Братфишъ, котораго, по разсказу Адерера, упрятали въ домъ умалишенныхъ въ Америкѣ, оставался кучеромъ и умеръ въ Вѣнѣ въ 1892 г., просто отъ воспаленія легкихъ.

«Эти замѣтки не имѣютъ очарованія и неожиданности игры воображенія, и я опасаюсь, не покажутся ли онѣ вамъ немного сѣрыми, но зато онѣ вѣрныя. Я посылаю ихъ вамъ для тѣхъ изъ вашихъ соотечественниковъ, которые интересуются исторіей, другіе пусть останавливаются на прелестяхъ вымысла».

Газета «Liberté» въ свою очередь прибавила слѣдующія подробности: «Этотъ второй разсказъ—точная истина; это мнѣніе одного вѣнца, въ настоящее время проживающаго въ Парижѣ, и который долго находился въ дружественныхъ сношеніяхъ съ барономъ Вейленомъ. Послѣдній, прежній воспитатель и другъ принца, сообщилъ ему многія подробности драмы и ея причину. Вотъ разсказъ этой личности:

«Я жилъ въ Вѣнѣ въ эпоху, когда произошла ужасная Мейерлингская драма. Въ этотъ день, переходя около десяти часовъ утра чрезъ Гофбургскую площадь, я замѣтилъ на дворцовомъ дворѣ человекъ тридцать, аристократовъ, явившихся за извѣстіями. Графъ Гойосъ пріѣхалъ въ каретѣ: онъ былъ еще въ охотничьей одеждѣ; его черты лица были взволнованы, а блѣдность необычайна. Онъ прямо поднялся къ императору, которому сообщилъ мельчайшія подробности о смерти эрцгерцога. Никто изъ придворныхъ не осмѣливался взять на себя отвѣтственность сообщить роковую новость императрицѣ, которая выражала своему Руди настоящее обожаніе, а потому императоръ просилъ графа Гойоса немедленно отправиться къ ея другу, г-жѣ Шраттъ, и попросить ее пріѣхать во дворецъ, чтобы приготовить императрицу къ ужасному событію. Все это произошло между десятью и двѣнадцатью часами. При дворѣ всѣ потеряли голову, и приближенные императора не знали, какія свѣдѣнія сообщить журнальнымъ агентамъ. Первое объясненіе, распро-

странившееся о смерти эрцгерцога, былъ апоплексическій ударъ: затѣмъ говорили о приключеніи на охотѣ и наконецъ признались въ самоубійствѣ. Императоръ дѣйствительно отказался скрывать истину, которая, какъ онъ зналъ, должна когда нибудь обнаружиться. Но во всѣхъ трехъ объясненіяхъ не было вопроса объ имени Маріи Вечера.

«Двѣ недѣли спустя послѣ драмы, баронесса Вечера распространила въ литературныхъ и артистическихъ кружкахъ Вѣны рассказъ объ этой драмѣ, въ формѣ рукописи листовъ въ сто. У меня была въ рукахъ эта рукопись; я прочиталъ ее, и тамъ не было намека на насильственные дѣйствія противъ личности эрцгерцога. Баронесса энергично защищалась отъ участія въ поощреніи любовныхъ отношеній эрцгерцога къ ея дочери, которая нашла посредницу въ лицѣ графини Ларишъ-Валерзее, высокопоставленной дамы, которую давно уже и не безъ причины отдалили отъ двора. Баронесса Вечера особенно возставала противъ святотатственнаго приѣма, съ которымъ было взято и погребено тѣло ея дочери. Вотъ слова баронессы:

«Когда, на разсвѣтѣ, графъ Гойосъ проникнулъ въ комнату эрцгерцога и обнаружилъ трупы, его первой заботой было заставить всѣхъ думать о несчастномъ случаѣ на охотѣ, а для этого надо было скрыть тѣло молодой дѣвушки. Онъ приказалъ Братфишу заложить экипажъ и снести въ него совершенно одѣтый трупъ Маріи Вечеры, которую онъ поставилъ во весь ростъ возлѣ себя. Братфишъ вскочилъ на козлы, и карета направилась въ Св. Крестъ, мѣстность, расположенную въ трехъ, четырехъ километрахъ отъ Мейерлинга, гдѣ находится монастырь бенедиктинцевъ. Графъ приказалъ немедленно похоронить молодую дѣвушку на кладбищѣ, гдѣ теперь возвышается мавзолей, посѣщаемый всѣми иностранцами, проѣзжающими чрезъ Вѣну; сами вѣнцы часто туда ходятъ, какъ на поклоненіе.

«Что касается причинъ драмы—онѣ тоже извѣстны. Уже давно эрцгерцогъ Рудольфъ и эрцгерцогиня Стефанія жили въ несогласіи. Говорятъ, что здоровье эрцгерцогини было не чуждо отдаленію принца, походаженія котораго служили пищей для скандальной хроники Вѣны. Даже былъ вопросъ о разводѣ, но вмѣшательство папы мѣшало несогласію принять острый характеръ.

«Наконецъ, императору удалось послѣ частыхъ свиданій съ сыномъ и невѣсткой примирить ихъ, и это событіе, какъ говорили, должно было получить официальное освященіе на большомъ обѣдѣ, данномъ при дворѣ 29 января. Въ этотъ день эрцгерцогъ былъ въ Мейерлингѣ. Онъ зналъ, что его отсутствіе до крайности разсердитъ императора, который никогда не проститъ обиды, нанесенной, какъ ему, такъ и эрцгерцогинѣ Стефаніи, и въ томъ состояніи духа, въ которомъ Рудольфъ находился, неудивительно, что онъ думалъ о самоубійствѣ и убилъ себя.

«Я знаю отъ прежняго воспитателя эрцгерцога, барона Вейлена, что физическій и моральный упадокъ эрцгерцога Рудольфа выразился сильнѣе, когда наступила драма. Прежде всего, онъ принесъ въ жертву все, даже свои обязанности наслѣдника престола и война, ради любовныхъ похожденій; болѣе того, онъ отдавался оргіямъ, которыя самымъ плачевнымъ образомъ отразились на его нервной системѣ. Эрцгерцогъ особенно злоупотреблялъ шампанскимъ и коньякомъ. Баронъ Вейленъ, имѣвшій постоянныя сношенія съ Рудольфомъ, замѣтилъ, что онъ часто ему лгалъ. «Надо, чтобы моральная развращенность была очень велика,—сказалъ онъ,—если человѣкъ, занимавшій его положеніе, прибѣгалъ ко лжи. Въ тотъ день, когда я впервые получилъ это раздражающее сердце доказательство, у меня явилось убѣжденіе, что наслѣдный эрцгерцогъ былъ человѣкъ потерянный».

«Смерть Рудольфа глубоко поразила его прежняго воспитателя; онъ умеръ, годъ спустя послѣ эрцгерцога.

Въ свою очередь въ «Gil-Blas»'ѣ появился слѣдующій рассказъ:

«Баронесса Вечера, урожденная Бальтацци, и ея двѣ дочери не были приняты при вѣнскомъ дворѣ, куда согласно стариннымъ обычаямъ Габсбурговъ допускаются лишь лица, имѣющія должность при дворѣ. Баронессы Вечера не принадлежали даже къ тому обществу, изъ котораго происходили эти избранные: онѣ относились къ той части общества полунаціональнаго, полуиностраннаго, которое стоитъ на третьемъ планѣ свѣтской іерархіи. Это объясняетъ ихъ странно свободныя замашки, позволившія эрцгерцогу вступить чуть не въ открытую связь съ молодой двадцатидвухлѣтней дѣвушкой. Общество принялось злословить; въ аристократическихъ кружкахъ жаловались на скандалъ. Императоръ не разъ былъ взволнованъ основательными жалобами эрцгерцогини; не разъ онъ старался убѣдить наслѣднаго эрцгерцога вернуться къ законной женѣ или, по крайней мѣрѣ, соблюдать необходимую сдержанность. Но экзальтированный, романтичный и порывистый Рудольфъ чувствовалъ, какъ его страсть увеличивалась, соразмѣрно количеству настояній и увѣщаній. Онъ рѣшился отвѣтить на нихъ публичной оглаской. Съ этой цѣлью онъ пригласилъ на ужинъ въ одинъ изъ ресторановъ на Пратерѣ около двадцати представителей блестящей молодежи. Всѣ явились на его приглашеніе; одинъ изъ адъютантовъ принялъ ихъ въ блестяще освѣщенномъ залѣ, изобильно украшенномъ бѣлыми цвѣтами: камеліями, азаліями и бѣлой сиренью, покрывавшими все, до стѣнъ включительно. Велико было удивленіе приглашенныхъ, когда въ залъ вошелъ наслѣдный эрцгерцогъ, ведя за руку Марію Вечеру въ бѣломъ шелковомъ нарядѣ, украшенную померанцевыми цвѣтами и фатой. Это удивленіе смѣнилось остоленіемъ, когда эрцгерцогъ въ концѣ ужина—довольно невеселаго—поднялъ свой стаканъ и выпилъ за

здоровье будущей австрийской императрицы, устремивъ недвусмысленный взглядъ на царицу праздника.

«Менѣ чѣмъ чрезъ часъ, предупрежденный императоръ, потребовалъ къ себѣ двухъ министровъ и трехъ близкихъ къ нему совѣтниковъ. Результатомъ этого совѣщанія была отправка императорскаго экипажа за матерью баронессы Вечеры и начальникомъ полиціи, которыхъ провели въ кабинетъ императора. Послѣдній хотѣлъ обезпечить дѣятельное участіе матери въ похищеніи дочери и ея скрытіи, по крайней мѣрѣ, временномъ. Они условились относительно плана, который, казалось представлялся достаточно безопаснымъ, и въ немъ баронесса Вечера обѣщала исполнить свою роль. Этотъ планъ самый простой... Официальный обѣдъ долженъ былъ задержать эрцгерцога въ Гофбургѣ весь вечеръ до слѣдующаго дня. Съ другой стороны, согласно неизмѣнному обыкновенію эрцгерцога пріѣзжать послѣ окончанія официальныхъ церемоній въ Мейерлингъ, молодая баронесса отправлялась туда и ожидала тамъ Рудольфа. Въ промежутокъ времени, который протекалъ между ея пріѣздомъ и появленіемъ эрцгерцога, было разсчитано похитить молодую дѣвушку. Правда, что ее сопровождалъ адъютантъ Рудольфа и оставался съ нею до его пріѣзда, но сообщники очень полагались на двухъ полицейскихъ сыщиковъ, выбранныхъ для совершенія похищенія. Молодую дѣвушку вручили бы матери, ожидавшей ее въ нѣсколькихъ футахъ отъ охотничьяго дома, въ каретѣ, запряженной сильными лошадьми. Баронесса отвезла бы дочь въ монастырь бенедиктинцевъ, находившійся въ десяти или двѣнадцати верстахъ отъ Мейерлинга, гдѣ былъ данъ приказъ принять Марію и не спускать съ нея глазъ.

«Немедленно возвратившись въ Вѣну, баронесса должна была вводить всѣхъ въ обманъ, показываясь повсюду и распуская слухъ о внезапномъ отъѣздѣ дочери въ Англію.

«Тайна сохранилась въ совершенствѣ, и въ назначенный день, около десяти часовъ вечера, два полицейскіе сыщика были спрятаны въ лѣскѣ, граничившемъ съ Мейерлингомъ. Залъ освѣтился, и въ пролетѣ оконной рамы отразились два силуэта, одинъ мужской, другой женскій. Потомъ сыщики увидѣли двухъ субъектовъ, вышедшихъ въ садъ и медленно прогуливавшихся. Они приняли одну изъ фигуръ за адъютанта наслѣднаго эрцгерцога и, бросившись на юную баронессу, хотѣли зажать ей ротъ. При этомъ внезапномъ нападеніи у ея спутника вырвался гнѣвный возгласъ, и онъ такъ неловко выстрѣлилъ въ сыщика, что пуля скользнула между деревьевъ. Послѣдній, къ несчастью, былъ болѣе усерденъ, чѣмъ смысленъ, и въ свою очередь выстрѣлилъ въ Рудольфа почти въ упоръ, положивъ предполагаемаго адъютанта на мѣстѣ.

«По крику молодой баронессы поняли роковой промахъ. Растерявшіеся сыщики склонились надъ эрцгерцогомъ, чтобы посмо-

трѣтъ, не живъ ли онъ, а баронесса, воспользовавшись тѣмъ, что освободилась, подняла оружіе и выстрѣлила себѣ два раза въ ротъ. Въ это время пріѣхали герцогъ Кобургскій и графъ Гойссъ, посланные императоромъ тотчасъ же, какъ обнаружился отъѣздъ эрцгерцога.

«Увидя эти два роковые результата, оба посланные не знали, что дѣлать, и допустили собраться слугамъ вокругъ обоихъ тѣлъ. Въ свою очередь пріѣхала и баронесса Вечера, сопровождаемая Братфишемъ. Виновные сыщики, убившіе по неосторожности эрцгерцога, такъ быстро и безопасно исчезли, что на другой же день могли переѣхать границу.

«Уже было поздно, когда прахъ баронессы былъ положенъ въ карету, предназначенную отвезти ее живую въ монастырь, и несчастной матери предоставили одной сопровождать трупъ дочери въ Вѣну. Оставивъ тѣло наслѣднаго эрцгерцога на храненіе слугамъ, графъ бросился во дворецъ предупредить императора.

«Множество ошибочныхъ свѣдѣній, порожденныхъ рассказами этихъ запоздалыхъ свидѣтелей, распространили легенду въ тысячу разъ трагичнѣе, чѣмъ сама истина. Легенда упорна... Фактъ обнаружился, лишь нѣсколько дней спустя послѣ смерти эрцгерцога, и императоръ былъ предупрежденъ о досадныхъ толкахъ, которые породило официальное молчаніе. Говорятъ, онъ печально пожалъ плечами и сказалъ:

«— Слишкомъ поздно!...

«Дѣйствительно было слишкомъ поздно уничтожить легенду: она уже проникла въ народъ.

«Нашъ рассказъ все-таки вѣренъ въ главныхъ чертахъ... Эрцгерцогъ Рудольфъ умеръ не отъ собственной руки; еще менѣе виновенъ онъ въ убійствѣ или покушеніи на самоубійство... Онъ погибъ жертвой того, что иногда называется неизбежностью рока, иногда неловкостью придворныхъ—согласно волнуемому, различному общественному мнѣнію.

Наконецъ, 30-го марта Монторгейль помѣстилъ замѣтку, которая, въ сущности—письмо, напечатанное ранѣе въ «Éclair»'ѣ и подписанное «Н.»

Кромѣ того, Анри Бошанъ, прежній офицеръ при австрійскомъ дворѣ, прибавилъ къ этому рассказу, котораго я не привожу, слѣдующія разсужденія:

«Ужасъ и отчаяніе обоихъ друзей эрцгерцога при этомъ зрѣлищѣ достаточно объясняютъ, что мѣры, которыя предстояло предпринять, не теряя ни минуты, не были зрѣло обдуманы. По этой причинѣ, въ виду избѣжанія скандала и соображеній религиозной щепетильности, явилась досадная идея дать паролемъ: «несчастный случай на охотѣ», и приказать увезти совершенно одѣтый трупъ дѣвушки, что дало поводъ появиться всѣмъ этимъ легендамъ о

похищеніи. Только 24 часа спустя, императоръ, зная, что общественное мнѣніе введено въ заблужденіе, далъ приказъ напечатать истину.

«Но зло было сдѣлано. Была и, вѣроятно, всегда будетъ масса лицъ, упорствующихъ въ своемъ убѣжденіи, что дѣло должно было происходить иначе. Когда человѣкъ молодъ и наслѣдникъ имперіи, когда жизнь представляетъ столько соблазновъ, надо быть сумасшедшему, чтобы добровольно съ нею разстаться. Вотъ какъ размышляютъ многіе люди, не замѣчая, что въ этой-то самой логикѣ они нашли бы объясненіе того, что имъ кажется необъяснимымъ.

«Двойное самоубійство уже могло быть подтверждено въ Мейерлингѣ и, къ тому же, удостовѣрено двумя записками, найденными въ Вѣнѣ въ письменномъ столѣ эрцгерцога. Въ одной изъ нихъ онъ обращается съ нѣсколькими прощальными словами къ женѣ и дочери; въ другой—отказываетъ деньги нѣкоторымъ лицамъ, находившимся у него въ то время.

«Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно вопроса о двойномъ самоубійствѣ, но всегда останутся загадкой психологическія причины этой драмы страстей. На этомъ-то романистъ можетъ развить свои тезисы и прикрасить на свой ладъ, съ условіемъ не имѣть поползновенія писать исторію».

Приводя подробности о семьѣ Бальтацци, Бошанъ говоритъ, что въ 1889 году «не было никакого двоюроднаго брата Бальтацци, и г. Адереръ, можетъ быть, намекалъ на одного изъ двухъ дядей, Александра или Генриха. Никто изъ этихъ господъ, хотя глубоко огорченныхъ трагической смертью племянницы, не былъ замѣченъ послѣ драмы отсутствующимъ, чего требовали мнимыя раны. Наконецъ, возможно ли серьезно допустить, чтобы убійца наслѣдника престола могъ спокойно жить среди вѣнскаго общества, точно его дѣло было самое справедливое? Думать такъ—это не знать монархическихъ идей Австріи.

Наконецъ, какъ видно было въ первой замѣткѣ изъ «Liberté», лица, имѣющія «основательныя свѣдѣнія», сказали нашему сотруднику: «Это не Бальтацци убилъ эрцгерцога Рудольфа, а графъ Вальдштейнъ—неумышленно». На это Бошанъ отвѣчаетъ:

«Никогда никакой графъ Вальдштейнъ не былъ замѣшанъ въ это дѣло, ни прямо, ни косвенно, и если, какъ говорятъ комментариіи 10-го сентября, его слѣдъ не потерянь такъ же, какъ и графа Гойоса, то было бы любопытно знать, куда привелъ бы автора этотъ слѣдъ.

«Относительно воображаемаго графа Вальдштейна—не знаю; что же касается до графа Гойоса, то слѣдъ остановился бы у его могилы, такъ какъ онъ умеръ въ 1900 году, шестидесяти лѣтъ.

«Среди окружавшихъ эрцгерцога лицъ близкимъ къ нему былъ только графъ Карлъ Бомбель, вице-адмиралъ, родившійся въ 1832 году. Графъ Бомбель былъ не адъютантомъ эрцгерцога, а гофмейстеромъ его двора, что не одно и то же.

«Уже нѣсколько лѣтъ онъ былъ боленъ, и умеръ черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ эрцгерцога, въ 1889 году, и хотя онъ былъ сильно потрясенъ трагической смертью своего повелителя, но никогда не слышно было, чтобы его умственные способности пострадали отъ этого событія, при которомъ онъ совсѣмъ не присутствовалъ. Похороненный уже 14 лѣтъ, онъ не могъ быть тождественнымъ съ личностью, которая, по словамъ «Liberté», въ декабрѣ этого года была заключена въ домъ умалишенныхъ.

«Баронесса Вечера до сихъ поръ живетъ въ Вѣнѣ. У нея остался только одинъ сынъ, гусарскій офицеръ. Ея вторая дочь вышла замужъ за графа Биландта и умерла въ Римѣ чрезъ годъ послѣ свадьбы.

«Что касается Братфиша, то онъ остался извозчикомъ въ Вѣнѣ и никогда не былъ сумасшедшимъ; онъ умеръ отъ воспаленія легкихъ 16 декабря 1892 года. Его сынъ и теперь находится извозчикомъ въ Вѣнѣ.

«Анри Бошанъ».

Нѣсколько дней тому назадъ, когда я дѣлалъ корректуру этой книги, я получилъ слѣдующій рассказъ, помѣщенный въ одной американской газетѣ.

«Маринеттъ (Висконсинъ), 14 іюня.

«Одна здѣшняя городская газета «Star» самымъ серіознымъ образомъ объявляетъ, что эрцгерцогъ Рудольфъ, наслѣдникъ австро-венгерскаго престола, не умеръ жертвой несчастнаго случая на охотѣ, какъ объ этомъ объявили пятнадцать лѣтъ тому назадъ, но живетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и это не кто другой, какъ докторъ Гоффманъ, только что уволившійся отъ должности профессора Іовскаго университета. Его удаленія потребовали, вслѣдствіе отказа сообщить свое подлинное имя, послѣ того, какъ онъ признался, что имя, которое онъ носитъ, не его. Согласно этой газетѣ, въ ту эпоху, когда случилась мнимая смерть эрцгерцога Рудольфа, тѣло одного субъекта, поразительно похожаго на него, было похоронено вмѣсто него; эрцгерцогъ же исчезъ изъ Австро-Венгріи и приѣхалъ въ Соединенные Штаты, гдѣ «Star» сдѣлалъ открытіе, что онъ не кто иной, какъ докторъ Гоффманъ. Какъ извѣстно, эрцгерцогъ Рудольфъ изучалъ серіозно медицину и слылъ за лучшаго доктора въ Вѣнѣ, поэтому дѣлается понятнымъ, что, по приѣздѣ, въ Соединенные Штаты, ему было легко найти постъ профессора въ университетѣ этой страны».

Газета прибавляетъ, что профессоръ Гоффманъ неоднократно прѣзжалъ въ Манамини (въ Мичиганѣ), гдѣ живеть одна дама высшего общества, сестра командира одного австрійскаго броненосца. Самое любопытное въ этомъ дѣлѣ то, что большинство высокопоставленныхъ лицъ этого города раздѣляютъ мнѣніе «Star»'а и убѣждены, что докторъ Гоффманъ и эрцгерцогъ Рудольфъ—одно и то же лицо. Съ другой стороны, его близкіе друзья считаютъ эти слухи смѣшными.

Профессоръ Гоффманъ 38 лѣтъ; онъ женатъ, отецъ одного ребенка и живеть въ данный моментъ въ Іовѣ.

Теперь, когда я напечаталъ полностью всѣ статьи, которыя породилъ рассказъ, напечатанный въ «Minerva», да будетъ мнѣ позволено представить адресованное мною Монторгейлю коротенькое письмо, которымъ я отвѣчаю его корреспонденту «Н.».

Дорогой собратъ!

Таинственныя событія, можно сказать, всѣ политическія и историческія событія, допускаютъ два толкованія: толкованіе официальное или государственное и другое—истинное.

Толкованіе государственное, разъ установленное, болѣе не двигается. Оно остается неизмѣннымъ въ своей лжи, и тѣмъ болѣе неизмѣннымъ, чѣмъ оно лживѣе. Другое толкованіе—истинное пробиваетъ себѣ путь не безъ труда среди различныхъ сѣтей и ловушекъ. Терпѣливому и хладнокровному изыскателю предстоитъ заставить окончательно его принять и дать ему жизнь.

На другой день послѣ ужасной ночи января 1889 г. самые фантастическіе и противорѣчивые рассказы были пущены въ ходъ въ продолженіе двухъ дней, до тѣхъ поръ, пока не установилось государственное толкованіе: «двойное самоубійство».

Сначала общественное мнѣніе склонилось предъ нимъ. Мало-помалу, благодаря нескромности, открытіямъ, признаніямъ, узналось истинное толкованіе: «убійство, совершенное во время оргіи».

Въ данный моментъ въ кружкахъ, что называется, хорошо освѣдомленныхъ, нѣтъ ни одного лица, которое бы вѣрило государственному толкованію; другое же вездѣ принято.

Я его узналъ—вы мнѣ позволите умолчать, изъ чьихъ устъ. Я первый написалъ то, что всѣ освѣдомленныя лица рассказываютъ другъ другу. Волненіе, произведенное моей статьей въ «Minerva», и превзошедшее мои скромныя ожиданія, такъ же, какъ и усиліе остановить ее, доказываютъ, что я коснулся истины.

Мой рассказъ—не протоколъ. Если такой и существуетъ, то онъ запрятанъ въ архивѣ, откуда, можетъ быть, онъ никогда не выйдетъ. Я не вижу, чтобы историки, которыхъ мы должны брать образцомъ, довольствовались печатаніемъ протоколовъ, и я не думаю, чтобы писателю было запрещено увлекаться тѣмъ, что онъ рассказываетъ.

Я прибавлю еще нѣсколько словъ: на другой день послѣ катастрофы былъ данъ пароль: «несчастный случай на охотѣ». Слѣдовательно, надо, чтобы существовалъ этотъ «несчастный случай», а не «самоубійство». При самоубійствѣ церковь не разрѣшила бы похороннаго обряда.

Такъ какъ истинное толкованіе — «убійство во время пиршества» — начало распространяться, и такъ какъ болѣе не могли подерживать толкованія о «несчастномъ случаѣ на охотѣ», — настолько оно было не вѣроятно, — то послѣ похоронъ быстро, со всѣхъ концовъ, прошелъ слухъ о двойномъ самоубійствѣ, съ безконечнымъ изобиліемъ подробностей; съ тѣхъ поръ это стало официальнымъ толкованіемъ.

Между тѣмъ воображеніе работало. Со всѣхъ сторонъ появлялись брошюры.

Одна изъ нихъ, написанная княгиней Одескалки, изобразила ужасную сцену, во время которой баронесса Марія Вечера, проводя ночь на 30-е января 1889 года со своимъ любовникомъ, ужасно и страшно его изувѣчила.

Оставляю въ сторонѣ всѣ эти болѣе или менѣе фантастическіе рассказы, чтобы сопоставить съ ними только брошюру Артура Саваѣта, долго и кропотливо изучавшаго «Мейерлингскую драму». Онъ ее обсуждаетъ съ начала до конца, до послѣдней катастрофы, произведенной Бисмаркомъ, который хотѣлъ отдѣлаться отъ заклятаго врага.

Одни только освѣдомленныя лица знали истину: «убійство во время оргіи». Малопочетная истина о наслѣдникѣ престола, предъ которыми открывалось столь прекрасное предназначеніе.

Это — истина, истина, которая относится къ сущности факта, не касаясь внѣшнихъ подробностей и побочныхъ обстоятельствъ; сначала посвященные говорили объ этомъ тихо, затѣмъ прошли года, и стали говорить свободно.

Я все это собралъ и въ свою очередь рассказалъ истину, не думая о политическихъ соображеніяхъ, не сдерживаясь, не волнуясь ею и не представляя ее столь потрясающей, какъ бы я могъ это сдѣлать.

Я прибавлю только еще одно слово. Одна высокопоставленная дама, положеніе которой позволяетъ знать настоящую истину Мейерлингской драмы, прочитавъ въ «Münchener» эти страницы, сказала мнѣ: «Вашъ рассказъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ близокъ къ истинѣ и точенъ. Его можно упрекнуть лишь въ томъ, что онъ слишкомъ «поэтиченъ». Настоящая истина гораздо менѣе поэтична».

Что бы сказали представители официального толкованія, если бы я прибавилъ къ этому рассказу нѣкоторыя подробности, преднамѣренно мною пропущенныя?

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ
МАГАЗИНОВЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“
А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЯНВАРЬ 1905 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 1-й.

І. Богословіе.

Иконостась церкви св. Іоанна Богослова при Техническомъ желѣзнодорожномъ училищѣ въ гор. Борисоглѣбскѣ. Современная фразъ. М. 1905. Ц. 5 р.

Коранъ. Точное воспроизведеніе знаменитаго кувическаго корана Импер. Спб. Публичной Библіотеки, писаннаго по преданію собственноручно третьимъ халифомъ Осма-

номъ (644—656 г.). Издано С. И. Писаревымъ. Спб. 1905. Ц. 500 р.

Моревъ, Іоаннъ, прот. Преподобный Серафимъ, саровскій чудотворецъ. Спб. 1904. Ц. 25 к.

Толновая библія или коментарій на всѣ книги Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завета. Съ иллюстраціями. Томъ І. Патрикисіе Моисеево. Спб. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

II. Философія, психологія, логика.

- Алексѣевъ, В. Г., проф.** Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма Московской математической школы. Юрьевъ. 1905. Ц. 70 к.
- Бобровъ, Е. А., проф.** Этюды по метафизикѣ Лейбница. Варшава. 1905. Ц. 55 к.
- Богословскій, Ив. Вл.** Вопросы жизни. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.
- Гейфдингъ, Гаральдъ.** Философскія проблемы. Перев. съ нѣм. Спб. 1904. Ц. 40 к.
- ***Краулей, Эрнестъ.** Мистическая роза. Изслѣдованіе о первобытномъ бракѣ. Перев. съ англ. Спб. 1905. Ц. 3 р.
- Липисъ, Т., проф.** Основные вопросы этики. Перев. съ нѣм. Спб. 1904. Ц. 1 р.
- Соловьевъ, Вл. Серг.** Собраніе сочиненій. Томъ VI (1886—1896). Спб. 1905. Ц. по подп. на все сочин. 12 р.
- Фавръ, Луи.** Научный духъ и научный методъ. Пер. съ франц. Одесса. 1905. Ц. 20 к.
- Фулье, А.** Ницше и имморализмъ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

III. Ботаника, зоологія, минералогія, геологія, физика, химія.

- Евангуловъ, М. Г., и Вологдинъ, С. П.** Металлографія. Пособіе для изученія строенія металловъ. Съ 258 фигурами въ текстѣ. Спб. 1905. Ц. 5 р.
- Янобсонъ, Г. Г., и Бианки В. Л.** Прямокрылыя и ложнощитчатокрылыя Россійской Имперіи и сопредѣльныхъ странъ. Спб. 1904. Ц. 8 р. 50 к.

IV. Математика, астрономія и метеорологія.

- Иверановъ, И. А.** Способъ наименьшихъ квадратовъ. М. 1904. Ц. 2 р.
- Нитабухъ, А. С.** Трисекція угла. Съ 3 черт. Спб. 1905. Ц. 30 к.

V. Словесность.

- Александровъ, Анатолий.** Объ основныхъ мотивахъ, воззрѣніяхъ и идеалахъ въ произведеніяхъ русской словесности. Рига. 1905. Ц. 20 к.
- Д'Анунціо, Габріэль.** Дочь Іоріо. Пастушеская трагедія. Перев. съ итал. А. П. Воронникова. М. 1905. Ц. 1 р.
- Беллеръ (де), Местъ** одного изъ де-Готеворовъ. Спб. 1905. Ц. въ пап. 1 р. 50 к.
- Бѣлованскій, И. П.** Рассказы. Томъ III. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 60 к.
- ***Бляевъ, Юр.** Мельпомена. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Бороздинъ, А. Н.** Литературныя характеристики. XIX вѣкъ. Съ 18 портр. Томъ II, вып. I. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.
- Вожинъ, П.** Очерки парижской жизни. Съ иллюстр. въ текстѣ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Вольтеръ, Ф.** Литовская хрестоматія. Спб. 1904. Ц. 1 р. 80 к.
- Воронова, Е. А.** Къ тихой пристани. Сборникъ повѣстей, размышленій и біографическихъ очерковъ, въ 3 частяхъ. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Гедбергъ, Торъ.** Гергардъ Гримъ. Драматическая поэма въ 5 д. Перев. съ шведскаго. М. 1904. Ц. 50 к.
- Гердъ, Франкъ.** Вопль дѣтей. Перев. съ англ. съ рис. М. 1905. Ц. 25 к.
- Достоевскій, Ф. М.** Полное собраніе сочиненій. Изд. 6-е. Томъ VI. Спб. 1904. Ц. по подп. на все соч. 25 р.
- Преступленіе и наказаніе. Романъ въ 6 част. съ эпилогомъ. Изд. 14-е. Спб. 1905. Ц. 2 р.
- Драхманъ, Гольгеръ.** Тысяча одна ночь. Драма-сказка, въ 5 д. Перев. съ датск. М. 1904. Ц. 50 к.
- Дронжинъ, С. Д.** Родная деревня. Стихотворенія. Со мног. рис. М. 1905. Ц. 1 р. 20 к.
- Задеръ, Г. П.** Медицискіе дѣятели въ произведеніяхъ А. П. Чехова. Ростовъ-на-Дону. 1905. Ц. 60 к.
- Казанскій, Ив.** Человѣкъ и жизнь по произведеніямъ А. П. Чехова. М. 1905. Ц. 30 к.
- Кучанъ-Нагапетъ.** Пѣсни любви. Перев. съ армянск. съ крит. статью А. Амбарцуміанъ. Спб. 1904. Ц. 40 к.
- ***Лермонтовъ, М. Ю.** Герои нашего времени. Романъ. Съ портретомъ и факсимиле автора. (Новая бібліотека Суворина, № 81). Ц. 60 к.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.** «Милліонъ» и другіе рассказы. М. 1904. Ц. 1 р.
- Метерлинъ, Морисъ.** Внутри. Перев. В. М. Саблина. М. 1904. Ц. 50 к.
- Слѣпыя. М. 1904. Ц. 75 к.
- Вторженіе. М. 1904. Ц. 75 к.
- Немоловскій, Ф. И.** Садовына. Хотинъ. 1904. Ц. 25 к.
- Огаревъ, Н. П.** Стихотворенія. Подъ ред. М. О. Гершензона. Томъ II. М. 1904. Ц. за 2 т. 3 р. 50 к.
- Ольгинъ, С.** Люди и жизнь. Рассказы. Спб. 1905. Ц. 60 к.
- Петровъ, Г. С.,** свящ. Лампа Аладина. Спб. 1905. Ц. 50 к.
- Поливанова, Е. Я.** Изъ жизни обездоленныхъ. Очерки и рассказы. Спб. 1905. Ц. 50 к.
- Прессъ, Арнадій.** Циръ Платона (О любви). Съ греческаго. Спб. 1904. Ц. 50 к.
- Сказки. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. 1 р.
- Пшмбшевскій, Ст.** Полное собраніе сочиненій. Томъ I. Поэмы. Томъ II. Сыны земли.

Томъ III. Homo sapiens. Томъ IV. Драмы. Томъ V. Критика. М. 1905. Ц. I и V по 1 р. 75 к., II—1 р. 50 к. и III и IV по 2 р.

Рыбинский, Н. Ф. Ольгерды и Кейстуты. Историч. поэма изъ литовской жизни съ предисловіемъ о германо-славянскихъ отношеніяхъ. Варшава. 1904. Ц. 75 к.

Сирвань, А., и Левердые, А. Дочь Пана. Романъ. Перев. съ франц. М. 1905. Ц. 1 р.

Срезневскій, В. И. Отчетъ Отдѣленію русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ о повздѣ въ Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губерніи (юнь, 1902 г.). Спб. 1904. Ц. 2 р.

Странець, Викторъ. Opuscula. М. 1904. Ц. 1 р.

*Суворинъ, А. С. Старое уходитъ. Драматическія сцены въ 2-хъ дѣйств. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Треплевъ. Три этюда. Радость земли. Механизмъ. Възгство отъ земли. М. 1905. Ц. 50 к.

Уайльдъ, Оснаръ. Портретъ Доріана Грея. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Чеховъ, М. П. Очерки и рассказы. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Шерръ, і. Иллюстрированная всеобщая исторія литературы. М. 1904. Ц. за 2 т. 6 р.

Шестановъ, Д. «Персы» Тимоѳея. Вновь открытый памятникъ древне-греческой поэзіи. Казань. 1904. Ц. 50 к.

Щетининъ, Б. А., кн. Добровольецъ. Драма въ 4 д. Изъ эпохи русско-японской войны. М. 1905. 50 к.

VI. Исторія.

Алексѣевъ, В. Народовластіе въ древней Руси. Ростовъ-на-Дону. 1904. Ц. 20 к.

Башнирцева, Марія. Неизданный дневникъ и переписка съ Гюи-де-Мопассаномъ. Перев. съ франц. Одесса. 1904. Ц. 1 р.

Вѣтринскій, Ч. (Вас. Е. Чешихинъ). Т. Н. Грановскій и его время. Историч. очеркъ. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 1 р. 60 к.

Дьяконова, Елизавета. Дневникъ русской женщины. 1895—1899 гг. На Высшихъ женскихъ курсахъ. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

— Тоже. Парижъ. 1900—1902 гг. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Наугскій, Карлъ. Ирландія. Культурно-историч. очеркъ. Перев. съ нѣм. Ростовъ-на-Дону. 1904. Ц. 15 к.

Кравченко, Н. На войну! Письма, воспоминанія, очерки военнаго корреспондента. Спб. 1905. Ц. 4 р.

Лясноранскій, В. Г. О мѣстоположеніи лѣтописнаго города Родни. Спб. 1904. Ц. 15 к.

Памяти И. В. Мушкетова. Сборникъ статей по геологіи, подъ ред. К. И. Богдановича и Л. П. Герасимова. Спб. 1905. Ц. 3 р. 50 к.

Прокофьевъ, Н. Исторія Казани и покоренія Казанскаго царства. Казань. 1904. Ц. 20 к.

Пругавинъ, А. Прошлое и настоящее Шлиссельбургской крѣпости. Ростовъ-на-Дону. 1904. Ц. 8 к.

Рѣдинъ, Е. К., профессоръ А. И. Кирпичниковъ. Обзоръ трудовъ его по исторіи и археологіи искусства. Харьковъ. 1905. Ц. 50 к.

Русско-японская война на сушѣ и на морѣ. Вып. IV. Спб. 1904. Ц. за 4 вып. 6 р.

Сиповскій, В. Сократъ и его время. Историч. очеркъ. Съ 8 рис. М. 1905. Ц. 40 к.

Стороженко, А. В. Стефанъ Баторій и Дябровскіе казаки. Ислѣдованія, памятники, документы и замѣтки. Кіевъ. 1904. Ц. 2 р.

Сувиловъ, Н. И. Маньчжурія. Ея населеніе, богатство и роль въ событіяхъ на Дальнемъ Востокѣ, предшествовавшихъ русско-японской войнѣ. Очеркъ. Спб. 1904. Ц. 70 к.

— Тибетъ. Описаніе страны и отношеніе къ ней Китая и Англии до послѣдняго времени. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Сумцовъ, Н. Ѳ. Памяти проф. Александра Ивановича Кирпичникова. Харьковъ. 1904. Ц. 20 к.

— Выступленіе А. А. Потебни на ученое поприще и участіе въ этомъ дѣлѣ М. С. Дринова. Харьковъ. 1904. Ц. 20 к.

Чулицкій, И. М. Изъ писательскихъ отношеній десятихъ годовъ XIX столѣтія. Спб. 1904. Ц. 50 к.

*Шильдеръ, Н. К. Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Томъ III. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. по подл. за 4 т. 30 р.

VII. Географія.

Александровъ, Н. А. Степи и горы Кавказъ (Сѣверный Кавказъ). Осетія, Чечня и Дагестанъ. М. 1905. Ц. 15 к.

Врадій, В. П. Географическій, этнографическій и экономическій очеркъ Маньчжуріи. Общее описаніе, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ личныхъ замѣтокъ автора, во время путешествія его по Маньчжуріи. Спб. 1905. Ц. 35 к.

Нечаевъ, А. П. Почва и ея исторія. Географическій этюдъ. Спб. 1905. Ц. 60 к.

— Картины родины. Типичные ландшафты Россіи въ связи съ ея геологическимъ прошлымъ. Съ 62 рис. Спб. 1905. Ц. 1 р., въ налѣкъ 1 р. 20 к.

Подробная карта Великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути отъ Варшавы до Владивостока, Хабаровска и Портъ-Артура. Спб. 1904. Ц. 50 к.

VIII. Сельское хозяйство.

Гедда, Е. М. Календарь «птицевода» на 1905 годъ. Ц. 30 к.

Гомилевскій, Василій. Пажитникъ, растеніе, служащее діетическимъ и вусовымъ прикормомъ для лошадей и другихъ травоядныхъ. Спб. 1904. Ц. 70 к.

Кравчинскій, Д. М. Постепенныя улучшительныя рубки въ лѣсахъ сѣверной и средней Россіи. Спб. 1904. Ц. 15 к.

Молоховець, Елена. Подарокъ молодымъ хозяйкамъ. Спб. 1905. Ц. 4 р.

Новѣйшій курсъ кройки и шитья дамскихъ и дѣтскихъ нарядовъ. Со множ. рис. и приложений. Спб. 1904. Ц. 2 р. 40 к.

Половъ, Е. И. Кустовый плодовый и ягодный садъ. Сост. по Грессану. (Плодовое садоводство, вып. II). М. 1905. Ц. 15 к.

IX. Технологія.

Ануловъ, К. А., и Прокофьевъ, С. А. Материалы для проектированія камерныхъ плузовъ. Съ 7 фототипіями и атласъ чертежей. Кіевъ. 1905. Ц. 4 р.

Буновъ, А. И. Общеизвестный часовщикъ. Краткія практическія свѣдѣнія по ремеслу починки часовъ. Съ 98 рис. М. 1905. Ц. 40 к.

Ермоловъ, Г. Какъ самому серебрить, золотить, бронзировать, оксидировать, никелировать, оцинковывать, покрывать платиной, ямитировать подъ старое серебро и окрашивать металлы безъ помощи электрическаго тока. М. 1904—1905. Ц. 80 к.

Корольковъ, А. Л., проф. Электротехника. Изд. 2-е, доп. и перераб. Съ 431 рис. въ текстѣ. Спб. 1905. Ц. 3 р.

Мальцовъ, П. И. Добываніе золота и другихъ металловъ въ Америкѣ. Часть V. Надшахтныя сооруженія въ металлическихъ рудникахъ. Съ 46 рис. въ текстѣ. Иркутскъ. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Павловскій, А. А. Утилизанія паровозовъ. Спб. 1904. Ц. 40 к.

— Предѣльный срокъ службы русскаго паровознаго парка и погашеніе первоначальной стоимости паровозовъ. Спб. 1904. Ц. 1 р. 20 к.

— Постановка въ нашихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ способовъ расцѣнки рабочей платы и способовъ уплаты заработной платы. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Рихардъ, Ф. Новѣйшіе успѣхи въ области электричества. Въ общедоступно-научномъ изложеніи. Съ 97 рис. Одесса. 1905. Ц. 50 к.

Твердюновъ, Н. П. Штукатуръ-практикъ. Популярное практическое руководство по производству простой и орнаментальной штукатурной работы. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Федоровъ, П. А. Постройка дома. Справочная книга и руководство для домовладѣльцевъ, десятниковъ и завѣдывающихъ постройкой дома. Съ 124 рис. въ текстѣ. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Хирьяновъ, А. Бѣлый невольникъ. Рассказъ. М. 1905. Ц. 15 к.

X. Правовѣдѣніе.

Ансенновъ, Петръ. Моисеево уголовное право. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Витте, С. Ю. Записка по крестьянскому дѣлу. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Добротворскій, Л. (псевдонимъ Nauta). Морскіе разговоры. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Дружининъ, А., священникъ. Образованіе и нравственность. Казань. 1904. Ц. 50 к.

Казинъ, Н. Н. Свѣдѣнія о процентныхъ бумагахъ, ошлачиваемыхъ, конвертируемыхъ и выкупаемыхъ Государственнымъ банкомъ и его учрежденіями. Спб. 1904. Ц. 60 к.

Калустиновъ, М. Я., проф. Образованіе и здорье. Казань. 1904. Ц. 40 к.

Каутскій, Карлъ. Развѣтіе государственнаго строя на Западѣ. Спб. 1905. Ц. 15 к.

Кольчевъ, Ал. Пріказчики и ихъ нужды. Ярославль. 1905. Ц. 20 к.

Лафаргъ, П. Американскіе тресты, ихъ экономическая, социальная и политическая роль. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Мартенсъ, Ф. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. 2 тома. Изд. 5-е, испр. и доп. Спб. 1904—1905. Ц. I т. 3 р. 50 к. II т. 4 р.

Менжевой сборникъ, издаваемый топографо-геодезической комиссіей. Вып. I. М. 1904. Ц. 2 р.

Мякотинъ, В. А. На зарѣ русской общественной мысли. Ростовъ-на-Дону. 1904. Ц. 20 к.

Правила къ руководству для опредѣленія ослабленія или утраты трудоспособности отъ тѣлесныхъ поврежденій, вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ, на основаніи Высочайше утвержденаго 2-го іюня мѣсяца Государственнаго Совета. Спб. 1904. Ц. 20 к.

Процессъ лейтенанта Вильзе по поводу его книги «Изъ жизни маленькаго гарнизона». Стенографическій отчетъ судебного разбирательства въ Меискомъ военномъ судѣ. Спб. 1904. Ц. 25 к.

Судебный процессъ по дѣлу о похищеніи въ Казани явленной чудотворной иконы Казанской Божіей Матери. Казань. 1904. Ц. 1 р.

Федоровъ, Л. Ф. Россійская взаимная пенсіонная касса, какъ учрежденіе, представляющее каждому возможность самымъ незамѣтнымъ образомъ обезпечить себя и своихъ близкихъ на случай старости и потери трудоспособности. Одесса. 1905. Ц. 50 к.

Ухтомскій, П. Л., ин. Къ вопросу о нуждахъ деревни. Казань. 1903. Ц. 15 к.

Хвостовъ, В. М. Общая теорія права. Элементарный очеркъ. М. 1905. Ц. 1 р.

XI. Медицина.

- Дьяновъ, П. И., Реймъ, Ф. А., Лысенковъ, Н. К. и Напалковъ, Н. И. Лекціи оперативной хирургіи, читанныя студентамъ и врачамъ въ институтъ топограф. анатоміи и оперативной хирургіи Импер. Москов. университета. Вып. IV (последній). М. 1905. Ц. 4 р.
- Ковалевскій, П. И., проф. Душевные бо- лѣзни. Курсъ психіатріи для врачей и юристовъ. Изд. 5-е, доп. и передѣланное. Спб. 1905. Ц. 2 р.
- Finger, E., Prof. I. Сифилисъ полости рта. Перев. съ нѣм. Е. Главче. П. Главче, Е. С. Краткая схема ученія о сифилисѣ. Одесса. 1905. Ц. 1 р.

XII. Искусство.

- Альбомъ костюмированного бала въ Зимнемъ дворцѣ въ февралѣ 1903 г. Вып. X. Ц. по подл. 85 р.
- Бенуа, Александръ. Русская школа живописи. Вып. 5-й. Спб. 1904. Ц. по подл. 35 р.
- Мальмбергъ, Вл. Древне-русскія фронтонныя композиціи. Исслѣдованіе въ области декоративной культуры. Спб. 1904. Ц. 4 р.
- Озаровскій, Ю. Э. «Горе отъ ума» Грибоедова (Шьесы художественнаго репертуара и постановка ихъ на сценѣ. Вып. II). Спб. 1904. Ц. 10 р.

XIII. Военное и морское дѣло.

- Современный броненосецъ. Популярное описаніе одного изъ броненосцевъ 2-й Тихоокеанской эскадры. Одесса. 1905. Ц. 30 к.

XIV. Коммерческія науки.

- Семеновъ, А. Пособіе къ изученію банковаго счетоводства, примѣнительно къ учрежденіямъ государственнаго банка. Варшава. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

XV. Воспитаніе и обученіе. Дѣтскія книги. Народныя книги.

- Авенаріусъ, В. П. Лестеи и листья. Разсказы, очерки, афоризмы и загадки для юношества. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.
- Анекдоты для дѣтей. Собралъ дядя Саша. Спб. 1904. Ц. въ пап. 1 р.
- Водовозова, Е. И. На отдыхѣ. Разсказы для дѣтей. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб. 1905. Ц. въ пап. 85 к.
- Горбуновъ-Посадовъ, И. Рождественская звѣзда. Сборникъ разсказовъ и сказаній изъ произведеній: В. Гюго, Ф. Коппе, Ж. Леметра, П. Лоти, Ч. Диккенса и друг. Изд. 3-е. М. 1905. Ц. 1 р. 10 к.
- Делобель, Жюль, д-ръ. Школьная гигиена. Перев. подъ ред. д-ра А. Виреніуса. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Днемиссонъ, м-ссь. «Возродный мальчикъ». Перев. съ англ. М. 1904. Ц. 60 к.
- Дондевая волшебница и другія сказки А. Барыковой, Врута, Вильденбурха, Шторма и др. Съ рис. М. 1905. Ц. 75 к.
- Дуссекъ, А. Игры и занятія для дѣтей всѣхъ возрастовъ. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб. 1905. Ц. въ пер. 2 р.
- Недрова, А. Что случилось въ лѣсу и другіе разсказы. Для дѣтей младшаго возраста. М. 1905. Ц. 60 к.
- Кулановскій, Юліанъ, проф. Проектъ новаго устава гимназій. Кіевъ. 1904. Ц. 50 к.
- Ломброзо, П. Жизнь ребенка. Съ 31 рис. исполненными дѣтьми. Перев. съ итал. Спб. 1905. Ц. 75 к.
- Месновскій, Ант. Французско-русскій грамматическій словарь. Спб. 1905. Ц. 3 р.
- Сѣверцевъ, Г. Т. (Полиловъ). I. Заспалъ! — II. Попугай. Два историч. разсказа для дѣтей. Съ рис. Спб. 1904. Ц. 25 к.
- Соловьева, Е. Е., и Тихъевы, Е. И. и Л. И. «Русская грамота». Азбука и чтеніе послѣ азбуки (система американской школы). Иллюстрирована оригинальными рисунками Н. Ф. Роота, и А. Ф. Г., картинами художниковъ: Васнецова, Левитана, Нестерова, Саврасова и друг. и автотипией со скульптуры кн. П. Трубецкаго. Спб. 1905. Ц. въ пап. 1 р. 20 к.
- Чебышева-Дмитріева, Е. А. Вопросы начальной школы и педагогическіе очерки. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Школьныя бібліотени для дѣтей 15-лѣтняго возраста. Каталогъ составленъ кружкомъ учительницъ. Спб. 1905. Ц. 40 к.
- Юрѣва, М. Е. Улетѣлъ попугай. Разсказъ. М. 1905. Ц. 25 к.
- Грызунчикъ. Разсказъ. М. 1905. Ц. 25 к.
- Петина сила. Разсказъ. М. 1905. Ц. 25 к.

XVI. Справочный отдѣлъ.

Анофриевъ, Н. Карманный охотничій календарь и справочно-записная книжка на 1905 г. Врестъ-Литовскъ, 1904. Ц. 1 р. 20 к.

Безгинъ, И. Г. Описаніе русскихъ книгъ и поврежденных изданій. Отдѣлъ XI. Изданія, вышедшія въ 1890—1899 гг. Вып. I. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Вахнинъ, А. Сборникъ правилъ и программъ для поступленія въ юнкерскія училища, а также вольноопредѣляющимися и охотниками въ войска. Изд. 4-е, испр. и доп. Одесса. 1905. Ц. 1 р.

* «Весь Петербургъ» — на 1905 годъ. Ц. въ пер. 5 р.

Иллюстрированный календарь Краснаго креста на 1905. годъ. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Календарь «Синяго Креста» на 1905 г. Спб. 1905. Ц. въ пер. 2 р.

* **Каталогъ газетъ и журналовъ** на 1905 годъ. Безплатно.

Медицинскій календарь на 1905 г. Спб. 1905. Ц. 1 р. 40 к.

Памятная книжка на 1905 годъ. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Пановъ, А. В. Домашнія бібліотеки. Опытъ систематическаго указателя книгъ для самообразованія. Саратовъ. 1903. Ц. 40 к.

Сельско-хозяйственный календарь на 1905 г. Ц. въ пер. 1 р. 50 к.

«Энциклопедическій словарь», полутомъ 82-й. Спб. 1904. Ц. въ пер. 3 р.

Юридическій календарь-справочникъ для мѣстностей, въ которыхъ введено Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ на 1905 г. Изд. Е. С. Тавровичскаго. Вильна. 1905. Цѣна 1 р. 30 к.

*) Изданія А. С. Суворова.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“
въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ
и въ Ростовѣ на Дону

вышелъ и раздается гг. подписчикамъ

ТРЕТІЙ ТОМЪ ВТОРОГО ИЗДАНІЯ

сочиненія Н. К. ШИЛЬДЕРА

Императоръ Александръ I,

ЕГО ЖИЗНЬ и ЦАРСТВОВАНИЕ.

(Изданіе А. С. Суворина).

Второе изданіе представляетъ собою точное повтореніе перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній и дополненій, печатается столь же роскошно и поступить въ продажу по той же цѣнѣ **30 рублей за четыре большихъ тома** съ 450 портретами, иллюстраціями и автографами.

Четвертый томъ выйдетъ въ январѣ.

Для удобства гг. подписчиковъ взносъ платы можетъ быть разсроченъ на слѣдующіе сроки: при полученіи перваго тома **пятнадцать** рублей, — втораго тома **пять** рублей, — третьяго тома **пять** рублей и четвертаго тома **пять** рублей. За пересылку взимается по разстоянію.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, МОСКВА, ХАРЬКОВЪ, ОДЕССА, САРАТОВЪ
И РОСТОВЪ-НА-ДОНУ)

ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

**ИСТОРИЧЕСКІЕ
ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ**

С. Н. ШУБИНСКАГО.

Четвертое изданіе, дополненное и исправленное,
съ 80 портретами и иллюстраціями.

Настоящее четвертое изданіе историческихъ очерковъ и разсказовъ С. Н. Шубинскаго существенно отличается отъ первыхъ трехъ (первое изданіе напечатано въ 1869 году, второе въ 1871 году и третье въ 1893 году). Въ него включены двѣнадцать новыхъ статей, а прежнія тщательно пересмотрѣны. Кроме того, число портретовъ и рисунковъ увеличено до 80 (вмѣсто 56 третьяго изданія); всѣ они воспроизведены, большею частью, съ рѣдкихъ оригиналовъ.

Книга заключаетъ въ себѣ 570 страницъ увористаго шрифта; кроме того, къ ней приложенъ „Указатель личныхъ именъ“.

Цена 3 рубля 50 коп.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году. — Петръ Великій въ Дентпортѣ. — Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика. — Вынесенный хирургъ. — Императорскій титулъ. — Первые балы въ Россіи. — Лѣтній садъ и лѣтнія пetersбургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ. — Свадьба карликовъ. — Московскій маскарадъ 1722 года. — Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. — Первый пetersбургскій генералъ-полпреймейстеръ. — Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны. — Березовскіе селыныс. — Дочь Бирона. — Убійство Синклера. — Холмогорская старина. — Императрица Екатерина II и ея два статсъ-секретаря. — Исторія мѣднаго всадника. — Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто. — Столѣтіе кончины князя Г. А. Потемнина-Таврическаго. — Графъ К. Г. Разумовскій. — Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія. — Русскій чудакъ XVIII столѣтія. — Вельможа Екатерининскаго времени. — Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ. — Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія. — Жена Суворова. — Пѣвица Габриелли. — Аристократка Александровскаго времени. — Молодость графа Аракчеева. — Сынъ Аракчеева. — Подпоручикъ Федосѣевъ. — Семейное преданіе. — Забытый филантропъ. — Послѣдній графъ Головкинъ. — Дуэль Шереметова съ Завадовскимъ. — Дуэль Новосильцева съ Черновымъ. — Кирьянова, дача княгини Дашковой. — Александрова дача. — Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году. — Мнимое завѣщаніе Петра Великаго. — Кладбищенская литература.

ЦАРЬ
ДМИТРІЙ САЗОВКАНЦЪ

И ЦАРЕВНА КСЕНІЯ.

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ и 8-ми картинахъ А. С. Суворина. Роскошное изданіе съ 6-ю портретами и 7-ю акварелями С. С. Соломко. Цѣна 5 руб.

Изданіе малаго формата безъ рисунковъ.

Цѣна 2 рубля.

Новыя книги А. В. КРУГЛОВА:

Веселыя похороны. Романъ. Ц. 1 р.

Стихотворенія. Изд. 2-е. Съ портр. автора. Ц. 1 р. 50 к.

Господа-крестьяне. Очерки и рассказы. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Старь и новь. Повѣсти и рассказы. Ц. 1 р. 25 к.

Немудренное счастье. Романъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Кто виновникъ убыли женской души. Этюдъ. Ц. 20 к.

Свои—чужіе. Романъ. Ц. 1 р.

Вчера и сегодня. Повѣсти и рассказы. Ц. 1 р.

Иногородныхъ просятъ обращаться: Москва, кн. магазины: А. С. Суворина, Карбасникова, Клюкина и Вольфа.

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ЖЕНСКІЙ СЪѢЗДЪ

Первый Съездъ дѣятельницъ по благотворительности и просвѣщенію состоится при Женскомъ взаимно-благотворительномъ обществѣ въ Петербургѣ и созывается Совѣтомъ Общества. Съездъ состоится въ юніѣ 1905 г.

Членами Съезда могутъ быть только женщины.

1) Члены женскаго вѣ-бл. Общества.

2) Члены Совѣтовъ и Правленій другихъ Обществъ, преслѣдующихъ цѣли, указанныя въ программѣ.

Членскій взносъ не менѣе пяти рублей. Желающимъ записаться въ члены Съезда обращаться: въ помѣщеніе Женскаго Общества, Спасская ул., 18, и къ должностнымъ лицамъ Организационной Комисіи. Предсѣдательница: А. Н. Шабанова, ул. Жуковскаго, 38. Вице-предсѣдательницы: М. Н. Бубнова, В. О., 4-я линія, д. 5, и О. А. Шапирь, Бассейная, 29, Секретари: Е. Д. Андреева, Лиговская, 3, и д-ръ И. Д. Познанская, Невскій, 79. Казначей: А. Н. Засодимская, Сергіевская, 79.

Доклады на Съездѣ допускаются съ разрѣшенія Редакціоннаго Бюро при Организационной Комисіи.

Предполагаемый Съездъ, по примѣру давно уже созываемыхъ въ Европѣ женскихъ Съездовъ и международныхъ конгрессовъ, будетъ первымъ въ Россіи, но является вынонѣй назрѣвшей потребностью, въ виду широкаго участія русскихъ женщинъ въ благотворительной и просвѣтительной дѣятельности въ городахъ и селахъ. Здѣсь не мѣсто выяснять принципиальное значеніе Съездовъ, но для каждаго и безъ того ясно, что, даже оставляя въ сторонѣ все его общественное значеніе, всероссійскій съездъ долженъ быть плодотворнымъ шагомъ къ объединенію и подсчету силъ, работающихъ въ одномъ направленіи. А тѣмъ самымъ онъ не можетъ не способствовать также и выясненію по существу многихъ спорныхъ вопросовъ общественной самопомощи, давая возможность сдѣлать болѣе правильную и всестороннюю оцѣнку существующаго и, быть можетъ, наметить кое-какіе новые пути для будущаго.

Обращаясь съ этой вѣстью къ нашимъ дѣятельницамъ во всѣхъ концахъ обширной родины, Организационная Комисія надѣется встрѣтить горячій и дѣятельный откликъ. Широкая программа Съезда дастъ обширное поле выбора. Но при этомъ не надо забывать, что каждая отдѣльная разработка вопроса какъ теоретическая, такъ и фактическая—получитъ иное и несравненно болѣе широкое значеніе въ общихъ итогахъ работъ Съезда.

Комисія считаетъ долготомъ своевременно обратить вниманіе будущихъ докладчицъ на то, что необходимымъ условіемъ въ ихъ собственныхъ интересахъ является возможная сжатость и ясность изложенія, такъ какъ на каждый докладъ можетъ быть удѣлено не много времени.

Срокъ для представленія докладовъ 1-е марта 1905 г. Однако крайне желательно, чтобы пріготовъ докладовъ начался какъ можно раньше. Въ полученіи докладовъ будетъ выдаваемо расписка.

Доклады должны быть направляемы (а также обращенія за разъясненіями, свѣдѣніями, программами и т. д.): Спасская, 18, Помѣщеніе Женскаго Общества, на имя завѣдующей Редакціоннымъ Бюро вице-предсѣдательницы Съезда О. А. Шапирь; лично: суббота, съ 4—6 часовъ.

ПРОГРАММА

1-го съезда русскихъ дѣятельницъ по благотворительности и просвѣщенію въ С.-Петербургѣ въ 1905 году при Русскомъ женскомъ взаимно-благотворительномъ обществѣ.

1-й Отдѣлъ: Благотворительность.

1. Способы благотворительности частной и общей, доступные для женщинъ въ Россіи. 2. Попеченіе о женщинахъ. 3. Попеченіе о дѣтяхъ. 4. Пути къ объединенію благотворительной дѣятельности женщинъ. 5. Этика благотворительности, влияние ея на развитіе самодѣятельности. 6. Участіе женщинъ въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. 7. Участіе женщинъ въ борьбѣ съ проституціей и съ заразными болѣзнями. 8. Охраненіе здоровья женщинъ. 9. Борьба съ заблѣваемостью и смертностью дѣтей (ясн въ городахъ и селахъ, ихъ значеніе, влияние пербонки кормилицъ на населеніе). 10. Дѣятельность женщинъ въ Домахъ Трудолюбія. Результаты. 11. Участіе женщинъ въ Трудовой Помощи. Результаты. 12. Помощь учащимся женщинамъ.

2-й Отдѣлъ: Просвѣтительная дѣятельность.

1. Роль женщины въ воспитаніи дѣтей: домашнемъ и школьномъ. 2. Дѣятельность женщинъ въ школахъ городскихъ, сельскихъ, воскресныхъ и частныхъ. 3. Дѣятельность женщинъ въ распространеніи грамотности. 4. Сельско-хозяйственная дѣятельность женщинъ, сельско-хозяйственныя школы, фермы, питомники и пр. 5. Профессиональныя школы для женщинъ и кустарной промыселъ. Значеніе и результаты. 6. Участіе женщинъ въ преподаваніи гигиены, домоводства и подачѣ первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ. 7. Дѣятельность женщинъ въ исправительныхъ колоніяхъ и тюрьмахъ. 8. Роль женщины въ проведеніи принциповъ мира. 9. Дѣятельность русскихъ женщинъ въ наукѣ, литературѣ и искусствѣ. 10. Дѣятельность женщинъ-врачей въ Россіи.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

МАРТЪ, 1905 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1905 г.

	СТРАН.
Великій князь Сергій Александровичъ. (Некрологъ)	I—XV
I. Смертный грѣхъ. Повѣсть. XVII—XXV. (Продолженіе). Графа Е. А. Силаса	771
II. Изъ прошлаго. Глава вторая. I—IV. (Продолженіе). Н. П. Глѣдича	802
III. «Въ лихой часть». (Эпизодъ изъ памятнаго дня наводненія 7-го ноября 1824 года). А. Ю. Вязюкиной	823
IV. Семь дней въ комендантскомъ управленіи. С. С. Окрейдца	830
V. Воспоминанія нѣмецкаго музыканта о М. А. Бакунинѣ. Сообщилъ В. П. Батуриинскій	846
VI. Послѣдніе полгода жизни К. М. Станюковича. Н. Н. Фирсова (Л. Рускина)	854
VII. Монастырь-тюрьма. Н. П. Ювачева	871
VIII. Императоръ Александръ II и цензурныя реформы 1860-хъ годовъ. Ф. В. Благовидова	879
IX. Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи Николая I). Гл. IV—V. (Продолженіе). Н. И. Филѣва	904
X. «Свобододѣйствующіе» восьмидесятники. Князя Б. А. Щетинина.	936
XI. Дуэль Пушкина съ Дантесомъ. Гл. II. (Продолженіе). П. Е. Щеголева	944
XII. Годы смуты и борьбы. Историческія параллели. Гл. I. В. Б. Глинискаго	973
XIII. «Старый Макарій». (Изъ волжскихъ впечатліній). Н. Н. Оглоблина	999
Иллюстраціи: 1) Макарьевъ-Желтоводскій монастырь. — 2) Деревянная двери въ соборѣ св. Троицы въ Макарьевскомъ монастырѣ.	
XIV. Иностранцы о Россіи. В. Ш.	1019
XV. Критика и библиографія	1050

1) Е. П. Трифилъевъ. Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Россіи. Царствованіе императора Павла I. Харьковъ, 1904. н. п. Лѣскова. — 2) Н. П. Павловъ-Сильванскій. Новыя извѣстія о Носочковѣ. Спб. 1904. А. я. — 3) Мельгуновъ, С. Изъ исторіи студенческихъ обществъ въ русскихъ университетахъ. М. 1904. м. к. — 4) С. К. Вудичъ. Очеркъ исторіи языковѣдѣнія въ Россіи. Томъ I (XIII в. — 1825 г.). Съ приложеніемъ, вмѣсто вступленія, «Сведенія въ изученіе языка» В. Дельбрюка. Спб. 1904. А. я. — 5) Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Собраніе портретовъ русскихъ людей царствованій императрицы Екатерины II, императоровъ Павла I и Александра I (1762—1825). Художественно-историческое изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ первый, выпускъ первый. Спб. 1905. с. ш. — 6) А. И. Фаресовъ. Семидесятники. Очерки умственныхъ и политическихъ движеній въ Россіи. Спб. 1905. Б. Глинискаго. — 7) Н. Кравченко. На войну! Письма, воспоминанія, очерки вѣснаго корреспондента. Съ иллюстраціями. Спб.

(См. слѣд. стран.).

1905. А. Съдого.—8) Варонъ Н. В. Дризентъ. Матеріалы къ исторіи русскаго театра. Изд. А. А. Вахрушина. М. 1905. п. п—ва. — 9) К. Скальковскій. За годъ. Воспомнанія. — Историческіе очерки. — Публицистика. — Всячина. — Дневникъ меланхолика. — Путевыя впечатлѣнія. Спб. 1905. Б. г. — 10) Зин. Венгерова. Литературныя характеристики. Книга вторая. Спб. 1905. Ал. Сл.— 11) Михаилъ Павловичъ Чеховъ. Синій чулокъ. Повесть. Спб. 1905.—Его же. Очерки и рассказы. Спб. 1905. А. Фаресова.— 12) А. В. Кругловъ. Нищіе богачи. Рассказы. М. 1905. А. Ф.— 13) Ю. И. Гессенъ. Изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ. Велижская драма. Спб. 1905. Б. у.— 14) К. Каутскій. Изъ исторіи общественныхъ теченій. Переводъ Е. К. и И. Н. Леонтьевыхъ. Спб. 1905. в.— 15) С. Лозинскій. Исторія Второй Французской республики. Киевъ. 1904. в.— 16) Teodor Jeske-Choiński. Neofici Polsky. Materiały historyczne. Warszawa. 1905. М. М.— 17) Ш. Дэль. Очерки изъ культурной исторіи Византии. Переводъ и предисловіе Г. Васькова. Харьковъ. 1904. г.— 18) Bronisław Sem-baczewski. Wojsko polskie. Księstwo Warszawskie. 1807—1814. Warszawa. 1905. г. А. Воробьева.— 19) Докучаевъ. Изданіе журнала почвовѣдѣнія. Спб. 1904. Б. г.— 20) Восемнадцатый Вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый по бумагамъ фамильнаго архива княземъ Ф. А. Куракинѣмъ, подъ редакціей В. Н. Смольянинова. Томъ второй. М. 1905. И. ю.— 21) Н. Забѣлинъ. Исторія города Москвы. Часть первая, изданіе второе (автора), исправленное и дополненное, съ рисунками въ текстъ и въ особомъ альбомѣ. М. 1905. П. Верховскаго.— 22) Эльпе. Изъ природы человѣка. Спб. 1904. ч.— 23) В. Ф. Воляновскій. В. В. Вересаевъ. Критико-биографическій этюдъ. Съ портретомъ и факсимиле В. В. Вересаева. Спб. 1904. А. я.— 24) Л. В. Новгородцевъ. Германія и ея политическая жизнь. Спб. 1904. в.— 25) Рассказы Вазова. Переводъ и вступительная статья Андрея Свотинина. Спб. 1904. А. Яцимирскаго.

- XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 1091
- 1) Византийская живопись въ Египтѣ.—2) Новый трудъ по исторіи крестовыхъ походовъ. — 3) Жертвы террора. — 4) Письма Эльвиры къ Ламартину. — 5) Отголоски прошлогоднихъ юбилеевъ. — 6) Смерть и похороны Луизы Мисель.
- XVII. Смѣсь 1116
- 1) Открытіе Суворовскаго музея. — 2) Торжественное собраніе императорской академіи наукъ. — 3) Комитетъ имени Михаила Дмитриевича Скобелева.—4) С.-Петербургское археологическое общество.—5) Общество любителей россійской словесности.
- XVIII. Некрологи 1122
- 1) Варавскій, Г. Ф.—2) Вернардь, Н. М.—3) Вобровскій, П. Ф.—4) Владимиrowъ, А. П.—5) Зацукъ, А. П.—6) Грабовскій, В. В.—7) Ержемскій, А. Е.—8) Карышевъ, И. А.—9) Кочетовъ, Е. Д.—10) Куракинъ, Ф. В.—11) Михайловскій, Д. Д.—12) Подивановъ, Н. К.—13) Половцевъ, А. В.—14) Рощиницъ, Ф. А.—15) Чельцовъ, И. М.
- XIX. Замѣтки и поправки 1134
- 1) Еще о «Гавриладѣ». Д. Иль—но.—2) Къ статьѣ «Польскіе планы въ 1876—1877 гг.». И. А.
- XX. Объявленія.
- ПРИЛОЖЕНІЕ:** 1) Портретъ Константина Михайловича Станюковича.— 2) Посланица короля-солнца (Marie Petit). Историческій романъ. Лео Кларети. (Переводъ съ французскаго). I—VI.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ 1905 года).

	СТРАН.
Смертный грѣхъ. Повѣсть. I—XXV. Графа Е. А. Салиаса	7, 387, 771
Изъ прошлаго. Глава первая и вторая, I—IV. П. П. Гнѣдича	39, 417, 802
Тишайшій у меня въ гостяхъ. Д. Л. Мордовцева	61
Проклятiе до седьмого колѣна. Семейная легенда. А. Ю. Бизюкиной	73
Отставка Е. П. Ковалевскаго . (По документамъ архива департамента народнаго просвѣщенiя). Н. Н. Родзевича	98
Какъ я попалъ въ анархисты. (Истинное происшествiе). Н. В. Тяжелова	128
Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи императора Николая I). Гл. I—V. Н. И. Фалѣва	142, 528, 904
Митрополитъ Серафимъ на Сенатской площади 14-го декабря 1825 года. Сообщилъ А. А. Алфеевъ	166
Дуэль Пушкина съ Дантесомъ. (Новые матеріалы). Гл. I—II. П. Е. Щеголева	173, 944
Памяти Николая Петровича Семенова. В. Е. Руданова	196
иллюстрація: Николай Петровичъ Семеновъ.	
Учено-литературная дѣятельность Н. И. Карѣва . (По поводу ея 25-лѣтiя). Н. Дубровскаго	209
иллюстрація: Николай Ивановичъ Карѣвъ.	

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1905 г., т. ХСІХ.

1/4

Англійскіе миссіонеры въ Забайкальской области. Г. С. Рыбанова	224
иллюстраціи: 1) Домъ англійскихъ миссіонеровъ въ Селенгинскѣ.—2) Памятникъ надъ могилой семейства миссіонера Юлля въ Селенгинскѣ.	
По Днѣстру на лодкѣ. Д. А. Пахомова	236, 625
иллюстраціи: 1) Руснаки.—2) Ярмарка въ Хотинѣ.—3) Развалины крѣпости въ Хотинѣ.—4) Мельница на Днѣстрѣ.—5) Рыбакъ на Днѣстрѣ.—6) Наша лодка.—7) Пастухъ.—8) На берегу Днѣстра.—9) Церковь въ Лядовѣ.—10) Набережная въ Могилевѣ.—11) Развалины Генуэзской крѣпости въ Соровахъ.—12) Родникъ св. Николая въ Жабкинскомъ монастырѣ.	
Александръ Николаевичъ Пыпинъ. (Матеріалы для біографіи и характеристики). Б. Б. Глинскаго	263
Генеральша. Изъ разсказовъ прабабушки. Е. И. Зариной	438
Воспоминанія о Н. А. Некрасовѣ. Гавр. Н. Потанина	458
Двѣ встрѣчи съ графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ. А. И. Фаресова	490
Первые шаги. (Изъ недавняго прошлаго). Князя Б. А. Щетинина	501
Польскіе планы въ 1876—1877 годахъ. (Страничка изъ исторіи польско-русскихъ отношеній). В. П. Батуринскаго	515
Исканіе вождя Михаила. И. П. Ювачева	556
Убѣжище имени Пушкина для литераторовъ въ Одессѣ. С. С. Окрейца	563
Литературная дѣятельность Д. Л. Мордовцева. (По поводу ея пятидесятилѣтія). Б. Б. Глинскаго	579
иллюстраціи: 1) Даниль Лукичъ Мордовцевъ въ 1885 году.—2) Даниль Лукичъ Мордовцевъ въ 1896 году.	
Три письма А. П. Чехова	609
Артиллерійскій взрывъ въ 1843 году. (Архивная замѣтка). Михаила Соколовскаго	613
Сорокалѣтіе судебной реформы. В. А. Тимирязева	616
Иностранцы о Россіи. В. Ш.	657, 1019
Великій князь Сергій Александровичъ. (Некрологъ)	мартъ, I—XV
«Въ лихой часъ». (Эпизодъ изъ памятнаго дня наводненія 7-го ноября 1824 года). А. Ю. Бизюкиной	823
Семь дней въ комендантскомъ управленіи. С. С. Окрейца	830
Воспоминанія вѣмецкаго музыканта о М. А. Бакуниѣ. Сообщилъ В. П. Батуринскій	846

Послѣдніе полгода жизни К. М. Станюковича. Н. Н. Фирсова (Л. Ру- скина)	854
Монастырь-тюрьма. И. П. Ювачева	871
Императоръ Александръ II и цензурныя реформы 1860-хъ годовъ. Ѳ. В. Благовидова	879
«Свобододѣйствующіе» восьмидесятники. Князя Б. А. Щетинина	936
Годы смуты и борьбы. Историческія параллели. Гл. І. Б. Б. Глинскаго	973
«Старый Макарій». (Изъ волжскихъ впечатлѣній). Н. Н. Оглоблина	999
иллюстраціи: 1) Макарьевъ-Желтоводскій монастырь. — 2) Деревянные двери въ соборѣ св. Троицы въ Макарьевскомъ монастырѣ.	
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ	308, 684, 1050

1) Сочиненія Н. И. Жданова. Томъ первый. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1904. А. я.—2) В. С. Сопиковъ. Опытъ россійской библіографіи. Редакція, примѣчанія, дополненія и указатель В. Н. Рогожина. Части I и II. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1904. А. и. Яцимирскаго.—3) Русскія повѣсти XVII—XVIII вв. Подъ редакціей и съ предисловіемъ В. В. Сиповскаго. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1905. А. и. Яцимирскаго.—4) Щукінскій сборникъ. Выпускъ третій. М. 1904. с. ш.—5) Столѣтіе военнаго министерства. 1802—1902. Императорская главная квартира. Исторія государевой святки. Восемнадцатый вѣкъ. Главный редакторъ Д. А. Скаловъ. Составилъ полковникъ В. В. Квадри. Спб. 1902. Евгенія Шумигорскаго.—6) Э. Пименова. Политическіе вожди современной Англійи и Ирландіи. Спб. 1904. в.—7) Н. Рожковъ. Учебникъ всеобщей исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Спб. 1904. в.—8) В. Я. Стоюнинъ. О преподаваніи русской литературы. Изданіе шестое. Спб. 1904. Я. Ав—ва.—9) Наша банковая политика (1729—1903). Опытъ изслѣдованія Н. П. Мигулина, доктора финансоваго права, орд. проф. Харьковскаго университета. Харьковъ. 1904. и. х.—10) П. Мартыновъ. Селенія Сибирскаго уѣзда. Сибирскъ. 1903.—Его же. Архивъ Александра Петровича Лыкова. Сибирскъ. 1904. м. с—снаго.—11) Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ. Томъ III, часть I. Подъ руководствомъ генераль-лейтенанта Н. И. Вѣдявскаго составленъ въ военно-историческомъ отдѣлѣ подъ редакціей генераль-майора Потго. Тифлисъ. 1904. ф. лѣ—ва.—12) Eine Sommerfahrt in den hohen Kaukasus Zwei Vorträge gehalten in der Sektion des D. u. Oe. Alpenvereins, von H. Wagner. 1904. А. х—ва.—13) Изъ-за чего началась русско-японская война? Составилъ Н. Родзевичъ. Одесса. 1904. в. г.—14) А. Г. Тимошеевъ. Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ. Спб. 1904. проф. в. Латина.—15) Н. А. Некрасовъ, А. Н. Пышина. Съ тремя портретами. Спб. 1905. Александра Сл.—16) Литературный сборникъ къ столѣтію императорскаго Казанскаго университета. Былое изъ университетской жизни. Казань. 1904. А. Ев—хова.—17) Е. Я. Гротъ. Къ біографіи, твореніямъ и перепискѣ И. И. Козлова. Спб. 1904. А. я.—18) Записки состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ его императорскаго высочества, великаго князя Александра Михайловича, общества изученія Амурскаго края (Владивостокскаго отдѣленія Примурскаго отдѣла императорскаго Русскаго географическаго общества). Томъ IX, вып. I и II. Владивостокъ. 1904. Отчетъ того же общества за 1903 годъ. Владивостокъ. 1904. Я. Ав—ва.—19) Проф. М. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. Спб. 1904. А. я.—20) Иванъ Франко. Збирникъ творивъ. 2 тома. Кіевъ. 1904. А. и. Яци-

*

- мирскаго.—21) Вторая поправка родословія Шереметевыхъ. Дмитрія Кобеко. Спб. 1904. А. X—o.—22) Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ профессора К. Вермана, директора дрезденской галереи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. И. Сомова, старшаго хранителя Императорскаго Эрмитажа. Томъ первый. Спб. 1904. А. я.—23) А. Е. Адекторовъ. Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ. Казань. 1900. А. В. С.—24) «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ, 1904 годъ», книга четвертая. М. 1904. М. к.—25) А. В. Кругловъ. Веселья похороны. Романъ. 1905. М. и. к.—26) Записки общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ Варшавскомъ университетѣ. Выпускъ 3. Варшава. 1904. М. Н.—27) С. Васюковъ. Крымъ и горные татары. Изданіе А. Ф. Девриена. Спб. 1905. М. Р. М.—28) Полицейское право. Конспектъ лекцій Н. Н. Вѣлявскаго, профессора Юрьевскаго университета. Юрьевъ. 1904. г.—29) Львовское ставропигіальное братство. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія (съ тремя рисунками) А. Крыловскаго. Кіевъ. 1904. А. М. Яцимирскаго.—30) На вичну пам'ятъ Котляревскому. Литературный збирникъ. Кіевъ. 1904. А. М. Яцимирскаго.—31) В. Бузескулъ, проф. Введение въ исторію Греціи. Лекціи. Харьковъ. 1904. п.—32) Семитическіе языки и народы. Теодора Нельдеке. Труды по востоковѣдѣнію, издаваемые Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ. Выпускъ. V. М. 1903. А. хаханова.—33) Alexander Kraushar. Towarzystwo królewskie przyjaćióf nauk. Tom VI. Czterolecie przedostatnie (1824—1828). Warszawa. 1904. Г. А. Воробьева.—34) Dr. med. G. Otto. Die öffentlichen Schulen Kurlands zu herzoglicher Zeit 1567—1806. Митава. 1904. А. Э. Мальмгrena.—35) А. Е. Крымскій. Филологія и Погодинская гипотеза. Кіевъ. 1904. Я. Ав—ва.—36) Старина и Новизна. Книга VIII. М. 1904. А. Б.—37) Г. В. Юлосъ. Письма изъ Верлина. Спб. 1904. в.—38) Изслѣдованіе о 1001 ночи, ея составъ, возникновеніи и развитіи. I. Эструпа. Переводъ съ датскаго Т. Ланге, со вступительнымъ историко-литературнымъ очеркомъ А. Крыловскаго, въ переводѣ съ малорусскаго, съ дополненіями автора. М. 1905. А. М. Яцимирскаго.—39) S. Askenazy. «Książce Józef Poniatowski. 1763—1813». Warszawa. Gebethner i Wolff. 1904. Г. А. Воробьева.—40) Е. П. Трифилевъ. Очерки изъ исторіи вѣрпостного права въ Россіи. Царствованіе императора Павла I. Харьковъ. 1904. М. П. Ляскова.—41) Н. П. Павловъ-Сильванскій. Новая извѣстія о Пососковѣ. Спб. 1904. А. я.—42) Мельгуновъ, С. Изъ исторіи студенческихъ обществъ въ русскихъ университетахъ. М. 1904. М. и.—43) С. К. Буличъ. Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. Томъ I (XIII в.—1825 г.). Съ приложеніемъ, вмѣсто вступленія, «Введенія въ изученіе языка» Б. Дельбрюка. Спб. 1904. А. я.—44) Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Собраніе портретовъ русскихъ людей царствованій императрицы Екатерины II, императоровъ Павла I и Александра I (1762—1825). Художественно-историческое изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ первый, выпускъ первый. Спб. 1905. С. ш.—45) А. И. Фаресовъ. Семидесятники. Очерки умственныхъ и политическихъ движеній въ Россіи. Спб. 1905. Б. Глинскаго.—46) Н. Кравченко. На войну! Письма, воспоминанія, очерки военного корреспондента. Съ иллюстраціями. Спб. 1905. А. съдого.—47) Баронъ Н. В. Дризенъ. Матеріалы къ исторіи русскаго театра. Изд. А. А. Бахрушина. М. 1905. П. п—ва.—48) К. Скальковскій. За годъ. Воспоминанія. — Историческіе очерки. — Публицистика. — Всячина. — Дневникъ меланхолика. — Путевыи впечатлѣнія. Спб. 1905. Б. г.—49) Зин. Венгерова. Литературныи характеристики. Книга вторая. Спб. 1905. Ал. Сл.—50) Михаилъ Павловичъ Чеховъ. Синій чулокъ. Повѣсть. Спб.—Его-же. Очерки и рассказы. Спб. 1905. А. Фаресова.—51) А. В. Кругловъ. Нищѣ богачи. Рассказы. М. 1905. А. ѳ.—52) Ю. И. Гессенъ. Изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ. Велижская драма. Спб. 1905. Б. у.—53) К. Каутскій. Изъ исторіи общественныхъ теченій. Переводъ Е. К. и И. Н. Леонтьевыхъ. Спб. 1905. в.—54) С. Ловинскій. Исторія Второй Французской республики. Кіевъ. 1904. в.—55) Teodor Jeske-Choinski. Neofici Polscy. Materyaly historyczne. Warszawa. 1905. М. Н.—56) Ш. Дидл. Очерки изъ культурной исторіи Византіи. Переводъ и предисловіе Г. Васюкова.

Харьковъ. 1904. г.—57) Bronisław Gembaczewski. Wojsko polskie. Księstwo Warszawskie. 1807—1814. Warszawa. 1905. г. А. Воробьева.—58) Докучаевъ. Изданіе журнала почвовѣднія. Спб. 1904. Б. Г.—59) Восемнадцатый Вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый по бумагамъ фамильнаго архива княземъ Ѡ. А. Куракинымъ, подъ редакціей В. Н. Смольянинова. Томъ второй. М. 1905. и. Ю.—60) И. Забѣлинъ. Исторія города Москвы. Часть первая, изданіе второе (автора), исправленное и дополненное, съ рисунками въ текстѣ и въ особомъ альбомѣ. Москва. 1905. П. Верховскаго.—61) Эльпе. Изъ природы чедовѣка. Спб. 1904. Ч.—62) В. Ѡ. Волянскій. В. В. Вересаева. Критико-біографическій этюдъ. Съ портретомъ и факсимиле В. В. Вересаева. Спб. 1904. А. Я.—63) Л. В. Новгородцевъ. Германія и ея политическая жизнь. Спб. 1904. Ч.—64) Разказы Вазова. Переводъ и вступительная статья Андрея Сиротинина. Спб. 1904. А. Яцимирскаго.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ 331, 723, 1091

1) Гдѣ Ганнибаль перешелъ Альпы.—2) Величіе и паденіе Рима.—3) Революціонная и Наполеоновская литература.—4) Маршалъ Лефевр.—5) Вагнеръ и г-жа Везендонкъ.—6) Послѣдняя племянница Наполеона.—7) Смерть лэди Дилька.—8) Новости польской исторической литературы.—9) Сокровища, найденныя и еще не разысканныя въ Табрѣ.—10) Христина Нортумберландская.—11) Двухсотлѣтіе «тетки Фоссъ».—12) Несчастія аристократки XVIII вѣка.—13) Опшанская старостиха.—14) Новые матеріалы о Руссо.—15) Мемуары Вамбери.—16) Смерть г-жи Луба, графини Воленкуръ, Меланъ Кальва и Нормана Макколя.—17) Новости польской исторической литературы.—18) Византійская живопись въ Египтѣ.—19) Новый трудъ по исторіи крестовыхъ походовъ.—20) Жертвы террора.—21) Письма Эльвиры къ Ламартину.—22) Отголоски прошлогднихъ юбилеевъ.—23) Смерть и похороны Луизы Мишель.

СМѢСЬ 363, 751, 1116

1) Симбирская губернская ученая архивная комиссія.—2) Русское бібліографическое общество.—3) Областной музей имени А. Н. Поля.—4) Археологическое общество.—5) Географическое общество.—6) Историко-филологическое общество при Новороссійскомъ университетѣ.—7) Юбилей В. И. Ламанскаго.—8) Современные издатели.—9) Памятникъ первопечатнику Ивану Федорову.—10) Диспутъ В. А. Павченка.—11) Общество любителей естествознанія.—12) Пензенская архивная комиссія.—13) Вибліологическое общество.—14) Заглухшая комиссія.—15) Открытіе Суворовскаго музея.—16) Торжественное собраніе императорской академіи наукъ.—17) Комитетъ имени Михаила Дмитріевича Скобелева.—18) С.-Петербургское археологическое общество.—19) Общество любителей Россійской словесности.

НЕКРОЛОГИ 373, 761, 1122

1) Вакстъ, Н. И.—2) Вобровъ, А. А.—3) Вальць, Я. Я.—4) Книримъ, А. А.—5) Коркуновъ, Н. М.—6) Короленко, Ю. Г.—7) Лихачевъ, Е. І.—8) Мерклингъ, К. Е.—9) Михальскій, К. Ѡ.—10) Михайловскій, В. М.—11) Пышинъ, А. Н.—12) Сергій, архіепископъ.—13) Склифасовскій, Н. В.—14) Снеессоревъ, С. И.—15) Аверкіевъ, Д. В.—16) Анановъ, С. І.—17) Курдюмовъ, В. И.—18) Ливбергъ, А. Л.—19) Некрасова, Е. С.—20) Обинскій, П. Н.—21) Павловъ, И. В.—22) Раппъ, Е. К.—23) Трубниковъ, К. В.—24) Баранскій, Г. Ѡ.—25) Бернардъ, Н. М.—26) Бобровскій, П. Ѡ.—27) Владимировъ, А. П.—28) Зашукъ, А. І.—29) Грабовскій, В. В.—30) Ержемскій, А. К.—31) Карышевъ, Н. А.—32) Кочетовъ, Е. Л.—33) Куракинъ, Ѡ. В.—34) Михаловскій, Д. Л.—35) Поливановъ, Н. К.—36) Половцевъ, А. В.—37) Ронцининъ, Ѡ. А.—38) Чельцовъ, Н. М.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 384, 1134

1) Къ статьѣ «Двадцатипятилѣтіе «Историческаго Вѣстника». — 2) Еще о «Гавриладѣ». Д. Иль—ко. — 3) Къ статьѣ «Польскіе планы въ 1876—1877 гг.». И. А.

Приложенія: 1) А. Н. Пыпинъ и В. С. Соловьевъ, играющіе въ шахматы. Съ рѣдкой фотографіи. — Портреты Н. А. Некрасова и К. М. Станюковича. — 2) Адресъ, поднесенный С. Н. Шубинскому сотрудниками въ день двадцатипятилѣтняго юбилея «Историческаго Вѣстника». — 3) Двадцатипятилѣтній юбилей «Историческаго Вѣстника». — 4) Мейерлингъ. Историческій разсказъ. **Адольфа Адера**. (Переводъ съ французскаго). — 5) Посланица короля-солнца. (*Marie Petit*). Историческій романъ. **Лео Кларети**. (Переводъ съ французскаго). I—VI.

Объявленія.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

ВОСЬМОЙ ТОМЪ

СОЧИНЕНІЙ

А. С. ПУШКИНА

Изданіе А. С. СУВОРИНА.

Редакція П. А. ЕФРЕМОВА.

Въ этомъ томѣ, заключающемъ въ себѣ до 650 страницъ, помѣщены примѣчанія, добавленія и поправки къ произведеніямъ поэта, напечатаннымъ въ прежде вышедшихъ семи томахъ и приложены два снимка съ почерковъ Пушкина 1830 и 1836 гг.

Къ концу тома присоединенъ особымъ приложеніемъ **списокъ пожертвованій** на памятникъ Пушкина, поступившихъ въ редакцію «Новаго Времени».

Цѣна за всѣ 8 томовъ, заключающихъ свыше 300 листовъ, съ двумя гравированными портретами и двумя снимками съ рукописей поэта—**15 рублей** (за пересылку— по разстоянію).

Кромѣ обыкновенныхъ экземпляровъ, въ продажу поступили въ ограниченномъ количествѣ экземпляры, напечатанные: 1) на ватманской бумагѣ, ц. за 8 томовъ 100 р. (распроданы), 2) на голландской—75 р. (значительная часть тоже распродана), 3) на слоновой—60 р. и 4) на тряпичной—20 рублей.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, МОСКВА, ХАРЬКОВЪ, ОДЕССА, САРАТОВЪ
И РОСТОВЪ-НА-ДОНУ)

ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

**ИСТОРИЧЕСКІЕ
ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ**

С. Н. ШУБИНСКАГО.

Четвертое изданіе, дополненное и исправленное,
съ 80 портретами и иллюстраціями.

Настоящее четвертое изданіе историческихъ очерковъ и разсказовъ С. Н. Шубинскаго существенно отличается отъ первыхъ трехъ (первое изданіе напечатано въ 1869 году, второе въ 1871 году и третье въ 1893 году). Въ него включены **двѣнадцать новыхъ статей**, а прежнія тщательно пересмотрѣны. Кромѣ того, число портретовъ и рисунковъ увеличено до 80 (вмѣсто 56 третьяго изданія); всѣ они воспроизведены, большею частью, съ рѣдкихъ оригиналовъ.

Книга заключаетъ въ себѣ 570 страницъ убористаго шрифта; кромѣ того, къ ней приложенъ „Указатель личныхъ именъ“.

Цена 3 рубля 50 коп.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году. — Петръ Великій въ Делфтортѣ. — Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика. — Вѣдическій хирургъ. — Императорскій титулъ. — Первые балы въ Россіи. — Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ. — Свадьба карликовъ. — Московскій маскарадъ 1722 года. — Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. — Первый петербургскій генералъ-полицеймейстеръ. — Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны. — Березовскіе ссыльные. — Дочь Бирона. — Убіиство Синклера. — Холмогорская старина. — Императрица Екатерина II и ея два статъ-секретаря. — Исторія мѣднаго всадника. — Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто. — Столѣтіе кончины князя Г. А. Потемнина-Таврическаго. — Графъ К. Г. Разумовскій. — Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія. — Русскій чуждакъ XVIII столѣтія. — Вельможа Екатерининскаго времени. — Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ. — Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія. — Жена Суворова. — Пѣвица Габриэлли. — Аристократка Александровскаго времени. — Молодость графа Аракчеева. — Сыкъ Аракчеева. — Подпоручикъ Федосѣевъ. — Семейное преданіе. — Забытый филантропъ. — Послѣдній графъ Головкинъ. — Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ. — Дуэль Новосильцева съ Черновымъ. — Кирьянова, дача княгини Дашковой. — Александрова дача. — Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году. — Мнимое завѣщаніе Петра Великаго. — Кладбищенская литература.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
СЕРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

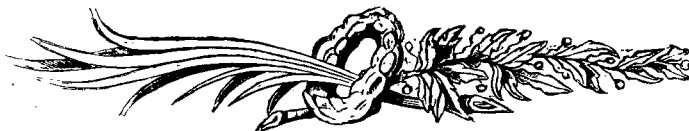
(НЕКРОЛОГЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1905

ЕВРАЛЯ 5-го дня газеты вышли съ напечатаннымъ въ нихъ высочайшимъ манифестомъ, оповѣстившимъ Россію о слѣдующемъ прискорбномъ событіи:

ВОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ: Провидѣнію угодно было поразить Насъ тяжелою скорбью. Любезнѣйшій Дядя Нашъ Великій Князь Сергій Александровичъ скончался въ Москвѣ въ 4-й день сего февраля, на 48 году отъ рожденія, погибнувъ отъ дерзновенной руки убійцъ, посягнувшихъ на дорогую для Насъ жизнь его. Оплакивая въ немъ Дядю и друга, коего вся жизнь, всѣ труды и попеченія были непрерывно посвящены на службу Намъ и Отечеству, Мы твердо увѣрены, что всѣ Наши вѣрные подданные примутъ живѣйшее участіе въ печали, постигшей Императорскій Домъ Нашъ, и соединятъ теплыя молитвы свои съ Нашими объ успокоеніи въ Царствѣ праведныхъ души усопшаго Великаго Князя.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ 4-й день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же Нашего въ одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества
рукою начертано:

«НИКОЛАЙ».

Газеты въ тотъ же день сообщили и слѣдующія подробности этого кроваваго происшествія. 4-го февраля, въ 3 часа дня, когда великій князь ѣхалъ изъ своего пригороднаго Александровскаго дворца въ историческомъ Нескучномъ саду черезъ Кремлевскую площадь въ генераль-губернаторскій домъ, подъ его карету была брошена бомба, которая и причинила ему мгновенную смерть. Вѣсть объ ужасномъ происшествіи съ быстротой молніи облетѣла всю Москву. Уже въ 4-мъ часу тысячныя толпы народа окружили Кремль со стороны Спасскихъ и Никольскихъ воротъ. Ея императорское высочество великая княгиня Елисавета Феодоровна въ это время находилась въ кремлевскомъ складѣ, и ея высочеству были уже поданы лошади, чтобы ѣхать въ генераль-губернаторскій домъ на Тверской, куда собрался ѣхать и великій князь. Когда до ея высочества дошла вѣсть о совершенномъ злодѣяннѣ, она немедленно пріѣхала на Сенатскую площадь. Здѣсь великая княгиня опустила на колѣни передъ останками своего августѣйшаго супруга. Тутъ же была цѣлая толпа народа. Многие плакали навзрыдъ. Все окружающее представляло ужасную картину разрушенія.

Сенатская площадь обыкновенно малолюдна, и въ этотъ разъ на ней, кромѣ нѣсколькихъ прохожихъ и постового городского Леонтьева, да еще часового у арсенала, никого не было. Карета благополучно миновала почти всю площадь. Вдругъ раздался адскій трескъ. Къ мѣсту взрыва бѣгутъ и солдаты Екатеринбургскаго полка, и офицеры, и городской отъ Никольскихъ воротъ. Тутъ открывается потрясающая картина. Тѣло великаго князя лежитъ бездыханнымъ и обезображеннымъ. Голова отдѣлилась отъ туловища. Одна нога оторвана, одна рука закинута назадъ. Отъ шинели остались одни клочья, мундиръ весь изорванъ. На землѣ буквально одни осколки кареты, разбитой въ мелкія щепки, клочья войлока отъ обивки кареты и тутъ же три ямки, очевидно вырытыя силою снаряда. Отдѣльныя пули изъ бомбы впились въ стѣны арсенала. Испуганныя и раненыя лошади унесли низъ кареты съ дышломъ и четырьмя колесами ближе къ Никольскимъ воротамъ и здѣсь бились въ изнеможеніи. Одна лошадь тутъ же околѣла. Кучеръ Андрей въ изодранномъ кафтанѣ съ окровавленнымъ затылкомъ былъ поднять толпой и поставленъ къ рѣшеткѣ, такъ какъ онъ не могъ держаться на ногахъ до прибытія кареты скорой помощи. Его отвезли въ больницу. Въ самый моментъ взрыва городской Леонтьевъ видѣлъ, что какой-то человекъ бросился бѣжать отъ кареты. Леонтьевъ, околоточный надзиратель Виноградовъ и слѣдовавшіе за каретой охранные чины задержали этого человека. При задержаніи онъ быстро сунулъ руку въ карманъ, но чины полиціи

успѣли схватить его за руку. Въ карманѣ у него оказался револьверъ системы Браунинга. Преступникъ объяснилъ задержавшимъ его, что онъ приготовилъ этотъ револьверъ для перваго, кто его схватитъ. Задержанный и не пытался отрицать своего участія въ этомъ дѣлѣ. Онъ прямо заявилъ, что онъ членъ социаль-революціонной партіи, что своего званія онъ объяснить не желаетъ, и что онъ сдѣлать то, что ему было нужно. Преступникъ средняго роста, въ рабочемъ костюмѣ, довольно невзраченъ на видъ: лѣтъ 30—35, но съ замѣтными морщинами на лицѣ, которое совсѣмъ не интеллигентное. Его сейчасъ же отправили въ 1-й участокъ Городской части. Осколки бомбы ранили и преступника, причинивъ ему цѣлый рядъ царапинъ, но настолько незначительныхъ, что не потребовалась медицинская помощь.

На мѣсто печальнаго происшествія между тѣмъ поданы были носилки, на которыя были уложены части тѣла въ Возѣ почившаго великаго князя. Ихъ покрыли простой солдатской шинелью и отнесли въ Чудовъ монастырь. Носилки переносили офицеры изъ Александровскихъ казармъ и случайно проходившіе здѣсь офицеры, а также нижніе чины. На мѣсто происшествія немедленно прибыли судебныя власти и вся администрація. Остатки кареты и колеса были убраны, а самое мѣсто катастрофы, на которомъ валялись щепы и клочья войлока, было окружено охраной. Это мѣсто рѣзко было замѣтно на свѣту тѣмъ опаломъ, который произвелъ бомбой. На свѣту же были лужи крови. Приставъ Локатошинъ нашелъ на мѣстѣ происшествія бумажникъ великаго князя. Въ Возѣ почившій великій князь неоднократно получалъ анонимныя письма съ предупрежденіемъ относительно готовившагося на него покушенія, и, конечно, принимались всевозможныя мѣры охраны, но именно не предполагалось возможности какой либо засады на Сенатской площади, довольно широкой и открытой. Все наблюдение было сосредоточено въ воротахъ Кремля, такъ какъ они узкія, и здѣсь всегда возможно было какое либо нападеніе. Къ тому же малолюдность Сенатской площади давала всегда возможность окружающимъ видѣть всякое покушеніе. Этой малолюдностью и объясняется отсутствіе очевидцевъ происшествія въ самый моментъ взрыва бомбы, а также и то обстоятельство, что никто изъ публики не пострадалъ.

Покойный великій князь Сергій Александровичъ, четвертый сынъ императора Александра II, родился 29-го апрѣля 1857 года. Получивъ образованіе подъ наблюденіемъ августѣйшихъ родителей, онъ былъ произведенъ въ прапорщики въ день своего рожденія, слѣдующій чинъ великій князь получилъ пятнадцати лѣтъ, а двадцати лѣтъ въ разгаръ войны съ турками отправился на театръ

военныхъ дѣйствій. 12-го октября 1877 года онъ участвовалъ въ рекогносцировкѣ Кара-Лома близъ Кошева. За мужество и храбрость въ дѣлѣ съ непріятелемъ во время рекогносцировки былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Проходя службу въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку, командовалъ въ теченіе 5 лѣтъ батальономъ и съ 1887 года по 1891 годъ полкомъ. 3-го іюня 1884 года состоялось его бракосочетаніе съ дочерью великаго герцога гессенскаго Людвигъ IV, великою княгинею Елизаветою Теодоровною. Императоромъ Александромъ III великій князь Сергій Александровичъ былъ назначенъ въ 1891 году московскимъ генераль-губернаторомъ съ производствомъ въ генераль-лейтенанты. Въ 1896 году былъ назначенъ командующимъ войсками Московскаго военного округа. Великій князь занималъ оба поста до нынѣшняго года, когда былъ назначенъ главнокомандующимъ войсками Московскаго округа. Въ бытность генераль-губернаторомъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ покойный великій князь принималъ ближайшее участіе въ благоустройствѣ первопрестольной столицы и по должности командующаго — въ боевой подготовкѣ войскъ округа. Подъ его наблюденіемъ и руководствомъ былъ воздвигнутъ въ Московскомъ кремлѣ памятникъ императору Александру II. Великій князь неослабно слѣдилъ за строительными работами и давалъ цѣнныя указанія своимъ сотрудникамъ въ этомъ дѣлѣ. За время московскаго генераль-губернаторства онъ получилъ шесть разъ высочайшую признательность за свою дѣятельность, а также удостоился высочайшей благодарности за смотръ подъ Курскомъ во время большихъ маневровъ войскамъ Московскаго военного округа. Съ 1894 года великій князь состоялъ членомъ государственнаго совѣта.

Его императорское высочество принималъ живое участіе во многихъ научныхъ и благотворительныхъ обществахъ и учрежденіяхъ. Въ 1881 году онъ вмѣстѣ съ великими князьями Павломъ Александровичемъ и Константиномъ Константиновичемъ предпринялъ путешествіе по Европѣ и въ Палестину, въ которой на мѣстѣ ознакомился съ нуждами и положеніемъ русскихъ богомольцевъ. Вернувшись въ Петербургъ, учредилъ императорское Палестинское общество, въ которомъ принялъ на себя предсѣдательство. Благодаря его покровительству и энергіи, Палестинское общество стало собирать, разрабатывать и распространять въ Россіи свѣдѣнія о святыхъ мѣстахъ Востока, оказывать содѣйствіе русскимъ паломникамъ, въ Палестинѣ же открылись русскіе больница, школа и страннопримный домъ. По инициативѣ великаго князя на средства Палестинскаго общества были произведены раскопки въ Іерусалимѣ, давшія цѣнныя результаты.

Затѣмъ великій князь интересовался вопросами русской археологіи, исторіи, искусства и зодчества. Въ его лицѣ археологическіе институты въ Петербургѣ и Константинополь и общества художниковъ исторической живописи лишились своего покровителя, императорскій историческій музей въ Москвѣ, Московское общество акклиматизаціи животныхъ и растений и Россійское общество рыбоводства и рыболовства — своего предсѣдателя, Московская практическая академія коммерческихъ знаній — своего попечителя. Когда началась война съ японцами, великій князь содѣйствовалъ общественному движенію по оказанію помощи вдовамъ и сиротамъ пострадавшихъ на войнѣ. Кромѣ того, онъ интересовался дѣятельностью православныхъ братствъ, Московскоіи духовной академіи, церковно-приходскихъ школъ и распространеніемъ духовно-нравственныхъ книгъ и носилъ званіе ктитора Александро-Николаевской часовни въ Петербургѣ.

Великій князь былъ почетнымъ членомъ императорской академіи наукъ и академіи художествъ, Московскоіи духовной академіи, Московскаго и С.-Петербургскаго университетовъ, Московскаго археологическаго общества, Одесскаго общества исторіи и древностей, Ростовскаго музея древностей, православнаго миссіонерскаго общества и множества другихъ ученыхъ и благотворительныхъ учрежденій и обществъ, а также шефомъ лейбъ-гвардіи второго стрѣлковаго батальона и 38-го пѣхотнаго Тобольскаго полка.

Приводимъ отзывы о кровавомъ событіи 4-го февраля «Новаго Времени», «Новостей», «Руси», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и «Слова»:

«Новое Время».

Ужасное убійство великаго князя Сергія Александровича вызоветъ глубокое потрясеніе всей Россіи. Мы повторимъ то, что говорили по поводу каждаго изъ такихъ покушеній, — увы, столь участившихся за послѣдніе годы! — что кровь всегда отвратительна, что убійца есть разбойникъ при однихъ его мотивахъ и палачъ при другихъ — лицо, одинаково не переносимое для мирныхъ гражданъ. Какъ остановить эти убійства, ставшія столь частыми? Ссылаются на самія свободныя страны, гдѣ они есть, какъ Франція, какъ Италия, какъ Соединенные Штаты. Однако же позволимъ себѣ замѣтить, и твердо замѣтить, что вездѣ они рѣже, исключительнѣе, нежели въ нашей несчастной Россіи, гдѣ они превращаются въ какую-то траурную хворь, становясь чуть не ежегодинными и чуть не ежемѣсячными, если считать и неудавшіяся покушенія.

Только время такъ называемыхъ «тайныхъ судилищъ» въ Германіи, въ пору феодальнаго «кулачнаго права», даетъ аналогію этой ужасной системѣ личнаго истребленія, подъ какою мы живемъ. Новое проявленіе этой системы, противъ которой нѣтъ апелляціи, гдѣ нѣтъ адвокатовъ, гдѣ есть только само-

званные прокуроры, распоряжающіеся чужою жизнью издалека,—вызоветь величайшее волненіе и смятеніе въ народѣ.

Кто же эти убійцы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, если и важенъ, то для правосудія только. Гораздо важнѣе другой вопросъ: почему это преступленіе не было предупреждено? Нѣсколько десятковъ лѣтъ революціонная партія дѣйствуетъ терроромъ. Она организуется, она открыто печатаетъ прокламаціи, открыто публикуетъ въ своихъ листкахъ «приговоры» и ихъ «исполненіе», она знаетъ все, что дѣлается въ правительствѣ; на протяженіи десятковъ лѣтъ мы не знаемъ случая, чтобы наша полиція предупредила какое нибудь убійство, точно это не въ силахъ человѣческихъ. Почти хочется сравнить революціонную полицію съ государственной. Очевидно, организація какъ правительственныхъ, такъ и общественныхъ силъ у насъ страдаетъ огромными недостатками. Обѣ эти силы, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать согласно, дѣйствуютъ порознь, или правительство принимаетъ мѣры, а общество остается пассивнымъ и ничего разобрать и понять не можетъ, что кругомъ его дѣлается.

Вотъ главная наша болѣзнь, главное зло. Понятно, что невозможно всегда избѣжать удара тайнаго врага, какого-то тайнаго судьилица, у котораго свои судьи и своя прокуратура. Орудія истребленія такъ усовершенствовались, что они могутъ дѣйствовать навѣрняка, что даже малая кучка террористовъ въ состояніи надѣлать величайшихъ бѣдъ, можетъ остановить пульсъ жизни. Зоркость правительственныхъ агентовъ, даже при ихъ совершенствѣ, иногда бевспильна спасти человѣка. Но эта зоркость во сто разъ увеличивается, если само общество заинтересовано сознательно въ поддержаніи порядка, если онъ ему дорогъ, какъ дорогъ порядокъ семейный, какъ дорога жизнь каждаго изъ членовъ семьи. А у насъ все распалось, все разрознено, а общественное воспитаніе возможно только при стройномъ развитіи всѣхъ общественныхъ слоевъ, при крѣпкой ихъ связи между собою и при взаимной отвѣтственности. Это приходится повторять при всякомъ ударѣ добровольныхъ палачей.

Погибъ сынъ Царя-Освободителя, погибъ такую же насильственной смертью. Тѣнь Александра Второго невольно встаетъ передъ нами съ тѣми добрыми и великими дѣлами, которыя онъ совершилъ для Россіи, и которыя закончить помышляли ему убійцы.

Смерть великаго князя прежде всего горе августѣйшей семьи, и передъ этимъ горемъ склоняются всѣ. Да поможетъ Богъ Государю сохранить всю крѣпость души и всю доброту своего сердца въ эту ужасную годину несчастій и испытаній. Да поможетъ ему Богъ укрѣпить свое мужество среди ударовъ судьбы и вѣру въ русскій народъ, который понимаетъ его печаль и горе и раздѣляетъ ихъ съ привычнымъ глубокимъ чувствомъ.

«Новости»:

Трагическая вѣсть пришла изъ Москвы: убитъ великій князь Сергій Александровичь. То успокоеніе, о которомъ такъ страстно, такъ горячо молилось

все русское общество, и которое, казалось, было такъ близко отъ него, теперь,—въ этомъ нѣтъ уже сомнѣній,—такъ же далеко, какъ и полгода назадъ...

Мы живемъ въ жестокое время. Сотни тысячъ людей сдѣлались жертвами войны, нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ лишились жизни въ борьбѣ съ другой стихійной силой, сотни людей погибли на улицахъ русскихъ городовъ...

Излишне говорить, что общество не сочувствуетъ насилию, не признаетъ убійства средствомъ, пригоднымъ для оздоровленія жизни, для достиженія государственнаго блага.

То государство, гдѣ возможны такія событія, не можетъ быть признано здоровымъ, и необходимость скорѣйшаго исцѣленія его встаетъ, какъ угроза грядущей гибели и всеобщаго распада.

Такъ жить больше нельзя, нельзя допускать, чтобы кровью людей покупалось ихъ грядущее счастье!

Общество взволновано, смущенная совѣсть его ищетъ выхода, и выходъ есть. Та бюрократія, которая одна только повинна во всемъ, должна уступить мѣсто общественнымъ силамъ страны. Только такимъ путемъ общественная жизнь войдетъ въ спокойное русло, и кровавые акты возмездія станутъ немислимы... Общество сильное, властное, увѣренное въ своихъ правахъ, сумѣетъ направить государство, не прибѣгая къ призракамъ революціи.

Не полицейскими мѣрами, не насиліями и казнями добьется оно спокойнаго счастья, разъ у него будетъ право законное, признанное, самому вѣдать своей жизнью...

Пропастъ между государствомъ и обществомъ должна быть уничтожена. Робкія полумѣры, уступки не спасутъ бюрократіи, не вернуть ей былого значенія. Довольно крови, довольно ужасовъ! Пора понять это, и искренно, честно пойти навстрѣчу законнымъ надеждамъ общества...

Опасно, невозможно блуждать во мракѣ, поддерживать нестерпимое положеніе, которое ведетъ только къ разнузданію страстей. Необходимо призвать русское общество къ властному почину по охраненію Престола и обезпеченію народной свободы.

Въ этомъ одномъ—наше спасеніе какъ отъ произвола, такъ и отъ всякихъ насильственныхъ дѣйствій, могущихъ омрачить наше будущее.

«Русь»:

Въ политическомъ характерѣ этого событія сомнѣваться невозможно. Съ 15-го іюля, дня убійства В. К. Плеве, революціонная партія, такъ называемая «боевая организація», прекратила свою дѣятельность, и пятимѣсячное министерство князя Святополкъ-Мирскаго было временемъ самой оживленной и даже страстной общественной политической дѣятельности, во мрвной. Нынѣ опять пролилась кровь, опять потрясена страна.

Въ скорби и ужасѣ должны мы остановиться и задуматься надъ трагическими событіями, потрясающими русскую жизнь и заставляющими заграничное

общественное мнѣніе твердитъ, что Россія охвачена революціей. Мы, русскіе, знаемъ, что болѣзнь, охватывающая нашу родину, — не смертельная болѣзнь; что русскіе люди, какъ только сойдутся они по довѣрію и свободному избранію своей земли, сумѣютъ быстро вывести націю и правительство на путь мирнаго и плодотворнаго развитія.

Но продолжающаяся и продолжающаяся смута, дѣлающая иллюзію полнаго, мертвеннаго разложенія нашей страны, заставляетъ каждого, искренно переживающаго съ родиной ея терзанія, восклицать: «Когда же конецъ? Гдѣ предѣлъ испытаніямъ?»

Мы страшно утомлены, мы измучены этою маляріей, которою тягостно страдаемъ всѣ, отъ малаго до великаго. Гигантская мощь великаго народа точно зажата въ тиски какого-то роковаго недоразумѣнія, и бьется въ нихъ съ тѣмъ потугами, какихъ и надо ждать отъ исполина.

Тревогою и кровью жить нельзя. Мира и успокоенія, органической работы жаждемъ мы всѣ, жаждемъ выхода къ свѣтлому грядущему. Отдавая себѣ полный отчетъ въ громадности надвинувшейся на насъ и непрекращающейся тревоги, обрѣтемъ силы, чтобы выковать Россіи прочное будущее въ тѣсномъ, свободномъ и до конца договоренномъ союзѣ Верховной власти съ народомъ, который не хочетъ крови, не хочетъ насилій, но жаждетъ мира, успокоенія и труда въ условіяхъ, твердо обезпечивающихъ ихъ.

Этой надеждой мы живемъ и въ ней видимъ вѣрную защиту отъ падающихъ и падающихъ на русскую жизнь трагическихъ событій.

«С.-Петербургскія Вѣдомости»:

Мы вступили въ полосу страшныхъ политическихъ бурь. Зловѣщимъ пламенемъ окрашена даль разсвѣта. На преступленіяхъ и жизни ближнихъ безумные, фанатичные люди пытаются создать какое-то болѣе чѣмъ проблематичное лучшее будущее...

То, что случилось вчера въ Москвѣ, такъ ужасно, что перо отказывается медлить на невѣроятномъ событіи... Сынъ Царя-Освободителя убитъ среди бѣла дня у самаго Кремля, какъ разъ въ тотъ историческій моментъ, когда все общество ждало вѣщаго призыва съ вершины Престола, когда толки о земскомъ соборѣ, объ единеніи съ правительствомъ, о необходимости стряхнуть съ себя оцѣпенѣніе, которое насъ привело къ Портъ-Артуру и неисчислимымъ бѣдамъ этой войны, могучимъ подъемомъ духа начинали охватывать разные слои населенія...

Грозная пропасть между ними опять растетъ... Брызги крови, пролитой изступленными врагами всякаго порядка въ имперіи, опять кладутъ несмысленный слѣдъ на переживаемое нами невозможное по своей тревожности и напряженности время. Партийная борьба, внутренніе раздоры, изнуряющіе и позорящіе Россію въ годину боевыхъ неудачъ, тяжелое и больное состояніе умовъ, омерзѣніе національно-патріотическихъ чувствъ, на которыя еще такъ недавно

возлагались преувеличенныя надежды,—все точно сливается въ одинъ безпросвѣтнѣйшій туманъ, изъ котораго тщетно ищешь скорого исхода. Только бы Богъ поддержалъ въ столь тяжкія минуты болящаго за родину Государя, одаривъ его крѣпостью смѣлѣе и тверже, чѣмъ когда либо, взглянуть впередъ!

Творческія, великія необъятныя задачи обновленія и возрожденія ввѣренныхъ ему Богомъ народовъ и царствъ не допускаютъ промедленія и колебанія. Многія тысячи рукъ, осѣняющихъ его въ помыслахъ своимъ крестнымъ знаменіемъ, призывно молятъ объ одномъ: силоти вокругъ себя твою Русь, ожидающую зари и пробужденія! Тогда только намъ безразличны будутъ подковы и удары капихъ бы то ни было все громче и громче надъ нами насмѣхающихся, все тѣснѣе сдвигающихся недруговъ...

«Слово»:

Объ общественномъ негодованіи въ подобныхъ случаяхъ и о томъ справедливомъ отвращеніи, которое нормальнымъ людямъ внушаютъ подобныя убійства, почти всегда изъ-за угла, засадою, надъ безоружной или ничего не ожидающей жертвой, писано было такъ много и такъ часто, что мы не остановимся на этой сторонѣ вопроса, считая его общимъ мѣстомъ. Въ свою очередь и значеніе такихъ убійствъ, и причины, и послѣдствія ихъ могутъ быть столь разнообразны, что о нихъ надо по каждому случаю говорить отдѣльно, и, пожалуй, цѣлесообразнѣе будетъ вернуться къ этому, когда ближе выяснятся обстановка самаго событія, непосредственныя причины и способы его подготовленія, сдѣлавшіе возможнымъ осуществленіе всего замысла.

Но третья сторона дѣла, — какимъ образомъ пресѣчь такія кровавыя проявленія существующаго въ извѣстномъ народѣ или томъ или другомъ его слоѣ или кругѣ недовольства и остановить повтореніе такихъ событій или распространеніе такой формы проявленія недовольства, — эта сторона заслуживаетъ того, чтобы на ней остановиться подробнѣе — и притомъ именно въ настоящее, переживаемое всею Россією время.

Мѣры для этого могутъ быть двоякія: однѣ направляются исключительно къ предупрежденію или, по крайней мѣрѣ, затрудненію самой фактической возможности политическихъ убійствъ или покушеній на таковыя. Мѣры предосторожности, носящія характеръ преимущественно полицейско-предупредительный, сопровождаются обыкновенно усиленіемъ государственной репрессіи и господствомъ, часто временнымъ, реакціоннаго направленія во внутренней политикѣ. Четверть вѣка тому назадъ Россія пережила уже почти трехлѣтнюю полосу политическаго террора, и правительство боролось тогда противъ враговъ общественнаго порядка усиленіемъ репрессіи и полицейскаго надзора. Привели ли, однако, эти мѣры къ тому, что явленія террористическаго характера смолкли именно вслѣдствіе этихъ мѣръ, или же усюкоснѣе вызвано иными причинами, — отвѣтъ на это можетъ дать только исторія.

Другой способъ воздѣйствія противъ подобныхъ результатовъ и проявленій революціонной пропаганды и дѣятельности носитъ характеръ, такъ сказать, профилактической. Мѣры противъ крамолы могутъ быть приняты не охранительныя, а творческія, и должны заключаться въ выработкѣ и въ установленіи настолько твердой и устойчивой системы управленія государствомъ, которая, опираясь на мнѣніе всего народа, дѣлала бы соціальное движеніе внутренне несостоятельнымъ и для самихъ участниковъ, очевидно, безцѣльнымъ. Врядъ ли можно сомнѣваться, что необходимое внутреннее государственное равновѣсіе будетъ достигнуто, если правительственная власть въ развитіи нашей государственной жизни пойдетъ рука объ руку съ обществомъ, т. е. съ его наиболѣе разумными слоями — слоями умѣренными, вдумчивыми и глубоко проникнутыми нашими историческими началами.

Торжественное отпѣваніе останковъ великаго князя по заранѣе обнародованному церемонаіалу состоялось 10-го февраля въ Москвѣ въ Алексѣевскомъ храмѣ Чудова монастыря въ слѣдующемъ порядкѣ и обстановкѣ, какъ то описано въ «Новомъ Времени». Въ половинѣ 11 утра перезвонъ колоколовъ московскихъ соборовъ и церквей оповѣстилъ о началѣ печальнаго торжества, и одновременно начались заупокойныя литургіи во всѣхъ столичныхъ храмахъ. Обширная трапезная церковь святителя Алексѣя могла вмѣстить лишь нѣсколько сотъ человѣкъ, такъ какъ большую часть мѣста занималъ помостъ, на которомъ подъ серебрянымъ балдахиномъ стоялъ на катафалкѣ гробъ съ останками великаго князя. Балдахинъ увѣнчанъ великокняжеской короной, края его поддерживаются штангами съ золочеными государственными гербами. Помостъ и катафалкъ обиты краснымъ сукномъ. Дубовый гробъ украшенъ позументомъ и серебрянымъ государственнымъ гербомъ. По угламъ гроба свѣшиваются четыре большія серебряныя кисти, а на гробовой крышкѣ гомѣщенъ восьмиконечный крестъ, близъ котораго прикрѣплены парадная барашковая шапка великаго князя и его пашка. Внутри гробъ выложенъ бѣлой шелковой матеріей. Останки великаго князя, одѣтые въ мундиръ 5-го гренадерскаго Кіевскаго полка, покрыты царскимъ покровомъ изъ кованаго золотого глазета съ серебрянымъ позументомъ, подшитымъ горностаемъ. Кругомъ на обитыхъ серебрянымъ глазетомъ подушкахъ ордена и знаки отличія почившаго великаго князя. Впереди аналой съ иконой Спаса Нерукотвореннаго, а у изголовья — подсвѣчникъ и аналой со св. Евангеліемъ. На груди въ Бозѣ почившаго великаго князя небольшой золотой съ эмалью складень. Кругомъ цѣлые холмы изъ серебряныхъ и цвѣточныхъ вѣнковъ. Хотя часть вѣнковъ уже успѣли перенести въ сосѣдную церковь св. Андрея Первозваннаго, гдѣ временно послѣ отпѣванія будетъ находиться гробъ съ тѣломъ великаго князя, но цвѣточные холмы не уменьшаются, такъ какъ

возлагаются все новые и новые вѣнки. Вѣнки возложены: отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, отъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, отъ герцога Георгія Георгіевича Мекленбургъ-Стрелицкаго—съ надписью: «товарищу дѣтства»; серебряные вѣнки: отъ флота, воспитанниковъ Александровскаго лицея, отъ «глубоко скорбящихъ» офицеровъ генеральнаго штаба Московскаго округа и многіе другіе; въ общемъ болѣе 200 вѣнковъ, въ томъ числѣ свыше 60 серебряныхъ.

Въ исходѣ 11-го часа въ алтарѣ собрались митрополитъ, архіереи, архимандриты и высшее придворное духовенство. Къ этому же времени стали съѣзжаться особы, имѣвшія право присутствовать при отпѣваніи согласно повѣсткамъ отъ высочайшаго двора. Дамы въ черныхъ шерстяныхъ платьяхъ и черныхъ головныхъ уборахъ группировались съ правой стороны гроба; придворные кавалеры, военные и гражданскіе чины собирались частью съ лѣвой стороны, частью въ церкви, гдѣ находится рака съ мощами святителя Алексѣя, и черезъ которую августѣйшія особы должны были слѣдовать изъ Николаевскаго дворца по пути въ трапезную. Здѣсь, между прочимъ, находились: оберъ-гофмейстеръ князь А. С. Долгорукій, оберъ-егермейстеръ П. П. Голенищевъ-Кутузовъ-Толстой, члены государственнаго совѣта: генераль-адъютантъ графъ А. П. Игнатьевъ, генераль-лейтенантъ А. И. Пантелѣевъ, М. Н. Галкинъ-Врасской, И. Л. Горемыкинъ, П. А. Сабуровъ, С. Ф. Платоновъ и графъ С. А. Толь, министръ путей сообщенія князь М. И. Хилковъ, русскій посолъ въ Римѣ Н. В. Муравьевъ, товарищъ министра финансовъ князь А. Д. Оболенскій, товарищъ министра народнаго просвѣщенія С. М. Лукьяновъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ князь В. С. Оболенскій-Нелединскій-Мелецкіи и многіе другіе. Здѣсь же были всѣ московскія военныя и гражданскія власти, губернскій и уѣздные предводители дворянства, предсѣдатели губернской и уѣздныхъ земскихъ управъ, московскій городской голова, представители московскаго и иностраннаго купечества, депутаціи отъ всѣхъ московскихъ обществъ, въ которыхъ почившій великій князь былъ августѣйшимъ предсѣдателемъ, покровителемъ или почетнымъ членомъ. Независимо отъ этихъ депутацій были еще депутаціи изъ Петербурга отъ православнаго Палестинскаго общества, отъ Сергіевскаго братства и отъ слѣдующихъ воинскихъ частей: лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, отъ Кирасирскаго ея величества государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны полка, отъ лейбъ-гусарскаго ея величества полка, отъ 4-го стрѣлковаго императорской фамилии батальона и отъ лейбъ-гвардіи 1-ой артиллерійской бригады, отъ шеф-

скихъ частей: Тобольскаго пѣхотнаго полка, 5-го гренадерскаго Кіевскаго полка и 2-го лейбъ-гвардіи стрѣлковаго батальона.

Къ началу литургіи у гроба стало дежурство, распредѣлившееся на три смѣны. На площади передъ Чудовымъ монастыремъ былъ выставленъ почетный караулъ отъ Кіевскаго полка при знамени и хоръ музыки. У входа въ монастырь стояли парные часовые.

Въ 11-ть часовъ утра изъ внутреннихъ покоевъ Николаевскаго дворца изволили выйти великая княгиня Елизавета Ѳеодоровна съ августѣйшимъ братомъ, великимъ герцогомъ Гессенскимъ Эрнестомъ-Людвигомъ, великая княгиня Марія Александровна, вдовствующая герцогиня Саксенъ-Кобургъ-Готская, съ великимъ княземъ Павломъ Александровичемъ, великій князь Константинъ Константиновичъ съ принцессой Викторіей Баттенбергской; далѣе слѣдовали великій князь Димитрій Павловичъ, великая княжна Марія Павловна, принцесса Беатриса Саксенъ-Кобургъ-Готская, великая герцогиня Гессенская и герцоги Михаилъ Георгіевичъ и Георгій Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкіе. Августѣйшія особы стали съ правой стороны гроба. Митрополитъ въ сослуженіи съ духовенствомъ при цѣннѣ синодальныхъ пѣвчихъ совершилъ литургію. Въ часъ дня началось отпѣваніе, послѣ котораго великая княгиня Елизавета Ѳеодоровна и всѣ августѣйшія особы приблизились къ гробу для прощанія и послѣдняго поклоненія смертнымъ останкамъ великаго князя. За августѣйшими особами отдають послѣднее поклоненіе митрополитъ и духовенство, затѣмъ ближайшія къ почившему великому князю лица, свита его высочества и личные его слуги. Адъютантъ его высочества, капитанъ Джунковъ, графъ Игнатъевъ, графъ Олсуфьевъ и графъ Бѣлевскій приносятъ крышку гроба, на которой прибита металлическая доска съ надписью: «Императорское Высочество, Великій Князь Сергій Александровичъ, родился въ Царскомъ Селѣ 1857 г., 29 апрѣля; скончался въ Москвѣ 1905 г., 4 февраля». Четыре генерала снимають съ гроба покровъ и относятъ его въ алтарь. Провозглашается «вѣчная память». и всѣ августѣйшія особы, а за ними и всѣ присутствовавшіе опускаются на колѣни. Митрополитъ, августѣйшія особы и высшее духовенство особой лопаточкой посыпають землю останки великаго князя. Великая княгиня Елизавета Ѳеодоровна еще разъ приближается къ гробу, который затѣмъ покрывается крышкой. Всѣ присутствующіе великіе князья и августѣйшія особы вмѣстѣ съ состоявшими при почившемъ генералами и адъютантами поднимають гробъ. Впереди шествуютъ митрополитъ съ высшимъ духовенствомъ, а за гробомъ слѣдуютъ великая княгиня Елизавета Ѳеодоровна съ великимъ герцогомъ Гессенскимъ и всѣ остальные августѣйшія особы. Гробъ переносится въ находящуюся рядомъ.

на той же площадкѣ, церковь св. Андрея Первозваннаго. Церковь эта вся устлана чернымъ сукномъ, а посрединѣ поставленъ бѣлый катафалкъ; стѣны увѣшаны возложенными на гробъ вѣнками. Когда гробъ съ останками великаго князя внесли въ церковь, его поставили на катафалкъ. Митрополитъ совершилъ литію, послѣ которой всѣ августѣйшія особы подходили подѣ благословеніе владыки. Ихъ высочества снова поклонились гробу и тѣмъ же порядкомъ возвратились черезъ трапезную въ церковь св. Алексѣя митрополита, гдѣ прикладывались къ мощамъ святителя, послѣ чего прослѣдовали внутреннимъ ходомъ въ Николаевскій дворецъ.

Гробъ съ останками великаго князя Сергія Александровича останется въ Андреевской церкви до времени, когда будетъ назначенъ день ихъ погребенія.

Слѣдствіе объ убіеніи великаго князя Сергія Александровича еще не выяснило ни имени убійцы, ни подробностей заговора, ни участниковъ его. Газеты первопрестольной успѣли только сообщить два трогательныхъ эпизода изъ вдовьей нынѣ жизни великой княгини Елизаветы Ѳеодоровны. Она присутствовала при погребеніи погибшаго вмѣстѣ съ ея супругомъ его кучера и приняла на себя заботу объ осиротѣвшей его семьѣ, а также посѣтила въ мѣстѣ заключенія убійцу великаго князя. Встрѣтившись одна лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, причинившимъ ей такое зло, она спросила его, за что онъ убилъ ея мужа. Преступникъ отвѣтилъ: «я исполнилъ волю революціоннаго комитета». Великая княгиня спросила: «вы вѣрующій?» и, получивъ утвердительный отвѣтъ, дала ему образокъ и сказала: «я васъ прощаю, Богъ будетъ судьей между княземъ и вами, а я буду ходатайствовать о сохраненіи вамъ жизни».

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1905 году

(ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1905 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать пять лѣтъ (1880—1904).

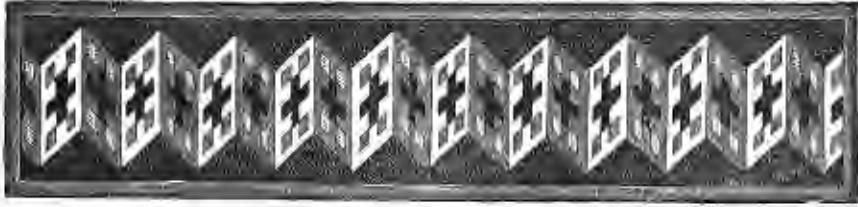
Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

КОНСТАНТИНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ СТАНЮКОВИЧЪ.

ДОЗ. ЦЕНЗ. 22 ФЕВРАЛЯ 1905 Г. СПБ.

СМЕРТНЫЙ ГРѢХЪ ¹⁾.

Повѣсть.

—
XVII.

ВЖЕ ШЕЛЪ четвертый годъ, что Павла Тимофеевна была пострижена въ сосѣдней пустыни, женскомъ Рождественскомъ монастырѣ. Имя ея осталось только въ Ларинскомъ, а въ монастырѣ была мать Марианна. И только одному Ларину разрѣшила она звать себя прежнимъ мірскимъ именемъ.

Въ оградѣ монастырской, не вдалекѣ отъ главнаго храма и среди могильныхъ плитъ и крестовъ стоялъ маленькій домикъ въ три комнаты, выстроенный на средства Алексѣя Андреевича.

А сдѣлать это завѣщала ему, умирая, его мать, а не отецъ. И въ этомъ приказѣ сыну сказалось ясно, какъ относилась женщина къ многолѣтней сожительницѣ мужа, которая «всего его себѣ взяла», по ея же собственному выраженію.

Правда, сначала и довольно долго Екатерина Семеновна глубоко ненавидѣла молодую, красивую и обожаемую мужемъ Пашу, мать двухъ красивыхъ дѣтей, сына и дочери... Но затѣмъ, когда у нея самой родился Алеша, она сразу измѣнилась по отношенію къ наложницѣ мужа, явной, всѣмъ въ округѣ извѣстной и вдобавокъ всѣми уважаемой.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІХ, стр. 387.

Когда Андрей Петровичъ вдругъ, чуть не скоростижно умеръ, Екатерина Семеновна, узнавъ о его смерти, выговорила тотчасъ тревожно:

— Павлъ Тимоѳеевнѣ сказали? Что она?

Теперь дѣти часто ѣздили къ матери въ гости. Андрей по правиламъ монастырскимъ останавливался и ночевалъ за оградой въ домѣ дьячка, Маряша оставалась и ночевала въ кельѣ.

Дѣвушка особенно любила ѣздить въ пустынь и всегда запаздывала. Собравшись на два, три дня, оставалась недѣлю. Она ходила ко всѣмъ службамъ и постоянно говорила, что тоже постриглась бы съ удовольствіемъ.

Мать Маріанна только улыбалась кротко на слова дочери, изрѣдка же отвѣчала:

— Глухая голова. Это не про тебя... Твое мѣсто въ міру.

И тайно монахиня мечтала о замужествѣ дочери, не протомъ, а подходящемъ къ ея урожденію отъ дворянина.

О происходящемъ въ Ларинскомъ между Ларинымъ и дочерью монахиня не знала ничего, и, конечно, то, что самъ Ларинъ прозвалъ «навожденіемъ», никогда не пришло бы ей на умъ. Какъ бы подѣйствовала на нее эта ужасная вѣсть, трудно было и предугадать.

Теперешняя мать Маріанна была далеко не прежняя Паша. Лицемъ она была попрежнему пригожа, несмотря на свой пятый десятокъ лѣтъ. Душой она была другая женщина. И не монастырь измѣнилъ ее. Нѣсколько дней въ Ларинскомъ преобразили женщину.

Неожиданная смерть Андрея Петровича, котораго болѣзнь будто скрутила въ пять, шесть дней, поразила всѣхъ, но было существо въ Ларинскомъ, которое при этомъ событіи почти потеряло рассудокъ. Это была, конечно, Павла Тимоѳеевна.

Женщина, ухаживавшая за больнымъ въ качествѣ сидѣлки, сначала потребованная самимъ больнымъ, а затѣмъ оставленная при немъ по распоряженію лежащей въ постели барыни, всѣхъ удивила въ роковую ночь. Она говорила, что баринъ заснулъ крѣпко, и когда проснется, то ему будетъ много лучше, и онъ даже будетъ въ полномъ сознаніи, котораго было лишился...

Дѣти плакали, дворовые ходили пораженные и какъ бы потерянные, барыня, которой доложили о кончинѣ мужа, поднялась съ трудомъ съ постели и, еле двигаясь, съ двумя остановками добрела до комнаты умершаго, закрыла ему глаза и вернулась къ себѣ въ постель...

Павла Тимоѳеевна все видѣла, все будто понимала и удивлялась...

— Да что же это вы такое дѣлаете?—повторяла она.—Чего вы, глупые, плачете?—говорила она дѣтямъ.—Сказываютъ вамъ, что Андрей Петровичъ почиваетъ.

И все, что дѣлала и говорила Паша, дѣлалось и говорилось такъ просто и спокойно, что не только чужіе люди, а ея собственныя

дѣти не сразу догадались... А догадавшись зарыдали уже не по отцѣ, а по матери... умалишенной...

Дѣйствительно что-то удивительное, непонятное сдѣлалось съ Павлой Тимоѣевной и сдѣлалось въ одно мгновеніе.

Она первая увидала и поняла, что Андрей Петровичъ покойникъ. И она простояла истуканомъ недвижно и молча около его кровати около часа времени, покуда кто-то не пришелъ... Тогда она очнулась и заговорила. И объявила тихо и даже отчасти радостно.

— Започивальъ...

Разумѣется, женщину увели во флигель и тотчасъ уложили въ постель. Маряша въ своей чередѣ усѣлась у постели матери сидѣлкой и не отходила отъ нея ни на шагъ.

Докторъ, бывшій въ домѣ уже дня четыре, вызванный изъ города, когда болѣзнь Ларина приняла бурный характеръ, теперь уже хлопоталъ около тихо лежащей Павлы Тимоѣевны и строго приказалъ ей дочери не отлучаться.

Онъ объяснилъ, что женщина можетъ прійти сразу въ полное сознание, все вспомнить, все пойметъ и тотчасъ же можетъ покуситься на свою жизнь.

Дѣйствительно чрезъ день послѣ похоронъ состояніе женщины перешло въ глубокій болѣзненно крѣпкій сонъ, продолжавшійся почти безъ перерыва трое сутокъ.

Наконецъ она проснулась слабая, позвала дочь, спросила, опросила, поняла горькое молчаніе Маряши и сказала:

— Стало взаправду? Не сонъ то былъ?...

И она заплакала тихо, безпомощно, будто по-дѣтски, будто обиженно.

Набожность спасла ее. Она тотчасъ же объявила дочери, что послѣ сорокового дня по кончинѣ Андрея Петровича пострижется въ монахини. Барыня, конечно, должна это дозволить... Если же изъ-за какого худого чувства она не дозволить, то какой ни есть страшный грѣхъ, а все-таки она рѣшится на то, что разъ въ жизни уже дѣлала, когда ея дѣтей еще и на свѣтѣ не было, а былъ тотъ мальчикъ первый, Петруша, который умеръ по второму году... Иначе говоря, женщина грозилась опять итти топиться.

Екатерина Семеновна, которой Маряша объяснила просьбу матери, тотчасъ же согласилась и велѣла даже передать ей, что выстроить ей особую келлію-домикъ въ монастырской оградѣ, не хуже тѣхъ, что строятъ себѣ постригающіяся дворянки.

Сынъ и дочь уговаривали мать оставаться съ ними, жить по-прежнему въ Ларинскомъ. Больная, почти умирающая Екатерина Семеновна и молодой Алексѣй тоже просили Павлу Тимоѣевну поразмыслить, хотя бы отсрочить на время свое постриженіе. Алексѣй, любившій мать своихъ друзей дѣтства, долго считавшій ее

родней, «тетушкой», убѣждалъ ее, что жизнь ея съ дѣтьми въ Ларинскомъ измѣнится еще къ лучшему, и они заживутъ, какъ настоящая родня его.

Но всѣ уговоры не привели ни къ чему. Павла Тимоѣевна стояла на своемъ и объясняла, что не хочетъ грѣшить, оставаясь въ міру,—грѣшить противъ покойнаго. Онъ скончался совсѣмъ, и ей надо тоже скончаться совсѣмъ, постричься, принять схиму, чтобы сдѣлаться затворницей, чтобы не видѣть и не слышать людей.

Съ постриженіемъ Павлы Тимоѣевны и ея отсутствіемъ изъ Ларинскаго, связь ея дѣтей и Ларина еще болѣе окрѣпла, такъ какъ они остались одни. Но зато ея отсутствіе привело Ларина къ тому, что, быть можетъ, никогда не случилось бы, если бы Маряша оставалась подъ глазами матери.

XVIII.

До Рождественскаго монастыря было отъ Ларинскаго три пути, смотря по времени года, и было около двадцати верстъ, шестнадцать и наконецъ тринадцать. Первый путь былъ лѣтній, второй осенній, заливными лугами вдоль рѣчки, которымъ пользовались послѣ покоса, и наконецъ зимой, благодаря переѣзду чрезъ ледъ подъ самыми стѣнами монастыря, путь зимній сокращался на шесть верстъ.

Теперь среди лѣта Ларину приходилось ѣхать дальнимъ путемъ. Дорога на тринадцатой верстѣ приводила къ рѣкѣ, за которой на противоположномъ берегу высился монастырь, а, чтобы быть въ немъ, нужно было сдѣлать еще шесть верстъ чрезъ деревню, гдѣ былъ мостъ.

Крестьяне оставляли лошадей на берегу и переправлялись на монастырской лодкѣ. Дворяне-помѣщики колесили чрезъ мостъ, считая неблагопрістойнымъ являться въ монастырь пѣшкомъ.

На этотъ разъ Ларинъ, подѣхавъ къ рѣкѣ и видя стѣны монастыря на подачу руки, вдругъ остановилъ кучера.

— Сдѣлаю по-мужицкому,—подумалось ему.—Можетъ, счастье принесетъ, коли пѣшкомъ пройду.

И, приказавъ удивленному кучеру ѣхать на мостъ версты за три, Ларинъ вылѣзъ изъ экипажа.

Понявъ прихоть барина, приключившуюся впервые, кучеръ заявилъ:

— Надо допрежде докликаться, Лексѣй Андреичъ. Тутъ бѣда. Вѣдь не перевозъ какой да поромъ. Монашки порядковъ не соблюдаютъ. Инъ бываетъ, часъ быются люди, дозваться не могутъ никого. А которая старая монашка завсегда перевозитъ, то глухая.

— Какъ глухая? Совсѣмъ?—неволью усмѣхнулся Ларинъ.

— Точно такъ-съ. Да и почитай слѣпая. На голосъ переѣзжаетъ. Ей кричатъ. А замолчи, она отъ своего берега невѣдомо куда заберетъ. И больше все влѣво беретъ. А почему—не вѣдомо.

И кучеръ крикнулъ изъ всѣхъ силъ:

— Мать Лямпида... А Лямпида!

— Такъ звать ее?—спросилъ Ларинъ.

— Звать Алямпидой, а кликаюгъ Лямпидой. А почему—не вѣдомо!—бойко отвѣтилъ кучеръ.

На этотъ разъ оказалась удача. Ларину посчастливилось. Черезъ минутъ пять завыванія кучера изъ калитки домика близъ монастырской стѣны появилась черная фигурка и быстро побѣжала къ берегу.

— Это-то слѣпая твоя?—сказалъ Ларинъ:—Лямпида?

— Какъ можно-съ! Старая Лямпида, полагать надо, ни въ жисть не бѣгала. Это послушница, Оимка. Бѣсъ дѣвченка, хоть и въ ряскѣ монашеской.

Черезъ нѣсколько минутъ черненькая фигурка была уже на берегу, отвязала лодку, вскочила въ нее и начала грестъ. Кучеръ тронулъ лошадей.

Вскорѣ лодка причалила къ берегу, вѣрнѣе уперлась въ песокъ на разстояніи аршинъ двухъ отъ сухого мѣста. Ларинъ уже собрался скорѣе кликать назадъ кучера, не видя возможности попасть въ лодку. Не разуваться же по-крестьянски... Но маленькая монашка въ секунду соскочила въ воду, подбирая подолъ, схватилась за носъ лодки и подтянула ее къ самому берегу.

Поглядѣвъ въ веселое, хорошенькое личико дѣвушки, которой было, конечно, не болѣе шестнадцати лѣтъ, Ларинъ невольно выговорилъ:

— Вишь ты... молодець... шустрая ты...

Онъ сѣлъ въ лодку, дѣвушка, скорѣе дѣвочка по росту и сложенію, снова оттолкнула лодку, идя чуть не по поясъ въ водѣ, но будто не видя, не сознавая своей наготы. Затѣмъ она также быстро и ловко вскочила, сѣла лицомъ къ нему и взялась за весла.

Ея оживленное чернобровое лицо, веселое, почти бойкое, бросилось въ глаза Ларину...

«Видалъ что ли когда?»—подумалъ онъ.

Это хорошенькое личико послушницы было ему знакомо. Глаза подъ прямыми узенькими линейками бровями, вздернутый, будто отчасти даже забавно маленькій носикъ, пухлыя, слегка отдутыя губы и въ нихъ вострые заячьи зубки, наконецъ черныя сильно вьющіяся кудри, выбивавшіяся изъ-подъ замазляной шапочки ермолки,—все было Ларину знакомо. Онъ сталъ вспоминать свои рѣдкіе пріѣзды къ Павлѣ Тимоѣевнѣ, не болѣе разъ двухъ въ годъ, стало быть, всего не болѣе шести, семи разъ, и не помнилъ этой послушницы. Затѣмъ онъ сообразилъ, что пять лѣтъ назадъ,

даже три года назадъ эта дѣвушка должна была быть совсѣмъ ребенкомъ на видѣ. Можетъ быть, онъ ребенкомъ и видѣлъ ее.

— Ты давно ли въ монастырѣ?—невольно задалъ онъ вопросъ.

— Давно!—весело и бойко отозвалась эта.

— А какъ давно? Годъ... больше...

Дѣвушка разсмѣялась и отвернулась въ сторону.

— Тебя Ѳимой звать?

— Ѳимка.

— Ну, скажи, Ѳимка. Ты откудава? Гдѣ родилась? Чья?

— Ларинская.

— Ларинская?—удивился Алексѣй Андреевичъ.—Кто жъ тебя сюда отдалъ въ послушаніе?

— Баринъ.

— Баринъ. Давно, стало быть, еще махонькой.

— Нѣту. Подъ Рождество. Въ Миколы годъ будетъ.

— Въ прошлое Рождество? Стало, недавно, съ полгода всего. Стало быть, по моему указу. По моему?

Ѳимка перестала смѣяться, присмирѣла сразу, а затѣмъ, искоса глядя въ лицо Ларина, молчала на всѣ его вопросы, упорно, но не изъ упрямства, а со страху.

Она сообразила, что въ лодкѣ Ларинскій баринъ, ея баринъ.

«Очень просто,—рѣшилъ Алексѣй Андреевичъ.—Стало быть, видаль у себя на селѣ и теперь призналъ».

Но затѣмъ, продолжая вглядываться въ лицо дѣвушки, онъ все болѣе удивлялся тому, насколько черты и даже взглядъ, даже улыбка, даже манера подбирать нижнюю губу ему знакомы.

И вдругъ эта Ѳимка, съ усиленіемъ налегая на весла, подобрала нижнюю губку своими заячьими зубками и косо взглянула на него.

Ларинъ ахнулъ и вслухъ, громко. Онъ вспомнилъ, или, вѣрнѣе, узналъ, понялъ, сообразилъ...

То, что въ одно мгновеніе возникло въ его головѣ, тотчасъ же перешло въ соображеніе, въ догадку, а чрезъ нѣсколько мгновеній стало увѣренностью.

Послушница монастыря была живымъ портретомъ Андрюши. Сходство было настолько велико, настолько поразительно точно, что сомнѣнію не было мѣста.

Андрюша и эта полумонашка Ѳимка походили другъ на друга, какъ могутъ походить только братъ съ сестрой.

«Это живой маленькій Андрюша!—мысленно воскликнулъ Ларинъ.—Что же это можетъ означать? Вѣдь Андрюша, какъ всѣ сказываютъ, и какъ самъ я помню, страшно похожъ на батюшку, а еще больше на красавца дѣдушку Петра Петровича. Стало быть, и эта Ѳимка»...

Ларинъ не додумалъ, какъ бы вдругъ испугавшись своихъ мыслей.

Черезъ минуту, однако, онъ сталъ спокойнѣе, ухмылялся, глядя на полудѣвочку въ монашеской ряскѣ, и говорилъ себѣ.

— Все можетъ быть. Диковины или чуда никакого нѣтъ. Чудно только, что въ Ларинскомъ никогда про это не слышать было...

И черезъ минуту онъ опять говорилъ себѣ.

— Кронидъ долженъ знать. И старая вѣдьма Макарушкина должна знать. Коли двое скажутъ то же самое, то и расскажутъ, какъ оное приключилось.

Однако черезъ минуту онъ рѣшилъ:

— А, можетъ, мнѣ просто почудилось. Все самъ измыслилъ.

И онъ, чтобы доказать себѣ, что измыслилъ вздоръ, сталъ еще пристальнѣе и внимательнѣе вглядываться въ послушницу.

— Пригрезилось наяву!—выговорилъ онъ вслухъ.

Лодка уперлась къ деревянному плоту, послушница тихо сложила весла, степенно, будто задумчиво. Затѣмъ она подняла правую руку и, приблизивъ не ладонью, а тыльной частью къ лицу, потеряла себѣ лобъ.

Ларинъ тихо ахнулъ, разинулъ ротъ и не двигался изъ лодки.

Это былъ всегдашній, привычный, сто разъ въ день повторявшійся, жестъ его отца.

XIX.

Когда Ларинъ былъ въ монастырѣ и въ маленькомъ домикѣ, или келліи матери Маріанны, оказалось, что ея нѣтъ.

Поздняя обѣдня еще не отошла, и она была въ храмѣ.

Очень старая монахиня, впустивъ Ларина въ комнату въ родѣ гостиной, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ буфетомъ и накрытымъ столомъ, попросила его обождать.

Ларинъ, какъ всегда, когда бывалъ у прежней Павлы Тимоѣевны, прежде всего сталъ разглядывать большой живописный портретъ пожилого человѣка въ дворянскомъ мундирѣ, висѣвшій надъ диваномъ. Это былъ портретъ его отца, уступленный имъ женщинѣ не по ея просьбѣ, а опять-таки по приказанію матери, данному дня за три до смерти.

Екатерина Семеновна, предвидя и ожидая свой конецъ, заботилась обо многомъ и многихъ, но болѣе всего о Павлѣ Тимоѣевнѣ и ея двухъ дѣтяхъ. Про портретъ она сказала загадочно:

— Отдай ей... Онъ ей нужнѣе, чѣмъ тебѣ. Послѣ ея смерти возьми себѣ, а еще правильнѣе отдай Андрюшѣ и Маряшѣ. Ты все получишь, а у нихъ ничего нѣту.

Портретъ Андрея Петровича былъ сдѣланъ очень хорошимъ художникомъ, который случайно заѣхалъ изъ столицы въ Тулу. Веселое, беззаботное, крайне оживленное лицо будто вылѣзало изъ рамы и глядѣло, какъ живое.

На этотъ разъ Ларинъ особенно внимательно приглядѣлся къ портрету. Ему казалось, что онъ отчасти сталъ забывать лицо отца, и теперь, пристально взглядываясь, возстановлялъ въ памяти черты.

И прежде всего бросились ему въ глаза эти черныя прямыя «линейки» брови, затѣмъ вздернутый будто весело носъ, затѣмъ тонкіе, острые заячьи зубы между пухлыми губами.

— Да, удивительно... прямо чудеса,—шепнулъ онъ самъ себѣ.

Онъ вспомнилъ послушницу Өимку.

Даже на портретѣ была она похожа.

— Если бы привести ее сюда,—подумалъ Ларинъ,—да поставить подъ портретъ, всякій, поглядѣвъ, замѣтитъ и ахнетъ отъ подобія двухъ лицъ.

И онъ рѣшилъ, что, конечно, сегодня же узнаетъ и разгадку, которой Павла Тимоѣевна не можетъ не знать. Она не можетъ равно не видѣть сходства дѣвочки послушницы съ такимъ близкимъ ей человѣкомъ.

Спустя полчаса, въ комнату, тихо и мягко ступая, вошла монахиня со словами.

— Спаси, Господи. Рада я... рада. Давно не навѣщаль.

Обнявъ Ларина, она поцѣловала его въ обѣ щеки и, улыбаясь ясной улыбкой, стала смотрѣть ему въ лицо.

— Полнѣешь, спаси, Господи. Румяный, что дѣвица. Ну, что мой?.. Чего не пріѣхали съ тобой?

Ларинъ передалъ, что Андрей и Маряша приказали цѣловать ручки, прислали всякой всячины, холста, варенья, даже пуху на подушку, и что все это ѣдетъ, еще въ пути.

— Какими судьба?—спросила мать Маріанна.

Ларинъ объяснилъ, что переѣхалъ рѣку въ лодкѣ, и хотѣлъ тотчасъ заговорить о послушницѣ Өимкѣ, но подумалъ:

— Послѣ. Не до того...

Дѣйствительно въ присутствіи монахини, въ ожиданіи минуты объясненія съ ней по своему ужасному дѣлу, онъ снова сильно смутился. Онъ даже не зналъ, рѣшится ли заговорить, или не рѣшится, и уѣдетъ, не сказавъ ни слова.

— Пустое. Слабодушество!—проговорилъ онъ про себя.—Надо, и конецъ. Будь, что будетъ. Права Соня... Что мнѣ до нея? Хоть на смерть испугайся. Своя рубашка къ тѣлу ближе.

И какъ трусы на войнѣ, сказывается, не могутъ выдержать ожиданія опасности, а кидаются сами въ нее, такъ и Ларинъ вдругъ выговорилъ:

— Они хотѣли оба ѣхать со мной, да я не согласился. Нельзя. Я къ вамъ, Павла Тимоѣевна, нынѣ по дѣлу пріѣхалъ, по важному дѣлу побесѣдовать и просить васъ... Сердечно слезно молить... Молить спасти меня. Да и не меня одного.

Сказавъ это, Ларинъ смолкъ и задохнулся отъ усилія, которое сдѣлалъ надъ собой. Далѣе онъ не зналъ, что говорить, съ чего начать.

— Не поняла я, дорогой мой, спаси, Господи. Не поняла ничего.

И монахиня улыбнулась своей милой, кроткой улыбкой, той же самой, которой лѣтъ около тридцати назадъ сразу прельстила и обворожила на всю жизнь покойнаго Ларина.

При этой улыбкѣ женщина подъ пятьдесятъ лѣтъ становилась еще красивой, а главное, лицо ея какъ-то просвѣтлялось, глаза будто сіяли ярче, но тихимъ лучистымъ свѣтомъ. Женщина становилась даже въ полусумракѣ маленькой комнаты, будто освѣщенная проскользнувшими лучами солнца. Такъ казалось... Отъ улыбки и взгляда она становилась свѣтлолицая.

И если теперь въ ея годы, послѣ всего пережитаго горя, послѣ жестокой болѣзни, душевнаго хворанія, хотя и не долгаго, въ теperешнемъ ея одѣяніи съ чернымъ платкомъ, плотно обрамляющимъ лицо по самыя брови и по самыя щеки, если она все-таки была красива, почти красавица, то что же она была тридцать лѣтъ назадъ?

Это спросилъ у себя Алексѣй Андреевичъ, невольно любуясь монахиней. И онъ тотчасъ же и отвѣтилъ:

— Что была? Моя Маряша.

И это была правда. Въ двадцать лѣтъ «Паши» была Маряша. Дочь была поразительно похожа на мать и, можетъ быть, была бы краше матери, если бы въ ея глазахъ не было суровой задумчивости и была бы хотя малая доля доброты или ясности, которая сіяла въ глазахъ монахини.

Глаза были тѣ же и цвѣтомъ, и очертаньемъ, но жизнь Маряши въ двадцать лѣтъ была не та же и сложилась иначе, чѣмъ жизнь двадцатилѣтней Паши.

Между тѣмъ Ларинъ, собравшись съ духомъ, снова заговорилъ о томъ, что пріѣхалъ по дѣлу, и такому важному, что ему даже страшно и начать объясняться.

— Охъ, ужъ вы, на міру, спаси, Господи, — отозвалась монахиня. — Все-то у васъ страшное да важное. А все суета суетъ. Все грѣхъ одинъ.

— Да, конечно, грѣхъ... И часто... началъ Алексѣй Андреевичъ и запнулся... Часто страшный смертный грѣхъ. И вотъ... что дѣлать? Человѣкъ не воленъ, не можетъ. Такъ вотъ и я, Павла Тимоеевна... Простите, что я васъ все этакъ называю.

— Можешь. Тебѣ разрѣшила. Знаешь — тебѣ одному. Богъ простить. Я иногда даже люблю услышать свое мірское прозвище, — вдругъ потушилась женщина, какъ бы смущаясь или стыдясь.

Алексѣй Андреевичъ заговорилъ, повторяя почти все тѣ же слова, путался, но самъ не сознавалъ, что изъ его рѣчи ничего

понять нельзя. Поэтому онъ удивлялся, что мать Маріанна слушала его, шире раскрывая добродушно удивленные глаза, которые, однако, сохраняли всегдашній, кротко спокойный взоръ, тогда какъ ей слѣдовало, по его мнѣнію, уже быть пораженной вѣстью.

На его увѣреніе, что онъ страстно любитъ Маряшу и не допускаетъ мысли жить безъ нея, какія бы помѣхи или бѣды ни грозили, мать Маріанна отвѣтила, что давно знаетъ, какъ велико его чувство къ Маряшѣ съ дѣтства, а что ихъ разлукѣ ничто покуда не угрожаетъ, ибо дѣвушкѣ въ ея положеніи не то дворянки, не то крѣпостной дворовой замужъ выйти не только трудно, но и невозможно.

— Маряшѣ жениха выискать, пожалуй, нигдѣ никогда не придется,—сказала наконецъ женщина печально.

Ларинъ схватился за эти слова и выговорилъ рѣзко.

— Я ей ни за кого не позволю итти. Она должна быть моею женой.

И, будто обозлившись, онъ закричалъ.

— Моей женой, да, моей женой. Ничьей! Моей!

Монахиня приподняла голову, закинула ее слегка назадъ, ротъ ея раскрылся, глаза блеснули, почти сверкнули, но не обычно, не кротостью, а будто испугомъ.

И она сидѣла, не двигаясь и не отвѣчая.

Молчаніе продолжалось нѣсколько мгновений.

— Да... вотъ... вотъ до чего... И иного ничего нѣтъ,—произнесъ наконецъ Ларинъ трусливѣе.

Мать Маріанна продолжала молчать, но пристально смотрѣла ему въ лицо, будто не понявъ его или спрашивая себя, вѣрно ли она поняла слышанное сейчасъ.

— Что же вы скажете, Павла Тимоѣевна?—воскликнулъ онъ почти отчаянно.

— Что?... — упавшимъ голосомъ отозвалась женщина, будто прійдя въ себя и вмѣстѣ съ тѣмъ теряя силы.

— Вы скажете... Изувѣрство. Грѣхъ великій. Преступленіе законовъ и заповѣдей Божескихъ. Смертный грѣхъ... Все это я знаю. Давно, давно я все обсудилъ... И на все я пойду... Или грѣшить или умирать, руки на себя самого подымать... Лучше грѣхъ этотъ, чѣмъ грѣхъ самоубійства... А если вы положите намъ запретъ, то я сейчасъ же покончу съ собой...

Мать Маріанна ахнула пугливо и закрыла лицо руками.

— Страшное дѣло... Павла Тимоѣевна. Страшное, но я вѣрю, Господь проститъ. Господь все видитъ. Видитъ наши мучительства... И вотъ уже сколько лѣтъ... Мы истомились... И теперь вотъ больше не можемъ. Теперь отъ васъ все зависитъ. Но вашего согласія мало. Надо больше, много больше требуется отъ васъ.

XX.

Ларинъ смолкъ, ожидая хоть слова отвѣта, чтобы судить, что происходитъ въ душѣ монахини, но видя, что она сидитъ неподвижно, не отнимая рукъ отъ лица, онъ боязливо спросилъ:

— Что съ вами? Скажите слово одно...

Мать Маріанна приняла руки и поглядѣла на молодого человека... Онъ внутренно ахнулъ... Лицо монахини было не перепуганное, не пораженное, даже не грустное, а только кротко оживленное. Чудилось, что она вотъ сейчасъ способна улыбнуться своей чудной, свѣтлой улыбкой.

— Павла Тимофеевна,—тихо воскликнулъ Ларинъ и ничего не прибавилъ. Его восклицаніе говорило многое.

И наступило снова молчаніе. Монахиня уже смотрѣла не на него, а въ тусклое окно, и, повидимому, задумалась о чемъ-то будто иномъ, а не о его словахъ.

— Что же вы скажете? Скажите. Не томите...

— Что же сказать?..—едва слышно вымолвила она.—На все воля Божья. Безъ Бога ничего не бываетъ. Самое диковинное—людямъ на диковину. А Господь давно зналъ, что повелитъ и что въ людяхъ приключится.

— Павла Тимофеевна!—воскрикнулъ Ларинъ.—Стало быть, вы не считаете, что мы съ Маряшей на смертный грѣхъ идемъ, и что Господь насъ накажетъ.

— Нѣтъ,—едва слышно отвѣтила женщина, какъ бы пересиливая себя.

— Нѣтъ! Господь проститъ?... Великій грѣхъ, но Онъ проститъ?

— Проститъ,—опять чрезъ силу произнесла она.

— Господи. Слава тебѣ, Господи!..—проговорилъ Ларинъ, хватая себя за голову.

Онъ вдругъ почувствовалъ какую-то чрезвычайную слабость во всемъ тѣлѣ. Будто послѣ тяжелой борьбы съ сильными противниками онъ увидѣлъ, что побѣдилъ, но уже потерялъ всѣ силы и слабѣе малаго ребенка.

Сколько прошло времени при вновь наступившей тишинѣ, онъ даже не замѣтилъ, но вдругъ нѣчто какъ бы разбудило его отъ полусна блаженного состоянія.

Мать Маріанна перекрестилась три раза, тихо, медленно кладя крестное знаменіе на себя.

— Вы намъ дадите ваше благословеніе? — робко вымолвилъ Ларинъ.

— Дамъ,—шопотомъ отвѣтила она.

Ларинъ вскочилъ, опустился предъ монахиней на колѣни и сталъ цѣловать ея руки. Она обняла его за шею и поцѣловала.

— Господи!.. Вотъ не ждалъ... Господи!... Стало быть, вы и облегчите нашъ бракъ, согласитесь на то, что нужно? Вы знаете, что нужно?.. Для людей, для ..священника нужно.

— Что? Сказывай.

— Нужно, Павла Тимоѳеевна, для людей, да и для закона, чтобы мы съ Маряшей были чужіе, совсѣмъ чужіе. Записана Маряша дочерью... дочерью дѣвушки Павлы,—потупляясь проговорилъ Ларинъ.—И больше ничего, никого... не поименовано... Но въ Ларинскомъ, да и вездѣ, въ уѣздѣ, даже въ Тулѣ, всѣ знаютъ. И всѣ закричатъ, заахаютъ... И дойдетъ дѣло до архіерея... А онъ уже сказалъ, какъ на такое бракосочетаніе смотреть... И вотъ одно спасеніе, Павла Тимоѳеевна. Я надумалъ... Отъ васъ зависитъ все облегчить. Только скажите.. И всѣмъ скажите, кто спросить. Священнику, отцу Елисею, или иному кому скажите...

И Ларинъ смолкъ, не рѣшаясь произнести послѣднихъ словъ.

— Что же сказать?—кратко вымолвила монахиня.

— Что Маряша не того человѣка дочка, на коего всѣ всегда думали.

— Что? Какъ?—глухо отозвалась монахиня.

— Инако нельзя. Это одно спасеніе... Что Маряша родилась отъ другого человѣка... а батюшка вамъ прощеніе далъ и за свою ее выдалъ, какъ и Андриюшу.

— Богъ съ тобой! Богъ съ тобой!—ахнула мать Маріанна, отстраняясь отъ стоявшаго передъ ней на колѣняхъ Ларина и почти оттолкнувъ его отъ себя невольно или нечаянно.

Молодой человѣкъ, смутившись, поднялся съ пола, сѣлъ на свой стулъ и испуганно глядѣлъ на нее.

— Инако нельзя... Ничего нельзя... Въ этомъ вся сила. Инако никакой священникъ вѣнчать не будетъ...—проговорилъ онъ безпомощно и чрезъ мгновеніе прибавилъ:—вѣстимо, на себя направили... Я понимаю, что тяжело это... Но это для счастья Маряши. Пожертвуйте себялюбствомъ для родной дочери.

— Нѣтъ, на этакое я никогда не пойду!—твердо и отчасти громко произнесла мать Маріанна.—Клеветать на себя... Этакъ! Да меня Андрей Петровичъ съ того свѣта укорять бы сталъ. Да я хоть далеко отъ міра и людей и мірскихъ суетъ всякихъ, но все-таки стыда не оберусь. Я-то Андрея Петровича промѣняла, будто согрѣшила предъ его долголѣтней ласковостью, любовью, почитай, супружеской... Нѣтъ, ни въ жизнь. Спаси, Богъ! Спаси, Богъ!

— Тогда, Павла Тимоѳеевна, ничего и быть не можетъ. Всѣ будутъ знать, что знаютъ давно. И будетъ такой шумъ, что, говорю, никакой священникъ не станетъ вѣнчать... А если и обвѣнчаетъ, то... намъ пропадать тогда. Отъ шума людского и власти духовныя понуждены будутъ вступиться.

— Нѣтъ... нѣтъ... Поняла... понимаю я...—быстро, съ чувствомъ заговорила вдругъ мать Маріанна.—Мнѣ на умъ не пришло... Поняла теперь... Охъ, Господи, какъ же теперь?..

— Нужна жертва, Павла Тимоѳеевна. Нужно свое себялюбіе усмирить.

— Жертвовать, говоришь ты? — страннымъ голосомъ выговорила монахиня, пристально глядя въ лицо Ларину.

— Да,—горячо воскликнулъ Ларинъ.—И не собой, не жизнью, не душой что ли своей, а однимъ себялюбіемъ, гордостью предъ людьми. Себялюбіе даже порокъ... Отъ сатаны онъ намъ данъ, а не отъ Бога.

— Правда твоя, Алешенька... Ну, вотъ ты такъ и сказывай... Такъ на этомъ и стой.

— И буду стоять,—уже отчасти гнѣвно вымолвилъ Ларинъ.

— Тогда все и устроится благополучно...

— Коли не согласны вы на жертвованіе собой, то...

— Не нужно оно. Не справедливо оно. Лгать, клеветать на себя ли, на другихъ ли—я не стану, не могу. Никогда я въ жизни ни одинаго раза не солгала, а подъ старость стану на себя лгать, да еще клеветать. Нѣтъ, правду жъ будемъ сказывать, одну правду истинную. И все будетъ слава Богу. Все на ваше счастье... Господи!—вдругъ произнесла она съ чувствомъ.—Подумать, что и это-то на счастье моей Маряшѣ!..

Ларинъ изумленно смотрѣлъ въ лицо монахинѣ и не понималъ ничего.

— Что же тогда, что? Поясните, что вы придумали дѣлать, если не по-моему.

— Дѣлать по правдѣ, по правдѣ...

— По правдѣ?

— Да. И никому не обидно будетъ.

— Павла Тимоѳеевна, ничего я не понимаю!

— А если кому... памяти чьей и обидно — то не зря, не клевета. Если живому кому обида, то иди на обиду, ради себя же, своего счастья, жертвуй. Ты говоришь, что жертва нужна?

— Да.

— Ну, вотъ...

И подумавъ мать Маріанна выговорила почти радостно:

— Ступай домой и напиши тотчасъ въ Москву Якову Антоновичу, ступай. И Расскажи ему все... Все, что мы говорили, то и ему скажи. Понялъ?

— Понялъ. Но при чемъ же тутъ Яковъ Антоновичъ? Онъ ничего не можетъ облегчить въ нашемъ дѣлѣ.

— Много, много можетъ. И какъ дѣйствовать, онъ тоже надумаетъ. Онъ не мы, ты да я... Онъ сейчасъ порѣшитъ, что нужно. Напиши, Алешенька, генералу. И крѣпись... дорогой ты мой, хорошій..

Крѣпится... Генералъ Мордвинъ такой можетъ тебѣ совѣтъ дать, который все сразу наладить, но тебѣ-то самому станетъ жутко, тяжко. Что дѣлать!.. Вотъ и говорю, крѣпится...

— Не понимаю я, Павла Тимоѣевна... Но сдѣлаю по-вашему. Сейчасъ отпишу все... И скажу, что вы ваше согласіе дали, грѣхомъ не почитаете. Такъ вѣдь?

— Такъ, такъ.

— А генералъ мнѣ скажетъ, какъ взяться, чтобы власти не вступились?

— Скажетъ... Онъ скажетъ, что нужно... Ты только отпиши все точію, какъ мнѣ говорилъ.

— И скажу, что именно вы мнѣ посовѣтовали къ нему за указаньемъ обратиться... а не самъ я...

— Такъ, именно. Я посовѣтовала... сказала тебѣ, что онъ все распутаетъ.

Ларинъ сталъ прощаться, распѣловался съ монахиней крѣпко и горячо, а затѣмъ выговорилъ:

— Мнѣ главное ваше согласіе, ваше благословеніе. Главное мнѣ, что вы не считаете этого смертнымъ грѣхомъ. И я почитаю дѣло конченнымъ, порѣшеннымъ. Почитаю вотъ, какъ если бы мы уже были обвѣнчаны.

И Ларинъ, радостный, чуть не бѣгомъ вышелъ изъ келліи и бросился чрезъ монастырскій дворъ къ главнымъ воротамъ подъ колокольней.

XXI.

«Вьюнъ», или «егоза», или «непосѣда», какъ звали всѣ молодую вдовушку за ея горячій нравъ и энергію не по лѣтамъ, не теряла ни одного дня, занятая своимъ дѣломъ, для котораго собственно и пріѣхала въ Ларинское.

Между прочимъ, она упросила Ларина ежедневно посылать въ сосѣдній городъ на почту, такъ какъ нетерпѣливо ждала извѣстій и даже двѣ важныя бумаги изъ Москвы.

На вопросъ, какія бумаги, она отвѣчала:

— Одна изъ суда, которая мнѣ скажетъ, когда я получу мою вдовью часть наслѣдства. А какая другая бумага, не скажу теперь. Когда придетъ бумага, тогда покажу всѣмъ. Она важная. А касается близко до Алеши, до Алеши, господина Ларинскаго барина.

Разумѣется, это объясненіе озадачивало всѣхъ, такъ какъ никто не могъ понять, какая бумага офиціальная можетъ касаться самого Алексѣя Андреевича.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ишимова, повидавъ мѣстнаго священника отца Елисѣя, нашла, что онъ далеко не прытокъ разумомъ, да и дѣло свое «божеское», кажется, плохо знаетъ.

— Я грѣшная,—заявила Софья Алексѣевна,—мало свѣдуща въ божескихъ дѣлахъ. Обѣденъ, вечерень и молебновъ хорошо не знаю. За «преждеосвященной» обѣдней, хоть убей, не знаю, скоро ли конецъ... Ну, а все-таки скажу, что отецъ Елисей частенько подвигаетъ, когда служить. Не знаю, а чую, что подвигаетъ. Я вотъ никогда нигдѣ не слыхивала прежде, что онъ возглашаетъ здѣсь за обѣдней. Онъ говоритъ: «Свѣты божьи, свѣты крѣпки, свѣты безсмертны»...

Однако это не мѣшало «егозѣ» призывать отца Елисея и совѣтоваться съ нимъ о своемъ бракѣ.

Священникъ ларинскій былъ уже старикъ, чрезвычайно скромный, добрый, очень недалекій и собственно почти ничѣмъ не отличавшійся отъ крестьянъ села или отъ дворовыхъ своей неряшливой вѣшностью и своими повадками. Къ тому же онъ не обстоятельными жизни, а какъ бы отъ природы былъ какимъ-то забытымъ существомъ, никогда не противорѣчающимъ и на все соглашающимся, какъ бы всего опасующимся. При упоминаніи не только объ архіереѣ, но и о благочинномъ онъ сразу будто съеживался и настораживался трусливо и беспомощно, какъ бы заяцъ, слышавшій хоръ гончихъ.

Ишимова, раза три побесѣдовавъ съ отцомъ Елисеємъ, рѣшила, что онъ для нея ни въ какую помощь быть не можетъ.

Что касается до согласія вѣнчать ее съ Андреемъ, отецъ Елисей простодушно заявилъ, что онъ уже старикъ, жить ему осталось немного, и ему «очень бы желательно было», если баринъ Алексѣй Андреевичъ на то соизволитъ, дать ему умереть въ священническомъ санѣ, а не разстригой.

Въ самый день поѣздки Ларина въ монастырь вдова получила съ почты бумагу и стала особенно весела. На вопросъ Андрея, есть ли это извѣстіе изъ суда о наслѣдствѣ, Ишимова объявила, что бумага еще важнѣе, что ихъ бракъ зависитъ отъ нея, хотя, конечно, онъ еще болѣе зависитъ отъ наслѣдства.

Андрей, какъ прежде, такъ и теперь, не понималъ, что, собственно, общаго между наслѣдствомъ и ихъ бракомъ, а Софья Алексѣевна ему не объясняла, говоря:

— Это мое дѣло. Когда получу наличными свою седьмую долю, тогда и разъясню.

Впрочемъ, ожидая уже скоро получить извѣщеніе изъ московскаго суда, Ишимова оставшись наединѣ съ Маряшей послѣ отъѣзда Ларина, сообщила ей, прося не говорить Андрею и его не пугать, что она трогать свое собственное состояніе не хочетъ. Если будутъ изъ-за брака «какія привязки» со стороны властей, то она употребитъ наслѣдство послѣ покойнаго мужа на «закупаніе и ублаженіе» враговъ.

— Пусть хоть все это наслѣдство,—сказала она,—уйдетъ на кляузниковъ и пѣвковъ, которыя къ намъ прилипнуть. Мое все иждивеніе останется дѣло и въ рукахъ.

Маряша была своего мнѣнія насчетъ послѣдствій брака Андрея съ Соней. Она объяснила:

— Деньги не понадобятся. Или ничего не будетъ или будетъ такое столпотвореніе, что никакихъ денегъ не хватитъ. Тысячи уйдутъ и пропадутъ безъ прока.

— Ничего ты не смыслишь. Мира не знаешь,—отвѣчала Соня.— Сидѣла сидѣя всю жизнь здѣсь въ труппѣ. А я немало напрыгалась въ міру. Ты вотъ все говоришь про законы да про начальство. А я тебѣ на это все-таки говорю и буду говорить, что всякіе законы и всякіе чиновники существуютъ на свѣтѣ только для видимости и страшны только для неимущихъ и для мужиковъ. А для дворянскаго состоянія людей они, эти законы и начальственные персоны, выдуманы только для устрашенія. Вотъ, что пугалы на огородахъ, ихъ всегда можно умѣючи обойти или закупить. Это всякому человѣку извѣстно, кромѣ васъ, труппныхъ обитателей.

— Храбра ты,—смѣясь замѣтила Маряша.

— Храбра?! Я не на словахъ храбрюсь,—гордо произнесла Соня, выпрямляясь.—Я на дѣлѣ храбра. Вотъ теперь въ Москвѣ, я двѣ съ половиной тысячи ухлопала, да зато весь судъ кверху ногами поставила.

— Двѣ съ половиной тысячи! — ахнула дѣвушка, широко раскрывая глаза.

— Удивилась? Мало что? Это немного! — бойко затараторила Ишимова.—По-теперешнему надо бы, если не умѣть тягаться въ судахъ, надо бы истратить тысячъ пять. А я умѣю... Я прикидываюсь злосчастной и неимущей вдовой безъ покровителей, безъ родственниковъ. Съ меня, говорю, больше и взять нельзя. Да потомъ это самое судейское тяганіе и всякая волокита цѣны постоянной или безсмѣнной не имѣетъ. Сказывали мнѣ въ Москвѣ всякіе ходоки, что сто лѣтъ тому я бы обошлась съ сотней рублей, а пятьдесятъ лѣтъ тому мнѣ бы понадобилось только полтысячи рублей. А еще, говорятъ они, чрезъ сто лѣтъ если кто пожелаетъ судейскіе крючки за себя получить, да все и всѣхъ закупить, то на такое дѣло, какъ мое, понадобятся и всѣ десять тысячъ.

— Что ты!—ахнула Маряша.

— Да, десять... И чѣмъ дольше міръ будетъ стоять, тѣмъ всѣ эти приказные ярыги, да стрекулисты, да крючки будутъ дороже и дороже.

— Почему?

— Таковъ свѣтъ, говорятъ. Теперь иную важную пѣвку судейскую за сто рублей вокругъ своего пальчика обовьешь, а чрезъ сто лѣтъ развѣ только за тысячу.

— Чудно это...—недоумѣвала дѣвушка.

— Ничуть не чудно, Маряша. Они говорятъ, чѣмъ больше свѣтъ стоитъ и будетъ стоять, все будетъ дороже. И души дороже, и хлѣбъ дороже, и судьи дороже. Прежде вотъ цѣлая семья стояла пять рублей, а теперь вотъ въ Москвѣ родственникъ моего покойника супруга продалъ дѣвку... знаешь, за сколько? За семнадцать рублей.

— Что ты, Соня!—ахнула Маряша.

— Да, за семнадцать рублей. Сама я бумагу видѣла.

— Да что же она—особая рукодѣльница какая?

— Иголки въ руки взять не умѣетъ.

— Ну, такъ, можетъ, изъ-за другихъ какихъ видовъ?—слегка смущаясь, вымолвила Маряша.

— Какихъ? Насчетъ то-ись... Нѣтъ, нѣтъ, красивымъ дѣвкамъ цѣны опредѣленной нѣтъ и не было никогда. Въ Петербургѣ былъ случай, что одна дѣвка за двѣ или три сотенныхъ пошла.

— Скажи на милость!—опять ахнула дѣвушка.

— Охъ, глупая ты!..—вскрикнула Ишимова.—Да ты вотъ послушай... Къ примѣру, ты причитаешься крѣпостной брата Алексѣя Андреевича... Ну, вотъ захоти онъ тебя свезти въ столицу и начать продавать. За сколько ты пойдешь? Какъ ты полагаешь?

— Не знаю.

— А я тебѣ скажу. За такую, какъ ты, раскрасивую да распрятную, съ такими косами да глазищами, за тебя иной пять, шесть сотъ отвалить.

— Вотъ еще... Что ты!..—усмѣхнулась Маряша, закраснѣвши.

— Вотъ тебѣ Богомъ божусь. Пятьсотъ сейчасъ дадутъ!—воскликнула Ишимова.

XXII.

Болтовню молоденькой, но прыткой вдовушки съ наивной дѣвушкой прервалъ Андрей, весело и шумно вбѣжавъ въ комнату.

Онъ ѣздилъ за десять верстъ отъ Ларинскаго въ большую соседнюю вотчину за мѣстнымъ священникомъ, съ которымъ Ишимова тоже захотѣла посоветоваться, такъ какъ онъ слылъ за очень умнаго и дѣльнаго человѣка.

— Отецъ Гавріилъ,—говорили про него,—законникъ.

— Привезъ!—заявилъ Андрей весело.—Привезъ чуть не силкомъ.

— Отчего?—удивилась Соня.

— Не знаю... Ничего не разберу. Упирался страхъ. Вотъ ты, моя умница, сейчасъ его раскусишь, что у него на умѣ. Сдается мнѣ, онъ робѣетъ, смекая, о чемъ ты съ нимъ рѣчь поведешь. Дорогой онъ мнѣ разъ пять зачиналъ говорить, что онъ ни крестить, ни вѣнчать, ни хоронить, кромѣ своего прихода, нигдѣ не можетъ.

— Знаемъ! А за деньги?—воскликнула Ишимова.

Андрей молча развелъ руками.

— За деньги онъ мнѣ французскую королеву съ аеонскимъ монахомъ обвѣнчаетъ, курицу съ козломъ, жида съ лягушкой.

— Ну, ужъ не знаю!—простодушно заявилъ Андрей.— Можетъ быть.

— Давай его сюда, — приказала Соня. — Я его по косточкамъ разберу и по коробочкамъ разложу.

Черезъ нѣсколько минутъ Ишимова и Маряша уже сидѣли въ гостиной со священникомъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, степенный, почти строгій на видъ, благодаря рѣзкимъ чертамъ лица. Съ черными, какъ уголь, волосами и бородой, большими черными глазами и крупнымъ орлинымъ носомъ, онъ не походилъ совсѣмъ на русскаго, а скорѣе на инородца.

— Совсѣмъ вы, батюшка, на россиянина не похожи,—тотчасъ бойко и смѣясь заявила Ишимова.

— Да-съ, мнѣ таковое не разъ сказывали, — заявилъ священникъ.— Говорятъ люди, будто я на грузина похожъ и еще на кого-то... Не знаю... Мудреное прозваніе, — отвѣтилъ священникъ.— Никакъ запомнить не могу.

— На гишпанца!—воскликнула Ишимова.

— Охъ, что вы, какъ можно. Что вы, сударыня...—ахнулъ священникъ и подумалъ про себя: «сказала тоже!»

Выраженіе молодой барыни отчасти даже обидѣло батюшку, такъ какъ онъ, не зная, что оно означаетъ, почелъ слово почти браннымъ.

— Ну, вотъ, батюшка, слушайте, — заявила тотчасъ вдовушка:— не будемъ время терять.

И быстро, но толково и подробно она стала объяснять священнику свое дѣло, прося дать свое мнѣніе.

Отецъ Гавріиль выслушалъ все внимательно, какъ бы слыша все впервые. Между тѣмъ, благодаря слухамъ въ околоткѣ, онъ уже давно зналъ, что затѣвается въ Ларинскомъ вдовой и побочнымъ братомъ самого Ларина.

Выслушавъ все, отецъ Гавріиль на вопросъ: «что скажете, батюшка?» заявилъ спокойно.

— Неподобное дѣло-съ, неблагопотребное-съ.

— Почему же это?—воскликнула Соня.

— Грѣховное и кровосмѣсительное.

— Что, что? Кровосмѣстительное? Это еще что?

— Кровосмѣсительное, — поправилъ священникъ.— Такъ сказывается. Вы и Андрей Андреевичъ единокровны, отъ двухъ родныхъ братьевъ рожденные, а единая кровь не сочетавайся. Такъ сказано въ законѣ.

— Ну, а если мы на законъ не посмотримъ?

- Какъ такъ?
- Да такъ... Обойдемъ законъ.
- Напрасно, сударыня барыня,—строго выговорилъ отецъ Гавріиль.—Вы-то обойдете его, а онъ вотъ не обойдетъ. Въ отвѣтъ попадете...
- Что намъ будетъ по-вашему?..
- Расторгнуть бракъ и накажутъ за грѣшное посягательство на кровосмѣсительство и соблазнъ людской.
- А какъ накажутъ по-вашему, батюшка? — не смущаясь и почти весело спросила Соня.
- Этого я вамъ доподлинно сказать не могу. Могутъ и васъ и Андрея Андреевича, расторгнувъ вашъ бракъ, обоихъ сослать въ монастыри дальніе на покаянiе и подъ епитимю.
- Вотъ!—воскликнула Маряша.—И я такъ-то слышала.
- Вѣрно-съ. И здѣсь въ округѣ были такіе примѣры. Лѣтъ тому двадцать одинъ изъ нашихъ дворянъ вотъ этакъ же собрался бракосочетаться...
- Что вы!..—воскликнула Ишимова. — Двадцать! Какія двадцать! Какія двадцать! Въ Москвѣ въ прошломъ году два случая такіе были,—въ прошломъ году. А вы выкопали за двадцать лѣтъ.
- И съ рукъ сошло по-вашему?—изумился священникъ.
- Нѣтъ какъ можно!—отозвалась Соня.—Говорили мнѣ, что ихъ съ лица земли стерли. Невѣдомо даже, гдѣ они теперь... Какъ сквозь землю провалились.
- И священникъ и Маряша вытаращили глаза на вдовушку.
- Такъ какъ же послѣ того, извините, сами вы говорите? Сами же вы знаете, чѣмъ этакое пахнетъ,—сказалъ отецъ Гавріиль.
- Знать-то, я знаю лучше васъ, да оно мнѣ не примѣръ. Робкіе люди. Дались. А не надо даваться.
- И, поглядѣвъ въ изумленное ея рѣчами лицо священника, Ишимова выговорила громко и рѣзко:
- Вы, батюшка, стало быть... меня съ Андреемъ Андреевичемъ... вѣнчать не возьметесь?..
- Отецъ Гавріиль почти привскочилъ на мѣстѣ... Затѣмъ онъ машисто перекрестилъ вдовушку и произнесъ:
- Во имя отца и сына... сударыня.
- И священникъ умно, толково и краснорѣчиво въ пространной правоучительной рѣчи сталъ доказывать Ишимовой, что она сама не знаетъ и не понимаетъ по молодости, на какое мытарство собирается итти, на угнетеніе, преслѣдованіе, разореніе, заключеніе, «самоизведеніе».
- Отецъ Гавріиль говорилъ настолько убѣдительно и красно, что Маряша испуганно слушала его, но вдовушка не переставала улыбаться бодро и весело.

Когда священникъ уѣхалъ, Маряша осталась подъ впечатлѣніемъ его словъ и стала говорить, что не только ей самой, но и Сонѣ слѣдуетъ «одуматься».

— Нечего думать. Ничего придумать нельзя, — сказала твердо Ишимова.

— Пожертвовать своей любовью. Вотъ я готова. Пожертвую своею...

— Ты! Своей любовью?—воскликнула вдовушка.

— Да. Что же дѣлать, если надо!..

— Да любишь ли ты, Маряша? Сновидѣніе это у тебя!

— Ты чего? Что? Я не пойму...—удивилась дѣвушка.

— Любишь ли ты Алешу?.. Мнѣ сдается, что ты его совѣмъ таки не любишь по-настоящему. Ну, вотъ такъ, какъ я люблю Андриюшу. Мнѣ жертвовать нельзя. А тебѣ плевое дѣло.

— Что ты, Богъ съ тобой, Соня!

— Богъ-то со мной... да. А ты вотъ мнѣ поясни, докажи...

— Какъ же я тебѣ это докажу?

— Трудно, вѣстимо... Ну, вотъ я тебѣ сама буду доказывать,— и усмѣхаясь и съ серьезнымъ взглядомъ произнесла Ишимова.— Я вотъ Андриюшу люблю... Когда я была дѣвченкой, я его что ни ночь во снѣ видала, а днемъ всѣ глаза на него проглядывала. Что онъ ни сдѣлай, я во всѣ глаза на него... Къ вечеру даже рѣвъ въ глазахъ. Выдали меня замужъ. Я мужа любила... любила. Какъ любила! Чудно. Вотъ какъ наши холопы намъ служатъ. Приказано, ну, и служатъ. Мы баре, а они холопы. Они должны намъ служить. Вотъ такъ я по указу и мужа любила. Бывало и смѣхъ и грѣхъ! Онъ меня поцѣлуетъ въ темнотѣ, а я думаю себѣ: это меня Андриюша цѣлуетъ. И поцѣлуи-то мнѣ эти были слаще. По видимости я жила съ мужемъ, а душевно, мыслями съ Андриюшей. Померъ мужъ, я была сдуру въ горѣ. А затѣмъ скоро, какъ пришло мнѣ на умъ, что я вдова, да свободна, да могу повѣнчаться съ Андриюшей... такъ меня, Маряша, въ жаръ и въ холодъ стало бросать... И вотъ теперь, кромѣ Андриюши, я ни за кого не пойду... А если, избави Богъ, разныя тяжкія обстоятельства приключатся отъ властей, да станутъ насъ гнать... Ну, тогда я и не знаю, что будетъ! Грѣхъ великій. Я за него на все пойду, на все... На смертоубійство пойду. Скажутъ мнѣ: для твоего счастья надо вотъ архіерея прирѣзать... Прирѣжу.

— Богъ съ тобой. Ума рѣшенная ты, Соня,—ахнула Маряша.

— Пуцай совѣмъ безумная. Но я вотъ знаю, что люблю. А ты не знаешь, Алеша тебѣ поетъ: люблю, молъ, тебя. Помираю, люблю. И это правда. Онъ не лжетъ. А ты ему въ отвѣтъ: и я, молъ, люблю тебя... И ты лжешь. Ты не любишь. Ты не обманываешь его... А ты себя обманываешь. Ты отъ его пѣсенокъ отъ зари до зари втемяшила себѣ въ голову, что тоже его любишь. А

это—неправда. Да, неправда. Вотъ что я думаю, Маряша. Не сердись, Я по сердцу сказываю.

Маряша глубоко задумалась и не отвѣчала.

— Вотъ такъ-то... произнесла тихо Ишимова... Такъ любить куда легко. А на мой ладъ любить—прямая пытка. А все-таки скажу. Я и обвѣнчаюсь, и не дамся. Не дамся никому.. Отворюю Андрюшу и у властей, и у законовъ, и у самихъ чертей, коли они въ дѣло замѣшаются.

И вдовушка весело разсмѣялась.

XXIII.

Возвращаясь домой изъ монастыря, Ларинъ былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что самъ не понималъ, что съ нимъ творится. Онъ постоянно погонялъ кучера. Лошади скоро уже шли вскачь, а онъ продолжалъ кричать:

— Пошелъ. Очумѣлъ ты, пошелъ, говорятъ...

Кучеръ гналъ, но самъ былъ смущенъ, понимая, что съ баринномъ «чтой-то попритчилось недоброе», и бѣдная тройка по прибытіи падетъ.

Алексѣй Андреевичъ почти потерялъ разумъ, потому что считалъ цѣль достигнутой,—цѣль, которая была недостижима столько лѣтъ.

Для него главнымъ препятствіемъ было не духовенство, не говоръ людской, а противодѣйствіе матери монахини. Теперь послѣ согласія матери Маріанны все остальное было не въ счетъ. Стало быть, конецъ всему, и цѣль достигнута.

Вернувшись домой, Ларинъ тотчасъ же послалъ за Маряшей перваго попавшагося лакея, но дѣвушка въ ту же минуту уже вошла къ нему, такъ какъ ждала его у окна все время и, завидя экипажъ, бросилась бѣгомъ навстрѣчу...

Она вошла взволнованная, отчасти тревожная и выговорила черезъ силу.

— Матушка? Что?... Здорова?...

Она боялась, конечно, за мать, боялась того, что можетъ приключиться съ ней отъ внезапной вѣсти.

— Павла Тимофеевна согласна! Она рада! Да, да! Она рада, а не то, что перепугалась,—вскрикнулъ Алексѣй Андреевичъ.

Маряша оторопѣла, слегка измѣнилась въ лицѣ и стояла истуканомъ, олицетворяя собой само изумленіе.

— Да, Маряша, да, я самъ понимаю... Садись, слушай. Непостижимо!..

И, усадивъ дѣвушку на диванъ около себя, Ларинъ сталъ подробно передавать ей весь свой разговоръ съ монахиней.

Когда онъ кончилъ и спросилъ у дѣвушки: «что скажешь?» то замѣтилъ, что она сидитъ понурившись, какъ если бы онъ передалъ ей самыя плохія вѣсти о полной неудачѣ.

— Маряша, что же ты? О чемъ?...—спросилъ онъ тревожно.

Дѣвушка не сразу пришла въ себя. Очнувшись она подняла руку къ головѣ и стала себѣ тереть лобъ, какъ бы отъ головной боли.

— Что ты, Маряша?

— Ничего не понимаю... Матушка не можетъ... не можетъ она на такое дать свое согласіе... Стало быть, есть что нибудь... Будетъ что нибудь новое, удивительное. Яковъ Антоновичъ насъ удивить. Но что? что онъ скажетъ? Про матушку онъ ничего не скажетъ... Она сама бы сказала. Нѣтъ, что-то другое, Алеша, другое.

— Что другое?—удивился Ларинъ.

— Не знаю...

— Да я тебя не пойму, Маряша.

— Что же тутъ не понимаешь! Матушка не можетъ дать свое согласіе, да еще быть, какъ ты говоришь, довольной. Стало быть, есть на все это причины особыя... темныя.

— Темныя...—повторилъ Ларинъ, какъ бы крайне озадаченный.

— Да. А что такое? что?

— Ты путаешь, Маряша.

— Ничего не путаю. Спроси Соню. Она то же скажетъ.

Разумѣется, Алексѣй Андреевичъ тотчасъ кликнулъ челоуѣка и велѣлъ позвать двоюродную сестру.

Черезъ нѣсколько минутъ Ишимова вмѣстѣ съ Андреемъ сидѣла уже въ кабинетѣ и выслушивала разсказъ Ларина о своемъ свиданіи и объясненіи съ Павлою Тимоѣевною.

Когда онъ кончилъ, Ишимова выговорила.

— Диковинно все это... Скажу я то же, что и Маряша. Тутъ есть каная-то загвоздка. Есть крючекъ, какъ говорятъ въ Москвѣ мой стрекулисты. Или же Павла Тимоѣевна разсуждаетъ по-моему. Родство родствомъ, а любовь любовью. И одно другому не препятствіе.

— Охъ, нѣтъ... вступился Андрей.—Не вѣрно ты матушку судишь, Соня. Такъ ли, Маряша?

— Вѣстимо,—отвѣтила сестра.—Матушка этакъ судить не можетъ.

— Однако же судить!—воскликнула Ишимова.—Однако согласна.

— Да, но съ тѣмъ, чтобы Алеша съѣздилъ въ Москву, и чтобы крестный все это на себя взять.

— Инако говоря, что если Яковъ Антоновичъ разрѣшитъ, то и она согласна будетъ.

— Нѣтъ, Соня, нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтилъ Андрей:—не то, не то. Матушка всякое дѣло судить сама, а не съ глосу. Что ей рѣше-

ніе или согласіе генерала! А тутъ по-моему есть что-то особенное, невѣдомое.

— Вотъ и ты говоришь, какъ я... — воскликнула Маряша.—И я сказываю: темное.

— Темное, темное...—разсмѣялся Ларинъ радостно.—Будь хоть черное, будь чернѣе сажи, а все-таки я счастливъ. Главное, что Павла Тимошеевна не противится,—главное, а все остальное намъ тринь-трава. Такъ вѣдь, Соня?

— Вѣстимо. По-моему хоть свѣтъ Божій провались въ преисподнюю, лишь бы намъ съ Андрюшей живыми остаться.

— А мы-то съ Маряшей,—вскрикнулъ Ларинъ.—И намъ провалиться? Спасибо, Софья Алексѣевна. За что жалуется?

И всѣ четверо весело разсмѣялись.

— Да, вотъ что...—вспомнила Ишимова.—Покуда свѣтъ-то Божій стоитъ, надо не терять время. Бумага-то, Алеша, пришла ко мнѣ, та, что про тебя писана.

— Покажи. Любопытно. Давно ею пугаешь. Давай сюда.

— Нѣтъ, сегодня ввечеру. На досугѣ да толкомъ побесѣдуемъ,—серіозно и дѣловито отвѣтила вдова.

И въ тотъ же вечеръ, когда Пашины ушли уже къ себѣ спать, Ишимова вошла къ Ларину съ большимъ листомъ бумаги въ рукахъ и, замысловато улыбаясь, заявила:

— Вотъ, Алеша... господинъ баринъ ларинскій, Алексѣй Андреевичъ Ларинъ. Соизвольте оную бумагу вашимъ именованіемъ помѣтить, чтобы она силу имѣла.

— Что такое? — удивился онъ, глянувъ на исписанный листъ.

— А это то, о чемъ мы все говорили, да изъ пустого въ порожнее переливали. А вотъ теперь намочи перо въ чернилахъ, да и отцарапай, какъ слѣдуетъ, свои имя и отчество и фамилію...

— Да что? Что это?

— Вольноотпускная, данная дворяниномъ Ларинымъ своему крѣпостному Андрею Пашину...

Ларинъ взялъ въ руки листъ и, прочитавъ нѣсколько строкъ, разсмѣялся.

— Откуда это? Изъ суда? Когда ты успѣла? Кто тебѣ это состряпалъ?

— Вѣстимо, не здѣсь, въ Ларинскомъ,—разсмѣялась тоже Ишимова.—Въ Москвѣ заготовлена. И въ полночь порядкѣ, какъ полагается, чтобы не было ни сучка, ни задоринки.

— Ахъ, ты, шутиха, право, шутиха!

— Почему же это?

— Да зачѣмъ намъ писать бумаги? Ты знаешь, что онъ мнѣ братомъ приходится... Ты хочешь за него итти замужъ. Ну, и иди. Ничего писать не надо. Что же я потребую его что ли назадъ отъ тебя, какъ холопа?

— Ладно. Ты шутъ, а не я шутиха,—возразила Ишимова холодно и серьезно.—А не шутъ, то малый младенецъ. Развѣ я могу съ крѣпостнымъ человѣкомъ вѣнчаться? Надо, чтобы онъ былъ вольнымъ. Да мало того. Завтра бумага эта пойдетъ въ городъ, а чрезъ нѣкоторое время Андрей Пашинъ будетъ уже прописанъ купцомъ. И я буду вѣнчаться съ этимъ купцомъ. И это все по закону. А по-твоему все это можно на словахъ. Младенецъ ты, право.

— Не знаю... А по-моему промежъ насъ и слова честнаго, дворянскаго довольно.

— Да. Такъ вотъ что! Сдѣлай ты своимъ дворянскимъ словомъ Андрюшу сейчасъ же капитаномъ гвардіи или ужъ прямо генераль-аншефомъ.

— Не пойму я, Соня.

— То-то не пойму... Макай перо. Подписывай-ка.

— Изволь,—сказалъ Ларинъ, садясь за столъ, и, подмахнувъ бумагу, онъ прибавилъ:—я давно хотѣлъ этого.

— Да, да... Но хотѣніе и сновидѣніе—все одно!—заявила Ишимова и, взявъ бумагу, разсмѣялась:—вотъ женихъ теперь и въ карманѣ.

XXIV.

Между тѣмъ Алексѣй Андреевичъ съ возвращенія изъ монастыря былъ въ странномъ состояніи духа, какъ тотчасъ показалось Маряшѣ. Ей чудилось, что онъ иначе взглядываетъ на нее, не выдерживаетъ ея взгляда, опускаетъ глаза. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ задумывался чаще, будто озабоченный какой-то навязчивой мыслью. Иногда онъ начиналъ видимо волноваться и нѣсколько разъ будто собирался что-то объяснить Маряшѣ, но сдерживалъ себя, какъ бы не имѣя духу заговорить.

Дѣвушку это смущало.

«Не все онъ разсказать что ли, что было промежъ нихъ съ матушкой?—думалось ей.—Или совсѣмъ все солгалъ? Никогда матушка своего согласія не давала! Можетъ, прогнала даже отъ себя!»

Пораздумавъ, дѣвушка рѣшила, что Ларинъ не могъ солгать. Этого за нимъ не бывало никогда.

«Стало быть, есть что-то другое на душѣ. А что другое?»

На второй день по приѣздѣ уже поздно вечеромъ, оставшіеся наединѣ съ Маряшей, Алексѣй Андреевичъ сталъ сразу волноваться и наконецъ выговорилъ:

— Маряша, не могу я скрыватьсь дольше... Послушай, что я тебѣ скажу, что я тебѣ поясню... Буду тебя просить. Если ты любишь меня, то, конечно, согласишься.

— Сказывай,—отозвалась Маряша и отчасти смутилась не столько отъ словъ Ларина, сколько отъ его взгляда, особаго

взгляда, который появлялся у него изрѣдка, и который она давно знала и не любила.

Она объясняла себѣ этотъ взглядъ сравненіемъ:

— Точно злая собака смотритъ, когда собирается укусить.

Иногда этотъ взглядъ бывалъ ей даже противенъ, и она изъ-за этого становилась угрюма и неприязненно настроена.

Ларинъ это замѣчалъ и, будто сразу поборовъ въ себѣ скрытое чувство, смотрѣлъ иначе, проще, ласковѣе, покорнѣе...

Теперь Маряша замѣтила то же выраженіе въ его глазахъ, но что-то, ей всегда ненавистное въ нихъ, сказывалось еще ярче, сильнѣе, упрямѣе.

Она смутилась—и какъ бывало это всегда—стала сразу сурова. Голосъ ея зазвучалъ тверже и глуше, глаза изъ свѣтлыхъ стали темными и строгими. Сама же она вся какъ-то подобралась или съѣжилась, но не робко и боязливо, а вѣрнѣе, какъ кошка, собирающаяся защищаться.

Ларинъ тоже, съ своей стороны, зналъ это явленіе въ дѣвушкѣ и тоже не любилъ этого.

— Оцѣтинилась!—объяснялъ онъ себѣ мысленно съ чувствомъ раздраженія на душѣ, но никогда, однако, не сказалъ этого вслухъ.

И Алексѣй Андреевичъ началъ говорить, сначала смущаясь, а затѣмъ постепенно оживляясь и чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣшительнѣе. Наконецъ его голосъ сталъ звучать рѣзко, самовластно, хотя и пылко, но не мягко, не ласково, а повелительно.

По мѣрѣ того, что онъ говорилъ, молчавшая дѣвушка все мѣнялась въ лицѣ. Она становилась все суровѣе, холоднѣе и наконецъ стала почти озлобленной.

Ларинъ объяснилъ пространно и сбивчиво, путаясь и повторяясь, что онъ давно мучится, что выбился изъ силъ, что долѣе терпѣть не въ состояніи. Его любовь—не любовь, а каторга, пытка, истязаніе ежедневное и ежечасное. Его держало, какъ путы на рукахъ и ногахъ, невѣдѣніе, какъ отнесется къ его чувству Павла Тимоѣевна. До всѣхъ остальныхъ и до всего остального міра ему, какъ и сестрѣ Сонѣ, не было и нѣтъ никакого дѣла. Теперь, когда мать Маряши не стоитъ на дорогѣ ихъ, не есть препятствіе къ счастью, то ничто не воспрещаетъ имъ, какъ любящимся, принадлежать другъ другу... Мечты и грезы станутъ дѣйствительностью, хоть сейчасъ же. Это въ ихъ волѣ. Скажи она только одно слово...

Маряша сначала отказывалась мысленно понять, о чемъ говорить онъ, что предлагаетъ. Убѣдившись наконецъ, что она не ошибается, она ощутила бурю на душѣ своей, бурю, какой, кажется, еще никогда не бывало въ ней. Какія-то разныя чувства, которыми она и имени дать не могла,—забушевали въ ней.

Ларинъ былъ настолько взволнованъ, что, быть можетъ, даже впервые въ жизни не замѣтилъ страшной перемены въ лицѣ дѣ-

вухки. Онъ приписалъ яркій взглядъ ея глазъ и легкую блѣдность въ лицѣ такому же волненію, которое чувствовалъ самъ.

— Маряша, надо на это смотрѣть проще... Вѣдь мы любимъ другъ друга. Мы вольны въ себѣ. Если была какая помѣха, которая насъ держала, какъ на привязи, то ея нѣтъ. Что же намъ продолжать мучиться? Все это протянется... Всякія такія дѣла не скоро дѣлаются. Будемъ мы обвѣнчаны только чрезъ мѣсяца два... А мы вольны въ себѣ. Мы можемъ быть сейчасъ... вотъ хоть сегодня...

— Будеть, будетъ... глухо проговорила Маряша... Замолчи!..

И наступило дѣйствительно молчаніе, такъ какъ голосъ дѣвушки озадачилъ Ларина. Онъ смолкъ сразу.

Но волненіе все увеличивалось въ немъ. У него тоже была теперь буря на душѣ, хотя много иная, чѣмъ та, что захватила все существо Маряши. Присмотрѣвшись къ ней, онъ вспыхнулъ:

— Если такъ... то, стало быть, ты не любишь...—воскликнулъ онъ наконецъ.—А если и любишь, то не по-моему. Тебѣ хоть еще десять лѣтъ терпѣть—все равно. Ты, Маряша, истуканъ какой-то безчувственный. Ну, отвѣчай же мнѣ что нибудь.

— Нечего отвѣчать. Ты... ты...

Дѣвушка запнулась отъ прилива чувства гнѣва.

Чрезъ мгновенье она заговорила, объясняя Ларину, что онъ «ума рѣшился», но это еще не все. Главное дѣло не въ этомъ. Главное то, что его рѣчи, его предложеніе, для нея сдается самымъ лютымъ оскорбленіемъ, отъ котораго вся ея любовь къ нему будто сразу пропала.

— Спроси меня кто теперь, люблю ли я тебя, то, вотъ Богъ, не знаю, что отвѣчать!—вскрикнула Маряша такъ громко, что голосъ ея былъ слышенъ чрезъ двѣ комнаты, въ столовой.

Въ эту минуту Волковъ пришелъ въ столовую, чтобъ поглядѣть, который часъ, и услышалъ рѣзкое восклицаніе дѣвушки. Вдобавокъ голосъ ея, который Волковъ узналъ, показался ему все-таки будто не барышнининымъ голосомъ.

«Живой покойникъ Андрей Петровичъ, когда бывало запылится, загорится»,—подумалъ Кронидъ Захарычъ.

Понявъ, что между бариномъ и дѣвушкой происходитъ не простой разговоръ, а горячее объясненіе, и, конечно, объясненіе важное, необычное, Волковъ невольно остановился среди комнаты и сталъ прислушиваться.

Голоса барина и Маряши все усиливались. Скоро это уже былъ не простой споръ. Это была настоящая ссора... Многія слова ясно долетали до слуха старика, и по нимъ можно было легко заключить, что баринъ, сначала о чемъ-то просившій горячо, но съ ласковостью, теперь будто начинаетъ требовать, начинаетъ даже грозиться...

— Я все-таки баринъ... Моя власть!—ясно слышались слова Алексѣя Андреевича.—Никто мнѣ не указъ! Долго я терпѣлъ. Не могу, не могу. Заставила. Прикажу...

Въ отвѣтъ на слова Ларина дѣвушка отвѣчала сравнительно тихо, и Волковъ не могъ разобрать, что она говоритъ. Только два слова, повторенныя ею громко и два, три раза, ясно долетѣли до его слуха.

— Силой!—кричала Маряша.—Умалишенный!

И вдругъ дверь кабинета барина растворилась, и Волковъ отчетливо услышалъ слова дѣвушки съ порога...

— Да, лучше уйти. Ты умалишенный... Ты, что хворые въ горячкѣ... Говоришь, самъ не вѣдая что.

И чрезъ мгновеніе дѣвушка вскрикнула отчаянно:

— Не смѣй такъ сказывать, не только собираться на этакое. Умалишенный!.. Кто меня скрутитъ этакъ, тотъ человѣкъ еще не родился.

Маряша захлопнула дверь кабинета и быстрыми шагами двинулась въ столовую...

Волковъ еще быстрѣе вышелъ въ переднюю. Маряша прошла мимо него, даже не замѣтивъ его, настолько была она, повидимому, взволнована.

— Что за притча?—взволновался и старикъ, любившій дѣвушку.

Потушивъ огонь въ комнатахъ, такъ какъ баринъ легъ спать, Волковъ ушелъ къ себѣ, легъ, но долго не могъ заснуть.

Много передумавъ, онъ сдѣлалъ свое заключеніе, но не хотѣлъ ему вѣрить. «Не злодѣй же онъ сущій?!»—повторялъ старикъ.

На другой же день около полудня горничная позвала его къ Маремьянѣ Андреевнѣ.

Тотчасъ собравшись, Волковъ, войдя къ Маряшѣ, ахнулъ и остановился предъ ней, ни слова не говоря. Видъ дѣвушки поразилъ его.

— Кронидъ Захарычъ, я за вами дослала... У меня до васъ...

— Что такое? Что приключилось?—воскликнулъ наконецъ старикъ, перебивая ее.

— У меня просьба до васъ. Помогите.

— Приказывайте. Все, что пожелаете... Все... все... Прикажете за васъ на смерть итти. Сказывайте, не томите...

— Мнѣ надо ѣхать... уѣзжать...

— Куда?

— Въ монастырь къ матушкѣ... Надо лошадей...

— Что же, скажите барину. Что вы? Не пойму ничего. Развѣ онъ не даетъ что ли?

— Онъ не долженъ знать, Кронидъ Захарычъ. Никто не долженъ знать. Я и Андрюшѣ не скажуся.

— Охъ, Господи... что же это?

— Вотъ... Увольте. Не разспрашивайте... Помогите мнѣ. Достаньте телѣжку на деревнѣ... Въ ночь... Можете...

— Все... все... сдѣлаю. Когда? Нынѣ, завтра?

— Нынче же въ ночь, раньше полуночи... Я выйду изъ сада въ калитку за оранжереями... А вы мнѣ тамъ запасите телѣжку и мужика поумнѣе, чтобы съ дороги не сбился...

— Гдѣ сбиться? Кто же у насъ не знаетъ дороги въ пустынь? Малые ребята на деревнѣ знаютъ... Но скажите, милая моя, голу-бушка... Зачѣмъ?.. зачѣмъ все этокое? Потихоньку отъ всѣхъ... Отъ барина, отъ Андриюши... Андрея Андреевича,—поправился Волковъ, не могшій отвыкнуть отъ давнишней привычки звать обоихъ Пашиныхъ уменьшительными именами.

Маряша грустно молчала и глядѣла въ сторону.

— Мнѣ можно все сказать, Маремьяна Андреевна,—съ чувствомъ произнесъ Волковъ.

— Знаю, знаю... Кому же, если не вамъ? Я же вотъ съ просьбой моей къ вамъ и обращаюсь... Но сказать... рассказывать все... нельзя, нельзя, Кронидъ Захарычъ.

— Ну, какъ изволите... тихо произнесъ Волковъ съ отгѣнкомъ упрека.

— Если вернуся изъ монастыря отъ матушки, то, можетъ, вамъ все расскажу.

— Если вернетесь... Стало быть, вы предполагаете, что можетъ выйти такъ, что и не вернетесь къ намъ сюда. При ней останетесь?..

— Не знаю, ничего не знаю,—отвѣтила Маряша и, слыша шаги брата, ласково прибавила:— уходите, уходите. Андриюша по вашему лицу догадается, что что-то не ладно.

XXV.

Возвращаясь къ себѣ, старикъ нѣсколько разъ повторилъ вслухъ:

— Стало быть, сущій злодѣй.

И Кронидъ Захарычъ долго сидѣлъ въ своей комнатѣ, недвижно и глубоко задумавшись. Онъ былъ озадаченъ, какъ никогда еще съ нимъ не случалось въ жизни.

Съ малыхъ лѣтъ служилъ онъ господамъ Ларинымъ. За это время многое перевидалъ онъ въ усадьбѣ. Всякая всячина прошла предъ глазами, и всякое происшествіе бывало понятно. А теперь приключилось такое, что понять нельзя.

Зачѣмъ Маряшѣ уѣзжать вдругъ чуть не ночью, да къ матери и тайкомъ отъ Алексѣя Андреевича... и даже тайкомъ отъ брата и двоюродной сестры.

— Стало быть, баринъ замышляетъ что-то не доброе,—рѣшилъ старикъ.

Волковъ давно дивился страннымъ дружескимъ отношеніямъ барина съ побочной сестрой. Дружба такая нѣжная, такая горячая не бываетъ на свѣтѣ между молодыми людьми.

Недавній разговоръ съ Алексѣемъ Андреевичемъ и объясненіе его насчетъ рожденія или происхожденія Маряши поразили Волкова сначала своей неожиданностью и невѣроятностью, а затѣмъ своей лживостью, своимъ очевиднымъ вымысломъ.

— А измышленіе этакое?—спрашивалъ себя тогда Волковъ.— Зачѣмъ оно нужно? Понадобилось вдругъ. Зачѣмъ?!

И старику дворовому теперь окончательно приходилось поневолѣ согласиться и убѣдиться, что все ему «прыгавши» въ глаза съ давнихъ поръ, и всѣ его подозрѣнія, якобы ни на чемъ не основанныя, оказываются «сущей правдой матушкой». Не грезило ему давнымъ давно нѣчто «не суразное», а было и есть на-аву и воочию.

— И что же? Дѣло тянулось, тянулось и пришло къ своему концу...

И она спасается отъ него, такъ какъ онъ собрался злодѣйствовать!—рѣшилъ Кронидъ Захарычъ.

Черезъ нѣсколько минутъ раздумья лицо его приняло болѣе суровое и озабоченное выраженіе. Онъ глубоко вздохнулъ, потеръ себѣ лобъ, темя и опять вздохнулъ.

— Да, такъ выходитъ... Какъ ни верти... самовольство, и даже отчаянное, неуважительное самовольство.

Волковъ сообразилъ, что самъ находится въ особо трудномъ и опасномъ положеніи.

Подумавъ еще минуту, онъ вдругъ всталъ и выговорилъ:

— Куръ во щакъ! Куръ, ты, Кронидъ! И въ Маряшиныхъ щакъ...

Побродивъ по своей комнатѣ въ волненіи, старикъ снова сѣлъ и сталъ спокойнѣе, рѣшивъ, что «будь, что будетъ», а онъ долженъ не давать въ обиду и всячески помочь своей барышнѣ противъ Алексѣя Андреевича.

Ее я люблю, а онъ мнѣ только баринъ. Ее я люблю душой и сердцемъ, а его только уважаю, какъ барина.

Въ сумерки старикъ отлучился изъ усадьбы и побывалъ на деревнѣ.

Наступила и полночь. Во всемъ домѣ и во всей усадьбѣ стало, какъ всегда, и темно и тихо. Обитатели уже давно улеглись спать.

Во флигелѣ, гдѣ жили Пашины, было тоже темно. Андрей уже часа съ два сладко спалъ въ своей комнатѣ, но рядомъ, гдѣ жила его сестра, теплилась маленькая лампадка у образовъ, а сама дѣвушка была не только не въ постелѣ, а сидѣла у открытаго окна, одѣтая по-дорожному.

Она сидѣла, уныло задумавшись, и, изрѣдка приходя въ себя прислушивалась чутко, будто въ ожиданіи чего-то, что запаздываетъ.

И дѣйствительно нѣчто сильно запоздало. Волковъ, обѣщавшій исправить все дѣло и притти доложить ей, не являлся. Простившись съ братомъ, Маряша прошла въ комнату, чтобы лечь якобы тоже спать. Въмѣсто этого она одѣлась, накинула платокъ на голову и стала тревожиться, что братъ не успѣетъ крѣпко заснуть и можетъ услышать приходъ Волкова.

Вмѣсто этого явилась уже иная тревога въ дѣвушкѣ. Прошло болѣе двухъ часовъ, а о Кронидѣ Захарычѣ не было и помину.

— Что, если онъ ничего не устроитъ? Что тогда?—смущалась Маряша.

И, раздумывая, она начала шептать сама себѣ вслухъ:

— Не ждала я этакого никогда. Онъ, какъ ума рѣшенный. За себя я не боюсь. Да и Андрюша за меня на все пойдетъ. И Соня остервенится... Но не хочу я этого шума. Не хочу содома въ домѣ. Надо, чтобы все тихо обошлось безъ споровъ и крика и безъ ссоры. Надо дать ему время образумиться. Онъ теперь прямо ума рѣшенный. Пройдетъ это, и все опять наладится. А будетъ шумъ, то въ ссорѣ мы всѣ такого наговоримъ, что потомъ не вырубимъ топоромъ. Въ памяти застрянетъ поневолѣ. Я-то сдержуся, хоть малость. А Соня и Андрюша изъ-за меня Богъ вѣсть чего Алешѣ наскажутъ. А онъ теперь прямо не въ себѣ. Да, не въ себѣ. Уфхатъ, уфхатъ, отлучиться! Одно спасенье. А въ монастырѣ у магушки я, какъ за горами. Тамъ не достанешь...

Прислушавшись снова, Маряша встрепенулась, встала и высунулась въ окно.

Среди тихой и ясной лунной ночи она отчетливо увидѣла подъ окномъ фигуру Волкова и услышала шепотъ.

— Маремьяна Андреевна, пожалуйте...

Дѣвушка быстро, хотя и осторожно, двинулась изъ комнаты въ коридоръ и на лѣстницу. Черезъ минуту она была уже въ саду и шибко шагала, сопровождаемая Волковымъ. Она двигалась въ край сада, гдѣ около оранжереи была калитка въ поле.

Молчавшая все время Маряша шла, опустивъ голову, но вдругъ она выпрямилась и остановилась.

— Кронидъ Захарычъ,—произнесла она тревожно:—мнѣ и на умъ не пришло. Я вамъ не сказала... главное. Вы не сказывайтесь. Вы ничего не знаете, не знали якобы... Понимаете?..

— Понимаю, барышня...—съ страннымъ отгѣнкомъ въ голосѣ отозвался Волковъ.

Маряша поняла или почувствовала, что значить этотъ особый звукъ голоса.

— Что же? По-вашему нельзя или не слѣдъ вамъ молчать? А я васъ прошу. Молчите. Не берите на себя. Алексѣй Андреевичъ не въ себѣ. Онъ... онъ, какъ ума рѣшенный. А это пройдетъ. Когда пройдетъ, скажитесь, пожалуйста. А сейчасъ, завтра поутру, когда

меня хватаются всѣ, вы и виду не подавайте, что вы мнѣ все уладили. Слышите? Обѣщаете это мнѣ?

— Извольте... Но все-таки, барышня, это будетъ ни къ чему,— отвѣчалъ Волковъ нерѣшительно.— Да и что же, коли баринъ узнаеть сейчасъ же? Разгнѣвается, побурлитъ и успокоится. Я не бунтую. Я ваше приказаніе исполняю. А вы та же, почитай, наша барышня.

— Обѣщайте молчать! — настойчиво выговорила Маряша. — Я знаю, что говорю... Пройдетъ дня два, три, тогда можете сказать, если Алексѣй Андреевичъ будетъ приставать. А завтра ни ему, ни брату, ни Сонѣ ни слова не говорите. Пуцай, меня хватившись, хоть въ пруду ищутъ. Обѣщайте. Побожитесь.

— Извольте.

— Побожитесь.

— Слушаю-съ... Вы не извольте...

— Нѣтъ, скажите: Богомъ божусь, буду молчать.

— Божусь Богомъ... Только Андрею Андреевичу позвольте шепнуть на ушко, если онъ начнетъ убиваться, что съ вами смертельное что приключилось...

Маряша промолчала и снова шибко двинулась по аллеѣ къ оранжеямъ и къ калиткѣ.

Чрезъ нѣсколько минутъ она уже садилась въ крестьянскую телѣгу, запряженную въ одну лошадь, и вымолвила, показывая на старика мужиченку, сидѣвшаго на облучкѣ:

— Нашъ онъ?

— Вѣстимо, нашъ,—отвѣтилъ Волковъ:—Сидорка Акулининъ.

— Я ихъ не знаю, не помню... Какая Акулина?

— Гдѣ же вамъ ихъ всѣхъ знать?—отвѣтилъ Волковъ и прибавилъ:— барышня... я съ вами Ваньку Безухаго отрядить хочу. Что же одной ѣхать? Я ему открылся, но вѣдь онъ, коли съ вами уѣдетъ, то не можетъ разболтать. Дозвольте.

— Напрасно, Кронидъ Захарычъ: я и одна доѣду.

— Возьмите, барышня. Онъ тутъ ужъ въ кустахъ ждетъ. Ему и самому въ монастырь до смерти хочется. Тамъ у него своя заноза: наша дѣвченка Оимка, что у матери Маріанны въ услугахъ.

И на согласіе Маряши Волковъ кликнулъ Безухаго, который уѣлся тоже на облучекъ, веселый и радостный.

Графъ Е. А. Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ПРОШЛАГО ¹⁾.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Школа.

I.

ТЕЦЬ рѣшилъ, что пора меня готовить въ гимназію. Онъ принесъ программы. Оказалось, что въ первый классъ я давно готовъ.

Но отецъ хотѣлъ, чтобъ я росъ дома и былъ приходящимъ. Онъ мечталъ о юридической карьерѣ, и непремѣнно черезъ университетъ, а не черезъ правовѣдніе или лицей.

— Въ лицей Пушкинъ былъ,—возражала мать.— И форма у нихъ красивая. Они, лицеисты, такъ дружно держатся другъ возлѣ друга. Помогаютъ потомъ.

Отецъ стоялъ на гимназій. Тогда мать начала настаивать на какой-то «благородной» гимназій. Она слышала, что есть такая, гдѣ все-таки соблюдаются извѣстныя традиции, и не принимаютъ всякую шушеру. Дѣйствительно, оказалась одна гимназія, переформированная изъ «благороднаго пансіона», основанная при университетѣ специально для дѣтей дворянъ. Но, увы, и въ эту гимназію уже принимались дѣти мѣщанъ и крестьянъ. Въ ней было единственное достоинство,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІХ, стр. 417.

за которое и стоялъ отецъ: она была не классическая, а «полуклассическая», безъ греческаго языка, но давала такія же права для университета, какъ и всѣ прочія. Рѣшено было меня готовить именно туда.

Въ послѣдній разъ поѣхалъ я въ деревню дѣда. Тамъ каждый день на рыженькомъ конькѣ, мимо двухъ стѣнъ колыхающейся ржи, я скакалъ въ сосѣдній лѣсокъ, а потомъ, черезъ его березовую опушку, выѣзжалъ къ дѣдовской деревенькѣ. Это было всегда на закатѣ, когда стадо только что приходило съ поля, и въ воздухѣ пахло парнымъ молокомъ. Какъ и прежде, ходили за грибами, купались въ рѣчкѣ, гуляли на заливныхъ лугахъ и рвали цвѣты. Но на этотъ разъ я безъ горя оставлялъ деревню: я рвался къ ученью, и мнѣ такъ хотѣлось скорѣе поступить въ школу.

Началъ ходить ко мнѣ выпускной воспитанникъ полуклассической гимназiи, и покатилося дѣло, какъ по маслу. Занятiя шли легко и свободно. Меня готовили прямо во второй классъ, и я ни одной минуты не сомнѣвался въ томъ, что экзаменъ выдержу. Особенно очаровалъ меня латинскiй языкъ: въ немъ столько было точности, опредѣленности, звучности. Я по цѣлымъ днямъ декламировалъ: «*gana coaxat, agricola serit*». Если бъ я зналъ, какое разочарованiе ждало меня въ гимназiи, и какъ всѣ мои иллюзiи о сладости ученья должны были разлетѣться прахомъ!

Къ веснѣ я совершенно былъ приготовленъ къ поступленiю, о чемъ мой преподаватель и заявилъ отцу. Отецъ поѣхалъ къ директору съ просьбой, чтобъ меня экзаменовали не въ августѣ, а въ маѣ. Онъ хотѣлъ этимъ доставить мнѣ возможность погулять лѣтомъ и не заниматься во время жаровъ: онъ упустилъ изъ вида, что въ теченiе трехъ съ половиной мѣсяцевъ можно забыть пять латинскихъ склоненiй, которыя пока я зналъ твердо.

Директоръ сперва заявилъ, что на это нужно разрѣшенiе попечителя. Потомъ сказалъ, что позволить экзаменоваться подъ условiемъ, что я буду полупансiонеромъ. Отцу не особенно нравилось это. Не говоря о томъ, что за полупансiонеровъ вносилось тогда на сто двадцать рублей больше, чѣмъ за входящихъ, и на эти деньги давали имъ рублей на двѣнадцать книжекъ, нѣсколько тетрадокъ изъ скверной бумаги да кормили отвратительными завтраками и обѣдами, — не говоря уже объ этомъ, отцу было неприятно, что я долженъ былъ съ 9-ти часовъ утра оставаться въ гимназiи до восьми вечера. Онъ не зналъ, что стоило только ему заикнуться о желанiи видѣть меня входящимъ, и только вносить плату, какъ за полупансiонера, какъ директоръ тотчасъ бы это разрѣшилъ. Узнали объ этомъ слишкомъ поздно, когда мнѣ пришлось уже заплатить разстроеннымъ здоровьемъ.

Итакъ, я держалъ экзаменъ въ маѣ. Повезла меня на экзаменъ мать. Она наканунѣ съѣздила со мной въ домикъ Петра Великаго,

отслуживъ тамъ молебенъ и заставивъ меня собственноручно поставить свѣчку передъ образомъ, сопровождавшимъ основателя Петербурга въ его походахъ. Вечеромъ, впрочемъ, она едва не каялась въ этомъ: пришли старушки сибирячки и въ голосъ заговорили:

— Охъ, напрасно вы туда ѣздили, надо было у Казанской отслужить молебенъ.

Это очень разстроило мать. Она строго держалась установленныхъ вѣками взглядовъ. У меня надъ кроватью висѣло два образа святыхъ: Иустиніана, который вообще покровительствовалъ дѣтямъ, почему и изображался съ ребенкомъ на рукахъ, и Антонія, который специально врачевалъ отъ зубной боли; изображение послѣдняго святого было отдѣлано въ гладкую ризу, чтобъ легко можно было класть его подъ подушку, во время зубныхъ страданій. При такихъ воззрѣніяхъ, конечно, мать была огорчена сообщеніемъ старушекъ.

Но она поправила дѣло. Утромъ, передъ экзаменомъ, мы заѣхали въ Казанскій соборъ. Молебна не служили, да и священника еще не было, такъ какъ время было раннее; мы только помолились, поставили свѣчу и покатили въ гимназію.

Экзаменовали меня въ теченіе двухъ дней, такъ какъ не всѣ учителя были сразу налицо. Экзаменовали въ учительской комнатѣ, на диванѣ, экзаменовали хотя и благодушно, но довольно строго. Баллы я по всѣмъ предметамъ получилъ хорошіе, и директоръ, самъ меня экзаменовавшій, похвалилъ:

— И способности есть, и приготовленъ хорошо.

Черезъ полгода ему пришлось совершенно разочароваться во мнѣ.

Мы переѣхали изъ Измайловскаго полка въ центръ города— поближе къ гимназіи. Теперь все дѣло было свободно, и я занялся своимъ любимымъ дѣломъ— чтеніемъ.

У меня дѣтскихъ книгъ совсѣмъ не было. Кромѣ нѣсколькихъ книжонокъ, подаренныхъ матерью въ дѣтскомъ возрастѣ, — вся остальная моя библіотека состояла изъ книгъ, которыя могли бы показаться сухими и скучными для большинства взрослыхъ. Кромѣ томовъ «Вокругъ Свѣта», о которомъ я упоминалъ, тутъ были путешествія Кэна съ сѣверному полюсу, Ливингстона — въ Африку, Аткинсона — въ Сибирь. Большое значеніе имѣло то обстоятельство, что путешествія эти были иллюстрированы.

Съ другой стороны, у меня была библіотека матери. Кромѣ Пушкина и Лермонтова, которыхъ она боготворила, у нея собралась цѣлая коллекція книгъ, вырѣзанныхъ ею изъ журналовъ: особенно изъ «Современника» и «Библіотеки для Чтенія». Тутъ были и переводные романы—Теккерей, Диккенса, Флобера, Жоржъ Зандъ, Трелоппа, Сю, и отечественные авторы: какъ теперь помню «Казаковъ» Толстого, «Столичныхъ родственниковъ» Григоровича,

его же «Школу гостепрѣимства». Каждая книга была переплетена отдѣльно, и по степени дряхлости или свѣжести переплета можно было судить, насколько она была мною любима, или нелюбима. Были впрочемъ книги, которыхъ чтеніе мнѣ строго было воспрещено; къ нимъ причислялись «Петербургскія трущобы» Крестовскаго, вырѣзанныя изъ «Отечественныхъ Записокъ». Это нисколько мнѣ не мѣшало читать «Лондонскія тайны», миниатюрное пятитомное изданіе съ гравюрами, ставшее теперь рѣдкостью. Памятно мнѣ и крохотное изданіе «Горе отъ ума», гдѣ чья-то невѣдомая рука вписала красными чернилами всѣ цензурные пропуски. Теперь эти чернила поблѣднѣли и еле видны, но тогда я съ особенной жадностью вчитывался въ «запрещенныя строки» въ родѣ:

... весело мнѣ страхъ
Выслушивать о фунтѣ и чинахъ,—
Онъ слова умнаго не выговорилъ средо...

Если бы на экзаменѣ учитель спросилъ меня не некрасовскаго «Школьника», а заставилъ бы прочесть наизусть грибоѣдовскую поэму, я бы это сдѣлалъ съ несравненно большимъ успѣхомъ, такъ какъ въ «Школьникѣ» я зашнурлся и перепуталъ что-то въ риѣмахъ—«четвертачекъ» и «на чаекъ». Съ неменьшимъ успѣхомъ я отбарабанилъ бы половину стиховъ Пушкина и Лермонтова или разсказалъ бы про разные способы ловли слоновъ въ Южной Африкѣ.

Но эти знанія были совершенно не нужны для гимназій.

II.

Лѣто казалось мнѣ безконечнымъ. Я считалъ дни: сколько осталось времени до 15-го августа,—времени начала классовъ. Я рвался къ ученью. Я не могъ забыть тѣхъ шкаповъ съ чучелами животныхъ, что видѣлъ въ залѣ конференціи. Приборы физическаго кабинета представлялись мнѣ прекрасными, таинственными. Я просматривалъ дальнѣйшія страницы латинской грамматики, и меня особенно прельщали историческіе разсказы, носившіе привлекательныя названія въ родѣ «Tres Persarum in Graecos expeditiones». Форма мнѣ была уже спита, и я не разъ щеголялъ въ ней на улицахъ. Нельзя сказать, чтобъ она отличалась красотой и изяществомъ формъ. Въ шестидесятыхъ годахъ стремились къ «опрощенію», но до блузъ не додумались, а замѣнили мундиры съ красными воротниками—черными пиджаками, которые по формѣ висѣли длиннымъ мѣшикомъ, спускаясь до колѣнъ. На отложномъ воротникѣ были нашиты два лоскута синяго сукна, что обозначало петлицы. Глухой черныи жилетъ и военный галстукъ языкомъ замѣнялись у франтоватыхъ учениковъ открытымъ, почти бальнымъ жилетомъ съ маншишкой и цвѣтнымъ галстучкомъ. Брюки полага-

лись темносѣрые. Но такъ какъ названіе этого цвѣта не представляетъ ничего опредѣленнаго, то ноги тогдашнихъ гимназистовъ представляли собою удивительное разнообразіе, начиная отъ свѣтло-фіолетоваго и кончая почти чернымъ цвѣтомъ. Иные даже носили панталоны въ клѣтку, и начальствомъ это не возбранялось. Пальто было чернаго сукна, тоже съ синими петлицами, съ черными пуговицами, а на головѣ красовалась фуражка съ синимъ околышемъ и краснымъ (для нашей гимназіи) кантомъ. Форма эта продержалась очень недолго, и съ 1869 года была, при графѣ Толстомъ, замѣнена новой, той, что держится до сихъ поръ, но теперь считается парадной.

Я слишкомъ рано началъ щеголять въ формѣ. Оказалось, что по случаю ремонта зданія классы откроются только въ сентябрѣ. Я изнывалъ и томился. Время было душное, жаркое, городъ весь чистился, красился. Мы переѣхали, чтобъ быть поближе къ гимназіи, въ Разъѣзжую улицу,—и она съ своимъ грохотомъ экипажей, вѣчной толкотней, какъ артерія, соединявшая Ямской рынокъ съ Гостинымъ дворомъ и Апраксинымъ рынкомъ, представлялась моей матери какимъ-то адомъ, и она почти не выходила изъ дома. Да и къ гимназіи и къ будущимъ занятіямъ моимъ она относилась скептически, говоря:

— Богъ знаетъ, что еще будетъ.

Но наконецъ насталъ вождедѣнный день. Отецъ счелъ долгомъ надѣть черный сюртукъ и лично сдать меня на руки директору. Директоръ потрепалъ меня по плечу и сказалъ:

— Учись хорошенько. Поддержи имя твоего дяди. Тебя бы надо отдать не въ нашу гимназію, а въ классическую, чтобъ ты и греческій языкъ изучалъ. Иди наверхъ.

Я отправился наверхъ. Въ огромномъ рекреационномъ залѣ стоялъ невообразимый гамъ. Нѣсколько сотъ мальчиковъ говорили, кричали, бѣгали, дрались и пѣли. Старикъ гувернеръ тщетно пыривался возстановить порядокъ. На благородный пансіонъ это было похоже очень мало. Не успѣлъ я сдѣлать трехъ шаговъ по паркету залы, какъ меня сбили съ ногъ. Едва я поднялся, какъ былъ сбитъ снова. Кто-то схватилъ меня за ногу и потащилъ въ сторону. Я проѣхалъ бокомъ по желтой мастикѣ. Потомъ вскочилъ на ноги и съ розмаха залѣпилъ кому-то пощечину.

— Новичекъ, новичекъ! что это?—послышалось надо мной увѣщаніе гувернера. — Плохо вы себя рекомендуете. Подите, почиститесь. Какъ ваша фамилія? Я васъ запишу. Такъ нельзя вести себя.

Это былъ мой первый дебютъ. Мнѣ было обидно и больно. Новый пиджачекъ былъ разорванъ; я пытался оправдаться, но гувернеръ, отъ котораго пахло какой-то кислотой, не слушалъ меня, и все повторялъ:

— Стыдно! стыдно!

Потомъ всѣмъ велѣли встать въ пары. Я никого не зналъ и сумрачно стоялъ въ сторонѣ, пока не получилъ приказанія отъ гувернера встать въ длинный хвостъ.

— Мнѣ не съ кѣмъ,—сказалъ я.

— Здѣсь триста пятьдесятъ человѣкъ,—засмѣялся гувернеръ и, поймавъ какую-то стриженую голову съ заячьимъ лицомъ, прибавилъ:

— Вотъ вамъ пара.

Мальчишка сталъ рядомъ со мной, и тотчасъ пустился плясать въ присядку, напѣвая:

— Въ четвергъ я именинникъ, въ четвергъ я именинникъ!..

Стоявшій впереди гимназистъ съ огромной царapiной на лбу спросилъ? меня:

— Вы какого класса? Второго? Чего же вы стоите съ перво-классникомъ. Вонъ!

Онъ повернулся, далъ мальчишкѣ подзатыльникъ, и тотъ, вертясь, какъ волчекъ, вылетѣлъ изъ шеренги. Гувернеръ снова устремился ко мнѣ, но въ это время стеклянныя двери раскрылись, и насъ повели въ церковь. Старикъ священникъ, съ большой бородавкой у носа, проговорилъ всѣ слѣдующія молитвы, потомъ снялъ камилавку и сказалъ самымъ равнодушнымъ тономъ проповѣдь. Онъ говорилъ, что такъ какъ насъ отдали сюда учиться, то мы должны учиться; но главное — мы должны слушаться наставниковъ и начальства, потому что они замѣняютъ намъ родителей. Пятая заповѣдь, говоря о почтеніи къ отцу и матери, имѣетъ въ виду косвеннымъ образомъ и директора гимназіи, и гувернеровъ, и духовнаго отца, и педагоговъ. Проповѣди, кажется, никто не повѣрилъ. Потомъ всѣхъ отвели въ большой актовъ залъ съ колоннами и портретомъ Александра II въ ярко-красныхъ узкихъ панталонахъ на выпускъ. Тамъ прочли очень скучный годовой отчетъ и затѣмъ объявили, что на сегодня никакихъ больше занятій не будетъ, и можно пойти по домамъ.

Я воротился домой съ яснымъ ощущеніемъ запаха свѣжей краски, которымъ была продушена вся гимназія, да съ болью въ локтѣ. Впрочемъ объ ушибѣ ея ничего не сказалъ, только вынулъ изъ кармана оторванную пуговицу и просилъ пришить. Завтра въ девять часовъ начнутся занятія, и неприятное впечатлѣніе перваго дня уничтожится.

Напѣ классъ представлялъ изъ себя большую высокую комнату, съ двумя досками на возвышеніяхъ, и каеедрой, на которую вели двѣ ступени. Всѣхъ насъ было болѣе пятидесяти человѣкъ. На только что выкрашенныхъ голубыхъ стѣнахъ висѣли дряхлыя карты Африки и Азии, до того пожилыя, что по нимъ не было никакой возможности учить. Ни книгъ, ни тетрадей, ни перьевъ

ни у кого не было. Всѣ сидѣли передъ пустыми столами и чего-то ждали.

Но ждать было нечего. Прошелъ и одинъ часть, и другой, и третій—учителей не приходило. Въ классѣ дѣлалось все душнѣе. Воспитанники «благороднаго пансіона» держали себя болѣе, чѣмъ развязно. Сквернословіе, которому позавидовалъ бы тюремный замокъ, или притонъ бродягъ на Сѣнной площади, такъ стояло въ воздухѣ—«спиралью», какъ говорилъ блаженной памяти И. О. Горбуновъ. Если бы благовоспитанныя мамы могли себѣ представить, какія пѣсенки распѣвались ихъ дѣтками, какія фотографическія карточки ходили по рукамъ десятилѣтнихъ мальчишковъ! Пѣсни были самыя отборныя, составляющія любимое достояніе всѣхъ полковыхъ пѣсенниковъ; въ прежнее время отцы командиры весьма поощряли этотъ репертуаръ. Но не всякій солдатъ рѣшился бы ихъ пропѣть и пьяной кумѣ. Удивительнѣе всего было то, что классъ помѣщался дверь-о-дверь съ квартирой директора, и оттуда не слышалось никакого протеста.

Звонки аккуратно возвѣщали концы уроковъ. Тогда вся орава выкатывалась въ залу, а сторожа открывали форточки и провѣтривали классъ. Черезъ четверть часа снова загоняли насъ въ прежнее помѣщеніе, и снова раздавались ругательства и пѣсни.

Къ первому часу дня разыгрывались въ молодыхъ желудкахъ аппетиты. Кой у кого появились бутерброды, булки и пирожныя.

— У тебя ѣсть пожрать?—обратился ко мнѣ здоровый, рослый мальчуганъ лѣтъ тринадцати.

— Я полупансіонеръ: буду завтракать въ столовой въ половинѣ перваго.

Мой собесѣдникъ захохоталъ.

— Вотъ болванъ-то! Да ты ѣлъ ли когда нибудь казенный завтракъ? Развѣ его можетъ кто ѣсть, кромѣ гувернеровъ?

И я скоро убѣдился, что только семидесятилѣтній гувернеръ (онъ же — учитель нѣмецкаго языка), давно уже оглохшій, могъ ѣсть ту рисовую кашу, что подавалъ нашъ толстый экономъ на завтраки. Здоровые, голодные молодые желудки, которые могли свободно переваривать, что угодно,—и тѣ не могли видѣть этого риса, аккуратно дважды въ недѣлю разносимаго «дядьками» въ сѣрыхъ фракахъ по столовой. Эти «дядьки» да серебряныя ложки съ вензелями Б. П. (благородный пансіонъ) были послѣдними остатками «аристократическаго» заведенія. Невнимательности ли директора надо приписать тотъ отчаянный «паекъ» что отпускался на удовлетвореніе нашихъ аппетитовъ, или просто «традиціи» и постоянно напоминаемой пословицѣ о сытомъ брюхѣ, что оно глухо къ ученю,—но только насъ держали, какъ звѣрей въ зоологическомъ саду—вѣчно впроголодь, и возношеніе благодарности передъ образомъ

съ лампадой о «насыщеніи земными благами» звучало нехорошей насмѣшкой.

Послѣ завтрака и обѣда (который былъ не менѣе гнусенъ въ своемъ родѣ) насъ выпускали на дворъ и въ садъ. Вотъ чѣмъ тогда могла похвалиться гимназія! Было мѣсто, гдѣ побѣгать и разгуляться. Теперь часть двора застроена, да и садъ, кажется, уменьшенъ. Но и до сихъ поръ густыя вѣтви вѣковыхъ деревьевъ заманчиво зеленѣютъ изъ-за деревяннаго забора. Ихъ мощная листва перекидывается чуть ли не на другую сторону улицы и даетъ широкую тѣнь. Когда-то посрединѣ сада былъ прудъ, но, послѣ того какъ тамъ кого-то утопили, или кто-то утопился, прудъ былъ засыпанъ.

Послѣ пятичасового сидѣнія въ душныхъ классахъ здѣсь можно было развернуться. Впрочемъ дальше лапты, игры въ котлы да казаковъ-разбойниковъ дѣло не шло. Да и лапту оставили послѣ того, какъ палкой проломили голову сыну инспектора. Въ теченіе восьми лѣтъ, при смѣнѣ цѣлаго ряда директоровъ и инспекторовъ, никто и не подумалъ объ устройствѣ англійскихъ игръ, о каткѣ, о катаньѣ на салазкахъ. Ученики старшихъ классовъ съ презрѣніемъ смотрѣли на забавы младшихъ. А вѣдь и ихъ легко было бы привлечь къ лаунъ-тэннису или футъ-болу.

.....

Я уже нѣсколько дней ходилъ въ гимназію. Ко мнѣ никто изъ начальства въ теченіе этихъ дней не обращался ни съ однимъ словомъ. Ни директоръ, ни инспекторъ, ни гувернеръ не обращали на меня никакого вниманія и, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, еще не знали моей фамиліи. Скажу больше: я убѣжденъ, что и черезъ пять-шесть лѣтъ было то же: никто изъ начальства не зналъ степени развитія ученика, ни его склонностей, ни его семейнаго положенія. Отецъ крайне изумлялся этому.

— Странно!—говорилъ онъ, шагая по комнатамъ въ халатѣ: — я бы на ихъ мѣстѣ... Я бы, когда пришелъ ко мнѣ со стороны мальчикъ, я бы сказалъ ему: «здравствуй! Ты чьихъ, какой губерніи? Хорошо подготовленъ? А чѣмъ собираешься быть? Что больше всего любишь? Здоровый малый? Сколько гирь вытянешь? А бѣгать мастеръ? А ну-ка я тебя проэкзаменую». Я бы непременно такъ и сказалъ... А у васъ никто ни съ кѣмъ ничего не говоритъ?

— Никто ни съ кѣмъ.

Отецъ пожималъ плечами.

— Не понимаю.

Мать больше интересовалась составомъ воспитанниковъ. Разъ, увидѣвши великовозрастнаго усатаго юношу, съ которымъ я поздоровался въ церкви, она спросила: «А онъ какого класса?»— Когда я сказалъ, что нашего,—она сперва не повѣрила, а потомъ—проговорила:

— Сохрани тебя Господь отъ такихъ товарищей. Да у него уже свои дѣти гимназисты должны быть.

Въ слѣдующее воскресенье она поѣхала со мной въ домикъ Петра Великаго служить молебень. Ей чуялось въ гимназiи что-то недоброе.

А недоброе дѣйствительно начиналось. Только три дня я ходилъ въ классы охотно. На четвертый день мнѣ было уже тяжело итти. Я чувствовалъ, что даромъ трачу время, что учителямъ нѣтъ до меня дѣла, что учать не тому, чего я ожидалъ. вмѣсто веселаго совмѣстнаго ученiя были формалистика и распушенность, шедшія рука объ руку. Никто на меня не взглянулъ ласково и любовно, никто не улыбнулся. Во входящемъ въ классъ учителѣ я не видѣлъ того друга, котораго привыкъ видѣть сперва въ матери, потомъ въ дядѣ, потомъ въ моихъ учителяхъ-гимназистахъ. Напротивъ, онъ мнѣ казался врагомъ, специально призваннымъ меня мучить. Я шелъ въ гимназiю какъ будто для того, чтобы отбывать наказанiе, а не для того, чтобы научиться чему нибудь.

Насъ не били, никто не обращался съ нами грубо. Только одинъ священникъ да учитель рисованiя, полупьяный старикъ, говорилъ намъ «ты». Остальные учителя были вѣжливы, даже изысканно учтивы. Но отъ этой учтивости было не легче. Весь классъ занимался отвратительно; никто не работалъ съ любовью, никто не хотѣлъ работать ради предмета, — всѣ заботились только объ удовлетворительныхъ отмѣткахъ.

— И тебя не наказываютъ за дурныя отмѣтки? никто ничего не говоритъ?—спрашивалъ отецъ.

— Никто,—никто ничего не говоритъ.

Слѣдовало пожатiе плечъ:

— Не понимаю.

III.

На меня нашло какое-то странное озлобленiе. Я чувствовалъ, что тупѣю, что дальше такъ итти дѣло не можетъ. Особенно «подготовка уроковъ» выводила меня изъ себя.

Мы собирались для этого въ большой, скупо освѣщенной комнатѣ. Тутъ помѣщались пансионеры и полупансионеры младшихъ трехъ классовъ. Большинство занималось—чѣмъ хотѣло: гувернеръ сидѣлъ у себя за столикомъ съ романомъ и требовалъ только безусловной тишины. Помочь онъ въ занятiяхъ ничѣмъ не могъ, такъ какъ сомнительно было, чтобъ онъ зналъ хотя бы курсъ перваго класса. Поэтому мальчики читали кто что хотѣлъ — по преимуществу «Швейцарскихъ Робинзоновъ», рисовали, писали роднымъ письма, тихонько разговаривали, хихикали, просились «выйти» и сидѣли по часу въ «умывалкѣ».

Были и такіе, что безотчетно для самихъ себя, совершенно машинально, съ необычайнымъ тщаніемъ готовили уроки. Какъ теперь помню, разъ вечеромъ, сидя на боковой скамьѣ рядомъ съ такимъ аккуратнымъ, гладко причесаннымъ юношей, я не безъ изумленія слѣдилъ за его системой приготовленія уроковъ. Сперва онъ спросилъ у меня, сдѣлалъ ли я задачу на дроби. Потомъ сказалъ, что спитъ, и списалъ ее въ чистенькую тетрадку, красиво выставляя цифры. Возвращая мнѣ назадъ мою задачу, онъ строго замѣтилъ, что цифру четыре я пишу безобразно, и тутъ же преподалъ мнѣ урокъ каллиграфическаго начертанія цифръ. Потомъ онъ принялся за изученіе священной исторіи. Для этого онъ раскрылъ книгу, и заучивалъ отъ слова до слова обстоятельства Благовѣщенія, хотя священникъ у насъ требовалъ передачи событій своими словами. Когда я спросилъ у него, зачѣмъ же онъ учить наизусть, и даже закрываетъ для прочности знанія глаза, онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Потому что ты лѣнтяй, и никогда ничего не знаешь.

Покончивъ съ Благовѣщеніемъ, онъ тотчасъ же перешелъ къ заучиванью свойствъ крота, продиктованныхъ учителемъ естественной исторіи,—и тоже наизусть заучилъ съ такимъ же похвальнымъ стараніемъ все сказанное въ классѣ. Овладевъ черезъ полчаса кротомъ, онъ принялся за книжечку переводовъ Эмэ Константъ, гдѣ были помѣщены довольно странныя для упражненія во французскомъ языкѣ фразы, въ родѣ: «Кошка задышалась въ душной комнатѣ», «Пушкинъ былъ великій поэтъ» и проч. Упрятавъ себѣ въ голову и эти знанія, онъ съ удовольствіемъ потянулся и сказалъ, смотря на меня:

— А ты такъ-таки ничего и не дѣлаешь? Отчего ты такой лѣнтяй? Вотъ сейчасъ будутъ танцы,—я тебя приглашаю визави.

Досидѣвъ до половины восьмого, я уходилъ домой. Я скрывалъ дома, что насъ такъ скверно кормятъ, и притворялся сытымъ: мнѣ было стыдно за гимназію; мнѣ не хотѣлось, чтобы мать еще болѣе беспокоилась обо мнѣ. Мои грязныя руки, вымазанный мѣломъ, пылью и мастикой пиджакъ приводилъ ее въ содроганіе. Я прямо изъ прихожей шелъ къ умывальнику, переодѣвался, и тогда только подходилъ къ столу.

Съ каждымъ днемъ мнѣ становилось все грустнѣе. Точно сумерныя сумерки охватывали меня. Я шелъ въ классы, не видя впереди никакого просвѣта.

.....

Скучно, томительно, однообразно шли дни ученія. Скверное питаніе, скудное освѣщеніе, запахъ ламповаго масла, отсутствіе теплаго слова, драка, сквернословіе—все изо дня въ день одно и то же, одно и то же.

А между тѣмъ молодымъ головамъ хотѣлось работать. Подъ столомъ, во время уроковъ, у всѣхъ лежали томы Рида, Эмара и Купера. Охотничьи рассказы читались запоемъ, какъ читаются, вѣроятно, подростками и до сихъ поръ. Съ жаднымъ любопытствомъ разсматривались плохія картинки, изображающія индѣйцевъ и какихъ-то животныхъ. Страница проглатывалась за страницей, и воображеніе мальчиковъ уносилось изъ душныхъ стѣнъ класса въ далекіе лѣса Америки.

Я какъ-то гдѣ-то читалъ мнѣніе о томъ, что сочиненія Рида и Эмара безнравственны, что ихъ нельзя давать въ руки юношеству. Въ нихъ, видите ли, не цѣнится человѣческая жизнь, и дикарей рѣжутъ, какъ барановъ. Но этой стороны никто изъ насъ не замѣчалъ: гораздо болѣе цѣнились молодежью благородство и манерная вычурность высшихъ этическихъ началъ у краснокожихъ. Всякій благородный поступокъ блѣднолицаго или индѣйца заставлялъ мальчика трепетать отъ восторга. Рассказы эти настраивали его на высокій ладъ, прямо-таки на героическій. Подъ вліяніемъ ихъ они всегда готовы были защищать слабого, душу положить за ближняго, наказать зло и наградить добродѣтель. Книги эти настраивали мальчиковъ къ лѣтнимъ прогулкамъ въ стилѣ американскихъ охотниковъ, къ выслѣживанію по слѣдамъ, переплыванію рѣкъ, лазаньямъ по деревьямъ, скачкамъ на лошадяхъ, перенесенію голода, жары, жажды и холода,—словомъ ко всему тому, что было имъ куда полезнѣе занятій въ промозглыхъ классахъ.

Въ охотничьихъ рассказахъ передъ ними развѣртывалась картина куда болѣе обширная, чѣмъ та, что рисовалъ передъ ними учитель зоологіи, говоря о кротѣ, бабочкѣ-капустницѣ и коровѣ. И когда дѣтей наказывали за чтеніе постороннихъ книгъ,—которыхъ они даже не имѣли права приносить въ гимназію,—они, отбывая наказаніе, смѣло могли себя считать мучениками: отъ нихъ отбирали единственную возможность самообразованія. Никогда никому изъ учителей и въ голову не приходило пойти съ учениками въ музей академіи наукъ и показать имъ зоологическую коллекцію. Изъ разговоровъ съ моими товарищами я узналъ, что ни одинъ изъ нихъ не былъ въ Эрмитажѣ, и даже не зналъ о его существованіи. Когда отецъ свелъ меня на «Ревизора» съ Сосницкимъ въ роли городничаго, директоръ, котораго мы встрѣтили въ театрѣ, сказалъ отцу:

— Рановато стали брать его въ театръ,—онъ учится плохо.

— Я думаю,—возразилъ отецъ,—что гоголевскую комедію всегда полезно посмотреть, и въ ущербъ знаніямъ это не будетъ.

Директоръ поднялъ брови и сказалъ:

— У каждаго свое мнѣніе. Мнѣ не нравится, когда мои ученики бываютъ въ театрѣ не на праздникахъ.

Въ разговорѣ съ товарищами меня поражило именно то обстоятельство, что они точно свалились съ луны. Дальше «Дѣтскаго міра» они не знали ничего изъ русской литературы. Никакого представленія о Лермонтовѣ, Грибоѣдовѣ, Гоголѣ у нихъ не было. Ихъ никогда не возили ни на одну художественную выставку, и они не знали ни одного имени русскаго художника, хотя многіе декламировали глупѣйшіе стихи про какую-то бурую корову, пляшущую съ микроскопомъ передъ бюловской картиной. Въ театры ихъ тоже не брали, и ихъ знакомство съ драмой ограничивалось посѣщеніемъ балагановъ на масляной недѣлѣ, что считалось необходимымъ для развитія.

Товарищи въ свой чередъ съ удивленіемъ поглядывали на меня, а одинъ даже рѣшилъ, что я все вру, ничего не знаю, и только пускаю пыль въ глаза.

— Учишься ты скверно, *ablativus absolutus* объяснить на тройку не можешь, а туда же лѣзешь съ разговорами.

Учителя были обо мнѣ еще худшаго мнѣнія. Они меня считали просто тупымъ и неспособнымъ. Что меня нельзя перевести въ слѣдующій классъ,—это было ясно. Только по естественной исторіи, у священника да у учителя рисованія были хорошія отмѣтки,—по остальнымъ были единицы и двойки. Но тутъ на помощь явилось одно неожиданное обстоятельство.

Въ посту я заболѣлъ корью. Шесть недѣль я пролежалъ въ темной комнатѣ. Отецъ воспользовался этимъ и поѣхалъ просить у директора полного экзамена въ третій классъ въ августѣ.

— Да пусть его держитъ. Только не выдержитъ. Вѣдь онъ очень плохъ.

Но, къ удивленію учителей, я по всѣмъ предметамъ выдержалъ осенью экзаменъ, какъ нельзя лучше, самъ подготовившись за лѣто.

— Въ прокъ болѣзнь послужила!—удивился директоръ.—Что жъ, я очень радъ.

Но радость директора была непродолжительна.

Новый классъ былъ свѣтлѣе, чѣмъ прежній, въ три окна, залитый солнцемъ. У меня опять явилось желаніе учиться: мнѣ казалось, что съ третьяго класса и начнется настоящее мое воспитаніе. Вдобавокъ начался курсъ новаго предмета, съ новымъ учителемъ—русской исторіи.

Два урока подъ рядъ, ходя по классу, онъ непрерывно рассказывалъ о древнихъ славянахъ. Моя душа просто прыгала отъ восторга. Я не выдержалъ: въ три вечера отмахалъ оба тома исторіи Водовозова (по которымъ тогда преподавали), а исторію Ивана Грознаго прочелъ даже два раза подъ рядъ... и сразу получилъ нѣсколько единицъ за непритовленные уроки.

Я сдѣлалъ надъ собою усиліе, началъ кропотливо по вечерамъ сидѣть въ общей залѣ за приготовленіемъ уроковъ. Училъ въ ори

гиналь стихи Гейне, не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, кто онъ такой; заучивалъ города въ германскихъ владѣнiяхъ и число фабрикъ и заводовъ въ Глазго; затверживалъ тексты изъ катихизиса Филарета, тоже закрывая глаза, какъ мой прилежный товарищъ, что давалъ мнѣ примѣръ добронравiя. Учитель естественной исторiи проходилъ на этотъ разъ ботанику, и очень подробно говорилъ объ органахъ размноженiя у растений, а мальчики его стыдили и говорили, что это неприлично. Учитель математики все рассказывалъ объ учетѣ векселей, и я никакъ не могъ понять этого учета, потому что и вексельной-то бумаги никогда не видывалъ. Почти сорокъ лѣтъ прошло съ той поры, и ни разу мнѣ не пришлось примѣнить въ жизни моего знанiя по вычисленiю сложныхъ процентовъ. Въ задачахъ все время купцы переливали спиртъ, что-то подмѣшивали, — очевидно, плутовали. Рѣзали какую-то штучку сукна; наливали въ бассейнъ изъ двухъ трубъ воду, а изъ третьей выпускали. Все это было такъ намъ чуждо, такъ мы стремились къ инымъ знанiямъ, что опять пошли у всѣхъ двойки и единицы, а я опять оказался гдѣ-то въ послѣднихъ рядахъ несчастныхъ. Только по исторiи я и держался на нѣкоторой высотѣ и не уступалъ въ знанiяхъ товарищамъ.

А дома шла своимъ чередомъ работа. Моя библіотека пополнялась, — и предо мной, при яркомъ свѣтѣ лампы, звенѣли звонки на мулахъ въ горныхъ ущельяхъ, сіяло солнце надъ Палестиной, охотники бились со змѣями въ лѣсныхъ дебряхъ. На ряду съ ними гоголевскіе Иваны Ивановичи и Иваны Никифоровичи, Чичиковы и Маниловы казались близкими знакомыми, только вчера бывшими у насъ. Помню я, какъ, читая съ матерью вслухъ «Мертвыя души», мы находили необычайное сходство Ноздревыхъ и Коробочекъ съ нашими сосѣдями и даже родственниками. Мать иногда даже восклицала:

— Странное дѣло, Гоголь ужъ пятнадцать лѣтъ, какъ умеръ, очевидно, Петра Ивановича не зналъ совсѣмъ, а написалъ, какъ вылитаго.

Въ гимназiи, когда директоръ увидѣлъ у меня въ портфель «Вечера на хуторѣ», высоко поднялъ брови.

— А ты все съ Гоголемъ. Рано! Ну, да лучше Гоголь, чѣмъ шалости. А только лѣнивъ ты. Не въ дядюшку.

Это «не въ дядюшку» мнѣ повторяли постоянно. «Дядюшка» у насъ лежалъ на этажеркѣ въ видѣ толстенкаго томика «Иліады». Отецъ мнѣ признавался, что, по его мнѣнiю, гораздо легче построить любую дорогу, мостъ и домъ, чѣмъ прочесть главу изъ этой поэмы, по крайней мѣрѣ, на его взглядъ. Я самъ одолѣлъ дядинъ переводъ, только уже перейдя въ четвертый классъ, когда мы принялись за изученiе Эллады. Потомъ, когда я въ седьмомъ уже классѣ познакомился съ оригиналомъ (у насъ все-таки ввели

греческій языкъ), мнѣ показались ухищренія почтеннаго Николая Ивановича въ словообразованіи такихъ словъ, какъ «лилейнораменный», «длиннотѣнный», «пышнопоножный»,—очень неудачными.

Когда я передавалъ домашнимъ сомнѣнія директора о моемъ несходствѣ съ дядюшкой, отецъ съ недоумѣніемъ пожималъ плечами.

— Онъ, вѣдь, былъ бібліотекаремъ въ Публичной бібліотекѣ... До этого, я думаю, ты дойти можешь. А главное—онъ былъ другомъ Пушкина и Крылова: вотъ ужъ этого никакъ ничѣмъ нельзя добиться, потому что ихъ нѣтъ въ живыхъ. Говорятъ, читалъ онъ хорошо, а по-моему скверно. Вонъ и Аксаковъ въ «Хроникѣ» смѣется надъ нимъ. Придворнымъ чтецомъ онъ сумѣлъ сдѣлаться,—это онъ умѣлъ.

— Будь чѣмъ хочешь,—говорила мать,—только не морякомъ. Я такъ боюсь воды; и потомъ, они на три года уходятъ въ кругосвѣтное плаваніе. Ты у меня одинъ, и если любишь—никогда не пойдешь въ моряки. Еще съ мачты свалишься въ воду да утонешь. И потомъ еще объ одномъ попрошу: не будь докторомъ. Хорошихъ докторовъ очень мало; ѣздить по грошевымъ визитамъ что за радость. Кромѣ того, я видѣла, что такое студентъ-медикъ. Когда они на второмъ курсѣ въ препаровочной возятся—къ нимъ не подойти, такой запахъ мертвечиной.

— До моряковъ и докторовъ далеко,—резонно замѣчалъ мнѣ отецъ,—а вотъ перейдетъ ли онъ въ четвертый классъ,—неизвѣстно.

Что по балламъ я не могъ перейти,—это было вѣтъ всякаго сомнѣнія. Но я зналъ, что если бъ мнѣ дали экзамены въ августѣ, я бы выдержалъ экзамены непремѣнно. И снова, во второй разъ, пришла мнѣ на помощь болѣзнь, но какого-то страннаго характера.

По мѣрѣ того, какъ росла моя апатія къ занятіямъ, я началъ худѣть. У меня появился кашель, стало ломить ноги, я потерялъ аппетитъ. Въ это время мою мать лѣчилъ одинъ полковой врачъ. Меня ему показали. Онъ осмотрѣлъ меня и вдругъ сказалъ:

— У него чахотка.

Мать, какъ теперь помню, поблѣднѣла, а отецъ только руки разставилъ.

— Надо принять немедленно мѣры. Везите его въ Египетъ.

— Въ Египетъ!—воскликнула мать.

— Или въ Алжиръ, словомъ въ Африку. Иначе это кончится плохо, и очень скоро.

Онъ уѣхалъ, оставивъ моихъ родителей въ полномъ отчаяніи. Мать принялась плакать, отецъ сталъ ходить изъ комнаты въ комнату, а я сидѣлъ у камина въ своей маленькой комнатѣ и думалъ:

— А хорошо теперь въ Египтѣ. Пирамиды, фараоны... Фараоновъ, можетъ быть, и нѣтъ, а сфинксы,—вотъ такіе, какъ на Невѣ у академіи. Ибисы, ихневмоны, крокодилы... Хорошо бы ружье ку-

пить да поѣхать на охоту за ними. Потомъ есть еще нильскія лошади...

Мать плакала надо мною и гладила меня по головѣ.

— У тебя и золотухи-то никогда не было,—говорила она,—а онъ придумалъ чахотку!

До поздней ночи мои беспокоились. Наконецъ, часу уже въ двѣнадцатомъ, отецъ вдругъ сказалъ матери:

— Знаешь, что я сдѣлаю: я позову къ намъ Крассовскаго.

— Да вѣдь онъ акушеръ!—воскликнула мать.

— Я знаю, что онъ акушеръ, но вѣдь онъ его принялъ.

Аргументъ былъ вѣскій.

— Онъ не только принялъ, — подтвердила мать: — онъ за сколько времени сказалъ тогда, что я беременна.

— Ну, вотъ видишь! А потомъ,—ты знаешь,—мы всегда съ нимъ были въ такихъ хорошихъ отношеніяхъ, что онъ не откажетъ, хоть и лейбъ-медикъ. Неужели онъ понимаетъ меньше другихъ докторовъ?

Мысль эта утѣшила мою мать. Она еще немножко поплакала и заснула.

На утро я пошелъ въ гимназію, а отецъ — къ Крассовскому. Моя чахотка и предстоящая поѣздка въ Египетъ нисколько не помѣшали мнѣ получить двойку изъ латинскаго языка. Въ одиннадцать часовъ меня вдругъ, во время перемѣны, вызвали внизъ. Тамъ ждалъ меня отецъ.

— Идемъ домой, сейчасъ будетъ профессоръ,—сказалъ онъ.— Съ директоромъ я уже говорилъ. Онъ отпустилъ тебя.

Черезъ полчаса къ нашему подъѣзду подкатила коляска, запряженная парой рыженькихъ шведокъ. Изъ коляски вылѣзъ усатый господинъ и еще черезъ пять минутъ уже сидѣлъ въ гостиной и весело разговаривалъ съ матерью, которой не видѣлъ лѣтъ десять: съ тѣхъ поръ, какъ «пошелъ въ гору».

Осмотрѣлъ онъ меня, ощупалъ и выстукалъ со всѣхъ сторонъ, и вдругъ сказалъ:

— Странно, у васъ всегда прежде былъ хорошій столъ. Отчего же у него такое скверное питаніе?

Я сказалъ, что завтракаю и обѣдаю въ гимназіи.

— А ну-ка, юноша, расскажите, чѣмъ васъ кормятъ?

Я сталъ рассказывать. По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, докторъ морщился все больше и больше, точно онъ во рту чувствовалъ рисовую кашу.

— Первымъ дѣломъ,—сказалъ онъ, выслушавъ меня,—не пускайте его обѣдать въ гимназію. И завтракать пускай бѣгаетъ домой,—здѣсь двѣ минуты перебѣжать улицу.—А потомъ, поѣзжайте въ Ораніенбаумъ и наймите тамъ подъ городомъ дачу. Пусть купается, бѣгаетъ по солнцу и больше ѣстъ.

— А занятія?—боязливо освѣдомилась мать.

— Теперь бы лучше не заниматься... У него развились и малокровіе, и бронхитикъ. Съ первой весной на дачу. Верхомъ бы ему теперь, грести въ лодкѣ, плавать. Биѣштексовъ ему побольше, да потолще. А латынь не уйдетъ,—поспѣете еще.

Словно солнцемъ освѣтилъ онъ нашу квартиру. Мать такъ и расцвѣла.

— Значить, въ гимназію можно совсѣмъ не ходить?—спросилъ я.

— Нѣтъ, походи еще,—сказалъ отецъ,—только ѣшь дома. Чего баклуши бить? Вѣдь ничего серьезнаго нѣтъ.

Крокодилы и пирамиды отъ меня ускользнули невозвратно. Я искренно пожалѣлъ, что чахотка оказалась недомыслиемъ полкового доктора. Когда теперь попадешь въ Египетъ?

Отмѣтки, получаемыя въ классахъ, были все печальнѣе и печальнѣе. Дальше тянуть было нельзя. Если доканчивать курсъ и ходить до Святой въ гимназію,—никакихъ экзаменовъ въ августѣ не дадутъ.

И я съ величайшимъ наслажденіемъ отрясъ прахъ отъ своихъ ногъ, досталъ сочиненія Вуда—«Гнѣзда, норы и логовища», и принялся за изученіе естественныхъ наукъ, мечтая о томъ, какія коллекціи насѣкомыхъ, какіе акваріи и гербаріи заведу я въ Ораніенбаумѣ.

IV.

Погода въ тотъ годъ была убійственная. Дождь шелъ только разъ въ лѣто. Стояла засуха. Солнце, какъ раскаленный уголь, горѣло среди облаковъ торфяного дыма. Подъ Петергофомъ горѣли болота, и воинскія команды рыли канавы и заливали подземный огонь. На солнцѣ было сорокъ градусовъ, въ тѣни—28. Вся трава въ половинѣ іюля сгорѣла, деревья пожелтѣли. Заниматься было тяжело. Только забравшись въ глубь сада, въ тѣнь, можно было продѣлывать превращенія и раздробленія. И я продѣлывалъ все это весьма успѣшно—одинъ, безъ помощи учителя. Но вдругъ громовымъ ударомъ разразилось неприятное извѣстіе. Отецъ, пріѣхавъ изъ города, сказалъ, что видѣлъ директора, и тотъ ему заявилъ, что не можетъ допустить никакихъ экзаменовъ и льготъ для меня, въ виду новыхъ реформъ, что вводятся въ гимназію. И тѣмъ болѣе мнѣ придется оставаться на второй годъ, что съ третьяго класса теперь вводится греческій языкъ. Выидетъ явное послабленіе, если, воспользовавшись моею «миѳической» болѣзью, дать мнѣ возможность уйти отъ изученія этого почтеннаго предмета.

— А потому и не привозите его,—сказалъ директоръ.—Годами онъ молодъ для четвертаго класса (мнѣ было двѣнадцать лѣтъ), пусть посидитъ еще годъ въ третьемъ. А чтобъ ему легче училось, я на основаніи новаго правила дамъ ему одну льготу.

Я не особенно горевалъ, тѣмъ болѣе, что меня теперь переводили изъ полупансіонеровъ въ приходящіе. Задачки и грамматики опять были сложены на этажерку и сдѣлались любимымъ мѣстомъ отдохновенія и прогулокъ для мухъ, жуковъ, стрекозъ и кузнечиковъ. У морского побережья я собралъ коллекцію камней, которые мнѣ казались совершенно соответствующими изображеннымъ въ атласѣ хризолитамъ, агатамъ, опаламъ и калчеданамъ; Собралъ я ихъ пуда полтора; но потомъ пріѣхавшій къ намъ въ гости одинъ знакомый увѣрилъ меня, что это «чистокровные булыжники»; тогда я выбросилъ ихъ въ сосѣднюю канаву, оставивъ себѣ желтый кусокъ отполированного мрамора—вѣроятно, обломокъ какого нибудь прессъ-папье, случайно попавшій на дно и выброшенный моремъ.

Конецъ лѣта я провелъ на солнцѣ и почти не вылѣзалъ изъ воды. Сосѣдъ по дачѣ, специалистъ по плаванію, получившій какой-то призъ въ Варшавѣ за это искусство, открылъ мнѣ тайны всѣхъ пріемовъ,—и я сталъ нырять, какъ головастикъ. Мать была очень рада: если я пойду даже въ морскую службу, такъ не потону. Чахотки моей, какъ не бывало.

И вотъ снова насталъ учебный годъ. Опять новая комната, такъ какъ для приходящихъ — особое отдѣленіе. Гораздо чище и опрятнѣе: нѣтъ безобразной пансіонерской одежды, нѣтъ толстыхъ несуразныхъ полотняныхъ рукавовъ рубашекъ, служащихъ специально для вытиранія чернильныхъ пятенъ. Всѣ одѣты по-человѣчески, вымыты, причесаны, сыты, здоровы, веселы, потому что остаются въ гимназиі до трехъ часовъ, и не кормятся казенными яствами. Приготовленный къ четвертому классу, я ничего не дѣлаю въ третьемъ и получаю хорошія отмѣтки. Греческій языкъ оказывается приятнымъ. Я хорошо черчу географическія карты и przygotowляю преподавателю начерченный на доскѣ мѣломъ по сѣткѣ контуръ Европы для каждаго урока, стараясь особенно кудряво изобразить берега Скандинавіи. Среди преподавателей чувствуется оживленіе: начинаютъ пріѣзжать для контроля изъ министерства попечители, окружные инспектора, товарищи министровъ. Нашимъ классомъ довольны, и все идетъ хорошо.

На смѣну Майнъ-Рида появляется Жюль-Вернъ съ своими фантастическими путешествіями. При первыхъ весеннихъ лучахъ мальчиковъ тянетъ за городъ. Мы бродимъ за Московскою заставой, по Невѣ, ходимъ въ Биржевой скверъ, нанимаемъ лодки и ѣздимъ въ Екатерингофъ. Время идетъ весело вплоть до экзаменовъ. Гимназія гдѣ-то въ сторонѣ. Льгота, обѣщанная директоромъ, заключается въ томъ, что мнѣ не позволяютъ учиться нѣмецкому языку. Тщетно я доказываю, что ничего не имѣю противъ него, директоръ неумолимъ.

— У васъ слабое здоровье и плохія способности. Я долженъ васъ освободить отъ одного изъ новѣйшихъ языковъ, чтобы вы всѣ свои силы направили на латинскій и греческій.

И такъ меня и оставили отъ нѣмецкаго, такъ что впоследствии пришлось самому браться за нѣмецкій букварь.

Я въ четвертомъ классѣ. Кромѣ исторіи да отчасти географіи, все остальное навѣваетъ необычайную скуку. Учиться хочется, но учиться нечему. Юлій Цезарь съ своей Галльской войной никакого интереса не представляетъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ насъ не знаютъ, кто такой Юлій Цезарь: мы исторіи Рима еще не проходили. Мы растемъ, мускулы требуютъ физическихъ упражненій.

Вмѣсто этого изо дня въ день «De bello Gallico».

Я уже сказалъ, что гимназическое начальство конца шестидесятыхъ годовъ смотрѣло съ подозрительнымъ недоверіемъ на всякія физическія упражненія. Въ нихъ видѣли стремленіе къ шалостямъ и отлыниванье отъ серьезныхъ занятій. Когда первоклассникъ, просидѣвшій три часа въ душномъ классѣ, обрадовавшись, какъ щенокъ, спущенный съ цѣпи, что ему дали свободу, — мчался по коридорамъ и рекреационнымъ заламъ, ему степенный гувернеръ внушалъ:

— Фуй, точно уличный мальчикъ!

Начиная съ третьяго класса, бѣганье уже почиталось неприличнымъ дѣломъ, и бѣгущаго тотъ же гувернеръ останавливалъ возгласомъ:

— Что это вы, точно первоклассникъ!

Даже гимнастикой не позволяли заниматься такъ, какъ того хотѣли бы мальчики. Можетъ показаться невѣроятнымъ, что учитель гимнастики, горбатый, мохнатый человекъ, котораго звали «Родимомъ Родимовичемъ», не позволялъ лазать по лѣстницамъ и веревкамъ. На этомъ, конечно, настаивало начальство; оно опасалось, чтобы мальчики не сорвались сверху и не ушиблись. Занимались больше присѣданіемъ, поднятіямъ кверху рукъ, болтаніемъ ногой, словомъ, той комнатной гимнастикой, которая по своей бессмысленности не имѣетъ ничего равнаго. Когда заставляли прыгать черезъ веревку, — это было блаженствомъ, все-таки хоть разбѣгъ былъ. Но каждому приходилось ждать очереди и прыгать чуть ли не сотымъ. Поэтому все это было скучно, тоскливо, и на все только безплодно тратилось время.

Такое отношеніе къ физическимъ упражненіямъ явилось, какъ реакція, какъ слѣдствіе той военной дисциплины и маршировки, что была заведена Николаемъ I и подверглась остракизму при реформированіи гимназій. Нашъ старикъ священникъ утверждалъ, что Николай Павловичъ именно и ввелъ въ гимназіяхъ шагистику въ силу одного случая, происшедшаго во время майскаго парада съ

воспитанниками нашей гимназіи¹⁾). Рассказывалъ онъ это событіе такимъ образомъ.

Въ какой-то праздничный день гувернеръ съ нѣсколькими питомцами отпраздничали на прогулку въ Лѣтній садъ. По дорогѣ они увидѣли, что на Марсовомъ полѣ собраны войска, и имъ дѣлаютъ смотръ. Конечно, интересно было посмотрѣть и на войска и на государя. Юноши протолкались впередъ и, благодаря своему форменному платью и присутствію гувернера, добрались до самаго виднаго пункта. Видѣли они все съ своего мѣста прекрасно, но кончилось это зрѣлище печально.

Государь былъ, замѣтно, не въ духѣ. Проѣзжая мимо гимназистовъ, онъ скользнулъ по нимъ внимательнымъ взглядомъ, вдругъ протянулъ руку по направленію одного изъ нихъ и крикнулъ:

— Это что такое? Взять его!

Изъ свиты отдѣлился адъютантъ, подскочилъ къ первому попавшемуся мальчику, перекинулъ его черезъ сѣдло и куда-то умчалъ. Гувернеръ переструсилъ и кинулся бѣгомъ въ гимназію къ директору. Директоръ тоже перепугался, но никакъ не могъ добиться, за что мальчика взяли, и что онъ сдѣлалъ. Къ вечеру его привезли (фамилія его была, если не ошибаюсь, Медвѣдевъ или Мартыновъ), съ словеснымъ приказаніемъ выдержать трое сутокъ на хлѣбѣ и на водѣ. Конечно, это было немедленно приведено въ исполненіе, но недоумѣніе директора этимъ не разрѣшилось, такъ какъ Мартыновъ рѣшительно не зналъ, въ чемъ заключалась его провинность. Одѣтъ онъ былъ по формѣ, какъ каждый пансіонеръ, и стоялъ очень смиренно. Какъ директоръ его ни допрашивалъ, — ни къ чему допросъ не привелъ.

Между тѣмъ, надо было подать рапортъ объ исполненіи высочайшаго распоряженія. Послѣ долгихъ потугъ директоромъ была найдена формула, долженствовавшая обозначать вину гимназиста: сказано, что онъ подвергся наказанію «за несвоевременное снятіе фуражки». Рапортъ этотъ былъ черезъ министра доложенъ государю, но государь, собственноручно зачеркнувъ «несвоевременное снятіе фуражки», сбоку написалъ: «за то, что стоялъ, какъ бурлакъ». На словахъ тутъ же министру было высказано замѣчаніе, что вообще гимназисты не умѣютъ ходить, стоять и сидѣть, горбятся и косолапы, какъ гуси. Для того, чтобы исправить эту сторону ихъ воспитанія, съ слѣдующаго учебнаго года ввели фронтовые ученія.

Въ какой бы ужасъ пришелъ императоръ Николай, увидѣвъ насъ, въ широченныхъ пиджакахъ, заморенныхъ пятичасовымъ сидѣніемъ на скамьяхъ! Многіе дѣйствительно были косолапы. Танцевать никто

¹⁾ Помните, я вскользь рассказалъ про этотъ эпизодъ лѣтъ пятнадцать назадъ въ одномъ изъ фельетоновъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Но больше мнѣ нигдѣ не доводилось о немъ читать. П. Г.

почти не учился, и болѣе половины совсѣмъ танцовать не умѣли, считая это занятіе недостойнымъ нашего высокаго уровня образованія и предоставляя это лицеистамъ и правовѣдамъ. О фехтованіи не было и рѣчи: никто не умѣлъ взять въ руки рапиры. Изъ насъ готовили чиновниковъ, учителей и, въ крайнемъ случаѣ, ученыхъ, а зачѣмъ этимъ людямъ танцы и рапиры?

Когда въ семидесятыхъ годахъ была введена всеобщая воинская повинность, вопросъ о гимнастикѣ и маршировкахъ снова началъ всплывать. Первыми проявившими свою дѣятельность въ этомъ направленіи оказались нѣмецкія училища. Вѣроятно, многіе помнятъ до сихъ поръ, какъ на Невскомъ, у рѣшетки церкви Петра и Павла, собиралось множество зрителей любоваться сценой маршировки подъ барабанъ мужской: половины этого училища. Зрѣлище это было тѣмъ болѣе исключительное, что формы въ Петро-Павловской школѣ не полагалось, и молоденькіе нѣмчики и еврейчики маршировали въ самыхъ фантастическихъ одѣянїяхъ, въ какихъ ихъ отпускали расчетливые родители въ школу.

У насъ въ гимназіи тоже вдругъ стали говорить о физическихъ упражненїяхъ. А одинъ преподаватель греческаго языка, чистокровный нѣмецъ, около полугода руководилъ нашей гимнастикой (тоже съ присѣданьями и битьемъ ладонями по ребрамъ) и проявилъ такой талантъ въ этой отрасли знаній, что его даже прозвали «гимнастеромъ». Къ сожалѣнію, онъ портилъ свою репутацію тѣмъ, что читалъ съ нами очень скверно Гомера.

Все это дѣлалось какъ-то помимо высшаго начальства. Я думаю, что вопросъ физическихъ упражненій былъ въ прямой зависимости отъ взгляда директора или инспектора. Министръ Толстой, вводя свою реформу, едва ли думалъ, что исполнители совершенно извратятъ его замыселъ. Я полагаю, что онъ ни одной минуты не хотѣлъ вселить въ юношей отвращеніе къ классикамъ. Но лично самъ онъ не посѣщалъ гимназій. Я помню его всего только одинъ разъ прїѣхавшимъ къ намъ. Онъ самъ сдѣлалъ диктовку въ четвертомъ классѣ (по русскому языку), говорилъ рѣчь о томъ, что изученіе отечественнаго языка первое дѣло, потомъ собралъ всѣ листки съ диктовкой къ себѣ и впоследствии всѣмъ писавшимъ прислалъ въ подарокъ по книгѣ съ своимъ автографомъ.

Латинская поговорка о здоровомъ духѣ въ здоровомъ тѣлѣ оставалась теорїей. Никто не хотѣлъ обратить вниманія на землистый цвѣтъ лицъ мальчиковъ, точно всѣ съ третьяго класса страдали геморроемъ. Разъ только, когда почему-то въ теченіе мѣсяца думали, что прїѣдетъ государь, и готовились къ его пріему, инспекторъ замѣтилъ:

— Отчего у васъ такой видъ? Точно вы никогда на воздухъ не выходите.

Да, мы точно, не ходили на воздухъ, если не считать прогулокъ въ гимназію и обратно домой.

Инспекторъ очень волновался возможнымъ прїѣздомъ царя. Главное онъ беспокоился тѣмъ обстоятельствомъ, что въ одной гимназїи, когда государь поздоровался съ воспитанниками, они ему отвѣтили:

— Здравствуйте, ваше величество.

Инспекторъ дѣлалъ даже репетиціи. Онъ входилъ въ классъ, здоровался и требовалъ бойкаго и одновременнаго отвѣта всѣмъ классомъ.

Ожиданія оказались напрасными: государь такъ и не прїѣхалъ. Но въ теченіе мѣсяца завтраки были у пансіонеровъ превосходны, такъ что многіе приходящіе покупали въ буфетѣ себѣ бутерброды и пироги на завтракъ.

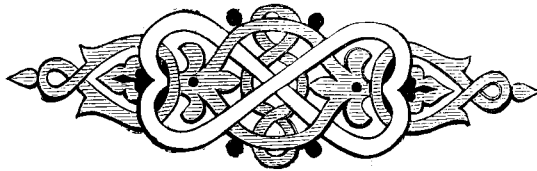
По поводу заморенности и неповоротливости нашей молодежи маѣ всегда вспоминается прїѣздъ Виктора Тиссо въ Кіевскій университетъ. Онъ спрашивалъ у своего проводника: гдѣ фехтовальный залъ, гдѣ манежъ, какіе спорты среди студентовъ болѣе развиты? Когда же ему сказали, что никакихъ спортовъ при университетѣ не полагается, онъ спросилъ съ изумленіемъ:

— Неужели и танцевъ нѣтъ?

По крайней мѣрѣ, онъ самъ рассказываетъ объ этихъ впечатлѣніяхъ въ своей книгѣ: «La Russie et les russes».

П. П. Гнѣдичъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

«ВЪ ЛИХОЙ ЧАСЪ».

(Эпизодъ изъ памятнаго дня наводненія 7-го ноября 1824 года).

АННА АНДРЕЕВНА, крѣпкая старушка въ чепцѣ и вязанной душегрѣйкѣ, поставила на столъ круглую корзину, вынула изъ нея мѣшечекъ съ сладкими сухарями, жестяную сахарницу съ замочкомъ, пару чайныхъ чашекъ, кофейникъ и банку съ молотымъ кофе.

Анна Андреевна, — послѣдняя владѣлица маленькаго домика на Большой Разночинной улицѣ, впрочемъ, она проводитъ въ немъ сегодня послѣдній день: она объяснила мнѣ, что городское начальство давно ужъ, очень давно требовало, чтобы домикъ снести долой, какъ опасный для человѣческой жизни; мезонинъ ужъ давно необитаемъ и заколоченъ, а въ нижнемъ этажѣ потолокъ два раза «чуть-чуть не провалился», да все Богъ миловалъ; и окошечки совсѣмъ въ землю вросли!. Но теперь вдругъ такія строгости отъ начальства пошли, что пришлось наконецъ продать все мѣсто и съ садикомъ, и съ огородикомъ.

— Завтра переѣзжаю на вольную квартиру... и видите, дорогая моя, все у меня уже уложено и упаковано, хоть сейчасъ на подводу! Ужъ извините за беспорядокъ! А все же кофейкомъ я васъ угощу; все у меня тутъ необходимое отложено въ этой корзинѣ... древняя она тоже: еще съ мужемъ, покойникомъ, на Кулербергское гулянье на Ивановъ день мы ее съ провизіей съ собою нашивали... А кофе у меня, ей-Богу, безъ переварки! — шутила маленькая старушка, какъ-то кругло, беззвучно и уютно суетясь около стола.—Да! всего пережито въ домикѣ этомъ — и сладкаго, и горькаго, и дивнаго!..

Пушечный выстрѣлъ прервалъ ея рѣчь: была поздняя осень, вѣтеръ дулъ съ моря, вода въ Невѣ прибывала.

Старушка насторожилась, потомъ набожно перекрестилась и продолжала.

— А дивнѣе не было, какъ то, что съ покойной маменькой моей приключилось въ то великое наводненіе 7-го ноября 1824 года. Мнѣ тогда еще годика не было, но маменька потомъ во всю жизнь свою такъ любила эту исторію рассказывать, что я ее наизусть знаю и все, что и какъ было, точно передъ собою вижу... Да неужели я вамъ этого не рассказала еще? Нѣтъ? Ну, слушайте.

Во-первыхъ, надо вамъ сказать, что бѣда одна никогда не приходитъ, а «пришла бѣда—отворяй ворота!» Папенка мой (а онъ тоже чиновникъ сенатскій былъ, какъ и мужъ покойникъ) имѣлъ слабость «насчетъ рюмаріи»; но какъ былъ онъ необыкновенно доброй души человекъ, то его очень любили товарищи и такъ ловко его прикрывали отъ начальства, что все шло очень благополучно, пока не завелся между ними одинъ врагъ, самый опаснѣйшій! Такіе только изъ закадычныхъ друзей происходятъ. И захотѣлъ этотъ человекъ, чтобы ему не встрѣчаться съ папенкой въ сенатѣ... потому что очень просто онъ у отца моего, лѣтъ пять до того, сто рублей ассигнаціями выманилъ на свои прожекты (онъ прожектёръ прежде былъ), ну, конечно, взялъ по-пріятельски, безъ всякой расписки; денешки ухнули—и дружба врозь! А тутъ онъ еще наслѣдство вскорѣ получилъ, сейчасъ начальство къ нему больше расположилось, въ гору пошелъ, а у насъ, напротивъ того, нужда, дѣтки—что ни годъ, какъ грибы родятся... Папенка ему какъ-то и напомнилъ: отдайте же, молъ, Савлѣ Степанычъ, мнѣ сто-то рублей моихъ; ты въ достаткахъ теперь, а мнѣ ужъ такъ-то кстати бы! Что ты, говоритъ, Андрей Платонычъ! Какіе-такіе сто рублей? Это, говоритъ, тебѣ только отъ лишней рюмаріи пригрезиться могло, что я у тебя занималъ!

А какое тутъ «пригрезиться», когда маменька сама все слышала, какъ онъ это послѣ крестинъ (да онъ еще и кумомъ у насъ былъ!), когда гости всѣ разошлись, къ папенкѣ подошщаться сталъ: «я, молъ, такую штучку изобрѣлъ для раскуриванія трубокъ, что и въ самомъ англійскомъ магазинѣ съ руками оторвутъ, а еще самонакрывающійся дорожный погребецъ для господъ помѣщиковъ тоже изобрѣлъ; надо только съ десятокъ моделей такихъ надѣлать, такъ заказовъ потомъ не оберешься, и сотня ваша вамъ въ самое непродолжительное время тройнѣе вернется».

Маменька еще лежала тогда послѣ родовъ въ большой слабости, вотъ тутъ же рядомъ, вотъ въ этой самой спальнѣ, а они вотъ тутъ, за этимъ самымъ столомъ, и бесѣдовали. А ключи отъ комода у маменьки подъ подушкой находились; и вотъ, видитъ она, папенка въ спальню крадется, думаетъ, она спитъ, да къ постели,

да руку къ ней подь подушку и цапъ ключи! А маменька отъ слабости и огорченія нисколько даже противодѣйствовать не могла, только слезы по щекамъ въ два ручья бѣгутъ, но при свѣтѣ лампадки папенька ихъ и не примѣтилъ: онъ въ ту минуту на маменьку-то и взглянуть боялся, а прямо въ комодъ, вынулъ тамъ изъ конфетной коробочки послѣдніе сто рублей, что отъ маменькинаго приданого уцѣлѣли,—взялъ да куму и отдалъ! Ну, и понятно, что послѣ всего этого Савлу Степановичу съ папенькой встрѣчаться на службѣ непріятно было, и онъ подвелъ его передъ начальствомъ «насчетъ рюмаріи». Хотѣлъ только, чтобы его въ другое отдѣленіе перевели, чтобы не встрѣчаться съ нимъ ежедневно, анъ, папенькъ-то и вовсе отъ службы отказали! Ну, онъ, конечно, пропилъ съ горя теплую шинель, простуду получилъ, слегъ и Богу душу отдалъ.

Осталась маменька сама шеста безъ всякихъ средствъ къ жизни, одно только, что домикъ свой собственный, да въ мезонинѣ жилецъ жилъ, сочинитель, благороднѣйшей души человѣкъ, 15 рублей въ мѣсяцъ за квартиру съ обѣдомъ платилъ; да на бѣду, какъ разъ въ эту пору познакомился онъ съ самыми подозрительными лицами и сочинилъ запрещенную книгу. Его, конечно, въ самое непродолжительное время скрутили и—въ Сибирь!

Тутъ ужъ маменька при всей своей кротости и слабости надѣла въ послѣдній разъ свою лисью шубу и атласный капоръ и пошла въ самый сенатъ, гдѣ Савль Степановичъ служилъ, а въ ридикюль съ собой забрала ватную кацавеечку, чтобы, если придется шубу заложить у ростовщика на обратномъ пути, такъ было бы въ чемъ домой вернуться. Вотъ пришла она въ этакоемъ отчаянномъ расположеніи въ сенатъ и спрашиваетъ, въ какомъ отдѣленіи засѣдаетъ Савль Степановичъ Подсуботинъ. Чиновники, конечно, видятъ—дама молодая, съ манерами, одѣта прилично,—всѣ отъ любопытства собрались вокругъ нея, и Савль Степановичъ тоже—ужъ тутъ-какъ тутъ. Она къ нему со всей деликатностью,—такъ и такъ, молъ, мое дѣло вдовье, пятеро сиротъ на рукахъ, не откажите возвратитъ взятые вами у моего мужа сто рублей. А онъ ей на это: мадамъ, вы ошибаетесь, денегъ отъ супруга вашего я никакихъ не бралъ, и вы можете быть вполне благонадежны, что если бы это и было, какъ вы изволите говорить, то при моемъ капиталѣ и моемъ служебномъ положеніи деньги эти были бы давно при васъ.

А самъ этакъ изогнулся и рукою себѣ повыше груди похлопываетъ, а тамъ у него ужъ орденъ на шеѣ виситъ.

— Но, говоритъ, сострадая вашему несчастному положенію, я могу, говоритъ, въ видѣ пособія...

И полѣзъ въ карманъ и сейчасъ маменькѣ синенькую бумажку протягиваетъ.

Тутъ ужъ не стерпѣла она и; при всей своей деликатной слабости, отчитала его и при чиновникахъ, какъ нельзя лучше, и си-
ненькую, не принявъ въ руку, ногой отшвырнула.

Онъ поднялъ ассигнацію, обдулъ и спряталъ въ свой коше-
лекъ.

— Передъ нами, говоритъ, дама—явно помѣшанная или пья-
ная... Эй! сторожа! освободить присутственное мѣсто отъ посторон-
нихъ!

Маменьку подхватили подъ обѣ руки, но она съ неестественной
силой вырвалась и прокричала ему такія пророческія слова:

— Знай же ты и помни, душегубъ и сиротскій грабитель:
отольются тебѣ сиротскія слезы, и о долгѣ своемъ ты вспоманешь...
придетъ и на тебя лихой часъ! Самъ покойникъ за сиротъ своихъ
вступится, изъ могилы напомнитъ тебѣ въ лихой твой часъ!

И какъ бы вы думали? Вѣдь точка въ точку такъ и сбылось
и въ самое непродолжительное время!

Какъ разъ на третій день послѣ того случилось это самое ве-
ликое наводненіе 7-го ноября 1824 года.

Нашу и свою жизнь маменька спасла тогда, только вотъ бла-
годаря этому самому мезонину, который развалился теперь, а тогда
еще весь домикъ новенькій былъ, крѣпенькій... а многіе сосѣдніе
домики, которые постарше,—вода смыла начисто! Много народу въ
тотъ день погибло! Мы же, хоть милостью Божьею и не утоуили,
но голодной смерти могли ожидать.

Когда вода ушла, маменька натаскала дровъ и щепокъ и лому
всякаго, что послѣ воды осѣло по улицамъ, и стала растоплять
печку, чтобы насъ отогрѣть, а единственную прислугу свою, при-
даную крѣпостную дѣвушку Домну, послала къ лавочнику на про-
спектъ—заложить ради чая и булки съ колбасой свое обручаль-
ное колечко. Но мокрое дерево въ печи только трещало, мокрые
уголья не разгорались въ самоварѣ, а дѣти трясутся и пищатъ
отъ холода и голода; сальный огарокъ нагорѣлъ и чуть свѣтитъ;
Домна чего-то запропастилась. Сидитъ бѣдная маменька на кор-
точкахъ передъ темной печью и холоднымъ самоваромъ и горькими
слезами плачетъ.

Вдругъ заскрипѣли ступеньки деревянной лѣстницы,—кто-то
къ намъ въ мезонинъ поднимается спѣшными мужскими шагами...
Вотъ распахнулась дверь, и Савль Степановичъ входитъ самъ
своей особой! Шинель нараспашку, орденъ на шеѣ, и вдругъ пе-
редъ маменькой моей на колѣни—бухъ! и въ ноги! и кладетъ пе-
редъ нею толстую пачку ассигнацій и столбикъ червонцевъ.

Маменька — ахъ! ахъ! что такое?!—а онъ: простите, говоритъ,
меня, матушка, Марья Дмитріевна! Будьте великодушны! простите
и примите сіе... примите за долгъ мой эту тысячу цѣлковыхъ,
коиими я все же не чаю искупить великую вину мою! Примите эту

тысячу, какъ наслѣдство, завѣщанное сиротамъ отъ ихъ покойнаго родителя... Ибо сбылося, матушка, Марья Дмитріевна, все сбылося по вѣщему и праведному слову вашему! Примите эти деньги: такова воля покойнаго.

А на самомъ лица нѣтъ, и весь какъ осиновый листъ дрожить.

Маменька видитъ, что тутъ Божіе соизволеніе совершается, простила его и даже разспрашивать не стала его сейчасъ-то, что съ нимъ такое приключилось. А тутъ и Домна вернулась съ чаемъ. Общими силами самоваръ разогрѣли, печь растопили и посадила его маменька за столъ чаемъ обогрѣться.

И вотъ что онъ потомъ разсказалъ ей.

— «Хотя уже въ ночь на сегодня буря была, и изъ пушекъ палили, и на адмиралтейской башнѣ сигнальные фонари зажглись, и я могъ это видѣть, живя на Гороховой (куда переѣхалъ, когда получилъ наслѣдство), но я не обратилъ на это должнаго вниманія, потому что только и думалъ объ одномъ моемъ неисправномъ должникѣ: какъ бы не пропали мои денежки? и сегодня, чуть свѣтъ, въ седьмомъ часу утра, побѣжалъ къ нему на Васильевскій островъ, въ 17-ю линію: думаю, обернусь до службы и душу свою успокою. Ненастые было страшное, вѣтеръ съ моря, и вся черная въ бѣлыхъ гребняхъ Нева поднялась и была уже въ уровень съ берегами, но я не вернулся, а добѣжалъ въ 17-ю линію, за Средній проспектъ; нашелъ своего должника у постели больного ребенка и еще тутъ задержался, пока не получилъ отъ его жены золотого браслета въ залогъ... Слышу—снова изъ пушки палить, выбѣжалъ—вода ужъ на улицѣ по щиколотку и быстро прибываетъ. Я бѣжать припустился, а воду волнами такъ и накатываетъ и глубже и глубже. Добѣжалъ до Большого проспекта—вижу вокругъ себя море воды, и съ ногъ ужъ сшибаетъ меня волной-то,—вода по колѣна. Вижу—домъ деревянный строящійся, срубъ этакій крѣпкій стоитъ съ пустыми окнами и дверьми и ужъ подъ крышу подведенъ, и лѣса кругомъ съ лѣсенкой-стремянкой,—я по лѣстницѣ этой влѣзъ, нашелъ укромное мѣстечко на балкѣ потолочной и примостился, думаю — пережду, пока вода убудетъ. Однако, воды все прибывало, и, при полномъ очоженіи моихъ ногъ, пришлось мнѣ тутъ претерпѣть до конца стихійное бѣдствіе. Постройка подо мною вся такъ ходуномъ и ходила, и невозможно было рассчитывать на помощь мятущихся среди волнъ людей, кои всѣ еще въ худшемъ были положеніи, нежели я. Когда стало смеркаться, я услышалъ—у окна, надъ которымъ я примостился, что-то глухо стукнуло въ стѣну, и снова, и снова стукъ да стукъ! Приглядѣлся я внизъ: огромнѣйшій могильный крестъ приплылъ со Смоленскаго и стучится въ стѣну мою... Смотрю, ужъ онъ въ окошко соваться сталъ... то съ волною

отхлынетъ, то опять къ окошку прильнетъ и лѣзетъ въ него, словно живой, только перекладиной задерживается. Вновь отхлынетъ, и снова лѣзетъ въ окно. Вотъ раскочнулъ на волнѣ и угодилъ весь прямо въ окошко, скользнулъ—и успокоился, и заплескался подъ моими ногами. Нельзя словами выразить, что испыталъ я, что передумалъ и перечувствовалъ за этотъ часъ или два—въ виду этого плещущаго и шевелящагося у моихъ ногъ креста... И главный ужасъ въ томъ, что я при всемъ желаніи не могъ отвести отъ него моихъ глазъ. Я видѣлъ раньше, какъ плыли мимо другіе кресты, и гробы плыли, ныряя, и даже одинъ раскрытый гробъ плылъ и волочилъ за собою выпавшую изъ него и прицѣпившуюся платьемъ покойницу. Но видъ ихъ не былъ для меня столь ужасенъ, какъ видъ этого нашедшаго меня креста. Этотъ крестъ, точно магнитомъ, притягивалъ меня къ себѣ. По смерканіи вода пошла на убыль, и, не сводя глазъ съ креста, я могъ видѣть, какъ онъ опускался все ниже и меня будто тянулъ за собой; тутъ мнѣ стоило большого усилія удержаться и не полетѣть внизъ головой. Голова кружилась, и при пустомъ желудкѣ я чувствовалъ сильную слабость. Наконецъ, какъ ни темно было, но я убѣдился, что вода съ улицъ ушла; только въ моемъ срубѣ задержалась еще верхка на три. Крестъ уже не плескался, а лежалъ спокойно. Пора было слѣзать. Но лѣса и лѣстницу стремянку, по которымъ я сюда забрался, унесло водой. Я догадался размотать длинный шарфъ со своей шеи, связалъ его съ галстукомъ и, прикрѣпивъ однимъ концомъ къ строилинѣ, другой спустилъ, но спустилъ не наружу, на улицу, а именно въ свой срубъ, къ кресту, и иначе не могъ поступить. Такъ, по шарфу спустился я, прыгнулъ на полъ, но убѣжать отсюда не могъ... я еще долженъ былъ высѣчь огонь, разжечь фитиль, освѣтить надпись на желѣзной доскѣ, прибитой къ кресту, и прочесть тонкими бѣлыми буквами по черному слова: «Здѣсь успокоился коллежскій совѣтникъ Андрей Платоновичъ Черемухинъ». И знаете ли?—это не удивило меня нисколько. Весь этотъ страшный день я твердо помнилъ ваши слова: «Самъ покойникъ за сиротъ своихъ вступится»... И я зналъ, что это—онъ... Давно зналъ! Когда еще первый глухой стукъ въ стѣну раздался, я ужъ былъ увѣренъ, что это—онъ... «за сиротъ своихъ... въ лихой часъ ко мнѣ...». И я тогда же еще, сидя на балкѣ, зарокъ далъ: какую сумму наличными деньгами найду у себя въ квартирѣ, ту и вручить вамъ для сиротъ его. Когда я прочелъ надпись, то будто какъ отпускъ получилъ, и будто силъ у меня прибавилось,—съ легкостью необычайной спустился я бѣжать къ своей квартирѣ; нашелъ въ ней все въ порядкѣ, ибо живу въ третьемъ этажѣ каменнаго дома. Въ ящикѣ моего письменнаго стола оказалась сумма въ тысячу рублей, какъ я и предполагалъ,—и вотъ, взявъ эти деньги и только переодѣв-

шись въ сухое платье, я устремился къ вамъ, взявъ для скорости перваго попавшагося извозчика, ибо чувствовалъ, что не обрѣту спокойствія душевнаго, пока не вручу вамъ этихъ денегъ и не получу вашего прощенья.

— Богъ вамъ прости!—отвѣтила маменька,—а я ужъ простила... а только дайте вы мнѣ ваше честное слово, что вернете завтра же золотую браслеточку той матери, у которой ребеночекъ боленъ... Ей, можетъ быть, она на доктора, на лѣкарство пригодится...

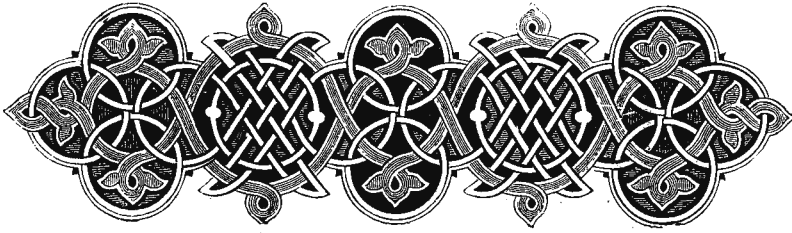
И онъ далъ маменькѣ это слово и исполнилъ его.

Старушка умолкла и забылась, предавшись воспоминаніямъ былого или грусти послѣднихъ часовъ въ родномъ домикѣ на Большой Разночинной улицѣ.

Мой извозчикъ, соскучившись ждать меня, постучалъ кнутовищемъ въ низенькое окно.

А. Бизюкина.

СЕМЬ ДНЕЙ ВЪ КОМЕНДАНТСКОМЪ УПРАВЛЕНИИ.

I.

ВЪ КОНЦѢ восьмидесятихъ годовъ, когда я еще самостоятельно издавалъ и редактировалъ журналъ «Лучъ», помнится, въ ноябрѣ явился ко мнѣ очень приличнаго вида, но нѣсколько озабоченный и взволнованный, штабъ-офицеръ, отрекомендовавшійся полковникомъ Савицкимъ.

Онъ мотивировалъ такъ свой визитъ.

Его мать, тоже вдова полковника, постоянно живущая въ Варшавѣ, подавала прошеніе о пособіи. Случилось это въ лѣтніе мѣсяцы. Не получая отвѣта, она написала сыну, прося узнать о результатахъ ходатайства. По справкамъ, наведеннымъ полковникомъ Савицкимъ въ октябрѣ, оказалось, что пособіе его матери назначено и уже отослано въ Варшаву. Онъ увѣдомилъ объ этомъ мать и направилъ за полученіемъ денегъ въ управленіе варшавскаго оберъ-полицеймейстера, тогда полковника Бутурлина. Далѣе Савицкій разсказалъ, что уже въ ноябрѣ мать написала ему вторично, что была нѣсколько разъ въ управленіи оберъ-полицеймейстера; два раза ей отвѣтили, что никакого пособія ей нѣтъ, а въ третій разъ грубо выпроводили.

— Мало ли васъ тутъ такихъ шляется!—сказали ей.—Будутъ еще всякой пособія выдавать!.. Ничего вамъ нѣтъ—и не будетъ. Нечего и ходить.

Изъ официальной справки, предъявленной мнѣ Савицкимъ, я увидѣлъ, что деньги отосланы въ Варшаву подлежащимъ учрежденіемъ, болѣе полутора мѣсяца назадъ. Гдѣ же онѣ находились?

— Чего же вы отъ меня желаете?—спрашиваю Савицкаго.

— Напечатайте обо всемъ этомъ. Вѣдь это же возмутительно.

— Обратитесь въ которую нибудь изъ ежедневныхъ газетъ.

— Обращался. Ни одна не рѣшается. Боятся запрещенія розничной продажи по жалобѣ Бутурлина, а вашъ «Лучъ» все равно розницы не имѣетъ и съ этой стороны не уязвимъ. Подумайте: не одна моя мать терпитъ отъ задержекъ денегъ мелкими сошкамм оберъ-полицеймейстерскаго управленія. Много такихъ... А Бутурлинъ, къ которому обратилась съ жалобой моя мать, и слышать не хочетъ о возможности у него такихъ злоупотребленій.

Доводы полковника Савицкаго показались мнѣ основательными, и я, уступая его просьбамъ, написалъ и въ ближайшемъ номерѣ напечаталъ рѣзкую статью подъ заголовкомъ: «Жалуется царь, да не жалуется царь»...

Статья была, что называется, черезчуръ. Каюсъ: такая ужъ у меня манера писать, усвоенная еще во дни сотрудничества въ приснопамятномъ журналѣ Г. Е. Благосвѣтлова «Дѣло». Но я въ виду не имѣлъ украшать Бутурлина (вскорѣ, впрочемъ, уволенного) нелестнымъ эпитетомъ, а просто привелъ общеупотребительную пословицу, относя ее къ тѣмъ мелкимъ полицейскимъ сошкаммъ, которыя скрывали пособіе.

Въ статьѣ моей говорилось, что по Петровскому указу за сокрытие царской милости виновнаго полагалось шельмовать: натянуть на деревянную кобылу и бить шелепами ¹⁾. Указъ этотъ не отмѣненъ, но по гуманности, присущей нашей эпохѣ, уже болѣе не примѣняется. «Все же виновнаго въ сокрытіи царской милости,— писалъ я,—шельмовать слѣдуетъ, хотя бы и болѣе современнымъ способомъ; имя его подлежить опубликованію на всеобщій позоръ и осужденіе»...

Черезъ двѣ недѣли Савицкій зашелъ и увѣдомилъ меня, что варшавская полиція вызвала его мать и, съ извиненіями въ задержкѣ, выдала ей деньги. Онъ очень горячо благодарилъ меня за статью, но прибавилъ:

— Кажется, Бутурлинъ подалъ на васъ жалобу.

Не прошло и мѣсяца, какъ я очутился подъ судомъ за диффамацию.

— Почему же не за клевету?—спросятъ.

Потому, что, обвиненный въ клеветѣ, я могъ бы представить письменные документы, очень неприятные для жалобщика.

¹⁾ Шелеповать—измѣненное шельмовать.

На судѣ я защищался самъ. Знакомыхъ адвокатовъ у меня не имѣлось; я никогда не чувствовалъ симпатіи къ этому сословію, за плату охотно представляющему черное бѣлымъ и наоборотъ. Что касается платы денегъ незнакомымъ адвокатамъ, то лишнихъ денегъ у меня не было. О судьбищахъ распространяться не стану. Правосудіе отнеслось ко мнѣ очень снисходительно, приговоривъ всего къ ста рублямъ штрафа, съ замѣною семью днями ареста въ случаѣ несостоятельности. Пока дѣло прошло всѣ инстанціи, минуло нѣсколько лѣтъ. «Лучъ» ускользнулъ изъ моего вѣдѣнія; всѣмъ, кромѣ литературной части, распорядился покойный уже нынѣ Мих. Мих. Сне—скій, человекъ не дурной, но до крайности легкомысленный. За печатаніе журнала я долженъ былъ типографщику Евдокимову (нынѣ за растрату какихъ-то благотворительныхъ суммъ лишенному правъ состоянія) нѣсколько тысячъ. И вотъ С—скій и онъ отобрали у меня изданіе (хозяйственную часть), но редакторомъ я продолжалъ оставаться.

С—скій отказался внести за меня штрафныхъ сто рублей. Онъ божился, что у него такихъ денегъ нѣтъ, и до известной степени это была правда.

Получивъ, какъ замѣнившій меня, широкій кредитъ на бумагу у В. П. Печаткина, онъ взглянулъ на кредитъ съ своей оригинальной точки зрѣнія: сталъ забирать бумагу въ усиленной пропорціи и, постепенно нуждаясь въ деньгахъ, сбывалъ излишекъ по дешевой цѣнѣ жидкамъ типографщикамъ. Кромѣ того, онъ бланкировалъ у Печаткина и еще у кое-кого свои векселя на значительныя суммы въ расчетѣ на грядущую подписку. Продѣлывалось это съ непонятнымъ легкомысліемъ, а что пріобрѣталось, тратилось безъ дальнихъ думъ. С—скій частенько сидѣлъ безъ гроша. Подписка на «Лучъ» была все еще не дурна. Куда же дѣвались деньги?

Я уже сказалъ, что С—скій былъ легкомысленъ. Онъ занималъ большую квартиру на Невскомъ; пышно меблировалъ ее; наставилъ въ кабинетѣ чучель и какихъ-то горшковъ, за которые платилъ по сто и болѣе рублей; спальня у него была обита персидскими шаями и, какъ у кокотки, уставлена поддюжиной огромныхъ зеркалъ. Имѣлъ онъ двухъ секретарей и собственный, обильно снабженный винами и ликерами погребъ. Кажется, онъ содержалъ одновременно чуть ли не трехъ подругъ жизни, а у подрузда помѣщенія редакціи постоянно дежурили или рысакъ или щегольская коляска. Около него толклась цѣлая фаланга прихвостней, наталкивавшая слабохарактернаго человекъ на нелѣпыя траты и пользовавшаяся при этомъ.

На мои представленія, что такіе порядки могутъ плохо кончиться, жуиръ только отшучивался и увѣрялъ, что у него, какъ нѣкогда у французскаго генерала Трошю, имѣется «свой» планъ, и

все отлично устроится. Относительно уплаты за меня 100 рублей штрафныхъ онъ успокаивалъ меня, говоря, что торопиться не къ чему.

— Подойдетъ подписка, получу деньги—и заплачу.

Что за типъ былъ въ сущности этотъ С—скій, лучше всего даетъ понятіе слѣдующій инцидентъ.

Онъ не былъ литераторомъ, и, конечно, въ литературномъ мірѣ его никто не зналъ. На юбилей «Петербургскаго Листка», явившись въ литературную семью, онъ, расфранченный, надушенный и даже слегка подмалеванный, съ орденомъ на шеѣ и въ шикарномъ фракѣ, взиралъ на скромную братію свысока и возбудилъ любопытство:

— Кто это такой?—спрашивали.—Писатель?!

— Да, писатель.

— Что же онъ пишетъ?

— Векселя...

Теперь немало такихъ писателей, но тогда онъ былъ почти «уника», и шутка возбудила общій смѣхъ.

II.

Былъ очень прескверный осенній день. Жилъ я на Моховой, въ меблированныхъ комнатахъ—пріютѣ цирковыхъ артистовъ; въ одномъ изъ своихъ романовъ я и описалъ эти комнаты очень типичныя. Обстоятельства мои тогда были тѣсныя и скверныя. Жаль было «Луча», мною основаннаго, моими трудами достигшаго довольно широкой извѣстности, и вотъ, вотъ готоваго погаснуть, и, что еще хуже, въ немъ уже работали, несмотря на мои протесты, несимпатичныя мнѣ личности: нѣкій Гейнце, М. Майковъ и разныя дамы, явно заимствовавшія свои романы и повѣсти изъ иностранныхъ литературъ. Тогда плагиатъ не успѣлъ еще войти въ домашній обиходъ писателей извѣстной марки.

— Къ тебѣ пришелъ околоточный,—сказала мнѣ жена, открывая дверь кабинета.

— Околоточный! А зачѣмъ?

— Не знаю. Принесъ какую-то бумагу.

Бумага оказалась приглашеніемъ пристава пожаловать къ нему для объясненій по важному дѣлу.

Надѣваю пальто и иду.

— Ты поторопись вернуться. Пора обѣдать,—говорить мнѣ жена на прощаніе.

— Вернусь черезъ полчаса. До участка десять шаговъ.

«истор. вѣстн.», мартъ, 1906 г., т. хххх.

По губамъ околоточнаго надзирателя мелькнула загадочная улыбка. Но я не обратилъ на это вниманія.

Въ участкѣ приставъ просить обождать въ особой комнатѣ. Жду. Хочу спросить, долго ли мнѣ еще ждать. Пытаюсь отворить дверь—заперта.

— Что бы это значило? Неужели я подѣ арестомъ?

Время было тревожное. Все можно было предполагать. Но я напрасно ломаю голову, усиливаясь дознать причину моего внезапнаго ареста. О приговорѣ суда къ штрафу въ 100 рублей (не уплаченному) и о замѣнѣ его арестомъ на гауптвахтѣ по дѣлу Бутурлина я давнымъ давно забылъ. Со дня перваго судебного рѣшенія прошло болѣе двухъ лѣтъ.

Проходитъ часъ, сижу взаперти и томлюсь неизвѣстностію. Наконецъ дверь отворилась; вошелъ приставъ.

— За что вы меня арестовали?—спрашиваю.

— А это вамъ скажутъ тамъ, куда я васъ сейчасъ отошлю,—отвѣчаетъ онъ.

— Куда же вы меня отошлете?

— Въ комендантское управленіе.

Часъ отъ часу не легче.

— Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, зайти домой, взять вещи и успокоить жену.

— Не могу. Изъ комендантскаго управленія письмо напишете. Тамъ это въ правѣ разрѣшить, а я не могу.

Меня взорвало.

— Человѣкъ вѣдь вы?—спрашиваю его.—Не предупредивъ, вы завлекли меня сюда. У меня большая жена... Что она теперь переноситъ? И за что все это?

Улыбнулся только приставъ и пожалъ плечами.

Очутился въ канцеляріи комендантскаго управленія—большой свѣтлой комнатѣ, наполненной писарями. Здѣсь совѣмъ инымъ духомъ вѣяло, и не было никакой таинственности.

Можно судить, какое волненіе я испытывалъ, пока везъ меня околоточный, подозрительно наблюдавшій, чтобы я какъ нибудь не улизнулъ, пока въ канцеляріи комендантскаго управленія раскрыли мнѣ тайну ареста.

Тогдашнія горькія впечатлѣнія улетучились, и теперь становится даже смѣшно, когда вспомнишь тогдашніе мои страхи. Но, сидя въ закрытомъ экипажѣ съ угрюмымъ бутаремъ, отмалчивавшимся на всѣ мои вопросы, и перебирая свои воспоминанія, въ тщетныхъ поискахъ открыть причины ареста, я страдалъ и физически и нравственно, боялся за близкихъ мнѣ людей, боялся за то, что вотъ они останутся безъ средствъ, лишась моихъ заработковъ, если арестъ мой будетъ продолжителенъ

.

— Васъ арестовали по приговору суда, по дѣлу Бутурлина, и вы у насъ просидите всего семь сутокъ,—улыбаясь сказалъ мнѣ молодой офицеръ, младшій сынъ бывшаго военнаго министра Ванновскаго, служившій тогда, кажется, плацъ-адъютантомъ.

— Только-то!—и я вздохнулъ свободно.

— А можно мнѣ послать отсюда съ письмомъ когонибудь?—спрашиваю.

— Отчего же нельзя? Пишите.

— Письмо мое предварительно отсылки будутъ читать?

— Ни въ какомъ случаѣ. Пишите, что хотите.

— Я редактирую журналъ. Кромѣ жены, свиданье съ которой прошу мнѣ разрѣшить, еще мнѣ необходимо видаться съ секретаремъ редакціи. Можно это устроить?

— А вотъ я о вашей просьбѣ сейчасъ доложу коменданту, генералу А—ну.

Офицеръ вернулся и объявилъ, что комендантъ разрѣшилъ съ женой два свиданья въ день и одно съ секретаремъ редакціи.

— Васъ посадятъ, такъ приказалъ генераль А—нъ, въ тотъ самый номеръ, въ которомъ нѣкогда содержался арестованный Лермонтовъ. У насъ этотъ номеръ такъ и называется литераторскимъ,—добавилъ плацъ-адъютантъ и передалъ меня унтеръ-офицеру для водворенія по назначенію.

III.

Номеръ, въ которомъ содержался Лермонтовъ, и въ который меня посадили, былъ довольно большой комнатою съ однимъ окномъ, выходившимъ на дворъ, но не прямо, а на балкончикъ—въ родѣ галлерейки, окружавшей всѣ флигеля комендантскаго управленія, кромѣ высокаго, мрачнаго зданія напротивъ моего окна; въ этомъ флигелѣ всѣ окна были съ желѣзными рѣшетками. У единственныхъ дверей внизу стояла карета тоже съ окошками, закрытыми рѣшетками. Я глядѣлъ съ любопытствомъ, ожидая, что будетъ. Съ обѣихъ сторонъ отъ дверецъ экипажа до входа стали рядами солдаты; кого-то высадили и торопливо протолкнули въ дверь. Дверь заперлась, карета уѣхала, и дворъ опустѣлъ.

Никто не ходилъ по этому двору; нигдѣ не было даже признаковъ, что здѣсь люди живутъ. Сумерки сгустились; пошелъ дождь, издали только доносился глухой гулъ городской ѣзды. Но этотъ гулъ казался такимъ далекимъ, точно исходилъ совсѣмъ изъ другого міра.

На сердцѣ у меня сдѣлалось очень тяжело.

Осматриваю свой номеръ. Высокій потолокъ, довольно таки закоптѣлый; обои грязные, на нихъ нацарапаны надписи все больше ругательныя; въ углу узкая желѣзная кровать съ тощимъ тюфяч-

комъ и не совѣмъ чистымъ тканевымъ одѣяломъ. Возлѣ окна простой столъ, выдвинувъ ящикъ котораго я увидѣлъ мириады таракановъ. По бокамъ стола стояли два стула изъ такъ называемой дачной мебели—и больше ничего. Дверь заперта. Въ ней прорѣзано оконце, и вставленъ въ прорѣзь фонарикъ. Фонарикъ зажгли, было уже темно, и свѣтъ его падалъ прямо на изголовье кровати. Плохая лампа, которую усатый и очень грязный солдатъ-служащий поставилъ на столъ, больше чадила, чѣмъ свѣтила.

— Послѣ десяти часовъ вечера мы ее уберемъ,—предупредилъ онъ меня.—Ночью держать огонь строго воспрещено.

За дверями, мѣрно и звучно топая, ходитъ часовой и каждыя десять-пятнадцать минутъ заглядываетъ въ оконце: что дѣлаетъ арестованный и не скрылся ли?

Тишина. Гдѣ-то поблизости переговариваются солдаты, и звенятъ ружья. Тоскливо и даже жутко дѣлается среди тюремнаго безмолвія и мрака, понемногу окутывающаго углы комнаты. Улегся я было спать, но заснуть не могъ.

— Что-то теперь обо мнѣ думаетъ жена? Дозналась ли она, гдѣ я и за что арестованъ?—думая такъ, напрасно жмурилъ я глаза; опасенія не давали успокоиться. Къ тому же проклятый фонарь свѣтилъ прямо въ глаза. Попробовалъ было я закутать голову одѣяломъ—не помогало, да и отъ одѣяла пахло чѣмъ-то сквернымъ. Пришлось отбросить его прочь подальше. Всю первую ночь заключенія я проворочался съ боку на бокъ. Какія-то необыкновенно крупныя блохи кусали меня; странныя, горячечныя мысли лѣзли въ голову; мыши бѣгали галопомъ изъ угла въ уголъ, пищали, дрались... Очевидно, и между ними, какъ между людьми, миръ исключеніе, а война—общее правило. Около полуночи раздался страшный шумъ. Въ коридорѣ слышались ругательства, сдавленные вопли; что-то тяжелое, упиравшееся, волокли... Сосѣдняя дверь отворилась; еще нѣсколько минутъ слышался шумъ, и наконецъ все утихло.

Вскочивъ съ постели, я подбѣжалъ къ оконцу въ дверяхъ, пытаясь заглянуть, и встрѣтилъ фізіономію часового, заглядывавшаго ко мнѣ.

— Что это такое?—спрашиваю.—Кто кричалъ?

Часовой отходить, не отвѣчая.

Какъ длинно, бесконечно длинно тянулась ночь!

— Кого это привезли?—думалось мнѣ.—Сопrotивлялся, кричалъ, волокли... Какія драмы совершаются тутъ?

Проходивъ по комнатѣ до утомленія, я отворилъ форточку и высунулъ голову въ окно. На галлерей шагавъ въ десяти стоялъ часовой съ ружьемъ.

— Эге, да тутъ крѣпко!—подумалъ я.

Городская ѣзда совѣмъ прекратилась. Это былъ тотъ мертвый часъ, когда притихаетъ и неугомный Петербургъ. Наконецъ

разсвѣло. Явился служитель-солдатъ и принесъ чайникъ съ кипяткомъ.

— Нельзя ли получить самоваръ? Мнѣ надо купить чая, сахара, булокъ.

— Можно. Его превосходительство все это арестованнымъ разрѣшилъ.

— Кого это привезли сегодня ночью?

— Казака какого-то привезли.

— Кричалъ онъ, волокли его. Ты не знаешь, за что онъ арестованъ?

— Намъ это неизвѣстно. Спросите у полковника плацъ-майора. Они къ вамъ сегодня зайдутъ.

Но плацъ-майоръ ко мнѣ не зашелъ. И вообще во всѣ дни моего пребыванія въ комендантскомъ управленіи я его не видалъ.

Около двѣнадцати часовъ изъ окна увидаль я мою жену, торопливо бѣжавшую по галлерейкѣ. Послышались голоса: ефрейтора! Зазвенѣли ружья. Кто-то крикнулъ: пропустить! и жена, въ слезахъ, красная отъ испуга, влетѣла въ мою камеру и долго не могла слова сказать отъ волненія. До вечера она не знала, гдѣ я. Въ участкѣ, куда она ходила, г. приставъ не вышелъ, а околоточный заявилъ:

У насъ вашъ супругъ болѣе не содержится.

— Гдѣ же онъ? куда отправленъ?

— Не въ правѣ сообщить. Своевременно васъ увѣдомятъ...

Очень характерно это «своевременно васъ увѣдомятъ», куда дѣвался дорогой вамъ человѣкъ, сказанное женщиной, потерявшей голову отъ отчаянія.

Слушая эти скорбныя повѣствованія, я никакъ тогда не могъ взять въ толкъ, да и теперь не понимаю, зачѣмъ въ участкѣ понадобились всѣ эти таинственности въ дѣлѣ моего ареста.

— Я бы просто не пережила ночи,—говорила мнѣ жена,—не зная, куда тебя увезли. Къ счастью, загадка разъяснилась: заѣхавъ къ сестрѣ Во—битъ, нашла я у нея Катерину Павловну С—кую, двоюродную сестру Ванновскаго (нынѣ уже покойную), нарочно посѣтившую В—битъ, чтобы сказать ей, что племянникъ ея, возвратясь со службы, передавалъ объ арестѣ редактора «Луча» за диффамацию на семь сутокъ.

Разумѣется, жена сейчасъ же поѣхала въ комендантское управленіе, но былъ уже десятый часъ, и ея не пустили.

Боже мой! сколько тутъ незаслуженной муки и ненужныхъ тревогъ!

Въ этотъ день я кое-какъ устроился въ моемъ заключеніи. Постель, подушки и одѣяло мнѣ доставили изъ дома; за обѣдомъ разрѣшено было посылать въ трактиръ.

— Если прикажете, могу и водки принести. Запрещено это, но для васъ постараюсь,—умильно улыбаясь, предложилъ мнѣ солдатъ-служитель.

— Нѣтъ, не надо. Я водки не пью.

Онъ удивленными глазами посмотрѣлъ на меня.

— А табаку прикажете? Это тоже запрещено, но ничего—пронесу.

— Благодарствуй. Я не курю.

Служитель ушелъ разочарованный.

Въ два часа пополудни пришелъ секретарь редакціи и сообщилъ, что Михаилъ Михайловичъ (С—скій) очень огорчился моимъ арестомъ, хотѣлъ сейчасъ же внести сто рублей, но денегъ не принесли, сказали, что уже теперь поздно...

Еще принесъ онъ мнѣ для просмотра романъ г. Г—це...

Замѣчательно бездарный писака! Ни одной живой сцены на протяженіи ста съ чѣмъ-то листовъ мелко исписанной рукописи.

Присланныя мнѣ книги были пропущены безъ осмотра.

Самое неприятное были формальности, строго соблюдавшіяся при впускѣ посѣтителей: всякій разъ слышались крики: ефрейтора! звенѣли ружья, раздавался откликъ: «пропустить»,—и посѣтитель проскользалъ въ камеру и напуганный и разсерженный.

Въ восемь часовъ всѣ посѣтителы ушли. Я сѣлъ писать.

Весь день двери камеръ не запирались. Арестованные могли посѣщать другъ друга, не выходя впрочемъ изъ коридора, о чемъ мнѣ предупредительно сообщилъ служитель. Но, разумѣется, итти къ незнакомымъ людямъ, занимавшимъ сосѣднія камеры, у меня не было ни малѣйшей охоты.

Незадолго до запора дверей моей камеры послышался стукъ: кто-то забарабанилъ пальцами. Вошелъ высокій, тучный казакъ офицеръ. Это былъ настоящій гигантъ, съ плечами шириною въ косую сажень. На головѣ топорщился цѣлый стогъ черныхъ, включенныхъ волосъ. Красно багровое лицо, большой носъ фіолетоваго оттѣнка и маленькіе воспаленные глаза дополняли портретъ. Говорилъ онъ хрипло, такъ называемымъ пьянымъ басомъ. Гость оглянулъ меня и произнесъ:

— Здравствуйте! вы, господинъ, и будете литераторъ?

— Я редактирую журналъ. Пожалуйста, присядьте.

— Сяду-съ. Не беспокойтесь. Мнѣ такъ и сказали: здѣсь сидитъ литераторъ, я и зашелъ. Погляжу, думаю, какой такой литераторъ? Скучно одному, батенька, торчать въ этой западнѣ.

— Побесѣдуемъ въ такомъ случаѣ.

— Гм!... побесѣдуемъ. А предварительно надо бы того...

Казакъ при этомъ подмигнулъ мнѣ.

— Чего это «того»?

— Водки. Понимаете: водки. Какой, однако, вы не догадливый, а еще литераторъ.

— Нѣтъ у меня водки. Не пью.

— Не пьете?! Да полно скромничать: навѣрное вышиваете?

— Не пью, говорю вамъ.

— Странно, очень странно. Литераторъ—и не пьетъ. Мнѣ сказывали: всѣ литераторы пьютъ, не хуже нашего брата военнаго.

Казакъ, молча, просидѣлъ съ минуту и, улыбаясь, дружески трепля меня по колѣнкѣ, сказалъ:

— Пошлите за водкою.

— Не могу. Это запрещено. Отчего вы сами не пошлете?

— Приказано строго-настрого мнѣ не давать водки. Такъ я ничего—человѣкъ, а какъ выпью—буяню. Не пить, иначе, мнѣ невозможно. Подъ грудью вотъ тутъ сосетъ. Змѣй водочный у меня и сосетъ за сердце.

— Какіе пустяки вы рассказываете!

— Вы не вѣрите? Ну, да вы—литераторъ. Литераторы, сказываютъ, и въ Бога не вѣруютъ.

— За что вы попали сюда?—спрашиваю.

— А чортъ ихъ знаетъ, за что посадили?

— Это васъ привезли вчера, въ третьемъ часу ночи? Еще шумъ былъ...

— Коли шумъ былъ, значитъ—меня. А за что арестовали, вамъ не скажу. Поѣхалъ я гулять за городъ. Ну, всеконечно, пили и шумѣли. Какого-то штафирку я точно билъ, полицейскому тоже досталось — не суйся. А дальше, что случилось не упомяну. Сегодня просыпаюсь: ба! знакомое мѣсто. Я уже тутъ разъ сидѣлъ. Чувствую: во рту точно эскадронъ ночеваль—мерзостно и засосало. Водки бы выпить. Мнѣ и говорятъ: рядомъ литераторъ сидитъ. У него навѣрное водка есть.

Я и пришелъ къ вамъ.

— Очень жаль, но водки у меня нѣтъ.

— Такъ таки совсѣмъ нѣтъ?

— Такъ таки совсѣмъ нѣтъ.

— И не спосылаете за водкою? Видите: главное денегъ у меня нѣтъ, но когда я выйду—не сомнѣвайтесь, щедро вознагражу васъ. Слово честнаго офицера.

Казакъ порядочно начиналъ надоѣдать мнѣ.

— Не въ деньгахъ, говорю, дѣло. Но не могу я способствовать покупкѣ вина. Вотъ вы сами сознаетесь: какъ выпьете, можете буянить. Я попаду въ отвѣтъ.

— Странно, очень странно и даже не благородно,—въ раздумѣ проговорилъ казакъ и поднялся уходить.

— Куда же вы?

— А водки не будетъ?

— Нѣтъ, водки не будетъ. Чаю, если хотите, велю подать?

— Безъ рому вашъ чай?

— Безъ рому, съ булками.

Казакъ плюнулъ съ презрѣніемъ и, не поклонившись, вышелъ.

IV.

Страшная тоска овладѣваетъ мною. Особенно невыносимо долго тянутся вечера. Читать трудно при свѣтѣ казенной лампы, да и ту въ десять часовъ уносятъ. Камера освѣщается только лампочкою, поставленной въ прорѣзи дверей. Какъ тутъ читать?

Чтобы убить время, ходишь въ полумракѣ изъ угла въ уголь, до тѣхъ поръ ходишь, пока наконецъ теряешь представленіе о времени и мѣстѣ, въ которомъ находишься. Въ головѣ какой-то хаосъ. Событія жизни проходятъ безконечною, пестрою вереницею. Я ли, не я ли во всемъ этомъ участвовалъ? Какъ будто и не я... кто-то другой. Мучительно, до слезъ болѣзненно желается вернуть это прошлое. Гдѣ теперь затерянные, погибшіе, близкіе сердцу люди? Чаще всего я раздумываю о событіяхъ 1863 года и о моемъ участіи въ этихъ событіяхъ. Тогда было за что попасть въ одиночную камеру, однако вотъ не попалъ. А теперь—чортъ знаетъ за что—сичу. Бугурлинъ уволенъ, значитъ, я писалъ про него правдиво; жуиръ Спер—скій пожалѣлъ ста рублей, и меня засадили.

— Напиться развѣ?—приходило мнѣ не разъ въ голову въ тяжелые часы моихъ ночныхъ томленій.—Напиться и заснуть. Проклятая лампочка въ дверяхъ, выжигающая глаза, тогда пьяному не помѣшаетъ спать. Служитель-солдатъ мигомъ доставить водку. Казаку онъ таки доставилъ живительную влагу и взялъ съ него, за немѣнимъ у казака наличныхъ, расписку. Напиться развѣ?

Я, однако, устоялъ отъ соблазна.

Днемъ въ камеру зашелъ ко мнѣ котъ, большой, толстый сѣрый Васька. Какъ я обрадовался и приласкалъ его! Все же товарищъ молчаливый, ласковый... Чего еще? Оставилъ кота ночевать; думалъ: напугаетъ мышей. Ничуть не бывало: мурлыча, онъ проспалъ всю ночь на столѣ, а мыши продолжали эскадронами бѣгать по камерѣ. Онѣ пищали, топали, дрались и добирались до остатковъ сѣстного, а жирный Васька, равнодушный ко всему, только изрѣдка открывалъ свои желтые глаза; прослѣдить лѣниво за убѣгающею мышью и снова невозмутимо дремлетъ.

Подражая его благоразумію, я тоже рѣшилъ быть равнодушнымъ ко всему и ждать терпѣливо исхода роковой недѣли ареста.

Кажется, на четвертый день заключенія, вставъ поутру, увидѣлъ я, что солнце ярко свѣтило въ окно; виднѣется синее небо, и гулъ жизни большого города ясно доносится черезъ открытую форточку. Захотѣлось, мучительно захотѣлось глотка свѣжаго воздуха. Подумалъ: отчего бы мнѣ могли отказать въ разрѣшеніи выйти погулять, хотя бы только на галлерейку? Надо попробовать попроситься.

Написалъ письмо на имя коменданта и передалъ служителю для передачи. Отвѣтъ пришелъ не милостивый: нельзя допускать

арестованныхъ гулять по галлерей... Пусть литераторъ сидитъ въ камерѣ и глупостей не выдумываетъ.

— Такъ и сказали: пусть глупостей не выдумываетъ?—спрашиваю.

— Такъ и сказать изволили, а письмо разорвали.

Какія же это глупости—пожелать глотокъ чистаго воздуха?

На пятый день зашелъ самъ генералъ А—онъ, высокій, сухощавый, очень благообразный, но очевидно чѣмъ-то возстановленный противъ литературы вообще, а, можетъ быть, и противъ меня специально. Войдя, онъ не поклонился, а, продолжая начатый разговоръ, осмотрѣлъ камеру и проговорилъ:

— Просторъ, чистота, воздуху много... Чего еще захотѣлось? Какія тутъ прогулки? Коли засадили—и отсиди. Не правда ли?

Сопровождавшій генерала офицеръ подтвердилъ:

— Точно такъ, ваше превосходительство.

Очевидно, вся эта реплика относилась къ моей просьбѣ: дозволить прогулку по галлерей.

Собираясь уходить, А—нъ подмигнулъ мнѣ насмѣшливо и спросилъ:

— А что, господинъ литераторъ, довольны вы здѣсь, въ комендантскомъ управленіи, своимъ мѣстомъ?

— Доволенъ, отвѣчаю. Но все же не настолько, насколько ваше превосходительство довольны здѣсь своимъ.

Лицо генерала покрылось краскою. Онъ произнесъ нѣсколько разъ: а! а! и ушелъ.

Больше этого начальства я уже не видалъ. Ночью приѣзжало и осматривало камеры заключенныхъ другое начальство. Кто такою приѣзжалъ—не могъ дознаться. Со свитою нѣсколькихъ чловѣкъ начальство это ходило по камерамъ, дошло до моей двери.

— Тутъ кто сидитъ?—послышался громкій вопросъ.

Послѣдовалъ докладъ вполголоса:

— Литераторъ за пасквили...

Еще что-то было добавлено къ моему кондуктному списку.

— А ну его къ чорту!—проговорилъ сердитый голосъ. И начальство меня не посѣтило.

Самое тяжелое время для меня были седьмыя сутки. Ахъ, какъ хотѣлось вырваться поскорѣе! Вѣроятно, за мой нелюбезный отвѣтъ А—нъ не разрѣшилъ въ этотъ день допустить ко мнѣ посѣтителей: ни жена, ни секретарь не явились. Прошелъ часъ свиданій—и никого. Сердце защемила тоска. Спрашиваю служителя о причинѣ. Наклоняется къ уху и конфиденціально сообщаетъ.

— Разсердили вы генерала. Не приказалъ къ вамъ пуцать съ воли... И за обѣдомъ тоже не велѣно ходить. Пусть литераторъ, говорилъ мнѣ генералъ, ѣсть, что даютъ другимъ. Не велика птица.

Но обѣдъ, хотя и вечеромъ, былъ мнѣ, однако, доставленъ.

Медленно тянулся день. Мнѣ вспомнилось выраженіе поэта: день потерялъ свой конецъ... Да, по временамъ казалось, что и мой послѣдній день заключенія навѣрное потерялъ свой конецъ. Прочелъ всѣ газеты, даже иностранные отдѣлы ихъ, отъ доски до доски; прочелъ корреспонденціи, въ которыхъ обличались разные думскіе и земскіе дѣятели разныхъ Царевосанчурсковъ и Нахичеваней, проштудировалъ фельетонъ Буренина, избивающаго литературныхъ младенцевъ,— и вдругъ мнѣ пришло въ голову: не сидѣлъ ли онъ когда либо въ одиночномъ заключеніи, и не отъ того ли такъ озлобленъ талантливый писатель?

Я самъ чувствовалъ такіе приливы злости, какихъ не ощущалъ ни прежде, ни послѣ во всю мою жизнь.

Опять зашелъ казакъ. Онъ оказался немного подъ шофе. Не то, чтобъ очень пьянъ, а такъ—веселъ безконечно... Съ нимъ притащился какой-то субъектъ, тоже, должно быть, военный и тоже не совсѣмъ трезвый.

— Литераторъ, хотите, сыграемъ въ карты?—предложилъ казакъ.

— Въ карты? да развѣ здѣсь можно? И картъ нѣтъ.

— Эге! поглядите-ка: а это что?

И казакъ вытащилъ колоду картъ изъ кармана своихъ широчайшихъ шароваръ.

Но я отъ игры съ пьяными рѣшительно отказался.

— Начальство узнаетъ,—говорю.—Нельзя.

— И пусть узнаетъ. Что оно, напримѣръ, со мною сдѣлаетъ? Отберетъ карты... наплевать: другія достанемъ. Спросить у меня, кто передалъ карты. Отвѣчу: ангелъ ночью принесъ, сжалился надъ скучающимъ человѣкомъ... Можетъ, не вѣришь, а мнѣ опять одно: наплевать. Скука сидѣть такъ-то, голубчикъ литераторъ. И что это за кара такая, этотъ арестъ: поскучай и только. Ну, я поскучаю и опять за прежнее, чтобы прогнать скуку. Водки мы добыли вотъ съ нимъ... Это—Васюкъ...

Казакъ ткнулъ при этомъ пальцемъ въ грудь своего товарища и продолжалъ:

— Рекомендую: отличный человѣкъ. Васюкъ сидитъ здѣсь уже третій мѣсяцъ. Тамъ у него въ казенномъ сундукѣ недочетъ оказался... мыши завелись. Вы не вѣрите, что бы мыши могли перегрызть билеты? Какъ честный офицеръ, ручаюсь: могли.

Пьяный казакъ при этомъ выпучилъ на меня свои глаза. Еще минута, и онъ впалъ бы въ азартъ. Но, къ счастью, этого не случилось.

— Играемъ что ли? Штосикъ заложу, или вы, пожалуй, закладывайте. Васюкъ свирѣпо понтируетъ.

— Не буду играть. Никогда не игралъ.

— Попробуйте. Начинаящимъ всегда чортовски везетъ. Ну, голубчикъ, не упрямясь: закладывай маленькій банчишка—такъ отъ скуки, рубликовъ пятокъ... Знаю: деньги имѣете. А?

— Отъ скуки я дамъ вамъ книгъ. Читайте.

— Читать! это ваши сказки-то читать? Много благодаренъ.

Въ голосѣ говорившаго послышалась даже нотка обиды.

— Я и въ школѣ читать не любилъ, а теперь... Ну, ихъ къ чорту, ваши книги! Такъ что ли, Васюкъ?

Васюкъ подтвердилъ, что это именно такъ.

Посѣтители ушли.

Стемнѣло. Лампы долго не подавали. Ходилъ, думалъ и злился. Вечеромъ попробовалъ читать, писать, даже стихи пытался сочинять—и все не удавалось.

— И какъ вы, баринъ, мучитесь!—пожалѣлъ меня служитель.— Угораздило же васъ попасть въ комендантское! На гауптвахтѣ много вольготнѣй.

— Чѣмъ же тамъ вольготнѣй?

— Помилуйте: общество есть. Здѣсь вѣдь какіе сидятъ? Сами видѣли. А тамъ за легкія провинности все больше посажены. Потомъ—караульный офицеръ, благородный баринъ... За чѣмъ хотите спосылать можно, а у насъ—строгости.

— Водку казаку ты, однако, проносишь.

Онъ засмѣялся.

— Никакъ ему невозможно безъ водки. Привыкъ съ младенчества, можно сказать. Змѣй водочный у него внутри, самъ сказывалъ. И бѣда, коли не дать ему выпить. Заболѣетъ такой, сразу заболѣетъ. Въ чахотку вдарится, какой ни на есть здоровенный. Табакъ опять же... Безъ этого зелья, кто привыкъ, не вытерпитъ. Вотъ даже тѣмъ табакъ потихоньку проносятся...

И солдатъ указалъ на корпусъ напротивъ, окна котораго были съ желѣзными рѣшетками.

— Кто тамъ сидитъ?—спрашиваю.

— Подслѣдственные тамъ сидятъ. За важныя провинности посажены. Вотъ вы томитесь. Семь дней—не великъ срокъ. И что у насъ за строгости? А тамъ такъ строگونько. Не приведи Господь и попасть...

Я долго смотрѣлъ на окна таинственнаго корпуса. Вездѣ было темно, только въ одномъ верхнемъ окошкѣ мерцалъ огонекъ. Сквозь частую рѣшетку мнѣ померещилась даже чья-то тѣнь.

— Кто тамъ сидитъ?—думалось.—Сидитъ и томится и смотритъ на огонекъ моей лампы, какъ я смотрю на его огонекъ. Меня завтра выпустятъ, а онъ останется... У него навѣрное есть близкіе: жена, дѣти, любимая-особа, и отъ всего-то онъ отрѣзанъ. Сидитъ и, когда освободится,—не вѣдаетъ.

Страшное положеніе.

Въ наши дни въ модѣ тенденція упразднить всѣ наказанія, кромѣ тюремнаго заключенія. И это якобы вызвано гуманностію. Да развѣ тюрьма — гуманна? Какъ ее ни облагораживай, все же

тюрьма. Негра какъ ни мой, бѣлымъ не будетъ. Такова и тюрьма. Немного въ ней гуманности. По мнѣ, одиночное заключеніе для развитого, мыслящаго человѣка—самое ужасное, самое безчеловѣчное наказаніе. Въ благоустроенной тюрьмѣ даже спать не дозволяютъ больше положеннаго. Вредно!—говорятъ. А думать, думать и не имѣть права забыться во снѣ—это развѣ не вредно?!

Сопоставимъ смертную казнь и долговременное одиночное заключеніе. Смертная казнь легче. Смерть—ужасное мгновение; тюрьма—ужасные годы. Каторга, работы въ шахтахъ—и одиночная камера. И тутъ каторжная казарма является степенью легче. Каторжниковъ только за провинности сажаютъ въ одиночную камеру. Прочтите «Мертвый домъ» Достоевскаго... А наши юристы вообразили, что они весьма милосердны, осуждая человѣка сидѣть мѣсяцы, годы одиноко со своими мыслями. Тюрьма, арестъ для крестьянина, простого человѣка тяжелѣе розогъ и гораздо болѣе деморализируютъ. Тюрьма приучаетъ его, рабочаго человѣка, ничего не дѣлать. Тѣлесное наказаніе, не спорю, унижаетъ. Но тюрьма накладываетъ несмываемое пятно.

Всю ночь мнѣ опять не удалось уснуть.

Отъ скуки сталъ слѣдить за крысами.

Онѣ очень смѣлы. Когда я нахожусь въ дальнемъ углу, безцеремонно влѣзаютъ на столъ, грызутъ хлѣбъ и прочее. Вотъ взобралась большая, толстая, старая крыса. Шерсть на ней вылѣзла мѣстами, очень безобразна, но глаза умные, зорко смотрятъ. Я не двигаюсь, и она послѣ небольшого колебанія рѣшаетъ: опасности нѣтъ, можно заняться ѣдой. Грызетъ... Приостановится, посмотритъ на меня и опять грызетъ. Голодна... За старой крысой взобрались мышата. Пискъ, драка изъ-за добычи. Одинъ мышонокъ укушенный свалился и долго, жалобно пищалъ. Еще и еще появляются крысы и мышата. И сколько же ихъ! Грызутъ, что подвернется, съ ожесточеніемъ.

Прошла ночь. Наступило утро. До освобожденія остается всего нѣсколько часовъ. Принесли газеты... Богъ съ ними: даже строкъ не разбираю.

— Кушайте, баринъ, чай. Съ освобожденіемъ поздравляю,—говоритъ служитель.

Но чай остается не тронутымъ: не до него. Сердце бьется усиленно; слѣжу за стрѣлкою часовъ: какъ будто и не подвигается. Даю солдату рубль и велю сбѣгать узнать, нѣтъ ли кого, ожидающаго меня въ приемной.

— Нѣтъ, говорить, никого нѣтъ.

Значитъ, еще рано. Просовываетъ голову казакъ.

— А вы на свободу?—спрашиваетъ.

— Да, сегодня срокъ.

— Поздравляю. Мнѣ выходить на волю еще не скоро. Одолжи, литераторъ, рубликовъ пятокъ.

Даю съ охотою.

— Возвратить обѣщаюсь: порукою слово, какъ честный офицеръ. За казакомъ приходитъ несчастный Васюкъ.

Онъ не рѣшается просить, но глядитъ такъ жалобно.

— Не осталось ли у васъ неравно табаку или чаю, сахару? Уступите человѣку въ несчастіи.

Даю ему все, что онъ просить, и вдобавокъ три рубля.

Служитель солдатъ очень обиженъ. Все это онъ считалъ своею неотъемлемою добычею. Но онъ свободенъ и зарабатываетъ, «пронося» запрещенное, они—узники. Кто бы они ни были, какіе бы ни были плохіе люди,—узники стѣять сочувствія.

Бьетъ двѣнадцать.

Я совсѣмъ готовъ, одѣтъ и жду.

Звенятъ ружья, слышится знакомое: «ефрейтора! пропустить»,— и я въ пріемной.

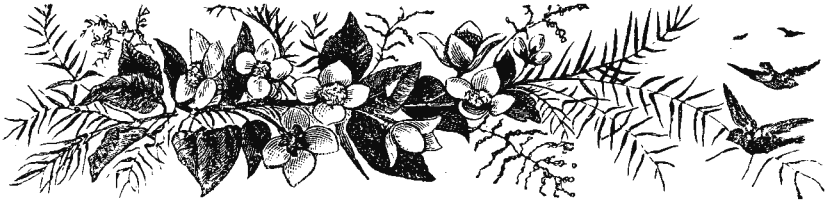
Жена вывела меня на улицу. Дождикъ, вѣтеръ, сумрачно, недовольная толпа прохожихъ; но я не хочу сѣсть на извозчика, не хочу ѣхать домой; иду пѣшкомъ и не вправо къ Симеоновскому мосту, а на Невскій.

Страстно хочется пройтись на волѣ.

Да, господа, тюрьма—жестокое наказаніе.

С. С. Окреѣцъ.

ВОСПОМИНАНІЯ НѢМЕЦКАГО МУЗЫКАНТА О М. А. БАКУНИНѢ¹⁾.

ВСЕ, ЧТО я могу сообщить о Михаилѣ Бакунинѣ, состоитъ изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ указаній, которыя, конечно, могутъ касаться только близкихъ дружескихъ отношеній, существовавшихъ между нами много лѣтъ. Эта дружба была основана на чистотѣ идей, которой онъ, по моему мнѣнію, руководствовался въ своихъ политическихъ дѣлахъ, а я—въ музыкальныхъ. Вслѣдствіе этого намъ никогда не приходило въ голову спрашивать другъ друга о нашихъ личныхъ дѣлахъ; поэтому я не въ состояннн дать никакихъ поясненій о томъ, какія отношенія онъ поддерживалъ съ семьей и отечествомъ, которыя онъ рано покинулъ. Вспоминая признанія, которыя рѣдко вырывались у него, я могу только сказать, что онъ питалъ къ своему отцу безграничное уваженіе и любовь, а къ матери чувствовалъ такое сильное отвращеніе, которое, по его собственнымъ словамъ, доходило даже до ненависти. Онъ не былъ въ хорошихъ

¹⁾ Бъ «Историческомъ Вѣстникѣ» были напечатаны двѣ статьи о Бакунинѣ: «Воспоминаніе» о немъ Мечникова (1897 г., мартъ) и «Бѣгство его изъ Сибири» Б. Глинскаго (1898 г., мартъ). Въ дополненіе къ названнымъ статьямъ сообщаю еще воспоминанія о Бакунинѣ, не лишеныя, по моему мнѣнію, интереса. Авторъ настоящихъ воспоминаній—довольно извѣстный музыкантъ Адольфъ Рейхель, директоръ Бернской консерваторіи. Онъ былъ женатъ на М. К. Эрль (о которой часто упоминается въ перепискѣ Герцена), получившей воспитаніе въ Москвѣ на средства отца Герцена и выѣхавшей вмѣстѣ съ семьей А. И. Герцена за границу. Рейхель былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ семьей Герцена, а также съ Бакунинимъ и Прудонимъ. В. Батуриискій.

отношеніяхъ ни съ кѣмъ изъ братьевъ и сестеръ, кромѣ брата Павла, который былъ моложе его, и сестры Татьяны, къ которой онъ проникся прочной и сердечной симпатіей.

Въ 1842 году, одинъ общій знакомый представилъ мнѣ трехъ молодыхъ русскихъ, которые всѣ три поразили меня своимъ необычайнымъ ростомъ. Это были Михаилъ и Павелъ Бакунины и Иванъ Тургеневъ, который впоследствии приобрѣлъ такую извѣстность своими замѣчательными романами. Михаилъ Бакунинъ скоро сумѣлъ увлекательной силой своей рѣчи завоевать мою симпатію и симпатію моей старшей сестры. Когда вскорѣ послѣ того Тургеневъ и Павелъ Бакунинъ возвратились въ Россію, Михаилъ предпочелъ продолжать свое пребываніе за границей.

Бакунинъ, который былъ тогда красивымъ молодымъ человекомъ, не могъ не производить своимъ блестяще одареннымъ умомъ сильнаго впечатлѣнія на людей, которые горячо противились его взглядамъ, тогда уже открыто революціоннымъ, и Германія вскорѣ сдѣлалась для него страной настолько опасной, что онъ счелъ за лучшее не оставаться долѣе въ Дрезденѣ, а уйти на свободную почву Швейцаріи; тамъ, сперва въ Цюрихѣ, потомъ въ Бернѣ, онъ могъ рассчитывать на безопасное убѣжище. Незадолго до его выѣзда (это было въ 1843 г.) я имѣлъ случай присутствовать у него на собраніи, въ которомъ участвовало нѣсколько молодыхъ нѣмцевъ, и тамъ, въ числѣ прочихъ, я познакомился съ Арнольдомъ Руге, издателемъ «Halle'sche Jahrbücher», гдѣ Бакунинъ помѣстилъ свою статью, главнымъ пунктомъ которой являлись слова: «духъ разрушенія есть творческій духъ»¹⁾.

¹⁾ Рейхель, очевидно, имѣетъ въ виду статью Бакунина «О реакціи въ Германіи», напечатанную подъ именемъ Jules Elizard: Die Reaction in Deutschland (Fragment eines Franzosen), въ №№ 247—251 «Halle'sche Jahrbücher». Рейхель не совсѣмъ точно цитируетъ «центральную» фразу статьи Бакунина. Бакунинъ говоритъ не о «духѣ разрушенія», а о страсти: «страсть къ разрушенію есть вмѣстѣ и творческая страсть» (Die Lust der Zerstörung ist zugleich eine schaffende Lust). Статья Бакунина произвела сильное впечатлѣніе въ тогдашнихъ русскихъ кружкахъ, интересовавшихся нѣмецкой философій. Герценъ, не знавшій, что статья принадлежитъ Бакунину, слѣдующимъ образомъ отмѣчаетъ ее въ своемъ дневникѣ (1843 г., янв. 7)... «Статья J. Elizard о современномъ духѣ реакціи въ Германіи. Художественно-превосходная статья. Это чуть ли не первый французъ, понявшій Гегеля и германское мышленіе... Вся статья отъ доски до доски замѣчательна». Вскорѣ Герценъ, узнавши объ авторствѣ Бакунина, записываетъ въ своемъ дневникѣ: «Вѣсть объ Jules Elizard. Онъ умомъ дошелъ до того, чтобы выйти изъ паутины, въ которой сидѣлъ». (Сочин. Герцена, т. I, стр. 70—71, 82). Очевидно, ту же статью Бакунина имѣлъ въ виду Бѣлинскій, писавшій въ 1842 г. Боткину о «Мишелѣ» Бакунинѣ, съ которымъ онъ разстался въ довольно натянутыхъ отношеніяхъ: «До меня дошли хорошіе слухи о М(ишелѣ), и я написалъ ему письмо!.. М(ишелъ) во многомъ виноватъ и грѣшнень, но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки—это вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа» (Невѣднскій, «Катковъ и его время», стр. 94).

Какъ странно должны были звучать подобныя изреченія для меня, замкнутаго въ моей музыкальной области, занятаго скорѣе сохраненіемъ пріобрѣтеннаго блага, чѣмъ уничтоженіемъ предполагаемаго зла, въ то время какъ мнѣ на этомъ собраніи предсказывали близкую, огромную всеобщую революцію, послѣ которой карта Европы долженствовала представлять совершенно новый видъ. Но возбужденные голоса гостей покрывали слабыя возраженія музыканта-консерватора, и онъ ограничился тѣмъ, что заключилъ пари съ Бакунинымъ, который утверждалъ, что въ теченіе пяти лѣтъ весь политическій строй Европы подвергнется полному измѣненію. Это пари было проиграно обѣими сторонами, хотя черезъ пять лѣтъ послѣ того и была произведена революція въ Парижѣ. Слишкомъ ясно чувствовалось съ самаго ея начала, что для ея успѣха необходимы болѣе продолжительныя измѣненія и болѣе жестокія столкновения, чѣмъ тѣ, какія происходили во время трехдневнаго мятежа. Теперь всякій знаетъ, что вмѣстѣ съ политическими интересами выступали на первый планъ и социальныя, которыхъ не могутъ уладить ни войны, ни договоры, которые могутъ быть удовлетворены только путемъ природы (?) и воспитадія.

Бакунинъ нашель, при своемъ прибытіи въ Швейцарію, зародыши коммунистическаго движенія, и его подстрекало присоединиться къ нему лично и направлять, какъ можно лучше, революціонныя начинанія. Послѣ недолгой разлуки мы встрѣтились осенью 1843 года въ Женевѣ, и, быстро объѣхавъ Швейцарію черезъ Шамуни, Сенъ-Бернаръ, Гримзель, Фурну и т. д., проживши нѣкоторое время надъ Женевскимъ озеромъ, мы было собирались поселиться на болѣе продолжительное время въ Бернѣ, но русскій посланникъ въ Бернѣ потребовалъ, чтобы Бакунинъ возвратился въ Россію. Имѣя нѣкоторыя основанія предполагать, что его поѣздка на родину можетъ окончиться не вполне благополучно, Бакунинъ предпочелъ поискать другого мѣстожителства и послѣ нѣ котораго размышленія остановился на Бельгіи. Такъ какъ наша дружеская связь стала еще крѣпче влѣдствіе нашего общаго путешествія, Бакунинъ и я направились вмѣстѣ въ половинѣ марта 1844 года въ Брюссель, гдѣ мы нашли обильную пищу: онъ—для своихъ революціонныхъ интересовъ, я—для музыкальныхъ. Такъ какъ Брюссель находится почти на дорогѣ изъ Москвы въ Парижъ, то Бакунину случалось время отъ времени видѣться съ кѣмъ нибудь изъ своихъ друзей, которые, хотя и рѣдко раздѣляли его крайніе взгляды, но очень хорошо понимали, что его положеніе изгнанника—не изъ пріятныхъ. Бакунинъ дѣятельно поддерживалъ отношенія съ польскими эмигрантами въ Брюсселѣ (изъ всѣхъ ихъ наиболѣе интересовалъ его профессоръ Лелевель).

По приглашенію одного московскаго друга, весной 1844 года, онъ ѣздилъ не надолго въ Парижъ и возвратился оттуда такимъ

возбужденнымъ отъ впечатлѣній, которыя произвело на него могучее оживленіе парижскаго населенія, что онъ легко опровергъ мои сужденія по этому вопросу, и я наконецъ, хотя и съ отвращеніемъ, далъ себя убѣдить поселиться тамъ, по крайней мѣрѣ, на время празднествъ въ честь іюльскихъ дней; впрочемъ, я еще не пришелъ къ окончательному рѣшенію. Но возможный разрывъ нашей тѣсной дружбы былъ предупрежденъ, какъ стеченіемъ обстоятельствъ, такъ и уступчивостью моего характера, и вскорѣ я нашелъ въ Парижѣ занятіе, подходящее и производительное для моей музыкальной дѣятельности, такъ что пятнадцать дней, которые я обѣщалъ провести въ этомъ городѣ, обратились почти въ пятнадцать лѣтъ.

До этихъ поръ Бакунинъ занимался страстно ожидаемой имъ революціей скорѣе теоретическимъ и спекулятивнымъ образомъ, но въ Парижѣ онъ не только нашелъ подходящій случай присоединиться дѣятельно къ мѣстнымъ революціоннымъ элементамъ (въ чемъ ему помогало блестящее знаніе французскаго языка и личное близкое знакомство съ редакторомъ «National», Марастомъ), но и былъ поощренъ къ дальнѣйшему развитію своихъ нравственныхъ силъ для того, чтобы принять участіе въ имѣвшихъ наступить событіяхъ. Онъ все съ большимъ увлеченіемъ занимался изученіемъ французскихъ революціонныхъ движеній, увлекался словами и дѣйствіями государственныхъ людей, которые направляли эти движенія или погибли въ нихъ; это давало мнѣ часто поводъ подшучивать надъ его «вѣчной» книгой о революціи, которую онъ писалъ каждый день, чтобъ никогда не кончить. При нашихъ все болѣе и болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ у насъ было много пунктовъ разногласій; взрывъ, къ которому фатально должны были привести разрушительныя идеи, былъ слишкомъ далекъ отъ моего мирнаго образа мыслей, и я не могъ, подобно Бакунину, говорить съ восхищеніемъ объ этихъ вопросахъ. Однако, я не хотѣлъ, да и не могъ противорѣчить его симпатіямъ. Эти симпатіи направлялись къ измѣненію не только политическаго, но и общественнаго строя. Самъ Прудонъ, бросившій въ своей книгѣ о собственности перчатку буржуазіи, не пренебрегалъ совѣтами и мнѣніями русскаго гегельянца ¹⁾.

¹⁾ Къ этому періоду жизни Бакунина относятся слѣдующія строки въ воспоминаніяхъ Герцена (Герценъ, Сочиненія, IX, 52): «Я встрѣчалъ Прудона раза два у Бакунина, съ которымъ онъ былъ очень близокъ. Бакунинъ жилъ тогда съ А. Рейхелемъ въ чрезвычайно скромной квартирѣ за Сеной, въ Rue de Bourgogne. Прудонъ часто приходилъ туда слушать Рейхелева Ветховена и Бакунинскаго Гегеля,—философскіе споры длились дольше симфоній. Они напоминали знаменитыя восточныя бѣдвія Бакунина съ Хомяковымъ у Чаадаева, у Елагиной, о томъ же Гегелѣ. Въ 1847 году Карлъ Фохтъ, жившій тоже въ Rue de Bourgogne и тоже часто посѣщавшій Рейхеля и Баку-

Послѣ рѣчи, открыто произнесенной въ одномъ собраніи польскихъ эмигрантовъ, Бакунину было запрещено дальѣйшее пребываніе во Франціи¹⁾, и Гизо съ тѣмъ большей готовностью передалъ это приказаніе Бакунину, что мѣстная оппозиція причиняла ему уже достаточно неприятностей, и онъ съ трудомъ переносилъ присутствіе непокойныхъ иностранцевъ. Бакунинъ возвратился въ Брюссель, куда къ нему легко могли доходить слухи и новости о всѣхъ парижскихъ событіяхъ; и когда въ февралѣ слѣдующаго года произошла въ Парижѣ революція, я встрѣтилъ его на другой же день утромъ среди самыхъ возбужденныхъ монтаньяровъ, въ одномъ погребкѣ въ Сень-Антуанскомъ предмѣстьѣ. Восторженный характеръ русскаго эмигранта совѣмъ былъ не по душѣ сверженному французскому правительству, но и новое временное правительство Французской республики настолько не было склонно предпринимать что либо съ нимъ вмѣстѣ, что сочло за лучшій способъ избавиться отъ него, пославъ его неофициально въ Берлинъ, думая, что его пламенные рѣчи помогутъ пропагандѣ революціи среди тамошнихъ революціонныхъ кружковъ²⁾. Дѣйствительно, онъ завелъ тамъ, насколько мнѣ извѣстно, дѣятельныя сношенія въ Вальдекомѣ и его товарищами; я не знаю, принималъ ли онъ дѣятельное участіе въ берлинскомъ возстаніи, но его

нина, наскучивъ какъ-то вечеромъ слушать безконечные споры о феноменологіи, отправился спать. На другой день утромъ онъ зашелъ за Рейхелемъ; имъ обомъ надо было итти въ Jardin des Plantes: его удивилъ, несмотря на ранній часъ, разговоръ въ кабинетѣ Бакунина; онъ пріотворилъ дверь,—Прудонъ и Бакунинъ сидѣли на тѣхъ же мѣстахъ передъ потухшимъ каминомъ и оканчивали въ краткихъ словахъ начатый вчера споръ». В. Б.

¹⁾ Рейхель имѣетъ въ виду рѣчь Бакунина, произнесенную имъ на польскомъ банкетѣ, въ 17-ю годовщину польскаго возстанія, 29-го ноября 1847 года. В. Б.

²⁾ Сравните слѣдующее мѣсто въ воспоминаніяхъ Герцена: «Первые дни послѣ февральской революціи были лучшими днями жизни Бакунина. Возвратившись изъ Бельгіи, куда его вытурилъ Гизо за его рѣчь на польской годовщинѣ 29-го ноября 1847 года, онъ съ головой нырнулъ во всѣ тяжкія революціоннаго моря. Онъ не выходилъ изъ казармъ монтаньяровъ, ночевалъ у нихъ, ѣлъ съ ними и проповѣдывалъ, все проповѣдывалъ: коммунизмъ и l'égalité du salaire, нивеллированіе во имя равенства, освобожденіе всѣхъ славянскихъ народностей, уничтоженіе «всѣхъ австрій», революцію en permanence, войну до изобіенія послѣдняго врага. Префектъ съ баррикады, дѣлавшій «порядокъ изъ безпорядка», Коссидьеръ, не зналъ, какъ выжить дорогого проповѣдника, и придумалъ съ Флокономъ отправить его въ самый дѣлѣ къ славянамъ съ братской акколадой и увѣренностью, что онъ тамъ себѣ сломитъ шею и мѣшать не будетъ: «*Quel homme! Quel homme!*—говорилъ Коссидьеръ о Бакунинѣ:—въ первый день революціи это просто кладъ, а на другой день его надобно разстрѣлять».—Скажите Коссидьеру, говорилъ я шутя его пріятелямъ, что тѣмъ-то Бакунинъ и отличается отъ него, что и Коссидьеръ славный человекъ, но что его лучше бы разстрѣлять наканунѣ революціи». (Герценъ, Посмертныя сочиненія, стр. 194—195).

участіе въ революціи, вскорѣ произошедшей въ Дрезденѣ, внѣ сомнѣнія: и потомъ еще долго передавались рассказы объ этомъ самые веселые и самые ужасные. Когда при помощи Пруссіи дрезденское возстаніе было усмирено и городъ взятъ, то предводители должны были сдаться, и нѣкоторые изъ нихъ, а въ томъ числѣ и Бакунинъ, были заключены въ Хемницѣ, а вскорѣ послѣ того переведены въ крѣпость Кенигштейнъ, гдѣ имъ предстояла смертная казнь. Но судъ приговорилъ его только къ пожизненному заключенію въ крѣпости. Но черезъ годъ этотъ приговоръ былъ замѣненъ выдачей на австрійскую территорию по требованію тамошняго правительства, такъ какъ Бакунинъ обвинялся также въ Пражскихъ волненіяхъ¹⁾. Я получилъ отъ него два письма изъ Кенигштейнской крѣпости: несмотря на чувство безотраднaго одиночества, видно изъ писемъ, что съ нимъ обращались гуманно.

Послѣ перевода его въ одну крѣпость въ Моравіи я не получилъ никакихъ извѣстій ни отъ него, ни о немъ и только изъ смутныхъ слуховъ узналъ, что обращеніе съ нимъ тамъ было самое жестокое, какъ съ большимъ преступникомъ: обѣ руки были закованы въ цѣпи. Это состояніе продолжалось до той минуты, когда онъ былъ выданъ русскому правительству по требованію послѣдняго, и когда въ Шлиссельбургѣ онъ напелъ, хотя и строгое, но все же болѣе человѣчное обращеніе, чѣмъ то, которому онъ подвергался въ австрійской крѣпости. Между прочимъ, императоръ Николай I спросилъ у Бакунина откровеннаго мнѣнія на основаніи его личнаго опыта, о состояніи революціонныхъ движеній въ Европѣ. Арестантъ съ обычной прямою удовлетворилъ требованіе императора, хотя отказался сдѣлать какія либо сообщенія, могущія компрометировать людей его партіи. Императоръ Николай на поданной ему запискѣ Бакунина о европейскихъ революціонныхъ теченіяхъ собственноручно написалъ о содержаніи «подъ строгимъ присмотромъ этого умнаго и опаснаго человѣка»²⁾.

Когда въ апрѣлѣ 1848 года я, въ сопровожденіи Этьена Араго, провожалъ Бакунина на почту, я не предвидѣлъ, что потерю надолго изъ виду моего стараго друга, еще менѣе, что ему предстояли долгіе годы суроваго заключенія, самая мысль о которомъ, еще и раньше, всегда казалась ему самой ужасной перспективой. Однако же у него хватило силъ перенести и превозмочь это тя-

¹⁾ Подробности о «Славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ» и участіи Бакунина см. въ брошюрѣ S. Černého: «Slovensky zjezd v Praze», S. Maleho: «Naše znovupražžení».

²⁾ См. Записки Фитцтума-фонъ-Экштадта: «St. Petersburg und London in den Jahren 1852—1864» («Русск. Старина» 1887, V, 394), а также «Russland vor und nach dem Kriege» (2 Aufl. 1879 г.); интересныя подробности о пребываніи Бакунина въ крѣпости Хемницѣ см. von Varchmin: «Die Sociale Frage», 1876.

желое испытаніе страданій и лишеній, благодаря гибкости его ума, несмотря на чувствительную потерю здоровья и тѣлесной крѣпости ¹⁾.

Послѣ смерти императора Николая мать Бакунина просила императора Александра II о помилованіи сына. Онъ былъ освобожденъ изъ крѣпости и сосланъ на поселеніе въ Сибирь, откуда бѣжалъ въ 1862 году. Мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ лишь въ 1868 году въ Бернѣ по случаю перваго съѣзда «Лиги Мира и Свободы». Всѣ опасности и лишенія, какимъ онъ подвергался, казалось, не сломили силы его духа и воли, и хотя его внѣшній видъ не имѣлъ уже изящества и ловкости блестящаго артиллериста-гвардейца, но онъ придавалъ ему сходство съ пророкомъ или реформаторомъ, какъ мы привыкли видѣть ихъ на картинахъ; я нашелъ въ немъ несокрушимую отвагу и нравственную силу, и его ближайшая среда, составлявшая какъ бы его придворный штатъ, придавала еще больше внушительности всей его фигурѣ. Изящество его одежды и внѣшнихъ приемовъ, которымъ онъ прежде щеголялъ, уступило мѣсто значительной небрежности; но въ общемъ эта небрежность не менѣ шла пожилому человѣку, чѣмъ изящество—молодому.

Отсюда Бакунинъ уѣхалъ, по закрытіи съѣзда «Лиги Мира», въ Тессинъ, куда раньше отправилась его жена, полька ²⁾, на которой онъ женился въ Сибири. Одинъ итальянскій землевладелецъ, Карло Кафiero, пламенный социалистъ, посвятившій свое большое состояніе коммунистическому предпріятію, соединился съ Бакунинымъ въ Лугано, гдѣ они основали коммунистическое общество.

Впрочемъ, здоровье Бакунина было подорвано, и его непреклонная воля могла поддержать только до 1876 года его все болѣе слабѣвшее тѣло: и, ясно предвидя свой близкій конецъ, онъ прибылъ въ іюнѣ этого года къ намъ, своимъ старымъ друзьямъ, и, какъ только пріѣхалъ, сказалъ Адольфу Фогту и мнѣ: «я пріѣхалъ къ вамъ умирать!» Медицинское искусство Фогта не могло остановить хода болѣзни; и хотя въ продолженіе почти сорока дней безпокойный духъ Бакунина былъ все время живымъ и дѣятельнымъ, такъ

¹⁾ Бакунинъ до 1854 года находился въ Петропавловской крѣпости, а потомъ былъ переведенъ въ Шлиссельбургъ. По словамъ Герцена, императоръ Николай, прочитавъ записку Бакунина о европейской революціи, сказалъ: «Онъ умный и хорошій малый, но опасный человѣкъ; его надобно держать взаперти». (Герценъ. Посм. сочин., стр. 192). Въ воспоминаніяхъ острейца Б. У. Ф.) «Русская Старина» 1884 года, май, 396) находится любопытное сообщеніе, что И. С. Тургеневъ осмѣлился просить облегченія участи Бакунина и снабжалъ его книгами, хотя самъ былъ на дурномъ счету у императора Николая. Подробнѣе объ этой эпохѣ жизни Бакунина см. въ его письмахъ къ Герцену, приведенныхъ въ нашей статьѣ «Иркутская дуэль» («Всемирный Вѣстникъ» 1904 года, №№ 7, 8, 9 и 11).

²⁾ Урожденная Квятковская.

что послѣдніе его разговоры сохраняли юношескій характеръ прошлыхъ годовъ, но мы скоро должны были оставить всякую надежду на его выздоровленіе, и 1-го іюля онъ умеръ послѣ короткой, но сильной агоніи. Въ немъ мы схоронили глубоко страстную натуру, которая изошла въ пламенной ненависти противъ всего, что ставило препятствія человѣческой свободѣ. Но эта пламенная ненависть, постоянно проявлявшаяся возмущеніями, мирилась съ самыми нѣжными и тонкими ощущеніями, поэтому онъ чувствовалъ пристрастіе къ музыкѣ, которое онъ сохранялъ всю жизнь, и которое, можетъ быть, немало было поддержано и воспитано нашей долгой совмѣстной жизнью. Онъ, говорившій не только хорошо, но и охотно, могъ слушать молча по цѣлымъ часамъ музыку; творенія Бехтовена, самыя трогательныя и страстныя, производили на него самое живое впечатлѣніе, но онъ не былъ безчувственъ и къ болѣе нѣжнымъ душевнымъ движеніямъ, если только они выражали чисто человѣческія чувства. Еще въ тотъ вечеръ, когда онъ въ послѣдній разъ прибылъ въ Лугано, онъ пришелъ ко мнѣ развлечься музыкой, и только въ ту минуту, когда усиленная боль опять внезапно схватила его, онъ вскричалъ: «Довольно, не могу больше!» И я долженъ былъ проводить его въ ближайшую больницу, изъ которой ему не пришлось выйти.

Какъ всѣ натуры, расположенныя къ предпріятіямъ и абсолютнымъ дѣйствіямъ, Бакунинъ не могъ переносить никакого сужденія или соображенія, парализовавшихъ его непосредственную силу дѣйствія. Я помню, какъ въ прежнее время я спрашивалъ его въ видѣ возраженія, что онъ намѣренъ дѣлать, если бы исполнились всѣ его реформаторскіе планы, онъ мнѣ отвѣчалъ: «Тогда я все опрокину! А ты играй, милый другъ, и не разсуждай. Ты знаешь не хуже меня, что передъ вѣчностью все тщетно и ничтожно». И послѣ этого онъ могъ совершенно погрузиться въ музыку, которая не позволяла никакого вопроса и не требовала отвѣтовъ. Онъ имѣлъ такую вѣрную память, что послѣ нашей долгой разлуки, онъ могъ напомнить мнѣ мелодіи, о которыхъ я давно забылъ. Онъ утверждалъ, что часто въ тюремномъ уединеніи эти мелодіи утѣшали его и оживляли. И какъ музыкальныя впечатлѣнія оставались вѣрно въ его памяти, такъ же неизмѣнно удерживалъ онъ отношенія съ людьми, связанными съ нимъ дружбой, а они и въ разлукѣ съ нимъ, въ свою очередь, сохраняли любовь къ нему и привязанность.

На Бернскомъ кладбищѣ, близъ Брунгартенвальда, возвышается камень, поставленный семействомъ Фогтовъ надъ могилой Бакунина, въ которой покоится его безпокойное тѣло, и моя дорогая жена охраняетъ ее, насколько ея тревожная жизнь позволяетъ ей выбирать время, чтобы вспомнить о тѣхъ, кого уже нѣтъ.

Сообщилъ В. П. Батуринскій.

ПОСЛѢДНІЕ ПОЛГОДА ЖИЗНИ К. М. СТАНЮКОВИЧА.

ОНСТАНТИНЪ Михайловичъ Станюковичъ скончался въ Неаполѣ 8-го мая 1903 года. Проживъ нѣсколько дней въ Римѣ, онъ пріѣхалъ сюда въ первыхъ числахъ ноября 1902 года. Здѣсь онъ собирался провести зиму, чтобы поправить здоровье. Уже болѣе десяти лѣтъ онъ страдалъ діабетомъ. По мнѣнію покойнаго профессора Манасеина, лѣчившаго его въ Россіи, а также и врачей, пользовавшихся его въ Неаполѣ, болѣзнь обуславливалась преимущественно мозговымъ переутомленіемъ, находилась въ связи съ общимъ нервнымъ разстройствомъ и представляла опасную воспримчивую почву для многихъ случайныхъ заболѣваній. Года два раньше, когда припадки діабета проявлялись съ особенной силой, К. М., по совѣту русскихъ врачей, прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Крыму и значительно поправился. Это приписывали благопріятному вліянію климата. Естественно, что, подмѣтивъ осенью 1902 года признаки новаго усиленія недуга, онъ возложилъ еще большую надежду на Италію.

Пріѣхалъ онъ въ Неаполь явно недугующій. Рѣчь и теченіе мыслей, правда, были почти нормальны, но въ движеніяхъ замѣчалась слабость, неувѣренность. Вообще же проявлялось чрезмѣрное нервное возбужденіе. Однако онъ утверждалъ (видимо хотѣлъ убѣдить самого себя), что онъ здоровъ. Сравнивалъ свои силы до крымской поѣздки съ настоящими. «Тогда,—говорилъ онъ,—я доходилъ до того, что произносилъ одно слово вмѣсто другого. Хочу, напримѣръ, сказать чай, а твержу ножницы или солнце, и бѣшусь, что меня не понимаютъ. Этого теперь нѣтъ. Голова ра-

ботаешь свободно. Мнѣ же работать необходимо. И не могу я не работать. Только проснусь утромъ—мозгъ требуетъ упражненія, какъ желудокъ пищи въ извѣстные часы».

За обычную литературную работу онъ принялся тотчасъ же по приѣздѣ сюда. Вставалъ въ 6 часовъ утра; немедленно натоцкакъ (чтобъ не будить прислуги въ пансіонѣ) брался за перо, которое покидалъ за полдень. Однако онъ чувствовалъ необходимость подкрѣплять и возбуждать за это время свои силы слишкомъ большими количествами чая, черного кофе, какао, устрицами, къ тому же курилъ безъ перерыва папиросы. Эта необходимость почти насильственного подкрѣпленія себя во время занятій пробуждала въ немъ тревожныя сомнѣнія насчетъ здоровья. Однажды, уходя отъ меня, онъ попросилъ, въ случаѣ чего, прислать къ нему врача, присовокупивъ: «только не сегодня,—мнѣ теперь отлично». Черезъ два дня меня увѣдомили, что со Станюковичемъ ночью случился рѣзкій и, повидимому, опасный приступъ недуга. Я немедленно направилъ къ больному доктора Манна, который нашелъ его въ такомъ состояніи, что не могъ въ первый день даже добиться отъ пациента необходимыхъ для діагноза объясненій. Съ тѣхъ поръ К. М. хотя и поправлялся, но не выздоравливалъ. Въ маѣ онъ скончался.

За все время пребыванія К. М. въ Неаполѣ мы почти ежедневно съ нимъ видались. Часто онъ проводилъ у меня цѣлые дни въ кружкѣ русскихъ знакомыхъ, между прочими доктора Н. К. Чермака (бывшаго профессора Юрьевского университета), профессора Московскаго университета Н. К. Кольцова, корреспондента «Вѣстника финансовъ и промышленности» И. И. Шрейдера.

Всѣ они принимали сердечное и практическое участіе въ положеніи Станюковича такъ же, какъ и другіе его знакомые, приѣзжавшіе сюда на короткое время, В. В. Лесевичъ, Ю. И. Безродная, Е. А. Ганейзеръ и проч.

Н. К. Кольцовъ, студентъ С.-Петербургскаго университета В. Д. Зеленскій, Е. П. Мельникова, дочь покойнаго писателя Андрея Печерскаго, находились при больномъ почти безотходно въ послѣдніе дни его жизни и закрыли ему глаза.

Въ настоящемъ очеркѣ я имѣю въ виду передать то, что переживалъ за послѣдніе полгода своей жизни К. М. на нашихъ глазахъ, и впечатлѣнія, которыя онъ производилъ на насъ (наиболѣе къ нему здѣсь близкихъ) за это роковое время лично, какъ человѣкъ по преимуществу.

Послѣдніе полгода, проведенные имъ сплошь въ Неаполѣ, были жестоко мучительны. Онъ хотѣлъ жить и работать въ прежнемъ направленіи; онъ ощущалъ потребность въ тепломъ отношеніи близкихъ; хотѣлъ самъ быть добръ и мягокъ, а между тѣмъ съ ужасомъ сознавалъ, что жизнь уходитъ, что работоспособность пропадаетъ, что въ силу своего темперамента и болѣзни онъ не можетъ

сдерживать порывы раздражительности, что онъ поколебаль связи съ наиболѣе близкими, дорогими ему издавна людьми. Все это, не говоря уже о постоянныхъ денежныхъ затрудненіяхъ, причиняло ему жестокою душевную боль.

Онъ часто старался относиться къ себѣ критически, какъ бы подводилъ итоги своего прошлаго, мучительно пытаясь разрѣшить вопросъ: кто виноватъ? есть ли исходъ? Чувствовалъ себя часто неправымъ передъ близкими дорогими и «навсегда одинокимъ». Принимая въ расчетъ все свое прошлое, онъ къ иному результату и не могъ прійти. Слова курсивомъ онъ часто произносилъ въ дружеской бесѣдѣ; они подчеркнуты имъ самимъ и въ заключеніи его посмертнаго очерка: «Оба хороши» ¹⁾, который въ формѣ спора отца съ сыномъ представляетъ внутреннюю борьбу автора съ самимъ собой; отражаетъ и настроеніе и отчасти внѣшнюю обстановку его здѣсь. Намъ извѣстно, что автору очень хотѣлось заключить свой рассказъ примиреніемъ отца съ сыномъ, но это не удалось, и едва ли могло удалиться, ибо рѣчи сына—Коли—въ рассказѣ въ значительной степени были не что иное, какъ возникавшія авторскія самопротиворѣчія.

При этомъ не лишнее замѣтить, что образъ «Коли Долинина» въ рассказѣ «Оба хороши» тѣсно связанъ съ образомъ, который вставалъ въ памяти и сердцѣ Константина Михайловича. У него былъ сынъ Котя, къ которому въ дѣтствѣ и ранней юности послѣдняго онъ относился со всей страстною дружбой любящаго отца. Котя умеръ рано; отецъ и теперь продолжалъ горевать о немъ. Лежа въ больницѣ въ Неаполѣ, онъ бредилъ Котей и даже доходилъ до галлюцинацій. Въ болѣе спокойные дни Константинъ Михайловичъ часто размышлялъ: что бы вышло изъ его обожаемаго сына? Какъ бы тотъ относился теперь къ отцу? Каковы бы были его общественныя воззрѣнія? Когда больной относился къ себѣ критически, терзался сомнѣніями въ самомъ себѣ, онъ нерѣдко мысленно ставилъ Котю своимъ судьей.

Первая опасная вспышка болѣзни Станюковича обнаружилась здѣсь, какъ сказано, въ концѣ ноября; но несомнѣнно, что онъ уже нѣсколько дней ранѣе чувствовалъ себя плохо,—только не хотѣлъ этого признавать.

Когда его постигъ первый здѣсь припадокъ, то онъ почти не могъ двигаться, мысли его стали болѣе чѣмъ смутны, языкъ плохо повиновался, зрѣніе застлалось густой, бѣлой пеленой, сквозь которую онъ едва различалъ крупные предметы.

Докторъ Манна, подавъ первую помощь, съ согласія пациента, на другой день перевелъ больного въ международный госпиталь,

¹⁾ Напечатанъ уже послѣ его смерти въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», въ № 135, 18-го мая 1903 года.

гдѣ онъ могъ имѣть всѣ необходимыя удобства. Константинъ Михайловичъ хотѣлъ вылѣчиться и потому, что любилъ жизнь, и потому, что считалъ себя необходимой поддержкой семьи: жены и двухъ незамужнихъ дочерей. Онъ даже теоретически не допускалъ, чтобы нормально-мыслящій человѣкъ могъ желать смерти, не бороться съ нею. Когда въ самыя тяжкія минуты желаніе умереть проявлялось у него самого, то онъ приходилъ въ ужасъ, предполагая, что это признакъ начинающагося безумія. Онъ былъ вообще доволенъ больничной обстановкой, уходомъ, лѣченіемъ, но, тѣмъ не менѣе, былъ не всегда разумно требователенъ и безъ мѣры раздражителенъ. Между прочимъ онъ иногда выходилъ изъ себя, когда сидѣлки отказывались подавать шоколадъ, кофе, бисквиты и т. д. навѣщавшимъ его знакомымъ, которыхъ онъ по своей привычкѣ къ хлѣбосольству желалъ угостить, не принимая въ соображеніе, что больница—не гостиница. Раздражительность затрудняла лѣченіе; но все-таки недугъ недѣли черезъ три настолько поддался, что врачи позволили ему выѣзжать кататься, проводить нѣсколько часовъ въ день и даже изрѣдка обѣдать у меня. Работать же, т.-е. обдумывать новыя произведенія, принялся онъ еще ранѣе, не взирая на запретъ врачей. «Безъ работы мнѣ крышка»,—раздражительно восклицалъ онъ. Подъ крышкою же разумѣлъ крышку гроба, т.-е. смерть.

Въ началѣ января онъ окончательно покинулъ международный госпиталь и продолжалъ лѣченіе, живя въ пансіонѣ Поли, но былъ далекъ отъ выздоровленія.

Онъ могъ передвигаться по комнатѣ съ палочкой, ноги были очень слабы, руки дрожали, а главное—зрѣніе поправлялось медленно: иногда онъ натыкался на столы и даже стѣну; два раза, полагая, что можетъ обойтись безъ помощи, выходя въ коридоръ, упалъ; онъ не могъ на столѣ отыскать очковъ, за обѣдомъ солонки, ножа и т. д. Читать могъ съ большимъ трудомъ, при очень яркомъ свѣтѣ, и все-таки быстро утомлялся. Больно было видѣть, какъ онъ, сидя у меня долгіе часы и не замѣчая, что я наблюдаю за нимъ, бралъ книгу или газету. Съ четверть часа болѣзненно напряженно-внимательно читалъ, потомъ печально задумывался, пытался возобновить чтеніе и не могъ. Перевертывалъ листъ, не отыскивая, гдѣ верхъ, гдѣ низъ; руки бессильно опускались на колѣни. Мнѣ раза два случилось подмѣтить, какъ изъ-подъ безплезнаго ріпсе-пез скатывались крупныя слезы.

Писать онъ могъ только съ величайшимъ трудомъ. Зрѣніе и руки плохо повиновались; строки его мелкаго письма шли вкривь и вкось, иногда уходили внѣ листа бумаги, а онъ этого не замѣчалъ. Бывало, въ хорошую минуту онъ радовался, когда ему удавалось самому написать десять строкъ. «Видите, я взялъ папиросу въ зубы,—безъ папиросы я никогда не могу писать,—расша-

талъ свои мозги, ну, и пошло...»,—говорилъ онъ съ дѣтскимъ хвастовствомъ, съ улыбкой надежды на близость выздоровленія.

Но то были очень рѣдкія минуты, да и онѣ отравлялись необходимостью задерживать изложеніе мысли наблюденіемъ за процессомъ письма.

Вообще же ему приходилось прибѣгать къ помощи окружающихъ—диктовать. А онъ къ этому не привыкъ. Сначала ему помогалъ М. И. Половенецъ, проводившій съ нимъ каждое утро, потомъ одна пожилая русская дама, живущая въ Италіи. Помогали они усердно; но сами помощники были люди непривычные, незнакомые съ техникой литературнаго писанія. Ихъ невольныя, мелкія ошибки раздражали больного несоразмѣрно.

Стѣсняла его и переписка чужими руками: а главное—неизбѣжность просмотра переписаннаго опять таки другими. Онъ просилъ всѣхъ, литературному вкусу которыхъ болѣе или менѣе довѣрялъ, прочитывать работу по частямъ вслухъ; обдумывалъ ея подробности. Одобренія были ему, конечно, пріятны, бодрили его, но одобреніямъ онъ вѣрилъ робко. Только послѣ продолжительныхъ колебаній, со страхомъ рѣшался отправить рассказъ въ печать. Съ письмами ему было также затруднительно справляться.

Ходить по улицѣ одному ему было въ то время опасно не только по слабости ногъ, но и по слабости зрѣнія. Да и силы не позволяли. Доктора ему совѣтовали кататься, но онъ не дѣлалъ никакихъ экскурсій, частью изъ экономіи, частью потому, что изъ экипажа плохо видѣлъ далѣе дома. Дальнѣйшіе же предметы, на примѣръ, море, пейзажъ за городомъ, которыми бы ему хотѣлось любоваться, людская жизнь, за которой онъ привыкъ наблюдать, были отъ него застланы бѣлымъ туманомъ, такъ что катанье не развлекало его объективно, субъективно же удручало, усиливая сознание болѣзненной безпомощности.

Особенно тягостны были для него безсонныя ночи. Ему все казалось темно: сколько ни зажигалъ онъ лампъ и свѣчей, чтеніе не давалось. Приходилось проводить время въ мрачныхъ думкахъ.

Діета врачами предписывалась ему весьма строгая, между тѣмъ самое свойство его недуга обуславливало большой, хотя болѣзненный аппетитъ. Въ воздержаніи для него заключалась основная надежда; но его натура и привычки заставляли часто забывать объ опасности, какъ только онъ началъ поправляться, и особенно когда силы поокрѣпли и начала выясняться возможность возвращенія въ Россію.

Какъ мы замѣтили, К. М. еще въ больницѣ возвращался къ работѣ, но понятно, что при описанныхъ условіяхъ не могъ писать и половины (даже количественно), такъ, какъ писалъ раньше. Общій характеръ написаннаго выходилъ тоскливый, безотрадный и часто черезчуръ субъективный, какъ, на примѣръ, «Оба хо-

роши». Одинъ изъ предшествовавшихъ очерковъ (напечатанный въ Русскихъ Вѣдомостяхъ), «Тоска», тоже передаетъ едва замаскированныя съ вѣшной стороны личныя впечатлѣнія автора, хотя, надо сознаться, при не совѣмъ вѣрномъ освѣщеніи. Онъ писалъ «Тоску» въ больницѣ, едва выйдя изъ опасности, при сильномъ умственномъ напряженіи. Наблюдательность ослабѣла, юморъ проявлялся туго.

Онъ понималъ, что ему трудно создавать новое беллетристическое, и пытался писать въ фельетонномъ родѣ, который, по справедливому замѣчанію г. И., автора статьи о Станюковичѣ¹⁾, прежде ему весьма удавался, задумалъ было продолжать свои Письма знатнаго иностранца, имѣвшія въ свое время успѣхъ. Однако и тутъ почувствовалъ свое болѣзненное безсиліе. Къ тому же онъ не могъ слѣдить за текущей общественной жизнью, ибо почти не могъ читать.

Хотѣлъ было онъ заняться драматизированіемъ одного своего романа и передѣлкой нѣкоторыхъ давно напечатанныхъ рассказовъ, но и это ему не давалось отчасти по инымъ, хотя не менѣе грустнымъ, причинамъ. А именно: онъ просилъ своихъ петербургскихъ друзей выслать ему эти рассказы и романъ; томительно ждалъ присылки цѣлое полугодіе. Романа вовсе не прислали, изъ рассказовъ же доставили сюда только одинъ, да и тотъ почти въ день его кончины.

Тяжко отзывалась на здоровьѣ его невозможность работать, но немало мучила подобная казавшаяся ему (основательно или нѣтъ, не беремса судить) неаккуратность друзей, которые въ то же время писали ему письма, проникнутыя «горячей дружбой, глубокой привязанностью». Къ одному изъ такихъ друзей онъ однажды, чтобы отвести душу, написалъ письмо, въ которомъ просилъ обратиться къ другому лицу съ порученіемъ отъ него (Станюковича) по одному дѣлу, прибавляя: «этому господину я никакого добра не сдѣлалъ, онъ не выражалъ мнѣ никогда чувствъ глубокой, горячей привязанности и дружбы, поэтому, я полагаю, онъ исполнитъ мою просьбу».

Всякое же проявленіе теплой заботливости, искренно дружескихъ чувствъ онъ цѣнилъ глубоко. Сочувственная телеграмма, полученная въ началѣ болѣзни отъ П. И. Вейнберга, письма лицъ почти постороннихъ, узнававшихъ изъ газетъ о его болѣзни (между прочимъ, нѣсколько открытыхъ отъ совершенно незнакомыхъ ему юношей-гимназистовъ), дѣйствовали на больного лучше успокоительнаго лѣкарства.

Нельзя не упомянуть объ участіи, которое принялъ въ Станю-

¹⁾ Напечатана вскорѣ послѣ его кончины въ № 126 «Русскихъ Вѣдомостей» 1903 г.

ковичъ Ник. Карл. Чермакъ. Послѣдній раньше совсѣмъ не зналъ его лично, но всегда уважалъ его дарованіе и стойкое отношеніе къ общественнымъ вопросамъ. Узнавъ отъ меня, что больной Станюковичъ въ Неаполѣ, Чермакъ тотчасъ же пошелъ къ нему въ больницу. И съ этой минуты въ теченіе всей зимы и начала весны принималъ горячее участіе въ облегченіи его положенія. Навѣщалъ во всякую непогоду въ ущербъ своему разстроенному здоровью; занималъ его разговоромъ, развлекалъ, излагалъ сюжеты для разказовъ; принималъ участіе въ приведеніи въ порядокъ денежныхъ средствъ больного.

Жилъ Кон. Мих. въ Неаполѣ очень скромно, насколько позволяла болѣзнь и привычки, къ которыми бороться было ему не легко. Онъ пріѣхалъ сюда почти безъ денегъ, увѣренный, что скоро оправится въ благодатномъ климатѣ и получитъ возможность много работать и проживетъ текущимъ литературнымъ трудомъ безбѣдно. Вышло иначе. Какъ бы то ни было, онъ, хотя «не могъ питаться медомъ и акридами¹⁾, однако сумѣлъ ограничивать себя. Его возмущали слухи, порожденные, вѣроятно, ранѣе составленной репутаціей человѣка, «любящаго пожить», ходившіе въ Россіи о его мотовствѣ въ Неаполѣ. Эти слухи, какъ часто бываетъ, доходили до него сюда чрезъ «преданныхъ ему друзей».

— Я имъ хочу телеграфировать,—говорилъ онъ:—что я купилъ здѣсь виллу на берегу моря, завелъ кровныхъ лошадей и содержу рыжую француженку.

Такой телеграммы онъ не послалъ, но въ письмѣ къ одному петербургскому пріятелю продиктовалъ мнѣ нѣчто подобное.

Въ самомъ же дѣлѣ на себя самого и на дочь, Зинаиду Константиновну (пріѣхавшую въ Неаполь, едва она узнала о первомъ приступѣ болѣзни отца), онъ тратилъ не только относительно, но и безусловно не много.

Зинаида Константиновна жила въ скромномъ пансіонѣ. Полное содержаніе самого К. М. въ меблированныхъ комнатахъ, пансіонахъ и отеляхъ стоило въ сутки около 8 фр. (3 р.). Только незадолго до кончины онъ провелъ нѣсколько дней въ отелѣ, гдѣ приходилось платить около 12 фр. (4½ р.). Въ больницахъ (Международной въ ноябрѣ и Нѣмецкой въ маѣ) жизнь и лѣченье обходились тоже около 12 съ небольшимъ франковъ день. Покупокъ онъ не дѣлалъ, экскурсій не предпринималъ; изрѣдка ѣздилъ по городу всегда на скромномъ одноконномъ извозчикѣ.

Тѣмъ не менѣе самая болѣзнь вызывала экстренные расходы: докторъ, лѣкарства, необходимый при отсутствіи движенія массажъ, плата лицу, писавшему по его диктовкѣ и переписывавшему его

¹⁾ «Оба хороши».

работы; нѣкоторыя добавленія къ пищѣ, иногда необходимыя, а иногда извинительныя, вызываемыя прихотями больного. Кромѣ того, ему здѣсь не случилось съ квартирами. Онъ ихъ перемѣнилъ (а каждый переѣздъ лишній расходъ) въ полгода—девять, считая два госпиталя, но не считая нѣсколькихъ кратковременныхъ пребываній у меня въ тѣ дни, когда онъ не желалъ болѣе оставаться на старомъ мѣстѣ, а новое не было еще прискано. Его неусидчивость вызывалась частію излишней требовательностію больного и его рѣзкой раздражительностію, а частью непокладистостію хозяевъ, мало снисходительныхъ къ истинно-больнымъ со скромными средствами постояльцамъ здѣсь въ Италіи, какъ и у насъ въ Крыму. Едва ли не одинъ изъ крупнѣйшихъ постороннихъ и не всегда необходимыхъ расходовъ вызывали телеграммы. Онъ и въ лучшіе свои годы на родинѣ предпочиталъ депеши письмамъ, даже по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Здѣсь же это обратилось у него въ потребность тѣмъ болѣе томительную, что онъ зачастую былъ лишень возможности удовлетворить ее, за недостаткомъ денегъ. Эта потребность объяснялась въ значительной степени его психическимъ и финансовымъ положеніемъ. Писемъ онъ самъ писать не могъ, какъ мы уже сказали. Получаемыя же имъ письма часто вызывали (при его впечатлительной натурѣ вообще и при нервной болѣзни) несоразмѣрно тяжелыя мысли, негодованіе, цѣлую душевную бурю. Случалось, получивъ письмо, онъ по телефону настойчиво вызывалъ въ больницу кого либо изъ русскихъ друзей, чтобы ему немедленно написали телеграмму. Однажды онъ приобрелъ ко мнѣ изъ Международнаго госпиталя безъ разрѣшенія доктора, одинъ, что было очень опасно, потому что онъ плохо видѣлъ. Обливаясь слезами, сѣлъ на стулъ къ яркому свѣту, чтобы имѣть возможность читать только что полученное, сильно взволновавшее письмо. Помочь ему я ничѣмъ не могъ, но ему было нужно теплое слово.

Работать подъ такимъ давленіемъ онъ уже совсѣмъ не могъ, разговаривалъ и дѣйствовалъ часто не впопадъ. И только, пославъ телеграмму, или получивъ разъясненіе волновавшаго его письма въ болѣе пріятномъ смыслѣ, а иногда самъ додумавшись до такого смысла, успокоивался и даже веселѣлъ. Особенно многочисленны были дѣловыя телеграммы, по преимуществу издателямъ и редакторамъ, съ которыми К. М. велъ дѣла.

Если онъ требовалъ присылки слѣдующихъ ему денегъ, то требовалъ, чтобы ихъ перевели по телеграфу. Въ періоды безденежья онъ накоплялъ начерченные имъ самимъ едва разборчиво проекты депешъ, а какъ только деньги появлялись, давалъ комунибудь изъ насъ эти замѣтки, прося написать по нимъ настоящія депеши набѣло и отослать ихъ.

Общая стоимость депешъ доходила каждый разъ до относительно крупной цифры, дѣлавшей изрядную брешь въ полученной суммѣ. Окружающіе его здѣсь друзья старались отклонять отъ бесполезныхъ въ этомъ отношеніи издержекъ. Иногда онъ сдавался, соглашался добродушно, что у него къ діабету присоединяется новая, еще мало извѣстная въ медицинѣ, болѣзнь «телеграфоманія». Однако наши доводы касательно денегъ, которыя онъ тотчасъ же по полученіи здѣсь всегда отправлялъ по телеграфу кому либо въ Петербургъ, напримѣръ, своему семейству,—не могли его убѣдить. «Я согласенъ, что теряю около 20⁰/₀ на этомъ двойномъ переводѣ, но знаю, что иначе ни я здѣсь, ни жена въ Россіи ничего бы не добились во время», твердилъ онъ. И, къ сожалѣнію, иногда нельзя было по опыту съ нимъ не согласиться.

Въ общемъ онъ получалъ, или могъ получать, денегъ достаточно, если и не за текуція свои работы, то за продажу разнымъ издателямъ той или другой группы—прежнихъ. Редакція «Русскихъ Вѣдомостей», въ которыхъ онъ главнымъ образомъ участвовалъ, присылала авансы. Литературный Фондъ въ Петербургѣ и нѣкоторые друзья (изъ нихъ первый профессоръ Чупровъ), узнавъ о его болѣзни, озаботились доставить ссуды. И все-таки Константинъ Михайловичъ здѣсь почти постоянно былъ безъ денегъ, отчасти присылка замедлялась, иногда по легко объяснимымъ причинамъ. Главное же онъ, пріѣхавъ сюда почти безъ денегъ, былъ неожиданно захваченъ болѣзью. Какъ бы то ни было, все это тревожило больного. Особенно же терзала его невозможность аккуратно къ 1-му числу каждаго мѣсяца высылать опредѣленную сумму семьѣ, оставшейся въ Петербургѣ.

Въ послѣдній день своей жизни, близкій къ агоніи, Станюковичъ произносилъ по временамъ невнятные слова. Н. К. Кольцовъ подслушалъ между прочимъ, что больной нѣсколько разъ повторялъ, словно беззвучно рыдая: «Я любилъ людей! Я такъ сильно любилъ людей!» И всѣ мы, слѣдившіе за нимъ въ теченіе послѣдняго полугодя его жизни, имѣемъ основаніе знать, что онъ обладалъ глубоко любящимъ сердцемъ, вопреки его неуживчивости и рѣзкой раздражительности, которыхъ онъ и самъ не отрицалъ. Намеки на эти тяжелыя стороны его характера появлялись и въ печати вскорѣ послѣ его кончины, и въ виду ихъ мы считаемъ себя обязанными изложить наше безпристрастное мнѣніе, основанное на наблюденіи. Станюковичъ былъ характернымъ типомъ людей, которые искренно, глубоко любятъ, но не умѣютъ любить, и сами страдаютъ не менѣе тѣхъ, кого заставляютъ страдать. Они понимаютъ боль, причиняемую лицамъ, любимымъ ими, испытываютъ въ душѣ чувство усугубленной нѣжности къ своей жертвѣ, «но остаются безсильны передъ мучительной внутренней потребностью» язвить. Чѣмъ больше проявляется ихъ безсиліе предъ своимъ темпераментомъ,

тѣмъ болѣе они раздражаются на самихъ себя, гнѣвъ же срываютъ на близкихъ, дорогихъ существахъ. Они сами переживаютъ эту чужую боль, но рѣдко умѣютъ во время въ этомъ сознаваться.

Этотъ трагическій типъ очень распространенъ. Намъ приходилось его встрѣчать среди весьма выдающихся извѣстныхъ людей не только Россіи, но и Западной Европы. Правъ такого человѣка для окружающихъ тяжелъ и непріятенъ. Кому какое дѣло, что у него глубоко любящее сердце? Кто можетъ, тотъ просто старается его обходить. Конечный результатъ его жизни—обыкновенно горькое нравственное одиночество, тѣмъ болѣе тягостное, что такой человѣкъ всегда, въ самыя отталкивающія отъ него другихъ минуты, испытываетъ глубокую потребность въ добротѣ, ласкѣ, привязанности къ себѣ. Между этими людьми встрѣчаются лица, полюбившія въ ранней юности высокіе научные, художественные, общественные идеалы, которымъ они остаются вѣрны до конца. Это ихъ свойство доставляетъ имъ заслуженно глубокія симпатіи, часто популярность среди тѣхъ, кто знакомъ съ ними только по ихъ общественной дѣятельности или ихъ твореніямъ. Таковъ былъ въ главныхъ чертахъ характеръ Станюковича. Въ частности же для него (какъ и для другихъ разновидностей этого типа) существуютъ облегчающія вину обстоятельства. Неровность въ обращеніи съ близкими, требовательность, запальчивыя, язвительныя, ѣдкія остроты и насмѣшки, а иногда оскорбительные поступки обуславливаются въ значительной степени темпераментомъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ. (Константинъ Михайловичъ ни отъ кого не скрывалъ, что одинъ изъ его популярнѣйшихъ рассказовъ: «Грозный адмиралъ», представляетъ портретъ его отца). Его собственный темпераментъ былъ страстный, впечатлительный, подвижный, темпераментъ художника и въ то же время бойкаго общественнаго дѣятеля. Онъ сознавалъ въ концѣ своей жизни, что свою непосредственную личную обстановку онъ не можетъ въ силу темперамента согласовать всегда съ принципами и идеалами, которые воспринялъ, и испытывалъ большую скорбь и вмѣстѣ раздраженіе противъ своего безсилія.

Онъ глубоко болѣлъ душой и волновался. Кромѣ того, съ лѣтами укоренилась непобѣдимая привычка выражаться остро, ѣдко и мѣтко, привычка писателя-фельетониста и публициста, ратовавшаго противъ возмущавшихъ его общественныхъ явленій, борца за извѣстныя убѣжденія, которыя ему нерѣдко приходилось, по разнымъ обстоятельствамъ, отстаивать не столько логическими доводами, сколько хлесткой діалетикой, ярко рѣзкимъ изложеніемъ. Эту привычку онъ сталъ постепенно вносить и въ частныя, личныя, даже дружескія отношенія. Онъ привыкъ наблюдать, улавливать то, что у людей противорѣчило его идеаламъ или вкусамъ; рѣзко, образно, часто остроумно (хотя иногда ошибочно по существу) выставлѣть

эти стороны на смѣхъ въ разговорахъ. Онъ повторялъ свои удачныя «словечки» и тогда, когда давно улеглось въ немъ раздраженіе, которымъ они были вызваны; повторялъ потому, что ему нравились они и связанная съ ними творческая образность его ума. Эта склонность сказывается и въ его произведеніяхъ (и, къ сожалѣнію, иногда въ ущербъ ихъ достоинству), въ особенности въ тѣхъ, которыя онъ писалъ сгоряча.

Однако, съ другой стороны, для тѣхъ, кто ежедневно видался съ нимъ въ Неаполѣ, еще яснѣе обрисовывались его лучшія сердечныя свойства. Онъ съ трогательною признательностью относился къ вниманію, которое оказывалъ ему кружокъ русскихъ друзей. Правда, по временамъ онъ и на нихъ раздражался, зато быстро искупалъ свою вину теплой искренностью. Даже и относительно квартирныхъ хозяекъ и прислуги, которымъ изрядно отъ него доставалось, онъ держалъ себя также. Часто, обидѣвъ ихъ немало, К. М. начиналъ ихъ сожалѣть, хотя имѣлъ бы право считать себя правымъ по существу, спѣшилъ загладить свою рѣзкую выходку какой нибудь любезностью, подаркомъ. Надо замѣтить, что Станюковичъ, подобно многимъ, какъ-то не усвоивалъ, что букетъ цвѣтовъ или коробка конфетъ далеко не заживляютъ раны, нанесенной обиднымъ словечкомъ. Не усвоивалъ потому, что для такихъ людей, какимъ былъ К. М., искупительные подарки представляютъ символъ полного душевнаго примиренія, ибо они сами ихъ дѣлаютъ, искренно примирившись.

Въ его письмахъ и многочисленныхъ телеграммахъ, разсылаемыхъ изъ Неаполя, проявлялась также его неудержимая склонность язвить, но еще болѣе доброта его сердца.

Друзья вообще старались сдерживать его отъ посылки бесполезныхъ депешъ или бесполезнаго удлиненія ихъ. Это его иногда сердило. Но зато, когда мы, какъ покойный выражался, конфисковали какую нибудь телеграмму, и потомъ обнаружилось, что ее дѣйствительно лучше было не посылать,—онъ долго потомъ повторялъ свое «спасибо». Впрочемъ это относилось болѣе до телеграммъ частныхъ, которыми онъ имѣлъ въ виду «уязвить» кого нибудь, чтобъ отвести душу, но отправивъ которыя начиналъ тотчасъ же терзаться сомнѣніемъ: «не обидѣлъ ли я напрасно чловѣка?». И опять не могъ успокоиться, покуда не посылалъ искупительной депеши.

Вообще К. М. въ рѣдкую депешу, даже дѣловую, не вставлялъ выраженія, соответствующаго его чувству или настроенію.

Въ телеграммахъ, хотя бы и дѣловыхъ, но къ лицамъ, ему симпатичнымъ, К. М. неизмѣнно прибавлялъ привѣтливое слово.

Напримѣръ, у него былъ родственникъ, проживающій на о. Сахалинѣ, отъ котораго Станюковичъ получилъ черезъ Петербургъ письмо. Родственникъ, не зная, что дядя за границей, просилъ

выслать нѣсколько русскихъ книгъ. К. М. написалъ въ Петербургѣ о высылкѣ книгъ, а самъ изъ Неаполя отправилъ къ племяннику на Сахалинъ по телеграфу увѣдомленіе, что книги ему вышлютъ, прибавивъ «крѣпко обнимаю». Въ то время онъ былъ самъ безъ денегъ, а изъ Италіи на Сахалинъ каждое слово по телеграфу оплачивается очень дорого. М. И. Половенецъ, помогавшій К. М. составлять депешу, посовѣтовалъ съэкономничать на этихъ не необходимыхъ словахъ.

— Вы ничего не разумѣете въ психологіи,—раздраженно сказалъ Станюковичъ,—вы не понимаете, что человѣкъ сидитъ тамъ одинокій, тоскуетъ; что эти—по-вашему бесполезныя—слова дохнуть на него тепло, хоть на минуту, ободрятъ его сердце.

И, несомнѣнно, Станюковичъ чувствовалъ себя счастливымъ, доставивъ хоть каплю отрады другому несчастливцу.

Еще примѣръ, подтверждающій, какое любящее было сердце у покойнаго, и какъ его терзало безсиліе удерживаться отъ рѣзкости съ дорогими ему.

Его дочь Зинаида Константиновна горячо любила отца. Приѣхавъ въ Неаполь, она старалась оберегать его отъ волненія, раздраженія. Она бы желала посильно ходить за нимъ, невзирая на слабость своего здоровья, хотѣла бы помогать ему по части диктовки и переписки. Но К. М. все это отклонялъ, придавая своимъ отказамъ обыкновенно насмѣшливую, рѣзкую, иногда и остроумно-обидную форму.

Однажды по поводу стихотвореній Б. В. Бера, Станюковичъ разошелся съ дочерью въ нѣкоторыхъ возрѣніяхъ. Въ спорѣ играло роль слово «стиль». К. М. острилъ по поводу «стиля» до того, что самъ начиналъ волноваться; она старалась отгмалчиваться, чтобъ не раздражать отца, но онъ не унимался. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ и въ разговорѣ съ нами даже часто возвращался къ разногласію съ дочерью «о стилѣ». Однажды я ему сказалъ: пора бы вамъ и забыть объ этомъ стилѣ, Константинъ Михайловичъ!—Этого нельзя забыть, умирать стану, не забуду,—отвѣчалъ онъ храбрясь, а въ сущности добродушно улыбаясь. И тотчасъ же сталъ съ глубокимъ чувствомъ говорить, какой это рѣдко хорошій человѣкъ—его Зина, и какъ ему бываетъ больно, когда онъ на нее вспылить.

Между тѣмъ мы знаемъ, что онъ не позволялъ дочери близко, активно помогать ему въ трудахъ и въ болѣзни не потому, что не хотѣлъ имѣть ее близъ себя, а потому, что, сознавая безсиліе своего темперамента, боялся утомить ее, повредить ея здоровью своей требовательностью и раздражительностью. Когда К. М., испытывая жестокаго страданія, предвидя близость конца, лежалъ на смертномъ одрѣ, З. К. нѣсколько дней и ночей не отходила отъ отца, сидѣла на полу у изголовья, подавленная горемъ, слабенькая, но во вся-

кую минуту готовая чѣмъ возможно облегчить его муки. Она сдавливала душившія ея рыданія, стараясь придать своему лицу спокойное выраженіе. Когда больной едва слышнымъ голосомъ молилъ: «спасите меня, я погибаю», она произносила твердо: «папочка, отъ такой болѣзни не умирають». Сама же знала, что часы отца сочтены. А онъ гладилъ ея головку слабѣющими руками; почти уже не зрѣвшими глазами пытался глядѣть ей въ лицо. И едва ли эта близость любимой дочери, ея заботливость о немъ не представляли для умирающаго лучшей отрады, которую онъ испытывалъ въ жизни.

Теченіе роковой болѣзни Станюковича было таково.

Острый и опасный приступъ недуга, какъ мы сказали выше, обнаружился въ концѣ ноября и былъ подавленъ къ началу января. Тогда К. М. могъ покинуть госпиталь и переѣхалъ въ пансіонъ Поли. Тѣмъ не менѣе основныя болѣзни—диабетъ и невращенія мозга—требовали внимательнаго ухода, а главное осмотрительности со стороны пациента. Помощью врачей ихъ можно было сдерживать въ сносныхъ предѣлахъ, но искоренить вполнѣ невозможно, особенно при постоянно тревожномъ настроеніи больного и заботахъ, и умственномъ напряженіи.

На такой почвѣ всякое случайное заболѣваніе, даже легкая простуда могли имѣть важныя послѣдствія. Этого отъ него не скрывалъ и д-ръ Манна, котораго по выходѣ изъ больницы К. М. пригласилъ продолжать лѣченіе. И оно шло удовлетворительно, пока больной строго выполнялъ предписанія (кушая впроголодь, безусловно избѣгая сахара, всего мучного и пр.). Въ теченіе шести недѣль указаніе на диабетъ при разложеніи мочи понизилось съ 9 (при выходѣ изъ госпиталя) до $2\frac{1}{2}$. Около половины марта онъ уже настолько окрѣлъ, что могъ бы поѣхать въ Россію, если бы не опасеніе врача, что холодная погода за Альпами и особенно въ Петербургѣ и Москвѣ можетъ вызвать простудное осложненіе.

Отъѣздъ былъ отложенъ до конца апрѣля или начала мая. Чувствуя облегченіе, К. М. сталъ, вопреки настояніямъ доктора, упорнѣе работать. Когда же ощущалъ упадокъ силъ, то для подкрѣпленія ихъ разрѣшалъ себя отъ діеты. Менѣе чѣмъ до болѣзни, но все-таки обильно сталъ употреблять и сладкое и мучное, кушалъ даже вѣѣ обычныхъ трапезъ: ветчину, мясо, которыя по существу не были ему вредны, но въ излишкѣ вредили тѣмъ, что онъ, имѣя мало зубовъ, глоталъ плохо разжованные куски, этимъ раздражалъ свой пищеварительный аппаратъ, и безъ того разстроенный.

Наблюдать за нимъ было крайне затруднительно. Онъ прибѣгалъ къ ребяческимъ хитростямъ. Потихоньку отъ доктора и своихъ близкихъ выпивалъ утромъ во время работы по нѣскольку чашекъ какао съ молокомъ и сахаромъ; приказывалъ покупать

колбасу, сыръ, pâté de foie gras, сладкое, пирожки. Вслѣдствіе та кой неосторожности въ половинѣ апрѣля у него обнаружился легкій параличъ связокъ пальцевъ лѣвой ноги. И лѣчившій его постоянно докторъ, Манна, и русскій докторъ, профессоръ Чермакъ (слѣдившій за нимъ со стороны), изслѣдовавъ больного въ присутствіи К. Н. Кольцова у меня на квартирѣ, нашли, что явленіе это диабетическаго происхожденія, легко устранимо массажемъ и воздержаніемъ въ пищѣ. Такъ это и оказалось черезъ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ больной, встревоженный частичнымъ проявленіемъ недуга, сталъ осмотрительнѣе. Ко второй половинѣ русскаго апрѣля онъ опять достаточно оправился. Докторъ разрѣшилъ (и самъ К. М. сознавалъ, также и его друзья) возможность пуститься въ путь, на родину. Нѣкоторые денежныя недочеты были устранены; билеты для него и для дочери были взяты. Этому главнымъ образомъ содѣйствовалъ К. Н. Кольцовъ. Только Станюковичъ самъ сталъ словно колебаться. Имѣя въ виду, что билетъ прямого сообщенія дѣйствителенъ на цѣлый мѣсяцъ, онъ какъ-то началъ затягивать отъѣздъ: казалось, чего-то ждалъ изъ Россіи. Однако послѣ обстоятельной бесѣды со всѣми его здѣшними друзьями и врачами поддался наконецъ; видимо сосредоточилъ свои мысли на близости отъѣзда и даже, какъ впоследствии мы узнали отъ него самого, скрывалъ отъ врача новыя болѣзненные припадки, опасаясь, чтобы вновь не былъ отложенъ отъѣздъ. Впрочемъ этимъ припадкамъ онъ, кажется, и самъ сначала не придавалъ большого значенія, относя ихъ къ давно ему, какъ онъ говорилъ, знакомому геморою. Геморой опять таки былъ не опасенъ, если бы не диабетъ и не вновь начавшееся злоупотребленіе больного неподходящей пищей. Главная же бѣда была, что онъ до этой поры никогда не указывалъ на застарѣлыя гемороидалныя припадки ни друзьямъ, ни врачу. Врачъ теперь былъ буквально потрясенъ этимъ открытіемъ. Когда онъ наконецъ сказалъ объ этомъ врачу и позволилъ себя изслѣдовать, то обнаружились рѣзкія указанія на воспаленіе прямой кишки. Тотчасъ же были приняты мѣры, но отъѣздъ поневолѣ отложили. Болѣзнь развивалась очень быстро. Черезъ нѣсколько же дней, въ видахъ удобства для больного, его перевезли въ нѣмецкій госпиталь (Ospedale Tedesco), пользующійся отличной репутаціей по уходу за больными, по гигиеническимъ условіямъ, по здоровому мѣстоположенію и искусству главнаго врача, д-ра Грессера (который, кстати замѣтить, самъ литераторъ). Діагнозъ д-ра Грессера и его система лѣченія совпали съ таковыми же д-ра Манна. Оба признали быстро развивающееся воспаленіе прямой кишки, и оба имѣли мало надежды на излѣченіе. Въ госпиталѣ К. М. не давали ничего, кромѣ молока и кусочковъ льду. Невзирая на страданія, онъ ясно относился къ окружающимъ; любилъ иногда по-

долгу бесѣдовать съ друзьями о политикѣ, о литературѣ; проявлялъ остроуміе и образность въ разговорахъ.

Уходъ, опрятность и спокойствіе въ этой больницѣ оправдали свою репутацію вообще. Комната была очень хорошая. Но уходъ все-таки оказывался недостаточнымъ для такого больного, около котораго надо было почти ежеминутно производить разныя сложныя манипуляціи, довольно тягостныя для состоящихъ при немъ. Тѣмъ болѣе, что при его нервности и возвышенной чувствительности необходимо было дѣлать все очень осторожно. Между тѣмъ госпитальный персоналъ слишкомъ формально и для даннаго случая неудовлетворительно исполнялъ эти обязанности. Это сложное неудобство съ первыхъ же часовъ пребыванія въ нѣмецкомъ госпиталѣ было подмѣчено и самимъ Станюковичемъ и его друзьями. Тогда на ночь для него наняли особую сидѣлку, и кто либо изъ русскихъ заглядывалъ къ нему непрерывно. Зинаида Константиновна, русскіе друзья, особенно Н. К. Кольцовъ, итальянецъ де-Менна почти постоянно были при больномъ. Остаться одинъ онъ бы и не могъ. Кромѣ болѣзни, его часто сильно угнетала тоска, которую хоть немного разгоняли бесѣды съ симпатичными ему людьми. Больной настоятельно требовалъ, чтобы д-ръ Манна продолжалъ посѣщать его въ больницѣ, и, только благодаря его влиянію, исполнялъ предписанія Грессера и принималъ лѣкарства, назначенныя послѣднимъ. Вообще къ д-ру Грессеру Станюковичъ относился раздражительно-недовѣрчиво. А Грессеръ видѣлъ въ обстановкѣ, которой друзья окружали больного, при строго-корректномъ порядкѣ нѣмецкаго госпиталя нарушение дисциплины.

Д-ръ Грессеръ особенно протестовалъ противъ частыхъ посѣщеній больного друзьями и дочерью, и сталъ настаивать на перевозкѣ Станюковича изъ больницы. Друзья настояли бы на оставленіи больного, если бы не желаніе его самого избавиться отъ быстро ставшей ему ненавистной обстановки и не ихъ собственное убѣжденіе, что она вредна для К. М., потому что сильно его волнуетъ и раздражаетъ.

Благодаря хлопотамъ Н. К. Кольцова, были присканы и наняты двѣ хорошія комнаты въ здоровой мѣстности (Via delle Mille, № 18, a Santa Teresella). Въ прелестный, теплый день К. М. былъ туда бережно перенесенъ. Онъ оставался въ памяти, даже о литературѣ разговаривалъ съ профессоромъ Кольцовымъ.

Я видѣлся къ Константиномъ Михайловичемъ въ послѣдній разъ 7-го мая, послѣдній день его жизни. Я пріѣхалъ къ нему утрому. Въ просторную, со свѣжими свѣтло-сиреневыми обоями, комнату вливалось ласковое майское солнце. Изъ сада, съ большими деревьями подъ окномъ, доносился ароматъ южной весны и веселые голоса играющихъ дѣтей. По комнатѣ беззвучно двигались, предупреждая малѣйшія потребности больного, Н. К. Кольцовъ, обыкно-

венно веселый, теперь скорбный, строго озабоченный; итальянецъ Максъ де-Менна (какъ больной выражался, его «повожатый»), въ теченіе всей весны и теперь исполнявшій при немъ, главнымъ образомъ, фельдшерскія обязанности.

К. М. лежалъ, разметавшись на широкой постели: блѣдное, исхудалое лицо, измученное страданіемъ; какой-то окаменѣлый испугъ во взглядѣ, силившемся проникнуть сквозь застилавшую болѣзненную завѣсу полуслѣпоты.

Между стѣной и кроватью, у изголовья, сидѣла на полу его дочь, Зинаида Константиновна, убитая горемъ и бессонной ночью. Она, сама больная, съ мучительнымъ трудомъ сдерживала слезы, когда отецъ могъ ихъ видѣть.

К. М. узналъ еще меня, пожалъ руку, взялъ яркія розы и красныя гвоздики, которыя я ему привезъ. Въ послѣдніе дни онъ все просилъ, чтобы ему приносили цвѣты, и чтобы они были ярки и душисты. Въ спальнѣ и сосѣдней комнатѣ уже стояло нѣсколько букетовъ. Онъ понюхалъ мои розы, гвоздики, старался взглянуть въ нихъ и опустилъ на грудь, кинувъ на меня взоръ, выражавшій его печаль, невозможность видѣть даже такіе яркіе предметы. Онъ начиналъ нѣсколько разъ говорить, но это ему было тяжело, голосъ былъ слабъ, невнятенъ. Онъ сначала старался прислушиваться къ тому, что говорили ему или около него, но, повидимому, безплодно, и погружался въ страдальческую безучастную печаль; онъ поминутно жаловался на недостатокъ свѣта и воздуха, тогда какъ яркое солнце и благоуханный воздухъ вливались въ спальню изъ оконъ и изъ сосѣдней комнаты...

Послѣ полудня боли усилились; онъ тихо, но тяжело стоналъ; по временамъ словно терялъ сознаніе; начиналъ слабымъ голосомъ по-нѣмецки умолять, чтобы ему при перемѣнѣ припарокъ и обмываніяхъ не причиняли боли. Очевидно ему грезилось, что онъ еще находится въ нѣмецкомъ госпиталѣ, гдѣ сидѣлки обращались съ нимъ недостаточно осторожно. Его повернули на лѣвый бокъ. Это, какъ намъ казалось, доставило больному нѣкоторое облегченіе, а можетъ быть, отраду, потому что онъ могъ ласкать ослабѣвшими руками приклонившуюся съ этой стороны постели голову дочери. Это какъ будто освѣжало его мысли, онъ переставалъ говорить по-нѣмецки, понималъ опасность своего положенія и жалобно просилъ иногда: «спасите, спасите меня»...

Ему такъ не хотѣлось умирать.

Вернувшійся послѣ полудня докторъ Манна съ другимъ врачомъ облегчили страданія больного припарками и вдыханіемъ кислорода.

— Вотъ теперь мнѣ хорошо стало,—произнесъ, видимо довольный К. М., вдохнувъ кислородъ.

Съ тѣхъ поръ до послѣдняго мгновенія онъ оставался спокоенъ, не испытывалъ болей. Я уѣхалъ отъ него подъ вечеръ. Онъ скон-

чался около полуночи тихо, какъ бы заснулъ, при немъ были тогда, кромѣ дочери, Кольцовъ, докторъ Манна, де-Менна, студентъ С.-Петербургскаго университета В. Д. Зеленскій и Е. П. Мельникова, на рукахъ которой (она поддерживала мѣшокъ съ кислородомъ) К. М. испустилъ духъ.

Лица, видавшія, какъ люди умирають (между прочимъ, одна интеллигентная больничная сидѣлка), рассказывали мнѣ, что нѣкоторые больные передъ агоніей говорятъ о лошадахъ, ожидающихъ ихъ для отъѣзда куда-то.

Н. К. Кольцовъ рассказывалъ мнѣ, что Станюковичъ при такихъ же обстоятельствахъ бредилъ о пароходѣ, выражая нетерпѣніе, что тотъ долго не отчаливаетъ.

Похоронили Константина Михайловича въ ясный солнечный день на православномъ (греческомъ) кладбищѣ Неаполя. Къ похоронамъ собрались всѣ русскіе, успѣвшіе узнать о кончинѣ маститаго писателя. На гробѣ лежалъ большой вѣнокъ съ черной лентой, на которой было вытѣснено на родномъ языкѣ: «Станюковичу отъ русскихъ».

Н. Н. Фирсовъ (Л. Рускинъ).

МОНАСТЫРЬ-ТЮРЬМА.

«Богъ не желаетъ погубить душу и помышляеть, какъ бы не отвергнуть отъ Себя и отверженнаго».

(2 Царствъ, XIV, 14).

ЛУЧИЛОСЬ мнѣ съ однимъ пріателемъ, окончившимъ духовную академію, заѣхать въ древній Суздаль. Девятьсотъ лѣтъ стоитъ этотъ городъ въ самой срединѣ Русскаго государства, но до сихъ поръ нѣтъ къ нему порядочной дороги, ни желѣзной, ни шоссеиной. Онъ не обставленъ, какъ другіе промышленные города Владимирской губерніи, ни высокими дымовыми трубами, ни огромными кирпичными зданіями фабрикъ и заводовъ; на его улицахъ и площадяхъ не видно толпящагося народа, не слышно ни свистковъ, ни криковъ, ни шумнаго говора. Зато на небольшомъ пространствѣ, занимаемомъ городомъ, красуются пестрыя главы болѣе тридцати церквей! Всѣ онѣ прекрасно содержатся, пріятно раскрашены, съ каменными оградами, съ башенками.

Эта коллекція старинныхъ храмовъ и монастырей всегда привлекала сюда любителей археологіи, къ которымъ принадлежалъ и мой пріятель. Онъ съ неутолимою жадностью бросался отъ одного памятника древности къ другому, и я не знаю, сколько бы времени мы провели здѣсь, если бы не торопили его обязанности службы ѣхать далѣе.

Осмотрѣвъ наиболѣе интересные храмы, мы отправились въ Спасо-Евѡиміевъ монастырь, расположенный на краю города.

Высокія, толстыя стѣны съ башнями-бойницами по угламъ и массивныя ворота съ громадными желѣзными запорами напомнили

намъ старинныя русскія крѣпости. Мы вѣхали въ средину монастыря и остановились противъ игуменскихъ келлій. Самъ игумень, представительный инокъ, поспѣшилъ намъ навстрѣчу и съ большимъ радушіемъ взялся обвести насъ по монастырю и показать всѣ здѣшнія достопримѣчательности.

Благодаря его любезности и вниманію, мы подробно осмотрѣли соборъ, ризницу и нѣкоторыя постройки. Наконецъ, игумень подводитъ насъ къ могилѣ героя 1612 года, князя Димитрія Михайловича Пожарскаго. Недавно поставленный памятникъ изъ бѣлаго мрамора прекрасной художественной работы начинаетъ уже портиться: нѣжный матеріалъ не выноситъ суроваго климата. Непріятно портятъ бѣлизну мрамора и желтые ржавые подтеки: должно быть, камни связаны желѣзными болтами. Вотъ ужъ неумѣстная экономія въ такомъ богатомъ произведеніи!

Мой пріятель неутомимо осматриваетъ каждую подробность, постоянно задаетъ игумену разные вопросы, на которые тотъ иногда не въ состояніи и отвѣтить, а я въ это время горю нетерпѣніемъ: да когда же все это кончится?! У меня было только одно затаенное желаніе—заглянуть за кирпичную стѣну, отдѣляющую внутри ограды монастыря тюрьму для религіозныхъ преступниковъ. Меня все время занимала мысль: покажетъ, или не покажетъ намъ игумень этотъ всероссійскій тайникъ? Воображеніе рисуетъ здѣсь фанатично убѣжденныхъ старцевъ, десятки лѣтъ заключенныхъ въ массивныхъ стѣнахъ. Одно ихъ слово покаянія раскрыло бы имъ двери темницы, но они предпочитаютъ нести всевозможныя лишенія, терпѣть и скудость, и болѣзнь и твердо стоять за свою вѣру. Заглянуть бы, что это за колоссы духа!

— Ну, вотъ, кажись, и все я вамъ показалъ въ монастырѣ,—сказалъ игумень, вопросительно засматривая въ глаза моему пріятелю.

Это «кажись» говорило мнѣ, что не все еще имъ показано, и у меня явилась надежда проникнуть за нѣмую стѣну.

— У васъ имѣется тюрьма при монастырѣ, — небрежно замѣтилъ мой спутникъ. — Интересно ли заглянуть туда?

— Да какой интересъ въ этомъ десяткѣ сумасшедшихъ! — отвѣтилъ равнодушно игумень, какъ бы отклоняя своимъ тономъ наше вниманіе.

Я затаилъ дыханіе.

— Сумасшедшіе! Зачѣмъ же вы ихъ держите? — спрашиваетъ пріятель.

— Да ихъ и то понемногу выпускаютъ. Я называю ихъ сумасшедшими за то упорство, съ какимъ они проповѣдуютъ свое ученіе.

— А вы не пробовали ихъ разубѣждать?

— Пытались съ ними говорить, да толку мало.

И игуменъ сталъ разсказывать о четырехъ сектантахъ, неправильно учившихъ о пришествіи Антихриста, о проповѣди Іліи и Еноха предъ кончиной міра и о второмъ пришествіи Господа.

— Интересно бы съ ними побесѣдовать. Не буйные? Не опасно къ нимъ входить?— снова спросилъ мой пріятель.

— Нѣтъ, ничего! Смирные, какъ овцы. Если желаете, пойдете къ Алексѣю Калѣчину. Это, пожалуй, самый интересный заключенный. Изъ его товарищей нѣкоторые раскаялись и были выпущены. Вотъ попробуйте-ка его убѣдить!

Мы подошли къ красной кирпичной стѣнѣ. Глухія ворота были на запорѣ. По приказанію игумена открыли ихъ. Тамъ насъ встрѣтилъ тюремный надзиратель въ формѣ своего вѣдомства съ синими кантами. Одноэтажное длинное зданіе тюрьмы отдѣлялось отъ внутренней стѣны узкимъ промежуткомъ, густо засѣяннымъ макомъ.

Надзиратель пропустилъ насъ въ длинный коридоръ, въ который выходятъ двери изъ всѣхъ камеръ, расположенныхъ въ одну линію. Немногія заперты висячими замками. Заключенные только-что пообѣдали. Противъ нѣкоторыхъ дверей на окнахъ лежала небранная оловянная посуда. Гулко раздавались наши шаги въ мертвой тишинѣ. Мы прошли во всю длину коридора съ окнами на лѣвой сторонѣ его и остановились у послѣдней камеры, кажется, подъ номеромъ двадцать первымъ. Дверь камеры была притворена, но не заперта на задвижку.

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!— пѣвуче произнесъ игуменъ и помедлилъ въ ожиданіи отвѣта.

Молчаніе. Тогда спутникъ мой громко отвѣтилъ:

— Аминь!

Игуменъ отворилъ дверь камеры, и мы вошли въ нее.

Въ правой сторонѣ на кровати лежалъ заключенный, Алексѣй Калѣчинъ, прикрывшись чернымъ подрясникомъ. Въ углу стоялъ деревянный столъ. Висѣла небольшая икона.

Алексѣй проснулся, не торопясь спустилъ ноги на полъ и сѣлъ на кровать. Я впился въ него глазами. Внѣшній видъ его напоминалъ монаха: черные волосы съ едва замѣтными серебряными нитями лежали по плечамъ, черная борода, темно-каріе прекрасно сохранившіеся глаза, блѣдное лицо, черное одѣяніе. Онъ изъ тѣхъ монастырскихъ типовъ, которымъ по виду можно дать немного болѣе сорока лѣтъ, а на самомъ дѣлѣ окажутся чуть ли не всѣ шестьдесятъ.

На его вопросы—кто мы, зачѣмъ, откуда—мы воспѣшили рекомендоваться, называя себя случайными гостями въ Суздальскомъ монастырѣ.

Мнѣ показалось, Алексѣй отнесся къ нашимъ рекомендаціямъ очень равнодушно, и онъ просто вступилъ въ разговоръ съ нами.

Мой спутникъ сразу подошелъ къ темѣ о кончинѣ міра, о предсказаніяхъ Иисуса Христа, о Его второмъ пришествіи.

— Христось уже нѣсколько лѣтъ какъ явился на землю,—вдругъ выпалилъ Алексѣй,—но люди опять Его не узнали.

Пріятель мой, какъ боевой конь, почувалъ поле для словесной битвы и съ жаромъ сталъ доказывать, ссылаясь на Евангеліе, что второе пришествіе Христа будетъ явно для всѣхъ.

— Какъ молнія исходитъ отъ востока и видна бываетъ даже до запада, такъ будетъ пришествіе Иисуса Христа. Я допускаю вашу мысль, что кончина міра близка. Вы сами служите признакомъ этой кончины. Господь предсказалъ, что будутъ приходять лжехристы, а лжепророки будутъ указывать на нихъ и дѣлать знаменія, чтобы прельстить, если возможно, и избранныхъ. Но, предупреждаетъ Господь, вѣрить имъ не надо.

— Скажи, пожалуйста,—перебиваетъ его Алексѣй,—когда Христось явился на землѣ первый разъ, многіе ли Его узнали? Очень мало! Сами апостолы повѣрили въ Христа послѣ Его воскресенія. Ожидали, что Мессія придетъ, какъ царь, и тотчасъ же установитъ на землѣ царство евреевъ. А сами же евреи распяли Его, какъ преступника. Если такъ таинственно было первое пришествіе Христово, то въ сто разъ премудрѣе будетъ второе. Это надо понимать!

Пріятель мой въ отвѣтъ опять разразился цѣлымъ потокомъ текстовъ Евангелія:

— Берегитесь, говоритъ Господь, чтобы кто не прельстилъ васъ, ибо многіе придутъ подъ именемъ Моимъ и будутъ говорить: я Христось. Это мы и видимъ теперь около Петербурга. Тамъ немало есть людей, которые признаютъ отца Иоанна Кронштадтскаго за Христа.

Богословъ обратился къ игумену и сталъ ему рассказывать о своемъ послѣднемъ свиданіи съ отцомъ Иоанномъ. Алексѣй Калѣчинъ насторожилъ уши и внимательно слушалъ.

— А вы что скажете про отца Иоанна?—вдругъ спросилъ его богословъ.

— Онъ есть Духъ Святой, третье лицо Святой Троицы!—внушительно произнесъ Калѣчинъ.

— Пожалуй, и я скажу,—соглашался мой спутникъ,—что въ отцѣ Иоаннѣ, какъ въ священникѣ, почиваетъ Духъ Святой. По апостолу, Духъ славы, Духъ Божій почиваетъ на всѣхъ насъ, христіанахъ. И какъ у каждаго тѣло есть храмъ живущаго въ немъ Святого Духа, такъ и всѣ мы вмѣстѣ составляемъ одно огромное тѣло, напоенное однимъ Духомъ. Въ этомъ я съ вами согласенъ.

— Нѣтъ, не то я говорю,—возразилъ Алексѣй, драпируясь въ ряску, приспущенную съ праваго плеча.—Не про людей я говорю

а про Самого Бога, Духа Святого. Третье лицо Святой Троицы воплотилось на землѣ въ Іоаннѣ Кронштадтскомъ.

— По-вашему, значить, теперь два лица Святой Троицы воплотились на землѣ!—удивляясь воскликнулъ богословъ.

— Не два, а всѣ три лица: Отецъ, Сынъ и Святой Духъ, воплотились въ тысяча восемьсотъ девяносто шестомъ году,—съ горящими глазами торжественно произнесъ Алексѣй.

Мы переглянулись между собою и первое время не могли сказать ни слова: такъ онъ поразилъ насъ своимъ откровеніемъ. Я подумалъ: должно быть, онъ назоветъ себя Богомъ.

— Да понимаете ли, какія страшныя вещи вы говорите!—наконецъ воскликнулъ мой спутникъ.

— Понимаешь ли ты, какія я говорю страшныя вещи?—многочисленно повторилъ Алексѣй.—Подумай, другъ мой, о томъ, что сейчасъ слышишь отъ меня. Ой, какъ надо понять это! Теперь во сто кратъ таинственнѣе явленіе Бога на землѣ, чѣмъ прежде.

— Такъ скажите, пожалуйста, кто же это три лица Святой Троицы? Одно вы намъ указали. А кто же другія два?

— Первое лицо, Отецъ, есть священникъ Николай. Онъ былъ, кажется, въ Соловахъ, а теперь не знаю—гдѣ. Второе лицо—здѣсь.

Я опять подумалъ, не себя ли онъ считаетъ Христомъ, но игуменъ замѣтилъ намъ:

— Это есть здѣсь іеродіаконъ Парѣній, котораго онъ зоветъ Андреемъ.

Алексѣй промолчалъ на его замѣчаніе.

— Вы видѣли всѣ три лица?—спросилъ и я его.

— Видѣлъ.

— И Богородица на землѣ?

— Есть и Богородица, нѣкая Марія.

— Бога не видѣлъ никто никогда!—не вытерпѣлъ мой богословъ:—Онъ обитаетъ въ неприступномъ свѣтѣ, и никто изъ людей Его не видѣлъ и видѣть не можетъ. А вы говорите, что видѣли Бога. Когда Господь Саваоѣ открылся Израилю, то народъ видѣлъ знаменія и чудеса, о которыхъ и теперь, черезъ тридцать слишкомъ вѣковъ, вспоминаютъ ежедневно во всѣхъ христіанскихъ церквахъ. Сынъ Божій, въ продолженіе какихъ нибудь трехъ лѣтъ, также проявилъ свою божественную силу знаменіями и чудесами, обратившими весь цивилизованный міръ въ христіанство. А вашъ невѣдомый Николай, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, ничѣмъ себя не заявилъ. Какъ же вы могли признать его Богомъ?!

Алексѣй спокойно слушалъ и не возражалъ. Разговоръ перешелъ на тему о мѣстѣ пребыванія Бога. На всѣ пространныя объясненія моего пріятеля Алексѣй говорилъ о раѣ что-то мистическое, неудовимое.

— Я у васъ книгъ не замѣчаю,—спросилъ я его:—есть ли у васъ Евангеліе?

— Было, да вотъ онъ отобралъ—Алексѣй указалъ на игумена.

— Ему предлагаютъ книги изъ нашей библіотеки. Не хочеть!—возразилъ игумень.

— А ты зачѣмъ мою отобралъ?

Чтобы прекратить препирательство, я испросилъ разрѣшеніе у игумена подарить заключенному Евангеліе, но Алексѣй отнесся къ этому отрицательно, объясняя, что Евангеліе у него написано въ сердцѣ.

Игумень напомнилъ ему о его товарищахъ, которые раскаялись и вышли изъ заключенія.

— А вы? Развѣ не хотите отсюда выйти?—обратился къ нему богословъ.

Алексѣй задумался, устремивъ свой взглядъ въ пространство. По лицу видно было, что эти слова вызвали въ немъ борьбу. Вѣроятно, онъ думалъ: отсюда и я легко могу выйти на свободу, стоить лишь мнѣ прекратить свою проповѣдь. Но вѣдь я не утерплю,—и меня опять засадятъ сюда. Сдаваться на убѣжденія православныхъ, а потомъ опять стать въ противорѣчіе съ ними—это значитъ шататься изъ стороны въ сторону.

— Нѣтъ, ужъ лучше идти прямымъ путемъ!—медленно, но твердо произнесъ вслухъ Алексѣй.

Прощаясь съ нимъ, пріятель мой протянулъ ему руку, но тотъ, сжимая свои подъ ряской, сказалъ:

— Я руки не дамъ!

И началъ говорить о соблюденіи «чистоты».

Мы поднялись, чтобы выйти. Поднялся и Алексѣй и проводилъ насъ съ благопожеланіями въ коридоръ. Здѣсь мы разстались. Очевидно, въ предѣлахъ зданія тюрьмы онъ пользуется свободой: по крайней мѣрѣ, его не запираютъ, такъ что онъ всегда можетъ выходить въ коридоръ.

— Скажите намъ,—спрашиваю игумена,—ваше мнѣніе о Калѣчинѣ: вамъ приходилось, вѣроятно, здѣсь часто его видѣть и слышать отъ него подобныя проповѣди о пришествіи Господа.

— На мой взглядъ,—сказалъ монахъ,—Калѣчинъ—неученый, грубый мужикъ. Онъ ни о чемъ не можетъ говорить отъ Божественнаго Писанія. Что ему понравилось, онъ то и заучилъ, какъ попугай, твердитъ каждому, кто бы ни пришелъ къ нему, одно и то же.

— Интересно взглянуть на іеродіакона Пареенія, котораго Алексѣй считаетъ за Христа. Будьте любезны свести насъ въ его камеру,—попросили мы оба.

— Не стоить, господа: пьяница! Впрочемъ, если желаете, пойдемте.

И онъ приказалъ стражнику открыть висячій замокъ въ одной изъ среднихъ камеръ. Опять раздался пѣвучій возгласъ игумена:

— Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!..

Но «христось» Алексѣя глухъ остался къ молитвѣ. Пришлось опять отвѣтить моему спутнику:

— Аминь!

Тяжелая дверь медленно подалась, и мы вошли въ камеру такого же вида, какъ и первая. Иеродіаконъ Парѣеній лежалъ ничкомъ, растянувшись во весь свой богатырскій ростъ, на кровати и спалъ, по крайней мѣрѣ, не шевелился при нашемъ входѣ.

— Не стойтъ, господа, его тревожить, пойдѣте! — совѣтуетъ игуменъ.

Но въ это время Парѣеній перевернулся. Лежа съ задранными руками наверхъ, онъ взглянулъ на насъ. Мы увидѣли лицо брюнета съ крупными чертами.

Кратко объясняя причину своего посѣщенія, мой спутникъ старался навести его на тѣ же вопросы, которые только-что подымалъ съ Алексѣемъ. Но Парѣеній пренебрежительно промывчалъ что-то неопредѣленное и сталъ говорить о своей распрѣ съ настоятелемъ, по жалобѣ котораго онъ и попалъ въ этотъ монастырь. Игуменъ замѣтилъ ему, что онъ долженъ заслужить здѣсь хорошую рекомендацію, и тогда получить свободу.

— Пустое! — грубо перебилъ его Парѣеній: — я и сейчасъ буду свободенъ, стоитъ лишь мнѣ разстричься.

Какъ мы ни старались перемѣнить тему разговора, Парѣеній говорилъ только о своемъ положеніи, въ которое онъ попалъ за свою «нетрезвость и грубость съ настоятелемъ».

Передъ нами былъ самый земной, обыкновенный человекъ. Все время, пока мы говорили съ нимъ, онъ валялся на кровати, потирая свои оголенные по локоть руки. Видъ непривлекательный! При чемъ тутъ второе лицо Святой Троицы?! У меня даже забралось сомнѣніе, про него ли говорилъ намъ Алексѣй.

Мы вышли изъ камеры и обратились съ разспросами къ игумену.

— О Парѣеніи трудно сказать чтонибудь вѣрное, опредѣленное, — передавалъ монахъ. — Онъ какой-то особенный и со странностями. Почти ни съ кѣмъ не говоритъ. Иногда кажется — онъ психически разстроенъ. А относительно того, его ли Алексѣй чтитъ за Христа, а не кого другого, то это я вамъ вѣрно сказалъ. И, я думаю, Алексѣй продолжаетъ почитать за Бога Парѣенія не отъ убѣжденія, а отъ упрямства: не хочетъ себя переломить. Онъ привыкъ идти всегда передовымъ у своихъ сектантовъ, а теперь остался позади. Вотъ ему и совѣстно сознаться предъ своими товарищами въ своемъ заблужденіи. Каждый день, послѣ утреннихъ молитвъ, онъ идетъ за кипяткомъ. И когда проходитъ мимо комнаты Парѣенія, становится на колѣни и съ воздѣтыми вверхъ руками кричитъ, что только взбрѣдетъ ему въ голову: «Христось воскресе!», «Троица воскресла!», «Вся Святая Троица воплотилась!»... По-моему, онъ просто озорничаетъ. Иной разъ соберутся они въ коридорѣ,

начнуть обсуждать религиозные вопросы, а потомъ найдетъ на нихъ: и вотъ одинъ назовется Иоанномъ Предтечей, другой—апостоломъ Петромъ, кто—Павломъ, а кто—Ильей и Енохомъ. Разъ какъ-то они съ пѣніемъ, съ образами, съ свѣчами пришли къ Парѣнію, какъ ко Христу. Но тотъ мрачно взглянулъ на это и велѣлъ все оставить: дескать, въ духѣ должно кланяться. Не пойму я ничего у нихъ!—заклучилъ свою рѣчь игумень.

Я описалъ свои впечатлѣнія отъ двухъ заключенныхъ, потому что изъ остальныхъ большая часть—священники Рудаковъ и Синцоровъ, сектантъ Ковалевъ, замуравившій нѣсколько человекъ своихъ единомышленниковъ, діаконъ Добролюбовъ и др.—въ настоящее время выпущены изъ тюрьмы, а, кромѣ того, одинъ умеръ и одинъ не сегодня-завтра тоже освобождается. Итакъ, остаются только Алексѣй Калѣчинъ да іеродіаконъ Парѣній, какъ послѣдніе могоканы длиннаго ряда суздальскихъ заключенныхъ. Стоитъ ли изъ-за двухъ содержать тюрьму и при ней восемь стражниковъ, а главное—стоитъ ли этою тюрьмою наводить попреки и укоризну на монастырь и на всю православную церковь?! Въ Соловецкомъ монастырѣ упразднена старинная тюрьма, гдѣ еще такъ недавно томились религиозные преступники. Теперь очередь за суздальской монастырской тюрьмой. Давно пора смыть это одно изъ черныхъ пятенъ нашей религиозной жизни, на которое такъ настойчиво указываютъ пальцемъ и на Руси, и за границей. Да и зачѣмъ вообще быть темницамъ при монастыряхъ, когда у насъ имѣются для преступниковъ спеціальныя тюрьмы гражданскаго вѣдомства, а для сумасшедшихъ—психіатрическія больницы?! До меня дошелъ слухъ, что упраздненіе тюрьмы при Спасо-Евѣиміевомъ монастырѣ есть вопросъ нѣсколькихъ дней. Въ принципѣ будто бы давно рѣшено закрыть эту тюрьму. Дай Богъ!

Одинъ миссіонеръ, оправдывая существованіе тюремъ при монастыряхъ, указывалъ на темницу Божію, въ которую Господь заключить діавола и всѣхъ его послѣдователей. Въ нашей земной жизни должны быть образы дѣлъ Божіихъ, а потому на ряду съ храмами должны быть и темницы. На это ему сказали тогда: пусть гражданскія тюрьмы прообразуютъ адъ и преисподнюю, но монастыри должны изображать святое мѣсто, Небесный Іерусалимъ, гдѣ живутъ «святые ангелы и небесные человекѣки», гдѣ Самъ Богъ обитаетъ съ ними. Главное же, надо помнить, что Христосъ пришелъ на землю, чтобы «открыть глаза слѣпыхъ, узниковъ вывести изъ заключенія и сидящихъ во тьмѣ—изъ темницы». А мы, христіане, должны подражать Христу.

Ив. Ювачевъ,

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II И ЦЕНЗУРНЫЯ РЕФОРМЫ 1860 ГОДОВЪ.

I.

ИМПЕРАТОРЪ Николай I, мечтавшій оставить своему наслѣднику царство мирное, благоустроенное и счастливое, какъ извѣстно, имѣлъ несчастье глубоко разочароваться въ результатахъ своей внутренней политики и на смертномъ одрѣ принужденъ былъ произнести рѣшительное слово осужденія всему до-реформенному строю русской общественной и государственной жизни. Вызванная неожиданными для государя результатами его внутренней и виѣшней политики катастрофа — несчастная севастопольская война — сдѣлала настолько очевидными многочисленныя и серьезныя застарѣлыя недуги русскаго общественаго и государственнаго организма, что побудила и высшія правящія сферы въ значительной степени измѣнить свои прежніе взгляды и признать коренныя и существенныя либеральныя реформы единственнымъ выходомъ изъ опаснаго и рискованнаго положенія. Передовыя идеи мыслящей части русскаго общества, нашедшія себѣ сочувствіе и поддержку въ высшихъ правящихъ сферахъ, не могли уже теперь встрѣчать серьезныхъ препятствій къ проведенію въ практическую жизнь и въ самомъ царствующемъ государѣ, такъ какъ преемникъ Николая — императоръ Александръ II, по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ далеко не походилъ на своего отца.

Прекрасно сознававшій крупныя недостатки собственнаго образованія и съ неподдѣльною горечью говорившій по адресу своего

бывшаго воспитателя: «Богъ судья Ламсдорфу за жалкое образованіе, полученное нами», императоръ Николай внимательно и заботливо относился къ такому важному вопросу, какъ умственное и нравственное формированіе наслѣдника престола и будущаго самодержца Русскаго государства. Когда-то, еще во время дѣтства наслѣдника, Николай Павловичъ говорилъ: «я хочу воспитать въ моемъ сынѣ человѣка, прежде чѣмъ сдѣлать изъ него государя». Тотчасъ же по вступленіи на престолъ онъ избралъ главнымъ наставникомъ и руководителемъ воспитанія цесаревича извѣстнаго поэта Жуковскаго. Нечего, конечно, и говорить, что по своимъ взглядамъ на дѣла и задачи просвѣтительно-педагогической дѣятельности мягко-сердечный и широко образованный поэтъ стоялъ неизмѣримо выше суроваго и недалекаго генерала Ламсдорфа. Глубоко проникнутый сознаніемъ всей важности успѣшнаго выполнения такого труднаго и отвѣтственнаго дѣла, какимъ было воспитаніе будущаго самодержавнаго повелителя Россіи, Жуковскій рѣшилъ посвятить ему все свои силы, чтобы выработать изъ царственнаго ученика «человѣка», въ лучшемъ смыслѣ этого слова, способнаго впослѣдствіи сдѣлаться истинно-просвѣщеннымъ и гуманнымъ государемъ. «Можетъ быть...—писалъ Плетневъ¹⁾,—ни одно лицо не приступало къ исполненію своихъ педагогическихъ обязанностей съ такимъ страхомъ и благоговѣніемъ, какъ Жуковскій. Не довѣряя легкомысленно одной своей опытности, своимъ только знаніямъ и живому уму, онъ читалъ все, что могъ найти полезнаго по этой части, совѣтовался съ извѣстнѣйшими въ столицѣ педагогами и постепенно все болѣе и болѣе усовершенствовалъ свой воспитательно-педагогическій планъ. Выработавъ довольно сложный планъ умственнаго, нравственнаго и физическаго воспитанія наслѣдника престола, Жуковскій въ противоположность Лагарпу, наставнику императора Александра I, начинавшему своего воспріимчиваго ученика готовыми политическими, общественными и нравственными идеями, считалъ необходимымъ, по возможности всегда и во всемъ, вырабатывать въ своемъ воспитанникѣ желательныя взгляды и убѣжденія путемъ самодѣятельности его собственной мысли; съ этою цѣлью онъ настойчиво рекомендовалъ подчиненному ему штату придворныхъ педагоговъ, чтобы ихъ ученикъ не воспринималъ только готовые отвѣты на всевозможные запросы человѣческаго ума, а постепенно доводился до ихъ сознательнаго и разумно-самостоятельнаго рѣшенія путемъ цѣлой системы вспомогательныхъ учительскихъ вопросовъ и разъясненій. Правда, въ педагогической литературѣ уже были отмѣчены, и притомъ не безъ достаточныхъ основаній, методологическіе недостатки воспитательной системы Жуковскаго, увлекавшагося идеями Пе-

1) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III.

сталоцпи и не всегда вполнѣ удачно примѣнявшаго ихъ въ дѣлѣ умственного развитія наслѣдника престола, но во всякомъ случаѣ историкъ, не забывающій состоянія учебно-воспитательнаго дѣла въ разсматриваемую эпоху, необходимо долженъ признать, что педагогическіе взгляды Жуковскаго для своего времени представляли собою довольно отрадное явленіе. Недаромъ изслѣдователи учебно-просвѣтительной дѣятельности главнаго наставника императора Александра считали себя въ правѣ очень рѣшительно утверждать, что, «если принять во вниманіе самоотверженную преданность Жуковскаго своему дѣлу и его горячую любовь къ своему воспитаннику, то придется признать, что лучшаго воспитателя для наслѣдника русскаго престола едва ли можно было и найти три четверти вѣка тому назадъ»¹⁾. Мы не будемъ подробно останавливаться на всей сложной системѣ обученія будущаго преобразователя Россіи, выработанной Жуковскимъ, а отмѣтимъ здѣсь лишь его основныя идеи о царской власти и объ обязанностяхъ государя по отношенію къ своимъ подданнымъ.

«Вѣрь,—писалъ онъ въ обширномъ докладѣ на имя императора Николая²⁾,—что власть царя происходитъ отъ Бога, но вѣрь сему, какъ вѣрили Маркъ Аврелій и Генрихъ Великій; сію вѣру имѣлъ и Іоаннъ Грозный, но въ душѣ его она была губительною насмѣшкой надъ Божествомъ и человѣчествомъ. Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ; законъ, пренебрегаемый царемъ, не будетъ хранимъ и народомъ. Люби и распространяй просвѣщеніе; оно—сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти; изъ слѣпыхъ рабовъ легче сдѣлать свирѣпыхъ мятежниковъ, чѣмъ изъ подданныхъ просвѣщенныхъ, умѣющихъ цѣнить благо порядка и законовъ. Уважай общее мнѣніе: оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха. Мысли могутъ быть мятежны, когда правительство притѣснительно или безпечно; общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго государя. Люби свободу, т.-е. правосудіе; свобода и порядокъ—одно и то же; любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ. Владычествуй не силою, а порядкомъ. Уважай народъ свой: тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. Люби народъ свой: безъ любви царя къ народу нѣтъ любви народа къ царю».

По поводу удачнаго назначенія въ законоучители молодому наслѣднику извѣстнаго протоіерея Павскаго Жуковскій писалъ императрицѣ, что назначенный на такую отвѣтственную должность просвѣщенный и ученый богословъ, какъ нельзя болѣе, способенъ разъяснить будущему государю истинный смыслъ словъ: «власть царей исходитъ отъ Бога», которыя такъ часто повторялись въ по-

¹⁾ «Образованіе», 1902 г., №№ 5—6. «Жуковскій, какъ педагогъ», стр. 51.

²⁾ Сборникъ Импер. Русс. истор. общества, т. XXX, стр. XV.

«истор. вѣстн.», мартъ, 1905 г., т. сѣх.

слѣднее время. «Да, эти слова, — разсуждалъ онъ, — высокая истина, когда подъ ними разумѣютъ отвѣтственность предъ верховнымъ судилищемъ, но они не болѣе, какъ пагубное правило для сердца монарха, если означаютъ: «мнѣ все позволено, потому что я зависю только отъ Бога». Это понятіе о божественномъ судилищѣ, неразлучное съ уваженіемъ къ мнѣнію человѣческому, которое въ общемъ своемъ значеніи есть не иное что, какъ то же божественное судилище, — это понятіе должно всецѣло овладѣть душою будущаго государя... Только оно можетъ подчинить его долгу, внушить ему довѣріе къ праву, справедливости, свободѣ, просвѣщенію и научить его царствовать для блага народа».

Понятно, что при такихъ взглядахъ на обязанности государя главный и отвѣтственный руководитель воспитанія наслѣдника престола могъ легко и удобно дѣйствовать въ духѣ первоначальнаго намѣренія Николая, желавшаго выработать изъ своего сына прежде всего человѣка, а затѣмъ уже будущаго самодержавнаго монарха. Правда, замѣтивъ однажды въ цесаревичѣ недостатокъ усердія къ военнымъ наукамъ, императоръ Николай довольно рѣшительно потребовалъ, чтобы военныя науки занимали въ образовательной системѣ наслѣдника доминирующее положеніе, способное образовать изъ него «военнаго въ душѣ», безъ чего, по словамъ государя, онъ будетъ потерянь въ нашемъ вѣкѣ ¹⁾. Правда и то, что императоръ Николай, высоко цѣнившій военное образованіе, настойчиво требовалъ, чтобы наслѣдникъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ обязательно участвовалъ во всѣхъ смотрахъ и парадахъ. Но, въ данномъ случаѣ, взгляды государя и отвѣтственнаго руководителя воспитанія Александра, которому императоръ Николай вполне довѣрялъ и предоставлялъ значительную свободу дѣйствій, далеко не совпадали между собою; по крайней мѣрѣ, по поводу постоянного участія наслѣдника въ военныхъ смотрахъ и парадахъ Жуковскій, нисколько не стѣсняясь, высказывалъ императрицѣ свои опасенія, какъ бы «эти воинственныя игрушки не испортили въ немъ того, что должно быть первымъ его назначеніемъ». «Долженъ ли будущій государь, — писалъ онъ, — быть только воиномъ, дѣйствовать въ сжатомъ горизонтѣ генерала? Когда же будутъ у насъ законодатели? Когда будутъ смотрѣть съ уваженіемъ на истинныя нужды народа, на законы, просвѣщеніе, нравственность? Государыня, простите мои восклицанія, но страсть къ военному ремеслу стѣснить его душу; онъ привыкнетъ видѣть въ народѣ только полкъ, въ отечествѣ — казарму». Можно думать, что Жуковскій не ограничивался только одними безплодными сѣтованіями на внесеніе нежелательныхъ элементовъ въ воспитаніе наслѣдника престола и употреблялъ, съ своей стороны, всѣ находившіяся въ

¹⁾ Татищевъ. Императоръ Александръ II, т. I, стр. 53.

его распоряженіи средства, чтобы парализовать вредное вліяніе излишняго увлеченія «воинственными игрушками». Къ сожалѣнію, ни документальныя данныя, имѣющія отношеніе къ воспитанію и образованію наслѣдника престола и обнародованныя Императорскимъ Русскимъ историческимъ обществомъ ¹⁾, ни обширная монографія Татищевъ, посвященная жизни и царствованію императора Александра II ²⁾, не предоставляютъ въ наше распоряженіе достаточнаго количества матеріала, необходимаго для того, чтобы научно обосновать высказанную мысль и превратить ее изъ болѣе или менѣе вѣроятнаго предположенія въ несомнѣнный историческій фактъ. Историкъ можетъ лишь констатировать, что стремленіе императора Николая привить наслѣднику престола свою страсть къ военнымъ смотрамъ и парадамъ, несмотря на вполне вѣроятныя усилія воспитателей парализовать нежелательное вліяніе излишняго увлеченія «воинственными игрушками», не осталось совершенно безрезультатнымъ; по крайней мѣрѣ, извѣстно, что императоръ Александръ II въ первое время своего царствованія не былъ вполне свободенъ и отъ увлеченія чисто внѣшнею, парадною стороною военной дѣятельности. Да и впоследствии, въ теченіе всего своего 25-лѣтняго царствованія онъ уже никогда не былъ въ состояніи совершенно освободиться отъ внушенной ему съ дѣтства страстной привязанности къ военному дѣлу. Не даромъ и авторъ новѣйшаго изслѣдованія александровской эпохи, спеціально посвятившій свою обширную монографію изученію жизни преобразователя Россіи, долженъ былъ признать, что въ царственной дѣятельности императора Александра II изъ всѣхъ отраслей государственнаго управленія развитіе и усовершенствованіе военныхъ силъ имперіи занимали едва ли не первое мѣсто. Императоръ Александръ II, не безъ основанія утверждаетъ Татищевъ, авторъ упомянутаго изслѣдованія ³⁾, «посвящалъ арміи и флоту значительную часть своего времени, трудовъ и заботъ. Военныя занятія и упражненія служили для него самого какъ бы отдыхомъ и развлеченіемъ. Воскресные разводы въ манежѣ зимою, лѣтомъ — лагерные сборы въ Красномъ Селѣ, постоянные объѣзды войскъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи, ученья, смотры, парады, маневры наполняли, такъ сказать, жизнь государя».

Вмѣстѣ съ излишнимъ пристрастіемъ къ «парадной» военной дѣятельности, какъ отдаленнымъ и бессознательнымъ результатомъ отрицательныхъ сторонъ въ воспитательной системѣ наслѣдника русскаго престола, будущій императоръ Александръ II не могъ похвалиться

¹⁾ Сборникъ Импер. Русск. ист. общества, т. т. XXX и XXXI.

²⁾ Татищевъ. Императоръ Александръ II.

³⁾ Татищевъ. Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе. Т. II, стр. 133—134.

и тѣмъ громаднѣмъ запасомъ энергіи и силы воли, какой былъ рѣшительно необходимъ самодержавному государю, чтобы довести до благополучнаго конца выпавшую на его долю трудную и сложную задачу всесторонняго обновленія государственной и народной жизни. Не даромъ воспитатель Александра, можетъ быть, даже несовсѣмъ безпристрастный къ своему любимому питомцу, констатируя у него «доброе сердце, готовое на все хорошее и благородное», въ то же время не разъ высказывалъ безпокойство по поводу одного крупнаго недостатка порученнаго его руководству царственнаго ученика. Такимъ крупнымъ недостаткомъ наслѣдника, нерѣдко безпокойвшимъ нѣжно привязаннаго къ нему воспитателя, было отсутствіе твердаго характера, непостоянство въ добровольномъ исполненіи различныхъ моральныхъ обязанностей и значительная инертность, апатичность въ борьбѣ съ трудностями и препятствіями, какія часто приходится преодолевать каждому при достиженіи извѣстной цѣли. Но, несмотря на то, что такіе важные недостатки въ характерѣ будущаго самодержавнаго русскаго государя иногда вызывали чувство безпокойства въ средѣ нѣкоторыхъ изъ воспитателей Александра, не видно, чтобы принимались какія либо удачныя и энергичныя педагогическія мѣры для сглаживанія и устраненія замѣченныхъ недостатковъ. Не видно также, чтобы и въ болѣе поздній періодъ, когда уже Александръ освободился изъ-подъ ферулы различныхъ воспитателей и многочисленныхъ наставниковъ, наслѣдникъ престола самостоятельно работалъ надъ собою, надъ искорененіемъ тѣхъ существенно-важныхъ дефектовъ своей натуры, которые успѣли развиться и окрѣпнуть въ немъ подъ вліяніемъ различныхъ недочетовъ самой воспитательной системы. А между тѣмъ ему, поставленному условіями исторической жизни во главѣ могущественнаго общественнаго движенія, неудержимо требовавшаго всесторонняго обновленія русской государственной и общественной жизни, былъ не только важенъ, но и положительно необходимъ сильный и энергичный характеръ, не способный отступать предъ воображаемыми препятствіями и опасностями, чтобы осуществить на практикѣ, во всей ихъ полнотѣ и объемѣ, разнообразныя передовыя преобразовательныя идеи лучшей части мыслящаго русскаго общества.

II.

Время вступленія на престолъ императора Александра II, какъ извѣстно, совпало съ однимъ изъ наиболѣе критическихъ и знаменательныхъ періодовъ исторической жизни Русскаго государства. Несчастная крымская война, наглядно убѣдившая самые заскоружные умы въ полной несостоятельности давно уже отжившаго свой вѣкъ отечественнаго административнаго и общественнаго устройства, естественнымъ образомъ вызвала неизбѣжную и спасительную ре-

акцію почти во всѣхъ областяхъ нашей внутренней правительственной политики. Передовые общественные элементы, прекрасно сознававшіе печальное положеніе своей родины, но не имѣвшіе въ николаевское царствованіе никакой возможности проводить въ практическую, реальную жизнь свои либеральныя, передовыя идеи, теперь, почувствовавъ подъ собою твердую почву въ широкомъ общественномъ сочувствіи, путемъ упорной борьбы сумѣли отвоевать себѣ мѣсто и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Прежніе дѣятели суровой и печальной николаевской эпохи подъ влияніемъ тяжелыхъ уроковъ былого правительственного режима или умственно прозрѣли и сознательно и добровольно присоединились къ новому могучему общественному движенію, или же увидѣли себя вынужденными временно отойти отъ отвѣтственнаго за вѣдыванія государственными дѣлами.

Правда, въ нашей литературѣ высказывались и взгляды на время вступленія на престолъ императора Александра II, какъ на рѣдкій, исключительный моментъ въ жизни русскаго народа, когда все безъ исключенія мыслящее, интеллигентное общество дружно объединилось между собою въ одномъ общемъ, неустойчивомъ стремленіи къ коренному переустройству всѣхъ сторонъ давно уже обветшавшаго государственнаго и общественнаго механизма. Когда послѣ Севастопольскаго погрома съ его горькими уроками и печальными неожиданностями для русскаго общества вся Россія точно проснулась отъ летаргическаго сна, читаемъ въ одной изъ довольно удачныхъ характеристикъ «шестидесятыхъ годовъ», «всѣ почувствовали, что порвался какой-то нервъ, что теперь уже дорога къ старому закрылась. Это былъ одинъ изъ тѣхъ начинающихся историческихъ моментовъ, которые подготавливаются не годами, а вѣками, а они такъ неустраимы, какъ лавины въ горахъ, какъ ливни подъ экваторомъ. Единоличная воля въ такихъ случаяхъ исчезаетъ и всѣми, сверху до низу, овладѣваетъ одинъ общій жизненный порывъ, въ началѣ инстинктивный, какъ глубокій вздохъ послѣ летаргическаго сна, какъ первое свѣтлое пробужденіе послѣ горячки», а затѣмъ постепенно переходящій въ сознательное и энергичное стремленіе къ новой плодотворной работѣ. «Тогда всѣми и каждымъ овладѣваетъ одно и то же душевное состояніе, всѣ и каждый изъ бессознательнаго, инстинктивнаго состоянія переходятъ къ работѣ мысли, всѣ и каждый начинаютъ думать. Въ томъ, что послѣ Севастополя всѣ очнулись, всѣ стали думать, и всѣми овладѣло критическое настроеніе, и заключается разгадка мистическаго секрета шестидесятыхъ годовъ. Всѣ—вотъ секретъ того времени и секретъ успѣха всѣхъ реформъ» ¹⁾).

¹⁾ Шелгуновъ. «Собраніе сочиненій».

Но намъ кажется, что въ дѣйствительности, къ несчастію русскаго общества и государства, ясное сознаніе всей несостоятельности устарѣвшей государственной системы, несмотря на самые осязательные печальные уроки, далеко не было настолько универсальнымъ въ высшихъ правящихъ сферахъ, какъ это представляется авторамъ многочисленныхъ полуисторическихъ и полупублицистическихъ статей, съ типичнымъ образчикомъ которыхъ мы только что познакомились. Нижнее общественное теченіе, давно уже стремившееся прорвать неестественныя преграды и войти въ надлежащее, природное, просторное русло, подъ низкимъ давленіемъ возмущенной политической атмосферы и подъ вліяніемъ вызванныхъ имъ обильныхъ атмосферическихъ осадковъ, временно справилось съ своей нелегкой задачей, подхватило съ собою не только передовыхъ правительственныхъ дѣятелей, но и нѣкоторыхъ изъ старыхъ николаевскихъ служакъ, однакоже не потопило въ своихъ бурныхъ волнахъ и даже не обезсилило совершенно тѣхъ далеко еще немалочисленныхъ представителей противоположнаго общественнаго теченія, для которыхъ, къ сожалѣнію, могутъ иногда проходить безслѣдно самыя назидательныя историческія уроки. Стоявшіе у власти консервативныя и ретроградныя общественныя элементы, оказавшіеся безсильными сдержать энергичный напоръ новыхъ либеральныхъ идей, частью сознательно перешли на сторону новаго курса, частью же просто вынужденно примолкли, занявъ выжидательное положеніе и нисколько не отказавшись отъ мысли пользоваться всѣми находящимися въ ихъ распоряженіи средствами, чтобы тормазить и парализовать прогрессивное общественное движеніе.

Императоръ Александръ II, призванный къ управленію государствомъ въ самый критическій, переходный моментъ его исторической жизни, хотя по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ далеко не стоялъ во главѣ передоваго общественнаго движенія, все же вполнѣ искренно сочувствовалъ многимъ, давно уже назрѣвшимъ, либеральнымъ преобразовательнымъ идеямъ и въ началѣ совершенно добровольно пользовался своимъ положеніемъ для проведенія ихъ въ практическую русскую жизнь. Но затѣмъ, когда нѣсколько улегся первый порывъ небывалата общественнаго настроенія, нашедшаго себѣ выходъ въ наиболѣе крупныхъ и цѣнныхъ правительственныхъ реформахъ, вновь оживились старыя традиціонныя стремленія высшихъ бюрократическихъ сферъ, отодвинутыя было на задній планъ свѣжей идейной волной первыхъ лѣтъ александровскаго царствованія. Дѣйствуя во имя старыхъ, давно уже отжившихъ, принциповъ, блестяще опровергнутыхъ самою жизнью, или же руководясь односторонними узко-сословными интересами и даже чисто эгоистическими побужденіями, оживившіеся консервативныя общественныя элементы вновь стали оказывать

всевозможными способами свое вліяніе на неугодный для нихъ ходъ внутренней политики Русскаго государства. Императоръ Александръ, никогда не отличавшійся особенной твердостью характера и упорнымъ постоянствомъ въ достиженіи разъ намѣченной цѣли и еще въ молодости безпокоившій воспитателей своею апатичностью въ борьбѣ съ трудностями и препятствіями, не пожелалъ или оказался безсильнымъ воспользоваться своимъ властнымъ положеніемъ, чтобы обезопасить сдѣланныя и задуманныя преобразованія отъ всевозможныхъ урѣзокъ и серьезныхъ искаженій. Результатомъ такого печальнаго положенія дѣлъ и явилась та малосмысленная реакція, которая совершенно неожиданно для передового русскаго общества началась въ высшихъ правящихъ сферахъ, уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ вступленія на престолъ императора Александра, когда, повидимому, его широкая преобразовательная дѣятельность находилась еще въ полномъ разгарѣ.

Едва ли не ранѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ государственной и общественной жизни, болѣе или менѣе замѣтное вліяніе прогрессивныхъ идей передовыхъ общественныхъ элементовъ сказалось съ прекращеніемъ николаевскаго тридцатилѣтія въ такой эластичной области, какой является печатное слово, гдѣ всегда возможны значительныя перемѣны и безъ особыхъ законодательныхъ мѣръ въ силу простыхъ вѣяній въ высшихъ правящихъ сферахъ. Извѣстно, въ какомъ плачевномъ положеніи находилась наша печать, особенно повременная, въ послѣдніе годы николаевскаго царствованія. И вотъ мы видимъ, что едва лишь успѣлъ вступить на престолъ императоръ Александръ и прежде, чѣмъ были приняты при немъ какія бы то ни было мѣры по вопросу о положеніи печати, какъ уже въ средѣ самихъ представителей сдерживающей цензорской силы стали пробиваться новыя свѣжія мысли. Подъ 20 числомъ мѣсяца марта 1855 года въ «Дневникѣ» бывшаго цензора Никитенка встрѣчается, на примѣръ, такая интересная замѣтка: «Былъ поутру у министра и представилъ ему, что намъ прежде всего нужно заняться цензурою... Министръ съ жаромъ ухватился за эту мысль и просилъ меня заняться теперь исключительно инструкціею цензорамъ... Предметъ важный. Настаетъ пора положить предѣлъ этому страшному гоненію мысли, этому произволу невѣждъ, которые дѣлали изъ цензуры сѣвзую и обращались съ мыслями, какъ съ ворами и пьяницами» ¹⁾. Хотя изъ приведенной, очень цѣнной для насъ, замѣтки Никитенка, а также и изъ другихъ мѣстъ дневника бывшаго цензора, увѣряющаго, что Норовъ пришелъ въ восторгъ отъ выработанной имъ инструкціи ²⁾, и можно, повидимому, сдѣлать заключеніе, что министръ,

¹⁾ Записки и дневникъ Никитенка, т. II, стр. 3.

²⁾ Тамъ же, стр. 5.

подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній только что начавшагося царствованія, былъ готовъ совершенно отрѣшиться отъ традиціонныхъ николаевскихъ отношеній къ печатному слову, но не слѣдуетъ преувеличивать значеніе происшедшей перемѣны въ высшихъ министерскихъ сферахъ. Министръ народнаго просвѣщенія и другіе николаевскіе дѣятели, имѣвшіе ближайшее отношеніе къ дѣламъ печати, хотя и не могли считать себя совершенно застрахованными отъ вліянія прогрессивныхъ идей передовой части русскаго общества, однако были еще слишкомъ далеки отъ рѣшительныхъ и радикальныхъ перемѣнъ въ интересующей насъ области государственной и общественной жизни. По крайней мѣрѣ, министр, пришедшій въ восторгъ отъ новой инструкціи цензорамъ и въ восхищеніи обнимавшій ея автора ¹⁾, въ дѣйствительности не исполнилъ своего обѣщанія, даннаго Никитенку, и, при личномъ докладѣ государю по цензурнымъ дѣламъ, не нашелъ нужнымъ представить ее на высочайшее утвержденіе ²⁾. Онъ даже не сумѣлъ или, вѣрнѣе, не пожелалъ настоять предъ государемъ на необходимости закрытія печальной памяти негласнаго николаевскаго комитета, создавшаго въ исторіи нашей литературы такъ называемую «эпоху цензурнаго террора».

И только уже послѣ севастопольскаго погрома, когда въ общественное сознаніе все болѣе настойчиво стала проникать мысль о крѣпостничествѣ мысли, какъ объ одной изъ главныхъ и существенныхъ причинъ крайне печальнаго и рискованнаго положенія государства, самъ предсѣдатель цензурнаго комитета, баронъ Корфъ, увидѣлъ себя вынужденнымъ представить государю всеподданнѣйшій докладъ о прекращеніи дѣятельности негласнаго комитета, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ игравшаго роль Дамоклова меча не только надъ лицами, непосредственно причастными къ литературѣ, но и надъ самими цензорами. Осмѣлюсь сказать,—писалъ Корфъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ,—что комитетъ, окончательно совершивъ свое назначеніе, «въ настоящее время не только пересталъ быть полезнымъ, но и сдѣлался вреднымъ. Во всѣхъ законодательствахъ принято за основаніе, что представленіе авторомъ книги въ цензуру избавляетъ его отъ всякаго личнаго преслѣдованія; опасенія же авторовъ, что они, несмотря на пропускъ цензора, могутъ подвергнуться взысканію (отъ негласнаго комитета) безъ истребованія какихъ бы то ни было предварительныхъ объясненій, доводитъ иногда до цѣли, совершенно противоположной: распространяется рукописная литература, гораздо болѣе опасная, такъ какъ она читается съ жадностью, и противъ нея безсильны всѣ полицейскія мѣры».

¹⁾ Записки и дневникъ Никитенко, т. II.

²⁾ Тамъ же, стр. 8.

Необычныя для одного изъ видныхъ столповъ николаевского режима и косвеннаго виновника минувшаго литературнаго террора, обличительныя рѣчи самого предсѣдателя комитета, вызванныя, очевидно, давленіемъ зарождавшагося и развивавшагося общественнаго мнѣнія, повліяли на молодого государя, и негласный комитетъ, по высочайшему повелѣнію, прекратилъ свое существованіе въ концѣ перваго же года новаго царствованія.

Но какъ ни важенъ былъ фактъ прекращенія эпохи цензурнаго террора, созданной и поддерживавшейся упраздненнымъ негласнымъ комитетомъ, и какъ ни знаменательны были новыя неслыханныя рѣчи въ устахъ высшихъ представителей типичной николаевской бюрократіи, все же до основныхъ и радикальныхъ перемѣнъ, способныхъ существеннымъ образомъ улучшить положеніе нашей печати, въ самомъ началѣ новаго царствованія было пока еще очень далеко. Послѣ упраздненія комитета, читаемъ въ одной изъ новѣйшихъ работъ по интересующему насъ вопросу, «русское общество, сдавленное желѣзными обручами тридцатилѣтнейковки, единогласно стало высказываться за необходимость предоставленія себѣ свободы слова»¹⁾. Правда, передовые общественные круги, по словамъ того же автора послѣднихъ трудовъ по исторіи русской цензуры, прекрасно сознавали «всю неосновательность надеждъ оптимистовъ на какія бы то ни было серьезныя реформы въ цензурномъ отношеніи, такъ какъ видѣли отсутствіе для этого и людей и настроенія въ бюрократическихъ верхахъ, чувствовали присутствіе кругомъ еще крѣпкихъ столповъ рухнувшаго желѣзнаго тридцатилѣтія, но, все-таки, не могли не привѣтствовать упраздненія комитета, какъ заключенный въ казематѣ, при всей своей пессимистической сдержанности, не можетъ не привѣтствовать своего перевода въ общую камеру»²⁾.

И дѣйствительно, несмотря на то, что послѣ закрытія негласнаго комитета почти еще въ теченіе цѣлаго десятка лѣтъ александровское правительство, занятое другими крупными и сложными реформами, не принимало никакихъ существенныхъ законодательныхъ мѣръ по вопросу о печати, и пресса попрежнему должна была жить и развиваться при дѣйствіи старыхъ суровыхъ николаевскихъ законовъ, никогда, какъ извѣстно, наша печать не отличалась такою относительной смѣлостью въ правдивомъ обсужденіи различныхъ общественныхъ и государственныхъ вопросовъ, какъ именно теперь въ первые годы послѣ прекращенія эпохи цензурнаго террора, созданнаго и усердно поддерживавшагося упраздненнымъ негласнымъ комитетомъ. Такое, повидимому, довольно странное и несовсѣмъ понятное явленіе просто объяснялось

1) Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ, стр. VII.

2) Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры, стр. 311.

тѣмъ обстоятельствомъ, что новый духъ времени, новое господствовавшее общественное настроеніе, захватившее самыя широкіе круги нашей интеллигенціи, не могло пройти совершенно безслѣдно и для самихъ представителей русской цензуры. Послѣдовавшее послѣ крымской войны общее реформаціонное, чисто стихійное движеніе, увлекшее за собою нашу повременную печать,—справедливо замѣчаетъ Скабичевскій, авторъ извѣстныхъ Очерковъ по исторіи русской цензуры,—«вмѣстѣ съ тѣмъ увлекло и значительную часть самихъ цензоровъ, и грозныя цензурныя постановленія конца сороковыхъ годовъ начали безцеремонно обходить, а если и употреблялись, какъ слѣбое орудіе со стороны наиболѣе рьяныхъ приверженцевъ дореформенныхъ порядковъ, то возбуждали протесты и оппозицію въ либеральномъ мірѣ, и реакціонеры очень часто принуждены бывали отступать»¹⁾).

Правда, въ общей исторической литературѣ, не занимавшейся специально изслѣдованіемъ интересующаго насъ вопроса, какъ, напри- мѣръ, въ пользующихся обширною популярностью очеркахъ Джаншѣва «Изъ эпохи великихъ реформъ», высказывались безъ достаточныхъ фактическихъ основаній и такія мысли, что будто бы правительство уже при самомъ началѣ рѣшительныхъ работъ по освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ значительно смягчило формальныя цензурныя строгости, но, къ сожалѣнію, документальные источники нисколько не подтверждаютъ такого мнѣнія. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляетъ для насъ свидѣтельство такого компетентнаго лица, какимъ былъ баронъ Корфъ, создавшій негласный николаевскій цензурный комитетъ и въ первые годы александровскаго царствованія имѣвшій ближайшее отношеніе къ цензурнымъ дѣламъ. Въ своихъ объясненіяхъ происхожденія небывалой свободы русской печати въ началѣ шестидесятыхъ годовъ,—объясненіяхъ, имѣвшихъ чисто официальный характеръ, баронъ Корфъ прямо и рѣшительно утверждалъ, что «въ постановленіяхъ цензурныхъ не послѣдовало въ истекшіе годы (т.-е. до 1864 года, къ которому относятся цитируемыя слова) никакихъ существенныхъ измѣненій; въ цензора,—увѣрялъ онъ,—назначались люди не менѣе благонадежныя; ...попеченія высшаго правительства о предупрежденіи заблужденій печати не прекращались и не ослабѣвали; напротивъ, никогда не было столько, сколько въ началѣ новаго царствованія, заботъ и стараній о бдительнѣйшемъ надзорѣ за литературою. Были создаваемы даже особыя учрежденія собственно съ цѣлью направлять общественное мнѣніе. Но всѣ усилія, въ окончательномъ результатѣ, приводили къ послѣдствіямъ, прямо противнымъ желаемому». Разбираясь въ такомъ сложномъ явленіи, Корфъ съ полнымъ пониманіемъ дѣла

¹⁾ Скабичевскій. Очерки русской цензуры, стр. 390—391.

объяснялъ его измѣненіемъ той обстановки, той атмосферы, которою прежде окружена была наша русская цензура. Появились новыя условія жизни,—говорилъ онъ,—и вездѣ принесли съ собою смертный приговоръ старой, отжившей цензурѣ. «Оказалось, по его словамъ, что когда въ обществѣ возникаетъ истинная потребность свободно высказываться, правительству дѣлается невозможнымъ противодѣйствовать (такому движенію), потребность эта обращается въ неудержимую силу, отъ которой не спасется и официальный кругъ, такъ какъ и онъ дышитъ однимъ воздухомъ со всѣми. Мы безпрестанно видѣли это въ событіяхъ истекшихъ годовъ. Цензоры, прежде пользовавшіеся репутаціею строгости, вдругъ стали на все смотрѣть сквозь пальцы»¹⁾).

Немало подтвержденій высказанному положенію объ отсутствіи какихъ либо серьезныхъ правительственныхъ цензурныхъ облегченій въ началѣ александровскаго царствованія можно встрѣтить и въ запискахъ другого виднаго дѣятеля изучаемой эпохи, имѣвшаго ближайшее отношеніе къ русской цензурѣ,—бывшаго цензора Никитенка. Сообщая объ одной неудавшейся попыткѣ министра народнаго просвѣщенія Норова внести значительныя послабленія въ дѣйствія цензуры, Никитенко писалъ въ 1858 году, что противъ Норова, прочитавшаго въ засѣданіи совѣта министровъ специальную записку по интересующему насъ вопросу, возсталъ гр. Панинъ, «врагъ мысли и всякаго гражданскаго, умственнаго и нравственнаго усовершенствованія». «Бѣдный Норовъ», по словамъ Никитенка²⁾, «началъ было защищать дѣло просвѣщенія и литературы, но защита его вышла хуже нападокъ». Панинъ, не лишенный ума, а главное—умѣвшій говорить, восторжествовалъ, и цензурѣ было приказано строже относиться къ литературѣ.

И самъ государь при всемъ своемъ нежеланіи стѣснять литературу далеко не вполне довѣрялъ благонамѣренности ожившейся прессы и не разъ даже высказывался за необходимость неослабнаго цензурнаго надзора. Тотъ же Никитенко, упоминая въ своемъ дневникѣ о первомъ засѣданіи особаго комитета, учрежденнаго въ 1858 году для пересмотра стараго и составленія новаго цензурнаго устава, дѣлаетъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній, характеризующихъ и отношеніе самого государя къ прочитанной въ засѣданіи запискѣ о направленіи современной литературы. Министръ народнаго просвѣщенія представилъ императору Александру II, составленный княземъ Вяземскимъ, специальный докладъ о состояніи повременной прессы, гдѣ авторъ въ интересахъ мысли и просвѣщенія оправдывалъ литературу отъ возводимыхъ на нее обвиненій. Государь не оставилъ безъ своихъ замѣчаній

¹⁾ Матеріалы, собранныя особою комиссіею... 1869 г...

²⁾ Записки и дневникъ, т. II, стр. 76.

прочитанную записку. «Нѣкоторыя мѣста въ ней,—читаемъ въ дневникѣ Никитенка¹⁾),—онъ одобрилъ, къ другимъ отнесся недовѣрчиво, и въ замѣчаніяхъ его тогда проглядывало какъ бы нерасположеніе къ литературѣ и сомнѣніе въ ея благонамѣренности. Вообще онъ считалъ необходимымъ бдительное цензурное наблюденіе за нею». То же колебаніе и нерѣшительность въ своихъ отношеніяхъ къ печати высказалъ государь и въ личномъ разговорѣ съ самимъ авторомъ цитируемаго дневника. Похваливъ записку о цензурѣ, составленную Никитенкомъ и направленную противъ стѣснительныхъ цензурныхъ мѣръ, императоръ Александръ замѣтилъ, что въ литературѣ несомнѣнно существуютъ стремленія, несогласныя съ видами правительства. «Ихъ,—говорилъ государь²⁾),—надо останавливать. Но я не хочу никакихъ стѣснительныхъ мѣръ. Я очень желалъ бы, чтобы важные вопросы разсматривались и обсуждались научнымъ образомъ: наука у насъ еще слаба. Но легкія статьи должны быть умѣренны, особенно касающіяся политики».

Неудивительно, что такая неустойчивость и нерѣшительность императора Александра имѣли огромное значеніе для немалочисленныхъ еще и вліятельныхъ враговъ свободы слова, стоявшихъ тогда во главѣ государственнаго управленія и усердно пользовавшихся слабохарактерностью государя для упорнаго реакціоннаго противодѣйствія прогрессивному общественному движенію. Во главѣ враговъ и свободы слова, по справедливому замѣчанію Арсеньева, автора перваго выпуска новѣйшаго изслѣдованія о великихъ реформахъ 60-хъ годовъ³⁾), стояли министръ юстиціи, гр. Панинъ, предсѣдатель государственнаго совѣта кн. Орловъ, шефъ жандармовъ Долгоруковъ, министръ финансовъ Брокъ и министръ путей сообщенія Чевкинъ. Къ сожалѣнію, «такихъ послѣдовательныхъ и сильныхъ защитниковъ, какими», по его словамъ⁴⁾), «были великій князь Константинъ Николаевичъ, Ростовцевъ, Милютинъ, даже Ланской для крестьянской реформы, Бутковъ, Стояновскій, Зарудный, Замятнинъ—для реформы судебной и Головинъ—для реформы университетской,—свобода печати въ официальномъ мірѣ не имѣла». Отсутствие такихъ стойкихъ и сильныхъ защитниковъ давало легкую возможность крѣпкимъ еще столпамъ минувшаго николаевскаго режима дѣйствовать въ интересахъ своей партіи на колебавшагося государя, не успѣваго выработать себѣ твердыхъ, развѣ навсегда установившихся и неизмѣнныхъ убѣжденій по интересующему насъ вопросу. Панинъ, Чевкинъ и ихъ единомышленники, обвинявшіе русскую прессу ни болѣе, ни менѣе, какъ въ подготовленіи революціи въ Россіи⁵⁾), оказывали еще сильное да-

¹⁾ Т. II, стр. 79.

²⁾ Тамъ же, стр. 141.

³⁾ Арсеньевъ. Великія реформы 60-хъ гг. Законодательство о печати, стр. 7.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 8.

⁵⁾ Никитенко. Записки и дневникъ, т. II, стр. 120.

вление на правящіе бюрократическіе верхи, несмотря на присутствіе въ нихъ и около самого государя новыхъ прогрессивныхъ элементовъ. «Насколько эта темная клика была сильна поддержкой,—вполнѣ справедливо замѣчаетъ новѣйшій изслѣдователь по исторіи русской цензуры ¹⁾,—можно видѣть, напримѣръ, изъ того, что очень близкій къ государю великій князь Константинъ Николаевичъ, «защитникъ и глава всѣхъ мыслящихъ людей, глава такъ называемаго прогресса», часто не имѣлъ успѣха въ борьбѣ съ мракобѣсіемъ панинской партіи»...

Подъ давленіемъ панинской партіи, временно забравшей въ сферу своего вліянія и самого государя, который теперь даже написалъ на докладѣ министра народнаго просвѣщенія о несомѣстимости нѣкоторыхъ стѣсненій съ современнымъ прогрессомъ: «что за прогрессъ!!! прошу слова этого не употреблять въ официальныхъ бумагахъ»,—съ 1858 года стали значительно усиливаться всевозможныя репрессивныя мѣры противъ періодической прессы, постепенно дѣлавшейся все болѣе рѣшительной въ обсужденіи разнообразныхъ вопросовъ государственной жизни.

«По предложенію Панина,—читаемъ въ дневникѣ Никитенка за 1858 годъ ²⁾,—на печать страшно налегаютъ...». «У насъ поворотъ назадъ,—замѣчаетъ Никитенко чрезъ нѣсколько дней ³⁾,—становится очевиднымъ... изъ цензурныхъ стѣсненій».

Но такъ какъ цензурныя стѣсненія могли только сдерживать прессу въ извѣстныхъ предѣлахъ, но были безсильны дѣйствовать на самое направленіе литературы, которое признавалось «дурнымъ» самимъ государемъ ⁴⁾, то въ высшихъ правительственныхъ кругахъ задумали вновь создать верховный негласный комитетъ для нравственнаго воздѣйствія на литературу. Въ началѣ 1859 года реакціонной бюрократической партіи удалось добиться высочайшаго повелѣнія объ учрежденіи негласнаго «Комитета по дѣламъ книгопечатанія», и государь согласился предоставить послѣднему очень важное право неофициальнаго надзора за самымъ направленіемъ нашей литературы и принятія соответствующихъ мѣръ къ регулированію литературныхъ направленій въ видахъ и цѣляхъ правительства. «Если бы нарочно постарались отыскать самыхъ неспособныхъ для этой роли людей,—замѣтилъ Никитенко по поводу наличнаго состава вновь организованнаго комитета ⁵⁾,—то лучше не нашли бы. Они будутъ направлять литераторовъ, совѣтовать имъ, разсуждать съ ними о важнѣйшихъ вопросахъ, нравственныхъ, политическихъ, литературныхъ,—они, которые никогда ни

¹⁾ Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры, стр. 321.

²⁾ Никитенко. Записки и дневникъ, т. II, стр. 94.

³⁾ Тамъ же, стр. 95.

⁴⁾ Тамъ же, т. II, I.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 120.

о чемъ не разсуждали, ничего не читали и не читають! Смѣхъ и горе!»

Не трудно понять, что организованный съ такими своеобразными побужденіями и составленный изъ такихъ оригинальныхъ государственныхъ дѣятелей комитетъ въ скоромъ же времени оказался совершенно непригоднымъ для достиженія намѣченной цѣли и успѣлъ вызвать противъ себя сильное недовольство въ литературныхъ и общественныхъ кругахъ. «Комитетъ,—писалъ авторъ не разъ уже цитированнаго нами дневника,—вступилъ наконецъ гласно въ свои негласныя права. Онъ отнесся къ министру съ требованіемъ объявить кому слѣдуетъ, чтобы цензора и литераторы являлись къ нему по его призыву для объясненій и вразумленій. Комитету дано, между прочимъ, право задерживать до его разрѣшенія выдачу билета на выпускъ книги или журнала изъ типографіи. Да это, негодовалъ Никитенко, хуже бутурлинскаго негласнаго комитета! Даже императоръ Николай Павловичъ не посягалъ на это. Вотъ они забрались въ какое болото!».

Императоръ Александръ зналъ объ отношеніи общества къ непопулярному комитету ¹⁾, да и самъ комитетъ уже чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ своего неудачнаго негласнаго руководительства непослушною русской литературой долженъ былъ официально признать, что его дальнѣйшая дѣятельность сдѣлалась не только затруднительной, но и прямо невозможной ²⁾. Совѣтъ министровъ, собравшійся подъ предсѣдательствомъ самого государя для обсужденія оригинальнаго комитетскаго доклада о своемъ собственномъ самоуничтоженіи, хотя и прекратилъ дальнѣйшее существованіе негласнаго комитета, но не внесъ существенныхъ улучшеній въ положеніе русской литературы. Вліяніе сильной реакціонной панинской партіи на императора Александра сказалось вновь обострившимся и довольно значительнымъ нерасположеніемъ государя къ періодической прессѣ. «Государь,—писалъ Никитенко по поводу новыхъ цензурныхъ перемѣнъ ³⁾,—оказался сильно нерасположеннымъ къ литературѣ. Всѣ благородные, разумные и справедливые доводы министра въ защиту ея, кажется, не произвели большого впечатлѣнія на умъ его, предубѣжденный ревнителями молчанія и безсмыслія».

Правда, по прекращеніи самостоятельнаго существованія негласнаго комитета, было признано цѣлесообразнымъ отдѣлить цензурное управленіе отъ министерства народнаго просвѣщенія и превратить его въ особое учрежденіе, на правахъ независимаго министерства. Въ данномъ случаѣ нельзя, конечно, не согласиться съ

¹⁾ Никитенко. Записки и Дневникъ, стр. 142.

²⁾ Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры, стр. 365.

³⁾ Никитенко. Дневникъ, т. II, стр. 169.

нѣкоторыми изслѣдователями нашего историческаго прошлаго ¹⁾, что идея отдѣленія цензуры отъ всѣхъ другихъ министерствъ, всегда способныхъ изъ-за личнаго недовольства вносить въ дѣло гласности совершенно несомвѣстимые съ нею элементы, была одна изъ самыхъ удачныхъ и свѣтлыхъ мыслей, нашедшихъ себѣ мѣсто въ высшихъ правительственныхъ кругахъ, занятыхъ вопросомъ объ урегулированіи ненормальнаго положенія русской печати. Къ сожалѣнію, однако же, государь рѣшился поручить постъ главы вновь учреждаемаго министерства барону Корфу, состоявшему когда-то предсѣдателемъ печальной памяти николаевскаго негласнаго комитета, и Корфъ успѣлъ еще до образованія министерства вызвать сильную оппозицію задуманному дѣлу во многихъ вліятельныхъ лицахъ, сумѣвшихъ поколебать Александра II въ разѣ принятомъ рѣшеніи.

Проектированное, по инициативѣ самого государя ²⁾, новое министерство совсѣмъ не увидѣло свѣта, и высшее завѣдываніе всѣми дѣлами о печати было сосредоточено въ началѣ 1860 года въ главномъ управленіи цензуры, хотя и нѣсколько реорганизованномъ, но попрежнему оставленномъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Незначительныя измѣненія въ организаціи главнаго управленія нисколько, конечно, не могли внести какихъ либо существенныхъ улучшеній въ положеніе прессы, такъ какъ отношеніе къ ней современнаго правительства и даже самого государя было далеко неблагопріятное. «Вообще для литературы,— писалъ Никитенко въ скоромъ времени послѣ реорганизаціи главнаго управленія цензуры ³⁾,—настала эпоха весьма неблагопріятная. Главное, государь сильно противъ нея вооруженъ». «Въ Россіи цензура свирѣпствуетъ» ⁴⁾, «цензура стала убійственно сурова» ⁵⁾, такими мрачными красками характеризовали многіе видные современники тяжелое положеніе, созданное для русской литературы главнымъ цензурнымъ управленіемъ, гдѣ нѣкоторые члены, по словамъ Никитенка ⁶⁾, «дышали ненавистью ко всякой мысли и вообще къ печати».

Но, несмотря на суровыя цензурныя мѣры, повышенное общественное настроеніе неудержимо вліяло на литературу, и періодическая пресса неизмѣнно служила вѣрнымъ выразителемъ взглядовъ и убѣжденій лучшей части русской интеллигенціи. Между тѣмъ, ходъ политической жизни на западѣ Европы и многія важныя отечественныя событія начала 60-хъ годовъ вызвали еще

¹⁾ Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ, стр. 20.

²⁾ Никитенко. Записки и дневникъ, т. II, стр. 171.

³⁾ Тамъ же, стр. 173.

⁴⁾ Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ, стр. 29.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 31.

⁶⁾ Никитенко. Записки и дневникъ, т. II, стр. 179.

большую тревогу въ высшихъ правящихъ сферахъ, и въ самомъ русскомъ обществѣ стали уже раздаваться новые голоса, звучащіе въ унисонъ съ реакціонной правительственной партіей. Изъ общей массы интеллигентнаго русскаго общества, сознательно относившагося къ протекавшей на его глазахъ государственной и народной жизни, начала выдѣляться постепенно усиливавшаяся партія, которая стремилась объяснить всѣ обнаруживавшіяся неурядицы и происходившіе беспорядки излишней, по ея мнѣнію, лихорадочной поспѣшностью въ реформахъ. Шаблонныя фразы, что «мы еще не созрѣли» для государственной и общественной жизни, разумно организованной на свободныхъ, либеральныхъ началахъ, и что намъ слѣдуетъ не только остановиться, но и возвратиться назадъ, стали сильнѣе раздаваться и въ тѣхъ общественныхъ кругахъ, которые еще недавно были всецѣло на сторонѣ широкаго реформаціоннаго движенія. Реакціонные элементы, получившіе преобладающее значеніе въ высшихъ правящихъ бюрократическихъ сферахъ, не преминули примкнуть къ новому частичному, партійному общественному движенію, найдя въ немъ значительную и сильную поддержку.

Не имѣя возможности справиться съ сильно выросшей литературой, явнѣе принявшей оппозиціонный характеръ и настойчиво борющейся противъ всякой посторонней опеки надъ собой, правительство сильно колебалось въ своей неустойчивой политикѣ по отношенію къ періодической прессѣ и часто переходило отъ одной неудачной мѣры къ другой. Министръ народнаго просвѣщенія Путятинъ, признавъ свое безсиліе въ борьбѣ съ непрерывными уклоненіями литературы отъ цензурныхъ правилъ, увидѣлъ себя вынужденнымъ обратиться къ государю съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, гдѣ проектировалъ установить новую «карательную» систему правительственнаго воздѣйствія на частную полунезависимую прессу и привлечь къ этому дѣлу министерство внутреннихъ дѣлъ. Между тѣмъ въ высшихъ руководящихъ правительственныхъ сферахъ стали замѣчаться нѣкоторые, хотя и слабые, признаки перемѣны курса политики въ сторону довольно скромнаго либерализма. Стоявшему во главѣ прогрессивной партіи великому князю Константину Николаевичу удалось повліять на государя не въ интересахъ графа Путятина, прибѣгавшаго къ крутымъ мѣрамъ для борьбы съ безпокойнымъ духомъ времени. А такъ какъ Путятинъ не сумѣлъ удовлетворить, въ особенности своими проектами, и реакціонную партію, то отсутствіе сильной поддержки въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ позволило сравнительно легко замѣнить его болѣе либеральнымъ министромъ народнаго просвѣщенія—Головнинымъ.

Но выдвинутый прогрессивной партіей и встрѣченный сочувственно передовымъ русскимъ обществомъ, новый министръ, хотя

и внесъ несомнѣнныя улучшенія въ положеніе литературы, однако далеко не оправдалъ всѣхъ возлагавшихся на него надеждъ. Оцѣнивая его министерскую дѣятельность, имѣвшую своимъ объектомъ русскую періодическую прессу, и съ этой точки зрѣнія, дѣлая общую характеристику Головнина, новѣйшій изслѣдователь эпохи цензурныхъ реформъ, на основаніи добросовѣстно изученнаго богатаго фактическаго матеріала, довольно вѣрно замѣтилъ, что въ первое время новый министръ казался человѣкомъ, расположеннымъ къ просвѣщенію и свободѣ печати и, повидимому, неспособнымъ ни на компромиссы, ни на карьеризмъ. «Но не прошло и года», по словамъ автора цитируемаго изслѣдованія ¹⁾, «какъ сдѣлалось яснымъ, что твердость не его качество, компромиссъ— способъ его дѣйствій. У него оказалась общая черта съ вліятельнымъ въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ: много говорить, часто либеральничать, но дѣлать слишкомъ мало. Сколько разъ пришлось ему поступаться собственными убѣжденіями, въ видахъ дальнѣйшей прочности на министерскомъ посту»...

Принявъ отъ своего предшественника, начавшееся подъ давленіемъ требованій времени, дѣло о коренной реформѣ цензурной системы, Головнинъ въ первое время, повидимому, не обнаружилъ особеннаго сочувствія къ проекту Путятина, что и не замедлило отразиться на официальной разработкѣ даннаго вопроса въ спеціальной правительственной комиссіи. Нужно замѣтить, что проектъ замѣны предупредительной, предварительной цензуры системой карательной цензуры еще при Путятинѣ былъ отданъ на разсмотрѣніе особой смѣшанной комиссіи, составленной изъ представителей министерства народнаго просвѣщенія и министерства внутреннихъ дѣлъ. Съ отставкою графа Путятина представители министерства народнаго просвѣщенія оказались уже неспособными совершенно отрѣшиться отъ привычной для нихъ традиціонной цензурной практики и высказались, что «карательная система цензуры въ полномъ ея значеніи не можетъ быть введена у насъ въ то время, когда сильное броженіе умовъ, разгаръ страстей отдѣльныхъ партій и политическое движеніе между европейскими народами указываютъ на необходимость предупреждать сильными мѣрами вредное на массу публики вліяніе неблагонамѣренныхъ публицистовъ», и что намъ необходимо только сближеніе бдительной предупредительной цензуры съ системою карательною ²⁾. Представители же министерства внутреннихъ дѣлъ оказали полную поддержку проекту Путятина и рѣшительно высказались за преобладаніе карательной системы и передачу цензуры въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ.

¹⁾ Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ, стр. 85.

²⁾ Скабичевскій. Очерки исторіи русской цензуры, стр. 472—473.

«истор. вѣстн.», мартъ, 1905 г., т. хсѣх.

Работы смѣшанной комиссіи, несмотря на значительное разногласіе во взглядахъ представителей двухъ министерствъ, выяснили, что и Головинъ, высказывавшійся за предупредительную цензурную систему съ привнесеніемъ въ нее элементовъ карательной, и министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, державшійся противоположнаго мнѣнія, были въ сущности согласны между собой въ самомъ главномъ и существенномъ. Оба они пока еще думали достигнуть соединенія различныхъ элементовъ двухъ цензурныхъ системъ путемъ палліативныхъ мѣръ, съ помощью простыхъ дополненій и измѣненій въ существовавшемъ цензурномъ уставѣ. Но, имѣя уже вполне опредѣленные намѣренія не подвергать какой либо коренной ломкѣ дѣйствовавшей цензурный уставъ, Головинъ все же нашелъ нужнымъ обратиться къ самой печати съ предложеніемъ редакціямъ періодическихъ изданій высказать свои взгляды и пожеланія о необходимыхъ, по ихъ мнѣнію, цензурныхъ преобразованіяхъ. Журналистика, еще не успѣвшая совсѣмъ разувѣриться въ доброкачественности либерализма Головина, успѣла отозваться на небывалый у насъ правительственный призывъ и высказалась противъ цѣлесообразности въ задуманномъ дѣлѣ различныхъ палліативовъ, компромиссовъ и полумѣръ. «Основательное и справедливое измѣненіе въ положеніи литературы, какъ было даже заявлено въ одномъ изъ письменныхъ редакціонныхъ мнѣній, невозможно безъ измѣненія всего характера нашего законодательства и нашихъ учреждений». Въ то же время вполне справедливо было поставлено на видъ министру народнаго просвѣщенія, что въ такомъ важномъ дѣлѣ нельзя ограничиться однимъ запросомъ письменныхъ мнѣній только отъ нѣкоторыхъ редакцій и литераторовъ, а слѣдуетъ дозволить на опредѣленное время гласное печатное обсужденіе задуманной реформы, съ тѣмъ, чтобы статьи о ней не подвергались предварительному цензурному пересмотру».

Къ сожалѣнію, однакоже, Головинъ, какъ вполне справедливо замѣтилъ Лемке въ своей интересной монографіи, посвященной эпохѣ цензурныхъ реформъ¹⁾, «не только не далъ безусловной свободы статьямъ о цензурѣ, о чемъ просили его нѣкоторые изъ литераторовъ, но и сумѣлъ сдѣлать фикціей даже опубликованное призваніе журналистики высказаться по этому важнѣйшему для нея вопросу». Не придавая никакого значенія мнѣніямъ и пожеланіямъ опрошенныхъ имъ представителей самой литературы, Головинъ внесъ въ совѣтъ министровъ особый докладъ, гдѣ констатировалъ ни болѣе ни менѣе, какъ почти совершенное прекращеніе за послѣднее время цензурныхъ взысканій, результатомъ чего явилась будто бы полная безнаказанность, дѣйствующая на

¹⁾ «Эпоха цензурныхъ реформъ», стр. 194.

самыя основы общества. Утверждая, что «нельзя оставлять безнаказаннымъ то, что вредитъ христіанской религіи, народной нравственности и основнымъ началамъ нашего государственнаго устройства», онъ и предложилъ пересмотрѣть въ намѣченномъ уже духѣ устарѣвшій цензурный уставъ и немедленно сдѣлать нѣсколько новыхъ распоряженій. Въ томъ же докладѣ проводилась и ранѣе намѣченная мысль о соединеніи элементовъ предупредительной и карательной системы, а также идея о привлеченіи министерства внутреннихъ дѣлъ къ наблюденію за исполненіемъ статей цензурнаго устава, съ оставленіемъ за министерствомъ народнаго просвѣщенія обязанности слѣдить за направленіемъ литературы.

Докладъ Головнина былъ сочувственно принятъ совѣтомъ министровъ, и 10-го марта 1862 года государь, подъ вліяніемъ заинтересованныхъ лицъ, сдѣлалъ первый шагъ къ переходу «литературной команды» въ руки давно уже добивавшагося до цензуры министра внутреннихъ дѣлъ Валуева. Высочайшимъ указомъ наблюденіе за печатью съ полицейской точки зрѣнія было возложено на министра внутреннихъ дѣлъ, но при этомъ еще вмѣнялось ему въ обязанность сообщать обо всѣхъ литературныхъ проступкахъ и преступленіяхъ, требовавшихъ правительственной кары, министру народнаго просвѣщенія. Въ то же время была организована особая комиссія для пересмотра цензурнаго устава и выработки проекта новаго законоположенія о печати. Практика, однако же, показала крайнее неудобство раздѣленія цензуры между двумя вѣдомствами, и въ началѣ 1863 года надзоръ за печатью окончательно перешелъ въ завѣдываніе министра внутреннихъ дѣлъ. Понятно, что теперь и разработка новаго законоположенія о печати должна уже была поступить въ сферу ближайшаго вліянія Валуева.

Валуевъ, создавшій свою служебную карьеру своевременнымъ, съ практической точки зрѣнія, проявленіемъ разумнаго и смѣлаго либерализма, добившись власти, въ дѣйствительности оказался, какъ извѣстно, ревностнымъ противникомъ рѣшительныхъ, коренныхъ реформъ и большимъ сторонникомъ всевозможныхъ паллиативовъ и компромиссовъ, очень мало улучшавшихъ положеніе дѣлъ. Неудивительно, что и въ основу выработаннаго подъ его непосредственнымъ воздѣйствіемъ проекта новаго законоположенія о печати былъ положенъ компромиссъ: смѣшеніе противоположныхъ началъ двухъ различныхъ системъ. Соединеніе предупредительной и карательной системы, привлеченіе къ законному суду и наложеніе административныхъ взысканій, всегда оставляющихъ широкое мѣсто личному усмотрѣнію и произволу, освобожденіе отъ предварительной цензуры однихъ періодическихъ изданій и сохраненіе ея надъ другими—все это было слишкомъ далеко отъ тѣхъ корен-

ныхъ, радикальныхъ реформъ, въ какихъ давно уже нуждалась наша печать по сознанию передового русскаго общества.

Даже и въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ, привлеченныхъ къ обсужденію проекта новаго цензурнаго устава, находились отдѣльныя личности, открыто возстававшія противъ намѣченнаго пути палліативовъ и компромиссовъ, хотя ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя заподозрѣть въ излишнемъ либерализмѣ. «Несомнѣнно, — писалъ, напримѣръ, баронъ Корфъ въ своемъ отзывѣ на проектъ Валуева, — что словами постепенность и осторожность, когда дѣло идетъ о преобразованіяхъ государственныхъ, иногда очень злоупотребляютъ: они нерѣдко служатъ маскою, чтобы прикрыть простое противодѣйствіе всякому серьезному шагу на пути развитія. Но подъ постепенностью, въ разумномъ смыслѣ этого слова, не слѣдуетъ еще понимать нерѣшительности и робости. Она не должна исключать реформъ существенныхъ и важныхъ... Необходимо, чтобы въ основаніе новаго устава были рѣшительно приняты начала карательной системы, составляющей окончательную цѣль законодателя, предварительная же цензура и другія ненормальныя ограниченія — остатокъ прежняго порядка, представлялись лишь въ видѣ временныхъ изъятій, долженствующихъ отпасть съ минованіемъ причинъ, которыя дѣлаютъ ихъ пока еще нужными». Между тѣмъ, по словамъ Корфа, предварительная цензура въ проектѣ Валуева представлялась преобладающею, и единственная существенная уступка, сдѣланная въ пользу карательной системы, касалась только извѣстной части литературы, положеніе же всей остальной періодической прессы не только не улучшалось, но, частью, еще болѣе стѣснялось введеніемъ въ некоторыхъ новыхъ строгостей и ограниченій. По мнѣнію Корфа, проектъ Валуева къ существовавшимъ уже недостаткамъ нашего цензурнаго устава прибавлялъ еще «новую язву — административныя взысканія, заключающія въ себѣ такую массу вреда, произвола и несправедливости, что противъ нихъ постоянно протестовали и протестуютъ всѣ благомыслящіе люди. Система административныхъ взысканій еще болѣе заражена произволомъ, чѣмъ предупредительная цензура, такъ какъ наказываетъ за вину, не предвидѣнную никакимъ положительнымъ закономъ, и даетъ власть одному административному лицу, по индивидуальному возрѣнію, иногда по одному минутному настроенію духа, безъ всякой дальнѣйшей предъ закономъ отвѣтственности, лишать человѣка права собственности, права на продолженіе занятія, которымъ онъ, можетъ быть, жилъ, и, что еще важнѣе, исключать изъ круга вращающихся въ обществѣ мнѣній цѣлое ученіе или направленіе».

Но, несмотря на массу всевозможныхъ возраженій и замѣчаній, проектъ Валуева не подвергся какой либо существенной и радикальной ломкѣ и лишь съ незначительными измѣненіями получилъ,

наконецъ, по высочайшему повелѣнію отъ 6-го апрѣля 1865 года, силу дѣйствующаго закона. Впрочемъ, нужно замѣтить, что новый законъ, при самомъ своемъ изданіи, приобрѣлъ характеръ какъ бы временныхъ правилъ, рассчитанныхъ на измѣненія въ будущемъ въ пользу расширенія свободы печати. По крайней мѣрѣ, въ своемъ высочайшемъ указѣ верховный законодатель заявилъ русскому обществу, что, желая дать отечественной печати возможные облегченія и удобства, онъ призналъ за благо сдѣлать перемѣны и дополненія въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта.

Къ несчастію, однако же, дѣйствительныя фактическія отношенія Валуева къ періодической прессѣ очень плохо мирились съ основною мыслью законодателя о доставленіи возможныхъ облегченій и удобствъ нашей отечественной печати, да и самыя законодательныя измѣненія, которыя начали подъ вліяніемъ «указаній опыта» постепенно вносить въ дѣйствующія цензурныя постановленія, замѣтно стали клониться не къ расширенію свободы слова, а къ возможно-большему стѣсненію печати. Извѣстно, какое огромное вліяніе оказали на высшія правящія сферы и даже нѣкоторую часть русскаго общества тревожныя событія начала 60-хъ годовъ. По свидѣтельству современниковъ, всевозможныя нестренія и безпорядки вызвали явный и несомнѣнный поворотъ въ сторону реакціи, такъ какъ «половина людей, еще вчера либеральныхъ, сегодня стала крайними реакціонерами, и каждый удивлялся, почему не запрещаютъ того или другого». Опираясь на такія перемѣны въ правительственномъ и общественномъ настроеніи, Валуевъ еще ранѣе изданія закона 6-го апрѣля 1865 года обнаруживалъ явное стремленіе при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ накладывать свою тяжелую руку на періодическую печать. Недаромъ одинъ изъ литераторовъ-публицистовъ, немало пострадавшій отъ Валуевского режима, выведенный изъ терпѣнія ненормальнымъ положеніемъ дѣлъ, замѣтилъ, что никогда цензура не доходила до такого безумія, какъ теперь, при Валуевѣ, сумѣвшемъ придать ей характеръ чисто инквизиціонный. «Энергія моя слабѣетъ, — писалъ онъ¹⁾, — руки опускаются, и, кажется, бѣжалъ бы вонъ изъ Россіи, этой неизлѣчимо-больной. Что бы тамъ ни говорили, а свобода слова, если и не есть панацея отъ болѣзней, то, по крайней мѣрѣ, есть воздухъ, которымъ дышишь. Стѣсненіе слова есть лишеніе легкихъ воздуха. Нельзя ни двигаться, ни дѣйствовать, ни мыслить, если вы чувствуете стѣсненіе въ груди, а это именно ощущеніе души и давить современнаго человѣка въ Россіи». Правда, приведенный отзывъ не свободенъ отъ значительныхъ преувеличеній и совершенно лишенъ исторической перспективы, такъ какъ

¹⁾ Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ, стр. 270.

мы прекрасно знаемъ, что наша литература испытывала въ прошломъ и несравненно болѣе тяжелыя времена, но, тѣмъ не менѣе, въ основѣ своей онъ заключаетъ въ себѣ и значительную долю правды.

Неудивительно, что и послѣ изданія новаго цензурнаго устава 1865 года, хотя и сдѣланнаго значительный шагъ впередъ въ сравненіи съ прежнимъ законоположеніемъ, но далеко не обеспечивавшаго литературѣ желательной свободы, Валуевъ нисколько не измѣнилъ характера своихъ отношеній къ періодической прессѣ. Недаромъ люди, близко стоявшіе къ ходу цензурныхъ преобразованій и хорошо знавшіе Валуева, не ожидали ничего особенно утѣшительнаго отъ произведенной реформы. «Кажется,—писалъ въ своемъ дневникѣ Никитенко, самъ принимавшій близкое и непосредственное участіе въ пересмотрѣ и выработкѣ новыхъ цензурныхъ постановленій ¹⁾,—литературу нашу ожидаетъ лютая судьба. Валуевъ достигъ своей цѣли. Онъ забралъ ее въ свои руки и сдѣлался полнымъ ея властелиномъ. Худшаго господина она не могла получить. Онъ, кажется, замыслилъ огромный планъ—уничтожить въ ней всякія «нехорошія поползновенія» и сдѣлать ее «вполнѣ благонамѣренною», т.-е. сдѣлать то, чего не въ состояніи были сдѣлать раньше (до 1855 года). Онъ, должно быть, также точно презираетъ всякое умственное движеніе, какъ презирали его въ предшествовавшее время, и думаетъ, что административныя мѣры выше и сильнѣе всякой мысли. Уставъ о печати отдастъ ему въ полное распоряженіе всякое печатное проявленіе мысли... Надъ головами писателей и редакторовъ повѣшенъ Дамокловъ мечъ, въ видѣ двухъ предостереженій и третьяго, за которымъ слѣдуетъ пріостановка изданія. Мечъ этотъ находится въ рукѣ Валуева: онъ опускаетъ его, когда ему заблагоразсудится, и даже не обязанъ мотивировать свой поступокъ».

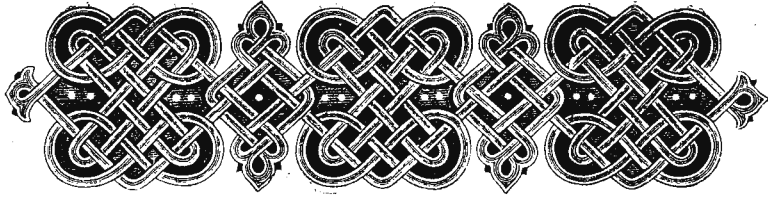
Печальная дѣйствительность не замедлила въ значительной степени оправдать довольно мрачныя предчувствія пессимистически настроенной части русскаго общества, успѣвшей уже войти въ истинныя намѣренія правительства и оцѣнить по достоинству министерскую дѣятельность Валуева. Предостереженія, судебныя преслѣдованія и другія мѣры административнаго воздѣйствія на печать въ скоромъ времени неопровержимымъ образомъ доказали, что ни изданіе новыхъ постановленій, повидимому, улучшавшихъ безправное положеніе прессы, ни желаніе самого государя предоставить возможныя облегченія отечественной литературѣ не оказались еще достаточными для того, чтобы и въ дѣйствительности, фактически, создать свосное положеніе для нашей періодической прессы. Напротивъ, извѣстное уже намъ настроеніе высшихъ бюрократическихъ сферъ отразилось на ней самымъ нежелательнымъ

¹⁾ «Записки и дневникъ», т. III, стр. 27—28.

образомъ, и во вторую половину правленія императора Александра II, несмотря на новыя постановленія 1865 года, дѣйствительное, фактическое положеніе періодической печати не только не улучшилось въ сравненіи съ предшествовавшимъ періодомъ, когда въ первое время александровскаго царствованія суровое законодательство николаевской эпохи совмѣщалось съ небывалымъ еще у насъ относительнымъ просторомъ мысли и слова, но сдѣлало значительный шагъ назадъ и во многихъ отношеніяхъ стало вновь приближаться къ старымъ дореформеннымъ временамъ.

Θ. Благовидовъ.

ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи Николая I) ¹⁾.

IV.

Друзья.

I.

АНАТЧИКОВЪ и Воейковъ были закадычными друзьями: они проводили вмѣстѣ все свободное время, вмѣстѣ читали, ходили въ театръ. У Канатчикова на рукахъ была мать, сестра, и Воейковъ любилъ проводить время въ этой симпатичной, простой семьѣ, гдѣ на него смотрѣли, какъ на родного.

Анна Васильевна, мать Канатчикова, души не чаяла въ Воейковѣ и благодарила Бога, что судьба послала ей сыну такого хорошаго, серьезнаго человѣка, какъ Воейковъ. Она всегда боялась, что дѣти могутъ испортиться отъ дурнаго вліянія товарищей, въ дѣтскомъ возрастѣ она зорко слѣдила за ними, слѣдила за товарищами сыновей, устраняла дурныхъ, приближала и сдружала хорошихъ.

Теперь Канатчиковъ былъ уже офицеромъ, но мать, не переставая заботиться о сынѣ, никогда не упустила случая напомнить сыну, что нѣтъ на свѣтѣ ничего хуже дурныхъ товариществъ, а потому надо заводить только такія знакомства и такія товарище-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІХ, стр. 528.

ства, которыя не могли бы набросить «тѣнь на фамилію Канатчиковыхъ».

Сынъ съ улыбкой выслушивалъ наставленія матери и успокаивалъ, что у него уже есть другъ—Воейковъ, въ которомъ она сама видитъ только одни совершенства.

Дѣйствительно, дружба Канатчикова и Воейкова сдѣлалась общимъ мѣстомъ, и когда кому либо приходилось встрѣчать одного изъ нихъ, то ему непремѣнно задавался вопросъ о томъ, гдѣ же другой. Да и сами друзья настолько привыкли другъ къ другу, что въ разлукѣ имъ всегда чего-то недоставало...

Всѣ вечера они проводили вмѣстѣ у камина, мечтали о будущемъ, строили планы дальнѣйшей жизни и разставались такими же друзьями, какими и встрѣчались.

И ничто, казалось, не могло смутить ихъ дружбы. Они служили въ одномъ и томъ же гвардейскомъ полку, служили одинаково хорошо и не имѣли поводовъ ссориться изъ-за служебныхъ отношеній. Другъ другу они говорили «ты», много спорили по принципиальнымъ вопросамъ, но всѣ и они сами смотрѣли на эти споры, какъ на простое средство обмѣна мыслей. Они часто горячились по самому пустяшному поводу, и всѣ смотрѣли на эту горячность, какъ на нѣчто хорошее, здоровое, сильное. Во взглядахъ они не расходились и «спорили только потому, что были очень дружны», какъ объясняла это Анна Васильевна, съ любовью поглядывая на молодыхъ людей.

Лѣтомъ 1833 года они вмѣстѣ пошли на маневры, происходившіе близъ Гатчины, и первое время маневровъ чувствовали себя оба превосходно. По вечерамъ, на дневкахъ полка, товарищи проводили время за книгами и не чувствовали усталости. Воейкову пришла мысль писать дневникъ походной жизни, и эта мысль была встрѣчена Канатчиковымъ, какъ того и ожидалъ Воейковъ, съ полнымъ сочувствіемъ. Разумѣется, въ этотъ дневникъ общими усиліями заносились самыя интимныя иногда вещи полковой жизни...

Но по характерамъ Воейковъ и Канатчиковъ были совершенно разные люди.

Воейковъ—это была воплощенная торопливость: говорилъ онъ необыкновенно скоро, такъ что нѣкоторые не сразу понимали его, ѣлъ онъ также быстро, ходилъ мелкими шагами, быстро сѣменя ногами и покачивая головой на ходу; всегда онъ куда нибудь спѣшилъ, въ театръ приходилъ задолго до поднятія занавѣса, не могъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, словомъ былъ «непосѣда», по выраженію той же Анны Васильевны.

Канатчиковъ говорилъ тихо и медленно, словно пережевывая слова, его движенія были лѣнны и неторопливы, ходилъ онъ большими шагами, жевалъ пищу до боли въ вискахъ и во всемъ былъ полною противоположностью своему другу.

Повторяю, что это обстоятельство нисколько не мѣшало ихъ дружбѣ, и одинъ какъ бы дополнялъ другого.

Такъ жили друзья до іюля 1833 года, когда неожиданно между ними произошла маленькая неприятность, создавшаяся на почвѣ походной обстановки.

II.

Полкъ стоялъ близъ Гатчины. Всѣ офицеры батальона, въ которомъ служили пріятели, расположились на ночлегъ въ квартирѣ, богато и хорошо обставленной. Она принадлежала нѣкому полковнику, который предоставилъ ее въ распоряженіе офицерамъ, такъ какъ ни самъ, ни его семья не жили въ ней въ теченіе лѣта.

Офицеры занимали всего лишь двѣ комнаты, изъ которыхъ въ одной помѣщался командиръ, а въ другой всѣ остальные офицеры.

Батальонъ совершилъ днемъ большой переходъ и вернулся на стоянку только поздно вечеромъ. Солдаты и офицеры были утомлены и поспѣшили поскорѣе раздѣться и лечь на сѣнники, любезно предоставленные офицерамъ заботливымъ хозяиномъ.

Были среди офицеровъ и такіе неутомимые люди, для которыхъ переходъ въ 25—30 верстъ не значилъ ровно ничего. Такіе сидѣли за столомъ и перебрасывались въ карты. Къ числу неутомимыхъ принадлежалъ и Воейковъ, который съ большимъ интересомъ слѣдилъ за игрою, стоя у стола, но не принимая участія въ игрѣ.

Потомъ ему надоѣло смотрѣть на играющихъ, и онъ пошелъ къ Канатчикову.

Тотъ уже раздѣлся и легъ на постель. Около него стоялъ подсвѣчникъ со свѣчою, у него въ рукахъ была книга, которую онъ и читалъ.

Воейковъ подошелъ къ нему, сѣлъ на постель и съ удовольствіемъ вытянулъ ноги.

— Усталъ, братъ?—спросилъ любовно Воейковъ, обнимая Канатчикова.—Ничего, отдохнешь!..

— Не привыкъ я такъ много ходить,—отвѣтилъ Канатчиковъ,—ноги что-то болятъ...

— Что ты читаешь? Покажи... Брось читать и ложись на другой бокъ... Спи...

— Что-то не спится мнѣ сегодня... Усталъ, ноги ноютъ, все тѣло словно разбито, а спать не могу, глаза не закрываются... Отчего это?

Воейковъ ничего не отвѣтилъ Канатчикову. Онъ молча глядѣлъ на фитиль свѣчки...

— Завтра никуда не надо итти...—сказалъ Воейковъ.—Будемъ отдыхать, я буду свой дневникъ писать, давно ужъ его не трогалъ, не держалъ въ рукахъ... Ты спишь?

— Нѣтъ! И не засну я сегодня... Помню, когда отецъ умеръ, я также не могъ заснуть... Что тамъ съ мамой, дома?.. сестра какъ?..

— Все благополучно... Что ты беспокоишься? Охота тебѣ, право, на себя тоску нагонять...

— Я ничего, я только такъ,—прошепталъ Канатчиковъ и закрылъ глаза.

— А я странный человѣкъ: достаточно мнѣ только къ постели подойти, а я ужъ и сплю. Бывало и въ корпусѣ такъ: всѣ еще разговариваютъ, болтаютъ, а я ужъ десятый сонъ вижу... Мастеръ я спать, и никакими меня пушками не разбудишь...

— Кажется, и я начинаю засыпать! — сказалъ тихо Канатчиковъ.—Уходи, я засну...

— Ну, нѣтъ, теперь ужъ я не уйду! — возразилъ улыбаясь Воейковъ. — Теперь я буду сидѣть на твоей постели и болтать... Ужасно мнѣ хочется поболтать сегодня... такъ меня и подмываетъ... Послушай, я хочу говорить!..

— Говори, говори, я тебя слушаю со вниманіемъ... Болтай на здоровье...

Воейковъ усѣлся на постели поудобнѣе, поджалъ ноги и продолжалъ:

— Хорошо бы теперь въ Петербургѣ сидѣть въ хорошей комнатѣ.. Такъ уютно, весело, а почему—и не знаешь... Сидишь, а тебѣ на умъ разные мысли приходятъ... Смотри, никогда мнѣ мысли не приходятъ въ голову, когда я сижу въ полку, въ казармахъ или на улицѣ. А дома или у тебя,—такъ и лѣзутъ мысли въ голову... Вотъ сейчасъ мнѣ просто хочется болтать и безъ всякихъ мыслей, а дома, дома... Ты спишь, что ли?

— Я засыпаю, прощай... Усталъ я сегодня!—отозвался Канатчиковъ и, повернувшись на другой бокъ, захрапѣлъ довольно громко.

Воейковъ съ тоской оглянулся: многіе офицеры уже спали, другіе играли въ карты...

Онъ посмотрѣлъ на скорчившуюся фигуру Канатчикова и засмѣялся веселымъ смѣхомъ.

— Послушай, Канатчиковъ, проснись, проснись... Ну, какого чорта такъ рано заваливаться спать?.. Еще девяти часовъ нѣтъ... Завтра успеешь выспаться...

— Оставь меня, пожалуйста,—проговорилъ изъ-подъ одеяла Канатчиковъ,—я хочу спать...

— Глупости, глупости, — не унимался Воейковъ, продолжая теревить Канатчикова за плечо:—я тебѣ говорю, глупости... завтра выспишься... Канатчиковъ...

— Оставь меня, ради Бога, въ покоѣ, — недовольно сказалъ Канатчиковъ.—Это свинство. Коли ты самъ не хочешь спать, такъ дай другимъ... Уйди отъ меня... Я только сталъ засыпать, а ты...

— Нѣтъ ужъ я не уйду! Вотъ когда ты не хотѣлъ спать, я съ удовольствіемъ ушелъ бы отъ тебя, а теперь не хочу и не уйду...

Канатчиковъ закрылся одѣяломъ и рѣшилъ больше не отвѣчаться на слова Воейкова.

Но Воейковъ, не смущаясь этимъ, взялъ за конецъ одѣяла и быстро стянулъ его съ Канатчикова. Тотъ приподнялся и рассердился...

— Что за глупыя шутки!—воскликнулъ онъ.—Я прошу тебя оставить меня въ покоѣ!..

— Ни за что!—смѣялся Воейковъ.—Я желаю съ тобою шутить, и ты не смѣешь мнѣ чинить къ сему препятствія... Проснись, проснись... Слышишь, ты... Канатчиковъ...

Канатчиковъ легъ и закрылъ глаза, не отвѣчая ни слова Воейкову. Тогда тотъ подошелъ къ столу, взялъ бумажку и свернулъ изъ нея «гусара». Онъ опять подошелъ къ Канатчикову и осторожно провелъ бумажкой по краешку уха Канатчикова.

Тотъ отмахнулся рукою. Воейковъ засмѣялся и сунулъ бумажку въ носъ пріятелю...

Канатчиковъ быстро поднялся и проговорилъ отрывисто и рѣзко:

— Прошу оставить меня въ покоѣ!.. Я не желаю никакихъ шутокъ!.. Оставь меня!..

Этотъ тонъ не понравился Воейкову, но отстать онъ не хотѣлъ.

— А я хочу шутить и буду!—тономъ капризнаго ребенка возразилъ Воейковъ.—И буду!...

— Не позволю больше... не позволю!.. — заговорилъ Канатчиковъ.—Чортъ знаетъ...

Воейковъ покраснѣлъ и, отойдя отъ постели, проговорилъ съ пренебреженіемъ:

— Если ваши товарищи желаютъ съ вами шутить, вы должны удовлетворять ихъ капризамъ... вы должны удовлетворять, а не сердиться и возражать...

— Я не понимаю такой логики!.. Ну, оставь меня и уходи отсюда прочь... спать надо...

Воейковъ выждалъ, когда Канатчиковъ снова завернулся въ одѣяло, и тогда неслышно подошелъ къ нему и снова сорвалъ одѣяло. Канатчиковъ остался въ одномъ бѣльѣ.

— Ради Бога, скажи, что тебѣ нужно? Зачѣмъ ты меня мучишь? — произнесъ Канатчиковъ, складывая руки. — Пожалуйста, ложись спать... поздно ужъ!..

Воейковъ сердито бросилъ одѣяло Канатчикову и отошелъ отъ него въ другой уголокъ комнаты, потомъ сѣлъ за столъ и сталъ ѣсть приготовленныя для него ягоды.

— Вот ты и сонъ мой прогналъ! — недовольно проговорилъ Канатчиковъ, садясь на постель и спуская ноги на полъ.—Свинство это!..

Воейковъ не отвѣтилъ ему и продолжалъ ѣсть ягоды, быстро кладя ихъ въ ротъ.

— Эхъ, ты... Весь мой сонъ согналъ, — продолжалъ Канатчиковъ.—Что теперь я буду дѣлать? Ну, Воейковъ, иди теперь развлекать меня... мнѣ скучно...

И вдругъ Воейковъ неожиданно поднялся со стула и крикнулъ Канатчикову:

— Вы—дрянь, презираемая всѣмъ полкомъ!.. Дрянь... дрянь... презрѣнная!..

Канатчиковъ отъ неожиданности откинулся назадъ туловищемъ и широко раскрытыми глазами впился въ Воейкова. Играющіе за столомъ въ карты офицеры съ изумленіемъ поглядѣли на пріятелей и онѣмѣли отъ произнесенныхъ словъ.

— Замолчите! — крикнулъ наконецъ Канатчиковъ, приходя въ себя.—Замолчите, иначе... иначе я вамъ дамъ... пощечину... Слышите вы?

— Этого не говорятъ и не обѣщаютъ, а дѣлаютъ! — отвѣтилъ Воейковъ и съ этими словами, схвативъ со стола подсвѣчникъ съ горящею свѣчею, запустилъ имъ въ Канатчикова.

Въ комнатѣ стало темно, но въ темнотѣ ясно послышалось, какъ вскочилъ съ постели Канатчиковъ и бросился по направленію къ Воейкову. Быстро зажгли свѣчу. Кто-то впотьмахъ бросился къ Канатчикову и удержалъ его.

Наступило неловкое молчаніе, и никто не рѣшался прервать его.

III.

Славшіе офицеры проснулись и въ недоумѣніи глядѣли, какъ виновато ложился Канатчиковъ, какъ Воейковъ заторопился выйти изъ комнаты.

— Да!—произнесъ одинъ изъ игравшихъ офицеровъ.—Да, нехорошо, господа, нехорошо!..

Ему никто не отвѣтилъ, и всѣ ждали, что скажетъ еще этотъ офицеръ.

— Нехорошо,—повторилъ онъ,—такъ въ гвардіи не полагается... Этотъ случай долженъ быть обсужденъ всѣми офицерами полка и теперь же, несмотря на вечеръ... Вамъ, Канатчиковъ, неудобно оставаться при разговорахъ офицеровъ по вашему дѣлу... Благоволите...

— Я одѣваюсь и ухожу!—прервалъ говорившаго Канатчиковъ и поторопился уйти.

Зажгли еще нѣсколько свѣчей, пригласили офицеровъ и баталіоннаго командира.

Больше всѣхъ возмущался баталіонный командиръ. По его поятіямъ, офицеры совершили отвратительный поступокъ, который положилъ пятно на всю гвардію.

— Виданное ли это дѣло,—говорилъ онъ,—чтобы гвардейскіе офицеры дрались?! Такого позора я не зналъ въ теченіе всей своей службы... я служу 25-ть лѣтъ, присутствовалъ при ссорахъ, былъ свидѣтелемъ раздоровъ между офицерствомъ, но такого дѣла никогда не видалъ... Нѣтъ, нѣтъ, такъ дѣло кончить нельзя!.. Какъ вамъ всѣмъ будетъ угодно, но оставаться служить съ такими господами, какъ Воейковъ и Канатчиковъ, я не намѣренъ... И если эти господа не выйдутъ въ отставку, я самъ подамъ въ отставку или буду просить о переводѣ отсюда... Невиданное дѣло, неслыханная вещь!..

Къ баталіонному командиру присоединились почти всѣ офицеры, за исключеніемъ только одного капитана, который сталъ было доказывать, что ссора между Воейковымъ и Канатчиковымъ не болѣе какъ ссора между двумя пріятелями, и что эта ссора не должна принимать официальной окраски.

— Да? вы такъ разсуждаете?—съ ироніей спросилъ его баталіонный командиръ.—Странно!.. у гвардейскаго офицера и вдругъ не развито чувство достоинства полка, въ которомъ онъ имѣетъ честь служить... Вы можете, капитанъ, остаться при особомъ мнѣніи, васъ никто не пожелаетъ стѣснять... Станный взглядъ!..

— Да я только такъ, къ слову! — оправдывался капитанъ. — Если они виноваты, то и наказывайте ихъ, какъ знаете... Я тутъ не при чемъ...

— Рѣчь идетъ не о наказаніи,—поправилъ его баталіонный:—мы не судъ и не можемъ никого наказывать... Но мы офицеры одной съ ними части войскъ, ихъ проступокъ бросаетъ пятно позора на всѣхъ насъ, вмѣстѣ взятыхъ... Если оставитъ ихъ на службѣ въ полку, то всѣ люди, дорожащіе своимъ именемъ, должны будутъ уйти изъ полка... И я первый... я не задумаюсь поставить начальству на выборъ: или они, или я... Да-съ!..

Совѣщаніе офицеровъ длилось долго. Собственно говоря, никакого совѣщанія не происходило, и все время говорилъ только одинъ баталіонный командиръ; остальные слушали и молчаливо соглашались съ тѣмъ, что поступокъ поссорившихся офицеровъ долженъ наложить позоръ на весь полкъ, а потому слѣдовало принудить виновныхъ подать въ отставку, не откладывая этого вопроса до завтрашняго дня.

— Да, вѣдь, они друзьями были!..—съ мучительнымъ стономъ выговорилъ капитанъ.

— Позвольте, капитанъ,—сердито воскликнулъ баталіонный:—кто носитъ честь полка и охраняетъ эту честь? вы или я? кто?

Потомъ позвали Канатчикова. Онъ пришелъ блѣдный, съ горящими глазами.

Баталіонный сказалъ ему отъ лица всѣхъ офицеровъ полка, что его поступокъ наложилъ на все офицерство несмываемое пятно позора, и что виновные должны выйти въ отставку. Если Канатчиковъ согласенъ съ рѣшеніемъ офицеровъ, то пусть дастъ честное слово, которое надлежитъ сдержать завтра же.

Канатчикову оставалось согласиться и громогласно дать честное слово.

Такимъ же образомъ былъ призванъ и Воейковъ, который сначала не понималъ, чего хотятъ отъ него, и только послѣ многорѣчивыхъ объясненій баталіоннаго далъ слово.

Затѣмъ баталіонный ушелъ въ свою комнату, офицеры легли по своимъ мѣстамъ, и потухли огни. Настала тишина.

И почудилось ли Канатчикову, или то было на самомъ дѣлѣ, но онъ ясно слышалъ не то сдавленный плачъ, не то тоскливый мучительный вздохъ. И ему казалось, что неподалеку отъ него страдалъ другой человѣкъ, и этотъ человѣкъ былъ Воейковъ.

IV.

Рано утромъ на другой день Воейковъ и Канатчиковъ были приглашены къ командиру полка. Ихъ встрѣтилъ суровый взглядъ, имъ не подали руки, ихъ не пригласили садиться. Разговоръ былъ кратокъ и выразителенъ и не оставлялъ сомнѣній.

— Ко мнѣ обратились офицеры полка и заявили, что они не могутъ вмѣстѣ съ вами продолжать службу,—сказалъ командиръ.— Вы понимаете, насколько священо для меня поддержаніе чести полка и его славнаго прошлаго. А потому вы сами прекрасно понимаете, что надо дѣлать... Итакъ, господа?..

Канатчиковъ почтительно подалъ командиру бумагу. Воейковъ проговорилъ:

— Я не успѣлъ еще приготовить прошеніе... Позвольте уйти, я сейчасъ напишу!..

— Пожалуйста... Я никогда не насилую чужихъ желаній. Можете идти, господа, и... больше вы полку не нужны... Вашимъ прошеніямъ будетъ данъ ходъ...

Офицеры одновременно вышли отъ командира. Канатчиковъ хотѣлъ остановить Воейкова, сказать ему, что онъ не сердится на него, но что-то помѣшало ему, какая-то неловкость задержала его на крыльцѣ дома, и Воейковъ поспѣшно ушелъ.

Канатчиковъ быстро собрался и уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ онъ долженъ былъ начинать новую жизнь. И когда передъ нимъ засверкали вдали купола города, побѣжали дома, магазины, онъ закрылъ глаза и тихо прошепталъ:

— Кто могъ бы ожидать? кто могъ бы?.. — и на рѣсницы набѣжали теплыя, непрощенныя слезы, а смутное чувство подсказывало ему, что еще не все кончилось, что самое страшное еще далеко впереди.

Онъ не зналъ этого страшнаго, но угадывалъ его, оно говорило о себѣ смутнымъ языкомъ, заставляло думать и сосредоточиваться, мучиться отъ неизвѣстности...

— На новую жизнь, на новую жизнь! — восклицалъ онъ безпрестанно. — Что сулитъ мнѣ она, эта невѣдомая жизнь? Къ чему приведетъ она? И кто могъ бы ждать?..

Канатчиковъ вспомнилъ, съ какимъ радостнымъ чувствомъ онъ подѣлжалъ обыкновенно къ Петербургу. Теперь этого чувства не было. Онъ не зналъ, что сказать матери, какъ объяснить ей причину своего приѣзда, что повѣдать ей о Воейковѣ...

Мать не повѣритъ ему, будетъ искать другихъ причинъ, другого объясненія. И не повѣритъ, что ссора двухъ пріятелей, хотя бы и окончившаяся бросаньемъ подсвѣчника, могла бросить пятно позора на полкъ, въ которомъ они служили, опозорить ихъ товарищей, стоявшихъ отъ всего этого далеко въ сторонѣ...

Канатчиковъ ѣхалъ съ тяжелымъ чувствомъ. Было жарко, но руки его были холодны, кружилась голова, мутнѣло въ глазахъ.

— Да, — вспомнилъ онъ, — вѣдь я не спалъ сегодняшнюю ночь... Понятно это...

V.

Когда Анна Васильевна узнала отъ сына о всемъ происшедшемъ между нимъ и Воейковымъ, она отказалась вѣрить: для нея вся эта исторія представлялась чѣмъ-то необыкновенно нелѣпымъ, страннымъ, въ ней не было ни смысла, ни справедливости. Извѣстіе сына объ уходѣ изъ полка она приняла съ мужествомъ, и только дрогнула ея нижняя губа. Она посмотрѣла на сына долго, молчаливо, какъ бы испытывая его состояніе.

— Что жъ ты теперь будешь дѣлать? — спросила она. — Чѣмъ займешься? Служить будешь?

— Да, пойду по гражданской части, — отвѣтилъ Канатчиковъ. — Не волнуйся, мама, ничего не случилось... У насъ большія знакомства, я пристроюсь куда нибудь... Конечно, у насъ нѣтъ средствъ, первое время намъ будетъ тяжело, придется переѣхать на другую квартиру, но все это только временно, до присканія мною мѣста...

— Дѣлай, какъ знаешь, — проговорила мать, — для меня ничего не трудно, я ко всему привыкла... А что касается мѣста, то нужно будетъ просить родныхъ... Они помогутъ...

Для Канатчикова началась новая жизнь. Онъ сдѣлалъ себѣ штатскую одежду. И когда пришелъ въ ней первый разъ домой, то мать и сестра залились горькими слезами...

Потомъ онъ принялся за пріисканіе мѣста. У него было много знакомыхъ, и онъ началъ обходить ихъ. Всѣмъ приходилось, разумѣется, объяснять причину своей неожиданной отставки. Многіе обѣщали похлопотать, но ссылались на затишье лѣтняго времени, на отсутствіе нужныхъ людей.

А пока онъ оставался безъ дѣла и скучалъ. До него доходили слухи, что Воейковъ, какъ человѣкъ обезпеченный, живетъ у своихъ родителей и не нуждается ни въ чемъ. Понятно, ему не приходилось подвергать себя непріятностямъ по пріисканію мѣста, по устройству своей будущей жизни, и онъ чувствовалъ себя отлично.

Однажды поздно ночью Анна Васильевна Канатчикова, вернувшись домой, зашла въ комнату сына. Тотъ еще не спалъ и съ удивленіемъ поглядѣлъ на мать.

— Мнѣ нужно съ тобой поговорить!— произнесла она какимъ-то сдавленнымъ голосомъ, стараясь не глядѣть сыну въ глаза.— Дѣло очень важное!..

— Я слушаю, мама,— отвѣтилъ Канатчиковъ и приподнялся на постели.

— Только ты не волнуйся,— продолжала мать,— я была сейчасъ у Н. (она назвала фамилію одного важнаго и всесильнаго чиновника николаевской эпохи) и просила за тебя. И тамъ мнѣ сказали, что мѣста есть, и что тебѣ можно было бы устроиться...

— Ну, вотъ и отлично!— воскликнулъ сынъ.— Завтра я и поѣду къ нему и похлопочу...

— Да, да... Но вотъ въ чемъ дѣло-то... какъ бы тебѣ сказать,— произнесла Анна Васильевна въ замѣшательствѣ.— Я говорила съ нимъ, а онъ мнѣ отвѣтилъ...

— Что же онъ отвѣтилъ, мама? Говори, ради Бога... Что онъ сказалъ тебѣ?

— Онъ сказалъ, что мой сынъ выгнанъ изъ полка... выгнанъ... офицеры выгнали...

Канатчиковъ опустилсѣ на подушки и сжалъ руками голову. Мать продолжала:

— Я стала объяснять ему, что ты не совершилъ ничего дурнаго, а онъ поглядѣлъ на меня, какъ на сумасшедшую, да и говорить: вашъ сынъ оскорбленъ своимъ товарищемъ, и они еще не потребовали другъ отъ друга удовлетворенія, а вашъ сынъ публично оскорбленъ, замаранъ, и такіе люди не могутъ быть терпимы ни въ какомъ обществѣ! Потомъ еще онъ сказалъ мнѣ, что ты напрасно ходишь просить мѣста, что тебѣ все равно никто не дастъ, что ты замаранъ...

Канатчиковъ съ горящими глазами сѣлъ на кровать и схватилъ руку матери.

— Да, мама, они—правы, правы... иначе думать и разсуждать они не могутъ: такъ они привыкли съ дѣтства... они правы... Они

хотятъ, чтобы я потребовалъ отъ обидчика удовлетворенія, чтобы эту дѣтскую обиду я смылъ съ себя кровью... Другихъ средствъ не имѣется. И меня никто не приметъ къ себѣ на службу, меня будутъ бѣгать, какъ зачумленнаго, со мной перестанутъ кланяться.. Они этого хотятъ!..

— Что же ты задумалъ? что ты собираешься дѣлать?—испуганно проговорила мать.

— Я сдѣлаю, что имъ хочется,—отвѣтилъ Канатчиковъ,—я долженъ сдѣлать такъ...

— Твое дѣло, и я не хочу въ него вмѣшиваться!— сказала мать и вышла изъ комнаты.

Черезъ мѣсяцъ вернулся изъ лагеря полкъ, воротились въ столицу сильные чиновнаго міра, но Канатчиковъ не получалъ мѣста, и его не узнавали недавніе полковые товарищи. Встрѣчались съ нимъ многіе и проходили поспѣшно, а если онъ останавливалъ когонибудь изъ нихъ, то онъ могъ видѣть, какъ встрѣтившійся офицеръ торопился отойти отъ него, вырвать свою руку, не быть замѣченнымъ проходящими.

Въ домахъ, гдѣ его прежде принимали, какъ хорошаго знакомаго, онъ встрѣчалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что господъ нѣтъ дома, а въ одномъ домѣ прямо сказали, что не приказано принимать... Такъ отнесся къ Канатчикову городъ.

Сначала Канатчиковъ хотѣлъ отнестись ко всему этому, какъ къ старому, отжившему предрасудку, и не платить ему дани. Онъ улыбался, когда видѣлъ, какъ убѣгали отъ него недавніе знакомые, онъ собирался перекочевать въ Москву и тамъ найти мѣсто вдали отъ петербургскихъ знакомствъ, отъ сплетенъ и нелѣпыхъ слуховъ.

Но пойти на это онъ не могъ. Много тяжелыхъ дней и ночей провелъ онъ, обдумывая свое положеніе. Конечно, онъ не уважалъ этихъ людей, которые такъ относились къ нему, и смѣялся надъ ними, но все-таки положеніе его въ обществѣ было дурное.

Тогда Канатчиковъ рѣшился поговорить со своею матерью и спросить ея совѣта.

Анна Васильевна спокойно выслушала его, подумала и проговорила тихо:

— Напрасно въ такихъ случаяхъ ты обращаешься къ родственникамъ, а ко мнѣ въ особенности. Что я могу отвѣтить тебѣ на твой вопросъ? Ты—мой сынъ. Можетъ быть, общество предъявляетъ нелѣпыя требованія, поступаетъ бессмысленно, но оно живетъ и существуетъ... Мы—только часть общества, его члены. И разъ общество не желаетъ принимать какого либо члена, значитъ, оно имѣетъ къ тому основаніе. Не общество нуждается въ отдѣльномъ человѣкѣ, а отдѣльный человѣкъ нуждается въ обществѣ...

— Значить, мама, ты не противъ требованій этого общества?—спросилъ въ недоумѣннн Канатчиковъ и пристально посмотрѣлъ на мать.—Значить, мама, ты совѣтуешь?..

— Я ничего не совѣтую и ни на чемъ не настаиваю!—воскликнула Анна Васильевна.

— Но смыслъ твоихъ словъ не оставляетъ сомнѣній!.. Итакъ, ты не желаешь говорить больше по этому поводу?.. Мнѣ надо подчиниться?..

— Повторяю, дѣлай, какъ знаешь, и я не хочу тебя ни въ чемъ стѣснять!—отвѣтила мать.

— Хорошо, мама... я самъ теперь знаю... я больше никого не буду беспокоить совѣтами, буду дѣлать по своему разумнн!..—отвѣтилъ Канатчиковъ.

Вечеромъ въ тотъ же день онъ отправился къ своему брату, прапорщику артиллерн. Тотъ принялъ его, какъ показалось старшему Канатчикову, не особенно дружелюбно.

— И ты тоже съ ними, съ обществомъ?—спросилъ онъ.—И ты противъ меня? да?

Младшнй Канатчиковъ замаялся и не зналъ, что отвѣчать на вопросъ брата.

— Ты, мать, сестра, всѣ словно сговорились не отвѣчать мнѣ!—съ неудовольствнемъ проговорилъ Канатчиковъ.—Но вѣдь это, по крайней мѣрѣ, жестоко... Вы предоставляете меня самому себѣ, а моя совѣсть совершенно мирится съ тѣмъ, что произошло. Я потерялъ друга, а теперь меня хотятъ натравить на него, продолжить глупую исторню, которая произошла помимо нашего желанн.. Это не исторн, а такъ, глупая шутка, ссора... И неужели она можетъ отразиться на мнѣ? Я не чувствую угрызений совѣсти, я не испытываю чувства обиды и только сожалѣю, зачѣмъ все это произошло и на виду у всѣхъ. Случись это съ глаза на глазъ, и никому не было бы до этого дѣла, мы помирились бы, и все было бы кончено... А теперь не только чужн, но даже близкн мнѣ люди, мать и братъ, толкаютъ меня куда-то, въ какую-то яму... Неужели я долженъ катиться по вашей волѣ? Я не признаю ничьего вмѣшательства, я хочу дѣлать такъ, какъ дѣлаю, безъ руководства, безъ указки, и вы не смѣете мнѣ мѣшать...

Младшнй Канатчиковъ не отвѣчалъ брату и сосредоточенно смотрѣлъ въ окно...

— Что же ты молчишь? Отвѣть мнѣ, какъ и что ты думаешь. Научи меня, я потерялъ голову... Научи...

— Ты долженъ потребовать отъ него удовлетворенн!—сказалъ тихо младшнй Канатчиковъ.—Никакимъ инымъ путемъ ты не выйдешь изъ такого положенн... повѣрь мнѣ...

— Дратся? дуэль?—въ раздумѣ прошепталъ Канатчиковъ.—Дратся надо? Я такъ и зналъ, что ты это мнѣ скажешь, больше

ничего нельзя сказать, конечно. И мать не хотѣла мнѣ сказать этого, хотя она понимала, на что я долженъ рѣшиться... Братъ! значить, драться надо? драться? Хорошо! я буду драться... Зову тебя въ секунданты!... Сдѣлай честь!..

Онъ опустилъ на грудь голову, и она повисла безсильно и виновато...

Младшій Канатчиковъ не выдержалъ и бросился на шею къ брату съ крикомъ.

— Братъ... братъ! Ничего, такъ надо, ничего нельзя сдѣлать, надо такъ, нельзя, братъ!..

VI.

Воейковъ былъ очень удивленъ, когда ему сказали, что его жалеетъ видѣть Канатчиковъ. Онъ велѣлъ просить войти. У него сильно забилось сердце.

Пошелъ младшій Канатчиковъ, котораго Воейковъ не зналъ. Вошедшій представился.

— Я пришелъ къ вамъ по дѣлу моего брата, отставного поручика Канатчикова...

— Я васъ слушаю,—отвѣтилъ Воейковъ.—Чѣмъ могу служить для вашего брата?

— Вамъ небезызвѣстно, что въ городѣ ходятъ различные слухи относительно вашей ссоры съ братомъ. Братъ не можетъ не чувствовать себя оскорбленнымъ. А потому и просилъ меня съѣздить къ вамъ и попросить отъ васъ удовлетворенія, при чемъ онъ заранѣе просилъ поставить васъ въ извѣстность, что одно лишь ваше извиненіе его не удовлетворитъ... Онъ предлагаетъ вамъ стрѣляться. Я—его секундантъ!..

Воейковъ растерялся отъ неожиданности. Онъ поднялся со своего стула и вопросительно поглядѣлъ на Канатчикова. Что-то сдавило ему горло, и онъ не могъ говорить.

— Какой отвѣтъ прикажете передать моему брату?—продолжалъ Канатчиковъ,

— Конечно, я согласенъ, ваше желаніе... исполнено будетъ... конечно, я не отказываюсь. Стрѣляться, такъ стрѣляться, мнѣ все равно. Передайте, что я согласенъ...

— Вашъ секундантъ?—спросилъ Канатчиковъ.—Вы потрудитесь выбрать секунданта!

— Да, да, я выберу и пришлю его къ вамъ!—пробормоталъ Воейковъ.—Сегодня же...

Канатчиковъ поклонился и пошелъ къ двери, но Воейковъ остановилъ его.

— Скажите вашему брату, что я... я готовъ... Впрочемъ, нѣтъ, ничего... До свиданья...

Воейковъ остался одинъ и бросился на постель: слезы душили его...

Потомъ онъ одѣлся и поѣхалъ къ своему товарищу, гусарскому штабсъ-ротмистру Магницкому. Тамъ въ безсвязныхъ словахъ онъ передалъ товарищу и о ссорѣ съ Канатчиковымъ и о вызовѣ. Магницкій выслушалъ спокойно.

— Что жъ? я ничего не имѣю противъ твоего желанія имѣть меня секундантомъ. Хотя, знаешь, по нынѣшнимъ временамъ за дуэли наказываютъ здорово, и секундантамъ тоже попадаетъ немало. Впрочемъ, я согласенъ и благодарю за честь предложенія...

— Какія же условія поставить?—спросилъ Воейковъ. — Я никогда не дрался и ничего не знаю. Онъ предлагаетъ стрѣляться на пистолетахъ...

— Обыкновенно стрѣляются на пистолетахъ... По-моему теперь ваша ссора уже отошла въ область исторіи и потеряла свою остроту. А потому лучше всего сдѣлать такъ, чтобы устранить всякую опасность для васъ. Возьмемъ побольше разстояніе, шаговъ этакъ въ 10—15, и все будетъ хорошо. Ты согласенъ со мною?

— Дѣлай, какъ желаешь!—отозвался Воейковъ.—Я ничего въ этомъ не понимаю и вполнѣ полагаюсь на тебя... Я только хочу, чтобы въ случаѣ чего нибудь... секунданты не пострадали, поэтому я со своей стороны предложу такое условіе, чтобы каждый изъ насъ передъ дуэлью имѣлъ въ карманѣ у себя записку, что онъ стрѣлялся безъ посредниковъ.

— О насъ заботишься? Это очень похвально,—сказалъ Магницкій.—Хорошо это...

Воейковъ уѣхалъ, а Магницкій отправился договариваться объ условіяхъ дуэли съ младшимъ Канатчиковымъ.

На слѣдующій день посредники рѣшили вопросъ такимъ образомъ: дуэль должна была состояться 19-го октября въ 5 часовъ вечера на Крестовскомъ островѣ. Разстояніе установили въ 10 шаговъ, но съ отходомъ отъ барьера еще на 5 шаговъ, такъ что въ окончательномъ видѣ противники должны были стрѣлять на 20 почти шаговъ. По жребію первый выстрѣлъ достался Канатчикову, осѣчка не должна была считаться за выстрѣлъ.

— Ну, всѣ мѣры приняты,—пробасилъ Магницкій,—и теперь вы можете стрѣляться безбоязненно: на 20 шаговъ попасть трудновато, а убить еще труднѣе... Съ Богомъ,—все будетъ хорошо. Не забудьте, однако, записочку-то написать... Такъ-то лучше...

У Воейкова зацемило сердце и закружилась голова.

VII.

Воейковъ поѣхалъ въ одномъ экипажѣ съ Магницкимъ. По дорогѣ они молчали... Магницкій безпрестанно курилъ и глядѣлъ по сторонамъ.

— Записку-то взяли съ собой?—спросилъ Магницкій.—Она пригодится намъ... право...

— Успокойтесь, — улынулся Воейковъ, — вотъ она: я пишу тутъ на имя военнаго генералъ-губернатора... Да что это вы мнѣ все напоминаете? Какъ будто я непременно убитъ буду... Подождите, не каркайте...

— Не каркаю я, — буркнулъ Магницкій, — только не понимаю, что это мы съ вами на «вы» перешли. Чего ради сіе? а?

— Не знаю, — отвѣтилъ Воейковъ, — какъ-то это само случилось, помимо насъ...

— А вонъ и море! Видите?—вскрикнулъ Магницкій, поднимаясь въ экипажѣ.

— Вижу!.. — отозвался Воейковъ. — И еще какой-то экипажъ тамъ... Не они ли—братья?

— Не разгляжу я! Должно быть, они. Лошади у нихъ плохія, наемныя, не на своихъ...

Противники и секунданты сѣхались въ одно мѣсто. Они вышли изъ экипажей близъ самаго берега моря и направились въ лѣсъ, стоявшій неподалеку.

Всѣ шли молчаливо. Магницкій остановился на площадкѣ, окруженной деревьями, и осмотрѣлся: лучшаго мѣста для дуэли кругомъ не было. Къ нему подошелъ младшій Канатчиковъ, и они вдвоемъ стали совѣщаться.

Потомъ Магницкій отсчиталъ десять шаговъ и положилъ на землю сорванныя вѣтки елокъ, отмѣчая тѣмъ самымъ барьеръ. Младшій Канатчиковъ провѣрилъ разстояніе, поправилъ небрежно брошенныя вѣтки и подошелъ къ брату.

Тотъ равнодушно прислонился къ дереву и ждалъ, когда же, наконецъ, окончатся предварительныя приготовленія. Изрѣдка онъ взглядывалъ на Воейкова. Въ штатскомъ платьѣ Канатчиковъ былъ неузнаваемъ, но попрежнему строенъ и изященъ. Разъ онъ встрѣтился со взглядомъ Воейкова и тотчасъ же отвернулся.

— Господа, я заряжаю пистолеты!—проговорилъ Магницкій и вынулъ ихъ изъ ящика.

Всѣ издали слѣдили за дѣйствіями Магницкаго и относились къ нимъ какъ бы безучастно, но у всѣхъ подъ личиною холодности и равнодушія сильно бились сердца...

— Готово!—опять крикнулъ Магницкій.—Пожалуйте, господа, къ барьеру! Пожалуйте...

Съ разныхъ сторонъ подошли Воейковъ и Канатчиковъ-старшій и поглядѣли почти одновременно на лежащія подъ ихъ ногами вѣтки... Магницкій роздалъ имъ пистолеты...

— Господа!—крикнулъ Магницкій,—потрудитесь повернуться другъ къ другу спиною и отойти отъ барьера на пять шаговъ каждый...

Противники послушно исполнили предложеніе секунданта и отошли отъ вѣтокъ...

— Сходитесь!—сказаль уже тихо Магницкій и отошелъ въ сторону, гдѣ стоялъ младшій Канатчиковъ и съ затаеннымъ дыханіемъ смотрѣлъ на брата.

Тотъ поднялъ пистолетъ и двинулся къ барьеру. Воейковъ тоже пошелъ впередъ...

Но вотъ Воейковъ замѣтилъ, что Канатчиковъ остановился и сталъ цѣлиться. Тогда остановился и Воейковъ... Все замерло въ ожиданіи...

А Канатчиковъ все еще цѣлился, и эти мгновенія всѣмъ казались вѣчностью...

...Выстрѣлъ, негромкій, отрывистый, чистый... И Воейковъ падаетъ безъ стога, безъ звука на землю далеко отъ зеленой вѣтки...

Старшій Канатчиковъ оглядывается на брата. Тотъ неподвижно стоитъ, блѣдный, съ опущенными глазами, и потомъ идетъ къ лежащему Воейкову.

— Черепъ... надъ лѣвымъ глазомъ... онъ убитъ, не дышитъ!—сказаль Магницкій, дотрогиваясь до Воейкова.—Надо позвать людей помочь.

Потомъ онъ равнодушно вынулъ изъ кармана мертвого Воейкова запечатанное письмо и передалъ его старшему Канатчикову.

— Я никакого участія во всемъ этомъ не принималъ и съ вами на дуэли не былъ. Такъ желалъ покойный, и вамъ остается только исполнить его желаніе...

Подняли тѣло Воейкова и понесли его въ экипажъ...

VIII.

Оба брата Канатчиковы съ Крестовскаго отправились къ тогдашнему военному генераль-губернатору Эсену. Старикъ принялъ ихъ.

— Сейчасъ я убилъ на дуэли отставного подпоручика Воейкова!—доложилъ Канатчиковъ.—Моимъ секундантомъ былъ мой родной братъ, у моего противника не было секунданта, а убитый просилъ передъ смертью передать вашему превосходительству это письмо...

Эссенъ насупился, разорвалъ конвертъ и прочелъ вслухъ коротенькое письмо:

«Я убитъ на дуэли, свидѣтеля не имѣлъ. Воейковъ».

— Угу!.. не имѣлъ свидѣтеля... а мы поищемъ, можетъ быть, и найдемъ... Арестовать ихъ...

Обоихъ братьевъ арестовали и предали суду.

Несмотря на оставленное Воейковымъ письмо, были приняты мѣры къ разысканію секунданта убитаго, и власти безъ особеннаго труда напали на слѣдъ. Магницкій былъ также арестованъ и преданъ суду.

Судъ тянулся до начала 1834 года, и только 1-го февраля былъ представленъ государю докладъ объ обнаруженномъ на судѣ. Главный судъ отнесся строго ко всѣмъ участникамъ поединка и считалъ необходимымъ разжаловать старшаго Канатчикова въ рядовые съ лишеніемъ дворянства и съ церковнымъ поканіемъ; по отношенію къ младшему Канатчикову предлагалось примѣнить арестъ на гауптвахтѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, а по отношенію къ Магницкому «за недонесеніе и неупотребленіе средствъ къ примиренію»—шесть мѣсяцевъ крѣпости.

Николай I взглянулъ на дѣло иначе, и въ результатѣ наказанію былъ подвергнутъ только одинъ старшій Канатчиковъ. На высочайшей конфирмаціи значилось:

«Прапорщика Канатчикова, продержавъ мѣсяцъ на гауптвахтѣ, возвратить на службу».

Надо думать, что такое рѣшеніе должно было удовлетворить всѣхъ и въ особенности военное начальство, которое уже теперь не могло отказать Канатчикову въ принятіи на службу.

Не былъ удовлетворенъ только самъ Канатчиковъ, и причина понятна намъ, а образъ убитаго товарища не покидалъ его никогда.

V.

Польскій мятежникъ.

I.

У воротъ небольшого домика стояла кучка людей въ странныхъ одеждахъ...

Слышался смѣхъ, шутки. Кто-то кричалъ гнусавымъ голосомъ и прыгалъ на одной ногѣ.

Было холодно. Вѣтви деревьевъ, окутанныя снѣговымъ пухомъ, въ сумракѣ зимняго вечера казались фантастическими, сказочными созданіями, съ длинными, бѣлыми лапами, съ кудрявыми, взлохмаченными головами. Низенькіе домики, обледенѣлые, сонные и мол-

чаливые, прятались и пугливо тонули въ безбрежномъ пространствѣ снѣговъ...

А кучка людей въ странныхъ одеждахъ попрежнему стояла у воротъ небольшого домика и, повидимому, не собиралась уходить, несмотря ни на морозъ, ни на позднее время.

— Ряженые! ряженые! пустите ряженныхъ! — слышалось въ толпѣ.—Пустите ряженныхъ!.. Эй!..

Въ домикѣ показался огонекъ. Толпа оживилась, смѣхъ зазвенѣлъ громче, веселѣе...

— Уходите: никого дома нѣтъ, ушли все!—сказалъ кто-то за воротами.—Уходите!..

Гулко раздался этотъ голосъ въ морозномъ воздухѣ. Въ толпѣ послышались восклицанія, брань, насмѣшки, а за воротами прежній голосъ повторялъ съ досадою:

— Уходите, уходите... Дома только я да Чоткарма!.. Хозяева въ гости ушли!..

— А-а! Это ты, польская собака? Ну, и сиди со своимъ киргизомъ. Нехристи: ряженныхъ не пускаютъ. Пойдемте дальше, ребята! Здѣсь нехристи, поганцы, шляхетскія собаки!..

Толпа, шумная, пьяная, нахальная, двинулась впередъ. Залаяли псы, захрустѣлъ снѣгъ.

— Ну, это ты погоди! Рыломъ не вышель!—крикнулъ кто-то изъ толпы.—Въ своей Польшѣ себѣ ищи, а здѣсь и для насъ пригодятся. Думаетъ, что онъ—баринъ, а по-нашему—просто польскій бѣглець... И никто съ тобой знаться не хочетъ. Нехристь, погань!..

Въ отвѣтъ на эту брань быстро отворилась калитка. Въ ней показался солдатъ. Глаза его блестѣли, руки сжимались. Но толпа была уже далеко, и ея смѣхъ все еще продолжалъ висѣть и носиться въ морозномъ гулкомъ воздухѣ.

— Уждь, погодите, я вамъ покажу!—прошепталъ онъ, взглядываясь въ улицу, гдѣ затихали голоса.—Я вамъ всемъ покажу... мужики, кацапы!.. Покажу всемъ... Конечно, баринъ, да!..

Онъ постоялъ немного, подумалъ, потомъ заперъ ворота и пошелъ въ домъ.

Въ кухнѣ было темно. На печкѣ спала старая глухая Настасья, на лавкѣ лежалъ хмурый киргизъ Чоткарма и мурлыкалъ себѣ подъ носъ какую-то тягучую пѣсню.

— Это ты, Кохлевскій?—спросилъ киргизъ вошедшаго солдата, когда тотъ остановился на порогѣ кухни, ощупью добравшись до двери.

— Я,—отвѣтилъ Кохлевскій и сѣлъ на скамейку рядомъ съ киргизомъ.

— Кто тамъ приходилъ, зачѣмъ тамъ кричали?—спросилъ киргизъ, давая мѣсто солдату.

— Мужики, ряженные. Они пьяны, бранятся. Я прогналъ ихъ... Какъ я ненавижу ихъ!.. — тихо прошепталъ Кохлевскій, сжимая кулаки.—Какъ я ихъ ненавижу!..

— Привыкнешь,—невозмутимо отвѣтилъ киргизъ,—надо привыкнуть. У насъ всѣ ругаются...

— Грубые, наглые... Что имъ отъ меня нужно? что я имъ сдѣлалъ? за что?

— Всѣ ругаются!—продолжалъ Чоткарма.—А ты не сердись: ругаться будешь тоже...

Кохлевскій быстро поднялся съ лавки, сдѣлалъ въ темнотѣ нѣсколько шаговъ, наткнулся на табуретку и вернулся на прежнее мѣсто. Чоткарма молчаливо лежалъ.

— Они назвали меня польскимъ бѣглецомъ,—сказалъ Кохлевскій.—Но они лгутъ: я не бѣжалъ, нѣтъ. Но всѣ наши сдались, отдались. Иначе нельзя было поступить...

— Знаю,—отозвался равнодушно киргизъ,—ты мнѣ про это уже рассказывалъ!..

— Слушай, слушай, старикъ!.. Я тебѣ расскажу. Я расскажу тебѣ все, все...

И въ голосъ Кохлевскаго послышалась грусть, задрожали слезы. Чоткарма зѣвнулъ...

— Рассказывай! — проговорилъ онъ и повернулся на другой бокъ.

II.

— Они ненавидятъ меня, и я ненавижу ихъ! — тихо и злобно прошепталъ Кохлевскій.—Слушай. Давно это было, такъ давно, что я начинаю думать, не приснилось ли мнѣ все это, не выдумалъ ли я это самъ. Но когда я вспомню большіе, свѣтлые хоромы, которыхъ ты, Чоткарма, никогда не видалъ и видѣть не могъ; когда мнѣ вспоминаются чистые, блестящіе полы, красивые сады, прекрасныя, широкія улицы, огромные дома, тогда я думаю, что все это было, что я ничего не выдумалъ...

Кохлевскій помолчалъ, потомъ опустилъ голову на руки и продолжалъ:

— Я помню: было хорошее утро, ясное, тихое. Меня привезли въ школу. Хорошая, важная школа. Тамъ были одни паны, и я былъ панскій сынъ. Нашу школу звали кадетскимъ корпусомъ. Насъ плохо кормили, здорово сѣкли, но тамъ были одни панскія дѣти и не было мужиковъ. Меня привезъ въ школу мой отецъ. Онъ вернулся изъ-за границы. Онъ служилъ французамъ, дослужился до подполковника. Его всѣ уважали. Въ школѣ съ нимъ говорило начальство, пожимало ему руку. Я сталъ учиться, а отецъ поѣхалъ къ французамъ.

— Какъ воютъ собаки!—произнесъ разсѣянно Чоткарма.—За чѣмъ онѣ воютъ?

— Да, отецъ уѣхалъ къ французамъ,—продолжалъ Кохлевскій, не обращая вниманія на вопросъ киргиза.—А когда ко мнѣ пріѣхала потомъ мать, то она плакала и говорила, что отецъ умеръ, что я больше не буду учиться. Я былъ радъ и поѣхалъ съ матерью. А дома мы голодали, жили съ мужиками, научились браниться и говорить дурныя слова... А потомъ умерла и моя мать. Я плакалъ и не зналъ, что дѣлать. Мнѣ хотѣлось жить хорошо, по-пански, а мнѣ нечего было ѣсть. Потомъ мы захотѣли свободы, а русскіе не хотѣли давать намъ ее. И мы стали драться съ ними. Насъ побѣдили, взяли къ себѣ, прогнали изъ большихъ городовъ... И теперь я здѣсь, въ вашемъ маленькомъ, грязномъ городишкѣ, гдѣ нѣтъ ни одного пана, и гдѣ такъ много мужиковъ...

И Кохлевскій ясно услышалъ, какъ храпитъ на печкѣ Настасья, какъ рядомъ съ нимъ храпитъ измучившійся за день тяжелой работой Чоткарма.

— Эй, Чоткарма! Не спи: я тебѣ еще расскажу про себя. Послушай!—произнесъ солдатъ.

Но Чоткарма не слышалъ ничего и сладко спалъ на своемъ твердомъ ложѣ.

Кохлевскій посидѣлъ на скамейкѣ и, махнувъ рукою, поднялся и пошелъ въ горницу.

Тамъ было темно, какъ и на кухнѣ, только въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ тихо свѣтилась лампадка. Кохлевскій пошелъ было туда, но у воротъ раздался нетерпѣливый стукъ, который заставилъ его вернуться въ кухню, разбудить Чоткарму и сказать ему:

— Хозяева вернулись!.. Слышишь, стучатся!.. Иди отворять...

III.

Чоткарма, пожимаясь отъ холода, пошелъ во дворъ. Кохлевскій легъ на лавку.

Онъ слышалъ, какъ въ горницу вошелъ самъ хозяинъ дома—старикъ Ушаковъ, какъ онъ чинно и спокойно выбранилъ Чоткарму за то, что онъ долго не отворялъ калитку, какъ суетливо шмыгнула въ дверь хозяйка—жена Ушакова, и какъ весело разсмѣялась чему-то Даша, хозяйская дочь. Кохлевскій лежалъ съ открытыми глазами и прислушивался къ шуму въ горницахъ. Потомъ въ кухню вернулся Чоткарма, легъ на скамейку и мгновенно заснулъ.

Кохлевскій лежалъ, а рядомъ за стѣною слышался смѣхъ Даши и степенный голосъ ея отца. Мать по обыкновенію молчала и только усиленно вздыхала.

И чѣмъ звонче звучалъ Дашинъ смѣхъ, тѣмъ веселѣе становилось на сердцѣ у Кохлевскаго, и тѣмъ дальше уходило отъ него чувство недавней обиды.

— Милая моя,—думалъ Кохлевскій, прислушиваясь къ голосу Даши,—ты меня поймешь... Мнѣ больше ничего и не надо. А какъ я буду тебя любить, какими ласками я окружу тебя. Мы будемъ жить не такъ, какъ живутъ всѣ здѣшніе мужики. Я научу тебя многому, ты будешь читать книги, хорошія книги, ты не будешь похожа на другихъ... И какъ я люблю тебя! Если бы ты это могла понять, ты не стала бы смѣяться надъ моею любовью...

Вспомнился Кохлевскому тотъ день, когда онъ впервые пріѣхалъ въ этотъ городъ. Изъ далекой Польши его привезли сюда, въ грязный, вонючій Троицкъ. И скоро изъ польскаго мятежника онъ превратился въ рядового оренбургскаго линейнаго баталіона.

Уже около двухъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ сюда. И пока онъ былъ на постой у стараго, почти умирающаго сапожника, онъ чувствовалъ необыкновенную тоску, и нѣсколько разъ ему приходило на мысль покончить съ собою.

Но вотъ умеръ старый сапожникъ, и Кохлевскаго перевели на постой къ Ушакову.

Самъ Ушаковъ, его жена и дочь ласково приняли постояльца, и Кохлевскій, встрѣтивъ въ хозяевахъ участіе, пересталъ тосковать, а тамъ хорошенькая Даша приглянулась ему и совершенно завладѣла имъ.

Сколько разъ порывался Кохлевскій сказать ей объ этомъ, да что-то мѣшало ему. Даша все видѣла, все понимала, но едва лишь она замѣчала, что Кохлевскій хочетъ ей сказать о своемъ чувствѣ, она заливалась громкимъ смѣхомъ и убѣгала.

Кохлевскій лежалъ и не могъ заснуть. Близость Даши волновала его.

Скоро въ домѣ погасли огни, замолкъ Дашинъ смѣхъ, и только въ тишинѣ можно было уловить ухомъ отдѣльныя слова, степенно и тихо произносимыя Ушаковымъ.

— Нечего дѣвкѣ болтаться,—говорилъ Ушаковъ,—пора ужъ... Не маленькая... Нечего засиживаться. Пока молода, и женихи хороши, а то пойдутъ разные...

Кохлевскій приподнялся на локтѣ и весь обратился въ слухъ. Но Чоткарма громко храпѣлъ, и этотъ храпъ мѣшалъ слушать ему.

— Чиновникъ... доходы хорошіе... нечего зѣвать... кого другого найдешь здѣсь?...—слышалось изъ хозяйской спальни.

А потомъ затихъ громкій храпъ киргиза, и въ хозяйской спальнѣ не было уже слышно голосовъ. Кохлевскій сѣлъ на лавку и почувствовалъ, что у него на лбу выступили холодныя, крупныя капли пота, а сердце учащенно забилось, словно въ испугѣ.

— Что это?—подумалъ онъ.—Замужъ? Быть можетъ, уже со-
сватали? Нѣтъ, нѣтъ...

Онъ опять легъ, но заснуть было нельзя: не закрывались глаза,
и сильно колотилось въ вискахъ. Бѣжали мысли, и зрѣло какое-то
рѣшеніе...

IV.

Чоткарма проснулся рано. Онъ вычистилъ лошадь, заложилъ
сани, одѣлся тепло и сталъ дожидаться хозяина. Тотъ проснулся
и, пока еще всѣ въ домѣ спали, уѣхалъ съ киргизомъ.

Кохлевскій всталъ. Онъ долго сидѣлъ на своей лавкѣ и слѣ-
дилъ за движеніями старой ворчливой Настасьи. Потомъ она ушла
въ комнаты и разбудила женщинъ.

Слышно было, какъ стала позѣвывать хозяйка, какъ долго от-
бивалась Даша отъ назойливыхъ приставаній Настасьи. А Кохлев-
скій сидѣлъ и ждалъ.

Отворилась дверь, и въ ней показалась заспанная Даша съ
полотенцемъ въ рукахъ.

Было еще темно. Огарокъ свѣчки чадилъ и мигалъ поделѣпо-
ватымъ свѣтомъ.

— Здравствуйте, Дашенька!—сказалъ Кохлевскій, не вставая
съ лавки.

Даша кивнула ему головой, подошла къ умывальнику и стала
полоскаться.

И пока она умывалась, разливая воду по полу и по лавкѣ,
Кохлевскій, не вставая со своего мѣста и не спуская глазъ съ
Даши, тихо говорилъ ей:

— Я не спалъ всю ночь, дорогая моя, хорошая! Я не могу,
не хочу больше ждать. Скажи мнѣ, скажи, что я могу надѣяться.
Если бы ты знала, какъ я измучился, изстрадался!..

Даша лукаво поглядѣла на него, залилась звонкимъ смѣхомъ,
покачала головой.

— Умылся бы раньше!—проговорила она.—Ишь неумытый
какой, а тоже лѣзетъ...

— Дашенька, скажите мнѣ, скажите!—шепталъ Кохлевскій, не
отрывая глазъ отъ Даши.

— Что сказать-то? Надѣяться всякому можно. На то и дѣвка,
чтобы всѣмъ обѣщать...

И въ этихъ словахъ Кохлевскій почувствовалъ что-то хорошее
для себя.

— Можно надѣяться? правда? не шутишь?—задыхаясь шепнулъ
Кохлевскій и всталъ.

Даша засмѣялась и выбѣжала изъ кухни, чуть не сваливъ съ
ногъ входившую Настасью... А Кохлевскій стоялъ въ какомъ-то
восторгѣ, и радостная улыбка не сходила съ его измятаго лица.

Потомъ онъ пришелъ въ себя, одѣлся по формѣ и вышелъ изъ дома. Начиналось утро...

До казармы было недалеко. Солдаты уже собирались на ученье, и въ воздухѣ носился ихъ говоръ и смѣхъ. Кохлевскій вошелъ въ казарму и остановился у входа.

— Когда придетъ ротный?—спросилъ онъ у унтеръ-офицера.— У меня къ нему дѣло есть...

— Чего захотѣлъ! ротнаго!—удивился унтеръ.—Да онъ теперь небось безъ заднихъ ногъ валается. Они вчера съ батальоннымъ куда-то уѣзжали, а вернулись недавно...

— Мнѣ бы ротнаго повидать, по дѣлу. У меня есть дѣло къ нему!—сказалъ Кохлевскій.

— Ступай къ нему, если хочешь. А только его сегодня въ казарму не жди: пьянъ!..

Кохлевскій повернулся и пошелъ обратно къ городу, гдѣ уже начиналась жизнь.

V.

Унтеръ-офицеръ ошибся: ротный не спалъ. У него въ гостяхъ сидѣлъ батальонный и тянулъ тоскливыя пѣсни пьянымъ голосомъ. На столѣ стояли бутылки, огурцы...

Денщикъ не хотѣлъ докладывать ротному о приходѣ Кохлевскаго, но, на его счастье, въ прихожую вышелъ самъ ротный и увидѣлъ Кохлевскаго.

— Тебѣ что надо?—спросилъ ротный.—Я сегодня боленъ и въ роту не пойду.

— По своему частному дѣлу къ вашему благородію,—отвѣтилъ солдатъ тихо.

— А, это ты, польскій мятежникъ. Ну, пойдемъ въ горницу. Скажешь, что надо.

Въ комнатѣ было накурено, грязно и душно. Батальонный, по видимому, не сознавалъ окружающаго и тянулъ свою пѣсню, положивъ голову на руки.

— Господинъ майоръ, — крикнулъ ротный, — видѣли нашего польскаго мятежника?

Майоръ ничего не слышалъ и ни на что не обращалъ вниманія, какъ будто вокругъ него никого и ничего не было. Но ротный не унимался и продолжалъ говорить, не обращаясь къ нему.

— Рекомендую: польскій мятежникъ, сынъ подполковника французской арміи, бывшій кадетъ Калишскаго кадетскаго корпуса, а нынѣ рядовой ввѣренной мнѣ роты. Слышите?

Отвѣтомъ ему была та же старая, пьяная, тоскливая пѣсня батальоннаго.

— Что скажешь мнѣ, бывшій кадетъ и сынъ подполковника?—спросилъ ротный.—Но только помни, что теперь ты—не подполковничій, а собачій сынъ. Понялъ? Ну, помни это!..

Кохлевскаго передернуло отъ любезности ротнаго командира, но онъ удержался.

— Позвольте просить вашего содѣйствія!—сказалъ Кохлевскій.— Мнѣ это такъ нужно!

— Позволяю, проси, только помни: ни отпуска, ни денегъ не дамъ. Понялъ?

— Ваше благородіе, мнѣ нужно другое!—отвѣтилъ Кохлевскій.— Позвольте вамъ доложить, что я состою на постоѣ у здѣшняго, троицкаго мѣщанина Ушакова, торговца...

— Знаю. Этого ты могъ и не докладывать,—проговорилъ лѣнливо ротный.

— У него, у Ушакова, есть жена и дочь, Даша. Давно уже я полюбилъ ее и хочу просить разрѣшить мнѣ вступить съ нею въ бракъ. Вотъ я и пришелъ просить васъ...

— Въ посаженные отцы? Это я могу, и даже съ удовольствіемъ!—вскликнулъ ротный.

— Нѣтъ, не въ отцы, — въ замѣшательствѣ прошепталъ Кохлевскій.—Я хотѣлъ просить ваше благородіе поговорить съ ея отцомъ. Человѣкъ онъ богатый, важный. А они все не вѣрятъ мнѣ, что я—дворянинъ, что я — хорошей крови. Они думаютъ, что я такой же мужикъ, какъ и все они. Вотъ я и прошу васъ похлопотать за меня. Васъ они послушаютъ!..

— Гм... ладно!—въ раздумѣ произнесъ ротный.—Сегодня же пойду твоимъ сватомъ!

— Сдѣлайте милость. Самъ Ушаковъ не раньше вечера вернется!—сказалъ Кохлевскій.

— Ладно. Вмѣстѣ съ майоромъ пойдемъ, если только майоръ до тѣхъ поръ проспится.

— Будьте отцомъ роднымъ, заставьте за васъ Бога молить... Будьте отцомъ...

— Ладно. Буду и роднымъ, и посаженнымъ, и разрѣшеніе на свадьбу даю. Ступай, жди!..

Кохлевскій вышелъ изъ квартиры ротнаго командира и направился къ дому.

Ему было весело, хотѣлось смѣяться, прыгать. Встрѣчались сумрачные киргизы, и Кохлевскому казалось страннымъ, какъ можно было хмуриться и сердиться...

VI.

Когда воротился хозяинъ, и Чоткарма принялся за обѣдъ, Кохлевскій ушелъ изъ дома.

Онъ пошелъ въ поле, гдѣ лежалъ рыхлый, пушистый снѣгъ по обѣимъ сторонамъ почернѣвшей дороги. И долго бродилъ онъ, весь полный ожиданія и какого-то смутнаго предчувствія. Какъ-то

странно сжималось сердце, подгибались ноги, затуманивались глаза.

Онъ зналъ, что теперь въ домѣ Ушаковыхъ сидитъ ротный командиръ и своимъ грубымъ голосомъ объясняетъ степенному и молчаливому хозяину цѣль своего посѣщенія.

— Онъ согласится. Онъ не можетъ не согласиться! — думалъ Кохлевскій.

И передъ нимъ вставалъ образъ Даши, изящной, гибкой, стройной, какою она была всегда.

— Я—дворянинъ, она станетъ дворянкой. Мы заживемъ не поихнему,—продолжалъ мечтать Кохлевскій. — Я выйду со службы, увезу ее къ себѣ въ Польшу. Заживемъ...

Потомъ зажглись звѣзды, и Кохлевскій медленно пошелъ назадъ въ городъ.

Проходя мимо командирской квартиры, онъ замѣтилъ въ ней свѣтъ, услышалъ голоса.

— Что это? — подумалъ онъ. — Неужели уже вернулся? Такъ скоро? Не можетъ быть.

Онъ быстро пошелъ къ своему дому. У воротъ стоялъ равнодушный Чоткарма.

— Чоткарма... У насъ былъ ктонибудь?—спросилъ Кохлевскій взволнованнымъ голосомъ.

— Былъ,—отвѣтилъ киргизъ.—Два были, тебя ругали, замужъ Дашу выдавали...

— За что ругали? за кого замужъ? Я ничего не понимаю!—лепеталъ Кохлевскій.

— А офицеръ велѣлъ тебя къ нему послать, тогда ты поймешь!—отвѣтилъ Чоткарма.

Кохлевскій хотѣлъ было пройти въ домъ, но Чоткарма загородилъ ему дорогу.

— Иди къ офицеру понимать. Не велѣлъ тебя домой пущать. Къ нему иди.

Кохлевскій растерянно пошелъ къ командирскому дому, а Чоткарма глядѣлъ издали.

— Ты—настоящій собачій сынъ!—накинулся на него командиръ, едва лишь онъ переступилъ порогъ его квартиры, гдѣ пьяный баталіонный сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ.—Настоящій собачій, а не подполковничій. Что жъ ты мнѣ говорилъ? а? Зачѣмъ ты меня посылалъ? Вѣдь, она просватана, шляхетскій песь, просватана!..

— Просватана?—воскликнулъ Кохлевскій, и инстинктивно схватился рукою за дверь, чтобы не упасть.—Просватана? Я не зналъ объ этомъ, ничего не зналъ... Виноватъ!..

— Я ему о тебѣ, а онъ мнѣ о женихѣ своей дочери, — продолжалъ командиръ. — Нашли они ей какого-то таможеннаго чиновника и вчера еще рѣшили отдать ее за него замужъ.

— Вчера? рѣшили? А зачѣмъ же она мнѣ не сказала этого? зачѣмъ?—шепталъ солдатъ.

— Хотѣлъ я тебя, подполковничьяго сына, подъ арестъ посадить, да вижу, что ты дуракъ и не умѣешь своихъ дѣлъ обдѣлывать... А дѣвчонка не дурна... Пошелъ вонъ...

Кохлевскій вышелъ, понуривъ голову. И у него уже не было больше надеждъ.

У воротъ дома попрежнему стоялъ Чоткарма и курилъ трубку. Самъ Ушаковъ былъ во дворѣ и возился надъ какимъ-то полѣномъ. Кохлевскій подошелъ къ нему.

— Хозяинъ, извините!—проговорилъ онъ, останавливаясь близъ него.—Я не зналъ!..

— Да, братъ, просватали еще вчерась,—отвѣтилъ Ушаковъ.— За чиновника выдаемъ, за дворянина тоже... Онъ тутъ въ тамождѣ служить. Смольяниновъ,—слыхалъ?

— Этотъ? пьяница? — воскликнулъ Кохлевскій упавшимъ голосомъ.

— Пьяница! у насъ всѣ пьютъ,—возразилъ Ушаковъ.—пей, да дѣло разумѣй, по русской пословицѣ. Вчерась уже все дѣло рѣшили. Такъ ты не прогнѣвайся. Твой ротный сказываетъ, что ты изъ знатнаго польскаго рода. Пріятно это, конечно. Только и мы не за простаго мужика ее выдаемъ, за чиновника, да еще за русскаго. Такъ-то...

— А она? Даша? вы ее спрашивали? — выкрикнулъ Кохлевскій и испугался своего голоса.

— Не безъ того,—проговорилъ хозяинъ и медленно пошелъ къ дому.—Не безъ того!..

Кохлевскій двинулся за нимъ. Онъ былъ, какъ въ чаду, и не могъ говорить.

Хозяинъ также медленно вошелъ въ домъ, вытеръ ноги о рогожу и скрылся въ горницѣ, откуда слышался звонкій, веселый голосъ Даши и ровное сопѣніе ея матери.

Кохлевскій пришелъ въ себя на порогѣ горницы. Онъ остановился и оглядѣлся.

— Шапку-то сыми, въ горницѣ, небось, тутъ образа есть!—сказалъ кто-то ему.

Солдатъ снялъ фуражку, увидѣлъ лукавое личико Даши. Она смотрѣла прямо на него.

— Даша, Даша! Зачѣмъ же не сказала правду? Зачѣмъ ты не сказала?—проговорилъ Кохлевскій, и вдругъ судорожныя рыданія схватили его горло, словно клещами.

VII.

— Большой такой, а плачетъ. Мужчина не долженъ плакать!— укоризненно говорилъ Чоткарма, грубо укутывая Кохлевскаго въ въ одѣяло.—Ужъ двѣ недѣли прошло, какъ узналъ, а все еще плачешь. Солдатъ не плачетъ, онъ не умѣетъ плакать, солдатъ дерется...

А Кохлевскій попрежнему продолжалъ лежать на своей лавкѣ и рыдалъ, какъ дитя.

Хозяевъ опять не было дома, опять глухая Настасья спала, какъ убитая, на печкѣ, и только одинъ Чоткарма могъ слышать, какъ плачетъ солдатъ. И онъ плакалъ.

— Слушай, ты, баба!—продолжалъ киргизъ.—Если бы у меня была веревка, я сталъ бы колотить тебя ею за то, что ты плачешь. Слушай: разъ одинъ киргизъ полюбилъ бабу, а баба не полюбила киргиза. И киргизъ взялъ ножъ и зарѣзалъ бабу. Онъ не плакалъ, онъ взялъ ножъ и пошелъ къ ней. И баба умерла. А ты... Двѣ недѣли реветъ, какъ младенецъ. Тебя не за что любить, плаксивыя бабы не любятъ плаксъ. У меня есть ножъ. Видишь? Въ немъ два аршина длины, онъ острый, надежный, съ нимъ не пропадешь. Онъ всегда лежитъ у меня подъ кроватью. А плакать не хорошо, стыдно... Завтра хозяева устраиваютъ праздникъ, будутъ гости, будетъ женихъ. А ты плачь, плачь!.. Курица... Такихъ не любятъ!...

Потомъ Чоткарма легъ на свою скамейку и замолчалъ, а Кохлевскій продолжалъ плакать. И его плачъ сливался съ храпомъ глухой Настасьи.

Поздно ночью вернулись хозяева. Имъ отворилъ Кохлевскій. И прежде, чѣмъ Даша успѣла войти въ сѣни, онъ схватилъ ее за руку и тихо проговорилъ, наклоняясь къ ней:

— Милая моя, не ходи за него, не надо! Я люблю тебя, буду беречь тебя. Не ходи...

— Ты съ ума сошелъ!—вскрикнула испуганно Даша, вырывая у него свою руку.

— Я знаю: завтра у васъ будутъ гости, будетъ твоя помолвка. Умоляю тебя: не ходи, пожалѣй меня и себя. Моя дорогая, милая, пожалѣй меня.

Даша вырвала свою руку и бросилась въ горницу, дрожа отъ охватившаго ее страха.

Кохлевскій еще долго стоялъ на дворѣ и глядѣлъ въ синее небо... Морозило...

— Ушла, не отвѣтила,—прошепталъ онъ,— не любить. Тогда я знаю, что дѣлать...

VIII.

Весь вечеръ гости не уходили изъ дома Ушаковыхъ. Хозяева звали къ себѣ и Кохлевскаго, но тотъ не пошелъ и оставался все время въ кухнѣ.

Чоткарма былъ пьянъ, Настасья все ворчала и сердилась на хозяйку и безпрестанно бѣгала изъ кухни въ горницу, подавая разные блюда.

Женихъ пришелъ позже всѣхъ. Самъ старикъ Ушаковъ обнялъ его и посадилъ въ передній уголъ. Даша сѣла рядомъ съ нимъ у стола, и улыбка не сходила съ ея лица.

Уже поздно въ кухню вышелъ хозяинъ и заплетающимся языкомъ проговорилъ:

— Погляди, солдатикъ, на жениха. Чѣмъ онъ хуже тебя? Тоже дворянинъ, баринъ, видный...

Кохлевскій ничего ему не отвѣтилъ и сталъ ходить по кухнѣ быстро и нервно.

— А ты не сердись, — продолжалъ хозяинъ, — на это дѣло нельзя сердиться. Дѣло полюбовное, не желаю дѣвку принуждать: за кого хочеть, за того и идетъ. Иди, выпей!..

Пили за здоровье хозяевъ, за здоровье помолвленныхъ, за здоровье гостей.

И всѣ были пьяны, крикливы, грубы. Женихъ нагло обнималъ невѣсту и чмокалъ ее въ щеку. И у Кохлевскаго больно сжималось сердце при каждомъ звукѣ поцѣлуя, при каждомъ взрывѣ пьянаго хохота гостей, кричавшихъ безъ конца:

— Горько, чиновникъ, горько! Цѣлуй послаще, не скупись! Загодя-то оно слаще!..

— Чоткарма, Чоткарма, что они дѣлаютъ? — говорилъ Кохлевскій, толкая заснувшаго киргиза. — Чоткарма, что мнѣ дѣлать? куда уйти мнѣ? Чоткарма, я не могу слышать...

Но Чоткарма спалъ и не могъ проснуться. А солдатъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, и слезы сами катились изъ его глазъ быстро, одна за другою.

— Ты бы, касатикъ, пошелъ, выпилъ бы! — проговорила Настасья, замѣтивъ эти слезы. — Оно, горе-то твое, и прошло бы, какъ рукою сняло бы... Поди, выпей!..

Кохлевскій пошелъ. Онъ рванулъ дверь и замеръ на порогѣ: въ переднемъ углу сидѣла Даша и рукою нѣжно проводила по волосамъ жениха.

— А служивый! — крикнулъ хозяинъ. — Выпей! Наливайте ему: онъ хочеть поздравить!..

И пока Ушаковъ успѣлъ дотянуться до графина, въ комнатѣ уже не оставалось Кохлевскаго. Онъ выбѣжалъ на улицу и крикнулъ громко, сильно, крикнулъ какой-то звукъ...

Потомъ онъ пошелъ впередъ, не зная куда, и когда оглянулся, то городъ темнѣлъ гдѣ-то далеко, такъ что собачій лай долеталъ еле слышными, глухими отзвуками...

Потомъ Кохлевскій пошелъ назадъ. Шелъ онъ тихо, долго, желая продлить время.

Мелькнула знакомая улица, приглядѣвшіеся заборы, дома. И вездѣ было тихо, только гдѣ-то въ сторонѣ раздавались человѣческіе голоса. И онъ пошелъ на голоса.

Это возвращались отъ Ушаковыхъ гости. Шелъ женихъ, пошатываясь брели какіе-то люди. Они кричали и будили сонныхъ псовъ въ подворотняхъ.

Кохлевскій пошелъ за ними. Онъ слышалъ смѣхъ, говоръ, шутки и все шелъ.

Вотъ остановилась толпа у казеннаго зданія, и кто-то скрылся въ воротахъ.

Кохлевскій выждалъ и, когда толпа удалилась отъ дома, пошелъ въ тѣ же ворота.

— Кто тутъ? — спросилъ его сторожъ, кутаясь въ зипунъ. — Кого надо тутъ?

— Свои! — отвѣтилъ Кохлевскій и быстро скрылся въ дверяхъ дома.

IX.

Коллежскій регистраторъ Смольяниновъ не успѣлъ еще снять съ себя пальто, какъ отворилась дверь, и въ ней показалось смущенное лицо Кохлевскаго.

— Тебѣ тутъ что надо? — спросилъ Смольяниновъ, недоумѣвающе глядя на солдата.

Кохлевскій, не отвѣтивъ ему на вопросъ, подошелъ къ нему вплотную и прошепталъ:

— Ты отнял у меня все, ты взялъ мою Дашу. Я ненавижу тебя, проклятый!..

— Ну, ты не ругайся. Ишь тоже... — испуганно проговорилъ Смольяниновъ и отступилъ назадъ, въ глубь комнаты. — Я тебя не звалъ, уходи отсюда, а то сторожей разбуджу!..

— Испугался?! Не бойся, я тебѣ ничего не сдѣлаю. Слушай ты, дворянинъ! Если ты настоящій дворянинъ, если въ тебѣ течетъ благородная, а не мужицкая кровь, то ты мнѣ долженъ дать удовлетвореніе. Понимаешь ты это слово? Я тебя вызываю. Понялъ?

— Чего это ты сердишься? — ухмыльнулся Смольяниновъ. — Я тебѣ ничего не сдѣлалъ, а ты ко мнѣ пристаешь. Какое тебѣ удовлетвореніе надо? Ничего я у тебя не отнималъ, не бралъ. За Дашу посватался, такъ я не виноватъ, что она меня, а не тебя выбрала...

— Слушай: я самъ дворянинъ. Въ нашей землѣ за оскорбленіе платятъ оскорбленіемъ, за обиду — обидой. Я тебѣ говорю, что я

люблю Дашу, ты всталъ на моей дорогѣ, она полюбила бы меня... Давай драться. Ты выберешь оружіе, назначишь мнѣ время, и мы рѣшимъ нашъ споръ на оружіи. Поставимъ условіе: драться до смерти одного изъ насъ...

Смоляниновъ глядѣлъ на Кохлевскаго испуганными глазами и молчалъ.

— Говори же мнѣ, отвѣчай, — продолжалъ Кохлевскій возбужденнымъ голосомъ. — Я тебѣ предлагаю въ послѣдній разъ, иначе я застрѣлю тебя изъ-за угла. Согласенъ?

Чиновникъ растерялъ свой хмель и все дальше отступалъ отъ Кохлевскаго.

— Давай секундантовъ, они будутъ нашими посредниками, они рѣшатъ. А то давай бросимъ жребій, и одинъ изъ насъ долженъ будетъ тогда покончить съ собою. Согласенъ?

И вдругъ случилось то, чего никакъ не могъ ожидать Кохлевскій: чиновникъ бросился вонъ изъ комнаты съ крикомъ, въ ужасѣ, боясь погони солдата.

Кохлевскій постоялъ немного и засмѣялся дикимъ смѣхомъ. Въ темнотѣ онъ отворилъ дверь и вышелъ на улицу мимо спящаго сторожа. Вездѣ было тихо и сонно.

— Теперь мнѣ уже ничего, ничего не надо. Все кончено, все сдѣлано! — говорилъ онъ, проходя пустынными, мертвыми улицами. — И ему не надо, не надо... А я такъ хотѣлъ сдѣлать ее счастливою. Не надо, все кончилось!.. Теперь не надо...

Безсвязно бормоча, онъ пришелъ домой, ворота были не заперты, въ домѣ слышались голоса, свѣтились огни. Онъ вошелъ, сѣлъ на свою скамейку и расхохотался.

— Чоткарма, Чоткарма! Гдѣ твой ножъ? Эй, Чоткарма, проснись, дѣло есть.

Киргизъ спалъ. Кохлевскій повернулъ его на бокъ, просунулъ подъ тюфякъ руку, нащупалъ ножъ и вытащилъ его.

— Ничего... все хорошо. Настасья, все хорошо! — крикнулъ онъ дремавшей на табуретѣ Настасьѣ и потушилъ въ кухнѣ огонь.

Рядомъ въ комнатѣ Даша смѣялась. У нея оставались подруги, и всѣ онѣ съ визгомъ и крикомъ стлали себѣ постели на ночь... А тамъ скоро затихли голоса, и весь домъ замолкъ въ тяжеломъ, непривычно позднемъ снѣ. А Кохлевскій сидѣлъ на лавкѣ и улыбался... Потомъ онъ всталъ и неслышно пошелъ въ горницы...

X.

У самой двери на стулѣ сидѣлъ Ушаковъ и тяжело храпѣлъ. Кохлевскій миновалъ его, миновалъ неприбранный столъ съ остатками пиршества, миновалъ хозяйскую спальню и остановился на порогѣ Дашиной комнаты.

Было темно, и въ темнотѣ нельзя было разглядѣть лицъ. Въ комнатѣ, вмѣстѣ съ Дашей, спали еще двѣ дѣвушки. И Кохлевскій сталъ прислушиваться къ ихъ дыханью.

— Ставни... Зачѣмъ затворены ставни? Ничего не видно!—подумалъ онъ.—Какъ бы не ошибиться... темно... темно!..

Послышался вздохъ, кто-то повернулся на другой бокъ, и опять все стихло.

Кохлевскій громко захохоталъ, бросился впередъ, крѣпко сжавъ ножъ киргиза...

— Кто тутъ? Ай... Меня убиваютъ... Больно. Спасите, спасите!—кричала Даша, чувствуя, какъ впивается въ тѣло длинный, хорошо отточенный киргизскій ножъ.—Спасите!..

Изъ сосѣдней комнаты со свѣчей въ рукахъ прибѣжала мать. Она вскрикнула, схватила Кохлевскаго за руку. Свѣтъ скользнулъ по одѣялу, по простынѣ.

— Убилъ, убилъ!—вопила мать, обнимая Дашу.—Убилъ, разбойникъ! Держите его!

Кохлевскій выпустилъ изъ рукъ ножъ и грузно опустился на скамью.

Подруги Даши быстро выбѣжали изъ комнаты... Стали собираться люди. Пришелъ отецъ.

Блѣдный, съ испариной на лбу, сидѣлъ Кохлевскій и смотрѣлъ на Дашу. Ни на одинъ вопросъ, обращенный къ нему, онъ не отвѣтилъ, и только когда его привели на гауптвахту, и караульный офицеръ коротко спросилъ его о случившемся, онъ прошепталъ:

— Не я виноватъ. Она сама хотѣла того...

А въ домѣ Ушаковыхъ надъ ранами Даши хлопоталъ уже призванный лѣкарь.

... Надъ Кохлевскимъ нарядили судъ. Выяснилось, что онъ вызвалъ на дуэль чиновника Смольянинова, что онъ взялъ у Чоткармы ножъ.

А тѣмъ временемъ Даша лежала почти безъ сознанія. Сначала лѣкарь увѣрялъ, что четыре раны, которыя были нанесены ей Кохлевскимъ,—не опасны, что имѣется полная надежда на выздоровленіе; но потомъ ухудшеніе пошло быстро, замѣтно, и скоро она умерла... Ее похоронили, а надъ Кохлевскимъ все еще тянулся судъ.

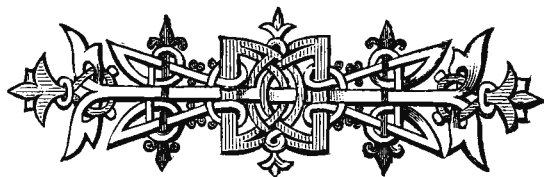
Прошло болѣе двухъ лѣтъ послѣ описаннаго случая, но слѣдователи не слѣдшили съ окончаніемъ дѣла. Наконецъ, всѣ процессуальныя формальности были исчерпаны.

Кохлевскій, какъ дворянинъ, по законамъ той эпохи, не могъ быть подвергнутъ наказанію безъ утвержденія приговора государемъ. Въ верховномъ судилищѣ былъ составленъ докладъ и представленъ на высочайшую конфирмацію.

По резолюціи Николая I, данной 20-го мая 1838 года въ Берлинѣ, Кохлевскій былъ присужденъ къ тяжелому наказанію: онъ былъ лишенъ дворянства и сосланъ въ каторжную работу.

Н. И. Фалѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

«СВОБОДОДѢЙСТВУЮЩІЕ» ВОСЬМИДЕСЯТНИКИ¹⁾.

СЛОВО «свобододѣйствующіе» — неологизмъ самаго послѣдняго времени, однако я не рискую впасть въ ошибку, если скажу, что понятіе, или, вѣрнѣе, явленіе, обозначаемое этимъ словомъ, существовало еще въ эпоху 80-хъ годовъ. Такъ, вскорѣ послѣ введенія въ дѣйствіе новаго университетскаго устава среди московскихъ студентовъ, главнымъ образомъ, юристовъ-первокурсниковъ, образовалась группа лицъ, которыя, замкнувшись въ свой тѣсный кружокъ, держали себя вызывающимъ образомъ по отношенію къ остальнымъ товарищамъ, относились къ нимъ съ высокоумнымъ пренебреженіемъ, почти презрительно. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ богатымъ купеческимъ семьямъ, кое-кто даже къ высшему аристократическому кругу. То были, по большей части; «матушкины сынки», исковерканные свѣтскимъ воспитаніемъ, самовлюбленные Нарциссы, неизвѣстно зачѣмъ поступавшіе въ университетъ, во всякомъ случаѣ не для изученія высшей науки. Большинство изъ нихъ ровно ничего не дѣлало, лишь жуировало напрапалую, щеголяя въ театрахъ, клубахъ и разныхъ общественныхъ собраніяхъ своими новенькими съ иголки мундирчиками, а на улицахъ — «николаевскими» шинелями. Кстати сказать, эти шинели, въ послѣдствіи совсѣмъ вышедшія изъ употребленія, были предметомъ ихъ особенной гордости. «Представьте, — говорилъ одинъ изъ нихъ, са-

¹⁾ См. мою статью «Первые шаги» въ февральской книгѣ «Историческаго Вѣстника».
Авторъ.

модовольно хихикая,—за офицера принимаютъ, въ особенности вечеромъ: солдаты и городовые такъ и козыряютъ!» И лицо юноши сіяло неподдѣльной радостью.

На лекціяхъ эти господа бывали рѣдко, и то только у «благодаренныхъ» профессоровъ, къ которымъ они, въ качествѣ самозванныхъ охранителей, питали даже своего рода нѣжность. Такъ, у профессора римскаго права Н. П. Боголѣпова всегда можно было видѣть на лекціи нѣсколько чистенькихъ, изящно одѣтыхъ студентовъ, неизмѣнно сидѣвшихъ въ первомъ ряду, съ почтительнымъ вниманіемъ смотрѣвшихъ профессору въ ротъ и подъ медленные, протяжные звуки римскихъ юридическихъ формулъ добросовѣстно заносившихъ въ свои тетрадки... римскіе профили.

Зато у этой группы студентовъ далеко не пользовались фаворомъ либеральные профессора, которыхъ они всячески старались игнорировать, не посѣщали ихъ лекцій, какъ общее правило (исключенія допускались лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ!), и никогда не кланялись имъ при встрѣчѣ. Мало того, протестъ противъ несимпатичнаго имъ профессорскаго «направленія» они выражали иногда и въ болѣе осязательной формѣ. Напримѣръ, однажды, придя на лекцію М. М. Ковалевскаго въ количествѣ пяти-шести человекъ, они, усѣвшись въ рядъ, принялись такъ громко кашлять и чихать, что многихъ словъ профессора совсѣмъ невозможно было слышать. М. М. нѣсколько разъ довольно недружелюбно взглядывалъ на странно ведущую себя группу щегольски одѣтыхъ студентовъ и пожималъ плечами, но они не унимались. Наконецъ, когда уже стали раздаваться съ разныхъ сторонъ негодующіе возгласы: «Вонъ, вонъ отсюда! Негодяи!»—демонстранты опомнились. Одинъ изъ нихъ, нѣкто К—скій, тотчасъ же всталъ и, нагло улыбаясь, вышелъ изъ аудиторіи, а вслѣдъ за нимъ потянулась и остальная компанія.

К—скій былъ лидеромъ своей партіи. Но онъ вліялъ на товарищей не умомъ или нравственными качествами,—то и другое у него отсутствовало,—а исключительно богатствомъ и связями. Одни подлаживались къ нему потому, что частенько кутили на его счетъ и брали у него деньги взаймы, разумѣется, никогда ихъ не отдавая, другіе мечтали со временемъ устроить черезъ него свою карьеру, и на этомъ основаніи спѣшили записаться къ нему въ преданные и послушные друзья. Партія всячески старалась ему льстить и угождать, а К—скій важничалъ, не на шутку воображая себя настоящей величиною, съ которой необходимо считаться рѣшительно всѣмъ, даже университетскому начальству. Послѣднему онъ какъ-то умѣлъ импонировать, благодаря, можетъ быть, своему ухарски-развязному виду, веселому, раскатистому смѣху, нагло прищуреннымъ глазамъ и бойкому, чисто хлестаковскому вранью.

Дѣйствительно, съ инспекціей К—скій держалъ себя за панибрата, а педагоговъ даже слегка третировалъ.

— Послушай, братецъ... какъ тебя тамъ? Петровъ! — подзываетъ онъ къ себѣ педеля, небрежно цѣдя сквозь зубы слова, и педель съ любезной миной бросался къ нему со всѣхъ ногъ, тотъ самый педель, который, можетъ быть, еще вчера только тащилъ за шиворотъ его товарища однокурсника, какого нибудь бѣдняка-стипендіата, попавшагося ему на улицѣ въ «смѣшанной формѣ», — тащилъ къ инспектору Брызгалову на расправу.

Надо замѣтить, что К—скій всѣмъ педелямъ говорилъ «ты», и они не только не обижались на него за это, но даже относились къ нему съ какимъ-то особеннымъ почтеніемъ, низко ему кланялись и говорили съ нимъ не иначе, какъ съ заискивающей улыбочкой на лицѣ. Конечно, кромѣ почтенія, они испытывали къ нему еще чувство страха, такъ какъ знали, что К—скій «другенъ» съ Брызгаловымъ, бываетъ у него запросто на квартирѣ и даже «перекидывается съ нимъ въ картишки». «Неровенъ часъ, пожалуй, и наплететъ еще что нибудь про нихъ самому-то, — ну, и по шапкѣ тогда!» Вотъ почему, главнымъ образомъ, они и боялись К—скаго и раболѣпствовали передъ нимъ.

Такія же приблизительно чувства педели питали и къ другимъ членамъ партіи, во главѣ которой стоялъ К—скій. Ни на кого изъ нихъ они не осмѣливались простирать своихъ педельскихъ полномочій, справедливо рассуждая, что этой группѣ студентовъ, какъ и вождю ея, рѣшительно все дозволено. Еще бы! Они прекрасно знали, что всѣ эти господа находятся въ близкихъ отношеніяхъ съ инспекціей, что они лучшіе ея друзья и союзники, и, слѣдовательно, не только не нуждаются въ ихъ педельской опецѣ, но даже сами могутъ «опекать», кого угодно.

Одного изъ членовъ партіи, нѣкоего М., педели побаивались даже больше, чѣмъ самого К—скаго. М. былъ товарищемъ послѣдняго по гимназій и происходилъ изъ небогатой дворянской семьи. Какъ хитрый и чрезвычайно практическій юноша, онъ сумѣлъ втереться къ К—скому въ дружбу и даже имѣлъ на него вліяніе. Самъ К—скій, родные и знакомые его, всѣ почему-то принимали М. за очень умнаго и развитого челоѣка, тогда какъ, въ сущности, онъ былъ весьма недалекъ и мало развитъ. Но онъ какъ-то умѣлъ разыгрывать изъ себя то, чего въ немъ въ дѣйствительности не было, между прочимъ, умѣлъ и прикидываться умнымъ, когда это требовалось, такъ сказать, по обстоятельствамъ дѣла. Случалось, напримѣръ, что онъ подойдетъ къ кучкѣ разговаривающихъ и съ молчаливо-сосредоточеннымъ видомъ начинаетъ прислушиваться. Разговоръ постепенно переходитъ въ шумный споръ. М. все прислушивается. Наконецъ, улучивъ паузу, выразительно произноситъ:

— Н... да-съ! Это я вамъ доложу—исторія!

Всѣ смотрятъ на него, ожидая, что онъ выскажетъ свое мнѣніе, но онъ молчитъ. Наконецъ, его спрашиваютъ:

— А какъ по-вашему?

— По-моему? Гм... о, это не такъ просто, какъ вы думаете! гм!..

И, загадочно промывавъ, М. бросаетъ сквозь дымчатые очки глубокомысленный взглядъ; вслѣдъ за тѣмъ на губахъ его появляется ехидная улыбка, и онъ отходитъ, не проронивъ больше ни одного слова.

— О, этотъ М. себѣ на умѣ, онъ—дипломатъ!—составилось о немъ общее мнѣніе.

А, въ сущности, этотъ «дипломатъ» былъ только ловкимъ пройдохой. Онъ чутьемъ угадывалъ, что для него было выгодно въ данный моментъ, и для достиженія цѣли не гнушался никакими средствами. Оклеветать, очернить человѣка, донести на него, кому слѣдуетъ, узнавъ о немъ предварительно всю подноготную,—было самымъ разлюбезнымъ для него занятіемъ. Вообще изъ М. вышелъ бы великолѣпный сыщикъ, если бы онъ не былъ студентомъ. Не даромъ его подозрѣвали нѣкоторые въ сношеніяхъ съ охраннымъ отдѣленіемъ: по крайней мѣрѣ, «злые языки» говорили объ этомъ, какъ о фактѣ.

К—скій слушалъ М., какъ оракула. Въ университетѣ ихъ всегда можно было видѣть вмѣстѣ: взявши товарища за локоть и прогуливаясь съ нимъ по коридору, М. обыкновенно нашептывалъ ему что-то съ самымъ таинственнымъ видомъ. Иногда у него громко вырывались такія фразы: «надо ему обрѣзать языкъ... это невозможно... до чего же это, наконецъ, дойдетъ? Скоро онъ будетъ открыто проповѣдывать анархію!»

Не трудно было догадаться, что рѣчь шла у нихъ объ одномъ либеральномъ профессорѣ, лекцію котораго они только что прослушали.

— Ты вѣдь, кажется, записалъ?—озабоченно спрашивалъ К—скій.

— Какъ же! Дословно воспроизвелъ!

Помню, во время одного изъ такихъ интимныхъ разговоровъ поблизости очутился субъ-инспекторъ. Они тотчасъ же подошли къ нему. М. вытащилъ записную книжку и показалъ субъ-инспектору. Тотъ прочиталъ и захихикалъ.

— Недурственно?—спросилъ К—скій, оскаливая свои крупные, лошадиные зубы и фамильярно похлопывая начальство по плечу.

— Надо показать Алексѣю Александровичу¹⁾,—отозвался субъ-инспекторъ, продолжая хихикать.

— О, да, разумѣется, мы сейчасъ къ нему пойдемъ,—заявилъ М. съ полнымъ сознаніемъ всей огромной важности лежащей на немъ миссіи.

Припоминается и такой эпизодъ. Кто-то изъ студентовъ принесъ съ собой революціонный листокъ «Самоуправленіе», издава-

¹⁾ Брыгалову.

впійся, если мнѣ не измѣняетъ память, въ Женевѣ. Въ антрактѣ между лекціями, читавшимися въ актовомъ залѣ, листокъ ходилъ по рукамъ. Среди студентовъ находился и М., который вдругъ куда-то исчезъ. Не проходитъ и пяти минутъ, какъ онъ снова появляется въ актовомъ залѣ, а вскорѣ вслѣдъ за нимъ влетаетъ, какъ пуля, Брызгаловъ съ блѣднымъ, встревоженнымъ лицомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ педелей, которые, по его распоряженію, немедленно закрываютъ кругомъ всѣ двери. Начинается обыскъ. Брызгаловъ раздражается отборнѣйшей руганью по адресу студентовъ, требуя, чтобы ему выданы были виновные. Но послѣдніе сознаются сами и представляютъ ему поличное. А въ это время М. уже успѣлъ куда-то скрыться: онъ исполнилъ свое дѣло по совѣсти, и дальнѣйшее его присутствіе среди товарищей уже не требуется.

Таковъ былъ М., типичный представитель реакціонной студенческой партіи того времени.

Нѣсколько другихъ лицъ той же партіи представляли собою уже въ полномъ смыслѣ слова «золотую молодежь». Это были настоящіе «бѣлоподкладочники», бонвиваны, занимавшіеся разнаго рода спортомъ, любительскими спектаклями, балами, карточной игрою, всѣмъ, чѣмъ угодно, но только не наукой. Прокучивая цѣлыя ночи напролетъ въ разныхъ тогдашнихъ «Салонкахъ» и «Ренессансахъ», въ пьяной компаніи доморощенныхъ вакханокъ и гетеръ, они приходили въ университетъ на полъ-часа или много—на часъ, уже къ самому концу лекцій, чтобы лишній разъ поболтать о свѣтскихъ пустякахъ, занимавшихъ ихъ праздный умъ: о новой этуали, о модной пьесѣ, о предстоящемъ раутѣ у князей S. и т. п. Въ то время какъ лучшая, передовая часть университетской молодежи вела оживленные разговоры и дебаты по поводу новой статьи Льва Толстого, взбудоражившей все русское общество, эти милые «охранители» готовы были спорить чуть не до слезъ о преимуществахъ одного рысака передъ другимъ, о прелестяхъ какой нибудь Ванды Фрумъ изъ «Ренессанса», о вчерашней партіи въ винтъ...

Отъ серьезныхъ, занимающихся наукой, но бѣдно одѣтыхъ студентовъ «бонвиваны» сторонились, какъ отъ чумы, и глубоко ихъ презирали.

— Это все социалисты, сволочь!—говорили они о нихъ съ презрительной гримасой и при каждомъ удобномъ случаѣ старались имъ нанести обиду: или рѣзкимъ словомъ, какъ бы случайно произнесеннымъ вслухъ, или нагло брошеннымъ взглядомъ.

Помнится даже такой случай. Нѣкто П—въ, одинъ изъ бонвивановъ, здоровый, широкоплечій дѣтина, большой циникъ и нахалъ, выходя изъ университета, встрѣтился въ самыхъ дверяхъ со студентомъ К., который принадлежалъ къ діаметрально-про-

тивоположному лагерю: жилъ уроками, усердно посѣщаль лекціи, много читаль. Замѣтивъ передъ собой «тушу», лѣзшую прямо напроломъ, съ нагло поднятымъ къ верху носомъ, К. ни за что не хотѣлъ уступить дорогу, несмотря на то, что физически былъ очень слабъ, малъ ростомъ и щедушенъ. Противники нѣкоторое время стояли другъ противъ друга, молча, и не трогались съ мѣста.

— Пропустите же!—крикнулъ наконецъ П—въ.

— Пропустите вы сначала!—вспыхнувъ, отвѣчалъ К., но въ это время П—въ грубо оттолкнулъ его и прошелъ первый.

Взбѣшенный К. стремительно бросился на обидчика, вцѣпился сзади обѣими руками въ бобровый воротникъ его шинели и мигомъ стащилъ ее внизъ, такъ что П—въ очутился въ преглупомъ положеніи: на дворѣ, зимой, въ одномъ сюртукѣ. Отъ неожиданности онъ до такой степени опѣшилъ, что даже не могъ выговорить ни одного слова, а К., между тѣмъ, скрылся за дверью.

Встрѣтившись со мною въ аудиторіи, К. съ негодованіемъ разсказалъ мнѣ о случившемся.

— А знаете что?—пришла мнѣ въ голову мысль:—давайте, прочимъ этого молодчика, какъ слѣдуетъ!

— Какимъ образомъ?

— А вотъ какимъ: вы вызовете его на дуэль, а я буду вашимъ секундантомъ!

— Что вы, что вы, батенька?—воскликнулъ К.—Да я и револьвера не умѣю держать въ рукахъ!

— Это совсѣмъ не нужно,—успокоивалъ я его.—П—въ самъ не станетъ драться: повѣрьте, что у подобныхъ господъ нахальство идетъ рука объ руку съ трусостью... Ручаюсь, что онъ всячески будетъ уклоняться отъ дуэли.

— Вы думаете?

— Совершенно убѣжденъ въ этомъ... Дуэль не состоится, но зато крови этому П—ву мы испортимъ немало.

К. замѣтно просвѣтлѣлъ: моя идея, повидимому, начинала ему нравиться.

— Ну, что-жъ, катайте!—проговорилъ онъ.—Я согласенъ.

И мы ударили по рукамъ.

Въ тотъ же день, часовъ около шести, нарядная горничная, съ бѣлымъ кружевнымъ чепцомъ на головѣ, впускала меня въ богатую, роскошно обставленную квартиру П—выхъ, которые въ это время обѣдали. Я былъ приглашенъ въ кабинетъ, куда тотчасъ же вслѣдъ за мной почти вбѣжалъ студентъ П—въ, съ салфеткой, заткнутой около шеи за воротникъ, еще жевавшій на ходу.

— А, collega! Очень радъ... Не хотите ли пообѣдать съ нами?—тотчасъ же любезно предложилъ онъ мнѣ.

Я отказался, извинившись за причиненное безпокойство, и поспѣшилъ заявить, что пришелъ по «весьма экстренному дѣлу». П—въ сдѣлалъ озабоченное лицо и приготовился слушать.

— Мой пріятель К.,— началъ я официальнымъ тономъ:— съ которымъ вы имѣли сегодня непріятный конфликтъ...

— Какъ?!— съ изумленіемъ перебилъ меня П—въ.—Этотъ К. вашъ пріятель?

— Ну, да,— сказалъ я.—Что же васъ удивляетъ?

— Не понимаю;— пожалъ плечами П—въ,— что между вами общаго: аристократъ и какой-то жалкій плебеишка?!

— Виновать,— рѣзко оборвалъ я его:— это къ дѣлу не относится... Повторяю: господинъ К. за нанесенное ему вами оскорбленіе вызываетъ васъ на дуэль,— я его секундантъ... Надѣюсь, вы принимаете вызовъ?

Эффектъ получился полный. П—въ поблѣднѣлъ и совершенно растерялся.

— Но... но позвольте... — залепеталъ онъ. — Оскорбленіе было взаимное... К. сорвалъ съ меня шинель...

— Я ничего не знаю. К. считаетъ себя оскорбленнымъ вами, слѣдовательно, вы должны или извиниться передъ нимъ, или принять вызовъ... Вы, можетъ быть, извинитесь?

— Какъ это такъ извиняться?— запротестовалъ П—въ.— Съ меня сорвали шинель, и я же долженъ извиняться... Вотъ еще!

— Въ такомъ случаѣ вы принимаете вызовъ?

П—въ въ волненіи сорвалъ салфетку, швырнулъ ее куда-то подъ столъ и сталъ бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Чортъ знаетъ что! Какая-то нелѣпая дуэль! Вотъ еще недоставало!— волнуясь, бормоталъ онъ себѣ подъ носъ.

— Если вы согласны принять вызовъ,— продолжалъ я съ разстановкой, любуясь все увеличивающимся волненіемъ П—ва:— то благоволите прислать ко мнѣ завтра же вашего секунданта для переговоровъ объ условіяхъ дуэли... Вотъ вамъ моя карточка и адресъ.

П—въ очень нерѣшительно взялъ у меня карточку, но вдругъ спохватился, и радостный лучъ пробѣжалъ по его лицу.

— По правиламъ дуэли я вѣдь долженъ стрѣлять первымъ?— обратился онъ ко мнѣ.

— Да,— отвѣчалъ я съ усмѣшкой,— но я долженъ васъ предупредить, что если вы промахнетесь, ваша гибель неминуема, такъ какъ мой пріятель бьетъ безъ промаха: въ двадцати шагахъ онъ разбиваетъ пулей грецкій орѣхъ...

П—въ опять поблѣднѣлъ, но, тотчасъ же овладѣвъ собой, съ притворнымъ спокойствіемъ произнесъ:

— Хорошо, я пришлю къ вамъ своего секунданта!

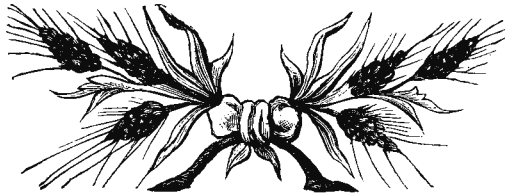
Однако ни на другой, ни на третій день секундантъ ко мнѣ не являлся. Наконецъ, уже къ вечеру третьяго дня получаю отъ П—ва лаконическую записку: «Простудился, лежу въ постели, не знаю, когда буду въ состояніи выйти изъ дому... Въ виду такой

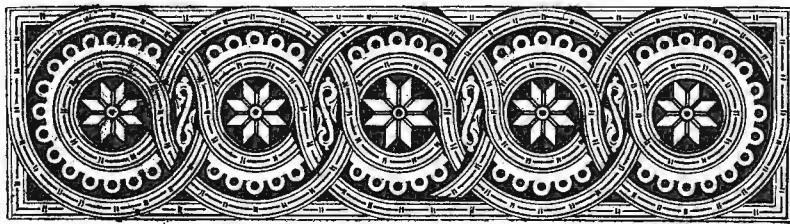
неожиданности мнѣ остается только извиниться передъ К., что я и дѣлаю, а васъ прошу ему объ этомъ передать».

Такъ окончился этотъ траги-комическій инцидентъ. Долго хотали мы потомъ съ К., вспоминая разные подробности эпизода,— какое было у П—ва испуганное лицо, когда я говорилъ съ нимъ о предстоящей ему дуэли, какъ онъ изъ страха быть убитымъ притворился больнымъ и добровольно обрекъ себя на домашній арестъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, и проч. и проч.

Цѣлая вереница живыхъ фигуръ проходитъ передо мной изъ недавняго, печальной памяти прошлаго. Когда вспоминаешь всѣхъ этихъ К—скихъ, М., П—выхъ и К^о, всю эту «черную накипь», образовавшуюся въ самыхъ нѣдрахъ университетской жизни вскорѣ послѣ введенія новаго устава, какъ-то обидно и грустно, и больно становится на душѣ.

Князь Б. А. Щетининъ.

ДУЭЛЬ ПУШКИНА СЪ ДАНТЕСОМЪ ¹⁾.

II.

Бароны Людвигъ Геккеренъ и Жоржъ Дантесъ.

БАРОНАМЪ Геккерену и Дантесу не суждена участь миллионѣвъ людей, имена которыхъ теряются въ пыли забвенія. Мы обречены на печальную необходимость говорить о нихъ и съ мучительнымъ интересомъ заниматься изслѣдованіемъ духовной личности того и другого. Роковой силой вдвинуты они въ біографію поэта, и послѣднія страницы ея должны быть отведены характеристикѣ личности и мотивовъ убійцы Пушкина и его пріемнаго отца. Ихъ фигуры должны быть нарисованы во весь ростъ. И мы должны сознаться, что до сихъ поръ наши источники нисколько не могли помочь намъ составить опредѣленное представленіе о Геккеренѣ и Дантесѣ, потому что всѣ наши свѣдѣнія исчерпывались мало достовѣрными и сильно прикрашенными разказами о положительно злодѣйскихъ свойствахъ упомянутыхъ лицъ. Матеріаловъ же документальныхъ у насъ подъ руками почти не было.

Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ въ виду опубликовать собранные нами матеріалы для исторіи жизни и характеристики

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІХ, стр. 173.

Геккерена и Дантеса. Эти матеріалы извлечены нами изъ различныхъ архивовъ и имѣютъ характеръ достовѣрности. Они значительно измѣняютъ наши обычные представленія объ этихъ лицахъ. Дантесъ вовсе не оказывается проходимцемъ, безъ поддержки, безъ семьи: наоборотъ, мы узнаемъ изъ приводимыхъ ниже данныхъ, что онъ принадлежалъ къ дружной семьѣ съ извѣстными традиціями. Знакомство его съ Геккереномъ, какъ оказывается, вовсе не завязалось въ Петербургѣ и не имѣло противоестественнаго характера: Геккеренъ находился въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ къ семьѣ Дантеса и поддерживалъ сношенія съ его родными.

Изслѣдуя исторію послѣдней дуэли Пушкина, мы слышали горячія рѣчи друзей поэта, но голоса самого Геккерена и самого Дантеса мы не слышали. Тѣмъ большій интересъ имѣютъ печатаемые нами письма и объясненія барона Геккерена по дѣлу о дуэли. Эти объясненія подлежатъ, конечно, строжайшей критикѣ, но, несомнѣнно, они вносятъ новыя и важныя подробности о дѣйствіяхъ прикосновенныхъ къ дуэли лицъ: таковы, на примѣръ, сообщаемыя Геккереномъ данныя о роли Натальи Николаевны Пушкиной.

Главнѣйшій матеріалъ для нашей статьи извлеченъ изъ архивовъ—государственнаго и с.-петербургскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Считаемъ пріятнымъ долгомъ принести благодарность С. М. Горяинову и Н. П. Павлову-Сильванскому за ихъ постоянно предупредительное вниманіе къ нашимъ занятіямъ въ этихъ архивахъ. Безъ этого вниманія были бы невозможны новыя открытія матеріаловъ. Данными о службѣ Дантеса мы обязаны С. А. Панчудзеву, сообщившему намъ ихъ изъ архива Кавалергардскаго Ея Величества полка. Сообщенія пословъ, британскаго и нѣмецкаго, выдержки изъ которыхъ приводятся нами, получены изъ архивовъ лондонскаго и берлинскаго министерствъ иностранныхъ дѣлъ, благодаря содѣйствію Пушкинской комиссіи при отдѣленіи русскаго языка и словесности академіи наукъ и государственнаго архива ¹⁾.

I.

Свѣдѣнія о Геккеренѣ и его службѣ. — Семья Дантеса; данныя о его жизни.—
Архивная справка о бракосочетаніи.

Баронъ Геккеренъ принадлежалъ къ одной изъ важнѣйшихъ и вліятельныхъ голландскихъ фамилій. Онъ былъ сыномъ майора отъ кавалеріи Эверта-Фридриха барона ванъ-Геккерена (1755—1831) и Генріетты-Жанны-Сюзанны-Маріи графини Нассау. Полное имя

¹⁾ Сообщенія пословъ въ подлинномъ и полномъ видѣ будутъ опубликованы нами въ органѣ комиссіи «Пушкинъ и его современники».

барона Геккерена—Jacob Théodore-Borhardt-Anne Baron van Heeckeren de Beverwaard. Онъ родился 30 ноября 1791 года. Судя по тому, что, поднимая въ 1837 году вопросъ о своемъ отозваніи изъ Петербурга, Геккеренъ неоднократно указывалъ въ объясненіяхъ своему правительству на недостаточность своихъ средствъ, можно думать, что Геккеренъ не располагалъ значительнымъ состояніемъ, но, конечно, не былъ и бѣднымъ человѣкомъ. Въ 1837 году Геккеренъ считалъ за собой тридцать одинъ годъ безкорыстной службы своему государству. Значитъ, онъ началъ служить въ 1806 году, 15-ти лѣтъ отъ роду. Мы не знаемъ, какъ онъ проходилъ свою службу, но уже въ 1823 году онъ былъ въ Петербургѣ въ нидерландскомъ посольствѣ: въ этомъ году бывший нидерландскимъ посланникомъ въ Россіи Верстолкъ ванъ-Зеленъ отъѣхалъ изъ Петербурга, и баронъ Геккеренъ 26 марта 1823 года вступилъ въ отправленіе должности повѣреннаго въ дѣлахъ. А черезъ три года, 26 марта 1826 года, онъ представилъ кредитивную грамоту на званіе посланника. Такимъ образомъ, къ 1837 году Геккеренъ являлся однимъ изъ старожиловъ дипломатическаго корпуса въ Петербургѣ.

Повидимому, его отношенія съ русскимъ правительствомъ,—съ государемъ и вице-канцлеромъ графомъ Нессельроде,—складывались довольно благопріятно. Въ 1833 году баронъ Геккеренъ получилъ орденъ св. Анны 1-й степени. Рескриптъ на орденъ подписанъ 15 іюля 1833 года ¹⁾. По этому поводу графъ Нессельроде 17 іюля 1833 года писалъ Геккерену: «Его величество государь императоръ, желая по случаю вашего отъѣзда ²⁾, выказать вамъ свидѣтельство своего высокаго благоволенія, а также и удовольствія по поводу отличнаго исполненія вами во время вашего пребыванія въ этой столицѣ обязанностей, возложенныхъ на васъ вашимъ августѣйшимъ государемъ, удостоилъ назначить васъ кавалеромъ ордена св. Анны 1-й степени». 18 іюля баронъ Геккеренъ отъѣнно учтиво благодарилъ графа Нессельроде ³⁾.

¹⁾ Приводимъ текстъ рескрипта: «Желая ознаменовать особенное наше къ вамъ благоволеніе, пожаловали мы васъ кавалеромъ ордена св. Анны первой степени. Препроводя при семъ орденскіе знаки, пребываемъ къ вамъ благоклонны». Данъ 15 іюля 1833 года въ Александри, близъ Петергофа.

²⁾ Геккеренъ въ это время уѣзжалъ на родину.

³⁾ Вотъ подлинный отвѣтъ барона Геккерена. Написано обычнымъ для дипломата стилемъ, но, быть можетъ, съ нѣскольکو большей, чѣмъ обыкновенно, долей низкопоклонства.

S-t Pétersbourg le 18³⁰ Juillet 1833. Monsieur le Comte, j'ai l'honneur d'accuser à Votre Excellence réception de la gracieuse lettre par laquelle elle a la bonté de m'informer en date d'hier, que Sa Majesté l'Empereur a daigné me nommer Chevalier Grand Croix de l'ordre de S-te Anne.

«Je ne saurais vous exprimer, Monsieur le Comte, combien je m'estime heureux que ma conduite à S-t Pétersbourg ait pu me valoir de la part de Sa Majesté l'Empereur une distinction aussi flatteuse. Si quelque chose pouvait encore ajouter

Другихъ свѣдѣній о дипломатической службѣ Геккерена въ Россіи у насъ нѣтъ. Въ общемъ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ сохранилось обширное дѣло о баронѣ Геккеренѣ, то-есть собственно не о немъ, а о выписываемыхъ имъ безошлинно вещахъ изъ-за границы. Геккеренъ использовалъ предоставленное ему, какъ посланнику, право безошлиннаго полученія вещей изъ-за границы. Онъ выписывалъ массу вещей, начиная съ напитковъ и кончая мебелью. Быть можетъ, онъ получалъ ихъ и не для личнаго своего употребленія, а для знакомыхъ. Въ сентябрѣ 1833 года департаментъ внѣшней торговли обратилъ вниманіе министерства иностранныхъ дѣлъ на то, что «съ нѣкотораго времени привозятся къ Геккерену значительныя партіи вещей».

Къ концу 1833 года относится появленіе Дантеса въ Россіи. Кажется довольно правдоподобнымъ предположеніе, что пріѣздъ Дантеса находится въ извѣстной зависимости отъ пребыванія Геккерена за границей въ этомъ году. Юлій Эккардтъ, авторъ книги «Aus der Petersburger Gesellschaft», пишетъ: «къмъ собственно былъ этотъ господинъ, и что побудило его искать счастья именно въ Петербургѣ, было вначалѣ тайною, такъ какъ онъ не былъ въ связи ни съ одной изъ извѣстныхъ старыхъ дворянскихъ фамилій и былъ совершенно неизвѣстенъ всегдашамъ нашего общества, которые вообще вѣдь были очень хорошо освѣдомлены въ Парижѣ» ¹⁾. Мы не можемъ видѣть ничего необыкновеннаго въ появленіи Дантеса въ Петербургѣ, такъ какъ онъ ѣхалъ въ Россію въ Петербургъ къ давнему другу своей семьи и родственнику, занимавшему видное положеніе въ русской столицѣ. Фактъ дружественныхъ отношеній барона Геккерена съ семьѣ Дантесовъ будетъ удостовѣренъ перепиской его съ Дантесами, которую мы въ свое время приведемъ. Князь Трубецкой рассказывалъ, что Дантесъ доводился племянникомъ голландскому посланнику ²⁾.

à la profonde reconnaissance dont une si haute marque de la bienveillance Impériale m'a pénétré, ce sont les expressions de bonté dont Sa Majesté a daigné l'accompagner. Je rendrais mal, Monsieur le Comte, tout ce que j'ai éprouvé en la recevant et lorsqu'aujourd'hui je viens supplier Votre Excellence de vouloir bien être mon interprète et de déposer aux pieds de Sa Majesté Impériale l'expression de toute ma gratitude, c'est à ses propres sentiments que je fais appel, sur d'avance que ils lui fourniront tout ce que je ne pourrais dire moi-même, pour témoigner à Sa Majesté la satisfaction que m'a causé tant de bonté.

«Je dois également prier Votre Excellence de vouloir bien me permettre de Lui offrir mes vifs remerciements pour tout ce que sa lettre contient d'obligeant pour moi et de Lui exprimer le désir que mon prompt retour à la santé ne me prive pas longtemps de l'agrément et du plaisir de mes relations avec elle.

«Je saisis encore avec empressement cette occasion de Lui renouveler les assurances de ma plus haute considération».

¹⁾ Не имѣя подъ руками книги Эккардта, цитируемъ по брошюрѣ г. Никольскаго «Послѣдняя дуэль Пушкина», стр. 12.

²⁾ См. «Рассказъ объ отношеніяхъ Пушкина къ Дантесу». Спб., отд. отт., стр. 2. Дантесъ былъ племянникъ голландскаго посланника Геккерена, родная сестра котораго была замужемъ за французскимъ chevalier Дантесомъ.

Дѣйствительно, русскимъ завсегдатаемъ въ Парижѣ Дантесъ могъ быть не извѣстенъ, потому что постояннымъ мѣстопробываніемъ его семьи былъ Эльзасъ. Дантесы искони владѣли землями въ Эльзасѣ, въ Кольмарѣ и Сульцѣ, и отличались преданностью королямъ. Это была роялистская фамилія. Въ дворянское достоинство Дантесы были возведены не задолго до событій, разыгравшихся въ тридцатыхъ годахъ ¹⁾.

Георгъ Карлъ Дантесъ (d'Anthès) родился въ Кольмарѣ 5-го февраля 1812 года. Его отецъ—баронъ Конрадъ Дантесъ и мать—графиня Марія-Людовика Галфельдъ. Учился Дантесъ въ Сенъ-Сирской военной школѣ. Отецъ Пирлингъ сообщил Л. Н. Майкову слѣдующія свѣдѣнія о школьныхъ годахъ Дантеса, извлеченныя имъ изъ его послужного списка, сохранившагося въ архивѣ училища ²⁾. 19-го ноября 1829 г. Дантесъ былъ принятъ въ Сенъ-Сирское военное училище. 30 августа 1830 года онъ отбылъ въ отпускъ, а 19 октября уволенъ изъ училища по желанію семейства. По преданію же, которое извѣстно и отцу Пирлингу и распространено не только въ Россіи, но и во Франціи, Дантесъ былъ исключенъ за участіе въ политическихъ манифестаціяхъ. Русскіе біографы совершенно не склонны признавать политическихъ тенденцій за какими либо дѣйствіями Дантеса. Дантесъ выдавалъ себя за шуана, и русскіе изслѣдователи находили невозможнымъ вѣрить этому. Между тѣмъ, нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ вѣрности свидѣтельствъ о первыхъ шагахъ Дантеса. Онъ вышелъ изъ роялистской семьи; естественно думать, что въ молодые годы онъ явился посильнымъ защитникомъ идей роялистовъ. Въ іюлѣ 1830 года, какъ разъ въ то время, когда Дантесъ находился въ стѣнахъ Сенъ-Сирской школы, произошла извѣстная революція: Карлъ X былъ низвергнутъ, а 9 августа Луи-Филиппъ принесть присягу на вѣрность хартии. Въ самомъ началѣ дѣятельности новый король и его правительство встрѣтили немало затрудненій. Противъ нихъ были враждебно настроены и роялисты (которыхъ иногда звали карлистами), и республиканцы. Депутаты изъ роялистовъ отказывались приносить присягу. Броженіе среди легитимистовъ продолжалось первые годы новаго правленія, и въ 1832 году привело къ довольно недѣльному возстанію, поднятому герцогиней Беррійской. Прокатились послѣдніе слабые отзвуки вандейскихъ бурь ³⁾.

Мы знаемъ,—правда, на основаніи не документальныхъ данныхъ, а только преданія,—что въ 1830 году Дантесъ принялъ участіе въ

¹⁾ Свѣдѣнія о родѣ Дантеса смотри: V-te Réverend. Armorial du Premier Empire. Paris, 1897, и Annuaire de la Noblesse, 1897.

²⁾ Смотри «Старина и Новизна», книга 3-я, Спб., 1900, стр. 340.

³⁾ Грегуаръ, Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Томъ I, ч. 1, гл. 6 и 13.

роялистской манифестаціи и вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами былъ исключенъ изъ школы. 30 августа, по бумагамъ училища, онъ отбылъ въ отпускъ: первый мѣсяцъ правленія новаго короля былъ очень подходящимъ временемъ для подобной манифестаціи. Есть слухи, что въ 1832 году онъ принялъ участіе въ вандейскомъ возстаніи, руководимомъ герцогиней Беррійской. По ходу событий, нѣтъ ничего неестественнаго и въ этомъ участіи ¹⁾.

Въ 1833 году Дантесъ появился въ Россіи. Барону Геккерену не трудно было, конечно, ввести Дантеса въ высшее общество и устроить его зачисленіе въ Кавалергардскій полкъ. Разказы о томъ, какъ художникъ Ладюрнеръ, по одному показанію, или архитекторъ Монферранъ, по другому, подстроилъ цѣлую исторію, чтобы обратить вниманіе Николая Павловича на своего молодого соотечественника, кажутся намъ мало вѣроятными именно потому, что авторитетъ самого Геккерена былъ достаточно великъ при дворѣ.

Баронъ Георгъ Дантесъ, по высочайшему повелѣнію 27 января 1834 года, былъ допущенъ къ офицерскому экзамену, а 14 февраля въ приказѣ по полку было отдано:

«Опредѣленный на службу по высочайшему приказу, отданному въ 8 день сего февраля, а объявленному въ приказѣ по отдѣльному гвардейскому корпусу 11 числа за № 20, бывший французскій королевскій воспитанникъ военнаго училища Сентъ-Сиръ баронъ Дантесъ въ сей полкъ корнетомъ зачисляется въ штатное состояніе съ записаніемъ въ 7-й запасный эскадронъ, коего и числится въ ономъ налицо».

28 апрѣля 1834 года Дантесъ былъ переведенъ въ 6-й эскадронъ ²⁾.

Въ 1836 году (5-го мая) Дантесъ былъ усыновленъ барономъ Геккереномъ, по законамъ Нидерландскаго королевства ³⁾.

Не лишены интереса архивныя данныя о женитьбѣ Дантеса.

Въ концѣ ноября 1836 года Геккеренъ обратился къ графу Нессельроде съ просьбой выхлопотать ему разрѣшеніе его приемному сыну вступить въ бракъ съ Екатериной Николаевной Гон-

¹⁾ Поэтому всѣ попытки г. Никольскаго опровергнуть слухи о политическихъ тенденціяхъ Дантеса (его брошюра «Послѣдняя дуэль Пушкина», Спб., 1900, стр. 13—14) неудачны. Нужно отмѣтить, что историческія соображенія г. Никольскаго, отрицающаго участіе Дантеса въ вандейскомъ возстаніи и роялистское направленіе его дѣятельности, обнаруживаютъ полнѣйшее незнакомство съ исторіей Франціи въ XIX вѣкѣ.

²⁾ Нѣкоторыя данныя о службѣ Дантеса сообщены въ брошюрѣ В. В. Никольскаго: «Идеалы Пушкина», изданіе 3-е, Спб., 1899, стр. 121 и слѣд.

³⁾ См. дѣло «объ усыновленіи Дантеса» въ книгѣ Н. А. Гастфрейнда: «Пушкинъ. Документы Государственнаго и С.-Петербургскаго главнаго архивовъ. Спб., 1900 г., стр. 62 и слѣд.

чаровой. 1-го декабря вице-канцлеръ графъ Нессельроде отправилъ въ вѣдомство православныхъ исповѣданій управляющему этимъ вѣдомствомъ графу Протасову слѣдующую бумагу:

«Пребывающій здѣсь нидерландскій посланникъ баронъ Геккеренъ проситъ исходатайствовать дозволеніе усыновленному имъ барону Георгу-Карлу Геккерену, служащему поручикомъ въ Кавалергардскомъ ея императорскаго величества полку вступить въ законный бракъ съ фрейлиной Екатериной Николаевной Гончаровой, съ разрѣшеніемъ, чтобы имѣющія родиться въ семь бракъ дѣти были крещены и воспитывались въ исповѣдуемой барономъ Г. К. Геккереномъ вѣрѣ. Покорнѣйше прося ваше сіятельство сдѣлать зависящее отъ васъ распоряженіе по домогательству нидерландскаго посланника и о послѣдующемъ почтить увѣдомленіемъ, имѣю честь» и проч.

Только 3-го января 1837 года Протасовъ увѣдомилъ (по вѣдомству православныхъ исповѣданій, отдѣленіе духовныхъ дѣлъ столъ I, № 13) графа Нессельроде о томъ, что онъ докладывалъ государю о дозволеніи Геккерену вступить въ бракъ безъ принятія російскаго подданства и безъ обязательства крестить воспитываемыхъ дѣтей въ православной вѣрѣ. Государю «благоугодно было изъявить на сіе высочайшее соизволеніе». Извѣщая объ этомъ, Протасовъ присовокупилъ, что онъ увѣдомилъ объ этомъ министерство внутреннихъ дѣлъ и с.-петербургскаго митрополита.

9-го января 1837 года Нессельроде письмомъ увѣдомилъ барона Геккерена о состоявшемся разрѣшеніи, но, конечно, Геккерены не дожидались официального разрѣшенія, потому что въ римско-католической церкви св. Екатерины уже 27-го декабря 1836 года состоялось первое оглашеніе, а 1-го января въ приказѣ по Кавалергардскому ея величеству полку было отдано:

«Съ разрѣшенія г. командующаго корпусомъ, объявленнаго въ предписаніи его высокопревосходительства отъ 28-го декабря за № 1358, послѣдовавшемъ по командѣ съ № 2178, просящему позволеніе вступить въ законный бракъ г. поручику барону де-Геккерену съ фрейлиной двора ея императорскаго величества Екатериною Гончаровой дозволяется, о чемъ дѣлаю извѣстнымъ по полку».

А 3-го января въ приказѣ было отдано:

«Выздоровѣвшаго г. поручика барона де-Геккерена числить налицо, котораго по случаю женитьбы его не наряжать ни въ какую должность до 18-го сего января, т.-е. въ продолженіе 15-ти дней».

Второе и третье оглашеніе въ римско-католической церкви состоялось 3-го и 6-го января. 10-го января было совершено бракосочетаніе въ римско-католической церкви св. Екатерины по католическому обряду и въ Исаакіевскомъ соборѣ—по православному.

Въ римско-католической церкви совершилъ бракосочетаніе іеромонахъ доминиканскаго ордена Даміанъ Іодзевичъ. Свидѣтелями

были—баронъ Людовикъ Геккеренъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Григорій Строгановъ, ротмистръ Кавалергардскаго полка Августинъ Бетанкуръ и графъ д'Аршіакъ.

Въ Исаакіевскомъ соборѣ вѣнчалъ священникъ Николай Райковскій; поручителями были только что перечисленные лица и, кромѣ нихъ, л-гв. Гусарскаго полка поручикъ Иванъ Гончаровъ и Кавалергардскаго ея величества полка полковникъ Александръ Полетика ¹⁾.

При бракосочетаніи братья Екатерины Николаевны л-гв. гусарскаго полка поручикъ Иванъ и отставной поручикъ Сергѣй Гончаровы, вмѣстѣ съ прочими родными ихъ семейства, обязались словесно и письменно выдавать сестрѣ ежегодную пенсію въ 5.000 р. асс. и сверхъ того выдать слѣдующую ей указную часть изъ имѣнія по смерти родителей ихъ.

II.

Баронъ Геккеренъ—въ первые дни послѣ дуэли.—Графъ Нессельроде требуетъ объясненій.—Отношенія императора Николая I къ Пушкину.—Необходимость критическаго отношенія къ «традиціонной точкѣ» зрѣнія на этотъ вопросъ.—Искренніе отзывы Николая о Пушкинѣ.—Чѣмъ былъ для него Пушкинъ?—Мнѣніе его о Геккеренѣ.—Вопросъ объ оправдательныхъ документахъ, представленныхъ барономъ Геккереномъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде узналъ о роковой дуэли въ тотъ же день отъ своего государя. «Государь послалъ тотчасъ сказать о случившемся Нессельроде, который всегда такъ мало высказываетъ свои чувства,—сообщала сейчасъ же послѣ катастрофы графиня Нессельроде въ Парижѣ А. О. Смирновой ²⁾».—Онъ мнѣ только сказалъ: «это подлость!» Онъ всегда симпатизировалъ покойному, уважалъ его и сожалѣлъ, что тотъ не остался въ министерствѣ... Вы знаете, какъ Нессельроде уважалъ Пушкина, онъ всегда восхищался его громадными дарованіями... Государь говорилъ объ этомъ съ Нессельроде, онъ огорченъ и просто взбѣшенъ этой исторіей, и рѣшилъ узнать всю правду объ анонимныхъ письмахъ, о печатномъ циркулярѣ»...

По этимъ обычнымъ фразамъ жены дипломата врядъ ли можно выяснять истинный характеръ отношеній четы Нессельроде къ Пушкину. Старый Геккеренъ, на примѣръ, въ своихъ письмахъ за границу указывалъ на графа и графиню, какъ на лицъ, ему

¹⁾ Выписка изъ метрической книги Исаакіевского собора напечатана въ книжкѣ В. В. Никольскаго: «Идеалы Пушкина», 3-е изданіе, Спб., 1899 г., стр. 199.

²⁾ Къ сожалѣнію, письмо напечатано въ «Запискахъ» А. О. Смирновой (часть II, Спб., 1897 г., стр. 94—96) далеко не въ подлинномъ видѣ, а въ переводѣ, да и то не цѣликомъ, а въ выдержкахъ.

искренно сочувствовавшихъ. Одно изъ своихъ писемъ онъ закончилъ слѣдующей тирадой: «если что либо можетъ облегчить мое горе, то только тѣ знаки вниманія и сочувствія, которые я получаю отъ всего петербургскаго общества. Въ самый день катастрофы графъ и графиня Нессельроде, а также графъ и графиня Строгановы оставили мой домъ только въ часъ пополудни». Геккерену, очень заботившемуся о сохраненіи своего мѣста въ Петербургѣ, было очень важно подчеркнуть доброжелательное отношеніе къ нему главы русскаго министерства. Но, кажется, старому Геккерену пришлось за знаки сочувствія выдать условныя фразы, столь распространенныя въ высшемъ свѣтѣ и среди дипломатовъ. Сношенія послѣднихъ вездѣ и всегда облечены покровомъ безукоризненной вѣжливости. Мы съ полной достовѣрностью можемъ думать, что цѣль посѣщенія Нессельроде дома Геккерена вовсе не состояла только въ выраженіи сочувствія. Въ этотъ же вечеръ Нессельроде отъ имени государя потребовалъ отъ Геккерена объясненій. Объ этомъ фактѣ мы заключаемъ изъ слѣдующаго письма, посланнаго Геккереномъ на другой же день послѣ дуэли, 28-го января, графу Нессельроде.

«Имѣю честь представить вашему сіятельству прилагаемые при семъ документы, относящіяся до того несчастнаго происшествія, которое вы благоволили лично повергнуть на благоусмотрѣніе его императорскаго величества. Они убѣдятъ, надѣюсь, его величество и ваше сіятельство въ томъ, что баронъ Геккеренъ былъ не въ состояніи поступить иначе, чѣмъ онъ это сдѣлалъ. Примите увѣренія и проч.»

Это письмо датировано 28-мъ января, которое въ 1837 году приходилось въ четвергъ. А въ субботу утромъ Геккеренъ обратился съ новымъ письмомъ.

«Вотъ, графъ, документъ, котораго не хватало въ числѣ тѣхъ, что я уже имѣлъ честь вамъ вручить.

«Окажите милость, соблаговолите умолить государя императора, уполномочить васъ прислать мнѣ въ нѣсколькихъ строкахъ оправданіе моего собственнаго поведенія въ этомъ грустномъ дѣлѣ; оно мнѣ необходимо для того, чтобы я могъ себя чувствовать въ правѣ оставаться при императорскомъ дворѣ; я былъ бы въ отчаяніи, если бы долженъ былъ его покинуть; мои средства невелики, и въ настоящее время у меня семья, которую я долженъ содержать. Примите увѣренія» и проч. ¹⁾

Очевидно, уже въ эти три дня положеніе Геккерена въ Петербургѣ нѣсколько выяснилось. Старый дипломатъ начиналъ созна-

¹⁾ Это письмо датировано: «суббота утромъ». По его связи съ предыдущимъ и слѣдующими письмами Геккерена оно должно быть отнесено именно на субботу 30-го января. Всѣ письма Геккерена, конечно, писаны на французскомъ языкѣ.

вать, что замаять дѣла ему не придется, а придется разстаться съ насиженнымъ мѣстомъ и покинуть Петербургъ. Знаки вниманія со стороны высшаго общества утонули въ волнѣ общественнаго негодованія. Ниже мы приведемъ письмо Геккерена своему министру иностранныхъ дѣлъ, барону Верстолю; въ этомъ письмѣ мы найдемъ оцѣнку общественнаго настроенія въ первые дни по смерти Пушкина. Эта оцѣнка вполне вѣрна, и именно потому, что она принадлежитъ Геккерену. Но для Геккерена въ рѣшеніи вопроса о продолженіи службы въ Петербургѣ общественное мнѣніе играло незначительную роль, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ: для него безконечно важнѣе было мнѣніе о немъ государя хотя бы уже по одной той причинѣ, что королева нидерландская Анна Павловна приходилась родной сестрой императора Николая I. И понятно, ему не осталось безызвѣстнымъ совершенно отрицательное отношеніе къ нему Николая Павловича.

Изъ письма князя П. А. Вяземскаго къ великому князю Михаилу Павловичу мы видѣли, какъ Вяземскій и его друзья оцѣнивали отношенія императора Николая къ Пушкину. У нихъ не хватало словъ для эпитетовъ. Государь оказалъ нѣкоторую матеріальную поддержку вдовѣ своего камеръ-юнкера, прислалъ справиться о здоровьѣ, попросилъ Пушкина исполнить христіанскія обязанности, т.-е. сдѣлалъ то, что никоимъ образомъ не выходитъ за предѣлы принятаго въ общечеловѣческихъ отношеніяхъ и даже въ отношеніяхъ царя къ подданному. И вотъ такія-то выраженія вниманія князь Вяземскій и друзья поэта, придворные, окружавшіе поэта, и люди, воспитанные въ душевной атмосферѣ дворца (примѣръ: Смирнова), приняли за проявленія высокаго духа, за подвиги необыкновенной добродѣтели. Указывая на эти выраженія обычной посмертной вѣжливости, стали говорить о томъ, что Николай Павловичъ необыкновенно высоко цѣнилъ и поэзію, и личность Пушкина, что онъ признавалъ все огромное значеніе Пушкина для Россіи и т. д. Эта бессознательная идеализація выростаетъ изъ условныхъ отношеній, изъ трафаретныхъ фразъ, изъ своеобразной психологіи дворцовой массы. И, кажется, никогда такъ рѣзко не расходилась съ дѣйствительностью ни одна характеристика, созданная процессомъ идеализаціи, какъ характеристика императора Николая I. Возьмите, на примѣръ, записки фрейлины А. О. Смирновой. Въ первомъ томѣ извѣстнаго труда объ императорѣ Николаѣ покойнаго Н. К. Шилдера собраны данныя, неопровержимо доказывающія всю скудость и незначительность образованія и развитія Николая Павловича. Николай Павловичъ самъ признавалъ воспитаніе свое и брата «скуднымъ». А въ запискахъ А. О. Смирновой императоръ Николай выставляется большимъ знатокомъ и тонкимъ цѣнителемъ литературы, русской и иностранной. И Смирнова приводитъ цѣлый рядъ фразъ, аргументовъ завѣдомо апокрифическаго характера,

но мы далеки отъ мысли предполагать, что Смирнова выдумывала факты. Ложень былъ самый тонъ ея отношеній къ Николаю Павловичу, ихъ паэось. При такомъ тонѣ обыкновенная фраза кажется необыкновеннымъ изреченіемъ, обыкновенныя дѣйствія—актомъ значительнымъ и т. д.

Не разбираясь въ критикѣ показаній друзей Пушкина, біографы пошли по ихъ стопамъ въ изображеніи отношеній Николая Павловича. Въ воспоминаніяхъ друзей о послѣднихъ минутахъ жизни поэта, проникнутыхъ ложнымъ паэосомъ и констатирующихъ цѣлый рядъ пышныхъ и едва ли произнесенныхъ изреченій, стоитъ отмѣтить два факта. Нельзя не обратить вниманія на то, что текстъ знаменитой записки государя Пушкину, содержавшей утѣшеніе, намъ неизвѣстенъ: по совершенно непонятнымъ мотивамъ Николай Павловичъ потребовалъ, чтобы эту записку отнюдь не оставляли у Пушкина, а возвратили бы ему. Почему бы не оказать утѣшенія умирающему? Умирающій нуждался и въ другомъ утѣшеніи, онъ тревожился за участь Данзаса и неоднократно просилъ ѣхавшихъ къ царю передать ему просьбу за Данзаса. «Просите за Данзаса, за Данзаса, онъ мой братъ». — говорилъ Пушкинъ. И прямого отвѣта, прямого удовлетворенія этой просьбы умирающій не получилъ. Правда, кн. Вяземскій пишетъ, что «на довольно успокоительный (не категорическій, исходившій отъ говорившаго, а не отъ государя) отвѣтъ Арендта изъяснилъ снова преданность и благодарность къ государю». Двѣ маленькихъ подробности—о запискѣ и о прощеніи Данзаса—никакъ не позволяютъ намъ согласиться съ заключеніемъ С. М. Лукьянова: «мы будемъ далеки отъ какого бы то ни было преувеличенія, если позволимъ себѣ утверждать, что наибольшую медицинскую помощь на первыхъ же порахъ несчастному раненому оказалъ не Арендтъ и не другой кто изъ врачей, а именно самъ царь, слившій съ нимъ свою душу въ общемъ сознаніи братства передъ смертью и въ чувствѣ отвѣтственности передъ единымъ высшимъ нравственнымъ закономъ»¹⁾.

Вопросъ объ отношеніяхъ императора Николая къ Пушкину чрезвычайно важенъ для біографіи поэта, но при его рѣшеніи нужно подвергать серьезнѣйшей критикѣ всѣ источники нашихъ свѣдѣній, а при критикѣ — не забывать вліяній процесса безсознательной идеализаціи. Интересно, напримѣръ, сопоставить съ рассказомъ князя Вяземскаго, съ его превознесеніями императора Николая именно за его отношенія къ Пушкину, за сдѣланную имъ высокую оцѣнку поэта, опубликованныя въ послѣднее время «Выписки изъ писемъ Бенкендорфа къ Николаю Павловичу о Пушкинѣ» и отмѣтки послѣдняго на этихъ письмахъ²⁾.

¹⁾ «О послѣднихъ дняхъ жизни и о смерти А. С. Пушкина, съ медицинской точки зрѣнія» въ «Извѣстіяхъ отд. русск. яз. и слов». 1899, кн. 3, стр. 974.

²⁾ «Старина и Новизна», т. 6-ой, Спб., 1903 г., стр. 2—20.

Выписки и отмѣтки на нихъ Николая I опредѣляютъ настоящіе, дѣйствительные взгляды государя и Бенкендорфа на Пушкина, оставшіеся, конечно, тайной для самого поэта. Между высшими официальными сферами и Пушкинымъ лежала глубокая, непроходимая бездна, и разница въ отношеніяхъ Пушкина и этихъ сферъ въ томъ, что послѣднія всегда сознавали всю непроходимость бездны (Пушкинъ казался почти-что пигмеемъ, ничтожествомъ), а Пушкинъ, чувствуя всю ложность своего положенія, врядъ ли ясно сознавалъ глубину бездны и то, что онъ можетъ кому бы ни было казаться ничтожествомъ. И потому Пушкинъ душу отдавалъ въ этихъ отношеніяхъ, а въ отвѣтъ получалъ нѣчто холодное и расчетливое. Вотъ отзывъ Бенкендорфа о Пушкинѣ: «Онъ мнѣ только что прислалъ свои замѣтки на общественное воспитаніе, которыя при семь прилагаю,—замѣтки человѣка, возвращающагося къ здравому смыслу». Отмѣтка государя: «Посмотрю, что это такое». Въ другомъ донесеніи 1826 г. Бенкендорфъ сообщаетъ: «Пушкинъ авторъ въ Москвѣ и всюду говоритъ о вашемъ императорскомъ велиествѣ съ благодарностью и глубочайшей преданностью; за нимъ всѣ такъ слѣдятъ внимательно». Въ 1827 году Бенкендорфъ доноситъ: «въ день моего отъѣзда Пушкинъ послѣ свиданія со мной съ восторгомъ говорилъ въ англійскомъ клубѣ о вашемъ велиествѣ и заставилъ лицъ, обѣдавшихъ съ нимъ, пить здоровье вашего величества. Онъ все-таки порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его рѣчи, то это будетъ выгодно». Къ 1830 году относится собственноручная записка императора Николая: «я забылъ вамъ сказать, любезный другъ, что въ сегодняшнемъ номерѣ «Пчелы» находится опять несправедливѣйшая и пошлѣйшая статья, направленная противъ Пушкина; къ этой статьѣ будетъ продолженіе: поэтому предлагаю вамъ призвать Булгарина и запретить ему отнынѣ печатать какія бы то ни было критики на литературныя произведенія... Но графъ былъ въ странно пріятельскихъ отношеніяхъ съ Булгаринымъ и всегда находилъ возможность отводить отъ него грозу. Любопытно донесеніе Бенкендорфа по поводу прошенія Пушкина о возвращеніи поданной имъ отставки. «Такъ какъ онъ (т.-е. Пушкинъ) сознается въ томъ, что сдѣлалъ глупость, и предпочитаетъ казаться лучше непослѣдовательнымъ, нежели неблагодарнымъ, то я предполагаю, что вашему величеству благоугодно будетъ смотрѣть на его первое письмо, какъ будто его вовсе не было. Передъ нами мѣрило человѣка; лучше, чтобы онъ былъ на службѣ, нежели предоставленъ самому себѣ». Государь положилъ слѣдующую резолюцію: «Я ему прощаю, но позовите его, чтобы еще разъ объяснить ему всю бессмысленность его поведенія, и чѣмъ все это можетъ кончиться; то, что можетъ быть простиительно двадцатилѣтнему безумцу (*un fou de 20 ans*), не можетъ примѣняться къ человѣку 35 лѣтъ, мужу и отцу семей-

ства». Приведенныя выписки достаточно опредѣленно говорятъ о томъ, чѣмъ былъ Пушкинъ въ глазахъ руководящихъ сферъ.

Объ отношеніяхъ Николая Павловича къ Пушкину, ничуть не восторженныхъ и въ достаточной мѣрѣ холодныхъ и индифферентныхъ, можно судить еще по его перепискѣ съ княземъ Паскевичемъ, бывшимъ въ это время на Кавказѣ. 4-го февраля, среди всякихъ другихъ новостей, царь извѣщалъ «любезнаго отца командира» о прекрасныхъ результатахъ внезапнаго смотра гарнизона. «Сюрпризъ былъ для всѣхъ совершенный и всѣхъ до крайности изумилъ,—писалъ государь,—но мнѣ этого и надобно было, чтобы удостовѣриться, что все въ должномъ порядкѣ. На-дняхъ то же намѣреваюсь повторить съ загородною кавалеріей. Впрочемъ, здѣсь все тихо, и одна трагическая смерть Пушкина занимаетъ публику и служить пищей разнымъ глупымъ толкамъ. Онъ умеръ отъ раны за дерзкую и глупую, имъ же писанную, картель, но, слава Бога, умеръ христіаниномъ»¹⁾. Фельдмаршалъ Паскевичъ писалъ въ отвѣтъ царю: «жаль Пушкина, какъ литератора: (его не стало) въ то время, когда его талантъ созрѣвалъ»²⁾. Государь на эту фразу Паскевича далъ отвѣтъ: «Мнѣніе твое я совершенно раздѣляю, и про него можно справедливо сказать, что въ немъ оплакивается будущее, а не прошедшее. Впрочемъ всѣ толки про это дѣло, какъ и все на свѣтѣ, проходятъ, а судъ идетъ своимъ порядкомъ»³⁾. Итакъ, у Николая Павловича для характеристики трагической кончины не оказалось другихъ словъ, кромѣ «дерзкій и глупый». А самъ Пушкинъ (неотразимое впечатлѣніе фразъ Николая I въ перепискѣ съ Паскевичемъ и Михаиломъ Павловичемъ!) представлялъ въ его глазахъ величину довольно малоцѣнную. Пушкинъ, весь, какъ онъ выросъ до 1837 г., съ его творческими муками, не удовлетворялъ царя, и онъ не считалъ нужнымъ его оплакивать.

Но мы не имѣемъ въ виду здѣсь выяснять детально истинный характеръ отношеній царя къ поэту. Намъ важно отмѣтить взгляды государя на дѣло дуэли и его мнѣніе о Геккеренѣ. У насъ есть матеріалъ для отвѣта, въ высшей степени цѣнный, заключающійся въ письмѣ Николая Павловича, отъ 3-го февраля 1837 г., своему брату, великому князю Михаилу Павловичу⁴⁾. (Онъ въ это время находился въ Римѣ). Это письмо, въ которомъ автору нечего было скрывать свои интересы и инстинкты, начинается съ поздравленія съ прошедшимъ днемъ рожденія. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе событій, происшедшихъ послѣ послѣдняго письма. «Съ послѣдняго

¹⁾ Князь Щербатовъ. Генераль-фельдмаршалъ, князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. Приложенія къ тому пятому. Спб. 1896. Стр. 320.

²⁾ Ibid. Томъ пятый, стр. 169.

³⁾ Ibid. Приложенія къ 5-му тому, стр. 322.

⁴⁾ «Русская Старина», 1902 г., май, стр. 225—230.

моего письма здѣсь ничего важнаго не произошло, кромѣ смерти извѣстнаго Пушкина (курсивъ нашъ!) отъ послѣдствій раны на дуэли съ Дантесомъ». Сейчасъ мы приведемъ разсказъ Николая Павловича о дѣлѣ Пушкина. Этому разсказу посвящена приблизительно половина письма. Во второй половинѣ государь сообщаетъ брату о своемъ осмотрѣ корпусовъ кадетскихъ, о смотрѣ образцоваго и гусарскаго полка, о видѣ рекрутовъ, о здоровьѣ великой княжны, о комнатныхъ спектакляхъ въ концертной залѣ и о здоровьѣ командира всей гвардейской пѣхоты, К. И. Бистрома.

Изложеніе дѣла—очень сухо, и при всемъ желаніи нѣтъ возможности констатировать любовь и уваженіе къ Пушкину, тѣ чувства, о которыхъ съ такимъ восторгомъ говорятъ и князь Вяземскій и другіе. Вотъ какъ писалъ Николай Павловичъ своему брату: «Съ послѣдняго моего письма здѣсь ничего важнаго не произошло, кромѣ смерти извѣстнаго Пушкина отъ послѣдствій раны на дуэли съ Дантесомъ. Хотя давно ожидать было должно, что дуэлью кончится ихъ неловкое положеніе, но съ тѣхъ поръ, какъ Дантесъ женился на сестрѣ жены Пушкина, а сей послѣдній тогда же письменно отрекся отъ требованной сатисфакціи, надо было надѣяться, что дѣло заглушено. Дотоль Пушкинъ себя велъ, какъ каждый бы на его мѣстѣ сдѣлалъ, а хотя никто не могъ обвинять жену Пушкина, столь же мало оправдывали поведеніе Дантеса, а въ особенности гнуснаго его отца, Геккерена. Но послѣдній поводъ къ дуэли, котораго никто не постигаетъ и заключавшійся въ самомъ дерзкомъ письмѣ Пушкина къ Геккерену, сдѣлалъ Дантеса правымъ въ семъ дѣлѣ. *C'est le cas de dire, chasser le naturel, il revient au galop.* Пушкинъ погибъ, и, слава Богу, умеръ христіаниномъ. Это происшествіе возбудило тьму толковъ, наибольшую частію самыхъ глупыхъ, изъ коихъ одно порицаніе поведенія Геккерена справедливо и заслуженно; онъ точно велъ себя, какъ гнусная каналья. Самъ сводничалъ Дантесу въ отсутствіе Пушкина, уговаривая жену его отдаться Дантесу, который будто къ ней умиралъ любовью, и все это тогда открылось, когда послѣ перваго вызова на дуэль Дантеса Пушкинымъ Дантесъ вдругъ посватался на сестрѣ Пушкиной; тогда жена Пушкина открыла мужу всю гнусность поведенія обоихъ, бывъ во всемъ совершенно невинна. Такъ какъ сестра ея точно любила Дантеса, то Пушкинъ тогда же и отказался отъ дуэли. Но должно ему было при томъ и оставаться, чего не вытерпѣлъ. Дантесъ—подъ судомъ, равно какъ и Данзасъ, секундантъ Пушкина, и кончится по законамъ, и кажется, каналья Геккеренъ отсюда выбудетъ. По корпусамъ все въ порядкѣ» и т. д. ¹⁾).

¹⁾ «Кончится по законамъ», — писалъ Николай Павловичъ, оставляя безъ вниманія предсмертную мольбу Пушкина—простить Данзаса,

Письмо Николая Павловича написано 3-го февраля, и уже 3-го февраля государь могъ писать: «кажется, каналья Геккеренъ отсюда выбудетъ». Не имѣемъ данныхъ для отвѣта на вопросъ, предпринялъ ли что нибудь самъ Николай Павловичъ для отозванія Геккерена. А. О. Смирнова сообщаетъ въ своихъ запискахъ: «Государь отказался удостоить его прощальной аудіенціи. Онъ послалъ курьера въ Гаагу и потребовалъ, чтобы Геккерена отозвали; онъ даже написалъ королевѣ». Изъ этихъ трехъ строкъ нельзя сдѣлать достовѣрнаго вывода: такъ противорѣчивы свѣдѣнія, въ нихъ заключающіяся. О прощальной аудіенціи рѣчь могла идти только въ концѣ марта, а посылка курьера, повидимому, тоже относится Смирновой къ этому времени, но мы уже видѣли, что думалъ 3-го февраля государь объ отозваніи Геккерена. Сейчас мы увидимъ, что уже 2-го февраля Геккеренъ отправилъ свое прошеніе объ отозваніи. 3-го февраля Геккеренъ извѣщалъ Нессельроде: «Тысячу разъ благодарю, многоуважаемый графъ, за дружеское письмо, которое вы мнѣ только что прислали; я усматриваю въ немъ то расположеніе, которое вы мнѣ доказывали много разъ. Но теперь слишкомъ поздно; мое прошеніе уже отправлено; вчера я умолялъ короля отозвать меня, и сегодня дубликатъ этой просьбы отосланъ по почтѣ. Я чувствую, что долженъ былъ такъ поступить, и не сожалѣю объ этомъ. Я рассчитываю получить отъ васъ письмо въ будущую субботу; до тѣхъ поръ надѣюсь имѣть удовольствіе васъ повидать».

Итакъ, изъ письма къ Михаилу Павловичу видно, что Николай Павловичъ имѣлъ совершенно опредѣленное мнѣніе о роли Геккерена въ этомъ дѣлѣ. Это важно отмѣтить, потому что Николай Павловичъ для своего сужденія располагалъ несравненно болѣе многочисленными и болѣе важными данными, чѣмъ тѣ, которыя находятся сейчасъ въ нашемъ распоряженіи. Мы можемъ съ достовѣрностью утверждать, что государь ознакомился съ документами, доставленными Геккереномъ графу Нессельроде. Какіе же документы передалъ Геккеренъ графу? Извѣстны ли намъ они?

Въ ихъ числѣ находились, конечно, два письма Пушкина: первое—отъ 17-го ноября 1836 года къ виконту д'Аршіаку и второе—отъ 26-го января къ барону Геккерену. Въ первомъ — Пушкинъ бралъ свой первый вызовъ Дантесу назадъ, второе—это то самое дерзкое письмо, которое Пушкинъ бросилъ въ лицо барону Геккерену. Эти письма графъ Нессельроде вручилъ презусу комиссіи о дуэли, полковнику Бреверну, 8-го февраля 1837 года. А 28-го апрѣля вице-канцлеръ потребовалъ эти письма отъ военного министра обратно для отсылки ихъ къ уѣхавшему уже изъ Россіи барону

Геккерену¹⁾. Дѣйствительно, по снятіи копій и по окончаніи дѣла, подлинныя письма Пушкина были отправлены при отношеніи генералъ-аудитора отъ 30-го апрѣля 1837 года, за № 1514, директору канцеляріи военнаго министерства для обращенія министру иностранныхъ дѣлъ²⁾.

Графъ Нессельроде, возбуждая вопросъ о возвращеніи писемъ, указывалъ на то, что «при врученіи сихъ писемъ посланникъ просилъ его о возвращеніи ему оныхъ по минованіи надобности». Дѣйствительно, баронъ Геккеренъ придавалъ особое значеніе представленнымъ имъ бумагамъ. Онъ уѣхалъ изъ Россіи, не дождавшись этихъ бумагъ и получивъ отъ графа обѣщаніе переслать ихъ ему въ Гаагу черезъ русское посольство. По пріѣздѣ въ Гаагу Геккеренъ немедленно же явился въ русское посольство, имѣя между прочимъ въ виду показать, что онъ сохраняетъ добрыя отношенія съ русскими дипломатами, и тѣмъ поднять свой престижъ, сильно скомпрометированный и на родинѣ. Нашъ повѣренный въ дѣлахъ обратился съ слѣдующимъ не лишеннымъ интереса письмомъ къ вице-канцлеру.

«Баронъ Геккеренъ прибылъ сюда нѣсколько дней тому назадъ. Онъ тотчасъ же попросилъ и получилъ аудіенцію у ихъ королевскихъ высочествъ, у принца Оранскаго и принцессы Оранской. Но только сегодня въ среду—обычный пріемный день у короля—г. Геккеренъ долженъ предстать предъ его величествомъ. Не получая никакого увѣдомленія отъ вашего сіятельства относительно причины отозванія этого посланника и зная сверхъ того ваше всегдашнее благожелательное къ нему отношеніе, я полагалъ, что мой долгъ—отвѣчать сообразно той торопливости, съ которой онъ постарался меня видѣть тотчасъ... Геккеренъ, кажется, ожидалъ найти у меня нѣкоторые документы, которые ваше сіятельство рассчитывали доставить ему при посредствѣ посольства, и которые въ его глазахъ, повидимому, представляютъ огромную важность»...

По этому поводу повѣренный въ дѣлѣ просилъ указаній графа.

Не дожидаясь результата сношеній посольства, баронъ Геккеренъ писалъ изъ Гааги 27-го мая н. ст. своему замѣстителю въ Петербургѣ Гевеусу: «Будьте добры отправиться отъ моего имени къ графу Нессельроде и скажите ему, что я не нашелъ здѣсь бумагъ, которыя онъ обѣщалъ мнѣ выслать, и которыя касаются событія, заставившаго меня покинуть Россію. Эти бумаги—моя соб-

¹⁾ Пушкинъ. Документы Государственнаго и С.-Петербургскаго главнаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Изданіе Н. А. Гастфрейнда, Спб., 1900 г., стр. 59—60.

²⁾ Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное военно-судное дѣло. Спб., 1900 г., стр. 51—52. Требуемыя письма были отправлены Нессельроде при письмѣ военнаго министра гр. Чернышева отъ 1-го мая 1837 года, за № 2701. См. Н. А. Гастфрейндъ, *op. cit.*, стр. 54—60.

ственность, и я не допускаю мысли, чтобы министр, давший мнѣ формальное обѣщаніе ихъ возвратить, пожелалъ меня обмануть. Потребуйте ихъ и пошлите ихъ мнѣ немедленно же: документовъ числомъ пять».

Это письмо очень важно, потому что опредѣляетъ количество бумагъ, переданныхъ Геккереномъ графу Нессельроде. Ихъ было пять. Два изъ нихъ намъ извѣстны; остальные три неизвѣстны. Но мы знаемъ, что военно-судной комиссіи они не были представлены. Почему? Объ этомъ можно только догадываться. Съ увѣренностью можно утверждать, что, если бы эти документы маломальски говорили въ пользу Пушкина, Геккеренъ ихъ не представилъ бы. Но разъ Нессельроде не передалъ ихъ въ судъ, то не потому ли, что они заключали въ себѣ что либо компрометирующее Пушкина?

Пакетъ съ бумагами былъ присланъ въ русское посольство въ Гаагу для выдачи барону Геккерену при письмѣ графа Нессельроде 26-мая (7-го іюня) 1837 года.

III.

Объясненія, данныя Геккереномъ своему министру иностранныхъ дѣлъ. — Сообщение нѣмецкаго посланника Либерманна о дуэли Пушкина. — Свидѣтельства Либерманна и Геккерена объ отношеніи русскаго общества къ смерти Пушкина. — Новыя объясненія Геккерена, письмо его къ принцу Оранскому.

Геккеренъ очень скоро сообразилъ, что его фонды при русскомъ дворѣ стоятъ очень невысоко, хотя на первыхъ порахъ онъ и не уразумѣлъ всей значительности событій. Сначала онъ не представлялъ даже, чтобы смерть африкански мстительнаго Пушкина могла явиться такимъ важнымъ событіемъ и возбудить столь глубокое общественное негодованіе. Нужно было подумать о томъ, чтобы сохранить за собой положеніе на родинѣ, при дворѣ нидерландскомъ. Какъ посланникъ, онъ обязанъ былъ дать отчетъ своему министру иностранныхъ дѣлъ, барону Верстолку. Геккеренъ отправилъ свой отчетъ 30-го января.

Если бы мы и не имѣли отчета Геккерена, мы могли бы все-таки а priori составить довольно опредѣленное представленіе о его содержаніи. Отчетъ сводился къ слѣдующей схемѣ. Ухаживаній Дантеса за Натальей Николаевной и его увлеченія Геккеренъ не могъ отрицать, но, понятно, онъ долженъ былъ подчеркнуть невинность Пушкиной и отрицать существованіе преступной между ними связи. Первый вызовъ Пушкина Геккеренъ приписывалъ анонимнымъ письмамъ, а улаженіе дѣла съ первой дуэлью Геккеренъ относилъ на долю «общихъ друзей». Объяснить же причины второй дуэли, поводы къ оскорбительному письму поэта Ге-

керенъ рѣшительно отказывался и все сводилъ къ характеру поэта и его африканскому происхожденію.

Но обратимся къ самому документу и приведемъ въ полномъ и буквальномъ переводѣ частное письмо посланника Геккерена къ своему министру.

«С.-Петербургъ, 11-го февраля (30-го января), 1837 г.

«Господинъ баронъ!

«Грустное событіе въ моемъ семействѣ заставляетъ меня прибѣгнуть къ частному письму, чтобы сообщить подробности о немъ вашему превосходительству. Какъ ни печаленъ былъ его исходъ, я былъ поставленъ въ необходимость поступить именно такъ, какъ я это сдѣлалъ, и я надѣюсь убѣдить въ томъ и ваше превосходительство простымъ изложеніемъ всего случившагося.

«Вы знаете, баронъ, что я усыновилъ одного молодого человѣка, жившаго много лѣтъ со мною, и который носитъ теперь мое имя.

«Уже годъ, какъ мой сынъ отличаетъ въ свѣтѣ одну молодую и красивую женщину, г-жу Пушкину, жену поэта съ тою же фамиліей. Честью могу завѣрить, что это расположеніе никогда не переходило въ преступную связь, все петербургское общество въ этомъ убѣждено, и г. Пушкинъ также кончилъ тѣмъ, что призналъ это письменно и при многочисленныхъ свидѣтеляхъ¹⁾. Происходя отъ одного африканскаго негра, любимца Петра Великаго, г. Пушкинъ унаслѣдовалъ отъ предка свой мрачный и мстительный характеръ (*caractère ombrageux et vindicatif*).

«Полученныя имъ отвратительныя анонимныя письма, около четырехъ мѣсяцевъ тому назадъ, разбудили его ревность и заставили его послать вызовъ моему сыну, который тотъ принялъ безъ всякихъ объясненій.

«Однако въ дѣло вмѣшались общіе друзья. Сынъ мой, понимая хорошо, что дуэль съ г. Пушкинымъ уронила бы репутацію жены послѣдняго и скомпрометтировала бы будущность его дѣтей, счелъ за лучшее дать волю своимъ чувствамъ и попросилъ у меня разрѣшенія сдѣлать предложеніе сестрѣ г-жи Пушкиной, молодой и хорошенькой особѣ, жившей въ домѣ супруговъ Пушкиныхъ; этотъ бракъ, вполнѣ приличный съ точки зрѣнія свѣта, такъ какъ дѣвушка принадлежала къ лучшимъ фамиліямъ страны, спасалъ все: репутація г-жи Пушкиной оставалась внѣ подозрѣній, мужъ, разу-

¹⁾ Это мѣсто неясно. О какомъ письменномъ признаніи невинности Пушкиной говоритъ Геккеренъ, мы не знаемъ; быть можетъ, что нибудь подобное находилось въ числѣ бумагъ, присланныхъ Геккереномъ графу Нессельроде. А многочисленные свидѣтели, о которыхъ упоминаетъ Геккеренъ, уже не были ли этѣ свидѣтели кончины поэта, въ предсмертныя часы повторявшаго о невинности жены?

вѣренный въ мотивахъ ухаживанія моего сына, не имѣлъ бы болѣе поводовъ считать себя оскорбленнымъ (повторяю, клянусь честью, что онъ имѣ никогда и не былъ), и, такимъ образомъ, поединокъ не имѣлъ бы уже смысла. Вслѣдствіе этого я полагалъ своей обязанностью дать согласіе на этотъ бракъ. Но мой сынъ, какъ порядочный человѣкъ и не трусъ, хотѣлъ сдѣлать предложеніе только послѣ поединка, несмотря на то, что зналъ мое мнѣніе на этотъ счетъ. Секунданты были выбраны обѣими сторонами, какъ вдругъ г. Пушкинъ написалъ имъ, что, будучи освѣдомленъ общей мольбой о намѣреніяхъ моего сына, онъ не имѣетъ болѣе причинъ его вызывать, что считаетъ его человѣкомъ храбрымъ и берегъ свой вызовъ обратно, прося г. Геккерена возвратить ему его слово и вѣстѣ съ тѣмъ уполномочивая секундантовъ воспользоваться этимъ письмомъ по ихъ усмотрѣнію ¹⁾.

«Когда это дѣло было, такимъ образомъ, покончено, я, какъ это принято между порядочными людьми, просилъ руки г-жи Гончаровой для моего сына.

«Два мѣсяца спустя, 10-го (22-го) января, бракъ былъ совершенъ въ обѣихъ церквахъ въ присутствіи всей семьи. Графъ Григорій Строгановъ съ супругой, родные дядя и тетка молодой дѣвушки, были ея посаженными отцомъ и матерью, а съ моей стороны графиня Нессельроде была посаженной матерью, а князь и княгиня Бутера свидѣтелями²⁾.

«Съ этого времени мы въ семьѣ наслаждались полнымъ счастьемъ; мы жили, обласканные любовью и уваженіемъ всего общества, которое наперерывъ старалось осыпать насъ многочисленными тому доказательствами. Но мы старательно избѣгали посѣщать домъ господина Пушкина, такъ какъ его мрачный и мстительный характеръ намъ былъ слишкомъ хорошо знакомъ. Съ той или другой стороны отношенія ограничивались лишь поклонами.

«Не знаю, чему слѣдуетъ приписать нижеслѣдующее обстоятельство: необъяснимой ли ко всему свѣту вообще и ко мнѣ въ част-

¹⁾ Геккеренъ излагаетъ письмо Пушкина къ секундантамъ, посланное графу Соллогубу на квартиру Дантеса, далеко неточно, пожалуй, даже рассчитанно неточно. Пушкинъ вовсе не просилъ Геккерена возвратить ему слово и не называлъ Дантеса храбрымъ человѣкомъ. Вотъ это письмо: «Я не затрудняюсь написать то, что могу заявить устно. Я вызвалъ г. Ж. Геккерена на дуэль, и онъ принялъ это, не вступая ни въ какія объясненія. Я же и прошу господъ свидѣтелей этого дѣла, чтобы они благоволили смотрѣть на этотъ вызовъ, какъ на не бывшій, узнавъ по общему голосу (*la voix publique*), что г. Жоржъ Геккеренъ рѣшился объявить свое намѣреніе вступить въ бракъ съ г-жей Гончаровой послѣ дуэли. Я не имѣю никакого повода приписывать его рѣшеніе соображеніямъ, недостойнымъ порядочнаго человѣка. Я прошу васъ, графъ, сдѣлать изъ этого письма употребленіе, какое сочтете нужнымъ».

²⁾ И тутъ Геккеренъ допускаетъ неточность. Выше мы привели справку о бракосочетавіяхъ: ни князь, ни княгиня Бутера не были свидѣтелями при бракосочетаніи, по крайней мѣрѣ, они не расписывались въ книгѣ.

ности зависти, или какому либо другому невѣдомому побужденію, — но только прошлый вторникъ (сегодня у насъ суббота), въ ту минуту, когда мы собирались на обѣдъ къ графу Строганову, и безъ всякой видимой причины, я получаю письмо отъ господина Пушкина. Мое перо отказывается воспроизвести всѣ отвратительныя оскорбленія, которыми наполнено было это подлое письмо.

«Все же я готовъ представить вашему превосходительству копию съ него, если вы потребуете, но на сегодня разрѣшите ограничиться только увѣреніемъ, что самые презрѣнныя эпитеты были въ немъ даны моему сыну, что доброе имя его достойной матери, давно умершей, было попрано, что моя честь и мое поведеніе были оклеветаны самымъ гнуснымъ образомъ.

«Что же мнѣ оставалось дѣлать? Вызвать его самому? Но, впервыхъ, общественное званіе, которымъ королю было угодно меня облечь, препятствовало этому; кромѣ того, тѣмъ дѣло не кончилось бы. Если бы я остался побѣдителемъ, то обезчестилъ бы своего сына; недоброжелатели всюду бы говорили, что я самъ вызвался, такъ какъ уже разъ улаживалъ подобное дѣло, въ которомъ мой сынъ обнаружилъ недостатокъ храбрости; а если бы я палъ жертвой, то его жена осталась бы безъ поддержки, такъ какъ мой сынъ неминуемо выступилъ бы мстителемъ. Однако я не хотѣлъ опереться только на мое личное мнѣніе и посоветовался съ графомъ Строгановымъ, моимъ другомъ. Такъ какъ онъ согласился со мною, то я показалъ письмо сыну, и вызовъ господину Пушкину былъ посланъ.

«Встрѣча противниковъ произошла на другой день, въ прошлую среду. Дрались на пистолетахъ. У сына была прострѣлена рука навывлетъ, и пуля остановилась въ боку, причинивъ сильную контузію. Господинъ Пушкинъ былъ смертельно раненъ и скончался вчера среди дня. Такъ какъ его смерть была неизбежна, то императоръ убѣдилъ его умереть христіаниномъ, послалъ ему свое прощеніе и обѣщавъ позаботиться о его женѣ и дѣтяхъ.

«Нахожусь пока въ неизвѣстности относительно судьбы моего сына. Знаю только, что императоръ, сообщая эту роковую вѣсть императрицѣ, выразилъ увѣренность, что баронъ Геккеренъ былъ не въ состояніи поступить иначе. Его жена находится въ состояніи, достойномъ всякаго сожалѣнія. О себѣ ужъ не говорю.

«Такое, баронъ, быстрый ходъ изложеннаго здѣсь событія. Со слѣдующей почтой сочту своимъ долгомъ прислать вашему превосходительству новыя данныя, могущія окончательно освѣтить въ вашемъ сознаніи происшедшее, на тотъ случай, если бы вы желали довести до его величества этотъ отчетъ, вполне точный и безпристрастный. Если что нибудь можетъ облегчить мое горе, то только тѣ знаки вниманія и сочувствія, которые я получаю отъ всего петербургскаго общества. Въ самый день катастрофы графъ

и графиня Нессельроде, такъ же, какъ и графъ и графиня Страновы, оставили мой домъ только въ часъ пополудни».

Въ этомъ объясненіи Геккерена бросается въ глаза крайняя краткость его сообщенія о первомъ вызовѣ. «Вмѣшались общіе друзья»... и только! О своихъ же стараніяхъ и хлопотахъ Геккеренъ умалчиваетъ. Въ письмѣ кн. Вяземскаго къ Михаилу Павловичу роль Геккерена выяснена достаточно ярко, и мы не имѣемъ основаній не довѣрять кн. Вяземскому. Геккеренъ самъ поѣхалъ къ Пушкину, самъ просилъ его объ отсрочкѣ, самъ убивался передъ нимъ и говорилъ, что «видитъ все зданіе своихъ надеждъ разрушеннымъ до основанія въ ту самую минуту, когда считалъ свой трудъ доведеннымъ до конца», и т. д. Для насъ остается неясной роль Дантеса. Кн. Вяземскій сообщаетъ, что «вызовъ Пушкина не попалъ по назначенію». Зналъ ли Дантесъ о вызовѣ и о тѣхъ махинаціяхъ, которыя предпринималъ Геккеренъ? Въ связи съ тѣмъ или инымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ находится и рѣшеніе вопроса о характерѣ сдѣланнаго Дантесомъ предложенія Екатерины Гончаровой. Дѣйствія Геккерена и Дантеса нужно раздѣлять: если для перваго неожиданная свадьба съ Екатериной Гончаровой являлась средствомъ избѣжать дуэли, то вѣдь для втораго, если онъ былъ искренно увлеченъ Натальей Николаевной, предложеніе было благороднымъ выходомъ и дѣйствительно могло вытекать изъ искренняго стремленія охранить честь женщины. Во всякомъ случаѣ, для будущихъ соображеній просимъ запомнить, что въ объясненіи своему министру Геккеренъ подчеркиваетъ благородный характеръ дѣйствій Дантеса.

Прежде чѣмъ, перейти къ дальнѣйшимъ объясненіямъ Геккерена, остановимся на одномъ сообщеніи объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ дуэли. Оно близко совпадаетъ съ донесеніемъ Геккерена и даетъ, между прочимъ, нѣсколько новыхъ и не расходящихся съ версіей Геккерена подробностей. Эти совпаденія, а также дипломатическое происхожденіе этого сообщенія свидѣлствуютъ о томъ, что оно идетъ изъ сферъ, близкихъ нидерландскому посланнику, и должно быть сопоставлено съ его объясненіями. Это сообщеніе было сдѣлано нѣмецкимъ посланникомъ Либрманномъ своему двору. Приводимъ изъ него лишь отрывокъ, относящійся до исторіи дуэли: «Статскій совѣтникъ А. Мусинъ-Пушкинъ (sic!), по общему признанію, занимавшій первое мѣсто среди современныхъ русскихъ поэтовъ и пользовавшійся огромною популярностью, хотя, какъ человѣкъ, онъ былъ характера грубаго, насмѣшливаго и задирающаго (*d'un caractère violent, satyrique et offensif*), былъ женатъ уже нѣсколько лѣтъ на молодой женщинѣ замѣчательной красоты; она, находясь въ родствѣ со многими знатными семействами этой столицы, являлась однимъ изъ главныхъ украшеній баловъ высшаго общества. Превозносимая свѣтомъ,

m-ше Пушкина была также предметомъ очень пылкаго обожанія со стороны одного молодого человѣка, француза по происхожденію, который состоитъ на русской службѣ, какъ офицеръ Кавалергардскаго полка. Его имя—Дантесъ, но, будучи усыновленъ въ прошломъ году нидерландскимъ министромъ, носитъ теперь фамилію барона Геккерена. Кажется, эти ухаживанія съ нѣкоторыхъ поръ вызывали безпокойства въ г. Пушкинѣ, у котораго была крайне некрасивая фигура, и ревность котораго вошла въ пословицу,—и вся его африканская ярость (потому что онъ былъ внукомъ негра, привезеннаго въ Россію) разразилась противъ этого офицера изъза какихъ-то анонимныхъ писемъ, которыя были адресованы ему, какъ и нѣкоторымъ другимъ, и заключали что-то въ родѣ патента на званіе обманутаго мужа и т. д... Не входя ни въ какія предварительныя объясненія, Пушкинъ отправилъ молодому Геккерену вызовъ, написанный въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ. Они сдѣлали бы дуэль неизбѣжной, если бы письмо пришло прямо по назначенію; но случайно оно попало въ руки приѣмнаго отца, который, не скрывъ отъ сына факта вызова, не сообщилъ ему всего содержанія обиднаго письма. Такъ какъ молодой человѣкъ, заявляя, что онъ готовъ драться съ Пушкинымъ, если послѣдній можетъ считать себя обиженнымъ имъ, въ то же время самымъ торжественнымъ образомъ заявлялъ своему отцу, что онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго посягательства на честь вызвавшаго, и что жена его совершенно невинна, то нидерландскій министръ сдѣлалъ нѣсколько примирительныхъ попытокъ передъ родственниками и друзьями семьи Пушкиныхъ, въ результатѣ которыхъ убѣдилъ въ истинѣ Пушкина, который къ тому же съ самаго начала всегда заявлялъ, что онъ совершенно убѣжденъ въ невинности жены. Вызовъ Пушкинымъ былъ формально взятъ обратно, и его честь, какъ и честь его жены, были въ безопасности отъ всякихъ нападокъ тѣмъ болѣе, что въ концѣ концовъ, чтобы положить конецъ подвизающемуся по поводу этого дѣла шуму, молодой баронъ Геккеренъ совершенно добровольно рѣшился жениться на сестрѣ m-ше Пушкиной, которой онъ также оказывалъ большое вниманіе. Хотя дѣвушка не имѣла никакого состоянія, приѣмный отецъ молодого человѣка далъ свое согласіе на бракъ... Г-жа Пушкина, какъ прежде, появлялась на всѣхъ балахъ, окруженная, какъ всегда, поклонниками, и никто не могъ тогда подумать, что это дѣло такъ трагически кончится. Узналъ ли Пушкинъ какія нибудь новыя скверныя шутки на свой счетъ, или по какому либо другому мотиву, но въ прошлый понедѣльникъ онъ отправилъ нидерландскому министру новое письмо, которое заключало въ себѣ самыя грубыя оскорбленія не только молодого барона Геккерена, но и его приѣмнаго отца. Все содержаніе этого письма полно такого бѣшенства, такой гнусности, какую трудно себѣ вообразить. Констатировавъ

авторство этого невѣроятнаго посланія, молодой баронъ не могъ колебаться въ рѣшеніи, и его пріемный отецъ отвѣтилъ Пушкину» и т. д.

Схема сообщенія нѣмецкаго посланника и донесенія Геккерена одинакова. Та же корректность Дантеса, та же необъяснимость причинъ второй дуэли... Даже опредѣленіе характера Пушкина въ письмѣ Либерманна удивительно напоминаетъ манеру Геккерена. Для послѣдняго характеръ поэта былъ «*ombrageux et vindicatif*», а для Либерманна «*violent, satyrique et offensif*». Подобно Геккерену, и Либерманнъ не упускаетъ случая отмѣтить африканское происхожденіе Пушкина и его «*fureur africaine*».

По письму Геккерена своему министру видно, что 30 января Геккеренъ не предполагалъ, что ему придется ставить вопросъ о своемъ отозваніи. Но событія развивались быстро, и ко дню похоронъ Пушкина волна общественнаго негодованія поднялась высоко. Недовольство общества вышло за предѣлы, дозволенные начальствомъ. Не будетъ парадоксомъ утверженіе, что Геккерена заставило удалиться изъ Россіи вовсе не это непріязненное отношеніе къ нему Николая Павловича, а негодованіе, поднявшееся изъ интеллигентныхъ слоевъ русскаго общества. Ниже мы приведемъ документальныя доказательства этого положенія. Дѣйствительно, послѣ событій 14 декабря 1825 года русское общественное мнѣніе имѣло первую и серьезную побѣду въ дѣлѣ смерти Пушкина. Кто же являлся представителемъ этого общественнаго мнѣнія? Конечно, не люди двора, не ближайшіе друзья Пушкина. Весьма любопытныя данныя на этотъ счетъ находимъ въ донесеніяхъ извѣстнаго намъ Либерманна. 2 февраля онъ писалъ своему правительству слѣдующее:

«Военный судъ, учрежденный надъ барономъ Геккереномъ, еще не вынесъ приговора, и еще менѣе извѣстно, каково будетъ то наказаніе, какое императоръ признаетъ справедливымъ наложить на молодого офицера. Правда, его величество высказался въ началѣ довольно благопріятно на его счетъ, признавая, что онъ совершенно не могъ отказаться отъ вызова своего бѣшенаго противника, и что во время дуэли, которая, по всегдашнимъ заявленіямъ Пушкина, должна быть во всякомъ случаѣ смертельнымъ поединкомъ, поведеніе его было и честно и смѣло. Но между тѣмъ начинаютъ думать, что императоръ не пожелаетъ, а, быть можетъ, не сможетъ всецѣло слѣдовать своимъ первымъ впечатлѣніямъ, но подвергнетъ барона Геккерена, по меньшей мѣрѣ, на нѣкоторое время достаточно суровому наказанію, хотя бы для того, чтобы успокоить раздраженіе и крики о возмездіи или, если угодно, горячую жажду публичнаго обвиненія, которую вызвало печальное происшествіе. Это чувство проявилось въ низшихъ слояхъ населенія столицы съ гораздо большей силою, чѣмъ въ рядахъ высшаго общества, потому что, съ одной стороны, въ послѣднихъ лучше знаютъ истин-

ный ходъ и сущность дѣла, а съ другой стороны, понятно, Пушкинъ былъ болѣе популяренъ и встрѣчалъ большее поклоненіе у русскихъ низшихъ слоевъ, которые совсѣмъ не знаютъ иностранныхъ литературъ и, не имѣя вслѣдствіе этого критерія для справедливаго сравненія, создавали преувеличенную оцѣнку его литературныхъ заслугъ. Смерть Пушкина представляется здѣсь, какъ несравнимая потеря страны, какъ общественное бѣдствіе. Национальное самолюбіе возбуждено тѣмъ сильнѣе, что врагъ, пережившій поэта,—иноземнаго происхожденія. Громко кричатъ о томъ, что было бы невыносимо, чтобы французы могли безнаказанно убить человѣка, съ которымъ исчезла одна изъ самыхъ свѣтлыхъ національныхъ славъ. Эти чувства проявились уже во время похоронныхъ церемоній... Думаютъ, что со времени смерти Пушкина и до перенесенія его праха въ церковь въ его домѣ пребывало до 50.000 лицъ всѣхъ состояній, многія корпораціи просили о разрѣшеніи нести останки умершаго. Шелъ даже вопросъ о томъ, чтобы отпрячь лошадей траурной колесницы и предоставить несеніе тѣла народу.

«Наконецъ, демонстраціи и оваціи, вызванныя смертью человѣка, который былъ извѣстенъ за величайшаго атеиста, достигли такой степени, что власть, опасаясь нарушенія общественного порядка, приказала внезапно перемѣнить мѣсто, гдѣ должны были состояться торжественныя похороны, и перенести тѣло въ церковь ночью».

Правда, Либерманнъ не ограничился констатированіемъ факта и попробовалъ подыскать объясненіе такому отношенію народа къ Пушкину съ космополитически реакціонной точки зрѣнія. Вспомнимъ, что въ 1837 году правительства были насторожѣ противъ всякихъ революціонныхъ посягательствъ, и въ ненависти къ идеаламъ новой свободы всѣ они сходились. «Но я не считаю своимъ долгомъ скрыть,—заканчивалъ свое донесеніе нѣмецкій посланникъ,— что, къ несчастію, есть основанія думать, что значительная доля овацій, которымъ дала поводъ смерть Пушкина, можетъ и должна быть поставлена также за счетъ той специфической популярности, которую покойный снискалъ у нѣкоторыхъ лицъ и въ извѣстныхъ слояхъ общества идеями современнаго либерализма. Эти идеи ему угодно было исповѣдывать, и онѣ побудили его не только писать позорные стихи по адресу покойнаго императора Александра, но и принять участіе въ политическихъ проискахъ, весьма наказуемыхъ. Я знаю положительно, что подъ покровомъ горячаго патріотизма въ теченіе нѣсколькихъ дней въ Петербургѣ держатъ весьма необычныя рѣчи, утверждая, между прочимъ, что Пушкинъ былъ еще единственной опорой, единственнымъ представителемъ вольностей народа» и т. д.

Будемъ ли мы возражать противъ утвержденій Либерманна, аналогичныхъ, какъ сейчасъ увидимъ, и мнѣніями Геккерена? Для

своего времени подобныя сообщенія носили явно доносительный характеръ. Мы знаемъ о тѣхъ совмѣстныхъ усиліяхъ, которыя вложили кн. Вяземскій и Жуковскій въ исполненіе неблагодарной задачи реабилитировать политическую репутацію поэта. Они имѣли дѣло съ донесеніями, витавшими, такъ сказать, вокругъ особы Бенкендорфа; въ сообщеніяхъ же пословъ на сцену выступаетъ космополитическій сыскъ правительственной реакціи. Въ настоящее время мы можемъ безъ особаго риска разыскать въ этихъ донесеніяхъ зерно истины. Доносы тѣмъ и характеризуются, что они извращаютъ факты, но они могутъ вѣрно улавливать тенденціи. Эта возможность объясняется крайней противоположностью психологіи доносчика и того, кто является объектомъ его доноса. Тутъ— враждебная противоположность психологій, и она-то и помогаетъ вѣрно уловить намѣренія и тенденціи. Что же? Былъ ли Пушкинъ революціонеромъ? Если этотъ вопросъ мы и оставимъ безъ отвѣта, то во всякомъ случаѣ при рѣшеніи вопроса объ общественныхъ взглядахъ Пушкина мы должны вспомнить всѣ обвиненія его въ неблагонадежности и революціонности. Мы не будемъ перебирать всѣхъ аргументовъ изъ исторіи жизни и творчества, направленныхъ на доказательство того положенія, что Пушкинъ по своему міровоззрѣнію, по своимъ общественнымъ взглядамъ былъ прогрессивнымъ человѣкомъ. Еще такъ недавно эти аргументы были перебраны В. Е. Якушкинымъ въ его статьѣ «Общественные взгляды Пушкина»¹⁾. Для насъ достаточно только указанныхъ посмертныхъ обвиненій и доносовъ на Пушкина, чтобы констатировать, что по всему своему міровоззрѣнію, по всему складу своей жизни, по характеру работы Пушкинъ для Бенкендорфа, а за нимъ и для всего правительственнаго режима, для Либерманна и Геккерена, а за ними и для высшей части русскаго общества, консервативнаго и буржуазнаго, былъ человѣкомъ враждебной психики, былъ полной противоположностью ихъ самихъ. По психикѣ, по тенденціямъ своимъ онъ былъ для всѣхъ нихъ революціонеръ. И это доносительное признаніе является, по нашему мнѣнію, лучшимъ доказательствомъ прогрессивности его общественныхъ взглядовъ.

Но вернемся къ Геккерену. Мы оставили его послѣ отправленія объясненія въ Нидерланды. 2 февраля онъ пишетъ новое письмо, но уже совершенно иного характера. Онъ прямо вызываетъ объ отозваніи. Сдержанный и полный самообладанія тонъ перваго письма мѣняется на совершенно растерянный. По освѣщенію событій онъ всецѣло примыкаетъ къ донесенію Либерманна. Геккеренъ писалъ:

¹⁾ «Наша Дня», 1904, декабрь.

«Долгъ чести повелѣваетъ мнѣ не скрыть отъ васъ того, что общественное мнѣніе высказалось при кончинѣ г. Пушкина съ болѣею силой, чѣмъ предполагали. Но необходимо выяснитъ, что это мнѣніе принадлежитъ не высшему классу, который понималъ, что въ такихъ роковыхъ событіяхъ мой сынъ по справедливости не заслуживалъ ни малѣйшаго упрека; его поведение было достойно честнаго человѣка и обнаруживаетъ осмотрительность, несвойственную обыкновенно его возрасту, и на которую самъ онъ былъ бы, безъ сомнѣнія, неспособенъ при другихъ обстоятельствахъ.

«Чувства, о которыхъ я теперь говорю, принадлежатъ лицамъ изъ третьяго сословія, если такъ можно назвать въ Россіи классъ промежуточный между настоящей аристократіей и высшими должностными лицами, съ одной стороны, и народной массой, совершенно чуждой событію, о которомъ она и судить не можетъ,—съ другой. Сословіе это состоитъ изъ литераторовъ, артистовъ, чиновниковъ низшаго разряда, національныхъ коммерсантовъ высшаго полета и т. д. Смерть г. Пушкина открыла, по крайней мѣрѣ, власти существованіе цѣлой партіи, главой которой онъ былъ, можетъ быть, исключительно благодаря своему таланту въ высшей степени народному. Эту партію можно назвать реформаторскою: этимъ названіемъ пользуются сами ея члены.

«Если вспомнить, что г. Пушкинъ былъ замѣшанъ въ событіяхъ, предшествовавшихъ 1825 году, то можно заключить, что такое предположеніе не лишено основаній.

«Выносъ тѣла почившаго въ церковь долженъ былъ состояться вчера днемъ, но чтобы избѣжать манифестацій при выраженіи чувствъ, обнаружившихся уже въ то время, какъ тѣло было выставлено въ домъ покойнаго,—чувствъ, которыя подавить было бы невозможно, а поощрять ихъ не хотѣли,—погребальная церемонія была совершена въ часъ пополудни. По этой же причинѣ участвующіе были приглашены въ церковь при Адмиралтействѣ, а отпѣваніе происходило въ Конюшенной церкви.

Очень можетъ быть, что нѣсколькихъ дней будетъ достаточно, чтобы утишить это волненіе, тѣмъ болѣе, что оно не выразилось ни разу угрожающимъ образомъ; однимъ словомъ, это былъ просто взрывъ чувства и гордости народной, затронутыхъ личностью поэта самаго популярнаго въ Россіи. Въ то время, какъ честь литератора охранялась почитателями, честь частнаго человѣка считывала лишь немногихъ друзей. Сказанное мною есть дань, которую я, думается, могу отдать истинѣ, не нарушая тѣмъ уваженія къ могилѣ.

«Все-таки, ваше превосходительство, признаете, что я ничего не скрываю, даже, можетъ быть, самъ склоненъ преувеличивать значеніе происходящаго. Какъ бы то ни было, считаю своимъ суро-

вымъ долгомъ поставить васъ въ извѣстность объ истинномъ положеніи вещей въ ту минуту, какъ я могу опасаться, что уже буду не въ состояніи служить моему монарху здѣсь такъ, какъ моя честь и мои чувства къ родинѣ мнѣ повелѣваютъ, и какъ, смѣю надѣяться, я имѣлъ счастье служить до сихъ поръ.

«Его величество рѣшить, долженъ ли я быть отозванъ, или могу помѣняться мѣстами съ однимъ изъ моихъ коллегъ. Если мнѣ, при настоящихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я лично заинтересованъ, позволено будетъ высказаться, то осмѣлюсь почтительнѣйше доложить, что немедленное отозваніе меня было бы громогласнымъ выраженіемъ неодобренія моему поведенію. Я былъ бы этимъ глубоко огорченъ, а что касается настоящаго печальнаго событія, совѣсть моя говоритъ, что я не заслуживаю такого приговора, который сразу погубилъ бы всю мою карьеру, какъ общественнаго дѣятеля. Моимъ желаніемъ было бы перемѣнить резиденцію; эта мѣра, удовлетворяя настоящей необходимости, доказала бы вмѣстѣ съ тѣмъ, что я не лишился довѣрія короля, моего августѣйшаго повелителя, которымъ онъ удостаивалъ меня въ теченіе столькихъ лѣтъ, и потери котораго, осмѣлюсь повторить, я не заслужилъ.

«Какъ вѣрный и преданный слуга, я буду ожидать приказаній его величества, будучи увѣренъ, что отеческое попеченіе короля приметъ во вниманіе при данныхъ обстоятельствахъ, которыя ни измѣнить, ни предвидѣть я не могъ, тридцать одинъ годъ моей безпорочной службы, крайнюю ограниченность моихъ личныхъ средствъ и заботы о семьѣ, для которой я служу въ настоящее время единственной опорой; заботы эти въ виду положенія молодой жены моего сына не замедлятъ еще увеличиться.

«Такъ какъ уже много лѣтъ я пользовался указаніями вашего превосходительства, то смѣю разсчитывать, господинъ баронъ, на вашу поддержку въ настоящемъ случаѣ. Ваше благоволеніе непрестанно придавало мнѣ силъ для служенія государю; мнѣ хотѣлось бы надѣяться, что еще долго я смогу помогать вамъ въ исполненіи предначертаній нашего монарха къ чести и благу нашей родины. Вы обладаете, баронъ, такой великой душой, что я могу быть увѣреннымъ въ вашемъ одобреніи моего поведенія относительно этого роковаго событія, гдѣ чувство чести должно было заставить смолкнуть всѣ другія соображенія. Тотъ, кто не смогъ бы самъ заставить себя уважать, имѣлъ ли бы право быть представителемъ государя, который являетъ собою нашей эпохѣ примѣръ всѣхъ добродѣтелей и самой изумительной твердости?

«Ваше превосходительство поймете, съ какимъ нетерпѣніемъ я буду ожидать распоряженій, которыхъ я теперь домогаюсь».

Не ограничиваясь письмами къ Верстолю, Геккеренъ 3-го февраля обратился еще къ принцу Оранскому тоже съ просьбами о защитѣ и помощи. Ему онъ писалъ слѣдующее:

«Ваше высочество!

Въ ту минуту, когда меня поразило событіе, роковое и неожиданное въ одно и то же время, благоволеніе и, смѣю сказать, благорасположеніе, которымъ вашему королевскому высочеству угодно было меня удостоить, позволяетъ и даже вмѣняетъ мнѣ въ обязанность ничего не скрывать отъ васъ, что касается поводовъ и послѣдствій дуэли моего сына съ г. Пушкинымъ.

Чтобы не утруждать ваше королевское высочество подробностями, которыя, будучи, однако, необходимыми, слишкомъ бы растянули это письмо, я беру на себя смѣлость приложить къ нему копию писемъ, посланныхъ мною по этому предмету министру иностранныхъ дѣлъ¹⁾. Пусть ваше королевское высочество соблаговолитъ забыть на минуту свой высокій санъ и въ качествѣ только военнаго, только порядочнаго человѣка рѣшить: возможно ли было какъ либо иначе отразить подобныя оскорбленія? Еще разъ прибѣгну къ мнѣнію вашего высочества, для того, чтобы судить, могу ли я оставаться при императорскомъ дворѣ послѣ всего случившагося. Въ петербургскомъ обществѣ у меня есть и сторонники и хулители. Какъ частный человѣкъ, я бы остался, такъ какъ увѣренъ, что правда рано или поздно восторжествуетъ и привлечетъ общество на мою сторону, но какъ должностное лицо, имѣющее счастье быть представителемъ своего государя, я не въ правѣ допустить ни малѣйшаго порицанія своему образу дѣйствій.

Итакъ, смѣю надѣяться, что ваше королевское высочество поддержитъ передъ королемъ мою просьбу о переводѣ и назначеніи меня посланникомъ при другомъ дворѣ, гдѣ бы я могъ продолжать службу моему монарху и отечеству, посвящая имъ всѣ свои силы.

Ваше королевское высочество одобритъ меня, смѣю надѣяться, и эта увѣренность есть самое лучшее утѣшеніе въ горѣ, при обстоятельствахъ, отъ которыхъ страдала и страдаетъ моя любовь къ семьѣ, а карьерѣ угрожаетъ опасность, именно въ ту минуту, когда я менѣе всего могъ этого ожидать.

Благосклонность вашего королевскаго высочества всегда драгоценна и почетна, но теперь я особенно живо чувствую, сколько утѣшенія заключается въ сознаніи, что можешь надѣяться на чувство дружескаго расположенія въ лицѣ судьбы, такъ высоко по-

¹⁾ Это—тѣ два письма, которыя мы только что привели.

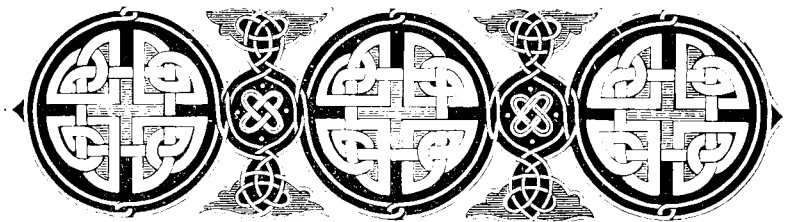
ставленнаго, благодаря своему сану, своимъ заслугамъ и благородству своей души».

Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи нѣтъ данныхъ, по которымъ мы могли бы судить о томъ, какъ отнеслось къ Геккерену его правительство, въ какой мѣрѣ оно сочло его виновнымъ. Но мы знаемъ, что по выѣздѣ изъ Россіи онъ сразу не получилъ мѣста, а нѣкоторое время жилъ съ семьей Дантеса и въ службѣ не состоялъ.

П. Щеголевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГОДЫ СМУТЫ И БОРЬБЫ.

Историческія параллели.

ВРЕМЯ, переживаемое нашим отечествомъ, время общаго смущенія, испуга и тревоги передъ загадочнымъ будущимъ, невольно переносить мысль ко временамъ прошедшимъ, когда Русская земля приходила тоже въ броженіе и полное разстройство, а по лицу ея непрерывно проносились социальныя и политическія бури и вихри. Кровавое зарево народнаго и государственнаго пожара было частымъ спутникомъ этихъ грозныхъ бурь, и по опустошенной ими землѣ раздавались вопли и стenanія, такъ что, казалось, весь народъ во всѣхъ его слояхъ сливался въ одномъ общемъ плачѣ о гибели и послѣднихъ дняхъ родной земли. Но великъ и милостивъ ея Богъ: бури стихали, взбудораженная народная стихія улегалась, вступала въ свои берега, и обновленная кровью и слезами Россія какъ бы возрождалась къ новой жизни — производительная, сильная и единая... Пережитыя историческія горести и страданія бывали тяжки и необъятны, но великому народу суждены и великія испытанія — въ нихъ зрѣлъ національная и политическая мощь и сила, въ нихъ горнилъ обрѣтается счастье грядущихъ поколѣній и вѣковъ. Этимъ-то историческимъ испытаніемъ и посвящаются настоящіе очерки, которымъ авторъ даетъ наименованіе «годовъ смуты и борьбы», почерпая начало изложенія ихъ изъ эпохи послѣ грознаго царя Ивана Васильевича и доводя конецъ ихъ изображенія до послѣднихъ двухъ десятилѣтій минувшаго XIX вѣка.

Передъ читателями развертывается такимъ образомъ длинный четырехсотлѣтній періодъ, на протяженіи котораго отмѣчаются главнымъ образомъ тѣ лишь годы, гдѣ или выступаютъ на первый планъ взрывы политическихъ и соціально-экономическихъ народныхъ страстей, или гдѣ мы наблюдаемъ явную и тайную организаціонную работу отдѣльныхъ лицъ и кружковъ, преслѣдующихъ цѣли ниспроверженія, тѣми или иными способами, существующаго государственнаго и общественнаго порядка вещей съ замѣною его новымъ политическимъ, соціальнымъ и экономическимъ строемъ. Такова программа предлагаемыхъ очерковъ; что касается ихъ содержанія, то если для эпохъ древнѣйшихъ приходится пользоваться достаточно извѣстными источниками, то для тревожныхъ годовъ минувшаго XIX столѣтія берутся источники, бывшіе до сихъ поръ малодоступными читателямъ, но содержащіе въ себѣ богатый матеріалъ для исторіи общественнаго развитія пореформенной Россіи. Кромѣ того, авторъ преднамѣренно допускаетъ нѣкоторое несоотвѣтствіе въ способахъ изложенія: въ первой части своей работы, въ виду достаточной извѣстности трактуемыхъ событій, онъ предпочитаетъ изложенію и перечисленію самихъ фактовъ ихъ освѣщеніе и выводы изъ нихъ, зато въ частяхъ, относящихся къ XIX столѣтію, онъ останавливается главнымъ образомъ на передачѣ событій, ихъ полнотѣ и хронологической послѣдовательности. Суммѣ собранныхъ здѣсь фактовъ еще преждевременно подводитъ итогъ и дѣлаетъ изъ нихъ заключеніе; сначала ихъ слѣдуетъ опубликовать и постараться въ непристрастномъ изложеніи представить, какъ болѣе или менѣе новый историческій матеріалъ въ нашей литературѣ, на судъ критики и читателей.

I.

Эпоха народныхъ смуть.

Резюмируя элементы, опредѣлявшіе приближеніе соціально-политическаго кризиса въ Московскомъ государствѣ конца XVI вѣка, профессоръ С. О. Платоновъ въ своемъ превосходномъ трудѣ: «Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вѣковъ», отмѣчаетъ, что «въ основаніи московскаго государственнаго и общественнаго порядка заложены были два внутреннихъ противорѣчія, которыя, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, давали себя чувствовать московскимъ людямъ. Первое изъ этихъ противорѣчій можно назвать политическимъ и опредѣлить словами В. О. Ключевскаго: «это противорѣчіе состояло въ томъ, что московскій государь, котораго ходъ исторіи велъ къ демократическому полномочию, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ очень аристократической администраціи». Такой порядокъ вещей привелъ къ

открытому столкновению московской власти съ родовитымъ боярствомъ во второй половинѣ XVI вѣка. Второе противорѣчіе было социальнымъ и состояло въ томъ, что подъ давленіемъ военныхъ нуждъ государства, съ цѣлью лучшаго устройства государственной обороны, интересы промышленнаго и земледѣльческаго класса, трудъ котораго служилъ основаніемъ народнаго хозяйства, систематически приносились въ жертву интересамъ служилыхъ землевладѣльцевъ, не участвовавшихъ непосредственно въ производительной дѣятельности страны. Послѣдствіемъ такого порядка вещей было недовольство тяглой массы и стремленіе ея къ выходу съ «тяглыхъ жеребьевъ» на черныхъ и частновладѣльческихъ земляхъ, а этотъ выходъ, въ свою очередь, вызвалъ рядъ другихъ осложненій общественной жизни. Оба противорѣчія въ своемъ раскрытіи, во вторую половину XVI вѣка, создали государственный кризисъ, послѣднимъ выраженіемъ котораго и было такъ называемое «Смутное время». Итакъ, корни русской смуты XVII вѣка глубоко были заложены въ явленіяхъ внутренней политики царствованія Грознаго, благодаря которой, по свидѣтельству профессора Платонова, все въ государственной жизни того времени было потрясено внутреннимъ кризисомъ и военными тогдашними неудачами, все потеряло устойчивость и бродило скрытымъ, внутреннимъ броженіемъ, пока не разразилось бурными явленіями самозванщины и междоусарствія, конецъ которымъ былъ положенъ совокупными силами и дѣйствіями всей земской Россіи.

Нѣтъ надобности излагать здѣсь событія русской смуты начала XVII вѣка: они общеизвѣстны, и въ послѣднее время русское общество, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ театра и сцены, имѣло возможность заинтересоваться многими любопытными моментами того достопамятнаго періода. Знаменитая трилогія графа Ал. Толстого, драма А. Суворина «Царь Димитрій Самозванецъ и царевна Ксенія», поставленныя на сцену и подогрѣвшія интересъ къ той эпохѣ, естественно вызвали вниманіе къ событіямъ и главнымъ дѣйствующимъ лицамъ того историческаго времени, популяризировали ихъ и послужили предметомъ широкаго и внимательнаго изученія этого времени. Независимо отъ театра, той же эпохѣ оказались посвященными нѣкоторыя научныя сочиненія, журнальныя статьи и газетныя замѣтки, въ основаніе которыхъ были положены вновь открытые источники и документы, касающіеся и всего Смутнаго времени и личности Димитрія Самозванца. Поэтому авторъ предлагаемыхъ «параллелей» оставляетъ прагматическую сторону дѣла безъ изложенія и считаетъ нужнымъ отмѣтить лишь нѣкоторые главнѣйшіе моменты въ ходѣ событій, затрагивающіе вопросы объ отношеніи нѣкоторыхъ круговъ тогдашней интеллигенціи къ формѣ государственнаго правленія и о роли земщины въ утвержденіи и укрѣпленіи опредѣленной формы правленія.

Профессоръ С. О. Платоновъ устанавливаетъ въ развитіи московской смуты три періода: династическій, социальный и національный. Въ первомъ періодѣ, начавшемся немедленно послѣ смерти Грознаго, на первомъ планѣ стоятъ борьба боярства за власть, попытки ограничить самодержавіе въ пользу боярства привлеченіемъ послѣдняго къ дѣлу управленія; въ этомъ періодѣ участіе въ ходѣ историческихъ событій со стороны народа и земщины очень слабо и почти незамѣтно, если не считать только за участіе буйство московской черни и пассивную санкцію тогдашнихъ неполныхъ и случайныхъ земскихъ соборовъ въ утвержденіи выставленныхъ тѣми или иными партіями боярства кандидатовъ на престолъ. Во второмъ періодѣ рѣшающій голосъ въ ходѣ событій беретъ на себя войско, которое послушно слѣдуетъ за излюбленными и популярными вождями, руководясь въ своихъ дѣйствіяхъ не столько твердо сознаваемыми соображеніями вѣшной или внутренней политики, сколько вѣрою въ счастье и удачу воинскихъ талантовъ своихъ руководителей. Третій періодъ выдвигаетъ на авансцену «самъ народъ», который соборно и единодушно сметаетъ съ арены историческаго театра и властолюбивое боярство съ его ограничительными политическими замыслами, и самозванчину, какъ проявленіе авантюризма, и иноземчину, какъ силу, грозящую политическому и національному единству и цѣлостности Русской земли. Этотъ «самъ народъ» громко поднимаетъ свой властный и рѣшающій голосъ, создаетъ національное правительство съ Михаиломъ Теодоровичемъ Романовымъ во главѣ и вручаетъ послѣднему единую нераздѣльную и самодержавную власть, безъ всякой тѣни на ней какихъ либо твердо оформленныхъ ограниченій, но съ придаткомъ къ ней народосовѣтія, какъ элемента, сопутствующаго исторической формулѣ любовнаго и неразрывнаго единенія царя съ народомъ.

Искровавленное и политически-ослабленное террористическою государственною программю управленія Грознаго, боярство, успѣвшее за время Теодора Іоанновича нѣсколько окрѣпнуть, снова стать на ноги и сѣорганизоваться, какъ только приблизилось силою событій къ престолу, изъ опасенія повторенія эпохи грознаго царя и исключительно въ интересахъ самозащиты и сословной безопасности, спѣшитъ уже внести въ государственную формулу управленія ограничительный придатокъ къ царской власти. Мысль объ ограниченіи этой власти впервые всплываетъ въ 1598 году, при избраніи на престолъ Бориса Годунова, но уже болѣе осязательно вводится въ политическую избирательную программу боярства, при возведеніи на престолъ Василія Шуйскаго.

Передавая о событіяхъ избранія Шуйскаго, профессоръ С. О. Платоновъ въ своихъ «Лекціяхъ по русской исторіи», при анализѣ крестоцѣловальной записи новоизбраннаго царя, отмѣчаетъ

въ ней три пункта ограничительнаго характера: 1) царь Шуйскій не имѣетъ власти никого лишать жизни безъ приговора боярской думы; 2) онъ не будетъ подвергаться гоненію невинную родню лицъ, виновныхъ въ преступленіяхъ; 3) онъ обязуется не давать вѣры доносамъ, не провѣривъ ихъ тщательнымъ слѣдствіемъ; если доносъ окажется лживымъ, то доносчикъ долженъ быть наказанъ. «Этими тремя условіями исчерпываются всѣ обѣщанія Шуйскаго», — говоритъ С. Θ. Платоновъ и разъясняетъ, что въ этихъ условіяхъ «трудно найти дѣйствительное ограниченіе царскаго полновластія, а можно видѣть только отказъ этого полновластія отъ недостойныхъ способовъ его проявленія; царь обѣщаетъ лишь воздержаться отъ причудъ личнаго произвола и дѣйствовать посредствомъ суда бояръ, который существовалъ одинаково во всѣ времена Московскаго государства и былъ всегда правоохранительнымъ и правообразовательнымъ учрежденіемъ, не ограничивающимъ, однако, власти царя». Съ этимъ толкованіемъ почтеннаго профессора врядъ ли можно согласиться, ибо идея абсолютнаго самодержавія, какъ такового, несомнѣстима съ условными «правовыми гарантіями», положенными въ основаніе свободнаго избранія на престолъ самодержца, и вотъ почему, при избраніи на престолъ Михаила Ѳеодоровича, соборъ не бралъ съ него крестоцѣловальную записи съ опредѣленно сформулированными правовыми гарантіями. Послѣднія суть атрибуты власти конституціонной, и въ этомъ ея главнѣйшее и существеннѣйшее отличіе отъ власти единодержавной и самодержавной. Поэтому и условія провозглашенія царемъ Василія Шуйскаго должны быть разсматриваемы, какъ условія съ характеромъ ограничительнымъ или конституціоннымъ, гдѣ въ будущей конституціи власть ограничительная признается не за «земскимъ соборомъ», какъ то мы увидимъ далѣе въ договорѣ съ Владиславомъ, а исключительно за боярскою думою, то-есть мы встрѣчаемся здѣсь съ первою реальною попыткою фактическаго созданія аристократической конституціи. Жизненнаго историческаго значенія эта попытка не имѣла: намъ извѣстенъ печальный конецъ Шуйскаго и краткій періодъ его царствованія. Еще менѣе практическаго значенія получилъ договоръ съ Владиславомъ или Сигизмундомъ, которому и совершенно не было суждено фактически осуществиться, такъ какъ договаривавшіеся даже не были уполномочены на веденіе переговоровъ хотя бы какою либо широкою и властною группою, опирающеюся въ своихъ правахъ на то или иное большинство отъ имени Русской земли. Конституція Владислава шла на встрѣчу интересамъ средняго сословія — «добрыхъ дворянъ», осуществляла скорѣе всего ихъ буржуазныя вождедѣнія и была далека, какъ отъ аристократической программы бояръ при избраніи Шуйскаго, такъ и отъ социальна-революціонной программы Болотникова, этого любопыт-

наго авантюриста эпохи самозванщины, которая по дѣйствовавшемъ въ ней мотивамъ во многомъ аналогична, какъ то увидимъ далѣе, и программѣ кроваваго разгула Стеньки Разина и программѣ кровавой расправы Емельяна Пугачева и даже тѣмъ нѣкоторымъ анархическимъ программамъ, которыя были провозглашены во второй половинѣ прошлаго столѣтія за границею М. Бакунинымъ и его ближайшими послѣдователями—«молодыми бакунистами».

Договорные пункты по избранію на русскій престолъ Владислава сводились къ слѣдующимъ главнѣйшимъ: 1) Владиславъ вѣнчается на царство отъ русскаго патріарха; 2) православіе въ Московскомъ государствѣ должно быть почитаемо и оберегаемо по-прежнему; 3) имущество и права какъ духовенства, такъ и свѣтскихъ чиновъ пребудутъ неприкосновенны; 4) судъ долженъ совершаться по старинѣ, измѣненіе въ законахъ не зависитъ отъ воли одного только Владислава: «то вольно будетъ боярамъ и всей землѣ»; 5) Владиславъ никого не можетъ казнить безъ вѣдома думы и безъ суда и слѣдствія, родню виновныхъ лицъ онъ не долженъ лишать имущества; 6) великихъ чиновъ людей Владиславъ обязанъ не понижать невинно, а меньшихъ долженъ повышать по заслугамъ; для науки будетъ дозволенъ свободный выѣздъ въ христіанскія земли; 7) подати собираются «по старинѣ», назначеніе новыхъ податей не можетъ произойти безъ согласія боярской думы; крестьяне не могутъ переходить ни въ предѣлахъ Московскаго государства, ни изъ Руси въ Литву и Польшу; 8) холопы должны оставаться въ прежнемъ состояніи, и вольности имъ король давать не будетъ.

Этотъ договоръ очень любопытенъ по своему содержанию: онъ консервативенъ, защищаетъ преимущественно интересы служилаго сословія и помѣстнаго дворянства и, какъ вышедшій изъ среды «тушинскихъ людей», представляетъ собою полную противоположность, антитезу анархической программы Болотникова, бывшей столь хорошо знакомой «воровскому» лагерю самозванца Лже-Петра. Болотниковъ, немало повидавшій на своемъ вѣку, побывавшій и въ Азіи, и въ Западной Европѣ, явился въ періодъ Смутаго времени апостоломъ кровавой соціальной революціи, собирая около себя приверженцевъ во имя ненависти къ имущимъ классамъ и въ цѣляхъ главнымъ образомъ насильственнаго соціально-экономическаго переворота. Коснувшись анализа Болотниковской программы, профессоръ Платоновъ говоритъ ¹⁾: «Дѣйствуя именемъ царя Дмитрія, онъ звалъ къ себѣ всѣхъ недовольныхъ складомъ общественныхъ отношеній въ Московскомъ государствѣ и, подавая имъ надежду на соціальныя перемѣны въ ихъ пользу, возбуждалъ къ дѣйствіямъ вообще противъ господствующихъ классовъ. Не со-

¹⁾ «Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ».

хранилось, къ сожалѣнію, подлиннаго текста его воззваній, но есть интересный о нихъ отзывъ патріарха Гермогена. Передавая содержаніе «воровскихъ листовъ», которые разсылались изъ стана Болотникова въ Москву и по другимъ городамъ, патріархъ говоритъ, что эти листы внушаютъ дворнѣ боярѣ и дѣтей боярскихъ, а съ нею и всякой черни «всякія злыя дѣла на убіеніе и на грабежъ». Мятежники «велятъ боярскимъ холопомъ побивати своихъ боярѣ, и жены ихъ и вотчины и помѣстья имъ сулятъ; а шпынямъ и безымянникомъ-воромъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивать и животы ихъ грабити; а призываютъ ихъ воровъ къ себѣ и хотятъ имъ давати боярства и воеводство и околичество и дьячество». Это былъ прямой призывъ противъ представителей земельного и промышленно-торгового капитала, и имъ легко увлекались люди, страдавшіе отъ тогдашняго имущественнаго строя. «Собрахуся боярскіе люди и крестьяне,—говоритъ лѣтопись о движеніи Болотникова,—съ ними же пристаху украинскіе посадскіе люди и стрѣльцы и казаки, и начаша по градомъ воеводы имати и сажати по темницамъ, боярѣ же своихъ дома разоряху, и животы грабяху, женѣ же ихъ и дѣтей позоряху и за себя имаху». Такимъ образомъ, войска, шедшія съ южныхъ окраинъ къ Москвѣ и состоявшія изъ знакомыхъ уже намъ общественныхъ элементовъ «прежде погибшей» украины, громко заявляли о своей склонности къ общественному перевороту и уже покушались на демократическую ломку существовавшаго строя.

Отсюда явствуетъ, что вполне сознательная и формулированная проповѣдь социальной анархіи, безъ ясно и опредѣленно намѣченныхъ государственныхъ и политическихъ задачъ, раздается въ Россіи впервые на зарѣ XVII вѣка. Особаго успѣха, конечно, эта проповѣдь имѣть не могла, какъ не имѣющая за собою реальной обстановки, на фонѣ которой она могла бы удовлетворить чѣмъ либо классовымъ интересамъ. Существо ея могли выразить и выразили дѣйствительно лишь бродячіе элементы отечественныхъ окраинныхъ областей, представители разгула и безшабашнаго молодечества, вся жизненная формула которыхъ сводилась къ понятію — «день, да нашъ».

Три приведенныхъ социально-политическихъ программы были идейными факторами, сыгравшими выдающуюся роль въ событіяхъ Смутаго времени; сами же событія, какъ широкая и сложная панорама народныхъ движеній, представляли собою полный общественный хаосъ, залитый кровью, которою въ настоящемъ смыслѣ слова истекала тогда несчастная московская Русь. Люди гибли, лишались своихъ животовъ и казны, вотчины стояли опустошенными, поля невоздѣланными; государственная власть съ твердымъ сознаниемъ своихъ обязанностей и правъ отсутствовала, правительственнаго войска не было, какъ равно не было и единой государ-

ственной казны, и, казалось, московская Русь переживает послѣдніе дни историческаго существованія съ перспективой въ недалекомъ будущемъ дробнаго расщепленія и раздѣла между сѣверными, западными и юго-восточными сосѣдями. Но спасеніе пришло, пришло неожиданное, энергичное и полное, такъ что отъ недавней еще лихой бѣды вскорѣ не осталось глубокаго и рѣзкаго слѣда.

Спасеніе Руси отъ смуты и анархіи, отъ политической гибели и историческаго крушенія явилось изъ нѣдръ земщины, которая, сплотившись и собравшись воедино, вывела отечество на широкую и мирную дорогу государственнаго бытія, почерпнувъ форму для этого бытія изъ историческаго опыта, предшествовавшаго смутной эпохѣ. Ходъ событій: земское ополченіе Нижняго Новгорода, освобожденіе Москвы отъ поляковъ, земскій соборъ 1613 года, избраніе Михаила Феодоровича на престолъ шли быстрымъ темпомъ и, несмотря на встрѣчавшіяся по пути шероховатости и нѣкоторыя отклоненія отъ первоначальнаго направленія,—въ общей картинѣ своего развитія и окончательнаго дѣйствія явили собою результатъ единой и напряженной воли всѣхъ совокупныхъ силъ соборной Русской земли.

С. М. Соловьевъ въ живомъ и увлекательномъ изложеніи даетъ слѣдующую картину историческаго движенія вопросовъ ¹⁾: «Отступленіе Сигизмунда дало досугъ заняться избраніемъ царя всею землею. Разосланы были грамоты по городамъ, съ приглашеніемъ прислать властей и выборныхъ въ Москву для великаго дѣла; писали, что Москва отъ польскихъ и литовскихъ людей очищена, церкви Божіи въ прежнюю лѣпоту облеклись, и Божіе имя славится въ нихъ попрежнему; но безъ государя Московскому государству стоять нельзя, печься о немъ и людьми Божіими промышленяты некому, безъ государя восталь Московское государство разорять все. Безъ государя государство ничѣмъ не строится и воровскими заводами на многія части раздѣляется, и воровство многое множится: и потому бояре и воеводы приглашали, чтобы всѣ духовныя власти были къ намъ въ Москву, и изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, поскольку человѣкъ пригоже, для земскаго совѣта и государскаго избранія, всѣ города прислали бы въ Москву-жъ, и чтобы эти власти и выборные лучшіе люди договорились въ своихъ городахъ накрѣпко и взяли у всякихъ людей о государскомъ избраніи полные договоры. Когда съѣхалось довольно много властей и выборныхъ, на-

¹⁾ «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. VIII, изд. 1896 г.

значенъ былъ трехдневный постъ, послѣ котораго начались соборы. Прежде всего стали разсуждать о томъ, выбирать ли изъ иностранныхъ королевскихъ домовъ или своего природнаго русскаго, и порѣшили: «литовскаго и шведскаго короля и изъ дѣтей и иныхъ нѣмецкихъ вѣръ и нѣкоторыхъ государствъ иноязычныхъ не христіанской вѣры греческаго закона на владимирское и московское государство не избирать, а Маринки и сына ея на государство не хотѣть, потому что польскаго и нѣмецкаго короля видѣли на себѣ неправду и крестное преступленіе и мирное нарушеніе: литовскій король Московское государство разорилъ, а шведскій король Великій Новгородъ взялъ обманомъ». Стали выбирать своихъ; тутъ начались козни, смуты и волненія: всякій хотѣлъ по своей мысли дѣлать, всякій хотѣлъ своего, нѣкоторые хотѣли и сами престола, подкупали и засылали; образовались стороны, но ни одна изъ нихъ не брала верха. Однажды,—говоритъ хронографъ,—какой-то дворянинъ изъ Галича принесъ на соборъ письменное мнѣніе, въ которомъ говорилось, что ближе всѣхъ по родству съ прежними царями былъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, его и надобно избрать въ цари. Раздались голоса недовольныхъ: «Кто принесъ такую грамоту, кто, откуда?» Въ то время выходитъ донской атаманъ и также подаетъ письменное мнѣніе. «Что это ты подалъ, атаманъ?»—спросилъ его князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій.—«О природномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ»,—отвѣчалъ атаманъ. Одинаковое мнѣніе, поданное дворяниномъ и донскимъ атаманомъ, рѣшило дѣло: Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ провозглашенъ царемъ. Но еще не всѣ выборные находились въ Москвѣ; знатнѣйшихъ бояръ не было: князь Мстиславскій съ товарищами тотчасъ послѣ своего освобожденія разѣхались изъ Москвы, имъ неловко было оставаться въ ней подлѣ воеводъ-освободителей; теперь послали звать ихъ въ Москву для общаго дѣла; послали также надежныхъ людей по городамъ и уѣздамъ вывѣдать мысль народа насчетъ новаго избранника, и окончательное рѣшеніе отложили на двѣ недѣли, отъ 8 до 21 февраля 1613 года. Наконецъ Мстиславскій съ товарищами пріѣхали, пріѣхали и запоздавшіе выборные, возвратились посланники по областямъ съ извѣстіемъ, что народъ съ радостію признаетъ Михаила царемъ. 21 февраля, въ недѣлю православія, т. е. въ первое воскресеніе великаго поста, былъ послѣдній соборъ: каждый чинъ подалъ письменное мнѣніе, и всѣ эти мнѣнія найдены сходными, всѣ чины указывали на одного человека—Михаила Ѳеодоровича Романова. Когда рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, троицкій келарь Авраамій Палицынъ, новоспасскій архимандритъ Іосифъ и бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ взошли на Лобное мѣсто и спросили у народа, наполнявшаго Красную площадь, кого они хотятъ въ цари: «Михаила Ѳеодоровича Романова»,—былъ отвѣтъ».

Этотъ историческій моментъ былъ и формальнымъ моментомъ окончанія смуты—смуты правительственной, государственной и политической. Смута социальная и экономическая, конечно, сразу улечься не могла, и составные элементы ея еще долго пребывали въ броженіи, проявляясь подчасъ, какъ видно будетъ далѣе, въ острыхъ и бурныхъ вспышкахъ взбудораженной народной воли. Смутное время было очень серьезнымъ историческимъ экзаменомъ для московской Руси, который она передъ лицомъ всего міра выдержала, и, по мѣткому выводу Н. И. Костомарова ¹⁾, «то обстоятельство, что страшное потрясеніе, испытанное и тяжело прочувствованное государствомъ Московскимъ, оказало на него только временное вліяніе и осталось безъ важныхъ послѣдствій для его внутренняго организма,—очень знаменательно въ русской исторіи. Несмотря на множество разрушительныхъ элементовъ, которые всѣ вышли тогда съ самаго дна жизни, государство это заключало въ себѣ столько здоровыхъ и живительныхъ началъ существованія и дальнѣйшаго саморазвитія, что устояло противъ внѣшняго напора, удержалось на той самой степени развитія, до какой успѣло прежде того дойти, скоро оправилось отъ ударовъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, пошло своею прежнею историческою дорогою, зарубивши, такъ сказать, себѣ на память болѣе для будущаго расчета. Основной матеріалъ этого государства, несмотря на слабость связей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, оказался до того крѣпокъ, что Польша, наперши на него съ размаха, скоро сама больно зашиблась объ него своимъ уже нездоровымъ тѣломъ и усилила тѣмъ свою болѣзнь, но не одолѣла сломить его и раздробить; а потому Смутное время останется чрезвычайно знаменательною эпохою въ русской исторіи, какъ свидѣтельство крѣпости внутренней жизни народа—важный задатокъ для его будущаго».

Какія же начала легли въ основаніе возрожденнаго и умиротвореннаго государственнаго строя Россіи послѣ приснопамятнаго 1613 года, и что представляло собою то учрежденіе, которое взяло на себя починъ въ установленіи этого строя? На этихъ вопросахъ необходимо нѣсколько остановиться: это — вопросы, которые, въ связи съ текущими вопросами и явленіями современной намъ жизни, такъ интересуютъ наше общество, печать и всю интеллигентную Россію.

21-го февраля 1613 г. на Руси было возстановлено и утверждено пошатнувшееся въ предшествовавшую эпоху смуты самодержавіе, и сдѣлано это было по единодушному приговору земли черезъ ея исполнительно-законодательный органъ — земскій всеословный соборъ. Въ Московскомъ государствѣ уже съ давнихъ поръ сложилась и утвердилась монархическая форма правленія по праву

¹⁾ «Историческія монографіи и изслѣдованія». Николая Костомарова, т. VI, изд. 1884 года.

наслѣдства и на основахъ выборнаго начала. Объ этомъ правѣ наслѣдства проф. В. И. Сергѣевичъ говоритъ ¹⁾: «Московскіе князья смотрѣли на свои княженія, какъ на долженствующія перейти, по ихъ смерти, къ ихъ нисходящимъ. Но что кому дать, и по ровну ли, или одному больше, другому меньше,—это было дѣломъ ихъ усмотрѣнія и опредѣлялось обыкновенно духовною грамотою. Право наслѣдника устанавливалось, слѣдовательно, усмотрѣніемъ царствующаго государя. Послѣдній нисколько не считалъ себя связаннымъ правами своихъ наслѣдниковъ. Наоборотъ, онъ признавалъ за собою право дѣлать между ними выборъ. По возрѣнію московскихъ князей, если престолъ и переходитъ отъ отца къ сыну, то не въ силу самостоятельнаго права сына на престолъ, а въ силу воли отца; вотъ относящійся сюда случай. У Ивана Васильевича было нѣсколько сыновей. Старшій, Иванъ, умеръ еще при жизни отца (1490 г.), оставивъ сына Дмитрія. Старшій сынъ, пока былъ живъ, считался преемникомъ престола; по его смерти преемникомъ считался не внукъ Ивана Васильевича, Дмитрій, а его второй сынъ, Василій. Въ теченіе дѣлныхъ восьми лѣтъ Иванъ считалъ своего второго сына наслѣдникомъ, но потомъ измѣнилъ свои отношенія къ нему, заключилъ его въ тюрьму, а наслѣдникомъ назначилъ внука. Но и внукъ сохранилъ за собою это званіе не болѣе 4 лѣтъ. Иванъ Васильевичъ помирился съ сыномъ; первымъ слѣдствіемъ примиренія было то, что, продолжая еще считать внука наслѣдникомъ московскаго престола, онъ назначилъ сына великимъ княземъ новгородскимъ и псковскимъ. Узнавъ объ этомъ, новгородцы и псковичи пришли въ смущеніе и отправили посольство къ Ивану Васильевичу, выражая сожалѣніе, что имъ назначенъ особый отъ Москвы князь. Они опасались, что впослѣдствіи это можетъ повести къ борьбѣ московскаго государя съ новгородскимъ княземъ. Иванъ Васильевичъ отвѣтилъ посольству: «Развѣ я не воленъ въ сынѣ или внукѣ: кому хочу, тому и даю царство». Это право назначать себѣ преемника крайнее выраженіе свое получило при Петрѣ, устранившемъ единственнаго своего сына отъ престола. Неудовольствіе, которое эта мѣра вызвала въ народѣ, указываетъ, что идея наслѣдственности въ сознаніи народа имѣла тогда болѣе глубокіе корни, чѣмъ въ сознаніи императора. Итакъ, московское княженіе составляетъ отчину потомковъ великаго князя Александра Невскаго, но порядокъ преемства всякій разъ опредѣляется усмотрѣніемъ царствующаго государя».

Такимъ образомъ, въ основаніе владѣнія московскимъ престоломъ прежде всего былъ полагаемъ принципъ наслѣдственности, однако внѣ обязательныхъ условій первородства, т. е. естествен-

¹⁾ «Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права». В. Сергѣевичъ. Изд. 1903 г.

ныхъ правъ первенца. Этотъ принципъ былъ уничтоженъ въ 1722 году единодержавнымъ произволомъ Петра Великаго, но возстановленъ въ 1797 г. Павломъ I, въ видоизмѣненной, впрочемъ, формулѣ. Петръ, выкинувшій изъ обихода былого московскаго самодержавія начало единенія царя съ народомъ, отказавшись отъ второго принципа, сопутствовавшаго до него самодержавію—утвержденія послѣдняго въ каждомъ спеціальному случаѣ земскимъ соборомъ, преступилъ тѣмъ самымъ вѣковую историческую традицію и нарушилъ принципъ, который былъ положенъ въ избраніе его дѣда на престолъ и въ призваніе дома Романовыхъ на царство. Согласно новому закону Петра I, за царствующимъ государемъ устанавливается право назначать своимъ наслѣдникомъ кого угодно и лишить престола назначенное лицо, если оно окажется недостойнымъ. Этотъ новый порядокъ вещей, правда, сохранилъ царствующее положеніе его женѣ, но зато странѣ создалъ рядъ смутныхъ и тревожныхъ моментовъ, когда русскій престолъ сталъ подвергаться непрестаннымъ колебаніямъ и являться предметомъ честолюбивыхъ происковъ и замысловъ, ознаменовавшихся кровавыми и жестокими сценами. Павелъ по мотивамъ личной жизни и личного опыта возстановилъ и узаконилъ старый обычай перехода власти по праву «естественному» и по принципу фамильной наслѣдственности. Согласно изданному имъ «учрежденію объ императорской фамиліи», порядокъ перехода престола по произвольному назначенію уничтожался и устанавливался порядокъ его перехода по прямой нисходящей линіи отъ отца къ старшему сыну, «дабы государство не было безъ наслѣдника, дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ, дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наслѣдовать». Этотъ новый законъ возвращалъ самодержавію его историческую традицію «наслѣдственности», но не дополнялъ его, однако, вторымъ, сопутствовавшимъ нѣкогда началомъ — началомъ санкціи престолонаслѣдія и вступленія на престолъ преемника власти голосомъ всей земли. Такимъ образомъ, и петровскій, и павловскій порядокъ престолонаслѣдія явились въ русской жизни мертвымъ актомъ съ опасными въ немъ западноевропейскими началами династическаго захвата, недоувѣрія къ землѣ и къ народу и оторваннымъ отъ послѣднихъ механическимъ способомъ осуществленія. Вступая на престолъ, всѣ самодержцы послѣ Петра оказывались оторванными отъ соборной земли безъ юридической увѣренности въ ея преданности, безъ формальнаго завѣренія въ этой преданности и съ исключительной опорой въ строѣ бюрократическомъ и въ военной силѣ. Отсюда гораздо болѣе слабое и неполное въ юридическомъ отношеніи значеніе самодержавія въ XVIII и послѣдующихъ столѣтіяхъ противъ такого же въ предшествовавшіе московскіе періоды, отсюда же отчасти постоянныя попытки къ его ограниченію и ниспроверженію, по-

пытки, относимыя къ категоріи преступленій противъ верховной власти, но не противъ народной воли, которая остается неорганизованною и невѣдомою, а потому и не могущею дать отпора этимъ попыткамъ, если бы даже хотѣла это сдѣлать, и въ этомъ встрѣтилась надобность.

Начало избирательное толкуется проф. В. И. Сергѣевичемъ такъ: «Въ Москвѣ, кромѣ занятія престола по завѣщанію, встрѣчаемся еще и съ избирательнымъ началомъ. Избраніе имѣло мѣсто не только въ тѣхъ случаяхъ, когда государь не оставлялъ послѣ себя наследника, но и тогда, когда наследники были налицо. Такъ, Алексѣй Михайловичъ былъ назначенъ отцомъ и избранъ (Котошихинъ, стр. 4 и 104). По смерти Θεодора Алексѣевича остались два его брата, Иванъ и Петръ, изъ которыхъ Петръ и былъ избранъ на царство. Тѣмъ необходимѣе было избраніе по прекращеніи царскаго потомства; такъ были избраны: Борисъ Годуновъ, Василій Шуйскій, Владиславъ польскій и Михаилъ Романовъ. Въ Московской Россіи избраніе государей происходило на земскихъ соборахъ, которые по своему составу совершенно похожи на обыкновенные соборы, но по власти, которую они имѣли, хотя и временно, они весьма отъ нихъ отличаются. Созываются они, естественно, не государемъ, а боярами, къ которымъ въ этомъ случаѣ присоединялись патріархъ и высшее духовенство. Но едва нѣкоторая часть призываемыхъ съѣзжалась, дальнѣйшія мѣры о пополненіи собора принимали уже съѣзжавшіеся. Главная особенность избирательныхъ соборовъ состояла въ томъ, что они, какъ дѣйствовавшіе безъ государя, до времени его избранія пользовались полною властью: они принимали всякія мѣры, необходимыя для безопасности государства, и устанавливали иногда временное правительство». Избирательные соборы, какъ то мы знаемъ изъ исторіи избраній Шуйскаго и Владислава, признавали за собою право предлагать и условія избираемому государю. По мнѣнію Котошихина, и самодержавіе вновь избраннаго Михаила было до нѣкоторой степени ограничено «письмомъ», что онъ будетъ милосердъ и справедливъ и будетъ «мыслити о всякихъ дѣлахъ зъ бояры и зъ думными людьми соопча», но что съ Алексѣя Михайловича такого письма взято не было потому, что «разумѣли его гораздо тихимъ, и потому наивысши пишется «самодержавцемъ» и государство свое править по свой волѣ. И съ кѣмъ похочеть учинити войну и покой, и что кому по дружбѣ отдать, или какую помощь чинити, или и иныя всякія великія и малыя своего государства дѣла похочеть по своей мысли учинити, зъ бояры и думными людьми спрашиваетца о томъ мало, въ его волѣ, что хочеть, учинити можетъ; однако, кого изъ бояръ и изъ думныхъ, и изъ простыхъ людей любить и жалуеть, спрашиваетца и совѣтуетца съ ними о всякихъ дѣлахъ. А отца его, блаженныя памяти царя Михаила Θεодоровича, хотя «самодержцемъ» писали, однако, безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлати ничего».

Разбирая это мѣсто изъ записокъ Котошихина, проф. С. О. Платоновъ ¹⁾ вполне основательно доказываетъ, на основаніи сопоставленія разныхъ показаній отечественныхъ и иностранныхъ современниковъ, что всѣ утвержденія, будто власть перваго Романа была ограничена, ничѣмъ не обоснованы и покоятся на темныхъ слухахъ и непониманіи тогдашняго механизма государственнаго аппарата. Онъ говоритъ: «На нашъ взглядъ, слухи всѣ пошли отъ того факта, что при Михаилѣ Феодоровичѣ все рѣшалось «общимъ совѣтомъ», чтобы крѣпче было,—въ интересахъ власти и земли. Этотъ общій совѣтъ земли, выражавшійся въ формѣ постоянного земскаго собора, не перешелъ въ право, но оставилъ по себѣ память, которую Котошихинъ и выразилъ словами, что Михаилъ Феодоровичъ «безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлать ничего». Это смутное воспоминаніе выразилось у Фоккеродта, смѣшавшаго думу и соборъ: собора онъ не зналъ, но слышалъ, что дѣйствовало что-то болѣе широкое, чѣмъ дума, и назвалъ его «сенатомъ или соборомъ». Точно также провинціалъ—Псковичъ, зная о постоянной въ его время тенденціи боярства къ ограниченіямъ и видя, что боярство забрало прежнюю волю, «емлетъ мзду» и остается безнаказаннымъ, естественно могъ заключить, что оно теперь въ силѣ и формально. Вотъ какъ можно объяснить слухъ объ ограниченіяхъ».

Послѣ всѣхъ доводовъ проф. Платонова можно положительно утверждать, что самодержавіе, врученное въ 1613 годѣ народомъ Михаилу, было самодержавіемъ чистымъ, безъ тѣни на немъ, какъ то уже сказано выше, какого либо ограниченія, тѣмъ идеальнымъ самодержавіемъ, которое непрестанно идеализировали въ своихъ историческихъ изысканіяхъ и публицистическихъ статьяхъ славянофилы, и которое они считали непосредственнымъ продуктомъ русской исторіи и уклада русской политической жизни.

Каково же было то учрежденіе, которому принадлежала сила голоса «всей земли», и которое имѣло власть и право стать надъ всею землею, создавать ей укладъ государственной жизни и быть регуляторомъ въ отношеніяхъ преобладающей власти къ народу?

Учрежденіе это было «земскій соборъ», являющійся въ наши дни, дни общей смуты, предметомъ столькихъ разсужденій и толковъ въ печати, осуществленіе созыва котораго составляетъ предметъ чаяній и желаній весьма многихъ, и имѣющій въ нашей ученой литературѣ рядъ цѣнныхъ изслѣдованій, посвященныхъ его происхожденію, составу, значенію, компетенціи и пр. Проф. С. О. Платоновъ въ сжатомъ популярномъ очеркѣ «Изъ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ», напечатанномъ въ общедоступномъ ежемѣсяч-

¹⁾ «Лекціи по русской исторіи», стр. 263.

номъ «Журналъ для всѣхъ»¹⁾), даетъ обзоръ главнѣйшей литературы о земскихъ соборахъ и на основаніи анализа мнѣній о нихъ профессоровъ Б. Н. Чичерина, В. И. Сергѣевича, М. Ф. Владимирскаго-Буданова и другихъ такъ опредѣляетъ составъ и значеніе земскихъ соборовъ: «Для того, чтобы отличить земскій соборъ отъ иного рода собраній или скопищъ, надобно помнить, что соборъ слагался изъ трехъ необходимыхъ составныхъ частей. Во-первыхъ, въ составъ «совѣта всея земли» входилъ освященный соборъ русской церкви съ митрополитомъ, позднѣе патриархомъ, во главѣ; освященный соборъ имѣлъ свое собственное устройство и включался въ соборъ земскій, какъ отдѣльная его часть, дѣйствовавшая по своимъ привычнымъ правиламъ и подававшая свой голосъ особо отъ прочихъ группъ соборныхъ участниковъ. Во-вторыхъ, въ составъ земскаго собора включалась боярская дума, составлявшая постоянный совѣтъ государя и сохранявшая въ составѣ собора свое обычное устройство, свои «старину и пошлину». Дѣйствовавшая обыкновенно нераздѣльно съ монархомъ, дума участвовала съ нимъ въ занятіяхъ собора въ качествѣ руководящаго органа, не смѣшиваясь съ массою собора, а какъ бы возвышаясь надъ нею. И, въ-третьихъ, въ составъ земскаго собора входили земскіе люди, представлявшіе собою различныя группы населенія и различныя мѣстности государства. Присутствіе этихъ земскихъ представителей было необходимо для того, чтобы освященный соборъ и дума, составлявшіе вмѣстѣ высшій правительственный совѣтъ, могли превратиться въ «совѣтъ земли». Безъ земскихъ людей, «соборъ» изъ духовенства и бояръ не представлялъ собою «всю землю» и такъ не назывался; равнымъ образомъ, если въ какомъ либо совѣщаніи отсутствовала дума или освященный соборъ, то совѣщаніе это не «земскій соборъ», а нѣчто другое, чему надо сыскать другое имя. Словомъ, наличность всѣхъ трехъ указанныхъ составныхъ частей есть необходимое условіе для земскаго собора: «отсутствіе одной изъ нихъ дѣлаетъ соборъ не неполнымъ, а невозможнымъ» (слова проф. Владимирскаго-Буданова).

Остановившись на вопросѣ, откуда взяли свой генезисъ земскіе соборы, почтенный авторъ утверждаетъ, что «ими были не вѣча, а соединенныя собранія «властей» и бояръ съ участіемъ въ нихъ приглашенныхъ со стороны постороннихъ лицъ». Прототипъ такихъ собраній обрѣтается въ древне-русскомъ собраніи іерарховъ, въ освященномъ соборѣ, который издревле былъ благоустроеннымъ, канонически-опредѣленнымъ учрежденіемъ. «Не разъ соборы іерарховъ призывались самою жизнью къ обсужденію государственныхъ вопросовъ и получали государственное значеніе, — говоритъ

¹⁾ «Журналъ для всѣхъ», 1905 г., № 2; о томъ же см. въ его «Лекціяхъ» и «Очеркахъ по исторіи смуты».

г. Платоновъ. — Сходясь въ такихъ случаяхъ съ «властями» въ одинъ совѣтъ, свѣтскіе совѣтники государи, его дума, уступали «властямъ» первое мѣсто и подпадали дѣйствию тѣхъ порядковъ, какими былъ давно крѣпокъ соборъ «властей». Такъ сложился типъ совмѣстныхъ совѣщаній «властей» и думы—подъ вліяніемъ освященнаго собора. Дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ совѣщаній было призваніе въ нихъ людей изъ общества, превратившее эти совѣщанія въ земскій соборъ. Таковъ былъ наиболѣе вѣроятный генезисъ земскихъ соборовъ. Соборы не возникали внезапно, подъ давленіемъ экстренныхъ событій или подъ вліяніемъ творческой политической мысли; они развились постепенно изъ давнишней правительственной практики, изъ стараго обычая усиливать государевъ совѣтъ совѣтниками изъ «всѣхъ людей».

Первый соборъ, о которомъ имѣются достовѣрныя свѣдѣнія, состоялся въ 1566 году, и изучая составъ какъ этого собора, такъ и послѣдующихъ, вплоть до XVII вѣка, мы видимъ, что въ нихъ засѣдали не выборные отъ земли, а нарочито для того приглашенные правительствомъ люди, и только на рубежѣ XVI и XVII столѣтій мы усматриваемъ въ нихъ начала болѣе или менѣе правильнаго народнаго представительства, и первые опыты такого представительства дало Смутное время. Необходимо отмѣтить, что рядомъ съ земскимъ соборомъ, какъ болѣе или менѣе полной и совершенной формой народосовѣтія, въ Московскомъ государствѣ получили свое развитіе и иного рода типы совѣщаній власти съ землей въ формѣ своего рода нынѣшнихъ «комиссій свѣдущихъ людей», привлеченныхъ правительствомъ по выбору и назначенію его для сужденія по вопросамъ спеціальнымъ. Эти спеціальныя комиссіи свѣдущихъ людей работаютъ обыкновенно подъ руководствомъ боярской думы и находятся въ непосредственномъ ея вѣдѣніи. Такимъ образомъ, въ Россіи XVI и XVII столѣтій мы видимъ три ярко очерченныя формы народосовѣтія — «освященный соборъ» іерарховъ, комиссіи свѣдущихъ людей и специалистовъ и, наконецъ, земскій соборъ, который уже является болѣе или менѣе полнымъ выразителемъ голоса всей земли, съ правомъ не только обсуждения текущихъ будничныхъ вопросовъ жизни, но и обсуждения и рѣшенія такихъ кардинальныхъ вопросовъ русскаго историческаго бытія, какъ, на примѣръ, вопроса о формѣ правленія (ограниченной монархіи или самодержавія) и вопроса династическаго, примѣры чего мы видимъ и въ соборахъ Смутаго времени и въ знаменитомъ и наиболѣе полномъ соборѣ 1613 года, рѣшившемъ врученіе власти дому Романовыхъ, какъ исключительно и всецѣло дому русскаго происхожденія, и притомъ власти неограниченной, самодержавной, разумѣя ее, однако, исторически-прямственно связаной съ началомъ народосовѣтія.

И Михаилъ Оеодоровичъ, и Алексѣй Михайловичъ остались вѣрны тому договорному началу, на коемъ земля вручила имъ неограниченную власть, а потому и въ жизни страны тѣхъ историческихъ періодовъ и теоретически и практически наблюдается гармонія и единство политической жизни, гдѣ государственность и земля, гдѣ народная воля, ея руководство и выполнение находятся въ неразрывной органической связи и не становятся другъ къ другу въ отношенія враждебныя и обостренныя, какъ то мы наблюдаемъ въ періодъ новѣйшей нашей исторіи. Петръ Великій, по соображеніямъ реформаторской дѣятельности, преступилъ краеугольныя основы власти, созданныя соборомъ 1613 года, изданіемъ закона о престолонаслѣдіи и уничтоженіемъ начала народосовѣтія. Оба элемента, непремѣнно сопутствующіе понятію и сущности русской преержащей власти, были имъ насильственно отсѣчены, а его преемниками внесенъ сюда еще элементъ, категорически отвергнутый соборомъ 1613 года и даже имъ запрещенный, а именно элементъ инородческій, благодаря которому русскій престолъ оказался впоследствии во власти людей не русскаго, а иноземнаго происхожденія, вышедшихъ изъ династій ангальтъ-цербстской и голштинской. Эта эволюція въ существѣ и понятіи самодержавія, утвержденнаго народною волею въ 1613 году, имѣла бѣдственное значеніе и послѣдствія въ исторической жизни Россіи, отдѣливъ и устранивъ царя отъ народа и создавъ между ними искусственную среду бюрократіи, чуждую народу и часто недобросовѣстную въ отношеніи верховной власти, что особенно рельефно и рѣзко выразилось въ эпоху временщиковъ и фаворитовъ и въ тѣ годы русской смуты и общаго шатанія, когда въ этомъ единеніи чувствовалась особенная нужда для созданія въ Россіи спокойной и мощной жизни, на благо всѣхъ классовъ населенія и всѣхъ народовъ, въ ней обитающихъ.

Послѣдній земскій соборъ состоялся въ 1682 году, по смерти царя Оеодора Алексѣевича и въ цѣляхъ утвержденія на прародительскомъ престолѣ его младшаго брата Петра Алексѣевича; съ тѣхъ поръ земскіе соборы на Руси не повторяются—о нихъ стараются въ слѣдующіе періоды не вспоминать, и даже запрещается о нихъ говорить, такъ что даже самыя слова «земскій соборъ» начинаютъ казаться подозрительными и опасными; но идея ихъ продолжала жить въ памяти народной, и именно среди тѣхъ представителей его, которые по тѣмъ или инымъ соображеніямъ не удовлетворялись существующимъ строемъ и порядкомъ вещей и пытались въ возрожденіи этого отошедшаго было въ даль исторіи государственнаго института найти для страны средство и способъ освобожденія отъ давящихъ ее золь и бѣдствій. Попытки къ возрожденію земскихъ соборовъ относятся къ началу XIX столѣтія, проходятъ почти столѣтній періодъ гоненій и преслѣдованій, и, наконецъ, въ XX вѣкѣ и въ наши дни представленіе о земскихъ

соборахъ становится въ сознаниі современниковъ неизбежною необходимостью для нашей политической жизни, безъ чего послѣдняя, по признанію весьма и весьма многихъ, рѣшительно не можетъ далѣе правильно и планомерно развиваться.

Время царствованія Михаила Ѳеодоровича было временемъ напряженной государственной дѣятельности въ сферѣ упорядоченія общихъ условій русской жизни, пришедшей въ полное разстройство въ предшествовавшую смутную эпоху. Это было время добросовѣстной будничной работы со стороны администраціи и успокоенія народныхъ страстей: взбудораженные социальныя и политическія стихіи вошли въ свои границы, и мы не видимъ на протяженіи періода, съ 1613 по 1645 годъ, никакихъ особенно бурныхъ и острыхъ проявленій этихъ страстей. Имъ суждено было вспыхнуть въ послѣдующее царствованіе—Алексѣя Михайловича, и притомъ съ мѣстомъ ихъ развитія не въ центральныхъ великорусскихъ областяхъ, а на рубежныхъ окраинахъ — на берегахъ великой Волги и тихаго Дона, откуда, разгорѣвшись широкимъ огненнымъ пламенемъ, страсти эти грозили перекинуться въ Москву и испепелить все Московское царство.

Двѣ главнѣйшія задачи были положены въ основаніе внутренней политики Михаила Ѳеодоровича—борьба съ административными злоупотребленіями и поднятіе экономическаго благосостоянія страны. Анализируя эту программу, профессоръ С. Ѳ. Платоновъ ¹⁾ замѣчаетъ, что, при ея выполненіи, московскими правительственными людьми руководилъ, можетъ быть, сознательно, а, можетъ, и безсознательно одинъ принципъ: все должно быть по старинѣ, такъ, какъ было при прежнихъ царяхъ. Руководясь этимъ, они ничего не хотѣли реформировать и вновь учреждать: возстановляя государство послѣ смуты, они шли къ старымъ образцамъ и дѣйствовали старыми средствами, но, слѣдуя такому методу, «московское правительство ни цѣлей своихъ не достигло вполнѣ, ни принципа своего не провело строго,—говоритъ профессоръ Платоновъ. Возвращаясь къ старинѣ, возстановляя весь старый механизмъ управленія, московскіе люди не думали что либо мѣнять и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнили многое. Такого рода перемѣны произошли, наприкладъ, въ областномъ управленіи, гдѣ правительство болѣе или менѣе систематически вводило воеводъ, такъ что воеводская власть изъ власти временной становится постоянною и вмѣстѣ съ тѣмъ гражданскою властью. Далѣе, держась по-старому помѣстной системы, торопясь привести въ порядокъ помѣстныя дѣла, упорядочить службу, правительство все болѣе и болѣе прикрѣпляетъ крестьянъ,

¹⁾ Лекціи по русской исторіи.

«чего при старыхъ великихъ государяхъ не было». Съ другой стороны, давая первенствующее значеніе служилому классу, все болѣе и болѣе обезпечивая его положеніе, мало-по-малу приходятъ къ сознанію неудобства и несостоятельности дворянскихъ ополченій, въ виду чего и заводится иноземный ратный строй, рейтарскіе полки». Примѣръ военной реформы показываетъ, что хотя внутренняя политика Михаила была по идеѣ консервативною, по результатамъ же оказалась реформаціонной. Объясненіе этому профессоръ Платоновъ видитъ въ томъ, что «смута» внесла въ общественную жизнь и ея отношенія много такихъ переменъ, которыя дѣлали невозможнымъ поворотъ къ старому, создавъ, между прочимъ, и исключительное положеніе въ государственныхъ дѣлахъ: земскій соборъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ явился существеннымъ элементомъ государственнаго управленія, такъ что власть государя стояла на ряду съ властью и волею всей Русской земли: всѣ важныя государственныя дѣла рѣшались по царскому указу и соборному уложенію.

Послѣдующій періодъ—время царствованія Алексея Михайловича—нѣсколько отличается по значенію и результатамъ внутренней политики отъ періода предшествовавшаго: мы видимъ необыкновенную, по сравненію съ прошедшими временами, интенсивность этой политики, когда дѣлаются попытки разрѣшить, и на самомъ дѣлѣ разрѣшается рядъ юридическихъ и экономическихъ вопросовъ, при чемъ это разрѣшеніе совершается главнымъ образомъ не столько на основаніи элемента народосоветія, сколько народныхъ челобитенъ, подаваемыхъ сословными и специальными группами населенія. Изъ этого явленія выясняется, что государство окрѣпло, и что сила власти переноситъ центръ своей тяжести съ «земли» на бюрократію, которая съ этого времени начинаетъ брать верхъ надъ представителями и сынами земской Россіи. Кипучая законодательная дѣятельность правительства и въ области свѣтскихъ дѣлъ, и въ области церковныхъ, хотя и отличалась искреннимъ желаніемъ народной пользы, тѣмъ не менѣе не вносила въ жизнь страны полного успокоенія и порядка, который снова понемногу начинаетъ разрушаться, что выражается рядомъ волненій и бунтовъ и мѣстнаго и общегосударственнаго значенія и характера. «Такого рода волненія,—говоритъ г. Платоновъ,—происходили два раза въ Москвѣ, затѣмъ въ Устюгѣ, Сольвычегодскѣ, Новгородѣ, Псковѣ, и въ этихъ волненіяхъ дѣйствовало вездѣ городское населеніе, «посадскіе людишки» вездѣ являются на первомъ планѣ. Нѣсколько другимъ характеромъ отличались позднѣйшіе безпорядки, въ которыхъ дѣйствовали другіе общественные элементы, хотя одни мотивы руководили тутъ и тамъ (всѣ волненія того времени исходили болѣе или менѣе изъ экономической неудовлетворенности). Мы говоримъ о бунтѣ Стеньки Разина. Бунтъ этотъ былъ чрезвычайно

силенъ и серьезенъ и, кромѣ того, отличался значительно отъ предыдущихъ волненій,—тѣ имѣли характеръ мѣстный, между тѣмъ какъ бунтъ Разина имѣетъ уже характеръ общегосударственной смуты. Онъ явился результатомъ не только неудовлетворительности экономическаго положенія, какъ это было въ прежнихъ безпорядкахъ, но и результатомъ недовольства всѣмъ общественнымъ строемъ. Прежнія волненія не имѣли опредѣленныхъ программъ, они просто направлялись противъ лицъ и ихъ административныхъ злоупотребленій, между тѣмъ какъ разинцы, хотя и не имѣли ясно сознанной программы, но шли противъ «боярства», не только какъ администраціи, но и какъ важнаго общественнаго слоя; государственному строю они противопоставляли казачій. Точно также и люди, участвовавшіе въ возстаніи, были не той среды: здѣсь уже не было, какъ раньше, на первомъ планѣ городское тяглое населеніе. Движеніе началось въ казачествѣ, затѣмъ передалось крестьянству и только отчасти городскимъ людямъ—посадскимъ и низшимъ служилымъ людямъ».

Н. И. Костомаровъ въ своей монографіи «Бунтъ Стеньки Разина» ¹⁾ со свойственными ему блескомъ и сочностью пера опредѣляетъ слѣдующій генезисъ этого социально-политическаго мятежнаго движенія. Онъ усматриваетъ здѣсь главнымъ образомъ вѣковую борьбу народоправленія съ единодержавіемъ, воли всего народа съ неподвижнымъ учрежденіемъ, борьбу удѣльно-вѣчевого начала съ московскою формою государственнаго правленія. Онъ говоритъ: «Старое удѣльно-вѣчевое начало Руси облеклось теперь въ новый образъ: то было казачество. Въ лицѣ Ермака оно показало Грозному, чего можно ожидать отъ него. Между тѣмъ по смерти Грознаго явился въ Москвѣ новый борецъ единодержавіи—Борисъ Годуновъ. Онъ нанесъ старому врагу новыя раны введеніемъ кабаковъ и крѣпостнаго права. Зато и старый врагъ отмстилъ этому борцу: онъ ниспровергъ его тронъ; ворвавшись въ Россію въ образѣ казачества, покрылъ ее развалинами и кровью, повелъ Русь до ограниченнаго избранія Владислава, до соединенія съ Польшею, до полугодичнаго правленія посредствомъ земскаго собора... Далѣе итти онъ не могъ: у него не хватало силъ, когда дѣло шло объ устройствѣ на завоеванномъ полѣ; единодержавіе опять взяло надъ нимъ верхъ избраніемъ Михаила Ѳеодоровича, но принуждено было купить свое торжество значительными уступками старому врагу, который показывалъ громко, что онъ еще не при послѣднемъ издыханіи, а долженъ признать себя побѣжденнымъ только отъ неумѣнья продолжать войну. Вражда между ними, однако, была насмерть и не могла окончиться какими нибудь взаимными уступками. Едва торжествующая теперь сторона

¹⁾ «Историческіи монографіи и изслѣдованія», т. II, изд. 1883 г.

укрѣпилась, какъ тотчасъ же начала уничтожать всѣ уступки, данныя во время тяжелой битвы; она вытѣснила вліяніе противника и усиленіемъ власти воеводъ, составленіемъ уложенія, и строжайшимъ укрѣпленіемъ крестьянъ, и образованіемъ регулярнаго войска. Старый врагъ, между тѣмъ, казалось, болѣе и болѣе молодѣлъ въ казацкой одеждѣ. Нѣсколько разъ соперники подавали другъ другу руку, сохраняя въ душѣ злобу, бросали одинъ другому ласковыя увѣренія, думая, какъ бы уничтожить одинъ другого съ корнемъ и заводомъ; наконецъ, улучивъ удобное время, побѣжденный столько разъ старикъ отважился на открытый бой. Сталъ у него борецъ Стенька Разинъ».

Бунтъ Разина оставилъ глубокой слѣдъ въ народной памяти и народномъ чувствѣ, что между прочимъ выразилось и въ рядѣ пѣсенъ, которыя народъ сложилъ въ честь Разина, и въ рядѣ наименованій, которыми тотъ же народъ окрестилъ многія живописныя мѣстности на Волгѣ, гдѣ народный разбойникъ-герой имѣлъ пребываніе, гдѣ онъ остапавливался въ своихъ походахъ, гдѣ пировалъ и грабилъ. Въ программѣ его бунта, во всемъ его личномъ поведеніи, въ его наружности—все соединилось, чтобы дать богатую пищу народному творчеству и наложить печать разгульной поэзіи на всѣ его похождения и дѣйствія. Никогда ни до него, ни послѣ, до нашихъ дней включительно, никто изъ живыхъ историческихъ достовѣрныхъ людей въ такой степени не являлся героемъ народной поэтической думы, народнаго чувства, какъ этотъ казакъ-анархистъ, несшій за собою по пути своего разбойничьяго движенія слѣды крови и разрушенія. Подобно Болотникову, и онъ въ основаніи своей программы дѣйствій имѣлъ въ виду анархію, тотъ социальный и экономическій кавардакъ, который долженъ разразиться по всей Россіи, послѣ чего все уже само собою образуется и создастся новый общественный строй. Но при этомъ Разинъ не посягалъ въ своей проповѣди разрушенія на политическій принципъ, положенный въ уголъ русской государственности, ни на самодержавіе, ни даже на личность Алексѣя Михайловича; онъ не искалъ союза съ врагами Россіи, не измѣнялъ ей, а лишь объявилъ себя врагомъ боярства, какъ власти бюрократической, и дворянства, какъ представителей крупной земельной собственности и рабовладѣльцевъ. Его кличъ былъ кличемъ свободы, разгульной и необузданной, его призывъ былъ призывомъ и довѣрія къ царю, но ненависти къ тѣмъ слоямъ, которые стояли между самодержцемъ и народомъ. Психологія его программы какъ нельзя болѣе соответствовала настроенію той среды, въ которой онъ дѣйствовалъ, отвѣчала народнымъ политическимъ идеаламъ—союзу царя съ народомъ—и инстинктамъ собственности и воли, которыя были тогда ограничены, подавлены и порабощены. Отсюда его успѣхъ въ массѣ, отсюда—память о немъ въ народной поэзіи, передавшей

даже свои мотивы и свои настроенія поэзіи книжной, искусственной.

Захвативъ въ плѣнъ стрѣльцовъ, онъ говорилъ имъ: «Вы бьетесь за измѣнниковъ бояръ, а я съ своими казаками сражаюсь за великаго государя». Сидя съ иноземцами за столомъ, онъ поднимаетъ первую чару «за здравіе его царскаго величества, великаго государя». Признавая для себя въ принципѣ возможнымъ принести повинную царю во всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ, убійствахъ и грабежахъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ грозитъ, что когда явится въ Москву, то сожжетъ «всѣ дѣла на верху у государя», т. е. тѣ приказныя дѣла, которыя ведутся и правятся боярствомъ и приказными, какъ инстанціями бюрократическаго порядка, а слѣдовательно враждебными, по его толкованію, правамъ и интересамъ народа.

Вся программа Разина была какъ нельзя болѣе по плечу и вкусу, какъ казакамъ-голотѣбѣ, такъ и низшимъ слоямъ земщины, которые пристають къ казакамъ и вмѣстѣ поднимаются «за царя и противъ бояръ». Изъ такого союза родилось море крови и огня, которое заливаешь Поволжье, Приуралье, Донскія области и подходит своими волнами даже къ московскимъ границамъ, угрожая обратитъ всю имущую и правящую Россію въ груды мертвыхъ тѣлъ, а ея собственность и вотчины въ кучу развалинъ и пепла. Юрій Барятинскій съ своимъ регулярнымъ войскомъ первый нанесъ Разину рѣшительный ударъ, послѣ чего слава чародѣи-разбойника погасла, престижъ его въ народѣ и среди казаковъ палъ, и онъ погибъ въ Москвѣ на плахѣ, выданный своими же сообщниками. Но память о немъ въ народѣ не исчезла, и сожалѣніе о его гибели еще долго жило среди казаковъ, распѣвавшихъ въ своихъ пѣсняхъ:

Помугился славный тихій Донъ
Отъ Черкаска до Чернаго моря!
Помішался весь казачій кругъ!
Атамана болѣ нѣтъ у насъ,
Нѣтъ Степана Тимоѣевича,
По прованію Стеньки Разина!
Поймали добра-молодца,
Завязали руки бѣлыя,
Повезли во каменну Москву,
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову!

Костомаровъ передаетъ любопытную легенду, которую ему лично пришлось слышать, и которая свидѣтельствуетъ, насколько память о Разинѣ была живуча въ народѣ даже въ его еще время. «За городомъ Царицынымъ, — повѣствуетъ онъ, — въ степной деревнѣ жилъ, а можетъ быть, и теперь живетъ столетилѣтній старикъ, и глухой и слѣпой, и чуть движется, и трудно съ нимъ говорить: надобно на ухо кричать во все горло; но онъ сохранилъ память и

воодушевляется, когда вспомнить старья времена. Онъ собственными глазами видалъ Пугачева. «Тогда (говорилъ онъ) иные думали, что Пугачевъ-то и есть Стенька Разинъ; сто лѣтъ кончились, онъ и вышелъ изъ своей горы». Впрочемъ, самъ старикъ не вѣритъ этому; зато вѣритъ вполне, что Стенька живъ и придетъ снова. «Стенька (говоритъ онъ) это мука мірская! это кара Божія! Онъ придетъ! Ему нельзя не притти. Передъ суднымъ днемъ придетъ. Охъ! тяжкія настанутъ времена... Не дай, Господи, всякому доброму крещеному человѣку дожить до той поры, какъ опять придетъ Стенька!»

Эта легенда характерна: народъ допускаетъ возможность повторенія кроваваго разгула Стеньки Разина, того социальнаго и экономическаго кавардака, который нѣкогда на Руси учинилъ этотъ казакъ-анархистъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что не только время этого разгула придетъ, но непременно явится и герой анархій, безъ котораго послѣдняя какъ бы даже не мыслится. Широкое народное движеніе требуетъ и своего главнаго коновода, вожака, героя, вооруженнаго всѣми атрибутами этого героизма.

Московское правительство подавило, хотя и не сразу, народное движеніе, созданное Стенькою Разинымъ, Донское казачество принесло московскому царю повинную и вмѣстѣ съ тѣмъ присягнуло ему на вѣрность. Текстъ присяги очень любопытенъ, какъ документъ, который на протяженіи почти 60 лѣтъ повторяетъ мотивы народной воли и мысли, прозвучавшіе такъ ярко на земскомъ соборѣ 1613 г., и на составные элементы которыхъ было указано выше. Главныя статьи присяги ¹⁾ заключались въ томъ, «чтобы старшинамъ и казакамъ всѣ открывшіяся на Дону возмущенія и тайныя заговоры противу государя и отечества въ то же время укрощать, главныхъ заговорщиковъ присылать въ Москву, а ихъ послѣдователей по войсковому праву казнить смертію, если же кто изъ нихъ въ нарушеніи этой присяги, измѣня государю и отечеству, начнетъ ссылаться съ непріятелями своего отечества, или съ поляками, нѣмцами или татарами, съ таковыми предателями, не щадя жизни своей, сражаться, самимъ къ таковымъ злоумышленникамъ не приставать и даже не помышлять о томъ, съ калмыками дальнѣйшихъ сношеній не имѣть, кромѣ увѣщаній служить государю съ казаками вмѣстѣ; скопомъ и заговоромъ ни на кого не приходять, никого не грабить и не убивать и во всѣхъ дѣлахъ ни на кого ложно не показывать. На здравіе государя и всей его царской фамилии не посягать, и, кромѣ его величества государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича и всея Россіи самодержца, другого государя, польскаго, литовскаго, нѣмецкаго и изъ другихъ земель царей и королей или принцевъ иноземныхъ и россій-

¹⁾ «Историческое описаніе земли войска Донскаго», 1869 г., т. I.

скихъ, на царство всероссійское никого не призывать и не желать, а ежели услышатъ или узнаютъ на государя и всю его царскую фамилию скопъ или заговоръ или другой какой умыселъ, возникшій у россиянь или у иноземцевъ, и съ такими злоумышленниками, не щадя жизни своея, биться».

Въ текстѣ этой присяги проведена мысль не только о неприкосновенности особы самодержца, но и всей его семьи, его фамиліи; кромѣ того, подчеркнута національное происхождение этой семьи—она обязательно должна быть природно-русская, и жителямъ страны строжайше воспрещается обращать свои взоры на представителей иноземныхъ родовъ и принцевъ иностраннаго происхождения.

Раскаты Стенькинаго грома стихли не сразу, и его бывшіе со товарищи и единомышленники дѣлали нѣкоторыя попытки продолжать смуту въ Русскомъ государствѣ, хотя уже не по той программѣ, которая была выдвинута и создана прародителемъ этого періода кровавой смуты. Послѣ пораженія Стеньки Разина и его сподвижника Ѳедора Шелудяка подъ Симбирскомъ ихъ полчища были разсѣяны и обращены въ бѣгство; въ числѣ бѣжавшихъ былъ донской казакъ, по прозванію Миусскій. Этотъ Миусскій, потерпѣвъ неудачу въ своихъ грабительскихъ и разбойничьихъ походахъ на берегахъ Донца, долженъ былъ отсюда скрыться и вскорѣ объявился въ Запорожской сѣчи въ роли покровителя якобы изгнаннаго и обиженнаго сына государева, на каковую роль имъ былъ подысканъ молодой юноша, по имени Матвѣй. Вотъ съ этимъ-то Матвѣемъ онъ и представился кошевому атаману, убѣждая принять своего спутника, наименованнаго имъ царевичемъ Симеономъ Алексѣвичемъ, подъ покровительство сѣчи Запорожской. Миусскій въ подробностяхъ разсказалъ вымышленную имъ исторію про Симеона Алексѣвича, при чемъ объявилъ за тайну кошевому атаману, что у царевича на правомъ плечѣ и рукѣ есть знакъ, изображающій царскій вѣнецъ, двуглаваго орла и мѣсяць со звѣздою.

Здѣсь впервые выступаетъ со всею яркостью народная легенда о непремѣнномъ находеніи на тѣлѣ у представителей царскаго дома символовъ власти: вѣнца, орла и звѣзды, безъ которыхъ народъ какъ бы даже и не признаетъ возможности царскаго бытія. Эмблемы власти играютъ въ представленіи народа необыкновенно большую роль: когда духовенство читаетъ царскія грамоты къ народу во время Разинскаго возмущенія, коноводы бунта спѣшатъ возвѣстить, что грамоты поддѣльныя—на настоящей грамотѣ должна быть большая красная царская печать; лже-Симеонъ доказываетъ свое цар-

ственное происхождение золотушными пятнами на тѣлѣ, толкуя ихъ, какъ природные символы власти. Въ позднѣйшемъ бунтѣ Пугачева эти природные символы играютъ тоже рѣшающую роль, какъ равно специально-царскими особенными золотыми грамотами въ періодъ революціонной агитаціи въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія представители этой агитаціи дѣлаютъ попытки поднять народъ въ юго-западномъ краѣ и дѣйствительно поднимаютъ его противъ помѣщиковъ и административной власти. Такимъ образомъ царская власть, эмблемы царской власти, царственность разныхъ грамотъ, становятся съ теченіемъ времени лучшимъ средствомъ возмущенія народа, при чемъ въ каждомъ специальномъ и отдѣльномъ случаѣ вожаки народнаго движенія, въ интересахъ своего авторитета и легчайшаго способа достиженія намѣченной цѣли, рѣзко дѣлаютъ царское отъ боярскаго, дворянскаго и чиновничьяго, противопоставляя оба эти начала одно другому. Царь—другъ народа, это власть демократическая, народная, идеальная; чиновники (малый или большой, все равно), сановники и люди капитала и денежной власти—враги народа, стремящіеся всегда отдѣлять царя отъ народа, стать между ними, закабалая своимъ вліяніемъ и своею неправдою оба главнѣйшіе элемента государственнаго бытія Россіи—и царя и народъ. Призывая народъ на защиту царя и противъ представителей административнаго и бюрократическаго начала, призывая народъ и рабочихъ на защиту ихъ социальныхъ и экономическихъ правъ, большинство руководителей революціонныхъ движеній до второй половины XIX вѣка, когда въ программѣ дѣйствій, какъ это видно будетъ далѣе, совершился переломъ, главнымъ образомъ пользуются для успѣха своей проповѣди въ массѣ исконною вѣрою и любовью народными къ престижу самодержавной власти.

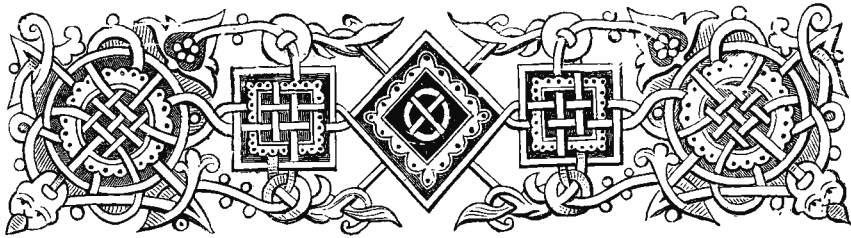
Авантюра лже-Симеона успѣха не имѣла, казачье войско за него не поднялось, и онъ былъ впоследствии четвертованъ въ Москвѣ. Во всемъ этомъ эпизодѣ вообще мы видимъ очень слабыя начала организациі проектированнаго возмущенія и исполненія его: тутъ звучатъ и мотивы, почерпнутые по свѣжимъ еще слѣдамъ изъ Смутнаго времени, и мотивы изъ программъ Болотникова и Разина, при отсутствіи, однако, съ самомъ замыслѣ характерной личности героя-выполнителя, хотя и при наличности обычныхъ аксессуаровъ и при отсутствіи необходимыхъ широко поставленныхъ социальныхъ и экономическихъ обоснованій для народнаго движенія. Инцидентъ съ лже-Симеономъ не былъ собственно послѣднимъ эпизодомъ въ серіи смутныхъ событій на Донѣ—волненія тутъ бывали не рѣдки, но въ нихъ мы уже не видимъ элементовъ программнаго свойства для большого бунта. С. М. Соловьевъ передаетъ одинъ характерный эпизодъ, гдѣ усматривается, какъ даже при царевнѣ Софіи была сдѣлана попытка поднять Донъ, при

чемъ средствомъ возмущенія было пользованіе все тѣмъ же царскимъ словомъ. Когда Голицынъ принялся разслѣдовать на Дону тамошнія смуты, затѣянные какимъ-то воровъ-чернецомъ Іосифомъ, то посланному рассказывали, что письмо (прокламація) вора писано отъ имени Іоанна Алексѣевича, гдѣ онъ приказываетъ казакамъ итти въ Москву, будто бояре его, государя, не слушаютъ и не воздаютъ ему достойной чести, и другія многія непристойныя слова, которыхъ нельзя и сказать, да на патріарха и на архіереевъ написаны также многія непристойныя слова; печать у письма красная, но не государская, должно, монастырская. Мѣстное начальство разубѣждало казаковъ въ подлинности прокламаціи, при чемъ главныя основы доводовъ были формальнаго характера: настоящихъ государевыхъ печатей на письмѣ нѣтъ, и прислано послѣднее не съ знатною особою, а съ какимъ-то невѣдомымъ чернецомъ.

Когда посланецъ Голицына послѣ разслѣдованія уѣхалъ, то знатные казаки ему тайно говорили: «Доложи князю Василью Васильевичу Голицыну, что все воровство идетъ у насъ на Дону отъ воровъ раскольниковъ, которые у насъ живутъ по Хопру и Медвѣдицѣ, а именно: отъ старца Антонія и Пафнутія, и отъ лица ссыльныхъ, которые сбѣжали на Донъ изъ украинскихъ городовъ». Содержаніе этого тайнаго доноса вводитъ въ тогдашнюю исторію русскихъ смутъ и возмущеній новый элементъ — раскольниковъ, силу консервативную, мрачную и озлобленную, которая впоследствии, при Екатеринѣ II, создала правительству страшныя затрудненія и потрясла весь русскій государственный строй кровавой народной расправой Емельяна Пугачева, этого зротеже раскольниковъ, консервативныхъ элементовъ былой московской старины и казацкой вольницы, которые, дружно и тѣсно сплотившись подъ самозваннымъ знаменемъ самодержавія, ринулись на правительство Екатерины и обратили чуть ли не полъ-Россіи въ груды пепла и мертвыхъ костей.

Б. Глинскій.

«СТАРЫЙ МАКАРІЙ».

(Изъ волжскихъ впечатлѣній).

I.

ВЪ 5-й часъ яснаго августовскаго утра, обѣщавшаго жаркій, погожій день, когда я сошелъ на Исадской пристани съ самолетскаго «Лермонтова» и усѣлся въ лодку, чтобы переправиться на лѣвый берегъ Волги, въ г. Макарьевъ. Много разъ приходилось проѣзжать мимо этого крошечнаго и жалкаго городка, пріютившагося подъ древними стѣнами Желтоводскаго Макарьевскаго монастыря. Грандіозныя постройки послѣдняго, красующіяся на самомъ берегу рѣки и хорошо извѣстныя волжскимъ туристамъ, почти совершенно закрываютъ «Старый Макарій» съ рѣки. Отсюда видны только 2—3 улочки, съ убогими деревянными домишками, да возвышающіяся надъ ними — единственная маленькая церковь города, пожарная каланча да одно большое каменное зданіе старинной постройки.

Пароходы не пристають къ Макарьеву, такъ какъ вдоль городского берега тянется громадная отмель. На этомъ низменномъ, песчаномъ берегу, покрытомъ чахлою растительностью тальника, не видно ни малѣйшаго движенія. Рѣдко-рѣдко когда проскользнетъ лодка, перевозящая въ монастырь и обратно, къ Исадамъ, или медленно пройдетъ поромъ, поддерживающій сообщеніе съ с. Лысковымъ, перетянувшимъ съ себѣ администрацію и всѣ городскія

функціи Стараго Макарья. Въ обездоленномъ городкѣ давно уже замерла всякая жизньъ, стало такъ пустынно, мертво, какъ не бываетъ въ самомъ захолустьномъ уѣздномъ городѣ, какимъ номинально продолжаетъ считаться (съ 1779 г.) и умирающій Макарьевъ.

А когда-то, безъ малаго 100 лѣтъ назадъ, здѣсь жизньъ была ключемъ и на берегу, и въ городѣ, и въ окрестностяхъ его. Именно въ эти августовскіе дни былъ тутъ самый разгаръ старой Макарьевской ярмарки, возникшей еще въ XVII в. и существовавшей весь XVIII в. и начало XIX вѣка. Страшный пожаръ 1816 г., истребившій ярмарочные ряды въ Макарьевѣ, поднялъ вопросъ о переводѣ ярмарки въ Нижній, гдѣ она въ слѣдующемъ году и открылась. Съ тѣхъ поръ началось умираніе Стараго Макарья, послѣ почти двухвѣковой блестящей жизни, и эта агонія длится до сихъ поръ...

Въ такой же агоніи много лѣтъ находился, послѣ перевода ярмарки, и старинный мужской Желтоводскій монастырь, основанный еще въ XIV вѣкѣ, затѣмъ разоренный татарами и возобновленный въ 1-й четверти XVII вѣка. Монастырь богатѣлъ отъ ярмарки и сталъ падать, когда она перешла въ Нижній. Въ послѣдней четверти прошлаго вѣка полуразрушенный монастырь былъ упраздненъ, но когда съ 1882 г. на этихъ вѣковыхъ развалинахъ усѣлась женская община, позже преобразованная въ монастырь, послѣдній сталъ воскресать въ умѣлыхъ и заботливыхъ женскихъ рукахъ. Теперь, можно сказать, онъ твердо стоитъ на ногахъ, энергично поднимается изъ развалинъ и бодро зажилъ новою жизнью, хотя острый періодъ нужды и борьбы за существованіе еще далеко не прошелъ для него.

Не будетъ удивительно, если вторично воскресшій къ жизни Желтоводскій монастырь подѣйствуетъ оживляющимъ образомъ на самый городокъ, для котораго уже и теперь монастырь является главнымъ жизненнымъ нервомъ.

Давно меня тянуло взглянуть и на возникающій изъ развалинъ монастырь, и на убогій, умирающій городокъ, и на мѣсто бывшей Макарьевской ярмарки, процвѣтавшей здѣсь въ XVII и XVIII вѣкахъ. Объ этомъ періодѣ ярмарки приходилось не разъ читать въ современныхъ историческихъ актахъ ¹⁾ и въ позднѣйшихъ очеркахъ всероссійской ярмарки. Между тѣмъ, старое ярмарочное мѣсто стало забываться даже прирожденными волгарями. Проѣзжая тутъ на пароходахъ, часто я добивался у волгарей: гдѣ именно была ярмарка— въ самомъ ли городѣ? или выше его? или ниже? Но каждый разъ получались разнорѣчивые отвѣты. И только въ прошломъ году

¹⁾ Въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи хранятся подлинныя «таможенныя книги» Макарьевской ярмарки за XVII и XVIII вв., доселѣ не изслѣдованныя, къ сожалѣнію, какъ и документы по исторіи Ирбитской и другихъ ярмарокъ.

удалось лично познакомиться съ Старымъ Макарьемъ и выяснить вопросъ о старомъ мѣстѣ знаменитой ярмарки.

Все это припоминалось, пока наша лодка, отваливъ отъ лѣтнихъ ¹⁾ Исадскихъ пристаней, сначала поднялась вверхъ по рѣкѣ, а затѣмъ стала пересѣкать ее (всего около 2 верстѣ). При подъемѣ вверхъ у праваго берега по узкому фарватеру, стѣсненному отмелью, лодочнику приходилось съ большимъ усиліемъ бороться противъ очень сильнаго здѣсь теченія, пока мы не повернули на отмель, гдѣ теченіе много слабѣе. Но тутъ мы попали въ изрядную толчею, произведенную двумя шедшими пароходами: сверху спускался люби-

Макарьевъ-Желтоводскій монастырь.

мовскій пароходъ «Березники», а снизу двинулся оставленный мною «Дерматовъ». Опытный лодочникъ-исадовецъ умѣло справлялся среди разведеннаго пароходами волненія, и мы быстро скользили впередъ, ловко разрѣзая порядочныя волны.

Солнце все выше поднималось изъ-за лѣсовъ Заволжья и начинало сильно пригрѣвать, обливая потоками яркаго свѣта и синія воды рѣки, и зелень береговъ, и желтые пески, и бѣловатая громада высокихъ монастырскихъ стѣнъ, и сѣрыя постройки городка за ними. Въ прозрачномъ рѣчномъ воздухѣ ранняго утра все раз-

¹⁾ Весеннія пристани располагаются у самаго с. Исады, т.-е. много дальше отъ Макарьева—около 5 в. отъ него по фарватеру, а прямикомъ меньше.

нообразіе этихъ красокъ было такъ ярко, сочно, свѣжо. Всѣ детали развертывавшейся предъ глазами широкой картины были явственно видны, вплоть до оставленныхъ нами сзади Оадеевыхъ горъ, по уступамъ которыхъ сбѣгало красивое село Исады съ нѣсколькими церквами. Оттуда и изъ дальняго, не виднаго съ рѣки Лыскова неся воскресный звонъ и гулко разносился по рѣкѣ. Ушедшій вверхъ «Лермонтовъ» звучно пересвистывался со встрѣчнымъ буксирнымъ караваномъ, спускавшимся ниже устья р. Керженца. Внизу отваливалъ со свистками «Березники». По рѣкѣ съ криками рѣяли чайки, высматривая плескавшуюся на поверхности рыбу. Кое-гдѣ сновали лодки рыбаковъ.

Что-то бодрящее, зовущее къ жизни чувствовалось здѣсь, на милой рѣкѣ... Не хотѣлось уходить отъ бьющей тутъ черезъ край жизни и идти въ умирающій городокъ и въ оторванную отъ жизни обитель... Но наша лодка была уже у берега.

Лодочникъ хотѣлъ пристать около деревянной лѣстницы, спускающейся по береговому откосу, укрѣпленному камнями, отъ главныхъ «св. вратъ» монастыря до самой воды. Но было рано идти въ монастырь, гдѣ еще не звонили къ обѣдѣ, и мы высадились на песчаный берегъ ниже монастыря, у его восточной стѣны. Монастырская пристань устьяна камнями, наваленными въ большомъ количествѣ для укрѣпленія подошвы откоса, да и весенніе разливы смываютъ съ откоса камни и засариваютъ ими дно рѣки. Монастырю слѣдовало бы позаботиться о благоустройствѣ своей пристани, подходъ къ которой при большомъ волненіи можетъ быть даже не безопасенъ.

Ниже монастыря, на волжскомъ берегу расположена частная лѣсопилка—единственное промышленное заведеніе городка, если не считать кустарное сундучное производство.

Расплатившись съ лодочникомъ (20 коп., безъ торгу), я двинулся по песчаному косоугору вокругъ монастыря, обозрѣвая его чисто крѣпостныя стѣны (на глазомѣръ—около 8 сажень высоты), образующія правильный четырехугольникъ, съ башнями по угламъ и надъ нѣсколькими воротами. Громадныя стѣны, основательно построенныя въ XVII в., сильно пострадали (особенно южная и восточная) отъ весеннихъ разливовъ Волги, когда вода подходила къ самымъ стѣнамъ и подмывала ихъ, иногда даже прорываясь, въ особенно большіе разливы, на монастырскій дворъ. Въ настоящее время разрушеніе стѣнъ прекратилось, когда монахи возобновили древнюю вторую, наружную предохранительную стѣнку въ половину высоты монастырскихъ стѣнъ, съ лицевой (южной) стороны отъ Волги и съ восточной части, наибольше подверженныхъ напору вешнихъ водъ. Восточная наружная стѣнка ограждаетъ довольно значительное пространство, на которомъ разбитъ молодой монастырскій садъ. Южная же стѣнка идетъ параллельно монастыр-

ской стѣнѣ, мимо св. вратъ, образуя между двумя стѣнами длинный и широкій коридоръ, напоминающій подобные переходы въ средневѣковыхъ замкахъ. Тутъ всегда прохладно, въ самые жаркіе дни, и такъ тихо, спокойно до жуткости, словно на тюремномъ дворѣ... И только голубое небо надъ головою да рокоть Волги за стѣною говорятъ здѣсь о жизни...

Обогнувъ восточную стѣну, я повернулъ вдоль сѣверной и вышелъ на пустырь, отдѣляющій монастырь отъ города и изрѣзанный оврагами и озерами, оставшимися отъ водополья. Пески тутъ кончились, и пустырь покрытъ сочною травою, мокрою отъ сильной росы. Здѣсь наивысшій пунктъ монастыря, куда рѣдко доходятъ разливы, какъ можно судить по сѣверной стѣнѣ, лучше другихъ сохранившейся и не огражденной предохранительной стѣнкой.

Изъ экономическихъ воротъ въ этой стѣнѣ выходило монастырское стадо, небольшое (болѣе 20 головъ), но хорошо подобраннаго молочнаго скота. Пропустивъ стадо, сопровождаемое нѣсколькими послушницами, я направился въ ближайшую къ монастырю западную часть Старога Макарья, гдѣ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, должно находиться мѣсто бывшей ярмарки. Переправившись черезъ мокрый оврагъ, съ протокомъ изъ сосѣдняго озера, я вступилъ въ «городъ», который не весь виденъ съ Волги, такъ какъ тянется довольно далеко вглубь берега.

II.

Пройдя мимо единственной маленькой церковки города, я вступилъ въ узенькія, небольшія улочки, почти сплошь затянутаго травой. Дома высокіе и издали кажутся двухэтажными, въ дѣйствительности же они одноэтажные, но ихъ низы высоко подняты ради осеннихъ разливовъ. Въ большую воду весь городъ покрывается водою, и тогда горожане сообщаются на лодкахъ, а въ малую—спасаются отъ разлива лишь тѣ дома, которые стоятъ на вершинѣ песчаныхъ грядъ, представляющихъ поверхность города. Въ низинахъ, между песчаными буграми, весеннія воды долго застаиваются: я былъ въ августѣ и, несмотря на очень жаркое и сухое лѣто 1903 года, вездѣ въ низкихъ мѣстахъ города или стояла вода, или было грязно и сыро. Отъ испаренія застоявшейся воды воздухъ въ городѣ нездоровый, болотистаго привкуса (кромѣ монастыря, стоящаго на болѣе высокомъ пунктѣ и огражденнаго отъ города высокими стѣнами). Отъ застоя воды и близости лѣсовъ въ жару распложаются мириады комаровъ и мошекъ, отравляющихъ существованіе. Дачная жизнь здѣсь немыслима. Но кому тутъ раздолье, среди городскихъ болотъ и постоянной грязи, такъ это свиньямъ, водящимся въ городѣ въ изобиліи и представляющимъ роскошные по своему развитію экземпляры.

Только свиньи да еще козы нѣсколько оживляли совершенно пустыя, мертвыя улицы городка. Часъ былъ уже не ранній для любого уѣзднаго и самаго захолустнаго города, а между тѣмъ я почти не видѣлъ въ Макарьевѣ людей. За тѣ два-три часа, что я бродилъ по городу, я встрѣтилъ не больше 15-ти человѣкъ (не считая монахинь), и почти всѣ они были старики и старухи...

Между тѣмъ, я зналъ, что по переписи 1897 года въ Макарьевѣ числится 1.450 жителей (съ 1864 года уменьшилось на 250 человѣкъ). Если выключить отсюда 200 монахинь, то все же оставалась немалая цифра горожанъ, которые могли бы оживить пейзажъ мертваго городка. Но ихъ не было тогда видно, словно весь городъ вымеръ, или населеніе куда-то сбѣжало, исчезло...

Становилось просто жутко отъ этого безлюдья... Угрюмо и молча стоятъ пустыя дома, многіе съ заколоченными окнами и входами, другіе на замкахъ. Ни дѣтскаго крика, ни лая собакъ, ни говора людей — ничего и нигдѣ не слышно. Совсѣмъ мертвыи, какой-то зачумленный городъ!.. И если бы не хрюканье громадныхъ свиней и не блеянье козъ, можно было бы подумать, что городъ дѣйствительно весь вымеръ, совсѣмъ упраздился...

Рѣдко попадавшіяся одинокія фигуры горожанъ—все какія-то изможденные, унылыя, вялыя, сонныя, съ тупыми взглядами и полнымъ отсутствіемъ жизни въ лицѣ. Помню одну высокую, сухую старуху, тащившую громадную связку хвороста, пригнувшую ее къ землѣ... Лицо ея цвѣта пергамента было воплощеніемъ полнаго безстрастія и равнодушія къ жизни. Но когда я заговорилъ съ нею о старой Макарьевской ярмаркѣ, она сразу и совершенно измѣнилась, въ глазахъ вспыхнулъ потухающій огонекъ жизни, въ голосѣ зазвучали какія-то бодрія нотки, вызванныя воспоминаніемъ о быломъ блестящемъ періодѣ Стараго Макарья...

Другой ветхій, чистенькій старичекъ куда-то страшно торопился. Но когда я остановилъ его на минуту, расспрашивая о ярмарочномъ мѣстѣ, онъ сейчасъ же забылъ, куда ему нужно было бѣжать, и полчаса простоялъ со мною, рассказывая о старой ярмаркѣ въ повышенномъ, восторженномъ тонѣ, съ старческими взвизгиваніями въ голосѣ и захлебываясь отъ массы нахлынувшихъ воспоминаній...

Между тѣмъ, ни та старуха съ пергаментнымъ лицомъ, ни этотъ восторженный старичекъ, ни остальные макарьевцы, также съ восторгомъ рассказывавшіе о былой ярмаркѣ,—никто изъ нихъ самой ярмарки не видѣлъ, а зналъ о ней только по рассказамъ отцовъ и дѣдовъ. Они застали и видѣли однѣ ярмарочныя развалины, но хорошо усвоили и запомнили живыя воспоминанія своихъ стариковъ и также передали ихъ своимъ дѣтамъ. Въ этихъ рассказахъ, прошедшихъ черезъ вторыя и третьи руки, уже чувствуется много легендарнаго. Дальше легенда будетъ расти, но уже и теперѣ сказа-

Деревянная дверь въ соборѣ св. Троицы въ Макарьевскомъ монастырѣ.

нiя о ярмаркѣ представляютъ въ Макарьевѣ какой-то особый культъ, къ которому истый макарьевецъ относится съ благоговѣнiемъ, и который скрадываетъ неприглядныя стороны теперешней жалкой жизни городка.

Но, какъ уже замѣчено, бродя по городу, я не видѣлъ въ немъ никакой жизни и почти не встрѣчалъ людей. Даже позже, когда очутился въ монастырской церкви, я встрѣтилъ тамъ всего трехъ-четырехъ горожанъ, хотя это былъ воскресный день, и въ городской церкви службы не было...

Только подходя къ монастырю, я страшно обрадовался, увидя на берегу Волги цѣлую «толпу» .. въ макарьевскомъ смыслѣ: цѣ-

лыхъ шесть человекъ!.. И народъ это былъ молодой, бодрый, свободный отъ «культы ярмарки» и пошевеливающий мозгами надъ вопросомъ о будущемъ. Но это были лодчники и рыбаки, живущіе на Волгѣ и Волгой. А эта мать-кормилица оживотворяетъ всѣхъ, кто попробуетъ ея живой воды... Это были уже не подлинные, истые макарьевцы, а только родившіеся въ Макарьевѣ.

Искалъ я какого нибудь трактира, кабака, лавокъ, гдѣ могли бы ютиться макарьевцы, но ничего не находилъ. Даже... боюсь и выпустить такую клевету на бѣдный Макарьевъ!.. и сомнѣваюсь, чтобы въ городѣ была лавочка монополиі... по крайней мѣрѣ, я не видѣлъ ея, хотя обошелъ «лучшія» улицы города... Не видѣлъ также и двухъ городскихъ, представляющихъ, вмѣстѣ съ г. полицейскимъ надзирателемъ, единственныхъ «властей» города.

Виноватъ, впрочемъ, Макарьевъ не лишень и выборныхъ властей: есть «городской староста», его товарищъ и 12 гласныхъ, вѣдающихъ очень скромный городской бюджетъ — всего въ четыре тысячи. Кажется, макарьевскіе отцы города слишкомъ ужъ сонно относятся къ возможности поднять доходы города: напримѣръ, за парходныя пристани (лѣтнія Исадскія пристани лежатъ на городской землѣ) городъ беретъ по 58 рублей съ каждой, всего 250 (или 300) рублей, тогда какъ въ сосѣднемъ Васильсурскѣ городъ получаетъ съ пристаней пять тысячъ, т.-е. больше всего макарьевскаго бюджета. Положимъ, Васильсурскъ не чета Старому Макарью, а все же аренду съ пристаней должно послѣднему поднять, какъ равно можно позаботиться и о другихъ статьяхъ дохода и расхода. Макарьевъ содержитъ двухклассное училище и проч.

Но гдѣ же было населеніе этого убогаго города? Встрѣченные мною немногіе макарьевцы объяснили, что въ другое время года Макарьевъ болѣе или менѣе кипитъ своими полусонными обывателями, но пустѣетъ и совершенно замираетъ только въ періодъ нижегородской ярмарки. Хотя ярмарка ушла изъ Макарьева, но макарьевцы не хотятъ и теперь съ нею разставаться, и какъ въ старину они кормилась отъ нея, такъ и теперь она ихъ кормитъ отчасти.

Въ старые годы, когда ярмарка была дѣйствительно макарьевскою, макарьевцы богатѣли отъ нея не столько участіемъ въ торговлѣ, сколько сдачею въ наемъ своихъ домовъ пріѣзжему купечеству и насыщеніемъ его желудковъ. Послѣдняя-то функція осталась и доселѣ за макарьевскими поварихами, въ силу вѣковыхъ традицій.

Какъ только начинается ярмарочный періодъ въ Нижнемъ, макарьевцы снимаются туда цѣлыми семьями, устраиваютъ въ Кунавинѣ кухни и начинаютъ кормить ярмарочное купечество своими незатѣйливыми яствами. Жены варятъ, пекутъ, жарятъ и т. д., мужья разносятъ все это по ярмарочнымъ рядамъ, а дѣтвора кор-

мится остатками отъ купеческой ѣды. И, несмотря на обиліе въ Нижнемъ всякаго рода и ранга ресторановъ, трактировъ, кухмистерскихъ и проч., макарьевскія кухни не жалуются на отсутствіе кліентовъ. Макарьевскія поварахи имѣютъ несомнѣнное право утверждать, что за три вѣка онѣ основательно изучили вкусы желудковъ всероссійскаго купечества, и никто лучше ихъ тутъ не попадетъ... И это такъ, повидимому, разъ само купечество не отказывается отъ традиціоннаго обычая, чтобы на ярмаркѣ кормили его поварахи отъ Стараго Макарья, какъ насыщали онѣ дѣдовъ и пра-дѣдовъ въ самомъ Макарьевѣ.

Но, разумѣется, не всѣ макарьевцы, отправляющіеся въ Нижній, работаютъ только около своихъ кухонь: многіе занимаются тамъ ломовымъ извозничествомъ, поденщиной и проч. Всѣ не только кормятся въ ярмарочный періодъ, но и увозятъ домой чистый заработокъ, на который и прозябаютъ значительную часть года, дополняя его кое-какими мѣстными промыслами и ремеслами.

Такъ вотъ какъ объяснилась пустота города, большинство домовъ котораго бываетъ «на замкѣ» два-три лѣтнихъ мѣсяца. Благодаря этому обстоятельству, т.е. отсутствію надзора за домами, пожары въ Макарьевѣ бываютъ очень опустошительны. Такъ, два-три года назадъ, во время ярмарки, здѣсь сгорѣло какъ-то 105 домовъ. Понятно, каждый такой пожаръ все болѣе и болѣе уменьшаетъ количество жителей, не имѣющихъ возможности вновь выстроиться.

Кромѣ ярмарочнаго заработка, часть макарьевцовъ занята выдѣлкою сундуковъ. Это также стародавній промыселъ Макарьева, который раньше процвѣталъ, но теперь уже падаетъ, хотя макарьевцы поврежнему способны выдѣлывать мастерскіе сундуки. Но послѣдніе мало требуются: больше въ ходу дешевые сундуки. Промыселъ захватили три-четыре скушника, какъ водится наживающихся изрядно на счетъ мастеровъ-сундучниковъ, зарабатывающихъ гроши. По послѣднимъ даннымъ, сундуковъ вырабатывается въ годъ на 15.000, при 30-ти рабочихъ.

Остальныхъ макарьевцевъ подкармливаетъ то Волга (рыболовство, лодочный промыселъ и друг.), то лѣсопилка, то монастырь (рабочіе и мастеровые), то богатое Лысково, съ его громадными базарами и проч. Но вообще макарьевцамъ живется очень скудно и почти «безъ надеждъ впереди», если не оправдаются кое-какія туманныя и далекія надежды на поддержку монастыря. Только прогрессивный ростъ послѣдняго еще можетъ остановить постепенное таяніе городского населенія, не столько вымирающаго, сколько переселяющагося въ другіе, болѣе живые пункты. Въ противномъ случаѣ Макарьевъ можетъ закончить тѣмъ, съ чего началъ свое существованіе—въ званіи скромной подмонастырской слободы. Уди-

вительно, что уѣздная администрація, давнымъ-давно переселившаяся въ сосѣднее Лысково, еще щадить Макарьевъ и не хлопотеть объ отнятіи у него званія уѣзднаго города. Мѣшаютъ этому, вѣроятно, давнія традиціи и уваженіе къ Старому Макарью...

III.

Если вы отправитесь отъ западной стѣны монастыря, къ которой примыкаютъ снаружи нѣсколько монастырскихъ же построекъ, по одной изъ городскихъ улицъ, идущихъ на западъ, т.-е. параллельно Волгѣ и вверхъ по ней, то черезъ 10—15 минутъ ходьбы можно выйти на огромный пустырь, на которомъ и происходила старая макарьевская ярмарка.

Ярмарочное мѣсто примыкаетъ къ западной окраинѣ города, т.-е. лежитъ внѣ его и выше города. Впрочемъ, можно, пожалуй, сказать, что оно лежитъ и въ городѣ, такъ какъ за чертою ярмарочнаго пустыря и параллельно ему тянется, на треть длины пустыря, часть городскихъ построекъ. Вѣроятно, что заярмарочная слободка возникла во время ярмарки, иначе не понятно, зачѣмъ она выдѣлилась изъ черты собственнаго города, отъ котораго теперь ее отдѣляетъ одинъ пустырь.

Главнымъ пунктомъ ярмарки, гдѣ находились каменные и деревянные ряды, былъ именно этотъ длинный четырехугольный пустырь, тянуційся съ сѣвера на югъ между городомъ и слободкой, начинаясь у кладбища (за слободкой) и заканчиваясь на берегу Волги. Длина пустыря около 1¹/₂ версты, ширина около ¹/₄ версты. Пустырь представляетъ ложбину, края которой покаты какъ со стороны города, такъ и съ противоположной стороны. Происхожденіе ложбины частью естественное, какъ результатъ весеннихъ размывовъ, а, съ другой стороны, искусственное—вслѣдствіе выемки фундаментовъ изъ-подъ ярмарочныхъ построекъ. Образовавшіяся оттого неровности почвы—углубленія и возвышенія, видны во многихъ мѣстахъ пустыря. Но несомнѣнно, что въ періодъ существованія ярмарки поверхность здѣсь была болѣе приподнята и представляла ровное плато.

Не могу сказать, существовали ли во время ярмарки тѣ низина, болотцо и порядочное озерко, кои теперь находятся въ южномъ (къ Волгѣ) концѣ ярмарочнаго мѣста. Но лежащій тутъ же, недалеко отъ озерка, ближе къ городу, глубокій оврагъ, съ озеркомъ на днѣ, несомнѣнно недавняго и искусственнаго происхожденія (кажется, для добыванія глины). Этотъ оврагъ не могъ быть во время ярмарки, такъ какъ онъ преграждалъ бы доступъ къ волжскому берегу, гдѣ выгружались товары съ судовъ и вновь нагружались послѣ ярмарки. Суда приставали къ самому Макарьеву, такъ какъ нынѣшней отмели у лѣваго берега тогда не было, и фар-

ватеръ направлялся именно по луговому берегу, а не по горному, какъ теперь.

Такимъ образомъ, при выходѣ пустыря къ Волгѣ ярмарочное мѣсто расширялось вверхъ по рѣкѣ, и пристани тянулись на нѣсколько верстъ, можетъ быть, до самаго устья р. Керженца, лежащаго теперь въ 5 верстахъ отъ Макарьева. Это—капризная рѣка, не разъ измѣнявшая свое устье, а потому нельзя утвердительно сказать, въ сколькихъ верстахъ находилось оно отъ города въ періодъ ярмарки.

За вышеупомянутымъ озеркомъ берегъ ложбины значительно поднимается и переходитъ въ довольно высокій бугоръ, на которомъ расположена теперь усадьба съ садомъ г. Аникеева (или Аникина), мѣстнаго богача-сундучника. Именно на мѣстѣ этой усадьбы былъ ярмарочный «главный домъ». Одна древняя макарьевская старуха рассказывала, что она еще помнитъ этотъ главный домъ, уцѣлѣвшій отъ пожара 1816 года и много лѣтъ стоявшій пустымъ, пока не былъ разобранъ. Она называла его «больно красивымъ», съ большими колоннами и другими украшеніями.

Отъ этого пункта до главнаго ярмарочнаго пустыря (ложбины)—около полуверсты. Несомнѣнно, и это разстояніе было заполнено ярмарочными постройками, да онѣ же тянулись и за главнымъ домомъ, такъ какъ онъ не могъ стоять съ края ярмарки. Последняя также, несомнѣнно, тянулась и вправо отъ усадьбы Аникеева, по направленію къ слободкѣ, гдѣ теперь находятся заросли тальника. Это доказываютъ найденные мною именно въ этомъ мѣстѣ (вправо отъ мостика, что на дорогѣ, ведущей изъ города къ усадьбѣ Аникеева, на пригоркѣ у края ложбины и начала тальниковыхъ зарослей) послѣдніе остатки былого ярмарочнаго величія—нѣсколько размытыхъ водою кучекъ мелкаго щебня...

Кромѣ этихъ кучекъ щебня, отъ ярмарки не осталось ровно ничего!.. «Путеводитель», изданный въ 1901 году однимъ изъ солидныхъ волжскихъ пароходныхъ обществъ, положительно сочиняетъ, будто ярмарочное мѣсто въ Макарьевѣ представляетъ «голые пески и нѣсколько развалинъ»... То и другое—чистая ложь. Никакихъ развалинъ давнымъ-давно уже нѣтъ, такъ какъ весь камень, до фундаментовъ включительно, разобранъ и увезенъ въ Макарьевъ и другія мѣста. Главная масса кирпича пошла на постройку грандіознаго острога въ г. Васильсурскѣ, существующаго и донныѣ.

Неправда и насчетъ «голыхъ песковъ»: послѣдніе находятся только на берегу Волги, а самый ярмарочный пустырь и бугоръ, гдѣ усадьба Аникеева и заросли тальника—все это ярмарочное мѣсто покрыто травой, и настолько сочною на низменномъ пустырьѣ, что тутъ пасутся коровы, козы, свиньи.

Все ярмарочное мѣсто съ волжскимъ берегомъ, бугромъ и т. д. занимаетъ приблизительно около квадратной версты—ничтожное пространство по сравненію съ теперешней нижегородской ярмаркой.

IV.

Осмотрѣвши ярмарочное мѣсто, я направился берегомъ къ монастырю, гдѣ уже раздавался звонъ къ обѣднѣ. Берегъ здѣсь довольно высокій, обрывистый, постоянно размываемый Волгой. Домишки стоятъ по самому краю обрыва и, вѣроятно, скоро сползутъ весною въ рѣку.

Встрѣтивъ на берегу нѣсколькихъ лодочниковъ, я договорилъ одного для обратной переправы черезъ Волгу и отправился въ монастырь, войдя въ ворота, ведущія около западной наугольной башни (надъ Волгою) въ упомянутый переходъ между южной стѣной и предохранительной стѣнкой. Въ серединѣ этого перехода находятся главныя «Святые врата», съ возобновленной Михайловской церковью въ надвратной башнѣ. Напротивъ св. вратъ въ наружной стѣнкѣ сдѣланъ проходъ, ведущій къ лѣстницѣ, спускающейся къ монастырской пристани.

Монастырскій дворъ на первомъ планѣ представляетъ голый, неприглядный пустырь, который справа ограниченъ стѣнами и примкнутыми къ нимъ старыми каменными кельями, а слѣва упирается въ небольшой палисадникъ, за которымъ тянутся такія же кельи у стѣнъ. Пустырь слѣдовало бы скрасить деревьями и кустами. Къ восточной стѣнѣ пристроенъ новый каменный корпусъ для келлій, готовый вчернѣ уже 3 года назадъ, но съ тѣхъ поръ стоящій не отдѣланнымъ, за неимѣніемъ средствъ. Между тѣмъ, число сестеръ быстро растетъ, и онѣ уже не помѣщаются въ старыхъ, полуразрушенныхъ монастырскихъ келліяхъ. Матушка-привратница увѣряла, что въ ея кельѣ, какъ и въ другихъ, давно провалились полы и не поправляются, за скудостью монастырской казны. Часть сестеръ живетъ даже за монастырской оградой, въ старомъ больничномъ корпусѣ (большое каменное зданіе у западной стѣны, видное съ Волги), которое современемъ предполагаютъ превратить въ гостиницу (теперь ея нѣтъ).

Та же матушка сочла долгомъ заявить, что внѣ монастыря живутъ только самыя ветхія старицы, застрахованныя отъ «мирскихъ соблазновъ»... Какіе ужъ тамъ соблазны въ этомъ жалкомъ городкѣ!.. Да и весь дѣловой строй монастыря, и самый составъ сестеръ, набранный главнымъ образомъ изъ деревенской бѣдности, ушедшей сюда отъ дѣйствительной нужды и большого горя, все служить ручательствомъ того, что макарьевскія сестры слишкомъ далеки отъ всякаго рода «искушеній». Это совѣмъ не тѣ монахини, какими полны столичные и другіе богатые монастыри, куда женщины гонитъ часто одна блажь, неумѣнье устроиться иначе въ жизни, да стремленіе къ сытому и спокойному прозябанію, иногда же совершенно не монастырскія, а сибаритскія вождельнія... Въ монастырѣ у Старого Макарія, какъ и въ другихъ подобныхъ

монастыряхъ провинціальной глуши, нельзя встрѣтить ни разжирѣвшихъ отъ бездѣлья старыхъ «постницъ», ни смиренно-лукавыхъ молодыхъ особъ «ангельскаго чина» съ «играющими» взорами, ни всякаго рода пройдохъ и т. п. некрасивыхъ продуктовъ современныхъ городскихъ монастырей. Въ глухихъ монастыряхъ фигуры дѣйствительно постныя, лица строія, дѣловыя, нерѣдко истинно подвижническія, безъ всякой примѣси противной рисовки и искусственнаго возбужденія. Тутъ все просто, искренно, естественно. Постоянный трудъ и тяжелыя условія глухого монастырскаго быта не оставляютъ мѣста для созерцательной, праздної жизни, ведущей къ «соблазнамъ», «искушеніямъ» и т. п.

Вообще, если можно въ настоящее время мириться съ монастырями, то именно какъ съ прибѣжищами вопіющей бѣдноты, горя, обездоленной, незадавшейся, искалѣченной жизни, гдѣ эти несчастныя жертвы не только находятъ пріютъ, но и возрождаются путемъ труда. Къ такимъ монастырямъ-богадѣльнямъ можно относиться съ полнымъ уваженіемъ и желать имъ большого процвѣтанія.

Возвращаюсь къ описанію монастыря. Противъ «Святыхъ вратъ», за пустыремъ двора, возвышается хорошо видная съ Волги величественная громада Троицкаго собора, лишенная главного купола (4 малыхъ сохранились), провалившася нѣсколько лѣтъ назадъ. Съ тѣхъ поръ соборъ пустуетъ, тщетно поджидая богатаго благодѣтеля, который далъ бы средства на его восстановленіе. О внутреннемъ видѣ этой грандіозной руины, вполне еще способной къ возрожденію, поговорю ниже.

Влѣво отъ Троицкаго собора находится возобновленная Успенская церковь, а между нею и келліями часовня надъ могилой инока Авраамія, возобновившаго монастырь въ 1620-хъ годахъ.

Сзади собора лежитъ Макарьевская церковь, соединенная съ первымъ небольшою колоннадой. Эта маленькая, уютная, лѣтняя церковь, поновленная въ послѣднее время, была единственнымъ храмомъ, не закрывавшимся и въ дни полнаго упраздненія монастыря. Когда и ее собирались было закрыть, макарьевцы упросили, чтобы она была оставлена въ качествѣ кладбищенской, приписной къ городской церкви. Въ Макарьевской церкви находится чтимая икона Макарія Желтоводскаго, основателя монастыря. На время ярмарки икона перевозится въ Нижній, въ ярмарочную часовню, принадлежащую монастырю и приносящую ему порядочный доходъ.

Позади монастырскихъ церквей лежитъ хозяйственный дворъ. Здѣсь же, кажется, находятся огороды, прекрасные продукты которыхъ предприимчивыя монахини доставляютъ на базары не только ближайшаго Лыскова, но и отдаленнаго Василя, и вездѣ эти продукты берутся нарасхватъ.

Обѣдня шла въ Макарьевской церкви. Пѣлъ недурно монастырскій хоръ со свѣжими голосами. Несмотря на праздничный день,

монахинь было очень немного (около 3—4 десятковъ) сравнительно со всѣмъ количествомъ сестеръ (200 душъ). Очевидно, остальные были или на работѣ и разныхъ послушаніяхъ, или въ разъѣздахъ, что опять-таки говорило о дѣловомъ, рабочемъ характерѣ монастыря, не увлекающагося созерцательною жизнью.

Прослушавъ немного службу, я отправился обозрѣвать руины Троицкаго собора.

V.

Никогда я не былъ ни археологомъ, ни даже любителемъ археологіи, и не понималъ археологовъ, способныхъ увлекаться любою стариною, и только потому, что это—старина. Въ качествѣ историка мнѣ приходилось, однако, знакомиться и съ русскими древностями, архитектурными и всякими иными. Выросъ я въ древнемъ Кіевѣ, полномъ всякаго рода старины. Но и тамъ, и вездѣ я проходилъ равнодушно мимо разныхъ остатковъ древности, такъ какъ всегда интересовался только людьми и ихъ дѣлами, а не вещными памятниками внѣшней обстановки.

И вдругъ—въ захолустномъ полуразрушенномъ Троицкомъ соборѣ Старога Макарія неожиданно получаю громадное впечатлѣніе отъ этой старины—и трогательное, и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно тяжелое, гнетущее, которое никогда не забудется... Впечатлѣніе получалось то, когда видишь здороваго, сильнаго человѣка, но опустившагося и захирѣвшаго отъ какой нибудь ничтожной ранки, которую легко залѣчить. Стоитъ только серьезно взяться за пустую въ сущности ранку, но очень запущенную, и человѣкъ снова будетъ крѣпокъ, здоровъ, силенъ. Но у больного нѣтъ силъ или возможности приняться за серьезное лѣченіе, и онъ таетъ, гибнетъ отъ пустой причины...

То же самое происходитъ и съ Троицкимъ соборомъ. Онъ вполне здоровъ, могучъ и способенъ еще къ многолѣтней жизни, хотя уже прожилъ 2½ вѣка (основанъ въ 1658 году). Громадныя стѣны, толстые столбы, прочные своды, арки, боковые купола и проч.—все въ немъ еще цѣло и крѣпко. Кирпичной кладки «ломъ не беретъ». Но его гложетъ ничтожная рана—обвалъ средняго купола, и она можетъ совсѣмъ его погубить...

Мѣсто провала плохо прикрыто деревяннымъ потолкомъ и такою же плохенькою, дырявой крышей. Насколько продырявились потолокъ и крыша, достаточно доказываетъ масса голубей и воронъ, гнѣздящихся вверху храма и летающихъ вездѣ. Сквозь всѣ эти отверстія льются внутрь дождевыя и снѣговыя воды, и постепенно разрушаютъ кирпичную кладку и портятъ живопись, которою покрыты всѣ стѣны, своды, арки и столбы храма.

Замѣтите, что это—живопись XVII вѣка, образцами которой мы далеко не богаты... А тутъ громадная галерея произведеній этой

рѣдкой живописи—и она гибнетъ!.. Нѣкоторыя изображенія уже истерлись и потускнѣли, краски выцвѣли, потрескались или загажены птичьимъ пометомъ, испараны клювами и когтями, или пострадали при паденіи огромнаго и тяжелаго купола. Но многіе рисунки еще вполнѣ цѣлы и краски ихъ такъ свѣжи, сочны, ярки, словно вчера наложены. При своей крайней близорукости я не могъ и въ бинокль разсмотрѣть изображенія, находящіяся на сводахъ очень высокаго храма (на глазомѣрѣ—больше 20 сажень), а говорятъ—тамъ сохранились прекрасныя изображенія, особенно два лика Богоматери. Однако, не за горами гибель всѣхъ этихъ изображеній... Да будетъ стыдно нашимъ богатымъ археологическимъ обществамъ, если они не спасутъ отъ гибели этого рѣдкаго памятника русской живописи и архитектуры XVII вѣка. Увлекаясь непомѣрно гробокопательствомъ, вносящимъ въ науку въ большинствѣ фальшивые и фантастическіе выводы, наши археологи забываютъ, что подземные предметы древности могутъ сохранно лежать въ землѣ еще многіе десятки и сотни лѣтъ, а надземные памятники съ каждымъ днемъ разрушаются все болѣе и болѣе. На полное возстановленіе Троицкаго собора требуется около 80 тысячъ, а на поддержаніе его хотя бы въ настоящемъ видѣ много меньше.

Въ архитектурномъ отношеніи Троицкій соборъ очень простой, но величественный. Архитектурныя линіи его такъ правильно и точно соразмѣрены, что онъ не подавляетъ своей громадой. Храмъ представляетъ очень высокій и равносторонный четырехугольникъ, не загроможденный внутри никакими стѣнами, переборками и т. п. Четыре могучихъ столба, поддерживающихъ своды, при всей грандіозности такъ стройны и легки, что нисколько не затемняютъ и не загораживаютъ очень широкой внутренности храма. Большія окна льютъ массу свѣта. Вообще весь храмъ очень свѣжій и яркій отъ разноцвѣтной живописи, которою онъ весь разукрашенъ. Всѣмъ своимъ архитектурнымъ строеніемъ и массою свѣта онъ очень напоминаетъ Десятинную церковь въ Кіевѣ, соборъ въ Смоленскѣ и т. п. свѣтлые, высокіе и широкіе храмы.

Входятъ въ Троицкій соборъ или въ сѣверныя двери (подъ колоннадой, соединяющей его съ Макарьевскою церковью), или въ главныя, западныя (противъ Успенской церкви), гдѣ еще сохранился входной портикъ. Чтобы получить полное впечатлѣніе и сразу объять весь храмъ, нужно войти въ западныя двери. Отъ обѣихъ дверей протянуты деревянныя помосты, ведущіе къ тремъ алтарнымъ нишамъ. На остальномъ пространствѣ половъ нѣтъ, и ихъ замѣняетъ глубокій, зыбучій песокъ, перемѣшанный съ пылью и мелкимъ щебнемъ, которымъ былъ засыпанъ храмъ при обвалѣ купола.

Въ алтарныя полукруглыя ниши, достаточно широкія, высокія и свѣтлыя, всѣ свободно входятъ. Въ среднемъ, главномъ алтарѣ

на мѣстѣ престола поставленъ аналой съ иконой и подсвѣчникъ, куда богомольцы ставятъ свѣчи. Въ боковыхъ алтаряхъ склады разныхъ церковныхъ и другихъ предметовъ. Весь крупный щебень и мусоръ отъ обваливагося купола давно убранъ, и о внутренности храма можно сказать, что она содержится въ сравнительной чистотѣ и порядкѣ. Съ уцѣлѣвшаго свода спускается обрывокъ цѣпи, на которой висѣло паникадило. Полуизломанный крестъ съ рухнувшаго купола очутился внѣ храма и лежитъ теперь у южной стѣны его подлѣ находящихся здѣсь древнихъ могилъ.

Я вошелъ въ соборъ чрезъ западныя двери и былъ сразу же пораженъ... Я ожидалъ встрѣтить груды мусора, щебня, полуразрушенныя, обвалившіяся стѣны, всякіе обломки, соръ, словомъ «мерзость запустѣнія». Но ничего подобнаго не нашелъ, напротивъ: храмъ такой свѣтлый, чистый, бодрый, веселый отъ массы льющагося изъ оконъ свѣта и разнообразія красокъ стѣнной живописи. Казалось, что только вчера вынесенъ почему-то иконостасъ, и прекратились въ соборѣ службы...

На это было первое впечатлѣніе, а дальнѣйшія, когда я всмотрѣлся въ детали храма и разглядѣлъ въ верху его зияющую рану, были совсѣмъ иныя. Было такъ больно и жутко за искалѣченнаго богатыря, и такъ стыдно и горько, что ниоткуда онъ не получаетъ помощи... Какіе, однако, мы, русскіе, еще глубокіе варвары!

Въ храмѣ я былъ совершенно одинъ. Величавую и трогательную тишину его нарушали только мои шаги по деревянному помосту, гулко раздававшіеся въ громадной пустотѣ собора, да крики птиць, рѣввшихъ въ высотѣ подъ сводами. Тамъ наверху жизнь была ключемъ, голуби томно ворковали, вороны весело каркали, шумно перелетая подъ сводами, то вылетая наружу, то снова возвращаясь въ прохладный храмъ. А внизу его было такъ тихо, жутко, молчаливо... Строгіе лики глядятъ со стѣнъ, какъ будто съ какимъ-то недоумѣніемъ и вопросомъ косясь на случайно забредшаго къ нимъ человѣка... А въ окна льются такіе яркіе потоки солнечнаго свѣта...

Меня потянуло туда, къ свѣту, на свѣжій воздухъ, къ живымъ людямъ. Я вышелъ подъ колоннаду. Изъ сосѣдней Макарьевской церкви неслись стройные звуки хора монахинь... Да, какая ни на есть, а тутъ все-таки была жизнь, а не та могильная пустота, какъ въ величавомъ соборѣ.

Здѣсь меня встрѣтилъ мой лодочникъ-макарьевецъ. Мы съ нимъ обошли соборъ, затѣмъ вошли внутрь, чтобы на мѣстѣ выслушать его рассказъ о катастрофѣ съ куполомъ, которую онъ хорошо помнитъ, какъ еще помнитъ и совершавшіяся въ соборѣ службы, лѣтъ 30 назадъ. Въ послѣднее время передъ катастрофой службы прекратились, когда въ главномъ куполѣ стали обнаруживаться трещины. За нѣсколько дней до обвала сторожа пре-

дупреждали о неминуемой опасности и совѣтовали вынести иконостасъ и все изъ храма, но монахи, вѣдавшіе тогда монастыремъ, не послушались и все оставили на мѣстѣ. Куполь рухнулъ на второй день пасхи, съ ужаснымъ трескомъ. Ударъ былъ слышенъ за нѣсколько верстъ. Игравшіе около собора на монастырскомъ дворѣ ребята были далеко отброшены напоромъ воздуха, и, благодаря этому, никто не пострадалъ отъ сыпавшихся сверху обломковъ. Но главная масса купола рухнула внутрь собора и вдребезги разбила иконостасъ и все, находившееся въ церкви. Вся громадная внутренность собора наполнилась тучами известковой пыли, осѣвшей только черезъ нѣсколько дней. Боялись за остальные купола и своды собора, но они стоятъ невредимы и до сего дня, и если кое-гдѣ замѣчаются трещины, то исключительно поверхностныя, наружныя, не идущія вглубь кладки.

VI.

Когда мы съ лодочникомъ вышли изъ Троицкаго собора, къ намъ подошла матушка-привратница и приняла участіе въ бесѣдѣ, рассказывая о прошломъ и настоящемъ монастырѣ.

Въ началѣ 1870-хъ годовъ Желтоводскій монастырь былъ упраздненъ и около 10-ти лѣтъ находился въ полномъ запустѣніи, разрушаясь постепенно и не столько отъ естественныхъ причинъ (разлива Волги и проч.), сколько искусственно. Серьезнаго надзора за монастыремъ не было: смотрѣли за нимъ сторожа, которые и сами тащили, что возможно, и другимъ за мзду не препятствовали. Макарьевцы немало поживились около своего стараго монастыря, объ упадкѣ котораго лютуютъ теперь крокодиловы слезы...

Уцѣлѣвшіе монастырскіе корпуса стояли безъ крышъ, оконъ, дверей и проч. Всѣ металлическія принадлежности были расхищены. Всякій могъ прійти въ монастырь, какъ въ общественный магазинъ, дать гроши сторожамъ и тащить, что понадобилось, или попалось на глаза. Просто, откровенно и совсѣмъ по-россійски...

Мало того: два корпуса были совсѣмъ разобраны по кирпичику... Поднимался вопросъ о разборкѣ всѣхъ церквей, колоколни и проч. Но тутъ уже самимъ макарьевцамъ стало совѣстно, и они не только отказались отъ этого варварскаго плана, но даже настояли, чтобы сохранившаяся Макарьевская церковь была приписана къ городской, какъ кладбищенская.

Разореніе монастыря остановилось, когда 8-го іюля 1882 года открылась здѣсь женская община, позже переименованная въ монастырь. При основаніи было всего 15 сестеръ, черезъ 10 лѣтъ 120, а теперь, на 22-мъ году жизни возобновленнаго монастыря, числится больше 200 сестеръ — прогрессъ несомнѣнный, идущій равномерно, правильно.

Много труда и нужды перенесли первоначальницы монастыря, занимаясь приведениемъ его въ возможный для обитанія порядокъ. Первую игуменью и возобновительницу монастыря (умершую) теперь упрекаютъ, что она не сумѣла привлечь къ пожертвованіямъ старыхъ ярмарочныхъ купцовъ, которые отчасти и сами еще помнили ярмарку у Старого Макарья, а отцы и дѣды ихъ всѣ тамъ торговали, и всѣ относились съ традиціоннымъ уваженіемъ къ Желтоводскому монастырю. Будь игуменья поэнергичнѣе, она заставила бы де «всероссійское» купечество раскошелиться, какъ слѣдуетъ. Но этотъ моментъ упущенъ, и теперешнее поколѣніе ярмарочнаго купечества довольно равнодушно къ судьбамъ Старого Макарья.

Во всякомъ случаѣ, нельзя говорить о полномъ равнодушіи къ монастырю теперешняго купечества: главными благотворителями, поднявшими монастырь изъ развалинъ, были купцы Дьячковы, Ермаковы, Лабзины и др. Одну изъ наиболѣе доходныхъ статей монастыря представляетъ именно ярмарочная часовня въ Нижнемъ, посѣщаемая всего болѣе ярмарочными торговцами.

Нынѣшняя, вторая игуменья, бывшая, кажется, въ числѣ первыхъ 15 сестеръ, особа очень энергичная, принимающая всѣ возможные мѣры къ подъему монастыря. Отъ ярмарочной часовни получается 2 тысячи, по сборной книжкѣ столько же (въ первые годы монастырь имѣлъ право посылать 4 сборщицъ и получалъ черезъ нихъ до 8 тыс.), затѣмъ доходы отъ луговъ, мельницы на рѣчкѣ Мазѣ и проч. Мельница при селѣ Мазѣ (видно съ Волги, ниже Макарьева, на лѣвомъ берегу) прежде давала очень мало дохода, затѣмъ монахини попробовали сами вести дѣло, а теперь снова сдали ее въ аренду, но на болѣе выгодныхъ условіяхъ.

Все это тратится на содержаніе монастыря и на кое-какую поддержку его зданій. Но капитальныя работы по возстановленію разрушеннаго возможны только на спеціальныя пожертвованія. Собирается особый капиталъ для возобновленія Троицкаго собора, но онъ пока достигъ всего 6 тысячъ. Вся надежда на случайныхъ будущихъ благотворителей монастыря.

Во всякомъ случаѣ, Желтоводскій монастырь подъ женскимъ управленіемъ не только возникъ изъ развалинъ, но, несомнѣнно, быстро растетъ и развивается. Здѣсь повторилось много разъ замѣченное явленіе, какъ монастыри, совсѣмъ погибавшіе въ мужскихъ рукахъ, вновь возрождались подъ женскимъ управленіемъ и поднимались на небывалую высоту, начиная дѣло съ самыми ничтожными средствами и руками. Для примѣра укажу еще на другой приволжскій монастырь—также Макарьевскій, въ Рѣшмѣ (ниже Кинешмы), доведенный монахами до полного упраздненія, но вновь воскресшій въ попечительныхъ женскихъ рукахъ.

Вообще, въ послѣднее время замѣчено, что изъ вновь возникающихъ монастырей мужскіе развиваются въ очень рѣдкихъ

случаяхъ, при исключительно благоприятныхъ условіяхъ, а женскіе почти обязательно процвѣтають, хотя всегда начинаютъ дѣло съ грошей (напримѣръ, изъ приволжскихъ женскихъ — въ городѣ Кузьмодемьянскѣ, Черемисскій въ Кузьмодемьянскомъ уѣздѣ и др.).

Это любопытное явленіе прежде всего говоритъ о томъ, что въ Россіи теперь монастыри болѣе нужны женщинамъ, чѣмъ мужчинамъ. Но тутъ обнаруживается еще одна черта, очень существенная: цвѣтущее состояніе женскихъ монастырей, возникшихъ на развалинахъ мужскихъ и отлично руководимыхъ въ хозяйственномъ и др. отношеніяхъ, является однимъ изъ многихъ прямыхъ и убѣдительныхъ отвѣтовъ на текущій вопросъ русской жизни: можно ли и стоитъ ли допустить русскую женщину къ земской, городской и т. п. дѣятельности? Русская исторія давнымъ давно дала положительный отвѣтъ на этотъ несправдливый вопросъ, а многіе факты нашей современной жизни, въ томъ числѣ и изъ богатой практики новыхъ женскихъ монастырей, блистательно подтверждаютъ то же самое.

VII.

Спустившись по лѣстницѣ къ монастырской пристани, я сѣлъ въ лодку, чтобы переправиться обратно. Было близко къ полудню, и до верхового парохода было еще далеко, но меня гнало изъ Макарьева гнетущее чувство пустоты и мертвенности, какое вызывали и этотъ умирающій городокъ, и совсѣмъ мертвое ярмарочное мѣсто, и трогательныя руины Троицкаго собора... Правда, жизнь теплилась въ самомъ монастырѣ, но вѣдь это—монастырская жизнь, олицетворенное отрицаніе подлинной жизни... Потянуло къ послѣдней.

На Волгѣ стояла тишь и гладь. Ни одинъ пароходъ не бороздилъ зеркальной поверхности воды. Но и въ этомъ величавомъ спокойствіи могучей рѣки было столько силы и жизни, что макарьевскія тяжелыя впечатлѣнія стали быстро ослабѣвать...

Лодка быстро скользила, направляясь выше Исадскихъ пристаней, гдѣ начинается хорошая дорога къ Лыскову, сначала мощеная деревомъ (по пескамъ), дальше камнемъ. По этой дорогѣ, идущей среди луговъ, тальниковыхъ зарослей, озеръ и болотъ заливной поймы, я направился пѣшкомъ къ Лыскову (извозчики выѣзжаютъ только къ пароходамъ), до котораго, какъ мнѣ сказали, всего 3 версты. Но я прошелъ 3 версты, а до Лыскова оставалось еще столько же. Полюбовавшись селомъ-городомъ издали, пришлось повернуть обратно.

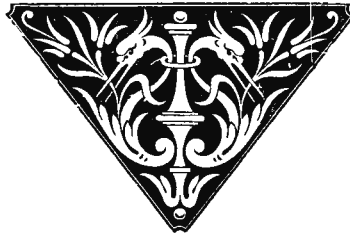
День былъ страшно жаркій, предыдущая ночь прошла безъ сна (въ полночь сѣлъ въ Василѣ на «Лермонтова», биткомъ набитого публикой, и мѣсть для сна не было), потомъ нѣсколько часовъ

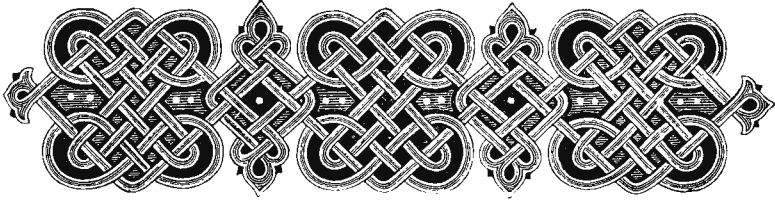
бродилъ по Макарьеву, да и голодъ давалъ себя чувствовать. Ни въ городѣ, ни на Исадской пристани негдѣ и нечѣмъ было подкрѣпиться. На послѣдней есть, правда, чайная, но настолько грязноватая, что не было охоты войти туда.

Пришлось стойчески ждать парохода съ верху и тамъ вознаграждать себя за паломничество къ Старому Макарью, протекшее на совершенно постномъ положеніи... Усѣлся на пристани, перебирая впечатлѣнія дня и внося ихъ въ записную книжку. Напротивъ высился Желтоводскій монастырь и доминирующій надъ нимъ Троицкій соборъ, съ его 4 главами, такъ сиротливо стоящими безъ главнаго купола... Снова всплывали жгучія впечатлѣнія, навѣяныя этимъ раненымъ богатыремъ...

Только въ 4-мъ часу прибыла любимовская «Пермь»... На большомъ роскошномъ пароходѣ чувствовалось такъ необычно послѣ всѣхъ предыдущихъ картинъ, образовъ, впечатлѣній...

Н. Н. Оглоблинъ.

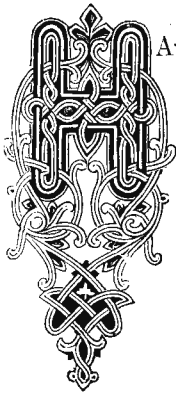

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

I.

**Взгляды Бисмарка на внутреннюю и иностранную политику
России въ 1858—1861 годахъ.**

В А-ДНЯХЪ въ дополненіе къ воспоминаніямъ Бисмарка напечатана переписка его съ прусскимъ министромъ Шлейнитцемъ (Bismark's Briefwechsel mit dem Minister Fr. von Schleinitz. Berlin. 1905).
Баронъ фонъ-Шлейнитцъ увѣдомилъ 7-го ноября 1858 г. Бисмарка, состоявшаго въ то время прусскимъ посланникомъ при германскомъ союзномъ сеймѣ, что принцъ регентъ назначилъ его, Шлейнитца, министромъ иностранныхъ дѣлъ вмѣсто барона фонъ-Мантейфеля. На это Бисмаркъ отвѣчалъ новому своему начальнику поздравленіемъ, а 9-го ноября 1858 г. просилъ у него разрѣшенія независимо отъ официальныхъ донесеній дѣлать ему въ формѣ частныхъ писемъ сообщенія по такимъ предметамъ, которые представляютъ интересъ, но не подлежатъ включенію въ официальную переписку.

При изданіи «Мыслей и воспоминаній князя Бисмарка» были разысканы и тогда же оглашены всего только 4 письма Бисмарка къ Шлейнитцу, а впослѣдствіи нашлись 48 не оглашенныхъ писемъ, обнимающихъ главнымъ образомъ эпоху пребыванія Бисмарка въ Петербургѣ, въ бытность его посланникомъ при русскомъ дворѣ.

Переписка эта затрогиваетъ тогдашнія политическія злобы дня, касаясь главнымъ образомъ итальянскаго вопроса, и сопровождается характеристиками лицъ и событій, происходившихъ въ Петербургѣ. Переписка эта представляетъ тѣмъ болѣе существенное дополненіе къ мемуарамъ Бисмарка, что письма имѣли цѣлью держать министра въ курсѣ совершавшихся и подготовлявшихся событій и отнюдь не предназначались для оглашенія; поэтому здѣсь Бисмаркъ высказывается гораздо откровеннѣе, не стѣсняясь тѣми соображеніями, какія заставляли его многое оставлять не досказаннымъ въ «Воспоминаніяхъ», предназначенныхъ для напечатанія.

Пестрота содержанія переписки между посланникомъ и министромъ заставила насъ классифицировать сообщаемыя Бисмаркомъ свѣдѣнія подъ опредѣленныя рубрики, ограничившись приведеніемъ наиболѣе интересныхъ фактовъ и разсужденій.

Прежде всего значительное мѣсто въ письмахъ отводится личнымъ дѣламъ посланника и соображеніямъ, въ силу которыхъ онъ стремился извѣстнымъ образомъ обставить свое положеніе въ Петербургѣ.

«Здѣсь, — писалъ Бисмаркъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, — до сихъ поръ живы традиціи г. фонъ-Рохова ¹⁾, который ко всѣмъ дѣламъ, лежавшимъ за предѣлами высшихъ политическихъ соображеній и личныхъ своихъ связей съ высшими сферами, относился, какъ демократъ къ дипломатамъ, т.-е. съ полнымъ равнодушіемъ и безъ всякаго служебнаго рвенія. Въ свою очередь г. фонъ-Вертернъ ²⁾ съ момента моего прибытія сюда началъ отъ меня отдаляться и проявлять враждебность, чѣмъ въ значительной степени затруднилъ мнѣ ознакомленіе съ здѣшними дѣлами и обществомъ. Какъ я могъ удостовѣриться впоследствии, онъ не стѣснялся даже распространять въ здѣшнихъ кружкахъ всевозможные вредившіе мнѣ слухи».

Съ другой стороны, еще и графъ Рехбергъ (австрійскій предсѣдательствующій на германскомъ сеймѣ) по свѣдѣніямъ, дошедшимъ до Бисмарка, похвалялся, будто Австрія имѣетъ пока достаточно вліянія, чтобы сдѣлать Бисмарка безвреднымъ. Что ради этого Рехбергъ не станетъ стѣсняться средствами, «это вполне допустимо при его характерѣ и той ненависти, какую онъ ко мнѣ питаетъ», пояснялъ Бисмаркъ (письмо отъ 18 іюня 1859 года).

Это ставило Бисмарка въ необходимость на новомъ посту дѣйствовать съ крайнею осмотрительностью, но интриги Вертерна и

¹⁾ Генераль фонъ-Роховъ состоялъ прусскимъ посланникомъ въ Петербургѣ съ 1850 по 1854 г.

²⁾ Баронъ Карлъ фонъ-Вертернъ, смѣнившій фонъ-Рохова, стоялъ во главѣ прусскаго посольства въ Петербургѣ съ 1854 по 1858 г.

Рехберга не отразились на отношеніяхъ Бисмарка къ князю А. М. Горчакову.

Отъ 20 мая 1859 года Бисмаркъ пишетъ:

«Вчера князь Горчаковъ пригласилъ меня къ себѣ въ необычайно ранній часъ и тотчасъ же сообщилъ, что изъ Берлина долженъ пріѣхать графъ Мюнстеръ ¹⁾. Князь замѣтилъ, что этотъ пріѣздъ преждевремененъ, и онъ не можетъ себѣ даже представить, къ чему эта миссія собственно можетъ послужить. Въ настоящее время не представляется никакого матеріала для особыхъ переговоровъ, а торопливыя настоянія предпринять совмѣстныя дѣйствія въ такой моментъ, который не заключаетъ въ себѣ ничего побуждающаго къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ, едва ли могутъ способствовать улучшенію взаимныхъ отношеній между обоими дворами. «Да если бы и надо было что нибудь обсудить, я не вижу причины, почему рядомъ съ вами долженъ выступать еще графъ Мюнстеръ!» Если на ряду со служебными сношеніями между королевскимъ посланникомъ и императорскимъ министромъ рассчитываютъ завязывать еще переговоры съ возможными министрами *«in partibus»* и въ этихъ видахъ думаютъ использовать составленныя прежде графомъ Мюнстеромъ связи, то онъ, князь Горчаковъ, на этотъ счетъ совершенно спокоенъ, государю же едва ли можетъ понравиться подобная безцѣльная попытка.

«Въ Россіи,—продолжалъ князь,—только два человѣка освѣдомлены насчетъ истинной политики Петербургскаго кабинета—государь, который ее направляетъ, и я, который ее подготавливаю и выполняю. Его величество очень скрытенъ, я же говорю то, что хочу сказать. Впрочемъ предъ вами я высказываюсь охотнѣе и откровеннѣе, чѣмъ предъ всякимъ другимъ. Государь, быть можетъ, имѣлъ достаточно вѣскія причины, чтобы именно меня назначить министромъ, но я долгое время отъ этого отказывался и предлагалъ инныя комбинаціи, а именно князя Орлова, либо барона Будберга ²⁾.

«Государь,—продолжалъ князь Горчаковъ,—уѣхалъ въ Москву, послѣ того, какъ я отказался принять портфель министерства, но по возвращеніи назадъ онъ продолжалъ настаивать на сдѣланномъ имъ выборѣ и преодолѣлъ мои возраженія. *Ma position est inex-pugnable, parce que je ne la défends pas.* Пока же я занимаю этотъ постъ, распоряжаюсь я единолично, и никому чрезъ Орлова,

¹⁾ Графъ Мюнстеръ-Мейнгёвель, флигель-адъютантъ Фридриха-Вильгельма IV, состоявшій военнымъ уполномоченнымъ въ Петербургѣ при особѣ государя Николая Павловича.

²⁾ Князь Алексѣй Феодоровичъ Орловъ, предсѣдательствовавшій въ эту эпоху въ государственномъ совѣтѣ и комитетѣ министровъ.

Баронъ Будбергъ, занимавшій постъ Россійскаго посланника въ Берлинѣ.

Нессельроде ¹⁾ или Панина ²⁾ не удастся провести того, чего не смогли бы сдѣлать чрезъ меня. Мнѣ лично будетъ даже очень пріятно, если графъ Мюнстеръ пріѣдетъ сюда, затѣмъ чтобы лишній разъ въ этомъ убѣдиться».

Бисмаркъ на это возразилъ князю, что о предполагаемомъ пріѣздѣ графа Мюнстера онъ совершенно не освѣдомленъ, но сомнѣвается, чтобы этотъ пріѣздъ могъ носить характеръ миссіи къ «возможнымъ» министрамъ *in partibus*.

Вѣрнѣе всего, принцъ регентъ желаетъ непосредственно и подробно довести до свѣдѣнія императорскаго кабинета и Бисмарка о разныхъ своихъ намѣреніяхъ, и, считая неудобнымъ сдѣлать это письменно, возложилъ это порученіе на лично извѣстнаго государю и снискавшаго его благоволеніе Мюнстера.

«Почему же, — удивился князь, — не предпочли вызвать васъ для этого на нѣсколько дней въ Берлинъ?»

«За время здѣшняго пребыванія вы проявили большой тактъ и избѣгали всѣхъ косвенныхъ путей, которые могли себѣ открыть, и этимъ, конечно, снискали полное довѣріе государя и мое. Графъ же Мюнстеръ при покойномъ государѣ создалъ себѣ такое положеніе, которое, на взглядъ всякаго русскаго, для иностранца, хотя бы и представляющаго дружественный дворъ, едва ли допустимо?»

Затѣмъ князь съ видимымъ самодовольствіемъ вернулся опять къ прежней темѣ своего положенія и его соперниковъ. Князь Орловъ, рассказывалъ онъ, показываетъ отвращеніе ко всѣмъ дѣламъ, и по причинѣ ли чрезмѣрной осторожности или по апатіи его съ большимъ трудомъ можно заставить опредѣлительно высказаться по какому либо политическому вопросу. Графъ Панинъ, конечно, охотно бы взялся за министерство иностранныхъ дѣлъ, но онъ лично непріятенъ государю, ненавидимъ всѣми своими подчиненными и выступаетъ принципиальнымъ противникомъ эмансипаціи. Графъ Нессельроде тѣсно сросся съ тѣми преданіями, съ которыми государь во внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ уже рѣшительно порвалъ. Если бы государь изволилъ признать за благо поручить возложенныя на князя Горчакова обязанности другому лицу, то наибольшіе шансы для этого имѣетъ баронъ Будбергъ; самъ князь не преминетъ рекомендовать его государю, въ качествѣ своего преемника. Но и здѣсь препятствіемъ будетъ то, что государь признаетъ неудобнымъ этотъ постъ попрежнему замѣщать «вѣмецкимъ именемъ».

Коснувшись почина, который государь беретъ на себя въ отношеніи дипломатическихъ сношеній, кн. Горчаковъ пояснилъ, что

¹⁾ Графъ Нессельроде, хотя и носилъ первенствующій чинъ російскаго государственнаго канцлера, фактически находился уже не у дѣлъ.

²⁾ Графъ Панинъ состоялъ въ это время министромъ юстиціи.

императоръ лично и въ Веймаръ и въ Штутгартъ отписалъ ясно и рѣшительно. Его величество очень чутко и непріятно относится къ многочисленнымъ совѣтамъ и внушеніямъ на счетъ русской политики, получаемымъ отъ родственныхъ ему германскихъ высочайшихъ особъ; онъ рѣшительно не выноситъ того тона, въ которомъ ему преподносятся непрошенные совѣты. Ему внушается, что Россія должна такъ-то поступить, что долженъ же онъ это усмотрѣть, а если то или другое не будетъ предпринято, то затѣмъ слѣдуютъ обидныя альтернативы. Особенно неумѣстны письма къ членамъ императорской фамиліи, которыя пересылаются ихъ роднею изъ-за границы по почтѣ, словно нарочно, затѣмъ, чтобъ были прочтены кѣмъ слѣдуетъ, хотя они заключаютъ величайшія глупости по адресу государя.

«Князь Горчаковъ въ заключеніе продолжительной бесѣды огорчился, что онъ со мною болѣе разоткровенничался, чѣмъ это ему вообще свойственно, но безусловно надѣется, что я не обману его довѣрія.

Къ миссіи гр. Мюнстера и самъ Бисмаркъ, повидимому, относился враждебно и неоднократно къ ней возвращается.

Отъ 18-го іюня 1859 г. онъ пишетъ:

«Квинтэссенція того, что императоръ Александръ II мнѣ трижды повторилъ, до послѣобѣденной бесѣды включительно, можетъ быть сведена къ тремъ пунктамъ».

«Дружба его величества къ его высочеству принцу регенту непоколебима—высказывая это, государь видимо былъ растроганъ; во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній государь не встрѣчаетъ препятствій къ пріѣзду сюда Мюнстера; въ случаѣ нападенія Пруссіи на Францію всеобщая европейская война сдѣлалась бы совершенно неизбѣжною».

Съ другой стороны, Бисмаркъ указывалъ Шлейнитцу, что чрезъ барона Мейендорфа, директора императорскаго кабинета, онъ теперь въ точности узналъ, насколько личность графа Мюнстера императору Александру II непріятна, но императоръ старается этого не показывать только изъ уваженія къ принцу регенту и къ памяти государя Николая Павловича, у котораго Мюнстеръ былъ *persona grata*.

На самомъ дѣлѣ, независимо отъ отношеній графа Мюнстера къ Александру II, Бисмарку лично казалось крайне неудобнымъ имѣть возлѣ себя въ Петербургѣ какъ бы второго и при томъ самостоятельнаго посланника въ лицѣ военнаго уполномоченнаго, будь то Мюнстеръ или кто другой, безразлично.

Отъ 2 января 1861 года Бисмаркъ жалуется: «я бы гораздо чаще видѣлся съ императоромъ, если бы у меня не было военнаго коллеги (военнаго уполномоченнаго, флигель-адъютанта короля Фридриха-Вильгельма IV, барона фонъ-Лѣпъ), тѣмъ болѣе, что я не

могу устранить того, чтобы Лёпъ не отвлекалъ отъ меня связей при дворѣ, да и Горчаковъ нерѣдко предпочитаетъ переговариваться съ военнымъ уполномоченнымъ помимо меня. А Лёпъ вообще чуждъ всякаго властолюбія; съ другимъ же уполномоченнымъ, въ родѣ Мюнстера, мнѣ впору было бы и совѣтъ закрыть лавочку».

Отъ 13 марта 1861 года Бисмаркъ возвращается къ этому же предмету и говоритъ: «если бы въ намѣреніяхъ правительства лежало назначить фонъ-Лёпу преемника, желательно въ интересахъ болѣе правильнаго отправленія службы, чтобы военному уполномоченному была преподана новая инструкція, которая ставила бы его въ положеніе сочлена посольства—такое именно положеніе занимаютъ здѣсь австрійскій, французскій и шведскій уполномоченные. До сихъ поръ на практикѣ выходило такъ, будто военный уполномоченный является довѣреннымъ лицомъ, отряженнымъ королевскимъ дворомъ для непосредственныхъ сношеній съ царемъ, а гражданскій посолъ только представляетъ прусское министерство иностранныхъ дѣлъ въ сношеніяхъ съ Горчаковымъ. Это раздѣленіе власти ставитъ посольство въ фальшивое положеніе и во многихъ случаяхъ лишаетъ меня возможности вступать въ непосредственныя сношенія съ императоромъ».

Ввести уполномоченнаго въ надлежащія рамки Бисмарку въ концѣ концовъ удалось.

Этимъ, однако же, онъ не могъ удовлетвориться и добивался поднятія вѣса своего положенія и въ другомъ еще направленіи.

Отъ 22 мая 1859 года Бисмаркъ жаловался: «Будбергъ сообщаетъ сюда все, что ни узнаетъ, безъ разбора. Онъ, конечно, фактовъ не извращаетъ, но случайно къмъ нибудь брошенное слово, или скоропреходящія сужденія пріобрѣтаютъ не подобающее имъ значеніе, разъ безъ критики включаются въ донесенія.

«Съ другой стороны, такъ какъ Будбергъ гораздо дольше, чѣмъ я, соприкасался съ взаимными отношеніями между обоими дворами, то совершенно естественно текущія дѣла направляются преимущественно чрезъ него. Несомнѣнно, Будбергъ проявляетъ къ намъ относительное доброжелательство, но способность любить и уважать другихъ въ немъ вообще мало развита, оцѣнки же, какія онъ дѣлаетъ объ насъ и нашихъ обстоятельствахъ, мягко выражаясь, очень далеки отъ пристрастія. Этимъ предпосылкамъ отвѣчаютъ всѣ донесенія Будберга и оказываемое ими вліяніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ его сообщенія о дѣловыхъ и личныхъ отношеніяхъ весьма точны и быстры, такъ какъ онъ почерпаетъ ихъ, какъ мнѣ еще извѣстно со времени моего пребыванія въ Берлинѣ, изъ весьма разностороннихъ и благонадежныхъ источниковъ. Въ сообщеніяхъ по текущимъ дѣламъ, которыя идутъ къ Горчакову, опираясь на самоличныя наблюденія російскаго посланника въ

Берлинѣ, я, конечно, въ соперничество вступать съ нимъ не берусь... но въ нашихъ интересахъ лежитъ, чтобы сношенія между обоими дворами велись не столько чрезъ російскаго посланника въ Берлинѣ, сколько чрезъ прусскаго въ Петербургѣ; поэтому я предлагаю, чтобы, по крайней мѣрѣ, тѣ переговоры, которые возникаютъ по нашему почину, велись чрезъ меня, но не чрезъ Будберга».

Не менѣе важными представлялись для Бисмарка возможность и удобные случаи къ личному обмѣну мыслями съ государемъ.

По этому поводу онъ, отъ 23 августа 1860 года, пишетъ: «Государь уѣхалъ въ Москву. Я недѣлями его не вижу. Въ прошломъ году меня, числившагося въ военной службѣ въ поручичьемъ чинѣ, приглашали на парады, а теперь, хотя я произведенъ въ ротмистры, этого не дѣлаютъ. Генералъ Веймарнъ, который вѣдаетъ приглашеніями, пояснилъ мнѣ, что русскій де глазъ не можетъ освоиться съ орденомъ Бѣлаго Орла, украшающимъ мой военный мундиръ при оберъ-офицерскихъ эполетахъ. Это, впрочемъ, имѣетъ и свои хорошія стороны, такъ какъ я не зналъ бы, какъ управиться съ текущими дѣлами, если бы мнѣ пришлось терять по нѣсколькимъ днямъ на военныя экспедиціи».

Постепенно, однако же, Бисмаркъ создалъ себѣ особенное положеніе при петербургскомъ дворѣ и сдѣлался настолько *persona grata* у императора Александра, что внѣ аудіенцій пересылалъ государю, помимо Горчакова, разныя письменныя сообщенія.

Такъ, отъ 12 апрѣля 1861 года, онъ увѣдомляетъ Шлейнитца: «Тѣ извлеченія, какія я призналъ умѣстнымъ сдѣлать изъ донесеній Теремина ¹⁾, я частнымъ образомъ довелъ до свѣдѣнія императора. Подобныя сообщенія дѣлаются мною безъ препроводительныхъ записокъ и передаются чрезъ камердинера его величеству запечатанными въ конверты. Этотъ способъ непосредственныхъ сношеній неоднократно мнѣ указывался самимъ императоромъ. Насколько пріятны князю Горчакову такія сношенія, я оставляю въ сторонѣ; я не дѣлаю изъ этой переписки для Горчакова тайны, тѣмъ болѣе, что государь все ему сообщаетъ, но оправдываю между мною и государемъ переписку тѣмъ доводомъ, что племяннику моего повелителя я могу непосредственно представлять многое такое, что, въ качествѣ посланника, постѣнился бы въ служебномъ порядкѣ передавать министру державы, при которой аккредитованъ».

Совершенно уже частный характеръ носятъ частыя жалобы Бисмарка на скаредную матеріальную обстановку, въ какой находился представитель Пруссіи при петербургскомъ дворѣ. Окладъ жалованія Бисмарку былъ положенъ настолько скромный,

¹⁾ Тереминъ состоялъ въ Варшавѣ прусскимъ генеральнымъ консуломъ.

«истор. вѣстн.», мартъ, 1905 г., т. хсѣ.

что, несмотря на усиленные приглашенія Александра II поселиться лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ, гдѣ въ то время обыкновенно пребывалъ дворъ въ теченіе лѣтняго сезона, Бисмаркъ стѣснялся изъ-за найма дачи, такъ какъ при дороговизнѣ петербургскихъ дѣнъ это ему было не по карману. Мало того; учетъ контроля былъ такой строгій, что, когда Бисмаркъ, уѣхавъ за границу въ отпускъ, принужденъ былъ по служебнымъ посольскимъ дѣламъ загоститься надолго въ Берлинѣ, у него былъ сдѣланъ вычетъ изъ жалованья, и только послѣ настойчивыхъ напоминаній Шлейнитцу ему была сдѣлана доплата, пришедшаяся очень кстати, такъ какъ не получи онъ этихъ денегъ, онъ, по его словамъ, не зналъ бы, какъ и расплатиться въ срокъ за квартиру.

Мелкія матеріальныя дразги эти настолько наконецъ надоѣли Бисмарку, что онъ довольно рѣшительно высказался предъ Шлейнитцемъ.

«Я слишкомъ хорошій отецъ семейства, чтобы залѣзать въ долги, и мнѣ остается развѣ одно, устроиться à la Кёккеритцъ, то-есть поселиться на антресоли въ домѣ Жеребцова, держать двѣ прислуги и всѣмъ посѣтителямъ неизмѣнно отвѣчать: «нѣтъ дома».

«Жизнь въ петербургской каменной громадѣ, при существующихъ холодахъ, приводитъ къ тому, напимѣръ, что въ теченіе 10 недѣль изъ-за болѣзней то жены, то дѣтей не проходитъ и дня, чтобы у меня не побывалъ докторъ. Вообще, я здѣсь вижу мало привлекательности, а если сюда присоединить еще денежныя заботы и униженія свѣтскаго блистанія на ряду чуть что не съ голоданіемъ, то я предпочелъ бы занять скромный постъ гдѣ нибудь въ Средней Европѣ, или отчислиться за штатъ. Служба королю и отечеству чрезъ это нисколько не пострадали бы, потому что многіе изъ моихъ коллегъ болѣе честолюбивы, чѣмъ я, и охотно займутъ постъ, который я въ силу матеріальныхъ условій не могу занимать по той причинѣ, что не могу нести за свой счетъ расходъ по представительству» (письмо отъ 11-го августа 1860 года).

Переходя къ вопросамъ общей политики, надо замѣтить, что переписка Бисмарка со Шлейнитцемъ, обнимая періодъ времени съ 1858 по 1862 годъ, главнымъ образомъ касается австро-итальянской войны и тѣхъ тревоженій, какія вызывало въ европейскомъ концертѣ объединеніе Италіи.

Насколько это тревожное время отражалось въ Петербургѣ и нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, показываютъ письма Бисмарка, въ которыхъ разсыпано немало любопытныхъ подробностей и общихъ политическихъ соображеній.

По поводу интригъ, затѣвавшихся Англією въ то время, какъ континентальныя державы были озабочены разрѣшеніемъ итальянскаго вопроса, Бисмаркъ, отъ 28—16 апрѣля 1859 года, приводитъ

интересный разговоръ съ княземъ Горчаковымъ, происходившій на похоронахъ князя Гогенлоэ. О попыткѣ Англій къ посредничеству князь Горчаковъ отозвался рѣзко: «я имъ желаю полнаго успѣха, но не скрою нашего удивленія, видя, что Англія неожиданно отстаетъ отъ того самаго соглашенія, которое состоялось на основахъ, ею же предложенныхъ. Этотъ фактъ по существу таковъ, что не можетъ служить поощреніемъ предпринимать въ будущемъ какія либо дѣйствія совместно съ Англіею».

Къ этому Бисмаркъ поясняетъ, что и императоръ Александръ II неоднократно ему выражалъ недоувѣріе къ Англій, утверждая, что она ведетъ двойную игру, но князь Горчаковъ и расположеніе, какимъ здѣсь заручился Крэмptonъ¹⁾, силились противодѣйствовать развитію высочайшаго недоувѣрія.

«Теперь,—пишетъ Бисмаркъ,—здѣсь впрочемъ съ досаднымъ и обиднымъ себялюбіемъ все тѣснѣе льнутъ къ Франціи; Горчаковъ болѣе, чѣмъ когда либо, отъ меня секретничаетъ и таинственно совѣщается съ французскимъ посланникомъ. Поэтому я особенно сожалѣю, что мнѣ представляется мало случаевъ видѣться съ императоромъ. Со времени моего представленія при назначеніи на теперешній постъ я съ нимъ случайно встрѣчался неоднократно, но одинъ единственный разъ обмѣнялся онъ со мною нѣсколькими словами.

«Противъ Австріи въ русскомъ военномъ мѣрѣ настолько враждебно настроены даже въ рядахъ такъ называемой «нѣмецкой партіи», что старый баронъ Ливенъ, начальникъ генеральнаго штаба, вчера еще высказалъ мнѣ глубокое сожалѣніе по поводу вѣсти о перемиріи, такъ какъ Немезида далеко еще не сказала послѣдняго слова своего приговора, произнесеннаго надъ Австріею» (письмо отъ 9-го іюля 1859 года).

«Хотя князь Горчаковъ и рекомендовалъ графу Туну²⁾ добиваться соглашенія съ Пруссіею какою угодно цѣною, Тунъ, которому свыше приказывалось во что бы то ни стало искать сближенія съ Россіею, именно въ Горчаковѣ видитъ главную помѣху для осуществленія преподанной ему задачи. Отъ императора Тунъ рассчитываетъ всего добиться, лишь бы только удалось смѣстить Горчакова. Возобновленіе дружбы къ Австріи, какъ кто-то сострилъ въ Петербургѣ, и является тѣмъ конемъ, на которомъ Будбергъ рассчитываетъ вѣхъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ» (письма отъ 21-го—9-го іюля 1860 года и 12-го октября 1859 г.).

¹⁾ Сэръ Джонъ Крэмptonъ, тогдашній великобританскій посланникъ при с.-петербургскомъ дворѣ.

²⁾ Графъ Тунъ занималъ въ это время постъ австрійскаго посланника въ Петербургѣ.

Стремленіе прусскаго правительства добиться *entente cordiale* между Пруссіею, Россіею и Франціею для замиренія австро-итальянскаго конфликта было встрѣчено Россіею сочувственно, и князь Горчаковъ 9-го іюля 1859 года заявилъ Бисмарку: «*qu'on acceptait avec empressement et sans phrase et que l'on conciderait volontiers à la Prusse l'honneur de la direction d'une affaire, dont le succès serait dû à son initiative*».

Починъ Пруссіи въ этомъ дѣлѣ тѣмъ болѣе казался привлекательнымъ Бисмарку, что онъ въ этомъ же массивоваль путь къ сближенію съ Наполеономъ.

«Единственный способъ предупредить сближеніе мелкихъ германскихъ государствъ съ Франціею въ томъ именно и заключается, чтобы Пруссія стояла ближе къ Франціи, чѣмъ они. Для этого намъ, конечно, нѣтъ надобности дѣлаться сообщниками Наполеона и пособниками всѣхъ его путанныхъ плановъ. Откровенно же говоря, между четырехъ глазъ, я понимаю, что естественнымъ нашимъ союзникомъ и противъ Франціи и противъ Австріи скорѣе можетъ сдѣлаться Пиемонтъ. Если Пиемонтъ въ состояніи будетъ опереться на Пруссію, итальяно-французскій союзъ утратитъ всякую опасность и мощь» (письмо отъ 9-го февраля 1860 года).

Вообще въ письмахъ Бисмарка начинаютъ сказываться опасенія противъ Франціи и недовѣріе къ Наполеону, которыя являются любопытными предвѣстниками франко-прусской войны и дальнѣйшей эволюціи Германіи.

Отъ 20—8 ноября 1860 года, Бисмаркъ пишетъ: «Князь Горчаковъ почти ежедневно по нѣскольку часовъ работаетъ съ французскимъ посланникомъ, но о содержаніи переговоровъ ни тотъ, ни другой не проговариваются. Наполеонъ прекрасно сознаетъ, что политическіе взгляды, которыми щеголяетъ герцогъ Монтебелло, не имѣютъ ничего общаго съ конечными цѣлями императорской политики. Несмотря на всю силу сангвиническаго своего воображенія, Горчаковъ слишкомъ дальновиденъ и, конечно, понимаетъ, что чрезъ посланника онъ не узнаетъ сокровенныхъ замысловъ Наполеона и, конечно, не въ состояніи оказать существенное давленіе на французскую политику. До сихъ поръ князь находитъ операціонный базисъ въ томъ фактѣ, что оба императора, по различнымъ побужденіямъ, являются противниками объединенія Италіи, хотя и не желаютъ откровенно ему противоборствовать. Но обоюдное несочувствіе итальянскому движенію едва ли составляетъ достаточно связующее начало, которое бы могло преклонить интересы Франціи къ Россіи и обусловить прочное соглашеніе насчетъ будущаго устроенія Италіи и Востока и связаннаго съ ними положенія Англій».

Подготовлявшееся между европейскими государями свиданіе въ Варшавѣ особенно привлекало вниманіе Бисмарка. Отъ 5 октября 1860 года онъ пишетъ:

«Я позволилъ себѣ спросить вчера императора, правда ли, что и Наполеонъ пріѣдетъ въ Варшаву. Тема эта государю видимо была негодна, и онъ быстро замаялъ разговоръ, но для меня не подлежитъ сомнѣнію, что если бы Наполеонъ вздумалъ взять на себя починъ пріѣзда въ Варшаву, принять онъ былъ бы благосклонно... Здѣшнее общественное мнѣніе, до русской партіи включительно, къ посѣщенію Наполеона относится сочувственно, но сближеніе съ Австріею критикуется рѣзко. Если бы русское общество знало, что я могъ вывести изъ высказанныхъ мнѣ еще вчера императоромъ Александромъ соображеній о «солидарности» польской и венгерской революціи и готовности царя даже теперь еще помочь неблагодарной Австріи въ случаѣ новаго венгерскаго мятежа, то здѣсь еще рѣзче и нагляднѣе обнаружилась бы рознь между личными воззрѣніями Александра II и стремленіями большинства русской интеллигенціи».

Съ другой стороны, впрочемъ, самъ же Бисмаркъ отъ 9 ноября 1860 года сообщаетъ, что попытки къ возрожденію системъ солидарности консервативныхъ интересовъ, съ которыми принцъ Александръ Гессенскій, именовавшій себя «*commis voyageur politico-militaire*», выступилъ въ Петербургѣ, потерпѣли полное фіаско; онъ не разъ пытался обойти Горчакова: на поставленный принцемъ категорическій вопросъ, что предприметъ Россія, если на Австрію одновременно нападуть Италия и Франція, князь отвѣчалъ: «*Nous ne bougerons pas*», и то же повторилъ на послѣдовавшій затѣмъ вопросъ, какъ поступитъ Россія въ томъ случаѣ, если бы война для Австріи имѣла неблагоприятный исходъ. Всѣ эти гаданія вызывались главнымъ образомъ тѣмъ, что Наполеонъ съ большимъ искусствомъ окружалъ непроницаемою тайною свои истинные виды и повергалъ въ недоумѣніе всѣ европейскія дипломатическія канцеляріи.

«Горчаковъ полагаетъ,—пишетъ Бисмаркъ отъ 27-го августа (8-го сентября) 1860 года,—что съ Монтебелло онъ легко бы сговорился, но Тувенеля онъ не находитъ на высотѣ положенія. Если бы къ пылкимъ словоизверженіямъ Горчакова могъ прислушаться какой нибудь англійскій корреспондентъ, въ оборотъ была бы пущена новая чудовищная утка въ родѣ континентальной коалиціи противъ Англій, а на случай сопротивленія Пруссіи хотя бы новое изданіе союза трехъ имперій à la Шварценбергъ противъ превратныхъ стремленій Англій и Пруссіи. На самомъ же дѣлѣ мнѣ думается, Россія пока заинтересована только тѣмъ, чтобъ освободиться отъ запрета возродить черноморскій флотъ, что не можетъ не коробить ея самолюбія при пробуждающемся теперь самосознаніи. Никакому министру не удалось бы склонить императора Александра на политику, преслѣдующую смѣлыя и широкія цѣли, но сомнительную въ нравственномъ отношеніи (въ родѣ того,

чтобы исподтишка подѣлать Турцію и удовлетворить за нашъ счетъ Францію). Императоръ тяготѣетъ къ болѣе близкимъ и мирнымъ цѣлямъ.

«Мнѣ Горчаковъ прямо заявилъ, что онъ съ нами повелъ бы переговоры о планахъ насчетъ Италіи, если бы не опасался, что мы все сообщаемъ Англіи. «Я имѣю основанія бояться,—прибавилъ Горчаковъ,—что мои вамъ довѣренныя сообщенія передаются въ Берлинъ, а потомъ становятся достояніемъ и англійскаго двора». Для меня же,—прибавляетъ Бисмаркъ,—вполнѣ достовѣрно, что все, сообщаемое нами въ Лондонъ, не остается тайною для Парижа, а оттуда идетъ назадъ въ Петербургъ, если только чѣмъ нибудь можетъ здѣсь вызвать недовѣріе или тревогу».

Разсказывая о свиданіи съ Горчаковымъ въ маѣ 1860 года, Бисмаркъ замѣчаетъ: «Въ началѣ разговора князь проявлялъ гораздо большую сдержанность, чѣмъ въ прошломъ году. Его поразило извѣстіе, переданное Будбергомъ отъ 2-го (20-го) мая, о предстоящемъ свиданіи его величества принца-регента съ Наполеономъ. Князь, впрочемъ, высказалъ надежду, что это свиданіе успокоитъ насъ и прочія нѣмецкія государства въ отношеніи миролюбивыхъ намѣреній Франціи на ближайшее будущее. Русско-французскій союзъ, по словамъ князя, принадлежитъ къ призракамъ и оговорамъ, выставляемымъ Англіею; онъ можетъ только скорбѣть о томъ, что лордъ Джонъ Россель, котораго лично онъ очень любитъ, въ качествѣ министра обнаружилъ близорукость и непостоянство.

«Судя по нѣкоторымъ намекамъ князя Горчакова, я имѣю основаніе предположить, что сдѣланныя помимо меня предложенія здѣшнимъ кабинетомъ приняты за призывъ къ образованію коалиціи противъ Франціи, на что будто бы и воспослѣдовалъ уклончивый отказъ. Я, конечно, не хотѣлъ дать замѣтить князю, что объ этомъ фактѣ не освѣдомленъ, и отъ дальнѣйшаго разговора на эту тему воздержался. Далѣе Горчаковъ, ссылаясь на неизвѣстное мнѣ собственноручное письмо императора Александра къ принцу-регенту, высказалъ желаніе, чтобы по восточному вопросу Пруссія не столько шла рука объ руку съ великими державами, сколько съ Россіею. Востокъ оказывается тою именно областью, въ которой тѣснѣйшее единеніе между обоими родственными дворами и можетъ представить существенный для Россіи практическій интересъ. При этомъ князь замѣтилъ, que la poire soit mûre ou non, l'empereur veut qu'elle ne tombe pas, mais qu'on la rattache; nous voulons le repos et rien que le repos; il sera compromis, si l'on persiste à s'aveugler sur les dangers, dont il est menacé».

Существенныя и цѣнныя дополненія къ объясненіямъ Горчакова Бисмаркъ вынесъ изъ послѣдовавшей затѣмъ аудіенціи у государя. Его величество отнесся къ посланнику очень милостиво, мановеніемъ руки отпустивъ церемоніймейстера, введшаго Бисмарка,

и, бросивъ послѣднему фразу «sans cérémonie», обнялъ его и началъ уговаривать на лѣто поселиться въ Царскомъ Селѣ. Перейдя затѣмъ къ политикѣ, государь высказалъ мнѣніе, что гораздо легче можно унять Наполеона, идя съ нимъ рука объ руку, чѣмъ выступая противъ него. «Разъ я буду опираться на Пруссію, а Пруссія на меня, каждый изъ насъ будетъ чувствовать себя надежнѣе и въ сношеніяхъ съ Франціею станетъ выступать гораздо рѣшительнѣе. Съ другой стороны, взаимоотношенія эти и для Наполеона представляютъ тѣмъ большее значеніе, что они гарантируютъ второй имперіи безопасность и вѣсъ; эти взаимоотношенія, доколѣ будутъ длиться, явятся для Наполеона охраною отъ опасности всеобщей коалиціи, а отъ такой гарантіи онъ едва ли откажется. Такимъ образомъ мы въ состояніи будемъ миролюбиво сдерживать Наполеона, такъ какъ Россія и Пруссія будутъ другъ къ другу стоять ближе, чѣмъ каждый изъ насъ стоитъ къ Наполеону. Выступать же противъ Франціи враждебно, доколѣ этого возможно избѣжать, запрещаютъ мнѣ истинные русскіе интересы».

«Что императора, — прибавляетъ Бисмаркъ, — на такое соглашеніе наталкиваетъ не довѣріе и не расположеніе къ Наполеону, но ясное разумѣніе реальныхъ фактовъ и отношеній, я могъ вывести изъ выраженій, въ какихъ его величество высказалъ недовѣріе къ Наполеону и полную невозможность заранѣе усчитать принимаемыя имъ рѣшенія... Судя по тону, съ какимъ государь отзывался о Наполеонѣ, слѣдовало заключить, что онъ вынесъ далеко неутѣпительныя впечатлѣнія изъ опыта непосредственныхъ сношеній съ господиномъ, возсѣдающимъ у Сены» (письмо отъ 14 іюня 1860 г.).

Отъ 10-го декабря (28-го ноября) 1861 г. Бисмаркъ сообщаетъ содержаніе новой бесѣды съ княземъ Горчаковымъ.

«Горчаковъ допускалъ возможность, что послѣ Варшавскаго свиданія Австрія пыталась нащупать почву въ Парижѣ для новаго соглашенія. По крайней мѣрѣ, французское правительство въ недавнее время выставило такой планъ, чтобы за уступку Венеціи предложить Францу-Иосифу частью денежное вознагражденіе, частью расширеніе Далмаціи на счетъ Турціи, за исключеніемъ Дунайскихъ княжествъ. Россія, однако же, это предложеніе отклонила подъ тѣмъ предлогомъ, что жители помянутыхъ турецкихъ областей никогда не сдѣлаются вѣрноподданными Австріи».

По мнѣнію Горчакова, съ гораздо большею вѣроятностью можно было бы ожидать, что Австрія заявитъ державамъ—гарантируйте мнѣ обладаніе Венеціею, а съ остальною Италіею вѣдайтесь, какъ сами знаете. Несомнѣнно, въ этомъ случаѣ у Франціи относительно Неаполя и Этруріи возникли бы планы, противоположные англійскимъ, и вотъ здѣсь-то и коренится главная трудность на шаткой основѣ достигнуть соглашенія между державами и Австріею.

Отъ 17-го апрѣля 1861 г. Бисмаркъ дѣлится со Шлейнитцемъ своими недоумѣніями по поводу того, послѣдуетъ ли Франція примѣру Англіи и признаетъ ли Итальянское королевство.

«Добиться на этотъ счетъ отъ Горчакова опредѣленнаго разъясненія—трудъ напрасный. Я, впрочемъ, сильно сомнѣваюсь, могъ ли бы онъ дать опредѣленный отвѣтъ на это, если бы даже и захотѣлъ—въ сущности вѣдь своихъ картъ Наполеонъ ему не показываетъ. По натурѣ Горчаковъ весьма склоненъ къ болтливости, но въ области своихъ отношеній къ Франціи онъ замыкается въ глубокое и упорное молчаніе. Я подозреваю, что насчетъ тайнствъ Тюильрійской политики Горчаковъ на самомъ дѣлѣ гораздо менѣе освѣдомленъ, чѣмъ это показываетъ другимъ, и за молчаливостью его скрывается значительная доля незнанія и неоправдавшихся расчетовъ».

Въ заключеніе нельзя не привести любопытныя оцѣнки, дѣлаемыя Бисмаркомъ австрійской и англійской политикѣ.

«Въ Австріи,—пишетъ Бисмаркъ весною 1861 г.,—дѣла идутъ прескверно, и для меня неясно, какъ тамъ справятся съ венгерскимъ конфликтомъ. Венгрія настаиваетъ на личной уніи, а австрійское правительство этому желанію не можетъ уступить, не лишившись значенія великой державы.

«Вчера я встрѣтилъ въ пріемной князя Горчакова графа Туна, и онъ со слезами на глазахъ признавался мнѣ, что отчаивается въ будущности своей родины. Его отзывы о пригодности Рехберга на занятіе поста австрійскаго министра-президента совпадаютъ съ мнѣніемъ, какое и я себѣ о немъ составилъ послѣ долгодѣтнихъ совмѣстныхъ занятій на франкфуртскомъ сеймѣ. Я вѣдь считаю Рехберга за крайне ограниченнаго государственнаго человѣка.

«Имѣй я несчастіе быть австрійскимъ императоромъ, я бы завтра же переѣхалъ въ Пештъ, облекся бы въ венгерскій гусарскій костюмъ и постарался бы выучиться по-венгерски. Я бы принялся подгонять все подъ венгерскую мѣрку, самолично выступилъ бы на сеймѣ и призналъ бы за непреложную истину, что главное преимущество австрійскаго императора въ томъ именно и заключается, что онъ является венгерскимъ королемъ, а всѣ остальные владѣнія составляютъ къ этому только придатки (Nebenländer)».

Отъ 15-го мая 1861 года Бисмаркъ сообщаетъ объ интимныхъ бесѣдахъ, которыя онъ за послѣднее время велъ съ англійскимъ посланникомъ при петербургскомъ дворѣ, лордомъ Непиромъ.

«Непиръ сказалъ мнѣ, что и полученные имъ инструкціи и собственныя воззрѣнія побуждаютъ его хлопотать объ установленіи дружественнаго сближенія между Англіею и Россіею. Непиръ хочетъ вѣрить, что эту задачу ему удастся выполнить; онъ де сумѣетъ убѣдить императора Александра въ томъ, что ни либеральное направленіе англійской политики, ни соприкосновеніе инте-

ресовъ обѣихъ странъ на Востокѣ отнюдь не обусловливаютъ антагонизма между ихъ правительствами, и наоборотъ именно въ послѣдней области возможно достигнуть обоюднo выгоднаго мирнаго соглашенія. Главную помѣху своимъ намѣреніямъ лордъ Непиръ усматриваетъ въ рѣдкости удобныхъ случаевъ для непосредственныхъ объясненій съ царемъ. Онъ, конечно, можетъ чаще испрашивать себѣ аудіенціи, но опасался, какъ бы этимъ не испортилъ отношеній къ князю Горчакову, какъ лицу, законно уполномоченному на веденіе виѣшнихъ дѣловыхъ сношеній. Поэтому Непиръ ожидаетъ отъ времени и событій, что министръ наконецъ отдѣлается отъ односторонности и того пристрастія, которое приковываетъ его взглядъ только къ Парижу. Лордъ Непиръ считаетъ, впрочемъ, французскія симпатіи князя Горчакова безвредными, потому что онѣ обречены навсегда остаться безплодными. Русско-французскій союзъ съ агрессивными завоевательными планами— химера, которою можно запугивать только политическихъ недоумковъ. Пока моря не освободятся отъ англійскихъ судовъ, для русскихъ интересовъ на Востокѣ дружба Франціи не можетъ составлять сколько нибудь дѣйствительнаго противовѣса англійской враждѣ. Попытка же обѣихъ имперій раздавить отдѣляющую ихъ другъ отъ друга Германію, независимо отъ трудности осуществить это предпріятіе, можетъ преслѣдовать только такія цѣли, къ которымъ Россія никогда стремиться не станетъ. Въдь если бы Германія оказалась подавленной и уничтоженной, непосредственное сосѣдство, въ которомъ оказались бы франко-русскіе союзники, по присоединеніи къ ихъ предѣламъ нѣмецкихъ областей, рано или поздно привело бы только къ возобновленію конфликта 1812 года. Никакое вліяніе не сможетъ направить императора Александра на подобныя авантюры, ввязавшись въ которыя не можетъ уже и быть возврата назадъ».

Переписка Бисмарка касается еще и иной области, особенно интересной для русскаго читателя. Проживая въ Петербургѣ въ разгаръ осуществленія крестьянской реформы и разгорѣвшихся затѣмъ въ Польшѣ беспорядковъ, Бисмаркъ по этому поводу не разъ дѣлился съ своимъ корреспондентомъ свѣдѣніями и соображеніями, не утратившими интереса и по сей еще часъ.

Отъ 30/18 ноября 1860 года Бисмаркъ пишетъ: «Такъ какъ Горчаковъ не принимаетъ участія въ министерскихъ совѣщаніяхъ по крестьянскому вопросу, то его горловыя страданія слѣдуетъ отнести на счетъ болтливости князя и посѣщеній Монтебелло, съ которымъ онъ ежедневно переговаривается. Предо мною князь съ большою аффектаціею и мимическимъ совершенствомъ жалуется на полную потерю голоса, хотя его секретарь только что сообщилъ мнѣ *«qu'aujourd'hui il a l'organe parfaitement sonore»*, да и самъ я въ этомъ могъ убѣдиться еще на лѣстницѣ. Князь, однакоже,

упорно жаловался и на хрипоту и на массу ожидающихъ его дѣлъ, а мнѣ онъ ничего интереснаго сообщить не имѣеть. Я воспользовался этимъ временемъ, чтобы познакомиться со Штакельбергомъ, Билибинымъ и брюссельскимъ Орловымъ, благо они оказались въ министерствѣ, и съ младшими чинами послѣдняго, среди которыхъ баронъ Жомини слыветъ за правую руку министра.

«Если Жомини—франкофилъ и жаждалъ одобреній только отъ Парижа, то остальные господа безъ изъятій и оговорокъ превратнѣйшіе *Nationalissimi* и фанатики націонализма у себя дома и за границею. Я вообще, за исключеніемъ ближайшихъ друзей стараго Нессельроде, нахожу здѣсь и въ военной и въ гражданской средѣ молодежь и стариковъ, одинаково увлекающихся Гарибальди и объединеніемъ Италіи; всѣ громко жалуются на здѣшнюю апатію и на то, что національная идея не признается за коренное начало государственности. Поэтому же всѣ высказываютъ сочувствіе Италіи, Венгріи и даже нѣмецкимъ націоналистическимъ стремленіямъ.

«Совершенно новымъ явленіемъ среди высшихъ сословій Россіи представляется, какъ и въ Венгріи, тяготѣніе къ русскому національному костюму. Въ театрахъ не въ рѣдкость теперь встрѣтитъ изящныхъ господъ въ голубыхъ и зеленыхъ бархатныхъ поддевахъ, отороченныхъ мѣхомъ, и въ боярскихъ шапкахъ. Духовенство поощряетъ народничаніе, а попечитель наслѣдника престола, графъ Строгановъ, вліяніе котораго при дворѣ возрастаетъ, и котораго прочать въ министры, началъ свою дѣятельность съ увольненія Гримма, воспитателя его императорскаго величества. Мотивироваль Строгановъ эту мѣру тѣмъ, что будущій царь долженъ быть *le plus russe des russes*, и тѣмъ, что во Франціи никогда бы не потерпѣли, чтобы наслѣдника престола воспитывалъ иностранецъ. Нѣкоторымъ изъ здѣшнихъ народниковъ я задалъ вопросъ, какъ же они думаютъ распорядиться съ Польшею, если правомѣрнымъ мѣриломъ государственности признаютъ только національное начало. Мнѣ отвѣчали, что въ Россіи почти нѣтъ поляковъ; западныя провинціи населены русскими, говорящими на литовскомъ языкѣ, а населеніе большей части южныхъ губерній—русины, т.-е. тоже русскіе, и при томъ, православные; на ряду съ этимъ населеніемъ имѣется болѣе или менѣе значительное количество польскихъ помѣщиковъ-дворянъ, составляющихъ пришлый элементъ. Коренное польское населеніе до трехъ милліоновъ душъ обитаетъ только вдоль Вислы, въ королевствѣ, которое и можетъ получить самостоятельную организацію, въ возмѣщеніе чего къ Россіи должна отойти восточная половина Галиціи, имѣющая православное русское населеніе.

«Что касается собственно Россіи, то для нея желаютъ и ожидаютъ,—по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, кто не кормится отъ службы,—что по обнародованіи законовъ о крестьянствѣ состоятся государ-

ственные преобразованія, и они обезпечать за народомъ и высшими сословіями соучастіе въ дѣлахъ государственнаго управленія. Умѣренные не переходятъ границъ, но слышатся и такіе голоса, которые напоминаютъ конвентъ и далеко опережаютъ программу жирондистовъ».

Отъ 21 декабря 1860 года Бисмаркъ оговаривается, что о внѣшней политикѣ теперь въ салонѣ Горчакова почти и не заговариваютъ вовсе.

«Крестыанскій вопросъ поглотилъ почти всѣ остальные интересы. Дворянство настраивается все враждебнѣе, государь на совѣщаніяхъ склоняется въ пользу либеральнаго меньшинства, во главѣ котораго стоитъ министръ путей сообщеній Чевкинъ. Въ качествѣ свѣдущаго человѣка и я былъ привлекаемъ Мейендорфомъ и Нессельроде и долженъ былъ подробно имъ объяснить ходъ операцій освобожденія крестьянъ въ Пруссіи и современное наше аграрное положеніе. Равнымъ образомъ потребованы были отъ меня свѣдѣнія объ установленіи налога на винокурни, которымъ предполагается теперь и въ Россіи замѣнить откупную систему. По устройству этой части у насъ въ Пруссіи я дѣйствительно освѣдомленъ въ точности, въ качествѣ давнишняго владѣльца винокурень».

«Императоръ,—пишетъ Бисмаркъ 30 января 1861 года,—подавленъ серьезностью внутренняго положенія и далеко не проявляетъ прежняго интереса къ иностранной политикѣ. Вчера онъ мнѣ самъ съ глубокимъ вздохомъ сознался, что среды для него—единственные счастливые дни, такъ какъ онъ на 24 часа имѣетъ отдыхъ отъ текущихъ дѣлъ: государь по вторникамъ вечеромъ уѣзжаетъ на охоту. И въ предшествующую мою аудіенцію я засталъ государя въ угнетенномъ настроеніи. Скверно то, что государя дѣлаютъ отвѣтственнымъ за широко развѣтвившіяся многочисленныя злоупотребленія»...

«Варшавскіе безпорядки,—читаемъ мы подъ 5-мъ марта 1861 года,—крайне прискорбны и вполне естественно произвели здѣсь удручающее впечатлѣніе. При этомъ обнаружилось такая слабость и отсутствіе предосторожности, которыя не предвѣщаютъ ничего хорошаго въ случаѣ болѣе серьезныхъ замѣшательствъ. Адресъ, поднесенный императору, для Россіи тоже является многознаменательною новизною».

17 апрѣля 1861 года Бисмаркъ продолжаетъ: «Упорное противодѣйствіе, какое здѣсь обнаруживается по вопросу объявленія Польши на военномъ положеніи, заставляетъ меня думать, не сдѣланы ли были (Наполеону) обѣщанія насчетъ «мягкаго обхожденія» съ поляками. Горчаковъ дѣлаетъ видъ, будто все, что ни совершается, происходитъ согласно зрѣло обдуманной программѣ, и будто польскіе планы слишкомъ ничтожны и не могутъ отклонить государя отъ давно намѣченныхъ намѣреній. «Россія достаточно

могущественна, чтобы проявлять великодушіе»,—такова тема, которая на разные лады проходитъ чрезъ разсужденія Горчакова по поводу польскихъ дѣлъ.

Отъ 6-го апрѣля 1861 года сообщается: «Я вижу на основаніи моего общенія съ представителями прогрессивныхъ взглядовъ, что они господствуютъ надъ положеніемъ, составляя генеральный штабъ великаго князя Константина и великой княгини Елены; въ нихъ нуждается Горчаковъ, а они—въ Горчаковѣ ради воздѣйствія на государя.

«На томъ, что «все должно быть устроено по-новому», сходятся аристократы, демократы, панслависты и восточники. Существующіе порядки находятъ себѣ немногихъ сторонниковъ только среди старыхъ служаекъ, не пользующихся значеніемъ и не имѣющихъ видовъ на будущее и принадлежащихъ большею частью къ нѣмецкой національности. Внутреннимъ движеніямъ, сопряженнымъ съ насиліями, я не вѣрю, хотя возможно, что въ глуши провинціи и разыграются беспорядки между крестьянами по недоразумѣнію, потому что они вообразятъ, будто имъ не все то дали, что пообѣщала царь. Чему же я вѣрю, это—что государь, не отдавая себѣ яснаго отчета въ послѣдствіяхъ, будетъ своими совѣтчиками, даже и очень высоко стоящими, вовлеченъ въ тонко задуманные планы; ему, пожалуй, придется вступить на пути, которые его поведутъ туда, куда онъ и не желаетъ вовсе ити. Разсчитываютъ на то, что дальновидныя воздѣйствія на его благородное и мягкое сердце и стремленія дать подданнымъ счастье побудятъ государя добровольно пойти на уступки, которыхъ у него нельзя было бы вырвать силою. Правда, на прямыя указанія о цѣлесообразности участія дворянства и интеллигентныхъ классовъ при преобразованіи управленія и финансовъ его величество неоднократно отвѣчалъ: «Point de notables, je ne veux pas de 1789». Но послѣ того, какъ сдѣланы были уступки для Польши, хотя приведенію ихъ въ исполненіе и воспрепятствовали не предвидѣнныя случайности, представляется совершенно невѣроятнымъ, чтобы государь сталъ долго еще упорствовать, разъ со всѣхъ сторонъ, въ печати, государственнымъ совѣтѣ и собственномъ его семействѣ, будутъ раздаваться голоса: «Да чѣмъ же мы, русскіе, хуже, и почему заслуживаемъ мы меньше довѣрія, чѣмъ завоеванные нами же поляки, вѣроломство которыхъ столь же часто подтверждалось, какъ вѣрность православныхъ русскихъ».

«Многія загадочности Варшавскаго эпизода, а особенно торопливость, съ которою статутъ, 30 лѣтъ покоившійся въ пыли забытыхъ документовъ, былъ дарованъ и опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе, могутъ найти себѣ объясненіе только съ точки зрѣнія подобныхъ разсужденій. Тридцать лѣтъ терпѣлись завѣдомо всѣмъ извѣстныя злоупотребленія, которыя и понынѣ не устранены въ

коренныхъ русскихъ губерніяхъ, а на окраинѣ смѣлой, но матеріально безсильной, демонстраціи оказывается достаточно, чтобы чрезъ какой нибудь день уже народилось сознаніе о непригодности кары и необходимости слѣшно ввести органическія реформы.

«Событія сильнѣе человѣческихъ предначертаній, и отъ нихъ зависѣть будетъ будущность всевозможныхъ преобразовательныхъ проектовъ, направленныхъ ко благу и вреду Россіи. Но если даже настоящая эпоха окажется непроизводительною, я вѣрю, что еще достаточно долго проживу и рано или поздно увижу кн. Горчакова держащимъ рѣчи передъ русскими нотаблями. Отпуская поводья своему воображенію, Горчаковъ мечтаетъ о рѣчахъ, которыя повергнутъ въ изумленіе сенаторовъ и напечатанныя будутъ раскупаться нарасхватъ даже въ Парижѣ; высшее дворянство мечтаетъ объ установленіи новаго для себя положенія на манеръ англійскихъ пэровъ и успѣховъ à la Мирабо; Милютинъ же, наперсникъ великаго князя Константина, занимающій постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ и слывущій среди прогрессистовъ самую умною и смѣлою головою, не скрываетъ ожесточенной ненависти къ дворянству и рисуетъ себѣ будущую Россію какимъ-то крестьянскимъ государствомъ, съ равенствомъ безъ свободы, изобилующимъ интеллигенціей, промышленностью, бюрократіею и печатью, примѣрно по наполеоновскимъ образцамъ.

«Недавно я писалъ вамъ о крестьянскихъ безпорядкахъ,—читаемъ мы въ письмѣ къ Шлейнитцу отъ 17 апрѣля 1861 г. Между прочимъ произошли безпорядки и въ Петербургской губерніи, въ имѣніи нѣкоего помѣщика Ольхина. Нѣсколько дней назадъ сюда доставленъ цѣлый транспортъ бунтовщиковъ въ цѣпяхъ. Одновременно тамошніе крестьяне послали депутацію изъ 12 человѣкъ съ жалобою къ царю. Депутація взята подъ арестъ и не вернется на родину, но будетъ административно выслана въ одну изъ отдаленныхъ губерній. Какая строгость здѣсь и какая мягкость по отношенію къ Польшѣ! Какъ это согласовать?» «О событіяхъ, происходящихъ въ провинціи,—пишетъ Бисмаркъ отъ 3 мая 1861 года,—мало что слышно; донесенія флигель-адъютантовъ сохраняются въ строгой тайнѣ. Извѣстно, впрочемъ, что въ Астраханской губерніи противъ раскольниковъ были выдвинуты войска, и 70 человѣкъ убито.

«Я не знаю, существовала ли здѣсь въ ваше время пріятельница стараго Адлерберга ¹⁾, г-жа Ф. Бурггофъ, болѣе извѣстная подъ именемъ «Минны Ивановны». Она держитъ салонъ, гдѣ, разумѣется, мнѣ лично бывать неудобно, но я не встрѣчаю препятствій къ тому, чтобы его посѣщала наша посольская молодежь. При любезномъ посредничествѣ Минны Адлербергу передаются всевозможныя ходатайства и записки.

¹⁾ Ген.-ад. Владимира Федоровича, занимавшего въ царствованіе Николая Павловича должность министра высочайшаго двора.

«Крупный торговый здѣшній домъ Брандта нѣсколько дней тому назадъ долженъ былъ бы обанкрутиться, если бы не заручился ссудою въ 600.000 рублей. Миннѣ Ивановѣ было заплачено 20.000, и ссуда изъ казны была выдана. Этимъ же путемъ графъ Б., почтенный аристократъ и крупный кievскій сахарозаводчикъ, получилъ для поддержки его промышленныхъ предпріятій 3 милліона, съ обязательствомъ погасить ссуду равными частями въ шесть лѣтъ... Эта же дама подъ чужимъ именемъ содержитъ магазинъ «Парижскихъ модъ», и имѣющіе ходатайства предъ дворомъ направляютъ ихъ этимъ путемъ, платя за пару перчатокъ отъ 100 до 500 рублей. Только внѣшняя политика настолько монополизирована княземъ Горчаковымъ, что недоступна вліяніямъ Минны Адлербергъ; будь это иначе, и я былъ бы поставленъ въ необходимость испрашивать у вашего превосходительства ассигнованіе мнѣ значительныхъ секретныхъ фондовъ».

Дальше, отъ 6-го мая (24-го апрѣля) 1861 года, Бисмаркъ пишетъ: «По случаю праздника св. Пасхи Блудовъ, предсѣдатель государственнаго совѣта, возводится въ княжеское достоинство; теперешній министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, министръ путей сообщеній Чевкинъ и дѣти умершаго генераль-адъютанта Ростовцева возводятся въ графское достоинство. Гораздо важнѣе и интереснѣе тотъ фактъ, что на мѣсто Ланского назначается не Милютинъ, какъ прежде ожидалось, но Валувевъ. Послѣдній былъ раньше гражданскимъ губернаторомъ въ Курляндіи, а потомъ управлялъ министерствомъ государственныхъ имуществъ. Милютинъ уходитъ въ сенатъ и такимъ образомъ выбываетъ изъ дѣятельной службы. Новый министръ Валувевъ, сравнительно молодой, считается принадлежащимъ къ той же національно-либеральной партіи, но окрашенъ болѣе умѣреннымъ и аристократическимъ оттѣнкомъ, чѣмъ Милютинъ, который стоялъ во главѣ враждебной дворянству крайней партіи прогрессистовъ и былъ лично близокъ великому князю Константину. Властвовалъ Милютинъ надъ своимъ непосредственнымъ начальникомъ Ланскимъ вполне; какъ на формальную причину ухода Милютина въ сенатъ, ссылаются на то обстоятельство, что онъ по службѣ былъ старше новаго министра.

«Одновременный уходъ Милютина изъ министерства и Тимашева изъ управляющихъ III Отдѣленіемъ, вѣдающимъ дѣла тайной полиціи, можетъ быть рассматриваемъ, какъ устраненіе изъ внутренней политики крайнихъ направленій. Совершилъ ли Тимашевъ особенные промахи, и нашлись ли за нимъ особенныя вины, неизвѣстно; въ общемъ онъ проявлялъ антифранцузскіе и антипольскіе взгляды и занялъ былъ главнымъ образомъ подавленіемъ революціонныхъ симптомовъ. Въ городѣ рассказываютъ, будто онъ отчиталъ по адресу лорда Ненира много рѣзкаго и кровожаднаго, тотъ пожаловался царю, и Тимашевъ былъ смѣщенъ. Я привожу

этотъ слухъ, какъ образчикъ тѣхъ воззрѣній и оцѣнокъ вещей, какія среди здѣшной публики имѣютъ оборотъ; я лично вполне убѣжденъ, что слухъ этотъ совершенно ложенъ... Съ гораздо большею вѣроятностью возможно предполагать, что вѣсти изъ губерній о томъ, какъ сказались эмансипаціонные законы, а равно и варшавскія событія, побудили государя нѣсколько натянуть поводья, а многочисленныя аристократическія вліянія въ свою очередь сказали и свое слово и убѣдили его величество въ томъ, будто Милютинскія теоріи ведутъ къ ниспроверженію государственныхъ основъ».

Далѣе, отъ 15-го іюня 1861 года, сообщается: «Въ Москвѣ дворянство заняло будирующее положеніе; незадолго предъ пріѣздомъ государя большая часть знати покинула городъ, и ко двору представлялось не болѣе 30 дамъ. Тѣмъ представителямъ дворянства, которые пытались предъ государемъ извинить отсутствіе своихъ сочленовъ, его величество отвѣчалъ: «Я очень радуюсь тому, что эти господа отправились наконецъ въ свои имѣнія; сдѣлай они это раньше, всѣ обстоятельства сложились бы лучше».

«Экзекуціи и обращеніе къ военной силѣ все болѣе учащаются, но во многихъ губерніяхъ, благодаря отсутствію войскъ, добиться послушанія не легко. Иные изъ дворянъ, какъ, на примѣръ, графъ Хрептовичъ, Дмитрій Нессельроде и другіе, не рѣшаются даже ѣхать къ себѣ въ имѣнія. Старый канцлеръ (Нессельроде) пьетъ свою Киссингенскую воду здѣсь: остался онъ въ Петербургѣ съ тѣмъ, чтобы способствовать передачѣ Николаевской желѣзной дороги въ распоряженіе большого общества, въ которомъ Нессельроде состоитъ крупнымъ акціонеромъ. Планъ его зятя Зеебаха¹⁾ попасть въ директоры этого общества, съ ежегоднымъ окладомъ въ 100.000 франковъ, провалился, а Бейстъ взбѣшенъ тѣмъ, что его посланникъ добивался такого мѣста и ради этого даже самолично сюда пріѣзжалъ».

Наконецъ, отъ 28-го—16-го іюня 1861 года, Бисмаркъ пишетъ: «Спорадическіе безпорядки въ крестьянскомъ сословіи продолжаютъ попрежнему, но повсюду подавляются вполне успѣшно.

«Во многихъ мѣстахъ поля остались незасѣянными, но не столько, чтобы можно было опасаться крупнаго недорода и серьезнаго голода. Весьма вѣроятно излишковъ хлѣбовъ для вывоза окажется меньше противъ обыкновеннаго, и это повлечетъ за собою еще большее ухудшеніе денежнаго курса. Преобладающею надъ всѣмъ прочимъ злобою дня являются желѣзныя дороги. Будетъ ли строиться южная желѣзная дорога по направленію къ Черному морю, и будетъ ли поручена эта постройка большому обществу при концессіи 84.000 р. вмѣсто 60.000 съ версты?»

¹⁾ Баронъ фонъ-Зеебахъ состоялъ въ это время королевскимъ саксонскимъ посланникомъ въ Парижѣ.

«Въ засѣданіяхъ совѣта министровъ, посвященныхъ разсмотрѣнію этого вопроса, графъ Нессельроде, сильно въ этомъ заинтересованный, оберегаетъ интересы акціонеровъ, а князь Горчаковъ— интересы правительства и государства. Многосторонность Горчакова, хорошая слава, которою онъ пользуется въ денежныхъ дѣлахъ, выдающіяся его способности и работоспособность дѣлаютъ его для царя совершенно незамѣнимымъ, тѣмъ болѣе, что князь снимаетъ съ государя огромную обузу заботъ и докучливыхъ дѣлъ. Едва ли кто нибудь найдетъся, кто бы на его мѣстѣ такъ много работалъ, поэтому, несмотря на кажущіяся принципиальныя политическія разногласія между государемъ и его министромъ, едва ли положеніе послѣдняго можетъ быть поколеблено».

На этомъ письмѣ прерывается переписка Бисмарка съ Шлейнитцемъ: сначала Бисмаркъ уѣхалъ въ продолжительный отпускъ, затѣмъ Шлейнитцъ покинулъ постъ министра, а весной 1862 года, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Парижѣ, въ должности посланника, Бисмаркъ уже осенью сдѣланъ былъ министромъ.

II.

Американка о Россіи.

Нѣмка по происхожденію, г-жа Ганзенъ нѣсколько связана съ Россіей, благодаря тому обстоятельству, что сестра ея вышла замужъ за астронома фонъ-Вагнера, занимавшаго долгое время должность помощника директора главной Николаевской астрономической обсерваторіи въ Пулковѣ (при Струве). Выйдя замужъ за американскаго поэта, путешественника и дипломата Баярда Тайлора, г-жа Ганзенъ сдѣлалась вѣрною сопутницею мужу въ его подвижной жизни, воспоминанія о которой ею нынѣ изданы (Marie Hansen Taylor. Aus zwei Welttheilen. Stuttgart. 1905).

Для русской публики въ книгѣ г-жи Ганзенъ интересъ представляетъ описаніе пребыванія ея въ Петербургѣ, относящееся къ началу 1860-хъ годовъ. Наиболѣе существенное изъ этой части мемуаровъ, озаглавленной «Die Petersburger Episode», мы здѣсь и передадимъ.

26-го марта 1862 года, Баярдъ Тайлоръ, состоявшій въ то время военнымъ корреспондентомъ газеты «Tribune» при арміи Сѣверныхъ Штатовъ, сообщилъ женѣ, что Камеронъ, занимавшій въ кабинетѣ Линкольна постъ военнаго министра, а затѣмъ назначенный посланникомъ отъ правительства Сѣверо-Американскихъ Штатовъ при с.-петербургскомъ дворѣ, предложилъ Тайлору мѣсто секретаря посольства, о чемъ уже доложилъ и президенту. «Содержаніе мнѣ назначается не большое (около 1.800—2.000 долларовъ), но Камер-

ронъ говорить, что останется въ Россіи не болѣе шести мѣсяцевъ, а послѣ его отъѣзда я займу должность *chargé d'affaires*. Камеронъ далъ мнѣ понять, что я въ близкомъ будущемъ могу рассчитывать на занятіе должности даже посланника, если Камеронъ не вернется на прежній постъ. Содержаніе посланнику опредѣлено въ размѣрѣ 12.000 долларовъ ежегодно... Камеронъ даетъ мнѣ срокъ для дорожныхъ приготовленій до 1-го мая. Предложеніе это въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мнѣ очень улыбается, такъ какъ доставить мнѣ превосходный случай осуществить планъ изученія Азіи¹⁾... Повергаетъ же меня въ колебанія неопредѣленность будущаго... Камеронъ несомнѣнно осенью уѣдетъ въ Америку, а я останусь въ Петербургѣ «уполномоченнымъ въ дѣлахъ»—это вполне достоверно. Затѣмъ, если состоится избраніе Камерона въ сенаторы (съ этою-то цѣлью онъ и поѣдетъ въ Америку), и я буду назначенъ на его мѣсто,—настоящая затѣя приобрететъ серьезное значеніе... Тѣмъ не менѣе я настолько колеблюсь, что сегодня еще готовъ былъ сказать «нѣтъ», когда Камеронъ настоятельно уговаривалъ меня принять его предложеніе. Лично онъ очень пріятный человѣкъ и, какъ всѣ знающіе его утверждаютъ, тепло и великодушно относится къ людямъ, съ которыми сходитса».

Колебанія у Тайлора и его жены, впрочемъ, длились не долго, и въ іюнѣ 1862 года они уже были въ Петербургѣ.

23-го іюня, г-жа Ганзенъ-Тайлоръ переселилась изъ Пулкова, гдѣ временно жила у Вагнеровъ, въ посольство и обзавелась для себя наставникомъ русскаго языка, такъ какъ ее тяготили скудныя знанія по этой части, сводившіяся только къ небольшому запасу нужныхъ словъ.

«Въ послѣднее воскресенье,—пишетъ она отъ 30-го іюня,—мы были въ Царскомъ Селѣ и представлялись императрицѣ. Ея грація, умѣніе держаться съ достоинствомъ и несомнѣнно незаурядный умъ чрезвычайно привлекательны. Разговаривала она со мною по-нѣмецки и много спрашивала о моихъ путешествіяхъ вокругъ свѣта, о которыхъ уже слышала... Послѣ превосходнаго завтрака намъ была предложена прогулка въ дворцовомъ экипажѣ по Царскосельскому парку»...

«Поселившись въ Петербургѣ, всего болѣе тянуло меня въ Пулково, на высотахъ котораго расположены обширныя постройки, принадлежащія къ составу астрономической обсерваторіи. Здѣсь за все время моего пребыванія въ Россіи я гащивала часто и охотно. Высшіе служащіе этого выдающагося ученаго учрежденія, въ числѣ пяти-шести человѣкъ, были сплошь нѣмцы. Каждый изъ нихъ

¹⁾ Тайлоръ былъ любознательнымъ и наблюдательнымъ путешественникомъ, что сказалося въ многочисленныхъ сочиненіяхъ по этой части, имъ опубликованныхъ.

занималъ обширную квартиру, а семьи этихъ служащихъ составляли пріятный общительный кружокъ.

«Въ столицѣ, благодаря лѣтнему сезону, общественность проявлялась вяло. Русская знать и дипломатическій кружокъ, среди которыхъ намъ предстояло вращаться, частью разсѣялись по деревнямъ и дачамъ, частью находились въ отлучкѣ. Дворъ пребывалъ въ Царскомъ Селѣ, а позднѣе царская фамилія отправилась въ Великій Новгородъ (по случаю празднованія тысячелѣтія Россіи) и въ Москву, чтобы только къ новому году окончательно водвориться въ Зимнемъ дворцѣ. Поэтому ранѣе зимы нельзя было и рассчитывать, чтобы дамы, вновь примыкающія къ дипломатическому кружку, были представлены ко двору и получили доступъ въ русское общество.

Въ августѣ поэтому члены американскаго посольства съ особеннымъ удовольствіемъ воспользовались представившимся случаемъ къ поѣздкѣ въ Нижній Новгородъ, на ярмарку, и въ Москву. Приглашеніе предпринять поѣздку исходило отъ м-ра Россъ Уайненсъ и К^о, строившихъ, по порученію русскаго правительства, Николаевскую и Московско-Нижегородскую желѣзныя дороги. «Представитель фирмы, м-ръ Пирсъ, сопровождалъ насъ въ путешествіи и обставилъ его въ качествѣ хозяина блестяще. Наше общество, состоявшее изъ десяти человекъ, кромѣ слугъ, имѣло въ своемъ распоряженіи комфортабельный вагонъ и повсюду пользовалось самою широкою внимательностью и предупредительностью. Г. Байардъ Тайлоръ, и раньше уже бывавшій въ Москвѣ, свои впечатлѣнія объ этой поѣздкѣ изложилъ въ одномъ изъ томовъ «Travels in Greece and Russia». По признанію г-жи Ганзенъ-Тайлоръ, пребываніе въ Нижнемъ открыло любознательнымъ американцамъ просвѣтъ на новый, невѣдомый имъ міръ подлинной Азіи.

Вскорѣ по возвращеніи изъ поѣздки, посланникъ Камеронъ съ семейю уѣхалъ въ Америку, а г. Байардъ Тайлоръ остался въ Петербургѣ единственнымъ представителемъ американскаго посольства, въ качествѣ *chargé d'affaires*. Назначенный ему окладъ, въ размѣрѣ 6.000 долларовъ, мало отвѣчалъ условіямъ свѣтской жизни, сопряженной съ дипломатическимъ представительствомъ, и Тайлорамъ пришлось ограничивать себя во многомъ. Г-жа Ганзенъ-Тайлоръ, впрочемъ, могла утѣшать себя тѣмъ, что въ такомъ же незавидномъ матеріальномъ положеніи оказывались представители и другихъ державъ, правда, второстепенныхъ, до Пруссіи включительно.

«Пока образъ нашей жизни протекаетъ тихо, только въ октябрѣ стали мало-по-малу съѣзжаться дипломаты, съ которыми мы постепенно и знакомились.

«Въ англійскомъ посольствѣ, за отъѣздомъ супруги посланника, лорда Непера, обязанности хозяйки управляла мистриссъ Лококъ,

жена одного изъ *attachés*. Въ ней я нашла, къ моему большому удовольствію, давнишнюю знакомую по Аѳинамъ, такъ какъ она оказалась дочерью тамошняго американскаго пастора Кинга. Мистриссъ Лококъ была мнѣ очень полезна и познакомила меня съ нѣкоторыми дамами, принадлежащими къ дипломатическому корпусу, а въ числѣ ихъ съ герцогинею Монтебелло, по происхожденію англичанкою. Тѣсный кружокъ, собиравшійся за чайнымъ столомъ французскаго посольства, въ своихъ бесѣдахъ не шель дальше скучныхъ общихъ мѣстъ. Несравненно большую занимательность представляли вечера у бельгійскаго посланника, барона Геверса, женатаго на американкѣ, гдѣ часто бывалъ прусскій посланникъ, графъ фонъ-Гольтцъ, которому предстояло смѣнить въ Парижѣ графа фонъ-Бисмарка, призваннаго стать во главѣ прусскаго министерства, хотя въ ту пору и хорошо знавшіе Бисмарка по его пребыванію въ Петербургѣ люди не подозрѣвали еще, какая крупная звѣзда восходитъ на политическомъ горизонтѣ.

«Положеніе военныхъ дѣлъ въ Америкѣ, не многимъ улучшившееся со времени нашего отъѣзда съ родины, повергало мужа въ тѣмъ большія тревоги, что Франція и Великобританія все откровеннѣе выражали сочувствіе южанамъ, и дипломатическое вмѣшательство въ пользу послѣднихъ становилось все вѣроятнѣе. Отвѣтственность, ложившаяся на Тайлора въ качествѣ представителя американскаго правительства, являлась далеко не пустячной, такъ какъ ему предлежала задача, несмотря на всѣ прорухи союзнаго арміи, убѣдить русское правительство, какъ единственную великую державу, показывавшую намъ неизмѣнно благосклонное доброжелательство, что правительство Линкольна достаточно сильно для окончательнаго подавленія мятежа. Такъ какъ Тайлоръ былъ глубоко убѣжденъ въ конечномъ успѣхѣ сѣверянъ, то ему удалось, послѣ продолжительныхъ и интересныхъ бесѣдъ съ княземъ Горчаковымъ, вселить и въ него довѣріе къ интересамъ сѣверянъ и утвердить дружественныя отношенія Россіи къ Соединеннымъ Штатамъ». Успѣхъ этихъ тонкихъ дипломатическихъ переговоровъ въ значительной степени долженъ быть приписанъ неотразимой личной привлекательности Тайлора, который отъ 29-го октября 1862 года могъ съ чувствомъ самоудовлетворенія сообщить Уильяму Сьюварду о полномъ успѣхѣ своей миссіи. «Во время этого разговора мы стояли другъ противъ друга, и спокойный, убѣжденный тонъ, какимъ говорилъ князь Горчаковъ, произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что его словамъ вполнѣ можно вѣрить. Въ заключеніе разговора князь тепло пожалъ мнѣ руку, воскликнувъ: «Да будетъ надъ вами благословеніе Божіе!»

Послѣ того, какъ депеша Тайлора была опубликована сѣвероамериканскимъ правительствомъ и получила широкую огласку, лордъ Сепиръ никакъ не могъ переварить успѣха своего амери-

канскаго коллеги и однажды послѣ продолжительной аудіенціи у князя Горчакова обратился съ нему съ ироническимъ замѣчаніемъ: «Когда же удостоюсь я того же счастья, что мистеръ Тайлоръ, и въ свою очередь услышу отъ вашего сіятельства пожеланіе: «God bless You?» (да благословитъ васъ Богъ). «Когда вы это заслужите!»—находчиво возразилъ князь Горчаковъ, не преминувшій съ обычной ему тонкой улыбкою рассказать Тайлору о своей удачной *repartie*.

Въ личныхъ, впрочемъ, отношеніяхъ къ Тайлору лордъ Непиръ тщательно избѣгалъ показывать себя представителемъ англійскихъ интересовъ, враждебныхъ Америкѣ. «Мало того, — пишетъ г-жа Тайлоръ, — онъ упорно избѣгалъ въ разговорахъ съ мужемъ касаться американскихъ дѣлъ. Но однажды лордъ Непиръ не вытерпѣлъ и обратился ко мнѣ съ конфиденціальнымъ вопросомъ, дѣйствительно ли мой мужъ такъ твердо вѣритъ въ окончательное подавленіе, какъ это высказываетъ. Лорду Непиру въ эту пору было уже за пятьдесятъ лѣтъ; голубоглазый, онъ отличался прекраснымъ цвѣтомъ лица, который еще сильнѣе подѣркивался глубокою сѣдиною; видный изъ себя мужчина, онъ отличался любезностью и непринужденностью. Къ моему удивленію, оказалось, что воспитаніе онъ получилъ въ нѣмецкой школѣ въ Мейнингенѣ.

«Отъ лорда Непира мы вообще видѣли много любезностей, тогда какъ члены прусскаго посольства, наоборотъ, проявляли въ отношеніяхъ къ намъ холодность. Жена совѣтника прусскаго посольства, г-жа фонъ-Пирхъ, урожденная княжна Турнь-Таксисъ, была единственною нѣмкою, которая съ искреннимъ равнодушіемъ игнорировала мѣщанское мое происхожденіе. Будь я коренная американка, дипломаты изъ нѣмцевъ со мною легче бы примирились, но въ качествѣ нѣмки, не принадлежащей къ дворянской средѣ, я оказывалась докучливымъ членомъ, изгнать котораго изъ исключительнаго и замкнутаго общества не позволяло положеніе моего мужа... Несравненно обходительнѣе была русская знать, въ своемъ обращеніи неизмѣнно проявлявшая ровность, вѣжливость и отсутствіе накрахмаленной надутости. Въ русскихъ великосвѣтскихъ гостиныхъ сдѣлали мы не одно пріятное знакомство. Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю я одну даму (кн. Гагарину), съ которой мнѣ довелось усѣсться рядомъ на одномъ многолюдномъ вечерѣ. Хотя меня никто ей не представилъ, княгиня любезно со мною заговорила. Распространившись на тему о томъ, что людскія свѣтскія сборища ничего не говорятъ уму и сердцу—«il n'y a pourtant que le cercle intime qui donne de l'agrément»,—поучала меня словоохотливая старуха, съ чѣмъ я, конечно, вполне была согласна».

«Кромѣ обязанности возможно сильнѣе укрѣпить дружественныя связи между Соединенными Штатами и Россією, дѣла посольства, при которомъ не было даже секретаря, не особенно обременяли

мужа, и онъ оказался въ состояніи закончить зимою начатый имъ романъ. Въ эту пору Тайлора нерѣдко посѣщали и поэтическія вдохновенія. Въ числѣ стихотвореній, имъ написанныхъ за это время, слѣдуетъ отмѣтить «A thousand years», вызванное празднованіемъ въ Новгородѣ 20-го сентября 1862 года тысячелѣтія существованія Русскаго царства. Стихотвореніе это дошло до свѣдѣнія государя Александра II, который выразилъ Тайлору по-этому поводу свою признательность и началъ проявлять къ нему такіе знаки благоволенія, которые при иныхъ обстоятельствахъ не достались бы на долю скромному уполномоченному въ дѣлахъ».

«Наняли мы квартиру въ бельэтажѣ, на Галерной улицѣ, не далеко отъ Адмиралтейской площади и Зимняго дворца, и устроились по-семейному»... «Выѣзжаемъ мы теперь больше, чѣмъ осенью, и это замѣтно отражается на нашемъ карманѣ. Одѣваются здѣсь роскошно; для cadaго вечера приходится наряжаться, а туалеты въ Петербургѣ стоятъ дороже, чѣмъ въ Нью-Йоркѣ. Ради возможныхъ сбереженій я оказываюсь вынужденною передѣлывать на разные лады мой необширный гардеробъ; требуетъ это немало скучной и тяжелой работы, отнимая у меня много времени...

«Наступилъ наконецъ и Новый годъ, а съ нимъ вмѣстѣ представленіе ко двору. Я сдѣлала все возможное, чтобы выѣхать «bien mise»... Мы вошли въ Зимнемъ дворцѣ въ государевъ подъѣздъ (perron de l'empeereur), освободились въ обширныхъ сѣняхъ отъ шубъ и по широкой мраморной лѣстницѣ, застланной ковромъ и уставленной гренадерами, поднялись на верхъ. У входа въ парадные покои стояли два дворцовыхъ гренадера въ огромныхъ медвѣжьихъ киверахъ, многочисленные дворцовые лакеи въ парадной ливреѣ и чернокожіе нубійцы въ бѣлыхъ чалмахъ и задрапированные въ роскошныя индійскія шали. Въ карточной комнатѣ, прилегающей къ роскошной пріемной императрицы, былъ собранъ дипломатическій корпусъ. Тутъ я была представлена обергофмейстеринѣ и церемоніймейстерамъ... Послѣ того, какъ сотни гостей заняли мѣста въ большомъ танцевальномъ залѣ, раскрылись боковыя двери, чтобы и намъ дать туда доступъ... Черезъ нѣсколько минутъ раздался призывъ церемоніймейстеровъ къ молчанію, и въ залъ вошли ихъ величества, а за ними слѣдовали великіе князья и княгини и многочисленные придворные.

«Послѣ полонеза, открытаго ихъ величествами, государь разговаривалъ съ высшими сановниками, а затѣмъ перешелъ къ дипломатическому корпусу. Дошла очередь и до Тайлора; кинувъ ему нѣсколько словъ, государь обратился ко мнѣ. Такъ какъ я не ожидала, чтобы государь заговорилъ со мною раньше, чѣмъ я ему была представлена, то первый его вопросъ нѣсколько меня смутилъ, но вскорѣ я оправилась и на послѣдующіе вопросы отвѣчала съ увѣренностью. Государь пристально меня разглядывалъ, освѣ-

домляясь, къ какой національности я принадлежу, гдѣ познакоми- лась съ мужемъ, давно ли замужемъ и имѣю ли дѣтей.

«Только послѣ нѣсколькихъ танцевъ явился за мною графъ Арм- фельдтъ и провелъ меня въ карточную комнату, поставивъ во главѣ длиннаго ряда дамъ, имѣвшихъ представиться императрицѣ. Тутъ подошла государыня Марія Александровна. Держала она себя такъ милостиво и привѣтливо, что я чувствовала себя совершенно непринужденно въ то время, какъ она меня спрашивала, давно ли я въ городѣ, сжилась ли съ климатомъ, много ли гуляю, какъ мнѣ нравится ѣзда на саняхъ и пр.? Такимъ образомъ представ- леніе, предъ которымъ я нѣсколько робѣла, обошлось совершенно благополучно.

«Во время этого же бала мужъ меня познакомилъ съ много- численными дипломатами и русскими сановниками, чѣмъ законнымъ образомъ ввело меня въ кругъ столичнаго общества. Въ числѣ прочихъ познакомилась я съ тремя русскими престарѣлыми княж- нами К....., издавна почему-то излюбившими американскихъ по- сланниковъ и оказывавшими смѣнявшимся представителямъ на- шего отечества всевозможныя любезности. Изъ всѣхъ предшество- вавшихъ посланниковъ особенно по сердцу княжнѣ Аннѣ при- шелся Пикенсъ ¹⁾. Не успѣла княжна Анна познакомиться съ Байардомъ Тайлоромъ, какъ уже засыпала его вопросами, что ста- нется съ Пикенсомъ, если верхъ надъ югомъ возьмутъ сѣверяне.

— «Ну, тогда мы его вздернемъ на висѣлицу!—пригрозилъ мужъ, посмѣиваясь. Съ той поры, когда мужъ ни встрѣчался съ княж- ною Анною, та съ улыбкою начинала разговоръ стереотипною фра- зою: «*Monsieur, de grâces, ne pendez pas mon Pickens, sauvez moi mon Pickens*».

«Княжны часто устраивали маленькіе обѣды для дипломатовъ, но старшія двѣ княжны держали себя довольно пассивно, а княжна Анна неизмѣнно разыгрывала роль привѣтливой хозяйки. Только разъ старшая княжна высказалась предо мною довольно рѣзко по поводу освобожденія крестьянъ. Возможно, что, благодаря этой благодѣтельной мѣрѣ, недавно проведенной императоромъ Алек- сандромъ II, доходы княженъ сильно уменьшились—по крайней мѣрѣ, княжна, указывая на драгоцѣнныя серьги, висѣвшія въ ея ушахъ, съ горечью замѣтила: «Вѣдь это почти все равно, какъ если бы царь отобралъ у меня мои брилліанты».

«На одномъ изъ этихъ маленькихъ обѣдовъ моимъ сосѣдомъ оказался пожилой генералъ; сидѣли мы насупротивъ моего мужа. Болтая за обѣдомъ, генералъ вдругъ обратился ко мнѣ съ не ожи- данною фразою: «Я не могу не сдѣлать комплимента вашему су-

¹⁾ Френсисъ У. Пикенсъ, который 26-го ноября 1860 года былъ избранъ мя- тежнымъ штатомъ Южной Каролины въ губернаторы.

пругу. Рѣдко я видывалъ такого красиваго и остроумнаго человека». Генераль былъ, впрочемъ, далеко не единственнымъ человекомъ, на котораго личность Тайлора дѣйствовала обаятельно. Великія княгини Елена и Марія (герцогиня Лейхтенбергская) отличали Тайлора при разныхъ случаяхъ, а на одномъ изъ маленькихъ придворныхъ баловъ и императрица удостоила Тайлора продолжительной бесѣды, которую мой мужъ отчасти велъ на русскомъ языкѣ, что, повидимому, императрицѣ очень понравилось.

«Государя, помимо придворныхъ баловъ, мы нерѣдко встрѣчали на частныхъ вечерахъ въ русскихъ аристократическихъ домахъ, и онъ вездѣ находилъ случай кинуть мнѣ и мужу нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Лично государь участія въ танцахъ не принималъ, и для него составлялась партія въ вистъ, въ которой нерѣдко принимала участіе старая графиня Разумовская. Эта почти 90-лѣтняя старуха являлась неизмѣннымъ украшеніемъ великосвѣтскихъ сборищъ. Туго затянутая въ корсетъ, напудренная и нарумяненная, черноволосая (или съ искусно сдѣланнымъ парикомъ), она, несмотря на преклонный возрастъ, не отказывалась ни отъ низко вырѣзаннаго лифа, ни отъ обнаженія рукъ. Говорила она густымъ басомъ, и когда я однажды была у нея въ гостяхъ, меня въ большое недоумѣніе привело, почему среди низкихъ тоновъ ея фразъ неожиданно прорывались рѣзкія крикливыя ноты; только потомъ я разглядѣла, что графиня не разстается съ собаченкою, пряча ее на рукѣ, прикрытой пышными кружевами».

Такъ какъ самъ Тайлоръ не танцевалъ и въ карты не игралъ, да и жена его не была охотницею до танцевъ, то петербургскіе балы имъ быстро прискучили.

«Приходилось слушать,—говорить г-жа Тайлоръ,—все тѣ же рѣчи; постоянная бессодержательная болтовня становилась настолько въ тягость, что не окупалась уже внѣшнимъ блескомъ. Нѣсколько интимныхъ обѣдовъ и маленькихъ вечеровъ составили пріятное исключеніе, а на время поста балы смѣнились раутами. По случаю бракосочетанія принца Валлійскаго въ англійскомъ посольствѣ произошло празднество, сопровождавшееся концертомъ, во время котораго мы восторгались чудною игрою на роялѣ молодого еще тогда Рубинштейна, успѣвшаго уже сдѣлаться избалованнымъ любимцемъ русской знати. Одно изъ послѣднихъ вечернихъ собраний за эту зиму состоялось въ графскомъ домѣ С... Это былъ, пожалуй, самый блистательный раутъ, на которомъ мнѣ довелось быть, но среди гостей представителей высшей знати оказалось не много. Объяснялось это тѣмъ, что хозяйка дома совершила mesalliance. Принадлежа по происхожденію къ одной изъ древнѣйшихъ княжескихъ фамилій и потерявъ перваго мужа, тоже принадлежавшаго къ родовой русской знати, она вышла замужъ за молодого француза, мѣщанскаго происхожденія. Чтобы возвести мужа во

дворянство, она приобрѣла въ Бретани замокъ, вмѣстѣ съ которымъ на новаго владѣльца былъ перенесенъ титулъ графа К. и маркиза С. Въ сущности вновь испеченный графъ былъ человѣкъ образованный, пріятной наружности и обладалъ большимъ тактомъ, но ему не прощалось его происхожденіе. Когда однажды въ тѣсномъ кружкѣ, собравшемся за нашимъ чайнымъ столомъ, мой мужъ замѣтилъ, что графъ К., повидимому, большой философъ и какъ-то высказалъ Тайлору, что онъ ничему не удивляется, ни на что не негодуетъ и относится съ одинаковымъ равнодушіемъ къ счастью и несчастью, князь Г. возразилъ мужу: «Да иначе и быть не можетъ. Il a été si souvent dans l'entourage de la mort (онъ вѣдь такъ часто находился въ обществѣ смерти)».—Что вы хотите этимъ сказать?—удивилась я.—«Да развѣ вы не знаете, что отецъ графа былъ гробовыхъ дѣлъ мастеромъ?»

«Такъ какъ это было первое празднество, устроенное графинею по приѣздѣ изъ Парижа, то она на его блескъ и великолѣпіи захотѣла наверстать утраченное ею въ отношеніи прежняго престижа. Благодаря ея крупному богатству и великолѣпію дворца, переполненнаго рѣдкостями, ей это вполне удалось, и даже русскіе, которыхъ не легко удивить роскошью, восклицали: «с'est imperial!» При этомъ случаѣ, согласно старинному обычаю, фамильныя драгоценности были выставлены на показъ въ опочивальнѣ хозяйки дома. Огромное количество брилліантовъ, чудныхъ изумрудовъ и рубиновъ въ изящныхъ витринахъ покрывали огромный столъ и, составляя цѣлое состояніе, стереглись камерфрау и нѣсколькими лакеями».

Хотя Камеронъ и получилъ отъ Линкольна формальное обѣщаніе предоставить ему постъ посланника при петербургскомъ дворѣ, однако на должность эту былъ назначенъ м-ръ Клэй, а для успокоенія язвленного самолюбія Тайлора доброты сулили создать для него дипломатическую миссію въ Тегеранъ.

Когда выяснилось, что въ Петербургъ будетъ назначенъ м-ръ Клэй, занимавшій этотъ постъ передъ Камерономъ, эта вѣсть была въ петербургскомъ дипломатическомъ кружкѣ встрѣчена далеко не сочувственно.

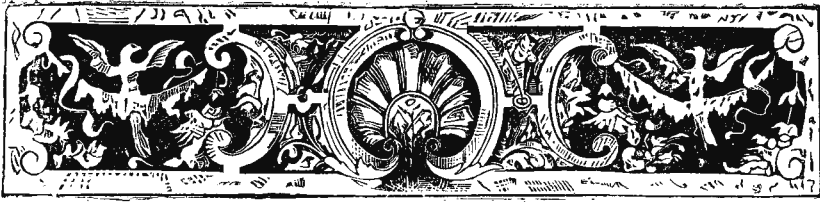
Князь Горчаковъ выразилъ по этому поводу Тэйлору полное сожалѣніе. Уходъ Тайлора, на взглядъ французскаго посланника, составлялъ большую потерю для общества. Хотя Тайлорамъ, уже сжившимся съ Петербургомъ и завязавшимъ съ столичнымъ обществомъ пріятныя отношенія, не особенно пріятно было покинуть нескіе берега, тѣмъ не менѣе возвращеніе въ частную жизнь, сулившее полную независимость и свободу дѣйствій, казалось въ равной мѣрѣ привлекательнымъ и самому Тайлору и его женѣ. Послѣ продолжительнаго путешествія по Европѣ Тайлоры вернулись въ Америку, и бывший chargé d'affaires вновь обратился къ

поприщу журналиста, читалъ лекціи, писалъ романы, обогатилъ англо-американскую литературу образцовымъ переводомъ Гетевского Фауста и только въ 1878 г., въ эпоху Берлинскаго конгресса, былъ приглашенъ занять постъ посланника при берлинскомъ дворѣ. Послѣднія страницы дневника г-жи Ганзень-Тайлоръ посвящены описанію сношеній ея мужа съ Сень-Паллье, Дизраэли, Салисбюри, кн. Горчаковымъ, кн. Бисмаркомъ, при чемъ подробно описывается посѣщеніе Берлина бывшимъ президентомъ Американской республики, генераломъ Грантомъ. Разстроенное непосильнымъ умственнымъ трудомъ здоровье Байярда Тайлора становилось все болѣе шаткимъ, и давнишній органическій недугъ, обострившись, неожиданно свелъ его въ могилу въ Берлинѣ, 19 декабря 1878 года.

Литературная и дипломатическая дѣятельность Байярда Тайлора нашла себѣ посмертную и разностороннюю оцѣнку въ объемистой его біографіи «Life and letters of Bayard Taylor».

В. Ш.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Е. П. Трифилевъ. Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Россіи. Царствованіе императора Павла I. Харьковъ. 1904.

Одѣ невольнѣ опредѣленнымъ заглавіемъ «Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Россіи» авторъ описываетъ по новымъ документамъ волненія крестьянъ при Павлѣ I, одно изъ наиболѣе широкихъ и замѣчательныхъ народныхъ движеній въ нашей исторіи. Замѣчательно оно прежде всего той быстротой, съ какою распространилось почти по всей Россіи, въ 30 губерніяхъ, несмотря на свою полную неорганизованность. Въ концѣ ноября 1796 года, чрезъ 20 дней по вступленіи на престолъ Павла Петровича (6-го ноября 1796 года), начинаются волненія крестьянъ въ Орловской губерніи, и вслѣдъ затѣмъ, въ первой половинѣ декабря, вспыхиваютъ волненія на сѣверѣ въ далекой отъ г. Орла губерніи Пермской и одновременно въ столь же далекой отъ Перми губерніи Новгородской. Съ чрезвычайной быстротой движеніе распространилось затѣмъ по другимъ губерніямъ, главнымъ образомъ въ январѣ 1797 года, и въ теченіе года было уже всюду подавлено. Подготовки и организаціи никакой не было; волненія возникли въ отдѣльныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ по различнымъ разнообразнымъ поводамъ; примѣръ возмущившихся вліялъ на ограниченные районы сосѣднихъ имѣній или уѣздовъ. Главный толчокъ дала перемена царствованія, вступленіе на престолъ Павла I-го, отъ котораго еще при жизни Екатерины II крестьяне ждали облегченій тяжкаго гнета крѣпостного права. Новый государь въ первые же дни по вступленіи на престолъ, казалось, началъ оправдывать эти ожиданія, когда приказалъ приводить крѣпостныхъ

къ присягѣ наравнѣ со всѣми вѣрноподанными, и указомъ 12-го декабря 1796 года разрѣшилъ крестьянамъ подавать на свое имя жалобы на притѣсненія помѣщиковъ. Тогда въ народѣ быстро распространились различные слухи о волѣ, послужившіе ближайшимъ поводомъ къ волненіямъ. Одинъ современникъ курьезно разъясняетъ, что главныя причины движенія заключаются именно въ этихъ слухахъ: «всему оному первая причина, по тѣмъ собственнымъ розыскиваніямъ—проѣзжавшіе курьеры, отъ которыхъ многіе въ пьяномъ состояніи, а другіе и безъ того, думавъ обрадовать народъ», рассказываютъ о разныхъ милостяхъ государя. Но, какъ первая причина, общія главныя основанія движенія заключались, конечно, не въ вѣстяхъ пьяныхъ курьеровъ, а въ темныхъ сторонахъ крѣпостного права, которыя рельефно выступаютъ въ многочисленныхъ слезныхъ жалобахъ, поданныхъ крестьянами Павлу I-му. Больше всего крестьяне жаловались на непомѣрные оброки и поборы всякаго рода, на изнурительныя барщинныя работы, оброкъ въ это время былъ въ 6 рублей, а многіе помѣщики взимали съ души до 15 рублей, нѣкоторые же до 30 рублей, при чемъ, установивъ этотъ «несносный, отяготительный» сборъ, требовали еще съ наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ одновременныхъ взосовъ по 200 рублей. Очень много жалобъ было на жестокую продажу людей въ рекруты; проданные въ солдаты,—плакались крестьяне,—«оставили малолѣтнихъ своихъ дѣтушекъ, у кого четверо и пятеро и семеро, и остались отцы и матери старыя». Исключительно жестокостью отличался одинъ изъ господскихъ приказчиковъ, Михеевъ, во Владимирской губерніи, засѣкшій четырехъ крестьянъ до смерти; но многіе помѣщики содержали провинившихся «въ желѣзахъ, дѣпяхъ и колодкахъ» и били «плетями до кровавыхъ ранъ». Другіе пользовались своею безконтрольною властью надъ крестьянами для разврата: помѣщикъ Демидовъ, въ преклонномъ возрастѣ, бралъ себѣ «въ наложницы отъ отцовъ дочерей еще въ незрѣломъ возрастѣ и отъ мужей молодыхъ женъ»; секундъ-майоръ, съ характерной фамиліей «Выродовъ», приводилъ къ себѣ «малолѣтнихъ дѣвокъ для непотребства и молодыхъ бабъ по очереди»; третій, конной гвардіи сержантъ Раевскій, женщину въ одной рубахѣ выгналъ на морозъ и посадилъ въ прудъ, въ ледяную воду; женщина была беременна и, какъ только ее вывели изъ пруда, тутъ же на берегу родила мертвого младенца; вблизи была цсовая охота помѣщика; собаки схватили, разорвали младенца и съѣли. Всѣ эти яркія картины ужасовъ крѣпостного права вполнѣ объясняютъ, почему крѣпостные крестьяне по всей Россіи сразу объединились въ общемъ движеніи противъ помѣщиковъ, какъ только у нихъ явилась надежда ослабить старыя заржавѣвшія оковы рабства.

Волненія крестьянъ въ общемъ подавлялись чрезвычайно гуманно, не только для того павловскаго, но и для нашего времени. Власти всюду почти дѣйствовали мѣрами увѣщанія, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчали вооруженное сопротивленіе крестьянъ, и лишь въ крайности прибѣгали къ силѣ оружія. Такъ дѣйствовалъ фельдмаршалъ князь Репнинъ даже при подавленіи наиболѣе сильнаго волненія—вооруженнаго бунта крестьянъ въ Сѣвскомъ уѣздѣ Орловской губерніи. Бунтовавшихъ крестьянъ было здѣсь до 13.000; у нихъ былъ предводитель Емельянъ Чернодыровъ; центрами движенія были село Радогони

въ имѣніи княгини Апраксиной и село Брасово генераль-лейтенанта Апраксина. Губернаторъ 22-го января 1797 года прибылъ въ село Радогощи съ ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ и обратился къ крестьянамъ съ рѣчью. Но увѣщанія его были прерваны толпою крестьянъ, выбѣжавшихъ изъ мѣстнаго винокуреннаго завода съ нѣсколькими ружьями и дубовыми кольями; эта вооруженная толпа смѣло бросилась на нихъ и убила двухъ солдатъ. Губернаторъ Квашнинъ-Самаринъ, въ виду крайняго возбужденія толпы, грозившаго большимъ кровопролитіемъ, вывелъ полкъ изъ села. Вновь назначенный губернаторъ Воейковъ прибылъ въ то же село съ полкомъ 10-го февраля и сумѣлъ привести крестьянъ къ повиновенію безъ кровопролитія. Онъ сдѣлалъ три выстрѣла изъ пушекъ по избамъ, отчего нѣкоторыя строенія загорѣлись, и приказалъ имъ бросить дубины, «чѣму они, ставъ на колѣни, и повиновались». Въ послѣдней крайности прибѣгъ къ оружію и фельдмаршалъ князь П. В. Репнинъ, усмирявшій бунтъ крестьянъ въ сосѣднемъ съ Радогощью селѣ Брасовѣ. Когда онъ 13 февраля 1797 года прибылъ къ этому селу съ двумя полками, гусарскимъ и мушкатерскимъ, то увидѣлъ при въѣздѣ въ село толпу, вооруженную дубинами, кольями и рогатинами, а впереди четырехъ крестьянъ съ образомъ и портретомъ государя. Онъ обратился къ нимъ съ увѣщаніями, и, когда это не подѣйствовало, приказалъ стрѣлять изъ пушекъ; эскадронъ гусаръ поскакалъ на толпу, но крестьяне съ такой отчаянной храбростію бросились на солдатъ, что послѣдніе обратились въ бѣгство. Тогда только князь Репнинъ выдвинулъ противъ нихъ пушки, заряженныя картечью; не испугавшись картечи, крестьяне напали на ряжскій пѣхотный полкъ, и когда этотъ полкъ встрѣтилъ ихъ выстрѣлами, они побросали свои кольца и рогатины и просили пощады. Всего во время этой стычки было убито 20 человѣкъ и ранено 70 ¹⁾. Въ приказѣ малороссійскому кирасирскому полку относительно усмиренія крестьянъ силой оружія князь Репнинъ предупреждалъ полкового командира, что онъ «отвѣчать за то станетъ по всей строгости законовъ, что подобное крайнее дѣйствіе строгостію вынуждено было отъ него самою послѣднею необходимостію», и «что прежде сего принужденнаго (т.-е. вынужденнаго) истощены были все мѣры и увѣщанія кротостію» (де-Пуле, стр. 557). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, на примѣръ, въ Тульской губерніи, въ имѣніи Юдина, воинскія команды, хотя и не стрѣляли въ крестьянъ, но позволяли себѣ насилія; пострадавшіе жаловались государю, что солдаты: «безъ всякаго нашего сопротивленія причинили намъ несносныя побои, рубили пальцы, уши, брили головы и бороды». Такъ, на примѣръ, въ Медынскомъ уѣздѣ Калужской губерніи вице-губернаторъ Митусовъ усмирилъ волненіе увѣщаніями и страхомъ угрозъ, хотя здѣсь ожесточеніе крестьянъ дошло до того, что они убили старосту съ сыновьями, не слушались исправника, прибывшаго съ командою, и не сразу покорились вице-губернатору, явившемуся въ село во главѣ гусарскаго эскадрона (стр. 61).

¹⁾ Кромѣ книги г. Трифильева, стр. 37—51, свѣдѣнія объ этомъ же можно найти въ статьѣ Де-Пуле: «Русскій Архивъ», т. VII, 1869 года, стр. 552—571.

Въ книгѣ г. Трифильева очень много цѣнныхъ свѣдѣній объ этомъ крестьянскомъ движеніи, впервые извлеченныхъ изъ бумагъ государственнаго архива. Къ сожалѣнію, этотъ матеріалъ изложенъ крайне неумѣло, не систематизированъ и не обработанъ. Авторъ не даетъ общаго обзора крестьянскаго движенія и такъ мало вникаетъ въ существо разнообразныхъ волненій въ различныхъ мѣстностяхъ, отъ простаго неповиновенія помѣщику до вооруженнаго бунта, что и въ своемъ описаніи и въ своихъ выводахъ приравниваетъ къ такимъ волненіямъ мирныя жалобы крестьянъ на господъ, разрѣшенныя закономъ 12-го декабря 1796 года. Много разсуждая о причинахъ и поводахъ движенія, онъ приходитъ къ явно отмѣченному выводу, что главная причина заключалась въ стремленіи крестьянъ къ свободѣ, тогда какъ въ описаніи волненій постоянно самъ же указывалъ, что они вызывались тяжелымъ экономическимъ положеніемъ крестьянъ и злоупотребленіями помѣщиковъ, и что крестьяне въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не мечтая о свободѣ, стремились лишь ослабить крайности господскаго произвола. Н. П. Лѣсковъ.

Н. П. Павловъ-Сильванскій. Новыя извѣстія о Посошковѣ. Спб. 1904.

Выдающееся положеніе, какое занимаетъ Посошковъ среди публицистовъ Петровскаго времени, несомнѣнно, должно возбуждать и соответствующій интересъ къ этому замѣчательному самородку, всю жизнь самоотверженно работавшему надъ вопросами государственнаго и общественнаго устройства. Между тѣмъ, въ нашей исторической наукѣ все еще нѣтъ сколько нибудь правильной оцѣнки его дѣятельности, что обуславливается, главнымъ образомъ, недостаткомъ свѣдѣній о немъ. Поэтому опубликованныя г. Павловымъ-Сильванскимъ и снабженныя вступительнымъ очеркомъ новыя извѣстія о Посошковѣ имѣютъ важное значеніе, какъ для біографіи крестьянина-публициста, такъ и для характеристики его дѣятельности въ качествѣ писателя и мыслителя.

Въ послѣднемъ отношеніи представляетъ большой интересъ напечатанное здѣсь «Доношеніе о исправленіи всѣхъ неисправъ», извѣстное раньше лишь по краткому и неточному сообщенію Пекарскаго. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые историки видятъ въ широкихъ преобразовательныхъ планахъ Посошкова не что иное, какъ отголосокъ Петровской реформы. Это мнѣніе подкрѣплялось ссылкой на то, что публицистическая дѣятельность Посошкова первоначально носила религіозно-нравственный характеръ, и лишь съ 20-хъ годовъ онъ сталъ затрагивать общественные и государственные вопросы. Дѣйствительно, главное сочиненіе его, въ которомъ говорится о необходимости радикальнаго переустройства Россіи, знаменитая «Книга о скудости и богатствѣ», писалось въ 1721—1724 годахъ, т.-е. въ самый разгаръ Петровскихъ реформъ, и можно думать, — говоритъ г. Павловъ-Сильванскій, — что названное сочиненіе «явилось слѣдствіемъ этихъ реформъ, что преобразовательная дѣятельность Петра побудила человѣка, наиболѣе интересовавшагося вопросами религіозно-нравственными, сосредоточить все вниманіе на вопросахъ государственныхъ».

На самомъ же дѣлѣ это не точно. Какъ показываетъ «Доношеніе», написанное въ 1704 году, Посошковъ интересовался государственными вопросами задолго еще до главныхъ Петровскихъ реформъ. Печатавъ это «Доношеніе», г. Павловъ-Сильванскій привелъ параллельныя мѣста изъ другихъ сочиненій Посошкова (изъ писемъ къ Стефану Яворскому, изъ «Книги о скудости и богатствѣ» и «Зеркала очевидности»), прекрасно показывающія, что послѣдній всегда ратовалъ противъ царившей вокругъ «закоренѣлой древней неправды», но, относясь одинаково отрицательно къ окружающей дѣйствительности, какъ въ «Доношеніи», такъ и въ «Книгѣ о скудости и богатствѣ», онъ измѣнилъ лишь средства для ея пересозданія. Въ первомъ сочиненіи онъ высказывалъ мысль, что для проведенія широкой государственной реформы необходимо «избрать... разумнаго и желательнаго человѣка и власть имѣющаго такую, чтобы ему никто изъ великихъ людей противенъ не былъ, но и духовнаго чина на его бы волю слагалися, и если сія вся тако великій государь состроить, то вѣмъ, еже подъ солнцемъ другаго такова славнаго, и богатаго, и храбраго государства не обряцется, и вся прежде бывшая наша поношенія обратятся въ возвышенія и славу». Во второмъ же сочиненіи, проектируя цѣлый рядъ реформъ, Посошковъ предлагаетъ обсудить ихъ «народосовѣтіемъ», «всѣмъ народомъ», «самымъ вольнымъ голосомъ», т.-е. предлагалъ прибѣгнуть къ земскому собору. Такимъ образомъ, въ первомъ случаѣ онъ всю надежду возлагалъ на появленіе гениальной личности, каковою былъ впоследствии Петръ; во второмъ, вѣроятно, не удовлетворяясь реформами Преобразователя, эту надежду возлагалъ на «весь народъ», т.-е. на представительное начало. Другіе матеріалы, за исключеніемъ доношенія Посошкова Петру I о «Книгѣ о скудости и богатствѣ» въ первоначальной редакціи, имѣютъ значеніе, главнымъ образомъ, для его біографіи. Изъ нихъ очень интересно письмо его племянника, дающее много бытовыхъ чертъ для характеристики нравовъ помѣщиковъ того времени, и нѣсколько купчихъ, заключающихъ свѣдѣнія о двухъ имѣніцахъ Посошкова. Послѣднія интересны еще въ томъ отношеніи, что реабилитируютъ Посошкова отъ недавно возведеннаго на него однимъ историкомъ обвиненія въ кулачествѣ, совершенно несраведливаго.

А. Я.

Мельгуновъ, С. Изъ исторіи студенческихъ обществъ въ русскихъ университетахъ. М. 1904.

Въ указанной книгѣ авторъ пытается исторически изучить вопросъ о студенческихъ обществахъ, поставить его въ связь съ общимъ ходомъ академической жизни и даже шире—разсмотрѣть его на фонѣ общаго теченія государственной жизни. Въ срединѣ XVIII столѣтія, какъ указываетъ авторъ, для студенческихъ обществъ совершенно не было подходящей почвы, такъ какъ студенты, набранные изъ бѣднаго класса, не имѣя необходимыхъ книгъ, даже одежды, обуви и пропитанія, совсѣмъ не интересовались наукой, и въ 1765 году въ С.-Петербургѣ половина ихъ (изъ 18) «вышла въ отставку». Когда же Екатерина II приняла за просвѣтительную работу, то это пробудило и

студентовъ: изъ нихъ набрался дѣльный кружокъ добровольныхъ сотрудниковъ, которые участвовали въ тогдашнихъ журналахъ. Въ то же время при Московскомъ университетѣ возникаетъ первая научная студенческая организація, зародышъ которой лежалъ въ публичныхъ диспутахъ на разныя темы. Въ 1781 году проф. Шварцъ основалъ «Собрание университетскихъ питомцевъ для упражненія въ сочиненіяхъ и переводахъ»; на засѣданіяхъ читались и обсуждались стихи, проза, изящные переводы, рецензіи. Работы участниковъ «Собранія» издавались. Въ 1789 году, по примѣру «Собранія», при вольномъ благородномъ пансіонѣ возникло самостоятельное литературное общество, дѣлью котораго было «исправленіе сердца, очищеніе ума и вообще обработка вкуса». Такой же кружокъ былъ основанъ и въ С.-Петербургѣ; онъ выпустилъ 24 книги своихъ сочиненій. Но вскорѣ, подъ влияніемъ поворота во внутренней политики Екатерины II, кружки заглохли.

При Александрѣ I началось сильное общественное движеніе, благодаря чему первая четверть XIX вѣка является «классическимъ временемъ всякаго рода обществъ и кружковъ». Въ 1810 году при Московскомъ университетѣ возникаетъ «Общество математиковъ», уставъ котораго получилъ высочайшее утвержденіе; въ Казани— «Общество вольныхъ упражненій» (литературное); въ Кременецкомъ лицей— «Общество для усовершенствованія въ авторствѣ и ораторствѣ» (въ 1815 г.); при Харьковскомъ университетѣ (въ 1819 г.)— «Общество студентовъ, любителей отечественной словесности» (членовъ общества было 8, но и они выпустили 1 томъ своихъ трудовъ). Эти кружки благотворно влияли на студенческую среду, студенты принимали дѣятельное участіе въ тогдашней литературѣ. Послѣ извѣстнаго инцидента съ «Обществомъ лицейскихъ друзей», учрежденіе котораго государь призналъ ненужнымъ (въ 1822 г.), настала пора, неблагоприятная для какихъ бы то ни было научныхъ и литературныхъ студенческихъ обществъ. Въ высшихъ сферахъ появилось стремленіе «изгнать опасный духъ вольнодумства изъ учебныхъ заведеній, особенно изъ университетскаго преподаванія, и сочетать навсегда науку съ религіей». Это направленіе сказалось, на примѣръ, въ томъ, что преподаваніе новѣйшей исторіи было запрещено, даже сочиненія Карамзина были признаны проникнутыми яacobинскимъ духомъ. Научныя общества терпятъ гоненія; сочувствіе же встрѣчаютъ лишь всевозможныя библейскія сотоварищества, гдѣ читались псалмы, велись разсужденія на благочестивыя темы.

При Николаѣ I начались еще большія ограничительныя мѣры противъ студентовъ; внѣшняя выправка, дисциплина, считались единственнымъ оплотомъ противъ «своеволія мысли» и «мечтательныхъ крайностей». Студентамъ была дана форма, начальство заботилось о манерахъ и прическахъ; студентовъ дѣлятъ на батальоны, обучаютъ фронтовой службѣ, даже вводятъ лагерныя занятія въ теченіе лѣтнихъ вакацій. Благодаря режиму, общій колоритъ тогдашней студенческой жизни носилъ характеръ пустоты и праздности; студентъ былъ врагъ полиціи, уличныхъ фонарей и гуляка. Но все же такое направленіе не могло совершенно затемнить просвѣтительной роли университетовъ, тѣмъ болѣе, что въ эту пору появляется рядъ талантливыхъ русскихъ профессоровъ, которые, изучивъ науку въ западныхъ университетахъ, при-

несли съ собой новѣйшія вѣянія европейской мысли. Лучшіе студенты составляютъ частныя кружки. Въ это время образовалось два знаменитыхъ кружка вокругъ Герцена и Станкевича, а также кружокъ славянофиловъ. Въ 30-хъ годахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ были попытки среди студентовъ основать корпораціи (по образцу нѣмецкихъ), но начальство отнеслось къ этому неблагоклонно. Частныя кружки студентовъ были въ Харьковѣ и Кіевѣ, но официально они не признавались, въ особенности не могло быть объ этомъ и рѣчи въ 50-хъ годахъ, когда подъ вліяніемъ революцій на Змшадѣ въ 1848 году репрессіи у насъ усилились.

Съ самаго начала царствованія Александра II студенческая жизнь пробуждается. Такъ, въ 1856 году въ С.-Петербургѣ возникаетъ кружокъ студентовъ, который издавалъ «Студенческій Сборникъ» (вышло 3 книги); потомъ была устроена касса взаимопомощи; частными кружками устраивались концерты, публичныя лекціи. Въ Кіевѣ тоже возникаетъ литературный кружокъ. Однако и въ 60-хъ годахъ студентамъ не было дано права организацій. Правда, по предложенію министра народнаго просвѣщенія Сабурова, студенты Московскаго университета выработали проектъ корпоративнаго устройства, и одно время, съ разрѣшенія начальства, у нихъ дѣйствовали собранія курсовыя, факультетскія и общестуденческія, были устроены кассы взаимопомощи и библіотеки, даже появилось нѣсколько десятковъ землячествъ, но вскорѣ же всѣ студенческія общества официально были закрыты. Въ 1882 году при С.-Петербургскомъ университетѣ, вопреки тогдашнимъ порядкамъ, открылось извѣстное «Общество проф. О. Миллера», изъ котораго вышло такъ много ученыхъ и литературныхъ дѣятелей, но и оно было закрыто въ 1887 году. Университетскій уставъ 1884 года, а въ особенности позднѣйшія дополненія, совершенно не разрѣшали студенческихъ организацій. О ненормальности такого положенія очень краснорѣчиво говорили студенческія волненія послѣднихъ лѣтъ.

Совершенно на особомъ положеніи, по сравненію съ другими университетами, находился Дерптскій (Юрьевскій) университетъ. Здѣсь возникли (въ 1807—1809 г.г.) и получили официальную санкцію корпораціи: *Curonia*, *Livonia*, *Estonia*, *Finnonia*, а позднѣе *Polonia* и *Ruthenia*; вмѣстѣ съ тѣмъ возникли и общестуденческія организаціи: «Дерптскій союзъ» и «Собраніе уполномоченныхъ» (*Chargirten-Convent*). Корпораціи были устроены по образцу германскихъ, сохранились въ университетѣ и до сего времени, въ особенности благодаря своему девизу: «студентъ—nicht politik», такъ что дерптскихъ студентовъ начальство обычно аттестовало, что они добродушные, благородные люди, послушныя властямъ, любящіе науку» и «отличаются скромнымъ образомъ мысли». На ряду съ корпораціями устраивались и просто студенческія общества (*verein*'ы).

«Временныя правила организаціи студенческихъ учрежденій» въ настоящее время даютъ студентамъ возможность учреждать общества, во многихъ университетахъ они и открылись (объ этихъ организаціяхъ авторъ даетъ краткія свѣдѣнія). Однако временныя правила еще не представляютъ собой окончательнаго рѣшенія вопроса, а потому оцѣнивать ихъ исторически преждевременно. Авторъ склоненъ сомнѣваться въ томъ, чтобы эти официальные обще-

ства давали надлежащій просторъ мысли и помогали студентамъ выработать цѣльное общественное міровоззрѣніе.

Таково содержаніе книги г. Мельгунова. Въ началѣ ея авторъ приводитъ литературу, которою онъ пользовался. Очень жаль, что онъ не использовалъ многого того, что было сказано въ печати нѣсколько лѣтъ тому назадъ о студенческихъ организаціяхъ и объ университетской реформѣ, напримѣръ: проф. Лесафта—«Проектъ студенческихъ организацій» («Новости», 1901, № 134); то же (проф. С.-Петербургскаго университета—«Петербургскія Вѣдомости», 1901, № 119); Игнатова—«Уловія студенческой жизни въ Москвѣ» («Русскія Вѣдомости», 1901, № 150); Ив. К—ва—«Русскіе студенты высшихъ учебныхъ заведеній» (ib., № 295); П. К.—«Студенческое общество въ Юрьевѣ» («Общество русскихъ студентовъ университета»—«Петербургскія Вѣдомости», 1901, № 211). Объ университетской же реформѣ, а въ связи съ ней и о студенческихъ организаціяхъ, въ періодической прессѣ былъ цѣлый рядъ статей проф. Шимкевича, проф. Никонова, проф. Будде, Фаминцына, Виноградова, Романовичъ-Словатинскаго, Обнинскаго и др. («Образованіе», 1901, №№ 5 и 6; «Вѣстникъ Права», 1901, № 9; «Русская Школа», 1901, № 9; «Вѣстникъ Европы», 1901, №№ 6 и 10; «Міръ Божій», 1902, № 1; «Русскія Вѣдомости», 1901, №№ 104 и 148). Также авторъ не использовалъ отвѣтовъ профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній на предложенные министерствомъ вопросы, въ числѣ которыхъ былъ и вопросъ о студенческихъ организаціяхъ. Вообще авторъ до 60-хъ годовъ довольно подробно останавливается на студенческихъ обществахъ, но потомъ даетъ слишкомъ бѣглую и отрывочную картину. Напримѣръ, онъ въ двухъ словахъ говоритъ о «землячествахъ», которые въ настоящее время столь распространены среди студентовъ; не говоритъ онъ о «Союзныхъ совѣтахъ», «Комитетахъ» и т. д., которые въ студенческой жизни послѣднихъ годовъ играли такую видную роль. Въ текстѣ встрѣчаются и фактическія неточности: такъ авторъ уставу 1863 года приписываетъ выраженіе, что студентъ есть «отдѣльный посѣтитель университета» (стр. 60), тогда какъ ни уставъ 1863 года, ни даже уставъ 1884 года такого выраженія въ себѣ не содержатъ.

Несмотря на указанные недостатки, работа г. Мельгунова заслуживаетъ вниманія, такъ какъ изучаетъ столь интересный вопросъ и, давая общую историческую картину студенческихъ организацій, суммируетъ порой довольно удачно то, что разбросано по многочисленнымъ изслѣдованіямъ и статьямъ.

М. К.

С. К. Буличъ. Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. Томъ I. (XIII в.—1825 г.). Съ приложеніемъ, вмѣсто вступленія, «Введенія въ изученіе языка» Б. Дельбрюка. Спб. 1904.

Объемистая книга проф. С. К. Булича будетъ интересна не для однихъ специалистовъ. Мы думаемъ даже, что ея компилятивный характеръ, литературное изложеніе, отсутствіе именно того, съ чѣмъ связано представленіе о строгой научности труда—характера изслѣдованія и разысканія новыхъ науч-

ныхъ истинъ, — что эти черты сдѣлаютъ книгу общедоступной. По ней не трудно убѣдиться, что исторію русской филологіи можно начинать чуть ли не съ первыхъ по времени памятниковъ нашей старинной письменности, что среди дѣятелей этой области русскихъ изученій были талантливыя лица, и что въ общей сложности ихъ труды составляютъ нѣчто цѣльное и грандіозное, а потому нуждающееся въ обработкѣ и сведеніи итоговъ.

Древній періодъ исторіи русскаго языковѣдѣнія разсмотрѣтъ слишкомъ бѣгло и довольно поверхностно. Факты берутся изъ вторыхъ рукъ, кое-что пропущено совсѣмъ, многое возбуждаетъ сомнѣнія, но эти дефекты объясняются, повидимому, тѣмъ, что авторъ предослалъ главной части своего труда нѣсколько вводныхъ главъ только для полноты: иначе нельзя объяснить замѣтные недостатки въ обзорѣ первоначальной поры въ исторіи языковѣдѣнія въ Россіи, на самомъ дѣлѣ, самаго интереснаго и важнаго отдѣла. Первая глава посвящена древне-русскимъ рукописнымъ грамматикамъ XIII—XVI вѣковъ, вторая—словарямъ XI—XVII вѣковъ, третья—печатнымъ грамматикамъ и грамматическимъ сочиненіямъ, авторы которыхъ извѣстны, напримѣръ, Зизанія, Смотрицаго, Крижанича, Славинецкаго, Лихудовъ, Бурцова, Истомина. Слѣдующая глава обнимаетъ болѣе широкій вопросъ—«Знакомство съ языками въ древней и московской Руси и преподаваніе ихъ». Она написана легко и прочтется съ большимъ интересомъ; было бы желательно сдѣлать изъ нея популярную статью для широкой публики, и особенно—для учащихся. Слѣдующія главы идутъ въ такомъ порядкѣ: «Состояніе языковѣдѣнія при Петрѣ Великомъ», «Тредьяковскій, Сумароковъ, Ломоносовъ», «Дѣятельность академіи наукъ» и «Сравнительный Словарь Екатерины II», «Переходныя и оригинальныя сочиненія общаго характера по языковѣдѣнію во второй половинѣ XVIII вѣка», «Этимологическіе домыслы нашихъ историковъ Татищева, Щербатова и Болтина», «Знакомство съ древними и новыми европейскими языками при преемникахъ Петра I», «Изученіе восточныхъ языковъ въ XVIII вѣкѣ», наконецъ—«Состояніе языковѣдѣнія въ теченіе первой четверти XIX вѣка». Какъ одинъ изъ болѣе важныхъ отдѣловъ послѣдней, самой обширной главы, укажемъ «Возникновеніе русской палеографіи и археографіи»; къ сожалѣнію, авторъ не обращаетъ должнаго вниманія на изданія Мусина-Пушкина—Поученія Мономаха и Слова о полку Игоревѣ, казъ извѣстно, сыгравшаго большую роль въ первыхъ шагахъ нашей палеографіи. Не менѣе интересны тѣ курьезныя этимологіи, которыя предлагались въ свое время нѣмцами и русскими относительно названій, не возбуждающихъ теперь никакихъ сомнѣній; изъ отдѣльныхъ фактовъ и цѣлыхъ теорій, не имѣвшихъ научной почвы, но стоящихъ въ связи съ романтизмомъ въ изученіи старины, также можно было бы составить занимательный популярный очеркъ.

Изъ краткаго обзора видно, какими широкими задачами руководился профессоръ С. К. Буличъ въ своемъ капитальномъ трудѣ, и сколько цѣннаго заключаетъ въ себѣ огромный томъ въ 1248 страницъ. А. Я

Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Собрание портретовъ русскихъ людей царствованій императрицы Екатерины II, императоровъ Павла I и Александра I (1762—1825). Художественно-историческое изданіе великаго князя Николая Михайловича.

Томъ первый, выпускъ первый. Спб. 1905.

Всѣмъ любителямъ отечественной иконографіи извѣстно, что его императорское высочество великій князь Николай Михайловичъ уже много лѣтъ собираетъ портреты замѣчательныхъ русскихъ людей, писанные исключительно масляными красками, акварелью и въ миниатюрахъ. Благодаря любезности великаго князя, многія историческія изданія имѣли возможность воспроизвести на своихъ страницахъ портреты выдающихся дѣятелей, заимствованные изъ этого замѣчательнаго собранія, всегда радушно открытаго для пользованія лицъ, занимающихся исторіей.

Въ настоящее время великій князь предпринялъ еще не бывалое въ Россіи изданіе, которое составитъ эпоху въ нашей иконографіи и навсегда сохранитъ благодарную память къ его высочеству, наравнѣ съ покойнымъ Д. А. Ровинскимъ. Въ это изданіе войдутъ снимки съ портретовъ и миниатюръ русскихъ людей эпохи царствованій императрицы Екатерины II и императоровъ Павла I и Александра I, то-есть жившихъ и дѣйствовавшихъ между 1762—1825 годами. Преимущество будетъ отдаваться оригиналамъ извѣстныхъ мастеровъ, но новый типъ, возрастъ, болѣе соответствующій избранной эпохѣ, и другія соображенія могутъ склонить выборъ въ иныхъ случаяхъ въ пользу второстепенныхъ и неизвѣстныхъ оригиналовъ. Сюда войдутъ также изображенія, интересныя въ историческомъ отношеніи, но мало удовлетворительныя въ художественномъ отношеніи, если издателю не будетъ извѣстно другого, лучшаго оригинала даннаго лица. Кромѣ того, появится нѣкоторое число портретовъ совсѣмъ неизвѣстныхъ, въ надеждѣ, что они путемъ опубликованія ихъ опредѣлятся и пополнятъ свѣдѣнія исторической иконографіи. Къ изображеніямъ мужей нерѣдко будутъ присоединены портреты женъ, къ знаменитымъ отцамъ менѣе извѣстныя дѣти и наоборотъ. Въ изданіи не устанавливается системы въ расположеніи портретовъ. Оно не будетъ словаремъ портретовъ, но къ каждому тому будетъ приложенъ алфавитный указатель, а съ послѣднимъ томомъ выйдетъ общій указатель ко всѣмъ томамъ. Каждое изображеніе будетъ сопровождаться краткой біографіей даннаго лица на русскомъ и французскомъ языкахъ. Материалами для изданія служатъ не одни оригиналы изъ собранія великаго князя, но преимущественно оригиналы, находящіеся въ дворцахъ, музеяхъ, галлерейхъ и составляющіе частную собственность. Въ распоряженіи издателя уже имѣется свыше 2.000 снимковъ, и число это продолжаетъ увеличиваться. Съ цѣлью достиженія наиболѣе точнаго ихъ воспроизведенія будутъ примѣнены лучшіе фотомеханическіе способы, а именно: гелиографюра для портретовъ, выдающихся своимъ художественнымъ качествами, и для остальныхъ фототипія.

Изданіе формата in-4° будетъ выходить ежегодно по одному тому, по четыре выпуска въ каждомъ, заключающихъ въ себѣ сто таблицъ, изъ кото-

19*

рыхъ 50 гелиографуръ и 50 фототишій. Общее число изображеній въ каждомъ томѣ около 200. Подписная цѣна за томъ въ четыре выпуска 50 рублей. Допускается разсрочка: при полученіи перваго выпуска вносится 26 рублей и при каждомъ изъ остальныхъ трехъ выпусковъ по 8 рублей.

Въ вышедшемъ теперь первомъ выпускѣ перваго тома воспроизведено 82 портрета. Перечисленіе ихъ заняло бы слишкомъ много мѣста, и потому мы укажемъ лишь на болѣе замѣчательные или относительно рѣдкости, или художественности: императоръ Александръ I (Монье), императрица Елисавета Алексѣевна (Монье), графиня М. А. Румянцева (Митуара), князь Г. Г. Орловъ (Рокотова), княгиня Е. Н. Орлова (Левцкаго), графъ А. Строгановъ (Варнека), князь С. Н. Долгорукій (Боровиковскаго), князь Н. П. Румянцевъ (Г. Доу), Е. А. Архарова (Боровиковскаго), княгиня Т. В. Юсупова (Виже-Лебренъ), графиня Е. П. Ростопчина (Брауна), графъ Ѳ. В. Ростопчинъ (Кипренскаго), графъ Н. И. Панинъ (Рослена), княгиня Е. А. Суворова (Боровиковскаго), А. М. Грибовскій (Фюгера), Н. К. Загряжская (Васильевскаго), братья Архаровы (миніатюры), князь Н. Г. Репнинъ-Волконскій и его жена (Изабе), княгиня А. П. Гагарина (миніатюра), князь А. А. Суворовъ (миніатюра), графъ П. П. Салтыковъ и его жена (Ритта), С. С. Колычевъ (Ритта), графъ Н. М. Каменскій (Григорьева), графиня С. К. Потоцкая (Галла) и др.

Всѣ эти портреты, за исключеніемъ портрета Панина, извѣстнаго въ графурѣ Радига, воспроизведены въ изданіи великаго князя Николая Михайловича въ первый разъ и служатъ доказательствомъ, какое цѣнное значеніе оно будетъ имѣть для русской исторической науки. Гелиографуры и фототиши исполнены экспедиціей государственныхъ бумагъ, которая относительно техники достигла высшей степени совершенства, передавая съ художественной точностью всѣ мельчайшія подробности оригиналовъ.

Биографіи, сопровождающія портреты, несмотря на ихъ краткость, составлены очень хорошо, фактически вѣрны и не ограничиваются лишь сухимъ формуларомъ, а, въ большинствѣ, даютъ характеристику описываемаго лица.

С. III.

А. И. Фаресовъ. Семидесятники. Очерки умственныхъ и политическихъ движеній въ Россіи. Спб. 1905.

Новая книга г. Фаресова подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ представляетъ интересное явленіе въ нашей литературѣ, какъ попытка поставить на судъ исторіи образы и дѣятельность нѣкоторыхъ выдающихся участниковъ въ общественныхъ движеніяхъ семидесятыхъ годовъ, когда многіе представители нашей интеллигенціи, не удовлетворенные политическимъ и общественнымъ строемъ, созданнымъ въ предшествовавшій пореформенный періодъ, дѣлали попытки къ созданію иного строя на новыхъ началахъ жизни и въ этихъ тщетныхъ попыткахъ въ большинствѣ случаевъ надорвали свои недолжныя силы и нашли себѣ здѣсь гибель. Передъ читателями книги г. Фаресова проходитъ небольшая галлерей портретовъ, нарисованныхъ добросовѣстно и старательно, при

Чемъ авторъ почерпалъ свой матеріалъ для рисованія изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ: изъ воспоминаній собственной жизни о личномъ знакомствѣ съ тѣми, съ кѣмъ ему приходилось жить и дѣйствовать, изъ переписки съ этими дѣятелями, изъ печатныхъ произведеній и отзывовъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ нашей литературѣ. Матеріалъ такимъ образомъ собранъ авторомъ достаточно полно и, если онъ не могъ освѣтить всѣхъ дѣйствующихъ лицъ своей галлерей всесторонне, то, думается, сдѣлалъ онъ это потому, что для такового освѣщенія еще не настало благопріятное время. Его очерки писаны не въ наши дни, когда о многихъ явленіяхъ русской жизни можно уже говорить свободнѣе, а еще много раньше, и номѣщались они притомъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, рамки условій печатанія для которыхъ были достаточно узки и тѣсны. Кромѣ того, хотя авторъ и не снабдилъ своей книги какимъ нибудь руководящимъ и объясняющимъ введеніемъ, но для читателя становится ясно, что онъ не имѣлъ въ виду создавать широкой картины всего движенія, а ограничилъ свою задачу нанесеніемъ на полотно отдѣльныхъ силуэтовъ, для которыхъ не наступили еще густыя сумерки забвенія. Поэтому г. Фаресовъ и не долженъ быть разсматриваемъ, какъ историкъ движенія семидесятыхъ годовъ, онъ скорѣе—мемуаристъ о той эпохѣ, которая ему близка, родственна, и въ которой онъ, какъ то уже извѣстно читателямъ «Историческаго Вѣстника», принималъ хотя и не первостепенное, но все же сильное участіе. Онъ былъ близокъ въ свое время къ А. Н. Энгельгардту, къ П. И. Войнаральскому, А. К. Маликову, Фрею и другимъ, раздѣляя увлеченія своего времени по извѣстному «хожденію въ народъ» и попыткамъ съ нимъ непосредственно сблизиться, проходилъ школу Энгельгардта и былъ въ числѣ тѣхъ «тонконогихъ», которые на хозяйствѣ знаменитаго агронома изучали жизнь народа, его социальныя и экономическіе идеалы и искали того опрощенія, которое фактически приближаетъ человѣка къ природѣ.

Хотя Энгельгардта собственно нельзя причислить непосредственно къ «семидесятникамъ», но онъ въ извѣстной и опредѣленной области былъ ихъ «учителемъ» и апостоломъ, около него многіе изъ нихъ собирались и отсюда создали то движеніе, которое извѣстно въ нашей литературѣ, какъ движеніе къ созданію «культурныхъ скитовъ», «культурныхъ земледѣльческихъ колоній». Поэтому и г. Фаресовъ съ полнымъ правомъ включаетъ біографію этого замѣчательнаго русскаго человѣка въ свою книгу и отводитъ въ ней главенствующее мѣсто именно біографіи и характеристикѣ Энгельгардта. Какъ біографъ послѣдняго, онъ у насъ пока единственный, и за нимъ остается большая заслуга по опубликованію многихъ чрезвычайно интересныхъ писемъ владѣльца Батищевскаго имѣнія какъ лично къ нему, г. Фаресову, такъ и къ другимъ лицамъ, напримѣръ, къ А. С. Ермолову, нынѣшнему министру земледѣлія, профессору г. Костычеву и другимъ. Побывавъ и поработавъ въ имѣніи А. Н. Энгельгардта, авторъ далъ рядъ живыхъ и непосредственныхъ картинокъ изъ Батищевской жизни, которыя лучше и яснѣе многихъ чисто-теоретическихъ разсужденій объ общественномъ значеніи Батищева рисуютъ намъ извѣстное Смоленское движеніе и тѣ социальныя группы, которыя въ этомъ движеніи участвовали: тутъ и «тонконогіе» интеллигентные работники на землѣ

Энгельгардта, и работники из среды мужиковъ, и исправникъ, и священникъ и др., которые всѣ вмѣстѣ служатъ хорошимъ антуражемъ п живую обстановкой, на фонѣ которой во весь ростъ вырисовывается оригинальная фигура бывшаго популярнаго профессора и провозвѣтника новыхъ методовъ хозяйничанья въ Россіи.

Очеркъ объ А. Н. Энгельгардтѣ можно считать и по выполнению и по вложенному сюда фактическому матеріалу наиболѣе удавшимся г. Фаресову; должнаго вниманія заслуживаютъ и его очерки о П. И. Войнаральскомъ и А. К. Маликовѣ, этомъ оригинальномъ «предшественникѣ Льва Николаевича Толстого», какъ его удачно именуетъ авторъ книги. Войнаральскій, богатый пензенскій помѣщикъ, отдавшій все свое состояіе на дѣло «русской революціи», главный участникъ въ извѣстномъ «процессѣ 193», обрисованъ г. Фаресовымъ въ томъ періодѣ его злосчастной жизни, когда въ концѣ девяностыхъ годовъ, т.-е. черезъ 20 лѣтъ послѣ процесса и осужденія, онъ снова появился на аренѣ русской жизни съ надломленными уже силами, но не какъ участникъ большихъ событій крупнаго общественнаго значенія, а какъ дѣятель въ кругу инородческаго вопроса, работающій въ цѣляхъ разрѣшенія вопроса о переходѣ этихъ инородцевъ отъ промыслово-скотоводческаго быта къ земледѣльческому. И въ настоящемъ очеркѣ, какъ и въ очеркѣ объ А. Н. Энгельгардтѣ, авторъ «Семидесятниковъ» публикуетъ серію писемъ къ нему Войнаральскаго, раскрывающихъ передъ нами душевную драму этого интереснаго дѣятеля далекой Сибири и свидѣтельствующихъ, какъ у насъ на Руси трудно быть одному въ полѣ войномъ, даже когда онъ борется за дѣло правое, никому ни въ какомъ отношеніи не опасное и не требующее для своего рѣшенія какихъ либо особыхъ денежныхъ ассигнованій и затратъ общественныхъ и государственныхъ суммъ. Благодаря матеріалу, нынѣ собранному г. Фаресовымъ, мы знакомимся въ лицѣ покойнаго Войнаральскаго съ основательно зарегистрированнымъ въ литературѣ типомъ «мученика труда», который въ свое время, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ для этого труда, полагалъ всѣ силы на развитіе въ нашемъ отечествѣ земледѣльческихъ производительныхъ силъ, т.-е. типомъ той же категоріи, къ которой принадлежалъ и покойный А. Н. Энгельгардтъ. Съ совершенно инымъ типомъ—типомъ «мученика мысли», встрѣчается читатель въ очеркѣ, посвященномъ А. К. Маликову, небызвѣстному въ свое время вожаку нѣкоторыхъ интеллигентныхъ кружковъ—«маликовцевъ», и явившемуся въ нашей жизни еще задолго до Льва Толстого провозвѣстникомъ начала евангельскаго непротивленія злу силой и борьбы съ этимъ зломъ исключительно христіанскими мѣрами. И съ Маликовымъ въ періодъ семидесятыхъ годовъ г. Фаресовъ имѣлъ случай познакомиться, встрѣчаться и бесѣдовать съ нимъ въ разные періоды его такъ оригинально и неудачно сложившейся жизни. Эти свои длинныя бесѣды онъ внимательно запомнилъ, зарегистрировалъ въ своихъ памятныхъ черновыхъ запискахъ и нынѣ публикуетъ ихъ, какъ цѣнный матеріалъ для характеристики русскихъ мечтателей-энтузіастовъ, стремившихся и у себя на родинѣ, и на далекой чужбинѣ подарить человѣчеству универсальное счастье и облагодѣтельствовать весь родъ людской. Изъ бесѣды Маликова съ г. Фаресовымъ

между прочим мы знакомимся съ организациею «прогрессивной коммуны» Вилльяма Фрея въ Канзасѣ, участіе въ которой принимали и наши русскіе, отколовшіеся для чего-то отъ своей родины и устремившіеся въ невѣдомую имъ даль ради утопическихъ стремленій къ универсальному счастью.

Книга г. Фаресова очень содержательная и интересная для каждаго, кто желалъ бы познакомиться съ психологіею русскихъ людей, захваченныхъ живыми вопросами пореформенной Россіи, ихъ судьбою, скитаніями и тѣми духовными началами, которыя они стремились внѣдрить въ ту среду, куда ихъ забрасывала жизнь. Съ нѣкоторыми матеріалами изъ записокъ г. Фаресова читатели «Историческаго Вѣстника» еще встрѣтятся въ очеркахъ, посвященныхъ русской смутѣ и борьбѣ, когда будетъ итти рѣчь именно о періодѣ семи-десятихъ годовъ.

В. Глинскій.

Н. Кравченко. На войну! Письма, воспоминанія, очерки военного корреспондента. Съ иллюстраціями. Спб. 1905.

Мнѣ пришлось испытать одно изъ рѣдкихъ удовольствій въ наше сравнительно не очень богатое хорошими художественно-литературными произведеніями время. Я побывалъ на Байкалѣ, въ Маньчжуріи, въ Инкоу и въ Портъ-Артурѣ; я видѣлъ форты, пионеровъ, китайцевъ, уличныхъ предсказателей; движенія войскъ, уличныхъ цырюльниковъ, японскаго унтеръ-офицера, — словомъ, я видѣлъ всю ту пеструю и разнообразную жизнь на Востокѣ, къ которой теперь прикованы глаза и напряженное вниманіе всей Россіи и Западной Европы. Я присутствовалъ при храбрѣмъ боѣ «Баяна», и на моихъ глазахъ погибъ «Петропавловскъ», унесшій съ собою въ могилу адмирала Макарова и художника Верещагина. Я принималъ участіе въ бесѣдѣ съ ними; знаю каждаго изъ нихъ въ лицо и знакомъ съ характеромъ и мыслями обоихъ. Они умерли, но они передо мной, какъ живые. Былъ я на бивакѣ генерала Ренненкампфа, любовался вблизи корейской башней «Бейтасы», видѣлъ императорскія могилы около Мукдена и познакомился поближе съ героемъ Портъ-Артура генераломъ Стесселемъ... Гдѣ только я не былъ и чего только не видѣлъ!.. И сколько при этомъ я пережилъ удовольствій и эстетическаго наслажденія!..

Я не ѣздилъ для этого ни въ Маньчжурію, ни въ Корею, ни въ Портъ-Артуръ. Я пережилъ все это дома, за своимъ письменнымъ столомъ, читая посвященную памяти В. В. Верещагина книгу художника Н. И. Кравченка: «На войну!» Авторъ поставилъ эпиграфомъ своей книги:... «правду, только правду!»—и сдержалъ свое слово. Онъ писалъ правду, не фантазируя, не измышляя, писалъ только то, что видѣлъ и слышалъ. Вся его книга дышитъ правдой—той безыскусственной, скромной и хорошей правдой, которая невольно располагаетъ къ себѣ и заподозрѣть которой не можетъ даже самый осторожный скептикъ. Книга не притязательна по формѣ: она представляетъ собою письма, воспоминанія и очерки военного корреспондента. Г. Кравченко начинаетъ свои воспоминанія съ Сибирской дороги. Онъ ѣдетъ. Въ его описаніи нѣтъ ни попытокъ во что бы то ни стало сгущать краски, ни стремленія

подчеркивать, ни невольнаго и такъ часто встрѣчающагося у авторовъ желанія навязать свой взглядъ и свои мнѣнія. Онъ просто ѣдетъ и наблюдаетъ, и особенность его наблюдений заключается въ томъ, что читатель съ первыхъ же строкъ съ удовольствіемъ дѣлается его спутникомъ, ѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ и всю дорогу дѣлитъ съ нимъ радости и печали. Достигнуто это замѣчательной простотой и картинностью изложенія. А въ умѣніи изложить коротко и картинно авторъ показалъ себя большимъ мастеромъ. Онъ — художникъ и въ области искусства, и въ литературѣ. Въ дорогѣ онъ мимоходомъ набрасываетъ въ свой дорожный альбомъ эскизы, типы и сцены. Гдѣ можно, онъ пользуется фотографической камерой—и все это выходитъ у него и кстати, и хорошо, и просто. Выдающіеся историческіе моменты изложены у него тоже не многословно и даже скупо, но производятъ впечатлѣніе. Вотъ одинъ изъ такихъ моментовъ: «Не помню, на какой именно станціи,—пишетъ Н. И. Кравченко,—мы получили телеграмму о назначеніи А. Н. Куропаткина командующимъ арміей; эта вѣсть была встрѣчена всѣми съ восторгомъ, и веселія застольныя рѣчи моихъ спутниковъ, подогрѣтыя лишнимъ стаканомъ вина, полились еще живѣе». Въ описаніи природы авторъ выступаетъ несомнѣннымъ художникомъ: «Зима, кругомъ зима. Море снѣга, несчастныя деревушки, занесенныя по самыя крыши, купцы, мохнатыя лошаденки, то шагомъ, то рысью везущія за собой примитивныя дровни, да порой хорошіе лѣса въ чудномъ, зимнемъ уборѣ—вотъ что мелькало передо мной въ теченіе девяти сутокъ»... Гибель злополучнаго и памятнаго по унесеннымъ на дно моря крупнымъ жертвамъ «Петропавловска» описана такъ, что навѣваетъ грусть, отъ которой не скоро удастся отдѣлаться. Воспоминанія о художникѣ В. В. Верещагинѣ проникнуты рѣдкой сердечной теплотой: «Бѣдный Василій Васильевичъ! Какъ жаль его, и какъ много въ его лицѣ потеряла Россія! Это тотъ самый В. В. Верещагинъ, который первый открылъ всѣмъ глаза на войну и показалъ весь ея ужасъ»... Прекрасно обрисованъ и покойный адмиралъ С. О. Макаровъ. Въ каждомъ описываемомъ авторомъ лицѣ виденъ живой человѣкъ, безъ прикрасъ и безъ утрировки. Будущій историкъ современной войны, вѣроятно, воспользуется этими правдивыми портретами и передастъ ихъ потомству въ связи съ описаніемъ ужасовъ войны и подвиговъ ея героевъ. Книгу Н. И. Кравченко—очень хорошую и дѣльную книгу—нельзя охарактеризовать въ короткой журнальной замѣткѣ. Ее нужно прочесть, а чтеніе ея доставитъ большое эстетическое наслажденіе. Она прекрасно иллюстрирована, и всѣ иллюстраціи дышатъ такою же художественною правдой, какъ и сама книга. А. Оѣдой.

Баронъ Н. В. Дризенъ. Матеріалы къ исторіи русскаго театра.
Изд. А. А. Бахрушина. М. 1905.

Исторія русскаго театра далеко еще не разработана. Мы не имѣемъ капитальныхъ трудовъ, охватывающихъ жизнь русскаго театра въ XVIII и XIX вѣкахъ; въ нашемъ распоряженіи крайне мало статей и монографій по отдѣльнымъ вопросамъ, которыя могли бы удовлетворить требованіямъ научной до-

бросовѣтности. Изъ статей, появившихся за послѣднее время, выгодно выдѣляются изъ другихъ изслѣдованія Н. В. Дризена. «Шестилѣтняя работа въ архивахъ,—пишетъ авторъ,—тщательное изученіе печатныхъ памятниковъ родной старины, наблюденіе надъ современными теченіями театральнаго искусства давали возможность автору изрѣдка останавливаться передъ отдѣльными моментами театральнаго прошлаго и писать о нихъ». Дѣйствительно, г. Дризенъ кладетъ въ основу своихъ статей архивныя и неиспользованныя матеріалы, подходя къ нимъ съ осторожной и тщательной критикой. Поэтому, фактическія картины, набрасываемыя г. Дризеномъ, носятъ на себѣ всѣ признаки достовѣрности, а на выводы его можно полагаться. Съ внѣшней стороны его изслѣдованія по театру всегда оставляютъ хорошее впечатлѣніе: написаны они легко, читаются съ интересомъ. Поэтому нельзя не одобрить намѣренія г. Дризена выпустить отдѣльнымъ изданіемъ свои статьи. Въ его книгѣ обращаютъ вниманіе двѣ крупныя работы: одна—по исторіи любительскаго театра съ 1730 по 1824 годъ, другая—по исторіи драматической цензуры. Обѣ эти статьи представляютъ не маловажный вкладъ въ научную исторію русскаго театра. Любительскій театръ за разбираемый авторомъ періодъ, по своему значенію, совершенно не походилъ на современный любительскій. Въ исторіи любительскаго театра за 1730—1824 годы останавливаютъ вниманіе попытки удовлетворить культурнымъ запросамъ и обращеніе къ частной инициативѣ. Культурное значеніе этого театра велико, и трудъ г. Дризена, собравшаго печатныя и архивныя свѣдѣнія о театральныхъ любителяхъ этой эпохи, очень цѣненъ для изслѣдователя общей исторіи театра. Вторая крупная статья книги: «Очерки драматической цензуры», входитъ и въ исторію театра, и въ исторію русскаго цензуры. Она является первымъ опытомъ по исторіи специально драматической цензуры. Кромѣ отмѣченныхъ статей, въ книгѣ г. Дризена находимъ замѣтки о театральныхъ и сценическихъ дѣятеляхъ, мелочи театральной старины. Въ послѣднихъ есть очерки, имѣющіе значительный общій интересъ, какъ, напримѣръ, замѣтка о крѣпостныхъ артистахъ на службѣ императорскихъ театровъ (1827—1830 гг.).

Книгу г. Дризена прочтутъ съ интересомъ и пользой всѣ любители театра, а изслѣдователи будутъ признательны и за систематическій подборъ статей, и за указатель, приложенный къ книгѣ.

П. П.—въ.

К. Скальковскій. За годъ. Воспоминанія.—Историческіе очерки.— Публицистика.—Всячина.—Дневникъ меланхолика.—Путевыя впечатлѣнія. Спб. 1905.

Объ одной изъ новѣйшихъ книжекъ талантливаго нашего публициста, о его «Маленькой хрестоматіи для взрослыхъ», былъ сдѣланъ недавно отзывъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» съ рекомендаціей читателямъ и самого автора. Къ сказанному о г. Скальковскомъ, какъ публицистѣ, не приходится прибавлять что либо новое примѣнительно въ разборъ книги «За годъ». Въ ней та же бойкость пера, тотъ же блескъ слога и то же остроуміе, т.-е. всѣ тѣ его литератур-

ныя качества, которыя создаютъ ему широкій и громкій усѣхъ среди русскихъ читателей, привлекають къ нему вниманіе критики и даютъ обильную пищу для полемики. Все, что написано г. Скальковскимъ, всегда интересно, не вызываетъ тоски и унынія, а шевелить умъ, дразнить мысль и вызываетъ желаніе послушать повѣствователя еще и еще. Онъ балагуритъ, говоря о серьезныхъ вещахъ, и серьезно говоритъ о самыхъ смѣшныхъ явленіяхъ; стоя внѣ партій, онъ съ одинаковыми то серьезностью, то улыбкою даритъ «комплименты» налѣво и направо, непрестанно памятуя при томъ изреченіе апостола Павла: «Слово ваше да будетъ всегда съ благодатью приправлено солью», изреченіе, которое онъ беретъ эпиграфомъ и для книги «За годъ».

Въ послѣднюю вошли главнымъ образомъ статьи, напечатанныя за послѣднее время въ «Новомъ Времени», изъ коихъ наиболѣе цѣнными должны считаться его воспоминанія объ Одессѣ и Новороссійскомъ краѣ, относящіяся ко временамъ еще дореформеннаго періода. Въ яркихъ краскахъ и въ пестрыхъ группахъ передъ читателями разворачиваются социальныя картины юга, и возстаетъ такимъ образомъ цѣлая живая эпоха бытовой Россіи пятидесятыхъ годовъ. Много интимныхъ эпизодовъ изъ этой бытовой эпохи имъ обнародовано впервые, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ служатъ хорошей иллюстраціей и даже объясненіемъ для событій крупнаго общественнаго и историческаго значенія. Большою занимательностью отмѣченъ и его «Дневникъ меланхолика», представляющей собою продолженіе его «Дневника», напечатаннаго въ вышедшей прошедшимъ годомъ «Новой книгѣ». Въ этомъ дневникѣ авторъ изо дня въ день толкуетъ о вопросахъ современности, перемеживая свою бесѣду то полемическими экскурсіями, то воспоминаніями о былыхъ годахъ, то историческими справками и пр. и пр., при чемъ завѣтъ апостола никогда не ускользаетъ изъ его памяти, и на всѣхъ задѣтыхъ лицахъ и затронутыхъ событіяхъ обильно посыпано благодатной соли.

В. Г.

Зин. Венгерова. Литературныя характеристики. Книга вторая. Спб. 1905.

Вторая книга «Литературныхъ характеристикъ» г-жи Венгеровой (первая вышла, если не ошибаемся, въ 1899 г.) заключаетъ въ себѣ статьи о М. Метерлинкѣ, Э. Зола, А. Франсѣ, Г. Канѣ, Ж. Роденбахѣ, Э. Верхарнѣ, А. де-Ренне, Д. Рескинѣ, В. Моррисѣ, В. Пэтерѣ, Г. Сенкевичѣ, Ф. Ведекиндѣ. Эти статьи печатались въ свое время въ періодическихъ изданіяхъ (въ «Новомъ Путѣ», «Вѣстникѣ Европы»).

Всякій интересующійся новѣйшей литературой Запада съ удовольствіемъ прочтетъ вдумчивые, изящно и легко написанные очерки г-жи Венгеровой. Неотъемлемое достоинство критики г-жи Венгеровой составляетъ ея умѣнье проникнуть въ паюсъ писателя, схватить основныя черты его духовной фizioноміи, понять его надежды и волненія. Постройка всѣхъ статей болѣе или менѣе одинакова: г-жа Венгерова изображаетъ ту атмосферу, въ которой развивалась дѣятельность писателя, на этомъ фонѣ рисуетъ его портретъ, а затѣмъ, путемъ тщательнаго анализа его произведеній, возсоздаетъ духовный

его обликъ. Въ писателѣ г-жа Венгерова цѣнить прежде всего тонкость его душевной организаціи, внутреннюю правду его творчества. Г-жа Венгерова требуетъ, чтобы онъ изображалъ жизнь души, событія внутренняго міра. Произведенія, интересъ которыхъ основывается на внѣшнихъ событіяхъ, на занимательности фабулы и эффектности красокъ, вызываютъ съ ея стороны осужденіе. Такъ, напримѣръ, г-жа Венгерова очень сурово относится къ романамъ Сенкевича. Въ замѣчаніяхъ ея о знаменитомъ «*Quo vadis*» есть много правды, дѣлающей честь ея художественному чутью. «Романъ Сенкевича,— говоритъ г-жа Венгерова,— похожъ на историческія картины тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, на картины Пилотти, или на тѣ, которыя пишутъ въ настоящее время нѣмецкіе профессора живописи, въ родѣ Карла Беккера: въ нихъ все искусство сосредоточено на аксессуарахъ, на выписанности атласовъ и кружевъ, на пышности обстановки, и недостаетъ лишь одного — выразительныхъ лицъ. Такъ и въ романѣ Сенкевича много торжественныхъ и величественныхъ позъ, но нѣтъ правды, ни исторической, ни психологической». Міросозерцаніе писателя г-жа Венгерова стремится поставить въ связь съ духомъ страны, гдѣ онъ выросъ, и въ частности того культурнаго центра, который былъ ареною его дѣятельности. Этотъ методъ придаетъ закругленность критическимъ очеркамъ г-жи Венгеровой. Знакомство съ жизнью европейскихъ городовъ помогаетъ г-жѣ Венгеровой уловить соотвѣтствіе между душой художника и душой города. Красива характеристика Брюгге, «мертваго города съ великимъ прошлымъ», наложившаго печать уединенной задумчивости на творчество одного изъ главныхъ писателей Фландріи, Роденбаха: «этотъ маленький городокъ дышитъ одухотворенной красотой, дѣлающей его достойной колыбелью искусства. Брюгге—своего рода Флоренція сѣвера, красота его очень изысканная; она лишена эффектныхъ зрѣлищъ, вся въ полутонахъ, въ мягкихъ очертаніяхъ, въ охватывающей душу тишинѣ спокойныхъ водъ, въ архаическихъ очертаніяхъ домовъ съ острыми фасадами, въ тонкости и высотѣ безчисленныхъ церквей и часовенъ, въ колокольномъ звонѣ, который составляетъ національную гордость Фландріи»... Эта картина затихшаго города, полного воспоминаній средневѣковья, отгѣняетъ и объясняетъ личность и характеръ поэзіи Роденбаха. Изображеніе оксфордской жизни дѣлаетъ понятнымъ міросозерцаніе критика-эстета В. Петера, питомца и профессора Оксфордскаго университета: «Послѣ назойливаго шума столицы путешественникъ попадаетъ въ странный городокъ съ затѣйливыми средневѣковыми зданіями, со стрѣлочатыми церквями, узорчатыми цвѣтными окнами и тихимъ населеніемъ, двигающимся по улицамъ такъ спокойно, какъ будто бы не было на свѣтѣ ни биржи, ни приходящихъ издалека нагруженныхъ пароходовъ, ни мыслей о наживѣ и разореніи, отъ которыхъ лица теряютъ человѣческое выраженіе. Чаще всего среди узкихъ своеобразныхъ улицъ встрѣчаются группы молодыхъ людей въ средневѣковыхъ мантияхъ и шапочкахъ съ четырехугольными покрывками. Это—студенты разныхъ колледжей, сохраняющіе неприкосновенными традиціи университетской жизни среднихъ вѣковъ»... Г-жа Венгерова удачно объясняетъ роль университетовъ въ развитіи идейныхъ движеній въ Англій: «Университетское образованіе не такъ распространено въ Англій, какъ

въ другихъ странахъ. Далеко не всѣ люди стремятся получить университетскій дипломъ; всѣ тѣ, которые хотятъ посвятить себя практической дѣятельности, достигаютъ своей цѣли другими путями. Въ университетахъ же сосредоточена духовная жизнь. Тамъ вырастаютъ поколѣнія диллетантовъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, т.-е. истинно просвѣщенныхъ людей, которые нужны для того, чтобы помочь художникамъ и ученымъ прокладывать себѣ новые пути... Даже спортъ, процвѣтающій въ университетскихъ городахъ Англии, содѣйствуетъ развитію умственного аристократизма, внося нѣчто афинское въ жизнь современнаго англичанина»... Ал. Сл.

М. П. Чеховъ. Синій чулокъ. Повѣсть. Спб. 1905. — Его же. Очерки и рассказы. Спб. 1905.

Михаилъ Павловичъ Чеховъ, уступая значительно дарованіемъ своему родному брату, Антону Павловичу, тѣмъ не менѣе пишетъ въ одномъ съ нимъ направленіи. Тотъ же общій кругъ наблюденій, та же среда, съ тѣми же неудачниками и заурядными людьми...

Въ «Синемъ чулкѣ» вложенъ драматическій сюжетъ изъ жизни современной дѣвушки, умѣвшей не только отвѣтить взаимностью на любовь земскаго къ ней врача, но и самой первой сдѣлать ему признаніе въ томъ. Результатъ оказался самый неожиданный: современному мужчинѣ это показалось «профанацией настоящей, чистой, дѣвственной любви», и онъ сталъ избѣгать довѣрчивой дѣвушки. Оскорбленная такимъ къ себѣ подозрѣніемъ, она уѣхала въ Москву и поступила на курсы... Это стало казаться доктору рисовкой и игрой въ оригинальность. А когда послѣ тифа она остриглась и пріютила подобрешеннаго къ ней чужого ребенка, то докторъ, до котораго доходили объ этомъ разныя сплетни, окончательно охладѣлъ къ «синему чулку».

Грустными словами утѣшаетъ несчастную дѣвушку ея болѣе опытная и пожилая подруга.

— Ты думаешь, что мужчина хоть когданибудь проститъ тебѣ, если ты будешь вѣшаться къ нему на шею, или забудетъ вотъ эти короткіе волосы и даже не твоего ребенка? Нѣтъ, Соня, нѣтъ. Дорогое дитя мое, прости меня, но пока на свѣтѣ существуютъ любовь и бракъ, мужчина всегда будетъ искать въ тебѣ прежде всего не умъ, не образованіе, а женственность и чистоту. И разъ ты дала ему поводъ усомниться въ нихъ, тебѣ уже нечего ждать отъ жизни, и ты должна считать свою игру проигранной и свое счастье потеряннымъ навсегда.

Въ этихъ немногихъ словахъ вложено авторомъ очень много справедливаго и трагическаго для судьбы развитой женщины. Съ этой стороны такъ называемый «женскій вопросъ» у насъ очень рѣдко трактовался въ литературѣ, а между тѣмъ жизнь даетъ обильный матеріалъ къ выводу о неподготовленности мужчины къ той самой равноправности, которой онъ же распропагандировалъ современную женщину, внушая ей не приноравливаться къ мужской жизни, имѣть свои собственные вкусы, права и свободу дѣйствій...

На практикѣ сильная половина человѣческаго рода тотчасъ же скандализпруется и загорается генавистью къ самой дорогой женщинѣ, если она въ равной степени свободна, какъ и мужчина. Иное дѣло восхитительные разговоры объ этой равноправности и жизнь въ этомъ духѣ... Еще хорошо, если къ женщинѣ отнесутся, какъ къ «синему чулку»; бываетъ хуже... Современные беллетристы мало наблюдательны, и потому въ этомъ направленіи они не наблюдали жертвъ среди новыхъ женщинъ. Но М. П. Чехову удалось въ лицѣ Сони Пгпатьевой и доктора Зарѣчнаго освѣтить «женскій вопросъ» съ оригинальной точки зрѣнія и рѣшить его не къ чести современнаго и развитаго мужчины. Одна эта повѣсть даетъ Чехову право занять не послѣднее мѣсто въ реалистической школѣ новѣйшихъ беллетристовъ и итти даже далѣе, освобождаясь отъ недостатковъ этой школы: возни съ мелкимъ фактомъ, съ затасканными сюжетами и полного невниманія къ заново слагающимся всюду характерамъ лицъ и отношеніямъ между ними. Если вообще вѣрно замѣчаніе о драмѣ, что въ ней обязательно долженъ быть какой нибудь еще неразрѣшенный людьми вопросъ, то повѣсть Чехова именно исполнена въ этомъ благородномъ смыслѣ драмы, и на сценѣ она имѣла бы несомнѣнный успѣхъ, давая публикѣ не только «настроеніе», но и размышленіе о судьбѣ новой женщины русскаго общества.

Переходя къ разсмотрѣнію новаго томика сочиненій М. П. Чехова, подъ заглавіемъ: «Очерки и рассказы», мы будемъ, къ сожалѣнію, болѣе сдержанны въ его оцѣнкѣ. Здѣсь авторъ идетъ общей со всѣми его современниками по беллетристикѣ банальной дорогой къ мелкимъ фактамъ и мелкимъ мыслямъ. На самомъ дѣлѣ, что представляетъ собою овдовѣвшій и страдающій супругъ (рассказъ «Одинъ»), ищущій опору жизни въ однихъ обѣщаніяхъ заботиться о своей малолѣтней дочери; воспроизведеніе огорченій деревенскаго мальчика (рассказъ «Гришка»), у котораго на глазахъ взяли его любимаго теленка и повезли въ городъ на бойню; воспроизведеніе жизни семинариста, который живетъ въ городѣ на средства сельскаго священника, чтобы жениться на его дочери, которую онъ въ разлукѣ разлюбилъ (рассказъ «Сживется — стерпится») и т. д.? Та же повседневность и въ рассказахъ: «Вѣрочка», гдѣ пятнадцатилѣтняя дѣвочка обижается тѣмъ, что ей запрещаютъ rendez-vous съ гимназистомъ, несмотря на то, что собственная ея мать вышла замужъ въ 16 лѣтъ; «Итогъ», въ которомъ актеру приходится оставлять большую жену и итти играть въ театръ; «Трагедія», въ которой выведена мать, вообразившая, что ея ребенокъ проглотилъ крючокъ для ловли рыбы, а крючокъ-то оказался у нея въ подолѣ, и все въ томъ же родѣ и въ остальныхъ рассказахъ («Улика», «Осень», «Дурманъ», «Отъ скуки»).

Отмѣтивъ у М. П. Чехова маловажные рассказы, болѣе пригодные для чтенія въ дачныхъ поѣздахъ, мы съ удовольствіемъ опять останавливаемся на полныхъ мысли рассказахъ: «Грѣхъ» — по вопросу о наймѣ кормилицы и отнятіи отъ собственнаго ребенка для чужого; «Ложь» — по вопросу о «карточной чести»; «Стѣна» — по вопросу о разводѣ родителей при дѣтяхъ; «Непріятность» — о формальностяхъ при смерти покойника въ городской больницѣ и желаніи взять его домой для похоронъ; «Генеральша» —

о свѣтскомъ содомѣ; «Интрига» — по вопросу о городскихъ выборахъ и наконецъ «По совѣсти» — рассказъ объ ошибкѣ гг. присяжныхъ, которые двое-мужницу признали на судѣ виновной, но заслуживающей снисхожденія, и такимъ образомъ возвратили ее къ первому ненавистному ей мужу, что оказалось для нея гораздо болѣе тяжелымъ наказаніемъ, чѣмъ бы въ томъ случаѣ, если бы судьи признали ее виновной безъ снисхожденія.

Словомъ, несмотря на скромное, художественное дарованіе, послѣдніе перечисленные рассказы М. П. Чехова свидѣтельствуютъ о присутствіи въ немъ вкуса и умѣнья наблюдать новыя и оригинальныя осложненія современной жизни, наиболѣе ярко воспроизведенныя авторомъ по преимуществу въ повѣсти «Синій чулокъ».

А. Фаресовъ.

А. В. Кругловъ. Нищіе богачи. Рассказы. М. 1905.

Нищіе-богачи, — такъ мѣтко охарактеризованы авторомъ богачи сердца, а не богачи кармана. Недаромъ эпиграфомъ книжкѣ служить народное изреченіе: бѣденъ не тотъ, у кого денегъ нѣтъ; бѣденъ тотъ, у кого Бога нѣтъ... Въ самомъ дѣлѣ нищета, страданіе часто помогаютъ открываться лучшимъ чувствамъ въ душѣ человѣческой и стремиться къ добру. А «если кто захочетъ дѣлать добро и послужить ближнему, то никто не можетъ помѣшать въ этомъ. Не надо ни богатства, ни образованія, ни высокаго положенія, а нужно только желаніе горячее и сильное. При немъ и нищій — богачъ». Какая прекрасная канва, на которой можно выводить самые сложные психологическіе узоры!.. Въ самомъ дѣлѣ: взять хотя Прохоровну... Это — неграмотная старуха, но съ истинно добрымъ сердцемъ христіанки. Она вѣритъ, «не мудрствуя лукаво», и слѣпо слѣдуетъ обиходному и шаблонному житейскому кодексу. Только все у нея пропущено черезъ призму сердечной доброты. И какіе же результаты получились отъ этого? Да никакія соціальныя реформы не могли бы привести къ тому, къ чему повела безхитростная доброта и любовь этой простой женщины. Своего баяна и пьяницу мужа она уважала и все пропала ему, говоря:

— «Не чужой вѣдь онъ мнѣ, а законный мужъ. Въ церкви вѣнчались-то, а не въ полѣ около ракитова куста».

И она спасла его отъ окончательной гибели.

Затѣмъ, когда одни богатые евреи выгнали на улицу свою же еврейскую прислугу, согрѣшившую противъ седьмой заповѣди, то Прохоровна подобрала ее, на морозѣ окончившую, оставила ее у себя и окружила теплымъ участіемъ и посильной помощью въ бѣдѣ. Примѣръ Прохоровны — лучшая проповѣдь противъ племенной розни. Но никто не наставлялъ въ этомъ старуху. Сердечная доброта заставила ее увидеть сестру въ страдающей еврейкѣ. Мы потому остановились подробно на этомъ очеркѣ, что Прохоровна является олицетвореніемъ живой и доброй русской народной души. Она сдѣлала въ жизни свое маленькое и въ то же время большое дѣло безъ позъ и громкихъ фразъ, единственно по влеченію сердца. Эта почти нищая старуха обладала несмѣтнымъ сокровищемъ сердца.

Такова идея и других трех рассказов сборника: «За сестру» (гдѣ бѣдная прачка приютила благородную сироту), «Лепта грѣшницы» (гдѣ кающаяся уличная Магдалина приняла на себя уходъ и попеченіе объ одной чашоточной кухаркѣ) и наконецъ «Старцы Филшомвы» (добровольные радѣтели о маленькомъ школьномъ народѣ). Всѣ рассказы проникнуты теплотой, и на нихъ лежитъ печать какой-то особенной тихой грусти и своеобразной поэзіи.

Этотъ сборникъ по теплотѣ изображенія можетъ быть поставленъ рядомъ съ двумя другими того же автора: «Живыми душами» и «Домной-ректоромшей».

А. Ө.

Ю. И. Гессенъ. Изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ. Велижская драма. Спб. 1905.

Самой страшной и въ то же время самой нелѣпой клеветой на еврейскій народъ, служившей чаще другихъ причиной кровавыхъ расправъ народа надъ евреями, является, конечно, легенда объ употребленіи евреями при отравленіи религиозныхъ обрядовъ христіанской крови и по преимуществу крови христіанскихъ дѣтей. Говорить о нелѣпости этого обвиненія теперь, конечно, не приходится: научными изслѣдованіями доказано, что въ священныхъ книгахъ евреевъ нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на употребленіе крови при богослуженіяхъ. Подкладкой драмы, разбираемой въ книгѣ г. Гессена, служить именно эта легенда.

Сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ. 24-го апрѣля 1823 года, полиціи города Велижа Витебской губерніи было дано знать, что сынъ солдата Емельяна Иванова—Өедоръ, выйдя 22-го апрѣля изъ дома, пропалъ. 2-го мая трупъ его былъ найденъ случайно въ полуверстѣ отъ города въ лѣсу, «чѣмъ-то въ нѣсколькихъ мѣстахъ пронзенный». 25-го апрѣля къ матери убитаго пришла нѣкая Марія Терентьева, которая указала ей, при помощи пусканья воска на воду, что мальчикъ находится въ домѣ еврейки Мирки въ погребѣ, еще живъ, сегодняшнюю ночью его намѣрены освободить, а когда не будетъ освобожденъ, то умертвить. Не довѣря Терентьевой, Иванова отправилась къ какой-то «больной дѣвкѣ» Аннѣ Еремѣевой, которая ей дала указанія о мѣстѣ находенія ея сына, совпадающія съ указаніями Терентьевой. 1-го мая Терентьева опять пришла къ Ивановой и показала: «Өедоръ взятъ на мосту еврейкой и уведенъ во дворъ нѣкоего Евзиха Цетлина, гдѣ онъ и оставался до ночи, а потомъ переведенъ въ домъ Мирки Арсонъ». Естественно, что для родныхъ убитаго этого было достаточно, чтобы заявить свои подозрѣнія въ преступленіи прямо на евреевъ вообще, тѣмъ болѣе, что штабъ-лѣкаръ Левенъ констатировалъ мученическую смерть ребенка. Изъ всего вышесказаннаго и созданъ процессъ, стоившій столькихъ жертвъ неповиннымъ ни въ чемъ евреямъ. Показанія Терентьевой и Еремѣевой на Цетлинъ и Арсонъ повлекли за собой цѣлый рядъ арестовъ среди ихъ родныхъ и соплеменниковъ. Однако дѣло, возбужденное противъ арестованныхъ, за недостаткомъ уликъ, было прекращено 22-го ноября 1824 года.

Казалось бы, что этимъ дѣло должно было и кончиться, однако осенью 1825 года во время проѣзда черезъ Велижъ императора Александра I крестьянка Марія Терентьева подала ему жалобу, «будто сынъ ея (1) въ 1823 г. умерщвленъ евреями, и что по просьбамъ ея она не только не получила удовлетворенія, претерпѣвала еще истязанія содержаніемъ подѣ стражей». На основаніи этой ложной жалобы Терентьевой, высочайшимъ повелѣніемъ отъ 22-го сентября 1825 года, дѣло было возбуждено вновь.

Князь Хованскій, витебскій генераль-губернаторъ, возложилъ веденіе его на надворнаго совѣтника Страхова и своего адъютанта, штабсъ-ротмистра Бенкендорфа. Излагать всѣ перипетіи этого крайне интереснаго слѣдствія мы не можемъ за недостаткомъ мѣста. Авторъ весьма полно исчерпалъ архивные матеріалы, которыми онъ располагалъ. Лишь въ 1835 году окончилось это ужасное слѣдствіе, стоившее столькихъ жертвъ, и окончилось полнымъ оправданіемъ евреевъ.

Книга г. Гессена написана прекраснымъ языкомъ, удобное расположеніе матеріаловъ даетъ возможность вполне нарисовать себѣ картину Велижской драмы, факта, имѣвшаго мѣсто почти 80 лѣтъ назадъ, но сущность котораго и посейчасъ не утратила жгучаго интереса.

Правъ г. Гессенъ, говоря въ заключительныхъ словахъ вступленія къ своей книгѣ: «правда, въ послѣднія десятилѣтія почти всѣ ритуальные процессы и въ Россіи и въ Западной Европѣ завершились оправданіемъ евреевъ; судебное слѣдствіе обнаружило полную непричастность евреевъ къ данному фактическому или вымышленному злодѣянію. Но все же... все же за нами тянется столь длинный рядъ суровыхъ обвиненій, а будущее такъ темно».

В. У.

**К. Каутскій. Изъ исторіи общественныхъ теченій. Переводъ
Е. К. и И. Н. Леонтьевыхъ. Спб. 1905.**

Книгу г. Каутскаго отнюдь нельзя причислить къ объективнымъ историческимъ изслѣдованіямъ. Авторъ пишетъ исторію социализма съ древнѣйшихъ временъ, но пишетъ ее съ точки зрѣнія современной нѣмецкой социаль-демократической партіи и слишкомъ часто даетъ читателю почувствовать, что онъ не только историкъ, но и политическій боецъ. Книга состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ авторъ излагаетъ ученіе Платона о государствѣ и знакомитъ читателя съ коммунизмомъ древнихъ христіанъ. Во второмъ онъ занимается изслѣдованіемъ вопроса о взаимоотношеніи капитала и труда въ средніе вѣка, когда еще господствовало мелкое ремесло, и процвѣтала городская промышленность, а современное капиталистическое производство только начинало зарождаться. Наконецъ, въ третьемъ, самомъ обширномъ, г. Каутскій прослѣживаетъ судьбы коммунистическихъ ученій съ начала среднихъ вѣковъ вплоть до реформаціи. Здѣсь мы послѣдовательно знакомимся съ вальденсами, беггардами, меллордами и другими еретическими сектами. Особенно же обстоятельно авторъ разсматриваетъ судьбы гусситовъ и анабаптистовъ. Разказомъ о Мюнстерскомъ возстаніи 1534—1535 годовъ заканчивается книга. Основная точка

зрѣнія автора на судьбы коммунистическихъ стремленій опредѣляется различіемъ, которое онъ дѣлаетъ между двумя видами коммунизма: коммунизмомъ потребления и коммунизмомъ производства. Въ средніе вѣка, какъ и въ древнее время, при отсутствіи капиталистическаго производства единственная возможная форма производства была индивидуалистическая. Поэтому и социальныя реформаторы въ противоположность современнымъ социаль-демократамъ требовали обобществленія не средствъ производства, а продуктовъ потребления. Въ этомъ и коренилась причина неудачи всѣхъ коммунистическихъ начинаній разсматриваемой авторомъ эпохи. Какъ правовѣрный послѣдователь Маркса, г. Каутскій смотритъ на историческое развитіе сквозь призму экономическаго материализма и единственнымъ историческимъ факторомъ считаетъ форму производства. Поэтому онъ объясняетъ потребностями производства целибатъ католическаго духовенства, изъ развитія товарнаго производства и товарнаго обмѣна выводитъ ростъ средневѣковой мистики и т. п. Съ другой стороны, авторъ крайне пристрастно относится ко всему, что такъ или иначе связано съ ненавистнымъ ему «буржуазно-капиталистическимъ строемъ». Особенно ярко это обнаруживается въ краткомъ очеркѣ исторіи реформации въ Германіи (стр. 260—274). «Лютеръ вступилъ въ кружокъ гуманистовъ въ бытность свою студентомъ въ Эрфуртѣ. Но, повидимому, его больше привлекала ихъ веселая жизнь, нежели духъ ихъ ученія, такъ какъ духъ этотъ ничѣмъ не обнаружился впоследствии, когда за весельемъ наступило похмелье, и Мартинъ рѣшилъ поступить въ монастырь» (267). Вотъ и все, что мы узнаемъ о сложной душевной драмѣ, приведшей Лютера въ монастырь. Во всей его дѣятельности г. Каутскій видитъ умѣлаго, сознательнаго политика, всегда хорошо знающаго, что выгодно, и идущаго по линіи наименьшаго сопротивленія. Онъ былъ смѣлъ въ Вормсѣ, потому что зналъ, что его не дадутъ въ обиду, онъ поддѣлывался къ революціонерамъ, пока ему было выгодно, но въ то же время заискивалъ у Фридриха Саксонскаго и т. д. Очень можетъ быть, что дѣйствительно далеко не всѣ постуки Лютера такъ безукоризненны, какъ ихъ рисуютъ протестантскіе историки, но г. Каутскій оставляетъ свои слова безъ всякихъ доказательствъ (которыя онъ едва ли, впрочемъ, и могъ найти) и этимъ только подрываетъ вѣру къ своимъ утвержденіямъ. Несмотря на такого рода недостатки, книга г. Каутскаго изобилуетъ интереснымъ матеріаломъ. Особенно удался автору отдѣлъ второй: «Наемные рабочіе въ средніе вѣка и въ эпоху реформации». Авторъ здѣсь раздѣляется съ установившимся традиціоннымъ взглядомъ о будто бы существовавшей въ средневѣковыхъ цехахъ гармоніи интересовъ между представителями капитала—мастерами, и представителями труда—подмастерьями и учениками. При помощи большого числа статистическихъ данныхъ авторъ показываетъ, что въ это время уже существовала вполне опредѣленная рознь между представителями обоихъ классовъ, что бывали частыя столкновенія, но что дѣло часто могло кончиться и торжествомъ подмастерьевъ вслѣдствіе господства мелкаго производства. Очень интересна также глава, описывающая коммунистическія общины богемскихъ братьевъ (249—260) и анабаптистовъ въ Моравіи (387—411). Но самая важная часть книги—последняя—изложеніе исторіи Томаса

Мюнцера и анабаптистовъ. Г. Каутскій утверждаетъ, что представленіе о ихъ жестокости и разнузданности ни на чемъ не основано. Всѣ свѣдѣнія, которыя мы о нихъ имѣемъ, исходятъ отъ ихъ заклятыхъ враговъ и нуждаются въ тщательной критической провѣркѣ. А разборъ источниковъ приводитъ г. Каутскаго къ выводамъ, совершенно расходящимся съ общепринятыми. Такъ знаменитая рѣчь Мюнцера, которую онъ сказалъ крестьянамъ предъ рѣшительной битвой при Франкенгаузенѣ и гдѣ обѣщаль ловить въ рукавъ всѣ ядра, которыя будутъ пускать княжескія войска, оказывается, по мнѣнію г. Каутскаго, измышлениемъ Меланхтона такъ же, какъ извѣстіе о малодушіи его въ послѣднія минуты и униженныхъ просьбахъ о помилованіи. Точно также при ближайшемъ разсмотрѣніи источниковъ приходится совсѣмъ измѣнить взглядъ на Мюнстерское возстаніе анабаптистовъ. Терроръ въ осажденномъ городѣ оказывается ничуть не бѣльшимъ, чѣмъ въ осаждавшей его арміи. Казни, которыя лично производили Іоаннъ Лейденскій и Книппердолингъ, объясняются не кровожадностью, а чисто демократическимъ взглядомъ, по которому всѣ одинаково должны были нести тяжелыя обязанности. Уничтоженіе частной собственности простиралось только на золото и серебро. Наконецъ, что касается разврата, то многоженство дѣйствительно было установлено въ Мюнстерѣ, такъ какъ во время осады, продолжавшейся больше года, число женщинъ внутри города въ нѣсколько разъ превышало число мужчинъ. Но, во-первыхъ, сами столпы лютеранства—Лютеръ и Меланхтонъ—не высказывались рѣшительно противъ многоженства (разрѣшеніе двоеженства ландграфу Филиппу Гессенскому), а, во-вторыхъ, всѣ извѣстія о разнузданныхъ оргіяхъ основаны на слухахъ и разказахъ лицъ, не заслуживающихъ довѣрія. При скудости источниковъ объ этой эпохѣ трудно сказать, насколько вѣрны всѣ вышеприведенные выводы г. Каутскаго, но несомнѣнно въ нихъ есть значительная доля истины, и изложеніе судебъ анабаптистовъ въ его книгѣ является полезнымъ коррективомъ къ обычному взгляду на это движеніе въ исторіяхъ реформаціи въ Германіи.

Что касается перевода, то онъ въ общемъ недуренъ. Только знаменитая фраза Лютера: «*Hiers tehe ich...*», переведена почему-то: «Здѣсь стою я...» (269), да поражаетъ иногда своей странностью транскрипція собственныхъ именъ: магіары вмѣсто мадьяры (45), Оттокаръ II называется Оттономъ II (216), Сильвестръ де-Пріеріо—Пририасомъ (271), Янъ-Амосъ Коменскій—Коменіемъ (263) и т. п.

У.

С. Лозинскій. Исторія Второй Французской республики. Кіевъ. 1904.

Исторія Февральской революціи 1848 г. и Второй республики далеко не пользуется у насъ такой популярностью, какъ исторія Великой революціи 1789 года. Конечно, нельзя сравнивать оба эти событія по ихъ значенію, какъ для Франціи, такъ и для остальной Европы. Тѣмъ не менѣе событія, разыгравшіяся на политической сценѣ Франціи въ 1848—1851 гг., заслуживаютъ

вають больше вниманія, чѣмъ имъ обыкновенно удѣляется со стороны нашего общества. Исторія Второй республики — глубокая историческая драма, и безъ знакомства съ этой эпохой, полной трагическихъ столкновеній между отдѣльными классами французскаго общества, впервые опредѣленно выставившими свои экономическіе интересы, чуть-чуть только прикрытые флеромъ политическихъ программъ, трудно понять и дальнѣйшую исторію Франціи, и современную политическую жизнь Третьей республики. Сочиненіе г. Лозинскаго, посвященное этой эпохѣ, возбуждаетъ поэтому большой интересъ.

Авторъ хорошо изучилъ эпоху и работалъ по первоисточникамъ. Въ его трудѣ мы находимъ и статистическія цифры и рядъ свидѣтельствъ, заимствованныхъ имъ изъ современныхъ событіямъ прессы, изъ показаній очевидцевъ и воспоминаній участниковъ тѣхъ или иныхъ событій. Авторъ предносилъ своей исторіи небольшое введеніе (70 страницъ), въ которомъ далъ общую характеристику Реставраціи и Іюльской монархіи, а остальную часть своей книги посвятилъ изложенію судебъ Второй республики. Доказавъ неизбѣжность утвержденія республики на развалинахъ іюльскаго трона, авторъ подробно останавливается на дѣятельности временнаго правительства. Съ одной стороны, временное правительство старается опираться на демократическое населеніе Парижа, съ другой, своей экономической политикой въ пользу капитала и налогомъ въ 45 сантимовъ возстановляетъ противъ себя рабочихъ и крестьянъ. Подробно изложено устройство національныхъ мастерскихъ, задуманныхъ Мари и умѣренными республиканцами съ цѣлью подрвать популярность Л. Блана, и особое вниманіе обращено на вопросъ, обыкновенно мало занимающій историковъ, — на дѣятельность Люксембургской комиссіи, долженствовавшей удовлетворить интересы рабочихъ. Не менѣе обстоятельно и интересно изложено и ужасное столкновеніе умѣренныхъ и крайнихъ республиканцевъ въ іюнь 1848 г., и читатель вполне ясно себѣ представляетъ, что уже въ это время республика подписала себѣ смертный приговоръ, и что вопросъ былъ только въ томъ, кому достанется ея наслѣдство. Избраніе Людовика-Наполеона, крайняя реакція, въ которую подъ страхомъ «краснаго призрака» впали вчерашніе либералы, республика безъ республиканцевъ съ законодательнымъ собраніемъ, состоящимъ на двѣ трети изъ монархистовъ, и съ президентомъ, открыто стремящимся къ императорской коронѣ, поразительная по своей близорукости политика легитимистовъ, орлеанистовъ и республиканцевъ на ряду съ настойчивымъ и умѣреннымъ движеніемъ впередъ Людовика-Наполеона и группы окружавшихъ его авантюристовъ приводятъ, наконецъ, къ кровавой катастрофѣ 2-го декабря и къ возстановленію имперіи. Авторъ подобралъ очень удачно матеріалъ и ярко характеризуетъ своими цитатами всю неизбѣжность такого финала. Книга проникнута чувствомъ презрѣнія къ узкой, своекорыстной политикѣ монархическихъ партій, не желавшихъ знать ничего внѣ своихъ классовыхъ и групповыхъ интересовъ, и къ шайкѣ «приказчиковъ» Наполеона, подготовившихъ и совершившихъ переворотъ. Но такой субъективизмъ не мѣшаетъ автору быть безпристрастнымъ. Если республиканская партія и не измѣняла ни разу своимъ принципамъ, то, съ другой стороны, она сдѣлала крупную политическую

ошибку, отказавшись отъ коалиціи съ монархистами въ 1851 г. и тѣмъ сильно облегчивъ выполнение *сout d'état* 2 декабря.

Есть, конечно, въ книгѣ г. Лозинскаго и недочеты. Авторъ, напримѣръ, привелъ любопытныя статистическія данныя о бѣдственномъ положеніи рабочихъ и ремесленниковъ во время Іюльской монархіи, но онъ не изобразилъ намъ того быстрого роста крупной промышленности и паденія мелкой, который переживала Франція въ первую половину XIX вѣка, и который такъ обострилъ социальный вопросъ къ 1848 году. Г. Лозинскій сосредоточилъ весь свой интересъ на парламентской борьбѣ. Несомнѣнно, что парламентская борьба была въ высшей степени важна, но книга несомнѣнно выиграла бы, если бы авторъ больше интересовался провинціей. Авторъ почему-то избѣгаетъ характеристикъ своихъ героевъ, или даетъ ихъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Особенно неудачной является характеристика Людовика-Наполеона. На стр. 312—313 его краткая біографія едва ли внушитъ читателю высокое мнѣніе о его политическомъ умѣ, а между тѣмъ вся его дѣятельность, какъ ее описываетъ авторъ, какъ разъ свидѣтельствуемъ объ обратномъ, и загадочная личность будущаго «тюильрійскаго сфинкса» попрежнему остается загадкой. Сочиненіе г. Лозинскаго является не популяризацией, а изслѣдованіемъ, какъ по своимъ размѣрамъ (544 стр.), такъ и по стремленію автора обставить свое изложеніе документальными данными. Между тѣмъ авторъ нигдѣ не дѣлаетъ ссылокъ на тѣ изданія, изъ которыхъ онъ беретъ цитаты, а иногда даже не приводитъ имени автора, котораго цитируетъ, выражаясь такъ: «одинъ консервативный историкъ» или «мало-извѣстный орлеанистскій депутатъ» и т. д. Съ другой стороны, именно тѣ пункты, которые особенно нуждаются въ обоснованіи, у г. Лозинскаго остаются мало доказанными. Мы привыкли употреблять, говоря объ исторіи XIX вѣка, термины «аристократія», «буржуазія», «армія» и пр. и характеризовать настроеніе соответственныхъ группъ общества цитатами изъ газетъ, которыя берутъ подъ свою защиту интересы этихъ группъ, но поскольку мнѣніе газеты соответствуетъ дѣйствительному мнѣнію класса, можно рѣшить только путемъ сложнаго изслѣдованія. И г. Лозинскій, объясняя результаты народныхъ выборовъ 1848 и 1849 гг. и плебисцита 1851 г., не идетъ дальше общихъ разсужденій и болѣе или менѣе случайныхъ цитатъ для объясненія тѣхъ или иныхъ результатовъ голосованія. Поэтому наиболѣе интересный вопросъ, какимъ образомъ населеніе Франціи въ 1848 г. высказалось за республику, а въ 1849 г. за монархію, остается въ сущности открытымъ. Да и былъ ли плебисцитъ 1851 г. только извращеніемъ воли державнаго народа, какъ это обыкновенно утверждаютъ? Въ заключеніе одно маленькое замѣчаніе. Г. Лозинскій французскія «*prince*» и «*chef*» по-русски всегда передаетъ «принцъ» и «шефъ», а это влечетъ къ недоумѣніямъ: если еще догадываешься, что «принцъ», которому возвратили въ 1849 г. римскій престолъ французскія войска, — папа Пій IX, что «шефъ» государства — глава государства, то «шефъ» полка по-русски совсѣмъ не обозначаетъ полковаго командира.

V.

**Teodor Jeske-Choinski. Neofici Polscy. Materiały historyczne.
Warszawa. 1905.**

Исторія евреевъ на польской почвѣ представляетъ очень большой научный интересъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще нѣтъ вполне научнаго труда, посвященнаго ей. Правда, мы имѣемъ такіе безусловно почтенные продукты ученаго трудолюбія, посвященнаго изученію историческихъ судьбъ еврейскаго народа въ Польшѣ, какъ слѣдующія работы: Sternberg. Versuch einer Gesch. d. Juden in Polen seit deren Einwanderung in dieses Land bis zum J. 1848. Wien. 1860 (см. еще его работы въ Jsrael. Jahrbuch 1866 u. Geschichte d. Juden in Polen unter den Piasten und den Jagiell. Leipz. 1878 ¹⁾); Kraushar. Historia żydów w Polsce. 1865—1866 ²⁾; Nussbaum. Historia żydów od Mojżesza do epoki obecnej, Warszawa, 1886—1891 (собственно V томъ: Żydzi w Polsce ³⁾), — правда, что мы имѣемъ и по болѣе частнымъ вопросамъ исторіи польскихъ евреевъ работы нерѣдко очень дѣльные и хорошія, но правда и то, что во всѣхъ этихъ трудахъ нечего искать хоть малѣйшаго намека на научность методовъ и на высоту современной исторической критики, какъ мы понимаемъ ихъ въ настоящее время, не говоря уже о томъ, что о соціологической точкѣ зрѣнія на явленія исторіи, какъ о точкѣ зрѣнія, въ настоящее время обязательной для вполне научно настроеннаго историка, въ нихъ нѣтъ и самаго отдаленнаго представленія. А между тѣмъ именно съ соціологической точки зрѣнія въ высокой степени любопытны взаимоотношенія между евреями и поляками въ теченіе всей исторической жизни ихъ съ момента, когда судьба связала ихъ узами взаимныхъ интересовъ, взаимной терпимости и вражды, взаимныхъ услугъ и гоненій. Какими общесоціологическими причинами обусловленъ тотъ громадный притокъ еврейскаго элемента въ чисто польскую среду, который наблюдается уже очень рано? каковы процессы той ассимиляціи, потокомъ которой громадная масса евреевъ вырвана изъ исконной родной національной стихіи и навсегда обращена въ поляковъ? каковы общія условия того терпимаго и даже благожелательнаго отношенія къ еврейской націи, которое въ одно время наблюдалось въ Польшѣ, между тѣмъ какъ во всей Европѣ въ то же самое время сыны этой поистинѣ многострадальной націи преслѣдовались и ненавистью и оружіемъ, между тѣмъ какъ даже по соседству съ Польшей у народа, родственнаго ей по происхожденію, евреи подвергались «трепанію» (см. Костомаровъ: Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка, «Кіевская Старина», 1883 г., №№ 1 и 3), между тѣмъ какъ, наконецъ, въ настоящее время, время высоко культурныхъ идеаловъ, антисемитизмъ достигаетъ невѣроятныхъ размѣровъ, выливаясь въ формы грубой и слѣпой ненависти и полнаго и абсолютнаго непониманія самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ еврейскаго народа? каковы общеоисторическія причины той поразительной метаморфозы, какая произошла въ полякахъ, вообще въ польскомъ обществѣ,

¹⁾ См. «Historische Zeitschr.», herausg. v. Sylebel, VI, p. 231.

²⁾ См. тамъ же, XVIII, p. 386.

³⁾ См. «Prawda» за 1891 г., № 9.

въ своихъ историческихъ судьбахъ немало горечи и боли пережившемъ, немало упрековъ посылающемъ чуть ли не всему человѣчеству за несправедливости, жертвой которыхъ оно сдѣлалось, и тѣмъ не менѣе по отношенію къ евреямъ въ настоящее время проявляющемъ, пожалуй, гораздо болѣе терпимость, чѣмъ та, на какую оно само жалуется, готовомъ преслѣдовать ихъ мѣрами, пожалуй, гораздо болѣе жестокими, чѣмъ тѣ, какими оно само возмущается? Вотъ рядъ вопросовъ, число которыхъ, конечно, можно при желаніи увеличить во много разъ, — вопросовъ, чрезвычайно важныхъ, разрѣшеніемъ которыхъ и должна заняться научная исторія польскихъ евреевъ. Лежащая передъ нами книжка г. Хойнскаго и претендуетъ дать матеріалъ для рѣшенія одного изъ такихъ вопросовъ, касающагося чрезвычайно любопытнаго явленія, именно обращенія евреевъ въ христіанство, наблюдаемаго въ Польшѣ уже со временъ, предшествующихъ 1500 году, начиная съ котораго мы собственно и имѣемъ документальныя указанія на интересующее насъ явленіе. Строго научная, социологическая точка зрѣнія могла бы въ данномъ вопросѣ вскрыть много любопытнѣйшихъ сторонъ и связать его съ всею социальною исторіей Польши. Но г. Хойнскій не только не стоитъ на этой точкѣ зрѣнія, но онъ, очевидно, даже совершенно и не понимаетъ и не знаетъ ея, судя по тому объясненію, которымъ онъ оправдываетъ свое изданіе (см. стр. 6--7). Знаете ли вы, почему исторія евреевъ такъ интересна именно для поляка? Понимаете ли вы, почему представляетъ историческій интересъ и вопросъ о неопитахъ польскихъ? Конечно, все это вы можете и знать и понимать, но, навѣрное, не такъ, какъ г. Хойнскій, пренаивнымъ образомъ формулирующій, какъ нѣчто новое и оригинальное, исторіософію, давно уже забытую и осмѣянную и до такой степени элементарную, что ее едва ли въ настоящее время признаетъ даже школьникъ. Оказывается, что, если бы воскресъ вѣкъ тому назадъ жившій полякъ и, взглянувъ на нынѣшнюю, наиримѣръ, Варшаву, конечно, не узналъ ея совѣмъ, то это объясняется не чѣмъ инымъ, какъ семитскою кровью, которая, по мнѣнію г. Хойнскаго, вливается въ чистую польскую кровь. Этими-то пустяками г. Хойнскій желаетъ объяснить интересъ къ исторіи евреевъ въ Польшѣ и оправдать свое изданіе. Но что представляетъ собою само это изданіе? Это лишь списокъ всѣхъ почти евреевъ, принявшихъ въ Польшѣ христіанство по католическому или протестантскому обряду. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что подобнаго рода списки очень полезны, но въ то же время не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что не въ однихъ же спискахъ дѣло. Г. Хойнскій очень тщательно составилъ эти списки, потративъ на это, конечно, немало времени, такъ какъ для этого нужно было перерыть буквально всѣ архивы костеловъ въ Варшавѣ и за ея предѣлами, но ограничиться одними лишь списками врядъ ли имѣло какой либо научный интересъ. Это, очевидно, чувствовалъ и самъ авторъ: передъ списками онъ далъ краткіе историческіе очерки, которые должны бы были осмыслить и изданіе и вообще весь матеріалъ. Но очерки эти въ высшей степени неудовлетворительны, не удовлетворяя даже самымъ минимальнымъ требованіямъ научности. Если бы этихъ очерковъ не было въ книгѣ и вовсе, то было бы лучше уже потому, что и требовать нечего было бы отъ издателя, который далъ лишь

метрическія вышпики о крещеніи евреевъ, порывавшихъ связи со своею родною народностью и переходившихъ въ христіанство. Впрочемъ, есть одна симпатичная сторона въ книгѣ г. Хоинскаго. Это—отсутствіе антисемитическихъ чувствъ. Будь г. Хоинскій тѣмъ націоналистомъ, какимъ является въ Варшавѣ каждый «правовѣрный» патріотъ, то, несомнѣнно, онъ сумѣлъ бы объяснить переходъ евреевъ въ христіанство всякими неблаговидными мотивами. Конечно, въ такихъ мотивахъ недостатка не было, и г. Хоинскій это отмѣчаетъ, но думать, что такое сложное историческое явленіе, какъ массовое отреченіе отъ вѣры отцовъ своихъ, объясняется лишь корыстолюбіемъ и карьеризмомъ,—думать это было бы, разумѣется, несправедливо, и г. Хоинскій не оставляетъ почвы безпристрастія ни на минуту (см., напримѣръ, стр. 174—180).

Въ заключеніе нельзя все-таки изданія г. Хоинскаго не признать полезнымъ для всякаго занимающагося польскою исторіей, хотя польза его и очень ограничена по размѣрамъ и состоитъ лишь въ томъ, въ чемъ вообще заключается польза указателей, оглавленій и т. п.

Н. Н.

Ш. Диль. Очерки изъ культурной исторіи Византіи. Переводъ и предисловіе Г. Васькова. Харьковъ. 1904.

Существуютъ слова,—замѣчаетъ Диль въ введеніи къ своимъ очеркамъ,—за которыми установилась дурная репутація. Къ числу подобныхъ словъ относятся и слова «византизмъ», «византийскіе разговоры», «византийскія церемоніи». Для большинства представленіе о Византіи неразрывно связано съ представленіемъ о народѣ, по преимуществу состоящемъ изъ «болтливыхъ идіотовъ», отшлифованныхъ и изукрашенныхъ допотопнымъ церемоналомъ, забывающихъ за пустой болтовнею и бессмысленными формулами наиболее насущныя потребности національной жизни. Со времени Вольтера и Монтескье у историковъ принято считать Византію выродившейся жалкой наслѣдницей Римской имперіи. Такимъ образомъ пускаютъ на смарку десять столѣтій исторіи, въ которой имѣется много славныхъ моментовъ и много привлекающаго вниманіе изслѣдователя. Конечно, въ Византіи существовали свои крупныя недостатки, которыми и объясняется ея дурная слава. Въ Византіи были часты дворцовыя перевороты, солдатскія возмущенія, увлеченіе циркомъ и богословскими спорами, лакейскіе характеры, но въ этихъ чертахъ не вся исторія Восточной Греческой имперіи. За переворотами, спорами и скачками стоитъ другая Византія, богатая славными лицами, полная энергіи, способная къ великимъ усиліямъ, обладательница высокой художественной и умственной культуры.

Диль беретъ подъ свою защиту эту блестящую сторону тысячелѣтнаго существованія Византийскаго государства. Въ данномъ случаѣ, конечно, французскій ученый не является новаторомъ. Болѣе внимательное, осмысленное и благожелательное изслѣдованіе началъ византийской жизни сказалось уже въ дѣломъ рядѣ трудовъ авторовъ различныхъ національностей. Достаточно назвать имена Крумбаха, Панарригопуло, Ф. И. Успенскаго, чтобы убѣдиться

въ этомъ. Но, тѣмъ не менѣе, заслуга Диля, какъ профессора Сорбонны, заключается въ томъ, что его чтенія и очерки знакомятъ съ Византіей кругъ читателей непосвященныхъ. Въ переведенныхъ г. Васильковымъ очеркахъ дается общее введеніе въ византійскую исторію, описываются византійскія государственныя учрежденія: верховная власть, центральныя установленія, областное управленіе, организація судебная, финансовая, военная; обрисовывается византійское общество: церковь, высшіе, средніе и низшіе классы; господствовавшіе вкусы византійскаго общества. Основною цѣлью очерковъ является справедливое желаніе доказать, что Византія, вопреки ходячему взгляду, не была царствомъ безграничнаго административнаго произвола, политической распушенности и умственного застоя.

Переводъ исполненъ удовлетворительно, хотя и приходится ему пожелать большей литературности. Г.

Bronisław Gembaczewski. Wojsko polskie. Księstwo Warszawskie. 1807—1814. Warszawa. 1905.

Г. Гембажевскій далъ въ своемъ сочиненіи полную картину организаціи польской арміи княжества Варшавскаго. Источники для своего труда онъ нашелъ въ архивахъ и бібліотекахъ Варшавы, Петербурга и Парижа. Немалую пользу принесли автору многочисленныя записки и воспоминанія современниковъ, появившіяся въ печати на польскомъ и французскомъ языкахъ. Сказавъ о штабахъ и общей военной организаціи княжества, г. Гембажевскій даетъ читателямъ военно-психологическіе портреты кн. Юсіфа Понятовскаго, генераловъ Домбровскаго и Заіончека. Симпатіи автора на сторонѣ Понятовскаго. Далѣе каждому роду оружія посвящается особый отдѣлъ. Авторъ начинаетъ съ пѣхоты. Онъ не ограничивается однимъ только перечисленіемъ полковъ и перечнемъ офицеровъ, но говоритъ, гдѣ и какой полкъ отличился, и какіе именно офицеры получили военныя награды. Помогая французамъ въ испанской кампаніи 1808—1809 гг. и въ походахъ 1812 г., польская пѣхота всегда поддерживала «l'honneur de l'aigle blanc». Гораздо ниже пѣхоты стояла кавалерія. Причину этого современники усматривали въ томъ, что каждый полковникъ обучалъ свой полкъ по-своему, не существовало общей, обязательной инструкціи. Это, однако, не помѣшало нѣкоторымъ польскимъ кавалерійскимъ полкамъ покрыть себя славою. Первымъ организаторомъ польской артиллеріи Варшавскаго княжества былъ генералъ Аксамитовскій, 29-го декабря 1806 г. онъ привелъ артиллеристовъ къ присягѣ и отправилъ въ Варшаву. Этотъ самый Аксамитовскій въ сентябрѣ 1807 г. назначенъ временнымъ начальникомъ артиллеріи княжества. Тогда же Наполеонъ передалъ полякамъ часть орудій артиллерійскаго парка, захваченнаго у ируссаковъ въ Познани. Орудія размѣстили на Прагѣ, въ Модлинѣ, Сероцкѣ и Торнѣ. Въ артиллеріи было много очень способныхъ нижнихъ чиновъ. Зато недоставало образованныхъ офицеровъ. Поэтому назначили офицерами-инструкторами французовъ. Въ 1808 г. Даву, по просьбѣ кн. І. Понятовскаго, назначилъ Теллетье генеральнымъ инспекторомъ артиллеріи въ княжествѣ.

Корпусъ инженеровъ также состоялъ по преимуществу изъ офицеровъ-французовъ. Начальникъ его, полковникъ Мало, отличился укрѣпленіемъ вала въ Варшаву. При немъ въ Брокѣ, на Бугѣ, устроили мостъ и передъ мостомъ шанецъ, укрѣпили Замостье, Модлинъ и Сандомиръ, построили плавучій мостъ на Вислѣ, ниже Пулавъ.

Далѣе г. Гембажевскій говоритъ о военныхъ школахъ (кадетскій корпусъ въ Калишѣ, начальная артиллерійская и инженерная школа, школы военно-хирургическая и медицинская), о военной администраціи, рекрутахъ, ополченіи, жандармеріи, гвардіи—національной и почетной, о ветеранахъ и инвалидахъ и объ отставныхъ офицерахъ. Авторъ оканчиваетъ свой цѣнный трудъ описаніемъ знака отличія военного ордена—«*Virtuti militari*», который ведетъ свое начало съ 1792 года. Звѣзду этого ордена имѣли только кн. І. Понятовскій и маршалъ Даву. Саксонскій король, когда надѣвалъ польскій мундиръ, то также возлагалъ на себя звѣзду «*Virtuti militari*». Г. А. Воробьевъ.

«Докучаевъ». Изданіе журнала «Почвовѣдѣнія». Спб. 1904.

Подъ такимъ нѣсколько ужъ слишкомъ обрубленнымъ заглавіемъ вышелъ небольшой, но изящно изданный сборникъ, посвященный памяти извѣстнаго геолога и почвовѣда, профессора Василія Васильевича Докучаева, и содержащій въ себѣ рядъ статей о немъ его учениковъ и почитателей—гг. П. Отоцкаго, А. Ферхмнна, Н. Богословскаго, А. Ярилова, А. Павлова, Г. Морозова, Г. Танфильева, И. Мещерскаго, Н. Криштофовича. Въ сборникѣ данъ прежде всего очеркъ его жизни и нѣсколько личныхъ воспоминаній о немъ, сдѣланъ обзоръ нижегородскаго періода его дѣятельности, обрисованъ общій характеръ его научныхъ работъ, определено значеніе его работъ для лѣсоводства, для геоботаники и дана оцѣнка его, какъ геолога, какъ педагога и общественнаго дѣятеля. Изъ всѣхъ этихъ статей передъ читателями возстаетъ типъ превосходнаго ученаго и знатока своего дѣла, которому онъ служитъ страстно, всецѣло, со всѣмъ пыломъ натуры кипучей, характера энергичнаго и настойчиваго, съ беззавѣтной любовью къ своей специальности, понимаемой и толкуемой имъ подъ угломъ зрѣнія практическаго общественнаго служенія родинѣ, для которой онъ и дѣйствительно очень и очень много сдѣлалъ, и какъ ученый специалистъ-практикъ, и какъ общественный дѣятель-организаторъ научныхъ экскурсій, научныхъ обширныхъ обследованій, и какъ администраторъ нашихъ высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеній. Это былъ человекъ, который не жалѣлъ своихъ силъ на служеніе родинѣ, жегъ свою жизненную свѣчку съ двухъ концовъ и въ результатѣ—въ далеко еще не старомъ возрастѣ трагически погибъ, раздавленный страшнымъ недугомъ, который г. Отоцкій опредѣляетъ, какъ крайнюю форму переутомленія, перешедшаго въ пространію и подавленность воли въ сопровожденіи мучительнаго самоанализа и самоказненія. Кризисъ разразился со всюю силою въ 1900 г., а черезъ три года страшныхъ мученій его не стало. Мученія покойнаго профессора были настолько невыносимы, что, по свидѣтельству г. Отоцкаго, большому часто ка-

залось, что онъ въ аду. «Самое ужасное то, — говоритъ біографъ, — что во все время болѣзни онъ сохраняетъ сознаніе и неустанно молить Бога и близкихъ людей объ одномъ: «поскорѣ зарыть его въ сырую землю». Положительно трудно было смотрѣть безъ слезъ на этотъ измученный, измѣнившійся до неузнаваемости полугруппъ прежняго гиганта мысли и воли».

Призательные и любящіе ученики возложили настоящимъ сборникомъ на гробъ своего наставника не большой, но красивый вѣнокъ, на которомъ съ удовольствіемъ останавливается взоръ читателя, какъ на живомъ свидѣтельствѣ хорошаго чувства и прекрасной работы.

Къ изданію изданной книжкѣ приложенъ прекрасно выполненный портретъ по копіи профессора и списокъ его ученыхъ работъ. В. Г.

Восемнадцатый Вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый по бумагамъ фамильнаго архива княземъ Ѳ. А. Куракинымъ, подъ редакціей В. Н. Смольянинова. Томъ второй. М. 1905.

Почетный членъ археологическаго института, князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ Куракинъ, съ прошлаго года сталъ издавать новую серію историческихъ сборниковъ изъ своего обширнаго фамильнаго архива подъ названіемъ «Восемнадцатый Вѣкъ». Недавно вышелъ второй томъ, содержащій въ себѣ описаніе княже-куракинскихъ церквей и помѣстьевъ. Редакторъ сборника, директоръ московской X гимназіи, В. Н. Смольяниновъ, въ своемъ предисловіи объясняетъ значеніе этого историко-археологическаго очерка и составъ его. Въ архивѣ князя, передаетъ онъ, накопилось около ста тысячъ хозяйственныхъ документовъ разнаго рода, касающихся многочисленныхъ куракинскихъ имѣній. Изъ всего этого многосодержательнаго матеріала, рисующаго весьма подробно сельское хозяйство въ старину и деревенскій бытъ, прежде всего рѣшено выдѣлить то, что касается храмопостроительства князей Куракиныхъ. Къ участию въ составленіи сборника были приглашены извѣстный знатокъ церковной археологіи, отецъ Н. А. Скворцовъ, и священники бывшихъ и настоящихъ куракинскихъ селъ. Въ результатъ получилось болѣе или менѣе подробное описаніе четырехъ слободъ, двадцати одного села, трехъ погостовъ, двухъ имѣній и пятидесяти трехъ церквей въ разныхъ мѣстахъ Петербургской, Московской, Владимирской, Ярославской, Тверской, Псковской, Орловской, Пензенской, Саратовской и Харьковской губерній. Наибольшее вниманіе удѣлено описанію храма во имя святого Николая Чудотворца при Страннопримномъ домѣ князей Куракиныхъ въ Москвѣ. Этотъ храмъ, хорошо извѣстный въ народѣ своею древнею иконою «Николая Добраго», построенъ въ половинѣ XVIII столѣтія по завѣщанію князя Бориса Ивановича Куракина, современника Петра Великаго. У москвичей до сихъ поръ существуетъ повѣрье, что совершаемые здѣсь браки бывають неизмѣнно счастливыми.

Интересно описано село Борисоглѣбское, Саратовской губерніи, переименованное въ Надеждино, гдѣ поселился удаленный отъ двора императрицы князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, совоспитанникъ и другъ Павла I.

Здѣсь построилъ онъ огромный каменный дворецъ и разбилъ прекрасный англійскій паркъ, украсивъ его всѣми прихотями того времени. И наслѣдникъ престола, и князь Куракинъ оба чувствовали себя въ то время изгнанниками, одинъ въ Гатчинѣ, другой въ Надеждинѣ, и это настроеніе отразилось въ значительной степени въ планѣ англійскаго парка, гдѣ названія храмовъ и аллей были слѣдующія: «Цесаревичева», «Нелидовой», «Ожидаемаго благоденствія», «Воспоминанія прошедшихъ утѣхъ» и тому подобное.

Изъ другихъ имѣній наиболѣе подробно описано сельцо Степановское Тверской губерніи, названное такъ по имени обновителя его, князя Степана Борисовича Куракина. Въ этомъ очеркѣ, кромѣ подробной біографіи князя Степана, приложена характеристика князя Алексѣя Борисовича Куракина, съ теплымъ чувствомъ написанная его дочерью, статсъ-дамою Е. А. Нарышкиною.

По всей книгѣ попадаются интересныя картинки добраго стараго времени, въ которыхъ ярко выступаютъ отношенія помѣщиковъ къ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ и къ священникамъ. Особенно обращаетъ на себя вниманіе, какъ изъ благочестиваго усердія тотъ или другой помѣщикъ искоренялъ насильственными мѣрами расколъ въ своихъ селахъ.

Каждое описаніе церкви предваряется выбранными стихами или афоризмами извѣстныхъ писателей. Къ первому очерку приложены прекрасныя фотографическія снимки Странноприимнаго дома князей Куракиныхъ въ Москвѣ. Вообще внѣшность книги не оставляетъ желать ничего лучшаго.

И. Ю.

И. Забѣлинъ. Исторія города Москвы. Часть первая, изданіе второе (автора), исправленное и дополненное, съ рисунками въ текстѣ и въ особомъ альбомѣ. Москва. 1905.

Извѣстный историкъ Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ напечаталъ съ немногими дополненіями сравнительно съ первымъ изданіемъ 1902 года второе изданіе своего сочиненія по исторіи Москвы, которое было имъ написано по порученію московской городской думы, данному еще въ 1881 году. Уже самое имя почтеннаго автора книги ручается за ея высокое достоинство. Но и безъ этого, такъ сказать, личнаго свидѣтельства она говоритъ сама за себя для всякаго, кто потрудится хоть бѣгло ее просмотрѣть. Богатство заключающихся въ ней свѣдѣній становится очевиднымъ еще изъ того, что вся книга въ 652 страницы посвящена исторіи одного только Кремля. Но еще прежде, чѣмъ приступить къ исторіи самаго Кремля (въ третьей главѣ), авторъ переносится мыслію въ глубь вѣковъ и, пользуясь данными, добытыми при разнаго рода раскопкахъ въ Московской области, раскрываетъ древнѣйшую исторію поселеній на мѣстѣ Москвы по рѣкамъ Востокъ (теперь неправильно называемой Сходнею) и Яузѣ не позднѣе IX или X вѣка нашей эры, а, можетъ быть, и гораздо раньше, до Рождества Христова. Изложенію историко-топографическихъ условій возникновенія Москвы, какъ всемірно историческаго города, именно въ ея настоящемъ мѣстѣ, посвящена первая глава книги (1—22 стр.). Изъ нея

видно, что Москва создалась «не по прихоти какого либо добраго и мудраго князя Юрья Владимировича, не по прихоти счастливаго капризнаго случая, но силою причинъ и обстоятельствъ болѣе высшаго или болѣе глубокаго порядка» (стр. 6).

Вторая глава (стр. 22—60) занята разборомъ сказаній о началѣ Москвы, какъ города, и о происхожденіи самаго имени «Москва». Если москвичи еще оставались въ границахъ лѣтописей и возводили Москву къ строителю городовъ, князю Олегу, якобы посадившему въ ней княжить своего сродника князя Юрья Владимировича, въ 1147 году звавшаго къ себѣ на пирь «въ Москову» съверскаго князя Святослава Ольговича (это первое достовѣрное свидѣтельство о Москвѣ), то сказанія кіево-польской учености съ беззащѣтливой смѣлостью производили нашу первопрестольную столицу и ея имя отъ Мосоха, шестого сына Лафетова, а академикъ Байеръ — отъ мужского монастыря: Moscoi отъ Mus (мужъ) и Music (мужикъ) и т. д. Самъ И. Е. Забѣлинъ, присоединяясь къ мнѣнію Ходаковского, находитъ, что «имя Москвы есть сокращеніе Мостковы, Мостквы, производнаго отъ слова мостъ» (стр. 57), потому что мѣстность, ею занимаемая, съ долинами близъ протекающихъ по непроходимымъ лѣсамъ рѣкъ, издревле служила перепутьемъ, соединительнымъ звеномъ или мостомъ (въ древнемъ именно такомъ значеніи слова) между окраинами русской равнины.

Третья глава (стр. 60—181) даетъ историческій обзоръ Кремля. Исслѣдователь начинаетъ съ историческаго зерна Москвы, Кремлевскаго Бора и первой церкви въ Кремлѣ Рождества св. Іоанна Предтечи, стоявшей, вѣроятно, на мѣстѣ древнѣйшаго капища, въ 120 шагахъ отъ Боровицкихъ воротъ въ направленіи къ углу Новаго большого дворца. Эта церковь, драгоценная историческая святыня, безжалостно скрыта и перенесена въ Боровицкую башню въ 1847 г. по желанію императора Николая Павловича и по одобренію митрополита Филарета потому, что она «нарушала красоту вида на вновь выстроенный дворецъ» (стр. 64). Между тѣмъ близъ этого храма впервые поселился св. митрополитъ Петръ, основатель величія и могущества не только города, но и всего Московскаго государства. Ему же она служила каедромъ до постройки Успенскаго собора. Дальнѣйшее повѣствованіе позволяетъ читателю изнутри священныхъ стѣнъ Кремля, его соборовъ и теремовъ наблюдать зарожденіе и возрастаніе Московскаго царства и самодержавія, а съ ними и современной Россіи. Въ этомъ случаѣ исторія города Москвы уже выходитъ изъ тѣсной границы городской межи. Вереницей проходятъ эпизоды борьбы съ татарщиной и междоусобной крамолой, опустошенія отъ пожаровъ и грабежей, а рядомъ съ ними проходитъ удивительная параллель политическаго возмужанія Москвы съ радостными событіями постройки и освященія ея храмовъ, праздниковъ и другихъ церковныхъ торжествъ (стр. 129 сл.). Оканчивается глава печальными картинами запустѣнія и обезображенія Москвы въ императорскій періодъ нашей исторіи отъ великаго преобразователя-западника до ужасныхъ событій 1812 года и до нашихъ дней.

Съ 181 страницы до конца идетъ четвертая глава, въ которой излагается мѣстный обзоръ Кремля, то-есть обзоръ каждой въ отдѣльности его по-

стройки. Такой мѣстный обзоръ читается съ захватывающимъ интересомъ потому, что онъ позволяетъ намъ живо представить себѣ внутренность и населенность Кремля тамъ, гдѣ теперь лишь голыя мертвыя площади. Свое обзорѣніе авторъ начинаетъ отъ Спасскихъ воротъ, идя постепенно къ колокольнѣ Ивана Великаго, описывая сначала лѣвую, потомъ правую сторону бывшей Спасской улицы. Какъ тѣни прошедшихъ дней, встаютъ зданія Кирилловскаго и Крутицкаго подворій, дворы князей Рязанскихъ, Мстиславскихъ, Сицкихъ, бояръ Морозова, Челядина и др.; Шемяки и братьевъ Іоанна III (гдѣ теперь памятникъ Александру II), церквей св. Николы Гостунскаго, Афанасія и Кирилла и др. Постепенно изслѣдователь доходитъ до Ивановской площади и рисуетъ характерными чертами зданія и порядки приказовъ. Затѣмъ авторъ послѣдовательно переносится къ Никольскимъ, Троицкимъ и Боровицкимъ воротамъ и такъ же, идя отъ нихъ къ Ивану Великому, поутно обозрѣваетъ постройки. Эти мѣстности, занятыя теперь громоздкими зданіями судебныхъ установленій, арсенала, казармъ и дворца, въ былое время пестрѣли множествомъ церквей, подворій, боярскихъ и княжескихъ дворовъ, бывшихъ свидѣтелями казней Грознаго, Смутнаго времени, возвышенія и паденія царя Бориса, домъ котораго занималъ часть пространства казармъ и дворовъ синодальной конторы и выходилъ угломъ какъ разъ тамъ, гдѣ теперь стоитъ царь-пушка. Особое вниманіе удѣляется патриаршему дому и домашней обстановкѣ патриаршаго быта. Описаніе Боровицкой мѣстности возстановляетъ картины начала Москвы, времени великой княгини Софіи Палеологъ, Самозванца и проч. Оканчивая мѣстный обзоръ, а вмѣстѣ и изданную первую часть своей работы, авторъ выводитъ читателя изъ Кремля опять таки Спасскими воротами, при чемъ обращаетъ его вниманіе на историческое ихъ значеніе въ быту русскаго духовенства и просвѣщенія.

Таковъ бѣглый очеркъ содержанія книги. Нечего и говорить, что она изобилуетъ множествомъ интереснѣйшихъ подробностей изъ прошлаго русскаго народа, его политической и бытовой жизни, является, такъ сказать, иллюстраціей къ сухимъ многотомнымъ исторіямъ и потому читается съ большимъ удовольствіемъ и пользою. Книга И. Е. Забѣлина имѣетъ высокое научное значеніе и въ томъ отношеніи, что помогаетъ ориентироваться всякому изслѣдователю, напримѣръ, бывлыхъ учреждений Россіи, то-есть приказовъ, коллегій и проч. Только жаль, что въ ней нѣтъ указателей и почти нѣтъ ссылокъ на богатый архивный матеріалъ, который былъ у автора подъ руками, и потому трудно ею воспользоваться, какъ руководствомъ къ отысканію нужныхъ документовъ. Жаль также, что при самой книгѣ нѣтъ плановъ древняго и современнаго Кремля и всей Московскаго области, поэтому весьма затруднительно чтеніе особенно первыхъ страницъ и мѣстнаго обзора. Приложенные отдѣльно планы 1610—1663 годовъ и XVIII вѣка не могутъ считаться вполне достаточными. Слѣдовало бы спеціально составить планъ съ подробнымъ указаніемъ на немъ постепеннаго расширенія города и отношенія расположенія древнихъ построекъ современнымъ.

Къ книгѣ, въ настоящемъ второмъ изданіи дополненной восемью рисунками въ текстѣ, приложенъ «Альбомъ старинныхъ видовъ Московскаго Кремля» съ

подробнымъ описаніемъ его на стр. XXI—XXV предисловія къ Исторіи». Въ этомъ альбомѣ, кромѣ трехъ упомянутыхъ плановъ, находится еще 26 разныхъ видовъ Кремля и его отдѣльныхъ строеній, преимущественно XVII—XVIII вѣковъ. Всего 21 таблица. Рисунки отлично подобраны и переданы въ печати и еще больше возвышаютъ собою научное достоинство книги.

П. Верховской.

Эльпе. Изъ природы человѣка. Спб. 1904.

За послѣдніе годы въ нашемъ обществѣ отмѣчено стремленіе къ серьезной книгѣ и въ особенности къ книгѣ, рассматривающей и разрабатывающей вопросы по естествовѣдѣнію вообще и по біологіи въ частности. И дѣйствительно, на книжномъ рынкѣ появилось немало изданій подобнаго направленія, но большинство ихъ являются или компиляціями, или же переводами съ иностранныхъ языковъ. Оригинальныхъ авторовъ за это время появилось очень и очень мало. Поэтому весьма отрадно встрѣтить книгу г. Эльпе — съ одной стороны, какъ оригинальную и, съ другой, какъ научно-серьезную и отвѣчающую современнымъ требованіямъ читающаго общества. Одно изъ главныхъ и рѣдкихъ достоинствъ этого труда заключается въ добросовѣстности разработки тѣхъ вопросовъ, за разрѣшеніе которыхъ авторъ брался; и нужно при этомъ замѣтить, что здѣсь въ каждомъ письмѣ сквозитъ добросовѣстность не только ученаго, какимъ г. Эльпе заявилъ себя въ теченіе тридцати лѣтъ, но и человѣка. У автора нѣтъ ни предвзятыхъ теорій, ни тенденціознаго стремленія во что бы то ни стало отстоять ту или другую идею. Онъ выступаетъ безпристрастнымъ лѣтописцемъ развитія и теченія естественно-научной мысли. Онъ слѣдитъ за ходомъ науки на Западѣ и у насъ, толково рисуетъ картину этого хода и, гдѣ слѣдуетъ, приводитъ и собственное мнѣніе, объясняющее и глубоко продуманное. Все это, вмѣстѣ взятое, придаетъ труду г. Эльпе особенную цѣнность, а простота, безыскусственность и увлекательность изложенія дѣлаютъ его книгу однимъ изъ выдающихся вкладовъ въ литературу по естествовѣдѣнію и отводятъ ей почетное мѣсто какъ въ библиотекѣ серьезнаго ученаго, такъ и въ обиходѣ всякаго образованнаго человѣка, чувствующаго потребность отдохнуть отъ житейской суеты за умной, серьезной и занимательной книгой.

Ч.

В. Ө. Боцяновскій. В. В. Вересаевъ. Критико-біографическій этюдъ. Съ портретомъ и факсимиле В. В. Вересаева. Спб. 1904.

Среди современныхъ писателей имя Вересаева занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Появленіе первыхъ его же рассказовъ возбудило всеобщій интересъ русскихъ читателей къ ихъ автору, а «Записки врача» заставили заговорить о немъ Еврону. Поэтому его біографія и общая оцѣнка его творчества являются вполне кстати. Книжка В. Ө. Боцяновскаго написана съ тѣми же пріемами и по тому же приблизительно плану, какъ и прежнія его работы о Горькомъ и Ан-

древствъ: изъ произведеній беллетристическихъ авторъ извлекаетъ все то, что имѣетъ автобіографическій интересъ, что выражаетъ основныя убѣжденія автора, и выдержками изъ тѣхъ же произведеній иллюстрируетъ общій литературный портретъ разбираемаго писателя. Тѣмъ же приемъ отвѣчаетъ научнымъ требованіямъ отъ всякой критической работы, и выводы г. Боцяновскаго въ общемъ не вызываютъ сомнѣній.

Разборъ произведеній Вересаева онъ начинаетъ словами Страхова, сказанными сорокъ лѣтъ тому назадъ по поводу выхода «Отцовъ и дѣтей»: «Мы чувствуемъ нѣкоторое удовлетвореніе только тогда, когда хоть не надолго въ насъ вспыхиваетъ нравственный энтузіазмъ, или закипаетъ негодованіе и презрѣніе къ господствующему злу. Чтобы насъ затронуть и поразить, нужно заставить заговорить нашу совѣсть, нужно коснуться самыхъ глубокихъ изгибовъ нашей души. Иначе мы останемся холодны и равнодушны, какъ бы ни были велики чудеса ума и таланта. Живѣе всѣхъ другихъ говоритъ въ насъ потребность нравственнаго обновленія, и потому—потребность обличенія, потребность бичеванія собственной плоти». Эти слова настолько примѣнимы къ Вересаеву, что сопоставленіе приведенной выписки съ тѣмъ чувствомъ, которое вызываютъ въ читателѣ произведенія разбираемаго писателя, можно назвать удачнымъ. Дѣйствительно, идеи, факты, положенія, герои и ихъ рѣчи въ разсказахъ Вересаева необыкновенно характерны для тѣхъ теченій въ литературѣ и общественной жизни, которыми знаменуются восьмидесятыя и девяностыя годы. Если онъ не всегда разрѣшалъ мучительные вопросы, то во всякомъ случаѣ будилъ ихъ, и будилъ въ такой яркой формѣ, что самое уже разрѣшеніе представлялось читателю дѣломъ второстепеннымъ: въ писателѣ авторъ дѣйствительно «недовольнаго Сократа». Главная же причина успѣха Вересаева кроется въ той искренности, прямолинейности и энергіи писателя, которыя явились на смѣну равнодушію, эгопопциѣ и дряблости предшествующаго времени и его представителей въ литературѣ. В. Боцяновскій думаетъ, что искренность Вересаева не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ его произведенія «въ сущности—его исповѣдь; все, что онъ говоритъ, выстрадано имъ самимъ, выстрадано глубоко и сильно, и потому-то за каждымъ его словомъ слышатся настоящія слезы и нервы». За біографіей его слѣдуетъ разборъ его «пропаганды марксизма», на самомъ дѣлѣ мнимаго («Повѣтріе» и другіе разсказы), затѣмъ идетъ глава объ изображеніи у Вересаева молодого поколѣнія съ его исканіями новыхъ путей, съ его стремленіями къ идеализму во время всеобщаго «бездорожья» («На поворотѣ»). Послѣднія главы касаются отдѣльных моментовъ въ исторіи писательства Вересаева, между прочимъ, «Записокъ врача», и заканчивается книга обобщеніями, которыя сближаютъ молодого писателя съ Мопассаномъ, Метерлинкомъ, Чеховымъ и Л. Андреевымъ.

А. Я.

Л. В. Новгородцевъ. Германія и ея политическая жизнь. Спб. 1904.

Авторъ поставилъ задачей въ сравнительно небольшомъ очеркѣ (въ книгѣ всего 181 стр.) познакомить русскую читающую публику съ политической жизнью современной Германіи. Книга начинается краткимъ очеркомъ истори-

ческаго развитія государственнаго строя Германіи, начиная съ эпохи французской революціи. Съ особеннымъ вниманіемъ авторъ останавливается на революціи 1848 года и на бурныхъ событіяхъ 60-хъ годовъ, закончившихся провозглашеніемъ Германской имперіи въ 1871 году. Послѣ изложенія и анализа имперской конституціи авторъ переходитъ къ государственному и общественному хозяйству Германіи. При помощи большого числа статистическихъ данныхъ онъ ярко показываетъ ростъ какъ имперскаго бюджета, такъ и бюджетовъ отдѣльныхъ государствъ и общинъ, при чемъ читатель видитъ и распределение государственныхъ доходовъ на затраты по отдѣльнымъ областямъ народной жизни. Другой рядъ статистическихъ данныхъ даетъ возможность познакомиться съ состояніемъ сельскаго хозяйства въ Германіи и съ удивительно быстрымъ ростомъ нѣмецкой промышленности и торговли за послѣдніи 30 лѣтъ. Особенно любопытной является III глава, гдѣ авторъ опять на основаніи данныхъ статистики дѣлаетъ попытку проанализировать социальную структуру нѣмецкаго общества и разложить его на составные элементы, какъ по степени экономической обеспеченности, такъ и по роду и характеру занятій. Несомнѣнно, что изобиліе цифровыхъ данныхъ можетъ сначала отпугнуть читателя. Авторъ и самъ предвидитъ это въ предисловіи. Но только путемъ точныхъ цифръ статистики можно создать себѣ ясную картину положенія общества, и, побѣдивъ первое впечатлѣніе, читатель легко разберется въ сгруппированныхъ г. Новгородцевымъ цифрахъ. Тогда только обнаружится, что обиходныя фразы о борьбѣ капитала съ трудомъ есть необходимый выводъ изъ реальныхъ данныхъ.

Остальныя главы своей книги (IV—X) авторъ посвящаетъ характеристикѣ нѣмецкихъ политическихъ партій. 19 существующихъ партій онъ дѣлитъ на 5 группъ: консерваторы, либералы, центръ, социаль-демократы, національныя партіи. Авторъ начинаетъ обыкновенно съ историческаго очерка, въ которомъ рисуетъ возникновеніе партіи и ея дальнѣйшее развитіе. Затѣмъ подробно излагаетъ программу партіи, даетъ цифры голосовъ, подававшихся за нее при выборахъ, старается опредѣлить, какой именно общественный классъ стоитъ за данной партіей, знакомитъ, наконецъ, съ ея газетами и главными дѣятелями. Особенно интересенъ очеркъ, посвященный социаль-демократамъ. Авторъ подробно прослѣживаетъ перипетіи въ судьбѣ этой партіи со времени ея возникновенія и попутно знакомитъ читателя съ ея главными вождями: Лассалемъ, Либкнехтомъ, Бебелемъ и т. д. Много вниманія посвящено также ученію Бернштейна и расколу, возникшему, благодаря ему, въ партіи. Но зато очень ужъ мало сказано о роли творцовъ социаль-демократіи: Маркса и Энгельса. Книга отличается научностью и безпристрастіемъ изложенія. Нѣсколько только вредитъ этому впечатлѣнію погоня автора за хлесткими словечками въ кавычкахъ, которыми онъ любитъ унащать свою рѣчь.

V.

Разказы Вазова. Переводъ и вступительная статья Андрея Сиротинина. Спб. 1904.

Среди представителей молодой болгарской литературы Вазовъ занимает одно изъ первыхъ мѣстъ. Его значеніе принято сравнивать съ заслугами Пушкина для русскаго языка и литературы. Въ этомъ взглядѣ есть доля правды: ни Славейковъ, ни Каравеловъ, ни Ботевъ не обладали такой силой рѣчи, какъ Вазовъ; съ другой стороны, одинъ Вазовъ такъ всесторонне схватилъ почти всю болгарскую жизнь и ярко представилъ ее во всѣхъ родахъ литературы— лирикѣ, эпосѣ, разказахъ, романахъ и драмахъ. На русскій языкъ переведено многое изъ произведеній Вазова, можно сказать, все лучшее, и особенную цѣнность представляетъ переводъ его разказовъ, сдѣланный А. Сиротининымъ красиво и близко къ оригиналу.

Отличительной чертой этихъ разказовъ является ихъ безыскусственность, незатѣйливость сюжета, ихъ чарующая задушевность, искренность, братское отношеніе къ человѣку. Только тотъ, кто самъ испыталъ, что значитъ искренняя все прощающая любовь, только тотъ могъ написать такіе дивные, глубоко трогательные разказы. Вотъ, на примѣръ, разказъ «Павель Фертигъ».

Павель Фертигъ—юноша 18—20 лѣтъ, съ очень жалкой вѣншностью. На половину дурачекъ, на половину шутъ, онъ всегда веселъ и часто даже остроуменъ. Занятій у него никакихъ нѣтъ, а живетъ онъ подачками за услуги и различныя увеселенія. Часто можно было видѣть, какъ онъ пѣлъ, прыгалъ, кувыркался, перекидывался всѣмъ тѣломъ такъ, что только ноги мелькали въ воздухѣ. Особенно хорошо умѣлъ онъ изображать движеніе желѣзной дороги: крикнетъ «фертигъ», сожметъ руки и побѣжитъ, сначала медленно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе, и при этомъ издаетъ ртомъ звуки, напоминающіе шумъ паровоза. За всѣ эти штуки, а также за всегда веселую болтовню, обитатели любили Павла и давали ему денегъ. Но подачки эти всегда безслѣдно исчезали, хотя лично для себя Павель никогда ничего не тратилъ; онъ не покупалъ себѣ даже одежды и вѣчно ходилъ весь ободранный, босой, полуголодный; спалъ въ концѣ села въ конурѣ, сколоченной изъ колева, кусковъ жести и тростника, а иногда и прямо у порога какой нибудь лавочки. Видя такую необыкновенную бережливость, люди искренно удивлялись Павлу и думали, что онъ копитъ деньги и прячетъ ихъ въ какомъ нибудь сокровенномъ уголкѣ. Никому не удавалось еще открыть истины. Но вотъ случилось обстоятельство, которое разомъ освѣтило всю нравственную фигуру Павла и показало, какъ велика и прекрасна была душа у этого несчастнаго бѣдняка.

Однажды къ Вазову подходитъ Павель и проситъ написать ему письмо въ «Швейцарское царство». «Что жъ ты пишешь брату?—спросилъ Вазовъ, догадавшись, что въ Швейцаріи живетъ его братъ.—Поклоны посылай?» Но вмѣсто отвѣта Павель, какъ всегда, сталъ дурачиться, зашутѣлъ, какъ паровозъ, и убѣжалъ. Подъ вечеръ Вазовъ увидѣлъ дальняго родственника Павла, дядю Матю, болтливаго, какъ всѣ торговцы, завелъ съ нимъ рѣчь и вотъ что услышалъ: «Онъ будетъ браниться, онъ просилъ меня никому не говорить, чтобы не срамить его брата. Но вашей милости, такъ и быть, скажу. Это вѣрно,

вотъ уже цѣлые два года, какъ онъ содержитъ своего брата, прося тутъ милостыню... У брата его сначала были деньги, а какъ вышли, онъ хотѣлъ бросить свое ученіе... Но, узнавъ объ этомъ, Павелъ сказалъ: «Этому не бывать! Пусть доучивается!» «Денегъ своихъ онъ не тратитъ, — продолжалъ дядя Матя: — все туда отсылаетъ. Голодаетъ, мучится, треплется съ утра до вечера, а все для того, чтобы сдѣлать изъ своего брата человѣка... Братская любовь, господинъ! Онъ хоть и дурачекъ, а поумнѣе многихъ умныхъ будетъ»...

Конечно, не всѣ рассказы Вазова имѣютъ общечеловѣческое значеніе; встрѣчаются среди нихъ и нѣсколько наивные, какъ, напримѣръ, «негостепримное село», гдѣ русскій путешественникъ Матвѣевъ заѣхалъ въ какое-то шопское село; шопы приняли его за нѣмца и до тѣхъ поръ не давали ему ѣсть, пока онъ съ отчаянія не разразился самыми площадными русскими ругательствами. По этой русской брани они и узнали, что онъ русскій, напоили, накормили его и всячески изъявляли ему свою любовь. Или, напримѣръ, довольно романтическій рассказъ «Во мракѣ», въ которомъ герой рассказа молодой инженеръ Керовъ, влюбленный и самъ любимый, осматривая только что прорытый туннель, вдругъ упалъ въ глубокой колодезь. Оставшись какимъ-то чудомъ въ живыхъ, онъ съ необыкновеннымъ трудомъ выбирается изъ него. Тутъ появляется его невѣста, Адель, начавшая уже беспокоиться о его долгомъ отсутствіи: въ колодезь онъ пробылъ нѣсколько дней. И все кончается самымъ лучшимъ образомъ, къ вѣщему удовольствію, какъ автора, такъ и читателя: счастливый донельзя Керовъ женится на Адели.

Вообще, сдѣлавшись старше, Вазовъ вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался и оптимистомъ; напримѣръ, его рассказъ «На Пиринѣ» тоже оканчивается вполне благополучно. Въ одну изъ страшныхъ, бурныхъ ночей, наканунѣ Рождества, молодой крестьянинъ Климъ изъ одного горнаго села заблудился въ горахъ. Долго блуждалъ онъ и думалъ уже, что приходится умирать, какъ вдругъ увидѣлъ себя въ родномъ селѣ, у своей избы. Само Провидѣніе спасло его и привело сюда голоднаго, почти замерзшаго.

Такъ, уже на склонѣ лѣтъ, проснулись въ Вазовѣ тѣ зачатки вѣры въ Бога, которые еще въ раннемъ дѣтствѣ его мать заложила въ его душу. Трудная, жестокая жизнь на время заглушила ихъ; первыя впечатлѣнія дѣтства замерли, чтобы воскреснуть вновь.

Среди рассказовъ Вазова есть нѣсколько такихъ, равныхъ которымъ не найдется во всей литературѣ. Когда вы ихъ читаете, вы совершенно проникаетесь ихъ прекраснымъ мягкимъ настроеніемъ, на сердцѣ дѣлается легко и отрадно, точно вы встрѣтили что-то давнымъ-давно знакомое, родное... Таковъ, напримѣръ, прелестный рассказъ «Епитропъ».

Вводная статья написана литературно и тепло; списокъ болгарскихъ словъ и замѣчанія о болгарскомъ языкѣ составлены толково и доступно. Пожелаемъ скораго выхода и другихъ переводовъ лучшаго юго-славянскаго беллетриста.

А. Яцимирскій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВИЗАНТІЙСКАЯ живопись въ Египтѣ. Членъ французскаго института восточной археологін въ Каирѣ, г. Кледа, напечаталъ отчетъ ¹⁾ о своихъ археологическихъ работахъ которыя онъ велъ въ Среднемъ Египтѣ, съ 1901 года. Деревня Баутъ, гдѣ производились раскопки, не отличается ничѣмъ особеннымъ отъ другихъ египетскихъ деревень съ ихъ лачугами изъ глины или сухого кирпича, съ кое-гдѣ попадавшимися болѣе видными домами, одиноко стоящими пальмами, нѣсколькими отгороженными садами, посаженными жидкими акациями и смоковницами. На границѣ пустыни возвышаются желтоватые курганы, изъ которыхъ многіе достигаютъ девяти метровъ вышины. На этомъ самомъ мѣстѣ вѣкогда находился знаменитый монастырь египетскихъ христіанъ, основанный въ V или VI вѣкѣ послѣ Р. Хр. Въ цвѣтущемъ состояніи онъ оставался до XIII вѣка, но съ этого времени сталъ быстро приходить въ упадокъ, а черезъ нѣсколько столѣтій и совсѣмъ былъ покинутъ монахами. Вскорѣ монастырь такъ занесло пескомъ, что о его существованіи совершенно забыли. Только 15 лѣтъ тому назадъ феллахи, отыскивая селитренное удобреніе для своихъ полей, случайно набрали на мѣсто, гдѣ находится монастырь, и нашли одну изъ церквей почти нетронутой. Разрушивъ часть кирпичной стѣны, они унесли каменный барельефъ для украшенія новой мечети въ сосѣдней деревнѣ Дашлутъ, балки же съ рѣзьбою, которыя служили украшеніемъ зданія, взяли на топливо. Нѣкоторые изъ главныхъ предметовъ, уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія, попали въ руки археологовъ весною 1901 года, а въ ноябрѣ того же года г. Кледа принялся за раскопки. Прежде всего онъ открылъ пятнадцать

¹⁾ Le Monastère et la Nécropole de Baout, par C. Cleat. Caire. 1904.

различныхъ часовенъ, большинство которыхъ очень простой архитектуры и состоятъ изъ небольшихъ комнатъ съ слегка приплюснутыми куполами, какіе встрѣчаются обыкновенно на большинствѣ коптскихъ церквей. Отъ тяжести наноснаго песка своды осыпались и усыяли обломками полъ внутри храмовъ. Всѣ крупныя части зданія были сдѣланы изъ сырого кирпича, соединеннаго простымъ известковымъ растворомъ и гладко покрытаго обмазкой изъ мелкой грязи, потому что штукатуренной—известкой. Дерево и камни употреблялись бережливо, чаще всего лишь для дверныхъ рамокъ и для колоннъ. Очень рѣдко стѣны покрывались живописью всѣ; чаще всего только куполъ, полотно фронтона, гдѣ находился алтарь и боковыя ниши. Остальныя же стѣны оставались бѣлыми, и на нихъ странники и богомольцы писали съ помощью острія черными и красными чернилами различныя довольно длинныя надписи, состоявшія изъ воспоминаній о своемъ странствованіи и проч. Эти надписи сдѣланы неумѣлыми руками и представляютъ какое-то безформенное царапанье, о чемъ, впрочемъ, жалѣть не приходится, такъ какъ и то, что можно прочесть,—мало интересно. То какой-то богомольецъ нацарапалъ свое имя, число и молитву, то начерчены молитвы къ святымъ монастыря, то воспоминанія о родителяхъ, то священныя воззванія, формулы заклинаній, строфы изъ священныхъ писаній и т. д. Впрочемъ между ними попадаются и болѣе цѣнныя; такъ въ первой часовнѣ оказались отрывки изъ календаря праздниковъ, изъ которыхъ многіе, повидимому, мѣстные. Въ часовнѣ № XII подъ фигурой каждаго значительнаго или мелкаго еврейскаго пророка приведены короткія выдержки изъ его пророчествъ. Самая любопытная надпись какихъ-то художниковъ, Георгія и Іакова, находится въ часовнѣ № III, конечно, если эти имена принадлежатъ не простымъ посѣтителемъ, а художникамъ, украсившимъ храмъ своими прекрасными работами. Украшеніемъ центральной части свода служить цѣлая система пальмовыхъ листьевъ, прикрѣпленныхъ двумя ромбами, въ центрѣ которыхъ находится розетка. Все это покрыто бѣлой краской, фонъ же—черный съ синею ретушью, служащей тѣнью, и которая какъ бы нарушаетъ сухость и рѣзкость чернаго и бѣлаго цвѣтовъ. Остальная часть свода до вертикальнаго отвѣса стѣнъ заполнена двѣнадцатью картинами, отдѣлявшимися другъ отъ друга греческимъ орнаментомъ, расположеннымъ крестообразно. Содержаніе картинъ взято изъ жизни царя Давида. Ихъ серія начинается съ западной стороны отъ входныхъ дверей. Первая изъ картинъ изображаетъ прибытіе пророка Самуила и миропомазаніе Давида сына Іессея. Это торжество происходитъ въ храмѣ съ колоннами, капители которыхъ коринтскаго ордена. На головѣ Самуила надѣтъ вѣнецъ; его волосы и борода совершенно бѣлыя. Онъ въ бѣлой мантии и въ рукѣ держитъ длинный жезлъ,—обычный знакъ отличія пророковъ и египетскихъ кудесниковъ. У Давида также на головѣ вѣнецъ, но онъ безъ бороды, и единственной его одеждой служитъ короткая туника, безъ рукавовъ. На слѣдующей картинѣ онъ представляется Саулу, а на другой играетъ ему на лирѣ. Саул сидитъ на сѣдалищѣ съ изогнутой спинкой и находится подъ вліяніемъ одного изъ своихъ припадковъ гнѣва. Онъ размахиваетъ надъ головою дротикомъ и бросаетъ его, но Давидъ будто не замѣчаетъ опасности. На поясѣ, стягивающемъ тѣло Давида, изображенъ надъ бахромою шиковый тузъ. Эта подробность

имѣть большую важность, такъ какъ въ игорныхъ картахъ пиковый король всегда называется Давидомъ, по крайней мѣрѣ, во Франціи, слѣдовательно исторія картъ и ихъ происхожденіе находитъ нѣкоторое освѣщеніе въ найденныхъ развалинахъ коптскаго монастыря. Слѣдующія три картины изображаютъ моменты изъ борьбы Голіааса съ Давидомъ. Герой, одѣтый въ латы, выслушиваетъ одобренія царя; затѣмъ онъ представленъ на огороженномъ для поединка мѣстѣ, а потомъ въ тотъ моментъ, когда онъ поразилъ Голіааса ударомъ камня изъ пращи и готовится отрубить ему голову. Четыре послѣдніе изображенные эпизода относятся къ ссорѣ Давида съ своимъ повелителемъ. Одинъ эпизодъ представляетъ Ноабскаго первосвященника, Акхимелека, дающаго ему 12-ть хлѣбовъ, приносившихся въ святая святыхъ, а другой Іонаана, предупреждающаго его объ опасности, какой онъ подвергается, оставаясь жить вмѣстѣ съ Сауломъ. По несчастію, двѣ послѣднія картины слишкомъ испорчены, чтобы можно было возстановить ихъ содержаніе. Вообще во всѣхъ часовняхъ встрѣчаются сюжеты изъ Ветхаго Завѣта, перемежающіеся вмѣстѣ съ сюжетами изъ Новаго Завѣта, и даже нѣкоторыя личности и событія слишкомъ очевидно заимствованы изъ апокрифическихъ писаній. Торжествующій, благословляющій народъ Христосъ, Божія Матерь, архангелы, апостолы, вмѣстѣ или отдѣльно, занимаютъ первое мѣсто почти въ каждой часовнѣ, а рядомъ съ ними помѣщены лица, принадлежація къ монастырской іерархіи, прежніе святые и администраторы того времени—Кириакъ, Мэна младшій, набожный Аполлонъ, братъ Іеремія, священникъ Іоаннъ. Иногда къ этимъ сюжетамъ примѣшиваются сцены изъ охоты: убѣгающія газели и раненный левъ, набрасывающійся на охотника, поражающаго его стрѣлою. Техника этой живописи разнообразная: то она исполнена водяными красками, то клеевыми на отштукатуренномъ и выбѣленномъ известкой фонѣ. Ихъ работа чрезвычайно разнообразна и исполнена въ различныя эпохи различными руками. Многія изъ картинъ относятся къ VII вѣку, но нѣкоторыя къ XI. По мнѣнію г. Кледа, лучшими можно считать картины, относящіяся къ концу IX и началу X вѣковъ. Геометрическія орнаментациа богаты и замѣчательно гармоничны, а художники, исполнившіе ихъ, отличались легкостью руки и утонченнымъ постиженіемъ красокъ. Однако они менѣе ловки въ исполненіи человѣческихъ фигуръ и животныхъ; въ этой области живописи ихъ рисунокъ становится сухъ, а композиція далеко не искусной. Кромѣ того, краски тусклы, тяжелы и распределены сплошнымъ, однообразнымъ колоритомъ, который кое-гдѣ нарушается болѣе темными штрихами или пятнами для обозначенія тѣни или для оживленія бѣлаго цвѣта. Когда разсматриваешь картины вблизи, то рисунки и колоритъ вмѣстѣ напоминаютъ декоративныя картины или миниатюры византійскихъ рукописей, и очень возможно, что онѣ принадлежали монахамъ, являвшимся изъ Константинополя, или египтянамъ, изучавшимъ живопись въ монастыряхъ имперіи. Сношенія между египетскими монастырями и другими частями свѣта на Востокѣ были постоянныя. На берегу Нила и въ пустыняхъ Нитріи находились сирійцы, армяне и греки, которыхъ привлекала репутація святости египетскихъ святилицъ, и которые оставили ихъ описаніе на своемъ родномъ языкѣ, потому очень возможно, что среди нихъ находились и худож-

ники, знавшіе византійскія способы и образцы. Они возобновили традиціи, существовавшія въ странѣ съ завоеванія арабами, дополняли по-своему воспитаніе мѣстныхъ художниковъ и служили имъ учителями. Вліяніе ихъ преподаванія пережило ихъ самихъ, и, внимательно присмотрѣвшись, въ этихъ часовняхъ можно узнать по очевиднымъ особенностямъ, если не множество различныхъ школъ, то, по крайней мѣрѣ, различныхъ мастеровъ. Такимъ образомъ г. Кледа открылъ до сихъ поръ еще неизвѣстный типъ византійскаго искусства, хотя эти Баутскія развалины не могутъ служить сокровищницей совершенныхъ образцовъ, ради которыхъ предпочитательнѣе производить работы въ Александріи и Египтѣ. Впрочемъ въ этомъ коптскомъ монастырѣ находится столько произведеній искусства многихъ лѣтъ, что они сами по себѣ уже могутъ служить матеріаломъ для цѣлой исторіи. Работы г. Кледа не окончились, а потому можно ожидать еще много новыхъ открытій.

— Новый трудъ по исторіи крестовыхъ походовъ. Французскій историкъ Маріусъ Фонтанъ, напечатавшій въ послѣдніе годы двѣнадцать томовъ своего громаднаго труда, озаглавленнаго: «Всемирная исторія», теперь присоединилъ къ нему тринадцатый томъ, посвященный крестовымъ походамъ¹⁾. Весь вышеупомянутый трудъ этого писателя тѣмъ болѣе интересенъ, что онъ не прибѣгаетъ къ приемамъ сухой хронологіи, а даетъ полную послѣдовательную картину соціальной жизни народовъ. Въ ней онъ шагъ за шагомъ представилъ цивилизаторское переселеніе арійскихъ народовъ, когда они подъ священные звуки первобытныхъ ведическихъ гимновъ покинули Индію, и мало-по-малу, какъ рой пчелъ, собрались по дорогѣ въ Иранъ и Египетъ, создали Афины и Римъ, вошли въ сношенія съ христіанствомъ и исламомъ, черпая изъ того и другого лишь то, что имъ болѣе всего подходило, организовали средневѣковую Европу и, наконецъ, совершили крестовые походы, т.-е. послѣ движенія впередъ сдѣлали шагъ назадъ, съ запада опять на востокъ. Это былъ именно тотъ моментъ, послѣ котораго свѣтлый геній расы направилъ ихъ къ истинному ихъ предназначенію: эпохамъ возрожденія, реформы и революціи, дополнившимъ одна за другою просвѣтленіе индо-европейской души. Исторію этихъ послѣднихъ эпохъ французскій историкъ обѣщаетъ дать не въ далекомъ будущемъ.

Въ своемъ тринадцатомъ томѣ Фонтанъ на пятистахъ страницахъ резюмируетъ въ сжатомъ видѣ бесполезную, хотя блестящую эпопею XII-го и XIII-го вѣковъ—попятные шаги, остановку, злосчастный и разорительный этапъ, выгодный монархіи и національности, но задержавшій шаги міровой цивилизаціи. Онъ даетъ ясное, синоптическое, бѣглое обзорѣніе арійскаго міра, какимъ онъ былъ въ тотъ моментъ, когда Европа, какъ бы зачарованная причудливымъ геніемъ Петра-Пустынника, ринулась на сарацинъ, желая завоевать въ Святой землѣ «своего новаго Бога, распятаго на Голгоѣ Иисуса». Предъ читателемъ то здѣсь, то тамъ выступаютъ политическія или народныя бродила, возбуждавшія и доведшія до зрѣлости общественное мнѣніе, всѣ вели-

¹⁾ Les Croisades (Histoire universelle), tome XIII, par Marius Fontane. Paris. 1904.

чайшіе подстрекатели, которымъ предстояло увеличить армію Христа, возбудить фанатизмъ въ избранныхъ лицахъ и въ народныхъ массахъ, привести на востокъ эту громадную, вышедшую изъ своихъ береговъ волну, которую ловкіе римляне, венеціанцы и византійцы пытались заключить въ каналъ и дать ей направленіе, согласно своимъ интересамъ. Позади фигуръ разнообразной толпы освободителей тѣла Христа—искателей приключеній, монаховъ, папъ и императоровъ, Фонтанъ выводитъ образъ смутнаго движенія работающаго народа, формирующихся государствъ и общинъ, подготовлявшихъ за счетъ своихъ отсутствующихъ господъ будущую эру своей свободы. Въ концѣ перваго крестоваго похода, послѣ триумфа герцога лотарингскаго, отважныхъ Готфрида, Танкреда и Возмонда, которыхъ не могли остановить ни мусульманскія полчища, ни хитрости Алексѣя Комнена, особенно послѣ взятія Іерусалима, феодализмъ сдѣлался полнымъ господиномъ, и великіе военно-монашескіе ордена хотѣли «доказать свое социальное значеніе». Но этотъ опытъ былъ неудаченъ, и невѣрные сумѣли воспользоваться въ свою пользу ошибками побѣдителей. Однако, повидимому, мелкіе христіанскіе владѣтели и палестинскіе магометане кончили бы, какъ испанскіе, т. е. жили бы довольно миролюбиво бокъ-о-бокъ, если бы не раздалось суроваго голоса святого Бернара, поученія папъ и прознесеннаго обѣта французскаго короля Людовика VII, отлученнаго отъ церкви папой. Все это возбудило второй крестовый походъ, окончившійся неудачей для христіанъ подъ стѣнами Дамаска и ускорившій паденіе неполитичныхъ феодаловъ, слабыхъ азіатскихъ бароновъ. Впрочемъ первый пылъ остылъ: народы и европейскіе государи поняли, что ихъ дѣятельность требуется на неотложныя нужды болѣе, чѣмъ на химерическія побѣды. Англія принялась работать съ пѣрами противъ королевскаго деспотизма; Франція стала помогать королевству въ его борьбѣ противъ дворянства. Папа Евгений III занялся борьбой съ республикой, провозглашенной въ Римѣ Арнольдомъ Бресціанскимъ, и бросился въ объятія опаснаго союзника, императора Фридриха Барбароссы, а Филиппъ-Августъ вскорѣ замѣтилъ, что выгодами крестовыхъ походовъ пользуется главнымъ образомъ тотъ, кто умѣетъ оставаться дома, посылая въ походъ своего сосѣда. Его неудачный походъ съ Ричардомъ Львинымъ Сердцемъ, полный неприятныхъ приключеній и столкновеній съ послѣднимъ, все время ратоборствовавшимъ съ своими и ссорившимся съ союзниками, еще болѣе укрѣпилъ его въ этомъ мнѣніи. Онъ, пожалуй, былъ даже радъ, когда за отсылку своей жены Ингенбурги громы Иннокентія III-го избавили его отъ участія въ четвертомъ крестовомъ походѣ, которымъ такъ ловко воспользовался старый дожъ Дондола, чтобы разрушить Греческую имперію и обезпечить венеціанцамъ свободный доступъ въ Константинополь. Хотя папа и простилъ его послѣ того, какъ онъ отослалъ свою жену Агнесу де Мерани и вернулъ Ингенбургу, но все-таки Филиппъ предоставилъ Жану Бриенскому вести нѣмцевъ и венгровъ на новыя пораженія предъ Даміеттскими оплотами. Затѣмъ послѣдовалъ шестой крестовый походъ и эфемерная побѣда императора Фридриха II, давшая ему лузиньянскую корону, которую онъ самъ себѣ надѣлъ въ безмолвномъ, полномъ ненависти и пораженномъ ужасомъ Іерусалимѣ. Послѣ него Людовикъ IX отправлялся въ два крестовыхъ похода, также неудачные, благо-

даря чумѣ, хотя благородная фигура Людовика Святого придавала этому походу истинную красоту, величіе и убѣжденность. Въ первомъ изъ нихъ онъ попался въ плѣнъ, и его съ трудомъ удалось выкупить, а во второмъ онъ умеръ отъ чумы. Фонтанъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: «Крестовые походы привели къ уничтоженію европейско-христіанскаго вліянія на всю африканскую и азіатскую территорію. Восемь большихъ походовъ за Христа оставили господствующей и истощенной Европѣ неспособныхъ государей и скороспѣлыхъ феодаловъ. Во всякомъ случаѣ эта крупная арійская несостоятельность, изъ которой вышелъ торжествующій и выросшій исламъ, имѣла непредвидѣнные послѣдствія и противодѣйствія: уничтоженіе вассаловъ, вступленіе на папскій престолъ неумѣренныхъ, раздражительныхъ, непроницательныхъ папъ, жестокую войну съ альбигойцами, которая дала возможность французскимъ королямъ округлить и объединить ихъ владѣнія. Національный характеръ своему дѣлу Филиппъ-Августъ придалъ оружіемъ, а Людовикъ Святой—законами; владѣтель Пль-де-Франса сдѣлался съ этихъ поръ владѣтелемъ владѣтелей, «господиномъ», и опираясь на законовѣдовъ, онъ сурово заставилъ почувствовать будущее королевское достоинство не только мятежныхъ вассаловъ, но папу и храмовниковъ. Наконецъ, благодаря, быть можетъ, неусиѣху крестовыхъ походовъ, который замыкаетъ циклъ великихъ общихъ движеній, монархія продолжаетъ свой путь,—мѣстные дворяне все болѣе и болѣе дѣлаются подчиненными, общины—связанными съ господствующими законами, власть монарха, идеальнаго, кельтическаго, «арійскаго» почти осуществилась въ этотъ моментъ, а будущее сдѣлалось неотмѣнно обреченнымъ на дальнѣйшую эмансипацію».

— Жертвы террора. Французская революція до сихъ поръ представляетъ для всякаго рода историческихъ статей и книгъ неистощимый источникъ, изъ котораго также почерпнули матеріалы для своей книги ¹⁾ историческій писатель Анри Альмерасъ и пространной монографіи ²⁾ Лефевр-Сентъ-Оганъ. Такъ много уже писали объ этой кровавой страницѣ во французской исторіи, что едва ли можно сказать о ней что нибудь новаго, а потому все, что говорится въ упомянутыхъ новинкахъ, намъ уже отчасти знакомо. Впрочемъ, онѣ представляютъ интересные эпизоды изъ революціонной эпопеи, характеристики героевъ той минуты и живо рисуютъ террористскую кровавую оргію, на которую привлекались жертвы, безъ вины виноватыя, не имѣвшія даже никакого отношенія къ политикѣ и жившія съ единственной мыслью очаровывать мужчинъ и наслаждаться роскошью съ помощью плодовъ своихъ побѣдъ. Къ такимъ жертвамъ террора принадлежали и героини означенныхъ разсказовъ. Госпожа Сентъ-Амарантъ была женою лейтенанта, бросившаго службу въ провинціи, перебравшагося въ Парижъ по желанію жены и занявшагося финансовыми дѣлами. Благодаря дядѣ жены, министру Вертену, имя Сентъ-Амаранта значилось въ спискѣ откупщиковъ. Но Парижъ совершенно закружилъ ему голову,

¹⁾ «Émilie de Sainte-Amaranthe, par Henri d'Alméras. Paris. 1904.

²⁾ Les dames de Sainte-Amaranthe, par Lefebvre-Ogan. «Nouvelle Revue», 15 Octobre—1 Novembre—15 Novembre—1 Décembre, 1904.

и онъ разорился на танцовщицъ и карты. Преслѣдуемый кредиторами, онъ бросилъ жену и скрылся въ Испанію, гдѣ сдѣлался кучеромъ. Роскошный домъ былъ проданъ, и г-жа Сентъ-Амарантъ хотѣла удалиться отъ свѣта. Но она была хорошенькая, и всѣ ея друзья удержали ее отъ этого шага. Слухи шли, что еще при мужѣ она находилась въ любовной связи съ нѣкимъ виконтомъ Понсъ, и у нея была отъ него дочь Эмили. Когда же ея мужъ бѣжалъ въ Испанію, то Понса замѣнилъ принцъ Конти, который болѣе всѣхъ настаивалъ, чтобы она не покидала Парижа, и позаботился о ея судьбѣ. «Подумать только,—говорила она,—что съ моимъ желтымъ цвѣтомъ лица, сѣдыми волосами и кривымъ носомъ мнѣ создали и сохранили жизнь, какъ хорошенькой женщиной». Но современники были о ней другого мнѣнія, и актеръ Флѣри называлъ ее «самымъ красивымъ орудіемъ салона, какое только можно было найти въ концѣ добраго стараго времени». Притомъ она была умна и казалась еще умнѣе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. Ея слова «бросались въ голову», и, болѣе того, она еще придавала ума другимъ, что было немалымъ соблазномъ. Легкомысленная голова, чудное сердце и четыре времени года въ день въ ея чувствахъ—вотъ портретъ г-жи Сентъ-Амарантъ. Несмотря на свой легкій нравъ, она заботливо наблюдала за дочерью и никогда не говорила съ нею о своихъ тайнахъ, такъ что дѣвушка считала себя дочерью Сентъ-Амаранта и питала къ нему культъ, вѣряя къ его портрету, такъ какъ самъ онъ отсутствовалъ. Эмили была ослѣпительно прекрасна. Ея красота отличалась отъ материнской тѣмъ, что у г-жи Сентъ-Амарантъ вся прелесть заключалась въ выразительности лица, тогда какъ у Эмили главную роль играли правильныя черты лица. Злые языки увѣрили, что г-жа Сентъ-Амарантъ продала дочь графу Артуа, и у нея послѣ короткой связи съ нимъ родилась дочь; даже называли сумму, полученную отъ графа Артуа. Но сама г-жа Сентъ-Амарантъ со слезами отрицала это, говоря своей знакомой, г-жѣ Роланъ, что это клевета. Для избѣжанія этихъ скандальныхъ слуховъ она рѣшилась уѣхать съ дѣтьми и своимъ другомъ, нѣкимъ Окканъ, прежнимъ плантаторомъ, замѣнившимъ умершаго принца Конти. Но этотъ отъѣздъ еще болѣе усилилъ злую клевету, и когда они снова возвратились въ Парижъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отсутствія, то ихъ встрѣтили еще большія клеветы. Въ началѣ революціи г-жа Сентъ-Амарантъ, состояніе которой находилось главнымъ образомъ въ акціяхъ Индѣйской компаніи, почувствовала всю тяжесть суровыхъ мѣръ учредительнаго собранія, которое не слушало совѣтовъ Неккера. Въ свою очередь, то же событіе разорило Оккана вслѣдствіе совершеннаго уничтоженія колоніальной торговли. Собравъ остатки своего состоянія и присоединивъ къ деньгамъ своихъ друзей, онъ задумалъ открыть игорный домъ въ Палэ-Роялѣ, подъ названіемъ «Академіи искусствъ». Въ эпоху революціи торговля и промышленность были совершенно парализованы, и не оставалось иного выхода, какъ открытіе игорныхъ домовъ. Всѣ деньги прятались, и только было можно ихъ видѣть за игорными столами, гдѣ процвѣтали «креспъ» и «бириби». Не было улицы, гдѣ не находилось бы двѣнадцати игорныхъ домовъ; въ одномъ Палэ-Роялѣ ихъ было шестьдесятъ. Ихъ прозвали академіями, и они были всевозможныхъ категорій для всякихъ соціальныхъ условій и для всякихъ кошелевковъ. Въ улицѣ Тэтбу, у прежней актрисы, г-жи Жюльенъ, играли въ «тридцать одинъ»;

у г-жи Лафаръ, въ улицѣ Ришелье, гдѣ собирались аристократы на чай и завтракъ, по-английски, былъ въ ходу «бирби»; у г-жи Гюэ танцовали и играли; у г-жи Лакуръ, кромѣ того, были хорошая кухня, крѣпкое вино и плѣнительныя женщины, а у г-жи Сентъ-Ромэнъ въ Палэ-Роялѣ — хорошенькія племянницы. Въ улицѣ Траверсьенъ-Сентъ-Онорэ допускались лишь лица, пріѣзжавшія въ собственныхъ экипажахъ. Въ то время на игорные дома смотрѣли иначе, чѣмъ теперь. Вельможа, какъ графъ Шангранъ, не брезгалъ встать во главѣ такого учрежденія въ улицѣ Аркадъ, и его дочери не помѣшало это обстоятельство вытти замужъ за Рогана въ тюрьмѣ во время террора, а потомъ за графа Сентъ-Симона. Однако академія Оккана превосходила роскошью игорный домъ графа Шанграна, какъ по богатству банка, великолѣпнѣе обстановки, такъ и строго избранному обществу. По словамъ прежняго банкира Делаборда, этотъ салонъ напоминалъ своимъ великолѣпнѣе игру короля въ Версалѣ. Чтобы придать болѣе блеска своему игорному дому, Окканъ подослалъ къ г-жѣ Сентъ-Амарантъ акціонеровъ съ просьбою пріѣзжать туда съ дочерью ежедневно и занимать мѣсто хозяйки за ужинами. Сознавая, въ какомъ она находится непрочномъ положеніи, г-жа Сентъ-Амарантъ была принуждена принять это предложеніе. По ея словамъ, въ «Академіи искусствъ» царствовала такая благопристойность, что можно было, не рискуя, являться съ дочерью. Но въ этомъ игорномъ домѣ не только играли, а еще собирались у г-жи Сентъ-Амарантъ въ собесѣднѣмъ салонѣ и бесѣдовали. Всѣ сливки общества, еще не переселившіяся изъ Парижа, встрѣчались тамъ и философствовали, какъ было въ модѣ того времени, пересыпая блестящими парадоксами свои рѣчи и проч. Днемъ все это общество являлось въ ея квартиру, и бесѣды продолжались. Среди аристократовъ тамъ бывали и актеры, между прочимъ Флѣри и Литаръ, болѣе извѣстный подъ именемъ Триала. По увѣренію г-жи Роланъ, послѣдній тамъ не бывалъ, чтѣ послужило причиной гибели г-жи Сентъ-Амарантъ, ея дочери и сына, Лили; будто бы по доносу, сдѣланному по злобѣ Триалемъ за то, что она отказалась его принимать, вся семья была казнена. Напротивъ, Флѣри въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о немъ, какъ о посѣтителѣ салона г-жи Сентъ-Амарантъ. За Эмили въ это время ухаживалъ графъ Тилли, и, по слухамъ, у нея была съ нимъ связь. Но мать мечтала объ иной партіи; ей предстояло выбрать для дочери мужа изъ трехъ ухаживателей. Всѣ три были сыновьями министровъ — Сартина, Мироменля и Мону. Послѣдній былъ всѣхъ веселѣе, любезнѣе и сильнѣе влюбленъ въ Эмили. Сначала она оказывала ему предпочтеніе, но потомъ относилась къ нему такъ же равнодушно, какъ и къ остальнымъ. Дѣло въ томъ, что она любила личность, не бывавшую въ салонѣ ея матери, и даже съ которой ей не приходилось разговаривать — пѣвца Эллевиу изъ комической оперы, игравшаго въ пьесѣ «Филиппъ и Жоржетта», въ то время привлекавшей весь Парижъ. Пѣвецъ принадлежалъ къ хорошей семьѣ, былъ красивъ и хорошо воспитанъ. Романъ завязался чрезъ *ouverture*, подававшую каждый разъ ей цвѣты, говоря, что у нея отецъ садовникъ, и онъ былъ бы счастливъ, если бы его цвѣты понравились такой прелестной барышнѣ. Въ то время было въ модѣ носить букеты сбоку корсажа, и однажды тетка молодой дѣвушки замѣтила, что она не приколотила букета, когда отиравилась въ

театръ. Это была уловка: она хотѣла приколоть другой букетъ, который ей подастъ *ouvrage*. Однажды въ букетѣ была записка, которая послужила для начала романа. Эллевиу жилъ почти семейно съ танцовщицей Клотильдой, на которой впоследствии женился Буальдье. Она приревновала Эмили къ своему любовнику, найдя въ его столѣ записку, подписанную «Жоржетта», и замѣтивъ нѣжные взгляды, которыми обмѣнивались пѣвецъ и Эмили, написала г-жѣ Сентъ-Амарантъ письмо, угрожая сдѣлать скандалъ, если этотъ романъ не прекратится. Г-жа Сентъ-Амарантъ ничего не сказала дочери о письмѣ, но, пользуясь тревожными событіями республики, она подъ этимъ предлогомъ уѣхала съ дѣтьми въ Руанъ, гдѣ было довольно спокойно, и рѣшила остаться тамъ на зиму. Она предложила Эмили условіе: или выйти замужъ, если она хочетъ возвратиться въ Парижъ, или остаться въ Руанѣ. Эмили выбрала Сартина, какъ менѣе стѣснительнаго мужа, и свадьба состоялась въ Руанѣ, а затѣмъ молодые съ матерью и братомъ опять переѣхали въ Парижъ. Въ это время революція была въ самомъ разгарѣ, и всѣ старые друзья г-жи Сентъ-Амарантъ покидали Парижъ. Однажды вечеромъ къ ней явился графъ Тилли и, объявивъ, что онъ тоже уѣзжаетъ изъ Парижа, совѣтовалъ и ей отправиться вмѣстѣ, предлагая къ утру достать паспорта. Но она утѣшала себя иллюзіями, что террора еще нѣтъ, и женщинамъ ничего не сдѣлаютъ; къ тому же ея дѣла были не устроены, и она не рѣшалась бросить ихъ и свой домъ на разграбленіе. Притомъ она знала, что многихъ бѣглецовъ останавливали во время бѣгства, а если бы они оставались дома, то о нихъ, можетъ быть, и забыли бы. Напротивъ, Эмили признавалась Тилли, что не раздѣляетъ мнѣнія матери и чувствуетъ, что это упорство будетъ стоить ей жизни. Тилли умолялъ ее уѣхать, но она вся въ слезахъ заявила ему, что не можетъ отдѣлить своей судьбы отъ судьбы матери. Но его слова оскарпваются, такъ какъ Тилли добавилъ еще, что Эмили сказала ему, будто она еще его любитъ, тогда какъ извѣстно, что она любила одного только Эллевиу. Г-жа Сентъ-Амарантъ твердо рѣшилась не покидать Франціи и не эмигрировать, опасаясь болѣе всего униженій и бѣдности, даже болѣе смерти. Она была очень озабочена по возвращеніи въ Парижъ; акціи Индѣйской компаніи съ каждымъ днемъ падали въ цѣнѣ, дѣла игорнаго дома были не блестящи, такъ какъ большинство завсегдатаевъ «тридцати одного» бѣжали за границу, другіе же боялись выходить изъ дома. Согласно требованіямъ революціи, «Академія искусствъ» нѣсколько демократизировалась. Приглашенные, сядившіеся за столъ, за которымъ предсѣдательствовала г-жа Сентъ-Амарантъ, платили издержки за ужинъ, а на поясѣ хозяйки теперь блестяла связка ключей. Посѣтители «Академіи» были уже не столь блестящіе, какъ прежде, но хозяйка дома сознавала, что надо уважить «новыхъ господъ», и принимала членовъ конвента. Теперь игорный домъ находился въ улицѣ Сентъ-Аннъ, въ прежнемъ домѣ Гельвеціи. Г-жа Сентъ-Амарантъ знала, что вліятельный Триаль относится къ ней непріязненно; напротивъ, Колэнъ бывалъ у нея часто и увѣрялъ ее въ своей доброжелательности, но господствующее положеніе въ «Академіи искусствъ» занимали изящные жироидисты. Мирабо, являвшійся къ ней во время національнаго собранія, игралъ въ крупную игру и много проигрывалъ. Тамъ же бывали: Манкюэль, Фабръ

д'Еглантинъ, Антонелль, Эро де-Сешелль, Сень-Жюсть, Мерлэнъ, Петьонъ, Барреръ, Съесъ, Шапелье, Бюзю, Барнавъ, Лува. Верньо сдѣлался другомъ и покровителемъ г-жи Сень-Амарантъ и такъ же, какъ Тилли, уговаривалъ ее уѣхать изъ Франціи, когда почувствовалъ свою партію побѣжденной. Младшій Робесъьеръ тоже посѣтилъ салонъ «Академіи искусствъ» вмѣстѣ съ Николаемъ и Симономъ Дюплэ; ихъ привелъ туда Мишо изъ Французской комедіи. Камилль Демулэнъ былъ тамъ два раза, и относительно закрытія оперы онъ замѣтилъ Сартину: «Опера — это главное мѣсто цивилизаціи, и если ее закроютъ, то впадутъ въ варварство». Камилль Демулэнъ не понравился г-жѣ Сень-Амарантъ, и она обошлась съ нимъ холодно, такъ что онъ больше не возвращался. Но одинъ ея другъ замѣтилъ, что ей придется принимать гостей похуже Камилля Демулэна, на что она со смѣхомъ отвѣтила: «Довольно и этого!» Однако предсказанія ея друга сбылись, и въ одинъ прекрасный день въ ея салонъ вошелъ встревоженный слуга и объявилъ, что въ кухню явилась цѣлая банда марсельцевъ, и, когда ихъ главарь Мамэнъ, убившій принцессу Ламбаль, назвалъ свое имя, то съ женою слуги отъ страха сдѣлалось дурно. Они потребовали обѣдать, и Мамэнъ предупредилъ слугу: «Знаешь, братецъ, не давай мнѣ кухоннаго вина: я привыкъ пить Бордо и Эрмитажъ». Сначала всѣ были испуганы, но г-жа Сень-Амарантъ первая опомнилась и приказала дать имъ хорошаго вина. Марсельцы отобѣдали и удалились. Но на другой день, когда у нея были гости, слуга опять доложилъ о приходѣ марсельцевъ; на этотъ разъ они требовали, по праву равенства и братства, завтракать вмѣстѣ съ г-жой Сень-Амарантъ. Пришлось преклониться предъ обстоятельствами, и Мамэнъ былъ приведенъ въ столовую. Онъ былъ неприятнымъ на взглядъ, но держалъ себя прилично, не говорилъ лишняго, не пилъ и, несмотря на твердо принятое имъ рѣшеніе говорить всѣмъ «ты», онъ чаще употреблялъ «вы», особенно обращаясь къ дамамъ. Послѣ завтрака онъ предложилъ дамамъ по парѣ перчатокъ, на которыхъ были изображены Польша и Виргинія, и сказалъ: «Это васъ предохранитъ отъ всякихъ опасностей болѣе, чѣмъ цѣлая батгарея пушекъ». Онъ былъ особенно любезенъ съ г-жею Роланъ, и когда на другой день онъ встрѣтилъ ее при выходѣ изъ театра, то спросилъ, какъ нравится ей пьеса «*Le petit sacristain*», нѣсколько вольтерьянскаго направленія, и которую публика съ реакціоннымъ направленіемъ своими протестами остановила и не дала окончить. Услышавъ, что г-жа Роланъ хотѣла бы видѣть конецъ, Мамэнъ взялъ свою банду, которая палками разогнавъ шумѣвшихъ, заставила актеровъ играть. На другой день Мамэнъ явился къ г-жѣ Сень-Амарантъ, чтобы услышать благодарность, и сказалъ г-жѣ Роланъ, что счастливъ былъ сдѣлать это для такой доброй гражданки, какъ она. Но она слишкомъ понадѣялась на свое могущество надъ нимъ и завела политическій разговоръ, затронувъ Марата. Тогда взбѣшенный Мамэнъ всталъ и произнесъ: «Я скорѣе принесу Марату голову Роланъ, чѣмъ отдѣлюсь отъ истиннаго друга народа!» — и вышелъ, не сказавъ никому «прощай». Вслѣдствіе своей неосторожности г-жа Роланъ принуждена была прятаться нѣсколько дней. Мамэнъ донесъ, что она предлагала ему свое расположеніе съ условіемъ, чтобы онъ принесъ ей голову Марата. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, она была замѣчена Мамэномъ въ театрѣ и едва успѣла спастись отъ внезапнаго

ареста. Постъ этого посѣщенія Мамэна г-жа Сентъ-Амарантъ рѣшилась покинуть, если не Францію, то по крайней мѣрѣ Парижъ, и переехала въ свое имѣніе Сюси въ Бри. Съ нею отправились ея дѣти и Окканъ, который вслѣдствіе болѣзни не могъ вести дѣла игорнаго дома. Здѣсь они вели спокойный образъ жизни, и ихъ изрѣдка посѣщали оставшіеся въ Парижѣ друзья и знакомые. Г-жа Сентъ-Амарантъ должна была, однако, отправиться по дѣламъ въ Парижъ, и ея друзья заказали заранѣе въ ресторанѣ Розъ лучшей кабинетъ, гдѣ она съ семьєю и г-жею Роланъ должна была обѣдать. Когда она пріѣхала въ ресторанъ, то хозяинъ, — ея бывший поварь, — извинился предъ нею, говоря, что этого кабинета занялъ гражданиномъ Дантономъ, и отвелъ ихъ въ сосѣдную съ нимъ комнату. Судьбѣ было угодно, чтобы Дантонъ въ тотъ же вечеръ занялъ ложу противъ нея, а она изъ любопытства на время перешла въ сосѣдную съ нимъ свободную ложу, съ цѣлю хорошенько его разсмотрѣть, и чтобы въ театрѣ присутствовалъ аббатъ Эсианьякъ, поставщикъ на республиканскую армію, который зналъ г-жу Сентъ-Амарантъ и давалъ ей совѣты относительно ея акцій Индѣйской компаніи. На другой день вся семья возвратилась въ Бри. Нѣсколько дней спустя, они узнали объ арестѣ Флѣри и всей труппы Французской комедіи изъ-за «Памелы», направленіе которой революціонеры находили реакціоннымъ и аристократическимъ. Газеты ежедневно извѣщали о новыхъ казняхъ и арестахъ; жироидисты уже погибли и съ ними вѣрный другъ г-жи Сентъ-Амарантъ, Верньо, умолявшій ее покинуть Францію. Теперь ихъ посѣщала лишь г-жа Роланъ. Наступили «каникулярные дни революціи»; Морэнвилль, де-Прессакъ и Моранъ находились въ тюрьмѣ, другіе друзья г-жи Сентъ-Амарантъ скрывались или бѣжали. Только Феликсъ Лепеллетъ де-Сенъ Фаржо совершенно перешедшій къ революціонерамъ, посѣщалъ ее. Правда, у нихъ бывалъ еще одинъ таинственный посѣтитель, который иногда бродилъ по ночамъ около ограды ихъ дома, что не разъ видѣли запоздавшіе крестьяне. Это былъ Эллевіу, являвшійся на тайное свиданіе къ Эмили въ тѣ вечера, когда у него не было представленія. Онъ пріѣзжалъ въ экипажѣ, оставлялъ его въ окрестностяхъ, пробирался по указанной Эмили тропинкѣ и проходилъ въ садъ чрезъ калитку, ключъ отъ которой она вручила ему лично. На окнѣ появлялся условный сигналъ, и онъ пробирался по кухонной лѣстницѣ къ ней. Она взяла въ привычку ежедневно удаляться къ себѣ въ комнату отъ семи до девяти часовъ, пока ея мужъ игралъ въ карты съ ея теткой, г-жею Бордо. Она не любила его и ожидала момента развестись съ нимъ и выйти замужъ за своего пѣвца, совершенно разставшагося съ Клотильдой. Въ одинъ изъ вечеровъ, когда Эмили находилась въ своей комнатѣ съ Эллевіу, вдругъ раздались пѣніе, крики и сильный звонокъ. Это былъ отрядъ революціонной арміи; всѣ участники были въ красныхъ колпакахъ и вооружены пиками. Имъ поручили посѣтить всѣ богатые дома и захватить кухонную металлическую посуду для переработки ея на пушки. Обойдя дворъ, они вломались на кухню и закричали: «Откройте салонъ, или мы выломаемъ двери». Г-жа Сентъ-Амарантъ съ г-жею Роланъ знали о свиданіяхъ пѣвца съ Эмили и отправились ее предупредить; за ними пошла вся банда. Улыбающаяся Эмили уже ожидала ихъ на порогѣ комнаты, сосѣдней съ сальной. Одинъ изъ республиканцевъ былъ пораженъ красотою Эмили и инстинктивно прикоснулся рукою

до своего колпака, объяснивъ цѣль ихъ посѣщенія. На это не растерявшаяся Эмили весело отвѣтила: «Какъ, вы ищете кастрюли и прочіе подобныя предметы въ комнатѣ молодой женщины? Вы здѣсь найдете только картонки, цвѣты и ленты; у меня есть синія, красныя и бѣлыя, и я вамъ отдамъ ихъ на карды». Вся банда посѣщила въ комнату и стала весело плясать, въ то время время какъ Эмили, открывъ одинъ изъ шкаповъ, охапкой выбросила имъ ленты. Революціонеры весело закричали: «Ура, красивая гражданка!», при этомъ одни принялись снимать колпаки, другіе дѣлали ей честь по-военному, все время повторяя: «Ура, прекрасная, прекрасная гражданка!». Такимъ образомъ Эллевіу удалось ускользнуть. Въ первыхъ числахъ Жерминаля г-жа Сентъ-Амарантъ сидѣла въ своей гостиной, охваченная темными предчувствіями вслѣдствіе дурнаго сновидѣнія: она видѣла, что родила трехъ летучихъ мышей. Оккану только что сдѣлали вторую операцію и къ обѣду его принесли на креслѣ. Въ этотъ день къ нимъ пріѣхала изъ Парижа г-жа Роланъ. Послѣ обѣда, когда Лили читалъ вслухъ, раздался тихій звонокъ, и лакей ввелъ цѣлую толпу революціонеровъ, изъ которыхъ многіе были съ трехцвѣтными шарфами. Они назвали себя членами революціоннаго комитета въ Бри. Во главѣ явившихся былъ швейцаръ г-жи Сентъ-Амарантъ, который объявилъ ей, что по приказанію Комитета Общественной Безопасности онъ осмотритъ домъ и арестуетъ гражданина Оккана, гражданку Сентъ-Амарантъ, ея сына, гражданку и гражданку Сартинъ и прочихъ подозрительныхъ лицъ, какія окажутся въ домѣ. Оккана перенесли въ его комнату, чтобы онъ открылъ свой столъ для осмотра; затѣмъ перешли въ комнату г-жи Сентъ-Амарантъ и, найдя въ ея столикѣ миниатюры Эмили въ возрастѣ семи лѣтъ и Лили—пяти, приняли ихъ за сына и дочь Капета. Какъ ни старалась ихъ увѣрить г-жа Сентъ-Амарантъ, что это ея дѣти, все было тщетно. Найдя у Лили патриотическія пѣсни, они рѣшили, что онѣ были подложены съ умысломъ. Видя, что за г-жею Роланъ и Эмили никто не наблюдаетъ, г-жа Сентъ-Амарантъ шепнула имъ, что позади гравюры Республики лежатъ акціи англійскаго банка, которыя надо вручить вѣрному слугѣ Кренэ. Она это сдѣлала не только, чтобы сохранить ихъ отъ конфискаціи, но также изъ предосторожности, такъ какъ самымъ ужаснымъ обвиненіемъ считалось помѣщеніе фондовъ за границей, и этотъ проступокъ наказывался смертною казнью. Г-жа Бордо и г-жа Роланъ не были упомянуты въ записи лицъ, предназначенныхъ къ аресту, и потому ихъ оставили до поры до времени на свободѣ. Уже была полночь, когда арестованныхъ отправили въ каретъ, окруженной жандармами. Въ то утро, когда была арестована г-жа Сентъ-Амарантъ, въ конвентѣ былъ поднятъ о ней вопросъ по поводу Дантона. «Въ то же время,—заявлялъ Сентъ-Жюсть,—Дантонъ часто обѣдалъ у Розъ вмѣстѣ съ англичанами; онъ обѣдалъ съ испанцемъ Гюсманомъ три раза въ недѣлю и съ постыдной Сентъ-Амарантъ, д.... Сартинъ и Лакруа. Тамъ-то и устраивались нѣкоторые изъ этихъ обѣдовъ въ сто экую съ головы». Въ то же время Шенаръ, одинъ изъ товарищей Эллевіу, предупредилъ его, что поѣздки на дачу къ г-жѣ Сентъ-Амарантъ были замѣчены крестьянами и переданы Триалю. Эллевіу былъ выданъ за Дантона, который будто бы устраивалъ въ обществѣ прекрасныхъ дамъ паденіе Робеспьера, и что первый актъ

заговора состоялся въ ресторанѣ Розъ. Ради спасенія обѣихъ женщинъ Шенаръ совѣтовалъ пѣвцу отправиться въ Комитетъ Общественной Безопасности и объявить, что не политика была цѣльк его посѣщеній Сюси. Но Эллевиу не послушался товарища, и, по словамъ г-жи Роланъ, это обстоятельство послужило причиной гибели всей семьи Сентъ-Амарантъ. Въ найденныхъ у Сентъ-Жюста бумагахъ находились замѣтки, относящіяся къ г-жѣ Сентъ-Амарантъ, какъ принимавшей подозрительное общество, и доносъ, помѣченный 13-мъ Фримэромъ, о замѣшанныхъ въ эти интриги Дефиё, Проли, Перейра, Дюбюссонъ и Шабо. Это были лица, съ которыми она вела денежныя дѣла, и о нихъ она не упоминала ни своимъ свѣтскимъ друзьямъ, ни г-жѣ Роланъ; они были казнены вмѣстѣ съ Дантономъ. Семейство Сентъ-Амарантъ было отвезено сначала въ Сентъ-Пелажи, а потомъ, нѣсколько дней спустя, въ «Монастырь англичанокъ». Дни проходили довольно весело въ «Монастырь англичанокъ»: всѣ болтали, играли въ трикъ-тракъ и тридцать одинъ, потомъ прогуливались въ саду за длинной оградой. Была весна и, по словамъ стариковъ, никогда не было «столь блестящаго солнца, яснаго неба и теплаго и чистаго воздуха, какъ въ тотъ годъ». Садъ заключенныхъ граничилъ съ кладбищемъ, гдѣ они просиживали до вечера, пока не наступалъ часъ удалиться въ душныя комнаты, гдѣ ихъ помѣщали по 8 человекъ. Сонъ узниковъ иногда прерывался стукомъ въ дверь и выключкой. 28 флореала въ 9 часовъ вечера узники были еще на дворѣ, когда явились жандармы, чтò означало распоряженіе удалиться по своимъ комнатамъ, гдѣ производился обыскъ. Все было отобрано у заключенныхъ, начиная съ денегъ и кончая булавками. Одна Эмили пользовалась нѣкоторой свободой и выходила въ приемную, въ которой находилась рѣшетка, сообщавшаяся съ входной дверью, и чрезъ эту рѣшетку ей позволяли видѣться съ г-жею Роланъ. 26-го преріала г-жа Роланъ случайно присутствовала на засѣданіи конвента, гдѣ Элю-Лакостъ читалъ рапортъ о тюремныхъ заговорахъ и между прочими заговорщиками упомянулъ г-жу Сентъ-Амарантъ, ея сына и дочь. Шенаръ попробовалъ обратиться къ Феликсу Лепеллетье де-Сентъ-Фаржо, умоляя его употребить все свое вліяніе, чтобы спасти ихъ. Послѣдній признался, что онъ не вѣритъ въ заговоръ, указанный Сентъ-Жюстомъ въ конвентѣ 12-го жерминаля, ни новымъ обвиненіямъ Элю-Лакоста, но сдѣлать ничего ни можетъ, а только повредить себѣ. Несмотря на всѣ старанія скрыть отъ г-жи Сентъ-Амарантъ, что произошло въ конвентѣ, она все узнала, но духомъ не упала и сказала, «что не беспокоится, такъ какъ если губятъ только виноватыхъ, то ей нечего бояться, если же всѣ безъ разбора должны быть умерщвлены, то она менѣ несчастна, если будетъ казнена первой, такъ какъ ей придется менѣ сожалѣть о предшествовавшихъ ей казненныхъ». Съ минуты на минуту ожидали отправки жертвъ въ Консервжери, этотъ послѣдній этапъ по дорогѣ къ эшафоту. При всякомъ шумѣ экипажа всѣ вздрагивали. Цѣлыхъ три дня прошли въ подобной агоніи. Наконецъ, однажды вечеромъ въ 11 ч. предъ тюрьмой остановилась тяжелая телѣга, прозванная «движущимся гробомъ». Семья Сентъ-Амарантъ уже спала; вошелъ помощникъ тюремщика и разбудилъ узниковъ; они приблизились, и узнавъ, что находятся всѣ на одномъ листѣ приговоренныхъ, Лили и Эмили бросились обнимать мать, произнося:

«Ахъ, какъ мы рады, мама! Мы умремъ вмѣстѣ съ тобою!» 29-го преріаля, въ десять часовъ съ половиной въ залѣ Свободы состоялось судилище. Обвинителемъ былъ Лъедонъ, замѣнившій Фукье-Тенвила. Когда были произнесены приговоры, жертвъ отправляли въ залъ канцеляріи въ ожиданіи приготовленій для слѣдованія на эшафотъ. Судьбѣ было угодно, чтобы г-жа Сентъ-Амарантъ и ея дочь оказались въ обществѣ актрисы Грандмэзонъ, на которую мужъ Эмили потратилъ немало денегъ. Затѣмъ всѣ вышли на грязный дворъ, полный заразы; здѣсь имъ обрѣзали волосы. Эмили передала свои волосы начальнику Консержери со словами: «Сударь, я поступлю несправедливо съ палачемъ; но это единственное наслѣдство, которое я оставляю моимъ друзьямъ. Они узнаютъ объ этомъ и, можетъ быть, придутъ въ одинъ прекрасный день требовать этотъ знакъ памяти. Я полагаюсь на вашу честность...». Комитетъ Общественной Безопасности предписалъ надѣть на приговоренныхъ красныя одежды, какъ на убійцъ народа, но объ этомъ приказъ вспомнили лишь въ послѣднюю минуту и достали гдѣ возможно красной матеріи, которую прикрѣпили веревками на шеѣ, какъ мантии. Эмили не могла скрыть улыбки, увидя подобныя одѣянія, и заключила, что это будетъ походить на карнавальное шествіе. Было четыре часа, когда приговоренные сѣли въ телѣгу, и Фукье-Тенвилль очень хотѣлъ видѣть эффектъ, какой произведутъ красныя одѣянія. Съ этою цѣлью онъ смотрѣлъ изъ окна привратника Консержери и остался доволенъ, говоря: «Можно подумать, что это компанія кардиналовъ». Увидя улыбающуюся Эмили, онъ произнесъ: «Вотъ нахальная..... Надо ее посмотреть тамъ, чтобы узнать, сохранить ли она до конца этотъ характеръ». Телѣга съ женщинами ѣхала впереди; за нею слѣдовала телѣга со стариками, въ которой былъ и Сартинъ, мужъ Эмили, хотя ему минуло только 35 лѣтъ. Лили былъ съ матерью и сестрою, ободряющею его словами: «Не лучше ли тебѣ умереть съ нами, чѣмъ жить съ убійцами нашей матери и слышать этихъ свирѣпыхъ канальевъ?». Она все время говорила съ нимъ. Въ толпѣ Эмили замѣтила Эллевіу, который все время забѣгалъ впереди телѣги, и только молящій взглядъ Эмили остановилъ его отъ дальнѣйшаго слѣдованія за телѣгой. Далѣе ея глаза встрѣтились съ глазами Клотильды, его покинутой любовницы; ея взглядъ выражалъ ненависть. Наконецъ печальное шествіе достигло эшафота. Приговоренные сошли съ телѣги. Палачъ надѣлъ красный кафтанъ. Начать казнь было предписано съ женщинъ, но г-жа Сентъ-Амарантъ упросила, чтобы ея сынъ Лили былъ равнѣ ея казненъ, Эмили же послѣ нея. Когда палачъ взялъ мальчика, г-жа Сентъ-Амарантъ потеряла сознаніе, и ее привязали безчувственную къ доскѣ. Близъ площади, гдѣ казнили, былъ устроенъ ресторанъ, и на карточкѣ кушаній находились имена приговоренныхъ. Красотою обѣихъ Сентъ-Амарантъ всѣ восхищались, и съ того дня вошли въ моду красныя шали. Г-жа Роланъ узнала о казни своихъ друзей, когда газетчики выкрикивали на бульварѣ имена казненныхъ. Объ Окканѣ, можетъ быть, и забыли бы, если бы не генераль Буланже, преемникъ Сантерра въ командованіи національной гвардіей. Онъ имѣлъ что-то противъ него и написалъ два письма Фукье-Тенвиллю, напоминая ему о немъ. Такъ какъ Оккану было лучше, то его перевезли на эшафотъ. 9-го термидора, когда народъ, вслѣдствіе слуха о событіяхъ въ конвентѣ, хотѣлъ

отпрячь лошадей и освободить приговоренных, Окканъ просилъ спасти его спутниковъ, но оставить его умереть. Въ это время явился Анрю, саблею разогналъ народъ, и телѣга продолжала путь. Нѣсколько минутъ спустя, его самого выбросили изъ окна ратуши, а на другой день его казнили. Эллевю набрался смѣлости и отправился въ Консьержери за волосами Эмили—вотъ все, что онъ сдѣлалъ для нея.

— Письма Эльвиры къ Ламартину. Какъ большинство романистовъ и поэтовъ, Ламартино въ нѣсколькихъ произведеніяхъ увѣковѣчилъ пережитую имъ въ жизни любовь, воспѣвъ предметы своей страсти. Извѣстно, что въ своемъ романѣ «Graziella» онъ вывелъ героиней одну молодую дѣвушку—свою первую любовь. Ее звали Грациелла, и она была дочерью искателя коралловъ на островѣ Просида, гдѣ онъ встрѣтился съ нею во время своего путешествія по Италіи. Расположеніе Грациеллы къ Ламартину перешло въ глубокую, страстную любовь, которою онъ имѣлъ жестокость развлекаться, впрочемъ полагая, что самъ питаетъ къ ней тѣ же чувства. Однако ему надо было ѣхать на родину, и, обѣщая возвратиться къ своей Грациеллѣ, онъ ее покинулъ. Своего обѣщанія онъ не сдержалъ, и бѣдняжка умерла съ горя. Да проститъ небо поэта за идеализированіе и опоэтизированіе его Грациеллы, только на самомъ дѣлѣ эта Грациелла была просто работницей на табачной фабрикѣ въ Неаполѣ, а вся идиллія—вымышленной; такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ его критики, собравшіе вѣрныя свѣдѣнія. Какъ бы то ни было, но Ламартино хранилъ объ этой дѣвушкѣ жгучее воспоминаніе, а своимъ поклонникамъ оставилъ, благодаря ей, «Le premier regret». Эта вторая любовь была увѣковѣчена подъ именемъ Эльвиры въ произведеніяхъ его поэтического сборника «Méditations», какъ, напримѣръ, въ «Le lac» L'immortalité», «Le crucifix» и въ романѣ «Raphaël» подъ именемъ Жюли. Настоящее имя этой женщины было Жюли де-Дешереттъ. Въ 1804 году она вышла замужъ за знаменитаго физика Жака Шарля, а съ двадцатилѣтнимъ Ламартиномъ познакомилась въ 1816 году въ Э (въ Савойѣ), куда ее послали доктора въ виду ея болѣзни—чахотки. Здѣсь у нихъ завязался романъ, по увѣренію Ламартина, платоническій, и началась переписка, которую Ламартино тщательно, долго хранилъ и, судя по нѣскольку потерятой бумагѣ, вѣроятно, очень часто перечитывалъ¹⁾. Послѣ смерти Жюли онъ собралъ всѣ ея письма, привелъ ихъ въ порядокъ и переплелъ; только въ 1849 году, когда онъ написалъ свой романъ «Raphaël», они были имъ уничтожены, но не всѣ. Какъ тяжело ему было разставаться съ ними, видно изъ его словъ въ «Raphaël»: «Страница за страницю я перечитывалъ эту переписку, распределенную по порядку и послѣ смерти переплетенную рукою благоговѣйной дружбы; я перечитывалъ ихъ съ первой записки до послѣдняго слова, написаннаго рукою, уже захваченной смертью, но которую еще подкрѣпляла любовь. Я ихъ перечиталъ и сжегъ, плача, запершись въ комнатѣ, какъ будто я совершалъ преступленіе, и оспаривая двадцать разъ у пламени на половину истребленныя страницы, чтобы ихъ снова пере-

¹⁾ «Les lettres d'Elvire à Lamartine»; par René Doumic. «Revue des deux mondes», 1 Fevrier 1905.

читать... Зачѣмъ? скажешь ты мнѣ... Я ихъ сжегъ потому, что даже самый ихъ пепель былъ бы слишкомъ горячъ для земли, и я бросилъ его по небесному вѣтру». Судя по оставшимся четыремъ письмамъ, сохраннымъ Ламартиномъ, видно, что они дѣйствительно были переплетены и вырваны. Последнее письмо, очевидно, было написано въ минуту, свободную отъ страданій, унесшихъ Жюли въ могилу, пять недѣль спустя. Оно написано изящнымъ англійскимъ почеркомъ, но его характеръ уже тяжеловатый и не столь четкій: повидимому, оно было написано вопреки запрещенію доктора. Письма хранились вмѣстѣ съ ея волосами въ траурной записной книжкѣ—черной на бѣлой шелковой подкладкѣ. Послѣ смерти Ламартина они оставались въ секретномъ ящикѣ, въ его рабочемъ кабинетѣ въ Сень-Пуанѣ. Объ ихъ существованіи подозрѣвали, такъ какъ въ «*Raphaël*» герой, т.-е. Ламартинъ, часто упоминалъ о письмахъ, получаемыхъ имъ отъ Жюли, т.-е. Эльвиры, однако никто ихъ никогда не видалъ, и тайна оставалась не разрѣшенной. Только теперь они отыскались, и Шарль Монтеро, двоюродный внукъ Ламартина, разрѣшилъ редакціи журнала «*Revue des deux mondes*» снять съ нихъ копию и помѣстить въ февральской книгѣ. Весь интересъ этихъ писемъ заключается въ томъ: не слишкомъ ли идеализировалъ Ламартинъ предметъ своей любви, и дѣйствительно ли Жюли была такая чистая, цѣломудренная женщина, неземное созданіе, какою онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, ее представить. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о дѣйствительной Эльвири. Жюли-Франсуаза Дешереттъ родилась въ 1782 году въ Сень-Доминго въ семьѣ французскихъ креоловъ. Когда въ 1791 году черные избивали бѣлыхъ, семья Дешереттъ должна была спастись бѣгствомъ, во время котораго г-жа Дешереттъ погибла, а самъ Дешереттъ съ двумя дочерьми поселился въ Бретани. Жюли была помѣщена на воспитаніе въ учебное заведеніе, но не въ одинъ изъ домовъ Почетнаго Легиона, какъ представилъ Ламартинъ въ «*Raphaël*», такъ какъ въ это время ихъ еще не существовало. Точно также не вѣрно, что «знаменитый старецъ» отличилъ ее отъ другихъ воспитанницъ, во время своего посѣщенія для обзора заведенія. Подобный разсказъ не что иное, какъ повтореніе романа г-жи Бернарденъ де-Сень-Пьеръ, которую увидѣлъ ея будущій мужъ во время осмотра пансіона, гдѣ она училась. На самомъ дѣлѣ Жюли, окончивъ ученіе, преспокойно переѣхала жить къ отцу въ Гранжъ, близъ Тура, и попала въ самую неблагоприятную обстановку, такъ какъ ея отецъ былъ пьяница, задорный, слабый и жестокій. Жизнь дѣвушки, несмотря на покровительство кроткаго дяди, становилась невыносимой, тѣмъ болѣе, что у нея были слабые нервы и плохое здоровье. Въ такой-то незавидной обстановкѣ ее нашель Шарль, въ то время модный профессоръ пятидесяти семи лѣтъ, а не восьмидесяти, какъ представилъ его Ламартинъ, и человекъ въполнѣ цвѣтущаго здоровья. Жюли охотно дала свое согласіе на его предложеніе, считая его своимъ избавителемъ. Однако Шарлю пришлось бороться съ отцомъ Жюли, и только чрезъ пять недѣль послѣдній далъ свое согласіе на бракъ дочери. Семейная жизнь Жюли была спокойной и безмятежной; Шарль былъ прекрасный человекъ и берегъ свою, хотя молодую, но хворую жену. Въ его домѣ она встрѣтила кругъ друзей, придерживавшихся старыхъ традицій. Шарль полу-

чалъ пенсію отъ Людовика XVI и жилъ въ Луврѣ, гдѣ скрывалъ своего брата патера, отказавшагося дать присягу; за это онъ едва избѣжалъ ареста, но никогда не былъ революціонеромъ, да еще «строгимъ революціонеромъ». Безмятежному спокойствію Жюли не суждено было длиться вѣчно. Ея здоровье ухудшалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней росло какое-то лихорадочное желаніе, необходимость расходовать себя, оказывать услуги, одолжаться, однимъ словомъ какое-то обманчивое желаніе дружбы, скрывавшее другое желаніе — болѣе нѣжнаго свойства. Ей было за тридцать лѣтъ — опасный возрастъ для женщины, почти умирающей, но еще не испытавшей любви. Въ такомъ настроеніи она пріѣхала въ началѣ іюля въ Э. Вскорѣ она встрѣтилась съ Ламартиномъ, очаровательнымъ дикаремъ, выросшимъ въ деревнѣ, въ семьѣ строгохристіанской, и едва вышедшимъ изъ-подъ опеки отца. Правда, у него уже были кое-какія любовныя приключенія, но совершенно пошлыя, за исключеніемъ романа съ Граціеллой, но и здѣсь его сердце не играло роли. Въ то время, когда онъ встрѣтилъ Жюли, онъ находился въ трудномъ періодѣ — безъ занятій, безъ опредѣленной цѣли въ будущемъ; онъ скучалъ отъ бездѣйствія. Стихосложеніе было для него лишь препровожденіемъ времени, и онъ не думалъ дѣлать изъ него ремесла, тщательно стараясь добиться дипломатическаго поста. Отъ этого бездѣйствія его здоровье ухудшилось. Въ немъ смутно скоплялись всякаго рода стремленія, и онъ говорилъ въ своемъ признаніи Эмону Вирьё: «Я думаю, что, если бы на мое несчастіе я встрѣтилъ одну изъ тѣхъ женскихъ фигуръ, о которыхъ я мечталъ, то я такъ полюбилъ бы ее, какъ только могъ когда либо любить человѣкъ на землѣ». Наконецъ докторъ послалъ его въ Э лечитъ болѣзнь печени. Онъ пріѣхалъ туда совершенно больной, страдая болѣзнию неудовлетворенной молодости, съ душою, тоскующей отъ неудовлетвореннаго желанія, — и встрѣтился съ Жюли. Что вышло изъ встрѣчи двухъ существъ, настроенныхъ въ унисонъ, — понятно всякому. Однако наступила осень, и надо было выйти изъ состоянія сказочнаго сна и вступить въ міръ дѣйствительности. Жюли поѣхала въ Парижъ, Ламартинъ — въ Милли, а потомъ въ Масонъ. Тамъ онъ принялся мечтать о поѣздкѣ въ Парижъ, но матеріальныя средства семьи были стѣсненныя. Впрочемъ счастье улыбнулось Ламартину: онъ узналъ, что его другъ Вирьё, отправившійся уже восемь мѣсяцевъ предъ тѣмъ въ Бразилію съ герцогомъ Люксембургъ, теперь возвратился въ Парижъ. 8 декабря Ламартинъ написалъ ему: «Я сгораю нетерпѣніемъ обнять тебя, такъ какъ я рассчитываю вскорѣ отправиться въ Парижъ, и это будетъ новымъ предлогомъ. Ничто не измѣнилось въ моемъ положеніи въ теченіе этихъ восьми мѣсяцевъ. Только одно мое сердце измѣнилось: увы! оно было счастливѣе во время твоего отъѣзда». 12 декабря Вирьё получилъ другое письмо, въ которомъ Ламартинъ просилъ его написать, что онъ приглашаетъ его пріѣхать и обѣщаетъ устроить мѣсто помощника префекта. Это было побудительной причиной, чтобы отецъ далъ денегъ на поѣздку въ Парижъ. Вирьё уступилъ одну изъ своихъ комнатъ въ домѣ маршала Ришелье. По пріѣздѣ въ Парижъ Ламартинъ немедленно явился къ Жюли, взявъ для приличія рекомендательное письмо отъ Вирьё, и вступилъ въ ея кружокъ. Первое свиданіе было прервано появленіемъ гостей, но, когда всѣ удалились, Жюли принялась за письмо. Это письмо полно горячей

любви и обожанія; въ немъ она называетъ Ламартина своимъ ребенкомъ и ангеломъ, котораго обожаетъ, упрекая «жестокихъ людей, ихъ разъединившихъ, которымъ они не сдѣлали никакого зла», и спрашиваетъ, что «общаго у васъ съ ними, что они вмѣшиваются между нами и говорятъ: не смотрите болѣе другъ на друга». Далѣе она благодаритъ небо, что оно вернуло ей ея Альфонса, и прибавляетъ, что оно справедливо, а потому, сблизивъ ихъ, не оторветъ внезапно другъ отъ друга. «Не люблю ли я васъ, какъ оно этого хочетъ, какъ сына, ангела и брата? А вы, вы, дорогое дитя, не общались ли вы ему давно видѣть во мнѣ только мать?» Во второмъ письмѣ она опять повторяетъ много разъ, что онъ ея сынъ, и высказываетъ мысль что «мужчина долженъ пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ, а женщина подчиняться ему». «Какая я была бы хорошая женщина съ вами и какая обыкновенная съ другимъ! Что значить любовь! Какія добродѣтели внушаетъ она, когда предметъ, который ее зарождаетъ, достоинъ ея. Я чувствую, что мой Альфонсъ можетъ меня возвысить до прекраснаго». Въ этомъ письмѣ она касается посѣщенія Муни съ женою, приходя въ восторгъ отъ послѣдней, и говоритъ немного о политикѣ. Въ немъ проглядываетъ нѣчто болѣе, чѣмъ спокойная материнская любовь. «Я читала ваши стихи, или, скорѣе пожирала ихъ, дорогой Альфонсъ,—пишетъ она:—вы будете меня бранить, я въ этомъ увѣрена, но зачѣмъ же искушеніе было столь непреодолимо? Какъ же, имѣя ихъ на постели, я могла оставить ихъ, дорогое дитя, не исчерпавъ моего восторга и слезъ? О мой Альфонсъ, кто вамъ вернетъ Эльвиру? Кто будетъ такъ любимъ, какъ она? Кто этого заслуживаетъ? Эта ангельская женщина внушаетъ мнѣ даже въ могилѣ религиозный ужасъ. Я ее вижу такую, какой вы ее нарисовали, и спрашиваю себя, что во мнѣ есть, чтобы имѣть право на мѣсто, какое она занимала въ вашемъ сердцѣ. Альфонсъ, надо ее сохранить въ немъ, а я пусть буду всегда вашей матерью. Вы мнѣ дали это имя тогда, когда я думала, что заслуживаю другое болѣе нѣжное. Но съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣла, чѣмъ была для васъ Эльвира, я увидѣла также, что вы не безъ размышленія почувствовали невозможность быть для меня не чѣмъ инымъ, какъ моимъ ребенкомъ. Я начинаю даже думать, что вы не должны быть ничѣмъ инымъ, и если я плачу, то потому, что не попала въ вашъ путь, когда вы могли любить меня безъ угрызений совѣсти, и прежде чѣмъ ваше сердце было израсходовано на другую. Что я сказала: израсходовано? Ахъ, простите, я вижу, что вы должны быть скорѣе тѣмъ, чѣмъ вы есть. Все дышитъ любовью въ вашихъ письмахъ до этого дорогого выраженія, которое вы создали! Не сказали ли вы сами, и не увѣрена ли я, что вы питаете ко мнѣ сыновнюю страсть? Дорогой Альфонсъ! я постараюсь довольствоваться ею. Пылкость моей души и моихъ чувствъ желали бы еще другой страсти вмѣстѣ съ этой, или, по крайней мѣрѣ, чтобы мнѣ было позволено любить васъ любовью и всевозможною любовью! Но если надо отъ васъ ее скрывать, о мой ангель, если вы настолько высоко въ небесахъ, что отталкиваете земныя страсти, то я смолкну, Альфонсъ. Я буду просить у Бога силы, и Онъ поможетъ мнѣ любить васъ, молча!» Это письмо слишкомъ краснорѣчиво выражаетъ земную страсть Эльвиры-Жюли, чтобы не разсѣять поэтическаго тумана, какимъ окутала ее Ламартинъ въ своемъ ро-

манѣ «Raphaël». Остается только невыясненнымъ, что именно помогло любви Эльвиры остаться столь чистой и въ то же время быть столь тревожной—цѣломудріе или таинственная болѣзнь, грозившая ей смертью, если она нарушитъ его. Ламартинъ еще приписываетъ себѣ обращеніе Эльвиры на путь христіанской вѣры. Онъ упорно настаиваетъ въ «Raphaël», что она, находясь среди ученыхъ и будучи женою профессора физики, неизбѣжно должна была заимствовать ихъ складъ ума, а потому признавала только существованіе Существа существъ, представляющагося для ума, какъ идея закона, и не вѣрила въ Провидѣніе, къ которому можно обращаться съ сердечной мольбой. Письма Жюли слишкомъ ясно опровергаютъ слова Ламартина, такъ какъ съ перваго письма въ Парижѣ въ нихъ на каждомъ шагу встрѣчается обращеніе къ Богу. Нельзя допустить, чтобы Жюли, мечтательная и печальная, на восемь лѣтъ старше Ламартина, утонченно культурная и чуткая, склонная къ религиознымъ чувствамъ и такъ свято относившаяся къ любви, скорѣе не повліяла бы сама на Ламартина, чѣмъ онъ на нее. Здоровье Жюли становилось все хуже, и когда Ламартинъ оканчивалъ «Le l'as» 23-го сентября 1817 года, Жюли понемногу угасала въ Вирофлэ, куда ее перевезли въ самомъ печальномъ положеніи. Ламартинъ зналъ, что ея часы сочтены, но внезапно ей стало лучше, и она воспользовалась, чтобы ему написать. Ея послѣднее письмо серьезное, спокойное и оканчивавшееся словами: «Прощайте, мой другъ. Я васъ люблю, какъ добрая, нѣжная мать»,—было скорѣе ея послѣднимъ завѣтомъ и полной противоположностью сочиненнымъ Ламартиномъ письмамъ въ «Raphaël»; 18 декабря 1817 года она умерла. Къ ней пришелъ Вирьё, другъ Ламартина, взялъ распятіе, которое она цѣловала, и отнесъ его Ламартину. Горе Ламартина было глубоко, и когда его мать пріѣхала въ Мили, то увидѣла его спокойнымъ, печальнымъ, болѣе чѣмъ когда зарывшимся въ книги, а иногда писавшимъ стихи; онъ никогда ихъ не показывалъ, такъ какъ выраженное въ нихъ горе было еще слишкомъ свѣжо; это были «L'Isolément», «Le Désespoir», «Le Chrétien mourant», «Le Soir», «L'Apparition», «Souvenir», «Les Etoiles» и «Le Vallon». Жюли умерла, а вмѣсто нея стала жить Эльвира.

— Отголоски прошлогоднихъ юбилеевъ. Въ только что окончившемся году прошли незамѣченными два юбилея: во Франціи популярнаго романиста Эжена Сю, а въ Англіи знаменитаго государственнаго чело­вѣка и романиста—Дизраэли. Французы только теперь догадались устроить литературное торжество въ честь автора «Парижскихъ Тайнъ» и одного изъ первыхъ социалистовъ во Франціи. Двое современныхъ рационалистовъ и друзей народа: Клеманъ Голь и Луи Мантлэ, образовали комитетъ для организации юбилея Эжена Сю, и хотя они немного опоздали, такъ какъ столѣтіе его рожденія было 10-го декабря прошлаго года, но все-таки 15-го января 1905 года состоялась многолюдная манифестація на Виржѣ Труда. Предсѣдателемъ собранія былъ депутатъ Сены, Фердинандъ Бюссонъ, а его помощниками два другихъ члена парламента—Поль Мённе и Луи Мартэнъ; каждый изъ нихъ произнесъ горячую, пламенную рѣчь. Затѣмъ слѣдовали лекція сорбонскаго профессора Поля Вибера и чтеніе поэтическихъ произведеній въ честь Сю и отрывковъ изъ «Парижскихъ Тайнъ» и «Вѣчнаго Жиды». Торжество закон-

чилось исполнениѣмъ музыкальныхъ произведеній—вокальныхъ и инструментальныхъ. Конечно, главнымъ предметомъ этихъ литературныхъ поминокъ было чествованіе юбиляра, какъ социалиста. Извѣство, социализмъ во Франціи возникъ передъ революціей 1848 года, и въ литературѣ его распространили Пьеръ Леру въ своемъ сочиненіи «Humanité», Жоржъ Сандъ въ «Consuelo», Мишлэ въ «Peuple». Обращаясь къ рабочимъ, Ламнэ говорилъ впервые: «Вы можете громко говорить, вы можете требовать, чтобы васъ считали за что нибудь, такъ какъ вами существуетъ все общество». Эжень Сю былъ также увлеченъ въ общій водоворотъ; изъ свѣтскаго франта, основателя Жюкей-Клуба, автора свѣтскихъ романовъ, онъ обратился въ народолоубца и народнаго писателя. Его другъ, радикаль Феликсъ Пиа, такъ описываетъ это замѣчательное превращеніе. «Однажды я повезъ Эжена Сю, — говоритъ онъ, — франтовски одѣтаго, въ перчаткахъ, лакированныхъ сапогахъ, пестромъ галстукѣ, однимъ словомъ одѣтаго фатомъ, къ рабочему, литографу Фюжеру, который принялъ насъ съ обнаженными, почернѣвшими отъ труда руками. Онъ говорилъ съ нами очень симпатично, горячо, съ пыломъ, а простой супъ, которымъ онъ насъ угостилъ, пришелся намъ по вкусу. Романистъ былъ побѣжденъ. — Я социалистъ, — сказалъ онъ мнѣ, выходя на улицу. Съ этой минуты онъ принялся писать свой популярный, народный романъ: «Тайны Парижа», и напечаталъ его въ фельетонахъ «Journal des Débats». «Слава этой народной эпопеи достигла громаднхъ размѣровъ, а популярность Эжена Сю была окончательно закрѣплена «Вѣчнымъ Жидомъ», появившимся на страницахъ «Le Globe». Въ этомъ романѣ къ социальнымъ и радикальнымъ идеямъ онъ прибавилъ еще анти-клерикальныя, что окончательно сдѣлало его баловнемъ французской демократіи. Въ 1848 году онъ участвовалъ въ революціонныхъ дняхъ и въ 1850 году былъ избранъ отъ департамента Сены депутатомъ въ законодательное собраніе, а 2-го декабря подвергся изгнанію и отправился въ Аннеси (въ Савойѣ). Съ этого времени и до дня смерти онъ жилъ тамъ. Кромѣ двухъ знаменитыхъ романовъ, онъ написалъ лучшее свое произведеніе: «Тайны народа», гдѣ изобразилъ исторію французскаго народа съ самыхъ дикихъ временъ до французской революціи и безконечное количество романовъ въ томъ числѣ: «Le Mone au diable», который въ настоящее время перепечатывается Жоресомъ въ его газетѣ «Humanité». Вообще, по случаю пропущеннаго буржуазной прессой юбилея Эжена Сю, многіе его романы перепечатываются въ народныхъ газетахъ, а Клемансо недавно помѣстилъ въ «L'Inrope» его «Тайны Парижа». Среди народныхъ словъ теперь составляетъ обширная подписка для воздвигнутія статуи этого популярнаго романиста на берегу озера Аннеси.

Юбилей Дизраэли 21-го декабря 1904 года также не былъ ознаменованъ въ Англіи ни политическимъ ни литературнымъ торжествомъ. Впрочемъ въ настоящее время въ литературномъ мѣрѣ происходитъ нѣкоторое движеніе въ пользу автора, если не популярныхъ, то довольно извѣстныхъ романовъ. Два изъ нихъ: «Вивіанъ Грэй» и «Революціонная эпопея», вышли новымъ изданіемъ, а въ «Times»'ѣ напечатаны девять главъ изъ неизданнаго романа Дизраэли, который написалъ ихъ въ послѣдніе дни своей жизни. Многіе изъ сторонниковъ автора съ нетерпѣнїемъ ожидали появленія его посмертнаго произ-

веденія, но оно произвело всеобщее разочарованіе. «Этого романа совершенно достаточно для того, чтобы окончательно разсѣять мыльный пузырь славы Дизраэли, — говоритъ критикъ журнала «Academy». — Это произведение стараго, больного человѣка, но старый и больной человѣкъ, когда либо имѣвшій настоящій литературный талантъ, никогда не написалъ бы ничего подобнаго, до такой степени это новое произведение дышитъ съ первой строчки до послѣдней невозможной вульгарностью. Конечно, авторъ слишкомъ уменъ и опытенъ, чтобы не прикрыть этой вульгарности вѣшнымъ блескомъ, но все-таки она просвѣчиваетъ на каждомъ шагу». Мало этого, Дизраэли въ послѣднемъ произведеніи вывелъ своего знаменитаго соперника Гладстона и, умирая, написалъ неприличный пасквиль, хотя скрывая имя Гладстона подъ именемъ Джозефа Топлэди Фальконета, но эта маска чрезвычайно прозрачна: герой автора имѣетъ въ своемъ имени и фамиліи столько же буквъ, сколько Гладстонъ, и, кромѣ того, оба они написали латинскій переводъ англійской поэмы. Правда, другой газетный критикъ увѣрялъ, что Дизраэли намѣренъ былъ вывести не Гладстона, а Маколея, чѣмъ хочетъ немного его оправдать, но это совершенно тщетно, такъ какъ пасквиль «юркаго Дизи» на «народнаго Вилльяма» совершенно ясенъ. Несмотря на эту, болѣе чѣмъ неприличную, посмертную выходку лорда Биконсфильда, въ Англии находятся люди, которые стараются его обфлиторить во всѣхъ отношеніяхъ. Къ нимъ относятся Вольтеръ Ситчей, авторъ недавно вышедшей книги: «Дизраэли: изслѣдованіе его личности и идей», а также Горастъ Самюэль, написавшій въ февральскомъ номерѣ «Fortnightly Review» очеркъ: «Веніаминъ Дизраэли». Первый старается всѣми силами не только сдѣлать изъ него величайшаго человѣка Англии, но и великаго романиста, слава котораго переживетъ даже его политическую популярность. Второй же одинаково пытается психологически очертить его замѣчательную фигуру, какъ государственнаго человѣка, такъ и романиста. По его словамъ, онъ былъ одоленъ своему еврейскому происхожденію энергіей и умѣніемъ, которыя вывели его въ люди, при чемъ онъ выказалъ себя столь же типичнымъ англичаниномъ, сколько типичнымъ евреемъ. Въ томъ же журналѣ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, именно въ ноябрѣ, Левисъ Мельванъ также помѣстилъ разборъ романовъ Дизраэли, но этотъ трудъ гораздо серіознѣе и трезвѣе перваго. Авторъ находитъ, что вообще англійскіе критики относятся несправедливо къ романическимъ произведеніямъ Дизраэли, и что, во всякомъ случаѣ, его слѣдовало бы отнести къ классическимъ писателямъ, благодаря замѣчательному уму, блестящему изложенію и юмору, которыми отличается каждая страница его свѣтскихъ и политическихъ романовъ. Наконецъ, офиціальная біографія лорда Биконсфильда, трудъ писателя Монипэни, подвигается, хотя не быстро, и выйдетъ въ свѣтъ черезъ два года. Особое прибавленіе къ этой книгѣ составитъ только что напечатанный посмертный романъ Дизраэли.

Хотя столѣтіе французскаго гражданскаго кодекса пришлось 21-го марта прошлаго года, его юбилей отпраздновался только 30-го октября, что не мѣшало празднеству быть торжественнымъ, благодаря присутствію президента республики и передовыхъ юристовъ Франціи. Не обошлось, конечно, безъ большаго скандала со стороны женщинъ-депутатокъ противъ прославленія кодекса,

как поддерживающаго угнетеніе прекраснаго пола. Онѣ придумали забавную форму протеста, — наполнить залу Сорбонны, гдѣ происходило торжество, маленькими воздушными шарами съ надписью: «Долой кодексъ, губящій женщинъ и позорящій республику!» Но эта продѣлка не имѣла успѣха, такъ какъ имъ не удалось спустить шаровъ; зато вечеромъ тѣ же женщины, подѣ предсѣдательствомъ Маргариты Дюранъ, устроили серіозный митингъ, на которомъ было прочитано письмо извѣстныхъ романистовъ, Поля и Виктора Маргѣритъ, которые краснорѣчиво протестовали противъ кодекса, какъ не признававшаго законныя права женщинъ. «Кодексъ устарѣлъ, — говорятъ они, — и заслуживаетъ не гирляндъ и офіціальныя похвалы, а могильнаго заступа». Совершенно иначе относится къ такъ называемому наполеоновскому кодексу принцъ Наполеонъ, теперешній бонапартистскій претендентъ, въ письмѣ къ историку Вандалю, которое помѣщено въ ноябрьской книжкѣ «Le Carnet». Онъ распространяется въ краснорѣчивомъ панегирикѣ законодательству, существующему не только во Франціи, но и въ половинѣ Европы. При этомъ онъ увѣряетъ, что этотъ кодексъ освѣтилъ принципы революціи и навѣки будетъ славнымъ памятникомъ Наполеона-Миротворца. Но самый главный памятникъ этому юбилею воздвигнуть на-дняхъ въ видѣ изданія обшпрнаго серіознаго труда, подѣ названіемъ «Книги Юбилея», въ двухъ томахъ. Этимъ замѣчательнымъ литературнымъ и научнымъ произведеніемъ занялось общество законодательныхъ занятій и отнеслось къ своей задачѣ бросивъ историческій и критическій взглядъ на гражданскій кодексъ. Въ числѣ авторовъ отдѣльныхъ статей, вошедшихъ въ составъ книги, участвовали не только замѣчательные французскіе юристы, но и профессора иностранныхъ университетовъ, такъ что составилъ сборникъ разнообразныхъ и безпристрастныхъ взглядовъ на великій законодательный трудъ. Авторы отдають полную справедливость замѣчательной работѣ, исполненной сто лѣтъ тому назадъ французскими законодателями: Трельяромъ, Камбасерессомъ, Мерленомъ, Пурталиссомъ и другими, мимоходомъ не забывъ и заслуги въ этомъ случаѣ Наполеона, энергично поддерживавшаго ихъ общую дѣятельность. Въ то же время они признають, что многое устарѣло въ этомъ законодательствѣ, и что необходимо его пересмотрѣть, особенно въ отношеніи тѣхъ вопросовъ, которые далеко ушли впередъ въ теченіе этихъ ста лѣтъ, напримѣръ, законодательство о трудѣ, о женскомъ вопросѣ, о рабочихъ, о движимомъ собственноти и такъ далѣе. «Намъ необходимъ другой кодексъ, противоположный нынѣшнему, — говоритъ извѣстный социалистъ Ренѣ Вивіани: — другой памятникъ, который былъ бы созданъ не изъ легкихъ листовъ бумаги, а изъ твердыхъ камней. Намъ необходимо настоящее революціонное зданіе, состоящее изъ столѣтнихъ трудовъ не революціи, а эволюціи».

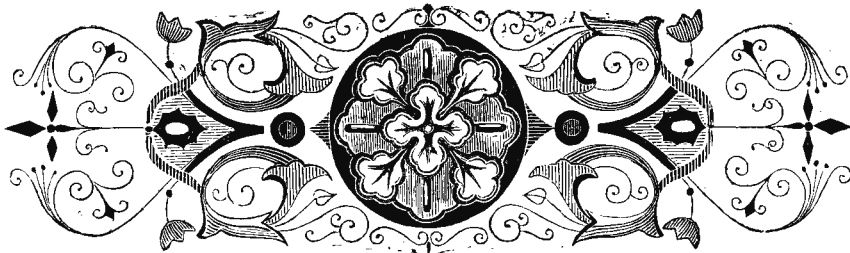
Изъ юбилеевъ прошлаго года славнѣйшимъ былъ, конечно, по случаю шестисотлѣтняго дня рожденія Петрарки, и съ тѣхъ поръ постоянно въ честь его выходятъ книги и статьи на различныхъ языкахъ. Во Флоренціи появилось сочиненіе Карло Серра: «Studi Petrarqueschi», въ которомъ авторъ сравнивалъ эклоги Петрарки подѣ названіемъ: «Презрѣніе къ міру», съ сочиненіями св. Августина, котораго поэтъ глубоко уважалъ. По словамъ автора, Петрарка

отличался отъ Августина тѣмъ, что его духъ былъ вѣчно безпокоенъ, и что онъ далъ новому времени великій, хотя и горькій символъ: «страдать, чтобы дѣйствовать». Другой итальянскій писатель Витторіо Чивъ помѣстилъ въ журналѣ «Nuova Antologia» любопытную статью о канцонахъ Петрарки, въ которыхъ онъ вложилъ весь свой геній: «Прекрасные глаза Лауры,—воскликаетъ онъ въ одной изъ этихъ канцонъ,—открыли мнѣ источникъ безконечной любви ея сердца, и, благодаря ей, возникли эти произведенія, которыя, я надѣюсь, сдѣлаютъ меня безсмертнымъ». Надежда Петрарки исполнилась, и онъ сталъ «первымъ человѣкомъ новаго времени». Англійскій писатель Мильсъ ознаменовалъ юбилей Петрарки страннымъ, оригинальнымъ сочиненіемъ подъ названіемъ «Тайна Петрарки». Эта книга состоитъ изъ двухъ частей: во-первыхъ, изъ изслѣдованія подлинности личности Лауры, ея мѣсторожденія, резиденціи и предполагаемой дѣвственности, а, во-вторыхъ, изъ написанной бѣлыми стихами поэмы, подъ названіемъ «Сердечной драмы», гдѣ описывается нѣсколько свиданій знаменитыхъ любовниковъ. И въ той и другой половинѣ встрѣчается много фантастическаго, и вообще Мильса нельзя причислить къ серьезнымъ критикамъ Петрарки. Онъ развиваетъ цѣлую теорію, на основаніи которой Лаура родилась и провела всю свою жизнь на фермѣ близъ Комона, маленькаго городка на подорожѣ между Авиньономъ и Воклюзомъ. По его увѣренію, она никогда не была замужемъ, и ее похоронили въ часовнѣ, сосѣдней съ ея домомъ. Эта легенда основана на преданіи, слышанномъ неаполитанскимъ гуманистомъ Галіота и повторенномъ профессоромъ Фламини, но самъ Петрарка ее опровергаетъ, утверждая, что Авиньонъ—городъ его возлюбленной. Точно также не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Лаура была женою Гюга де Сада, и самъ Петрарка говоритъ, что онъ увидѣлъ ее впервые въ Авиньонѣ, и она похоронена въ францискаской церкви того же города. Не менѣе оригиналенъ и своеобразенъ рассказъ Т. Сулвана: «Рука Петрарки», напечатанный въ ноябрьской книжкѣ «Scribner's Magazine». Это—поэтически-фантастическая легенда о томъ, что другъ Петрарки, мессеръ Энрико Капра, золотыхъ дѣлъ мастеръ въ Бергамо, взявъ съ него обѣщаніе написать копію съ его итальянскихъ канцонъ. Для храненія этой драгоценности Капра сдѣлалъ великолѣпную шкатулку и нѣсколько лѣтъ ожидалъ исполненія обѣщанія, но, несмотря на то, что великій поэтъ поручился ему своей правой рукой исполнить свое клятвенное обѣщаніе, онъ умеръ, не приславъ изъ Арки драгоценной рукописи. Капра пришелъ въ отчаяніе и отправился въ Арку, гдѣ колдунья ему сказала, что Петрарка безпокойно лежитъ въ своей могилѣ отъ неисполненной клятвы, и его можно успокоить, только отрѣзавъ ему руку, и этимъ исполнится его обѣщаніе. Капра повиновался; онъ вскрылъ могилу Петрарки, отрубилъ ему руку и, вернувшись домой, положилъ ее въ драгоценное хранилище. Онъ прожилъ не болѣе десяти лѣтъ послѣ Петрарки и завѣщалъ похоронить вмѣстѣ съ собою золотую шкатулку. Съ тѣхъ поръ эта легенда повторялась въ Аркѣ, гдѣ до сихъ поръ увѣряютъ, что Петрарка лежитъ въ своей могилѣ безъ правой руки.

— Смерть и похороны Луизы Мишель. 9-го января, умерла въ Марселѣ Луиза Мишель, которую одни звали «красной дѣвой и доброй Луизой», а

другіе петролейщицей, сумасшедшей и истеричной. Она родилась въ замкѣ Вронкуръ, въ департаментѣ верхней Марны 29-го марта 1830 г. и была дочерью горничной. Въ дѣтствѣ Луиза находилась на попеченіи своего стараго дѣда, ученика философовъ XVIII вѣка. Несмотря на ея незаконное рожденіе, онъ забавлялся ея воспитаніемъ на основаніи философскихъ принциповъ. «Дѣдушка,—разсказываетъ Мишель въ своей автобіографіи,—мнѣ представлялся съ различныхъ точекъ зрѣній: то онъ разсказывалъ мнѣ съ пламеннымъ краснорѣчіемъ эпическія событія революціи, то съ саркастической проіеіей Вольтера и съ остроуміемъ Мольера онъ объяснялъ мнѣ книги, которыя мы читали вмѣстѣ, то съ пророческимъ предвидѣніемъ говорилъ онъ о вещахъ, которыя онъ предвидѣлъ въ будущемъ. Мы съ нимъ со слезами на глазахъ предвкушали живые образы будущаго прогресса и благородныя побѣды науки. Сидя на травѣ, мы читали все, начиная съ «Magasin pittoresque» и «Musée de famille», кончая Викторомъ Гюго, Ламартиномъ, Корнелемъ, Ламена и т. д.». Когда умеръ дѣдъ, то Луиза принуждена была съ своей матерью покинуть Вронкуръ, не имѣя ни та ни другая куска хлѣба. Мишель начала давать уроки, и любопытенъ отзывъ о ней, какъ объ учительницѣ, молодого академическаго инспектора, впоследствии извѣстнаго писателя Фаж: «способная учительница, но обладающая болѣе воображеніемъ и сердцемъ, чѣмъ разсудкомъ и благоразуміемъ». Находясь въ сельской школѣ Оделонкурской общины, она начала выражать сочувствіе къ политическимъ и общественнымъ вопросамъ; несмотря на то, что еще были времена имперіи, она собирала и распускала школу съ пѣніемъ «Марсельзы». Въ мѣстной газетѣ городка Шомона она писала фельетоны, въ которыхъ сравнивала императора съ Домиціаномъ, за что ее призвалъ префектъ и объяснилъ ей, что если бы она не была такъ молода, то сослала бы ее въ Каіену. Луиза выслушала его съ улыбкой и продолжала писать въ томъ же духѣ. Въ началѣ франко-прусской войны она была учительницей въ Батиньольѣ, а во время осады Парижа служила сестрой милосердія и ухаживала за ранеными подъ непріятельскимъ огнемъ. Когда была провозглашена коммуна, то Луиза была уже пламенной и убѣжденной революціонеркой. Она одна изъ первыхъ женщинъ надѣла мундиръ національной гвардіи и не покидала его, пока длилось возстаніе. Вступившія въ Парижъ версальскія войска взяли Луизу съ ружьемъ въ рукахъ въ плѣнъ, и 16 декабря 1871 года она была отдана подъ военный судъ, приговорившій ее къ ссылкѣ въ укрѣпленную крѣпость. Несмотря на всѣ увѣренія судей, что наказаніе ей будетъ смягчено, если она раскается, пламенная революціонерка не хотѣла ни о чемъ слышать и только написала женѣ министра Жюля Симона: «Друзья, не зная моего характера, просятъ за меня о снисхожденіи, но я ничего подобнаго не просила; я только хлопочу предъ вами о судьбѣ моей матери. Я всецѣло отдала свое сердце революціи, сознавая, какой отвѣтственности подвергаюсь; я не боюсь ни ссылки, ни смерти, но, кажется, я ничѣмъ не заслужила, чтобы мнѣ приписывали подлѣя намѣренія. Если узникъ имѣетъ какое либо право, то лишь право сохранить свою честь незапятнанной». Ея товарищи по изгнанію въ Новую Каледонію, и между прочимъ знаменитый Рошфоръ, называютъ Луизу Мишель старшей сестрой несчастныхъ и распро-

страняются о ея челоѣколюбіи и добротѣ, которая обращалась даже на животныхъ. «Осторожьтѣ, не подходите ко мнѣ, у меня въ карманѣ слѣпая кошка»,—сказала она ему однажды. Если бы не друзья, то она умерла бы съ голода, отдавая свою порцію другимъ голоднымъ. По возвращеніи изъ ссылки, Луиза Мишель приняла участіе въ мятежѣ 9-го марта 1883 года на бульварѣ Сень-Жерменъ, и ее зудили за грабежъ булочной, хотя она увѣряла, что поддерживала только голодныхъ и несчастныхъ. Ея защитникъ призывалъ свидѣтелемъ Рошфора, который далъ слѣдующее показаніе: «меня удивляетъ подобное обвиненіе, я хорошо знаю Луизу Мишель. Въ Новой Каледоніи ея хижина была рядомъ съ моею, и мнѣ хорошо извѣстно, что она во время путешествія и на полуостровѣ Дюко во всемъ себѣ отказывала: спала на полу или землѣ, ходила босая и ничего не ѣла, чтобы давать несчастнымъ все, что только могла». Нѣсколько разъ Луиза перебивала Рошфора, говоря: «Молчите! молчите!» Наконецъ она не выдержала и сказала: «Я просила г. Рошфора не защищать меня, онъ заставляетъ меня слишкомъ страдать, и я умоляю его уйти». Рошфоръ удалился, и Луизу приговорили къ шести годамъ тюремнаго заключенія. Въ тюрьмѣ она раздавала все, что получала, болѣе несчастнымъ, чѣмъ она, а маленькую пенсію, выдаваемую ей Рошфоромъ, отсылала своей старой матери, которая вскорѣ умерла. Выпущенная на свободу, она стала произносить зажигательныя рѣчи въ общественныхъ собраніяхъ, за что снова попала въ тюрьму на нѣсколько мѣсяцевъ. По необъяснимой до сихъ поръ причинѣ, въ 1888 году, какой-то рабочій, по имени Люкасъ, выстрѣлилъ въ нее изъ пистолета и поранилъ ей ухо. Это событіе произвело такое сильное впечатлѣніе на всю Францію, что герцогиня Дюзе посѣтила ее послѣ покушенія и ухаживала за нею. Самымъ лучшимъ доказательствомъ ея неизмѣримаго челоѣколюбія служило то обстоятельство, что она явилась на судѣ защитникомъ Люкаса и требовала къ нему снисхожденія. Принимая участіе во всѣхъ послѣдующихъ политическихъ смутахъ, она во время Буланжистскаго движенія бѣжала въ Англію съ своей неразлучной пріятельницей Шарлотой Вовель и основала тамъ международную школу. Пробывъ въ Лондонѣ семь лѣтъ и такъ же, какъ прежде, раздавая бѣднымъ добываемыя ею средства, она вернулась во Францію въ 1895 году. Съ тѣхъ поръ, несмотря на свою старость и болѣзнь, она постоянно ѣздила изъ города въ городъ и произносила политическія рѣчи. Кромѣ своей пропаганды, она, съ цѣлью заработать немного денегъ для своихъ бѣдныхъ, писала много книгъ и брошюръ въ томъ же зажигательномъ духѣ. Изъ нихъ извѣстны: «Дочери народа», «Человѣческіе микробы», «Новая эра», «Мои мемуары», «Преступленіе эпохи» и т. д. Луиза пыталась съ цѣлью пропаганды писать и для театра, но безъ большого успѣха. Передъ смертью, уже семидесяти-четырехлѣтней старухой, она проповѣдывала соціалистическія идеи въ Марсельѣ, гдѣ застала ее смерть. Друзья перевезли ея тѣло въ Парижъ и съ большимъ торжествомъ похоронили на кладбищѣ Леваллуа-Перрѣ. Извѣстная соціалистка, г-жа Северинъ, произнесла на ея могилѣ краснорѣчивую рѣчь, а Себастьянъ Форъ, Камелина, Жиро и другіе также помянули добрымъ словомъ «красную дѣву».

С М Ъ С Ъ.

ОТКРЫТИЕ Суворовскаго музея. 13-го ноября въ Высочайшемъ присутствіи послѣдовало открытіе Суворовскаго музея при Николаевской академіи генеральнаго штаба. Изъ Суворовской церкви во второмъ часу дня съ пѣвчими лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка и духовенствомъ вышла крестный ходъ, въ которомъ были несены хоругви и суворовскія иконы въ главный залъ музея. Въ углу его, передъ нишей, гдѣ помѣщенъ иконостасъ церкви Таганрогскаго полка, приготовлено мѣсто для богослуженія. Между тѣмъ большой залъ постепенно наполнялся приглашенными. Слева образовался плотный полукругъ изъ офицеровъ—слушателей академіи; справа сосредоточились лица гражданскаго вѣдомства, архитекторы, художники, администрація; прибыло множество генераловъ всѣхъ родовъ оружія, начальники военно-учебныхъ заведеній, командиры гвардейскихъ полковъ и частей, депутаціи отъ войскъ арміи, отъ Суворовскаго кадетскаго корпуса во главѣ съ директоромъ, командиры Фанагорійскаго полка, 1-го донскаго казачьяго имени генералиссимуса князя Суворова полка, 2-го драгунскаго полка и др., депутаціи отъ С.-Петербургской городской думы (городской голова Леляновъ, генераль Дурново, гласный Потѣхинъ), отъ Воровичской думы (городской голова г. Шульгинъ и членъ управы), родственники покойнаго фельдмаршала—внуки, г-жа Хитрово съ двумя сыновьями пажами, г-жа Козлова съ дочерью, г. Молоствовъ, сыновья графини Зубовой. Скоро въ залѣ образовалось плотное кольцо изъ блестящей публики, ушправшея въ новый бюстъ Суворова, возлѣ котораго стояли въ парадныхъ кафтанахъ пѣвчіе. Въ числѣ высокихъ военныхъ чиновъ были генераль-адъютанты: андреевскій кавалеръ графъ Воронцовъ-Дашковъ, министры: военный Сахаровъ, Императорскаго Двора баронъ Фредериксъ, народ-

наго просвѣщенія ген.-лейт. Глазовъ; генераль-адъютанты: графъ Игнатьевъ, Гессе, князь Васильчиковъ, князь Амилахвари, с.-петербургскій градоначальникъ Фуллоуъ; свиты ген.-м.: Мосоловъ, Епанчинъ, Сперанскій, Порѣцкій, и другія лица свиты, исполняющій должность начальника главнаго штаба ген.-лейт. Фроловъ; генералы: Столѣтовъ, Шишовъ, Штубендорфъ, Винбергъ, Тутолинъ, Бергъ, Остроградскій, Вернадеръ, Ридигеръ, Мешетичъ, Якубовскій, Газенкамифъ и прочіе; весь составъ академіи во главѣ съ начальникомъ ея, генераломъ Михневичемъ. Изъ представителей флота были адмиралы: Геркенъ, Лавровъ, Зелений, контръ-адмиралъ Нилловъ, флигель-адъютантъ Рудневъ. Прибыли также военные агенты: французскій (генераль Муллеуъ), германскій, итальянскій, шведскій, сербскій и другіе. На улицѣ по сторонамъ крыльца стояли шпалерами нижніе чины полуэскадрона при академіи. Къ 2 часамъ пріѣхали великіе князья Алексѣй Александровичъ, Константинъ Константиновичъ, Дмитрій Константиновичъ, Николай Николаевичъ, Николай Михайловичъ, Сергій Михайловичъ, принцы Александръ Петровичъ и Петръ Александровичъ Ольденбургскіе. Въ началѣ третьяго часа прибылъ Его Величество Государь Императоръ съ августѣйшимъ братомъ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ. Государь былъ въ формѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Протопресвитеръ Желобовскій соборнѣ совершилъ молебеніе, въ концѣ котораго были возглашены: царское многолѣтіе, вѣчная память воину князю Александру и всѣмъ воинамъ, на полѣ брани убіеннымъ и на моряхъ погибшимъ. Государь, духовенство и вся церковь опустили при этомъ на колѣна. Протодіаконъ возгласилъ затѣмъ многая лѣта русскому побѣдоносному воинству и покровителямъ военныхъ наукъ. Государь и великіе князья прикладывались ко кресту. При пѣніи «Спаси, Господи, люди Твоя», протопресвитеръ окропилъ музей и центральный бюстъ Суворова, и духовенство съ крестнымъ ходомъ обратило пошло въ Суворовскую церковь. Государь подробно затѣмъ осматривалъ музей. Объясненія давалъ начальникъ академіи. Его Величеству были представлены члены Суворовской комиссіи: строитель музея архитекторъ фонъ-Гогенъ, художникъ Шабунинъ. Государь бесѣдовалъ также съ внуками генералиссимуса. Въ нишѣ большого зала Государь и августѣйшія особы начертали свои имена въ книгѣ музея. Въ 3 часа Государь Императоръ и августѣйшія особы отбыли изъ музея. Въ торжественномъ засѣданіи академіи генеральнаго штаба, послѣдовавшемъ по отъѣздѣ изъ музея Высочайшихъ особъ, въ залѣ, украшенномъ портретомъ Суворова, начальникъ академіи объявилъ музей съ Высочайшаго соизволенія открытымъ и высказалъ надежду, что всѣ русскіе люди почтутъ память великаго русскаго полководца и не откажутся содѣйствовать увеличенію богатствъ музея новыми предметами. Правитель дѣлъ генераль-майоръ Чистяковъ прочиталъ очеркъ возникновенія музея. Докладчикъ сообщилъ о щедрыхъ вкладахъ въ музей Государя Императора, о дарѣ профессора Энгельгардта, сообщилъ цифровыя данныя по сооруженію, изъ которыхъ видно, что переносъ и постройка Суворовской церкви обошлись въ 30.000 рублей, а сооруженіе музея около 35.000 рублей безъ обремененія казны. Академія будетъ хранить музей, въ которомъ представлена слава русскаго воинства и связанная съ ней слава всей могучей дорогой Россіи. Начальникъ

академіи представилъ въ краткихъ чертахъ біографію Суворова. Генераль отмѣтилъ прежде всего въ немъ типъ прирожденнаго военнаго дѣятеля и представилъ въ общихъ чертахъ доказательства великаго ума Суворова и его большой образованности. Онъ былъ великій тактикъ и свои правила «глазо-мѣръ, быстрота и натискъ» осуществлялъ во всѣхъ кампаніяхъ. Суворова можно сравнить только съ Аннибаломъ и Цезаремъ, и, какъ Цезарь, Суворовъ строилъ свои планы побѣдъ на моральной сторонѣ войска. Его главнымъ правиломъ было наступленіе, которое подымаетъ духъ войска, даетъ ему инициативу. Своими выходками Суворовъ шелъ въ разрѣзъ съ современными ему теоріями, но онъ клеймилъ сарказмами не науку, а схоластику, не искусство, а рутину. Генераль въ заключеніе возгласилъ славу великому русскому полководцу. Среди массы слушателей, наполнившихъ большой залъ, были депутаты, родственники Суворова, много генераловъ и министръ народнаго просвѣщенія.

Торжественное собраніе императорской академіи наукъ. 29 декабря въ большой конференцъ-залѣ академіи наукъ состоялось торжественное собраніе императорской академіи наукъ. Среди академикомъ были президентъ академіи, великій князь Константинъ Константиновичъ, вице-президентъ Никитинъ, Розень, Радловъ, Рыкачевъ, Е. Голубинскій, Кони, Кондаковъ, Веселовскій, Ольденбургъ и много другихъ; среди публики находился министръ народнаго просвѣщенія Глазовъ и кіевскій митрополитъ Флавіанъ. Непремѣнный секретарь, академикъ Ольденбургъ, прочелъ отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ академіи наукъ за 1904 годъ. Отчетъ представляетъ общую картину дѣятельности академіи въ разнообразныхъ проявленіяхъ ея академической жизни. Академикъ Ольденбургъ прочиталъ отчеты по присужденію премій: 1) имени профессора Иванова—профессору Московскаго университета Петру Лебедеву, 2) Ломоновская премія въ 1.000 р.—профессору Н. А. Меньшуткину 3) премія имени графа Д. Толстого—золотая медаль—профессору Юрьевскаго университета Е. В. Пѣтухову. Академикъ Е. Голубинскій прочелъ отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности академіи, въ которомъ отмѣтилъ незамѣнимую утрату, которую понесло отдѣленіе въ лицѣ умершаго академика А. Н. Пыпина. Академикъ Кони сказалъ рѣчь, названную въ программѣ: «Страничка изъ жизни Пушкина». Послѣ рѣчи А. Θ. Кони были провозглашены имена вновь избранныхъ академіею въ почетные члены и члены-корреспонденты; въ почетные члены избраны: бывший директоръ обсерваторіи Брера въ Миланѣ, профессоръ Скиапарелли, состоявшій съ 1874 года членомъ-корреспондентомъ академіи по разряду математическихъ наукъ, непремѣнный секретарь королевской академіи наукъ въ Берлинѣ, профессоръ Ауверсъ, состоявшій членомъ-корреспондентомъ съ 1873 года, заслуженный ординарный профессоръ въ Москвѣ И. М. Сѣченовъ, состоявшій членомъ-корреспондентомъ съ 1869 года, крылошанинъ и кустось львовской митрополитальной консерваторіи о. А. С. Петрушевичъ. Въ члены-корреспонденты избраны по астрономіи Сиръ Норманъ Локіэръ и директоръ астрофизической обсерваторіи Мадонэ Жансенъ; по математикѣ профессоръ въ Падувѣ Леви Чивита; по разряду физическому: членъ французскаго института

въ Парижѣ Г. Муассанъ; по разряду біологическому: членъ французскаго института въ Парижѣ профессоръ Сорбонны Дастръ, профессоръ въ Кенигсбергѣ Людвигъ Стида, директоръ зоологической станціи въ Неаполѣ профессоръ А. Дорнъ; по отдѣленію русскаго языка и словесности ординарный профессоръ императорскаго Казанскаго университета А. С. Архангельскій; по историко-филологическому отдѣленію (разрядъ историко-политическихъ наукъ) статистикъ Ѳ. А. Щербина, по разряду классической филологіи и археологіи директоръ московскаго публичнаго и румянцевскаго музеевъ заслуженный ординарный профессоръ императорскаго Московскаго университета П. В. Цвѣтаевъ; по разряду лингвистики профессоръ въ Гиссенѣ Христіанъ Бортоломэ. Изъ отчета состоящей при императорской академіи наукъ постоянной комиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ за 1904 годъ видно, что въ отчетномъ году въ распоряженіи комиссіи имѣлось 50.857 рублей 13 коп. Въ 22 совѣщаніяхъ комиссіи разсмотрѣно 522 ходатайства, изъ коихъ удовлетворено 420 и отклонено 102. Не разрѣшенными остались 5 ходатайствъ въ виду еще не выясненныхъ обстоятельствъ дѣла. Въ отчетномъ году изъ капитала Императора Николая II израсходовано 50.422 рубля 5 коп. Единовременныхъ пособій выдано 319 лицамъ на сумму 11.431 рублей 85 копеекъ, въ томъ числѣ 21 разъ для уплаты за обученіе дѣтей и въ 6 случаяхъ на расходы по погребенію, въ томъ числѣ въ 143 случаяхъ была оказана помощь въ общей сложности на сумму 6.134 рубля. Выдано пособій, разсроченныхъ по мѣсяцамъ, 94 лицамъ, на сумму 21.161 рубль 20 коп. Пенсій имени Императора Николая II выдано 49 лицамъ на сумму 17.829 рублей.

Комитетъ имени Михаила Дмитриевича Скобелева. Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія сестра покойнаго М. Д. Скобелева, княгиня Надежда Дмитриевна Вѣлосельская-Вѣлозерская, и нѣкоторые изъ его бывшихъ сослуживцевъ и боевыхъ сподвижниковъ образовали комитетъ для сбора, путемъ добровольныхъ пожертвованій, капитала имени М. Д. Скобелева. Капиталъ этотъ предназначается для выдачи пособій воинскимъ чинамъ, потерявшимъ на войнѣ отъ ранъ или болѣзней способность къ труду. Въ составъ комитета, подъ предсѣдательствомъ княгини Н. Д. Вѣлосельской-Вѣлозерской, вошли: товарищемъ предсѣдательницы начальникъ Николаевской академіи генеральнаго штаба генераль-майоръ Н. П. Михневичъ, членами—генераль-адъютантъ А. Н. Куропаткинъ, министръ путей сообщенія кн. М. И. Хилковъ, генераль-адъютантъ свѣтл. кн. Д. Б. Голицынъ, генераль отъ инфантеріи П. Д. Паренсовъ, свиты Е. И. В. генераль-майоръ кн. К. Э. Вѣлосельскій-Вѣлозерскій, генераль-майоры А. Н. Масловъ, А. Н. Эрдели и М. И. Ушаковъ, полковники А. В. Верещагинъ, Д. К. Абаціевъ и ротмистръ В. Н. Воейковъ. Пожертвованія и прошенія о пособіяхъ слѣдуетъ направлять по слѣдующему адресу: Петербургъ, Суворовскій просп., 32, квартира начальника академіи, Скобелевскій комитетъ.

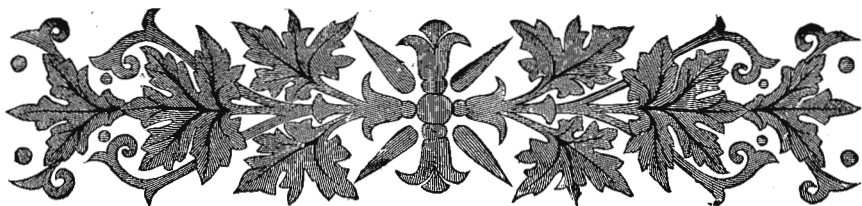
С.-Петербургское археологическое общество. I. 13-го ноября, подъ предсѣдательствомъ профессора С. Ѳ. Платонова, состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія. Засѣданіе было оживленнымъ. Обсуждался докладъ Ѳ. А. Брауна: «Русскіе князья по исландскимъ сагамъ», сопровождавшійся горячими

преніями, въ которыхъ, между прочимъ, принимали участіе: сенаторъ графъ А. А. Бобринскій, профессоръ И. Я. Гурляндъ, профессоръ С. Ѳ. Платоновъ и др. лица. Докладчикъ, на основаніи изслѣдованныхъ имъ древнихъ сагъ, освѣтилъ прошлое изъ жизни первыхъ русскихъ князей—Рюриковичей. Данныя сагъ сообщаютъ намъ свѣдѣнія о русскихъ князьяхъ, начиная съ Владимира святого и кончая Владиміромъ Мономахомъ. Между прочимъ, саги указываютъ и на нѣкоторыя любопытныя особенности быта того времени. Такъ онѣ свидѣтельствуютъ о весьма самостоятельномъ и независимомъ положеніи, которое занимала женщина древней Руси. Жены князей играли видную политическую роль, имѣли свои собственныя матеріальныя средства, свои дворцы, свою дружину, принимая и въ общественной жизни своихъ мужей самое широкое участіе. Значительный интересъ представляетъ также указаніе сагъ на нѣкоторую финансовую зависимость князя отъ народнаго собранія. Сынъ св. Владимира полоцкій князь «Вартилафъ», какъ его называетъ сага, принимая на службу къ себѣ варяга Эймунда съ дружиною, говоритъ ему между прочимъ, что, прежде чѣмъ рѣшить вопросъ о наймѣ воиновъ, онъ долженъ спросить о томъ мужей своихъ, которые, по его словамъ, «дадутъ ему деньги, а онъ ихъ только тратитъ». Затѣмъ князь дѣйствительно сзываетъ мужей своихъ въ «народное собраніе», передавъ на ихъ разсмотрѣніе вопросъ о наймѣ воиновъ. II. На состоявшемся 20-го ноября, подъ предѣтельствомъ профессора И. В. Помяловскаго, засѣданіи классическаго отдѣленія общества, К. В. Хилинскій сообщилъ результаты своего изслѣдованія надъ греческими памятниками древности: побѣдными надписями пергамскаго царя Атталы I, жившаго во II столѣтіи до Р. Х. Царь этотъ велъ много войнъ, главнымъ образомъ въ Малой Азіи съ царями Сиріи Антиохомъ и Селевкомъ и съ галлами. Въ честь побѣдъ своихъ Атталъ воздвигъ въ Пергамѣ значительное число памятниковъ, которые представляютъ собою весьма интересный археологическій матеріалъ. Секретарь отдѣленія С. А. Жебелевъ прочелъ докладъ объ античныхъ издѣліяхъ изъ кости, хранящихся преимущественно въ римскихъ собраніяхъ предметовъ древности и изданныхъ Гревеномъ. Изданія эти относятся къ сравнительно позднему времени римской исторіи, къ императорской эпохѣ, большею частью къ IV—VI вѣкамъ по Р. Х. Главный интересъ ихъ заключается въ возможности путемъ детальнаго изслѣдованія установить весьма осязательную связь между издѣліями языческими и христіанскими. III. На состоявшемся 25-го декабря засѣданіи восточнаго отдѣленія, подъ предѣтельствомъ барона В. Р. Розена, оживленный обмѣнъ мнѣній вызвалъ докладъ профессора Н. Я. Марра о монгольскомъ названіи христіанъ «аркауиъ». Происхожденіе этого слова давно уже занимаетъ востоковѣдовъ. Референтъ предложилъ гипотезу объ армянскомъ его происхожденіи въ промежутокъ времени съ VIII до XIII столѣтія христіанской эры. Въ этомъ періодѣ среди армянъ велась жестокая борьба двухъ религиозныхъ партій: халкедонитовъ и ихъ противниковъ. Послѣдніе остались побѣдителями. Халкедониты должны были покинуть страну. Невольные изгнанники направились въ разныя страны: значительная часть ихъ поселилась въ Грузію и слилась съ грузинами; другая направилась въ Болгарію и Грецію; третья, занявшись торговлею, двинулась въ Среднюю Азію и основала тамъ колоніи.

Наиболѣе энергичные изъ армянъ-халкедонитовъ достигли даже Китая. Столкнувшись съ христіанами въ лицѣ армянъ, монголы назвали ихъ «аркауны» а затѣмъ названіе это распространилось и на всѣхъ остальныхъ христіанъ. Отъ Китая до Персін, на всемъ обширномъ пространствѣ монгольскихъ владѣній, названіе христіанъ «аркауны» въ древнихъ официальныхъ документахъ является единственнымъ. За армянское происхожденіе слова «аркауны» говорятъ, по мнѣнію докладчика, какъ свидѣтельства древнихъ армянскихъ писателей, такъ и изслѣдованная докладчикомъ надпись на камнѣ (XIV столѣтія). Въ докладѣ, между прочимъ, была указана характерная черта, касающаяся отношеній халкедониветскаго монастыря въ Болгаріи къ грекамъ. Хотя была допущена полная свобода для поступленія въ монастырь для всѣхъ національностей, строго запрещалось, однако, принимать въ монахи грековъ. Они могли быть только писцами монастыря.

Общество любителей россійской словесности. 1-го декабря состоялось закрытое засѣданіе общества подъ предсѣдательствомъ В. А. Гольцева. Въ началѣ засѣданія В. А. Гольцевъ напомнилъ о постигшей общество утратѣ— смерти почетнаго члена академика А. Н. Пыпина, и предложилъ почтить его память вставаніемъ. Н. В. Давыдовъ сообщилъ свои воспоминанія о графѣ Ѳ. Д. Сологубѣ († 1890 года) и прочелъ нѣкоторые изъ неизданныхъ его стихотвореній. Племянникъ графа В. А. Сологуба и Самаринныхъ, онъ былъ разносторонне образованнымъ, необыкновенно своеобразнымъ и интереснымъ человекомъ. Это была прежде всего художественная натура, прекрасный рисовальщикъ, музыкантъ и поэтъ—изящный лирикъ и неподражаемый юмористъ. Страстный поклонникъ поэзіи Козьмы Пруткова, онъ былъ недюжиннымъ пародистомъ и выработалъ особую форму «испанскихъ» стихотвореній, которыя очень забавно высмѣивали напряженный, искусственный паѳосъ. Референтъ иллюстрировалъ свое сообщеніе многочисленными очень характерными данными изъ сочиненій графа Сологуба и вызвалъ дружныя рукописканія собравшейся публики. Н. А. Янчукъ прочелъ докладъ: «Н. Ѳ. Щербина и его бумаги». Изложивъ въ общихъ чертахъ біографію этого забытаго нынѣ поэта, докладчикъ остановился главнымъ образомъ на его бумагахъ, поступившихъ въ бібліотеку общества,—выискавъ изъ разныхъ книгъ, записокъ произведеній народнаго творчества и т. д. Въ дѣйствительные члены избранъ В. Н. Ладыженскій.

НЕКРОЛОГИ.

ВАРАНСКІЙ, Г. О. Неожиданно, въ расцвѣтъ силъ, 9-го января, скончался одинъ изъ молодыхъ тружениковъ печати Георгій Осиповичъ Баранскій. Покойный родился въ 1878 году и происходилъ изъ бѣдной семьи. Одаренный отъ природы, вдумчивый и чуткій душою къ высшимъ запросамъ жизни — наборщикъ по профессіи, — покойный Баранскій съ юныхъ лѣтъ много читалъ и заботился о своемъ самообразованіи. Полтава, гдѣ Георгій Осиповичъ прожилъ до 22 лѣтъ, не могла удовлетворить потребностямъ покойнаго, который стремился въ столицу, какъ въ центръ умственной жизни. Но матеріальныя условія и чистая случайность занесли Г. О. въ Одессу, гдѣ онъ пристроился въ драматическую труппу, направившуюся въ г. Вознесенскъ на зимній сезонъ. Вскорѣ Г. О. возвращается обратно въ Полтаву, начинаетъ готовиться на аттестатъ зрѣлости и попутно помѣщаетъ статьи въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ». Мечты Баранскаго начинаютъ понемногу сбываться, и ему представляется возможность поѣхать въ Петербургъ. Литературный путь его на первыхъ шагахъ въ С.-Петербургѣ былъ очень тернистъ; много жизненныхъ невгодъ пришлось вынести въ это время даровитому юношѣ, пока онъ не началъ работать въ качествѣ сотрудника-хроникера въ газетѣ «Биржевыя Вѣдомости»; здѣсь работа его длилась непрерывно до послѣднихъ дней. Одновременно покойный принималъ участіе въ журналахъ «Наборщикъ», «Живописное Обзорѣніе» и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Артистическая дѣятельность покойнаго не исчерпывается провинціей, — прошлый сезонъ Г. О. игралъ въ Новомъ театрѣ въ труппѣ Яворской, гдѣ пользовался успѣхомъ въ нѣкоторыхъ роляхъ. Какъ человекъ и товарищъ, покойный пользовался любовью окружающихъ и неоднократно помогалъ имъ и словомъ и дѣломъ. Покойный точно предугадывалъ свою близкую смерть и еще наканунѣ ея вече-

ромъ въ кругу товарищей высказывалъ мысль о близкой кончинѣ. (Некрологи его: «Виржевыя Вѣдомости», 1905 г., № 8613; «Полтавскій Вѣстникъ», 1905 г., № 629; «Волгарь», 1905 г., № 20, и «Самарскій Курьеръ», 1905 г., № 207).

† **Бернардъ, Н. М.** 19-го января скончался одинъ изъ видныхъ нашихъ прежнихъ музыкальныхъ издателей Н. М. Бернардъ. Фирма Бернарда, прекратившаяся лѣтъ пять назадъ, насчитывала не менѣе 65 лѣтъ дѣятельности. Основанная отцомъ покойнаго въ концѣ тридцатыхъ годовъ закончившагося столѣтія, она видѣла свой расцвѣтъ въ періодъ 50—70 годовъ, когда измѣнившіяся условія нашего музыкальнаго міра отразились на ней. Слабое здоровье владѣльца фирмы немало мѣшало ему слѣдить за музыкальными дѣлами съ тѣмъ интересомъ, который онъ абстрактно всегда проявлялъ къ нимъ. Покойный Н. М. издавалъ гораздо меньше своего отца, обративши особое вниманіе только на музыкальный журналъ «Нувеллистъ», который при немъ и подъ его руководствомъ достигъ извѣстнаго значенія и приобрѣлъ большое распространеніе, особенно въ провинціи. Матеріальное благосостояніе Бернарда, бывшее раньше въ очень хорошемъ положеніи, разстроилось вслѣдствіе его антрепризъ съ итальянскою оперою. Онъ наконецъ вынужденъ былъ ликвидировать фирму. Покойный былъ не чуждъ литературѣ. Имъ написаны «Мрачные рассказы» и «Дѣтскіе рассказы». Въ обѣихъ книжкахъ, проникнутыхъ теплотою и сердечностью, виденъ несомнѣнный талантъ. По гуманности, отзывчивости и добротѣ Н. М. пользовался общею любовью не только своихъ служащихъ и лицъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣла, но и всѣхъ знавшихъ его. Онъ умеръ отъ воспаления легкихъ на 62 году жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10373).

† **Бобровскій, П. О.** 3-го февраля скончался въ С.-Петербургѣ одинъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ людей, извѣстный военный историкъ, сенаторъ, генералъ отъ инфантеріи Павелъ Осиповичъ Бобровскій. Безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ трудился онъ надъ историческими изслѣдованіями, обогатившими нашу литературу, много поработалъ въ эпоху Д. А. Милютина, участвуя въ дѣлѣ реформъ по военному вѣдомству, по педагогической части, въ качествѣ начальника военно-юридической академіи содѣйствовалъ полному процвѣтанію этого высшаго заведенія и вообще оказалъ много важныхъ услугъ родинѣ. Всѣ ученые труды генерала Бобровскаго, начиная отъ описанія Гродненской губерніи и кончая исторіей Эриванскаго полка, представляютъ большую цѣнность. Въ первомъ трудѣ помимо обстоятельныхъ этнографическихъ данныхъ заключается крайне интересный историческій обзоръ о происхожденіи племенъ, въ которомъ изслѣдователь, на основаніи историческихъ памятниковъ и языка наличной массы населенія, доказываетъ, что край, занимаемый нынѣ Гродненской губерніей, былъ всегда русскимъ, что «почти съ самаго образованія Руси вѣра и языкъ славянскихъ племенъ между Припетью и Нѣманомъ всегда находились въ тѣсной связи съ племенами, жившими на сѣверъ, югъ и востокъ отъ этой губерніи». Какъ бы въ связи съ этимъ трудомъ находится брошюра П. О.—«Можно ли одно вѣроисповѣданіе принять въ основаніе племенного разграниченія славянъ Западной Россіи?», въ которой авторъ, полемизируя съ географомъ Эркерттомъ, доказываетъ, что окатоличеннаго русскаго простолю-

дина нельзя считать полякомъ, и что при раздѣленіи славянъ Западной Россіи на русскихъ и поляковъ слѣдуетъ, прежде всего, принимать во вниманіе языкъ, а также нравы, обычаи и прочія характерныя племенныя особенности.

Солидной работой генерала Бобровскаго считается и его изслѣдованіе «Юнкерскія училища» въ трехъ объемистыхъ томахъ (1871—1874), широко задуманное и блестяще выполненное. Здѣсь подробно разсмотрѣны всѣ стороны этихъ военно-учебныхъ заведеній, условія ихъ существованія, ихъ педагогическое значеніе и проч. Его историко-юридическая монографія: «Артикуль военный Петра Великаго» (2 тома), удостоена академіей наукъ большой золотой медали имени графа Толстого. Ему же принадлежитъ и изслѣдованіе о древней славянской супрасльскаго рукописи XI вѣка, открытой дядею генерала Бобровскаго, ученымъ славистомъ, пользовавшимся въ двадцатыхъ годахъ, при возрожденіи славянской науки, европейскою извѣстностью: «Исторія русско-греко-уніатской церкви до начала реформъ, приведшихъ уніатовъ Западной Россіи къ воссоединенію». Наконецъ, богатый вкладъ въ военную литературу представляютъ его многотомная «Исторія 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго его величества полка за 250 лѣтъ», «Состояніе военнаго права въ Западной Европѣ въ эпоху учрежденія постоянныхъ войскъ», «Исторія старѣйшаго регулярнаго полка нашей арміи» и друг. Множество журнальныхъ статей и замѣтокъ разнаго содержанія генераль Бобровскій помѣстилъ въ «Военномъ Сборникѣ», «Русской Старинѣ», «Педагогическомъ Сборникѣ», «Вѣстникѣ Западной Россіи», «Русскомъ Инвалидѣ», «Днѣ» Аксакова и другихъ изданіяхъ.

Сынъ доктора философіи и магистра правъ, Павелъ Осиповичъ Бобровскій происходитъ изъ древняго рода Дрогичинской земли, принадлежавшей галицкимъ князьямъ (нынѣ Бѣльскій уѣздъ, Гродненской губерніи), и родился 21-го марта 1832 года въ имѣніи Вакка, близъ Вильны. Воспитаніе онъ получилъ въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ, давшемъ Россіи столько дѣятелей, прославившихся на различныхъ поприщахъ,—гдѣ пробылъ съ 1844 по 1849 г., послѣ чего для спеціальнаго образованія поступилъ въ Дворянскій полкъ. Окончивъ это заведеніе, онъ выпущенъ былъ въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ 7-го августа 1851 года. Съ началомъ крымской войны началась и его боевая дѣятельность, онъ принималъ участіе вмѣстѣ съ екатеринбургскимъ полкомъ въ мало-валахскомъ отрядѣ и храбро сражался подъ Калафатомъ, а затѣмъ подъ Журжею. Война затихла, и П. О. поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, курсъ которой съ отличіемъ окончилъ въ 1857 году и выпущенъ въ 1-й армейскій корпусъ старшимъ адъютантомъ. По порученію главнаго штаба имъ было составлено «Статистическое описаніе Гродненской губерніи», награжденное золотой медалью императорскаго русскаго географическаго общества. Служа батальоннымъ командиромъ 2-го Константиновскаго училища, онъ принималъ участіе въ преобразованіи этого училища, бывшаго Дворянскаго полка. Когда начались въ военномъ вѣдомствѣ реформы, Д. А. Милютинъ привлекъ къ разработкѣ ихъ полковника Бобровскаго. Состоя при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, онъ былъ дѣятельнымъ помощникомъ Н. В. Исакова. Произведенный въ 1870 г. въ

генераль-майоры, П. О., спустя пять лѣтъ, былъ назначенъ начальникомъ военно-юридической академіи и училища и пробылъ въ этой должности вплоть до 1897 года, участвуя въ коренныхъ преобразованіяхъ этого учрежденія. Въ 1897 году ему повелѣно присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ, въ судебномъ департаментѣ. Генераль Бобровскій былъ почетнымъ членомъ Александровской военно-юридической академіи и другихъ учреждений и обществъ. (Некрологи его: «Слово», 1905 г., № 57; «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., № 28, и «Новое Время», 1905 г., №№ 10387 и 10390).

† **Владимировъ, А. П.** 29-го января скончался въ Петербургѣ на 75 году жизни членъ славянскаго благотворительнаго общества, одинъ изъ скромныхъ труженниковъ на литературномъ поприщѣ — Алексѣй Порфирьевичъ Владимировъ. Покойный родился въ Клинешмѣ. По окончаніи курса Московской духовной академіи былъ учителемъ и вскорѣ напечаталъ свою первую книгу «Книжка для милыхъ дѣточекъ» (сборникъ популярныхъ разсказовъ о явленіяхъ природы). Изучивъ въ совершенствѣ англійскій языкъ, онъ много переводилъ съ англійскаго. Въ Москвѣ въ шестидесятыхъ годахъ былъ главнымъ бібліотекаремъ англійскаго клуба, а въ 1865 году онъ поѣхалъ на призывъ графа Муравьева въ Вильну, гдѣ устраивалъ виленскую публичную бібліотеку изъ сотенъ тысячъ старинныхъ томовъ бібліотекъ, конфискованныхъ при закрытіи римско-католическихъ монастырей. За это трудное дѣло былъ награжденъ орденомъ и чиномъ. Одновременно А. П. состоялъ штатнымъ преподавателемъ русскаго языка въ виленскомъ конзерваторскомъ училищѣ и все свободное время посвящалъ журнальной и газетной работѣ. А. П. работалъ въ «Руси» Аксакова, въ «Новомъ Времени» (корреспонденціи изъ Вильны, Одессы и Северо-Западнаго края), а также въ «Русскомъ Курьерѣ», въ «Вѣстникѣ Европы» и другихъ изданіяхъ. Издалъ цѣлый рядъ брошюръ съ популярнымъ изложеніемъ серьезныхъ вопросовъ: «Мясной вопросъ», «Чай и вредъ его», «За птицъ» и др. Послѣдніе годы жизни А. П. посвятилъ дѣятельности въ Славянскомъ обществѣ. (Некрологи его: «Виржевыя Вѣдомости», 1905 г., № 8643, и «Новое Время», 1905 г., № 10383).

† **Защукъ, А. І.** 30 января скончался въ Ялтѣ одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ защитниковъ Севастополя, отставной генераль-майоръ Александръ Іосифовичъ Защукъ. Покойный происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи, родился въ 1828 году. По окончаніи курса въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ былъ произведенъ въ офицеры въ Орденскій драгунскій полкъ. Принималъ участіе въ Венгерской кампаніи въ 1848 г., въ турецкой войнѣ и въ севастопольской оборонѣ, когда былъ раненъ. Въ Севастополѣ состоялъ одно время ординарцемъ при главнокомандующемъ, а затѣмъ былъ переведенъ въ генеральный штабъ. За военные подвиги получилъ два чина и нѣсколько орденовъ. Съ 1856 г. по 1880 г. покойный былъ послѣдовательно начальникомъ штабовъ 13-й и 32-й пѣхотныхъ дивизій и командиромъ полковъ Литовскаго и Старооскольскаго. Въ 1880 г. по болѣзни, вслѣдствіе полученной въ Севастополѣ раны, вышелъ въ отставку съ производствомъ въ генераль-майоры. Покойный былъ извѣстенъ своими научно-литературными трудами: военно-статистическими очерками Херсонской губерніи и Бессарабской области, напе-

чтанными въ 1862 году. За послѣдній трудъ получилъ награду отъ военнаго министерства. Съ 1885 г. А. I. жилъ безвыѣздно вслѣдствіе болѣзни въ Ялтѣ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10386).

† **Грабовскій, В. В.** 2-го января скончался отъ паралича сердца помощникъ начальника матеріальной службы закавказской желѣзной, дороги Владимиръ Витольдовичъ Грабовскій. Покойный происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Кіевской губерніи. Родившись въ 1858 году, онъ скончался на 47 году жизни, въ полномъ расцвѣтѣ силъ и недюжинныхъ дарованій. Въ минувшую русско-турецкую войну онъ, въ качествѣ вольноопредѣляющагося, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ противъ непріятеля въ отрядѣ наслѣдника цесаревича (впослѣдствіи императора Александра III) и за боевыя заслуги былъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1880 года покойный поступилъ на службу на закавказскія желѣзныя дороги и прослужилъ почти 25 лѣтъ. Отличаясь высокой честностью, правдивостью и гуманнымъ отношеніемъ къ сослуживцамъ, В. В. Грабовскій снискалъ себѣ общее уваженіе и любовь. Обладая литературнымъ талантомъ, покойный сотрудничалъ въ газетахъ «Кавказъ», «Тифлисскій Листокъ», «Новое Обозрѣніе», «Черноморскій Вѣстникъ», «Каспій», «Кіевлянинъ» и др. Покойный заботился о разумныхъ развлеченіяхъ для служащихъ, устраивая спектакли, литературные вечера, и еще наканунѣ смерти распорядился на устроенной въ здавіи управленія дорогъ елкѣ для дѣтей служащихъ, которыхъ онъ такъ любилъ. (Некрологъ его: «Кавказъ», 1905 г., № 6).

† **Ержемскій, А. К.** 31-го января скончался Александръ Константиновичъ Ержемскій. Покойный родился въ 1845 году. Окончивъ курсъ 1-й с.-петербургской гимназіи, поступилъ въ спб. технологическій институтъ, но вышелъ изъ него ранѣе окончанія курса. Въ 1873 году, совмѣстно съ А. Н. Канаевымъ, основалъ с.-петербургскую мастерскую учебныхъ пособій и игръ. На это дѣло А. К. вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ положилъ много труда и энергіи и правильною серьезною постановкою дѣла принесъ замѣтную пользу дѣлу воспитанія и обученія. Разрабатывая учебныя пособия, онъ принималъ участіе въ постоянной комиссіи по техническому образованію и состоялъ членомъ комиссіи по народнымъ чтеніямъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія. А. К. работалъ между прочимъ надъ усовершенствованіемъ проекціонныхъ приборовъ и свѣтовыхъ картинъ, вырабатывалъ типы классной мебели и прочихъ принадлежностей класса. Занятіе фотографіей, первоначально для приготовления картинъ къ проекціоннымъ фонарямъ, впослѣдствіи сдѣлалось его спеціальностью. Изучая всякое свое дѣло основательно, А. К. и въ этой отрасли достигъ глубокихъ знаній и въ художественномъ и въ теоретическомъ отношеніяхъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ въ Россіи, разработавшихъ ортохроматическую фотографію въ примѣненіи къ съемкѣ художественныхъ произведеній, и на многихъ выставкахъ въ Россіи и за границей удостоенъ наградъ за свои превосходныя работы. Спеціальная знанія по фотографіи А. К. дали основаніе пригласить его при учрежденіи Русскаго музея императора Александра II къ организаціи, а затѣмъ и къ завѣдыванію фотографическимъ отдѣломъ музея. Въ спеціальной фотографической литературѣ А. К. извѣстенъ своими

сочиненіями по фотографіи. Изъ нихъ слѣдуетъ особенно отмѣтить «Самочитель фотографіи», выдержавшій уже три изданія. Дѣятельность покойнаго въ Техническомъ обществѣ началась съ 1885 года. Работая въ качествѣ непремѣннаго члена фотографическаго отдѣла, организатора выставокъ, эксперта, председателя разныхъ комиссій, А. К. приобрѣлъ общее уваженіе и любовь и въ 1900 году былъ избранъ председателемъ отдѣла. Въ этой должности оставался до своей кончины. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10386).

† **Карышевъ, Н. А.** 6-го февраля въ Москвѣ скончался одинъ изъ знатоковъ сельскаго хозяйства вообще и мелкаго крестьянскаго хозяйства въ частности, докторъ политической экономіи и статистики, Николай Александровичъ Карышевъ. Изъ множества его научныхъ работъ наибольшую извѣстностью пользуются «Экономическія бесѣды», въ которыхъ ясно, сжато и популярно изложены главнѣйшія основы политической экономіи. Сочиненіе это выдержало нѣсколько изданій. Затѣмъ въ своихъ диссертацияхъ магистерской— «Вѣчно наследственный наемъ земель на континентѣ Западной Европы», и особенно въ докторской— «Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды», а также въ нѣсколькихъ другихъ научныхъ изслѣдованіяхъ онъ явился горячимъ поборникомъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія, защитникомъ сельской общины и, можно сказать, впервые выяснилъ громадное значеніе для крестьянскихъ хозяйствъ внѣнадѣльныхъ арендъ. Имъ же составленъ пѣнный «Атласъ полѣсной статистики». Покойный родился въ 1855 году, кончилъ курсъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета. Имѣя землевладѣніе въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи, онъ занялся изученіемъ подворнаго хозяйства и одновременно разработкой многихъ мѣстныхъ вопросовъ, преимущественно экономического характера, печатая свои статьи въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Дѣлѣ», «Земствѣ», «Юридическомъ Вѣстникѣ» и другихъ изданіяхъ. Лѣсной институтъ пригласилъ его читать политическую экономію и статистику. Послѣ защиты магистерской диссертациі въ 1885 г. отправился въ свое имѣніе и принялъ участіе въ земской дѣятельности, завѣдуя двѣнадцатю земскими начальными школами и преподавая нѣсколько предметовъ въ Гнѣдинскомъ ремесленномъ училищѣ, основанномъ родственникомъ покойнаго, извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ Гнѣдинымъ. Съ 1888 г. по 1891 г. онъ былъ приватъ-доцентомъ Московскаго университета и читалъ прикладную политическую экономію, затѣмъ профессоромъ статистики въ императорскомъ Александровскомъ лицѣ. Въ 1893 г. защитилъ докторскую диссертацию. Въ послѣдніе годы онъ сосредоточилъ свою дѣятельность въ московскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ. Кромѣ профессорскихъ занятій, покойный былъ однимъ изъ видныхъ сотрудниковъ «Русскаго Богатства», въ которомъ не только печаталъ свои научно-популярныя статьи, но и велъ научно-экономическое обозрѣніе подъ заглавіемъ «Народно-хозяйственные наброски». (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10391).

† **Кочетовъ, Е. Л.** 26-го января въ Тульской губерніи скончался одинъ изъ старѣйшихъ сотрудниковъ «Новаго Времени», Евгений Львовичъ Кочетовъ. Покойный родился въ 1845 г., происходилъ изъ дворянъ Тульской губерніи, первоначально воспитывался въ Тульской гимназій, затѣмъ въ школѣ гвардей-

ских подпрапорщиковъ въ Петербургѣ. Въ 1863 г. вступилъ въ Лейбъ-Уланскій полкъ, участвовалъ въ подавленіи польскаго мятежа, по окончаніи котораго поступилъ вольнымъ слушателемъ въ Московскій университетъ. Затѣмъ покойный поступилъ на службу въ Московскую городскую думу и занялся литературой; въ 70-хъ годахъ имъ было выпущено нѣсколько книгъ: «Изъ недавнихъ воспоминаній», «Въ Сибирь на каторгу» и др., которыя имѣли значительный успѣхъ. Съ 1880 года Е. Л. Кочетовъ посвятилъ себя специально журналистикѣ, сначала у Каткова въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ составилъ себѣ имя подъ псевдонимомъ Евгенія Львова. Въ 1884 г. онъ перешелъ въ «Новое Время», гдѣ въ теченіе многихъ лѣтъ состоялъ политическимъ корреспондентомъ, подписываясь «Русскій Странникъ» и прежнимъ псевдонимомъ. Политическія его статьи обращали всегда на себя вниманіе своей убѣжденностью, искренностью тона, горячностью. За это время имъ были написаны книги «Болгарія въ періодъ террора и анархіи», «Румелійскій переворотъ», «Правдивые рассказы» и «По студеному морю». Въ 1894 г. Е. Л. по приглашенію С. Ю. Витте поступилъ на службу въ министерство финансовъ и занялъ одну изъ вновь учрежденныхъ тогда только должностей агента министерства финансовъ въ Константинополѣ. Въ то же время онъ исправлялъ должность правительственнаго директора Черноморско-Дунайскаго пароходства. Въ 1902 г. назначенъ былъ агентомъ въ Америку, но вслѣдствіе сначала семейныхъ обстоятельствъ, а затѣмъ политическихъ осложненій не могъ оставаться въ этой должности и причислился къ министерству. Въ частной жизни такъ же, какъ и въ общественной, отличался всегда искренностью, энергіей и прямою своихъ взглядовъ. (Некрологи его: «Новое Время», 1905 г., № 10379, и «Южный Край», 1905 г., № 8350).

† **Куракинъ, Ѳ. В.** Скончался Ѳедоръ Владимировичъ Куракинъ, въ былое время причастный къ повременной столичной печати. Покойный происходилъ изъ дворянъ Псковской губерніи, кончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету и служилъ недолго по министерству народнаго просвѣщенія. Выйдя въ отставку, Ѳ. В. Куракинъ посвятилъ себя газетному труду и около тридцати лѣтъ писалъ по земскимъ вопросамъ въ «Голосѣ», «Новомъ Времени», «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и др. газетахъ. Скончался онъ на 62-мъ году жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10387).

† **Михаловскій, Д. Л.** 9-го февраля скончался въ своей скромной квартирѣ на углу Невскаго просп. и Перекупина переулка талантливый переводчикъ иностранныхъ поэтовъ и самъ оригинальный поэтъ Дмитрій Лаврентьевичъ Михаловскій. Въ русской литературѣ стало меньше еще однимъ высокогуманнымъ, симпатичнымъ и даровитымъ дѣятелемъ, вся долгая литературная работа котораго такъ настойчиво была проникнута мотивами любви къ ближнему, вѣры въ прогрессъ и просвѣщеніе и поклоненіемъ передъ великими авторитетами и представителями западно-европейскихъ слова и мысли. Дмитрій Лаврентьевичъ Михаловскій родился въ С.-Петербургѣ 26-го января 1828 года. Высшее образованіе онъ получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, окончивъ юридическій факультетъ котораго, Михаловскій служилъ сперва на Кав-

казѣ, затѣмъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ и впоследствии по министерству финансовъ, въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ, а также состоялъ при министрѣ чиновникомъ особыхъ порученій. Литературная дѣятельность Михаловскаго, продолжавшаяся почти полъ-столѣтія, началась въ «Современникѣ», гдѣ онъ напечаталъ (1857 г., № 5) переводъ поэмы Байрона «Мазена». Въ томъ же журналѣ онъ помѣстилъ свои очерки новѣйшей итальянской литературы (1859) и въ 60-хъ годахъ рядъ переводовъ изъ Байрона («Еврейскія мелодіи» и др. стихотворенія) и другихъ иностранныхъ поэтовъ. Затѣмъ онъ сотрудничалъ: въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1868—1880), гдѣ печаталъ переводы стихотвореній Лонгфелло, Теннисона, Дранмора, Ленау, Рюккерта, Эйхендорфа, Гейне, А. Мюссе, Фрейлиграта. Переводы изъ другихъ иностранныхъ поэтовъ, а также и свои оригинальныя стихотворенія Михаловскій печаталъ въ «Дѣлѣ», «Словѣ», «Вѣстникѣ Европы» (съ 1879 г.), «Семь и Школѣ», «Русской Мысли» (1881—1889), «Живописномъ Обзорѣннѣ» и другихъ ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ журналахъ. Главные труды, которые выдѣлили Михаловскаго въ литературѣ, являются его переводы пяти драмъ Шекспира: «Юлій Цезарь», «Ричардъ II», «Ренрихъ V», «Антоній и Клеопатра» и «Ромео и Джульетта» (Михаловскій также редактировалъ и вышедшее въ 1899 г. 5-е гербелевское изданіе «Полнаго собранія сочиненій» Шекспира), превосходный переводъ размѣромъ подлинника классической «Пѣсни о Гайаватѣ» Лонгфелло (въ «Современникѣ» 1866 г. и «Отечественныхъ Запискахъ» 1868—1869 гг., изданный затѣмъ въ 1876 и 1894 годахъ), переводъ «Записокъ Лоренцо Бенони» (Сиб., 1861), гдѣ сообщаются достовѣрные факты біографіи знаменитаго борца за свободу и объединеніе Італіи—Мадзини. Михаловскій первый у насъ сталъ переводить историческіе романы извѣстнаго египтолога Георга Эберса, напечатавъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1873 и 1877 гг.) переводы романовъ «Дочь египетскаго царя» и «Уарда». Ему же принадлежитъ переводъ соціально-бытового романа Германа Гримма «Непреодолимыя силы» и рядъ переводовъ другихъ нѣмецкихъ романовъ, напечатанныхъ имъ анонимно. Превосходно владѣя нѣсколькими европейскими языками, Михаловскій наравнѣ съ М. Л. Михайловымъ, Плещевымъ, Меемъ и П. П. Вейнбергомъ являлся однимъ изъ лучшихъ нашихъ переводчиковъ и по поэтическому дарованію, и по близости къ подлиннику. Въ особенности, напримѣръ, выдаются его переводы изъ «Чайльдъ-Гарольда» Байрона (въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1868 г., №№ 3 и 4), рядъ переводовъ стихотвореній изъ Лонгфелло (тамъ же, 1873—1874 и 1876—1877 гг.), Дранмора (тамъ же, 1875—1876 гг.), Томаса Гуда (1868—1869 гг.) и нѣкот. др. Какъ поэтъ оригинальный, Михаловскій выдавался менѣе замѣтно, чѣмъ какъ поэтъ-переводчикъ. Но и среди оригинальныхъ его стихотвореній есть вещи прекрасныя. Таковы, напримѣръ, его стихотворенія «Три могилы» («Русская Мысль» 1889 г.), «На сценѣ» и нѣсколько другихъ пьесъ, отмѣченныхъ несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ. Отдѣльно Михаловскій издалъ «Переводы иностранныхъ поэтовъ» (Сиб., 1876 г.), при чемъ всю выручку отъ этого изданія пожертвовалъ Литературному фонду; затѣмъ слѣдовалъ сборникъ его стихотвореній «Поэтъ и муза» (Сиб., 1880 г.), а изъ беллетристическихъ его произведеній

вышли: «Доброе слово пастыря. Эпизодъ изъ отечественной войны» и «Маленькіе герои и другіе рассказы» (Спб., 1894 г.). Человѣкъ высоко образованный и владѣющій превосходно иностранными языками, въ особенности нѣмецкимъ и англійскимъ, онъ удивительно улавливалъ психологію рѣчи переводимыхъ имъ классиковъ, и, самъ превосходный стилистъ, онъ умѣлъ эту рѣчь какъ нельзя совершеннѣе воплощать въ красивые обороты и періоды русскаго языка. Поэтому, когда на театрѣ Станиславскаго было рѣшено поставить «Юлія Цезаря» Шекспира, то завѣдующій театромъ остановился именно на переводѣ этой пьесы Михаловскимъ, какъ на переводѣ совершенномъ и наиболѣе удовлетворяющемъ передачѣ причудливой и оригинальной рѣчи гениальнаго драматурга.

Что касается его оригинальныхъ произведеній, то хотя они не могутъ быть отнесены къ образцамъ нашей первоклассной литературы, но всѣ они проникнуты именно тѣми индивидуальными чертами покойнаго писателя, которыя дѣлали его столь близкимъ и дорогимъ для всѣхъ его знавшихъ. Удивительная мягкость, теплота чувства проникаетъ всѣ его оригинальныя творенія, будя въ читателѣ лучшія струны души. Даже незадолго до своей смерти, можно сказать, стоя одною ногою въ гробу, онъ дрожащею и уже холодѣющею рукою набросалъ небольшое изящное стихотвореніе, гдѣ, прощаясь съ своимъ литературнымъ пегасомъ, спѣшитъ пригласить на упраздненное мѣсто новаго ѣздока, бодрого и смѣлаго, которому онъ какъ бы охотно вручаетъ освобожденное стремя. Когда вы читаете эти милыя рифмованныя строки, невольная жалость охватываетъ васъ къ этому утратившему силы литературному дѣятелю, вы чувствуете признательность ему за все доброе имъ сдѣланное и благодарность за молодое будущее поколѣніе, въ которое онъ такъ горячо вѣритъ.

Личная жизнь Дмитрія Лаврентьевича прошла въ борьбѣ за существованіе, въ борьбѣ за каждый завтрашній день, который встрѣчалъ его не всегда ласково и привѣтливо. Эта жестокая и неблагодарная борьба за существованіе, конечно, не могла благотворно отражаться на его литературной работѣ, которая часто именно являлась результатомъ крайней необходимости, а не плодомъ чистаго вдохновенія и полета свободной отъ суетныхъ земныхъ узъ мысли. Симпатичной наружности, съ умнымъ проникновеннымъ и ласковымъ взоромъ изъ-подъ густо нависшихъ сѣдыхъ бровей, старикъ-литераторъ и заслуженный ветеранъ нашей изящной словесности, Михаловскій являлъ собою въ жизни типъ человѣка удивительно скромнаго, тихаго, какъ бы застѣнчиваго, не любящаго выставлять впередъ своей личности и своихъ немалыхъ заслугъ предъ родною литературою. Какъ тихо и скромно протекла его жизнь, такъ же скромно и малозамѣтно совершились и его похороны на фонѣ шумныхъ и грозныхъ событій современности. Проводить его до мѣста вѣчнаго упокоенія на литературскихъ мосткахъ Волкова кладбища собралась лишь тѣсная группа друзей, знакомыхъ и весьма немногихъ литераторовъ. Надъ свѣжимъ могильнымъ холмомъ г. Сальниковъ произнесъ прощальное слово, а одинъ изъ молодыхъ поэтовъ прочелъ стихотвореніе, посвященное покойному старшему товарищу по служенію искусству.

† **Поливановъ, Н. К.** 30-го декабря скончался Николай Капитоновичъ Поливановъ. Покойный родился 19 марта 1874 года въ селѣ Боркахъ Спаскаго уѣзда, Рязанской губерніи. Отецъ покойнаго былъ небольшой чиновникъ, служившій по акцизному вѣдомству. По окончаніи въ 1893 году курса Рязанской учительской семинаріи Н. К. служилъ до 1898 года помощникомъ класснаго наставника въ Рязанскомъ реальномъ училищѣ и съ 20-го января 1898 года по 1-е іюля 1901 года на Сибирской желѣзной дорогѣ въ Томскѣ, — первоначально, одинъ годъ счетоводомъ въ службѣ пути, а затѣмъ учителемъ двухкласснаго Боготоловскаго желѣзнодорожнаго училища. Изъ г. Томска судьба забросила Н. К. на Сахалинъ, гдѣ онъ около двухъ лѣтъ служилъ преподавателемъ въ одномъ изъ училищъ острова, а затѣмъ состоялъ сотрудникомъ во владивостокскомъ «Дальнемъ Востокѣ» и другихъ дальне-восточныхъ газетахъ. Въ этотъ періодъ покойный дважды ѣздилъ въ Японію и одинъ разъ въ Сѣверную Америку. Изъ Японіи и вообще съ Дальняго Востока Н. К. посылалъ свои корреспонденціи въ столичныя газеты, между прочимъ, въ «Новое Время». Послѣ открытія военныхъ дѣйствій, за прекращеніемъ выхода владивостокскихъ газетъ, онъ пріѣхалъ въ Екатеринбургъ и работалъ въ мѣстныхъ газетахъ. Несомнѣнно одаренный отъ природы высшими запросами, вдумчивый, тихій, скромный Н. К. Поливановъ подъ вліяніемъ несчастливо сложившихся житейскихъ условій и обстоятельствъ предался пороку, сведшему въ могилу не одного талантливаго русскаго человѣка, приведшему его къ трагическому концу. (Некрологъ его: «Ураль», 1905 г., № 2191).

† **Половцовъ, А. В.** 21-го января въ С.-Петербургѣ скончался писатель, археологъ, завѣдывавшій общимъ архивомъ министерства императорскаго двора, тайный совѣтникъ, Анатолій Викторовичъ Половцовъ. Онъ родился 2-го января 1849 года и происходилъ изъ старинной дворянской семьи; по окончаніи курса въ петербургской пятой гимназіи, а затѣмъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, по юридическому факультету, онъ прослушалъ курсъ наукъ археологическаго института. Службу началъ въ сенатѣ, откуда перешелъ въ земскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ въ министерство государственныхъ имуществъ и, наконецъ, въ министерство императорскаго двора, гдѣ сперва завѣдывалъ земельнымъ, а потомъ административнымъ отдѣломъ кабинета его величества; съ 1899 года состоялъ завѣдывающимъ общимъ архивомъ министерства двора. И по долгу службы, и по собственной склонности А. В. Половцовъ немало потрудился, въ особенности въ 70-хъ годахъ, на поприщѣ изученія вопроса о крестьянскомъ землевладѣніи и другихъ, съ нимъ связанныхъ. Между прочимъ, подъ его редакціей былъ изданъ «Сборникъ матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины»; кромѣ того, онъ скоро выступилъ авторомъ длиннаго ряда статей по крестьянскому вопросу, которыя обыкновенно помѣщались въ «Трудахъ вольнаго экономическаго общества», «Недѣлѣ», «Новомъ Времени», «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и др. Изъ статей этого рода отмѣтимъ: «Къ вопросу о сельской общинѣ», «Вопросъ объ общинѣ на реальной почвѣ», «Первые шаги на пути фактическаго изслѣдованія сельской общины» и проч. Какъ человѣкъ, живо интересовавшійся земскими вопросами, онъ принималъ участіе въ редактированіи «Земскаго ежегодника».

Наконецъ, любовь къ археологiи и искусству сдѣлала покойнаго и на этомъ поприщѣ полезнымъ работникомъ. Его статьи и отдѣльные изданiя, какъ, на- примѣръ, «Царьградъ и византiйское искусство», «Соборъ св. Владимира въ Кiевѣ», «Прикладное искусство», «Голландская живопись», «Исслѣдованiе о Юрьевой божницѣ», «Прогулка по Русскому музею императора Александра III» и др.—въ свое время были приняты знатоками съ сочувствiемъ. Покойный не былъ чуждъ художественныхъ воспроизведенiй старины и въ литературныхъ формахъ. Отмѣтимъ его переводъ и переработку пьесы Гонима «Петръ Михайловъ»—историко-бытовыя картины голландской жизни XVIII вѣка (въ 4-хъ дѣйствiяхъ съ прологомъ), и оригинальную его пьесу «Ломоносовъ», не имѣвшую, впрочемъ, большого успѣха. Свои газетныя статьи онъ нерѣдко подписывалъ псевдонимами: «Рязанецъ» и «Кончакъ». (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., № 19; «Новое Время», 1905 г., № 10376; «Биржевыя Вѣдомости», 1905 г., № 8629, и «Южный Край», 1905 г., № 8347).

† **Роцининъ, Ѳ. А.** 7-го января скончался отъ разрыва сердца лейбъ-медикъ Ѳедоръ Антиповичъ Роцининъ, родившiйся въ 1841 году. Окончивъ въ 1856 году гимназическiй курсъ, въ томъ же году онъ началъ свою педагогическую дѣятельность преподавателемъ русскаго языка въ одномъ изъ частныхъ пансионовъ въ Курляндiи и, только нѣсколько лѣтъ спустя, поступилъ въ Москвѣ на историко-филологическiй факультетъ. Чувствуя особое призванiе къ медицинѣ, Ѳ. А. перешелъ въ медико-хирургическую академiю. Въ 1866 году, будучи еще студентомъ V-го курса, покойный, въ качествѣ земскаго врача, былъ командированъ въ Петербургскiй уѣздъ во время холерной эпидемiи и устроилъ двѣ холерныя больницы: въ Ропшѣ и въ Гостилицахъ. По окончанiи курса въ академiи Ѳ. А. былъ приглашенъ на службу въ земство и былъ первымъ земскимъ врачомъ въ Россiи. Съ 1867 г. началась его врачебная дѣятельность, какъ земскаго врача. Въ этотъ періодъ времени покойнымъ была устроена масса волостныхъ больницъ съ приемными покоями, учреждены аптеки, приглашены акушерки и т. д. Къ заслугамъ покойнаго относятся также устройство 1-го телятника для прививанiя оспы и курсы для фельдшеровъ. Впослѣдствiи Ѳ. А. перешелъ на службу въ Петербургъ, перенеся свою энергичную дѣятельность изъ крестьянской среды во дворцы и палаты столицы, гдѣ онъ скоро занялъ мѣсто выдающагося практика и діагноста. Въ день священнаго коронованiя императора Александра III Ѳ. А. былъ назначенъ почетнымъ лейбъ-медикомъ и опредѣленъ окружнымъ врачомъ с.-петербургскаго дворцоваго управленiя и совѣщательнымъ членомъ военно-медицинскаго комитета. Къ выдающимся учено-медицинскимъ трудамъ покойнаго относятся сочиненiя: «Почва города Петергофа и отношенiе ея къ холерной эпидемiи», и описанiе изобрѣтеннаго имъ прибора для повышенiя дѣятельности сердца и многочисленные доклады въ медицинскихъ обществахъ, среди которыхъ выдается докладъ: «Броунсекаровская эмульсія и ея примѣненiе, какъ терапевтическаго средства», и докладъ о «сперминѣ Пелля». Перу покойнаго принадлежатъ многочисленные рассказы: «Изъ записной книжки доктора» и др. (Некрологи его: «Биржевыя Вѣдомости»,

1905 г., № 8621; «Новое Время», 1905 г., № 10372, и «Южный Край», 1905 г., № 8342).

† **Чельцовъ, И. М.** 29-го декабря скончался начальникъ научно-технической лабораторіи морского вѣдомства, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Михайловичъ Чельцовъ. Покойный, по окончаніи курса наукъ по естественному разряду физико-математическаго факультета С.-Петербургскаго университета со степенью кандидата, въ 1875 г. поступилъ лаборантомъ въ Кронштадтскій минно-офицерскій классъ для занятій по аналитической химіи и взрывчатымъ веществамъ. Съ 1881 г. И. М. былъ назначенъ преподавателемъ тѣхъ же предметовъ, а послѣ ухода профессора Шуляченка въ 1883 г. и общей химіи; за ученые труды въ томъ же году награжденъ орденомъ св. Владимира 4-ой степени; съ 1884 г. зачисленъ на государственную службу съ производствомъ въ коллежскіе секретари; въ 1885 г. съ высочайшаго разрѣшенія командированъ въ Копенгагенъ для изученія термохиміи въ приложеніи къ минному дѣлу; въ 1887 г. избранъ въ члены сотрудики морского технического комитета; въ 1890 г. съ высочайшаго разрѣшенія командированъ за границу для собранія свѣдѣній о бездымныхъ порохажъ; въ 1891 г. былъ командированъ въ С.-Петербургъ для наблюденія за работами по устройству научно-технической лабораторіи и въ томъ же году назначенъ начальникомъ этой лабораторіи для изслѣдованія пороховъ и взрывчатыхъ веществъ; въ 1893 г. за отличіе произведенъ въ надворные совѣтники и командированъ за границу для заказа аппаратовъ для завода бездымнаго пороха морского вѣдомства; въ 1895 г. за отличіе произведенъ въ коллежскіе совѣтники, въ 1899 г. назначенъ членомъ конференціи Михайловской артиллерійской академіи; въ 1904 г. за отличіе произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 19-го іюля того же года по болѣзни уволенъ отъ службы съ мундиромъ и пенсіей. Какъ видно изъ этого краткаго формуляра, вся жизнь покойнаго И. М. Чельцова была связана съ теоретическимъ и прикладнымъ изученіемъ различныхъ взрывчатыхъ веществъ, въ изслѣдованіи которыхъ онъ явился чуть ли не первымъ русскимъ пионеромъ, всецѣло посвятившимъ себя только этому дѣлу, начиная съ миннаго класса и кончая научно-технической лабораторіей морского вѣдомства, при чемъ еще въ 80-хъ годахъ производились опыты съ тѣми взрывчатыми веществами, которыя служатъ основаніемъ современной техники этихъ матеріаловъ въ Россіи и за границей. Еще въ 1887—1888 гг. И. М. Чельцовымъ и покойнымъ же П. Я. Назаровымъ производились опыты съ новымъ взрывчатымъ веществомъ «громобоемъ», при взрывахъ котораго наблюдались явленія, очень схожія съ тѣми, которыя теперь наблюдаются при взрывѣ гранатъ, начиненныхъ японскимъ порохомъ «шимозе». Можно пожалѣть, что не имѣется въ нашихъ рукахъ хотя бы одной невзорвавшейся японской гранаты для опредѣленія состава «шимозе». Къ этому же времени относятся опыты съ пикриновой кислотой, родоначальницей современныхъ мелинитовъ, лиддитовъ и т. п. Въ 1889 г. И. М. Чельцовымъ совмѣстно съ Д. М. Кочетовымъ производились опыты полученія малыхъ количествъ бездымнаго пороха, и тогда же было установлено, что наилучше желатинируемой нитроклѣтчаткой для спирто-воздушнаго растворителя будетъ служить такъ называемый коллодіонный пироксилинъ. Плодомъ много-

лѣтнихъ занятій И. М. Чельцова взрывчатыми веществами явился «Курсъ взрывчатыхъ веществъ», описательная часть котораго и до сихъ поръ считается однимъ изъ лучшихъ руководствъ въ русской литературѣ, а передѣлка теоретической части, къ сожалѣнію, не была закончена покойнымъ за болѣзнію. Изъ ученыхъ трудовъ, работъ и докладовъ, — напечатанныхъ въ различное время въ «Журналѣ Русскаго химическаго общества», «Морскомъ Сборникѣ», «Извѣстіяхъ» минно-офицерскаго класса и иностранныхъ журналахъ, — кромѣ «Курса взрывчатыхъ веществъ» и «Химическаго анализа», можно упомянуть слѣдующіе: опредѣленіе нитрованного хлопка въ пироксилинѣ; теплота образованія нѣкоторыхъ пикритовъ и водныхъ растворовъ хлористаго цинка; хлористоводородныя соединенія хлористаго цинка; удѣльные вѣса хлорнаго желѣза; о теоретическомъ сравненіи силы взрывчатыхъ веществъ; правила разложенія взрывчатыхъ веществъ при взрывѣ въ запертомъ пространствѣ и теорія энергіи ихъ; о сѣрнистомъ водородѣ въ продуктахъ взрыва пироксилина; теорія механической волны, развивающейся въ срединахъ при взрывѣ зарядовъ и примѣненіе ея къ объясненію передачи взрывовъ на разстояніе; примѣненіе теоріи механической волны къ измѣренію давленій около заряда при подводныхъ взрывахъ въ кольцахъ Аббота; пикриново-амміачный порохъ и пикриновая кислота, ихъ свойства и взрывы подъ водой, усовершенствованная свинцовая бомба и примѣненіе ея для сравненія работъ взрывчатыхъ веществъ и др. Работы по бездымному пороху напечатаны въ отчетѣ научно-технической лабораторіи морского вѣдомства. По странной ироніи судьбы И. М. Чельцову пришлось заниматься съ разрушительными и приносящими увѣчья и смерть веществами, хотя по своему характеру, какъ могутъ засвидѣтельствовать это многочисленные сослуживцы и слушатели покойнаго, это былъ человекъ въ высшей степени мягкій, чуткій и отзывчивый, съ кѣмъ бы ни приходилось ему имѣть дѣло, при чемъ строже всего онъ всегда относился только къ себѣ самому. (Некрологъ его: «Котлинъ», 1905 г., № 29).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Еще о «Гавриліадѣ».

Въ 8-й книжкѣ «Старины и Новизны» за прошлый годъ г. Барсуковъ старается обълить А. С. Пушкина, коему приписываютъ многіе не безъ основанія авторство извѣстной поэмы «Гавриліада». Почтенный историкъ литературы приводитъ весьма шаткія доказательства въ защиту нашего великаго поэта, отвергая его авторство названной поэмы ссылкой на собственноручныя примѣчанія князя П. А. Вяземскаго, найденныя въ Остафьевской бібліотекѣ, въ небольшой книжкѣ изданныхъ въ Берлинѣ стихотвореній А. С.

Пушкина, не вошедшихъ въ полное собраніе его сочиненій. Несостоятельность заключенія г. Барсукова указана была въ достаточной степени въ замѣткѣ неизвѣстнаго автора въ газетѣ «Новое Время» (№ 10268), и хотя г. Барсуковъ отвѣчалъ на эту замѣтку возраженіемъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», но возраженіе это ничего не доказало, какъ справедливо замѣчено объ этомъ и въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (декабрь, 1904 г., стр. 1190).

Вопросъ о личности автора «Гаврилады» не разъ поднимался у насъ критикой, и авторство ея всеми приписывалось Пушкину. Нужно думать, что она начата была еще во время пребыванія поэта въ лицѣ, какъ и поэма «Русланъ и Людмила», въ періодъ фантастическихъ мечтаній его, страстныхъ порывовъ, юношескихъ проказъ и шалостей, чѣмъ и объясняется появленіе ея среди военной молодежи, а окончена была, вѣроятно, уже по выходѣ изъ лица, когда юноша-поэтъ, увлекаясь наслажденіями земныхъ благъ, вполне предавался свѣтской разсѣянной и даже разгульной жизни, едва не погубившей его (Ода на свободу). Въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія мы имѣли въ рукахъ очень рѣдкую книгу, изданную въ Лейпцигѣ, въ коей помѣщены были всѣ произведенія нашего поэта, неудобныя для печати по нашимъ цензурнымъ правиламъ; тамъ напечатана была, между прочимъ, полностью и «Гаврилада (Благовѣщеніе)». Подъ каждымъ поэтическимъ произведеніемъ обозначена была и дата появленія его въ свѣтъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ теперь припомнить года появленія въ свѣтъ поэмы, о которой идетъ рѣчь ¹⁾. Она написана пятистопнымъ ямбомъ. Поэтическія уподобленія при сравненіи борьбы двухъ міровыхъ силъ въ поэмѣ, внутренняя сила и выразительность стиха, соединенныя съ изяществомъ, несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что это шаловливое поэтическое созданіе есть произведеніе пера нашего великаго поэта. Это «пушкинскій стихъ»; такимъ стихомъ никто не владѣлъ въ то время.

Въ доказательство несомнѣнной принадлежности этого произведенія Пушкину мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь свидѣтельство объ этомъ А. С. Норова изъ дневника академика А. В. Никитенка. Вотъ что весьма интересное и неподлежащее сомнѣнію занесъ въ свой дневникъ покойный Никитенко:

«Вчера онъ (Авр. Серг. Норовъ), между прочимъ, рассказалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ объ А. С. Пушкинѣ. Норовъ встрѣтился съ нимъ за годъ или за полтора до его женитьбы. Пушкинъ очень любезно съ нимъ поздоровался и обнялъ его. При этомъ былъ пріятель Пушкина, Туманскій. Онъ обратился къ поэту и сказалъ ему:

— «Знаешь ли, Александръ Сергѣевичъ, кого ты обнимаешь? Вѣдь это твой противникъ. Въ бытность свою въ Одессѣ онъ при мнѣ сжегъ твою рукописную поэмѣ.

«Дѣло въ томъ, что Туманскій далъ Норову прочесть въ рукописи извѣстную непристойную поэмѣ Пушкина. Въ комнатѣ тогда топили каминъ, и Норовъ, по прочтеніи поэмы, тутъ же бросилъ ее въ огонь.

¹⁾ Книга эта была изъ богатѣйшей библіотеки Н. П. Барятникова, землевладѣльца Орловской губерніи.

— «Нѣтъ,—сказалъ Пушкинъ:—я этого не звалъ, а, узнавъ теперь, вижу, что Авраамъ Сергѣевичъ не противникъ мнѣ, а другъ, а вотъ ты, восхищавшійся такою гадостью, какъ моя неизданная поэма, настоящій мой врагъ».

Всякій, хоть немного знакомый съ литературой, пойметъ, о какой поэмѣ говорить въ своемъ дневникѣ А. В. Никитенко. Правдивость категорическаго заявленія такого лица, какъ А. С. Норовъ, заподозрѣть нельзя; ему безусловно можно повѣрить. Изъ этого видно, во-первыхъ, что поэма «Гавриліада» есть произведеніе нашего великаго поэта, и, во-вторыхъ, что онъ впоследствии сильно раскаивался въ своемъ легкомысленномъ юношескомъ увлеченіи.

Д. Иль—ко.

II.

Къ статьѣ «Польскіе планы въ 1876—1877 гг.».

На стр. 519 февральской книги «Историческаго Вѣстника» за 1905 годъ упоминается членъ англійскаго парламента Джонстонъ Бутлеръ (впоследствии лордъ Нордкотъ), посланный торіями въ Константинополь для защиты британскихъ интересовъ.

У англичанъ, при наличности двухъ или болѣе фамилій, что часто у нихъ бываетъ, главная, такъ сказать, настоящая, обыденно употребляемая, ставится всегда въ концѣ. Фамилія упоминаемаго лица Бутлеръ-Мунро-Джонстонъ (Henry-Alexander Butler-Munro-Johnstone). Онъ тогда былъ консервативнымъ членомъ парламента отъ города Кэнтербери, но на слѣдующихъ же парламентскихъ выборахъ въ 1878 году (кажется) замѣненъ другимъ лицомъ и болѣе членомъ парламента не былъ. Г. Джонстонъ никогда лордомъ Нордкотъ или другимъ какимъ либо лордомъ не былъ. Титулъ «лордъ Нордкотъ» вновь созданъ въ 1900 году для второго сына извѣстнаго политическаго дѣятеля Стаффорда-Генри-Нордкота, графа Иддслейгъ (Iddesleigh)—Генри-Стаффорда-Нордкота, ничего общаго, кромѣ принадлежности къ консервативной партіи, съ г. Джонстономъ не имѣющаго.

И. А.

ПОСЛАННИЦА КОРОЛЯ СОЛНЦА

(MARIE PETIT)

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ЛЕО КЛАРЕТИ

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО)

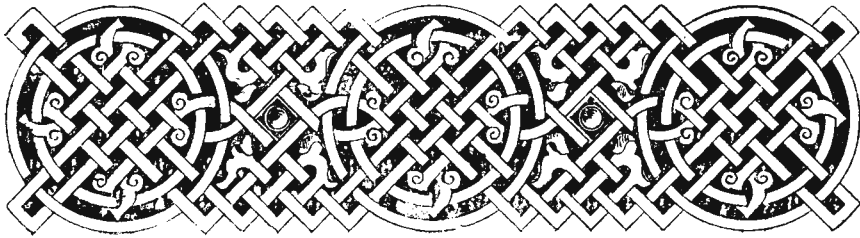
Приложеніе къ журналу «Историческій Вѣстникъ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина, Зртелевъ, 13
1905

I.

ОРТЪ возьми! маркизъ, судя по твоей неудачѣ въ игрѣ, ты долженъ быть счастливъ въ сердечныхъ дѣлахъ.

— Опять ни одной взятки, кавалеръ! Ну, бросаю партію, и хотя бы даже моя Флоримонда измѣняла мнѣ, я цѣлую недѣлю не сяду за «три» или «ломберъ». По страшному поражению, какое я перенесъ, меня можно принять за маршала Вильбуа.

— Полно! зеленое сукно игорнаго дома—не поле сраженія при Ромилды. Развѣ тебѣ не рассказывали, маркизъ, объ остротѣ, сказанной королемъ несчастному маршалу, когда тотъ возвратился въ Лувръ?

— Нѣтъ.

— Она довольно мѣткая: «г-нъ маршалъ,—сказалъ король:—въ наши годы не везетъ счастье».

Оба собесѣдника сидѣли за игорнымъ столомъ въ одномъ изъ угловъ богато убраннаго зала, слишкомъ раззолоченнаго, слишкомъ грубо разукрашеннаго красной тканью, освѣщеннаго большимъ количествомъ свѣчей и оживленнаго присутствіемъ многочисленныхъ картежниковъ и картежницъ въ щегольскихъ нарядахъ. Это былъ игорный домъ Марі Пѣти въ улицѣ Маварини.

Экипажи оставались стоять предъ его дверью далеко за полночь; время отъ времени дверь отворялась, чтобы ропустить сыновей знатныхъ семей; ихъ лица были блѣдны, изнурены, и они печально застегивали портупею шпаги и съ жестомъ отчаянія закутывались въ свои коричневые плащи. Ихъ шпаги уныло бряцали по пустынной мостовой, освѣщенной только фонаремъ съ кенкетомъ, висѣвшимъ на углу улицы Генего. Между тѣмъ, раздававшіеся

на верху взрывы смѣха, ласковые голоса кокетничавшихъ женщинъ, переливающиеся звуки золотыхъ луидоровъ, груди которыхъ скатывались золотистымъ потокомъ на зеленое сукно, призывъ банкюмета, интимная болтовня собравшихся группъ—все это вносило въ залъ и смежныя комнаты веселье, маскировавшее завѣсой вздора и дурачества тоскливое безпокойство, лихорадочную алчность и полное отчаяніе.

Вертюгадекскій намѣстникъ съ треуголкой въ рукахъ, сидѣвшій, сложивъ ноги прямоугольникомъ, вытащилъ изъ кармана ониковую табакерку, украшенную жемчугомъ, обрамлявшимъ портретъ актрисы Данкуръ, втянулъ въ себя щепотку табака и стряхнулъ остатки его съ жабо изъ дорогого кружева своими тонкими пальцами, на которыхъ блестѣли крупные драгоценные камни. Потомъ, приподнявъ ногами своей шпаги фалды темно-коричневаго кафтана, очень обтянутаго на бедрахъ, онъ сказалъ фальцетомъ:

— Но я не вижу нашей красавицы-арвернки.

— Какой арвернки?—спросилъ Альвейръ, только что прибывшій изъ Лиможа.

— Мы такъ прозвали хозяйку этого игорнаго дома, хорошенькую, восхитительную Марі Пёті, родомъ изъ Мулена, въ Бурбонѣ. Она овернка, но поэтичнѣе говорить арвернка.

— Землячка Верцингеторика!—сказалъ Альвейръ.

Въ тотъ моментъ, какъ Альвейръ кончалъ свою фразу, приподнялась портьера, и вошла Марі Пёті.

— Верцингеториксъ?—воскликнула она весело:—это мой предокъ. Въ нашей семьѣ не дремлютъ.

Эти слова были встрѣчены шепотомъ, выразившимъ симпатію и лестное одобреніе. Всѣ привѣтствовали появленіе красавицы-банкюметки. Тотчасъ же къ ней приблизился намѣстникъ и шепнулъ ей на ухо:

— Да, не дремлютъ, только ваше сердце дремлетъ, жестокая! Должно быть, вы—ледяная, если не растаяли отъ моей вулканической любви.

— Полно, верзила, не начинайте вашихъ глупостей.

— Пеняйте только на себя, красавка, за глупости, которыя можно сдѣлать для васъ,—отвѣтилъ Альвейръ, улыбаясь:—или перестаньте быть до такой степени хорошенькой, что всѣ ваши ухаживатели творятъ безумія ради васъ.

— Я съ удовольствіемъ вижу, что мой новый клиентъ—еще одинъ новый обожатель,—возразила Марі, смѣясь.—Это дѣлу не вредить. Но предупреждаю васъ чистосердечно, что мѣсто уже занято. Спросите у другихъ.

Она удалилась, съ цѣлью тайно переговорить съ банкюметомъ. Съ нимъ Марі обмѣнялась менѣе любезными рѣчами.

— Выручка?—спросила она коротко.

— Ничтожная,—отвѣтилъ банкومترъ.— Совѣмъ нѣтъ крупной ставки. Надо ихъ немного подогрѣть.

— Я спущу Флоризу на новаго посѣтителя. А Фабръ? Онъ еще не пришелъ?

— Нѣтъ, но я видѣлъ, какъ входилъ его племянникъ, г-нъ Жакъ; онъ прошелъ черезъ прихожую.

Марі съ обнаженной шеей стояла, полусклонясь надъ стуломъ своего служащаго, обнаруживъ свой будто точеный затылокъ. Ея напудренные волосы были приподняты и зачесаны на макушку головы, гдѣ собраны въ довольно объемистый шиньонъ въ родѣ каски съ султаномъ. Нѣсколько развѣвавшихся завитушекъ ласкали ея виски. Среди облачка тонкихъ, едва осязаемыхъ перьевъ, приколотыхъ къ волосамъ, дрожали сверкавшіе драгоценные камни. У Марі были большіе черные глаза, бархатистыя рѣсницы и ласкающій, блестящій взоръ. Ея слегка изогнутый носъ съ прозрачными, изящнаго очертанія, трепещущими ноздрями былъ покрытъ тонкой кожей. Ея губы были полныя, красныя, влюбчивыя. Когда она смѣялась, то на ея щекахъ появлялись хорошенькія ямочки, а тонкій пушечъ растушевывалъ спайки ея губъ. Ея подбородокъ былъ нѣсколько широковатъ, но это не дѣлало его непріятнымъ, а указывало лишь на энергичный характеръ и не совѣмъ обыкновенную силу воли. Росту она была маленькаго, но прекрасно сложена: тонкая, съ сильно развитыми бедрами и соблазнительной грудью. Ея походка была легка и граціозна. Этой живой, смѣливой и остроумной женщиной могло быть лѣтъ двадцать девять.

Она послѣшно направилась къ молодому человѣку, Жаку Фабру, у котораго спросила съ лихорадочной тревогой:

— Гдѣ вашъ дядя?

— Онъ говорилъ мнѣ за обѣдомъ, что у него состоялось свиданіе съ г. Паншаргренемъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ; послѣ обѣда я его болѣе не видѣлъ.

— Опять это проклятое посольство,—сказала тихо Марі, лицо которой внезапно сдѣлалось задумчивымъ.

— Какъ поживаетъ Пьеръ?—спросилъ молодой человѣкъ.

Марі Пѣти сообщила ему благопріятныя извѣстія о своемъ сынѣ, девятилѣтнемъ мальчикѣ, котораго она имѣла отъ Жана Фабра.

— Я поднимусь на верхъ и поцѣлую его,—сказалъ Жакъ.— До скорого свиданія, обожаемая тетя.

Жакъ Фабръ, двадцатипятилѣтній красивый молодой человѣкъ, съ бѣлокурыми усами, тоже любилъ Марі, которую всѣ обожали. Она не доводила его до отчаянія своей холодностью, но и не позволяла ему ничего лишняго, перенесла на племянника часть той любви, какую она питала къ его дядѣ, Жану Фабру, богатому марсельскому купцу, ея любовнику. Однако всегда найдется нѣсколько искорокъ, которыми можно поживиться у костра!

Когда Марі возвратилась въ залъ, партія въ «три» была очень оживлена. Альвейръ, стоя въ амбразурѣ двери, болталъ съ только что вошедшимъ изящнымъ вельможей, завсегдаемъ этого дома. Отдѣленная отъ нихъ лишь смирской портьерой, Марі могла слышать весь ихъ разговоръ, не вызвавъ въ нихъ подозрѣнія.

— Ей-Богу,—сказалъ Альвейру виконтъ де-Сенъ-Грабенъ:— у тебя хорошій вкусъ. Эта арверника прехорошенькая, и я желаю тебѣ полного успѣха.

— Ей-ей! нельзя въ этомъ не признаться?... Я ее только что видѣлъ не болѣе минуты и совсѣмъ сошелъ съ ума. Признайся, что она во всѣхъ отношеніяхъ восхитительна—и весела и хорошо сложена...

— Поудержись немного отъ твоихъ панегириковъ. Я тебѣ скажу новость, которая тебя преисполнитъ блаженства, счастливый плутъ.

— Какую? Ты возбуждаешь во мнѣ любопытство! Не орденъ ли Синяго Орла? Ну, что мнѣ до него за дѣло? Дай мнѣ помечтать о моей красавицѣ Марі.

— Простофиля ты съ своимъ орломъ!

— А! такъ это о Данфренскимъ аббатствѣ! Благодарю, что это тебя занимаетъ, но мнѣ болѣе нечего съ нимъ дѣлать: я хочу посвятить себя всего моей новой любви.

— Но, чортъ возьми! Дай людямъ сказать! Ну, хорошо, говори самъ, я не произнесу болѣе ни слова.

— Полно, любезный Сенъ-Грабенъ, не злись. Что ты хотѣлъ мнѣ сказать?

— Ты самъ меня до этого довелъ! Ну, сегодня я присутствовалъ при отходѣ ко сну короля; тамъ только и толковали что о послѣдней новости. Жана Фабра посылактъ чрезвычайнымъ посланникомъ для заключенія торговаго трактата съ персидскимъ шахомъ; ты можешь быть спокоенъ въ продолженіе пяти или шести лѣтъ, если только Жанъ возвратится.

Альвейръ съ испугомъ посмотрѣлъ на своего друга и сказалъ, смѣясь:

— Что ты тамъ мнѣ рассказываешь? Какой Фабръ? Какой персидскій шахъ? И что мнѣ за дѣло до всѣхъ этихъ исторій? Что ты бредишь или глумишься надо мною?

— Такъ ты ничего не знаешь? Красавица арверника—женщина неприступной добродѣтели, конечно, если хочешь, относительной; у нея есть любовникъ, богатый купецъ, Жанъ Фабръ, ради котораго она обрекла себя на стѣснительную вѣрность. Она имѣетъ отъ него сына. Если честными женщинами называются имѣющія только одного любовника разомъ, то среди безпорядочныхъ женщинъ наша арверника—Пенелопа. Она очень ловко ведетъ свой игорный домъ, знаетъ, какъ расточать улыбки, которыя помѣщаетъ очень выгодно, отличается искусствомъ воспламенять сердца, предоставляя

имъ сгорать отъ собственнаго огня. Его игорный домъ — самая блестящая приманка Парижа, вмѣстѣ съ своей хозяйкой, доводящей всѣхъ до отчаянія.

— Ты мнѣ сообщаешь поразительныя вещи!

— Ну, вотъ почему персидскій шахъ замѣшанъ въ твоёмъ дѣлѣ. Г. Поншартренъ подписалъ сегодня вечеромъ вѣрительныя грамоты Фабру, и послѣдній отправляется въ Персію; со 2-го марта 1705 года предъ тобою откроется свободное поле дѣйствій; пускай свои стрѣлы и овладѣй мѣстомъ. На этотъ разъ ты меня понялъ?

— Какъ все чудесно устраивается, мой дорогой! А вотъ и она идетъ: надо приготовиться къ первымъ приемамъ обольщенія.

— Обольщенія?

— О, она прехорошенькая, — сказалъ молодой человѣкъ и подошелъ къ своему кумиру, сжавъ сердечкомъ губы и сложивъ руки, какъ бы съ мольбою.

Марі была блѣдна, ея губы слегка дрожали; она все слышала, и мысль о возможномъ отъѣздѣ ея друга причиняла ей жестокое волненіе, отогнавшее всю кровь изъ ея венъ; она чувствовала въ головѣ какъ бы глухіе удары молотка. Но было необходимо притворяться, ждать и думать лишь о томъ, какъ «разогрѣть игру».

— Вы играете, Альвейръ? — спросила она.

Онъ предложилъ довести ее до стола и поставить на ея счастье, но она была такъ взволнована, что предпочла избавиться отъ его заботъ и представила своего кавалера высокой блондинкѣ, Флоризѣ, въ такихъ выраженіяхъ, которыя не оставили никакого сомнѣнія въ томъ, что послѣдней надо дѣлать.

Въ эту минуту открылась дверь, и лакей посторонился, чтобы пропустить Жана Фабра.

Послѣдній пересѣкъ дорогу виконту Сень-Грабену, который, показавъ ему руку, сказалъ:

— Поздравляю васъ, г. посланникъ!

— Тише! не говорите еще объ этомъ ради Марі, — сказалъ Жанъ Фабръ, приложивъ палецъ къ губамъ.

— Это — правда, — какой я опрометчивый! — сказалъ Сень-Грабенъ.

И вечеръ продолжался такъ весело и оживленно, что никто не могъ разгадать, насколько была озабочена обезумѣвшая отъ горя любовница Фабра.

Между тѣмъ на пустынной улицѣ появился ночной сторожъ съ фонаремъ въ рукахъ; звонъ его колокола совпадалъ съ медленнымъ темпомъ призыва ко сну:

«Полночь, засыпайте, еще бодрствующіе люди».

Марі Пёті сдѣлала знакъ, и слуги принесли запоздавшимъ гостямъ ихъ плащи, доломаны и треуголки. Картежники и картежницы стали противиться, говоря: «Неужели нельзя нарушить правило, какъ это часто дѣлалось? Заложень крупный банкъ развѣ

можно бросить его?» Но Марі Пёті была неумолима; она жаждала поскорѣе остаться наединѣ съ своимъ другомъ.

— Останься,—сказала она ему повелительно шепотомъ.

Гостямъ же она сослалась на строгость г. Аржансона, начальника полиціи.

Вскорѣ на темной лѣстницѣ исчезли послѣднія пары. Жанъ и Марі очутились одни въ маленькой гостиной, гдѣ слуги оставили зажженный канделябръ.

Въ игорномъ залѣ, совершенно темномъ, виднѣлись лишь красныя точки затушенныхъ свѣчей, ѣдкій дымъ которыхъ распространялъ запахъ сала. На столахъ и коврахъ были разбросаны цѣлые потоки картъ, смятыя бумаги и разсыяны жетоны.

Какъ только лакей съ золочеными пуговицами закрылъ дверь, Марі сѣла напротивъ Жана и, устремивъ на него пристальный взглядъ, сказала:

— Итакъ, ты уѣзжаешь?

— Какъ?

— Я знаю все. Твои грамоты подписаны сегодняшнимъ числомъ.

Жанъ Фабръ нѣсколько времени молчалъ.

Это былъ красивый, широкоплечій мужчина, съ бѣлокуроми, нѣсколько приподнятыми усами и непринужденной увѣренностью во взглядѣ. Ему можно было дать отъ тридцати пяти до сорока лѣтъ, но его жизнь уже была цѣлымъ романомъ. Сынъ крупнаго марсельскаго купца, онъ велъ дѣла отцовскаго торговаго дома. Въ двадцать два года онъ женился на итальянкѣ. Ихъ бракъ былъ неудачнымъ. Онъ прожилъ съ нею только три года въ Константинополѣ, куда былъ посланъ въ качествѣ представителя національныхъ интересовъ верхней торговой палаты. По природѣ онъ былъ пронырливъ, подвиженъ, любезенъ и вкрадчивъ.

Въ Константинополѣ онъ разсорился съ женою, Эмили Фабръ, честолюбивой кокеткой, которой льстило ухаживаніе посланника, графа Ферріоля. Когда Фабръ возвращался во Францію, она отказалась слѣдовать за нимъ и скрылась у своего любезника-дипломата. Покинутый мужъ ничего не предпринялъ для ея возвращенія и, можетъ быть, даже поздравлялъ себя съ избавленіемъ отъ нея.

Возвратившись одинъ въ Парижъ, Фабръ, часто посѣщая различныя увеселительныя мѣста, познакомился съ Марі Пёті, въ то время бѣлошвейкой въ улицѣ Прувэръ. Онъ привязался къ ней и обезпечилъ ея будущность. Угождая ея вкусу къ смѣлымъ предпріятіямъ, онъ далъ ей средства открыть игорный домъ.

Жанъ дѣлалъ для нея все, она же платила за его доброту слѣпой и преданной любовью, не знавшей границъ, потому что сердце дѣятельныхъ женщинъ обыкновенно отдается труднѣе; въ вихрѣ занятій и развлеченій оно ускользаетъ отъ захвата, но когда оно на-

ходить челоуѣка, достойнаго привязанности, то отдается ему вполнѣ.

Марі повторила вопросъ:

— Итакъ, ты уѣзжаешь? Безъ сомнѣнія, ты изъ честолюбія искалъ и принялъ эту миссію, которую я ненавижу. Ты далъ себя ослѣпить такими погрешками, какъ почести, титулы и отличія, и ты не удѣлилъ ни одной мысли дорогимъ существамъ, которыхъ оставишь здѣсь, можетъ быть, на многіе годы. Твой сынъ нуждается въ опорѣ, а ты бѣгаешь по приходимъ министерствъ, съ цѣлюю добиться посольства. Что тебѣ за дѣло до сына и любовницы? По правдѣ сказать, развѣ не стоить пожертвовать любимой женщиной ради званія посланника? Ахъ! посольство играетъ странную роль въ твоей жизни, и оно тебѣ приноситъ счастье? Не возмездіе ли это съ твоей стороны? Первый разъ тебя бросили для дипломатіи, теперь, въ свою очередь, ты хочешь покинуть меня ради нея? Что мнѣ за дѣло до Поншартрана и персидскаго шаха? Я защищаю и берегу мою жизнь и мою душу, моего ребенка и моего любовника! Развѣ въ министерствѣ не хватитъ посланниковъ, которые исполнили бы порученіе не лучше и не хуже тебя? Но у меня, у меня только одинъ ты, и ты не можешь удалиться отъ меня, какъ не можешь уйти отъ своей тѣни. Смотри! я болѣе не гнѣваюсь и отрекаюсь отъ гадкихъ словъ, только что произнесенныхъ мною; умоляю тебя на колѣняхъ ради твоего сына, ради твоей Марі, скажи, что ты отправишься завтра въ министерство просить объ отставкѣ. Скажи мнѣ это!

— Моя бѣдная подруга, это невозможно; надо идти противъ теченія. Приказъ отданъ, приготовленія сдѣланы, корабль вступилъ подъ паруса, капитанъ, г. Тюржи, ожидаетъ моего пріѣзда въ Тулонъ, и 2-го марта готовъ принять меня на свой корабль, уже расцвѣченный флагами съ лиліями; насъ сопровождаетъ д-ръ Робэнъ въ качествѣ хирурга при миссіи; всѣ консулы уже получили инструкціи относительно моего пріѣзда; персоналъ моего посольства ожидаетъ меня въ Тулонѣ съ государственными подарками шаху. Я болѣе не принадлежу себѣ: я—послушный слуга короля и долженъ ему повиноваться. Но зачѣмъ такъ отчаиваться? Я уѣзжаю не надолго. Путешествіе въ Персію — простая прогулка для меня, объѣхавшаго, въ полномъ смыслѣ слова, Средиземное море и уже посѣщавшаго государства Леванта. Это дѣло нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Посмотри на кавалера Шардэна, онъ въ теченіе десяти лѣтъ совершилъ два раза путешествіе, и его домашніе на это не жаловались, какъ благодаря его извѣстнымъ рассказамъ, такъ и благодаря его теперешнему блестящему положенію въ англо-индійской компаніи. Ты слишкомъ опасаясь за мое короткое отсутствіе и не думаешь о радостномъ возвращеніи. Вообрази только, какія почести, какая слава ожидаетъ насъ. Если, какъ я надѣюсь, мнѣ

удастся привезти оттуда выгодный торговый трактатъ, то уваженіе и благодарность короля — обезпечены: тогда не будетъ такого завиднаго поста, на который я не могъ бы имѣть притязаній. Такъ какъ и ты возвысишься вмѣстѣ со мною, то подумай, насколько ты не благодарна, обвиняя меня, тогда какъ, напротивъ, я работаю для твоего предстоящаго величія и будущности нашего ребенка.

— А въ рукахъ ли у тебя эти почести?—возразила Марі.— Въ какихъ смутныхъ, туманныхъ грезахъ онѣ тебѣ рисуются? Ужъ не въ видѣ ли флибота корсаровъ, который захватитъ тебя при выходѣ изъ Тулона, и все твое посольство очутится въ водѣ или подъ оружейнымъ огнемъ? Не старайся меня развеселить и оболстать твоими утопіями; подъ моими завитушками болѣе здраваго смысла и практическаго ума, чѣмъ подъ твоимъ бѣлокуроымъ парикомъ благоразумія. Ну, уходи! Ты никогда меня не любилъ, какъ я этого хотѣла бы; честолюбіе всегда занимало наполовину твое сердце, и спрашивается, чѣмъ я провинилась предъ небомъ, что оно не допустило тебя оставить меня въ моемъ скромномъ и спокойномъ ничтожествѣ.

Затѣмъ она прибавила отрывисто:

— Отправляйся. Я увижу, что мнѣ предпринять. Я сдѣлаюсь, чѣмъ могу. Что касается до нашего ребенка, то, въ ожиданіи возвращенія самаго изъ равнодушныхъ отцовъ, я буду воспитывать его, счастливая тѣмъ, что необходимость сохранить до конца того, кто принадлежитъ его матери.

Эта внезапная покорность Марі уязвила Жана болѣе, чѣмъ ея припадокъ гнѣва.

— Но что же ты хочешь, что бы я теперь сдѣлалъ?—спросилъ онъ ее.—Отказать королю значить погубить себя, и въ Бастилиі я буду еще дальше отъ тебя, чѣмъ въ Персіи.

Вдругъ Марі поднялась съ энергіей и рѣшительностью.

— Ну, такъ есть единственный исходъ, и надо на него рѣшиться,—сказала она.—Я отправлюсь вмѣстѣ съ тобою. Возьми меня.

Жанъ горько улыбнулся, какъ бы видя въ этомъ пустую мечту. Онъ поблагодарилъ Марі за преданность, но тотчасъ же предъ нимъ предстали крупныя препятствія: утомленіе отъ далекаго путешествія, трудно преодолимаго женщинами, длинныя переходы, тяжелыя остановки въ снѣжныхъ горахъ Кавказа и, въ особенности, невозможность для посланника, представителя короля-солнца—въ глазахъ восточныхъ народовъ—путешествовать въ пріятномъ обществѣ женщинъ, не рискуя нанести ударъ достоинству своей миссіи и уваженію къ его величеству. Конечно, увѣрялъ ее Жанъ, онъ ее обожаетъ и уважаетъ, но затрудненія были безысходны: его положеніе по отношенію къ любовницѣ могло сдѣлаться источникомъ опасностей и истолковано въ смыслѣ оскорбленія величе-

ства. Это было тѣмъ болѣе опасно, что страна занята, главнымъ образомъ, іезуитами, пользующимися могуществомъ въ царствованіе суровой подстрекательницы насилія, фаворитки г-жи Ментенонъ.

Марі заплакала. Затѣмъ внезапно, будто осѣненная мыслью свыше, она встала и захлопала въ ладоши:

— Нашла,—сказала она.—Ты не можешь путешествовать съ женщиной, которая тебѣ не жена? Но племянникъ можетъ тебя сопровождать? Этимъ племянникомъ буду я. Я одѣнусь мужчиной. Всѣ препятствія устранены. Мой Жанъ, не говори, нѣтъ, это будетъ моей смертью.

Жанъ Фабръ былъ побѣжденъ этой преданной настойчивостью. Онъ согласился. Марі бросилась въ его объятія и воскликнула:

— Я тебя обожаю, я дамъ себя убить ради тебя. Рѣшено, ты берешь меня съ собою. Вѣрь мнѣ, я могу иногда оказать тебѣ услугу, и, можетъ быть, придетъ тотъ день, когда ты не пожалѣешь, что взялъ меня съ собою.

II.

Чтобы видѣть самую красивую панораму Тулона, надо подняться въ Шато д'О, такъ называемые Шаги Маски, на Фаронѣ.

Терраса Шаговъ Маски была отдѣлана на славу. Ряды плотныхъ грабинъ вели къ широкому перрону, который заканчивался справа и слѣва двумя мраморными перилами, украшенными бронзовыми вазами съ зелеными апельсиновыми деревьями. Площадка была усыпана мелкимъ пескомъ. Направо громадный фонтанъ бросалъ потоки клокогавшей воды въ широкой ониксовый водоемъ. Основаніемъ портика служилъ прежній порталъ часовни въ честь Куртинской Богоматери. Предъ этимъ портикомъ, на коврѣ изъ гранитнаго мха, въ сладострастной позѣ лежала мраморная наядя, держа одной рукой опрокинутую урну, откуда била ключемъ вода въ обширный водоемъ.

Вблизи этого прохладнаго уголка находились бесѣдки, украшенные глицинами, гдѣ трактирныя служанки съ улыбкою подавали прокладительные напитки. Рѣшетка, съ помѣщенными по обѣимъ сторонамъ каменными львами, отдѣляла отъ террасы княжеское помѣстье какого-то сосѣдняго вельможи. Съ другой стороны находился кокетливый павильонъ, выходившій окнами на багряный горизонтъ. Въ этотъ часъ дня, подъ косыми лучами заходящаго солнца, площадка посѣщалась многочисленными гуляющими, зѣваками и торговцами. На выравненной площадкѣ мирные граждане играли въ шары и движеніемъ головы слѣдили за ихъ направлениемъ. Пары проходили въ столь же нѣжныхъ позахъ, какъ розовый цвѣтъ женскихъ платьевъ: молодыя женщины склоняли подъ

крохотными кружевными зонтиками свои нарумяненные лица съ мушками, тогда какъ мужчины въ длинныхъ сливочнаго цвѣта жилетахъ, съ цвѣточками, въ пунцовыхъ кафтанахъ, съ треуголками, надѣтыми нѣсколько набокъ на ихъ короткихъ парикахъ, шли, гордо выставивъ грудь.

Игроки въ шары продолжали свою партію, обмѣниваясь новостями.

— Такъ посланникъ скоро отправляется?

— Объ этомъ говорили въ портѣ. Они отплывають ночью, чтобы достичь открытаго моря, не боясь корсаровъ.

— Еще бы! Они берутъ съ собою ящики и тюки! Если персидскій шахъ будетъ этимъ не доволенъ, то я не знаю, что ему еще надо. Развѣ это не несчастіе мотать такимъ образомъ деньги! Тысячи и тысячи эку отправляются на этомъ кораблѣ, и неизвѣстно ни для какой цѣли, ни куда; эти деньги, все равно, что брошенныя въ воду, такъ какъ, по моему мнѣнію, персидскій шахъ не увидитъ ихъ, а эта напрасная щедрость спасла бы отъ голода болѣе двухсотъ крестьянъ. Боже мой! если бы я сдѣлался королемъ, то прежде чѣмъ посылать такіе пустяки персидскому шаху, подумалъ бы, какъ утѣшить бѣдный народъ. Да не дальше, какъ сегодня утромъ, возвращаясь пѣшкомъ, я встрѣтилъ маленькую дѣвочку, съ виду лѣтъ семи, которая вся въ лохмотьяхъ сидѣла у забора. Я ее спросилъ, который ей годъ: оказалось ей тринадцать лѣтъ, но она была такая тщедушная, хилая и блѣдная, потому что у нихъ никогда нѣтъ дома хлѣба, и они ѣдятъ отваръ сурѣпицы и ржи, вслѣдствіе чего животъ малютки былъ раздутъ, какъ у беременной женщины. И во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ одно и то же. Развѣ это не жалость?..

— Берегитесь, другъ Дюверъ,—перебилъ его школьный учитель, Жанаръ, тоже игравшій въ шары съ важностью педагога, пропитаннаго ученостью:—берегитесь, такія рѣчи—опасны, а предметъ разговора—страшенъ. Вспомните о покойномъ Жанѣ Расинѣ, скончавшемся, благодаря королевской немилости, которой онъ подвергся вслѣдствіе состраданія къ бѣдному люду. Что касается посланника въ Персію, eferol! онъ совсѣмъ не внушаетъ мнѣ довѣрія, и я очень удивлюсь, если онъ будетъ въ состояніи хорошо исполнить королевское порученіе, взявъ съ собою такого племянника, какъ его, *delicatum nepotem ac nebulonem*.

— Онъ походитъ на бабенку,—смѣясь, сказалъ своимъ грубымъ голосомъ толстякъ Тома, торговецъ пряностями.

— Я полагаю,—продолжалъ поучительно педагогъ:—что необходима лира Катутла, чтобы воспѣть прелести этого племянника, и красивый миньонъ кажется мнѣ малополезнымъ въ серіозной экспедиціи.

Въ концѣ аллеи медленно прогуливалась парочка, любуясь пейзажемъ, озареннымъ заходящимъ солнцемъ. Линіи отдаленныхъ

холмовъ были растушеваны фіолетовымъ цвѣтомъ, смѣшаннымъ съ жгучимъ отгѣнкомъ воспламененнаго неба; вдали крѣпость Сентъ-Эльмъ выдѣляла силуэты своихъ зубчатыхъ бастіоновъ на темно-зеленомъ фонѣ контрфорсовъ, погрузившихся въ море у мыса Капэ; темная зелень лимонныхъ деревьевъ выдѣляла живую окраску береговъ и синеватый отгѣнокъ рейда, расположенныхъ предъ изящными домиками и рощицами Тамариса. Мачтовый лѣсъ поднимался въ глубинѣ бухты со стороны Сейны; съ другой стороны горизонта, пышная растительность и золотистый тонъ скаль, озаренныхъ солнцемъ, придавали окрестностямъ Брюнскаго мыса живописный и пестрый видъ греческихъ береговъ. Вдали клочья морской пѣны бѣлѣлись, покрывая какъ бы ватой волнующіеся гребни волнъ, и среди загромаждающихъ рейдъ кораблей выдѣлялся, какъ бѣлый сигнальный значекъ, флагъ съ лиліями на кораблѣ посланника.

Въ тотъ моментъ, какъ парочка проходила близъ каменной пирамиды, служившей центромъ круглой площадки, ихъ узналъ молодой человѣкъ, который тоже гулялъ, любясь красивой панорамой. Онъ быстро подошелъ къ нимъ.

— Какъ, вы здѣсь? Какой чортъ сказалъ бы мнѣ, что я встрѣчу въ Тулонѣ красавицу Флоризу и украшеніе салона моей тетки, волокиту Альвейра!

— А, наконецъ, вотъ и Жакъ Фабръ. Мы думали васъ встрѣтить до отплытія корабля; намъ сказали, что вы осматриваете городъ, и мы послѣдовали вашему примѣру.

— Очень мило, что вы явились съ нами распроститься.

— Какъ распроститься? Но мы тоже ѣдемъ!

— Возможно ли? Куда же вы отправляетесь?

— Съ вами въ Персію!

— Клянусь моими усами! Вотъ такъ презабавное и препріятное приключеніе! Но благодаря какому случаю и по какой причинѣ рѣшили вы на такое длинное путешествіе?

Они объяснили, что съ того дня, какъ Марі сблизила ихъ за игорнымъ столомъ и какъ бы утвердила ихъ союзъ, они понравились другъ другу и сошлись; теперь имъ нужно совершить свадебное путешествіе, и случай представился самъ собой: Флоризъ—сопровождать свою подругу Марі, а Альвейру—сдѣлаться секретаремъ и помощникомъ Жана Фабра, какъ онъ ему это предлагалъ, колеблясь довѣрить эту обязанность одному Жаку, въ виду его молодости. Они долго колебались и рѣшили лишь, когда посольство покинуло Парижскую заставу. Наконецъ, имъ удалось прибыть во время; они слѣдовали съ мѣста на мѣсто за королевской миссіей, но такъ какъ частные кучера ничего не стоили сравнительно съ королевскими курьерами, то вотъ почему имъ не удалось догнать путешественниковъ ранѣе.

Въ этотъ моментъ они остановились предъ перилами, чрезъ которыя стали любоваться на море и низкій берегъ, гдѣ луга и огороды вырисовывались шашечницей; нѣсколько квадратныхъ башенъ и колокольня обозначали мѣстонахождение бастіона и церкви; казармы же, военныя квартиры и арсенальные доки были окружены кое-какими жилищами.

— Солнце садится,—сказалъ Альвейръ:—спустимся внизъ.

Они вышли за городъ и, миновавъ посадъ и дворы, засаженные коренастыми чинарами, очутились въ гавани, вдоль которой шли нѣкоторое время.

Внезапно изъ-за арсенальной стѣны они вышли на набережную, полную оживленія, вызваннаго скорымъ отплытіемъ кораблей. Изъ низкихъ подозрительныхъ лавченоекъ выходили сторбившись, тяжелыми шагами, матросы, съ короткими трубками въ зубахъ. Въ корзинахъ лежала мелкая рыба, выставляя на показъ, какъ на окнѣ брильянтчика, свои отливчатыя великолѣпныя окраски. Здѣсь была макрель съ опало-переламутровымъ брюшкомъ, покрытымъ изумрудовымъ глянцемъ съ оранжевымъ отблескомъ, сафировымъ, рубиновымъ и агатовымъ сіяніемъ, въ розовомъ и лиловомъ тонѣ, крапчатый палтусъ, блестящій мерланъ, золотисто-коричневая камбала и лангустъ темноватый, какъ рукоятка кинжала. Предъ лавками птичниковъ стояли клѣтки съ пронзительно кричавшими трехцвѣтными какаду, торговцы же сукнами выставили куски синяго полотна для одежды отправлявшихся въ путь матросовъ.

Затѣмъ они прошли мимо бойни. Тамъ подъ котломъ, висѣвшимъ на трехъ кольяхъ, поставленныхъ козлами, горѣлъ огонь; вдоль берега, между старыми боченками, врытыми въ землю вмѣсто пограничныхъ знаковъ, были выравнены въ прямую линію ряды бочекъ съ виномъ; торговецъ продавалъ жестяные фонари, висѣвшіе гроздами на крюкѣ, а работники съ бойни плетями загоняли стадо быковъ въ раскрытый выгонъ. На крюкахъ висѣли громадные куски говядины, распространявшей въ воздухѣ запахъ крови.

Докъ былъ загроможденъ цѣлыми горами ящиковъ съ названіемъ и гербомъ готоваго къ отплытію судна, которое называлось «Грозный». На нихъ были надписаны названія товаровъ: свѣчи, горчица, сахаръ, мерланъ. Полураздѣтые негры, въ красныхъ платкахъ на головахъ и желтыхъ полотняныхъ штанахъ, отпрягали изъ телѣгъ лошадей въ остроконечныхъ и разукрашенныхъ хомутахъ; возлѣ нихъ офицеръ пробѣгалъ глазами кипу коносаментовъ.

Немного далѣе они пересѣкли дорогу группѣ изъ четырехъ каторжниковъ, въ красныхъ колпакахъ, желтыхъ штанахъ и алыхъ курткахъ; грудь ихъ была обнажена, а ноги босы. Скванные подвое длинной цѣпью, заклепанной у каждаго изъ нихъ на ло-

дыжкѣ ноги или кисти руки, они взваливали ее на плечи для облегченія тяжести, и при этомъ оглашали воздухъ обычнымъ крикомъ каторжниковъ: «у».

Ихъ сопровождалъ смотритель въ синемъ мундирѣ съ красными отворотами и въ желтыхъ штиблетахъ.

— Несчастные люди,—сказала Флориза.

Услышавъ эти слова соболѣзнованія, одинъ изъ каторжниковъ засмѣялся и свободной рукой сдѣлалъ непристойный жестъ.

Предъ грубой галерой, выкрашенной въ зеленый цвѣтъ, среди кувшиновъ и бочекъ, алжирецъ въ бурнусѣ курилъ тонкую длинную трубку. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега съ шумомъ работалъ черпакъ, и возмущенная вода кружила буй и понтонные плоты.

На другомъ берегу двигались взадъ и впередъ работающіе на сушѣ въ грубой одеждѣ моряки, послушные призыву трубы. За ними виднѣлся артиллерійскій паркъ съ рядами пушекъ, пирамидами круглыхъ ядеръ и связками банниковъ.

Флориза пришла въ восторгъ отъ оживленія суетившейся толпы.

У нихъ еще оставалось свободное время, и они продолжали путь. Обогнувъ бастионъ, они очутились среди черныхъ скалъ, куда горожане приходили наслаждаться вечерней прохладой.

На морѣ виднѣлись увеселительныя лодки съ балдахинами; на ихъ носовой части находился или барабанщикъ, бившій въ узкій, длинный барабанъ, или флейтистъ, или рожечникъ.

Это была настоящая ярмарочная суматоха; напоминавшая Сенъ-Лоранскую ярмарку, только на синихъ волнахъ и при заревѣ заходящаго солнца.

На песчаномъ берегу торговли съ большими бутылками въ ивовыхъ плетенкахъ за небольшое вознагражденіе продавали питье. Толпа мальчишекъ купалась въ очень первобытной одеждѣ; съ оконечностей своихъ худенькихъ рукъ они побѣдоносно стряхивали крабовъ, которыхъ вынимали изъ-подъ камней.

Расположившіеся въ грязной палаткѣ изъ тряпья гаеры устроили представленіе предъ своимъ жилищемъ. Въ одеждѣ Пьерро и Коломбины они танцовали предъ любопытными зрителями *bouggée*, подъ звуки скрипки и флейты. Воспламененныя страстью пары укрывались въ береговыхъ извилинахъ. Бродяги сидѣли на утесахъ, свѣсивъ ноги, и смотрѣли на небо.

— Вечеръ обѣщаетъ быть прекрасный,—сказалъ Жакъ.

— Море намъ благопріятствуетъ.

Съ минуту они смотрѣли на площаднаго фокусника, но день склонялся къ вечеру, и Альвейръ замѣтилъ, что, можетъ быть, время собираться въ портъ, гдѣ капитанъ «Трезубца», г. Тюржи, назначилъ имъ свиданіе въ 7 часовъ.

III.

5-го марта 1705 года уже минуло три дня, какъ «Трезубецъ» находился въ морѣ. Вѣтеръ былъ благоприятный; мачтовый часовой еще не подавалъ сигнала о появленіи на горизонтѣ какого, либо флибота съ пиратами; плаваніе обѣщало быть благополучнымъ.

Раздался звонъ обѣденнаго колокола, и въ каютъ-кампанію одинъ за другимъ собрались пассажиры, чтобы сѣсть за столъ. Посланикъ, Жанъ Фабръ, занялъ почетное мѣсто рядомъ съ капитаномъ корабля, Тюржи. Противъ посланика сѣлъ его ложный племянникъ, Арманъ,—не кто иной, какъ переодѣтая Марі,—его другой племянникъ, Жакъ, влюбленная парочка—Альвейръ съ Флоризой, докторъ Робанъ, посольскій врачъ, толстый, короткій, багровый весельчакъ, любящій хорошо покушать, сынъ Марі, маленькій Пьеръ, и его гувернантка Лизонъ, разбитная, румяная толстуха лѣтъ тридцати. Кромѣ того, за столомъ находились еще монахъ—капуцинъ, отправлявшійся въ Смирну, съ цѣлью присоединиться къ своему ордену, лѣсопромышленникъ, котораго дѣла призывали въ Ливанскія горы, торговецъ подержанными вещами, отправлявшійся попытать счастье въ Левантъ, и приказчикъ, странствующій съ благовоными товарами, наперерывъ съ докторомъ Робаномъ ухаживавшій за г-жею Лизонъ.

Разговоръ шелъ о состояніи моря и вѣтра, и, повидимому, все предсказывало прекрасный, тихій день.

Между тѣмъ, въ воздухѣ носилась буря. Альвейръ, находясь съ Марі въ столь тѣсной и продолжительной близости, неизбежной на кораблѣ, не могъ не подпасть подъ могущественныя чары красавицы-банкометки, какъ и въ тотъ вечеръ, когда онъ увидѣлъ ее впервые въ улицѣ Мазарини. Очень возможно, что, несмотря даже на свою связь съ Флоризой, перспектива сопровождать Марі были причастна къ его поспѣшному рѣшенію отправиться съ Жаномъ Фабромъ.

Онъ сдѣлался втайнѣ усерднымъ поклонникомъ красавицы-банкометки и, опираясь на дружбу Флоризы, уже болѣе не покидалъ Марі. Во время жаркаго полдня всѣ собирались подъ навѣсомъ на мостикѣ и проводили тѣснымъ кружкомъ пѣлые часы, растянувшись на длинныхъ креслахъ. Переодѣтая мужчиной, Мари сдѣлалась для Альвейра еще соблазнительнѣе и пикантнѣе. Различныя затрудненія и опасенія выдать предъ экипажемъ переодѣваніе Мари, возбудить подозрѣнія Жана Фабра и пробудить недоувѣрчивость Флоризы—все это еще болѣе разжигало страсть Альвейра. Въ отвѣтъ на его ухаживанье Марі только улыбалась и слабо обнадеживала его, принимая все за шутку.

Однако Альвейръ сдѣлалъ ошибку, не остерегаясь другого тайнаго обожателя Марі, который былъ преданъ ей до смерти,—

Жака и отъ котораго не ускользнули всѣ уловки Альвейра, такъ какъ любовь проникательна относительно соперничества.

Обѣдъ окончился, и всѣ поднялись на мостикъ. Приказчикъ, странствующій съ благовонными товарами, и докторъ Робанъ сопровождали г-жу Лизонъ, осыпая ее пошлыми любезностями и бросая другъ на друга враждебные взгляды. Вдругъ она выронила изъ рукъ клубокъ шелку, который, покотившись къ отверстию въ абордажной сѣткѣ, упалъ въ море. Оба обожателя въ одно и то же время бросились его поднимать, но въ своемъ рвеніи ударились лбами и, перекувырнувшись, нанесли себѣ удары рукою по глазной впадинѣ. Увидя своихъ ухаживателей лежавшими на спинѣ и бившими по воздуху ногами и руками, какъ опрокинутыя сѣнокосилки, г-жа Лизонъ едва удержалась отъ взрыва смѣха. Она съ большимъ трудомъ охладила ихъ желаніе кончить сзору кулачнымъ поединкомъ, и они заключили миръ изъ любви къ прекраснымъ глазамъ своего кумира.

Впрочемъ въ этотъ моментъ г-жа Лизонъ увидѣла маленькаго Пьера, карабкавшагося по вантамъ вмѣстѣ съ юнгами, съ которыми онъ уже подружился, и, громко воскликнувъ, такъ высоко всплеснула руками, что лопнули всѣ швы ея лифа. Отъ страха она поблѣднѣла при мысли, что мальчикъ можетъ упасть, и воскликнула сдавленнымъ голосомъ:

— Пьеръ! ради неба сойди!

Маленькій проказникъ отвѣчалъ ей сверху:

— Сначала вы придите за мною сюда, г-жа Лизонъ, и вы будете похожи на архангела, летящаго по воздуху.

Тюржи вмѣстѣ съ Жаномъ Фабромъ поднялись на вахтенный мостикъ; они изслѣдовали горизонтъ, посмотрѣли на легкій полетъ перистыхъ облаковъ и на чаекъ, на лету задѣвавшихъ крыльями гребни волнъ, покрытыхъ бѣляками. Дельфинъ-великанъ выбрасывалъ двойной столбъ воды, падавшей кривою линіей, какъ два хрустальные рога. Въ зрительную трубу Тюржи замѣтилъ виднѣвшуюся вдаль маленькую точку: онъ еще не могъ опредѣлить, было ли это судно или морской рифъ.

Марі тоже поднялась изъ-за стола и отправилась въ сопровожденіи Флоризы въ свою каюту. Онѣ должны были вскорѣ возвратиться и подняться на мостикъ для послѣобѣденнаго отдыха.

Марі вышла первая и на минуту очутилась одна съ Альвейромъ въ углѣ коридора. Послѣдній, подъ влияніемъ нервнаго раздраженія отъ морского бездѣльничанья и чрезмѣрнаго послѣобѣденнаго возбужденія, внезапно обезумѣвъ, соблазнился случаемъ и, схвативъ Марі за талью, поцѣловалъ въ затылокъ.

Послѣдняя, освобождаясь изъ его объятій, только засмѣялась и слегка ударила его ладонью по лицу.

— Вы съ ума сошли! Смотрите, кто-то есть.

— Никто не видѣлъ,—сказалъ Альвейръ, смѣясь.

Но въ тотъ моментъ, когда произошла эта сцена, изъ-за угла показался Жакъ. Онъ прикинулся, что ничего не видѣлъ. Въ свою очередь вошла и Флориза; они всѣ поднялись на мостикъ и растянулись на длинныхъ креслахъ. Только одинъ Жакъ не сѣлъ и, обратясь къ Альвейру, сказалъ:

— Пройдемтесь по палубѣ.

— Охотно,—отвѣчалъ Альвейръ.

Оба они прохаживались молча, инстинктивно нервничая, переступая черезъ свернутый такелажъ, желѣзныя цѣпи, швартовъ кабестана, проходя вдоль обмазанныхъ дегтемъ и липкихъ стѣнокъ каютъ, мимо шкаповъ для флаговъ, лафетовъ коронадъ, тумбы компаса, периль лѣстницъ, спускавшихся въ складочныя каюты и, не произнося ни слова, достигли кормы, возвышавшейся надъ названіемъ судна и золоченымъ изображеніемъ Нептуна, опиравшагося на трезубецъ.

Первый прервалъ молчаніе Жакъ:

— Сударь, вы только что при мнѣ оскорбили женщину, которая мнѣ вдвойнѣ дорога, какъ подруга моего дяди и кумиръ моего сердца.

— Развѣ вамъ я долженъ дать удовлетвореніе за оскорбленіе, нанесенное вашему дядѣ?

— Не надо, чтобы онъ объ этомъ зналъ, сударь. Я такой же соперникъ ему, какъ и вамъ, если можно назвать соперничествомъ ревнивую и преданную любовь, которая готова заплатить жизнью за счастье своего предмета любви. Это дѣло между нами.

Въ тотъ моментъ съ вахтеннаго мостика раздался свистокъ.

Это былъ сигналъ тревоги, увѣдомлявшій о появленіи корсаровъ. Черная точка, за которою наблюдалъ Тюржи, увеличилась и оказалась флиботомъ. Матросы забѣгали во всѣ стороны, начали вставлять пушечные заряды и вынимать изъ козелъ арсенала ружья, а нѣкоторые изъ нихъ отправлялись на свой постъ къ пушкамъ. Обезумѣвшія женщины съ криками спасались по лѣстницамъ.

— Вотъ и корсары, сударь, приступимте скорѣе,—сказалъ Жакъ.

Цѣлая гора тюковъ скрывала ихъ отъ постороннихъ взоровъ. Они обнажили шпаги. Корабль подвергся такой сильной килевой качкѣ, что они должны были уцѣпиться лѣвой рукой, такъ какъ острія шпаги отклонялись.

При вторичномъ ихъ наступленіи въ воздухѣ раздался свистъ, за которымъ послѣдовалъ грохотъ: надъ ихъ головами пронеслось ядро и ударило въ нижнія реи бизань-мачты, которыя съ шумомъ упали обломанной стороной впередъ. При паденіи онѣ едва не коснулись головы Альвейра и не раскроили ему черепа. Жакъ въ невольномъ порывѣ бросилъ шпагу, схватилъ въ охапку своего противника, приподнял его и бросилъ на такелажъ.

Въ одинъ моментъ они были покрыты обрывками снастей и парусовъ и слегка задѣты остриемъ реи.

Только теперь понялъ Альвейръ поступокъ Жака.

Онъ поднялся и, протянувъ молодому человѣку руку, сказалъ:

— Я обязанъ вамъ жизнью, Жакъ: она въ вашемъ распоряженіи.

Тѣмъ временемъ флиботъ приблизился; это были алжирскіе корсары, съ хитростью поднявшіе бѣлый флагъ, чтобы заманить корабль. На ихъ первые выстрѣлы Тюржи не отвѣчалъ и далъ имъ приблизиться.

Когда же разстояніе оказалось надлежащимъ, онъ приказалъ поднять королевскій флагъ и открыть огонь. Разомъ было выпущено восемь зарядовъ, настолько очистившихъ палубу флибота, что послѣдній, сильно поврежденный, немедленно повернулъ и пустился въ открытое море.

Жакъ и Альвейръ, поднявъ свои шпаги, бросились бѣжать, опасаясь абордажа.

Когда же опасность миновала, Жакъ отвелъ въ сторону своего противника и сказалъ ему:

— Альвейръ, вы не обязаны мнѣ жизнью; я сдѣлалъ, что вы сами сдѣлали бы въ подобномъ случаѣ; ваша неожиданная смерть не удовлетворила бы меня.

— У меня есть шпага и у васъ тоже, такъ возобновимъ; я ожидаю васъ,—сказалъ Альвейръ безъ всякаго гнѣва и ненависти, а съ мягкой развязностью изысканнаго придворнаго, беззаботно относящагося къ жизни и смерти, легкомысленнаго и въ то же время отважнаго.

— Нѣтъ, — сказалъ Жакъ, — повѣрьте мнѣ, Альвейръ, хотя я моложе, но, можетъ быть, здравомысляще васъ. Вы мнѣ обязаны жизнью, и я вамъ продиктую мои условія. Вы любите Мари, но у васъ есть другая связь; я тоже ее люблю, но долженъ уважать, какъ подругу моего дяди. Въмѣсто того, чтобы разжигать наши несбыточныя страсти, соединимъ ихъ вмѣстѣ и будемъ покровительствовать во всѣхъ обстоятельствахъ этой восхитительной женщинѣ, которая, по всей вѣроятности, подвергнется тысячамъ опасностей. Она можетъ рассчитывать только на насъ, если несчастью будетъ угодно оставить ее одинокой съ ея ребенкомъ въ чужой странѣ. Скажите, развѣ это не благородная и не прекрасная миссія для двухъ любящихъ сердець—соединить свою ревность, совмѣстить свое разномысліе и найти гарантію безопасности женщины въ общности ихъ пылкой любви къ ней.

Аристотель философски объяснилъ, почему благодѣтель болѣе привязанъ къ благодѣтельствуемому, чѣмъ послѣдній къ первому, и этотъ законъ человѣческой души еще разъ нашель примѣненіе на «Трезубцѣ», примиривъ недавнихъ враговъ.

Альвейръ протянулъ обѣ руки Жаку и сказалъ:

— Жакъ, у васъ честное сердце: я былъ безумецъ.

И оба мужчины обнялись. Достигнувъ палубы, они не могли удержаться отъ смѣха при видѣ продавца благовонныхъ товаровъ и доктора; они сидѣли на такелажѣ блѣдные и вытирали себѣ лобъ, испуганные нападеніемъ корсаровъ и забывъ о Лизонѣ.

Остальное плаваніе прошло безъ приключеній; только однажды, на зарѣ, были замѣчены три галіота съ пиратами; они направлялись къ «Трезубцу»; море было спокойно и пустынно: опасность была велика въ виду малочисленности и безсилія экипажа, несмотря на свои десять мортиръ, каронады и ружья. Тогда Тюржи прибѣгнулъ къ хитрости, выказавъ большую рѣшительность, и смѣло продолжалъ путь.

Галіоты направлялись на «Трезубецъ» полнымъ попутнымъ вѣтромъ, но видя, что галера не измѣняетъ направленья, пираты испугались и оставили ее въ покоѣ.

IV.

Въ разукрашенномъ залѣ французскаго посольства въ Константинополь, на грудѣ вышитыхъ шелковыхъ подушекъ лежала въ изящномъ домашнемъ нарядѣ г-жа Фабръ. Она забавлялась разговоромъ съ маленькой семилѣтней дѣвочкой. Эта дѣвочка была впоследствии знаменитой Аиссэ, нѣжной, любящей и преданной кавалеру Эди, чистой въ своемъ паденіи и полной самоотверженія среди скандаловъ Палэ-Рояля и Регентства, вложившей все свое счастье въ счастье предмета своей любви, и прелестную переписку которой можно сравнить съ крикомъ раненой голубки въ лѣсу, переполненномъ сатирами.

Въ ухахъ хорошенькой дѣвочки красовались кольца, а на головѣ уборъ изъ пехиновъ; ея маленькія ручки выходили изъ кисейныхъ рукавовъ, ниспадавшихъ до земли, талія же была перетянута широкимъ шелковымъ поясомъ.

— Такъ завтра, сударыня, годовщина моего приѣзда во дворецъ?

— Да, моя дорогая, завтра ровно четыре года, какъ злые турки похитили тебя у твоихъ родителей, а графъ Ферриоль выкупилъ тебя.

— Какъ же называется моя родина?

— Я уже тебѣ говорила: Кавказъ. Ты очаровательная маленькая черкешенка, восторгъ—какая хорошенькая!

— Я это знаю, сударыня; вы увидите завтра, какую мнѣ надѣнуть для моего праздника красивую вышитую золотомъ шапочку. Я очень довольна, что нахожусь здѣсь. Я такъ испугалась, когда турки пришли въ нашу деревню! Мнѣ не было еще четы-

рехъ лѣтъ, но я все-таки объ этомъ помню. Сосѣднія хижины пылали, всѣ люди кричали, спасались и толкали другъ друга. Я болѣе не видала мамы; желтый человѣкъ, съ густыми черными усами, взялъ меня на руки и отнесъ въ палатку, гдѣ было уже много женщинъ со связанными руками, и всѣ онѣ плакали. Всѣ онѣ были очень красивы.

— Какое варварство! какіе нравы!—сказала г-жа Фабръ:—и какой позоръ эти публичные рынки!

— Да, сударыня, меня продали, и это было большое счастье, потому что графъ Ферріоль могъ меня купить. Мнѣ такъ здѣсь хорошо!

Она удивилась, увидя грустное лицо своей взрослой подруги; она задала ей тысячу вопросовъ, которые были мучительны для бѣдной изгнанницы, бросившей мужа ради дворца своего могущественнаго друга. Она спрашивала ее: есть ли у нея родители, чѣмъ занимается ея мужъ, почему онъ не съ нею? Она осыпала ее вопросами о ея родинѣ, о Франціи, которую ей обѣщали показать, о знаменитомъ Парижѣ, куда обѣщаль ее взять въ одинъ прекрасный день ея покровитель, и гдѣ, двадцать лѣтъ спустя, она была царицей красоты и ума.

Г-жа Фабръ была великолѣпная темноволосая женщина, съ самымъ нѣжнымъ цвѣтомъ лица, прозрачной, какъ перламутръ, кожей, слегка испещренной синими жилками, съ миндалевидными глазами, длинными рѣсницами, гибкимъ роскошнымъ тѣломъ. Ея кошачьи лѣнивыя движенія свидѣтельствовали скорѣе о страстной томности, чѣмъ объ энергіи.

Она была любовницей посланника, маркиза Аржантала, графа Ферріоля, въ продолженіе 11 лѣтъ, т.-е. со дня, когда покинула своего мужа, явившагося въ Константинополь въ качествѣ делегата отъ верхней торговой палаты.

Въ первые годы она вполне вкусила всѣ радости честолюбія и любви. Она занимала почетное мѣсто на всѣхъ празднествахъ, и брильянтики Стамбула изоццрялись въ придумываніи для нея самыхъ модныхъ уборовъ.

Но теперь ея любовникъ уже не ухаживалъ за нею и не ласкалъ ея, какъ прежде: привычка притупила страсть и породила пресыщеніе. Графъ Ферріоль теперь искалъ развлеченій внѣ дома, и сердце ея друга ускользало отъ нея почти безвозвратно.

Графъ Ферріоль обладалъ страннымъ характеромъ—фантастическимъ, вспыльчивымъ и жестокимъ. Онъ никогда не имѣлъ аудиенціи у султана, отказавшись появиться предъ нимъ безъ шпаги, какъ предписывалъ придворный этикетъ. Благодаря своимъ грубымъ выходкамъ, онъ лишился самыхъ нѣжныхъ привязанностей и былъ полонъ капризовъ и чудачествъ. Впрочемъ, какъ извѣстно, онъ окончилъ жизнь сумасшедшимъ.

Г-жа Фабръ, чувствуя себя въ свою очередь покинутой, съ горечью думала о прошедшемъ. Она представлялась себѣ совѣтмъ ребенкомъ, тѣхъ же лѣтъ, какъ Аиссэ, взлелѣяннымъ въ родной семьѣ, затѣмъ—замужемъ за богатымъ марсельцемъ, котораго сдѣлала несчастнымъ. Она мечтала о томъ, что ея существованіе могло бы сложиться совершенно иначе у семейнаго очага, оживленнаго улыбкою близкихъ.

Вмѣсто спокойнаго счастья оказалось изгнаніе, тоска, бездѣлье, безпокойная скука вѣтренной природы, утомленной однообразіемъ давней связи. Въ одно и то же время она любила и ненавидѣла эти невольнo-жестокіе вопросы и нескромности маленькой Аиссэ. Она занялась ея воспитаніемъ, заставляла ее читать французскія книги, и молодая невольница приводила всѣхъ въ восторгъ своимъ скороспѣлымъ развитіемъ. Съ душою и со вкусомъ, она исполняла на клавиринахъ трудныя пьесы и прелестно играла на маленькой арфѣ, заказанной графомъ по ея росту.

Ее очень занимала географія, и она заставляла рассказывать себѣ о нравахъ и обычаяхъ различныхъ народовъ, особенно интересуясь Парижемъ, зная, что въ одинъ прекрасный день она увидитъ его. У нея даже была оптическая игрушка съ раскрашенными видами городовъ и памятниковъ Франціи.

Онѣ разговаривали о Парижѣ, когда раздавшійся въ сѣняхъ шумъ оружія янычаръ извѣстилъ о приходѣ посланника.

Дверь отворилась, и появился графъ Ферриоль, именно такимъ, какъ его рисовалъ художникъ Жувнэ: съ угловатыми скулами, густыми бровями, суровымъ взоромъ, широкой шеей, плоскимъ подбородкомъ—вообще угрюмой наружности. На немъ былъ просторный мундиръ, разукрашенный орденами, сбоку висѣла шпага, ударившая его по икрамъ въ обтянутыхъ красныхъ чулкахъ; задки его башмаковъ были высокіе, какъ у наѣздника, на воротѣ рубашки красовалась лента, а на головѣ согласно послѣдней модѣ былъ надѣтъ квадратный парикъ изъ конскаго волоса, напудренный добѣла; такой, какъ носили уже около двухъ лѣтъ въ Парижѣ, что заставляло пудрить и одежду, чтобы она не казалась загрязненной.

Онъ разговаривалъ съ сопровождавшимъ его мужчиной. Это былъ граверъ Ле-Гэ, которому онъ заказалъ богатое собраніе эстамповъ, представляющее типы восточныхъ народовъ, очень цѣнное въ настоящее время. Позади посланника шли два янычара и несли громадную папку изъ зеленого сафьяна съ посольскимъ гербомъ и шифромъ.

— Эмили,—сказалъ посланникъ:—представляю вамъ великаго художника, г. Ле-Гэ; онъ проведетъ нѣкоторое время здѣсь, чтобы произвести на мѣстѣ нашу прекрасную работу восточныхъ типовъ; ея изящные пробныя листы вы уже видѣли.

— Дѣйствительно, сударь, — отвѣтила она: — я уже оцѣнила точность и тонкость вашего таланта и счастлива, что имѣю случай поздравить васъ.

Художникъ почтительно поклонился.

— Любезный Ле-Гэ, — сказалъ посланникъ: — надо вамъ представить мою маленькую невольницу Аиссэ. Не думаю, чтобы для начала серіи нашихъ восточныхъ женщинъ вы могли найти типъ красивѣе, правильнѣе и удачнѣе, чѣмъ эта очаровательная черкешенка. Оставляю васъ; познакомьтесь съ нею и изучите ее, прежде чѣмъ нарисуете ея портретъ, — это существенное условіе для достиженія совершеннаго сходства. Въ портретѣ физическое сходство — аксессуаръ, главное — нравственное сходство.

— Вы думаете и выражаете мысли, какъ законченный художникъ, — замѣтилъ на это Ле-Гэ.

— Моя дорогая, — прибавилъ графъ, обращаясь къ г-жѣ Фабръ: — извините меня, что сегодня я не обѣдаю съ вами. Вы останетесь съ г. Ле-Гэ. Въ скоромъ времени собирается совѣтъ по поводу важныхъ извѣстій, сообщенныхъ мнѣ депешей изъ Леванта, и очень вѣроятно, что меня долго задержатъ.

— Нѣтъ ли чего тревожнаго въ этихъ извѣстіяхъ? — спросила она.

— Ничего нѣтъ, — удовольствовался отвѣтитъ посланникъ, избѣгая настоятельныхъ вопросовъ.

Потомъ, обернувшись къ янычарамъ, которые принесли папку, онъ грубо приказалъ:

— Ну, негодяи, положите эту папку къ ногамъ барышни и убирайтесь.

Въ то время, какъ оба солдата бросились укладывать папку на подушку, смягчившійся графъ поднялъ маленькую Аиссэ на руки и, поцѣловавъ, сказалъ:

— Я думалъ о тебѣ, моя маленькая черкешенка, и вотъ для твоего праздника самыя красивыя картинки, какія только дѣлаются отъ Босфора до Кавказа.

Съ минуту онъ перелистывалъ альбомъ вмѣстѣ съ нею: страницы были изъ шелковой затканной узорами матеріи, шелковой грузинской ткани съ вышитыми фигурами и армянской бумаги съ миниатюрами, покрытыми позолотой. Но посланникъ очень торопился и, быстро поднявшись, сказалъ:

— Покидаю васъ, меня ожидаетъ совѣтъ.

И онъ вышелъ.

Ле-Гэ никогда не видалъ г-жи Фабръ, ничего о ней не зналъ, даже ея имени. Она была молода и красива, и потому онъ изо всѣхъ силъ старался ей понравиться. Желая показаться, какъ можно болѣе любезнымъ, онъ поспѣшилъ расхвалить Аиссэ ея эстампы.

Они разсматривали эти любопытныя страницы миниатюръ бухарскихъ художниковъ, наброски Акхлати и астрономическія фи-

гуры, заимствованныя изъ зодіака. На одной страницѣ была представлена богиня, въ фіолетоваго цвѣта одѣяніи; изъ ея шелковисто-черныхъ волосъ выходило пламя, и она обладала тремя глазами, подъ ея ногами лежалъ отброшенный ею тюлень; другой же, на брюхѣ котораго красовалась голова тигра, находился предъ ея грудью. На слѣдующей страницѣ было изображеніе всадника, скитавшагося среди розовыхъ горъ, усѣянныхъ трехлопастными цвѣтами; надъ нимъ равстилалось ослѣпительно-лазоровое безоблачное небо. То встрѣчались восхитительныя по сложности и тонкости отдѣлки цвѣтныя мозаики, изображавшія двери мечетей, краймленные тонкой сѣтью разноцвѣтныхъ арабесокъ. При каждомъ новомъ изображеніи маленькая Аиссэ хлопала въ ладоши. Просто и завлекательно объяснилъ ей Ле-Гэ значеніе рисунковъ, и г-жа Фабръ, заинтересовавшись его объясненіями, любовалась вмѣстѣ съ ними необычайною тонкостью мусульманскаго искусства.

— Ихъ искусство привлекательнѣе самой страны и нравовъ,— сказала она.

— Константинополь, сударыня, какъ я вижу, не имѣетъ счастья нравиться вамъ.

— Я до смерти здѣсь скучаю. Французская колонія малочисленна; что же касается до проѣзжихъ французовъ, то они такъ рѣдки, и людей чѣмъ нибудь замѣчательныхъ видишь не болѣе двухъ въ годъ.

— Вѣроятно, вы видите всѣхъ посланниковъ, отправляемыхъ въ эти страны его величествомъ Людовикомъ XIV?—спросилъ Ле-Гэ.

— Конечно. Не такъ давно проѣзжалъ здѣсь маркизъ Пѣти де-Лакруа, сынъ, возвращаясь во Францію. Онъ рассказывалъ прелезавныя исторіи о проискахъ голландцевъ.

— Это правда,—сказалъ Ле-Гэ:—они скрываютъ отъ арабовъ пораженія, нанесенныя имъ его величествомъ, нашимъ королемъ Людовикомъ XIV, и повсюду рассказываютъ о своихъ побѣдахъ. Но г. Пѣти де-Лакруа обратилъ въ ничто ихъ ложь, и Франція многимъ ему обязана. Онъ сочинилъ для народовъ Малой Азіи апологію «Солнце и Лягушки», на арабскомъ языкѣ; она представляетъ самую строгую сатиру на Голландію и пользуется столь значительнымъ успѣхомъ, что нѣтъ такой цырульни и перекрестка, гдѣ бы ея не рассказывали.

— Онъ очень любезный человѣкъ и краснорѣчивый собесѣдникъ,—замѣтила г-жа Фабръ.

— Но, сударыня, развѣ здѣсь еще не говорятъ о прибытіи французскаго посланника, котораго, конечно, вы будете имѣть честь принимать у себя? Онъ не заставитъ васъ долго себя ожидать. Я только совершенно случайно узналъ о его пріѣздѣ. Съ цѣлью раздобыться особенно красивой точкой зрѣнія на Эйумъ съ моря, я нанялъ

каикъ, и мой лодочникъ, узнавъ по моему выговору, что я французъ, рассказалъ мнѣ, будто нѣсколько часовъ тому назадъ онъ перевозилъ тюки одного французскаго дворянина. Этотъ господинъ пріѣхалъ съ азіатскаго берега и щедро заплатилъ лодочнику. Его сопровождало нѣсколько молодыхъ людей, повидимому, очень красивыхъ: это были его секретари. Ради возбужденія въ лодочникѣ усердія они рассказывали ему, что онъ везетъ французскаго посланника и его богатства. Не знаю, можетъ быть, они надъ нимъ насмѣхались.

— Вы, должно быть, ошибаетесь, сударь: въ данный моментъ здѣсь нѣтъ никакой французской миссіи.

— Вы не ожидаете никакого посланнаго отъ Людовика XIV?

— Навѣрно, никакого, развѣ только онъ вынырнетъ изъ волнъ, какъ тритонъ. Полноте! подобные случаи часто бываютъ: это какойнибудь незначительный купецъ. Они пользуются этимъ средствомъ ради своей безопасности и успѣха своего дѣла, ложно прикрываясь въ деревняхъ официальнымъ характеромъ мисіи.

— Очень возможно, что вы правы,—тѣмъ болѣе онъ, повидимому, не имѣетъ никакой свиты. Должно быть, это какойнибудь крупный купецъ. Кажется, я помню его имя: конечно, вы знаете его не болѣе моего, и онъ не принадлежитъ къ дипломатическому кругу.

— Какъ его фамилія?

— О! настоящая купеческая: на валявшемся отклеенномъ ярлычкѣ значится: Жанъ Фабръ, изъ Марселя.

Эмили поблѣднѣла и выпрямилась во весь ростъ.

— Какъ вы сказали? Жанъ Фабръ въ Константинополѣ?

— Что съ вами, сударыня? Могъ ли я знать, что это имя вамъ извѣстно, и что оно васъ взволнуетъ? Не былъ ли я нескромнѣе? Чѣмъ я могу исправить невольное зло?..

— Ничѣмъ,—отвѣтила г-жа Фабръ.—Полноте, сударь. Прошу васъ извинить меня, я не совсѣмъ здорова и принуждена васъ оставить. Извините меня, прошу васъ. Пойдемъ, Анссъ.

Она вышла, или, скорѣе, исчезла по направленію къ галлерей, которая вела въ ея апартаменты:

— Жанъ здѣсь подъ ложнымъ предлогомъ!—шентала она.— Все кончено! Я пропала.

V.

Разставшись съ г-жею Фабръ и Ле-Гэ, графъ Ферріоль направился въ свой кабинетъ, куда онъ вошелъ, повидимому, очень озабоченный.

Кабинетъ посланника помѣщался въ роскошно убранномъ залѣ. Тяжелыя салонскія ткани покрывали стѣны, украшенныя богатымъ оружіемъ чеканной и наборной работы. На различныхъ ла-

кированныхъ подставкахъ съ ножками, разукрашенными тонкими арабесками изъ перламутра, стояли искусно сработанныя мѣдныя блюда, вышитыя чепраки и фаянсовыя, покрытыя глазурью, вазы разнообразныхъ цвѣтовъ. Изящныя чаши изъ опала, нефритовыя кубки, курильницы, жаровни чеканной работы переполняли столы, открытые шкафы и столы съ рѣзными ножками, изображавшими трехлопастный входъ въ мечеть. По обѣ стороны двери, предъ старой позеленѣвшей пушкой, вытасченной изъ Босфора и поставленной на лафетѣ изъ желѣзнаго дерева, находились стойки съ длинными карабинами, приклады которыхъ были плоски.

Тотчасъ же придверникъ доложилъ посланнику:

— Г. Мишель, частный секретарь вашего превосходительства, ожидаетъ вашихъ приказаній.

— Пусть войдетъ,—отвѣтилъ графъ Ферриоль.

Придверникъ впустилъ секретаря, привезеннаго посланникомъ съ собою изъ Франціи. Это былъ уроженецъ Лиля, здоровенный человѣкъ, горбоносый, съ плоскимъ лбомъ, впалыми глазами и остроконечной бородою, съ виду очень рѣшительный; на немъ былъ парикъ и касторовая шляпа съ перомъ.

— Ну,—быстро спросилъ графъ:—есть извѣстія о Фабрѣ?

— Недостаточныя, сударь. Съ тѣхъ поръ, что онъ покинулъ Алеппо, я потерялъ его слѣдъ.

— Дуракъ!—отвѣтилъ графъ.—Слушай же хорошенько: я не хочу, чтобы Фабръ отправился въ Персію. Этотъ человѣкъ меня стѣсняетъ. Это—нахаль, котораго я едва не наказалъ во время его проѣзда чрезъ Константинополь, когда онъ нагло осмѣлился спорить со мною относительно статей трактата марсельской торговой палаты. Впрочемъ,—прибавилъ онъ съ свирѣпой улыбкой:—я у него отнял жену. Это было началомъ ссоры. Но если онъ снова дается мнѣ въ когти, то не надо, слышишь ли, не надо, чтобы отъ нихъ ускользнулъ. Знай одно: то, что я сказалъ, самъ чортъ не можетъ измѣнить. Требовать и добиться посольства въ Персію, которое по праву принадлежитъ мнѣ,—значитъ нанести мнѣ оскорбленіе. Онъ думалъ отмстить мнѣ, захвативъ эту честь въ свою пользу: клянусь, она будетъ для него гибельной. Благодаря какой интригѣ удалось ему похитить у меня эту миссію? Какъ осмѣлились не поручить ее посланнику, самому близкому къ Персіи, какъ я? Не изъ Парижа, а отсюда долженъ отправиться посланникъ короля. Только я могу руководить этимъ дѣломъ. Я буду имъ руководить, или погублю свое имя. Итакъ, вотъ прежде всего мои распоряженія. Ты способный, вѣрный и преданный малый, и я, согласно моей неограниченной власти, официально уполномочиваю тебя быть посланникомъ при персидскомъ дворѣ. Вотъ твои вѣрительныя грамоты, я пошлю въ Парижъ курьера, поручу ему опозорить Фабра и достать для тебя утвержденіе твоей миссіи. Я выполнѣ от-

вѣчаю за твои дѣйствія и шаги: будь же увѣренъ въ твоемъ счастливомъ будущемъ. Я великодушно дарю тебѣ цѣлое состояніе, въ признательность за твои прежнія заслуги.

Мишель преклонилъ колѣно и воскликнулъ:

— Какъ благодарить васъ за такую доброту, и чѣмъ могу я отплатить за ваше великое благодѣяніе! Будьте убѣждены, ваше превосходительство, что у васъ никогда не будетъ болѣе преданнаго повѣреннаго, чѣмъ вашъ признательный слуга. Нѣтъ такого дѣла, котораго я не предпринялъ бы, утвердившись на своемъ посту, благодаря вашей высокой поддержкѣ; Фабръ—пропащій человѣкъ: считайте его погибшимъ.

— Слава Богу!—отвѣтилъ графъ:—вотъ это именно я и хотѣлъ отъ тебя слышать. Итакъ, ты—посланикъ французскаго короля при дворѣ персидскаго шаха.

Убѣдившись, что его служащій не посмѣетъ ни сопротивляться, ни возражать и можетъ пуститься, очертя голову, въ опасное предпріятіе, графъ Ферриоль открылъ ему свои намѣренія и представилъ свой планъ во всемъ его трагическомъ ужасѣ. Опозорить Фабра было недостаточно,—требовалось стереть его съ лица земли, какъ бы вслѣдствіе несчастнаго случая, чтобы безнаказанно, не медля, занять его мѣсто и даже вызвать за такое рвеніе королевскую похвалу.

— Но отъ твоего старанія я ожидаю иного: въ этомъ замѣшанъ прежде всего твой интересъ,—сказалъ графъ Ферриоль.—Фабръ, должно быть, спрятался въ окрестностяхъ Аленпо, и, можетъ быть, онъ скрылся въ Ливанскихъ горахъ. Необходимо сначала его отыскать. Возьми съ собою какогонибудь ловкаго человѣка, способнаго въ назначенное время стереть съ лица земли эту стѣснительную личность. Впрочемъ, я тебѣ дамъ сильную стражу, но ты лучше достигнешь этого посредствомъ хитрости, и лучше имѣть одно довѣренное лицо.

— Сударь, я на все готовъ. У меня есть среди вашей стражи одинъ негодяй, который устроитъ все дѣло; это—настоящій каторжникъ, готовый продать свою душу за стаканъ сидра.

— О комъ ты говоришь?

— О Сюферѣ, дезертирѣ.

— О томъ, что задушилъ приказчика голландскаго купца, и я его спасъ отъ казни?

— Точно такъ.

— Намъ такого и надо. Впрочемъ не думай, что смерть Фабра будетъ для меня простымъ любопытствомъ, развлеченіемъ. Если требуется его исчезновеніе, то вслѣдствіе того, что необходимо отнять у него вѣрительныя грамоты. Ты овладѣешь ими такъ же, какъ и подарками, посланными каролемъ шаху: ты только будешь продолжать неудачно прерванное посольство. Мнѣ гораздо

удобнѣе, если бы министръ утвердилъ тебя, какъ преемника Фабра, а не какъ его соперника, и дѣло пошло бы своимъ естественнымъ путемъ. Пойми все хорошенько; это важно. Фабръ умеръ, и посылая тотчасъ же, безотлагательно, его замѣстителя, я оказываю услуги дѣлу моего короля, и этотъ замѣститель имѣетъ право на благодарность властей. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Понимаю, сударь. Дѣло рѣшено.

— Итакъ, я полагаюсь на тебя. Возьми свои вѣрительныя грамоты и этотъ вексель; онъ дастъ тебѣ возможность удовлетворить всѣ расходы во время пути. Сегодня утромъ долженъ пріѣхать алеппскій консулъ, Бланъ: онъ уже вручилъ прошеніе объ аудіенціи. Ты примешь его и соберешь отъ него всѣ необходимыя справки относительно твоихъ розысковъ. Но прежде чѣмъ мы разстанемся, и ты увезешь бумаги, подпиши это заявленіе, чтобы я могъ лучше держать тебя въ рукахъ.

Мишель принялся его читать.

«Я, нижеподписавшійся, секретарь графа Ферріоля, маркиза Аржанталя, посланника при блестящей Портѣ высокаго и могущественнаго величества короля Франціи, удостовѣряю и признаю, что вѣроломно убилъ его превосходительство Жана Фабра, чрезвычайнаго при персидскомъ дворѣ посланника его величества Людовика, четырнадцатаго короля этого имени. Я въ этомъ обвиняю себя, ожидая возмездія».

Мишель колебался.

— Ну! Я вижу, ты не годишься для крупныхъ дѣлъ,—сказалъ графъ съ грубымъ равнодушіемъ.—Предположимъ, что мы съ тобою ни о чемъ не говорили, и въ ожиданіи моихъ приказаній возвратись въ свою канцелярію.

Секретарь болѣе не колебался. Онъ зналъ, что его отказъ послѣ того, какъ ему было довѣрено дѣло, равняется смертному приговору. Сдѣлавъ тотчасъ же выборъ между прибыльнымъ сообщничествомъ и гибельнымъ отказомъ, онъ подписалъ заявленіе.

Едва графъ успѣлъ вынуть ключъ изъ потаеннаго ящика, куда онъ убралъ компрометирующее заявленіе, какъ раздались три удара въ дверь.

— Что вамъ отъ меня нужно?—воскликнулъ онъ съ гнѣвомъ.

Въ дверяхъ появился дрожащій отъ страха драгоманъ и палъ ницъ предъ графомъ. Ферріоль спросилъ его сердито.

— Что случилось? Почему ты беспокоишь меня безъ моего приказанія?

Драгоманъ принялся извиняться. Онъ былъ посланъ начальникомъ полиціи со спѣшнымъ порученіемъ.

— Вели ему войти, скотина!

Вошелъ полицейскій офицеръ. На немъ была богатая парчевая одежда, стянута въ тальѣ поясомъ; сбоку на золотой цѣпи ви-

сѣлъ палашъ съ рукояткой и ножнами изъ драгоцѣнныхъ камней. Султанъ его бѣлаго шелкового тюрбана придерживался брильянтовой застежкой. Онъ былъ въ красныхъ сафьяновыхъ сапогахъ, доходящихъ до шароваръ.

Графъ сдѣлалъ ему знакъ приблизиться и говорить.

— Я васъ не задержу,—сказалъ полицейскій офицеръ:—г. Фабръ въ Константинополѣ.

— Боже мой! Нахалъ!—завоилъ графъ.—Ступай, Мишель, не теряй времени: онъ у насъ въ рукахъ!

VI.

Константинополь не находится на пути изъ Парижа въ Испанянь, поэтому неудивительно, что Эмили, жена Фабра, и графъ Ферріоль, его прежній соперникъ, два существа, интересовавшіяся каждымъ его шагомъ, не безъ причины удивились его появленію на берегахъ Босфора. Зачѣмъ онъ туда пріѣхалъ?

Вотъ что произошло.

Какъ только графъ Ферріоль былъ дипломатически извѣщенъ о миссіи Фабра въ Персію, то сильно разгнѣвался и тотчасъ же составилъ планъ всѣми средствами ему помѣшать. Онъ предупредилъ объ этомъ консула Алеппо, конечнаго пункта для путешественниковъ, отправлявшихся въ эту сторону, и такъ дѣйствовалъ, что Фабра ожидалъ на всемъ пути самый холодный пріемъ со стороны чиновниковъ и туземцевъ.

Послѣдній сразу это замѣтилъ.

Ускользнувъ отъ корсаровъ, Тюржи направилъ корабль на островъ Кипръ. «Трезубецъ» быстро обогнулъ гору Олимпъ, покрытую фіолетовымъ верескомъ, и вступилъ въ портъ Никозію, откуда онъ могъ безпрепятственно достигъ рейда Александретты, Алеппскаго порта. Они прибыли ночью.

Портъ былъ не достаточно глубокъ для корпуса «Трезубца», и онъ остановился въ морѣ. Вокругъ него собрались фелуки съ явившимися для его разгрузки неграми, въ красныхъ фескахъ, съ синими кисточками; вокругъ громадной темной массы засверкали факелы, прицѣпленные къ кайкамъ. Игра блуждающихъ огоньковъ тысячу разъ отражалась въ безчисленныхъ граняхъ волнъ, какъ будто морская поверхность была покрыта мириадами искръ.

Тюржи приказалъ бросить якорь и дешешею извѣстилъ коменданта порта, что дождется дня для высадки пассажировъ и выгрузки товаровъ. Всѣ огни были потушены, только виднѣлся раскачивавшійся на вершинѣ мачты фонарь, да фонарикъ ночного сторожа. дѣлавшаго обходъ позади абордажныхъ сѣтокъ.

На зарѣ, въ то время, какъ матросы складывали паруса и поднимали на мачты французскіе флаги со всѣми обычными сигналами, Марі Пёті стояла на мостикѣ, не переставая любоваться великолѣпнымъ пейзажемъ.

Она была очень хорошенькая въ своемъ нарядѣ молодого маркиза, въ золотисто-коричневомъ кафтанѣ, со шпагою, треуголкою, въ парикѣ, высокихъ сапогахъ и въ дорожномъ плащѣ.

У ея ногъ, на палубѣ копошились матросы, рабочіе, носильщики и желтолицые, съ лоснящейся кожей и толстыми губами гребцы. Всѣ они сталкивались и посылали другъ другу проклятія, какъ обыкновенно бываетъ при значительныхъ выгрузкахъ.

На самомъ концѣ носовой части, около сторожевой мачты, стоялъ Тюржи въ блестящемъ мундирѣ и разговаривалъ съ комиссарами оттоманскаго правительства, поднявшимися на бортъ; они провѣряли путевыя бумаги, коносаменты, паспорта и прочіе документы, удостовѣряющіе національность и цѣль поѣздки пассажировъ. Турецкій писарь съ чернильницей у пояса заносилъ отмѣтки въ вѣдомость, откуда свѣшивалась на широкой затканной золотомъ лентѣ печать султана.

Вдоль корабельнаго корпуса полуобнаженные негры нагружали фелуки ящиками, бочками и тюками, составлявшими кладъ по сольства и подарки шаху.

На главной мачтѣ развѣвался флагъ французскаго короля, синій, съ золотыми лиліями.

Цѣлый лѣсъ мачтъ и рей торговыхъ судовъ и рыбачьихъ лодокъ возвышался со стороны порта, какъ бы разрисовывая небо клѣтками. Здѣсь были суда всякаго рода и происхожденія: дамьскіе, финикійскіе, яффскіе, асколярскіе, бейрутскіе, смирнскіе и константинопольскіе, а также большіе египетскіе корабли. Въ воздухѣ, колеблемомъ легкимъ вѣтеркомъ, развѣвались вымпелы различныхъ флаговъ съ полумѣсяцами на разноцвѣтномъ фонѣ.

Изъ-за Аинтабскихъ горъ вошло ослѣпительное солнце и освѣтило набережную, оживленную суетившейся и грязной толпой: тутъ были искатели жемчуговъ и коралловъ, кипрцы, сирійцы, марониты, друзы и горцы Тавра. Рядомъ съ резиденціей коменданта порта, представителя турецкаго султана, стояло нѣсколько лачугъ.

Впрочемъ, это не былъ ни посадъ ни городъ, а только рейдъ, окруженный нѣсколькими скученными хижинами—складочное мѣсто для товаровъ. Торговцы расположились прямо на открытомъ воздухѣ, и Марі издали видѣла ихъ камлотовыя палатки и силуэты неуклюжихъ верблюдовъ, спавшихъ со связанными ногами; лошади стадомъ паслись за оградой. Послѣдніе горные уступы Ливана и Альма-Дага видѣлялись на горизонтѣ своими хребтами съ снѣжными вершинами, тогда какъ ихъ склоны, покрытые радужной окраской самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ, исчезали въ золотистыхъ пескахъ Келиса и Антакія.

Жанъ Фабръ въ сапогахъ, парадномъ мундирѣ, круглой поярковой шляпѣ, съ пистолетомъ за поясомъ оканчивалъ свои дѣла съ комендантомъ порта. Увидѣвъ на мостикѣ Марі, онъ подошелъ къ ней. Она пожала ему руку; глаза ея были полны восторга отъ восхитительной панорамы, развернувшейся предъ нею отъ устья рѣки Оронта до Джихуна. Но въ то же время въ ея глазахъ было и смущеніе при видѣ страны, которая дѣлала грозной тайной будущее, непредвидѣнное, неизвѣстное и загадочное.

— Вотъ наша обѣтованная земля, — сказалъ ей Жанъ улыбаясь.

— Кто знаетъ? — отвѣтила она, склонивъ голову: — мнѣ страшно.

Жанъ успокоилъ ее, объяснивъ ея нервную тревогу усталостью и возбужденіемъ, перенесенными во время путешествія. Чего имъ теперь опасаться? Достигнувъ Эривани, они будутъ на персидской землѣ; дѣль — близка, рукой подать; имъ остается лишь миновать Курдиستانъ и Арменію; Оттоманская же имперія была въ хорошихъ отношеніяхъ съ Франціей: тамъ имъ бояться будетъ нечего, и путешествіе безъ всякихъ затрудненій совершится въ нѣсколько недѣль.

— Да услышитъ тебя Богъ, мой Жанъ, — сказала она: — и да поможетъ Онъ намъ.

Тѣмъ временемъ появились одинъ за другимъ пассажиры. Флориза поднялась изъ каюты, завязывая розовыя ленты своей шляпы изъ тонкой соломы, съ отдѣлкой изъ голубыхъ цвѣтовъ; докторъ и Лизонъ нѣжно любовались другъ другомъ, скрывшись за спасательными лодками; маленькій Пьеръ смотрѣлъ, какъ въ ботикахъ, отвязанныхъ отъ бригантинъ рейда, гребли негры. Жакъ и Альвейръ слѣдили за выгрузкой изъ трюмовъ клади.

Разстилая на мостикѣ коверъ, чтобы оказать почеть посланику въ тотъ моментъ, когда онъ будетъ покидать судно среди свистковъ маневрированія и движенія экипажа, матросы обмѣнивались между собою мыслями.

— Кажется, почести не переступятъ далѣе борта корабля, — говорилъ одинъ изъ нихъ.

— Не очень-то они торопятся выслать парадный вельботъ, — замѣтилъ другой.

— По моему мнѣнію, ему лучше отправиться на торговомъ баркасъ, — отвѣчалъ третій.

— Не похоже, чтобы на берегу дѣлались какія нибудь приготовленія: ему предоставятъ ѣхать одному, какъ на исповѣдь.

Тюржи былъ нѣсколько удивленъ: онъ ожидалъ, что на зарѣ къ нему явятся нѣсколько делегатовъ отъ алеппскаго консула, Блана, для привѣтствія королевскаго посланника. Но наступило утро, и Тюржи, видя, что никакое парадное судно не является, долженъ былъ извиниться предъ своимъ знатнымъ пассажиромъ. Они свалили это маловажное препятствіе на неисправность курьера,

на возможность ошибиться числомъ и на забывчивость подчиненныхъ. Была подана шляпка, вызванная въ рупоръ; матросы выстроились шпалерой, и Тюржи, занявъ мѣсто на мостикѣ, обратился къ Жану Фабру съ трогательными прощальными словами, поздравляя себя съ такимъ важнымъ и въ то же время любезнымъ пассажиромъ и выразивъ ему пожеланія полного успѣха въ еще столь отдаленномъ предпріятіи, хотя полпути уже было сдѣлано. Онъ пожалъ руку Жану Фабру, а также Марі и обнялъ маленькаго Пьера. Шляпка была привязана къ нижнему концу лѣстницы. Въ нее спустился посланникъ со всей своей свитой. Сбоку пристали кайки, чтобы забрать тюки.

Въ Александреттѣ посланника никто не встрѣтилъ, и комендантъ порта не получилъ никакого приказа объ ихъ приѣмѣ.

— Это странно,—сказалъ Фабръ.

— Надо добратъся до Алеппо,—предложила тотчасъ же Марі.

Немедленно были собраны верблюды и наняты носильщики. Жакъ и Альвейръ суетились, желая увеличить персоналъ этого неудачнаго посольства. Европейскіе слуги учили новымъ обязанностямъ негровъ, набранныхъ на службу въ посольство. Вскорѣ подъ лучами палящаго солнца двинулось шествіе по песчанымъ слѣдамъ, между кустарниковъ. Здѣсь были верблюды, нагруженные кладью и съ сѣдоками, паланкины съ задернутыми полотняными занавѣсами; ихъ несли на спинахъ люди. Лизонъ ѣхала въ маленькой красной телѣжкѣ, запряженной муломъ, а раскрасившійся докторъ, вытирая потный лобъ, сидѣлъ верхомъ на ослѣ, который былъ слишкомъ широкимъ въ спинѣ для его коротенькихъ ногъ.

Солнце уже закатывалось, когда они приблизились къ Алеппо. Жанъ Фабръ подалъ знакъ къ остановкѣ. Рѣшено было отправить Жака и Альвейра впередъ и узнать въ консульствѣ, приготовлено ли для посольства помѣщеніе. Имъ также поручено было спросить, почему допустили посланника явиться въ Алеппо безъ эскорта, совершенно одного.

Оба парламентаря отправились на своихъ маленькихъ лошадяхъ рысью; они взобрались по отлогой горѣ къ главному входу въ городъ. Переступивъ раскрашенную разноцвѣтными красками заставу, гдѣ выдѣлялась бѣлая рука на охровомъ фонѣ съ синими и алыми полосами орнаментовъ, они попали въ узкія улицы, окаймленные лавчонками. О дорогѣ въ консульство они спросили у проходившаго іезуита и по его указанію достигли хорошо укатанной площади, на которой было посажено нѣсколько пальмъ. Маленькая дверь, пробитая въ длинной бѣлой стѣнѣ, вела въ мечеть. Напротивъ, желѣзная рѣшетка отдѣляла дворъ низкаго зданія, простая архитектура котораго представляла неудачное соединеніе европейской моды съ азіатской. Отрядъ тѣлохранителей со-

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1905 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 2-й.

І. Богословіе.

Минаноръ, еписк. Толковый апостоль. Часть I. Объясненіе книги дѣяній св. апостоловъ и соборныхъ посланій. Изд. I. Часть II. Объясненіе первыхъ семи посланій св. апостола Павла. Изд. 3-е. Часть III. Общедоступное объясненіе послѣднихъ семи посланій св. апостола Павла. Спб. 1902—1905. Ц. I ч. и II по 3 р.; III—2 рубля.	сѣдмица. Евангельская исторія и богослуженіе каждого ея дня. Изд. 5-е, испр. и доп. Кіевъ. 1905. Ц. 75 к.
Никольскій, А., прот. Страстная и великая	Поляновъ, Петръ, святи. Православіе, какъ основа жизни. Спб. 1905. Ц. 50 к.
	Преображенскій, Василій, прот. Святые учителя вѣры и благочестія. Душеспасительныя чтенія на каждый день года. Іюнь, іюль. М. 1904. Ц. кажд. 1 р. 50 к.

«истор. ввстн.», мартъ, 1905 г., т. хсїх.

1/223

Спасский, А. Обращеніе императора Константина Великаго въ христіанство. Св.-Тр. Сергіева лавра. 1905. Ц. 40 к.

Талмудъ. Критическій переводъ Н. Перерковича. Томъ 7-й. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Тидебель, П. С. Какъ я нашелъ истинную церковь. Изд. 3-е. Спб. 1905. Ц. 65 к.

Чельцовъ, М., священ. Была ли нужда при п. Никонѣ исправлять церк. богослужебныя книги. Изъ бесѣды съ Мельниковымъ. Спб. 1904. Ц. 10 к.

II. Философія, психологія, логика.

Виндельбандъ, В. О свободѣ воли. Перев. съ нѣм. М. 1905. Ц. 80 к.

Минто, В. Дедуктивная и индуктивная логика. Перев. съ англ. Изд. 5-е. М. 1905. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

Овидій Назонъ, Публий. Наука любви. Въ русскомъ переводѣ съ примѣч. А. И. Манна. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Сведенборгъ, Эммануилъ. О божественной

любви и божественной мудрости. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Страховъ, Н. Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и фізіологіи. Изд. 3-е. Кіевъ. 1904. Ц. 1 р.

Таубе, А. М., баронъ. Христіанство и международный миръ. М. 1905. Ц. 25 к.

Шестовъ, Л. Апоѳеозъ безпочвенности. Опытъ адогматическаго мышленія. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

III. Ботаника, зоологія, минералогія, геологія, физика, химія.

Волосатовъ, И. М. Что такое движеніе? Органическая жизнь въ механическихъ явленіяхъ. Урокъ всеобщей сравнительной біологіи. Спб. 1905. Ц. 1 р.

*Кайгородовъ, Дм. Черная семья. (Птицы вороньяго рода). Изд. 4-е. Спб. 1905. Ц. 20 к.

Келлеръ, К., проф. Жизнь моря. Животный и растительный міръ моря, его жизнь и взаимноотношенія. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 8 р.

Палладинъ, В. И., проф. Морфологія и систематика растений. Съ 315 рис. въ текстъ. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Фабръ. Инстинкты и нравы насекомыхъ. Изъ энтомологическихъ воспоминаній. Перев. съ франц. Томъ II. Спб. 1904. Ц. въ пап. 3 р.

Федоровъ, П. А. Популярная химія для дѣтей. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Швыревъ, Ив. Права первенства по вопросу о вѣкторневомъ питаніи. Спб. 1904. Ц. 25 к.

Янкобсонъ, Г. Г. Жуки Россіи и Западной Европы. Руководство къ опредѣленію жуковъ. Вып. I. Спб. 1905. Ц. 2 р.

IV. Математика, астрономія и метеорологія.

Зутеръ, Г. Исторія математическихъ наукъ. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Тарнарицеръ, Ф. Описанія методовъ калиброванія Неймана, Тизена и Гильома.

употребляемыхъ въ международномъ бюро мѣръ и вѣсовъ въ Севрѣ близъ Парижа. М. 1904. Ц. 75 к.

V. Словесность.

Авсъенко, В. Г. Скрежетъ зубонный. Романъ въ 6 част. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Алтаевъ, А. Венвенуто Челдини. Біографич. повѣсть. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Апулей, Л. Амуръ и Психея. Перев. съ латинск. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Безе, А. Я. Птичка. Повѣсть изъ московской жизни. М. 1905. Ц. 75 к.

Вильде, Н. Н. Катастрофа. Романъ Софьи Михайловны и другіе. М. 1905. Ц. 1 р.

Волжминъ, В. А. Повѣсть. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Волновичъ-Вель. Блажь! водевилъ съ куплетами въ 1 дѣйств. Спб. 1904. Ц. 30 к.

Глибивъ, Леонидъ. Творы. Вайбы, загадки, жарты, поезін и пр. Кіевъ. 1904. Ц. 75 к.

Гливенно, И. И. Мопассанъ и Чеховъ. Сравнительный этюдъ. Кіевъ. 1904. Ц. 50 к.

— Типы героевъ въ литературѣ въ ихъ отношеніи къ дѣйствительности. Историко-литературн. гипотеза. Кіевъ. 1904. Ц. 20 к.

Гоневъ, В. П. Повѣсть временныхъ седмиць. М. 1904. Ц. 50 к.

Гофманъ, Викторъ. Книга вступленій. Лирика 1902—1904. М. 1904. Ц. 1 р.

Діонео. Английскіе силуэты. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Додзъ, Альфонсъ. Сафо. Жены знаменитостей. Сокровище Арлатана. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Единорогъ, Г. Дьячки Софоній и Сасоній. Разказы о двухъ дьячкахъ, покинувшихъ свою должность. М. 1905. Ц. 25 к.

Живья рѣчи отошедшихъ друзей. С. А. Спб. 1905. Ц. 85 к.

Замотинъ, И. И. Предразсвѣтныя тѣни. Къ характеристикѣ общественныхъ мотивовъ въ произведеніяхъ А. П. Чехова. Казань. 1904. Ц. 50 к.

Кологривова, Л. Стихотворенія. М. 1905. Ц. 1 р. 10 к.

Конанъ-Дойль. Союзъ рыжихъ. (Прикл. Шерл. Холмса, томъ II). Спб. 1905. Ц. 1 р.

- Приключенія Шерлока Холмса. М. 1904. Ц. 1 р.
- Воскресшій Шерлокъ Холмсъ. Новые мемуары. Томъ II. Перев. съ англ. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Костомаровъ, н. и. Собрание сочиненій. Книга пятая. Спб. 1905. Ц. 4 р.
- Кристи, Е. К. Стихотворенія. Одесса. 1904. Ц. 1 р.
- Крыжановская, в. и. (Рочестеръ). Свѣточн Чехи. Истор. романъ изъ эпохи пробужденія чешскаго національнаго самосознанія. Спб. 1904. Ц. 1 р. 80 к.
- Нурдюмовъ, г. с. «Сюрпризъ» и «Свиданіе». Двѣ одноактные пьесы для любит. спектаклей. Воронежъ. 1905. Ц. 25 к.
- Лагерлефъ, Сельма. Въ Иерусалимѣ. Картины современнаго духовнаго движенія среди шведскаго крестьянства. Романъ. Перев. со шведскаго. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.
- Лобовичъ-Ношуровъ, і. А. Въ Портъ-Артуръ. Разказы изъ боевой жизни. М. 1905. Ц. 60 к.
- Марденъ (Светъ), Орисонъ. Строители судьбы, или путь къ успѣху и могуществу. Спб. 1904. Ц. 1 р. 30 к.
- Мопассанъ (Гюи, де). Коробейникъ. Второй сборникъ разказовъ. Перев. съ франц. Спб. 1905. Ц. 85 к.
- Мошинъ, Алексѣй. Гашишь и другіе новые разказы. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Наборъ, Феликсъ. Крестовый походъ дѣтей. Разказъ изъ временъ XIII вѣка. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Ниманъ, Августъ. Мировая война. Фантазія германца. Романъ. 1905. Ц. 85 к.
- Овсяннико-Кулиновскій, Д. н., проф. Л. Н. Толстой, какъ художникъ. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб. 1905. Ц. 1 р. 30 к.
- Петрищевъ, Аф. Замятки учителя. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Петровъ, Г. с., свящ. Вожьнъ свѣчи. Изд. 2-е. 1905. Ц. 20 к.
- Плетневъ, Алексѣй. Упитанные и отбѣвшіеся. (Преступность денегъ). Очерки. Спб. 1905. Ц. 30 к.
- Рой, Христина. Работникъ. Разказъ. Переводъ свящ. Г. Петрова. Спб. 1905. Ц. 8 к.
- Сансаганская, Анна. Разказы. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Сборникъ товарищества «Знаніе» за 1904 годъ. Книга III. Содержание; Сжиталець. Памяти Чехова. А. Купринъ. Памяти Чехова. М. Горькій, Дачники И. Бунинъ. Памяти Чехова. І. Андреевъ. Красный смѣхъ. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Серафимовичъ, А. Разказы. Томъ I. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Строшевскій, в. Предѣлъ скорби. Китайскіе разказы. Хайлакъ. Перев. съ польскаго. Изд. 2-е, доп. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Дальній Востокъ. Очерки. Изд. 2-е, доп. Перев. съ польск. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.
- Таежный, о. д. Китайка Лю-Шу. Очерки изъ жизни Дальняго Востока. Оренбургъ. 1904. Ц. 50 к.
- Чарская, л. А. Какъ любить женщины. Разказы. Спб. 1904. Ц. 1 р.
- Проблемы любви. Разказы о женскомъ сердцѣ. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. 1 р.
- Шапиръ Ольга. Не повѣрили. Повѣсть. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Шебуевъ, н. Японскіе вечера. Негативы. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Юрневичъ, Семень. Разказы. Томъ II. Спб. 1905. Ц. 1 р.

VI. Исторія.

- Архивъ Юго-Западной Россіи, изд. комиссіею для разбора древн. актовъ. Ч. I, т. X. Акты, относящіеся къ исторіи Галицко-Русской православной церкви (1423—1714 гг.). Кіевъ. 1904. Ц. 2 р.
- Тоже. Ч. I, т. XI и XII. Акты, относящіеся къ исторіи Львовскаго Ставропигіальнаго братства. Кіевъ. 1904. Ц. кажд. тома 2 р.
- Бобровъ, Евгений, проф. Къ біографіи Гавриила Петровича Каменева. Варшава. 1905. Ц. 75 к.
- Брентелло (Функъ). Вастилія, ея архивы и легенды. Спб. 1905. Ц. 40 к.
- Ефименко, Александра. Южная Русь. Очерки, изслѣдованія и замѣтки. Томъ I. Спб. 1905. Ц. 2 р.
- Иллюстрированная исторія царствованія императора Александра II. М. 1904. Ц. 80 к.
- Латышевъ, в. в. Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѣи и Кавказѣ. Томъ II. Латинскіе писатели. Выпускъ I. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.
- Либровичъ, Сигизмундъ. Петръ Великій и женщины. Истор. очеркъ. Спб. 1904. Ц. 1 р.
- Неположнскій царевичъ. Истор. легенда о королевскомъ происхожденіи Дмитрія Самозванца. Спб. 1904. Ц. 1 р.
- Матеріалы для исторіи Рязанскаго губернскаго земства. Посмертное изданіе трудовъ А. Д. Поваляшина съ примѣч. кн. Н. С. Волконскаго. Ч. I, ч. II, вып. I и ч. II, в. 2. Рязань. 1903—1904. Ц. за 3 экз. 2 р. 50 к.
- Миловидовъ, А. Педагогическія возрѣтнія императрицы Екатерины II и вліяніе ихъ на реформу духовной школы. Вильна. 1905. Ц. 20 к.
- Современная лѣтопись. Прошлое и современное положеніе археологін въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Вильна. 1905. Ц. 15 к.
- Новый сборникъ статей по славяновѣдѣнію. Сост. и изданъ учениками в. и. Ламанскаго. Спб. 1905. Ц. 3 р.
- Очерки но исторіи Германіи въ XIX вѣкѣ. Томъ I. Происхожденіе современной Германіи. Перев. съ нѣм. М. 1905. Ц. 2 р.

Повалишинъ, А. Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные. Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Рязанской губ. въ XIX столѣтіи. Рязань. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Родзевичъ, Н. Н. Уваровскій университетъ. Харьковъ. 1904. Ц. 59 к.

Розенбергъ, Вл., и Янушинъ, В. Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ. Статьи. М. 1905. Ц. 1 р.

Русско-японская война. Официальныя телеграммы съ 27 января по 28 апрѣля. 1904. Спб. 1905. Ц. 70 к.

Сперанскій, М. Н. Переводные сборники изреченій въ славяно-русской письменности. Изслѣдованіе и тексты. М. 1904. Ц. 5 р.

Щербатовъ, ин. Генераль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. Томъ VII, 1850—1856 гг. Спб. 1904. Ц. 3 р.

Щербатовъ, А. Г., ин. Значеніе для Россіи войны съ Японіей. Спб. 1905. Ц. 20 к.

Юрковичъ, М. В. (М. Горюнинъ). 25-лѣтніе итоги княжества Болгаріи (1879—1904). Т. I, книга I. Землевлѣдніе. Софія. 1904. Ц. 6 р. 50 к.

VII. Географія.

Нечаевъ, А. П. Почва и ея исторія. Географической этюдъ. Спб. 1905. Ц. 60 к.

— Картыны родины. Типичные ландшаф-

ты Россіи въ связи съ ея геологическимъ прошлымъ. Съ 62 рис. Спб. 1905. Ц. 1 р. въ папкѣ 1 р. 20 к.

VIII. Сельское хозяйство.

Гесдѣрферъ, М. Комнатное садоводство. Вып. 4-й. Изд. 2-е, доп. Спб. 1905. Ц. по под. 4 р. 50 к.

Гуринъ, Г. И. Бѣшенство у животныхъ. Съ рис. М. 1905. Ц. 3 к.

— Сибирская язва, сапъ и мытъ у животныхъ, съ рис. М. 1905. Ц. 5 к.

Меллеръ, М., проф. Жизнь моря. Животный и растительный міръ моря, его жизнь и взаимноотношенія. Перев. съ нѣм. Вып. 4-й. Ц. по подп. на 3 тома 24 р.

Ошанинъ, М. А. Промышленное огородничество для крестьянъ и мелкихъ землевлѣ-

дѣльцевъ. Отчетъ дѣятельности ново-шанскаго опытнаго огороднаго хозяйства въ Ростовскомъ уездѣ, Ярославской губ., за время съ 1893 по 1903 г. Ростовъ Ярослав. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

— Томаты, какъ ихъ вырастить, приготовить изъ нихъ консервы и какъ съ выгодой продать. Ростовъ-Ярославскій. 1901. Ц. 25 к.

Симорскій, В. Л. Рыбоводство въ прудахъ и озерахъ. I. Объ устройствѣ рыбободныхъ прудовъ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

IX. Технологія.

Абрамовъ, Н. М. Изгибъ рельсовъ статической нагрузкой съ изученіемъ упругихъ свойствъ. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Борзовъ, И. Устройство и улучшение желѣзнодорожныхъ водоснабженій. Вып. II. Краткія объяснительныя и расчетныя данныя. Спб. 1904. Ц. 2 р. 75 к.

Бурдуновъ, П. Гончарныя издѣлія Средней Азіи. Спб. 1905. Ц. 4 р.

Владимировъ, Л. Л. Постепенное развитіе и современное состояніе судоходства и грузооборота на Марининской системѣ. Съ чертежами, картой и съ XII табл. приложений. Спб. 1904. Ц. 1 р. 80 к.

Грузинцевъ, А. П. О разрядномъ потенциалѣ. Харьковъ. 1904. Ц. 30 к.

— Диссерсія металловъ. Харьковъ. 1904. Ц. 30 к.

Киферъ, Л. Г. Изгибъ кривого бруса. Теорія и примѣры расчетовъ. Пособіе при про-

ектированіи для инженеровъ, техникумовъ и студентовъ. М. 1904. Ц. 80 к.

Любимовъ, Л. Н., инжен. Восемнадцатифунтовый рельсъ и его служба на Сибирской дорогѣ. Томскъ. 1903. Ц. 2 р.

— Очеркъ эксплуатаціи Сибирской жел. дороги въ первые три года послѣ соединенія западно-сибирскаго участка таковой съ средне-сибирскимъ. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Номеннатура паровоза сер. В. Владикавказской жел. дор. Ростовъ на Дону. 1904. Ц. 15 р.

Сборникъ С.-Петербургскаго округа путей сообщенія. Вып. VI, съ атласомъ чертежей. Спб. 1904. Ц. 2 р.

Чиновъ, Е. И. Отъ лучины до электричества. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 15 к.

Шиллингъ, К. Руководство по винокуренію. Сост. по 8-му изданію Меркера и друг. новѣйшимъ источникамъ. Рига. 1904. Ц. 10 р.

X. Правовѣдніе.

Амонъ, А. Детерминизмъ и вѣѣняемость. Перев. съ франц. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Ачмасовъ, Алексѣй. «Повѣяло весной»... Рѣчи г. министра внутреннихъ дѣлъ князя П. Д. Святополкъ-Мирскаго и толки о нихъ прессы. Изд. 2-е, доп. М. 1905. Ц. 1 р.

Вилимовичъ, Ал. Д. Крестьянскій порядокъ по трудамъ вѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Кіевъ. 1904. Ц. 50 к.

Волковъ, Л. Что нужно? Кіевъ. 1904. Ц. 20 к.

- Германский имперский законъ 5 июля 1900 г. о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ. Спб. 1905. Ц. 2 р.
- Голицынъ, Ѳ. С., кн. Кустарное дѣло въ Россіи. Т. 1, ч. I. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.
- Грбарь, в. Э. Объявленіе войны въ современномъ международномъ правѣ. Спб. 1904. Ц. 1 р.
- Гурьяндъ, Я. I. Степное законодательство съ древнѣйшихъ временъ по XVII столѣтіе. Казань. 1904. Ц. 1 р.
- Дополнительная конвенція къ договору о торговлѣ и мореплаваніи между Россіей и Германіей отъ 29-го января (10 февраля) 1894 г. заключенная 15-го (28-го) июля 1904 г. Измѣненія въ таможенномъ тарифѣ. Спб. 1905. Ц. 30 к.
- Еллинекъ, Г. Декларация правъ челоуѣка и граждаина. Перев. съ нѣм. М. 1905. Ц. въ пер. 40 к.
- Заустинскій, подполковн. Когда и какъ окончится наша война съ Японіей? Спб. 1905. Ц. 20 к.
- Зомбартъ, Вернеръ. Современный капитализмъ. II томъ. Теорія капиталистическаго развитія. М. 1905. Ц. 2 р.
- Натновъ, М. Н. Осамодержавіи и конституціи. М. 1905. Ц. 30 к.
- Науфманъ, А. А. Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ по Кавказу, области войска Донскаго, Сибири, Степному краю и Туркестану. Спб. 1904. Ц. 3 р.
- Лакинъ, I. И. Хозяйственно-экономическіе очерки и наблюденія (Астраханское казачье войско, Астраханская и Саратовская губерніи). Вып. I. Астрахань. 1904. Ц. 75 к.
- Мигулинъ, П. П. Война и наши финансы. Харьковъ. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Миллашевскій, Александръ. Обмѣнъ и экономическая политика. Юрьевъ-Дерптъ. 1904. Ц. 3 р. 50 к.
- Пановъ, А. А. Сахалинъ, какъ колонія. Очерки колонизаціи и современнаго положенія Сахалина. М. 1905. Ц. 1 р.
- Рескинъ, Дюнь. Письма въ рабочимъ и земледѣльцамъ Великобританіи. Перев. съ англ. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.
- Риттихъ, А. А. Крестьянскій правонарудокъ. Спб. 1904. Ц. 2 р.
- Крестьянское землепользованіе. Спб. 1903. Ц. 1 р.
- Сулерниціи, Л. Въ Америку съ духоборами. Изъ записной книжки. М. 1905. Ц. 1 р. 30 к.
- Тимоеевъ, А. Г. Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ. Изд. II, перераб. и доп. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.
- Тайновъ, И. Г. Золотыя точки (gold-points) и ихъ практическое значеніе по опредѣленію прилива и отлива золотой монеты изъ народнаго обращенія при международныхъ расчетахъ главнѣйшихъ государствъ. Спб. 1905. Ц. 40 к.
- Хитрово, И. П. Законодательные памятники XVI и XVII столѣтій. М. 1905. Ц. 2 р. 25 к.
- Шараповъ, Сергѣй. Сибѣрг. М. 1905. Ц. 30 к.

XI. Медицина.

- Афанасьевъ, М. И., проф., и Вансъ, П. Б., д-ръ. Мalaria. Въ скатомъ монографическомъ изложеніи. Съ 3 рис. Спб. 1905. Ц. 75 к.
- Бунсбаумъ, Б., д-ръ. Учебникъ гидротерапіи. Съ 34 рис. и 24 табл. Спб. 1905. Ц. 2 р.
- Dumont, F. L., prof. Руководство по общей и мѣстной анестезіи. Для врачей и студентовъ. Съ 116 рис. Пер. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 1 р. 70 к.
- Измайлова-Цвилинская, Л. Популярныя бесѣды по гигиенѣ. Со мног. рис. въ текстѣ. Кіевъ. 1904. Ц. 20 к.
- Кларр, L., prof. Основы лѣченія гинекологическимъ массажемъ. Спутникъ для студентовъ и врачей. Съ 6 рис. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 40 к.
- Ланге, Максъ, проф. Краткій учебникъ акушерства. Съ 137 рис. въ текстѣ. Перев. съ нѣм. Кіевъ. 1905. Ц. 2 р. 50 к.
- Поспѣловъ, А. И. Руководство къ изученію южныхъ болѣзней для врачей и студентовъ. Изд. 5-е, испр. и доп. М. 1905. Ц. 5 р.
- Fogel, A., prof. Гипнотизмъ и лѣченіе внушеніемъ. Перев. д-ра Г. М. Вубиса. Спб. Ц. 1 р. 60 к.
- Хейгъ, Александръ. Діета и пища по отношенію къ силѣ, выносливости, тренировкѣ и атлетикѣ. Перев. съ англ. Кіевъ. 1904. Ц. 75 к.

XII. Искусство.

- Альбомъ иконостасовъ. Изд. Имп. Спб. общества архитекторовъ. Спб. 1904. Ц. 8 р. 30 к.
- Картины современныхъ художниковъ въ краскахъ. Вып. 6. М. 1904. Ц. по подл. на 12 вып. 12 р.
- Мироносицкій, П. П. Записки по теоріи музыки. Спб. 1904. Ц. 80 к.
- Московская городская художественная галлерей П. и С. Третьяковыхъ. Вып. 25. М. 1904. Ц. по подл. на кажд. 12 вып. 24 р.
- Московская Румянцевская галлерей. Вып. 9-й. М. 1904. Ц. по подл. на 18 вып. 36 р.
- Озаровскій, Ю. Э. Пьесы художественнаго репертуара и постановка ихъ на сценѣ. Вып. II. «Горе отъ ума» Грибоѣдова. Спб. 1905. Ц. 10 р.
- Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Томъ I. Спб. 1905. Ц. по подл. на 4 тома 50 р.
- Семігова-Курланова, Е. П. Начатки музыки (подготовительный курсъ по теоріи). Изд. 3-е, испр. и доп. Спб. 1905. Ц. 40 к.

XIII. Военное и морское дѣло.

- Нутуренно, М. Новый учебникъ-программа для молодыхъ солдатъ пѣхоты по неделямъ. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 25 к.
- Шеловъ, А. В. Историческій очеркъ крѣпости Кроинштадта. Кроинштадтъ. 1904. Ц. 4 р. 50 к.

XIV. Коммерческія науки.

- Домовладѣльческая бухгалтерія, расчетно-кассовая книга и календарь на 1905 г. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Ротшильдъ, М. Коммерческая Энциклопедія, подъ ред. С. С. Григорьева. Настоящая справочная книга по всѣмъ отраслямъ коммерческихъ наукъ. 4 тома. Спб. 1905. Ц. 12 р.

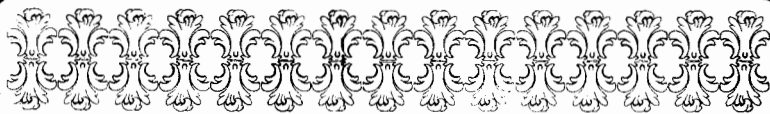
XV. Воспитаніе и обученіе. Дѣтскія книги. Народныя книги.

- Бенетова, Ем. Два міра. Повѣсть изъ римской жизни первыхъ временъ христіанства. Изд. 4-е. М. 1905. Ц. въ пап. 80 к.
- Ламге, Георгій. Краткая англійская грамматика. Юрьевъ. 1904. Ц. 30 к.
- Либровичъ, Сигизмундъ. Семнадцать дочерей. 17 рассказовъ для юныхъ читателей-лицъ всѣхъ возрастовъ. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. 60 к.
- Лунашевичъ, Младіа. Кузовокъ. Сборникъ рассказовъ, сказокъ, стихотвореній, работъ, занятій и т. п. для дѣтей младшаго возраста. М. 1904. Ц. въ пап. 1 р. 25 к.
- Славная севастопольская оборона. Очерки. Съ рис. М. 1905. Ц. въ пап. 30 к.
- Народная литература. Сборникъ отзывовъ библиотечной комисіи Кіевского общества грамотности о книгахъ для народнаго чтенія. Вып. II. Кіевъ. 1904. Ц. 40 к.
- Педагогическая Мысль. Подъ ред. проф. И. А. Сибирскаго и И. И. Гливленко. Вып. I и II. 1904. Кіевъ. 1904. Ц. кажд. 1 р.
- Пикъ, А. А. Систематическое обученіе. Какъ безъ помощи учителя подготовиться къ любому экзамену. Изд. 2-е, доп. Спб. 1905. Ц. 60 к.
- Позняковъ, Н. И. Забѣтныя пѣсни и сказки. Выборъ изъ стихотвореній Н. И. Познякова примѣнительно къ юнымъ читателямъ. М. 1905. Ц. въ пап. 75 к.
- Смирновъ, А. И. Наша доля—Вожья воля. Очерки и рассказы для дѣтей. Изд. 2-е. Спб. 1903. Ц. въ пер. 2 р. 50 к.

XVI. Справочный отдѣлъ.

- Аризмъ, П. М. Первый женскій календарь на 1905 г. Спб. 1905. Ц. 1 р.
- Безгинъ, И. Г. Описаніе всѣхъ русскихъ книгъ и повременныхъ изданій. Отдѣлъ X. Изданія, вышедшія въ 1880—1889 годахъ. Вып. I. Спб. 1905. Ц. 25 к.
- Вакнинъ, А. Правила и программы для производства испытаній лицамъ, желающимъ поступить въ военную службу вольноопредѣляющимися 2-го разряда. Изд. 3-е, испр. и доп. Одесса. 1905. Ц. 25 к.
- «Вось Кіевъ» — адресная и справочная книга на 1905 г. Кіевъ. 1905. Ц. 1 р.
- Гамалѣй, А., д-ръ. Совѣты вѣдущимъ за границу. Варшава, Вѣна, Парижъ, Лондонъ, Берлинъ, Одесса, Константинополь, Иерусалимъ. Спб. 1904. Ц. 30 к.
- Календарь для врачей на 1905 годъ. Изд. Риккера. Спб. 1904. Ц. въ пер. 2 р.
- Календарь для электротехниковъ на 1905 годъ. Кіевъ. 1904. Ц. 1 р. 25 к.
- Календарь сельскаго хозяина на 1905 годъ. Спб. 1905. Ц. въ пер. 1 р.
- Мернуловъ, В. А. Путеводитель по горамъ Кавказа. Спб. 1904. Ц. 1 р.
- Музыкальный календарь на 1905 г. Спб. 1904. Ц. въ пер. 1 р.
- Памятная книжка Кіевской губерніи на 1905 годъ. Кіевъ. 1904. Ц. 1 р.
- Полная чаша. Словарь хозяйственныхъ свѣдѣній по дачѣ, имѣнію и усадьбѣ. Спб. 1904. Ц. 40 к.
- Русскій астрономическій календарь на 1905 годъ. Н.-Новгородъ. 1905. Ц. 50 к.
- Сибирскій торгово-промышленный и справочный календарь на 1905 годъ. Томскъ. 1905. Ц. 2 р.
- Технический календарь Н. М. Вихеле на 1905 г. 2 части. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.
- Уральскій торгово-промышленный адресъ-календарь на 1905 годъ. Пермь. 1904. Ц. въ пап. 1 р.

*) Изданія А. С. Суворина.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“
въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ
и въ Ростовѣ на Дону

вышелъ и раздается гг. подписчикамъ

ТРЕТИЙ ТОМЪ ВТОРОГО ИЗДАНІЯ

сочиненія Н. К. ШИЛЬДЕРА

Императоръ Александръ I,

ЕГО ЖИЗНЬ и ЦАРСТВОВАНИЕ.

(Изданіе А. С. Суворина).

Второе изданіе представляетъ собою точное повтorenіе перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній и дополненій, печатается столь же роскошно и поступитъ въ продажу по той же цѣнѣ **30 рублей за четыре большихъ тома** съ 450 портретами, иллюстраціями и автографами.

Четвертый томъ выйдетъ въ мартѣ.

Для удобства гг. подписчиковъ взносъ платы можетъ быть разсроченъ на слѣдующіе сроки: при полученіи перваго тома **пятнадцать** рублей, — втораго тома **пять** рублей, — третьяго тома **пять** рублей и четвертаго тома **пять** рублей. За пересылку взимается по разстоянію.

Дозволено цензурою 24-го февраля 1905 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13.

ЦАРЬ ДМИТРИЙ СЯЗУСКИНЕЦЪ

И ЦАРЕВНА КСЕНІЯ.

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ и 8-ми картинахъ А. С. Суворина. Роскопное изданіе съ 6-ю портретами и 7-ю акварелями С. С. Соломко. Цѣна 5 рублей.

Изданіе малаго формата безъ рисунковъ.

Цѣна 2 рубля.

ОТЪ МОСКОВСКАГО ПУБЛИЧНАГО И РУМЯНЦОВСКАГО МУЗЕЕВЪ.

Въ виду пересмотра губернскими совѣщаніями законодательства о крестьянахъ, Московскій Публичный и Румянцовскій Музеи считаютъ своимъ долгомъ довести до свѣдѣній заинтересованныхъ учреждений и лицъ о поступленіи въ ихъ распоряженіе изданія А. Н. Скребицкаго: «Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра Второго».

Сочиненіе это, удостоенное преміи Императорской Академіи Наукъ, представляя собою обстоятельный историческій комментарий на каждую статью Положеній 19-го февраля 1861 г., состоитъ изъ четырехъ томовъ (съ пяти книгахъ), заключающихъ въ себѣ 5,382 страницы.

Проценты съ капитала, вырученнаго отъ продажи этого изданія, предназначены А. Н. Скребицкимъ на пополненіе подаренной имъ Музеямъ бібліотеки новыми сочиненіями.

Желющие приобрести это изданіе обращаются въ Москву, въ Канцелярію Музеевъ. Въ виду небольшого количества оставшихся экземпляровъ, цѣна этого сочиненія нынѣ объявлена 25 рублей. Пересылка безплатная. Надлежающимъ платежомъ изданіе не высылается. Книгопродавцамъ скидка 20%.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовья и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

